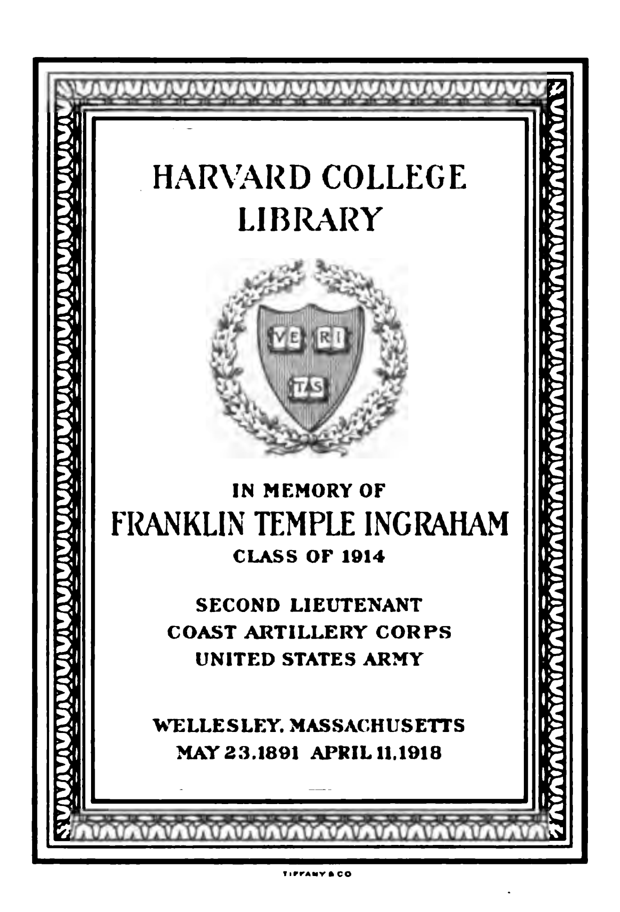
HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE
RI
TAS
IN MEMORY OF
FRANKLIN TEMPLE INGRAHAM
CLASS OF 1914
SECOND LIEUTENANT
COAST ARTILLERY CORPS
UNITED STATES ARMY
WELLESLEY, MASSACHUSETTS
MAY 23,1891 APRIL 11,1918
TIFFANY & CO

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ

ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1870 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва.

Мих. Катковъ

1870 годъ.

Указатель статей[1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Администрація.

Военное дѣло.

Западный край.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая и третья статья въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы, касающіеся Россіи, затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Крестьянское дѣло.

Литература, науки и искусство.

Морское дѣло.

Народное здравіе.

Печать.

Почтовое дѣло.

Прибалтійскій край.

Пути сообщенія.

Рабочій вопросъ.

Религія и церковь.

Сельское хозяйство.

Самоуправленіе.

1. Городское.

2. Земское.

Сословія.

Судебное дѣло.

Учебное дѣло.

Финансовые вопросы.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Разные вопросы.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточный вопросъ.

Ватиканъ.

Польскій вопросъ.

Франко-прусская война.

Обозрѣніе иностранной политики.

1870 ГОДЪ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Въ дѣлахъ международной политики наступающій годъ начинается нѣсколько благопріятнѣе истекающаго, хотя въ сущности и теперь остается то же самое положеніе которое было тогда. Въ началѣ истекающаго года греко-турецкое столкновеніе дошло до кризиса который грозилъ нарушить европейское спокойствіе и поднять тревожный вопросъ о будущности Востока. Ловкимъ маневромъ англійской политики Парижская конференція была подстроена такъ что Россія не имѣла возможности оказать единовѣрной Греціи то содѣйствіе котораго послѣдняя могла ожидать отъ единственной дѣйствительно сочувствующей ей націи. Россія оказалась изолированною въ ареопагѣ европейскихъ державъ, и ея добрая союзница, Пруссія, явилась ея дѣятельною противницей, чего впрочемъ и слѣдовало ожидать и что неизбѣжно повторится при всякомъ случаѣ гдѣ будетъ замѣшанъ интересъ Россіи. Результатъ Парижской конференціи ободрилъ Порту повторить къ концу года тотъ же маневръ и противъ Египта, который пользуется большимъ сочувствіемъ державъ, особенно Франціи, чѣмъ турецкіе христіане. Франція очутилась при этомъ также изолированною какъ прежде Россія, и была вынуждена дѣйствовать заодно съ Англіей, и выдать хедива головой его верховному повелителю. Какъ въ началѣ года, такъ и въ концѣ его, руководящею силою въ европейской политикѣ была Англія, за коей Пруссія и Австрія слѣдуютъ изъ собственной выгоды, а Россія и Франція потому что дѣйствуютъ врозь.

Но если такъ или иначе затрудненія на Востокѣ улажены, то едва-ли можно сказать чтобы въ Европѣ установились прочныя условія мира и взаимнаго довѣрія. Европейская политическая система, событіями послѣднихъ лѣтъ потрясенная въ самыхъ основахъ на коихъ она покоилась такъ долго, еще не знаетъ какъ сложиться. Состояніе въ которомъ находится теперь Европа есть хроническій кризисъ; временное равновѣсіе Европы обезпечивается только тѣмъ что каждая держава имѣетъ много внутреннихъ заботъ.

Начиная, напримѣръ, съ прилежащей къ Турціи имперіи Габсбурговъ, мы видимъ что эта страна нескончаемыхъ политическихъ опытовъ также далека отъ рѣшенія вопроса о своемъ перерожденіи какъ и три года тому назадъ, когда за кормило ея правленія взялся бывшій саксонскій министръ, г. фонъ-Бейстъ. Соглашеніе съ Венгріей не улучшило положенія этой искусственной имперіи. Финансовое разстройство побудило австрійское правительство къ неблаговидной и подрывающей кредитъ мѣрѣ обложенія налогомъ государственныхъ облигацій. Данныя Венгерцамъ преимущества не могли не вызвать требованія такихъ же правъ и для другихъ народностей монархіи, а между тѣмъ, какъ извѣщали послѣднія телеграммы, меньшинство цислейтанскаго министерства, бывшее въ пользу соглашенія, вынуждено выйти въ отставку, и вслѣдствіе того, по всей вѣроятности, надобно ожидать новыхъ затрудненій въ дѣлѣ переустройства Австріи, которая кромѣ того вся открыта для иностранной интриги... Далматское возстаніе важно какъ признакъ характеризующій общее положеніе Габсбургской имперіи.

Прусское правительство тоже обременено заботами о своемъ внутреннемъ устройствѣ и о согласномъ дѣйствіи многосложнаго ме-

ханизма трехъ парламентовъ: собственно прусскаго, сѣверогерманскаго и общегерманскаго пошлиннаго. За объединеніе Германіи, какъ прежнимъ прусскимъ провинціямъ, такъ и новымъ, приходится расплачиваться лишнимъ бременемъ налоговъ, что, вмѣстѣ съ непривычною для новыхъ областей тягостью строгаго военнаго закона, порождаетъ неудовольствіе и оппозицію, которая пока сдерживается лишь патріотическимъ согласіемъ націи съ правительствомъ въ виду національной общегерманской задачи. Въ финансы Пруссіи, доселѣ замѣчательно цвѣтущіе, начинаетъ вкрадываться дефицитъ. Для замиренія всеобщаго неудовольствія прусское правительство надѣется на сдѣланную имъ уступку, въ смыслѣ административной децентрализаціи, чрезъ введеніе новаго земскаго устава, который, однако, оно съ замѣчательною, свойственною ему предусмотрительностію, не примѣняетъ къ Познани, не полагая чтобы въ этой провинціи достаточно сильно укоренился германскій элементъ. Упоминая о Пруссіи, мы не можемъ опустить замѣчательнаго факта что прусская печать, и въ особенности офиціозная, всегда раздражительная и запальчивая, прежде смотря по надобности направлявшая свои перуны то на Францію, то на Австрію, въ истекшемъ году стала отъявленнымъ органомъ всякой направленной противъ Россіи злонамѣренной интриги, и какъ ни странно, но должно сознаться что едва ли прежде мы встрѣчали, даже въ самыхъ враждебныхъ къ намъ органахъ австрійскихъ, французскихъ или англійскихъ, такую злобу какъ въ органахъ страны считающейся въ дружбѣ съ Россіей.

Во Франціи, въ истекающемъ году, совершился мирно политическій переворотъ, который давно былъ обѣщанъ ей какъ couronnement de l'édifice, но въ который никто не хотѣлъ вѣрить. Теперь это совершившійся фактъ. Въ началѣ года бельгійскій желѣзно-дорожный вопросъ, казалось, грозилъ получить международное значеніе, и было подозрѣніе что императорское правительство пользуется имъ для занятія умовъ въ виду приближавшагося срока общихъ выборовъ. Но императоръ Наполеонъ и на сей разъ не далъ оправдаться ожиданіямъ его недоброжелателей, мирно уладивъ столкновеніе съ Бельгіей и давъ спокойно наступить выборамъ. Послѣднія неудачи его политики, въ особенности же несчастный конецъ мексиканскаго предпріятія и событія въ Германіи, поколебали вѣру въ его предусмотрительность. Несмотря на всю силу административнаго вліянія при выборахъ, снова повидимому обезпечившаго преданное большинство въ палатѣ, желаніе націи получить большій контроль надъ своими дѣлами сказалось ясно и неудержимо; но императоръ, чуткій къ признакамъ времени, предупредилъ запросъ готовившійся его правительству своимъ іюльскимъ посланіемъ обѣщавшимъ развитіе правъ народнаго представительства. Тяжкая болѣзнь, постигшая его въ самое время обсужденія сенатусъ-консульта въ сенатѣ, еще болѣе убѣдила націю въ настоятельной необходимости правительственной реформы. Переходъ къ новому порядку былъ совершенъ императоромъ Наполеономъ съ замѣчательнымъ тактомъ. Обнаруживъ должную твердость въ предупрежденіи и подавленіи всякаго рода попытокъ къ безпорядкамъ, онъ показалъ что новыя льготы не были исторгнуты у него силой, а своевременно дарованы въ удовлетвореніе дѣйствительнымъ потребностямъ націи, съ которыми должно быть связано будущее его династіи. По отзывамъ нашихъ корреспондентовъ и французскихъ газетъ, новое парламентское министерство встрѣчено общимъ сочувствіемъ, и если оно окажется на высотѣ своего положенія, ему суждена завидная роль обезпечить Францію отъ новыхъ политическихъ потрясеній. Великимъ шагомъ въ этомъ смыслѣ можетъ стать предвозвѣщенная административная децентрализація. Подавленіе Франціи Парижемъ, вотъ несомнѣнная причина той легкости съ какою совершаются въ этой странѣ революціи. Мѣстное самоуправленіе, въ правильномъ развитіи, послужитъ обезпеченіемъ какъ порядка, такъ и свободы, и можетъ оказать обновляющее дѣйствіе на самый духъ народа. Увѣренность въ прочности династіи освободитъ политику императора Наполеона отъ потворства интересамъ англійской политики, и твердое согласіе французской націи съ ея правителемъ дастъ ея голосу въ Европѣ значеніе болѣе надежное чѣмъ фальшивая слава военныхъ предпріятій.

Италія начинаетъ годъ также министерскимъ кризисомъ. Страшный призракъ банкротства и странная апатія націи, недавно съ такимъ энтузіазмомъ созидавшей свое единство, а теперь не находящей въ

себѣ достаточной энергіи чтобы при полной безопасности отъ нападенія соседей приняться за дѣло внутренней организаціи, какъ бы свидѣтельствуютъ какъ мало истины было въ этомъ подогрѣтомъ энтузіазмѣ, отъ котораго ожидали чудесъ, забывая что величіе народовъ создается не вспышками, а тяжкимъ и долгимъ трудомъ исторіи. Министерство генерала Менабреа, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, оказалось не въ силахъ справиться съ трудною задачей, и уступило мѣсто кабинету финансистовъ Ланцы и Селлы.

Рядомъ съ Италіянскимъ королевствомъ въ *вѣчномъ городѣ* совершается событіе, которое заключаетъ истекающій годъ вопросомъ и загадкой. Что произойдетъ изъ этого собора, который подъ именемъ вселенскаго созванъ въ Римѣ главой римско-католической церкви? Во всякомъ случаѣ онъ не можетъ остаться безъ послѣдствій.

Испанскія дѣла остаются испанскими дѣлами. Испанія закоснѣла въ броженіи своихъ военныхъ революцій. Низложеніе Изабеллы не произвело ничего новаго. Рѣзня въ Малагѣ, кровавое подавленіе карлистскаго возстанія, бомбардировка Барселоны и Валенсіи, все это старая исторія.

Между тѣмъ какъ большая часть государствъ на материкѣ Европы находятся въ состояніи правительственнаго кризиса, въ Англіи утвердилось талантливое и популярное министерство. Но и англійское правительство не свободно отъ важныхъ и тревожныхъ заботъ. Эти заботы—Ирландія. Министерство г. Гладстона измѣрило глубину этого застарѣлаго вопроса, и твердою рукою, безъ колебаній и шатаній принялось за его разрѣшеніе. Дѣло началось съ церковнаго затрудненія, и оно кончено благополучно. Теперь предстоитъ другая сторона дѣла, аграрный вопросъ, и правительство съ непоколебимою рѣшимостью готовится приступить къ нему. Другая забота для англійскаго правительства—не утихшее раздраженіе въ Соединенныхъ Штатахъ противъ Великобританіи за ея непріязненныя коварныя дѣйствія во время американскаго междуусобія. Въ январѣ прошлаго года лордъ Кларендонъ и тогдашній посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Реверди-Джонсонъ, заключили конвенцію для рѣшенія всѣхъ спорныхъ пунктовъ между Англіей и Соединенными Штатами, но въ апрѣлѣ, послѣ громоносной рѣчи г. Сомнера, трактатъ этотъ былъ отвергнутъ вашингтонскимъ сенатомъ, и затѣмъ переговоры на время прекратились. Первое посланіе президента Гранта засвидѣтельствовало что Американцы не измѣнили своего взгляда, и по прежнему, кромѣ матеріальнаго вознагражденія за ущербъ нанесенный ихъ торговлѣ грабежами *Алабамы* и другихъ крейсеровъ вышедшихъ изъ англійскихъ портовъ, требуютъ еще чтобъ Англія оправдалась и въ нравственной отвѣтственности предъ страной съ которою была въ мирѣ, и повинилась въ преждевременномъ признаніи мятежныхъ штатовъ воюющей стороной.

По ту сторону Атлантическаго океана знаменія благопріятны. Возстаніе на островѣ Кубѣ угасаетъ. Четырехлѣтняя междуусобная война въ Южной Америкѣ окончилась пораженіемъ и бѣгствомъ жестокаго Парагвайскаго диктатора Лопеса, а великая Сѣверо-Американская республика, полная довѣрія къ избранному ею президенту, напрягаетъ всѣ усилія чтобъ изгладить слѣды междуусобной войны. Финансы и въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ и въ Европѣ, стоятъ на первомъ планѣ. Разница въ пользу Новаго Свѣта только та что нигдѣ, даже въ Англіи, государственные люди не могутъ разсчитывать на такое быстрое возрастаніе народныхъ средствъ, которое давало бы надежду погасить громадный государственный долгъ въ 10—14 лѣтъ.

Прибывшее въ Европу китайское посольство, съ американскимъ гражданиномъ г. Борлингемомъ во главѣ, должно повидимому поставить Небесную имперію въ болѣе благопріятныя для цивилизаціи отношенія къ европейскому міру, а Японія представляетъ теперь удивленнымъ взорамъ просвѣщеннаго міра зрѣлище варварскаго народа, готоваго и жаждущаго войти въ сферу всемірной цивилизаціи и повидимому ожидающаго только чтобъ его коснулось благодатное дѣйствіе христіанства.

Хотя истекающій годъ, какъ видно изъ бѣглаго обзора его событій, не былъ ознаменованъ шумными политическими происшествіями и международными столкновеніями, за то онъ былъ свидѣтелемъ исполненія двухъ громадныхъ предпріятій всемірнаго значенія: Тихо-Океанской желѣзной дороги, соединившей берега Атлантическаго океана и Тихаго, и Суэзскаго канала.

№ 2.

Москва, 2-го января.

А.

Каждый годъ въ жизни историческихъ народовъ имѣетъ свою физіономію. Нельзя сказать чтобы физіономія истекшаго года въ нашемъ отечествѣ была очень красива, но она выразительна. И хроническіе, и острые недуги которыми страдаютъ наши дѣла опредѣлились въ истекшемъ году очень явственно: и наступившему году передается несомнѣнно наслѣдіе деморализаціи и унынія овладѣвающаго обществомъ послѣ неслыханныхъ зрѣлищъ которыхъ оно было свидѣтелемъ. Солидарность всѣхъ дурныхъ партій обнаружилась явственно, и онѣ видимо для всѣхъ слились въ общемъ дѣйствіи, равно направленномъ и противъ Россіи, и противъ нынѣшняго царствованія. Для всѣхъ становятся очевидностію загадочныя слова покойнаго Муравьева что главный жондъ не въ Варшавѣ, не въ Вильнѣ, а на берегахъ Невы, хотя, по грустной ироніи судьбы, самъ же Муравьевъ спасовалъ предъ тайнымъ зломъ когда оно было у него подъ рукою... Зло послѣ того выросло; оно овладѣло полемъ; оно располагаетъ такими средствами обмана что борьба съ нимъ становится почти невозможна. Все чѣмъ сильна государственная жизнь, что̀ связуетъ народъ въ одно живое и крѣпкое цѣлое, чѣмъ дорожитъ паче золота всякое мудрое правительство, поругано и потрясено...

Но солнце обновленія, которое взошло надъ Россіей 19-го февраля 1855 года, не померкло. Воля управляющая судьбами Россіи не измѣнилась: Рука дающаго не оскудѣваетъ, хотя руки принимающіе видимо слабѣютъ и никнутъ...

И истекшій годъ, каковъ бы онъ ни былъ, ознаменовался дѣяніями достойными 19-го февраля. Сюда прежде всего принадлежатъ столь важныя и великія по своей руководящей мысли преобразованія нашего духовнаго быта.

До прошедшаго года законъ причислялъ дѣтей лицъ бѣлаго православнаго духовенства къ духовному вѣдомству и составлялъ изъ нихъ особое сословіе, именовавшееся духовнымъ званіемъ. Выходъ ихъ въ другія званія былъ затрудненъ и закономъ и еще болѣе обычаемъ утверждавшимся въ средѣ нашей духовной администраціи, и точно также, съ другой стороны, тотъ же обычай, заодно съ закономъ, закрывалъ вступленіе въ духовенство людямъ непринадлежавшимъ къ нему по рожденію, хотя бы они и чувствовали къ тому внутреннее призваніе. Духовная администрація отстраняла ихъ отъ служенія алтаря, дабы средствами церкви обезпечивать бытъ сословія къ ней приписаннаго. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени создалась вокругъ русской церкви наслѣдственная каста, настоящее левитство, осужденное постановленіями вселенской церкви какъ „іудейскій обычай.“ Эта каста, размножаясь по естественному закону, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ превысила своею численностью дѣйствительную потребность въ священно- и церковно-служителяхъ, такъ что еще московскіе цари обратили вниманіе на массы „поповскихъ дѣтей,“ проживавшихъ безъ всякаго опредѣленнаго занятія и пользы для кого бы то ни было и обременявшихъ собою приходы своихъ отцовъ. Съ XVII вѣка ихъ стали отъ времени до времени брать въ солдаты какъ бы съ цѣлію разрѣдить духовное сословіе. Но такія распоряженія были несправедливы и унижали духовенство, а потому къ нимъ прибѣгали рѣдко и либеральнымъ филантропическимъ направленіемъ въ этой области считалось поддерживать и распространять обычай кормленія отъ церкви.

Такое положеніе всего болѣе тягостно для самого духовенства. Почти всѣ епархіальные преосвященные, спрошены будучи по поводу содержанія двухъ указовъ 16-го апрѣля и 26-го мая, выражали жалобы на замкнутое и приниженное положеніе этого сословія и весьма многіе изъ нихъ заявляли желаніе чтобы положенъ былъ конецъ его отдѣльности среди прочихъ сословій русскаго народа. „Тогда, писалъ между прочимъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ іерарховъ, Димитрій Херсонскій, тогда дѣти чиновника и поселянина, священника и купца, причетника и ремесленника будутъ одинаково гражданами, подданными Русскаго Царя и, по достиженіи совершеннолѣтія, обратятся туда гдѣ болѣе въ нихъ нужды и гдѣ по ихъ понятію, имъ выгоднѣе; займутся тѣмъ, кто къ чему способенъ.“ Эта именно мысль и осуществлена закономъ 26-го мая. Онъ провозгласилъ что дѣти лицъ православнаго духовенства не принадлежатъ болѣе къ духовному званію, что на нихъ распро-

страняются, касательно избранія рода жизни, общія для всей Имперіи постановленія, и что дѣти православныхъ священниковъ будутъ отнынѣ пользоваться правами дѣтей личныхъ дворянъ, церковнослужительскія дѣти правами личныхъ почетныхъ гражданъ и что наконецъ дѣти низшихъ церковно-служителей, какъ напримѣръ церковныхъ сторожей (тоже причислявшихся къ духовенству), должны будутъ приписаться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ.

Такимъ образомъ совершено въ нашемъ отечествѣ разрѣшеніе духовной касты. Отнынѣ дѣти членовъ духовенства будутъ свободно избирать себѣ занятія, а съ другой стороны, лицамъ всѣхъ званій и состояній будетъ открытъ доступъ въ клиръ, что мало-по-малу и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе будетъ вводить въ ряды духовенства людей призванія. Отнынѣ за внутреннимъ побужденіемъ признается его право; епископамъ дается возможность избирать въ священники наиболѣе достойныхъ между желающими изъ всѣхъ сословій православнаго населенія; искониное каноническое правило всей христіанской церкви возстановляется.

Но много ли будетъ ищущихъ священства? Это будетъ болѣе всего зависѣть отъ неуклоннаго исполненія другаго изъ вышеупомянутыхъ законовъ, касающагося вопроса объ обезпеченіи въ матеріальномъ отношеніи православнаго духовенства. Вопросъ этотъ давно уже занималъ и правительство, и общество; сѣтованія на бѣдность нашего бѣлаго и преимущественно сельскаго духовенства сдѣлались, можно сказать, общимъ мѣстомъ въ нашей печати. Между тѣмъ, когда правительство предложило земствамъ пріискать средства къ устраненію этого зла, они не нашли никакихъ для этого источниковъ: печальное доказательство равнодушія, порожденнаго конечно болѣе всего долгимъ отчужденіемъ нашего духовенства отъ остальнаго народа, хотя не подлежитъ отрицанію что даже при всемъ желаніи земство не могло бы достаточно обезпечить бытъ духовенства, слишкомъ у насъ многолюднаго и разбитаго на слишкомъ мелкіе причты.... Необходимо было воспользоваться способомъ указаннымъ уже исторіей. Еще Стоглавый соборъ усмотрѣлъ что нерѣдко сооружаются церкви „тщеславія ради и гордости“ и что наскоро сооружаемыя церкви скоро и разрушаются, что онѣ остаются иногда не снабженными книгами и церковными принадлежностями и служатъ какъ бы въ соблазнъ, а не въ назиданіе. Такое несоразмѣрное со средствами и потребностями прихожанъ число причтовъ имѣетъ въ виду указъ 16-го апрѣля. Онъ допускаетъ соединеніе малолюдныхъ и бѣдныхъ приходовъ съ цѣлію доставить каждому приходу самостоятельность. Для достиженія этой цѣли указывается распредѣлить церкви на *самостоятельныя* и *приписныя*, изъ коихъ только при первыхъ должны на будущее время состоять причты; самые причты уменьшены и ограничены священникомъ и причетникомъ. А дабы эти мѣры не подали повода къ жалобамъ, то велѣно производить какъ сокращеніе причтовъ, такъ и соединеніе приходовъ съ возможною бережностью и осторожностью, соображая то и другое съ желаніемъ прихожанъ, съ духовными потребностями мѣстностей, даже съ большею или меньшею степенью привязанности жителей къ своему храму. Духовенству указано первое мѣсто во всемъ этомъ дѣлѣ, наиболѣе его интересующемъ и направленномъ къ улучшенію матеріальнаго положенія священно и церковнослужителей, и если въ духовенствѣ эта мѣра встрѣчена не безъ опасеній, то эти опасенія могли быть вызваны не самымъ закономъ 16-го апрѣля, а недовѣріемъ къ собственной средѣ на которую главнѣйшимъ образомъ возложено его исполненіе. Сѣтуютъ не на сущность закона, а на тѣ пристрастія и злоупотребленія къ которымъ онъ можетъ подать поводъ. Общественное мнѣніе успокоилось бы, еслибъ о расписаніи приходовъ, прежде его утвержденія, были спрошены земскія собранія.

Въ отношеніи недовѣрія такъ часто выражаемаго духовенствомъ къ распоряженіямъ предоставленнымъ его собственной средѣ, можно ожидать нѣкотораго успѣха отъ распространяющихся нынѣ съѣздовъ бѣлаго духовенства и отъ вводимаго въ его средѣ выборнаго начала, которое, подъ руководствомъ доброжелательныхъ епископовъ, должно, кажется, повести къ ослабленію непотизма и къ возвышенію истинно достойныхъ людей. Предстоящая реформа духовныхъ консисторій уменьшитъ число случаевъ въ коихъ церковныя дѣла рѣшаются въ интересахъ не церковныхъ и съ своей стороны можетъ содѣйствовать улучшенію быта бѣлаго духовенства.

Реформа духовныхъ училищъ и семинарій продолжала постепенно вводиться въ дѣйствіе и въ продолженіи истекшаго года, улучшая преподаваніе, возвышая самостоятельность педагогическаго сословія духовныхъ учебныхъ заведеній и предоставляя духовенству каждой эпархіи возможность полезнаго вліянія на ихъ благоустройство; остается желать, для полнаго осуществленія этой реформы, болѣе серіозныхъ мѣръ по приготовленію способныхъ и знающихъ преподавателей, въ коихъ ощущается сильный недостатокъ и безъ коихъ никакіе уставы не могутъ оказывать плодотворнаго дѣйствія. Къ истекшему же году принадлежитъ изданіе новаго устава духовныхъ академій, еще не нашедшаго, правда, для нихъ окончательной формулы, но восполняющаго этотъ происшедшій отъ разныхъ причинъ недостатокъ тѣмъ что новое устройство объявлено не окончательнымъ, и содержитъ само въ себѣ принципъ дальнѣйшаго развитія.

Еще важнѣе истекшій годъ подготовкой къ рѣшенію вопроса о допущеніи русскаго языка къ употребленію во всѣхъ признанныхъ или терпимыхъ въ Россіи исповѣданіяхъ. Этотъ вопросъ имѣетъ для православной церкви первенствующую важность, и ожидаемое отъ наступившаго года благопріятное разрѣшеніе его должно внести въ нее новую жизнь и поставить ее на той духовной высотѣ которая ей подобаетъ. Это первый шагъ къ ея внутреннему освобожденію.

Церковь и школа, вотъ силы коими зиждутся судьбы народовъ. Если эти двѣ силы живы, то какъ бы дурно ни шли дѣла государственныя и общественныя, можно твердо надѣяться на лучшее будущее. Истекшій годъ еще не вывелъ насъ изъ періода колебаній по части школы. Наши гимназіи, основное условіе улучшенія какъ университетовъ, такъ и низшихъ школъ, еще ждутъ того устройства которое поставитъ ихъ въ возможность достигать своей цѣли, не разслабляя и утомляя умы подрастающихъ поколѣній, а собирая ихъ и укрѣпляя. Вопросъ ясенъ, потребность сказывается сильно, опытовъ накопилось много: коль скоро дѣло отъ котораго зависитъ судьба народа встрѣчаетъ затрудненія, замедленія, препятствія, удерживающія его на степени безсильной полумѣры, то не есть ли это разительный признакъ крайне ненормальнаго положенія нашихъ дѣлъ?

По дѣлу элементарныхъ школъ истекшій годъ отмѣченъ нѣсколькими успѣхами. Народнымъ училищамъ должно оказать существенную пользу учрежденіе инспекцій народныхъ училищъ, если въ должности инспекторовъ не будутъ избраны лица коихъ вліяніе на народъ можетъ быть пагубно, нигилисты, украйнофилы и т. п., чего при теперешней всеобщей шаткости, многіе опасаются, и повидимому не безъ причины. Но нѣтъ благой мѣры которой нельзя было бы дать обратный ходъ при исполненіи, и изъ этого не слѣдуетъ чтобы можно было обойтись безъ инспекторовъ народныхъ училищъ и чтобы не слѣдовало снабдить ихъ въ скорѣйшемъ времени инструкціей которая должна опредѣлить ихъ обязанности и указать имъ кругъ ихъ дѣятельности. Будутъ ли имъ подчинены всѣ элементарныя училища, со включеніемъ и такъ называемыхъ уѣздныхъ, что было бы весьма раціонально, это пока не извѣстно. Другая существенная потребность народныхъ школъ, учрежденіе учительскихъ семинарій,—получила въ истекшемъ году нѣкоторое удовлетвореніе благодаря усиліямъ земства. Починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ есть заслуга земствъ Новгородскаго и Рязанскаго, къ коимъ нынѣ спѣшитъ присоединиться земство Московское, между тѣмъ какъ министерство народнаго просвѣщенія также вырабатываетъ проектъ учрежденія учительскихъ семинарій въ связи съ городскими училищами. Пріятно видѣть что по этой части возникаетъ оживленное и благонамѣренное движеніе. Земство, которое вообще начинаетъ входить въ свою сферу полезной, хотя и невидной дѣятельности, обнаружило во многихъ мѣстахъ серіозное сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія. На школы земства назначаютъ значительныя деньги; для наставленія сельскихъ учителей лучшимъ пріемамъ преподаванія учреждаются лѣтніе съѣзды учителей съ курсами для нихъ, а крестьянскія общества, видя такую заботу о ихъ образованіи, приносятъ щедрою рукой свои трудовыя копѣйки на сельскія школы.

Но съ другой стороны земскія учрежденія представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ серіозное дѣло государственнаго значенія, начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительствен-

ныхъ властяхъ какое-то глухое нерасположеніе къ этому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло за малочисленностію гласныхъ; иныя вовсе не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ.

Упадокъ общественнаго духа не могъ не отозваться на нашихъ новыхъ порядкахъ. Всѣмъ памятно съ какою энергіей и бодростію пошло у насъ дѣло мировыхъ посредниковъ, и какъ много обязано ихъ неутомимой и самостоятельной дѣятельности благополучное исполненіе крестьянской реформы; но нѣсколько косвенныхъ ударовъ, и учрежденіе начавшееся такъ блистательно утратило духъ и лучшіе люди служившіе ему органами покинули его и разошлись. Какой сильный, несокрушимый, ничѣмъ неподкупный русскій духъ оживилъ администрацію въ западномъ краѣ, когда патріотическій призывъ Вѣнценоснаго Вождя народа призвалъ туда русскихъ людей на національное дѣло! И вотъ теперь всѣ бѣгутъ оттуда, и *Виленскій Вѣстникъ* черезъ день, то-есть въ каждомъ нумерѣ своемъ, извѣщалъ въ послѣднее время о перемѣнахъ въ составѣ членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

В.

Происходящее у насъ перевооруженіе войскъ вызвало нѣсколько спеціальныхъ изданій по ручному огнестрѣльному оружію. Объ одномъ изъ нихъ, на этихъ дняхъ появившемся въ Москвѣ, мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Книга г. Экстена: *Описаніе системы скорострѣльнаго оружія*, знакомитъ насъ съ ружьями главныхъ европейскихъ державъ. Въ ней весьма подробно разобрано устройство каждаго изъ образцовъ ручнаго оружія; отлично исполненные рисунки съ фотографическихъ снимковъ, а также чертежи деталей и разрѣзовъ даютъ весьма наглядное представленіе о тѣхъ орудіяхъ смерти которыя съ 1866 года пріобрѣли столь громкую извѣстность.

Двѣ главы книги посвящены скорострѣльному оружію, которымъ предполагалось вооружить и которымъ вооружаются теперь наши войска. Послѣдовательно перевертываемъ мы таблицы съ портретами ружей Терри-Нормана и Карля, ружья Кернка вытѣснившаго предыдущіе образцы, и наконецъ и стрѣлковой винтовки Бердана. Предъ нами рисуется весь ходъ дѣла по перевооруженію нашей арміи. Дѣло это представляло большія трудности, и не скоро могло наладиться. Теперь оно приняло оборотъ весьма рѣшительный. На снабженіе арміи новыми ружьями ассигновано на два года *восемнадцать милліоновъ*...

На эти деньги, къ концу сентября 1870 года, по контрактамъ, 3 казенные и 4 частные завода должны сдать слишкомъ 500.000 ружей Кернка и около 220.000 игольчатыхъ. Изъ этого числа къ веснѣ 1870 года военное вѣдомство должно имѣть *всѣ* игольчатыя и 250.000 Кернка.

Къ операціи перевооруженія относится также поставка 30.000 ружей Бердана; изъ нихъ 15.000 доставлены, остальныя ожидаются въ непродолжительномъ времени.

В.

Слухъ о поимкѣ Нечаева на Николаевской желѣзной дорогѣ оказывается невѣрнымъ. Этотъ господинъ неуловимъ. Нѣкоторыя остроумныя лица полагаютъ что онъ ушелъ благодаря *Московскимъ Вѣдомостямъ*, въ которыхъ было упомянуто о немъ. Вотъ новое доказательство вреда отъ гласности! Упомянутый субъектъ освѣдомился изъ газетъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ и объ опасности которой онъ вслѣдствіе того можетъ подвергаться, и поспѣшилъ улизнуть. Впрочемъ ему удается точно также исчезать и безъ помощи гласности. Весной истекшаго года онъ былъ главнымъ поджигателемъ студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ, и никому не было свѣдомо о немъ кромѣ полиціи, которая даже имѣла его въ своихъ рукахъ, а газеты узнали о немъ только изъ его прокламаціи, которую онъ издалъ въ Женевѣ вмѣстѣ съ гг. Бакунинымъ и Герценомъ.

№ 3.

Москва, 3-го января.

По судебному вѣдомству, въ истекшемъ году, продолжалось распространеніе дѣятельности новыхъ судовъ и сокращеніе старыхъ. Второе отдѣленіе 6-го департамента правительствующаго сената упразднено. 7 и 8 департаменты слиты въ одно общее присутствіе. Наоборотъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ образовано новое 7-е отдѣленіе.

Въ одномъ изъ старыхъ высшихъ судовъ, именно въ 1 департаментѣ правительствующаго сената, занимающемся административною юстиціей, произведено важное измѣненіе: дѣла въ этомъ департаментѣ рѣшались прежде единогласно, а въ случаѣ разногласія восходили въ общее собраніе, въ чемъ заключалась важная гарантія для интересовъ подлежащихъ компетенціи этого судилища; нынѣ дѣла окончательно рѣшаются по большинству голосовъ. Будь это постановленіе сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами прежде, то процессъ о газетѣ *Москва* вовсе не дошелъ бы до общаго собранія, и къ состоявшемуся мотивированному рѣшенію не представилось бы повода.

По судамъ новымъ принято нѣсколько необходимыхъ исполнительныхъ мѣръ: такъ напримѣръ опекунскія дѣла распредѣлены, въ мѣстностяхъ гдѣ введены судебные уставы, между сиротскими и окружными судами; усовершенствована нотаріальная часть; установленъ порядокъ освидѣтельствованія безумныхъ и сумашедшихъ тамъ гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы и т. д. Политическій характеръ можетъ быть приписанъ направленію мѣры вводящей отбираніе судебнаго показанія у высшихъ сановниковъ на дому. Эта мѣра, а также возложеніе на судебныя лица обязанности являться къ губернаторамъ для личныхъ объясненій, подали поводъ къ толкамъ что судебной части не предполагается удѣлить въ дѣйствительности то равенство съ администраціей, которое составляетъ коренной принципъ судебныхъ уставовъ. Еслибы такіе толки оказались справедливыми, то судебной реформѣ былъ бы нанесенъ непоправимый ударъ: она сильно нуждается еще въ томъ чтобы законодательство не только обращалось съ нею бережно, но и лелѣяло ее. Иначе она испортится, лишится духа, и отъ нея останется трупъ, который пришлось бы только убрать поскорѣе. Особенно важенъ выборъ лицъ, руководимый чистымъ интересомъ правосудія, и ихъ правильное повышеніе и разсчетливое сочетаніе.

По судебной реформѣ военнаго вѣдомства слѣдуетъ упомянуть открытіе въ истекшемъ году военно-судебныхъ округовъ Кіевскаго и Виленскаго.

Военная кодификація дѣятельно подвигалась впередъ,— дѣятельнѣе чѣмъ снабженіе войскъ улучшеннымъ оружіемъ, хотя и въ этомъ дѣлѣ истекшій годъ составляетъ эпоху: читателямъ извѣстно что къ осени наступившаго года всѣ дѣйствующія войска наши будутъ снабжены улучшеннымъ оружіемъ, и что значительная часть его, болѣе половины, будетъ готова къ веснѣ. Другія улучшенія въ военномъ дѣлѣ неуклонно идутъ своимъ путемъ по предначертанному плану. Такъ въ истекшемъ году измѣнили свой видъ къ лучшему и лагерныя занятія войскъ, примѣнительно ко вводимому новому уставу полевой службы, а принимавшіяся одна за другою мѣры относительно казачьихъ войскъ мало по малу разбирали ту фальшивую стѣну которая обособляла ихъ отъ прочихъ подданныхъ Имперіи.

Введено новое положеніе о Киргизахъ, вызвавшее въ одной половинѣ ихъ серіозныя волненія, которыя однакоже нынѣ усмирены. Для прочнаго овладѣнія при-Аральскимъ краемъ занятъ Красноводскій заливъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и предполагавшагося при этомъ сопротивленія не было встрѣчено. Упомянемъ кстати что при снабженіи Красноводскаго десанта фуражемъ и провіантомъ впервые примѣнены всѣ способы новѣйшей техники, Либиховскій экстрактъ, прессованное сѣно и т. д.

Телеграфное вѣдомство заботилось о международныхъ сношеніяхъ. Открыты кабели: Русско-Датскій, Русско-Шведскій, и 1-го января назначено открытіе Индо-Европейскаго черезъ Кавказъ; дана концессія на проложеніе телеграфа между Восточною Сибирью и Китаемъ и Японіей; заключена международная телеграфная конвенція; за то ничего не сдѣлано не только для удешевленія внутренней корреспонденціи, но и для предоставленія русской публикѣ тѣхъ самыхъ условій которыя допущены для публики иностранной. Внутри дѣло ограничивалось дополненіями сѣти.

Почтовое вѣдомство открыло свою дѣятельность новымъ порядкомъ пересылки періодическихъ изданій, отъ котораго вынуждено было отказаться.

Желѣзно-дорожное дѣло шло успѣшно по сколько ограничивалось исполненіемъ прежде начатаго. Исключеніе составляетъ лишь Кіево-Балтская линія, которая давно могла бы открыться, но все еще не открывается по дурному качеству работъ. Другія дороги, коихъ открытіе ожидалось

въ истекшемъ году, достроились благополучно, хотя таинственная Мстинская катастрофа, которая неисчислимо дорого обойдется русской торговлѣ, замедлила открытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ Ярославской и Тамбовской) и укладку втораго пути на другихъ (Рязанской, Козловской и Курской). Важнѣйшимъ событіемъ года въ этомъ отношеніи было совершившееся въ декабрѣ соединеніе Балтійскаго моря съ Азовскимъ, чѣмъ Россія обязана быстрому сооруженію дорогъ Курско-Харьковской и Харьковско-Таганрогской. Но эти успѣхи не должны ослѣплять насъ. Истекшій годъ былъ годомъ казусовъ въ исторіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего онъ ознаменовался разительными отступленіями отъ предначертанной и утвержденной програмы дѣйствій; въ большей своей части она осталась не исполненною, между тѣмъ какъ линіи не вошедшія въ первую категорію, сравнительно ненужныя или даже положительно вредныя, получили концессіи. При Лыкской концессіи случился небывалый еще у насъ скандалъ. Появилось въ газетахъ письмо за подписью одного изъ концессіонеровъ Либавской дороги, но въ двойной редакціи, свидѣтельствующей что правленіе Либавской дороги само содѣйствовало проведенію подрывающей ее дороги Лыкской. Это обстоятельство, а равно и отсрочка работъ на Либавской дорогѣ, хотя это предпріятіе поставлено такъ что ожидаемый отъ него барышъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ сокращенія расхода на уплату процентовъ за время сооруженія, заставляютъ сомнѣваться въ намѣреніи концессіонеровъ довести свое дѣло до конца, не лишая Россіи важной линіи и не вводя своихъ довѣрителей, акціонеровъ, въ разореніе. Дѣло, очевидно, требуетъ общаго собранія акціонеровъ и энергическихъ мѣръ какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны правительства, безъ помощи котораго они были бы безсильны. Какъ успѣли перепутаться понятія въ дѣлѣ самомъ простомъ и ясномъ, видно изъ ходатайства Балтійской дороги о гарантіи, послѣ подписки на акціи. Если это ходатайство будетъ уважено, то какъ удивляться что самое невозможное покажется любому концессіонеру возможнымъ, и что исчезнетъ всякая грань между дѣйствительностью и призраками. Серіозность и трезвость видимо убѣгаютъ изъ области русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Число разрѣшеній на концессіи дошло до цифры 168, и никто не хочетъ замѣтить что въ Россіи желѣзныя дороги могутъ быть прибыльны лишь подъ условіемъ значительности своихъ районовъ, и что всякая большая линія присоединяющаяся къ сѣти улучшаетъ положеніе остальныхъ линій, а всякая промежуточная есть шагъ къ кризису, коего мы не избѣжимъ, если нѣкоторыя мѣстности покроются слишкомъ частою сѣтью пока другія остаются вовсе безъ путей. Несчастные случаи и способъ обращенія съ ними также показываютъ что управляющіе желѣзными дорогами, въ особенности Главнаго Общества, которое было возвеличено какъ бы за то что прежде въ конецъ опозорилось, разучились отличать возможныя упущенія отъ невозможныхъ; мостъ горитъ за мостомъ, и это служитъ предлогомъ къ инымъ упущеніямъ переправой не объяснимымъ. Публика скоро будетъ сожалѣть что было на свѣтѣ сдѣлано изобрѣтеніе, называемое паровозомъ, и что это изобрѣтеніе было введено въ Россіи. Уже теперь не только вокругъ загадочной Мсты, но и по дорогѣ къ Курску, купцы отправляютъ красный товаръ на тройкахъ, по шоссе хуже прежняго ремонтируемому, и пользуясь услугами извощиковъ хуже прежняго организованныхъ. Желѣзная дорога есть, и по ней кое-какъ ходятъ поѣзды, но она для торговли призракъ, а дѣйствительность вокругъ совсѣмъ разстроилась противъ прежняго. До открытія желѣзныхъ дорогъ можно было грузы отправлять на срокъ; теперь этого нельзя сдѣлать: желѣзная дорога, вмѣсто пяти дней, продержитъ товаръ пять мѣсяцевъ и не найдешь на нее ни суда, ни расправы. Не значитъ ли это пойти назадъ съ быстротой свойственною желѣзнымъ дорогамъ? Какое впечатлѣніе оставляется въ людяхъ, гдѣ подобныя явленія въ порядкѣ вещей?

На биржахъ истекшій годъ также обнаружилъ явственно наши недуги. Ихъ оказалось чересчуръ много, и хроническихъ и острыхъ. Хорошо по крайней мѣрѣ то что тутъ можно уловить тотъ призракъ который, смѣшиваясь съ дѣйствительностью, сбиваетъ съ толку русское общество: тутъ онъ является въ матеріальномъ видѣ, въ какомъ бы и подлежалъ сожженію, еслибы не ускользалъ, несмотря на самыя торжественныя приготовле-

нія. Лѣтомъ, когда повышеніе биржевыхъ цѣнностей дошло до *nec plus ultra* безразсудности, былъ объявленъ заемъ на скромную сумму 15 милл. номинально, и покрытъ весьма успѣшно. Избытокъ денежныхъ знаковъ былъ очевиденъ, но какъ только заемъ состоялся, государственный банкъ явился ходатаемъ за то чтобы призраку, лишающему биржу разсудка, было позволено пожить и подѣйствовать еще нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ-быть и лѣтъ. Ничего другаго не могло произойти изъ этой терпимости кромѣ ущерба кредиту акцій, въ особенности желѣзнодорожныхъ. Такъ и случилось, а что теорія о потребности въ денежныхъ знакахъ выпускаемыхъ банковымъ путемъ есть ничто иное какъ вредное, непростительное заблужденіе, это доказываетъ каждый день, несмотря на игру, сегодня на пониженіе, завтра на повышеніе, ведущуюся самымъ недостойнымъ образомъ. Подписка на учетный банкъ въ Москвѣ превысила чуть не во сто разъ требованіе: можно ли говорить послѣ этого не шутя что торговля нуждается въ типографскомъ станкѣ печатающемъ кредитные билеты? Но умѣстна ли шутка когда разоряются сотни людей, и вся публика вовлекается въ обманъ?

Переходимъ къ вопросамъ съ которыми связаны великіе интересы государственнаго единства и слѣдовательно въ сущности всѣ жизненные интересы страны. Коль скоро въ странѣ остаются открытыми антинаціональные вопросы, то это значитъ что во всѣхъ отправленіяхъ государственной и общественной жизни присутствуетъ враждебное начало которое дѣйствуетъ какъ отрава, и оно-то, если зоркимъ глазомъ прослѣдить всѣ его дѣйствія, вноситъ повсюду смуту и разслабленіе. У насъ, къ несчастію, есть историческія обмолвки, изъ которыхъ съ теченіемъ времени произошли вопросы каковы польскій въ западномъ краѣ и нѣмецкій въ балтійскомъ.

Истекшій годъ былъ свидѣтелемъ выходящихъ изъ ряда истинно невѣроятныхъ происшествій по крестьянскому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ. Эти происшествія, столь необыкновенныя и столь поразительныя, не могли не произвести глубокаго и потрясающаго впечатлѣнія на все русское общество.

Слава Богу, Высочайше утвержденное Положеніе 26-го марта не дозволило уклонить на кривые пути крестьянское дѣло въ западномъ краѣ, гдѣ оно имѣетъ силу національнаго вопроса, и торжественно засвидѣтельствовало неизмѣнность правительственной программы дѣйствій.

Такую же силу имѣетъ Высочайше утвержденное 29-го ноября Положеніе главнаго комитета, которое недавно распубликовано въ циркулярѣ виленскаго генералъ-губернатора. Этимъ послѣднимъ актомъ рѣшительно ниспровергаются тѣ перетолкованія которымъ подверглось Положеніе 26-го марта.

Въ чемъ состояла сущность этого Положенія? Оно закрѣпляло за крестьянами ихъ дѣйствительное, наличное владѣніе. Извѣстно что въ такомъ смыслѣ употреблено это выраженіе въ разныхъ узаконеніяхъ по крестьянскому дѣлу, и что тотъ же смыслъ имѣетъ оно и въ представленіяхъ самой виленской администраціи по мѣстной крестьянской реформѣ. Тѣмъ не менѣе виленская администрація предписала мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ читать въ Положеніи 26-го марта выраженіе *дѣйствительное владѣніе* съ прибавкою словъ: *предоставленное крестьянамъ выкупными актами*. Этою прибавкой уничтожалось Положеніе 26-го марта и возстановлялся знаменитый виленскій проектъ въ которомъ была выражена мысль о признаніи за крестьянами владѣнія только по актамъ, то-есть объ отобраніи у нихъ земель, вопреки основному закону укрѣпившему за ними всѣ земли состоявшія въ ихъ владѣніи.

Губернскія присутствія, мировые съѣзды, мировые посредники, слѣдуя указаніямъ Высочайшей воли, исполняли въ точномъ смыслѣ Положеніе 26-го марта. Толкованія главной мѣстной администраціи разошлись съ дѣйствіями мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.

Новое Высочайше утвержденное Положеніе не допускаетъ и возможности какихъ-либо недоумѣній или ошибокъ относительно значенія словъ *дѣйствительное владѣніе*. Оно буквально повторяетъ двѣ главныя статьи Положенія 26-го марта; къ нимъ не прибавлено ни одного слова.

Среди лживыхъ толковъ о послѣдней фазѣ крестьянской реформы въ сѣверо-западномъ краѣ, утверждали что Положеніе 26-го марта недостаточно, потому между прочимъ что на практикѣ оказалось множество не предусмотрѣнныхъ имъ слу-

чаевъ требующихъ пересмотра вошедшихъ въ законную силу постановлений. Такого рода случаи не только никогда не были заявлены, но и до сихъ поръ большею частію пребываютъ въ неизвѣстности. Положеніе 19-го ноября указываетъ генералъ-губернатору „представить мѣстныя свѣдѣ„нія и данныя необходимыя для разъясне„нія“ помянутыхъ случаевъ.

Остается пожелать чтобы собираніе этихъ мѣстныхъ свѣдѣній и данныхъ не затянуло столь необходимое окончаніе крестьянской реформы въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и чтобъ опытъ истекшаго года не пропалъ даромъ.

Во всякомъ случаѣ смыслъ закона спасенъ, но законъ самъ по себѣ немного значитъ внѣ вопроса о его исполненіи. Какъ будетъ исполняться законъ? Кто будутъ его исполнители? До послѣдняго времени, въ западномъ краѣ были люди испытанные въ дѣлѣ; тамъ былъ живъ духъ занявшійся въ общемъ патріотизмѣ народа въ годину государственной опасности. Теперь люди эти разошлись и расходятся. Крестьянскія учрежденія прочищаются въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что въ наступающемъ году личный составъ ихъ измѣнится неузнаваемо. Духъ который держалъ все въ связи и давалъ людямъ силу и направленіе оклеветанъ, обезславленъ, поруганъ. Гдѣ новые дѣятели возьмутъ нравственную силу необходимую для дѣйствія на такомъ посту какъ западный край и въ такомъ дѣлѣ какъ крестьянское,—особенно послѣ того что было съ ихъ предмѣстниками? Всѣ извѣстія оттуда свидѣтельствуютъ объ общемъ упадкѣ духа между тамошними русскими людьми.

Въ искусственно созданномъ для Россіи, такъ-называемомъ балтійскомъ вопросѣ, въ теченіи минувшаго года не произошло перемѣны, то-есть онъ подвинулся въ антирусскомъ направленіи. По прежнему, подъ дѣйствіемъ мѣстныхъ сословныхъ властей, а также среднихъ и высшихъ казенныхъ учебныхъ заведеній, громадное большинство населенія, несмотря на свое влеченіе къ Россіи и потребность въ русскомъ языкѣ, продолжаетъ поневолѣ онѣмечиваться, и притягивается къ сосѣдней Германіи. Эсто-латышскимъ населеніямъ усиленно внушаются понятія враждебныя русскому государству. По мѣрѣ образованія, имъ будетъ все яснѣе и яснѣе становиться что несмотря на отрадныя обѣщанія исшедшія изъ устъ Монарха, они же принадлежатъ къ единой великой русской семьѣ, но какимъ-то непонятнымъ для нихъ рокомъ осуждены обращать свои взоры къ Берлину, къ Германіи и съ каждымъ днемъ все болѣе отпадать отъ націи которой они часть. Какъ слабое мерцаніе огонька еще болѣе даетъ чувствовать темноту, такъ легкіе намеки въ ходѣ балтійскихъ дѣлъ на русскую національную програму еще рѣзче заявляютъ ея отрицаніе въ дѣйствительности. Сюда относится открытіе русской газеты въ Ригѣ, маленькая руссификація *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, за которую эстляндскаго губернатора чуть не со свѣта сживаютъ, учрежденіе на островѣ Эзелѣ скромной русско-эстляндской семинаріи для приготовленія учителей въ народныя школы, учрежденіе въ Ригѣ русско-латышско-эстонской школы для мѣстныхъ православныхъ Латышей и Эстовъ. Истинно-утѣшительный признакъ есть неостывающее участіе русскаго общества,—участіе выражающееся въ пожертвованіяхъ не только изъ Москвы, но и изо всѣхъ почти мѣстъ Имперіи въ пользу балтійскихъ православныхъ церквей. Эти пожертвованія, равно какъ учрежденіе двухъ упомянутыхъ школъ на средства доставленныя московскими благотворителями, и наконецъ нѣкоторыя пожертвованія въ пользу Латыша и Эста подвергшихся жестокому преслѣдованію за ихъ преданность Россіи, имѣли прежде всего по крайней мѣрѣ то послѣдствіе что вынудили враждебныхъ агитаторовъ прекратить свои насмѣшки надъ безсиліемъ и неспособностью русскаго колосса помочь себѣ въ собственномъ дѣлѣ, и наложили невольное молчаніе на нѣкоторые органы балтійской печати. Къ числу мѣръ имѣющихъ довольно важное значеніе принадлежитъ опредѣленіе ежегоднаго пособія въ 10.000 р. с. балтійскимъ православнымъ народнымъ училищамъ. Православнымъ крестьянамъ, вообще весьма бѣднымъ и разбросаннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ, будетъ этою мѣрой доставлена возможность пользоваться благами просвѣщенія, которыми лютеранскія общины давно уже пользуются. Сорокъ двѣ православныя церкви въ Курляндіи и Лифляндіи снабжены необходимымъ облаченіемъ, утварью, книгами и пр. Равнымъ образомъ и на построеніе церквей собирались пожертвованія, хотя надобно со-

знаться что по этому предмету предстоитъ еще многое сдѣлать. Реформы аграрная и и судебная въ эсто-латышскомъ краѣ рѣшительно не подвинулись въ прошломъ году ни на шагъ. Но если вѣрить слухамъ, въ наступившемъ году въ балтійскомъ краѣ ожидается такая судебная реформа, которая гораздо далѣе и рѣшительнѣе подвинетъ здѣсь дѣла въ противномъ Россіи смыслѣ чѣмъ все происходившее въ этомъ краѣ въ продолженіи полутораста лѣтъ...

Истекшій годъ ознаменованъ для балтійскаго края еще введеніемъ въ таможнія казенныя присутственныя мѣста переписки на русскомъ языкѣ. Это было узаконено еще при покойномъ государѣ. Но законъ былъ изданъ какъ бы для того чтобъ оставаться безъ исполненія, пока за два слишкомъ года предъ симъ эта аномалія не обратила на себя вниманія правительства. Было повелѣно исполнить наконецъ требованіе столь обязательное по своей законной силѣ, и въ то же время столь справедливое, естественное, безобидное и не нарушающее ничьихъ уважительныхъ интересовъ. Тотчасъ же посыпались брошюры и корреспонденціи. Бароны были подняты на ноги. Г. фонъ-Бокъ подалъ своимъ землякамъ печатный совѣтъ кричать какъ можно громче и *пугать* правительство что и было исполнено. Требованіе дважды заявленною всею силою правительственнаго авторитета встрѣчало на каждомъ шагу причины къ неисполненію. Ревельскій магистратъ возвратилъ генералъ-губернатору офиціальную бумагу писанную по-русски и почтительнѣйше попросилъ его впредь не обращаться къ нему на языкѣ котораго Ревельскій магистратъ не знаетъ и зналъ не хочетъ. Но вотъ въ заграничныхъ газетахъ появились успокоительныя корреспонденціи извѣщавшія Германію что дѣло объ офиціальномъ употребленіи русскаго языка кончилось ничѣмъ. Вскорѣ стало извѣстно что казенныя мѣста въ балтійскихъ губерніяхъ обязываются попрежнему вести сношенія съ мѣстными сословными учрежденіями не иначе какъ на нѣмецкомъ. Такъ какъ дѣлопроизводство въ балтійскихъ присутственныхъ мѣстахъ весьма естественно имѣетъ своимъ содержаніемъ мѣстныя дѣла которыя всѣ находятся въ завѣдываніи сословныхъ учрежденій, то вопросъ дѣйствительно сводится на ничто. Но еще хуже то что правительство Россійской Имперіи въ одной изъ ея областей должно считать обязательнымъ для себя языкъ иностранный....

Истекшій годъ начался студенческими безпорядками съ прокламаціями отъ вождей и героевъ нашей революціи. Онъ кончился арестами между учащеюся молодежью по дѣлу имѣющему, какъ говорятъ, политическій характеръ самаго дурнаго свойства. Интрига, которой нѣтъ имени, окончательно избрала средою для своихъ козней наши учебныя заведенія. Но 1869 г. прошелъ въ этомъ отношеніи не безъ пользы. Языкъ событій былъ такъ ясенъ что и самые тугіе умы начали смекать характеръ зла, которое такъ нахально издѣвается надъ цѣлымъ народомъ. Сущность зла должна быть раскрыта; его источники должны быть изслѣдованы: поможетъ ли намъ въ этомъ наступившій годъ. Еслибы такъ, то онъ сталъ бы годомъ благословеннымъ въ исторіи Русскаго государства.

№ 4.

Москва, 5-го января

Самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ благомыслящихъ людей должна была произвести арестація Петербургскаго мироваго судьи Черкесова по уликѣ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ и замыслахъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ что-нибудь прискорбнѣе подобнаго случая. Мировой судья, человѣкъ выбранный изъ многихъ тысячъ людей для того чтобъ быть стражемъ закона, чести и безопасности своихъ гражданъ, блюстителемъ общественной нравственности, охранителемъ порядка, самъ оказывается злоумышленникомъ, самъ подвергается обвиненію въ солидарности съ врагами закона, порядка, своихъ согражданъ, своего отечества. Случай этотъ такъ возмутителенъ что невольно пытаешься объяснять его какою-нибудь случайностію, какимъ-нибудь недоразумѣніемъ. Но подтвердится или не подтвердится улика павшая на мироваго судью, довольно уже и того что человѣкъ въ такомъ положеніи могъ навлечь на себя подозрѣніе достаточно сильное для того чтобы подвергнуть его полицейскому обыску и арестовать его во имя закона. Чѣмъ же руководилось обще-

ство при выборахъ въ должность столь важную, столь почетную, прежде всего требующую совершенной гражданской благонадежности? Мы не будемъ упрекать представителей петербургскаго городскаго общества за выборъ человѣка неблагонадежнаго: будемъ надѣяться что заподозрѣнный мировой судья совершенно оправдается и выйдетъ чистъ; но какъ могъ выборъ ихъ остановиться на человѣкѣ недостаточно извѣстномъ и своею репутаціей недостаточно огражденномъ отъ всякаго сомнѣнія относительно своей политической благонадежности? Правда, опытъ и давнихъ и недавнихъ временъ свидѣтельствуетъ что никакія административныя должности, никакія правительственныя положенія, не обезпечены отъ дурныхъ элементовъ всякаго рода. Мы видѣли злыхъ заговорщиковъ на мѣстахъ вліятельныхъ и ответственныхъ, и никто не поручится чтобъ и въ сію минуту въ рядахъ людей призванныхъ охранять спокойствіе государства не было тайныхъ враговъ его или пособниковъ врагамъ. Что административныя сферы не обезпечены отъ вторженія неблагонадежныхъ элементовъ, объ этомъ разительно засвидѣтельствовалъ всѣмъ памятный Высочайшій рескриптъ 13-го мая 1866 года. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ для извиненія общества не только въ предосудительныхъ, но и въ небрежныхъ выборахъ. Будемъ искать примѣровъ для подражанія, а не для извиненія своихъ упущеній. Бюрократическіе порядки имѣютъ свои слабыя стороны, а потому-то государство, не ограничиваясь ими, и призываетъ всѣхъ блюсти интересы дорогіе для каждаго, и въ этихъ видахъ даетъ обществу право выбирать должностныхъ лицъ призываемыхъ дѣйствовать въ собственной средѣ его.

Вездѣ выборъ такого должностнаго лица какъ мировой судья изъ людей политически-неблагонадежныхъ былъ бы явленіемъ прискорбнымъ; въ Россіи это чудовищность. Говоримъ „чудовищность", потому что въ Россіи, въ нынѣшней Россіи, нѣтъ такихъ революціонныхъ партій, относительно которыхъ общество могло бы держать себя сколько-нибудь нейтрально.

Кто наши революціонеры?

Заграничныя, особенно нѣмецкія, газеты полны извѣстій о революціи якобы кипящей теперь въ нѣдрахъ Россіи. Вся Россія, говорятъ, покрыта сѣтью заговора который имѣетъ свои узлы во всѣхъ значительныхъ городахъ ея, а главный центръ въ Москвѣ.

Вы изумляетесь этому, вы думаете что надъ вами издѣваются. А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, производятся политическіе аресты, ходятъ слухи о какихъ-то прокламаціяхъ, даже совершаются политическія убійства.

Что же это такое? Кто же вожди этой великой русской революціи, и чего они хотятъ? Надобно наконецъ взглянуть прямо въ глаза опасности которою насъ пугаютъ.

Вожди этой великой революціонной партіи охватившей всю Россію имѣютъ притонъ свой въ Швейцаріи. Женева, какъ прежде Лондонъ, вотъ тотъ пунктъ на земномъ шарѣ куда сходятся видимыя нити этой организаціи. Счастливая Женева! Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женевѣ! Отсюда раздаются тѣ мощные голоса которые потрясаютъ въ основаніяхъ величайшую Имперію въ мірѣ, всегда казавшуюся незыблемымъ колоссомъ. Отсюда сыплются воззванія къ топорамъ, отсюда отправляются къ намъ эмиссары, сюда бѣгутъ за вдохновеніями и приказаніями Худяковы и Нечаевы. Объ издателяхъ *Колокола* уже не говорятъ. Скипетръ русской революціонной партіи перешелъ въ руки къ другой знаменитости, къ тому Бакунину который въ 1849 году бунтовалъ на Дрезденскихъ улицахъ, попалъ за то въ австрійскіе казематы, былъ потомъ выданъ нашему правительству, сидѣлъ въ крѣпости, писалъ оттуда умилительныя и полныя раскаянія письма, былъ помилованъ и высланъ на житье въ Сибирь, гдѣ ему была дарована полная свобода, служилъ тамъ по откупамъ, женился тамъ на молоденькой Полькѣ изъ ссыльнаго семейства, сошелся со многими изъ соплеменниковъ своей жены, и когда разыгралось польское дѣло, бѣжалъ изъ Сибири, и въ 1863 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими сорванцами польской эмиграціи, предпринималъ морскую экспедицію противъ Россіи, но предпочелъ высадиться на шведскомъ берегу. Вотъ онъ, этотъ вождь русской революціонной партіи, организаторъ заговора покрывшаго теперь своею сѣтью всю Россію. „Вѣрно то," пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, „что „Бакунинъ есть основатель и руководи„тель этого заговора, который имѣетъ „своею цѣлію ни больше, ни меньше какъ

„уничтоженіе всякаго государственнаго на„чала, отверженіе всякой личной собствен„ности и воцареніе коммунизма."

Фигура интересная. Тѣнь ея ложится на всю колоссальную Россію!

Мы счастливы что имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ и прошлой жизни этого великаго человѣка, и можемъ нѣсколько ближе ознакомить съ нимъ нашу публику для которой онъ вдругъ получилъ столь неожиданное значеніе.

Случай свелъ насъ съ Бакунинымъ еще въ первую пору молодости. Мы знали его не долго, но близко, и видѣли его въ разныхъ положеніяхъ жизни. Въ молодости это былъ человѣкъ не безъ нѣкотораго блеска, способный озадачивать людей слабыхъ и нервныхъ, смущать незрѣлыхъ и выталкивать ихъ изъ колеи. Это была натура сухая и черствая, умъ пустой и безплодно возбужденный. Онъ хватался за многое, но ничѣмъ не овладѣвалъ, ни къ чему не чувствовалъ призванія, ни въ чемъ не принималъ дѣйствительнаго участія. Не было человѣка, даже наилучшимъ образомъ расположеннаго къ нему и предубѣжденнаго въ его пользу, на кого бы не производилъ онъ безотчетно непріятнаго и отталкивающаго дѣйствія. Всякому было съ нимъ и тягостно, и неловко. Въ немъ не было ничего искренняго; всѣ интересы которыми онъ повидимому кипятился были явленіями безъ сущности. Одна впрочемъ черта въ его характерѣ была несомнѣнно реальная, одно свойство которое въ своихъ проявленіяхъ было у него и правдиво и искренно: это — способность жить на чужой счетъ и не дѣлать различія между карманомъ чужимъ и своимъ. Онъ всегда умѣлъ пристраиваться къ денежнымъ, податливымъ и конфузливымъ людямъ, и съ добродушіемъ временъ богатырскихъ соглашался хозяйничать въ ихъ кошелькахъ и пользоваться ихъ избытками. Какъ не дѣлалъ онъ практическаго различія между чужими и своими деньгами, такъ не дѣлалъ онъ различія въ своихъ потребностяхъ между дѣйствительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человѣка послѣднія деньги съ тѣмъ чтобы тотчасъ же разсорить ихъ на вещи ему самому совершенно не нужныя. Денегъ не срывалъ онъ только съ тѣхъ, у кого положительно нечего было взять. Въ этой характеристикѣ Бакунина нѣтъ ни одной черты произвольной или основанной только на нашемъ личномъ впечатлѣніи. Всѣ знавшіе его подтвердятъ въ полной силѣ всѣ главныя черты ея.

Въ послѣдній разъ мы видѣли его въ Берлинѣ, гдѣ подъ предлогомъ занятія философіей онъ предавался абсолютной праздности, хотя своею развязностію въ Гегелевой терминологіи озадачивалъ добродушнаго Вердера которой съ мистическимъ одушевленіемъ преподавалъ въ Берлинскомъ университетѣ логику упомянутаго философа. Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти подъ весьма характеристическимъ образомъ. Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора, студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось предъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное *hoch*, и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ огромный разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ, и на лекціяхъ его не бывалъ...

Послѣ того прошло около 30 лѣтъ и Бакунину будетъ теперь подъ 60. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались съ нимъ. До насъ доходили лишь общія свѣдѣнія и слухи о его похожденіяхъ и заключеніяхъ. Но вотъ, въ 1859 году, когда онъ уже проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, мы неожиданно получили отъ него письмо въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ, и которое показалось намъ искреннимъ. Еще прежде разсказывали намъ что онъ, послѣ тяжкихъ уроковъ жизни, во глубинѣ строгаго заключенія, глубоко измѣнился, что умъ его отрезвился, что душа его проснулась, и что онъ сталъ простымъ и добрымъ человѣкомъ. Мы охотно повѣрили тону его письма, въ которомъ между прочимъ выражалъ онъ сочувствіе нашему журналу и давалъ намъ разумѣть что онъ былъ бы не прочь воспользоваться возвращенными ему гражданскими правами для того чтобы дѣйствовать какъ-нибудь на пользу общую. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять такъ много новыхъ и интерес-

ныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 годовъ получили мы отъ него еще два-три письма чрезъ ссыльныхъ изъ Поляковъ которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказывалось что онъ живетъ въ Сибири не только безъ нужды, но въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы. Но на серіозный трудъ, хоты бы и малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. За то онъ былъ охотникъ писать письма къ знакомымъ. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ. Хотя тонъ ихъ былъ все-таки весьма умѣренный и благонравный, но отъ нихъ вѣяло пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Письма эти же требовали отвѣта, и мы не находили нужнымъ продолжать съ нимъ переписку. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился предъ нами во всей полнотѣ своего ничѣмъ не поврежденнаго существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6.000 руб. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволялъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ по его разчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды осѣнило его сознаніе что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика у котораго числился на службѣ, ничего не дѣлая, и онъ вдругъ сообразилъ что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіи трехъ лѣтъ, по 2.000 руб., единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился съ родни. Сознаніе это не давало-де ему покоя, и вотъ онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіи трехъ лѣтъ, перебранную отъ него сумму.

Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли быть ему полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали что Бакунинъ все-таки добылъ сумму которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири. Откупщикъ былъ только предлогомъ чтобы выманить деньги...

Вотъ главнокомандующій нашей революціи. Да откуда же, наконецъ, беретъ онъ деньги чтобы дѣлать революцію.

Предъ нами лежитъ теперь прокламація Бакунина, выпущенная прошлою весной во время студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ. Она озаглавлена такъ: „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ „Россіи.“ Никогда революціонный жаргонъ не доходилъ до такого безобразія, никогда поруганіе здраваго смысла не простиралось до такого цинизма, никогда безчестный разчетъ не высказывалъ себя съ такою наглостію какъ въ этомъ гнусномъ издѣліи. Оно разчитано на двѣ стороны. Прямое дѣйствіе его направлено на самую неиспорченную и на самую незрѣлую часть нашей учащейся молодежи. Съ другой стороны, оно разчитано на то чтобы произвести впечатлѣніе въ высшихъ слояхъ нашего общества и администраціи, и поддержать тамъ навѣты тѣхъ партій которыя дѣйствительно составляютъ заговоръ подъ прикрытіемъ якобы консервативныхъ началъ. Нельзя ни на минуту допустить чтобы человѣкъ писавшій это воззваніе былъ искрененъ и самъ вѣрилъ дикому сумбуру своихъ словъ.... . . .

Бакунинъ поздравляетъ наше бѣдное молодое поколѣніе съ духомъ „противугосударственнымъ“ и „всеразрушительнымъ“. Какой лестный и возбудительный комплиментъ для мальчишекъ! „Всеразрушительный духъ“ это священный недугъ, и еслибы „молодые братья“ выздоровѣли отъ этого недуга, то они „стали бы скотами.“ Этого мало: есть названіе хуже чѣмъ „скоты“. „Вы“, говоритъ онъ, „заслужили бы право называться всероссійскими патріотами.“ Бакунинъ, какъ видите, не жалуетъ *всероссійскихъ патріотовъ*.......

Итакъ, наши *всеразрушительные революціонеры*, которые вымышляютъ Каракозовыхъ, солидарны въ этомъ чувствѣ вражды къ русскому патріотизму съ нашими такъ-называемыми консерваторами. И та, и другая партія на этой почвѣ союзны, и могутъ дѣйствовать заодно противъ русскихъ патріотовъ какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

„Гдѣ“, восклицаетъ Бакунинъ, „ис„точникъ того дико-разрушительнаго и „холодно страстнаго воодушевленія, отъ „котораго цѣпенѣетъ ужъ и останавли„вается кровь въ жилахъ вашихъ про„тивниковъ? Холопская литература стала „въ тупикъ передъ вами; она тутъ про„сто ничего не понимаетъ.“

Холопская литература, это русская патріотическая печать.

Въ чемъ же состоитъ ученіе *дико-разрушительной* революціи съ *холодно-страстнымъ воодушевленіемъ*, которая якобы покрыла своею сѣтью всю ненавистную ей Россію и имѣетъ своимъ средоточіемъ сугубо ненавистную ей Москву? Уничтоженіе всякаго государства: вотъ чего хочетъ наша революція. „Всякое государство“, проповѣдуетъ Бакунинъ, „какъ бы „либеральны и демократичны ни были его „формы, ложится подавляющимъ камнемъ „на жизнь народа.“ Не нужно ни преобразованій, ни даже революцій имѣющихъ какой-нибудь смыслъ. Требуется, напротивъ, только „дико-разрушительное воодушевленіе“. Долой всякое государство, какъ монархія всевозможныхъ видовъ, такъ и республика, хотя бы соціально-демократическая!

Спрашивается, кто кромѣ помѣшаннаго могъ бы не шутя проповѣдывать такой вздоръ? Кто допуститъ чтобъ эта нелѣпость могла стать началомъ серіознаго политическаго заговора, если только позади нѣтъ другаго заговора дѣйствительно серіознаго, которому нужно прибрать къ рукамъ и употребить въ дѣло самую незрѣлую или самую испорченную часть нашей молодежи?... Да и откуда это ничтожество могло бы взять денегъ хотя бы на печатаніе прокламацій не говоря уже о командировкахъ Худяковыхъ и Нечаевыхъ?...

„Въ недоумѣніи“, продолжаетъ женевскій вождь русской революціи, обращаясь къ своимъ молодымъ друзьямъ, „господа „московскіе и петербургскіе журналисты „рѣшили что ваше настоящее движеніе— „дѣло польскихъ подземныхъ интригъ. „Нельзя было выдумать ничего подлѣе и „глупѣе. Подлѣе, потому что вызывать „ярость свирѣпаго палача противъ изму„ченной жертвы, такое позорное преступ„леніе которое именно только въ нашей „холопски государственной Россіи воз„можно; глупѣе, потому что нужно дойти „до крайней степени тупоумія чтобы не „замѣтить съ перваго раза пропасти ле„жащей между программой огромнаго боль„шинства польскихъ патріотовъ и про„граммою нашей молодежи, представитель„ницы и поборницы русскаго народнаго „дѣла.“

Итакъ, между нашею революціонною партіей и польскимъ дѣломъ нѣтъ ничего общаго. Связь между ними выдумала русская „холопская“ патріотическая печать. Это клятвенно удостовѣряютъ такъ-называемые наши консерваторы. Разказывали что какой-то важный господинъ въ Петербургѣ даже перекрестился когда узналъ что преступникъ 4-го апрѣля не Полякъ, а Русскій. Въ иностранныхъ газетахъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ петербургскихъ салонахъ, высказывается весьма положительное убѣжденіе что всѣ антирусскія въ Россіи партіи суть единственные консервативные элементы, а русскій народъ исполненъ дико-разрушительнаго революціоннаго духа. Это скажетъ каждый *фонъ* изъ Лифляндіи, любой *панъ* съ Литвы или съ Волыни: теперь это внѣ всякаго сомнѣнія, въ этомъ удостовѣряетъ самъ вождь русской революціонной партіи. Всѣ мерзости чинимыя у насъ во имя революціи, всѣ эти воззванія къ топорамъ, поджоги, покушенія, убійства, все это есть дѣло русское, самобытное самородное.

Мы согласны что никакая политическая партія, никакой серіозный заговоръ не можетъ имѣть своею программой дикій вздоръ Бакунинскихъ прокламацій. Нѣтъ сомнѣнія, никакая дѣйствительно опасная для государства партія не могла бы узнать себя въ этой безсмыслицѣ...

Кому нужно вносить эти quasi-доктрины въ беззащитныя головы ребятишекъ обоего пола, связывать ихъ призракомъ какого-то таинственнаго общаго дѣла, и поджигать ихъ на преступныя покушенія которыя навлекаютъ на нихъ всеобщія проклятія ихъ народа? Друзья народа не могутъ этого дѣлать: это могутъ дѣлать только его враги, кто бы они ни были.

Между доктринами о „дико-разрушительномъ и холодно-страстномъ воодушевленіи“, съ которыми Бакунинъ обращается къ своимъ „молодымъ братьямъ“, и польскимъ дѣломъ дѣйствительно нѣтъ ничего общаго. Польскіе патріоты не мальчишки. Они не могутъ считать чѣмъ-либо серіознымъ прокламаціи Бакунина и Не-

чаева. Они сифялись надъ кранбемъ Герцена, распространяя его листки въ нашей молодежи. Ихъ не можетъ плѣнять перспектива всеобщаго разрушенія въ которомъ должно исчезнуть всякое государственное начало, всякій порядокъ, всякій законъ, всякая власть и стало-быть всякая человѣческая свобода; точно также и балтійскіе патріоты не могутъ находить ничего плѣнительнаго въ Стенькѣ Разинѣ котораго Бакунинъ выставляетъ въ образецъ для своей молодой братьи.

Но если у Россіи есть враги, то имъ ничего не можетъ быть пріятнѣе какъ порча русской молодежи и поруганіе русскаго патріотизма. Врагамъ Россіи естественно позаботиться чтобы дать этому позору видъ революціонной организаціи. Всякая мерзость для врага есть дѣло пригодное, и еслибы не было Бакунина, Нечаева e tutti quanti, то враги Россіи должны были бы создать ихъ.

Враги Россіи и создали ихъ. Наши такъ-называемые революціонеры, это орудія въ рукахъ нашихъ враговъ.

Успокоеннъ насъ что между польскими патріотами и русскою революціей нѣтъ ничего общаго, Бакунинъ не могъ оставить своихъ молодыхъ друзей безъ ближайшихъ наставленій. Иной глупый нигилистъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ вообразитъ что онъ есть нѣчто самостоятельное и самородное, между тѣмъ какъ все его призваніе въ томъ только и состоитъ чтобы помогать врагамъ своего народа, кто бы они ни были. Нигилистъ долженъ отрицать собственность, но онъ долженъ въ то же время дружить хотя бы феодаламъ, лишь бы они были враждебны русскому государству.

Въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютнаго. Оказывается что несмотря на пропасть которая отдѣляетъ русскую революцію отъ польской партіи, между ними все-таки есть маленькая связь.

Связь оказывается именно съ самою консервативною частію польской партіи, съ дворянскою.

Послушаемъ что говоритъ главнокомандующій въ своемъ воззваніи, вслѣдъ за вышеприведенными строками:

„Между большинствомъ польскихъ дѣятелей,“ говоритъ Бакунинъ, „и именно „тою польскою *шляхетско*-католическою „партіей, которой журналистика наша при-„писываетъ наибольшее вліяніе на русскую „молодежь, и между нами есть *только одно* „общее чувство и одна общая цѣль: *это* „*ненависть ко Всероссійскому государству* „*и твердая воля способствовать всѣми воз*-„*можными средствами наискорѣйшему раз*-„*рушенію его*. Вотъ въ чемъ мы сходимся.“

Только въ томъ, не больше.

Итакъ, маленькая связь есть. Польская шляхетская партія сходится съ нашимъ нигилизмомъ въ совершенной бездѣлицѣ. „Шагъ далѣе,“ продолжаетъ Бакунинъ, „и „между нами открывается пропасть: мы хо-„тимъ окончательнаго разрушенія всякой „государственности въ Россіи и внѣ Россіи; „они мечтаютъ о возстановленіи Польскаго „государства.“

Отношеніе обозначается довольно ясно. На долю нашимъ революціонерамъ достается честь служить орудіями ненависти противъ своего отечества и въ придачу дикій сумбуръ понятій который не заслуживаетъ назваться даже безуміемъ, и можетъ имѣть значеніе положительно только для недоростковъ или для круглыхъ дураковъ.

Но послушаемъ далѣе вождя русской революціонной партіи:

„Польскіе государственники,“ продолжаетъ Бакунинъ, „мечтаютъ не о добромъ, „потому что всякое государство, какъ бы „либеральны и демократичны ни были его „формы, ложится подавляющимъ камнемъ „на жизнь народную. Они мечтаютъ о не-„возможномъ, потому что, впереди, госу-„дарства будутъ только рушаться, а не „строиться. Они народо-ненавистною меч-„той обрекаютъ свою родину на новую гибель, и еслибъ имъ удалось, хоть съ по-„мощію иностранцевъ, разумѣется не съ „народною помощью, возстановить Поль-„ское государство, необходимо основанное „на шляхетствѣ, или, что все равно, на „личной поземельной и наслѣдственной соб-„ственности, они, безъ сомнѣнія, сдѣлались „бы столько же нашими врагами, сколько „и притѣснителями своего собственнаго на-„рода. Если это случится, мы станемъ вой-„ной противъ нихъ, во имя общенародной „свободы и жизни. *А до тѣхъ поръ мы имъ* „*друзья и помощники, потому что ихъ дѣ*-„*ло — дѣло разрушенія Всероссійскаго го*-„*сударства, также и наше дѣло*.“

Кажется, дѣло ясно, если не для дураковъ, то для людей сколько-нибудь мыслящихъ.

Прокламація Бакунина приводитъ намъ на память найденную послѣ подавленія мятежа въ Варшавѣ инструкцію Мѣрославь-

скаго для польскихъ патріотовъ: имъ указывалось на русскихъ нигилистовъ, герценистовъ и *пому-Поляковъ*, какъ на лучшихъ пособниковъ польскому дѣлу. „Когда цѣль будетъ достигнута, училъ Мѣрославскій, и Польша будетъ возстановлена, тогда мы этихъ пособниковъ нашихъ, если они въ то время окажутся, перевѣшаемъ.“ Но надобно полагать что они тогда не окажутся,—ужь потому одному что вожаки ихъ останутся безъ жалованья...

Итакъ вотъ кто наши революціонеры!

Спрашивается, можетъ ли русское общество оставаться нейтральнымъ относительно этихъ революціонеровъ? Это не то что въ другихъ странахъ династическія партіи, не то что такъ-называемыя крайнія партіи. Нѣтъ, это отъявленные враги своего отечества, это друзья и пособники его враговъ, это ихъ созданія и орудія....

№ 5.

Москва, 7-го января.

Нашъ революціонный вопросъ разъясняется понемногу. Зачѣмъ теперь понадобилось смущать русскую учащуюся молодежь, и вербовать въ ней агентовъ въ какую-то таинственную организацію, якобы имѣющую своею цѣлію уничтожить на землѣ все что называется государствомъ? Зачѣмъ понадобилось напечатать столько разныхъ прокламацій превосходящихъ одна другую неистовствомъ, безобразіемъ и безсмысліемъ? Корреспонденты варшавскіе и петербургскіе нѣмецкихъ газетъ объясняютъ дѣло. Въ *Kölnische Zeitung*, въ *Ostsee-Zeitung*, въ *Neue Preussische Zeitung* читаемъ что дѣло нигилистической революціи въ Россіи, которой эти газеты придаютъ громадное значеніе, должно кончиться пораженіемъ національной партіи въ Россіи, то-есть въ сущности самой Россіи, ибо національная партія въ Россіи есть, конечно, весь русскій народъ, все русское государство. Россія не должна имѣть національной политики, или, что то же, не должна имѣть самостоятельнаго существованія. Она должна управляться политикой разложенія, и ея правительство уклонившееся отъ этого пути и вздумавшее поставить себѣ задачей скрѣпленіе государственнаго единства Россіи и оживленіе нравственныхъ и матеріальныхъ силъ ея народа, должно быть возвращено на путь истинный. Оно должно отказаться отъ національной политики и отъ пагубной, нелѣпой идеи государственнаго единства Россіи которая не имѣетъ будущаго. Русскій патріотизмъ надобно запретить; людей которые принимаютъ къ сердцу русскіе государственные интересы надобно объявить опасными сумасбродами, взять ихъ подъ надзоръ полиціи, во всякомъ случаѣ зажать имъ ротъ; по русской печати, которая, несмотря на законъ о печати, находится почти въ безусловной зависимости отъ администраціи, надобно отдать соотвѣтственный положенію дѣлъ приказъ. Все зло-де въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и въ ожиданіи удара который долженъ прекратить ихъ зловредное существованіе, всѣмъ прочимъ органамъ надобно сдѣлать внушеніе чтобъ они подъ страхомъ кары не дерзали изъявлять имъ сочувствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ противъ этой зловредной газеты спустить собакъ со всѣхъ дворовъ. Вотъ сущность тѣхъ поученій которыя извлекаютъ корреспонденты прусскихъ газетъ изъ революціонныхъ продѣлокъ обнаружившихся въ попорченной нигилизмомъ части русской учащейся молодежи. Вотъ въ чемъ смыслъ того пораженія національной партіи, которое готовитъ-де ей *консервативная* партія совокупно съ польскою и нѣмецкою: „Открытіе нигилистическаго заговора въ Россіи“, пишутъ въ *Ostsee-Zeitung* изъ Варшавы, „не преминетъ вызвать „сильную реакцію противъ *національной* „*демократіи* представляемой *Московскими Вѣдомостями* (die durch Katkoff vertretene „nationale Demokratie) и ослабитъ ея вліяніе по крайней мѣрѣ въ правительственныхъ сферахъ. Уже теперь со стороны „*консервативной* партіи въ Россіи слышатся трезвые голоса которые указываютъ „на близкое духовное сродство этой національной демократіи съ нигилизмомъ и „свидѣтельствуютъ что послѣдній порожденъ и воспитанъ первою, ибо хотя русская національная демократія внѣшнимъ „образомъ и придерживается царизма, но „тѣмъ не менѣе ея политическія, соціальныя и религіозныя убѣжденія совершенно „нигилистическаго свойства. Дабы осуществить ихъ, она въ данномъ случаѣ и пожертвуетъ царизмомъ. Особенно благодѣтельное вліяніе окажетъ паденіе національной демократіи на дѣлѣ въ бывшихъ „польскихъ областяхъ, равно какъ и въ

„балтійскихъ провинціяхъ. А потому здѣсь, „какъ въ польскихъ, такъ и въ офиціаль„ныхъ кругахъ, смотрятъ съ напряжен„нымъ вниманіемъ на возбужденную откры„тіемъ нигилистическаго заговора борьбу „консервативной партіи противъ національ„ной демократіи." — „Открытіе социалист„скаго заговора есть очень невыгодное дѣ„ло для нашихъ національныхъ демокра„товъ", пишетъ корреспондентъ изъ Петербурга въ *Kölnische Zeitung*: „откры„тіемъ этимъ *консервативная* партія поль„зуется для того чтобы предостеречь пра„вительство отъ ложнаго пути, на кото„рый оно выступило съ 1863 года."

Не ясно ли отсюда какой смыслъ соединяютъ въ свѣдущихъ сферахъ съ нашими нигилистическими заговорами и открытіями оныхъ? Ими надѣются просто-на-просто обмануть Россію и перевернуть въ ней здравый смыслъ...

Національная политика есть политика демократіи: это уже считается доказаннымъ. Равномѣрно не подлежитъ сомнѣнію что эта національная демократія есть источникъ всего дурнаго, и что изъ ея развитія нигилизмъ черпаетъ свои революціонные замыслы...

Все это какъ нельзя болѣе поучительно, равно какъ и заявленіе берлинской феодальной *Kreuzzeitung* что національное направленіе въ Россіи есть дѣло *красныхъ*, и что національному направленію уже нанесенъ-де сильный ударъ, въ доказательство чего приводятся дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ...

Все это, повторимъ, очень назидательно, но еще интереснѣе то что въ торжествѣ *консервативной* (со включеніемъ польской и нѣмецкой) партіи участвуетъ и нигилизмъ. Какъ же объяснить это? Какъ объяснить что именно тѣ сферы которыя гордятся своимъ нигилизмомъ, радикализмомъ и демократизмомъ, привѣтствуютъ съ неудержимымъ восторгомъ, предвозвѣщаемое паденіе русской національной политики которая едва начиналась?... Давно уже не поднималъ нигилизмъ такъ высоко своего голоса какъ теперь. Онъ знаетъ себѣ цѣну и ставитъ высоко свою заслугу въ дѣлѣ общаго наступающаго торжества... Онъ ничего иного не желаетъ какъ политики разложенія. Онъ также противъ всѣхъ реформъ, возвышающихъ и улучшающихъ нашъ гражданскій бытъ, а равно и противъ національной политики. Онъ естественный союзникъ партій которыя подъ нее подкапываются, и потому онъ не можетъ не предвкушать радость ихъ успѣховъ.

Послушайте какимъ тономъ заговорила *Недѣля*, о существованіи которой быть-можетъ вы не знаете, но въ нигилистическомъ происхожденіи которой нельзя сомнѣваться. Послушайте также какъ оживились тѣ безыменные сотрудники *Вѣстника Европы*, направленіе которыхъ также не подлежитъ сомнѣнію и въ которыхъ цензурный журналъ *Дѣла* признаетъ своихъ людей. Они говорятъ совершенно то же самое что выше цитованные *консервативные* корреспонденты нѣмецкихъ газетъ. — Пусть гибнутъ мальчишки пойманные на удочку нигилизма, — вожди и глашатаи нигилизма потираютъ себѣ руки...

Между органами нигилизма и консервативною *Вѣстью* произошло полное сліяніе. Теперь уже окончательно нельзя различить отрицателей собственности отъ защитниковъ крупнаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

Нигилизмъ сознаетъ себя силой и принимаетъ осанку партіи находящейся во власти. Онъ негодуетъ противъ вредныхъ агитаторовъ. Бѣдную русскую національную печать онъ призываетъ къ суду, и становится грознымъ обличителемъ ея преступныхъ дѣяній и мятежныхъ свойствъ. Его благонамѣренный гнѣвъ падаетъ всего болѣе на насъ... Послушайте какъ обвиняютъ насъ прокуроры *Недѣли* издаваемой г. Генкелемъ! Уличая насъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и въ агитаціи которая можетъ „произвести *не полезное, не благо„творное*, а напротивъ вредное *волненіе*", они восклицаютъ: „Кого болѣе слѣдуетъ „остерегаться русскому обществу: такихъ „ли агитаторовъ каковъ, напримѣръ, Не„чаевъ, или такихъ каковы редакторы „*Московскихъ Вѣдомостей?*" Это значитъ что господа прокуроры требуютъ просто-на-просто чтобы насъ повѣсили, и это тѣмъ болѣе кстати со стороны этихъ грозныхъ блюстителей порядка и общественнаго спокойствія что редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* въ подземныхъ прокламаціяхъ уже рекомендованы жандармамъ-вѣшателямъ...

Итакъ, вотъ какъ выразились дѣла въ началѣ 1870 года: Кто „вреднѣе", Нечаевъ или редакторы *Московскихъ Вѣдомостей?*

Очень можетъ быть что этотъ почтен-

ный г. Нечаевъ будетъ оскорбленъ такимъ сопоставленіемъ. Онъ, вѣроятно, считаетъ себя орудіемъ „полезнаго и благотворнаго волненія", которое господа прокуроры нигилизма отличаютъ отъ волненія вреднаго, и прокуроры нигилизма, надобно думать, не потревожатъ его въ этомъ убѣжденіи.

Утѣшительнѣе всего та благонамѣренная ревность, съ какою наши радикалы, начиная съ *Дѣла*, продолжая безымѣнными сотрудниками г. Стасюлевича и Генкеля и кончая *С.-Петербургскими Вѣдомостями*, преслѣдуютъ насъ, вредныхъ агитаторовъ, за всякое слово которое они подозрительно истолковываютъ въ сторону невыгодную для нынѣшняго министерства внутреннихъ дѣлъ и цензурнаго управленія. Принимая на себя охрану спокойствія страны, нашъ нигилизмъ весьма естественно принимаетъ на себя и заботы о поддержаніи авторитета власти.

Невольно спрашиваешь себя: на яву ли все это происходитъ, или во снѣ? Россія въ западномъ краѣ бунтовала противъ Поляковъ, и руская администрація защищавшая тамъ интересы своего государства состояла изъ красныхъ демагоговъ. Гг. Генкель, Суворинъ, Шелгуновъ e tutti quanti ограждаютъ руское общество отъ зловредной агитаціи *Московскихъ Вѣдомостей*, и защищаютъ министерство внутреннихъ дѣлъ и цензуру отъ необузданности печати...

№ 6.

Москва, 8-го января.

У насъ нерѣдко слышится мнѣніе что къ университетскимъ занятіямъ естественными и вообще прикладными науками можно лучше подготовиться въ такъ-называемыхъ реальныхъ чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ. Это мнѣніе вдвойнѣ ошибочно. Эти наши реальныя гимназіи, какъ онѣ проектированы въ дѣйствующемъ уставѣ, предназначены давать юношеству также общее образованіе, только нѣсколькими степенями пониженное. Мнѣніе это ошибочно и само по себѣ, ибо подобныя училища, даже раціонально устроенныя, могутъ подготовлять молодыхъ людей къ спеціальнымъ житейскимъ призваніямъ низшаго свойства, но отнюдь не къ высшимъ занятіямъ какою-либо наукой, и всего менѣе къ университетскимъ занятіямъ науками требующими столь зрѣлаго умственнаго развитія какъ естественныя.

Очень кстати, для вразумленія людей не желающихъ, какъ иные, систематически противодѣйствовать рускому просвѣщенію, приходятъ теперь извѣстія о томъ какъ смотрятъ компетентные люди въ Пруссіи на отношенія такъ-называемыхъ реальныхъ училищъ къ университетамъ. Рѣчь тамъ идетъ о реальныхъ училищахъ перваго разряда, то-есть объ училищахъ нисколько не похожихъ на наши реальныя, и которыя, какъ по продолжительности своего курса, такъ и по плану преподаванія, гораздо болѣе способны приготовлять къ университетскому ученію чѣмъ даже наши полуклассическія гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Надобно имѣть въ виду что въ прусскихъ реальныхъ училищахъ перваго разряда курсъ бываетъ, не считая приготовительный классъ, девятилѣтній; что латинскій языкъ обязателенъ въ нихъ для всѣхъ учениковъ и на него удѣляется въ девять лѣтъ отъ 44 до 50 уроковъ. Отъ перворазрядныхъ рѣзко отдѣляются въ Пруссіи реальныя училища второго разряда, гдѣ курсъ семилѣтній, латинскій языкъ преподается только для желающихъ и на него назначается лишь около 35 уроковъ. Сличая эти порядки съ нашими, видимъ что относительно средствъ преподаванія не только наши полуклассическія, но и полныя классическія гимназіи ближе подходятъ къ прусскимъ реальнымъ училищамъ второго чѣмъ перваго разряда: у насъ до сихъ поръ даже въ полныхъ классическихъ гимназіяхъ держится въ силѣ семилѣтній курсъ ученья, и въ продолженіи этого курса на латинскій языкъ назначается 34 урока, какъ разъ столько же сколько отведено на латинскій языкъ въ прусскихъ реальныхъ училищахъ второго разряда, а притомъ эти послѣднія поставлены еще въ томъ отношеніи лучше нашихъ классическихъ гимназій что тамъ, по вѣрному педагогическому взгляду, преподаваніе латинскаго языка особенно усилено въ низшихъ классахъ, гдѣ оно начинается и гдѣ слѣдовательно должны быть положены его основанія (въ низшемъ классѣ прусскихъ реальныхъ училищъ полагается на латинскій языкъ 8 уроковъ, у насъ въ классическихъ гимназіяхъ только 4). Но приводить эти второразрядныя реальныя училища въ какую-либо связь съ университетами ни-

кому въ Пруссіи не приходитъ въ голову. Вопросъ относится къ училищамъ съ девятилѣтнимъ курсомъ и съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ (полуклассическимъ), и состоитъ въ томъ не могутъ ли окончившіе полный курсъ въ этихъ училищахъ быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій по нѣкоторымъ факультетамъ безъ права потомъ держать экзаменъ на ученыя степени, но съ правомъ подвергаться испытаніямъ установленнымъ для желающихъ занять извѣстныя должности въ государственной службѣ. Поводомъ къ этому вопросу было то что въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ иногда оканчиваютъ курсъ даровитые молодые люди, коимъ нынѣ отрѣзанъ доступъ въ университеты и которые принуждены поступать въ высшія техническія училища открывающія своимъ питомцамъ карьеры сравнительно тѣсныя. Такъ какъ число оканчивающихъ курсъ въ перворазрядныхъ реальныхъ (полуклассическихъ) училищахъ въ Пруссіи довольно значительно, то весьма естественно что возникаютъ ходатайства имѣющія цѣлію улучшить общественное положеніе этихъ молодыхъ людей. Съ другой стороны, перворазрядныя реальныя училища содержатся въ Пруссіи по большей части на счетъ городовъ, а потому городскіе магистраты не могутъ не считать своею обязанностью заботиться о расширеніи ихъ правъ. Такія ходатайства въ пользу воспитанниковъ перворазрядныхъ реальныхъ училищъ, съ цѣлію разрѣшить имъ вступленіе въ университетъ по физико-математическому отдѣленію философскаго факультета, были представлены въ истекшемъ году прусскому министру народнаго просвѣщенія, но онъ отвѣчалъ что не можетъ войти въ ихъ разсмотрѣніе, ибо они противорѣчатъ основаніямъ прусской учебной системы. Тогда петиціи того же содержанія, подписанныя нѣсколькими городскими магистратами и частными лицами, были поданы въ нижнюю палату прусскаго сейма, гдѣ принято за правило чтобы всѣ поступающія петиціи разсматривались въ ея коммиссіяхъ. Такимъ образомъ помянутыя петиціи, числомъ, если не ошибаемся, двѣ, поступили въ сеймовую коммиссію по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Коммиссія выразила желаніе чтобъ онѣ были предварительно переданы на заключеніе прусскихъ университетовъ, что и было исполнено. Нынѣ въ берлинскихъ газетахъ появилось изложеніе обширной меморіи, которую ректоръ и сенатъ Берлинскаго университета присовокупили къ заключенію четырехъ его факультетовъ. Мы передадимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этихъ документовъ.

Всѣ четыре факультета единодушно отвѣчали рѣшительнымъ отрицаніемъ на вопросъ могутъ ли окончившіе курсъ въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ быть допускаемы къ факультетскимъ учебнымъ занятіямъ. Ректоръ и университетскій сенатъ присоединились къ этому отвѣту также единогласно.

Факультеты разсматривали предложенный имъ вопросъ, каждый съ своей точки зрѣнія. Нечего и говорить какъ отозвались факультеты богословскій и юридическій и собственно философское и историко-филологическое отдѣленія философскаго факультета. Медицинскій факультетъ заявилъ что полное классическое образованіе необходимо для него не только потому что древніе языки служатъ орудіемъ медицинской эрудиціи, но и по внутреннему достоинству этого образованія. Какъ медицинскій, такъ и физико-математическое отдѣленіе философскаго факультета высказались единогласно что пріобрѣтаемое въ реальныхъ училищахъ подготовительное по естественнымъ наукамъ образованіе не оказываетъ той пользы для продолженія занятій этими науками въ университетѣ, какъ иные думаютъ.

Таковы заключенія факультетовъ первенствующаго университета Германіи. Ректоръ и сенатъ его съ своей стороны разсматриваютъ предложенный имъ вопросъ преимущественно съ общихъ точекъ зрѣнія. Какъ главный руководящій принципъ выставляютъ они что высота университетскаго преподаванія зависитъ отъ средняго уровня приготовительнаго образованія студентовъ и слѣдовательно должна понизиться когда преподающимъ придется имѣть въ виду студентовъ не имѣющихъ *полнаго* классическаго образованія. „Всеобщая у „насъ,“ говорятъ они, „сравнительно съ „другими народами высокая степень под„готовки университетскаго юношества, до„стигаемая донынѣ посредствомъ гимна„зій, есть основаніе нѣмецкихъ универси„тетовъ, и устраненіемъ необходимости „пріобрѣтать эту подготовку была бы утра„чена существенная сила удерживающая „нашу національную культуру на ея вы-

„сотѣ Адвокатствующіе за допущеніе окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ къ факультетскому ученію утверждають, правда, что подготовку доставляемую ими можно считать, относительно умственной зрѣлости, стоящею на равной степени съ подготовкой окончившихъ курсъ гимназическій, но послѣ многихъ попытокъ и пробъ оправдается лишь то убѣжденіе что самое приличное для юношества, взятаго въ цѣломъ, умственное воспитаніе заключается въ методическомъ анализѣ построенія мысли древнихъ писателей, что общечеловѣческое содержаніе ихъ произведеній есть для юной души какъ бы материнское молоко, и что способность воспринимать и перерабатывать высшія истины естественныхъ наукъ развивается лишь въ болѣе зрѣлые годы юношеской жизни. Окончившій курсъ гимназистъ, если его дарованія имѣютъ это направленіе, быстро догонитъ питомца реальныхъ училищъ въ технической ловкости и спеціальныхъ свѣдѣніяхъ; но этому послѣднему будетъ очень трудно пополнить недостатки своего образованія. Великія историческія мысли и облики, посреди которыхъ ежедневно обращается возрастающій гимназистъ, были далеки для питомца реальнаго училища въ тѣ восприимчивые годы когда они должны бы проникать тысячью нитей всю его жизнь, и между тѣмъ какъ гимназисту представляется въ жизненныхъ формаціяхъ развитіе и культурный трудъ человѣчества, все это остается для воспитанника реальной школы чѣмъ-то чуждымъ и внѣшнимъ."

Ректоръ и сенатъ Берлинскаго университета обращаютъ вниманіе также на вопросъ о возрастѣ студентовъ. Хотя курсъ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ положенъ девятилѣтній, и хотя въ тѣхъ и другихъ законъ разрѣшаетъ сокращать его не болѣе какъ однимъ годомъ, но по обширности своей гимназическій курсъ требуетъ обыкновенно отъ 10 до 12 лѣтъ, ибо ученики, дабы правильно подвигаться впередъ, бываютъ принуждены оставаться то въ томъ, то въ другомъ классѣ гимназіи двойное время. Въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ этого не бываетъ, потому что курсъ ихъ короче и легче; а потому среднимъ числомъ оканчивающіе курсъ въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ бываютъ въ Пруссіи на одинъ годъ моложе чѣмъ поступающіе въ университетъ гимназисты. Учрежденіе при большей части прусскихъ гимназій приготовительныхъ классовъ, гдѣ ученье продолжается по два съ половиною года и куда принимаются дѣти на седьмомъ году, привело къ тому что въ низшій классъ какъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ нынѣ обыкновенно поступаютъ ученики имѣющіе не болѣе 9 лѣтъ отъ роду. Гимназическій курсъ по большей части оканчивается нынѣ въ возрастѣ 19—20 лѣтъ, годомъ ранѣе чѣмъ бывало въ старину. Берлинскій университетъ находитъ что идти далѣе въ этомъ направленіи было бы опасно. 18-лѣтній возрастъ на которомъ перворазрядныя реальныя училища выпускаютъ своихъ воспитанниковъ, снабжая ихъ свидѣтельствомъ о зрѣлости для спеціальныхъ училищъ, можетъ быть достаточенъ въ этихъ послѣднихъ, ибо они предлагаютъ своимъ слушателямъ точно опредѣленный курсъ ученія, не имѣя повода предоставлять что-либо ихъ собственному свободному рѣшенію, но онъ не соотвѣтствуетъ университетскому устройству требующему отъ студента извѣстной степени самостоятельности. Такъ говорятъ берлинскіе профессоры. Что же сказали бы они о нашихъ студентахъ, которые, получивъ возмутительно поверхностное образованіе, вступаютъ въ университеты мальчиками 17 и 18 лѣтъ? Какую позволительно предполагать въ нихъ самостоятельность? Какъ имъ уберечься чтобы не быть игралищемъ всякихъ интригъ и дурныхъ вліяній?

Далѣе ректоръ и сенатъ Берлинскаго университета говорятъ объ обстоятельствѣ не имѣющемъ интереса для русскихъ читателей. Они указываютъ на то что кончившимъ курсъ въ перворазрядныхъ реальныхъ (полуклассическихъ) училищахъ существующими законами дозволяется записываться для слушанія университетскихъ лекцій на три полугодія съ цѣлью усовершенствованія себя въ той или другой спеціальности, но безъ права вступать въ послѣдствіи въ государственную службу по ея высшимъ разрядамъ. Они распространяются о томъ какъ было бы вредно открыть доступъ для высшихъ должностей Пруссіи и Сѣверо-Германскаго Союза людямъ не прошедшимъ чрезъ гимназическій выпускной экзаменъ (экзаменъ зрѣлости), внушающій столько страха, но за то и пользующійся такою славой. „Рѣшенію подле-

„жить,“ говорятъ они, „вопросъ хочетъ „ли Прусское государство отказаться отъ „своего прежняго высокаго мѣста въ умственномъ отношеніи. Нынѣ много говорятъ объ опасностяхъ угрожающихъ цивилизаціи. Истинная опасность для нея „въ томъ что она можетъ погибнуть среди „стремленій посвященныхъ стяжанію и удовольствіямъ дня, стремленій для коихъ „наука имѣетъ цѣну лишь какъ орудіе корысти, а искусство замѣняется роскошью. „Этому направленію была бы открыта одна „лишняя дверь, еслибы мы облегчили доступъ къ нашимъ университетамъ и государственнымъ должностямъ.“

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній ректоръ и сенатъ Берлинскаго университета даютъ самый рѣшительный отказъ по дошедшему до нихъ обсужденія вопросу. Они не допускаютъ его въ цѣломъ, не допускаютъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ, ибо послабленіемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ было бы поколеблено цѣлое. „Мы не хотимъ,“ говорятъ они, „чтобы въ какомъ „нибудь факультетѣ, напримѣръ медицинскомъ, было допущено смѣшеніе студентовъ двухъ разрядовъ, получившихъ ученое образованіе и лишенныхъ онаго; мы „не хотимъ никакихъ различій въ условіяхъ допущенія въ различные факультеты, ибо этимъ было бы нарушено существо университета и онъ былъ бы разорванъ на отдѣльныя спеціальныя школы; мы хотимъ чтобы для всего юношества предназначаемаго къ высшему образованію былъ, какъ досель, одинъ вступительный экзаменъ и чтобы единственнымъ одинаковаго для всѣхъ „свидѣтельства о „зрѣлости къ университету“ было явственно выражено что наши гимназіи имѣютъ „цѣлію не дрессировку молодыхъ людей „для нѣкоторыхъ житейскихъ назначеній, „а свободное умственное развитіе юношества, какого требуетъ высота нашей цивилизаціи.“

№ 7.

Москва, 9-го января.

Года съ два назадъ, нѣкто г. Каттнеръ, прусскій публицистъ и патріотъ, помѣстилъ въ *Unsere Tage* рядъ статей подъ заглавіемъ *Призваніе Пруссіи на Востокъ.* По его мнѣнію, это призваніе Пруссіи состоитъ въ томъ чтобъ отнять у Россіи Царство Польское, Ковенскую губернію и три балтійскія провинціи до Нарвы: Петербургскую губернію г. Каттнеръ великодушно оставлялъ еще за Россіей. Исполненіе этого призванія онъ находилъ дѣломъ столь же необходимымъ для Пруссіи, какъ и легкимъ. Въ № 33 *Современной Лѣтописи* 1867 года мы сообщили краткое извлеченіе изъ этихъ статей и между прочимъ поставили на видъ отзывы прусскаго публициста о теперешнемъ положеніи нашихъ эсто-латышскихъ губерній. Правда, разсуждалъ г. Каттнеръ, это положеніе такъ тягостно для большинства тамошнихъ населеній что тотчасъ по завладѣніи этимъ краемъ, первая задача Пруссіи должна состоять въ томъ чтобы немедленно отмѣнить тамошніе порядки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты балтійско-нѣмецкихъ городскихъ и сельскихъ феодаловъ, ибо *прочно удержать за собою* эту область намъ-де можно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если мы посредствомъ великихъ и благотворныхъ реформъ привлечемъ къ Пруссіи большинство тамошнихъ жителей, состоящее изъ Латышей и Эстовъ... Но, прибавлялъ онъ, въ продолженіе того времени пока мы еще не владѣемъ этимъ краемъ, надобно всякими средствами питать неудовольствіе въ балтійскихъ губерніяхъ, защищать всѣ феодальныя безсмыслицы, и всего болѣе стараться чтобы Россія не вздумала *сама* произвести въ своихъ балтійскихъ губерніяхъ такія же реформы какія въ Пруссіи были совершены барономъ Штейномъ.

Съ такою же откровенностью г. Каттнеръ говорилъ тогда и о губерніяхъ Царства Польскаго. „Мы должны, писалъ онъ, завоевать эти губерніи во имя возстановленія польской національности, и послѣ завоеванія даже потерпѣть тамъ нѣкотораго рода польское самоуправленіе, но лишь такъ, чтобы въ продолженіе 20—25 лѣтъ, при помощи нашей дѣятельной администраціи, посредствомъ *школъ* и колонизаціи, нѣмецкій элементъ сдѣлался тамъ вполнѣ господствующимъ.... Этотъ планъ, прибавлялъ онъ, при легкомысліи и непостоянствѣ польскаго характера, можетъ легко быть исполненъ.“

Нѣмецкая балтійская печать не могла признать себя солидарною съ воззрѣніями г. Каттнера. Ей было бы во всякомъ случаѣ не ловко воспроизводить отзывы этого публициста о порядкахъ господствующихъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Но отсюда не слѣ-

дуетъ чтобы самъ г. Каттнеръ не находилъ себя солидарнымъ съ балтійскими патріотами, и чтобы ближайшая и практическая часть его плана не была также планомъ гг. фонъ-Бокковъ, Ширреновъ и проч. Г. Каттнеръ посвященъ въ тайны ихъ трудовъ, и возвѣщаетъ въ *Unsere Zeit* что г. Ширренъ, проживающій теперь въ Германіи, получаетъ пособія отъ лифляндскаго дворянства и работаетъ надъ сочиненіемъ въ которомъ излагается назидательная повѣсть о томъ какъ Паткуль измѣнилъ Швеціи дабы наказать ея правительство за непокорность балтійскому рыцарству.

Всего интереснѣе то какъ этотъ самый г. Каттнеръ развиваетъ теперь свою программу. Теперь уже нѣтъ рѣчи о томъ что въ нашихъ эсто-латышскихъ губерніяхъ господствуютъ устарѣлыя учрежденія, которыхъ Пруссія не могла бы потерпѣть ни одного дня. Теперь онъ разсказываетъ о справедливыхъ жалобахъ вѣрныхъ балтійскихъ патріотовъ. Статья его въ *Unsere Tage* носитъ трогательное заглавіе: „Положеніе, борьба и *страданія* въ нѣмецкихъ балтійскихъ провинціяхъ." Всѣ балтійскіе феодалы, городскіе и сельскіе, которыхъ Пруссія не могла бы терпѣть, тѣмъ не менѣе совершенно правы во всѣхъ своихъ, даже самыхъ крайнихъ, требованіяхъ обращенныхъ къ Россіи. Напримѣръ, Рижско-Динабургская желѣзная дорога сооружена на нѣмецкіе капиталы; она идетъ большею частью по нѣмецкой землѣ, ею пользуются почти исключительно Нѣмцы, и вдругъ варварское Московитское правительство требуетъ чтобы должностныя лица на этой самой нѣмецкой дорогѣ говорили по-русски. Конечно, столь неестественное варварское требованіе предъявляется лишь потому что русское правительство находится подъ вліяніемъ московской печати.

Интересны также, въ статьяхъ г. Каттнера нѣкоторыя подробности изъ жизни современныхъ „балтійскихъ дѣятелей," гг. фонъ-Бокка, Ширрена и пр., напримѣръ что г. Ширренъ, какъ русскій цензоръ, самъ далъ позволеніе для сбыта своего извѣстнаго анти-русскаго памфлета, что г. фонъ-Боккъ, въ качествѣ вице-президента лифляндскаго гофгерихта, къ величайшей чести своей, настойчиво работалъ въ видахъ совершеннаго освобожденія балтійскихъ губерній отъ петербургскаго сената и хлопоталъ о сліяніи всѣхъ этихъ губерній въ отдѣльное государство внутри Русскаго государства. Еще интереснѣе изложеніе правъ Пруссіи на балтійскія губерніи не только „во имя человѣчества и гуманности," но и на томъ основаніи что самъ Петръ Великій призналъ принадлежность этого края къ Германіи, а такъ какъ Пруссія есть фактическая наслѣдница германскаго императора и несомнѣнная, фактическая и юридическая, наслѣдница гохмейстера, который никогда не отказывался отъ своихъ правъ на Лифляндію,—то Пруссія въ данную минуту весьма легко можетъ придраться къ Россіи, какъ Фридрихъ II нашелъ возможность придраться къ Австріи, объявивъ притязанія на тогдашнюю австрійскую Силезію. Правда, прусское правительство и графъ Бисмаркъ, продолжаетъ г. Каттнеръ, не разъ отказывались отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла русскихъ провинцій; но не надобно забывать, продолжаетъ г. Каттнеръ, что Пруссія столь же рѣшительно высказалась въ пользу Даніи въ 1851 году относительно Шлезвигъ-Гольштейна. Мы только передаемъ слова г. Каттнера, не прибавляя къ нимъ ничего.

Есть впрочемъ обстоятельство которое очень заботитъ прусскаго патріота. Вдругъ, пожалуй, вздумается Россіи, также „во имя гуманности и прогресса," исполнить желаніе хотя бы напримѣръ курляндскаго барона фонъ-Рутенберга, который требовалъ земскаго надѣла балтійскимъ крестьянамъ, упразднить феодальные порядки и ввести правильное и независимое отъ мѣстныхъ сословій судоустройство. Случись это, и все было бы кончено для германскаго патріота въ этихъ провинціяхъ. Но г. Каттнеръ утѣшается увѣренностію что именно этого-то и не случится...

Выше упомянуто объ усиліяхъ г. фонъ-Бокка освободить балтійскія губерніи отъ петербургскаго сената. По свѣдѣніямъ изъ Риги, усилія эти увѣнчались успѣхомъ, и планъ г. фонъ-Бокка принятъ въ основаніе проекта судебной реформы, о которомъ ходатайствуютъ бароны. Предполагается чтобы въ этихъ губерніяхъ были введены мировыя учрежденія, то-есть мировые судьи и ихъ съѣзды, но съ существеннымъ отличіемъ отъ общаго устава. Во-первыхъ, жалобы на рѣшенія съѣздовъ должны приноситься не кассаціоннымъ департаментамъ сената, какъ дѣлается во всей Имперіи, а въ мѣстные оберъ-ландгерихтъ, гофгерихтъ, оберъ-гофгерихтъ и магистраты Ревеля и Риги по принадлежности. Во-вторыхъ, мѣ-

ста эти, при разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія съѣздовъ, должны руководствоваться законами установленными для кассаціонныхъ департаментовъ сената, но постановленія ихъ будутъ признаваемы окончательными и ни въ какомъ случаѣ не подлежащими отмѣнѣ другою судебною инстанціей. Еслибы прокурорскій надзоръ усмотрѣлъ въ этихъ постановленіяхъ нарушеніе смысла закона или ложное его толкованіе, то протестъ свой онъ представляетъ сенату не для отмѣны незаконнаго постановленія, а лишь для установленія на будущее время правильнаго примѣненія и толкованія закона. Въ третьихъ, предѣлы власти мировыхъ учрежденій въ балтійскихъ губерніяхъ должны быть значительно расширены сравнительно съ учрежденіями Имперіи: такъ напримѣръ дѣла о недвижимыхъ имуществахъ, вовсе изъятыя изъ вѣдѣнія мировыхъ судей Имперіи, должны быть предоставлены разбирательству судей балтійскихъ *безъ ограниченія суммы иска*, если только съ начала владѣнія имуществомъ у лица отъ котораго оно отыскивается прошло не болѣе извѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствуется будто бы о томъ чтобъ этотъ проектъ, смыслъ котораго очевиденъ, прошелъ законодательнымъ порядкомъ помимо государственнаго совѣта.

Еслибъ эти планы состоялись, то правительствующій сенатъ, имѣющій силу и власть на всю Имперію, утратилъ бы всякое значеніе для балтійскихъ губерній. Тамъ появились бы, чего прежде никогда не было, свои сенаты составленные главнымъ образомъ на основаніи выборовъ въ средѣ господствующаго меньшинства, и эти сенаты получили бы возможность окончательно прикрывать дѣйствія судей и съѣздовъ. Еслибъ этимъ сенатамъ не разсудилось за благо руководствоваться толкованіемъ кассаціоннаго департамента, послѣдовавшимъ по протесту прокурора на ихъ постановленія, то они, основываясь на томъ что рѣшенія ихъ окончательны, могли бы и впредь не обращать никакого вниманія на толкованія и указы сената долженствующіе имѣть силу для всей Имперіи. Они были бы одни кассаціонною инстанціей, ибо двухъ кассаціонныхъ инстанцій въ дѣйствительности быть не можетъ.

Далѣе, не трудно предвидѣть изъ какой среды будутъ избираемы балтійскіе мировые судьи, а потому и расширеніе круга власти ихъ будетъ имѣть прямымъ послѣдствіемъ то что всѣ имущественные интересы эсто-латышскаго населенія попадутъ въ руки нѣмецкаго меньшинства. Кромѣ того, невозможно себѣ объяснить почему балтійскимъ судьямъ должно быть предоставлено разбирательство болѣе важныхъ дѣлъ чѣмъ судьямъ Имперіи? Если это предполагается въ видахъ облегченія жителей дабы избавить ихъ отъ необходимости для разбора дѣлъ ѣздить за десятки верстъ, то спрашивается почему не предоставить такого же облегченія всѣмъ жителямъ государства, и еще болѣе спрашивается удобно ли такое расширеніе мировыхъ судовъ именно въ тѣхъ провинціяхъ гдѣ населеніе разнородно и состоитъ во взаимномъ вѣковомъ антагонизмѣ. Наконецъ, преимущество внутреннихъ русскихъ губерній предъ балтійскими заключается въ томъ что тамъ введены въ послѣдніе годы многія реформы оставляющія далеко позади средневѣковые остзейскіе порядки. Принятіе этихъ реформъ и слѣдовательно объединеніе съ Россіей есть теперь для прибалтійскаго края движеніе впередъ и усвоеніе идей выработанныхъ цивилизаціей; но если эти реформы будутъ введены тамъ на иныхъ противъ остальной Россіи началахъ, то вполнѣ осуществится явно проглядывающая въ дѣйствіяхъ руководителей балтійской судебной реформы программа: отмѣнить въ чемъ слѣдуетъ старые порядки, но такъ чтобъ отмѣна эта не только не вела къ объединенію, но давала возможность еще сильнѣе германизовать край и сдѣлала бы невозможными на будущее время самыя попытки къ объединенію его съ Россіей.

Мы увѣрены что г. Калтнеру какъ нельзя болѣе понравится этотъ проектъ судебной реформы для балтійскихъ провинцій, и онъ совершенно успокоится за ихъ будущее.

№ 8.

Москва, 10-го января.

Во главѣ нашего сегодняшняго нумера печатается касающееся насъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Законъ, въ силу коего сдѣлано это распоряженіе, возбраняетъ обсужденіе онаго въ томъ самомъ нумерѣ изданія гдѣ оно печатается. Но законъ не запрещаетъ газетѣ подвергшейся предостереженію обратиться къ самой себѣ.

Мы рады что намъ представляется случай, хотя и прискорбный, доказать на дѣлѣ наше уваженіе къ обязательной силѣ закона, вопреки лжетолкованіямъ которымъ такъ часто подвергались наши намѣренія и дѣйствія. Мы безпрекословно подчиняемся авторитету правительственной власти, и съ легкимъ сердцемъ принимаемъ сдѣланное намъ предостереженіе.

Поступая такъ, мы не противорѣчимъ нашему прошедшему; напротивъ, мы полагаемъ что остаемся вѣрны ему и что исполняемъ долгъ которому слѣдовали во все продолженіе нашей дѣятельности.

Былъ случай, назадъ тому почти четыре года, когда мы затруднились принять сдѣланное намъ предостереженіе. Оно, такъ казалось намъ, поражало насъ въ томъ что̀ было самаго существеннаго въ нашемъ направленіи. Принять его и продолжать нашу дѣятельность, значило отречься отъ того что̀ давало ей смыслъ и цѣну въ нашихъ глазахъ. Мы не могли этого сдѣлать, и предпочли отказаться отъ изданія по истеченіи установленнаго закономъ, какъ полагали мы, льготнаго срока. Мы не хотѣли избѣжать дѣйствія власти, напротивъ мы добровольно подвергались самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ нашего столкновенія съ нею. Единственною цѣлію общественной дѣятельности нашей, по скольку она имѣетъ политическій характеръ, было служить интересамъ правительства. Могли ли мы, по совѣсти, продолжать наше служеніе, когда оно, во имя правительственнаго авторитета, было осуждено въ самой сущности своей?

Нынѣшній случай не имѣетъ ничего общаго съ тогдашнимъ. Рѣчь идетъ не о существенной сторонѣ нашего направленія, — оно остается внѣ вопроса, — а о двухъ статьяхъ которыя появились въ нашей газетѣ и которыя, мы сознаемся въ томъ, могли подать поводъ къ предостереженію, на основаніи дѣйствующихъ о печати постановленій.

Перечитывая эти статьи, мы видимъ ясно нашу погрѣшность. По обычаю, намъ предстояло, въ началѣ наступившаго года, сдѣлать краткій обзоръ минувшаго. Мы были подъ тяжкимъ гнетомъ происходившихъ событій, и чувствовали на себѣ всю силу борьбы которую должны были выдерживать интересы самые дорогіе для всякаго честнаго и мыслящаго русскаго человѣка.

Мы не могли не начать съ того что̀ господствовало надъ всѣми нашими мыслями и покоряло себѣ всѣ наши соображенія. Но мы упустили изъ виду свойство простой задачи которая намъ предстояла и ошибочно поставили подъ одинъ уголъ зрѣнія предметы самые разнородные и явленія требующія особыхъ основаній для своей оцѣнки. То что̀ было противовѣсомъ злу недостаточно выступало на свѣтъ и исчезало въ неправильной группировкѣ; и дурное и хорошее проникалось чувствомъ общей горечи. Вмѣсто полнаго фактическаго обзора, явился рядъ какъ бы случайно собранныхъ, не имѣющихъ внутренней связи и несоразмѣрныхъ одна съ другою оцѣнокъ, и вся картина въ совокупности вышла столько же мрачная, сколько несоотвѣтственная истинѣ.

Можемъ ли мы сѣтовать за порицаніе того что̀ по нашему собственному убѣжденію не можетъ быть одобрено? Пусть наши ошибки и погрѣшности подвергаются осужденію; мы не желаемъ для нихъ привилегій. Пусть поражаютъ насъ въ нашихъ погрѣшностяхъ: этимъ только возвышается дѣло которому мы служимъ и предъ которымъ должна исчезнуть наша личность и смолкнуть наше самолюбіе.

Мы сдѣлали промахъ, и должны пенять на себя. Промахъ есть промахъ, и мы не считаемъ себя въ правѣ на снисхожденіе во имя нашихъ добрыхъ намѣреній.

Съ чѣмъ боролись мы непрерывно? Не съ тою ли тенденціей которая поставила себѣ задачей клеветать на положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ и представлять ихъ на краю гибели для того чтобы дѣйствительно направить ихъ къ гибели? Не съ тѣмъ ли обманомъ который неутомимо старается обойти всѣ наши дѣла, и пытается обезславить лучшую страницу нашей исторіи? Не съ тою ли всѣмъ теперь видимою интригой которая подкапывается подъ благія начинанія Верховной Власти и подрываетъ довѣріе къ правительству въ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ пунктахъ государственнаго домостроительства? Лишь органы этого направленія, въ печати и не въ печати, нуждаются въ привилегіи: иначе они не могли бы дѣйствовать и высказываться.

Намъ предоставлено право передать изданіе нашей газеты университету по первомъ полученномъ предостереженіи. Право это мы удерживаемъ за собой; но должны

ли мы воспользоваться имъ въ настоящую минуту?

Нѣкоторыя изъ лицъ намъ сочувствующихъ, по прочтеніи статей о которыхъ идетъ рѣчь, полагали что мы, утомленные долгою непрерывною дѣятельностью, полною борьбы и потрясеній, сами хотѣли вызвать предостереженіе чтобъ имѣть предлогъ сойти съ арены. Нѣтъ, мы не имѣли этой мысли, и вотъ доказательство: мы остаемся при дѣлѣ, несмотря на представившуюся возможность отказаться отъ изданія газеты безъ нарушенія нашихъ обязательствъ. Мы остаемся несмотря на то что силы наши, дѣйствительно, требуютъ отдыха. Мы думаемъ что именно въ это время не должны мы покидать свой постъ. Еслибы внутреннее чувство долга не достаточно ясно говорило намъ въ такомъ смыслѣ, то насъ не могла бы не убѣдить въ этомъ ожесточенная вражда которой мы стали предметомъ и которая именно теперь достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Мы знаемъ ея источникъ и понимаемъ къ чему она относится.

№ 9.

Москва, 12-го января.

Сегодня день Св. Татіаны, университетскій праздникъ. Годовщина основанія старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ была отпразднована достойно и даже съ большею торжественностью чѣмъ въ прежніе годы. Стеченіе публики на актѣ было громадное. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать чтобы не было попытокъ смутить это мирное торжество. Еще задолго по городу ходили слухи что къ этому дню готовилась какая-то демонстрація. Намъ писали изъ Петербурга что слухи объ этомъ доходили и туда, и что власти были этимъ озабочены. Истинные друзья нашей учащейся молодежи опасались чтобы возбужденія которымъ подвергается она съ разныхъ сторонъ не имѣли новыхъ прискорбныхъ послѣдствій. Слава Богу, предусмотрительныя распоряженія университетскаго начальства и благоразуміе большинства самихъ студентовъ не дали хода безпорядкамъ которые замышлялись. Попытка сдѣлать демонстрацію ограничилась нѣсколькими глупыми криками по окончаніи акта, которые были тотчасъ же заглушены стройнымъ хоромъ пѣвчихъ.

Удивляться ли печальнымъ явленіямъ которыя такъ часто повторяются посреди нашего учащагося юношества? Странное дѣло: учебный міръ, который вездѣ есть міръ заповѣдной, считается у насъ по преимуществу открытымъ для всякой агитаціи. Всѣ наши такъ-называемыя партіи идутъ сюда сводить свои счеты. Всякая интрига пробуетъ свои силы на этихъ бѣдныхъ 17-ти и 18-лѣтнихъ юношахъ наполняющихъ наши университеты. Къ нимъ обращаются съ своими воззваніями какіе-то подземные геніи, къ нимъ приноравливаются статьи многихъ журналовъ издаваемыхъ подъ открытымъ небомъ. Для возбужденія ихъ пишутся статьи не только въ частныхъ газетахъ, но и въ официіальныхъ органахъ. Недавно въ одномъ такомъ почтенномъ органѣ появилась, въ виду прискорбныхъ студенческихъ безпорядковъ происходившихъ въ Московскомъ университетѣ, статья которую иначе нельзя назвать какъ пасквилемъ не только на одного изъ уважаемыхъ профессоровъ университета, но и на цѣлую его корпорацію. По своему ругательному тону и рѣзкости голословныхъ приговоровъ она превосходитъ все что появлялось около того времени въ частныхъ изданіяхъ. Мы остановились въ изумленіи предъ этимъ страннымъ явленіемъ. Невозможно было не указать на него, невозможно было не протестовать противъ этого явленія обратившаго на себя общее вниманіе. И вотъ насъ обвиняютъ за это въ самыхъ ненавистныхъ тенденціяхъ. Оказывается что мы будто бы требуемъ стѣсненія печати, и что мы враги ея свободы. Вдругъ посыпались на насъ укоризны во имя либеральныхъ идей, какъ не задолго предъ симъ насъ осуждали съ высоты консервативныхъ началъ и выдавали за органъ самаго необузданнаго радикализма.

Обращаемся къ простому здравому смыслу всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Представимъ себѣ что кто-нибудь позволилъ бы себѣ сказать, безъ дальнихъ разсужденій, что такой-то департаментъ состоитъ изъ людей неспособныхъ и недобросовѣстныхъ. Еще болѣе. Предположимъ что такой отзывъ появился бы въ официіальномъ изданіи. Предположимъ что напримѣръ *Русскій Инвалидъ* выразился бы такимъ образомъ о департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Кто нашелъ бы это въ порядкѣ вещей? Кто призналъ бы это дѣ-

ломъ нормальнымъ? Почему же считается умѣстною и приличною подобная выходка объ университетѣ, еслибы даже онъ не былъ правительственнымъ учрежденіемъ, а былъ самымъ скромнымъ частнымъ заведеніемъ? Мы просимъ однако еще ближе всмотрѣться въ дѣло. Между двумя этими примѣрами нельзя не усмотрѣть существенной разницы. Въ офиціальномъ органѣ, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть допускаемы пасквили ни на учрежденія, ни на лица. Вопросъ о характерѣ офиціальныхъ органовъ не имѣетъ ничего общаго со свободой печати. Но еслибы какая-нибудь частная газета, неразборчивая въ своихъ сужденіяхъ и выраженіяхъ, обругала и въ цѣломъ и въ частности какое бы то ни было присутственное мѣсто, это не имѣло бы важности, какъ бы это ни было не прилично. Всякая отрасль администраціи имѣетъ дѣло съ людьми зрѣлаго возраста. А таково ли положеніе учебнаго заведенія, хотя бы и высшаго? Можно ли требовать чтобъ эти юноши, еще не вступившіе въ жизнь, устояли противъ непрерывной брани которой подвергаются ихъ наставники, и притомъ не только отъ уличныхъ крикуновъ, но даже чрезъ посредство правительственныхъ органовъ? Статья *Архива Судебной Медицины* была перепечатана во всѣхъ газетахъ съ указаніемъ на авторитетъ того журнала, откуда она заимствуется, и студенты Московскаго университета имѣли все удобство узнать сужденія нѣкоего доктора Бѣлоголовова, получившія неожиданный авторитетъ, о томъ какъ безсовѣстно поступилъ относительно нѣкоторыхъ товарищей ихъ совѣтъ университета, состоящій большею частію изъ людей выжившихъ изъ ума.

Наконецъ, допустимъ что полословная брань, съ офиціальнымъ штемпелемъ, есть дѣло и приличное, и умѣстное, и либеральное. Неужели однако и въ то время когда въ обществѣ ходятъ смутные слухи объ арестахъ которые дѣлаются между студентами, о какомъ-то политическомъ заговорѣ будто бы открытомъ въ ихъ средѣ, о какой-то революціонной организаціи которая будто бы вербуетъ себѣ агентовъ между ними,—неужели даже въ это время можно считать дѣломъ нормальнымъ и полезнымъ вооружать учащуюся молодежь противъ учрежденія, подъ сѣнію котораго она воспитывается?

Мы не считаемъ себя призванными адвокатствовать за Московскій университетъ. Но полагаемъ что въ этомъ старѣйшемъ разсадникѣ нашего просвѣщенія дѣла въ настоящее время идутъ не къ худшему, а къ лучшему, и что научныя силы его растутъ, а не падаютъ. Безпрерывнымъ токомъ входятъ въ него свѣжія обновляющія составъ его силы. Никогда совѣтъ университета не обнаруживалъ такого единодушія въ своихъ постановленіяхъ, такого громаднаго большинства въ своихъ выборахъ. Что же вдругъ случилось что Московскій университетъ сдѣлался предметомъ столь яростныхъ нападеній? Почему онъ вдругъ превратился въ собраніе неспособностей, которыя не могутъ имѣть правильнаго сужденія даже о предметахъ своего обихода? Если же съ Московскимъ университетомъ дѣйствительно случилось столь чудесное превращеніе, если большинство его ученой корпораціи не заслуживаетъ никакого уваженія, если даже ея единогласіе не имѣетъ права на довѣріе, то она никуда не годится, и надобно не ругать эту несчастную корпорацію, а настаивать на томъ чтобъ ее взяли подъ строгую опеку, или, что еще лучше, чтобъ ее разогнали.

№ 10.

Москва, 13-го января.

При декабрьскихъ №№ *Кіевлянина* редакціею этой газеты разосланы подписчикамъ, въ видѣ особаго прибавленія, публикація о назначенныхъ въ публичную продажу въ Кіевѣ, въ теченіи января мѣсяца, недвижимыхъ имѣніяхъ юго-западнаго края, предъявляемыхъ къ торгамъ на удовлетвореніе казенныхъ и частныхъ взысканій. Надобно замѣтить что эти публикаціи рѣдко дѣлаются, какъ слѣдовало бы по существующимъ узаконеніямъ, въ столичныхъ газетахъ, и потому публикѣ внутреннихъ губерній по большей части остаются неизвѣстны. А между тѣмъ продажи съ публичнаго торга имѣній въ западномъ краѣ не только общія мѣры для поддержанія кредита, а имѣютъ еще то особенное и важное значеніе что соединены съ вопросомъ объ усиленіи тамъ русскаго землевладѣнія. По силѣ закона 10-го декабря 1865 года,

продажа имѣній съ публичнаго торга за долги служить однимъ изъ путей перехода землевладѣнія изъ польскихъ рукъ въ русскія, и этотъ путь могъ бы приближать къ цѣли, еслибы торги шли удачно. Значительное число имѣній въ западномъ краѣ обременено казенными и частными долгами. Мы уже нѣсколько разъ документально доказывали что долги эти возникли еще въ то время когда польскіе землевладѣльцы, широко пользуясь кредитомъ, могли гласно приносить разнаго рода *офяры* (жертвы) на „святое дѣло", подъ которымъ разумѣлось возстановленіе Польши *или*, по крайней мѣрѣ, поддержаніе польской эмиграціи и другихъ пострадавшихъ за отчизну героевъ польскаго дѣла. Главнѣйшіе долги всѣ восходятъ ко времени которое непосредственно предшествовало возстанію. Помѣщики западнаго края разорялись не на что иное какъ на польскую *справу*; и если они до сихъ поръ еще утверждаютъ будто бы введены въ долги обязательнымъ выкупомъ и другими мѣрами правительства принятыми вслѣдъ за возстаніемъ, то это совершенно невѣрно. Но само собой разумѣется что одновременное прекращеніе обязательнаго труда крестьянъ, назначеніе производства 5½% ренты, вмѣсто выдачи выкупной ссуды за земли отошедшія въ крестьянскій надѣлъ, наконецъ взысканіе въ первое время довольно тяжелаго процентнаго сбора не могли содѣйствовать большинству польскихъ землевладѣльцевъ въ разчетахъ съ долгами, которые часто превышали цѣнность имѣній.

Такое положеніе вещей неминуемо должно было привести многія имѣнія къ публичной продажѣ. Но въ большинствѣ случаевъ, производившіеся на этотъ предметъ торги оказывались несостоявшимися. Такъ напримѣръ, съ 1864 по 1867 годъ включительно, въ юго-западномъ краѣ предназначено было къ продажѣ съ публичныхъ торговъ 182 имѣнія; изъ числа ихъ продано только 26. Такіе результаты, не удовлетворяя кредиторовъ, побуждали ихъ искать какихъ-либо другихъ путей къ возмѣщенію слѣдующихъ имъ суммъ. Лучшимъ изъ подобныхъ путей могло бы служить пріобрѣтеніе имѣній отъ должниковъ; но такъ какъ кредиторами являлись тѣ же Поляки и главнымъ образомъ Евреи, которымъ покупка имѣній въ западныхъ губерніяхъ воспрещена закономъ, то приходилось пользоваться другими средствами, взятіемъ имѣній въ арендное содержаніе на долгій срокъ, учрежденіемъ конкурсныхъ управленій, посредническихъ коммиссій и пр. Переходъ обремененныхъ долгами имѣній въ фактическое владѣніе кредиторовъ (Поляковъ или Евреевъ) былъ затруднителенъ безъ добровольнаго согласія на то самихъ владѣльцевъ, но только требованіе продажи съ публичнаго торга побуждало ихъ входить съ кредиторами въ различнаго рода сдѣлки. Такимъ образомъ назначеніе въ публичную продажу имѣній, не удовлетворяя цѣлямъ правительства, способствовало лишь переходу имѣній въ фактическое владѣніе лицъ которымъ воспрещена покупка земельной собственности въ западномъ краѣ.

Въ началѣ 1868 года были произведены, какъ извѣстно, торги на продажу имѣній, подлежавшихъ обязательному отчужденію на основаніи закона 10-го декабря 1865. Продажа эта была совершена по особо выработаннымъ на этотъ случай правиламъ, долженствовавшимъ устранить многія изъ обнаруженныхъ въ прежнее время неудобствъ въ процедурѣ публичной продажи. Изъ всѣхъ предъявленныхъ къ торгамъ имѣній осталось не заторгованнымъ въ юго-западномъ краѣ только одно, и то самое незначительное (142 дес.), остальныя же всѣ куплены и, притомъ, по значительно высокой цѣнѣ, превосходившей даже стоявшія въ то время покупныя цѣны на тѣ имѣнія, которыя продавались по добровольнымъ съ продавцами соглашеніямъ. Такой успѣхъ побудилъ администрацію ходатайствовать о примѣненіи по возможности того же порядка и къ обыкновенной продажѣ имѣній за долги. Часть означенныхъ предположеній уже осуществилась, другая находится еще въ проектѣ, на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій. Мы постараемся изложить современное состояніе всего этого дѣла.

Существующій нынѣ въ западномъ краѣ порядокъ продажи имѣній съ публичнаго торга, и права которыми пользуются при этомъ покупщики, представляютъ слѣдующія отличія отъ правилъ установленныхъ для прочихъ мѣстностей въ Россіи, какъ тѣхъ, гдѣ введены новые судебные уставы, такъ и тѣхъ, которыя остаются еще подъ дѣйствіемъ стараго порядка, изложеннаго во 2 ч. X т. Св. Зак.:

а) производство покупщикамъ ссудъ подъ залогъ пріобрѣтенныхъ имѣній отъ Обще-

ства Взаимнаго Поземельнаго Кредита, назначающаго ссуды предъ продажей;

б) предоставленіе покупщикамъ, имѣющимъ свидѣтельства отъ названнаго Общества, права вносить деньгами, въ счетъ покупной цѣны имѣнія, лишь сумму которая составляетъ разность между данною на торгахъ цѣною и ссудой назначенною подъ его залогъ;

в) дозволеніе уплачивать покупную сумму процентными бумагами по курсу, а не наличными деньгами, при чемъ долгъ казнѣ или кредитнымъ установленіямъ можетъ быть разсроченъ на 37 лѣтъ, для уплаты 6% ежегодными взносами, или погашенъ процентными бумагами по номинальной цѣнѣ ихъ;

г) освобожденіе русскихъ покупщиковъ имѣній принадлежавшихъ лицамъ польскаго происхожденія отъ взысканія 4% крѣпостныхъ пошлинъ при выдачѣ данной;

д) сосредоточеніе торговъ въ Кіевѣ для имѣній юго-западнаго края, и въ Вильнѣ для края сѣверо-западнаго, съ назначеніемъ для этого двухъ сроковъ въ году: января и іюля мѣсяцевъ; и наконецъ,

е) Высочайше утвержденное въ 26-й день іюня 1867 г. мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ производства вторыхъ торговъ, которые постановлено считать окончательными, хотя бы предложенная на нихъ за имѣніе цѣна была и ниже оцѣночной суммы.

Польза приносимая этими постановленіями водворенію въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія, выразилась въ томъ что со времени изданія ихъ продажа имѣній съ публичнаго торга пошла несравненно успѣшнѣе прежняго. Такъ, въ іюлѣ 1868 года, было куплено 21 имѣніе, въ январѣ 1869 года 52 и въ іюлѣ того же года 40 имѣній; всего стало-быть 113 имѣній, тогда какъ въ прежніе четыре года, какъ уже сказано, было куплено только 26 имѣній.

Покойный генералъ-адъютантъ Безакъ, ободренный успѣхомъ означенныхъ, изданныхъ по его инціативѣ и при его участіи постановленій, усиленно ходатайствовалъ о разсмотрѣніи и утвержденіи другихъ его предположеній, состоявшихъ, сколько намъ извѣстно, главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

а) въ отмѣнѣ закона о посредническихъ коммиссіяхъ, дозволяющаго кредиторамъ владѣть и пользоваться въ теченіе неопредѣленнаго времени тѣмъ имуществомъ, пріобрѣтеніе котораго въ собственность имъ воспрещено;

б) въ сокращеніи различныхъ сроковъ, безполезно оттягивающихъ составленіе описи и оцѣнки имѣній и самое назначеніе ихъ въ продажу;

в) въ устраненіи существенныхъ недостатковъ въ способѣ оцѣнки имѣній, именно произвольнаго исчисленія частными цѣновщиками дохода (отъ чего зависитъ величина оцѣнки), ибо практика показала что высота оцѣнки не имѣетъ вліянія на покупную сумму, предлагаемую на торгахъ за имѣніе, а служитъ лишь средствомъ проволочки торговъ къ ущербу и кредиторовъ и покупателей;

г) въ неприсоединеніи выкупной за крестьянскія земли ссуды къ оцѣнкѣ имѣнія, чрезъ что пріобрѣтеніе имѣній съ публичнаго торга представится возможнымъ большему числу покупщиковъ, конкурренція на торгахъ увеличится къ пользѣ кредиторовъ и самихъ владѣльцевъ, а случаи несостоявшихся торговъ станутъ рѣже; наконецъ

д) въ нѣкоторомъ измѣненіи порядка производства вторичныхъ торговъ, при чемъ имѣлось въ виду достигнуть чтобъ имѣнія обремененныя долгами не избѣгали торговъ и не могли оставаться въ рукахъ Евреевъ и Поляковъ въ качествѣ кредиторовъ.

Несмотря на видимую настоятельность скораго разрѣшенія означенныхъ предположеній, разсмотрѣніе ихъ затянулось. Между тѣмъ, въ виду недостатковъ обнаруженныхъ въ порядкѣ продажи имѣній за долги, по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ не введены еще новые судебные уставы и вводятся только мировыя судебныя установленія, въ министерствѣ юстиціи, сколько извѣстно, составлены предположенія о примѣненіи къ этимъ мѣстностямъ порядка исполненія рѣшеній установленнаго для новыхъ судовъ. А такъ какъ означенныя предположенія министерства юстиціи относились и къ западнымъ губерніямъ, то проектъ по этому предмету былъ сообщенъ на заключеніе генералъ-губернаторовъ западнаго края. Это послѣдовало, если не ошибаемся, въ самомъ концѣ 1868 года, то-есть когда того лица которое наиболѣе настаивало на необходимости кореннаго измѣненія въ правилахъ о порядкѣ продажи имѣній западнаго края съ публичнаго торга не было уже въ живыхъ.

Дѣло это интересуетъ весьма многихъ. Не малое число лицъ принимавшихъ участіе въ торгахъ понесли убытки на безплодныхъ разъѣздахъ и т. п. и естественно желали бы возмѣстить эти убытки въ будущемъ. Считая эти желанія справедливыми и осуществленіе ихъ согласнымъ съ заявленными цѣлями правительства, мы старались вникнуть въ подробности дѣла на которыя эти лица обыкновенно указываютъ, и на основаніи ихъ сообщеній можемъ сдѣлать нынѣ два замѣчанія по поводу тѣхъ предположеній министерства юстиціи о коихъ идетъ рѣчь.

Вопервыхъ, по существующему нынѣ порядку, имѣніе назначенное въ продажу съ публичнаго торга можетъ быть изъято отъ продажи до дня переторжки, если владѣлецъ уплатитъ долги, или кредиторы отсрочатъ свои взысканія. Такой порядокъ не представляетъ неудобствъ въ другихъ мѣстахъ, но не въ западномъ краѣ, гдѣ разсчитывать на кругъ мѣстныхъ покупателей нельзя, и куда именно вызываются русскіе люди со всѣхъ концовъ Россіи, часто изъ-за тысячи верстъ. Бываютъ случаи что лицо пріѣхавшее, на основаніи публикацій правительства, въ Кіевъ или Вильну, тратится на дорогу, на осмотръ имѣнія и собираніе различныхъ свѣдѣній, является на торги и вдругъ узнаетъ что торги отмѣнены, въ силу напримѣръ соглашенія владѣльца съ кредиторами къ которымъ имѣніе и поступаетъ на долгій срокъ во владѣніе. Не долженъ ли такой порядокъ отпугивать покупщиковъ, къ ущербу для самихъ продавцевъ? Вѣдь чѣмъ больше торгующихся, тѣмъ продавцу выгоднѣе. Вѣдь эти сдѣлки съ кредиторами бываютъ убыточнѣе продажи за правильную цѣну, и если продавцы идутъ на сдѣлки, то тутъ оказываются въ игрѣ побужденія политическія коимъ законъ не имѣетъ причины покровительствовать. Желательно ли съ политической точки зрѣнія чтобы въ результатѣ правительственныхъ дѣйствій въ западномъ краѣ оказывался только переходъ имѣній въ руки Поляковъ или Евреевъ подъ видомъ долгосрочнаго пользованія? По сему, смѣемъ думать, было бы полезно назначить для сдѣлокъ съ кредиторами срокъ значительно предшествующій дню переторжки, и постановить что по наступленіи этого срока имѣніе уже не можетъ избавиться отъ продажи. Такимъ срокомъ могло бы быть время опубликованія имѣній въ продажу или же одинъ мѣсяцъ спустя послѣ первой публикаціи, или, еще лучше, три или четыре мѣсяца до торговъ, такъ что по истеченіи этихъ сроковъ слѣдовало бы объявлять вторично обо всѣхъ продажахъ, отмѣненныхъ и оставшихся въ силѣ, дабы не вводить покупателей въ заблужденіе. При теперешнемъ порядкѣ случается что сдѣлка состоявшаяся между продавцомъ и его кредиторами намѣренно держится втайнѣ до дня переторжки только для того чтобы насмѣяться надъ покупателями являющимися на торги и отбить у нихъ охоту слѣдовать призыву правительства.

Второе замѣчаніе которое мы считаемъ полезнымъ сдѣлать по поводу предложеній министерства юстиціи касается необходимости устранить отъ торговъ въ западномъ краѣ подставныя лица, являющіяся лишь затѣмъ чтобы взять *отступное*. Этого рода промыселъ, говорятъ, сильно развился тамъ. Иногда подобные аферисты дѣйствуютъ не прямо за свой счетъ, а со стороны владѣльца имѣнія или его кредиторовъ. Одинъ такой аферистъ до того набилъ цѣну что всѣ настоящіе покупщики, по техническому выраженію, *отступились*, а когда надобно было внести задаточныя деньги (10% покупной суммы), то аферистъ убѣжалъ изъ присутствія—и имѣніе осталось непроданнымъ. Поэтому желательно было бы чтобъ отъ торгующихся требовали взноса задаточныхъ денегъ, напримѣръ 10% оцѣночной суммы имѣнія, до начала торговъ, съ тѣмъ чтобы задатокъ этотъ конфисковался въ случаѣ подобныхъ продѣлокъ. При такомъ правилѣ было бы, конечно, гораздо рискованнѣе нежели въ настоящее время разыгрывать роль русскаго покупщика имѣній; истинные же покупатели съ радостью подчинились бы сказанному условію.

Будемъ надѣяться что при готовящемся, какъ мы слышали, скоромъ изданіи новыхъ правилъ для продажи имѣній съ публичнаго торга въ западномъ краѣ, будутъ приняты во вниманіе всѣ особенности встрѣчающіяся тамъ въ этомъ дѣлѣ и требующія особыхъ постановленій.

Въ заключеніе не можемъ не обратить еще разъ вниманія на одно существенно важное условіе успѣшнаго хода покупки Русскими имѣній въ западномъ краѣ, — на то условіе о коемъ такъ часто было говорено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*

что оно почти стало нашимъ *caeterum censeo*. Въ числѣ вышеупомянутыхъ мѣръ, облегчающихъ пріобрѣтеніе имѣній съ публичнаго торга, указанъ и кредитъ покупщикамъ, подъ обезпеченіе пріобрѣтаемыхъ ими имѣній. Кредитъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ привлеченію покупщиковъ. Правительство и общество всегда сознавали это. Постановленія о разсрочкѣ долговъ казнѣ и кредитнымъ установленіямъ, выдача ссудъ отъ правительства, затѣмъ учрежденіе имъ же Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ были выраженіемъ этого общаго сознанія. Но Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній, хотя учрежденное самимъ правительствомъ, было вскорѣ разрушено въ пользу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Въ распоряженіи правительства остаются одни старые долги кредитнымъ установленіямъ, но и эти долги рѣдко разсрочиваются въ пользу покупателя, ибо погашаются, по настоянію министерства финансовъ, выкупными ссудами за крестьянскіе надѣлы. Кредитъ, можно сказать, бездѣйствуетъ. Получивъ правительственный 5.000.000 фондъ, частное Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, правда, учредило въ Кіевѣ и Вильнѣ свои конторы, публикующія часто о назначеніи ссудъ подъ залогъ предъявленныхъ къ торгамъ имѣній, *но сколько дѣйствительно выдано ссудъ покупщикамъ въ западномъ краѣ* и кому именно, это остается неизвѣстнымъ, несмотря на то что протекло уже болѣе двухъ лѣтъ послѣ того какъ пятимилліонный фондъ былъ добытъ изъ казны именно подъ предлогомъ дѣйствій будто бы обѣщавшихъ болѣе *прочный* (такъ буквально было сказано) успѣхъ дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія чѣмъ какой былъ обезпеченъ Товариществомъ Пріобрѣтателей. Отъ покупщиковъ имѣній слышатся часто жалобы на невыносимо тягостныя условія пользованія услугами Взаимнаго Поземельнаго Кредита, особенно при нынѣшнемъ курсѣ на золото и частыхъ колебаніяхъ биржевой цѣны его. А между тѣмъ, по сосѣдству съ юго-западнымъ краемъ, существуетъ кредитное поземельное учрежденіе которое, не мудрствуя лукаво и не захватывая 5 милліоновъ податныхъ денегъ государства, принесло уже значительную пользу Херсонской губерніи, и теперь оказываетъ такое же дѣйствіе на Таврическую и Екатеринославскую губерніи и на Бессарабскую область. Сколько помнимъ, Херсонскій земскій банкъ роздалъ въ ссуду уже болѣе шести милліоновъ рублей, и на тягость условій займа въ немъ никто не жалуется. Напротивъ, многіе изъ владѣльцевъ и покупщиковъ имѣній юго-западнаго края готовы были бы воспользоваться его кредитомъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ намъ извѣстно, шли даже переговоры года два тому назадъ съ лицомъ которому Херсонскій земскій банкъ всего болѣе обязанъ своимъ учрежденіемъ. Мы говоримъ о бывшемъ херсонскомъ предводителѣ дворянства, Е. А. Касиновѣ, нынѣ умершемъ, который съ большимъ сочувствіемъ принялъ мысль о распространеніи дѣйствій этого банка на юго-западныя губерніи. Г. Касиновъ исходатайствовалъ разрѣшеніе принимать закладные листы Херсонскаго банка наравнѣ съ государственными процентными бумагами при покупкѣ имѣній въ западномъ краѣ, при погашеніи числящихся на этихъ имѣніяхъ долговъ какъ казенныхъ такъ и кредитнымъ установленіямъ;*) но о дальнѣйшемъ распространеніи дѣйствій Херсонскаго банка на юго-западныя губерніи, то-есть о предоставленіи ему права выдавать ссуды подъ залогъ имѣній пріобрѣтаемыхъ или уже пріобрѣтенныхъ тамъ русскими владѣльцами, ничего не слышно. Было бы, однако, очень жаль еслибы дѣло это такъ и осталось, и Херсонскій банкъ, получивъ въ западныхъ губерніяхъ льготы, упрочивающія курсъ закладныхъ листовъ его, не оказалъ съ своей стороны помощи тамошнему русскому землевладѣнію. Экономическія условія Кіевской, Подольской и южной части Волынской губерніи таковы что выдача долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ тамошнихъ имѣній не представляетъ никакого риска, какъ это доказываютъ и дѣйствія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, котораго въ неосторожности или не въ несоблюденіи своихъ интересовъ никто не упрекаетъ. Объ этомъ дѣлѣ, сколько помнится, говорилъ не разъ *Кіевлянинъ*, встрѣтивъ возраженія только въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, который отвѣчалъ на серіозныя статьи кіевской газеты выходками подобными появлявшимся въ то время противъ кіевской администраціи въ столбцахъ *Вѣсти*. Теперь же и администрація въ Кіевѣ перемѣнилась, и стало-быть даже этого

*) Это разрѣшено въ мартѣ 1868 года.

мудренаго предлога, возбранявшаго будто бы Херсонскому банку распространить свои дѣйствія на юго-западный край, не существуетъ. Неужели Взаимный Поземельный Кредитъ возымѣетъ рѣшимость не только пользоваться, ничего не дѣлая, громадною казенною субсидіей, данною ему именно ради западнаго края, но и устранять отъ этого края другіе банки, не смѣющіе помышлять о подобной протекціи, хотя и способные принести пользу русскому дѣлу, посредствомъ выгодныхъ для нихъ самихъ операцій?

№ 11.

Москва, 14-го января.

Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ*, по поводу университетскаго праздника, сказано нѣсколько словъ требующихъ разъясненія съ нашей стороны, такъ какъ въ нихъ упоминается о нашей газетѣ. Говорится между прочимъ что мы скорбимъ о неблагопріятномъ отношеніи въ какое поставилъ себя Московскій университетъ, если не ко всему обществу, то по крайней мѣрѣ къ части его. Это не точно. Мы такой скорби никогда не выражали и не могли выразить, потому что никогда не признавали самаго факта, будто бы вызывающаго нашу скорбь. Рядъ неблагопріятныхъ для Московскаго университета газетныхъ статей не можетъ считаться выраженіемъ мнѣнія какой-либо части общества по очень простой причинѣ: кто не понимаетъ что одинъ какой-нибудь литературный бандитъ можетъ написать сотню статей и разослать ихъ по разнымъ газетамъ, но развѣ эти статьи будутъ свидѣтельствовать объ общественномъ мнѣніи? Появленіе ихъ будетъ только признакомъ того что газеты не всегда бываютъ разборчивы въ помѣщеніи статей, и еслибъ онѣ подѣйствовали на слишкомъ довѣрчивую часть публики, то должно было бы сказать что онѣ сами повліяли на общественное мнѣніе слагающееся, а не были послѣдствіемъ общественнаго мнѣнія сложившагося. Появленіе какого-нибудь сужденія въ печати само по себѣ ничего не значитъ. Печать дѣйствуетъ на зрѣлую публику лишь доводами имѣющими значеніе по своему внутреннему вѣсу, а не по счету статей въ коихъ они высказываются. Не точно въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* и другое показаніе насъ касающееся, будто бы *Московскія Вѣдомости* однѣ въ русской печати относились къ настоящимъ университетскимъ руководителямъ съ безусловною похвалой. *Безусловной похвалы* ни Московскому университету, ни руководителямъ его никто въ нашей газетѣ не отыщетъ, но мы не разъ протестовали противъ безусловной и въ особенности противъ голословной хулы, которой подвергается въ иныхъ изданіяхъ Московскій университетъ. Голословная брань можетъ причинить лишь вредъ, смущая неопытную молодежь и сбивая съ толку общественное мнѣніе, но никакой пользы ни для какого учрежденія изъ голословной брани произойти не можетъ.

Мы никогда не думали отрицать у общественнаго мнѣнія право слѣдить за явленіями въ жизни какого бы то ни было университета. Напротивъ, мы желали бы призвать на наши университеты, и въ особенности на Московскій, серіозное вниманіе общества. Пусть судятъ и критикуютъ; пусть порицаютъ. При серіозномъ вниманіи просвѣщенной и благомыслящей части публики были бы менѣе возможны тѣ агитаціи которыя чинятся противъ Московскаго университета, и дѣло бы скорѣе вышло на чистоту.

Къ сожалѣнію, публика наша не оказываетъ должнаго вниманія къ дѣлу, и вслѣдствіе этого становятся возможны тѣ печальные скандалы которые такъ настойчиво повторяются въ нѣкоторой части нашей печати. Хотите ли имѣть вѣрный критерій для того чтобъ отличить серіозную критику отъ интриги? Первая ищетъ истины, вторая прибѣгаетъ ко лжи. Если люди не заботятся о разъясненіи факта, а только спѣшатъ приговорами, значитъ дѣло не ладно; а если они намѣренно извращаютъ фактъ, то какое еще нужно доказательство ихъ недобросовѣстности, и возможно ли для честнаго органа уклоняться отъ возстановленія истины? Только по такимъ побужденіямъ мы и касались иногда университетскихъ дѣлъ. Мы опровергали ложь которая возводилась на Московскій университетъ въ печати, и вотъ всѣ отношенія къ нему нашей газеты. Чѣмъ хуже, по нашему мнѣнію, предметъ, тѣмъ менѣе предстоитъ надобности заслонять факты или искажать ихъ; если же мы дѣлаемъ и то, и другое, то это значитъ что мы ищемъ не истины, и имѣемъ въ виду не пользу.

Мы перебираемъ въ памяти всѣ нападенія которыя дѣлались на Московскій университетъ и не можемъ припомнить ни одного указанія, опредѣленно выраженнаго и подкрѣпленнаго доводами, на какой-либо дѣйствительный и серіозный недостатокъ этого высшаго учебнаго заведенія. Никто не въ правѣ предполагать чтобы мы не вошли въ эти доводы и не поддержали бы этихъ указаній. Появлялись ли въ печати сужденія о выборѣ преподавателей отъ чего всего болѣе зависитъ процвѣтаніе университета, разбирались ли магистерскія и докторскія диссертаціи кандидатовъ на университетскія должности, шла ли рѣчь о полнотѣ и направленіи университетскаго преподаванія, объ учебныхъ пособіяхъ, о студенческомъ бытѣ и его потребностяхъ, объ экзаменахъ коимъ студенты подвергаются, объ удостоеніи ихъ при выпускѣ учеными степенями и званіями, или хоть бы объ *Университетскихъ Извѣстіяхъ?* Ни о чемъ подобномъ изданія порицающія Московскій университетъ не разсуждали, а дѣлались разныя придирки къ тому что происходитъ въ засѣданіяхъ совѣта, придирки оказывавшіяся канцелярскими крючками, основанными на лжи, да писались еще пасквили по поводу студенческихъ безпорядковъ, къ счастію случавшихся рѣдко. Что же это такое какъ не интрига, столько же презрѣнная, сколько и вредная? По случаю недавно бывшаго на медицинскомъ факультетѣ нарушенія университелтскихъ правилъ и примѣненія къ студентамъ Высочайше утвержденнаго Положенія о наказаніяхъ коимъ студенты должны быть подвергаемы, весь совѣтъ университета сдѣлался предметомъ голословныхъ нареканій. Мы не партизаны университетскаго самоуправленія въ его теперешнемъ видѣ. Но оно предоставлено университетамъ, и ими обязано управлять совѣтское большинство, если не хочетъ навлечь на себя обвиненіе въ бездѣйствіи власти. Это не капризъ, не властолюбіе, а долгъ возлагаемый закономъ. Но послѣднее бывшее дѣло рѣшено не большинствомъ; оно рѣшено единогласно, какъ единогласно былъ выбранъ профессоръ Полунинъ университетскимъ совѣтомъ для продолженія своей службы въ университетѣ, какъ единогласно онъ былъ упрошенъ медицинскимъ факультетомъ къ принятію на себя временной обязанности клиническаго преподавателя. Понимаютъ ли порицатели университета силу этого слова: *единогласіе?* Въ *Архивѣ Судебной Медицины* весь совѣтъ Московскаго университета изображенъ какъ сборище полоумныхъ людей. Есть ли въ этомъ хоть тѣнь вѣроятія? Если же это правда, то дѣйствительно, надобно разогнать всю университетскую корпорацію прежде нежели внушать это студентамъ.

Современныя Извѣстія замѣчаютъ намъ что нельзя ставить вопросъ такъ круто. Однако мы и теперь недоумѣваемъ какъ можно поставить его иначе: рѣчь шла не объ отдѣльныхъ лицахъ, а о цѣломъ совѣтѣ университета, единственномъ законномъ органѣ университетскаго самоуправленія и порицанію въ вопіющемъ безобразіи подверглось не какое-либо маловажное, случайно проскользнувшее постановленіе, а рѣшеніе повторительно состоявшееся и бывшее предметомъ многократныхъ продолжительныхъ совѣщаній.

Впрочемъ намъ пріятно видѣть что *Современныя Извѣстія*, рознясь съ нами въ оттѣнкахъ взгляда, высказываютъ полное согласіе съ сущностью того что мы говорили. Какъ долженъ всякій благомыслящій органъ, *Современныя Извѣстія* признаютъ что „нечестно публичнымъ осужденіемъ университетскаго начальства и профессоровъ колебать къ нимъ уваженіе и возстановлять противъ нихъ молодежь.“ Этимъ все существенное сказано что въ настоящую минуту требуется сказать, и мы съ своей стороны вполнѣ присоединяемся къ тому мнѣнію *Современныхъ Извѣстій* что соблюденіе этого нравственно-обязательнаго правила отнюдь не требуетъ чтобы печать молчала, если-бы, какъ сказано въ этой газетѣ, какой-нибудь „профессоръ читалъ возмутительныя лекціи и проповѣдовалъ ученія разрушительныя, а начальство ему потворствовало и вело себя такъ какъ будетъ вести себя только злѣйшій врагъ университета, подрывая постоянно само къ себѣ уваженіе“. Равнымъ образомъ мы совершенно согласны что потворство всеобщаго молчанія не должно простираться на кумовство въ замѣщеніи каѳедръ и т. п Не знаемъ есть ли въ этихъ словахъ какой-нибудь намекъ на существующее. Если тутъ есть намекъ, то всего желательнѣе было бы прямое раскрытіе дѣла, и тогда *Московскія Вѣдомости* оказались бы первыя на сторонѣ защитниковъ университета отъ злоупотребленій какія могли

въ него закрасться. Но до сихъ поръ ни о чемъ важномъ не было рѣчи и, главное, въ хорѣ порицателей Московскаго университета не слышалось правды. Обвиненія были либо голословныя, либо мелочныя и основывались на сплетеніи лжи.

Примѣромъ можетъ служить хоть сегодняшняя статья *Русскихъ Вѣдомостей* объ университетскомъ праздникѣ. Въ ней сказано между прочимъ что на обѣдѣ 12-го января одинъ изъ профессоровъ математическаго факультета громко высказался въ своей рѣчи противъ того что по общему согласію деньги слѣдовавшія съ профессоровъ за этотъ обѣдъ положено было не собирать съ каждаго изъ нихъ отдѣльно предъ обѣдомъ, а прямо вынесть изъ падающей на долю профессоровъ части сборной суммы за слушаніе лекцій. За обѣдомъ 12-го января были сказаны профессорами математическаго факультета только двѣ рѣчи, но ни профессоръ Бугаевъ, ни профессоръ Любимовъ не говорили ничего подобнаго. Да и никто изъ профессоровъ не могъ говорить это за обѣдомъ: для этого было другое мѣсто—совѣтъ университета, гдѣ, само собой разумѣется, подобныя распоряженія могутъ быть дѣлаемы лишь по общему соглашенію, а не по большинству голосовъ, и стало-быть достаточно было бы одного какого-нибудь возраженія чтобы распоряженіе не состоялось. И какая нелѣпость! Участвовать въ обѣдѣ и за этимъ же обѣдомъ протестовать противъ него! Къ чему однако понадобилась подобная нелѣпая выдумка о томъ что происходило на глазахъ полутораста человѣкъ въ томъ самомъ городѣ гдѣ издаются *Русскія Вѣдомости*? Къ чему понадобилась и другая выдумка что на университетскій обѣдъ не могли набрать и десяти подписчиковъ когда это опровергается числомъ обѣдавшихъ? Въ интересѣ какого дѣла потребовалась сплетня будто бы одно лицо, на которое дѣлаются прямые намеки, старалось заманивать прежнихъ воспитанниковъ университета на университетскій обѣдъ, когда это лицо, одинъ изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, не приглашало на этотъ обѣдъ ни одного человѣка и не выдало ни одного билета? Въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* есть не мало лицъ окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но въ нынѣшнемъ году случай хотѣлъ чтобы никто изъ нихъ не участвовалъ ни въ одномъ обѣдѣ 12-го января, какъ не участвовалъ въ нихъ и одинъ изъ соиздателей. Еще больше есть лицъ въ городѣ которыхъ легко было бы привлечь къ университетскому обѣду еслибы считалось нужнымъ противодѣйствовать успѣху другихъ обѣдовъ и признавать за ними характеръ какихъ-то контръ обѣдовъ. *) Многіе желаютъ чтобы 12-го января устраивался въ Москвѣ общій обѣдъ на которомъ могли бы встрѣтиться всѣ живущіе здѣсь бывшіе товарищи, разведенные жизнію. Этому желанію нельзя не сочувствовать, но оно не такого рода чтобы изъ-за него было дозволительно дѣлать какую-нибудь агитацію. Еще менѣе естественно, при неосуществленіи этого желанія, заводить конкурренцію между отдѣльными обѣдами и въ дѣло товарищеское вливать ядъ антагонизма.

№ 12.

Москва, 15-го января.

Почти девять мѣсяцевъ прошло со времени Высочайшаго утвержденія журнала особаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, имѣющаго цѣлію улучшить матеріальное положеніе священно и церковно-служителей; около восьми мѣсяцевъ протекло со времени обнародованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта объ отмѣнѣ наслѣдственности духовнаго званія: что же сдѣлано для приведенія въ исполненіе этихъ узаконеній, особенно перваго изъ нихъ, все значеніе

*) Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* разсказывается „изъ вѣрныхъ источниковъ" будто бы мы задержали на два дня публикацію объ обѣдѣ въ Благородномъ Собраніи. Эта публикація была доставлена въ контору Университетской типографіи вечеромъ 5-го января, съ просьбой напечатать ее, если можно, на другой же день, но безъ разрѣшенія московскаго оберъ-полицеймейстера и безъ подписи лицъ сдѣлавшихъ публикацію. При такихъ условіяхъ не было возможности помѣстить ее въ газетѣ на слѣдующій же день, 6-го января, а 7-го января *Московскія Вѣдомости* не выходили; вотъ почему эта публикація ни какъ не могла появиться ранѣе 8-го января. Напротивъ публикація объ обѣдѣ Артистическаго Кружка, не потребовавшая отъ насъ никакихъ хлопотъ, была напечатана въ тотъ же день какъ доставлена. Надобно замѣтить что никакая редакція на свѣтѣ не принимаетъ на себя хлопотъ вызываемыхъ подаваемыми объявленіями и не входитъ съ ихъ подавателями въ сношенія иначе какъ въ своей конторѣ въ назначенные для того часы. Отступленія отъ этого необходимаго правила дѣлаются лишь по особымъ уваженіямъ, какъ и было сдѣлано по случаю публикаціи объ обѣдѣ въ Благородномъ Собраніи.

коего зависитъ отъ добросовѣстнаго, осторожнаго, но неуклоннаго способа его примѣненія? Положеніемъ 16-го апрѣля 1869 года требовалось чтобы губернскія присутствія по дѣламъ православнаго духовенства составили и препроводили для утвержденія главнымъ присутствіемъ по тѣмъ же дѣламъ росписаніе городскимъ и сельскимъ приходскимъ церквамъ, съ объясненіемъ какія изъ нихъ должны быть причислены къ самостоятельнымъ и какія къ приписнымъ, а также какія измѣненія должны быть произведены въ разграниченіи приходовъ: составлены ли такія росписанія? Епархіальныя вѣдомости даютъ на это отвѣтъ отрицательный. Впрочемъ, въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ нѣкоторая медленность не только извинительна, но естественна. По крайней мѣрѣ правильно ли приступлено къ дѣлу? Приняты ли во вниманіе всѣ интересы, которыхъ прямо или косвенно касается вопросъ о возвышеніи общественнаго положенія клира? Епархіальныя вѣдомости отвѣчаютъ намъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдѣланы были попытки локализировать этотъ вопросъ въ кругѣ одного духовенства, устраняя прихожанъ отъ его разрѣшенія. Такъ напримѣръ въ Калужской епархіи составленіе проекта новаго штата приходскихъ церквей возложено было на однихъ священниковъ, рязанское присутствіе по дѣламъ духовенства предположило составить росписаніе церквей и приходовъ на основаніи отзывовъ лишь мѣстныхъ причтовъ,—а между тѣмъ Положеніе 16-го апрѣля отводитъ широкое мѣсто взгляду на это дѣло прихожанъ, имѣя въ виду привлечь ихъ участіе къ судьбѣ ихъ церквей и причтовъ, и въ томъ же смыслѣ еще болѣе точно высказывается циркулярное разъясненіе отъ 23-го августа изложенное въ извѣстномъ сообщеніи *Правительственнаго Вѣстника*. Въ этомъ обобщеніи настоящаго вопроса между всѣми членами церкви заключается одна изъ существенныхъ сторонъ новаго узаконенія, которое было бы совершенно извращено еслибы такое или другое рѣшеніе послѣдовало на основаніи одностороннихъ данныхъ. Интересы мѣстнаго духовенства могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не совпадать съ желаніемъ прихожанъ; легко можетъ случиться, напримѣръ, что священническій съѣздъ внесетъ какую-либо церковь въ число самостоятельныхъ единственно въ тѣхъ видахъ чтобы не лишить священника прихода его, тогда какъ прихожане желали бы, соединивъ средства двухъ приходовъ, возвысить благолѣпіе своего храма и привлечь въ оный священника съ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. Кто не согласится что одинъ храмъ, но снабженный всѣмъ нужнымъ, въ которомъ богослуженіе совершается съ величіемъ и гдѣ произносится проникнутое мыслію и чувствомъ поученіе, можетъ принести болѣе пользы чѣмъ двѣ убогія церкви съ двумя малограмотными священниками, удрученными нуждой, и съ причетниками не умѣющими и не хотящими читать внятно? Отдѣленіе духовенства отъ мірянъ есть очевидный недостатокъ нашихъ церковныхъ дѣлъ, и его устраненіе есть условіе всякаго успѣха по этимъ дѣламъ,—условіе безъ коего не можетъ отнынѣ обойтись никакая важная мѣра, а тѣмъ менѣе осуществиться мѣра 16-го апрѣля. Мы полагали бы что дѣло много выиграетъ, даже съ точки зрѣнія интересовъ духовенства, если росписаніе причтовъ и приходовъ не только будетъ составлено на основаніи совокупныхъ показаній духовенства и прихожанъ, но и будетъ потомъ офиціально предложено на заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній, и лишь затѣмъ поступитъ на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе главнаго присутствія.

Исполненіе указа 16-го апрѣля тормозилось опасеніемъ оставить безъ куска хлѣба лицъ принадлежащихъ къ причтамъ церквей которыя будутъ обращены въ приписныя. Вѣроятно этимъ побужденіемъ и внушено и вышеупомянутое распоряженіе по Калужской и Рязанской епархіямъ. Но опасенія эти ни на чемъ не основаны, ибо указъ 16-апрѣля вовсе не предписывалъ разгонять причты: правильное толкованіе въ этомъ отношеніи помянутаго указа, мы находимъ, еще до синодальнаго циркуляра отъ 23-го августа, въ циркулярѣ 22-го іюля Московскаго епархіальнаго начальства, гдѣ говорится лишь о перемѣщеніи должностей не включенныхъ въ новые штаты причтовъ. Но послѣ напечатаннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* разъясненія для подобныхъ опасеній нѣтъ болѣе мѣста: тамъ прямо сказано что составленіе росписаній ни въ чемъ не потревожитъ наличныхъ членовъ причтовъ, а будутъ оныя приводиться въ исполненіе лишь по мѣрѣ выбытія ихъ изъ занимаемыхъ ими

мѣстъ. Казалось бы что сказывавшіяся прежде опасенія должны вовсе исчезнуть. Тѣмъ не менѣе однакожъ какіе-то темные страхи напущенные по поводу этихъ указовъ на наше духовенство, все еще упорно держатся Что же это значитъ? Наши развѣдки приводятъ къ заключенію что на сокращеніе причтовъ, бывшее еще недавно предметомъ ходатайства большей части епархій, духовныя лица смотрятъ теперь неблагопріятно главнымъ образомъ потому что съ нимъ связано уменьшеніе числа мѣстъ имѣющихъ открываться въ будущемъ для ихъ дѣтей, — соображеніе почтенное по своему источнику заключающемуся въ заботливомъ семейномъ чувствѣ, но отнюдь не долженствующее вліять на управленіе церковными дѣлами, ибо церковь не можетъ быть употребляема какъ средство для пристроенія дѣтей лицъ духовнаго званія. Церковь должна имѣть сама себя цѣлію; управленіе ея дѣлами должно руководствоваться единственно ея возвышенными потребностями, а не приносить ихъ въ жертву мірскимъ интересамъ ея служителей, какъ бы эти интересы ни были уважительны. Для всего есть свои средства и не подлежитъ сомнѣнію что есть правильныя средства для устраненія опасеній за судьбу семействъ лицъ духовнаго званія, хотя и ихъ вообще преувеличиваютъ. Въ самомъ дѣлѣ, вдовы этихъ лицъ не теряютъ, по закону 26-го мая, права на пенсіи и пособія существующія по духовному вѣдомству, а дѣтямъ ихъ открыты всѣ пути дѣятельности, всѣ роды занятій. Но именно этотъ просторъ открывшійся внезапно для лицъ духовной касты и пугаетъ ее. До послѣдней реформы каждой единицѣ этой касты былъ указанъ путь и предопредѣлено ея назначеніе. Каждый священникъ и даже пономарь зналъ что его сынъ получитъ кое-какое образованіе и затѣмъ будетъ, смотря по своимъ успѣхамъ и способностямъ, священникомъ, дьякономъ или пономаремъ, можетъ-быть монахомъ, но за довольно рѣдкими исключеніями, ничѣмъ инымъ кромѣ лица духовнаго званія и что никто, кромѣ людей изъ своей же братіи, не перейдетъ ему дороги. Дорога была узка, но ясно намѣчена. Теперь дѣло поставлено совершенно иначе. Лицамъ всѣхъ званій открытъ доступъ въ духовно-учебныя заведенія и слѣдовательно въ церковный клиръ; на первое время почти никто этимъ доступомъ не воспользуется, но съ теченіемъ времени дѣло измѣнится и дѣти духовныхъ лицъ встрѣтятъ конкурренцію на обычномъ своемъ пути, который притомъ нѣсколько сузится чрезъ сокращеніе причтовъ. Они должны будутъ избирать иную карьеру кромѣ духовной. Съ теченіемъ времени это войдетъ въ обычай и будутъ проложены торные пути, коимъ легко будетъ слѣдовать. Но пока этихъ путей еще нѣтъ, лицъ духовнаго званія не можетъ не брать раздумье за будущность ихъ дѣтей. Какую карьеру имъ избрать? Міръ великъ и путей въ немъ такъ много, а люди замкнутой касты, издавна устранившейся отъ дѣлъ этого пространнаго міра, такъ мало его знаютъ, такъ мало способны руководить въ этомъ отношеніи своихъ дѣтей! Вотъ мальчикъ ненаходчивый, но внимательно присматривающійся къ устройству сельской мельницы; изъ него можетъ-быть вышелъ бы хорошій техникъ, но отецъ его не знаетъ гдѣ найти соотвѣтственное его способностямъ училище. Вотъ семинаристъ къ ученію неспособный, но честный и расторопный; онъ могъ бы быть хорошимъ кондукторомъ, прикащикомъ, почтовымъ чиновникомъ; но какъ открыть ему доступъ къ подобнымъ занятіямъ? . . . .

Въ этомъ отношеніи положеніе нашего духовенства заслуживаетъ полнаго участія. Законъ открылъ всѣ существующіе пути для дѣтей родившихся отъ лицъ духовнаго званія и болѣе онъ ничего не можетъ сдѣлать, остальное обязаны сдѣлать мы, общество; мы должны помочь слитію *міряна* и *духовенства*, пособить неопытности послѣдняго. Минувшею осенью въ общемъ собраніи Братства Св. Николая, въ Москвѣ, читана была однимъ изъ просвѣщенныхъ московскихъ священниковъ записка которая съ большою яркостью выставляла затруднительное положеніе нашего духовенства въ виду свободы занятій внезапно дарованной его семействамъ. „Наше Братство,“ говорилъ о. Иванцовъ-Платоновъ, „находится въ центрѣ народной русской „жизни, въ Москвѣ, имѣетъ своихъ вліятельныхъ членовъ въ другомъ правительственномъ центрѣ Россіи въ Петербургѣ. „Братство имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ людей, занимающихъ разнообразныя „и вліятельныя положенія въ обществѣ: „священниковъ, законоучителей разныхъ „учебныхъ вѣдомствъ, профессоровъ академіи и университета, учителей и началь-

„никовъ различныхъ классическихъ и реальныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ „заведеній, редакторовъ и сотрудниковъ „журналовъ и газетъ, лицъ занимающихъ „значительныя мѣста въ администраціи, „военныхъ, медиковъ, богатыхъ торговцевъ, фабрикантовъ, членовъ разныхъ „обществъ и т. д. Вездѣ гдѣ живутъ, служатъ, или гдѣ бываютъ наши члены-братчики, вездѣ нужны люди, вездѣ есть мѣ„ста для людей способныхъ. Нужно только „вовремя знать гдѣ что нужно, какія условія требуются для поступленія въ такое „или другое заведеніе, на такое или другое мѣсто. Каждому изъ братчиковъ не „трудно имѣть такія свѣдѣнія о мѣстѣ, „гдѣ онъ живетъ и служитъ, и о ближайшихъ къ нему, имѣющихъ съ нимъ какія-нибудь сношенія. Такимъ образомъ „братство чрезъ своихъ членовъ всегда „можетъ знать какія есть гдѣ мѣста и заведенія удобныя для поступленія дѣтямъ „духовенства, какъ можно поступить туда, „какая подготовка и какія способности требуются для извѣстнаго мѣста, какія права и выгоды оно можетъ обѣщать и т. д. „И вотъ прежде всего одними этими свѣдѣніями, не дѣлая большихъ затратъ, не „обременяя себя большими заботами, братство могло бы помогать духовенству. Для „духовенства важно было бы уже то чтобы каждый священникъ, дьяконъ и причетникъ, имѣющій непристроенныхъ сыновей, могъ бы быть увѣренъ что есть въ „Москвѣ общество людей, принимающихъ „участіе въ такихъ непристроенныхъ дѣтяхъ, къ которымъ всегда можно обратиться, и которые не откажутся дать добрый совѣтъ, и оказать помощь, въ чемъ „можно.“

Мы не можемъ не выразить полнаго сочувствія предложенію о. Иванцова-Платонова. На такіе пути слѣдуетъ указывать, а не сѣтовать на мѣру отъ коей ожидается благо для церкви.

№ 13.

Москва, 16-го января.

Олонецкія Губернскія Вѣдомости принесли намъ интересныя свѣдѣнія. Край глухой, а вотъ и оттуда могутъ приходить теперь извѣстія исполненныя живаго интереса для цѣлой страны. Этимъ мы обязаны земскимъ учрежденіямъ и остатку гласности которымъ они пользуются.

Въ означенныхъ *Вѣдомостяхъ* публикуются теперь журналы мѣстнаго губернскаго земскаго собранія по окончаніи его очередной сессіи. Просматривая эти журналы, мы нашли изложеніе незнакомаго намъ дотолѣ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 18-го іюня 1869, съ разъясненіемъ ст. 94, 95 и 96 Положенія о земск. учрежд. Извѣстно что нѣкоторыя постановленія земскихъ собраній, поименованныя въ ст. 90 Положенія, входятъ въ силу лишь по ихъ утвержденіи губернаторомъ; для этого установленъ такой, описанный въ помянутыхъ 94, 95 и 96 статьяхъ, порядокъ: губернаторъ разсматриваетъ поступившее къ нему постановленіе собранія и отзывъ свой о согласіи или не согласіи съ онымъ сообщаетъ тому же собранію: послѣднее съ своей стороны, въ случаѣ заявленнаго губернаторомъ несогласія, снова входитъ въ обсужденіе своего постановленія въ связи съ отзывомъ, и затѣмъ данное постановленіе опять поступаетъ къ губернатору. Это вторичное постановленіе во всякомъ случаѣ вступаетъ въ силу, но губернатору предоставляется, подъ личною его отвѣтственностію, остановить исполненіе онаго, и затѣмъ дѣло представить въ правительствующій сенатъ. Упомянутый циркуляръ г. министра касается недоумѣнія, возникшаго въ „одной изъ губерній“ въ которыхъ открыты земскія учрежденія, по вопросу о томъ слѣдуетъ ли постановленіе губернскаго собранія состоявшееся по возраженіямъ губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки считать „вторичнымъ,“ или же объ этомъ постановленіи губернское собраніе доводить до свѣдѣнія губернатора съ тѣмъ чтобъ узнать его о томъ мнѣніе, и уже на основаніи этого постановляетъ „вторичное“ заключеніе. Сенатъ, съ своей стороны, нашелъ что постановленіе губернскаго собранія по отзыву губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки должно считаться окончательнымъ, и вотъ почему: буквальный смыслъ статьи 95 Положенія показываетъ что вообще возраженія губернатора на постановленія земскихъ собраній обращаются въ то же собраніе гдѣ постановленіе состоялось, и исключеніе изъ сего правила указано въ ст. 94, относительно возраженій на уѣздныя смѣты и раскладки, отзывы по коимъ сообщаются

не уѣзднымъ, а губернскому собранію, и потому слѣдуетъ считать вторичнымъ то постановленіе онаго, которое имъ принято по поводу сообщенныхъ ему отзывовъ губернатора.

Нельзя не замѣтить что это толкованіе стѣсняетъ земскія собранія въ обсужденіи одной изъ важнѣйшихъ статей подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, именно въ обсужденіи ихъ бюджета. Ни одно изъ постановленій поименованныхъ въ п. 2—6 ст. 90 Положенія, для коихъ требуется утвержденіе губернатора, какъ и для земскихъ смѣтъ и раскладокъ, не можетъ сравниться съ этими послѣдними въ важности, а между тѣмъ, при порядкѣ разъясненномъ въ циркулярѣ, именно эти столь сложныя „постановленія" изображаемыя уѣздными смѣтами и раскладками должны, напротивъ, обсуждаться ускореннымъ ходомъ, побывавъ только разъ въ губернскомъ собраніи и становясь тѣмъ не менѣе „вторичными," такъ что о нихъ никакія дальнѣйшія сужденія не допускаются. Изложенное въ циркулярѣ толкованіе опирается на „буквальный" смыслъ статей Положенія, но буквальный смыслъ большей части законовъ вообще допускаетъ и ограничительную, и распространительную интерпретацію, и примѣненіе того или другаго способа ея должно подчиняться соображеніямъ вытекающимъ изъ сущности дѣла, такъ чтобы не стѣснять установляемыхъ закономъ отношеній, а напротивъ давать имъ возможно большій простеръ, насколько, разумѣется, это совмѣстно съ общею пользой. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ обилуетъ статьями отчасти уже потребовавшими, отчасти еще требующими разъясненія; для успѣха земской дѣятельности весьма важно чтобы при этомъ разъясненіи и вообще при дальнѣйшемъ развитіи положенныхъ въ основу Положенія началъ, подвергающимся вопросу статьямъ его придаваемъ былъ соотвѣтствующій практической потребности смыслъ; къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ. Стоитъ только вспомнить статью 37 Временныхъ Правилъ о выдачѣ бланковыхъ билетовъ на полученіе подводъ: истолкованная указомъ правительствующаго сената отъ 28-го іюня 1866 статья эта, какъ извѣстно, породила нескончаемыя затрудненія и недоразумѣнія, и притомъ гораздо болѣе тѣмъ въ своей первоначальной редакціи. Равнымъ образомъ и толкованіе ст. 94, 95 и 96 Положенія приведенное въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го іюня 1869 также не преминетъ вызвать нѣкоторыя недоумѣнія.

По смыслу циркуляра, напримѣръ, смѣты и раскладки проектированныя по уѣздамъ, сообщенныя затѣмъ губернатору и отъ него уже поступившія въ губернское собраніе, должны, по разсмотрѣніи въ послѣднемъ, считаться окончательными, то-есть „вторичными" постановленіями. Въ этомъ случаѣ уѣздныя собранія какъ бы отождествляются съ губернскимъ, и постановленіе первыхъ считается также постановленіемъ и послѣдняго. Трудно признать удобнымъ такое слитіе уѣздныхъ собраній съ губернскимъ именно въ дѣлѣ смѣтъ и раскладокъ, ибо въ составленіи ихъ губернскіе гласные участвуютъ каждый въ *своемъ* уѣздѣ и каждый изъ нихъ, по прибытіи въ губернское собраніе, бываетъ знакомъ со смѣтой и раскладкой лишь *одного* своего уѣзда; между тѣмъ, по новому толкованію, *всѣ* уѣздныя смѣты и раскладки должны считаться какъ бы собственнымъ дѣломъ губернскаго собранія, такъ что постановленіе состоявшееся въ немъ по этому предмету, хотя члены его знакомятся съ нимъ впервые послѣ губернаторскаго сообщенія, тѣмъ не менѣе возводится на степень постановленія „вторичнаго," которое во всѣхъ другихъ случаяхъ бываетъ плодомъ двукратнаго обсужденія предмета въ одномъ и томъ же собраніи. Но при этомъ возникаетъ еще такой вопросъ: какъ быть съ тѣми прибавленіями въ уѣздныхъ смѣтахъ и раскладкахъ которыя губернаторъ найдетъ нужнымъ произвести вслѣдствіе обстоятельствъ наступившихъ уже по закрытіи уѣздныхъ собраній? Въ 1866 году, напримѣръ, потребовалась почти полная ломка уѣздныхъ смѣтъ и раскладокъ въ виду закона 21-го ноября, и это сдѣлалось безъ вѣдома и участія уѣздныхъ собраній кончающихъ обыкновенно свои занятія въ сентябрѣ. Далѣе въ прошломъ году, какъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, губернаторы вездѣ потребовали внесенія въ уѣздныя смѣты новаго расхода установленнаго циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 8-го октября 1869 объ оплатѣ земствомъ своей корреспонденціи, что также пришлось дѣлать губернскимъ собраніямъ, независимо отъ уѣздовъ. Такіе случаи, возможные болѣе или менѣе часто, не могутъ быть въ

виду уѣздныхъ собраній при составленіи смѣтъ и раскладокъ, и поэтому постановленія о нихъ губернскаго собранія никакъ уже нельзя считать „вторичными." Какъ же быть съ подобными статьями? Неужели и ихъ смѣшать съ общею массою статей образующихъ уѣздныя смѣты и раскладки, изъявъ и ихъ изъ того порядка какой соблюдается относительно всякаго другаго, прямо отъ губернскаго собранія исходящаго постановленія?

Трудно сказать чѣмъ именно вызвано ограничительное разъясненіе закона въ данномъ случаѣ. Извѣстно что на практикѣ примѣненіе статей 94, 95 и 96, по отношенію къ уѣзднымъ смѣтамъ и раскладкамъ, не подавало никакого повода къ „недоумѣніямъ;" обычаемъ установился тотъ порядокъ, въ силу котораго уѣздныя смѣты и раскладки бывали въ обсужденіи губернскаго собранія два раза. Въ самомъ циркулярѣ сказано что „недоумѣніе" вызвано даже не „нѣкоторыми" управами, какъ было относительно безплатной пересылки земской корреспонденціи, а лишь въ „одной" губерніи. Еще болѣе: въ послѣдній созывъ губернскихъ земскихъ собраній, бывшій въ декабрѣ 1869, при разсмотрѣніи уѣздныхъ смѣтъ и раскладокъ удержался прежній, практикой установившійся обычай, помимо циркуляра отъ 18-го іюня 1869, и конечно, дѣло отъ того только выигрывало. Всѣмъ памятно что и въ Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи, на глазахъ у министерства внутреннихъ дѣлъ, отзывы губернатора на постановленія собранія относительно уѣздныхъ смѣтъ и раскладокъ были въ обсужденіи два раза, что было отнюдь не лишнее для соглашенія по тому или другому пункту.

Не предположить ли что циркуляръ 18-го іюня 1869 до свѣдѣнія многихъ земствъ вовсе не доходилъ, а потому и оглашенъ только на страницахъ губернской газеты пустынной Олоніи? Это уже не въ первый разъ: въ той же газетѣ въ журналахъ Вытегорскаго уѣзднаго земскаго собранія мы читали циркуляръ по ходатайству объ упраздненіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, а между тѣмъ, сколько извѣстно, всѣ почти губернскія управы, въ томъ числѣ и московская, докладывали своимъ собраніямъ что о судьбѣ означеннаго ходатайства нѣтъ еще ни слуху, ни духу.

Или это вовсе не циркуляръ, а отдѣльное предложеніе? Но тогда будетъ не понятно, почему оно адресовано только въ Петрозаводскъ. Словомъ, тутъ оказываются неразрѣшимыя при нынѣшней полугласности недоумѣнія.

Вотъ еще удивительный, тоже непонятный и тоже долго укрывавшійся отъ всеобщаго свѣдѣнія случай. Всѣмъ еще памятны толки земскихъ собраній о томъ какъ имъ быть по поводу распоряженія о взиманіи вѣсовыхъ денегъ съ земской корреспонденціи. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ и комитетомъ министровъ было признано что допускавшаяся доселѣ безплатная пересылка земской корреспонденціи по почтѣ противна существующимъ узаконеніямъ и стало-быть производилась неправильно. А между тѣмъ нынѣ оказывается что само же министерство внутреннихъ дѣлъ, когда вводились въ дѣйствіе земскія учрежденія, циркулярно объявило что имъ принадлежитъ это право. Циркуляръ этотъ былъ изданъ 16-го іюля 1865 года, не далѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, но, какъ видно, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ забыли о его существованіи. Мы узнали о немъ на этихъ дняхъ чрезъ *Воронежскія Губернскія Вѣдомости*, гдѣ напечатаны журналы Воронежскаго губернскаго земскаго собранія; то же указаніе на этотъ циркуляръ нашли мы и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

№ 14.

Москва, 17-го января.

Въ послѣднее время произошла маленькая перемѣна сцены. Консервативныя начала сдѣлали шагъ назадъ, и на сцену выступили либеральныя идеи.

Мы полагаемъ что съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Россія не было такъ много разъ и съ такимъ вкусомъ произнесено слово *собственность* какъ въ промежутокъ времени съ 1866 года. Право собственности создается государствомъ, имъ поддерживается и охраняется, и однако нельзя было заикнуться что государство можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвращаться на свое созданіе и измѣнять его условія, сообразуясь съ требованіями справедливости, общаго блага, цивилизаціи, наконецъ собственной безопасности, внѣ которой невозможно никакое право, а стало-быть и собственность.

Нельзя было заикнуться ни о чемъ подобномъ, не рискуя прослыть красныиъ демагогомъ. Что же было тому причиной? Почему именно въ послѣдніе годы былъ такой расходъ на консервативныя идеи? Не знаемъ почему, но знаемъ что въ это время рѣчь шла объ измѣненіи условій землевладѣнія въ нашихъ окраинахъ. Тамъ совершался, вынужденный настоятельными интересами государства и требованіями непререкаемой правды, разчетъ между массами его населеній преданныхъ государству и горстію владѣльцевъ чуждыхъ имъ и государству враждебныхъ. Требовалось измѣнить условія землевладѣнія въ западномъ краѣ; возникалъ также вопросъ о невозможныхъ въ нынѣшнее время феодальныхъ порядкахъ въ нашихъ ливонскихъ палестинахъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ развилось такое страшное *консервативнословіе* въ нашемъ отечествѣ. Куда вдругъ дѣвались наши радикалы, отъ которыхъ въ прежнюю пору не было прохода, и чьи голоса бывало только и слышались на всѣхъ перекресткахъ! Удивительно! Тотъ самый токъ идей который грозилъ снести въ Россійскомъ государствѣ все что называется пріобрѣтеннымъ правомъ,— не только не ссорился съ консервативнымъ токомъ, уносившимъ въ своемъ стремленіи мировыхъ посредниковъ и членовъ губернскихъ присутствій изъ западнаго края, но помогалъ ему. Наши радикалы, не допускающіе никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу бѣдныхъ русскихъ помѣщиковъ и московскихъ капиталистовъ, не отозвались ни однимъ сочувственнымъ словомъ на перипетіи черезъ которыя проходило недавно крестьянское дѣло въ западномъ краѣ. Друзья крестьянъ и поборники меньшей братіи не приняли никакого участія въ обсужденіи вопроса отъ котораго зависѣло положеніе восьми или девяти милліоновъ крестьянъ. Находили ли они это неудобнымъ, или невыгоднымъ, или противнымъ ихъ образу мыслей? Крестьянскія права пришлось отстаивать, напротивъ, именно тѣмъ органамъ которые выдавались нашими радикалами за мрачный притонъ крѣпостничества. Этого мало; эти органы, именно въ ту пору когда они стояли за права крестьянъ въ окраинахъ, еще болѣе чѣмъ когда-либо прежде подвергались поруганію отъ нашихъ крестьянофиловъ, согласно вторившихъ консервативнымъ защитникамъ помѣщичьяго землевладѣнія, крупной собственности и дворянскихъ преимуществъ!

Между нашими радикалами и нашими консерваторами господствовала удивительная симпатія. Пересмотрите органы тѣхъ и другихъ, и вы убѣдитесь въ этомъ. На этотъ интересный фактъ уже было неоднократно указано. Наши красные и наши бѣлые говорили разнымъ жаргономъ, но дѣлали одно дѣло и тянули въ одну сторону. Мы не знаемъ была ли между ними стачка; но несомнѣнно что между ними было нѣчто посредствующее, нѣчто общее, сводившее конецъ съ концомъ. Борьба была не между ими; въ борьбѣ дѣйствительно происходившей они были союзники.

Не измѣнились ли наши радикалы подъ консервативнымъ созвѣздіемъ? Не преобразились ли они незамѣтно въ заклятыхъ доктринеровъ права собственности и крупнаго землевладѣнія? Нѣтъ, нельзя этого сказать. Они продолжали благодушно мечтать о томъ какъ было бы хорошо жить въ Россіи, еслибы на обширныхъ поляхъ ея изчезли межевые знаки. Но эти мечты не приходятъ имъ въ голову когда они обращаются къ окраинамъ Россіи. Здѣсь они умы консервативные, здѣсь они становятся даже метафизиками національности и чтителями патріотизма надъ которымъ обыкновенно глумятся. Они не смущаются неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ; ихъ не оскорбляютъ межевые знаки и феодальные порядки въ Лифляндіи. Они охотно признаютъ балтійскія провинціи краемъ нѣмецкимъ, не справляясь о родѣ и племени меньшей братіи, въ нихъ живущей, и не принимая въ разчетъ что нѣмецкая національность есть въ этомъ краѣ привилегія дворянства и капиталистовъ. Они стоятъ на сторонѣ г. фонъ-Бокка, чистокровнаго феодала, и съ горячностію вступаются за г. Ширена, защитника привилегій рыцарства. Русскіе противники этихъ агитаторовъ честятся въ нашихъ консервативныхъ сферахъ красными демократами, а въ нашихъ либеральныхъ презрѣнными доносчиками. Вотъ что называется отдѣлывать на обѣ корки!

Однажды намъ довелось коснуться цензурнаго журнала *Дѣло* который касается насъ въ каждомъ своемъ нумерѣ; вопросъ общаго интереса заставилъ насъ обратить вниманіе на этотъ органъ, о которомъ мы ни разу до того не упоминали. И вотъ за

то что мы воспользовались правомъ которымъ всѣ беззапретно и безусловно пользуются въ отношеніи къ намъ, мы очутились злостными противниками свободы печати, то-есть. цензурнаго управленія, ибо въ настоящее время это одно и то же. Всѣмъ предоставляется право произносить сужденіе о нашей личности и о нашемъ направленіи, только мы не можемъ сказать ни о комъ ни слова, не рискуя попасть въ одно и то же время и въ политическіе преступники и въ фискалы. Но наши либеральные противники напрасно такъ встревожились. Напрасно они съ такимъ усиліемъ отстаиваютъ противъ насъ благонамѣренность своихъ мнѣній. Цѣль наша состояла вовсе не въ томъ чтобы разбирать и оцѣнивать мнѣнія этихъ господъ; мы не останавливались ни надъ однимъ изъ этихъ мнѣній въ отдѣльности. Весь интересъ состоялъ только въ томъ чтобы прослѣдить связь этихъ мнѣній и раскрыть ихъ совмѣстность. Если мы что̀ оцѣнивали, то лишь общее направленіе, а не отдѣльныя мнѣнія, и раскрытое нами направленіе помянутаго журнала отнюдь не можетъ повредить его репутаціи по части благонамѣренности. Плывя по теченію *Дѣла*, мы прямо въѣхали въ *Вѣсть*. Начала обоихъ токовъ теряются въ неизвѣстности, но на обитаемой человѣками землѣ они смѣшиваютъ свои воды и катятъ ихъ вмѣстѣ. Могли ли мы оказать лучшую услугу нашимъ радикаламъ, какъ показавъ что ихъ программа по всѣмъ практическимъ пунктамъ совершенно совпадаетъ съ программою консервативной *Вѣсти*, которая постоянно свидѣтельствовала о сочувствіяхъ встрѣчаемыхъ ею въ сферахъ вліятельныхъ?

Чего же испугались наши либеральные противники? Не опасаются ли они чтобы не подвергнулось вопросу самое существованіе цензуры? Дѣйствительно, для нѣкоторыхъ тенденцій было бы большою опасностію еслибы цензура изчезла, и еслибы на ея мѣстѣ воцарилась законная свобода мнѣній безъ административной опеки.

Признаемся, мы не вѣримъ ни въ ваши консервативныя, ни въ ваши радикальныя мнѣнія. Мы видимъ въ этихъ мнѣніяхъ только фантасмагорію и обманъ. Не противъ мнѣній протестуемъ мы какого бы то ни было свойства, а противъ обмана, вольнаго или невольнаго, который въ нихъ господствуетъ, который составляетъ ихъ сущность, изъ котораго они созданы. Мы не имѣемъ надобности разбирать кто кого обманулъ и кто кѣмъ обмануть, но фактъ обмана не подлежитъ сомнѣнію, и противъ него-то слѣдуетъ въ наше время бороться всякому честному и мыслящему человѣку, бороться какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ.

У насъ еще не дошло дѣло до столкновенія мнѣній ни въ наукѣ, ни въ политической жизни, по той простой причинѣ что у насъ пока не имѣется ни того, ни другаго. У насъ нѣтъ ни самостоятельныхъ системъ, ни организованныхъ политическихъ партій. Русскому обществу, въ пору только отстаивать свое существованіе. Прежде всего и въ основѣ всего рѣшается у насъ русскій національный вопросъ, внѣ котораго не можетъ быть у насъ ни истинно консервативныхъ, ни истинно либеральныхъ началъ. Серіозная борьба которая проходитъ чрезъ всѣ наши дѣла относится только къ этому вопросу.

На почвѣ нашего національнаго вопроса мы встрѣчаемся съ партіями сильно организованными, которыя обладаютъ огромными средствами для дѣйствія. Онѣ находятъ себѣ могущественную поддержку заграницей, они находятъ еще болѣе дѣйствительные способы для себя въ неорганизованности нашего общества, въ слабости нашего общественнаго мнѣнія и въ томъ историческомъ недугѣ самоотрицанія, который сталъ какъ бы нашимъ нормальнымъ состояніемъ. Всякій недугъ нашего національнаго дѣла безъ труда находитъ въ насъ самихъ пособниковъ себѣ. Быть либеральну значитъ у насъ презирать свой народъ, держать его въ черномъ тѣлѣ, отказывать ему въ прогрессѣ и цивилизаціи, отрицать будущность своей страны и желать ея разложенія. Въ этомъ также состоитъ у насъ и просвѣщенное консервативное воззрѣніе. Вездѣ подобное явленіе считается политическою безнравственностію, а у насъ этимъ гордятся. Патріотизмъ и національный духъ пробуждаются у насъ только въ военное время, а именно въ мирное время и идетъ у насъ самая опасная борьба, требующая чуткаго, стойкаго и просвѣщеннаго патріотизма.

Никакія мнѣнія не считаемъ мы опасными, если только они искренни, если къ нимъ не примѣшивается ничего посторонняго, если они не служатъ орудіемъ обмана. Дабы оцѣнить истинное значеніе идеи пущенной въ оборотъ, недостаточно знать въ

чемъ состоитъ ея содержаніе; надобно знать какія причины приводятъ ее въ движеніе.

Во имя самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ, ничего мы такъ не считали бы полезнымъ какъ полную независимость въ выраженіи всякаго мнѣнія. Мнѣнія дѣйствуютъ вредно не потому что они свободно высказываются, а потому что свободно не высказываются. Вредныя мнѣнія часто и создаются тѣмъ самымъ запретомъ который налагается на ихъ выраженіе. Дайте свободный ходъ тѣмъ мнѣніямъ которыя кажутся вамъ разрушительными, и они быстро измѣнятъ свой характеръ: либо изъ нихъ выработается что-либо полезное, либо они обратятся въ пошлость и сами убьютъ себя своею нелѣпостью. Тѣ доктрины которыми смущаютъ у насъ умы школьныхъ подростковъ только тѣмъ и держатся что онѣ подъ запретомъ; только въ этомъ и заключается ихъ обаятельная сила. Стóитъ запретить самую безобидную пошлость, и она завтра же сдѣлается злою силой. Она получитъ фальшивую жизненность и власть надъ умами, и этимъ будетъ она обязана единственно нашему вмѣшательству. Чѣмъ болѣе въ общественной средѣ запрещенныхъ идей, тѣмъ болѣе въ ней поживы для всякаго обмана.

Всего хуже полумѣры, и всего хуже онѣ по отношенію къ печати. Либеральная цензура есть contradictio in adjecto, есть внутреннее противорѣчіе. Вгонять внутрь запрещаемое мнѣніе, утончать и одухотворять его, это всего хуже. Это значитъ вырабатывать самый крѣпкій ядъ, и выдавать на него патентъ.

Истинно либеральное воззрѣніе, которое есть въ тоже время и истинно консервативное, требуетъ полной гарантированной закономъ свободы мнѣнія.

Преслѣдуя только дѣйствіе и вмѣняя только злонамѣренность, но не вступая въ критику мнѣній, законъ обезпечитъ самое высшее въ человѣческомъ обществѣ, свободу его умственной и нравственной жизни, и вѣрнѣе всего охранитъ его безопасность. Поставить для мысли условіемъ чтобъ она въ своемъ движеніи никуда не уклонялась отъ предписанной нормы, значитъ осудить ее на неподвижность и бездѣйствіе, или же вынудить ее къ принятію неправильныхъ, тайныхъ и законопреступныхъ путей. Исторія человѣческаго разумѣнія у всѣхъ народовъ и во всѣ времена есть исторія исканій и блужданій, безъ которыхъ не совершилось никакого успѣха и не сдѣлано никакого пріобрѣтенія. Весь этотъ кругъ знаній, все это богатство разумѣнія, все то въ чемъ выражается всемірный прогрессъ, достоинство и сила цивилизаціи, всѣ эти великія идеи которыми озаряются пути жизни, имѣютъ за собою прошедшее, какъ имѣютъ предъ собою будущее исполненное неутомимыхъ исканій, и въ сущности представляютъ собою не что иное какъ рядъ побѣжденныхъ сомнѣній и разрѣшенныхъ ошибокъ. Кто мыслилъ, тотъ и ошибался. Всякій знаетъ это изъ своего личнаго опыта: это законъ человѣческой природы. Какую бы мысль ни вращали вы въ умѣ своемъ, вы можете развивать ее лишь въ извѣстной постепенности. Сначала сосредоточивая вниманіе на одной сторонѣ, потомъ переходя къ другой, вы лишь въ результатѣ пріобрѣтаете образъ цѣлаго и овладѣваете предметомъ. Что происходитъ моментально въ умѣ каждаго человѣка и выражается рядомъ идей, то совершается и въ обществѣ; только каждый моментъ развитія, каждая подробность его требуетъ особыхъ силъ и выражается рядомъ людей.

Могутъ быть ошибочныя и одностороннія воззрѣнія совершенно добросовѣстныя и честныя, проистекающія изъ благороднаго инстинкта истины, и ихъ безъ всякаго труда можно отличить отъ злонамѣренныхъ агитацій. Если законъ хочетъ дать нѣкоторый просторъ для движенія мыслей, то онъ долженъ отличить мнѣнія подлежащія критикѣ отъ дѣйствій подлежащихъ суду.

Великій мыслитель, именемъ котораго гордится исторія человѣческаго разумѣнія, Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, возносясь въ идеальную область и смѣшивая ее съ условіями дѣйствительнаго міра, строитъ человѣческое общежитіе помимо началъ собственности и семейнаго союза, которое могло осуществиться только въ христіанскомъ мірѣ, но въ иномъ духѣ и между людьми отрекшимися отъ міра, въ монашескихъ общинахъ. Не слѣдуетъ ли и Платона призвать къ суду за то что онъ отвергъ начала собственности и семейства въ своемъ идеальномъ построеніи? Не слѣдуетъ ли заключить въ тюрьму на годъ и четыре мѣсяца съ надбавкою денежнаго взысканія рублей въ пятьдесятъ писателя который сталъ бы комментировать Платона въ этомъ пунктѣ?

О чемъ бы ни шла рѣчь, характеръ ея зависитъ отъ того къ кому или къ чему она обращается. Обращается ли ваше слово къ разумѣнію или къ невѣжеству и страстямъ, это не можетъ ускользнуть даже отъ поверхностной оцѣнки, и этимъ несравненно болѣе нежели предметомъ опредѣляется характеръ слова съ точки зрѣнія закона стоящаго на стражѣ общественной нравственности. Нельзя относить къ одной категоріи слово которое обращается къ людямъ мыслящимъ, съ тѣмъ которое разчитано на невѣжество, несмысліе и умственную незрѣлость.

№ 15.

Москва, 19-го января.

Господа называющіе себя охранительною партіей, за одно съ нашими революціонерами, не шутя возбуждаютъ новый политическій вопросъ въ Россіи, подъ именемъ „рабочаго,“ и устрашая краснымъ спектромъ, стараются побѣдить всѣхъ и каждаго въ необходимости скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. „На рубежѣ новаго „года, мы желали бы обрисовать не столько положеніе дѣлъ, сколько настроеніе „умовъ и положеніе общественной мысли, „какъ оно намъ представляется:“ такими словами встрѣтилъ 1870 годъ органъ охранителей *Вѣсть*, заговоривъ снова о рабочемъ вопросѣ. Вслѣдъ затѣмъ, съ таинственностью, какъ будто на ухо читателямъ, она сообщаетъ: „Бываютъ моменты „когда всѣ находятся въ какомъ-то недоумѣніи, всѣ какъ будто потеряли путеводную нить, и *никто не видитъ ясно „куда идти и что дѣлать*. Намъ кажется „что переживаемое нами время отличается „именно этими послѣдними свойствами.“ (*Вѣсть*, 31-го декабря.) *Никто не видитъ ясно куда идти и что дѣлать*, само собою разумѣется, кромѣ руководителей *консервативной* партіи, которые очевидно знаютъ куда идти и что дѣлать. Послѣ такихъ знаменательныхъ словъ, дѣлается еще болѣе таинственное сообщеніе, предназначенное для успокоенія встревоженныхъ умовъ: „Впрочемъ уже начинаютъ появ„ляться въ зародышѣ, выясняться и вы„рабатываться идеи которымъ суждено, ка„жется намъ, укрѣпить общественное зда„ніе на тѣхъ новыхъ основахъ, кои зало„жены преобразованіями нынѣшняго цар„ствованія.“ Изъ этихъ откровеній можно заключить, что если не въ полномъ своемъ видѣ, то въ зародышѣ программа консервативной партіи готова и близка къ своему исполненію. Въ чемъ-же дѣло и какія это готовятся намъ спасительныя мѣры? Какъ ни любопытствуемъ мы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, но кромѣ общихъ фразъ о грозномъ характерѣ рабочаго вопроса, висящаго надъ нашими головами, о необходимости правъ собственности, потрясенной реформами, и т. п., мы ничего не можемъ добиться изъ этой агитаціи, разыгрывающей роль предвѣстницы близкаго исполненія программы чувствующей себя всесильною политическою властью. Давно ли наши охранители трубили о необходимости радикальнаго лѣченія государства, о необходимости чрезвычайныхъ и энергическихъ мѣръ для его спасенія, а теперь, возвѣщая свои созрѣвающія идеи, они успокоиваютъ общественное мнѣніе напуганное ихъ толками о диктатурѣ. „Мы разумѣемъ,“ говорятъ они, „конечно не какія-либо экс„тренныя мѣры которыя совершили бы „крутой поворотъ; мы разумѣемъ мѣры „органическія, которыя воспособляли бы „работѣ живыхъ силъ самаго организма, „не нарушая ничьего права, никому ничего „не навязывая.“ На подобное фразерство, конечно, не стоило бы обращать вниманія, еслибъ оно украшало собою только учебники государственнаго права, а не служило для напущенія тумана на замыслы, гораздо менѣе наивные чѣмъ теоріи объ органическомъ развитіи законодательства. Но пропаганда такихъ благонравныхъ и скромныхъ идей, противъ которыхъ едва ли найдутся спорщики между сколько-нибудь благомыслящими людьми, не требуетъ никакихъ шумныхъ демонстрацій, никакого подготовленія публики къ чему-то необычайному и неожиданному. Почему же рядомъ съ такимъ миролюбивымъ заявленіемъ проповѣдуется ежедневно походъ противъ всѣхъ людей желающихъ лишь одного, именно чтобы не было пресѣчено враждебными руками органическое развитіе реформъ нынѣшняго царствованія и національная политика ими начатая, безъ которой ничто не устоитъ и не войдетъ въ жизнь? Почему тѣ же самые таинственные политики, стремящіеся, по ихъ признанію, къ органическому развитію этихъ реформъ, твердятъ только о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ ихъ въ своихъ

русскихъ и иностранныхъ органахъ? Какъ вяжется съ мирною проповѣдью объ уваженіи ко всѣмъ пріобрѣтеннымъ правамъ, безпрестанная брань противъ всѣхъ кто принимаетъ за правду Положеніе 19-го февраля 1861 года? Вслѣдъ за завѣреніемъ относительно своего расположенія къ органическимъ, некрутымъ мѣрамъ и своего безпредѣльнаго уваженія къ пріобрѣтеннымъ правамъ, органъ лже-консервативной партіи ставитъ въ упрекъ людямъ, противудѣйствующимъ его тенденціямъ что они „защищаютъ поземельныя отношенія, сложившіяся у насъ въ силу Положенія 19-го „февраля 1861 года." Стоять за сохраненіе поземельнаго устройства крестьянъ основаннаго Положеніемъ 19-го февраля, это значитъ быть виновнымъ въ преступныхъ и анархическихъ убѣжденіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же партія утверждаетъ что только клеветники, сознательно распространяющіе ложь, могутъ заподозрить ее въ посягательствѣ на великій актъ освобожденія крестьянъ; она осыпаетъ ругательствами всякій намекъ на ея сочувствіе къ крѣпостному праву и безпрерывно маскируетъ фальшивыми огнями по окольнымъ либеральнымъ тропинкамъ свои потаенныя вылазки противъ крестьянской реформы. Посреди ругательствъ противъ всѣхъ поддерживающихъ эту реформу, она вдругъ заговариваетъ о необходимости расторженія круговой поруки, подавляющей энергію труда въ крестьянскихъ обществахъ, о вредѣ общиннаго землевладѣнія и пользѣ водворенія на его мѣсто личной собственности, о *свободѣ земли и отъ земли*. (*Вѣсть*, 31-го декабря). Удивительно что все это говорится какъ будто противъ насъ и людей намъ единомышленныхъ, когда между тѣмъ все это было высказано нами когда такъ называемая консервативная партія и на свѣтъ еще не рождалась. Но зачѣмъ же публицисты *Вѣсти* разназываютъ во всеуслышаніе, при другихъ обстоятельствахъ, о прелестяхъ общиннаго пользованія землею въ Россіи (см. сочиненія Григорія Бланка) и о невозможности отмѣны круговой поруки по податямъ и повинностямъ (см. сочиненіе *Земля* и *Воля*, печатавшееся первоначально въ *Вѣсти*). Только страшный шумъ поднимаемый у насъ партіей этихъ непризванныхъ охранителей можетъ побуждать къ указанію на подобную отъявленную недобросовѣстность. Еслибы только въ круговой порукѣ и общинномъ пользованіи землею заключались тѣ *плевела* которыя, по словамъ *Вѣсти*, примѣшались къ преобразовательному движенію нынѣшняго царствованія (*Вѣсть*, 31-го декабря), и отъ которыхъ ея партія поставила себѣ задачею освободить Русское государство, то конечно никого не могли бы испугать ея замыслы, и мы искренне пожалѣли бы что они находятся въ фазѣ только зародыша, а не осуществленія. Но во-первыхъ, Положенія 19-го февраля 1861 года не вводили у насъ ни круговой поруки, ни общественнаго землевладѣнія, а только признали эти порядки какъ существующіе факты, и потому, желая отмѣнить ихъ, нѣтъ никакой надобности становиться въ сколько-нибудь враждебныя отношенія къ сущности Положеній 19-го февраля и говорить о какихъ бы то ни было плевелахъ къ нимъ примѣшавшихся. Во-вторыхъ, законодатель, въ крестьянскихъ положеніяхъ могъ отнестись къ этимъ издавна существовавшимъ порядкамъ съ бо́льшимъ или меньшимъ уваженіемъ или могъ открыть болѣе или менѣе широкія двери къ выходу изъ нихъ, но онъ поступилъ весьма осторожно, и во всякомъ случаѣ весьма консервативно, не рѣшившись отмѣнить эти порядки крутыми и радикальными мѣрами. Можно ли въ охранительномъ духѣ стремиться къ какимъ бы то ни было перерывамъ въ экономическомъ порядкѣ, зачавшемся 19-го февраля, хотя бы даже и порицая многія распоряженія законоположенія о крестьянахъ? При сколько-нибудь искреннемъ обращеніи съ государственнымъ дѣломъ наши противники никогда не заставили бы насъ объяснять имъ эту азбуку охранительнаго образа мыслей.

Но эта консервативная партія сущій хамелеонъ, въ которомъ только что уличишь одинъ цвѣтъ, какъ онъ сейчасъ же бросается въ другую краску. Продолжая, въ солидарности съ нашими радикалами, также фальшивыми какъ и наши охранители, свою бурную агитацію по рабочему вопросу, имѣющему у насъ по описаніямъ публицистовъ *Вѣсти*, точно такъ же какъ и по радикальнымъ описаніямъ, всѣ грозные признаки соціальнаго переворота и гражданскихъ междуусобій, они говорятъ теперь что ничего иного какъ крѣпости договора, гражданской равноправности обѣихъ сторонъ и безусловно-свободныхъ экономическихъ между ними отношеній они не желаютъ (*Вѣсть*, 30-го декабря и 9-го ян-

варя). Между тѣмъ кто можетъ сомнѣваться что для укрѣпленія этихъ началъ въ жизни есть единственное средство — судъ и судебная охрана договора? А развѣ не въ столбцахъ той же *Вѣсти* пропечатывается и ею поддерживается обращенное по ея словамъ къ правительству ходатайство промышленниковъ которые буквально заявляютъ что судебныя рѣшенія по спорамъ между нанимателями и рабочими не только ни къ чему не ведутъ, но даже причиняютъ вредъ нанимателямъ, отрывая ихъ отъ дѣла, вовлекая ихъ въ судебныя издержки на наемъ повѣренныхъ и заставляя тратить время на поѣздки къ мировымъ судьямъ? Гораздо лучше было бы-де обращаться съ жалобами непосредственно къ *начальству* (т.-е., къ полиціи), помимо суда, а начальство само могло бы *взыскивать съ рабочихъ*. Признавая эти притязанія прекрасными и правильными, *Вѣсть* рѣшается утверждать что она ничего иного не требуетъ и не желаетъ какъ свободныхъ экономическихъ отношеній и гражданской равноправности рабочихъ и хозяевъ...

№ 16.

Москва, 20-го января.

На дняхъ (въ № 12) мы напечатали телеграмму изъ Петербурга извѣщавшую о новомъ положеніи которое принимаетъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ бессарабскихъ поселянъ, такъ-называемыхъ царанъ, вслѣдствіе представленія съ коимъ вошелъ въ главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія министръ внутреннихъ дѣлъ. Читателямъ извѣстно что бессарабскіе царане никогда не считались крѣпкими землѣ и всегда до извѣстной степени сохраняли право перехода отъ одного помѣщика къ другому. Русское законодательство до сороковыхъ годовъ склонялось къ такому на нихъ взгляду что они живутъ на помѣщичьихъ земляхъ на основаніи добровольныхъ соглашеній. Но этой теоріи не соотвѣтствовали фактическія поземельныя отношенія господствовавшія въ Бессарабіи. Отчасти по давнему обычаю, имѣвшему силу и по ту сторону Прута, отчасти благодаря многоземельности, всякій женившійся царанъ безъ труда получалъ надѣлъ за общія царанскія повинности, мало чѣмъ отличавшіяся отъ крѣпостной барщины. Общій характеръ ихъ быта рѣзко противорѣчилъ теоріи будто они пользуются полною личною свободой и живутъ на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ вольныхъ съемщиковъ или фермеровъ. Они столь же мало походили на фермеровъ какъ Латыши и Эсты прибалтійскихъ губерній, хотя ихъ положеніе, при отсутствіи племеннаго антагонизма и большемъ плодородіи почвы, было нѣсколько лучше. Между тѣмъ Бессарабія быстро заселялась; были допускаемы перебѣжчики изъ Турціи, отъ коихъ, разумѣется, не требовалось паспортовъ; пользуясь этимъ, въ Бессарабію стекались и изо всей Россіи бѣглые крѣпостные коимъ удавалось туда пробраться; изъ великороссійскихъ губерній иногда уходили въ Бессарабію цѣлыя селенія. Особенно густо населились сѣверные уѣзды, и болѣе всего бессарабская Буковина. Царанамъ сдѣлалось труднѣе получать свои надѣлы и начали встрѣчаться случаи обезземеленія царанъ, обратившіе на себя вниманіе правительства. Съ другой стороны, въ сороковыхъ годахъ значительно измѣнились его взгляды на крестьянскій вопросъ. Это было время когда и въ сосѣднихъ государствахъ, въ Пруссіи и Австріи, вырабатывались важныя мѣры по крестьянскому дѣлу и вездѣ было признано за основаніе что крестьянская земля должна остаться за крестьянами, и что выкупу подлежитъ собственно не земля, а повинности отбываемыя за пользованіе ею. Къ этому порядку идей примыкаютъ мѣры принятыя русскимъ правительствомъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ по введенію инвентарей въ западномъ краѣ; къ нему же слѣдуетъ отнести и изданныя въ 1846 году и помѣщенныя въ IX томѣ Свода Законовъ правила о царанахъ. Теперь трудно взять на себя оцѣнку этихъ правилъ въ подробностяхъ; можетъ-быть въ нихъ было что-нибудь лишнее, произвольное; можетъ-быть они пошли нѣсколько далѣе обычнаго права, хотя поземельное устройство крестьянъ въ Молдавіи и Валахіи скорѣе говоритъ въ пользу чѣмъ противъ ихъ. Но во всякомъ случаѣ они сдѣлались закономъ, и нѣтъ возможности не признавать за царанами тѣхъ правъ которыя они имъ предоставили. Во главѣ этихъ правъ стоитъ право требовать надѣла соотвѣтственно имѣющемуся у каждаго изъ царанъ числу воловъ до тѣхъ

поръ пока не будетъ роздано въ надѣлъ двухъ третей помѣщичьей земли. Имѣетъ ли это право какое-нибудь историческое основаніе, объ этомъ въ сущности нѣтъ надобности разсуждать. Довольно того что оно утверждено закономъ 1846 года для Бессарабіи, а равно признано и для Дунайскихъ княжествъ закономъ князя Кузы объ устройствѣ тамошнихъ поселянъ. Въ остальной Имперіи подобнаго правила не было, и вотъ причина почему положеніе о бессарабскихъ поселянахъ должно было значительно отличаться отъ крестьянскихъ Положеній 19-го февраля 1861 года. Выработка положенія о царанахъ затянулась; оно было Высочайше утверждено лишь 14-го іюля 1868 года. Его теорія относительно надѣла, сколько извѣстно, состоитъ въ томъ что право царанъ на надѣлъ до двухъ третей имѣнія не можетъ быть отмѣнено безъ вознагражденія, но не можетъ и продолжаться долѣе извѣстнаго срока обозначающаго собой переходное время. По закону 1846 года надѣлъ царана долженъ былъ соотвѣтствовать числу воловъ ему принадлежащихъ. Отмѣняя безсрочное право требовать надѣла, законодатель принялъ во вниманіе что при дѣйствіи закона 1846 года богатѣющій царанъ имѣлъ возможность увеличивать свой надѣлъ, и что эта возможность будетъ отнята коль скоро размѣры надѣла будутъ опредѣлены твердо. Поэтому найдено нужнымъ предоставить всѣмъ царанамъ и владѣющимъ волами и вовсе не имѣющимъ воловъ надѣлъ одинаковаго и весьма значительнаго размѣра. Цѣной такого возвышенія надѣла для бурлаковъ и маловоловыхъ семейныхъ помѣщики, по силѣ Положенія 14-го іюля 1868 года, такъ сказать покупали то свое право что по истеченіи извѣстнаго срока земли оставшіяся за надѣломъ, хотя бы и превышали треть всего имѣнія, становились уже полною ихъ собственностью, чистою отъ всякихъ относительно царанъ обязательствъ. Срокомъ назначено было 1-е октября 1875 года; до тѣхъ поръ было предоставлено царанамъ требовать новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ до двухъ третей имѣнія, но что къ 1-му октября 1875 года осталось бы за помѣщикомъ, то уже навсегда освобождалось отъ повинности установленной закономъ 1846 года. Теоретическую справедливость этого законодательнаго распоряженія отрицать нельзя. Одно изъ правъ признанныхъ за царанами подверглось ограниченію; въ замѣнъ того было распространено другое право. Можетъ однако возникнуть вопросъ равносильна ли такой замѣнъ, одинаковую ли цѣнность имѣютъ право отбираемое и право предоставляемое. Бессарабскіе помѣщики очень жалуются на громадность размѣровъ надѣла и въ особенности на продолжительность срока до истеченія котораго царане имѣютъ право требовать новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ. Эти жалобы весьма понятны. Положеніе о царанахъ вышло 14-го іюля 1868 года. Послѣднимъ срокомъ для требованій надѣла назначено 1-е октября 1875 г. Цѣлыя семь лѣтъ имѣнія должны находиться въ неопредѣленномъ положеніи и въ нихъ нельзя предпринять ничего окончательнаго. Это не можетъ не имѣть вредныхъ для помѣщичьяго хозяйства послѣдствій; не можетъ не отозваться и на экономическомъ состояніи всей страны. Повидимому, если заводить рѣчь объ облегченіи помѣщиковъ, то прежде всего это облегченіе можетъ клониться къ сокращенію срока царанскихъ заявленій о надѣлѣ. Повидимому можно было бы безъ риска укоротить этотъ срокъ двумя и даже тремя годами. Такъ представляется дѣло съ перваго взгляда и въ томъ же утверждаетъ положеніе князя Кузы, гдѣ такихъ длинныхъ сроковъ нѣтъ. Мы узнаемъ однакоже изъ петербургской телеграммы что министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ неудобнымъ отступить отъ срока 1-го октября 1875 года, указаннаго въ Положеніи 14-го іюля. Мотивы такого рѣшенія неизвѣстны, какъ равно неизвѣстно и то почему главный комитетъ первоначально принялъ столь продолжительный срокъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ предпочитаетъ рекомендовать дарованіе помѣщикамъ льготъ въ иномъ направленіи именно по сокращенію числа людей имѣющихъ право требовать новыхъ надѣловъ. По смыслу нашей телеграммы, это право предполагается дать только тѣмъ царанамъ которые въ 1858 году, во время ревизіи, уже были совершеннолѣтними и которые либо продолжаютъ жить въ имѣніи, либо выбыли изъ него послѣ 1-го января 1861 года. Это все вопросы настолько мѣстные и запутанные, что о нихъ трудно составить себѣ понятіе изъ разспросовъ и документовъ. Само собой разумѣется что справед-

ливость требуетъ предоставить право на надѣлъ тѣмъ царанамъ которые были обезземелены именно въ виду ожидавшагося законодательства, а потому весьма важно собрать свѣдѣнія о томъ когда происходило обезземеленіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, вѣроятно, что въ 1861 году; другіе утверждаютъ что до 1861 года, и именно въ 1859 и 1860 годахъ. Мы передаемъ эти показанія, не имѣя возможности ихъ провѣрить.

Общій взглядъ на поземельныя отношенія въ Бессарабіи заключаетъ въ себѣ нѣсколько точекъ зрѣнія, совершенно ясныхъ. Всего вѣрнѣе и несомнѣннѣе то что цѣна земель и доходность имѣній тамъ сильно возрастаютъ, такъ что даже при самомъ выгодномъ для царанъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса бессарабскіе помѣщики, взятые въ цѣломъ, отнюдь не сдѣлались бы бѣднѣе прежняго, и слѣдовательно законодательство, при ожидаемыхъ отъ него нынѣ разъясненіяхъ Положенія 14-го іюля, обязано заботиться преимущественно о томъ чтобы жертвы требуемыя поземельнымъ устройствомъ царанъ распредѣлялись въ странѣ по возможности равномѣрно. Но съ другой стороны и общая мѣра этихъ жертвъ не должна бы переходить за границы необходимаго. Всего бы лучше было еслибъ необходимое могло быть тутъ опредѣлено юридически, но юридическая сторона дѣла далеко не ясна, и потому на первомъ планѣ является политическая точка зрѣнія. Положеніе царанъ не должно быть хуже положенія крестьянъ Подольской губерніи и Новороссійскаго края. Вовторыхъ, положеніе царанъ не должно быть хуже положенія поселянъ въ сосѣднихъ Дунайскихъ княжествахъ. Вотъ два твердые критерія для того чтобы съ полною увѣренностью установить мѣру того что политически необходимо по вопросу о поземельномъ устройствѣ царанъ. Въ дѣйствительности одинъ изъ этихъ критеріевъ теряетъ значеніе, потому что на долю поселянъ въ Дунайскихъ княжествахъ досталось гораздо болѣе льготъ чѣмъ все то что было введено въ Подольской губерніи даже при обязательномъ выкупѣ. Практическую важность имѣетъ стало-быть только законодательство Дунайскихъ княжествъ. Тамъ дана поселянамъ огромная льгота въ томъ что весь долгъ лежащій на выкупаемыхъ ими участкахъ погашается въ пятнадцать лѣтъ, по истеченіи коихъ, именно съ 1880 года, поселяне Дунайскихъ княжествъ совсѣмъ освободятся отъ выкупныхъ платежей. Такой чрезвычайной льготы бессарабскимъ царанамъ не можетъ быть предоставлено, а потому ихъ положеніе должно быть нѣсколько лучше въ другихъ отношеніяхъ. Что касается до размѣровъ надѣла, то онъ въ Дунайскихъ княжествахъ много меньше, и притомъ онъ поставленъ тамъ въ зависимость отъ рабочаго скота имѣющагося у надѣляемаго. Далѣе тамъ не принято сроковъ для заявленія о новыхъ и дополнительныхъ надѣлахъ и помѣщики разомъ развязались съ поселянами. Наконецъ тамъ гораздо болѣе ограничено право поселянъ требовать надѣла чѣмъ въ Бессарабіи по Положенію 14-го іюля. Такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ намѣрено повидимому произвести важную перемѣну именно въ этомъ отношеніи, то необходимо замѣтить что въ Дунайскихъ княжествахъ далеко не всѣ поселяне получили, правда, полевой надѣлъ на земляхъ помѣщика, но что весьма многимъ изъ нихъ было предоставлено право переселиться на казенныя земли, и притомъ *ближайшія*. Если будетъ признано что право на надѣлъ имѣютъ только тѣ семейства которыя уже существовали во время 10-й ревизіи, и только тѣ бурлаки, или бобыли, которые уже тогда были совершеннолѣтними, то надобно будетъ припомнить что законъ князя Кузы предоставилъ всѣмъ новобрачнымъ право переселиться на ближайшія казенныя земли. Предполагаемое министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ограниченіе требуетъ взамѣнъ за себя пріисканія средствъ къ переселенію. Бессарабскіе помѣщики очень хорошо понимаютъ эту необходимость и указываютъ на монастырскія земли какъ на удобнѣйшее средство удовлетворить надѣлами такихъ царанъ кои не получатъ надѣловъ отъ помѣщиковъ. Другая телеграмма извѣщающая что въ засѣданіяхъ главнаго комитета по царанскому дѣлу будетъ участвовать канцлеръ Имперіи, даетъ право заключать что правительство имѣетъ въ виду именно эту комбинацію.

№ 17.

Москва, 21-го января.

Въ послѣдніе два года Москвѣ пришлось быть попечительницей о бѣдныхъ

православныхъ церквахъ въ балтійскомъ краѣ. Теперь за дѣло этихъ церквей взялось и правительство, назначивъ выдать на нихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ до 800.000 рублей. Такимъ образомъ дѣло это, слава Богу, обезпечено, и православная церковь выйдетъ наконецъ изъ того бѣдственнаго и недостойнаго ея положенія въ какомъ находится она доселѣ въ балтійскихъ провинціяхъ Имперіи. Желательно однако чтобъ усердіе жертвователей не охладѣвало, ибо какъ ни значительна сумма пособія опредѣленная правительствомъ на церковныя потребности православныхъ населеній эсто-латышскаго края, она не дѣлаетъ излишними и частныя приношенія на этотъ предметъ.

Есть впрочемъ еще предметъ который крайне нуждается въ пособіи: это народныя школы для Латышей и Эстовъ, школы въ которыхъ они не были бы въ необходимости перерождаться въ дѣтей чужой національности, а напротивъ могли бы усвоить себѣ языкъ своего отечества чего настоятельно требуютъ столько же ихъ собственные интересы, сколько и интересы государства. Успѣху въ этомъ дѣлѣ предстоитъ только одно препятствіе, на которое указываетъ *Рижскій Вѣстникъ*. „На дняхъ,“ пишутъ въ этой газетѣ, — явились къ намъ два Латыша изъ Якобштатскаго уѣзда. „Сказывали намъ сосѣди что у васъ въ Ригѣ есть русско-латышская школа; объ этой школѣ они читали въ вашей газетѣ. Очень бы намъ хотѣлось узнать обстоятельно что̀ это за школа, какъ въ ней учатъ. Къ кому бы намъ обратиться?“ — Къ священнику Дрекслеру, завѣдующему школою. — „Скажите намъ кстати: правда ли это что когда Латышъ-лютеранинъ пойдетъ въ русскую школу, то онъ непремѣнно долженъ перейти въ православіе; и правда ли это что гдѣ только ни будетъ учреждена русско-латышская школа, тамъ непремѣнно будетъ и православная церковь, и что русско-латышскую школу нельзя учредить, не основывая православной церкви?“ — Все это положительно неправда, отвѣчали мы. Ваши сосѣди сильно ошибаются, если думаютъ что православная церковь и русско-латышская школа, то-есть школа, въ которой дѣтей учатъ по-русски, стоятъ въ зависимости одна отъ другой. Не вѣрьте, и сосѣдямъ вашимъ объясните что при учрежденіи школы не можетъ

быть и рѣчи о православной церкви. Вы желаете имѣть у себя въ волости русско-латышскую школу: повѣрьте, начальство противиться этому не будетъ, но повѣрьте также и тому что начальство не можетъ и ни въ какомъ случаѣ не будетъ принуждать васъ къ постройкѣ церкви. Откуда у васъ такія мысли — не знаю, но только онѣ совершенно несправедливы.“

Отвѣтъ *Рижскаго Вѣстника* на недоумѣнія Латышей долженъ былъ удовлетворить и не успокоить его. Надобно всячески противодѣйствовать лживому мнѣнію которымъ хотятъ смутить протестантскія населенія латышскія и эстонскія, будто съ распространеніемъ русскаго языка необходимо сопряжено и распространеніе православія. Мы радуемся что *Рижскій Вѣстникъ* держится совершенно здраваго взгляда на дѣло, и очень желали бы чтобы къ нему присоединилась латышская, эстонская, а также и нѣмецкая балтійская печать. Въ балтійскомъ краѣ легко распространяются фальшивыя мнѣнія, а потому слѣдуетъ немедленно и рѣшительно опровергать ихъ какъ словомъ, такъ еще болѣе дѣломъ.

Задача правительства въ балтійскихъ губерніяхъ есть задача національно-политическая, а не церковная. Если не подлежитъ сомнѣнію что лютеранинъ нѣмецкаго племени, несмотря на свое исповѣданіе, можетъ быть хорошимъ русскимъ патріотомъ (примѣровъ тому весьма много), то почему же и Латышъ или Эстъ, оставаясь при своей вѣрѣ, не можетъ быть хорошимъ русскимъ патріотомъ? Напротивъ, слѣдуетъ ожидать что люди изъ этихъ малочисленныхъ племенъ, не имѣющихъ, какъ Нѣмцы, единоплеменнаго государства въ сосѣдствѣ, будутъ способны стать вполнѣ Русскими, и для этого вовсе не нужно мѣнять исповѣданія. Что мы должны помогать православнымъ балтійскаго края въ ихъ церковныхъ нуждахъ, это безспорно, и это понятно всякому, но надобно чтобы тамошніе иновѣрцы не имѣли повода опасаться что въ будущихъ русскихъ школахъ ихъ будутъ отрывать отъ вѣры въ которой они родились. Они должны знать что о религіозной пропагандѣ или о стѣсненіи лютеранства никто не помышляетъ, предлагая заводить въ балтійскомъ краѣ русско-латышскія и русско-эстонскія школы.

Правда, толки о русскомъ религіозномъ фанатизмѣ наполняютъ брошюры балтійскихъ агитаторовъ выходящія во множествѣ за границею, но это происходитъ только отъ того что они сами сознаютъ слабость своей нравственной позиціи. Какой-нибудь г. фонъ-Боккъ, защищающій феодальные порядки и съ этою цѣлью издавшій до 20 направленныхъ противъ Россіи памфлетовъ, не могъ бы ожидать сочувствія себѣ въ Германіи еслибы не проливалъ крокодиловыхъ слезъ объ опасномъ положеніи лютеранизма въ нашемъ эсто-латышскомъ краѣ.

Докторъ Гарлесъ лютеранскій пасторъ въ Баваріи, издалъ въ прошломъ году цѣлую книгу въ защиту будто бы преслѣдуемой лютеранской церкви въ Лифляндіи; но внимательный и безпристрастный читатель изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ и офиціальныхъ свѣдѣній которыя въ этой книгѣ изложены, могъ бы удостовѣриться что преслѣдованіе лютеранской церкви въ Россіи есть чистѣйшая выдумка. Интересно упомянуть что даже по свидѣтельству прусскаго патріота Катнера, въ его послѣднихъ статьяхъ въ *Unsere Zeit*, „въ новѣйшее время“ о притѣсненіи лютеранства въ балтійскихъ провинціяхъ нѣтъ и помину.

Наши корреспонденты изъ балтійскаго края не рѣдко просили насъ, въ видахъ успокоенія совѣсти лютеранскихъ туземцевъ, желающихъ учиться по-русски, высказать ясно и положительно наше мнѣніе по этому пункту. Мы симъ исполняемъ ихъ желаніе, и были бы очень рады еслибъ этимъ успѣли ободрить стремленія Латышей и Эстовъ къ изученію языка ихъ отечества.

Заблужденіе сбивающее съ толку Латышей и Эстовъ будетъ вполнѣ устранено лишь съ допущеніемъ русскаго языка къ употребленію въ инославномъ богослуженіи. Еслибы Латыши и Эсты, боящіеся русскаго языка, побывали въ той небольшой лютеранской молельнѣ въ Петербургѣ, въ которой пасторъ Мазингъ служитъ по-русски, то они совершенно убѣдились бы въ неосновательности своихъ опасеній. Еслибы на русскомъ языкѣ существовали лютеранскія богослужебныя книги, то показать эти книги сомнѣвающимся Латышамъ и Эстамъ было бы достаточно для ихъ успокоенія. Теперь, къ сожалѣнію, показать мы ничего еще не можемъ, потому что даже употребляемая въ церкви пастора Мазинга книга гимновъ вышла подъ заглавіемъ: *Приношеніе православнымъ христіанамъ* и одобрена православною духовною цензурой въ качествѣ книги не лютеранской, а православной, хотя и состоитъ изъ перевода, по большей части весьма удачнаго, лютеранскихъ гимновъ. Будь сказано что это гимны лютеранскіе, цензура сдѣлала бы затрудненія.

Кстати, по поводу перевода богослужебныхъ книгъ инославныхъ исповѣданій на русскій языкъ. Если, какъ надобно ожидать, дѣло это пойдетъ въ ходъ, то весьма важно чтобъ оно было ведено безъ всякой придирчивости. Лютеранскіе гимны, переводимые на русскій языкъ, могли быть признаны нашею духовною цензурой за стихотворенія написанныя для православныхъ. Не то молитвы римско-католической церкви. Въ нихъ не можетъ не высказываться ея взглядъ на себя какъ на единственную истинную церковь, предъ которою должны преклоняться власти міра; въ нихъ не можетъ не быть прошеній чтобы враги церкви были унижены, чтобы еретики и схизматики возвратились въ ея лоно: таковъ характеръ римской церкви, сложившійся исторически. Если римско-католическое исповѣданіе отнесено къ числу не только терпимыхъ въ государствѣ, но даже признаваемыхъ имъ, то надобно помириться и съ существованіемъ молитвъ выражающихъ римско-католическія воззрѣнія. Было бы безсмыслицей измѣнять эти молитвы, переводя ихъ на русскій языкъ. Это значило бы подрывать въ римскихъ католикахъ довѣріе именно къ тѣмъ молитвенникамъ которыхъ распространеніе имѣется въ виду. Въ русскихъ молитвенникахъ для католиковъ должно находиться, безъ исключенія, все что находится въ молитвенникахъ польскихъ, и въ особенности должно быть избѣгаемо все что можетъ показаться передѣлкой молитвъ имѣющихъ богослужебное каноническое значеніе. Подобныя ошибки принудили бы людей преданныхъ своей церкви употреблять молитвенники польскіе, и еслибы даже совсѣмъ запретить изданіе этихъ послѣднихъ, то и это не повело бы ни къ чему. Польскіе молитвенники стали бы выходить за границей и проходили бы къ намъ путемъ контрабанды. Молящіеся имѣли бы довѣріе только къ заграничнымъ молитвенни-

камъ, но эти молитвенники были бы въ политическомъ отношеніи вредны, потому что въ нихъ молитва за Царя была бы, конечно, замѣнена молитвой за что-либо другое, и оказалось бы не мало прошеній имѣющихъ не церковное, а политическое значеніе. Большинство изданныхъ въ Россіи польскихъ молитвенниковъ, по свидѣтельству такого знатока какъ г. Козловскій, не содержитъ ничего вреднаго государству или полемическаго противъ православной вѣры. „Единственное ихъ зло", говоритъ г. Козловскій, „въ томъ что они писаны на польскомъ языкѣ *)". На какомъ же основаніи стали бы мы римскимъ католикамъ давать на русскомъ языкѣ меньше чѣмъ они имѣли на польскомъ? Больше ли между ними найдется охотниковъ отказаться и отъ польскаго патріотизма и отъ своей вѣры вмѣстѣ чѣмъ отказаться только отъ перваго? Лучше уже вовсе не издавать римско-католическихъ молитвенниковъ на русскомъ языкѣ чѣмъ издавать молитвенники передѣланные съ цѣлію смягчить нѣкоторыя рѣзкости католицизма по отношенію къ православію. Такіе молитвенники могли бы въ самомъ дѣлѣ распространить ложное мнѣніе будто правительство намѣрено ввести въ римское богослуженіе русскій языкъ какъ средство къ распространенію православія.

№ 18.

Москва, 22-го января.

Помѣщаемое въ дополнительномъ листѣ къ нынѣшнему нумеру нашей газеты письмо г. Рыкова, директора Скопинскаго городскаго банка, побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ кредитныхъ учрежденій, называемыхъ у насъ городскими общественными банками. Наши бѣглыя замѣтки будутъ теперь тѣмъ болѣе кстати что въ разныхъ органахъ печати начали появляться сужденія представляющія это дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ, и притомъ съ точки зрѣнія дурно понятой свободы кредита. Нерѣдко приходится и читать и слышать похвальные отзывы о Положеніи 1862 года, сюда относящемся, какъ о мѣрѣ весьма либеральной. Либеральнымъ считается это Положеніе потому что открыло широкій просторъ операціямъ городскихъ банковъ. Очень можетъ быть что предоставить такой просторъ требовалось положеніемъ дѣлъ, и мы готовы вполнѣ согласиться съ г. Рыковымъ что городскіе банки принесли существенную пользу, но есть много необходимыхъ и полезныхъ мѣръ которыя нельзя однакоже называть либеральными. Еще болѣе, мы расположены даже думать что во многихъ мѣстностяхъ Россіи весьма желательно дальнѣйшее развитіе городскихъ банковъ и расширеніе производимыхъ ими операцій, но это можетъ быть желательно никакъ не въ смыслѣ либеральныхъ началъ банковаго законодательства, а въ силу необходимости. Всякій либерализмъ можетъ имѣть въ основаніи своемъ лишь одну цѣль—предоставленіе свободы личнымъ дѣйствіямъ людей, совершаемымъ за ихъ личною отвѣтственностью. Коль скоро отвѣтственность ограничена, то должна быть ограничена и свобода, и это ограниченіе безотвѣтственной свободы требуется именно въ интересѣ либерализма: оно нужно для огражденія свободы другихъ. Каждый правоспособный человѣкъ можетъ, по закону, входить въ обязательства на какую угодно сумму; если нѣсколько правоспособныхъ соединятся чтобы вести дѣла сообща „въ образѣ", какъ говорится, „полнаго товарищества", то основанная ими фирма будетъ пользоваться полною свободой дѣйствій; то же самое будетъ если нѣкоторые изъ нихъ захотятъ отвѣчать за общія дѣла лишь извѣстнымъ вкладомъ, но по меньшей мѣрѣ одинъ изъ нихъ приметъ на себя полную отвѣтственность за дѣла фирмы, устроенной „въ образѣ товарищества на вѣрѣ". Представимъ себѣ однако акціонерное общество, гдѣ каждый акціонеръ внесъ свою долю капитала, и затѣмъ ни акціонеры, ни директоры не несутъ на себѣ дальнѣйшей гражданской отвѣтственности предъ кредиторами. Не ясно ли что банкъ устроенный на акціяхъ не можетъ претендовать, во имя либерализма, на полную свободу дѣйствій? То же самое относится и къ общественнымъ банкамъ, основаннымъ либо на пожертвованія частныхъ лицъ, либо на суммы отчисленныя отъ какихъ бы то ни было общественныхъ доходовъ и капиталовъ, если лица или общества учреждающія эти банки не принимаютъ на себя полной отвѣтственности за ихъ операціи. Мы приближаемся къ городскимъ общественнымъ

---

*) *Русск. Вѣстн.* 1868. Октябрь, стр. 638.

банкамъ существующимъ въ Россіи. Ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ общественными банками, сейчасъ упомянутыми, и г. Рыковъ совершенно вѣрно указываетъ на ту громадную разницу что за ихъ операціи лежитъ на городскихъ обществахъ полная отвѣтственность. Кредиторы стало-быть вполнѣ обезпечены; въ случаѣ несостоятельности банка, ранѣе или позднѣе, всѣ вклады будутъ взысканы; они лопнули бы только въ томъ случаѣ еслибы по продажѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ принадлежащихъ городу и горожанамъ все-таки оказался недочетъ. Хотя взыскивать съ города труднѣе чѣмъ съ частнаго лица, но совокупная отвѣтственность всѣхъ горожанъ перевѣшиваетъ это неудобство, и конечно трудно найти банкирскій домъ который бы могъ поравняться въ состоятельности съ городомъ даже средней руки. Итакъ, если смотрѣть на городскіе банки съ точки зрѣнія кредиторовъ, то законодательство могло бы предоставить всякому городу извѣстнаго размѣра право заводить банкъ безъ всякихъ стѣсненій относительно суммы принимаемыхъ вкладовъ; оно могло бы совершенно уравнять эти банки съ частными банкирами и банкирскими домами.

Но вѣренъ ли этотъ взглядъ? Онъ вѣренъ, если законодательство обязано заботиться лишь объ интересѣ вкладчиковъ, кредиторовъ банка. Но развѣ тутъ не замѣшаны и другіе интересы? Свобода кредита состоитъ не только въ томъ что отдѣльнымъ лицамъ или соединеніямъ лицъ предоставляется нестѣсненное право занимать деньги и потомъ въ свою очередь раздавать ихъ взаймы. Частнымъ лицамъ это нигдѣ не возбраняется, не возбраняется и у насъ, и однако никто не скажетъ чтобы частный кредитъ пользовался у насъ свободой дѣйствій, потребною для его развитія. Чего же не достаетъ частному кредиту? Не достаетъ огражденія. О судебномъ огражденіи мы теперь говорить не будемъ, но не менѣе важно огражденіе экономическое. Оно можетъ быть выражено однимъ терминомъ: *свободная конкурренція*. Вотъ въ чемъ сущность дѣла, и кто хочетъ говорить о банковомъ устройствѣ въ либеральномъ смыслѣ тотъ долженъ клонить свою рѣчь къ огражденію свободной конкурренціи.

Мы постоянно слышимъ отъ нашихъ промышленныхъ людей что они лишены благодѣяній банковаго кредита, придавшихъ такое могущество западно-европейской фабрикаціи и торговлѣ, въ сравненіи съ нашими; но откуда произошли эти благодѣянія какъ не отъ конкурренціи банковъ, удешевившей кредитъ и расширившей доступъ къ нему для всѣхъ слоевъ промышленнаго міра? Теперь спросимъ же себя, можетъ ли быть придумана въ банковомъ дѣлѣ болѣе значительная и болѣе подавляющая свободную конкурренцію привилегія какъ изъятіе распорядителей банковъ отъ общей для всѣхъ промышленныхъ предпріятій коммерческой и кредитной отвѣтственности за производимыя ими операціи и обезпеченіе банковаго кредита правомъ налога на незаинтересованныхъ лично въ банковыхъ операціяхъ членовъ городскаго общества? А таковы именно наши городскіе общественные банки, которые основаны на такой же некоммерческой отвѣтственности какъ и банки казенные, коихъ операціи обезпечены всѣмъ достояніемъ государства. Если никому не приходитъ въ голову требовать учрежденія казенныхъ банковъ во имя свободы кредита, то должно видѣть лишь недоразумѣніе въ томъ взглядѣ что поощреніе общественныхъ банковъ входитъ въ либеральное направленіе кредитнаго законодательства.

Всматриваясь ближе, мы однако-же замѣтимъ нѣкоторое различіе между казенными и общественными, въ особенности городскими банками. Отвѣтственность директоровъ казеннаго банка гораздо формальнѣе. Напротивъ, чѣмъ въ городѣ оживленнѣе интересъ къ общественнымъ дѣламъ, чѣмъ болѣе содѣйствуетъ тому городское устройство, тѣмъ серіознѣе становится отвѣтственность директоровъ банка городскаго; такъ напримѣръ, опасенія вызываемыя нынѣшними городскими банками уменьшатся, когда будетъ введено во всѣхъ городахъ Имперіи новое городовое устройство. Но съ другой стороны, какъ бы великъ ни былъ прогрессъ въ этомъ отношеніи, предоставляемая директорамъ городскихъ банковъ привилегія обезпечивать свои операціи налогомъ на обывателей не можетъ не затруднять развитіе частныхъ банковыхъ предпріятій, опирающихся только на имущество и личную отвѣтственность своихъ владѣльцевъ. Равнымъ образомъ какъ бы ни былъ въ горожанахъ живъ интересъ къ дѣламъ ихъ

городскаго банка, нельзя отрицать что распорядители его все-таки не будутъ находиться подъ бдительнымъ контролемъ личныхъ интересовъ и не неся на себѣ кредитной отвѣтственности, весьма могутъ дать неправильное развитіе завѣдуемому ими дѣлу, въ ущербъ городскимъ обывателямъ, коимъ придется платить недочеты банка, и въ ущербъ его конкуррентамъ, кои не будутъ въ состояніи выдерживать конкурренцію съ банкомъ дѣйствующимъ неправильно. Даже для публики не всякая конкурренція выгодна: прочныя выгоды доставляетъ лишь правильная конкурренція. Вотъ почему казенные и сословные банки почти нигдѣ болѣе не существуютъ въ западной Европѣ, и банковыя операціи предоставлены свободной частной предпріимчивости, оплодотворившей промышленность всѣми удобствами и льготами дешеваго кредита. Мы только что начинаемъ освобождаться отъ банковой монополіи, и въ столицахъ уже замѣтны выгодныя для торговли послѣдствія возникающей и дѣйствительно болѣе прежняго свободной банковой конкурренціи. Доставляя уже теперь ощутительныя выгоды публикѣ, конкурренція частныхъ столичныхъ банковъ могла бы, съ упраздненіемъ такъ-называемыхъ коммерческихъ операцій государственнаго банка, привести и насъ къ начаткамъ полной промышленнойсвободы банковаго дѣла.

Мы старались съ возможною точностью указать мѣсто занимаемое нашими городскими банками въ системѣ кредитныхъ учрежденій. Наше изложеніе ведетъ къ заключенію что размноженіе городскихъ банковъ не должно быть главною цѣлью кредитнаго законодательства и не свидѣтельствуетъ ни о его либеральномъ направленіи, ни о процвѣтаніи кредита въ странѣ. Тѣмъ не менѣе наши городскіе банки — существующій фактъ; къ нимъ нельзя не относиться съ уваженіемъ и бережностью, которая была бы напримѣръ нарушена, еслибы городскимъ банкамъ было предписано немедленно возвратить вклады принятые ими сверхъ нормы. Этого мало: какъ сказано, въ Россіи есть мѣстности гдѣ весьма желательно дальнѣйшее развитіе этихъ учрежденій. Если не ошибаемся характеръ городскихъ банковъ, даже безъ всякаго прямаго вмѣшательства правительства рано или поздно самъ собою измѣнится съ преобразованіемъ въ городскомъ управленіи и въ устройствѣ государственнаго банка, не могущаго оставаться навсегда въ своемъ нынѣшнемъ видѣ.

Все нами сказанное относится въ полной силѣ и къ *земскимъ* банкамъ коихъ проектъ, выработанный при министерствѣ финансовъ, былъ разосланъ на обсужденіе земскихъ собраній. Подъ земскими должно разумѣть здѣсь не банки устроенные для поземельнаго кредита и называвшіеся у насъ также земскими, а банки принадлежащіе въ собственность земству и долженствующіе по проекту заниматься всѣми возможными кредитными операціями. Эти земскіе банки будутъ стоять еще дальше отъ земства, обязаннаго всѣмъ своимъ достояніемъ нести отвѣтственность за ихъ операціи, нежели городскіе банки отъ городскихъ обществъ; отвѣтственность распорядителей въ земскихъ банкахъ будетъ еще слабѣе чѣмъ въ городскихъ, подавленіе частной банковой предпріимчивости значительнѣе и привлеченіе къ отвѣтственности всѣхъ членовъ земства, посредствомъ налога, еще несправедливѣе. Сверхъ того должно имѣть въ виду что, пустившись въ банковыя операціи, самыя рискованныя изъ всѣхъ коммерческихъ операцій, земство совершенно отвлечется отъ своихъ прямыхъ обязанностей и по необходимости ослабитъ дѣятельность составляющую его призваніе и ни кѣмъ кромѣ него не выполнимую. Можно ли вообще желать чтобы земское хозяйство развивалось на счетъ частной предпріимчивости и наносило ей конкурренцію, на тѣхъ путяхъ на коихъ частная предпріимчивость можетъ дѣйствовать успѣшнѣе земской? Никакой благомыслящій человѣкъ не можетъ этого желать, и тѣмъ менѣе теперь когда земству предстоитъ столько задачъ, разрѣшеніе коихъ (какъ напримѣръ народныя школы и пути сообщенія) невозможно, безъ его участія, ни для одной казенной администраціи, ни для однихъ частныхъ предпріятій. Наконецъ замѣтимъ что проектированные земскіе банки суть не что иное, по кругу операцій для нихъ предположенному, какъ повтореніе городскихъ общественныхъ банковъ, и потому земству пришлось бы вступить въ промышленную конкурренцію съ городскими обществами, что было бы противно сущности земства, обнимающаго собой и города. Горожане несли бы отвѣтственность за два банка между собой соревнующіе, а можетъ-быть и другъ друга подрывающіе.

По слухамъ, министерство финансовъ проектировало земскіе банки не по собственной инціативѣ, и судьба проекта зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ земство будетъ его поддерживать. Это обстоятельство, если оно справедливо, заставляетъ еще болѣе обратить вниманіе публики и земства на этотъ проектъ. Намъ неизвѣстны заключенія большей части земскихъ собраній по этому предмету; въ средѣ Московскаго земства проектъ былъ встрѣченъ неодобрительно, ибо московское губернское собраніе проектировало уже два года тому назадъ поземельный банкъ, который долженъ быть совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ земства учрежденіемъ и въ которомъ земство Московской губерніи предполагаетъ участвовать лишь какъ вкладчикъ капитала, наравнѣ съ другими вкладчиками. Подобнаго рода участіе земства въ устройствѣ банковъ, къ тому же преимущественно поземельныхъ (для ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ), можетъ быть безспорно полезно; тутъ земство является только вчинателемъ учрежденій, въ которыхъ нуждается край, и оказываетъ отчасти нравственную, отчасти матеріальную (вкладомъ своего капитала) поддержку ихъ устройству, никакъ не дѣлаясь само солидарнымъ съ ними. Ни кредитная отвѣтственность земства за операціи банка, ни участіе его въ банковомъ управленіи не предполагается, сколько мы знаемъ, въ банкѣ проектированномъ со стороны Московскаго земства: хотя этотъ банкъ и названъ земскимъ, о чемъ нельзя впрочемъ не пожалѣть ради терминологіи, но онъ не будетъ составлять собственности земства и потому не будетъ имѣть ничего общаго съ земскою организаціей, оставаясь полною частною собственностью своихъ вкладчиковъ. Такіе банки содѣйствовали бы облегченію долгосрочнаго кредита. На ряду съ ними были бы весьма полезны сельскому хозяйству банки или ссудныя кассы устроенныя въ видахъ кредита краткосрочнаго, можетъ-быть еще болѣе нужнаго. Земство могло бы покровительствовать ихъ учрежденію, а городскіе банки нашли бы интересъ ихъ поддерживать. Нормой, наиболѣе удобною для ссудныхъ кассъ этого рода, повидимому, окажутся Общества Взаимнаго Кредита.

№ 19.

Москва, 23-го января.

Телеграфъ принесъ намъ вчера важное извѣстіе о внесеніи на разсмотрѣніе комитета министровъ проекта основныхъ положеній административно-полицейской реформы, заключающейся въ усиленіи власти губернаторовъ, въ замѣнѣ губернскихъ правленій совѣтами при губернаторѣ и въ преобразованіи полиціи. Проектируемая реформа имѣетъ громадную важность для всѣхъ отраслей управленія; она безспорно касается существенныхъ интересовъ общества. Въ виду важности вопроса спѣшимъ прежде всего подѣлиться съ читателями полученными нами сегодня довольно подробными свѣдѣніями о вышепомянутомъ проектѣ.

Главныя начала проектируемой реформы, вмѣстѣ съ объяснительною запиской министра внутреннихъ дѣлъ, внесены теперь, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе комитета министровъ съ тѣмъ чтобъ онъ опредѣлилъ какія изъ представленныхъ основаній должно признать существенными, и дать въ руководство коммиссіи коей поручена будетъ дальнѣйшая законодательная разработка реформы. Утверждаютъ что порученіе это будетъ возложено на состоящую при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая будетъ усилена новыми членами имѣющими возможность посвятить этому дѣлу все свое служебное время.

Губернаторская власть, по проекту основныхъ положеній, усиливается чрезвычайно. Губернатору предполагается дать власть пріостанавливать рѣшенія всѣхъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, кромѣ судебныхъ и контрольныхъ. О сдѣланной пріостановкѣ губернаторъ долженъ только будетъ давать знать высшимъ властямъ. Всѣ мѣстныя учрежденія, кромѣ суда и контроля, подчиняются надзору губернатора; онъ можетъ принимать личное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, а въ особенно важныхъ случаяхъ дѣлать непосредственныя распоряженія. Наконецъ губернатору предоставляется проектомъ власть издавать распоряженія въ развитіе дѣйствующихъ законовъ о благоустройствѣ и благочиніи и о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Въ соотвѣтствіе тому предполагается повысить рангъ губернаторской должности, отнеся ее къ III классу.

Губернскіе совѣты, замѣняющіе губернскія правленія и состоящіе изъ вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и начальниковъ мѣстныхъ отдѣльныхъ частей, должны вѣдать дѣла требующія не быстроты дѣйствій, а старательнаго обсужденія. Дѣла въ совѣтахъ будутъ рѣшаться по большинству голосовъ, но при несогласіи губернатора съ мнѣніемъ большинства дѣло переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ случаяхъ же чрезвычайныхъ или по такимъ вопросамъ которые будутъ внесены въ совѣтъ самимъ губернаторомъ, внѣ требованія закономъ таковаго внесенія и при разногласіи въ совѣтѣ, губернатору предоставляется право приводить въ исполненіе рѣшеніе предложенное имъ самимъ. Вѣдѣнію совѣта поручаются дѣла судныя, о преданіи суду чиновниковъ за преступленія по должности и разборъ жалобъ частныхъ лицъ на неосмотрительныя дѣйствія чиновниковъ. Совѣтъ долженъ также обсуждать предварительно распоряженія дополняющія законы о благоустройствѣ и благочиніи и пр., а также разсматривать пререканія мѣстныхъ учрежденій между собою, случаи непремѣнимости вновь изданныхъ законовъ и вообще особо важныя административныя дѣла.

Вся полиція губерніи непосредственно подчиняется губернатору и теперешняя доля зависимости полиціи отъ судейской власти прекращается. Чтобы придать полицейскимъ чинамъ бо́льшую быстроту и свободу дѣйствій, предполагается замѣнить коллегіальныя полицейскія управленія канцеляріями и упразднить должность полицейскихъ засѣдателей. Предполагается произвести новое дѣленіе губерній на уѣзды, уѣздовъ на участки, съ тѣмъ чтобы гдѣ требуется увеличить, а гдѣ уменьшить число полицейскихъ центровъ. Теперешнія низшія полицейскія должности тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ предположено упразднить, а въ замѣнъ образовать при исправникахъ и приставахъ уѣздную полицейскую стражу, при волостныхъ же правленіяхъ и сельскихъ обществахъ—сельскихъ стражниковъ. Уѣздная стража должна быть по преимуществу конная, составленная изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, а за недостаткомъ ихъ изъ безсрочныхъ. Сельскія общества могутъ назначать стражниковъ либо по выбору, либо по найму. Опредѣленіемъ кратчайшаго срока службы и наименьшаго вознагражденія при назначеніи стражниковъ по выбору предполагается достигнуть болѣе удовлетворительнаго состава сельской полиціи чѣмъ теперешній.

Мы возвратимся къ важнѣйшимъ вопросамъ затронутымъ проектируемою реформой чтобы внимательнѣе изучить ихъ, но не можемъ не сказать теперь же нѣсколько словъ объ общей постановкѣ вопроса.

Проектъ основныхъ положеній реформы, который, говорятъ, уже разсматривался въ комитетѣ министровъ въ прошлый вторникъ, заключаетъ въ себѣ не просто основанія вопроса, но полное рѣшеніе его въ самыхъ важныхъ пунктахъ. Такъ властъ губернатора и его отношенія къ мѣстнымъ учрежденіямъ почти вполнѣ обозначены проектомъ, хотя, какъ утверждаютъ, до сихъ поръ не была еще разсмотрѣна степень удобства подчиненія губернатору тѣхъ учрежденій которыя пока стоятъ болѣе независимо, каковы относящіяся къ вѣдомству народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и пр. Учрежденія другихъ вѣдомствъ: финансовъ и государственныхъ имуществъ, уже и теперь находятся въ большой зависимости отъ губернатора. Трудность задачи заключается очевидно не въ разъясненіи или усиленіи существующихъ зависимостей, а въ опредѣленіи отношеній по новымъ подчиненіямъ. Укажемъ для примѣра на инспекцію желѣзныхъ дорогъ. Врядъ ли окажется удобнымъ дать губернатору власть пріостанавливать рѣшенія инспекціи принятыя для безопасности и успѣшности движенія. Какъ подчинить губернатору казенныя управленія желѣзныхъ дорогъ? Желѣзная дорога не дѣлится на единицы совпадающія съ дѣленіемъ на губерніи. Нельзя принимать губернскихъ мѣръ на желѣзныхъ дорогахъ. То же надо сказать объ управленіи разными техническими частями, требующими спеціальныхъ свѣдѣній. Тутъ губернаторское управленіе, повидимому, не осуществимо; по учебнымъ заведеніямъ оно, правда, возможно, но причинило бы только вредъ, усиливъ въ нихъ бюрократическій элементъ и ослабивъ отвѣтственность чиновъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ губернаторы, по разнообразію своихъ занятій, не имѣли бы времени вникать въ подробности учебнаго дѣла.

Отношенія губернаторской власти къ мѣстнымъ учрежденіямъ могутъ быть опредѣлены лишь путемъ обстоятельнаго обсужденія дѣлъ вѣдуемыхъ этими учрежденіями, а оно предстоитъ еще какъ задача для работъ коммиссіи о губернскихъ учрежденіяхъ. Легко можетъ случиться что подробности основаній которыя будутъ ей даны въ руководство нетолько не облегчатъ ея задачи, а напротивъ затруднятъ достиженіе успѣха.

Подчиненіе всѣхъ мѣстныхъ учрежденій губернатору приводитъ къ тому чтобы поставить его въ зависимость отъ разныхъ министровъ по предметамъ ихъ вѣдомствъ. Но губернаторъ тѣмъ не менѣе остается должностнымъ лицомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и находится отъ него въ наибольшей зависимости. При разногласіи губернатора съ большинствомъ въ совѣтѣ онъ долженъ, по проекту, представлять о томъ не тому министру къ вѣдомству котораго относится вопросъ возбудившій разногласіе, а своему непосредственному начальнику, министру внутреннихъ дѣлъ. Не поставитъ ли такой порядокъ всѣхъ другихъ министровъ въ нѣкоторую зависимость отъ министерства внутреннихъ дѣлъ?

№ 20.

Москва, 24-го января.

А.

Съ разныхъ сторонъ, и отъ людей вовсе намъ неизвѣстныхъ, получаемъ мы выраженіе негодованія и омерзенія въ виду сатурналіи въ которую, какъ бы по данному сигналу, превратилась нѣкоторая часть нашей бѣдной зависимой журналистики. Цинизмъ злословія и лжи доходитъ до утраты всякаго смысла, не говоримъ уже честности. Насъ вызываютъ появиться съ бичемъ посреди этого сонмища. Зачѣмъ? Эта оргія соотвѣтствуетъ минутѣ и только показываетъ подъ какимъ созвѣздіемъ мы теперь находимся. Всякимъ отвѣтомъ, всякимъ объясненіемъ, всякою уликой, мы только унизили бы наше достоинство какъ бы ни было оно скромно, и сами сдѣлали бы то чего господа эти сдѣлать не могутъ. Мы предоставляемъ имъ продолжать ихъ работу, которая, судя по ихъ усердію, для нихъ не безприбыльна.

За то мы считаемъ себя обязанными войти въ желанія нашихъ друвей, которые становятся въ этомъ случаѣ органомъ всѣхъ искренне сочувствующихъ намъ лицъ. Они одобряютъ принятое нами рѣшеніе продолжать, сколько достанетъ силъ, наше дѣло; но, принимая къ сердцу дѣло которому мы служимъ, они желали бы дать себѣ болѣе ясный отчетъ въ тѣхъ побужденіяхъ которыя диктовали намъ объясненіе наше въ томъ нумерѣ нашей газеты (№ 8) гдѣ напечатано касающееся насъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Почему мы не просто приняли сдѣланное намъ предостереженіе? Для чего мы пошли далѣе, и сдѣлали то чего отъ насъ не требовалось? Для чего мы поспѣшили сознаться что сами подали поводъ къ постигшему насъ дѣйствію власти? Для чего эта mea culpa? Законъ былъ бы удовлетворенъ простымъ принятіемъ предостереженія, хотя бы мы и не считали его заслуженнымъ. Мы даже имѣли бы право объявить себя, какъ говорится, недовольными; мы могли бы не согласиться съ основаніями распоряженія котораго были предметомъ. Законъ дозволяетъ обсужденіе и законовъ, и правительственныхъ распоряженій. „Правдивое выраженіе мнѣній,“ сказано въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, „даже когда эти мнѣнія не совпадаютъ со взглядами правительства, не можетъ быть поставлено въ предосужденіе періодическому изданію.“

Итакъ, сознаваясь безъ надобности въ своей погрѣшности, мы какъ бы сами подставляли себя подъ удары. Но черезъ это не могли ли мы ослабить силу направленія которому служимъ и которое должно быть для насъ выше всего.

Нѣтъ, мы поступали такъ именно затѣмъ чтобъ удержать на высотѣ наше знамя. Мы для того и подставили подъ ударъ свое самолюбіе чтобы сохранить неприкосновенною честь нашего служенія.

Въ предостереженіи указаны двѣ наши статьи которыя слѣдуютъ одна за другой и составляютъ одно цѣлое, имѣя предметомъ обзоръ обстоятельствъ и событій минувшаго года въ нашемъ отечествѣ. Намъ поставлено въ вину что въ этомъ обзорѣ нѣкоторыя событія и вообще дѣла нашего отечества изображены въ видѣ превратномъ, и притомъ такъ что въ публикѣ могли быть возбуждены тревожныя опасенія. Приговоръ этотъ даетъ просторъ для разныхъ толкованій. Мы сочли должнымъ предот-

вратить тѣ изъ нихъ которыя были бы выгодны для противныхъ партій и которыя уже были наготовѣ у нихъ. И вотъ, мы обратились къ нашимъ статьямъ и сами стали ихъ судьею. Насъ самихъ поразилъ въ нихъ тонъ глубокаго унынія. Въ нихъ высказалось настроеніе духа дѣйствительно мрачное и безнадежное; въ нихъ слышится изнемогшая и упавшая вѣра. Мы отступили предъ этимъ настроеніемъ, которое проходило чрезъ всю нашу статью, все проникало собою и всему давало отпечатокъ безнадежности. Нѣтъ съ такимъ гнетомъ на душѣ нельзя было бы намъ продолжать свое дѣло. Мы должны были бы сами бросить его. Еслибы такой взглядъ окончательно установился въ насъ, то мы не имѣли бы права переносить нашу дѣятельность за рубежъ минувшаго года. Что стали бы мы дѣлать и на что годились бы мы при такомъ настроеніи? Нѣтъ, минутное настроеніе овладѣвшее нами и сказавшееся въ этихъ статьяхъ не соотвѣтствовало нашему постоянному чувству, не соотвѣтствовало всегда подкрѣплявшей насъ вѣрѣ въ звѣзду нынѣшняго царствованія, въ благословеніе которое почіетъ на дѣлахъ его.

Настроеніе это не было однако случайностью. Къ несчастію, оно было вызвано причинами слишкомъ дѣйствительными. Оно было результатомъ неслыханной исторіи которой мы были свидѣтелями... Сколько разъ невольно сожалѣли мы зачѣмъ мы не слѣпы!

Поставленные на нашемъ наблюдательномъ посту, мы не были замѣшаны ни въ чемъ нашими личными интересами. Если мы въ нашихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ были виновны, то вина наша единственно состоитъ въ томъ что мы серіозно понимали обязательство лежащее на всякомъ органѣ общественнаго мнѣнія который имѣетъ право сужденія о предметахъ политическаго свойства. Публичное слово огражденное покровительствомъ русскаго закона, долженствовало, по нашему мнѣнію, быть своего рода русскою государственною службой. Право публичнаго слова возлагало на насъ соотвѣтственную тому обязанность, и мы поставили ее выше всего и подчинили ей всѣ другія соображенія болѣе или менѣе личнаго свойства. Мы не могли молчать когда предъ нами совершались случаи возмущавшіе нашу гражданскую совѣсть. Мы не могли молчать, хотя бы наши личные интересы или опасенія склоняли насъ къ молчанію или побуждали говорить въ противномъ смыслѣ. Никому нѣтъ удовольствія навлекать на себя вражду и ненавистъ; никому не разчетъ навязываться на борьбу которая можетъ отдаваться на насъ только своими ударами, никакъ не торжествами. Намъ было бы и спокойнѣе и пріятнѣе, и пожалуй выгоднѣе подлаживаться ко всякому теченію, и мирно слѣдовать за нимъ, не заботясь о томъ куда оно направляется и откуда исходитъ. Мы могли бы утѣшать себя тѣмъ что на насъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать отвѣтственность ни за какую случайность въ оборотѣ того или другаго вопроса имѣющаго государственное значеніе. Но мы думали такъ: если законъ даетъ намъ въ руки орудіе которое мы можемъ употребить въ пользу, то долгъ совѣсти обязываетъ честнаго человѣка не оставлять его втунѣ. Еслибы предъ нашими глазами на улицѣ происходилъ актъ насилія, а законъ воспрещалъ прохожимъ всякое вмѣшательство не въ свое дѣло, то всякій могъ бы успокоить свою совѣсть такимъ формальнымъ запрещеніемъ, и закрывъ глаза продолжать свой путь. Совсѣмъ иное когда законъ не воспрещаетъ людямъ слѣдовать внушеніямъ естественнаго чувства. Если каждому предоставлено право принимать къ сердцу интересъ своего государства, то всякій обязанъ дѣлать что можетъ и къ чему есть у него орудіе. Такимъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ было публичное слово. Мы поступили бы нечестно еслибы изъ какихъ бы то ни было видовъ безмолвствовали въ виду факта, смыслъ котораго былъ для насъ очевиденъ. Отъ другихъ могли бы мы отговориться разными предлогами почему не замѣчаемъ того или другаго, но мы не могли бы найти никакого извиненія въ собственныхъ глазахъ. Отвѣтственность наша предъ своею совѣстію возвысилась въ силу тѣхъ обстоятельствъ посреди которыхъ мы возобновили нашу дѣятельность послѣ перерыва постигшаго ее въ 1866 году. Съ тѣхъ поръ мы видѣли въ ней святое для себя призваніе, которому должны были посвятить всѣ наши помыслы и силы. Мы *должны* добиваться правды, мы *должны* говорить правду во что бы то ни стало. И мы говорили безъ утайки все что видѣли и разумѣли. Мы никогда не выходили изъ предѣловъ факта самаго положительнаго и вполнѣ удостовѣреннаго. Мы не спѣшили

сужденіями не убѣдившись въ дѣлѣ до полной очевидности. Мы говорили во всеуслышаніе, и всякому было легко поправить насъ если мы ошибались: стоило только указать намъ на тѣ стороны вопроса которыя могли оставаться намъ неизвѣстными. То же самое чувство которое обязывало насъ говорить правду, заставило бы насъ отказаться отъ ошибки въ нашихъ оцѣнкахъ. Но все что говорилось намъ въ возраженіе, только утверждало насъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ которыя слагались въ нашемъ умѣ помимо воли. Буде мы въ чемъ ошибались, то для чего же лица которыя могли бы научить насъ лучшему и поставить насъ на болѣе правильную точку зрѣнія не сдѣлали этого? Для чего они предоставляли опровергать насъ людямъ или партіямъ которые не употребляли иного оружія кромѣ лжи и обмана? Аргументація нашихъ противниковъ оправдывала и усиливала наши тревоги, и придавала все большее и большее значеніе злу съ которымъ мы боролись. Каждый наступавшій день заставалъ насъ въ новомъ спорѣ. Наша дѣятельность вся на лицо, она вся въ печати, и изо дня въ день можетъ быть провѣрена во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Пусть пересмотрятъ всѣ болѣе важные вопросы которыхъ мы касались и по поводу которыхъ вступали въ полемику съ партіями. Мы готовы предстать предъ самый строгій трибуналъ, лишь бы только онъ былъ правдивъ и нелицепріятенъ, чтобы дать отвѣтъ за каждое наше мнѣніе, за каждое наше слово. Нѣтъ, мы ни въ чемъ не покривили душею, и ни въ одномъ изъ спорныхъ вопросовъ не была доказана неправда или ошибочность нашихъ утвержденій или отрицаній. Добиваясь правды, мы ни съ кѣмъ лично не враждовали, точно также какъ никому лично не дружили. Долгъ нашего служенія воспрещаетъ намъ становиться органомъ какой-либо партіи ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ обществѣ, и вотъ почему полная независимость есть необходимое для насъ условіе. Но если мы не были и не могли согласиться стать чьимъ-либо органомъ, то мы были открыты для всякихъ доброжелательныхъ разъясненій и наученій съ какой-бы то ни было стороны.

Въ эту минуту мы не хотимъ вызывать горечь воспоминаній. Мы не желаемъ чтобъ это слово объясненія приняло характеръ раздражительный. Мы не будемъ перечислять тѣ, впрочемъ всѣмъ памятныя событія, предъ которыми мы останавливались въ изумленіи и смятеніи...

Теперь спрашивается, въ чемъ же состоитъ тотъ промахъ нашъ, въ которомъ мы сочли должнымъ сознаться? Вотъ въ чемъ: когда, по истеченіи года, мы оглянулись обозрѣть его событія, первое что сказалось подъ нашимъ перомъ было то недоброе что давно замѣчали мы въ ходѣ нашихъ дѣлъ и что овладѣвало ими все болѣе и болѣе. Оно само собою стало во главу нашего обзора, и въ его освѣщеніи взглянули мы на все. Мы были подавлены послѣдними впечатлѣніями отходившаго года. Но еслибы мы ограничились только выраженіемъ нашего чувства, и остались бы въ кругу тѣхъ предметовъ къ которымъ оно прямо относится, то мы не имѣли бы повода сѣтовать на себя и ошибки бы не было. Чувство это было правдиво, оно имѣло основаніе, и намъ не за чѣмъ было таить его. Но оно должно было оставаться въ своихъ предѣлахъ, и не слѣдовало полагать его въ основу общей характеристики нашихъ дѣлъ. Не надобно было разливать его горечь на все остальное. Еще разъ: если мы хотѣли продолжать наше дѣло, то мы не должны были терять надежду что все смутное разъяснится, и что правда возьметъ наконецъ свое. Эта укрѣпляющая надежда никогда не покидала насъ въ самыя трудныя минуты: но она не слышится въ тѣхъ статьяхъ нашихъ, и тѣ статьи, дѣйствительно, не оставляли въ умахъ ничего кромѣ унынія и тревоги. Къ этому присоединилось обстоятельство случайнаго свойства, именно самое свойство статьи. Это былъ общій обзоръ многихъ разнородныхъ фактовъ. Сила основнаго мотива звучавшаго во всей статьѣ превратила случайное сопоставленіе какъ бы во внутреннюю связь. Все какъ бы выходило изъ одного и того же источника. Наши старинные хроническіе недуги превратились въ симптомы того остраго недуга который разыгрался на нашихъ глазахъ. Неурядицы на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ стали рядомъ съ событіями въ Вильнѣ. Наши финансы очутились какъ бы въ круговой порукѣ съ дѣлами въ балтійскихъ провинціяхъ.

Почему же намъ было не сознаться въ недостаткахъ статьи когда мы сами видѣли ихъ ясно? Недостатки эти имѣютъ характеръ случайный и не находятся ни

въ какой связи съ вопросомъ о направленіи и характерѣ нашей дѣятельности.

Другой вопросъ: подавали ли тѣ статьи наши о которыхъ идетъ рѣчь *достаточный* поводъ къ административному дѣйствію именуемому предостереженіемъ? Мы въ своемъ дѣлѣ не судьи, и на насъ быть-можетъ нужно было показать примѣръ строгости; но еслибы рѣчь шла о другихъ на нашемъ мѣстѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ, и еслибы спросили нашего мнѣнія, то мы высказались бы противъ. Подобная мѣра можетъ соотвѣтствовать своей цѣли когда поражаетъ направленіе, а не случайность. О каждомъ предметѣ входившемъ въ наше обозрѣніе мы сказали только то что говорили постоянно, говорили настойчиво, съ неменьшею силой выраженія, и что не было ни опровергнуто, ни ослаблено никакими противными доводами.

Есть еще другія причины которыя могли бы отклонить принятіе этой мѣры. Наша газета есть органъ русскаго мнѣнія. Русское мнѣніе есть явленіе новое. До недавняго времени русское общество подчинялось чужому мнѣнію и судило обо всемъ по чужимъ понятіямъ. Русское мнѣніе родилось вмѣстѣ съ національною политикой предначатою нынѣ царствующимъ Государемъ, прямо истекаетъ изъ реформъ Его царствованія, и есть необходимое условіе ихъ успѣха. Не въ господствѣ ли чужаго мнѣнія въ нашихъ высшихъ общественныхъ сферахъ коренится то зло которое сбиваетъ съ толку даже умныхъ, просвѣщенныхъ и въ сущности благонамѣренныхъ людей, ставя ихъ въ противорѣчіе и съ гражданскимъ долгомъ и съ здравымъ смысломъ? Русское національное мнѣніе есть то чего намъ не доставало, и что намъ теперь нужнѣе всего. Это самая надежная опора для правительства національнаго, то-есть такого которое ведетъ свою страну не къ разложенію и расхищенію, а къ укрѣпленію, объединенію и возвышенію всѣхъ ея силъ во благо цѣлаго. Русское національное мнѣніе есть недавняя сила, существованіе которой оспаривается столькими старыми силами, заграничными и внутренними, солидарными между собой во враждѣ и ненависти къ ней. Русскую печать, то-есть рускую не по языку только, а по гражданскому духу, требуется обезпечить и поставить въ условія благопріятныя для развитія, такъ чтобы вся она, какихъ бы то ни было оттѣнковъ мнѣнія, была истинно русскою. Необходимо чтобъ и на Руси было то же что мы видимъ въ каждой странѣ Божьяго міра: мнѣнія терпимыя обществомъ и ограждаемыя закономъ сталкиваются между собой, но остаются на почвѣ одного и того же государства, одной и той же національности, если только страна не распадается на части и въ составѣ государства нѣтъ организованной измѣны подъ видомъ разныхъ политическихъ національностей, образующихъ зачатки государствъ въ государствѣ и вносящихъ въ него принципъ смуты и разложенія. Русское мнѣніе, едва вступившее въ жизнь, нуждается въ доброжелательствѣ, и требуетъ бережнаго съ собою обращенія. Настоятельная необходимость государства требуетъ чтобы собирающій всѣхъ во едино патріотическій духъ и національное чувство господствовали въ умахъ надъ эгоистическими интересами сословій и партій: только при этомъ условіи возможенъ теперь правильный и плодотворный прогрессъ въ Россіи, поддержаніе ея европейскаго положенія, наконецъ самая прочность ея государственнаго бытія. Необходимость эта еще ощутительнѣе въ виду жертвъ которыя духъ космополитизма выхватываетъ изъ нашей молодежи и проклятымъ обманомъ губитъ наши лучшія силы. Что же будетъ когда этотъ растлѣвающій и лживый духъ, подъ предлогомъ либеральныхъ ли, консервативныхъ ли идей, окончательно воцарится въ нашей печати и овладѣетъ у насъ общественнымъ мнѣніемъ?

Странный случай хотѣлъ чтобы въ краткій промежутокъ одного года самые тяжкіе удары пали именно на *русскіе* органы русской печати. Первый палъ *Русскій Инвалидъ*, въ качествѣ политической газеты общаго содержанія. Состоя при одномъ изъ правительственныхъ вѣдомствъ, изданіе это было независимо отъ цензурнаго управленія. Эта относительная независимость изданія, обусловленная его офиціальнымъ характеромъ, стала помѣхой къ продолженію его существованія. Вскорѣ затѣмъ другой несомнѣнно русскій органъ, *Москва*, изнемогъ подъ ударами карательной цензуры быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ. *Москва* дошла до фактической невозможности продолжаться, и наконецъ подверглась формальному запрещенію. А между тѣмъ, каковы бы ни были

проступки этой газеты, навлекшие на нее удары, отъ которыхъ она погибла,—въ политической честности этого органа сомнѣваться не позволительно.

Роковая очередь наконецъ дошла и до нашей газеты. Агитація противъ насъ, въ которой всѣ партіи дѣйствовали заодно, достигла въ послѣднее время крайнихъ предѣловъ. Всѣ, начиная съ заграничныхъ вдохновляемыхъ изданій до подметныхъ листковъ поджигателей нашей молодежи, всѣ требовали нашей головы. Всѣ накликали ударъ на нашу газету, всѣ были увѣрены что онъ послѣдуетъ и съ нетерпѣніемъ ожидали его...

И вотъ, еслибы дѣло шло не о насъ, а о другихъ на нашемъ мѣстѣ, мы, будучи спрошены, посовѣтовали бы обмануть ожиданія этихъ партій и за безвредную случайность не принимать мѣръ строгости противъ органа имѣющаго своею привилегіей соединять въ ожесточенной къ себѣ ненависти всѣ враждебныя русскимъ интересамъ партіи.

Вотъ почему, съ другой стороны, еслибы мы не сознавали за собою погрѣшности въ которой могли сознаться не роняя своего достоинства, то мы должны были бы выдумать ее чтобъ и у друзей, и у враговъ отнять всякій поводъ толковать постигшій насъ ударъ какъ новое пораженіе понесенное русскимъ мнѣніемъ въ Россіи.

Именно такъ сначала и былъ истолкованъ этотъ случай. Лишь только состоялось предостереженіе, телеграфъ изъ Петербурга разнесъ объ этомъ вѣсть повсюду какъ о событіи политическомъ, и берлинскія газеты съ торжествомъ возвѣстили что мы поражены за *анти-прусскій* (sic: не *анти-русскій*, а *анти-прусскій*) образъ мыслей.

Наше объясненіе положило конецъ этимъ толкованіямъ. Оно умалило размѣры „событія;“ оно отняло у него фальшивый трагизмъ. Оно низвело его на степень мелкой случайности. Мы отказались отъ театральнаго парада, мы отдали себя на глумленіе, но отняли у нашихъ противниковъ поводъ торжествовать побѣду надъ дѣломъ которому мы служимъ.

Мы думаемъ что поступили какъ должно.

Б.

Нѣкоторые бессарабскіе помѣщики обращаются къ намъ съ вопросами и недоумѣніями по поводу недавней статьи нашей, касающейся извѣстнаго ходатайства ихъ о разъясненіи и дополненіи Положенія объ устройствѣ быта царанъ. Намъ замѣчаютъ что мы выводимъ поземельныя права царанъ изъ закона 1846 года, не принимая въ соображеніе что повинности слѣдовавшія помѣщику по тому же закону значительно уменьшены въ новомъ Положеніи. Обращенное къ намъ замѣчаніе врядъ ли можно признать вѣрнымъ. Закона 1846 года невозможно было не упомянуть, говоря о царанскомъ дѣлѣ, но законъ этотъ не былъ еще крестьянскою реформой, а потому было бы странно съ нашей стороны проводить такую мысль что вся царанская реформа должна основываться на законѣ 1846 года. Положеніе 14-го іюля 1868 года составлено какъ соглашеніе между общими принципами крестьянской реформы въ Россіи и замѣшанными въ дѣло интересами и правами мѣстными. Облегченіе повинностей есть основное начало крестьянской реформы состоявшей прежде всего въ улучшеніи быта поселянъ. Уменьшая повинности, Положеніе 14-го іюля снимало съ помѣщиковъ лежавшія на нихъ обязанности въ отношеніи царанъ и именно главнѣйшую изъ нихъ —надѣленіе царанъ землею по мѣрѣ прибыли населенія и улучшенія царанскаго хозяйства (увеличенія числа рабочаго скота). При этомъ постановлено для всѣхъ царанъ право на размѣръ надѣла не по закону 1846 г., который на мѣстахъ, по свидѣтельству самихъ бессарабскихъ помѣщиковъ, во многихъ имѣніяхъ не былъ исполненъ, а по нормѣ выработанной на основаніи трудовъ мѣстныхъ коммиссій. Что эта норма выше той которая принята въ Молдавіи и Валахіи, что она вообще высока, это мы сказали въ нашей статьѣ и не говорили о необходимости понизить размѣры обязательнаго надѣла только потому что сами бессарабскіе помѣщики находили теперь несвоевременнымъ ходатайствовать объ уменьшеніи надѣловъ. Они ходатайствовали о разъясненіи и дополненіи Положенія 14-го іюля 1868 года, а не измѣненія онаго. Мы назвали весьма понятными жалобы бессарабскихъ помѣщиковъ на высоту назначеннаго размѣра надѣла и на продолжительность пятилѣтняго срока въ теченіе котораго царане могутъ заявлять свои желанія на счетъ полученія новыхъ и дополнительныхъ размѣровъ.

О пятилѣтнемъ срокѣ мы говорили: „Цѣ-

лыя семь лѣтъ (вмѣстѣ съ годами на введеніе уставныхъ грамотъ) имѣнія должны находиться въ неопредѣленномъ отношеніи и въ нихъ нельзя предпринять ничего окончательнаго." Для облегченія же тягостей возлагаемыхъ на помѣщиковъ высотою надѣла (Положеніе 14-го іюля дало всѣмъ царанамъ, какъ имѣющимъ воловъ, такъ и пѣшимъ, право на тотъ надѣлъ, который по закону 1864 года былъ предоставленъ хозяйствамъ имѣющимъ около двухъ паръ воловъ), мы, согласно съ желаніемъ бессарабскихъ помѣщиковъ, указали на тотъ путь чтобы было уменьшено число царанъ имѣющихъ право на надѣлъ въ имѣніи помѣщика и чтобъ этой части царанъ данъ былъ надѣлъ изъ монастырскихъ земель. Мы говорили о справедливости и возможности такого облегченія, но не имѣя обстоятельныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, не могли, само собой разумѣется, взять на себя сужденій о ближайшихъ подробностяхъ дѣла. Наша задача состояла лишь въ уясненіи тѣхъ пунктовъ, о которыхъ можетъ идти рѣчь. Мы отъ всей души желаемъ благополучнаго исхода этому дѣлу, —такого исхода который справедливо согласилъ бы всѣ интересы.

№ 21.

Москва, 26-го января.

Въ газетѣ *Economist*, по поводу русскаго желѣзно-дорожнаго займа имѣвшаго столь блистательный успѣхъ, высказано нѣсколько замѣчаній насчетъ русскихъ финансовъ, подъ заглавіемъ: „Три неизвѣстные пункта въ русскихъ финансахъ." Англійская газета того мнѣнія что русскому правительству было бы выгодно озаботиться сообщеніемъ этихъ данныхъ къ свѣдѣнію своихъ кредиторовъ: если-де русское правительство легко находитъ кредиторовъ, то нельзя упускать изъ виду что оно платитъ слишкомъ по 6 процентовъ за получаемыя взаймы деньги, а это для великой державы очень дорого, и причина такой дороговизны заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ что дающая взаймы публика не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ русскаго финансоваго дѣла. При желѣзнодорожныхъ займахъ, по словамъ *Economist*, есть три пункта, коихъ разъясненіе могло бы удешевить кредитъ Россіи. Разъясненія денегъ не стоятъ, и понятно что каждому Русскому должно быть крайне интересно узнать какими разъясненіями можетъ быть достигнутъ такой важный для страны результатъ какъ возможность занимать деньги по дешевой цѣнѣ. Припомнимъ что еще недавно, въ 1862 году, при заключеніи 7-го займа на громадную сумму въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, пятипроцентные листы этого займа были пущены въ подписку по цѣнѣ 92 за сто. При нынѣшнемъ займѣ въ 12 милліоновъ фунтовъ цѣна объявлена 80 за сто съ маленькими выгодами составляющими еще $^3/_4$ процента. Разница на капитальной суммѣ доходитъ почти до полутора милліона фунтовъ: не интересно ли выслушать какими такими сообщеніями могла бы Россія купить сбереженіе столь значительной суммы. Газета *Economist* пользуется большимъ авторитетомъ; ея указанія заслуживаютъ вниманія, и если взять ихъ серіозно, то окажется что условія отъ коихъ зависитъ достиженіе такой важной для государства выгоды какъ нельзя болѣе удобоисполнимы, и что стало-быть улучшеніе русскаго государственнаго кредита можетъ обойтись намъ какъ нельзя болѣе дешево.

Три условія о коихъ говоритъ *Economist* суть слѣдующія (начинаемъ съ менѣе важныхъ): вопервыхъ, для владѣльцевъ такихъ облигацій кои гарантированы не правительствомъ, а земствомъ, было бы нужно знать степень состоятельности гарантирующаго земства, какія средства имѣетъ оно для уплаты гарантіи, какими имуществами владѣетъ, какими доходами располагаетъ. Это вовсе-де неизвѣстно иностранной публикѣ, и она полагается единственно на то что гарантія дана земствомъ съ разрѣшенія правительства. Поэтому-де она имѣетъ право ожидать помянутыхъ разъясненій отъ правительства. Впрочемъ, прибавляетъ *Economist*, займовъ съ земскою гарантіей мало, и разъясненіе этого пункта, какъ ни было бы желательно и полезно, не имѣетъ большой важности. Гораздо важнѣе второй пунктъ: требуется знать относительно желѣзныхъ дорогъ гарантированныхъ непосредственно правительствомъ, какіе получаются ими доходы, какіе имѣются виды на ихъ будущее и во что обходится правительству та гарантія которую оно приняло на себя за ихъ состоятельность. Не менѣе важно было бы

знать какъ ведется хозяйство на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и какова чистая прибыль или чистый убытокъ отъ ихъ эксплуатаціи. Читатели видятъ что и эти свѣдѣнія дать не трудно, и что взятыя въ цѣломъ они не могутъ компрометтировать русское желѣзно-дорожное дѣло. Дурное впечатлѣніе могли бы произвести результаты эксплуатаціи только по такимъ линіямъ которыя были сооружаемы въ качествѣ не стратегическихъ, а коммерческихъ, но коихъ эксплуатація показываетъ что разчетъ на ихъ выгодность былъ ошибочный. Полагаемъ однако что и тутъ намъ выгодна полная откровенность. Кредитъ русскаго желѣзно-дорожнаго дѣла требуетъ чтобы малодоходность нѣкоторыхъ линій не была замаскирована смѣшеніемъ ихъ счетовъ со счетами линій выгодныхъ. Лучше пусть неудачныя линіи будутъ выставлены какъ исключеніе и не бросаютъ тѣни на другія.

Наконецъ тотъ пунктъ на которомъ всего болѣе настаиваетъ *Economist* состоитъ въ томъ чтобы публика у коей русское правительство занимаетъ деньги была поставлена въ полную извѣстность на счетъ русскихъ государственныхъ финансовъ, то-есть чтобы свѣдѣнія сообщаемыя ей не ограничивались обнародуемыми бюджетами, или иначе смѣтами, а распространялись и на дѣйствительное исполненіе смѣтъ. Нашимъ читателямъ извѣстно что это требованіе уже исполняется обнародованіемъ контрольныхъ отчетовъ о дѣйствительномъ выполненіи бюджета. Газета *Economist* не скрываетъ что и ей это не безызвѣстно, и желаніе ея состоитъ въ сущности только въ томъ чтобы труды контрольнаго вѣдомства по этой части были хоть въ извлеченіи излагаемы въ какомъ-нибудь правительственномъ изданіи на одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ западной Европы. Полагаемъ что къ тому не можетъ встрѣтиться препятствія, и что потому остается только желать чтобъ это дѣло дѣйствительно оказалось имѣющимъ ту важность, которую придаетъ ему газета *Economist*.

Годовые отчеты государственнаго контроля объ исполненіи государственныхъ росписей составляются и публикуются теперь съ примѣрною акуратностью; мы имѣемъ три такіе отчета (за 1866, 1867 и 1868 гг.), и сравнительное изученіе ихъ въ самомъ дѣлѣ даетъ возможность ознакомиться точнымъ образомъ съ финансовыми силами Россіи и съ порядкомъ управленія ими. Опубликованіе государственной росписи было само по себѣ далеко недостаточно для такой цѣли, въ особенности когда дѣйствительныя цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ до такой степени разнятся отъ бюджетныхъ, какъ у насъ, когда сверхсмѣтные кредиты достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ и когда пользованіе государственнымъ кредитомъ получаетъ такое ненормальное развитіе что даже превосходитъ нужды по покрытію бюджетныхъ дефицитовъ. Только что появившійся контрольный отчетъ за 1868 годъ излагаетъ финансовые результаты займовъ послѣднихъ годовъ и ихъ употребленіе; въ этихъ данныхъ заключается значительное приращеніе свѣдѣній. То же должно сказать о полномъ исчисленіи въ отчетѣ за 1868 годъ всѣхъ долговъ государственнаго казначейства и долговъ казначейству. Этихъ необходимыхъ данныхъ для сужденія о финансовомъ положеніи государства у насъ до сихъ поръ не было; онѣ были разбросаны по счетамъ различныхъ учрежденій и въ различныхъ правительственныхъ документахъ; нигдѣ даже не было сосредоточено счетоводство по государственному долгу Имперіи, въ его разнообразныхъ видахъ, и частнымъ изслѣдователямъ стоило не мало труда свести цифры государственнаго долга къ одному болѣе или менѣе достовѣрному итогу. Этотъ пробѣлъ пополненъ нынѣ государственнымъ контролемъ. Во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ есть черты неблагопріятныя, но онѣ ничто предъ тѣмъ что обыкновенно предполагается и подозрѣвается, а потому знакомство съ полною истиной можетъ быть лишь выгодно для государственнаго кредита Россіи.

Наиболѣе любопытная сторона новаго контрольнаго отчета есть сравненіе исполненія государственной росписи 1868 г. съ 1866 и 1867 годами. Постараемся указать на самые крупные результаты, ничего въ нихъ не прикрашивая.

Всѣхъ государственныхъ доходовъ (обыкновенныхъ и оборотныхъ безъ экстраординарныхъ рессурсовъ) по росписи 1868 года поступило 421 милл., менѣе противъ смѣты на $4\frac{1}{2}$ милл.; по однѣмъ статьямъ болѣе на $17\frac{3}{10}$ милл. (преимущественно по питейному, табачному, свеклосахарному, таможенному, гербовому, лѣсному

доходамъ), по другимъ—менѣе на $22^{2}/_{10}$ милл. (преимущественно по соляному, монетному, горному, земскому доходамъ). Изъ этого можно заключить что ошибочность смѣтныхъ предположеній колеблется у насъ въ предѣлахъ огромной цифры 40 милл.; столь очевидная неточность въ ожидаемыхъ цифрахъ государственныхъ доходовъ должна обусловливать нѣкоторую шаткость и въ финансовыхъ операціяхъ. Это недостатокъ, но недостатокъ редакціи бюджета, а не финансовъ государства.

Чтобы сравнить движеніе государственныхъ доходовъ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ нужно исключить изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ доходы по Царству Польскому (26 милл.), вошедшіе въ общую государственную роспись только въ 1867 и 1868 годахъ, и сборы по туркестанскому генералъ-губернаторству ($1^{1}/_{10}$ милл.), показанные только въ 1868 году. Тогда мы получимъ слѣдующія цифры:

за 1866	годъ	352.700.000	руб.
„ 1867	„	393.700.000	„
„ 1868	„	420.200.000	„

Такое значительное (болѣе чѣмъ на 16%) возрастаніе государственныхъ доходовъ въ теченіи одного трехлѣтняго періода произошло преимущественно отъ постоянно и непрерывно усиливающагося поступленія доходовъ отъ торговыхъ сборовъ, табачнаго и свеклосахарнаго акцизовъ, гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ, почтъ, телеграфовъ и казенныхъ лѣсовъ и отъ прямыхъ податей. Только этотъ послѣдній доходъ усилился отчасти отъ возвышенія самаго размѣра налога (подушныхъ съ сельскихъ обывателей), всѣ же прочіе упомянутые источники, которыми всего лучше характеризуется уровень народнаго благосостоянія, возрасли сами собою, вслѣдствіе естественнаго возвышенія этого уровня, успѣховъ промышленности, увеличенія потребленія и размноженія денежныхъ оборотовъ и имущественныхъ сдѣлокъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно значительное возрастаніе доходовъ отъ гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ (съ 8 милл. 718 т. въ 1866 г. до 9 м. 596 т. въ 1868 г.), которыя служатъ весьма чувствительнымъ термометромъ движенія народнаго хозяйства и которыхъ доходность не такъ еще давно, при крайнихъ недостаткахъ всей системы нашихъ актовыхъ налоговъ, скорѣе уменьшалась чѣмъ возрастала. Съ устраненіемъ этихъ недостатковъ, въ проектируемыхъ нынѣ новыхъ уставахъ о крѣпостныхъ и гербовыхъ пошлинахъ, должно надѣяться что эта статья дастъ, безъ всякаго отягощенія для народа, еще гораздо болѣе обильные результаты для казны, какъ это видно въ другихъ государствахъ, покрывающихъ актовыми налогами значительную часть своихъ бюджетовъ. Но уже та эластичность этихъ сборовъ которая доселѣ обнаружилась будетъ новостью для западно-европейской публики и произведетъ самое благопріятное впечатлѣніе.

По другимъ источникамъ, каковы въ особенности таможенные и питейные сборы, оказываются колебанія достаточно объяснимыя какъ характеромъ этихъ источниковъ, такъ и пороками самой системы пользованія у насъ этими сборами, что въ особенности должно быть отнесено къ таможенному тарифу.

Какъ бы то ни было, приведенные нами факты, точность которыхъ не можетъ быть подвержена сомнѣнію, изобличаютъ нагляднымъ образомъ лживость тенденціозныхъ показаній относительно оскудѣнія финансовыхъ силъ Россіи; они закрываютъ ротъ большинству западно-европейской печати, говорящей въ этомъ случаѣ въ одинъ тонъ съ нашими *консервативно-радикальными* органами. Но съ другой стороны, прибавимъ кстати, тѣ же самые факты воспрещаютъ ссылаться на бѣдность Россіи для оправданія неисправимыхъ будто бы погрѣшностей нашей финансовой системы, отзывающихся тяжкимъ гнетомъ на нашихъ промышленныхъ дѣлахъ и народномъ трудѣ. Таковы рѣзкіе недостатки личныхъ податей, таково разстройство нашего бумажнаго денежнаго обращенія, выпуски ассигнацій, безпрерывно обезцѣнивающіе паденіемъ монетной единицы всѣ денежные капиталы, отнимающіе охоту къ сбереженіямъ, дѣлающіе невозможными правильные промышленные и коммерческіе разчеты. Но все это отнюдь не секретъ для европейскихъ биржъ; обо всемъ этомъ идутъ повсюду толки и пересуды. Напротивъ, почти нигдѣ не идетъ рѣчи о томъ что источники государственныхъ доходовъ обладаютъ достаточною способностью естественнаго развитія, и могутъ стать, при раціональномъ способѣ употребленія, благонадежными силами для созданія правильной финансовой системы. Не увеличеніемъ по-

датной тяжести, возраставшей у насъ въ послѣдніе годы съ несообразнымъ отягощеніемъ земледѣльческаго населенія, а болѣе справедливымъ ея распредѣленіемъ между разными группами плательщиковъ податей, можно усилить способы нашего государственнаго бюджета и открыть путь къ ихъ естественному возрастанію даже гораздо болѣе значительному чѣмъ какое оказалось въ разсматриваемый трехлѣтній періодъ времени, такъ сказать наперекоръ всѣмъ дѣйствующимъ недостаткамъ нашей податной системы.

Въ числѣ статей доходовъ оказывающихся ниже ожиданій бюджета, упомянемъ о доходахъ отъ казенныхъ горныхъ заводовъ, по которымъ чистыхъ прибылей для казны, конечно, не можетъ быть, но которыхъ убытки (вслѣдствіе возрастанія расходовъ и уменьшенія выручки отъ производства) постоянно возрастаютъ. Въ этомъ можно прямо сознаться съ большою выгодой для русскаго кредита. Это одинъ изъ весьма краснорѣчивыхъ примѣровъ возможности усиленія способовъ государственнаго казначейства безъ отягощенія плательщиковъ податей: казенные горные заводы ежегодно приносятъ милліоны убытковъ казнѣ; и высшее правительство и публика давно сознали необходимость прекращенія ихъ дѣйствій, а между тѣмъ они не только дѣйствуютъ, но и развиваются....

Взглянемъ наконецъ на общіе результаты въ движеніи расходовъ за обозрѣваемый трехлѣтній періодъ; эта часть государственнаго бюджета въ гораздо большей степени чѣмъ источники доходовъ находится въ зависимости отъ воли и распорядительности правительственныхъ лицъ, которыя только косвеннымъ образомъ могутъ давать то или другое движеніе доходамъ государства, а на расходы его дѣйствуютъ непосредственно. Съ перваго взгляда движеніе нашихъ государственныхъ расходовъ представляется вообще довольно благопріятнымъ. Общіе ихъ итоги (безъ расходовъ на желѣзныя дороги, покрываемыхъ экстраординарными рессурсами) были слѣдующіе:

въ 1866 г.	„	413.300.000 р.
„ 1867 „	„	424.900.000 „
„ 1868 „	„	441.400.000 „

Эти цифры даютъ не болѣе 7% приращенія за весь трехлѣтній періодъ, что въ сравненіи съ 16% приращенія въ доходахъ представляется почти блистательнымъ результатомъ. Но этотъ выводъ тѣмъ болѣе обязываетъ къ безусловному устраненію дефицитовъ, которые однакоже держатся до сихъ поръ, несмотря на значительные остатки отъ государственныхъ займовъ не прерывающихся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и превысившихъ надобности этого времени. Правда, дефициты значительно уменьшились съ 1866 г. (съ 60 до 20 милл.). Но могло ли быть иначе когда доходъ до такой степени превышалъ возрастаніе расходовъ, когда Россія наслаждалась во все это время внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ и самыми благопріятными для поправленія финансовъ условіями и когда было заключено одинъ за другимъ столько новыхъ займовъ что въ теченіи трехъ лѣтъ 1864—1866 г. они составили 237 милл. (не считая даже выпусковъ серій и кредитныхъ билетовъ)? При этихъ обстоятельствахъ позволительно было бы ожидать совершеннаго устраненія дефицита, но онъ все-таки составилъ въ 1868 году весьма почтенную цифру 19.000.700. и по всей вѣроятности не будетъ много ниже этой цифры и въ 1869 и 1870 гг., такъ какъ и въ 1868 г. предвидѣнный по росписи дефицитъ не долженъ былъ превысить 12 милл. Одною изъ наиболѣе бросающихся въ глаза причинъ нашихъ дефицитовъ, сдѣлавшихся хроническими, служатъ непрекращающіеся сверхсмѣтные расходы, которые и въ 1868 г. составляли до 30 милл., и за 1869 годъ, какъ слышно, удержатся около этой цифры. Экстраординарные, сверхбюджетные кредиты составляютъ, конечно, великое финансовое зло, особенно когда такіе кредиты не вызваны чрезвычайными государственными обстоятельствами и обусловлены преимущественно непредусмотрительностію господствующею при составленіи смѣтъ. Разсматривая предметы сверхсмѣтныхъ ассигнованій, нельзя не убѣдиться что они рѣдко оправдываются экстренными, непредвидѣнными до начала года и безотлагательными до слѣдующаго смѣтнаго періода надобностями. Наконецъ сверхсмѣтные расходы, назначавшіеся весьма часто, какъ это видно изъ контрольнаго отчета, вслѣдствіе дороговизны товарныхъ цѣнъ и колебаній иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, отчасти обусловлены шаткостью монетной единицы, неизбѣжною при выпускахъ бумажныхъ денегъ. Государственный банкъ, узаконившій это явленіе въ такой степени, въ какой оно не было терпимо нашимъ правительствомъ даже въ

эпохи народныхъ бѣдствій и войнъ, какъ бы забылъ о задачѣ своего учрежденія и устава, въ которомъ исправленіе бумажнаго денежнаго обращенія было возложено на него какъ главная его обязанность. Но какъ это ни прискорбно, кредитъ государства только выиграетъ, если распространится убѣжденіе что и устраненіе бюджета и упроченіе денежной валюты суть гораздо болѣе вопросы административной распорядительности нежели финансовыхъ средствъ страны. Кредиту всего вреднѣе господствующее теперь въ западной Европѣ фальшивое представленіе о неисправимости русскихъ финансовъ, какія бы старанія ни были къ тому прилагаемы.

№ 22.

Москва, 27-го января.

Слухи о предположеніяхъ и проектахъ министерства путей сообщенія начинаютъ привлекать къ себѣ оживленное вниманіе публики.

Въ прошломъ году, въ личномъ составѣ министерства путей сообщенія, произошли крупныя перемѣны. Нѣсколько лицъ не принадлежащихъ къ числу техниковъ и не служившихъ до тѣхъ поръ въ министерствѣ заняли въ немъ самыя важныя должности. Намъ неизвѣстна ни причина, ни цѣль этихъ перемѣнъ. Мы можемъ лишь догадываться что появленіе лицъ не претендующихъ на званіе техниковъ какъ въ совѣтѣ министерства, такъ и во главѣ отдѣльныхъ частей управленія свидѣтельствуетъ о заботахъ направленныхъ къ устройству собственно законодательной и административной части дѣла. Нельзя не сознаться что законодательство въ отношеніи къ путямъ сообщенія находится у насъ еще въ зародышѣ, что въ немъ много пробѣловъ и что вслѣдствіе его неопредѣленности приходится часто отступать отъ принятаго плана дѣйствій. Особенно неудовлетворителенъ способъ управленія шоссейными и водяными сообщеніями.

Если вѣрить толкамъ, проникающимъ и въ газеты, то министерство путей сообщенія имѣетъ предположенія дѣйствительно грандіозныя, которыя должны повести къ полному перевороту въ существующихъ порядкахъ. Было офиціально объявлено что устройство самаго министерства подвергнется коренному измѣненію. Уже теперь назначены, въ качествѣ помощниковъ министра, съ особыми широкими правами, отдѣльные начальники a) желѣзныхъ дорогъ и b) водяныхъ сообщеній и шоссе. Еще недавно газеты были наполнены толками объ образованіи желѣзнодорожныхъ округовъ на манеръ шести большихъ французскихъ компаній. Мы имѣемъ однако свѣдѣнія изъ источника уважительнаго, что серіозная рѣчь шла не столько о проектѣ желѣзнодорожныхъ округовъ, сколько о томъ чтобъ установить шесть округовъ правительственной *инспекціи* рельсовыхъ путей. Не подалъ ли однако повода къ толкамъ объ округахъ неудачный и теперь уже оставленный проектъ концессіи на продажу Московско-Курской желѣзной дороги, съ чѣмъ предполагалось соединить постройку 1.500 в. главныхъ и второстепенныхъ линій? Какъ бы ни были неосновательны слухи объ округахъ, во всякомъ случаѣ можно считать вѣрнымъ что администрація считаетъ продажу казенныхъ дорогъ дѣломъ своевременнымъ, и что она занята различными комбинаціями соединенія продажи южныхъ дорогъ съ сооруженіемъ примыкающихъ къ нимъ линій. Много говорятъ о скорой выдачѣ концессіи на дорогу отъ Бреста въ Бердичевъ или Жмеринку съ продажей концессіонеру или всей Кіево-Балто-Волочиской желѣзной дороги или участка ея отъ Кіева до Жмеринки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается продать линію отъ Одессы на Балту и отъ Балты до Волочиска вмѣстѣ съ Кишиневскою и Балто-Елисаветградскою дорогами и съ сооруженіемъ дорогъ отъ Кіева до Елисаветграда и отъ Кишинева до Яссъ. Съ постройкою Николаевской линіи (отъ Николаева до одной изъ станцій Елисаветградъ-Кременчугской дороги) предполагается соединить продажу Елисаветградъ-Кременчугской дороги. Балто-Елисаветградскую дорогу причисляютъ къ той или другой группѣ, но считаютъ вѣроятнѣйшимъ что вся линія изъ Балты чрезъ Елисаветградъ въ Кременчугъ будетъ отдана въ однѣ руки съ обязанностью построить дорогу изъ Кіева на Елисаветградъ въ Николаевъ съ двумя малыми вѣтвями. Въ такомъ случаѣ вся линія Кіево-Балтская съ вѣтвями къ Кишиневу, Волочиску и Бресту-Литовскому, могла бы составить одно цѣлое, которое дѣйствительно было бы выгодно для эксплуатаціи.

Впрочемъ повидимому окончательно опредѣленъ лишь самый принципъ продажи дорогъ, а подробности комбинаціи подлежатъ еще обсужденію.

Всѣ шоссейные пути имперіи предполагается, слышно, передать въ вѣдѣніе земства, а въ губерніяхъ гдѣ земскія учрежденія не введены, они должны поступить въ вѣдѣніе губернскихъ правленій. Составлена коммиссія для разработки условій, на которыхъ важнѣйшее изъ нашихъ искусственныхъ водяныхъ сообщеній, Маріинская система, можетъ быть передана въ завѣдываніе купечества. Въ этой послѣдней мѣрѣ иные готовы видѣть приступъ къ передачѣ въ частныя руки большей части нашихъ каналовъ. Такимъ образомъ по всѣмъ частямъ вѣдомства путей сообщенія предполагаются дѣйствительно глубокія измѣненія.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о помянутыхъ проектахъ. Къ сожалѣнію, *Правительственный Вѣстникъ* крайне скупо знакомитъ публику съ административными предположеніями и оставляетъ полный просторъ всяческимъ толкамъ. Неизвѣстно почему предполагается передать напримѣръ Маріинскую систему купечеству,—потому ли что казна затрудняется затратить восемь или десять милліоновъ рублей необходимыхъ на исправленіе помянутой системы, или потому что и по части водяныхъ сообщеній предпочитается теперь частное управленіе казенному, или наконецъ потому что именно это водяное сообщеніе завѣдуется казной неудачно и что надобно принять какую-нибудь дѣйствительную мѣру для удовлетворенія безчисленныхъ законныхъ жалобъ. Публикѣ неизвѣстны также мотивы проекта объ округахъ инспекціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Будетъ ли это простымъ распредѣленіемъ занятій инспекторовъ, вызваннымъ трудностію наблюденія чрезъ посредство одного главнаго инспектора за быстро расширяющеюся теперь сѣтью желѣзныхъ дорогъ, или же дѣло идетъ объ усиленіи власти инспекціи и объ измѣненіи отношеній ея къ правленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Надобно думать что проектъ этотъ имѣетъ въ основаніи своемъ и тѣ и другіе мотивы. До сихъ поръ сколько-нибудь дѣйствительная власть по инспекціи желѣзныхъ дорогъ принадлежала главному инспектору, а должности инспекторовъ линій и ихъ помощниковъ были синекурами, правда, довольно скудными по содержанію, но за то на дорогахъ уже построенныхъ синекурами въ полномъ значеніи этого слова. Чѣмъ важнѣе перемѣны проектируемыя въ министерствѣ путей сообщенія, тѣмъ желательнѣе чтобы *Правительственный Вѣстникъ* ознакомилъ съ ними публику.

Пересмотръ законодательства о шоссейныхъ путяхъ есть потребность настоятельная. Со времени изданія дѣйствующихъ законовъ относящихся къ этимъ путямъ, значеніе ихъ совершенно измѣнилось. Проведеніе рельсовыхъ дорогъ отняло у шоссейныхъ путей значеніе государственное и перевело ихъ въ разрядъ интересовъ губернскихъ. Сколько-нибудь значительные переѣзды и перевозы совершаются теперь по рельсамъ положеннымъ большею частію параллельно шоссейнымъ дорогамъ; но этимъ послѣднимъ движеніе поддерживается лишь между мѣстностями непосредственно къ нимъ прилегающими, и притомъ на разстояніяхъ небольшихъ сравнительно съ прежними переѣздами. Лишь неурядица въ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ недавно грозила возвратить шоссейнымъ дорогамъ утраченное ими значеніе дорогъ государственныхъ...

Въ прошломъ году мы имѣли случай обратить вниманіе на теперешнее положеніе нашихъ шоссейныхъ дорогъ, причемъ само собою явились на видъ удобства передачи ихъ въ вѣдѣніе земства, которому вообще поручено завѣдываніе губернскими путями сообщенія. Съ тѣхъ поръ намъ не попадалось такихъ фактовъ, которые могли бы разубѣдить насъ въ нашихъ соображеніяхъ. Напротивъ, стали извѣстны новые факты говорящіе въ пользу передачи. Земство во многихъ мѣстахъ обнаружило заботливость о путяхъ сообщенія и взялось за сооруженіе шоссейныхъ дорогъ. Особенно занялись этимъ земства Московской и Петербургской губерній. Этотъ фактъ утверждаетъ въ мысли что земство можетъ съ успѣхомъ принять на себя завѣдываніе всѣмъ этимъ дѣломъ.

Въ настоящее время на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находится проектъ о предоставленіи земствамъ права гарантировать постройку побочныхъ вѣтвей желѣзнодорожныхъ линій, или мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ утвержденіемъ этого проекта передача земству шоссейныхъ

путей будетъ еще полезнѣе: она сосредоточитъ въ рукахъ земства всю совокупность сообщеній губерніи что дастъ возможность вести дѣло губернскихъ сообщеній съ большею стройностью и обдуманностью.

Самый трудный вопросъ при передачѣ земству шоссейныхъ дорогъ касается суммъ, ассигнуемыхъ изъ государственнаго казначейства. Вопросъ этотъ тѣмъ важнѣе что наши шоссейныя дороги строились въ видахъ большаго движенія, какъ пути государственные, и что входящія въ составъ ихъ сооруженія не соотвѣтствуютъ размѣрамъ движенія свойственнаго губернскимъ путямъ сообщенія. Эти сооруженія: большія станціи, мосты и пр. придется на первое время поддерживать, и было бы не справедливо отнести такіе расходы на мѣстные сборы. Съ другой стороны усиленіе средствъ земства приплатами изъ казначейства на содержаніе шоссейныхъ дорогъ дало бы земству возможность успѣшнѣе заняться приведеніемъ мѣстныхъ путей сообщенія въ надлежащій видъ. Мы однажды упоминали что сбереженія по содержанію шоссе было бы весьма раціонально обратить на содѣйствіе постройкамъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Счеты по сооруженію шоссейныхъ дорогъ чрезвычайно запутаны; на шоссе шли средства и государственнаго казначейства, и земскихъ сборовъ. Привести эти счеты въ ясность, какъ извѣщаютъ петербургскія газеты, поручено теперь полковнику Казнакову. Тою же запутанностью счетовъ объясняется крайняя неудовлетворительность сдѣланнаго въ 1866 году московскому земству предложенія о принятіи въ земское вѣдѣніе Ярославскаго, Рязанскаго и Серпуховскаго шоссе. По разъясненіи дѣла въ земскомъ собраніи, оказалось что правительство предлагаетъ земству принять на себя по меньшей мѣрѣ 64 т. р. такихъ расходовъ которыхъ прежде земство не несло.

Законодательное признаніе шоссейныхъ дорогъ губернскими должно измѣнить во многомъ техническія условія ихъ содержанія: ширину шоссейной коры, размѣры необходимыхъ сооруженій и пр. И въ этомъ отношеніи, земства, знакомыя съ потребностями мѣстныхъ сообщеній, могли бы дать полезныя указанія.

Проектъ измѣненія подушнаго сбора рѣшено разослать на обсужденіе земскихъ собраній. Не было ли бы полезно сдѣлать то же самое и съ проектомъ о передачѣ шоссейныхъ дорогъ въ вѣдѣніе земства?

№ 23.

Москва, 28-го января.

Намъ еще разъ приходится перемолвиться съ газетой графа Бисмарка. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* слилась съ хоромъ голосовъ такъ внезапно прорвавшихся въ послѣднее время изъ петербургскихъ трущобъ, и весьма знаменательно оттѣнила ихъ своимъ басомъ.

Мы не хотѣли бы пускаться въ дальнѣйшія безплодныя препирательства съ берлинскою газетой, но она вынуждаетъ насъ къ тому своими настояніями, на которыя нельзя не обратить вниманія. Она слишкомъ важная особа, и быть-можетъ обидѣлась бы нашимъ молчаніемъ.

Органъ графа Бисмарка также обвиняетъ насъ въ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ. Онъ, какъ читателямъ нашимъ извѣстно, главнымъ образомъ обвиняетъ насъ въ томъ что мы добиваемся правды, заботимся о провѣркѣ истины и не соглашаемся обманывать нашихъ согражданъ. Обвиненіе это было высказано en toutes lettres...

Невольно подумаешь что мы не на яву, а въ какомъ-то грубо-фантастическомъ сновидѣніи. Людямъ гласно и безъ обиняковъ ставятъ въ укоръ ихъ уваженіе къ правдѣ. Точно также ставится людямъ въ вину патріотическій образъ мыслей; точно также объявляютъ мятежниками предъ правительствомъ людей за то что они служатъ интересамъ своего государства и принимаютъ къ сердцу волю и предначертанія своего Государя, возвѣщенныя предъ цѣлою страной...

Поставивъ намъ въ капитальную вину Sichtung der Wahrheit, *Сѣверо-Германская Газета*, въ своихъ новыхъ противъ насъ выходкахъ, утверждаетъ что будто мы исполнены систематической враждебности къ Пруссіи и умышленно выставляемъ въ превратномъ видѣ дѣла этой страны. Это какъ бы своего рода предостереженіе которое дѣлаетъ намъ органъ графа Бисмарка. Мы недавно подверглись укору за то что представили въ превратномъ видѣ дѣла нашего отечества; намъ

достается еще выслушать что мы погрѣшили такимъ же образомъ противъ прусскихъ дѣлъ. Поводомъ къ обвиненію служатъ нѣсколько словъ сказанныхъ нами о прусскихъ дѣлахъ въ общемъ обзорѣ европейскихъ событій за минувшій годъ который представили въ № 1-мъ нашей газеты за нынѣшній годъ. Вотъ какъ опасны бываютъ обзоры событій за минувшій годъ!

Такъ какъ теперь правиломъ для людей поставляется неуваженіе къ правдѣ, то любопытно посмотрѣть поближе какъ практикуется эта новая добродѣтель въ *Сѣверо-Германской Газетѣ*.

Вотъ что было сказано въ упомянутой статьѣ нашей о прусскихъ дѣлахъ:

„Прусское правительство тоже обременено заботами о своемъ внутреннемъ устройствѣ и о согласномъ дѣйствіи многосложнаго механизма трехъ парламентовъ: собственно прусскаго, сѣверогерманскаго и общегерманскаго пошлиннаго. За объединеніе Германіи, какъ прежнимъ прусскимъ провинціямъ, такъ и новымъ, приходится расплачиваться лишнимъ бременемъ налоговъ, что, вмѣстѣ съ непривычною для новыхъ областей тягостью строгаго военнаго закона, порождаетъ неудовольствіе и оппозицію, которая пока сдерживается лишь патріотическимъ согласіемъ націи съ правительствомъ въ виду національной общегерманской задачи. Въ финансы Пруссіи, доселѣ замѣчательно цвѣтущіе, начинаетъ вкрадываться дефицитъ. Для замиренія всеобщаго неудовольствія прусское правительство надѣется на сдѣланную имъ уступку, въ смыслѣ административной децентрализаціи, чрезъ введеніе новаго земскаго устава, который однако съ замѣчательною, свойственною ему предусмотрительностію, оно не примѣняетъ къ Познани, не полагая чтобы въ этой провинціи достаточно сильно укоренился германскій элементъ.“

Есть ли въ этихъ словахъ хоть тѣнь желанія представить прусскія дѣла въ превратномъ видѣ? Съ точки зрѣнія правды, слова эти не подлежатъ спору, и укорить ихъ можно развѣ только въ томъ что они слишкомъ блѣдно характеризуютъ дѣйствительное положеніе. Но именно тѣмъ-то мы и виноваты что слова наши, при всей мягкости своего тона, все-таки говорятъ правду, между тѣмъ какъ требуется неправда.

Припомнимъ событія. Въ засѣданіяхъ берлинской палаты депутатовъ 29-го и 30-го января минувшаго года вотированы законы наложившіе секвестръ на имѣнія экс-короля Ганноверскаго и экс-курфирста Гессенскаго. Распоряженія этого требовала безопасность государства; такъ оно и было мотивировано, и противъ этого мы ничего не имѣемъ сказать. Надобно было покончить съ „гитцингенскими“ и другими интригами, которыя поддерживали волненіе въ населеніяхъ. Мѣра была принята, однако неудовольствіе въ населеніяхъ осталось. Вспомнимъ надѣлавшее столько шуму дѣло о Целльскомъ памятникѣ сломанномъ, вопреки судебному запрету, расположеннымъ въ Целлѣ прусскимъ гарнизономъ, который усмотрѣлъ тутъ анти-правительственную со стороны населенія демонстрацію, такъ какъ означенный памятникъ сооруженъ былъ въ честь ганноверскихъ воиновъ павшихъ при Лангензальцѣ. Вспомнимъ какой протестъ встрѣтило это происшествіе въ палатѣ депутатовъ. Вспомнимъ затѣмъ выборъ въ рейхстагъ „партикуляриста“ профессора Эвальда, и довольно холодный пріемъ оказанный въ Ганноверѣ королю Вильгельму при объѣздѣ имъ, минувшимъ лѣтомъ, новыхъ провинцій. Отношенія Пруссіи къ другимъ присоединеннымъ областямъ были не лучше. Съ бывшимъ вольнымъ городомъ Франкфуртомъ также возникали болѣе или менѣе прискорбныя недоразумѣнія. Такъ послѣ извѣстной (состоявшейся 6-го марта) сдѣлки о сдачѣ прусскому правительству движимости города Франкфурта,—сдѣлки долго тянувшейся, возбуждавшей страсти и устроившейся благодаря только великодушію короля Вильгельма, который къ двумъ милліонамъ талеровъ ассигнованнымъ въ вознагражденіе Франкфурту палатой, прибавилъ изъ своей кассы еще третій милліонъ,—новыя неудовольствія были порождены репрессивными мѣрами принятыми относительно молодыхъ франкфуртскихъ гражданъ, которые, съ цѣлью избѣжать тяжелой военной повинности, записывались въ число гражданъ Швейцаріи. Въ самомъ Берлинѣ, наконецъ, недавно произошелъ скандалъ тѣмъ болѣе непріятный для правительства что онъ затѣянъ былъ въ столь преданной ему обыкновенно палатѣ господъ, и притомъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ ея, который еще въ 1867 году былъ

министромъ юстиціи. Мы разумѣемъ графа Цуръ-Липпе, который внесъ въ палату „партикуляристское“ предложеніе, требуя огражденія отдѣльной законодательной дѣятельности прусскаго сейма отъ посягательствъ со стороны сѣверо-германскаго союзнаго сейма. Ударъ этотъ былъ отведенъ только вслѣдствіе особенныхъ усилій графа Бисмарка, который изъ своего Фарцинскаго уединенія, въ извѣстномъ письмѣ къ вице-президенту князю Путбусу, заклиналъ своихъ друзей въ палатѣ отвергнуть предложеніе графа Цуръ-Липпе.

Вотъ факты далеко превосходящія своимъ значеніемъ два слова сказанныя по этому предмету въ нашей статьѣ, которая тутъ же свидѣтельствовала что всѣ эти элементы недовольства и розни сдерживаются „патріотическимъ согласіемъ націи съ правительствомъ въ виду національной общегерманской задачи.“

Переходимъ къ финансамъ. Мы сказали что въ бюджетъ Пруссіи „начинаетъ закрадываться дефицитъ.“ Вотъ все что сказали мы, а насъ упрекаютъ что мы представляемъ финансовое положеніе Пруссіи въ мрачномъ видѣ и разсказываемъ нашей публикѣ о совершенномъ разстройствѣ прусскихъ финансовъ. *Сѣверо-Германская Газета* развязно острятъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: „*Московскія Вѣдомости*, „разсказывая своимъ читателямъ сказку о „разстройствѣ прусскихъ финансовъ, конечно не повредятъ этою *ложью* (какова „сила выраженія!) кредиту Пруссіи, но вымыселъ московской газеты можетъ причинить тяжкіе ущербы ея же соотечественникамъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи.“

Итакъ, вся бѣда въ словѣ „дефицитъ“ которое мы употребили. Но это слово было господствующимъ мотивомъ въ финансовой жизни Пруссіи за 1869 годъ: „дефицитъ“ повелъ даже къ маленькому министерскому кризису. Въ продолженіе всего года о „дефицитѣ“ не умолкали прусскія газеты, особенно офиціозныя, и именно *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Припомнимъ вкратцѣ относящіеся сюда любопытные факты.

Въ концѣ мая прошлаго года была внесена въ сѣверо-германскій рейхстагъ знаменитая меморія (Denkschrift) бывшаго министра финансовъ г. фонъ-деръ-Гейдта, изображавшая положеніе прусскаго бюджета дѣйствительно самыми мрачными красками и исчислившая дефицитъ въ 11 милліоновъ талеровъ. Меморія эта послужила сигналомъ къ достопамятному междуусобію въ прусской журналистикѣ: съ одной стороны независимыя газеты, не скрывая нѣкотораго разстройства въ финансовомъ положеніи вслѣдствіе значительныхъ вызванныхъ недавними событіями пожертвованій, энергически однако возставали противъ заявленій г. фонъ-деръ-Гейдта, упрекали его въ преувеличеніи и въ невѣрномъ сопоставленіи цифръ, въ *Schwarzmalerei* и *Schwarzseherei*. Но офиціозная печать, а особенно *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, ближайшій органъ графа Бисмарка, пѣли въ одну ноту съ меморіей. О разстройствѣ прусскихъ финансовъ, о дефицитѣ кричали эти органы благимъ матомъ. Рѣчь шла не о томъ что дефицитъ закрадывается, какъ выразились мы съ достодолжною мягкостью, а именно о разстройствѣ финансовъ Пруссіи чего мы не говорили и въ чемъ однако обвиняетъ насъ означенная газета. Съ каждымъ днемъ борьба разгоралась все болѣе; отъ рейхстага требовали чтобъ онъ утвердилъ проектированные правительствомъ, для поправленія своихъ финансовъ, налоги на самые разнородные предметы: на водку и петролей, на пивной солодъ и на вексельный штемпель, на барду и на биржевыя сдѣлки. Министерство грозило, въ случаѣ отказа, всевозможными ужасами: сокращеніемъ „самыхъ полезныхъ и необходимыхъ“ расходовъ, 50% надбавкой къ подоходному налогу и классной подати и т. д. Рейхстагъ остался непреклоненъ, и отвергъ проекты правительства значительнымъ большинствомъ. Затѣмъ, въ собравшемся около этого времени (юнь 1869) иошлинномъ парламентѣ, графъ Бисмаркъ возобновилъ попытку провести налогъ на петролей, но и тутъ безъ успѣха, хотя въ награду за принятіе этого налога онъ обѣщалъ внесеніе въ парламентъ проекта тарифной реформы, которая всѣхъ интересовала. По объясненію *Кельнской Газеты* (отъ 2-го января 1870), весьма компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, упорное желаніе прусскаго правительства чтобы дефицитъ былъ покрытъ именно союзными налогами, а не повышеніемъ собственно-прусскихъ, основано было на томъ соображеніи что изъ новыхъ провинцій доходили всеобщія жалобы на неравномѣрность перешедшей къ нимъ изъ Пруссіи системы

прямыхъ налоговъ. Какъ бы то ни было, но понесенныя неудачи окончательно разстроили нервы графа Бисмарка, и онъ удалился въ Фарцинъ, сложивъ съ себя, какъ старались увѣрять его органы, всякія заботы и хлопоты о государственныхъ дѣлахъ. Наступило кратковременное лѣтнее затишье; противники собирались съ силами чтобы тѣмъ рьянѣе схватиться осенью, съ открытіемъ новой парламентской сессіи (6-го октября). Въ произнесенной по этому случаю тронной рѣчи существованіе дефицита было признано офиціально, и указана необходимость прибѣгнуть къ 25% надбавкѣ на классную подать и подоходный налогъ; въ замѣнъ этого правительство обѣщало предложить ландтагу проекты новаго земскаго положенія (Kreisordnung), новаго учебнаго закона и другія либеральныя мѣры. Но лишь только въ палатѣ депутатовъ стало обнаруживаться нерасположеніе къ „злополучной надбавкѣ" (der traurige Zuschlag), какъ офиціозныя газеты опять затянули свои майскія и іюньскія пѣсни о ненадежномъ положеніи прусскихъ финансовъ и о непатріотическихъ помыслахъ національныхъ либераловъ возстававшихъ противъ увеличенія и безъ того тяжелыхъ налоговъ. И что же? Не прошло трехъ недѣль съ открытія ландтага какъ правительству пришлось уступить оппозиціи: г. фонъ-деръ-Гейдтъ палъ и съ нимъ его финансовые планы. Въ министерство вступилъ г. Отто Кампгаузенъ, принесшій съ собою проектъ новой финансовой реформы, съ устраненіемъ роковой для его предмѣстника надбавки. На другой же день, по мановенію начальства, офиціозная печать запѣла инымъ голосомъ, восхваляя новаго министра финансовъ и его планъ объединенія прусскихъ государственныхъ долговъ съ устраненіемъ обязательнаго погашенія, (такъ-называемая Consolidationsvorlage). Но дефицитъ все-таки остался дефицитомъ; только вмѣсто ненавистной надбавки къ налогамъ, г. Кампгаузенъ для покрытія онаго предложилъ отдѣлить часть суммы значившейся въ смѣтѣ „на погашеніе долговъ," присовокупивъ къ тому еще другія имѣвшіяся въ рукахъ правительства средства.

Вотъ факты которые у насъ обобщены подъ самымъ безобиднымъ выраженіемъ что въ цвѣтущіе прусскіе финансы сталъ въ прошломъ году „закрадываться дефицитъ". За это выставляютъ насъ ярыми врагами Пруссіи и ея финансовъ. Какъ прикажете назвать подобную махинацію?

Въ англійскихъ газетахъ, особенно въ *Times*, говорятъ безъ всякой церемоніи о разстройствѣ прусскихъ финансовъ. Отчего же органы графа Бисмарка не возражаютъ имъ? Не потому ли что тамъ никого не обманешь, и что тамъ интрига не имѣетъ цѣли?

Еще нѣсколько словъ. Органъ графа Бисмарка приписываетъ намъ еще пропаганду *разоруженія*. Опять честитъ онъ насъ *гитцингскимъ* органомъ, и говоритъ: „требованіе разоруженія есть любимая „тема противниковъ Пруссіи внутреннихъ „и внѣшнихъ въ партикуляристскихъ „вельфскихъ органахъ, равно какъ и въ „гитцингской газетѣ *Московскія Вѣдо-„мости*".

Что̀ значитъ это? Когда вели мы пропаганду разоруженія? Когда вопросъ этотъ былъ темою хотя бы одной изъ нашихъ статей? Дѣло вотъ въ чемъ: однажды мы имѣли случай заявить что продолженіе Лыкской дороги до Бѣлостока не совсѣмъ выгодно для Россіи, особенно въ военномъ отношеніи, въ виду значительнаго числа безпрерывно вновь вооружаемыхъ прусскихъ крѣпостей на нашихъ западныхъ границахъ. Выдача концессіи на Лыко-Бѣлостокскую дорогу есть прежде всего знакъ довѣрія, оказанный Пруссіи, и равносильный тому который Пруссія могла бы оказать Россіи, напримѣръ, упраздненіемъ нѣкоторыхъ изъ числа своихъ крѣпостей стоящихъ на самой границѣ нашей и имѣющихъ несомнѣнно наступательный характеръ. За эти слова мы внесены теперь въ разрядъ сторонниковъ разоруженія, тогда какъ всѣ наши заявленія руководились только мыслію о поддержаніи равновѣсія поколебленнаго въ послѣднее время.

Но между разоруженіемъ и равновѣсіемъ въ вооруженіи большая разница, и только крайнее желаніе заподозрить насъ въ преднамѣренной враждебности къ Пруссіи помогло *Сѣверо-Германской Газетѣ* смѣшать эти два понятія. Разоруженіе предлагается обыкновенно теоретиками-филантропами; разоруженія желаютъ также нѣкоторые классы населенія отягощенные воинскими повинностями. Идея разоруженія имѣетъ сторонниковъ въ прусской палатѣ депутатовъ; ей, по всему вѣроятію, сочувствуютъ населенія тѣхъ

мелкихъ нѣмецкихъ государствъ которымъ пришлось войти въ долги на преобразованіе своихъ баталіоновъ въ баталіоны сѣверо-германской арміи. Мы же здѣсь ни при чемъ.

Иное дѣло мысль о равновѣсіи въ вооруженіяхъ сосѣднихъ государствъ. Графъ Бисмаркъ самъ сторонникъ этой мысли; онъ доказалъ на дѣлѣ что готовъ въ иныхъ случаяхъ отдать справедливость заботамъ сосѣдняго государства о своей безопасности. Извѣстно всѣмъ что онъ не затруднился уступить настояніямъ Франціи въ Люксембургѣ, и вывелъ прусскія войска изъ тамошней крѣпости. Кто же однако, вслѣдствіе упраздненія Люксембургской крѣпости, причислитъ графа Бисмарка къ сторонникамъ разоруженія?

Мы тоже не сторонники разоруженія, и по отношенію къ своему отечеству никогда не настаивали на ослабленіи вооруженныхъ силъ, особенно въ виду вооруженій которыя дѣлаются въ сосѣднихъ странахъ.

№ 24.

Москва, 29-го января.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Вѣсти* встрѣчаемъ новую странную выходку, направленную противъ насъ. Мы прогнѣвили эту почтенную газету напечатаніемъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о проектированныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ общихъ началъ административно-полицейской реформы. Она не оспариваетъ вѣрности этихъ извѣстій, но усматриваетъ въ напечатаніи ихъ какую-то „уловку“ и „агитацію.“

Что̀ это значитъ?

Проектъ административно-полицейской реформы не новость и не тайна. Онъ возникъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и даже былъ на законодательной очереди. Въ свѣдущихъ сферахъ общества давно говорятъ о его подробностяхъ. Свѣдѣнія о немъ появлялись въ печати не черезъ одну нашу газету, но и черезъ другія. Почему же насъ упрекаютъ въ желаніи чинить какую-то агитацію? Всѣ газеты ежедневно сообщаютъ извѣстія о разнаго рода административныхъ предположеніяхъ, и никто не упрекаетъ ихъ за то ни въ уловкахъ, ни въ агитаціи. Не *Вѣсть ли* объявила на дняхъ, напримѣръ, о предстоящей отмѣнѣ пошлины съ чиновъ? Не „уловкою“ ли было съ ея стороны недавнее обсужденіе проекта постройки казарменныхъ помѣщеній для нашей арміи? Не агитацію ли она чинила печатая статью о коллегіальныхъ учрежденіяхъ, столь близко относящихся къ проекту административно-полицейской реформы, частію ослабляющей, частію вовсе уничтожающей коллегіальное веденіе дѣлъ? Не *Вѣсть ли* первая опубликовала содержаніе извѣстнаго виленскаго крестьянскаго проекта? Еще въ то время когда проектъ этотъ не выходилъ изъ Вильны, главныя черты его уже были обнародованы въ письмѣ издателя *Вѣсти* изъ Вильны въ маѣ или іюнѣ 1868 года. Всѣмъ памятна та, въ полномъ смыслѣ слова, агитація которая производилась въ *Вѣсти* по поводу этого проекта. Почему же проектъ административной реформы долженъ быть исключеніемъ, и самое упоминаніе о немъ казаться непозволительною уловкой?

Мы полагали что оказываемъ услугу дѣлу, способствуя разъясненію его и сообщая возможно точныя свѣдѣнія коими предупреждается распространеніе свѣдѣній невѣрныхъ. Руководители *Вѣсти* не перестаютъ жаловаться на недостатокъ дѣятельности въ русскомъ обществѣ. Они заявляютъ что наши земскія дѣла идутъ плохо, потому что „выборные не заботятся о своихъ обязанностяхъ.“ Гласные не собираются-де на засѣданія или производятъ нелѣпые выборы; члены управъ ограничиваются-де исполненіемъ формальностей или работой на показъ, ради отчетовъ. Какъ-де можетъ быть улучшено управленіе снизу, въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ, если представители образованныхъ сословій не хотятъ заниматься дѣлами своего околотка?

Мы теперь не будемъ опредѣлять мѣру справедливости этихъ жалобъ, но не можемъ не замѣтить что именно эти-то самые сѣтователи на апатію русскаго общества и стараются подорвать всякій интересъ русскаго общества къ дѣламъ которыя его касаются. Сами они хотятъ пользоваться печатью для того только чтобы вводить общество въ заблужденіе и сообщать своимъ затѣямъ фальшивое клеймо общественнаго мнѣнія. Но чуть только дѣло дѣйствительно важное станетъ предметомъ серіознаго обсужденія, они поднимаютъ вопль противъ гласности, и попытку

разъяснить вопросъ провозглашаютъ „уловкой“ и „агитаціей.“

Въ видахъ несомнѣнной пользы, законъ предоставилъ печати, какъ органу общественнаго мнѣнія, обсуждать дѣла общаго интереса; но обсужденіе можетъ приносить пользу только въ томъ случаѣ когда вопросы, которые ему подвергаются, выходятъ на свѣтъ во всей своей правдѣ и со всѣми подробностями, а не скрываются въ туманѣ общихъ мѣстъ или сквозятъ въ двусмысліи намековъ: Широкая и правдивая гласность есть первое и необходимѣйшее условіе для того чтобъ общественное мнѣніе не становилось орудіемъ обмана и интриги.

Но если въ видахъ пользы дозволяется правдивое обсужденіе дѣйствующихъ законовъ и состоявшихся распоряженій правительства, то тѣмъ полезнѣе обсужденіе мѣръ которыя сами находятся только на степени мнѣнія и еще не облечены въ обязательную силу правительственнаго акта. Чѣмъ зрѣлѣе и полнѣе будетъ разработанъ вопросъ въ области мнѣнія, тѣмъ удовлетворительнѣе и совершеннѣе можетъ выйдти законодательный актъ. Что пользы говорить о недостаткахъ закона уже вступившаго въ силу, и въ близкомъ будущемъ не подлежащаго измѣненію? Какой интересъ можетъ представить такое обсужденіе? Не полезнѣе ли во сто и въ тысячу кратъ предварительно сосредоточить свѣтъ на самой потребности предполагаемаго законодательнаго акта и взвѣсить всѣ интересы связанные съ вопросомъ? Въ этомъ отношеніи гласность факта и публичность обсужденія суть условія не замѣнимыя если только имѣется въ виду дѣйствительная польза. Какъ бы зрѣло ни былъ обдуманъ вопросъ, безъ всесторонней провѣрки основной мысли и фактическихъ данныхъ изъ которыхъ онъ выработался, никогда нельзя поручиться чтобы въ немъ не оказалось какого-либо недостатка или какой-либо примѣси которые въ послѣдствіе могутъ отозваться вреднѣйшимъ образомъ въ дѣйствіи закона, и привести къ результатамъ совершенно противнымъ ожиданію.

Теперь въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о крестьянской реформѣ въ Бессарабіи. Сколько намъ извѣстно, министерство внутреннихъ дѣлъ, представляя объ этомъ пересмотрѣ, изложило разныя замѣчанія; но не сочло возможнымъ дать многому ходъ, такъ какъ дѣло уже рѣшено законодательствомъ. Соображенія которыя легко было бы принять во вниманіе до изданія закона должны избирать теперь окольные пути, встрѣчая на нихъ большія трудности и препятствія. Не ясно ли что еслибы царанскій вопросъ былъ заблаговременно предметомъ серіознаго публичнаго обсужденія во всѣхъ своихъ элементахъ, и еслибъ интересы сторонъ были заявлены прежде чѣмъ состоялось рѣшеніе, то не было бы теперь никакихъ поводовъ къ ходатайству бессарабскаго дворянства, и правительство не находилось бы въ затрудненіи какъ приступить къ перерѣшенію этого запутаннаго дѣла?

Вопросъ о преобразованіи губернскихъ учрежденій имѣетъ гораздо бо́льшую важность чѣмъ мѣстныя затрудненія какого бы то ни было свойства. Предполагаемая реформа должна охватить всю страну и коснуться всѣхъ сторонъ нашего административнаго механизма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣхъ связанныхъ съ нимъ интересовъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ. Предварительная разработка этого вопроса, въ области простаго мнѣнія, не можетъ ни въ какомъ случаѣ повредить тому что есть въ вопросѣ существеннаго, истинно полезнаго и согласнаго съ дѣйствительными потребностями. Ни о какой агитаціи не можетъ быть рѣчи на почвѣ этого вопроса. Чѣмъ полнѣе гласность относительно его потребностей, тѣмъ менѣе становится возможною какая-либо недобросовѣстная агитація, которая можетъ успѣшно дѣйствовать только въ туманѣ или сумракѣ. Именно въ предотвращеніе всякихъ „уловокъ,“ вдругъ такъ озаботившихъ *Вѣсть*, которая сама есть не что иное какъ „уловка,“ и желателенъ, и необходимъ полный свѣтъ гласности по всякому важному вопросу. Не этому ли условію обязаны мы что „уловка“ существованія самой *Вѣсти* совершенно разъяснилась для русскаго общественнаго мнѣнія, такъ что, какъ слышно, она принуждена теперь уступить мѣсто какой-либо иной „уловкѣ.“

Расходъ на консервативныя идеи, какъ всѣмъ извѣстно, начался у насъ съ тѣхъ поръ когда возникъ вопросъ о нашихъ западныхъ окраинахъ. Съ тѣхъ поръ вошло въ честь слово собственность, которое до тѣхъ поръ было въ презрительномъ загонѣ и служило символомъ обскурантиз-

ма. Какъ только возникъ вопросъ о землевладѣніи въ западныхъ окраинахъ Россіи, какъ только потребовался тамъ пересмотръ крестьянской реформы во имя справедливости и въ силу неотложной государственной необходимости,—слово „собственность", безпрерывно извергаемое, сотворило чудо: вчерашній мятежъ и измѣна превратились въ святое дѣло, а отпоръ мятежу и измѣнѣ сталъ бунтомъ и посягательствомъ на святыню. Но не одна собственность была догматомъ внезапно появившейся консервативной партіи. Въ ея катехизисъ входятъ и другія великія слова. *Вѣсть*, органъ *консервативной* партіи, безпрестанно громила бюрократическое начало. Твердя о собственности, она то и дѣло ополчалась противъ административнаго произвола. Но всѣ громы противъ бюрократическаго начала и административнаго произвола метались только въ западныя окраины Россіи; только тамъ толки эти имѣли практическое примѣненіе, а по отношенію ко всѣмъ прочимъ областямъ нашего обширнаго отечества не было и помину о вредѣ бюрократическаго начала и произвола администраціи. Этого мало. Столь яростные противники бюрократическаго начала должны были бы, кажется, привѣтствовать тѣ новыя учрежденія которыя были созданы въ нашемъ отечествѣ законодательствомъ послѣдняго времени, и имѣютъ своимъ назначеніемъ отвести въ должные предѣлы бюрократическое начало и поставить съ нимъ рядомъ другія начала въ большее обезпеченіе всѣхъ законныхъ интересовъ общества. Нѣтъ, именно противъ этихъ новыхъ учрежденій, во имя той же консервативной партіи, шла и идетъ неугомонная агитація, подъ нихъ подводятся подкопы, ихъ стараются оклеветать и испортить, въ ихъ новыя формы пытаются внести то самое старое начало которому они должны служить противовѣсомъ. Консервативный органъ *Вѣсти* былъ главнымъ проводникомъ этой агитаціи въ печати, причемъ ей усердно пособляли, въ трогательномъ единодушіи, лже-либеральные органы наши, которые своими способами старались точно также подрывать кредитъ новыхъ учрежденій, злословить ихъ, глумиться надъ ними и отрицать ихъ будущность.

Наконецъ, особенно интересно и знаменательно то что изо всѣхъ реформъ которыя обсуждались и совершались въ Россіи, только одна удостоилась безусловнаго сочувствія партіи которой служитъ органомъ *Вѣсть*. Еще за три года предъ симъ шла рѣчь объ усиленіи аттрибуцій губернской власти, и что же?—*Вѣсть*, которая такъ ревностно аттаковала бюрократическое начало и администрацію въ западномъ краѣ, съ шумнымъ энтузіазмомъ привѣтствовала мысль о новомъ усиленіи бюрократическаго начала въ нашихъ губерніяхъ.

№ 25.

Москва, 30-го января.

Землевладѣніе въ Бессарабіи никогда не было политическимъ затрудненіемъ для Россіи. Оно всегда отличалось патріотическимъ духомъ, и не разъ доказывало его на дѣлѣ во время тяжкихъ войнъ которыя проходили чрезъ эту окраину. Никогда въ бессарабскомъ дворянствѣ не обнаруживалось антинаціональныхъ тяготѣній. Даже въ смутную пору начала шестидесятыхъ годовъ, когда все бредило разложеніемъ Россіи, эта окраина была совершенно тверда и благонадежна.

Крестьянскій вопросъ въ Бессарабской области совершенно свободенъ отъ соображеній политическаго свойства. Рѣшеніе его, повидимому, было тѣмъ легче что оно являлось лишь завершеніемъ цѣлаго ряда мѣръ, принятыхъ тамъ для опредѣленія отношеній помѣщиковъ и поселянъ (царанъ). Царане издавна пользуются правами свободныхъ сельскихъ обывателей; только право перехода было ограничено въ 1846 году, когда опредѣлено какой поземельный надѣлъ помѣщики обязаны давать поселянамъ и какія за то повинности обязаны поселяне отбывать владѣльцу. Впрочемъ, законъ 1846 года на практикѣ исполненъ не былъ, и дѣло не въ томъ что надѣлъ и повинности царанъ мѣстами продолжали опредѣляться по добровольнымъ соглашеніямъ. Это не противорѣчило бы закону, а напротивъ было бы однимъ изъ видовъ исполненія его. И наши положенія 19-го февраля 1861 года ставятъ во главу реформы добровольныя соглашенія по надѣлу и повинностямъ, оставляя обязательныя нормы лишь на случай когда соглашенія почему-либо не состоятся. Но мы хотимъ сказать что нѣкоторые помѣщики Бессарабіи, вопреки закону, не только не давали царанамъ слѣдующихъ имъ земель,

но просто вытѣсняли изъ имѣній. Нельзя безъ удивленія читать донесенія мѣстной администраціи объ этихъ обезземеленіяхъ и недодачахъ опредѣленнаго закономъ надѣла. Имѣя полную возможность настоять на исполненіи закона, администрація ограничивается тѣмъ что доноситъ о происходящихъ обезземеленіяхъ и торопитъ скорѣйшимъ изданіемъ новаго положенія о царанахъ. Такъ администрація сообщила что, въ виду слуховъ о предстоящемъ улучшеніи цараннаго быта (въ 1860 году), иные помѣщики стали вытѣснять своихъ царанъ и до дня обнародованія новаго Положенія успѣли вытѣснить всѣхъ. Удивительно не то что нашлись въ Бессарабіи такіе помѣщики,—гдѣ ихъ не было бы въ томъ или другомъ числѣ?—удивительно что администрація не принимала соотвѣтственныхъ мѣръ. Говорятъ что эти обезземеленія и недодачи дошли слишкомъ поздно до свѣдѣнія высшаго управленія, и что лучшіе помѣщики сами скорбѣли въ виду личныхъ злоупотребленій.

Вотъ печальный фактъ который отзывается теперь своими послѣдствіями! Представимъ себѣ что законъ 1846 года былъ исполненъ, — какъ легко было бы тогда изданіе новаго положенія! Стоило бы только признать за царанами земли находившіяся въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи и нѣсколько облегчить тяжкія повинности назначенныя въ нормальномъ контрактѣ 1846 года, и дѣло по всей вѣроятности было бы рѣшено. Потеря права на прогрессивный надѣлъ быть-можетъ вполнѣ возместилась бы для царанъ новыми выгодами по облегченію повинностей. Не то вышло при обнаружившихся обстоятельствахъ...

Царанское положеніе 14-го іюля 1868 года не могло не принять во вниманіе закона 1846 года, и весьма естественно что чѣмъ менѣе былъ исполненъ этотъ законъ, тѣмъ бо́льшая разница должна была обнаружиться между дѣйствительнымъ пользованіемъ царанъ и тѣми надѣлами которые положеніе о царанахъ опредѣляло, между прочимъ, на основаніи закона 1846 года. Задача законодательства состояла именно въ томъ чтобы найти ту среднюю черту, которая представляла бы достаточное удовлетвореніе правамъ царанъ и не нарушала бы законныхъ интересовъ помѣщиковъ.

Была ли найдена эта черта? По закону 1846 года, для всей Бессарабіи былъ установленъ одинаковый размѣръ надѣла, который опредѣлялся сообразно количеству скота имѣвшагося у поселянина, а именно назначалось: поселянину не имѣющему воловъ 4 десятины, имѣющему пару воловъ около 6 дес., двѣ пары — свыше 8 десятинъ, четыре пары—свыше 13 десятинъ.

По тому же закону, царане имѣли право на постоянное увеличеніе надѣла по мѣрѣ прибыли населенія и улучшенія своихъ хозяйствъ. Помѣщикъ могъ освободиться отъ прогрессивнаго надѣла лишь предоставивъ царанамъ $^{2}/_{3}$ удобныхъ земель имѣнія.

По Положенію 14-го іюля надѣлы назначены различные по уѣздамъ, но одинаковые для всѣхъ царанъ, какое бы количество скота они ни имѣли, а именно въ размѣрѣ 8, $8^{1}/_{2}$ и $9^{1}/_{2}$ десятинъ въ сѣверныхъ уѣздахъ и $10^{1}/_{2}$, $11^{1}/_{2}$ и $13^{1}/_{2}$ десятинъ въ южныхъ, степныхъ уѣздахъ, Бендерскомъ и Аккерманскомъ.

Эти цифры не представляютъ однако непремѣнныхъ нормъ. За поселянами, во всякомъ случаѣ, сохраняется ихъ теперешнее пользованіе, хотя бы оно и было выше приведенныхъ цифръ. Въ имѣніяхъ гдѣ поселяне имѣли землю по краткосрочнымъ договорамъ, они могутъ требовать земли до $13^{1}/_{2}$ десятинъ, высшаго надѣла по закону 1846 года. Въ имѣніяхъ гдѣ теперешній надѣлъ не доходитъ до назначенныхъ цифръ, царане имѣютъ право получить дополнительныя до этихъ цифръ земли. Надѣлъ меньшій вышеприведенныхъ цифръ можетъ быть допущенъ лишь въ тѣхъ имѣніяхъ гдѣ царанъ такъ много что двухъ третей имѣнія не достало бы на отводъ назначенныхъ закономъ надѣловъ.

Въ степныхъ уѣздахъ, гдѣ поселяне содержатъ много скота, цифры Положенія 14-го іюля, вѣроятно, близко подходятъ къ тому надѣлу 1846 года, который преимущественно назначался для этихъ уѣздовъ. Намъ сообщаютъ что въ этихъ уѣздахъ теперешнее пользованіе выше назначенныхъ нормъ.

Иначе стоитъ дѣло въ остальной Бессарабіи. Нельзя отрицать что въ сѣверныхъ уѣздахъ, болѣе богатыхъ и болѣе населенныхъ, Положеніе 14-го іюля дало всѣмъ крестьянамъ право на надѣлъ близкій къ назначенному закономъ 1864 года для царанъ имѣющихъ двѣ пары воловъ.

Интересно было бы знать какой размѣръ царанскаго хозяйства болѣе распространенъ въ этихъ уѣздахъ. Въ *Статисти-*

ческомъ описаніи Бессарабской области г. Защука мы читаемъ что поселяне пользующіеся землею имѣютъ среднимъ числомъ болѣе одной пары воловъ на хозяйство. Высшіе надѣлы, проектированные мѣстною одесскою коммиссіей въ которой участвовали какъ помѣщики такъ и царане, также приближались къ размѣрамъ участка пароволоваго.

Въ работахъ мѣстныхъ коммиссій по царанскому дѣлу, а также въ проектахъ министерства, во мнѣніяхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и наконецъ самихъ владѣльцевъ, мысль объ окончательномъ надѣлѣ по числу скота была оставлена, и всѣ искали иной нормы для примиренія интересовъ. Теперешняя цифра скота у поселянъ опредѣлялась въ значительной мѣрѣ наличнымъ количествомъ земли состоящей въ ихъ пользованіи. Справедливость требовала чтобъ установленная норма была нѣсколько выше средняго участка по закону 1846 года, такъ какъ царане при окончательномъ опредѣленіи ихъ земель теряли право на увеличеніе надѣла въ случаѣ прироста населенія и улучшенія хозяйства.

Въ возмещеніе этихъ правъ царанъ, при окончательномъ обсужденіи дѣла, къ надѣламъ проектированнымъ одесскою коммиссіей и слегка увеличеннымъ министерствомъ было прибавлено столько земли сколько прибавлялось по закону 1846 года на одну пару воловъ, то-есть 1 десятина 2.201 кв. саж., и притомъ, какъ говорено выше, дано право на сохраненіе излишка теперешняго пользованія и на увеличеніе надѣла до $13^1/_2$ десятинъ въ тѣхъ имѣніяхъ гдѣ царане снимали землю по краткосрочнымъ договорамъ.

Что сказать объ этихъ надѣлахъ? Можно ли признать ихъ экономически-необходимыми, юридически-правильными.

Сравненіе надѣловъ установленныхъ въ Бессарабіи съ надѣлами въ другихъ губерніяхъ нѣсколько затруднительно. Нелегко опредѣлить отношеніе общаго числа душъ царанъ къ числу семей получающихъ надѣлъ. Если оно сохранилось теперь въ томъ же видѣ какъ было при 10-й ревизіи, то въ семьѣ надо считать по $2^1/_4$ души *), и тогда душевные надѣлы въ бессарабскихъ уѣздахъ будутъ отъ $3,_3$ десятинъ до 6 десятинъ на душу. Въ сосѣдней степной Херсонской губерніи надѣлы опредѣлены отъ 3 до $5^1/_2$ дес. на душу, но въ ней вовсе нѣтъ такихъ населенныхъ уѣздовъ каковы сѣверные въ Бессарабіи, Хотинскій и часть Оргѣевскаго. Въ сосѣдней Подольской губерніи, не смотря на вопли поднятые тамошними помѣщиками, надѣлъ составляетъ $2,_{11}$ дес. на душу.

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о значеніи надѣловъ въ практическомъ отношеніи, можно еще сравнить ихъ съ общимъ количествомъ помѣщичьей земли, и если не ошибаемся, при рѣшеніи царанскаго дѣла значительное вліяніе имѣли представленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ данныя, по которымъ выходило что двѣ трети пространства помѣщичьихъ имѣній раздѣленныя на число семей даютъ цифры: по Хотинскому уѣзду $8^1/_3$ дес., Оргѣевскому $11^9/_{10}$, Кишиневскому $12^1/_2$, Сорокскому $13^1/_3$, Ясскому $16^1/_2$, Аккерманскому $31^1/_3$ и Бендерскому $33^1/_2$ дес. Размѣры надѣловъ назначены гораздо ниже этихъ цифръ, такъ что если полагаться на эти данныя, то у помѣщиковъ освобождаются значительныя пространства земли отъ всякихъ отношеній къ царанамъ. Къ сожалѣнію приведенныя цифры не совсѣмъ согласуются съ другими источниками, по крайней мѣрѣ относительно Хотинскаго уѣзда. По даннымъ мѣстной администраціи, въ густонаселенномъ Хотинскомъ уѣздѣ помѣщичьихъ земель считается 283.925 дес., но изъ нихъ удобной и не находящейся подъ лѣсомъ 235.921 дес. Двѣ трети этого количества, 157.281 десятинъ, будутъ недостаточны для надѣла по 8 и $8^1/_2$ десятинъ 24.583 семей, значащихся въ уѣздѣ. Въ *Описаніи* г. Защука всей земли за помѣщиками показано въ этомъ густонаселенномъ уѣздѣ 318.242 десятины, причемъ назначенный въ Положеніи надѣлъ отвѣчаетъ почти въ обрѣзъ $^2/_3$ земли въ имѣніяхъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ данныя статистическаго описанія подходятъ къ даннымъ министерства.

Сличеніе надѣловъ въ густонаселенныхъ частяхъ Бессарабіи съ надѣлами въ губерніи Подольской, а также съ общимъ количествомъ помѣщичьей земли приводитъ къ тому заключенію что въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ надѣлы опредѣленные Положеніемъ 14 іюля слишкомъ велики для царанъ и несправедливы для помѣ-

*) По X ревизіи царанъ считалось 255.782 души м. п. и въ томъ числѣ 105.285 семейныхъ и 8.430 бурлаковъ (*Ст. опис. Бессар. обл.* ч. 1 стр. 218).

щиковъ, между тѣмъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ господствуетъ переложное хозяйство совершенно наоборотъ надѣлы можно было бы возвысить, нисколько не нарушая справедливости относительно помѣщиковъ. Вотъ обстоятельство служащее главнымъ источникомъ тѣхъ затрудненій которыя требуютъ либо измѣненія Положенія 14-го іюля, либо такого разъясненія онаго которое возстановило бы справедливость.

Не намъ судить какой путь долженъ быть предпочтенъ, прямой или косвенный: Теперь идетъ рѣчь не о пересмотрѣ размѣровъ надѣла, а о болѣе точномъ опредѣленіи числа семей имѣющихъ право на надѣлъ. Нѣкоторые находятъ что Положеніе 14-го іюля предоставило право на землю не только всѣмъ наличнымъ семьямъ и совершеннолѣтнимъ царанамъ, но и тѣмъ семьямъ которыя образуются въ теченіи пяти лѣтъ отъ утвержденія уставной грамоты, а также тѣмъ царанамъ которые въ этотъ срокъ достигнутъ совершеннолѣтія. Еслибы будущія семьи не получили земли, или получили бы ее не въ имѣніи помѣщика, то надѣлы Положенія почти приблизились бы къ надѣламъ проектированнымъ одесскою коммисcіей въ качествѣ высшихъ и предназначавшимся для всѣхъ царанъ кромѣ тѣхъ кои имѣли бы право на *новые* надѣлы. Это отношеніе будетъ именно тогда если въ теченіи пяти лѣтъ изъ четырехъ теперешнихъ семей образуется одна новая. При устраненіи будущихъ семей отъ надѣла болѣе или менѣе утратитъ свое значеніе и стѣснительный пятилѣтній срокъ установленный Положеніемъ для подачи заявленій царанами. Царане пользующіеся землей сейчасъ же потребуютъ надѣловъ дополнительныхъ, а не пользующіеся—новыхъ надѣловъ. Въ теченіи пяти лѣтъ могутъ явиться за надѣломъ развѣ царане находящіеся внѣ области, но такихъ числится немного.

Сколько извѣстно, министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ чтобъ изъ числа царанъ записанныхъ въ ревизію семейными или бурлаками, но не проживающихъ въ имѣніи и нигдѣ землею не пользующихся, имѣли право получить землю лишь тѣ которые вышли изъ имѣній послѣ 1-го января 1861 года. Но это было бы преміей для помѣщиковъ удалявшихъ крестьянъ въ 1859 и въ 1860 годахъ. Поэтому было бы справедливѣе установить десятилѣтній срокъ, считая отъ 14-го іюля 1868 года, срокъ земской давности.

Далѣе, трудно считать удовлетворительнымъ такой оборотъ дѣлъ, при которомъ выходъ изъ теперешнихъ затрудненій былъ бы найденъ въ ущербъ извѣстной части царанъ. Если ужь нельзя прямо уменьшить размѣры надѣла въ болѣе населенныхъ уѣздахъ, то для облегченія помѣщиковъ, при соблюденіи правъ царанъ, могъ бы послужить отводъ земель изъ монастырскихъ имѣній за повинности опредѣленныя Положеніемъ 14-го іюля. На этомъ и сосредоточивается теперь главный интересъ дѣла.

Сдѣлка эта была бы выгодна для монастырей: она утроила бы, почти даже учетверила бы ихъ теперешніе доходы. Монастырскія имѣнія управляются повѣренными, присылаемыми отъ монастырей. Эти повѣренные не даютъ отчета консисторіи, и пользуясь отдаленностью хозяевъ, позволяютъ себѣ всякія злоупотребленія, чрезвычайно понижающія доходъ. Изъ *Статистическаго описанія Бессарабской области* г. Защука явствуетъ что монастырскихъ земель надо считать такъ отъ 250 до 300 тысячъ десятинъ, а дохода онѣ по консисторскимъ свѣдѣніямъ давали 159,104 р. въ годъ или около 50 коп. съ десятины (стр. 214 ч. I). По Положенію 14-го іюля, доходъ съ десятины назначенъ по уѣздамъ отъ 2 руб. 50 к. до 1 руб. 20 коп. Легко быть можетъ что нѣкоторые монастыри добровольно согласились бы предоставить свои земли для надѣла или уступили бы ихъ правительству за обоюдно-выгодную цѣну. Для сохраненія связи съ заграничными православными монастырями, эта цѣна могла бы быть опредѣлена ежегодною рентой. Мы не понимаемъ какое могло бы быть препятствіе для заключенія сдѣлки къ выгодѣ обѣихъ сторонъ и при взаимномъ согласіи ихъ.

Наконецъ, не найдется ли возможность поселить часть царанъ на казенныхъ земляхъ сосѣдней Херсонской губерніи, столь страдающей отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ? Нельзя ли привести это дѣло въ связь съ общимъ вопросомъ о переселеніи безземельныхъ на казенныя земли?

№ 26.

Москва, 31-го января.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Рижскаго Вѣстника* идетъ рѣчь о происходящемъ теперь рекрутскомъ наборѣ въ балтійскомъ краѣ. Въ районѣ Рижскаго военнаго округа открыто 13 рекрутскихъ присутствій: въ Ригѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Венденѣ и Аренсбургѣ, въ Лифляндской губерніи; въ Ревелѣ, Везенбергѣ, Вейсенштейнѣ и Гапсалѣ, въ Эстляндской; въ Митавѣ, Либавѣ, Гольдингенѣ и Якобштадтѣ, въ Курляндской. Въ этихъ присутствіяхъ имѣютъ быть приняты съ 15-го января по 15-е февраля 2.850 рекрутъ, въ томъ числѣ изъ Лифляндіи 1.400, изъ Эстляндіи 510, изъ Курляндіи 940. Всѣ эти рекруты, за малымъ исключеніемъ, будутъ состоять изъ Латышей и Эстовъ. Рекомые Нѣмцы въ этомъ краѣ большею частію изъяты изъ рекрутства. „Единогласныя показанія и „свидѣтельства офицеровъ и самыхъ Ла„тышей“, сказано въ *Рижскомъ Вѣстни„кѣ*, говорятъ что на первыхъ порахъ ос„воиться съ новымъ бытомъ для Латыша „и Эстонца бываетъ очень не легко, и глав„ное препятствіе составляетъ языкъ. Сколь„ко труда предстоитъ имъ на первыхъ по„рахъ чтобы совладать съ русскимъ язы„комъ, чтобы понимать приказанія своего „начальства, чтобы понимать команду! А „мы еще колеблемся, усиливать или нѣтъ, „преподаваніе русскаго языка повсюду въ „училищахъ и школахъ....“

Да, мы еще колеблемся... Но вотъ кстати соображеніе которое мы считаемъ нелишнимъ высказать по этому поводу,— соображеніе, какъ намъ кажется, не лишенное практическаго значенія. Если при одномъ только наборѣ берется въ балтійскихъ губерніяхъ 2.850 рекрутъ, почти исключительно изъ Латышей и Эстовъ, то по окончаніи службы всѣ эти люди будутъ знать по-русски, а многіе и вовсе обрусѣютъ. Правда, въ первые годы службы, какъ давно уже замѣчено, новобранцы изъ туземцевъ балтійскаго края мрутъ во множествѣ, и, нѣтъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ тому есть тяжесть условій новой обстановки—тяжесть которая непомѣрно усиливается чувствомъ отчужденности и беспомощности при незнаніи языка. Тѣмъ не менѣе, все же остается не мало изъ нихъ которые, отслуживъ свой срокъ и возвратившись на родину, могли бы внести съ собою русскій языкъ въ родныя населенія, такъ въ немъ нуждающіяся. Мы очень хорошо понимаемъ что многіе изъ отслужившихъ Латышей и Эстовъ предпочтутъ остаться въ другихъ русскихъ губерніяхъ, лишь бы не возвращаться подъ власть балтійскихъ средневѣковыхъ учрежденій и не умножать собою числа тамошнихъ пролетаріевъ. Мы знаемъ также что по той же причинѣ большинство возвратившихся селится по городамъ, въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ, Дерптѣ, Либавѣ, гдѣ они еще могутъ до нѣкоторой степени быть обезпечены въ своей личной независимости. Но этихъ причинъ недостаточно чтобъ объяснить почти совершенное отсутствіе отставныхъ солдатъ въ балтійскихъ деревняхъ. Правда, насъ извѣщаютъ что съ отставными солдатами которые дерзаютъ селиться по деревнямъ мѣстныя власти поступаютъ гораздо суровѣе чѣмъ съ прочимъ рабочимъ людомъ. Говорятъ, эти служивые, беззащитно преданы всѣмъ притѣсненіямъ какими тамошнее сельское законодательство такъ обильно, и преданы именно вслѣдствіе опасенія что они могутъ служить проводниками русскаго начала въ массахъ туземнаго населенія. Дѣйствительно, на своей родинѣ они могли бы успѣшно способствовать обрусѣнію жителей уже однимъ присутствіемъ своимъ; къ тому же они готовые учителя русскаго языка для народа. Вотъ подспорье которое само собою представляется для русскаго учебнаго дѣла въ балтійскихъ провинціяхъ. Отъ нихъ могли бы легко и задешево перенимать русскій языкъ бѣдные люди которымъ со всѣхъ сторонъ возбраненъ или затрудненъ доступъ къ языку ихъ отечества. Грамотные солдаты, какъ между Латышами такъ и между Эстами, находили бы учениковъ себѣ въ множествѣ. Все дѣло только въ томъ чтобъ обезпечить ихъ матеріальное положеніе на родинѣ. Нынѣшняя военная администрація, которая уже такъ много сдѣлала для обезпеченія участи нижнихъ чиновъ, быть-можетъ обратитъ на это обстоятельство вниманіе. Нельзя не пожелать чтобъ этимъ добрымъ людямъ открыта была возможность, по честномъ отбытіи военной повинности, водворяться на родинѣ, къ которой они привязаны и отъ которой отрываются только вслѣдствіе злой необходимости. Именно исполненіемъ желанія этихъ

людей, влекущаго ихъ на родину, можно снова обратить ихъ на пользу государству, послѣ того какъ они уже отслужили ему по обязанности. То обстоятельство что они могутъ вносить русское начало въ населенія края, не должно бы, кажется, быть препятствіемъ къ удовлетворенію ихъ естественнаго влеченія на родину; хотя именно это обстоятельство, быть-можетъ и есть главная причина почему такъ мало отставныхъ солдатъ изъ Латышей и Эстовъ возвращались домой. Есть дѣятельная партія которая не находитъ этого обстоятельства согласнымъ съ своими видами. Почему отставные солдаты изъ Латышей и Эстовъ почти во все не водворяются на родинѣ,—ключъ къ этой загадкѣ, намъ кажется, долженъ находиться гдѣ-нибудь въ архивѣ военнаго министерства; быть-можетъ, если порыться въ старыхъ хранящихся тамъ дѣлахъ, отыщется и цѣлая связка ключей.

Послѣ всего того что теперь сдѣлано въ видахъ образованія низшихъ военныхъ чиновъ, съ ихъ помощію русское національное дѣло можетъ быть подвинуто впередъ въ балтійскомъ краѣ, а здѣсь это нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Имперіи. Балтійскія народныя школы совсѣмъ не такъ еще процвѣтаютъ чтобы можно было пренебрегать здѣсь маленькими сельскими школами. Такія домашнія школки, напротивъ, дѣло весьма желательное, и было бы хорошо еслибы правительство приняло ихъ подъ свой покровъ, облегчило ихъ первоначальное устройство и поддержало ихъ маленькими поощреніями.

Сельское населеніе Курляндіи, котораго числится болѣе полумиліона, имѣетъ только 50 хорошо устроенныхъ школъ; прочія 250—300 школъ таковы что имъ, какъ свидѣтельствуютъ люди свѣдущіе, ни въ чемъ неуступали бы школы которыя могли бы заводить солдаты получившіе нѣкоторое образованіе, а въ распространеніи русскаго языка ихъ превзошли бы эти солдатскія школы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались бы и уваженіемъ сельскихъ жителей. Только нѣкоторая часть балтійскаго нѣмецкаго населенія чуждается русскаго языка, но Латыши и Эсты владѣющаго русскимъ языкомъ цѣнятъ выше того кто знаетъ только нѣмецкій языкъ и можетъ обучать только нѣмецкому. До сихъ поръ нѣмецкая партія еще не могла подавить въ балтійскихъ губерніяхъ это здравое, хотя инстинктивное, убѣжденіе массъ. Въ Лифляндской губерніи, въ настоящее время, число хорошихъ народныхъ школъ простирается отъ 150 до 200, между тѣмъ какъ маленькихъ и кое-какъ устроенныхъ школокъ насчитывается 600—700. Въ Эстляндской губерніи народное обученіе стоитъ еще ниже. Въ Лифляндіи, а также въ Курляндіи и Эстляндіи, въ хорошихъ школахъ обучаютъ преимущественно нѣмецкому языку.

Скажутъ: не всякій же солдатъ годенъ стать учителемъ. Конечно, не всякій; не всякій солдатъ и грамотенъ. Мы даже допускаемъ что едва ли пятый и даже десятый можетъ быть годенъ къ учительству. Но и тѣмъ которые не годятся для учебнаго дѣла нельзя отказать въ удовлетвореніи столь естественнаго, столь законнаго желанія —доживать, послѣ тяжкой службы, остатокъ дней на родинѣ; да и вовсе не такъ трудно обезпечить тамъ ихъ бытъ. Средство къ тому прежде всего представляютъ государственныя земли. Эти земли составляютъ $^1/_5$ Курляндской губерніи и $^1/_7$ Лифляндской; только въ Эстляндской губерніи казнѣ принадлежатъ не болѣе двухъ имѣній. Почему бы не водворять отставныхъ солдатъ на государственныхъ земляхъ? Какъ только водворится здѣсь значительное число этихъ людей, мало-по-малу откроется для нихъ возможность находить себѣ способы для жизни и въ другихъ мѣстностяхъ края. Что касается Курляндской губерніи, то здѣсь государственныя земли лежатъ именно въ тѣхъ частяхъ которыя наиболѣе подвержены германизаціи: около Митавы, Либавы, Гольдингена и пр. Здѣсь, стало-быть, особенно полезно открыть для русскаго языка возможность конкурренціи съ иностраннымъ...

№ 27.

Москва, 3-го февраля.

Въ концѣ прошедшаго года нѣкто г. Н. Флеровскій напечаталъ толстымъ томомъ свои „изслѣдованія и наблюденія“ подъ заглавіемъ: *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*, и положеніе это, если вѣрить г. Флеровскому, до крайности безотрадно. Вся написанная имъ картина покрыта сплошь черною краской; чуть-

чуть свѣтлыя мѣста оставлены лишь для того чтобы тѣнь казалась рядомъ съ ними еще темнѣе: разверните книгу тамъ гдѣ говорится о земледѣльческой полосѣ Россіи, и вамъ покажется что крестьянинъ промышленныхъ мѣстностей находится немножко какъ будто въ лучшемъ положеніи чѣмъ мужикъ-пахарь; но переверните десятокъ-другой страницъ, загляните въ ту главу гдѣ говорится о фабричномъ работникѣ или о мѣщанинѣ, и вамъ представится что сравнительно съ ними крестьянинъ-земледѣлецъ блаженствуетъ. Причина такого отчаяннаго положенія громаднаго большинства жителей Россіи, по словамъ нашего изслѣдователя-наблюдателя, есть неравномѣрное распредѣленіе богатствъ: не странно ли въ самомъ дѣлѣ что одинъ имѣетъ больше, а другой меньше? Растеніе высасываетъ изъ нѣдръ земли лишь столько соковъ сколько ему потребно для жизни, животное съѣдаетъ лишь столько травы или мяса сколько требуетъ его аппетитъ, не присвоивая себѣ ни клочка земли въ собственность: какое же право имѣетъ человѣкъ, это говорящее животное, это ходячее растеніе, поступать иначе? Законъ аналогіи велитъ и человѣку только пользоваться землей, а не пріобрѣтать ее въ собственность: „пока вся земля будетъ предметомъ „собственности, до тѣхъ поръ будетъ „существовать и крупная и средняя соб„ственность; произвести самое выгодное „экономическое положеніе можно только „при всеобщемъ распространеніи безоб„рочнаго общиннаго владѣнія...“ Итакъ, долой межевые знаки...

Да не подумаютъ однакожь что книжища эта есть что-нибудь страшное и опасное. Мы вообще не вѣримъ въ существованіе опасныхъ книгъ. Опасными и вредными становятся онѣ только какъ орудія интриги которая изыскиваетъ окольные пути для достиженія своихъ цѣлей. Одна и та же интрига можетъ пользоваться самыми противоположными ученіями, и нѣтъ такихъ хорошихъ мыслей и словъ которыя были бы застрахованы отъ злоупотребленія. Что касается толстой книги которая лежитъ теперь у насъ предъ глазами, то она менѣе всего способна испугать даже самые робкіе умы своими соціальными воззрѣніями. Это само благодушіе. Это непроходимое многословіе самаго добродѣтельнаго свойства въ которомъ исчезаетъ всякая мысль и гибнетъ всякій фактъ. Авторъ только о томъ и помышляетъ какъ бы всѣхъ надѣлить счастіемъ, и „счастіе“ есть самое любимое словцо его. Но благодушныя мечтанія нашего изслѣдователя и наблюдателя не стоятъ чтобы на нихъ останавливаться; гораздо любопытнѣе тѣ отношенія въ которыя онъ становится къ Россіи и русскому народу. Онъ возлюбилъ русскаго мужика, но у него самая благодушная страсть подчеркивать всѣ племенныя различія существующія на нашей пространной государственной территоріи. Мало того: если вѣрить нашему ученому изслѣдователю и наблюдателю, то всѣ этнографическія особи населяющія русскую землю чувствуютъ непріязнь къ этому, по его словамъ, „несомнѣнно даровитому“ русскому мужику, неизмѣримо превосходящему будто бы наши высшіе классы духовными силами,—и не только непріязнь къ нему чувствуютъ, но и имѣютъ предъ нимъ преимущество. „Русскій земледѣлецъ „и Калмыкъ другъ друга вовсе не понимаютъ; между ними господствуетъ только „презрѣніе и взаимное отчужденіе“, причемъ „трудолюбивый, добродушный калмыкъ“ удивляетъ русскаго крестьянина своею стойкостью въ работѣ и нерѣдко подаетъ ему примѣръ самоотверженія и даже политическаго такта. Но если и „даровитое“ русское крестьянство уступаетъ Калмыкамъ, то какъ неизмѣримо ниже ихъ стоятъ, должно-быть, наши образованные классы, не имѣющіе, какъ сказано, доблестей русскаго мужика! А калмыки не достигаютъ кульминаціонной точки въ симпатіяхъ нашего автора. Татарина, говоритъ г. Флеровскій, Русскій называетъ „собакой“, но если Татаринъ не относится къ Русскому такимъ же образомъ, то причиной тому высокое нравственное превосходство послѣдняго. „Сравнивая свое „міросозерцаніе (!) съ русскимъ, онъ“ (Татаринъ), „его находитъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ“. Но за то что жь выходитъ? „Сознавая свое превосходство „во многихъ отношеніяхъ, онъ“ (Татаринъ) „не только не хочетъ подражать „хорошему въ ненавистныхъ ему людяхъ, „но не хочетъ видѣть этого хорошаго“. Чувашъ несравненно домовитѣе Русскаго: „лучшіе хозяева въ Казанской губерніи— „Чуваши“. Мордвинъ очень грязенъ и неразвитъ, но въ немъ звучитъ поэти-

ческая струна, которой недостаетъ Русскому, и вообще „между Русскимъ и Мордвиномъ то же отношеніе какъ между Ирландцемъ и Англичаниномъ, — они никогда не поймутъ другъ друга“. Вообще г. Флеровскій далеко не раздѣляетъ мнѣнія Петра I и Екатарины II о русскомъ народѣ. Онъ признаетъ нашего мужика даровитымъ только гдѣ сопоставляетъ его съ нашимъ дворяниномъ. Тутъ онъ горько скорбитъ о немъ и усматриваетъ между прочимъ что „послѣ освобожденія обеземеленіе крестьянъ сдѣлало такой большой шагъ какого оно можетъ быть никогда не дѣлало“... По свѣденіямъ нашего изслѣдователя, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, гдѣ развѣ медвѣди могутъ оспаривать владѣнія у человѣка, — государственные крестьяне получили въ надѣлъ менѣе полудесятины на душу“...

Но если русскій крестьянинъ даровитъ и способенъ только въ сравненіи съ высшими нашими классами, а уступаетъ во многихъ отношеніяхъ Мордвинамъ, Татарамъ и Калмыкамъ, то какія же права имѣетъ вообще русская народность господствовать въ Россіи или, другими словами, почему русское государство должно быть русскимъ? Вотъ вопросъ который самъ собою раждается. Если добродушный и поэтичный Татаринъ искалъ сближенія съ своимъ притѣснителемъ и даже научился будто бы говорить по-русски, то не очевидно ли что это произошло въ ущербъ его интересамъ, ибо его „міросозерцаніе“ въ всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣе. И вотъ нашъ благодушный филантропъ, проливающій слезы надъ обеземеленіемъ русскаго крестьянина, рисующій яркую картину будущности Россіи когда она превратится въ колоссальную общину, начинаетъ дробить Россію какъ дробили ее и свои и чужіе предъ польскимъ мятежемъ!.. Дробить Россію и совокуплять воедино мелкія инородческія племена имѣющія очень мало или вовсе неимѣющія ничего между собою общаго, искусственно объединять ихъ во имя принципа національности, отрицаемаго только относительно русскаго народа, — такова положительная теорія сквозящая въ неистощимомъ тара-бара нашего автора. Онъ находитъ справедливымъ и раціональнымъ расколоть пополамъ Русскій народъ и изъ малороссійской половины его развить особую національность, и столь же справедливымъ и раціональнымъ соединить всѣ племена относимыя этнографами къ одной породѣ которую зовутъ финскою, или чудскою. Нужды нѣтъ что эти племена никогда не составляли одного народа, никогда не жили общею политическою жизнію, не имѣютъ никакихъ общихъ преданій и не понимаютъ другъ друга. Довольно того что лингвисты нашли сродство въ ихъ языкахъ, и вотъ Россія приглашается осуществить на практической почвѣ эту связь уловленную спеціальными изысканіями науки и создать новую націю изъ разбросанныхъ и чуждыхъ другъ другу населеній, хотя бы пришлось для этого насильственно обезнародить многочисленныя русскія населенія. Этотъ г. Флеровскій знаетъ что въ балтійскомъ краѣ, кромѣ Эстовъ соплеменныхъ Финнамъ, есть еще Латыши: и вотъ ни мало не думая, онъ и Латышей, и племя арійское втискиваетъ въ великую созидаемую имъ финскую націю! „Латыши и Эстонцы,“ говоритъ нашъ патріотъ, „такъ малочисленны „что они никоимъ образомъ не могутъ надѣяться составить сами по себѣ отдѣльное государство и жить самостоятельною жизнію; потребность примкнуть къ другой, болѣе многочисленной національности въ нихъ естественна и неизбѣжна; „имъ не только естественно искать для „себя подобной опоры, но имъ естественно искать ее въ Россіи,“ которая обязана, по убѣжденію г. Флеровскаго, образовать на своей территоріи *финскую націю живущую самостоятельною жизнію*. Вотъ его слова: „Россія славяно-финское „государство; союзъ съ Россіею единственный союзъ, который можетъ придать „финскому племени значеніе и дать ему „возможность придать себѣ міровую извѣстность подвигами на поприщѣ просвѣщенія. Нужно видѣть съ какимъ умиленіемъ Финнъ говоритъ о своемъ единоплеменникѣ, какъ нравится западному „Финну финская жизнь и финская обстановка даже на крайнемъ нашемъ востокѣ, чтобы понять какое бы это было „счастье для Финновъ, еслибы ихъ племя „сколько-нибудь поднялось и пріобрѣло „значеніе и извѣстность.“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ трогательно! Дѣло въ томъ однакоже что не только западный Финнъ, то-есть Финляндецъ, не понимаетъ восточнаго Финна, Мордвина или Черемиса, но и своего сосѣда Эстонца, и еслибы г. Фле-

ровскій не предавался политической галлюцинаціи, то онъ убѣдился бы что надо еще сочинить языкъ на которомъ бы могли понимать другъ друга люди принадлежащіе къ этому финскому племени. Мордвинъ такъ же мало можетъ разумѣть Эстонца и Финляндца, какъ Нѣмецъ Итальянца, а Итальянецъ Русскаго, хотя корни ихъ языковъ сближаются въ той глубинѣ которую открываетъ намъ сравнительное изученіе языковъ арійскихъ или индо-европейскихъ.

Но послѣдуемъ далѣе за нашимъ мономаномъ. Съ тихою улыбкой, отличающею многихъ мономановъ, онъ восклицаетъ: „Искренній, тѣсный союзъ Русскихъ съ „финскимъ племенемъ возможенъ и былъ „бы для насъ крайне выгоденъ. Начиная „отъ Финляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи, „финское племя непрерывною цѣпью тянется до Сибири и почти до Каспійскаго „моря; они вездѣ многочисленны: въ сѣ„веро-западной Россіи, въ странѣ озеръ „и до самаго Урала, странѣ сплошныхъ „лѣсовъ; на востокѣ они нисходятъ на „югъ до Тамбовской, Саратовской и Орен„бургской губерній и въ нѣкоторыхъ уѣз„дахъ составляютъ самое многочисленное, „даже почти исключительное населеніе. Все „финское племя въ Россіи насчитываетъ „больше трехъ милліоновъ лицъ. Еслибы „намъ удалось поднять это племя, связать „его посредствомъ вышедшей изъ его сре„ды интеллигенціи, вникнуть въ его по„требности и удовлетворить имъ, мы бы „сдѣлали для себя несравненно болѣе по„лезную вещь, и западный край несрав„ненно тѣснѣе связали бы съ восточнымъ, „чѣмъ посредствомъ попытокъ руссифи„каціи которые могутъ быть только не„удачными. Если Мадьяры въ числѣ не „болѣе пяти милліоновъ могли пріобрѣсти „міровое значеніе, то почему не пріобрѣ„сти его и нашимъ Финнамъ? Если ихъ „поставить въ благопріятныя условія, „то ихъ способности дадутъ имъ къ это„му возможность безъ всякаго сомнѣ„нія.“ Въ самомъ дѣлѣ, какой увлекательный примѣръ: союзъ Русскаго государства съ финскимъ подобный союзъ Австріи съ Венгріей! Какая утѣшительная перспектива единодушія и взаимной поддержки! Какое достойное поприще для усилій и денежныхъ затратъ со стороны русскаго народа—создавать финскую интеллигенцію, сочинять финскій языкъ, одинаково понятный и Черемису и Эстонцу, организовать въ своихъ нѣдрахъ особый, никогда не существовавшій народъ, никогда не существовавшее государство! И какое благодѣяніе для человѣчества это государство безъ границъ на югѣ и съ Ледовитымъ океаномъ на сѣверѣ! Почему старый Архангельскъ, древняя Вологда, почему Устьсысольскъ и Солигаличъ, словомъ, всѣ современныя Новгороду русскія населенія по Двинѣ и Ветлугѣ не шлютъ петицій о своемъ желаніи превратиться въ Самоѣдовъ?

Все это сумасшествіе, скажутъ. Сумасшествіе, да; но злое и опасное, потому что оно является у насъ не одиночнымъ фактомъ. Людямъ свойственно заблуждаться, но надо чтобъ они были искренни; можно бороться противъ нѣкототорыхъ убѣжденій, но если они искренни и если цѣль ихъ есть благо страны, хотя бы и односторонне понимаемое, то нельзя презирать ихъ. Люди которые совершили во Франціи переворотъ 1848 года оказались нелѣпыми и невозможными, но ихъ нельзя назвать измѣнниками. Совершенно иное замѣчается у насъ. У насъ считается признакомъ либерализма отрицаніе своей національности, разрушеніе ея политическаго единства. Мало того въ этомъ стремленіи сходятся наши крайніе либералы съ нашими реакціонерами. Они желали бы расколоть русскій народъ и внести въ его государство принципъ разложенія. Наши крайнія партіи дружно работаютъ надъ однимъ—надъ подавленіемъ своего народа. Скажемъ еще болѣе не опасаясь опроверженій: что вытекаетъ изъ книги г. Флеровскаго, то еще съ большею опредѣленностью высказывается людьми вліятельными... Вотъ гдѣ зло и опасность. Что значила бы эта вздорная фантазія, о которой мы сейчасъ говорили, еслибъ она не была отрыскомъ обмана который имѣетъ у насъ большую силу? Люди которые работаютъ въ этомъ смыслѣ суть враги не того или другаго существующаго въ Россіи порядка,—они враги Россіи, ея цѣлости, ея существованія. Не ту ль желаемую цѣль они преслѣдуютъ, какую преслѣдовали Карлъ XII и Наполеонъ I въ 1812 году? Но между ними и предводителями армій вторгавшихся въ Россію та разница что послѣдніе выступали открытыми ея врагами. Что жь? Все живущее имѣетъ враговъ. Враговъ имѣетъ каждый человѣкъ не лишенный значенія, а тѣмъ

болѣе великое государство; это въ натурѣ вещей. Съ Россіей могутъ враждовать другія правительства, другіе народы; они могутъ стремиться къ ея разложенію; мы обязаны защищаться, но оскорбляться этимъ нѣтъ никакого повода. Совсѣмъ другое когда къ намъ подходятъ съ улыбкой дружелюбія свои домочадцы, и въ видахъ нашего прогресса, во имя нашего блага предлагаютъ намъ самоубійство. Люди которые ищутъ насъ обмануть или служатъ орудіемъ обмана, — какъ надобно относиться къ нимъ, — особенно если эти люди вліятельные, а не то что какой-нибудь г. Флеровскій?...

№ 28

Москва, 4-го февраля.

А.

Нельзя отъ всей души не порадоваться извѣстію, вчера переданному намъ по телеграфу, о рѣшеніи св. синода подвергнуть пересмотру дѣйствующія у насъ правила духовной цензуры. Для этой цѣли учреждена коммиссія, которая, по слухамъ, заслуживающимъ довѣрія, должна существенно облегчить, если не вовсе отмѣнить духовную цензуру. Ниже сообщаются нѣкоторыя относящіяся, сюда свѣдѣнія заимствованныя изъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, полученныхъ сейчасъ.

Духовная цензура, понятая въ обширномъ значеніи какъ характеристическая формула цѣлой системы есть быть-можетъ самая глубокая причина того нравственнаго безсилія, того безплодія и мертвенности въ которыхъ упрекаютъ нашу народность и въ которыхъ наша интеллигенція такъ охотно сознается то съ прискорбіемъ, то съ возмутительнымъ злорадствомъ. Невольно чувствуется что въ нашей жизни чего то не достаетъ, что во всѣхъ ея проявленіяхъ и развитіяхъ отсутствуетъ именно то что во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ всего важнѣе и существеннѣе. Чего же не достаетъ? Не достаетъ внутренней стороны въ каждомъ дѣлѣ, не слышно присутствія свободнаго духовнаго начала. Все совершается какъ будто помимо убѣжденія и воли, путемъ установленнаго механизма, и ни къ чему не призываются тѣ свободныя нравственныя силы которыя всему человѣческому сообщаютъ истинную реальность и красоту. Вездѣ, и во всемъ чувствуется что духовная жизнь наша, въ самыхъ глубокихъ источникахъ своихъ находится подъ запретомъ. Вотъ почему все что ни дѣлается у насъ является малосильнымъ, непроизводительнымъ, только наружнымъ. Вотъ почему мы не замѣчаемъ въ нашей жизни того творчества которое знаменуется дорогими для человѣчества пріобрѣтеніями, и вотъ почему мы такъ часто теряемъ вѣру въ себя и готовы бываемъ сами налагать руку на свою народность...

Мы гордимся обладаніемъ церковью восходящею ко временамъ апостольскимъ. Неумѣстная гордость! Въ этомъ нѣтъ нашей заслуги, а напротивъ, при взглядѣ на окружающее, это должно располагать насъ не столько къ гордому чувству достоинства, сколько къ смиренному сознанію своихъ недостатковъ. Мы, съ своей стороны, весьма мало сдѣлали для того чтобы возвеличить и прославить вѣру Христову. Она таится у насъ подъ спудомъ и на насъ тѣмъ тяжеле лежитъ отвѣтственность за безсиліе и бездѣйствіе духовнаго начала въ нашей средѣ. Наши массы коснѣютъ въ невѣжествѣ и духовномъ мракѣ; наше образованіе поверхностно и лишено самостоятельности; интересъ истины, знанія, убѣжденія, ни въ чемъ не господствуетъ и ничего не рѣшаетъ. Какъ во всемъ, такъ и въ вопросахъ духовнаго свойства мы пользуемся отблескомъ чужой мысли, не обрѣтая въ себѣ ни потребности, ни силы пролагать собственные пути. И это весьма естественно когда самое начало духовной жизни находится у насъ подъ запретомъ и лишено свободнаго движенія. Потому-то мы такъ и равнодушны къ умственному дѣлу и такъ мало заботимся о томъ чтобы поднять уровень нашего образованія. Если человѣческое разумѣніе лишено свободнаго доступа къ области своихъ высшихъ интересовъ, то оно и во всемъ остальномъ не можетъ обнаруживать должную энергію; оно по необходимости поверхностно и безплодно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Если духовное начало лишено свободы, то это значитъ что оно лишено жизни и дѣйствія, ибо свобода есть не что-либо для него внѣшнее и случайное, а самая сущность его.

Исторія цивилизаціи обильна уроками, и она убѣдительно свидѣтельствуетъ что

никогда система запрета, которая выражается въ цензурѣ, не была способна къ предотвращенію зла, но что напротивъ она обладаетъ страшною силой къ подавленію жизни въ самыхъ лучшихъ ея стремленіяхъ, въ самыхъ священныхъ ея интересахъ. Она всего вѣрнѣе можетъ только обезсилить и убить тотъ самый интересъ который ввѣряется ея охранѣ. Духовная цензура не предохранила ни отъ ересей нашу церковь, ни отъ безвѣрія наше общество. Она имѣла своимъ послѣдствіемъ только то что у насъ произошелъ глубокій и пагубный разрывъ между свѣтскимъ образованіемъ и церковью.

Цензура всегда имѣетъ въ основаніи своемъ недовѣріе ко внутренней силѣ и истинѣ того самаго дѣла которое она охраняетъ, и чѣмъ выше это дѣло, тѣмъ рѣзче и глубже ея противорѣчіе самой себѣ и тѣмъ вреднѣе ея дѣйствіе. Естественно опасаться за какіе-либо общественные порядки временнаго значенія, случайные и навязанные, и весьма естественно что такого рода интересы нуждаются въ дѣятельной внѣшней охранѣ. Но что всю цѣну свою полагаетъ въ истинѣ, что непреложно и непобѣдимо, то должно быть предоставлено своей внутренней силѣ, и всѣ наши заботы должны клониться только къ тому чтобы сила эта была развязана и могла проявить себя. Чего бояться? Все ложное своимъ обнаруженіемъ и развитіемъ только изобличитъ себя, а что въ основаніи своемъ имѣетъ долю истины, то можетъ ли повредить ей? И то и другое, при свободномъ движеніи мысли, послужитъ только къ раскрытію истины и оживотворенію умовъ.

Снятіе запрета съ высшихъ потребностей человѣческой жизни и разумѣнія было бы великимъ шагомъ въ нашемъ народномъ развитіи. Это было бы событіемъ достойнымъ великихъ преобразованій нашего времени, и оно не осталось бы безъ живительныхъ послѣдствій для этихъ преобразованій и для тѣхъ нравственныхъ силъ которыя призываются ими къ дѣйствію. Это было бы истинною эпохой какъ въ жизни церкви, такъ и въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія. Это всего вѣрнѣе и успѣшнѣе побудило бы насъ заняться улучшеніемъ нашихъ церковныхъ порядковъ и столь глубоко пренебреженнымъ у насъ дѣломъ воспитанія. До сихъ поръ мы только дилеттантствовали въ дѣлѣ науки и просвѣщенія, а когда духовная жизнь наша будетъ развязана, тогда мы почувствуемъ истинную потребность въ серіозномъ и правильномъ умственномъ воспитаніи. Наши заботы о просвѣщеніи найдутъ себѣ твердую почву и то одушевленіе котораго теперь не достаетъ имъ и безъ котораго они не могутъ имѣть ни достаточной чуткости въ выборѣ средствъ, ни достаточной энергіи въ достиженіи цѣлей.

Новая мѣра которую мы теперь привѣтствуемъ, вмѣстѣ со стольками другими принятыми въ послѣдніе годы, свидѣтельствуетъ что наше высшее церковное управленіе стоитъ на высотѣ требованій своего времени, и многіе знаменательные признаки убѣждаютъ что для церкви нашей дѣйствительно наступаетъ новая и болѣе славная пора. Возрастающія тяготѣнія къ ней на Западѣ совпадаютъ съ обновленіемъ условій въ которыя она поставлена у насъ. Кстати, приглашаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже статью г. Касицына, который, по случаю прибытія въ Петербургъ отца Овербека, еще разъ возвращается къ вопросу о возстановленіи западной православной церкви. Порядки которые до послѣдняго времени господствовали въ нашемъ церковномъ быту становились невозможностью, и преобразованія которыя коснулись его являются необходимостью.

Что касается пересмотра устава духовной цензуры, то имя предсѣдателя коммиссіи назначенной на этотъ предметъ, имя одного изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ православной церкви, уже достаточно ручается за широту и правильность взгляда которымъ она будетъ руководима въ своемъ дѣлѣ.

Смѣемъ думать что въ вопросѣ который подлежитъ разсмотрѣнію коммиссіи всего важнѣе установить различіе между цензурой и одобреніемъ или благословеніемъ церкви. Церковь не можетъ превращаться въ полицейское учрежденіе, и именно въ интересѣ своего святаго дѣла, ей не слѣдуетъ прибѣгать къ системѣ запрета, но слѣдуетъ изобличать что ей противно и предлагать вѣрующимъ что ею одобряется. Ея достоинство и польза ея дѣла требуютъ чтобъ она не пресѣкала путей къ проявленію какой бы то ни было мысли, но была дѣятельнымъ и неусыпнымъ органомъ истины.

Б.

Въ № 25 *Московскихъ Вѣдомостей* мы обратили вниманіе читателей на сообщенное въ *Сынѣ Отечества* и другихъ газетахъ извѣстіе о томъ что „отсылка Положеній 19-го февраля въ Молодеченскую учительскую семинарію остановлена и признана, говорятъ, неудобною.“ Къ сожалѣнію, извѣстіе это до сихъ поръ остается безъ опроверженія. А между тѣмъ дѣло идетъ о мѣрѣ весьма серіозной и имѣющей гораздо болѣе широкое значеніе чѣмъ можно судить по приведенному извѣстію. Недостаточное пониманіе крестьянами предоставленныхъ имъ закономъ правъ было причиной многихъ прискорбныхъ недоразумѣній во внутреннихъ губерніяхъ; но здѣсь эти недоразумѣнія все-таки не могли и не могутъ вести къ такимъ послѣдствіямъ, къ какимъ вели и ведутъ они въ западной Россіи, гдѣ характеръ взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ носитъ совершенно исключительный характеръ. Противъ мѣстныхъ пановъ, знающихъ законы и безчисленными примѣрами доказавшихъ свое умѣнье обходить ихъ, стоитъ тамъ темная масса крестьянъ, не знающая хорошенько чего она въ правѣ, чего не въ правѣ требовать, кому и въ чемъ именно должна она повиноваться, на что и кому можетъ она жаловаться. Православному духовенству, въ теченіе столѣтій поддерживавшему народъ противъ польщизны и объяснявшему крестьянамъ ихъ права, въ недавнее время запрещено вмѣшиваться въ гражданскія дѣла и давать совѣты крестьянамъ, которые таким образомъ легко могутъ становиться жертвою всякой безстыдной эксплуатаціи и злостныхъ внушеній. Въ виду такого положенія дѣлъ бывшее управленіе Виленскаго учебнаго округа, полагая полезнымъ, путемъ школы, ознакомить крестьянъ съ правами предоставленными имъ Верховною Властію, предположило напечатать и разослать *не въ одну Молодеченскую семинарію, но и во всѣ штатныя народныя школы округа* извлеченіе изъ Положенія 19-го февраля и Устава о повинностяхъ. Расходы по этой операціи предполагалось распредѣлить равномѣрно между учебнымъ округомъ и волостями. На весь округъ требовалось до 50,000 экземпляровъ; мѣстный типографъ соглашался продавать экземпляръ по 15 коп. и даже дешевле; вся операція должна была окончиться этою зимою. Въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло, мы не знаемъ, не знаемъ также слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ вѣрить помянутому выше слуху. Во всякомъ случаѣ не можемъ не выразить надежды что дѣло это не канетъ въ воду и что нынѣшнее учебное начальство Виленскаго округа признаетъ, и съ своей стороны пользу означенной мѣры. Если настаивать на неукоснительномъ примѣненіи къ крестьянамъ основнаго закона что „невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ,“ то нельзя въ то же время отнимать у крестьянъ возможность знать законъ.

№ 29.

Москва, 5-го февраля.

Отношенія губернской администраціи къ мѣстному самоуправленію безпрестанно становятся предметомъ „разъясненій“ вслѣдствіе различныхъ возникающихъ между земскими собраніями и губернаторами „пререканій.“ Въ виду предположеній объ административно-полицейской реформѣ, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ теперь особенную важность, и мы намѣрены коснуться его по случаю новаго разъясненія которому подверглось Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ въ этомъ пунктѣ.

Извѣстно что одною изъ общихъ вступительныхъ статей Положенія 1-го января 1864 года дано губернатору право пріостанавливать исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій „противнаго законамъ“ или „государственнымъ пользамъ“ (ст. 9). Относительно порядка и сроковъ такого распоряженія соблюдаются, какъ значится далѣе, правила указанныя въ статьяхъ 94, 95 и 96. Правила эти состоятъ въ томъ, что губернаторъ, въ теченіи семи дней отъ полученія протокола, сообщаетъ собранію отзывъ свой о согласіи, или несогласіи съ его постановленіемъ; въ случаѣ возраженій губернатора, собраніе разсматриваетъ подробно обстоятельства подавшія къ этимъ возраженіямъ поводъ, и постановляетъ свое „окончательное заключеніе;“ это вторичное постановленіе собранія „входитъ въ силу и приводится въ исполненіе,“ но губернаторъ „имѣетъ право, подъ личною своею отвѣтственностью,“ остановить исполненіе тѣхъ по-

становленій которыя онъ признаетъ незаконными, о чемъ обязанъ, также въ теченіе семи дней, уведомить собраніе или управу и затѣмъ возвести „все дѣло" на разрѣшеніе сената. Но само собой очевидно что губернаторъ имѣетъ полное право, и не пріостанавливая исполненія постановленій, входить чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ въ правительствующій сенатъ съ представленіями о разрѣшеніи тѣхъ сомнительныхъ случаевъ которые кажутся ему неправильно рѣшенными, хотя онъ и не взялъ бы на себя отвѣтственности сопряженной съ пріостановкой исполненія. Эта отвѣтственность должна быть особенно сильна по отношенію къ смѣтамъ и раскладкамъ, ибо пріостановка ихъ исполненія лишаетъ земство средствъ къ покрытію необходимыхъ расходовъ и можетъ произвести самую прискорбную задержку въ теченіи всѣхъ дѣлъ. Вотъ почему въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ спеціально указаны случаи, когда губернаторъ пріостанавливаетъ дѣйствіе смѣтъ и раскладокъ; этихъ случаевъ пять, и они перечислены въ статьѣ 91. Положеніе не обозначаетъ тѣхъ условій которыя во всѣхъ другихъ случаяхъ должно соблюдать земское собраніе, дабы избѣжать губернаторскаго *veto*. Но относительно одной категоріи дѣлъ перечислены подробно тѣ пункты на которые губернаторъ, при разсмотрѣніи постановленія земскаго собранія, имѣетъ обращать вниманіе: это именно земскія смѣты и раскладки, долженствующія, подъ страхомъ недѣйствительности, удовлетворять пяти означеннымъ въ статьѣ 91-й требованіямъ. Такая предусмотрительность и опредѣленность закона именно по отношенію къ смѣтамъ и раскладкамъ объясняется, конечно, важностью связанныхъ съ ними интересовъ для земскаго дѣла; въ виду этихъ важныхъ интересовъ сочтено было необходимымъ въ точности формуловать тѣ нормы коихъ губернаторъ, при просмотрѣ постановленій, обязанъ держаться и которыя, въ свою очередь, должно постоянно имѣть въ виду собраніе дабы его постановленія могли имѣть дѣйствительность. Такимъ образомъ статьей 91-ю ограничиваются предѣлы дѣйствія статьи 9-й.

Въ этомъ смыслѣ была понята статья 91 всѣми земскими собраніями: въ ней видѣли гарантію противъ возможныхъ со стороны губернатора произвольныхъ „отзывовъ," которые могутъ замедлить на неопредѣленное время приведеніе въ дѣйствіе смѣтъ и раскладокъ. Но на дняхъ въ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщенъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20-го декабря 1869 года, въ коемъ изложено сдѣланное сенатомъ разъясненіе статьи 91-й въ томъ смыслѣ что въ ней указываются только тѣ стороны земскихъ смѣтъ и раскладокъ на которыя законъ призываетъ *преимущественное* вниманіе губернатора, и удостовѣреніе въ правильности коихъ для него обязательно; но что онъ имѣетъ „полное право" входить во *всѣ* подробности поступающихъ къ нему раскладокъ, на основаніи статьи 9-й Положенія, предоставляющей губернатору право останавливать исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Поводомъ къ этому разъясненію, какъ видно изъ циркуляра, послужило сообщеніе „начальника одной губерніи" что мѣстное земское собраніе отказалось войти въ обсужденіе тѣхъ замѣчаній губернатора на смѣты и раскладки которыя не подходили ни подъ одинъ изъ пяти пунктовъ предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 91-й.

Едва ли кто станетъ отрицать что въ смѣты и раскладки могутъ такъ или иначе прокрасться частныя неправильности, которыя не совсѣмъ подойдутъ подъ исчисленные въ статьѣ 91-й пять пунктовъ. Уѣздное земство напримѣръ можетъ случайно сложиться такъ что въ немъ перевѣсъ окажется на сторонѣ одной какой-либо группы интересовъ, и эта группа легко можетъ воспользоваться своимъ преобладаніемъ ко вреду другихъ участвующихъ въ земствѣ интересовъ. Вотъ хоть бы въ случаѣ подавшемъ поводъ къ нынѣшнему разъясненію: въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ раскладкахъ одни предметы были отъ сбора освобождены, другіе обложены вдвойнѣ или привлечены не въ соразмѣрности со своею цѣнностью и доходностью. Держась исключительно указанныхъ въ статьѣ 91-й предметовъ при просмотрѣ смѣтъ и раскладокъ, губернаторъ долженъ былъ бы оставить безъ вниманія замѣченныя имъ въ раскладкахъ неправильности по другимъ предметамъ, а равно и губернскому собранію, которое ограничивается обсужденіемъ однихъ лишь возраженій губернатора, нельзя было бы касаться этихъ неправильностей. И оказалось бы что принципъ равномѣрности въ обложеніи зем-

скимъ сборомъ, столь существенный для правильнаго и согласнаго хода земской жизни и для упроченія авторитета земскихъ представителей въ средѣ мѣстнаго населенія, былъ бы нарушенъ, и отъ этого пострадало бы главнымъ образомъ само земство. Какъ же предупредить возможность подобныхъ неправильностей въ земскихъ раскладкахъ? Какимъ путемъ поправить дѣло которое можетъ подавать поводъ къ справедливымъ жалобамъ со стороны интересовъ уважительныхъ? Вотъ прекрасное и несомнѣнно полезное назначеніе губернаторской власти. Вотъ основаніе на которомъ могутъ быть установлены наилучшія отношенія между мѣстнымъ самоуправленіемъ и административною властью. Губернатору предоставлено право отмѣчать всѣ найденныя имъ въ смѣтахъ и раскладкахъ неправильности, доводить о нихъ до свѣдѣнія земскаго собранія и тѣмъ давать губернскому собранію возможность исправлять недосмотры или ошибки уѣздныхъ собраній, а правительствующему сенату такую же возможность по отношенію къ собраніямъ губернскимъ.

Въ этомъ смыслѣ новое разъясненіе статьи 91-й можетъ оказаться полезнымъ для дѣла, разрѣшая вопросъ весьма важный въ земской практикѣ. При возможности для губернатора указывать собранію на всѣ замѣченныя имъ въ раскладкахъ неправильности, никакая допущенная въ нихъ неправильность, важная или неважная, не можетъ удержаться, если губернаторъ внимательно исполнитъ свою обязанность. Но для достиженія этой во всѣхъ отношеніяхъ полезной цѣли нѣтъ надобности ослаблять и затемнять совершенно ясную статью 91-ю отождествленіемъ ея съ менѣе опредѣленною статьей 9, и вмѣстѣ съ правомъ входить во всѣ подробности подлежащихъ губернаторскому разсмотрѣнію раскладокъ предоставлять губернатору также право останавливать приведеніе ихъ въ дѣйствіе по поводу каждой замѣченной имъ неправильности, если только губернское собраніе съ его мнѣніемъ не согласится. Въ этомъ, полагаемъ мы, вся сущность даннаго вопроса. Исчисленные въ статьѣ 91-й пять пунктовъ могутъ и должны быть всегда въ виду собранія, и оно знаетъ чего ему въ этомъ отношеніи держаться; тутъ еще можно допустить пріостановку исполненія смѣтъ и раскладокъ, какъ это ни тяжко отзывается на земскомъ дѣлѣ, ибо уѣздныя земства остаются въ этомъ случаѣ, до разрѣшенія вопроса сенатомъ, безъ средствъ и вынуждены, для своего существованія, дѣлать займы изъ остатковъ губернскаго сбора и входить въ долги. Но расширить полномочіе губернатора относительно смѣтъ и раскладокъ на основаніи статьи 9-й, дать губернатору право задерживать исполненіе ихъ во всякомъ случаѣ когда только не согласится съ нимъ губернское собраніе, — это значитъ открыть настежь двери нескончаемымъ пререканіямъ между губернскою администраціей и земствомъ; земское дѣло можетъ отъ того придти въ полное разстройство, ибо по наималѣйшему поводу, который легко подойдетъ подъ широкую формулу 9-й статьи, дѣйствію смѣтъ и раскладокъ грозитъ пріостановка, и уѣздныя земства будутъ постоянно подъ страхомъ оставаться безъ средствъ на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по темпераменту своего губернатора.

Для предотвращенія такого прискорбнаго порядка, единственный исходъ, намъ кажется, состоитъ въ томъ чтобы, согласно съ основною мыслью изложеннаго въ циркулярѣ 20-го декабря толкованія статьи 91-й, не ограничивать губернатора въ его замѣчаніяхъ на смѣты и раскладки лишь пятью пунктами этой статьи, а предоставить ему дѣлать всѣ тѣ возраженія на оныя какія онъ сочтетъ нужными и полезными для дѣла; но при этомъ существенно необходимо удержать въ силѣ ограничивающее значеніе статьи 91-й и установить различіе между тѣми замѣчаніями которыя основаны на статьѣ 91-й и тѣми которыя опираются на статью 9-ю: остановка исполненія, если уже такая мѣра оказывается въ чрезвычайныхъ случаяхъ необходимою, должна бы быть допущена, по отношенію къ смѣтамъ и раскладкамъ, только въ первомъ случаѣ, отнюдь не въ послѣднемъ. Губернаторъ имѣлъ бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ прокурорскій надзоръ относительно всѣхъ проектируемыхъ собраніями смѣтъ и раскладокъ; замѣчая въ нихъ неправильность или нарушеніе какихъ-либо уважительныхъ интересовъ, онъ обращалъ бы на то вниманіе собранія которое могло бы согласиться съ нимъ или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ дѣло восходило бы на разсмотрѣніе сената, но дѣйствіе смѣтъ и раскладокъ не прегрѣшающихъ противъ пяти пунктовъ статьи 91-й не должно преры-

ваться. Этимъ было бы предотвращено множество неудобствъ, а существенные интересы были бы ограждены вполнѣ, ибо ошибки не подходящія подъ пять пунктовъ не могутъ быть столь важны чтобы нельзя было отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ ихъ устраненіе. Пусть смѣта дѣйствуетъ пока сенатъ разсматриваетъ пререканіе, и если вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу собранія, то рѣшеніе это можетъ быть принято къ руководству въ будущій очередной созывъ онаго, либо можетъ быть созвано чрезвычайное собраніе, буде желательно чтобы дѣло было поправлено въ томъ же году.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственный выходъ изъ того затрудненія въ которое неминуемо должны быть поставлены земскія учрежденія новымъ толкованіемъ статьи 91-й Положенія. Ограниченіе власти губернатора относительно пріостановки дѣйствія смѣтъ и раскладокъ извѣстными пятью пунктами, съ предоставленіемъ ему права входить въ собраніе со всякими по этому предмету замѣчаніями, облегчило бы и упростило бы еще неустановившіяся у насъ доселѣ отношенія между мѣстною администраціей и земскими собраніями. Послѣднія не отказывались бы тогда, конечно, входить въ разсмотрѣніе всякихъ замѣчаній губернатора, ибо это было бы противно ихъ интересамъ: дѣло пошло бы въ сенатъ безъ ихъ объясненій и было бы рѣшено на основаніи доводовъ только одной стороны. Если же слить воедино двѣ далеко отстоящія одна отъ другой статьи Положенія, и на этомъ основаніи придать власти губернатора по вопросу о задержкѣ исполненія смѣтъ и раскладокъ размѣры ограниченные лишь общимъ понятіемъ „государственной пользы,“ то это врядъ ли можетъ способствовать установленію правильныхъ, на взаимномъ доброжелательствѣ опирающихся отношеній между губернаторами и земствомъ; напротивъ, такое толкованіе закона должно внести новый элементъ розни и антагонизма въ эти отношенія. Не будетъ ли это противно „государственнымъ пользамъ“ несравненно болѣе чѣмъ какая-нибудь мелкая неправильность которая можетъ закрасться въ смѣты земскаго собранія на срокъ ни въ какомъ случаѣ не переходящій за предѣлы одного года?

№ 30.

Москва, 6-го февраля.

Письмо одного изъ членовъ депутаціи отъ бессарабскаго дворянства И. К. Кристи, которое печатается въ сегоднешнемъ нумерѣ нашей газеты, вызываетъ насъ еще разъ вернуться къ вопросу о пересмотрѣ Положенія 14-го іюля 1868 года (объ устройствѣ быта царанъ). Надѣемся что читатели не посѣтуютъ на насъ за то что мы снова занимаемъ ихъ вниманіе подробностями мало извѣстнаго и мало понятнаго у насъ царанскаго дѣла. Царанское положеніе представляетъ почти послѣднюю реформу касающуюся устройства сельскаго населенія въ Россіи. За исключеніемъ балтійскихъ губерній, бытъ крестьянъ состоявшихъ въ зависимости отъ помѣщиковъ устроенъ у насъ повсюду, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностей Кавказа. Интересы и права замѣшанные въ царанскую реформу имѣютъ неоспоримое право на полное вниманіе и сочувствіе со стороны русскаго общества. Бессарабское помѣстное дворянство не только не дѣлало никакихъ затрудненій для государства, но напротивъ много разъ, особенно въ тяжкіе годы войнъ проходившихъ чрезъ Бессарабію, доказало на дѣлѣ свою преданность общему отечеству. Бессарабскіе помѣщики владѣющіе имѣніями за границей никогда не вступали въ стачку со врагами Россіи, но часто съ самоотверженіемъ дѣйствовали въ ея интересахъ. Бессарабскіе царане также принадлежатъ къ самымъ благонадежнымъ населеніямъ Имперіи, и отчасти благодаря именно этому обстоятельству въ самихъ Румынскихъ княжествахъ Россія пользуются популярностью и сочувствіемъ въ сельскихъ населеніяхъ. Нельзя не пожелать чтобы вопросъ который теперь заботитъ Бессарабію развязался удовлетворительно и безобидно для обѣихъ сторонъ. Смѣемъ думать что никакія соображенія не могутъ быть признаны настолько уважительными чтобы стать затрудненіемъ или помѣхой въ разрѣшеніи этого вопроса согласно съ справедливостію и въ духѣ полнаго доброжелательства къ замѣшаннымъ въ немъ интересамъ.

Нѣкоторые изъ бессарабскихъ помѣщиковъ настаиваютъ чтобы мы высказали опредѣлительно и ясно, безъ всякихъ недомолвокъ, наше искреннее мнѣніе о глав-

нѣйшихъ подробностяхъ ихъ ходатайства и о тѣхъ предложеніяхъ нѣкоторыхъ инстанцій къ коимъ оно подало поводъ. Нашу сдержанность въ обсужденіи нѣкоторыхъ подробностей, замѣшавшихся въ послѣднее время въ ходъ царанскаго дѣла, намъ ставятъ въ вину предъ самыми дорогими интересами общества и обращаются къ нравственной отвѣтственности нашей газеты, какъ одного изъ органовъ русскаго общественнаго мнѣнія.

Въ прошломъ году, при самомъ началѣ ходатайства бессарабскаго дворянства, мы старались разъяснить читателямъ справедливость его представленій относительно тѣхъ пунктовъ въ Положеніи 14-го іюля 1868 года которые казались намъ слишкомъ обременительною тягостью для мѣстныхъ владѣльцевъ. Пятилѣтній срокъ для подачи царанами заявленій объ отводѣ надѣла и установленіе неприкосновенной крестьянской земли въ Бессарабіи казались надъ требованіями вовсе несогласными съ основными началами крестьянской реформы въ Россіи и подающими поводъ къ великимъ затрудненіямъ. Указаніе на стѣснительность этихъ требованій занимало, повидимому, главное мѣсто въ ходатайствѣ самихъ бессарабскихъ дворянъ. Оба вышеупомянутыя установленія относятся именно къ тѣмъ пунктамъ которые менѣе всѣхъ прочихъ выяснились во время составленія Положенія 14-го іюля.

Къ сожалѣнію, составленіе этого Положенія сопровождалось нѣкоторыми особенными обстоятельствами. Когда царанское дѣло разсматривалось въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ, въ Петербургѣ находились нѣкоторые бессарабскіе помѣщики, имѣвшіе возможность слѣдить за ходомъ законодательныхъ работъ. Ихъ представители имѣли случай высказаться по всѣмъ приготовлявшимся статьямъ Положенія. Было ли заявлено представителями бессарабскихъ помѣщиковъ о неудобствахъ пятилѣтняго срока или установленія неприкосновенной крестьянской земли? Сколько намъ извѣстно, такихъ заявленій не было сдѣлано, и потому въ высшихъ инстанціяхъ оба установленія приняты, какъ это бессарабскимъ помѣщикамъ извѣстно, единогласно безъ возраженій. Нельзя при этомъ не пожалѣть что происходящая въ Петербургѣ такъ-называемая консервативная агитація уклонила тогда вниманіе заинтересованныхъ лицъ въ сторону отъ сущности дѣла. Извѣстно что въ началѣ, согласно желанію самихъ же бессарабскихъ помѣщиковъ, былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составленъ проектъ обязательнаго выкупа въ Бессарабіи, который теперь самими же бессарабскими помѣщиками признается весьма выгоднымъ для помѣщиковъ. Но тогда это не понравилось, и вмѣсто разъясненія дѣла заинтересованныя лица сосредоточили свое вниманіе на авторѣ проекта обязательнаго выкупа, одномъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и занялись рукоплесканіями по поводу его удаленія. Представленія шедшія тогда со стороны бессарабскаго дворянства касались лишь размѣровъ надѣла и платежей царанъ, но эти представленія мало опирались на точныя данныя и упустили напримѣръ изъ виду что надѣлъ, нѣсколько высокій въ густонаселенныхъ уѣздахъ, слѣдуетъ признать недостаточнымъ въ уѣздахъ степныхъ.

Другое особенное обстоятельство имѣвшее свою долю вліянія на Положеніе 14-го іюля состояло въ заявленіяхъ мѣстной администраціи о необходимости какъ можно скорѣе рѣшить дѣло въ виду напряженнаго ожиданія царанъ и ихъ чрезвычайно натянутыхъ отношеній къ помѣщикамъ. Пришлось торопиться законодательною работой, что не могло не отозваться на успѣшности дѣла.

Мірская земля, то-есть земля назначенная исключительно на обезпеченіе крестьянскаго населенія въ государствѣ, нигдѣ во всей Россіи не установлена, кромѣ западныхъ губерній съ ихъ враждебнымъ государству польскимъ землевладѣніемъ. Если подобное установленіе признается нужнымъ собственно для обезпеченія быта сельскаго населенія, то странно было бы устанавливать это обезпеченіе въ одномъ небольшомъ уголку государства. Очевидно что причины по которымъ въ Бессарабіи принята неприкосновенность крестьянской земли должны быть иныя. Сколько намъ извѣстно, установленіе мірской земли сдѣлано въ видѣ вознагражденія царанъ за отошедшее отъ нихъ право получать прогрессивный надѣлъ сообразно увеличенію населенія и улучшенію хозяйства. По закону 1846 года, двѣ трети помѣщичьяго имѣнія, какъ извѣстно, могли съ увеличеніемъ населенія поступить въ пользованіе царанъ.

Для большей ясности перечислимъ здѣсь

тѣ вознагражденія которыя царане получили за отошедшее отъ нихъ право на прогрессивный надѣлъ. Вотъ эти вознагражденія:

1) Право для всѣхъ царанъ на размѣры надѣла соотвѣтствующіе участку назначенному закономъ 1846 года для хозяйства имѣющаго двѣ пары воловъ, съ сохраненіемъ притомъ настоящаго пользованія. Средній размѣръ участка по закону 1846 года надо считать нѣсколько болѣе наровалоowаго, около 7 десятинъ. Средній размѣръ надѣла по Положенію 14-го іюля выйдетъ не менѣе 9 десятинъ. По разчету ревизскихъ семей выйдетъ что царанскія земли увеличены теперь на 227.000 десятинъ.

2) Право сохранить высшій по закону 1846 года размѣръ надѣла ($13^1/_2$ дес.) во всѣхъ имѣніяхъ гдѣ царане имѣли въ краткосрочномъ пользованіи количество земли превышающее этотъ размѣръ.

3) Неприкосновенность крестьянской земли.

4) Право требовать новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ въ теченіи пяти лѣтъ послѣ ввода уставной грамоты.

5) Значительное облегченіе повинностей.

Взамѣнъ того помѣщики освободили отъ всякихъ обязательствъ значительныя (особенно въ мѣстностяхъ негустонаселенныхъ) пространства земли которыя останутся отъ надѣла и пріобрѣли право не принимать въ счетъ лѣса при опредѣленіи той одной трети помѣщичьихъ земель, которая ни къ какомъ случаѣ не поступаетъ въ царанскій надѣлъ. Выключеніе лѣсовъ изъ счета не было выговорено въ законѣ 1846 года. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было вычислено сколько десятинъ изъ числа двухъ третей помѣщичьихъ имѣній (впрочемъ, кажется, со включеніемъ лѣсовъ) приходится на каждое семейство царанъ. По этому разчету выходило что въ Ясскомъ уѣздѣ, гдѣ надѣлъ назначенъ $9^1/_2$ десятинъ, въ 74 имѣніяхъ приходится отъ 7 до 14 десятинъ на семью, въ 45—отъ 15 до 30 десятинъ и въ 18—отъ 32 до 87 десятинъ. Въ Сорокскомъ уѣздѣ, гдѣ надѣлъ 8 и $9^1/_2$ десятинъ, въ 98 имѣніяхъ приходится отъ 21 до 48 десятинъ на семью. Въ Кишеневскомъ уѣздѣ, гдѣ надѣлъ 8 и $9^1/_2$ десятинъ, приходится въ 56 имѣніяхъ отъ 10 до 30 десятинъ, въ 26—отъ 35 до 80 и болѣе. О чисто степныхъ уѣздахъ и говорить нечего: тамъ почти во всѣхъ имѣніяхъ освобождаются огромныя пространства земли.

Правда что въ каждомъ уѣздѣ найдутся имѣнія, гдѣ въ двухъ-третьихъ помѣщичьей земли не будетъ достаточнаго количества для надѣла царанъ по нормѣ, и такихъ имѣній особенно много въ Хотинскомъ и въ части Оргѣевскаго уѣзда.

Вполнѣ ли соразмѣрны выгоды предоставляемыя Положеніемъ помѣщикамъ и церанамъ? Вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла, мы полагаемъ что бытъ царанъ во всякомъ случаѣ былъ бы значительно улучшенъ и безъ тѣхъ правъ которыя пали, дѣйствительно, тяжкимъ бременемъ на помѣщиковъ.

Къ числу такихъ правъ принадлежитъ неприкосновенность сословно-крестьянской земли. Земля исправнаго плательщика, по Положенію 14-го іюля, можетъ поступить лишь временно въ распоряженіе помѣщика, который обязуется однако заплатить удаляемому съ участка царанину за домъ и сады, часто совершенно не нужные помѣщику. Сдѣлки по уменьшенію надѣла при выкупѣ, напримѣръ предоставленіе части надѣла въ даръ, почти вовсе невозможны при неприкосновенной сословно-крестьянской землѣ. Угодья отъ которыхъ крестьяне сами откажутся не возвращаются къ помѣщику, а должны поступить въ пользованіе непремѣнно царанскаго населенія. Между тѣмъ сдѣлки по выкупу имѣютъ для бессарабскихъ помѣщиковъ особенное значеніе. По статьѣ 17 Положенія съ выкупомъ прекращается право царанъ на требованіе новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ, и земля остающаяся за надѣломъ поступаетъ въ полное распоряженіе помѣщика, который можетъ уже свободно распоряжаться ею и вести на ней правильное хозяйство.

Для выхода изъ затрудненій создаваемыхъ пятилѣтнимъ срокомъ и неприкосновенностью сословной крестьянской земли, бессарабскіе помѣщики, какъ это излагается въ помѣщенномъ ниже письмѣ г. Кристи, ходатайствуютъ чтобы дозволено было всѣмъ владѣльцамъ, которые того пожелаютъ, предлагать царанамъ въ даръ $^1/_4$ или даже $^1/_2$ надѣла, но подъ условіемъ окончательнаго обращенія остальныхъ земель во владѣніе помѣщика. Изъ числа соображеній приводимыхъ г-мъ Кристи намъ кажется вполнѣ справедливымъ

указаніе на то что половина надѣла уступаемая даромъ составитъ для царанъ весьма выгодное обезпеченіе землею. Освобожденные отъ выкупныхъ платежей царане получаютъ дѣйствительное право передвиженія, которое очевидно стѣсняется 49-лѣтними выкупными платежами.

Право предлагать съ извѣстными послѣдствіями полнадѣла въ даръ предполагается предоставить вполнѣ доброй волѣ помѣщиковъ, а потому и царане должны сохранить право соглашаться или не соглашаться на предложенія безъ всякаго стѣсненія.

Предоставленіе половины надѣла въ даръ есть весьма тяжелая жертва для помѣщиковъ, и справедливость требовала бы чтобъ излишнія тягости Положенія 14-го іюля были облегчены для нихъ въ этомъ случаѣ.

Сверхъ того, въ послѣднее время, какъ сказано выше, для облегченія помѣщиковъ стали предлагаться мѣры, отъ подробнаго обсужденія которыхъ мы до сихъ поръ воздерживались. Предлагается именно найти выходъ изъ затрудненія сокращеніемъ числа царанъ имѣющихъ право на надѣлъ, то-есть предлагается облегчить владѣльцевъ на счетъ одной части царанъ, оставляя за другою ихъ частью льготы, иногда превосходящія справедливость. Предложеніе формулуется такимъ образомъ что по точному смыслу закона право на надѣлъ въ размѣрахъ теперяшняго пользованія должны имѣть всѣ царане пользующіеся землей, но лишь царане значащіеся въ ревизіи какъ совершеннолѣтніе и за особыми №№ могутъ требовать новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ.

Нѣтъ сомнѣнія что такое толкованіе совершенно противорѣчитъ точному смыслу закона. Статья 7 Положенія опредѣляетъ какіе царане имѣютъ право на надѣлъ, а именно даетъ оное всѣмъ приписаннымъ къ имѣнію семейнымъ и такъ-называемымъ бурлакамъ; статьи 8, 9 и 10 опредѣляютъ *размѣры* надѣла: дозволяютъ добровольныя соглашенія, закрѣпляютъ за царанами дѣйствительное пользованіе, ставятъ нормы для новыхъ и дополнительныхъ надѣловъ и пр. Во всемъ Положеніи нѣтъ и помину о томъ что бы новые и дополнительные надѣлы предоставлялись какой-либо одной части царанъ. Это до такой степени очевидно, что тутъ, кажется, не можетъ быть никакого спора. Возможно ли изъ одного источника права, вывести различныя права для тѣхъ и другихъ царанъ? Наконецъ упомянутое толкованіе закона привело бы къ тому что царане вовсе не пользующіеся землей (такимъ предполагается дать полный надѣлъ), которымъ надо обзаводиться хозяйствомъ, получили бы больше земли чѣмъ царане обрабатывающіе землю, но не значащіеся въ ревизіи, то-есть не бывшіе въ ея время совершеннолѣтними.

Неясность Положенія 14-го іюля 1868 года дѣйствительно оказывается лишь относительно новыхъ царанскихъ семей, которыя будутъ образовываться въ теченіи пятилѣтняго срока послѣ ввода уставной грамоты. Статьи 7—10 Положенія можно понимать въ томъ смыслѣ что будущія семьи имѣютъ право на надѣлъ, но можно понимать ихъ и въ смыслѣ противоположномъ Ст. 17 говоритъ ясно что съ выкупомъ прекращаются заявленія царанъ, а потому скорѣе можно полагать что точный смыслъ Положенія не предоставляетъ будущимъ семьямъ безусловнаго права на землю. Повидимому не можетъ быть никакихъ препятствій къ истолкованію Положенія въ этомъ смыслѣ. Иначе смыслъ статья 17 заставитъ помѣщиковъ немедленно требовать выкупа, а это будетъ сопряжено съ большими финансовыми затрудненіями въ предусмотрѣніи коихъ не былъ допущенъ выкупъ обязательный. Намъ кажется что законъ такой важности, какъ окончательное устройство поземельнаго быта поселянъ въ одной изъ частей Имперіи, долженъ вполнѣ замѣнить собою силу всѣхъ прежде принятыхъ мѣръ, а потому было бы справедливо пояснить что право на надѣлъ имѣютъ лишь тѣ царане которые, по закону 1846 года, должны были пользоваться имъ въ день выхода Положенія 14-го іюля.

Предлагаютъ также сдѣлать такое измѣненіе въ Положеніи которое дало бы право на надѣлъ лишь тѣмъ вышедшимъ изъ имѣній по записаннымъ въ нихъ по ревизіи царанамъ, которые нигдѣ не пользуются землей и оставили имѣнія, къ которымъ они приписаны, послѣ 1-го января 1861 года. Въ виду происходившихъ въ 1859 и 1860 году и официально засвидѣтельствованныхъ обезземеленій царанъ этотъ срокъ очевидно необходимо назначить съ 1858, что соотвѣтствовало бы сроку земской давности. Надо замѣтить еще что въ Бессарабіи нѣтъ класса дворовыхъ; тамошніе кучера, ка-

кен, повара, ремесленники и пр. записаны въ числѣ царанъ, и бессарабскіе помѣщики должны теперь дать землю всѣмъ этимъ людямъ, которые врядъ ли могутъ преобразиться въ хорошихъ земледѣльцевъ. Поэтому быть-можетъ было бы полезно установить какія-либо условія чтобы помѣщичьи земли не попадали въ руки совершенно непроизводительныя.

Въ № 25 нашей газеты мы подробно указали на то что въ густо населенныхъ уѣздахъ нормы надѣловъ высоки, въ степныхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ малы. Значительное облегченіе помѣщиковъ сѣверныхъ уѣздовъ безъ нарушенія правъ царанъ можетъ быть сдѣлано переводомъ части ихъ на монастырскія земли. Изъ нихъ же по проекту князя Мурузи должны отводиться земли для будущихъ семей царанъ, что въ извѣстной мѣрѣ предоставлено царанамъ въ Румынскихъ Княжествахъ. Въ смыслѣ политическомъ было бы весьма благопріятно предоставить нашимъ царанамъ право которое дано румынскимъ. При первомъ распоряженіи правительства о приступѣ къ царанской реформѣ указывалось что бытъ царанъ въ Бессарабіи долженъ быть устроенъ лучше чѣмъ въ Молдавіи и Валахіи.

Предоставленіе монастырскихъ земель въ пользованіе царанъ, какъ показываютъ данныя офиціальныя, было бы весьма выгодно для монастырей. Вслѣдствіе упущеній своихъ экономовъ, монастыри получаютъ теперь около 50 к. съ десятины, а по Положенію о царанахъ назначенъ подесятинный оброкъ отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к.

Заграничные монастыри владѣющіе заповѣдными имѣніями въ Бессарабіи и теперь сдаютъ свои земли въ краткосрочную аренду. Никакой иной видъ пользованія заповѣдными землями для монастырей невозможенъ. Предоставленіе монастырскихъ земель царанамъ было бы лишь измѣненіемъ краткосрочной аренды въ долгосрочную и не отняло бы у монастырей возможности увеличенія ихъ доходовъ въ будущемъ. По Положенію 14-го іюля чрезъ двадцать лѣтъ назначена переоброчка царанскихъ земель.

Предлагаемая мѣра представила бы также назидательный урокъ для Румыніи, столь произвольно распорядившейся монастырскими землями. Извѣстно что эти земли конфискованы въ Румыніи, что онѣ продаются тамъ въ частныя руки, и что поступающіе съ земель доходы и вырученныя отъ продажи суммы достаются не монастырямъ. Румынское правительство конфисковало даже капиталы монастырскіе. Мѣры принятыя относительно монастырскихъ земель въ Румыніи возбудили протесты нашего правительства, въ которыхъ оно впрочемъ признавало право румынскаго правительства контролировать отдачу монастырскихъ земель въ аренду и отдѣленіе трети доходовъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій для содержанія коихъ монастыри получили свои имущества отъ завѣщателей.

№ 31.

Москва. 7-го февраля.

Въ № 26 нашей газеты упоминалось о выходѣ въ Парижѣ анонимной брошюры, подъ заглавіемъ: *L'Impasse politique actuelle (Нынѣшній политическій тупикъ).* Мы еще не имѣемъ этой брошюры, но судя по анализу ея содержанія и по выдержкамъ изъ нея въ заграничныхъ газетахъ, доводы анонимнаго автора заслуживаютъ вниманія, а для насъ они тѣмъ интереснѣе что авторъ брошюры приходитъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ какія мы сами постоянно высказывали.

Авторъ начинаетъ съ заявленія что „политика Европы стала нынѣ въ тупикъ." Для выхода изъ этого положенія, продолжаетъ онъ, каждая держава должна знать на кого она можетъ разчитывать, и затѣмъ, обращаясь ко Франціи, авторъ задаетъ вопросъ: какія ея средства съ этой точки зрѣнія? Ей нечего разчитывать на Италію: страна эта сама находится въ положеніи крайне затруднительномъ, а на благодарность между націями полагаться не слѣдуетъ, и Италія сама уже доказала это очень убѣдительно. Франція едва ли можетъ возлагать надежды на Австрію, лишенную внутренней силы и мало чѣмъ разнящуюся отъ Турціи, еще менѣе на Англію, которая не только безъ ревности, но даже съ удовольствіемъ смотритъ на возвеличеніе Пруссіи. А между тѣмъ въ виду Франціи стоитъ Пруссія съ своими посягательствами угрожающими равновѣсію и спокойствію Европы. О причинахъ же разъединенія Франціи съ Россіей вотъ что говоритъ авторъ брошюры: „Почему,"

говоритъ онъ, „полагаютъ теперь что Россія примирилась съ нарушеніемъ равновѣсія въ пользу Пруссіи до такой степени что приходится сомнѣваться въ ея „нейтралитетѣ въ случаѣ войны на Рейнѣ, и полагать что между Россіей и Пруссіей союзъ уже заключенъ? Ошибка ли „это русской политики, или разчетъ основанный на серіозныхъ побужденіяхъ? Отвѣтъ на это не затруднителенъ. Великая „Пруссія родилась въ тотъ день когда польскій вопросъ, поднятый Франціей, отдѣлилъ ее отъ Россіи. Послѣ того какъ „этотъ фактъ совершился, Франція преслѣдовала свои частные интересы въ Венеціи, на Рейнѣ, въ Люксембургѣ, въ „Бельгіи. На почвѣ европейской политики „она заискивала союза съ Австріей; поддерживала происки всякаго рода г. фонъ-„Бейста въ Польшѣ и на Востокѣ; предавалась мечтѣ о Дунайскомъ государствѣ, мнимой оградѣ противъ вторженій „русскаго панславизма на Западъ.“

Такимъ образомъ, доказываетъ авторъ, Франція сама вырыла бездну отдѣлившую ее отъ Россіи, и поставила наше отечество въ необходимость изъ двухъ золъ выбирать меньшее, въ виду измѣнившихся условій равновѣсія. Союзъ Франціи съ Австріей, враждебный для жизненныхъ интересовъ Россіи, заставлялъ ее волею или неволею сближаться съ Пруссіей. Но такое положеніе не можетъ быть нормальнымъ, и потому авторъ настаиваетъ чтобы Франція перемѣнила систему и искренно сблизилась съ Россіей на почвѣ общихъ интересовъ.

О польскомъ вопросѣ говорить нечего: онъ сталъ теперь совершенно внутреннимъ вопросомъ и находится весь въ рукахъ правительства Россіи. Если онъ не будетъ приведенъ къ благоуспѣшному разрѣшенію, то виною тому будетъ не Франція. Но Франція могла бы, гораздо успѣшнѣе другихъ, помочь своими добрыми услугами въ устраненіи нѣкоторыхъ затрудненій связанныхъ съ этимъ фальшивымъ вопросомъ и придающихъ ему нѣкоторую реальность и жизненность. Что же касается Востока, то политика Россіи здѣсь совершенно ясна и хорошо всѣмъ извѣстна. Теперь едва ли кто можетъ серіозно опасаться захвата Константинополя русскими войсками; но Россія никогда не скрывала что принимаетъ близко къ сердцу участь христіанскихъ населеній Востока. Она не можетъ обмануть ихъ надежды, она не можетъ измѣнить своимъ преданіямъ; но разумно понятые интересы ея на Востокѣ совершенно мирнаго и по преимуществу нравственнаго свойства, во всякомъ случаѣ они не находятся ни въ малѣйшемъ антагонизмѣ ни съ однимъ разумно понятымъ интересомъ Франціи. Россія не можетъ не желать чтобы христіанскимъ народамъ Востока была оказана справедливость: что же однако можетъ быть въ этомъ опаснаго или тревожнаго для Франціи? Не того ли въ сущности можетъ и должна желать Франція, хотя она далеко не такъ заинтересована въ дѣлахъ Востока какъ сосѣдняя ему Россія? И не могутъ ли, не должны ли обѣ эти великія державы идти здѣсь рука объ руку не только безъ всякаго опасенія, но своимъ согласіемъ уничтожая всякій поводъ къ опасенію? Не было ли бы это согласіе между Россіей и Франціей на Востокѣ уже само по себѣ благополучнымъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса? Наконецъ, интересы Россіи, также какъ и самихъ христіанскихъ племенъ Востока, вовсе не требуютъ паденія престола султановъ. Такъ какъ турецкая національность, при своей относительной малочисленности и при своемъ исключительномъ мусульманскомъ характерѣ, неспособна быть началомъ объединяющимъ, и можетъ оставаться лишь во внѣшнихъ отношеніяхъ ко христіанскимъ народамъ занимающимъ территорію Европейской Турціи, то вопросъ о продленіи существованія Турціи есть только вопросъ о продленіи верховной власти султана при большей или меньшей автономіи христіанскихъ народовъ населяющихъ Балканскій полуостровъ. Но какимъ образомъ обезпечить эту автономію? Неужели Россіи слѣдуетъ возжигать для этого пламя войны и тѣмъ возбуждать противъ себя остальную Европу? Да и горько обманулись бы мы, еслибы въ такой войнѣ стали разчитывать на дѣятельную помощь Пруссіи. Но Россія и въ мирное время имѣетъ средство блюсти интересы своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, ограждая ихъ отъ враждебныхъ покушеній и способствуя мирными средствами ихъ развитію. Для этого необходимо чтобы голосъ русской дипломатіи имѣлъ должную силу въ Константинополѣ, а это было бы несомнѣннымъ послѣдствіемъ искренняго согласія Россіи съ Франціей. Такое согласіе, при ихъ твердомъ желаніи поддерживать дѣло мира и

цивилизація, заставило бы Порту уважать трактаты и желанія великихъ державъ, покровительству коихъ она обязана своимъ существованіемъ, обуздало бы ея грубо-властолюбивыя, существенно фальшивыя и навязанныя ей стремленія, и не дозволило бы ей и помыслить объ ограниченіи автономіи ея вассальныхъ владѣній. Дѣло мира принесло бы плодъ въ свое время, и восточные христіане достигли бы автономіи можетъ-быть вѣрнѣе и даже скорѣе чѣмъ при помощи насильственнаго разрушенія, которое повергло бы ихъ самихъ въ смятеніе и хаосъ.

Но таковы ли интересы объединяемой Германіи на Востокѣ? Выгодно ли ей когда тамъ господствуетъ спокойствіе дающее возможность великимъ державамъ обращать вниманіе на другіе пункты? Не нужно большой проницательности чтобъ отвѣчать отрицательно на эти вопросы. Для объединяемой Германіи выгоднѣе чтобы на Востокѣ поддерживались постоянное волненіе и тревога, чтобъ отвлекалось туда вниманіе Франціи и возбуждались недовѣріе и подозрительность западныхъ державъ въ отношеніи къ нашему отечеству. Заключеніе вышеупомянутой брошюры состоитъ въ томъ что настоящая минута есть минута рѣшительная.

Да, это правда, минута рѣшительная. Теперь обѣ державы могутъ сблизиться, по добру по здорову, не испытавъ тяжкихъ вынужденій къ тому, и своимъ согласіемъ положить новыя основы европейскому равновѣсію. Для Россіи пора поставить твердо свою національную политику. А во Франціи положеніе дѣлъ благопріятное. Императоръ Наполеонъ рѣшился выйти изъ тѣхъ напряженныхъ отношеній въ которыхъ власть его находилась до сихъ поръ къ управляемой имъ націи. Искусъ диктатуры кончился, и императоръ нашелъ возможнымъ изъ своего вооруженнаго лагеря перейти въ среду избравшаго его народа и съ его судьбами связать судьбы своей династіи. Это внутреннее единеніе съ націей даетъ его правительству гораздо большую силу чѣмъ военная слава его прежнихъ внѣшнихъ предпріятій. Никто не можетъ вѣрить въ серіозность и значительность *quasi*-революціоннаго движенія въ Парижѣ, и всѣ убѣждены что императорское правительство никогда еще не имѣло столь твердой опоры внутри страны какъ нынѣ. Поэтому оно и во всѣхъ дѣлахъ не можетъ дѣйствовать иначе какъ въ смыслѣ истинно-національныхъ интересовъ страны и согласно съ ея потребностями и желаніями. Эти желанія извѣстны; они высказывались со всѣхъ сторонъ. Вотъ они: поддержаніе общаго мира и положеніе преграды всякимъ властолюбивымъ посягательствамъ въ ущербъ равновѣсію Европы, равновѣсію, безъ котораго невозможны достоинство, свобода дѣйствій и самостоятельное развитіе великихъ націй составляющихъ европейскую систему. Спрашивается, въ чѣмъ такія желанія французской націи могутъ быть несогласны съ интересами русской національной политики, и что могло бы мѣшать дружному дѣйствію обѣихъ державъ, если только обѣ онѣ освободятъ свою политику отъ подчиненія чужимъ интересамъ?

№ 32.

Москва, 9-го февраля.

Основныя начала административно-полицейской реформы, по слухамъ, переданы комитетомъ министровъ на заключеніе гг. министровъ. Отзывы министровъ ожидаются не позже 1-го числа будущаго марта, такъ какъ преобразованіе полиціи признается дѣломъ неотложнымъ.

Административно-полицейская реформа, какъ изложена она въ основныхъ началахъ, распадается на два отдѣльные проекта, которые не имѣютъ между собой большей связи чѣмъ два какіе-либо иные проекта касающіеся дѣлъ одного вѣдомства. Нѣтъ никакой необходимости чтобы преобразованіе полиціи было совершено одновременно и нераздѣльно съ преобразованіемъ губернскихъ учрежденій. Проектъ собственно-полицейской реформы, какъ объявлялось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, былъ предметомъ серіозной разработки въ состоящей съ 1859 года при министрѣ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Коммиссія эта въ 1868 году окончила составленіе наказа полиціи, общаго учрежденія ея, инструкціи по дѣлопроизводству и пр. Къ разработкѣ же вопроса о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій коммиссія приступила едва лишь въ началѣ прошлаго года. По словамъ офиціальной газеты, въ февралѣ 1869 года, коммиссія разрабатывала лишь матеріалъ

для проекта, да и то относительно учреждений одного министерства внутреннихъ дѣлъ. Теперешній же проектъ основныхъ началъ, коимъ затронутъ порядокъ веденія дѣлъ во всѣхъ вѣдомствахъ, составленъ не въ упомянутой коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, хотя она, по своему весьма разнообразному составу, представляла для того нѣкоторыя удобства: подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ ней кромѣ чиновниковъ того же министерства присутствуютъ члены министерствъ финансовъ, юстиціи и военнаго, а также отъ государственной канцеляріи и отъ контроля. Теперешній проектъ основныхъ началъ административно-полицейской реформы выработанъ, по слухамъ, въ департаментѣ общихъ дѣлъ, однимъ или двумя чиновниками одного вѣдомства, и слухи эти подтверждаются по крайней мѣрѣ тѣмъ что онъ не подписанъ членами коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Вотъ, по всему вѣроятію, одна изъ главныхъ причинъ почему комитетъ министровъ нашелъ необходимымъ передать дѣло на предварительное заключеніе отдѣльныхъ министерствъ.

Впрочемъ, неизвѣстно какого рода замѣчанія ожидаются отъ гг. министровъ. Требуются ли ихъ соображенія для того чтобы рѣшить въ какой мѣрѣ необходимо предварительное утвержденіе началъ по которымъ особая коммиссія будетъ разрабатывать проектъ реформы, или же ожидаются замѣчанія на отдѣльные пункты этихъ началъ? Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить какъ глубоко разнится порядокъ подготовленія этого преобразованія съ ходомъ дѣлъ по другимъ реформамъ послѣдняго десятилѣтія. Основныя положенія для преобразованія, напримѣръ, судебной части въ Россіи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія, были выработаны многолѣтними занятіями высшихъ правительственныхъ учрежденій и особыхъ коммиссій. Подготовительные проекты реформы были препровождены на разсмотрѣніе „практиковъ по судебной части,“ и замѣчанія ихъ поступали со всѣхъ концовъ Россіи. Въ то же время печать усердно разрабатывала вопросы касающіеся реформы и подготовляла къ ней общественное мнѣніе. А между тѣмъ судебная реформа, не смотря на всю громадность свою, представляла быть-можетъ меньшую сложность тѣмъ преобразованіе губернскихъ учрежденій, особенно если оно должно повести къ измѣненію порядка дѣлъ во всѣхъ вѣдомствахъ. Къ тому же указанія теоріи и опытъ другихъ странъ бросали гораздо болѣе свѣта на задачи судебной реформы, чѣмъ можно ожидать въ дѣлѣ преобразованія губернскихъ учрежденій. Наконецъ слѣдуетъ прибавить что потребность судебной реформы давно уже всѣми сознавалась; это было дѣло неотложной необходимости, чего отнюдь нельзя сказать о преобразованіи губернскихъ учрежденій.

Не разъ приходится у насъ слышать и читать мнѣніе утверждающее что всѣ реформы послѣдняго десятилѣтія: освобожденіе крестьянъ, новые суды, земскія учрежденія, городское управленіе, относятся преимущественно къ устройству „общественныхъ силъ“ страны, но не касаются администраціи, которая отъ означенныхъ реформъ якобы пострадала и нуждается въ усиленіи своихъ органовъ. Съ этой точки зрѣнія, административная реформа является будто бы *„конечнымъ вѣнцомъ“* преобразованій, такъ что безъ этого *couronnement de l'édifice* не могутъ быть достигнуты „благіе результаты составляющіе цѣль этихъ преобразованій.“

Ничего не можетъ быть ошибочнѣе какъ представлять себѣ дѣло прогресса подъ видомъ истребительной усобицы между разными заинтересованными сторонами; ничего не можетъ быть пагубнѣе какъ вести въ такомъ смыслѣ дѣло преобразованій. Когда въ государственномъ организмѣ возникаетъ потребность лучшаго распредѣленія функцій, то это отнюдь не значитъ чтобы какая-либо изъ этихъ функцій ослабѣвала. Вопросъ можетъ заключаться только въ томъ чтобы каждое необходимое для общественной организаціи начало получило болѣе правильное, болѣе соотвѣтствующее себѣ и потому болѣе благотворное положеніе.

Бюрократическое начало было у насъ всѣмъ во всемъ. Другія силы были парализованы и не имѣли никакой самостоятельной организаціи. Извѣстно что въ этомъ заключалось главное зло которымъ страдала наша государственная жизнь. Извѣстно также что это преобладаніе бюрократическаго начала отнюдь не обращалось въ пользу ему самому. Бюрократическій типъ, который у насъ при такихъ условіяхъ

выработался, мало соотвѣтствуетъ его собственнымъ потребностямъ и задачамъ, и мы никакъ не могли похвалиться достоинствомъ нашихъ бюрократическихъ порядковъ въ то время когда они, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, исключительно господствовали на всемъ пространствѣ русской земли. Отмѣна крѣпостнаго права настоятельно потребовала призыва новыхъ силъ и учрежденія новыхъ порядковъ. Это не было дѣйствіемъ противнымъ существу бюрократическаго начала; это было скорѣе дѣйствіемъ спасительнымъ столько же для него самого, сколько для всей нашей государственной организаціи. Только при томъ условіи что реформы, неизбѣжно послѣдовавшія за отмѣною крѣпостнаго права, станутъ вполнѣ правдой и осуществятся въ томъ благомъ смыслѣ какъ онѣ задуманы законодателемъ, — только при этомъ условіи наши административные порядки могутъ улучшиться и стать въ уровень съ своимъ назначеніемъ. Что наши административные порядки требуютъ бо́льшихъ или меньшихъ измѣненій и улучшеній, объ этомъ нѣтъ спора. Вся сила вопроса заключается только въ томъ, какое направленіе должна принять реформа административныхъ порядковъ. Если такое чтобы возвратить бюрократическому началу, подъ другимъ видомъ и съ другой стороны, его прежнее, всезамѣняющее и всеподавляющее преобладаніе, то реформа о которой идетъ рѣчь оказалась бы контръ-реформой, реакціей противъ новыхъ едва начавшихся порядковъ, уничтоженіемъ того что̀ сдѣлано у насъ со времени крѣпостнаго права.

Пока мы оставляемъ въ сторонѣ эти общіе толки о самомъ принципѣ административной реформы, толки которые дѣйствительно слышатся въ разныхъ общественныхъ кругахъ, и обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ проекта. Въ числѣ ихъ особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе мысль предоставить губернаторамъ право издавать постановленія и распоряженія въ развитіе законовъ о благоустройствѣ и благочиніи, а также о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Постановленія эти должны имѣть силу закона если они надлежащимъ образомъ опубликованы и сохраняютъ эту силу до тѣхъ поръ пока не будутъ отмѣнены высшею властью или самимъ губернаторомъ. Основательность такихъ равносильныхъ закону губернаторскихъ распоряженій предполагается гарантировать предварительнымъ обсужденіемъ ихъ въ совѣтѣ губернатора, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ утвержденіемъ высшей власти. О существѣ всякаго сдѣланнаго постановленія губернаторы должны давать знать министру внутреннихъ дѣлъ. Обиженнымъ предоставляется приносить жалобы въ высшія административныя инстанціи.

Говорятъ что поводомъ къ предположенію расширить такимъ образомъ власть губернатора служитъ между прочимъ недостатокъ редакціи нашего Свода Законовъ, гдѣ нерѣдко законодательные акты перемѣшаны съ министерскими распоряженіями, и еще чрезвычайная подробность и регламентація многихъ уставовъ. Было даже предположеніе чтобы предоставить всѣмъ министрамъ и другимъ начальствамъ право издавать постановленія въ развитіе законовъ. Не затрогивая общаго вопроса о кодификаціи, теперь предлагается устранить недостатки ея по крайней мѣрѣ относительно законовъ по благоустройству и благочинію, по предупрежденію и пресѣченію преступленій, а для этого и предоставить губернаторамъ вышесказанное право издавать постановленія въ развитіе законовъ.

Мы сомнѣваемся однако въ вѣрности этихъ свѣдѣній. Для устраненія недостатковъ кодификаціи, очевидно, необходимо точнѣе опредѣлить основныя черты законодательства и выдѣлить изъ *Свода* мелкія административныя постановленія. *Сводъ* не очистится отъ нихъ если къ нимъ прибавятся по каждой губерніи еще особыя постановленія губернатора, для коихъ потребуются новые своды.

Къ числу законовъ о благоустройствѣ которые предполагается отдать на развитіе губернаторамъ принадлежатъ уставы врачебный, пожарный, строительный, паспортный, торговый и пр. Но именно эти-то уставы и страдаютъ страшною регламентаціей, которая часто дѣлаетъ совершенно невозможнымъ ихъ исполненіе, и, что̀ еще важнѣе, крайнею отсталостію требующею не дальнѣйшаго развитія этихъ уставовъ въ ихъ теперешнемъ духѣ, а радикальнаго пересмотра большей части ихъ что̀ можетъ быть сдѣлано лишь законодательнымъ порядкомъ. Несостоятельность ихъ не есть выдумка. Она давно уже признана правительствомъ, и надъ ихъ пересмотромъ ра-

ботаютъ особыя коммиссіи. При самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена приготовительная коммиссія по пересмотру правилъ строительнаго устава. Законы касающіеся народнаго здравія пересматриваются въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ: объ аптекарскомъ уставѣ, о домахъ для умалишенныхъ, о мѣрахъ противъ заразительныхъ болѣзней. Уставъ о паспортахъ пересматривается въ двухъ коммиссіяхъ, изъ коихъ одна касается иностранцевъ пріѣзжающихъ въ Россію. Какую же пригодность будутъ имѣть губернаторскія дополненія по тѣмъ законамъ которые уже признаются неудовлетворительными и которые болѣе всѣхъ другихъ загружены чрезмѣрною регламентаціей? Вѣдь отмѣнять существующіе законы не будетъ во власти губернаторовъ, какъ равно не можетъ быть предоставлено имъ право издавать дополненія противорѣчащія существующимъ законамъ. Что же останется какъ не дальнѣйшее развитіе и, безъ того невыносимой регламентаціи? Можно ли этого желать, и есть ли поводъ усиливать въ этомъ смыслѣ губернаторскія полномочія?

Еще важнѣе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ то вліяніе которое могутъ имѣть на земскія учрежденія проектируемыя губернаторскія развитія законовъ.

Многія части общественнаго благоустройства отошли теперь въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, какъ-то народное продовольствіе, общественное призрѣніе, дорожная часть и пр. Земству же предоставлено участіе въ попеченіи о народномъ здравіи, о народномъ образованіи, о тюрьмахъ и пр. Но тѣ же предметы общественнаго благоустройства остаются по другимъ своимъ частямъ въ полномъ завѣдываніи администраціи. Предѣлы власти земства и администраціи у насъ еще не разграничены въ точности, а это, какъ извѣстно, ведетъ ко множеству пререканій и сильнѣе всякаго другаго обстоятельства парализуетъ дѣятельность земства. Для успѣха земскихъ учрежденій необходимо чтобы въ кругѣ дѣлъ имъ предоставленныхъ они дѣйствовали самостоятельно, какъ это и требуется Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Въ этой самостоятельности заключается основа мѣстнаго самоуправленія, ручательство его успѣшности и пользы. Можетъ ли земство способствовать устойчивости государственнаго организма и вообще чувствовать себя дѣломъ серіознымъ, если его будутъ держать подъ непрестанною бюрократическою опекой?

Французскіе генеральные и муниципальные совѣты имѣющіе право разсуждать обо всякихъ вопросахъ, но до крайности ограниченные въ своей самостоятельной дѣятельности, должны послужить для насъ предостереженіемъ. Отнюдь не желательно чтобы веденіе дѣлъ предоставленныхъ земству перешло въ руки губернаторскихъ канцелярій, а земскія учрежденія, отступивъ отъ дѣловаго принятаго ими направленія, превратились въ говорильни.

Точное разграниченіе правъ земства и губернской администраціи, требующее пересмотра большей части теперешнихъ уставовъ по благоустройству, есть дѣло законодательное, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано на произволъ губернской администраціи. При неудовлетворительности нашихъ уставовъ, при недостаточно точномъ опредѣленіи круга дѣйствій земскихъ учрежденій, судьбы земства очутятся въ рукахъ губернаторскихъ канцелярій. Развитіе губернаторами законовъ о благоустройствѣ, особенно безъ точнаго опредѣленія тѣхъ предметовъ по которымъ оно можетъ быть сдѣлано, прямо подвергаетъ вопросу самостоятельность земскихъ учрежденій.

По мысли законодателя, наши земскія учрежденія стоятъ на совершенно иной почвѣ чѣмъ подобныя учрежденія во Франціи, гдѣ они въ сущности ничего не дѣлаютъ и не несутъ никакихъ серіозныхъ обязанностей. Гдѣ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій почти не существуетъ, гдѣ за всѣхъ и все исполняетъ бюрократическая администрація, понятно что не кому другому какъ ея органамъ, префектамъ и мерамъ, пришлось предоставить изданіе мѣстныхъ постановленій и регламентовъ. Кстати ли будутъ эти порядки у насъ при совершенно иной обстановкѣ? Впрочемъ, и во Франціи въ точности опредѣлены тѣ предметы по которымъ префекты и меры могутъ дѣлать постановленія дополняющія законъ.

Статья 66 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ даетъ земскимъ собраніямъ право издавать постановленія по предметамъ предоставленнымъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, съ тѣмъ только чтобъ эти постановленія не были противны общимъ узаконеніямъ. Губернаторы обязаны блюсти за этимъ, и эта ихъ функція имѣетъ боль-

шую важность. Но другое дѣло блюсти, то-есть имѣть отрицательный надзоръ, и другое дѣло, издавать встрѣчныя постановленія. Такъ какъ предметы переданные въ вѣдѣніе земства находятся другими своими частями также и въ вѣдѣніи администраціи, а кругъ самостоятельности земства не опредѣленъ, да и не можетъ быть опредѣленъ въ точности, то весьма естественно что постановленія земскаго собранія будутъ постоянно сталкиваться съ постановленіями губернатора, что можетъ повести только къ прискорбнымъ замѣшательствамъ и запутанностямъ.

Мы не знаемъ какіе практическіе случаи привели къ мысли о необходимости предоставить губернаторамъ право развитія законовъ. Единственный случай на который обыкновенно ссылаются лица защищающіе эту мысль есть распоряженіе петербургскаго оберъ-полицеймейстера объ освѣщеніи заднихъ лѣстницъ, но судебное разбирательство къ которому подало поводъ это распоряженіе едва ли можетъ быть признано достаточной причиной къ измѣненію всего характера нашей мѣстной администраціи и къ превращенію ея во французскую бюрократію. Да и наконецъ это самое дѣло о черныхъ лѣстницахъ теперь уже разъяснено въ удовлетворительномъ смыслѣ, какъ мѣра приложимая въ исключительныхъ случаяхъ.

Уложеніе о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, говоритъ о штрафѣ за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій административныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, въ случаяхъ когда уставомъ о наказаніяхъ не опредѣлено спеціальнаго взысканія. Кассаціонный департаментъ по дѣлу объ освѣщеніи заднихъ лѣстницъ, а также по дѣлу о вызовѣ купца Шибаева (9-го января 1867 г.), постановилъ что полиція должна представлять доказательства законности своихъ требованій, и что судъ имѣетъ право уважить эти доказательства или признать ихъ недостаточными. Въ этомъ заключается великая гарантія какъ для частныхъ интересовъ, такъ и для самаго государства, которое болѣе всѣхъ заинтересовано правильностію дѣйствій своихъ агентовъ. Еслибъ администрація и получила особое полномочіе на развитіе законовъ, то судъ во многихъ случаяхъ не былъ бы въ состояніи ограничиться удостовѣреніемъ что постановленіе идетъ отъ лица уполномоченнаго, а долженъ былъ бы все-таки отстаивать законныя права частныхъ лицъ. Это его святая обязанность, а ея послѣдствіемъ было бы что администраціи пришлось бы столь же часто сталкиваться съ судебными, какъ и съ земскими учрежденіями. Кто можетъ желать подобнаго антагонизма?

Вопросъ идетъ теперь объ опредѣленіи основныхъ началъ которыя должны быть даны въ руководство коммиссіи имѣющей выработать проектъ административной реформы. Безусловное право губернаторовъ на развитіе законовъ о благоустройствѣ можетъ повести къ косвенному рѣшенію такихъ вопросовъ которыхъ эта коммиссія не имѣетъ въ виду. Еслибы признана была необходимость административныхъ постановленій въ дополненіе законовъ, то, по примѣру всѣхъ благоустроенныхъ государствъ, на коммиссію должна быть возложена обязанность опредѣлить въ точности тѣ случаи въ которыхъ законодательная власть можетъ передовать свои верховныя права губернской администраціи.

№ 33.

Москва, 10-го февраля.

Свобода печати значитъ только то что печать не состоитъ на какомъ-либо особенномъ положеніи. Гдѣ печать поистинѣ свободна, тамъ преступленія или проступки совершаемые путемъ печати не считаются ничѣмъ особеннымъ и подлежатъ общимъ правиламъ. Напротивъ, гдѣ печать лишена свободы и гдѣ слѣдовательно неизвѣстны ея дѣйствительныя свойства, ея истинная натура, тамъ печать считается какимъ-то звѣремъ, котораго опасно спустить съ цѣпи и для котораго необходимы спеціальные вожаки. Оставляя метафоры, можно сказать что нашъ законъ вообще не обнаруживаетъ большой благосклонности къ печати. Наша судебная реформа отнесла проступки печати къ числу изъятій изъ общаго порядка судопроизводства. Мало того, по дѣламъ печати замѣчаются такія уклоненія отъ общаго порядка, такія „изъятія“, что невольно подумаешь что самое существованіе печати считается у насъ за проступокъ. Объ этихъ-то уклоненіяхъ мы и хотимъ поговорить,

пользуясь сообщаемымъ въ сегодняшнемъ нумерѣ процессомъ гг. Ееимова и Аксакова.

Мы не будемъ распространяться о самомъ дѣлѣ. Скажемъ лишь что оно, сколько намъ помнится, со введенія новаго суда есть первое въ которомъ обиженнымъ является должностное лицо, а оскорбленіе относится къ его служебной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія что если гдѣ важна гласность, если гдѣ полезно обличеніе, то именно сферѣ общественной или служебной дѣятельности. У насъ должностныя лица недоступны частному обвиненію предъ судомъ; прежде чѣмъ обвинять въ чемъ-нибудь такое лицо, нужно испросить разрѣшенія его начальства,—а извѣстно какъ легко подобнымъ путемъ добиться преданія суду, и какъ часто дѣла самыя важныя, попавъ въ эту колею, *заминаются*. Итакъ, печать остается у насъ часто единственнымъ путемъ для раскрытія злоупотребленій въ должностномъ мірѣ... Понятно что чѣмъ открытѣе и прямѣе дѣлается улика, тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія въ ея добросовѣстности. Г. Ееимовъ обвинялъ доктора Каргера въ дѣйствіяхъ весьма предосудительныхъ Мѣсто, время, лица, были названы безъ всякихъ уловокъ и утаекъ, и авторъ статьи вышелъ съ открытымъ забраломъ. Г. Каргеръ, отвергая дѣйствительность приписанныхъ ему дѣйствій, привлекъ къ уголовной отвѣтственности гг. Ееимова и Аксакова. Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* замѣчено будто г. Каргеръ, оставя неразъясненнымъ обстоятельства въ которыхъ обвиняли его гг. Аксаковъ и Ееимовъ, ограничился только преслѣдованіемъ ихъ за диффамацію; это невѣрно: г. Каргеръ доказывалъ что онъ никого не билъ и не кусалъ, что онъ со всѣми обращался какъ нельзя лучше; объ этомъ говорили и крестьяне, и помѣщики, и мировой судья, и священникъ Ямбургскаго уѣзда; о томъ же подтверждала одна изъ потерпѣвшихъ (по словамъ обличителя) отъ г. Каргера особъ, Олимпіада Иванова. Г. Каргеръ воспользовался всѣми средствами къ защитѣ своихъ интересовъ, и еслибы подсудимые были въ томъ же положеніи, еслибъ они не были стѣснены въ своей защитѣ какъ самимъ закономъ, такъ и широкимъ толкованіемъ его въ судебной палатѣ, то предъ нами былъ бы положительный результатъ. Теперь же изъ этого процесса нельзя дѣлать никакихъ выводовъ кромѣ только того что рѣчи прокурора, защитниковъ и самихъ подсудимыхъ были хороши.

Цензурный уставъ, законъ 6-го апрѣля 1865 года и уложенія о наказаніяхъ, *) трактуя объ оскорбленіи и оклеветаніи кого-либо путемъ печати, позволяютъ обидчику доказывать справедливость позорящихъ обстоятельствъ только въ томъ случаѣ когда рѣчь идетъ о служебной или общественной дѣятельности лица должностнаго,—короннаго ли, выборнаго ли, это все равно. Понятно что обиженному, въ свою очередь, дозволяется опровергать возведенное на него обвиненіе. Но тутъ-то и начинается неравенство сторонъ, неравенство не только несправедливое, но и несогласное съ положительными узаконеніями: статьи закона 6-го апрѣля 1865 года идутъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми коренными положеніями уставовъ 20-го ноября 1864 года. Петербургская судебная палата своимъ толкованіемъ этихъ статей еще усиливаетъ этотъ антагонизмъ.

Вотъ въ чемъ дѣло: обидчикъ доказавшій справедливость позорящихъ обстоятельствъ освобождается отъ наказанія. Привлеченные къ суду за диффамацію, авторъ статьи и редакторъ суть прежде всего подсудимые, они должны защищаться; для нихъ, слѣдовательно, имѣетъ особенную важность статья 612 Уст. Уг. Суд. о томъ что „каждому подсудимому должны быть предоставлены всевозможныя „средства къ оправданію;“ они помнятъ также что по ст. 630 обѣ стороны „пользуются въ судебномъ состязаніи одинаковыми правами;“ если они заглядывали въ изданіе судебныхъ уставовъ сдѣланное государственною канцеляріей и снабженное мотивами, то они прочли тамъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу этихъ двухъ положеній, доказательствъ совершенно ясныхъ и убѣдительныхъ, и они могли подумать что разъ законодательство пришло къ такимъ убѣжденіямъ, разъ оно усвоило себѣ эти принципы, никакіе иные, а тѣмъ паче противоположные, не могутъ въ него вторгнуться. Каково же должно быть ихъ разочарованіе когда они читаютъ въ статьяхъ 14 и 13 закона о печати 6-го апрѣля слѣдующее: обиженный можетъ опровергать возведенныя на него обвиненія *всѣми* способами, какъ докумен-

---

*) Ценз. уст. ст. 5, зак. 6-го апр. 1865 года ст. 13 и 17, Улож. о нак. ст. 1039.

тами, такъ и свидѣтельскими показаніями, авторъ же статьи можетъ доказывать свою правду только *письменными доказательствами*? Каково должно быть ихъ изумленіе когда они узнаютъ изъ устъ прокурора петербургской судебной палаты (съ которымъ повидимому вообще согласна и палата), что такого рода доказательствами могутъ служить только *судебные приговоры* въ которыхъ значатся выведенныя въ печати позорящія обстоятельства. Что должны были они подумать видя на судѣ слѣдующее: свидѣтель Меркуловъ, о которомъ въ статьѣ г. Евнмова сказано что г. Каргеръ его билъ и рвалъ, подтверждавшій это обстоятельство на дознаніи и давшій потомъ другое показаніе (прочитанное на судѣ) священнику Врудкому, былъ вызванъ для показанія о томъ что г. Ивановъ подавалъ рапортъ г. Безобразову. Судъ не дозволилъ защитникамъ разспрашивать Меркулова о томъ билъ ли его д-ръ Каргеръ или нѣтъ; онъ также не дозволилъ защитнику прочесть новое письменное показаніе Меркулова, подтверждавшаго все что онъ говорилъ на первомъ дознаніи и сообщавшаго любопытныя подробности о томъ какъ ему давали деньги за показаніе противнаго. Г. Каргеръ подтверждалъ свидѣтельскими показаніями и отзывами многихъ лицъ свои нравственныя качества; защитникъ же хотѣлъ прочесть и представить письма многихъ лицъ о томъ же предметѣ, то-есть письменныя доказательства въ пользу своей стороны, но ему въ томъ было отказано.

Такимъ образомъ, прежде всего является здѣсь неравенство сторонъ и стѣсненіе защиты лицъ обвиняемыхъ въ диффамаціи: обвинитель пользуется всевозможными доказательствами, а обвиняемый только письменными. Это недостатокъ коренной, органическій, который можетъ быть исправленъ лишь путемъ законодательнымъ. Объяснить его нельзя ничѣмъ инымъ кромѣ недоразумѣній касательно самой сущности печати.

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ весьма страннымъ и совершенно произвольнымъ толкованіемъ словъ *письменныя доказательства*, подъ которыя будто могутъ быть подводимы только судебные приговоры (какъ высказалъ прокуроръ, г. Тизенгаузенъ), или вообще какой-либо опредѣленный родъ *документовъ* (какъ повидимому полагаетъ палата). Намъ кажется что подобное толкованіе равносильно полной отмѣнѣ статьи 1.039 Улож. о Нак. и ст. 13 закона 6-го апрѣля 1865. Мы думаемъ что обстоятельства выводимыя въ обличительныхъ (употребляемъ это слово въ его серіозномъ смыслѣ) статьяхъ, по самому свойству своему, не допускаютъ *предуставленныхъ* доказательствъ. Ни изъ чего не видно чтобы только извѣстнаго рода письменными документами можно было доказывать то или другое предосудительное или преступное дѣяніе. Иное дѣло въ гражданскомъ правѣ: тамъ для дѣйствительности извѣстныхъ сдѣлокъ, для доказательства извѣстныхъ фактовъ, законъ требуетъ извѣстнаго рода документовъ и предустановляетъ ихъ. Еще менѣе приложима къ печати теорія г. Тизенгаузена: иначе печати пришлось бы повторять зады судебныхъ рѣшеній и черпать свое содержаніе изъ архивовъ, — ей, поставленной на стражѣ дня. Такой взглядъ палаты и ея прокурора на письменныя доказательства повелъ къ нарушенію статьи 629 Уст. угол. судопр. Статья эта, не отмѣненная ни закономъ 6-го апрѣля, ни послѣдующими узаконеніями, положительно и ясно гласитъ что участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и свидѣтелямъ не возбраняется прочтеніе полученныхъ ими писемъ или находящихся у нихъ документовъ коль скоро тѣ или другіе относятся къ предмету ихъ показаній, а между тѣмъ защитнику было отказано въ прочтеніи находившихся у него писемъ и показаній свидѣтеля Меркулова.

Вотъ тѣ прискорбныя ограниченія съ которыми былъ сопряженъ этотъ первый серіозный процессъ печати: онъ указалъ на неудобства существующаго закона о печати. Мы далеки отъ мысли о безнаказанности за диффамацію. Напротивъ, мы полагаемъ что законъ въ этомъ случаѣ долженъ быть очень строгъ и не дѣлать ни малѣйшей поблажки клеветнику и злословy. Но мы думаемъ что человѣкъ обвиняемый въ печатной диффамаціи долженъ пользоваться тою же свободой защиты, тѣми же процессуальными гарантіями, какими, въ видахъ правосудія и гуманности, уставы 20-го ноября 1864 года обезпечиваютъ участь убійцъ и разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ.

№ 34.

Москва, 11-го февраля.

Теперь въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія разсматривается дѣло касающееся самыхъ существенныхъ интересовъ землевладѣнія въ одной части Имперіи. Мы разумѣемъ пересмотръ положенія о царанахъ, то-есть поселянахъ бессарабскихъ.

Странное дѣло, — странное впрочемъ вездѣ, только не у насъ! Вотъ землевладѣніе которое страдаетъ, вотъ помѣщики которые задѣты въ кровныхъ интересахъ своихъ. Что же? Какъ на это отзывается наша такъ-называемая консервативная партія, съ которою дѣлаются истерическія конвульсіи при одномъ словѣ *собственность?* Должно-быть отъ бессарабскаго землевладѣнія теперь у насъ прохода нѣтъ, и консервативные органы только и знаютъ что агитируютъ этотъ горячій для нихъ вопросъ? Ничего не бывало! Слышно глубокое молчаніе которое нарушается только голосомъ нашей газеты,—органа красной національной демократіи, какъ слыветъ она на Литвѣ и въ Ливоніи, откуда поддуваются *консервативныя* страсти въ нашемъ отечествѣ.

А между тѣмъ, когда на польскихъ землевладѣльцевъ западнаго края пала лишь часть тѣхъ тягостей которыя несутъ бессарабскіе помѣщики, и когда лишь чуть-чуть заговорили въ печати о безправіи рабочаго люда въ балтійскихъ губерніяхъ,—наша консервативная партія выходила изъ себя, отчаянно вопила о нарушеніи собственности, о распространеніи соціализма и революціи...

Польскіе помѣщики, по увѣренію *Вѣсти*, ограблены въ конецъ; огромныя пространства земли забраны у нихъ въ пользу крестьянъ. Мировые посредники будто бы вели дѣло такъ что указывали крестьянамъ столько земли сколько глазъ видитъ: „все, молъ, ваше". При всѣхъ этихъ ужасахъ польскіе помѣщики Подольской губерніи дали крестьянамъ 2 десятины на душу, то-есть меньше чѣмъ въ Курской губерніи. Въ песчаныхъ уѣздахъ Гродненской губерніи крестьянамъ пришлось 3,2 десятины (Бѣльскій уѣздъ), 3,3 десятины (Брестскій); въ глубокомъ Полѣсьи, въ Слуцкомъ уѣздѣ, или въ такомъ жалкомъ болотномъ уѣздѣ каковъ Вилейскій, крестьянскій надѣлъ по разсчету на душу выходитъ 3,75 десятинъ. Что же до Бессарабіи, то въ уѣздѣ Хотинскомъ съ его густою населенностью и благословенною почвой, помѣщики даютъ отъ 3,5 дес. до 3,7 дес. на душу, въ Оргѣевскомъ 3,5 дес. Надѣлы западныхъ губерній вообще ниже чѣмъ надѣлы въ губерніяхъ внутреннихъ, но послѣдніе ниже бессарабскихъ.

Въ прошломъ году, въ главномъ комитетѣ, разсматривался возбужденный вопросъ объ отрѣзкѣ исконныхъ крестьянскихъ земель пропущенныхъ въ выкупныхъ актахъ сѣверо-западнаго края, что въ большей части случаевъ происходило по винѣ самихъ владѣльцевъ. Они либо ошибочно показывали землю и въ уставныхъ грамотахъ и при повѣркѣ повинностей, либо злорадно смотрѣли на ошибки выкупныхъ актовъ, надѣясь въ послѣдствіи такъ или иначе отрѣзать у крестьянъ пропущенныя земли. Русская публика помнитъ какая неистовая агитація чинилась въ органахъ такъ-называемой консервативной партіи объ отрѣзкѣ крестьянской земли. Въ Бессарабіи дѣло идетъ тоже объ отрѣзкахъ,—но не отъ крестьянъ въ пользу помѣщика, а отъ земель занятыхъ помѣщичьимъ хозяйствомъ. Въ Бессарабіи установлено дополненіе надѣловъ до извѣстной нормы, въ сѣверныхъ уѣздахъ весьма высокой. Въ Хотинскомъ уѣздѣ, сколько намъ извѣстно, теперешнее пользованіе врядъ ли превышаетъ среднимъ числомъ 5 дес. на семью. Дополненіе должно быть доведено до нормы 8 и $8^1/_2$ десятинъ, то-есть царанскія земли должны быть увеличены болѣе чѣмъ на треть. Отчего же партія *Вѣсти* убивалась изъ полудесятинки на душу которую владѣльцы въ западномъ краѣ хотѣли отнять у крестьянъ, и хранитъ равнодушное безмолвіе въ виду большихъ отрѣзокъ которымъ подвергаются помѣщичьи земли въ Бессарабіи?

Въ сѣверо-западномъ краѣ незначительная часть беземельныхъ крестьянъ получила право на надѣлъ, и огромному большинству этихъ крестьянъ дано всего-навсе 3 десятины на душу и даже на семью. Читатели помнятъ какой отчаянный крикъ подняла наша лжеконсервативная партія въ своемъ органѣ, когда въ немногихъ случаяхъ, для небольшаго числа обезземеленныхъ, пришлось отрѣзать ничтож-

ные куски изъ фольварковыхъ земель. Сколько проклятій извергла эта партія по поводу лѣсныхъ сторожей получившихъ землю! Въ Бессарабіи же всѣмъ безъ исключенія обезземеленнымъ дается надѣлъ по высшей нормѣ, и наши якобы-консервативные органы не молвили ни слова даже въ виду обязательнаго надѣла дворовыхъ людей, какъ кучеровъ и лакеевъ, ремесленниковъ и пр..

Въ прошломъ году Верховная Власть разрѣшила затрудненія крестьянскаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ извѣстнымъ актомъ 26-го марта. Не успѣлъ выйти этотъ законъ какъ *Вѣсть* повела противъ него подкопы. Новымъ законодательнымъ актомъ подтвержденъ смыслъ Положенія 26-го марта. Теперь крестьянское дѣло западныхъ губерній можно считать окончательно рѣшеннымъ въ законодательной сферѣ. Однако органъ *консервативной* партіи продолжаетъ печатать письма изъ Вильны, въ которыхъ все-таки отзываются прежнія стремленія.

Вы поймете теперь что это за партія выдающая себя за органъ землевладѣнія которая не можетъ въ своемъ органѣ удѣлить и минуты вниманія на вопросъ, гдѣ замѣшаны самые крупные интересы землевладѣльцевъ, не отдѣляющихъ себя отъ Россіи и не злоумышляющихъ противъ ея прогресса

Въ томъ-то и бѣда! Бессарабскіе помѣщики не затѣваютъ никакой ломки, никакой реакціи; они радостно привѣтствуютъ реформы положившія у насъ начало новымъ порядкамъ гражданственности, и желаютъ тѣснѣйшаго единенія съ общимъ отечествомъ на этой почвѣ; они не участвуютъ ни въ какомъ заговорѣ и не питаютъ въ себѣ никакой измѣны. Вотъ причина почему они такъ мало интересны!

Бессарабскіе поселяне никогда не были въ крѣпостной зависимости, и если они въ былыя времена испытывали притѣсненія, то не вслѣдствіе крѣпостнаго права, которое надъ ними не тяготѣло. А до какого состоянія было доведено русское *быдло* въ западномъ краѣ, это всякому извѣстно. Всякому извѣстно также что бессарабскіе владѣльцы не вступали въ заговоръ съ врагами Россіи и не возжигали ненависти къ ней. Они не вносили смутъ и яда въ наши внутреннія дѣла. Бессарабскіе владѣльцы не агитировали и не прибѣгали къ помощи вольнонаемнаго нигилизма, но за то въ нужную минуту, какъ въ Бессарабіи, такъ и внѣ ея, умѣли служить русскимъ интересамъ. Кстати: тамошніе землевладѣльцы, нынѣ принявшіе на себя должность посредниковъ, успѣшно хлопочутъ теперь о заведеніи между царанами русскихъ школъ, которыхъ не сумѣла добиться наша бюрократія. Понятно что все это весьма плохіе титулы на участіе и сочувствіе нашей такъ-называемой консервативной партіи. Пусть бессарабскіе помѣщики присылаютъ побольше своей молодежи учиться здѣсь нашимъ консервативнымъ и либеральнымъ идеямъ, — и въ скоромъ времени бессарабское землевладѣніе станетъ очень интереснымъ...

Радикальныя измѣненія въ законѣ, такъ недавно изданномъ, могутъ быть необходимы, но не могутъ быть желательны. Напротивъ, гораздо удобнѣе достигнуть соглашенія интересовъ, по возможности не колебля закона. Вотъ почему нельзя не отдать справедливости патріотизму и благоразумію бессарабскихъ помѣщиковъ предлагающихъ теперь жертву, съ помощію которой становится гораздо легче выйти изъ затрудненій. Какъ читателямъ нашимъ извѣстно, депутація отъ бессарабскаго дворянства предлагаетъ предоставить царанамъ выборъ между полученіемъ полунадѣла въ даръ и правомъ на выкупъ.

Это предложеніе получило, какъ намъ пишутъ, дальнѣйшее развитіе которое дало ему еще болѣе благопріятный видъ. Все что прямо не относится къ выкупнымъ сдѣлкамъ отпало, и предложеніе опредѣлилось въ точности. Недоразумѣнія относительно нѣкоторыхъ статей Положенія, при такой постановкѣ дѣла, разрѣшатся гораздо легче и свободнѣе.

Предложеніе бессарабской депутаціи заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, и мы не замедлимъ возвратиться къ нему, а теперь ограничимся лишь общимъ очеркомъ дѣла.

Это предложеніе представляетъ ту весьма важную для правительства выгоду что количество гарантируемыхъ имъ выкупныхъ бумагъ уменьшается на весьма значительную сумму. Этою же выгодой воспользуются вообще всѣ владѣльцы выкупныхъ бумагъ.

Принимая отъ помѣщиковъ въ даръ

полнадѣла, бессарабскіе царане будутъ все-таки въ положеніи лучшемъ нежели царане въ Молдовалахіи. Бессарабскіе поселяне получатъ почти столько же земли сколько получили молдовалахскіе; но они будутъ свободны отъ платежей которые должны тяготѣть на послѣднихъ до 1880 г.

Помѣщики принесутъ, правда, тяжелую жертву, которая въ совокупности можетъ дойти даже до 15 милліоновъ рублей, но за то они избѣгнутъ неудобствъ проистекающихъ отъ учрежденія сословно-крестьянской земли и отъ установленія пятилѣтняго срока въ теченіе котораго царане имѣли бы право требовать отвода дополнительныхъ надѣловъ. Въ распоряженіи владѣльцевъ останется большее количество земли свободной отъ всякихъ обязательствъ, а земля становится теперь въ Бессарабіи очень дорога.

Царане, въ свою очередь, пріобрѣтаютъ весьма значительныя выгоды. Имъ предоставляется дѣлать выборъ между даровою половиной надѣла и разными комбинаціями по выкупу большаго количества земли. Предоставленное царанамъ право требовать выкупа есть льгота которою крестьяне другихъ губерній пользуются только относительно усадебъ оцѣненныхъ слишкомъ дорого.

До сихъ поръ выходъ изъ затрудненій по царанскому дѣлу отыскивался преимущественно черезъ перетолкованіе статей 7 и 8 Положенія 14-го іюля. Привычка обходить затрудненія помощію разныхъ уловокъ въ толкованіи буквы закона, что колеблетъ его основанія и подрываетъ довѣріе къ нему, можетъ породить послѣдствія самаго дурнаго свойства. Лучше ужь, въ случаѣ надобности, прямо вести дѣло къ измѣненію или отмѣнѣ неудобныхъ положеній закона. Благодаря жертвѣ предлагаемой бессарабскимъ дворянствомъ, устраняется всякій поводъ класть законъ на Прокрустово ложе, а это одно есть уже великая выгода. Весьма желательно чтобы теперешній пересмотръ Положенія 14-го іюля 1868 года привелъ дѣло въ полную ясность и рѣшилъ его окончательно.

№ 35.

Москва, 12-го февраля.

Во вчерашней статьѣ нашей мы ограничились общими соображеніями о предложеніи сдѣланномъ депутатами бессарабскаго дворянства. Возвращаемся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію предложенныхъ ими условій.

Для большей ясности приводимъ самый текстъ предложенія въ его окончательной редакціи. Вотъ этотъ текстъ:

„Владѣльцу имѣнія предоставляется право предложить царанамъ и мѣщанамъ, имѣющимъ право на надѣлъ, въ даръ и полную собственность половину высшаго (?) надѣла, установленнаго по мѣстностямъ въ 11 ст. Полож. 14-го іюля, но вмѣстѣ съ заявленіемъ о дарѣ полнадѣла, помѣщикъ обязанъ предоставить царанамъ право, вмѣсто полученія полнадѣла въ даръ, потребовать: а) или выкупа всего надѣла, опредѣленнаго въ 11 ст. съ уплатою 80 процентовъ выкупными бумагами и 20 процентовъ наличными; б) или выкупа $^3/_4$ надѣла, опредѣленнаго въ той же статьѣ, съ уплатою только 80 процентовъ, ссужаемыхъ правительствомъ, в) или полученія въ даръ $^1/_4$ надѣла и выкупа при этомъ $^1/_5$ надѣла съ уплатою также только 80 процентовъ. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ отъ помѣщика отходитъ въ надѣлъ $^2/_3$ земли, помѣщикъ можетъ предоставить въ даръ $^1/_3$, причемъ царане вмѣсто дара могутъ выкупить $^2/_3$ земли съ уплатою всей суммы. Если царане въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ не примутъ ни одного изъ вышеозначенныхъ способовъ, то помѣщикъ отрѣзываетъ полнадѣла на всѣхъ царанъ и мѣщанъ имѣющихъ право на надѣлъ, и эта земля остается навсегда полною и невозвратною собственностью царанскаго сословія, такъ-что еслибы царане какого-либо имѣнія оставили эту землю, переселившись въ другія мѣста или обратившись къ другимъ промысламъ, то эта земля остается для обезпеченія всего земледѣльческаго сословія и отдается съ публичныхъ торговъ, какъ установлено въ Положеніи 14-го іюля. Съ своей стороны, помѣщикъ, отдавъ полнадѣла въ даръ, остается полнымъ собственникомъ остальной земли.“

Можно ли признать даръ половины надѣла, опредѣленнаго Положеніемъ 14-го іюля, за достаточное обезпеченіе царанъ землею?

Точный отвѣтъ на такой вопросъ даютъ однѣ цифры. Сколько же десятинъ на душу приходится въ полунадѣлѣ? При послѣдней ревизіи въ каждой царанской

семьѣ считалось $2^1/_4$ души кругомъ. Понятно что и теперь должно существовать приблизительно то же отношеніе числа семей къ числу душъ. По разчету $2^1/_4$ душъ въ семьѣ царане взявшіе полнадѣла въ даръ получили бы на душу, смотря по мѣстностямъ:

въ уѣздѣ	Хотинскомъ	$1,_{77}$ дес.	$1,_{93}$ дес.
„	„	Ясскомъ	2 „	
„	„	Сороцкомъ	$1,_{77}$ „	2 „
„	„	Оргѣевскомъ	$1,_{77}$ „	
„	„	Кишиневскомъ	$1,_{77}$ „	2 „
„	„	Бендерскомъ	$2,_{2}$ „	$2,_{5}$ „
„	„	Аккерманскомъ	3 „	

Это даровое обезпеченіе землей довольно *близко* подходитъ къ наименьшимъ надѣламъ назначеннымъ для царанъ въ Молдо-Валахіи. Тамъ, какъ извѣстно царане получили всѣ земли бывшія въ ихъ пользованіи и право на дополненіе надѣловъ до разныхъ размѣровъ, сообразно числу рабочаго скота въ хозяйствѣ. Если въ Молдо-Валахіи, какъ и въ Бессарабіи (см. *Статист. опис. Бессарабіи* г. Защука т. I стр. 227 *), царане имѣютъ среднимъ числомъ болѣе одной пары воловъ на семью: если въ тамошней семьѣ положить также $2^1/_4$ души то получаются приблизительно слѣдующіе наименьшіе надѣлы на душу:

Въ Валахіи	2 дес.
„ Молдавіи	2,6 дес.
„ отошедшей части Бессарабіи	3 дес. **)

Послѣдняя цифра вполнѣ совпадаетъ съ полунадѣломъ Аккерманскаго уѣзда, къ которому и прилегаетъ отошедшая часть Бессарабіи. Въ Бендерскомъ уѣздѣ даровой полунадѣлъ выходитъ выше наименьшаго Валахскаго и почти равнымъ Молдавскому. Съ Валахскою нормой совпадаетъ полъ - надѣла въ даръ въ Ясскомъ уѣздѣ и во вторыхъ мѣстностяхъ Сороцкаго и Кишиневскаго, но за то молдавская норма выше на полдесятины. Лишь въ уѣздахъ Хотинскомъ, Оргѣевскомъ и лучшихъ мѣстностяхъ Сороцкаго и Кишиневскаго полнадѣла выходитъ почти на десятину меньше нормы Молдавіи и отъ $^1/_4$ до $^1/_8$ дес. меньше нормы Валахіи.

Итакъ бессарабскіе царане, по предложенію депутаціи, могутъ получить даромъ почти столько же земли сколько приходится ея по нормамъ для Молдо-Валахіи.

Впрочемъ, въ Молдо-Валахіи поселяне которые не занимались хозяйствомъ, но имѣли усадьбу, получаютъ только дома и сады, а вовсе не отбывавшіе повинностей переводятся на казенныя земли. Всѣмъ такимъ же поселянамъ бессарабскіе владѣльцы должны дать надѣлъ, такъ что общее даровое обезпеченіе землей въ Бессарабіи будетъ по размѣрамъ своимъ выше нормъ принятыхъ въ Молдо-Валахіи.

По свойствамъ почвы, по участковому владѣнію, отчасти по условіямъ хозяйства, сѣверная часть Бессарабіи не слишкомъ много разнится отъ Полтавской губерніи. Въ Бессарабіи больше степныхъ пространствъ, есть и солончаки, но зато положеніе южнѣе и мѣстами земля гораздо лучше Полтавской. Населенность Хотинскаго уѣзда (гдѣ $1,_{77}$ и 1_{93}, дес. въ полунадѣлѣ) считается 2.364 чел. на квадр. милю. Частію такое же населеніе, частію нѣсколько меньшее, имѣютъ почти всѣ уѣзды Полтавской губерніи, гдѣ высшій душевой надѣлъ назначенъ въ $2^3/_4$ десятины, низшій $1,_{37}$ десятины. На самомъ дѣлѣ, по выкупу, средній надѣлъ Полтавской губерніи получился не много выше 2 десятинъ. Населенность Ясскаго уѣзда (2 дес. въ полунадѣлѣ) нѣсколько больше населенности Староконстантиновскаго уѣзда Полтавской губерніи, гдѣ высшій надѣлъ назначенъ $3^1/_2$ дес., низшій $1,_{73}$ десятинъ. Въ лучшихъ небольшихъ частяхъ Черниговской губерніи надѣлъ равенъ общему полтавскому. Такимъ образомъ, даровой полунадѣлъ въ Бессарабіи приближается скорѣе къ размѣру низшихъ малороссійскихъ надѣловъ. Извѣстно что въ Малороссіи помѣщики должны были дополнять крестьянскіе надѣлы до размѣровъ низшаго.

Даровой полунадѣлъ въ Бессарабіи выходитъ ниже высшаго размѣра надѣла во внутреннихъ черноземныхъ губерніяхъ. Почти вся Курская губернія и нѣкоторыя дру-

*) Вотъ что говоритъ г. Защукъ: „Каждый сельскій обыватель, какъ Молдаванинъ, такъ и Малороссіянинъ, имѣютъ въ хозяйствѣ болѣе одной пары воловъ... Каждый сколько нибудь зажиточный Молдаванинъ и Болгаръ имѣетъ верховую лошадь, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочая...

**) Вотъ подробности этого разчета. Въ Молдавіи назначено для поселянина имѣющаго двѣ пары воловъ 7 дес.; для имѣющаго пару воловъ 5 дес. Между этими цифрами взята средняя—6 дес. и раздѣлена на число душъ въ семьѣ $2^1/_4$. Получилось 2,6 на душу. Такой же расчетъ сдѣланъ по Валахіи и отошедшей части Бассарабіи, при чемъ небольшія дроби откинуты.

гія особенно населенныя мѣстности получили $2^3/_4$ дес. на душу какъ высшую норму. Въ Курской губерніи по выкупу крестьянамъ пришлось среднимъ числомъ $2,_3$ десятинъ. Въ большей части черноземныхъ мѣстностей мы видимъ высшія нормы 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$ десятинъ.

Вотъ что̀ даетъ намъ сравненіе полунадѣла въ Бессарабіи съ поземельнымъ обезпеченіемъ другихъ мѣстностей, но разница великая въ томъ что эта половина надѣла дается даромъ. Деньги которыя должны были бы пойти въ уплату за надѣлъ остаются въ кошелѣ у поселянина; состоятельный поселянинъ можетъ сберегать ихъ и черезъ нѣсколько лѣтъ на сдѣланныя сбереженія прикупить себѣ земли. Покупка земель царанами не новость въ Бессарабіи. Тамъ есть особый классъ поселянъ (редзеши) живущихъ на собственныхъ земляхъ, частію купленныхъ недавно. Для поселянъ которые до сихъ поръ не пользовались землей и которымъ надо обзаводиться хозяйствомъ сдѣлка освобождающая отъ платежей особенно благопріятна. Въ Бессарабіи не мало и барщинниковъ не очень-то привычныхъ къ денежнымъ платежамъ. Освобожденіе отъ ежегодныхъ выкупныхъ платежей открываетъ наконецъ полную свободу передвиженія и освобождаетъ населенія отъ тяготы круговой поруки по участкамъ поступающимъ въ общество отъ неисправныхъ хозяевъ.

Не будемъ отрицать важности размѣровъ поземельнаго обезпеченія, даже въ сравненіи съ выгодами совершеннаго освобожденія отъ повинностей. Быть-можетъ предложеніе бессарабскихъ депутатовъ нельзя было бы признать вполнѣ выгоднымъ, еслибъ оно приводило къ обязательному для царанъ принятію полунадѣла и слѣдовательно къ такому поземельному обезпеченію которое подходило бы къ низшимъ нормамъ румынскаго и было бы ниже надѣловъ во внутреннихъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи. Къ счастію, предложеніе бессарабскихъ депутатовъ не подлежитъ критикѣ съ этой стороны. Они хотятъ предоставить царанамъ право выкупа большаго количества земли. При такой постановкѣ дѣла царане Бессарабіи получатъ, надобно полагать, столько же земли сколько дано царанамъ Румынскихъ Княжествъ и близко къ тому сколько дано у насъ въ черноземныхъ губерніяхъ.

Какъ сказано выше, бессарабскіе помѣщики предоставляютъ царанамъ право выкупа всего надѣла, но подъ условіемъ уплаты дополнительнаго платежа наличными. Если царане ограничатся тремя четвертями надѣла, то владѣльцы уступаютъ имъ дополнительный платежъ, а буде царане согласятся взять одною шестой меньше, то-есть $^7/_{12}$ надѣла, то владѣльцы уступаютъ не только дополнительный платежъ, но и ссуду за одну четвертую часть надѣла. Приводимъ соображенія депутаціи объ этихъ комбинаціяхъ:

Само собой разумѣется что зажиточные поселяне потребуютъ выкупа полнаго надѣла; поселяне менѣе зажиточные возьмутъ на выкупъ $^3/_4$ надѣла съ уплатою только 80 процентовъ, т. е. самой ничтожной суммы за цѣнныя и плодородныя земли; поселяне же, не имѣющіе вовсе или достаточно хозяйственныхъ средствъ, возьмутъ $^1/_2$ надѣла въ даръ или $^1/_4$ въ даръ и одну $^1/_2$ на выкупъ, т. е. такое количество земли которое не будетъ превышать ихъ экономическихъ силъ и не будетъ обременять ихъ ежегодными платежами.

Въ предложеніи депутатовъ не совсѣмъ ясно, предоставляется ли выборъ комбинацій всему царанскому обществу или же каждый царанинъ извѣстнаго общества можетъ выбирать любую изъ комбинацій. Повидимому второе толкованіе болѣе согласно съ интересами какъ самихъ помѣщиковъ, такъ и царанъ, а равно и съ приведенными сейчасъ соображеніями. Законъ не полагаетъ препятствій для принятія подобной мѣры; царане отбываютъ повинности порознь, каждый за себя, и по Положенію 14-го іюля могутъ, по соглашенію съ помѣщикомъ, выкупать свои участки отдѣльно. При участковомъ хозяйствѣ рано или поздно нужно будетъ выдать данныя, каждому хозяину особо.

Признавая выгоду предложенія бессарабскаго дворянства, мы должны однако оговорить одно обстоятельство. Предоставленіе полунадѣла въ даръ оставляется на добрую волю помѣщиковъ, а потому и царане должны сохранить свободный выборъ между предлагаемыми комбинаціями. Въ имѣніяхъ гдѣ царанамъ отходитъ $^2/_3$ помѣщичьей земли полагается оставить за ними право на полученіе всего надѣла не иначе какъ подъ условіемъ уплаты половины выкупной ссуды наличными. Трудно ожидать чтобъ у царанъ были такія большія суммы, а между тѣмъ требованіе это

обращается къ царанамъ имѣющимъ самые малые надѣлы.

Впрочемъ оцѣнка всѣхъ подробностей этого дѣла выходитъ за границы нашей задачи. Мы не имѣемъ въ распоряженіи всей массы мѣстныхъ данныхъ, которая была бы для того нужнѣе. Депутаты предлагаютъ постановить чтобы царане во всякомъ случаѣ не могли требовать выкупа большаго количества земли, чѣмъ сколько означено въ нормахъ Положенія 14-го іюля. Но Положеніе сохраняю за царанами все наличное пользованіе. Мы не знаемъ велико ли число царанъ, которые владѣли землей выше нормы, которые и прежде по числу скота въ хозяйствѣ имѣли право на высшій надѣлъ. Намъ трудно судить слѣдуетъ ли, нѣтъ ли постановить что царане во всякомъ случаѣ могутъ просить о выкупѣ надѣла въ границахъ теперешняго пользованія.

Полагаемъ однако что не все же должно быть основано на жертвѣ которую вызываются принести помѣщики. Есть еще пункты которые требуютъ облегченія. Помѣщики которые не найдутъ возможнымъ подарить полъ-надѣла могутъ быть облегчены въ надѣлѣ дворовыхъ, въ уплатѣ за дома и сады, въ пятилѣтнемъ срокѣ и т. д. Кромѣ того совершенно необходимо устранить нѣкоторую неясность статей Положенія. Интересы всѣхъ сторонъ требуютъ одинаково чтобы законъ былъ освобожденъ отъ всякихъ неясностей, чтобы дѣло не было отдано на произволъ администраціи и низшихъ инстанцій. Будетъ крайне не выгодно, особенно для помѣщиковъ, если въ будущемъ потребуется передѣлка исполненнаго. Такія передѣлки отзовутся тяжеле всякаго пятилѣтняго срока. Необходимо разъяснить недоразумѣніе касающееся будущихъ семей. Бессарабское областное присутствіе составило образецъ уставной грамоты, въ которомъ право на новые и дополнительные надѣлы дано лишь царанамъ записаннымъ въ ревизію, а семьямъ образовавшимся послѣ нея предоставлено только дѣйствительное пользованіе. Это совершенно противорѣчитъ статьѣ 7 Положенія, и замѣчательно что губернаторъ подалъ мнѣніе въ которомъ полагаетъ пояснить что право на дополнительные надѣлы принадлежитъ одинаково всѣмъ царанамъ получающимъ землю. Мнѣніе же земскаго отдѣла совпало съ толкованіемъ статьи 7, принятымъ въ образцѣ грамоты. Мы говорили уже подробно о томъ что Положеніе 14-го іюля, какъ это видно изъ совокупности нѣсколькихъ статей его, не предоставляетъ будущимъ семьямъ безусловнаго права на надѣлъ.

Еще справедливѣе дать помѣщикамъ нѣкоторое облегченіе чрезъ переводъ на монастырскія земли части царанъ, которые должны бы получить надѣлы въ имѣніи. Нѣтъ возможности понять, почему эта мѣра, столь выгодная для монастырей, облегчающая помѣщиковъ, усиливающая обезпеченіе царанъ, соотвѣтствующая переводу „будущихъ семей" и не пользующихся землею царанъ на казенныя земли узаконенному въ Румынскихъ Княжествахъ,—почему эта мѣра будто встрѣчаетъ какія-то препятствія. Неужели она не можетъ быть осуществлена по соглашенію съ монастырями? Наконецъ, въ случаѣ недостатка монастырскихъ земель, часть царанъ можно бы перевести на казенныя земли Херсонской губерніи. Въ 1867 году около трехъ тысячъ царанскихъ семей двинулись было на Кавказъ, но ихъ остановили на пути и возвратили на родину разоренныхъ и обобранныхъ...

№ 36.

Москва, 13-го февраля.

Въ балтійскомъ краѣ мало-по-малу подвигается историческое дѣло которому вскорѣ не будетъ уже поворота. Какое же это дѣло? Не то ли что въ эти послѣдніе годы обозначилось съ поразительною для всѣхъ ясностію? Не та ли эта задача къ которой постоянно возвращались заботы монарховъ Россіи и ея лучшихъ государственныхъ людей, и которая отлагалась лишь потому что Россія, обложенная крѣпостнымъ правомъ, не представляла достаточныхъ условій для политики истинно-національной? Исторія неизгладимыми буквами вписала въ свои скрижали слово Государя, освободившаго свой народъ и призвавшаго свою страну къ самостоятельной жизни, слово сказанное въ самомъ сердцѣ нашего балтійскаго поморья и обращенное къ *русскому* патріотизму ея жителей. Этому краю возвѣщены необходимыя преобразованія, которыхъ требуетъ благо столько же его собственное какъ и цѣлаго государства, и къ содѣйствію этимъ пре-

образованіямъ призывались жители края какъ „члены единой русской семьи." Какое же иное дѣло могло бы совершаться теперь въ этой столь важной для Россіи части ея владѣній какъ не дѣло ея великаго національнаго объединенія, какъ не исполненіе задачи ясной для всякаго мыслящаго ума, убѣдительной для всякаго честнаго человѣка и возведенной въ законъ верховнымъ авторитетомъ страны, несущимъ святую отвѣтственность предъ прошедшимъ и будущимъ своего государства?

Такъ бы казалось, — но не все то бываетъ что̀ кажется естественнымъ, должнымъ и даже вѣроятнымъ. Независимо отъ программы основанной на убѣжденіи въ прочности существованія того политическаго тѣла которое извѣстно въ мірѣ подъ именемъ Россіи, имѣются еще другія программы которыя признаютъ это политическое тѣло за случайность и не вѣрятъ въ его будущее. У насъ есть партіи весьма плотно организованныя и весьма вліятельныя, которыя держатся именно такого воззрѣнія и смотрятъ на Россію точно также какъ наши старые князья смотрѣли на Золотую Орду. Партіи эти имѣютъ свою политику. Не признавая въ тяготѣющей надъ ними громадѣ ни разума, ни живой души, онѣ съ ней не совѣстятся и никакого обмана не ставятъ въ обманъ. Въ какой мѣрѣ Россія сама подаетъ поводъ трактовать ее такимъ образомъ, мы не рѣшаемъ, и готовы даже согласиться что партіи, относящіяся къ ней съ такой точки зрѣнія, имѣютъ какія-нибудь свои основанія считать себя правыми. Какъ бы то ни было, въ балтійскомъ краѣ передовые умы давно уже приняли въ основу своего политическаго катехизиса то убѣжденіе что государство, котораго край этотъ есть часть, не имѣетъ будущаго, и что подъ тѣнью его бездушной громады должно быть подготовлено будущее къ которому они не призваны.

Что въ балтійскомъ краѣ дѣлается дѣло, въ этомъ можно не сомнѣваться. Но какое это дѣло? Какая исполняется тамъ программа?..

Въ балтійскомъ краѣ никогда до сихъ поръ не было національнаго вопроса. Эти провинціи, никогда не составлявшія одного политическаго цѣлаго, переходя изъ подданства въ подданство, постоянно ускользали отъ дѣйствія государственнаго права; онѣ не выходили изъ-подъ владычества частнаго права. Тамъ до сихъ поръ удержались порядки феодальные будто мумія давно прошедшихъ вѣковъ. Пресловутыя капитуляціи Петра Великаго отнюдь не имѣютъ значенія національнаго. Онѣ относились не къ какой-либо націи, а къ отдѣльнымъ корпораціямъ, именно къ рыцарству, которое владѣло туземными иноплеменными населеніями на частномъ правѣ, — на правѣ собственности, — и еще къ нѣкоторымъ городскимъ обществамъ. Нѣмецкій языкъ признанъ былъ этими актами въ смыслѣ сословной привилегіи, но отнюдь не въ качествѣ національнаго символа, о какомъ въ то время не могло быть и рѣчи по отношенію къ балтійскимъ провинціямъ. Протекло послѣ того полтораста лѣтъ. Все зокругъ измѣнилось. Не могло не измѣниться и положеніе дѣлъ въ Лифляндіи съ Эстляндіей, къ которымъ при Екатеринѣ Великой присоединилась Курляндія изъ обломковъ старой Польши. Крѣпостное владѣльческое право которымъ были обложены латышскія и эстонскія населенія этихъ провинцій не могло удерживать въ XIX столѣтіи весь абсолютизмъ феодальнаго начала, ставившаго надъ безправными массами самодержавныхъ вотчинниковъ, при немногихъ изъятіяхъ въ пользу городскихъ обывателей, которые не могли однако выйти за черту города, не подпадая подъ руку бароновъ, бывшую единственнымъ для страны закономъ. Пришлось вопервыхъ отказаться отъ формы крѣпостнаго права, и это было не трудно: можно было устроить дѣло такъ чтобы, подъ видомъ освобожденія населеній, только обезземелить ихъ. Въ принципѣ появилось „свободное сельское состояніе," а вся власть осталась за прежними вотчинниками. И полиція, и юстиція, и вся внутренняя администрація удержана ими во всей силѣ, и населенія попрежнему остались внѣ государственнаго права. Такъ, въ сущности, дѣла дошли и до нашихъ временъ. Но между тѣмъ, все-таки, благодаря признанному принципу свободнаго состоянія, развилось и усилилось въ краѣ *нѣмецкое бюргерство*. Оно возрасло и въ своемъ образованіи, и въ богатствѣ, и въ численности, ибо подъ сѣнь его иммунитетовъ продиралось и пробиралось изъ эстонскихъ и латышскихъ населеній все зажиточное и способное. Многочисленное, богатое и образованное *бюргерство* должно было фак-

тически ограничить всевластіе бароновъ, и своимъ развитіемъ возбудить вопросъ о политическомъ или національномъ положеніи края. Лучи публичнаго права пали косвенно на балтійское поморье, но не изъ Россіи, а изъ Германіи.

Предъ русскимъ государствомъ нѣмецкое бюргерство балтійскихъ провинцій находится въ состояніи привилегированномъ: оно поставлено выше соотвѣтственныхъ сословій въ русскомъ народѣ, и рижскій бюргеръ въ сравненіи съ московскимъ мѣщаниномъ самъ есть благородный рыцарь. Тѣмъ тяжеле было балтійскому бюргеру чувствовать свое униженное положеніе на родинѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность политической равноправности. Между барономъ и бюргеромъ завязалась внутренняя тяжба, и изъ сословнаго антагонизма мало-по-малу выдѣлилась національная идея, въ которой разрозненныя привилегіи стали приходить въ соприкосновеніе и солидарность. Возникли священныя обязательства предъ германскою національностью, состоящія въ обратномъ отношеніи къ обязательствамъ предъ Россіей. Либеральные люди изъ среды рыцарства, воспитанники Дерптскаго университета, ставшаго средоточіемъ анти-русской національной пропаганды, опираясь на общественное мнѣніе сосѣдней Германіи, на содѣйствіе заграничныхъ партій, и на жалкій космополитизмъ нашихъ soi-disant образованныхъ высшихъ классовъ, явились дѣятельными посредниками въ домашней борьбѣ. Закоренѣлымъ феодаламъ не хотѣвшимъ слышать ни о какихъ уступкахъ и погруженнымъ въ реминисценціи стараго добраго времени, либеральные вожаки старались открыть глаза на окружающую дѣйствительность. „Время идетъ“, говорили они, „и нѣтъ никакой возможности удержать въ неприкосновенности ваши феодальные порядки. Посмотрите вокругъ. Наконецъ и сама Россія, которая терпитъ здѣшніе, нигдѣ уже невозможные феодальные порядки, не всегда будетъ оставаться темною и безжизненною массой, лишенною смысла своего существованія. Наступитъ пора когда она очнется: что тогда станется съ вашими порядками? Устоитъ ли вашъ феодализмъ предъ государственною идеей, которая уже и въ прежнее время толкалась къ вамъ, и отъ которой невозможно вамъ будетъ запереться никакими затворами когда она обнаружитъ свое дѣйствіе въ самой Россіи? Государственная идея есть идея національная: вамъ придется не только стать простыми смертными, но вмѣстѣ—horribile dictu!—и русскими гражданами, смѣшаться съ русскимъ обществомъ надъ которымъ вы такъ высоко поставлены, и видѣть какъ падутъ всѣ преграды отдѣляющія вашъ край отъ русскаго государства“. Но бароны туго подавались на уступки. Живая дѣйствительность, которою они обладали, говорила сильнѣе чѣмъ отвлеченные доводы либеральныхъ агитаторовъ основанные на видахъ будущаго. Однако, съ теченіемъ времени, доводы ихъ становились все убѣдительнѣе. „Чего вы опасаетесь?“ продолжали либералы: „вспомните какъ вы освободили крѣпостныя населенія. Много ли вы проиграли отъ этой сдѣлки? Не остались ли на всей вашей волѣ эти, якобы, освобожденные люди? Не остались ли вы все тѣми же полновластными господами края, съ придачей принципа современной цивилизаціи, за безцѣнокъ вами купленнаго? Преобразованія необходимы, отъ нихъ не уйдешь: не лучше ли взять это неизбѣжное зло въ свои руки и повести его такъ чтобъ оно было сопряжено для васъ съ наименьшимъ ущербомъ и съ наибольшими выгодами? Поступаясь кое-чѣмъ изъ своихъ привилегій въ пользу нѣмецкаго бюргерства, вы положите начало нѣмецкому государству, и возведете ваши сословныя привилегіи въ права германской національности которую вы здѣсь воцарите.“

Наконецъ заговорили событія. Въ Россіи наступило 19-е февраля, и одно за другимъ послѣдовали великія преобразованія. Консервативное большинство балтійскихъ феодаловъ, оставаясь въ сторонѣ отъ событій, стало однако внимательнѣе прислушиваться къ голосу либеральныхъ вожаковъ и подаваться на уступки.

Мы своими словами излагали смыслъ балтійской политики. Но вотъ подлинныя слова, которыя мы прямо выписываемъ изъ документа относящагося къ 1862 году: „Въ замкнутой, отрѣзанной формѣ въ „какой рыцарство до сихъ поръ существу„етъ, оно положительно не можетъ утвер„диться, а потому, нѣтъ сомнѣнія, уступ„ки должны быть сдѣланы. Съ другой сто„роны сословіе литераторовъ и бюрге„ровъ не будетъ у насъ домогаться от„мѣны всѣхъ сословныхъ правъ, ибо кре„стьянамъ не захотятъ же предоставить „гражданскія права. Отсюда слѣдуетъ что

„среднее сословіе, коль скоро вы сдѣлаете „ему уступки, будетъ держаться съ вами „заодно, и особое политическое положеніе „для трехъ провинцій найдетъ себѣ все-„общее сочувствіе. Итакъ, три сословія „будутъ у насъ продолжать свое существо-„ваніе даже и въ ту пору когда бы въ Рос-„сіи сословія слились. Мнѣ возразятъ од-„нако что такимъ образомъ рыцарство все-„таки пропадетъ. Нѣтъ, оно останется „какъ юридическое состояніе, только оно „подѣлится нѣсколькими изъ своихъ при-„вилегій. Но при этомъ будетъ спасена „нѣмецкая національность въ трехъ про-„винціяхъ, а это большой выигрышъ. Если „вамъ придется выбирать, — а чрезъ два „три года вамъ непремѣнно придется вы-„бирать,—кого имѣть вамъ въ своихъ по-„мѣстьяхъ сосѣдями, рижскихъ ли и ли-„бавскихъ богатыхъ бюргеровъ, или москов-„скихъ и курскихъ купцовъ, то выборъ „не труденъ, и въ интересѣ свободнаго „развитія нѣмецкаго элемента не можетъ „быть сомнителенъ. Нѣмецкій элементъ бу-„детъ совершенно обезпеченъ когда всѣ „три сейма сольются въ одинъ и три про-„винціи соберутся въ одну страну. Этимъ „вы окончательно обезпечите себя отъ „вторженій чуждой, то-есть русской націо-„нальности, какъ Финляндія и Польша...“

Дѣла шли не такъ быстро какъ представлялось дальновидному балтійскому патріоту въ 1862 году. По прошествіи не только двухъ-трехъ лѣтъ, но и цѣлыхъ семи или восьми, бароны балтійскихъ провинцій не находятся еще въ крайности имѣть своими сосѣдями курскихъ купцовъ. Но за то антирусская національная идея сдѣлала въ этотъ промежутокъ времени большіе успѣхи....

Въ *National-Zeitung* напечатана корреспонденція изъ Риги, отъ 13-го февраля, въ которой сообщаются болѣе подробныя чѣмъ обыкновенно свѣдѣнія о послѣднемъ лифляндскомъ ландтагѣ, открывшемся 19-го января и теперь уже окончившемъ свои засѣданія. Въ корреспонденціи сказано что предъ открытіемъ ландтага былъ пропѣтъ древній лютеранскій *боевой* (?) гимнъ *(Kampflied)*: „Господь наша крѣпкая твердыня“, и сказано въ церкви Св. Павла назидательное слово на текстъ изъ Откровенія апостола Іоанна (1, 7): „Се, иду скоро; держи что имѣешь, дабы кто не похитилъ вѣнца твоего.“ Затѣмъ лифляндскій предводитель дворянства, баронъ Нолькенъ (эта фамилія слыветъ главой дворянской консервативной партіи въ Лифляндіи, между тѣмъ какъ партія г. фонъ-Эттингена, бывшаго лифляндскаго губернатора, нынѣ ландрата, считается „либеральною“), открылъ собраніе рѣчью. Такъ какъ совѣщанія балтійскихъ дворянскихъ собраній не предаются гласности, то корреспондентъ *National-Zeitung* лишь изъ частныхъ источниковъ могъ узнать что на очереди стоялъ вопросъ о языкѣ и о лифляндской желѣзной дорогѣ. Кромѣ того,—и это имѣетъ особенный интересъ, — опредѣлено допустить въ ландтагъ представителей отъ всѣхъ городовъ Лифляндіи (по примѣру Риги, имѣющей на ландтагѣ двухъ представителей). Такимъ образомъ, дѣло пошло быстрѣе чѣмъ за пять, за шесть лѣтъ предъ симъ совѣтовалъ г. Ширренъ въ своемъ *Dorpater Tagesblatt*. Весь нѣмецкій элементъ Лифляндіи получитъ общую политическую организацію. Органомъ общаго представительства будетъ, конечно, нѣмецкій языкъ. Какъ русскій элементъ, такъ и туземные племенные элементы будутъ исключены изъ представительства или должны будутъ подчиниться господствующему нѣмецкому. Останется только чтобы всѣ три провинціи получили общій сеймъ, въ которомъ дворянство соединилось бы съ бюргерствомъ.

Что касается до судебной реформы, которая должна довершить это историческое дѣло созиданія будущаго, то свѣдѣнія которыя сообщали мы по письмамъ изъ Риги въ № 7 подверждаются. Проектъ реформы которая должна обособить балтійскій край и довершить его германизацію, какъ сказываютъ, уже находится въ министерствѣ юстиціи, и лица заинтересованныя судьбою этого проекта, по всѣмъ признакамъ надѣются на его успѣхъ.

№ 37.

Москва, 14-го февраля.

А.

Возвращаемся къ постановленію финляндскаго дворянскаго собранія о допущеніи въ него городскихъ депутатовъ.

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ смыслѣ этого новаго преобразованія которое, еслибъ оно состоялось въ Лифляндской губерніи, вскорѣ затѣмъ было бы введено и въ Курляндскую и въ Эстляндскую. Собственно имѣется въ виду ввести въ соб-

ранie дворянъ небольшое число выборныхъ отъ наиболѣе привилегированной части городскаго сословiя. Либеральнаго въ этомъ преобразованiи нѣтъ ничего. Да и странно было бы ожидать либеральныхъ постановленiй отъ лифляндскаго ландтага, который недавно еще, послѣ долгихъ и тщательныхъ совѣщанiй, рѣшилъ не отступать отъ политики возгласившей еще въ 1857 году: „лучше пусть вся наша дворянская корпорацiя погибнетъ нежели „допуститъ чтобы хотя одинъ крестьянинъ „сталъ поземельнымъ собственникомъ." (См. брошюру: *Russland hat allein noch die Wahl!* барона Эрнста фонъ-Нолькена, стр. 99.) О какомъ тутъ либерализмѣ можетъ идти рѣчь? Эти политики сочли бы себя глубоко-оскорбленными еслибъ имъ приписали либеральныя наклонности. Единственная цѣль упомянутаго преобразованiя состоитъ только въ томъ чтобы самыхъ привилегированныхъ и влiятельныхъ людей *нѣмецкаго* элемента въ краѣ соединить въ общую оппозицiонную относительно Россiи массу.

Въ Мекленбургѣ, единственной странѣ на свѣтѣ которой порядки можно сравнить съ господствующими въ нашихъ балтiйскихъ губернiяхъ, давно уже города и нѣкоторые землевладѣльцы не-дворянскаго происхожденiя пользуются въ сеймѣ правомъ голоса, но они составляютъ ничтожное и совершенно безсильное меньшинство предъ феодальными членами.

Въ Лифляндiи, гдѣ городъ Рига, благодаря своимъ обширнымъ земельнымъ угодьямъ, издавна высылаетъ въ „ландтагъ" двухъ депутатовъ, такъ что весь городъ Рига вѣситъ за двухъ рыцарей,—въ Лифляндiи, по рекомендованному г. Ширреномъ и принятому теперь дворянствомъ проекту, предположено допустить въ собранiе конечно не болѣе какъ по одному или по два депутата отъ мелкихъ лифляндскихъ городковъ. Можетъ-быть Ригѣ при этомъ вѣроятно придастся еще нѣсколько представителей, но приращенiе это будетъ очень незначительное, ибо при болѣе соотвѣтственномъ городу Ригѣ числѣ представителей, въ него попали бы люди не слишкомъ привилегированные и стало-быть вовсе не нѣмецкiе патрiоты. Не надо забывать что большинство рижскаго населенiя состоитъ не изъ одних нѣмецкихъ патрiотовъ. Оно и въ племенномъ отношенiи отнюдь не можетъ назваться нѣмецкимъ. Такъ какъ рижское городское управленiе устранило этихъ людей отъ участiя въ городскихъ дѣлахъ, и имъ не ввѣряются даже самыя незначительныя должности въ городѣ, то ясно что влiятельные люди въ Ригѣ сами не пожелаютъ чтобъ этотъ важный и многолюдный торговый городъ получилъ соотвѣтственное себѣ представительство. Слѣдовательно, лифляндское губернское собранiе прiумножится всего-на-все какими-нибудь двумя дюжинами бюргермейстеровъ и адвокатовъ, которымъ, въ виду нѣсколькихъ сотъ рыцарей, нечего будетъ и думать о томъ чтобы сохранить какое-либо самостоятельное положенiе въ вопросахъ касающихся общихъ интересовъ губернiи. Имъ предоставлено будетъ только заявлять и поддерживать свои мѣстныя привилегiи и выгоды. Они еще крѣпче запрутъ мѣстное представительство отъ русскаго начала, равно какъ и отъ туземнаго латышскаго элемента. Само собою разумѣется что подобный проектъ не можетъ быть согласенъ съ пользами государства; понятно также что если феодальная партiя приняла этотъ проектъ, то единственно потому что въ немъ нѣтъ и тѣни чего-либо истинно либеральнаго, и что этимъ подновленiемъ формы имѣется въ виду только подкрѣпить старый порядокъ въ его сущности. Въ заботахъ о своихъ мѣстныхъ привилегiяхъ, горожане, не совсѣмъ знакомые съ тонкостями политики дворянства, будутъ расположены вносить заносчивыя предложенiя, инициативу которыхъ само дворянство, какъ политически опытная корпорацiя, взять поопасется.

Всѣмъ извѣстно что въ средѣ балтiйскаго дворянства и тамошнихъ *бюргеровъ* нѣмецкаго происхожденiя есть еще много людей несогласныхъ на систематически-враждебный противъ Россiи образъ дѣйствiй. Ихъ не легко привлечь въ противный лагерь. Но эта цѣль, особенно съ помощью заграничной нѣмецкой печати, можетъ быть достигнута если при сказанныхъ обстоятельствахъ въ собранiе вступитъ небольшое число самыхъ привилегированныхъ *бюргеровъ*. Оружiе гг. фонъ-Бокка, Ширрена и проч. прiобрѣтетъ тогда значенiе какого до сихъ поръ оно имѣть не могло. Даже просто изъ злорадства заграничная нѣмецкая печать будетъ имѣть возможность ежеминутно надѣлать Россiи хлопотъ...

Если бы представители городовъ на балтійскомъ „ландтагѣ“ избирались свободно всѣми горожанами, то противъ допуска ихъ къ представительству нельзя было бы возражать съ либеральной точки зрѣнія. Это была бы мѣра, говоря вообще, справедливая и, при правильныхъ условіяхъ, могла бы соотвѣтствовать интересамъ государства; тогда оставалось бы только желать чтобы въ земское представительство были допущены землевладѣльцы не дворянскаго сословія не только изъ горожанъ, но и изъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что масса сельскаго люда гораздо болѣе заинтересована въ постановленіяхъ собранія нежели городскіе классы. Эти послѣдніе, вслѣдствіе своихъ феодальныхъ порядковъ и разноплеменности, равнодушны къ общимъ земскимъ интересамъ чего никакъ нельзя сказать о латышскихъ и эстонскихъ крестьянскихъ населеніяхъ. Въ № 23 нашей газеты мы привели изъ латышской газеты *Балтіясъ Вѣстнесисъ* одно мѣсто въ которомъ скромно, но убѣдительно доказывается почему слѣдовало бы допустить Латышей и Эстовъ къ губернскому представительству. Всякій пойметъ что расширеніемъ представительства только на привилегированный элементъ балтійскихъ городовъ нисколько не подготовляется путь къ тому чтобъ и все балтійское населеніе было современемъ представлено; напротивъ, предполагаемая реформа станетъ только новой къ тому преградой. Расширеніе представительства по проектамъ барона фонъ-Нолькена было бы дѣломъ противнымъ либеральной или даже только умѣренно-консервативной реформѣ: имъ только подкрѣпились бы феодальныя учрежденія и анти-русское направленіе; оно было бы серіознымъ, издавна подготовленнымъ шагомъ къ тому чтобы поставить балтійскія провинціи во враждебное отчужденіе отъ Россіи. Въ соединеніи съ тѣмъ видомъ судебной реформы который замышляется теперь въ балтійскомъ краѣ, оно было бы самымъ грустнымъ событіемъ, одинаково вреднымъ какъ для массы балтійскаго населенія всѣхъ племенъ, такъ и для государства вообще, и обратилось бы въ пользу ничтожнаго мѣстнаго меньшинства состоящаго изъ непримиримѣйшихъ враговъ русскаго національнаго единства.

Почему бы не сдѣлать изъ дворянскаго собранія земское и не привлечь къ представительству города, еслибъ это не было только ловкимъ механизмомъ для усиленія антирусскаго національнаго начала и для подкрѣпленія противныхъ государственному праву феодальныхъ порядковъ? Въ Ригѣ, какъ и во всѣхъ балтійскихъ городахъ, устроенныхъ на феодальныхъ основаніяхъ, большинство лишено или почти лишено голоса, хотя въ немъ есть люди и образованные, и зажиточные. Эта масса не занимается политикою; ей бы только вольнѣе дышать да заниматься своими промыслами, но тутъ-то она и встрѣчаетъ помѣху отъ своихъ привилегированныхъ согражданъ. Еще не такъ давно, непривилегированные граждане Ревеля обращались къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой измѣнить ревельскій городской уставъ по образцу устава русскихъ городовъ, и вообще избавить Ревель отъ феодальныхъ порядковъ. Имъ было отказано въ этомъ ходатайствѣ. Въ Ригѣ, въ 1797 году, при императорѣ Павлѣ I, старый феодальный городовой уставъ былъ насильственно возстановленъ, послѣ того какъ уже съ 1782 года опытомъ было доказано что уставъ русскихъ городовъ не только могъ удобно дѣйствовать въ Ригѣ, но такъ было укоренился тамъ что когда привилегированные рижскіе горожане, по неосторожности, допустили массу своихъ „нѣмецкихъ“ согражданъ къ рѣшенію вопроса вводить ли старый рижскій феодальный уставъ или *удержать* русскій уставъ 1782 года, большинство радостно подало голосъ за уставъ русскій. Теперь симпатіи большинства къ русскимъ учрежденіямъ выразились бы конечно еще сильнѣе.

Б.

Въ Москву, какъ извѣстно, пріѣхала слѣдственная коммиссія по Нечаевскому дѣлу. Слѣдствіе, какъ слышно, продолжается съ большою дѣятельностію. Показанія допрашиваемыхъ лицъ сохраняются въ большой тайнѣ, и мы ничего не знали бы о ходѣ этого дѣла еслибы не иностранныя газеты въ которыхъ сообщаются разныя куріозныя свѣдѣнія о таинственномъ заговорѣ имѣющемъ своею цѣлію ни болѣе, ни менѣе какъ разрушить Русское государство и ниспровергнуть всю организацію общества,—заговорѣ, во главѣ котораго стоятъ столь серіозные дѣятели какъ знаменитый Бакунинъ и отставной педагогъ уѣзднаго училища Нечаевъ.

Пусть однако соблюдается въ глубокой тайнѣ производимое слѣдствіе надъ изловленными заговорщиками: есть заговорщикъ который находится на свободѣ, и который тоже даетъ показанія, но не по допроснымъ пунктамъ, не въ слѣдственной коммиссіи, а кричитъ на весь міръ. Этотъ заговорщикъ не изъ числа мелкотравчатыхъ: это самъ глава заговора, самъ достопочтенный г. Нечаевъ.

Издатель газеты *la Marseillaise*, также весьма знаменитый г. Рошфоръ, объявленъ сотрудникомъ какой-то петербургской газеты; за то и въ его изданіи участвуетъ русская знаменитость, „Le grand patriote russe",—такъ отзывается органъ г. Рошфора о нашемъ Нечаевѣ—даетъ свои свидѣтельскія показанія въ *Марсельезѣ*. Мы сейчасъ прочли большое письмо этого великаго гражданина адресованное въ редакцію означенной газеты. Почтеннѣйшій г. Нечаевъ главнымъ образомъ негодуетъ на насъ. Наша такая доля что всѣ на насъ негодуютъ. Давно извѣстно что мы всему доброму помѣха, мы оказались помѣхой и г. Нечаеву въ его дѣлѣ. Изъ его показанія явствуетъ что еслибы не мы, то ему удалось бы обдѣлать свое дѣло. Оказывается что мы въ Россіи исполняемъ должность полиціи, и что не будь насъ, никто бы не потревожилъ его въ работѣ для которой онъ былъ призванъ въ свое любезное отечество, еслибы не шпіонство *Московскихъ Вѣдомостей* которыя донесли о прибытіи въ Москву этого дорогаго гостя. Странное дѣло! Насъ винитъ почтеннѣйшій г. Нечаевъ, зачѣмъ мы огласили его пребываніе въ Москвѣ; за то же самое винили насъ совсѣмъ въ другихъ сферахъ, и говорили что мы вмѣшиваемся не въ свое дѣло. Рѣшено что мы доносчики: мы доносили и на правительственныя вѣдомства; мы донесли и на г. Нечаева. Но надобно отдать справедливость г. Нечаеву: въ изліяніи своего негодованія на насъ, онъ все-таки пристойнѣе выражается нежели нѣкоторые вольнонаемные либеральные органы въ Петербургѣ.

Но вотъ что интересно: Нечаевъ объявляетъ что вслѣдствіе сдѣланнаго нашей газетой доноса о его пребываніи въ Россіи и Москвѣ, его будто бы поймали въ какомъ-то городкѣ, но что онъ обманулъ бдительность своихъ стражей, и ускользнулъ изъ рукъ властей и въ этотъ разъ какъ весной прошлаго года, послѣ студенческой исторіи въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ.

Во всѣхъ газетахъ сообщалось объ энергическихъ мѣрахъ которыя были приняты на Николаевской желѣзной дорогѣ въ тѣхъ видахъ чтобы задержать знаменитаго путешественника. Каждый агентъ на дорогѣ былъ снабженъ фотографическими карточками Нечаева. Почему-то однажды ожидали его проѣзда и была обнаружена особенная дѣятельность по всей линіи. Пассажиры всѣхъ поѣздовъ этого дня, въ вагонахъ и на станціяхъ, съ удивленіемъ замѣчали что физіономіи ихъ служили предметомъ пристальнаго наблюденія. Одинъ господинъ, какъ писали въ газетахъ, былъ дѣйствительно арестованъ, такъ какъ черты его лица оказались сходными съ портретомъ Нечаева. Увы! сколько хлопотъ понапрасну. Нечаевъ объявляетъ что портретъ его, заготовленный въ великомъ изобиліи, былъ снятъ съ него за десять лѣтъ тому назадъ, и теперь столько же похожъ на него, сколько на физіономію любаго полицейскаго агента которому выданъ былъ этотъ талисманъ.

№ 38.

Москва, 16-го февраля.

Когда предстояла еще подписка на новый, такъ успѣшно состоявшійся русскій заемъ, было не мало рѣчи о томъ какое вліяніе окажетъ онъ на вексельный курсъ. Одни ожидали немедленнаго, хотя и небольшаго повышенія и затѣмъ довольно прочнаго курса въ продолженіи всего лѣта. Другіе сомнѣвались въ этомъ, но единственно на томъ основаніи что при теперешнемъ обиліи свободныхъ капиталовъ не знающихъ куда дѣваться на петербургской биржѣ, надобно было ожидать сильнаго участія Россіи въ подпискѣ и слѣдовательно значительнаго перехода частныхъ русскихъ капиталовъ за границу, дабы чрезъ посредство Ротшильдовъ возвратиться въ Россію въ качествѣ казенныхъ суммъ. Теперь извѣстно какъ была ведена подписка. Русскія биржи дѣйствительно заявили желаніе принять въ ней широкое участіе, но это желаніе не было уважено распорядителями дѣла. По разверсткѣ на долю Россіи ничего или почти ничего не досталось. Новый заемъ не послужилъ по-

водомъ къ переводу капиталовъ изъ России. Тѣ векселя и другія цѣнности которые требовались для покрытія подписки возвратились въ Россію и теперь свободны. Ихъ возвращеніе повидимому должно бы подѣйствовать на вексельный курсъ. Онъ могъ падать когда происходила подписка и подписныя деньги переводились въ Парижъ, но какъ скоро сдѣлались извѣстны результаты разверстки, то обратный переводъ этихъ денегъ долженъ бы, кажется, послужить первымъ толчкомъ къ повышенію курса, которое не могло уже не представляться естественнымъ результатомъ займа. Таковы были вѣроятія, но они не оправдались на дѣлѣ. Несмотря на весьма значительный заемъ, самый большой, послѣ 7-го, изо всѣхъ которые когда-либо заключала Россія, несмотря на то что извѣстная доля этого займа, за покрытіемъ заграничныхъ платежей казны, неизбѣжно будетъ переведена въ Россію въ теченіе предстоящей навигаціи, не смотря на всѣ выгоды которыя должны проистечь отъ того для баланса по иностраннымъ торговымъ и банковымъ операціямъ, вексельный курсъ подъ вліяніемъ займа не только не поправился, но вопреки всѣмъ прежнимъ примѣрамъ продолжалъ мало-по-малу падать и еще теперь нельзя сказать дошло ли это стремленіе къ пониженію до своей поворотной точки.

Въ этомъ неожиданномъ и на первый взглядъ непонятномъ явленіи нельзя не видѣть прежде всего поучительной отповѣди тому мнѣнію что вексельный курсъ будто бы главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ торговаго баланса. Будь это мнѣніе вѣрно, вексельный курсъ ощутилъ бы на себѣ вліяніе займа который долженъ дѣйствовать равносильно отпуску. За продукты ли мы получаемъ за границей деньги или беремъ ихъ взаймы, это для баланса все равно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ деньги поступаютъ на балансъ и служатъ для покрытія нашихъ обязательствъ. Итакъ, повторяемъ, если было бы вѣрно мнѣніе что вексельный курсъ въ послѣднее время падалъ вслѣдствіе уменьшенія нашего отпуска, то заемъ не могъ бы не отразиться на вексельномъ курсѣ значительнымъ его повышеніемъ.

Балансъ иностранной торговли имѣетъ несомнѣнное вліяніе на вексельный курсъ, но это вліяніе не можетъ превышать размѣры стоимости перевоза металловъ между странами производящими расплату по балансу. Колебанія совершающіяся въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ не имѣютъ никакого сходства съ тѣми коимъ подлежитъ вексельный курсъ русскаго кредитнаго рубля. Весьма странно придавать первенствующую важность торговому балансу въ виду такого крупнаго обстоятельства какъ неразмѣнность кредитныхъ билетовъ при которой всѣ отношенія перевертываются. Иные упрекали насъ что мы ставимъ на первомъ планѣ количественный избытокъ кредитныхъ билетовъ, упуская изъ виду другіе элементы вліяющіе на цѣнность кредитнаго рубля во внутренней торговлѣ. Но мы этихъ другихъ элементовъ никогда не отрицали—можно ли отрицать очевидное?—а указывали преимущественно на количественный избытокъ кредитныхъ билетовъ потому что требовалось, да и теперь настоятельно требуется, сосредоточивать вниманіе на главномъ обстоятельствѣ предъ коимъ всѣ другія отходятъ на дальній планъ. Не подлежитъ сомнѣнію что это главное обстоятельство есть количественный избытокъ кредитныхъ билетовъ. Такъ напримѣръ оживленный отпускъ имѣетъ сильное вліяніе на вексельный курсъ не столько какъ элементъ торговаго баланса, сколько потому что при оживленномъ отпускѣ оживляется внутренняя торговля продуктами, производящаяся у насъ преимущественно на наличныя деньги и слѣдовательно требующая денежныхъ знаковъ. Усиленію спроса на продукты соотвѣтствуетъ усиленіе спроса на кредитные билеты нужные для ихъ закупки. Эти кредитные билеты расходятся по странѣ и по нѣскольку мѣсяцевъ залеживаются въ кассахъ производителей и торговцевъ. Само собой разумѣется что всѣ разошедшіеся по странѣ кредитные билеты будутъ вскорѣ либо израсходованы получившими ихъ лицами, либо промѣнены на цѣнности приносящія доходъ, но если оживленный отпускъ продолжается, то затѣмъ должно послѣдовать вторичное распространеніе кредитныхъ билетовъ по множеству мелкихъ частныхъ кассъ, гдѣ они опять непремѣнно пролежатъ нѣкоторое время безъ движенія. То же самое будетъ однако и безъ заграничнаго отпуска, если почему-либо оживится въ государствѣ внутренняя торговля продуктами. Дѣло тутъ не въ отпускѣ, а въ томъ что чѣмъ больше происходитъ оборотовъ наличными деньгами, тѣмъ

больше требуется денежныхъ знаковъ и слѣдовательно тѣмъ меньше чувствуется избытокъ кредитныхъ билетовъ. Но вотъ приходитъ годъ отличающійся равномѣрностью урожая; вотъ распространяются дѣйствія банковъ принимающихъ деньги на текущій счетъ и въ качествѣ вкладовъ на сроки кратковременные. Съ одной стороны денежные разчеты между частями государства уменьшаются, вслѣдствіе того что обмѣнъ продуктовъ происходитъ въ сокращенномъ размѣрѣ; съ другой стороны наличныя деньги, благодаря развитію банковыхъ операцій, все менѣе и менѣе залеживаются въ кассахъ частныхъ людей. Можетъ ли оставаться въ силѣ прежній спросъ на денежные знаки, а при сокращеніи спроса на нихъ можетъ ли оставаться въ силѣ ихъ прежняя цѣнность, предполагая что они неразмѣнны? Въ такомъ большомъ государствѣ какъ Россія, при чрезвычайномъ непостоянствѣ нашихъ урожаевъ, при быстромъ распространеніи денежнаго хозяйства съ одной стороны и не менѣе быстромъ развитіи банковыхъ операцій съ другой, количество денежныхъ знаковъ въ коихъ нуждается наше народное хозяйство не только не можетъ быть каждый годъ одно и то же, но не можетъ не разниться на весьма крупныя цифры, то возростая, то сокращаясь. Будь кредитные билеты размѣнны, рядомъ съ ними была бы въ обращеніи золотая монета, которая свободно переходила бы за границу въ случаѣ избытка денежныхъ знаковъ (сокращенія потребности въ нихъ) и опять приливала бы изъ-за границы когда почувствовалось бы безденежье (усилилась бы потребность въ денежныхъ знакахъ для совершенія торговыхъ оборотовъ). При неразмѣнности кредитныхъ билетовъ денежный рынокъ обреченъ на нескончаемыя колебанія между явленіями, для него равно тягостными, избыткомъ денегъ и безденежьемъ.

Такое положеніе невыносимо, но какъ изъ него выйти? Не теорія, а опытъ, самый вразумительный опытъ говоритъ что начинать съ размѣна невыгодно и опасно. Первымъ шагомъ должно быть сокращеніе денежнаго обращенія. Требуется изъять тотъ избытокъ кредитныхъ билетовъ который оказывается періодически. Это изъятіе должно быть производимо въ такіе періоды когда избытокъ оказывается, то-есть когда денежные знаки дешевы и извлекать ихъ изъ обращенія удобно и выгодно. Затѣмъ, если наступитъ пора усиленнаго спроса на нихъ, не замедлитъ появиться звонкая монета. По этой части у насъ есть также опытъ весьма эффектный. Прежде говорилось обыкновенно что въ случаѣ потребности въ денежныхъ знакахъ, заграничная торговля будто бы не снабдитъ насъ звонкою монетой. Какъ ни мало вѣроятны были эти толки, но они могли еще повторяться, пока имѣли противъ себя только одну теорію наставлявшую истинѣ. Но въ недавнее время государственный банкъ сдѣлалъ опытъ — не скажемъ привлеченія звонкой монеты въ свои кладовыя — ничего особенно привлекательнаго предложено имъ не было — а единственно допущенія такихъ условій при коихъ сдѣлалось *возможнымъ* ввозить звонкую монету въ Россію, и тотчасъ же были ввезены десятки милліоновъ звонкой монеты. Послѣ этого опыта непозволительно опасаться что въ случаѣ надобности мы останемся и безъ кредитныхъ билетовъ и безъ звонкой монеты. Этого никогда не будетъ, но для того чтобы могла появиться у насъ звонкая монета, дѣйствительно требуется такое сокращеніе бумажнаго обращенія при коемъ могъ бы почувствоваться когда-нибудь недостатокъ кредитныхъ билетовъ.

Государственный банкъ сжегъ на дняхъ 3 милліона кредитныхъ билетовъ. Во исполненіе принятыхъ обязательствъ должно быть сожжено еще двѣнадцать милліоновъ. Эти двѣнадцать милліоновъ находятся въ распоряженіи банка и слѣдовательно могутъ быть извлечены изъ оборотовъ, если только будетъ признано нужнымъ. Сожженіе ихъ не поправило бы еще дѣла вполнѣ, но было бы первымъ шагомъ въ его исправленію.

№ 39.

Москва, 17-го февраля.

„Проектъ основныхъ началъ административно-полицейской реформы“ въ нашемъ отечествѣ понравился не только *Вѣсти* и *Новому Времени*, но также и берлинскимъ офиціознымъ газетамъ, которыя усматриваютъ въ этомъ проектѣ мѣры спасительной административной децентрализаціи и увѣряютъ что русская *національная демократія* (къ которой причисляемся и мы), ви-

новная въ развитіи нигилизма на русской землѣ, стоитъ за сильную централизацію. Это мы прочли за нѣсколько дней предъ симъ въ *Крестовой Газетѣ*, и сегодня встрѣтили то же самое въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Наши берлинскіе друзья, разумѣется, хорошо понимаютъ что единство государственное, централизація политическая, не имѣетъ ничего общаго со способомъ управленія губерніями или централизаціей административною. Чѣмъ бесспорнѣе національное или, что то же, государственное единство страны, тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ быть она децентрализована въ административномъ отношеніи, тѣмъ полнѣе и самостоятельнѣе можетъ развиться въ ней мѣстное самоуправленіе которое въ свою очередь не имѣетъ ничего общаго съ усиленіемъ губернаторской власти. Берлинскія газеты такъ заинтересовались проектомъ означенной реформы въ Россіи, что ради его пускаются даже на подмѣнъ понятій. Въ одинъ тонъ съ ними поютъ и оба вышеупомянутые петербургскіе органы.

Вѣсть, по своему обычаю, прикидываясь что ничего не знаетъ о содержаніи проекта, тѣмъ не менѣе весьма точно передаетъ соображенія его составителей. Въ проектѣ дѣйствительно указывалось что „преобразовательное движеніе,“ какъ выражается *Вѣсть*, „не коснулось нашей администраціи, что она не согласована вовсе съ новымъ порядкомъ дѣлъ, возникшимъ со введеніемъ земскихъ учрежденій и судебною реформой.“ Такъ судитъ *Вѣсть*. Составители проекта полагаютъ также что реформы послѣдняго десятилѣтія, устройство быта крестьянъ, земскія учрежденія и даже преобразованіе суда, „входятъ въ строй „собственно общественныхъ силъ страны, „а не составляютъ принадлежности *политическаго значенія* самаго правительства.“ Если эти слова не могутъ считаться образцомъ ясной стилистики, то слѣдующее развитіе не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно ихъ смысла. „Организація „тѣхъ силъ, въ которыхъ проявляется дѣятельность и значеніе правительства на „мѣстахъ, — тѣхъ учрежденій посредствомъ „которыхъ правительство должно сохранять за собою даже въ частныхъ дѣлахъ „свое *вершающее значеніе*, — однимъ словомъ, администрація и полиція, — до настоящаго времени едва затронуты. Преобразовавъ всѣ органы общественнаго „управленія, оставлять за тѣмъ представительство собственной своей власти на „прежнемъ основаніи значило бы лишать „дѣло совершившихся преобразованій *ко„нечнаго вѣнца*, и задерживать тѣ благіе „результаты которые были поставлены основною цѣлью всѣхъ мѣропріятій послѣдняго десятилѣтія.“

Что можетъ быть яснѣе этихъ словъ? Не станемъ говорить о томъ какимъ образомъ полиція и администрація могутъ сохранить за собою „*вершающее* значеніе“ даже въ частныхъ дѣлахъ. Отмѣчаемъ лишь то обстоятельство что какъ слова *Вѣсти*, такъ и приведенныя выписки совершенно сходствуютъ, и равно указываютъ на намѣреніе согласить положеніе администраціи съ совершившимися преобразованіями. Достигается ли, однако, эта цѣль самимъ проектомъ? Не задѣваетъ ли онъ самую сущность совершившихся реформъ, и не отсюда ли идутъ возбуждаемыя этимъ проектомъ надежды партій которымъ эти реформы ненавистны?

Вѣсть, привѣтствуя проектъ административной реформы, удостовѣряетъ что проектъ этотъ не посягаетъ „на самостоятельность общественной дѣятельности.“ Охотно вѣримъ; но въ проектѣ нѣтъ никакихъ гарантій чтобы новыя права предоставляемыя администраціи не подавили въ самомъ зачаткѣ всякую общественную самодѣятельность, все что нашими реформами призвано къ жизни. Читателямъ извѣстно что проектъ такъ-называемой административной реформы предоставляетъ губернаторамъ право издавать постановленія въ развитіе законовъ, касающихся между прочимъ и предметовъ отданныхъ въ вѣдѣніе земства. Всякій легко можетъ сообразить что изъ этого можетъ послѣдовать, и много ли останется отъ земскихъ учрежденій.

Крестьянское управленіе, по причинамъ весьма понятнымъ, устроено Положеніемъ 19-го февраля какъ управленіе сословное. Послѣдующія реформы: земская, судебная и другія отчасти измѣнили характеръ крестьянскаго управленія и связали волость съ разными административными и земскими учрежденіями. По проекту административной реформы всѣ административныя учрежденія губерніи поступаютъ подъ начальство губернатора, получающаго право личнаго участія во всѣхъ отрасляхъ управленія, право пріостановки ихъ распоряже-

ній и пр. Спрашивается, въ какихъ отношеніяхъ очутится крестьянское управленіе къ губернаторской власти? Отвѣта на эти вопросы мы не находимъ въ проектѣ административной реформы. Отношенія губернаторовъ къ крестьянскому управленію и вообще къ производству разныхъ дѣлъ въ волости обойдены проектомъ. Не имѣетъ ли это обстоятельство какой-либо связи съ другимъ, всѣмъ извѣстнымъ, проектомъ объ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ, или точнѣе объ измѣненіи ихъ служебнаго положенія? Сначала, какъ было слышно, имѣлось въ виду учредить окружныхъ администраторовъ вмѣсто мировыхъ посредниковъ, а послѣ будто бы предпочтено оставить названіе мировыхъ посредниковъ, но изъять ихъ изъ вѣдѣнія сената и обратить ихъ въ чиновниковъ состоящихъ въ полномъ распоряженіи губернатора. Была также мысль замѣнить губернскія присутствія уѣздными присутствіями, состоящими изъ предводителя дворянства, исправника и вышесказанныхъ посредниковъ-чиновниковъ. Всякій пойметъ какія послѣдствія могли бы произойдти отъ того для крестьянскаго управленія.

Судебная реформа дала право суду, при разборѣ жалобъ полиціи или администраціи на частныхъ лицъ за неисполненіе ими требованій не предустановленныхъ закономъ, взвѣшивать степень ихъ законности. Предполагается установить что „предѣлы „судебной власти относительно признанія „законности постановленій и распоряже„ній административныхъ властей при при„мѣненіи ст. 29 Уст. о наказ. налаг. мир. „суд. ограничиваются лишь правомъ удо„стовѣряться, исходятъ ли они отъ лицъ „на то уполномоченныхъ, не отмѣнены ли „подлежащимъ высшимъ начальствомъ и „распубликованы ли въ надлежащемъ по„рядкѣ въ общее свѣдѣніе.“ Само собою разумѣется что это ограниченіе отнимаетъ самую важную для обезпеченія правъ и интересовъ частныхъ лицъ гарантію; съ тѣмъ вмѣстѣ этимъ существенно нарушаются только-что установленные судебные порядки. Если губернаторамъ будетъ предоставлена власть развивать, по усмотрѣнію, законы по благоустройству и благочинію, то новое правило вносимое административною реформой сдѣлаетъ судъ простымъ исполнителемъ воли административныхъ лицъ, органомъ служебныхъ властей, а не Верховной Власти, какъ ему быть подобаетъ.

По дѣйствующимъ уставамъ судъ имѣетъ право дѣлать предостереженія, замѣчанія и выговоры полицейскимъ чинамъ за неисполненіе законныхъ требованій суда, за упущенія и безпорядки при производствѣ дознаній и слѣдствій. Это право также предполагается отнять у суда. Составители проекта говорятъ: „Главное „достоинство благоустроенной полиціи за„ключается въ быстротѣ распоряженій и „быстротѣ исполненія приказаній непо„средственнаго начальства. Требующаяся „въ этомъ отношеніи исполнительность „обезпечивается строгой служебною дис„циплиною не допускающею ни колебаній, „ни оговорокъ. Вотъ чѣмъ опредѣляется... „предоставленіе исключительно начальству, „то-есть губернатору, право наложенія „взысканій на полицейскихъ чиновниковъ. „Дабы уяснить несоотвѣтствіе на практи„кѣ предоставленія судебнымъ учрежде„ніямъ административнаго права налагать „на полицейскихъ чиновниковъ взысканія, „въ формѣ выговоровъ, замѣчаній пре„достереженій, достаточно указать ст. „1201 т. II Уст. о служ. отъ прав., по „которой три строгіе выговора влекутъ „за собою преданіе чиновника суду совер„шенно независимо отъ оцѣнки служеб„ной его дѣятельности непосредственнымъ „начальствомъ. Этимъ обстоятельствомъ „приходится объяснить и то что въ по„слѣднее время лучшіе полицейскіе чинов„ники стали оставлять этотъ родъ служ„бы и губернаторы встрѣчаютъ затрудне„ніе къ замѣщенію вакантныхъ должностей „надежными людьми.“

Строгій выговоръ есть высшая степень административнаго взысканія налагаемаго судомъ. Три строгіе выговора могутъ послѣдовать лишь за цѣлымъ рядомъ проступковъ по должности, за которые налагаются взысканія. Какимъ же образомъ губернаторская оцѣнка служебной дѣятельности столь неисправнаго полицейскаго чиновника можетъ расходиться съ мотивированною каждый разъ оцѣнкою суда? Какъ могло случиться что лучшіе полицейскіе чиновники не захотѣли быть въ зависимости отъ закона, между тѣмъ какъ они выносятъ неограниченную личную зависимость отъ своего ближайшаго начальства, и еще такъ недавно, служа по выборамъ, переносили капризы своихъ избирателей?

Положимъ, однако, что приведенныя соображенія опираются на факты неопровер-

жимые; допустимъ что полицейскому чиновнику стыдно, оскорбительно и неудобно состоять въ зависимости отъ закона. Все же однако остается въ силѣ вопросъ: какъ суду надзирать за правильнымъ производствомъ дознаній, если онъ будетъ лишенъ всякаго вліянія на полицію?

Существеннымъ принципомъ проекта такъ-называемой административной реформы поставлено согласованіе администраціи съ совершившимися преобразованіями. Какъ же помирить съ этою цѣлью столь существенныя измѣненія въ судебной реформѣ? Если судъ по слѣдственной части и по исполненію своихъ законныхъ требованій будетъ поставленъ въ зависимость отъ администраціи, если онъ явится простымъ органомъ ея въ дѣлахъ благоустройства и благочиненія, то основанія судебной реформы будутъ поколеблены и нарушены. Это далеко отъ согласованія администраціи съ новыми судебными порядками.

№ 40.

Москва, 18-го февраля.

Завтра великій праздникъ для всей русской земли. Завтра празднуется восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, полагающее новую эпоху славы въ русской исторіи; завтра съ тѣмъ вмѣстѣ годовщина одного изъ величайшихъ событій русской исторіи, которымъ ознаменовано нынѣшнее царствованіе. Девять лѣтъ тому назадъ, 19-го февраля 1861 года, Государь Императоръ подписалъ достопамятный манифестъ, положившій конецъ крѣпостному праву въ Россіи.

Теперь, въ девятую годовщину этого событія, когда оно совершило столь успѣшно и благополучно полный циклъ свой, особую цѣну пріобрѣтаютъ тѣ слова Высочайшаго манифеста въ которыхъ выразилось столь оправданное довѣріе къ патріотизму и разуму обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

„Полагаемся", было сказано въ манифестѣ, „на доблестную о благѣ общемъ „ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ „Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ что оно „добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой „хозяйственной будущности крестьянъ. „Ожидаемъ несомнѣнно что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе „къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ „мира и доброжелательства, и что каждый „владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ „всего сословія, устроивъ быть водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ „сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному „исполненію государственныхъ постановленій."

Не блистательно ли оправдались эти надежды? Кто не отдастъ справедливости русскому дворянству? Кто не оцѣнитъ совершенный имъ дѣйствительно „великій гражданскій подвигъ"? Изъ среды самого дворянства, большею частію по его собственному указанію, вышли мировые посредники первой среды, которые на плечахъ своихъ вынесли всю тяжесть исполненія великаго дѣла, олицетворивъ собою гражданское самоотверженіе цѣлаго сословія. Ихъ упрекали, и иногда не безосновательно, за пристрастіе въ пользу не дворянъ, а крестьянъ. Образъ дѣйствій русскаго помѣстнаго сословія всего лучше можетъ быть оцѣненъ при сравненіи съ тѣми интригами которыхъ крестьянская реформа была предметомъ въ западномъ краѣ, гдѣ землевладѣніе отрекается отъ русскаго характера. Во внутреннихъ губерніяхъ не было ничего похожаго на систематическое противодѣйствіе Положеніямъ 19-го февраля; помѣщики во внутреннихъ губерніяхъ не составляли, какъ это было на окраинахъ, заговора въ видахъ обойти требованія закона. Напротивъ, русское дворянство устояло отъ искушеній исходившихъ отъ малой, но вліятельной клики,—„горсти людей", какъ выразилось въ своемъ прошлогоднемъ собраніи Московское дворянство,—которая старалась, и теперь еще старается, подогрѣть своекорыстныя страсти, сама служа слѣпымъ орудіемъ враждебныхъ государству пар-

-тій. Русское дворянство не далось въ обманъ, и предохранило отъ бѣдствій наше будущее, оно спасло основу и условія правильнаго и плодотворнаго прогресса нашей гражданственности. Честь и слава ему! Доблесть его еще болѣе будетъ оцѣнена въ послѣдствіи, когда исторія раскроетъ тайныя пружины махинацій которыми такъ обильно наше время...

Не худо припомнить ходъ крестьянскаго дѣла въ другихъ государствахъ. Это лучше всего дастъ намъ почувствовать наше народное достоинство. Въ Пруссіи толки о выкупѣ тянутся уже болѣе двадцати лѣтъ, а между тѣмъ окончательное устройство крестьянъ подвинулось тамъ гораздо меньше чѣмъ у насъ за девятилѣтній срокъ. Обязательный выкупъ въ Пруссіи, установленный конституціей 1850 года, затормозенъ въ 1851 и пріостановленъ въ 1858 году впредь до изданія особаго положенія которое и по сіе время еще не выходило. Извѣстно также что благодаря чрезмѣрнымъ притязаніямъ землевладѣльцевъ въ Германіи, и отчасти въ Австріи, ни разверстаніе, ни раздѣлъ общихъ угодій не пришли еще къ концу.

Нѣтъ сомнѣнія что русское дворянство удержитъ за собою свою благотворную роль въ созиданіи нашей гражданственности. Не въ мелкомъ, а въ великомъ должно оно видѣть свои истинные интересы: таковъ смыслъ его преданій. Что касается до дальнѣйшаго хода крестьянскаго дѣла, то онъ не представляетъ ни опасностей, ни трудностей.

Можно насчитать сотни тысячъ крестьянъ получившихъ четверть надѣла въ даръ и уже давно имѣющихъ полную свободу передвиженія. Въ виду этого всѣмъ извѣстнаго факта можно ли думать что переселеніе приметъ тревожные размѣры въ средѣ крестьянъ временно-обязанныхъ, для которыхъ оно сопряжено съ исполненіемъ столькихъ разнородныхъ условій?!

„Полагаемся также и на здравый смыслъ „народа нашего“, сказано въ Манифестѣ 19-го февраля 1861 года. „Получая для „себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать „своимъ хозяйствомъ, они“ (крѣпостные люди) „становятся обязанными предъ обществомъ и предъ самими собой благотворность новаго закона дополнить вѣр„нымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ „употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ „имъ правъ. Самый благотворный законъ „не можетъ людей сдѣлать благополучны„ми, если они не потрудятся сами устро„ить свое благополучіе подъ покровитель„вомъ закона.“

Никогда „здравый смыслъ народа“ не высказывался такъ блистательно какъ въ крестьянской реформѣ совершившейся въ Россіи. Въ первое время по освобожденіи, тотчасъ послѣ крутаго перелома который совершился въ русской деревнѣ, когда крѣпостное право уже пало, но ни мировые посредники, ни сельскія власти не были еще введены въ дѣйствіе, когда крестьяне не успѣли еще ознакомиться съ своими новыми правами, — и тогда не произошло никакихъ серіозныхъ замѣшательствъ въ народѣ, несмотря на всѣ усилія злонамѣренныхъ партій. Особенныя мѣры, принятыя на всякій случай, по большей части оказались совершенно излишними. Русскій народъ удивилъ своимъ здравымъ смысломъ не только враговъ, но и друзей своихъ, которые все-таки не чаяли чтобы массы могли обнаружить такое полное самообладаніе на первыхъ порахъ свободы.

Извѣстно что злонамѣренные люди старались возбудить въ крестьянствѣ преувеличенныя ожиданія. Распускались слухи о даровомъ надѣлѣ, о новой волѣ, объ освобожденіи отъ всѣхъ повинностей. Но въ народѣ постоянно сохранялся здравый инстинктъ истины. Замѣчателенъ фактъ что весьма многіе помѣщики сѣверныхъ губерній не потребовали обязательнаго выкупа крестьянскаго надѣла: не свидѣтельствуетъ ли это самымъ убѣдительнымъ образомъ что уплата оброковъ производилась исправно, и что на крестьянъ не оказывали никакого дѣйствія „золотыя грамоты“?

Злонамѣренныя попытки встревожить общество мнимыми опасностями девятилѣтней годовщины освобожденія крестьянъ продолжались въ теченіе всего прошлаго года. Махинація была главнымъ образомъ направлена на нашу учащуюся молодежь. Думайте что хотите объ этихъ злонамѣренныхъ попыткахъ, но было бы жалкою ошибкой видѣть въ основаніи ихъ что-либо искреннее. Будемъ надѣяться что мало-по-малу дѣла наши освободятся отъ недоразумѣній и неясностей, и тѣмъ самымъ у обмана будетъ отнята почва вмѣстѣ съ надеждою на успѣхъ. Благоразу-

ніемъ дворянства и здравымъ смысломъ народа, Богъ дастъ, снова будутъ посрамлены злонамѣренные происки, къ какимъ бы изворотамъ они ни прибѣгали и какими бы личинами ни прикрывались.

№ 41.

Москва, 23-го февраля.

Если вѣрить слухамъ которые передаетъ виленскій корреспондентъ нашъ и принять къ свѣдѣнію торжествующій тонъ *Новаго времени*, то одинъ изъ самыхъ важныхъ въ настоящее время государственныхъ вопросовъ, который повидимому приближался къ окончательному разрѣшенію, отброшенъ назадъ. Мы разумѣемъ вопросъ о русскомъ языкѣ для иновѣрцевъ. Вопросъ этотъ вышелъ было на прямый путь. Правительство признало всю его важность; de facto онъ уже могъ считаться разрѣшеннымъ. Оставалось привести дѣло въ окончательную ясность, и по Высочайшему повелѣнію оно поступило на разсмотрѣніе особаго комитета составленнаго изъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Виды правительства были извѣстны, и нельзя было сомнѣваться въ свойствѣ тѣхъ заключеній къ которымъ долженъ былъ придти означенный комитетъ. Дѣйствительно, стало извѣстно что правительственный комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости снять съ русскаго языка запретъ, который лежалъ на немъ до сихъ поръ вопреки здравому смыслу и справедливости, и во вредъ государству. Но почему-то, къ сожалѣнію, объемъ и сила принятаго комитетомъ рѣшенія остаются до сихъ поръ въ глубочайшей тайнѣ. Эта таинственность даетъ польской партіи поводъ къ ухищреніямъ. Пользуясь мракомъ, она старается истолковать и повернуть дѣло въ смыслѣ для себя благопріятномъ. Она, повидимому, знаетъ все что относится къ этому вопросу который сильно интересуетъ ее, и она не только не унываетъ, но повидимому считаетъ свое дѣло выиграннымъ.

Не странно ли это? Увы! Если обнародованнымъ законамъ, въ которыхъ каждое слово съ точностью взвѣшено, не рѣдко дается на практикѣ обратный смыслъ, то чего не можетъ выйти изъ редакціи негласнаго постановленія?...

Въ прошломъ году *Новое Время* усердно поддерживало протестацію *польскихъ* епархіальныхъ властей противъ допущенія русскаго языка въ костелъ; теперь эта газета торжествуетъ побѣду. Изъ ея показаній явствуетъ что редакція постановленія къ которому пришелъ комитетъ, не только не разрѣшаетъ вопроса, но возвращаетъ его вспять...

Поскольку дѣло касается римско-католическаго вѣроисповѣданія, по словамъ *Новаго Времени*, будто бы постановлено что „*начальники* римско-католическихъ епар-„хій, усмотрѣвъ пользу введенія этой мѣ-„ры“ (дополнительнаго богослуженія на „русскомъ языкѣ), „или въ случаѣ по-„ступленія къ нимъ ходатайства отъ при-„ходскаго духовенства о *разрѣшеніи* вве-„сти русскій языкъ въ проповѣдь и до-„полнительное богослуженіе, будутъ *пред-„ставлять свои соображенія и заключенія* „по всѣмъ таковымъ ходатайствамъ въ ми-„нистерство внутреннихъ дѣлъ. Слѣдова-„тельно ясно что всякій произволъ со сто-„роны полиціи, какъ это случалось досе-„лѣ (?), или необдуманное (?) или неудо-„бопримѣнимое (?) къ данной мѣстности „желаніе отдѣльныхъ личностей изъ при-„ходскихъ ксендзовъ, *не могутъ имѣть „болѣе мѣста*.“

Если эти свѣдѣнія вѣрны, то польское дѣло, дѣйствительно, одержало блистательную побѣду. Это совершенно ясно. Запрещеніе произносить проповѣди на русскомъ языкѣ, конечно, было большимъ препятствіемъ къ отправленію дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, но въ послѣднее время это несогласное старинное распоряженіе уже не исполнялось. Напротивъ, католическіе священники сѣверозападнаго края, произносившіе проповѣди по-русски, удостоены Высочайшихъ наградъ. На отправленіе по-русски остальныхъ частей дополнительнаго богослуженія, а равно требъ, обрядовъ, приготовленія къ исповѣди и пр. не было никакого запрета. Польскій языкъ въ этихъ частяхъ богослуженія будетъ закрѣпленъ лишь теперь рѣшеніемъ комитета, если онъ дѣйствительно постановилъ что приходское духовенство лишается права употреблять русскій языкъ безъ особаго каждый разъ дозволенія епархіальнаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ, и слѣдовательно, *обязано*, даже противъ своей воли, употреблять языкъ польскій.

Принятый теперь, по свѣдѣніямъ *Новаго Времени*, порядокъ отмѣняетъ прежнія правительственныя распоряженія, и неожиданно осуждаетъ тотъ путь которому правительство въ послѣднее время слѣдовало въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1832 году, римско-католическая коллегія предписала подчиненному ей духовенству западнаго края чтобы та часть дополнительнаго богослуженія, въ которую входятъ молитвы за Царствующій Домъ, была отправляема не по-польски, а „на языкѣ употребляемомъ мѣстными прихожанами.“ Распоряженіе 1832 года было подтверждено въ 1852 году, и этими постановленіями, администрація сѣверо-западнаго края, при графѣ Барановѣ, воспользовалась чтобы дать ходъ вообще вопросу о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи у католиковъ. Тогда въ рубрицеллахъ, то-есть епархіальныхъ календаряхъ, польскій текстъ какъ помянутыхъ молитвъ, такъ и другихъ помѣщаемыхъ тамъ, былъ замѣненъ русскимъ по переводу сдѣланному самими епархіальными властями. Что же теперь дѣлать ксендзамъ? Въ рубрицеллахъ уже нѣтъ польскаго текста, а они теперь обязаны читать молитвы по-польски, пока епархіальная власть не представитъ своихъ соображеній и заключеній въ министерство внутреннихъ дѣлъ и пока не послѣдуетъ оттуда особое разрѣшеніе читать означенныя молитвы по русскому тексту.

Вскорѣ по изданіи этихъ рубрицеллъ, нѣкоторые католическіе священники стали отправлять по-русски помѣщенныя въ нихъ дополнительныя части богослуженія, а затѣмъ и все это богослуженіе. Благодаря просвѣщенному покровительству бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа, русское движеніе въ средѣ католическаго духовенства мало возрастая, и въ церквахъ состоящихъ при учебныхъ заведеніяхъ польскій языкъ все болѣе и болѣе уступалъ мѣсто русскому. Это имѣло особенную важность въ виду того что еще съ конца сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе инціативы нынѣ царствующаго Государя Императора, сперва въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ и во всѣхъ училищахъ, было введено преподаваніе католическаго закона Божія на русскомъ языкѣ. *Новое Время* дѣлаетъ фальшивое показаніе, говоря о какомъ-то произволѣ и вмѣшательствѣ полиціи въ это дѣло. Ничего подобнаго не было, и католическій молебенъ отправленный впервые по русски въ Лепельскомъ костелѣ (Витебской губерніи) не только не былъ послѣдствіемъ поощреній мѣстной администраціи, но даже подалъ поводъ къ неодобрительнымъ съ ея стороны отзывамъ въ представленіяхъ высшему начальству о поступкѣ священника. Виленскій генералъ-губернаторъ счелъ тогда долгомъ благодарить лепельскаго священника, и вскорѣ затѣмъ правительство роздало награды почти всѣмъ священникамъ отправлявшимъ богослуженіе на русскомъ языкѣ. Какимъ же образомъ правительство могло бы признать „незрѣло обдуманными“ и „неудобоприменимыми“ тѣ самыя дѣйствія за которыя оно награждало за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ?

Взглядъ котораго держались тогда былъ совершенно правильный. Онъ равнялся полному разрѣшенію отправлять богослуженіе по-русски для всѣхъ приходовъ, безъ всякихъ формальностей и проволочекъ, которыя часто бываютъ равносильны запрещенію. Теперь когда особый комитетъ состоявшій изъ высшихъ правительственныхъ лицъ признаетъ государственную важность дѣла, слѣдовало ожидать что оно получитъ еще большее развитіе на практикѣ. Для чего же вводятся теперь эти четыре инстанціи: формальное заявленіе прихожанъ, представленіе приходскаго начальства, представленіе епархіальной власти и разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ? Можно думать что католики высшихъ классовъ, паны, шляхта, городскіе обыватели, не станутъ утруждать правительство заявленіями о богослуженіи на русскомъ языкѣ. Большинство же мѣстныхъ католиковъ, крестьяне, вообще не привыкли обращаться къ правительству съ ходатайствами. Да и какъ представить себѣ что кто-нибудь изъ крестьянъ до такой степени проникнется вопросомъ и такъ воспламенится русскимъ патріотизмомъ, что примется хлопотать между своими односельчанами о введеніи русскаго языка въ костелъ, даже рискуя нажить себѣ непріятностей и пожалуй попасть въ бѣду какъ вредный агитаторъ? Откуда же ожидать формальныхъ заявленій?

Въ случаѣ же гдѣ могутъ послѣдовать подобныя формальныя заявленія, дѣло тѣмъ не менѣе будетъ затруднено безъ всякой надобности. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при нѣкоторыхъ гимназіяхъ запад-

наго края, приготовленіе къ исповѣди совершалось по-русски, сперва въ стѣнахъ училища, потомъ въ церквахъ. Теперь законоучители народныхъ училищъ должны будутъ испрашивать разрѣшенія на то изъ епархіальнаго города и Петербурга. Русскій католикъ захочетъ, напримѣръ, вѣнчаться по-русскому тексту ритуала, а вслѣдствіе якобы устанавливаемыхъ новыхъ правилъ придется просить разрѣшенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ. То же самое будетъ и при крещеніи Безъ особаго разрѣшенія епархіальной власти и министра католическій священникъ не можетъ обращаться къ участвующимъ въ таинствѣ иначе какъ на польскомъ языкѣ, хотя бы онъ былъ вовсе не понятенъ для этихъ лицъ. Извѣстно что до сихъ поръ въ сельскихъ костелахъ, какъ при обрядахъ, такъ и въ проповѣди, ксендзы бѣлорусскихъ приходовъ часто должны были прибѣгать къ помощи русскаго языка по крайней мѣрѣ по мѣстному нарѣчію.

Вопросъ о положеніи римско-католическаго исповѣданія въ Россіи, если вѣрить извѣстіямъ *Новаго Времени*, отдается теперь вполнѣ въ руки польской партіи. Безъ представленій и ходатайства епископа ни въ одномъ костелѣ не можетъ быть отправлено никакой службы по-русски. Не видно также чтобы на высшее католическое духовенство возлагалась обязанность принимать дѣйствительныя мѣры къ освобожденію римско-католическихъ церковныхъ учрежденій, допускаемыхъ и признаваемыхъ нашимъ закономъ, отъ польскаго элемента, нашими законами не признаваемаго и не имѣющаго мѣста ни въ школѣ, ни въ судахъ, ни въ администраціи. Нѣтъ сомнѣнія что государство имѣетъ полное право требовать чтобы допускаемыя и содержимыя имъ религіозныя учрежденія перестали быть учрежденіями политическими, и сами озаботились принятіемъ необходимыхъ для того мѣръ. Государство можетъ отнять признаніе закона у учрежденій, которыя будутъ упорствовать въ удержаніи антигосударственнаго характера и будутъ продолжать служить органомъ стремленій враждебныхъ государству. Но порядокъ о которомъ съ торжествомъ возвѣщаетъ *Новое Время*, не только не налагаетъ на католическое духовенство обязанности способствовать освобожденію своей церкви отъ примѣси національнаго начала, не имѣющаго въ Россіи почвы и не признаваемаго ея законами,—но даже стѣсняетъ ту свободу русскаго движенія въ средѣ католическаго духовенства, которая фактически была предоставлена ему въ прошломъ году.

Теперешній составъ высшаго католическаго духовенства подаетъ весьма мало надежды на успѣшный ходъ дѣла. За немногими исключеніями католическія епархіи управляются теперь лицами не расположенными къ денаціонализаціи своей церкви. Житомирскій епископъ извѣстенъ своимъ противодѣйствіемъ замѣнѣ польскаго языка русскимъ не только въ церкви, но и въ школѣ. Самогитскій епископъ, такъ много хлопотавшій о водвореніи польскаго языка на Жмуди, смотритъ совершенно иначе на употребленіе языка русскаго, хотя въ русскихъ народныхъ школахъ, содержимыхъ правительствомъ, обучается нѣсколько тысячъ жмудскихъ дѣтей. Вышеупомянутый іерархъ, какъ разъ во время занятій правительственнаго комитета, заявилъ свое нерасположеніе ко введенію русскаго языка. По свѣдѣніямъ *Голоса*, въ ковенскомъ епархіальномъ календарѣ на текущій годъ пропущены русскія молитвы, такъ что во всей Самогитской епархіи дополнительное богослуженіе вовсе не можетъ совершаться по-русски. *Голосъ* сообщаетъ также что ковенское епархіальное начальство преслѣдуетъ ксендзовъ своей епархіи отправлявшихъ въ прошломъ году дополнительное богослуженіе по-русски, а двоихъ изъ нихъ, Рубшу и Рубашевича, недавно удостоенныхъ Высочайшей награды, епархіальная власть заключила, или грозится заключить, въ Кретингенскій монастырь. Въ *Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* мы находимъ новое офиціальное свидѣтельство о настроеніи епархіальныхъ начальниковъ. Извѣстно что римско-католическія семинаріи находятся въ полной зависимости отъ епархіальныхъ властей. Такъ было по конкордату 1846 (п. XXII), а съ упраздненіемъ конкордата эта зависимость еще усилилась. Извѣстно что въ прошломъ году правительство признало необходимымъ усилить русское преподаваніе въ семинаріяхъ, и постановило что ни одинъ клирикъ не можетъ быть допущенъ до постановленія во священство безъ экзамена въ русскомъ языкѣ, русской исторіи и географіи. Прошелъ годъ,—и что же оказывается изъ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ? Обученіе *русскимъ предметамъ* не только

не усилено въ семинаріяхъ, что находится вполнѣ во власти епархіальнаго начальства, но даже и установленный экзаменъ не производится, подъ тѣмъ предлогомъ что одни предметы преподаются въ низшемъ классѣ семинаріи, другіе же предполагаются пройденными до вступленія въ семинарію, — такъ что правительство нашлось вынужденнымъ повторить свое требованіе относительно экзамена. Если желать прекращенія теперешняго двусмысленнаго и столь вреднаго положенія католицизма у насъ, то необходимо озаботиться чтобы какъ церкви, такъ и епархіальныя семинаріи не были національными польскими учрежденіями.

Начавшееся въ прошломъ году, въ размѣрахъ весьма значительныхъ, русское движеніе въ средѣ католическаго духовенства теперь вовсе остановилось. За послѣдніе мѣсяцы мы въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* уже не встрѣчаемъ извѣстій о томъ что такой-то католическій священникъ сталъ отправлять дополнительное богослуженіе по-русски. Напротивъ, какъ упомянуто выше, приходятъ извѣстія о преслѣдованіяхъ которымъ подвергаются ксендзы рѣшившіеся отказаться отъ польщизны. Правда, въ Виленской епархіи мѣстное духовенство цѣлыми деканатами подаетъ адресы въ которыхъ свидѣтельствуетъ о своей преданности Престолу и Россіи. Но заявленія эти, какъ бы ни были они искренни, пока еще не сопровождаются соотвѣтственными актами...

№ 42.

Москва, 24-го февраля.

Какъ идетъ теперь крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, которое было въ прошломъ году предметомъ всеобщаго вниманія? Ходъ этого дѣла долженъ быть извѣстенъ теперь во всѣхъ подробностяхъ, ибо губернскимъ присутствіямъ въ сѣверо-западномъ краѣ предписано публиковать всѣ ихъ постановленія.

Дѣйствительно, въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* возобновилось, такъ часто прерывавшееся прежде, печатаніе журналовъ присутствія, и теперь они публикуются довольно послѣдовательно. Въ приложеніи къ *Ковенскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* также помѣщается не мало журналовъ присутствія; но въ *Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* замѣчаются значительные пропуски въ публикаціи постановленій присутствія, а въ *Минскихъ Вѣдомостяхъ* и вовсе нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности мѣстнаго присутствія, и это тѣмъ болѣе жалко что изъ губерній сѣверо-западнаго края Минская всѣхъ болѣе отстала въ ходѣ крестьянскаго дѣла.

Какія же особенно замѣчательныя свѣдѣнія находимъ мы въ опубликованныхъ постановленіяхъ присутствій?

Самое важное свѣдѣніе мы находимъ въ журналѣ Виленскаго губернскаго присутствія отъ 3-го января 1870 (см. № 3 *Вил. Губ. Вѣд.*). Здѣсь приводится предложеніе генералъ-губернатора, въ которомъ изложено разъяснительное отношеніе къ нему министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о сервитутахъ. Генералъ-губернаторъ предписываетъ присутствію принять въ руководство новыя указанія министра, и присутствіе постановляетъ разослать министерское отношеніе по мировымъ съѣздамъ и посредникамъ.

Вопросъ разрѣшаемый отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ не есть, впрочемъ, что-либо новое. Этотъ самый вопросъ былъ предметомъ извѣстнаго представленія виленскаго генералъ-губернатора, которое послѣдовало почти тотчасъ по обнародованіи Положенія 26-го марта. Виленское управленіе, какъ всѣмъ памятно, спрашивало министерство, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ когда сервитуты предоставлены крестьянамъ, послѣ составленія выкупнаго акта, по особымъ постановленіямъ которыя частію уже приведены въ исполненіе? При этомъ генералъ-губернаторъ полагалъ, что сервитуты даны крестьянамъ въ силу циркуляра графа Муравьева отъ 1-го іюля 1864 г.

Земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, соглашаясь съ генералъ-губернаторомъ въ томъ, что сервитуты предоставлены крестьянамъ циркуляромъ графа Муравьева, отвѣчалъ:

„что при отсутствіи какого-либо новаго правила, въ настоящемъ дѣлѣ слѣдуетъ руководствоваться существующими законоположеніями, въ силу которыхъ послѣ окончательнаго объявленія выкупнаго акта заинтересованнымъ сторонамъ, а тѣмъ болѣе послѣ утвержденія акта, отъ нихъ не можетъ быть принимаемо новыхъ заявленій, касающихся поземельныхъ ихъ отношеній, равно какъ и вновь [illegible] за

тѣмъ распоряженіе, относительно обоюдныхъ ихъ правъ на земельныя угодья, не можетъ имѣть обратной силы на дѣйствія, ему предшествовавшія. По этому циркуляръ графа Муравьева отъ 1-го іюля 1864 года, коимъ предоставляется крестьянамъ право пастьбы въ помѣщичьихъ лѣсахъ, не можетъ быть примѣняемъ къ тѣмъ имѣніямъ въ коихъ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ уже окончательно опредѣлены вошедшими въ законную силу выкупными актами Затѣмъ если ваше превосходительство признаете необходимымъ, къ виду исключительныхъ мѣстныхъ условій, распространить дѣйствіе циркуляра графа Муравьева на какія-либо изъ тѣхъ имѣній въ которыхъ онъ не имѣлъ примѣненія, какъ изданный послѣ окончанія въ нихъ повѣрочныхъ дѣйствій, то отъ васъ зависитъ испросить въ сихъ случаяхъ особое разрѣшеніе." (Отн. отъ 30-го мая 1869 за № 5510).

Мы сочли долгомъ обратить тогда вниманіе на возникшій такимъ образомъ вопросъ.

Мы припомнили что сервитуты нельзя производить изъ циркуляра графа Муравьева, когда въ Положеніи 26-го марта сказано ясно:

Ст. IV. Право пастьбы на земляхъ и лѣсахъ помѣщиковъ (сервитутъ) утверждено за крестьянами въ силу статьи 8 Мѣстнаго Положенія 19-го февраля 1861 и статьи 1 указа 1-го марта 1863 года.

Затѣмъ наша рѣчь шла о томъ, что пункты 2 и 3 статьи I Положенія 26-го марта закрѣпили за крестьянами ихъ фактическое, дѣйствительное владѣніе, а слѣдовательно и сервитуты, безъ тѣхъ ограниченій которыя можно было бы выводить изъ срока изданія циркуляра графа Муравьева.

Высказанныя нами соображенія подверглись ожесточеннѣйшимъ нападкамъ въ органѣ такъ-называемой консервативной партіи, *Вѣсти*. Эта почтенная газета увѣряла что мы будто бы дѣлаемъ подлогъ объясняя дѣйствительное владѣніе, укрѣпленное за крестьянами Положеніемъ 26-го марта, въ смыслѣ наличнаго, фактическаго. По утвержденію нашихъ противниковъ, Положеніе 26-го марта, подъ именемъ дѣйствительнаго владѣнія, закрѣпило за крестьянами лишь владѣніе по актамъ. Еще сильнѣе укоряла насъ *Вѣсть* за то что мы признаемъ въ сервитутахъ *владѣніе*, а не видимъ въ нихъ только *пользованія*. Вопреки столь ясному, приведенному выше указанію сдѣланному въ законодательномъ актѣ на источникъ крестьянскихъ правъ по сервитутамъ, *Вѣсть* старалась если не опровергнуть насъ, то хоть запутать дѣло хитрыми натяжками и уловками

Въ упомянутомъ выше новомъ указаніи министра внутреннихъ дѣлъ рѣчь идетъ именно о смыслѣ прежняго министерскаго отношенія. Что же мы читаемъ? Въ своемъ новомъ разъясненіи министръ внутреннихъ дѣлъ называетъ дѣйствительное владѣніе крестьянъ, данное имъ закономъ 26-го марта, именно владѣніемъ *фактическимъ*. Что скажетъ теперь *Вѣсть*, принимавшая на себя роль истолковательницы мнѣній земскаго отдѣла министерства? Затѣмъ министръ указываетъ что вопросы о сервитутахъ состоящихъ въ фактическомъ владѣніи крестьянъ, но пропущенныхъ въ выкупныхъ актахъ, должны рѣшаться на основаніи пунктовъ 2 и 3 статьи I Положенія 26-го марта. Это значитъ что сервитуты признаются не только пользованіемъ, но составною частью владѣнія крестьянъ. Это значитъ также, что источникомъ права на сервитутъ признается не циркуляръ графа Муравьева, а Мѣстное Положеніе, ибо упомянутая статья предписываетъ рѣшать споры о законности владѣнія на основаніи Мѣстнаго Положенія и послѣдующихъ Высочайшихъ указовъ, а отнюдь не циркуляровъ графа Муравьева.

Приводимъ подлинныя слова новаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ. Поводомъ къ отношенію послужилъ одинъ частный случай въ которомъ крестьяне владѣли безо всякаго постановленія повѣрочной коммиссіи или мироваго посредника сервитутомъ пропущеннымъ въ выкупномъ актѣ. Вотъ что указываетъ министръ:

„Разъясненіе министерства отъ 30 мая сего года за № 5510 не можетъ касаться настоящаго частнаго случая по имѣнію гг. Кобылинскихъ, гдѣ пастьбищный сервитутъ не включенъ въ выкупной актъ, но находится въ *фактическомъ* пользованіи крестьянъ. Случай этотъ какъ составляющій *несходность выкупнаго акта съ дѣйствительнымъ владѣніемъ крестьянъ* прямо подходитъ подъ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 26-го марта сего года правилъ, и долженъ быть направленъ въ порядкѣ указанномъ въ п. 2 ст. I означен-

ныхъ правилъ; а жалоба владѣльцевъ на незаконность пользованія крестьянъ подлежитъ разбору на точномъ основаніи п. 3 ст. I тѣхъ же правилъ."

Этимъ указаніемъ вполнѣ разрѣшается вопросъ о сервитутахъ пропущенныхъ въ выкупныхъ актахъ. Всѣ сервитуты, которыми крестьяне владѣютъ теперь въ силу 3 статьи Мѣстнаго Положенія, хотя бы даже по онымъ не было сдѣлано дополнительныхъ постановленій, останутся за крестьянами. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда въ теперешнемъ владѣніи крестьянъ не окажется слѣдующаго имъ по закону сервитута, вопросъ рѣшается безобидно для нихъ. Положеніе 26-го марта даетъ право обжаловать составъ дѣйствительнаго владѣнія, и разумѣется предоставляетъ это право обѣимъ сторонамъ. По пункту 3 статьи I, такія жалобы рѣшаются въ порядкѣ дѣлъ спорныхъ, и могутъ быть возводимы на разсмотрѣніе главнаго комитета.

Итакъ, недоумѣнія возникшія въ прошломъ году относительно крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ устранены теперь во всемъ ихъ объемѣ. Высочайшее повелѣніе 19-го ноября указало путь какимъ неуклонно должна идти реформа; новое отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го минувшаго декабря выводитъ на этотъ путь и вопросъ о сервитутахъ.

Истинные виды правительства должны быть теперь вполнѣ ясны для исполнителей. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ теперешнихъ крестьянскихъ учрежденій въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ строгой законности въ дѣйствіяхъ, что параллельно съ разсмотрѣніемъ возникшихъ недоумѣній въ высшихъ правительственныхъ сферахъ происходили въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ громадныя перемѣны въ персоналѣ губернскихъ присутствій, которымъ принадлежитъ ближайшее руководство въ дѣлѣ исполненія реформы. Никакой законъ не достигнетъ своей цѣли, если исполнители не будутъ сочувствовать ему и искренно радѣть его правильному примѣненію.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія доходящія съ мѣстъ не соотвѣтствуютъ этимъ ожиданіямъ. Изъ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* мы узнаемъ нѣсколько фактовъ поразительныхъ. Слонимскому мировому съѣзду пришлось разбирать нѣкоторые вопросы по исправленію выкупныхъ актовъ деревень Ворониловичи и Клепачи, и вотъ съѣздъ открываетъ экстренное засѣданіе въ Рожанскомъ волостномъ правленіи; по заявленіямъ помѣщика Чудовскаго, начинаетъ онъ разбирать дѣла не подлежащія прямому вѣдѣнію съѣзда, и отказываетъ крестьянамъ въ правахъ на сервитутъ, озеро и часть лѣса. Губернское присутствіе было принуждено отмѣнить эти рѣшенія съѣзда и указать что подобныя дѣла могутъ быть рѣшаемы „лишь на основаніи Положенія 26-го марта," о которомъ съѣздъ забылъ. При исправленіи выкупныхъ актовъ по имѣніямъ Горностаевичи и Богуденки, Волковыскій мировой съѣздъ отбираетъ у крестьянъ два лѣсные участка не приводя на то достаточныхъ основаній, и вопреки закону 26-го марта перемѣняетъ надѣлъ отведенный обезземеленнымъ, причемъ, по словамъ крестьянъ, не только дается имъ дурная земля, но еще отнимаются сѣнокосы. Вопреки протесту прокурора, губернское присутствіе, въ свою очередь, распространяетъ указанія министерства, данныя по одному имѣнію помѣщика Толочки на другія его имѣнія, пользуясь неясностью въ редакціи означенныхъ указаній. Въ имѣніи помѣщика Щеміота, Пружанскій мировой съѣздъ отбираетъ у крестьянъ сѣнокосъ и лѣсной участокъ, и лишаетъ земли двухъ крестьянъ получившихъ надѣлъ (что запрещено Положеніемъ 26-го марта). Великодушный помѣщикъ не захотѣлъ однако воспользоваться благоволеніемъ съѣзда, и отдалъ обезземеленнымъ предоставленную имъ по закону землю. Губернское присутствіе признаетъ дѣйствія съѣзда правильными, но два члена возстали наконецъ противъ нарушенія закона и протестовали отдѣльнымъ мнѣніемъ. Вотъ что говорятъ они въ своемъ мнѣніи:

„Для исполненія замѣчаній совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Пружанскій мировой съѣздъ производилъ разслѣдованіе не въ присутствіи крестьянъ, какъ требуется Высочайше утвержденными правилами 9-го апрѣля 1863 года о порядкѣ дѣйств. пов. ком., а лишь двухъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ, что подтверждается приговорами крестьянъ отъ 1-го октября 1869 года и подписями на постановленіи съѣзда; слѣдовательно этимъ дѣйствіемъ съѣзда нарушенъ порядокъ производства выкупныхъ дѣлъ: крестьяне лишены

были права лично защищать свое дѣло и самое дѣло не могло быть разъяснено съ такою положительностью какъ еслибъ участвовали сами крестьяне.

Относительно обезземеленныхъ тѣ же два члена присутствія замѣчаютъ:

„Мировой съѣздъ, не обращая вниманія что крестьяне Левковичъ и Олиферчиковъ владѣютъ участками съ 1864 года и что, на основаніи 1 п. II отд. Положенія, подобные участки должны оставаться во владѣніи крестьянъ, дозволилъ себѣ отнять у означенныхъ крестьянъ участки и лишь по окончаніи дѣйствій, съ согласія помѣщика, возвратилъ имъ участки, но при этомъ, по требованію помѣщика, замѣнилъ часть находившейся въ ихъ владѣніи земли, допустивъ чрезъ это чрезполосіе въ надѣлѣ батраковъ. Подобное дѣйствіе мироваго съѣзда произвольно, и въ виду Положенія 26-го марта 1869 года ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено. Мировой съѣздъ обязанъ возвратить участокъ крестьянамъ Левковичу и Олиферчику не вслѣдствіе согласія на то помѣщика, а въ силу закона, и замѣнъ части земель можетъ быть допущенъ не по требованію помѣщика, а по обоюдному согласію сторонъ, при соблюденіи правилъ постановленныхъ въ III отд. Положенія.

Мы не распространяемся о прочихъ неправильностяхъ раскрытыхъ обоими членами. Замѣтимъ только, что присутствіе тѣмъ менѣе могло признавать дѣйствія Пружанскаго съѣзда правильными, что подобный же вопросъ объ обезземеленныхъ въ прошломъ году восходилъ на рѣшеніе земскаго отдѣла, которое лишь мѣсяца за два передъ тѣмъ дало указанія тождественныя по смыслу съ отдѣльнымъ мнѣніемъ обоихъ протестовавшихъ членовъ.

Петербургская *консерватиеная* партія, вѣроятно, скажетъ что оба члена Гродненскаго губернскаго присутствія, отдѣлившіеся отъ большинства, дѣйствовали какъ люди партіи и принадлежатъ къ числу тѣхъ служащихъ Русскихъ, о необходимости удаленія которыхъ столько кричали польскія газеты издаваемыя по-русски. Дѣйствительно, эти два члена не принадлежатъ къ числу новыхъ дѣятелей: это, вопервыхъ, членъ отъ министерства финансовъ, М. П. Витковскій, и управляющій Гродненскою казенною палатой, князь А. В. Оболенскій. Не скажутъ ли органы петербургской *консервативной* партіи, что и заявленіе князя Оболенскаго есть голосъ изъ враждебнаго лагеря?

№ 43.

Москва, 25-го февраля.

А.

Сегодня предано землѣ тѣло одного изъ ветерановъ двѣнадцатаго года и одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей послѣдняго царствованія, Дмитрія Гавриловича Бибикова. Его память, конечно, подвергнется разнообразнымъ сужденіямъ и оцѣнкамъ. Но какой критерій будетъ положенъ въ основаніе этихъ оцѣнокъ? Человѣкъ управлявшій въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, съ обширными полномочіями, краемъ равнымъ по пространству иному государству, естественно не могъ не возбудить страстей въ ту или другую сторону. Но дѣло не въ томъ. Мы опасаемся что покойнаго вздумаютъ судить на основаніи нейдущихъ къ дѣлу мѣрокъ, что начнутъ освѣдомляться *либераленъ* ли былъ Бибиковъ или *нелибераленъ*?. Этими двумя словами нерѣдко исчерпываются у насъ сужденія какъ о людяхъ, такъ и о дѣлахъ. Способъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ, конечно, весьма легкій, но, надо признаться, крайне не надежный

Такіе приговоры шатки именно у насъ, гдѣ политическія идеи такъ не зрѣлы, гдѣ такъ спутаны понятія и такъ не твердо установились самыя основанія общественныхъ вопросовъ. Былъ ли покойный Бибиковъ человѣкомъ либеральнымъ или нѣтъ?—Но въ отношеніи къ кому? спросили бы мы въ отвѣтъ на подобный вопросъ. Въ глазахъ русскихъ крестьянъ юго-западнаго края онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ генералъ-губернаторовъ, а въ глазахъ польскихъ помѣщиковъ того же края—однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ. А между тѣмъ, мы полагаемъ, никто не назоветъ покойнаго Бибикова демократомъ. Вся жизнь его протекла въ кругу людей высшаго общества къ которому онъ принадлежалъ; а какъ человѣкъ обладавшій весьма значительнымъ состояніемъ, онъ не можетъ быть заподозрѣнъ во враждѣ къ помѣстному дворянству. И однакоже, получивъ въ управленіе край, гдѣ сталкивались интересы крупнаго зем-

левладѣнія, но не русскаго, съ интересами русскаго крестьянства, онъ не колебался ни минуты и подчинилъ національному чувству естественное, впрочемъ, въ человѣкѣ расположеніе къ своимъ ровнямъ по воспитанію, по образу жизни, по общественнымъ отношеніямъ. Мы желали бы знать, либерально ли это по мнѣнію нашихъ аристократическихъ и демократическихъ органовъ?

Въ странахъ которыя давно живутъ политическою жизнію, выработались и соотвѣтствующія ей отношенія. Подъ словомъ вигъ или тори, либералъ или консервативъ, подразумѣвается опредѣленная, всѣмъ понятная политическая категорія; также и во Франціи всякій знаетъ что значитъ бонапартистъ, орлеанистъ, клерикалъ, непримиримый и т. п.; но что значатъ наши либералы и наши *консерваторы*? По правдѣ, у насъ имѣются только двѣ категоріи или, пожалуй, двѣ партіи: люди умные и неумные. Бибиковъ былъ изъ партіи умныхъ, ибо, вступая въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, онъ имѣлъ въ виду ясно сознанную цѣль, и въ продолженіе четырнадцати лѣтъ стремился къ ней неуклонно, тогда какъ нѣкоторые другіе генералъ-губернаторы провозглашали тѣ же принципы что и онъ, а работали въ діаметрально противномъ смыслѣ. Всю продолжительную и неустанную дѣятельность Бибикова можно подвести подъ слѣдующія двѣ категоріи: 1) мѣры къ ослабленію польскаго элемента, и 2) мѣры къ поднятію мѣстнаго природнаго русскаго населенія, какъ единственной благонадежной въ краѣ силы. Программа несложная и даже не оригинальная, ибо какой представитель правительственной власти въ западныхъ губерніяхъ не считаетъ себя обязаннымъ противодѣйствовать бунтовщикамъ и заговорщикамъ? Но не много было такихъ, у кого эти немногосложныя начала развились бы въ такую стройную и полную систему какъ въ умѣ Бибикова и чья твердая воля такъ неуклонно приводила бы ихъ въ исполненіе.

Съ мыслію дать отпоръ заговорамъ польскихъ агитаторовъ и поднять русское населеніе Бибиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Осмотрѣвшись, онъ приступилъ къ принятію цѣлаго ряда мѣръ, которыя должны были обратить въ дѣло отвлеченную идею. Одною изъ этихъ мѣръ было удаленіе чиновниковъ которые признавали себя Поляками и замѣщеніе ихъ благонадежными Русскими. Въ короткое время весь персоналъ полиціи и учебнаго вѣдомства былъ очищенъ отъ людей считавшихъ не Россію своимъ отечествомъ. Вліяніе мѣстнаго дворянства на общественное управленіе было ослаблено отнятіемъ у него права выбирать изъ своей среды судей и исправниковъ. Затѣмъ Бибиковъ увидѣлъ необходимость измѣнить характеръ крупнаго мѣстнаго землевладѣнія привлеченіемъ въ его среду русскаго элемента, ибо, доносилъ онъ Государю, „ничто такъ вѣрно и рѣ„шительно не можетъ отразить вліяніе поль„ское и положить ему надлежащія грани„цы въ юго-западныхъ губерніяхъ, какъ „введеніе въ край русскихъ дворянъ въ „возможно значительнѣйшемъ числѣ.“ Онъ предполагалъ съ этою цѣлію раздѣлять казенныя имѣнія Русскимъ, и преимущественно служившимъ въ краѣ, съ тѣмъ чтобъ эти имѣнія ни въ какомъ случаѣ не превышали 1500 душъ и чтобы владѣльцы ихъ были непремѣнно семейные люди и обязались ни продавать, ни раздроблять, ни закладывать, въ продолженіи 60 лѣтъ, пожалованныя имъ имѣнія. Далѣе, замѣчая что казенныя имѣнія отдаются въ аренду и что ихъ снимаютъ, разумѣется, мѣстныя шляхтичи, съ правомъ требовать отъ крестьянъ барщины, Бибиковъ возсталъ самымъ энергическимъ образомъ противъ этого особаго вида закрѣпощенія, и настаивалъ на томъ чтобы казна имѣла дѣло непосредственно съ крестьянами. „Весьма можетъ быть,“ писалъ онъ въ отвѣтъ на возраженія приходившія изъ Петербурга, что „казна и понесетъ нѣкоторый убы„токъ отъ недоимокъ; не отрицаю что не„льзя теперь же въ точности соразмѣрить „оброчной повинности съ земельныхъ на„дѣловъ, но нѣтъ иного средства немед„ленно улучшить хозяйственный бытъ кре„стьянъ, поднять ихъ духъ и оправдать „угасающія надежды на правительство.“ Наконецъ Бибиковъ приступилъ къ огражденію русскаго крѣпостнаго крестьянина отъ самовластнаго господства надъ нимъ польскаго пана, и придумалъ знаменитую систему инвентарей.

Вотъ цѣлый рядъ мѣръ выдвинутыхъ инидіативой Бибикова. Но мы назвали только важнѣйшія, а каждый день открывалъ этому ясному уму, вооруженному энергическою волей, новыя потребности которыя надо было удовлетворить, или новыя неурядицы

которыя надлежало устранить. Такъ напримѣръ, въ тридцатыхъ годахъ, вслѣдъ за подавленіемъ мятежа, открыта была въ юго-западномъ краѣ „секція," или контора Варшавскаго польскаго банка. Въ короткое время это учрежденіе привлекло къ себѣ всѣ польскіе капиталы въ краѣ, вытѣснило изъ обращенія русскія кредитныя бумаги, поглотило звонкую монету и наполнило край польскими облигаціями. Большое количество капиталовъ не только свободныхъ, но даже занимаемыхъ подъ залогъ имѣній въ русскихъ банкахъ, потекло на усиленіе оборотовъ Варшавскаго банка или же направилось въ иностранныя банковыя учрежденія. Весьма вѣроятно что бóльшая часть этихъ суммъ шла на поддержку польской эмиграціи; но кромѣ того, помѣщеніе въ Варшавѣ капиталовъ юго-западнаго края установляло экономическую связь между этимъ краемъ и Царствомъ Польскимъ, которой не могъ содѣйствовать умный русскій администраторъ, и Бибиковъ закрылъ „секцію" польскаго банка въ Кіевѣ и замѣнилъ ее конторою русскаго государственнаго банка. На такія мѣры, повторяемъ, ежедневно наводило Бибикова внимательное и проницательное изученіе ввѣреннаго его управленію края. Такъ, замѣтивъ что Поляки выкрадываютъ для особыхъ цѣлей старинныя дѣла изъ архивовъ бывшихъ православныхъ церквей и низшихъ присутственныхъ мѣстъ, онъ извлекъ эти дѣла изъ ненадежныхъ хранилищъ и устроилъ центральный архивъ для всего края. Такъ онъ исходатайствовалъ средства на изданіе древнихъ актовъ, неопровергаемо доказывающихъ принадлежность этого края русскому народу. Такъ онъ установилъ строгую повѣрку правъ шляхтичей на дворянство.

Бибиковъ дѣйствовалъ по плану который онъ ясно сознавалъ и съ которымъ соображалъ всѣ подробности своихъ распоряженій. Въ его дѣйствіяхъ была послѣдовательность и единство. Но мы не должны забывать что Бибиковъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ какими располагаютъ государственные люди въ настоящее время. Онъ не опирался на великія реформы которыя пересоздали Россію въ нынѣшнее царствованіе; за нимъ была безмолвная пустыня, посреди которой дѣйствовала только громадная бюрократическая машина. Народъ былъ обложенъ крѣпостнымъ правомъ, русскаго общественнаго мнѣнія не было, не могло быть и истинно-національной политики. Самый вопросъ въ виду котораго дѣйствовалъ Бибиковъ на своемъ кіевскомъ посту не могъ быть поднятъ во всей его силѣ и истинѣ. Тогдашнія мѣры могли быть только палліативныя и поверхностныя. Какая разница въ условіяхъ для нынѣшнихъ государственныхъ дѣятелей призываемыхъ къ исполненію задачъ національной программы въ которыхъ для Россіи заключается весь вопросъ ея будущаго!

Б.

Виленскій Вѣстникъ принесъ намъ въ высшей степени интересныя извѣстія о торжествѣ которымъ ознаменовался въ Вильнѣ великій день 19-го февраля. Этотъ праздникъ, или лучше сказать часть его относившаяся къ крестьянамъ, дѣйствительно выходитъ изъ ряда обычныхъ торжествъ. По словамъ виленской оффиціальной газеты крестьяне были на этомъ праздникѣ предметомъ „неслыханнаго вниманія высшаго начальства." Истинное значеніе этого вниманія виленская газета опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такія событія, „какъ обѣдъ крестьянъ, *послѣ цѣлаго* „*ряда мѣръ принятыхъ къ улучшенію ихъ* „*быта*, должны производить глубокое впе„чатлѣніе; мы убѣждены что такое собы„тіе есть *цѣлая побѣда* въ дѣлѣ обрусѣнія „края."

Далѣе *Виленскій Вѣстникъ* выражается еще яснѣе говоря о сочувствіи „къ пра„вильному разрѣшенію въ *настоящее время* „крестьянскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ."

И дѣйствительно, счастливое разрѣшеніе недоумѣній замедлявшихъ и затруднявшихъ ходъ крестьянской реформы въ краѣ опредѣлило всѣ подробности празднества. Вопреки всѣмъ затрудненіямъ, вопреки всѣмъ клеветамъ которыми лже-консервативная партія осыпала западно-русскій народъ, правительство не колебалось въ принятіи мѣръ внушаемыхъ полнымъ къ этому народу довѣріемъ и благоволеніемъ. Эти чувства къ крестьянству, самому благонадежному элементу населенія края; сказались и въ подробностяхъ праздника устроеннаго виленскимъ генералъ-губернаторомъ. *Виленскій Вѣстникъ* говоритъ:

„Къ этому дню г. главный начальникъ края приказалъ пригласить, для участія въ праздникѣ, волостныхъ старшинъ и

сельскихъ старость ближайшихъ уѣздовъ Виленской губерніи и по нѣскольку человѣкъ лучшихъ волостныхъ старшинъ изъ губерній Ковенской, Минской и Гродненской, по выбору губернаторовъ. Всѣхъ старшинъ и старость собралось 156 человѣкъ. Къ 10 ч. утра, въ большой залѣ генералъ-губернаторскаго дворца, собрались всѣ чины желавшіе принести г. главному начальнику края свое поздравленіе съ торжественнымъ днемъ вступленія на престолъ Царя-Освободителя, въ томъ числѣ и приглашенные къ этому дню крестьяне. Послѣ обычныхъ привѣтствій и принятія поздравленій, его превосходительство, подойдя къ крестьянамъ, благодарилъ ихъ за поздравленіе, напомнилъ имъ великія благодѣянія, излитыя на нихъ виновникомъ ихъ свободы, Государемъ Императоромъ, и указалъ имъ на непосредственныя орудія Его: на бывшаго генералъ-губернатора Назимова, впервые ходатайствовавшаго о прекращеніи обязательныхъ отношеній, и покойнаго графа М. Н. Муравьева, приводившаго въ исполненіе Его волю; „молитесь о здравіи Владиміра Ивановича и о упокоеніи Михаила Николаевича, заключилъ г. главный начальникъ края: имъ обоимъ вы многимъ обязаны.“

Направленіе которому графъ Муравьевъ слѣдовалъ въ крестьянской реформѣ очень хорошо извѣстно, и вышеприведенныя слова генералъ-губернатора имѣютъ значеніе которое всякій легко можетъ оцѣнить.

Послѣ торжественнаго пріема, всѣ присутствовавшіе отправились въ соборъ, гдѣ послѣ литургіи совершено было освященіе иконъ и церковной утвари, пожертвованныхъ Государынею Императрицею, по ходатайству главнаго начальника края, для распредѣленія между бѣднѣйшими православными храмами въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Предъ окончаніемъ литургіи, ректоръ Виленской духовной семинаріи, отецъ архимандритъ Евгеній, сказалъ краснорѣчивое слово о значеніи преобразовательной дѣятельности Царя-Освободителя, и такъ знаменательно заключилъ свою рѣчь:

„Братіе! Остается пожелать чтобы великія намѣренія и предначертанія Великаго Монарха нашего возможно полнѣе и точнѣе осуществлялись не замедляясь, не искажаясь. Для этого нужно чтобы мы всѣ, Его вѣрноподданные, ясно и точно выразумѣли Его благую волю о насъ... Будемъ молить Господа, да мудрость, сила и благочестіе Царя нашего будутъ всецѣлымъ достояніемъ и Его народа! Аминь.“

Послѣ богослуженія крестьяне были приглашены на обѣдъ къ генералъ-губернатору. Ужь одно это есть событіе. Ничего подобнаго доселѣ не бывало, и всякій пойметъ какое потрясающее впечатлѣніе должно было произвести это на крестьянъ. *Виленскій Вѣстникъ* разказываетъ:

„Послѣ литургіи крестьяне снова собрались во дворецъ, гдѣ въ собственныхъ комнатахъ генералъ-губернатора (близь его кабинета) для нихъ были накрыты столы для обильнаго обѣда; тутъ же были и всѣ наличные члены мировыхъ учрежденій. Когда гости размѣстились, его высокопревосходительство провозгласилъ тостъ за здравіе Вѣнценоснаго Освободителя крестьянъ; нечего говорить какъ встрѣченъ былъ этотъ тостъ: счастіе и восторгъ сіяли на лицахъ ихъ. Затѣмъ были провозглашены тосты за здравіе Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны и всего Царствующаго Дома. Чрезъ нѣсколько времени, его высокопревосходительство снова вышелъ къ крестьянамъ, вмѣстѣ съ супругою своею, и они довольно долго бесѣдовали со многими изъ *крестьянъ-гостей*.

„Одинъ изъ ковенскихъ старшинъ, окончательно пораженный неслыханнымъ вниманіемъ высшаго начальства, обратился къ управляющему временною коммиссіей по крестьянскимъ дѣламъ съ вопросомъ: „Точно ли это угощаетъ насъ Самъ Царь? можетъ-быть, это все дѣлаетъ начальство, а Царь и знать-де о томъ не будетъ“. Г. Климовъ поспѣшилъ указать имъ на огромное число присутствующихъ лицъ въ полной формѣ, объяснилъ что извѣстіе объ ихъ обѣдѣ будетъ напечатано въ газетахъ, дойдетъ до Царя и будетъ извѣстно всей Россіи.

„Въ 4 часа всѣ высшіе гражданскіе и военные чины были приглашены къ обѣденному столу у его высокопревосходительства. Болѣе 200 лицъ приглашенныхъ размѣстились у множества столовъ, роскошно убранныхъ, въ большой мраморной залѣ Виленскаго дворца. Нечего говорить, что обѣдъ гостепріимнаго, радушнаго хозяина отличался изысканно-

стію. Въ серединѣ обѣда, его высокопревосходительство провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, при единодушномъ *ура* и звукахъ народнаго гимна. Затѣмъ слѣдовали тосты: за здравіе Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника, Государыни Цесаревны и всего Царствующаго Дома. Въ концѣ обѣда, его высокопревосходительство обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, сущность которой состояла въ томъ, что онъ поднимаетъ бокалъ за благоденствіе дорогаго отечества, которое зависитъ отъ здравія, благоденствія и долгоденствія обожаемаго Монарха.

„Въ 7 часовъ вечера, въ театрѣ начался торжественный спектакль, на которомъ присутствовали почти всѣ бывшіе на обѣдѣ у г. генералъ-губернатора и, сверхъ того, множество дамъ и высшія лица изъ мѣстныхъ жителей. Но самое замѣчательное въ спектаклѣ было то что весь 2-й ярусъ и часть партера (на счетъ его высокопревосходительства) были отданы исключительно въ распоряженіе крестьянъ, которые были вполнѣ очарованы рѣдкимъ, вѣроятно, для нихъ зрѣлищемъ."

Этотъ небывалый крестьянскій праздникъ въ Вильнѣ неожиданно заключился телеграммой изъ Москвы полученною генералъ-губернаторомъ „отъ лицъ", по выраженію *Виленскаго Вѣстника*, „интересующихся ходомъ крестьянскаго и вообще русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ". Мы сообщали уже читателямъ что 19-е февраля праздновалось въ Москвѣ въ нѣсколькихъ частныхъ кругахъ, и одинъ изъ такихъ послалъ между прочимъ телеграмму въ Вильну. Вотъ эта телеграмма опубликованная виленскою газетой:

„Вильна. Генералъ-адъютанту Александру Львовичу Потапову. Собравшіеся праздновать 19-е февраля привѣтствуютъ васъ, какъ представителя правительства освободившаго крестьянъ, и пьютъ за здоровье всѣхъ потрудившихся и трудящихся для истинно-правильнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Баронъ Менгденъ, Юрій Самаринъ, Николай Павловъ, Николай Елагинъ, Николай Зубковъ, Иванъ Аксаковъ, Николай Самаринъ, Николай Ермоловъ, Михаилъ Тимоѳеевъ, Петръ Васильчиковъ, князь Александръ Голицынъ, Левъ Волковъ, Дмитрій Самаринъ, Ѳедоръ Дмитріевъ."

Генералъ-губернаторъ тотчасъ же передалъ „содержаніе телеграммы всѣмъ служащимъ по мировымъ учрежденіямъ", и послалъ въ Москву слѣдующую, также напечатанную въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, отвѣтную телеграмму:

„Москва. Барону Менгдену.

„Отрадную телеграмму получилъ вчера только въ два часа ночи. Отъ имени всѣхъ служащихъ по учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ и отъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ-землевладѣльцевъ Всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ края, имѣю честь благодарить васъ и просить передать всѣмъ лицамъ, удостоившимъ насъ своею памятью, глубокую и сердечную признательность за сочувствіе и искреннія пожеланія.

(Подписалъ) „Генералъ-адъютантъ *Потаповъ*."

Виленское празднество, которое не можетъ не порадовать всѣхъ благомыслящихъ людей, обильно поученіями для такъ-называемой консервативной партіи. Стараясь всячески подорвать принятую правительствомъ систему дѣйствій въ западномъ краѣ, эта партія заявляла въ своихъ органахъ что графъ Муравьевъ, начавшій исполненіе этой системы, дѣйствовалъ беззаконно по крестьянскому дѣлу и не исполнялъ Высочайшихъ повелѣній. Но вотъ виленскій генералъ-губернаторъ заявляетъ торжественно что Муравьевъ былъ только точнымъ исполнителемъ воли Государя. Этимъ заявленіемъ лучше всего обозначается направленіе которому намѣрена слѣдовать нынѣшняя администрація вопреки ожиданіямъ лжеконсервативной партіи. Давно ли органы этой партіи честили, напримѣръ, гг. Самарина, Аксакова и другихъ изъ числа подписавшихъ депешу отправленную въ Вильну революціонерами и красными демагогами, и равняли ихъ съ Бакунинымъ и К°? Давно ли эта партія выставляла Н. А. Зубкова, бывшаго предсѣдателя крестьянской коммиссіи въ Вильнѣ, опаснымъ агитаторомъ, тоже чѣмъ-то въ родѣ коммуниста? Лица подписавшія депешу держатся, относительно крестьянскаго вопроса, весьма опредѣленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ воззрѣній: нѣкоторые изъ

нихъ были членами редакціонныхъ коммиссій; другіе имѣли случай, въ газетѣ *Москва*, высказаться спеціально по крестьянской реформѣ въ западномъ краѣ. Что касается г. Зубкова, то въ № 32 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ онъ подробно разъяснялъ значеніе возникшихъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ. Что же мы видимъ? Какъ принимаетъ генералъ-губернаторъ заявленіе этихъ якобы демагоговъ и красныхъ? Генералъ-губернаторъ горячо благодаритъ ихъ отвѣтною депешей и разсылаетъ по мировымъ учрежденіямъ ихъ привѣтствіе всѣмъ „потрудившимся и трудящимся для истинно-правильнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ.“

Вчера мы имѣли случай порадоваться прекращенію всѣхъ недоразумѣній возникшихъ при толкованіи законовъ относящихся къ крестьянской реформѣ этого края. Успѣхъ дѣла, замѣтили мы, зависитъ теперь исключительно отъ исполнителей на мѣстахъ. Можно надѣяться что теперь, послѣ праздника которымъ ознаменовалось 19-е февраля въ Вильнѣ, мировые посредники и члены присутствій, начитавшіеся *Вѣсти*, поймутъ что между идеями этой такъ-называемой консервативной партіи и ихъ обязанностями нѣтъ ничего общаго.

№ 44.

Москва, 27-го февраля.

А.

Въ Россіи есть только одна національная, то-есть господствующая, или государственная церковь. Такая церковь въ Россіи есть православная греко-россійская. Кромѣ ея, существуютъ въ Россіи и признаются ея законами разныя другія религіозныя учрежденія. Эти разныя, состоящія подъ покровительствомъ русскихъ законовъ, религіи не могутъ ни въ какомъ смыслѣ претендовать на значеніе національныхъ. Русскими учрежденіями онѣ быть не могутъ, потому что это мѣсто занято: русское церковное учрежденіе есть церковь православная. Точно также не могутъ онѣ быть въ русскомъ государствѣ, подъ русскимъ правительствомъ и посреди русскихъ граждань, учрежденіями чуждыхъ Россіи политическихъ національностей. Поэтому существующія въ Россіи религіозныя учрежденія могутъ быть терпимы въ ней только какъ учрежденія исключительно религіозныя, безъ всякой примѣси политическаго или, что то же національнаго начала.

Вѣротерпимость требуетъ только того чтобы подданные государства, разномыслящіе въ дѣлѣ вѣры, могли безъ всякаго насилія своей совѣсти, исповѣдывать свою вѣру и безпрепятственно отправлять соотвѣтственное ей богослуженіе. Но съ вѣротерпимостію не имѣетъ ничего общаго признаніе національнаго или анти-національнаго характера за религіознымъ учрежденіемъ: это примѣсь случайная для самой вѣры. Тѣмъ не менѣе, по ошибкѣ, по грубой исторической ошибкѣ, разныя религіозныя учрежденія допускаемыя нашими законами приняли у насъ характеръ незаконныхъ національныхъ учрежденій. Это противорѣчіе не могло не породить цѣлый рядъ прискорбныхъ явленій вносящихъ смуту въ нашу государственную жизнь. Въ этой исторической ошибкѣ таится послѣднее и самое глубокое убѣжище для тѣхъ фальшивыхъ притязаній которыя подвергаютъ спору цѣлость государства и отравляютъ существованіе множества людей.

Весьма естественно что польская партія въ Россіи не можетъ оставаться равнодушною въ виду возможнаго устраненія ошибки которая остается единственнымъ реальнымъ основаніемъ для ея притязаній, единственнымъ жизненнымъ началомъ ея организаціи. Вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: римско-католическое учрежденіе признается русскими законами; оно получаетъ поддержку изъ русской государственной казны; оно числитъ за собою не одинъ милліонъ русскихъ подданныхъ; приверженцы его пользуются въ Имперіи всѣми правами русскаго гражданства, и могутъ восходить изъ силы въ силу до всякой степени власти надъ русскимъ народомъ; спрашивается должно ли это учрежденіе оставаться польскимъ патріотическимъ учрежденіемъ? Если должно, то всѣ мѣры принимаемыя правительствомъ противъ польской національности должны быть прекращены. Польская національность должна быть признана и въ школѣ, и въ судахъ, и въ администраціи, и цѣлыя населенія должны безпрепятственно подвер-

гнуться полонизаціи. Если же правительство полагаетъ это неудобнымъ, то не остается ничего кромѣ слѣдующей дилеммы: либо вовсе отказать римско-католической церкви въ признаніи, вычеркнуть ее изъ законовъ Имперіи, отнять у ея учрежденій предоставленныя имъ права и поддержку, и оказывать ей не болѣе терпимости чѣмъ оказывается раскольническимъ сектамъ, о іерархіи и учрежденіяхъ которыхъ законъ ничего не знаетъ; либо возвратить римско-католическое учрежденіе, какъ и всякое другое допускаемое русскими законами церковное учрежденіе, къ его чисто-церковному характеру, и прекратить связь въ которой оно находится съ польскою національностію. Правительство предпочло послѣдній путь. Не отнимая у римско-католическаго вѣроисповѣданія покровительства законовъ, оно предположило снять лежавшій доселѣ на русскомъ языкѣ запретъ, и предоставить русскимъ гражданамъ разномыслящимъ съ господствующею церковію, вмѣстѣ съ другими правами которыми они пользуются, также и безспорное право пользоваться языкомъ своего отечества. Римско-католическое учрежденіе не станетъ отъ того русскимъ учрежденіемъ, но его послѣдователи могутъ быть и чувствовать себя Русскими.

Итакъ, польскіе патріоты не могутъ оставаться равнодушными въ виду этой угрожающей ихъ дѣлу опасности. Нѣтъ сомнѣнія что они употребляютъ всѣ способы для того чтобы повредить успѣху мѣръ которыя могутъ быть приняты въ этомъ направленіи. До насъ доходили слухи объ интригахъ которыя ведутся въ Римѣ для того чтобы запутать дѣло, само по себѣ столь ясное. Нѣтъ сомнѣнія что и въ Петербургѣ антирусскія партіи, солидарныя между собою въ своихъ интересахъ, всячески работаютъ для того чтобъ обезсилить или уклонить въ сторону ожидаемыя мѣры правительства.

Новое Время, польскій органъ издаваемый на русскомъ языкѣ, давно стоитъ на стражѣ вопроса о которомъ идетъ рѣчь. Протестовать съ польской точки зрѣнія противъ предположеній правительства было бы неразчетливо. Какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, необходимо прибѣгнуть къ маневрамъ. *Новое Время*, повидимому, одобряетъ мысль о дозволеніи русскимъ иновѣрцамъ пользоваться русскимъ языкомъ. Но польскій органъ весьма естественно желаетъ чтобы мысль эта осталась только на словахъ, и подъ прикрытіемъ своего сочувствія къ правительственнымъ предположеніямъ предлагаетъ мѣры которыя лишаютъ эту мысль всякаго значенія на дѣлѣ. По поводу допущенія русскаго языка въ богослуженіе иновѣрцевъ, *Новое Время* пыталось даже поднять вопросъ о бѣлорусскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ, и притомъ не только на почвѣ римской церкви, но и православной. „Въ Имперіи," говорило *Новое Время* въ 1868 году, когда въ правительственныхъ сферахъ впервые было обращено серіозное вниманіе на этотъ вопросъ,—

„католики, составляющіе коренное населеніе, состоятъ изъ Русскихъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ, Жмудиновъ, Латышей; поэтому ясно что всѣ эти языки и должны быть введены въ костелъ. Въ силу означенныхъ повелѣній можно бы даже требовать чтобы были введены бѣлорусское и малорусское нарѣчія, ибо это нарѣчія мѣстныя, которыми говоритъ большинство населенія западнаго края. Но ежели ксендзъ будетъ произносить проповѣдь по бѣлорусски или малорусски, необходимо чтобъ и православный священникъ въ той же мѣстности говорилъ поученія народу не иначе какъ на томъ же нарѣчіи. Время и успѣхи народныхъ школъ, ежели онѣ когда-нибудь наконецъ получатъ желанное развитіе, изгладятъ потребность народныхъ поученій и совершенія самаго придаточнаго богослуженія на бѣлорусскомъ или малорусскомъ нарѣчіи, замѣнивъ ихъ общимъ русскимъ языкомъ; но въ началѣ, намъ кажется, это введеніе было бы очень полезно и не представляло бы никакихъ затрудненій."

Въ нынѣшнемъ году дѣло о русскомъ языкѣ для иновѣрцевъ разсматривалось въ особомъ правительственномъ комитетѣ. Издателю *Новаго Времени*, прежде чѣмъ кому-либо въ публикѣ, стала извѣстна та система мѣръ которыми будто бы рѣшено осуществить предположенія правительства. По свѣдѣніямъ изъ Вильны, г. Кирноръ около этого времени слеталъ уже туда, и судя по тому какъ занимаетъ его этотъ вопросъ, конечно не отказался преподать тамъ кому слѣдуетъ нѣкоторые практическіе совѣты.

Г. Киркоръ предвидѣлъ что встрѣтитъ въ насъ помѣху своимъ маневрамъ, и вотъ вдругъ, по своемъ возвращеніи изъ Виль-

ны, онъ со всего размаха бросилъ въ насъ камень, который давно держалъ за пазухой.

Онъ уже грозилъ намъ исподтишка этимъ камешкомъ еще въ 1868 году, когда, предъ самымъ концомъ газеты *Москва*, онъ лапидировалъ ея издателя: „Г. Аксаковъ,“ писалъ г. Киркоръ, „такъ ли какъ теперь, въ то время“ (въ пятидесятыхъ годахъ) „смотрѣлъ на польскій языкъ? „Г. Аксаковъ не могъ забыть что редакторы *Русской Бесѣды*, приступая къ изданію этого журнала, разсылали письма „на польскомъ языкѣ къ польскимъ литераторамъ въ *сѣверо-западныхъ губерніяхъ* (курсивъ въ подлинникѣ), приглашая „ихъ къ содѣйствію и сочувствію въ общественномъ дѣлѣ. Были и другіе редакторы, нынѣ тоже измѣнившіе свои „убѣжденія, отвѣчавшіе на *русскія* письма „этихъ литераторовъ *по-польски*.“

Какая милая наивность! Г. Киркоръ удивляется что г. Аксаковъ и другіе редакторы нѣсколько иначе смотрѣли на польскій языкъ въ 1856—1858 годахъ, чѣмъ теперь! „Въ то время какъ общество, такъ и русская журналистика, иначе относились къ польской національности,“ говоритъ онъ съ укоромъ. Онъ видитъ въ этомъ со стороны русскаго общества и журналистики предосудительную измѣну своимъ убѣжденіямъ. Золотое сердце, онъ и не знаетъ какая черта отдѣлила пятидесятые годы отъ шестидесятыхъ! Ему неизвѣстно что случилось въ 1863 году, и сколькими откровеніями и какими поученіями обязана Россія событіямъ этого года!..

Подъ выраженіемъ „другіе редакторы“ г. Киркоръ разумѣлъ именно насъ; но тогда онъ великодушно пощадилъ насъ; и ограничился г. Аксаковымъ. Настоящая минута показалась ему благопріятною распахнуться и противъ насъ. „Одно изъ „двухъ,“ восклицаетъ г. Киркоръ, или „г. Катковъ отрекся въ настоящее время „отъ всѣхъ своихъ прежнихъ убѣжденій, „взглядовъ и требованій, то-есть отъ самого себя, или же высказываемое и отстаиваемое имъ теперь ложно, не искренно и вызывается эксплуатаціей минутнаго настроенія общества.“

Какъ горячо и какъ сильно! Однако почему же мы и не могли бы отречься отъ убѣжденій которыя оказались бы ошибочными? Развѣ отрекаться отъ ошибокъ значитъ отрекаться отъ самихъ себя? Мы однако можемъ увѣрить почтеннаго г. Киркора что мы не отказывались ни отъ какихъ нашихъ убѣжденій, и что въ нынѣшнемъ 1870 году мы остаемся тѣми же самыми людьми какими были за двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1858 году, хотя съ тѣхъ поръ извернулось многое въ Вильнѣ, извернулся не разъ и самъ достопочтенный г. Киркоръ. Въ то отдаленное время г. Киркоръ былъ польскимъ литераторомъ, потомъ онъ сталъ русскимъ литераторомъ и редакторомъ муравьевскаго *Виленскаго Вѣстника*, теперь онъ польскій публицистъ на русскомъ языкѣ. Въ то отдаленное время въ Вильнѣ издавалась оффиціальная газета на польскомъ языкѣ, и находилась подъ редакціей г. Киркора. Тотъ же самый г. Киркоръ задумалъ въ 1857 году издавать также на польскомъ языкѣ сборникъ подъ заглавіемъ: *Teka Wilenska*. Открывая это изданіе, г. Киркоръ поспѣшилъ вступить въ сношеніе съ редакціей *Русскаго Вѣстника*, и обратился къ ней съ любезнымъ письмомъ писаннымъ по-русски, въ которомъ между прочимъ предлагалъ ей въ обмѣнъ экземпляръ своего изданія. Долгъ журнальной вѣжливости, который соблюдаемъ мы и теперь, обязывалъ насъ отвѣчать на языкѣ того изданія которое вѣжливо обращалось къ намъ на языкѣ нашего, и призывало на себя наше вниманіе. Это отнюдь не значитъ что мы признавали сѣверо-западный край польскимъ краемъ. Точно также поступили бы мы еслибы г. Киркоръ открылъ свое изданіе въ Москвѣ и обратился бы къ намъ съ подобнымъ письмомъ; мы также потщились бы отвѣчать ему на языкѣ его изданія, но изъ этого нельзя было бы заключать что мы признаемъ Москву польскимъ городомъ. Намъ еще недавно случалось отвѣчать на русское письмо одной нѣмецкой редакціи письмомъ нѣмецкимъ: это также не можетъ быть принято за признаніе нѣмецкой національности въ Россіи. Мы признавали только тотъ простой и неоспоримый фактъ что одно изданіе выходило на польскомъ языкѣ, какъ другое выходитъ на нѣмецкомъ. Кстати: мы не видимъ почему бы и теперь г. Киркору не издавать свою газету на польскомъ языкѣ: это болѣе соотвѣтствовало бы ея направленію; также было бы во всѣхъ отношеніяхъ лучше еслибы направленіе *Новаго Времени* высказывалось со всею откровенностію и искренностію. Открытые и искренніе противники

предпочтительнѣе; открытыхъ противниковъ можно уважать, съ такими возможны перемирія и сдѣлки; но нельзя ни уважать, ни щадить противниковъ дѣйствующихъ путемъ обмана.

Нѣтъ, мы нисколько не измѣнились ни въ нашемъ образѣ мыслей, ни въ правилахъ нашихъ дѣйствій. Что касается до польскаго языка, то напрасно г. Киркоръ думаетъ, или прикидывается думающимъ, будто мы питаемъ къ этому языку слѣпую ненависть. Напротивъ, мы любимъ этотъ языкъ какъ славянское нарѣчіе близкое къ нашему и сохранившее въ себѣ нѣкоторыя черты древняго типа нашего языка. Года за два передъ симъ г. Киркоръ, проѣздомъ чрезъ Москву, почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; къ сожалѣнію для насъ, онъ не засталъ насъ дома. Милости просимъ его пожаловать къ намъ въ другой разъ если ему случится быть въ Москвѣ и если ему будетъ не совѣстно взглянуть намъ въ лицо: хотя мы переписывались съ нимъ при посредствѣ чужой помощи, но мы и сами немножко маракуемъ по-польски и охотно побесѣдуемъ съ нимъ, на языкѣ его прежней литературной дѣятельности, о характерѣ нынѣшней.

Точно также наши остзейскіе друзья стараются увѣрить свою публику будто мы питаемъ ненависть къ нѣмецкому языку. Напротивъ, мы высоко цѣнимъ его, видимъ въ знаніи этого языка богатый умственный капиталъ, и отъ всей души желаемъ чтобы знакомство съ нимъ и съ его литературой распространялось въ нашемъ образованномъ обществѣ на пользу русскаго просвѣщенія. Наши остзейскіе друзья, равно какъ и достопочтенный г. Киркоръ, дѣлаютъ съ понятіями то же самое что извѣстные артисты дѣлаютъ съ картами.

Одно дѣло знать и цѣнить языкъ, особенно обладающій такимъ богатствомъ какъ нѣмецкій; другое дѣло возводить его въ *обязательный* органъ какого бы то ни было отправленія общественной жизни. Есть разница между свободою и властію. Всякому предоставляется свобода употреблять въ своемъ обиходѣ какой угодно языкъ, и только чрезвычайныя обстоятельства созданныя польскими патріотами въ 1863 году понудили правительство принять мѣры противъ свободнаго употребленія польскаго языка, такъ какъ этотъ языкъ сталъ органомъ мятежа и измѣны, и публичное употребленіе его имѣло характеръ демонстраціи. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать чтобы какая-либо національность, кромѣ національности цѣлаго государства, была властна собирать и объединять людей, чтобы какой-либо языкъ кромѣ общаго языка государства могъ быть *обязательнымъ* органомъ въ какой бы то ни было общественной сферѣ.

Столько же въ интересѣ Русскаго государства, сколько и въ интересѣ тѣхъ людей западнаго края которые, вслѣдствіе ошибокъ самой же Россіи, привыкли считать себя Поляками, надобно желать чтобы польскій вопросъ былъ рѣшенъ окончательно и радикально во всѣхъ своихъ существенныхъ задачахъ. А одна изъ существенныхъ задачъ его есть разобщеніе полонизма съ католицизмомъ.

Но въ заключеніе еще одно слово о г. Киркорѣ. Осыпая насъ своими камешками, онъ позволилъ себѣ сказать слѣдующее: „Такъ у насъ г. Катковъ долго увѣрялъ всѣхъ и каждаго что онъ служитъ правительству, что онъ подвизается во имя національности. Россія—это я! мечталъ онъ горделиво. Не даромъ громко разказывали про письмо его къ одному изъ бывшихъ крупныхъ дѣятелей въ Вильнѣ, въ которомъ онъ рѣшился употребить выраженіе: „вы знаете какъ я веду Россію въ теченіе столькихъ лѣтъ.“ Замѣтьте, онъ ведетъ Россію! Вотъ до какого самообольщенія могутъ доходить люди.

Г. Киркоръ завѣдомо говоритъ неправду, а это на всѣхъ языкахъ называется дѣломъ нечестнымъ. Мы просимъ г. Киркора объявить отъ кого онъ слышалъ будто мы писали приведенныя имъ *во вносныхъ знакахъ* глупыя слова? И къ какому крупному дѣятелю въ Вильнѣ мы писали ихъ? Мы настоятельно требуемъ чтобы г. Киркоръ объявилъ это.

Б.

Отношенія нашей такъ-называемой консервативной партіи къ вопросу о землевладѣніи въ Бессарабіи не могутъ не остановить на себѣ общаго вниманія. Провозглашая себя привилегированными защитниками землевладѣльческихъ интересовъ, рѣшаясь на самыя невѣроятныя средства при отстаиваніи всяческихъ притязаній польскихъ и нѣмецкихъ помѣщиковъ, наши *консерваторы* не сочли однако нужнымъ сказать хотя бы одно благовремен-

ное слово въ пользу разсматриваемаго теперь по Высочайшему повелѣнію въ главномъ комитетѣ ходатайства бессарабскаго дворянства относительно Положенія о царанахъ. Мы уже указывали на это курiозное обстоятельство, и на днахъ прочли въ *Вѣсти* отвѣтъ на наши замѣчанія.

Удивительныя вещи разказываютъ эти господа! Они увѣряютъ что *Московскія Вѣдомости* „упрекали *Вѣсть* за то что она не изъявляла *удовольствія*" по поводу Положенія о царанахъ! *Консервативные* публицисты, переполнившіе прошлымъ лѣтомъ свой органъ статьями противъ Положенія 26-го марта, подкрѣпленными ссылками на законы о печати, публично увѣряютъ теперь что они *никогда* не возражали противъ изданнаго закона, а потому молчали и о царанскомъ Положеніи. Въ дѣлахъ западнаго края наши *бѣлые*, по теперешнимъ словамъ ихъ органа, требовали только: „чтобы законъ былъ исполняемъ, чтобъ „онъ не подвергался *произвольному нарушенію* или *слишкомъ безцеремонному толкованію*..." Кто не помнитъ обстоятельствъ сюда относящихся? Какого бы мы ни были мнѣнія о степени добросовѣстности этой партіи, но все-таки мы не можемъ повѣрить чтобы приведенныя слова были сказаны серіозно, не ради глумленія.

Да, органъ землевладѣнія глумится надъ землевладѣніемъ.

Извѣстно что главные пункты просьбы бессарабскаго дворянства разсмотрѣны въ засѣданіи главнаго комитета 26-го февраля, и по нимъ, какъ увѣряютъ, состоялись рѣшенія будто бы неблагопріятныя для ходатайства бессарабскихъ депутатовъ. И вотъ послѣ засѣданія 26-го февраля развязался языкъ и у *Вѣсти*; въ № 49 отъ 28-го февраля она вдругъ заговорила въ пользу представленій бессарабскаго дворянства, — но что заговорила? Она жалуется что оброки въ Бессарабіи опредѣлены слишкомъ низко: „отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 50 к., а арендная плата доходитъ до 30 р. за десятину." Тридцать рублей съ десятины и не за конопляники, бахчи или плантаціи, а вообще за воздѣлываемую землю, — это не мало! Вотъ въ какомъ веселомъ настроеніи духа находятся *консерваторы* по случаю неудачи испытанной бессарабскимъ дворянствомъ! *Вѣсть* увѣряетъ теперь что по консервативнымъ понятіямъ, все царанское Положеніе было мѣрою совершенно излишнею, что слѣдовало ввести въ Бессарабію „свободныя экономическія отношенія".

Вотъ какъ дѣйствуетъ эта партія, стоящая будто бы за интересы землевладѣльческіе! Она готова служить бессарабскимъ помѣщикамъ такими соображеніями которыя не могутъ имѣть никакого практическаго значенія; она предложитъ для выхода изъ затрудненій такія мѣры которыя навѣрное не могутъ быть приняты; она рѣшится даже на крупную фальшь чтобы показать свое якобы усердіе, и потомъ сама же первая поглумится надъ столь не интереснымъ землевладѣніемъ, которое не умѣетъ ни враждовать противъ государства, ни вести реакціонныхъ интригъ.

Но не слишкомъ ли рано господа эти начали глумиться и злорадствовать? Совершенно ли вѣрны толки о рѣшеніяхъ будто бы принятыхъ въ главномъ комитетѣ? Многія части ходатайства бессарабскихъ владѣльцевъ не представляли никакихъ затрудненій для удовлетворенія ихъ въ духѣ полнаго доброжелательства къ обоимъ заинтересованнымъ сторонамъ.

Бессарабскіе депутаты въ послѣднее время внесли значительныя измѣненія въ подробности своего ходатайства. Такъ послѣдняя просьба ихъ состояла въ томъ чтобы статья 7 Положенія, опредѣляющая число царанъ имѣющихъ право на надѣлъ, была разъяснена въ томъ смыслѣ что надѣлъ дается всѣмъ семейнымъ и всѣмъ бурлакамъ достигшимъ совершеннолѣтія ко дню изданія Положенія 14-го іюля, кромѣ ремесленниковъ и дворовыхъ. День изданія Положенія отмѣнившаго прежній законъ или день введенія уставной грамоты (то-есть исполненія новаго закона) былъ бы самымъ удобнымъ срокомъ для подведенія итога всему прежде бывшему. Результатомъ этого было бы большое удобство: со введеніемъ уставной грамоты помѣщикъ покончилъ бы съ отводомъ земли царанамъ, а царане, конечно, не упустили бы взять все то количество земли которое имъ слѣдуетъ по праву. Большинство уставныхъ грамотъ будетъ вводиться предстоящею весной, и потому принятіе срока 1-го октября 1870 года не увеличитъ значительно числа царанъ получающихъ надѣлъ: оно только продлитъ періодъ неустройства въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Во всякомъ случаѣ будетъ ли право на надѣлъ дано только наличнымъ семьямъ или вмѣстѣ и образовавшимся въ нынѣш-

немъ году, все-таки не оказывается никакой надобности удерживать пятилѣтній срокъ на подачу заявленій о полученіи земли тѣмъ болѣе что въ рукахъ помѣщиковъ есть средство отдѣлаться отъ этого срока требованіемъ обязательнаго выкупа.

Почему также не могла бы быть отмѣнена стѣснительная для помѣщиковъ обязанность уплачивать за строенія и сады, находящіеся на участкѣ недоимщика поступающемъ во временное распоряженіе помѣщика (п. 10 ст. 95)? Въ силу того же самаго Положенія 14-го іюля, въ случаяхъ когда упразднившійся вслѣдствіе отказа отъ земли участокъ переходитъ въ распоряженіе общества, царанскія строенія продаются съ публичнаго торга (ст. 58). Послѣдній порядокъ принятъ въ Положеніи для великорусскихъ губерній на случай возвращенія участка во временное распоряженіе владѣльца послѣ 19-го февраля 1870 года, когда недоимщикъ можетъ лишиться не только полевыхъ угодій, но и усадьбы (ст. 265—268 Мѣст. Пол.). Установленіе неприкосновенной крестьянской земли вовсе не требуетъ установленія стѣснительной обязанности уплачивать за строенія и сады. И у насъ на извѣстный срокъ земля поступаетъ во временное распоряженіе землевладѣльца, но при этомъ на помѣщиковъ не возлагается обязанность платить за дома и сады.

Свобода переселенія есть весьма важное для царанъ право. Потому-то Положеніе 14-го іюля дозволяетъ имъ отказываться отъ земли, если они найдутъ для себя невыгоднымъ требованіе выкупа сдѣланное землевладѣльцемъ. На подобный случай, въ обезпеченіе интересовъ царанъ, Положеніе устанавливаетъ весьма длинную процедуру. Вопервыхъ, царанамъ дается годъ на пріисканіе мѣста для переселенія, и въ теченіе этого года они имѣютъ право пользоваться прежнимъ надѣломъ. Затѣмъ они могутъ изъявить желаніе остаться на прежнемъ мѣстѣ, если же не изъявятъ, то имъ дается еще годъ на самое переселеніе, причемъ земля отходитъ уже къ помѣщику. Такой сложный порядокъ можетъ быть легко упрощенъ. Справедливость требовала бы также чтобъ отказъ царанъ имѣлъ рѣшительную силу, такъ что отказавшись разъ отъ угодій они могли бы оставаться въ имѣніи лишь съ согласія владѣльца. Нельзя упустить изъ виду и того что обязательный выкупъ даетъ бессарабскимъ помѣщикамъ исходъ изъ многихъ затрудненій.

Предложеніе бессарабской депутаціи о предоставленіи царанамъ половины надѣла въ даръ освобождено, въ своей послѣдней редакціи, отъ условій стѣснительныхъ для царанъ и затрогивающихъ спорные вопросы Положенія. Но еслибы въ условіяхъ предложенныхъ депутатами и оказались какія-либо неудобства, то вѣроятно за устраненіемъ ихъ дѣло не стало бы. Право выбора между выкупомъ надѣла и полученіемъ половины его въ даръ представляетъ много выгодъ для царанъ, особенно для тѣхъ которые вновь получаютъ землю.

Иные опасаются что даровая половина надѣла въ Бессарабіи смутитъ крестьянъ сосѣднихъ губерній. Можно ли, однако, серіозно ожидать чего-либо подобнаго въ виду сотенъ тысячъ крестьянъ получившихъ у насъ четверть и даже болѣе значительную часть надѣла въ даръ? Примѣръ этихъ крестьянъ не смутилъ ихъ сосѣдей.

Бессарабское дворянство, приносящее тяжелую жертву по Положенію 14-го іюля, съ довѣріемъ и откровенностью, чуждаясь интригъ къ которымъ прибѣгаютъ помѣщики другихъ нашихъ окраинъ, обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о помощи среди ихъ затрудненій. Какая глубокая разница въ дѣйствіяхъ бессарабскаго дворянства и помѣщиковъ другихъ окраинъ, напримѣръ Лифляндіи! Нѣтъ, будемъ надѣяться что *Вѣсть* ошибается въ своемъ глумленіи, и что справедливыя представленія бессарабскаго дворянства будутъ уважены если только не окажется какихъ-либо особенныхъ препятствій.

№ 45.

Москва, 28-го февраля.

А.

Въ *Rigasche Zeitung*, отъ 20-го февраля, пишутъ:

Московскія Вѣдомости такъ часто требовали либеральныхъ реформъ въ балтійскихъ губерніяхъ, такъ запальчиво возставали противъ ихъ „феодальнаго" устройства и сословныхъ привилегій что необходимо слѣдовало полагать будто и въ са-

немъ дѣлѣ упомянутая газета вполнѣ серіозно желаетъ либеральнаго развитія.

Лифляндскіе читатели *Рижской Газеты*, прочтя эти строки, изумятся. Какъ! воскликнутъ они: неужели *Московскія Вѣдомости* желали либеральныхъ реформъ для балтійскихъ губерній?... Та же самая *Rigasche Zeitung* то и дѣло увѣряла своихъ читателей что наша газета есть исчадіе монгольскаго варварства, что мы враги европейской цивилизаціи, что мы противники культуры процвѣтающей въ балтійскихъ провинціяхъ. И вотъ теперь вдругъ оказывается, совершенно напротивъ, что *Московскія Вѣдомости* протестовали противъ феодализма господствующаго въ этихъ провинціяхъ, требовали отмѣны этихъ варварскихъ порядковъ и настаивали на развитіи либеральныхъ реформъ и цивилизаціи!

Но послушаемъ что *Rigasche Zeitung* говоритъ далѣе:

„Изъ корреспонденціи, напечатанной въ *National-Zeitung*, *Московскія Вѣдомости* освѣдомились о резолюціяхъ послѣдняго лифляндскаго ландтага... Основываясь на этомъ источникѣ, *Московскія Вѣдомости* находятъ что ландтагъ опредѣлилъ произвести либеральныя реформы. Стало-быть теперь, поступая логически, *Московскія Вѣдомости* должны бы радоваться реформамъ, о которыхъ сами онѣ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдываютъ намъ. По тому положенію какое онѣ сами себѣ присвоили, имъ слѣдовало бы гордиться тѣмъ что онѣ участвовали во внушеніи первой мысли объ этихъ реформахъ. Но что же оказывается? *Московскія Вѣдомости*, газета преимущественно заботившаяся о реформахъ, возстаетъ теперь противъ извѣстныхъ реформъ не потому что онѣ неудовлетворительны, — *она одобряетъ ихъ какъ первый шагъ*,—но потому что теперь реформы направленныя противъ привилегій внушаютъ ей только опасенія. Она ратуетъ противъ прогресса гдѣ онъ обнаруживается, по ея мнѣнію. Вотъ чѣмъ она практически доказываетъ свой либерализмъ."

Мы ни однимъ словомъ и ни въ какомъ отношеніи не одобряли реформъ задуманныхъ на лифляндскомъ ландтагѣ. Напротивъ, мы имѣемъ основаніе не одобрять ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, а что касается до оцѣнки этихъ реформъ съ либеральной точки зрѣнія, то вотъ какъ высказались мы по этому пункту въ № 87 нашей газеты: „Либеральнаго въ этомъ „преобразованіи нѣтъ ничего. Да и странно было бы ожидать либеральныхъ постановленій отъ лифляндскаго ландтага, „который еще недавно, послѣ долгихъ и „тщательныхъ совѣщаній, рѣшилъ не отступать отъ политики возгласившей въ „1857 году: *лучше пусть вся наша дворянская корпорація погибнетъ нежели „допустить чтобы хотя одинъ крестьянинъ сталъ поземельнымъ собственникомъ!* (См. брошюру *Russland hat allein noch die Wahl* барона Эрнста фонъ-Нолькена, стр. 99). „О какомъ тутъ либерализмѣ „можетъ идти рѣчь? Эти политики сочли „бы себя глубоко оскорбленными еслибъ „имъ приписали либеральныя наклонности. „Единственная цѣль упомянутаго преобразованія состоитъ только въ томъ чтобы „самыхъ привилегированныхъ и вліятельныхъ людей *нѣмецкаго* элемента въ краѣ „соединить въ оппозиціонную относительно Россіи массу."

Мы не отрицаемъ что у насъ есть люди и политическія партіи, которые весь либерализмъ полагаютъ только въ томъ чтобы вредить государству которое есть ихъ отечество и злоумышлять противъ его единства, цѣлости и прогресса. *Rigasche Zeitung* не ошибается если она не считаетъ насъ способными потворствовать подобному либерализму. Она можетъ не безъ основанія упрекнуть насъ еще въ томъ что мы уже давно разгадали сущность такъ-называемаго особливаго балтійскаго развитія. Намъ извѣстно что нѣкоторые люди имѣющіе способность являться сегодня ультра-консервативами, а завтра ультра-либералами, хлопочутъ о томъ чтобы преобразовать три балтійскія провинціи въ особое государство нѣмецкой національности, которое находилось бы только въ личной связи съ Россіей. Консервативно это или либерально? Ни то, ни другое. Это вовсе и не относится къ той категоріи понятій которая опредѣляется противоположностью терминовъ либеральнаго и консервативнаго. Это подлежитъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія; это падаетъ подъ категорію понятій политически-честнаго и нечестнаго. Мы не думаемъ чтобъ исполненіе программы гг. Бокка, Ширрена, Каттнера и др. было дѣломъ честнымъ и чтобъ оно могло разчитывать на сочувствіе добросовѣстныхъ и мыслящихъ лю-

дей въ Россіи какого бы то ни было оттѣнка мнѣній, либеральнаго или консервативнаго.

Для балтійскихъ провинцій есть программа, столько же честная сколько и либеральная, программа въ которой истинные интересы ихъ населеній совершенно совпадаютъ съ требованіями государства котораго онѣ часть. Провинціи эти дѣйствительнб нуждаются въ преобразованіяхъ, и не мы будемъ спорить съ *Rigasche Zeitung* что феодальное варварство должно въ нихъ уступить мѣсто лучшимъ порядкамъ. Путь для реформъ въ этихъ провинціяхъ предначертанъ; изводя ихъ изъ египетской тьмы безправія, онъ ведетъ ихъ къ полному органическому объединенію съ Россіей. Дѣйствительно ли хотите вы всесословнаго представительства интересовъ въ вашихъ провинціяхъ? Если у васъ нѣтъ затаенныхъ умысловъ, и вы желаете только либеральной реформы которая призвала бы ко гражданской жизни всѣ сословія въ вашемъ краѣ, то вы не можете придумать ничего лучшаго какъ просить чтобы вамъ были даны русскія земскія учрежденія на тѣхъ основаніяхъ какъ они установлены во внутреннихъ областяхъ Россіи. Это было бы истинно-либеральнымъ нововведеніемъ въ каждой изъ балтійскихъ провинцій. Это не то что два три привилегированные бюргера допущенные для вида въ собраніе рыцарей. Тутъ вправду были бы призваны всѣ сословія и интересы къ общему дѣлу. Земскія учрежденія подлежатъ развитію, многое въ нихъ можетъ быть усовершенствовано: что же? принявъ ихъ основанія, старайтесь объ ихъ упроченіи и развитіи вмѣстѣ съ остальною Россіей. Вы жалуетесь на отсутствіе правильной организаціи судебнаго дѣла въ вашемъ краѣ. Дѣйствительно, у васъ вмѣсто правосудія господствуетъ феодальное самоуправство, не имѣющее себѣ ничего подобнаго во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Россія обладаетъ теперь судоустройствомъ которое ни въ чемъ не уступаетъ учрежденіямъ этого рода въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ міра, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ выше судебныхъ порядковъ въ Германіи, къ которой вы тянетесь. Итакъ, вотъ еще либеральная и вмѣстѣ русская реформа для балтійскихъ провинцій, которая можетъ послужить имъ живою связью съ общимъ русскимъ отечествомъ. Все хорошее скоро входитъ въ жизнь. Судебныя учрежденія, при всей своей новости, сразу были усвоены русскою жизнію. Точно также могутъ они легко и успѣшно акклиматизоваться и въ балтійскихъ провинціяхъ. Нечего толковать о какихъ-то балтійскихъ особенностяхъ, которыя будто бы требуютъ видоизмѣненныхъ и приспособленныхъ къ нимъ судебныхъ учрежденій. Это только уловка разчитанная на то чтобы за одинъ разъ обмануть и правосудіе и Россію, — чтобы подъ новыми формами удержать старые порядки, а въ то же время еще болѣе отдѣлиться отъ Россіи. Судебныя учрежденія въ ихъ нынѣшней организаціи суть плодъ науки; подробности ихъ сообразуются не съ какими-либо особенностями среды въ которой они должны дѣйствовать, а съ великими цѣлями правосудія которыя вездѣ однѣ и тѣ же. Начнете ли приспособлять ихъ къ вашей средѣ, вы упустите эти цѣли и употребите реформу на дѣло совершенно ей постороннее. Не правосудіе должно приспособляться къ средѣ, а среда къ правосудію.

Эти и подобныя русскія реформы даютъ нашимъ окраинамъ наилучшія условія для того чтобы войти въ общую жизнь Русскаго государства. Это для нихъ путь столько же долга и чести, сколько и истинно либеральнаго прогресса. Съ другой стороны, органическое объединеніе окраинъ съ Россіей, на почвѣ нынѣ созидаемыхъ въ ней новыхъ порядковъ, послужитъ немаловажнымъ обезпеченіемъ прочности и правильнаго развитія самихъ этихъ порядковъ. Окраины, становясь солидарными съ цѣлою Россіей въ дѣлѣ цивилизаціи и прогресса, откажутся отъ своей особой политики, которая состоитъ въ томъ чтобы клеветать на все доброе возникающее въ Россіи, вредить всякому начинающемуся въ ней прогрессу, и вступать въ связь со всѣми дурными элементами противоборствующими правильному ходу ея дѣлъ. Увы! на нашихъ едва вступившихъ въ жизнь реформахъ уже оказывается дѣйствіе этихъ пагубныхъ вліяній...

Но посреди либеральныхъ реформъ въ которыхъ нуждаются балтійскія провинціи, отнюдь не слѣдуетъ забывать объ учебномъ дѣлѣ. Собственно учебное дѣло въ балтійскихъ провинціяхъ не нуждается въ реформѣ; оно поставлено тамъ гораздо лучше чѣмъ въ остальной Россіи. Но пора, давно пора, перестать посредствомъ школы

отчуждать эти провинціи отъ Россіи; пора поставить школы такъ чтобъ онѣ были бы могущественною силой сближенія. Балтійскія школы содержимыя правительствомъ должны же наконецъ стать русскими. Долѣе медлить реформою въ этомъ смыслѣ невозможно, а палліативныя мѣры никуда не годятся: онѣ не только безполезны, но вредны.

Кстати. Въ *Голосѣ* недавно извѣщалось что для устройства въ Ревелѣ, по примѣру Риги, особенной *русской* гимназіи, пріисканъ домъ, который можетъ быть купленъ за 43.000 р. Содержаніе же самой гимназіи будетъ обходиться казнѣ ежегодно 19.000 р. Вотъ одна изъ тѣхъ палліативныхъ мѣръ, которыя несомнѣнно болѣе вредны чѣмъ полезны! Подобныя мѣры вредны уже потому что онѣ робко крадутся окольными и начетистыми путями чтобъ обойти вопросъ требующій рѣшенія. Открывать учебныя заведенія для какого-то спеціальнаго русскаго населенія въ Ригѣ или Ревелѣ, не значитъ ли это признать что все остальное считается не русскимъ? Не значитъ ли это сказать что нѣмецкое и эстонское населеніе Эстляндской губерніи не нуждаются въ русскомъ языкѣ, такъ какъ для нихъ остаются особыя гимназіи которыя, по удаленіи изъ нихъ немногихъ *спеціально-русскихъ* учениковъ, поневолѣ должны сдѣлаться чисто нѣмецкими заведеніями? Не значитъ ли это увѣковѣчивать рознь между русскимъ и другими элементами, вмѣсто того чтобъ объединять всѣ прочіе въ первомъ?

Одна изъ главныхъ уловокъ балтійскихъ политиковъ, дабы помѣшать вторженію русскаго языка въ балтійскую Аркадію, состоитъ въ томъ чтобъ увѣрить правительство будто всякій успѣхъ въ обрусѣніи края будетъ стоить чрезвычайно дорого. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, небольшой городъ какъ Ревель, съ губерніей содержащею только 300.000 жителей (не много болѣе чѣмъ въ иномъ уѣздѣ внутренней Россіи): городъ этотъ не довольствуется *двумя гимназіями*, но имѣетъ будто бы надобность еще въ третьей, единственно для того чтобъ обучать какихъ-нибудь двѣ-три дюжины *русскихъ* мальчиковъ!

В.

Обращаемъ вниманіе читателей, интересующихся современнымъ состояніемъ военнаго дѣла въ Россіи, на помѣщенный въ официальномъ отдѣлѣ вчерашняго нумера приказъ Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстера. Въ этомъ приказѣ заключается краткій обзоръ дѣятельности главнаго артиллерійскаго управленія за послѣднія семь лѣтъ. Результаты этой дѣятельности поименованы въ 12-ти пунктахъ обнимающихъ почти всѣ отрасли артиллерійскаго дѣла: административную, техническую, ученую и учебную.

Особенно замѣчательны данныя которыми характеризуется нынѣшнее состояніе вооруженія артиллеріи и пѣхоты. Мы узнаемъ что полевая артиллерія, несмотря на увеличившійся въ послѣднее время ея составъ, вся получила новыя орудія заряжающіяся съ казенной части. Средства арсеналовъ расширены на столько что оба наши арсенала могутъ ежегодно готовить до 800 нарѣзныхъ орудій,—цифра достаточная даже для такой обширной артиллеріи, какова наша, состоящая почти изъ 200 батарей.

Къ началу лѣтнихъ сборовъ всѣ дѣйствующія пѣхотныя части будутъ вооружены ружьями Керика. Обстоятельство, наиболѣе заставлявшее сомнѣваться въ возможности быстраго перевооруженія пѣхоты,—встрѣтившіяся затрудненія по приготовленію металлическихъ патронныхъ гильзъ,—какъ видно изъ приказа, разрѣшается удовлетворительно, ибо въ настоящую минуту наши заводы готовятъ по 300.000 гильзъ ежедневно, а въ скоромъ времени цифра эта превзойдетъ полмилліона.

Наконецъ у насъ имѣется запасъ таинственныхъ скорострѣльныхъ пушекъ, надъ которыми производились опыты въ величайшемъ секретѣ, но которыя, какъ можно заключить по слухамъ, способны метать свинецъ безпрерывною струей на разстояніи до 800 саженъ дальности.

Приказъ не даетъ прямыхъ свѣдѣній только о состояніи вооруженія крѣпостной и береговой артиллеріи. Наша западная сухопутная оборонительная линія требуетъ для своего вооруженія до 2.500 нарѣзныхъ орудій, сверхъ гладкоствольныхъ, оставшихся отъ прежняго вооруженія; въ приказѣ сказано что исполненіе этой нелегкой задачи предвидится въ недалекомъ будущемъ. Финансовыя и техническія затрудненія встрѣчаются особенно при заготовленіи въ достаточномъ количествѣ исполинскихъ береговыхъ орудій, каковы девяти и один-

надцати-дюймовыя пушки стрѣляющія бомбой вѣсомъ въ 14 пудъ. Дабы нѣсколько характеризовать сущность и размѣръ этихъ затрудненій, надобно обратить вниманіе на тѣ пункты приказа, гдѣ говорится о самостоятельной разработкѣ вопросовъ по приготовленію различныхъ предметовъ вооруженія на отечественныхъ заводахъ, а также по проектированію оригинальныхъ орудій, снарядовъ и пр. Стремленіе освободиться отъ заграничныхъ заказовъ выразилось преимущественно въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ по заготовленію изъ бронзы такихъ орудій, которыя въ другихъ государствахъ приготовляются или изъ литой стали, или изъ кованнаго желѣза. Первая попытка готовить у себя орудія заряжающіяся съ казенной части, отливая ихъ изъ такъ называемой Обуховской стали, какъ извѣстно, окончилась полною неудачей: стальныя орудія наши разрывались даже на четвертомъ выстрѣлѣ. Неудача эта побудила главное артиллерійское управленіе вступить на совершенно оригинальный путь, и обратить особенное вниманіе на усовершенствованную отливку бронзовыхъ орудій. Произведены были изысканія надъ различными бронзовыми сплавами и способами отливки бронзы, причемъ особенно остановилъ на себѣ вниманіе способъ отливки послѣдовательными слоями. Нынѣ литейная Петербургскаго арсенала приспособляется къ отливкѣ изъ бронзы громадныхъ девятидюймовыхъ орудій для крѣпостей Керчи и Кронштадта. Вооруженіе этихъ двухъ крѣпостей состояло до сихъ поръ преимущественно изъ стальныхъ Круповскихъ орудій, за которыя мы платили по 15 и более тысячъ за штуку.

Самостоятельная разработка теоріи стрѣльбы повела къ проектированію нарѣзныхъ мортиръ появившихся впервые въ русской артиллеріи и уже заимствованныхъ отъ насъ прочими европейскими государствами. Въ настоящее время испытывается оригинальный, изобрѣтенный полковникомъ Михаловскимъ, снарядъ *шароха*, проектированіе котораго вызвано было тѣмъ недостаткомъ существующихъ гранатъ что куски ихъ, послѣ разрыва, по незначительности своего вѣса, имѣютъ слишкомъ малый разлетъ. Требовалось расширить сферу дѣйствія кусковъ, на которые граната разрывается отъ дѣйствія ударной трубки при паденіи на землю, и это повело къ изысканію надъ снарядомъ получившимъ оригинальное наименованіе *шарохи*. Сущность устройства шарохи, на сколько можно судить о немъ по сдѣланнымъ нами справкамъ, заключается въ томъ что снарядъ этотъ, разорвавшись при паденіи на мелкіе куски какъ и граната, отдѣляетъ отъ себя одинъ большой шаровидный кусокъ который послѣ разрыва шарохи продолжаетъ летѣть по направленію выстрѣла, и тѣмъ значительно увеличиваетъ сферу пораженія производимаго снарядомъ.

Самостоятельныя изслѣдованія нашихъ артиллеристовъ, какъ видно изъ перечня трудовъ сдѣланнаго въ приказѣ генералъ-фельдцейхмейстера, касались главнымъ образомъ орудій, лафетовъ, снарядовъ и пороха, то-есть того что относится къ вооруженію артиллеріи. Оружейное дѣло гораздо менѣе входило въ область этихъ изслѣдованій, и вотъ, мы думаемъ, одна изъ главныхъ причинъ почему это дѣло до послѣдняго времени шло менѣе удовлетворительно, и не могло получить безукоризненное разрѣшеніе. Будемъ надѣяться что вслѣдствіе принимаемыхъ нынѣ мѣръ и эта отрасль артиллерійскаго дѣла привлечетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей.

№ 46.

Москва, 2-го марта.

На дняхъ былъ публикованъ указъ объ установленіи наказанія за оглашеніе въ печати свѣдѣній, обнаруживаемыхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ. Что это, — шагъ впередъ въ духѣ началъ положенныхъ въ основу нашей судебной реформы? или, напротивъ, это нововведеніе есть шагъ назадъ и относится къ той же категоріи, какъ напримѣръ возстановленіе залога правой аппелляціи, отмѣненнаго новыми судебными уставами, или измѣненіе правилъ объ обязательности для всѣхъ гражданъ являться на судъ въ качествѣ свидѣтелей?

Новое узаконеніе наказываетъ арестомъ отъ семи дней до шести недѣль, а въ случаяхъ особенно важныхъ, заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ и сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ, по усмотрѣнію суда, штрафомъ до 500 рублей, тѣхъ кто до судебнаго засѣданія или прекращенія дѣла огласитъ въ пе-

чати свѣдѣнія обнаруженныя дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ, если это оглашеніе поведетъ къ болѣе или менѣе вреднымъ послѣдствіямъ. Это узаконеніе дополняетъ раздѣлъ VIII, гл. 5-ю Улож. о Нак., ту именно главу, которая трактуетъ о нарушеніи постановленій о печати, а потому съ перваго взгляда кажется что новое узаконеніе есть одна изъ тѣхъ шишекъ которыя сыплются на бѣднѣйшаго изъ Макаровъ — на русскую печать. Друзья печати, вѣроятно, не замедлятъ истолковать его въ этомъ смыслѣ: „нарушеніе постановленій о печати", „оглашеніе въ печати" — слова лакомыя для многихъ. Но намъ думается что не въ этихъ словахъ дѣло.

Канцелярская тайна была однимъ изъ главныхъ элементовъ не только судопроизводства, но и всѣхъ порядковъ прежняго времени. Въ Уложеніи о Наказаніяхъ, даже до сихъ поръ сохранилось нѣсколько дополнительныхъ статей, опредѣляющихъ наказанія за „разглашеніе дѣлъ, производимыхъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ" (ст. 419), за „сообщеніе мнѣнія судей или судебныхъ актовъ (ст. 421), наконецъ за „открытіе обвиненному въ преступленіи судебныхъ о немъ актовъ или иныхъ бумагъ" (ст. 422). Уставами 20-го ноября канцелярская тайна окончательно отмѣнена по отношеніи къ судебному производству и въ значительной мѣрѣ ограничена по отношенію къ предварительному слѣдствію, которое уже не составляетъ тайны для обвиняемаго. Онъ призывается или приводится къ слѣдствію не иначе какъ по формальной повѣсткѣ, заключающей въ себѣ, между прочимъ, и указаніе дѣла, по которому онъ призывается (Уст. Угол. Суд. ст 377, 378, 390); задержанному не позже сутокъ должно быть предъявлено постановленіе о взятіи его подъ стражу съ обозначеніемъ какъ преступленія въ которомъ онъ подозрѣвается, такъ и основаній задержанія (ст. 430 и 431); свидѣтельскія показанія предъявляются обвиняемому (ст. 448 Уст. Угол. Судопр.); ему безплатно выдаются копіи со всѣхъ протоколовъ и постановленій (ст. 475 и т. п.). Не составляя тайны для подсудимаго, слѣдственныя *дѣйствія* по самой логикѣ вещей не могутъ быть тайною и для другихъ лицъ. Свидѣтели дающіе показанія, окольные люди, эксперты, понятые — все это необходимые дѣятели предварительнаго слѣдствія, и законъ нигдѣ не беретъ съ нихъ слова молчать о томъ что имъ извѣстно. Такимъ образомъ происходящее на предварительномъ слѣдствіи проникаетъ въ публику, по силѣ самаго закона, и становится однимъ изъ элементовъ слагающагося публичнаго мнѣнія въ томъ или другомъ дѣлѣ.

Вредно ли это или нѣтъ? Старинное наше законодательство признавало это вреднымъ и потому воспрещало. Въ новомъ законодательствѣ, въ судебныхъ уставахъ, взглядъ измѣнился, и нельзя не признать что это не только не есть ошибка, а напротивъ шагъ впередъ. У всѣхъ передъ глазами фактъ весьма краснорѣчивый. Классическая страна уголовнаго процесса, Англія, вовсе не знаетъ тайнаго допроса; тамъ къ дознаніямъ и предварительнымъ слѣдствіямъ допускаются и защитники обвиняемыхъ, и постороннія лица. Предварительное слѣдствіемъ въ Англіи тоже что и судебный процессъ. Дѣло происходитъ предъ мировымъ или полицейскимъ судьей, но не судья, а преслѣдователь и защитникъ перекрестно допрашиваютъ свидѣтелей. Это какъ бы первая инстанція суда на которой рѣшается основательны ли улики для того чтобы подозрѣваемаго подвергнуть задержанію и затѣмъ разбирательству „большихъ" присяжныхъ отдающему подъ судъ. Нечего, слѣдовательно, и говорить о томъ, что тамъ допускается оглашеніе всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Худо ли отъ этого идетъ дѣло правосудія въ Англіи? При обсужденіи нашего устава уголовнаго судопроизводства было выражаемо мнѣніе о полномъ усвоеніи англійскаго слѣдственнаго порядка. Это мнѣніе было опровергнуто по разнымъ соображеніямъ. Мы думаемъ что они едва ли могутъ быть признаны вполнѣ основательными, но разбирать ихъ здѣсь не мѣсто. Фактъ состоитъ въ томъ что наши судебные уставы допустили гласность при предварительномъ слѣдствіи лишь въ извѣстномъ размѣрѣ. Они держались той теоріи что гласность въ этихъ случаяхъ иногда можетъ вести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Они не рѣшились предписать гласность, но съ другой стороны они и не запретили публикаціи результатовъ дознаній и предварительныхъ слѣдствій. Въ коммиссіи обсуждавшей уставъ уголовнаго судопроизводства, ни-

кто не сомнѣвался въ правѣ органовъ общественнаго мнѣнія сообщать публикѣ свѣдѣнія о случаяхъ и происшествіяхъ интересующихъ общество хотя бы эти случаи и происшествія были предметомъ предварительнаго слѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ совершается милліонная кража, публика узнаетъ о томъ и приходитъ въ движеніе; всѣ только и говорятъ о кражѣ, ловятъ извѣстія, взвѣшиваютъ ихъ, стараются ихъ повѣрить, развѣдываютъ о подробностяхъ: молчать ли при томъ печати и какая была бы польза отъ ея молчанія? Напротивъ не естественѣе ли ожидать что участіе печати въ большей части случаевъ будетъ содѣйствовать провѣркѣ ходящихъ въ обществѣ толковъ? Или вотъ разбита и ограблена почта, и преувеличенные слухи, колеблющіе довѣріе къ почтовымъ учрежденіямъ, къ безопасности путей сообщенія переходятъ изъ устъ въ уста; или два поѣзда столкнулись, множество убитыхъ, раненыхъ, всеобщая паника, всѣ спрашиваютъ подробностей: кому можетъ быть желательно чтобы печать молчала въ подобныхъ случаяхъ и глухіе слухи бродили въ публикѣ, не выходя наружу? Практика цивилизованныхъ странъ показываетъ что чѣмъ больше развивается гласность, тѣмъ менѣе бываетъ въ публикѣ нелѣпыхъ толковъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Но если относительно самыхъ происшествій бывающихъ предметомъ слѣдствія гласность оказывается полезною, то не можетъ быть чтобы тоже самое не прилагалось къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ. Сознавая это, наше новое судебное законодательство, не рѣшившееся, какъ сказано, предписать гласность какъ обязательную принадлежность предварительнаго слѣдствія, не рѣшилось и воспретить ее. Оно держалось въ этомъ отношеніи того порядка который принятъ для предварительныхъ слѣдствій въ государствахъ материка Европы. Во Франціи напримѣръ предварительное слѣдствіе производится не публично; но слѣдователю не воспрещается, когда онъ находитъ это полезнымъ, сообщать добываемые имъ результаты для публичнаго оглашенія, и мы еще на дняхъ видѣли что столь опытные слѣдственные судьи какъ тѣ коимъ ввѣрено было производство слѣдствія по дѣламъ Тропмана и принца Петра Бонапарта, не признавали нужнымъ держать свои дѣйствія въ тайнѣ, и что слѣдствіе отъ того много выиграло. Вообще опытъ показалъ что безъ посредства обширной, всеобщей гласности, въ иныхъ случаяхъ бываетъ почти невозможно добраться до истины, и что оглашеніе въ печати разныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, осмотровъ, даже вопросовъ, бываетъ сверхъ того полезно и для развитія въ народѣ того чувства, въ силу котораго преслѣдованіе преступленій становится дѣломъ общественнымъ. Но, скажутъ, не можетъ ли оглашеніе результатовъ слѣдствія иногда содѣйствовать сокрытію слѣдовъ преступленія и даже самихъ преступниковъ? Здравый смыслъ даетъ на это отрицательный отвѣтъ. Никакой преступникъ, никакой участникъ преступленія не ждетъ газетной статьи для того чтобы скрыться или изгладить слѣды преступленія. Мѣры къ этому принимаются обыкновенно предъ совершеніемъ преступленія и непосредственно послѣ него. Если что въ предварительномъ слѣдствіи нуждается въ тайнѣ, то лишь догадки, планы и соображенія слѣдователей. Но это и безъ всякаго особаго закона составляетъ тайну, и не можетъ быть оглашено въ печати, развѣ самъ слѣдователь вздумаетъ преждевременно хвалиться тонкостью своихъ соображеній; а тогда это его вина, и печать тутъ ни при чемъ: вѣдь говорливый слѣдователь можетъ повредить своему дѣлу и безъ печати. Заинтересованныя лица, конечно, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, за каждымъ его словомъ. Все что онъ разболтаетъ, гораздо скорѣе дойдетъ до нихъ чѣмъ проникнетъ въ печать. Для избѣжанія этого неудобства надобно осмотрительно выбирать слѣдователей и назначать на эту важную должность людей благонадежныхъ, такихъ къ которымъ бы не опасно было примѣнить принципъ несмѣняемости, и которыхъ бы поэтому не нужно было, прикомандировавъ къ министерству юстиціи, назначать исправляющими должность слѣдователей. Но до печати это не касается, и цѣль которую тутъ могло бы имѣть въ виду законодательство, законами о печати достигнута быть не можетъ. На обязанности печати остается лишь та необходимая воздержность, которая предписывается отвѣтственностью предъ частными лицами могущими потерпѣть ущербъ отъ оглашенія такихъ подробностей которыя потомъ, на судебномъ слѣдствіи, могутъ не подтвердиться.

Эта отвѣтственность, по нашимъ законамъ, очень строга и совершенно достаточно для огражденія лицъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ отъ преждевременныхъ легкомысленныхъ оглашеній.

Для полной оцѣнки новаго учрежденія остается припомнить статью 423 Улож. о наказаніяхъ, опредѣляющую наказаніе за разглашеніе дѣлъ подлежащихъ тайнѣ и недозволенное сообщеніе кому-либо бумагъ отмѣченныхъ надписью *секретно*. Сопоставленіе этой статьи съ новымъ указомъ заставляетъ иныхъ предполагать въ немъ намѣреніе превратить *всякое* слѣдствіе въ дѣло подлежащее тайнѣ, въ бумагу отмѣченную надписью *секретно*. Но по внимательномъ разсмотрѣніи такое толкованіе оказывается преувеличеннымъ. Отнюдь не *всякое* оглашеніе воспрещено; наказанію подлежитъ только оглашеніе имѣвшее послѣдствія болѣе или менѣе вредныя. Судъ который будетъ постановлять приговоръ на основаніи новаго указа, долженъ будетъ каждый разъ разрѣшать вопросъ имѣло ли оглашеніе вредныя послѣдствія. Онъ будетъ въ правѣ назначить наказаніе только въ случаѣ послѣдствій болѣе или менѣе вредныхъ и мѣра наказанія будетъ опредѣляться мѣрой причиненнаго вреда, а если вредъ оглашенія вовсе не можетъ быть доказанъ, то судъ, по точному смыслу новаго указа, долженъ будетъ отпустить подсудимаго. Между статьей 423 Уложенія о Наказаніяхъ и новымъ указомъ есть существенное различіе. Обнародованіе бумаги подъ которою есть подпись *секретно* подвергаетъ наказанію во всякомъ случаѣ, и судъ имѣетъ только удостовѣриться въ фактѣ что подобная бумага обнародована. Совсѣмъ не то въ случаѣ оглашенія результатовъ слѣдствія. Обвинительная власть, не ограничиваясь доказательствомъ факта оглашенія, должна убѣдить судъ въ томъ что оглашеніе повело къ послѣдствіямъ болѣе или менѣе вреднымъ.

Обращаясь, послѣ этихъ соображеній, къ поставленному выше вопросу о томъ къ какой категоріи мѣръ относится опубликованный на-дняхъ указъ, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Онъ, очевидно, не есть шагъ впередъ въ томъ направленіи какое принято въ судебныхъ уставахъ сравнительно съ прежнимъ судебнымъ законодательствомъ, но разнясь съ ними по направленію, онъ не есть съ другой стороны и такой шагъ коимъ дѣло было бы неизбѣжно отодвинуто назадъ. Прежде всего въ новомъ указѣ нельзя не видѣть нѣкотораго недовѣрія къ лицамъ производящимъ слѣдствія, ибо въ сущности онъ ставитъ ихъ подъ опеку издателей журналовъ. До сихъ поръ издатели журналовъ могли подвергаться отвѣтственности предъ судебнымъ вѣдомствомъ за оглашеніе лишь такихъ результатовъ слѣдствія которые были бы узнаны ими незаконнымъ путемъ, напримѣръ посредствомъ тайнаго списыванія документовъ, ихъ похищенія или какого-либо подобнаго предосудительнаго дѣйствія. Получая свои свѣдѣнія путемъ правильнымъ, повременныя изданія не были обязаны заботиться о томъ, не причинитъ ли оглашеніе этихъ свѣдѣній какого-либо вреда дальнѣйшему ходу слѣдствія. Сказать правду, объ этомъ и трудно судить кому-либо другому кромѣ слѣдователя, но тѣмъ не менѣе отвѣтственность за послѣдствія оглашенія возлагается нынѣ на печать. Отношенія значительно измѣняются и, надобно признаться, кругъ гласности, въ извѣстной степени, стѣсняется. Издатели газетъ и журналовъ принуждены будутъ много и долго подумать прежде нежели рѣшатся обнародовать что-либо оказывающееся результатомъ дознанія или слѣдствія. Они должны будутъ предварительно убѣдиться въ безвредности обнародованія, а такъ какъ это для нихъ очень трудно, то нельзя не ожидать что гласность въ этомъ дѣлѣ потерпитъ нѣкоторый ущербъ. Въ особенности будетъ стѣснена печать добросовѣстная, ибо охотники до скандаловъ будутъ имѣть полную возможность утверждать каждый разъ что сообщаемыя ими свѣдѣнія получены вслѣдствіе частныхъ распросовъ помимо слѣдствія.

Печать есть явленіе у насъ новое, и потому особенныя свойства ея еще мало извѣстны. Даже въ административныхъ сферахъ еще не успѣла распространиться та несомнѣнная истина что почти всякое стѣсненіе печати отзывается лишь на добросовѣстной ея части, а на часть недобросовѣстную вовсе не дѣйствуетъ и потому ничего дурнаго не устраняетъ, а напротивъ причиняетъ вредъ какъ поощреніе къ недобросовѣстности. Въ данномъ случаѣ напримѣръ будетъ опасно сообщать объ уголовныхъ происшествіяхъ вѣрныя свѣдѣнія, потому что они могутъ оказаться тождественными съ результатами слѣдствія, а

извращать или прикращивать дѣло можно будетъ безо всякого опасенія отвѣтственности по новому указу. Подвергать ходъ слѣдствія серіозной критикѣ будетъ нельзя, а вводить публику въ заблужденіе — тѣмъ болѣе можно чѣмъ болѣе стѣснены добросовѣстныя, основательныя возраженія.

№ 47.

Москва, 3-го марта.

Не разъ приходилось намъ замѣчать что быстро и постоянно возрастающая конкурренція Сѣверной Америки (отчасти Венгріи и Дунайскихъ Княжествъ) въ хлѣбной торговлѣ настоятельно требуетъ новыхъ заботъ объ улучшеніи и развитіи нашихъ путей сообщенія. Въ прошлый годъ конкурренція американскаго хлѣба приняла оборотъ весьма для насъ опасный. Намъ нельзя медлить принятіемъ даже чрезвычайныхъ мѣръ, направленныхъ къ возможному удешевленію подвоза хлѣба къ портамъ.

Мы отстали одинаково какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и по другимъ родамъ сообщеній. Въ водяныхъ сообщеніяхъ мы отстали можетъ быть всего болѣе. За послѣднее время эти сообщенія отодвинулись на второй планъ, и находящіяся на нихъ сооруженія пришли мѣстами въ совершенный упадокъ. Пароходство содержится у насъ только по большимъ рѣкамъ, и упрочилось собственно лишь на Волгѣ, на Дону и отчасти Днѣпру. По нашимъ каналамъ и рѣкамъ, входящимъ въ составъ искусственныхъ водяныхъ сообщеній, пароходы еще не ходятъ. Административные и полицейскіе порядки на нашихъ рѣкахъ и искусственныхъ сообщеніяхъ остаются почти безъ измѣненія и своей аномаліей оскорбляютъ глазъ посреди условій нашей новой общественной жизни.

Есть обстоятельства которыми еще болѣе усиливаются тяжкія послѣдствія нашей отсталости въ дѣлѣ путей сообщенія. Въ странахъ перерѣзанныхъ желѣзными дорогами, почти вездѣ значительное водяное сообщеніе дополняется болѣе или менѣе параллельнымъ рельсовымъ путемъ. Во Франціи средиземная желѣзная дорога идетъ вдоль Сены, Іоны, Бургундскаго канала, Соны и Роны. Параллельно каналу изъ Марны въ Рейнъ проходитъ Страсбургская линія. Между Чикаго и Нью-Йоркомъ поддерживается одинаково дѣятельное водяное и рельсовое движеніе. У насъ же, наоборотъ, желѣзныя дороги прошли параллельно шоссейнымъ путямъ; рельсы открываютъ у насъ большею частію новыя торговыя движенія, весьма мало помогая прежнимъ, производившимся по водѣ, что впрочемъ весьма раціонально. Вотъ отчего между прочимъ развитіе желѣзнодорожной сѣти не причинило у насъ даже временнаго уменьшенія судоходства. Напротивъ, на всѣхъ главныхъ путяхъ судоходство продолжаетъ возрастать.

Только успѣшное развитіе и той и другой сѣти сообщеній можетъ дать удовлетвореніе всѣмъ мѣстностямъ Имперіи, а равно потребностямъ дешевой и своевременной доставки грузовъ. Въ числѣ нашихъ искусственныхъ водяныхъ путей сообщенія первенствующее значеніе принадлежитъ Маріинской системѣ. Среди нашихъ каналовъ и шлюзованныхъ рѣкъ эта система занимаетъ такое же мѣсто какъ Николаевская дорога между рельсовыми путями. Въ послѣдніе годы до $^{4}/_{5}$ всего движенія между Волгой и Невой сосредоточилось на Маріинской системѣ, и только по этой системѣ производится обратное судоходство отъ Невы къ Волгѣ.

Безпорядки Николаевской желѣзной дороги задержали всѣ улучшенія на внутреннихъ дорогахъ. Неустройство Маріинской системы имѣло тѣ же послѣдствія въ сферѣ своего дѣйствія. Срочная и быстрая доставка по Волгѣ пароходами теряетъ теперь почти все свое значеніе, благодаря чрезвычайнымъ затрудненіямъ которыя испытываетъ судоходство на Шекснѣ въ шлюзахъ и каналахъ Маріинскаго водянаго пути. Серіозное улучшеніе каждой водяной сѣти, очевидно, слѣдовало начать именно съ Маріинской системы.

Администрація путей сообщенія уже давно сознаетъ недостаточность своихъ способовъ для улучшенія водяныхъ путей. Министерство путей сообщеній еще при генералъ-адъютантѣ Чевкинѣ и генералѣ Мельниковѣ обращалось къ содѣйствію купечества и судохозяевъ для устраненія безпорядковъ происходящихъ на Маріинской системѣ, для совѣщаній о необходимыхъ улучшеніяхъ и объ изысканіи средствъ на покрытіе причиняемыхъ ими расходовъ. При управленіи генерала-адъютанта Чевкина было рѣшено улучшить самое важ-

ное звено системы, Ладожскій каналъ. На устройство новаго канала въ обходъ Ладожскаго озера,—канала Александра II,—судопромышленники и торговцы согласились платить дополнительный судовый сборъ. Въ 1865 году, когда недостаточность произведенныхъ до тѣхъ поръ исправленій въ шлюзованной части этой системы обнаружилась вполнѣ, были составлены проекты дальнѣйшаго регулированія этой части, шлюзованія пороговъ Шексны, улучшенія русла и бичевниковъ Свири, Вытегры, Ковжи, Шексны, а также Онежскаго и Свирскаго каналовъ. По проекту исчислено было до 4 милл. руб., и въ апрѣлѣ прошлаго года купечество заявило что оно готово платить $^1/_2$% со стоимости грузовъ для погашенія этихъ 4 милл. руб. Купечество полагало что государственное казначейство отпуститъ сказанную сумму.

Въ концѣ 1866 года, по соглашенію между министромъ внутреннихъ дѣлъ и тогдашнимъ министромъ путей сообщенія инженеръ-генераломъ Мельниковымъ, была образована особая коммисія для изысканія средствъ къ прекращенію сибирской язвы на Маріинской системѣ и вообще для обсужденія мѣръ къ улучшенію этого водянаго пути. Техники этой коммисіи пришли къ заключенію что прежде проектированныя улучшенія недостаточны, и что для полнаго исправленія системы нужно по крайней мѣрѣ 7$^1/_2$ милл. рублей, а именно:

На улучшеніе Свирскаго и прорытіе новаго Свирскаго канала	1.050.838 р.
На регулированіе Свири	477.000 р.
На улучшеніе шлюзованной части системы	1.681.897 „
На шлюзованіе Шексны, устройство бечевниковъ и пр.	2.741.941 „
На устройство туажа по каналу Александра II и по Невѣ	1.500.000 „
	7.450 838 „

Теперь, въ видахъ улучшенія судоходства, производятся изысканія между Рыбинскомъ и Петербургомъ. Результатъ изысканій еще неизвѣстенъ, но уже достаточно объяснилось что государственному казначейству будетъ затруднительно выдать 7$^1/_2$ милл. рублей, вычисленныхъ по проектамъ, а можетъ-быть и гораздо болѣе, такъ какъ казенныя работы весьма рѣдко обходятся безъ дополнительныхъ смѣтъ. Министръ финансовъ, признавая необходимымъ улучшеніе Маріинской системы и одобряя предположеніе о дополнительномъ судовомъ сборѣ, не счелъ однако возможнымъ войти въ соображенія объ отпускѣ 8 милл. рублей прежде составленія подробныхъ проектовъ.

Начальство Маріинской системы заявило съ своей стороны что дополнительный процентный сборъ будетъ обременителенъ для судоходства. Этимъ заявленіемъ судоходное начальство такъ сказать неожиданно для самаго себя высказалось противъ сохраненія Маріинской системы въ казенномъ управленіи. Въ виду такого затрудненія, нынѣшнее управленіе водяными сообщеніями, какъ уже извѣстно изъ газетъ, дало дѣлу новый оборотъ. Нѣкоторымъ компетентнымъ лицамъ было предложено представить соображенія о томъ какое участіе можетъ принять купечество въ улучшеніи Маріинской системы, и какія мѣры для исправленія ея признаетъ оно необходимыми. Требовалось чтобъ эти соображенія были составлены по соглашенію съ биржевыми представителями Петербурга и Рыбинска. Купечество отозвалось что оно признаетъ неотложнымъ дѣломъ радикальное улучшеніе всей системы, чтобъ открылась возможность дешевой и скорой доставки грузовъ, обезпеченной отъ случайностей, отъ наводненій, чрезмѣрной убыли воды, падежей и пр. На случай еслибы правительство затруднилось значительностью расхода, купцы предложили собрать 10 милл. рублей, съ тѣмъ чтобы купечеству же было предоставлено взять на себя всѣ работы которыя можно окончить-де въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Предложеніе купечества было энергически поддержано министерствомъ путей сообщенія. Была составлена особая коммисія которая должна была привести въ ясность вопросы связанные съ этимъ предложеніемъ. Въ коммиссію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ князя Щербатова, завѣдующаго водяными сообщеніями, назначены были члены изъ техниковъ и отъ купечества.

Отъ судохозяевъ и купечества, заинтересованнаго въ дѣлѣ, въ коммиссію поступили многочисленныя заявленія. Намъ извѣстно что прошенія о передачѣ Маріинской системы въ руки купечества подписаны предсѣдателемъ Рыбинскаго биржеваго комитета и 68-ю петербургскими и рыбинскими биржевыми купцами, судохозяевами и лѣсопромышленниками. Казанскій биржевой комитетъ прислалъ телеграмму отъ тамошняго купечества. Изъ

Череповца, Бѣлозерска и Кириллова получены телеграммы за 57 подписями; купецъ Стерлядкинъ доставилъ телеграмму отъ рыбинскихъ судохозяевъ. Утверждають что 125 лицъ, заявившихъ коммиссіи просьбу о передачѣ Маріинской системы, ежегодно отправляютъ по ней отъ 35 до 40 милл. пудовъ изъ общаго числа 40 — 45 милл. пудовъ проходящихъ по этому водяному пути.

Начала выработанныя коммиссіей одобрены министромъ путей сообщенія, и для дальнѣйшей разработки вопроса составленъ особый комитетъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность предложенія сдѣланнаго купечествомъ? Указъ объ образованіи особаго комитета говоритъ что купечество предлагаетъ принять на себя радикальное устройство и эксплуатацію Маріинской системы „на началахъ закономъ допущенныхъ для акціонерныхъ компаній.“ Мы освѣдомились что купечество предлагаетъ взять на себя, за опредѣленную плату съ пуда, всѣ заботы по доставкѣ грузовъ до Петербурга, съ тѣмъ однакоже чтобы доставка эта производилась въ собственныхъ судахъ товароотправителей.

Передача водяныхъ сообщеній въ частныя руки, повидимому, вполнѣ соотвѣтствуетъ современному положенію дѣлъ. Она будетъ полезна не только потому что можетъ привлечь частные капиталы къ улучшенію водяной сѣти и освободить казну отъ обременительныхъ затратъ. Еще важнѣе то что казенное управленіе будетъ замѣнено дѣйствіями лицъ ближе заинтересованныхъ въ дѣлѣ и контролируемыхъ правительственною инспекціей. Правда, въ Англіи недавно получило большую силу мнѣніе требующее выкупа каналовъ казною, но надо принять въ соображеніе разницу между нашими и англійскими условіями этого дѣла. Упомянемъ хотя то обстоятельство что англійская администрація вполнѣ отвѣтственна предъ судомъ (для преслѣдованія чиновника предъ судомъ въ Англіи не требуется разрѣшенія его начальства) и бдительно контролируется общественнымъ мнѣніемъ. Въ этомъ лежитъ вся сущность дѣла и примѣръ Англіи скорѣе говоритъ въ пользу передачи водяныхъ сообщеній въ частныя руки у насъ.

Опытъ другихъ странъ, гдѣ искусственныя водяныя сообщенія давно уже находятся въ частныхъ рукахъ, облегчаетъ намъ возможность устроить дѣло вполнѣ основательно, принять должныя мѣры противъ всѣхъ случайностей и дать облегченіе всѣмъ замѣшаннымъ интересамъ.

Самая невыгодная сторона передачи путей сообщеній въ частныя руки заключается въ возникающей вслѣдствіе того монополіи. Будущія компаніи водяныхъ сообщеній должны быть прежде всего поставлены въ такія условія чтобъ онѣ не могли злоупотреблять своею монополіей. Водяные пути могутъ быть надежнѣе и легче обезпечены отъ этого рода злоупотребленій чѣмъ желѣзныя дороги. По водяному пути, на ряду съ судами передвигаемыми компаніей, удобно могутъ слѣдовать суда которыя ведутъ сами хозяева ихъ. Необходимо лишь чтобы на берегахъ находились лица которыя могли бы тотчасъ рѣшать споры между компаніей и судопромышленниками, предпочитающими собственную доставку. Право свободнаго прохода по водяному пути за опредѣленную закономъ плату не только дастъ дѣйствительное средство противъ монополіи, но и заставитъ компаніи заботиться объ удобствахъ и дешевизнѣ перевозки. Въ Англіи желѣзныя дороги должны открывать за опредѣленную плату свободный проходъ чужому подвижному составу; тоже обязательство лежитъ на многихъ тамошнихъ каналахъ.

Передача водяныхъ сообщеній въ частныя руки потребуетъ пересмотра законовъ о судоходствѣ. Это трудъ большой, но онъ необходимъ во всякомъ случаѣ. Законы о судоходствѣ, какъ и большая часть подобныхъ уставовъ, теперь почти не исполняются вслѣдствіе крайней неудовлетворительности многихъ статей ихъ. Успѣшный ходъ судовъ по Маріинской системѣ въ послѣдніе годы обусловливался посылкою на мѣсто особыхъ депутатовъ снабженныхъ полномочіями. И теперь купечество проситъ чтобы въ текущемъ году также была послана временная депутація на Маріинскую систему и учреждена разъѣздная полиція...

№ 48.

Москва, 4-го марта.

Условія передачи Маріинской системы въ вѣдѣніе акціонерной компаніи еще не опредѣлены окончательно. Представители купечества, судохозяевъ и лѣсопромышленниковъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ,

высказали свои соображенія лишь въ видѣ проекта, и заявили правительству что проектъ этотъ можетъ быть существенно измѣненъ по соглашенію казны съ уполномоченными отъ торговаго сословія. Комитетъ созванный теперь для рѣшенія вопроса не стѣсненъ, стало-быть, никакими предварительно утвержденными началами, и можетъ съ полною свободой разработать новый у насъ вопросъ о передачѣ водяныхъ сообщеній въ частныя руки и выяснить условія необходимыя для успѣха дѣла и для обезпеченія всѣхъ интересовъ.

Складочный капиталъ компаніи предполагается опредѣлить съ такимъ разчетомъ чтобъ онъ былъ вполнѣ достаточенъ какъ для радикальнаго гидротехническаго исправленія всей системы заразъ, такъ и для повсемѣстнаго улучшенія на ней способовъ движенія.

За послѣднія десять лѣтъ правительство пробовало на Маріинской системѣ отдѣльныя и постепенныя исправленія. До 600.000 р. издержано было на шлюзовую часть, на удлиненіе шлюзовъ и устройство втораго ряда камеръ; свыше 525.000 руб. истрачено на расширеніе Свирскаго канала; до 220.000 р. пошло на улучшеніе фарватера Шексны. Эти затраты, доходящія въ общей сложности до 1.366.000 руб., не принесли ожидаемой пользы. Оказалось что продолжавшееся разстройство одной какой-либо части системы уничтожало почти всѣ выгоды частныхъ улучшеній. Задержка судовъ на Шекснѣ усиливала скопленіе ихъ у шлюзовъ, а затѣмъ и въ каналахъ огибающихъ озера. Улучшеніе способовъ движенія судовъ, примѣненіе къ ней пара и туерной цѣпи, все это почти вовсе невозможно при теперешнемъ состояніи Маріинской системы. Мелководье, мели и извилины фарватера рѣкъ не только замедляютъ пароходство, но и дѣлаютъ его чрезвычайно дорогимъ, а иное время и вовсе невозможнымъ. Маріинская система находится теперь собственно въ такомъ неустройствѣ что по ней затруднительно всякое движеніе судовъ. Низкіе, неустроенные бечевники часто затопляются водою; тогда становится невозможною конная тяга и приходится двигать суда лямкою—самый медленный и тяжкій для рабочихъ способъ судоходства.

На Волгѣ паръ, благодаря свободной конкурренціи, почти окончательно прекратилъ тягу людьми и лошадьми и другіе способы доставки. Въ 1866 году, 85% всѣхъ грузовъ подвезенныхъ въ Рыбинскъ снизу были доставлены пароходами и кабестанами. Министерство путей сообщенія, сколько намъ извѣстно, полагаетъ что конечная цѣль улучшенія Маріинской системы должна состоять въ открытіи по всему ея протяженію пароходнаго движенія и преимущественно туажнаго. Туера, двигающіеся съ помощію цѣпи положенной на дно фарватера, могутъ везти болѣе груза и идти въ общей сложности скорѣе и безъ задержекъ.

Въ настоящее время, главные способы доставки по Маріинской системѣ состоятъ въ конной тягѣ, въ тягѣ лямкою и въ сплавѣ на потесяхъ и веслахъ. Суда тянутся людьми преимущественно въ средней шлюзованной части между Бѣлозерскомъ и Вытегрою. Сплавъ на потесяхъ и веслахъ производится внизъ по теченію Невы и Свири. Наиболѣе же распространенный по всѣмъ частямъ Маріинской системы способъ движенія состоитъ въ конной тягѣ. При этомъ способѣ суда идутъ чрезвычайно медленно: на проходъ Шексны конною тягой употребляется отъ 12 до 28 дней, а часто и гораздо болѣе. Между тѣмъ туера и пароходы могутъ проходить Шексну при томъ же состояніи пути въ 10—12 дней. Пароходство по Маріинской системѣ содержится только по Шекснѣ и Невѣ, но въ размѣрахъ самыхъ незначительныхъ. Частная промышленность уложила по Шекснѣ туерную цѣпь, по которой ходитъ впрочемъ только 9 туеровъ. По Шекснѣ и Невѣ рейсы дѣлаются весьма небольшимъ числомъ буксирныхъ пароходовъ.

Невыгодность существующихъ способовъ доставки по Маріинской системѣ обнаруживается наглядно изъ сравненія относящихся къ ней данныхъ съ подобными данными по Волжскому пароходству. Длина Маріинской системы, 1.080 верстъ, почти равна волжскому пути отъ устья Камы до Рыбинска. Послѣдній путь пароходы дѣлаютъ въ 2—3 недѣли и берутъ съ пуда среднимъ числомъ около 9 коп., между тѣмъ какъ на проходъ по Маріинской системѣ нужно въ благопріятные годы отъ 55 до 70 дней при цѣнѣ доставки отъ 10 до 14 к. с. съ пуда. Въ тѣ навигаціи когда являются затрудненія отъ половодья, недостатка воды, падежей и пр.,

провозная плата подымается до 16—20 коп. с. съ пуда и срокъ доставки доходитъ до трехъ и четырехъ мѣсяцевъ.

Конная тяга по Маріинской системѣ, и особенно по Шекснѣ, есть причина величайшихъ бѣдствій для всего смежнаго края. Правда ли, нѣтъ ли, что сибирская язва часто зараждается на самой Шекснѣ, но нѣтъ сомнѣнія что она принимаетъ размѣры бѣдствія на Шекснѣ, и что съ ея береговъ она разносится по всѣмъ сосѣднимъ уѣздамъ. Убытки отъ скотскихъ падежей для одной Новгородской губерніи простирались въ послѣднее время до полумилліона рублей ежегодно. Новоладожскій уѣздъ за послѣднія пять лѣтъ понесъ до 200.000 руб. убытку отъ сибирской язвы. Отъ нея гибнутъ и люди.

Польза пароваго движенія по Маріинской системѣ признается самимъ купечествомъ. Представители торговаго сословія ходатайствуютъ чтобы прежде всякихъ другихъ исправленій Маріинской системы, буде можно даже къ слѣдующему лѣту, туажъ былъ устроенъ по каналу Александра II и по Невѣ до Рожковской пристани. Капитанъ-лейтенантъ Племянниковъ, составившій проектъ туернаго пароходства по Невѣ, уступилъ свое предпріятіе уполномоченнымъ отъ торговаго сословія. Купечество обязывается подчинить туажъ по Невѣ и по новому Ладожскому каналу всѣмъ условіямъ какія будутъ постановлены для всей Маріинской системы.

Туерное пароходство можетъ быть устроено почти по всѣмъ частямъ Маріинскаго водянаго пути. Какъ кажется, правительство желаетъ чтобы компанія снабдила всю Маріинскую систему туажемъ. Къ сожалѣнію, рѣки и каналы, входящіе въ составъ Системы, недостаточно широки: по нимъ можно уложить только одну или двѣ туерныя цѣпи. Но ни одиночный, ни даже двойной туажъ не помѣшаютъ другимъ способамъ судоходства: буксировкѣ судовъ свободными пароходами, конной тягѣ и пр., и повидимому всѣ интересы требуютъ чтобы на Маріинской системѣ сохранилась конкурренція между разными способами движенія. Нормальныя фрахтовыя цѣны на Волгѣ сложились сперва подъ вліяніемъ сильнаго соперничества коноводнаго движенія, а потомъ вслѣдствіе конкурренціи между владѣльцами пароходовъ. Серіозная конкурренція будетъ невозможна если Маріинская система не останется открыта для свободнаго прохода судовъ, и если всѣ способы доставки будутъ находиться въ рукахъ одной компаніи. Право свободнаго прохода за извѣстную плату не только дастъ гарантію противъ злоупотребленій монополіи, но и будетъ могущественно содѣйствовать къ улучшенію самихъ способовъ тракціи. Компанія берущаяся за исправленіе Маріинской системы достаточно вознаградитъ себя сборомъ какъ съ туернаго движенія, такъ и съ судовъ идущихъ своими средствами.

Какъ бы ни торопиться улучшеніемъ Маріинской системы, дѣло это все-таки потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что ея теперешніе недостатки могутъ лишь постепенно исправляться. Туеры и пароходы на Шекснѣ, въ порогахъ и въ крутыхъ колѣнахъ, будутъ еще иногда по-прежнему прибѣгать къ помощи коноводнаго способа. Полная побѣда пара наступитъ на Маріинской системѣ также не вдругъ, и потому казалось бы справедливымъ обезпечить интересы и другихъ способовъ движенія, такъ чтобы лица промышляющія этими способами не были отданы въ полное распоряженіе всесильной компаніи. Интересы судоходныхъ промысловъ были бы достаточно обезпечены правомъ свободнаго прохода.

Для радикальнаго исправленія Маріинской системы и для устройства по ней туажа и другихъ способовъ движенія, компанія считаетъ достаточнымъ собрать 12 милл. руб. въ акціяхъ и облигаціяхъ. Сколько намъ извѣстно, компанія предполагаетъ погашать облигаціи ежегодно, а акціи по прошествіи 85 лѣтъ, то-есть того срока на который уступается пользованіе Маріинскою системой. Облигаціямъ полагаютъ присвоить 5% дохода и 1/12% погашенія, и затѣмъ разчитать предпріятіе такъ чтобъ оно давало на акціи около 5%.

Принимая на себя доставку грузовъ въ собственныхъ судахъ товароотправителей, компанія предполагаетъ взимать съ каждаго пуда грузовъ проходящихъ чрезъ всю Систему по $0,_{75}$ к. за 100 верстъ. Это составитъ за проходъ всей Системы около 8 коп. съ пуда. На товары же сплавляемые съ пристаней самой системы полагается наложить плату повыше, именно $0,_{85}$ к. съ пуда, или $4,_{5}$ к. за весь рейсъ.

Компанія разчитываетъ что при помянутыхъ фрахтахъ валовый доходъ ея бу-

детъ простираться до 2.400.000 р., изъ коихъ $^3/_5$ пойдутъ на администрацію и расходы тракціи, а $^2/_5$ на ремонтъ, на содержаніе правительственной инспекціи, въ запасный капиталъ и на уплату 5% по акціямъ и облигаціямъ съ погашеніемъ последнихъ. Компанія испрашиваетъ однако правительственную гарантію дохода на *часть* складочнаго капитала.

Маріинскій путь, какъ всѣ наши водяныя сообщенія, вопреки существованію четверте-копѣечнаго ($^1/_4$ %) сбора на ихъ улучшеніе, требовалъ отъ казны большихъ ежегодныхъ затратъ. На пристаняхъ Маріинской системы сбиралось менѣе 24 000 р судоходнаго сбора; большинство грузовъ шло съ низовьевъ Волги, гдѣ сборъ и платился. Вообще полагаютъ что вслѣдствіе низкой оцѣнки грузовъ казна врядъ ли выручала 70.000 р. съ судоходства по Маріинскому пути. Управленіе Маріинской системы стоитъ теперь казнѣ около 162.000 р. въ годъ; стоимость урочнаго ремонта доходитъ до 134.000 р. за послѣднее десятилѣтіе, а чрезвычайныя исправленія обходятся свыше 135.000 р. ежегодно. Казна должна такимъ образомъ приплачивать каждый годъ отъ 350.000 до 400.000 р.

Освобождая казну отъ столь значительнаго ежегоднаго расхода, компанія претендуетъ не на передачу ей части судоходнаго сбора, а на гарантію суммы гораздо болѣе значительной. Маріинская система есть самое оживленное искусственное водяное сообщеніе въ Россіи. Если гарантія потребуется по Маріинской системѣ, то сдача нашихъ остальныхъ водяныхъ сообщеній тѣмъ паче потребуетъ гарантіи, а гдѣ гарантируется доходъ, тамъ нельзя ожидать ни экономіи въ издержкахъ, ни должной заботливости и рачительности въ эксплуатаціи. Такимъ путемъ, особенно при полной монополіи компаніи на передвиженіе судовъ, можетъ быть потеряна вся выгода сдачи водяного сообщенія въ частное управленіе Если окажется что дѣйствительно частные капиталы не могутъ быть собраны безъ гарантіи правительства, то тогда станетъ еще нужнѣе допустить свободный проходъ судовъ передвигаемыхъ собственными средствами ихъ хозяевъ.

При сдачѣ водяныхъ сообщеній въ частныя руки, надобно чтобы правительство опредѣлило наибольшую величину провозной платы и обязательную скорость провоза. Кажется, потребуется установить нѣсколько нормъ соотвѣтственныхъ разной срочности доставки. Нормы эти могутъ быть также различны сообразно времени года и конструкціи судовъ на которыхъ будетъ погруженъ товаръ.

Мы не знаемъ на какихъ разсчетахъ основывались уполномоченные отъ купечества предлагая нормы въ $0_{,75}$ и $0_{,85}$ к. съ пуда за сто верстъ. Неизвѣстно также какой скорости доставки или какому способу передвиженія соотвѣтствуютъ эти нормы. Предполагается ли взимать означенную плату за туерное движеніе, или она будетъ установлена и для другихъ способовъ доставки, по крайней мѣрѣ на первое время? Заключаются ли въ установленныхъ нормахъ расходы на одну станцію, или же въ нихъ включены разные судоходные сборы на Ладожскій каналъ, на Рыбинскую судоходную расправу и на нѣкоторыя другія накладныя издержки?

Доставка грузовъ по Волгѣ буксирными пароходами, на протяженіи 1.000 верстъ отъ устьевъ Камы до Рыбинска, обходится среднимъ числомъ $8_{,47}$ к. съ пуда или около $0_{,85}$ со ста верстъ.*) Какъ мы видѣли выше, компанія принимаетъ такую же норму для грузовъ сплавляемыхъ съ пристаней Маріинской системы.

Провозная плата по Волгѣ $8_{,47}$ к. съ пуда распредѣляется, по даннымъ г. Барковскаго, слѣдующимъ образомъ:

За посуду	2
„ нагрузку	$0_{,3}$
„ сборовъ $^1/_4$%	$0_{,1}$
„ тракцію и проценты на капиталъ	$6_{,07}$
	$8_{,47}$ к. с.

Въ выше цитованной монографіи г. Барковскаго сообщается подробное распредѣленіе теперешней провозной платы по Маріинской системѣ. Приводимъ среднія цифры относящіеся къ двухсмѣнной и односмѣнной тягѣ:

	При односмѣнной тягѣ.	При двусмѣнной тягѣ.
На посуду и команду коренныхъ	$5_{,07}$	$5_{,07}$
Нагрузка	$0_{,33}$	$0_{,33}$
Разные сборы	$0_{,59}$	$0_{,59}$
Тракція (тяга)	$4_{,43}$	$5_{,35}$
% съ капитала и за трудъ	$1_{,56}$	$1_{,70}$
	$11_{,98}$	$13_{,04}$

*) *Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней рѣки Волги къ Петербургу.* Члена экспедиціи по изслѣдованію Верхневолжскаго бассейна И. Ѳ. Барковскаго. Спб. 1869.

Предложенія компаніи касаются собственно двухъ послѣднихъ статей издержекъ: на тягу и на вознагражденіе судопромышленниковъ за трудъ доставки. По сравненію съ волжскими цѣнами доставка по Маріинской системѣ, по нормамъ назначаемымъ торговыми депутатами, будетъ на двѣ коп. сер. дороже среднихъ цѣнъ и еще нѣсколько выше цѣнъ за доставку, существующихъ теперь на Маріинскомъ пути. Надобно еще замѣтить что мы взяли для сравненія среднія цѣны. Лѣтніе и осенніе рейсы по Волгѣ обходятся копѣйкою дешевле среднихъ цѣнъ. Приведенныя данныя заставляютъ полагать что цѣна опредѣленная компаніей можетъ быть значительно понижена. Доставка туерами, конечно, много ускоритъ перевозку, сдѣлаетъ ее правильнѣе и дастъ возможность вести срочную торговлю хлѣбомъ. Эти выгоды имѣютъ большое значеніе, но и въ виду несомнѣнныхъ выгодъ все-таки нельзя не желать пониженія цѣнъ, и пониженіе это очень возможно. Мы говоримъ такъ основываясь на цѣнахъ теперешняго туернаго пароходства по Шекснѣ. Извѣстно что на проводъ судна по Шекснѣ тратится теперь болѣе половины общей суммы издержекъ потребныхъ на тягу по всей Маріинской системѣ. Такъ, при двусиъномъ ходѣ изъ $5_{,35}$ к. расходовъ на тракцію, издерживается на Шекснѣ $3_{,05}$ коп. Что же берутъ туера теперь, при всевозможныхъ затрудненіяхъ судоходства по Шекснѣ? Нормальную плату за доставку туерами, какъ свидѣтельствуетъ г. Барковскій, можно считать въ 4 к. съ пуда или всего на $0_{,35}$ к. дороже доставки конною тягой.

Еслибы въ самомъ началѣ трудно было установить денежныя нормы, то выходъ изъ затрудненія все же могла бы дать только конкурренція, то-есть право прохода предоставленное судамъ которыя почему-либо не пожелаютъ пользоваться способами передвиженія предлагаемыми компаніей.

Въ заключеніе повторимъ еще разъ что всѣ условія о коихъ мы говорили представляютъ только предположенія подлежащія дальнѣйшей разработкѣ и быть-можетъ радикальнымъ измѣненіямъ. Мы полагаемъ что Маріинская система можетъ быть передана въ вѣдѣніе акціонерной компаніи на условіяхъ выгодныхъ какъ для цей самой, такъ и для всѣхъ прочихъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ интересовъ. Надо надѣяться что особый комитетъ по Маріинской системѣ, въ составъ коего входятъ техники, члены отъ разныхъ министерствъ и представители торговли, достигнетъ результатовъ вполнѣ удовлетворительныхъ. Для большаго обезпеченія успѣха дѣла было бы, кажется, полезно сообщить полную гласность занятіямъ комитета.

№ 49.

Москва, 5-го марта.

Въ № 26 нашей газеты мы упоминали что отставныхъ солдатъ изъ Латышей и Эстовъ стараются удалять съ мѣста ихъ родины дабы они не могли вносить съ собою русскій элементъ въ среду своихъ соплеменниковъ. Мы обращали вниманіе на удивительный фактъ что латышскихъ и эстонскихъ солдатъ въ балтійскомъ краѣ, особенно въ селеніяхъ, *почти вовсе нѣтъ*; гдѣ они находятся, мы не могли доискаться. Теперь мы можемъ представить наилучшія свѣдѣнія о ихъ житьѣ-бытьѣ, почерпнутыя прямо *изъ нѣмецкихъ источниковъ*. Въ Рижской газетѣ *Zeitung für Stadt und Land*, № 43, помѣщено перепечатанное изъ *Mittheilungen und Nachrichten*, и идущее изъ Воронежа заявленіе пастора Фере *болѣе чѣмъ о сотнѣ отставныхъ солдатъ латышскаго племени, поселившихся въ прошедшемъ году со своими семействами* въ Богучарскомъ и Острогожскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Въ этомъ сообщеніи упомянутаго пастора указаны причины вынудившія солдатъ покинуть родину и искать себѣ пріюта и хлѣба во внутреннихъ губерніяхъ. „Въ балтійскихъ губерніяхъ," говоритъ пасторъ Фере, „нѣтъ свободныхъ крестьянскихъ земельныхъ участковъ, на которыхъ можно было бы селить вышедшихъ въ чистую отставку солдатъ латышскаго и эстонскаго происхожденія, а потому многіе латышскіе солдаты переселились въ разныя губерніи Россіи." Въ Воронежскую прибыло въ концѣ 1868 года 50 солдатскихъ семействъ. Они были въ крайней нищетѣ. Ихъ помѣстили въ этапномъ домѣ. Здѣсь въ короткое время умерло 14 Латышей, да на пути къ мѣстамъ ихъ окончательнаго поселенія перемерло, по словамъ пастора Фере, еще столько же. Они были размѣщены по кре-

-стьянскимъ обществамъ которымъ было предписано нарѣзать имъ по семи десятинъ на брата и которыя исполнили это, но лишь относительно наличныхъ отставныхъ солдатъ, а сироты оставшіяся послѣ умершихъ не получили ничего. Пасторъ Фере сѣтуетъ что солдаты получившіе надѣлъ распредѣлены по разнымъ сельскимъ обществамъ на разстояніи многихъ верстъ другъ отъ друга, лишенные утѣшеній и назиданій своей церкви.

Письмо пастора Фере, однако, не касается главнаго пункта, именно того замѣчательнаго явленія что тѣ самые власти которыя такъ энергически противодѣйствуютъ выселенію беззѳмельныхъ крестьянъ изъ балтійскаго края, сами побуждали этихъ отставныхъ солдатъ, и притомъ всѣхъ вмѣстѣ, переселиться въ Воронежскую губернію. Такая непослѣдовательность объясняется лишь опасеніемъ чтобъ отставные солдаты не стали орудіемъ распространенія русскаго языка между своими соплеменниками въ Курляндіи и Лифляндіи, для которыхъ руссскій языкъ есть жизненная потребность. И вотъ что еще при этомъ любопытно: тѣ самые бароны, которые съ такою неслыханною въ лютеранской церкви ревностію ратуютъ за нее какъ за единоспасающую вѣру, бросаютъ тѣмъ не менѣе своихъ единовѣрцевъ, солдатъ лютеранскаго исповѣданія, посреди православныхъ населеній во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ они совершенно разобщены съ своею церковью, и потому такъ легко могутъ переходить въ столь ненавистную балтійскимъ баронамъ греко-восточную церковь! Не очевидно ли что балтійскіе лютеранскіе церковники вовсе не о религіозномъ дѣлѣ хлопочутъ, а только о національно-политическомъ нѣмецкомъ учрежденіи каковое видятъ они въ церкви?

Считаемъ должнымъ еще разъ настоятельно указать на то обстоятельство что съ попеченіемъ объ отставныхъ солдатахъ изъ балтійскаго края, которое предписывается справедливостію, тѣсно связано и самое рѣшеніе вопроса относительно обрусѣнія балтійскихъ губерній. На родинѣ своей, многіе изъ этихъ отставныхъ солдатъ могли бы быть весьма пригодными учителями русскаго языка между своими единоплеменниками, особенно при нѣкоторой поддержкѣ со стороны правительства,—а въ Воронежѣ они почти ни на что не нужны.

Русская публика, которой въ послѣдніе годы довелось такъ много читать и слышать о балтійскихъ провинціяхъ, причемъ ей сообщалось много всякихъ свѣдѣній о разныхъ и якобы приводимыхъ въ исполненіе мѣрахъ къ объединенію этого края съ Россіей,—русская публика легко могла придти къ весьма ошибочному мнѣнію что дѣла въ этихъ провинціяхъ, хотя и очень медленно, а все-таки понемногу подвигаются въ русскомъ смыслѣ. Публика наша быть-можетъ думаетъ про себя что русская печать, увлекаемая излишнею, хотя и похвальною ревностію, изображаетъ слишкомъ темными красками современное положеніе дѣлъ на балтійскомъ поморьѣ. Но русская печать далеко не такъ ярко характеризовала направленіе господствующее въ дѣлахъ балтійскаго края какъ сами нѣмецкіе патріоты этого края, какъ вліятельные вожаки антирусскаго движенія которое взяло такъ верхъ, и насмѣхивается надъ всѣми предположеніями и программами русской государственной власти. Въ прошломъ году, въ *St.-Petersburger Zeitung*, была всѣми замѣчена статья присланная изъ Дерпта, и обличающая въ своемъ авторѣ чрезвычайно близкое знакомство съ актами Дерптскаго учебнаго округа; въ статьѣ этой было откровенно сказано что „никогда еще въ балтійскихъ провинціяхъ русскій языкъ не былъ такъ мало изучаемъ какъ въ послѣдніе годы." Случай котораго мы теперь коснулись доказываетъ, въ другой сферѣ, всю правду этого показанія. Вотъ слова *нѣмецкаго* и лютеранскаго пастора Фере, воспроизведенныя въ *Zeitung für Stadt und Land*, газетѣ служащей самымъ безусловнымъ органомъ балтійской политики: „Верховная Власть," пишетъ упомянутое духовное лицо, „за нѣсколько лѣтъ предъ симъ „повелѣла чтобы солдаты при вступленіи „своемъ на военную службу не были исключаемы изъ своихъ прежнихъ обществъ, „и напротивъ, по увольненіи въ безсрочный отпускъ или по полученіи полной „отставки, могли вступать во владѣніе „своею долей въ общественной землѣ, но „въ балтійскихъ провинціяхъ не имѣется „такой земли."

Этимъ свѣдѣніемъ мы обязаны тому случаю что пасторъ Фере вознамѣрился, чрезъ посредство балтійскихъ газетъ, открыть денежный сборъ въ пользу несчастныхъ дошедшихъ до крайней нищеты отставныхъ солдатъ изъ Латышей. Пасторъ Фере

заявляетъ, на основаніи показаній этихъ людей, что имъ въ 1868 году курляндскими мѣстными властями было офиціально объявлено: „въ Воронежской губерніи будетъ-де имъ данъ отъ казны лѣсъ на постройку избъ и по 40 рублей каждому на первоначальное обзаведеніе.“ Но въ Воронежѣ лишь весьма немногіе получили такое вспоможеніе; въ Курляндіи же явно хотѣли только отдѣлаться какъ-нибудь отъ язвы руссификаціи. Ни о религіозномъ, ни объ экономическомъ обезпеченіи этихъ наиболѣе безпомощныхъ и самыхъ безпріютныхъ изо всѣхъ русскихъ отставныхъ солдатъ балтійскіе политики и не думали. Пусть внутреннія губерніи заботятся какъ знаютъ объ участи этихъ людей для которыхъ не обрѣтается земли въ балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ числится не болѣе 1.000 человѣкъ на квадратную милю, между тѣмъ какъ въ Воронежской губерніи числится на квадратную милю 1.600 человѣкъ! Бѣдный, бѣдный край! Твои дѣти, добросовѣстно отбывъ самую тяжкую изъ всѣхъ государственныхъ повинностей, не находятъ пріюта на твоей землѣ, изгоняются на чужбину, и должны идти куда глаза глядятъ и побираться по міру! Не всегда же доведется имъ натолкнуться на такую добрую душу какъ достопочтенный пасторъ Фере, который сжалился надъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и хочетъ по крайней мѣрѣ удовлетворить ихъ религіознымъ потребностямъ, если благотворительные люди соберутъ на сей предметъ пособія!...

Но какая же вина, въ чемъ же преступленіе этихъ горемыкъ, которые не только понесли всю тяготу службы какую несетъ всякій русскій солдатъ, но еще и бо́льшую чѣмъ другіе,—ибо кромѣ трудности военной службы они должны были побѣдить трудности языка безъ котораго не могли шагу ступить на службѣ и отъ котораго держались въ полнѣйшемъ отчужденіи на своей родинѣ? Какая вина ихъ? Вины никакой, кромѣ только той что они могутъ оказать государству новую услугу, внося съ собою въ среду своихъ соплеменниковъ русскій языкъ и русское чувство... Что въ другихъ странахъ послужило бы каждому въ выгоду, что улучшило бы положеніе человѣка, то обращается этимъ людямъ въ пагубу. Вина ихъ заключается въ ихъ полезности государству, въ ихъ цѣнности для русскаго дѣла.

Примѣръ этотъ показываетъ яснѣе всякаго другаго что за послѣднее время въ балтійскихъ провинціяхъ государственный интересъ не только не укрѣпляется, но все никнетъ и слабѣетъ, несмотря на всѣ толки о реформахъ и не смотря на реформы которыя совершаются въ двухъ-трехъ канцеляріяхъ по части переписки. Иначе обозначилось бы положеніе дѣлъ еслибъ отставные солдаты латышскаго и эстонскаго племени,—соотвѣтственно той особой пользѣ какую могутъ они приносить государственнымъ интересамъ,—находили на своей родинѣ болѣе обезпеченное положеніе нежели въ другихъ мѣстахъ, и даже относительно лучшее чѣмъ солдаты другихъ русскихъ областей на своей родинѣ. Это относительно лучшее положеніе само собою возникло бы для нихъ, еслибъ имъ не только предоставлялась земля на ихъ родинѣ, но еслибы грамотнымъ изъ нихъ и хорошо говорящимъ по-русски давалась маленькая ежегодная субсидія на содержаніе сельскихъ школъ, на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ русскихъ учебниковъ и школьныхъ матеріаловъ. Отставной солдатъ голъ какъ соколъ. На первое заведеніе русской школы понадобилось бы солдату всего какихъ-нибудь рублей десять, много-много тридцать. Такого же пособія было бы достаточно и для ежегодной поддержки школы. Содержанію школы должны способствовать балтійскія крестьянскія общества, точно также какъ крестьянскія общества во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и въ то же время наглѣе отговорки что въ балтійскихъ губерніяхъ нѣтъ свободной крестьянской земли: можетъ ли тамъ быть свободная крестьянская земля, когда тамъ нѣтъ крестьянскихъ надѣловъ, и когда вся крестьянская земля раздается помѣщиками въ аренду? Во внутреннихъ губерніяхъ не вырастаютъ же каждый годъ сотни и тысячи десятинъ на обезпеченіе отставныхъ солдатъ; но какъ тамъ, такъ и тутъ, существованіе солдата должно быть обезпечено изъ существующихъ средствъ. Кто владѣлецъ земли, баронъ ли то или крестьянинъ, это дѣло постороннее. Для барона, напротивъ, должно быть легче чѣмъ для бѣднаго крестьянина удѣлить клочокъ земли отставному солдату. Отъ обязанности способствовать оборонѣ государства, по крайней мѣрѣ косвенно, никто не можетъ считать себя совершенно

освобожденнымъ. Во внутреннихъ губерніяхъ въ подобномъ случаѣ, никому не могло бы придти въ голову перебрасывать эту обязанность на другія губерніи. А вотъ изъ Лифляндской или изъ Курляндской губерніи, преспокойно высылаютъ солдатъ туземцевъ, имѣющихъ право на обезпеченіе, искать его въ другихъ губерніяхъ...

№ 50.

Москва, 6-го марта.

Въ правительствующемъ сенатѣ недавно разсматривалось дѣло о пререканіяхъ возникшихъ между Эстляндскимъ губернскимъ правленіемъ и Ревельскимъ городовымъ магистратомъ, по вопросу о правѣ иногородныхъ мастеровъ производить ремесло безъ вступленія въ составъ мѣстнаго гражданства. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Правительственнаго Вѣстника* (46) напечатано полное изложеніе этого дѣла.

Сапожныхъ дѣлъ мастеръ Гейнрихсенъ пріобрѣлъ себѣ званіе мастера въ Петербургѣ и хотѣлъ основаться въ городѣ Ревелѣ. Званіе пріобрѣтенное имъ въ Петербургѣ давало ему право заниматься своимъ ремесломъ по всей Имперіи, со взятіемъ установленнаго свидѣтельства. Но Ревельскій магистратъ нашелъ что городъ Ревель имѣетъ свои привилегіи, и общій законъ на него не распространяется. Онъ нашелъ что въ силу капитуляціи 29-го сентября 1710 года и устава о ремесленныхъ цехахъ города Ревеля 19-го сентября 1822 года, никто безъ пріобрѣтенія правъ мѣстнаго гражданства и вступленія въ мѣстный цехъ не можетъ производить въ Ревелѣ городскаго промысла. На этихъ основаніяхъ магистратъ отказалъ Гейнрихсену въ позволеніи производить ремесла въ Ревелѣ. Это было 7-го іюня 1866 года. Гейнрихсенъ обжаловалъ это опредѣленіе Эстляндскому губернскому правленію, которое уже имѣло въ виду Высочайше утвержденное 4-го іюля 1866 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ что въ балтійскихъ губерніяхъ даже и не принадлежащимъ къ цеху лицамъ дозволяется производить ремесла всякаго рода и содержать промышленныя заведенія. Само собою разумѣется что оно отмѣнило опредѣленіе Ревельскаго магистрата, и дозволило Гейнриксену производить ремесло въ Ревелѣ. Магистратъ же, несмотря на это, все-таки счелъ себя въ правѣ жаловаться въ сенатъ, который, въ виду столь яснаго закона, оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій.

Такой образъ дѣйствій Ревельскаго магистрата тѣмъ болѣе страненъ что законъ въ Уложеніи о наказаніяхъ грозитъ тяжкими карами за неприведеніе въ исполненіе Высочайшихъ указовъ; если это сдѣлано по легкомыслію и небрежности, то виновные подвергаются или отрѣшенію отъ должности, или исключенію изъ службы, а когда это дѣлается изъ корыстныхъ или иныхъ видовъ,—то десяти- или двѣнадцати-лѣтней каторжной работѣ. Конечно, въ настоящемъ случаѣ нѣтъ самаго преступленія или покушенія на оное, но есть аналогія довольно близкая. Несомнѣнно что *иные* виды руководили Ревельскимъ магистратомъ, когда онъ, не желая знать законъ и обходя его, старался, путемъ Богъ знаетъ какихъ софизмовъ и ухищреній, достигнуть результатовъ діаметрально противоположныхъ ясному какъ день и не допускающему никакихъ сомнѣній закону.

А между тѣмъ, кстати, въ сегодняшнемъ нумерѣ *Вѣсти* прочли мы статейку въ апологію балтійскихъ „Нѣмцевъ“ и въ назиданіе русскому общественному мнѣнію. Въ балтійскихъ провинціяхъ все обстояло благополучно, но вотъ явилась русская печать которая ради пріобрѣтенія подписчиковъ возбудила въ Россіи проклятый патріотизмъ, и тихая идиллія балтійской жизни была нарушена, этотъ миръ спокойствія и вѣрнопреданности былъ возмущенъ. Всему виною русскій патріотизмъ. „Сословія „другъ другу враждебныя,“ говоритъ публицистъ *Вѣсти*, „соединяются въ виду „общей опасности. Правительство имѣло „вѣрныхъ слугъ, и чуть ли не видитъ предъ „собой недоумѣвающихъ иностранцевъ, за„пуганныхъ шумомъ, котораго правитель„ство не желало и не возбуждало. Кто же „виноватъ? повторяемъ. Людей выводятъ „изъ терпѣнія не новыми законами о ко„торыхъ не слышно, а совѣтами правитель„ству разъ навсегда покончить съ Нѣмца„ми. Такіе люди насилуютъ фантазію что„бы найти средства къ оборонѣ, и если „увлекутся до предѣловъ фантастическихъ, „то конечно виноваты не столько они, сколь„ко тѣ которые выводили ихъ изъ тер„пѣнія.“

Еслибъ это было напечатано не въ *Вѣсти*,

то, читая эти инсинуаціи чисто балтійскаго пошиба, пришлось бы воскликнуть припѣвомъ графа Соллогуба: „благодарю, не ожидалъ."

„Покончить съ Нѣмцами!..." Что же *Вѣсть* не договариваетъ? Какъ же это хотѣли съ ними покончить? Перебить ихъ, или по крайней мѣрѣ отнять у нихъ имущество? Правда, въ Россіи нѣкіе нигилисты, нанимаемые Богъ вѣдаетъ на чьи деньги, писали въ подметныхъ прокламаціяхъ объ истребленіи помѣщиковъ, но только русскихъ, а о балтійскихъ никогда ничего въ этомъ родѣ упоминаемо не было. Напротивъ, всѣмъ извѣстно что наши коммунисты и соціалисты, не признающіе полевыхъ межей внутри Россіи и осмѣивающіе русскій патріотизмъ въ Москвѣ, весьма дружелюбно расположены и къ праву собственности и къ патріотизму анти-русскому въ Ригѣ и Вильнѣ.

Вопросъ вовсе не въ Нѣмцахъ, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Вопросъ въ томъ, должны ли эти провинціи быть частью Русскаго государства, или страною нѣмецкою? Но этотъ вопросъ возникъ не вчера, и отнюдь не отъ уличныхъ крикуновъ. Вопросъ этотъ поставленъ русскою исторіей и предрѣшенъ словомъ русскаго Государя. Обстоятельства сложились такъ что со стороны Россіи всякое колебаніе и промедленіе въ этомъ вопросѣ означало бы рѣшеніе его въ противную сторону.

Вѣсть ставитъ на видъ преувеличенные толки о смыслѣ послѣдняго лифляндскаго челобитья. Лифляндское дворянство не заходило-де такъ далеко, какъ сообщалось въ русскихъ газетахъ. Оно не ходатайствовало о сліяніи трехъ провинцій воедино съ общимъ представительнымъ сеймомъ. *Вѣсть* говоритъ: „Лифляндскій адресъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ закона о смѣшанныхъ бракахъ, то-есть, проситъ о болѣе широкомъ примѣненіи къ законодательству принципа свободы совѣсти." Это невѣрно. Объ отмѣнѣ закона о смѣшанныхъ бракахъ лифляндскому дворянству ходатайствовать было нечего, ибо дѣйствіе этого закона давно уже отмѣнено въ трехъ балтійскихъ провинціяхъ. О свободѣ совѣсти тоже не было бы никакого смысла ходатайствовать. Рѣчь въ балтійскихъ губерніяхъ идетъ не о свободѣ чего бы то ни было, а объ установленіи власти чуждой и противной русскому государству. Требуется признаніе государственнаго значенія за лютеранскою церковью въ качествѣ нѣмецкаго учрежденія, требуется признаніе полной обязательной силы за нѣмецкимъ языкомъ. Въ виду, такимъ образомъ, имѣется полное отчужденіе трехъ провинцій отъ русскаго государства. Но каковъ бы ни былъ въ томъ или другомъ случаѣ предметъ притязаній, сила въ тѣхъ основаніяхъ на которыя они опираются. Не въ одиночку какіе-нибудь эксцентрики, но цѣлое дворянство, въ своемъ собраніи, по долгомъ совѣщаніи, постановляетъ ходатайствовать о томъ-то и томъ-то, на основаніи права выводимаго изъ трактатовъ коими будто бы опредѣляются отношенія Лифляндіи къ Россіи и ея Государю. Эти международные акты суть Нистадскій договоръ и капитуляціи Петра Великаго!!!

№ 51.

Москва, 7-го марта.

Преобразованіе системы государственной отчетности, съ самаго начала, оставалось какъ бы въ тѣни почти незамѣченное публикой. Удивляться тутъ нечему. Въ дѣятельности контрольныхъ учрежденій мало сторонъ которыя бы находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ общественными и житейскими интересами. Ея результаты отзываются лишь на ходѣ дѣлъ по другимъ правительственнымъ вѣдомствамъ, да и то не очень скоро. Чуть ли не единственная сторона контрольной реформы бывшая у всѣхъ на виду—введеніе единства кассъ — встрѣчена была въ публикѣ скорѣе неблагопріятно чѣмъ сочувственно: полезные результаты этой мѣры въ казначейскомъ отношеніи могли обнаружиться только въ будущемъ, а неудобство новыхъ, непривычныхъ порядковъ было для публики очевидно. Но мало-по-малу начинаетъ выступать и дѣлаться общеизвѣстнымъ въ своей цѣлости то значеніе которое могутъ пріобрѣсти контрольныя учрежденія, если будутъ дѣйствовать согласно установившей ихъ законодательной мысли.

Уже теперь, благодаря контролю, обнаружились, съ большею противъ прежняго явностью, нѣкоторые крупные факты изъ области администраціи нашихъ финансовъ, и слѣдствіемъ того было что на эти факты обращено вниманіе въ разныхъ сфе-

рахъ. Оказалось напримѣръ, какъ мы уже упоминали, что ошибочность въ ту и другую сторону смѣтныхъ предположеній относительно доходовъ колеблется у насъ въ предѣлахъ огромной цифры сорока милліоновъ; обнаружилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, что размѣръ сверхбюджетныхъ ассигновокъ простирается у насъ ежегодно до тридцати милліоновъ, и притомъ стало яснымъ что большая часть этихъ сверхсмѣтныхъ ассигновокъ не оправдываются экстренными обстоятельствами. Полезное само по себѣ, разъясненіе этой стороны нашихъ бюджетовъ не осталось и безъ практическихъ результатовъ: разумѣемъ ограниченіе сверхсмѣтныхъ ассигновокъ и установленіе сроковъ для представленія дополнительныхъ смѣтъ. Далѣе было раскрыто что при прежней разрозненности кассъ иногда заключались займы за большіе проценты, между тѣмъ какъ въ различныхъ кассахъ оставались свободными огромные наличные капиталы: извѣстно въ какой значительной мѣрѣ дефицитъ бюджета 1869 года былъ покрытъ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ предшедшихъ годовъ. Менѣе доходитъ до публики свѣдѣній объ участіи государственнаго контроля въ разсмотрѣніи смѣтъ, причемъ его соображенія составляютъ для департамента государственной экономіи главную основу регулированія смѣтныхъ исчисленій въ видахъ уменьшенія бюджетныхъ дефицитовъ.

Но наименѣе извѣстная публикѣ сторона дѣятельности государственнаго контроля есть его ревизіонная дѣятельность. Припомнимъ каковъ былъ порядокъ расходованія бюрократическими учрежденіями суммъ земскаго сбора и распоряженія натуральными повинностями; припомнимъ также какую трудную борьбу приходилось выдерживать земству когда оно рѣшалось дѣлать указанія на разныя неправильности въ этомъ отношеніи. Государственному контролю, на обязанности коего лежитъ обнаруженіе неправильностей такого же свойства, естественно приводится сталкиваться, подобно земству, съ тѣми вѣдомствами гдѣ онѣ оказываются.

Для примѣра можемъ указать на одно весьма интересное дѣло, нынѣ уже рѣшенное и о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія. 17-го октября 1864 года почтовый департаментъ заключилъ со статскимъ совѣтникомъ Анненскимъ контрактъ, въ послѣдствіи (въ 1865 году) переданный г. Анненскимъ барону Бухгольцу, на перевозку между Москвой и Харьковомъ почты въ продолженіи трехъ лѣтъ, начиная съ 1-го мая 1865 года, на условіи чтобы за каждую почту вѣсомъ въ 25 пудъ платились прогоны на двѣ лошади, а затѣмъ на каждые 10 пудовъ прибавлялось по одной лошади. При повѣркѣ разчетовъ, сдѣланныхъ на основаніи этого контракта, одна контрольная палата замѣтила важныя и сопряженныя съ убыткомъ казны отступленія отъ смысла договора. Государственный контроль запросилъ о томъ же всѣ прочія контрольныя палаты расположенныя по Московско-Харьковской дорогѣ. „При ревизіи,“ пишетъ нашъ корреспондентъ,—

„было обнаружено что Московскій Почтамтъ, Тульская, Орловская, Курская и Харьковская почтовыя конторы, вмѣсто того чтобы за отправленную изъ Москвы по харьковскому пути почтовую кладь вѣсомъ, напримѣръ, въ 10 пуд., выдавать прогоны на двѣ лошади, дѣлили эти 10 пуд.,—какъ скоро они предназначались въ различныя мѣста за Харьковъ или въ сторону отъ Московско-Харьковскаго пути (напримѣръ, въ Симферополь или Воронежъ), на нѣсколько частей, соображаясь съ числомъ крайнихъ пунктовъ ихъ назначенія, и за каждую изъ этихъ частей выдавали прогоны на двѣ лошади порознь. Такимъ образомъ за кладь въ 10 пуд., только потому что она состояла изъ пяти, напримѣръ, составныхъ частей, которыя, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, должны были быть разобраны и отправлены по разнымъ направленіямъ, платилось за то разстояніе, которое эти 10 пуд. слѣдовали по Московско-Харьковскому пути, вмѣстѣ, въ одной повозкѣ, прогоны на 10 лошадей (вмѣсто двухъ); такъ что контрагенты получили за версту съ лошади, вмѣсто условленныхъ 3 к., по 15 к.“

Объ этомъ сдѣлано было сношеніе съ почтовымъ департаментомъ. Отвѣтъ состоялъ въ томъ что почтовыя конторы поступали правильно, и въ доказательство указывалось на то что этотъ порядокъ разчета былъ принятъ на всемъ трактѣ, какъ дѣло само собой разумѣющееся. А между тѣмъ оно само собой не разумѣлось. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ дѣйствія контракта, какъ открылось изъ ревизіи документовъ, контрагенты отнюдь не считали себя въ правѣ ни запрягать подъ каждый

постъ-пакетъ по парѣ лошадей, ни тѣмъ еще менѣе требовать прогоновъ на лошадей дѣйствительно не запрягаемыхъ. Ревизіей документовъ обнаружено, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ,—

„что сначала, въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, всѣ лежащія на пути почтовыя учрежденія, безъ предварительнаго между собою соглашенія, выдавали г. Анненскому прогоны по общему вѣсу всей одновременно отправляемой клади, и что такой порядокъ уплаты прогоновъ продолжался до той поры когда почтовый департаментъ нашелъ нужнымъ послать особаго чиновника для разъясненія мѣстнымъ почтовымъ учрежденіямъ того совершенно новаго для нихъ смысла, который департаментомъ приданъ былъ выраженію „почта“. Мало того, экспедиція и контроль Московскаго почтамта, приведенные такимъ неожиданнымъ разъясненіемъ въ недоумѣніе, испрашивали особыхъ, по сему предмету, разъясненій, и при этомъ заявили что вѣсъ клади всѣхъ вообще почтъ (въ томъ числѣ и Харьковскихъ) показывался до того времени, на основаніи данныхъ почтамту въ руководство росписаній, постоянно въ общей сложности, и что противъ существовавшаго прежде порядка никакой отмѣны они въ виду не имѣли.“

Объясненія почтоваго департамента были разсмотрѣны совѣтомъ государственнаго контроля и признаны неудовлетворительными, вслѣдствіе чего опредѣленъ былъ на виновныхъ въ излишнихъ выдачахъ казенныхъ денегъ денежный начетъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ однако возраженія противъ этого начета, и такимъ образомъ дѣло это, по установленному закономъ порядку, поступило на разсмотрѣніе 1-го департамента правительствующаго сената. Сенатъ призналъ наложенный государственнымъ контролемъ начетъ правильнымъ, и это сенатское рѣшеніе состоялось единогласно. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ постановленіемъ совѣта государственнаго контроля.

Въ настоящее время, какъ пишетъ намъ лицо сообщившее вышеприведенныя свѣдѣнія, сдѣлано уже распоряженіе о приведеніи въ извѣстность общей суммы начета, которая должна увеличиться присоединеніемъ къ ней мелкихъ начетовъ за несвоевременное истребованіе отъ контрагентовъ полученныхъ ими задатковъ и за другія послабленія въ ихъ пользу, между прочимъ за симпатическое сложеніе штрафовъ, причитавшихся на нихъ по контракту за промедленіе почтъ въ пути.

Мы привели для примѣра одно дѣло рѣшенное, о коемъ дошли до насъ свѣдѣнія. Само собой разумѣется что еще болѣе должно быть важныхъ дѣлъ возбужденныхъ, но затянувшихся. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, по извѣстіямъ изъ источника вполнѣ достовѣрнаго, переписка контрольнаго вѣдомства съ судебными учрежденіями прибалтійскихъ учрежденій. Дѣло въ томъ что эти почтенныя учрежденія, не взирая на ясныя указанія законовъ, вовсе не взимаютъ нѣкоторыхъ сборовъ съ совершаемыхъ ими актовъ, и упорно отказываются представлять на контрольную ревизію свои книги. Многократныя просьбы мѣстныхъ контрольныхъ палатъ были оставляемы балтійскими судами безъ вниманія; на требованія бывшаго генералъ-губернатора края, графа Шувалова, чтобы законныя просьбы контрольныхъ палатъ были исполнены, судебныя учрежденія балтійскихъ губерній отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ.

По этому казусному дѣлу, государственнымъ контролемъ внесено въ правительствующій сенатъ нѣсколько представленій,—нѣкоторыя изъ нихъ болѣе четырехъ съ половиною лѣтъ тому назадъ,—но до сихъ поръ еще не дошла очередь до ихъ обсужденія...

№ 52.

Москва, 9-го марта.

Въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ происходитъ теперь новое для насъ явленіе, происходитъ кризисъ. Но это, слава Богу, не тотъ кризисъ который причиняется неудачами въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ и отъ котораго останавливается это дѣло. Происходящій теперь у насъ кризисъ есть явленіе возможное только при значительномъ развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Государства обладающія обширною сѣтью уже не разъ переживали кризисы подобные тому который мы теперь видимъ у себя и который состоитъ въ одновременномъ паденіи сборовъ на многихъ линіяхъ. Застой торговли, неурожаи, финансовыя затрудненія во всѣхъ странахъ имѣющихъ

значительную сѣть, не разъ уже приводили къ одновременному уменьшенію сборовъ на рельсовыхъ путяхъ. Такими кризисами смущаться нечего; но, съ другой стороны, они научаютъ что счастливые по сборамъ годы не должны считаться нормальными, и что два раза съ ряду выданный высокій дивидендъ не есть еще основаніе къ тому чтобы цѣны желѣзнодорожныхъ акцій возрастали черезъ мѣру.

Наступившій у насъ кризисъ охватилъ лишь часть нашей сѣти, именно подмосковныя линіи: Московско-Нижегородскую, Московско-Рязанскую, Рязанско-Козловскую, Козловско-Воронежскую и Ряжско-Моршанскую. За послѣдніе два мѣсяца паденіе сборовъ на этихъ дорогахъ начинаетъ принимать весьма серіозные размѣры. Московско-Рязанская желѣзная дорога, въ февралѣ, собрала 272.205, то-есть не много болѣе половины прошлогодняго февральскаго дохода, недочетъ за февраль простирается до 215.000 рублей. Считая съ ноября, когда началось паденіе сбора на подмосковныхъ линіяхъ, за четыре зимніе мѣсяца, Московско-Рязанская дорога не добрала цѣлой трети своихъ доходовъ прошлой зимы, а именно 571.872 рубля. Въ эти четыре мѣсяца на Московско Рязанской дорогѣ получено лишь 1.204.581 руб. валоваго дохода. Паденіе громадное, хотя нельзя не замѣтить что даже и за эти три мѣсяца доходъ составляетъ все еще 6.145 руб. съ версты.

Наибольшее паденіе сборовъ на Рязанско-Козловской дорогѣ случилось въ ноябрѣ; тогда оно простиралось до 128.176 р. И здѣсь за три зимніе мѣсяца (сборы за февраль еще не публикованы) доходы уменьшились почти на треть. Собрано 719.690 руб., а недоборъ доходитъ до 208 821 руб.

Козловско-Воронежской дорогѣ пришлось еще хуже. Въ февралѣ она не получила и половины прошлогодняго сбора: собрано 51.006 руб., не добрано 53 526 р. За четыре помянутые зимніе мѣсяца Козловско-Воронежская дорога лишилась почти половины прошлогодняго дохода—собрано 235.274 руб., что на 102.644 руб. меньше чѣмъ въ прошломъ году.

Правленіе Ряжско-Моршанской желѣзной дороги въ послѣднее время перестало публиковать свои сборы, но изъ офиціальныхъ данныхъ извѣстно что въ ноябрѣ она не добрала 10.187 руб., а это составляетъ 39,% ея прошлогодняго ноябрьскаго дохода.

Упали даже микроскопическіе сборы на Елецко-Гряжскомъ участкѣ Орловско-Гряжской линіи. Этотъ стоверстный участокъ выработалъ за январь только 17.000 руб. (Въ январѣ прошлаго года было 29.849 руб.).

Значительно уменьшился сборъ и на Московско-Нижегородской желѣзной дорогѣ. Здѣсь за январь недоборъ простирался до 137.290 р., за ноябрь 98.446 р. Цифры за декабрь не опубликованы.

Какія же были причины такого чрезвычайнаго паденія сборовъ на примосковскихъ дорогахъ?

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ была, конечно, Мстинская катастрофа которая разорвала движеніе по Николаевской линіи. Мстинскій мостъ сгорѣлъ во второй половинѣ октября, и съ слѣдующаго же мѣсяца началось паденіе сборовъ. Оно оказалось не только на Рязанской дорогѣ, гдѣ повліялъ также плохой урожай прошлаго года, но и на Нижегородской, которая идетъ мѣстностью не страдавшею отъ неурожая и перевозитъ не хлѣбъ.

Въ доказательство вліянія Мстинской переправы на уменьшеніе сборовъ можно привести еще то обстоятельство что на обходномъ пути, по которому должны были отправляться грузы идущіе между Петербургомъ и Москвою, на Московско-Курской (участокъ до Орла), на Орловско-Витебской и на Витебско-Динабургской линіяхъ, сборы поднялись весьма значительно, и притомъ сильнѣе чѣмъ на Риго-Динабургской. На Московско-Курской дорогѣ сборы возрастаютъ постоянно, хотя и несильно. Орловско-Витебская дорога перевыручила въ прошломъ январѣ 120.860 р. За три зимніе мѣсяца съ ноября, на Динабургско-Витебской дорогѣ перевыручено 280.902 руб., а на Риго-Динабургской всего 141.908 рублей. Ясно что усилившееся движеніе направилось не къ Ригѣ.

Замѣчательно также что съ убылью за ноябрь на всѣхъ дорогахъ примосковной группы совпадали недовыручки Николаевской дороги за тотъ же мѣсяцъ. За ноябрь Николаевская линія не довыручила 802.285 руб., а остальныя примосковныя дороги, кромѣ Курской, 725 000 руб.

Впрочемъ, паденіе сборовъ на примосковныхъ дорогахъ нельзя приписывать исключительно пожару Мстинскаго моста.

Еслибъ этотъ пожаръ былъ единственною причиной кризиса, то сборы примосковныхъ дорогъ должны были бы поправиться въ февралѣ, ибо товарное движеніе по Николаевской линіи возстановлено въ первой половинѣ февраля. Но мы видимъ, напротивъ, что наибольшая убыль въ сборахъ произошла именно въ февралѣ, а о накопленіи грузовъ ожидающихъ отправки не слышно. Мстинская катастрофа, какъ видно, причинила страшный застой въ торговлѣ, который продолжаетъ гнести ее и по возстановленіи сообщенія. Позднее объявленіе о томъ когда поспѣетъ Мстинскій мостъ не позволило подвести грузы къ станціямъ желѣзной дороги по хорошему пути, а теперь приближается время распутицы когда это будетъ еще труднѣе и дороже. Но не подлежитъ сомнѣнію что за открытіемъ Мстинскаго моста послѣдовало бы большее оживленіе, еслибы цѣны продуктовъ на мѣстахъ были ниже и запасы значительнѣе.

Просматривая публикаціи компаній, замѣчаемъ что на примосковной группѣ желѣзныхъ дорогъ сборъ сталъ убывать съ осени еще до Мстинскаго пожара. Московско-Рязанская дорога, выручавшая въ прошломъ году за первое полугодіе десятками тысячъ, даже сотнею тысячъ больше чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы 1868 года, имѣла въ октябрѣ излишекъ только на 2.014 р. противъ минувшаго октября.

Плохой урожай въ мѣстностяхъ пересѣкаемыхъ Рязанскою группою не остался безъ вліянія на доходъ этихъ дорогъ.

Впрочемъ, свѣдѣнія о доходахъ желѣзныхъ дорогъ имѣются у насъ весьма запоздалыя и далеко неполныя. Нѣкоторыя компаніи вовсе не публикуютъ своихъ сборовъ; другія приводятъ лишь мѣсячныя цифры скрывая итоги отъ начала года; третьи не хотятъ публиковать разницу сборовъ сравнительно съ минувшимъ годомъ. Вообще публикаціи сборовъ крайне опаздываютъ. До сихъ поръ, напримѣръ, остаются неизвѣстны цифры за декабрь по дорогамъ Главнаго Общества. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ такое невниманіе къ публикѣ не можетъ быть терпимо, и дѣйствительно этого нѣтъ нигдѣ въ Европѣ кромѣ Россіи гдѣ публику не ставятъ ни во что. Повсюду желѣзно-дорожныя компаніи обыкновенно публикуютъ цифры своихъ сборовъ еженедѣльно. Это даетъ возможность отправителямъ заблаговременно узнавать о загроможденіи линій товарами и о наступленіи болѣе свободнаго движенія по дорогамъ. Извѣстность положенія дѣлъ компаній затрудняетъ обманы на биржѣ и умѣряетъ биржевую игру.

У насъ о сю пору неизвѣстны по многимъ линіямъ цифры дохода даже за прошлый годъ. Изъ публикацій можно вывести цифры лишь по нѣкоторымъ линіямъ. Сопоставляемъ эти цифры съ данными по доходу за 1868 годъ:

	1868	1869
	Съ версты:	
Московско-Рязанская	20.458	22.648
Рязанско-Козловская	15.657	17.820
Московско-Курская	—	11.564
Московско-Ярославская	10.404	11.051
Рижско-Динабургская	6.072	7.446
Витебско-Динабургская	4.162	6.519
Орловско-Витебская	—	5.653
Козловско-Воронежская	3.543	5.160

Николаевская линія дала вѣроятно около 27.000 р.; Московско-Нижегородская до 16.000 р., Волго-Донская около 7.000 р.

Эти цифры показываютъ что и прошлый годъ, не смотря на Мстинскую катастрофу и застой въ торговлѣ, далъ результаты блистательные...

№ 53.

Москва, 10-го марта.

Сегодня мы печатаемъ вѣдомость о количествѣ иностранныхъ товаровъ выпущенныхъ изъ таможенъ, и русскихъ товаровъ вывезенныхъ изъ Россіи по европейской границѣ въ 1869 году. Эта вѣдомость имѣетъ теперь двойной интересъ: она показываетъ прошлогодній ходъ нашей внѣшней торговли по главнымъ ея статьямъ и представляетъ намъ первые годовые результаты новаго тарифа, какъ извѣстно, введеннаго въ дѣйствіе съ 1-го января прошлаго года. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и мы бросимъ взглядъ на данныя этой вѣдомости.

Пошлина на сахаръ оставлена по новому тарифу безъ измѣненія. Привозъ къ намъ сахара, какъ извѣстно, быстро падаетъ, начиная съ 1867 года. Это паденіе продолжалось и въ прошломъ году и достигло 13,1 % для сахара-сырца и 27,3 % для сахара-рафинада и пр. Цифры ввоза сахара, начиная съ 1866 года, падаютъ такъ: 7.079.983 р., 2.908.245 р., 445.600 р.,

386.890 р. Эти цифры въ соединеніи съ быстрымъ возрастаніемъ сахарнаго акциза, а также числа сахарныхъ заводовъ, свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ положеніи нашей сахарной промышленности и о чрезвычайной выгодности тѣхъ условій коими она нынѣ обставлена. Почти весь ввезенный къ намъ сахаръ доставленъ былъ къ Петербургскому порту и затѣмъ чрезъ Вержболово.

Безъ всякихъ перемѣнъ, какъ извѣстно, осталась и пошлина на чай, но это не остановило увеличенія ввоза кантонскаго чая. Въ прошломъ году онъ возросъ на $11,_{2}\%$ и громадная часть ввоза прибыла къ намъ чрезъ прусскіе порты по Эйдкуненской желѣзной дорогѣ, а именно 529.720 пуд. изъ 573.989 пуд. общаго количества ввоза.

Пошлины на вина, за исключеніемъ греческихъ, не были измѣнены, но тѣмъ не менѣе ввозъ винограднаго вина увеличился въ прошломъ году въ бочкахъ почти на 20%, въ бутылкахъ на 8% и шампанскаго на $14,_{8}\%$. Что касается до греческихъ винъ, то извѣстно что изъ Одессы раздаются сильныя жалобы на конкурренцію которую они будто бы дѣлаютъ мѣстному вину. Изъ таможенныхъ отчетовъ мы видимъ однако что въ Одессу ввезено было въ 1869 году 76.879 п. всякаго вина въ бочкахъ, а въ предыдущемъ 49.937 п. Увеличеніе не весьма значительное и для туземнаго вина не стѣснительное. Лишь ввозъ въ бутылкахъ почти удвоился: 16.193 въ 1868 году и 26.377 въ прошломъ, но нѣтъ сомнѣнія что въ этомъ числѣ значатся не греческія вина.

Ввозъ винограднаго вина, начавшій падать съ 1861 года, съ 1866 года снова возрастаетъ и почти уже удвоился за послѣдніе четыре года. Онъ усиливается и по таможнямъ Царства Польскаго. Не показываетъ ли это обстоятельство что экономическія послѣдствія возстанія въ Польшѣ начинаютъ сглаживаться?

Ввозъ соли въ прошломъ году возросъ на 10% или на 1 милл. пудовъ. Возрастаніе ввоза приходится преимущественно на сухопутныя таможни.

Въ отдѣлѣ жизненныхъ припасовъ относительно которыхъ мы находимъ свѣдѣнія въ вѣдомости, наибольшее вниманіе останавливаютъ на себѣ цифры по ввозу кофе. Пошлина на кофе понижена въ новомъ тарифѣ съ 2 р. 75 к. (портовыхъ) и 2 р. 58 к. (сухопутныхъ) съ пуда до 1 р. 60 к. Вліяніе пониженія не замедлило отозваться на ввозѣ, который возросъ въ прошломъ году на $46,_{7}\%$ или на 148,736 пудъ противу ввоза 1868 года. Впрочемъ въ 1868 году торговцы очевидно попридержались ввозить кофе ожидая новаго тарифа, и потому постоянно возраставшій ввозъ въ этомъ году уменьшился. Сравнительно съ 1867 возрастаніе прошлогодняго ввоза ограничивается лишь 56.000 пудовъ. Эти цифры, полагаемъ, доказываютъ что сдѣланное пониженіе пошлины на кофе врядъ ли можно признать достаточнымъ.

Среди статей относящихся къ жизненнымъ припасамъ въ вѣдомости помѣщены цифры по ввозу деревяннаго масла, относительно коего тарифъ 1869 года допустилъ уменьшеніе пошлины съ 2 р. 64 и 2 р. $4^{1}/_{2}$ до 1 р. 80 к. Несмотря на это пониженіе ввозъ деревяннаго масла упалъ въ прошломъ году, хотя и незначительно, на $^{1}/_{4}\%$. За предшествовавшіе четыре года ввозъ этотъ постоянно возрасталъ. Точно также, вопреки пониженію пошлины, въ прошломъ году слегка упалъ ввозъ индиго.

Переходимъ теперь къ отдѣлу матеріаловъ сырыхъ и полуобработанныхъ.

Наши овцеводы горько жалуются теперь на паденіе торговли шерстью. Прошлою осенью въ Одессѣ засѣдала особая коммиссія для опредѣленія мѣръ необходимыхъ дабы поднять падающую торговлю шерстью. Въ текущемъ году предполагаются съѣзды овцеводовъ по тому же вопросу. Дѣйствительно вывозъ шерсти падаетъ у насъ съ каждымъ годомъ. Въ 1864 году онъ простирался до 19 милл. руб., въ 1867 году упалъ до 9.600.000, въ 1868 году до 7.479.000 руб., а въ прошломъ году уменьшился еще на $1^{1}/_{2}\%$. Высказывается мнѣніе что для улучшенія нашей шерстяной торговли необходимо усилить пошлину на привозную шерсть (22 коп. съ пуда шерсти-сырца). Дѣйствительно, въ прошломъ году привозъ шерсти-сырца увеличился на $32,_{2}$, шерсти непряденой и крашеной на 332%, пряденой на 8% и въ вѣдомости привезенныхъ товаровъ появилась даже новая статья искуственной шерсти. Но всѣ эти цифры не имѣютъ важности, ибо количество ввозимой къ намъ шерсти ничтожно. Въ прошломъ году ввезено шерсти-сырца 88.286 пудовъ, непряденой крашеной 4.181, искусственной 15.799, а также 187.043 п. шерсти пряденой и пуши

на которыя пошлина не много возвышена въ тарифѣ (съ 4 р. 40 к. на 4 р. 50 к. съ пуда). Въ послѣдней графѣ значится шерсть обработанная, такъ что ввозъ собственно шерсти-матеріала до сихъ поръ ничтоженъ и притомъ къ намъ ввозятся въ сыромъ видѣ преимущественно самые высокіе сорта шерсти. Привозъ иностранной шерсти-сырца доходитъ только до 10% вывоза и составляетъ еще меньшую долю противъ количества русской шерсти поступающаго на внутреннее потребленіе. Обыкновенно считаютъ что 3/4 мериносовой шерсти потребляется на внутреннемъ рынкѣ и лишь 1/4 вывозится за границу. Количество же простой шерсти идущей за границу совершенно ничтожно сравнительно съ потребляемымъ внутри государства. При такихъ отношеніяхъ что можетъ сдѣлать пошлина съ шерсти для нашей торговли шерстью? Какимъ образомъ можетъ она облегчить конкурренцію на иностранныхъ рынкахъ? Поднятіе нашего овцеводства можетъ быть достигнуто лишь другими мѣрами.

Въ прошломъ году ввозъ хлопка, допускаемаго къ намъ безпошлинно, усилился почти на цѣлую четверть сравнительно съ 1868 годомъ, а между тѣмъ привозъ бумаги пряденой, съ которой пошлина сбавлена по послѣднему тарифу, поднялся только на 18,7%. Бумаги-сырца ввезено 2.973.684 п., бумаги пряденой 164.974 пуд. Почти цѣлая половина ввезеннаго къ намъ хлопка идетъ теперь чрезъ прусскіе порты и Вержболово.

Пошлина съ бумажныхъ издѣлій, какъ извѣстно, повышена для нѣкоторыхъ сортовъ, понижена для другихъ. Ввозъ бумажныхъ издѣлій поднялся въ прошломъ году на 46,9%, но еще не достигаетъ цифры ввоза 1859 года.

На шелкъ и шелковыя издѣлія послѣдній тарифъ значительно поднялъ пошлины. Это уменьшило привозъ издѣлій на цѣлую треть, но ввозъ шелка усилился на $1^1/_2$%. Половина ввезеннаго къ намъ шелка оплачена въ Вержболовской таможнѣ.

Пошлина на льняныя издѣлія нѣсколько уменьшена по послѣднему тарифу, за исключеніемъ парусанго полотна, тика и пр., на которые пошлина возвышена. Несмотря на уменьшеніе пошлины ввозъ льняныхъ издѣлій упалъ на цѣлую треть, на 1.214.737 рублей. За то вывозъ холста хряща поднялся на 195%, или 9.800.349 аршинъ, а парусанго полотна на 15,2%. Значительно больше трети всѣхъ привозимыхъ къ намъ льняныхъ издѣлій идетъ чрезъ прусскіе порты и Вержболово.

При пересмотрѣ тарифа табачные фабриканты просили о пониженіи пошлины какъ съ иностраннаго табака, такъ и съ табачныхъ издѣлій. Первое пониженіе было допущено, но второе отвергнуто въ видахъ фискальныхъ. Въ прошломъ году привозъ табака листоваго увеличился на 52%, а ввозъ табака крошенаго и сигаръ на 1,4%. Такимъ образомъ въ видахъ фискальныхъ приходится пожелать скорѣе сбавки пошлины съ табачныхъ издѣлій.

Вообще ввозная торговля прошлаго года представляетъ результаты благопріятные. Уменьшеніе ввоза произошло лишь по 7 группамъ товаровъ изъ 25 означенныхъ въ вѣдомости. Уменьшился ввозъ сахара съ сыромъ и обработанномъ видѣ, дерева красильнаго (на 3,6%), индиго (2,3%), масла деревяннаго, шелковыхъ и льняныхъ издѣлій. По всѣмъ остальнымъ статьямъ привозъ увеличился. При этомъ увеличеніе доходитъ по нѣсколькимъ статьямъ почти до 50% *).

Иные результаты представляютъ данныя по вывозу русскихъ товаровъ за границу. Тутъ мы видимъ уменьшеніе по цѣлой половинѣ статей и притомъ самыхъ

---

*) Слѣдующая таблица показываетъ это наглядно:

Увеличеніе привоза.

Шерсти не пряденой крашеной	313,9%
Табаку листоваго	52 —
Бумажныхъ издѣлій	46,9 —
Кофе	46,7 —
Шерстяныхъ издѣлій	44,1 —
Шерсти въ сыромъ видѣ	32,3 —
Бумаги хлопчатой сырца	24 —
Вина виноградного въ бочкахъ	19,8 —
Бумаги пряденой	18,7 —
Вина шампанскаго	14,2 —
Чая кантонскаго	11,2 —
Соли	9,9 —
Свинца	9,7 —
Шерстяной и пушной пряди	8,3 —
Вина въ бутылкахъ	8,1 —
Шелка	1,5 —
Табаку крошенаго и въ тюкахъ	1,4 —

Уменьшеніе привоза:

Льняныхъ издѣлій	37,1 —
Шелковыхъ	32,8 —
Сахару-рафинаду	27,5 —
Сахару-сырцу	13,1 —
Дерева красильнаго	3,6 —
Индиго	2,3 —
Масла деревяннаго	1,4 —

главныхъ въ нашей отпускной торговлѣ. Значительно упалъ вывозъ сала, хлѣба и льна, занимающихъ первыя три мѣста въ нашемъ вывозѣ. Вывозъ сала въ прошломъ году упалъ до 1.671.178 пудъ; такихъ низкихъ цифръ по этой статьѣ не было въ таможенныхъ отчетахъ съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія; въ 1800 — 1810 вывозилось среднимъ числомъ 1.776.000 пудовъ. По цѣнамъ таможеннаго прейсъ-куранта, вывозъ сала въ прошломъ году простирался только на 6.684.712 р., а это менѣе половины средняго вывоза за послѣднее десятилѣтіе. Въ 1862 и 1864 отпускъ сала доходилъ еще до 18 — 19 милл. руб. въ годъ. О паденіи торговли шерстью мы говорили выше. Уменьшился вывозъ кожъ выдѣланныхъ, щетины, лѣснаго товара, поташа и пр., которые принадлежатъ къ милліоннымъ статьямъ торговли. Увеличеніе же вывоза оказалось всего болѣе на желѣзѣ и холстѣ-хрящѣ, статьяхъ гораздо менѣе важныхъ. Изъ крупныхъ предметовъ отпускной торговли только пеньковая пакля и пенька шли въ прошломъ году за границу въ количествѣ значительно большемъ чѣмъ въ 1868 году. *)

Результаты эти, конечно, не благопріятны: они указываютъ на затрудненія тѣхъ отраслей промышленности которыя не покровительствуются тарифомъ и несутъ на себѣ лишь тяжесть причиняемой имъ дороговизны, но объ общемъ упадкѣ производительности даже по этимъ отраслямъ еще отнюдь нѣтъ основанія говорить. За исключеніемъ лишь сала и шерсти, по остальнымъ статьямъ отпускъ прошлаго года вообще довольно близокъ къ отпуску 1867 и 1866, а по нѣкоторымъ статьямъ и нѣсколько выше. Такъ льну вывезено въ прошломъ году на 24 милл. р., что есть пониженіе на 17% противъ 1868 года, но до 1868 отпускъ льна никогда не достигалъ 20 милл. р. Въ сложности отпускъ лѣснаго товара, пеньки, льняной пакли, кожъ, пеньковой пряжи, мягкой рухляди, холста, кости, возрастаетъ; отпускъ льнянаго сѣмени увеличивается непрерывно за послѣднее пятилѣтіе. Уменьшеніе вывоза хлѣба въ 1869 почти на 2 милл. четвертей сравнительно съ 1868 годомъ составляетъ по сравненію съ періодомъ 1861—1866 все еще увеличеніе на 1 м. четвертей.

*) Для наглядности приводимъ таблицу показывающую увеличеніе и уменьшеніе вывоза:

Уменьшеніе вывоза:

Сала	31,3 %
Кожъ выдѣланныхъ и юфти	29,8 —
Желѣза	26,7 —
Пряжи льняной и пеньковой	25,8 —
Льна	17,1 —
Хлѣба всякаго	15,8 —
Поташа	13,8 —
Веревокъ и канатовъ	8,1 —
Лѣснаго товара	7 —
Шерсти-сырца	1,4 —
Щетины	1,1 —

Увеличеніе вывоза:

Холста-хряща	195 %
Мѣди	167 —
Кости простой	45,8 —
Пеньковой пакли	44,2 —
Пеньки	16 —
Полотна парусинаго равендука	15,8 —
Льняной пакли	14 —
Кожъ невыдѣланныхъ	6,2 —
Мягкой рухляди	2,8 —
Сѣмени льнянаго и конопляннаго	2,6 —

№ 54.

Москва, 11-го марта.

Несмотря на всѣ толки, мѣропріятія, распоряженія et tout le tremblement въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ, національный вопросъ въ западномъ краѣ не подвинулся ни на шагъ. Крестьянская реформа есть, безъ сомнѣнія, необходимое условіе обрусѣнія этого края. Это conditio sine qua non для національнаго вопроса. Однако вопросъ этотъ рѣшается не ею. Послѣ многихъ колебаній и уклоненій, крестьянское дѣло повидимому установилось теперь на правильныхъ основаніяхъ въ обѣихъ половинахъ западнаго края; но это не предопредѣляетъ здѣсь дальнѣйшаго хода дѣлъ въ національномъ отношеніи. Если по благополучномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса правительство отказалось бы отъ принятой имъ національной програмы, то всякій общественный прогрессъ въ западномъ краѣ обратился бы противъ Россіи и усилилъ бы дѣло ея враговъ. Все что кажется теперь выиграннымъ оказалось бы проиграннымъ. А между тѣмъ кто съ серіознымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣлами, тотъ безъ труда убѣдится что національная программа Россіи не подвигается въ этомъ краѣ, или даже подвигается въ обратномъ смыслѣ. Что западный край есть русскій, это старая истина, объ этомъ свидѣтельству-

етъ исторія, племенное происхожденіе громаднаго большинства его населеній, наконецъ тотъ фактъ что край этотъ дѣйствительно послѣ многихъ превратностей обрѣтается въ составѣ Русскаго государства. Но все это можно было сказать точно также и до 1863 года, когда правительство, въ виду событій подвергавшихъ вопросу единство и цѣлость государства, нашлось вынужденнымъ провозгласить программу національную.

Въ чемъ состоятъ главныя задачи собственно національной программы Россіи въ западномъ краѣ?

Вопервыхъ, очевидно что пока землевладѣніе въ западномъ краѣ будетъ исключительно польское, край этотъ не можетъ считаться умиротвореннымъ. Положеніе дѣлъ не можетъ быть признано нормальнымъ тамъ гдѣ высшія сословія считаютъ себя чуждыми странѣ и принадлежащими по національности другому государству, которое когда-то властвовало здѣсь. Извѣстно что послѣ недавнихъ смутъ, когда правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ установило національную программу въ этомъ краѣ, оно сочло необходимымъ принять дѣятельныя мѣры для того чтобы разомкнуть плотную организацію польскаго землевладѣнія въ краѣ и ввести въ него русскій землевладѣльческій элементъ. Извѣстно что русскіе землевладѣльцы охотно послѣдовали на этотъ призывъ, и что при вѣрномъ исполненіи принятой правительствомъ программы дѣло это могло бы увѣнчаться наилучшими результатами. Но именно съ той самой поры когда послѣдовали законодательныя мѣры долженствовавшія сообщить дѣлу ходъ столько же полный сколько и рѣшительный, оно потерпѣло фіаско... Тотчасъ же по выходѣ указа 10-го декабря 1865 года началась интрига которая не безуспѣшно старалась обратить въ ничто этотъ законъ. Пособія, которыя предназначались на поддержку этого важнаго государственнаго дѣла, у него отняты и переданы на другое совершенно чуждое ему предпріятіе. До тѣхъ поръ общее движеніе направляло въ западный край русскихъ землевладѣльцевъ и побуждало ихъ пріобрѣтать тамъ имѣнія, хотя дѣло это оказывалось весьма нелегкимъ и хотя всякому новопріѣзжавшему русскому землевладѣльцу доводилось бороться съ систематическимъ противодѣйствіемъ и со всякаго рода злоупотребленіями и обманами. Это движеніе давно уже прекратилось. Да и тѣ изъ русскихъ помѣщиковъ которые успѣли пріобрѣсти за Днѣпромъ имѣнія находятся въ безпрерывной опасности нажить процессъ, потерять законно купленное имѣніе и во всякомъ случаѣ понести хлопоты и разорительные убытки. Словомъ, вопросъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ, открывшійся въ концѣ 1865 года такъ блистательно, является жалкимъ и потеряннымъ дѣломъ нынѣ, въ началѣ 1870 года... А между тѣмъ, всякій согласится, край находящійся въ условіяхъ подобныхъ нашему западному краю не можетъ считаться умиротвореннымъ и способнымъ къ правильному общественному развитію. Власть должна постоянно держать его напряженною рукой. Національно-политическій антагонизмъ, совпадая съ соціально-сословными отношеніями, не можетъ не порождать самыхъ вредныхъ послѣдствій какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи...

Но что было причиною того замкнутаго національнаго характера какимъ запечатлѣно землевладѣніе въ западномъ краѣ? Почему высшіе классы въ этомъ краѣ считаютъ себя польскими? Откуда вообще въ этомъ краѣ взялась польская національность? Край этотъ никогда не былъ польскимъ; онъ не былъ таковымъ и въ то время когда Польское королевство было въ живыхъ и когда край этотъ былъ ему подвластенъ. Дворянство этого края, которое въ наше время исполнено столь фанатическаго чувства польской національности, происхожденія русско-литовскаго. Въ этомъ краѣ, когда онъ находился подъ польскимъ владычествомъ, всегда была сильная русская партія, постоянно тяготѣвшая къ Россіи. Отчего же теперь почти все дворянство этого края считается принадлежащимъ къ польской національности? Единственно оттого что почти все дворянство въ этомъ краѣ исповѣдуетъ римско-католическую вѣру, а вѣру эту, обезпечивая и поддерживая ее, русское правительство искусственно сдѣлало польскимъ національнымъ учрежденіемъ. Польскій патріотизмъ, который не имѣлъ почвы въ этомъ краѣ, нашелъ ее въ римско-католической организаціи, ставшей здѣсь исключительно польскимъ дѣломъ. Политика самой Россіи выработала такимъ образомъ изъ допущенной ею религіи са-

мый враждебный національный элементъ. Именно здѣсь произошла на свѣтъ та ядовитая и лживая мистика, которая всасывается съ молокомъ матери и въ которой состоитъ сущность якобы польскаго патріотизма. Именно этотъ литовско-русскій край, никогда не бывшій польскимъ, сталъ мѣсторожденіемъ польскаго патріотизма, который отсюда распространился по всѣмъ другимъ мѣстамъ.

Всѣ интересы, самые настоятельные и самые священные, сливаются воедино, требуя прекращенія зла порожденнаго грубою политическою ошибкой. И религія, и государство, и нравственность, и цивилизація, и судьба многочисленныхъ населеній, въ настоящемъ и будущемъ, вопіютъ о разрѣшеніи вопроса въ которомъ заключается глубочайшій корень всѣхъ нашихъ внутреннихъ неурядицъ. Въ такомъ огромномъ государствѣ какъ Россія, невозможно чтобы всѣ люди одинаково мыслили въ дѣлѣ вѣры, но нельзя русскихъ граждамъ дѣлать иностранцами, нельзя у русскихъ иновѣрцевъ отнимать права на языкъ ихъ отечества, нельзя русскій языкъ держать долѣе подъ запретомъ...

Правительство давно уже затрогивало этотъ вопросъ. Въ послѣдніе годы онъ былъ разработанъ во всѣхъ его частяхъ, и правительство взвѣсило всю его важность. Онъ двигался съ трудомъ, но неуклонно. Самымъ важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было введеніе преподаванія закона Божія для иновѣрцевъ на русскомъ языкѣ. Мало-по-малу честные умы въ римско-католическомъ мірѣ западнаго края присоединились къ русскому движенію и стали за программу объявленную правительствомъ. Одинъ за другимъ католическіе священники стали употреблять русскій языкъ въ проповѣди и въ публичномъ молитвословіи. Несмотря на всѣ усилія противной партіи, дѣло казалось выиграннымъ. Недоразумѣнія падали и препятствія устранялись одно за другимъ. Дѣло повидимому торжествовало, и польскій вопросъ разрѣшался самымъ легкимъ и вмѣстѣ самымъ справедливымъ способомъ,—разрѣшался въ самомъ корнѣ,—такъ что при послѣдовательномъ образѣ дѣйствій, Россія, въ слѣдующемъ же поколѣніи, была бы избавлена отъ зла которое такъ долго тяготѣетъ надъ ея судьбами и воспитываетъ въ непримиримой враждѣ къ ней милліоны ея гражданъ.

Это не могло не поднять на ноги противную партію, и она принялась дѣйствовать обычными путями черезъ канцеляріи...

Еще въ концѣ прошлаго года стало извѣстно что вопросъ о русскомъ языкѣ для иновѣрцевъ находится на разсмотрѣніи особаго правительственнаго комитета, образованнаго ad hoc. Въ чемъ могло состоять назначеніе этого комитета? Рѣшить, можетъ ли быть допущенъ русскій языкъ къ употребленію иновѣрцевъ? Но вопросъ этотъ уже былъ рѣшенъ Высочайшею Волей, и рѣшенъ на дѣлѣ. Римско-католическій законъ Божій обязательно преподавался по-русски; религіозныя книги разныхъ исповѣданій издавались на русскомъ языкѣ; римско-католическіе священники вводили русскій языкъ въ церковное употребленіе, и получали за это Высочайшія награды. Назначеніе комитета, повидимому, должно было состоять только въ томъ чтобъ обобщить уже признанный Верховною Властію принципъ и сообразить мѣры къ наиболѣе дѣйствительному и полному примѣненію его. Но вотъ мы узнаемъ сначала отъ г. Киркора, издателя *Новаго Времени*, затѣмъ отъ кіевскаго генералъ-губернатора, наконецъ отъ виленскихъ властей, что русское движеніе начавшееся въ католическомъ мірѣ западнаго края въ сущности останавливается и воспрещается. Выходитъ что польскій языкъ теперь дѣлается для католическихъ священниковъ ненарушимо обязательнымъ. По смыслу вышеозначенныхъ документовъ тѣ священники кои ввели у себя употребленіе русскаго языка должны возвратиться къ польскому, подвергаясь всеобщему посмѣянію за свое довѣріе къ правительству.

Объявляютъ что Государь Императоръ „въ отеческомъ попеченіи о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ безъ различія исповѣданій,“ разрѣшаетъ русскимъ иновѣрцамъ употребленіе ихъ языка въ дѣлахъ вѣры. Но это мудрое изволеніе Монарха было уже давно извѣстно. Это не было послѣдствіемъ сужденій упомянутаго правительственаго комитета, это предшествовало ему, а Высочайшая Воля не нуждается въ утвержденія какого бы то ни было комитета. Что же однако? Какъ изъ *Новаго Времени*, ставшаго правительственнымъ органомъ, такъ вслѣдъ за нимъ отъ кіевскихъ и виленскихъ властей мы узнаемъ, напротивъ, что Всемилостивѣйшее разрѣшеніе о которомъ идетъ рѣчь будто те-

раетъ свою силу, что духовнымъ лицамъ будто воспрещается употребленіе русскаго языка безъ особаго разрѣшенія, и что вообще для введенія русскаго языка требуется продолжительная процедура которая должна начинаться посредствомъ нѣкоей агитаціи между прихожанами, идти чрезъ исправниковъ и другихъ должностныхъ лицъ до генералъ-губернатора, поступать на разсмотрѣніе высшихъ духовныхъ властей исповѣданія, наконецъ восходить до министерства внутреннихъ дѣлъ. По-русски это называется запрещеніемъ. Что жъ? Запрещеніе такъ запрещеніе; но зачѣмъ же при этомъ неумѣстная иронія?

Дѣло имѣетъ теперь такой видъ. Высочайшая Воля разрѣшаетъ русскій языкъ для публичнаго богослуженія иновѣрцевъ, а администрація объявляетъ что разрѣшается только просить разрѣшенія. Не странно ли это? Это все равно что объявлять свободу печати такимъ образомъ: „Всякій можетъ свободно печатать всякое произведеніе, но не прежде какъ предварительно доставивъ свою рукопись цензору, который внесетъ ее въ цензурный комитетъ, а сей препроводитъ въ главное управленіе цензуры, которое представитъ оное на благоусмотрѣніе министра съ заключеніями всѣхъ инстанцій чрезъ кои сочиненіе проходило. Затѣмъ, по полученіи разрѣшенія, всякій можетъ приступить къ *свободному* печатанію рукописи.“ Но приведенный примѣръ, при всей аналогіи, представляетъ и существенную разницу. Въ дѣлѣ печати есть по крайней мѣрѣ заинтересованное лицо, авторъ или издатель, который будетъ слѣдить за своею рукописью по всѣмъ инстанціямъ, и ходатайствовать о разрѣшеніи *свободно* напечатать оную. А между прихожанами католическаго или протестантскаго храма, кто возьметъ инціативу патріотическаго движенія въ виду противной сильной партіи? Сколько потребуется голосовъ для того чтобы заявленіе получило силу? Кто будетъ слѣдить за ходомъ дѣла по всѣмъ инстанціямъ, и ходатайствовать о разрѣшеніи пользоваться русскимъ языкомъ, хотя онъ уже и предоставленъ Верховною Властію всѣмъ русскимъ иновѣрцамъ для свободнаго употребленія, и хотя по-русски издаются, даже иждивеніемъ правительства, богослужебныя книги для иновѣрцевъ? За исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстъ Ковенской губерніи, въ Россіи нѣтъ ни одного римско-католическаго прихода гдѣ не знали бы русскаго языка. Лица высшихъ и образованныхъ классовъ не могутъ не знать его, потому что русскій языкъ во всемъ западномъ краѣ есть органъ школы, администраціи, суда и всѣхъ общественныхъ отправленій. Стало-быть только русскій языкъ и можетъ служить объединяющимъ органомъ, равно понятнымъ для всѣхъ жителей какъ городскаго такъ и сельскаго прихода. И дѣйствительно, только русскій языкъ можетъ быть публичнымъ органомъ въ тѣхъ храмахъ которые признаются русскимъ закономъ, ограждаются русскимъ правительствомъ и поддерживаются пособіями русскаго государственнаго казначейства.

Циркуляръ кіевскаго генералъ-губернатора, напечатанный въ *Кіевлянинѣ*, вскорѣ по сосѣдству откликнулся и въ Галиціи. Любопытно послушать какъ отозвались о немъ во Львовѣ. Сообщая этотъ документъ, львовское *Слово* затрудняется понять его и съ прискорбіемъ видитъ въ немъ мѣру ретроградную. Приводимъ собственныя выраженія этой газеты, со всѣми особенностями ея языка: „Введеніе народнаго языка въ дополнительномъ богослуженіи въ „римско-католическихъ церквахъ въ западныхъ краяхъ Россіи, давшее столь „хорошія надежды римскимъ вѣроисповѣдникамъ руской національности отодвинулось назадъ новѣйшими мѣрами самого „правительства, которое—не знаемъ по „якимъ политическимъ видамъ—дало опять „свободное поле чужой рѣчи между рус„скимъ народомъ. Вмѣсто безусловно ввести руській языкъ для русскихъ прихожанъ римской церкви, правительство требуетъ напередъ письменнаго заявленія „прихожанъ хотятъ ли они русскаго языка въ богослуженіи.“

№ 55.

Москва, 12-го марта.

Сегодняшняя почта принесла намъ важное правительственное постановленіе. Между другими офиціальными документами нашего сегодняшняго № помѣщается положеніе Главнаго Комитета по устройству Сельскаго Состоянія объ измѣненіяхъ въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ

учрежденіяхъ. Положеніе Главнаго Комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 18-го февраля.

Положеніе 18-го февраля не есть еще окончательное рѣшеніе вопроса о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, но въ немъ выразился взглядъ Верховной Власти на это дѣло, имѣющее столь великую важность въ дѣлѣ организаціи мѣстнаго управленія.

Вопросъ о предстоящемъ окончаніи дѣятельности мировыхъ посредниковъ уже давно занимаетъ наше земство. Институтъ мировыхъ посредниковъ отслужилъ свою службу: посредники уже покончили съ своимъ главнѣйшимъ дѣломъ: Положенія 19-го февраля 1861 приведены въ исполненіе. Даже послѣдній актъ крестьянской реформы, выкупъ, приближается къ концу во многихъ губерніяхъ. Въ Оренбургской губерніи въ настоящее время нѣтъ ни одного временно-обязаннаго крестьянина. Во многихъ губерніяхъ, напримѣръ Таврической, Екатеринославской, Вятской, Харьковской, Херсонской остается ничтожное число крестьянъ еще не перешедшихъ на выкупъ. Мировые посредники исполнили также и другую возложенную на нихъ задачу соединить въ общемъ управленіи всѣхъ крестьянъ разныхъ именованій (государственныхъ, удѣльныхъ и пр.). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ приходитъ къ концу устройство государственныхъ крестьянъ и выдача имъ люстраціонныхъ актовъ. Есть губерніи, какъ напримѣръ Екатеринославская, гдѣ почти вполнѣ окончено устройство крестьянъ всѣхъ именованій. Въ то же время, со введеніемъ мировыхъ учрежденій, отъ посредниковъ отошли дѣла по судебно-полицейскому разбирательству. Введеніе земскихъ учрежденій также ограничило кругъ дѣятельности посредниковъ.

Содержаніе мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, стоящее каждой губерніи десятки тысячъ рублей, падаетъ теперь тяжелымъ бременемъ на земство, и безъ того стѣсненное въ средствахъ. А главное, расходы на это учрежденіе не окупаются соотвѣтственною пользой. Заботы о необходимой бережливости были причиной земскихъ ходатайствъ касательно закрытія института мировыхъ посредниковъ, но не единственною. Земскія собранія поняли что съ вопросомъ о мировыхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ тѣсно связаны вопросы объ устройствѣ всего нашего мѣстнаго управленія. Такой взглядъ высказанъ въ Петербургскомъ земскомъ собраніи 1865 г., въ Московскомъ 1866 и затѣмъ повторенъ земствами почти всѣхъ губерній. Въ докладѣ московской губернской управы въ 1866 году приведены подробныя соображенія о необходимости согласовать предстоящее упраздненіе мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ совершившимися реформами суда и земства и вообще повести это дѣло въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія мировыхъ судебныхъ земскихъ учрежденій.

Лжеконсервативная партія наша точно также поняла значеніе вопроса объ упраздненіи посредниковъ. Ярые противники бюрократическихъ началъ на западныхъ окраинахъ, наши *бѣлые* полагаютъ всѣ свои усилія на усиленіе бюрократіи внутри государства. По вопросу о посредникахъ всѣ ихъ заботы сосредоточились на томъ чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ бюрократической опеки на крестьянское управленіе. Въ *Вѣсти* появился цѣлый рядъ статей трактовавшихъ о необходимости обратить посредниковъ въ особаго рода бюрократическихъ администраторовъ надъ крестьянами, въ родѣ бывшихъ окружныхъ начальниковъ государственныхъ имуществъ. Недостатки крестьянскаго управленія на которые ссылался органъ лжеконсервативной партіи служили только предлогомъ; устраненіе этихъ недостатковъ ни мало не заботило этихъ господъ. Напротивъ, бюрократическая опека тѣмъ-то и показалась имъ любезною что она неминуемо должна была закрѣпить всѣ недостатки нынѣшняго крестьянскаго управленія.

Прошлою осенью мы сообщали читателямъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Вытегорскому земскому собранію, которому ставилось на видъ что вопросъ о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ не можетъ подлежать обсужденію земства. Этотъ циркуляръ, конечно, долженъ былъ остановить обсужденіе вопроса въ земскихъ собраніяхъ прошлой зимы.

Въ то же время министерство внутреннихъ дѣлъ было озабочено вопросомъ о посредникахъ. Постановленія особой коммиссіи, давно уже работавшей по этому вопросу, подверглись тщательному пересмотру, и затѣмъ въ Главный Комитетъ поступило представленіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ въ петербургскихъ газетахъ, проектировалъ изъять изъ вѣдѣнія посредниковъ нѣкоторыя дѣла входящія въ кругъ дѣятельности полиціи, земства и суда. Предполагалось удержать за ними названіе посредниковъ, но поставить ихъ въ положеніе чиновниковъ опредѣляемыхъ и увольняемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ и постановленіямъ губернскихъ присутствій. Въ уѣздахъ гдѣ число временно-обязанныхъ крестьянъ незначительно, предполагалось сократить число посредниковъ и замѣнить ихъ съѣзды уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, составленными изъ уѣзднаго предводителя дворянства, исправника, члена уѣздной земской управы и непремѣннаго члена. При этомъ предполагалось должности членовъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ упразднить.

Нельзя поручиться за вѣрность всѣхъ сообщенныхъ въ газетахъ подробностей касательно проекта министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи института посредниковъ, но повидимому несомнѣнно что министерство дѣйствительно имѣло въ виду обратить посредниковъ въ простыхъ подвѣдомыхъ себѣ чиновниковъ съ обязанностью надзирать за крестьянскимъ управленіемъ.

Высочайше утвержденное Положеніе 18-го февраля показываетъ что законодательная власть взглянула на дѣло иначе. Обращеніе посредниковъ въ бюрократическихъ агентовъ не состоялось.

Что̀ требовало подобной перемѣны? Защитники ея ссылаются обыкновенно на то что въ послѣднее время должность посредниковъ покинута лучшими людьми земства, что самостоятельность мироваго крестьянскаго института не соотвѣтствуетъ нынѣшнему персоналу, что посредники въ настоящее время ничего не дѣлаютъ, а наоборотъ задерживаютъ дѣла, между тѣмъ какъ администрація не достаточно вооружена противъ неисправностей посредниковъ. Такой-то посредникъ, разказывали намъ, цѣлый годъ продержалъ безъ движенія бумаги по выкупу. Такой-то, вопреки просьбамъ управляющаго владѣльца, не хочетъ двинуться съ мѣста чтобы побудить крестьянъ къ уплатѣ оброка. Въ административныхъ сферахъ ссылаются на то что въ 1867 году въ тридцати пяти губерніяхъ накопилось три милліона недоимокъ по казеннымъ и шесть милліоновъ по выкупнымъ платежамъ. Въ то же время губернское присутствіе стѣснено излишними формальностями при преслѣдованіи незаконныхъ дѣйствій посредниковъ.

Эти жалобы нѣсколько преувеличены. Не бездѣятельность посредниковъ, а неурожай былъ главною причиной недоимокъ 1867 года, которыя и скопились не во всѣхъ 35 губерніяхъ, а въ извѣстной части ихъ. Въ слѣдующемъ 1868 году платежи поступили уже исправно, а мѣстами уплачены и большія недоимки за прежній годъ. Оброки, вообще говоря, поступаютъ теперь правильнѣе чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, и только этимъ объясняется что помѣщики нечерноземной полосы, напримѣръ въ Ярославской губерніи, почти вовсе не пускаютъ своихъ имѣній на выкупъ.

Во всякомъ случаѣ, жалобы и сѣтованія на отдѣльные случаи нерадѣнія упустили изъ виду серіозную сторону дѣла. Неужели въ виду нѣкоторыхъ неправильностей надобно жертвовать всею постановкой мироваго крестьянскаго института? Посредники имѣютъ дѣло не съ одними помѣщиками; они наблюдаютъ и за крестьянскимъ управленіемъ. Не завелось ли бы въ чиновникахъ-посредникахъ болѣе важныхъ недостатковъ чѣмъ нерадѣніе? До сихъ поръ почти вовсе не приходится слышать о взяточничествѣ мировыхъ посредниковъ,—но кто не знаетъ отношеній прежнихъ окружныхъ начальниковъ къ крестьянамъ? Посредники обращенные въ чиновниковъ были бы безотвѣтны, и получили бы право прикрываться велѣніями администраціи и въ свою очередь искать въ ней опоры.

Положеніе Главнаго Комитета усилило надзоръ губернскихъ присутствій за посредниками, дало присутствіямъ право въ случаяхъ особой важности временно удалять посредниковъ отъ должности, донося сенату о причинахъ такой мѣры; но затѣмъ весь остальной порядокъ подчиненія посредниковъ сенату оставленъ безъ измѣненій.

Еще важнѣе третій пунктъ Положенія. Онъ показываетъ что самую мысль объ обращеніи посредниковъ въ орудіе бюрократической опеки надъ крестьянскимъ управленіемъ можно считать оставленною. Положеніе говоритъ о безотлагательномъ приступѣ къ постепенному *упраздненію*

должности посредниковъ и ихъ съѣздовъ. Такимъ образомъ должность эта подлежитъ упраздненію, а не преобразованію. Упраздненіе же ея само собою потребуетъ передачи порученныхъ посредникамъ дѣлъ въ вѣдѣніе мироваго судьи и земства. Извѣстно что всѣ земскія собранія видѣли въ этой передачѣ необходимое условіе для успѣшнаго рѣшенія вопроса.

Представленіе министерства объ упраздненіи должности членовъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ принято Положеніемъ 18-го февраля, но упраздненіе это должно совершиться постепенно.

При составленіи Положенія 19-го февраля 1861 года была въ большомъ ходу мысль о сліяніи крестьянскихъ мировыхъ учрежденій съ общими мировыми судами которые когда существовали только въ предположеніи. Редакціонныя коммиссіи находили что такое сліяніе „было бы всего желательнѣе", но онѣ остановились предъ трудностію введенія мировыхъ судовъ „требующихъ преобразованія всего судопроизводства и разныхъ частей администраціи." Теперь судебная реформа есть уже совершившійся фактъ, и мировые судьи дѣйствуютъ почти повсемѣстно въ Имперіи.

Кстати, о трудахъ редакціонныхъ коммиссій. Сейчасъ только получили мы вышедшее въ Боннѣ (на Рейнѣ) въ высшей степени важное изданіе: *Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II*, въ четырехъ громадныхъ томахъ. Составитель этой книги, г. Скребицкій, получилъ вошедшіе въ нее матеріалы отъ покойнаго барона Гакстгаузена, извѣстнаго изслѣдователя крестьянскаго быта въ Россіи. Барону Гакстгаузену руское правительство доставляло всѣ документы относящіеся къ великой крестьянской реформѣ. Г. Скребицкій былъ сотрудникомъ барона Гакстгаузена по извѣстному труду послѣдняго объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Г. Скребицкій пользовался также указаніями Н. А. Милютина, который, несмотря на свой тяжкій недугъ, не переставалъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за ходомъ труда г. Скребицкаго.

Мы не преминемъ познакомить читателей съ этимъ важнымъ изданіемъ, въ которомъ сведены всѣ данныя относящіяся къ занятіямъ редакціонныхъ коммиссій, губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и ихъ депутатовъ. Но въ эту минуту считаемъ не лишнимъ отмѣтить слѣдующій характеристическій фактъ. Трудъ г. Скребицкаго былъ представленъ въ цензуру въ августѣ 1868, и разрѣшенъ къ продажѣ лишь въ январѣ текущаго года, то-есть чрезъ 18 мѣсяцевъ.

№ 56.

Москва, 13-го марта.

Руское, преимущественно мериносовое, овцеводство переживаетъ теперь кризисъ. Соперничество австралійской и американской шерсти и упадокъ цѣнъ на шерсть невыгодно отзываются на хозяйственныхъ расчетахъ овцеводовъ. Начинается даже нѣчто въ родѣ паники. Многіе приходятъ въ отчаяніе и приступаютъ къ сокращенію своихъ овчарень.

Что положеніе овцеводства въ Россіи представляетъ невеселую картину, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Никто не можетъ отрицать ни упадка цѣнъ на шерсть, ни уменьшившагося спроса на нашу шерсть за границу, гдѣ ее шагъ за шагомъ вытѣсняетъ австралійская. Какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ вывозимая за границу шерсть занимала, по цѣнности, чуть не первое послѣ хлѣба мѣсто въ ряду отпускныхъ товаровъ; теперь она не занимаетъ и пятаго. Въ 1864 году вывезено за границу шерсти на 19.034.204 р., а въ 1868 менѣе чѣмъ на семь съ половиною милліоновъ, въ прошломъ же году и того менѣе (причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду что цѣны на шерсть въ послѣдніе годы стояли значительно ниже цѣнъ 1864 года).

Но признавая въ полной мѣрѣ уважительными поводы къ жалобамъ овцеводовъ на настоящее положеніе торговли шерстью, нельзя не замѣтить что въ самыхъ жалобахъ есть не мало преувеличеннаго. Въ нихъ замѣчается даже, какъ и при всякихъ другихъ кризисахъ, — особенно въ жалобахъ обращаемыхъ къ правительству, — весьма понятное стремленіе представить дѣло хуже чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Такъ напримѣръ низкія цѣны на шерсть въ послѣдніе годы сравниваются иногда не со средними цѣнами за то время когда жалобъ слышно не было, а съ цѣнами наиболѣе благопріятныхъ годовъ. Въ *Запискѣ* екатеринославскаго предводителя дворянства, г. Струкова, „довольно удовлетворительными" цѣнами шер-

сти признаются: грязной *отъ 10 до 12 рублей*, перегонной отъ *15 до 21 рубля* за пудъ; а между тѣмъ изъ приводимой известнымъ въ Харьковѣ знатокомъ шерстяной торговли, г. Иткинымъ, таблицы цѣнъ на разные сорта шерсти съ 1859 по 1869 годъ, *) видно что въ періодъ 1859—1866 годовъ, когда никакихъ воплей не испускалось, цѣны на грязную шерсть колебались *между 7 р. 50 к. и 11 р. 50 к.*, а на перегонную *между 12 и 19 рублями*. И цѣны эти, хотя онѣ значительно ниже цѣнъ признаваемыхъ г. Струковымъ только „довольно удовлетворительными“, не могутъ считаться, въ среднемъ выводѣ, низкими, какъ показываютъ и соотвѣтствующія имъ цѣны мытой шерсти. Цѣны этой послѣдней въ нѣкоторые годы, какъ напримѣръ въ 1860, 1865 и 1866 гг., доходили даже до 30 и 31 р. за пудъ, и какой овцеводъ не призналъ бы при такихъ цѣнахъ положеніе овцеводства вполнѣ удовлетворительнымъ?

Между тѣмъ какъ цѣны на шерсть за прежнее время показываются съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, съ другой стороны за послѣдніе неблагопріятные годы приводятся цѣны которыя ниже дѣйствительныхъ. Такъ, по показанію г. Струкова, цѣна на грязную шерсть въ 1868 году стояла не выше 7 р.; а въ таблицѣ г. Иткина цѣны той же шерсти показаны колеблющимися между 7 р. 25 к. и 8 р. 25 к. Притомъ г. Струковъ указываетъ на цѣны 1868 года какъ на нѣчто небывалое, а между тѣмъ онѣ, по всѣмъ сортамъ, разнятся отъ цѣнъ 1862 и 1863 годовъ лишь на 25—50 к. на пудъ. Дѣйствительно небывало-низкія цѣны представляетъ лишь минувшій 1869 годъ, но и тутъ приводимыя г. Струковымъ цѣны грязной шерсти отъ 4 р. 50 к. до 6 р. 50 к. сводятся на 5 р. 50 к. до 7 р. 50 к. за пудъ, такъ какъ крайняя низшая цѣна 4 руб. 50 к. объясняется не условіями общаго хода торговли, а небрежною уборкой и большими пороками шерсти въ нѣкоторыхъ партіяхъ привезенныхъ на Троицкую ярмарку прошлаго года. Это же послѣднее обстоятельство играетъ не послѣднюю роль и въ общемъ упадкѣ цѣнъ на шерсть за послѣднее время.

Болѣе вѣрнымъ мѣриломъ кризиса могло бы служить громадное уменьшеніе вывоза шерсти за границу, хотя по таможеннымъ свѣдѣніямъ нельзя судить въ какой мѣрѣ это пониженіе падаетъ на мериносовую и въ какой — на такъ называемыя русскія шерсти. Но и тутъ, принимая во вниманіе значительное расширеніе за послѣднее время шерстяной фабрикаціи въ Россіи, не надобно упускать изъ виду что уменьшеніе заграничнаго спроса на шерсть могло въ извѣстной мѣрѣ вознаграждаться возрастающимъ спросомъ на нее внутри, спросомъ, который и прежде простирался на три четверти всей производимой въ Россіи испанской шерсти.

Приведенныя цифры и соображенія нѣсколько успокоиваютъ за судьбу овцеводства въ Россіи. Какъ ни плохо его настоящее положеніе, еще нѣтъ основанія считать его непоправимымъ.

Какъ на главную, чуть ли не единственную, причину настоящаго кризиса, наши овцеводы указываютъ на конкуренцію австралійской и американской шерсти. Но ни о чемъ другомъ нѣтъ рѣчи ни въ *Запискѣ* г. Струкова, ни въ докладѣ особой коммиссіи по шерстяному вопросу назначенной Таврическимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ *). Вотъ тотъ кошмаръ который давитъ наше овцеводство.

Дѣйствительно, ежегодно возрастающій наплывъ австралійской и американской шерсти на европейскіе рынки неизбѣжно долженъ былъ повести къ пониженію цѣнъ, но съ другой стороны и потребленіе шерсти въ Европѣ возрастаетъ въ огромныхъ размѣрахъ, потому что съ развитіемъ благосостоянія прежде всего расширяется употребленіе шерстяныхъ матерій, въ замѣнъ бумажныхъ. Ввозъ шерсти въ Англію, простиравшійся въ 1859 году **) до 130,,, милліоновъ англійскихъ фунтовъ достигъ въ 1868 году цифры 252,,, милліоновъ фунтовъ. ***) Доля австралійской шерсти въ общей цифрѣ ввоза возрастала еще въ болѣе значительной прогрессіи. Между тѣмъ какъ общій ввозъ шерсти не успѣлъ увеличиться вдвое, ввозъ австралійской шерсти увеличился втрое. Въ 1859 году партіи австралійской шерсти составляли въ

*) См. *Харьковскія Губернскія Вѣдомости*, 5-го марта 1870 г. № 32.

*) См. *Новороссійскія Вѣдомости*, 5-го марта 1870 г., № 50.

**) См. таблицу, приведенную изъ Parl. paper 1869 *Земледѣльческою Газетой*, а равно и *Харьк. Вѣд.* 8-го января 1870 г., № 4.

***) Въ нашемъ пудѣ приблизительно 36 англійскихъ фунтовъ.

общей суммѣ привоза съ небольшимъ двѣ пятыхъ (53,₇ милл. англ. ф.), въ 1868 г. уже слишкомъ три пятыхъ (155,₄ милл. англ. ф.). Прогрессія эта можетъ еще долгое время идти впередъ. Коммисія Таврическаго земства насчитываетъ въ Южной Америкѣ, на мысѣ Доброй Надежды и въ Австраліи до 88 милліоновъ головъ тонкорунныхъ овецъ и, полагаетъ что число овецъ можетъ возрасти до 70 милліоновъ въ каждой изъ названныхъ странъ. Спрашиваетъ можемъ ли мы конкуррировать съ этими странами? Чѣмъ болѣе будетъ успѣвать нашъ югъ въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ станетъ тамъ не выгоднѣе овцеводство. Но что сказать о настоящей минутѣ? Наши овцеводы съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на удобства представляемыя помянутыми странами для овцеводства, на дешевизну содержанія тамъ овецъ, пасущихся круглый годъ на землѣ не имѣющей почти никакой цѣнности, и приходятъ къ выводу что соперничество для насъ не возможно. На сколько въ этомъ правды, это можетъ показать только будущее; но довѣріе къ такому выводу сильно колеблютъ преувеличенныя показанія нашихъ овцеводовъ о непомѣрной будто бы дешевизнѣ австралійской шерсти. Г. Струковъ, напримѣръ, увѣряетъ что она въ продажѣ дешевле нашей 5, 6 и 7 рублями на пудъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не оказывается. Изъ циркуляра о послѣднемъ въ минувшемъ году аукціонѣ шерсти въ Лондонѣ г. Иткинъ приводитъ высшія и низшія цѣны капскихъ и австралійскихъ шерстей, съ переводомъ этихъ цѣнъ на русскія деньги считая пенни по курсу 3¼ коп. Выводъ изъ составленной такимъ образомъ таблицы оказывается совершенно противоположнымъ тому къ какому, основываясь на неизвѣстныхъ данныхъ, пришелъ г. Струковъ. Въ то самое время когда у насъ высшія цѣны шерсти были: мытой до 24 р., перегонной до 13 р. 50 к. и грязной до 7 р. 50 к. (по г. Струкову до 6 р. 50 к. за пудъ), заморскія шерсти на мѣстѣ въ Лондонѣ стоили за пудъ: мытая отъ 25 р. 20 к. до 30 р. 24 к., перегонная отъ 15 р. 75 к. до 21 р. 42 к. и грязная отъ 7 р. 56 к. до 13 р. 23 к. Низшія цѣны австралійской шерсти оказываются выше высшихъ цѣнъ нашей! Не ясно ли что Австралія по крайней мѣрѣ ввозомъ шерсти не можетъ вредить нашему овцеводству? Не ясно ли что тарифомъ тутъ ничего нельзя будетъ сдѣлать? А между тѣмъ г. Струковъ, въ одинъ голосъ со всѣми овцеводами, свидѣтельствуетъ что австралійская шерсть „по качеству и упругости“ (главное достоинство шерсти для прочности выдѣлываемыхъ изъ нея тканей) „далеко отстаетъ отъ нашей туземной испанской шерсти,“ прибавляя что она „привлекательна только по дешевизнѣ.“ Въ виду приведенныхъ цифръ невольно рождается вопросъ: нѣтъ ли, помимо наплыва на европейскіе рынки заморскихъ шерстей, какихъ-либо другихъ причинъ паденія цѣнъ на русскую мериносовую шерсть, и не явится ли, съ устраненіемъ этихъ причинъ, возможность не только не страшиться австралійскихъ шерстей у себя дома, но и съ честію выдерживать соперничество съ Австраліей на заграничныхъ рынкахъ. Придавая слишкомъ большое значеніе выгоднымъ условіямъ овцеводства въ Австраліи, не принимая при этомъ вовсе въ разчетъ что рабочія руки обходятся тамъ дороже чѣмъ у насъ, не слишкомъ ли низко цѣнятъ наши овцеводы ту выгоду какую даетъ имъ громадное разстояніе отдѣляющее мѣста производства австралійской шерсти отъ мѣстъ сбыта? Не преувеличиваетъ ли коммиссія Таврическаго земства то вліяніе на удешевленіе въ будущемъ перевозки австралійской шерсти какое она приписываетъ недавно открытому Суэзскому каналу?

Наступающимъ лѣтомъ, во время Троицкой ярмарки, на которую постоянно съѣзжаются и овцеводы, и моечники шерсти, и торговцы шерстью, и фабриканты шерстяныхъ издѣлій, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, „для приведенія въ большую извѣстность состоянія мериносоваго овцеводства въ Россіи и для ближайшаго ознакомленія съ качествами мериносовъ разныхъ заводовъ“, какъ сказано въ помѣщенныхъ сегодня въ офиціальномъ отдѣлѣ правилахъ выставки, открывается въ Харьковѣ выставка мериносовъ, и одновременно съ нею учреждается съѣздъ овцеводовъ для обсужденія вопросовъ относящихся къ овцеводству. Надо надѣяться что съѣздъ этотъ, при наивыгоднѣйшихъ условіяхъ для обсужденія вопроса не упуститъ раскрыть и истинныя причины такого неестественнаго положенія дѣлъ, при коемъ самыя высокія цѣны нашей шерсти стоятъ ниже низшихъ цѣнъ шерсти ав-

стралійской, хотя послѣдняя и уступаетъ первой въ добротѣ. Необходимо, однако, чтобы въ обсужденіи принимали участіе не одни овцеводы, но, что чуть ли не важнѣе, и покупщики шерсти и фабриканты нуждающіеся въ различныхъ сортиментахъ шерсти для своего производства. Лишь при обсужденіи дѣла спеціалистами заинтересованными въ немъ съ противоположныхъ сторонъ, оно можетъ достаточно выясниться. Только такимъ путемъ могутъ быть раскрыты тѣ невыгодныя обстоятельства кои не только препятствуютъ нашей шерсти выдерживать соперничество съ заморскою, но и подвергаютъ вопросу самое существованіе овцеводства въ Россіи, а вмѣстѣ сами собою обозначатся и тѣ мѣры кои требуется принять для устраненія вредныхъ вліяній. Впрочемъ и теперь довольно ясны главныя причины паденія цѣнъ на нашу шерсть.

Не будемъ говорить о технической сторонѣ овцеводства, тѣмъ болѣе что она, при неодинаковой степени развитія въ разныхъ мѣстностяхъ, не можетъ быть подведена подъ одинъ уголъ зрѣнія. Такъ напримѣръ, въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической техника овцеводства стоитъ значительно выше чѣмъ въ Бессарабіи и Херсонской губерніи. Но и тамъ гдѣ овцеводы наши обладаютъ въ полной мѣрѣ искусствомъ видоизмѣнять породы овецъ, они не всегда пользуются имъ для того чтобы производить именно тѣ сорта шерсти кои наиболѣе въ спросѣ и потому наиболѣе цѣнятся, и чтобы производить ихъ безъ малѣйшихъ faux frais. Всегда ли принимаются ими всѣ мѣры къ тому чтобы, при извѣстномъ направленіи спроса на рынкахъ, наверстывать гдѣ качество шерсти количествомъ ея, гдѣ наоборотъ? Въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства, г. Щепкина, извлеченіе изъ коего печаталось въ майской и іюньской книжкахъ *Журнала министерства государственныхъ имуществъ* за 1867 годъ, а въ минувшемъ году издано департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности въ видѣ особой брошюры, читаемъ: „Лѣтописи мериносоваго овцеводства и „личное знакомство съ нимъ въ Ново„россійскомъ краѣ и въ Малороссіи при„водятъ къ убѣжденію что эта отрасль „хозяйства нуждается не столько въ тех„ническихъ свѣдѣніяхъ, сколько въ эко„номическомъ приложеніи ихъ къ дѣлу...*) „Если у большинства овцеводовъ и была „поставлена цѣль при разведеніи мерино„совъ, то только техническая —достиже„ніе высокаго качества шерсти, помимо „всякихъ экономическихъ соображеній. „Овцеводы не обращали вниманія на то „что шерсть принадлежитъ къ числу та„кихъ продуктовъ, выгоды производства „которыхъ не находятся всегда въ пря„момъ отношеніи съ качествомъ, а на„противъ, часто съ количествомъ... Слу„чается очень часто что заводъ произво„дитъ отличныхъ мериносовъ, бонитировка „ведется правильнымъ образомъ, а между „тѣмъ мериносы даютъ очень мало до„хода, потому что производство идетъ „неразчетливо и не отвѣчаетъ спросу. „Много встрѣчается заводовъ съ пре„красными тонкошерстными овцами даю„щими высокую шерсть, а между тѣмъ, „при маломъ спросѣ на такую шерсть и „при низкихъ цѣнахъ на нее, мериносы „приносятъ ничтожный доходъ **).“ Вышесказанное относится преимущественно къ тѣмъ губерніямъ гдѣ овцеводство, сравнительно, стоитъ на удовлетворительной ступени развитія; въ другихъ же ни качество, ни количество шерсти не соотвѣтствуютъ числу головъ. Херсонскіе и бессарабскіе овцеводы: „до послѣдняго времени „обращали главное вниманіе на увеличе„ніе числа мериносовъ, а потому мало „занимались лучшимъ его содержаніемъ „и подборомъ ***)“. Между тѣмъ, не сообразуясь съ измѣняющимися требованіями фабричнаго производства на различные сорта мериносовой шерсти, овцеводъ рискуетъ неизбѣжно остаться въ накладѣ даже и безъ конкурренціи австралійской шерсти. Какъ значительно измѣняются цѣны на различные сорта мериносовой шерсти подъ вліяніемъ условій фабричнаго спроса, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ брошюрѣ г. Щепкина (стр. 15) приведена за двадцать лѣтъ, съ 1838 по 1857, таблица цѣнъ почемъ продавалась въ Гогенгеймской овчарнѣ короткая и длинная мериносовая шерсть. Сначала короткая (болѣе нѣжная, идущая на сукна) шерсть была много дороже длинной (идущей на ткани безъ

*) *Овцеводство въ Россіи* С. П. Щепкина, 1869. Стр. 84.

**) Тамъ же, стр. 86 и 87.

***) Тамъ же, стр. 30.

ворса). Цѣна одной и той же единицы вѣса (104 фунта) шерсти въ 1837 году была: короткой 188, а длинной 125 флориновъ. Но затѣмъ мало-по-малу цѣна на короткую падала, а цѣна на длинную возвышалась и дошла до 164 фл., уже немного дешевле короткой. Разница между цѣнами на ту и другую, составлявшая въ 1838 — 1841 годахъ отъ 50 до 55 фл., въ 1851 — 1857 годахъ держалась уже почти безъ перерыва на 12 фл. Австралійскіе овцеводы не упускаютъ изъ виду необходимости сообразоваться съ фабричными требованіями; они, какъ извѣстно, начали уже производить камвольную шерсть и, безъ сомнѣнія, доведутъ это производство до громадныхъ размѣровъ.

У насъ весьма полезно будетъ, думаемъ мы, учрежденіе періодическихъ съѣздовъ овцеводовъ съ фабрикантами, причемъ могъ бы своевременно происходить обмѣнъ мыслей относительно количества и качества сыраго матеріала нужнаго для обрабатывающей промышленности. Такіе съѣзды оказались бы полезными для обѣихъ сторонъ между прочимъ и въ томъ отношеніи что на нихъ могли бы заключаться прямыя сдѣлки на шерсть между производителями и потребителями, безъ посредства кулаковъ и перекупщиковъ, вліяніе коихъ на ходъ шерстяной торговли и овцеводства признается всѣми далеко не полезнымъ.

Главныя, по нашему мнѣнію, причины упадка нашей шерстяной торговли лежатъ въ недостаточной разсчетливости при овцеводствѣ, въ небрежномъ уходѣ за овцами, въ крайне неудовлетворительныхъ способахъ мытья шерсти и ея сортировки и, наконецъ, всего болѣе, въ господствующей въ шерстяной торговлѣ недобросовѣстности. Нѣкоторые изъ овцеводовъ заявляли уже въ печати что именно эта недобросовѣстность вызываетъ постоянныя жалобы иностранцевъ и заставляетъ ихъ вести торговыя дѣла не съ нами, а съ другими. Не говоря уже о томъ что употребленіе при мытьѣ шерсти часовъ, термометровъ и т. п. есть рѣдкое исключеніе, укажемъ на приводимые г. Щенкинымъ примѣры что для увеличенія вѣса грязной шерсти заставляютъ иногда нарочно потѣть овецъ предъ стрижкой, или кладутъ уже остриженную шерсть въ сырое помѣщеніе чтобъ она нѣсколько отволгла. Неудовлетворительная промывка шерсти представляетъ, какъ извѣстно, фабрикантовъ предпочитать перегонную шерсть такъ-называемой мытой, хотя перевозка перегонной шерсти, какъ болѣе тяжелой, обходится дороже. А между тѣмъ, небрежность въ промывкѣ шерсти и недобросовѣстность въ сбытѣ ея идутъ не уменьшаясь, а возрастая. „Въ прошлые годы" (нѣсколько лѣтъ тому назадъ), пишетъ г. Иткинъ, „изъ одного пуда привозимой на наши ярмарки шерсти получалось 16 и не менѣе 14 фунтовъ мытой, въ настоящее же время, именно въ періодъ претерпѣваемаго нынѣ пониженія цѣнъ, получается изъ одного пуда грязной шерсти, самыхъ лучшихъ партій, отъ 12 до 13 ф., а иныя партіи даютъ не болѣе 8 до 10 фунтовъ." Удивительно ли при такихъ условіяхъ паденіе цѣнъ на шерсть, да и можно ли цѣны на подобную шерсть приводить въ доказательство безвыходнаго положенія овцеводства? А между тѣмъ порожденное подобнымъ образомъ дѣйствій недовѣріе къ нашей шерсти роняетъ цѣны продукта и добросовѣстныхъ овцеводовъ. Кто разъ обжегся на молокѣ, дуетъ и на воду. Принять рѣшительныя мѣры противъ фальсификаціи въ торговлѣ шерстью есть дѣло крайней необходимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть обращено вниманіе и на улучшеніе способовъ мойки и сортировки шерсти.

Кромѣ вышеприведенныхъ причинъ вліяющихъ на пониженіе цѣнъ шерсти, можно указать еще на существующій, особенно въ южной половинѣ Екатеринославской губерніи, обычай продавать будущую шерсть, иногда по условленнымъ цѣнамъ, а иногда по цѣнамъ какія будутъ стоять во время сдачи ея покупателю. Обычай этотъ условливается отчасти недостаткомъ оборотныхъ капиталовъ и трудностію получать краткосрочныя ссуды. Не поможетъ ли тутъ учрежденіе обществъ взаимнаго кредита овцеводовъ, обязательства коихъ принимались бы къ учету въ отдѣленіяхъ и конторахъ Государственнаго Банка? Не могли ли бы также образоваться между овцеводами общества съ цѣлію взаимнаго ручательства предъ покупателями за доброкачественность производимой ими шерсти? Благопріятными послѣдствіями, по признанію коммиссіи таврическаго земства, должна сопровождаться для тамошняго овцеводства и по-

стройка Крымской желѣзной дороги, которая дастъ мѣстнымъ продуктамъ болѣе удобный и скорый сбытъ внутрь Имперіи, а краю доставитъ рабочія силы.

Наши овцеводы хлопочатъ объ огражденіи ихъ хозяйствъ покровительственнымъ тарифомъ. Коммиссія таврическаго земства была именно назначена для разсмотрѣнія вопроса о степени необходимости ходатайствовать о повышеніи тарифа на ввозимую шерсть и категорически высказала свое убѣжденіе въ необходимости подобнаго ходатайства. Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства, г. Струковъ, назначаетъ и самый размѣръ тарифа, по 4 р. съ пуда ввозимой шерсти. О подобной мѣрѣ, конечно, серіозной рѣчи быть не можетъ. Но положимъ что на австралійскую шерсть былъ бы назначенъ высокій тарифъ. Какое же вліяніе могъ бы имѣть этотъ тарифъ на возвышеніе цѣнъ нашей шерсти на внутреннихъ ярмаркахъ, когда весь ввозъ къ намъ австралійской шерсти равняется лишь 10% (по вѣсу, по цѣнѣ нѣсколько болѣе) нынѣшняго уменьшившагося чуть не втрое противъ 1864 года вывоза нашей шерсти за границу и составляетъ едва замѣтный процентъ въ общей массѣ потребляемой русскими фабриками шерсти? Высокій тарифъ на привозную шерсть увеличитъ ли хоть на одинъ фунтъ отпускъ нашей шерсти за границу? Чѣмъ будутъ выше внутреннія цѣны шерсти, не будетъ ли тѣмъ труднѣе нашей шерсти конкуррировать съ иностранною на заграничныхъ рынкахъ, и не будетъ ли тѣмъ меньше необходимости нашимъ торговцамъ заботиться о добросовѣстномъ веденіи своего дѣла?

№ 57.

Москва, 14-го марта.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* читатели найдутъ объ одномъ и томъ же предметѣ двѣ статьи: это, вопервыхъ, г. Михайлова *Исторія одного приходскаго попечительства*; вовторыхъ, г. Александрова *Приходскія попечительства*. Какъ та, такъ и другая вводятъ насъ въ самую жизнь этого скромнаго учрежденія. Наблюденія изложенныя въ этихъ запискахъ тѣмъ интереснѣе что идутъ отъ разныхъ лицъ и относятся къ разнымъ мѣстностямъ.

Что такое приходскія попечительства и въ чемъ ихъ назначеніе? Приходскія попечительства, сказано въ изданномъ для нихъ Положеніи 2-го августа 1864 года состоящемъ всего изъ 15 статей, учреждаются „для попеченія о благоустройствѣ и благосостояніи приходской церкви и причта.., объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительныхъ дѣйствій въ предѣлахъ прихода“ (ст. 1). „Ближайшимъ источникомъ“ ихъ матеріальныхъ средствъ считаются добровольныя пожертвованія, но они могутъ также предлагать общему собранію прихожанъ опредѣленный съ нихъ сборъ, обязательный для всѣхъ участвовавшихъ въ приходскомъ приговорѣ, а равно ходатайствовать о пособіи отъ казны, либо отъ духовнаго и другихъ вѣдомствъ“ (ст. 6); они суть „общественныя учрежденія,“ „органы мѣстныхъ обществъ“ (ст. 8). Законъ кратокъ и сжатъ, но это не всегда недостатокъ; напротивъ, при доброжелательномъ отношеніи къ данному учрежденію, представляется удобный случай, по мѣрѣ указаній дѣйствительной жизни, развивать недосказанное въ законѣ, разъяснять въ немъ темное и истолковывать сомнительное для пользы дѣла.

Сопоставляя цѣль первоначальнаго учрежденія приходскихъ попечительствъ, какъ она намѣчена въ Положеніи 2-го августа 1864 года, съ обязанностями возложенными на земство Положеніемъ 1-го января 1864 года, замѣчаемъ между ними параллель. Земскимъ учрежденіямъ также предоставлено между прочимъ „завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія,“ „попеченіе о построеніи церквей,“ „участіе“ въ попеченіи о народномъ образованіи и т. д. Казалось, было бы всего раціональнѣе и для дѣла полезнѣе довершить и установить ту связь между обоими учрежденіями, на которую довольно ясно наводитъ самъ законъ. Отъ такого сближенія несомнѣнно выиграли бы какъ земскія учрежденія, такъ и попечительства: первыя имѣли бы на мѣстахъ какъ бы постоянныхъ и вѣрныхъ агентовъ къ содѣйствію коихъ могли бы всегда обращаться съ довѣріемъ; попечительства нашли бы въ земскихъ учрежденіяхъ свой общій центръ. Но до сихъ поръ попечительства влачатъ свою жизнь со-

вершенно изолировано, и изданное для нихъ коротенькое Положеніе остается безъ дальнѣйшаго развитія. Иныя попечительства, какъ видно изъ статей гг. Михайлова и Александрова, рѣшительно недоумѣваютъ что имъ собственно слѣдуетъ дѣлать.

По поводу ходатайства нѣкоторыхъ попечительствъ о предоставленіи имъ права распоряжаться церковными суммами, послѣдовало опредѣленіе св. синода признавшаго означенное ходатайство „посягательствомъ“ на достояніе церкви, воспрещеннымъ ея канонами, и именно противнымъ каноническому правилу: „никто да не присвояетъ церковнаго достоянія.“ Въ другомъ опредѣленіи, по вопросу о правѣ церковныхъ попечительствъ имѣть казенную печать, св. синодъ нашелъ что попечительства „не имѣютъ значенія самостоятельныхъ, то-есть особыхъ для прихода и приходскихъ церквей установленій,“ и потому „циркулярно“ предписалъ чтобы „печати церковныхъ попечительствъ, если гдѣ таковыя заготовлены, были отъ нихъ отобраны.“

Намъ извѣстно что эти рѣшенія подѣйствовали самымъ охлаждающимъ образомъ на весьма многія приходскія попечительства, вызвавъ въ нихъ ощущеніе своей безпомощности. Не мало сѣтованій проникло и въ печать. Но если вникнуть въ сущность дѣла, то въ нихъ выразилось лишь общее чувство, естественное въ учрежденіи не имѣющемъ ни опоры внѣ себя, ни внутренней силы даваемой продолжительною опытностію, а видимый поводъ къ тому, синодальныя рѣшенія, не заключаютъ въ себѣ ничего такого отъ чего надобно было бы придти въ уныніе. Приходское попечительство состоитъ при церкви, но его суммы не суть церковныя суммы, и наоборотъ, церковныя суммы не могутъ смѣшиваться съ суммами приходскаго попечительства. Каждый прихожанинъ воленъ влагать свою лепту либо въ церковную кружку, либо въ кружку попечительства. Въ первомъ случаѣ вложенная копѣйка поступаетъ въ церковное достояніе и право распоряженія ею принадлежитъ настоятелю въ согласіи съ церковнымъ старостой. Во второмъ случаѣ копѣйка дается не церкви, а попечительству, и расходуется имъ по его усмотрѣнію на потребности либо церкви, либо прихода. Разница тутъ существенная, основанная на волѣ дающихъ, которая должна быть уважена, и попечительства не въ правѣ требовать чтобъ обѣ суммы равно подлежали ихъ распоряженію. Относительно церковной суммы они могутъ имѣть только контроль, если прихожане, приговоромъ своимъ въ общемъ собраніи, уполномочатъ ихъ къ провѣркѣ церковныхъ суммъ, на что прихожане имѣютъ безспорное право. Попечительства могутъ и въ этихъ предѣлахъ принести много пользы. Ихъ дѣятельность, чтобы быть плодотворною, не нуждается непремѣнно въ отдѣльной отъ прихода и приходской церкви власти. Для плодотворной дѣятельности требуется одно: чтобы руководители попечительствъ ясно поняли ея предѣлы указанные закономъ, не выступали изъ этихъ предѣловъ, а съ другой стороны старались сдѣлать все то что внутри этихъ предѣловъ можетъ быть сдѣлано.

Почтенные авторы напечатанныхъ въ *Современной Лѣтописи* статей, состоящіе предсѣдателями двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга приходскихъ попечительствъ, были оба такъ счастливы что имъ удалось достигнуть весьма многаго въ своихъ приходахъ. Глядя со стороны, результаты ихъ дѣятельности можно назвать даже блистательными, хотя имъ самимъ эти результаты кажутся очень неудовлетворительными. Оба они путемъ опыта приходятъ къ одному и тому же выводу, именно что въ настоящемъ своемъ видѣ попечительства суть какія-то сомнительныя существованія, „намекъ на что-то,“ какъ выражается г. Александровъ, требующій развитія. Мы согласны что развитіе этого учрежденія желательно и сами пытались разъяснить то направленіе въ какомъ оно могло бы стать предметомъ дальнѣйшаго законодательнаго акта. Но одно дѣло — желаніе законодательныхъ измѣненій въ положеніи о приходскихъ попечительствахъ, а другое — пользоваться существующимъ положеніемъ. Первымъ не исключается второе. Безсиліе приходскихъ попечительствъ въ ихъ теперешней обстановкѣ почтенные авторы выводятъ въ особенности изъ тѣхъ „крупныхъ неудачъ“ которыя потерпѣли оба попечительства въ своемъ стремленіи поднять религіозно-нравственный уровень своихъ прихожанъ, противодѣйствіемъ „губительному пороку пьянства,“ хотя и то и другое попечительство не отступало въ этомъ дѣлѣ отъ духа изданнаго для нихъ

положенія. Такъ предсѣдаемое г. Михайловымъ попечительство побуждаемое указаніемъ сдѣланнымъ въ отчетѣ г. оберъ-прокурора св. синода что „приходскимъ попечительствамъ принадлежитъ заботливость объ улушеніи нравственности народа и объ уменьшеніи пьянства,“ составило приговоръ объ учрежденіи общества трезвости, о сокращеніи числа питейныхъ заведеній, далѣе о наблюденіи за тѣмъ чтобы продажа питей производилась въ указанное закономъ время (ст. 328 Устава о пит. сборѣ), и чтобы не была допускаема торговля напитками до окончанія литургіи въ приходской церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (ст. 329) и т. д., подъ опасеніемъ штрафа въ пользу попечительства. Нѣтъ сомнѣнія что все это было постановлено въ самомъ лучшемъ духѣ и что эти приговоры не могли состояться безъ большихъ усилій. Весьма естественно что трудившіеся надъ ними придаютъ имъ большую цѣну и были непріятно поражены препятствіями встрѣтившимися къ ихъ осуществленію. Но въ этихъ приговорахъ нельзя отрицать превышеніе власти предоставленной приходскимъ попечительствамъ по нынѣ дѣйствующему положенію. Учредить общество трезвости всякое попечительство можетъ невозбранно, но открытіе и закрытіе питейныхъ заведеній есть, по закону, право землевладѣнія, а попечительства этого права имѣть не могутъ. Равнымъ образомъ члены попечительства имѣли право назначать въ своей средѣ тѣ штрафы за непосѣщеніе собраній которые попечительство взимало, но установлять штрафъ для прихожанъ не участвовавшихъ въ приговорѣ попечительствамъ не предоставлено. Наконецъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ питейнаго устава попечительство не можетъ офиціально брать на себя. Для этой цѣли установлены другія власти, и попечительство, желающее побуждать ихъ къ болѣе энергической дѣятельности, можетъ дѣйствовать лишь своимъ вліяніемъ и авторитетомъ, а отнюдь не какъ особая власть. Какъ неправиленъ былъ приговоръ о закрытіи одного питейнаго заведенія, такъ неправиленъ былъ въ другомъ мѣстѣ приговоръ о перенесеніи сборной избы на болѣе дальнее разстояніе отъ церкви. Это было посягательство на законныя права сельскаго общества, надъ которымъ попечительство не имѣетъ власти. Тутъ надобно было съ самаго начала дѣйствовать тѣмъ путемъ который въ послѣдствіи такъ успѣшно привелъ къ цѣли,—путемъ убѣжденія и нравственнаго вліянія.

Словомъ, какъ по отношенію къ церковной власти, такъ и по отношенію ко властямъ свѣтскимъ, попечительства должны дѣйствовать такъ чтобы не выходить изъ предѣловъ которые указалъ имъ законъ, но чтобы съ другой стороны наполнить своею дѣятельностію всю сферу внутри этихъ предѣловъ лежащую. Держась этого правила и имѣя руководителей разъясняющихъ имъ законные предѣлы ихъ дѣятельности, они могутъ сдѣлать весьма многое и безъ измѣненія относящагося къ нимъ законодательства. Имъ отнюдь не приходится теперь сидѣть сложа руки въ ожиданіи лучшихъ временъ, жалуясь на недостатокъ простора; даже и въ нынѣшней тѣснотѣ своей они могутъ приносить существенную пользу, какъ мы это и видимъ на примѣрѣ двухъ описанныхъ въ *Современной Лѣтописи* попечительствъ: они могутъ открывать школы, строить богадѣльни, помогать неимущимъ и т. д. Желательно нѣкоторое расширеніе и болѣе точное опредѣленіе тѣхъ правъ и обязанностей которыя доставятъ попечительствамъ; но они могутъ еще найти для себя благодарную почву и въ предѣлахъ нынѣ дѣйствующаго положенія, которое далеко не исчерпано ими.

№ 58.

Москва, 16-го марта.

Въ настоящее время вопросъ о распространеніи желѣзныхъ дорогъ почти вездѣ обратился въ вопросъ объ удешевленіи ихъ постройки. Въ странахъ обладающихъ обширными рельсовыми сѣтями на очередь поступаютъ исключительно мѣстныя или боковыя линіи. Но развитіе этого рода линій возможно лишь подъ условіемъ постройки ихъ по такому типу который значительно сокращалъ бы расходы какъ сооруженія, такъ и эксплуатаціи. Мѣстное ограниченное движеніе даетъ возможность затратить лишь небольшой капиталъ и заставляетъ стараться объ экономномъ расходованіи сбора на ремонтъ и движеніе. Во многихъ странахъ, особенно въ Англіи,

даже главныя линіи оказываются построенными несоотвѣтственно съ производящимся по нимъ движеніемъ, и оттого не даютъ достаточнаго дохода. Намъ неоднократно приходилось говорить о всеобщихъ въ Европѣ заботахъ—изыскать наивыгоднѣйшій способъ постройки мѣстныхъ вѣтвей.

Удешевленіе постройки желѣзныхъ дорогъ имѣетъ еще большее значеніе для странъ отставшихъ въ этомъ дѣлѣ. Тамъ постройка не только побочныхъ, но и главныхъ дорогъ не пойдетъ успѣшно, если не найдется средствъ къ значительному удешевленію постройки.

Вопросъ о дешевизнѣ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ сказался въ торжественномъ международномъ съѣздѣ по случаю опытовъ надъ новымъ локомотивомъ Ферлея, которые производились въ прошломъ январѣ на небольшой ($19^1/_2$ верстъ длины) узкоколейной (въ 2 ф. ширины) желѣзной дорогѣ въ Англіи, въ Вельсѣ, въ графствѣ Кернарванъ, между Фестиніогскими копями и морскою набережною Порта Мадока. Наше правительство съ своей стороны отправило въ Англію особую коммиссію для осмотра узко-колейныхъ дорогъ. Коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министерства путей сообщенія, графа Бобринскаго, состояла изъ техниковъ-теоретиковъ и практиковъ. Въ составъ ея входили профессоръ путей сообщенія Саловъ, который прошедшимъ лѣтомъ изучалъ узкоколейныя желѣзныя дороги въ Швеціи и Германіи, и нынѣшній директоръ Нижегородской желѣзной дороги Рербергъ. Кромѣ того, съ коммиссіей отправились нѣсколько инженеровъ съ разныхъ желѣзныхъ дорогъ. Были тутъ и лица просто интересующіяся желѣзно-дорожнымъ дѣломъ, какъ гр. Замойскій и гр. А. Бергъ.

Русская коммиссія съѣхалась на Фестиніогской желѣзной дорогѣ съ коммиссіей отъ индійскаго министерства, прибывшею подъ тѣми же побужденіями найти средства къ удешевленію желѣзныхъ дорогъ въ Индіи, которая имѣетъ ихъ сравнительно немного, почти столько же, какъ и Россія. Если вѣрить газетѣ *Times*, откуда мы беремъ эти извѣстія, то иниціатива къ посылкѣ и нашей коммиссіи вышла также почти изъ Азіи. Вице-предсѣдатель правленія Поти-Тифлисской желѣзной дороги, г. Поуэръ, и строитель этой дороги, г. Кроулей, обратили-де вниманіе нашего правительства на изобрѣтеніе Ферлея и вообще на Фестиніогскую дорогу. Министерство путей сообщенія пригласило тогда г. Ферлея прибыть въ Петербургъ для подробнаго разъясненія своей системы. Объясненія г. Ферлея имѣли своимъ результатомъ посылку коммиссіи.

Норвежское правительство, съ своей стороны, прислало главнаго инженера тамошнихъ дорогъ, г. Пиля. Къ посланцамъ иностранныхъ правительствъ присоединился инспекторъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, г. Тейлеръ. Прибыли также герцогъ Садерландъ (Sutherland), которому принадлежитъ значительное протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ его имѣніяхъ, и Венгерецъ графъ Белла-Сечени.

Съѣздъ въ подробности осмотрѣлъ желѣзную дорогу отъ Фестиніога до Порта Мадока и присутствовалъ при опытахъ надъ паровозами системы Ферлея, какъ на узкоколейной, такъ и на обыкновенной желѣзной дорогѣ.

Сколько можно судить изъ хвалебныхъ статей *Times* и изъ данныхъ опубликованныхъ въ интересной статьѣ г. Салова „Дешевыя желѣзныя дороги“ (см. *Журналъ Министерства Путей Сообщенія* № 1-й 1870 года), вопросъ объ удешевленіи желѣзнодорожныхъ вѣтвей рѣшается теперь въ пользу узкой колеи. Главный недостатокъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ состоялъ въ томъ что онѣ не допускали сильнаго подвижнаго состава. Этотъ недостатокъ устраняется локомотивомъ Ферлея, какъ кажется, въ значительной степени.

Локомотивъ Ферлея поставленъ на двухъ отдѣльныхъ телѣжкахъ (bogies) въ которыхъ укрѣплены оси четырехъ паръ колесъ. Оси каждой телѣжки приводятся въ движеніе особою парой цилиндровъ. Подвижныя телѣжки даютъ локомотиву возможность проходить по самымъ крутымъ извилинамъ дороги *). Вагоны на Фестиніогской дорогѣ—маленькіе, сажени полторы длины. Вагоны I и II класса раздѣлены на два купе по шесть мѣстъ въ каждомъ. Въ вагонахъ третьяго класса пассажиры сидятъ въ два ряда вдоль вагона **). Поѣздъ составленный изъ такихъ

*) Кривыя на Фистиніогской дорогѣ очерчены радіусомъ 38, даже 18 саж. Внѣшній рельсъ поднятъ при этомъ на два дюйма надъ внутреннимъ. Наибольшіе уклоны дороги доходятъ до 0,012, а на рабочихъ путяхъ до 0,016.

**) Вагоны товарные (желѣзные) вѣсятъ 40 пудовъ и 53 пуд. и поднимаютъ 124 п. и 186 п. груза. Наименьшая длина вагоновъ 9 ф. 3 д., ши-

вагоновъ легко изгибается по самому искривленному пути. *Times* разказываетъ что длинный въ одну шестую милю поѣздъ Фестиніогской дороги, съ первымъ локомотивомъ Ферлея названнымъ *Маленькое чудо*, такъ изгибался по этой извилистой дорогѣ что пассажиры переднихъ вагоновъ могли раскланиваться съ пассажирами заднихъ. Въ то же время локомотивъ такъ силенъ что поднимаетъ на некрутые уклоны въ $^1/_{92}$ грузъ до 140 тоннъ (8.000 пуд. слишкомъ) со скоростью 15 миль ($22^1/_2$ версты) въ часъ.

Чѣмъ круче кривыя, чѣмъ сильнѣе подъемы желѣзной дороги, тѣмъ дешевле ея постройка. Такимъ образомъ вездѣ гдѣ не предвидится слишкомъ большаго движенія, гдѣ нѣкоторая медленность его не представляетъ особыхъ неудобствъ, узко-колейная дорога съ крутыми кривыми и большими уклонами, то есть дорога дешевая, будетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ. *Times* приводитъ нѣсколько строкъ изъ отзыва г. Тейлера, въ сущности высказавшаго такое же мнѣніе.

Удешевленіе постройки нужно однако не для однѣхъ побочныхъ вѣтвей. Оно столько же необходимо и для главныхъ линій, на которыхъ у насъ до сихъ поръ требуются слишкомъ малые подъемы и слишкомъ пологія кривыя. Требованія нашихъ концессій въ этомъ отношеніи превышаютъ условія обязательныя для компаній въ другихъ странахъ. Скажемъ кстати что и независимо отъ изобрѣтенія Ферлея, слѣдовало бы облегчить эти требованія.

Посылка техническихъ коммиссій, давно уже употребительная за границей, у насъ есть еще новость. Извѣстно какъ много пользы принесли Франціи коммиссіи изъ техниковъ 1862 года. Можно надѣяться что министерство путей сообщенія довершитъ свое просвѣщенное нововведеніе и опубликуетъ отчеты коммиссіи отправленной въ Англію и также комитета, который собранъ теперь въ Петербургѣ для разбора и обсужденія свѣдѣній привезенныхъ первою коммиссіей.

По словамъ петербургскихъ газетъ, у насъ вскорѣ долженъ состояться законъ дозволяющій земству принимать на себя гарантію желѣзно-дорожныхъ вѣтвей. Такъ какъ, повидимому, теперь выгоднѣе будетъ строить вѣтви узкоколейныя, то опубликованіе правительственныхъ свѣдѣній объ этихъ дорогахъ было бы особенно своевременно.

Въ статьяхъ *Times* говорится между прочимъ что узкая колея будетъ особенно пригодна для линій стратегическихъ, по которымъ нельзя ждать очень большаго торговаго движенія. Это замѣчаніе отчасти вѣрно, хотя конечно главныя стратегическія линіи будутъ болѣе удовлетворительны, если способъ постройки допуститъ въ случаѣ надобности развитіе быстраго и сильнаго движенія. Въ концессіи на Брестско-Смоленскую дорогу, которая съ осуществленіемъ Динабурго-Шавельской линіи обратится въ линію чисто стратегическую, употребленъ весьма оригинальный способъ для удешевленія постройки безъ нарушенія возможности развить въ случаѣ надобности сильное движеніе по дорогѣ. Земляное полотно Брестско-Смоленской линіи должно быть построено для одного пути и лишь въ выемкахъ глубже сажени— для двухъ; наименьшія кривыя 300 саж., наибольшіе уклоны 0,008. Разстояніе между станціями допускается въ 25 верстъ. Но при этомъ требуется чтобы на половинномъ разстояніи между станціями была сдѣлана горизонтальная площадка въ 400 саж., на ней уложены разъѣздные пути и около нея построена казарма для рабочихъ съ помѣщеніемъ для телеграфа. Казармы эти требуется расположить такъ чтобъ они могли быть легко обращены въ полустанціи. Такимъ образомъ Брестско-Смоленская дорога будетъ приготовлена къ тому чтобы на случай надобности, въ самое короткое время, можно было почти удвоить движеніе по ней.

Смоленско-Брестская дорога ведется чрезъ Оршу, Борисовъ, Минскъ и Кобринъ. Она слѣдуетъ параллельно Брестъ-Литовскому шоссе только между Кобриномъ и Брестомъ. Компанія не обязуется, но получаетъ право слѣдовать вдоль шоссе, въ разстояніи не менѣе 20 саж. отъ него. Такимъ образомъ Брестъ-Литовское шоссе не будетъ испорчено, такъ что въ случаѣ надобности войска могутъ двигаться и по шоссе параллельно желѣзной дорогѣ. Удешевленіе Брестско-Смоленской желѣзной дороги достигается преимущественно незначительностью подвижнаго со-

---

рина 11 ф. Полъ вагоновъ возвышается на 9 дюймовъ надъ рельсами, и потому платформъ на станціяхъ нѣтъ; пассажиры сходятъ на землю. Діаметръ колесъ 1 футъ 6 дюймовъ. Цѣна пассажирскаго вагона 625 р., товарнаго 125 р.

става выговореннаго въ концессіи. Требуется именно 20 товаро-пассажирскихъ и 43 товарныхъ паровововъ, 60 пассажирскихъ (всѣ отапливаемые), 8 багажныхъ и 800 товарныхъ вагоновъ. Это почти втрое менѣе обыкновеннаго на нашихъ дорогахъ количества подвижнаго состава. Разумѣется, на случай временной потребности въ усиленномъ движеніи, на Смоленско-Брестскую дорогу потребуется подвижной составъ другихъ дорогъ.

№ 59.

Москва, 17-го марта.

Лифляндскіе рыцари обнародовали свой адресъ въ газетахъ. *Фатерланда:* пусть нѣмецкіе братья знаютъ какъ далеко подвинулось нѣмецкое дѣло въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи! Точно, оно подвинулось далеко, и германской публикѣ есть чему рукоплескать. Дѣйствительно, никогда еще столь рѣшительнымъ тономъ не дерзало говорить балтійское рыцарство въ обращеніи своемъ къ русскому престолу. Да, это и не адресъ, а скорѣе депеша. Это какъ бы правительство переговаривается съ правительствомъ. Дѣло рѣшеное: Лифляндія отнюдь не губернія Русской Имперіи; это особое государство которое находится въ федеративныхъ къ Россіи отношеніяхъ. Отношенія эти на вѣки вѣчные установлены трактатами; ни законодательство, ни правительство Россійской Имперіи не имѣютъ власти надъ этимъ краемъ, который самъ себѣ даетъ законы и управляется самъ собою. Никакіе законы не могутъ имѣть законной силы въ Лифляндіи безъ согласія ея рыцарства, которое и есть истинное правительство страны.

Это по крайней мѣрѣ и ясно, и откровенно. Лифляндское рыцарство напоминаетъ русской коронѣ что въ послѣднее время ею была нарушена святыня трактатовъ, и почтительнѣйше проситъ ее возвратиться въ предѣлы законности. Ливонское рыцарство отличалось всегда лояльностію и вѣрностію—кому и чему?—до сихъ поръ это не было ясно, а теперь изъ его адреса мы узнаемъ что оно было неизмѣнно вѣрно святынѣ своихъ феодальныхъ привилегій, въ которыхъ заключается вся конституція этой союзной съ Россіей, но отъ ней совершенно независимой страны. Изъ адреса мы узнаемъ также что русскіе монархи обязаны соблюдать долгъ вѣрности относительно благороднаго ливонскаго рыцарства. Пока русская корона соблюдаетъ должную вѣрность и преданность балтійскому рыцарству и свято блюдетъ конституцію его привилегій, она можетъ разчитывать на его дружбу...

Давно ли всѣ удивлялись нахальству съ какимъ нѣкоторые балтійскіе публицисты ссылались на пресловутыя капитуляціи Петра Великаго? А вотъ эту самую шутку шутитъ теперь цѣлая дворянская корпорація въ торжественномъ обращеніи къ престолу!

Извѣстно что такое капитуляціи Петра Великаго. Завоеватель оставилъ нѣкоторыя сословія покореннаго имъ края при тѣхъ порядкахъ къ которымъ они привыкли. Это было сдѣлано въ видахъ удобства, но отнюдь не въ смыслѣ ограниченія верховныхъ правъ государства, въ составъ коего эти провинціи входили. Даруя рыцарствамъ и нѣкоторымъ городскимъ общинамъ льготы, Петръ Великій въ томъ же самомъ актѣ оговорился что дѣлаетъ это не въ ущербъ и предосужденіе своихъ и своего государства правъ и власти. И вотъ эта-то милость завоевателя, которую продолжали оказывать его преемники въ продолженіе полутораста лѣтъ, обращается теперь какъ аргументъ противъ верховныхъ правъ Россіи и русскаго престола!...

Жалобы лифляндскаго дворянства изложенныя въ адресѣ, очевидно, не серіозны. Спеціальные вопросы которыхъ адресъ касается служатъ только предлогомъ чтобъ заявить предъ престоломъ свои притязанія и сказать прямо о федеративныхъ отношеніяхъ своихъ къ Россіи. Этотъ адресъ, очевидно, не имѣетъ иного значенія кромѣ такого заявленія принциповъ. Замѣтьте, между прочимъ, что жалобы на преимущества которыми пользуется православная церковь въ Лифляндіи высказываются теперь когда именно въ этой, и только въ этой части Русской Имперіи, отмѣнено преимущество православной церкви въ дѣлѣ смѣшанныхъ браковъ. Различіе между коронными и сословными учрежденіями въ балтійскихъ провинціяхъ давно признано законодательствомъ. Теперь лифляндское дворянство вдругъ начинаетъ протестовать противъ этого раз-

личія, и прыгнувъ чрезъ Сводъ Законовъ становится прямо подъ тѣнь привилегіи Сигизмунда Августа. Для чего было нужно касаться этого вопроса? Лифляндское дворянство не имѣетъ основанія сѣтовать на принятое различіе между коронными и некоронными учрежденіями края. Вопросъ о введеніи русскаго языка въ переписку коронныхъ присутственныхъ мѣстъ получилъ рѣшеніе вовсе непротивное балтійской политикѣ. Извѣстно что коронныя присутственныя мѣста въ сношеніяхъ съ мѣстными сословными учрежденіями обязаны употреблять нѣмецкій языкъ, подчиняя такимъ образомъ въ лицѣ своемъ русскую корону иностранной національности. Такой оборотъ дѣлъ не можетъ не приходиться по нраву лифляндскому рыцарству, а жалуется оно только затѣмъ чтобъ имѣть поводъ сказать предъ престоломъ что во всѣхъ учрежденіяхъ края должна быть нѣмецкая власть и долженъ господствовать нѣмецкій языкъ.

Равномѣрно въ третьемъ пунктѣ своихъ жалобъ лифляндское рыцарство имѣло своею цѣлію только сказать Русскому Монарху что его и государства его права въ Лифляндіи ограничены, и что Лифляндія не есть часть русской государственной области, а связана съ Россіей только договорнымъ правомъ.

Вотъ какъ въ Ригѣ отозвались Кениггрецъ и Садовая! До войны 1866 года рыцарство ни которой изъ трехъ балтійскихъ губерній не позволяло себѣ говорить такимъ языкомъ предъ Русскимъ престоломъ. Это съ одной стороны; а съ другой, вотъ послѣдствія той системы полумѣръ которая дѣйствуетъ въ балтійскомъ краѣ! Вотъ результатъ колебаній въ сознаніи собственныхъ правъ!

Въ лифляндскомъ адресѣ упоминается о 1783 годѣ. По словамъ адреса, въ балтійскихъ провинціяхъ былъ совершенъ тогда „радикальный опытъ.“ Дѣло въ томъ что начиная съ этого года императрица Екатерина II, пользуясь своимъ безспорнымъ правомъ, предприняла рядъ реформъ коими эти провинціи были уравнены съ другими губерніями Имперіи. Въ ихъ города было введено общее положеніе созданное для всѣхъ городовъ Имперіи и принятое въ балтійскихъ провинціяхъ какъ истинное благодѣяніе. Дворянство этихъ провинцій получило общую дарованную всему россійскому дворянству грамоту, что также было радостно встрѣчено большинствомъ дворянства, какъ свидѣтельствуетъ сенатскій указъ того времени. Еслибъ эти реформы Екатерины II не были въ послѣдствіи отмѣнены императоромъ Павломъ, то не было бы никакого балтійскаго вопроса, эти провинціи были бы въ настоящее время органическими частями русскаго государства; германскія событія не имѣли бы никакого дѣйствія на настроеніе умовъ въ этомъ краѣ, и предъ русскимъ престоломъ не раздавался бы теперь голосъ равно оскорбительный и для права и для смысла.

Зачѣмъ же возвращаться къ капитуляціямъ Петра? Не лучше ли возвратиться къ реформамъ Екатерины? Это гораздо ближе, и справедливѣе, и во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе....

Подлинный текстъ лифляндскаго адреса далеко оставляетъ за собою всѣ толки ходившіе о немъ въ публикѣ и проникавшіе въ печать. Какъ ни были дурны признаки, признаемся, нельзя было думать чтобы дѣла въ балтійскихъ провинціяхъ дошли до такого текста. Кажется, далѣе идти невозможно. Возмутительно то что такимъ тономъ высокомѣрія и равноправности обращается ко главѣ русскаго государства сословіе которое держится единственно милостію русскихъ государей, не имѣя само ни силы, ни права....

№ 60.

Москва, 18-го марта.

Въ проектѣ „административно-полицейской реформы,“ какъ показываетъ и самое ея названіе, соединены два различные проекта. Преобразованіе полиціи не имѣетъ внутренней связи съ реформою губернскихъ учрежденій. Они соединены между собою только механически.

Въ проектѣ полицейской реформы мы находимъ лишь одинъ пунктъ который является какъ бы отголоскомъ тенденцій вложенныхъ въ проектъ преобразованія губернскихъ учрежденій. То же стремленіе перестроить учрежденія въ видахъ усиленія губернаторской власти, безъ справокъ съ тѣмъ какимъ цѣлямъ должны служить разныя отрасли управленія, это стремленіе, на которомъ исключительно основывается проектъ административной реформы,

сказывается въ проектѣ полицейской только предположеніемъ поставить полицію внѣ всякой дѣйствительной зависимости отъ суда. Это предположеніе вычеркиваетъ изъ судебныхъ уставовъ статью 279, въ силу коей полицейскіе чины по производству дознаній „состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей,“ и статью 486 по которой прокуроръ *сообщаетъ* непосредственному начальству надъ полицейскими чинами о сдѣланіи послѣднимъ замѣчаній и выговоровъ. Интересно что предположеніе которому дается теперь ходъ было уже заявлено при составленіи судебныхъ уставовъ и осуждено высшими законодательными учрежденіями. Въ мотивированномъ изданіи судебныхъ уставовъ, сдѣланномъ государственною канцеляріей, читаемъ: „При окончательномъ обсужденіи означеннаго вопроса“ (объ отношеніяхъ полиціи къ суду) „признано что упущенія, безпорядки „и злоупотребленія должностныхъ лицъ по „слѣдственной части должны быть опредѣляемы судебными постановленіями, коимъ принадлежитъ надзоръ за производствомъ слѣдствій и самое разсмотрѣніе „слѣдственныхъ дѣлъ; почему означенныя „лица должны быть привлекаемы къ отвѣтственности въ этомъ отношеніи тѣми „же судебными установленіями. *Для дѣйствительной силы судебныхъ по этому „предмету постановленій необходимо*, кромѣ того, предоставить судебнымъ установленіямъ нѣкоторое участіе и въ дальнѣйшемъ производствѣ по возбужденной „ими отвѣтственности, а именно въ производствѣ о наложеніи административныхъ „взысканій на обвиняемыхъ и о преданіи „ихъ суду. Но за всѣмъ тѣмъ, необходимо сохранить за административнымъ начальствомъ, если не исключительное“ (какъ предлагало одно мнѣніе), „то по „крайней мѣрѣ главное участіе въ этомъ „производствѣ, примѣняясь къ существующему въ нашихъ законахъ коренному правилу что какъ административныя съ должностныхъ лицъ взысканія“ (свыше замѣчаній и выговоровъ), „такъ и преданіе ихъ „суду зависятъ отъ начальства коимъ они „опредѣляются къ должностямъ.“ (Стр. 181.)

Во всемъ остальномъ проектъ полицейской реформы не имѣетъ ничего общаго съ реформой административною.

Нѣтъ сомнѣнія что преобразованіе полиціи требуется гораздо болѣе настоятельными потребностями чѣмъ реформа губернскихъ учрежденій. Наша полиція образована и дѣйствуетъ по стариннымъ уставамъ, которые лишь въ немногихъ частяхъ видоизмѣнены временными правилами о полиціи 25-го декабря 1862 года. Низшіе полицейскіе чины, сотскіе и десятскіе, по общимъ единогласнымъ отзывамъ, вовсе не удовлетворяютъ своему назначенію. О необходимости преобразованія полиціи ходатайствовали земства почти всѣхъ губерній. О томъ же ходатайствовали и дворянскія собранія. Такъ, въ 1864 году, Верейское дворянское собраніе обращалось къ правительству съ изъявленіемъ готовности платить $2\frac{1}{2}$ к. на содержаніе наемныхъ сотскихъ, лишь бы они выбирались не крестьянскими обществами какъ теперь, а полицейскими чинами, подъ ихъ отвѣтственностью. Верейское дворянство приняло проектъ своего тогдашняго предводителя, князя А. В. Мещерскаго, о преобразованіи сотскихъ; проектъ этотъ былъ препровожденъ московскимъ губернаторомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ мнѣніемъ что проектированное преобразованіе было бы полезно распространить на всю Московскую губернію. Министерство повидимому одобряло проектъ, но встрѣтило затрудненіе въ обложеніи казенныхъ и удѣльныхъ земель, тогда еще не уравненныхъ по повинностямъ съ частными. Какъ губернское, такъ и уѣздныя земскія собранія въ Москвѣ полагали необходимымъ назначеніе сотскихъ по найму, причемъ нѣкоторые гласные заявили что часть сотскихъ надо имѣть конными. Жалованье наемнымъ сотскимъ предполагалось по 100 рублей въ годъ. Петербургское земское собраніе кромѣ того ходатайствовало объ учрежденіи стражи по Шлиссельбургскому тракту.

Администрація съ своей стороны давно уже хлопотала объ улучшеніи состава нижнихъ полицейскихъ чиновъ. Такъ въ 1868 году въ Москвѣ происходилъ съѣздъ исправниковъ полагавшій необходимымъ имѣть сотскихъ по найму, по выбору полицейскаго управленія, и за его отвѣтственностью.

Проектъ полицейской реформы предполагаетъ упразднить коллегіальный порядокъ обсужденія дѣлъ въ полицейскихъ управленіяхъ, и замѣнить тысяцкихъ, пятисотскихъ и сотскихъ конною вооруженною стражею, а десятскихъ—сельскою.

Составители проекта изображают теперешнюю полицію въ уѣздахъ еще болѣе густыми красками чѣмъ земство. Мы читаемъ:

„Исправники и становые пристава составляютъ дѣйствующую полицію въ уѣздѣ. Но они представляютъ собою только начальство, которое безъ правильно организованной исполнительной силы само ничего *сдѣлать не можетъ*....

„Крестьяне выбираютъ въ сотскіе не лучшихъ и достаточныхъ людей, а напротивъ дурныхъ хозяевъ, неисправныхъ плательщиковъ, часто бездомныхъ пройдохъ..:

„И вотъ эти-то люди, неграмотные, нетрезвые, неимущіе, являются не только непосредственными и единственными исполнителями приказаній становыхъ приставовъ, но и ближайшими на мѣстахъ представителями полицейской власти, охраняющими общій порядокъ и предупреждающими преступленія. Какъ примѣръ *очерчивающій характеръ выборныхъ отъ обществъ десятскихъ* можно указать слѣдующее происшествіе: въ Шавельскомъ уѣздѣ были ограблены въ октябрѣ 1868 года четыре извощика; грабители настигнуты были въ ближайшемъ лѣсу; въ числѣ 7 человѣкъ; между ними 5 оказались полицейскіе десятскіе....

„Подобное безотрадное положеніе одной изъ важныхъ отраслей мѣстнаго управленія приводитъ къ необходимости сознаться что *уѣздной полиціи у насъ не существуетъ, и что слѣдовательно надо ее создать*."

Что можетъ быть безотраднѣе подобнаго сознанія?

Весьма естественно что правительство не отступитъ предъ расходами какъ бы ни были они велики, лишь бы только установилась на Руси правильная земская полиція.

На содержаніе одной уѣздной стражи, по проекту, полагается ежегодный расходъ въ 3.600.000 р., изъ которыхъ 2.472.840 руб. собственно на содержаніе стражи и 1.126.170 р. на содержаніе и ремонтъ лошадей. Всѣхъ уѣздныхъ стражниковъ полагается 17.251 и 12.513 лошадей для нихъ. Для возбужденія соревнованія между стражниками, хотятъ раздѣлить ихъ на три разряда: получающіе 120, 150 и 180 р. въ годъ. Послѣднихъ двухъ значительныхъ окладовъ, кажется, не предлагало ни одно изъ земствъ. Содержаніе самихъ стражниковъ, согласно ст. 12 и 13 т. IV Св. Зак., полагается отнести на государственный, а содержаніе и ремонтъ лошадей на губернскій земскій сборъ.

Конная уѣздная стража сократитъ, впрочемъ, расходы земства на выставку подводъ и командировку десятскихъ къ стойкѣ при исправникахъ и становыхъ.

Основныя начала полицейской реформы, какъ они изложены въ проектѣ, ни мало не касаются предѣловъ власти и обязанностей уѣздныхъ стражниковъ. Напротивъ, проектъ старательно обходитъ всѣ относящіеся сюда вопросы. Извѣстно что множество чисто-полицейскихъ обязанностей лежатъ теперь не только на сотскихъ и десятскихъ, но также и на волостномъ и сельскомъ крестьянскомъ управленіи. Объяснительная записка къ проекту замѣчаетъ что главное назначеніе волостныхъ и сельскихъ властей быть „распорядителями „и представителями сельско-хозяйственныхъ и сословныхъ интересовъ крестьянскихъ обществъ, а потому исполненіе ими „полицейскихъ обязанностей является столь „же тягостнымъ какъ и не соотвѣтствующимъ цѣли. Постоянная же и непремѣнная солидарность ихъ интересовъ съ интересами обществъ дѣлаетъ ихъ самыми „ненадежными органами полиціи, особенно „въ случаяхъ неповиновенія крестьянъ." Этотъ взглядъ объяснительной записки не сказался однако ничѣмъ въ проектѣ основныхъ началъ реформы. Изъ нихъ нельзя усмотрѣть что именно изъято будетъ изъ круга крестьянскаго управленія, и вообще въ какія именно отношенія станетъ стража къ низшимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Въ проектѣ говорится глухо что вооруженная уѣздная стража учреждается „для исполненія распоряженій уѣздныхъ исправниковъ и приставовъ, „и для надзора за порядкомъ и благочиніемъ въ уѣздѣ. Изъ одного мѣста гдѣ „говорится что сельская стража подчиняется *волостнымъ* правленіямъ можно „заключить что на послѣднихъ останется „какая-то часть полицейскихъ обязанностей."

Результаты устройства уѣздной стражи будутъ зависѣть, конечно, отъ того направленія которое приметъ административно-полицейская реформа. Вооруженная конская стража соотвѣтствуетъ жандармскому корпусу во Франціи и въ Пруссіи, между которыми есть однако громадная разница. Если административная реформа

вступитъ у насъ на злополучный путь исторіи Франціи, если губернаторы обратятся у насъ во всеподавляющихъ вокругъ себя и уже упраздняемыхъ во Франціи префектовъ, то земская стража у насъ можетъ обратиться скорѣе въ орудіе произвола и притѣсненій чѣмъ охраны личной собственности и общественнаго порядка. Нельзя не замѣтить что между двумя частями административно-полицейской реформы существуетъ глубокое противорѣчіе. Проектъ полицейской реформы, повторяя земскія ходатайства, какъ бы стремится усилить гарантіи общественнаго порядка, между тѣмъ какъ проектъ реформы губернскихъ учрежденій, столь неблагосклонный къ новому суду и земству, съ своей стороны можетъ ослабить самыя дорогія гарантіи порядка и законности. Если при реформѣ возобладаетъ эта вторая, собственно административная часть проекта, столь мало отличающаяся консервативными качествами, то реформа полиціи врядъ ли дастъ серьёзные результаты.

Объяснительная записка къ проекту, какъ мы видѣли выше, указываетъ на неудобство сословныхъ выборовъ въ низшія полицейскія должности; однако эти выборы сохраняются въ проектѣ во всей силѣ для выбора десятскихъ. Десятскіе, правда, переименовываются въ сельскихъ стражниковъ, но они также будутъ назначаться сельскими обществами либо по найму, либо по выбору. Въ первомъ случаѣ, при назначеніи по найму, полагается опредѣлить наименьшее жалованье которое должны давать общества десятскимъ, а это не устраняетъ возможности назначенія неисправныхъ хозяевъ и недоимщиковъ въ сельскіе стражники. Попрежнему сельскія общества будутъ прибѣгать къ этому способу доправлять свои недоимки: недоимщики будутъ назначаться въ полицейскія должности, а слѣдующее имъ жалованье будетъ удерживаться въ зачетъ платежей. Жалованье стражникамъ, неопредѣленное въ проектѣ, во всякомъ случаѣ не можетъ быть значительно. Полицейская реформа потребуетъ большихъ расходовъ отъ земства, а содержаніе сельской стражи возложено исключительно на крестьянское сословіе и безъ того обремененное платежами. Судя по объяснительной запискѣ къ проекту, назначеніе стражниковъ по выбору полагается дѣлать „согласно желанію общества, по очереди, въ видѣ повинности“, и разумѣется на опредѣленный и краткій срокъ. Врядъ ли можно ожидать, однако, чтобы во многихъ мѣстахъ общество охотно приняло на себя эту новую натуральную повинность; еще меньше можно ожидать что повинность эта дастъ удовлетворительныхъ десятскихъ или „сельскихъ стражниковъ“, какъ предполагается назвать ихъ.

Еслибъ у насъ имѣлась элементарная административная единица всесословнаго характера, то назначеніе стражниковъ облегчилось бы въ значительной степени, а въ то же время и расходы распредѣлились бы справедливо. Полиція одинаково касается интересовъ всѣхъ сословій.

Вообще первоначальное обсужденіе различныхъ предстоящихъ преобразованій постоянно приводитъ къ сознанію необходимости всесословной административной единицы мѣстнаго управленія. Какъ много упростилось бы при такой единицѣ предстоящее упраздненіе должности мировыхъ посредниковъ!...

№ 61.

Москва, 19-го марта.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Кіевлянина* (№ 30) опубликованъ оффиціальный отчетъ о количествѣ земли купленной въ прошломъ году въ юго-западномъ краѣ лицами русскаго происхожденія. Вотъ заключающіяся въ этой публикаціи свѣдѣнія:

Съ 10-го декабря 1865 года по 1-е января 1869 года продано казною, на основаніи инструкціи 23-го іюля 1865 года, и куплено съ публичныхъ торговъ, по обязательной продажѣ и добровольному соглашенію, всего 348.215 десятинъ на сумму 8.402.119 рублей. Затѣмъ въ теченіе 1869 года перешло къ русскимъ землевладѣльцамъ посредствомъ купли-продажи 320.495 дес. на сумму 10.678.254 руб., въ томъ числѣ продано казною 25.770 дес. на сумму 496.293 руб.; куплено съ публичныхъ торговъ 85.889 дес. на сумму 1.186.114 р.; наконецъ, пріобрѣтено по добровольному соглашенію 208.837 дес. на сумму 8.995.847 р. Изъ этихъ цифръ дѣлается выводъ что до 1869 года средняя цѣна за одну десятину земли въ юго-за-

падномъ краѣ была 24 р. 12 к.; а въ теченіе 1869 года—33 р. 32 к.; въ концѣ концовъ все это сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „такимъ образомъ число десятинъ земли купленной въ теченіе 1869 года составляетъ болѣе 94% „всего количества десятинъ земли, пріобрѣтенной въ предшествовавшіе три года, „а цѣна на оную возрасла на 40%." (Собственно не на 40, а на $38,_{33}$%). Чтобъ оцѣнить смыслъ этого примѣчанія слѣдуетъ припомнить что цифры коими характеризуется водвореніе русскаго землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ за трехлѣтіе до 1869 года относятся къ управленію покойнаго генералъ-адъютанта Безака.

Мы получили весьма подробныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ русскаго землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ. Воспользуемся ими для поясненія цифръ опубликованныхъ въ *Кіевлянинѣ*.

Нельзя не замѣтить прежде всего вотъ какую странность: въ *Кіевлянинѣ* же, предъ появленіемъ офиціальнаго отчета по русскому землевладѣнію, былъ напечатанъ отчетъ о положеніи крестьянскаго дѣла въ юго-западныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, теперь крайне медленно подвигающагося впередъ. Въ отчетѣ о крестьянской реформѣ показаны валовыя цифры, въ которыхъ данныя относящіяся ко времени до 1869 года не отдѣлены отъ цифръ выражающихъ ходъ дѣла именно въ этомъ году. Въ отчетѣ же о землевладѣніи цифры эти раздѣлены и противопоставлены одна другой. Намъ кажется что справедливѣе было бы поступить наоборотъ. Заботы по крестьянскому дѣлу, напримѣръ по разверстанію, по утвержденію актовъ присутствіями, по пересмотру договоровъ, даютъ результаты почти тотчасъ же; но подготовительныя заботы по землевладѣнію оказываются въ своихъ послѣдствіяхъ чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время, только при совершеніи купчихъ. Кромѣ того, надобно замѣтить еще что въ 1866 году только что стали приниматься мѣры къ усиленію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и что обязательной продажѣ въ юго-западномъ краѣ подлежало лишь ничтожное число небольшихъ имѣній. Поэтому, дабы составить себѣ правильное понятіе о ходѣ русскаго землевладѣнія, надобно привести цифры по годамъ, а не огуломъ за трехлѣтній періодъ 1865—1868 годовъ.

Дѣйствительно, мы видимъ что почти половина имѣній значащихся по отчету купленными въ періодъ 1865—1868 были куплены только въ теченіе послѣдняго года. Именно, изъ числа показанныхъ 338,215 десятинъ на сумму 8.402.117 рублей относящихся къ означенному трехлѣтнему періоду, 148.558 дес. на сумму 3.927.456 рублей были куплены въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1868 года. Въ концѣ этого же года начались переговоры долженствовавшіе повести къ пріобрѣтенію, въ первой половинѣ 1869 года, 87.745 десятинъ удѣльнымъ вѣдомствомъ отъ графовъ Браницкихъ, и заключена сдѣлка *) на продажу графомъ Потоцкимъ графинѣ Строгановой Тульчино-Ольковитскаго имѣнія, пространствомъ 56.591 десятинъ на сумму 1.250.000 руб. Въ концѣ 1868 года назначены съ публичнаго торга за долги имѣнія купленныя въ январѣ 1869 года въ числѣ 59, въ количествѣ 51.444 десятинъ на сумму 710.530 руб. Кто знаетъ какъ длинна процедура предшествующая назначенію имѣній въ продажу съ публичныхъ торговъ,—на одинъ вызовъ къ составленію описи и оцѣнкѣ имѣній полагается шесть мѣсяцевъ,—тотъ пойметъ что безъ подготовительныхъ работъ въ 1868 году не могло бы быть куплено съ публичныхъ торговъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года, 42 имѣнія въ 34.445 десятинъ на сумму 475.584 рублей.

Итакъ, изъ предыдущаго ясно что нѣкоторый успѣхъ пріобрѣтенный дѣломъ водворенія въ юго-западномъ краѣ русскаго землевладѣнія въ 1868—69 годахъ нельзя приписать исключительно тому или другому году: это результатъ всей совокупности мѣръ принятыхъ правительствомъ, начиная съ 1864 года, и той системы которая до послѣдняго времени господствовала въ краѣ, несмотря на всѣ нападки которымъ она подвергалась. Вотъ почему мы и считаемъ нѣсколько страннымъ противопоставленіе, въ помѣщенной въ *Кіевлянинѣ* публикаціи, цифръ 1869 года съ цифрами за прежніе три года. Съ исторической точки зрѣнія полезно, конечно, видѣть какъ шло это дѣло, но въ такомъ случаѣ надобно показать развитіе его отдѣльно по годамъ, начиная съ 1864 или

*) Мы говоримъ сдѣлка, потому что купчую не успѣли совершить въ 1868 году, и она совершена была въ началѣ 1869 года.

наконецъ съ 1866. Точно также вынуждены мы судить и о томъ заявленіи что въ 1869 году цѣна на землю возросла въ юго-западномъ краѣ на 40%. Она была низка въ 1865 году и возросла въ 1868 году гораздо болѣе нежели въ 1869. Такъ мы видимъ что если взять приведенныя выше цифры за 1868 годъ (148.558 дес. на сумму 3.924.456 руб.), то оказывается уже цифра почти 26½ р., тогда какъ въ публикаціи цифра за 1869 годъ, 33 р. 32 к., противопоставляется числу 24 р. 12 к. и отсюда объясняется вздорожаніе земли въ юго-западномъ краѣ въ 1869 году на 40%. Этотъ результатъ окажется еще менѣе блистательнымъ, если мы изъ 10.678.254 руб. представляющихъ покупную сумму 1869 года, выключимъ 1.940.704 руб. составляющихъ выкупную ссуду по имѣніямъ купленнымъ удѣльнымъ вѣдомствомъ у графовъ Браницкихъ. Извѣстно, что лицамъ польскаго происхожденія въ западныхъ губерніяхъ не выдается вообще выкупная ссуда, а назначается 5½% непрерывный доходъ. Но при продажѣ всѣхъ своихъ имѣній владѣлецъ можетъ получить выкупную ссуду на общемъ основаніи. Графы Браницкіе продали только половину своихъ имѣній, и потому не имѣли, по точному смыслу закона, права на полученіе ссуды. Для того чтобъ обойти этотъ законъ, ссуда была присоединена къ продажной цѣнѣ имѣнія, считая по 80 коп. за рубль. Тутъ только происходила передача денегъ изъ рукъ въ руки, и потому сумма равняющаяся выкупной ссудѣ не можетъ входить въ составъ покупной суммы имѣнія, т.-е. 87.745 десятинъ были куплены не за 4.787.485 рублей, а только за 2.846.781. Исключивъ, на этомъ основаніи, означенную сумму 1.940.700 рублей,—а это тѣмъ болѣе необходимо что и при составленіи прежнихъ цифръ, т.-е. за предшествовавшіе годы, выкупная ссуда не принималась въ разчетъ,—окажется что въ 1869 году покупная сумма равняется 8.737.554 руб. что на 320.495 десятинъ составляетъ менѣе 27 рублей на десятину. Сравнивая эту цифру съ выведенною въ публикаціи за трехлѣтіе съ 1866–1868, то-есть съ 24 р. 12 к., оказывается что до 40% уже очень далеко. Еще дальше будетъ если мы вспомнимъ что средняя цѣна за 1868 годъ составляетъ почти 26½ р. Такимъ образомъ предупреждаются всѣ тѣ догадки которыя можно было бы сдѣлать по поводу возвѣщенія что цѣнность земли въ юго-западномъ краѣ „возрасла на 40%" въ 1869 году. И вотъ почему приходится пожалѣть что въ официальной публикаціи такъ сопоставляются цифры, что ими можно ввести въ заблужденіе публику. Цѣнность земли и арендная плата дѣйствительно возрастали и возрастаютъ въ юго-западномъ краѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ много фактовъ; но это возрастаніе объясняется какъ результатъ той политики которой слѣдовали въ этомъ краѣ до послѣдняго времени, а всего болѣе правильнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго дѣла. Хорошо обезпеченные въ первыхъ своихъ нуждахъ крестьяне усилили запросъ на землю и тѣмъ значительно подняли поземельную ренту. Но сомнительно чтобъ именно въ 1869 году былъ сдѣланъ сильный скачокъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе что главнѣйшія покупки хотя и совершились въ 1869 году, но были рѣшены въ предыдущемъ.

Естественное возрастаніе цѣнъ на землю слѣдуетъ отличать отъ возвышенія запрашиваемыхъ продавцами суммъ за принадлежащія имъ имѣнія. Въ 1869 году дѣйствительно произошло, по несчастію, такое явленіе. Намъ извѣстно что до прошлаго года въ кіевской конторѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита было заявлено болѣе 100 имѣній въ продажу и объявлены за нихъ цѣны. Въ 1869 году покупка этихъ имѣній сдѣлалась невозможна, ибо владѣльцы вдругъ возвысили свои требованія, часто даже болѣе нежели на 40%. Намъ извѣстно много русскихъ покупщиковъ которые со спискомъ имѣній объѣзжали въ прошломъ году край и должны были изъ этой поѣздки вывести печальное заключеніе что надъ ними продавцы просто желали посмѣяться. Мы могли бы привести нѣсколько именъ и случаевъ въ подтвержденіе этого; но ограничиваемся слѣдующимъ имѣющимъ официальную достовѣрность фактомъ. Предсѣдателя Бердичевскаго мироваго съѣзда просили собрать ближайшія свѣдѣнія объ одномъ имѣніи заявленномъ къ продажѣ самимъ владѣльцемъ. При первой попыткѣ въ этомъ отношеніи, владѣлецъ объявилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, что онъ теперь не намѣренъ продавать свое имѣніе: „теперь не время продавать имѣнія". Это происходило въ маѣ или іюнѣ 1869 года. Такъ точно другой владѣлецъ, того же Бердичевскаго уѣзда, половина имѣнія

котораго подлежитъ обязательной продажѣ, прежде просилъ 30 рублей за десятину, а теперь требуетъ до 70 рублей, довольно ясно намекая при этомъ что онъ не вѣритъ чтобы въ настоящее время былъ совершенъ выдѣлъ подлежащій обязательному отчужденію части имѣнія для продажи съ публичнаго торга на основаніи закона 10-го декабря 1865 года. Кіевская контора Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита отказалась въ настоящее время отъ посреднической роли между покупщиками и продавцами имѣній, именно въ виду подобныхъ фактовъ. Рѣдкій изъ польскихъ помѣщиковъ не объявитъ что желаетъ продать имѣніе, но при этомъ запроситъ такую баснословную цѣну что продажа дѣлается невозможною. Иные постараются при этомъ подолѣе поводить покупщика и ввести его въ напрасныя издержки...

На мѣстахъ, люди стоящіе близко къ дѣлу ожидаютъ теперь не усиленія, а напротивъ пріостановки въ ходѣ русскаго землевладѣнія. Вотъ что говоритъ *Кіевлянинъ* въ № 44 за 1869 годъ:

„Можно предполагать что послѣ продажи имѣній обремененныхъ долгами, покупка имѣній у насъ будетъ становиться съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Оно и понятно, если взять въ соображеніе извѣстное нежеланіе землевладѣльцевъ польскаго происхожденія разстаться съ забраннымъ краемъ, который нѣкоторые изъ нихъ прочили прежде присоединить къ Царству Польскому, а теперь можетъ-быть желали бы подчинить власти галицкаго сейма, хотя бы и подъ другимъ названіемъ. Съ другой стороны, въ настоящее время нѣтъ и особыхъ побужденій къ продажѣ, за исключеніемъ процентнаго сбора, весьма у насъ, какъ извѣстно, необременительнаго. Крестьянское дѣло теперь уже близко къ окончанію; поземельныя отношенія гораздо болѣе опредѣлены нежели прежде; доходность и цѣнность имѣній возрасли значительно; разставаться съ ними теперь болѣе нежели когда-либо нѣтъ охоты.

„Въ будущемъ остается одна надежда: строгое исполненіе законовъ 10-го декабря 1865 года и 10-го іюня 1864 года, воспрещающихъ пріобрѣтеніе имѣній покупкою Поляками..."

Если опасенія мѣстныхъ русскихъ дѣятелей оправдаются, если дѣйствительно даже въ юго-западномъ краѣ переходъ польскихъ имѣній въ русскія руки пріостановится, то какіе же окажутся ничтожные результаты послѣ всѣхъ заявленій о необходимости усиленія русскаго землевладѣнія! Съ 1865 года въ юго-западныхъ губерніяхъ пріобрѣтено русскими владѣльцами и получено отъ казны 669.000 десятинъ, — а это не составляетъ и десятой доли прежняго польскаго землевладѣнія въ краѣ.

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ дѣло усиленія русскаго землевладѣнія, даже по сознанію нашихъ бѣлыхъ, совсѣмъ остановилось, мы видимъ еще болѣе ничтожные результаты. Изъ отчета опубликованнаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* оказывается что за четыре года въ Ковенской губерніи количество земель принадлежащихъ польскимъ владѣльцамъ сократилось только на 6%, въ Гродненской на 11%. Въ Виленской губерніи число польскихъ владѣльцевъ убыло лишь на 8%. Изъ общаго числа 16.637 польскихъ владѣльцевъ убыло всего 895, въ томъ числѣ бо́льшая половина въ Витебской и Минской губерніяхъ, гдѣ и прежде были русскіе помѣщики.

№ 62.

Москва, 20-го марта.

Повсюду, а тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ такъ велика потребность въ усиленіи средствъ образованія, въ высшей степени желательно привлекать частныя и общественныя пожертвованія на это дѣло. Было время — оно ознаменовано учрежденіемъ лицеевъ — когда приносимы были крупныя жертвы для устройства учебныхъ заведеній. Потомъ наступило нѣкоторое охлажденіе, но въ послѣдніе годы опять стала часто и обильно проявляться прежняя готовность жертвовать. Свидѣтельствомъ тому служитъ множество стипендій ежегодно учреждаемыхъ при разныхъ училищахъ и особенно при университетахъ. Покамѣсть еще рѣдки случаи устройства цѣлыхъ училищъ на жертвуемыя суммы, но и тутъ очевидно начинается движеніе. Уже есть гимназія учрежденная земствомъ (Вяземская); во многихъ губерніяхъ земства принимаютъ мѣры къ устройству семинарій для приготовленія сельскихъ учителей; на дняхъ дошло до насъ свѣдѣніе что къ числу этихъ губерній присоединяется и Смолен-

ская; на дняхъ же извѣщали мы о крупномъ пожертвованіи г. Нарышкина для учрежденія такого заведенія въ Тамбовской губерніи. Не въ интересѣ ли правительства всячески поощрять пробудившееся въ обществѣ стремленіе содѣйствовать усиліямъ того же правительства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія? Что касается спеціально семинарій для приготовленія сельскихъ учителей, то дѣло это, надобно думать, много подвинется впередъ когда послѣдуетъ законодательное утвержденіе устава учреждаемыхъ отъ правительства семинарій для приготовленія городскихъ учителей, ибо этотъ уставъ будетъ служить образцомъ, по коему земскимъ собраніямъ будетъ легче теперешняго вырабатывать свои уставы. Такимъ же облегченіемъ послужатъ и уставы земскихъ заведеній этого рода, которые имѣютъ быть утверждены правительствомъ. Какъ важно для проектирующихъ имѣть норму которой можно держаться при изготовленіи устава, видно на примѣрѣ городскихъ общественныхъ банковъ. Не будь издано для нихъ нормальнаго устава, ихъ учредилось бы безъ сомнѣнія втрое и вчетверо меньше теперешняго. Съ другой стороны будь изданъ предполагавшійся нормальный уставъ поземельныхъ банковъ, въ этомъ дѣлѣ не было бы теперешняго застоя. Вовторыхъ для успѣшнаго хода дѣла по учрежденію сельскихъ учительскихъ школъ необходимо чтобы тѣ нормы которыя будутъ установлены облегчали, а отнюдь не стѣсняли учредителей при начертаніи проектовъ. Жертвующимъ долженъ быть предоставленъ просторъ въ извѣстныхъ, сущностью дѣла указываемыхъ, предѣлахъ, ибо коль скоро имѣется въ виду общественная инициатива, то необходимо допустить вызываемое жизнію разнообразіе и настаивать, какъ на общей нормѣ, лишь на главныхъ и основныхъ требованіяхъ. Исторія общественныхъ учрежденій показываетъ что разнообразіе есть для нихъ жизненное условіе и что наилучшіе результаты получаются отъ учрежденій своеобразныхъ, а не отъ машинальныхъ подражаній или безсознательныхъ сколковъ.

На дняхъ, если не ошибаемся, поступитъ на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія проектъ такого своеобразнаго воспитательнаго заведенія учреждаемаго на обширное пожертвованіе о коемъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было заявлено въ газетахъ. Мы разумѣемъ пожертвованіе которое предполагаетъ сдѣлать Г. П. Галаганъ по поводу ранновременной кончины своего единственнаго сына. Этотъ отрокъ былъ похищенъ смертью на томъ году своей жизни когда онъ долженъ былъ вступить въ V классъ гимназіи для продолженія своего ученья. Родители возымѣли мысль основать такое учебное заведеніе которое давало бы педагогически устроенный пріютъ и нужное руководство дѣтямъ имѣющимъ проходить тотъ путь приготовленія къ жизни, который не было суждено совершить ихъ сыну. Приготовленіе къ жизни окончилось бы для него съ выходомъ изъ университета: вотъ послѣдній предѣлъ до коего должны доходить заботы проектируемаго заведенія о ввѣряемыхъ ему дѣтяхъ. Начинаться же должны эти заботы со вступленія дѣтей въ V классъ гимназіи. Заведеніе должно быть по преимуществу воспитательное: живя въ немъ, учащіеся могутъ посѣщать, въ качествѣ вольноприходящихъ, классы гимназіи и университетскія лекціи, но въ случаѣ надобности можетъ быть устроено для нихъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ гимназическаго курса, и отдѣльное преподаваніе, обнимающее всѣ его предметы и приготовляющее во всѣ университетскіе факультеты. Такова основная мысль заведенія коему предполагается дать наименованіе „Коллегіи Павла Галагана.“ Предполагается учредить эту коллегію въ Кіевѣ гдѣ Павелъ Галаганъ долженъ былъ учиться; доступъ въ нее открытъ только дѣтямъ православнаго исповѣданія; имѣть въ ней 30 стипендіатовъ на полномъ ея содержаніи, и сверхъ того принимать пансіонеровъ за плату; изъ числа 30 стипендіатовъ предоставить назначеніе троихъ на вѣчныя времена Пирятинскому земству, а остальныхъ принимать по состязательному экзамену изъ воспитанниковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа. Наконецъ, если не ошибаемся, въ обезпеченіе этого заведенія, предполагается пожертвовать недвижимое имѣніе, цѣнностью слишкомъ въ 250 тысячъ рублей. Читатели видятъ какъ благотворно можетъ подѣйствовать на цѣлый край подобное заведеніе, если будетъ хорошо устроено и поставлено въ условія благопріятныя для его дальнѣйшаго развитія. Но кто возьмется указать

эти условія, кто въ состояніи предусмотрѣть все что можетъ потребоваться при ихъ осуществленіи? Можно заранѣе утверждать только одно: преуспѣяніе заведенія будетъ всего болѣе зависѣть отъ людей которымъ придется руководить имъ. Чѣмъ они будутъ способнѣе, чѣмъ ближе они будутъ принимать къ сердцу его интересы, тѣмъ лучше пойдетъ дѣло и тѣмъ плодотворнѣе окажутся результаты щедрой жертвы. Какъ ни важенъ уставъ, но ни того ни другаго нельзя предписать или обезпечить уставомъ. Что касается будущаго, пріискать обезпеченія которыя могли бы оградить волю жертвователя отъ случайностей возможныхъ въ будущемъ, задача тѣмъ болѣе трудная что передача попечительства въ родѣ по наслѣдству не входитъ въ разчетъ. Учреждаемое заведеніе должно будетъ по необходимости примкнуть къ тому изъ существующихъ заведеній которое съ условіемъ прочности соединяетъ наибольшую вѣроятность того что будетъ заботиться объ этомъ заведеніи въ духѣ жертвователя. Но на первое время нѣтъ еще надобности предрѣшать эту задачу, какъ и вообще нѣтъ надобности постановлять что либо кромѣ самаго необходимого. Кто желаетъ проектируемому заведенію пользы, тотъ долженъ желать чтобы въ уставъ его не было введено ни одной подробности которой пригодность подлежитъ въ какомъ-либо отношеніи сомнѣнію, и чтобъ это заведеніе въ возможно широкомъ размѣрѣ пользовалось заботами того лица, коего усердіе и доброжелательство не подлежатъ сомнѣнію,— заботами жертвователя. Никто не можетъ быть болѣе его преданъ дѣлу имъ самимъ задуманному; ничья жизнь не можетъ быть болѣе наполнена этимъ дѣломъ; ни для кого оно не можетъ быть въ равномъ мѣрѣ главнымъ утѣшеніемъ въ жизни. Никакіе параграфы, какъ бы ни были они хорошо сочинены, не могутъ поравняться въ плодотворномъ дѣйствіи съ живымъ участіемъ отдавшагося своему дѣлу жертвователя, а потому чѣмъ большій просторъ будетъ предоставленъ этому участію, тѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ успѣхъ дѣла. Первоначальный уставъ долженъ быть въ подобныхъ случаяхъ краткомъ, чтобы потомъ не пришлось раскаиваться въ той или другой подробности его. Пора для начертанія подробностей наступитъ лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ заведеніе достигнетъ своего полнаго состава. Только тогда можно будетъ, уже не гадательно, а съ практическаго опыта, составить статуты соотвѣтствующіе намѣренію жертвователя и выражающіе волю его для потомства.

Другое условіе, необходимое при желаніи привлекать частныя пожертвованія на устройство учебныхъ заведеній, есть незыблемая увѣренность что сдѣланныя пожертвованія, безъ самой крайней необходимости, не будутъ отвлекаемы отъ того назначенія какое было дано имъ жертвователями. По поводу этого условія считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ московскомъ учебномъ заведеніи.

Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ, праздновавшій пять лѣтъ тому назадъ свой пятидесятилѣтній юбилей, занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду такъ еще немногихъ у насъ учебныхъ заведеній основанныхъ на частныя средства. Существованіемъ своимъ онъ обязанъ щедрости фамиліи Лазаревыхъ. Жертвуя на него большія суммы, Лазаревы, кромѣ того, будучи его попечителями, постоянно принимали живое участіе въ его судьбахъ, и исторія этого заведенія свидѣтельствуетъ о ихъ просвѣщенной о немъ заботливости. Задача, съ самаго начала поставленная учредителями какъ цѣль этого заведенія и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выяснявшаяся, была главнымъ образомъ та чтобъ оно готовило къ поступленію въ университетъ. Имѣя въ виду эту главную цѣль, попечители института постоянно стремились къ тому чтобъ основанное ими заведеніе не выходило изъ общаго строя нашей педагогической системы и стояло на одномъ уровнѣ съ университетскими гимназіями; но при этомъ они не упускали изъ виду и другой, хотя второстепенной цѣли — чтобы въ институтѣ, кромѣ гимназическаго курса, были и спеціальные курсы восточныхъ языковъ, не обязательные для воспитанниковъ, но полезные для тѣхъ кто почему-либо не могъ или не хотѣлъ доканчивать свое образованіе въ университетѣ.

Во исполненіе перваго изъ этихъ условій нынѣ вводится въ Институтѣ преподаваніе по программѣ узаконенной новымъ гимназическимъ уставомъ для классическихъ гимназій, подобно тому какъ прежде преподаваніе въ институтѣ было принаровлено къ программѣ прежнихъ гимназій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно основательно, признано необходимымъ устранить въ гимназическихъ классахъ института даже и необязательное для воспитанниковъ изученіе восточныхъ языковъ, какъ недостигающее цѣли и лишь мѣшающее успѣшному преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ.

Все это прекрасно и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ первоначальной идеѣ заведенія. Но съ устраненіемъ преподаванія восточныхъ языковъ въ гимназическихъ классахъ института, для чего могло бы понадобиться прекращеніе преподаванія ихъ независимо отъ гимназическаго курса, и не для мальчиковъ, а для людей болѣе или менѣе взрослыхъ? Одного взгляда на географическую карту Россіи достаточно чтобъ убѣдиться что преподаваніе восточныхъ языковъ у насъ не есть предметъ роскоши. Стоя одною ногою въ Европѣ, другою въ Азіи, государство наше находится въ дипломатическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ Турціей, Персіей, татарскими ханствами; сношенія эти съ каждымъ годомъ развиваются болѣе и болѣе, и для успѣшности ихъ знаніе восточныхъ языковъ является необходимымъ и существеннымъ подспорьемъ. Практическое знакомство съ восточными языками признавалось полезнымъ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще не было довершено покореніе Кавказа; гораздо необходимѣе стало оно теперь когда русское знамя развѣвается въ Срединной Азіи. За Кавказомъ, напримѣръ, введены судебныя мировыя учрежденія. И что же? Мировой судья не понимаетъ, безъ посредства переводчика, подаваемыхъ ему прошеній, чрезъ переводчика спрашиваетъ свидѣтелей и объявляетъ свои рѣшенія, чрезъ переводчиковъ же, часто безграмотныхъ, передаютъ свои распоряженія административные начальники и на Кавказѣ и особенно въ Туркестанѣ. Безъ толмача никому нельзя ступить шагу. Масса людей избирающихъ мѣстомъ своей дѣятельности наши восточныя окраины возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Многіе изъ нихъ, отправляясь туда, желали бы предварительно познакомиться практически съ нѣкоторыми изъ восточныхъ языковъ, но заведеній гдѣ можно было бы пріобрѣсти такое знакомство у насъ почти нѣтъ. Во всей Имперіи, если не считать неудовлетворительныхъ курсовъ при нѣкоторыхъ гимназіяхъ, гдѣ только три заведенія спеціально преподаютъ эти языки: факультетъ восточныхъ языковъ при Петербургскомъ университетѣ, отдѣленіе восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и Лазаревскій институтъ. Петербургскіе курсы восточныхъ языковъ имѣютъ свое особенное назначеніе: они или даютъ ученое знакомство съ восточными языками, нужное оріенталистамъ, или спеціально приготовляютъ къ службѣ по дипломатической части. И то и другое нужно, но не отвѣчаетъ вышесказанной потребности. Лазаревскій институтъ, при существовавшихъ въ немъ донынѣ порядкахъ, тоже не оказывалъ обществу въ этомъ отношеніи всѣхъ тѣхъ услугъ какихъ можно желать. Говоримъ это не съ цѣлію умалить его заслуги. Онъ можетъ указать на множество своихъ питомцевъ съ честію и знаніемъ дѣла служащихъ на разныхъ должностяхъ, гдѣ требуется знаніе восточныхъ языковъ. Но почти всѣ они служатъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, а приготовляться къ дипломатическому поприщу можно и помимо Лазаревскаго Института. Онъ принесетъ несравненно болѣе пользы растворивъ двери своихъ спеціальныхъ классовъ не для однихъ своихъ питомцевъ, а и для всѣхъ желающихъ изучать восточные языки, и не стѣсняя притомъ учащихся непремѣнно прохожденіемъ всего курса, а предоставляя имъ свободный выборъ тѣхъ языковъ, какіе они признаютъ для себя нужными. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое преподаваніе должно получить болѣе практическій характеръ чѣмъ было доселѣ. Практическое изученіе того или другаго изъ восточныхъ языковъ можетъ понадобиться всякому кому приходится жить или вести дѣла на нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ, а потому и доступъ въ спеціальные классы при Лазаревскомъ Институтѣ долженъ быть открытъ для всѣхъ, гдѣ бы кто не получилъ свое первоначальное образованіе, въ самомъ ли институтѣ или въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ заведеніи гдѣ можно бы было практически обучаться восточнымъ языкамъ чувствуется настоятельная надобность. Если бы такого заведенія не было, его пришлось бы учредить вновь, не останавливаясь предъ издержкой. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло едва ли потребуетъ казенныхъ денегъ. Благодаря щедрости Лазаревыхъ, пожертвовавшихъ на основанный

ими институтъ въ разное время слишкомъ восемьсотъ шестьдесятъ тысячъ рублей, матеріальная сторона этого заведенія находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Къ 1-му января 1865 года капиталы этого учрежденія, въ общей сложности, составляли 337.735 р. 14½ к., а 2-го апрѣля 1865 года, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея заведенія, Христофоромъ Іоакимовичемъ Лазаревымъ былъ вновь пожертвованъ капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей. Еще до поступленія этого пожертвованія годовой приходъ института въ 1864 году простирался до 51,354 р. 69 к., а съ остаткомъ отъ предшедшаго года до 58.229 р. 28½ к. при годовомъ расходѣ въ 48.650 р. 7¾ к. Можетъ ли при такихъ средствахъ встрѣтиться затрудненіе въ отпускѣ и на будущее время пяти съ половиною тысячъ рублей, въ которыя обходится все въ совокупности содержаніе спеціальныхъ классовъ института? Но еслибъ отпускъ подобной суммы изъ собственныхъ средствъ института и оказался затруднительнымъ, то не пришло ли бы тутъ на помощь правительство. Не остановилось же оно предъ несравненно болѣе значительнымъ пожертвованіемъ при преобразованіи Ярославскаго Демидовскаго Лицея? Если признана „ненарушимою" воля Демидова желавшаго чтобъ основанное имъ заведеніе имѣло характеръ высшаго учебнаго заведенія, то почему же должна быть нарушена воля Лазаревыхъ, чтобы въ основанномъ ими заведеніи, стоившемъ имъ такъ дорого, преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, и восточные языки? „Цѣль сего общеполезнаго заведенія," писали основатель и попечитель института Іоакимъ Лазаревичъ и дѣти его Иванъ и Христофоръ Лазаревы во всеподданнѣйшемъ прошеніи отъ 19-го іюня 1824 года, „состоитъ въ томъ чтобы доставить способъ къ образованію юношества на службу государственную и къ классическому изученію *восточныхъ языковъ*, толико нужныхъ по политическимъ отношеніямъ Россіи." Чтобы не нарушить воли Демидова, государственное казначейство приняло на себя ежегодный отпускъ на Демидовскій лицей 40.000 рублей; на поддержаніе спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института, во исполненіе воли Лазаревыхъ, не понадобится, да и то въ крайнемъ случаѣ, болѣе нѣсколькихъ тысячъ.

№ 63.

Москва, 21-го марта.

Въ передовой статьѣ № 21 нашей газеты мы познакомили читателей съ главными данными новаго отчета государственнаго контролера по исполненію государственной росписи за 1868 годъ. Обширное извлеченіе изъ этого отчета появилось теперь въ приложеніи къ одному изъ послѣднихъ нумеровъ *Правительственнаго Вѣстника*. Громадность этого извлеченія, занявшаго 87 столбцовъ убористой газетной печати, показываетъ что новый отчетъ государственнаго контролера составленъ съ большею еще подробностью чѣмъ предшествовавшіе, появленіе которыхъ каждый разъ возбуждало особое вниманіе общества.

Дѣйствительно, послѣдній отчетъ дополненъ новыми данными, которыя представляютъ въ подробности не одно исполненіе росписи, но и общее состояніе средствъ государственнаго казначейства, его долговъ, счета его дебиторовъ, поступленій помимо назначеній росписи и пр. Въ новомъ отчетѣ въ первый разъ сдѣланъ полный сводъ недоимокъ и долговъ государственному казначейству, какъ числящихся по казначейскимъ смѣтамъ, такъ и образовавшихся отъ хозяйственныхъ операцій разныхъ управленій: въ предшествовавшіе годы контроль не могъ еще собрать всѣ данныя, касающіяся этихъ операцій. Въ первый же разъ является въ отчетѣ списокъ всякаго рода долговъ государственнаго казначейства. Кромѣ того особый отдѣлъ отчета посвященъ финансовой исторіи образованнаго за послѣдніе годы желѣзнодорожнаго фонда. Далѣе, въ 1868 году общій кассовый и ревизіонный порядокъ былъ распространенъ на Закавказскій край и въ отчетѣ контроля мы находимъ извлеченныя ревизіею данныя о вліяніи этой мѣры на финансы Имперіи. Наконецъ въ отчетъ включены данныя по Сибири и по Туркестанскому генералъ-губернаторству, такъ что онъ представляетъ обороты по исполненію росписи во всей Имперіи, кромѣ Амурскаго края.

Новый отчетъ государственнаго контроля служитъ новымъ доказательствомъ той неуклонной последовательности, съ которою это вѣдомство блюдетъ за исполне-

ніемъ смѣтъ. Въ нынѣшнемъ отчетѣ имѣется еще пробѣлъ въ той его части которая наиболѣе соприкасается съ дѣятельностью различныхъ административныхъ учрежденій. Контроль привелъ уже въ ясность счетъ дебиторовъ казны, въ числѣ которыхъ имѣютъ большое значеніе долги по хозяйственнымъ операціямъ администраціи, но до сихъ поръ контрольное вѣдомство не получило полныхъ свѣдѣній по движенію этихъ долговъ. Оно обѣщаетъ что въ отчетѣ за 1869 г. теперешній пробѣлъ будетъ пополненъ.

Долги государственнаго казначейства, внѣшніе и внутренніе, со включеніемъ долговъ Царства Польскаго, достигаютъ, какъ извѣстно, весьма почтенной цифры приближающейся уже къ двумъ милліардамъ. Контрольный отчетъ показываетъ 1.819 милліоновъ рублей всякаго рода долговъ, не изобилуя, однако, особыми подробностями сравнительно съ вѣдомостью публикуемою министерствомъ финансовъ. Это тѣмъ болѣе жаль что данныя отчета не совсѣмъ сходятся съ данными *Ежегодника Министерства Финансовъ* *) и нѣкоторыя интересныя цифры остаются безъ объясненій. Такъ мы узнаемъ изъ отчета что на устройство шоссе, съ ихъ дорожными заставами, а также на станціонные и почтовые дома былъ сдѣланъ въ разное время заемъ 14.194.267 р. „на счетъ возврата изъ земскаго сбора и на счетъ казны“. Эти 14 милліоновъ долгу сократились къ 1868 году только на 2½ мил. Въ счетъ же оставшихся 11.655.090 руб. въ этомъ году было уплачено больше половины, именно 6.249.964 р. Какимъ образомъ произошло такое быстрое погашеніе? Ходъ дѣлъ по постройкѣ шоссе у насъ до сихъ поръ покрытъ тайною. Повидимому тутъ счеты крайне запутаны. Недавно еще газеты извѣщали что въ Петербургѣ образована особая коммиссія для приведенія въ ясность счетовъ по сооруженію шоссе и опредѣленію затратъ земства. Въ вѣдомости о недоимкахъ и долгахъ, расходы казначейства насчетъ государственнаго земскаго сбора, числящіеся по устройству шоссе, означены въ 6.638.473 рубля.

Счетъ разныхъ дебиторовъ казны достигаетъ огромной цифры 279.948.535 р., которая составилась изъ 146.757.914 р. недоимокъ и долговъ занесенныхъ въ смѣты казначейства, изъ 99.345.861 р. долговъ желѣзно-дорожныхъ компаній и 33.844.808 рублей по хозяйственнымъ и распорядительнымъ операціямъ администраціи. Надо думать что не малая часть первой и послѣдней суммы не обезпечена и врядъ ли надежна къ уплатѣ.

Почти четверть первой суммы состоитъ изъ недоимокъ по откупамъ прежняго времени. Таковыхъ числится 37.686.609 р. Затѣмъ самая большая недоимка падаетъ на счетъ пособій государственному казначейству изъ государственнаго и губернскаго земскихъ сборовъ, городскихъ суммъ, казачьихъ капиталовъ и пр. Цифра этихъ недоимокъ достигаетъ до 32.887.962 руб. Недоимки по податямъ доходятъ: по подушной до 5.955.424 р., по оброчной до 5.131.265 рублей; по общественному сбору съ государственныхъ крестьянъ 987.948 р., по лѣсной подати 246.882 р. и пр. Значительная сумма 6.126.791 руб. числится по недоимкамъ при сдачѣ рекрутъ и по продажѣ рекрутскихъ квитанцій. На частныхъ лицахъ, учрежденіяхъ и обществахъ казна считаетъ 7.102.698 руб.

Недоимки по распорядительнымъ операціямъ образовались преимущественно по взысканіямъ съ оказавшихся неисправными контрагентовъ, по ссудамъ, по непредставленію отчетовъ, неправильному расходованію и растратамъ казенныхъ денегъ, по штрафамъ и взысканіямъ, по отпущеннымъ матеріаламъ, пользованію казенными землями и пр. Наибольшая сумма такихъ долговъ падаетъ на военное министерство (11.866.806 р.); затѣмъ слѣдуютъ министерства финансовъ (6.528.944 р.), морское (3.172.410 руб.) и путей сообщенія (1.541.199 р.). Долгъ морскому министерству почти весь образовался чрезъ выдачу ссудъ (2.592.682 р.).

*) *Ежегодникъ* показываетъ къ 1-му января 1869 г. — 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ 153.960.653 р., *отчетъ* 153.919.878. *Отчетъ* показываетъ внутреннихъ займовъ уплачиваемыхъ государственному банку по займамъ изъ кредитныхъ учрежденій: на устройство шоссе 5.405.125 руб., разнымъ мѣстамъ и лицамъ 5.379.507 р. и не записанныхъ въ долговую книгу 443 930 руб. *Ежегодникъ* же означаетъ займы разныхъ учрежденій и лицъ уплачиваемые государственному банку изъ казначействъ съ возвратомъ отъ этихъ учрежденій и лицъ 2.713.109 р. и разнымъ мѣстамъ и лицамъ 12.779.938 р. Наконецъ нельзя не замѣтить что и въ показаніяхъ контроля, какъ въ отчетахъ министра финансовъ, не дѣлается различія, при исчисленіи долговъ, между кредитнымъ и металлическимъ рублемъ.

Наблюденіе за успѣшнымъ и правильнымъ поступленіемъ въ казну 280 милліоновъ рублей недоимокъ и долговъ или хоть 180 мил. рублей, если не считать не представляющихъ особенной запутанности долговъ желѣзныхъ дорогъ,—есть весьма серіозное дѣло для нашихъ финансовъ. Въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій контрольное вѣдомство облегчило казнѣ сохраненіе не одного десятка милліоновъ рублей чрезъ опредѣленіе суммъ остававшихся въ отдѣльныхъ управленіяхъ и чрезъ своевременное и точное исчисленіе остатковъ отъ смѣтъ. Ту же услугу для нашихъ финансовъ предстоитъ оказать контролю по недоимкамъ и долгамъ въ казну. Понятно что обѣщаемый на будущій годъ отчетъ о поступленіи этихъ недоимокъ и долговъ долженъ быть весьма интересенъ.

Почти вся масса долга желѣзно-дорожныхъ компаній приходится на Главное Общество. Изъ общей цифры 99 милл. такихъ долговъ на Главное Общество падаетъ свыше 89 милл. Долгъ Рижско-Динабургской дороги составляетъ 2.441.990 руб., не большой Волго-Донокой дороги 2.181.931 рублей и Динабурго-Витебской 1 894.656 руб. Долги остальныхъ компаній сравнительно незначительны.

Исторія желѣзно-дорожнаго фонда, излагаемая въ особой главѣ отчета, представляетъ факты о которыхъ ходило много слуховъ, но которые только теперь становятся достовѣрно извѣстными.

Изъ перваго внутренняго съ выигрышами займа въ этотъ фондъ не поступило ничего. Правда что изъ суммъ вырученныхъ отъ займа было затрачено на желѣзныя дороги 27 милл. рублей, но они возвращены изъ суммъ втораго лотерейнаго займа. Первый заемъ, какъ объясняетъ отчетъ, „былъ назначенъ“ (?) на усиленіе операцій государственнаго банка. Изъ втораго займа на желѣзныя дороги, кромѣ помянутыхъ 27 милліоновъ, было затрачено 44.887.959 р. Остальныя деньги отъ займа пошли на подкрѣпленіе государственнаго казначейства по текущимъ расходамъ.

Отчетъ контроля говоритъ:

Образованіе же собственно желѣзно-дорожнаго фонда относится уже къ 1867 году, когда правительство, въ видахъ скорѣйшаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ, признало нужнымъ обратить на этотъ предметъ новый, исключительно для подобныхъ расходовъ предназначенный источникъ.

Желѣзнодорожный фондъ составился изъ суммъ вырученныхъ отъ продажи облигацій Николаевской желѣзной дороги (46.748.413 р.), облигацій Курско-Кіевской (15.990.602 р.), изъ суммъ поступившихъ за Русскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ (10.623.533 р.) и остатковъ отъ втораго займа съ выигрышами (6.088.079 р.). Изъ этого видимъ что „исключительно для сего фонда предназначенный источникъ“ есть все-таки не что иное какъ заключеніе долговъ и продажи государственныхъ имуществъ. Всего въ теченіи 1868 года желѣзно-дорожный фондъ составлялъ 79.450.449 руб.

Какое назначеніе дается у насъ особому желѣзнодорожному фонду? Цѣль съ которою этотъ фондъ образованъ и отдѣленъ отъ общей росписи остается до сихъ поръ не совсѣмъ ясною. Доплаты по гарантіямъ и по долгосрочнымъ ссудамъ компаніямъ, составляющія тяжкое бремя для государственнаго казначейства, производятся изъ общихъ суммъ росписи. Въ общую роспись вносятся и доходы отъ казенныхъ дорогъ, а также расходы на ихъ эксплуатацію. Желѣзнодорожный же фондъ употребляется на расходы по постройкѣ казенныхъ дорогъ, на выдачу краткосрочныхъ ссудъ компаніямъ до выпуска ихъ бумагъ и на пріобрѣтеніе за счетъ правительства желѣзно-дорожныхъ облигацій. Иныя ссуды выдаются впрочемъ на довольно продолжительное время: напримѣръ Грязе-Борисоглѣбской дорогѣ данъ 1 милліонъ на срокъ до открытія ея. Пріобрѣтеніе акцій желѣзныхъ дорогъ (напримѣръ на той же Грязе-Борисоглѣбской дорогѣ на 4 милліона) можно считать отчасти даже долгосрочною ссудой. Изъ числа суммъ желѣзно-дорожнаго фонда находящихся за границей берутся „во избѣжаніе напраснаго передвиженія фондовъ“ значительныя суммы на потребности государственнаго казначейства, и эти суммы возмещаются внутри государства соотвѣтственною выдачей на устройство желѣзныхъ дорогъ. Такихъ позаимствованій осталось непокрытыми къ 1-му января 1869 года 5 685.597 руб. Изъ желѣзно-дорожнаго фонда выданы были субсидіи на поощреніе постройки паровозовъ въ Россіи (441.079 р.) *) и произведены безвозвратные расходы по устройству порта въ Одессѣ, больверка въ Ригѣ,

*) Изъ нихъ заводчикамъ Карру и Макферсону 300.000 р. и Мальцову 141.079 руб.

ю приспособленію завода въ Ростовѣ на Дону и пр. Контроль на казенныхъ дорогахъ также отнесенъ былъ на счетъ этого фонда, хотя другіе расходы эксплуатаціи этихъ дорогъ, какъ сказано выше, значатся въ смѣтахъ министерства.

Такимъ образомъ оказывается что между смѣтою министерства путей сообщенія ю желѣзнымъ дорогамъ и смѣтою ю фонду нѣтъ строгаго разграниченія. Нельзя думать также чтобы цѣль фонда состояла въ твердомъ намѣреніи правительства вести желѣзно-дорожную сѣть, такъ чтобъ она поддерживалась источниками данными на фондъ или взятыми изъ самой сѣти. При такой цѣли слѣдовало относить въ счеты фонда всѣ расходы по рельсовымъ путямъ, а также и доходы отъ нихъ. Желѣзно-дорожный фондъ въ настоящемъ его видѣ представляется простымъ пріемомъ отчетности, ведущимъ къ тому что извѣстная часть финансовыхъ средствъ поступающихъ въ казну обычнымъ путемъ можетъ расходоваться путями необычными.

Къ 1-му января 1869 года въ желѣзно-дорожномъ фондѣ оставалось 31.019.489 р., а считая съ подлежащими возврату позаимствованіями для казначейства 36.705.036 рублей.

Весьма интересна также вѣдомость о поступленіи всякаго рода расходовъ и доходовъ какъ смѣтныхъ, такъ и не смѣтныхъ, ю губерніямъ и областямъ въ теченіи 1868 года. Изъ нихъ мы видимъ что по кассамъ Туркестанскаго края поступило 665.932 р., а израсходовано 4.522.429 р. По закавказскому краю поступило 6.191.890 руб., а израсходовано 25.327.823 руб. Эти цифры не выражаютъ дѣйствительной годовой суммы пособій отъ казны, но онѣ даютъ нѣкоторое понятіе о размѣрѣ этихъ пособій по крайней мѣрѣ въ 1868 году.

Въ 1868 году новый кассовый и ревизіонный порядокъ введенъ, какъ упомянуто выше, въ Закавказскій край. И здѣсь получились отъ того благопріятные результаты какъ и внутри Россіи. Зачисленіе остатковъ отъ смѣтъ и мѣстныхъ доходовъ въ общія суммы казначейства сократило пособія отъ государственной казны ю гражданскому управленію Закавказья на 240.427 рублей.

№ 64.

Москва, 23-го марта.

Въ прошломъ году, почти въ одно время съ памфлетомъ г. Ширрена, появилась въ Ригѣ брошюра изданная г. фонъ-Тизенгаузеномъ, подъ заглавіемъ: *Соединеніе Остзейскаго края съ Россіей.* Это было ничто иное какъ перепечатка по-русски и по-нѣмецки старыхъ, относящихся къ означенному событію, документовъ. Мы въ свое время обратили вниманіе на эту брошюру. Какую цѣль имѣлъ издатель перепечатывая эту архивную ветошь? Предисловіе не давало прямыхъ и ясныхъ на это указаній. Оно представляло подборъ словъ которымъ держались на балансѣ два противоположные смысла. Образъ мыслей автора могъ казаться совершенно безукоризненнымъ съ точки зрѣнія балтійской политики, однако слова были подобраны такъ что онъ могъ казаться удовлетворительнымъ и съ точки зрѣнія русской политики. Что касается до насъ, то мы были склонны толковать брошюру г. фонъ-Тизенгаузена въ самую выгодную для нея сторону, тѣмъ болѣе что изданные документы всего лучше изобличаютъ нелѣпость притязаній, которыя на нихъ ссылаются. Мы готовы были думать что г. фонъ-Тизенгаузенъ трезвымъ текстомъ документовъ хотѣлъ умѣрить пылъ рьяныхъ земляковъ своихъ, образумить ихъ и изобличить софизмы гг. фонъ-Бокковъ и Ширреновъ. Увы, нѣтъ!...

Это было въ минувшемъ іюнѣ, а въ январѣ нынѣшняго года, какъ разъ къ лифляндскому ландтагу, г. фонъ-Тизенгаузенъ выпустилъ новую брошюру въ возраженіе на статью нашу въ которой мы восхваляли г. фонъ-Тизенгаузена и изъявляли ему признательность за благовременное воспроизведеніе старыхъ текстовъ ниспровергающихъ новыя ученія балтійскихъ агитаторовъ. Новая брошюра озаглавлена такъ: *Die deutschen Ostsee-Provinzen Russlands und die russische Journalistik. Erwiderung auf die Beurtheilung der Broschüre „Vereinigung der Baltischen Provinzen, mit Russland," in der № 141 der Moskau'schen Zeitung vom 28 Juni 1869.* (*Нѣмецко-остзейскія провинціи Россіи и русская журналистика. Возраженіе на обсужденіе брошюры: Соединеніе балтійскихъ провинцій съ Россіей*

въ № 141 Московскихъ Вѣдомостей, отъ 28-го іюня 1869 года.) Оказывается что мы ошиблись: г. фонъ-Тизенгаузенъ не то имѣлъ въ виду что̀ мы по наивности нашей приписали ему; оказывается, напротивъ, что онъ перепечаталъ свои документы въ надеждѣ подкрѣпить ими софизмы балтійскихъ агитаторовъ. Вторая брошюра вполнѣ откровенна: возражая намъ, она вторитъ заявленію которымъ ознаменовалъ себя послѣдній лифляндскій ландтагъ. Апологія г. *Эдуарда барона фонъ-Тизенгаузена* произошла изъ одного источника со всеподданнѣйшимъ адресомъ или прошеніемъ лифляндскаго дворянства; они неразрывно принадлежатъ другъ другу какъ части одной системы. Оба документа тождественны не только по мысли, но и по выраженіямъ.

Въ чемъ же дѣло?

Все въ томъ же что Лифляндія находится къ Россіи въ договорныхъ отношеніяхъ. И Лифляндскій ландтагъ, и баронъ фонъ-Тизенгаузенъ ссылаются на Петра Великаго.

Однако невозможно же думать чтобы люди зрѣлые, серіозные и просвѣщенные могли дѣйствительно придавать капитуляціямъ Петра Великаго то значеніе какое придается имъ въ адресѣ лифляндскаго ландтага, а также въ брошюрѣ нашего почтеннаго возражателя. Что̀ же остается думать? Къ сожалѣнію, только то что балтійскіе политики имѣютъ слишкомъ низкое понятіе о разумѣніи Россіи; они полагаютъ что Россія ничего не разберетъ, что ее можно всѣмъ озадачить, что она всему повѣритъ. Чѣмъ настойчивѣе развиваютъ они свою тему, чѣмъ торжественнѣе высказываются, тѣмъ болѣе обнаруживаютъ они свою неискренность: говоримъ *неискренность* чтобы не сказать *неразуміе*.

Г. фонъ-Тизенгаузенъ, возражая на статью нашу цѣлою брошюрой, оставляетъ однако въ сторонѣ самое существенное что̀ нами было сказано и чѣмъ предупреждаются всѣ его разсужденія. Петръ Великій, говорили мы, не имѣлъ предъ собою Балтійскаго государства или лифляндской націи; онъ относился къ городу Ригѣ, городу Ревелю, городу Пернову, къ рыцарству эстляндскому, къ рыцарству лифляндскому, и обѣщалъ утвердить за каждою корпораціей привилегіи, которыми каждая особо пользовалась. Капитуляціи Петра Великаго относились къ отдѣльнымъ сословіямъ и не составляютъ общаго акта на который могли бы опираться какія-либо національныя притязанія. Обѣщая разнымъ общинамъ Лифляндіи и Эстляндіи сохраненіе привилегій которыми онѣ пользовались, Петръ Великій, говорили мы, не обманывалъ ихъ. Привилегіями дарованными Петромъ Великимъ лифляндское и эстляндское рыцарство, пользовались въ продолженіе полутораста лѣтъ. Полтораста лѣтъ это цѣлая вѣчность для мѣстныхъ привилегій. Не безумно ли думать, спрашивали мы, что какой бы то ни было порядокъ вещей можетъ быть застрахованъ отъ дѣйствія времени и исторіи? Но быть-можетъ, въ числѣ разныхъ привилегій Петръ Великій предоставилъ въ завоеванномъ краѣ кому-нибудь верховныя права или участіе въ этихъ правахъ? Нѣтъ, изъ актовъ Петра Великаго несомнѣнно явствуетъ что онъ удерживалъ за собой и за своимъ государствомъ всю полноту верховныхъ правъ. Верховная власть (высочество) русскаго государя и государства остается, при всѣхъ дарованныхъ привилегіяхъ, безъ предосужденія и ущерба: вотъ что̀ сказано въ заключеніе жалованной грамоты на которую ссылаются балтійскіе политики. Петръ Великій ограждалъ привилегіи, которыми пользовались мѣстныя сословія отъ произвольнаго нарушенія со стороны властей; онъ обѣщалъ что права которыми жители его пользовались будутъ уважены, но онъ не лишилъ своихъ преемниковъ права законодательствовать въ этихъ провинціяхъ и отмѣнять тѣ или другія привилегіи. Что государи русскіе сознавали за собою полное право законодательства въ этихъ провинціяхъ, тому доказательствомъ служатъ радикальныя реформы совершенныя тамъ императрицею Екатериною II.

Г. фонъ-Тизенгаузену не нравится указаніе на тѣ мѣста въ грамотахъ Петра Великаго которыми ограждается полнота правъ Россіи относительно ея балтійскихъ провинцій. По мнѣнію балтійскаго публициста, слова эти ничего не значатъ. Но если слова эти ничего не значатъ, то ничего не значитъ и все остальное; а въ такомъ случаѣ на капитуляціи и грамоты Петра Великаго нечего и ссылаться, и нечего искать въ нихъ основанія для особаго права.

Вотъ образчикъ какъ балтійскіе политики трактуютъ документы на которыхъ

сами же они громоздятъ свои притязанія: г. фонъ-Тизенгаузенъ, для того чтобы отвертѣться отъ силы упомянутаго пункта включеннаго Петромъ въ его жалованную грамоту, разказываетъ какъ ливонское рыцарство, якобы встревоженное этою оговоркой, обратилось къ царскому уполномоченному съ выраженіемъ своихъ опасеній, и какъ сей уполномоченный успокоилъ добрыхъ рыцарей объясненіемъ (сами они этого не знали), что это есть формула употребляемая всѣми государями, и что въ ней нѣтъ-де „ничего опаснаго." Еще бы царскій уполномоченный сказалъ что въ ней есть что-нибудь „опасное!" Сообщая этотъ интересный анекдотъ, г. фонъ-Тизенгаузенъ присовокупляетъ что рыцарство, успокоенное этимъ, отказалось отъ своего намѣренія просить Его Величество объ устраненіи означеннаго пункта. Чтобы совсѣмъ покончить съ этимъ пунктомъ, г. фонъ-Тизенгаузенъ полагаетъ что придавать ему какое-либо значеніе значитъ оскорблять память Петра Великаго. А такъ какъ память Петра Великаго дорога, то для спасенія его чести остается лишить всякаго значенія всѣ тѣ мѣста въ актахъ Петра Великаго коими ограждаются права Россіи.

Вотъ еще другой образчикъ. Мы сказали въ нашей статьѣ:

„Ни съ какими *ландратами*, какъ *отцами отечества*, Петръ Великій не велъ „переговоровъ: это лживая дерптская выдумка. Институтъ ландратовъ былъ „упраздненъ шведскимъ правительствомъ „за шестнадцать лѣтъ до покоренія Россіей этихъ провинцій."

Что же возражаетъ на это г. фонъ-Тизенгаузенъ? Тотъ историческій фактъ что шведское правительство упразднило вышесказанный институтъ, отрицать невозможно. Но г. фонъ-Тизенгаузенъ объясняетъ что въ 1710 году, во время русской осады, лифляндское дворянство, съ согласія де шведскаго намѣстника, устроилось на прежнихъ основаніяхъ, дабы вступить въ переговоры о сдачѣ. Итакъ, согласіе якобы данное намѣстникомъ на самовольное возстановленіе порядка упраздненнаго верховною властію снова узаконило этотъ порядокъ....

Наконецъ, вотъ еще образчикъ. Коснувшись языка, мы сказали:

„Петръ Великій оставилъ нѣмецкій языкъ „въ офиціальномъ употребленіи привилегированныхъ сословій завоеваннаго имъ „края. Но онъ оставилъ его не въ смыслѣ національнаго символа, о какомъ „тогда не могло быть и рѣчи, а только „ради удобства. Имѣли голосъ только при„вилегированныя сословія, и они говори„ли по-нѣмецки; все остальное молчало. „А между тѣмъ русскій языкъ при Петрѣ „Великомъ былъ въ такомъ же расплав„ленномъ и не устроенномъ состояніи какъ „и самый народъ. Нынѣшній языкъ рус„скій былъ тогда впереди, какъ и нынѣш„няя Россія. Но геніальный умъ Петра не „могъ и тогда упустить изъ виду значеніе „какое предстояло въ будущемъ русскому „языку во вновь присоединенныхъ провин„ціяхъ. Именно, въ одной изъ тѣхъ ка„питуляцій, на которыя такъ любятъ ссы„латься противники русскаго языка въ бал„тійскихъ провинціяхъ, Петръ Великій „озаботился о его будущемъ тамъ значе„ніи. Онъ выговорилъ чтобы въ академіи, „находившейся тогда еще не въ Дерптѣ, „а въ Перновѣ, былъ учрежденъ профес„соръ славянскаго языка. Въ извлеченіи „которое перепечаталъ г. фонъ-Тизенга„узенъ пунктъ этотъ значится, но не впол„нѣ. Завоеватель Лифляндіи и Эстляндіи „требовалъ не только чтобы въ тамошнемъ „университетѣ, какъ разсадникѣ будущихъ „гражданъ и дѣятелей края, славянскій „языкъ преподавался обязательно, но чтобъ „онъ постепенно вводился въ университетъ, „то-есть вводился, конечно, какъ общій „органъ преподаванія. Имѣлось ли бы о „чемъ спорить теперь еслибъ это требо„ваніе Петра Великаго было исполнено?"

Что возражаетъ на это г. Эдуардъ баронъ фонъ-Тизенгаузенъ? Онъ умалчиваетъ о побужденіяхъ заставившихъ его скрыть существенную часть пункта о языкѣ въ капитуляціи Петра Великаго. За то онъ восклицаетъ: „Какъ? Петръ I помышлялъ „объ уравненіи Лифляндіи съ прочими ча„стями Имперіи! Какъ? устраненіе нѣмец„кой жизни было цѣлію его стремленій! „До такой степени заблуждается духъ пар„тіи, что подлагаетъ Петру Великому пла„ны и тенденціи которые находятся въ „рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ что Петръ „Великій предпринималъ и дѣлалъ." А между тѣмъ выраженіе, замятое г. фонъ-Тизенгаузеномъ, есть неоспоримо подлинное выраженіе Петра Великаго, и смыслъ его не подлежитъ пререканію.

Такъ-то во всемъ поступаютъ эти господа!

Мы сказали: „Петръ Великій имѣлъ „предъ собой въ балтійскомъ краѣ нѣ„сколько городскихъ общинъ и рыцарскія „общества владѣвшія землями на ленномъ „правѣ. А гдѣ же былъ народъ этихъ „странъ? Никакого народа не было тогда „въ этихъ областяхъ, и ни о какой на„ціональности тогда не могло быть во„проса. Туземныя населенія вовсе не про„ступали на видъ. О нихъ не было и по„мину. Это были совершенно безправныя „существа, лишенныя всякаго граждан„скаго, даже человѣческаго значенія. Ры„цари предпочитали повелѣвать ими на „ихъ темныхъ языкахъ нежели приближать „ихъ къ себѣ и уравнивать съ собою по„средствомъ нѣмецкаго языка: вотъ какъ „мало помышляли они о національномъ „единеніи между различными элементами „своей страны! То ли теперь имѣетъ предъ „собою Верховная Власть въ балтійскомъ „краѣ? Прежніе рабы, надъ которыми ихъ „владѣльцы имѣли право жизни и смерти, „стали, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, суще„ствами свободными. На свѣтъ Божій вы„двинулись многочисленныя населенія, ко„торыя, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, „пользуются гражданскими правами. Изъ„за привилегированныхъ сословій показа„лись милліоны людей, которые обраща„ются ко всеоживляющему солнцу и нуж„даются въ заботахъ, справедливости и „милости надъ всѣмъ возвышенной и ко „всему равной Верховной Власти, смири„тельницы гордыхъ и всѣхъ утѣшительни„цы. Феодальные порядки стали теперь не„возможностію Требуется сообразная вре„мени администрація и судъ соотвѣтствен„ный высшимъ требованіямъ гражданствен„ности и справедливости. Въ виду разно„племенныхъ населеній края возникаетъ „вопросъ о его государственной національ„ности. Какое же правительство должно „быть въ этомъ краѣ, русское или гер„манское? Какой языкъ долженъ быть об„щимъ, обязательнымъ органомъ для всѣхъ „разноплеменныхъ жителей этихъ провин„цій,—русскій или нѣмецкій?“

Что возражаетъ на это г. фонъ-Тизенгаузенъ? Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, онъ отвѣчаетъ только на два заданные въ концѣ приведеннаго мѣста вопроса: Начальство (Obrigkeit) въ этомъ краѣ должно-де быть нѣмецкое; господствующій языкъ долженъ-де быть нѣмецкій. Отсюда само собою слѣдуетъ что разноплеменныя населенія этого края должны быть слиты и превращены въ одинъ нѣмецкій народъ. Кто противится такому результату, тѣ суть демократы, безумцы, ненавистники нѣмецкой культуры, фанатики и утописты...

№ 65.

Москва, 24-го марта.

По случаю общаго пересмотра дѣйствующаго у насъ положенія о печати, какъ извѣстно, поднятъ вопросъ и о духовной цензурѣ, которой еще не коснулось наше новое законодательство. Въ самомъ дѣлѣ, духовная цензура представляетъ вопіющую аномалію посреди законодательства признавшаго несостоятельность цензуры. Одно изъ двухъ: либо законодательство прискорбно ошиблось отмѣнивъ предварительную цензуру, либо духовная цензура должна быть отмѣнена какъ и свѣтская.

Между духовною и свѣтскою областью, въ дѣйствительности, нѣтъ черты которая бы раздѣляла ихъ. Одно входитъ въ другое, и интересы находящіеся въ вѣдѣніи свѣтской цензуры такъ же важны какъ и тѣ что находятся подъ спеціальнымъ блюденіемъ духовной цензуры. Если цензура дѣйствительно обезпечиваетъ и ограждаетъ ввѣряемые ей интересы, то какъ же лишать этой спасительной охраны всю нравственную и умственную жизнь общества поскольку она находитъ себѣ выраженіе въ печати? Удерживая цензуру только для той, относительно малой области, которая именуется духовною, мы ничего этимъ не достигаемъ, ибо духовный интересъ, при нѣкоторой перемѣнѣ выраженія, можетъ легко ускользнуть отъ церковнаго надзора. Весьма естественно что при такомъ внутреннемъ противорѣчіи законодательства, ничего хорошаго произойти не можетъ...

Нѣтъ, несостоятельность цензуры есть дѣло окончательно рѣшеное. Возвратиться къ ней невозможно, и упорствовать въ ней грѣшно. Это не просто теоретическое убѣжденіе о которомъ можно еще спорить; это всеобщій историческій опытъ, это фактъ къ которому повсемѣстно пришла исторія цивилизаціи. Цензура есть несравненно большее зло чѣмъ всякое другое которое имѣетъ быть предотвращаемо или искореняемо ею.

Цензура есть то лѣкарство которое причиняетъ несравненно болѣе опасныя и разрушительныя болѣзни чѣмъ тѣ противъ которыхъ оно администруется. Говоря о цензурѣ, мы разумѣемъ этотъ принципъ въ его самомъ обширномъ значеніи, не ограничиваясь его спеціальнымъ примѣненіемъ къ печати. Все что̀ въ видахъ предупрежденія зла поражаетъ самую силу дѣйствія, самую жизнь въ ея источникѣ, самую совѣсть въ ея свободѣ, есть именно то зло о которомъ мы говоримъ и которое не искупается никакими выгодами.

Намъ неизвѣстно въ точности какое направленіе принимаютъ труды коммиссіи учрежденной при святѣйшемъ синодѣ для обсужденія вопроса о духовной цензурѣ. Слухи объ этой коммиссіи ходятъ весьма противорѣчивые и мы не рѣшаемся основать на нихъ какое-либо опредѣленное сужденіе.

А между тѣмъ, къ сожалѣнію, на дняхъ произошелъ случай который не могъ не смутить людей заинтересованныхъ вопросомъ о большей или меньшей свободѣ сужденія въ дѣлахъ вѣры и церкви. Одна изъ московскихъ газетъ, *Современныя Извѣстія*, получила предостереженіе за статьи въ которыхъ высказывалось именно сужденіе о предметахъ церковныхъ. Мы обратились къ статьямъ которыя подверглись административной карѣ и, признаемся откровенно, не могли найти въ нихъ ничего что̀ могло бы объяснить эту мѣру. Въ виду подобныхъ мѣръ мы готовы радоваться когда можно объяснить ихъ какимъ-либо поводомъ поданнымъ самою печатью.

Сожалѣемъ что предостереженіе данное *Современнымъ Извѣстіямъ* недостаточно опредѣленно дабы можно было ясно усмотрѣть что̀ собственно въ статьяхъ этой газеты вызвало карательную мѣру. Обѣ статьи въ № 60, подавшія поводъ къ предостереженію, ни содержаніемъ, ни тономъ своимъ, по нашему крайнему разумѣнію, не оскорбляютъ достоинства той сферы которой касаются выраженныя въ нихъ сужденія. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака глумленія; напротивъ, онѣ проникнуты серіознымъ интересомъ къ вопросу и желаніемъ добра дѣлу православной церкви въ нашемъ отечествѣ. Общее направленіе этихъ статей, сколько можемъ мы судить, безукоризненно, и ни въ чемъ не нарушаетъ ни закона, ни общественной нравственности, ни даже спеціальныхъ правилъ для сужденія о церковныхъ предметахъ. Одна изъ этихъ статей есть корреспонденція адресованная въ редакцію газеты по поводу двухъ церковныхъ обрядовъ отправляемыхъ въ первую седмицу Великаго Поста, именно умовенія ногъ и анаѳематствованія. Писавшій есть человѣкъ очевидно вѣрующій, и перомъ его водилъ серіозный интересъ. Ему кажется не совсѣмъ соотвѣтствующимъ духу нашей церкви лицедѣйственное представленіе одного изъ евангельскихъ событій въ умовеніи ногъ. Онъ указываетъ на одиночество этого обычая въ нашей церковной практикѣ. „Доказательствомъ того", пишетъ корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій*, „что церковь признаетъ излишними „подобныя духовныя представленія, служитъ то что воспоминанія о неменѣе важ„ныхъ событіяхъ изъ жизни Христа, какъ „то: воскресеніи Лазаря, шествіи во Іе„русалимъ, тайной вечери, совершаются „благоговѣйнымъ чтеніемъ Евангелія, но „не представленіемъ этихъ событій въ ли„цахъ". Другой обычай смутившій автора этой статьи есть анаѳематствованіе совершаемое въ Недѣлю Православія. Впрочемъ, выражая свое недоумѣніе по этому предмету, авторъ не позволяетъ себѣ прямо осуждать этотъ обычай, а приходитъ къ убѣжденію въ необходимости собора, выражаясь въ заключеніе такъ: „не лишнимъ „считаю объяснить что впредь до собора „я не позволяю и не позволю себѣ убѣж„дать въ основательности своего мнѣнія „какихъ бы то ни было другихъ лицъ".

Печатая это заявленіе, редакція *Современныхъ Извѣстій* сопровождаетъ его своею статьей, которую весьма многіе, вѣроятно, прочли съ интересомъ. Господствующая мысль въ ней есть необходимость собора для исправленія нашихъ церковныхъ порядковъ. Что̀ можетъ быть безукоризненнѣе этой мысли? Въ самомъ дѣлѣ какой авторитетъ можетъ вносить въ православную церковь свѣтъ и исправленіе если не соборъ? Каковы бы ни были оцѣнки, на которыхъ редакція упомянутой газеты основываетъ свое мнѣніе о необходимости собора, въ самомъ этомъ мнѣніи нѣтъ ничего предосудительнаго ни съ точки зрѣнія дѣйствующаго у насъ законодательства о печати, ни по канонамъ церкви. Что̀ же касается спеціально тѣхъ двухъ церковныхъ обрядовъ о которыхъ возбужденъ вопросъ корреспондентомъ,

то редакція газеты не совсѣмъ соглашается съ нимъ, и опровергаетъ взглядъ его на анаѳематствованіе. „Церковь“, говорятъ *Современныя Извѣстія*, успокоивая своего корреспондента, „собирается, провозглашаетъ догматы, признаваемые ею „за свои, и вмѣстѣ перечисляетъ ученія, „явившіяся среди нея же и подъ ея именемъ, но ею отвергнутыя какъ ей не „принадлежащія...Общеобычный, теперешній отвратительный смыслъ слову *анаѳема* „придало средневѣковое неистовство, и „притомъ не церковное, а гражданское, „которое не довольствовалось простымъ „отрицаніемъ *отложенныхъ* ученій, но находило нужнымъ вооружаться противъ „нихъ еще и гнетомъ, насиліемъ, гоненіемъ, казнями, и самому слову анаѳема „придать смыслъ ругательства.“

Впрочемъ, мы не намѣрены пускаться въ оцѣнку этихъ статей подвергшихся предостереженію. Пусть то или другое высказанное въ нихъ мнѣніе не выдержитъ пробы; пусть то или другое употребленное въ нихъ выраженіе окажется неодобрительнымъ. Однако если каждое слово о данномъ предметѣ будетъ находиться подъ ударомъ, то всякій сочтетъ благоразумнѣйшимъ молчать о предметѣ столь ревниво охраняемомъ. Кончится тѣмъ что предметъ такого попеченія утратитъ значеніе и интересъ для общества; охраняя его такимъ образомъ, мы кончимъ тѣмъ что убьемъ его. Каждый день можемъ мы читать статьи и книги въ которыхъ выражается полнѣйшее равнодушіе къ вопросамъ вѣры и церкви. Неужели требуется поощрять и усиливать это равнодушіе, и возводить его въ норму? А между тѣмъ, затрудняя путь въ одну сторону, мы тѣмъ самымъ облегчаемъ путь въ сторону противную. Вооружаясь запретами и карами при оцѣнкѣ всякаго слова произносимаго въ интересѣ вѣры и церкви, не даемъ ли мы тѣмъ самымъ премія духу отрицающему этотъ интересъ въ самомъ основаніи его?..

66.

Москва, 26-го марта.

Ниже помѣщаемъ письмо въ которомъ излагаются данныя собранныя коммиссіей командированною министерствомъ путей сообщенія для осмотра узкоколейныхъ дорогъ, и передаются заключенія коммиссіи.

Вопросъ объ удешевленіи способа постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ у насъ къ числу самыхъ настоятельныхъ. Сравнительно съ другими странами протяженіе нашей рельсовой сѣти ничтожно. Даже Индія британская имѣетъ почти столько же верстъ желѣзныхъ дорогъ какъ Россія. Между тѣмъ наши второстепенныя линіи, при слабомъ населеніи и бѣдномъ промышленномъ развитіи страны, не могутъ обѣщать въ скоромъ времени сильнаго движенія, которое окупило бы дорогую постройку. У насъ нѣтъ и избытка капиталовъ, который давалъ бы возможность переносить бездоходность дорого построенныхъ дорогъ.

Еще до изобрѣтенія новаго локомотива Ферлея, измѣняющаго значеніе узкоколейныхъ дорогъ, рѣчь о нихъ поднялась съ новою силой въ Европѣ. Нѣкоторые изъ рельсовыхъ путей, построенные для конной тяги, а потому имѣвшіе весьма небольшую ширину пути, были передѣланы для тяги паровозной. Это обстоятельство вызвало цѣлый рядъ приспособленій подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ къ узкой колеѣ. Еще сильнѣйшій толчокъ дѣлу узкоколейныхъ дорогъ данъ былъ необходимостью удешевить постройку вѣтвей.

Во Франціи, при обсужденіи проекта о мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ, въ 1865 г. какъ правительство, такъ и коммиссія законодательнаго корпуса, высказались за уменьшеніе ширины колеи. Вопросъ объ удешевленіи постройки вѣтвей, недостаточному числу которыхъ приписывается паденіе сборовъ на германскихъ дорогахъ за послѣдніе годы, сильно занималъ съѣздъ германскихъ техниковъ въ 1865 году. Они оставили вопросъ открытымъ, назначивъ для разработки его коммиссію, которая должна представить результаты своихъ трудовъ на обсужденіе съѣзда имѣющаго собраться въ текущемъ году въ Штутгардтѣ. Коммиссія эта уже успѣла высказаться въ томъ же смыслѣ что для дорогъ второстепенныхъ, на которыхъ нельзя ждать большой торговой перевозки и по которымъ не можетъ направиться общее торговое движеніе страны, полезно уменьшить колею до 3 ф. 3½ д. (1 метръ), а третьестепенныхъ дорогъ—до 2 ф. 5½ д.

Въ Норвегіи и Швеціи, гдѣ населеніе и промышленность незначительны, уже на-

чали строить цѣлую сѣть узкоколейныхъ дорогъ. Онѣ обошлись здѣсь весьма дешево: 19.000 р. съ версты въ Норвегіи и около 16.500 р. въ Швеціи, впрочемъ при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ и небольшомъ подвижномъ составѣ. Въ Австраліи, въ гористой мѣстности, также построена сѣтка узкоколейныхъ дорогъ, которая обошлась около 36.000 р. съ версты. До 600 верстъ такихъ дорогъ построено въ Канадѣ.

Вообще говоря, узкоколейныя дороги считались до сихъ поръ весьма исключительнымъ типомъ, пригоднымъ лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ обыкновенныхъ условіяхъ узкоколейныя дороги считались мало выгодными. Изъ всѣхъ генеральныхъ совѣтовъ Франціи, которымъ предоставлено выдавать концессіи на мѣстныя дороги, ни одинъ не уменьшилъ колею своихъ дорогъ. Удешевленія постройки старались достигнуть облегченіемъ техническихъ условій, допущеніемъ болѣе крутыхъ подъемовъ и спусковъ, простотою сооруженій и станцій, и наконецъ, прямо неполнотою дороги, которую строили иногда только для дневнаго движенія.

Значительное сокращеніе стоимости постройки и эксплуатаціи достигалось уменьшеніемъ скорости движенія и отправленіемъ небольшихъ поѣздовъ съ сравнительно-легкими локомотивами. При меньшемъ давленіи на рельсы, меньшей скорости движенія, небольшой длинѣ поѣзда, можно уменьшать вѣсъ рельсовъ и ширину балласта, и допускать болѣе крутыя кривыя. Всѣми этими мѣрами стоимость постройки уменьшается значительно. Шведскія дороги и при обыкновенной колеѣ стоили съ версты отъ 20.700 р. до 14.900 руб. Конгсвингерская дорога въ Норвегіи обошлась въ 24.240 р. съ версты; Ютландскія дороги—въ 24.880 р.; экономическія, весьма, впрочемъ, неполныя дороги въ Шотландіи обошлись въ 28.000, даже въ 26.000 р. Эльзасскія вѣтви отъ 25 до 32 т. р.; дорога изъ Витре въ Фужеръ во Франціи стоила 21.200 р. Въ Германіи изъ числа дешевыхъ дорогъ обыкновенной колеи Оппельнъ—Тарновицкая стоила 32.164 р.; Нейссе-Бриганская—29.788 р. съ версты; дорога отъ Нюрнберга въ Фюртъ—20.203 рубля. Первыя двѣ дороги имѣютъ весьма достаточный подвижной составъ.

Главнымъ недостаткомъ узкоколейныхъ дорогъ было что онѣ не допускали сильнаго подвижнаго состава и значительной скорости движенія. Но вотъ въ подмогу имъ является локомотивъ Ферлея. По собраннымъ нашею коммиссіей даннымъ оказывается что паровозы Ферлея могутъ перевозить по узкой колеѣ съ крутыми кривыми почти столько же грузовъ, сколько перевозится нынѣшними локомотивами по ширококолейной дорогѣ средняго движенія. Коммиссія разчитываетъ что по дорогѣ допускающей восемь поѣздовъ въ день будетъ перевезено въ годъ, при узкой колеѣ, 22½ милліона пудовъ, при широкой—23½ милліона пудовъ; на дорогѣ съ 12-ю поѣздами въ день, при узкой колеѣ, локомотивы Ферлея перевезутъ 33¾ милл. пудовъ; при широкой обыкновенные локомотивы перевезутъ 35 милл. пудовъ. Разница незначительная.

Узкоколейность много сокращаетъ стоимость сооруженія желѣзной дороги. Подъ узкое полотно нужно меньше земляныхъ работъ; кромѣ того, узкая колея допускаетъ болѣе крутыя кривыя, вслѣдствіе чего уменьшаются земляныя работы. Уменьшается также ширина балласта, особенно при локомотивахъ Ферлея имѣющихъ спокойный ходъ. Уменьшеніе вѣса подвижнаго состава даетъ возможность сократить вѣсъ рельсовъ, и упрощаетъ постройку мостовъ.

Содержаніе узкоколейной дороги также будетъ обходиться дешевле. Узкій путь, легкіе рельсы, короткія поперечины требуютъ меньше расходовъ на ремонтъ. При небольшихъ вагонахъ съ короткими осями и небольшими колесами можетъ быть сдѣлано болѣе выгоднымъ отношеніе ихъ вѣса къ поднимаемому ими грузу. При малыхъ вагонахъ легче избѣжать недогрузки и уменьшить число незанятыхъ пассажирами мѣстъ.

Вотъ главныя сбереженія обѣщаемыя узкоколейными дорогами.

Онѣ представляютъ однако и значительныя невыгоды. На узкой колеѣ, даже при локомотивѣ Ферлея стоящемъ на небольшихъ колесахъ, нельзя достигнуть такой скорости поѣздовъ какую допускаютъ ширококолейныя дороги. Является также необходимость перегрузки въ станціяхъ соединенія узкоколейной дороги съ широко колейною. Локомотивъ Ферлея гораздо сложнѣе обыкновенныхъ паровозовъ; онъ будетъ стоить почти вдвое дороже и чаще

станетъ поступать въ починку, что увеличитъ расходы на ремонтъ.

Наконецъ изобрѣтеніе Ферлея еще слишкомъ ново. Первый локомотивъ его, *Маленькое Чудо*, пущенъ на рельсы лишь въ іюлѣ прошлаго года. Расходы по движенію, которыхъ будетъ требовать этотъ локомотивъ, то-есть издержки на тягу и на ремонтъ, на практикѣ еще не опредѣлились. Кажется, наша коммиссія не дала никакихъ заключеній въ этомъ отношеніи.

Каковъ же общій итогъ выгодъ и неудобствъ узкоколейныхъ дорогъ даже снабженныхъ паровозами Ферлея? Будутъ ли ихъ выгоды такъ велики чтобы впредь всѣ дороги строить съ узкою колеею? Или же узкая колея все-таки останется непригодною для линій съ большимъ движеніемъ?

Сколько намъ извѣстно, коммиссія не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Удешевленіе стоимости постройки не можетъ быть опредѣлено, a priori, а зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Въ мѣстахъ гористыхъ и пересѣченныхъ оврагами узкая колея, конечно, представитъ гораздо болѣе выгодъ чѣмъ въ равнинѣ. Коммиссія ссылается на норвежскія и австралійскія узкоколейныя дороги, стоившія отъ 19 до 36 р. съ версты, впрочемъ безъ локомотива Ферлея и при особенно благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, какъ-то: дешевизнѣ желѣза, подвижнаго состава, камня, дерева и рабочихъ рукъ.

Вообще, коммиссія предлагаетъ принять трехъ-футовую ширину колеи. Нѣтъ сомнѣнія что это предложеніе не касается главныхъ линій, гдѣ скорость движенія есть условіе существенное. Изъ числа нашихъ главныхъ линій остающихся при одномъ пути, свыше 35 милл. грузовъ перевозятъ дороги С.-Петербурго-Варшавская (до 45 м.), Нижегородская (до 60 м.), Варшаво-Вѣнская (около 40 м.) Если даже по С.-Петербурго-Варшавской дорогѣ развилось, хотя и не по всему протяженію дороги, довольно сильное движеніе въ теченіи какихъ-нибудь восьми лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія что бо́льшая часть нашихъ линій вскорѣ будутъ завалены грузами.

Для дорогъ же второстепенныхъ, гдѣ нельзя ждать движенія требующаго усиленной скорости поѣздовъ, узкая колея будетъ соотвѣтствовать всѣмъ потребностямъ. Полный типъ узкоколейныхъ дорогъ является лишь при уменьшенной скорости хода поѣздовъ, и лишь при этомъ условіи вступаетъ въ силу упрощенное устройство вагоновъ и облегченіе верхняго строенія дороги. Отзывъ инспектора англійскихъ дорогъ, г. Тайлера, приведенный въ *Голосѣ*, высказывается за примѣненіе узкой колеи ко второстепеннымъ дорогамъ. Въ подтвержденіе этого заключенія слѣдуетъ выставить на видъ что боковыя линіи всего лучше и выгоднѣе управляются небольшими, отдѣльными, мѣстными компаніями. Какъ показалъ опытъ, разчетъ на пользованіе подвижнымъ составомъ большой линіи, то-есть именно тотъ разчетъ вслѣдствіе котораго французскіе департаменты не согласились уменьшать ширину колеи, въ большей части случаевъ оказывается ошибочнымъ: движеніе по вѣтви всегда будетъ второстепеннымъ дѣломъ для большой компаніи.

По характеру мѣстности и по родамъ грузовъ, узкоколейный способъ будетъ пригоденъ въ особенности для будущей сѣти горнозаводскихъ линій на Уралѣ. Врядъ ли, однако, можно желать, чтобы главная Сибирская линія, которая должна прорѣзать эту сѣть, была построена съ узкою колеей, о чемъ по извѣстіямъ петербургскихъ газетъ была рѣчь въ административныхъ сферахъ. Сибирская линія будетъ принадлежать безспорно къ числу главныхъ, и по ней, если не тотчасъ послѣ открытія, то въ скоромъ времени разовьется сильное движеніе.

№ 67.

Москва, 27-го марта.

Въ дополнительномъ полулистѣ нынѣшняго нумера, въ *Судебной Хроникѣ*, читатели найдутъ интересное дѣло въ порядкѣ дисциплинарнаго производства надъ однимъ изъ членовъ мировыхъ учрежденій здѣшней столицы, г. Каринскимъ. Это дѣло интересно по существу своему, по вопросамъ въ немъ затронутымъ, наконецъ по своему исходу.

Разбирая по кассаціи, дѣло о безпорядкахъ произведенныхъ 14-го ноября 1867 года, въ Большомъ Театрѣ, г. Каринскій обратился къ одному изъ частныхъ приставовъ г. Москвы, принимавшему непосредственное участіе въ томъ дѣлѣ, съ запросомъ былъ ли составленъ о немъ протоколъ. Частный приставъ при-

слалъ мировому судьѣ пространный отзывъ на 5 или 6 листахъ, не заключавшій въ себѣ никакого отвѣта на вопросъ съ коимъ г. Каринскій нашелъ нужнымъ обратиться къ нему. Былъ ли запросъ г. Каринскаго неправиленъ, и не заключалось ли въ самомъ этомъ запросѣ превышенія власти? Никто этого не утверждаетъ; но коль скоро такъ, то спрашивается имѣлъ ли частный приставъ право не отвѣчать г. Каринскому на вопросъ, законно предложенный? Тѣмъ не менѣе г. Каринскій оставилъ этотъ поступокъ частнаго пристава безъ послѣдствій. Но во время разбирательства дѣла, депутатъ отъ полиціи, не оцѣнивъ сдержанности г. Каринскаго настоятельно требовалъ прочтенія отзыва своего собрата по вѣдомству. Надобности въ этомъ не было, и депутатъ отъ полиціи очевидно хотѣлъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе, заставляя мироваго судью читать бумагу выражающую неуваженіе къ мировымъ учрежденіямъ. По собственнымъ словамъ депутата, *онъ* имѣлъ цѣлію лишь возстановить за частнымъ приставомъ право обвинителя (?) и опровергнуть кассаціонное рѣшеніе съѣзда мировыхъ судей о необходимости протокола. Г. Каринскій приступаетъ къ чтенію бумаги частнаго пристава неохотно, лишь послѣ того какъ защитникъ заявилъ что, въ интересѣ полноты дѣла, онъ ничего противъ того не имѣетъ. Предъ чтеніемъ г. Каринскій замѣтилъ, очевидно въ объясненіе того почему онъ затруднялся исполнить желаніе полицейскаго депутата, что въ бумагѣ частнаго пристава нѣтъ отвѣта на вопросъ о протоколѣ, что она къ дѣлу не относится, и притомъ заключаетъ въ себѣ выраженія безсмысленныя, которыхъ онъ не понимаетъ, хотя и читалъ бумагу нѣсколько разъ. Уполномоченный отъ полиціи, тоже не удостоившій судью отвѣтомъ на вопросъ о протоколѣ, потребовалъ занесенія этихъ выраженій въ протоколъ.

Вотъ исторія, вслѣдствіе которой г. Каринскій не только попалъ подъ дисциплинарное производство, но и подвергся дисциплинарному взысканію!

Гражданскій кассаціонный департаментъ сената увидѣлъ въ словахъ г. Каринскаго *превышеніе власти*; Московская судебная палата въ тѣхъ же словахъ нашла лишь *неосторожное произнесеніе выраженія* объ отзывѣ частнаго пристава,—однако сочла нужнымъ дать за нихъ предостереженіе.

Не должно терять изъ виду что первая квалификація сдѣлана верховнымъ кассаціоннымъ судомъ *гражданскимъ*, а вторая судебною палатой по общему собранію, гдѣ могъ тоже преобладать элементъ *гражданскій*. Какъ говорятъ, дѣло это поступитъ въ уголовный кассаціонный департаментъ сената, и только тамъ можетъ получить оно окончательное разрѣшеніе. Что тутъ не ясенъ вопросъ о правѣ, видно уже изъ разногласія между столь высокими судебными учрежденіями, какъ гражданскій кассаціонный судъ и общее собраніе судебной палаты.

Первое изъ этихъ судебныхъ учрежденій полагало что г. Каринскій превысилъ свою власть. Посмотримъ въ чемъ тутъ могло заключаться превышеніе власти. Какъ наше законодательство опредѣляетъ составъ этого преступленія? Чиновникъ или иное должностное лицо признается превысившимъ власть ему ввѣренную, когда выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій которыя предписаны ему по его званію, должности, мѣсту или особенному порученію, учинитъ что-либо въ отмѣну существующихъ узаконеній, учрежденій, уставовъ или данныхъ ему наставленій; или же вопреки установленному порядку предпишетъ или приметъ такую мѣру, которая не иначе можетъ быть принята какъ на основаніи новаго закона, или присвоивъ себѣ право ему не принадлежащее, самовольно рѣшитъ какое-либо дѣло; или же дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе или распоряженіе, на которое нужно было разрѣшеніе высшей власти, не испросивъ онаго надлежащимъ образомъ. Такъ гласитъ уголовный законъ, и изъ словъ его, замѣтимъ мимоходомъ, нельзя не видѣть что превышеніе власти считается преступленіемъ немаловажнымъ *). Должностное лицо, постигнутое приговоромъ о превышеніи власти, не можетъ внушать къ себѣ довѣріе, тѣмъ менѣе если это лицо есть судья. Между тѣмъ г. Каринскій, какъ

*) Малость наказанія не можетъ въ этомъ случаѣ приниматься за критерій важности преступленія или проступка. Высшая мѣра наказанія за превышеніе власти есть лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка въ Сибирь на житье. Низшая же мѣра, какъ во всѣхъ преступленіяхъ, обусловливается многими побочными обстоятельствами.

извѣстно, принадлежитъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ мировыхъ судей Москвы и былъ почтенъ вторичнымъ выборомъ. Какого же свойства было то дѣйствіе г. Каринскаго которое подало поводъ къ столь важному обвиненію? Очевидно что большая часть признаковъ исчисленныхъ въ 338 ст. Улож. о Нак. вовсе не могутъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу. Тутъ не могло быть ни предписанія или принятія мѣры, для которой необходимъ новый законъ; ни самовольнаго рѣшенія неподсуднаго дѣла, ни такого дѣйствія или распоряженія, на которое необходимо разрѣшеніе высшей власти. Но не учинилъ ли г. Каринскій чего-либо *въ отмѣну* существующихъ узаконеній? На это слѣдуетъ отвѣчать другими вопросами: существуютъ ли узаконенія о томъ что мировой судья не имѣетъ права высказывать свои мнѣнія о данномъ дѣлѣ и о представленныхъ доказательствахъ? Существуетъ ли узаконеніе о томъ что мировой судья обязанъ относиться къ отзывамъ которые къ нему поступаютъ сообразуясь съ лицами и имѣя одну мѣрку для полицейскихъ чиновниковъ, другую для частныхъ лицъ? Можно ли счесть превышеніемъ власти замѣчаніе мироваго судьи обращенное къ частному лицу о томъ что представленное имъ письменное доказательство лишено смысла? Тутъ можетъ быть вопросъ о томъ въ какой мѣрѣ это замѣчаніе правильно, въ какой мѣрѣ выраженія удачны или вѣжливы, но объ отмѣнѣ существующихъ узаконеній не могло бы тутъ идти рѣчи даже въ томъ случаѣ еслибы въ судебныхъ уставахъ заключались какія-либо опредѣленныя предписанія относительно правилъ критики и вѣжливости по отношенію къ разбираемымъ на судѣ документамъ, ибо прегрѣшить противъ предписаній закона еще не значитъ отмѣнить ихъ или дѣйствовать вопреки имъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ г. Каринскій не только не вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти, но, напротивъ того, даже не воспользовался всею ея широтой; по закону, мировой судья имѣетъ право дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженіе за неисполненіе полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мироваго судьи. Г. Каринскій обратился къ одному изъ частныхъ приставовъ Москвы съ запросомъ: былъ ли составленъ протоколъ о безпорядкахъ въ театрѣ? Этимъ судья возложилъ на частнаго пристава обязанность сообщить ему точныя свѣдѣнія по вопросу неразъясненіе котораго послужило поводомъ къ отмѣнѣ перваго рѣшенія по тому же дѣлу. Но частный приставъ, не отвѣчая на вопросъ, присылаетъ судьѣ бумагу, въ которой, языкомъ неправильнымъ и непонятнымъ, излагаетъ свои соображенія о томъ что съѣздъ ошибочно считаетъ необходимымъ составленіе протоколовъ о подобныхъ безпорядкахъ. Призванъ ли былъ частный приставъ къ тому чтобы, принимая на себя права принадлежащія лишь кассаціонному департаменту сената, высказывать въ офиціальной бумагѣ свои сужденія о мнимомъ юридическомъ заблужденіи мироваго съѣзда? Хотя мы не думаемъ чтобъ и эта бумага была то что называется актомъ превышенія власти, но во всякомъ случаѣ ея авторъ обнаружилъ недозволительную притязательность. Какъ же поступилъ г. Каринскій? Онъ могъ сдѣлать полицейскому чиновнику предостереженіе вопервыхъ въ томъ чтобъ онъ на запросы судьи давалъ отвѣты ясные, вовторыхъ въ томъ чтобы не нарушалъ должнаго къ суду уваженія присылкою непонятныхъ отзывовъ на пяти листахъ когда можно было ограничиться пятью строчками. Г. Каринскій могъ передать бумагу частнаго пристава, какъ незаконную, прокурорскому надзору. Онъ могъ наконецъ воспользоваться публичнымъ разбирательствомъ чтобы прочитать эту бумагу и вызвать всеобщій хохотъ тѣми ея мѣстами которыя дѣйствительно могутъ считаться образцовыми въ своемъ родѣ. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Бумага, о которой рѣчь, вынута изъ-подъ спуда уполномоченнымъ отъ полиціи. Онъ настаивалъ на ея публичномъ прочтеніи, а г. Каринскій старался отклонить это требованіе, хотя наконецъ и уступилъ ему. Весь образъ дѣйствій г. Каринскаго показываетъ что онъ не былъ расположенъ превышать власть свою, и даже не хотѣлъ пользоваться ею во всемъ ея размѣрѣ. Въ его дѣйствіяхъ не было ни притязательности, ни придирчивости.

Судебная палата не могла обвинить г. Каринскаго въ превышеніи власти, но она поступила съ нимъ гораздо строже чѣмъ самъ онъ поступилъ съ частнымъ приставомъ. Она дала г. Каринскому предостереженіе за „неосторожное произнесеніе

выраженія" объ отзывѣ частнаго пристава. Съ одной стороны, мы имѣемъ бумагу составленную съ цѣлію уклониться отъ отвѣта на запросъ признаваемый законнымъ, бумагу разчитанную на то чтобы высказать, безъ малѣйшаго на то права, порицаніе мировому съѣзду, притомъ бумагу коей изложеніе находится въ странномъ противорѣчіи съ его притязательностью; съ другой стороны, мы имѣемъ нѣсколько словъ, которыя по существу своему вѣрны и о которыхъ сама судебная палата постановила что они сказаны неосторожно, то-есть безъ намѣренія кого бы то ни было оскорбить. И что же? Дѣло теперь въ такомъ положеніи что та бумага должна казаться всякому и правильною и неприкосновенною, а эти слова преступными и подлежащими взысканію. Какъ ни бросается однако въ глаза неравномѣрность послѣдствій къ коимъ повели огласившіяся при этомъ случаѣ дѣйствія двухъ лицъ принадлежащихъ къ двумъ вѣдомствамъ, можно было бы признать въ извѣстной мѣрѣ полезною строгость судебныхъ учрежденій къ лицамъ своего вѣдомства. Но строгость бываетъ полезна подъ условіемъ ясности требованій, и отнюдь не должна переходить въ придирчивость, которая всегда вредна, потому что ставитъ людей въ тупикъ. Въ приговорѣ палаты „произнесеніе выраженія" объ отзывѣ частнаго пристава играетъ роль состава преступленія (corpus delicti), а неосторожность — роль смягчающаго обстоятельства. Но что такое значитъ „произнесеніе выраженія," безъ опредѣленія какое это выраженіе? Что такое при этомъ значитъ неосторожность? Законъ дѣйствительно говоритъ о смягченіи наказанія за неосторожность, но указываетъ при этомъ на два необходимыя для того условія: вопервыхъ, нужно чтобы дѣяніе было *непротивозаконное*; вовторыхъ чтобъ это дѣяніе имѣло вредныя послѣдствія. Если же признать что „произнесеніе выраженія" было дѣяніемъ непротивозаконнымъ, то гдѣ вредныя послѣдствія его? Они не указаны, да и трудно ихъ указать. А если такъ, — за что же назначена кара? Выраженіе которое не признается противозаконнымъ было произнесено по неосторожности, и за это дано предостереженіе.

№ 68.

Москва, 28-го марта.

Мы получили изъ Вильны преинтересное сообщеніе которое читатели найдутъ вслѣдъ за этими строками. Оно говоритъ само за себя, и характеризуетъ положеніе дѣлъ созданное въ западномъ краѣ послѣдними административными распоряженіями касательно многострадальнаго русскаго языка, которому никакъ не удается ни въ коробъ, ни изъ короба.

Во всякомъ случаѣ мы можемъ поздравить себя съ новостью. Мѣры провозглашенныя властями западнаго края вносятъ къ намъ начало которое до сихъ поръ еще не дѣйствовало на нашей почвѣ, и которое не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Это начало есть suffrage universel внесенное именно въ иновѣрныя населенія западнаго края. Намъ предстоитъ интересное зрѣлище борьбы которая должна разыграться посреди населеній умиротворяемаго края. Населеніямъ этимъ предоставляется ходатайствовать о разрѣшеніи употреблять русскій языкъ въ ихъ публичномъ богослуженіи. Дабы предпринять такое ходатайство, необходимо этимъ добрымъ людямъ предварительно придти къ соглашенію. Надобно собирать голоса; надобно собирать поголовно. Большинство должно рѣшить какому языку господствовать въ данной мѣстности, русскому или польскому. Неизвѣстно какими условіями обставлено будетъ это голосованіе, гдѣ и какъ будутъ собираться бюллетени, потребуется ли простое большинство или двѣ трети; но интересно будетъ слѣдить какъ въ этой борьбѣ обозначится относительная сила и вліяніе двухъ партій, правительственной и польской, и гдѣ какая побѣдитъ или изнеможетъ. Благодаря этому способу, который давно уже предлагался въ покойномъ *Колоколѣ*, мы можемъ наконецъ рѣшить вопросъ о національности западнаго края и предустановить его дальнѣйшія судьбы. Гдѣ одержитъ верхъ польская партія, тамъ слѣдуетъ признать польскую національность господствующею, и предоставить польскому языку всѣ политическія права.

Одна петербургская газета уже выразила опасенія чтобы въ открывающейся борьбѣ за языкъ, администрація не оказала русскому языку такого же содѣйствія ка-

кимъ во Франціи пользовались официальные кандидаты въ законодательное сословіе. Этотъ благородно-либеральный органъ опасается слишкомъ большаго вліянія исправниковъ и посредниковъ, рекомендуетъ совсѣмъ устранить ихъ посредство, такъ чтобы населеніе прямо обращалось къ высшимъ властямъ.

Бѣдныя населенія западнаго края, какимъ новымъ испытаніямъ должны они подвергаться! Замѣтьте что борьба къ которой эти населенія приглашаются, должна происходить на религіозной почвѣ, въ метафизической сферѣ, въ области богословской...

Случай о которомъ разсказываетъ сообщаемая ниже корреспонденція есть прямое послѣдствіе новыхъ распоряженій. Мировой посредникъ по данному предписанію, объявилъ крестьянамъ своего участка о предоставленномъ имъ правѣ ходатайствовать чтобы въ ихъ приходское богослуженіе былъ введенъ русскій языкъ вмѣсто польскаго; крестьяне охотно воспользовались этимъ правомъ, тѣмъ болѣе что по-польски они не знаютъ, и польскаго языка нигдѣ кромѣ костела не слышатъ. Они подали заявленіе, которое и пошло по инстанціямъ; но не успѣло оно пройти первыхъ ступеней высокой лѣстницы инстанцій какъ между крестьянами явились новые совѣтники, которые пригрозили имъ пекломъ, а можетъ быть и чѣмъ-нибудь болѣе близкимъ, и вотъ отъ ихъ имени составлено новое заявленіе которымъ они отказываются отъ своей первой просьбы. Они говорятъ что не ихъ дѣло рѣшать вопросы касающіеся церковныхъ порядковъ, и что на это есть церковныя власти. Чтожь? Если церковь къ которой эти люди принадлежатъ имѣетъ свою организацію, признаваемую законами государства, то правительству не зачѣмъ возбуждать борьбу партій въ населеніяхъ когда оно можетъ повести дѣло прямо и твердо чрезъ ту самую организацію которая имъ поддерживается и обезпечивается. Русскій языкъ есть единственный общій и равно для всѣхъ обязательный въ Россіи. Онъ одинъ только можетъ быть органомъ всякаго общественнаго дѣла. Требовалось только эманципировать русскій языкъ, снять съ него запретъ и предоставить его въ свободное пользованіе иновѣрцамъ. Изъ объявленій какъ виленской, такъ и кіевской администраціи мы узнали что Высочайшая воля сняла этотъ запретъ, что русскій языкъ сталъ отнынѣ существенно свободенъ, что онъ можетъ быть органомъ всякаго допускаемаго въ государствѣ вѣрованія, какъ и всякаго мнѣнія. Событіе это имѣетъ великую важность, и ближайшимъ послѣдствіемъ его должно быть введеніе русскаго языка въ религіозныя учрежденія признаваемыя русскими законами и соединяющія въ себѣ людей всякаго рода и племени. Съ освобожденіемъ русскаго языка становится излишнимъ обязательное употребленіе чужихъ, не признаваемыхъ государствомъ языковъ. Употребленіе чужихъ языковъ отнюдь не можетъ быть правиломъ; оно можетъ быть только исключеніемъ. Чужому языку можетъ быть предоставлена свобода, но отнюдь не власть.

Случай о которомъ намъ пишутъ происходилъ въ Дисненскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи. Въ 1866 году, когда въ административныхъ сферахъ сѣверо-западнаго края едва начиналась рѣчь о введеніи русскаго языка въ костелъ, именно въ этомъ самомъ уѣздѣ крестьяне одного сельскаго общества составили приговоръ въ которомъ положили ходатайствовать о русскомъ молитвословіи въ ихъ костелѣ. Но непривычные къ подобнымъ ходатайствамъ, крестьяне Германовицкой волости не могли слѣдить за судьбою постигшею ихъ прошеніе, и оно исчезло въ канцелярскихъ архивахъ. Четыре года тому назадъ католическое духовенство и даже нѣкоторые паны считали русское богослуженіе въ костелѣ за льготу; многіе ксендзы, и во главѣ ихъ минскій епископъ Войткевичъ, заявляли администраціи о необходимости ввести русскій языкъ вмѣсто польскаго для русскихъ католиковъ. Тогда по крайней мѣрѣ не сбивали крестьянъ съ толку, и нѣкоторые посланные ими приговоры (было еще нѣсколько приговоровъ въ Гродненской губерніи) не были по крайней мѣрѣ взяты обратно. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось, и при настоящихъ порядкахъ установленная процедура разрѣшеній русскаго богослуженія для иновѣрцевъ можетъ повести къ весьма страннымъ явленіямъ. Если гдѣ-нибудь, благодаря особымъ обстоятельствамъ, выдается приговоръ крестьянъ о ходатайствѣ, — останется еще возможность сбить ихъ съ толку и заставить ихъ послать новую просьбу въ догонку за первою. Эти обратныя ходатайства не могутъ ли также поступать во всѣ инстанціи? Первоначаль-

ное ходатайство может быть взято назадъ отъ посредника или исправника, отъ губернатора, отъ генералъ-губернатора, наконецъ изъ министерства. Удивительная переписка должна открыться между этими инстанціями по поводу ходатайствъ о взятіи назадъ поданныхъ прошеній.... Можетъ ли быть чтобы польская партія не воспользовалась подобнымъ порядкомъ для заявленія что западный край есть польскій край?...

Дадимъ однако мѣсто виленскому письму:

„Государь Императоръ, въ отеческомъ попеченіи о Своихъ вѣрноподданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій, желаетъ чтобы тѣ изъ нихъ которые роднымъ своимъ языкомъ считаютъ языкъ русскій не были лишены права пользоваться имъ въ дѣлахъ своей религіи: такъ начинается циркуляръ начальника Виленской губерніи къ мировымъ посредникамъ и исправникамъ, отъ 19-го февраля за № 847, предписывающій этимъ лицамъ опубликовать Высочайшую волю иновѣрному населенію нашей губерніи. Но оказывается что у насъ дѣйствуетъ еще и иная воля...

„Эта-то воля, въ своемъ попеченіи объ иновѣрныхъ жителяхъ нашего края, не желаетъ чтобъ они считали русскій языкъ роднымъ языкомъ и чтобъ они пользовались этимъ языкомъ въ дѣлахъ своей религіи, хотя бы жители эти были по происхожденію коренные Русскіе и говорили между собою только на русскомъ языкѣ. О силѣ этой воли можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай.

„Мировой посредникъ здѣшней губерніи, Дисненскаго уѣзда, г. Яньковъ, исполняя циркуляръ начальника губерніи, отправился въ Плисскую волость этого уѣзда, населенную исключительно крестьянами русскими, другаго языка кромѣ русскаго и не знающими, и созвалъ волостной сходъ. Посредникъ прочиталъ собравшемуся сходу циркуляръ начальника губерніи, растолковалъ имъ его, и спросилъ крестьянъ въ заключеніе, не желаютъ ли они чтобы въ ихъ костелахъ дополнительное богослуженіе совершалось не на польскомъ, а на болѣе понятномъ для нихъ русскомъ языкѣ. Крестьяне видимо обрадовались этому предложенію, и единогласно, такъ что даже никто не заспорилъ, тутъ же составили приговоръ о замѣнѣ въ костелахъ ихъ волости, при дополнительномъ богослуженіи, польскаго языка русскимъ. Дня чрезъ два или три послѣ этого происшествія, когда посредникъ успѣлъ уже отправить по принадлежности приговоръ, поступаетъ къ нему прошеніе отъ имени крестьянъ Плисской волости подписавшихъ прошеніе, и въ новомъ прошеніи значится что крестьяне-де приговоръ составили необдуманно, не размысливъ хорошенько, что они не желаютъ чтобы приговоръ ихъ былъ исполненъ, такъ какъ не ихъ дѣло разсуждать о томъ на какомъ языкѣ должно совершаться въ костелахъ богослуженіе, что это дѣло святѣйшаго папы въ Римѣ, безъ распоряженія котораго они не имѣютъ права заводить что-нибудь новое въ костелахъ. Прошеніе было написано почти литературнымъ слогомъ, такъ что и подозрѣвать нельзя чтобъ его писалъ кто-нибудь изъ тѣхъ писакъ, къ которымъ крестьяне обыкновенно обращаются для написанія прошеній. Очевидно было что болѣе благородная рука снисходительно дала себѣ трудъ оказать эту маленькую услугу мужикамъ. Посредникъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, приговоръ былъ посланъ, а между тѣмъ крестьяне отказывались отъ того о чемъ прежде просили. Успѣлъ ли посредникъ вернуть приговоръ и вообще какъ онъ поступилъ, здѣсь пока неизвѣстно. Вскорѣ послѣ всего описаннаго одинъ изъ дисненскихъ чиновниковъ ѣхалъ на обывательскихъ лошадяхъ и разговорился съ крестьяниномъ который его везъ. — „А знаете вы какъ посредникъ хотѣлъ обмануть двѣ волости?“ спросилъ крестьянинъ. — „Нѣтъ, не знаю.“ — „Какъ же? онъ хотѣлъ чтобы мужики просили о томъ чтобы въ костелахъ служили по-русски, они и подали прошеніе, но послѣ узнали что всѣхъ которые подписали прошеніе обернутъ въ православіе, а костелы заберутъ, такъ они и отказались отъ прошенія, потому что всѣхъ кто бы не хотѣлъ принять православіе сослали бы или посадили бы въ тюрьму.“ Вотъ вамъ образчикъ значенія ясновельможной воли, съ которою не легко и не всегда безопасно бороться, а осуществить что-нибудь помимо ея желанія почти невозможно...“

№ 69.

Москва, 30-го марта.

Правительственный Вѣстникъ принесъ намъ вчера извлеченіе изъ всеподданнѣй-

шаго отчета министра государственныхъ имуществъ о прошлогоднихъ работахъ по устройству государственныхъ крестьянъ. Данныя представляемыя этимъ отчетомъ интересны во многихъ отношеніяхъ. Сліяніе крестьянъ разныхъ наименованій въ одномъ общемъ управленіи было необходимымъ послѣдствіемъ отмѣны крѣпостнаго права. Многіе депутаты отъ губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ заявляли о необходимости этого слiянія и справедливо видѣли въ немъ залогъ благоустройства мѣстнаго управленія. Ходъ дѣлъ оправдываетъ ожиданія депутатовъ. Устройство государственныхъ крестьянъ есть послѣднее важное дѣло которое должны исполнить крестьянскія мировыя учрежденія. Вмѣстѣ съ упраздненіемъ этихъ учрежденій необходимо становится на очередь вопросъ о болѣе правильномъ устройствѣ низшихъ по размѣру, но самыхъ важныхъ по вліянію единицъ мѣстнаго управленія. Въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ устройство государственныхъ крестьянъ есть уже дѣло совершившееся, становится возможнымъ приступить не только къ упраздненію должности мировыхъ посредниковъ и точному опредѣленію круга дѣятельности земства и мироваго суда, но и къ освобожденію волостей отъ сословнаго характера.

Въ какихъ же губерніяхъ оканчивается устройство государственныхъ крестьянъ? Послѣдній актъ этого устройства состоитъ, какъ извѣстно, въ выдачѣ владѣнныхъ записей. Эта операція находится въ прямой зависимости отъ того въ какой мѣрѣ были исполнены уже давно производившіяся работы по отграниченію и оцѣнкѣ поземельнаго надѣла государственныхъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ, преимущественно внутреннихъ, губерніяхъ пространство и доходность земель государственныхъ крестьянъ были опредѣлены *вполнѣ удовлетворительно* еще до выхода указа о подчиненіи государственныхъ крестьянъ общимъ учрежденіямъ. Здѣсь можно было приступить прямо къ составленію владѣнныхъ записей. Къ этой группѣ относится 14 губерній: Московская, Ярославская, Рязанская, Пензенская, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Симбирская, Казанская, Саратовская, Самарская и С.-Петербургская. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ выдачу владѣнныхъ записей можно считать почти конченною. Кромѣ государственныхъ крестьянъ, здѣсь также почти вполнѣ устроены ямщики и крестьяне въ имѣніяхъ пожертвованныхъ учебнымъ заведеніямъ. Вышла лишь небольшая задержка по Самарской губерніи, гдѣ въ 123 имѣніяхъ государственные крестьяне владѣютъ землями обще съ Башкирами. Задержка будетъ значительна собственно въ меньшей половинѣ этихъ селеній, въ которыхъ государственные крестьяне водворены какъ припущенники на башкирскихъ земляхъ; тутъ придется ждать выдѣла земель изъ общаго владѣнія съ Башкирами.

Государственнымъ крестьянамъ было предоставлено при предъявленіи имъ владѣнныхъ записей ходатайствовать объ улучшеніяхъ надѣла, объ обмѣнѣ угодій и о переселеніи. Въ помянутой группѣ губерній только четыре сотни селеній ходатайствовали о прирѣзкѣ земель и лѣсныхъ угодій, а также объ обмѣнѣ надѣла. Просьбы о переселеніи поступили отъ 45 селеній. Интересна судьба постигшая эти просьбы. Министръ государственныхъ имуществъ разрѣшилъ переселеніе 19 селеніямъ, считая уважительными къ тому причинами крайнюю недостаточность надѣла или особыя неудобства землевладѣнія Изъ числа селеній заявившихъ о своемъ желаніи переселиться 4 оставили это намѣреніе, а 9 селеній оказались всѣ въ одномъ мѣстѣ,—на переселеніе поднялась Акулинская волость Орловской губерніи, но переселеніе ея, говоритъ отчетъ, „пріостановлено „министромъ внутреннихъ дѣлъ до болѣе „благопріятнаго времени." Не служатъ ли приведенныя цифры лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало слѣдуетъ бояться крестьянскихъ переселеній, хотя у насъ очевидно опасаются ихъ? Государственные крестьяне малоземельныхъ губерній издавна привыкли къ переселенію и теперешняя воздержность ихъ можетъ, кажется, свидѣтельствовать о значительномъ улучшеніи крестьянскаго быта за послѣднее время.

Чиновники работавшіе надъ составленіемъ записей въ первой группѣ губерній въ теченіи послѣдняго года постепенно переводятся въ губерніи второй группы, гдѣ прежнія исчисленія пространства и цѣнности крестьянскаго надѣла признаны неудовлетворительными и производятся еще разъ. Изъ числа губерній въ которыхъ требуются эти предварительныя предъ составленіемъ владѣнныхъ записей работы, въ губерніи Екатеринославской окончено какъ опредѣленіе надѣла, такъ и повѣрка оцѣн-

ки; въ Харьковской и Херсонской губерніяхъ опредѣленъ надѣлъ во всѣхъ имѣніяхъ и болѣе чѣмъ на $^{2}/_{3}$ это дѣло исполнено въ губерніяхъ Таврической и Костромской.

Въ семи сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ составляющихъ третью группу (Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской), никогда еще не производилось исчисленіе доходности крестьянскаго надѣла и крестьянскія земли не снимались на планы и не отграничивались отъ казенныхъ земель и лѣсовъ. Въ прошломъ году установлены правила для межевыхъ и оцѣночныхъ работъ въ этихъ губерніяхъ. Въ Оренбургской и Уфимской работы уже начаты; въ Вологодской и Пермской начнутся въ текущемъ году.

Сопоставляя ходъ работъ по выдачѣ владѣнныхъ записей съ ходомъ выкупа земель бывшими крѣпостными крестьянами, получаемъ слѣдующіе результаты:

Въ самомъ благопріятномъ отношеніи по обѣимъ операціямъ находятся губерніи Казанская, Саратовская, Воронежская, Пензенская и Симбирская. Здѣсь болѣе двухъ третей бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ перешли въ разрядъ собственниковъ и выдача владѣнныхъ записей кончена вполнѣ. Изъ этихъ-то губерній, какъ извѣстно, поступали самыя настойчивыя заявленія объ упраздненіи посреднической должности.

Въ остальныхъ губерніяхъ первой группы число крестьянъ-собственниковъ составляетъ около половины бывшихъ крѣпостныхъ, а въ губерніяхъ Ярославской, Орловской и Тульской только треть.

Въ южныхъ губерніяхъ гдѣ осталось незначительное число временно-обязанныхъ (Екатеринославская, Харьковская, Херсонская и Таврическая), оканчиваются предварительныя работы по составленію записей, утвержденіе коихъ врядъ ли можетъ быть кончено ранѣе будущаго года.

Въ отчетѣ министра государственныхъ имуществъ мы находимъ также любопытныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству государственныхъ крестьянъ западнаго края. Здѣсь они получаютъ землю въ собственность за выкупные платежи опредѣляемые люстраціонными актами, — операція требующая гораздо больше работъ чѣмъ выдача владѣнныхъ записей. Есть еще и другія обстоятельства усложняющія работу люстраціонныхъ коммиссій западнаго края; при подворномъ владѣніи приходится опредѣлять надѣлъ и платежи не на все общество, а на каждый участокъ особо; затѣмъ надо надѣлять безземельныхъ, русскихъ переселенцевъ, отставныхъ солдатъ и пр. При образованіи казенныхъ фермъ въ пятидесятыхъ годахъ крестьянскія земли были сильно обрѣзаны и теперь пришлось по возможности исправлять крестьянскій надѣлъ. Кромѣ того, люстраціонныя коммиссіи отводили землю православнымъ причтамъ, составляли участки для продажи русскимъ владѣльцамъ и участвовали въ оцѣнкѣ польскихъ имѣній обязательно подвергавшихся торгамъ.

Но несмотря на сложность и многочисленность занятій которыя предстояли люстраціоннымъ коммиссіямъ, самая люстрація (то-есть опредѣленіе надѣла и платежей) вполнѣ окончена въ Гродненской, Минской, Ковенской и Виленской губерніяхъ. Въ остальной части западнаго края только начинаютъ приступать къ люстраціи. Въ объясненіе успѣшности дѣйствій люстраціонныхъ коммиссій мы читаемъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* слѣдующее полновѣсное замѣчаніе:

„Скорое и успѣшное окончаніе этого дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ слѣдуетъ приписать, кромѣ усердія мѣстныхъ исполнителей, тому обстоятельству что предварительныя административныя распоряженія по этому предмету оказались вполнѣ соотвѣтствовавшими изданному въ 1867 году закону, который, утвердивъ то направленіе какое было уже дано дѣлу, указалъ ясныя и опредѣлительныя правила для его окончанія. Благодаря сему, а также опытности пріобрѣтенной мѣстными исполнителями, *въ составѣ коихъ за все время работъ допускались перемѣны только въ исключительныхъ случаяхъ*, примѣненіе закона на мѣстѣ не возбуждало ни сомнѣній, ни недоразумѣній.“

Успѣшность люстраціонныхъ работъ за послѣдніе годы выдается особенно по сравненію съ ходомъ крестьянскаго дѣла въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ того края. За послѣдніе два года послѣднее вовсе не подвинулось впередъ, хотя скорѣйшее окончаніе его требуется гораздо болѣе настоятельно. Не говоря о политической сторонѣ дѣла, достаточно упомянуть что небогатыя западныя губерніи почти не въ состояніи будутъ выдержать расходы на двойной мировой институтъ: крестьянскій и судебный.

Обстоятельства сюда относящіяся показываютъ къ какимъ послѣдствіямъ могло бы привести единство администраціи, ближе выражающей виды правительства. Замедленіе могло бы безъ этого условія произойти и въ люстраціонныхъ работахъ и край оказался бы еще менѣе приготовленнымъ къ предстоящему введенію мироваго суда.

Надѣлы полученные государственными крестьянами сѣверо-западныхъ губерній, разумѣется, несравненно значительнѣе надѣловъ бывшихъ панскихъ крестьянъ. Извѣстно что въ полѣсныхъ имѣніяхъ задерживалось самое опредѣленіе надѣла и главный комитетъ поручилъ виленской администраціи собрать мѣстныя данныя. Въ числѣ ихъ весьма полезныя указанія могутъ дать оконченныя теперь люстраціонныя работы въ Полѣсьѣ. Оказывается напр., что въ болотномъ Мозырскомъ уѣздѣ 26% надѣла государственныхъ крестьянъ состоятъ изъ неудобныхъ и неоцѣненныхъ пространствъ.

Въ четырехъ помянутыхъ западныхъ губерніяхъ люстраціонныя коммиссіи образовали 903 новыя селенія для безземельныхъ, переселенцевъ и отставныхъ солдатъ. Эти селенія расположены большею частію въ лѣсныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ было такое приволье повстанцамъ. Коммиссіи надѣляли иногда и мѣщанъ, но лишь усадьбою и выгономъ.

Въ прошломъ году, какъ извѣстно, вышелъ указъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Тамошнимъ крестьянамъ даются регуляціонные акты на постоянное наслѣдственное пользованіе участками. Болѣе чѣмъ въ четверти казенныхъ имѣній прибалтійскаго края регулированіе уже окончено. Съ своей стороны, министерство государственныхъ имуществъ дѣлаетъ все возможное для улучшенія быта прибалтійскихъ крестьянъ. При новомъ регулированіи оно увеличило крестьянскій надѣлъ болѣе чѣмъ на 14% и нарѣзало православнымъ причтамъ 3.610 дес.

Прибалтійскіе государственные крестьяне могутъ выкупать свои надѣлы по высокой капитализаціи изъ 4%, равносильной воспрещенію. Отчетъ не упоминаетъ о томъ чтобы являлись охотники на такой выкупъ.

№ 70.

Москва, 31-го марта.

Проектъ основныхъ началъ административно-полицейской реформы вызвалъ не мало замѣчаній въ нашей печати. Департаментскіе составители проекта сочли нужнымъ отвѣчать на эти замѣчанія. Составлена подробная записка „съ цѣлію собрать „всѣ извѣстныя до сихъ поръ возраженія „по разсматриваемому дѣлу, и *разъяснить* „значительную часть возникающихъ *въ общественномъ мнѣніи недоразумѣній* въ „особенности по вопросу объ измѣненіяхъ „предположенныхъ въ губернскихъ учрежденіяхъ".

Столь серіозное вниманіе оказанное административными лицами ко мнѣніямъ высказаннымъ въ печати обязываетъ насъ еще разъ войти въ основанія проекта и обсудить дошедшія до насъ возраженія на высказанныя въ нашей газетѣ замѣчанія, дабы тѣмъ вообще способствовать предположенному министерствомъ уясненію проекта для общественнаго мнѣнія.

Прежде всего о точкѣ зрѣнія. По взгляду первыхъ объяснительныхъ записокъ къ проекту, административно-полицейская реформа, сколько извѣстно, являлась *конечнымъ вѣнцомъ* всѣхъ преобразованій послѣдняго десятилѣтія. Реформа эта выставлялась какъ дальнѣйшее развитіе совершившихся преобразованій чрезъ соотвѣтствующія имъ измѣненія въ устройствѣ губернской администраціи. Съ этимъ не было возможности согласиться.

Въ новой запискѣ составленной въ отвѣтъ на замѣчанія высказанныя въ печати, административная реформа уже не выставляется въ такомъ свѣтѣ. Напротивъ, въ словахъ составителей записки проглядываетъ какъ бы сознаніе того что проектъ реформы существенно затрогиваетъ основы новыхъ учрежденій. Необходимость переустройства губернской администраціи считается „очередныиъ вопросомъ" между прочимъ потому что „если судебная реформа „не вездѣ еще получила окончательное „примѣненіе, то для оцѣнки пользы ею приносимой уже имѣется достаточно указа„ній опыта". Итакъ, очевидно что дѣло идетъ не о простомъ переустройствѣ администраціи сообразно съ совершившимися преобразованіями, но и объ оцѣнкѣ послѣднихъ, объ устраненіи того, что счи-

тается ихъ недостатками и объ измѣненіи новыхъ учрежденій. Не утверждаетъ ли это въ мысли что проектируемая нынѣ реформа есть въ сущности контръ-реформа?...

Въ печати высказывалось что эта реформа должна отозваться неблагопріятнымъ образомъ на земствѣ и судѣ, что она можетъ подорвать самыя основы этихъ учрежденій, что проектируемые порядки поведутъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между земскими и судебными учрежденіями, съ одной стороны, и администраціею съ другой. Вредныя послѣдствія ожидались преимущественно отъ проектированнаго права губернаторовъ издавать равносильныя закону постановленія въ развитіе дѣйствующихъ законоположеній о благоустройствѣ и благочиніи, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Объяснительная записка признаетъ что доводы противъ этого права „съ перваго взгляда могутъ показаться вѣскими", а замѣчаніе о пагубномъ вліяніи административныхъ постановленій на дѣятельность земства „на первый взглядъ кажется самымъ значительнымъ".

Въ чемъ однако усматривалась главнѣйшая опасность для земскаго дѣла? Необходимое условіе успѣха земскихъ учрежденій есть ихъ самостоятельность въ кругѣ дѣлъ порученныхъ ихъ вѣдѣнію. Иначе земскія учрежденія должны обратиться въ говорильни, которыя поведутъ не къ добру, а ко всеобщему недовольству и раздраженію. Лучше вовсе уничтожить земскія учрежденія и избавить землю отъ лишнихъ налоговъ чѣмъ составлять однѣ формы безъ сущности.

Мѣстныя дѣла находятся одною своею частію въ вѣдѣніи земства, другою въ вѣдѣніи администраціи. Раздѣльная черта между этими частями не обозначена ясно; между ними допускается пререканіе, и для него узаконена извѣстная форма: какая же есть возможность отдать проведеніе этой черты на произволъ администраціи?

На это замѣчаніе возражаютъ: „Для разрѣшенія этого сомнѣнія слѣдуетъ обратиться къ тому подраздѣленію постановленій, начала котораго очерчены въ объяснительной къ проекту запискѣ. Тутъ именно выражено что постановленія могутъ быть двухъ родовъ: такія, которыя будутъ имѣть предметомъ мѣры постоянныя, то-есть распространяющія свое дѣйствіе на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и такія, которыя, имѣя поводомъ потребности случайныя, будутъ заключать въ себѣ мѣры не терпящія отлагательства. Для первыхъ, постановленій въ тѣсномъ смыслѣ слова, можетъ быть назначенъ срокъ приведенія въ дѣйствіе со времени ихъ изданія, въ теченіи котораго несогласное земство можетъ въ общемъ порядкѣ протестовать, какъ только оно найдетъ что постановленіе администраціи идетъ въ разрѣзъ съ его собственнымъ." Не заключается ли въ этихъ словахъ признаніе силы усмотрѣнныхъ затрудненій? Въ нихъ выражена возможность постановленій идущихъ прямо въ разрѣзъ съ мѣрами земства, стало-быть по дѣламъ которыя законно принадлежатъ его вѣдѣнію, и еще яснѣе это сознаніе выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Не отвергая вѣроятности недоразумѣній которыя на первое время *будутъ* происходить при пользованіи администраціею правомъ постановленій въ развитіе законовъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду что подобный пріемъ въ веденіи дѣлъ будетъ во всякомъ случаѣ совершенною новостію, и что всякое дѣло, покуда не окрѣпнетъ, непремѣнно подвергается нѣкоторымъ колебаніямъ." Спрашивается однако: если все это такъ, то не лучше ли не плодить недоразумѣній? Развѣ для государства можетъ быть выгодно сосредоточивать дѣятельность земства не на полезныхъ распоряженіяхъ, а на протестахъ? На эту невыгоду именно и было указываемо въ печати.

Кромѣ предоставленнаго земству права протеста противъ губернаторскихъ постановленій, указывается еще на то обстоятельство что въ губернскіе совѣты которые должны предварительно обсуждать эти постановленія, „*могутъ быть* приглашаемы къ совѣщанію и другія, кромѣ административныхъ чиновниковъ, лица." Потому „губернатору *и не придется* издавать постановленій, не выслушавъ представителей всѣхъ интересовъ въ данномъ случаѣ затрогиваемыхъ.

Но приглашеніе въ совѣтъ представителей земства отнюдь не обязательно, а потому никакой гарантіи заключать въ себѣ не можетъ; да и голоса этихъ представителей никакой обязательной силы не имѣютъ. Опредѣленіе круга вліянія ихъ все-таки будетъ зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія.

Земскія учрежденія, какъ извѣстно, имѣ-

ютъ право „на относящіяся до нихъ распоряженія начальника губерніи и высшихъ административныхъ властей приносить жалобы правительствующему сенату“ (ст. 11 Пол. о земск. учр.). Чѣмъ же будетъ руководствоваться сенатъ при обсужденіи постановленій относящихся къ уставамъ по благоустройству, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ и признаны почти невозможными къ исполненію? Сенатъ будетъ вынужденъ или кассировать губернаторскія распоряженія, почти не разсматривая ихъ, или открыть у себя законодательныя работы.

Срокомъ на обжалованіе губернаторскихъ распоряженій полагается время перваго земскаго собранія по сообщеніи распоряженія земству. Итакъ, для каждаго земскаго собранія откроется новое занятіе, по необходимости предшествующее другимъ: обсужденіе губернаторскихъ постановленій.

Нѣтъ сомнѣній что земскія собранія не могутъ однообразно дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. Не всегда бываетъ легко опредѣлить сразу къ чему именно клонится извѣстное постановленіе и какія будетъ имѣть оно послѣдствія. Въ одномъ случаѣ послѣдствія эти успѣютъ обнаружиться до открытія земскаго собранія, въ другомъ нѣтъ. Одинаковое постановленіе будетъ обжаловано однимъ земствомъ и упущено изъ виду другимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ кругъ дѣятельности земства поставится въ зависимость отъ случайностей и сдѣлается различнымъ по губерніямъ. Какъ придется поступать сенату, когда онъ увидитъ что однородныя распоряженія однимъ земствомъ молчаливо приняты, а другимъ обжалованы? Для избѣжанія пестроты и запутанности, центральная администрація призывается согласовать губернаторскія постановленія. Но въ этомъ заключается новое доказательство того что разбираемый проектъ отдаетъ земское дѣло въ руки администраціи. Высшій контроль надъ губернаторскими постановленіями принадлежитъ, по проекту, министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ будетъ стало-быть законодательною инстанціей для земства. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, точно также какъ и сенатъ, будетъ крайне затрудненъ противорѣчіями и несообразностями теперешнихъ уставовъ благоустройства, и ему, въ его канцеляріяхъ, придется также предпринимать очень обширныя законодательныя работы, если въ Россіи не должны развиться мѣстныя законодательства.

Настоятельная потребность заключается въ пересмотрѣ многихъ уставовъ. Но это можетъ быть совершено только законодательнымъ порядкомъ, а облеченіе администраціи несвойственною ей законодательною властью по вопросамъ относящимся къ этимъ уставамъ лишь въ конецъ запутаетъ дѣло. „Регламентація,“ говорятъ составители записки, „всегда „будетъ существовать, отъ кого бы ни „исходили, отъ законодательной или при„мѣняющей законы власти“. Однако есть же разница между законодательною регламентаціей и произволомъ административныхъ лицъ. Составители проекта сами усматриваютъ эту разницу. Въ той же отвѣтной запискѣ, въ изложеніи „общихъ началъ на которыхъ построенъ проектъ“, мы читаемъ: „Въ основѣ представленнаго „проекта лежитъ тотъ взглядъ что отли„чительныя черты всякаго правильнаго „общественнаго устройства должны заклю„чаться въ единствѣ дѣйствій админи„страціи, какъ учрежденія *выдѣляющагося отъ власти законодательной* и суда, „а также установленій общественныхъ, „сословныхъ и земскихъ.“

Если администрація, что совершенно справедливо, существенно отдѣляется отъ законодательной власти и суда, то какъ же предоставлять административнымъ лицамъ функціи этихъ послѣднихъ?

Мы упоминали о сенатѣ, но слѣдуетъ сказать и вообще о судѣ. Проектъ предполагаетъ отнять у судовъ право опредѣлять степень законности административныхъ постановленій въ случаѣ привлеченія частныхъ лицъ къ отвѣтственности за ихъ неисполненіе. Суду предоставляется только удостовѣряться что извѣстное постановленіе исходитъ отъ подлежащей власти и что при изданіи его соблюдены извѣстныя формальности; затѣмъ всякое постановленіе губернатора должно имѣть для суда силу равную съ законами исходящими отъ верховной власти.

Судъ именуется органомъ закона; по проекту ему предоставляется честь быть органомъ административныхъ лицъ. Такое служебное положеніе отнимаетъ у суда главную цѣну его. Только судъ основанный на твердомъ законѣ и вполнѣ независимый можетъ обезпечивать права и законные интересы отъ произвольныхъ

нарушеній; только такой судъ, съ другой стороны, можетъ обезпечивать правительство отъ неправильныхъ распоряженій его агентовъ. Устраните эту существенную гарантію, и вы водворите повсюду господство самаго необузданнаго произвола который все расшатаетъ...

Составители проекта находятъ что право постановленій уже принадлежитъ администраціи. Дѣйствительно, статья 29 Улож. о нак. налагаемыхъ мировыми судьями говоритъ о постановленіяхъ и распоряженіяхъ администраціи; но нѣтъ сомнѣнія что тутъ разумѣется не право дополненія всѣхъ законовъ по благоустройству, а случаи точно опредѣленные закономъ, напримѣръ первоначальныя и неотлагательныя распоряженія по охраненію народнаго здравія (ст. 20 врем. пр. 8-го іюля 1865 года). Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, сами составители проекта признаютъ что административныя постановленія будутъ у насъ *во всякомъ случаѣ совершенною новостью.*

Не одни судебныя и земскія учрежденія потерпятъ отъ административныхъ постановленій которыя будутъ издаваться „въ развитіе и дополненіе законовъ" и имѣть силу законодательныхъ актовъ. Это столь ненормальное расширеніе административной власти, допускаемое только въ эпохи народныхъ бѣдствій, когда страна объявляется на военномъ положеніи, неизбѣжно внесетъ разстройство и смуту во всѣ правительственныя вѣдомства. Оно поведетъ къ нескончаемымъ столкновеніямъ между министрами и губернаторами, и въ результатѣ подчинитъ всѣ министерства министру внутреннихъ дѣлъ.

Изъ числа уставовъ относящихъ обыкновенно къ законамъ по благоустройству и благочинію почти каждый касается нѣсколькихъ вѣдомствъ. Постановленія по благоустройству и благочинію, за исполненіемъ которыхъ наблюдаетъ полиція, разсѣяны по всѣмъ томамъ Свода Законовъ. Губернаторскіе законы будутъ неизбѣжно врываться въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ. Министерство путей сообщенія будетъ на каждомъ шагу сталкиваться съ правилами издаваемыми въ губерніяхъ относительно судоходства, шоссейныхъ дорогъ и пр. Министерство финансовъ будетъ ежедневно получать сюрпризы изъ губерній и узнавать о новыхъ законахъ издаваемыхъ губернаторами по части разныхъ отраслей торговли и промышленности, питейныхъ заведеній и пр. Правила, установляемыя теперь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ по соглашенію между министрами, станутъ являться въ формѣ губернаторскихъ предписаній, и министрамъ останется только приносить жалобы министру внутреннихъ дѣлъ, за которымъ по проекту долженъ остаться главный контроль надъ губернаторскими дѣйствіями. Министерствамъ и отдѣльнымъ управленіямъ не дается и срока на протестъ. Даже во Франціи, при тамошней ужасающей и уже отмѣняемой теперь регламентаціи, префекты издаютъ постановленія лишь по соглашенію съ мѣстными представителями отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Проектъ полицейской реформы причиняетъ ущербъ новому суду, отнимая у него прямое вліяніе на полицію въ дѣлѣ производства дознаній. Департаментская записка говоритъ что полиція есть установленіе преимущественно исполнительное и потому въ дѣятельности своей подчиняется всякому учрежденію, которое имѣетъ право требовать отъ нея исполненія. Но изъ этого, продолжаетъ записка, не слѣдуетъ еще привлеченіе чиновниковъ къ судебной отвѣтственности вопреки общему началу помимо непосредственнаго начальства.

Какъ? Неужели полиція, отъ дѣйствій которой при дознаніи и слѣдствіи зависитъ ходъ правосудія, находится въ такихъ же равнодушныхъ отношеніяхъ къ суду какъ ко всякому другому вѣдомству? Неужели полиція, отъ которой такъ много зависитъ успѣшность дѣйствій суда, не должна нисколько подчиняться ему въ дѣлахъ его касающихся? Что же касается до общаго порядка, по которому право взысканія съ чиновниковъ и привлеченія ихъ къ отвѣтственности принадлежитъ ихъ непосредственному начальству, то этотъ аргументъ былъ уже на разсмотрѣніи высшихъ законодательныхъ инстанцій при самомъ опредѣленіи нынѣ существующихъ отношеній полиціи къ суду. Законодатель призналъ что для дѣйствительности вліянія суда на производство дознаній, полиція, въ интересѣ правосудія, должна быть поставлена въ извѣстную дисциплинарную зависимость отъ судебной власти.

Упомянемъ еще о фактической погрѣш-

ности ссылки на общепринятый порядокъ подчиненности, по которому чиновники будто бы подвергаются нынѣ замѣчаніямъ и суду только по распоряженію непосредственнаго ихъ начальства. Такого порядка нѣтъ: такъ, напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ губернскія правленія, имѣетъ значительное вліяніе на чиновниковъ другихъ вѣдомствъ. Чиновники разныхъ административныхъ вѣдомствъ, назначенные на должности начальствами отдѣльныхъ въ губерніи частей, предаются суду по постановленіямъ губернскихъ правленій (ст. 1.088 Уст. Угол. Судопр.). Итакъ, нѣкоторое вліяніе на полицію предоставляемое суду его уставами, вовсе не есть отступленіе отъ „общепринятаго“ порядка....

№ 71.

Москва, 1-го апрѣля.

Ходъ дѣла въ западномъ краѣ представляетъ двойной интересъ для русскаго общества. Кому теперь не ясно что узы Польскаго вопроса находятся не столько въ Варшавѣ сколько въ Вильнѣ и Кіевѣ? И крупные, и мелкіе факты безпрестанно подтверждаютъ этотъ общепринятый теперь взглядъ на Польское дѣло. Недавно одна изъ польскихъ газетъ, издаваемая на русскомъ языкѣ, заговорила о возстановленіи Польши. Та же газета, во имя священныхъ интересовъ цивилизаціи, совѣтуетъ Россіи превратиться въ Австрію, которая разлагается на отдѣльныя государства. Это высказывается съ удивительною развязностью, и первымъ результатомъ соображеній польской газеты явился протестъ противъ русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ и требованіе признать въ немъ права польской національности....

Дѣла сѣверо-западнаго края интересны еще въ томъ отношеніи что они представляютъ намъ одинъ изъ образцовъ того управленія, которое съ немногими измѣненіями рекомендуется проектомъ административно-полицейской реформы для всѣхъ нашихъ губерній. Опредѣленные этимъ проектомъ права губернатора весьма близко подходятъ къ правамъ генералъ-губернаторовъ въ западномъ краѣ. Эти послѣдніе могутъ, въ той или другой степени, входить въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ и давать направленіе мѣстнымъ исполнителямъ. Они не ограничены никакими коллегіальными учрежденіями; дѣла въ генералъ-губернаторскомъ управленіи ведутся канцелярскимъ порядкомъ, которому проектъ административно-полицейской реформы предоставляетъ всѣ текущія дѣла по управленію губерніями, кромѣ наиболѣе важныхъ. Извѣстно что по проекту всѣ эти текущія дѣла переходятъ изъ губернскаго правленія въ губернаторскую канцелярію. Наконецъ генералъ-губернаторы, въ мѣстностяхъ состоящихъ на военномъ положеніи, имѣютъ и теперь право издавать постановленія въ дополненіе и развитіе дѣйствующихъ законовъ.

Какіе же результаты представляетъ подобный порядокъ управленія?

Ходъ крестьянской реформы, все еще не оконченной въ западномъ краѣ, даетъ самый опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Рѣдкая часть управленія выяснена для всѣхъ исполнителей, и низшихъ и высшихъ, въ такой степени какъ дѣла крестьянскія. Не только должностныя лица, но и публика совершенно освоились съ этими дѣлами въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Что касается крестьянской реформы въ сѣверо-западномъ краѣ, то всѣ вопросы къ ней относящіеся были разрѣшены законодательнымъ порядкомъ съ особенною точностью. Если могутъ возникать затрудненія изъ административныхъ разъясненій законовъ касающихся крестьянской реформы, по которой законодательство высказывалось такъ ясно и опредѣлительно, въ которой оно такъ неуклонно слѣдовало однажды избранному направленію, то чего нельзя ожидать отъ административныхъ дополненій въ развитіе уставовъ благоустройства? Эти уставы еще только перерабатываются; въ вопросахъ сюда относящихся возарѣнія правительства еще не опредѣлились....

Въ Вильнѣ были изданы въ прошломъ году особыя административныя постановленія въ дополненіе и развитіе законовъ по крестьянскому дѣлу. Виленскія постановленія, какъ оказалось въ высшихъ законодательныхъ инстанціяхъ, шли въ разрѣзъ съ закономъ и были отмѣнены. Проектъ административно-полицейской реформы не придаетъ большаго значенія возможности изданія губернаторами неправильныхъ постановленій. Составители проекта ссылаются на то что всѣ постановленія

губернаторовъ будутъ поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и что послѣднему будетъ легко отбросить все несогласное съ закономъ и въ случаѣ надобности согласить разнорѣчивыя дополненія законовъ изданныя въ разныхъ губерніяхъ. Но это было несравненно легче по отношенію къ сѣверо-западному краю. Вспомнимъ, однако, какими печальными обстоятельствами сопровождалась отмѣна виленскихъ дополненій къ Положенію 26-го марта. Этого мало. Печальныя послѣдствія этихъ постановленій продолжаютъ сказываться по сю пору.

Въ засѣданіи Гродненскаго губернскаго присутствія 24-го февраля разсматривалось дѣло по имѣнію деревни Лисовчицы, крестьяне которой, при обходѣ границъ ихъ земель, заявили объ отнятіи у нихъ помѣщикомъ небольшаго пастьбища, всегда состоявшаго въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи. По Положенію 26-го марта посредникъ долженъ былъ разъяснить вопросъ о дѣйствительности владѣнія, но онъ рѣшилъ его въ такомъ смыслѣ какъ еслибъ этого Положенія вовсе не существовало, а дѣйствовали одни административныя измѣненія его. Мѣстный мировой съѣздъ призналъ правильными подобныя дѣйствія посредника.

Вѣроятно пройдетъ еще много времени до тѣхъ поръ пока будутъ отмѣнены присутствіями всѣ неправильныя постановленія посредниковъ и съѣздовъ—въ надлежащій срокъ обжалованныя крестьянами..

И такимъ образомъ дѣйствовали не одни посредники и съѣзды. Точно также поступило не далѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ одно изъ губернскихъ присутствій, вызвавшее извѣстный нашимъ читателямъ протестъ двухъ его членовъ кн. Оболенскаго и г. Витковскаго.

Предъ нами находится теперь изданное въ Вильнѣ отъ 6-го февраля текущаго года новое административное распоряженіе по крестьянскому дѣлу. Положеніе 26-го марта указало виленскому генералъ-губернатору „принять всѣ необходимыя мѣры“ къ скорѣйшему окончанію какъ составленія, такъ и исполненія выкупныхъ актовъ. Предстоящее введеніе мироваго суда дѣлаетъ еще болѣе настоятельною необходимость скорѣйшаго завершенія крестьянской реформы. Мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу стоили въ 1866 году 974.742 р., въ 1867 году 949.785 рублей. Предположенныя сокращенія въ составѣ этихъ учрежденій были отвергнуты теперешнимъ генералъ-губернаторомъ въ предвидѣніи возможности „обширной“ передѣлки сдѣланнаго прежде по крестьянской реформѣ. Введеніе мироваго суда по сдѣланнымъ разчетамъ потребуетъ около 580000 р. сер. Очевидно что для сѣверо-западныхъ губерній, особенно для крестьянъ, на которыхъ натуральныя повинности лежатъ всею своею тяжестію, содержаніе двойнаго мироваго института будетъ слишкомъ обременительно.

Въ западномъ краѣ возобновленіе работъ по крестьянскому дѣлу, прерываемыхъ зимою, становится возможно въ мартѣ. Въ виду предстоящаго введенія мироваго суда и послѣ извѣстнаго крестьянскаго обѣда 19-го февраля, нельзя было не ожидать что будутъ придуманы и предписаны мѣры, которыя ускорили бы совершеніе реформы...

Но такихъ мѣръ мы не находимъ въ мѣстныхъ распоряженіяхъ. Новое виленское предписаніе, изданное передъ открытіемъ работъ, снова поднимаетъ вопросъ о сервитутахъ, которому было придано столь важное значеніе въ виленскомъ крестьянскомъ проектѣ. Генералъ-губернаторъ спрашиваетъ что сдѣлано для исполненія статей Положенія 26-го марта касающихся сервитутовъ, и торопитъ губернское присутствіе и губернатора къ представленію данныхъ необходимыхъ для составленія проекта объ отмѣнѣ сервитутовъ.

Опять какая странность! Положеніе 26-го марта говоритъ что сервитуты данные крестьянамъ по актамъ могутъ быть отмѣняемы лишь по добровольнымъ соглашеніямъ, съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ крестьянъ и съ соблюденіемъ интересовъ казны, какъ поручительницы по выкупу. Исполненіе такого предписанія зависитъ отъ успѣшности соглашеній, которымъ посредники по закону могутъ только способствовать. Изъ Вильны, правда, сообщалось посредникамъ что число соглашеній должно опредѣлять оцѣнку ихъ дѣятельности, но всѣ полагали что такая оцѣнка уже отмѣнена, какъ противорѣчащая закону требующему полной добровольности сдѣлокъ.

Положеніе 26-го марта говоритъ затѣмъ что „въ видахъ *подготовленія* необходимыхъ данныхъ для опредѣленія способа вознагражденія по обязательной отмѣнѣ пастьбищнаго сервитута“ посредникамъ предписывается доставлять въ губернское при-

сутствіе подробныя свѣдѣнія о случаяхъ замѣны сервитута по соглашеніямъ. Законодатель указываетъ такимъ образомъ что въ вопросѣ о сервитутахъ прежде всего необходимо *подготовленіе* данныхъ. Дѣйствительно, недостатокъ въ нихъ былъ причиной непринятія всѣхъ прежнихъ проектовъ о замѣнѣ сервитутовъ. Затѣмъ Положеніе 26-го марта говоритъ что, „на основаніи свѣдѣній" представленныхъ посредниками, каждое изъ губернскихъ присутствій должно составить свои соображенія о мѣрахъ необходимыхъ для прекращенія сервитутовъ (ст. V).

Что же мы читаемъ въ новомъ виленскомъ постановленіи? Изъ Вильны пишутъ въ губернскія присутствія:

„Статьей V того же положенія (26-го марта) возложено на генералъ-губернатора сообщить министру внутреннихъ дѣлъ составленный, на основаніи соображеній губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, проектъ правилъ о способахъ отмѣны сервитутовъ и вознагражденія за оные.

„*Не имѣя свѣдѣній* приступлено ли къ приведенію въ исполненіе IV и V отд. Высочайше утвержденныхъ 26-го марта 1869 г. правилъ по Ковенской губерніи, главный начальникъ края проситъ губернатора сообщить его высокопревосходительству надлежащія и подробныя по сему предмету свѣдѣнія. Если же губернское присутствіе до сего времени еще не приступило къ разработкѣ этого вопроса, то проситъ г. губернатора принять мѣры къ *скорѣйшему приведенію въ исполненіе* указанныхъ законоположеній и о послѣдующемъ донести".

Скорѣйшее приведеніе въ исполненіе ст. V Положенія 26-го марта вовсе не требуется ни этимъ, ни какимъ либо другимъ закономъ. Напротивъ, какъ мы видѣли, приступъ къ составленію проекта обусловленъ подготовленіемъ необходимыхъ данныхъ. Если этихъ данныхъ собралось недостаточно, если соглашеній было не много; то губернское присутствіе будетъ затруднено составленіемъ проекта. Самъ генералъ-губернаторъ пишетъ что онъ не имѣетъ свѣдѣній собраны ли данныя, но все-таки предписываетъ *скорѣйше* исполнить ст. V, то-есть составить проектъ. Изъ постановленія Ковенскаго губернскаго присутствія, откуда мы заимствуемъ циркуляръ генералъ-губернатора (приложеніе къ № 22 *Ковенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*), оказывается дѣйствительно что въ присутствіе не поступало данныхъ въ количествѣ достаточномъ для составленія проекта, и губернское присутствіе поступило вполнѣ правильно ограничившись запросомъ ихъ у посредниковъ. Теперь требуется проектъ окончательный: предположенія основанныя на недостаточныхъ данныхъ были отвергнуты не одинъ разъ.

Для успѣха добровольныхъ соглашеній было бы всего полезнѣе опубликованіе свѣдѣній по ходу крестьянскихъ дѣлъ. Въ виду опубликованныхъ сдѣлокъ стороны скорѣе приходили бы къ соглашенію, руководствуясь уже выработавшимися условіями. Къ тому же опубликованіе журналовъ губернскихъ присутствій требуется правительственными распоряженіями. Министръ внутреннихъ дѣлъ напоминалъ присутствіямъ западнаго края что циркуляръ министерства отъ 31-го марта 1861 года о печатаніи журналовъ присутствія не отмѣненъ; въ этомъ циркулярѣ разумѣется печатаніе ихъ во всеобщую извѣстность, а не для канцелярскаго употребленія. Между тѣмъ печатаніе журналовъ присутствій вовсе прекратилось въ *Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, а въ *Минскихъ* и не начиналось. Вотъ образчикъ исполнительности, коей распространеніе на всю Россію едва ли можетъ быть желательно съ точки зрѣнія центральной власти.

Добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами могутъ состояться только благодаря довѣрію послѣднихъ къ мировымъ посредникамъ. Нѣтъ никакой надежды чтобы крестьяне возымѣли довѣріе къ панамъ и виленскія предписанія о томъ чтобы посредники заботились о возстановленіи этого довѣрія не принесли и не могли принести никакихъ результатовъ. Въ прежнія времена крестьяне питали полное безусловное довѣріе къ посредникамъ. Многіе слухи показываютъ что эти отношенія миновали и что въ теперешней обстановкѣ посредники не имѣютъ уже нравственнаго вліянія на крестьянъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ *Вѣстъ*, разумѣется толкуя дѣло въ свою сторону; по словамъ виленскаго корреспондента этой газеты, даже обѣдъ 19-го февраля въ виленскомъ дворцѣ не произвелъ должнаго впечатлѣнія на крестьянъ (№ 74). Въ Бѣлицахъ Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, распространились между крестьянами слухи о томъ что ихъ снова *повернутъ* въ крѣпостную

зависимость. Тщетно посредникъ уговаривалъ крестьянъ; крестьяне ему не повѣрили и пришлось посылать войска. *С.-Петербургскія Вѣдомости* сообщають что въ концѣ февраля возникли безпорядки въ Салатовскомъ приходѣ, Тельшевскаго уѣзда Ковенской губерніи. И здѣсь посредникъ ничего не могъ сдѣлать; одинъ изъ членовъ губернскаго присутствія долженъ былъ отправиться въ Салаты, но результатъ его поѣздки еще не извѣстенъ. По словамъ *Новаго Времени*, въ Минской губерніи крестьяне Осовской волости недовольные старшиной распорядились съ нимъ самоуправно, не обратившись съ жалобой къ своему посреднику и затѣмъ не хотѣли слушать увѣщаній послѣдняго.

Потерявъ довѣріе къ посредникамъ, крестьяне стали открыты теперь для всякихъ злонамѣренныхъ вліяній и могутъ сдѣлаться орудіемъ всякой интриги. Такъ въ Дисненскомъ уѣздѣ крестьяне заподозрили какой-то обманъ со стороны мироваго посредника объявлявшаго имъ о разрѣшеніи русскаго языка въ костелѣ и въ догонку за своею просьбой о русскомъ богослуженіи въ костелѣ послали контръ-прошеніе писанное явно польскою рукою...

Никто не будетъ спорить что недовѣріе крестьянъ къ мировымъ посредникамъ есть фактъ прискорбный; но поучительно было бы отвѣтить на вопросъ: какое тутъ оказалось вліяніе обширныхъ полномочій мѣстной администраціи.

№ 72.

Москва, 2-го апрѣля.

Что̀ спасло Россію въ 1863 году? Другими словами: въ чемъ была опасность которая угрожала ей? Послѣдствія показали что угрожавшая ей опасность заключалась въ ей самой. Истинною опасностью для нея былъ упадокъ ея общественнаго духа и политическая безнравственность которая сознательно и безсознательно овладѣвала умами. Дѣла наши усиленнымъ ходомъ шли въ направленіи антинаціональномъ и вели неизбѣжно къ разложенію цѣльнаго государства. Вотъ зло которымъ страдала Россія и которымъ поспѣшила воспользоваться внутренняя измѣна и разчетъ иностранныхъ правительствъ. Россія была на волосъ отъ гибели не потому чтобъ она въ дѣйствительности была немощна, а потому что она была больна мнѣніемъ, находилась подъ властію ошибки и сама налагала на себя руки. Россія была спасена пробудившимся въ ней патріотическимъ духомъ, и этимъ прежде всего она обязана своимъ врагамъ которые слишкомъ рано сочли ее за мертвое, преданное разложенію тѣло. Туманъ разсѣялся, и Россія явилась и сама для себя, и предъ лицомъ міра, болѣе крѣпкою чѣмъ когда-либо прежде. Въ ея физическихъ силахъ не произошло перемѣны, но къ нимъ присоединилась великая нравственная сила. Впервые явилось русское общественное мнѣніе; съ небывалою прежде силой заявило себя общее русское дѣло, для всѣхъ обязательное и свое для всякаго, въ которомъ правительство и общество чувствовали себя солидарными. Иностранная коалиція, казавшаяся столь грозною, мгновенно рушилась и исчезла какъ призракъ; измѣна и мятежъ утратили силу которую они черпали въ безсиліи русскаго общественнаго духа и въ антинаціональной правительственной системѣ.

Мятежъ, который съ такою дерзостію разыгрался въ западныхъ окраинахъ Россіи, не имѣлъ никакой дѣйствительной силы. Однако съ этимъ ничтожествомъ приходилось считаться. И чтобъ одержать верхъ въ этой борьбѣ было недостаточно матеріальной силы. Надобно было освободиться отъ обмана который мѣшалъ видѣть зло и направлялъ наши удары на насъ же самихъ. Надобно было перемѣнить систему дѣйствій, и противъ враждебной организаціи выдвинуть русскую общественную силу. Надобно было чтобы должностныя лица призванныя дѣйствовать въ краѣ объятомъ измѣною были не просто чиновниками, которымъ по меньшей мѣрѣ все равно что̀ бы ни проходило чрезъ ихъ руки; надобно чтобъ эти люди были проникнуты чувствомъ общаго дѣла; надобно было чтобы въ этомъ краѣ, который крамола съ такою дерзостію и такъ настойчиво оспариваетъ у русскаго народа, должностныя лица чувствовали себя русскими людьми. Благодаря новому великому движенію которое, съ высоты трона, сообщено дѣламъ нашего отечества, такая нравственная сила не замедлила явиться въ краѣ гдѣ требовалось усиленное дѣйствіе власти. Образовался тонъ русскаго мнѣнія который охватилъ всю администрацію края сверху до

низу. Сила не въ отдѣльныхъ людяхъ, каковы бы они ни были, а въ общемъ направленіи которое овладѣваетъ и лучшими, и худшими, связывая ихъ въ одно дѣло. Измѣните общее направленіе или подавите его силу, и люди потеряють духъ, и дѣло разсыплется. Съ тѣхъ поръ какъ западный край вошелъ въ составъ Россійской имперіи, быть-можетъ впервые сказалась въ немъ сила русскаго общественнаго мнѣнія: и вотъ все что было въ краѣ русскаго оживилось, а враждебная организація упала духомъ. Люди, надъ которыми она деспотически властвовала, чувствовали себя все болѣе свободными отъ ней, и польской партіи грозило конечное разложеніе. Люди дотолѣ загнанные въ польскую національность сами искали выхода изъ нея; одни переходили въ православіе, другіе просили русскаго языка для своей церкви. Русское движеніе въ разныхъ общественныхъ сферахъ западнаго края, даже тамъ гдѣ господствовалъ прежде польскій патріотизмъ, становилось все сильнѣе, и нѣтъ сомнѣнія что вскорѣ оно одержало бы полную побѣду...

Скажутъ что русская общественная сила въ западномъ краѣ была дурно направлена, что она была недостаточно разумна, что она была груба и невѣжественна. Допустимъ что все это такъ,—но что же изъ этого слѣдуетъ? То ли что надо бы было убить эту силу, или то, напротивъ, чтобы, сохраняя ее и способствуя ей, просвѣтить ее и направить надлежащимъ образомъ?

Національная политика есть дѣло у насъ слишкомъ новое. Она не могла сразу установиться. Дурныя партіи видѣвшія въ ней смертную для себя опасность отдохнули и нашли пути для новыхъ махинацій и обмановъ. И вотъ въ нашихъ дѣлахъ произошли колебанія. Хотя правительственная программа ни въ чемъ не измѣнилась,—напротивъ она становилась все яснѣе и опредѣленнѣе,—но въ ея исполненіе прокрались начала которыя подвергли ее сомнѣнію и обезсилили ея дѣйствіе. Мы снова обратили наши удары на самихъ себя. Россія снова начала поражать и вязать свои собственныя силы. Принимались мѣры чтобы подорвать русскій патріотизмъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ особенно требовался. Сила эта, хотя и молодая, оказалась однако болѣе крѣпкою чѣмъ думали ея противники. Могло ли и быть иначе? Сила эта есть самое естественное явленіе и самая очевидная необходимость; безъ ней невозможно дальнѣйшее движеніе государственной жизни; безъ ней національная политика не имѣетъ смысла; безъ ея содѣйствія правительственная программа разрушаетъ сама себя. Но удары на русскій патріотизмъ падали все чаще и сильнѣе; онъ былъ оклеветанъ, осмѣянъ и поруганъ. Личный составъ администраціи въ западномъ краѣ подвергся сильному измѣненію. Русскіе люди увидѣли себя въ этомъ краѣ бѣдною, несчастною, загнанною партіей, и, тѣ кто не были выброшены оттуда, толпами оставляли его сами Кончилось тѣмъ что „русское дѣло“ надъ которымъ брезгливо глумились вліятельные вожаки нашей quasi-консервативной партіи утратили вѣру въ себя. Дурныя партіи снова подняли голову, а польская организація въ западномъ краѣ снова чувствуетъ себя силой.

Вчера мы упоминали о случаяхъ обнаруживающихъ что мировой институтъ, коимъ держится русское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, теряетъ кредитъ въ глазахъ населеній. Вотъ два письма которыя мы получили одно за другимъ изъ Вильны и которыя ярко характеризуютъ теперешнее положеніе дѣлъ съ другой стороны. Мы помѣщаемъ эти письма вслѣдъ за сими строками. Польская партія снова начинаетъ дѣйствовать терроризаціей. Прелата Жилинскаго, за его русскій образъ мыслей, подстерегаютъ убійцы. Подчиненный ему ксендзъ проклинаетъ его съ церковной каѳедры, и предъ народомъ сжигаетъ церковную книгу, правильно изданную съ одобренія церковныхъ властей, потому только что въ ней нѣкоторыя мѣста изложены не по-польски, а по-русски. Возможно ли было что-либо подобное за три, за четыре года предъ симъ? Нашъ корреспондентъ справедливо сѣтуетъ что этотъ ксендзъ, фанатикъ польскаго дѣла, которое замѣняетъ ему религію, подвергся административной расправѣ, а не былъ преданъ суду за свой буйный поступокъ. Эти административныя расправы только дискредитируютъ правительство, и только даютъ враждебнымъ партіямъ поводъ къ клеветамъ и возмутительнымъ выдумкамъ.

I.

25 марта 1870.

„Двухлѣтнее умиротвореніе края посредствомъ пригнетенія Русскихъ начинаетъ

наконецъ приносить должные результаты въ великомъ изобиліи.

„Казалось бы, чего бы еще желать даже самымъ ярымъ Полякамъ? Православное духовенство, мировыя учрежденія и раскольники достаточно поплатились за свои варварско-патріотическія увлеченія; врядъ ли кто изъ служащихъ заболѣетъ теперь русскимъ патріотизмомъ. Но Высочайшее разрѣшеніе о введеніи русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе и милостивое вниманіе которымъ осчастливленъ былъ отъ Государя Императора прелатъ Жилинскій, сочувствующій введенію русскаго языка, до того не понравились польскимъ патріотамъ, что они въ настоящее время не убоялись стать въ явную борьбу съ правительствомъ. Прелатъ Жилинскій подвергся такимъ преслѣдованіямъ что многіе въ Вильнѣ (да кажется и онъ самъ) не считаютъ жизнь его безопасною. Ходитъ даже слухъ въ городѣ что кто-то и покушался уже на жизнь Жилинскаго.

„Изъ Диснинскаго уѣзда крестьяне подали просьбу что безъ разрѣшенія папы никто не можетъ вводить въ католическое богослуженіе русскаго языка!! На дняхъ прелатъ Желейко высланъ въ Минскую губернію въ сопровожденіи чиновника. Деканъ города Вильны, ксендзъ Петровичъ, тоже назначенъ къ высылкѣ, но, „чтобы не возбуждать фанатизма,“ ему было позволено отслужить прощальную обѣдню: 25-го сего марта, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, деканъ Петровичъ служилъ въ костелѣ Св. Рафаила; на мшѣ присутствовало болѣе 3.000 человѣкъ; послѣ обѣдни ксендзъ Петровичъ взшелъ на каѳедру, показалъ народу переведенный на русскій языкъ требникъ, и возгласилъ: „Вотъ это русская схизматическая книга, по которой намъ приказываютъ служить; вводить схизму большой грѣхъ, я уже потерпѣлъ за вѣру, — меня выгоняютъ изъ Вильны, но служить по этой схизматической книгѣ я никогда не буду, а сдѣлаю съ ней то что каждому нужно дѣлать.“ Послѣ этихъ словъ онъ сжегъ книгу всенародно въ костелѣ. Впечатлѣніе было страшное. Сейчасъ послѣ сожженія книги ксендзъ Петровичъ послалъ письмо изъ костела антокольскому частному приставу такого содержанія: „Я исполнилъ свой священный долгъ; приходите и вы исполнить вашу обязанность — арестуйте меня.“ Но его отважились арестовать только по возвращеніи въ квартиру... Обсуждать эти факты нѣтъ никакой надобности, они говорятъ за себя сами. Угнетеніе русской нравственной силы до роли заискивающаго подсудимаго не могло не возбудить обычнаго польскаго задора, и онъ выразился въ польскихъ ксендзахъ.“

II.

28-го марта.

„Три дня тому назадъ я сообщалъ вамъ о чрезвычайномъ подвигѣ виленскаго декана ксендза Петровича въ костелѣ Св. Рафаила. А теперь сообщу вамъ фактъ еще болѣе удивительный: ксендзъ Петровичъ, виновный въ явномъ, какъ бы въ торжественномъ возмущеніи католическаго духовенства и народа противъ правительства, безъ суда, только административнымъ порядкомъ, высланъ на жительство въ одну изъ сѣверныхъ губерній! По закону его слѣдовало предать суду. Въ Вильнѣ уже введенъ гласный военный судъ, судъ скорый и правый. Городъ находится еще на военномъ положеніи. Отъ чего же, спрашиваютъ изумленные русскіе люди, не судили Петровича, и посредствомъ гласнаго суда не выяснили предъ высшимъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ всю гнусность обмана на который рѣшился этотъ ксендзъ? Отъ того, отвѣчаютъ вельможные польскіе паны, что военное положеніе и всѣ ваши карательные законы существуютъ лишь для русскихъ демагоговъ, соціалистовъ, коммунистовъ и пр., а у насъ и духовенство сословіе шляхетное. Я вовсе не желаю кары декану Петровичу, такъ какъ изъ торжественности его преступленія можно извлечь громадную пользу; но секретное обращеніе русской администраціи съ Поляками не только никогда не умиротворяло ихъ, а напротивъ возбуждало, ибо въ этой секретности сосредоточивается вся польская сила. Польскіе ксендзы только играютъ роль религіозныхъ фанатиковъ, а цѣль ихъ возбудить въ массѣ народа недовѣріе къ правительству, въ чемъ они и успѣваютъ чрезвычайно. Въ 1863—65 годахъ крестьяне сами приводили къ правительству ксендзовъ-бунтовщиковъ, а теперь они становятся орудіемъ польской интриги....

„Правый судъ, хотя бы и военный, могъ бы способствовать раскрытію хотя части теперешнихъ польскихъ козней. Теперь же

получится лишь тотъ результатъ что клевреты ксендза Петровича дадутъ ему возможность роскошно жить хотя бы и въ изгнаніи....

№ 73.

Москва, 3-го апрѣля.

Недавно случилось намъ указать на объявленіе виленской конторы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, гдѣ говорилось что контора имѣетъ заявленія русскихъ покупщиковъ о желаніи купить имѣнія въ западномъ краѣ и ищетъ чрезъ газеты не только продавцовъ имѣній, но и кредиторовъ желающихъ продать векселя польскихъ землевладѣльцевъ. Если такое учрежденіе какъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита должно брать роль скупщика векселей, то что же остается дѣлать частнымъ лицамъ желающимъ покупать имѣнія въ западномъ краѣ? Этотъ фактъ показываетъ какъ охотно продаютъ теперь свои „разоренныя" имѣнія „несчастные" польскіе помѣщики...

Теперь и изъ Кіева доходятъ слухи что число продающихся польскихъ имѣній убываетъ быстро, что новыя надежды удерживаютъ ихъ владѣльцевъ отъ продажи, и что полякующая партія придумываетъ средства которыя должны совсѣмъ затормозить ходъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

Намъ сообщаютъ что въ Кіевѣ проектируется устройство такого банка который выдавалъ бы польскимъ владѣльцамъ ссуды на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ тѣ какія даетъ русскимъ помѣщикамъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Кіевскіе паны надѣются что Международный банкъ возьметъ на себя заботы о поддержаніи польскаго землевладѣнія. Не знаемъ на чемъ основаны эти надежды и имѣютъ ли онѣ вообще какое-либо основаніе, но говорятъ что рѣчь идетъ объ открытіи въ Кіевѣ конторы Международнаго банка, которая выдавала бы ссуды подъ поземельную собственность. Объ этомъ говорятъ положительно и этого опасаются, предполагая что ссуды будутъ выдаваться безъ различія національностей. Намъ кажется страннымъ такое опасеніе, ибо по закону 10-го декабря никакія ссуды, ни долгосрочныя, ни кратковременныя, не могутъ быть выдаваемы въ томъ краѣ подъ недвижимую собственность лицамъ польскаго происхожденія. Подобная операція не можетъ быть разрѣшена правительствомъ безъ совершеннаго измѣненія дѣйствующей нынѣ политической системы. Но и ссуды выдаваемыя землевладѣльцамъ не подъ залогъ ихъ собственности могутъ имѣть результаты противные видамъ правительства. Легко могутъ быть придуманы такія условія и комбинаціи, которыя дадутъ возможность разсрочивать краткосрочныя ссуды и обращать ихъ, если не по формѣ, то по сущности, въ поземельный кредитъ. Краткосрочный личный кредитъ у насъ гораздо дешевле чѣмъ поземельный. Нѣтъ сомнѣнія что Международный ли банкъ или какое другое кредитное общество легко найдетъ способы предложить ссуды и дешевле и удобнѣе чѣмъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

Трудно представить себѣ условія обременительнѣе тѣхъ какія даетъ это Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, получившее пять милліоновъ руб. сер. назначенные для содѣйствія усиленію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Ссуды получаемыя русскими заемщиками обходятся имъ въ 10—11% и закабаляютъ владѣльцевъ на 56 лѣтъ. Еслибы кто захотѣлъ вырваться ранѣе этого срока, то надо уплатить ссуду закладными листами, которые теперь стóятъ на 25% выше цѣны по какой учитывалъ ихъ банкъ своимъ заемщикамъ. Размѣръ ссудъ ничтожный: въ Подольской губерніи приходится 12 р. 70 к. съ десятины, въ Волынской 1 р. 60 к.

Понятно что лишь немногіе русскіе владѣльцы рѣшаются прибѣгать къ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. До какой степени ничтожно содѣйствіе оказываемое этимъ Обществомъ водворенію русскаго землевладѣнія, это ясно изъ цифръ опубликованныхъ *Ежегодникомъ Министерства Финансовъ*. Мы находимъ въ этомъ изданіи таблицу показывающую положеніе дѣлъ Общества къ 1-му января 1869 года. Въ теченіи всего 1868 года Общество дѣйствовало въ западномъ краѣ пользуясь пятимилліонною ссудой и имѣло конторы въ Кіевѣ и Вильнѣ. Этотъ послѣдній годъ былъ однимъ изъ самыхъ обильныхъ по продажѣ имѣній въ западномъ и особенно въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ этомъ году производились торги на имѣнія обя-

зательной продажи. Изъ данныхъ *Ежегодника* оказывается что съ открытія Общества, и въ теченіи 1868 года:

Въ сѣверо-западномъ краѣ:

	Заложено имѣній.	Выдано ссудъ.
Въ Виленской губерніи	2	17.600
„ Витебской „	1	8.000
„ Ковенской „	7	170.300
„ Минской „	2	21.200
„ Гродненской „	1	32.000
„ Могилевской „	1	20.100
	14	276.200

Въ юго-западномъ краѣ:

Въ Кіевской губерніи	11	684.100
„ Подольской „	1	17.600
„ Волынской „	1	40.000
	14	741.700

Въ пяти губерніяхъ выдано по одной ссудѣ! Во всемъ сѣверо-западномъ краѣ цифра ссудъ дошла до 276.200, а между тѣмъ на содержаніе одной виленской конторы Общество получаетъ 25.000 р. сер. Во всемъ юго-западномъ краѣ выдано меньше ссудъ чѣмъ сколько херсонскій банкъ выдалъ въ предѣлахъ одной своей губерніи. По даннымъ *Кіевлянина*, оказывается еще что изъ числа ссудъ на юго-западный край полмилліона выдано одному старинному владѣльцу Кіевской губерніи и при самомъ началѣ дѣйствій Общества. Такимъ образомъ ссуды Общества во всемъ западномъ краѣ не достигли даже 525 т. руб. Всѣхъ же имѣній заложено,—смѣшно сказать,—только 27....

Размѣры ссудъ поражаютъ своею ничтожностью. Именно пришлось на десятину:

	Р.	К.
Въ Виленской губерніи	19	—
„ Витебской „	7	35
„ Ковенской „	7	15
„ Минской „	1	—
„ Гродненской „	9	20
„ Могилевской „	2	65
„ Кіевской „	18	5
„ Подольской „	12	70
„ Волынской „	1	60

Итакъ, вопреки громадному пожертвованію правительства, содѣйствія усиленію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ почти вовсе не оказывается. Столь дорого стоившее казнѣ Общество Поземельнаго Кредита законтрактовало себя дому Ротшильда, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходъ его дѣлъ измѣниться не можетъ. Слѣдуетъ ли оставлять однако въ подобномъ положеніи дѣло русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, усиленіе котораго правительство такъ торжественно поставило своею задачей?

Съ другой стороны, помянутые замыслы приписываемые пособникамъ польскаго землевладѣнія вызвали между нѣкоторыми лицами контръ-проектъ. Предполагается учредить для русскаго землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ банкъ дѣйствующій на такихъ же основаніяхъ какъ Херсонскій земскій банкъ. Мы слышали что во главѣ предпріятія станетъ быть-можетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ сосѣднихъ малороссійскихъ губерній, который довершитъ тѣмъ свою обильную благими результатами дѣятельность на пользу юго-западнаго края.

Проектируемый русскій банкъ можетъ оказать пользу не однимъ поземельнымъ кредитомъ. Онъ можетъ послужить центромъ соединенія разбросанныхъ въ краѣ и разрозненныхъ теперь русскихъ землевладѣльцевъ.

Чтобы придать болѣе устойчивости и жизни предполагаемому банку быть-можетъ, дѣйствительно, было бы полезно распространить кругъ его дѣйствій на Черниговскую и Полтавскую губерніи, которыя также нуждаются въ поземельномъ кредитѣ. Херсонскій банкъ, основанный для одной губерніи, постепенно включилъ въ кругъ своихъ дѣйствій весь новороссійскій край.

Проектъ поземельнаго банка задуманный въ Кіевѣ заслуживаетъ, полагаемъ мы, поддержки со стороны правительства, особенно въ томъ случаѣ еслибъ онъ былъ приведенъ въ непосредственную связь съ учрежденіемъ сельскихъ банковъ для крестьянскаго населенія юго-западнаго края, о которыхъ, по свидѣтельству *Кіевлянина*, будто бы теперь тоже идетъ рѣчь въ Кіевѣ.

№ 74.

Москва, 4-го апрѣля.

Публикѣ извѣстно что эстляндское дворянство послѣдовало примѣру лифляндскаго, и также изготовило всеподданнѣйшій адресъ, который и отправило въ Петербургъ съ своимъ предводителемъ. Иностранныя газеты, которыя до сихъ поръ все еще служатъ источникомъ свѣдѣній

обо многомъ что происходитъ въ политической жизни нашего отечества, пока не принесли текста этого документа; но слухи не лишенные достовѣрности сказываютъ что эстляндскій адресъ, по духу и направленію своему, ни въ чемъ не разнится отъ лифляндскаго.

Напрасно генералъ-губернаторъ, пишутъ намъ изъ Риги, старался предупредить новую демонстрацію, и сообщалъ эстляндскимъ рыцарямъ собравшимся на ландтагѣ въ Ревелѣ о судьбѣ постигшей заявленіе лифляндскаго дворянства. На эти предупрежденія они не обратили вниманія. Партія дѣйствующая въ балтійскихъ провинціяхъ знаетъ что дѣлаетъ; у нея есть опредѣленный планъ, и рѣшенія ея твердо приняты. „Надобно сказать," пишутъ намъ еще, „что многіе изъ дворянъ, зная цѣль настоящаго ландтага, не пріѣхали въ Ревель. Изъ бывшихъ на ландтагѣ многія почтенныя лица, честно служившія государю и Россіи, протестовали противъ поданія адреса, столь мало согласнаго съ истинными отношеніями этихъ провинцій къ Россіи и съ долгомъ вѣрноподданства. Но агитаторы одержали верхъ, и масса, всегда слѣпая, послѣдовала за ними. Демонстрація состоялась, и адресъ сходный съ лифляндскимъ былъ принятъ на ландтагѣ."

Однако гдѣ же смыслъ во всемъ этомъ? Чего же домогаются вожаки балтійскаго движенія этими демонстраціями? Не только эстляндскій, но и лифляндскій ландтагъ не могъ разчитывать на благопріятный пріемъ своихъ заявленій, не слыханныхъ по своей притязательности. Агитаторы не могли сомнѣваться въ отказѣ на свои требованія. Въ настоящемъ случаѣ имъ нельзя сослаться на какое-либо недоразумѣніе, ибо только что послѣдовалъ отказъ самый рѣшительный на подобную попытку. Для чего, спрашивается, была эта новая демонстрація?

Нельзя думать чтобы эти люди дѣйствовали безъ всякой мысли. Нѣтъ въ основаніи этой агитаціи, за которою съ изумленіемъ и негодованіемъ слѣдитъ вся мыслящая Россія, не можетъ не быть разчета...

Разчетъ очевиденъ, и нельзя не признать его, какъ онъ ни оскорбителенъ для достоинства Россіи и ея правительства...

Вожаки движенія вовсе не нуждаются въ томъ чтобы правительство согласилось на отмѣну какихъ-либо сдѣланныхъ имъ въ балтійскомъ краѣ распоряженій. Они жалуются тѣмъ шумнѣе и назойливѣе чѣмъ незначительнѣе, въ ихъ собственномъ мнѣніи, предметъ этихъ жалобъ. Вопросъ не въ томъ чтобы правительство отмѣнило какую-либо изъ принятыхъ имъ мѣръ. Доселѣ въ балтійскихъ провинціяхъ не было сдѣлано ничего такого что можетъ быть опасно для видовъ партіи дѣйствующей обманомъ и интригой. Напротивъ дѣлались все больше только уступки ей, и многое устроилось вполнѣ соотвѣтственно ея программѣ. Весь вопросъ только въ дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ. Партія эта знаетъ что, кромѣ ея программы, есть еще другая программа, возвѣщенная Государемъ Россіи, программа истекающая изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей государства. Наступила пора когда должно совершиться для балтійскихъ провинцій безповоротное рѣшеніе судебъ. Реформы становятся неизбѣжностію, вожаки балтійской интриги знаютъ это, и сами торопятъ дѣла чтобы тотчасъ же завладѣть ими и повернуть ихъ въ своемъ смыслѣ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство коронныхъ присутственныхъ мѣстъ такъ всполошило тамошнее дворянство? Въ принципѣ вопросъ этотъ былъ рѣшонъ еще за двадцать лѣтъ предъ симъ, и надобно удивляться только тому какъ узаконенная мѣра оставалась до сихъ поръ безъ исполненія. Отчего же прежде лифляндское рыцарство не протестовало торжественно, цѣлымъ ландтагомъ, противъ этой мѣры? Ссылались только на трудности ея немедленнаго исполненія, просили только объ отсрочкѣ, находили только нужнымъ исподоволь приготовиться къ ней; но не возникало и тѣни вопроса о правѣ принятія этой мѣры. Да и могъ ли возникнуть подобный вопросъ? А что онъ возникъ теперь, то въ этомъ нельзя не видѣть самаго убѣдительнаго доказательства что дѣла Россіи въ ея балтійской окраинѣ много подвинулись въ смыслѣ ей противномъ именно теперь когда она яснѣе чѣмъ когда-либо поняла и заявила свои государственныя задачи. Мѣра эта, конечно, не могла быть пріятна для балтійскихъ патріотовъ; но она раздражаетъ ихъ болѣе какъ идея нежели какъ дѣйствительность. Никакихъ серіозныхъ послѣдствій она имѣть не можетъ, а тѣ огра-

ниченія съ которыми она приводится въ исполненіе превращають ее въ полумѣру, которая можетъ только способствовать планамъ агитаціи. Обязанность коронныхъ присутственныхъ мѣстъ прибѣгать къ нѣмецкому языку въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстными учрежденіями края есть не только признаніе его нѣмецкимъ, но и подчиненіе русскаго государственнаго начала господству чуждой національности въ предѣлахъ самой Россіи.

Какъ бы то ни было, всѣ эти комедіи нарушеннаго права и оскорбленной святыни явно разчитаны на то чтобъ отпугнуть русскую національную програму отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ, который долженъ рѣшить судьбу этого края. Устроители демонстрацій просто на просто разчитываютъ обмануть Россію, убѣдить ее что она зашла слишкомъ далеко, смутить ее мыслію о чрезмѣрности ею сдѣланнаго въ своемъ интересѣ, и заставить ее отдать все прочее и самое главное въ руки противной партіи. Устроители демонстрацій увѣрены что въ Россіи ни правительство, ни общественное мнѣніе не разберутъ въ чемъ дѣло.

Кстати, вотъ образчикъ тѣхъ маневровъ къ какимъ прибѣгаютъ и внутри и заграницей относительно Россіи. На лифляндскій адресъ не могли не отозваться прусскія газеты; не могла не отозваться и газета служащая органомъ сѣверо-германскому канцлеру. Адресъ былъ отвергнутъ, и политика требовала осудить его, но осудить такъ чтобы сущность его оставить неприкосновенною и даже подтвердить ее. Задача трудная, но она рѣшена. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, подъ видомъ корреспонденціи изъ Петербурга, дѣйствительно осуждаетъ притязательность лифляндскаго дворянства. Она называетъ лифляндскій адресъ неблаговременною демонстраціей и видитъ въ немъ крайность провинціальнаго партикуляризма. „Заявленіе „это," говоритъ она, „лишено государственнаго чувства и слишкомъ мало беретъ въ „разчетъ общіе интересы великой Имперіи. Если оно въ настоящее время хочетъ признавать непреложнымъ правомъ „то что содержалось въ обѣщаніяхъ данныхъ за 160 лѣтъ предъ симъ, то едвали „въ цѣлой Европѣ найдется другой примѣръ такой узкой политики неподвижно„сти...." Чего же лучше? Вотъ отзывъ который повидимому столько же справедливъ, сколько и согласенъ съ государственными требованіями Россіи. Осуждается партикуляризмъ, осуждается отчужденіе отъ общихъ интересовъ великой исторіи, осуждается также мысль будто все право балтійскихъ провинцій заключается только въ капитуляціяхъ Петра Великаго, и къ сему поученію присовокупляется указаніе на другія страны гдѣ „мирный или насильственный „ходъ вещей совершилъ преобразованія со„всѣмъ другаго свойства чѣмъ тѣ порядки „которые господствуютъ въ балтійскихъ „провинціяхъ."

Но всѣ эти подобранныя слова болѣе скрываютъ нежели высказываютъ мысль. Въ лифляндскомъ адресѣ рѣчь идетъ вовсе не о томъ чтобы признать закономъ для балтійскихъ провинцій исключительно только то что содержится въ капитуляціяхъ Петра Великаго. Документы эти относились лишь къ нѣкоторымъ сословіямъ, между тѣмъ какъ теперь рѣчь идетъ о томъ чтобъ установить національное обособленіе этихъ провинцій, и поставить ихъ къ Россіи въ федеративныя отношенія. Беззаконность лифляндскаго заявленія заключается не въ томъ что оно проситъ сохраненія какихъ-либо привилегій, а въ томъ что оно хочетъ придать своимъ привилегіямъ совершенно несвойственное имъ значеніе. Оно требуетъ чтобы Россія относилась къ своимъ балтійскимъ провинціямъ какъ къ особому государству на основаніи якобы существующаго между ними договорнаго права. Ни Петръ Великій, ни кто-либо изъ его преемниковъ никогда не отрекались ни за себя, ни за свое государство отъ верховныхъ правъ своихъ на эти провинціи; привилегіи которыми дворянскія общества и города до сихъ поръ тамъ пользуются дарованы безъ ущерба и предосужденія этихъ верховныхъ правъ. Было бы несправедливостію и насиліемъ нарушать ихъ пока онѣ остаются въ законной силѣ; но въ законной силѣ онѣ остаются лишь дотолѣ пока ихъ не отмѣнила законодательная власть. Крѣпостное право было привилегіей русскаго дворянства, и пока оно дѣйствовало, оно было охраняемо и уважаемо, но оно не было и не могло быть застраховано отъ движенія законодательства.

Дальнѣйшія слова берлинской газеты даютъ просвѣтъ въ ея заднюю мысль. Сказавъ то что приведено выше, она продолжаетъ: „этимъ отнюдь не хотимъ мы ска-

„зать что эти провинціи должны безмолв-„но переносить явныя оскорбленія своихъ „правъ." Что же это какъ не признаніе за этими провинціями права протеста, именно того самаго права которое и составляетъ сущность лифляндскаго заявленія? Дальнѣйшія строки поясняютъ это еще болѣе: „Требуется лишь съ толкомъ подать руку „на соглашеніе, причемъ, конечно, инте-„ресы цѣлой Имперіи должны быть поста-„влены впереди." Что сказано этими словами? Не то ли что балтійскія провинціи могутъ договариваться съ Россіей на основаніи своего независимаго отъ ней государственнаго права? Ограждая интересы Россіи, которой все-таки принадлежитъ первое мѣсто, органъ графа Бисмарка находитъ что со стороны лифляндскаго дворянства было бы крайнею притязательностію требовать чтобы центральныя правительственныя учрежденія Россіи сносились съ мѣстными учрежденіями балтійскихъ провинцій на нѣмецкомъ языкѣ, и совѣтуетъ уступить въ этомъ пунктѣ. Газета графа Бисмарка весьма убѣдительно доказываетъ нелѣпость того о чемъ и рѣчи не было, потому что не только коронныя, но и сословныя мѣста балтійскихъ губерній всегда сносились съ центральными правительственными мѣстами Имперіи по-русски. Предоставьте, говоритъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, русскому правительству право говорить по-русски, и согласившись на эту уступку интересамъ Имперіи, тѣмъ крѣпче держитесь во всемъ остальномъ.

№ 75.

Москва, 6-го апрѣля.

Всѣмъ памятны пререканія ревельскаго магистрата съ правительствующимъ сенатомъ, не такъ давно опубликованныя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Какъ скандалъ этотъ ни поразителенъ, но онъ блѣднѣетъ предъ двумя новыми фактами, еще ярче характеризующими положеніе дѣлъ въ балтійскихъ губерніяхъ, фактами о которыхъ мы только что узнали и которые какъ нельзя болѣе подъ стать извѣстному адресу лифляндскаго рыцарства и сопровождающему оный таковому же адресу эстляндскихъ бароновъ, имѣющему двойную цѣну для Германіи въ виду уже послѣдовавшей Высочайшей резолюціи относительно перваго адреса.

Въ прошломъ году вышелъ указъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Извѣстно что эта правительственная мѣра, какъ и всѣ принимаемыя тамъ, была новою уступкой государственнаго интереса въ пользу нѣмецко-феодальныхъ притязаній которыя оспариваютъ власть Россіи надъ этимъ краемъ. Государственныхъ крестьянъ разрѣшено подчинять вотчинной полиціи не только сосѣднихъ помѣщиковъ, но и арендаторовъ. Первоначальное предположеніе объ утвержденіи за государственными крестьянами въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ права собственности на земли чрезъ выдачу владѣнныхъ записей было оставлено, на томъ основаніи что такой способъ перехода земель къ крестьянамъ былъ бы не согласенъ съ дѣйствующимъ въ балтійскомъ краѣ „частнымъ правомъ," требующимъ чтобы крестьяне, какъ помѣщичьи, такъ и государственные, были содержимы въ черномъ тѣлѣ. Дѣло ограничилось простымъ регулированіемъ повинностей, причемъ за крестьянами сохранено лишь данное имъ еще въ 1860 году право выкупать свои участки, но на условіяхъ крайне для нихъ обременительныхъ и равняющихся отмѣнѣ выкупа. Теперь оказывается что въ указѣ о государственныхъ крестьянахъ, по мнѣнію мѣстныхъ учрежденій, Верховная Власть Имперіи все-таки превысила свои права, и что установленный выкупъ не можетъ подлежать исполненію. Мѣстныя учрежденія не дозволяютъ приводить его въ дѣйствіе. Мало того, самое регулированіе повинностей въ прибалтійскихъ казенныхъ имѣніяхъ, по мнѣнію мѣстныхъ учрежденій, есть со стороны русскаго правительства превышеніе власти...

Извѣстно что почти во всѣхъ имѣніяхъ балтійскаго края существуетъ такъ-называемое право участія въ чужомъ поземельномъ владѣніи, то есть различнаго рода сервитуты; въ каждомъ имѣніи есть своего рода активъ и пассивъ на эти сервитуты. Извѣстно также что они приводятся въ извѣстность съ цѣлію по возможности освобождать отъ нихъ имѣнія, и что обо всѣхъ подобныхъ частныхъ правахъ, чтобъ они не потеряли силу, было предписано заявить къ извѣстному сроку, именно въ іюлѣ 1868 года. Въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ сервитутныя дѣла также приводятся въ извѣстность, это дѣлается при самомъ регулированіи повинностей, по мѣрѣ его

производства. Правительствующій сенатъ, имѣя это въ виду, указомъ 7-го января 1869 года опредѣлилъ и предписалъ кому слѣдуетъ для исполненія что означенный выше срокъ не обязателенъ для казенныхъ имѣній и на основаніи устава объ управленіи ими не могъ и не можетъ къ нимъ относиться. Затѣмъ 10-го марта 1869 г. Высочайше утвержденными правилами объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ балтійскихъ губерніяхъ постановлено что регулированіе въ тамошнихъ казенныхъ имѣніяхъ должно быть кончено въ теченіе шести лѣтъ со дня подписанія указа. Таковъ узаконенный порядокъ, послужившій поводомъ къ характерному казусу, который мы намѣрены изложить для общаго свѣдѣнія и назиданія. Въ прошломъ году при производствѣ регулированія въ казенномъ имѣніи Брамерсгофъ потребовалось разрѣшить сервитутное дѣло между этимъ имѣніемъ и городскимъ имѣніемъ Кирхсгольмъ, для чего Рижскій магистратъ долженъ былъ назначить посредника. Отъ исполненія этой обязанности Рижскій магистратъ отказался, и вотъ весьма любопытныя основанія, изложенныя въ объясненіи, представленномъ имъ генералъ-губернатору 5-го января 1870 года, за № 39. Указъ сената отъ 7-го января 1869 года, по мнѣнію почтеннаго ареопага, заключаетъ не истолкованіе, но измѣненіе статьи 1.262 лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго гражданскаго права (въ статьѣ этой очевидно идетъ рѣчь объ означенномъ выше срокѣ для заявленій о сервитутахъ); сила этой статьи, продолжаетъ магистратъ, положительно касается всѣхъ сервитутовъ, причемъ не постановлено никакихъ исключеній въ пользу казенныхъ имѣній. Казенныя имѣнія подлежатъ-де, насколько они находятся въ балтійскихъ губерніяхъ, дѣйствію означеннаго мѣстнаго гражданскаго права, а общій уставъ объ управленіи казенными имѣніями для остзейскаго края никакого значенія не имѣетъ. Измѣненіе провинціальнаго права можетъ-де состояться только вслѣдствіе закона вошедшаго въ силу съ Высочайшаго утвержденія въ установленномъ порядкѣ обнародованія. А потому, имѣя въ виду что рѣшеніе сената противорѣчитъ мѣстному гражданскому праву, магистратъ долженъ-де былъ придти къ убѣжденію что означенное рѣшеніе сената не можетъ быть согласовано съ закономъ (говоря по просту *беззаконно*). Эти разсужденія свои магистратъ сопровождаетъ слѣдующимъ многознаменательнымъ заключеніемъ, не лишеннымъ паѳоса: „Магистратъ считаетъ себя обязаннымъ въ „дѣлѣ, не имѣющемъ можетъ-быть боль„шой важности, но касающемся юридиче„скаго принципа большой важности (sic), „высказать свое мнѣніе съ искренностью „и не назначать посредника въ означенномъ „сервитутномъ спорѣ о выгонѣ.“

Такимъ образомъ рижскій магистратъ призналъ незаконнымъ и собственною властью отмѣнилъ рѣшеніе правительствующаго сената; мало того, онъ считаетъ важнымъ не столько самое дѣло, въ которомъ поступилъ такъ рыцарски, сколько поддержаніе принципа о необязательности указовъ сената, коль скоро указы эти не нравятся мѣстнымъ учрежденіямъ. Установленіе и сохраненіе подобнаго принципа дѣйствительно важно для нѣмецкихъ цѣлей. Если удастся утвердить этотъ принципъ, то можно будетъ каждое рѣшеніе сената, по мѣрѣ надобности, признавать въ мѣстныхъ низшихъ инстанціяхъ противорѣчащимъ провинціальному праву и затѣмъ отказывать высшему суду Имперіи въ должномъ повиновеніи. Въ данномъ случаѣ магистрату угодно находить неправильнымъ истолкованіе закона сенатомъ, хотя по основнымъ законамъ правительствующій сенатъ и есть именно то мѣсто которому преимущественно присвоена власть истолкователя законовъ. Магистратъ города Риги предпочитаетъ сохранить эту роль за собою, признавая толкованіе сената измѣненіемъ закона и поучая сенатъ что измѣненіе закона зависитъ единственно отъ Высочайшей власти.

Но повелѣнія прямо исходящія отъ Высочайшей власти точно также считаются не обязательными для балтійскихъ нѣмецкихъ учрежденій. Въ этомъ убѣждаетъ второй изъ тѣхъ двухъ фактовъ о коихъ мы имѣемъ говорить сегодня—фактъ еще болѣе возмутительный. Недавно пришлось совершать купчую крѣпость на земли въ казенномъ имѣніи Коррисгофѣ, пріобрѣтенныя крестьянами, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го іюня 1860 года. Перновскій уѣздный судъ, въ которомъ долженъ былъ совершиться этотъ крѣпостной актъ на отчужденіе крестьянамъ казною принадлежащихъ государству земель, отказался выдать купчую крѣпость

на томъ основаніи что никакая продажа земель въ балтійскихъ губерніяхъ не можетъ быть производима безъ разрѣшенія ландтага мѣстнаго дворянства. Такимъ образомъ правительство Россійской Имперіи признано не имѣющимъ права продавать принадлежащія государству земли безъ дозволенія нѣмецкаго дворянскаго собранія, даже въ тѣхъ случаяхъ когда эта продажа основывается на законѣ вошедшемъ въ силу съ Высочайшаго утвержденія. Практическое примѣненіе подобныхъ принциповъ не новость въ балтійскихъ губерніяхъ, но что оно до сихъ поръ держится и что это сходитъ съ рукъ, тому нельзя не подивиться. Повѣрятъ ли читатели что, независимо отъ Высочайшаго повелѣнія 8-го іюня 1860 года, именно вслѣдствіе одинаковыхъ съ перновскимъ судомъ толкованій, 29-го января 1865 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о томъ что правительство имѣетъ право и въ балтійскихъ губерніяхъ отчуждать казенныя земли тѣмъ порядкомъ какой признается лучшимъ, и что это рѣшеніе комитета министровъ велѣно было принять въ руководство на будущее время по всѣмъ однороднымъ вопросамъ?

Итакъ рижскій магистратъ не повинуется сенату, подъ тѣмъ предлогомъ что сенатъ превысилъ свою власть и самъ постановилъ рѣшеніе по вопросу который подлежалъ рѣшенію Высочайшей власти, а перновскій уѣздный судъ, имѣя предъ собой уже не указъ правительствующаго сената, а Высочайшее повелѣніе, но находя что оно не согласно съ мѣстными притязаніями господствующаго меньшинства, признаетъ и Высочайшее повелѣніе, Высочайшею же властью разъясненное, исполненію не подлежащимъ

Припомнимъ теперь кстати что усиленіе тягостей выкупа для балтійскихъ крестьянъ мотивировалось въ прошломъ году между прочимъ тѣмъ что будто бы дешевыя цѣны не принесли пользы казеннымъ крестьянамъ, и что лишь незначительное число ихъ выкупило участки по правиламъ 1860 года, а потому-де слѣдуетъ испытать не будутъ ли полезнѣе дорогія цѣны. Дѣйствительно, оказалось что въ Курляндской губерніи изъ 7.300 участковъ было выкуплено только 80. Не найдется ли объясненіе этому ничтожному числу не въ одномъ лишь требованіи 15% наличными, какъ это было установлено правилами 1860 года, но и въ мѣстныхъ отношеніяхъ къ закону, которыя вышли теперь наружу въ перновскомъ судѣ?

Оба описанные случая, то-есть неисполненіе рижскимъ магистратомъ указа правительствующаго сената, а перновскимъ уѣзднымъ судомъ Высочайшаго повелѣнія, находятся теперь, какъ слышно, на разрѣшеніи въ Петербургѣ, куда русскія власти въ балтійскихъ губерніяхъ обратились за необходимымъ содѣйствіемъ для побужденія провинціальныхъ нѣмецкихъ учрежденій къ исполненію законныхъ требованій. Эти дѣла подоспѣли кстати чтобы возможно было сопоставить ихъ съ извѣстными адресами нѣмецкаго дворянства.

№ 76.

Москва, 7-го апрѣля.

Холмское земство было однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ лжеконсерватизма. Въ одной офиціальнаго свойства консервативной запискѣ, игравшей въ свое время не малую роль, его сѣтованія обобщались на всю Россію. Въ составъ Холмскаго земскаго собранія былъ избранъ почтенный редакторъ-издатель *Вѣсти*, и онъ не разъ давалъ понять что Холмское земство было вполнѣ проникнуто духомъ и воззрѣніями высшаго петербургскаго консервативнаго круга. Настроеніе овладѣвшее Холмскимъ земствомъ было тѣмъ замѣчательнѣе что выражалось не только въ землевладѣльцахъ и купцахъ, но даже крестьяне тамошніе были притянуты къ заявленіямъ чуть не о возстановленіи крѣпостнаго права. Дѣйствительно, въ благопотребныя минуты каждый разъ появлялось постановленіе Холмскаго земскаго собранія, гдѣ говорилось о разореніи крестьянъ *вслѣдствіе* освобожденія ихъ и призывались правительственныя мѣры, которыя могли быть въ программѣ и польскаго пана, и остзейскаго барона. Такъ одно изъ постановленій Холмскаго земскаго собранія было пущено въ ходъ при появленіи виленскаго крестьянскаго проекта въ высшихъ инстанціяхъ, и въ самый разгаръ интригъ направленныхъ противъ системы управленія юго-западнымъ краемъ установившейся при покойномъ Безакѣ. Холмское земство подтвердило тогда всѣ тѣ обвиненія крестьянъ

на которыхъ опирались разныя сбывшіяся и не сбывшіяся предположенія по дѣламъ западнаго края. Теперь польское землевладѣніе уже спасено, что было русскаго въ западныхъ губерніяхъ унижено или изгнано; что можно было сдѣлать тамъ, то сдѣлано, консервативная игра кончена, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробилъ часъ разчета и для Холмскаго земства.

Холмской земской управѣ приходится теперь имѣть дѣло не съ однимъ судомъ, которому она предана псковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Теперь она кромѣ того должна защищаться отъ совокупныхъ нападеній *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, газеты, состоящей теперь на послугахъ, и *Архива Судебной Медицины*, издаваемаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Упомянутая газета съ особою силою указываетъ на совпаденіе ея замѣчаній со статьями появившимися въ офиціальномъ журналѣ министерства. Журналъ министерства, съ своей стороны, перепечатываетъ изъ этой газеты нѣкоторыя извѣстія о холмскихъ *консервативныхъ* дѣятеляхъ.

Что же дѣлаетъ *Вѣсть* въ этомъ столь близкомъ для нея казусѣ съ Холмскою управою? *Вѣсть* должна была бы стать горой за этихъ лучшихъ *консерваторовъ* Русской земли, столько разъ поучавшихъ ея публику изъ Холма. *Вѣсть* не молвила ни слова по холмскому дѣлу, и едва дала мѣсто объясненіямъ холмскихъ дѣятелей. Эти объясненія появились въ ней не въ видѣ передовой статьи, какъ бывало прежде, а гдѣ-то среди корреспонденцій объ общественныхъ увеселеніяхъ и мелкихъ провинціальныхъ новостяхъ. Куда дѣвался поучающій и гнѣвный тонъ этихъ холмскихъ *консерваторовъ!* Съ каждымъ отвѣтомъ своимъ они становятся все тише и покорнѣе...

Мы прочли теперь отвѣтъ холмскаго предводителя дворянства на обвинительный актъ по дѣламъ Холмской управы, появившійся въ докладѣ Псковской губернской управы земскому собранію. Имѣя показанія обѣихъ сторонъ, обвиняющей и обвиняемой, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное представленіе о дѣлѣ.

Общій результатъ получается весьма прискорбный. Изъ всѣхъ данныхъ оказывается несомнѣннымъ что крестьянское населеніе Холмскаго уѣзда находится въ крайне разоренномъ положеніи. Но если спросить о причинахъ, то виною тому надобно будетъ признать отнюдь не Положеніе 19-го февраля, а цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, *консерватизмъ* нѣкоторыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и выходящія изъ ряду вонъ дѣйствія земскаго собранія и земской управы.

Правда, крестьяне Холмскаго уѣзда получили не совсѣмъ достаточный надѣлъ за повинность сравнительно значительную. Первоначально редакціонныя коммиссіи полагали назначить холмскимъ крестьянамъ 8 дес. на душу, но потомъ былъ принятъ шестидесятинный надѣлъ, что вело къ отрѣзкѣ земли въ цѣлой половинѣ имѣній уѣзда, а между тѣмъ повинности первоначально назначенныя редакціонными коммиссіями оставлены государственнымъ совѣтомъ безъ измѣненія. Но тѣ же самые надѣлы и повинности, столь же несогласныя съ первоначальными назначеніями редакціонныхъ коммиссій, мы видимъ во многихъ другихъ уѣздахъ весьма близко подходящихъ къ Холмскому, и однако въ этихъ мѣстностяхъ крестьяне, хотя кое-гдѣ и стѣсненные, не разорились въ конецъ.

Изъ данныхъ опубликованныхъ *Архивомъ Судебной Медицины* и собранныхъ на мѣстѣ врачемъ командированнымъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, оказывается что у крестьянъ во многихъ имѣніяхъ были отрѣзаны выгоны и пастьбища, чѣмъ конечно объясняется въ значительной степени уменьшеніе числа скота у крестьянъ, на которое такъ жаловалось Холмское земство. Нѣкоторые холмскіе землевладѣльцы сильно злоупотребляли тѣмъ стѣсненіемъ крестьянъ которое произошло вслѣдствіе отрѣзокъ земли. Вотъ что читаемъ мы въ помянутомъ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ:

„Крестьянинъ надѣленный небольшимъ количествомъ земли къ тому же имѣлъ мало заработковъ, потому что *работалъ большею частію обязательно* за право пользованія выгономъ, дровами, у сосѣдей, *крупныхъ землевладѣльцевъ*; онъ разорялся и послѣднее его имущество продавалось на пополненіе недоимокъ. Подняться ему не было возможности, потому что при постоянной дороговизнѣ на хлѣбъ заработныя цѣны понизились, *крупные землевладѣльцы воспользовались его бѣдностью* и давая заимообразно хлѣбъ получали дешевыхъ работниковъ.“

Въ другой статьѣ того же *Архива Судебной Медицины* командированный въ Холмскій уѣздъ докторъ пишетъ:

„Большая часть изъ нихъ (крестьянъ), не имѣя сѣмянъ для засѣва яровыхъ полей, принуждена была брать ихъ въ долгъ у помѣщиковъ или купцовъ, причемъ одни обязывались отдавать $^1/_2$ сбора, другіе — $^2/_3$, хотя вся обработка полей падала на счетъ крестьянина... Въ деревнѣ (такой-то) крестьяне не только засѣяли поля чужими сѣменами съ $^1/_2$ и съ $^1/_3$ части, но уже съѣли впередъ все то что имъ могло достаться отъ будущей жатвы."

Взысканіе недоимокъ производилось съ особою жестокостью. Псковская губернская управа свидѣтельствуетъ что продавались самые нужные предметы для крестьянскаго хозяйства, но своевременныхъ заявленій о необходимости разсрочки платежей не дѣлалось. Въ виду постоянныхъ неурожаевъ, начиная съ самаго 1863 года, въ разсрочкѣ казенныхъ и выкупныхъ платежей, конечно, не было бы отказано.

Вмѣсто ходатайствъ за крестьянъ холмскіе *консерваторы* поддерживали слѣдующіе порядки:

„Они (крестьяне), спасаясь отъ голода, занимали на большіе проценты хлѣбъ на работу и заняли слишкомъ много, болѣе чѣмъ могутъ отработать...

„Я вовсе не преувеличу, говоритъ одинъ изъ командированныхъ докторовъ, если скажу что $^2/_3$ обывателей той мѣстности Холмскаго уѣзда, которую я объѣхалъ, живутъ въ долгъ. Ссужаютъ крестьянъ помѣщики, купцы и только весьма рѣдко крестьяне хлѣбомъ за огромные проценты, такъ напримѣръ, за каждую четверть взятой ржи крестьянинъ обязанъ возвратить осенью по крайней мѣрѣ двѣ четверти, но случается что и больше. Иногда же крестьяне берутъ ссуду и деньгами и возвращаютъ ее рожью по заранѣе условленной, весьма низкой цѣнѣ."

Такъ вотъ въ чемъ заключается „истинный консерватизмъ," который намъ проповѣдывали! Впрочемъ Холмская управа нашла что всего разказаннаго недостаточно для „истинныхъ патріотовъ и консерваторовъ."

Въ 1867 году между холмскими крестьянами открылась сильная эпидемія и въ 1868 году разразилась съ новою силой послѣ неурожая, вызвавшаго учрежденіе коммиссіи для сбора приношеній, дѣйствовавшей подъ руководствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Тутъ среди голода и эпидемій (сыпнаго тифа и возвратной горячки), Холмская управа проявила во всемъ блескѣ свое *консервативное* направленіе.

Получивъ уже деньги на продовольствіе, Холмская управа, плакавшаяся вмѣстѣ съ своимъ собраніемъ на лѣность и тунеядство крестьянъ, весьма долго не приступала къ предписанной ей Псковскою губернскою управою закупкѣ хлѣба. На напоминанія послѣдней холмскіе господа отвѣчали что они предпочли вступить въ сдѣлку съ торговцами, которые обязались бы продавать хлѣбъ по опредѣленнымъ цѣнамъ. Оказалось однако что цѣны постоянно возвышаются. Имѣя отъ губернской управы подробныя наставленія для дѣйствій, Холмская управа задержала дѣло и обратилась къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи открыть уѣздное земское собраніе, которое дало бы ей наставленіе, хотя наставленіе уже имѣлось. Такая же безплодная переписка затѣяна была съ волостями о количествѣ нужнаго имъ хлѣба. при чемъ волости были еще затруднены неясными запросами. Вмѣсто пониженія цѣнъ на хлѣбъ управа продавала крестьянамъ овесъ по цѣнѣ выше рыночной.

Затѣмъ, когда закупка хлѣба была сдѣлана, оказалось что купленная мука была до того гнила и негодна что врачи не дозволяли употреблять ее въ пищу, и часть закупки уничтожена чрезъ мѣстнаго исправника. Эту гнилую муку управа отпускала даже больнымъ и притомъ чрезъ случившагося на мѣстѣ члена губернской управы. А въ то же время въ особой кладовой хранился хорошій хлѣбъ. Наконецъ управа продавала хлѣбъ не по заготовительнымъ цѣнамъ, а съ надбавкою. Какъ тутъ было не увеличиться смертности!

Но и страшныя эпидеміи, истребившія почти $^1/_{10}$ холмскаго крестьянскаго населенія, причемъ мѣстами переболѣла половина всѣхъ крестьянъ, не смягчили сердца холмскихъ консервативныхъ господъ. Они оказались еще упорнѣе.

Мѣстная полиція и врачебное управленіе много разъ представляли Холмской управѣ объ опустошеніяхъ производимыхъ эпидеміей; врачи командированные въ уѣздъ молили управу о помощи; много разъ псковскій комитетъ народнаго здравія обсуждалъ опасность которою эпидемія грозила сосѣднимъ уѣздамъ; губернаторъ дѣлалъ представленія губернской управѣ, по-

слѣдняя командировала своихъ членовъ, дѣлала предписанія, но несмотря ни на что Холмская управа не принимала мѣръ противъ бѣдствія. Она пыталась чуть ли не отрицать существованіе эпидеміи. Въ самый разгаръ ея Холмская управа доносила что въ уѣздѣ никакой новой болѣзни не появлялось, а прежняя эпидемія ослабѣла. На обезпеченіе народнаго здравія холмскіе консервативы долго не хотѣли пожертвовать что-либо изъ земскихъ суммъ. Такъ они отвѣчали отказомъ на предложеніе псковской управы дать средства изъ суммъ опредѣленныхъ на непредвидѣнные расходы. Ссылаясь на то что безъ разрѣшенія земскаго собранія нельзя измѣнять назначеніе суммъ, Холмская управа въ то же время раздавала земскія деньги частнымъ лицамъ за проценты.

Вопреки прямому требованію закона и губернской управы земское собраніе ничего не занесло въ свои смѣты на обезпеченіе народнаго здравія. *) Оно ограничилось назначеніемъ на этотъ предметъ части продовольственнаго капитала оставшагося отъ суммъ присланныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ эту разоренную шестилѣтними неурожаями мѣстность.

Мѣры противъ эпидеміи были приняты командированными на мѣсто членами губернской управы и на средства данныя этою послѣднею.

Холмская управа возбудила такое раздраженіе въ уѣздѣ что лица бравшіяся безмездно ходить за больными отказывались отъ того, когда имъ предлагали обращаться за лѣкарствами въ управу.

Къ такимъ фактамъ прибавлять нечего: Они сами говорятъ за себя. Такъ вотъ оно то *консервативное* направленіе которое ставилось въ образецъ для всей Россіи и послужило орудіемъ чтобы подорвать русское направленіе администраціи въ западномъ краѣ и спасти польскій вопросъ!

Положеніе Холмскаго уѣзда рисуется въ *Архивѣ Судебной Медицины* и докладѣ Псковской управы слѣдующими чертами: Въ иныхъ приходахъ вымерла цѣлая треть населенія; часть домовъ заколочена за смертію хозяевъ; сироты розданы на стороны. Цѣлая треть крестьянъ не имѣетъ скота; во многихъ деревняхъ почти не видно даже домашней птицы. Крестьяне находятся въ неоплатныхъ долгахъ и „бредутъ уже врознь." Холмская тюрьма переполнена обвиняемыми въ преступленіи противъ собственности.

Правительство сочло, какъ извѣстно, необходимымъ, по ходатайству Псковской губернской управы, разсрочить холмскимъ крестьянамъ выкупные платежи, но врядъ ли одного этого будетъ достаточно при ихъ крайнемъ положеніи.

Нельзя не предвидѣть что потребуются мѣры болѣе серіозныя. Въ такихъ уѣздахъ какъ Холмскій было бы въ особенности справедливо облегчить тяжесть натуральныхъ повинностей падающихъ теперь исключительно на крестьянъ. Столь же справедливо было бы пересмотрѣть оцѣнку земель по платежамъ земскихъ налоговъ, ибо теперь, какъ увѣряютъ газеты, пашни и сѣнокосы составляющіе почти весь надѣлъ этихъ несчастныхъ крестьянъ, обложены сборомъ въ 14 разъ большимъ чѣмъ остальныя земли. Но и эти мѣры, требуемыя справедливостью, не могутъ быть достаточны. Нѣтъ сомнѣнія что дѣло не обойдется безъ особой помощи правительства. Еще въ то время когда приготовлялась крестьянская реформа, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 года неоднократно высказывалось что трудно обойтись безъ помощи государственной казны или всенародной въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пришлось слишкомъ высоко оцѣнить крестьянскія земли чтобы дать достаточное вознагражденіе помѣщикамъ. Изо всѣхъ мѣстностей Холмскій уѣздъ или, лучше, крестьянство этого уѣзда имѣетъ теперь наибольшее право на такую всенародную помощь, чѣмъ бы ни выразилась она—уменьшеніемъ ли выкупныхъ платежей, или помощью при переселеніи. Впрочемъ средства для пособія найдутся, и внѣ общаго государственнаго бюджета, въ остаткахъ отъ оборотовъ выкупной операціи, въ томъ лишнемъ ½%, который платятъ выкупающіе свой надѣлъ крестьяне какъ круговую другъ за друга страховую премію и который даетъ огромныя суммы, уже возросшія до нѣсколькихъ милліоновъ.

---

*) Предводитель холмскаго дворянства ссылается на то что крестьяне вотировали противу найма врачей. Но чего не вотировали холмскіе гласные изъ крестьянъ?

№ 77.

Москва, 8-го апрѣля.

Въ сегодняшнемъ листкѣ нашей газеты, въ извѣстіяхъ изъ вечерняго изданія, читатели найдутъ опубликованное *Правительственнымъ Вѣстникомъ* сообщеніе „о Высочайше утвержденныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ." Въ этомъ постановленіи перечисляются линіи признанныя наиболѣе необходимыми для государства, и отчасти излагаются основанія которымъ намѣревается слѣдовать правительство при разрѣшеніи постройки дорогъ занесенныхъ въ новую сѣть.

До сихъ поръ развитіе нашего желѣзнодорожнаго дѣла страдало отъ недостатка въ точно опредѣленномъ планѣ дѣйствій. Не разъ уже составлялись (въ 1863, 1866, 1868 годахъ) сѣти наиболѣе нужныхъ дорогъ, но на практикѣ эти предположенія не исполнялись; случалось даже что линіи занесенныя въ установленныя сѣти вовсе исключались изъ числа стоящихъ на очереди. Въ то же время экспромптомъ разрѣшались къ постройкѣ дороги не значившіяся въ сѣти, и давалось разрѣшеніе на вѣтви въ родѣ Риго-Митавской или Иваново-Кинешемской.

Чѣмъ болѣе распространялась сѣть, тѣмъ ощутительнѣе становилась потребность въ обдуманномъ и твердо установленномъ планѣ дѣйствій. Когда страна была вовсе лишена рельсовыхъ путей, тогда еще можно было давать правительственную помощь безъ опредѣленнаго плана почти всякой компаніи бравшейся за постройку какой бы то ни было желѣзной дороги. Но теперь многія главныя линіи построены; благодаря ихъ успѣху, правительство завалено просьбами о разрѣшеніи желѣзныхъ дорогъ; не только губернскіе города, но множество уѣздныхъ хлопочутъ имѣть рельсовый путь для своей мѣстности. Въ 1868 и 1869 годахъ было выдано 171 разрѣшеніе на производство изысканій. Понятно что при такой фазѣ желѣзно-дорожнаго дѣла неотлагательно требуется выбрать изъ массы просимыхъ дорогъ болѣе полезныя, а также опредѣлить тѣ принципы на которыхъ должны основываться дальнѣйшія дѣйствія правительства по этой части: полагаетъ ли оно сосредоточить свою помощь на главныхъ линіяхъ, какъ это въ той или другой степени вездѣ дѣлалось? въ какой мѣрѣ допуститъ оно параллельное сооруженіе, вмѣстѣ съ главными, второстепенныхъ линій и вѣтвей и на какихъ основаніяхъ? Во всѣхъ странахъ которымъ приходилось догонять своихъ сосѣдей въ дѣлѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, во Франціи, въ Австріи, Италіи, частью въ Германіи, мы видимъ рядъ органическихъ законовъ которые опредѣляли правительственную програму дѣйствій.

Принадлежитъ ли распубликованное *Правительственнымъ Вѣстникомъ* постановленіе къ числу законовъ опредѣляющихъ програму дѣйствій по желѣзнодорожной сѣти? Можно отвѣчать не колеблясь: нѣтъ. Въ новую сѣть занесены безразлично главныя линіи, второстепенныя дороги и даже мелкія боковыя вѣтви и ничтожныя вѣточки.

Совершенно одинаковое мѣсто предоставлено въ этой сѣти какъ линіямъ несомнѣнно главнымъ, имѣющимъ важное значеніе для всего государства, каковы Кавказская, Севастопольская, большая Либавская, такъ и очевидно второстепеннымъ дорогамъ, напримѣръ Елецко-Тульской, Маріупольской и пр. Даже простыя вѣтви, въ родѣ Ливенской, Модлинской, Ивангородской, поставлены наравнѣ съ главными линіями. Дороги осуществленіе которыхъ признано полезнымъ лишь подъ условіемъ удешевленія ихъ постройки чрезъ измѣненіе техническихъ пріемовъ, также стоятъ на ряду со всѣми другими. Даже мелкія питательныя вѣтви, о разрѣшеніи которыхъ министерства путей сообщенія и финансовъ могутъ впредь дѣлать представленія, уравнены съ остальными дорогами сѣти, и одна изъ такихъ вѣтвей, какъ бы въ предзнаменованіе, уже успѣла осуществиться прежде всего другаго изъ новоутвержденной сѣти: это дорога отъ Новгорода до станціи Чудовской на Николаевской желѣзной дорогѣ; она будетъ строиться узкоколейною.

Никакой очереди, никакого порядка въ разрѣшеніи къ постройкѣ „утвержденныхъ" дорогъ не установлено ниже въ формѣ общихъ указаній. Сказано что всѣ занесенныя въ сѣть линіи признаются „полезными," и что онѣ должны быть сооружаемы въ послѣдовательности которая „*будетъ признана наилучшею* по соображе-„нію съ выгодами русскаго желѣзнодорож-„наго дѣла и съ финансовыми средствами."

Во всемъ постановленіи мы не находимъ намека на то каковы могутъ быть эти соображенія. О нихъ нѣтъ также рѣчи и въ предшедшихъ постановленіяхъ по желѣзнодорожному дѣлу; было установлено только чтобъ ежегодно не строить болѣе 500 верстъ собственно стратегическихъ линій (противъ кого потребовалось это опредѣленіе?).

Теперь все зависитъ отъ тѣхъ соображеній по которымъ будетъ дѣлаться выборъ изъ числа линій занесенныхъ въ сѣть. Можетъ случиться что главныя усилія будутъ сосредоточены на постройкѣ важныхъ линій, но можетъ быть и такъ что сооруженіе ихъ задержится разрѣшеніемъ второстепенныхъ линій, которыя отвлекутъ капиталы, такъ что главныя линіи вовсе не будутъ построены прежде нежели наступитъ какой-нибудь важный въ этомъ дѣлѣ кризисъ.

Общее протяженіе дорогъ занесенныхъ въ сѣть имѣетъ около 8,000 верстъ: новоутвержденная сѣть даже превосходитъ теперешнюю сѣть желѣзныхъ дорогъ открытыхъ для движенія. Сооруженіе утвержденныхъ линій займетъ нѣсколько лѣтъ, и это обстоятельство дѣлаетъ нашу новую сѣть сходною съ французскими. Во Франціи также включали въ сѣть множество дорогъ, которыя могли быть построены лишь въ долгій періодъ времени. Разница та что во Франціи дороги раздѣлялись на старую и новую сѣть, сдаваемыя на разныхъ условіяхъ, и что линіи предоставлялись шести большимъ компаніямъ, а онѣ уже сами опредѣляли очередь постройки разрѣшенныхъ имъ линій одной и той же сѣти, смотря по степени ожидаемой выгодности дорогъ.

Въ опубликованномъ постановленіи мы нашли только одно крупное указаніе относительно порядковъ которыхъ полагаютъ держаться у насъ. Сѣверныя линіи (Вятско-Двинская, Вологодско-Ярославская) и дороги спеціальнаго движенія (отъ Волги къ солянымъ озерамъ) полагается строить съ узкою колеей. Но подтвердится ли достоинство локомотива Ферлея, нынѣ опровергаемое многими англійскими газетами наперекоръ отзывамъ *Times*.

Нельзя не пожалѣть что не получаютъ гласности всѣ тѣ соображенія которыми руководятся при выборѣ линій министерство путей сообщенія и главный желѣзнодорожный комитетъ. При теперешнемъ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла, при ожидаемомъ участіи въ немъ земства, воззрѣнія высшихъ учрежденій представляютъ предметъ не только интереснаго, но и необходимаго для публики знакомства. Земство, которому предполагается разрѣшить стройку вѣтвей, будетъ избавлено отъ многихъ ошибокъ если виды правительства сдѣлаются вполнѣ извѣстны ему прежде нежели оно будетъ браться за тотъ или другой проектъ.

Теперь же весьма трудно догадаться какое именно значеніе придается нѣкоторымъ утвержденнымъ линіямъ. Почему напримѣръ занесена въ сѣть дорога отъ Самары до Оренбурга? Дается ли ей значеніе линіи проходящей по плодородной, хотя и слабо населенной мѣстности, или же въ ней видятъ начало улучшеннаго пути въ Среднюю Азію? Послѣднее едва ли вѣроятное, ибо затрудненія средне-азіатскаго пути встрѣчаются не въ Европейской Россіи, а въ Азіи. Много ли поможетъ желѣзная дорога до Оренбурга если судоходство на Сыръ-Дарьѣ встрѣчаетъ препятствія?

Какъ бы то ни было, изъ числа восточныхъ линій занесены въ сѣть Кавказская, дѣйствительно имѣющая значеніе главной, Моршанско-Оренбургская и Закамская часть Сибирской дороги. Оренбургская линія, по ея значенію, не можетъ и сравниваться съ дорогою на Уралъ и въ Сибирь; Оренбургская дорога включена въ сѣть цѣликомъ, а утвержденной, не слишкомъ большой между тѣмъ части Сибирской линіи, придается значеніе чуть не горнозаводской дороги. „Направленіе этой (Закамской) линіи," сказано въ правительственномъ сообщеніи, „поставлено въ зависимость отъ необходимости удовлетворить „нуждамъ горнозаводской промышленности „въ связи съ возможнымъ обезпеченіемъ „заводовъ хорошимъ и дешевымъ каменнымъ углемъ и соотвѣтствовать по возможности потребностямъ сибирскаго транзита." Эти выраженія не совсѣмъ ясны, но во всякомъ случаѣ замѣтно что сношеніямъ внутренней Россіи съ Ураломъ и Сибирью, то-есть тому элементу дѣла, который даетъ Сибирской линіи значеніе главной, какъ будто отводится послѣднее мѣсто. Значеніе Сибирской дороги было разъяснено земствами, представителями торговли и печатью съ такою полнотой какъ весьма рѣдко случалось при прове-

денія нашихъ линій. Между тѣмъ бо́льшая часть протяженія Сибирской линіи вовсе не вошла въ сѣть, составленную, однако, на многіе годы; даже общее направленіе дороги не рѣшено. Остается думать что такъ случилось отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, и что вскорѣ важное значеніе Сибирской дороги будетъ признано, а также будетъ признана и возможность совмѣстить горнозаводскія потребности съ торговымъ значеніемъ пути соединяющаго Сибирь съ европейскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Наименьшее количество желѣзныхъ дорогъ послѣ востока Россіи имѣлось у насъ въ западномъ краѣ. Новая сѣть съ избыткомъ восполнила этотъ недостатокъ. Западный край получитъ нѣсколько новыхъ рельсовыхъ связей какъ съ сосѣдними государствами, такъ и съ внутреннею Россіей. О Лыкской дорогѣ мы не говоримъ; Радзивиловская вѣтвь Бресто-Бердичевской линіи откроетъ второй рельсовый путь въ Австрію; Кишинево-Ясская поведетъ чрезъ Молдавію туда же, а Бресто-Бердичевская дорога открываетъ для Кенигсберга непрерывный, хотя нѣсколько изломанный рельсовый путь до Одессы (прямое направленіе лежало бы на станцію Жмеринку).

Посчастливилось въ теперешней сѣти и Либавѣ. Она получаетъ заразъ двѣ важныя дороги: отъ Шавель до Динабурга и отъ Ландварова чрезъ Минскъ, Бобруйскъ, Конотопъ, Роменъ, до одного изъ пунктовъ Харьково-Кременчугской дороги. Шавельско-Динабургская дорога свяжетъ не замерзающую Либаву со всѣми мѣстностями, которыя въ лѣтніе мѣсяцы торгуютъ чрезъ Ригу и Петербургъ; эти мѣстности получатъ теперь возможность вести круглый годъ внѣшнюю торговлю. Съ постройкой Шавельско-Динабургской линіи осуществится съ небольшимъ измѣненіемъ Либавско-Курская дорога, когда-то сданная Главному Обществу. Ландварово-Роменская дорога (съ ея продолженіемъ осуществляющимъ почти всю Либаво-Севастопольскую линію) будетъ третьею главною линіей къ балтійскимъ портамъ. Линіи Петербургъ-Москва, Рига-Орелъ и Либава-Ромны проведены почти параллельно одна другой. Впрочемъ, въ этой параллельности не предстояло особой надобности, и для Либавы было бы выгоднѣе склонить свою главную линію къ западу чтобы легче забирать днѣпровскіе грузы. Теперь, при отклоненіи большой Либавской дороги на Конотопъ, а большой Кенигсбергской дороги на Бердичевъ, Кіевъ будетъ гораздо ближе къ Кенигсбергу чѣмъ къ Либавѣ. Нельзя не замѣтить что проведеніе дороги отъ Кенигсберга на Бердичевъ, а не на Жмеринку, врядъ ли требовалось интересами экономическими или стратегическими. Прямая дорога отъ Кенигсберга въ Одессу проходила бы въ достаточномъ разстояніи отъ границы. Соперничество близко идущей Волочиской вѣтви не могло быть опасно: эти двѣ линіи ведутъ въ совершенно различныя мѣстности; что назначается въ Волочискъ, то никогда не пойдетъ на Брестъ. Гораздо бо́льшую конкурренцію сдѣлаетъ для Волочиской дороги вѣтвь на Броды.

Новая сѣть заключаетъ въ себѣ также дороги ко всѣмъ нуждающимся въ рельсовыхъ путяхъ портамъ Чернаго моря, кромѣ Ѳеодосіи. Николаеву дана дорога отъ Кіева, Севастополю отъ станціи Лозовой, Маріуполю отъ завода Юза или отъ Бахмута. Къ Ѳеодосіи же не предположено никакой дороги. Врядъ ли такое рѣшеніе относительно прекраснаго не замерзающаго Ѳеодосійскаго порта можно считать справедливымъ, имѣя въ виду что въ сѣть введены многія мелкія вѣтви. Ѳеодосійская вѣтвь Севастопольской дороги (при направленіи послѣдней на Чонгары) сокращаетъ путь почти на 40 верстъ. Впрочемъ еще важнѣе кажется намъ то положеніе которое Ѳеодосія имѣетъ въ отношеніи къ азовскимъ портамъ. Небольшой перешеекъ отдѣляетъ Ѳеодосію отъ Азовскаго моря, и даетъ возможность сдѣлать въ ней складочное мѣсто для замерзающихъ азовскихъ портовъ, которые могли бы, при помощи Ѳеодосіи, продолжать торговлю круглый годъ. При чрезвычайныхъ трудностяхъ плаванія чрезъ Керченскій заливъ, требующій паузки и недогрузки, каботажнымъ судамъ удобнѣе подвозить товары къ пристани близь Арабата, откуда по 80-тиверстной желѣзной дорогѣ они могутъ быть доставляемы въ Ѳеодосію. Земляное полотно отъ Ѳеодосіи къ Арабату почти готово; оно осталось отъ Главнаго Общества. Намъ кажется что желѣзныя дороги къ Ѳеодосіи во всякомъ случаѣ имѣютъ не меньшее значеніе чѣмъ нѣкоторыя внутреннія линіи, цѣль которыхъ такъ мало ясна что при занесеніи ихъ въ сѣть не

опредѣлено ни одного ихъ пункта, а просто сказано: отъ такой-то большой рельсовой линіи до такой-то. Нѣкоторыя изъ внутреннихъ второстепенныхъ дорогъ проектированы въ мѣстностяхъ вовсе не обойденныхъ желѣзнодорожною сѣтью, какъ была, напримѣръ, обойдена Калужская губернія получающая теперь линію отъ Вязьмы до Тулы.

№ 78.

Москва, 9-го апрѣля.

Намъ доставлено для напечатанія опредѣленіе московской судебной палаты по дѣлу мироваго судьи Каринскаго. Пользуемся этимъ случаемъ чтобъ еще разъ обратить вниманіе читателей на это дѣло, общественное значеніе котораго очевидно.

Прежде всего намъ пріятно указать на вѣрность съ которою въ опредѣленіи палаты отражаются всѣ главныя черты дѣла подлежавшаго ея сужденію. Палата находитъ что мировой судья не имѣлъ надобности выражать, въ публичномъ засѣданіи, свое мнѣніе о поступившемъ къ нему отзывѣ частнаго пристава. Принимая во вниманіе содержаніе этого мнѣнія, палата находитъ что мировой судья поступилъ неосторожно, но признаетъ что неосторожность эта извиняется самыми условіями словеснаго производства и „свойствомъ“ бумаги частнаго пристава. Сверхъ того палата ставитъ на видъ что признаваемая ею неосторожность мироваго судьи не имѣла никакихъ послѣдствій. Все это буквально сказано въ опредѣленіи судебной палаты, и придаетъ ему достоинство совершенной правдивости. Но мы крайне были бы рады, еслибы наши юристы вразумили насъ и на счетъ той части опредѣленія палаты, въ которой излагается ея резолюція назначающая мировому судьѣ взысканіе. Какъ мы ни старались истолковать себѣ эту часть опредѣленія, намъ не удалось понять ея основаній, и мы поневолѣ остаемся при мнѣніи что не было никакого основанія дѣлать предостереженіе мировому судьѣ Каринскому.

Вотъ наши доводы.

Вопервыхъ, предостереженіе есть взысканіе. Правда, оно есть вообще самое слабое изъ дисциплинарныхъ взысканій; но мировые судьи (хорошо это, или нѣтъ) освобождены по закону отъ болѣе тяжкихъ дисциплинарныхъ взысканій, каковы замѣчанія, выговоры и т. д. Слѣдовательно, для мироваго судьи предостереженіе есть самое тяжкое дисциплинарное взысканіе какому онъ только можетъ подлежать. Палата, разсматривая въ порядкѣ дисциплинарнаго производства дѣло о г. Каринскомъ, не могла постановить приговоръ болѣе чувствительный для него. Это необходимо имѣть въ виду чтобы правильно судить о дѣлѣ. Предостереженіе мировому судьѣ есть такая мѣра, выше которой, въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, власть судебной палаты не простирается. Итакъ этой мѣрѣ невозможно не придавать значенія и весьма, разумѣется, желательно чтобы мировые судьи не смотрѣли слегка на предостереженія судебной палаты.

Законъ коимъ судебныя палаты имѣютъ руководствоваться при назначеніи этого взысканія совершенно ясенъ. Оно не можетъ быть назначаемо по усмотрѣнію, даже вполнѣ основательному и благожелательному. Оно должно быть основано либо на Уложеніи о наказаніяхъ гдѣ исчисляются упущенія по службѣ подлежащія взысканію, либо на судебныхъ уставахъ указывающихъ случаи въ коихъ лица судебнаго вѣдомства подлежатъ дисциплинарной отвѣтственности. Такъ прямо и явственно сказано въ 263 статьѣ Учрежденія Судебныхъ Установленій. Предостереженіе можетъ быть назначено не за всякое упущеніе по службѣ, а лишь за такое которое указано либо въ Уложеніи о наказаніяхъ, либо въ судебныхъ уставахъ. Изъ этого слѣдуетъ что при назначеніи предостереженія судебная палата обязана сослаться на какую-либо статью этихъ двухъ законодательныхъ актовъ, опредѣляющую составъ того упущенія по службѣ которымъ вызывается дѣлаемое предостереженіе. Но въ резолюціи Московской судебной палаты мы подобной ссылки не находимъ, да и въ помянутыхъ законодательныхъ актахъ не могли отыскать статью подъ которую можно было бы безъ натяжки подвести случай послужившій поводомъ къ предостереженію.

Палата указываетъ на статью 110 Уложенія о наказаніяхъ, но мы не можемъ понять какъ это могло случиться. Статья 110 помѣщена въ томъ отдѣленіи Уложе-

нія, гдѣ говорится вовсе не о преступленіяхъ и проступкахъ, а объ измѣненіи наказанія по мѣрѣ большей или меньшей умышленности преступленія. Понятно что эта статья не можетъ быть основною статьей никакого судебнаго опредѣленія.

Неосторожность не есть похвальное качество; это правда; но уголовный законъ, сколько извѣстно, отнюдь не причисляетъ ея проявленій къ дѣяніямъ наказуемымъ. Наше уголовное законодательство разсматриваетъ неосторожность какъ обстоятельство уменьшающее строгость наказанія. По нашему Уложенію, это одинъ изъ видовъ ненамѣренности, и статья 110 Уложенія, на которую ссылается палата, состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится „о томъ случаѣ когда строгость „опредѣленнаго въ законѣ наказанія за „преступленіе, учиненное безъ намѣренія, „увеличивается.“ Вторая и третья части говорятъ объ уменьшающихъ строгость наказанія случаяхъ.“ *Сія* *) строгость „уменьшается когда дѣяніе подсудимаго „по существу своему было непротивозаконное, а вредныя онаго послѣдствія не могли быть имъ легко предвидѣны.“ Еще болѣе уменьшается наказаніе, когда „неосторожность дѣянія ставшаго причиною „зла, оправдывается обстоятельствами, по „коимъ никакъ нельзя было ожидать и „предполагать вредныхъ онаго послѣдствій.“ — Очевидно, что всѣ три части 110 статьи говорятъ объ одномъ и томъ же субъективномъ отношеніи подсудимаго, объ одномъ и томъ же состояніи его воли, объ отсутствіи намѣренія сдѣлать зло; точно также всѣ онѣ необходимо предполагаютъ одинъ и тотъ же результатъ дѣянія — зло, и сообразно тому обязанъ ли былъ человѣкъ предвидѣть вредныя послѣдствія своихъ поступковъ, трудно ли, или невозможно ему было предвидѣть ихъ, — сообразно этому и постигаетъ его кара закона.

Вотъ почему мы сказали, говоря объ этомъ дѣлѣ въ № 67 *Московскихъ Вѣдомостей*: „Законъ дѣйствительно говоритъ „о смягченіи наказанія за неосторожность; „но указываетъ на два необходимыя для „того условія: вопервыхъ, нужно чтобы „дѣяніе было не противозаконное, вовторыхъ, чтобъ это дѣяніе имѣло вредныя „послѣдствія.“ Если дѣяніе г. Каринскаго было противозаконное, то надобно указать статью закона, имъ нарушенную, и тогда г. Каринскій подлежалъ бы наказанію по этой статьѣ, а не по статьѣ 110. Если же его дѣяніе не противозаконное, а только неосторожное, то дабы оно было наказуемо, надобно указать на вредныя послѣдствія къ какимъ оно повело. Имѣя въ виду свойство дѣла, мы писали въ № 67: „Эти вредныя послѣдствія не указаны, *да и трудно ихъ указать*.“ Мы тогда не знали что сама палата занесла то же самое въ свое опредѣленіе. Итакъ, или мы ничего не понимаемъ, или вся ссылка на статью 110-ю рушится.

Повторимъ выводъ къ которому мы приходимъ. Статья 263 Учр. Суд. Уст. требуетъ чтобы при назначеніи предостереженія было указано на статью закона въ силу коей оно дѣлается. Въ опредѣленіи палаты не указано такой статьи, подъ которую подходилъ бы составъ проступка заслуживавшаго предостереженіе. Но можетъ-быть палата, не имѣя въ виду прямой статьи закона, подвела дѣло о г. Каринскомъ подъ дѣйствіе статей относящихся къ случаямъ родственнымъ, что закономъ допускается. Въ данномъ случаѣ не оказывается и этого. Ближайше подходящія статьи должно было бы привесть, а этого не сдѣлано. Или можетъ-быть самый составъ проступка подвергшагося предостереженію изложенъ въ опредѣленіи, такъ что его наказуемость стала очевидна, хотя бы и безъ указанія на законъ? Это противорѣчило бы статьѣ 263 Улож. Суд. Уст.; это было бы натяжкой, но этимъ оправдывалось бы предостереженіе. Посмотримъ же на составъ проступка какъ онъ выясняется изъ опредѣленія палаты.

Мировой судья, говоритъ она, „*не имѣлъ никакой надобности* въ произнесеніи мнѣнія своего“ объ отзывѣ г. Врубеля. Но изъ того что г. Каринскій сдѣлалъ это безъ всякой надобности, не слѣдуетъ еще чтобъ его можно было обвинить въ чемънибудь. Вотъ еслибъ была надобность сдѣлать что-либо или не сдѣлать, тогда другое дѣло. Чего законъ не запрещаетъ, того онъ и не караетъ, хотя бы то было сдѣлано и безъ надобности.

Палата находитъ далѣе что хотя по 119 ст. Уст. Угол. Судопр. судья обязанъ оцѣнить всѣ доказательства, но эта оцѣнка представленныхъ документовъ „не долж-

*) Выраженіе „сія строгость“ значитъ: строгость наказанія *опредѣленнаго въ законѣ за преступленіе*, совершенное безъ намѣренія.

на быть публичною, тѣмъ какъ она должна служить только матеріаломъ для составленія убѣжденія. Изъ закона этого не видно. Въ законѣ не указано какія дѣйствія мироваго судьи на разбирательствѣ должны быть публичными, а какія тайными. Законъ прямо говоритъ что разбирательство должно быть изустное и публичное; случаи чтенія какихъ-либо документовъ предусмотрѣны; сенатъ неоднократно разъяснялъ что случаи чтенія должны быть по возможности ограничиваемы. Г. Каринскій, вмѣсто короткаго отказа въ прочтеніи отзыва г. Врубеля, вступилъ въ объясненіе съ депутатомъ отъ полиціи и хотѣхъ доказать ему почему не слѣдуетъ настаивать на чтеніи этой бумаги. Тутъ нѣтъ ничего воображаемаго закономъ.

Тѣмъ не менѣе палата говоритъ что г. Каринскій поступилъ неосторожно *дозволивъ себѣ (?) выразить извѣстнаго содержанія мнѣніе* объ отзывѣ г. Врубеля. Палата не высказываетъ сужденія о содержаніи мнѣнія выраженнаго г. Каринскимъ; она не говоритъ, напримѣръ, что это содержаніе было оскорбительно для частнаго пристава; да она и не могла сказать это, потому что разсматривала не искъ въ оскорбленіи, а дисциплинарное производство. Но на почвѣ собственно дисциплинарнаго производства невозможно уличить г. Каринскаго въ чемъ-нибудь противозаконномъ, и вотъ оказывается что предостереженіе сдѣлано ему за неосторожность не нарушившую закона и не имѣвшую никакихъ послѣдствій — проступокъ доселѣ въ нашемъ законодательствѣ невѣдомый.

№ 79.

Москва, 10-го апрѣля.

А.

Политическій обманъ, неизбѣжный элементъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, выбивается изъ силъ чтобы замять національный вопросъ въ балтійской окраинѣ. Мы вернемся вскорѣ съ подробнымъ разсмотрѣніемъ къ новымъ махинаціямъ наполняющимъ теперь нѣмецкіе и русскіе органы, находящіеся въ распоряженіи интриги; а теперь упомянемъ только объ одномъ непріятномъ фокусѣ.

Интрига, стараясь умалить значеніе балтійскихъ адресовъ, пытается представить ихъ дѣломъ тождественнымъ съ ходатайствомъ бессарабскаго дворянства о дополненіи и разъясненіи Положенія о царанахъ.

Итакъ къ исторіи ходатайства бессарабскаго дворянства о дополненіи Положенія 14-го іюля 1868 года прибавился совершенно неожиданный и куріозный эпилогъ. Сіамскіе близнецы петербургской печати, *Вѣстникъ Европы* (въ его безыменной части) и *С.-Петербургскія Вѣдомости* обратили ходатайство бессарабскихъ дворянъ въ доводъ для извиненія лифляндскаго адреса.

Что же общаго между этимъ адресомъ и просьбою объ облегченіи нѣкоторыхъ исключительныхъ тяжестей возлагаемыхъ на бессарабскихъ дворянъ Положеніемъ 14-го іюля? Лифляндскіе рыцари ссылались на договорное право; они обращались къ Верховной Власти какъ равный къ равному; они обращались къ Россіи какъ правительство особаго государства, лишь условно съ ней связаннаго. Лифляндскія заявленія оспаривали у Верховной Власти право быть источникомъ законовъ для всѣхъ частей Русской Имперіи и протестовали противъ мѣръ требуемыхъ ея государственнымъ единствомъ. Рыцари Лифляндіи отвергали правительственное значеніе русскаго языка въ своемъ краѣ, право сената быть истолкователемъ законовъ и признаніе православной церкви быть господствующею. Бессарабскіе же дворяне просили о пересмотрѣ, въ высшемъ учрежденіи Имперіи по крестьянскимъ дѣламъ, нѣсколькихъ пунктовъ Положенія 14-го іюля, на что и послѣдовало еще въ прошломъ году Высочайшее соизволеніе. Ни одинъ пунктъ измѣненій которыя испрашивались изъ Бессарабіи не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ государственному единству и ни съ какой стороны не подвергалъ его вопросу. Стѣснителенъ ли пятилѣтній срокъ на выдачу надѣловъ или нѣтъ; велики ли или недостаточны назначенные надѣлы, раціоналенъ ли порядокъ сдачи участковъ съ торговъ, — всѣ эти вопросы ни мало не касались основныхъ законовъ государства и отношеній къ нему Бессарабіи. Бессарабскіе дворяне держались въ предѣлахъ правъ каждаго дворянскаго собранія Имперіи. Этого мало: бессарабскіе дворяне заявляли о своей готовности принести жертвы для разрѣшенія царанскаго вопроса соотвѣтственно требованіямъ государ-

ства. Нѣкоторое сходство между бессарабскимъ и лифляндскимъ адресомъ оказалось бы тогда еслибы въ послѣднемъ была также изъявлена готовность нарѣзать лифляндскимъ крестьянамъ десятины по четыре на душу съ опредѣленною платой отъ 3 руб. до 1 р. 20 к. ежегодно. Кстати, лифляндскіе крестьяне находятся въ положеніи почти тождественномъ съ тѣмъ въ какомъ еще недавно были царане. Тѣ и другіе жили на помѣщичьихъ земляхъ преимущественно по добровольнымъ соглашеніямъ. Нѣкоторое прикрѣпленіе царанъ произошло лишь въ 1846 г.

Что же общаго между просьбою бессарабскаго дворянства и лифляндскимъ адресомъ?

Повѣрятъ ли читатели что *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ статейкѣ очевидно подосланной и совершенно тождественной по смыслу съ отзывомъ *Вѣстника Европы*, радуются что бессарабская депутація наравнѣ съ лифляндскими рыцарями не подверглась никакому взысканію со стороны центральной или мѣстной администраціи. *Вѣстникъ Европы* объявляетъ что ходатайство бессарабскаго дворянства „стоитъ совершенно внѣ всякаго юридическаго основанія“ и удивляется почему оно принято къ разсмотрѣнію. Этотъ журналъ, въ своемъ безыменномъ отдѣлѣ, до того проникся духомъ лифляндскаго адреса что не признаетъ юридической силы даже за разрѣшеніемъ Верховной Власти, ибо ходатайство бессарабскихъ дворянъ принято къ разсмотрѣнію по Высочайшей резолюціи. Что же все это значитъ? Какимъ образомъ могла бы администрація наказывать людей за ихъ законное ходатайство, предпринятое съ Высочайшаго соизволенія? Ходатайство ихъ могло бы остаться вовсе неудовлетвореннымъ, но оно отъ того не перестало бы быть законнымъ. Развѣ изъ того что то или другое ходатайство дворянства, земства, частныхъ лицъ не можетъ быть уважено, слѣдуетъ что оно незаконно, что оно подлежитъ карѣ? *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *Вѣстникъ Европы*, повидимому, держатся этого мнѣнія и изъ того факта что бессарабское ходатайство удовлетворено лишь отчасти, а не вполнѣ, выводятъ заключеніе что оно ничѣмъ не лучше лифляндскаго адреса.

Стараясь всѣми мѣрами смѣшать карты, помянутые органы вдругъ напустили на себя удивительную ревность о государственномъ единствѣ. Они требуютъ чтобы во всѣхъ областяхъ Имперіи законодательныя мѣры по крестьянскому дѣлу были тождественны до мелочей. *Вѣстникъ Европы* полагаетъ что просьба бессарабскихъ помѣщиковъ есть *бессарабскій сепаратизмъ*, что просьба эта „ведетъ къ разобщенію съ Имперіей.“ *С.-Петербургскія Вѣдомости* пускаются при этомъ въ удивительныя сравненія статей Положенія 14-го іюля со статьями Положенія 19-го февраля. Кого морочатъ эти господа? Имъ слѣдовало бы справиться съ Положеніями 19-го февраля, въ числѣ которыхъ есть „Положеніе о людяхъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабіи.“ Если желать тождества въ крестьянскомъ дѣлѣ между Бессарабіей и другими частями Имперіи, то къ церанамъ слѣдовало бы примѣнить упомянутое Положеніе, по которому крестьянамъ пользующимся усадьбой безъ полевыхъ угодій дается въ надѣлъ одна усадьба, а вовсе не пользующимся землей предоставляется надѣлъ лишь въ томъ случаѣ если они занимались земледѣліемъ до обнародованія Положенія (ст. 8 и 10). Полное примѣненіе этихъ правилъ было бы весьма выгодно для помѣщиковъ, но несправедливо относительно царанъ. Дѣло въ томъ что царане имѣли извѣстныя поземельныя права которыхъ не было у крѣпостныхъ крестьянъ. Государство могло лишь требовать чтобы въ Положеніи о царанахъ были соблюдены общія начала реформы, а о тождествѣ статей не можетъ быть рѣчи, и не въ интересѣ помѣщиковъ, а въ интересѣ царанъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости и *Вѣстникъ Европы* рѣшаются даже на прямые подлоги одного свойства съ тѣми какими отличалась *Вѣсть*. *Вѣстникъ Европы* увѣряетъ что обязательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ на девять лѣтъ во внутреннихъ губерніяхъ существенно совпадаетъ съ правомъ царанъ требовать дополнительные и новые надѣлы въ теченіи пяти лѣтъ. Это невѣроятно, но это напечатано. Если уже пошла рѣчь о тождествѣ, то интересно тождество подлоговъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Вѣстникѣ Европы*. Передавая своимъ читателямъ предложеніе бессарабскихъ помѣщиковъ о предоставленіи царанамъ полунадѣла въ даръ, тотъ и другой органъ одинаково выбрасываютъ изъ этого предло-

женія что депутаты бессарабскаго дворянства предлагали предоставить царанамъ право требовать выкупа ³/₄ надѣла со скидкой 20% съ выкупной ссуды. Депутаты, законно избранные дворянствомъ величаются въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* „именующими себя депутатами отъ бессарабскаго дворянства,“ а *Вѣстникъ Европы* спрашиваетъ о той же депутаціи: „каковы то ея полномочія?“

Смыслъ этой невѣроятной выходки не могъ однако затаить себя. *С.-Петербургскія Вѣдомости* проговорились: онѣ выражаютъ сочувствіе реформамъ въ прибалтійскомъ краѣ лишь бы только онѣ были направлены въ смыслѣ Германіи, и ограничивались тѣмъ чтобы „изъ Нѣмцевъ XV вѣка“ сдѣлать „Нѣмцевъ XIX столѣтія,“ какими конечно желаетъ ихъ видѣть и графъ Бисмаркъ. Но эта газета „съ сожалѣніемъ“ смотритъ на всѣ мѣры которыя клонятся къ тому чтобы направить балтійскія реформы въ русскомъ смыслѣ и особенно на введеніе „русскаго языка въ общественныхъ, правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ.“ Выходитъ что лифляндскій адресъ грѣшитъ лишь тѣмъ что не довольно счастливъ въ подборѣ аргументовъ для поддержанія требованій въ сущности совершенно одобрительныхъ. *Вѣстникъ Европы* находитъ что рыцарямъ слѣдовало бы сослаться на „политическія истины“, и что русское общество должно относиться къ лифляндскимъ требованіямъ съ точки зрѣнія „всемірныхъ убѣжденій“. Какъ будто балтійскій край можетъ быть *всемірнымъ* краемъ? Какъ будто эти господа не знаютъ что онъ можетъ быть либо русскимъ, либо нѣмецкимъ?..

Б.

Недѣли три тому назадъ, въ передовой статьѣ № 62 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о совершающемся нынѣ преобразованіи Лазаревскаго Института, мы высказали сожалѣніе по поводу упраздненія существующихъ при немъ съ 1849 года спеціальныхъ классовъ восточныхъ языковъ. По дошедшимъ до насъ слухамъ, выраженныя нами по этому предмету мнѣнія подверглись произвольному толкованію, котораго мы никакъ не можемъ допустить. Нашей статьѣ придаютъ характеръ какъ бы нѣкотораго протеста противъ преобразованія Лазаревскаго Института. Въ нашемъ замѣчаніи о ненарушимости воли основателей учебныхъ заведеній усматриваютъ какъ бы заявленіе что воля основателей Лазаревскаго Института нарушена его нынѣшнимъ преобразованіемъ.

Ничего подобнаго не было у насъ и въ помышленіи. Напротивъ, мы отъ всей души сочувствуемъ этому преобразованію, и далеки отъ мысли будто устраненіемъ восточныхъ языковъ изъ програмы гимназическаго курса Лазаревскаго Института и подчиненіемъ его министерству народнаго просвѣщенія искажается первоначальная идея этого заведенія. Эта идея, напротивъ, возстановляется нынѣшнимъ преобразованіемъ во всей ея чистотѣ. Стóитъ припомнить какъ настоятельно ходатайствовалъ учредитель и первый попечитель Института Іоакимъ Лазаревичъ Лазаревъ о подчиненіи его именно министерству народнаго просвѣщенія и о присвоеніи ему правъ наравнѣ съ прочими однородными заведеніями Имперіи, а также о наименованіи *гимназіи*. Не его вина что ходатайства эти не были тогда уважены, и что вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ програма Института уклонилась отъ первоначальнаго направленія. Впрочемъ уклоненіе это, соединенное съ порчей общеобразовательной програмы, началось уже много лѣтъ спустя по смерти учредителя Института. Выразилось оно именно въ усиленіи преподаванія восточныхъ языковъ насчетъ общеобразовательныхъ предметовъ, а въ печальную эпоху сороковыхъ годовъ, когда признано было полезнымъ отвращать воспитанниковъ Института отъ поступленія въ университетъ, именно въ 1849 году, — учрежденіемъ спеціальныхъ классовъ восточныхъ языковъ.

Сыну и племяннику учредителей Института, нынѣшнему попечителю его, Христофору Іоакимовичу Лазареву, принадлежитъ честь возвращенія этому заведенію того значенія какое должно было оно имѣть по мысли первоначальнаго учредителя и успѣхъ исходатайствованія ему именно тѣхъ правъ которыхъ тщетно домогался его почтенный родитель. Лишь теперь, благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло какъ нынѣшняго попечителя Института, такъ и тѣхъ лицъ совѣтами коихъ онъ воспользовался, Институту дается устройство вполнѣ соотвѣтствующее какъ потребностямъ воспитанія вообще, такъ и разумно-понятымъ интересамъ тѣхъ лицъ дѣти коихъ

получаютъ въ немъ образованіе. Лишь теперь приводится наконецъ въ должное исполненіе воля основателей заведенія. Оно всегда стремилось быть тѣмъ чѣмъ становится теперь; оно всегда, несмотря на внѣшнія противодѣйствія, несмотря на порчу программы, было и оставалось въ сущности гимназіей. Но оно было плохою, а теперь становится хорошею гимназіей. И такая счастливая перемѣна къ лучшему достигается ни чѣмъ инымъ какъ совершеннымъ устраненіемъ восточныхъ языковъ изъ общеобразовательной программы Института и введеніемъ въ него общаго гимназическаго курса. „Всякое учебное заведеніе," писалъ графъ Уваровъ въ 1847 году, „тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ достигаетъ своей цѣли чѣмъ оно представляетъ менѣе сложности." Наилучшая сторона нынѣшняго преобразованія Института заключается именно въ упрощеніи его организаціи.

Кромѣ этого, въ основаніе нынѣшней реформы легла еще и другая благая мысль. Въ Москвѣ ощущается сильный недостатокъ въ средствахъ къ полученію общаго образованія; существующія въ ней пять гимназій переполнены учениками, и по недостатку помѣщенія въ классахъ уже нѣсколько лѣтъ сряду вынуждены отказывать ежегодно въ пріемѣ отъ 100 до 150 хорошо подготовленнымъ мальчикамъ. Пока Лазаревскій Институтъ былъ плохою гимназіей, онъ не могъ привлекать этихъ мальчиковъ въ свои стѣны, но приливъ ихъ долженъ начаться какъ только Институтъ станетъ хорошею гимназіей. Въ основаніе Лазаревскаго училища не положено никакой исключительности. Съ самаго начала двадцатыхъ годовъ въ него принимались своекоштные пансіонеры и приходящіе воспитанники безъ различія племени и вѣроисповѣданія. Если въ немъ было учреждено тридцать стипендій для мальчиковъ армянскаго происхожденія, то тѣ же стипендіи могли бы быть учреждены при любой гимназіи.

Сказаннаго вполнѣ достаточно чтобъ убѣдиться что предпринятая реформа Института ни въ чемъ не измѣняетъ, а лишь выполняетъ основную идею заведенія. Но еслибы нынѣшній попечитель и призналъ нужнымъ внести существенныя измѣненія въ первоначальныя предположенія, то онъ былъ бы въ полномъ правѣ сдѣлать это. Такое право было бы внѣ спора даже по отношенію къ существеннымъ вопросамъ, и тѣмъ менѣе можетъ быть подвергнуто сомнѣнію по отношенію ко второстепенному вопросу о томъ, не будетъ ли противорѣчить первоначальнымъ намѣреніямъ основателей совершенное прекращеніе преподаванія восточныхъ языковъ,—преподаванія, которое то въ тѣхъ, то въ другихъ размѣрахъ велось въ Институтѣ во все время его существованія. Никто съ большимъ правомъ не можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ какъ нынѣшній представитель фамиліи Лазаревыхъ. Кому какъ не ему быть истолкователемъ воли своего отца, тѣмъ болѣе что онъ былъ сотрудникомъ его въ дѣлѣ первоначальной организаціи Института и самъ принесъ громадныя жертвы для упроченія этого заведенія? Онъ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ и братомъ, подписался и на томъ всеподданнѣйшемъ прошеніи въ которомъ одною изъ цѣлей заведенія поставляется изученіе восточныхъ языковъ какъ *нужное для Россіи*. Ему должно быть предоставлено и рѣшеніе того въ какой мѣрѣ эта потребность въ изученіи восточныхъ языковъ должна быть удовлетворяема Лазаревскимъ Институтомъ въ настоящее время. Такъ какъ эта потребность есть, то было бы желательнѣе и согласно съ намѣреніями учредителя, хотя отнюдь не обязательно для нынѣшняго попечителя Института, чтобы преподаваніе восточныхъ языковъ продолжалось при ономъ въ мѣру дѣйствительной потребности. Если продолженіе такого преподаванія входитъ въ виды нынѣшняго представителя фамиліи Лазаревыхъ, но встрѣчаетъ денежныя препятствія, то на помощь могла бы придти казенная субсидія.

Въ № 62 нашей газеты мы высказали мнѣніе о пользѣ удержать для Москвы такое заведеніе гдѣ всякій желающій могъ бы пріобрѣтать нужное ему для практическихъ цѣлей знакомство съ восточными языками, преимущественно съ татарскимъ, турецкимъ и персидскимъ. Но оно не должно имѣть ничего общаго съ гимназическимъ курсомъ Института, который, какъ и всѣ однородныя заведенія, долженъ находиться въ непосредственной связи лишь съ университетомъ. Спеціальные классы восточныхъ языковъ нужны не для воспитанниковъ Института, а для тѣхъ лицъ которымъ по торговымъ или по другимъ дѣламъ понадобится знаніе наиболѣе употре-

бительныхъ или наиболѣе распространенныхъ восточныхъ языковъ. Извѣстно что и до сихъ поръ изъ числа воспитанниковъ Института не поступало въ специальные классы десятой части, хотя для многихъ поступленіе въ эти классы было доселѣ обязательно. Этой обязательности не должно быть, ибо жаль отвлекать воспитанниковъ Института отъ университета. По всему вѣроятію, нѣкоторые изъ закавказскихъ уроженцевъ окончившихъ курсъ въ Институтѣ, сами пожелаютъ поступать въ тѣ классы о которыхъ мы говоримъ, но искусственно привлекать ихъ туда не слѣдуетъ, и эти классы очень могли бы быть устроены и внѣ Института. Помѣщеніе ихъ въ зданіи Института можетъ быть желательно лишь по тѣмъ соображеніямъ что это облегчило бы для изучающихъ восточные языки пользованіе библіотекой Института да и самое содержаніе классовъ при готовомъ помѣщеніи обошлось бы дешевле. Равнымъ образомъ, вмѣсто того чтобы набирать новый составъ преподавателей восточныхъ языковъ, предпочтительнѣе сохранить уже существующій. Чѣмъ разорять насиженное гнѣздо и вить новое, лучше сохранить старое, приспособивъ его къ новымъ потребностямъ. . . . . . .

Что же касается преобразованія самого Института, то мы позволимъ себѣ высказать лишь одно замѣчаніе. Желательно было бы чтобъ онъ пересталъ быть закрытымъ заведеніемъ. Какъ интернатъ, Институтъ, не удовлетворяетъ многимъ существеннымъ условіямъ воспитанія. Между прочимъ воспитанники разныхъ возрастовъ не отдѣлены въ немъ одни отъ другихъ, что, при недостаточномъ надзорѣ, ведетъ ко вреднымъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіямъ. Этотъ недостатокъ былъ бы устраненъ еслибы Институтъ сталъ заведеніемъ только открытымъ, и еслибы стипендіаты, на счетъ опредѣленныхъ на стипендіи суммъ, были помѣщаемы въ особыхъ при Институтѣ небольшихъ пансіонахъ, удовлетворяющихъ здравымъ педагогическимъ требованіямъ.

№ 80.

Москва, 15-го апрѣля.

Не всѣ могутъ собственнымъ сужденіемъ оцѣнить дѣло въ его основаніяхъ. Обыкновенно судятъ о дѣлѣ по его результатамъ. Лицей Цесаревича Николая начался, можно сказать, со вчерашняго дня и не успѣлъ еще дать результатовъ которые могли бы подлежать общей оцѣнкѣ; плоды его еще впереди. Только родители его воспитанниковъ, зорко и внимательно слѣдя за ихъ развитіемъ, могутъ придти къ какимъ-либо положительнымъ заключеніямъ; масса же публики пока лишена возможности такой повѣрки. Еще не скоро наступитъ то время когда, поколѣніе за поколѣніемъ, будутъ выходить изъ Лицея его воспитанники, которые на дѣлѣ покажутъ свойство и силу пройденной ими школы. Есть однако признакъ который и теперь можетъ отчасти свидѣтельствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ что заведеніе о которомъ идетъ рѣчь не лишено значенія,— признакъ отрицательный, но не лишенный убѣдительности. Бывали у насъ всякаго рода дурныя учебныя заведенія, но не бывало чтобы какое-либо становилось предметомъ столь ожесточенныхъ и систематическихъ порицаній, какимъ сталъ Лицей Цесаревича Николая, не только при первыхъ шагахъ своихъ, но даже прежде чѣмъ открылась его дѣятельность. Если эта чрезмѣрность вражды не можетъ дать посылокъ для прямаго заключенія,— ибо пришлось бы признать что Лицей Цесаревича Николая есть самое зловредное явленіе во всей исторіи нашего народнаго просвѣщенія,— то весьма естественно придти къ косвенному заключенію и принять свидѣтельство вражды въ обратномъ смыслѣ. Косвенное заключеніе становится еще убѣдительнѣе, если обратить вниманіе на смыслъ порицаній, носящихъ на себѣ яркую печать своего нечистаго происхожденія. Это рядъ лжетолкованій и недобросовѣстныхъ выдумокъ. Въ виду столь поразительнаго факта, люди мыслящіе и безпристрастные не могутъ не придти къ заключенію что Лицей Цесаревича Николая есть дѣло не лишенное важности, и что онъ дѣйствительно вноситъ нѣчто новое въ наше народное просвѣщеніе. . . . . .

...У насъ есть не мало учебныхъ заведеній которые доставляютъ своимъ воспитанникамъ доступъ къ извѣстнымъ правамъ по службѣ. Но въ нашемъ обществѣ еще не было заботы объ умственномъ воспитаніи которое дѣлаетъ человѣка способнымъ къ самостоятельному труду въ высшихъ сферахъ жизни и мысли. Дать уму нѣко-

торое наружное образованіе, снарядить его нѣкоторыми готовыми поверхностными свѣдѣніями еще не значитъ воспитать умъ и ввести его въ силу.

Постепенное, чрезъ цѣлый рядъ лѣтъ изо дня въ день идущее упражненіе ума въ самодѣятельности и въ то же время систематическое питаніе его такимъ содержаніемъ которое въ точности соразмѣрено съ его возрастающею силой, —вотъ то что именуется классическою, или университетскою системой и что собственно можно было бы и не отличать никакимъ особымъ эпитетомъ, ибо другой системы умственнаго воспитанія не существуетъ на свѣтѣ. При развитіи цивилизаціи увеличивается число тѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности которыя начинаютъ требовать школьнаго приготовленія. Прежде для пахаря школа была роскошью, но чѣмъ болѣе входятъ въ употребленіе земледѣльческія машины, тѣмъ нужнѣе становятся ему и нѣкоторыя техническія свѣдѣнія и общая выработка сообразительности и вниманія, пріобрѣтаемая въ порядочной начальной школѣ. Такъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Чѣмъ лучше обученъ человѣкъ, тѣмъ производительнѣе трудъ его и тѣмъ вѣрнѣе обезпечено его благосостояніе. Разнообразіе требованій съ коими обращаются къ школѣ разныя отрасли производства ведетъ къ чрезвычайному разнообразію школъ прикладнаго назначенія. Тутъ можетъ быть множество системъ школьнаго устройства. Но когда цѣлію ставится воспитаніе самаго ума, приготовленіе его къ высшимъ сферамъ дѣятельности и мысли, то такъ называемая классическая система есть система единственная, исключительно господствующая во всемъ образованномъ мірѣ. До сихъ поръ неизвѣстно иного способа давать уму здравую крѣпость и самобытность и въ то же время вводить его въ общее наслѣдіе человѣчества, *очеловѣчивать* его и ставить его на высоту современной цивилизаціи. И совершенно ошибочно мнѣніе будто продолжительный умственный трудъ, требуемый этою системой, нарушаетъ естественное равновѣсіе и можетъ неблагопріятно дѣйствовать на физическое развитіе дѣтей. Строгая постепенность перехода отъ легкаго къ трудному и сильное сосредоточеніе занятій сопровождаютъ этотъ трудъ, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, чувствомъ удовлетворенія, а не изнуренія. Спокойное движеніе впередъ по опредѣленному пути, преодолѣніе всякой трудности именно въ ту минуту когда припасены силы чтобы побѣдить ее, даютъ учащемуся бодрость и вѣру въ успѣхъ, и еслибы нужны были доказательства что при такомъ ученьи тѣлесная сила и ловкость дѣтей могутъ развиваться не только удовлетворительно, но и весьма успѣшно то наглядныя доказательства того уже и теперь представляетъ Лицей Цесаревича Николая. Начинять голову разнородными, безплодными, не соотвѣтствующими возрасту, поверхностными и отрывочными свѣдѣніями, не прибавляющими силы для дальнѣйшаго труда, сбивать ученика съ толку скачками, запутывать его ученьемъ не имѣющимъ средоточія, вотъ что утомляетъ дѣтей и можетъ вредить столько же физическому, сколько и умственному ихъ развитію.

Общеевропейская система высшаго умственнаго воспитанія признана нашимъ законодательствомъ въ принципѣ, но для того чтобъ она принялась, изъ среды общества должны идти усилія на встрѣчу законодательству. Способствовать выработкѣ русской школы общечеловѣческаго образованія, вотъ цѣль Лицея Цесаревича Николая. Говоря словами Высочайшаго рескрипта на имя Г. П. Галагану, въ Россіи должно начаться самостоятельное педагогическое дѣло. Безъ личной инициативы, система признанная законодательствомъ, не пуститъ корней и останется дѣломъ поверхностнымъ и наружнымъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, у насъ тоже дѣлались нѣкоторыя попытки ввести европейскую систему приготовленія къ университетскому ученью. Но дунулъ вѣтеръ, и снесъ все безслѣдно. Было ли бы это возможно, еслибы тогдашнее гимназическое устройство не было только дѣломъ внѣшняго подражанія безъ собственной инициативы? Система воспитанія умственныхъ силъ повсюду въ образованномъ мірѣ одна и та же, но ее надобно усвоить самостоятельнымъ опытомъ чтобъ она укоренилась въ нашей народной почвѣ и давала плоды. Эта задача не есть дѣло законодательства, которое можетъ только открывать просторъ къ ея исполненію; это есть дѣло личныхъ усилій, какихъ законъ предписать не въ состояніи. Само собой напримѣръ разумѣется что каждый народъ долженъ имѣть свои учебники, и что въ

странѣ гдѣ употребляются учебники переводные, педагогическое дѣло еще стоить плохо. Но для того чтобъ учебники вырабатывались примѣнительно къ національнымъ потребностямъ, нужна значительная доля свободы въ измѣненіи самаго плана преподаванія и программы опредѣляющей его объемъ, а это въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ неудобоисполнимо. По такого рода весьма многочисленнымъ причинамъ, для водворенія у насъ общеевропейской системы гимназическаго ученья, оказываются необходимыми учебныя заведенія подобныя Лицею Цесаревича Николая, и чѣмъ ихъ будетъ больше тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ ихъ дѣло. Лицей Цесаревича Николая будетъ радоваться ихъ успѣхамъ, коими упрочится въ Россіи та система воспитанія которая вызвала его къ жизни.

№ 81.

Москва, 18-го апрѣля.

Изъ Риги доходятъ до насъ вѣсти поразительныя. Невозможно было бы повѣрить имъ, еслибы мы не получили ихъ одновременно изъ различныхъ источниковъ.

Всѣмъ извѣстна Высочайшая резолюція которая послѣдовала на адресъ лифляндскаго дворянства. Было повелѣно „рѣшительно отказать“ ему въ его домогательствахъ. Извѣстно также что главная сила этихъ домогательствъ заключается не столько въ спеціальныхъ предметахъ къ которымъ они относятся, сколько въ той идеѣ, совершенно недвусмысленно высказанной, что Лифляндія есть отдѣльное владѣніе, находящееся какъ бы въ отношеніяхъ федеративныхъ къ Русскому государству, или въ ленныхъ къ Русскому Государю. Адресъ, согласно ученію балтійскихъ публицистовъ, какъ гг. фонъ-Боккъ и Ширренъ, утверждаетъ что привилегіями которыми, по милости русскихъ монарховъ, пользуются господствующія сословія въ этихъ провинціяхъ, навѣки связаны верховныя права законодательной власти имперіи сосредоточенныя въ ея монархѣ. Нѣтъ нужды что Петръ Великій, даруя означенныя привилегіи, оговорилъ неприкосновенность верховныхъ правъ своихъ и своего государства; нѣтъ нужды что привилегіи эти, въ то время когда онѣ были утверждены за рыцарствомъ, имѣли только сословное значеніе; Лифляндія, въ силу этихъ привилегій, должна быть признана особымъ германскимъ владѣніемъ обезпеченнымъ въ своей самостоятельности святыней трактатовъ. На тѣхъ же самыхъ ландтагахъ гдѣ состоялись адресы, оба дворянства, лифляндское и эстляндское, постановили ходатайствовать о допущеніи въ ландтаги и недворянскаго происхожденія лицъ, депутатовъ отъ городскихъ обществъ и крестьянства. Конечно, сущность и значеніе ландтаговъ отъ этого не можетъ измѣниться, ибо какую силу могутъ имѣть голоса двухъ-трехъ мѣщанъ и стольких же крестьянъ допущенныхъ въ эти августѣйшія собранія гдѣ присутствуютъ сотни рыцарей? Но, въ смыслѣ принципа, этого будетъ достаточно чтобы сословные балтійскіе ландтаги превратились въ національно-политическія собранія, долженствующія сдѣлать явнымъ и для туземцевъ и для всего міра отдѣльное государственное положеніе *германской страны* именуемой Лифляндіей или Эстляндіей.

Итакъ, домогательства лифляндскаго рыцарства были рѣшительно отвергнуты какъ въ основаніяхъ своихъ, такъ и въ подробностяхъ. Высочайшая резолюція была объявлена представителямъ рыцарства. Что же послѣдовало?

Въ Лифляндіи есть учрежденіе именуемое ландратами. Дважды оно было упраздняемо какъ несовмѣстимое съ правильнымъ отношеніемъ провинціи къ государству. Ландраты были упразднены шведскимъ правительствомъ; но въ то время когда Шереметевъ штурмовалъ Ригу, ландраты сами возстановили себя и вошли въ составъ привилегій, якобы дарованныхъ прежними правительствами и подтвержденныхъ въ этомъ качествѣ Петромъ Великимъ. Въ другой разъ ландратская коллегія была отмѣнена императрицею Екатериною II, которая ввела въ балтійскія провинціи общія, созданныя ею, губернскія учрежденія Имперіи, къ радости менѣе привилегированныхъ жителей края и къ очевидной пользѣ государства. Но послѣ кончины мудрой императрицы были возстановлены всѣ прежнія учрежденія лифляндскія, а въ томъ числѣ и ландраты.

Эти „отцы отечества“, какъ ихъ чествуетъ балтійскій патріотизмъ, не сочли удобнымъ безмолвно принять рѣшеніе Верховной Власти имперіи съ которою они, по ихъ

воззрѣнію, находятся лишь въ условныхъ отношеніяхъ договорнаго права. Они положительно считаютъ себя истиннымъ правительствомъ своей лифляндской республики и смотрятъ на генералъ-губернатора, резидирующаго въ Ригѣ, точно также какъ бывало сербское правительство, находясь подъ отдаленнымъ призракомъ верховной власти своего константинопольскаго сюзерена, смотрѣло на пашу сидѣвшаго въ Бѣлградской цитадели, пока его оттуда не вывели. Лифляндское правительство не могло оставить безъ отвѣта присланную ему ноту. Ландраты находились въ сборѣ, и по обсужденіи въ своемъ конвентѣ вопроса, постановили отвѣчать новою депешей. Намъ сообщаютъ что лифляндскіе ландраты, въ самыхъ *лойяльныхъ* выраженіяхъ свидѣтельствуя о своей безграничной преданности, возвращаются къ непринятому адресу и не теряютъ надежды на ограниченіе правъ Россійской Имперіи относительно ихъ *страны*, долженствующей удержать за собою *германскій характеръ*. Они охотно признаютъ самодержавную власть Русскаго Государя, но не въ лифляндскомъ государствѣ, огражденномъ своими неотъемлемыми привилегіями, а лишь въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ Павелъ возстановившій лифляндскія привилегіи не утратилъ же своего самодержавія въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ частяхъ своего обширнаго отечества? Отцы лифляндскаго отечества могли бы пойти еще далѣе, и столь же основательно замѣтить что еслибы лифляндское государство и совсѣмъ отложилось, то Русскому Государю остались бы еще другія владѣнія — пока еще и они не отложились. Такъ совѣщались между собой лифляндскіе ландраты, и въ такомъ смыслѣ постановили изложить свою депешу. Наши источники ничего не говорятъ о послѣдствіяхъ этого рѣшенія. Мы не знаемъ, получено ли въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ это сообщеніе дружественнаго и союзнаго правительства. Вѣрно только то что все это происходило въ конвентѣ, и что объ всемъ этомъ толкуетъ вся Рига.

Но этого мало. Дабы на дѣлѣ доказать свою непоколебимость въ принципахъ заявленныхъ въ адресѣ, ландраты постановили съ заклятіемъ, да никто отъ правительства лифляндскаго и отъ всего рыцарства страны не присутствуетъ во дни государственныхъ торжествъ при православномъ богослуженіи. Рѣшеніе это состоялось за нѣсколько дней до 4-го апрѣля. Ландмаршалъ, или попросту предводитель дворянства, хотя и присутствовалъ въ засѣданіи конвента на которомъ состоялось вышесказанное опредѣленіе, не рѣшился однако не явиться 4-го апрѣля на молебствіе происходившее подъ открытымъ небомъ. Присутствовалъ при богослуженіи генералъ-губернаторъ, присутствовали военные и гражданскіе чины Имперіи, находящіеся въ рижской цитадели, присутствовали толпы народа, который имѣетъ предразсудокъ считать себя все-таки въ непосредственномъ русскомъ подданствѣ, но отъ лифляндскаго правительства присутствовалъ только ландмаршалъ, одинокій и смущенный.

Что же послѣдовало?

Въ тотъ же день вечеромъ собрался снова конвентъ, и превратился въ судилище. Отъ ландмаршала потребовали отчета въ его преступномъ дѣйствіи, и предложили ему немедленно подать въ отставку. Ландмаршалъ будто бы оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, объявивъ что онъ выбранъ ландтагомъ и можетъ быть смѣненъ только имъ же. Тогда, дабы заявленіе имѣло болѣе разительный характеръ, ландраты, пожизненные депозитаріи верховной власти лифляндской ленной республики (въ ихъ числѣ находится и г. фонъ-Эттингенъ, бывшій лифляндскій гражданскій губернаторъ, выбранный немедленно въ „отцы отечества" по увольненіи отъ этой должности), постановили выйти всѣмъ вмѣстѣ въ отставку. Полученныя нами свѣдѣнія дополняютъ этотъ исполненный драматизма эпизодъ слѣдующею сценой: ландмаршалъ не выдержалъ; угрызенія совѣсти не дали ему всю ночь смежить очей, и на другой день, взволнованный и потрясенный, онъ объявилъ что не чувствуетъ себя болѣе достойнымъ оставаться при своей должности....

Что сказать на это? Мы не знаемъ, мы теряемся.... Но фактъ тѣмъ не менѣе вѣренъ.

Пусть судятъ другіе, а намъ и безъ того ставятъ въ вину балтійскія событія. Когда московская печать заявляла что тамъ дѣла идутъ не совсѣмъ ладно, ее упрекали въ ложныхъ тревогахъ. Ей говорили сурово въ отвѣтъ: въ балтійскихъ провинціяхъ все обстоитъ благополучно, а если есть тамъ нѣсколько взбалмошныхъ головъ, то гдѣ же таковыхъ не бываетъ? И вотъ оказывается что ученія взбалмошныхъ го-

ловъ заявляются торжественно цѣлыми семьями, и что между злобными памфлетами г. фонъ-Бокка и символомъ вѣры лифляндскаго или эстляндскаго рыцарства нѣтъ ни малѣйшей разницы. Теперь выходитъ что московская печать виновата и въ этомъ. Она-де произвела все это, она сбила съ толку этихъ невинныхъ младенцевъ, она причинила всю эту смуту, она натолкнула ихъ на дурныя мысли. А не будь ея, эти добрые рыцари съ радостію признавали бы себя членами „единой русской семьи,“ не считали бы свой край нѣмецкимъ, оставили бы въ архивной пыли Ништадскій трактатъ, и принесли бы свои запоздалыя привилегіи на алтарь своего русскаго отечества. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, лифляндское дворянство подало свой адресъ? Оно никогда и въ мысли не имѣло всего того что въ этомъ адресѣ сказано: лифляндское дворянство наклеветало на себя лишь въ пику московской печати; для того же и ландраты не пошли на молебствіе 4-го апрѣля. Вотъ какъ зловредна московская печать! Она появилась такъ недавно, и уже сколько надѣлала зла! Какъ жаль что благородные рыцари Лифляндіи и Эстляндіи не исполнили своихъ добрыхъ намѣреній до появленія этого чудовища! Да и въ однихъ ли балтійскихъ дѣлахъ виновата русская печать? Ее теперь обвиняютъ и въ возбужденіи польскихъ смутъ. Оказывается что она создала и польскій вопросъ, хотя всѣмъ положительно извѣстно что русской печати не было на свѣтѣ когда польскій вопросъ возникалъ, созрѣвалъ и обнаружился послѣдними смутами.

Сію минуту прочли мы выговоръ себѣ въ *Nordische Presse*. Это новая нѣмецкая газета открывшаяся въ Петербургѣ въ нынѣшнемъ году, между двумя ландтагами, лифляндскимъ и эстляндскимъ, подъ редакціей г. Беренса бывшаго редактора столь лойяльной *Рижской Газеты*. Балтійскіе патріоты почему-то разочли что именно теперь наступило самое благопріятное время для рѣшительной кампаніи. Не довольствуясь всѣми газетами Германіи состоящими въ ихъ полномъ распоряженіи, не довольствуясь балтійскими газетами, не довольствуясь петербургскою нѣмецкою газетой нашего друга доктора Мейера, не довольствуясь нѣкоторыми готовыми ко всякимъ услугамъ газетами издаваемыми по-русски, они къ самому времени адресовъ открыли еще вышесказанную газету *Nordische Presse*. Послѣ нѣсколькихъ пріятныхъ и благонамѣренныхъ аккордовъ въ которыхъ едва просвѣчиваетъ тайная мысль, въ этой газетѣ уже начался рядъ откровенныхъ статей о балтійскомъ вопросѣ. Статьи эти не лишены интереса, но къ нимъ мы возвратимся послѣ, а теперь мы хотимъ только поблагодарить эту почтенную газету за вниманіе оказанное ею нашей замѣткѣ по поводу выходки *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и *Вѣстника Европы* о дѣлѣ бессарабскаго дворянства, которое оба означенныя изданія сопоставили съ лифляндскимъ адресомъ. *Nordische Presse* соглашается что это сопоставленіе не совсѣмъ удачно; но она находитъ что высказанныя нами по этому поводу замѣчанія гораздо хуже. Она обвиняетъ насъ въ *трибунствѣ* за то что мы дерзнули характеризовать различіе между бессарабскимъ дѣломъ и лифляндскимъ. Г. Беренсъ строго напоминаетъ намъ объ обязанностяхъ вѣрноподданства. Но мы еще не состоимъ въ подданствѣ у лифляндскихъ ландратовъ, и полагаемъ что съ обязанностями нашего русскаго подданства совершенно совмѣстимы выражаемыя нами мнѣнія о правахъ Россіи и ея Государя.

Nordische Presse обвиняетъ насъ еще въ томъ что мы позволили себѣ рѣзко отозваться объ образѣ дѣйствій нашихъ *соплеменниковъ*, то-есть редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и *Вѣстника Европы*. Но почему обвинитель нашъ знаетъ что мы съ этими господами соплеменники? Кто разберетъ въ Россіи людей по племеннымъ элементамъ? Русскій народъ не есть одно какое-либо племя, онъ сложился изъ многихъ племенныхъ элементовъ; въ него между прочимъ входили во множествѣ и ежедневно входятъ элементы германскіе. Если же имѣлось въ виду упрекнуть насъ за полемику съ нашими *соотечественниками*, то мы и въ почтенномъ издателѣ *Nordische Presse* имѣемъ удовольствіе видѣть нашего соотечественника. Желаетъ ли онъ того или нѣтъ, но пока еще не установилось особое лифляндское подданство, мы все-таки обязаны видѣть въ немъ своего соотечественника, хотя едвали можемъ одобрительно отозваться о его образѣ мыслей.

Nordische Presse съ особенною строгостію осуждаетъ насъ за то что мы нашихъ „соплеменниковъ“ сочли способными слу-

жить *измѣнническимъ* замысламъ. Слова *измѣнническіе* въ нашей статьѣ вовсе нѣтъ. Изъ нашей статьи можно только заключить что оба изданія, которыхъ мы коснулись, послужили проводниками балтійскихъ замысловъ или органами лицъ которыя этимъ замысламъ способствуютъ. Если *Nordische Presse* называетъ упомянутые замыслы измѣнническими, то это ея слово, а не наше, хотя мы не считаемъ себя призванными прекословить ей въ этомъ.

№ 82.

Москва, 18-го апрѣля.

Реформа городскаго управленія приближается къ своему осуществленію. Въ прошлую среду, въ государственномъ совѣтѣ началось обсужденіе проекта городскаго положенія, переработаннаго особою коммиссіей подъ предсѣдательствомъ князя С. Н. Урусова.

Не только города съ великимъ интересомъ ожидаютъ рѣшенія столь важныхъ для нихъ вопросовъ, возбужденныхъ коммиссіею, но и все земство. Вопросы эти выходятъ за предѣлы городской реформы, и затрогиваютъ общій порядокъ мѣстнаго управленія. Не далѣе какъ на дняхъ комитетъ министровъ отвергъ внесенный на его разсмотрѣніе проектъ столь извѣстныхъ всѣмъ „основныхъ началъ административной полицейской реформы,“ коимъ узаконялся административный произволъ въ нашихъ губерніяхъ. Теперь предъ законодательствомъ снова находится вопросъ объ отношеніяхъ губернской администраціи къ мѣстнымъ учрежденіямъ Этотъ вопросъ во всей его силѣ возникаетъ при разсмотрѣніи проектируемыхъ городскою реформою отношеній губернатора къ городамъ.

Городское управленіе требуетъ быть-можетъ еще болѣе бережности чѣмъ земство или крестьянское самоуправленіе. Наши города, за немногими исключеніями, представляютъ явленіе весьма искусственное; они созданы большею частію административными потребностями и находятся подъ такимъ ежеминутнымъ, на все ложащимся гнетомъ администраціи, какого не знали ни бо́льшая часть крестьянскихъ обществъ и волостей, ни другіе элементы, вошедшіе въ составъ земства. Еще недавно хозяйничала въ нихъ исключительно полновластно полиція. Такъ и осталось въ памяти города что такая-то мостовая дана такимъ-то градоначальникомъ, спускъ устроенъ губернаторомъ N. городъ освѣщенъ генералъ-губернаторомъ NN. Иные города оказывались чуть не цѣликомъ стоящими не на мѣстѣ, и если это случилось даже съ Москвою, которую хотѣли перестраивать по *красной чертѣ*, то не трудно представить себѣ въ какомъ положеніи находились дѣла мелкихъ городовъ,—этихъ селъ, утратившихъ обычаи сельскаго управленія, но не достигшихъ другаго порядка. Въ сегодняшнемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* читатели найдутъ письмо „изъ одного небольшаго города,“ ярко рисующее городскіе порядки, удержавшіеся въ силѣ до послѣднихъ дней.

Если считалось полезнымъ, для благополучнаго развитія земскихъ учрежденій, установить особый порядокъ отношеній ихъ къ администраціи, то для городовъ еще болѣе необходимо чтобы въ ихъ отношеніяхъ къ администраціи не удержались пороки прежнихъ временъ. Такъ повидимому судила и коммиссія, въ чемъ читатели могутъ убѣдиться изъ свѣдѣній сообщаемыхъ въ письмѣ изъ Петербурга, которое мы также помѣщаемъ въ нашихъ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ*. Коммиссія проектировала для городовъ гарантіи равносильныя тѣмъ какими было упрочено новое положеніе крестьянъ только что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Коммиссія проектировала губернскія присутствія по городскимъ дѣламъ, которыя по кругу вѣдѣнія и отчасти по составу довольно близко подходятъ къ губернскимъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Но городскія присутствія, по проекту, имѣютъ ту выгоду что надъ ними стоитъ одна инстанція, сенатъ, между тѣмъ какъ надъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ высятся двѣ: земскій отдѣлъ и главный комитетъ. Это обстоятельство ни мало не способствовало успѣху дѣлъ по крестьянской реформѣ, но сильно задерживало ихъ и возмущало ихъ ходъ. Подобныя задержки, неизбѣжныя при лишней посредствующей инстанціи, для городскаго хозяйства были бы еще вреднѣе чѣмъ для опредѣленія поземельныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ.

Устройство городскаго хозяйства было одною изъ труднихъ задачъ при составленіи проекта городской реформы. Сперва предполагалось ввести только новое общественное управленіе, отложивъ пересмотръ правилъ о городскомъ хозяйствѣ до собранія данныхъ изъ новой практики городскаго управленія. Къ счастію примѣръ столицъ и Одессы, до сихъ поръ стѣсненныхъ прежними распорядками городскаго хозяйства, заставилъ рѣшиться на проектированіе временныхъ правилъ, которыя внесены наконецъ въ самое городское положеніе коммиссіей кн. Урусова. Нельзя отрицать что практика городскаго дѣла еще не представляетъ достаточныхъ указаній для вполнѣ успѣшной организаціи городскаго хозяйства, для опредѣленія правильныхъ отношеній администраціи къ городу по дѣламъ хозяйственнымъ и для разграниченія круга вѣдѣнія земства и городовъ. По этимъ вопросамъ можетъ на практикѣ возникнуть не мало весьма сложныхъ вопросовъ. Но именно для правильнаго рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо учрежденіе изъ представителей вѣдомствъ и установленій соприкасающихся съ городскими дѣлами а также изъ лицъ судебной власти.

Меньшинство коммиссіи хотѣло поставить города въ бо́льшую зависимость отъ губернатора чѣмъ та въ какой находятся земскія учрежденія. По мнѣнію этихъ членовъ, слѣдовало бы предоставить губернатору право исправлять избирательные списки по жалобамъ недовольныхъ, возстановлять нарушеніе общаго порядка выборовъ, дѣлать распоряженія о производствѣ новыхъ выборовъ даже по жалобѣ на неправильность при выборахъ какого-либо одного должностнаго лица городскаго управленія. Кромѣ того, меньшинство коммиссіи хотѣло бы предоставить губернатору приступать самовластно къ исполнительнымъ распоряженіямъ по отправленію повинности не исполненной городомъ. Еще опаснѣе предположеніе чтобы губернаторъ же вѣдалъ дѣла о пререканіяхъ между городомъ и администраціей, земствомъ и сословіями, относительно предѣловъ вѣдомства, власти и обязанностей ихъ.

Трудно догадаться въ силу какихъ соображеній можно было бы желать стѣсненій городскаго управленія. У насъ со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на недостаточное развитіе городской жизни. Записки которыми сопровождаются различные проекты городской реформы, сѣтуютъ на жалкое состояніе нашихъ городовъ и на неудобства проистекающія отъ того для самой администраціи. Административная опека, какъ показалъ опытъ, подавляла города и затрудняла развитіе ихъ жизни. Для чего-же продолжать эту систему? Для чего создавать учрежденія лишенныя жизни и силы? По проекту меньшинства, губернаторъ все-таки имѣлъ бы право посылать городамъ свои предписанія, хотя и по ограниченному кругу предметовъ. На практикѣ этотъ кругъ можетъ расшириться до неожиданныхъ размѣровъ,—а всякій ли городъ рѣшится каждый разъ хлопотать въ сенатѣ по случаю нарушенія его правъ?

Нельзя не озаботиться также участью тѣхъ многихъ городковъ которые только по титулу города, а на дѣлѣ тѣ же села. Значительную часть ихъ предполагается выбросить изъ списка городскихъ поселеній, въ увѣренности что обыватели ихъ не будутъ просить о введеніи у нихъ городскаго положенія. Но будетъ ли выгодно для страны такого рода пріумноженіе сельскихъ общинъ? Не раціональнѣе ли не торопиться уничтоженіемъ зачатковъ городской жизни, а способствовать ихъ развитію, для чего необходимо устраненіе стѣснительныхъ порядковъ? Бѣдные городки, пугаясь расходовъ и прямой зависимости отъ губернатора, сами станутъ прятаться въ число селъ и предпочтутъ зависимость отъ посредника, дѣйствія котораго можно обжаловать въ мировомъ съѣздѣ и въ губернскомъ присутствіи.

Другой важный вопросъ городскаго управленія, касающійся предсѣдательства въ городскомъ собраніи, какъ извѣщаетъ насъ телеграфъ, уже разрѣшенъ въ государственномъ совѣтѣ. Особыхъ предсѣдателей городскихъ собраній не предполагается, согласно порядку принятому почти во всѣхъ европейскихъ странахъ, кромѣ нѣкоторыхъ провинцій Пруссіи.

Но ставя городскія учрежденія въ болѣе благопріятныя условія развитія, коммиссія съ другой стороны точнѣе опредѣлила или, если угодно, ограничила право ихъ на изданіе постановленій и на обложеніе сборами. Въ проектѣ положенія, всѣ предметы по которымъ могутъ быть дѣлаемы городскія постановленія перечислены съ тою точностью какая только была возможна при настоящемъ неудовлетворительномъ видѣ уставовъ благоустройства и бла-

гочанія. Сколько намъ извѣстно, въ проектѣ подробно исчислены тѣ статьи уставовъ путей сообщенія, строительнаго, пожарнаго, врачебнаго и народнаго продовольствія, которыя могутъ быть замѣнены городскими постановленіями. Проектированы также всевозможныя гарантіи правильности постановленій и указанъ порядокъ въ которомъ полиція можетъ требовать отъ города извѣстныхъ постановленій. Въ уставѣ земскихъ учрежденій право земства на постановленія обозначено самыми общими и неопредѣленными чертами, что ведетъ земство къ столкновеніямъ съ администраціею и нерѣдко обращаетъ дарованное ему право въ мертвую букву.

По проекту коммиссіи, независимо отъ сборовъ поступающихъ въ городской доходъ по закону (съ актовъ, мѣръ, вѣсовъ, аукціонныхъ продажъ и пр.), городамъ дается право устанавливать шесть видовъ городскаго дохода: a) оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, b) съ документовъ на право торговли и промысловъ, c) съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавокъ, d) съ извознаго промысла, e) съ лошадей содержимыхъ частными лицами для своихъ надобностей и f) съ квартиръ, по разсмотрѣніи вопроса о послѣднемъ налогѣ въ законодательномъ порядкѣ. Высшіе предѣлы налоговъ опредѣлены въ точности. Оцѣночный налогъ не можетъ превышать 10% чистаго дохода или 1% со стоимости. Сборъ съ документовъ на право торговли и промысловъ не долженъ быть болѣе четверти (25%) казенной пошлины. Сколько намъ извѣстно, члены коммиссіи отъ министерства финансовъ полагаютъ что при установленіи городскаго сбора съ патентовъ слѣдуетъ отмѣнить сборъ съ нихъ въ пользу земства, или постановить чтобъ оба эти сбора не превышали помянутыхъ 25% казенной пошлины. Сборъ съ трактирныхъ заведеній устанавливается на основаніи спеціальнаго о нихъ закона. Налогъ на извозъ и лошадей частныхъ лицъ не долженъ превышать 5 р. съ лошади.

Затѣмъ никакой новый налогъ и никакое увеличеніе помянутыхъ налоговъ свыше опредѣленной нормы не могутъ быть установлены иначе какъ законодательнымъ порядкомъ. Городскому управленію дается лишь право ходатайства о новыхъ налогахъ и о возвышеніи установленныхъ. Съ другой стороны, новое городское положеніе оговариваетъ что на городовиковъ обывателей не могутъ быть налагаемы внѣ законодательнаго порядка никакія „подати, тягости или службы“, кромѣ уже установленныхъ земскими, городскими и сословными учрежденіями. На всякія тягости и службы налагаемыя на городъ безъ разрѣшенія закона городское управленіе можетъ приносить жалобы въ сенатъ въ трехмѣсячный срокъ отъ полученія извѣщенія о подобныхъ распоряженіяхъ.

Налогъ на квартирныя помѣщенія имѣетъ значеніе не просто въ финансовомъ отношеніи. Правильное устройство оцѣночнаго сбора могло бы упразднить надобность въ этомъ налогѣ, который на практикѣ потребуетъ сложной регламентаціи. Главная сила квартирнаго сбора состоитъ въ томъ что онъ вводитъ въ кругъ избирателей большое число городскихъ жителей и лицъ занимающихся такими промыслами на которые не распространяется уставъ о пошлинахъ съ торговли и промысловъ, — напримѣръ, врачей, художниковъ, содержателей учебныхъ заведеній, издателей книгъ и пр.

Городское Положеніе выработано вообще гораздо старательнѣе чѣмъ уставъ земскихъ учрежденій. Это надобно сказать не только о такихъ крупныхъ вопросахъ какъ отношенія города къ администраціи, право постановленій и обложенія, но и о разныхъ подробностяхъ которыя читатели могутъ найти въ сегодняшнемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* въ письмѣ изъ Петербурга.

Можно надѣяться что городскія учрежденія, такъ проектированныя, примутся съ успѣхомъ. Они будутъ поставлены сравнительно даже лучше чѣмъ земскія учрежденія, и по самому существу дѣла не будутъ страдать отъ разобщенности съ низшими единицами управленія, каковы крестьянскія волости, — разобщенности отъ которой такъ много терпитъ земское дѣло.

№ 83.

Москва, 20-го апрѣля.

Министерство путей сообщенія находится наканунѣ полнаго преобразованія. Проектъ реформы центральнаго и мѣстнаго управленій этого вѣдомства, какъ извѣстно читателямъ, уже внесенъ въ государственный совѣтъ.

Необходимость преобразованія этой части администраціи чувствуется давно. Нѣкоторыя мѣры въ этомъ отношеніи уже были приняты въ 1865 году. До того времени высшее управленіе министерства дѣлилось на учрежденія не по предметамъ которые оно вѣдаетъ, а по родамъ дѣлъ. Департаментъ разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ вѣдалъ проекты по сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ, а также по архитектурнымъ постройкамъ. Таковъ же былъ кругъ вѣдомства департаментовъ: хозяйственныхъ дѣлъ, искусственныхъ дѣлъ и ревизіи отчетовъ. Въ 1865 году ревизія денежной и матеріальной отчетности отошла въ контроль, а всѣ остальныя дѣла были раздѣлены между департаментомъ сухопутныхъ и департаментомъ водяныхъ сообщеній. Реформа не коснулась тогда управленія желѣзными дорогами, которое стояло отдѣльно. Кромѣ того, преобразованіе 1865 года не было окончательнымъ: новыя учрежденія получили временные штаты. Тотъ же переходный характеръ имѣло отчасти и управленіе желѣзными дорогами; инспекціи желѣзныхъ дорогъ организованы были также по временнымъ штатамъ.

Въ 1868 году, при разсмотрѣніи финансовыхъ смѣтъ въ государственномъ совѣтѣ, снова былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи министерства путей сообщенія. Тогдашнему министру, инженеръ-генералу Мельникову, было поручено войти съ представленіемъ о надворѣ за желѣзными дорогами, объ окончательномъ устройствѣ центральнаго управленія и о преобразованіи мѣстнаго управленія съ его военнорабочими ротами, больницами и школами, стоившими слишкомъ большихъ суммъ. Въ первой половинѣ прошлаго года генералъ Мельниковъ представилъ потребованные проекты. Они, по общему порядку, были переданы на разсмотрѣніе его преемника, и нынѣ являются въ переработанномъ видѣ. Нынѣшній министръ путей сообщенія отложилъ лишь составленный его предмѣстникомъ проектъ управленія казенными желѣзными дорогами, такъ какъ имѣется предположеніе передать ихъ въ частныя руки.

Въ общихъ чертахъ новый проектъ напоминаетъ преобразованіе 1865 года. Теперь тоже предполагается раздѣлить главныя учрежденія по частямъ управленія: проектируется образованіе главныхъ управленій a) желѣзными дорогами, и b) шоссейными и водяными сообщеніями. Въ вѣдомствѣ путей сообщенія осталось весьма небольшое число грунтовыхъ дорогъ, да и изъ шоссейныхъ дорогъ нѣкоторыя предполагается передать земству, а потому отдѣльное управленіе шоссейными дорогами было бы теперь слишкомъ большою роскошью; онѣ соединяются съ водяными сообщеніями, и это соединеніе предполагается провести какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ: вся страна будетъ раздѣлена на округа шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній и на округа желѣзныхъ дорогъ.

Нельзя не признать что до сихъ поръ у насъ не было порядка въ административномъ завѣдываніи желѣзными дорогами. Вопросы относящіеся къ желѣзнымъ дорогамъ разрѣшались то въ главномъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, то прямо въ комитетѣ министровъ. Разсмотрѣніе и исправленіе концессій дѣлалось самыми разнообразными способами, съ безпрестанными отступленіями отъ порядка, который, кажется, никогда не былъ опредѣленъ въ точности. Столь же мало опредѣлены отношенія инспекцій къ построеннымъ и строящимся дорогамъ. Для публики обязанности инспектора представлялись всегда въ такомъ туманѣ что она почти вовсе не обращалась къ инспекторамъ, терпѣливо снося всѣ злоупотребленія и упущенія со стороны желѣзнодорожныхъ компаній.

„Для предварительнаго обсужденія главныхъ мѣропріятій по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ“ существуетъ комитетъ желѣзныхъ дорогъ, который въ публикѣ и въ печати, но не въ законѣ, называется обыкновенно главнымъ. Дѣла поступаютъ въ этотъ комитетъ по назначенію министра путей сообщенія, и „вслѣдствіе поданныхъ ему просьбъ представителями частныхъ желѣзныхъ дорогъ.“ Рѣшенія комитета переходятъ или въ комитетъ министровъ или прямо на Высочайшее усмотрѣніе. Членами комитета состоятъ нѣсколько членовъ государственнаго совѣта, нѣсколько министровъ и другихъ лицъ по особому назначенію. Какъ не ясно значеніе этого комитета можно видѣть изъ того что въ новомъ проектѣ преобразованія министерства онъ занесенъ въ „учрежденіе“ онаго, то-есть причисленъ къ министерскимъ инстанціямъ.

„Для управленія и исполненія всего до желѣзныхъ дорогъ относящагося“ учрежденъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующій по общему порядку департаментовъ министерства, но безъ точнаго означенія круга его обязанностей, по уставу утвержденному еще въ 1842 году. Тогда у насъ, кромѣ Царскосельской и начатой постройкою Николаевской, иныхъ желѣзныхъ дорогъ не имѣлось. Участіе департамента въ построеніи казенныхъ дорогъ за послѣднее десятилѣтіе опредѣлялось положеніями объ этихъ дорогахъ. Составъ департамента чрезвычайно разростался и требовалъ большихъ дополнительныхъ расходовъ.

„Для непосредственной помощи министру по дѣламъ относящимся до частныхъ желѣзныхъ дорогъ,“ „для разсмотрѣнія всѣхъ представленій, предположеній, плановъ и проектовъ“ по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, учреждена была должность главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Ему же поручено наблюденіе за инспекторами послѣднихъ и за дѣйствіями желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ расширеніемъ рельсовой сѣти и за неимѣніемъ точныхъ правилъ для своей дѣятельности, главный инспекторъ былъ поставленъ въ большія затрудненія при исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей. Мѣстная инспекція надъ желѣзными дорогами отличалась тѣмъ же неустройствомъ. Инспекторъ эксплуатаціи правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ поставленъ совершенно одинъ, не имѣя ни одного инженера, ни одного кондуктора въ своемъ распоряженіи. Инспекціи построенныхъ линій не заключали въ себѣ специалистовъ, которые могли бы наблюдать за исправностью подвижнаго состава и не имѣли агентовъ для наблюденія за движеніемъ грузовъ и за другими частями службы желѣзныхъ дорогъ. Инспекціи строящихся дорогъ поставлены отдѣльно, внѣ зависимости отъ главнаго инспектора.

Теперешнее преобразованіе касается комитета желѣзныхъ дорогъ тѣмъ только что вноситъ его въ учрежденіе министерства. Такимъ образомъ, едва ли не самая важная часть дѣла остается въ сторонѣ. По прежнему самые капитальные вопросы относительно разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ могутъ быть направляемы самыми разнообразными путями. Въ виду счастливыхъ результатовъ, которые получены благодаря сосредоточенію всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ по крестьянской реформѣ въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, можно бы желать чтобы такое же значеніе было дано комитету желѣзныхъ дорогъ дабы въ немъ по крайней мѣрѣ были сосредоточены всѣ дѣла требующія законодательнаго разрѣшенія. Въ обществѣ, хотя и ошибочно, уже придаютъ комитету желѣзныхъ дорогъ подобное значеніе, что отчасти свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ сознаніи потребности придать комитету болѣе высокое и болѣе опредѣленное положеніе.

Главное управленіе желѣзными дорогами, по проекту, замѣняетъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ и должность главнаго инспектора. Главнымъ начальникамъ управленій, какъ желѣзными дорогами, такъ и водяными сообщеніями, дается однако власть гораздо бо̀льшая противъ той какая была у учрежденій замѣняемыхъ этими управленіями. Главные начальники получаютъ полномочія въ родѣ дарованныхъ начальникамъ главныхъ управленій военнаго министерства. Бо̀льшая часть полномочій относится къ производству работъ и не будетъ имѣть особеннаго значенія для управленія желѣзными дорогами, какъ скоро казенныя линіи будутъ сданы въ частныя руки.

Въ управленіи будутъ сосредоточены всѣ дѣла въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ „по устройству, содержанію и дѣйствію“ желѣзныхъ дорогъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Главному начальнику подчиняется весь личный составъ управленія, который онъ и избираетъ до VI и V класса. Техники состоящіе при главномъ начальникѣ будутъ заняты исключительно техническими дѣлами, а все что касается другихъ частей управленія и переписки отходитъ въ распорядительную часть. Предполагается также чаще командировать техниковъ на мѣста для осмотра работъ и разрѣшенія техническихъ вопросовъ. Въ этомъ усматривается заботливость о познаніяхъ техниковъ, которые за канцелярскими столами въ департаментѣ часто отставали отъ практическаго дѣла, хотя нельзя не замѣтить что это могло случаться, разумѣется, лишь съ молодыми техниками низшаго разряда, которые вступали въ департаментъ, не успѣвъ пріобрѣсти практическихъ знаній, но

смѣшно было бы думать чтобъ извѣстные своею опытностью и знаніями спеціалисты могли забывать дѣло, состоя въ высшихъ должностяхъ и безпрестанно соприкасаясь со всѣми сторонами его, или чтобы разъѣзды могли доставлять опытность и практическія познанія лицамъ не участвовавшимъ въ исполненіи какихъ-либо серіозныхъ работъ. Для пользы дѣла желательно чтобы техники чередовались въ исполненіи работъ и въ осмотрѣ работъ исполненныхъ другими, не распадаясь на двѣ категоріи техниковъ-исполнителей и техниковъ департаментскихъ. При этомъ условіи не лишено будетъ значенія и то что техники въ департаментѣ будутъ заниматься лишь технической частью, а собственно канцелярская и распорядительная часть будетъ возложена на другія лица, и что эти двѣ части, техническая и распорядительная, будутъ вѣдаться двумя разными лицами, именно двумя помощниками главнаго инспектора. Техническій помощникъ разъѣзжаетъ для осмотра работъ и сооруженій, а на помощника по распорядительной части возлагается главная тяжесть работъ нетехническихъ, на правахъ директора департамента.

Сверхъ того, по проекту, для наблюденія за содержаніемъ и улучшеніемъ подвижнаго состава главный начальникъ получаетъ въ помощники двухъ инженеръ-механиковъ, спеціалистовъ дѣла. По наблюденію за движеніемъ грузовъ назначаются два особые коммиссара.

Описанная обстановка должна значительно облегчить должность главнаго начальника, что впрочемъ вполнѣ раціонально, въ виду сильнаго сокращенія коллегіальнаго порядка въ рѣшеніи дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ усиленія личной отвѣтственности управляющаго. Составленіе общихъ присутствій для производства торговъ для дѣлъ къ нимъ относящихся и для рѣшенія важныхъ техническихъ вопросовъ, предоставляется усмотрѣнію и распоряженію главнаго начальника или его помощника по распорядительной части. Послѣдній составляетъ присутствіе изъ своихъ дѣлопроизводителей для менѣе важныхъ торговъ и другихъ вопросовъ, которые онъ найдетъ нужными разсмотрѣть коллегіально. Такимъ образомъ, точно говоря, отъ самого начальника будетъ зависѣть дать въ своемъ управленіи то или другое значеніе коллегіальному порядку. Но во всякомъ случаѣ проектъ усиливаетъ отвѣтственность управленія, и этому, кажется, можно только радоваться: чѣмъ менѣе высшій будетъ прикрывать низшаго, тѣмъ лучше, и всего хуже когда низшіе прикрываются министерскимъ утвержденіемъ исходатайствованнымъ въ бюрократическомъ порядкѣ.

Мѣстное управленіе желѣзными дорогами заключается собственно въ надзорѣ за ними. Для удобствъ инспекціи, впрочемъ, полагается поручить ей одинаково надзоръ за правительственными и за частными линіями, такъ какъ онѣ имѣютъ между собою ближайшую связь по эксплуатаціи. Новыя дороги, при самомъ приступѣ къ сооруженію, будутъ, смотря по удобствамъ, либо присоединяемы къ существующимъ округамъ, либо составлять особые инспекціи и округа. Суммы назначенныя на постройку дорогъ по новымъ концессіямъ хранятся подъ наблюденіемъ министра финансовъ, и выдаются по засвидѣтельствованіямъ инспекторовъ объ исполненныхъ работахъ. Этотъ порядокъ усложняетъ обязанности инспекціи, и дорога которая относительно эксплуатаціи могла бы войти въ составъ округа можетъ потребовать, на время постройки, учрежденія особой инспекціи. Въ настоящее время считается достаточнымъ имѣть шесть округовъ, а дальнѣйшее увеличеніе ихъ числа предоставить министру путей сообщенія.

Въ составѣ управленія каждаго округа желѣзныхъ дорогъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, будутъ находиться окружной инспекторъ, начальники участковъ, коммисары для наблюденія за движеніемъ грузовъ и инженеры для техническихъ занятій. Министерство, повидимому, сильно озабочено тѣмъ чтобы привлечь въ инспекцію опытныхъ и знающихъ инженеровъ, назначивъ имъ содержаніе которое не заставляло бы ихъ искать службы въ частныхъ обществахъ. Жалованье чинамъ инспекціи назначено весьма значительное. Окружной инспекторъ будетъ получать 5.250 руб. и на канцелярскіе и другіе расходы 3.000 руб. Кромѣ того, ему полагается добавочныхъ за инспекцію строящихся дорогъ: жалованья 1.500 р., на расходы 4.200 руб. Начальникамъ участковъ назначено 3.000 руб. жалованья и по 1.500 на расходы и пр.

Но обязанности и права инспекцій не

опредѣлены проектомъ. Инструкціи инспекторамъ предполагается составить въ послѣдствіи. Можетъ-быть было бы раціональнѣе опредѣлить однимъ разомъ и обязанности, и служебное положеніе инспекторовъ.

Далѣе, переустройство административнаго завѣдыванія желѣзными дорогами должно внесть больше порядка въ особенности въ мѣстный надзоръ за ними; но эта реформа сама по себѣ, безъ устава объ эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ компаній, безъ органическихъ законовъ о порядкѣ разрѣшенія желѣзныхъ дорогъ и составленіи концессій, не можетъ дать серіозныхъ гарантій ни для публики, ни для желѣзнодорожныхъ компаній и предпринимателей. Въ настоящее время у насъ нѣтъ ни людей для мѣстнаго надзора за желѣзными дорогами; ни законовъ которые ограничивали бы монополію компаній и заставляли бы ихъ удовлетворять справедливымъ требованіямъ пассажировъ и товароотправителей. Теперь будутъ люди для надзора за желѣзными дорогами, но необходимыхъ законовъ и уставовъ все-таки нѣтъ, а безъ этого условія вмѣшательство инспекціи во всѣ подробности управленія желѣзными дорогами врядъ ли сдѣлаетъ ихъ исправными, и можетъ подать поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ. Иное дѣло гарантія суда. Опытъ западной Европы показываетъ что всюду самыя серіозныя гарантіи для всѣхъ интересовъ замѣшанныхъ въ дѣло желѣзныхъ дорогъ давались судебными опредѣленіями. Такъ было и во Франціи гдѣ дѣйствуетъ сложная и снабженная обширными полномочіями желѣзнодорожная инспекція. Французское законодательство вполнѣ признало значеніе суда въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Во Франціи учреждена должность особаго инспектора желѣзныхъ дорогъ по судебной части. Онъ собираетъ всѣ судебные приговоры о желѣзныхъ дорогахъ и представляетъ министру о тѣхъ измѣненіяхъ въ административныхъ предписаніяхъ которыя требуются вслѣдствіе постановленій суда. Во всѣхъ нашихъ концессіяхъ помѣщена оговорка что компаніи должны подчиняться всѣмъ законамъ которые будутъ изданы по желѣзнодорожному дѣлу. Итакъ нѣтъ препятствій къ точному законодательному опредѣленію главныхъ требованій отъ желѣзнодорожныхъ компаній. Поэтому нельзя не пожалѣть что введеніе новаго состава инспекцій не будетъ сопровождаться изданіемъ новаго устава эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

№ 84.

Москва, 22-го апрѣля.

Сегодняшнее собраніе акціонеровъ Ярославской желѣзной дороги отличается отъ другихъ собраній того же общества. Едва ли даже было вообще когда-нибудь предложено акціонерамъ столько интересныхъ и разнообразныхъ вопросовъ. Отвѣтъ на эти вопросы, да или нѣтъ, потребуется чрезъ нѣсколько дней. А между тѣмъ данныхъ для отвѣта почти нѣтъ, кромѣ безусловнаго довѣрія къ правленію. Положеніе затруднительное, особенно когда чувство довѣрія вызванное прошедшимъ, борется съ чувствомъ ревности по отношенію къ будущему. Благодарные за результаты эксплуатаціи Троицкаго участка, доставляющіе имъ по 19 р. дивиденда на акцію, акціонеры не могутъ безъ ревности смотрѣть на правленіе, и не спрашивать себя, останется ли и впредь для нихъ мѣстечко среди многостороннихъ заботъ занимающихъ его. Теперь бы, кажется, только благоденствовать, по примѣру акціонеровъ Пароходства и Торговли, а тутъ соперниками являются Вологда и Костромское земство...

Было у насъ общество Саратовской желѣзной дороги, и участники его могутъ теперь радоваться что оно не дошло до своей цѣли, а съ дозволенія правительства остановилось въ Рязани: безъ этой льготы рязанскія акціи не возрасли бы въ цѣнѣ на 160%. Ярославская дорога, въ минуту кризиса, тоже остановилась на четверти пути своего, но теперь онъ весь пройденъ и притомъ безъ увеличенія акціонернаго капитала, ибо правительство разрѣшило выпустить облигацій на 60.000 рублей металлическихъ съ версты подлежавшей стройкѣ; ходили слухи что изъ этой суммы останется либо милліонъ, либо даже полтора милліона экономіи, и вслѣдствіе этихъ слуховъ акціи сильно пошли въ гору, — вздорожали безъ малаго на 100%; но вексельный курсъ, Метинскій пожаръ, другія неудачи, были причиной того что сбереженіе оказалось меньше, и

сегодня заявлено что оно ограничивается 600.000 руб. Спрашивается что же теперь дѣлать акціонерамъ? Повидимому всего естественнѣе было бы удовольствоваться достигнутымъ положеніемъ своего дѣла. Первоначальная программа, лежащая въ основаніи того договора который заключенъ при подпискѣ на ярославскія акціи, исполнена вся. Если кто изъ акціонеровъ желаетъ идти далѣе, продолжать путь до Вологды, испытывать примѣнимость узкоколейной системы, тотъ можетъ участвовать въ новомъ предпріятіи. Это предпріятіе весьма желательно во многихъ отношеніяхъ, и по всему вѣроятію будетъ выгодно; но участіе въ немъ можетъ быть, кажется, лишь предметомъ свободнаго рѣшенія для каждаго изъ ярославскихъ акціонеровъ въ отдѣльности. Продолжать линію далѣе ея крайняго предѣла или пристраивать къ ней питательныя вѣтви, это не должно бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, подобно тому какъ рѣшается напримѣръ проложеніе втораго пути, предусмотрѣнное во взаимномъ контрактѣ акціонеровъ называемомъ концессіей. Строгое право совокупной собственности едва ли не нарушается, когда люди соединившіеся въ компанію для извѣстной опредѣленной цѣли, расширяютъ, по ея достиженіи, свое предпріятіе и избираютъ для него новую цѣль не единогласнымъ рѣшеніемъ, а постановленіемъ большинства голосовъ, коему меньшинство должно въ такомъ случаѣ подчиниться помимо своей воли. Точно также строгое право совокупной собственности, повидимому, нарушается и въ томъ случаѣ когда сбереженіе сдѣланное изъ суммы совокупно взятой въ займы, не употребляется сполна на погашеніе обязательствъ компаніи, то-есть на скупку ея облигацій, а если выгодно, то и ея акцій, а получаетъ своеобразное назначеніе по рѣшенію большинства голосовъ.

Мы говоримъ это впрочемъ въ интересѣ чисто теоретическомъ; предложенія сдѣланныя ярославскимъ акціонерамъ послужили для насъ только поводомъ размыслить какъ слѣдовало бы вообще поступать при уваженіи къ правамъ акціонеровъ, но мы не имѣемъ ни желанія ни надежды вліять на практическое рѣшеніе дѣла въ данномъ случаѣ, ибо, зная нравы акціонеровъ, не сомнѣваемся что плебисцитъ состоится по указанію правленія, и никто изъ отсутствующихъ спорить и прекословить не будетъ. Насъ болѣе интересуетъ вопросъ о Костромской желѣзной дорогѣ, выплывающій теперь наружу. Это вопросъ весьма важный для всей русской сѣти, ибо дорога изъ Ярославля въ Кострому не имѣетъ смысла безъ предположенія вести ее далѣе. Куда же далѣе? Не въ качествѣ ли большой Сибирской дороги?

Великое обольщеніе полагать что желѣзно-дорожное дѣло можетъ долго оставаться въ Россіи въ своемъ теперешнемъ положеніи, когда почти всякая линія, какъ бы она ни была длинна или малодоходна, кажется легко осуществимою. Вскорѣ наступитъ пора иная. Не трудно перенестись въ то близкое будущее когда будутъ сооружены и начнутъ дѣйствовать дороги строящіяся нынѣ безъ гарантіи акціонернаго капитала. Пока онѣ сооружаются, акціонеры получаютъ свои проценты, причисляемые къ издержкамъ сооруженія. Но дѣло совершенно измѣнится съ минуты открытія этихъ дорогъ для движенія. Можно ли сомнѣваться что, за немногими исключеніями, всѣ онѣ воспользуются казенною гарантіей для платежа процентовъ по облигаціямъ? А пока у нихъ не будетъ хватать средствъ чтобъ обходиться безъ правительственной гарантіи, акціонеры не будутъ получать ни копѣйки дохода, и чѣмъ дороже построена дорога, чѣмъ выше ея поверстная стоимость, тѣмъ продолжительнѣе будетъ тотъ срокъ въ теченіи котораго акціонеры принуждены будутъ оставаться безъ дивиденда. А у насъ строятся дороги которыя, по всему вѣроятію, никогда не выйдутъ изъ этого состоянія, и слѣдовательно никогда не будутъ давать дохода своимъ акціонерамъ. Что же тогда будетъ съ акціями? Не нападетъ ли паника и на акціонеровъ, и на публику? Какая будетъ тогда возможность собирать акціонерный капиталъ на тѣ линіи которыя этотъ кризисъ застанетъ не достроенными? Благоразуміе требовало бы теперь величайшей разборчивости въ выборѣ линій для сооруженія. Слѣдовало бы браться лишь за такія которыя несомнѣнно доходны, и притомъ только въ случаѣ недорогой постройки. Слѣдовало бы помнить что при ограниченіи гарантіи облигаціоннымъ капиталомъ можно строить только такія линіи которыя вовсе обойдутся безъ гарантіи. Но публика не помнитъ этого.

Тѣснимая избыткомъ денежныхъ знаковъ, съ которыми она не знаетъ что дѣлать, она бросается на всякое новое предпріятіе открывающее ея деньгамъ хоть какое-нибудь помѣщеніе, и ее нельзя порицать за то. Сила вещей непреоборима, а въ данномъ случаѣ сила вещей есть то дѣйствіе которое производитъ на всѣ экономическія отношенія, сообразно ихъ неизмѣннымъ законамъ, избытокъ денежныхъ знаковъ.

Желѣзнодорожное дѣло въ Россіи, если будетъ идти теперешнимъ путемъ, можетъ потерпѣть отъ предстоящаго кризиса ударъ который окажется на долгое время непоправимымъ. Въ предвидѣніи опасности надобно измѣнить путь, и теперь для этого послѣднее время. Вмѣсто того чтобы разбрасываться на мелкія линіи сомнительной доходности, вмѣсто того чтобы браться за эксцентрическія предпріятія, должно сосредоточить усилія на линіяхъ главныхъ и избирать для нихъ пути уже испытанные вѣковою торговлей. Въ Азію у насъ есть два пути, и оба они сходятся къ Нижнему-Новгороду: одинъ екатеринбургскій, другой оренбургскій. Нижній-Новгородъ уже принадлежитъ къ сѣти, и этимъ только усилены естественныя выгоды его положенія. Ни отъ какого другаго пункта, безъ опасенія неудачи, нельзя вести ни сѣверной, Сибирской, ни южной, средне-азійской, линіи, какъ равно нельзя, безъ того же опасенія, избирать крайнею цѣлью направленія этихъ линій какіе-либо иные пункты кромѣ сибирской водяной системы на сѣверѣ и Бухары на югѣ. Но если такъ, то слѣдуетъ ли ярославскимъ акціонерамъ приносить какія бы то ни было, даже самыя малыя жертвы, для отвлеченія сибирскаго пути отъ его естественнаго направленія на Нижній-Новгородъ?

№ 85.

Москва, 22-го апрѣля.

Въ № 75 нашей газеты мы сказали нѣсколько словъ о дерзости съ какою Рижскій магистратъ и Пернавскій уѣздный судъ отказались повиноваться предписаніямъ сената и распоряженіямъ высшаго правительства; мы желали показать нашимъ читателямъ до какой степени упалъ авторитетъ „варварскаго русскаго“ правительства въ глазахъ цивилизованныхъ балтійско-нѣмецкихъ властей. Къ удивленію нашему, новая представительница балтійской цивилизаціи въ Петербургѣ, *Nordische Presse*, передала своимъ читателямъ нашу статью довольно подробно и вѣрно, чего почти никогда не случалось прежде. Теперь упомянутая газета вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ почему она такъ поступила:

„Наши читатели помнятъ, вѣроятно, сообщенную въ № 27 статью *Московскихъ Вѣдомостей* въ которой содержался цѣлый рядъ жалобъ на лифляндскія власти, и въ томъ числѣ на Рижскій магистратъ, по поводу образа дѣйствій съ крестьянами живущими на казенныхъ земляхъ. По этому случаю мы замѣтили въ ближайшемъ нашемъ нумерѣ что это дѣло никакъ не могло быть въ томъ видѣ, какъ его представили *Московскія Вѣдомости*, и изъявили надежду на скорое разъясненіе онаго; мы не ошиблись, ибо вскорѣ получили изъ Лифляндіи, отъ людей имѣющихъ надежныя свѣдѣнія, объясненіе дѣла.“

Nordische Presse надѣялась уличить насъ въ неправдѣ. Послушаемъ же ея улики:

„Изъ статьи 1.262-й тома III провинціальнаго права, которая согласуется съ Высочайше утвержденнымъ 2-го іюля 1862 мнѣніемъ государственнаго совѣта, слѣдуетъ что крайнимъ срокомъ для отмѣны сервитутовъ назначено 1-е іюля 1868 года, такъ что послѣ этого срока поступающія требованія на сервитуты не должны быть принимаемы во вниманіе. Рижскій магистратъ вмѣстѣ со всѣми *полагалъ*, да и теперь еще полагаетъ, что этотъ Высочайше утвержденный законъ имѣетъ полную силу и для казенныхъ имѣній *балтійскихъ губерній*.“

Но именно въ томъ и дѣло что Рижскій магистратъ присвоилъ себѣ право *полагать* тамъ гдѣ слѣдовало держаться того толкованія закона которое дано правительствующимъ сенатомъ. Это толкованіе показалось Рижскому магистрату сомнительнымъ, и онъ предпочелъ ему свое собственное. Такимъ образомъ онъ присвоилъ себѣ право толковать законъ. Въ остальныхъ же частяхъ имперіи никто не присвояетъ себѣ этого права; которое принадлежитъ правительствующему сенату. Но послушаемъ далѣе:

„Съ этой точки зрѣнія Рижскій магистратъ обсуждалъ препровожденное къ нему отъ 13-го іюня 1869 года отношеніе

балтійской палаты государственныхъ имуществъ, въ которомъ содержалось требованіе назначить третейскаго судью по одному вопросу о сервитутахъ, возникшему между казеннымъ имѣніемъ Брамбергофомъ и городскимъ имѣніемъ Кирхгольмомъ. Палата государственныхъ имуществъ основывала свое требованіе на препровожденномъ въ Курляндское губернское правленіе, отъ 7-го января 1869 года, сенатскомъ указѣ, коимъ этому правленію предписывалось не подчинять казенныя имѣнія упомянутому Высочайшему повелѣнію относящемуся къ сервитутамъ. Въ виду этого отношенія палаты государственныхъ имуществъ Рижскій магистратъ, считая исключительное положеніе государственныхъ имуществъ противозаконнымъ, долженъ былъ—не произвольно, а строго придерживаясь буквы закона—избрать одно изъ двухъ. Или онъ считалъ что палата государственныхъ имуществъ въ правѣ, при своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Лифляндіи, основываться на сенатскомъ указѣ, препровожденномъ *спеціально въ Курляндское губернское правленіе*, и тогда, считая сенатскій указъ состоящимъ въ противорѣчіи съ существующими въ силѣ законами, онъ не только имѣлъ право, но по 76 статьѣ 1 части государственныхъ законовъ былъ даже обязанъ войти въ сенатъ съ представленіемъ, и до имѣющаго послѣдовать, въ такомъ случаѣ, разумѣется, окончательнаго рѣшенія сената, помедлить исполненіемъ мѣры которая казалась ему противозаконною; или, если магистратъ вообще не признавалъ за палатою государственныхъ имуществъ права основывать свои требованія на упомянутомъ сенатскомъ указѣ, то ему оставалось только отвергнуть требованіе палаты и выждать окончательнаго рѣшенія, предоставивъ дѣло законному движенію по инстанціямъ. Такъ какъ упомянутый сенатскій указъ былъ спеціально препровожденъ въ Курляндское губернское правленіе, такъ какъ онъ не былъ полученъ Лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ и въ *Губернскихъ Лифляндскихъ Вѣдомостяхъ* не былъ обнародованъ, то магистратъ не считалъ палату государственныхъ имуществъ въ правѣ основывать свои требованія на этомъ указѣ, и потому отвергъ требованіе."

Вотъ поистинѣ великолѣпное объясненіе! Рижскій магистратъ *полагаетъ* что такой-то законъ долженъ быть примѣненъ къ государственнымъ имуществамъ балтійскихъ губерній. Магистратъ узнаетъ изъ сенатскаго указа Курляндскому губернскому правленію что сенатъ полагаетъ совсѣмъ противное, но сенатское толкованіе не нравится магистрату, и онъ произвольно, въ противность смыслу, признаетъ его относящимся къ Курляндіи, а не къ Лифляндіи. Магистратъ хорошо зналъ что къ балтійскимъ губерніямъ принадлежитъ не только Лифляндія, но и Курляндія; ему извѣстно также что для обѣихъ губерній существуетъ одна палата государственныхъ имуществъ, находящаяся въ Ригѣ. И зная все это, магистратъ считаетъ себя въ правѣ безусловно отвергнуть требованіе, которое даже и при такомъ изложеніи дѣла есть положительно требованіе сената, а не палаты государственныхъ имуществъ. Лифляндскій корреспондентъ *Nordische Presse* полагаетъ что рижскіе господа могли бы войти въ сенатъ съ указаніемъ на то что сенатскій указъ Курляндскому губернскому правленію состоитъ въ противорѣчіи съ существующими законами, и сослаться при этомъ обращеніи къ сенату на основные законы Имперіи говорящіе о случаяхъ противозаконнаго предписанія со стороны начальства. По нашему мнѣнію, обратиться въ сенатъ съ такимъ представленіемъ было бы немного вѣжливѣе чѣмъ просто-напросто отрицать силу сенатскаго указа. Но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы подобное обращеніе было законно. Тутъ рѣчь шла не о томъ, издалъ ли сенатъ такой указъ который состоитъ въ противорѣчіи съ существующими законами, а о томъ что сенатскій указъ будто бы противорѣчитъ тому самому закону который имъ истолковывается: рѣчь шла стало-быть о томъ вѣрно ли или невѣрно сенатское толкованіе, въ силу коего установленный помянутымъ закономъ срокъ не имѣетъ силы для казны, подобно тому какъ не имѣетъ для казны силы и давность. Еслибы магистратъ обратился къ сенату съ такою рѣчью, то навѣрное подвергся бы отвѣтственности. Далѣе мы читаемъ въ *Nordische Presse*: . . . .

„Палата государственныхъ имуществъ пытается поддержать свое требованіе, давъ ему дальнѣйшее движеніе по инстанціямъ, и такимъ образомъ это дѣло, какъ и многіе другіе споры о подвѣдомости, должно быть рѣшено законнымъ путемъ. Само собою разумѣется, здѣсь интересъ не въ томъ

кто правъ и будетъ объявленъ правымъ, а только въ томъ что магистратъ считаетъ себя правымъ, и свое предполагаемое право осмѣливается защищать строго законнымъ путемъ: это почитается преступленіемъ, и *Московскія Вѣдомости* обвиняютъ его за то въ государственной измѣнѣ."

Нашимъ читателямъ извѣстно что мы, приводя этотъ фактъ, ничего не говорили о *государственной измѣнѣ:* слово это принадлежитъ самой *Nordische Presse*, которая уже не разъ съ хвастливымъ цинизмомъ характеризуетъ имъ дѣла балтійской политики. Въ № 75 нашей газеты мы сказали точь въ точь лишь то что должны сказать и теперь послѣ разъясненія которое издано въ *Nordische Presse*, хотя она прибѣгла къ всевозможнымъ прикрасамъ въ пользу Рижскаго магистрата.

Выслушаемъ теперь заключеніе ея статьи:

„Вовторыхъ *Московскія Вѣдомости* жалуются на рѣшеніе Пернавскаго уѣзднаго суда, дѣйствительно неправильное, или, лучше сказать слишкомъ правильное, но которое, дабы отозваться о немъ въ духѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, надобно было предварительно исказить. Пернавскій уѣздный судъ, какъ говорятъ, отказался скрѣпить заключенные, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 1860 года, контракты о продажѣ земель, ссылаясь на то что никакая продажа поземельной собственности въ балтійскихъ губерніяхъ не должна быть производима безъ согласія мѣстнаго ландтага. Но Пернавскій уѣздный судъ не отказалъ въ скрѣпленіи контрактовъ, а полагалъ нужнымъ *помедлить* этимъ скрѣпленіемъ, дабы сообщить между тѣмъ о нихъ ландтагу съ цѣлью узнать не выскажетъ ли онъ какихъ-либо сомнѣній. Надобно сознаться что и это сдѣлано излишне, такъ какъ рѣшеніе суда вовсе не было доведено до ландтага, но еще прежде и очень быстро исправлено."

Здѣсь *отказъ*, безъ всякихъ ближайшихъ разъясненій, назвавъ, для прикрасы, *промедленіемъ*, и затѣмъ дѣло считается поконченнымъ! Пернавскій уѣздный судъ не рѣшился исполнить несомнѣнное Высочайшее повелѣніе, пока исполненіе онаго не было разрѣшено лифляндскимъ ландтагомъ, который могъ счесть его сомнительнымъ!... И это съ милою наивностью разказывается въ апологію Пернавскаго уѣзднаго суда и вообще положенія дѣлъ въ балтійскихъ губерніяхъ!... Мы очень хорошо знаемъ что ни Рига, ни Ревель не имѣютъ въ виду выслать противъ Петербурга военную силу, и что они должны будутъ немедленно исполнить все что отъ нихъ не шутя потребуется русскимъ правительствомъ. Только въ одномъ этомъ пунктѣ мы согласны съ *Nordische Presse*; что же касается до остальнаго, то теперь мы лишь точнѣе чѣмъ прежде знаемъ что сказанное нами въ нашемъ № 75 совершенно справедливо, и что ухищренія, къ коимъ прибѣгаетъ эта газета, ничего не измѣняютъ въ сообщенныхъ нами свѣдѣніяхъ, полученныхъ изъ источника вполнѣ достовѣрнаго.

№ 86.

Москва, 23-го апрѣля.

Возвращаемся еще разъ къ приготовляющейся реформѣ министерства путей сообщенія, которую мы обозрѣли на дняхъ собственно только въ отношеніи къ управленію желѣзными дорогами. Намъ остается сдѣлать еще обзоръ измѣненій проектируемыхъ въ общихъ всему вѣдомству центральныхъ учрежденіяхъ министерства, а также въ центральномъ и мѣстномъ управленіи шоссейными и водяными сообщеніями. Наибольшія перемѣны, предполагаемыя проектомъ преобразованія министерства, касаются именно управленія этими послѣдними.

Въ числѣ центральныхъ учрежденій вѣдомства имѣются теперь два совѣта: совѣтъ министерства и ученый комитетъ, имѣющіе совершенно различный характеръ. Совѣтъ министерства постановляетъ свои заключенія по особенно важнымъ дѣламъ вѣдомства, напримѣръ, по концессіямъ и уставамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, разсматриваетъ дѣла и предположенія требующія измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ, а также годовую финансовую смѣту министерства, сверхсмѣтные кредиты и назначеніе пенсій; сюда поступаютъ также важныя слѣдственныя дѣла и дѣла по значительнымъ искамъ между казной и частными лицами. На ученомъ комитетѣ лежатъ прежде всего обязанности такъ-сказать академическія: ему поручено слѣдить за усовершенствованіями въ „инженерныхъ и вспомогательныхъ наукахъ," заботиться о распространеніи „правильныхъ познаній," предлагать на обсужденіе уче-

нымъ вопросы по предметамъ вѣдомства и ходатайствовать о наградѣ „отличившихся" въ рѣшеніи этихъ вопросовъ; ученый комитетъ слѣдитъ также за учебною частію въ институтѣ и школахъ путей сообщенія; онъ разсматриваетъ инструкціи и отчеты инженеровъ посылаемыхъ въ ученыя командировки; наконецъ, подъ наблюденіемъ комитета, издается *Журналъ Министерства Путей Сообщенія* (п. 16. мн. госуд. сов. 23-го мая 1865 г.), о которомъ, замѣтимъ кстати, проектъ преобразованія совершенно умалчиваетъ.

Временныя правила 1865 года допускали въ число шести особыхъ членовъ совѣта министерства лишь одного не-инженера; въ прошломъ году дозволено назначать въ число членовъ совѣта инженеровъ, „гражданскихъ чиновъ и военныхъ генераловъ," безъ опредѣленія числа тѣхъ и другихъ. Мѣра эта, повидимому, вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ дѣла. Въ совѣтъ министерства, какъ видно изъ самаго перечня его занятій, поступаетъ весьма мало чисто технических вопросовъ, а напротивъ, входитъ множество дѣлъ, для успѣшнаго рѣшенія которыхъ требуются не одни техническія познанія. Извѣстно однако что техники путей сообщенія часто ограничиваются занятіями въ предѣлахъ одной своей спеціальности. Проектъ преобразованія министерства не вноситъ никакихъ особыхъ перемѣнъ въ совѣтъ министерства. Предполагается лишь не ограничивать числа членовъ совѣта заранѣе опредѣленною цифрой, но съ тѣмъ чтобы только пять членовъ совѣта получали особое содержаніе отъ казны.

Въ ученомъ комитетѣ предполагается произвести коренное преобразованіе. Въ какомъ же смыслѣ? Указываютъ на то что и въ ученый комитетъ поступаетъ весьма мало чисто-техническихъ дѣлъ, а между тѣмъ безпрестанно приходится составлять при министерствѣ особыя коммисіи для обсужденія разныхъ вопросовъ иногда чисто-техническихъ, но чаще всего имѣющихъ вмѣстѣ съ техническимъ и административное или законодательное значеніе. Поэтому предполагается преобразовать ученый комитетъ какъ бы въ постоянную коммисію, которая разсматривала бы въ порядкѣ совѣщательномъ различные вопросы по назначенію министра. Въ преобразованный комитетъ войдутъ старшіе чины вѣдомства, нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ его и депутаты отъ другихъ министерствъ. Но если въ ученый комитетъ поступало мало техническихъ вопросовъ, то, казалось бы, въ отдѣльномъ существованіи его нѣтъ надобности: врядъ ли какой бы то ни было комитетъ можетъ замѣнить спеціальныя коммисіи, которыя составляются изъ людей въ особенности знакомыхъ съ извѣстнымъ дѣломъ. Сверхъ того, прочія министерства могутъ быть затруднены назначеніемъ депутатовъ, которые оказывались бы знатоками по всѣмъ дѣламъ могущимъ возникнуть въ министерствѣ путей сообщенія. Можно найти людей стоящихъ въ уровень съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, но трудно найти знатока по всякому дѣлу. Не было ли бы гораздо проще, не касаясь спеціальныхъ временныхъ коммисой почти ничего не стоящихъ казнѣ, собирать для рѣшенія важныхъ техническихъ вопросовъ особое присутствіе изъ членовъ-техниковъ совѣта министерства? Не достиглось ли бы при такомъ порядкѣ болѣе правильное распредѣленіе занятій? Почти въ каждое дѣло путей сообщенія входятъ болѣе или менѣе вопросы какъ техническіе, такъ и административные, но случаются дѣла и чисто-техническія, напримѣръ, обсужденіе того или другаго способа постройки плотинъ, шлюзовъ, дорогъ и пр. Большое число членовъ совѣта министерства даетъ возможность составлять въ немъ присутствіе изъ техниковъ и другихъ членовъ сообразно со свойствами каждаго подлежащаго разсмотрѣнію вопроса. Не представилось бы никакихъ затрудненій въ составленіи и чисто-техническихъ присутствій. При новомъ составѣ совѣта легко избѣжать обоихъ противоположныхъ случаевъ: рѣшенія законодательныхъ или административныхъ дѣлъ одними техниками, какъ это случалось иногда до сихъ поръ, а также и предоставленія техническаго дѣла въ руки администраторовъ не свѣдущихъ въ техникѣ.

Сокращеніе издержекъ на ученый комитетъ тѣмъ желательнѣе что преобразованіе вѣдомства путей сообщенія почти не уменьшаетъ издержекъ на центральное управленіе, а онѣ достигаютъ значительныхъ цифръ. Центральное управленіе обходится теперь въ 574.860 р.; впредь потребуется 570.295 рублей: не желательно ли понизить эту громадную цифру?

Въ проектѣ преобразованія, сколько намъ извѣстно, помянуто что уставы и концессіи желѣзныхъ дорогъ не будутъ впредь обя-

зательно поступать на разрѣшеніе совѣта министерства, а имѣютъ вноситься туда лишь по назначенію министра. Хорошо бы, еслибъ эта оговорка обѣщала наконецъ пересмотръ порядка разрѣшенія и сдачи постройки желѣзныхъ дорогъ!

Самыя важныя измѣненія, вносимыя проектомъ, относятся, какъ мы сказали, къ управленію шоссейными и водяными сообщеніями. Измѣненія эти состоятъ въ чрезвычайномъ ослабленіи коллегіальнаго порядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ усиленіи личной отвѣтственности исполнителей. То же самое, какъ знаютъ читатели, предположено и относительно управленія желѣзными дорогами, но это управленіе состоитъ собственно въ надзорѣ, въ инспекціи, и потому относительно его предполагаемая перемѣна не имѣетъ существеннаго значенія. На водяныхъ же сообщеніяхъ и шоссе казна является полнымъ хозяиномъ; тутъ она строитъ, ремонтируетъ и взимаетъ сборы. Потому здѣсь сокращеніе коллегіальнаго порядка въ мѣстныхъ округахъ и центральныхъ инстанціяхъ будетъ весьма замѣтною перемѣною хода дѣлъ.

При извѣстныхъ обстоятельствахъ, коллегіальный порядокъ есть необходимое обезпеченіе отъ произвола и фальшиваго направленія администраціи. Другое дѣло завѣдываніе техническими сооруженіями. Оно не соприкасается съ такимъ безчисленнымъ множествомъ сложныхъ отношеній какъ администрація; оно больше имѣетъ дѣла съ предметами завѣдыванія чѣмъ съ лицами. Дѣло техническаго завѣдыванія понѣе и проще, особенно для лица достаточно свѣдущаго; отъ него надобно болѣе всего требовать вниманія и радѣнія къ дѣлу, а не того чтобъ онъ аккуратно представлялъ возникающіе вопросы на обсужденіе коллегіи разнообразнаго состава. Дѣйствительно, никакое частное общество не установитъ коллегіальнаго управленія заводомъ или фабрикою, а постарается имѣть отвѣтственнаго управляющаго, по возможности свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, но за то общество учредитъ за нимъ бдительный контроль. Правленія частныхъ обществъ весьма часто оставляютъ за собою лишь рѣшеніе главнѣйшихъ дѣлъ, и сосредоточиваютъ всѣ свои усилія преимущественно на контролѣ за исполнителями.

Проектъ преобразованія министерства путей сообщенія, если только дошедшія до насъ свѣдѣнія вѣрны, сокращаетъ коллегіальный порядокъ и въ нѣкоторой степени усиливаетъ контроль.

Начиная съ низшихъ инстанцій, мы должны остановиться на начальникѣ округа, ибо положеніе участковыхъ начальниковъ почти вовсе не измѣняется.

Для обсужденія дѣлъ по торгамъ, по особо-важнымъ вопросамъ, и каждый разъ когда начальникъ округа сочтетъ нужнымъ, онъ собираетъ общее присутствіе въ которое входятъ его помощникъ, состоящіе при немъ инженеры и дѣлопроизводитель. Не согласившись съ мнѣніемъ большинства, начальникъ округа имѣетъ право представить вопросъ на рѣшеніе министра, а коль скоро дѣло не терпитъ отсрочки, привести въ исполненіе собственное рѣшеніе. Начальнику округа предоставлено опредѣлять и увольнять чиновниковъ округа, кромѣ инженеровъ, назначаемыхъ министромъ. Онъ утверждаетъ техническіе отчеты, а также проекты, смѣты, кондиціи и торги на сумму до 10.000 рублей. Экстренныя работы въ случаяхъ наводненія, бури и пожара и т. п. разрѣшаются начальникомъ округа на 2.000 руб. Начальники участковъ имѣютъ право производить подобныя работы на сумму до 600 рублей.

Главный начальникъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній получаетъ также самостоятельное положеніе, хотя кажется постановленія общаго присутствія будутъ имѣть для него обязательную силу. На шоссе, рѣкахъ и каналахъ рѣдко производятся новыя работы; тутъ вообще бываетъ надобность только въ ремонтѣ. Главному начальнику дана власть утверждать по ремонту проекты, смѣты и кондиціи на всякую сумму. По новымъ разрѣшеннымъ работамъ онъ утверждаетъ проекты и кондиціи до 25.000 р., а экстренныя работы до 5.000 р.; ассигновки разрѣшаетъ до 10.000 р.

Проектированное устройство округовъ весьма сходно съ устройствомъ главнаго управленія, которое для водяныхъ сообщеній предполагается въ томъ же видѣ какъ и для желѣзныхъ дорогъ. Начальнику округа дается впрочемъ только одинъ помощникъ изъ техниковъ; преимущественно на этомъ послѣднемъ будетъ лежать осмотръ работы. За тѣмъ при начальникѣ округа полагается четыре инженера для техническихъ занятій и шесть дѣлопроизводителей. Техническая часть также строго выдѣляется изо всѣхъ остальныхъ дѣлъ.

Какія же средства контроля надъ ходомъ дѣлъ въ округахъ постановляетъ проектъ? Предполагается что на осмотръ работъ будутъ посылаемы техники состоящіе при главномъ управленіи; вводится новое правило, что члены совѣта министерства могутъ быть командированы не только для осмотра работъ, но и на ревизію дѣлопроизводства. Дѣйствительность контроля ставится такимъ образомъ въ прямую зависимость отъ того, въ какой мѣрѣ будутъ часты такія командировки и какими результатами будутъ сопровождаться донесенія командированныхъ. Въ дѣлѣ контроля коллегіальный порядокъ вполнѣ у мѣста, и быть-можетъ было бы весьма полезно обязательное разсмотрѣніе въ совѣтѣ министерства отчетовъ представляемыхъ начальниками округовъ и донесеній отъ лицъ командированныхъ для общихъ или важныхъ ревизій. Предоставляемое начальнику округа утвержденіе техническихъ отчетовъ на работы стоящія до 10 т. р. есть право весьма широкое, которое съ пользою можно бы ограничить расширеніемъ свободы дѣйствій подъ дѣйствительнымъ контролемъ. . . . .

Министерство путей сообщенія еще недавно имѣло у насъ военное устройство. Для производства работъ, а также для присмотра за сооруженіями и судоходствомъ образованы были военно-рабочія роты. Численность этого путейскаго воинства доходила до 9 тысячъ человѣкъ. Въ 1859 году перестали наконецъ комплектовать путейскія роты изъ военнаго вѣдомства и начали постепенно замѣнять солдатъ вольнонаемными. Теперь остается не болѣе трети прежняго военнаго состава „прислуги“ вѣдомства путей сообщенія. По проекту предполагается теперь для надзора за главными работами завести особыхъ надсмотрщиковъ, а для наблюденія за ремонтными работами и важнѣйшими сооруженіями—десятниковъ. При незначительныхъ сооруженіяхъ и заставныхъ домахъ на шоссе полагаются особые сторожа. Плата имъ будетъ 400, 250 и 180 р. и все-таки ожидается сокращеніе издержекъ на прислугу почти въ 115 тыс. руб. Полагаютъ что 2.760 надсмотрщиковъ, десятниковъ и сторожей замѣнятъ прежнюю девяти-тысячную команду.

Проектъ преобразованія министерства путей сообщенія, какъ относительно желѣзныхъ дорогъ, такъ и шоссе и водяныхъ сообщеній, не затрогиваетъ дѣйствующихъ уставовъ. Крайняя неудовлетворительность этихъ уставовъ была вѣроятно причиною того что отложено составленіе самыхъ инструкцій для дѣйствій начальниковъ участковъ, ихъ помощниковъ и смотрителей судоходства. Ничего не говорится также объ инструкціи дорожнымъ и судоходнымъ сторожамъ и надсмотрщикамъ. Остается надѣяться что примѣръ Франціи, гдѣ администрація оберегаетъ порядокъ на рѣкахъ и дорогахъ съ такимъ множествомъ притѣсненій для общества, послужитъ намъ добрымъ предостереженіемъ. Наши военные и дорожные и судоходные сторожа, правда, не навлекли на себя общественной ненависти, но только потому что поборы чинились у насъ повсюду....

Изъ числа другихъ болѣе важныхъ вопросовъ затронутыхъ проектомъ, нельзя не упомянуть о больницахъ на водяныхъ сообщеніяхъ. Такихъ больницъ у насъ всего шесть: Шлиссельбургская, Тихвинская, Соминская, Маріинская, Вышневолоцкая и Телеханская. Оказывается что казна тяготится содержаніемъ даже небольшаго числа больницъ. Вѣдомство путей сообщенія начало переписку о передачѣ этихъ больницъ въ вѣдѣніе земства. Если отъ желѣзныхъ дорогъ хотятъ требовать чтобы въ пассажирскихъ поѣздахъ были средства для подачи первыхъ медицинскихъ пособій пассажирамъ, то съ тою же основательностью надо желать чтобы наши водяныя сообщенія не остались безъ больницъ для судорабочихъ, которые подвергаются величайшимъ лишеніямъ и опасностямъ для здоровья. Большая часть нашихъ искусственныхъ водяныхъ сообщеній проходитъ пустынями Новгородской и Олонецкой губерній и Полѣсья. Неужели акціонерная компанія которая пріобрѣтетъ Маріинскую систему и неизбѣжно поставитъ всѣхъ судорабочихъ въ большую отъ себя зависимость, — не будетъ обязана содержать на этомъ пустынномъ пути для нихъ и для вольнонаемной прислуги хотя теперешнее число больницъ?

№ 87.

Москва, 24-го апрѣля.

Въ берлинской *National-Zeitung* недавно появился, будто бы сообщенный изъ

Риги, документъ касающійся пресловутаго обрусѣнія дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ балтійскихъ губерній. Вопросъ объ этой мѣрѣ возникъ ровно за 20 лѣтъ предъ симъ, и она была Высочайше утверждена 3-го января 1850 года. Но она оставалась „мертвою буквою“ до 1867 года, когда въ комитетѣ министровъ вспомнили о ней, и она вновь, по Высочайшей волѣ, была предписана къ исполненію. Съ тѣхъ поръ протекло еще почти три года. Все шли сборы какъ приступить къ этому дѣлу. А между тѣмъ, въ Германіи и въ балтійскихъ губерніяхъ, поднялся страшный шумъ. Казалось дѣло шло о коренномъ преобразованіи всѣхъ порядковъ въ балтійскомъ краѣ; казалось, дѣлались приготовленія къ дѣйствительному исполненію національной програмы провозглашенной въ то время нашимъ правительствомъ. Неопытный наблюдатель могъ подумать что дѣйствительно наступила наконецъ пора разрѣшенія одного изъ самыхъ пагубныхъ недоразумѣній тяготѣющихъ надъ дѣлами Россіи, что двусмысленныя и въ настоящее время совершенно невозможныя отношенія къ ней ея балтійскаго поморья прекратятся цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ которыя тѣмъ легче могли бы быть исполнены чѣмъ рѣшительнѣе было бы къ нимъ приступлено. Нѣтъ, напротивъ, именно этотъ шумъ который тогда поднялся и продолжается до сего дня, возрастая по мѣрѣ своихъ успѣховъ, свидѣтельствуетъ что вожаки балтійскаго движенія не вѣрятъ въ дѣйствительность объявленной русской національной програмы, что они не придаютъ серіознаго значенія предположеннымъ мѣрамъ, и считаютъ теперешнія обстоятельства особенно благопріятными для того чтобы навсегда повернуть дѣла въ своемъ смыслѣ. Нѣтъ, напротивъ, всякій шумъ умолкъ бы тотчасъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ начался рядъ мѣръ соотвѣтствующихъ истиннымъ требованіямъ національной политики. Сразу прекратились бы грубыя попытки напугать Россію шумомъ нахальныхъ брошюръ и газетныхъ статей, и обмануть ее нелѣпыми софизмами. Въ дѣлѣ столь справедливомъ, столь ясномъ и несомнѣнномъ для всякаго просвѣщеннаго и непредубѣжденнаго ума какъ требованіе Россіи относительно ея балтійскихъ провинцій, всѣ благонамѣренные и благоразумные люди въ этихъ же провинціяхъ не замедлили бы присоединиться къ програмѣ правительства, и оно нашло бы себѣ надежную поддержку въ самихъ населеніяхъ края, еслибы нѣкоторые странные признаки не заставляли всѣхъ думать что програма эта не есть дѣло рѣшеное и серіозное, что она есть порожденіе случайности, и что всякій кто пристанетъ къ ней очутится на мели. При первомъ рѣшительномъ шагѣ, злоумышленная партія пришла бы въ уныніе. Махинаціи обмана потеряли бы смыслъ и не стоили бы труда. Мы имѣемъ разительный примѣръ тому въ дѣлахъ другой изъ нашихъ окраинъ, которая за семь лѣтъ предъ симъ была объята пожаромъ. Вспомнимъ какой шумъ стоялъ въ Европѣ въ 1863 году по поводу Польскаго вопроса, и съ какою дерзостью дѣйствовала политическая интрига когда положеніе русскаго правительства въ этомъ вопросѣ казалось сомнительнымъ. Вспомнимъ также какъ быстро все это прекратилось когда правительство рѣшительно вступило здѣсь на путь политики требуемой жизненными интересами его государства,—какъ все смолкло, когда начался этотъ рядъ блистательныхъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ, доказавшихъ съ какою ясностью и отчетливостію правительство поняло здѣсь свою задачу, свое доброе право и свой великій долгъ предъ прошедшимъ и будущимъ своей страны,—реформъ столь же мудро задуманныхъ, какъ честно, добросовѣстно и неуклонно исполненныхъ. Вспомнимъ что и въ западномъ краѣ, когда казалось что система принятая правительствомъ не могла подвергнуться никакимъ колебаніямъ въ своихъ основаніяхъ, между людьми, которыхъ подъ общимъ именемъ Поляковъ отдавали во власть мятежу и измѣнѣ, оказались тотчасъ же люди преданные Россіи, поспѣшившіе отречься отъ всякой солидарности съ польскимъ патріотизмомъ и, соотвѣтственно истинѣ, признать себя Русскими. Еще нѣсколько твердыхъ и вмѣстѣ разумныхъ шаговъ, и вся масса людей затянутыхъ въ интригу совершенно освободилась бы отъ нея, и обрусѣніе края оказалось бы само собою совершившимся фактомъ.

Но перейдемъ къ апокрифному документу опубликованному въ берлинской газетѣ.

Зная лукавство и лживость нашихъ противниковъ, мы не беремся рѣшить, есть ли въ этомъ сообщенномъ документѣ хо-

тя одно слово правды. Но нельзя не согласиться что онъ гораздо точнѣе могъ бы быть названъ торжественнымъ воспрещеніемъ употреблять русскій языкъ нежели предписаніемъ ввести его въ употребленіе. Берлинская газета объявляетъ будто введеніе русскаго языка въ коронныя присутственныя мѣста балтійскихъ губерній сопровождается слѣдующими условіями:

1. Чтобы переписка всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ съ некоронными учрежденіями и *частными лицами* производилась попрежнему на нѣмецкомъ языкѣ. Но при этомъ, примѣнительно къ примѣчанію 1-му къ ст. 121 части I Свода Мѣстныхъ Узаконеній некоронныя присутственныя мѣста и учрежденія во всякомъ случаѣ обязаны принимать бумаги на русскомъ языкѣ не только отъ высшихъ и общихъ учрежденій, управленій и властей имперіи и отъ присутственныхъ мѣстъ внѣ балтійскаго края, но и отъ всѣхъ военныхъ мѣстъ и военныхъ лицъ имперіи, и должны въ своей перепискѣ со всѣми упомянутыми учрежденіями и лицами ко всѣмъ своимъ бумагамъ и относящимся къ нимъ приложеніямъ присоединять переводы на русскомъ языкѣ; мѣстныя контрольныя палаты должны при дѣлопроизводствѣ и при перепискѣ со всѣми присутственными мѣстами употреблять исключительно русскій языкъ, а бумаги на нѣмецкомъ языкѣ они имѣютъ принимать только отъ не-коронныхъ присутственныхъ мѣстъ балтійскаго края.

Что касается до этого перваго пункта берлинскаго документа, то имъ не подтверждается даже то что на практикѣ существовало въ силѣ какъ *прежде*, такъ и *послѣ* 3-го января 1850. Издавна и высшія и низшія балтійскія присутственныя мѣста *всѣхъ родовъ*, а не одни только такъ-называемыя коронныя учрежденія, вели на русскомъ языкѣ переписку съ подлежащими высшими и низшими присутственными мѣстами и *частными лицами* внутреннихъ губерній. Отнынѣ можно будетъ возвращать русскія бумаги всякому кто не носитъ военнаго мундира. Но и о военныхъ могутъ возникнуть пререканія. Считать ли отставнаго военнымъ? Если нѣтъ, то считать ли безсрочно-отпускнаго свободнымъ отъ того униженія и тѣхъ неудобствъ коимъ по берлинскому документу, будутъ подвергаться всѣ Русскіе не состоящіе на военной службѣ?

Что касается до различія между коронными и не-коронными учрежденіями, то мы смѣемъ думать что тутъ скрывается весьма важное недоразумѣніе. Мы готовы согласиться съ балтійскими политиками, отрицающими различіе между коронными и не-коронными мѣстами, хотя мы увѣрены что наше согласіе имъ не понравится. Нѣтъ такого учрежденія вооруженнаго общественною властію, которое не имѣло бы государственнаго значенія и которое, въ государствѣ монархическомъ, не находилось бы въ прямомъ отношеніи къ коронѣ. Или судъ въ балтійскихъ провинціяхъ чинится не во имя короны? Или судебное дѣло въ этихъ провинціяхъ и теперь есть не болѣе какъ расправа помѣщика съ крѣпостными, господина съ рабами, какъ было въ отдаленныя времена Петра Великаго? Правда, балтійскія судебныя учрежденія и теперь еще имѣютъ сословный, даже вотчинный характеръ, тѣмъ не менѣе они являются теперь органомъ государственной власти: въ противномъ случаѣ они не имѣли бы никакой силы, и никто не сталъ бы ихъ слушаться. И внутри Россіи, до реформы совершившейся такъ недавно, персоналъ судебныхъ учрежденій имѣлъ сословное происхожденіе. Судьи выбирались дворянствомъ изъ дворянства; но они тѣмъ не менѣе творили судъ во имя Государя, какъ органъ государства. Дѣло не въ способѣ избранія и назначенія должностнаго лица, а въ характерѣ предоставляемой ему власти. Власть, какъ въ судебномъ, такъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, можетъ проистекать только изъ единой Верховной Власти и есть выраженіе государственнаго начала.

Петръ Великій оставилъ употребленіе нѣмецкаго языка въ балтійскихъ провинціяхъ ради удобства, а отнюдь не во знаменіе отдѣльнаго отъ Россіи государства. Въ то время Лифляндія и Эстляндія представляли собою не какое-либо національное цѣлое, а извѣстное число рыцарскихъ имѣній и нѣсколько городскихъ общинъ; народа въ нихъ не было, а были населенія невольниковъ находившихся въ безусловной зависимости отъ своихъ феодальныхъ господъ. Гражданское общество состояло только изъ этихъ господъ, которымъ приходилось считаться только другъ съ другомъ, и имъ было предоставлено рядиться и судиться между собою какъ они знаютъ. Что же касается до городскихъ

сословій, то каждое изъ нихъ замыкалось въ чертѣ своего города, и только въ этой чертѣ ограждалось своими привилегіями отъ баронской расправы. Итакъ, нѣмецкій языкъ, вмѣстѣ съ другими привилегіями, былъ предоставленъ отдѣльнымъ корпораціямъ для ихъ домашняго обихода. То ли представляетъ теперь Лифляндская или Эстляндская губернія? Нѣтъ: теперь сословныя учрежденія имѣютъ тамъ дѣло со свободнымъ народомъ, и рыцари судятъ и рядятъ не рабовъ своихъ, а людей признанныхъ гражданами и состоящихъ въ прямомъ отношеніи къ государству. Какъ только, вмѣсто полновластныхъ господъ и безправныхъ рабовъ, появились здѣсь свободныя въ принципѣ населенія, такъ сама собою упразднилась и привилегія нѣмецкаго языка. Для того чтобы нѣмецкій языкъ, вмѣсто сословнаго значенія, получилъ государственное или, что̀ все то же, національное значеніе, требуется новая привилегія, особый торжественный актъ Верховной Власти. Требуется признать Лифляндію особымъ государствомъ.

Спрашивается, неужели только канцелярія казенной палаты или палаты государственныхъ имуществъ представляетъ собою государственное начало, а ландгерихты, гофгерихты и т. п. судятъ и рядятъ, заключаютъ свободныхъ людей въ тюрьму, отправляютъ ихъ въ ссылку, рѣшаютъ дѣла касающіяся ихъ чести и собственности, не во имя Государя, не какъ органъ Его государства? Или надобно признать ихъ органомъ особаго отъ Россіи, германскаго государства, находящагося только въ случайномъ и внѣшнемъ единеніи съ ней? Но въ послѣднемъ случаѣ какая же надобность вводить русскій языкъ въ канцеляріи нѣкоторыхъ присутствій? Зачѣмъ, въ качествѣ коронныхъ, отдѣлять ихъ отъ судебныхъ и другихъ учрежденій? Зачѣмъ не признать и ихъ также органами особаго германскаго государства, и не предоставить этому государству полнаго развитія чтобы видимость соотвѣтствовала правдѣ?

Что̀ гласитъ вышеприведенный первый пунктъ якобы официальнаго документа опубликованнаго берлинскою газетой? Даже такъ-называемымъ короннымъ учрежденіямъ въ этихъ провинціяхъ предписывается сноситься со всѣми мѣстными учрежденіями и частными лицами въ балтійскихъ провинціяхъ неиначе какъ по-нѣмецки. Какое же это введеніе русскаго языка? Не значитъ ли это напротивъ установленіе господства языка нѣмецкаго? Неужели требовалось особое подтвержденіе чтобы балтійская палата государственныхъ имуществъ не отсылала назадъ своему министру бумагъ писанныхъ на русскомъ языкѣ, или чтобы какой-нибудь гофгерихтъ не отказался отъ принятія указовъ правительствующаго сената, если они писаны не на нѣмецкомъ діалектѣ? Неужели для этого требовалось согласіе изъявленное органомъ сѣверо-германскаго канцлера, газетою *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*? Эта газета взялась быть посредницей между правительствомъ русскимъ и лифляндскимъ, и какъ подобаетъ доброму союзнику, склоняетъ послѣднее къ сговорчивости, находя что лифляндская казенная палата и другія подобныя учрежденія могутъ, безъ вреда для Лифляндіи и безъ ущерба своему достоинству, переписываться съ петербургскими министерствами на русскомъ языкѣ... Но и въ этомъ случаѣ отъ такъ-называемыхъ не-коронныхъ учрежденій требуется только приложеніе русскаго перевода къ нѣмецкому подлиннику.

Спрашивается, для чего учреждены эти присутственныя мѣста, именуемыя коронными? Для того же конечно для чего учреждены они и въ другихъ мѣстахъ. Лифляндская казенная палата вѣдаетъ дѣла въ Лифляндской губерніи, не мѣшаясь въ дѣла Псковской. Точно также и другія мѣстныя учрежденія, именуются ли они коронными или не-коронными. Всѣ они находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ мѣстными сословіями и живущими тамъ частными лицами. Бо̀льшая и самая существенная часть ихъ дѣлопроизводства возбуждается сношеніями съ мѣстными сословіями и лицами. Что̀ же остается для русскаго языка, если эта часть дѣлопроизводства должна имѣть и въ коронныхъ мѣстахъ своимъ обязательнымъ органомъ языкъ нѣмецкій?

Въ сущности первый пунктъ обнародованнаго въ *National-Zeitung* документа также устраняетъ различіе между рекомыми коронными и не-коронными учрежденіями, и устраняетъ именно въ томъ самомъ смыслѣ какъ желаетъ лифляндскій ландтагъ. На что̀ же этотъ ландтагъ сѣтовалъ въ своемъ адресѣ? Чего же еще онъ требовалъ? Такъ называемыя коронныя присутственныя мѣста въ Лифляндіи и Эстляндіи подчиняются тамошнему нѣмецкому

правительству, и мѣстамъ этимъ поставляется въ обязанность сноситься съ нимъ и съ его подданными не иначе какъ на его языкѣ. По силѣ этого перваго пункта, всякое, не только такъ-называемое не-коронное, но и коронное присутственное мѣсто, можетъ отказать въ принятіи отъ частнаго лица прошенія писаннагѡ по-руски. А сколько въ балтійскихъ провинціяхъ постоянно и временно живетъ людей не знающихъ другаго языка кромѣ русскаго, каковыхъ при Петрѣ Великомъ тамъ вовсе не было!...

Итакъ, если въ изложеніи берлинской газеты нѣтъ подлога, первый пунктъ документа значилъ бы что русскій языкъ не только не вводится, но съ безчестіемъ выталкивается изъ этихъ провинцій, а съ нимъ неизбѣжно и руское государство...

Переходимъ къ прочимъ пунктамъ берлинскаго документа.

2 Что Высочайшіе манифесты и указы, повсемѣстно обнародуемые и равно обязательные для некоронныхъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, или для *мѣстнаго населенія*, указы правительствующаго сената, распоряженія губернскаго начальства и вообще объявленія печатаемыя для всеобщаго свѣдѣнія въ губернскихъ вѣдомостяхъ (какъ въ официальной, такъ и въ неофиціальной части оныхъ), независимо отъ русскаго текста, *помѣщаемаго въ случаѣ надобности*, печатаются на нѣмецкомъ языкѣ.

Русскій текстъ публикуется только *въ случаѣ надобности*, а обязательно публикуется только нѣмецкій текстъ для туземнаго населенія, хотя бы оно и не знало по-нѣмецки.

3. Что въ кассовыхъ книгахъ уѣздныхъ казначействъ и въ прилагаемыхъ къ нимъ вѣдомостяхъ о процентныхъ бумагахъ, также какъ и въ книгахъ о гербовой бумагѣ, о патентахъ или другихъ казенныхъ имуществахъ всякаго рода, каждая статья должна быть писана *по-русски и по-нѣмецки*, протоколы ревизій уѣздныхъ казначействъ и принадлежащія къ нимъ вѣдомости также должны быть составляемы *на томъ и другомъ языкѣ*, и некоронныя должностныя лица, ревизующія казначейства, должны свидѣтельствовать своею подписью *только нѣмецкій текстъ протоколовъ и вѣдомостей*; что некороннымъ должностнымъ лицамъ дозволяется въ опредѣленную на то книгу (форм. 7) вписывать *на нѣмецкомъ языкѣ* передаваемые для храненія въ уѣздныхъ казначействахъ денежные сундуки некоронныхъ присутственныхъ мѣстъ, и что тѣмъ кто уплатили налоги и подати всякаго рода должны быть выдаваемы квитанціи и талоны квитанцій, мѣстнымъ же жителямъ свидѣтельства и билеты на право торговли и промысла, по желанію ихъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

4. Что переписка губернскаго акцизнаго управленія съ подчиненными ему уѣздными чиновниками, относительно преслѣдованія за нарушеніе акцизныхъ постановленій административнымъ или судебнымъ порядкомъ, должна *производиться на нѣмецкомъ языкѣ*, а сверхъ того всѣ акцизныя книги и счеты должны быть *ведены на томъ же языкѣ*.

Чѣмъ далѣе читаемъ мы этотъ документъ, тѣмъ болѣе удивляемся, тѣмъ болѣе должна удивляться и нѣмецкая публика, которой онъ сообщается какъ мѣра которою будто бы вводится русскій языкъ въ балтійскія провинціи. Это скорѣе мѣра которою узаконяется употребленіе нѣмецкаго языка тамъ гдѣ право его могло казаться сомнительнымъ даже для заклятыхъ нѣмецкихъ патріотовъ. Далѣе:

5. Что до имѣющаго въ скоромъ времени послѣдовать преобразованія балтійской палаты государственныхъ имуществъ и до предполагаемой отмѣны уѣздныхъ управленій государственными имуществами, дѣлопроизводство и переписка по этимъ управленіямъ остается на прежнемъ основаніи. (Это преобразованіе уже послѣдовало).

6. Что во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и управленіяхъ, коихъ члены отчасти назначаются посредствомъ сословныхъ выборовъ, дѣлопроизводство и переписка остаются на прежнемъ основаніи.

Все это рѣшительно только подтвержденіе и узаконеніе нѣмецкаго языка. Гдѣ же введеніе русскаго?

Въ заключеніе берлинская газета сообщаетъ о состоявшемся будто бы рѣшеніи „чтобы вопросъ объ измѣненіи переписки „производимой на нѣмецкомъ языкѣ коронными присутственными мѣстами и коронными чиновниками съ не-коронными „учрежденіями и частными лицами, — не „былъ возбуждаемъ, и чтобы впредь эта „переписка производилась на прежнемъ основаніи.“

Итакъ, во всемъ этомъ документѣ нѣтъ

ни тѣни ограниченія нѣмецкаго языка; одинъ только русскій языкъ ограничивается до размѣровъ даже невозможныхъ на практикѣ, ибо не только „короннымъ,“ но и всѣмъ прочимъ учрежденіямъ балтійскаго края, ради собственнаго удобства, приходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняться съ частными лицами по-русски.

И что же? Представляя въ такомъ видѣ и смыслѣ мѣру русскаго правительства, нѣмецкая партія внутри и внѣ Имперіи вопіетъ о руссификаціи балтійскихъ провинцій! Одни негодуютъ, жалуются, грозятъ, взываютъ къ святынѣ нарушенныхъ правъ; другіе принимаютъ личину смиренія и благонравія, совѣтуютъ покориться тяжкой необходимости, соглашаются что и за Россіей должно же быть признано нѣкоторое право, и что она не можетъ же отказаться отъ нѣкоторыхъ заботъ о своемъ единствѣ... Вотъ небывалая во всемірной исторіи комедія! И все это принимаетъ видъ честности, искренности, глубокаго убѣжденія; все это поднимаетъ оглушительный гамъ на тысячу ладовъ и голосовъ. Мѣра эта даже и не въ томъ видѣ, какъ изображаютъ ее нѣмецкіе органы, не имѣла бы серіознаго значенія безъ соотвѣтствующей реформы юстиціи и учебныхъ правительственныхъ заведеній. Но рѣшено выдавать ее за фанатическое проявленіе русской національной политики; рѣшено въ то же время приписывать ей громадное значеніе. Сигналъ поданъ, роли розданы, и комедія разыгрывается. Ландтаги шлютъ вопіющіе адресы; въ нѣмецкихъ газетахъ появляются цѣлые трактаты о государственномъ правѣ которое находитъ-де себѣ выраженіе только въ чиновничествѣ и отъ котораго должны быть строго отдѣляемы права пріобрѣтенныя, къ коимъ причисляется, посредствомъ удивительнаго фокусъ-покуса, юстиція; выходятъ брошюры писанныя по-русски и обращенныя къ Россіи съ великодушнымъ предложеніемъ помириться на совершившейся великой реформѣ отдавшей Кесарю все Кесарево.. Весь маневръ клонится къ тому чтобы увѣрить Россію, ея правительство и ея общественное мнѣніе, что вышеписанная мѣра сопровождается тяжкою жертвой для балтійскихъ привилегированныхъ классовъ... И вотъ за то что нѣмецкій языкъ не только узаконяется въ балтійскихъ провинціяхъ, но и воцаряется тамъ надъ національностію Имперіи, требуется, какъ бы въ вознагражденіе, чтобы всѣ дальнѣйшія реформы, въ которыхъ провинціи эти нуждаются, были совершены въ смыслѣ германской національной политики какъ дальнѣйшее развитіе историческаго права этихъ провинцій.

Вотъ какой обманъ считается относительно Россіи возможнымъ! Какъ же хотѣть чтобы Русскій носилъ свое національное имя съ честью, какъ же требовать чтобы русскій патріотизмъ держался на высотѣ требуемой достоинствомъ Россіи, какъ же ожидать чтобъ ея враги повѣрили въ ея будущность и бросили свои козни, какъ ожидать чтобы въ Европѣ смотрѣли на нее съ должнымъ ея величію и могуществу уваженіемъ!...

Нѣтъ, наши старые московскіе князья, хитря съ Золотою Ордой и вырывая изъ ея грубыхъ рукъ сдѣланныя ею завоеванія, прибѣгали къ средствамъ несравненно болѣе разборчивымъ и тонкимъ чѣмъ тѣ какими считается возможнымъ обморочить теперь великую христіанскую державу, считающую тысячу лѣтъ позади себя и выходившую побѣдоносно, съ непреклонной вѣрой въ свою будущность, изъ столькихъ великихъ погромовъ, бѣдствій и смутъ, ею пережитыхъ...

Вотъ кстати свѣжій образчикъ той грубой безцеремонности съ какою ведутъ себя органы нѣмецко-балтійской политики. Недавно, въ нумерѣ отъ 17-го апрѣля, мы сообщали нашимъ читателямъ о новомъ заявленіи которое постановилъ сдѣлать лифляндскій конвентъ, открывшійся вскорѣ по закрытіи ландтага и заключающій въ своемъ составѣ, кромѣ ландратовъ, еще губернскаго предводителя дворянства (ландмаршала) и дворянскихъ депутатовъ отъ уѣздовъ. Изъ достовѣрнаго источника освѣдомились мы что постановленіе конвента было приведено въ исполненіе, и отъ него поданъ адресъ въ томъ самомъ смыслѣ какъ было въ общихъ чертахъ нами изложено. Кромѣ того, мы сообщали, также изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій конвента шла рѣчь о томъ чтобы не присутствовать при торжественныхъ въ царскіе дни молебствіяхъ православной церкви, такъ какъ, согласно требованію ландтага, господствующею церковью въ Лифляндіи должна быть признаваема лютеранская. Дѣйствительно, на бывшемъ послѣ того торжественномъ молебствіи 4-го апрѣля не присутствовалъ никто изъ этихъ господъ, кромѣ губерн-

ского предводителя дворянства, но за то счелъ нужнымъ на другой же день просить объ увольненіи отъ должности. Все это совершенно вѣрно, и объ этомъ знаетъ вся Рига.

Новый органъ нѣмецкой балтійской политики, *Nordische Presse*, счелъ однако своимъ долгомъ возразить намъ. Прямо отрицать сообщенные нами факты не было возможности; тѣмъ не менѣе эта газета упрекаетъ насъ въ неправдѣ, и въ улику намъ объявляетъ себя уполномоченною довести до всеобщаго свѣдѣнія что 17-го апрѣля, въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, какъ ландмаршалъ, такъ и резидирующій въ Ригѣ ландратъ „послѣ торжественнаго богослуженія въ лютеранскомъ храмѣ, присутствовали при молебствіи и въ греко-православномъ соборѣ." Мы весьма радуемся что резидирующій ландратъ исполнилъ свою гражданскую обязанность 17-го апрѣля, и поспѣлъ послѣ богослуженія въ лютеранскомъ храмѣ къ молебствію въ греко-православномъ соборѣ; но въ нашемъ сообщеніи рѣчь шла не о томъ что происходило 17-го апрѣля, которое было еще впереди когда мы излагали дошедшія до насъ свѣдѣнія о конвентѣ. Мы сообщали о томъ что происходило 4-го апрѣля, а насъ уличаютъ въ неправдѣ на основаніи того что было 17-го числа, именно въ тотъ самый день когда только что вышелъ нумеръ нашей газеты подавшій нашимъ противникамъ поводъ къ возраженію!

При этомъ *Nordische Presse* пытается поставить вопросъ на религіозную почву. Она показываетъ видъ что не понимаетъ въ чемъ дѣло, и торжественно, отъ имени всѣхъ лютеранъ, протестуетъ противъ того воззрѣнія что „молитва за своего Монарха возсылаемая къ Богу лютераниномъ въ его лютеранской церкви не имѣетъ равнаго вѣса и достоинства съ молитвою въ греко-православной церкви."

Но никто такого воззрѣнія не высказывалъ. Всякому предоставлено молиться въ храмѣ своего исповѣданія, и признанныя государствомъ исповѣданія не могутъ не участвовать въ его торжествахъ; всякому также предоставляется возсылать свои молитвы къ Богу не только въ храмѣ, но и въ своей клѣти. Однако не въ одной же Россіи, а точно также и во многихъ другихъ странахъ, существуетъ національная, или государственная церковь, и при молебствіяхъ относящихся къ государственнымъ торжествамъ, нигдѣ не отказываются присутствовать должностныя лица какого бы они ни были вѣроисповѣданія. Если въ Петербургѣ и Москвѣ должностныя лица лютеранскаго исповѣданія не находятъ оскорбленіемъ для своей религіозной совѣсти быть въ торжественные дни при богослуженіи православной церкви, то почему же въ Ригѣ можетъ быть это стѣснительно для религіозной совѣсти? Религіозная совѣсть, мы полагаемъ, не мѣняется въ своихъ требованіяхъ смотря по мѣстожительству. Нѣтъ, тутъ дѣло не въ религіи, и напрасно наши противники прибѣгаютъ къ столь грубому извороту. Все дѣло въ томъ чтобы въ Лифляндіи, какъ въ особомъ государствѣ, была своя государственная или національная церковь. Лифляндскому правительству, въ торжественные дни, подобаетъ присутствовать при богослуженіи своего національнаго религіознаго учрежденія. Вотъ въ чемъ все дѣло, и не этого ли, между прочимъ, требовалъ лифляндскій ландтагъ въ своемъ адресѣ, не въ этомъ ли было ему отказано, и не къ этому ли возвращается новое заявленіе конвента? За учрежденіемъ своей особой государственной церкви останется только учредить свои особые государственные праздники.

№ 88.

Москва, 25-го апрѣля.

Въ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* къ нашей газетѣ помѣщаемъ мы статью князя В. И. Васильчикова *О крестьянскихъ повинностяхъ*, и просимъ нашихъ читателей обратить на нее особенное вниманіе.

Въ прошломъ году неумолкаемо раздавались жалобы на разореніе крестьянъ, на ихъ лѣность и распущенность, не дающую будто бы никому въ Россіи возможности вести сельское хозяйство съ успѣхомъ. Ставшій на очередь и теперь уже полурѣшенный вопросъ объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ и стремленіе взять крестьянъ подъ бюрократическую опеку, были главнымъ мотивомъ воплей и причитаній петербургской якобы *консервативной* клики. Въ самый разгаръ этой оргіи князь В. И. Васильчиковъ выступилъ съ разказомъ о ходѣ сельско-хозяйственныхъ дѣлъ

въ принадлежащемъ ему имѣніи Трубетчинѣ, Лебедянскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Разказъ его извѣстенъ нашимъ читателямъ. Одинъ изъ его выводовъ былъ тотъ что сельское хозяйство всего болѣе терпитъ отъ незаботливости и абсентеизма землевладѣльцевъ.

Столь же кстати является и теперешняя статья князя Васильчикова. Она касается вопроса который съ каждымъ днемъ получаетъ все большее значеніе и въ той или другой долѣ входитъ во всѣ задачи занимающія наше законодательство. Авторъ безъ околичностей высказываетъ всѣмъ извѣстный секретъ о томъ какъ чрезмѣрно обременены крестьяне повинностями, и поднимаетъ вопросъ, должны ли теперешнія крестьянскія повинности оставаться и впредь исключительно крестьянскими.

Цифры приводимыя княземъ Васильчиковымъ убѣдительно доказываютъ чрезвычайное обремененіе крестьянъ всякаго рода налогами, но почтенный авторъ не беретъ еще въ разчетъ натуральныхъ повинностей, которыя такъ трудно правильно оцѣнить, и которыя до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ падаютъ почти всею своею тяжестью на крестьянъ. Данныя приводимыя авторомъ относятся ко хлѣбородной, черноземной полосѣ Россіи. Какова же должна быть тяжесть крестьянскихъ повинностей въ сѣверной, неплодородной полосѣ, особенно въ мѣстностяхъ гдѣ не могли развиться промыслы? Казусъ приключившійся съ холмскими *консервативами* отчасти приподнялъ завѣсу скрывавшую положеніе крестьянъ въ этихъ обойденныхъ судьбой мѣстностяхъ. Впрочемъ, тяжесть крестьянскихъ повинностей вполнѣ признается правительствомъ. Сегодня же печатаемъ мы Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ по поводу извѣстнаго проекта административной реформы: комитетъ министровъ признаетъ неудобнымъ дальнѣйшее возвышеніе налоговъ даже въ виду такой необходимой реформы какъ полицейская. Онъ признаетъ что налоги ужь и безъ того чрезмѣрно высоки: важное признаніе, служащее залогомъ того что мы можемъ выйдти изъ затрудненія угрожающаго удручить Россію. Надобно только понять всю его силу, и князю Васильчикову принадлежитъ заслуга что онъ къ тому призываетъ. Надобно прямо и смѣло взглянуть на истинное положеніе этого дѣла, состоящее въ томъ что со временъ разрушенія Западной Римской имперіи когда декуріоны цѣлыхъ провинцій спасались бѣгствомъ отъ повинностей, въ Европѣ еще не было, сколько извѣстно, нигдѣ прямыхъ налоговъ которые превосходили бы даваемый землею доходъ, а у насъ весьма значительная доля крестьянъ отягощена именно такими налогами.

Для облегченія тяжести крестьянскихъ повинностей указываютъ на цѣлый рядъ частныхъ и паллiативныхъ мѣръ. Князь Васильчиковъ упоминаетъ о предположеніи замѣнить подушный оборъ подворнымъ и поземельнымъ, и замѣчаетъ что эта замѣна врядъ ли дѣйствительно облегчитъ плательщиковъ, если итогъ платежей остается тотъ же. Но истиннымъ облегченіемъ было бы устраненіе стѣсненій налагаемыхъ подушною системой на личность податныхъ, а также болѣе правильная разверстка податной тяжести между мѣстностями Имперіи. Но не подлежитъ сомнѣнію что этого еще мало.

Далѣе, нельзя не сочувствовать тому что теперь съ разныхъ сторонъ заявляютъ о необходимости скорѣйшаго устройства крестьянскихъ или народныхъ банковъ. Наконецъ, въ послѣднее время стали довольно часто разсрочивать выкупные платежи, и заговорили о томъ какое бы дать употребленіе запасному капиталу выкупной операціи, который достигъ весьма значительныхъ размѣровъ. Положеніе о выкупѣ наказываетъ употреблять этотъ капиталъ не только на обезпеченіе, но и на облегченіе выкупной операціи. Всего ближе и полезнѣе для успѣха самой операціи было бы обратить эти избытки на облегченіе крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ выкупные платежи несоразмѣрно велики, и сверхъ того содѣйствовать изъ того же капитала устройству народныхъ банковъ. Но всѣ эти мѣры могутъ лишь временно или незначительно облегчить крестьянъ въ платежѣ податей. „Не этимъ путемъ", справедливо замѣчаетъ князь Васильчиковъ, „можно ожидать благотворнаго измѣненія которое несомнѣнно необходимо." Почтенный авторъ признаетъ *неизбѣжность* привлеченія всѣхъ сословій къ государственнымъ податямъ.

Дѣйствительно, полное рѣшеніе вопроса заключается въ уравненіи всѣхъ сословій относительно государственныхъ повинностей. Существующія теперь изъятія представляютъ, особенно въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ, совершенную аномалію. Правда, освобожденіе земель помѣстныхъ дворянъ отъ государственнаго тягла мотивируется недавними жертвами принесенными дворянствомъ при отмѣнѣ крѣпостнаго права, но та же льгота распространяется и на земли купцовъ, личныхъ дворянъ, Евреевъ и пр. Въ хлѣбородной полосѣ найдется не мало земель купцовъ производящихъ огромные посѣвы; въ сѣверныхъ губерніяхъ большія лѣсныя дачи скуплены лѣсопромышленниками. Мѣстами и богатые крестьяне пріобрѣли порядочные куски земли. Можно ли найти хотя какое-либо оправданіе для привилегіи всѣхъ этихъ землевладѣльцевъ въ неуплатѣ податей на государственныя потребности? Что касается до помѣстныхъ дворянъ, то и они должны, во вниманіи къ своему собственному, не только политическому, но и хозяйственному интересу, принять къ сердцу положеніе крестьянъ и позаботиться о томъ, чтобъ оно сдѣлалось выносимымъ. Девятилѣтній льготный срокъ истекъ, и теперь переселенія, хотя еще стѣсненныя, сдѣлались все-таки въ извѣстной мѣрѣ возможны. Къ прежнимъ порядкамъ воротиться нельзя; напротивъ, всякій разумный человѣкъ долженъ предвидѣть что преграды, полагаемыя свободѣ переселенія, не продержатся долго, потому что не будетъ силъ поддерживать ихъ. Необходимо настолько понизить прямые налоги чтобъ они не поглощали всего чистаго дохода съ земли, и чтобы пользованіе надѣломъ было не тягломъ, а правомъ имѣющимъ какую-нибудь цѣну. Но для этого есть только два вѣрныя средства: сокращеніе расходовъ причиняемыхъ непомѣрнымъ развитіемъ бюрократіи, уменьшеніе числа людей живущихъ отъ налоговъ, ограниченіе издержекъ мѣрой необходимости и вмѣстѣ правильное распредѣленіе необходимыхъ налоговъ и ихъ равномѣрное взысканіе.

Князь Васильчиковъ между прочимъ указываетъ что теперешніе порядки взиманія земскихъ сборовъ, покровительствуютъ, на счетъ исправныхъ плательщиковъ, и въ особенности крестьянъ, тѣмъ землевладѣльцамъ которые не хотятъ платить даже мѣстныхъ земскихъ налоговъ. Онъ энергически возстаетъ противъ привилегіи не хотѣть знать общаго дѣла и на всѣ доводы о государственныхъ и общественныхъ потребностяхъ отвѣчать только: „мы платить не станемъ.“ Кто не присоединится въ этомъ укорѣ къ князю Васильчикову.

Ненормальность теперешняго разъединенія сословій становится все ощутительнѣе, и нельзя не радоваться тому что ей не сочувствуетъ и ею не дорожитъ большинство привилегированныхъ. Въ ней главное препятствіе полезному для всѣхъ дальнѣйшему развитію благосостоянія и гражданственности въ нашемъ отечествѣ. Всѣ наиболѣе важные законодательные вопросы останавливаются предъ разобщеніемъ сословій. Содержаніе мироваго посредническаго института, съ окончаніемъ прямыхъ его дѣлъ, стало бременемъ для всѣхъ, не исключая и помѣщиковъ, и объ избавленіи отъ этого бремени ходатайствовали земства многихъ губерній. Отмѣна посредническей должности не представила бы никакихъ затрудненій, еслибы не примѣшивался вопросъ о крестьянскомъ управленіи. Не отдать же его въ самомъ дѣлѣ на произволъ бюрократической опеки? Это было бы горше прежнихъ порядковъ. Трудно оставить также крестьянское управленіе и въ теперешнемъ положеніи когда крестьянскія власти должны отправлять бездну обязанностей возложенныхъ на нихъ разными уставами, вести сложную переписку, составлять вѣдомости и „статистику,“ надзирать за торговлей и промыслами. Участіе образованныхъ классовъ въ низшихъ единицахъ управленія, сразу порѣшило бы эти затрудненія. Съ другой стороны, безъ низшей всесословной единицы, земскія учрежденія висятъ на воздухѣ; единица земства есть уѣздъ который самъ есть цѣлая провинція не меньше англійскаго графства или французскаго департамента, а мелкія единицы управленія, волости, остались учрежденіями сословными. У насъ не образовалось еще основной ячейки для земскаго организма, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему земскія учрежденія не стали еще у насъ дѣломъ бодрымъ и крѣпкимъ, вотъ почему они еще такъ мало оказываютъ признаковъ жизни. Не опираясь на живыя всесословныя земскія первоначальныя общины, они являются болѣе какою-то схемою, какою-то абстракціей, нежели живымъ дѣломъ. Какъ въ физическомъ, такъ и въ политическомъ организмѣ, жизнь есть жизнь элементарныхъ ячеекъ изъ коихъ организмъ слагается, а наше политическое тѣло еще не имѣетъ этихъ элементарныхъ органовъ.

Разъединеніе сословій обнаруживается весьма невыгодными послѣдствіями также въ отношеніяхъ городовъ къ земству. Коммиссія князя Урусова, работавшая надъ проектомъ городскаго положенія, убѣдилась въ затрудненіяхъ, происходящихъ отъ недостаточной связи городовъ съ земствомъ. Къ сожалѣнію, коммиссія не имѣла права подвергать этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію, и могла лишь занести въ свой журналъ заявленіе о необходимости законодательной разработки этого вопроса, но, какъ слышно, государственный совѣтъ призналъ основательность этихъ соображеній. Нѣтъ надобности распространяться что извѣстный проектъ основныхъ началъ административно-полицейской реформы опирался главнымъ образомъ на нашу сословную разобщенность. Только при глубокомъ разъединеніи мѣстныхъ интересовъ могло возникнуть предположеніе сдѣлать изъ губернатора нѣчто въ родѣ турецкаго паши, или, точнѣе, интенданта старыхъ французскихъ порядковъ... Кому изъ землевладѣльцевъ можетъ быть желательна подобная реформа? Кто изъ нихъ не предпочтетъ судебную реформу и земскія учрежденія развитію бюрократіи?

Судьба постигшая проектъ административной реформы извѣстна. Правительственное сообщеніе которое мы печатаемъ сегодня, признаетъ что „преобразованія нынѣшняго царствованія настолько видоизмѣнили собой характеръ разныхъ мѣстныхъ управленій что только при общемъ „пересмотрѣ *всего дѣйствующаго на мѣстахъ учрежденія* возможно придти къ „окончательному и ясному опредѣленію того „круга дѣйствій, который долженъ принадлежать каждому изъ правительственныхъ установленій въ губерніи.“ Дѣйствительно, было бы странно еслибы коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ не согласовала своихъ трудовъ съ трудами состоящихъ при томъ же министерствѣ коммиссій по разнымъ вопросамъ касающимся мѣстнаго управленія. А всѣ эти вопросы тѣсно связаны съ отношеніями сословій, и каждый приводитъ къ заключенію что сословный вопросъ есть нынѣ центральный въ нашемъ законодательствѣ.

Припоминая старые французскіе порядки и ссылаясь на классическій трудъ Токвиля, князь Васильчиковъ съ грустію замѣчаетъ что „чужой опытъ никому еще въ пользу не послужилъ“ и „наставленіями исторіи никто еще не воспользовался.“ Мы сочувствуемъ мотивамъ наводящимъ это раздумье, но не раздѣляемъ пессимизма въ который оно переходитъ. Нѣтъ, и чужой опытъ не всегда бываетъ безплоденъ. Благополучно совершившіяся у насъ реформы свидѣтельствуютъ что мы сумѣли же воспользоваться чужимъ опытомъ и указаніями исторіи.

Нѣтъ, уроки исторіи не должны быть и впредь безполезны для насъ, и нашимъ дѣйствующимъ людямъ не худо, мы думаемъ, припомнить себѣ старые порядки Франціи, которыхъ мимоходомъ коснулся князь Васильчиковъ сославшись на Токвиля. Во Франціи сословія были глубоко разобщены, и государство приводило все къ единству только усиленнымъ развитіемъ бюрократіи. Вся тяжесть повинностей падала на крестьянское и среднее сословія; земли дворянъ были совершенно свободны отъ нихъ, и дворяне являлись тунеядцами, лишнимъ и для всѣхъ тягостнымъ бременемъ....

Французскія деревни до революціи населены были крестьянами, въ большинствѣ владѣвшими землей; они были замкнуты въ своемъ особомъ мірѣ и имѣли свое особое управленіе; помѣщики часто отсутствовали, а живя въ деревняхъ не входили въ потребности крестьянскаго и вообще мѣстнаго управленія. „Помѣщикъ „сдѣлался простымъ обывателемъ деревни, „отлученнымъ отъ прочихъ своими льготами и привилегіями.“ Интенданты внушили своимъ намѣстникамъ что помѣщикъ есть „не болѣе какъ первый изъ обывателей.“ Этимъ намѣстникамъ интенданта предоставлена была такая же власть надъ крестьянскимъ управленіемъ, какую наши *консерваторы* прочили для окружныхъ администраторовъ долженствовавшихъ замѣнить посредниковъ. Во главѣ провинціи стоялъ генеральный интендантъ, которому были поручены всѣ отрасли администраціи и который, въ свою очередь, поразительно похожъ на губернаторовъ не бывшагося проекта административной реформы. Интендантъ „правилъ финансами, внутренними дѣлами, публичными работами, „торговлей. Онъ сносился со всѣми министрами; онъ былъ единственный представитель всѣхъ видовъ правительства въ провинціи“ (см. Tocqueville *L'ancien Régime et la Révolution*). Возможно ли въ нашъ

вѣкъ, послѣ стольких опытовъ, повтореніе этой исторіи?

Нѣтъ, мы твердо надѣемся что Россія не вступитъ на злополучный путь старой Франціи....

№ 89.

Москва, 27-го апрѣля.

Прекращеніе обязательнаго для крестьянъ пользованія помѣщичьею землей, то-есть истеченіе извѣстнаго 9-лѣтняго срока отъ упраздненія крѣпостной зависимости повсемѣстно прошло у насъ не только спокойно, но почти вовсе не замѣтно. Ни изъ одной губерніи не слышно о значительныхъ отказахъ отъ земли со стороны крестьянъ остающихся еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ.

Такихъ вѣстей не доходитъ даже изъ наиболѣе разоренныхъ мѣстностей; даже въ средѣ нищихъ крестьянскихъ населеній нѣкоторыхъ уѣздовъ сѣверной полосы не замѣтно никакого движенія. Повсюду текущею весной крестьянскія поля обсѣменяются какъ и въ годы срочнообязанныхъ отношеній. Продолжаются, какъ и прежде, отдѣльные отказы неумѣлыхъ, разорившихся и никѣмъ не поддержанныхъ крестьянъ отъ полевыхъ надѣловъ, которые они сдаютъ міру, оставляя за собою усадьбы. Но ни откуда не слышно чтобъ община возвращала владѣльцамъ значительную часть отведенной ей въ пользованіе земли.

Извѣстно, однако, сколько опасеній и сколько надеждъ было возбуждено 19-мъ февраля нынѣшняго года. Наши „консерваторы“ приходили въ смущеніе отъ каждаго слуха, и имъ повсюду мерещилось начало опасныхъ переселеній. Дружина таинственнаго Нечаева возлагала всѣ свои упованія на прошедшій февраль, и швейцарскія прокламаціи поддерживали толки петербургскихъ „консерваторовъ.“ Нѣкоторыя опасенія сказались даже въ мѣрахъ администраціи. Сочтено было необходимымъ пріостановить урочныя, постоянно совершающіяся въ извѣстныхъ размѣрахъ переселенія казенныхъ крестьянъ малоземельныхъ губерній. Въ виду рокового срока старались возможно меньше напоминать о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ текущемъ году не публиковали даже годовой вѣдомости о ходѣ выкупной операціи.

Повидимому, теперь въ сферахъ административныхъ разъяснились опасенія. По крайней мѣрѣ подробная вѣдомость о положеніи выкупной операціи по 1-е апрѣля текущаго года опубликована на дняхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

Хотите ли имѣть самое ясное, не подлежащее никакому сомнѣнію свидѣтельство о томъ что опасенія и тенденціи петербургской лжеконсервативной партіи ни мало не раздѣляются большинствомъ русскаго помѣстнаго дворянства? Такое свидѣтельство даетъ эта самая вѣдомость о выкупной операціи.

Еслибы помѣщики опасались крестьянскихъ переходовъ и дѣйствительно были затруднены неисправною уплатою оброковъ, то выкупъ крестьянскихъ угодій долженъ былъ бы постепенно усиливаться и особенно ощутительно возрасти въ прошломъ году. Такое усиленіе должно бы сказаться всего сильнѣе въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ оброки составляютъ главную доходную статью имѣній, гдѣ крестьянскія земли оцѣнены высоко. Что же оказывается? Выкупная операція которая начала ослабѣвать у насъ за послѣднее время почти вовсе не усилилась и въ прошломъ году. Самые обильные годы по выкупнымъ сдѣлкамъ были 1863 и 1864; въ главное выкупное учрежденіе представлено въ первомъ изъ этихъ годовъ 7.894 сдѣлки, во второмъ до 8.336. Крестьяне шли тогда охотно на выкупъ; въ 1863 году утверждено 4.805 выкупныхъ сдѣлокъ по соглашенію сторонъ, а въ слѣдующемъ 6.930. Здѣсь не считаются еще сдѣлки по дару ¼ надѣла, о которыхъ до сихъ поръ не публиковано сколько-нибудь обстоятельныхъ данныхъ. Сами помѣщики спѣшили тогда выкупомъ, частію считая такой исходъ наилучшимъ, частію вслѣдствіе нужды въ деньгахъ, а также можетъ быть вслѣдствіе толковъ объ обязательномъ выкупѣ и другихъ слуховъ, столь неосновательно ссылавшихся на мѣры, принятыя въ западныхъ губерніяхъ. Послѣ 1864 года ходъ выкупа постепенно слабѣетъ и еще въ большей степени уменьшается число сдѣлокъ по соглашеніямъ. Общая цифра сдѣлокъ падаетъ, начиная съ 1865 года, такимъ образомъ: 5.501, 6.033, 4.135, 3.897, причемъ цифры соглашеній таковы: 3.427, 1.309, 878, 420. За послѣдній годъ,

считая его съ прошлаго перваго апрѣля, сдѣлокъ представлено 5.470, а утверждено соглашеній 382.

Еще нагляднѣе представляется ходъ выкупа по числу ревизскихъ душъ, перешедшихъ въ разрядъ собственниковъ. Начиная съ 1863 года въ разрядъ собственно переходило погодно: 780.019, 964.278 498.720, 386.068, 319.492, 200.733. За послѣдніе 16 мѣсяцевъ число собственниковъ возрасло на 369.364, а собственно за послѣдній годъ, считая съ апрѣля всего только на 288.814.

Итакъ общія данныя показываютъ что въ прошломъ году выкупъ шелъ не только втрое слабѣе чѣмъ въ 1863—1864 годахъ, но гораздо слабѣе всѣхъ послѣдующихъ годовъ, кромѣ одного 1868.

Общій же характеръ выкупа теперь совершенно измѣнился. Еще недавно добровольныя сдѣлки преобладали, но въ прошломъ году выкупъ дѣлался большею частію обязательно для крестьянъ. Если взять все время отъ начала выкупной операціи, то общее число требованій помѣщиковъ уже преобладаетъ надъ числомъ договоровъ. Первыхъ считается теперь 23.269, вторыхъ 19.638.

Въ послѣдній годъ выкупныя сдѣлки, или, лучше сказать, выкупныя требованія поступали преимущественно изъ сѣверной нехлѣбородной полосы. Изъ числа 288 т. выкупившихся крестьянъ около 200 т. принадлежатъ сѣвернымъ губерніямъ. Приводимъ эти губерніи по порядку числа крестьянъ перешедшихъ въ собственники:

Въ Тверской, перешло	25.435
„ Тульской „ „	25.389
„ Костромской „ „	20.170
„ Владимірской „ „	19.771
„ Калужской „ „	16.641
„ Смоленской „ „	15.417
„ Московской „ „	14.923
„ Рязанской „ „	14.815
„ Псковской „ „	14.354
„ С.-Петербургской „ „	12.660
„ Ярославской „ „	11.878
„ Нижегородской „ „	10.571
„ Тамбовской „ „	8.744
„ Новгородской „ „	7.597

Чтобы правильно судить объ этихъ данныхъ надо принять въ разсчетъ число временно-обязанныхъ крестьянъ. Оказывается что только въ Тверской, Костромской и Псковской губерніяхъ перешло въ прошломъ году въ разрядъ собственниковъ нѣсколько болѣе $^{1}/_{10}$ временно-обязанныхъ. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ выкупъ шелъ еще тише.

Во всѣхъ губерніяхъ, взятыхъ отдѣльно, цифры прошлаго года далеко уступаютъ цифрамъ многихъ предыдущихъ годовъ. Въ Тверской губерніи напр. переходило въ разрядъ собственниковъ въ прежніе года по 27.000 и 29.000 душъ. Въ Московской губерніи годовое приращеніе собственниковъ простиралось до 24.000, въ Петербургской до 49.000, въ Тульской до 34.000. Только въ Псковской губерніи въ прошломъ году выкупъ былъ больше чѣмъ во все предшествовавшее время, на одну тысячу душъ.

Итакъ даже въ сѣверной полосѣ наше помѣстное дворянство оказалось совершенно глухо къ воззрѣніямъ петербургскихъ *консерваторовъ*. Въ послѣднее время, какъ и вообще, ходъ крестьянскаго дѣла тоже обманулъ ожиданія пессимистовъ. Со стороны помѣщиковъ не было особой торопливости въ требованіи выкупа, въ средѣ крестьянъ нѣтъ безполезнаго, неразумнаго стремленія къ переселеніямъ котораго такъ опасались.

Многіе думали что выкупъ пойдетъ скорѣе чѣмъ мы видимъ. Сбылось же предположеніе редакціонныхъ коммиссій ожидавшихъ что за пять лѣтъ перейдетъ $2^{1}/_{2}$ милліона крестьянъ въ разрядъ собственниковъ. Всѣхъ собственниковъ считается теперь 5.830.005 пріобрѣтавшихъ землю съ содѣйствіемъ правительства и около 525.000 взявшихъ $^{1}/_{4}$ надѣла. Это двѣ трети бывшаго числа крѣпостныхъ, но изъ 6 милліоновъ собственниковъ больше 2 милл. пріобрѣли землю по обязательному выкупу въ западныхъ губерніяхъ. На внутренніе губерніи приходится 4.266.000 собственниковъ, что близко подходитъ къ разсчету редакціонныхъ коммиссій.

Надо полагать что въ будущемъ ходъ выкупа еще болѣе замедлится. Большая часть крестьянъ оставшихся во временно-обязанныхъ отношеніяхъ принадлежатъ къ числу недостаточныхъ; трудно ожидать чтобъ они соглашались на дополнительные платежи. Большинство временно-обязанныхъ находится въ сѣверной нехлѣбородной части средней полосы Россіи, гдѣ помѣщики дорожатъ разницею между оброкомъ и выкупною рентой.

Отдѣльная часть вѣдомости посвященная западному краю представляетъ результаты которые могутъ служить самымъ

наглядным признаком положенія нашихъ дѣлъ. Сколько усилій положило правительство на скорѣйшее окончаніе крестьянскаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ! Тамъ былъ объявленъ обязательный выкупъ; спеціально для производства его были посланы особыя повѣрочныя коммиссіи; срокъ назначенный для окончанія тамошнихъ выкупныхъ дѣлъ истекъ уже вдвойнѣ; въ прошломъ году для ускоренія хода дѣла послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій; генералъ-губернатору сѣверо-западнаго края спеціально предписано было принять мѣры къ скорѣйшему окончанію реформы. И что же? Въ западномъ краѣ въ послѣднее время выкупъ идетъ тише чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ!

За послѣдній годъ въ юго-западномъ краѣ кончены выкупныя дѣла лишь по 255 актамъ, а за 16 послѣднихъ мѣсяцевъ по 321 акту. Наберется цѣлый десятокъ внутреннихъ губерній, въ которыхъ окончено большее число выкупныхъ дѣлъ. Въ прежніе годы начиная съ 1866 года по губерніямъ того края утверждалось 1,278, 1,931, 2,427 (по 1-е ноября 1868 года) актовъ.

Въ сѣверо-западномъ краѣ выкупъ идетъ еще туже. За истекшій годъ со времени выхода положенія 26-го марта въ четырехъ тамошнихъ губерніяхъ прибавилось всего 85,658 собственниковъ, такъ что какія-нибудь двѣ внутреннія губерніи, въ которыхъ переходъ крестьянъ въ собственники не ускоряется никакими мѣрами правительства, могутъ оставить позади себя цѣлый сѣверо-западный край. Это справедливо не только по счету ревизскихъ душъ, но и по счету актовъ. Въ Минской губерніи все еще остается безъ малаго сто тысячъ крестьянъ неимѣющихъ утвержденныхъ актовъ.

И это замедленіе не есть результатъ какихъ-либо неожиданныхъ случайностей. Напротивъ. Недавно, какъ извѣстно, отъ губернскихъ присутствій сѣверо-западнаго края были потребованы соображенія о сокращеніи числа мировыхъ посредниковъ въ виду предстоящихъ расходовъ на мировыхъ судей. Въ *Ковенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ отвѣтъ Ковенскаго губернскаго присутствія; оно единогласно признало что никакое сокращеніе числа посредниковъ невозможно, такъ какъ къ ограниченію земель по актамъ почти вовсе не приступлено. Цѣлый годъ, какъ оказывается, пропалъ даромъ. Никакихъ мѣръ къ скорѣйшему окончанію крестьянскаго дѣла не принято...

№ 90.

Москва, 28-го апрѣля.

Сегодня мы печатаемъ письмо изъ Петербурга, призывающее общее вниманіе на существующій у насъ до сихъ поръ и повидимому противорѣчащій требованіямъ закона недостатокъ гласности по ходу выкупной операціи. Обнародуемыя вѣдомости по выкупу, какъ читатели могли замѣтить изъ нашего вчерашняго обзора, ограничиваются самыми общими данными: публикуется число выкупныхъ сдѣлокъ, число душъ получившихъ содѣйствіе правительства по выкупу, размѣры надѣловъ и выкупныхъ ссудъ, валовыя данныя по зачету части этихъ ссудъ за банковые долги и по размѣрамъ выдачи ссудъ билетами, свидѣтельствами, рентой и наличными. Все прочее остается въ неизвѣстности. Въ вѣдомостяхъ по выкупной операціи нѣтъ данныхъ ни о поступленіи выкупныхъ платежей, ни о разчетѣ погашенія 5% билетовъ втораго выпуска, ни о запасномъ капиталѣ операціи, ни объ уплатахъ крестьянъ въ счетъ самыхъ выкупныхъ ссудъ, а между тѣмъ всякому понятно что безъ этихъ данныхъ нѣтъ возможности составить себѣ правильное понятіе объ обстоятельствахъ и ходѣ выкупной операціи. Обнародуемыя свѣдѣнія даютъ возможность судить только о степени успѣшности перехода временно-обязанныхъ крестьянъ въ разрядъ собственниковъ, и очерчиваютъ лишь объемъ выданныхъ ссудъ. Ими разъясняется, и то отчасти, только банковая, но не финансовая сторона этого дѣла.

Вотъ что мы читаемъ въ докладѣ финансовой коммиссіи составлявшей проектъ выкупа:

„По важности сихъ обязанностей (возлагаемыхъ на главное выкупное учрежденіе), столь близко соприкасающихся, какъ къ общимъ интересамъ внутренняго кредита, такъ и въ особенности къ интересамъ дворянскаго сословія, члены финансовой коммиссіи считаютъ совершенно необходимымъ чтобы дѣйствія центральнаго

учрежденія завѣдующаго выкупомъ имѣли надлежащую гласность. Съ этою цѣлію они полагають, *вопервыхъ*, къ составу этого учрежденія присоединить представителей дворянства для ближайшаго и точнаго контроля за выкупными операціями, и *вовторыхъ*, публиковать срочные отчеты по выкупу для всеобщаго свѣдѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію что при такихъ условіяхъ упрочится полное довѣріе къ выкупу, а это, независимо отъ успѣшнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла, будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія для внутренняго кредита вообще." (Мат. Ред. Ком. т. XI, стр. 215)."

Предположенія финансовой коммиссіи были одобрены правительствомъ, которое утвердило всѣ проектированныя ею мѣры. Въ составъ главнаго выкупнаго учрежденія введены два члена отъ дворянства. Ст. 47 положенія о выкупѣ обязала главное выкупное учрежденіе составлять отчетъ для внесенія его въ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, въ которомъ, какъ извѣстно, засѣдаютъ представители дворянства и купечества. Кромѣ того отчетъ долженъ печататься во всеобщее свѣдѣніе. На губернскія присутствія, какъ мѣстныя учрежденія по выкупу, возложено составленіе общихъ по губерніи вѣдомостей, на основаніи свѣдѣній получаемыхъ изъ уѣздныхъ казначействъ. Въ статьѣ 48 въ пунктахъ 9 и 10 прямо выражено что губернскія присутствія должны составлять какъ „денежные," такъ и всякіе иные отчеты по выкупной операціи.

„Ближайшее наблюденіе для охраненія „казны отъ безпорядковъ по выкупной „операціи" возложено закономъ на предсѣдателя казенной палаты. „Онъ отвѣча„етъ въ особенности за правильное веде„ніе счетоводства по выкупной операціи, „какъ въ губернскомъ присутствіи, такъ „и въ уѣздныхъ казначействахъ." (Пол. о вык. ст. 49.)

Что касается до центральнаго выкупнаго учрежденія, то участіе въ немъ депутатовъ отъ дворянства не могло принести пользы. Въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій тоже засѣдаютъ, какъ извѣстно, по шести депутатовъ отъ петербургскаго дворянства и купечества. По закону счеты кредитныхъ учрежденій считаются очищенными и съ чиновниковъ ихъ слагается всякая отвѣтственность лишь чрезъ подпись депутатовъ подъ отчетами. Извѣстно однако что участіе петербургскихъ депутатовъ въ контролѣ надъ государственными кредитными операціями не имѣетъ никакого значенія. Между тѣмъ въ главное выкупное учрежденіе члены отъ дворянства были назначены на томъ же основаніи, на какомъ допущены они въ совѣтъ кредитныхъ установленій; они также выбираются петербургскимъ дворянствомъ (Пол. Главн. Ком. 28-го іюня 1861 г.). Надобно думать что еслибы контролю дворянства надъ выкупною операціей придавалось серіозное значеніе, то въ 1861 году, при совершенно иныхъ условіяхъ, не былъ бы повторенъ порядокъ въ теченіе полустолѣтія обнаружившій только свою полнѣйшую несостоятельность.

По счастію, точная отчетность по всей выкупной операціи требуется нынѣ не только сословными, но и общими правительственными интересами.

Изъ числа данныхъ выкупной операціи остающихся въ неизвѣстности, наибольшую важность имѣетъ состояніе запаснаго капитала выкупной операціи.

Обыкновенно считаютъ что въ запасный капиталъ операціи долженъ поступать только лишній $^1/_2$% выплачиваемый крестьянами сверхъ 5% ренты и $^1/_2$ на погашеніе выкупныхъ бумагъ. Это однако совершенно невѣрно. Точный смыслъ закона говоритъ что всѣ остатки отъ выкупной операціи должны поступать въ запасный капиталъ. Приводимъ подлинный текстъ ст. 148 Положенія о выкупѣ:

„Изъ поступающихъ отъ крестьянъ выкупныхъ платежей отчисляется прежде всего то что слѣдуетъ на уплату процентовъ по билетамъ и свидѣтельствамъ, на погашеніе билетовъ и на уплату банковаго долга. Затѣмъ *все остальное* обращается въ запасный капиталъ выкупной операціи, предназначенный на покрытіе издержекъ по управленію оною, а также особыхъ расходовъ и потерь."

Смыслъ этихъ словъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Въ запасный капиталъ должны быть обращены всѣ сбереженія по выкупной операціи, слѣдовательно и прибыли государственнаго банка отъ зачета банковыхъ долговъ при выкупной ссудѣ. Послѣднее прямо выражено финансовою коммиссіей составлявшею проектъ Положенія. Нѣкоторые губернскіе комитеты по освобожденію крестьянъ ходатайствовали чтобы банковые долги лежащіе на помѣ-

щичьихъ мнѣніяхъ не засчитывались въ выкупную ссуду и долгъ погашался бы постепенно процентами приносимыми выкупными бумагами. Финансовая коммиссія отвѣчала на это предложеніе между прочимъ слѣдующее:

„Если изложенное предположеніе основано на разности того погасительнаго процента который требуется банками ($1\frac{1}{2}$ и 2%) и того ($\frac{1}{2}\%$), который предназначенъ на выкупныя облигаціи (5% билетовъ), то, конечно, за покрытіемъ банковаго долга остается непогашенною нѣкоторая доля каждой облигаціи.... Означенная разность должна обратиться въ пользу самой выкупной операціи, усиливая запасный капиталъ ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ обезпечивая и ускоряя правильный исходъ выкупа." (Мат. Ред. Комм. т. XI, стр. 194)

Какіе же главные остатки выкупной операціи должны поступать въ ея запасный капиталъ?

Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, $\frac{1}{2}\%$ платимаго крестьянами на расходы по управленію и въ запасъ. По даннымъ о ходѣ выкупа опубликованнымъ *Ежегодникомъ Министерства Финансовъ*, означенныхъ суммъ должно быть въ запасномъ капиталѣ къ осени текущаго года отъ сдѣлокъ утвержденныхъ:

Въ 1863	году	2.836.056	р.
„ 1864	„	3.056.328	„
„ 1865	„	1.645.600	„
„ 1866	„	1.579.272	„
„ 1867	„	971.105	„
„ 1868	„	533.892	„ *)
„ 1869	„	260.000	„
		10.882.553	р.

Мы беремъ еще наименьшую цифру считая что всѣ сдѣлки утверждены были съ послѣдняго срока 1-го ноября, тогда какъ они утверждаются тоже къ срокамъ 1-го февраля, 1-го мая и 1-го августа.

Запасный капиталъ выкупа помѣщается, конечно, въ какихъ-либо цѣнностяхъ приносящихъ доходъ и къ помянутой суммѣ надо присоединить проценты лѣтъ за 6, за 5 и т. д. Въ будущемъ году тотъ $\frac{1}{2}\%$ о которомъ идетъ рѣчь дастъ запасному капиталу приращеніе почти на 3 милл. руб. и эта цифра подлежитъ постоянному увеличенію.

Затѣмъ наиболѣе значительный остатокъ долженъ оказаться отъ перевода прежнихъ банковыхъ долговъ на крестьянскіе платежи. Всѣхъ таковыхъ долговъ переведено 225.032.183 руб., то-есть большая половина долга лежавшагося за владѣльцами по отчетамъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій за 1859 годъ, предъ тѣмъ временемъ когда началась ихъ ликвидація.

Извѣстныя сбереженія должны оставаться также отъ разности сроковъ въ которые крестьяне выплачиваютъ платежи и въ которые казна выдаетъ проценты по выкупнымъ бумагамъ, а также отъ неполнаго погашенія билетовъ 2-го выпуска. Въ запасный капиталъ должны поступать и еще нѣкоторыя суммы вслѣдствіе довольно частныхъ взносовъ выкупныхъ платежей сверхъ оклада. Таковыхъ переплатъ поступило въ 1867 году 1.222.267 р. Недоимки, бывающія по выкупнымъ платежамъ и въ сущности незначительныя, не имѣютъ того вреднаго вліянія на запасный капиталъ, какого можно было ожидать. При выкупной операціи задерживаются въ казнѣ на очень продолжительные сроки значительные платежи по выкупнымъ бумагамъ, служащимъ обезпеченіемъ казенныхъ и частныхъ взысканій. Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* напечатана недавно выписка изъ счета по выкупнымъ платежамъ сдѣланнаго въ государственномъ казначействѣ. Самъ составитель этого счета долженъ былъ приписать на немъ что казначейству совершенно неизвѣстно точное значеніе цифръ вѣдомостей по выкупной операціи. По приблизительнымъ же даннымъ, въ числѣ 18.559.037 остатковъ отъ выкупныхъ платежей числившихся въ казначействахъ въ 1868 году, считалось 14.561.925 р. разныхъ неисполненныхъ расходовъ.

Судя по всѣмъ даннымъ, запасный капиталъ выкупной операціи долженъ заключать въ себѣ весьма почтенное число милліоновъ рублей. Временныя выдачи изъ него были весьма незначительны. Въ томъ же счетѣ, опубликованномъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, значится что съ начала операціи по 1868 годъ на счетъ запаснаго капитала было отпущено только 1.193.000 р.

На чрезвычайное пособіе выкупной операціи было отчислено въ 1859 и 1860 годахъ свыше $23\frac{1}{2}$ милл. руб. Изъ этой суммы, кажется, производились пособія мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, но вѣроятно и тутъ были остатки.

Точное опредѣленіе состава и размѣровъ запаснаго капитала выкупной операціи

*) По 1-е декабря 1868 г.

есть теперь существенная потребность во многихъ отношеніяхъ. Не говоря объ очевидныхъ общихъ интересахъ государственнаго хозяйства, не говоря о томъ интересѣ который связанъ съ разъясненіемъ возможнаго пути при окончательной развязкѣ крестьянскаго вопроса, имѣющей цѣлію свободное движеніе населеній безъ ущерба владѣльцамъ земли, не говоря наконецъ о той зависимости въ коей находится отъ количества помянутаго запаснаго капитала кредитъ публики къ выкупнымъ бумагамъ и связаннымъ съ ними пятипроцентнымъ билетамъ 1-го выпуска, которые были помѣщены al pari и пострадали отъ выкупа, не говоря обо всемъ этомъ, нельзя не указать на приближеніе 1872 года, то есть того срока до истеченія коего должно быть по закону, объявлено о порядкѣ и способѣ погашенія $5^1/_2$% ренты, что не можетъ быть сдѣлано пока весь ходъ выкупной операціи не будетъ разъясненъ подлежащими учрежденіями для самого правительства. Нѣтъ спора что требующіеся для того счеты многосложны, но съ каждымъ годомъ они становятся сложнѣе и кромѣ того при ихъ сведеніи потребуется много справокъ могущихъ затянуть оное. Вотъ почему теперь, кажется, настало время для того чтобы поставить это важное дѣло на очередь.

Нужно ли говорить насколько составленіе подробнаго счета по выкупной операціи можетъ быть полезно для ея дальнѣйшаго хода?

Положеніе о выкупѣ назначаетъ запасный капиталъ выкупной операціи: на издержки по управленію, на покрытіе особыхъ расходовъ и потерь и наконецъ на скорѣйшее погашеніе банковыхъ билетовъ помощію усиленныхъ тиражей (разумѣется, если биржевая цѣна билетовъ выше пари) или покупки билетовъ по нарицательной цѣнѣ (если биржевая ихъ цѣна ниже пари). Такимъ образомъ законъ имѣлъ въ виду какъ обезпеченіе, такъ и облегченіе выкупной операціи и указывалъ на такую мѣру которая одинаково выгодна для обѣихъ сторонъ, какъ для крестьянъ, такъ и для владѣльцевъ выкупныхъ бумагъ. Усиленное погашеніе поднимаетъ цѣну бумагъ и дозволяетъ облегчить выкупные платежи посредствомъ сокращенія ихъ срока, а также и понижать ихъ на всю сумму процентовъ которые слѣдовало бы платить по выкупнымъ бумагамъ. Въ особенности было бы справедливо уменьшить платежи въ болѣе нуждающихся мѣстностяхъ сѣверной полосы, гдѣ крестьяне платятъ не только за землю, но и за рѣшеніе крестьянскаго дѣла въ общегосударственныхъ интересахъ.

Нельзя отрицать что уменьшеніе выкупныхъ платежей въ этихъ мѣстностяхъ представляется уже теперь какъ неотложная потребность, а съ теченіемъ времени будетъ оказываться все болѣе и болѣе необходимымъ. Нельзя также не признать что тѣмъ скорѣе будутъ уменьшены выкупные платежи тамъ гдѣ это неизбѣжно, тѣмъ меньше можетъ быть размѣръ пониженія, ибо тѣмъ менѣе разорятся крестьяне. Но съ другой стороны нельзя также упускать изъ виду что государственная казна не должна нести тягостей отъ удовлетворенія этой потребности, помимо тѣхъ средствъ которыя доставляются ей выкупною операціей. Поэтому для того чтобы понижать платежи требуется составленіе полнаго отчета о ея ходѣ и состояніи.

Люди знающіе увѣрены что средствъ на все это окажется больше чѣмъ требуется: выкупная операція, какъ и вообще крестьянская реформа, основаны на прочныхъ, хорошо обдуманныхъ основаніяхъ. Но вездѣ и всегда бываютъ пессимисты и имѣютъ извѣстное вліяніе которое болѣе или менѣе отражается на ходѣ дѣлъ, а потому нельзя, даже и при отсутствіи практической надобности, пренебрегать собираніемъ данныхъ которыя могутъ представить ту или другую правительственную операцію въ блистательномъ видѣ. Выкупная же операція представится именно въ блистательномъ видѣ когда будетъ составленъ подробный отчетъ о ней.

Въ заключеніе прибавимъ еще нѣсколько словъ. Безъ всякаго сомнѣнія, избытки отъ выкупной операціи должны быть по справедливости употребляемы на нее же. Право воспользоваться ими принадлежитъ прежде всего помѣщикамъ и крестьянамъ участвовавшимъ или имѣющимъ участвовать въ выкупныхъ сдѣлкахъ. Но нѣкоторую, небольшую часть запаснаго капитала выкупной операціи можно бы отдѣлить и на другія цѣли. Лишній $^1/_2$% уплачиваемый крестьянами могъ бы дать средства на устройство народныхъ бан-

ковъ, полезныхъ для всего русскаго рабочаго люда, а отъ остатковъ доставленныхъ переводомъ долговъ и другими выгодами было бы позволительно отдѣлить извѣстную долю для поддержки поземельнаго кредита вообще, въ общемъ интересѣ всѣхъ русскихъ землевладѣльцевъ. Малаго пособія было бы достаточно чтобы вызвать повсюду въ Россіи губернскіе поземельные банки, которые въ свою очередь могли бы послужить для исполненія на мѣстахъ формальностей по выкупной операціи. При предстоящемъ упраздненіи посредниковъ и губернскихъ присутствій порученныя имъ дѣла по выкупной операціи должны быть переданы въ какое-либо иное учрежденіе. Если мѣстными представителями выкупа явятся не чиновники, а должностныя лица поземельнаго банка, то это будетъ весьма выгодно для успѣха выкупа, и самый выкупъ можетъ принять иной характеръ, соотвѣтственно новому фазису въ который нынѣ вступило крестьянское дѣло.

№ 91.

Москва. 29-го апрѣля.

Событія происходящія теперь во Франціи справедливо обращаютъ на себя вниманіе цѣлаго міра. Страна эта, повидимому, вступаетъ теперь въ новый періодъ существованія, и перемѣна въ судьбахъ ея не можетъ не отозваться на дѣлахъ всей Европы, которая въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо есть связаная система. Преобразованіе, которымъ Франція переходитъ теперь отъ одного государственнаго порядка къ другому, имѣетъ одну весьма замѣчательную характеристическую особенность. Много разъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія мѣняла она свои порядки; но впервые радикальное измѣненіе въ образѣ ея правленія совершается не путемъ революціи, низвергающей тронъ, изгоняющей династію и потрясающей страну междуусобіемъ. Впервые верховная власть въ этой странѣ свободно рѣшается на реформы, существенно измѣняющія государственное устройство и далеко оставляющія за собою ожиданія всѣхъ партій; впервые дѣло политической свободы является во Франціи актомъ династіи долженствующимъ укрѣпить ее и обезпечить ея продолженіе. Всѣ тѣ учрежденія которыми гордятся преданія іюльской монархіи, вышедшей изъ революціи и павшей отъ революціи, не только возстановляются въ Наполеоновской имперіи, но возстановляются на самой широкой основѣ, которая во дни іюльской монархіи была предметомъ тщетнаго домогательства либеральныхъ партій. Эта особенность новаго рода революціи переживаемой теперь Франціей не предвѣщаетъ ли дѣйствительно новую эпоху въ ея историческомъ развитіи? Не есть ли она знаменіе что для этой страны оканчивается періодъ роковаго чередованія революцій и диктатуръ, и полагается начало прочному порядку вещей? Дай Богъ чтобъ это было такъ! Пора!

Въ самомъ дѣлѣ, пока дѣло свободы было во Франціи лишь вынужденною уступкой, она была явленіемъ поверхностнымъ и случайнымъ, и служила только орудіемъ партій домогавшихся власти. Теперь когда свобода исходитъ изъ полноты самой власти достаточно сильной чтобъ отречься отъ диктатуры,—когда свобода является не случайною сдѣлкой со враждебными партіями, а внутреннимъ дѣломъ существующаго порядка и династіи которая сливается со страной, то есть основаніе ожидать что страна эта наконецъ найдетъ въ себѣ основы для правильнаго политическаго развитія и что свобода пойдетъ ей въ прокъ. Зло которымъ страдала Франція и которое дѣлало ее игралищемъ всякихъ властолюбій и политическихъ экспериментовъ заключается безспорно въ чрезмѣрной бюрократической централизаціи и административной всеподавляющей опекѣ. Франція есть классическая страна бюрократіи, и административный механизмъ выработался въ ней до мельчайшихъ подробностей. Революціи которымъ страна эта подвергалась не оставили въ ней почти ничего что могло бы состязаться съ бюрократіей и отводить ее въ должные предѣлы,—ничего что обладало бы нѣкоторою степенью самостоятельности и упругости. Все истекаетъ изъ бюрократіи, все держится ею, и все стянуто къ ея центрамъ. За все и про все отвѣчаетъ администрація и, она является единственнымъ выраженіемъ государства, единственною функціей его, которое искусственно замѣняетъ дѣйствіе всѣхъ прочихъ силъ органической государственной жизни. До сихъ

поръ никому, кромѣ чиновнаго люда, не было дѣла до существовавшихъ порядковъ, никто кромѣ бюрократіи не поддерживалъ ихъ, никакіе самостоятельные общественные интересы не были съ ними связаны. Франція изчезала въ Парижѣ, какъ главномъ центрѣ бюрократическаго механизма, и судьбы великой страны рѣшались мгновенно, однимъ ударомъ. Партія которой удавалось овладѣть механизмомъ въ его центральномъ пунктѣ овладѣвала и всею страной, которая пассивно и безсильно отдавалась ей въ руки. Чернь парижскихъ предмѣстій стала тѣмъ же чѣмъ были преторіанцы во времена Римской имперіи; парижскія уличныя побоища стали своего рода дворцовыми переворотами, только происходившими подъ открытымъ небомъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, съ большими потрясеніями и кровопролитіемъ. Уличные мятежи въ Парижѣ низвергали правительства, рушили троны, и Франція неожиданно просыпалась то республикой, то монархіей, то страною объявленою въ осадномъ положеніи; населенія съ удивленіемъ узнавали что Богъ послалъ имъ такого-то короля, такого-то императора, такихъ-то благотворителей-диктаторовъ. Но съ разгромомъ правительствъ, съ перемѣною династій, въ заведенномъ административномъ механизмѣ ничего не измѣнялось. Торжествовавшая партія только захватывала въ свои руки административную машину, и все государство переходило въ ея обладаніе, пока новый переворотъ не передавалъ его въ руки другой партіи.

Въ прочность начинающагося во Франціи новаго порядка вещей можно повѣрить только тогда когда онъ будетъ дѣломъ не одной бюрократіи, но всѣхъ живыхъ силъ страны, всѣхъ ея мѣстностей, всѣхъ ея мелкихъ общинъ. Безъ этого самыя либеральныя учрежденія, какъ всего лучше свидѣтельствуетъ опытъ самой Франціи, не могутъ имѣть серіознаго значенія, а будутъ только поверхностною игрой, отвлеченностію, измышленною доктриной. Истинное и плодотворное самоуправленіе начинается въ тѣхъ элементарныхъ сочетаніяхъ изъ которыхъ слагается государственный организмъ народа. Административная децентрализація давно уже есть предметъ помышленій политическихъ людей Франціи; но ни одно изъ господствовавшихъ доселѣ правительствъ не могло или не хотѣло приняться за это дѣло.

Когда рѣчь идетъ объ административной децентрализаціи, то сущность вопроса конечно состоитъ не въ томъ чтобы мѣстнымъ агентамъ бюрократической администраціи дать возможно большую самостоятельность среди населеній пассивныхъ и лишенныхъ всякаго участія въ дѣлахъ собственнаго интереса, а чтобы возбудить въ общественныхъ силахъ самодѣятельность. Требуется, напротивъ, высвободить изъ-подъ опеки подавленныя ею силы, и предоставить имъ самимъ дѣйствовать въ своемъ интересѣ и тѣмъ способствовать общему благу. Излишнія полномочія предоставляемыя мѣстнымъ административнымъ агентамъ въ отношеніи къ обществу есть самый дурной видъ централизаціи, и ведетъ къ подавленію жизни вмѣсто того чтобы способствовать ея плодотворному развитію.

Наполеонъ III, возвратившій странѣ спокойствіе и теперь возвращающій ей конфискованную имъ свободу, можетъ упрочить ее, а вмѣстѣ съ нею и свою династію, не иначе какъ изыскавъ способъ децентрализовать Францію въ административномъ отношеніи, дать жизнь и самоуправленіе ея общинамъ, и освободить ее отъ бюрократической опеки, которая, выходя изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, становится гораздо болѣе опасностью нежели обезпеченіемъ для государства. Вопросъ этотъ находится теперь во Франціи на очереди, и отъ удачнаго разрѣшенія будутъ зависѣть судьбы страны. Нельзя всегда созывать народъ въ комиціи, и возбуждать тревоги плебисцитовъ для того чтобы заручиться народнымъ содѣйствіемъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ нельзя основывать безопасность государства только на томъ патріотизмѣ который вспыхиваетъ въ народѣ во время непріятельскаго нашествія. Надобно чтобы народъ всегда и постоянно былъ заинтересованъ общимъ благомъ, а для этого одинъ путь — правильное развитіе общественнаго самоуправленія, неразрывно связаннаго съ государственными интересами.

Императоръ Наполеонъ очень хорошо понялъ что одинъ административный механизмъ съ помощію штыковъ не могъ бы обезпечить мирное и спокойное существованіе имперіи. Вотъ почему во всѣ рѣшительныя минуты императоръ обращался къ цѣлому народу и отъ него велъ свою власть, вознося ее надъ всѣми партіями. Многіе осуждаютъ его за то что онъ слѣдъ нуж-

никъ и теперь обратиться ко всенародному постановленію; нѣкоторые изъ его министровъ отказались отъ должности потому что онъ удержалъ за собою право искать и впредь себѣ опору во всенародномъ признаніи. Но какъ бы кто ни судилъ объ этомъ, въ настоящемъ случаѣ обращеніе къ народу едва ли было дѣломъ излишнимъ. Чтобы закрыть прошедшее и начать будущее, императоръ могъ прибѣгнуть только къ тому же самому способу которому въ началѣ онъ былъ обязанъ утвержденіемъ своей власти. Послѣдній плебисцитъ былъ необходимою пробой. Отнявъ у враждебныхъ ему партій знамя свободы, императоръ предоставилъ имъ полную неслыханную прежде свободу говорить и дѣйствовать, и тѣмъ отнялъ у нихъ право оспаривать самый источникъ его власти.

Но, скажутъ, результатъ плебисцита 8-го мая не былъ такъ блистателенъ какъ въ прежніе разы. Правда, за императоромъ Наполеономъ осталось то же громадное большинство семи милліоновъ народныхъ голосовъ; но меньшинство отрицательныхъ голосовъ оказалось несравненно значительнѣе чѣмъ когда-либо прежде. Если семь милліоновъ населенія пользующагося по возрасту и полу политическими правами отвѣчало утвердительно на вопросъ императора, то слишкомъ полтора милліона оказали *нѣтъ*. Полтора милліона цифра слишкомъ значительная; зато никто не можетъ сказать чтобы семь милліоновъ была цифра фальшивая. Дѣло во всякомъ случаѣ вышло на чистоту, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть не ущербъ, а приращеніе силы. Но дѣло не въ томъ. Имѣется ли основаніе признавать полтора милліона отрицательныхъ голосовъ заявленіемъ противъ императора и его династіи? Вопросъ съ которымъ правительство императора Наполеона обратилось къ народу состоялъ не въ томъ желаетъ ли народъ продолженія его царствованія или его династіи. Дѣло шло не о подтвержденіи выбора которымъ императоръ Наполеонъ возведенъ на тронъ Франціи. Вопросъ, на который каждый призывался сказать *да* или *нѣтъ*, состоялъ въ томъ одобряются ли либеральныя реформы предпринятыя императоромъ, считается ли полезнымъ его отреченіе отъ диктатуры. Одни отвѣчали *да*, другіе сказали *нѣтъ*. Подавшіе утвердительный голосъ выразились согласно съ желаніемъ императора. Что же касается до отрицательнаго отвѣта, то смыслъ его могъ быть только тотъ что лица давшія его не желаютъ почему бы то ни было перемѣны, и стало-быть находятъ полезнымъ чтобъ императоръ удержалъ за собою прежнія диктаторскія полномочія. Выходитъ что полтора милліона избирателей давшихъ отрицательный отвѣтъ—plus napoléoniens que Napoléon lui-même; они не хотятъ реформъ, они требуютъ продолженія прежняго порядка и личнаго правленія. Но зачѣмъ разбирать кто съ какою мыслію изъ числа этихъ полутора милліоновъ подалъ отрицательный голосъ. Когда голоса считаются милліонами, о ихъ значеніи нельзя судить на основаніи того что говорилось на сходкахъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Непріязненнымъ партіямъ, которыя такъ громко высказывались въ періодъ плебисцита на полной, никогда еще во Франціи не бывавшей свободѣ, конечно не могутъ быть пріятны тѣ преобразованія государственнаго порядка которыя обезпечиваютъ его прочность и способствуютъ укорененію династіи, но это можетъ доказывать только то что преобразованія эти благовременны, и что ими императоръ Наполеонъ можетъ одержать самую дѣйствительную побѣду надъ своими врагами.

Впрочемъ, истинною пробой имперіи будетъ успѣхъ самаго преобразованія, и прочность династіи императора Наполеона зависитъ единственно отъ того удастся ли ему водворить во Франціи систему децентрализаціи и освободить страну изъ-подъ вліянія волнующихся населеній Парижа.

№ 92.

Москва, 30-го апрѣля.

Трагическая участь постигшая въ Греціи четырехъ иностранныхъ туристовъ, изъ коихъ двое притомъ были должностныя лица при англійской и италіянской миссіяхъ, не могла не произвести повсюду самаго тяжкаго впечатлѣнія, и всего болѣе на самихъ Грековъ, какъ свидѣтельствуетъ нашъ константинопольскій корреспондентъ. Мы вполнѣ понимаемъ въ какомъ тоскливо напряженномъ настроеніи и безпокойствѣ должна была находиться публика въ Англіи пока шли переговоры о мѣрахъ для освобожденія плѣнныхъ изъ рукъ разбойниковъ; и въ какую глубокую скорбь должно было повергнуть ее, а так-

же италіянскую публику, извѣстіе о кровавой развязкѣ. Во вниманіи къ этой скорби, не давшей мѣста спокойному сужденію, а также выжидая данныхъ которыя разъяснили бы всѣ факты происшествія, мы остерегались высказаться въ дѣлѣ къ которому не можетъ быть безучастна и Россія какъ одна изъ трехъ державъ покровительницъ Греціи. Теперь, когда обнародованы всѣ дипломатическіе документы касающіеся этого прискорбнаго случая, когда первое жгучее впечатлѣніе начинаетъ по немногу стихать и уступать мѣсто болѣе спокойному размышленію, — хотя многое еще до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненнымъ, — мы можемъ произнести свое сужденіе безпристрастное, если не равнодушное.

Обстоятельства событія теперь хорошо извѣстны и были подробно описаны въ №№ 83 и 84 нашей газеты по свѣдѣніямъ заимствованнымъ изъ англійскихъ газетъ. Сегодня мы помѣщаемъ въ дополнительномъ листѣ нашей газеты анализъ новыхъ документовъ по этому дѣлу обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ. Но изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, также какъ изъ многихъ другихъ писемъ и корреспонденцій которыя мы прочли въ англійскихъ газетахъ, мы не могли отдать себѣ отчета въ какой мѣрѣ само греческое правительство несетъ отвѣтственность за злополучное приключеніе. Такъ, напримѣръ, недостаточно разъяснено къ кому обращались туристы съ вопросомъ о безопасности пути на Мараѳонское поле: къ самому ли правительству черезъ посредство англійской миссіи, или къ какимъ-либо подчиненнымъ полицейскимъ агентамъ. Конечно, никакое, даже самое сильное правительство не поручится чтобы въ его владѣніяхъ не могли быть совершаемы преступленія. Но греческія власти, военныя или полицейскія, должны же были имѣть свѣдѣнія о безопасности пути. Онѣ могли не знать въ точности гдѣ именно въ то самое время имѣли свой притонъ разбойники, но онѣ были обязаны предупредить путешественниковъ о возможной для нихъ опасности. Успокоительные же отзывы что въ Аттикѣ нѣтъ разбойниковъ и затѣмъ отпускъ незначительной охраны изъ четырехъ конныхъ жандармовъ указываютъ что со стороны нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ была неизвинительная небрежность или оплошность.

Затѣмъ другой пунктъ обвиненія противъ греческаго правительства заключается въ томъ что оно не умѣло вести переговоры съ разбойниками объ освобожденіи плѣнныхъ. Въ началѣ, по настоянію англійскаго посланника, оно дало будто бы разбойникамъ обѣщаніе что не будетъ преслѣдовать ихъ пока идутъ переговоры, и на этомъ основаніи разбойники заняли одно селеніе и помѣстили своихъ плѣнныхъ довольно удобно. Потомъ, однако, войскамъ даны были приказанія окружить шайку дабы воспрепятствовать ей увести плѣнныхъ въ другую мѣстность, и это несчастное распоряженіе, приведшее къ столкновенію между войсками и разбойниками, такъ раздражило этихъ послѣднихъ, что они, не видя исхода, исполнили свои угрозы и убили плѣнныхъ.

Въ ходѣ этихъ переговоровъ тянувшихся болѣе десяти дней многое не совсѣмъ ясно и, какъ кажется, было съ обѣихъ сторонъ недоразумѣніе. Разбойники, въ силу обѣщанія переданнаго имъ черезъ англійскаго посланника, очевидно считали себя въ правѣ расхаживать по всей Греціи съ своею добычей и даже, въ случаѣ неудачи переговоровъ, перейти въ Турцію. Греческое же правительство не тревожило разбойниковъ въ занятомъ ими селеніи, но считало нужнымъ принять мѣры чтобъ они не увели плѣнныхъ въ другую мѣстность, и сдѣлало это съ вѣдома англійскаго посланника.

Неуспѣхъ переговоровъ, какъ извѣстно, произошелъ отъ того что разбойники требовали амнистіи которую нельзя было дать имъ безъ нарушенія конституціи 1864 года. Англійскій посланникъ, г. Эрскинъ, спросивъ по телеграфу инструкцій у лорда Кларендона, сильно настаивалъ на исполненіи требованія разбойниковъ. Мы не рѣшаемся осуждать британскаго посланника за то что въ минуту тревоги за участь своихъ соотечественниковъ и видя возможность спасти ихъ жизнь, онъ взялъ на себя отвѣтственность предложить правительству страны, находящейся подъ покровительствомъ конституціонной Англіи, мѣру противную законамъ. Лордъ Кларендонъ не усомнился сдѣлать еще болѣе смѣлое предложеніе: вывезти разбойниковъ изъ Греціи въ безопасное для нихъ мѣсто на англійскомъ суднѣ, вмѣстѣ съ громаднымъ выкупомъ котораго они требовали. Но сами же англійскія газеты признава-

лишь что еслибъ этотъ планъ состоялся, то Англія подверглась бы посмѣянію цѣлаго свѣта за укрывательство разбойниковъ, и никто пожалуй не повѣрилъ бы тогда что жизнь плѣнныхъ подвергалась дѣйствительной опасности.

Если всевозможные планы могли быть измышляемы для освобожденія плѣнныхъ въ то время какъ надъ ихъ головами висѣлъ Дамокловъ мечъ, то можетъ ли теперь, въ болѣе спокойномъ состояніи духа, англійская нація пенять на греческое правительство за отказъ въ амнистіи? Разъ давъ амнистію для освобожденія иностранцевъ, можно ли было бы потомъ отказать въ ней при захватѣ греческихъ подданныхъ? А такая безнаказанность совмѣстима ли съ какимъ-либо порядкомъ? Не повела ли бы она къ усиленію разбоевъ? Не была ли бы она возмутительною и безнравственною преміей для дерзости разбойниковъ? Какъ же, при безнаказанности, можно было бы принимать мѣры къ прекращенію разбойничества, чего для чести самой Греціи отъ нея требуетъ голосъ всей Европы?

Но быть-можетъ помимо амнистіи, правители Греціи, при нѣкоторомъ искусствѣ и меньшей торопливости, могли бы изыскать средство къ предотвращенію кровавой развязки? Къ чему, напримѣръ, было окружать разбойниковъ и доводить ихъ до отчаянія? Почему рѣшено было пропустить разбойниковъ въ Турцію, если они выдадутъ плѣнныхъ, но никакъ не дозволять уведенія плѣнныхъ черезъ границу? Переговоры о выкупѣ могли бы продолжаться гдѣ бы ни находились разбойники, хотя бы они перешли и въ Турцію, а жизнь плѣнныхъ была бы безопасна, такъ какъ разбойникамъ не было бы никакого интереса лишать себя богатаго выкупа. Мы не беремся оправдывать образъ дѣйствій тѣхъ изъ греческихъ администраторовъ которые были ближе поставлены къ дѣлу, и понимаемъ что военный министръ сложилъ съ себя должность послѣ событія которое было послѣдствіемъ, хотя и совершенно случайнымъ, сдѣланныхъ имъ распоряженій, но не можемъ не прибавить что всѣ эти распоряженія дѣлались съ вѣдома англійскаго посланника, который самъ находилъ неудобнымъ чтобы разбойники влачили за собой своихъ плѣнниковъ.

Мы высказали свое мнѣніе безпристрастно.

Но справедливо ли сваливать вину грустнаго происшествія на всю націю и объявлять ее недостойною завоеванной ею свободы? Только такія газеты, какъ ультрамонтанскій органъ *Monde*, могутъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, утверждать что основаніе Греческаго королевства было „величайшею ошибкой современнаго либерализма“. Возможно ли обвинять Грецію предъ судомъ цивилизаціи за то что въ ней водятся разбойники которые водились и водятся въ странахъ гордящихся своимъ благоустройствомъ? Что такое, напримѣръ, аграрныя убійства въ Ирландіи, коихъ виновники никогда не открываются, какъ не организованный тайный разбой? Всѣмъ извѣстно какъ долго язва разбойничества гнѣздилась въ Италіи, и прежде, и послѣ ея объединенія. Жертвами ея бывали тоже англійскіе подданные, какъ напримѣръ г. Монсъ въ 1864 году. Да полно излѣчена ли она и теперь?

Разказываютъ что по поводу недавняго убійства князя Аренберга въ Петербургѣ однимъ дипломатомъ якобы сдѣланъ былъ язвительный вопросъ: можно ли въ Петербургѣ считать себя въ безопасности отъ убійцъ? На это дипломату былъ данъ основательный отвѣтъ что конечно нѣтъ; точно также какъ нельзя быть безопаснымъ и въ Лондонѣ, если спать съ отворенными дверями.

Греція есть государство юное, не вполнѣ еще сложившееся, дѣло не додѣланное, политическій организмъ которому не дано достигнуть до надлежащей степени развитія. Европа призвала ее къ жизни; но отказала ей въ условіяхъ необходимыхъ для спокойной, довольной и привольной жизни; греческой націи даровано независимое государственное существованіе, но какъ бы затѣмъ чтобъ она чувствовала свою неполноту, неестественность своихъ границъ, разобщенность съ живыми частями своего существа отъ ней оторванными и къ ней стремящимися. Сколько разъ русская дипломатія указывала на ненормальность условій въ которыя поставлена Греція, и сколько разъ Европа, столь снисходительная къ Турціи, столь заботливая о величіи и авторитетѣ султанской власти, оскорбляла Грецію и ея правительство въ ихъ достоинствѣ? Какъ же требовать чтобы правительство Греціи безпрерывно унижаемое, могло имѣть необходимую силу и твердость въ государствен-

номъ домостроительствѣ на почвѣ столь зыбкой? Не подлежитъ спору что греческія политическія партіи устроены неправильно и дѣйствуютъ не всегда похвально, но самая неестественность ихъ постановки не есть ли огражденіе тѣхъ противоестественныхъ условій въ которыхъ, по волѣ Европы, до сихъ поръ находится Греческое королевство?

Вотъ еще обстоятельство котораго никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ виду. При всѣхъ возможныхъ усиліяхъ греческому правительству трудно было бы добиться искорененія разбойничества. Греція, сравнительно напримѣръ съ Италіей, поставлена въ самыя невыгодныя условія своимъ сосѣдствомъ съ Турціей, страной которая, что бы ни говорили ея доброхоты, никакъ не можетъ быть признана образцомъ благоустроеннаго государства. Давно уже, и много разъ, поставлялось на видъ какъ благопріятна сѣверная граница Греціи для перехода разбойничьихъ шаекъ изъ Турціи. Еслибы греческое правительство переловило всѣхъ разбойниковъ въ Греціи, то какъ поручится оно что новыя шайки не будутъ ежедневно проникать въ нее изъ сосѣдней Турціи, и что снова какіе-нибудь мирные туристы не будутъ ограблены или перебиты?

Есть основанія полагать что и тѣ разбойники что убили несчастныхъ путешественниковъ желавшихъ осмотрѣть Мараѳонское поле прославленное побѣдою Европы, въ лицѣ древнихъ Грековъ, надъ варварскою Азіей, — были не Греки. Это мы говоримъ не по догадкамъ, а на основаніи англійскаго же источника. Въ газетѣ *Standard* (отъ 6-го мая) напечатано письмо майора Миллингена, который провелъ 18 лѣтъ на Востокѣ, и слѣдовательно болѣе компетентнаго судьи о тамошнихъ дѣлахъ чѣмъ поступившій за два года предъ симъ на турецкую службу Гобартъ-паша, утверждающій будто мараѳонскіе разбойники не что иное какъ греческіе волонтеры отстаивавшіе Кандію. Вотъ что пишетъ почтенный майоръ Миллингенъ:

„Кто этотъ Арваниваки, начальникъ шайки головорѣзовъ, подло умертвившихъ свои беззащитныя жертвы? Его имя обличаетъ его происхожденіе, ибо Арванитаки по-гречески значитъ „Албанчикъ“ (*Little Albanian*). Но Албанцы греческіе ли подданные? Нѣтъ, они турецкіе подданные, подвластные султану, а не королю Эллиновъ, ибо Албанія турецкая, а не греческая провинція. И достойные товарищи Арванитаки, кто они были, турецкіе или греческіе подданные? Офиціальныя донесенія эллинскаго правительства, также какъ свѣдѣнія полученныя мною отъ моихъ аѳинскихъ корреспондентовъ, согласны въ томъ что изъ 25 разбойниковъ бывшихъ въ шайкѣ Арванитаки, 13 были признаны за турецкихъ подданныхъ, между тѣмъ какъ національность остальныхъ 12 остается еще загадкой.

„Сверхъ того еще болѣе замѣшиваетъ Турцію въ этомъ предполагаемомъ греческомъ убійствѣ тотъ фактъ что эти негодяи рьяно стремились на турецкую территорію, отечество разбойниковъ, въ надеждѣ найти тамъ пріютъ и покровительство которое дозволило бы имъ свободно насладиться 50.000 фунт. стерл. выкупа. Что цѣлью разбойниковъ было бѣгство въ Турцію, это удостовѣрено показаніями которыя далъ предъ министерствомъ въ Аѳинахъ разбойникъ Алексіосъ Василео: „Оттуда разбойники перешли въ Оропосъ, „а отсюда, по задуманному плану, двинулись съ цѣлью добраться до Аграфы (на „турецкой территоріи) вмѣстѣ съ своими „плѣнными.“ Это показаніе подтверждается и тѣмъ что писалъ г. Гербертъ г. Эрскину, говоря что „разбойники намѣрены достигнуть сѣверной границы.“ Допустивъ что всѣ равнины, горы и овраги Греціи переполнены разбойниками, какъ можно объяснить себѣ заботу шайки Арванитаки пріютиться во владѣніяхъ султана? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: Турція есть операціонный базисъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ Греція есть цѣль ихъ, гдѣ богатая жатва обезпечиваетъ имъ полную награду за ихъ труды.

„Что касается до обвиненія выставляемаго противъ эллинскаго правительства на томъ основаніи что каждая администрація подлежитъ отвѣтственности за то что случается въ ея владѣніяхъ, то я могу повторить, вмѣстѣ съ сэръ-Генри Бульверомъ, „что никакое правительство не пользующееся уваженіемъ внѣ страны не можетъ избѣжать смутъ внутри ея.“ Укрѣпите Грецію, сдѣлайте ее уважаемою, и тогда будетъ можно логически возлагать на нее отвѣтственность за подобные бѣдственные случаи.“

Таково свидѣтельство безпристрастнаго, свѣдущаго и добросовѣстнаго Англичанина.

№ 93.

Москва, 1-го мая.

Способы къ какимъ прибѣгаютъ наши балтійскіе противники для защиты своего дѣла лучше всего свидѣтельствуютъ о его характерѣ.

Вотъ фактъ который требуетъ разъясненія и исправленія; вотъ извѣстіе которое мы хотимъ опровергнуть: какъ поступимъ мы если дѣло наше правое и если мы хотимъ не скрыть, а раскрыть истину? Мы пойдемъ прямымъ и кратчайшимъ путемъ на встрѣчу извѣстію которое признаемъ ложнымъ. Мы ударимъ въ сердцевину выставляемому противъ насъ факту; мы скажемъ безъ обиняковъ что онъ есть выдумка, или же въ точныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ объяснимъ что въ данномъ извѣстіи не вѣрно или не точно, и какъ дѣйствительно происходило дѣло, и какъ надобно разумѣть его.

Но что вы скажите о людяхъ которые, оставляя въ сторонѣ фактъ, всячески стараясь отвести отъ него вниманіе окружающей публики и прицѣпляясь къ обстоятельствамъ не имѣющихъ никакого отношенія къ сущности вопроса, поднимаютъ крикъ добродѣтельнаго негодованія противъ лжи и клеветы которыхъ они становятся предметомъ, и повторяютъ этотъ маневръ при каждомъ удобномъ случаѣ?

Въ берлинской газетѣ *National-Zeitung*, за нѣсколько времени предъ симъ, появилось, въ корреспонденціи изъ Риги, извѣстіе касающееся Дерптскаго университета. Сообщая фактъ съ разными подробностями, корреспондентъ излагаетъ его въ смыслѣ и направленіи возмутительно лживомъ и нечестномъ, но соображаясь съ требованіями балтійской политики. Этотъ корреспондентъ самъ единъ отъ балтійскихъ политиковъ, принадлежа къ той доблестной ватагѣ которая изъ Риги, Дерпта и Ревеля шлетъ въ заграничныя газеты корреспонденціи разчитанныя на то чтобы возбуждать фальшивую агитацію въ Германіи и тѣмъ производить потребное въ данную минуту впечатлѣніе на правительство и общественное мнѣніе Россіи. Фактъ, который сообщилъ рижскій корреспондентъ *National-Zeitung*, касается пресловутаго вопроса о введеніи, или точнѣе, о *невведеніи* русскаго языка въ офиціальную переписку нѣкоторыхъ учрежденій въ балтійскихъ провинціяхъ. Корреспондентъ сообщалъ что совѣтъ Дерптскаго университета, или по крайней мѣрѣ значительная часть его, энергически протестовала противъ той малой доли значенія которая требуется для русскаго языка въ офиціальныхъ сношеніяхъ университета. Ту партію совѣта которая протестовала корреспондентъ, съ своей точки зрѣнія, восхваляетъ какъ дѣйствующую „по-нѣмецки и честно.“ Эта честная и нѣмецкая партія,—какъ бы вы думали, кто? Конечно, иностранные ученые приглашенные въ Дерптскій университетъ изъ Германіи, Нѣмцы въ собственномъ смыслѣ этого термина? Они какъ иностранцы, какъ люди для Россіи чужіе, какъ дѣти германскаго отечества, они, конечно, стояли за исключительность нѣмецкаго языка и обнаружили щекотливость въ вопросѣ о допущеніи русскаго языка даже въ бумаги адресуемыя къ попечителю округа? Если было раздѣленіе въ университетскомъ совѣтѣ по поводу этого вопроса, и образовались двѣ партіи, одна иностранная, другая русская, конечно иностранная партія состояла изъ иностранцевъ, а русская изъ Русскихъ? Нѣтъ, совсѣмъ на оборотъ. „Въ совѣщаніяхъ которыя до сихъ поръ были по этому вопросу,“ говоритъ корреспондентъ, „образовались двѣ партіи: одна, которая въ *германскомъ смыслѣ* и *честно* хочетъ отвергнуть приказаніе какъ неисполнимое и погибнуть съ честію, другая которая считаетъ нужнымъ дѣйствовать сообразуясь съ политическими обстоятельствами. Къ первой партіи принадлежатъ: весь богословскій факультетъ и другіе наиболѣе выдающіеся преподаватели университета, даже профессора русской словесности. Къ другой партіи принадлежитъ большинство иностранныхъ профессоровъ и нѣкоторые изъ туземцевъ считающіе абсолютную покорность за пассивное сопротивленіе. Происходили горячія сцены, именно воззрѣнія нѣкоторыхъ профессоровъ отличающихся русскимъ образомъ мыслей вызвали негодованіе другой партіи. Увы, если въ одиннадцатый часъ разума не прибудетъ то русская партія побѣдитъ! Тогда ректоръ подастъ въ отставку и не захочетъ быть предсѣдателемъ безхарактерныхъ орудій насильственной власти. Уже толкуютъ что въ такомъ случаѣ университетскій совѣтъ, какъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, будетъ ли-

„щенъ ректорскаго выбора, а когда это „случится, тогда прощай нѣмецкій характеръ отечественнаго университета (Landes-hochschule).“

И такъ, людьми съ русскимъ образомъ мыслей оказались иностранцы, а противниками Россіи—туземцы, то-есть Русскіе! Что касается почтенныхъ ученыхъ приглашенныхъ изъ-за границы, то предполагается что это люди столько же честные и добросовѣстные, сколько просвѣщенные и мыслящіе. Предполагается что они смотрятъ на вещи прямо, и хорошо понимаютъ что если балтійскія провинціи входятъ въ составъ русскаго государства, то онѣ могутъ быть только русскими. Они понимаютъ также что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, не касается ни культуры, ни науки, ни религіи, и что ни одинъ изъ законныхъ и честныхъ интересовъ края не сталкивается съ потребностями государственнаго объединенія Россіи, а напротивъ вполнѣ согласуется съ ними. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, они не могутъ не понимать что мѣра которая была предметомъ совѣщаній въ совѣтѣ Дерптскаго университета точно такъ же какъ была предметомъ протестацій со стороны сеймовъ лифляндскаго и эстляндскаго, не имѣетъ никакого существеннаго значенія, и что придавать ей значеніе съ какой бы то ни было стороны значитъ обманывать или себя, или другихъ. Эти почтенныя лица не считаютъ себя призванными участвовать въ обманѣ, но устраняются отъ интриги которая имъ чужда и противорѣчитъ ихъ совѣсти. Они не замѣшаны въ интересахъ балтійской политики и не чувствуютъ себя въ обязательныхъ отношеніяхъ ни къ какому иному государству кромѣ Русскаго, котораго они стали гражданами навсегда или временно. Истинное зло, которымъ Россія страдаетъ и съ которымъ въ послѣдствіи придется ей тяжко раздѣлываться, происходитъ не отъ иностранцевъ которые въ нее переселяются: напротивъ, самъ по себѣ это элементъ благонадежный; эти люди усвояютъ себя странѣ своего избранія, своему второму отечеству. Истинное же зло Россіи заключается въ ея домашнихъ, въ ея внутреннихъ иностранцахъ, которые созданы и поддерживаются въ этомъ качествѣ ею самою, ибо она допустила въ своихъ предѣлахъ существованіе особыхъ фальшивыхъ государственныхъ организацій. Пользуясь всѣми правами русскаго гражданства, члены этихъ организацій считаютъ себя политически обязанными только предъ ними; у нихъ есть свое особое отечество, у нихъ есть своя особая политика. По самой природѣ своего положенія, эти внутренніе иностранцы находятся въ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ русскому государству. Внутренніе иностранцы не просто люди чужіе, не просто нерусскіе, они русскіе въ обратномъ смыслѣ....

Но мы отступили отъ ближайшаго предмета этой замѣтки.

Въ какомъ бы смыслѣ ни сообщилъ свое извѣстіе рижскій корреспондентъ, оно не могло не обратить на себя вниманія. Оно было воспроизведено нѣкоторыми петербургскими газетами, не имѣвшими данныхъ ни подтвердить, ни опровергнуть его. Но вотъ теперь, *косвеннымъ* путемъ, появляется со стороны ректора Дерптскаго университета возраженіе на это извѣстіе. Оно напечатано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Что же мы узнаемъ изъ этого возраженія? Ничего кромѣ того что русскія газеты распространяютъ ложныя извѣстія. Вотъ это возраженіе:

„Въ № 108 газеты *Голосъ* помѣщено извѣстіе берлинской *Національной* газеты (подлинникъ его не дошелъ къ намъ) касающееся образа дѣйствій совѣта Дерптскаго университета относительно новаго распоряженія правительства о веденіи дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ. Нѣкоторыя другія петербургскія періодическія изданія сообщили изъ иностранныхъ газетъ извѣстія подобнаго же содержанія. Въ интересахъ истины нижеподписавшійся считаетъ долгомъ заявить предъ публикой, что *всѣ эти извѣстія исполнены ложныхъ, и въ то же время навлекающихъ несправедливыя подозрѣнія показаній.* Г. Ф. Эттингенъ, ректоръ Дерптскаго университета. Дерптъ, 15-го апрѣля, 1870 г.“

„Всѣ эти извѣстія исполнены ложныхъ показаній:“ вотъ все что предлагаетъ въ успокоеніе русской публики г. ректоръ Дерптскаго университета. Но пусть эти извѣстія исполнены ложныхъ показаній,—вопросъ не въ правдивости рижскаго корреспондента берлинской газеты,—вопросъ только въ томъ имѣютъ ли эти извѣстія какое-либо основаніе? Происходилъ ли, въ какомъ-либо смыслѣ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, тотъ фактъ въ которомъ заключается весь интересъ вопроса? Происходили ли въ совѣтѣ Дерпт-

скаго университета пренія по вопросу о несчастномъ введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство? Въ какомъ смыслѣ завязались эти пренія и чѣмъ они кончились? Вотъ что̀ требовалось объяснить, и вотъ о чемъ г. ректоръ не счелъ нужнымъ сказать ни одного слова. Эти общія и неопредѣленныя выраженія о какихъ-то ложныхъ показаніяхъ не доказываютъ ли что возражающій не считаетъ удобнымъ для своего дѣла высказаться откровенно и прямо? Достаточно было бы тѣхъ же самыхъ строкъ для заявленія что факта вовсе не было, или что онъ произходилъ не въ томъ, а въ другомъ видѣ и смыслѣ. Еслибы корреспондентъ, говоря о совѣщаніяхъ въ совѣтѣ Дерптскаго университета, присовокупилъ что во время ихъ шелъ дождь, между тѣмъ на дворѣ было вёдро, показаніе его было бы невѣрно. Но имѣетъ ли это невѣрное показаніе какое-либо отношеніе къ сущности факта? Хорошо ли, воспользовавшись этимъ, закричать о ложныхъ показаніяхъ, заглушая вопросъ о самомъ дѣлѣ?

Корреспондентъ берлинской газеты въ числѣ противниковъ русскаго языка назвалъ дерптскаго профессора русской словесности. Какое онъ имѣлъ для этого основаніе, или зачѣмъ понадобилось ему сдѣлать это показаніе, мы не беремся разыскивать. Быть-можетъ ему показалось естественнымъ поставить профессора русской словесности отъявленнымъ противникомъ русскаго языка въ томъ краѣ гдѣ иностранцы являются его защитниками противъ туземцевъ. Но это показаніе оказывается ложнымъ. Дерптскій профессоръ русской словесности, г. Котляревскій, въ энергическихъ выраженіяхъ, протестуетъ противъ хвалы которая ему воздана въ берлинской газетѣ. Онъ объявляетъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее: „сколь ни незначительна моя личность, но *рижскій патріотъ* (корреспондентъ) распорядился ею и вопреки здраваго смысла, и вопреки истины: какъ *русскій* членъ совѣта, я былъ за *неукоснительное, полное и безусловное* исполненіе требованій правительства."

Вотъ это мы называемъ объясненіемъ прямымъ и опредѣлительнымъ. Г. Котляревскій счелъ нужнымъ объясниться по личному вопросу, и онъ сдѣлалъ это въ выраженіяхъ рѣшительныхъ, не оставляющихъ ни малѣйшаго мѣста двусмыслію. Онъ не сказалъ что пущенное о немъ извѣстіе исполнено ложныхъ показаній, онъ прямо отвергъ его въ самой его сущности, въ его основаніи. Отчего же бы ректору Дерптскаго университета, г. фонъ-Эттингену, не сказать, въ свою очередь что сообщеніе *рижскаго патріота* о совѣтѣ этого университета лишено всякаго основанія, и что Дерптскій университетъ, какъ учрежденіе русскаго государства, въ данномъ случаѣ высказался „за неукоснительное, полное и безусловное исполненіе требованій правительства?"

А между тѣмъ изъ объясненія г. Котляревскаго явствуетъ что въ совѣтѣ дѣйствительно была борьба мнѣній по вопросу о русскомъ языкѣ. Онъ говоритъ: „Я какъ русскій членъ совѣта былъ за исполненіе требованій правительства;" значитъ дѣло это подвергалось вопросу въ совѣтѣ. Г. фонъ-Эттингенъ, какъ и вообще балтійскіе уроженцы суть также Русскіе какъ и г. Котляревскій, ибо лифляндской національности пока еще не значится въ европейскомъ международномъ правѣ: что̀ же? ложь или правду сказалъ о нихъ корреспондентъ? Быть-можетъ, какъ добрые русскіе патріоты они протестовали противъ мѣры правительства въ томъ смыслѣ что она недостаточна, что она недостигаетъ своей цѣли, что введеніе русскаго языка въ нѣкоторую часть официіальной переписки есть только вопросъ о двухъ-трехъ канцеляристахъ знающихъ по-русски, но отнюдь не способно содѣйствовать государственному объединенію Россіи ради котораго она принимается. Отчего же г. фонъ-Эттингенъ не высказался въ этомъ смыслѣ? Это было бы превосходною уликой лживому корреспонденту, а для русской публики пріятною новостію. Впрочемъ г. фонъ-Эттингенъ и не думалъ обращаться непосредственно къ русской публикѣ: онъ, какъ значится изъ письма г. Котляревскаго въ редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, предоставилъ себѣ сдѣлать официіальное заявленіе въ нѣмецкой газетѣ, *Nordische Presse*; что̀ же касается до вышеприведеннаго письма его, то оно было сообщено имъ, конечно по-нѣмецки, г. Котляревскому для опубликованія въ русскихъ газетахъ.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ что извѣстіе рижскаго корреспондента *National-Zeitung* не лишено основанія въ главномъ и суще-

ственномъ вопросѣ. Дѣло дошло до того что въ совѣтѣ университета, какъ недавно сообщила намъ телеграмма изъ Петербурга, состоялось предположеніе подать всеподданнѣйшій адресъ противъ введенія русскаго языка, и что во главѣ агитаціи находится самъ г. ректоръ. Но, какъ ни благонадеженъ источникъ изъ котораго дошло до насъ это свѣдѣніе, мы съ радостію примемъ опроверженіе, лишь бы только оно было сдѣлано въ выраженіяхъ опредѣленныхъ и недвусмысленныхъ. Намъ было бы всего пріятнѣе послужить органомъ ректору Дерптскаго университета и его совѣту въ заявленіи русскаго образа мыслей.

Сейчасъ упомянули мы о *Nordische Presse*. Эта газета есть объявленный и уполномоченный органъ балтійскихъ политиковъ. Она создана для того чтобы защищать ихъ дѣло, но употребляемая ею тактика не столько защищаетъ, сколько обличаетъ это дѣло.

На основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній мы сообщали что лифляндскій губернскій предводитель дворянства, г. фонъ-Нолькенъ, присутствовавшій при торжественномъ молебствіи господствующей церкви въ день 4-го апрѣля, былъ привлеченъ за это къ отвѣту лифляндскимъ конвентомъ. Отъ него потребовали чтобъ онъ подалъ въ отставку. Сначала онъ возражалъ, и тогда ландраты объявили что сложатъ съ себя свои должности. Наконецъ, ландмаршалъ рѣшился подчиниться постигшему его приговору и на другой день подалъ въ отставку. Вотъ сущность сообщеннаго нами факта, вотъ что подлежало опроверженію, исправленію, оцѣнкѣ. Изъ тѣхъ же источниковъ присовокупляли мы что за нѣсколько дней предъ этимъ происшествіемъ въ конвентѣ состоялось постановленіе не присутствовать при торжественномъ богослуженіи православной церкви въ царскіе дни. И вотъ *Nordische Presse*, оставляя въ сторонѣ сущность факта, возразила намъ что 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора, резидирующій въ Ригѣ ландратъ, послѣ богослуженія въ лютеранской церкви, поспѣлъ на молебствіе въ православной церкви; слѣдовательно сообщенное нами свѣдѣніе о постановленіи состоявшемся въ конвентѣ ложно. Но за чѣмъ же члены конвента, уполномочившіе означенную газету возразить противъ сообщеннаго нами свѣдѣнія, не сказали просто что оно лишено всякаго основанія? Изъ того что ландратъ присутствовалъ на молебствіи 17-го апрѣля отнюдь не слѣдуетъ чтобы за нѣсколько недѣль предъ симъ въ конвентѣ не было рѣшено не присутствовать на подобныхъ торжествахъ. Сдѣланное постановленіе могло быть отмѣнено, ландраты могли надуматься, въ самомъ постановленіи могли быть нѣкоторыя оговорки; петербургскіе благотворители, сообразуясь съ обстоятельствами, могли подать сигналъ которымъ ландраты воспользовались,—мало ли, наконецъ, могло что случиться въ промежутокъ времени раздѣляющій оба факта? Передавая полученное нами свѣдѣніе, мы имѣли въ виду только сущность факта. Было ли сдѣлано конвентомъ формальное постановленіе занесенное въ протоколъ, или между членами его состоялся уговоръ какъ-либо иначе, сущность не въ этомъ.

Напрасно *Nordische Presse*, возвратясь къ той же темѣ и употребляя ту же тактику, хочетъ поставить насъ въ противорѣчіе съ самими собою. „Конвентъ," говоритъ она, „не сдѣлалъ постановленія „о которомъ сообщали *Московскія Вѣдомости*. *Московскія Вѣдомости* говорили „не объ отдѣльномъ случаѣ, а вообще; „постановленіе имѣетъ такую же силу для „17-го числа какъ для 4-го. *Московскія* „*Вѣдомости* наконецъ сообщаютъ въ своемъ № 81: *постановили съ заклятіемъ*, „а въ № 87 объявляютъ: *шла рѣчь о томъ*. „Пусть судятъ наши читатели.

Мы сказали *шла рѣчь о томъ* отнюдь не въ отмѣну нашего прежняго показанія. Одно другимъ отнюдь не исключается. Если было *сдѣлано постановленіе*, то конечно и *шла рѣчь о томъ*. Мы поддерживаемъ въ силѣ наше показаніе, и попрежнему утверждаемъ что оно почерпнуто изъ вѣрнаго источника. Шла рѣчь о томъ вовсе не въ шутку, а въ смыслѣ очень серіозномъ. Употребленное нами слово *заклятіе* вовсе не лишнее, и въ немъ нѣтъ преувеличенія. Отчего же никто изъ ландратовъ не былъ на молебствіи 4-го апрѣля? Отчего же ландмаршалъ, который осмѣлился присутствовать при этомъ торжествѣ, былъ вынужденъ подать въ отставку? Пусть *Nordische Presse* объявитъ, по полномочію отъ членовъ конвента, что въ ихъ засѣданіяхъ не было рѣчи о сказанномъ предметѣ или что рѣчь эта не имѣла никакого значенія, или что 4-го апрѣля они присутствовали на молебствіи,

или что между ими и ландмаршаломъ не было пререканій по этому поводу и что ландмаршалъ вовсе не подавалъ въ отставку или подалъ по домашнимъ обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ балтійской политикѣ.

Мы уважимъ всякое правдивое слово, хотя бы и враждебное. Но мы не можемъ уважать дѣло которое для защиты своей должно прибѣгать къ недостойнымъ изворотамъ и уверткамъ. Балтійскіе политики имѣющіе своимъ органомъ *Nordische Presse* равно какъ и издатели этой газеты, суть безъ сомнѣнія лица безукоризненной честности въ своемъ быту и мы дѣлаемъ ихъ самихъ судьями тѣхъ стратагемъ къ которымъ они прибѣгаютъ въ общественномъ дѣлѣ.

№ 94.

Москва, 2-го мая.

Необходимость пересмотра дѣйствующихъ у насъ законовъ объ акціонерныхъ компаніяхъ давно уже сознается какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Постановленія о товариществахъ по участкамъ, или компаніяхъ на акціяхъ, изложенныя въ т. X Свода Законовъ, были составлены тридцать пять лѣтъ тому назадъ и теперь нисколько не отвѣчаютъ потребностямъ. Почти для каждой компаніи правительство допускаетъ самыя капитальныя отступленія отъ помянутыхъ постановленій, а это въ извѣстной степени даетъ поводъ и учредителямъ не затрудняться дальнѣйшими отступленіями. Наше общее законодательство не знаетъ акціонерныхъ компаній не имѣющихъ устава, а на практикѣ у насъ не мало компаній широко развивающихъ свою дѣятельность, не имѣя утвержденнаго устава: особенно концессіи на желѣзныя дороги выдаются теперь такимъ способомъ что представленіе устава, которымъ опредѣляются дѣйствія компаніи, является какъ бы второстепеннымъ дѣломъ. Но пока нѣтъ устава, до тѣхъ поръ, по общему законодательству, нѣтъ и юридическаго лица. По какому же праву учредители, получивъ концессію, вступаютъ въ обязательства отъ имени компаніи: выпускаютъ облигаціи, выбираютъ правленіе, назначаютъ распорядителей, заключаютъ контракты и пр.? Какъ можно допустить чтобы гарантіи требуемыя закономъ при дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній вступали въ свою силу уже послѣ того какъ почти все будущее компаніи рѣшено? Эти порядки не произвели еще до сихъ поръ большой катастрофы лишь по причинамъ случайнымъ, вслѣдствіе личныхъ свойствъ учредителей. Но возможно ли полагаться на случайности?

Дѣйствующія постановленія объ акціонерныхъ компаніяхъ чрезвычайно неясно опредѣляютъ тѣ отношенія акціонеровъ къ правленіямъ компаній которыя должны признаваться обязательными. На практикѣ акціонерныя компаніи управляются полновластно распорядителями, при чемъ акціонеры являются вкладчиками дѣлящими прибыли и убытки предпріятія, но не имѣющими участія въ веденіи его. Такимъ образомъ компанія по участкамъ переходитъ въ товарищество на вѣрѣ, при чемъ однако распорядитель не отвѣтствуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ за сохранность довѣреннаго ему вклада.

Законы объ акціонерныхъ компаніяхъ по самому существу своему принадлежатъ къ числу наиболѣе подверженныхъ колебаніямъ при ихъ примѣненіи. Къ каждой компаніи общій законъ примѣняется властью законодательною, которая можетъ измѣнять и устранять тѣ или другія его требованія. Пока акціонерныя компаніи были у насъ рѣдкостью и учрежденіе каждой изъ нихъ составляло почти заслугу предъ народнымъ хозяйствомъ, до тѣхъ поръ разныя изъятія и особенности въ уставахъ еще могли быть хоть сколько-нибудь оправдываемы. Теперь „товарищество по участкамъ“ есть самый обыкновенный видъ участія въ промышленности, и у насъ уже не мало дѣятельныхъ акціонерныхъ предпринимателей; есть и спекулянты, злоупотребляющіе довѣріемъ; въ особенности при сбытѣ акцій на биржѣ происходятъ вопіющія несправедливости. Опредѣленіе гарантій для акціонеровъ и публики, а равно точное соблюденіе этихъ гарантій при утвержденіи уставовъ становится теперь главною задачей акціонернаго дѣла, главнымъ условіемъ его дальнѣйшаго благополучнаго развитія

Дѣйствующія постановленія по акціонернымъ компаніямъ уже пересматриваются въ правительственныхъ сферахъ. На дняхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, въ отдѣлѣ сообщеній, опубликованъ обширный проектъ новаго положенія объ акці-

онерныхъ компаніяхъ. Правительственное сообщеніе приглашаетъ присылать въ департаментъ мануфактуръ и торговли до 13-го сентября текущаго года замѣчанія на опубликованный проектъ и обѣщаетъ что эти замѣчанія „будутъ приняты во вниманіе „при окончательномъ пересмотрѣ проекта.“

Новое положеніе не есть совершенная новость. Десять лѣтъ тому назадъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ было напечатано обширное извлеченіе изъ проекта новаго положенія для акціонерныхъ компаній. Если не ошибаемся, этотъ проектъ легъ въ основу опубликованнаго теперь положенія, но разумѣется съ значительными измѣненіями и дополненіями. Нынѣшній проектъ занимаетъ около 12 столбцовъ *Правительственнаго Вѣстника*. Нѣтъ ни возможности, ни надобности передавать его читателямъ цѣликомъ. Мы ограничиваемся сегодня главными чертами измѣненій вносимыхъ проектомъ въ акціонерное законодательство, предоставляя себѣ вернуться въ другой разъ къ нѣкоторымъ подробностямъ.

Новое положеніе начинается слѣдующими словами:

„Акціонерныя компаніи имѣютъ предме„томъ опредѣленное предпріятіе.“

Этихъ словъ не было въ соотвѣтствующей статьѣ прежнихъ постановленій, которыя вообще оставили безъ надлежащаго вниманія опредѣленіе объема предпріятій компаніи и порядка измѣненій его. Такой пропускъ на практикѣ приводилъ къ большимъ неудобствамъ. Никто, покупая акцію извѣстной компаніи, не былъ гарантированъ что чрезъ нѣсколько времени и притомъ сюрпризомъ онъ не очутится вкладчикомъ въ совершенно иное предпріятіе. Правленія компаній, приступая къ расширенію предпріятія и даже къ совершенному видоизмѣненію его, пренебрегали тѣми гарантіями которыя законъ постановилъ для рѣшенія важныхъ компанейскихъ дѣлъ. Въ объявленіяхъ о созваніи общихъ собраній акціонеровъ не упоминалось что имъ будутъ сдѣланы предложенія о расширеніи предпріятія; публикаціи дѣлались за недѣлю, за двѣ до дня собранія. Измѣненіе объема предпріятія хотятъ считать ничтожнымъ, заурядымъ дѣломъ, для котораго не требуется не только единогласнаго рѣшенія, но даже и большинства представителей всѣхъ выпущенныхъ акцій.

Эти порядки представляютъ полнѣйшее удобство наносить большой вредъ акціонерамъ. Положимъ такому-то распорядителю акціонерной компаніи пароходства понравилась бы операція покупки пароходовъ. Общему собранію было бы предложено пустить пароходы по новому пути и какъ бы ни было очевидно невыгодно проектированное расширеніе предпріятія, ничтожное и случайное, искусственно подобранное большинство общаго собранія, представляющее, можетъ-быть, десятую долю складочнаго капитала, въ правѣ заставить всѣхъ акціонеровъ обратиться въ участниковъ дѣла, о которомъ они и не помышляли. Положимъ напримѣръ что дѣла извѣстной акціонерной компаніи идутъ плохо, но могли бы поправиться при сліяніи съ компаніею, имѣющею хорошій доходъ: при теперешнихъ порядкахъ акціонеры послѣдней могутъ быть вынуждены почти безъ вѣдома для нихъ выдать часть своего имущества на поправку дѣлъ первой компаніи. Или положимъ что распоряжающимся въ какой-нибудь акціонерной компаніи припадетъ охота строиться: подставное общее собраніе поспѣшитъ повиноваться, а дѣйствительные акціонеры будутъ расплачиваться *). Сліяніе акціонерныхъ обществъ часто ведетъ къ подобному перемѣщенію имущества.

Трудно требовать чтобы всякое измѣненіе въ объемѣ предпріятія дѣлалось только по единогласному постановленію всѣхъ участковъ предпріятія. Если одинъ голосъ будетъ имѣть право останавливать или *срывать* постановленіе общаго собранія акціонеровъ, то компанія очутится въ зависимости отъ единичнаго голоса, можетъ-быть отъ каприза или случайнаго настроенія каждой личности изъ акціонеровъ. Быть-можетъ, затруднительно также, въ виду несогласія меньшинства на участіе въ измѣненномъ предпріятіи, возвращать ему вклады, приступать такъ сказать къ частной ликвидаціи. Подобныя постановленія, хотя и правдивыя въ теоріи, на практикѣ будутъ иногда неудобны и потому не могутъ быть введены какъ общее правило, хотя есть случаи когда они необходимы. Но и при всякомъ измѣненіи предпріятія должны быть даны для меньшинства всѣ гарантіи которыя только осуществимы безъ важ-

*) Просимъ читателей обратить вниманіе на то что сказано въ сегодняшней биржевой корреспонденціи изъ Петербурга о московско-смоленскихъ и московско-брестскихъ акціяхъ.

ныхъ практическихъ неудобствъ. „Акціонерная компанія, говоритъ новое положеніе, не можетъ простирать своихъ дѣйствій далѣе назначенныхъ ея уставомъ предѣловъ—безъ испрошенія на сіе новаго отъ правительства разрѣшенія. Постановленія общихъ собраній по вопросамъ требующимъ правительственнаго разрѣшенія считаются новымъ положеніемъ дѣйствительными лишь при согласіи $^3/_4$ голосовъ собранія акціонеровъ, представляющихъ $^3/_4$ складочнаго капитала. На вторичномъ собраніи, созываемомъ вслѣдствіе неудачи перваго, хотя требуется $^3/_4$ голосовъ для постановленія рѣшеній этого рода, но размѣрамъ представляемаго ими капитала уже не придается значенія, какъ это выговорено однако при вторичномъ разсмотрѣніи дѣлъ при покупкѣ недвижимыхъ имуществъ и пріобрѣтеніи привилегій. Надо думать что при окончательномъ пересмотрѣ положенія противорѣчіе это будетъ устранено и для вторичныхъ рѣшеній по вопросамъ о расширеніи предпріятія также потребуется рѣшеніе акціонеровъ представляющихъ болѣе половины складочнаго капитала. Равнымъ образомъ надо думать что окончательная редакція проекта опредѣлитъ точнѣе понятіе о *предѣлахъ дѣйствія* компаній и о расширеніи этихъ предѣловъ: объемъ предпріятія можетъ быть до того расширенъ что оно совершенно измѣнитъ свой характеръ, а въ такомъ случаѣ измѣненіе предпріятія не можетъ считаться правильнымъ даже еслибы правительство согласилось на то, развѣ оно требовалось бы государственною необходимостію.

Интересы меньшинства суть интересы права собственности которое въ свою очередь есть основаніе общежитія. Поэтому нельзя не одобрить что новое положеніе обезпечиваетъ меньшинство еще и тѣмъ что допускаетъ складочные голоса; акціонеры не имѣющіе права на голосъ могутъ посылать въ собраніе уполномоченныхъ.

Новое положеніе стремится также къ болѣе точному опредѣленію правъ учредителей. Оно прямо выговариваетъ что учредители, завѣдуя дѣлами компаніи до окончательнаго разбора акцій „не приступаютъ сами ни къ какимъ дѣйствіямъ по предпріятію компаніи." Вводится также новая статья гласящая что учредители могутъ получать акціи или временныя свидѣтельства не иначе какъ уплативъ деньги, которыя должны быть внесены въ кредитныя установленія. Исключенія допускаются лишь при передачѣ обществу привилегій, заводовъ, фабрикъ и пр., или въ случаѣ когда сумма затраченнаго учредителями въ дѣло капитала равна суммѣ складочнаго. Въ настоящее время учредители часто оставляютъ за собою безденежныя акціи которыя даютъ имъ возможность держать въ кабалѣ настоящихъ вкладчиковъ предпріятія, на деньги которыхъ ведется все дѣло. Къ сожалѣнію, контроль надъ раздачею акцій крайне затруднителенъ и врядъ ли много практической пользы могутъ принести и другія правила принятыя проектомъ, напримѣръ чтобъ акціи оставляемыя по уставу за учредителями въ теченіе извѣстнаго срока не допускались къ передачѣ въ другія руки и имѣли о томъ соотвѣтствующую надпись. По дѣйствующимъ постановленіямъ, правильность раздачи акцій повѣряется правленіемъ избраннымъ на первомъ собраніи акціонеровъ. По проекту, общее собраніе назначаетъ для того особыхъ депутатовъ и сдаетъ правленію уже провѣренныя книги подписки.

Отвѣтственность членовъ правленія и директоровъ, о которой говорится въ общихъ чертахъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, обстоятельно опредѣляется проектомъ и распространяется въ одинаковой силѣ на учредителей. Если вредъ или убытки нанесены компаніи вслѣдствіе безпорядковъ и упущеній произведенныхъ нерадѣніемъ или безпечностію членовъ правленія, то они отвѣчаютъ предъ акціонерами какъ повѣренные предъ довѣрителями. За неисполненіе устава и постановленій собранія для членовъ правленія опредѣляется отвѣтственность, наравнѣ съ назначенной въ Уложеніи о нак. (ст. 1.709) за злонамѣренное превышеніе полномочія или за сношенія съ противниками довѣрителя, а также возлагается на нихъ обязанность возместить убытки. Утвержденіе отчета не освобождаетъ членовъ правленія отъ отвѣтственности если въ послѣдствіи откроются какія-либо невѣрности въ показаніяхъ. Въ новомъ проектѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ постановленія объ особой отвѣтственности личной и имущественной директоровъ напримѣръ въ случаѣ выдачи фиктивныхъ дивидендовъ или несозванія общаго собранія для рѣшенія вопроса о ликвидаціи, при уменьшеніи складочнаго капитала на 75%, какъ это требуется

въ томъ же проектѣ. Компаніи для закупки и продажи товаровъ должны быть ликвидированы, по проекту, при уменьшеніи капитала на 40%.

Въ видахъ большей правильности управленія проектъ въ нѣкоторой степени усиливаетъ гласность дѣйствій компаній. Годовой отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ, обзоръ дѣйствій правленія и годовой балансъ должны быть обязательно публикуемы въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и тѣхъ губерній гдѣ находятся конторы и главныя заведенія компаніи. По крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до общаго собранія отчетъ вмѣстѣ съ документами долженъ быть открытъ акціонерамъ въ правленіи для просмотра и объ открытіи его должно быть публиковано въ газетахъ. Публикованіе краткихъ отчетовъ и открытіе подробнаго на просмотръ въ самомъ правленіи врядъ ли можно считать мѣрою достаточною. Общественный контроль всего дѣльнѣе выражается въ занятіяхъ немногихъ спеціалистовъ и право на пріобрѣтеніе ими подробнаго отчета правленія могло бы, кажется, нерѣдко принести полезные результаты.

Для усиленія контроля надъ дѣйствіями правленія, по проекту предполагается опредѣлять въ уставѣ число акціонеровъ, по требованію которыхъ правленіе обязано созвать общее собраніе. Если же правленіе въ теченіе трехъ недѣль не исполнитъ требованія устава, „то акціонерамъ предоставляется самимъ созвать“ собраніе. Подробности послѣднихъ созваній не опредѣлены въ проектѣ, въ которомъ къ сожалѣнію не упомянуто также о предсѣдательствѣ въ общихъ собраніяхъ. Руководство общаго собранія правленіемъ часто, какъ извѣстно, и много вредило дѣлу.

Новое положеніе оставляетъ вовсе въ сторонѣ наблюденіе правительства надъ дѣйствіями компаній, хотя на практикѣ уже давно въ общія собранія желѣзнодорожныхъ и нѣкоторыхъ народныхъ компаній отряжаются для наблюденія „уполномоченные правительства.“ Веденіе дѣлъ акціонерной компаніи по самому свойству этихъ предпріятій не рѣдко крайне сложно или требуетъ особыхъ техническихъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего контроль акціонеровъ надъ правленіемъ становится за частую мертвою буквой. Въ Англіи правительство, предоставляя образованію и дѣйствіямъ компаній большую свободу дѣйствій, приходитъ однако на помощь акціонерамъ; бюро торговли по требованію пятой части акціонеровъ, представляющихъ пятую часть складочнаго капитала, отряжаетъ коммиссаровъ для изслѣдованія положенія компаній. Не мѣшало бы и у насъ постановить что-либо подобное съ тѣмъ чтобы поручать изслѣдованіе людямъ компетентнымъ.

№ 95.

Москва, 4-го мая.

Заявленіе о чрезмѣрномъ участіи крестьянъ въ государственныхъ повинностяхъ, сдѣланное такимъ значительнымъ землевладѣльцемъ и вмѣстѣ практическимъ хозяиномъ какъ князь В. И. Васильчиковъ, не могло не произвести впечатлѣнія. Мы получили нѣсколько отзывовъ и замѣтокъ въ которыхъ сказывается это впечатлѣніе. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы не замедлимъ познакомить читателей, а теперь спѣшимъ сказать что содержаніе статьи князя Васильчикова сочувственно встрѣчено многими изъ числа нашихъ землевладѣльцевъ.

Этого слѣдовало ожидать, но слѣдуетъ ожидать также что наши дурныя партіи поспѣшатъ воспользоваться даже самыми доброжелательными толками о высотѣ налоговъ падающихъ на крестьянъ, и что мы снова услышимъ лицемѣрныя сѣтованія о крестьянскомъ разореніи. Наши бѣлые и наши красные всегда были солидарны въ этомъ вопросѣ; руководителямъ этихъ вражескихъ партій, если онѣ дѣйствительно считаютъ маску *консерваторовъ* уже негодною къ употребленію, будетъ особенно удобно перейти въ среду нашихъ красныхъ, именно по вопросу о крестьянскомъ разореніи.

Во избѣжаніе всяческихъ каверзъ и путаницы, вопросъ о крестьянскихъ повинностяхъ долженъ быть отведенъ въ его истинные предѣлы. Дѣло идетъ вовсе не о крестьянскомъ разореніи, произведенномъ реформами; дѣло идетъ о давней погрѣшности нашего государственнаго организма, которая теперь обнаруживается явственнѣе, именно вслѣдствіе подъема общаго благосостоянія.

Годъ тому назадъ, въ объясненіяхъ съ петербургскими *консерваторами*, мы при-

вели цѣлый рядъ данныхъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о благополучномъ развитіи нашей страны. Мы сослались именно на офиціальныя данныя о поступленіи податей и косвенныхъ налоговъ.

Въ полученныхъ сегодня листкахъ *Указателя правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ* мы находимъ таблицы о поступленіи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ прошломъ году. Оказывается что прошлый годъ далъ результаты несравненно болѣе благопріятные чѣмъ предшедшій.

Министерство финансовъ сопровождаетъ свои таблицы небольшою замѣткой въ которой мы читаемъ:

„При обширности пространства занимаемаго Имперіей ежегодно встрѣчаются въ какой-либо мѣстности неблагопріятныя для сбора податей условія: засухи, излишніе дожди, саранча, суслики, падежи скота, недостатокъ заработковъ и пр. Посему каждый годъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, вслѣдствіе этихъ главныхъ, а также и другихъ второстепенныхъ причинъ бываютъ недоборы противъ оклада, но въ то же время въ другихъ губерніяхъ сверхъ оклада уплачивается часть прежнихъ недоимокъ. При составленіи государственныхъ росписей показывается доходомъ только сумма, равняющаяся годовому окладу и кромѣ того назначается отъ 3 до 4 милл. на покрытіе недоборовъ: если же поступленіе въ общей сложности по Имперіи въ счетъ оклада и прежнихъ недоимокъ близко подходитъ къ годовому окладу, принятому въ разсчетъ при составленіи росписи, то оно въ финансовомъ отношеніи можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

„*На этомъ основаніи взносъ податей, а равно выкупныхъ билетовъ въ 1869 году долженъ быть причисленъ къ весьма успѣшнымъ.*"

Всѣхъ окладныхъ податей и сборовъ, а также выкупныхъ платежей слѣдовало къ поступленію въ прошломъ году 128.715.883 р. Поступило же 130.244.655 руб., то-есть переборъ достигъ 1.528.772 р. или болѣе 1%. Это результатъ блистательный даже по сравненію съ такимъ удовлетворительнымъ годомъ, каковъ 1868. Въ послѣднемъ году еще была недоимка свыше 700.000 рублей.

Если толки о разореніи крестьянъ чрезъ ихъ освобожденіе справедливы, то выкупные платежи должны поступать хуже окладныхъ сборовъ. На дѣлѣ мы видимъ противное. Изъ числа помянутаго выше перебора приходится 1.377.123 руб. на долю выкупныхъ платежей и при томъ не одныхъ бывшихъ помѣщичьихъ, но также и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Первые заплатили $4^2/_3$% сверхъ оклада, вторые $2^3/_5$%.

Самое дурное поступленіе окладныхъ податей мы встрѣчаемъ именно въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ осуществляются идеалы нашихъ консервативовъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ подати выплачиваются не только съ наибольшими во всей Россіи недоимками, но недоимки становятся хроническимъ зломъ, а въ Эстляндской губерніи даже увеличиваются изъ года въ годъ.

Въ 1868 году, недоборъ по Эстляндской губерніи доходилъ до 45%, а въ прошломъ возросъ уже до 50%—то-есть половина податей не заплачена: ничего подобнаго не найдемъ мы ни въ одной изъ остальныхъ русскихъ губерній. Въ Лифляндской губерніи было $8^2/_5$% и $7^1/_5$% оклада въ недоимкѣ за послѣдніе два года; въ Курляндской $8^1/_5$% и $6^4/_5$%.

Эти хроническія недоимки производятъ тѣмъ большее впечатлѣніе что даже губернія Могилевская, такъ страшно разоренная неурожаями и имѣющая чрезвычайно неблагодарную почву, послѣ громадныхъ недоимокъ въ 1868 году, въ первый же за тѣмъ лучшій годъ заплатила 12% сверхъ оклада выкупныхъ платежей. Данныя по прибалтійскимъ губерніямъ могутъ служить также доказательствомъ того что общіе результаты по успѣшному поступленію податей опредѣляются вовсе не строгостью взысканія налоговъ. Врядъ ли какія-либо поблажки крестьянамъ дѣлаются прибалтійскими властями. Строгость взысканій, какъ мы увидимъ ниже, оказывается безсильною во всей сѣверной полосѣ. Всего лучше поступали подати въ тѣхъ губерніяхъ откуда не доходитъ никакихъ слуховъ объ особенныхъ строгостяхъ, напримѣръ въ губерніяхъ Ставропольской, Таврической и пр.

Нельзя отрицать, однако, вліяніе усиленной строгости взысканій на поступленіе податей. Напротивъ, она даетъ довольно куріозные факты. Таблицы министерства финансовъ свидѣтельствуютъ что выкупные платежи взыскиваются въ западномъ

краѣ съ большею строгостью чѣмъ государственныя подати!!! Въ прошломъ году взыскано сверхъ оклада въ Волынской губерніи 45 $^{1}/_{2}$% выкупныхъ платежей, въ Подольской 29 $^{2}/_{5}$% и въ Кіевской 4 $^{1}/_{2}$%. Между тѣмъ государственныхъ податей поступило по Подольской губерніи только 1 $^{1}/_{4}$% свыше оклада, а въ Кіевской и Волынской былъ даже недоборъ доходившій въ первой до 3 $^{3}/_{7}$%, во второй до 4 $^{4}/_{5}$%. Тотъ же куріозъ встрѣчается и въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ Виленской губерніи заплачено выкупныхъ платежей $^{1}/_{2}$% сверхъ оклада и не доплачено 8 $^{3}/_{4}$% государственныхъ податей. Болѣе оклада поступило въ Витебской губерніи выкупныхъ платежей 62 $^{1}/_{3}$%, а податей только 6 $^{2}/_{5}$%; въ Гродненской переборъ составляетъ 2% выкупныхъ и менѣе 1% казенныхъ. Въ Минской губерніи недоборъ первыхъ дошелъ до $^{1}/_{25}$%, вторыхъ до 1 $^{2}/_{5}$%. Эти цифры ясно свидѣтельствуютъ о направленіи крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ. Однако вся энергія тамошнихъ исполнителей ничего не могла сдѣлать въ Ковенской губерніи, гдѣ казенныхъ податей не добрано болѣе 14%, а выкупныхъ около 3%. Эта губернія, какъ извѣстно, сильно пострадала отъ неурожая, и въ ней много безземельныхъ крестьянъ, за которыми числятся постоянныя недоимки.

Въ общемъ результатѣ выходитъ что изъ числа 51 губерніи Европейской Россіи, 29 заплатили подати сверхъ оклада; а изъ числа 44, гдѣ имѣются крестьяне платящіе выкупные платежи, 25 губерній дали переборъ.

Въ *Указателѣ* напечатана также вѣдомость объ уплатѣ крестьянами самаго капитала по выкупнымъ ссудамъ. Бывшіе помѣщичьи крестьяне сдѣлали такихъ уплатъ въ прошломъ году на 213.000 р. Въ предшедшіе годы уплачено было 146.000 и 121.000 р. Извѣстно что крестьяне весьма мало знакомы съ непривычными для нихъ условіями данной имъ льготы относительно уплаты выкупной ссуды выкупными бумагами по нарицательной цѣнѣ. Всѣхъ больше воспользовались этою льготой промышленные и развитые крестьяне Владимірской губерніи; они заплатили процентными бумагами 34.000 руб.

Признавая въ полной мѣрѣ успѣшность поступленія податей, засвидѣтельствованную министерствомъ финансовъ, находимъ что косвенные налоги падающіе на всѣ сословія представляютъ результаты еще въ большей мѣрѣ утѣшительные. Читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* уже извѣстно что таможенные доходы достигли въ прошломъ году не бывалой цифры 40 милл. р. сер., причемъ собственно таможенные сборы, не считая временныхъ и спеціальныхъ, поднялись на 4 $^{1}/_{4}$ милл. руб. Акцизъ съ табака далъ въ прошломъ году 6.272.252 р., а въ предшедшіе годы онъ доставлялъ 5.199.000, 5.518.000, 5.751.000 р. с. Вмѣстѣ съ пошлиной съ привознаго табака по европейской границѣ, табачный акцизъ былъ въ прошломъ году 7.422 781 р., болѣе противъ 1868 г. на 521.043 р., то-есть привозъ остался прежній, а усилилось внутреннее производство. Значительно повысился въ прошломъ году и питейный доходъ; собрано его 120 милл. р., то-есть на 3 милл. р. болѣе чѣмъ было назначено въ росписи и поступило въ 1867 и 1868. Такое возвышеніе питейнаго дохода, кажется, свидѣтельствуетъ что даже съ точки зрѣнія министерства финансовъ не слѣдуетъ стѣснять распространеніе обществъ трезвости.

До сихъ поръ мы говорили объ общихъ результатахъ поступленія налоговъ, о данныхъ которыми измѣряется общій уровень благосостоянія страны. Оказывается что въ „разоренной" Россіи промышленность развивается, торговля растетъ, что при *крестьянскомъ разореніи* подати поступаютъ съ исправностію, небывалою прежде.

Въ таблицахъ *Указателя* не трудно усмотрѣть, однако, и другую сторону медали, а именно сосредоточеніе недоимокъ почти исключительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной полосы. Самое неисправное поступленіе какъ податей, такъ и выкупныхъ платежей оказывается въ Смоленской губерніи; податей въ ней поступило почти на 11% менѣе оклада, а выкупныхъ платежей не добрано больше четверти (27%). Еще печальнѣе то обстоятельство что и въ предшедшій годъ въ Смоленской губерніи также была большая недоимка 42 $^{7}/_{9}$% выкупныхъ платежей и 21 $^{3}/_{5}$% оклада. Подобныя же данныя представляетъ Псковская губернія: въ 1868 году недоимка по податямъ простиралась тамъ до 3 $^{1}/_{5}$%, по платежамъ до 18 $^{4}/_{5}$%, въ прошломъ году не добрано 2 $^{2}/_{5}$% и 21 $^{1}/_{5}$%. Въ Петербургской губерніи за тѣ же годы выкупные платежи поступали съ недоимками: 32% и 22%, въ Новгородской

$13^1/_2$ и 13%, въ Олонецкой 38% и 42%; Нижегородской 34% и $84^3/_4$%, Тверской $5^2/_3$ и 4% и пр.

Въ послѣднихъ губерніяхъ государственныя подати поступили въ прошломъ году свыше оклада. Не показываетъ ли это обстоятельство что въ сѣверной полосѣ главную тяжесть для крестьянъ составляютъ выкупные платежи?

Въ прошломъ году недоимки по выкупнымъ платежамъ распространились почти на всѣ губерніи сѣверной полосы. Въ Костромской губерніи не доплачено $5^2/_3$%, во Владимірской $5^1/_2$%, Ярославской $1^3/_4$%. Въ прошедшіе годы выкупные платежи вносились исправнѣе. Повліяло ли усиленіе обязательнаго для крестьянъ выкупа или въ самомъ дѣлѣ наступила пора позаботиться объ облегченіи выкупныхъ платежей сѣверныхъ губерній, на что имѣются теперь средства въ запасномъ капиталѣ выкупной операціи?

№ 96.

Москва, 5-го мая.

Въ сегодняшнемъ № нашей газеты читатели найдутъ замѣтку предсѣдателя Тамбовской земской управы П. Б. Бланка, вызванную статьею кн. В. И. Васильчикова *О крестьянскихъ повинностяхъ* (*Совр. Лѣт.* № 15). Почтенный авторъ замѣтки также свидѣтельствуетъ что платежи лежащіе на крестьянахъ „крайне тяжелы," что облегченіе крестьянскихъ повинностей „дѣйствительно необходимо" и что оно не можетъ послѣдовать иначе какъ путемъ переложенія на землю государственныхъ податей падающихъ теперь почти исключительно на крестьянскія *души*.

Заявленіе князя Васильчикова мы сопровождали передовою статьей, въ которой старались представить въ главныхъ чертахъ теперешнее положеніе нашихъ сословныхъ подраздѣленій какъ въ дѣлѣ повинностей, такъ и въ устройствѣ мѣстнаго управленія. Подати и устройство управленія связаны между собою неразрывно. Что касается государственныхъ податей, то почти вся тягость ихъ лежитъ на крестьянахъ, и это несправедливо; что касается управленія, то основные элементы на которыхъ должно стоять государственное зданіе имѣютъ у насъ сословный, крестьянскій характеръ, и потому поставлены косо. Разобщеніе въ отправленіи повинностей питаетъ и закрѣпляетъ всѣ недостатки нашего мѣстнаго управленія, на которые у насъ такъ много жалуются.

Разсматривая вопросъ въ общихъ чертахъ, мы не имѣли надобности входить въ подробности разчета повинностей сдѣланнаго княземъ Васильчиковымъ. Почтенный авторъ, по чувству понятной сдержанности, въ примѣръ обремененія крестьянъ платежами принялъ волость населенную бывшими его крѣпостными. Конечно, не трудно было бы выбрать факты болѣе рельефные, но смыслъ ихъ былъ бы тотъ же, и притомъ въ статьѣ князя Васильчикова первое мѣсто занимало заявленіе о необходимости войти въ положеніе крестьянъ и о готовности раздѣлить ихъ тяготу.

Признавая „крайнюю тягость крестьянскихъ платежей," предсѣдатель Тамбовской губернской земской управы отрицаетъ, однако, ту степень обремененія ихъ повинностями на которую мы указывали въ нашей статьѣ. Онъ сомнѣвается чтобъ „у насъ значительная доля крестьянъ была обременена платежами свыше даваемыхъ землею доходовъ," какъ выразились мы. „Нѣтъ, говорилъ г. Бланкъ, крестьяне не разоряются, но зло тѣмъ не менѣе существуетъ: крестьяне не могутъ значительно улучшить свой бытъ, такъ какъ повинности берутъ около половины крестьянскихъ доходовъ."

Дѣйствительно, только въ лукавыхъ сѣтованіяхъ нашихъ дурныхъ партій тягость повинностей и *крестьянское разореніе* сдѣлались синонимами. Нѣсколько разъ и между прочимъ вчера, мы приводили несомнѣнныя свидѣтельства о развитіи общаго благосостоянія въ Россіи. Недоимки въ государственныхъ податяхъ, въ иные годы до освобожденія крестьянъ превышавшія 6% и 8% годоваго оклада, сдѣлались у насъ теперь, несмотря на значительные неурожаи, вовсе неизвѣстными въ въ подобныхъ размѣрахъ. И не только крупныя, но и мелкія данныя свидѣтельствуютъ о томъ же. Изъ *Памятной книжки Симбирской губерніи* оказывается напримѣръ что число купленныхъ крестьянами квитанцій въ зачетъ рекрутской повинности значительно возрасло въ послѣднее время или, вѣрнѣе, въ 1866 — 1868 годахъ (на сумму 560.880 руб. за три го-

да). *) Г. Бланкъ упоминаетъ о значительныхъ платежахъ которые налагаютъ на себя крестьяне въ видахъ сохраненія самостоятельной церкви въ приходѣ.

Оставляя въ сторонѣ всякую мысль о крестьянскомъ разореніи, мы однако не можемъ признать что тяжесть повинностей лежащихъ на крестьянахъ простирается лишь до той степени о которой говоритъ П. Б. Бланкъ. Нѣтъ, во многихъ мѣстностяхъ повинности несравненно тяжеле.

Но прежде всего мы должны сдѣлать оговорку касательно замѣчанія автора о выкупныхъ платежахъ. Г. Бланкъ полагаетъ что князь Васильчиковъ ошибочно причислилъ эти платежи къ государственнымъ повинностямъ. Намъ кажется что не меньшая ошибка была бы сдѣлана и пропускомъ ихъ. Правда, выкупные платежи представляютъ уплату за землю, но ихъ нельзя равнять съ разсроченными взносами по покупкѣ имѣнія. Если взять не одну Тамбовскую губернію, а всю Россію, то въ большей части сдѣлокъ выкупъ былъ обязателенъ для крестьянъ. Выкупныхъ сдѣлокъ по соглашенію состоялось 19.638, а по требованію владѣльцевъ 23.253. По отчетамъ выкупной операціи даже въ Тамбовской губерніи было свыше 400 требованій, и стало-быть не совсѣмъ правильно сказать что они и тамъ были рѣдкостію. Выкупные платежи взимаются сборщиками вмѣстѣ съ государственными податями („какъ сборъ казенныхъ денежныхъ повинностей," говоритъ Полож. о вык. ст. 119) и выплачиваются въ тѣ же сроки. Хотя въ Положеніи о выкупѣ лишь сказано что „выкупные платежи взыскиваются съ крестьянъ преимущественно предъ частными ихъ долгами" (ст. 126), но на практикѣ взысканія по выкупу производятся съ тою же строгостію какъ и взиманіе казенныхъ податей, и даже большею. Мы упоминали вчера что выкупные платежи въ западномъ краѣ поступали успѣшнѣе чѣмъ государственные сборы. То же странное явленіе замѣчаемъ мы и въ Симбирской губерніи, во главѣ которой находится теперь лицо принадлежавшее прежде къ виленской администраціи. Въ объясненіе этого порядка мы должны напомнить читателямъ помѣщенный въ послѣднемъ № *Современной Лѣтописи* отчетъ по дѣятельности Симбирскаго земства. Тамъ упоминается между прочимъ о томъ что земское собраніе просило своего предсѣдателя заявить губернатору что если повинности крестьянъ будутъ взыскиваться съ тою же строгостію, какъ было во второй половинѣ прошлаго года въ селеніяхъ постигнутыхъ неурожаемъ, то никакія мѣры для спасенія разоренныхъ крестьянъ отъ голода не помогутъ....

*) Въ 1866 году куплено 209, въ 1867—306, въ 1868—389.

Выкупные платежи причитываютъ къ податямъ еще потому что въ иныхъ мѣстностяхъ, какъ всѣмъ извѣстно, они представляютъ не только плату за землю, но и результатъ „круговой поруки, обезпечивающей благосостояніе всѣхъ и каждаго."

По всѣмъ этимъ причинамъ, выкупные платежи заносятся на ряду съ податями даже въ офиціальные отчеты, публикуемые въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ*.

Тягость повинностей распредѣляется у насъ весьма неравномѣрно. Всѣхъ болѣе обременены крестьяне сѣверныхъ нехлѣбородныхъ губерній, и особенно тѣхъ мѣстностей гдѣ нѣтъ промысловъ. Вчера мы указывали что за послѣдніе два года недоимки сосредоточились преимущественно въ сѣверной полосѣ. Въ Смоленской, Петербургской, Олонецкой, Тверской губерніяхъ вотъ уже четыре года сряду не выплачивается окладъ (см. *Ежегодникъ Министерства Финансовъ* за 1869 г.). По выкупнымъ платежамъ въ помянутыхъ губерніяхъ, а также въ Псковской и Новгородской, недоимки уже три года весьма значительны и далеко превышаютъ недоборъ по государственнымъ податямъ. Приводимъ сегодня нѣсколько данныхъ по лучшей изъ нехлѣбородныхъ губерній, Московской.

Размѣръ податей падающихъ на десятину крестьянскаго надѣла, далеко превосходитъ здѣсь наемную плату за землю. По даннымъ (впрочемъ весьма неполнымъ) *Сборника статистическихъ свѣдѣній о Московской губерніи* государственные крестьяне выплачиваютъ съ души;

Подушныхъ	2 р.	4 к.
Государственнаго земскаго сбора .	1 „	29 „
Оброчной подати	3 „	60 „
Общественнаго сбора	— „	47 „
	7 р.	40 к.

Къ этому надо присоединить по край-

ней мѣрѣ 1 р. 60 к. земскихъ, мірскихъ, страховыхъ, рекрутскихъ и разныхъ мелкихъ платежей. Средній надѣлъ можно считать съ небольшимъ около 3 десятинъ, такъ что на каждую десятину падетъ около 3 р. прямыхъ повинностей.

Удѣльные крестьяне выплачиваютъ съ десятины около 1 р. 11 к. подушныхъ и 1 р. 67 к. выкупныхъ, что составитъ 2 р. 78 к. не считая всѣхъ другихъ повинностей.

Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ съ десятины около 1 р. 11 к. подушныхъ и 2 р. 55 к. выкупныхъ, то-есть 3 р. 66 к., не считая всѣхъ другихъ сборовъ. Это среднія цифры, но надобно припомнить что изъ числа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ главная тягость падаетъ на крестьянъ имѣющихъ небольшіе надѣлы, значительно меньшіе высшей нормы назначенной Положеніемъ, и что усиленіе тягости платежей, вслѣдствіе незначительности надѣла, сильнѣе именно въ нечерноземной полосѣ. Здѣсь на первую десятину надѣла отчислена половина оброка, на вторую—четверть его и лишь послѣдняя четверть распредѣляется на остальныя десятины, тогда какъ въ черноземной и степной полосахъ изъ 9 руб. оброка на первую десятину отнесено 4 р., а 5 р. распредѣлены на остальной надѣлъ.

Спрашивается, подлежитъ ли сомнѣнію что крестьяне о которыхъ идетъ рѣчь обременены *прямыми* сборами свыше даваемыхъ землею доходовъ?

П. Б. Бланкъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо что въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земли оцѣнены нѣсколько дешевле прежнихъ продажныхъ цѣнъ, владѣльцы какъ бы приплачиваютъ нѣкоторую долю къ крестьянскимъ налогамъ. Но весьма трудно разчитать размѣры этой доли, и она, какъ это признаетъ и г. Бланкъ, во всякомъ случаѣ не искупаетъ тягости, падающей на крестьянъ: значительное обремененіе повинностями, и притомъ даже помимо выкупныхъ платежей, встрѣчается и въ черноземной полосѣ.

Въ приложеніи къ журналамъ земскаго собранія Харьковскаго уѣзда за 1868 годъ напечатана чрезвычайно интересная таблица, въ которой подробно показаны всѣ роды крестьянскихъ платежей по всѣмъ волостямъ уѣзда. Составленіе подобныхъ таблицъ, какъ намъ кажется, есть не только нравственный долгъ, но и прямая обязанность земства. При назначеніи земскихъ налоговъ собранія не могутъ не соображаться съ размѣрами податей, но возможно ли какія-либо серіозныя сопоставленія если размѣры податныхъ тягостей остаются неизвѣстны?

По даннымъ собраннымъ Харьковскою уѣздною управой оказывается что государственные крестьяне уѣзда выплачиваютъ разныхъ денежныхъ сборовъ среднимъ числомъ 10 р. 89 к. съ души и 3 р. 34 к. съ десятины. *) Государственные крестьяне Никольскаго хутора платятъ 8 р. съ десятины, села Кремённаго 7 р. 79 к., хутора Чайковскаго 7 р. 49 к. и пр. Наемная плата за землю простирается въ Харьковскомъ уѣздѣ въ среднемъ выводѣ до 2 р. с. съ десятины. Не ясно ли что государственные крестьяне Харьковскаго уѣзда обременены податями и сборами поглощающими весь доходъ съ земли? Вотъ разчетъ мѣстной уѣздной управы: „разницу между суммою налога и наемною „платой, именно 1 руб. 34 коп., слѣдуетъ „считать какъ налогъ на рабочую силу, „и если эти 1 руб. 34 коп. умножить на „2,87, то-есть на число надѣленныхъ де„сятинъ, то опредѣлится итогъ налога на „рабочую силу одной души 3 руб. 84 коп.“

Наши крестьяне привыкли къ тяжелымъ налогамъ, и только это обстоятельство можетъ объяснить почему у насъ не оказывается еще тѣхъ явленій которыя обнаружились бы въ другихъ государствахъ, еслибы подобныя же тягости упали на тамошнихъ крестьянъ.

Въ Харьковскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне перваго и втораго сельскихъ обществъ Роганской волости, получившіе даровой надѣлъ, выплачиваютъ 5 р. 98 к. и 5 р. 64 к. съ десятины. Въ Маріупольскомъ сельскомъ обществѣ, не считая оброка, крестьяне платятъ 6 р. 82 к. съ десятины.

Если скинуть выкупные и страховые платежи, то остальные налоги съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляютъ въ Харьковскомъ уѣздѣ 2 р., а съ помянутыми платежами около 4 р. 20 к. съ десятины. Не считая дополнительнаго платежа владѣльцамъ, въ иныхъ обществахъ повинности доходятъ до 6 р., а съ допол-

*) Въ этотъ разчетъ введены страховые платежи и лѣсной налогъ (составляющіе 20 к. съ десятины), но не взяты во вниманіе губернскія земскія повинности.

нительнымъ платежомъ до 16 р. съ души и до 10 р. 73 к. съ десятины.

При всѣхъ этихъ цифрахъ не приняты еще въ разчетъ натуральныя повинности, не поддающіяся правильной оцѣнкѣ.

Не говоря объ обще-государственныхъ интересахъ, даже выгоды самихъ землевладѣльцевъ заставляютъ желать облегченія крестьянскихъ повинностей. Въ послѣднее время крестьяне вовсе не идутъ на дополнительные платежи, и объясненіе этого отчасти заключается въ приведенныхъ нами цифрахъ.

Что̀ касается запаснаго капитала выкупной операціи, о чемъ г. Бланкъ также говоритъ въ своей статьѣ, то мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ чтобъ этотъ капиталъ принадлежалъ *исключительно* помѣщикамъ. Вопервыхъ, нельзя смѣшивать выкупную операцію съ крестьянскою реформой. Послѣдняя была обязательна. Выкупъ повсюду, кромѣ западнаго края, зависѣлъ вполнѣ отъ доброй воли землевладѣльца; идя на сдѣлку съ крестьянами или требуя выкупа, помѣщикъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялъ согласіе на всѣ условія операціи, а въ числѣ ихъ значится употребленіе запаснаго капитала ея въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Нѣкоторыя потери при выкупѣ возмещались для владѣльца вполнѣ обезпеченнымъ и спокойнымъ полученіемъ дохода, а также возможностью обратить его въ извѣстный капиталъ. Неужели даже въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне выплачиваютъ при выкупѣ большія прибавки къ цѣнѣ земли, они не имѣютъ никакого права на помощь отъ остатковъ операціи? Мы увѣрены что и самъ почтенный авторъ признаетъ это право. Ошибка его въ томъ что онъ распространяетъ на всю Россію условія выкупа въ Тамбовской губерніи, гдѣ выкупъ шелъ преимущественно по соглашенію и гдѣ выкупная цѣна земли не высока.

Чрезъ два дня послѣ выхода тѣхъ статей которыя вызвали замѣтку П. Б. Бланка, при подробномъ обозрѣніи результатовъ выкупной операціи, мы имѣли случай высказать что кромѣ прямаго употребленія остатковъ отъ выкупной операціи на облегченіе ея хода и на сбавку платежей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было бы также справедливо обратить нѣкоторую долю выкупнаго запаснаго капитала на помощь какъ учрежденію поземельныхъ банковъ, такъ и устройству мелкихъ кредитныхъ учрежденій для народа. Ничего болѣе не можемъ мы сказать и теперь, по прочтеніи статьи г. Бланка. Выкупной запасный капиталъ прежде всего принадлежитъ выкупной операціи и долженъ идти въ пользу участвующихъ въ ней. Только излишки могутъ быть обращены на помощь всѣмъ участвовавшимъ въ крестьянской реформѣ, но на эти излишки имѣютъ, очевидно, равное право и всѣ землевладѣльцы, и всѣ крестьяне Имперіи.

Въ заключеніе замѣтимъ что къ числу трехъ важныхъ *земскихъ вопросовъ* (подушные оклады, поземельные и народные банки), о которыхъ поминаетъ г. Бланкъ и которые тѣсно связаны между собою, принадлежитъ еще вопросъ о всесословномъ устройствѣ мѣстнаго управленія. Правда, этотъ вопросъ представляетъ чрезвычайныя трудности, но онъ имѣетъ быть-можетъ наибольшую важность, особенно для земскихъ учрежденій.

№ 97.

Москва, 6-го мая.

По поводу сообщенной на дняхъ въ Русское Телеграфное Агентство телеграммы изъ Бомбея, отъ 12-го мая, о разнесшихся тамъ слухахъ будто русскія войска идутъ на Хиву чрезъ Бухару и будто бы Бухарскому эмиру предписано заготовить припасы для арміи и доставить вспомогательный отрядъ въ 5.000 человѣкъ, — въ полученномъ здѣсь сегодня нумерѣ *Journal de St.-Pétersbourg* мы находимъ увѣреніе что упоминаемые въ той телеграммѣ слухи принадлежатъ къ области вымысла. Конечно, и не дожидаясь этихъ опроверженій, не трудно было съ перваго взгляда видѣть ложность бомбейской телеграммы. Вообще извѣстія получаемыя въ Индіи о движеніи русскихъ войскъ въ Средней Азіи всегда отличаются невѣроятностью и обивчивостью.

До сихъ поръ мы не находили никакого повода въ чемъ бы то ни было измѣнять нашъ взглядъ высказанный нами при первыхъ успѣхахъ русскаго оружія въ предѣлахъ Средней Азіи. Мы говорили что задача русской политики отнюдь не заключается тамъ въ присоединеніи новыхъ обширныхъ странъ къ государственной об-

ласти России. Предѣлы нашего отечества и безъ того слишкомъ раздвинулись: досугъ ли намъ браться еще за переустройство среднеазійскихъ ордъ? И правительство слѣдовало вѣрной политикѣ, когда оно обуздавъ враждебность и своеволіе эмира Бухарскаго и принявъ всѣ мѣры для обезпеченія впредь его покорности, тѣмъ не менѣе оставило ему его владѣнія и полную свободу управлять ими. Оно показало ему что Россію нельзя оскорблять безнаказанно, но въ то же время избавило себя отъ хлопотливой обузы попеченія о варварскихъ, совершенно чуждыхъ намъ населеніяхъ. Съ того времени, сколько извѣстно, отношенія къ намъ Бухары не переставали быть благопріятны и, какъ мы полагаемъ, именно вслѣдствіе того что Россія воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства въ ея внутреннее устройство.

Но нельзя отрицать что сосѣдство Россіи съ ханствами Средней Азіи и наши издавна существовавшія торговыя сношенія съ ними, при всемъ нежеланіи вмѣшиваться въ ихъ устройство, налагаютъ на русское правительство нѣкоторыя обязанности. Торговля съ Среднею Азіей имѣетъ уже теперь большую цѣну для нашего отечества и еще болѣе обѣщаетъ въ будущемъ. Кромѣ затрудненій чрезмѣрнаго протяженія пути, главную помѣху развитію торговли представляютъ кочевыя племена бродящія на нашей границѣ. Этихъ кочевниковъ неуклонно слѣдуетъ вразумлять что ихъ грабежи не будутъ безнаказанно терпимы. Къ такому же сознанію своей слабости предъ Россіей должны быть приведены и владѣльцы азіятскихъ ханствъ, немногимъ превосходящіе кочевниковъ въ своихъ понятіяхъ о пользѣ мирныхъ и обезпеченныхъ сношеній.

Мало по малу установившіяся правильныя торговыя сношенія, конечно, не замедлятъ оказать свое вліяніе, и тогда сами дикіе варварскія племена познаютъ ихъ выгоды. Торговля всегда оказываетъ цивилизующее дѣйствіе. Своею золотою цѣпью она связываетъ народы на всѣхъ степеняхъ образованія и всѣхъ формъ культуры. Но для этого торговыя сношенія, какъ сказано, должны быть прочно обезпечены. Относительно Кокана и Бухары уже приняты мѣры въ этомъ смыслѣ. Но о Хивѣ нельзя еще сказать того же и повидимому трудно будетъ обойтись здѣсь безъ какого-либо шага имѣющаго, впрочемъ, цѣлію вовсе не присоединеніе этой страны, а вразумленіе хана.

Не мы нападаемъ на Хиву, напротивъ Хива возобновила свои враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

Припомнимъ что самое занятіе низовьевъ Сыръ-Дарьи, которое повело къ пріобрѣтенію Туркестанской области, было вызвано набѣгами Хивинцевъ. Первый переходъ опущенный въ 1850 году на Сыръ-Дарью назначался для того чтобы препятствовать Хивинцамъ переходить рѣку и грабить нашихъ Киргизовъ. Побѣды русскаго оружія на время усмирили Хивинцевъ, но въ прошломъ году они снова открыто выступили противъ насъ съ небывалою смѣлостью. Офиціальные отчеты засвидѣтельствовали что Хивинскій ханъ всѣми доступными ему средствами поддерживалъ прошлогоднее возстаніе Киргизовъ; въ Хиву укрылись всѣ главные подстрекатели возстанія и туда же уведено въ плѣнъ нѣсколько Русскихъ. Дознано что разбойничьи шайки, дѣлавшія съ Усть-Урта набѣги на наши мирныя населенія, были подстрекаемы къ тому Хивинскимъ ханомъ. Не безъ участія Хивы обошлось повидимому нападеніе кочевыхъ скопищъ на фортъ Александровскій, расположенный на самой западной оконечности сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря. Извѣстія воспроизводимыя нами сегодня изъ *Кавказа* показываютъ что это нападеніе сопровождалось болѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ можно было ожидать судя по первоначальнымъ свѣдѣніямъ. Войска прибывшія на выручку форта нашли „полусожженную крѣпость.“ Оказывается также что Киргизы не ограничились нападеніемъ на фортъ: они разорили еще два маяка на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Кавказъ свидѣтельствуетъ что и нападенія Киргизовъ вызваны Хивою.

Можемъ ли мы оставить безнаказанными подобныя дѣйствія? Не отозвалась ли бы безнаказанность Киргизовъ и Хивинцевъ на всѣхъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ? *Кавказъ* сообщаетъ что дѣйствительно имѣется въ виду строгое наказаніе Киргизовъ. Съ наступленіемъ апрѣля въ Петровскѣ началась довольно значительная военная дѣятельность: одинъ за другимъ отправляются оттуда отряды на восточный берегъ Каспійскаго моря. Первый отрядъ, состоящій изъ двухъ ротъ и

взвода нарѣзной баттареи, отправился изъ Петровска 7-го апрѣля. Приказаніе двинуться немедленно въ походъ было получено еще 4-го, но движеніе замедлилось, какъ извѣстно, потому что ожидали шкуны которая должна была перевезть войска. Отправка войскъ продолжается затѣмъ безостановочно; 10-го апрѣля посланъ второй отрядъ и приготовляются новыя отправки. Въ то же время войска посылаются и въ Краснозаводскій заливъ. Если свѣдѣнія объ участіи Хивинцевъ въ подстрекательствѣ Киргизовъ противу Россіи вполнѣ подтвердятся, а тѣмъ болѣе если Хива не прекратитъ своей вражды, то врядъ ли дѣло обойдется безъ острастки Хивинскаго хана, хотя для этого и нѣтъ, разумѣется, надобности идти чрезъ Бухару.

Для нашихъ пароходовъ Аральской флотиліи открыты устья Аму-Дарьи. Пароходъ *Перовскій* уже входилъ въ нихъ въ 1859 году. Недавно разнеслись слухи что Хивинскій ханъ производитъ въ устьяхъ Аму какія-то работы, которыя должны испортить фарватеръ и преградить плаваніе нашимъ пароходамъ. Если эти слухи справедливы, то хивинскія затѣи не могутъ не отозваться на торговыхъ интересахъ Россіи. Судоходная Аму-Дарья, безъ сомнѣнія, имѣетъ важное значеніе для нашей средне-азіатской торговли. Не могутъ же наши купцы довольствоваться Сыръ-Дарьею, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ доступною судоходству въ иные годы только на три недѣли? Открытіе Аму-Дарьи для торговли было бы лучшимъ возмездіемъ за ущербы наносимые намъ теперь Хивою.

№ 98.

Москва, 7-го мая.

Въ послѣднее время въ нашей печати стали высказываться различныя сомнѣнія относительно пользы занятія Красноводскаго залива и значенія того торговаго пути который можетъ установиться чрезъ него. Записка Общества Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности, объяснявшая важность Красноводско-Хивинскаго пути для нашей среднеазіатской торговли, подвергается теперь самымъ неумѣреннымъ нападкамъ. Утверждаютъ что для среднеазіатской торговли гораздо больше выгодъ представитъ теперешняя система путей примыкающихъ къ Сыръ-Дарьѣ. Оставленная было мысль о постройкѣ желѣзной дороги отъ одного изъ сѣверныхъ заливовъ Каспійскаго моря къ одному изъ сѣверныхъ заливовъ Аральскаго теперь поднята снова. Недавно разрѣшены изысканія по этому направленію, и по газетнымъ слухамъ въ распоряженіе предпринимателей командированы казенные инженеры. Само собой разумѣется что значеніе проекта Каспійско-Аральской желѣзной дороги находится въ прямой зависимости отъ степени удобства Сыръ-Дарьи для судоходства.

До сихъ поръ подробно было описано только низовье этой рѣки до форта № 2. Но въ послѣднемъ нумерѣ *Военнаго Сборника* сообщаются наконецъ точныя и подробныя свѣдѣнія обо всемъ теченіи. Помѣщенная тамъ статья *Амурская флотилія и плаваніе по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ* написана на мѣстѣ, по официальнымъ даннымъ, извлеченнымъ изъ архива туркестанскаго генералъ-губернаторства.

Сыръ-Дарья, въ значительной части своего протяженія, замерзаетъ на четыре и болѣе мѣсяцевъ; почти вездѣ также фарватеръ ея перемѣнчивъ и извилистъ.

Среднюю часть ея теченія отъ Туркестана до форта Перовскаго или города Перовска можно считать за наиболѣе удобную для судоходства. Рѣка идетъ здѣсь въ руслѣ имѣющемъ до 400 саж. ширины и весьма обильна водою; глубина отъ $1^1/_2$ и почти до 3 саж. Есть и мѣстное топливо: низкій кустарникъ саксаулъ, растущій по берегамъ. Суда Аральской флотиліи отапливались преимущественно саксауломъ, но теперь запасы его уже значительно истощаются.

Выше Туркестана, и особенно въ верховьяхъ, судоходство затрудняется чрезмѣрною быстротой теченія. Въ кампанію 1866 года, разсказываетъ авторъ статьи *Военнаго Сборника*, пароходъ *Перовскій*, сопровождавшій войска, не могъ побороть быстроты теченія и остановился у села Хасъ, не дойдя верстъ 25 до Ходжента. Близь Ходжента ложе рѣки пересѣкается порогами, до сихъ поръ еще неизслѣдованными. Пароходы плаваютъ нынѣ лишь до Чиназа, лежащаго на Сыръ-Дарьѣ, въ устьѣ рѣчки на которой расположенъ Ташкентъ. Можно полагать что со временемъ судоходство разовьется отъ Перовска до Чиназа или Ташкента, хотя и

будетъ встрѣчать нѣкоторое затрудненіе въ быстротѣ теченія доходящей мѣстами до 7 и 8 верстъ въ часъ. Главное препятствіе къ развитію пароходства теперь побѣждено. Пароходство въ верхней части Сыра до послѣдняго времени было затруднено недостаткомъ топлива: нгли садовыя деревья. Но теперь топливо найдено. Въ прошломъ году началась, какъ извѣстно, разработка каменнаго угля близь Ходжента и открыты богатыя залежи его въ горахъ.

Что же сказать о нижнемъ теченіи? За фортомъ Перовскимъ Сыръ-Дарья почти перестаетъ быть судоходною рѣкой и во всякомъ случаѣ судоходна лишь на самое короткое время, а не во всѣ навигаціонные мѣсяцы, которыхъ впрочемъ не насчитывается больше семи, много восьми. Факты сообщаемые *Военнымъ Сборникомъ* убѣдительно доказываютъ что Сыръ-Дарья можетъ войти въ составъ большаго торговаго пути въ Среднюю Азію только среднимъ и верхнимъ своимъ теченіемъ. Торговый путь долженъ примкнуть къ этой рѣкѣ не ниже форта Перовскаго, а потому и не можетъ быть направленъ чрезъ Каспійское и Аральское моря.

Отъ Перовска до форта № 2 Сыръ-Дарья на протяженіи 233 верстъ разбивается на множество протоковъ; нѣкоторые изъ нихъ направлены къ югу и теряются въ пескахъ и въ камышахъ. Протоки разбираютъ воду Сыръ-Дарьи, и главное ея русло получаетъ здѣсь названіе Джаманъ-Дарьи, то-есть плохой рѣки. Оно дѣйствительно оправдываетъ свое прозвище. Изъ полуверстной въ ширину рѣки здѣсь она суживается до 30 саж. и глубина ея падаетъ до 3 футъ и даже менѣе. Кромѣ того, Джаманъ-Дарья чрезвычайно извилиста и усѣяна мелями. Въ особенности затруднительно спускаться по Джаманъ-Дарьѣ; при подъемѣ противъ теченія пароходъ отбивается съ мели силою струи, но идя внизъ онъ входитъ на мель часто всѣмъ корпусомъ и быстро заносится пескомъ. Авторъ статьи *Военнаго Сборника* говоритъ: „Мелководье „Джаманъ-Дарьи весьма много затрудняетъ „плаваніе по Сыру: суда должны часто „перегружаться и на протяженіи 233 „верстъ между фортами № 2 и Перовскій „тянуться бечевой, что̀ впятеро замедляетъ плаваніе, изнуряя притомъ людей. „Стаскиваніе судовъ съ мелей и сильные „жары дѣлаютъ службу чиновъ особенно „утомительною. Самыя суда портятся, не„рѣдко даже ломаются и требуютъ без„престанной починки и даже большаго „ремонта.“

Бечевая тяга тѣмъ труднѣе что Джаманъ-Дарья, какъ и все низовье рѣки, течетъ въ топкихъ болотистыхъ берегахъ, поросшихъ камышомъ. *Военный Сборникъ* разказываетъ что въ 1866 году во всю навигацію въ Джаманъ-Дарьѣ вода не стояла *выше одного фута*, а „въ „1867 году плаваніе по этому протоку „возможно было только въ продолженіи „трехъ недѣль“. И это еще лучшій протокъ. Мелководье продолжается и за фортомъ № 2 до самаго устья. Здѣсь рѣка также разбивается на множество рукавовъ и истощается ирригаціонными канавами. Можетъ ли подобная рѣка входить въ составъ большаго торговаго пути? По даннымъ приводимымъ въ статьѣ *Военнаго Сборника* оказывается что перевозка грузовъ на судахъ, представляющая впрочемъ нѣкоторыя спеціальныя удобства, обошлась не только не дешевле, но скорѣе дороже перевозки на верблюдахъ.

Надежды на исправленіе этой части рѣки весьма плохи. Слѣдующій по величинѣ за Джаманъ-Дарьей протокъ Сыра, Караузякъ, отдѣляющійся отъ нея въ 10 верстахъ ниже форта Перовскаго, на протяженіи 60 верстъ идетъ въ настоящемъ болотномъ царствѣ, разбѣгаясь на множество рукаковъ, образуя озера, пловучіе острова и тундры изъ сплетенныхъ корней камыша. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ русскія власти производятъ разныя работы для улучшенія Джаманъ-Дарьи, но онѣ не удаются и, какъ выражается *Военный Сборникъ*, „рѣка не только не улучшена, но еще ухудшена“. Всего болѣе повредилъ ей каналъ которымъ хотѣли обойти пунктъ ея раздѣленія на Джаманъ-Дарью и Караузякъ. По каналу и лодка пройти не можетъ—такъ его занесло,—а у Джаманъ-Дарьи, и безъ того мелководной, отнято много воды. Авторъ статьи *Военнаго Сборника* полагаетъ что улучшенія Сыръ-Дарьи врядъ ли удадутся и впредь, такъ какъ, вокругъ этой рѣки очевидно происходятъ какія-то геологическія измѣненія. Сыръ-Дарья быстро отступаетъ къ сѣверу; лѣвые протоки и рукава ея высохли на гла-

занъ теперешняго поколѣнія; форты № 1 и № 2, построенные на сѣверномъ берегу, теперь такъ сильно подмыты Сыръ-Дарьей что заводятъ рѣчь о перенесеніи ихъ. Авторъ думаетъ что мѣстность къ югу отъ Сыра постепенно подымается; онъ указываетъ что и берега Аральскаго моря отступаютъ къ западу; и что въ туркестанскомъ краѣ весьма часты землетрясенія.

Справедливы или нѣтъ эти показанія автора, но сообщенныя имъ данныя убѣждаютъ что проектъ Каспійско-Аральской желѣзной дороги лишенъ всякаго смысла какое бы направленіе мы ни избрали: къ сѣвернымъ ли заливамъ Аральскаго моря или къ Казалинску или къ форту № 2, желѣзная дорога придетъ въ тупикъ; грузы пойдутъ далѣе по Сыръ-Дарьѣ чуть не въ видѣ исключенія и притомъ въ самомъ небольшомъ количествѣ. Статья *Военнаго Сборника* разказываетъ что аральская флотилія была чрезвычайно затрудняема каждый разъ, когда изъ Оренбурга въ Казалу подвозили нѣсколько болѣе значительное количество грузовъ. Чтобы пользоваться судоходствомъ по Сыръ-Дарьѣ, грузы должны подходить къ ней никакъ не ниже Перовска, а для того имъ не чего забираться на Каспійское море и кружить по Аральскому. Къ Перовску товары направятся на Оренбургъ или Троицкъ, то-есть во всякомъ случаѣ сухимъ путемъ.

Торговое стремленіе къ Красноводскому заливу вызвано преимущественно желаніемъ сократить дорогую гужевую доставку грузовъ изъ Средней Азіи и обратно: самый короткій гужевый путь лежитъ именно между Красноводскимъ заливомъ и Хивой; Аму-Дарья, судя по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, замерзаетъ гораздо меньше Сыръ-Дарьи и болѣе удобна для судоходства. Но при этомъ отнюдь не имѣется въ виду пренебрегать сношеніями съ Бухарой и предпочитать ей Хиву, далеко не могущую съ ней равняться: Бухара лежитъ въ какихъ-нибудь 150 верстахъ отъ Аму; на этомъ пространствѣ встрѣчаются правда пески, но Бухара окружена съ сѣвера несравненно большею песчаною степью. Наконецъ для насъ должны открыться рынки и къ югу отъ Аму-Дарьи. Средне-азіатская торговля съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ большее значеніе и было бы непростительно, еслибы мы не употребили всѣхъ средствъ чтобъ открыть для нашей торговли Аму-Дарью, которая можетъ стать однимъ изъ самыхъ выгодныхъ для насъ торговыхъ путей. Пустыня между Красноводскимъ заливомъ и Хивой далеко не такъ страшна какъ она описывается въ нѣкоторыхъ газетахъ. Напрасно авторы этихъ статей ссылаются на ужасы которые вытерпѣлъ Вамбери идя въ Хиву, впрочемъ не отъ Красноводскаго залива, а съ Этрека. Вамбери говоритъ что пустыня страшна больше всего тѣмъ, что въ ней нѣтъ никакихъ приспособленій для переходовъ, ни колодцевъ, ни цистернъ, ни пріютовъ, которые устроены въ Аравійской пустынѣ и которые дѣлаютъ сноснымъ путешествіе по ней пилигримовъ.

Таково положеніе вопроса о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію, къ коему мы сочли не лишнимъ возвратиться, потому что онъ теперь всѣхъ занимаетъ.

№ 99.

Москва, 8-го мая.

А.

Не такъ давно мы извѣщали о Высочайшемъ соизволеніи открыть повсемѣстную подписку на сооруженіе памятника Богдану Хмельницкому. Памятникъ этотъ предполагается поставить въ Кіевѣ. Даровитый художникъ изобразилъ стараго гетмана верхомъ на степномъ конѣ, въ одушевленной, полной энергіи и движенія позѣ; правая рука Хмельницкаго простерта къ сѣверу, къ Москвѣ; другою онъ на всемъ скаку останавливаетъ коня. Бой конченъ, конецъ тревожнымъ исканіямъ союза и покровительства у Поляковъ, у Турокъ, у Крымцевъ; будущность Украйны указана и опредѣлена на вѣки. Русь, старая Русь Владиміра Святаго, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ Русью!

Въ самомъ дѣлѣ что такое это присоединеніе Украйны начатое *батькой* Богданомъ? Это не завоеваніе какихъ много дѣлала Россія въ послѣднія три столѣтія; это даже не то что обыкновенно зовется добровольнымъ подчиненіемъ какъ подчиненіе Грузіи: это соединеніе двухъ частей одного изначальнаго цѣлаго, одного народа; это возстановленіе исторической

правды, нарушенной случайными событіями. Части расторгнутаго цѣлаго вновь проникаются жизнію и взаимно стремятся къ сліянію,—вотъ смыслъ явленія, первый и важнѣйшій актъ котораго неразрывно связанъ съ именемъ Богдана Хмельницкаго. Это совершенно тоже явленіе которое на нашихъ глазахъ совершилось въ Италіи, и которое совершается въ Германіи. Къ сожалѣнію, весьма долго умоляли значеніе факта соединенія Малой Руси съ Великою, и еще до настоящаго дня есть люди которые стараются сообщить ему ложное освѣщеніе; но правды, говоритъ народная мудрость, какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь. Всероссійское значеніе сліянія сѣверной и южной или восточной и западной Руси обнаруживается съ особенною яркостію изъ изслѣдованій даровитаго писателя съ которымъ нѣкогда мы горячо спорили, но которому теперь мы можемъ только искренно сочувствовать и рукоплескать его успѣхамъ. Мы говоримъ о г. Костомаровѣ, о его послѣднихъ превосходныхъ трудахъ, и также о его монографіи *Богданъ Хмельницкій*, вышедшей третьимъ изданіемъ съ нѣкоторыми измѣненіями противъ первыхъ.

Этотъ замѣчательный трудъ вышелъ нынѣ весьма кстати чтобъ освѣжить наши воспоминанія о событіи которое предполагается почтить національнымъ памятникомъ. Событія, которыхъ нѣтъ надобности повторять здѣсь, были причиной что нѣсколько областей, искони русскихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, были подчинены польскому правительству; въ продолженіе почти двухъ вѣковъ этого подчиненія польское вліяніе не могло не оставить на нихъ слѣда. Съ другой стороны, восточная Россія была поставлена, въ теченіе тѣхъ же двухъ столѣтій, въ исключительныя условія, такъ что и тамъ, къ половинѣ XVII вѣка, многое оказалось не тѣмъ чѣмъ было нѣкогда. Восточная Русь всѣ силы свои положила на упроченіе единства, все отдала въ жертву для спасенія основъ существованія народа, для утвержденія власти и государственной цѣлости, и къ половинѣ XVII вѣка образовала изъ себя крѣпкую и плотную державу; между тѣмъ какъ въ Кіевской Руси удержалось и развилось начало свободы, которая сама по себѣ лишена силы организаціи, но которая на крѣпкой основѣ установившагося государства есть благодатная сила, и безъ ней ничто человѣческое не можетъ имѣть истинной цѣнности.

Странно было бы утверждать что рѣшеніе Переяславской рады 8-го января 1654 года было плодомъ глубокихъ политическихъ соображеній или прозрѣнія въ отдаленное будущее; но инстинктъ малороссійскихъ казаковъ былъ проявленіемъ исторической правды. Примкнувъ къ Москвѣ, они принесли ей то чего ей не доставало и получили то въ чемъ сами нуждались. Москва пріучила, скажемъ словами древней лѣтописи, *примучила* Русь къ твердому порядку; Кіевъ въ свою очередь внесъ впервые свѣтъ европейской науки въ заглохшую жизнь Московскаго государства. Только послѣ Переяславской рады образовался изъ двухъ половинъ русскаго народа одинъ цѣльный, великій народъ, способный къ полному, всестороннему развитію. Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ изслѣдованій, г. Костомаровъ отмѣчалъ отличительныя черты двухъ русскихъ „народностей;" ему оставалось только прибавить что это не двѣ народности, а двѣ противоположности одной и той же великой народности, что соединившись онѣ взаимно пополнили другъ друга и одна безъ другой не представляютъ условій для полной исторической жизни. Противоположность замѣчаемая между Великоруссомъ и Малороссомъ есть та полярность, безъ которой не можетъ быть живаго единства. Эта-то самая противоположность и связываетъ ихъ неразрывно.

Не скоро обѣ возсоединившіяся части русскаго народа могли войти въ общую жизнь, не скоро могла зажить язва разрыва. Составъ былъ сирыснутъ мертвою водой, но еще долго не доставало дѣйствія живой воды. Только теперь привѣтствуемъ мы зарю новой жизни наступающей для русскаго народа.

Всею душой сочувствуемъ мы мысли соорудить памятникъ старому гетману Малороссіи; всею душой желаемъ мы чтобы мысль эта отозвалась по всей русской землѣ обильными приношеніями. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникали, если не ошибаемся, сомнѣнія въ томъ слѣдуетъ ли дать Богдану мѣсто на монументѣ въ память тысячелѣтія Россіи, теперь ему торжественно отводится мѣсто въ пантеонѣ великихъ людей Русской земли, въ числѣ славныхъ дѣятелей русскаго народа. Это значитъ что наша національная идея много

созрѣла въ этотъ краткій промежутокъ времени, и что нѣтъ болѣе сомнѣній что Малороссія есть природная, нераздѣлимая часть Россіи, что она не придатокъ, не завоеваніе. Памятникъ Хмельницкому въ Кіевѣ, вблизи памятника Владиміра Равноапостольнаго, раздвигаетъ область русской исторіи до ея естественныхъ предѣловъ и говоритъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ въ ней событій,—о томъ событіи съ котораго началось возрожденіе Россіи къ исторической жизни...

Б.

Въ № 43 нашей газеты мы напечатали доставленныя намъ свѣдѣнія о благопріятномъ ходѣ дѣлъ Гольдингенскаго православнаго братства. Въ этомъ сообщеніи было посвящено мимоходомъ нѣсколько словъ тому обстоятельству что одинъ Еврей продалъ братству въ Гольдингенѣ землю и хотя изъ Митавы съ лютеранской стороны предлагали ему за нее тысячью рублями болѣе чѣмъ сколько онъ условился взять съ братства, не только не захотѣлъ этимъ воспользоваться, но еще уступилъ братству 300 руб. изъ условленной съ нимъ заранѣе цѣны. На этихъ дняхъ, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, въ № 110 *S.-Petersburger Zeitung* появилось на эти слова слѣдующее категорическое возраженіе:

Въ опровержепіе помѣщенной въ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* статьи относительно постройки греко-православной церкви въ Гольдингенѣ, мы нижеподписавшіеся имѣемъ привести слѣдующее: продавецъ земли для упомянутой церкви, докторъ медицины Тицнеръ изъ Петербурга, объявилъ въ нашемъ присутствіи и въ присутствіи купца Лунина, члена здѣшняго православнаго братства, что при переговорахъ о продажѣ земли этому братству ни отъ кого не было ему предложено прибавки къ цѣнѣ, а потому совершенно несправедливо сказанное въ упомянутой статьѣ будто кто-то „посланный изъ Митавы" предлагалъ ему за землю тысячью рублями болѣе того за что онъ условился продать ее братству. По просьбѣ нашей и г. А. Лунина докторъ Тицнеръ объявилъ что онъ поручитъ своему зятю, г. Якоби, напечатать объ этомъ въ газетахъ надлежащее исправленіе.

Подписали: *Баронъ Беръ*, гольдингенскій оберъ-гауптманъ.
Баронъ Евгеній Ренне.
Уѣздный судья *баронъ Гротіусъ.*

Весьма оригинально что на сообщеніе въ которомъ никто не былъ поименованъ отвѣчаютъ три балтійскіе барона, хотя очевидно что къ нимъ троимъ никто не могъ отнести выраженіе: „посланный изъ Митавы." Если же эти господа хотѣли фактически возразить противъ *сущности* сообщеннаго извѣстія и доказать что не только они трое, но и никто вообще не предлагалъ продавцу болѣе высокой цѣны, что о тысячѣ рубляхъ вовсе не было рѣчи, и что продавецъ не имѣлъ никакого повода поступать съ Гольдингенскимъ братствомъ лучше чѣмъ въ балтійскомъ краѣ принято, то они поступили по меньшей мѣрѣ отважно, ибо такой отзывъ могъ бы дать только *самъ продавецъ*, а изъ другихъ развѣ человѣкъ состоящій опекуномъ его. Впрочемъ, кромѣ упомянутаго возраженія, въ *S.-Petersburger Zeitung*, напечатано еще другое; вотъ оно:

И меня лично, за нѣсколько дней предъ выше изложеннымъ объясненіемъ, г. Тицнеръ увѣрялъ что статья напечатанная въ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* совершенно несправедлива. „Я видѣлся, сказалъ г. Тицнеръ, въ Петербургѣ съ покупателемъ и только упомянулъ ему, что по словамъ родныхъ моихъ живущихъ въ Курляндіи, земля мною запроданная стоитъ по крайней мѣрѣ 1.000 рублями болѣе того что я условился взять за нее; но я не отступлюсь отъ договора, хотя и словеснаго, ибо почитаю его столь же обязательнымъ для себя какъ и письменный контрактъ." Изъ вышесказаннаго достаточно оказывается что моменты (sic) приведенные въ упомянутой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* не имѣютъ ни малѣйшаго основанія; и должны быть почитаемы не только искаженіемъ, но и неправдою, а потому каждый знакомый съ здѣшними отношеніями безъ всякихъ объясненій пойметъ значеніе этой статьи.

І. Брюгенъ, гольдингенскій гауптманъ.

Здѣсь уже упоминается о тысячѣ рубляхъ и стало-быть оправдывается похвала продавцу, которая воздана ему въ напечатанномъ у насъ сообщеніи. Обо всемъ прочемъ возражатель говоритъ черезчуръ таинственно.

Но вотъ что странно. Изъ приведенныхъ возраженій мы узнаемъ имя продавца, до сихъ поръ намъ неизвѣстное, и оказывается что онъ докторъ медицины. Зачѣмъ же возражатели торопятся писать отъ его

лица, не имѣя никакого основанія предполагать что онъ не умѣетъ писать?

№ 100.

Москва, 11-го мая.

Наши корреспонденты сообщаютъ намъ данныя касательно дѣятельности почтоваго управленія, не лишенныя интереса для публики. Всѣмъ извѣстно что наши почтовые порядки, посреди всеобщихъ преобразованій, не только не измѣнялись къ лучшему, но, какъ свидѣтельствуютъ офиціальные источники, значительно ухудшались. Возрасло число справедливыхъ жалобъ публики, и даже случаи пропажи пересылаемыхъ по почтѣ капиталовъ сдѣлались чаще прежняго. Медлить преобразованіями не было возможности, и за послѣдніе два года почтовое вѣдомство приняло нѣсколько мѣръ къ улучшенію почтовыхъ порядковъ. Еще важнѣйшія мѣры подготовляются; о нихъ-то теперь и рѣчь, но прежде приведемъ на память читателей мѣры уже принятыя въ послѣднее время.

Большимъ неудобствомъ было что должность директора почтоваго департамента была слита съ должностью с.-петербургскаго почтъ-директора. Въ половинѣ 1868 года эти должности раздѣлены.

Тѣмъ же недостаткомъ страдала и губернская администрація почтъ. Во главѣ ея находился губернскій почтмейстеръ, который былъ лично занятъ пріемомъ и выдачею корреспонденціи и не имѣлъ возможности наблюдать за ходомъ дѣлъ въ уѣздныхъ почтовыхъ мѣстахъ. Теперь, какъ извѣстно, губернская почтовая администрація поручена особому управляющему, а почтовое дѣло губернской конторы его помощнику. Управляющіе должны производить внезапныя освидѣтельствованія суммъ, ревизовать станціи и вообще наблюдать за правильнымъ движеніемъ и направленіемъ почтъ. Управляющимъ предоставленъ выборъ лицъ даже на такія должности въ губерніи, замѣщеніе которыхъ зависитъ отъ высшаго начальства. Представленія управляющихъ почти всегда исполняются и вообще власть ихъ надъ личнымъ составомъ губернской администраціи значительно усилена.

Затѣмъ произведено еще упрощеніе дѣлопроизводства и отчетности. Часть дѣлъ доходившихъ до департамента предоставлена рѣшенію губернскихъ управляющихъ.

Открытіе желѣзнодорожныхъ линій, сокращая нѣкоторые главные тракты и измѣняя ходъ почтъ на всѣхъ прилегающихъ трактахъ, доставило много хлопотъ почтовому департаменту; но за то послужило поводомъ ко многимъ улучшеніямъ въ ходѣ почтъ.

Прежде служащіе по почтовому вѣдомству находились можно сказать почти на нищенскомъ положеніи. Говоря словами офиціальнаго документа, оно даже „не обезпечивало дневнаго пропитанія“. Для Европейской Россіи новые штаты уже вышли; теперь предполагается издать ихъ и для Сибири. Проектъ штатовъ для почтовыхъ мѣстъ Сибири нынѣ поступилъ на разсмотрѣніе министра финансовъ. Медленнѣе идетъ дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Высочайшее повелѣніе о слитіи тамошнихъ почтовыхъ учрежденій со внутренними состоялось еще въ 1866 году, но до сихъ поръ почтовые порядки привислинскихъ губерній не преобразованы. Собираются свѣдѣнія, составляются штаты, но проектъ преобразованія еще не готовъ. Впрочемъ почтовое управленіе устранило недавно тотъ невѣроятный куріозъ что въ Брестъ-Литовскѣ и Владимірѣ Волынскомъ существовали пограничныя конторы. Замѣчательно что эти пограничныя конторы учреждены были не дальше какъ въ 1867 году, а Новоселицкая контора (въ Бессарабіи, на границѣ съ Австріей) не имѣла устройства пограничной.

Переустройство управленія открываетъ теперь возможность внести въ почтовое дѣло капитальныя улучшенія, которыя удовлетворяли бы возрастающимъ потребностямъ общества.

Предполагается установить три рода писемъ: простыхъ, заказанныхъ, или рекомендованныхъ, и страховыхъ. Простыя письма будутъ выдаваться на дому безъ росписки, а заказныя съ роспискою въ книгѣ почтальйона. Относительно страховыхъ писемъ сохранится теперешній порядокъ, по которому они выдаются въ почтовой конторѣ лично получателю или его довѣренному.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить чтобы предполагалось допустить у насъ еще одинъ родъ писемъ, всюду введенный и всюду оказавшійся удобнымъ и выгоднымъ, писемъ неоплаченныхъ, нефран-

кированныхъ. Въ послѣдніе годы допущено отправленіе писемъ *недостаточно* оплаченныхъ, но только изъ двухъ почтамтовъ Петербургскаго и Московскаго. Теперь предполагается дозволить отправленіе мало оплаченныхъ писемъ изъ всѣхъ почтовыхъ конторъ. Однако велика ли разница между не франкированными и недостаточно оплаченными письмами? Одна марка приклеенная къ письму часто также не гарантируетъ почтоваго дохода, но на самомъ дѣлѣ по письмамъ мало оплаченнымъ казна не терпитъ ущерба. Нельзя сказать также чтобы публика вовсе не привыкла къ оплатѣ писемъ получаемыхъ. Во многихъ городахъ письма и теперь не выдаются безъ уплаты трехъ копѣекъ почтальйону; и однакоже никто отъ нихъ не отказывается. Наконецъ, еслибы тутъ и былъ рискъ, то почему русское почтовое вѣдомство предпочитаетъ рисковать въ пользу заграничной, а не внутренней корреспонденціи? Другое дѣло посылки: за нихъ требуйте предварительной оплаты, но письма пересылаемыя внутри имперіи должны пользоваться равными льготами съ письмами заграничными, и это должно быть сдѣлано не только въ интересахъ публики и не только изъ уваженія къ приличію, но и по разчету, ибо допущеніе неоплаченныхъ писемъ усилитъ корреспонденцію и слѣдовательно увеличитъ доходъ казны отъ почтовой операціи.

Къ числу крайне устарѣлыхъ почтовыхъ порядковъ, тоже наносящихъ ущербъ и почтѣ и публикѣ, принадлежитъ теперешняя пересылка денежныхъ документовъ. Публика ничѣмъ не гарантирована отъ пропажи ихъ на почтѣ, ибо до сихъ поръ наши почты не принимали пересылки въ страховыхъ письмахъ акцій, облигацій, купоновъ; вообще денежныхъ документовъ и даже государственныхъ процентныхъ бумагъ. Извѣстно сколько затрудненій происходило отъ этого ограниченія, столь несообразнаго съ теперешними обстоятельствами. Почтовое вѣдомство, говорятъ, рѣшается допустить страхованіе по пересылкѣ этихъ бумагъ, не дѣлая его однако обязательнымъ. Деньги же и именныя государственныя бумаги будутъ подлежать обязательному застрахованію.

Количество частныхъ капиталовъ пересылаемыхъ по почтѣ стало за послѣднее время уменьшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ упалъ и страховой сборъ, составляющій одну изъ главнѣйшихъ статей почтоваго дохода. Это обстоятельство побудило образовать коммиссію для пересмотра теперешнихъ порядковъ пересылки денежныхъ суммъ по почтѣ. Надо надѣяться что коммиссія введетъ систему переводовъ, при которой операція пересылки денежныхъ суммъ будетъ производиться удобнѣе и скорѣе.

Важныя перемѣны предположены также относительно слѣдованія проѣзжающихъ по почтѣ. Извѣстно что у насъ частные проѣзды получаютъ значительныя субсидіи отъ правительства и земства, такъ какъ содержаніе почтовыхъ лошадей далеко не окупается прогонами. Эти приплаты составляютъ одну изъ главныхъ причинъ дефицита въ почтовомъ бюджетѣ. Прежде, до желѣзныхъ дорогъ, приплаты проѣзжающимъ мотивировались громадностью разстояній и тяжелыми расходами переѣздовъ, но теперь онѣ все сильнѣе переходятъ на мелкіе мѣстные тракты. Для уменьшенія убытковъ казны отъ слѣдованія частныхъ лицъ по почтовымъ трактамъ предполагается цѣлый рядъ мѣръ. Полагается постепенно возвышать прогоны за лошадей, отпускаемыхъ проѣзжающимъ, и обязать ихъ уплатой водочныхъ денегъ ямщикамъ. Содержаніе станцій полагается сдавать въ первыя руки; самимъ гонебщикамъ, и на торгахъ назначать норму приплаты, съ которой торгующіеся могутъ дѣлать пониженіе. Теперешніе торги часто зависѣли отъ случайностей и не всегда давали достаточное пониженіе. Впрочемъ въ прошломъ году содержаніе почтовыхъ станцій въ 22 губерніяхъ сдано на 88.947 р. дешевле чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Съ другой стороны, открытіе желѣзныхъ дорогъ дало возможность снять часть лишнихъ лошадей со станцій и закрыть нѣсколько станцій стоившихъ 91.793 р. с. ежегодно.

Надобно сказать что при составленіи большей части желѣзно-дорожныхъ концессій были упущены изъ виду интересы почты. Нѣкоторыя компаніи выговорили себѣ плату за провозъ не только почтовыхъ вагоновъ, но и самой почты въ особыхъ отдѣленіяхъ компанейскихъ вагоновъ. Другія компаніи отводятъ эти отдѣленія безплатно, но въ размѣрѣ который оказался слишкомъ недостаточнымъ для почты. Перевозка почтовыхъ вагоновъ и почтовыхъ служителей, занятіе боль-

щаго мѣста въ пассажирскомъ или багажномъ вагонѣ на всѣхъ линіяхъ требуетъ значительныхъ уплатъ со стороны почтоваго вѣдомства, и почтовый департаментъ разчитываетъ даже что эти уплаты могутъ превысить почтовый сборъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ желѣзно-дорожныя компаніи обязываются приносить гораздо большія пожертвованія для почты. Во Франціи въ каждомъ поѣздѣ, какъ пассажирскомъ, такъ и товарномъ, перевозится даромъ почтовый вагонъ; всѣ почтовые служители ѣдутъ по дѣламъ службы безплатно; компанія должна отводить мѣсто для почтовыхъ станцій и на служащихъ при желѣзной дорогѣ возлагаются разныя обязанности по почтѣ (cah. des charges § 56 и пр.). Наше почтовое управленіе вошло съ ходатайствомъ объ измѣненіи отношеній почты къ желѣзнымъ дорогамъ. Впрочемъ нѣкоторыя компаніи уже сами сдѣлали уступки почтовому вѣдомству. Всѣ правленія замосковныхъ линій согласились на безплатную перевозку почтъ съ почтальйонами въ особомъ помѣщеніи въ такихъ поѣздахъ, при которыхъ не отправлялись почты. Другія компаніи сдѣлали приспособленія для почты въ отдѣленіяхъ своихъ вагоновъ, а Орловско-Витебская дорога снабдила всѣми удобствами почтовые вагоны которые она обязана была построить по концессіи.

Понятно однако что подобныя уступки слишкомъ маловажны. Если трудно вполнѣ исправить отношенія почты къ существующимъ компаніямъ, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ озаботиться о лучшемъ составленіи будущихъ концессій. При министерствѣ путей сообщенія образованъ теперь особый комитетъ для составленія новаго положенія о перевозкѣ почтъ по желѣзнымъ дорогамъ. Комитетъ проектировалъ обязать желѣзныя дороги не только безплатно отводить въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ особое отдѣленіе пассажирскаго вагона для перевозки почтъ и почтовыхъ служителей, но и безплатно перевозить, смазывать и ремонтировать почтовые вагоны. Перевозка почтъ въ товарныхъ поѣздахъ должна производиться по 3-му классу. Полагается также обязать компаніи къ безплатному отводу помѣщеній на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и дать почтѣ право безплатно пользоваться желѣзнодорожнымъ телеграфомъ. За то почтовое управленіе обязывалось бы безплатно перевозить 5 ф. служебной корреспонденціи компаній.

Въ прошломъ году не разъ говорили мы объ отношеніяхъ почты къ желѣзнымъ дорогамъ. Не распространяясь о справедливости требованій комитета, замѣтимъ лишь что онъ не вполнѣ взялъ во вниманіе интересы публики которые прежде всего требуютъ пріема всякаго рода корреспонденцій на возможно большемъ числѣ желѣзнодорожныхъ станцій и участія желѣзнодорожныхъ служителей въ почтовомъ дѣлѣ. Трудно заводить на каждой станціи почтоваго служащаго; если не сами желѣзнодорожные служители, то ихъ жены удобно могли бы взять на себя выдачу корреспонденціи и въ такомъ случаѣ наблюденіе за правильностью раздачи и отсылки почты можно бы возложить на начальника станціи, какъ это сдѣлано во Франціи.

Почтовое управленіе старается также пользоваться пароходами для перевозки почтъ. Оно вступило въ договоръ съ пароходными обществами *Самолетъ* и *Кавказъ и Меркурій* о пересылкѣ почтовой корреспонденціи между Рыбинскомъ и Астраханью, между Казанью и Пермью. Результаты были такъ блистательны что нѣкоторые города прислали благодарственныя заявленія. Дерптское пароходное общество за право пользованія почтовымъ флагомъ взялось безплатно перевозить почту между Псковомъ и Дерптомъ.

Относительно заграничной корреспонденціи главная мѣра принимаемая почтовымъ управленіемъ состоитъ въ учрежденіи непосредственныхъ почтовыхъ сношеній съ большею частію государствъ Западной Европы. Нѣтъ надобности говорить о тѣхъ затрудненіяхъ которыя возникали изъ обязательнаго посредства Сѣверо-Германскаго союза; затрудненія эти пріобрѣли громкую извѣстность. Франція, Бельгія, Данія и Нидерланды изъявили уже готовность на заключеніе отдѣльныхъ почтовыхъ конвенцій, и наконецъ самъ Сѣверо-Германскій союзъ согласился допустить чрезъ свою территорію транзитную пересылку корреспонденціи. Теперь идутъ переговоры о заключеніи конвенцій съ Англіей, Италіей, Швейцаріей и Соединенными Штатами.

№ 101.

Москва, 12-го мая.

Возвращаемся еще раз къ проекту новаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ, о которомъ мы говорили нѣсколько дней тому назадъ.

Наше акціонерное дѣло, какъ извѣстно, страдаетъ до сихъ поръ двумя главными недостатками: недостаточнымъ огражденіемъ правъ и интересовъ акціонеровъ отъ произвола правленій и обращеніемъ акціонерной дѣятельности почти исключительно на крупныя предпріятія. Кромѣ прямыхъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ директора компаній, иногда сами себя выбиравшіе, теперь появляются и усовершенствованные пріемы по части эксплуатаціи публики, въ родѣ напримѣръ слиянія компаній, расширеній предпріятія, разныхъ договоровъ и пр. Спекуляція глубже и глубже внѣдряется въ акціонерное дѣло, а между тѣмъ наша промышленность и торговля въ предпріятіяхъ болѣе простыхъ и не слишкомъ большихъ по размѣрамъ лишена содѣйствія акціонерныхъ компаній, которое именно здѣсь было бы желательно. Существующій у насъ теперь порядокъ разрѣшенія компаній требуетъ длинныхъ хлопотъ въ высшихъ инстанціяхъ и дорогихъ поѣздокъ въ Петербургъ. Накладные расходы и потеря времени на хлопоты мѣшаютъ составлять акціонерныя компаніи для небольшихъ производствъ. Потребительныя общества образуются у насъ, и открываютъ лавки и магазины съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; предполагалось даже предоставить разрѣшеніе ихъ губернаторамъ. Но никакая акціонерная компанія не можетъ состояться безъ разсмотрѣнія устава ея въ комитетѣ министровъ и безъ Высочайшаго утвержденія.

Обузданіе спекуляціи и расширеніе свободы акціонерной промышленности, вотъ двѣ главнѣйшія задачи при пересмотрѣ законоположеній объ акціонерныхъ компаніяхъ. Дѣйствующее законодательство разрѣшаетъ обѣ эти задачи одинаково неудовлетворительно. Стѣсняя образованіе компаній, оно ни мало не ограждаетъ ихъ отъ спекуляціи. Неясность, неполнота и противорѣчія закона служатъ однимъ изъ оправданій тому что требуется законодательное утвержденіе для каждой компаніи, и тѣ же недостатки закона открываютъ просторъ для спекуляціи. Въ частныхъ случаяхъ, при утвержденіи устава, само правительство теперь безпрестанно отступаетъ отъ законовъ по акціонернымъ компаніямъ, и никакъ нельзя сказать чтобъ эти отступленія приводили къ большему обезпеченію интересовъ публики. Напротивъ они часто являются результатомъ своекорыстныхъ домогательствъ учредителей, желающихъ остаться полновластными распорядителями компаній.

Новое Положеніе не вноситъ почти никакихъ перемѣнъ въ порядокъ разрѣшенія компаній. „Ни одна акціонерная компанія,—читаемъ мы,—не можетъ быть „учреждена безъ особаго разрѣшенія правительства.“ Устройство каждой компаніи опредѣляется особымъ уставомъ, подлежащимъ утвержденію правительства. Этимъ правиломъ новое Положеніе само подрываетъ свою силу и какъ бы признаетъ что оно недостаточно ограждаетъ замѣшанные въ дѣло интересы. Какое значеніе могутъ имѣть законы объ акціонерныхъ компаніяхъ, пересматриваемые правительствомъ при каждомъ случаѣ образованія новой компаніи? Это не будутъ общія нормы, равно обязательныя для всѣхъ компаній; эти законы составятъ какое-то руководство для самого правительства, которое будетъ однакоже каждый разъ болѣе или менѣе отступать отъ нихъ. И новое Положеніе считаетъ нормальнымъ подобный исходъ и вполнѣ мирится съ неполнотою своихъ правилъ! Многіе вопросы, напримѣръ объ отношеніи правленія къ акціонерамъ, о числѣ акцій дающихъ право на голосъ, и пр. должны разрѣшаться, по новому Положенію, только при утвержденіи отдѣльныхъ уставовъ. Неужели это полезно?

Существующій законъ, который требуетъ особаго разрѣшенія для каждой компаніи и не даетъ правиламъ объ акціонерныхъ обществахъ значенія обязательныхъ нормъ, соотвѣтствуетъ стариннымъ взглядамъ законодательства на акціонерное дѣло. Въ Сводѣ Законовъ сохранились слова указа 1807 года, который говорилъ что акціонерныя компаніи „учреждаются по видамъ государственнаго хозяйства“, то-есть имѣлъ въ виду преимущественно такія общества которымъ государство либо уступало часть своихъ правъ, напримѣръ на отчужденіе земель, либо давало моно-

полія и привилегіи. Подобныя государственныя компаніи отчасти выгораживаются и новымъ Положеніемъ изъ общихъ правилъ: такъ желѣзнодорожныя компаніи изъемлются изъ общаго порядка относительно размѣра и порядка обезпеченія, по выпускамъ облигацій и пр. Но бóльшая часть нынѣшнихъ акціонерныхъ компаній вовсе не имѣютъ государственнаго значенія, а между тѣмъ все-таки общему порядку не придается значеніе обязательной нормы, и отъ всѣхъ до одной компаній, какъ бы ни была скромна цѣль ихъ учрежденія, требуется чтобъ у нихъ былъ особенно исходатайствованный и Высочайше утвержденный уставъ. Насколько это затруднитъ развитіе русскаго акціонернаго дѣла, трудно исчислить.

И для обузданія спекуляціи, и для расширенія свободы акціонерной промышленности одинаково необходимо изданіе подробныхъ и обязательныхъ постановленій которыми бы вполнѣ обезпечивались интересы публики и третьихъ лицъ. Права получаемыя государственными компаніями по концессіямъ не должны бы освобождать и ихъ отъ общихъ требованій по устройству и веденію предпріятія. Въ концессію должно включаться то что̀ дается и требуется ею, право отчужденія и другія права, а также разныя повинности, но не всевозможныя измѣненія въ общихъ правилахъ по взаимнымъ отношеніямъ акціонеровъ, правленія и учредителей, какъ это было до сихъ поръ, а равно будетъ и впредь, если будетъ утверждено проектированное нынѣ Положеніе. Съ другой стороны изданіе подробнаго положенія должно бы облегчить образованіе компаній, не требующихъ для себя никакихъ особыхъ правъ, ни въ какой концессіи не нуждающихся и теперь не возникающихъ по невозможности вынести затраты на полученіе разрѣшенія изъ Петербурга. Небольшая компанія по простымъ дѣламъ промышленности и торговли могла бы образоваться простымъ нотаріальнымъ заявленіемъ о принятіи общаго устава, еслибъ онъ разрѣшалъ всѣ главные вопросы акціонернаго дѣла и съ достаточною строгостью ограждалъ интересы. Это оживило бы русское акціонерное дѣло и распространило бы его по всему государству, между тѣмъ какъ теперь оно сосредоточено въ столицахъ. Но само собой разумѣется что чѣмъ больше предоставляется свободы, тѣмъ долженъ быть строже законъ, а потому и въ данномъ случаѣ было бы можетъ-быть весьма полезно, предоставить акціонерному дѣлу болѣе свободы, положить ему извѣстныя твердыя границы, воспретивъ напримѣръ выпускъ акцій на предъявителя тѣмъ изъ акціонерныхъ компаній которыя возникнутъ нотаріальнымъ порядкомъ. Вообще намъ кажется что при выработкѣ положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ для Россіи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на англійскій законъ 14-го іюля 1856 года, вызванный обстоятельствами во многомъ схожими съ нынѣшнимъ положеніемъ акціонернаго дѣла въ Россіи, и имѣвшій въ виду устранить тѣ же самыя опасности которыя теперь угрожаютъ и намъ.

Этотъ англійскій акціонерный законъ поражаетъ многочисленностью правилъ, имѣющихъ значеніе непремѣнныхъ нормъ; они обязательны для всѣхъ компаній, а потому не повторяются и не измѣняются въ отдѣльныхъ уставахъ. Для руководства при составленіи уставовъ изданы, сверхъ того, регулярныя правила (Regulations), которыя обязательны въ случаѣ ихъ примѣнимости къ предпріятію, но съ которыми по возможности должны сообразовать всѣ отдѣльные уставы. Законодательное разрѣшеніе требуется лишь для образованія компаній государственнаго значенія, напримѣръ по желѣзнымъ дорогамъ, водянымъ сообщеніямъ, шоссе, водопроводамъ и пр.

Вотъ, очевидно, единственно вѣрный путь для выхода изъ затрудненій, при которомъ легко могутъ быть соблюдены также всѣ требованія внесенныя въ проектъ нашего новаго акціонернаго Положенія.

Онъ требуетъ чтобы никакая компанія не брала названія усвоеннаго другою компаніей, или столь сходнаго съ нимъ чтобы можно было принять одну компанію за другую. Не ближе ли предоставить заботы по преслѣдованію спекуляціи наименованіями самимъ существующимъ компаніямъ, давъ имъ право искать чрезъ судъ за злоупотребленіе ихъ именемъ?

Новое Положеніе требуетъ особаго правительственнаго разрѣшенія для увеличенія складочнаго капитала компаніи, для заключенія займовъ, для уменьшенія складочнаго и запаснаго капитала. Полагается допустить обратную выдачу акціонерамъ части основнаго капитала только въ

томъ случаѣ если остающійся капиталъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать кругу дѣйствій компаніи и будетъ достаточенъ для выполненія ея обязательствъ. Что касается до расширенія предпріятій, то врядъ ли разсмотрѣніе дѣла въ административныхъ сферахъ можетъ достаточно оградить права и интересы меньшинства: надобно ясно поставить очевидный принципъ дѣла, состоящій въ томъ что акціонерный уставъ есть не что иное какъ контрактъ заключенный между акціонерами. Далѣе, разрѣшеніе займовъ и сокращеній капитала дозволяется и новымъ Положеніемъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ; облигацій не можетъ быть выпущено болѣе чѣмъ на половину складочнаго капитала обязательная ликвидація назначается при уменьшеніи складочнаго капитала на 40% въ обществахъ для закупки и продажи товаровъ и на 75% во всѣхъ остальныхъ. Всѣ эти нормы для компаній дѣйствующихъ по общему порядку, безъ разрѣшенія, можно бы опредѣлить еще съ большею требовательностью. Впрочемъ правительственное разрѣшеніе для займовъ и для уменьшенія капитала, еслибъ оно и было необходимо, отнюдь не требуетъ того чтобъ уставъ каждой компаніи былъ новымъ закономъ и притомъ закономъ отмѣняющимъ общіе законы....

№ 102.

Москва, 14-го мая.

Ниже въ новостяхъ нашего вечерняго изданія читатели найдутъ подробности о торжествѣ, происходившемъ 11-го мая въ Петербургѣ, въ день памяти святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Ихъ вниманіе, безъ сомнѣнія, остановитъ на себѣ слѣдующее мѣсто въ этомъ сообщеніи: „Профессоръ духовной академіи М. „О. Кояловичъ, съ одушевленіемъ исполненнымъ горестнаго чувства, сказалъ что „въ то время когда историческою силою „вещей между Россіей и единоплеменными „ей народностями устанавливаются все „болѣе прочныя духовныя связи, въ самой „Россіи происходятъ явленія оскорбляющія самое драгоцѣнное для Русскаго чувство: въ сѣверо-западномъ краѣ, вслѣдствіе совершенно необъяснимыхъ распоряженій мѣстныхъ властей по введенію „русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе, цѣлыя селенія Бѣлоруссіи, этой искони русской и искони „почитавшей себя таковою страны, вынуждены нынѣ отрицаться отъ своей народности и объявлять себя Поляками...“ Слова эти должны были болѣзненно отозваться въ обществѣ собравшемся чествовать память славянскихъ первоучителей; слова эти не могутъ не произвести такого же впечатлѣнія и на читателей нашей газеты, которымъ хорошо извѣстно какого свойства тѣ распоряженія о коихъ говоритъ профессоръ Кояловичъ. Г. Кояловичъ предложилъ тостъ за процвѣтаніе русскихъ народныхъ школъ въ западномъ краѣ какъ единственнаго еще остающагося орудія для поддержанія тамъ русской народности. Увы! Надолго ли продержатся и школы при тѣхъ обстоятельствахъ которыя обращали въ ничто одну за другою почти всѣ мѣры правительства, задуманныя съ благою цѣлію освободить этотъ край отъ обмана который отдѣляетъ его отъ Россіи! Довѣріе въ крестьянскихъ населеніяхъ потрясено почти непоправимо; все что еще не такъ давно спѣшило въ этомъ краѣ предъявить свои права на званіе Русскаго теперь или стыдится, или боязливо чурается этого званія; о введеніи русскаго землевладѣнія никто уже серіозно ни говоритъ ни помышляетъ, и относящіяся къ этому предмету, такъ хорошо обдуманныя законодательныя мѣры остаются безъ значенія и силы; наконецъ, эмансипація русскаго языка для разномыслящихъ и иновѣрцевъ, по принципу одна изъ самыхъ важныхъ мѣръ, долженствовавшая произвести плодотворное и полезное дѣйствіе для упроченія государства, становится вслѣдствіе дѣйствительно „необъяснимыхъ распоряженій,“ орудіемъ новой смуты....

Наши анти-національныя партіи очень хорошо понимаютъ какъ важно для нихъ удержать за собою церковныя учрежденія признаваемыя русскимъ закономъ. Ничто такъ не соотвѣтствовало ихъ видамъ какъ запретъ который лежалъ на русскомъ языкѣ. Расторженіе искусственной связи между римскимъ католицизмомъ и польскою національностію есть, безъ сомнѣнія, самая рѣшительная мѣра для прекращенія того обмана который извѣстенъ подъ именемъ польскаго вопроса въ западномъ краѣ. Польская партія имѣла полное осно-

ваніе опасаться болѣе всего этой мѣры столько же пагубной для ея видовъ, сколько спасительной для края; но она утѣшала себя надеждою что никогда дѣла не дойдутъ до этого опаснаго для ней пункта, и что все ограничится только болтовнею газетъ или мелкими и поверхностными мѣрами которыя не коснутся сущности дѣла, а только еще болѣе закрѣпятъ узелъ ошибокъ на которыхъ основанъ обманъ польскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ важный вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, польская партія не теряла надежды, при данныхъ обстоятельствахъ, овладѣть имъ въ примѣненіи и развитіи. И вотъ вышло такъ что самые отважные замыслы этой партіи были оставлены дѣйствительностію далеко назади. То что грозило ей окончательнымъ пораженіемъ превращается въ блистательное торжество. Правительство сняло запретъ съ русскаго языка для того чтобъ избавить католическія населенія западнаго края отъ необходимости причислять себя къ польской національности. Что же выходитъ? Именно теперь польская національность утверждается и узаконяется въ западномъ краѣ. Римско-католическое учрежденіе болѣе чѣмъ когда-нибудь признается національно-польскимъ, а русскій языкъ, именно вслѣдъ за рѣшеніемъ правительства открыть ему широкій доступъ въ среду иновѣрцевъ, видитъ и тѣ пути для себя преграженными которыми онъ прежде проходилъ мало-по-малу въ эту среду. Тѣ изъ членовъ римско-католическаго духовенства, которые, храня вѣрность своей церкви, хотѣли съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдовать своему гражданскому долгу и призыву правительства, остались посрамленными. Тѣ изъ священниковъ, которые уже усвоили себѣ русскій языкъ въ проповѣди и молитвѣ, должны возвратиться къ польскому или бѣжать изъ своихъ приходовъ....

Съ вопросомъ о введеніи русскаго языка повторяется та самая исторія которая въ минувшемъ году происходила съ крестьянскимъ вопросомъ. Закону въ исполненіи дается обратное толкованіе. Послѣ того какъ Верховная Власть выразила свою волю, наступаетъ исполнительная работа канцеляріи, которая изъ правительственнаго рѣшенія вырабатываетъ механизмъ мѣръ ведущихъ къ результатамъ радикально ему противоположнымъ...

Напрасно впрочемъ, г. Кояловичъ полагаетъ что поразившее его явленіе ограничивается сѣверо-западнымъ краемъ. Канцелярская комбинація давшая этотъ поразительный результатъ простирается и на юго-западный край, откуда мы на этихъ дняхъ получили свѣдѣнія, въ основательности которыхъ не имѣемъ повода сомнѣваться.

„Исторія со введеніемъ русскаго языка „въ такъ называемое дополнительное римско-католическое богослуженіе," пишутъ намъ изъ Кіева, „остается все еще не „разъясненною, благодаря системѣ негласности или полугласности, господствующей у насъ съ нѣкотораго времени по „дѣламъ нашихъ окраинъ. Прежде бывало „или ничего не публиковали или предавали „гласности все что нужно для того чтобъ „общество не оставалось въ заблужденіи. „Теперь же полное раскрытіе истины нерѣдко предоставляется различнымъ косвеннымъ путямъ. Неужели эта система „признается выгодною для интересовъ „государства?" Мы не знаемъ насколько она выгодна для государства, но она несомнѣнно выгодна для партій которыя ведутъ противъ него интриги.

Послѣ извѣстной публикаціи кіевскаго генералъ-губернатора о томъ что прихожанамъ католикамъ дозволяется ходатайствовать о введеніи въ костелахъ русскаго языка у исправниковъ и т. д., появились слухи о сопротивленіи оказанномъ будто бы въ этомъ дѣлѣ Луцко-Житоміркимъ римско-католическимъ епископомъ Боровскимъ. Въ чемъ заключается это сопротивленіе, и что требовалось отъ епископа Боровскаго, объ этомъ до сихъ поръ не появлялось извѣстій въ печати. Но въ Кіевѣ и вообще въ юго-западномъ краѣ подробности этого дѣла извѣстны почти всѣмъ, въ особенности лицамъ именующимъ себя Поляками и внимательно слѣдящимъ за дѣйствіями епископа, на котораго вотъ уже третій разъ, въ теченіе пяти лѣтъ, возложена судьбой, по ихъ выраженію святая обязанность отстаивать права польской націи въ Россіи. Но оба первые раза, и при введеніи русскаго языка въ преподаваніе закона Божія римско-католикамъ, и при упраздненіи Каменецкой епархіи, епископъ Боровскій, хотя и ссылался не извѣстно для чего на постановленія Тридентскаго собора, сдѣлалъ однакоже все что требовалось. От-

чего же теперь тотъ же епископъ сопротивляется, и дѣйствительно ли его поступокъ можно назвать сопротивленіемъ? Вотъ какъ разказываютъ объ этомъ дѣлѣ въ Кіевѣ люди свѣдующіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, не публикуя до сихъ поръ относящагося сюда Высочайшаго повелѣнія, признало нужнымъ не только объявить прихожанамъ католикамъ что имъ дозволяется просить о введеніи русскаго языка въ богослуженіе, но и оповѣстить о томъ же латинское приходское духовенство. Кіевская администрація отнеслась къ прихожанамъ путемъ публикаціи, а къ духовенству обратилась чрезъ епископа. Епископъ Боровскій получилъ отношеніе генералъ-губернатора, приглашавшее его объявить приходскимъ ксендзамъ что въ случаѣ если они усмотрятъ необходимость введенія русскаго языка въ богослуженіе на мѣсто польскаго, то могутъ относиться за разрѣшеніемъ на то къ исправникамъ, губернаторамъ или же къ генералъ-губернатору. На это прелатъ отвѣчалъ что онъ не можетъ, вопреки укоренившимся церковнымъ порядкамъ, допустить вмѣшательство свѣтскихъ властей, каковы напримѣръ уѣздные исправники, въ его отношенія къ паствѣ и духовенству. Конечно, это былъ не болѣе какъ предлогъ, но предлогъ благовидный. Затѣмъ епископъ Боровскій приглашенъ былъ въ Кіевъ. Здѣсь на всѣ настоянія и краснорѣчивѣйшія убѣжденія, этотъ опытный дѣятель будто бы отвѣчалъ что не вѣритъ желанію правительства ввести русскій языкъ въ католическое богослуженіе, и что еслибы состоялось о томъ Высочайшее повелѣніе, то оно появилось бы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, единственномъ офиціальномъ органѣ правительства, какъ это неоднократно объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, а въ офиціальной газетѣ ни слова не сказано объ этой мѣрѣ. На томъ дѣло будто бы и кончилось, и епископъ Боровскій предъ праздникомъ Пасхи уѣхалъ изъ Кіева обратно въ Житоміръ.

А между тѣмъ, какъ мы узнаемъ изъ иностранныхъ газетъ, въ то самое время когда шли эти переговоры въ Кіевѣ, именно 22-го марта, епископъ Боровскій безъ вѣдома правительства обратился къ папѣ съ письмомъ, которое теперь появилось въ извѣстной польской газетѣ *Часъ*, издаваемой въ Краковѣ. Въ письмѣ этомъ онъ жалуется на преслѣдованіе которому католическая (онъ долженъ былъ бы сказать *польская*) вѣра подвергается со стороны русскаго правительства и протестуетъ противъ введенія русскаго языка, стараясь убѣдить папу что мѣра эта имѣетъ своею цѣлію искоренить римскій католицизмъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Мѣра, задуманная въ духѣ самой широкой терпимости, освобождающая русскій языкъ отъ фанатическаго запрета,—мѣра долженствовавшая положить конецъ смутамъ которымъ подвергается дѣло религіи, ставшее орудіемъ политическимъ, — мѣра направленная къ тому чтобъ отвести существующее въ Россіи римско-католическое учрежденіе на чисто-церковную почву и освободить его отъ примѣси національнаго политическаго элемента не имѣющаго ничего общаго съ его догматами, и тѣмъ прекратить всякій поводъ къ его столкновенію съ русскимъ государствомъ, выставлена, чрезъ прелата состоящаго въ русскомъ подданствѣ, какъ проявленіе церковнаго фанатизма. Еслибы русское правительство руководилось фанатизмомъ, то оно не прекращало бы, а напротивъ, усилило бы дѣйствія къ обращенію католическихъ населеній въ православіе, въ чемъ не властны были бы остановить его римскія протестаціи и въ чемъ остановилось оно только ради достоинства своей церкви. Еслибы дѣло шло только о томъ чтобы покончить съ католицизмомъ, то русское правительство имѣетъ къ тому могущественный способъ. Русскому правительству никто не воспретитъ вычеркнуть католицизмъ изъ своихъ законовъ и отказать его іерархіи въ гарантіи и пособіи...

Впрочемъ нельзя винить и римскую курію въ невѣрномъ взглядѣ на вещи. О дѣлахъ происходящихъ въ Россіи она знаетъ только отъ враждебной ей партіи. Истинные виды русскаго правительства остаются ей неизвѣстными, и та же самая интрига которая запутываетъ дѣла въ Петербургѣ, работаетъ и въ Римѣ.

№ 103.

Москва, 14-го мая.

Въ полученныхъ нами сегодня англійскихъ газетахъ находится изложеніе преній происходившихъ въ засѣданіи британ-

ской палаты общинъ 20-го мая по поводу запроса сдѣланнаго правительству сэръ-Раунделломъ Пальмеромъ касательно марафонскаго убійства. Заявленіе объ этомъ запросѣ было еще за недѣлю предъ тѣмъ, но по просьбѣ премьера онъ былъ отложенъ до 20-го мая въ ожиданіи болѣе полныхъ свѣдѣній.

Въ преніяхъ этихъ приняли участіе только три оратора: сэръ-Раунделлъ Пальмеръ, одинъ изъ юристовъ либеральной партіи; затѣмъ сэръ-Генри Бульверъ, бывшій англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, и наконецъ самъ глава кабинета, г. Гладстонъ.

По мнѣнію сэръ-Раунделла Пальмера, греческое правительство подлежитъ суду и слѣдствію за то что оно не употребило всевозможныхъ средствъ къ огражденію дипломатическихъ агентовъ облеченныхъ святостію посольскаго характера. Но дипломатическіе агенты, равно какъ и прочіе смертные, могутъ требовать только того чтобы правительство страны гдѣ они находятся обезпечивало ихъ безопасность въ предѣлахъ своей власти. Требовать же чтобы правительство обезпечивало людей отъ ихъ собственнаго неблагоразумія, отъ всякой случайности возможной вездѣ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, есть нелѣпость. Что въ Греціи водятся разбойники въ лѣсахъ и ущельяхъ, это всѣмъ извѣстно; это было извѣстно и несчастнымъ иностранцамъ ставшимъ ихъ жертвою. Кто же велѣлъ имъ пускаться въ разъѣзды по мѣстамъ небезопаснымъ? Что въ Греціи водятся разбойники, это не хорошо; но что разбойники или вообще злоумышленники, которые впрочемъ водятся во всякой странѣ, умертвили слишкомъ отважныхъ туристовъ, за это можетъ ли отвѣчать правительство страны? Разбойники потому и разбойники что не повинуются законамъ и не подчиняются правительству. Ихъ надобно преслѣдовать, это правда, и греческое правительство обязано всѣми способами положить конецъ этой язвѣ; но пока разбойники не переловлены, какъ можетъ ручаться за нихъ правительство? Зачѣмъ, спрашиваетъ британскій юристъ,— зачѣмъ греческое правительство не даровало разбойникамъ амнистіи для избавленія плѣнныхъ? Пусть возбраняется это основными законами страны: правительство должно было перешагнуть черезъ нихъ. Никакой муниципальный законъ, никакое спеціальное учрежденіе этой націи не можетъ быть приведено въ извиненіе, такъ восклицалъ либеральный законникъ въ британскомъ парламентѣ. Сэръ-Раунделлъ ссылается на авторитетъ Ваттеля, но въ вопросахъ международнаго права каждый самъ судья въ собственномъ дѣлѣ. Здѣсь нѣтъ такого авторитета какъ судъ облеченный властью примѣнять законъ и карать. А потому пока въ Европѣ не имѣется общаго всѣми признаваемаго ареопага для разбора международныхъ дѣлъ, мы полагаемъ будетъ безопаснѣе и гораздо согласнѣе съ справедливостью если каждое сильное государство поставитъ себѣ правиломъ не требовать отъ слабыхъ того чего оно не посмѣетъ потребовать отъ другаго сильнаго государства, не имѣя намѣренія вступать съ нимъ въ войну.

Что греческое правительство было до послѣдней возможности уступчиво по отношенію къ разбойникамъ, объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и донесеніе контръ-адмирала Бутакова, помѣщаемое въ извлеченіи ниже. Греческое правительство соглашалось выпустить разбойниковъ изъ страны, дозволяя имъ выѣхать на англійской канонеркѣ, но они этимъ не удовольствовались и требовали амнистіи. О невозможности даровать амнистію разбойникамъ для освобожденія попавшихъ имъ въ руки иностранцевъ мы говорили недавно въ статьѣ нашей по поводу этого событія. Не должно забывать что въ греческую конституцію 1864 года, одобренную тремя державами-покровительницами, статья запрещающая дарованіе амнистіи преступникамъ была включена именно въ виду разбойниковъ, такъ какъ утверждали будто этою уловкой часто пользовались политическіе агитаторы для своихъ личныхъ цѣлей. На дняхъ аѳинскій корреспондентъ *Times*, разсказывая извѣстныя подробности прискорбнаго приключенія, писалъ что почти въ одно время съ захватомъ иностранцевъ шайкой Арванитаки, другая разбойничья шайка захватила одного греческаго купца, и нѣтъ сомнѣнія что и она угрозой смерти своего плѣнника стала бы требовать амнистіи еслибы ее даровали первой шайкѣ.

Противъ остальной части рѣчи сэръ-Раунделла Пальмера мы не станемъ возражать. Онъ въ подробности разбираетъ всѣ дѣйствія греческаго министерства во время переговоровъ съ разбойниками, и

возмущается тѣмъ фактомъ что разбойники безпрепятственно сносились съ какими-то таинственными вліятельными лицами, отъ которыхъ получили поощреніе въ своихъ безмѣрныхъ требованіяхъ, а также съ какими-то неизвѣстными законниками. Онъ негодуетъ на опрометчивость и поспѣшность греческаго правительства въ движеніи войскъ окружившихъ разбойниковъ, и на неловкость его агента, подполковника Ѳеагени, который вмѣсто примирительнаго образа дѣйствій только раздражалъ-де разбойниковъ увидавшихъ что они попали въ ловушку. Пускаться въ сужденіе обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, на основаніи обвинительнаго акта составленнаго однимъ членомъ британской палаты общинъ, мы считаемъ излишнимъ.

Другой ораторъ, принявшій участіе въ преніяхъ, сэръ-Генри Бульверъ, не касался юридической стороны вопроса, но старался главнымъ образомъ поставить на видъ что греческое правительство оказалось неспособнымъ исполнять самыя обыкновенныя условія цивилизованнаго государства, оговорившись однако что онъ не желаетъ смѣшивать греческихъ политиковъ съ греческою націей. Онъ также рѣзко порицалъ подполковника Ѳеагени за его неумѣлыя распоряженія, и осыпая укоризнами всѣхъ греческихъ политиковъ, предложилъ палатѣ опорочить образъ дѣйствій греческаго правительства и предоставить британскому правительству примѣнить силу этого порицанія въ той мѣрѣ какъ оно найдетъ нужнымъ, а также предоставить ему войти въ сношенія съ другими державами-покровительницами, дабы придумать какой-либо планъ для исправленія ошибокъ прежней политики.

Отклонивъ странное предложеніе дѣлать парламентскій выговоръ иностранному правительству, глава кабинета объяснилъ что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ долженъ выражаться съ большою сдержанностію, ибо многіе факты, особенно обстоятельства послѣдовавшія за плѣномъ туристовъ, такъ же какъ переговоры разбойниковъ съ ихъ друзьями въ Аѳинахъ, еще весьма смутно извѣстны. „Событіе которое для насъ было печальною и возмутительною трагедіей," сказалъ за тѣмъ глава британскаго правительства, „будетъ повидимому также великимъ событіемъ въ исторіи Греціи. Оно должно повести къ такому раскрытію обстоятельствъ находящихся въ связи съ положеніемъ страны для какого не представлялось еще ни разу подобнаго случая...." Слова эти звучатъ загадочно, и надобно предоставить времени разъяснить ихъ смыслъ.

Г. Гладстонъ извѣстилъ палату что еще нѣсколько недѣль должны пройти прежде чѣмъ британское правительство получитъ полныя свѣдѣнія о фактахъ, и тогда оно будетъ обязано рѣшиться на образъ дѣйствій не только какъ обиженная сторона, но и какъ одна изъ трехъ державъ-покровительницъ Греціи. Желательно было бы видѣть въ словахъ г. Гладстона ручательство что его кабинетъ не дозволитъ увлечь себя запальчивыми требованіями нѣкоторыхъ политиковъ парламента и печати.

Пусть строгое слѣдствіе обнаружитъ всѣ подробности дѣла, и виновные кто бы они ни были подвергнутся соотвѣтственной карѣ; и Англія и Италія въ правѣ требовать строгаго наказанія виновныхъ, но не имѣютъ права судить націю и ея правительство. Англія есть одна изъ державъ покровительницъ Греціи; но это не значитъ чтобъ Англія имѣла власть надъ Греціей, чтобы британскій парламентъ имѣлъ право входить въ подробности ея управленія, такъ какъ будто бы дѣло шло объ Индіи, подвластной скипетру королевы Викторіи. Какъ держава-покровительница, Англія можетъ предлагать Греціи совѣты для ея блага, но не отъ себя и не одна, а купно съ другими двумя державами, также покровительницами Греціи, и отъ общаго имени.

Англійскія газеты, между прочимъ, согласно съ сэръ-Генри Бульверомъ, выражаютъ увѣренность что Россія и Франція не преминутъ радушно отозваться на откровенное обращеніе къ нимъ англійскаго правительства. Такъ какъ Греція находится подъ покровительствомъ трехъ державъ, то переговоры между ними о всякихъ мѣрахъ ведущихъ къ ея благоустройству возможны, но нельзя ожидать чтобъ эти приговоры приняли видъ суда надъ Греціей за убіеніе разбойниками четырехъ иностранныхъ туристовъ.

Англійскія газеты попрекаютъ Грецію великодушіемъ съ какимъ Англія уступила ей Іоническіе острова. Но безплодный протекторатъ надъ этими островами былъ Англіи только въ тягость, и отказавшись отъ него она только облегчила себя. Что же? Не хочетъ ли Англія явить теперь

новый актъ великодушія? Она вывела изъ Корфу своего лорда-коммиссара: не хочетъ ли она теперь, также для блага Греціи, посадить своего коммиссара въ Аѳинахъ?

№ 104.

Москва, 15-го мая.

Недавно предполагалось подчинить мировыхъ посредниковъ губернской администраціи, и обратить ихъ въ окружныхъ чиновниковъ завѣдующихъ крестьянскимъ управленіемъ. Предположеніе это не состоялось; въ законодательномъ порядкѣ было указано на необходимость полнаго упраздненія должности посредниковъ, что по обстоятельствамъ равносильно передачѣ порученныхъ имъ дѣлъ другимъ учрежденіямъ.

Нельзя еще разъ не привѣтствовать этого рѣшенія, особенно въ виду доходящихъ до насъ извѣстій о тѣхъ результатахъ къ которымъ приводитъ подчиненіе мировыхъ посредниковъ губернской администраціи въ западномъ краѣ.

Гродненскія Губернскія Вѣдомости принесли намъ циркуляръ Виленскаго генералъ-губернатора, изданный 18-го февраля текущаго года, то-есть наканунѣ извѣстнаго виленскаго крестьянскаго обѣда, на который иныя петербургскія газеты указывали какъ на признакъ поворота въ ходѣ дѣлъ виленскаго управленія. Мы узнаемъ изъ упомянутаго циркуляра что генералъ-губернаторъ, въ своихъ объѣздахъ края, совершившихся впрочемъ за два года до циркуляра, „замѣтилъ что мировые посредники, за весьма немногими исключеніями, въ дѣйствіяхъ своихъ уклоняются отъ порядка установленнаго Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о „губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, и при постановленіи, объявленіи и исполненіи своихъ рѣшеній не соблюдаютъ даже и тѣхъ „немногихъ формальностей, которыя, на „основаніи Положенія 19-го февраля, признаны необходимыми при мировомъ разбирательствѣ.“ Поэтому генералъ-губернаторъ предписалъ посредникамъ въ точности исполнять помянутое Положеніе.

Предписаніе это состоитъ впрочемъ не только въ указаніи на Положеніе, но и въ разъясненіи самыхъ принциповъ учрежденія посредниковъ.

Въ Вильнѣ, какъ извѣстно, не разъ заявлено было что графъ Муравьевъ и его преемникъ неправильно понимали самое значеніе мѣстныхъ мировыхъ учрежденій, и что они призывали посредниковъ „къ политической дѣятельности и водворенію русскихъ началъ“ (см. стр. 9 виленскаго крестьянскаго проекта). Заявлялась необходимость назначить посредникамъ ограниченное мѣсто и кругъ дѣйствій. Тогда они не смѣли бы помышлять о водвореніи русскихъ началъ, или внушать крестьянамъ преданность русскому отечеству и довѣріе къ русскому правительству, и вообще противодѣйствовать ухищреніямъ и агитаціи польской партіи, ибо дѣйствовать такъ значило бы предаваться „политической“ дѣятельности.

Къ сожалѣнію, высшимъ правительственнымъ инстанціямъ не было повода высказаться о степени вѣрности взглядовъ виленской администраціи на назначеніе мировыхъ учрежденій. Иначе, нѣтъ, сомнѣнія, ошибочность ея воззрѣній на мировыя учрежденія была бы разъяснена также удовлетворительно, какъ и вопросъ о неправильности остальныхъ частей виленскаго проекта.

Виленская администрація, объясняя цѣль учрежденія посредниковъ, не беретъ въ соображеніе тѣхъ законодательныхъ трудовъ, изъ которыхъ выработались эти учрежденія. А между тѣмъ въ этихъ трудахъ высказываются принципы учрежденій подлежащихъ вопросу.

Такъ при учрежденіи должности посредниковъ, еще когда не было въ виду теперешнихъ обстоятельствъ западнаго края, все-таки сознавалось что должность эта можетъ получить политическое значеніе. Вотъ что мы читаемъ въ запискѣ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ:

„Учрежденія для разбора дѣлъ между крестьянами и помѣщиками имѣютъ значеніе спеціальное для двухъ только сословій и притомъ назначеніе частію только судебное, частію же административное, и даже, если можно такъ выразить *политическое* *), то-есть имѣющее главною цѣлію: сохраненіе порядка и обезпеченіе правильнаго и успѣшнаго хода крестьянскаго дѣла. Существованіе этихъ особыхъ учрежденій вызывается особыми обстоятельствами и

*) *Курсивъ подлинника.*

требуетъ особыхъ основаній." (Мат. Ред. Комм. т. IX стр. 33.)

Правильно ли поступили графъ Муравьевъ и генералъ-адъютантъ Кауфманъ давъ нѣкоторую политическую роль посредникамъ въ западномъ краѣ, послѣ того что произошло тамъ и въ виду тѣхъ задачъ которыя поставлены Высочайшею волею? Если даже при обыкновенныхъ обстоятельствахъ внутри Россіи признавалось необходимымъ дать особыя основанія для должности посредниковъ, то возможно ли смотрѣть на мировыхъ посредниковъ западнаго края какъ на простыхъ чиновниковъ, вся забота которыхъ должна состоять лишь въ механическомъ исполненіи такихъ-то статей Положенія? Возможно ли это наконецъ въ виду того что Положеніе о губернскихъ мировыхъ учрежденіяхъ ограничивается опредѣленіемъ лишь въ общихъ чертахъ дѣятельности посредника, предоставляя подробности исполненія его личной инціативѣ?

„*Главною цѣлію* мироваго разбирательства, по самому его характеру", говоритъ генералъ-губернаторъ, „есть окончаніе всѣхъ споровъ, жалобъ и недоразумѣній путемъ соглашенія спорящихъ сторонъ и примиренія ихъ (ст. 54)." Но въ ст. 54, на которую ссылается циркуляръ, не находится ничего подобнаго. Эта статья говоритъ не о *цѣли* мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, а о *средствахъ* къ успѣшному веденію разбирательствъ. Въ числѣ *средствъ* или *способовъ* дѣйствительно указывается прежде всего примиреніе сторонъ, но не оно одно, а также и третейское разбирательство. Въ статьѣ 54-й мы читаемъ:

„По предварительномъ объясненіи съ „обѣими сторонами, мировой посредникъ „предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ „или окончить споръ третейскимъ разбирательствомъ" и пр.

Главная цѣль дѣйствій посредника и не могла состоять, въ примѣненіи того или другаго способа разбирательства во что бы то ни стало Цѣль учрежденія посредниковъ заключается въ сохраненіи порядка и *обезпеченіи правильнаго и успѣшнаго хода крестьянскаго дѣла*. Законъ предоставляетъ посреднику избирать тотъ или другой способъ окончанія дѣлъ: полюбовнымъ ли соглашеніемъ, миромъ ли, третейскимъ ли судомъ. И почему именно въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ необходимо предпочитать соглашеніе сторонъ, а не третейскій судъ? Или Русское государство болѣе нуждается въ соглашеніяхъ русскихъ крестьянъ съ *польскими* панами чѣмъ съ русскими помѣщиками? Безспорно, вездѣ очень пріятно если дѣла кончаются соглашеніями, но цѣль дѣятельности посредниковъ заключается не въ нихъ, а въ „правильномъ и успѣшномъ ходѣ крестьянскаго дѣла." Правда, въ Вильнѣ года полтора тому назадъ выражались еще яснѣе: прямо предписывали посредникамъ устанавливать „въ земледѣльческомъ населеніи болѣе прочныя и основанныя на взаимномъ довѣріи (крестьянъ и пановъ) отношенія." (См. циркуляръ 11-го октября 1868 года.)

Новый циркуляръ говоритъ еще о порядкѣ исполненія рѣшеній посредника. Извѣстно сколько разъ правительство высказывалось о необходимости взаимной поддержки между мѣстными мировыми и административными властями. Это выговорено прямо и въ Положеніяхъ 19-го февраля. Законъ гласитъ тамъ что мировой посредникъ „приводитъ въ исполненіе свое „рѣшеніе или самъ *при содѣйствіи* сельскаго или волостнаго начальства и *мѣстной полиціи*, или поручаетъ исполненіе, смотря по роду дѣлъ, означеннымъ „начальствамъ."

Все это измѣняется виленскимъ циркуляромъ. У посредника отнимается свобода судить о томъ какія дѣйствія онъ долженъ исполнить самъ, хотя бы при содѣйствіи полиціи, и какія слѣдуетъ ему передать къ исполненію полицейскимъ или крестьянскимъ властямъ. Посредникамъ запрещается появляться въ панскую усадьбу для исполненія рѣшенія *при содѣйствіи* полиціи. Въ Вильнѣ полагаютъ что исполненію посредникомъ надо оставить лишь тѣ случаи въ которыхъ требуется неотложное дѣйствіе или тѣ которые по закону не могутъ быть исполнены никѣмъ кромѣ посредника. Мы читаемъ:

Мировой посредникъ обязанъ приводить въ исполненіе свое рѣшеніе самъ, при содѣйствіи сельскаго или волостнаго начальства или полиціи: а) если присутствіе его, при исполненіи рѣшенія, необходимо по свойству дѣла, какъ напримѣръ въ случаѣ означенія границъ при поземельныхъ спорахъ; б) когда исполненіе рѣшеній не можетъ быть отложено, напримѣръ при рѣшеніи споровъ о принадлежности вырос-

наго хлѣба, во время его уборки съ полей, и в) въ тѣхъ случаяхъ когда быстрое исполненіе рѣшеній необходимо для нравственнаго его вліянія, напр. при удаленіи, на основаніи ст. 57, изъ присутствія, во время разбора, нарушителей порядка и распоряженій клонящихся къ прекращенію или предупрежденію какого-либо незаконнаго дѣйствія.

Мировой посредникъ поручаетъ исполненіе рѣшенія сельскому и волостному начальству *во всѣхъ случаяхъ*, когда рѣшеніе относится до крестьянъ вообще. Изъ этого правила *допускается* исключеніе, если, по мнѣнію посредника, можно ожидать неповиновенія сельскимъ властямъ и если рѣшеніе относится до крестьянъ проживающихъ внѣ предѣловъ уѣзда.

И наконецъ исполненіе рѣшенія поручается полиціи *во всѣхъ случаяхъ* когда оно касается лицъ неподчиненныхъ непосредственно крестьянскому управленію, и когда, со стороны этихъ лицъ, не послѣдуетъ добровольнаго исполненія рѣшенія, къ назначенному по ст. 79 сроку; полиціи же поручаются всѣ взысканія возложенныя на нее по смыслу самаго положенія, напр. взысканіе недоимокъ по ст. 91.

Это значитъ что способъ личнаго исполненія рѣшеній посредникомъ, при содѣйствіи полиціи, вычеркивается изъ закона!

Въ законѣ нѣтъ также предписанія передавать непремѣнно сельскому начальству исполненіе по дѣламъ касающимся крестьянъ и нѣтъ предписанія о непремѣнной передачѣ въ полицію исполненія рѣшеній касающихся не крестьянъ. Да и быть не могло ничего подобнаго. Сельскому начальству подчинены кромѣ крестьянъ разныя „состоянія," напримѣръ однодворцы и вообще люди приписанные къ волостямъ. Законъ даетъ посредникамъ право не только дѣйствовать лично при содѣйствіи полиціи, но и во всякомъ случаѣ, кому бы онъ ни передавалъ исполненіе самыхъ рѣшеній, дѣлать распоряженія касательно ихъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Статья 81 Положенія говоритъ:

„Во всякомъ случаѣ, мировой посредникъ наблюдаетъ чтобы *сдѣланныя имъ распоряженія по исполненію рѣшеній* были приводимы въ дѣйствіе съ тою скоростію какую допускаетъ свойство дѣла."

Эти права начисто отнимаются виленскимъ циркуляромъ. Посредникъ не только не можетъ, какъ мы видѣли, исполнить рѣшеніе при содѣйствіи полиціи, но ему запрещается также дѣлать какія-либо „распоряженія по исполненію рѣшеній" передаваемыхъ полиціи. Всякое такое распоряженіе, и даже офиціальное указаніе объявляется „незаконнымъ вмѣшательствомъ посредника въ дѣла и обязанности полиціи." Вотъ что объявляетъ виленскій циркуляръ:

Вообще мировой посредникъ не приводитъ самъ въ исполненіе такихъ рѣшеній которыя требуютъ побудительныхъ полицейскихъ мѣръ и пріемовъ, исполненіе которыхъ несогласно съ духомъ обязанности мироваго посредника. Съ передачею же исполненія рѣшенія полиціи оканчивается дѣйствіе мироваго посредника относительно способа и средствъ принимаемыхъ полиціею. Всякое въ этомъ отношеніи офиціальное указаніе полиціи будетъ уже прямымъ незаконнымъ вмѣшательствомъ посредника въ дѣла и обязанности полиціи.

Этого мало. Ставя мировыя учрежденія на особыя основанія и ограждая ихъ отъ опасности превратиться въ бюрократическія установленія, Положеніе 19-го февраля говоритъ что обо всѣхъ дѣлахъ производимыхъ у посредника должно быть записываемо или въ особый по каждому дѣлу журналъ, или въ особыя по родамъ дѣлъ тетради, или въ одну общую книгу, „смотря по тому какая изъ этихъ формъ „будетъ признана наиболѣе удобною самимъ мировымъ посредникомъ" (ст. 69). Виленскій генералъ-губернаторъ замѣчаетъ что многіе посредники до сихъ поръ не избрали формы дѣлопроизводства, указываетъ на формы выработанныя мировыми учрежденіями Минской губерніи въ 1866 году и разсылаетъ эти формы по губернскимъ присутствіямъ.

Замѣчательно то обстоятельство что эти формы, какъ и значится въ нихъ, составлены были „въ осуществленіе нравственнаго контроля мировыхъ съѣздовъ надъ „дѣйствіями мировыхъ посредниковъ, необходимость котораго указана въ циркулярѣ главнаго начальника края отъ 13-го „февраля 1865 года." Этотъ контроль, эти самосуды посредниковъ еще недавно объявлялись въ Вильнѣ необычайнымъ превышеніемъ власти со стороны графа Муравьева.

Гродненское губернское присутствіе не нашло однако достаточными минскія фор-

мы. Оно составило новыя формы книгъ и журналовъ. Взглядъ присутствія выражается между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ:

Составленіемъ особаго, по каждому дѣлу, журнала, неудобства устраняются и всѣ послѣдующія справки облегчаются, такъ какъ журналъ подшивается къ дѣлу, которое такимъ образомъ составляетъ нѣчто цѣлое и оконченное, чего, при составленіи рѣшенія по книгѣ рѣшеній, не можетъ быть и притомъ способѣ дѣлопроизводства, всякое оконченное дѣло представляетъ нѣчто нецѣлое разрозненное.

Этотъ взглядъ даже утрируется. Присутствіе рекомендуетъ посредникамъ заносить въ журналъ „росписки сторонъ и свидѣ-„телей въ сдѣланныхъ показаніяхъ,“ да еще „съ поясненіемъ, что при прочтеніи „изложенія дѣла присутствующіе нашли „таковое правильнымъ и не сочли нужнымъ „что-либо добавить.“

Такимъ образомъ въ мировыя учрежденія вводятся настоящіе бюрократическіе порядки, журналъ по каждому дѣлу и почти вполнѣ письменное производство. А между тѣмъ законъ гласитъ что разбирательство посредниковъ должно быть словесное и дѣлаетъ удареніе на это слово, которое въ текстѣ закона напечатано курсивомъ. Говоря о журналахъ и тетрадяхъ, Положеніе разумѣетъ собственно записку рѣшеній. Это ясно изъ конца статьи, въ которой говорится о нихъ, — именно послѣ словъ о журналахъ и книгахъ читаемъ въ той же 69 ст. Положенія:

„*Рѣшенія* записываются возможно кратко и немедленно по постановленіи ихъ. „*Рѣшенія* подлежащія обжалованію записываются съ подробностями которыя необходимы для разъясненія спора и рѣшенія.“

Всѣмъ извѣстны результаты къ которымъ привели стѣсненія мировыхъ посредниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. По всѣмъ извѣстіямъ, довѣріе крестьянъ къ русскимъ законамъ поколеблено глубоко. Свидѣтельство о полномъ недовѣріи крестьянъ къ нынѣшнимъ посредникамъ было лебединою пѣснью самой *Вѣсти*. Такія ли извѣстія получались изъ сѣверо-западнаго края нѣсколько лѣтъ тому назадъ когда посредники были въ иномъ положеніи? Кто бы повѣрилъ тогда что довѣріе тамошнихъ крестьянъ къ правительству будетъ подорвано?

Внутри Россіи главная цѣль мировыхъ учрежденій, сохраненіе порядка и правильный, успѣшный ходъ реформы, были достигнуты. Факты сѣверо-западнаго края показываютъ къ какимъ результатамъ пришли бы у насъ дѣла, еслибъ осуществился проектъ превращенія посредниковъ въ окружныхъ чиновниковъ.

№ 105.

Москва, 15-го мая.

Въ полученныхъ нами на дняхъ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 34, отъ 9-го мая) мы наткнулись на странный случай: подъ обычною рубрикой „распоряженія губернскаго начальства,“ гдѣ по большей части печатаются внушенія становымъ приставамъ и исправникамъ о надзорѣ за платежемъ податей, о неупустительномъ взысканіи недоимокъ и т. п., оказались на этотъ разъ „циркуляры предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей Петрозаводско-Повѣнецкаго округа гг. мировымъ судьямъ,“ за подписью „тайнаго совѣтника Арсеньева.“ Дѣло въ томъ что тайный совѣтникъ Арсеньевъ, состоящій олонецкимъ губернаторомъ, на послѣднихъ выборахъ Петрозаводскаго уѣзда избранъ въ почетные мировые судьи, и затѣмъ предсѣдателемъ съѣзда, и вотъ теперь, благодаря такому совпаденію двухъ должностей въ одномъ лицѣ, „циркуляры“ къ мировымъ судьямъ помѣщаются въ отдѣлѣ „распоряженій губернскаго начальства.“

Дѣло, впрочемъ, не въ томъ въ какомъ именно отдѣлѣ *Губернскихъ Вѣдомостей* напечатаны эти „циркуляры.“ Вопросъ въ томъ, предоставлено ли предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ обращаться къ судьямъ мироваго округа съ циркулярными распоряженіями, относящимися, какъ сказано въ одномъ изъ циркуляровъ предсѣдателя Петрозаводскаго съѣзда, до нарушенія ими „существеннѣйшихъ началъ судопроизводства“ и выставляющими необходимость неуклонно исполнять законоположенія 20-го ноября 1864?“. Въ одномъ изъ циркуляровъ, напримѣръ, заявлено что „1) нѣ-„которыми мировыми судьями, вопреки пря-„мому указанію статей 129 и 130 Уст. угол. „суд., не составляются приговоры въ окон-„чательной формѣ не только въ установ-„ленный закономъ срокъ, но и совсѣмъ не

„составляются; 2) въ приговорахъ мировыхъ судей недостаточно выясняются обстоятельства принимаемыя ими въ основаніе рѣшеній, а также не обозначаются „и статьи закона, на основаніи которыхъ „дѣла ими рѣшаются; 3) что гг. мировые „судьи принимаютъ къ своему разбирательству дѣла, не подсудныя мировымъ учрежденіямъ, и 4) что гг. судьями своевременно не сообщаются тяжущимся копіи „съ апелляціонныхъ жалобъ противниковъ.“ Всѣ эти „нарушенія,“ сказано далѣе, „влекутъ за собою отмѣну приговоровъ,“ и потому гг. судьямъ поручается имѣть это въ виду при постановленіи таковыхъ.

Спора нѣтъ, нарушенія эти болѣе или менѣе существенны, и приговоры въ коихъ они допущены подлежатъ кассаціи въ общемъ собраніи мироваго съѣзда. Въ правѣ ли, однако, предсѣдатель съѣзда напоминать „циркулярами“ мировымъ судьямъ о точномъ соблюденіи ими закона, подъ страхомъ отмѣны ихъ приговоровъ? На это въ законѣ не имѣется ни малѣйшаго указанія.

Статья 64 Учрежд. Суд. Устан. говоритъ что „непосредственный надзоръ“ за мировыми судьями принадлежитъ мировому съѣзду ихъ округа, имъ же, согласно ст. 272, „возбуждается“ дисциплинарное относительно судей производство, которое затѣмъ поступаетъ въ судебную палату; наконецъ, по ст. 72, мировымъ судьямъ своего округа съѣзды „даютъ „предписанія;“ а отъ нихъ получаютъ „представленія.“ Понятно что и „надзоръ,“ и „возбужденіе“ дисциплинарнаго производства, и „предписаніе“ относятся вовсе не къ нарушеніямъ въ родѣ указанныхъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ разумѣлъ внѣшнюю, такъ сказать административную сторону мироваго института, не касаясь юридической сущности подвѣдомыхъ ему дѣлъ. Слово „надзоръ“ имѣетъ въ этомъ случаѣ такой же смыслъ какой оно имѣетъ, по разъясненію кассаціоннаго департамента въ ст. 249, то-есть надзоръ этотъ относится лишь до „теченія дѣлъ,“ но не уполномочиваетъ съѣзда вмѣшиваться въ производство тѣхъ изъ нихъ которыя не поступили къ нему въ порядкѣ уставами опредѣленномъ. Тѣмъ менѣе съѣзду предоставлено циркулярно обращаться къ мировымъ судьямъ и дѣлать имъ внушенія насчетъ тѣхъ или другихъ „упущеній“ въ ихъ приговорахъ. Да ему и нѣтъ надобности наставлять своихъ членовъ въ познаніи законовъ окольнымъ путемъ циркуляровъ, такъ какъ судьи округа, къ коимъ циркуляры эти могли бы относиться, въ періодическихъ его собраніяхъ всѣ большею частью находятся на лицо, и тутъ же узнаютъ о рѣшеніяхъ коллегіи въ коей сами участвуютъ. И если судьи въ своихъ приговорахъ отступаютъ отъ „существенныхъ началъ судопроизводства,“ то съѣзду остается только кассировать эти приговоры. Лучшею же школой для ознакомленія съ означенными началами и для усвоенія ихъ смысла служитъ мировымъ судьямъ участіе въ занятіяхъ съѣзда, и происходящій при этомъ обмѣнъ мыслей и взглядовъ, но никакъ не форма письменныхъ циркуляровъ разсылаемыхъ членами съѣзда къ самимъ же себѣ.

Надобно, конечно, желать чтобы мировые съѣзды были живыми корпораціями, которыя зорко слѣдятъ за каждымъ изъ своихъ членовъ, не оставляя безъ вниманія никакого упущенія въ отправленіи судьями своей должности. Если судья, напримѣръ, запускаетъ дѣла, небреженъ въ обращеніи съ публикой, поздно открываетъ камеру и т. п., то товарищи должны бы ставить ему это на видъ, хотя бы еще и не было полнаго основанія къ возбужденію дисциплинарнаго производства. Корпорація должна сознавать себя нравственною личностью которая наблюдаетъ надъ собою и обладаетъ силой самоисправленія. Циркуляры же общаго содержанія отъ коллегіи къ самой же себѣ не имѣли бы смысла.

Но если съѣзду нѣтъ ни основанія, ни смысла издавать циркуляры для судей изъ которыхъ онъ самъ состоитъ, то предсѣдатель съѣзда единолично не имѣетъ никакого права указывать мировымъ судьямъ на неправильности въ ихъ рѣшеніяхъ, уклоненія ихъ отъ закона. Предсѣдатель мироваго съѣзда, какъ и предсѣдатели и первоприсутствующіе общихъ судебныхъ мѣстъ, сверхъ участія въ рѣшеніи дѣлъ, имѣетъ наблюденіе за „скоростью и правильностью“ дѣлопроизводства, и подъ его „непосредственнымъ надзоромъ,“ какъ значится въ ст. 260, состоитъ канцелярія судебнаго мѣста. Дѣлать же замѣчанія судьямъ, предостерегать и поучать ихъ, не въ его власти.

Подъ тою же рубрикой „распоряженій губернскаго начальства“ *Олонецкія Вѣдо-*

мости приводятъ еще одинъ циркуляръ „предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей.“ Циркуляръ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи что хотя онъ также имѣетъ цѣлію обратить вниманіе гг. судей на неисполненіе ими закона, но самъ неправильно толкуетъ его. „До свѣдѣнія съѣзда дошло,“ сказано въ циркулярѣ, что нѣкоторые судьи принимаютъ къ засвидѣтельствованію нотаріальные и другіе акты; „а между тѣмъ,“ говоритъ далѣе циркуляръ, „согласно примѣчанію къ п. 3 ст. 712 „1 ч. X т. по прод. 1868 года, по закрытіи мѣстныхъ установленій крѣпостныхъ „дѣлъ, исполненіе ихъ обязанностей въ „тѣхъ городахъ гдѣ нѣтъ ни нотаріусовъ, „ни маклеровъ... возлагается не на мировыхъ судей, а на мѣстныя уѣздныя полицейскія управленія.“ Но въ статьѣ 2 Положенія о нотаріальной части сказано напротивъ что „въ тѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, посадахъ и селеніяхъ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ, засвидѣтельствованіе явки актовъ предоставляется мировымъ судьямъ.“ То же постановлено и статьею 4 Правилъ о введеніи Положенія въ дѣйствіе. Статья же, на которую ссылается циркуляръ, относится къ тѣмъ мѣстностямъ гдѣ мировыхъ учрежденій не имѣется, и гдѣ лишь поэтому нотаріальныя обязанности возлагаются на полицейскія управленія.

До сихъ поръ, сколько извѣстно, еще не было примѣра чтобы какой-либо мировой съѣздъ или предсѣдатель онаго издавалъ по мировому округу особые циркуляры. Появленіе изложенныхъ выше двухъ циркуляровъ объясняется, какъ надо полагать, случайнымъ совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ власти губернаторской со званіемъ предсѣдателя мироваго съѣзда. Достойно вниманія то что губернаторъ на первыхъ же порахъ своей судебной дѣятельности переноситъ сюда навыки и порядки административныхъ вѣдомствъ рѣшительно не согласующіеся со сферой судебною.

№ 106.

Москва, 18-го мая.

Послѣ преній о Мараѳонскомъ убійствѣ въ британской палатѣ общинъ 20-го мая (см. № 103 нашей газеты), объ этомъ же предметѣ былъ разговоръ въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 28-го мая. Мы не видимъ, однако, чтобъ и въ этомъ высокомъ собраніи вопросъ былъ поставленъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Лордъ Карнарвонъ (родственникъ покойнаго г. Герберта, секретаря англійской миссіи) сдѣлалъ запросъ правительству какія мѣры оно намѣрено принять для полученія возмездія за убійство англійскихъ подданныхъ въ Греціи „при обстоятельствахъ налагающихъ тяжкое подозрѣніе на греческое правительство и нѣкоторыя другія лица этой страны, „какъ правительственныя, такъ и частныя,“ а въ своей рѣчи онъ высказалъ заключеніе что греческое правительство виновно въ величайшемъ нерадѣніи или даже въ преступномъ умыслѣ. Такого рода заявленія считаются въ англійскихъ палатахъ „замѣчательно спокойными и безпристрастными.“ Статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, отвѣчалъ также уклончиво какъ и г. Гладстонъ въ нижней палатѣ, говоря о необходимости отложить окончательное заключеніе до полнаго изслѣдованія дѣла. Но при всей осторожности его заявленія, онъ также былъ придирчивъ къ греческой націи, оправдывая свое настойчивое требованіе амнистіи разбойниковъ и слѣдовательно нарушеніе конституціи 1864 года, утвержденной самими же покровительствующими державами.

На англійскій кабинетъ падетъ отвѣтственность за направленіе какое оно захочетъ дать послѣдствіямъ прискорбнаго событія. Вліятельнѣйшіе члены его, первый министръ и статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, заявили въ обѣихъ палатахъ что лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль вполнѣ разъяснятся обстоятельства дѣла; но оба министра, весьма осторожно оберегаясь указаній въ какомъ смыслѣ предполагается дѣйствовать на Грецію для полученія отъ нея удовлетворенія, выразили однако убѣжденіе что обѣ другія державы-покровительницы не откажутся содѣйствовать Англіи къ утвержденію „честнаго правительства“ въ Греціи.

Мы повторяемъ что на британскихъ либеральныхъ министровъ, которые не далѣе какъ два мѣсяца тому назадъ принуждены были просить у парламента спеціальныхъ мѣръ для огражденія безопасности въ Ирландіи, ляжетъ тяжкая отвѣтственность, если они рѣшатся обратиться къ греческому правительству съ

такими представленіями которыя были бы немыслимы въ отношеніи, напримѣръ, ко Франціи или къ Соединеннымъ Штатамъ, или если они будутъ пытаться придать печальному случаю характеръ европейскаго вопроса о независимомъ существованіи небольшаго Греческаго королевства; ибо въ сущности объ этомъ идетъ рѣчь когда дѣлаются намеки на измѣненіе основныхъ учрежденій страны въ угоду сэръ-Раунделлу Пальмеру, сэръ-Генри Бульверу и другимъ либеральнымъ англійскимъ политикамъ.

Г. Гладстонъ въ своемъ заявленіи въ палатѣ общинъ, упомянулъ что дипломатическое дѣйствіе Англіи, когда все дѣло будетъ раскрыто, должно принять двоякій характеръ; въ качествѣ обиженной стороны и въ качествѣ державы-покровительницы. Какъ обиженная сторона Англія имѣетъ право на удовлетвореніе, а качество покровительствующей державы не только даетъ нѣкоторыя права, но налагаетъ извѣстныя обязанности.

Лордъ Карнарвонъ высокомѣрно спрашиваетъ что Англія сдѣлала для Греціи и что, съ другой стороны сдѣлала Греція для Англіи въ случаяхъ которые ея касались, и отвѣчаетъ что Греція за всѣ благодѣянія Англіи отплатила-де тѣмъ что опозорила ея покровительство. Но поставивъ вопросъ, британскій лордъ далъ на него невѣрный отвѣтъ. Пора перестать кстати и не кстати попрекать Грецію тѣмъ что она обязана своею независимостію покровительствующимъ державамъ. Это и не великодушно, и невѣрно. Своимъ освобожденіемъ отъ турецкаго ига Греція прежде всего обязана доблести своихъ сыновъ. Правда, Европа сочувствовала возстанію Грековъ и утвердила независимость ихъ родины своимъ признаніемъ и протекторатомъ трехъ державъ. Но кто вздумаетъ ставить себѣ въ особенную заслугу сочувствіе правому дѣлу? Да и какъ знать въ чьемъ интересѣ болѣе потребовалось тогда вмѣшательство западно-европейской дипломатіи?

Во всякомъ случаѣ за него должны быть благодарны не одни Греки, но и Турція. Султанъ получилъ тогда обратно Критъ и другіе греческіе острова, уже завоевавшіе себѣ независимость, а новорожденное Греческое королевство было поставлено въ условія столь невыгодныя что покойный Леопольдъ Саксенъ Кобургъ-Готскій, въ послѣдствіи король Бельгійцевъ, принцъ чья политическая прозорливость цѣнилась всѣми, отказался отъ предложенной ему короны Греціи именно по причинѣ невозможной границы отведенной греческому народу его западными доброжелателями. Если теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, не желательно возбуждать территоріальный вопросъ, то умѣстно ли по крайней мѣрѣ кичиться небывалымъ великодушіемъ?

Далѣе, всѣ англійскіе ораторы до приторности на каждомъ словѣ повторяютъ: „Мы отдали Греціи Іоническіе острова!“ Но если за эту уступку Англія думала получить право распоряжаться участью Греціи, то лучше было бы не дѣлать этой уступки. Въ какой мѣрѣ, однако, владѣніе этими островами было выгодно для самой Англіи и насколько ей выгоднѣе было раздѣлаться съ ними, лучше всего извѣстно нынѣшнему британскому премьеру, г. Гладстону, который въ 1859 году ѣздилъ на Іоническіе острова со спеціальнымъ порученіемъ уладить затрудненія возникшія въ ихъ администраціи.

Затѣмъ представляется еще болѣе важный вопросъ: всегда ли покровительствующія державы сами исполняли свои обязанности? На политическія партіи Греціи сыплются упреки за ихъ интриги, за нетвердость ихъ правилъ. Но подъ какими вліяніями были онѣ воспитаны? Съ первыхъ же годовъ независимости Греціи, при ея дворѣ, началось соперничество вліяній французскаго и англійскаго. Россія не могла, конечно, не отстаивать при этой борьбѣ и своего вліянія, и вотъ какъ образовались тогда партіи англійская, французская и русская. Эта борьба была первою помѣхой свободному развитію политической жизни Греціи, и вотъ первая причина почему личные интересы получили въ этой несчастной странѣ такое преобладаніе.

Но какъ будто и этого было мало: западная дипломатія, ревниво оберегающая достоинство Высокой Порты, съ радостью пользовалась всякимъ случаемъ унизить правительство Греціи. Припомнимъ два-три примѣра. Въ 1850 году лордъ Пальмерстонъ, по дѣлу о португальскомъ Евреѣ Пасифико, пріурочившемъ себя къ британскимъ подданнымъ, отправилъ эскадру блокировать Пирей. Въ 1854 году, во время Крымской войны, Греція подверглась

военному занятію, изъ опасенія чтобъ это слабое государство не сдѣлало диверсіи въ пользу Россіи. Наконецъ нужно ли упоминать о послѣдней Парижской конференціи по Критскому вопросу, на которой голосъ одной Россіи противъ коалиціи всѣхъ великихъ державъ не въ силахъ былъ спасти Грецію отъ крайняго униженія?

Британскія палаты, какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, разыгрываютъ комедію; ихъ ораторы выше поднимаютъ тонъ, и говорятъ отъ имени раздраженнаго общественнаго мнѣнія цѣлой страны. Мы однако не думаемъ чтобы здравомыслящіе и просвѣщенные умы въ Англіи раздѣляли эту политику страстей. Не всѣ вліятельные органы общественнаго мнѣнія говорятъ языкомъ газеты *Times*. Напримѣръ, *Saturday Review*, еженедѣльное изданіе вовсе не отличающееся пристрастіемъ къ Греціи, въ послѣднемъ нумерѣ весьма основательно оспариваетъ заявленіе сэръ-Раунделла Пальмера будто греческое правительство подлежитъ формальной отвѣтственности за убіеніе разбойниками англійскихъ подданныхъ, напоминая что никто не помыслилъ же возлагать отвѣтственность на французское правительство, когда за три года предъ симъ Императоръ Всероссійскій въ Парижѣ подвергся злодѣйскому покушенію. Злодѣя судили по французскимъ законамъ; не было и мысли о дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ виду того что французскими присяжными найдены были смягчающія обстоятельства, избавившія злодѣя отъ смертной казни коей онъ подлежалъ по французскимъ законамъ. Та же газета замѣчаетъ что никакого международнаго вопроса не было возбуждено по поводу грабежа учиненнаго недавно въ домѣ американскаго посланника въ Лондонѣ, и что еслибы грабитель увеличилъ свое преступленіе умерщвленіемъ члена американской миссіи, то онъ былъ бы судимъ и былъ бы наказанъ обыкновеннымъ судомъ. Чтобы вести процессъ противъ греческаго правительства, говоритъ далѣе *Saturday Review*, надо бы доказать или его дѣятельное соучастіе въ преступленіи или отказъ его дать англійскимъ подданнымъ то покровительство какимъ пользуются сами Греки.

Провинціальная англійская печать давно уже вступившая въ сильную конкурренцію съ лондонскими органами, также не раздѣляетъ задора этихъ послѣднихъ. Напримѣръ, въ полученномъ нами сегодня *Manchester Guardian* мы прочли спокойную и безпристрастную оцѣнку бывшихъ въ обѣихъ англійскихъ палатахъ преній. Манчестерская газета не раздѣляетъ ни воззрѣній лорда Кларендона касательно амнистіи которой онъ требовалъ отъ греческаго правительства, ни мнѣнія лорда Карнарвона будто бы англійскій посланникъ въ Аѳинахъ долженъ былъ имѣть возможность призвать британскій флотъ для поддержанія своихъ требованій, и выражаетъ надежду что Англія не будетъ предъявлять притязаній которыхъ она не могла бы признать относительно себя въ подобномъ случаѣ.

Неужели эти здравомысленныя и честныя мнѣнія англійскихъ же органовъ должны имѣть менѣе вѣса чѣмъ возгласы *Times* и поддѣльный паѳосъ сэръ-Раунделла Пальмера, сэръ-Генри Бульвера и лорда Карнарвона?

Всѣ англійскіе ораторы, въ своихъ рѣчахъ, съ величайшимъ уваженіемъ отзывались о королѣ Георгіи. Интересно бы знать какимъ образомъ они сумѣли согласить это уваженіе съ предложеніями унизительными для его страны? Сейчасъ только прочли мы *Шпенеровой газетѣ*, извѣстіе будто „король Эллиновъ объявилъ покровительствующимъ державамъ что онъ тотчасъ же откажется отъ престола и покинетъ Грецію, если ей будетъ грозить униженіе превышающее мѣру за частное преступленіе не падающее на вину правительства и націи.“

№ 107.

Москва, 19-го мая.

А.

На дняхъ разсматривался и принятъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ новый законъ о товариществахъ на вѣрѣ выдающихъ акціи и объ акціонерныхъ компаніяхъ. Выражаясь вѣрнѣе, это не новый законъ, а лишь дополненіе къ прежнему, или новелла, имѣющая цѣлью освободить возникающія акціонерныя компаніи, кромѣ желѣзно-дорожныхъ, банковыхъ и т. п., отъ необходимости ходатайства о концессіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ оградить акціонеровъ и публику отъ злоупотребленій со стороны учредителей и правленій. Такъ

какъ этотъ вопросъ принадлежитъ и у насъ къ очереднымъ, то считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о главныхъ распоряженіяхъ новаго сѣверо-германскаго закона.

Прежде всего упомянемъ о томъ распоряженіи на которое можемъ сослаться въ подтвержденіе изложеннаго нами мнѣнія что было бы весьма полезно отмѣнить существующій теперь у насъ порядокъ законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ акціонерныхъ компаній. Это разсмотрѣніе ни въ какомъ отношеніи никого не обезпечиваетъ. Имъ замедляется учрежденіе компаній и увеличиваются предварительные расходы; оно препятствуетъ развитію акціонернаго дѣла и даетъ крупнымъ компаніямъ перевѣсъ предъ мелкими. Но оно отнюдь не вноситъ въ дѣло большей законности и не служитъ къ усовершенствованію уставовъ. Само собой понятно что законодательныя учрежденія не могутъ посвящать каждому уставу такое вниманіе какое считается необходимымъ при разсмотрѣніи законовъ, а между тѣмъ уставъ, разсмотрѣнный въ законодательномъ порядкѣ, пріобрѣтаетъ относительно подчиненной ему компаніи силу закона и, какъ законъ позднѣйшій, отмѣняетъ собой всѣ предыдущіе по скольку имъ противорѣчитъ. Вотъ почему утвержденіемъ уставовъ учредители пользуются для исходатайствованія себѣ незамѣтнымъ образомъ разныхъ изъятій коими подкапывается сила общихъ законовъ, не рѣдко въ прямой ущербъ общаго права и весьма многихъ частныхъ лицъ. Этого бы не было, еслибъ уставъ акціонерныхъ компаній сдѣлался тѣмъ чѣмъ онъ долженъ быть по здравому юридическому взгляду—контрактомъ между акціонерами, основаннымъ на общихъ законахъ и имѣющимъ силу лишь по скольку онъ имъ соотвѣтствуетъ. Тогда общіе законы были бы обезпечены отъ безчисленныхъ нынѣ попытокъ пробивать въ нихъ бреши. Однажды основательно обсужденные, во всѣхъ своихъ подробностяхъ взвѣшенные, къ существующему положенію дѣлъ приспособленные, эти общіе законы акціонернаго дѣла послужили бы затѣмъ обязательною для всѣхъ новоучреждаемыхъ компаній нормой, отъ которой уже нельзя было бы никому отступать, и которая была бы всѣмъ извѣстна и равно всѣхъ ограждала бы, между тѣмъ какъ теперь ни публика, имѣющая дѣло съ акціонерными компаніями—а кто теперь вовсе не имѣетъ дѣла съ ними?—не можетъ въ точности знать всѣхъ подробностей ихъ хитрыхъ уставовъ, ни сами компаніи не обезпечены отъ изобрѣтательности учредителей новыхъ конкуррирующихъ съ ними компаній выражающейся въ полученіи изъятій изъ общаго права.

Уставъ и концессія—двѣ вещи совершенно разныя. Концессія предшествуетъ уставу и должна требоваться попрежнему для такихъ предпріятій которыя не допускаются безъ предварительнаго разрѣшенія государственной власти. Но за полученіемъ концессіи слѣдуетъ составленіе устава, который поступаетъ затѣмъ въ свою очередь на законодательное разсмотрѣніе, и въ этомъ-то нѣтъ ни малѣйшей необходимости. Извѣстны случаи что концессіонированныя компаніи не только собирали, но и расходовали свой капиталъ прежде нежели былъ утвержденъ уставъ. Это значитъ что учредители распоряжались деньгами своихъ довѣрителей не заключивъ съ ними контракта опредѣляющаго ихъ взаимныя права. Въ оправданіе этой вопіющей неправильности ссылались на то что нельзя-де терять время, что надобно торопиться именно изъ вниманія къ интересу довѣрителей, съ коимъ не согласно ждать утвержденія устава которое можетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ. Бывали даже случаи что уставъ утверждался когда предпріятіе уже приближалось къ концу и весь капиталъ былъ затраченъ безъ всякаго контроля со стороны тѣхъ кому онъ принадлежалъ по праву. Еслибъ утвержденіе устава не требовалось, то нельзя было бы ни открывать подписку на акціи не обнародовавъ устава, ни приступить къ какому-либо расходу не покрывъ всего капитала. Такъ и предписываетъ новый сѣверо-германскій законъ. Онъ угрожаетъ трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и полною личною отвѣтственностью предъ судомъ гражданскимъ тѣмъ учредителямъ которые открыли бы дѣйствія компаніи прежде нежели весь капиталъ ея покрытъ подпиской и по всѣмъ акціямъ произведенъ платежъ по меньшей мѣрѣ 10% (въ страховыхъ обществахъ по меньшей мѣрѣ 20%), а также прежде нежели избранъ наблюдательный комитетъ. Нужно ли говорить на сколько этотъ порядокъ лучше господствующаго теперь у насъ порядка кото-

рый скорѣе есть хаосъ нежели порядокъ? Мы только замѣтимъ что чѣмъ болѣе обезпечена подписывающаяся на акціи публика, тѣмъ успѣшнѣе могутъ идти подписки, и слѣдовательно тѣмъ шире можетъ развиваться акціонерная предпріимчивость.

Но не всѣ предпріятія нуждаются по закону въ концессіяхъ. Въ таковыхъ уставы могли бы составляться безо всякаго участія законодательной власти, на основаніи однажды изданнаго ею и зрѣло обдуманнаго нормальнаго устава. Отдѣльные уставы подлежали бы тогда общему договорному праву и всѣ затрудненія по нимъ разрѣшались бы судами. Былъ бы установленъ ясный принципъ, и подробности акціонернаго дѣла вырабатывались бы на твердой почвѣ гражданскаго права судебными рѣшеніями. Каждый акціонеръ былъ бы увѣренъ что найдетъ полную защиту въ судахъ, не знающихъ воли большинства и дѣйствующихъ исключительно по волѣ закона. Сколько злоупотребленій, сколько споліацій можетъ дѣлаться посредствомъ измѣненій въ уставахъ акціонерныхъ компаній? Возьмемъ напримѣръ измѣненія въ объемѣ предпріятія. Они могутъ состоять въ его сокращеніи или расширеніи. Но сокращеніе оказывается необходимымъ лишь въ томъ случаѣ когда не весь капиталъ компаніи подписанъ при самомъ ея учрежденіи: иначе сокращеніе предпріятія было бы для акціонеровъ равносильно ликвидаціи. Итакъ при соблюденіи условія предписываемаго новымъ сѣверо-германскимъ закономъ вопросъ о сокращеніи акціонерныхъ предпріятій отпадаетъ. Что же касается расширенія, то суды могли бы допускать его только на основаніи общаго договорнаго права, то-есть только въ томъ случаѣ когда оно опиралось бы на первоначальный договоръ (уставъ) и было бы въ немъ предусмотрѣно.

Нынѣ наступила пора оградить наше акціонерное дѣло отъ произвола лицъ стоящихъ во главѣ его. Пока этихъ лицъ было мало, то для успѣховъ дѣла надобно было предоставлять имъ и свободу движенія и возможность болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ, но теперь число ихъ возрасло въ достаточной мѣрѣ, и въ ихъ рядахъ—никто не будетъ отрицать этого—появились спекулянты, опасные для публики. Мы теперь наканунѣ тѣхъ крупныхъ злоупотребленій которыя хорошо извѣстны испытавшей ихъ публикѣ Западной Европы. Нельзя не отдать той чести большинству двигателей акціонернаго дѣла у насъ что они вели его лучше чѣмъ могло бы быть при меньшей разборчивости въ средствахъ. Но теперь послѣдняя пора принять серіозныя мѣры дабы дальнѣйшій ходъ акціонернаго дѣла не зависѣлъ отъ случайностей. Уже мы начинаемъ узнавать себя въ изображеніяхъ акціонернаго хаоса чрезъ который прошла Западная Европа. Читая набросанную Спенсеромъ *) яркую картину того что дѣлалось въ Англіи до закона 1856 года, мы можемъ почти на каждой строкѣ восклицать: *tout comme chez nous!* Громадная растрата народнаго богатства, уже неоспоримо происходящая въ нашемъ акціонерномъ хозяйствѣ должна быть прекращена: иначе акціонерная предпріимчивость сдѣлается орудіемъ разоренія, а не благосостоянія страны, и въ Россіи это будетъ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ медленнѣе у насъ накопляются капиталы.

Отмѣна разсмотрѣнія и утвержденія акціонерныхъ уставовъ каждаго порознь есть самое существенное условіе чтобы предотвратить угрожающую намъ опасность и пресѣчь тѣ неправильности которыя уже вкрались въ русское акціонерное дѣло. Освободить акціонерныя компаніи отъ обязанности испрашивать утвержденія ихъ уставовъ значитъ не открыть, а закрыть пути произволу и подчинить акціонерное дѣло равному для всѣхъ и охраняемому судами закону. Какъ при выработкѣ нашихъ новыхъ судебныхъ уставовъ мы воспользовались опытомъ всѣхъ образованныхъ странъ и благодаря тому можемъ похвалиться судебнымъ устройствомъ превосходнымъ, такъ точно не трудно намъ будетъ извлечь все хорошее внушенное и оправдавшееся опытомъ изъ иностранныхъ законодательствъ по акціонерному дѣлу. Тутъ приходитъ кстати между прочимъ и сѣверо-германскій только что состоявшійся законъ, коего многія статьи заключаютъ въ себѣ прекрасный матеріалъ для принятія къ свѣдѣнію.

Ради примѣра упомянемъ что этотъ законъ воспрещаетъ:

а) повышать или понижать номинальный

*) См. статью Спенсера напечатанную въ „Quarterly Review“ 1854 года и переведенную на русскій въ *Опытахъ* Спенсера изданныхъ года два тому назадъ въ Петербургѣ.

размѣръ акцій во все время существованія предпріятія;

б) выдавать акціонерамъ болѣе дѣйствительнаго дохода по балансу, при обязательномъ отчисленіи въ запасный капиталъ и списываніи погашенія имущества не менѣе какъ на 5% ежегодно, за исключеніемъ условленной въ компанейскомъ договорѣ выдачи процентовъ за время приготовленія предпріятія къ открытію;

в) усиливать погашеніе акцій сверхъ мѣры опредѣленной въ первоначальномъ компанейскомъ договорѣ или пріобрѣтать собственныя акціи.

Распорядители подлежатъ уголовной отвѣтственности:

а) если по ихъ винѣ компанія оставалась болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ наблюдательнаго комитета, или если въ немъ не было числа членовъ необходимаго для постановленія рѣшеній, и

б) если они въ своихъ изложеніяхъ и обзорахъ имущественнаго состоянія компаній или въ докладахъ дѣлаемыхъ въ общихъ собраніяхъ намѣренно изображаютъ неправильно или скрываютъ дѣйствительное положеніе дѣлъ компаніи.

Противъ новаго сѣверо-германскаго закона можно сказать что онъ слишкомъ поощряетъ акціонерныя (безыменныя) компаніи сравнительно съ товариществами (именными) на вѣрѣ или по вкладамъ. Эта политика, сама по себѣ неправильная, была бы особенно неумѣстна въ Россіи, гдѣ форма товарищества на вѣрѣ, какъ менѣе подлежащая злоупотребленіямъ заслуживаетъ покровительства. По нашему закону, товарищества на вѣрѣ имѣютъ значительную свободу дѣйствій. Они могутъ выдавать именные паи которые ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ именныхъ акцій. Они учреждаются явочнымъ порядкомъ. Ихъ размноженію могъ бы содѣйствовать законъ постановляющій какія-нибудь обезпеченія для вкладчиковъ. Но такъ какъ въ товариществахъ на вѣрѣ не допускаются и не могутъ допускаться безыменные паи, то очевидно, кажется, что для охраненія этой формы товарищества необходимо воспретить и тѣмъ собственно-акціонернымъ компаніямъ которыя могли бы учреждаться безъ особаго разрѣшенія, на основаніи общаго закона, выпускъ акцій на предъявителя. Такъ и постановлено въ англійскомъ законѣ 1856 года, и легко понять какое важное въ этомъ заключается огражденіе отъ злоупотребленій. Кому неизвѣстны случаи раздачи акцій подставнымъ лицамъ на время общихъ собраній съ цѣлью провести какую-нибудь мѣру для дѣйствительнаго большинства акціонеровъ вовсе невыгодную? Такіе подлоги были бы невозможны при именныхъ акціяхъ, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, по примѣру Англіи, что каждый акціонеръ, во всякое время, можетъ потребовать себѣ списокъ членовъ съ указаніемъ числа принадлежащихъ каждому изъ нихъ акцій. Кромѣ того заслуживаетъ заимствованія изъ англійскаго закона распоряженіе что пятая доля акціонеровъ, владѣющая пятою долей акцій, имѣетъ право во всякое время потребовать назначенія правительственнаго коммиссара для изслѣдованія дѣлъ компаніи. Вообще все что расширяетъ гласность акціонерныхъ дѣлъ должно оказаться полезнымъ для ихъ хода. На это указывали при парламентскомъ разсмотрѣніи новаго сѣверо-германскаго закона именно тѣ ораторы которые, какъ напримѣръ представители ганзейскихъ городовъ, отстаивали свободу акціонерныхъ предпріятій.

Б.

Читатели вѣроятно помнятъ впечатлѣніе которое произвелъ опубликованный въ февралѣ текущаго года законъ, назначавшій уголовныя наказанія за оглашеніе въ печати, до судебнаго засѣданія или прекращенія дѣла, свѣдѣній обнаруженныхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ, *смотря по болѣе или менѣе вреднымъ отъ него послѣдствіямъ*. Многіе опасались тогда что законъ этотъ имѣетъ цѣлью не только установить новое стѣсненіе для нашей молодой печати, но и ограничить тѣ благотворныя начала гласности которыя еще такъ недавно допущены въ нашемъ процессѣ. Другіе полагали что новый законъ слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ что онъ относится главнымъ образомъ къ чинамъ производящимъ слѣдствіе или дознаніе. Во всякомъ случаѣ сомнѣнія относительно новаго закона должны разъясниться на практикѣ. Первымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить печальное дѣло князя Аренберга. Съ первой минуты производства дознанія и во все время слѣдствія, можно сказать до самаго открытія судебнаго засѣданія,

печать наша сообщала подробныя свѣдѣнія по этому дѣлу и далеко прежде его окончанія, оно было извѣстно всѣмъ и каждому. Между тѣмъ не только никакого судебнаго преслѣдованія не возбуждено противъ кого-либо за оглашеніе означенныхъ свѣдѣній, но главнымъ орудіемъ распространенія ихъ была офиціальная газета *Journal de St.-Petersbourg*, черпавшая, вѣроятно, матеріалъ для своихъ сообщеній изъ первыхъ рукъ. Можно себѣ представить какіе бы чудовищные слухи распространились устно и въ заграничныхъ газетахъ, еслибы наша печать хранила глубокое молчаніе по дѣлу князя Аренберга, а не поспѣшила разъяснить истину во всѣхъ подробностяхъ. Этимъ случаемъ еще разъ доказывается что писанные законы должны исходить изъ самой жизни народа, а не навязываться ей. Каковъ бы ни былъ законъ, какъ бы хорошо сочиненъ онъ ни былъ, но если онъ противорѣчитъ естественнымъ условіямъ общественной жизни, онъ всегда останется мертвою буквой. Мертвыхъ законовъ слѣдуетъ избѣгать чтобы внушить уваженіе къ живымъ, необходимымъ для общества.

№ 108.

Москва, 20-го мая.

А.

Почти всѣ наши газеты излагаютъ въ различныхъ видахъ доставленную и намъ записку учредителей акціонерной компаніи для сооруженія новаго водянаго сообщенія между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, и для учрежденія пароходства по этому пути.

Акціонерная промышленность, до сихъ поръ занятая въ дѣлѣ сообщеній почти исключительно желѣзными дорогами, повидимому, намѣревается теперь обратить свои силы и на водяныя сообщенія. Вышеупомянутый проектъ, возникшій еще въ прошломъ году, не представляетъ теперь единственнаго примѣра участія акціонерныхъ предпринимателей въ дѣлѣ водяныхъ сообщеній. Извѣстно что предположеніе о передачѣ Маріинской системы во владѣніе акціонерной компаніи находится теперь въ полномъ ходу. Приготовляется также образованіе акціонерной компаніи для улучшенія рѣки Москвы между Коломной и столицей.

Серіозное участіе акціонерной промышленности въ улучшеніи и распространеніи водяныхъ сообщеній было желательно въ весьма многихъ отношеніяхъ. Стоитъ ли говорить о томъ что въ странѣ гдѣ перевозятся большею частію лишь громоздкіе грузы, и гдѣ разстоянія огромны, самый дешевый способъ доставки водянымъ путемъ, никогда, ни при какомъ развитіи желѣзныхъ дорогъ, не потеряетъ значенія. Наши рѣки, правда, гораздо менѣе удобны для судоходства чѣмъ рѣки западныхъ государствъ: онѣ замерзаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году; онѣ текутъ по равнинѣ, имѣющей малые наклоны; ихъ мели и недостаточная глубина заставляютъ дѣлать суда плоскодонными; наконецъ на многихъ изъ нашихъ рѣкъ бóльшая часть грузовъ должна идти противъ теченія. Всѣ эти недостатки искупаются, однако, дешевизной доставки, какой желѣзныя дороги дать не могутъ.

Факты убѣдительно доказываютъ значеніе водяныхъ путей для Россіи. Не разъ приводили мы данныя, свидѣтельствующія что съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, при чрезвычайномъ увеличеніи идущихъ по нимъ грузовъ, судоходство у насъ не только не падаетъ, но еще быстро возрастаетъ. Въ послѣднемъ № *Журнала Министерства Путей Сообщенія* мы находимъ цифры о судоходствѣ по Невѣ въ прошломъ году. Оказывается что въ Петербургъ прибыло 15.751 судно съ кладью на 35.321.130 руб. Въ 1867 и 1868 годахъ, несмотря на тогдашнее оживленіе нашей отпускной торговли, соотвѣтствующія цифры были меньше. Въ 1867 году пришло 14.816 судовъ съ кладью на 32.366.417 р., а въ слѣдующемъ 14.487 судовъ съ кладью на 35.178.490 р. Въ 1864 году стоимость клади пришедшей въ Петербургъ Невою доходила только до 25.225.000 руб.

У насъ, какъ извѣстно, на всѣхъ пристаняхъ и по всѣмъ участкамъ управленія водяныхъ путей собираются данныя о движеніи судоходства, но онѣ большею частію глохнутъ въ архивахъ, лишь очень поздно выползая на свѣтъ Божій. Извѣстно однако что средняя годичная стоимость клади перевезенной водой за періодъ 1854—1862 года доходила до 167½ м. руб., а въ 1866 году поднялась до 176 милл., а въ 1867 году до 189 милл.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ что обдуманная

и тщательно разсчитанная эксплуатація водяныхъ сообщеній можетъ принесть у насъ большія выгоды предпринимателямъ. За это ручаются приведенныя цифры, а также и то обстоятельство, что рельсовому пути на значительномъ протяженіи трудно конкуррировать съ водянымъ путемъ. У насъ есть наконецъ грузы вовсе не выдерживающіе перевозки по рельсамъ, напримѣръ лѣсъ и дрова, которые идутъ по желѣзнымъ дорогамъ лишь на самое малое разстояніе.

Правительство повидимому рѣшается допустить участіе акціонерной промышленности въ устройствѣ водяныхъ сообщеній; это показываетъ примѣръ Маріинской системы. И дѣйствительно у насъ нѣтъ тѣхъ обстоятельствъ вслѣдствіе которыхъ во Франціи уже приступлено къ выкупу каналовъ изъ частныхъ рукъ, а въ Англіи сильно поговариваютъ о такомъ выкупѣ. Въ этой послѣдней странѣ компаніи владѣютъ каналами на правѣ полной собственности; во Франціи, уставы компаній утверждены еще въ то время когда недостаточно брали во вниманіе характеръ монополіи присущей большимъ сообщеніямъ. На западѣ Европы каналы проведены въ то время когда желѣзныхъ дорогъ не было, и нѣкоторые изъ нихъ почти упразднены рельсовыми путями, по крайней мѣрѣ для менѣе громоздкихъ грузовъ.

Пользуясь опытомъ западныхъ государствъ, мы можемъ выговорить лучшія условія концессій. Имѣя въ виду начертаніе довольно обширной рельсовой сѣти, акціонерная промышленность и не возьмется за устройство такихъ водяныхъ сообщеній которыя могутъ быть подорваны рельсовою дорогой.

Ни изъ доставленной намъ записки учредителей, ни изъ статей газетъ нельзя узнать опредѣленно который именно изъ водяныхъ путей между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ избираетъ компанія. Мы узнаемъ лишь что въ прошломъ году были произведены ею изысканія на мѣстѣ въ той сѣти рѣкъ и озеръ которая наполняетъ 240-верстное пространство между Онежскою губой Бѣлаго моря и сѣверною оконечностью Онежскаго озера. Изысканія показали что бо́льшую часть рѣкъ и озеръ помянутой сѣти можно считать судоходными и что достаточно „соединить ихъ „въ нѣсколькихъ мѣстахъ каналами и „устроить нѣсколько шлюзовъ и плотинъ „чтобы открыть непрерывный водяной путь „между С.-Петербургомъ и Архангельскомъ.“ Такъ выражается записка, а газеты прибавляютъ что искусственныя сооруженія: каналы, плотины и шлюзы, потребуются на протяженіи сорока верстъ. Въ запискѣ поминается что проектируемый путь выйдетъ „въ самый центръ рыб„ныхъ промысловъ, къ Сорокской приста„ни,“ и только изъ этого обстоятельства (Сороки лежатъ близъ устья р. Выгъ) можно догадаться что рѣчь идетъ объ извѣстномъ пути по рѣкѣ Выгѣ, Выгъ-озеру, р. Теляниной, озерами Мосельскимъ и другими. Это извѣстный, старинный путь, по которому множество богомольцевъ ежегодно отправляется въ Соловецкій монастырь. Длина его 235 верстъ, и на 22 верстахъ карбазы (суда) перетаскиваются волокомъ. Волокомъ обходятъ три порога на рѣкѣ Выгѣ, имѣющіе въ сложности $5^1/_2$ верстъ длины, а также хребты между рѣкою Телянинной и озеромъ Мосельскимъ (2 версты) и между послѣднимъ и Узкими озерами (5 верстъ) и девять верстъ совершенно ровнымъ мѣстомъ отъ Узкихъ озеръ до Повѣнца. На рѣкѣ Выгѣ есть еще и другіе пороги, но по нимъ поднимаются и спускаются мѣстныя суда.

Эти данныя взятыя нами изъ трудовъ коммиссіи по обезпеченію продовольствіемъ сѣвера, показываютъ что дѣйствительно, не требуется большихъ работъ для приведенія Выгскаго пути въ судоходное состояніе. Изысканія могли указать даже болѣе выгодную систему рѣкъ и озеръ чѣмъ та по которой издавна идутъ богомольцы.

Къ сожалѣнію, однако, стоимость необходимыхъ сооруженій до сихъ поръ неизвѣстна даже приблизительно, а не зная ея трудно сказать что-либо опредѣленное о степени выгодности предпріятія или, вѣрнѣе, о размѣрахъ въ которыхъ оно можетъ быть исполнено безъ убытка для участниковъ.

Весьма страннымъ кажется что нѣкоторыя газеты выставляютъ проектированный водяной путь открывающимъ якобы не существующее водяное сообщеніе между Бѣлымъ и Балтійскимъ морями. Доставленная намъ записка выражается что новый путь долженъ „связать посредствомъ Ма„ріинской системы сѣверъ съ приволж„скими хлѣбородными губерніями.“ Но такая связь уже имѣется и состоитъ, какъ

извѣстно, въ каналѣ герцога Александра Виртембергскаго. Примѣръ этого канала долженъ напоминать о необходимости тщательнаго предварительнаго изученія дѣла. Каналъ герцога Александра Виртембергскаго остался пустыннымъ и дорогія сооруженія его еле поддерживаются. Оказалось что по каналу во всю навигацію проходитъ менѣе 300 судовъ.

Сѣверный край снабжается хлѣбомъ преимущественно изъ Вятской губерніи, и приволжскому хлѣбу трудно конкуррировать съ нимъ не только длиннымъ путемъ чрезъ каналъ герцога Виртембергскаго, но и болѣе короткимъ новымъ путемъ чрезъ Повѣнецъ и Сороки. На послѣднемъ пути потребуется перегузка на озерныя или морскія суда въ устьѣ Вытегры, если даже и вполнѣ осуществится проектъ компаніи прорыть каналы и улучшить рѣки на столько чтобы по нимъ могли проходить морскія суда и колесные пароходы. Кромѣ того Онежское озеро слишкомъ бурно для буксировки пароходами въ весенніе и осенніе мѣсяцы, а въ сѣверномъ краѣ навигаціоныхъ мѣсяцевъ всего пять. Проведеніе желѣзной дороги отъ Вятки до удобной пристани на Сѣверной Двинѣ отниметъ у новаго пути почти все значеніе по снабженію сѣвера хлѣбомъ. Для обезпеченія сѣвера на случай неурожая въ Вятской губерніи нужно скорѣе продолженіе Вятско-Двинской желѣзной дороги на югъ. Она доставитъ хлѣбъ и скорѣе и дешевле чѣмъ это можно сдѣлать проходя Маріинскую систему и Выгъ.

Впрочемъ, записка учредителей и не разчитываетъ много на перевозку хлѣба. Гораздо большее значеніе даютъ они доставкѣ строеваго лѣса изъ нетронутыхъ вѣковыхъ дебрей между Онежскимъ озеромъ и Онежскою губой. Вокругъ Петербурга лѣса истощаются быстро и немного строеваго лѣса остается теперь въ южныхъ частяхъ Олонецкой губерніи. Записка разчитываетъ на ежегодную доставку 1.200.000 деревъ, которая должна дать компаніи ежегодно 240.000 провознаго сбора и доставить государственнымъ имуществамъ 1.000.000 рублей попенныхъ денегъ! Можетъ-быть въ дѣйствительности цифры сложатся и не такъ красиво, но все-таки новый путь откроетъ сбытъ для сѣверныхъ лѣсовъ. Еще важнѣе намѣреніе компаніи положить на сѣверныхъ водахъ основу русскому торговому флоту. Дешевизна лѣса, смолы и пеньки, достаточная глубина сѣверныхъ рѣкъ, знакомство прибрежныхъ жителей съ мореходнымъ дѣломъ, все это дѣйствительно весьма благопріятныя обстоятельства для развитія судостроенія. Компанія обязывается построить на мѣстѣ собственныя суда и пароходы, совершать на своихъ судахъ рейсы изъ гаваней Бѣлаго моря въ иностранные порты и содержать почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Архангельскомъ.

Значительный доходъ доставятъ компаніи, по всей вѣроятности, богомольцы отправляющіеся въ Соловецкій монастырь, хотя записка учредителей напрасно разчитываетъ будто всѣ эти добрые люди сдѣлаютъ весь путь отъ Петербурга до Архангельска на судахъ. По всей вѣроятности, бо́льшая часть ихъ не завернетъ ни въ Петербургъ, ни въ Архангельскъ, и во всякомъ случаѣ богомольцы не могутъ заплатить по 10 р. въ одинъ путь и дать компаніи даже полмилліона дохода. Компанія разчитываетъ также на перевозку продуктовъ рыбнаго и звѣринаго промысловъ, на доставку соли изъ Бѣлаго моря и пр. Для водяной перевозки отъ Бѣлаго моря, новый путь даетъ большое сокращеніе; теперешнее сообщеніе Бѣлаго моря съ Балтійскимъ чрезъ каналъ Александра Виртембергскаго слишкомъ окольно и не можетъ быть проходимо въ одну навигацію. Въ настоящее время всѣ товары изъ сѣвернаго края идутъ по санному пути.

Что́ же приходится сказать въ заключеніе? Повѣнецко-Выгскій путь не можетъ дать сѣверному краю того обезпеченія хлѣбомъ, въ которомъ этотъ край сильно нуждается, но можетъ принести другую самостоятельную пользу, сблизивъ Бѣлое море съ Балтійскимъ и съ Маріинскою системой и давъ развитіе производительнымъ силамъ мѣстности. Намѣреніе компаніи заняться судостроеніемъ еще усиливаетъ значеніе предпріятія. Для успѣха его необходимъ однако точный и обдуманный разчетъ, основанный на положительныхъ данныхъ, и соотвѣтствіе сооруженій дѣйствительнымъ потребностямъ дѣла.

Б.

Можно ли было ожидать что вопросы государственной важности будутъ когда-либо рѣшаться въ западномъ краѣ путемъ плебисцита? Еще труднѣе было предполо-

жить чтобы къ участію въ поголовной подачѣ голосовъ были призываемы десятилѣтнія дѣти, и чтобы вотированныя ими постановленія восходили по административнымъ инстанціямъ, чрезъ генералъ-губернатора, на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ?

Однако вотъ что читаемъ въ полученномъ сегодня № 53 *Виленскаго Вѣстника*, отъ 16-го мая:

„Инспекторъ Бобруйской прогимназіи донесъ г. попечителю Виленскаго учебнаго округа что 20-го числа прошедшаго марта было препровождено къ законоучителю римско-католическаго исповѣданія упомянутой прогимназіи, ксендзу Янковскому, при отношеніи бобруйскаго полицеймейстера, для объявленія ученикамъ римско-католическаго исповѣданія, циркулярное предложеніе г. начальника Минской губерніи, въ которомъ выражено Высочайшее разрѣшеніе (распубликованное въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*) относительно произношенія въ иновѣрческихъ церквахъ проповѣдей и совершенія дополнительнаго богослуженія и молитвъ на русскомъ языкѣ. Предложеніе это было прочтено, въ присутствіи инспектора, ксендзомъ Янковскимъ, ученикамъ Бобруйской прогимназіи римско-католическаго исповѣданія, которые, вслѣдъ за симъ, выразили желаніе слушать все это на русскомъ языкѣ, вмѣсто нынѣ употребляемаго польскаго; ксендзъ же Янковскій съ своей стороны изъявилъ на это готовность, о чемъ представилъ инспектору прогимназіи рапортъ.

„Нынѣ его высокопревосходительство, г. главный начальникъ края, съ которымъ входилъ въ сношеніе г. попечитель Виленскаго учебнаго округа, увѣдомилъ объ отзывѣ по этому дѣлу г. министра внутреннихъ дѣлъ что за послѣдовавшимъ, 25-го декабря 1869 г. Высочайшимъ разрѣшеніемъ употребленія русскаго языка въ иновѣрческихъ церквахъ, нѣтъ препятствія къ исполненію римско-католическимъ законоучителемъ Бобруйской прогимназіи вышеозначеннаго, заявленнаго воспитанниками оной, желанія."

Вслѣдъ за симъ напечатанъ, въ помянутой офиціальной газетѣ, и самый „рапортъ законоучителя Янковскаго инспектору Бобруйской прогимназіи." Вотъ этотъ рапортъ:

„Имѣю честь покорнѣйше увѣдомить ваше высокоблагородіе что согласно отзыву бобруйскаго г. полицеймейстера, отъ 20-го марта, за № 479, и циркулярному предписанію г. минскаго губернатора, отъ 7-го марта за № 110, въ коемъ изложено Высочайшее соизволеніе на введеніе дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, съ полученіемъ мною сего циркуляра отъ г. бобруйскаго полицеймейстера, того же числа, т.-е. 20-го марта, было объявлено мною ученикамъ римско-католическаго исповѣданія, въ присутствіи вашемъ, о Высочайшей волѣ Всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора, на что ученики-католики изъявили свое желаніе — слушать на русскомъ языкѣ дополнительное богослуженіе.

„Что же касается меня, то заявляю, какъ вѣрноподданный, что нисколько не уклоняюсь отъ исполненія возложенныхъ довѣріемъ правительства на меня обязанностей, какъ священникъ, законоучитель и наставникъ будущихъ граждан и сыновъ великаго отечества Россіи. Подлинное подписалъ: ксендзъ Янковскій. 1870 года, 28-го марта, городъ Бобруйскъ".

Въ рапортѣ досточтимаго законоучителя Бобруйской прогимназіи есть однако нѣкоторое упущеніе. Онъ не обозначилъ, единогласно ли состоялось изволеніе малютокъ или по большинству, и если по большинству, то сколько было *oui* и сколько *non*.

№ 109.

Москва, 22-го мая.

Вчера была *Вѣсть*, вчера такъ громко раздавался ея голосъ о крупномъ землевладѣніи. Гдѣ теперь *Вѣсть?*

Гдѣ наша роза, друзья мои.

Консервативныя души, которыхъ *Вѣсть* умиляла и волновала, не имѣютъ теперь ничего лучшаго сдѣлать какъ разойтись по домамъ, да не будетъ и съ ними поступлено какъ съ консервативнымъ земствомъ Холмскаго уѣзда. Эти господа свое дѣло сдѣлали: они пощелкали языкомъ на балтійскіе феодальные пиры и пособили интригѣ войти въ силу и спасти корень польскаго вопроса. Теперь они должны уступить мѣсто другимъ. Что прежде дѣлалось черезъ *Вѣсть*, то теперь творится подъ личиною *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Дѣло поручаемое этому почтен-

нему органу, давно имѣющему значеніе складочнаго мѣста всякаго рода статей; онъ можетъ вести тѣмъ успѣшнѣе что къ нему примыкаетъ значительная часть нашей журналистики съ разными оттѣнками нигилизма чего при *Вѣсти* не было. Направляющая рука не видна, она дѣйствуетъ втайнѣ; но въ видимомъ разнообразіи явленій она остается вѣрна своей задачѣ. Нужно уронить духъ въ русскомъ обществѣ, подорвать русское мнѣніе, выманить на ложные пути русскую политику. Для этого всякій обманъ пригоденъ, и для этой цѣли могутъ служить противоположные токи идей.

Въ № 132 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, вышедшемъ 15-го мая, одновременно съ разрѣшеніемъ запрещенной предъ тѣмъ розничной продажи этой газеты, въ самомъ началѣ передовой статьи было напечатано:

„На дняхъ мы получили изъ сѣверозападнаго края довольно серіозныя извѣстія.... Говорятъ что въ правительственныхъ сферахъ находятъ неудовлетворительнымъ настоящее положеніе края, и весьма многіе пріемы въ видахъ обрусѣнія недостигающими своего назначенія. Поэтому признается будто бы необходимымъ образовать коммиссію, которая должна отправиться на мѣсто, собрать всевозможныя данныя о краѣ, изучить его въ подробностяхъ, въ мелочахъ, и затѣмъ, на основаніи собранныхъ данныхъ, надлежащимъ образомъ разработанныхъ, составить проекты, долженствующіе гарантировать извѣстный ходъ дѣла, извѣстное его направленіе“.

Затѣмъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* излагаютъ что теперь необходима отмѣна закона 10-го декабря, процентнаго сбора съ польскихъ владѣльцевъ и введеніе въ западный край земскихъ учрежденій. А между тѣмъ, не далѣе какъ въ прошломъ году въ этой самой газетѣ былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей доказывавшихъ необходимость процентнаго сбора и закона 10-го декабря.

Нашъ петербургскій корреспондентъ въ тотъ же день телеграфировалъ намъ извѣстіе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, упомянувъ что оно подтверждаетъ пущенные кѣмъ-то слухи. Вѣсть о коммисіи имѣющей цѣлію отмѣнить мѣры принятыя для обрусѣнія западнаго края не могла не произвести на насъ скорбнаго впечатлѣнія, но мы не спѣшили высказать его въ ожиданіи болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Теперь оказывается что статья *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* лишена основанія. Извѣстіе о назначеніи коммисcіи опровергается изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Мы не можемъ не оцѣнить того вниманія которое при этомъ случаѣ оказано нашей газетѣ. Появившееся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеніе обращается исключительно къ нашему телеграфному воспроизведенію помянутаго извѣстія, и въ сегодняшнемъ № *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* мы не находимъ оффиціальнаго опроверженія сообщеннаго ею извѣстія. Оффиціальная газета объявляетъ:

„Въ № 104 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ телеграммѣ изъ Петербурга отъ 15-го мая, сообщаются слухи относительно назначенія въ сѣверо-западный край особой коммисіи по случаю неудовлетворительнаго будто бы хода дѣлъ въ этомъ краѣ. Слухи эти лишены всякаго основанія.“

Упомянутая въ этихъ строкахъ телеграмма *Московскихъ Вѣдомостей* не подлежитъ опроверженію. Слухи о которыхъ она сообщаетъ были напечатаны; но никто болѣе насъ не порадуется тому что эти слухи, пущенные черезъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* о предстоящемъ будто бы измѣненіи видовъ правительства относительно западнаго края, *лишены всякаго основанія*.

„Неудовлетворительность положенія дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ...“ Фраза эта не могла поразить нашихъ читателей тонизною; большинство русской публики вотъ уже два года сознаетъ съ собою вмѣстѣ всю истину этихъ словъ. Польская партія постоянно, всѣми правдами и неправдами, распространяла толки что неудовлетворительность дѣлъ въ западномъ краѣ проистекаетъ отъ принятой послѣ мятежа 1863 года правительственной системы. Первою и главнѣйшею мѣрой въ отношеніи къ западнымъ губерніямъ послѣ возстанія былъ обязательный выкупъ и вообще устройство быта мѣстнаго крестьянскаго населенія. Поэтому усилія польской партіи болѣе всего были направлены противъ разрѣшенія крестьянскаго дѣла на тѣхъ началахъ которыя указаны законами 1863 года объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ земель. Землевладѣніе, право собственности будутъ потрясены, земледѣліе погибнетъ, край разорится; не только Рус-

скіе не станутъ покупать имѣнія, но изъ края убѣгутъ даже и тѣ Русскіе которые теперь владѣютъ тамъ землями: вотъ крики которые постоянно слышались отъ польской партіи и которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наполнялись широкіе столбцы покойной *Вѣсти*. Несмотря на подобные вопли, въ юго-западномъ краѣ, въ теченіе тѣхъ же лѣтъ, дѣла твердо и неизмѣнно шли по указанному Высочайшею волею пути, и къ началу 1869 года крестьянское дѣло, выражаясь цифрами, было доведено на 90% къ окончанію. Въ сѣверо-западномъ краѣ, напротивъ, оно затягивалось; составлялись различные не получавшіе потомъ законодательнаго утвержденія проекты измѣненій въ существующихъ законоположеніяхъ, издавались циркуляры своеобразно толковавшіе эти законоположенія, безпрерывно мѣнялся личный составъ мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ; шли толки о вредѣ сервитутовъ, о чрезполосности, о пользѣ раціональнаго хозяйства, все въ видахъ законности, справедливости и экономическаго благосостоянія края. Результатомъ оказалось что въ настоящее время значительная часть крестьянскаго дѣла не окончена въ сѣверо-западномъ краѣ, и не малая часть крестьянскаго населенія его не обезпечена въ средствахъ существованія.

Другая мѣра, противъ которой возставали и возстаютъ Поляки,—это процентный сборъ съ имѣній. Налогъ этотъ установленъ былъ въ концѣ 1863 года по мысли покойнаго графа М. Н. Муравьева, имѣвшаго въ виду обратить на устройство края часть доходовъ коими поддерживалось польское возстаніе и содержалась польская эмиграція, и пополнить хотя небольшую долю тѣхъ издержекъ которыя понесло государство при усмиреніи мятежа. На этомъ основаніи процентный сборъ, по возможности безъ всякихъ исключеній и равномѣрно для всѣхъ владѣльцевъ, взыскивался въ юго-западномъ краѣ, по крайней мѣрѣ до начала 1869 года. И что же? Помѣщичьи имѣнія и край вмѣстѣ съ ними не только не дошли до разоренія, но, благодаря установившемуся твердому порядку, усилили свою производительность, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ удвоеніе за послѣдніе годы сахарнаго производства, возникновеніе многихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, учрежденіе кредитныхъ обществъ и возрастаніе доходности и цѣнности земли, хотя и не въ той пропорціи какая была недавно указана официальными цифрами нынѣшней администраціи края. Въ Вильнѣ уже съ 1867 года какъ-то иначе стали смотрѣть на взысканіе процентнаго сбора. Въ немъ видѣли наказаніе, которое какъ бы пора и прекратить. Явилось множество изъятій. Тому сбавили половину, того совсѣмъ освободили; причемъ, какъ водится, первые воспользовавшіеся такими послабленіями были наиболѣе крупные и наименѣе нуждавшіеся землевладѣльцы. Очень понятно что остальнымъ имѣніямъ, на которыя долженъ былъ падать сборъ сложенный съ первыхъ, пришлось круто; они были обременены.

Третья мѣра, которая, послѣ крестьянскаго дѣла, наименѣе любезна польской партіи, законъ 10-го декабря 1865 года возбраняющій Полякамъ пріобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ недвижимыя имѣнія всякимъ инымъ путемъ кромѣ наслѣдства по закону, уже и потому полезна что препятствуетъ дальнѣйшему усиленію польскаго землевладѣнія въ краѣ. Но законъ этотъ принесъ и положительные результаты. Въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ до послѣдняго времени Поляки твердо вѣрили въ силу и неизмѣнность намѣреній правительства касательно водворенія въ краѣ русскаго землевладѣнія и въ прочность изданныхъ съ этою цѣлью законовъ, число русскихъ землевладѣльцевъ удвоилось, несмотря на отсутствіе кредитной поддержки, въ этихъ случаяхъ необходимой. Даже въ сѣверо-западномъ краѣ оно нѣсколько увеличилось. Если же дѣлу этому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ краѣ, суждено пріостановиться, то что за причина этому? Неужели существованіе закона 10-го декабря и основанныхъ на немъ постановленій, далеко еще, впрочемъ, не развитыхъ до конца? Въ этомъ, конечно, желала бы убѣдить польская партія. Но на то есть здравый смыслъ, на то есть память чтобъ умѣть отыскать дѣйствительныя причины явленій.

Если извѣстную мѣру примѣнять со всевозможнымъ стараніемъ и убѣжденіемъ, сообразно ея цѣли, то она непремѣнно дастъ результаты, хорошіе или дурные, и по нимъ безошибочно можно судить о достоинствѣ самой мѣры, какъ причины тѣхъ результатовъ. Если же тѣ кто при-

званы исполнять мѣру, сами неодобряли бы ея, не сочувствовали бы ей или не видѣли бы ея значенія и цѣли, то можно ли было бы по вытекшимъ отсюда послѣдствіямъ произнести правильное сужденіе о мѣрѣ? Правительственная система принятая съ 1863 года въ отношеніи къ нашему западному краю не была безплодна; въ данномъ мѣстѣ и въ данное время она принесла добрые результаты. Слѣдовательно, если гдѣ-либо или въ чемъ-либо оказывается неудовлетворительность, то уже ни какъ не въ самой этой системѣ и не по ея винѣ.

Подтвержденіе сказаннаго мы видимъ ежедневно. За примѣрами недалеко ходить. Состоялось Высочайшее повелѣніе снимающее запретъ съ русскаго языка въ иновѣрческихъ богослуженіяхъ. Если это повело въ примѣненіи къ плебисцитамъ въ прогимназіяхъ, то развѣ нужно снова запретить русскій языкъ? Или другой примѣръ: благодаря различнымъ случайностямъ, церковностроительное дѣло въ западномъ краѣ туго подвигается впередъ. Означаетъ ли это что нужно отмѣнить постройку православныхъ храмовъ, какъ это сдѣлано напримѣръ въ Сквирѣ *), Кіевской губерніи?

Итакъ, повторяемъ, очень можно желать серіознаго изслѣдованія положенія дѣлъ въ западномъ краѣ, ибо такое изслѣдованіе могло бы только привести къ подтвержденію системы которую правительство приняло съ 1863 года. Тогда можно было бы надѣяться что всякимъ колебаніямъ и уклоненіямъ былъ бы положенъ конецъ. Побольше твердости и неизмѣнности въ системѣ, и были бы подорваны надежды польской партіи на успѣхъ ея желаній, на возвращеніе къ старымъ порядкамъ, и паны убѣдились бы что обойти Россію теперь не такъ легко какъ бывало прежде. Съ другой стороны, бытьможетъ, и крестьяне снова увѣровали бы что не отъ воли и великодушія пановъ, а отъ русскаго правительства зависитъ ихъ благосостояніе, и увидѣли бы наконецъ осуществленіе дарованныхъ имъ правъ и сдѣланныхъ именемъ Царскимъ обѣщаній. Наконецъ слѣдовало бы ожидать что и русскимъ людямъ станетъ легче жить въ краѣ, что имъ возможно будетъ и говорить и писать, не подвергаясь за это высылкѣ изъ края, и издавать газеты въ русскомъ смыслѣ, не рискуя быть оклеветанными въ политической неблагонадежности.

Но, не о такомъ изслѣдованіи были пущены слухи, нашедшіе подтвержденіе въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и нами лишь послѣ того воспроизведенные. Отъ коммиссіи о коей шла рѣчь ожидалась отмѣна всѣхъ основныхъ мѣръ въ коихъ выразилась русская правительственная политика въ западномъ краѣ; утверждали что обрусѣнію края будетъ положенъ конецъ. Правительственное сообщеніе свидѣтельствуетъ что эти надежды не сбудутся. Предполагаемая коммиссія должна была пересмотрѣть принятую въ западномъ краѣ систему дѣйствій для того чтобы лишить ее національнаго характера: опроверженіе *Правительственнаго Вѣстника* равняется прямому протесту противъ подобной попытки. Значитъ, правительство признаетъ необходимымъ удержать во всей силѣ принципы, которые сказались и въ крестьянской реформѣ, и въ указѣ 10-го декабря, и въ Высочайшемъ повелѣніи 25-го марта. Значитъ, слухи пускаемые польскою партіей о пересмотрѣ въ этомъ смыслѣ правительственной программы въ западномъ краѣ *лишены всякаго основанія*.

*) Въ Сквирѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ костеломъ и прекрасною еврейскою синагогой, нѣтъ приличнаго православнаго храма. Въ виду этого, еще въ 1868 году было рѣшено воздвигнуть въ этомъ уѣздномъ городѣ соборъ, на что были ассигнованы деньги и состоялся даже подрядъ. Въ настоящее время, какъ извѣщаютъ насъ изъ достовѣрнаго источника, постройка этого собора отмѣнена, а деньги назначены на другой предметъ.

№ 110.

Москва, 23-го мая.

Свѣдѣнія только что полученныя нами изъ юго-западнаго края окончательно разъясняютъ дѣло о распоряженіи по вопросу о допущеніи русскаго языка для религіознаго употребленія иновѣрцевъ. Изъ печатнаго циркуляра разосланнаго генералъ-губернаторомъ по разнымъ должностнымъ лицамъ, для предъявленія содержанія онаго мѣстнымъ жителямъ разномыслящихъ исповѣданій, оказывается что всѣ эти распоряженія, подавшія поводъ къ агитаціи во всемъ западномъ краѣ, не имѣютъ ничего общаго со смысломъ и

силой относящагося сюда Высочайшаго повелѣнія. Въ означенномъ циркулярѣ прописанъ самый текстъ Высочайшаго повелѣнія состоявшагося 25-го декабря минувшаго года, согласно заключенію правительственнаго комитета на который было возложено обсужденіе вопроса объ освобожденіи русскаго языка отъ лежавшаго на немъ запрета. Запретъ этотъ отмѣненъ, и русскій языкъ предоставленъ въ свободное пользованіе всѣмъ вѣроисповѣданіямъ какія только признаны въ предѣлахъ русскаго государства. Это уже извѣстно изъ публикацій сдѣланныхъ властями кіевскими и виленскими; но изъ циркуляра, о которомъ идетъ рѣчь, явствуетъ что именно только такимъ общимъ разрѣшеніемъ и ограничивается содержаніе этого столь важнаго акта*). Актъ этотъ, имѣющій всю силу закона, относится только къ русскому языку и не предустановляетъ никакихъ спеціальныхъ мѣръ которымъ должна слѣдовать администрація, какъ вообще такъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, относительно того или другаго культа. Требовалось только установить общій принципъ и дать возможность всѣмъ русскимъ подданнымъ, какого бы то ни было религіознаго толка допущеннаго и признаваемаго законами государства, быть въ своемъ отечествѣ не иностранцами. Отнынѣ иновѣрцамъ Россіи нѣтъ надобности прибѣгать къ чужимъ языкамъ для своихъ религіозныхъ потребностей и выдать себя людьми иныхъ національностей, дѣтьми иныхъ отечествъ. Фальшивому и вредному во всѣхъ отношеніяхъ отождествленію религіознаго начала съ политическимъ полагается конецъ, и русскому языку дается право быть органомъ всему тому что̀ допускается русскимъ закономъ, понятіе о русской національности впервые уравнивается съ понятіемъ о русскомъ государствѣ. Зло которымъ издавна страдали наши дѣла поражено въ своемъ корнѣ. Роковая ошибка, порождавшая въ Россіи призракъ многихъ политическихъ національностей, многихъ государственныхъ организацій, устранена въ своемъ принципѣ. Вообще этотъ актъ есть дѣло мудрости, справедливости и льготы, которое при надлежащемъ развитіи и примѣненіи не можетъ не сопровождаться благими послѣдствіями во всѣхъ отношеніяхъ. Оно вполнѣ согласно какъ съ духомъ всѣхъ освобождающихъ дѣяній нынѣшняго царствованія, такъ и со многими спеціальными правительственными начинаніями, предпринятыми въ смыслѣ національной политики. Только всеобщее утвержденіе принципа даетъ этимъ отдѣльнымъ мѣрамъ смыслъ и развитіе. Что̀ значило преподаваніе закона Божія для иновѣрцевъ на русскомъ языкѣ, заведенное въ школахъ, при запрещеніи употреблять его для молитвы и проповѣди въ тѣхъ же самыхъ религіозныхъ учрежденіяхъ, которыхъ вѣроученіе обязательно излагается по-русски? Какой смыслъ могла имѣть съ одной стороны обязательность употребленія русскаго языка, а съ другой недозволеніе употреблять его? Не поразительное ли противорѣчіе заключалось въ положеніи дѣлъ, когда людямъ запрещалось то самое что̀ въ то же время строго предписывалось, когда имъ ставилась на видъ необходимость быть гражданами своего дѣйствительнаго отечества, и въ то же время требовалось чтобъ они были гражданами какого-либо фантастическаго отечества?

Какъ сказано, Высочайшее повелѣніе 25-го декабря имѣетъ характеръ всеобщій и повсемѣстный. Имъ только освобождается русскій языкъ для всѣхъ иновѣрцевъ на всемъ пространствѣ Имперіи, безъ исключенія какой-либо мѣстности и какого-либо культа. Никому не можетъ придти въ голову чтобы на всемъ пространствѣ Имперіи, всѣ допущенные въ ней культы, въ одинъ прекрасный день, какъ бы по волшебному мановенію, вдругъ заговорили по-русски. Предполагать что-либо подобное значило бы предполагать нелѣпость. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ что вдругъ вышелъ бы законъ коимъ сразу предписывалось бы всѣмъ допущеннымъ въ Россіи культамъ, не только христіанскимъ и еврейскому, но и магометанскому, и ламайскому, и какъ на берегахъ Днѣпра и Нѣмана, такъ и на Байкалѣ, употреблять русскій языкъ: была ли бы хотя малѣйшая возможность привести эту мѣру въ исполненіе, и какой имѣла бы она смыслъ?

Итакъ, когда рѣчь шла о разрѣшеніи русскаго языка вообще и для всѣхъ, то

*) Высочайшее повелѣніе 25-го декабря изложено въ томъ же смыслѣ въ циркулярахъ гродненскаго губернатора отъ 24-го марта, опубликованныхъ въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

не могло быть и мысли о томъ чтобы тѣмъ же самымъ актомъ сдѣлать его въ дѣлахъ культа вообще и для всѣхъ обязательнымъ. Это и явствуетъ изъ текста Высочайшаго повелѣнія 25-го декабря, какъ онъ значится въ циркулярѣ г. кіевскаго генералъ-губернатора. Разрѣшая всѣмъ культамъ, посреди всѣхъ населеній Имперіи, пользоваться русскимъ языкомъ, мѣра эта не постановляетъ закона чтобы всѣ культы и во всѣхъ мѣстностяхъ непремѣнно съ такого-то числа взяли себѣ органомъ русскій языкъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣхъ культахъ, гдѣ этого не требуется и гдѣ это неисполнимо, административныя власти не могутъ поднимать вопросъ о языкѣ и дѣлать какія-либо распоряженія къ обязательному введенію языка русскаго. На это имъ не даетъ права Высочайшее повелѣніе 25-го декабря. Но тамъ, напротивъ, гдѣ вопросъ о языкѣ уже поднятъ правительствомъ и входитъ въ основанія его программы, гдѣ рѣшаются національныя задачи, гдѣ административныя власти болѣе всего поставлены въ обязанность заботиться о томъ чтобъ эти высшія государственныя задачи успѣшно разрѣшались и пользовались всѣми открывающимися къ тому способами, тамъ Высочайшее повелѣніе 25-го декабря должно сопровождаться соотвѣтствующими распоряженіями. Не даромъ же она была предметомъ предварительнаго изученія возложеннаго Высочайшею волею на особый правительственный комитетъ. Самый поводъ къ установленію общаго принципа поданъ былъ затрудненіями, явившимися при исполненіи правительственной программы въ нѣкоторыхъ вопросахъ національной политики. Гдѣ вопросы эти не возбуждены, тамъ мѣра эта и не требуетъ особыхъ распоряженій для ея примѣненія и развитія; но гдѣ вопросы эти подняты, гдѣ русское государство находится въ борьбѣ съ враждебными ему притязаніями, гдѣ вопросъ о языкѣ есть вопросъ государственной важности, тамъ напротивъ должно неукоснительно воспользоваться новымъ принципомъ и примѣнить его къ дѣлу соотвѣтственно даннымъ условіямъ. Такъ и выходитъ не только изъ смысла, но и изъ буквы Высочайшаго повелѣнія 25-го декабря, какъ оно значится въ циркулярѣ кіевскаго генералъ-губернатора. Освобождая вообще русскій языкъ для иновѣрцевъ, но не предписывая никакихъ обязательныхъ мѣръ въ общемъ смыслѣ, новая мѣра тѣмъ не менѣе поставляетъ административнымъ властямъ въ обязанность озаботиться, какъ объявлено въ циркулярѣ, „дальнѣйшимъ примѣненіемъ и развитіемъ установленнаго принципа, по соображеніи съ дѣйствительными потребностями населеній въ разныхъ частяхъ государства и мѣстными условіями".

Итакъ, если Высочайшее повелѣніе 25-го декабря не требуетъ никакихъ распоряженій вообще, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напротивъ, оно предписываетъ администраціи неукоснительно воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ.

Есть край Россійской Имперіи который у ней оспаривается во имя другой національности, и который вслѣдствіе того былъ неоднократно театромъ пагубныхъ смутъ столь дорого стоившихъ. Край этотъ, надъ которымъ виситъ вопросъ несовмѣстимый ни съ достоинствомъ, ни съ безопасностію государства, есть ни болѣе ни менѣе какъ девять западно-русскихъ губерній. Оспаривается онъ у Россіи во имя польской національности, давно уже утратившей свое государственное бытіе. Правительство было постоянно озабочено положеніемъ дѣлъ въ этомъ краѣ. Польскій мятежъ 1863 года, въ соединеніи съ дипломатическимъ вмѣшательствомъ Европы, возбудили этотъ вопросъ сильнѣе чѣмъ когда-либо, и поставили его съ самою рѣзкою опредѣленностію. Надобно было окончательно признать этотъ край либо русскимъ, либо польскимъ. Но на какомъ основаніи можно было бы признать его польскимъ? Онъ входитъ въ составъ Россіи, и никогда не былъ польскимъ; онъ не былъ польскимъ даже въ то время когда находился подъ польскимъ владычествомъ. Состоя въ союзѣ съ Польскимъ королевствомъ, когда еще оно существовало, край этотъ и тогда не былъ Польшею, и тогда слылъ онъ Русью и Литвою. Онъ заселенъ народомъ который искони и по сіе время говоритъ большею частію нарѣчіями русскаго языка, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нарѣчіями литовскими. Почему же русское правительство должно было бы признать край этотъ польскимъ? Укажутъ ли на дворянство? Но дворянство, такъ же какъ и весь народъ западнаго края, отнюдь не польскаго происхожденія; оно состоитъ изъ фамилій русско-литовскихъ, и во времена господства

Польши оно было оплотомъ независимости этого края, и отстаивало его русскую народность и православную вѣру. Но даже еслибы дворянство было здѣсь все польскаго происхожденія, это не давало бы ни малѣйшаго основанія признавать самый край польскимъ. Какого бы дворянство ни было происхожденія, оно должно принять національность государства, правами коего пользуется. Спрашивается, имѣются ли какія-либо основанія, кромѣ химерическихъ для поддержки польскихъ притязаній въ западномъ краѣ? Къ сожалѣнію, оказываются основанія весьма солидныя, хотя и фальшивыя. Невозможно было бы объяснить упорство и настойчивость, съ какими поддерживаются и растутъ эти притязанія; невозможно было бы объяснить какимъ образомъ замыслы, лишенные всякой почвы и противорѣчащіе всякой правдѣ, могутъ однако съ такою деспотическою силой владѣть умами, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе и призывая людей къ тяжкимъ, хотя и столь напраснымъ жертвамъ.

Какое же есть основаніе для польской національности въ западномъ краѣ? Основаніе это состоитъ единственно въ томъ что русскій языкъ находился подъ запретомъ, и что вслѣдствіе этого обширное и сильно организованное религіозное учрежденіе пріобрѣло характеръ національнаго польскаго учрежденія тамъ гдѣ не могло быть и помину о Польшѣ. Католикъ и Полякъ стали въ западномъ краѣ равносильными выраженіями. Крестьянинъ Бѣлорусъ, исповѣдующій эту вѣру и не знающій иного языка кромѣ своего русскаго нарѣчія, зоветъ себя, такъ же какъ и другіе зовутъ его, Полякомъ, единственно потому что онъ католикъ. И вотъ, кромѣ дворянства которое здѣсь большею частію исповѣдуетъ римско-католическую вѣру и потому стало польскимъ, оказываются сплошныя населенія польской національности. Если дворянство нашло удобнымъ приспособиться къ этой квалификаціи, то она является очевидною ложью относительно простаго народа переименованнаго въ Поляковъ только на основаніи исповѣдуемой имъ вѣры. Простой народъ не можетъ щеголять знаніемъ разныхъ языковъ; простой народъ не лингвистъ. Русскій крестьянинъ, хотя и римской вѣры, все-таки остается Русскимъ и разумѣетъ по-польски лишь нѣсколько сакраментальныхъ словъ, которыя натвердилъ ему ксендзъ. Чтобы дать себя понять крестьянину, не обучавшемуся нарочно по-польски, ксендзъ все-таки долженъ приспособляться къ его русскому нарѣчію. Но польскій языкъ, не признанный нигдѣ въ цѣломъ краѣ, есть офиціальный органъ существующей въ немъ римско-католической церкви: чѣмъ менѣе есть для этого основаній, чѣмъ менѣе требуется это ради удобства населеній, тѣмъ обаятельнѣе его символическое значеніе. Только великая сила можетъ дѣйствовать вопреки естественнымъ условіямъ и очевиднымъ потребностямъ,—и такое-то фальшивое обаяніе сообщено польскому языку вслѣдствіе ревниваго запрета который лежалъ на русскомъ.

Итакъ, вотъ реальное основаніе для польской идеи, которая выросла въ этомъ краѣ, хотя онъ никогда не былъ польскимъ. Церковное учрежденіе отождествилось съ несуществующею Польшей, и сообщивъ ей мистическій характеръ само стало ея тѣломъ. Священникъ римской церкви въ Россіи сталъ *eo ipso* носителемъ національной польской идеи. Проникая съ своею обычною притязательностію, усиленною здѣсь политическимъ стимуломъ, въ нѣдра семействъ и во глубину совѣсти людей, римско-католическая церковь насаждаетъ польскій патріотизмъ и даетъ ему развитіе несмотря на его призрачность, ибо она существуетъ въ Россіи de facto въ качествѣ польскаго учрежденія. Римско-католическому священнику нечего скрываться въ своемъ качествѣ польскаго дѣятеля: онъ обязанъ быть таковымъ, ибо онъ обязанъ быть служителемъ польской церкви. Каждымъ открытымъ дѣйствіемъ своимъ въ качествѣ священника, онъ, при данныхъ условіяхъ, хотя бы и не желалъ того, служитъ идеѣ политической, возбраняемой законами страны. Вотъ противорѣчіе чудовищное которое не можетъ не порождать прискорбныхъ послѣдствій! Можетъ ли такое положеніе дѣлъ не выражаться всякою неправдой и всякимъ зломъ?

Когда при подавленіи мятежа 1863 года правительство нашлось вынужденнымъ принять запретительныя мѣры противъ польскаго языка въ общественныхъ мѣстахъ какъ противъ мятежной демонстраціи; когда генералъ-губернаторскіе циркуляры, сохраняющіе и теперь свою силу, воспретили польскую рѣчь даже въ частныхъ разговорахъ на улицѣ, и когда нарушите-

ли этихъ вынужденныхъ обстоятельствами распоряженій подвергались болѣе или менѣе тяжкимъ взысканіямъ: во храмахъ торжественно раздавалось это гонимое слово, и тѣ же самые люди которымъ возбранялось его употребленіе обязывались признавать его господство.

При такомъ положеніи дѣлъ въ западномъ краѣ, какую силу должно получить въ немъ состоявшееся разрѣшеніе употреблять русскій языкъ въ проповѣди и общественномъ молитвословіи всѣхъ культовъ? Еще прежде, когда виды правительства выразились съ достаточною ясностію, въ католическомъ духовенствѣ произошло нѣкоторое благопріятное движеніе. Кое-кто изъ духовныхъ лицъ этого вѣроисповѣданія поспѣшили воспользоваться первою возможностію выйти изъ ложнаго положенія. Въ нѣкоторыхъ приходахъ западнаго края русское слово впервые раздалось съ церковной каѳедры, и правительство не только не препятствовало этому, но оцѣнило этотъ актъ гражданскаго мужества, изъявивъ его виновникамъ свое одобреніе.

Спрашивается, чего же слѣдовало ожидать послѣ того какъ Верховная власть признала возможнымъ и справедливымъ снять безусловно запретъ съ русскаго языка? Не слѣдовало ли ожидать что въ западномъ краѣ и относительно римско-католическаго культа, гдѣ русскій языкъ былъ уже de facto разрѣшенъ, послѣдуетъ широкое примѣненіе и развитіе новаго принципа?

Что же однако послѣдовало? Остальная часть генералъ-губернаторскаго циркуляра представляетъ изложеніе тѣхъ распоряженій которыя послѣдовали въ западномъ краѣ за всеобщимъ разрѣшеніемъ русскаго языка.

Прежде всего администрація признала обязательнымъ и узаконеннымъ органомъ для католическаго исповѣданія языкъ польскій. Введеніе же русскаго языка затруднено условіями въ большей части случаевъ непреодолимыми. Священникъ не можетъ какъ прежде обратиться къ своей паствѣ по-русски, но предварительно должно быть испрошено разрѣшеніе, и ходатайство объ этомъ, въ каждомъ случаѣ, черезъ многія инстанціи должно восходить до министра. Сдѣлано распоряженіе чтобы каждый разъ дѣло о введеніи русскаго языка начиналось съ заявленія прихожанъ. Какимъ образомъ три, четыре, пять тысячъ человѣкъ разныхъ свойствъ и званій, могли бы сойтись въ общемъ заявленіи? Исправникамъ и становымъ приставамъ предписано объявлять жителямъ о льготѣ дарованной русскому языку, и приглашать ихъ высказаться по этому поводу въ русскомъ или польскомъ смыслѣ. Дѣло каждый разъ должно быть рѣшаемо по большинству голосовъ. „При этомъ поставить прихожа„намъ въ извѣстность что въ случаѣ же„ланія большинства голосовъ ихъ слушать „на русскомъ языкѣ молитвы и проповѣди, „они могутъ ходатайствовать о семъ предъ „гражданскими властями.“ Но чтобы могло состояться большинство, необходимо собираться для предварительныхъ совѣщаній и разъясненій; необходима какая-нибудь организація для того чтобъ эти массы людей могли правильно совершать дѣло плебисцита, изъ котораго, какъ мы недавно видѣли, не исключаются даже дѣти десятилѣтняго возраста.

Представимъ себѣ дѣло во всей ясности. Представимъ себѣ многочисленное населеніе прихода, посреди котораго становой приставъ бросилъ столь новую идею, касающуюся столькихъ интересовъ какъ политическаго, такъ и церковнаго свойства. Можно безъ труда понять въ какомъ смыслѣ должна быть встрѣчена эта идея со стороны интеллигенціи прихода; но, спрашивается, какія дѣйствія должна она вызвать посреди крестьянскаго люда, неожиданно призваннаго къ рѣшенію вопроса столь сложнаго свойства? Пусть въ этой средѣ выищется человѣкъ, которому вдругъ, со словъ становаго, станетъ ясна вся глубина вопроса и онъ воспылаетъ неудержимымъ энтузіазмомъ который заставитъ его бросить свое домашнее трудовое дѣло и отправиться по селамъ своего прихода агитировать между своими единовѣрцами въ пользу реформы долженствующей произойти въ ихъ церковномъ быту: нѣтъ ли опасности что сосѣди сочтутъ его за полоумнаго? нѣтъ ли опасности что самыя власти, при дальнѣйшемъ развитіи его восторженной дѣятельности, признаютъ его за человѣка безпокойнаго и поступятъ съ нимъ en consequence? Кто и какъ докажетъ этимъ добрымъ людямъ что заявленіе которое они сдѣлаютъ въ пользу русскаго языка не будетъ отступничествомъ отъ вѣры ихъ отцевъ, не будетъ грѣхомъ который не простится имъ ни въ сей жизни,

ни въ чистилищѣ, если ихъ постарается убѣдить въ этомъ интеллигенція ихъ прихода или настоятель ихъ церкви? Мы говоримъ въ формѣ предположенія, но мы имѣемъ факты. Крестьяне подписавшіеся вслѣдствіе новыхъ распоряженій подъ заявленіемъ въ пользу русскаго языка вскорѣ затѣмъ послали новое прошеніе къ высшимъ властямъ, ходатайствуя чтобы все осталось по старому, и выражая опасеніе что въ своемъ невѣжествѣ они нарушили уставы своей церкви. Дѣло въ томъ что послѣ становаго или посредника поговорилъ съ ними польскій ксендзъ, и напомнилъ имъ о пеклѣ.

Мы имѣемъ живыя и вѣрныя свѣдѣнія о томъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ западнаго края совершается этотъ особаго рода плебисцитъ. Пріѣзжаетъ становой въ селеніе, и созываетъ наиболѣе самостоятельныхъ хозяевъ. „Я собралъ васъ чтобъ объявить вамъ о новой милости," обращается онъ къ мужичкамъ: „Выслушайте." И онъ читаетъ содержаніе извѣстнаго циркуляра. „До сихъ поръ," продолжаетъ онъ: „вамъ было запрещено молиться на вашемъ роднемъ языкѣ; теперь это разрѣшается, и вы уже не будете обязаны заучивать ваши молитвы на польскомъ языкѣ и зваться Поляками. Рады ли вы этому?" Крестьяне отвѣчають что они этому очень рады. „Въ такомъ случаѣ вы должны ходатайствовать чтобы было дозволено проповѣдывать въ вашемъ костелѣ по-русски." Крестьяне переглянулись съ недоумѣніемъ: какже это? разрѣшено, и однако ходатайствовать! „Вотъ вы должны подписать эту бумагу," и становой читаетъ ея содержаніе: „намъ объявлено то-то и то-то, и мы изъявляемъ желаніе воспользоваться дарованною милостію." Но пока становой читаетъ бумагу, бо́льшая половина присутствовавшихъ потихоньку выбирается изъ избы. „Что же?" спрашиваетъ опять становой."—„Это не наше дѣло... мы подписываться не будемъ."—„Да вѣдь вы сами сказали что радуетесь этой льготѣ."—„Мы рады. Нехай ксендзъ говоритъ по-русски, мы рады слушать, а подписывать не будемъ, это не наше дѣло. Почемъ мы знаемъ? Можетъ-быть это значитъ вѣру ломать."—„Въ такомъ случаѣ вы должны подписать вотъ эту бумагу: вамъ объявлено, но мы не желаемъ воспользоваться..." При этомъ изба совѣмъ опустѣла; остается человѣкъ пять не болѣе. „Мы и это подписать не можемъ," заявляютъ они рѣшительно на всѣ убѣжденія должностнаго лица. „Но я долженъ же взять подписку что дѣло было вамъ объявлено." Крестьяне упорно не подписываются ни подъ тою, ни подъ другою бумагой, и становой не находитъ ничего иного сдѣлать какъ приказать тысяцкимъ обходить дворы и неотступно требовать чтобы каждый крестьянинъ подписался либо подъ тою, либо подъ другою бумагой. Мы не знаемъ чѣмъ кончилась эта исторія, и сколько наконецъ тысяцкіе собрали утвердительныхъ и отрицательныхъ бюллетеней.

Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь дѣло, связанное съ однимъ изъ самыхъ важныхъ въ настоящее время государственныхъ вопросовъ въ Россіи! Могли ли за годъ, за два предъ симъ, даже самые пылкіе изъ польской партіи люди ожидать что въ западномъ краѣ, при самыхъ выгодныхъ для этой партіи условіяхъ будетъ совершатся плебисцитъ для рѣшенія вопроса, польскими или русскими должны считаться тамошнія русскія населенія?

Стóитъ только сблизить эту новую мѣру съ общею системой принятою правительствомъ относительно западнаго края, и самъ собою становится яоенъ путь примѣненія и развитія нововводимаго начала. Во всякомъ случаѣ очевидно что освобожденіе русскаго языка для всѣхъ культовъ и повсюду въ Имперіи не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ большее чѣмъ прежде стѣсненіе его въ западномъ краѣ. Если до сихъ поръ, несмотря на запретъ лежавшій на русскомъ языкѣ, каждый ксендзъ могъ свободно молитвословить и проповѣдывать по-русски, какже послѣ всеобщаго разрѣшенія тотъ же ксендзъ долженъ лишиться права употреблять русскій языкъ и держаться польскаго, пока въ его приходѣ не совершится удивительная операція плебисцита, а затѣмъ восхожденіе и нисхожденіе спеціальнаго разрѣшенія по лѣствицѣ стольких правительственныхъ инстанцій? Тѣ изъ духовныхъ лицъ, которыя были склонны къ русскому языку и усвоеніемъ его надѣялись доказать гражданскую честность своего образа мыслей, не гарантируются ли этими новыми распоряженіями отъ такого рода внушеній своей совѣсти? Наконецъ, не могутъ ли они въ этихъ распоряженіяхъ видѣть даже какъ бы указаніе въ смыслѣ противномъ...

№ 111.

Москва, 25-го мая.

Въ публикѣ интересующейся желѣзнодорожными дѣлами большое впечатлѣніе произвело предложеніе правленія Московско-Рязанской желѣзной дороги о чрезвычайно дешевой постройкѣ ширококолейныхъ вѣтвей отъ станціи Воскресенской къ Егорьевску и отъ станціи Луховицы къ Зарайску. Стоимость Егорьевской вѣтви опредѣлена въ 13.000 р. съ версты, Зарайской въ 17.000 р.—дешевизна у насъ небывалая. Въ виду наступающей очереди для постройки боковыхъ вѣтвей и необходимости удешевить ихъ сооруженіе, въ послѣднее время много толковали объ узкоколейныхъ дорогахъ, но принявъ узкую колею добились уменьшенія стоимости издержекъ лишь до 29 тысячъ р. металлическихъ на Ливенской вѣтви и до 24.377 р. металлическихъ же на Новгородско-Чудовской желѣзной дорогѣ. А тутъ какъ нарочно предлагается постройка ширококолейной вѣтви стóящей вдвое дешевле,—только 13.000 руб. кредитныхъ. Могло ли это не произвести большаго впечатлѣнія?

Для правильнаго сравненія приведенныхъ цифръ необходимо однако принять въ соображеніе многія обстоятельства. Стоимость вѣтвей Рязанской желѣзной дороги выражаетъ наличный расходъ на постройку безъ всякой скидки на потери при сборѣ капитала. Болѣе трети издержекъ на сооруженіе вѣтвей общество беретъ изъ своего запаснаго капитала, а остальныя ⅔ ссужаютъ ему Петербургскій коммерческій и Московскій купеческій и учетный банки. Складочный капиталъ Новгородско-Чудовской дороги образуется выпускомъ акцій, разумѣется не гарантированныхъ, и врядъ ли эти акціи могутъ быть реализованы безъ потерь. Стоимость вѣтвей Московско-Рязанской желѣзной дороги удобнѣе было бы сравнить со стоимостью Ливенской вѣтви, которая строится на счетъ казны, не берущей въ расчетъ по своимъ смѣтамъ потерь на сборъ капитала.

Вѣтви Московско-Рязанской желѣзной дороги принадлежатъ къ числу неполныхъ рельсовыхъ дорогъ, о коихъ намъ приходилось говорить такъ много въ прошломъ году въ рядѣ статей о желѣзнодорожныхъ вѣтвяхъ. Дешевизна Егорьевской и Зарайской вѣтвей достигается именно ихъ неполнотою или, лучше сказать, постройкою по типу въ которомъ нѣтъ ничего лишняго противъ мѣстныхъ потребностей и который вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Зарайская и Егорьевская вѣтви будутъ сооружены безъ подвижнаго состава; Московско-Рязанская желѣзная дорога настолько богата теперь паровозами и вагонами что безъ затрудненія можетъ посылать ихъ по двадцати-верстной Егорьевской и по двадцати-восьми-верстной Зарайской вѣтви. Не предвидится даже потребности въ расширеніи ремонтныхъ мастерскихъ главной линіи. Мѣстность которою проходитъ самая дешевая вѣтвь, Егорьевская, весьма благопріятна, и вовсе не требуетъ искусственныхъ сооруженій, какъ свидѣтельствуетъ докладъ правленія, а на Зарайской вѣтви нужно исполнить три небольшіе моста и произвести порядочное количество земляныхъ работъ. Но промежуточныхъ станцій на этихъ обѣихъ короткихъ вѣтвяхъ не будетъ, такъ что ихъ можно считать дорогами съ движеніемъ въ одну сторону. Упомянемъ наконецъ что городскія общества Зарайска и Егорьевска даютъ нѣкоторую субсидію компаніи: оба общества безмездно уступаютъ землю подъ станціи и подъ полотно дороги, а Зарайское общество сверхъ того разрѣшаетъ добывать на городской землѣ камень нужный для постройки вѣтви.

Но съ другой стороны по этимъ вѣтвямъ, какъ мы упомянули, будетъ ходить подвижной составъ главной линіи, а потому верхнее строеніе вѣтвей: рельсы, поперечины, балластъ и пр. будутъ исполнены гораздо солиднѣе чѣмъ на узкоколейныхъ дорогахъ, разчитанныхъ для легкихъ локомотивовъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сравнить стоимость Зарайской и Егорьевской ширококолейныхъ вѣтвей со стоимостью узкоколейной Ливенской. Работы комитета узкихъ желѣзныхъ дорогъ, по иниціативѣ котораго строится Ливенская вѣтвь съ узкою колеей, остались въ неизвѣстности. Неизвѣстны также и техническія условія Ливенской вѣтви. Нельзя не попенять что подобныя, столь интересующія русскую публику свѣдѣнія, не печатаются въ *Журналѣ Министерства путей сообщенія*, которому, къ сожалѣнію, также чуть ли не грозитъ прекращеніе, ибо расходъ на него,

говорятъ, пропущенъ въ штатахъ новаго проекта преобразованія министерства.

Остается обратиться къ техническимъ условіямъ Новгородско-Чудовской узкой желѣзной дороги, благо они опубликованы при концессіи. Чѣмъ достигнуто здѣсь удешевленіе постройки? Оно условлено не одною узостью колеи, но и многими другими условіями, сильно уменьшающими общепринятую у насъ роскошь постройки и отчасти техническую полноту и совершенство ея. *)

Изгибы, или кривыя на дорогѣ, дозволено дѣлать втрое круче. Обязательное протяженіе разъѣздныхъ путей сокращено на половину. Болѣе чѣмъ на половину уменьшена обязательная длина станціонныхъ площадокъ; дозволено давать уклонъ въ двѣ тысячныхъ станціоннымъ путямъ, которые требовалось строить горизонтальными. Уменьшена на половину длина прямыхъ частей дороги, раздѣляющихъ двѣ кривыя выгнутыя въ разныя стороны и длина горизонтальныхъ площадокъ между двумя уклонами дороги. Размѣры станціонныхъ зданій остались неопредѣленными. Неизмѣненъ только предѣльный уклонъ,— 0.008. Подвижной составъ выговоренъ въ концессіи въ количествѣ вдвое и даже почти втрое меньшемъ назначавшагося въ послѣднихъ концессіяхъ. Допущены также различныя облегчительныя условія по устройству подвижнаго состава. Меньшее количество вагоновъ должно быть снабжено тормозами; вмѣсто напримѣръ кипятильныхъ трубокъ и топокъ изъ красной мѣди, будутъ желѣзныя трубки и топки; не требуется чтобы шины колесъ паровоза и тендера были непремѣнно изъ литой стали.

Всѣ эти облегченія *) стоятъ внѣ связи съ уменьшеніемъ ширины колеи. И при широкой колеѣ они дали бы значительное сокращеніе издержекъ. Не забудемъ что техническія условія постройки желѣзныхъ дорогъ были у насъ до сихъ поръ тяжеле чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ, что облегченіе этихъ условій требуется для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, и широкихъ и узкихъ.

Сокращенія которыя дѣлаются возможными вслѣдствіе узости колеи врядъ ли будутъ имѣть большее значеніе чѣмъ помянутое прямое облегченіе техническихъ условій постройки. Ширина полотна сокращается меньше чѣмъ на треть (2 саж. вмѣсто $2_{,75}$ саж.) и почти столько же вѣсъ рельсовъ. Остальныя сокращенія незначительны; велико ли дѣло что длина поперечинъ уменьшится на четверть сажени, а толщина балластнаго слоя станетъ $0_{,15}$ саж. и $0_{,1}$ саж. (въ выемкахъ) вмѣсто $0_{,22}$ саж.? Легкость подвижнаго состава слѣдуетъ брать въ разчетъ лишь отчасти. И при локомотивѣ Ферлея она дается уменьшеніемъ провозной силы дороги и еще болѣе скорости движенія по ней. Наконецъ уменьшеніе вѣса рельсовъ, меньшая толщина балласта, меньшая длина поперечинъ и вообще легкость верхняго строенія опредѣляются не столько узостью колеи сколько легкостью подвижнаго состава, которая можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ принята на всякой желѣзной дорогѣ если на ней нѣтъ сильнаго движенія.

Нельзя отрицать чтобъ узкая колея не сокращала издержекъ постройки. Она сокращаетъ ихъ, но весь вопросъ заключается въ размѣрѣ этого сокращенія. На боковыхъ линіяхъ, на вѣтвяхъ имѣющихъ мѣстное значеніе приходится дорожить всякою возможностью сокращенія издер-

*) Сопоставляемъ элементы Новгородско-Чудовской желѣзной дороги съ таковыми же Иваново-Кинешемской, близко подходящей къ первой по протяженію. Длина Новгородской вѣтви 69 верстъ, Иваново-Кинешемской 86½ верстъ.

	На Кинешемской.	На Новгородской.
Радіусъ кривизны	300 саж.	100 саж.
Прямыя между кривыми	100 „	50 „
Площадки между склонами	100 „	50 „
Станціонныя площадки	500 „	180 „
Ширина полотна	$2_{,75}$ „	2 „
Нижній балластъ	$0_{,18}$ „	$0_{,15}$ „
Верхній балластъ	$0_{,1}$ „	и $0_{,12}$ „
Число поперечинъ на версту	1,400	1.585
Діаметръ поперечинъ	$0_{,13}$—$0_{,115}$ с.	$0_{,1}$—$0_{,11}$ с.
Длина поперечинъ	$1_{,16}$ саж.	$0_{,93}$ саж.
Ширина колеи	5 ф.	3 ф. 6 дюйм.
Вѣсъ паровозовъ пассажирскихъ	27 тон.	12 тон.
Вѣсъ паровозовъ товарныхъ	31 „	
Нагрузка на ось	12 „	5 „
Пассажирскихъ вагоновъ съ тормозами	1/3	1/8
Товарныхъ вагоновъ съ тормозами	1/4	1/10
Число паровозовъ	20	6
Число пассажирскихъ вагоновъ	14 (бол.)	26 (мал.)
Число товарныхъ вагоновъ и платформъ	324 „	140 „
Стоимость версты	44.400 руб.	24.377 руб.

*) За исключеніемъ до нѣкоторой степени крутизны изгибовъ дороги.

жекъ, и потому здѣсь, особенно въ пересѣченныхъ мѣстностяхъ, узкая колея будетъ полезна. На линіяхъ же имѣющихъ большее значеніе сокращенія, вслѣдствіе узости колеи, будутъ напротивъ накладны.

Въ послѣднее время, благодаря статьямъ покойной *Вѣсти*, высказывается опасеніе чтобъ узкая колея не была принята для главныхъ или значительныхъ линій. Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Кавказа* мы находимъ интересную статью предсѣдателя Кавказскаго техническаго общества г. Герсеванова, въ которой онъ предостерегаетъ отъ излишняго увлеченія узкоколейными дорогами и энергически протестуетъ противъ постройки главной кавказской линіи съ узкою колеей.

Г. Герсевановъ припоминаетъ что Фестиньйогская желѣзная дорога, о которой было такъ много толковъ, давно уже останавливала вниманіе инженеровъ, но не давала повода къ рѣшительнымъ заключеніямъ въ пользу узкой колеи. Въ лондонскомъ Institution of Civil Engineers еще въ 1865 году происходили бесѣды объ узкоколейныхъ дорогахъ именно по поводу Фестиньйогской, на которую обратилъ вниманіе инженеръ Тейлоръ, инспекторъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, сопровождавшій нашу коммиссію бывшую въ Англіи въ текущемъ году. Эти пренія изложены г. Герсевановымъ въ № 4 *Инженернаго Журнала* за 1867 годъ. Разумѣется что въ собраніи англійскихъ инженеровъ не было и рѣчи объ узкой колеѣ для главныхъ линій. Она признавалась полезною для боковыхъ вѣтвей и для странъ съ слабымъ движеніемъ по дорогамъ, проходящимъ притомъ по гористой мѣстности (Норвегія, Австралія). Замѣчательно что г. Инландъ, строитель первыхъ паровозовъ Фестиньйогской дороги, прямо высказалъ что онъ вовсе не выставляетъ этой дороги за „образецъ заслуживающій подражанія“.

Г. Герсевановъ энергически протестуетъ противъ постройки главной кавказской линіи съ узкою колеей. Онъ справедливо указываетъ на стратегическое значеніе этой дороги. Послѣ восточной войны, лишившей насъ Дуная и Чернаго моря, Кавказъ имѣетъ для насъ важность единственнаго пункта съ котораго Россія можетъ дѣйствовать на Турцію. Можетъ случиться что намъ будетъ нужно отправить на Кавказъ большое число войска съ его обозами, а узкая колея кавказской линіи помѣшаетъ воспользоваться подвижнымъ составомъ внутренней ширококолейной дорожной сѣти Подвижной же составъ узкоколейныхъ кавказскихъ дорогъ будетъ, конечно, недостаточенъ. Въ № 58 нашей газеты мы имѣли случай оговорить это неудобство, представляемое узкою колеей стратегическихъ линій, и обратили вниманіе на оригинальный способъ сокращенія издержекъ постройки принятый на Смоленско-Брестской желѣзной дорогѣ, которая въ случаѣ надобности можетъ быть быстро приспособлена къ сильному движенію.

Г. Герсевановъ придалъ, кажется, излишнее значеніе словамъ *Вѣсти*. Наша желѣзнодорожная администрація, повидимому, вовсе не считаетъ узкую колею пригодною не только для главныхъ, но и для сколько-нибудь значительныхъ линій. Въ концессію Новгородско-Чудовской желѣзной дороги включено условіе по которому компанія обязуется уширить колею по требованію министра, когда дорога станетъ давать болѣе 9.000 р. съ версты. Вообще концессія Новгородско-Чудовской линіи составлена съ большою осмотрительностью въ виду могущихъ оказаться на практикѣ неудобствъ узкоколейныхъ дорогъ. Мы читаемъ въ концессіи:

„Если по развитіи движенія на дорогѣ, она въ чемъ-либо не будетъ удовлетворять надобностямъ безостановочнаго сообщенія и безопасности, то Общество обязано, по требованію правительства, произвесть неотлагательно на свой счетъ надлежащія устройства для удовлетворенія упомянутымъ надобностямъ въ размѣрѣ указанномъ министромъ путей сообщенія.“

Не признаваемыя такимъ образомъ пригодными для главныхъ линій узкоколейныя дороги тѣмъ не менѣе сохраняютъ значеніе для боковыхъ вѣтвей, гдѣ всего важнѣе сокращеніе издержекъ постройки. Такое значеніе узкая колея пріобрѣтетъ преимущественно благодаря двойнымъ локомотивамъ Ферлея, если только оправдаются возбужденныя ими ожиданія. Не забудемъ также что изобрѣтенія могутъ быть еще усовершенствованы. Фестиньйогская дорога въ послѣднее время обратила на себя всеобщее вниманіе не сама по себѣ, а благодаря Ферлею, благодаря сіамскимъ близнецамъ паровознаго искусства, которые онъ въ прошломъ году пу-

стилъ въ ходъ впервые по Фестиньйогской дорогѣ.

№ 112.

Москва, 26-го мая.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія, когда Россія только еще готовилась вступить на путь преобразованій и приближалась къ осуществленію важнѣйшей изъ реформъ, безъ которой невозможны были никакія улучшенія, — именно реформы крестьянской, почти одновременно съ учрежденіемъ редакціонныхъ коммиссій была образована при министерствѣ финансовъ коммиссія по пересмотру податей и сборовъ. Оба дѣла находились очевидно въ ближайшей связи. Податная система въ значительной мѣрѣ опредѣлялась организаціей общества, въ основаніи которой лежала крѣпостная зависимость огромной части населенія. Отдавъ трудъ этой части населенія въ полное распоряженіе немногихъ, государство налагало всю тяжесть прямыхъ податныхъ обязанностей на тотъ же трудъ низшихъ сословій, получившихъ названіе податныхъ. Налоги падали притомъ не на имущество податныхъ сословій, а на лица, на каждую голову, на податную душу этихъ сословій.

Крестьянская реформа совершилась у насъ въ общихъ чертахъ вполнѣ благополучно; затрудненія и потери вызванныя ею почти всюду уже успѣли отойти въ прошлое: лишь кое-гдѣ желательно еще дѣйствіе руки пособляющей и возстановляющей; но во многихъ мѣстахъ новые порядки, съ ихъ бодрою жизнью, съ ихъ желѣзными дорогами, не только возместили потери, но и значительно подняли цѣнность поземельныхъ имуществъ.

Между тѣмъ прежняя податная система наша до сихъ поръ остается почти безъ всякаго измѣненія. Коммиссія податей и сборовъ за эти десять лѣтъ напечатала десятки томовъ своихъ трудовъ, въ которыхъ ярко освѣщаются недостатки нашей податной системы; составлены, и по нѣскольку разъ исправлены, проекты преобразованія почти всѣхъ налоговъ, но до сихъ поръ почти всѣ эти проекты остаются на бумагѣ. Осуществилась только замѣна поголовной подати съ мѣщанъ налогомъ на недвижимыя имущества въ городахъ, да и то не вполнѣ: государственный земскій сборъ остался по прежнему на мѣщанскихъ душахъ со всѣми затрудненіями къ которымъ ведетъ личная подать; платежи обывателей не освободили мѣщанъ отъ неудобствъ сопряженныхъ съ принадлежностью къ податнымъ состояніямъ.

Стѣсненія причиняемыя подушною податью, связанныя съ нею круговая порука и паспортная система, за послѣднее десятилѣтіе не только не ослабѣли, но стали быть-можетъ еще значительнѣе прежняго. Обязанность отвѣчать за исправное поступленіе податей перешла съ помѣщика на крестьянскій міръ и на крестьянское управленіе, которое, вслѣдствіе разныхъ причинъ, не рѣдко обращаетъ выдачу и возобновленіе паспортовъ въ самый обременительный налогъ для крестьянъ уходящихъ на промыслы. Только въ 1868 году снята круговая порука съ мелкихъ обществъ не имѣющихъ 21 души.

Крайняя ненормальность нашей податной системы падающей всею тяжестью на бѣднѣйшую часть населенія и какъ бы усиливающей тягость пропорціонально не имуществу податныхъ лицъ, а ихъ бѣдности, стала сказываться въ послѣднее время особенно замѣтно. Въ принципѣ податныя сословія перестали существовать; налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, земскіе губернскіе и уѣздные сборы привлекли къ платежамъ всѣ сословія одинаково. На ряду съ раскладкой земскихъ и городскихъ налоговъ, сравнительно раціональною, дико видѣть налоги которые становятся тѣмъ тяжелѣе для податнаго лица, чѣмъ меньше его имущество, и съ особенною тягостью падаютъ на крестьянъ имѣющихъ малые надѣлы.

Не разъ мы имѣли уже случай упоминать что прямые налоги составляютъ ничтожную часть общей суммы государственныхъ доходовъ и что большая масса „прямыхъ налоговъ“ падаетъ, у насъ не на имущества, а на личность податныхъ сословій. Послѣднее значеніе имѣютъ не только такъ-называемыя подушныя подати, государственный земскій сборъ, общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, но и сборы съ паспортовъ, по рекрутской повинности и пр. Читателямъ извѣстно что неудовлетворительность нашей податной системы была предметомъ довольно оживленныхъ толковъ прошлою осенью по поводу проекта одного изъ отдѣленій податной коммиссіи о переложеніи подушной подати государственнаго земскаго сбора на

дворы и землю. Въ сегодняшнихъ петербургскихъ телеграммахъ нашей газеты мы печатаемъ извѣстіе что помянутый проектъ поступилъ теперь на обсужденіе комитета министровъ, и что къ участію въ государственномъ поземельномъ сборѣ полагается привлечь земли всѣхъ сословій, хотя и въ незначительномъ размѣрѣ. Извѣстно что проектъ этотъ, послѣ предварительнаго обсужденія въ комитетѣ министровъ, будетъ разосланъ по земскимъ учрежденіямъ, ибо безъ ихъ практическихъ указаній реформа не можетъ обойтись.

Но не съ одной теоретически-финансовой точки зрѣнія замѣчаютъ теперь неудовлетворительность нашей податной системы. Обремененіе налогами только одной части населенія признаются одинаково и правительствомъ и обществомъ вслѣдствіе чрезмѣрной высоты налоговъ. Въ правительственномъ сообщеніи по поводу проекта административной реформы, опубликованномъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, высказано что налоги достигли тягостныхъ размѣровъ. То же самое свидѣтельствуютъ многіе изъ привилегированныхъ сословій и приводятъ размѣры крестьянскихъ платежей своего околотка: волости, мироваго участка, уѣзда. Съ легкой руки князя Васильчикова теперь сильно оживились толки о нашей податной системѣ и о необходимости участія всѣхъ сословій въ отправленіи государственныхъ повинностей.

На дняхъ мы получили новый трудъ одного изъ членовъ податной коммиссіи Н. И. Руковскаго *Сводъ свѣдѣній о смѣтахъ и раскладкахъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ въ тридцати губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія*. Къ этимъ сводамъ присоединены обширныя приложенія: вѣдомости о податяхъ и сборахъ во всѣхъ губерніяхъ Имперіи, о количествѣ всѣхъ прямыхъ налоговъ по губерніямъ, о выкупной операціи поуѣздно (публикованная впервые), о земскихъ сборахъ до введенія земскихъ учрежденій, о тѣхъ же сборахъ по губерніямъ гдѣ не введены земскія учрежденія, о распредѣленіи поземельнаго сбора на земскія повинности между крестьянами и помѣщиками въ губерніяхъ гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія. Въ книгѣ г. Руковскаго есть много и другихъ весьма интересныхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ публикѣ данныхъ.

Почтенный трудъ г. Руковскаго даетъ возможность опредѣлить размѣры повинностей падающихъ на крестьянскіе земли не въ одномъ, болѣе или менѣе случайно выбранномъ околоткѣ, а по цѣлымъ губерніямъ и еще болѣе крупнымъ частямъ Россіи. Болѣе точное опредѣленіе возможно, однако, лишь по тѣмъ 30 внутреннимъ губерніямъ гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія и гдѣ количество и распредѣленіе земель по владѣнію приведены въ болѣе или менѣе подробную и точную извѣстность.

Въ этихъ тридцати губерніяхъ во владѣніи помѣщиковъ, казны, удѣла и лицъ разныхъ сословій, за исключеніемъ крестьянскаго, считается 75.187.129 дес., *) а во владѣніи крестьянъ 70.285.923 десят., въ томъ числѣ у крестьянъ государственныхъ 33.371.242 дес. Повидимому г. Руковскій не имѣлъ достаточныхъ данныхъ чтобы по всѣмъ губерніямъ вполнѣ точно разчитать распредѣленіе земскихъ сборовъ на земли крестьянъ и земли другихъ сословій. Въ сводѣ почтеннаго автора разница обложенія помянутыхъ земель выходитъ незначительною: крестьяне платятъ $6,_{81}$ к. съ дес., а другія сословія $6,_{41}$ к. По даннымъ опубликованнымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, эта разница выходила гораздо больше.

Подушныя подати почти всею своею тяжестью падаютъ на крестьянскія земли. Въ 30 губерніяхъ имѣющихъ земскія учрежденія вносится подушныхъ ежегодно 28.666.504 р., что составитъ $40,_{7}$ к. с. съ десятины. Государственный земскій сборъ съ лицъ обложенныхъ подушною податью, то-есть съ крестьянъ, даетъ 12.709.406, а это составляетъ $18,_{0}$ к. съ каждой десятины крестьянской земли. Государственный общественный сборъ назначенъ въ 1870 году въ размѣрѣ 2.714.355 руб., то-есть 96 к. съ души, а такъ какъ всей земли у государственныхъ крестьянъ считается 33.371.242 десятины, то каждая десятина обложена этимъ сборомъ въ размѣрѣ $8,_{1}$ к. с. Врядъ ли мірскіе сборы бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ будутъ меньше.

Такимъ образомъ крестьянскія земли обложены у насъ прямыми сборами въ размѣрѣ $72,_{1}$ (съ губернскими и уѣздными земскими сборами) к. не считая ни об-

*) Въ этой цифрѣ по нѣсколькимъ губерніямъ не значатся лѣса.

рочной, ни лѣсной податей государственныхъ крестьянъ, ни выкупныхъ платежей крестьянъ-собственниковъ, ни разныхъ рекрутскихъ, паспортныхъ, страховыхъ и другихъ сборовъ, а также натуральныхъ повинностей. Размѣръ подушнаго обложенія, перечисленный на крестьянскія земли, болѣе чѣмъ въ одиннадцать разъ превышаетъ земскія повинности (6,4 к.) падающія на земли другихъ сословій.

Средній размѣръ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ составляетъ 79 к. Такимъ образомъ насчитывается уже на десятину земли государственныхъ крестьянъ 1 р. 52 к. прямыхъ сборовъ.

Выкупные платежи, не считая дополнительныхъ платежей помѣщикамъ, составляютъ 1 р. 86 к. съ десятины. Не принимая въ расчетъ даже и мірскихъ сборовъ и всѣхъ только что помянутыхъ выше повинностей, платежи временно-обязанныхъ крестьянъ простираются до 2 р. 52 коп. съ десятины.

Какое же еще нужно доказательство совершенной невозможности дальнѣйшаго возвышенія прямыхъ налоговъ съ крестьянъ, о чемъ такъ опредѣленно заявило и правительство?

Размѣры нашихъ прямыхъ налоговъ вообще не малы. Подушная подать, разложенная на земли всѣхъ сословій, составила бы около 19,7 к. съ десятины, государственный земскій сборъ 9,9 к. съ десятины. Въ итогѣ 29,6 к.—цифра весьма почтенная.

Очевидно поэтому что податная реформа должна состоять не въ одномъ переложеніи государственныхъ сборовъ въ извѣстныхъ размѣрахъ на земли всѣхъ сословій. Преобразованіе должно захватить систему нашихъ финансовъ шире и глубже. Увеличеніе таможенныхъ сборовъ, составляющихъ у насъ менѣе 1/10 всѣхъ государственныхъ доходовъ, продажа государственныхъ имуществъ и особенно горныхъ заводовъ, и, главное, бережливость въ расходахъ, не менѣе необходимы чѣмъ справедливое распредѣленіе государственныхъ повинностей, какъ бы настоятельно оно ни требовалось.

Многіе жалуются у насъ на возвышеніе земскихъ повинностей земскими учрежденіями и приписываютъ имъ чрезвычайное обремененіе крестьянъ. Это оказывается вообще не совсѣмъ справедливымъ. Въ 30 губерніяхъ гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія, правительство передало имъ 2.192.858 р. прежнихъ земскихъ сборовъ и 2.993.444 сбора на мировыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Теперь земство тратитъ на послѣднія учрежденія 2.160.257 коп., а на остальные расходы взимаетъ 12.842.519 р., изъ которыхъ 9.636.404 (75%) приходится поземельнаго налога, но изъ послѣднихъ болѣе половины 4.824.623 р. дали земли сословій не крестьянскихъ, казны и пр. Если считать что земскій губернскій налогъ на крестьянскія земли даже утроился, то подобное приращеніе составитъ всего около 4 к. съ десятины—цифра ничтожная при размѣрахъ нашихъ податей.

№ 113.

Москва, 27-го мая.

Нельзя не радоваться тому участію которое начинаетъ вызывать у насъ вопросъ о народномъ образованіи. Онъ становится уже не только правительственнымъ, но и общественнымъ вопросомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и должно признать что такому повороту общественнаго мнѣнія не мало содѣйствовало то отношеніе въ которое поставили себя къ дѣлу народныхъ училищъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи земскія учрежденія и земскіе люди, посвятившіе ему самый живой и доброжелательный интересъ. Къ замѣчательнымъ проявленіямъ этого общественнаго участія принадлежитъ книга барона Корфа *Народная Школа*, съ которою мы не замедлимъ подробнѣе познакомить читателей нашей газеты, и цѣлый рядъ статей затрогивающихъ существенныя, иногда глубоко лежащія, стороны вопроса о благоустройствѣ народныхъ училищъ. Изъ числа этихъ статей мы остановимся сегодня на двухъ статьяхъ профессора Московскаго университета П. Д. Юркевича помѣщенныхъ въ двухъ послѣдне-вышедшихъ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* подъ заглавіемъ: „Планъ и силы для первоначальной школы.“

Почтенный авторъ ставитъ вопросъ на широкую почву и разсматриваетъ его въ самыхъ общихъ чертахъ, съ точки зрѣнія повидимому теоретической, но тѣмъ не менѣе приходитъ къ весьма важнымъ практическимъ выводамъ такого свойства что

ихъ необходимо имѣть въ виду, если желать преуспѣянія не только народнымъ, но и всякимъ училищамъ въ нашемъ отечествѣ.

Грамотѣ, особенно русской, можно научить легко и удобно въ два года всякаго мальчика, если употреблять сколько-нибудь порядочные пріемы. Но никто не думаетъ чтобы пребываніе учениковъ въ народныхъ школахъ должно было ограничиваться двумя годами, и чтобы та школа удовлетворяла своему назначенію изъ которой ученики разбѣгались бы послѣ двухлѣтняго ученья. Первоначальное ученье должно продолжаться по меньшей мѣрѣ четыре года, а тамъ гдѣ народныя школы поставлены хорошо, онѣ посѣщаются не менѣе шести лѣтъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого что народную школу, какъ она существуетъ въ Западной Европѣ и какъ она должна существовать у насъ, нельзя считать простою школой грамотности? Припомнимъ горячіе споры бывшіе пятнадцать и двадцать лѣтъ тому назадъ о пользѣ или вредѣ грамотности. Вопросъ былъ тогда поставленъ односторонне, но если трудно доказать что грамотность вредна, то невозможно опровергнуть и того что грамотность сама по себѣ недостаточна, и что отъ хорошихъ народныхъ школъ ожидается гораздо болѣе чѣмъ ея распространеніе. Пока школъ вовсе нѣтъ или онѣ только на бумагѣ, то разумѣется первая забота должна быть о ихъ дѣйствительномъ существованіи, но затѣмъ всего болѣе слѣдуетъ заботиться о томъ чтобъ онѣ не были простыми школами грамотности, и проф. Юркевичъ высказываетъ лишь общепринятый въ образованномъ мірѣ взглядъ, когда говоритъ что главная опасность для народной школы состоитъ въ томъ чтобъ она не выродилась въ школу грамотности. Какъ всякая школа, такъ и народная, должна посредствомъ ученія воспитывать, то-есть очеловѣчивать.

Эта задача школы приводитъ насъ къ громкому въ западно-европейской литературѣ вопросу объ отношеніи школы къ церкви. Г. Юркевичъ вникаетъ въ сущность этого вопроса и съ замѣчательною ясностью указываетъ его элементы на происходящемъ въ протестантской Германіи спорѣ между двумя партіями, изъ коихъ одна желаетъ совсѣмъ отрѣшить школу отъ церкви, а другая считаетъ необходимымъ чтобы на церкви лежала обязанность надзора по крайней мѣрѣ за народною школой, и чтобы мѣстный пасторъ былъ прямымъ начальникомъ народнаго учителя въ порядкѣ установленнаго государствомъ подчиненія. Мы не будемъ слѣдить за г. Юркевичемъ въ интересныхъ соображеніяхъ, посредствомъ коихъ онъ приводитъ читателя къ заключенію что обѣ помянутыя партіи впадаютъ въ ошибку, что эта ошибка объясняется изъ свойствъ протестантизма, и что ея легко избѣжать или, лучше, что въ нее трудно впасть въ средѣ православной церкви. Остановимся лишь на практическомъ выводѣ автора по отношенію къ Россіи и русской народной школѣ, коей угрожаетъ ошибка иного свойства, еще болѣе опасная, хотя и гораздо легче устранимая. Въ Германіи рѣчь идетъ о томъ чтобъ оторвать школу отъ церкви; у насъ слѣдуетъ опасаться чтобы школа не была разорвана между церковью и свѣтскимъ обществомъ.

Школа есть учрежденіе свѣтское и потому не можетъ быть подчиняема духовенству которое, въ свою очередь, не можетъ нисходить на степень орудія для государственнаго надзора надъ школой. „Не подобаетъ священнику, не сообразно съ честію его сана, быть официальнымъ начальникомъ народнаго учителя. Это ставило бы его на одну линію съ тѣми гражданскими чиновниками которыми правительство пользуется какъ своими орудіями, не давая имъ того значенія какое подобаетъ священнику по его іерейской совѣсти.“ Взаимныя отношенія школы и церкви должны быть свободныя. Но при этомъ условіи чѣмъ будетъ тѣснѣе связь ихъ, тѣмъ лучше. Школа можетъ преуспѣвать лишь когда получитъ значеніе преддверія церкви, болѣе необходимаго для нея чѣмъ дорогой окладъ на образъ или большой колоколъ. Этотъ взглядъ долженъ укорениться въ народѣ; онъ долженъ быть внушаемъ наставленіями священническими и епископскими, столь могущественными у насъ. Сколько неисчислимой пользы можетъ сдѣлать посѣщеніе школъ архіереемъ при объѣздѣ епархіи! „Въ нашей Россіи, говоритъ г. Юркевичъ, благословеніе архіерейское часто рождаетъ капиталы и дѣйствующія на общее благо силы.“ Школы всюду возникали подъ кровомъ церкви, и ея жизнь выражалась всегда мѣрой ея заботы о школахъ. Съ другой стороны, школа получаетъ свое одушевленіе отъ церкви и мертвѣетъ какъ

скоро начинаетъ ея чуждаться: жизненность школы измѣряется ея болѣе или менѣе тѣсною связью съ церковью.

Какая же задача гражданскаго закона въ виду такого отношенія школы и церкви? Гражданскій законъ не можетъ вложить своими опредѣленіями жизнь ни въ церковь, ни въ школу; онъ не въ силахъ установить между ними желательную связь которая должна имѣть основаніемъ свободу. Его задача ограничивается тѣмъ чтобъ онъ не препятствовалъ ни оживленію церкви и школы, ни тѣсной связи школы съ церковью, ни внутреннему единству школы. А наши школьные законы разрушаютъ единство школы, и г. Юркевичу истинная честь что онъ энергически указываетъ на это зло, равно пагубное и школѣ и церкви. Приводимъ его слова:

„Народное училище слагалось у насъ изъ двухъ микроскопическихъ, но совершенно независимыхъ другъ отъ друга факультетовъ: науки свѣтскія отдѣлялись рѣзкою чертой отъ наукъ божественныхъ. Между тѣмъ народная школа должна быть вся одинъ тонъ, одинъ духъ, одно нравственно-религіозное направленіе. Законъ Божій воспитываетъ не тѣмъ что онъ заучивается, но тѣмъ что онъ изъ круга жизненныхъ явленій выдѣляетъ, возвышаетъ и освящаетъ вѣчныя основы и начала нашей человѣчности.

„Учитель, который не имѣетъ права преподавать законъ Божій, поставленъ ниже того уровня, на которомъ находится школа, онъ униженъ безъ вины; то что особенно священно и дорого, не подобаетъ ему, не дозволяется ему. Онъ не доросъ до этого. Къ чему это *testimonium paupertatis?* „Вы напередъ оповѣщаете обществу что ваша школа обанкрутилась, какъ только вы считаете вашихъ учителей неспособными заниматься важнѣйшимъ изъ всѣхъ предметовъ, религіознымъ обученіемъ“ (*Куртманъ*).

„Не окончившій еще курса въ духовной семинаріи молодой человѣкъ произноситъ въ церкви поученія и проповѣди съ благословенія священника, въ домѣ котораго онъ проводитъ вакаціонное время. Къ концу тѣхъ же вакацій онъ вступилъ въ должность учителя народной школы; оказывается что онъ не имѣетъ права излагать дѣтямъ ученіе вѣры въ школѣ, тогда какъ мѣсяцъ назадъ онъ имѣлъ право излагать ученіе вѣры взрослымъ съ церковной каѳедры.

„Между тѣмъ законоучитель занятъ по приходу; завтра нельзя заниматься въ школѣ, потому что заказана обѣдня; въ другой разъ отъ самыхъ дверей школы онъ вернулся домой, потому что позвали напутствовать больнаго; а тамъ нужно отправиться къ благочинному, или даже въ консисторію, по дѣламъ церкви. Много ли выигрываетъ преподаваніе Закона Божія отъ того что этотъ предметъ занимаетъ первое мѣсто въ программѣ? Бываетъ также не рѣдко что священникъ превосходный пастырь своего прихода, но ужь такой не педагогъ что обученіе дѣтей никогда бы не слѣдовало поручать ему. Въ этомъ случаѣ оба лица, учитель и священникъ, почувствуютъ себя въ положеніи стѣсненномъ и унижающемъ: учитель какъ лишенный права, законоучитель какъ лишенный способности.

„Главная надежда народныхъ школъ заключается въ педагогической дѣятельности учительскихъ семинарій. Въ этихъ заведеніяхъ молодые люди должны приготовляться къ будущимъ обязанностямъ народныхъ учителей. Въ числѣ этихъ обязанностей молодой человѣкъ не находитъ обязанности обучать закону Божію. Какъ бы не усердно заботились въ семинаріи о религіозномъ образованіи педагоговъ, память постоянно говоритъ каждому изъ нихъ: „Тебѣ не придется преподавать этотъ предметъ, ты не будешь обязанъ обучать дѣтей закону Божію.“ И это одно будетъ дѣйствовать на пониженіе религіознаго образованія непрерывно, тихо, настойчиво; какъ злой духъ влекущій сердце юноши къ земному, ежедневному, временному, и закрывающій отъ него небо и вѣчность.“

„Не слѣдуетъ, говоритъ г. Юркевичъ въ другомъ мѣстѣ, обрѣзывать крылья юношеству которое въ учительской семинаріи готовится къ далекой будущности.“ Несообразность этого „обрѣзывающаго крылья“ разъединенія между свѣтскимъ и религіознымъ образованіемъ г. Юркевичъ показываетъ еще на слѣдующемъ примѣрѣ:

„При нашихъ порядкахъ что придется дѣлать школѣ, когда появится учебникъ соединяющій въ себѣ ученіе о религіи съ ученіемъ объ отечествѣ? Возьметъ ли на свою долю учитель, какъ жрецъ отъ государства, ученіе объ отечествѣ и оставитъ священнику, какъ жрецу отъ церкви, ученіе о религіи? Но начала на которыхъ построенъ учебникъ не дозволяютъ этого

дѣлежа. Священная исторія должна быть родная для каждаго христіанина; родная исторія должна быть священна для каждаго Русскаго. По такимъ началамъ составлена, напримѣръ, книга для чтенія въ первоначальныхъ училищахъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства."

Что сказать о школѣ гдѣ нельзя употреблять религіозно-нравственныхъ книгъ для чтенія и гдѣ предписывается ея устройствомъ чтобы бо̀льшая часть учебнаго времени отнюдь не шла на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей? Что̀ сказать о положеніи дѣлъ которое подѣлило на двѣ касты, свѣтскую и духовную, не только людей, но и ихъ чувства, мысли, познанія, и наконецъ даже учебныя руководства? Что̀ сказать объ уваженіи къ церкви превратившемся въ удаленіе отъ нея и принявшемъ, по выраженію г. Юркевича, характеръ формализма и внѣшняго, холоднаго, мертвящаго чинопочитанія? „Вообще такъ уже принято у насъ и такъ требуется формами права что свѣтскіе люди, хотя бы они составляли педагогическій совѣтъ, съ почтительною предупредительностію принимаютъ все что̀ представитъ имъ духовное лицо или относительно програмы, или относительно методы преподаванія закона Божія. Такъ лицемѣритъ вся свѣтская Россія предъ всею духовною Россіей."

Но возвращаемся къ народнымъ школамъ. Если свѣтскій учитель, съ разрѣшенія священника, долженъ имѣть право преподавать дѣтямъ ученіе вѣры, то и священникъ, по мнѣнію г. Юркевича, долженъ также имѣть право, съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ, преподавать дѣтямъ другіе предметы учебнаго курса, буде самъ того пожелаетъ и докажетъ на дѣлѣ свои педагогическія способности. При такомъ порядкѣ, говоритъ г. Юркевичъ, „дѣятельный учитель будетъ имѣть значеніе для недѣятельнаго священника какъ живая, упрекающая совѣсть, отъ требованій которой скрыться некуда, и наоборотъ, учитель будетъ встрѣчать такую же совѣсть въ дѣятельномъ законоучителѣ: только наша непривычка жить и дѣйствовать по началамъ свободы не позволяетъ намъ видѣть все достоинство и всю выгоду этого свободнаго положенія учителя и законоучителя."

Г. Юркевичъ дѣлаетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о томъ какъ наши порядки понижаютъ общій тонъ школы. Онъ беретъ на выдержку описаніе школы изъ двухъ книгъ дѣтскаго чтенія, одной русской, принадлежащей къ лучшимъ, и одной нѣмецкой изъ самыхъ обыкновенныхъ. Въ русской школѣ замѣчательно то что учитель сидитъ на стулѣ, а ученики на скамейкахъ; въ нѣмецкой то что учитель читаетъ съ дѣтьми молитвы при началѣ и при концѣ занятій. Русскаго мальчика заставляютъ помнить что возлѣ учителя стоитъ доска, на которой пишутъ мѣломъ; нѣмецкаго — что онъ долженъ заботиться объ опрятности, быть тихимъ и послушнымъ. Итакъ во всемъ, а когда невыносимо-будничную прозу нашихъ школьныхъ книгъ для народа хотятъ разнообразить сказками и былинами, то этимъ только доказываютъ что на свѣтѣ очень часто съ утратой поэзіи утрачивается и здравый смыслъ. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе этихъ усилій вносить въ народъ посредствомъ школы повѣрья и сказки уже принадлежащія народу? Что̀ можетъ болѣе свидѣтельствовать объ утратѣ всякаго чувства дѣйствительной пользы чѣмъ разучиваніе съ дѣтьми какой-нибудь сказки о *злой-презлой бабѣ*? Къ длиннымъ выпискамъ изъ статей г. Юркевича позволимъ себѣ прибавить еще слѣдующую:

„Сказка есть произведеніе народной фантазіи. Но что̀ это значитъ? Мать должна цѣлый день *тараторить* съ своими ребятишками; она имѣетъ *обязанность* воспитывать ихъ, но также имѣетъ *надобность* занимать ихъ, ежеминутно дѣлать себя *необходимою* для нихъ, пополнять пустоту существованія возбужденіемъ какихъ-нибудь интересовъ, и здѣсь всякая болтовня кстати, здѣсь терпима всякая фантазія, которая *развязываетъ* языкъ. Такъ и понимаются эти сказки въ кругѣ семейныхъ отношеній; мать болтаетъ ихъ не съ авторитетомъ учителя, не сообщаетъ имъ той санкціи, какую онѣ получаютъ, какъ только учитель передаетъ ихъ, призванный исполнять свой долгъ, а не слѣдующій простой потребности жить и играть, развлекать и развлекаться. Поэтому сказка, которая въ бесѣдахъ матери будетъ безвредна для дѣтскаго сердца, нерѣдко окажется въ устахъ учителя грязною и противною нравственнымъ и религіознымъ началамъ. Пора бы понять этотъ законъ нашимъ педагогамъ. Сказки не суть „первыя и блестящія попытки русской народной педа-

гогики," какъ выражается г. Ушинскій. Сказки сказываются не въ тѣсномъ интересѣ воспитанія, но въ обширномъ интересѣ жизни. И народъ понимаетъ это; народъ не любитъ школы которая воспитываетъ дѣтей на сказкахъ и посредствомъ сказокъ. Народъ пріобрѣтаетъ на мѣдные гроши книги которыя могутъ просвѣтить его дѣтей и научить ихъ добру. Какія это книги? Собраніе сказокъ? Заберите справки о книгахъ которыя распространяетъ въ народѣ то даромъ, то по очень дешевой цѣнѣ извѣстный ревнитель народнаго просвѣщенія Прохоровъ и которыя принимаетъ народъ съ живѣйшею благодарностію."

№ 114.

Москва, 28-го мая.

Мы получили изъ источниковъ достовѣрныхъ интересныя свѣдѣнія о проектѣ концессіи на Маріинскую водную систему, который внесенъ въ комитетъ объ этой системѣ извѣстными торговцами и судопромышленниками: С. Т. Овсянниковымъ, П. Л. Ненюковымъ, Я. Я. Фейгинымъ, И. А. Милютинымъ, В. А. Милютинымъ, П. Т. Духиновымъ, Т. Я. Буфѣевымъ и капитанъ-лейтенантомъ и первой гильдіи купцомъ А. П. Племянниковымъ. Проектъ этотъ еще не окончательный; въ немъ изложены лишь главныя основанія весьма оригинальной комбинаціи предлагаемой поименованными лицами, а самыя подробности еще предполагается выработать при детальномъ разсмотрѣніи предложенія въ комитетѣ.

Сущность предложенія заключается въ передачѣ Маріинской системы не акціонерной компаніи, а товариществу изъ самихъ грузоотправителей. Гг. Овсянниковъ и К°, въ качествѣ учредителей, принимаютъ на себя помѣщеніе четверти всего основнаго капитала товарищества, съ тѣмъ чтобъ остальныя три четверти были собраны выпускомъ паевъ приносящихъ 5% ежегоднаго дохода и 1/10% на погашеніе, но владѣльцамъ паевъ не присвояется никакого участія въ предпріятіи. Оно ведется учредителями если не вполнѣ по указаніямъ, то все-таки подъ контролемъ общаго собранія товарищества составляемаго изъ грузоотправителей по Маріинской системѣ. „Участіе въ дѣлахъ „товарищества," говоритъ проектъ концессіи, „обусловливает„ся исключительно только пользованіемъ „пути, а не владѣніемъ паевъ, которое ни „голоса, ни участія въ товариществѣ не „даетъ. Право участія въ дѣлахъ това„рищества опредѣляется суммою уплаченною „за провозъ." Грузоотправители въ извѣстной мѣрѣ участвуютъ также въ прибыляхъ предпріятія.

Эта комбинація весьма оригинальна и, сколько намъ извѣстно, не употреблялась еще при эксплуатаціи водныхъ путей. Цѣль ея состоитъ, очевидно, въ устраненіи неудобствъ акціонернаго пользованія водными сообщеніями, при которомъ интересы отправителей часто враждебно сталкиваются съ интересами компаніи. Извѣстно что злоупотребленія и дурное управленіе заставили уже въ иныхъ государствахъ приступить къ выкупу каналовъ отъ акціонерныхъ компаній, либо возбудили множество заявленій о необходимости такого выкупа. Правда, въ этихъ государствахъ акціонерныя компаніи владѣли каналами частію на правѣ полной собственности, частію въ силу статутовъ, утвержденныхъ давно и не соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ. Но во всякомъ случаѣ, даже при возможности дать компаніямъ водныхъ сообщеній уставы соотвѣтственные потребностямъ,—что можетъ быть привлекательнѣе мысли о такомъ устройствѣ предпріятія по сообщеніямъ, при которомъ была бы парализована самая опасная часть дѣла, характеръ монополіи? Если водный путь будетъ находиться по правдѣ въ рукахъ людей которые имъ пользуются, то предпріятію не надъ кѣмъ будетъ злоупотреблять своею монопольною силой. Вся трудность дѣла заключается въ пріисканіи формы, при которой могла бы свободно осуществиться такого рода постановка предпріятія. Найдена ли эта форма?

Наше законодательство предоставляетъ такую свободу для условій товарищества, какой напрасно будемъ искать въ другихъ кодексахъ. Этимъ и воспользовались учредители. Русскіе законы не воспрещаютъ участія въ товариществѣ такихъ лицъ которыя, не неся убытковъ предпріятія, участвовали бы только въ барышахъ, и притомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Другими словами, у насъ товарищества могутъ дѣлать займы въ формѣ выпуска паевъ. Понятно что въ этомъ случаѣ паи до извѣстной степени играютъ роль облигацій. То

же значеніе имѣютъ и паи предполагаемаго товарищества Маріинской системы. Проценты слѣдующіе по паямъ ($5^1/_{10}$%) уплачиваются изъ чистаго дохода предпріятія прежде всякаго иного отчисленія. Правительство даетъ товариществу гарантію по уплатѣ процентовъ на паи или на „облигаціонный капиталъ.“

Участіе грузоотправителей въ товариществѣ предполагается не постоянное, а временное. После перваго навигаціоннаго года „грузоотправители сплавившіе свои грузы въ продолженіи сей навигаціи“ становятся членами товарищества. При полученіи платы за проходъ пути товарищество будетъ выдавать грузовыя свидѣтельства, которыя предоставляютъ отправителямъ право голоса въ общемъ собраніи товарищества. Свидѣтельство въ 500 р. даетъ право на одинъ голосъ, въ 1.000 р. на два, въ 2 т. р. на три, въ 4 т. р. на четыре, въ 8 т. р. на пять, въ 16 на шесть и т. д., но болѣе 10 голосовъ никто изъ отправителей имѣть не можетъ. Допущены также складочные голоса. „Грузовыя свидѣтельства, говоритъ проектъ концессіи, даютъ *право голоса* только *за послѣднюю навигацію*.“

Въ этихъ словахъ, вѣроятно, выражена та мысль что отправитель переставшій посылать грузы съ тѣмъ вмѣстѣ перестаетъ быть членомъ товарищества и участвуетъ въ прибыляхъ лишь за послѣднюю навигацію.

Членамъ товарищества не просто дано участіе по дѣламъ „за послѣднюю навигацію,“ но и предоставлено вліяніе на самое веденіе предпріятія. Общее собраніе товарищества избираетъ ревизіонную коммиссію для повѣрки отчета за прошлый годъ и разсмотрѣнія бюджета на предстоящій. Оно опредѣляетъ процентъ отчисленія въ запасный капиталъ (удобно ли это?) и по прошествіи четырехъ лѣтъ назначенныхъ для приведенія Маріинской системы въ улучшенное состояніе и одного опытнаго года избираетъ ежегодно двухъ членовъ совѣта, взамѣнъ выбывающихъ. Но общее собраніе не имѣетъ права опредѣлять провозную плату по системѣ. Словомъ, членамъ товарищества предоставляется контроль надъ нимъ и лишь въ извѣстной мѣрѣ участіе въ веденіи дѣлъ.

Изъ прибылей товарищества отчисляется прежде всего сумма на уплату процентовъ на облигаціонный капиталъ, потомъ въ запасный капиталъ, на вознагражденіе учредителямъ и на награды служащимъ; затѣмъ все остальное дѣлится между отправителями грузовъ, пропорціонально грузовымъ свидѣтельствамъ.

Такимъ образомъ члены товарищества Маріинской системы ничего не вносятъ въ него ни изъ своего имущества, ни личными услугами, если не считать контроль за услугу. Все дѣло ихъ состоитъ только въ томъ что они пользуются каналами, и это даетъ имъ право на прибыли, какъ бываетъ въ обществахъ потребителей или въ кредитныхъ товариществахъ заемщиковъ. Но не будутъ ли они отвѣчать предъ третьими лицами по дѣламъ товарищества? Допускаютъ ли наши общіе законы подобное участіе въ товариществахъ организованныхъ какъ предполагаемое нынѣ?

Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ степени отвѣтственности учредителей, а потому прежде отвѣта ознакомимъ читателей съ обязанностями и правами членовъ-учредителей. Они должны представить проектъ устава товарищества въ теченіе мѣсяца по утвержденіи концессіи и затѣмъ вести все предпріятіе. Не на самое товарищество, а на учредителей возлагается обязанность: а) въ теченіе трехъ лѣтъ привести Маріинскій путь (не одну систему, а весь путь отъ Петербурга до Рыбинска) въ надлежащее устройство согласно проектамъ и мѣрамъ какія утвердитъ правительство на основаніи изысканій произведенныхъ учредителями приложенной къ концессіи технической записки, б) ввести туажъ и в) принять на себя завѣдываніе системою, а равно ремонтъ сооруженій „во все время существованія товарищества средствами онаго.“ Изъ этого слѣдуетъ что собственно хозяевами предпріятія на все время концессіи будутъ учредители, и что собственно только они могутъ быть названы *товарищами* по терминологіи нашего закона. Учредители вносятъ залогъ и 5% съ основнаго капитала и принимаютъ на себя помѣщеніе $^1/_4$ части основнаго капитала, не обязываясь сами разобрать его между собою и слѣдовательно удерживая за собой право принимать въ свою среду новыхъ членовъ въ качествѣ учредителей, то-есть на основаніи, вѣроятно, законовъ о товариществѣ на вѣрѣ. Для устройства системы и введенія паровыхъ двигателей учредители выбираютъ изъ себя совѣтъ который, какъ

мы говорили выше, остается безъ измѣненій на срокъ 4—5 лѣтъ, а потомъ пополняется грузо-отправителями, вслѣдствіе чего въ послѣдствіи учредители будутъ имѣть вліяніе на составъ совѣта лишь въ качествѣ грузоотправителей. Совѣтъ опредѣляетъ въ каждую навигацію размѣры платы за проходъ по системѣ, утверждаемые министерствомъ. Чрезъ пять лѣтъ провозная плата должна быть не выше цифръ опредѣленныхъ въ концессіи. Предсѣдательство въ совѣтѣ, по буквальному смыслу проекта концессіи, можетъ быть поручено даже лицу постороннему, въ товариществѣ вовсе не участвующему. О предсѣдателѣ лишь говорится что онъ долженъ быть избранъ учредителями и утвержденъ правительствомъ. На учредительскіе паи должно отчисляться извѣстное вознагражденіе (кромѣ $5^1/_{10}$%), опредѣляемое уставомъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительно оригинальная комбинація, предлагаемая гг. Овсянниковымъ и К°. Проектъ концессіи оставляетъ въ тѣни вопросъ объ отвѣтственности разныхъ участниковъ товарищества предъ третьими лицами, ограничиваясь замѣчаніемъ что оно подчиняется общимъ правиламъ о товариществахъ. Проектируемое товарищество, по нашему Своду, должно принадлежать къ товариществамъ на вѣрѣ. По закону такая ассоціація составляется изъ одного или нѣсколькихъ товарищей съ пріобщеніемъ къ нимъ вкладчиковъ. Товарищи отвѣчаютъ по дѣламъ компаніи всѣмъ своимъ имуществомъ. Вкладчики, то-есть въ данномъ случаѣ владѣльцы паевъ, отвѣчаютъ своими вкладами. Понятно что, не имѣя никакого участія въ предпріятіи, вкладчики дадутъ товариществу деньги только при крѣпкомъ довѣріи къ солидности именъ, становящихся во главѣ дѣла и отвѣчающихъ за него, по общему закону, всѣмъ своимъ достояніемъ. Противъ злоупотребленій со стороны этихъ лицъ постановляется что грузоотправители постепенно пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе вліянія на внутренній ходъ дѣлъ товарищества: учредители мало-по-малу уступаютъ имъ власть, что, при лежащей на учредителяхъ отвѣтственности, было бы непонятно еслибы не слѣдовало предположить что учредители будутъ сами грузоотправителями и стало-быть фактически голоса не потеряютъ. Что касается до вкладчиковъ, то отъ злоупотребленій со стороны отправителей грузовъ, которые могли бы чрезмѣрно понизить цѣну провоза, они обезпечены правительственною гарантіей, а казна съ своей стороны обезпечена утвержденіемъ провозной платы на каждый годъ министромъ путей сообщенія.

Въ проектѣ концессіи встрѣчаются, однако, частности не совсѣмъ согласныя съ характеромъ товарищества на вѣрѣ, которое дается предпріятію. Такъ чрезъ извѣстное число лѣтъ совѣтъ управленія будетъ избираться грузо-отправителями. Но такъ какъ товарищество учреждается на 85 лѣтъ, и въ продолженіи этого срока многіе изъ учредителей перестанутъ быть грузо-отправителями, то можетъ статься что учредители или ихъ наслѣдники будутъ совсѣмъ отстранены отъ веденія дѣлъ, а между тѣмъ они должны будутъ отвѣчать за товарищество, ибо только въ нихъ законъ будетъ видѣть хозяевъ предпріятія. Эта случайность не предусмотрѣна въ проектѣ концессіи, какъ и вообще въ немъ ничего не сказано о переходѣ правъ и обязанностей товарищей-учредителей по наслѣдству.

Предпріятію, какъ оно поставлено въ проектѣ концессіи, необходимо придерживаться формы товарищества на вѣрѣ. Нѣтъ возможности вообразить себѣ акціонерную компанію устроенную съ подобными правами учредителей и участниковъ. А въ форму товарищества дѣло укладывается: права учредителей выкупаются ихъ полною отвѣтственностью; въ ней же лежитъ гарантія для вкладчиковъ; съ другой стороны, при свободѣ заключенія договоровъ между членами товарищества, они очень могутъ принять въ свою среду и грузоотправителей, могутъ дать имъ контроль и даже нѣкоторое участіе въ управленіи. Все это вполнѣ законно.

Такимъ образомъ лучшую форму промышленности по воднымъ сообщеніямъ можно, кажется, считать найденною. Успѣхъ ея будетъ зависѣть отъ раціональной выработки концессіи и устава, а всего болѣе отъ кредита отвѣтственныхъ учредителей.

№ 115.

Москва, 29-го мая.

Давно уже было у насъ на сердцѣ сказать нѣсколько словъ по поводу предпринятаго въ послѣднее время такъ-называемаго перевода Священнаго Писанія съ славянскаго языка на русскій. Потребность приблизить эти книги къ народному разумѣнію и открыть свободный и легкій доступъ къ нимъ для всѣхъ и каждаго чувствовалась и въ прежнюю пору. Но при господствовавшихъ въ прежнюю пору порядкахъ и воззрѣніяхъ, нечего было и думать объ удовлетвореніи этой потребности. Подъ видомъ охраненія началъ нашей духовной жизни, тогда считалось лучшимъ вовсе не допускать ихъ до жизни и держать взаперти. Люди находившіе полезнымъ распространеніе Священнаго Писанія въ народѣ казались крайними либералами, якобинцами, опасными какъ для церковной, такъ и гражданской тишины. Было время когда даже блаженной памяти митрополитъ Филаретъ слылъ за подобнаго якобинца. Россійское библейское общество, имѣвшее цѣлію распространеніе Священнаго писанія въ народѣ, подверглось гоненію какъ злонамѣренный заговоръ, и было закрыто. Якобинцамъ удалось только настоять на переложеніи Новаго Завѣта и Псалтыря: за то приняты были мѣры чтобы эти опасныя книги не могли распространиться въ народѣ. Евангеліе въ русскомъ переводѣ пріобрѣсти было очень трудно. Хотя Британское библейское общество печатало его и продавало по дешевой цѣнѣ, но мѣры противъ его распространенія въ Россіи были гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе чѣмъ противъ издѣлій революціонной печати. Только въ наше время найдено возможнымъ и должнымъ озаботиться распространеніемъ Евангелія въ общедоступномъ изложеніи. Въ наше же время созрѣла наконецъ мысль и объ общедоступномъ изложеніи всѣхъ книгъ Священнаго Писанія, и мысль эта приводится теперь въ исполненіе. Въ видѣ пробы, почти при всѣхъ духовныхъ журналахъ печатаются теперь различныя части Священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ.

Въ русскомъ переводѣ! Но развѣ Священнаго Писанія не было до сихъ поръ на русскомъ языкѣ? На какомъ же языкѣ читается оно до сихъ поръ въ нашихъ храмахъ? Развѣ не на славянскомъ, и развѣ русскій языкъ не есть славянскій? Развѣ кромѣ церковно-славянскаго былъ еще какой-нибудь другой языкъ, на которомъ выражалась духовная жизнь нашего народа въ древнюю пору его историческаго существованія? Развѣ не всѣ памятники нашей древней письменности, не только церковной, но и свѣтской, писаны тѣмъ же въ сущности языкомъ, на который переведены для Русской церкви книги Священнаго Писанія? Русская церковь, — но почему же она русская, если даже языкъ употребляемый ею только теперь хотятъ перевести на русскій языкъ?

Нѣтъ, мы полагаемъ что такъ-называемый церковный языкъ есть существенная стихія русскаго. Церковно-славянское слово принадлежитъ къ исторіи русскаго слова, и есть какъ бы его первоначальное состояніе. Въ то время когда первоучители Славянъ изобрѣли для нихъ письмена и впервые повѣдали имъ слово Божіе, еще не было и не могло быть различныхъ языковъ славянскихъ. Была рознь нарѣчій которыя не могли еще рѣзко обособиться и принять форму самостоятельныхъ языковъ, болѣе или менѣе чуждыхъ одинъ другому. Все еще было тогда зыбко въ славянскомъ мірѣ, и рознь діалектовъ не имѣла еще времени выработаться съ систематическою послѣдовательностію, ибо для этого потребно продолжительное литературное развитіе, при особыхъ условіяхъ національнаго существованія. Тогдашнія славянскія племена не имѣли письменности, которая помогла бы кристаллизоваться розни нарѣчій, и славянскіе діалекты, какъ бы въ иныхъ случаяхъ ни были рѣзки ихъ особенности, являли собою только броженіе не установившихся формъ одного и того же языка. Они безъ сомнѣнія точно также относились другъ къ другу какъ греческіе діалекты въ Гомеровскихъ эпосахъ, совмѣщающихъ въ себѣ все разнообразіе эллинскаго слова, которое въ послѣдствіи, благодаря этой великой сокровищницѣ первоначально собравшей его, никогда не распадалось на чуждые другъ другу и взаимно непонятные языки. Языкъ Священнаго Писанія преподаннаго Славянамъ не могъ пріобрѣсти такого для нихъ значенія. Славянскія племена разошлись слишкомъ далеко, и не всѣ сохранили древ-

ній языкъ органомъ своей духовной жизни. Но въ свое время онъ былъ понятенъ для всѣхъ Славянъ, — по крайней мѣрѣ столько сколько простымъ умамъ бываетъ понятно книжное слово, образовавшееся подъ вліяніемъ чуждой грамматики. Что языкъ Кирилла и Меѳодія былъ вразумителенъ для всѣхъ Славянъ, это доказывается тѣмъ что первоучители легко и удобно переходили со словомъ проповѣди отъ одного славянскаго племени къ другому. Могло ли бы это быть, еслибы каждое изъ этихъ племенъ имѣло тогда свой особый языкъ, отошедшій отъ общаго корня? Возьмемъ славянскіе языки въ ихъ теперешнемъ состояніи: было ли бы возможно обратиться теперь къ разнымъ народамъ славянскаго корня на языкѣ одного изъ нихъ какъ равно для всѣхъ понятномъ? Что въ давнюю пору славянскія нарѣчія были еще ближе между собой, тому служатъ свидѣтельствомъ памятники древней славянской письменности, кромѣ книгъ Священнаго Писанія. Древнѣйшій поэтическій памятникъ чешскаго языка, *Любушинъ Судъ*, ближе къ церковно-славянскому языку и къ памятникамъ русской древней письменности чѣмъ къ нынѣшней чешской рѣчи. Подъ прозрачною пеленой діалектическихъ особенностей, въ немъ выразительно сквозитъ общая славянская основа, благодаря которой памятникъ этотъ можетъ считаться достояніемъ исторіи столько же русскаго, сколько чешскаго языка. Скажемъ болѣе: по своей близости къ складу древне-славянскаго, еще не раздѣлившагося языка, какъ онъ отпечатлѣлся въ переводѣ Священнаго Писанія, древнѣйшій памятникъ чешской письменности находится, быть-можетъ, въ болѣе живомъ соотвѣтствіи съ русскимъ языкомъ чѣмъ съ нынѣшнимъ чешскимъ, который въ своемъ развитіи не былъ подъ постояннымъ регулирующимъ и сдерживающимъ дѣйствіемъ древняго церковно-славянскаго слова.

Древній славянскій языкъ, ставшій у насъ органомъ церкви, сталъ вмѣстѣ и органомъ всей нашей письменности. Онъ сталъ объединяющею стихіей русскихъ Славянъ; въ немъ начало русскаго языка, въ немъ та основа на которой совершалась въ теченіе столѣтій жизнь его, при всѣхъ измѣненіяхъ въ его составѣ и формахъ. Изъ него, подъ вліяніемъ разныхъ условій, вырабатывалась нынѣшняя литературная русская рѣчь, и какъ бы она далеко ни отошла отъ него, въ ней сохранилась внутренняя связь съ нимъ; онъ присутствуетъ въ ней какъ принципъ, и она всегда можетъ обращаться къ нему какъ къ своему источнику, обновлять и освѣжать въ немъ свои силы. Вотъ почему намъ кажется невѣрнымъ то воззрѣніе которое видитъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ два словесные организма другъ для друга замкнутые. Нѣтъ, одинъ въ другой входитъ, и русскій языкъ въ своемъ развитіи не можетъ и не долженъ разобщаться съ своимъ первоначальнымъ родникомъ, заглушать въ себѣ одну изъ своихъ основныхъ стихій, отпираться отъ своего прошлаго и отказываться отъ своихъ природныхъ богатствъ.

Русскій языкъ, въ томъ видѣ какъ мы употребляемъ его теперь, не есть дѣло совершенно оконченное. Всякій живой языкъ подлежитъ развитію которое во многомъ можетъ измѣнять и складъ, и самыя формы его. Относительно русскаго языка это имѣетъ тѣмъ большую силу что нынѣшнее состояніе его еще не успѣло запечатлѣться въ произведеніяхъ вѣковѣчнаго достоинства, которыя закрѣпили бы установившійся въ немъ складъ. Онъ еще открытъ для измѣненій; въ него безпрерывно вливаются новыя струи и индивидуальнаго творчества, и бытовой жизни съ ея мѣстными красками. Должна ли навсегда замолкнуть въ немъ только та стихія которая отъ начала была органомъ духовной жизни нашего народа, которая связуетъ его съ прошедшимъ и присутствуетъ въ русскомъ языкѣ какъ жизненный принципъ его организаціи? Можетъ ли какая-либо организація развиваться хорошо если въ ней подвергнется болѣзненному омертвенію одно изъ существенныхъ началъ ея? Не оскудѣетъ ли при этомъ творчество языка, или не уклонится ли оно въ сторону? Насильственное подавленіе одной изъ жизненныхъ стихій языка не причинитъ ли ущерба самимъ понятіямъ? Всякое слово, всякій оборотъ рѣчи носитъ на себѣ отпечатокъ своего употребленія, и вмѣстѣ съ отвлеченными понятіями вызываетъ въ умѣ настроенія не остающіяся безъ вліянія на характеръ и развитіе понятій.

Переводить съ славянскаго языка на русскій, повидимому, значитъ у насъ не что иное какъ вытравлять церковно-славянскую

стихію. Всякій оборотъ рѣчи, всякое слово церковно-славянскаго покроя, нещадно изгоняются, и взамѣнъ ихъ подбираются изъ нынѣшняго литературнаго языка эквиваленты, какого бы то ни было свойства, лишь бы только они разнились съ церковно-славянскими формами. Нужды нѣтъ если церковно-славянскія формы окажутся въ иномъ случаѣ не только выразительнѣе и соотвѣтственнѣе содержанію, но и понятнѣе чѣмъ прінсканныя въ замѣнъ имъ, яко бы собственно русскія формы, — нужды нѣтъ: сказано перевести, и во что бы то ни стало надобно сдѣлать языкъ Священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ сколь можно болѣе непохожимъ на церковно-славянскій. Истинная цѣль переложенія, приблизить Священное Писаніе къ народному разумѣнію, теряется изъ виду, а выдвигается другая — изложить его такъ чтобы въ немъ не осталось ни слѣда, ни духа древней рѣчи. Прелагатели состязаются въ достиженіи именно этой послѣдней цѣли. Они составили себѣ такое понятіе о русскомъ языкѣ: что̀ отходитъ отъ церковно-славянскаго типа, то и есть русское. Правда многіе обороты и реченія, хотя и совершенно понятныя, не употребляются въ нашемъ нынѣшнемъ литературномъ обиходѣ; но слѣдуетъ ли изъ этого что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть употребляемы? слѣдуетъ ли изъ этого что надобно заглушить и самую память о нихъ? Многое, что̀ не употребляется въ обыкновенной рѣчи, можетъ быть ежеминутно вызвано потребностями мысли, ея творческимъ движеніемъ. Не странно ли? Прелагатели книгъ Священнаго Писанія всячески избѣгаютъ церковно-славянскихъ формъ которыя не чужды и свѣтской литературѣ. Ими пользуются не только церковные проповѣдники, но и лучшіе изъ нашихъ поэтовъ. Архаическія, но не утратившія жизни формы, при мастерствѣ писателя, вносятъ выразительность въ его рѣчь, даютъ ей новую красоту и силу и разнообразятъ ея средства; а между тѣмъ эта стихія изгоняется оттуда гдѣ она первоначально выразилась. Такъ какъ, съ другой стороны, при изложеніи книгъ Священнаго Писанія неудобно черпать выраженія и обороты изъ простонародной рѣчи, носящіе слишкомъ яркій отпечатокъ своего бытоваго употребленія, то прелагатели видятъ себя осужденными вращаться въ запрудѣ нашего нынѣшняго литературнаго языка и не пользоваться ни однимъ изъ его притоковъ. Подъ видомъ перевода Священнаго Писанія съ славянскаго языка на русскій, оно излагается рѣчью искусственно задержанною, сухою, черствою, скудною, лишенною нерва, безжизненною и безцвѣтною. Это также книжная рѣчь, но безъ авторитета и силы, лишенная отпечатковъ великаго содержанія. Это какой-то казенный русскій языкъ; это языкъ грамматики Греча или Востокова, полезныхъ для того чтобъ упорядочить способъ выраженія учащихся юношей, но безсильныхъ удержать жизнь въ установленныхъ ими предѣлахъ.

Намъ кажется что прежде должна быть выяснена главная цѣль переложенія книгъ Священнаго Писанія. Ясно понятая и правильно поставленная, цѣль сама укажетъ наилучшіе пути какими она можетъ быть достигаема. Приблизить эти книги ко всеобщему разумѣнію, вотъ главная цѣль, и для достиженія ея надобно только искусною рукой, водимою чувствомъ призванія, обновлять и освѣжать старое слово, замѣняя въ немъ то что̀ потускнѣло и омертвѣло. Но нѣтъ надобности исключать то что̀ само собою понятно, — еще менѣе то что̀ не можетъ быть замѣнено безъ ущерба. Дѣло это требуетъ своего рода творчества. Его нельзя вести механически, по данной инструкціи.

Обновленное изложеніе книгъ Священнаго Писанія, достигая своей главной цѣли, должно въ то же время плодотворно подѣйствовать и на развитіе нашего языка, пробуждая присущую ему стихію. Приводя въ соприкосновеніе его древнія формы съ новыми, оно откроетъ для нашей нынѣшней литературной рѣчи заглохшіе источники самороднаго богатства и сообщитъ ей новую силу, разнообразіе и гибкость, въ которыхъ она такъ часто нуждается, чтобы поравняться въ способахъ съ культурными языками. Обновленное слово Священнаго Писанія, не утратившее своей первоначальной основы, можетъ со временемъ послужить и для церковнаго употребленія. Когда-нибудь почувствуется же потребность ввести въ наше богослуженіе обновленное, очищенное, исправленное и дѣйствительно понятное для всѣхъ слово?

№ 116.

Москва, 30-го мая.

Два съ половиной мѣсяца тому назадъ (*Моск. Вѣд.* № 56) мы обращали вниманіе читателей на кризисъ который претерпѣваетъ наше мериносовое овцеводство. Теперь, когда наступило столь горячее для шерстяной торговли время Троицкой ярмарки въ Харьковѣ, не будетъ лишнимъ вновь обратиться къ этому предмету, тѣмъ болѣе что одновременно съ ярмаркой открываются въ Харьковѣ выставка мериносовъ и съѣздъ овцеводовъ для обсужденія вопросовъ относящихся къ этой отрасли хозяйства.

Желательно чтобъ обсужденіе этихъ вопросовъ на съѣздѣ повело къ разъясненію дѣла въ его истинномъ свѣтѣ, и чтобы мѣры и способы къ облегченію выхода изъ настоящаго кризиса, которые будутъ на съѣздѣ выработаны, оказались мѣрами практическими и полезными. Таковы, безъ сомнѣнія, и желанія самихъ овцеводовъ имѣющихъ обсуждать столь близкіе ихъ интересамъ вопросы. Но невольно возникаетъ опасеніе что желаемому успѣху съѣзда можетъ помѣшать возбужденная недавно нѣкоторыми овцеводами агитація, имѣющая цѣлію добиться, во что бы то ни стало, высокаго, почти запретительнаго тарифа на ввозимую въ Россію шерсть, и употребляющая всѣ усилія не на то чтобы разъяснять дѣло, а чтобы преувеличивая значеніе однихъ обстоятельствъ и умалчивая о другихъ пріискивать единственно аргументы въ подкрѣпленіе своего домогательства.

Объ агитаціи для наложенія запретительнаго тарифа на заграничную шерсть не стоило бы и говорить, еслибъ у насъ не установился взглядъ на покровительственные тарифы какъ на панацею отъ всѣхъ золъ постигающихъ разныя отрасли народнаго хозяйства. Слово тарифъ получило какое-то магическое значеніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всякое дѣло, какъ бы ни было оно плохо само по себѣ, будетъ непремѣнно процвѣтать подъ покровомъ тарифа. Владѣлецъ одного дубильнаго завода доказывалъ въ *Journal d'Odessa* что для поддержанія падающаго будто бы дубильнаго промысла необходимо наложить пошлину на вывозимыя изъ Россіи кожи! Домогательство этого дубильнаго заводчика вызываетъ улыбку. Но далеко ли ушли отъ него сторонники высокаго тарифа на шерсть?

Можно говорить за и противъ покровительнаго тарифа вообще. Но по отношенію къ шерсти такого разнорѣчія быть не можетъ. Когда идетъ рѣчь о продуктѣ внутреннее производство коего не достигаетъ размѣровъ потребленія, покровительный тарифъ имѣетъ смыслъ: возвышая цѣну на продуктъ и стѣсняя привозъ его изъ-за границы, онъ можетъ расширить внутреннее производство и довести его до уровня потребленія. Но какой смыслъ можетъ имѣть стѣсненіе привоза изъ-за границы такихъ продуктовъ, внутреннее производство коихъ далеко превосходитъ потребленіе? Къ такимъ продуктамъ принадлежатъ у насъ между прочимъ хлѣбъ и шерсть, составляющіе весьма видныя статьи нашего отпуска. Часто бываетъ что цѣны на хлѣбъ падаютъ у насъ до крайности. Но приходитъ ли кому въ голову, при такихъ обстоятельствахъ, требовать наложенія пошлины на привозимый изъ-за границы хлѣбъ?

Цѣны на отпускные товары опредѣляются лишь всемірнымъ спросомъ и предложеніемъ, и повліять на нихъ не могутъ никакіе покровительные тарифы. Эту истину сознаютъ и сами сторонники тарифа на шерсть. Они не отрицаютъ что тарифъ не можетъ измѣнить цѣнъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, но онъ можетъ-де оказать вліяніе при обстоятельствахъ которыя они провидятъ въ будущемъ. Теперь шерсть есть предметъ отпускной торговли; но придетъ-де время когда она таковымъ быть перестанетъ: австралійская шерсть вытѣснитъ ее съ заграничныхъ рынковъ, и она вся сосредоточится на рынкахъ внутреннихъ, которые и слѣдуетъ-де ей заблаговременно оградить отъ заграничной конкурренціи. Рѣчь идетъ о томъ какъ помочь дѣлу въ настоящее время, какъ выйти изъ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствъ: дальновидные мужи предлагаютъ мѣру, которая именно при нынѣшнихъ-то обстоятельствахъ и не можетъ пособить, и лишь при такихъ условіяхъ которыя, по всему вѣроятію, никогда не наступятъ (обычное ли дѣло чтобы Россія перестала отпускать шерсть?), произведетъ свое дѣйствіе! Почему ужь, на всякій случай, не принять заблаговременно подобной же мѣры и для хлѣба, которому также грозитъ заморская конкурренція?

Какое же однако положеніе желаютъ обезпечить овцеводству эти господа своимъ тарифомъ? Овцеводство гибнетъ, овцеводство даетъ чистый убытокъ, овцеводство не можетъ держаться при нынѣшнихъ цѣнахъ! Такъ кричатъ они на всѣ лады чтобы выхлопотать повышеніе тарифа, которое обезпечило бы за овцеводствомъ внутренніе рынки послѣ потери рынковъ иностранныхъ. Но положимъ что наступятъ времена предвидимыя этими прорицателями; шерсть вытѣсненная съ заграничныхъ рынковъ, поступитъ вся на рынки внутренніе; предложеніе будетъ превышать спросъ ровно на то количество шерсти которое шло доселѣ за границу. Повысятся ли цѣны при такомъ отношеніи спроса къ предложенію? Легче ли будетъ держаться овцеводству при такихъ „обезпеченныхъ“ рынкахъ, и больше ли будутъ барыши овцеводовъ, если только между ними не состоится соглашенія, сократить производство шерсти, дабы пользуясь тарифомъ, прижать фабрикантовъ?

Сѣтуютъ что при нынѣшнемъ положеніи вещей приходится сокращать и даже совсѣмъ прекращать овцеводство,— и какъ желанную цѣль указываютъ такой порядокъ вещей при которомъ можно получить выгоду только отъ сокращенія овцеводства!

Нѣтъ, не о тарифѣ и не о возможномъ даже и при его содѣйствіи повышеніи цѣнъ на шерсть слѣдуетъ заботиться, а о томъ чтобы овцеводство могло существовать у насъ и при тѣхъ цѣнахъ которыми довольствуются заграничные производители. Пренія бывшія въ исходѣ минувшаго года въ коммиссіи для обсужденія мѣръ къ поддержанію овцеводства въ новороссійскомъ краѣ достаточно выяснили что это дѣло весьма осуществимое, что для этого нужно только чтобы хозяйство овцеводовъ, слишкомъ экспансивное, стало болѣе интенсивнымъ. Нужно удешевить производство шерсти, увеличить вѣсъ руна при равномъ и даже меньшемъ количествѣ овецъ, усилить производительность сѣнокосныхъ полей и придать шерсти тотъ характеръ который требуется въ настоящее время фабрикантами. Вотъ вопросы на которые, помимо фальсификаціи въ торговлѣ шерстью и небрежности въ ея мытьѣ, должно быть обращено особенное вниманіе овцеводовъ на харьковскомъ съѣздѣ. Правда, улучшенія этого рода потребуютъ значительныхъ денежныхъ затратъ, но затраты эти будутъ самыя производительныя, и для ихъ облегченія можно прибѣгнуть къ помощи кредита. Одинъ изъ членовъ помянутой коммиссіи, князь Г. Е. Гагаринъ, показаніе коего имѣетъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе цѣны что онъ самъ принадлежитъ къ сторонникамъ наложенія тарифа на шерсть, свидѣтельствуетъ что „если „увеличить расходъ по овцеводству на „2.700 руб. на покупку племенныхъ барановъ, на плату за сортировку мериносовъ, на пріобрѣтеніе зерноваго корма имъ, въ видахъ увеличенія выхода „шерсти съ овецъ и большей ея уравнительности, то овцеводство дастъ болѣе „дохода на 1.160 р., то-есть капиталъ „употребленный на это улучшеніе принесетъ почти 43%, а относительно земли, „къ которой пріуроченъ разчетъ по овцеводству, увеличитъ доходъ съ каждой десятины на 23 к.“ *) Не о тарифѣ, а объ облегченіи кредита слѣдуетъ хлопотать овцеводамъ, дабы получить возможность дѣлать необходимыя затраты на улучшенія и не быть въ необходимости продавать дешевле нормальныхъ цѣнъ „будущую“ шерсть.

Таковъ, думаемъ мы, путь къ выходу изъ настоящаго кризиса. Нельзя не прибавить, впрочемъ, что кризисъ этотъ далеко не имѣетъ ни тѣхъ размѣровъ, ни того значенія какое стараются ему придать. Вопервыхъ, кризисъ постигшій мериносовое овцеводство (на такъ-называемое *русское* овцеводство онъ вовсе не распространяется) не есть симптомъ какого-либо народнаго бѣдствія. Патріархальный способъ овцеводства становится убыточнымъ вслѣдствіе вздорожанія въ Новороссійскомъ краѣ цѣнъ на землю и на рабочія руки—явленія говорящія о возрастающемъ благосостояніи края. Высчитывая свои недочеты, овцеводы включаютъ въ расходы на содержаніе овецъ ренту съ возвысившейся стоимости земли, и лишь благодаря этой операціи оказывается что овцеводы, которые въ то же время и землевладѣльцы, стоятъ на краю погибели! Но подобные недочеты свидѣтельствуютъ только о томъ что въ Новороссійскомъ краѣ становится прибыльнѣе замѣнять овцеводство хлѣбопашествомъ и другими, болѣе доходными способами эксплуатаціи почвы.

*) *См. Записки Императ. Общ. Сельск. Хоз. въ Южной Россіи*, 1870, № 3, стр. 195.

Засѣдавшая въ исходѣ минувшаго года въ Одессѣ коммиссія по овцеводству нашла что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ цѣна на землю по меньшей мѣрѣ удвоилась, и что, за частными исключеніями, низшая наемная плата за землю въ Новороссійскомъ краѣ, въ общей сложности, при арендѣ большаго количества земли, никакъ не менѣе 1 р. 50 к. за десятину, что большею частію арендная цѣна земель въ среднихъ участкахъ бываетъ 2 р. за десятину, а въ мѣстахъ нѣсколько болѣе населенныхъ, какъ напримѣръ сѣверная часть Херсонской губерніи, доходитъ до трехъ рублей при переложномъ или залежномъ хозяйствѣ; при наймѣ же земель небольшими участками, наемныя цѣны стоятъ гораздо выше. Между тѣмъ по заявленію одного изъ членовъ коммиссіи, К. М. Базили (сторонника тарифа), „нечего думать объ овцеводствѣ, если наемная цѣна „земли выше 1 р. 50 к. за десятину.“ *) Какимъ же образомъ, при показанныхъ выше цѣнахъ, пособитъ овцеводству покровительный тарифъ? Понизитъ онъ, что ли, наемную цѣну земель? Да и кому же было бы желательно, еслибъ это было возможно, чтобъ арендныя цѣны понизились до 75—80 копѣекъ за десятину, какъ онѣ стояли въ „цвѣтущее время мериносоваго овцеводства въ краѣ?“

Во всякой мѣстности удобной для овцеводства, оно остается выгоднымъ какъ главный элементъ хозяйства лишь до тѣхъ поръ пока цѣны на землю не дойдутъ до извѣстнаго предѣла. Вслѣдъ за тѣмъ овцеводство должно неизбѣжно сокращаться, и старанія поддержать его на прежнемъ уровнѣ были бы въ такомъ случаѣ дѣломъ не полезнымъ, а вреднымъ, какъ стремленіе уменьшать естественную доходность земель. Должно сокращаться мериносовое овцеводство и въ Новороссійскомъ краѣ, и объ этомъ слѣдуетъ не горевать, а скорѣе радоваться, тѣмъ болѣе что съ этимъ мѣстнымъ сокращеніемъ производства мериносовой шерсти вовсе не связано общее сокращеніе производства ея въ Россіи. У насъ еще много земель которыя по цѣнности своей удобны для овцеводства. Земли по Дону и далѣе къ востоку представляютъ обширное поприще для этой отрасли народнаго хозяйства, и овцеводы переведшіе свои отары за Донъ вовсе не считаютъ себя на краю погибели. Слѣдуетъ думать не о томъ чтобъ удержать овцеводство въ краѣ гдѣ оно перестаетъ быть прибыльнымъ, а о мѣрахъ которыя облегчили бы переселеніе овецъ въ болѣе привольныя для нихъ мѣстности.

Противъ необходимости перейти въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, отъ овцеводства къ другимъ способамъ эксплуатаціи почвы и переселить овецъ далѣе къ востоку, не будетъ спорить ни одинъ человѣкъ сколько-нибудь знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Новороссійскомъ краѣ. Говорятъ, главнымъ образомъ, о невозможности разомъ перейти отъ прежней системы хозяйства къ новой. Но въ подобномъ переворотѣ нѣтъ надобности. И земли распахиваться, и овцеводство сокращаться могутъ по немногу и постепенно. Притомъ во многихъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, хотя и не вездѣ, овцеводство, при нѣкоторыхъ въ немъ улучшеніяхъ, можетъ быть еще долгое время весьма выгоднымъ: держится же мериносовое овцеводство во многихъ внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ земля несравненно дороже чѣмъ на югѣ, не говоря уже о томъ что мериносы не переводятся окончательно даже на еще болѣе цѣнныхъ земляхъ Германіи и Франціи, хотя и тамошнимъ овцеводамъ, не менѣе чѣмъ нашимъ, приходится выдерживать конкурренцію съ австралійскою шерстью.

Указываютъ на недостатокъ денежныхъ средствъ нужныхъ для перехода отъ одной системы хозяйства къ другой. Но для этого-то и слѣдуетъ хлопотать о помощи кредита, хотя нельзя не упомянуть что капиталъ можетъ доставить и продажа части поднявшихся въ цѣнѣ земель, если ужь нѣтъ надежды изыскать мѣры къ развитію кредита. Тарифъ на шерсть не поможетъ тутъ нисколько. Но допустимъ невозможное. Допустимъ что тарифъ въ три рубля съ пуда привозной шерсти поднялъ бы цѣны на шерсть на столько что нынѣшнее овцеводство изъ убыточнаго промысла превратилось бы въ Новороссійскомъ краѣ въ промыселъ выгодный. Такое поощреніе овцеводовъ, по вычисленію предсѣдателя вышеупомянутой одесской коммиссіи, члена отъ министерства финансовъ С. А. Мордвинова, и другаго члена, отъ министерства государственныхъ имуществъ, С. П. Щепкина, основанному на самыхъ умѣренныхъ разчетахъ сторон-

*) Тамъ же стр. 181.

-никовъ тарифа, обошлось бы казнѣ и потребителямъ шерстяныхъ издѣлій „до двадцати милліоновъ рублей ежегодно, то-есть „въ двѣ трети капитала затраченнаго въ „мериносовыхъ овцахъ въ Россіи.“ *) Что же было бы куплено такою дорогою цѣной? О переходѣ къ новой системѣ хозяйства перестали бы думать, ибо и старая система давала бы достаточный доходъ. Убыточное для государства и для края овцеводство сдѣлалось бы вампиромъ сосущимъ соки народа.

№ 117.

Москва, 2-го Іюня.

Къ числу среднихъ учебныхъ заведеній спеціальнаго назначенія имѣющихся въ Москвѣ принадлежитъ Московское Коммерческое Училище, находящееся на Стоженкѣ и состоящее въ вѣдомствѣ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Это былъ интернатъ предназначенный по первоначальной мысли для возвышенія уровня образованности и нравовъ купеческаго сословія. Въ немъ было четыре класса изъ коихъ въ каждомъ воспитанники оставались по два года. Курсъ былъ смѣшанный, слишкомъ разнообразный, не дававшій ученикамъ ни на чемъ сосредоточиться, и этому недостатку, гораздо болѣе чѣмъ четырехклассной системѣ, имѣющей свои выгоды (она на половину сокращаетъ жалованье учителямъ), слѣдуетъ приписать что кредитъ заведенія въ публикѣ не соотвѣтствовалъ его первоначальному назначенію. Въ послѣднее время гораздо большее довѣріе пріобрѣла Практическая Коммерческая Академія, гдѣ курсъ продолжается также восемь лѣтъ (кромѣ приготовительнаго класса), и хотя онъ также слишкомъ разнообразенъ, но болѣе приспособленъ къ потребностямъ торгующаго сословія. Эти потребности извѣстны, и опредѣлить ихъ легче чѣмъ тѣ коимъ должно удовлетворять среднее учебное заведеніе приготовляющее для техническихъ, столь разнообразныхъ профессій. Торговые люди должны выносить изъ школы красивый почеркъ, совершенную грамотность въ отечественномъ языкѣ, практическое знаніе нѣсколькихъ языковъ иностранныхъ и хорошій навыкъ въ коммерческой ариѳметикѣ и бухгалтеріи, а инъ искусствѣ въ рисованіи, преимущественно техническомъ. Вотъ потребности ихъ профессіи; если присоединится къ тому нѣкоторое общее образованіе, доставляемое преимущественно чтеніемъ образцовыхъ сочиненій отечественной и иностранныхъ литературъ, то отъ средняго коммерческаго училища нечего болѣе желать. Вотъ предѣлы явственно очерчиваемые сущностью самаго дѣла, и нельзя, кажется, ожидать противорѣчія если утверждать что въ этихъ предѣлахъ весьма достижимо основательное ученье, увѣнчиваемое удовлетворительными и притомъ осязательными результатами. Изъ такого заведенія будутъ выходить отличные конторщики, и популярность его въ купеческомъ сословіи будетъ обезпечена. Если же къ поименованнымъ предметамъ прибавить естественную исторію, химію, технологію, механику и т. п., то единство курса утратится и успѣхи учениковъ сдѣлаются сомнительными. Погнавшись за энциклопедизмомъ, заведеніе подвергнетъ себя риску обанкрутиться въ существенномъ, то-есть въ необходимомъ для коммерческой профессіи. Нѣтъ сомнѣнія что всякому купцу далеко не лишнее имѣть технологическія познанія, какъ равно и всякому технику полезно умѣть говорить и писать письма на многихъ иностранныхъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе есть существенное различіе между профессіями купца и технолога, и приготовленіе къ этимъ двумъ профессіямъ должно быть различное. Хорошо устроенное и богато снабженное коммерческое училище очень можетъ давать лучшимъ изъ своихъ учениковъ возможность пріобрѣсти свѣдѣнія по технической химіи и практической механикѣ, но это должны быть курсы дополнительные, не обязательные: иначе энциклопедизмъ окажется лишь въ уставѣ училища, а не въ головахъ воспитанниковъ. Во всѣхъ благоустроенныхъ училищахъ этого рода за границей есть два особенныя отдѣленія, коммерческое и техническое, которое въ свою очередь не рѣдко подраздѣляется на химическое и механическое. Для примѣра можно указать на среднія спеціальныя училища въ Швейцаріи, на такъ называемыя кантонскія реальныя школы, которыя всѣ распадаются на упомянутыя сейчасъ отдѣленія.

Московское Коммерческое Училище не могло пользоваться популярностью въ купеческомъ сословіи главнѣйшимъ образомъ

*) Тамъ же стр. 211.

потому что не имѣло приспособленнаго къ его потребностямъ курса. Вотъ почему оно пришло въ затруднительное положеніе, и вотъ на что должны обратить вниманіе тѣ кто хотятъ поднять это учебное заведеніе, могущее принести еще много пользы отечественной торговлѣ. Мы искренно желаемъ чтобы такъ было поступлено и не имѣемъ никакого основанія полагать что будетъ поступлено иначе, но не можемъ не упомянуть что предпринятое нынѣ преобразованіе этого училища прибѣгаетъ для поднятія его къ косвеннымъ, слишкомъ искуственнымъ средствамъ. Плата за воспитанниковъ въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ (250 руб.) была недостаточна для покрытія расходовъ, и признавалось необходимымъ возвысить ее до 300 р. Но какъ побудить родителей чтобъ они платили болѣе прежняго и, мало того, какъ достигнуть чтобъ число учениковъ не только не уменьшалось, а напротивъ увеличивалось, ибо безъ этого, даже и при возвышеніи платы, дѣло не можетъ пойти хорошо? Правильный путь одинъ. Школа о которой рѣчь существуетъ для удовлетворенія потребности не вымышленной, а дѣйствительной и весьма ощутительной. Она нужна и непремѣнно будетъ цѣнима. Стоитъ только привести ее въ соотвѣтствіе съ тою потребностью, для коей она учреждена. Пусть выучиваются въ Коммерческомъ Училищѣ новымъ языкамъ какъ слѣдуетъ а какъ очень можно выучиться при назначеніи въ продолженіи восьми лѣтъ по шести уроковъ въ недѣлю на каждый новый языкъ; пусть выучиваются тамъ совершенно правильно писать по-русски, — и тогда можно поручиться что въ ученикахъ недостатка не будетъ. Правда что это не можетъ сдѣлаться разомъ и что на первое время нужна преобразующемуся училищу денежная помощь, но эта помощь временная, не убыточная для вѣдомства коему училище подчинено. Она понадобилась бы лишь на нѣсколько лѣтъ: пришлось бы производить дополнительный отпускъ рублей по 50 на воспитанника, пока усилившійся приливъ учениковъ не позволилъ бы возвысить плату. Таковъ естественный путь, коимъ идутъ всѣ учебныя заведенія желающія подняться: безъ затраты труда и капитала невозможно улучшить никакое учебное заведеніе, а тѣмъ еще менѣе учебное заведеніе закрытое. Какъ же поступаетъ Московское Коммерческое Училище? Оно идетъ не этимъ, по крайней мѣрѣ не однимъ этимъ путемъ. Оно выхлопатываетъ себѣ права и этими правами, повидимому, думаетъ замѣнить денежный фондъ. Оно выхлопатываетъ себѣ право выпускать большее число учениковъ кандидатами коммерціи, а дѣтей дворянъ и чиновниковъ снабжать при поступленіи въ государственную службу чиномъ XIV класса. Этимъ оно думаетъ обезпечить себѣ приливъ воспитанниковъ и сдѣлать возможнымъ возвышеніе взимаемой съ нихъ платы. Разсчетъ, не споримъ, вѣрный въ матеріальномъ отношеніи: у насъ сословныя различія такъ еще велики что въ искателяхъ правъ недостатка не будетъ, въ какое бы училище ихъ ни пригласили. Но правиленъ ли этотъ разсчетъ съ точки зрѣнія общей пользы? То ли нужно чтобы просто существовали заведенія именуемыя учебными и чтобъ они были наполнены учениками, или нужно чтобъ эти заведенія соотвѣтствовали своему назначенію, удовлетворяли потребности ради коей они учреждены? Желательно ли привлекать учениковъ въ училище не улучшеніемъ его, а возвышеніемъ предоставляемыхъ имъ правъ? Желательно ли въ особенности чтобы предоставленныя спеціальному училищу права привлекали туда воспитанниковъ вовсе не имѣющихъ въ виду посвящать себя той спеціальности для которой оно существуетъ? Наконецъ желательны ли съ точки зрѣнія общей пользы такія права которыя должны отвлекать воспитанниковъ окончившихъ курсъ въ училищѣ именно отъ той спеціальности къ которой они въ немъ приготовлялись? Что сказали бы мы, еслибы напримѣръ здѣшнее Александровское военное училище выпускало юнкеровъ происходящихъ изъ купеческаго званія кандидатами коммерціи, и притомъ на такомъ условіи чтобъ эти кандидаты теряли права если вступятъ въ военную службу для коей приготовлялись, и пользовались бы ими если обратятся къ занятіямъ торговлей, не имѣвшимся въ виду при ихъ обученіи? А именно это самое установляется для воспитанниковъ Московскаго Коммерческаго Училища. Тѣ изъ нихъ которые, будучи дѣтьми дворянъ и чиновниковъ, съ успѣхомъ окончатъ курсъ училища получаютъ XIV классъ если поступятъ на государственную службу, т.-е. если бросятъ занятія торговлей къ коимъ

приготовлялись всѣмъ своимъ школьнымъ воспитаніемъ. Зачѣмъ же готовить людей не въ чиновники, а въ контористы и, потомъ, когда они выучились, говорить имъ: вотъ вамъ въ награду право на XIV классъ, но дабы воспользоваться этимъ правомъ, вы обязываетесь быть чиновниками, а не контористами? Зачѣмъ же было обучать ихъ въ Коммерческомъ Училищѣ? Не очевидно ли что только затѣмъ чтобы въ немъ было побольше платящихъ деньги учениковъ? Не ставитъ ли такимъ образомъ Училище свой интересъ въ противорѣчіе съ интересомъ учениковъ и съ общей пользой?

Говоря это, мы имѣемъ въ виду только общій вопросъ о правахъ и нисколько не желаемъ ни въ какомъ отношеніи бросать тѣнь сомнѣнія на успѣшность тѣхъ усилій которыя будутъ клониться, при преобразованіи Московскаго Коммерческаго Училища, къ его внутреннему улучшенію, чему можетъ способствовать и то что оно сдѣлается отчасти открытымъ, и то что курсы будутъ въ немъ годичные, а не двухгодичные, какъ было до сихъ поръ. Мы отнюдь не думаемъ высказываться вообще и противъ предоставленія разныхъ правъ воспитанникамъ оканчивающимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ спеціальнаго характера. Напротивъ, мы полагаемъ что при теперешней постановкѣ нашихъ сословій извѣстныя права необходимы всѣмъ заведеніямъ этого рода. Но, вопервыхъ, права эти должны соотвѣтствовать назначенію училища, а не подрывать его; вовторыхъ, они должны быть соображены съ правами всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній; втретьихъ, они должны быть лишь дополнительнымъ побужденіемъ къ окончанію въ училищѣ курса, а привлекать воспитанниковъ въ училище долженъ главнѣйшимъ образомъ курсъ его, приспособленный къ требованіямъ практической жизни.

№ 118.

Москва, 3-го Іюня.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ *Кіевлянина* помѣщены *сообщенныя* этой газетѣ свѣдѣнія о поѣздкѣ кіевскаго генералъ-губернатора по краю. Въ свѣдѣніяхъ этихъ, составленныхъ лицомъ сопровождавшимъ генералъ-губернатора, не заключается какихъ-либо новыхъ фактовъ. Видно что въ юго-западномъ краѣ совершаются отводы надѣловъ въ натурѣ на основаніи выкупныхъ актовъ, что помѣщики тамъ стремятся, по приглашенію администраціи, къ *добровольному* разверстанію земель, что наконецъ тамъ пересматриваются выкупные договоры. Но все это было извѣстно и прежде. Очень жаль что у офиціознаго корреспондента мы находимъ мало свѣдѣній о томъ какъ въ дѣйствительности все это совершается, — въ особенности жаль потому что это дало бы возможность судить о степени достовѣрности слуховъ распространяющихся частнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, по важному дѣлу пересмотра выкупныхъ договоровъ, офиціозный корреспондентъ говоритъ только слѣдующее:

„Дѣла *объ исправленіи выкупныхъ договоровъ* не оставлены были безъ вниманія. Они приходили почти въ забвеніе, на нихъ мало обращали вниманія, и дѣла не кончались, затягиваясь безплодною перепиской и собираніемъ справокъ. Генералъ-губернаторъ уже съ прошлаго года сталъ требовать скорѣйшаго приведенія этихъ дѣлъ къ концу, а въ настоящую поѣздку, онъ заблаговременно распорядился пригласить въ города помѣщиковъ у которыхъ договоры еще не исправлены и лично предложилъ имъ добровольно согласиться на тѣ уступки которыя признавались необходимыми для исправленія договоровъ.

За рѣдкими исключеніями, вездѣ замѣчена была полная готовность миролюбиво окончить дѣла, и такимъ образомъ отъ 30 до 40 договоровъ, особенно по Подольской губерніи, за сдѣланными помѣщиками уступками и значительнымъ пониженіемъ платежей, послѣ безплодной многолѣтней переписки, *подаютъ надежды* къ совершенно правильному и удовлетворительному для крестьянъ окончанію."

А между тѣмъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, изъ 437 выкупныхъ договоровъ въ юго-западномъ краѣ, обжаловано крестьянами 411; изъ нихъ къ концу 1868 года исправлено было уже 130 договоровъ. Интересно было бы знать, составляютъ ли тѣ 30 или 40 договоровъ которые нынѣ подаютъ надежду на окончаніе, весь результатъ обращеннаго на это дѣло вниманія съ начала 1869 года по настоящее

время, или же кое-что сдѣлано и болѣе? Любопытно было бы также знать насколько основателенъ тотъ слухъ что скорѣйшее приведеніе этого дѣла къ концу зависитъ именно отъ того, состоятся ли или нѣтъ *добровольныя* соглашенія на перемѣну этихъ *добровольныхъ же* выкупныхъ договоровъ, тогда какъ въ прежнее время дѣла этого рода большею частію восходили на разрѣшеніе главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія, и восходили вслѣдствіе несогласія помѣщиковъ на требованія крестьянъ. Въ настоящее время крестьяне стали-де гораздо умѣреннѣе, довольствуясь кое-какою уступкою со стороны владѣльцевъ, тѣмъ болѣе что имъ памятны еще тѣ *внушенія*, благодаря которымъ въ 1861—62 годахъ они вынуждены были *изъявить согласіе* на заключеніе означенныхъ столь невыгодныхъ для нихъ и передѣлываемыхъ теперь выкупныхъ договоровъ. Для провѣрки всего этого не находимъ никакихъ данныхъ у означеннаго корреспондента, который взамѣнъ того болѣе обстоятельно разсказываетъ объ обѣдѣ данномъ въ Каменецъ-Подольскѣ и непринужденномъ одушевленіи присутствовавшихъ на немъ, хотя и при этомъ упускаетъ заявить о о томъ удивленіи которое, по словамъ мѣстнаго жителя, произвелъ этотъ обѣдъ на тамошнее населеніе, ибо онъ давался лицомъ, нарочито пріѣхавшимъ для сего изъ *Кіева*, гдѣ оно постоянно пребываетъ несмотря на званіе *подольскаго* губернскаго предводителя дворянства.

Повторяемъ, есть факты относительно хода принятаго крестьянскимъ дѣломъ въ юго-западномъ краѣ, заслуживающіе полнаго вниманія, и объясненіе ихъ было бы совершенно умѣстно въ офиціозномъ сообщеніи объ обзорѣ начальникомъ края ввѣренныхъ ему губерній. Передаетъ же означенный корреспондентъ что генералъ-губернаторъ, въ обращеніи своемъ къ крестьянамъ, „предупреждалъ ихъ не предаваться внушенію о *новыхъ душевыхъ надѣлахъ* и не вѣрить подобнымъ слухамъ, часто злоумышленно распускаемымъ съ преступною цѣлью“. Что это за слухи о *новыхъ* душевыхъ надѣлахъ когда въ краѣ заведено *участковое* владѣніе землею? Отчего эти слухи признаются столь важными что даже генералъ-губернаторъ говоритъ о нихъ съ крестьянами? На эти вопросы отвѣта нѣтъ. Между тѣмъ, на дняхъ, мы получили изъ Петербурга телеграмму что въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія разсматривается вопросъ о домогательствахъ крестьянъ чтобъ участковый надѣлъ былъ замѣненъ душевымъ.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Еще весною 1868 года, при постановкѣ межевыхъ знаковъ для отграниченія поступившихъ въ собственность крестьянъ земель отъ помѣщичьихъ, встрѣчались со стороны крестьянскаго населенія серіозныя сопротивленія. Во многихъ мѣстахъ крестьяне ни за что не соглашались помогать землемѣрамъ въ этомъ дѣлѣ, и даже выкапывали столбы или уничтожали межевыя ямы. На всѣ уговоры и разспросы о причинахъ такого противодѣйствія былъ одинъ отвѣтъ: мы не хотимъ чтобы наши дѣти снова попали въ кабалу. Большею частью означенное сопротивленіе оказывалось въ Кіевской и въ юго-западной части Подольской губерніи, особенно же въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Херсонской губерніи. По болѣе тщательномъ розыскѣ, сколько помнимъ, обстоятельно переданномъ въ то время *Кіевляниномъ*, оказалось что въ крестьянахъ укоренилось убѣжденіе, основанное на слухахъ кѣмъ-то ловко распущенныхъ, что по Царскому указу слѣдуетъ всѣмъ крестьянамъ, какъ нынѣшнимъ такъ и дѣтямъ ихъ, дать *душевой надѣлъ*; что если они поставятъ межевые знаки, то дѣти ихъ будутъ уже лишены права на полученіе *новаго* земельнаго надѣла (то есть сверхъ мірской земли) и попадутъ въ крѣпостные; указывали на примѣръ Херсонской губерніи, гдѣ ведутся душевые надѣлы, и гдѣ будто бы вслѣдствіе того даются новые земельные надѣлы на каждаго вновь народившагося. Обнаружены были даже подстрекатели или просто быть-можетъ люди слѣпо вѣровавшіе этимъ, *невидимою рукой* пущеннымъ слухамъ. Въ западныхъ губерніяхъ есть люди которымъ выгодно вызывать столкновеніе крестьянъ съ правительственною властью. Несмотря на то что покойная *Вѣсть*, со свойственною ей въ подобныхъ случаяхъ услужливостью, поспѣшила раздуть эти крестьянскія недоразумѣнія чуть ли не въ бунтъ, дѣло уладилось мирно и межевые знаки продолжали ставиться, какъ ставятся они и въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе дѣло это снова всплыло наверхъ при отводѣ поземельныхъ надѣловъ въ

собственность государственных крестьян Кіевской губерніи. Многіе государственные крестьяне цѣлыми обществами рѣшительно отказываются отъ укрѣпленія за ними въ собственность участковаго пользованія и, руководясь тѣми же побужденіями о которыхъ сказано выше, ходатайствують о предоставленіи имъ земли на выкупъ цѣлыми обществами, съ правомъ передѣла. Всѣ убѣжденія въ невыгодности для нихъ самихъ такого способа надѣленія и пользованія землей остались во многихъ случаяхъ безуспѣшны. Сколько намъ извѣстно, мѣстная администрація, опасаясь волненій между крестьянами - собственниками изъ бывшихъ крѣпостныхъ, настаивала на необходимости дальнѣйшаго убѣжденія государственныхъ крестьянъ въ сохраненіи участковаго пользованія. Но дѣло это такъ серіозно что потребовало рѣшенія не простымъ административнымъ путемъ. Оно взошло на разсмотрѣніе высшаго государственнаго учрежденія, равносильнаго государственному совѣту, и также какъ онъ состоящаго подъ предсѣдательствомъ Государева Брата.

По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія состоялось рѣшеніе въ томъ смыслѣ чтобы не насиловать желаній крестьянъ и предоставить имъ земли на выкупъ міромъ, если послѣ всѣхъ разъясненій о выгодности участковаго владѣнія они будутъ настаивать на своемъ, съ тѣмъ только чтобы при этомъ не были нарушены права тѣхъ крестьянъ которые пожелаютъ остаться при участковомъ пользованіи, и чтобы крестьянамъ было растолковано что сохранятъ ли они участковый надѣлъ или будутъ передѣлять землю по душамъ, отъ этого нисколько не будетъ зависѣть размѣръ земельнаго надѣла, ибо, разъ получивъ землю, они уже ни на какія новыя прирѣзки разсчитывать не въ правѣ.

Такое рѣшеніе нельзя не считать сколько справедливымъ, столько же и соотвѣтствующимъ положенію дѣла въ Кіевѣ.

Въ Россіи существуетъ и участковое, и общинное пользованіе землей. Общинное пользованіе существовало въ древнія времена и въ западныхъ губерніяхъ. Крестьянинъ чувствуетъ что міръ во многихъ случаяхъ сильнѣе отдѣльнаго лица, и можетъ быть этимъ всего правильнѣе объясняются нынѣшнія желанія крестьянъ Кіевской и Подольской губерній перейти къ мірскому пользованію, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ въ раціональности участковаго владѣнія. Почему это желаніе становится теперь непобѣдимѣе нежели въ 1868 году, это слѣдуетъ разсмотрѣть въ связи съ другими данными о нынѣшнемъ положеніи крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ и объ отношеніяхъ къ нему мѣстной администраціи. Въ настоящемъ случаѣ важенъ самый фактъ вызвавшій постановленіе главнаго комитета. Положеніе 19-го февраля 1861 года отнеслось безпристрастно и къ общинному, и къ участковому землевладѣнію. Если законъ допустилъ существовавшее издавна мірское пользованіе землею, предоставивъ общинѣ переходить по желанію къ участковому, то отчего же теперь не уважить желанія тѣхъ крестьянъ которые домогаются установить у себя, вмѣсто участковаго, общинное владѣніе? Договоры заключать никому не запрещено, а равно устанавливать совокупное владѣніе нѣсколькихъ лицъ на одинъ кусокъ земли. Дозволено же существованіе въ западномъ краѣ компаній, подъ покровомъ которыхъ Поляки, несмотря на запрещеніе личнаго владѣнія, пріобрѣтаютъ цѣлыя тысячи десятинъ земли сообща. Отчего же подобное желаніе сплотиться въ одну корпорацію нельзя дозволить русскимъ крестьянамъ? Вотъ по какимъ соображеніямъ нельзя не признать справедливымъ и совершенно раціональнымъ рѣшеніе главнаго комитета. Но, конечно, приводя это рѣшеніе въ исполненіе, надлежитъ строго наблюдать чтобъ общинное владѣніе устанавливалось не мірскими приговорами, а отдѣльно и свободно выраженною волей каждаго домохозяина въ частности, такъ чтобы тѣ крестьяне которые не пожелаютъ войти въ договоръ могли остаться при участковомъ владѣніи. Законъ 16-го мая 1867 укрѣпляетъ за каждымъ государственнымъ крестьяниномъ тотъ участокъ которымъ онъ пользовался; слѣдовательно никто, ни отдѣльное лицо, ни община, не могутъ заставить крестьянина отказаться, противъ своего желанія, отъ участка и предоставить его міру. Когда на крестьянъ станутъ смотрѣть какъ на полноправныхъ граждавъ, то крестьянинъ самъ сумѣетъ разобрать на какой сторонѣ выгода; лишь бы его не стѣсняли въ выборѣ, и онъ не подозрѣвалъ бы въ обращеніи съ нимъ

властей какой-либо тайной мысли. Въ этомъ отношеніи надобно надѣяться на люстраціонныхъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, людей опытныхъ, которые путемъ долговременной практики могли выработать ясное убѣжденіе что законъ требуетъ отъ нихъ исполненія мѣръ принятыхъ въ видахъ устройства быта крестьянъ на извѣстныхъ твердыхъ началахъ, которыя не годится толковать вкривь и вкось, смотря по тому какой вѣтеръ дуетъ...

Съ любопытствомъ будемъ ожидать результатовъ примѣненія нынѣшняго рѣшенія главнаго комитета. Много ли установится общинныхъ владѣній въ западномъ краѣ?

Нѣкоторые изъ читателей нашихъ, вѣроятно, не разъ задавали себѣ вопросъ почему мы теперь чаще нежели прежде обращаемся къ дѣламъ юго-западнаго края; и по такимъ вопросамъ которыхъ приличнѣе всего было бы разрабатываться мѣстною печатью. Но дѣла нашихъ окраинъ имѣютъ государственную, общую для всей русской публики важность, а съ другой стороны, редакція *Кіевлянина*, въ которомъ прежде постоянно находили мы обстоятельную разработку вопросовъ возникающихъ въ краѣ, неоднократно въ послѣднее время заявляла что ей приходится, *по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ*, обращаться только въ сферѣ экономическихъ интересовъ, говоря о политической сторонѣ ихъ лишь урывками или между строками. Въ Кіевѣ, какъ извѣстно, этими *не зависящими обстоятельствами* объясняютъ совершенное молчаніе *Кіевлянина* о такомъ капитальномъ дѣлѣ каково напримѣръ введеніе русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, а также и о крестьянскомъ вопросѣ, раздражающемъ нервы пановъ, которые въ послѣднее время стали очень чувствительны *). Поляки имѣютъ своимъ мѣстнымъ политическимъ органомъ заграничныя газеты, *Часъ* или *Народувку*, Евреи — *День* издающійся въ Одессѣ. Только русскимъ интересамъ края суждено лишиться услугъ мѣстной печати. Въ Кіевѣ считаютъ возможнымъ даже совершенное прекращеніе принесшей столько пользы русскому дѣлу газеты *Кіевлянинъ*. Этимъ объясняютъ что несмотря на ассигнованіе государственнымъ совѣтомъ обычной субсидіи этой газетѣ, несмотря на открытый въ Кіевѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія кредитъ для означеннаго расхода, субсидія эта до сихъ поръ не выдана, и не извѣстно будетъ ли выдана, благодаря тому что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ собираются различными канцеляріями какія-то справки о томъ какъ выдавать, да когда, да на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ дѣло, кажется, просто. Въ канцеляріи генералъ-губернатора, посредствомъ которой субсидія выдавалась издаваемой г. Шульгинымъ газетѣ въ теченіе шести лѣтъ, имѣются, какъ надобно думать, всѣ необходимыя по сему предмету свѣдѣнія, къ коимъ только слѣдуетъ присовокупить что *Кіевлянинъ* теперь, благодаря желанію мѣстной администраціи, пересталъ быть офиціознымъ органомъ и остается только при одной, хотя весьма уважительной роли органа мѣстныхъ русскихъ интересовъ, вслѣдствіе чего субсидія и перенесена изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

*) Въ Кіевѣ толкуютъ будто редакціи *Кіевлянина* сдѣлано было внушеніе даже за перепечатку журналовъ Волынскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по выкупному дѣлу въ имѣніяхъ польскаго помѣщика Свейковскаго.

№ 119.

Москва, 4-го Іюня.

Изъ сегодняшней вѣнской корреспонденціи нашей, читатели увидятъ какое впечатлѣніе произвела на Чеховъ обнародованная въ *Neue Freie Presse* меморія приписываемая г. Ригру. Чешскіе органы находятъ что этотъ документъ или подложный, или искаженъ въ печати, потому что онъ обращаетъ вниманіе европейскихъ державъ на славянскій элементъ какъ на средство спасенія Австрійской имперіи, тогда какъ въ настоящее время, по словамъ газеты *Pokrok*, изъ которой нашъ корреспондентъ приводитъ замѣчательный отрывокъ, между Чехами господствуетъ совершенное равнодушіе относительно дальнѣйшаго бытія монархіи Габсбурговъ. „Предоставимъ Австрію ея судьбѣ! Мы о спасеніи Австріи не мало не заботимся," восклицаетъ означенная газета, и ей вторятъ прочіе славянскіе органы. Вотъ положеніе дѣлъ въ такъ-называемой Австро-Венгерской монархіи; вотъ настроеніе умовъ

которое тамъ господствуетъ! Спрашивается, имѣетъ ли какую-либо будущность этотъ механическій сбродъ національностей? Вотъ страна гдѣ дѣйствительно зрѣютъ опасности для европейскаго мира, и гдѣ быть-можетъ въ скоромъ времени прорвутся событія....

Какія вопіющія противорѣчія лихорадочно смѣняющихъ одна другую системъ! Празднество въ честь бана Елачича встрѣтило противодѣйствіе со стороны властей въ Загребѣ, не допускавшихъ почтить память человѣка который за двадцать лѣтъ предъ симъ спасъ Австрійскую имперію; вслѣдъ затѣмъ торжественно празднуется въ Пештѣ, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи министровъ короля венгерскаго Франца-Іосифа, перенесеніе тѣла графа Баттіани,—того самого Баттіани который былъ казненъ, двадцать же лѣтъ тому назадъ, какъ государственный измѣнникъ, по повелѣнію императора Австрійскаго Франца-Іосифа!...

Вотъ еще примѣръ. Графъ Андраши, венгерскій министръ-президентъ, вознамѣрился обезоружить Граничаръ, и помимо обще-имперскаго военнаго министра генерала Куна, который считается начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ, а слѣдовательно и населенія Военной Границы, сообщилъ о своемъ желаніи командующему войсками въ этомъ краѣ, генералу Моллинари, и тотъ сталъ приводить его во исполненіе. Распоряженіе это возбудило такой ропотъ между Граничарами что пришлось телеграфировать о томъ въ Вѣну, и какъ извѣстила насъ вчера телеграмма, обезоруженіе пріостановлено, и отнятыя у Граничаръ ружья предписано возвратить имъ, а самое присоединеніе Границы отложено на неопредѣленное время. Не достаетъ только того чтобы по спорному вопросу о Военной Границѣ Венгрія объявила войну Австріи, —и судя по ходу дѣлъ, въ такой случайности нѣтъ ничего невозможнаго.

Положимъ что все это относится къ двумъ государствамъ, Цислейтаніи и Транслейтаніи. Но какъ идутъ дѣла въ Цислейтаніи взятой отдѣльно? Поляки въ Галиціи требуютъ себѣ особаго министра; графъ Потоцкій, цислейтанскій министръ-президентъ, соглашается на это, и даже, какъ говорятъ, прочитъ на эту должность Владислава Чарторыйскаго, сказавшаго въ Парижѣ пресловутую рѣчь о союзѣ австрійскихъ Нѣмцевъ съ Поляками противъ Славянъ,—рѣчь которая, повидимому, есть програма новой политической комбинаціи. Какъ вся имперія Габсбурговъ распалась на двое, такъ и цислейтанская половина ея должна распасться въ свою очередь. Поляки великодушно жертвуютъ германизму Чехами и другими Славянами, съ тѣмъ чтобы полонизму было предоставлено полное господство въ Галиціи. Поляки остаются въ этомъ вѣрны себѣ, но они утратили и послѣднія симпатіи къ себѣ въ своихъ славянскихъ соплеменникахъ. Въ химерическихъ надеждахъ на возстановленіе старой Польши, они теряютъ и послѣднюю почву которая еще оставалась у нихъ подъ ногами. Исполненіе новой программы, усвоенной графомъ Потоцкимъ, встрѣтило, однако, какъ сообщаетъ намъ корреспондентъ, нѣкоторыя затрудненія. Исполненіе отсрочено на неопредѣленное время; но планъ, повидимому, остается въ силѣ и руководитъ дѣйствіями цислейтанскаго правительства, возбуждая тѣмъ сильнѣйшее противодѣйствіе въ славянской оппозиціи. Борьба усиливается, и затрудненія усложняются.

Теперь имѣется въ виду созваніе имперской думы которая, какъ извѣстно, была распущена, потому что засѣданія ея стали невозможны вслѣдствіе выхода оттуда многихъ членовъ. Цислейтанское министерство распустило вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ областные сеймы, которые имѣютъ открыться снова въ августѣ, дабы избрать новыхъ представителей въ имперскую думу; но оно не распустило Пражскаго сейма, вопреки настоятельнымъ требованіямъ Чеховъ. Какая же причина такого произвольнаго исключенія изъ общей мѣры? „Министерство," поясняетъ откровенно графъ Потоцкій въ своемъ докладѣ императору, „далеко не увѣрено чтобы въ „случаѣ возобновленія Пражскаго сейма „послѣдовала присылка депутатовъ отъ „Чеховъ въ имперскую думу." Другими словами, чешскій сеймъ не распускается, потому что при новыхъ выборахъ большинство на сеймѣ быть-можетъ окажется неблагопріятнымъ для нѣмецко-польской партіи.

Судьба Австро-Венгерской монархіи служитъ великимъ и поучительнымъ примѣромъ что искусственно-созданный механизмъ, лишенный силы національнаго объединенія, можетъ держаться только дав-

леніемъ внѣшней необходимости, но неспособенъ вынести пробу жизни. Рядомъ съ Австріей, такой же примѣръ представляетъ Турція, которая давно бы уже распалась еслибы продленіе ея существованія не считалось необходимымъ въ видахъ европейской политики.

Повторимъ: здѣсь, въ этой Австріи выброшенной изъ Германіи и лишившейся центра тяжести, неудержимо готовятся событія которыя, быть-можетъ, повлекутъ за собою новыя и еще болѣе глубокія перемѣны въ политической системѣ Европы. Дальновидная политика не можетъ не слѣдить за ходомъ дѣлъ въ этой странѣ, или лучше въ этомъ конгломератѣ враждебныхъ другъ другу странъ, ежеминутно грозящемъ разсыпаться; дальновидная политика должна заранѣе разсчитать всѣ случайности и быть готовою встрѣтить ихъ. Россія близко заинтересована судьбами этого распадающагося тѣла. Ея собственныя судьбы во многомъ зависятъ отъ того оборота который примутъ дѣла въ такъ-называемой Австро-Венгерской монархіи, отъ тѣхъ катастрофъ которыя ежедневно могутъ постигнуть ее, отъ тѣхъ формацій которыя могутъ заступить ея мѣсто. Объединяющаяся Германія, или вѣрнѣе сказать Пруссія, также заинтересована судьбами монархіи Габсбурговъ, и она не только слѣдитъ за ними, но и дѣятельно участвуетъ въ ихъ совершеніи...

№ 120.

Москва, 5-го Іюня.

Говоря надняхъ объ усилившемся общественномъ интересѣ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, мы упомянули вскользь о недавно вышедшей книгѣ барона Н. А. Корфа подъ заглавіемъ *Русская Начальная Школа*. Почтенный авторъ изложилъ, въ руководство „земскимъ гласнымъ“ и „учителямъ сельскихъ школъ,“ плоды своей опытности и своихъ наблюденій, и мы пользуемся этимъ случаемъ чтобы познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ его указаній основанныхъ на его трехлѣтней дѣятельности по званію члена училищнаго совѣта въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи.

Перечисляя условія необходимыя для того чтобы могла состояться въ селѣ „толковая“ школа, баронъ Корфъ съ особенною убѣдительностью настаиваетъ на важности содѣйствія людей образованныхъ, стоящихъ близко къ народу и пользующихся его довѣріемъ. При нынѣшнемъ уровнѣ развитія нашего сельскаго люда, трудно ожидать чтобъ онъ, по собственному побужденію, сталъ оказывать особенную ревность къ пожертвованіямъ на школы и посылать въ нихъ своихъ дѣтей, которыя съ малыхъ лѣтъ начинаютъ дѣлить трудовую жизнь своихъ отцовъ. Крестьяне судятъ о школѣ лишь по успѣхамъ учениковъ, по результатамъ обученія; подвинуть же ихъ на открытіе ея въ большинствѣ случаевъ могутъ лишь убѣжденія просвѣщеннаго „попечителя,“ участіе котораго ручается крестьянамъ что деньги ихъ не пропадутъ даромъ и что въ вновь-открываемой школѣ будетъ прокъ. Опытъ Александровскаго уѣзда служитъ тому лучшимъ доказательствомъ: въ 1868—69 учебномъ году сельскія общества этого уѣзда посылали въ 78 школъ болѣе 3.000 учащихся, издерживая на однѣ школы, не считая квартиры и провизіи учителю, отопленія училищнаго зданія и т. д., до 18.000 рублей въ годъ. Это совершилось какъ удостовѣряетъ баронъ Корфъ, „безъ обязательности обученія, безъ штрафовъ, предписаній и наказаній,“ но при содѣйствіи „относительно просвѣщенныхъ слоевъ общества.“ Такое содѣйствіе по справедливому замѣчанію автора, вполнѣ въ нравахъ крестьянъ: они издавна свыклись съ тѣмъ что, приступая къ сооруженію церкви, слѣдуетъ прежде всего избрать распорядителя. Такъ и со школой: одинъ знающій и преданный дѣлу человѣкъ гораздо лучше поведетъ дѣло чѣмъ цѣлое сельское общество которое смутно понимаетъ пользу ученія.

Но вотъ школа открыта. Возникаетъ вопросъ: гдѣ взять для нея учителя? Сельскій священникъ не можетъ посвятить себя школѣ, — у него и безъ того много настоятельныхъ обязанностей поглащающихъ все его время. По мнѣнію барона Корфа, намъ, при нынѣшнемъ нашемъ безлюдьи, не приходится задаваться слишкомъ большими требованіями, и онъ совѣтуетъ довольствоваться уровнемъ знаній пріобрѣтаемыхъ молодыми людьми въ уѣздныхъ училищахъ: *ниже* этого отнюдь не должны быть свѣдѣнія лица поступающаго въ школьные учителя. Позна-

нія эти, какъ извѣстно, не велики; и потому, выбирая учителя изъ этой среды, остается обратить вниманіе не на то что онъ *знаетъ*, а на то насколько онъ способенъ что-нибудь *узнать*. Объ этомъ, замѣчаетъ баронъ Корфъ, всего лучше можно судить по тому какъ экзаменующійся на должность учителя рѣшаетъ практическія ариѳметическія задачи.

Вліяніе и содѣйствіе людей образованныхъ оказывается и здѣсь чрезвычайно полезнымъ. Сельское общество весьма рѣдко въ состояніи судить о достоинствахъ и свѣдѣніяхъ учителя; къ тому же оно слишкомъ снисходительно относится къ нѣкоторымъ предосудительнымъ слабостямъ, совершенно несовмѣстнымъ съ учительскимъ званіемъ: общество, напримѣръ, не очень осудитъ учителя, если онъ, по окончаніи своихъ урочныхъ занятій, напьется пьянъ. Попечитель въ этомъ случаѣ является совѣтникомъ и руководителемъ общества, направляетъ его выборъ, не навязывая ему своего учителя и вообще не выступая начальникомъ, и разъясняетъ ему необходимость обезпечить учителя въ матеріальномъ отношеніи, дабы онъ могъ полнѣе отдаться своему призванію. Не говоримъ уже о томъ какъ много пользы можетъ принести наставляющее и поощряющее слово просвѣщеннаго попечителя, облегчая тяжкій трудъ сельскаго учителя и приходя на помощь его неподготовленности.

Баронъ Корфъ неоднократно и съ энергіей указываетъ на то что народное образованіе тогда только пойдетъ у насъ нормальнымъ и испытаннымъ во всей образованной Европѣ ходомъ, когда и у насъ образуется сословіе сельскихъ учителей, спеціально подготовленныхъ къ своему дѣлу въ особо-учрежденныхъ для того заведеніяхъ. Было бы, однако, неблагоразумно, говоритъ онъ, сидѣть теперь сложа руки, выжидая то блаженное время когда и въ Россіи появятся учителями въ сельскихъ школахъ воспитанники учительскихъ семинарій. Нашъ долгъ по возможности расчистить путь и подготовить почву для этихъ свѣдущихъ учителей, взявшись за дѣло теперь же, хотя бы при помощи учителей неподготовленныхъ.

На кого долженъ падать расходъ вызываемый потребностями начальнаго народнаго образованія? По мнѣнію барона Корфа, онъ долженъ быть распредѣленъ между государствомъ, земствомъ и сельскимъ обществомъ непосредственно пользующимся школой. Государство расходуетъ: а) на устройство учительскихъ семинарій (или по крайней мѣрѣ оказываетъ пособіе земскимъ учительскимъ школамъ); б) на педагогическое наблюденіе, при содѣйствіи земства, за ходомъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ; в) на пособія учрежденіямъ и лицамъ къ улучшенію школъ существующихъ и открытію новыхъ; г) на пособія лицамъ, окончившимъ курсъ въ народной школѣ, но желающимъ идти дальше и не имѣющимъ на то средствъ. Затѣмъ земство съ своей стороны, а) „доплачиваетъ" такимъ сельскимъ обществамъ которыя желаютъ имѣть школу, но у которыхъ не достаетъ средствъ содержать ее; б) ассигнуетъ въ распоряженіе совѣта извѣстную сумму денегъ для выдачи (по 50—100 р.) тѣмъ изъ преподавателей уѣзда, которыхъ ученики окажутъ наилучшіе успѣхи; в) ежегодно снабжаетъ школы учебниками; г) устраиваетъ сельскія библіотеки, какъ средства для самообразованія учителей, и читальни; д) созываетъ, при посредствѣ училищнаго совѣта, ежегодно учительскіе съѣзды; е) содержитъ одно или нѣсколько образцовыхъ училищъ, въ которыхъ молодыя люди подготовляются къ поступленію въ учительскую семинарію, содержимую государствомъ при содѣйствіи земства. Наконецъ сельское общество несетъ расходы на жалованье и содержаніе учителю, на сооруженіе и ремонтъ постройки и т. д.

Нельзя не признать такое распредѣленіе расходовъ по народному образованію весьма раціональнымъ. Привлекая къ участію и государство, и земство, и сельскія общества, распредѣленіе это одинаково заинтересовываетъ ихъ въ успѣшности этого дѣла, и ихъ совокупныя усилія могутъ всего надежнѣе обезпечивать ему устойчивый и вѣрный ходъ.

Особую главу посвящаетъ авторъ вопросу о „наблюденіи за преподаваніемъ" въ сельскихъ училищахъ. Извѣстно что Положеніемъ 14-го іюля 1864 г. наблюденіе это предоставляется уѣздному училищному совѣту, въ коемъ участвуютъ и члены отъ земства. При отсутствіи гласности для земскаго дѣла, говоритъ баронъ Корфъ, трудно составить себѣ понятіе о томъ какъ понимается въ земскихъ кругахъ это „драгоцѣнное право наблюденія;" но по нѣко-

торымъ признакамъ можно-де заключить что вопросъ этотъ для многихъ еще не вполнѣ выяснился. Такъ на послѣднемъ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (декабрь 1869), по поводу возникшаго предположенія объ изданіи букваря для сельскихъ школъ, одинъ изъ гласныхъ, „весьма вліятельный членъ собранія,“ заявилъ что дѣло училищнаго совѣта не въ распространеніи полезныхъ книгъ, и что его дѣятельность и назначеніе отрицательнаго свойства, а именно: онъ долженъ-де заботиться о *недопущеніи* въ училищахъ книгъ не одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Выходитъ, слѣдовательно, замѣчаетъ баронъ Корфъ, что наблюденіе за училищами, если держаться приведеннаго взгляда, должно имѣть болѣе полицейскій чѣмъ педагогическій характеръ. Между тѣмъ достаточно самой бѣглой справки съ Положеніемъ 14-го іюля (см. ст. 14 и 24) чтобъ убѣдиться что училищный совѣтъ не полицейское, а педагогическое учрежденіе, и если наблюденіе его до сихъ поръ, какъ выражается нашъ авторъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ приносило плоды, то это происходило именно потому что оно понималось въ смыслѣ полицейскомъ и канцелярскомъ, а не научномъ и педагогическомъ.

Къ числу „самыхъ дѣйствительныхъ“ средствъ могущихъ послужить „наблюдающему учрежденію“ для того чтобы провѣрять занятія учителей и вліять на ходъ обученія авторъ относитъ *учительскіе съѣзды*, происходящіе подъ предсѣдательствомъ члена училищнаго совѣта и созываемые въ половинѣ учебнаго года. Съѣзды эти, сверхъ того, представятъ участникамъ удобный случай дѣлиться между собой своими наблюденіями и своимъ опытомъ; между ними установится такимъ образомъ единство дѣйствій и возбудится корпоративная честь и сила, вмѣсто „разрозненнаго одиночества,“ среди котораго проходитъ для каждаго учителя весь учебный годъ.

Предѣлы газетной статьи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, входить въ болѣе подробное изложеніе богатаго содержанія *Русской Начальной Школы*. Отсылаемъ любознательныхъ читателей къ самой книгѣ, въ которой они найдутъ не мало поучительнаго и въ особенности весьма интересныя наставленія какъ лучше и толковѣе преподавать каждый изъ предметовъ входящихъ въ програму народной школы. Не можемъ однако, въ виду чрезвычайной важности вопроса, не привести мнѣнія автора о необходимости женскаго образованія для крестьянской среды.

По свидѣтельству барона Корфа, крестьянинъ относится къ обученію дѣвочекъ совершенно иначе чѣмъ къ обученію мальчиковъ. „Дѣло женщины,“ разсуждаетъ онъ, „смотрѣть за горшками, а не книжки читать.“ Авторъ сообщаетъ прискорбный фактъ что трехлѣтнія усилія его привлечь дѣвочекъ въ школы имѣли такой „жалкій результатъ“ что въ участкѣ на 1.712 учащихся оказывается всего 84 дѣвочки. Баронъ Корфъ полагаетъ что только обученіемъ рукодѣлью, „практически полезному въ сельскомъ быту,“ можно склонить крестьянъ къ тому чтобъ они пускали въ школу своихъ дочерей, и то едва ли, думаетъ онъ, можно ожидать скораго успѣха. Но чѣмъ больше препятствій, продолжаетъ онъ, тѣмъ больше нужно настойчивости, терпѣнія и энергіи, въ виду того что „пока наши матери не будутъ грамотными, до тѣхъ поръ грамотность не можетъ пустить прочныхъ корней въ народѣ, такъ какъ семья и ея обстановка будутъ слишкомъ рѣзко отличаться отъ всего того что окружаетъ ребенка въ школѣ.“

Вполнѣ сочувствуя этой истинѣ, мы вмѣстѣ съ авторомъ желали бы отъ души чтобы ревнители народнаго образованія направили свои усилія въ эту сторону. Не могло ли бы содѣйствовать тому опредѣленіе учительницъ въ тѣ народныя школы гдѣ это оказалось бы удобнымъ? Дѣло образованія не можетъ считаться совершенно укоренившимся пока не проникнетъ въ глубину семьи, пока не коснется женщины.

№ 121.

Москва, 8-го Іюня.

Въ послѣднее время аугсбургская *Allgemeine Zeitung* сдѣлалась какъ бы офиціальнымъ органомъ нашихъ балтійскихъ феодаловъ, которые теперь предночтительно пользуются ею для своихъ агитацій въ Германіи. Въ упомянутой газетѣ, послѣ сообщенія „лифляндскаго адреса“ и его „исторіи,“ напечатана въ № 154, передовая статья подъ заглавіемъ *Россія и Остзейскія провинціи*. Статья эта имѣетъ цѣлью

подѣйствовать на русскихъ государственныхъ мужей, и написана тономъ нѣсколько умѣреннымъ согласно правилу *suaviter in modo, fortiter in re*. Она требуетъ, во имя германскаго патріотизма, чтобъ изъ Эстляндіи (гдѣ только 5 процентовъ населенія принадлежитъ къ нѣмецкому племени) были удалены и тѣ человѣка два, которые заподозрѣны въ русскомъ патріотизмѣ. Поддѣлываясь подъ тонъ умѣренности, авторъ статьи не только не замышляетъ исторій о какомъ-либо новомъ религіозномъ притѣсненіи,“ но еще сознается что, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, дѣйствовавшія правила отмѣнялись или измѣнялись отнюдь не въ ущербъ протестантскому исповѣданію; тѣмъ не менѣе онъ находитъ что религіозный гнетъ сдѣлался теперь невыносимъ. Отъ чего же? Отъ того-де что и теперь какъ прежде требуется чтобы должностныя лица, въ торжественные дни, присутствовали въ православномъ соборѣ при молебствіи за Государя! Это вдругъ теперь оказывается оскорбленіемъ протестантской вѣры! Въ какой-либо берлинской газетѣ было бы неудобно сказать что-либо подобное; ибо въ Берлинѣ всѣмъ извѣстно что и король Прусскій, хотя весьма усердный лютеранинъ, однако въ торжественные русскіе дни нерѣдко присутствуетъ въ православной церкви русскаго посольства при богослуженіи. Впрочемъ, эстляндскій обвинитель находитъ еще и другой поводъ къ жалобѣ: онъ говоритъ что требованіе отъ лютеранъ-чиновниковъ являться въ русскую церковь на молебствіе съ нѣкотораго времени не было исполняемо, а теперь возобновлено за тѣмъ только чтобы вытѣснить нѣмецкихъ патріотовъ изъ должностей и замѣстить ихъ русскими патріотами. Такой доводъ конечно достаточенъ для того чтобы поднять шумъ противъ Россіи. Благодаря многолѣтнимъ усиліямъ нашихъ балтійскихъ политиковъ, въ Германіи мало-по малу наконецъ утвердилось всеобщее убѣжденіе что русское правительство *обязано* какъ можно скорѣе онѣмечить свои балтійскія губерніи, хотя Нѣмцы, какъ народъ ученый и въ статистикѣ свѣдущій, очень хорошо знаютъ что эти губерніи никогда ни въ какомъ отношеніи къ Германіи не находились, что нѣмецкій патріотизмъ тамъ не имѣетъ ни почвы, ни законнаго основанія, что въ сущности онъ есть только ошибка русскихъ правительственныхъ системъ, и что люди нѣмецкой рѣчи составляютъ въ балтійскихъ провинціяхъ ничтожное меньшинство. Вотъ почему въ настоящее время каждая газета въ Германіи отводитъ у себя первое мѣсто всѣмъ юнкерскимъ корреспонденціямъ изъ балтійскаго края, не заботясь о томъ что подобныя, столь наглыя притязанія могутъ рано или поздно возбудить сильное раздраженіе въ международныхъ отношеніяхъ, а необходимымъ послѣдствіемъ раздраженнаго настроенія великихъ народовъ Европы бываетъ не иное что какъ увеличеніе военнаго бюджета.

Либеральныя германскія и прусскія газеты болѣе всего жалуются на громадные размѣры военныхъ бюджетовъ поглащающихъ всѣ средства народовъ. Дѣйствительно, въ наше время это есть главное зло съ которымъ никакое другое не можетъ идти въ сравненіе. Всякая другая расточительность покажется ничтожною въ сравненіи съ тою страшною тратой денегъ и человѣческой силы какой требуютъ огромныя арміи содержимыя великими европейскими державами. Но что толку въ этомъ ропотѣ на военные бюджеты, если поддерживаются причины которыя дѣлаютъ необходимымъ *вооруженный міръ*, высасывающій силы народовъ?

Нѣмецкая печать въ отношеніи къ Россіи представляетъ зрѣлище совершенно недостойное. Нелѣпѣйшія нареканія и требованія нашихъ балтійскихъ феодаловъ, этихъ привилегированныхъ клеветниковъ Россіи, находятъ въ наиболѣе значительныхъ и распространенныхъ органахъ Германіи не только мѣсто, но сочувствіе и поощреніе. Тѣ же самыя газеты, которыя въ былыя времена гнушалась балтійскими порядками и удивлялись что русское правительство не принимаетъ самыхъ энергическихъ мѣръ къ ихъ устраненію, теперь становятся подъ феодальное знамя и дѣлаютъ все возможное чтобы безсмысленно раздражать національныя страсти Нѣмцевъ противъ Россіи.

Нѣмецкой національно-либеральной партіи, ради сохраненія европейскаго мира, всего болѣе слѣдовало бы желать чтобъ у восточнаго сосѣда Германіи окрѣпло національное направленіе, которое, возвышая и развивая гражданственность Россіи, ни въ какомъ случаѣ не могло бы угрожать Германіи, а напротивъ было бы какъ нельзя болѣе благопріятно для ея справед-

ливыхъ интересовъ, для дѣла ея внутренняго благоустройства и процвѣтанія, между тѣмъ какъ преобладаніе феодальной партіи въ сосѣднемъ государствѣ едва ли было бы благопріятнымъ условіемъ для мирнаго прогресса Германіи. Феодальная партія только постоянно вмѣшивалась бы во внутреннія дѣла Германіи, вносила бы въ нихъ смуту и возбуждала бы въ нихъ вредные элементы.

На дняхъ мы получили газету именуемую *Гамбургскій Корреспондентъ* (*Hamburgischer Correspondent*), которая съ недавняго времени поступила подъ редакцію бывшаго редактора *Рижской Газеты* г. Юлія Эккардта. Замѣчательно что упомянутая гамбургская газета, подъ прежнею редакціей, отличалась почти изо всѣхъ нѣмецкихъ газетъ направленіемъ дружелюбнымъ относительно Россіи и сообщала о ней свѣдѣнія болѣе или менѣе правдивыя, теперь же, попавъ въ руки человѣка хорошо знакомаго съ русскими дѣлами, она начала повѣствовать о русскихъ дѣлахъ самыя удивительныя вещи. Мы, напримѣръ, узнаемъ изъ нея что судебная реформа до конца погубила Россію; гамбургскіе граждане съ ужасомъ читаютъ что теперь у насъ воровъ, разбойниковъ, убійцъ не сажаютъ въ тюрьму, ибо русскій народъ, совершенно неспособный къ государственному быту, не дожидаясь суда, самъ расправляется съ преступниками. Отъ желѣзныхъ дорогъ Россія можетъ-де ожидать добра только въ томъ случаѣ если завѣдываніе ими будетъ предоставлено исключительно *Европейцамъ*, то-есть конечно Нѣмцамъ и даже добрымъ Гамбуржцамъ; до тѣхъ же поръ пока этого не будетъ, никто не долженъ рисковать своими деньгами на русскія желѣзныя дороги. Но главное дѣло состоитъ въ балтійскомъ побережьи Россіи. Корреспонденціи получаемыя почтенною редакціей этой гамбургской газеты изъ балтійскаго края и изъ Петербурга обыкновенно оканчиваются увѣреніемъ что въ этомъ краѣ негодованіе и отчаяніе достигли высшей степени. Какую скорбь столь грустное извѣстіе должно причинить нѣмецкому народу! Каждый чиновникъ русскаго образа мыслей, получающій въ балтійскихъ губерніяхъ ту или другую должность, описывается совершенно чудовищемъ. Изъ числа 30.000 людей русской рѣчи, живущей въ Ригѣ, трое самыхъ лучшихъ, составляющіе цвѣтъ этого окаяннаго населенія, суть три преступника: одинъ (нѣмецкій ренегатъ, изъ балтійскихъ дворянъ) воръ; другой (котораго имя звучитъ также не совсѣмъ по-русски) обманщикъ; третій, русскій артельщикъ, носящій имя дѣйствительно русское, еще хуже ихъ: этотъ человѣкъ, по поводу знаменитаго лифляндскаго адреса, собиралъ-де подписи къ контръ-адресу, въ которомъ содержалась просьба о введеніи русскаго языка и русскаго судопроизводства въ балтійскихъ губерніяхъ!! Что же можетъ быть преступнѣе этого? Разумѣется, такого изверга мѣстныя власти ни мало немедля выпроводили изъ балтійскаго края.

Зло, которое неоспоримо проистекаетъ отъ этихъ корреспонденцій и отъ такого образа дѣйствій нѣмецкой журналистики, сопровождается по крайней мѣрѣ однимъ добрымъ послѣдствіемъ: имъ уничтожается то слѣпое довѣріе, какими прежде иностранная печать пользовалась въ Россіи; оно доказываетъ съ очевидностію что Россія для исцѣленія своихъ язвъ можетъ возлагать свою надежду только на свободное слово своего собственнаго чувства и мнѣнія.

№ 122.

Москва, 8-го Іюня.

Комитетъ по устройству Маріинскаго воднаго пути ведетъ порученныя ему занятія съ гораздо большею гласностью чѣмъ это дѣлается обыкновенно въ коммиссіяхъ, разрабатывающихъ законодательные и техническіе вопросы. Отчеты о засѣданіяхъ комитета, хотя и не вполнѣ точные, своевременно печатались въ газетахъ. Теперь подлинные журналы засѣданій напечатаны особою тетрадью. Комитетъ распорядился также напечатаніемъ собранныхъ для него матеріаловъ, наполнившихъ четыре объемистые тома. Сюда входятъ: сводъ узаконеній по воднымъ сообщеніямъ, историческія свѣдѣнія о водяныхъ системахъ ведущихъ въ Петербургъ, статистическія данныя, техническія вѣдомости, записки, и пр. Напечатаны также проекты концессій на устройство и эксплуатацію Маріинскаго воднаго пути, и проектъ правилъ о судоходствѣ. Жаль только что эти изданія не находятся въ продажѣ; можно также замѣтить что отнюдь не могло бы повредить дѣлу немедленное публикованіе подлинныхъ

журналовъ засѣданій; тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими коммиссіями, даже чисто техническими, каковъ напримѣръ комитетъ узкоколейныхъ дорогъ, комитетъ по Маріинскому водному пути отличается заслуживающимъ всякой признательности уваженіемъ къ гласности. Отчетъ коммиссіи осматривавшей въ Англіи самую узкую изъ желѣзныхъ дорогъ (двухфутовую фестиньйогскую) и присутствовавшей при опытахъ надъ локомотивомъ Ферлея, правда, напечатанъ для избранныхъ, но обсужденіе этого отчета въ комитетѣ и мотивы принятыхъ рѣшеній по постройкѣ узкоколейныхъ дорогъ, до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Почему, напримѣръ, узкая колея признана пригодною для такой дороги какова Ливенская, обѣщающая болѣе или менѣе значительное движеніе? Почему комитетъ узкоколейныхъ дорогъ принялъ $3^1/_2$ футовую ширину колеи вмѣсто трехфутовой, рекомендованной коммиссіей графа Бобринскаго? А разъясненіе подробностей объ узкоколейныхъ дорогахъ весьма важно и для предпринимателей и для земства, которому предполагается предоставить участіе въ постройкѣ желѣзнодорожныхъ вѣтвей.

Комитетъ по Маріинскому водному пути пріостановилъ свои занятія послѣ семи засѣданій, въ коихъ обсуждены мѣры для обезпеченія судоходства въ текущемъ году, разрѣшено устройство туажа по каналу Александра II и предварительно разсмотрѣнъ проектъ техническаго улучшенія системы. Ко главнымъ же вопросамъ по передачѣ Маріинской системы въ частныя руки, именно къ обсужденію предложеній купечества, комитетъ не успѣлъ приступить. Онъ остановился на рѣшеніи отправить на мѣсто административную и техническую коммиссіи, которыя должны собрать разнаго рода данныя, а также мнѣнія и отзывы торговцевъ и судопромышленниковъ, и вообще практически провѣрить всѣ предположенія.

Самый капитальный и трудный вопросъ въ этомъ дѣлѣ—прінсканіе такой формы предпріятія при которой были бы вполнѣ обезпечены интересы какъ его участниковъ, такъ и грузоотправителей. Въ № 114 нашей газеты мы изложили довольно подробно весьма оригинальную комбинацію предложенную уполномоченными отъ торговцевъ пользующихся Маріинскимъ путемъ. Читатели помнятъ быть-можетъ что эта комбинація представляла особый видъ товарищества, въ которомъ вкладчикамъ дается опредѣленное участіе въ прибыляхъ (полученіе пяти процентовъ), безъ всякаго вліянія на управленіе дѣлами, причемъ управленіе должно сначала находиться почти вполнѣ въ рукахъ учредителей, но затѣмъ постепенно переходить ко грузоотправителямъ, какъ участникамъ товарищества. Они получаютъ также въ раздѣлъ (сообразно размѣрамъ уплаченной каждымъ изъ нихъ грузовой платы, по грузовымъ свидѣтельствамъ) остатки отъ годовыхъ расходовъ товарищества за уплатой процентовъ вкладчикамъ. Въ первые четыре года, въ теченіе коихъ должно быть исполнено улучшеніе системы и введеніе паровыхъ двигателей и сверхъ того въ одинъ опытный годъ, совѣтъ изъ учредителей завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ, но затѣмъ ежегодно два члена совѣта замѣщаются грузоотправителями. Общее собраніе грузоотправителей избираетъ ревизіонную коммиссію для повѣрки отчета за прошедшій годъ и утвержденіе бюджета на предстоящій. Размѣръ провозной платы назначается совѣтомъ съ утвержденія министра путей сообщенія на основаніи особыхъ правилъ и разчетовъ, устраняющихъ до нѣкоторой степени произволъ.

Вопросъ заключается только въ томъ, будетъ ли товарищество дѣйствительно товариществомъ, то-есть полные участники-учредители будутъ ли отвѣчать въ извѣстныхъ случаяхъ всѣмъ своимъ имуществомъ? При этомъ условіи была бы понятна передача учредителямъ всей распорядительной части въ самое важное для предпріятія время, когда должны быть положены его основанія. Интересы вкладчиковъ не имѣющихъ вліянія на веденіе дѣла и интересы казны, если она приметъ на себя гарантію процентовъ выдаваемыхъ вкладчикамъ, требуютъ также полной отвѣтственности учредителей.

Говоря о проектѣ товарищества по устройству Маріинскаго пути мы тогда же замѣтили что изложенныя въ этомъ проектѣ права участниковъ и учредителей были бы невозможны при передачѣ системы въ акціонерную компанію. То же само приходится сказать намъ и теперь, когда предъ нами лежитъ проектъ другой концессіи, представленный тѣми же лицами: гг. Овсянниковымъ, Непюковымъ, Фейгинымъ, И. и В. Милютиными, Духиновымъ, Буфѣевымъ и Племянниковымъ. Вопросъ объ избраніи

формы предпріятія, очевидно, затрудняетъ ихъ самихъ. Они внесли въ комитетъ по Маріинскому пути проектъ двухъ концессій: по одному, уже извѣстному читателямъ, водный путь передается товариществу, по другому — акціонерной компаніи которой полагается дать названіе *Главнаго Общества водяныхъ сообщеній въ Россіи*. Впрочемъ оба проекта имѣютъ значеніе только предварительнаго заявленія общихъ началъ. Въ объяснительной запискѣ къ концессіямъ учредители объясняютъ что подробно разработанныя предположенія объ организаціи предпріятія они представятъ лишь въ сентябрѣ, по собраніи разныхъ свѣдѣній и данныхъ, и по всестороннемъ обсужденіи дѣла.

Въ основаніе проектированнаго устройства акціонерной компаніи положено раздѣленіе предпріятія на двѣ отдѣльныя операціи: a) улучшенія самаго Маріинскаго пути поскольку оно касается всѣхъ грузоотправителей, какъ пользующихся передвижными устройствами компаніи, такъ и ведущихъ суда своими средствами, и b) устройства туэрнаго движенія на протяженіи всей системы. Въ первой части операціи усматривается значеніе по преимуществу государственное: приведеніе въ порядокъ важнѣйшаго изъ нашихъ водныхъ путей, отъ чего много зависитъ наша внутренняя и внѣшняя торговля. Въ устройствѣ же туэрнаго пароходства учредители видятъ предпріятіе собственно коммерческое, „подвергающееся случайностямъ успѣха „или неуспѣха, потерь или убытковъ и „большаго или меньшаго развитія дѣя„тельности администраціи.“ Для привлеченія вкладчиковъ полагается привести операцію туэрнаго пароходства къ общимъ акціонернымъ началамъ. Капиталъ на устройство туэровъ, 4.850.000 р., имѣетъ быть собранъ выпускомъ акцій и облигацій въ равномъ числѣ. Что же касается общаго улучшенія и общей эксплуатаціи системы, то предполагается допустить участіе всѣхъ сторонъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ: правительства, акціонернаго общества и грузоотправителей.

На перестройку Маріинской системы требуется 8.408.000 р., которые предполагается собрать облигаціями. Впрочемъ, показанная сумма не представляетъ чего-либо окончательно опредѣленнаго и не выражаетъ размѣровъ основнаго капитала общества. Это только высшій предѣлъ расходовъ на улучшеніе системы, за который учредители не должны выходить. Исполненіе въ теченіе четырехъ лѣтъ всѣхъ работъ по устройству системы поручается учредителямъ *на ихъ страхъ*: въ эти четыре года все дѣло ведется учредителями. Въ проектѣ концессіи прямо сказано что лишь „по истеченіи четырехлѣтняго срока, „общество вступаетъ въ права и обязан„ности возлагаемыя на него концессіей.“ Учредители же должны строить подъ усиленнымъ контролемъ правительства, получая плату „по исполнительнымъ смѣтамъ, „составленнымъ подъ наблюденіемъ инспек„ціи по урочному положенію и по мѣстнымъ „современнымъ производству работъ цѣ„намъ.“

Если при такомъ порядкѣ не будетъ выбрана вся сумма 8.488.000 р., то основный капиталъ общества долженъ уменьшиться на весь остатокъ.

Такимъ образомъ разбираемый нами нынѣ проектъ концессіи ставитъ учредителей компаніи въ положеніе какихъ-то невозможныхъ подрядчиковъ казны. Учредители могутъ брать въ казнѣ задатки подъ залоги рубль за рубль. Самую отчетность въ произведенныхъ работахъ они представляютъ не компаніи, а министерству. Правда, проектъ концессіи говоритъ что учредители ведутъ работы „на свой страхъ,“ но эта отвѣтственность не только въ точности не опредѣляется, но даже просто снимается другими параграфами проекта. Въ проектѣ нигдѣ не выговорено что учредители оставляютъ какую-нибудь часть акцій за собой или по крайней мѣрѣ принимаютъ на себя помѣщеніе извѣстнаго количества облигацій, какъ это постановлено въ вышеупомянутомъ проектѣ товарищества, представленномъ тѣми же лицами. Но всегда и вездѣ отвѣтственность всѣхъ участниковъ акціонерной компаніи одинаково ограничивается лишь размѣрами вклада; въ этомъ состоитъ сущность акціонерной компаніи: что же значитъ выраженіе *на свой страхъ*? Въ § 33 концессіи прямо говорится: „если учредители не окон„чатъ возлагаемаго на нихъ устройства „Маріинской системы и устройства туэжа „въ теченіи четырехъ лѣтъ,“ то все Общество подвергается отвѣтственности, какъ и за всякое иное неисполненіе обязательствъ: послѣ заявленія министра о неисправности Общества, послѣ перваго предостереженія, въ извѣстный срокъ, „пра-

„вительство вступаетъ во владѣніе зало-„гомъ, всѣми работами оконченными и не-„оконченными, равно всѣми матеріалами, „заготовленными Обществомъ." Изъ проекта концессіи не видно поступитъ ли на счетъ Общества или останется за учредителями залогъ, по проекту вносимый неизвѣстно кѣмъ, а по общимъ законамъ— учредителями. На основаніи точнаго смысла проекта, работы по устройству туажа могутъ быть также взяты въ казну за неисправность учредителей въ исполненіи всѣхъ относящихся къ улучшенію системы работъ. Быть-можетъ въ проектѣ просто недостаетъ оговорки въ послѣднемъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ нельзя и минуты сомнѣваться въ неосуществимости проектированнаго положенія учредителей, если предпріятію будетъ дана форма акціонерной компаніи. Подрядчики даже по простымъ контрактамъ отвѣчаютъ въ извѣстномъ случаѣ не только залогами, но и всѣмъ имуществомъ.

Если же на учредителей будетъ возложена полная отвѣтственность, то получится уже не акціонерная компанія, а что-то въ родѣ товарищества на вѣрѣ или командитнаго общества. Между тѣмъ *Главное Общество водяныхъ сообщеній въ Россіи*, какъ желаетъ называть себя акціонерная компанія, ставитъ грузоотправителей въ условія гораздо менѣе выгодныя чѣмъ проектъ товарищества о которомъ говорено выше. Отправителямъ грузовъ дается тутъ участіе лишь въ комитетѣ Общества, который составляется изъ членовъ совѣта компаніи и крупныхъ грузоотправителей. Право на голосъ даетъ 25.000 пуд. клади, что соотвѣтствуетъ 750 р. с. общаго сбора за проходъ по системѣ и около 1.375 р. туэрной платы. А по проекту товарищества голосъ дается пятью стами рублями грузовой платы вообще. Комитетъ разсматриваетъ бюджетъ и отчетъ, а также обсуждаетъ предположенія и проекты по улучшенію системы. Излишки сбора поступаютъ не въ дѣлежъ между отправителями грузовъ, а въ запасный капиталъ, служащій на покрытіе недоборовъ и уменьшеніе провозной платы. Самая же главная утрата для грузоотправителей состоитъ въ томъ что, по проекту образованія компаніи, они не будутъ имѣть никакого вліянія на управленіе туэрнымъ движеніемъ, а монополія этого движенія можетъ повести къ большимъ стѣсненіямъ.

Такимъ образомъ потребности дѣла указываютъ что лучшая форма предпріятія есть товарищество на вѣрѣ. Эта форма является сама собою, лишь только изъ разбираемаго проекта акціонерной компаніи исключить всѣ неправильности и неудобства, которыхъ законъ допустить не можетъ. Эта же форма требуется и дѣйствительными интересами грузоотправителей. Кромѣ сего, кажется намъ, требуется совершенно отдѣлить улучшеніе системы отъ туажа. Это два отдѣльныя предпріятія, и для ясной, точной и въ юридическомъ отношеніи безукоризненной постановки дѣла они должны быть одно отъ другаго независимы. Пусть участники въ нихъ будутъ одни и тѣ же, но пусть это будутъ двѣ разныя компаніи.

Мы искренно желаемъ успѣха этому дѣлу и очень хорошо знаемъ какъ оно можетъ быть полезно и важно. Мы считаемъ его даже настоятельною потребностію торговли, и единственно въ этихъ видахъ стараемся разъяснить его трудности. Не предрѣшая вопроса и по его сложности не находя еще возможнымъ высказать о немъ окончательное, совершенно опредѣленное сужденіе, мы же можемъ однакоже не остановиться предъ проектомъ учредить для улучшенія Маріинской системы акціонерную компанію и не можемъ не спросить почему именно признается необходимымъ поручить выполненіе построекъ по улучшенію системы не этой компаніи вообще, а лишь ея учредителямъ. Если же это почему-либо считается необходимымъ, то нельзя не замѣтить что при полной отвѣтственности учредителей, то-есть при образованіи предпріятія въ формѣ товарищества на вѣрѣ, такое положеніе ихъ будетъ осуществимѣе. Къ тому же въ будущемъ, и не чрезъ слишкомъ большое число лѣтъ, окажется, вѣроятно, надобность въ перестройкахъ не менѣе капитальныхъ чѣмъ предполагаемыя нынѣ, а на такой случай чистая форма товарищества на вѣрѣ дастъ готовыхъ распорядителей—полныхъ товарищей.

Если же товарищество на вѣрѣ не осуществимо вслѣдствіе нежеланія учредителей взять на себя отвѣтственность своимъ состояніемъ во все время предпріятія (она совершенно необходима на время постройки), то остается имѣть въ виду постепенный переходъ предпріятія въ руки грузоотправителей. Въ уставѣ придется опре-

дѣлить порядокъ перехода отвѣтственности отъ учредителей къ отправителямъ грузовъ, то-есть предусмотрѣть образованіе товарищества или компаніи въ родѣ обществъ взаимнаго кредита, гдѣ также пользованіе услугами предпріятія соединяется съ участіемъ въ веденіи дѣлъ. Для обезпеченія интересовъ вкладчиковъ и третьихъ лицъ необходимо чтобы предпріятіе или имѣло запасный капиталъ назначенный для подобной цѣли, или могло облагать участниковъ сборомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. При безпрестанной измѣняемости членовъ, при полной свободѣ вступленія и выхода изъ числа отправителей грузовъ, наиболѣе дѣйствительное обезпеченіе далъ бы законный капиталъ, но это обезпеченіе крайне дорогое и требующее продолжительнаго срока, который къ тому же не можетъ быть напередъ опредѣленъ. Впрочемъ желаніе имѣть систему въ своихъ рукахъ можетъ, мы полагаемъ, побудить отправителей согласиться на усиленіе источниковъ, изъ коихъ образуется запасный капиталъ, напримѣръ такимъ способомъ чтобы желающіе изъ грузоотправителей вступали въ члены товарищества съ извѣстнымъ взносомъ соотвѣтствующимъ количеству грузовъ которое каждый изъ нихъ намѣренъ отправлять и съ тѣмъ чтобы таковой грузоотправитель принималъ на себя отвѣтственность по дѣламъ товариществъ въ суммѣ въ пять или десять разъ большей противъ суммы взноса, а самый взносъ его поступалъ бы въ законный капиталъ. Такъ образовался бы капиталъ ручательства и при достиженіи этимъ капиталомъ извѣстнаго размѣра, предпріятіе могло бы перейти въ руки товарищества устроеннаго, какъ сказано, въ родѣ обществъ взаимнаго кредита, или, если угодно, въ родѣ поземельныхъ компаній заемщиковъ. Но должно признаться что эта форма товарищества новая, на опытѣ не испытанная и что при ея введеніи требуется осмотрительность. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія связывать съ этимъ сложнымъ дѣломъ устройство туэжа, для коего можетъ быть выбрана по желанію та или другая форма товарищества допускаемая общими законами, — и товарищество на вѣрѣ и акціонерная компанія.

№ 123.

Москва, 9-го Іюня.

Возвращаемся еще разъ къ находящемуся на очереди вопросу о Маріинскомъ водномъ пути.

Дѣло это имѣетъ несомнѣнную государственную важность. Это первая у насъ попытка передачи водныхъ сообщеній въ частныя руки, и рѣчь идетъ о главномъ изъ водныхъ путей въ Россіи, особенно нуждающемся въ измѣненіи существующаго на немъ нынѣ хозяйства.

Маріинская система имѣетъ такое же значеніе въ сѣти водныхъ сообщеній какое принадлежитъ Николаевской линіи въ ряду нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ Вятскаго края, съ Урала, съ низовьевъ Волги, изъ хлѣбородной полосы, лежащей къ югу отъ Москвы, направляется къ Петербургу по Маріинской системѣ больше трети всѣхъ грузовъ сплавляемыхъ по рѣкамъ и каналамъ Россіи.

Выгода Петербурга предъ остальными нашими портами заключается въ томъ что къ нему ведетъ цѣлая сѣть водныхъ сообщеній, обнимающая бо́льшую половину Россіи. Достаточно сказать что въ эту сѣть входитъ бассейнъ Волги со всѣми сѣверными озерами и рѣками. Ни Рига, ни Одесса, ни даже Азовскіе порты не имѣютъ такихъ удобствъ, не найдется такихъ удобствъ въ равной степени и у портовъ другихъ государствъ. Только рѣка Св. Лаврентія, имѣющая впрочемъ неудобное параллельное морскому берегу теченіе, съ сѣтью озеръ за нею и бассейномъ Миссиссипи, напоминаетъ Неву, также вытекающую изъ озеръ соединенныхъ рѣками и находящуюся въ тройной связи съ бассейномъ Волги. Но изъ числа трехъ водныхъ системъ ведущихъ съ Волги въ Петербургъ—главнѣйшая Маріинская. По остальнымъ системамъ, Вышневолоцкой и Тихвинской, перевозится не болѣе трети грузовъ подходящихъ къ Петербургу.

Сѣть искусственныхъ водныхъ сообщеній, ведущихъ съ Волги къ Невѣ, начертана Петромъ Великимъ. Проведеніе канала въ обходъ бурнаго Ладожскаго озера было одною изъ главнѣйшихъ заботъ Петра, для исполненія которой созывались работники со всего государства. Указъ объ этомъ созывѣ, по преданію, былъ разорванъ въ сенатѣ кн. Яковомъ Долгору-

кимъ, а на дѣлѣ подписанъ имъ, какъ сообщаетъ Устряловъ, видѣвшій подлинникъ указа. Петръ Великій приступилъ также къ постройкѣ Вышневолоцкаго водпаго сообщенія, но недовольствуясь этимъ, онъ, вмѣстѣ съ инженеромъ Перри, провелъ около десяти дней въ лѣсахъ и болотахъ по рѣкамъ Вытегрѣ и Ковжѣ и избралъ теперешнее направленіе и той водной системы, которой суждено было осуществиться только при Павлѣ I и получить названіе Маріинской въ память того что деньги на ея сооруженіе были даны императрицею Маріею Ѳеодоровною изъ суммъ сохранной казны Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Близъ шлюза Св. Петра, на мѣстѣ гдѣ стоитъ шалашъ Петра Великаго, строители системы поставили памятникъ съ надписями въ которыхъ выраженъ взглядъ Петра на Маріинскую систему какъ на главную. Но нельзя сказать чтобъ и съ открытіемъ Маріинской системы мысль Петра Великаго осуществилась вполнѣ. Петербургскій портъ и русская торговля еще не извлекаютъ изъ этой системы всѣхъ тѣхъ выгодъ которыя она можетъ и должна дать имъ. Россіи до сихъ поръ страннымъ образомъ не счастливилось по дѣлу водныхъ сообщеній, и народное благосостояніе много терпитъ отъ этихъ неудачъ.

Постройка Ладожскаго канала сопровождалась величайшими злоупотребленіями. Полки закаленные въ Петровскихъ походахъ, присланные на каналъ вслѣдствіе неудавшагося сбора рабочихъ, погибли на этой работѣ. Извѣстно какъ глубоко былъ потрясенъ Петръ, когда онъ своими глазами увидѣлъ то что дѣлалось на каналѣ. Такова же была и дальнѣйшая судьба почти всѣхъ петербурго-волжскихъ водныхъ сообщеній. Всѣ усилія благонамѣренныхъ правителей оказались немощными для водворенія порядка и благоустройства на этомъ водномъ пути, который видѣлъ даже Петра Великаго не грознымъ, а рыдавшимъ при видѣ тянувшихся вдоль канала могилъ. Быть можетъ дѣйствительно для полнаго и вѣрнаго направленія дѣла оставалось лишь прибѣгнуть къ радикальному средству передачи этого воднаго сообщенія въ частныя руки.

Обращеніе къ частной промышленности по устройству водныхъ сообщеній было также сдѣлано Петромъ Великимъ. Постройка Вышневолоцкой системы была поручена имъ составителю проекта, новгородскому купцу Михаилу Сердюкову. Для покрытія расходовъ по содержанію этого пути Сердюкову было предоставлено взыскивать съ проходящихъ судовъ опредѣленную плату. Съ 1722 года, когда окончено было главное устройство Вышневолоцкаго пути, по 1765 годъ онъ оставался въ рукахъ Сердюковыхъ. Причина взятія его въ казну мотивируется въ указѣ тѣмъ: „дабы нынѣшній содержатель Сер„дюковъ, какъ молодой и невоздержный „человѣкъ, имѣя такіе доходы которые „большею частью на государственное упо„требленіе должны обращаться въ своихъ „рукахъ, не могъ оные издерживать по „своей волѣ." Понятно что еслибы во главѣ дѣла стоялъ не одинъ человѣкъ, но нѣсколько товарищей, то затрудненія отъ „невоздержности" содержателя по всей вѣроятности не произошло бы. Участіе грузоотправителей въ управленіи системой, если оно будетъ организовано такъ что не останется номинальнымъ, должно еще болѣе застраховать дѣло отъ случайностей личнаго характера наслѣдниковъ теперешнихъ учредителей становящихся во главѣ предпріятія.

Передача Маріинской системы въ частныя руки, какъ первая въ нынѣшнемъ столѣтіи попытка къ подобной эксплуатаціи водныхъ путей, не могла не поднять вопросовъ выходящихъ за предѣлы задачи по Маріинской системѣ и относящихся ко всему судоходству страны. Само собою разумѣется что составленіе правилъ о судоходствѣ по важнѣйшему изъ водныхъ сообщеній почти равносильно общему пересмотру судоходнаго устава. Правила эти имѣютъ значеніе не только для товароотправителей и судовщиковъ по Маріинской системѣ, но и для всего торгующаго люда находящагося съ ними въ сношеніяхъ. Даже въ концессіи, не говоря уже о самыхъ правилахъ по судоходству намъ неизвѣстныхъ, значится нѣсколько обстоятельствъ имѣющихъ общее значеніе для всей торговли. *Главное Общество водныхъ сообщеній въ Россіи* намѣревается между прочимъ взяться за улучшеніе постройки нашихъ рѣчныхъ судовъ,—дѣло о которомъ также много, но безуспѣшно заботился Петръ Великій. Главное Общество намѣревается строить собственныя большемѣрныя суда, не въ видахъ барышей отъ постройки, но единственно изъ жела-

нія вызвать своимъ примѣромъ болѣе раціональное строеніе судовъ въ которыхъ можно было бы перевозить ссыпанный хлѣбъ, безъ кулей, стоящихъ довольно дорого. Въ проектѣ концессіи хотя и выговорено что суда компаніи, въ качествѣ таковыхъ, не будутъ пользоваться никакими преимуществами, но они получатъ ихъ въ качествѣ судовъ большемѣрныхъ, которымъ дается первая очередь. Естественно что торгующему люду надо дать время на устройство новыхъ судовъ; Главное же Общество будетъ достаточно побуждаемо къ ихъ устройству тѣми выгодами которыя они представляютъ для буксировки.

Въ проектахъ концессій мы находимъ нѣсколько правилъ касающихся отношеній инспекціи къ управленію системою. Замѣтимъ между прочимъ, что въ случаѣ остановки судоходства, происшедшей отъ недостатка подвижнаго состава по туэрному движенію (что иногда можетъ произойти и по винѣ компаніи вслѣдствіе ея дурныхъ распоряженій), правительство не можетъ побудить компанію даже къ найму буксирныхъ пароходовъ, развѣ очень сложною процедурою: требуется чтобы коммиссія посланная министромъ путей сообщенія засвидѣтельствовала происшедшее затрудненіе; затѣмъ министръ дастъ Обществу нарядъ, потомъ сдѣлаетъ заявленіе, чрезъ три мѣсяца второе предостереженіе и пр. Но дѣятельный періодъ навигаціи продолжается всего три-четыре мѣсяца. Очень можетъ быть что при ближайшемъ обсужденіи дѣла окажется необходимымъ сдѣлать для Общества обязательнымъ принятіе извѣстныхъ болѣе скорыхъ мѣръ вообще при замедленіяхъ судоходства происшедшихъ по его винѣ. Для опредѣленія же этихъ мѣръ весьма важны практическія замѣчанія торговаго люда. Надо помнить что, по проектамъ, грузоотправители вступятъ въ управленіе системою лишь въ послѣдствіи, и что правила о судоходствѣ которыя начнутъ дѣйствовать тотчасъ же было бы неудобно вырабатывать безъ ихъ участія. Для успѣха дѣла нельзя не желать чтобъ эти правила были разосланы на разсмотрѣніе биржъ, торговыхъ комитетовъ и всѣхъ судопромышленниковъ. Времени для разсмотрѣнія имѣется достаточно. Былъ бы полезенъ также просмотръ судоходныхъ правилъ въ земствахъ. Въ концессіи мы не нашли напримѣръ обязанности компаніи содержать больницы для рабочихъ, а между тѣмъ даже на желѣзнодорожныя компаніи возлагается обязанность оказывать врачебную помощь пострадавшимъ въ поѣздахъ.

Компанія или товарищество по эксплуатаціи Маріинской системы обязуется открыть по ней свободный проходъ всѣмъ судамъ частныхъ промышленниковъ за опредѣленную плату. Въ проектѣ *Главнаго Общества водныхъ сообщеній въ Россіи* плата за проходъ по системѣ опредѣляется слѣдующимъ порядкомъ: сумма расходовъ на уплату % по облигаціямъ, на центральное и мѣстное управленіе и на ремонтъ сооруженій дѣлится на среднее количество грузовъ проходившихъ по системѣ за послѣднія пять лѣтъ; полученный размѣръ платы вносится въ бюджетъ подлежащій разсмотрѣнію комитета Общества, при чемъ участвуютъ грузоотправители, а затѣмъ министра путей сообщенія. Разчитываютъ что размѣръ всей платы будетъ около 3 к. с. за проходъ всѣхъ 1.084 верстъ Маріинской системы; плата за меньшія разстоянія будетъ разчитываться поверстно.

Оборъ за пользованіе водными сообщеніями существуетъ всюду, а въ Англіи этотъ сборъ (toll) вносимый частнымъ компаніямъ совпадаетъ по значенію съ платою за обязательное для каждаго желѣзнодорожнаго общества открытіе желѣзной дороги для чужаго подвижнаго состава. И у насъ судоходство также обложено сборомъ: на улучшеніе водныхъ сообщеній платится $^1/_4$ % съ цѣны груза объявленной при нагрузкѣ. Кромѣ того товары проходящіе чрезъ обводные Ладожскіе каналы платятъ еще $^1/_4$ % за постройку канала Александра II. Понятно, однако, что при полной свободѣ объявленія цѣны груза судоходный сборъ ведетъ ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ и даетъ ничтожныя суммы. Въ послѣдніе годы общій судоходный сборъ доставлялъ около 450.000 руб., а на Ладожскомъ каналѣ около 200.000 руб. Въ росписи на нынѣшній годъ исчислено перваго сбора 495.000 руб., втораго 203.000 руб. Между тѣмъ по той же росписи назначено 704.986 руб. на ремонтъ, 508.750 руб. на перестройки и новыя работы, 60.898 руб. на департаментъ водныхъ сообщеній и 1.175.353 руб. на содержаніе мѣстной администра-

ціи путей сообщенія, которая завѣдуетъ преимущественно водными сообщеніями. Если отнести на счетъ послѣднихъ хотя $^{2}/_{3}$ содержанія мѣстнаго управленія, то окажется что расходы казны на водныя сообщенія болѣе чѣмъ втрое превышаютъ цифру судоходнаго сбора, то-есть что наши водные пути содержатся преимущественно на общегосударственные налоги или на счетъ той части податныхъ сословій которая, быть-можетъ вовсе не пользуется выгодами отъ судоходства. Справедливо ли это? Затѣмъ сборъ расходуется вовсе не на тѣхъ рѣкахъ за проходъ по которымъ онъ сбирается. Уплачивая въ теченіи многихъ лѣтъ $^{1}/_{4}{}^{0}/_{0}$ на улучшеніе водныхъ путей, судохозяева плавающіе по многихъ рѣкамъ вовсе не видятъ на нихъ какихъ-либо работъ. Затраты казны идутъ главною долей на искусственные пути; улучшенія рѣкъ производятся у насъ весьма скудно. За что же платятъ плавающіе по рѣкамъ?

Учредители *Главнаго Общества водныхъ сообщеній въ Россіи* опасаются что проектированный ими поверстный судоходный сборъ возбудитъ неудовольствіе судохозяевъ и указываютъ на выгоды отъ улучшенія системы, которыя съ избыткомъ-де окупятъ расходы на судоходный сборъ. Врядъ ли эти опасенія имѣютъ достаточное основаніе. Судохозяева Маріинской системы официяльно заявляли правительству свою готовность платить дополнительный судовой сборъ за улучшеніе Маріинскаго воднаго пути. Судопромышленники выплачиваютъ же специальные судоходные сборы, которыми, впрочемъ, обложены у насъ лишь сплавъ судовъ и плотовъ на р. Тезѣ и плаваніе отъ Себежа до Западной Двины.

Жалобы судохозяевъ могутъ имѣть основаніе лишь въ томъ отношеніи что специальные сборы на значительныхъ водныхъ путяхъ не соотвѣтствуютъ системѣ общаго судоходнаго сбора. Если онъ остается обязательнымъ и для судовъ нагружаемыхъ на Маріинской системѣ, то они будутъ платить за улучшеніе тѣхъ водныхъ сообщеній которыми вовсе не пользуются. Если же общій сборъ будетъ снятъ съ судовъ грузящихся на этой системѣ, то суда принявшія кладь съ берега въ Рыбинскѣ будутъ явно обременены лишнимъ сборомъ. Тогда зимовки станутъ выгоднѣе на какой-либо пристани системы, что также будетъ неправильно. Такимъ образомъ улучшеніе Маріинской системы требуетъ общей реформы судоходнаго сбора, и о ней-то мы позволимъ себѣ сказать въ заключеніе два слова.

Въ видахъ какъ облегченія податныхъ сословій, такъ и болѣе правильнаго распредѣленія сбора слѣдуетъ, кажется, сдѣлать его поверстнымъ, какъ это существуетъ вездѣ, а для облегченія контроля и во избѣжаніе притѣсненій сборъ можетъ назначаться не только съ грузовъ и пассажировъ, но и прямо съ судовъ и плотовъ. Вотъ, сколько мы можемъ судить, самыя удобныя основанія для реформы судоходнаго сбора.

№ 124.

Москва, 16-го іюня.

Мѣсто которое занимала въ нашей журналистикѣ газета *Вѣсть*, такъ вѣрно служившая всѣмъ анти-національнымъ партіямъ въ Россіи, не осталось не занятымъ. Мы имѣемъ основаніе думать что господа печатавшіе что имъ было нужно въ *Вѣсти* сбываютъ теперь свои писанія въ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Не нужно, напримѣръ, большой сообразительности чтобы догадаться о происхожденіи изъ одного источника прошлогоднихъ статей *Вѣсти* по поводу извѣстныхъ „разъясненій" Положенія 26-го марта и недавнею статьей *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* объ измѣненіи правительственной политики въ западномъ краѣ. *Вѣсть* предсказала циркуляры виленскаго управленія по крестьянскому дѣлу; *С.-Петербургскія Вѣдомости* пророчествуютъ о предстоящей отмѣнѣ какъ процентнаго сбора съ польскихъ землевладѣльцевъ, такъ и закона 10-го декабря, а равно о дарованіи разныхъ льготъ мѣстному панству. Давно ли сія послѣдняя газета въ цѣломъ рядѣ статей толковала о распредѣленіи процентнаго сбора, о дальнѣйшемъ развитіи закона 10-го декабря? Давно ли помѣщались въ ней замѣтки о необходимости окончательнаго завершенія крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ, о примѣненіи мѣръ къ обезпеченію справедливыхъ интересовъ старообрядцевъ, батраковъ, вольноотпущенныхъ и пр.? Теперь все это забыто; либеральный ор-

ганъ анти-національной партіи уже не обращаетъ вниманія на то что русскіе крестьяне западнаго края обременены всею тяжестью государственныхъ и натуральныхъ повинностей идущихъ на покрытіе издержекъ не только по общему управленію, но и на спеціальныя потребности созданныя панскимъ бунтомъ. Либеральный органъ требуетъ просто освобожденія панства отъ поземельнаго сбора, и указываетъ что законъ 10-го декабря не далъ результатовъ для достиженія коихъ онъ былъ изданъ; при семъ умалчивается что тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ этого узаконенія началось противодѣйствіе ему въ весьма вліятельныхъ сферахъ, что сумма назначенная для пособій дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія была отвлечена отъ этого предмета, и что, по прошествіи лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ по вступленіи въ полную силу закона 10-го декабря, въ западномъ краѣ возобладала политика которая заставляла людей русскаго образа мыслей бѣжать оттуда, если только прямо не выгоняли ихъ какъ соціалистовъ и коммунистовъ. Намъ сообщаютъ что двое посредниковъ прежняго состава пріобрѣтшіе имѣнія въ Виленской губерніи, теперь видятъ себя въ необходимости сбыть ихъ одному мѣстному магнату изъятому отъ дѣйствія закона 10-го декабря. Этимъ посредникамъ грозило недавно удаленіе отъ должности съ помощію сокращенія участковъ, ибо служебная дѣятельность этихъ лицъ была безукоризненна, если не считать проступкомъ неучастіе въ извращеніи Положенія 26-го марта. Подобные случаи съ покупщиками имѣній, процессы соединенные почти съ каждою покупкой, печальная судьба этихъ процессовъ въ Петербургѣ, вотъ единственныя поощренія которыя оказываются русскому землевладѣнію въ западномъ краѣ. До сихъ поръ не устранены еще нѣкоторыя особыя затрудненія при назначеніи въ продажу польскихъ имѣній, хотя по этому вопросу и работала особая коммиссія. При такихъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ желать не того чтобы законъ о русскомъ землевладѣніи былъ отмѣненъ, а чтобъ онъ сталъ наконецъ правдой. По логикѣ извѣстной партіи выходитъ, однако не такъ. Авторы статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* объявляютъ что надо бы отмѣнить законъ 10-го декабря и поддержать польское землевладѣніе. Это признается особенно удобнымъ теперь, когда благодаря административнымъ распоряженіямъ по вопросу о русскомъ языкѣ для иновѣрцевъ, паны западнаго края имѣли новый случай изъявить свое презрѣніе къ Россіи. За это слѣдуетъ призвать ихъ къ участію въ земскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, и предать забвенію мѣру 10-го декабря разрѣшающую національный вопросъ въ западномъ краѣ.

Вопросъ тутъ не о *Вѣсти* или *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, а о тѣхъ господахъ которые, обладая всѣми способами вліянія и агитаціи, употребляютъ ихъ на то чтобы вредить русскимъ интересамъ. Въ виду стѣсненій коимъ подвергаются въ сѣверо-западномъ краѣ сношенія русскихъ людей съ русскими органами, мы не можемъ не подивиться свѣдѣніямъ которыя *С.-Петербургскія Вѣдомости* получаютъ оттуда изъ источниковъ, какъ эта газета удостовѣряетъ *благонадежныхъ*.

Перекрасившись въ либеральные цвѣта, вдохновители анти-національныхъ органовъ нашей печати продолжаютъ относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ ту же игру которую они вели въ *Вѣсти*. Ратуя противъ произвола русскихъ чиновниковъ въ западномъ краѣ, *Вѣсть* требовала усиленія бюрократической опеки и всяческихъ стѣсненій во внутреннихъ губерніяхъ. Теперь наши доброжелатели стали еще рѣшительнѣе. Предлагая дать Полякамъ всѣ возможныя льготы, эти господа прямо накликаютъ на внутреннія губерніи тѣ мѣры которыя были приняты въ западномъ краѣ вслѣдствіе мятежа. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, органъ благонадежныхъ дѣятелей сѣверо-западнаго края, посвятили на дняхъ цѣлую статью предложенію ввести обязательный выкупъ во всей Россіи.

Интересенъ путь которымъ неугомонные вдохновители этой газеты пришли къ столь дѣльной мысли. Въ послѣднее время у насъ очень оживились толки о болѣе справедливомъ распредѣленіи государственныхъ податей. Проектъ реформы подушной подати, предстоящее разсмотрѣніе этого проекта въ земскихъ собраніяхъ, готовящееся составленіе смѣтъ государственныхъ земскихъ повинностей на новое трехлѣтіе, сдѣланное уже правительствомъ распоряженіе о приведеніи

въ извѣстность земель въ губерніяхъ гдѣ не дѣйствуютъ земскія учрежденія, и наконецъ заявленія нѣкоторыхъ владѣльцевъ, все это придало особую живость толкамъ о новомъ разложеніи податей. Могли ли наши анти-національныя партіи остаться равнодушными въ виду приближающагося рѣшенія столь важнаго для русской земли вопроса? Можно было предсказывать что наши доброжелатели постараются замутить дѣло и возбудить въ умахъ опасенія. Ухватившись за мысль объ облегченіи крестьянскихъ повинностей, *С.-Петербургскія Вѣдомости* предлагаютъ соединить эту мѣру съ повсемѣстнымъ обязательнымъ выкупомъ и уменьшить выкупные платежи крестьянъ которые будутъ прикрѣплены къ землѣ этимъ выкупомъ.

Во время приготовленія крестьянской реформы поднималось не мало голосовъ за выкупъ обязательный. Этой мѣры требовали тогда потому что не ожидали добровольнаго согласія помѣщиковъ на выкупныя сдѣлки, а въ выкупѣ вообще справедливо усматривали единственно выгодный для всѣхъ исходъ реформы. Изъ числа доводовъ высказанныхъ за обязательность выкупа, коммиссія составлявшая выкупное положеніе остановилась только на двухъ: а) что помѣщики въ плодородныхъ губерніяхъ не станутъ продавать земель, и в) что крестьяне въ сѣверныхъ губерніяхъ бросятъ земледѣліе и займутся только промыслами. Коммиссія признала оба аргумента неосновательными, и дѣйствительно эти опасенія не сбылись. Въ плодородныхъ губерніяхъ помѣщики почувствовали нужду въ оборотномъ капиталѣ, и выкупъ тутъ пошелъ быстро. Въ сѣверной полосѣ множество крестьянъ пошли на добровольныя сдѣлки.

Повсемѣстный принудительный выкупъ не былъ принятъ почти ни въ одной странѣ кромѣ Австріи, гдѣ эта мѣра сопровождалась тяжкими финансовыми послѣдствіями. Въ Пруссіи и Баваріи послѣ революціи 1848 года, право требовать выкупа предоставлено обѣимъ сторонамъ, но онъ не сдѣланъ принудительнымъ. Въ Ганноверѣ, и въ иныхъ случаяхъ въ Саксоніи, выкупъ можетъ быть потребованъ лишь обязанною стороной. Что же такое случилось внутри Россіи? Вслѣдствіе чего у насъ требуется своротить выкупную операцію съ нормальнаго пути?

Не будемъ говорить о невозможности одновременнаго выпуска такой массы процентныхъ бумагъ, какой потребовалъ бы обязательный выкупъ, хотя уже этимъ однимъ обстоятельствомъ совершенно рѣшается вопросъ. Укажемъ на другую сторону дѣла — на искренность сочувствій заявляемыхъ нашими псевдолиберальными органами.

Временно-обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сохранились у насъ преимущественно въ сѣверныхъ, неплодородныхъ губерніяхъ. Въ южныхъ губерніяхъ выкупная операція значительно приближается къ концу, а мѣстами (въ губерніяхъ Оренбургской, Екатеринославской и пр.) почти кончена. Въ сѣверныхъ губерніяхъ земля оцѣнена выше ея стоимости, и много крестьянъ живетъ здѣсь промыслами. Благодарны же будутъ крестьяне своимъ непрошенымъ доброжелателямъ за закрѣпленіе ихъ на псковскихъ пескахъ и на костромскихъ болотахъ!

С.-Петербургскія Вѣдомости увѣряютъ что выкупная операція слишкомъ медленно идетъ въ послѣдніе три года, и что помѣщики не только тормозятъ ходъ выкупа, но даже задерживаютъ крестьянъ на барщинѣ. Новый органъ подражаетъ даже крикамъ своей предмѣстницы, покойной *Вѣсти*. Неужели эти господа не знаютъ что Положеніе 19-го февраля дало крестьянамъ право переходить на оброкъ и безъ согласія помѣщика? Въ послѣдніе годы въ разрядъ собственниковъ вступало ежегодно до 300.000 душъ, или около $^{1}/_{13}$ крестьянъ остававшихся во временно-обязанныхъ отношеніяхъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости увѣряютъ наконецъ что въ послѣднемъ засѣданіи главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія высказана мысль о необходимости приблизить крестьянское дѣло къ окончанію и что министру внутреннихъ дѣлъ поручено принять для того мѣры. Нужно ли говорить что ничего подобнаго нѣтъ въ постановленіи 18-го февраля? Министру поручено лишь представить „свое заключеніе объ окончательномъ устройствѣ дѣлъ „возложенныхъ на мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія *въ видахъ безотлагательнаго приступа къ постепенному* упраздненію должности мировыхъ „посредниковъ и ихъ съѣздовъ.“ Такое порученіе одинаково далеко отъ измѣненій

выкупной операціи, какъ и отъ реформы рекрутской повинности, отправленіе которой также принадлежитъ къ числу дѣлъ возложенныхъ на мировыя крестьянскія учрежденія.

С.-Петербургскія Вѣдомости серіозно предлагаютъ обратить запасный капиталъ выкупной операціи на уменьшеніе выкупныхъ платежей по обязательному выкупу. Наличный капиталъ операціи ничтоженъ для сколько-нибудь дѣйствительнаго пониженія платежей по такому громадному дѣлу, какъ повсемѣстный выкупъ. Или почтенная газета посовѣтуетъ брать попрежнему платежи съ теперешнихъ собственниковъ, изъ взносовъ которыхъ составляется запасный капиталъ выкупа?

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Холмскомъ уѣздѣ, пониженіе выкупныхъ платежей есть потребность, безъ удовлетворенія которой, кажется, нельзя будетъ обойтись. *Правительственный Вѣстникъ* продолжаетъ разоблачать дѣятельность холмскаго земства, которая привела крестьянъ къ такимъ страшнымъ бѣдствіямъ. Мы прочли въ офиціальной газетѣ донесеніе еще одного медика, командированнаго въ Холмскій уѣздъ, и пренія въ обществѣ псковскихъ врачей о причинахъ Холмской эпидеміи. Врачи признали что эти причины заключались не въ болотистой мѣстности, не въ суровости погоды, а въ *искусственномъ неурожаѣ!!* Вотъ выраженіе которымъ какъ нельзя лучше характеризуются дѣятели пресловутой *консервативной* партіи, которая въ рукахъ интриги служила для тѣхъ же цѣлей какимъ работаетъ и вся наша псевдо-либеральная сволочь. *Искусственный неурожай!* Вотъ до чего доходили дѣла подъ консервативнымъ флагомъ! Посмотримъ до чего дойдутъ они подъ либеральнымъ....

№ 125.

Москва, 11-го Іюня.

Неудовлетворительное состояніе тюремной части въ Россіи есть дѣло всѣмъ извѣстное. Необходимость улучшенія по этой части чувствовалась постоянно, и уже съ 1845 года, вслѣдствіе неоднократныхъ Высочайшихъ повелѣній, собирались при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комитеты для обсужденія тюремнаго вопроса. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи почти четверти столѣтія, на это дѣло потрачена поражающая масса умственнаго труда, но—такова несчастная судьба этого вопроса—дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ, и тюрьмы, по офиціальному заявленію *Правительственнаго Вѣстника,* до настоящаго времени остаются въ тѣхъ же условіяхъ какъ были при самомъ приступѣ къ дѣлу.

Не будемъ входить въ безплодное обсужденіе причинъ, мѣшавшихъ въ прежнее время принять какія-нибудь мѣры къ переустройству нашей тюремной системы. Неотложная необходимость преобразованія самыхъ существенныхъ сторонъ государственнаго быта, и между прочимъ судебныхъ учрежденій, заслоняла собою и отодвигала на второй планъ вопросъ о положеніи лицъ подвергаемыхъ тюремному заключенію. Притомъ, до преобразованія судопроизводства, несостоятельность нашей тюремной системы, и страшный вредъ причиняемый ею обществу не выступали еще во всей своей очевидности. Но нѣсколько лѣтъ новой судебной практики наглядно показали въ какой тѣсной связи между собою находятся уголовно-законодательная, судебная, слѣдственная и тюремныя части, и какъ неустройство одной изъ нихъ отзывается на другихъ. Безпрестанно слышатся нареканія на судъ присяжныхъ за признаніе невиновными людей уличенныхъ въ преступленіяхъ. Но было бы крайнею несправедливостью обвинять присяжныхъ въ потворствѣ преступленіямъ. Съ одной стороны, несовершенство нашего уголовнаго законодательства, часто ставитъ судъ въ такую диллему что ему не остается ничего болѣе какъ или присудить виновнаго въ неособенно важномъ проступкѣ къ наказанію какому подвергаются отъявленные злодѣи, или объявить его невиновнымъ,—и судъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ духу нашего законодательства, избираетъ изъ двухъ золъ меньшее. Съ другой стороны, предварительное тюремное заключеніе подсудимымъ во время слѣдствія и суда, слишкомъ продолжительное по несовершенству слѣдственной части и весьма тяжкое вслѣдствіе безобразнаго устройства тюремъ, является само по себѣ карою, и судъ часто затрудняется приговорить подсудимаго къ новому наказанію, когда уже вынесенное имъ до суда наказаніе даже превосходитъ ту мѣру наказанія къ какой слѣдовало бы его приговорить. Надо прибавить что и

самая продолжительность слѣдствій много зависитъ отъ неустройства тюремъ. При господствѣ системы общаго заключенія; тюрьмы представляютъ самую зловредную школу, гдѣ арестованные научаются всевозможнымъ уверткамъ для запутыванія слѣдователей и замедленія слѣдствія.

Правительство, какъ извѣстно, рѣшилось приступить къ преобразованію всѣхъ частей управленія и законодательства тѣсно связанныхъ съ судебною реформой. Предстоитъ пересмотръ Уложенія о наказаніяхъ, предвидится и улучшеніе слѣдственной части. По тюремной части также рѣшено отъ выработки проектовъ перейти къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Приступъ къ дѣлу много значитъ; отъ перваго шага зависятъ и слѣдующіе; общее воззрѣніе, съ какимъ приступаютъ къ реформѣ, опредѣляетъ и весь ходъ ея.

Министерство внутреннихъ дѣлъ пришло къ убѣжденію что безуспѣшность назначавшихся съ 1845 г. тюремныхъ коммиссій происходила главнымъ образомъ отъ того что вопросъ ставился слишкомъ широко, что проектировали преобразованіе всей тюремной системы, чего не дозволяли между прочимъ и финансовыя средства, вмѣсто преобразованія ея по частямъ, причемъ легче было бы преодолѣть и финансовыя затрудненія. Министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшается оставить прежній путь и, не разбрасываясь во всѣ стороны, сосредоточить свою дѣятельность первоначально на одной изъ отраслей тюремнаго дѣла, а затѣмъ уже переходить къ улучшенію другихъ. Нельзя не отдать справедливости этому рѣшенію. При невозможности почему-либо улучшить разомъ всѣ стороны дѣла, необходимо улучшать по крайней мѣрѣ самыя существенныя стороны, устраняя, на первыхъ порахъ, вопіющія безобразія. На какой же сторонѣ дѣла остановилась администрація?

Повсюду, при улучшеніи существующей тюремной системы, первымъ шагомъ къ дѣлу было улучшеніе тюремъ предназначенныхъ для заключенія лицъ находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ. Такъ было, между прочимъ, во Франціи, гдѣ первою правительственною мѣрой по улучшенію тюремной системы было (въ 1836 году) введеніе одиночнаго заключенія именно для лицъ означенной категоріи. То же самое видимъ въ Австріи; хотя въ этой странѣ вообще на устройство тюремъ не было обращено должнаго вниманія, но и тамъ въ 1849 году рѣшено было подвергать подслѣдственныхъ арестантовъ одиночному содержанію, что мало-по-малу и приводится въ исполненіе. Короче сказать, долговременный опытъ государствъ ранѣе насъ приступившихъ къ улучшенію тюремъ, показываетъ что при осуществленіи тюремной реформы на первомъ планѣ должно стоять введеніе одиночнаго содержанія для подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ, и затѣмъ уже одиночное содержаніе лицъ присужденныхъ къ тюремному заключенію на короткіе сроки и введеніе пенитенціарной системы содержанія долгосрочныхъ арестантовъ.

У насъ также признается главнымъ принципомъ предпринимаемой реформы отдѣленіе подсудимыхъ и подслѣдственныхъ арестантовъ отъ лицъ присужденныхъ къ тюремному заключенію, но предполагается при этомъ приступить предварительно къ устройству улучшенныхъ тюремъ не для лицъ находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, а для лицъ уже приговоренныхъ къ наказанію тюремнымъ заключеніемъ. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* заявлено что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ составленъ и разосланъ по губерніямъ проектъ *исправительныхъ* тюремъ, который, по полученіи замѣчаній на него отъ губернаторовъ и мѣстныхъ тюремныхъ учрежденій, имѣетъ быть, въ непродолжительномъ времени, представленъ на утвержденіе высшей власти.

Странное и прискорбное дѣло! Не въ первый разъ уже приходится видѣть что лица признанныя виновными въ совершеніи преступленій ставятся у насъ въ привилегированное положеніе предъ лицами судомъ не опороченными... Для лицъ признанныхъ виновными въ преступленіяхъ, осужденныхъ и потерявшихъ вслѣдствіе того вполнѣ или частію гражданскія права, признается необходимымъ устроить немедленно улучшенныя мѣста заключенія. Для лицъ арестованныхъ только по подозрѣнію, часто неосновательному, для лицъ еще только подлежащихъ суду, на которомъ они могутъ оказаться вполнѣ невиновными, улучшеніе тюремъ признается дѣломъ менѣе неотложнымъ! Тѣ и другіе, во многихъ случаяхъ, помѣщаются нынѣ въ однѣхъ и тѣхъ же тюрьмахъ. Тюрьмы

эти, по признанію министерства, безусловно дурны; въ нихъ господствуетъ тѣснота, нечистота, зловоніе, смѣшеніе самыхъ разнородныхъ категорій арестантовъ, отъ лицъ несовершенно невинныхъ до отъявленныхъ злодѣевъ, смѣшеніе, коего вліяніе само министерство внутреннихъ дѣлъ характеризуетъ слѣдующими словами Карла Люка, бывшаго въ 1835 году генералъ-инспекторомъ тюремъ во Франціи: „Еслибы какому-„нибудь правительству сказали что въ об-„ществѣ гдѣ то существуютъ учрежденія „въ которыхъ, воровство, мошенничество, „поджоги, насиліе, убійство преподаются „какъ науки, оно тотчасъ же спросило „бы: гдѣ это отвратительное учрежденіе „чтобъ его закрыть и уничтожить? Гдѣ „этотъ порочный преподаватель чтобъ его „преслѣдовать со всею строгостью зако-„новъ? И что же? Это учрежденіе—не что „иное какъ тюрьмы, этотъ преподаватель—„не кто иной какъ оно само.“ Всѣмъ тягостнымъ условіямъ заключенія въ этихъ грязныхъ школахъ разврата равно подвергаются какъ люди съ доказанно испорченною нравственностію, такъ и люди о коихъ еще неизвѣстно виновны они или нѣтъ. Кого же изъ нихъ предполагается исторгнуть предварительно изъ этихъ вертеповъ? Тѣхъ о комъ извѣстно что они преступны; тѣмъ же о комъ этого нельзя еще сказать признается удобнымъ предоставить полную возможность дѣлаться преступниками, заставляя ихъ притомъ терпѣть всяческія невзгоды за то что еще не сдѣлались таковыми.

Рѣшившись отдать предпочтеніе осужденнымъ предъ неосужденными, министерство внутреннихъ дѣлъ оправдываетъ такое рѣшеніе тѣмъ что предварительное заключеніе въ острогахъ „въ настоящее „время, хотя и въ дурномъ видѣ, но су-„ществуетъ, тогда какъ систематическа-„го исправительнаго заключенія не суще-„ствуетъ вовсе.“ Препятствіемъ къ улучшенію тюремъ для предварительнаго заключенія выставляется между прочимъ то что „въ тюрьмахъ предварительныхъ никакая „исправительная система не будетъ ни цѣ-„лесообразна, ни возможна, по кратко-„временности пребыванія въ нихъ арестан-„товъ, до окончанія лишь суда надъ ними.“ Но время ли думать о систематическомъ исправленіи, оставляя въ полной силѣ систематическое развращеніе? Притомъ исправлять предполагается ничтожное, сравнительно, число лицъ, а въ школахъ разврата должна остаться цѣлая масса людей, изъ коихъ многіе взяты въ тюрьму изъ нѣдръ честныхъ семействъ лишь по неосновательному подозрѣнію. Пройдя такую школу, они естественно увеличатъ собою контингентъ лицъ нуждающихся въ исправительныхъ тюрьмахъ; но неужели такой результатъ можетъ служить аргументомъ въ пользу устройства исправительныхъ тюремъ прежде улучшенія тюремъ предварительныхъ? А между тѣмъ отдается преимущество срочнымъ тюрьмамъ предъ слѣдственными именно на томъ основаніи что срочныя тюрьмы требуются для несравненно меньшаго числа лицъ. По проекту, срочныхъ тюремъ понадобится по одной, много по двѣ, на губернію, между тѣмъ какъ предварительныхъ и теперь имѣется, и впредь нужно несравненно больше. Устроить первыя, поэтому, и легче, и дешевле. Но можно ли въ подобномъ случаѣ останавливаться предъ трудностями (притомъ болѣе воображаемыми чѣмъ дѣйствительными) и предъ финансовыми соображеніями? Вѣдь и срочныя тюрьмы предполагается устроить не вдругъ, а одна за другою, испрашивая на устройство каждой особое Высочайшее разрѣшеніе. Отчего же бы тотъ же порядокъ не могъ быть примѣненъ и къ улучшенію предварительныхъ тюремъ?

Правда, при предварительномъ улучшеніи тюремъ для подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ, не такъ скоро дошло бы дѣло до тюремъ исправительныхъ,—но что же дѣлать? Болѣе необходимыя потребности всегда должны удовлетворяться ранѣе. Притомъ ускоренію хода дѣла можетъ способствовать тутъ въ особенности улучшеніе слѣдственной части: чѣмъ быстрѣе будутъ производиться слѣдствія, и чѣмъ рѣже будутъ встрѣчаться случаи необходимости дополнительныхъ слѣдствій, тѣмъ скорѣе будутъ очищаться въ слѣдственныхъ тюрьмахъ мѣста для новыхъ подсудимыхъ. Но это еще не главное. Въ настоящее время во всей Европѣ, и уже очень давно въ Англіи, приняты всѣ мѣры чтобъ ограничить арестъ находящихся подъ слѣдствіемъ самыми необходимыми случаями, замѣняя его въ менѣе важныхъ дѣлахъ поручительствомъ, денежнымъ залогомъ и т. п.

Мы должны однако оговориться что отдавая явное предпочтеніе тюрьмамъ срочнымъ предъ тюрьмами предварительнаго

заключенія, министерство внутреннихъ дѣлъ справедливо полагаетъ что „безъ правильно-организованныхъ слѣдственныхъ тюремъ нельзя ожидать справедливаго хода „нашихъ уголовныхъ процессовъ“. Но, къ несчастію, между тѣмъ какъ по предмету устройства исправительныхъ тюремъ предпринимались не дешево стоящіе опыты, для предварительныхъ тюремъ отказывалось въ издержкахъ не только по улучшенію, но и по поддержанію въ существующемъ положеніи. Вотъ уже три-четыре года какъ по порученію министерства, опыты по устройству исправительныхъ тюремъ производятся графомъ Соллогубомъ въ Москвѣ, а съ 1867 года подобные же опыты въ болѣе широкомъ размѣрѣ, производятся и въ Петербургѣ, и между тѣмъ, въ то же самое время, министерство, по собственному признанію, „въ теченіи нѣ„сколькихъ лѣтъ сряду отклоняло хода„тайства губернскихъ начальствъ о раз„рѣшеніи постройки новыхъ и капиталь„ныхъ исправленій старыхъ острожныхъ „зданій“, служащихъ для помѣщенія подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ, хотя „болѣе двадцати представленій гу„бернскихъ начальствъ свидѣтельствуютъ „о крайне-ветхомъ и даже не безопасномъ „положеніи городскихъ остроговъ“, и хотя „отстраненіе на нѣкоторое время помяну„тыхъ расходовъ не избавляетъ отъ мало„полезныхъ и непроизводительныхъ из„держекъ.“ . . . .

Впрочемъ, предварительныя тюрьмы не совсѣмъ оставляются на произволъ судьбы. Существуетъ извѣстное Общество Попечительное о Тюрьмахъ. *Правительственный Вѣстникъ* обстоятельно свидѣтельствуетъ о неспособности этого Общества оказывать благотворное вліяніе на тюремное дѣло, и „по недостатку въ директорахъ „сочувствія къ дѣлу“, и „по несоотвѣт„ственности коллегіальнаго устройства тю„ремныхъ комитетовъ кругу ихъ дѣятель„ности“, и по замѣчаемому „отсутствію „единства въ распоряженіяхъ директоровъ“ и т. д. Это Общество тѣмъ не менѣе имѣетъ капиталъ около двухъ милліоновъ, составившійся главнымъ образомъ изъ остатковъ отъ казенныхъ суммъ отпускаемыхъ на содержаніе тюремъ. Министерство, съ другой стороны, имѣетъ въ своемъ распоряженіи особый сборный тюремный капиталъ въ три милліона руб. Этотъ послѣдній капиталъ предполагается употребить на устройство краткосрочныхъ исправительныхъ тюремъ, съ устраненіемъ всякаго участія признаннаго неспособнымъ Попечительнаго о Тюрьмахъ Общества. Улучшеніе же слѣдственныхъ тюремъ, по предположенію, министерства, слѣдуетъ предоставить именно признанному неспособнымъ Попечительному о Тюрьмахъ Обществу. Трехмилліонный особый тюремный капиталъ находится въ однѣхъ рукахъ, и легче можетъ быть употребленъ въ дѣло. Двухмилліонный капиталъ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ весьма неравномѣрно распредѣленъ между различными тюремными комитетами, и употребленіе его въ видахъ общей пользы труднѣе. Обоихъ капиталовъ вмѣстѣ, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, на приступъ къ улучшенію предварительныхъ тюремъ недостаточно, хотя бы оба капитала находились и въ способныхъ рукахъ. Что же предпринимается при такихъ обстоятельствахъ? Признается достаточнымъ расходовать на улучшеніе предварительныхъ тюремъ, неспособными руками Попечительнаго о Тюрьмахъ Общества, одинъ принадлежащій ему капиталъ, способныя же руки и трехмилліонный особый тюремный капиталъ предназначаются на устройство тюремъ исправительныхъ. . . .

Что же это за исправительныя тюрьмы, которымъ отдается такое предпочтеніе? И какъ велика должна быть ожидаемая отъ нихъ польза, когда устройству ихъ приносится въ жертву въ высшей степени существенный интересъ улучшенія тюремъ слѣдственныхъ? . . . .

Проектируемыя исправительныя тюрьмы суть краткосрочныя, съ заключеніемъ maximum на три-четыре года. Вотъ что читаемъ о такихъ тюрьмахъ въ заслуживающей полнаго уваженія, по мнѣнію спеціалистовъ, книгѣ покойнаго А. В. Пассека:

„По парламентскому акту 1857 года, въ „Англіи можно было приговаривать къ penal „servitude на три года, но коммиссія 1863 „года, назначенная для изслѣдованія дѣй„ствія системы уголовнаго заключенія, по „выслушаніи множества людей спеціально „занятыхъ этимъ предметомъ, пришла къ „заключенію что *при краткихъ срокахъ „заключенія, какъ три, четыре года, „исправительная система остается безу„спѣшною*. На основаніи этого мнѣнія, „актъ 1864 года крайнимъ срокомъ при„говора къ penal servitude назначилъ 5

„лѣтъ, но надо замѣтить что мнѣнія „всѣхъ отвѣчавшихъ предъ коммиссіей „было назначить крайнимъ срокомъ срокъ „семилѣтній".

№ 126.

Москва, 12-го Іюня.

Возвращаемся къ вопросу котораго мы коснулись на дняхъ по поводу преобразованія Московскаго Коммерческаго Училища,—къ вопросу о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для практическаго образованія. По свѣдѣніямъ которыя можно считать за достовѣрныя, министерство народнаго просвѣщенія, при пересмотрѣ гимназическаго устава, предполагаетъ выдѣлить изъ него все то что относится къ такъ-называемымъ реальнымъ гимназіямъ и выработать для этого разряда учебныхъ заведеній отдѣльный уставъ который приметъ во вниманіе особенности ихъ назначенія, опредѣлитъ ихъ отличительныя черты и дастъ имъ устройство соотвѣтственное тѣмъ потребностямъ которыя должны находить въ нихъ удовлетвореніе. Эти потребности существуютъ, онѣ сказываются серіозно и сильно; пора сдѣлать для нихъ что-нибудь болѣе существенное чѣмъ неудавшіяся реальныя гимназіи устава 1864 года. На ряду съ гимназіями, приготовляющими къ университету, несомнѣнно нужны, въ общей экономіи народнаго просвѣщенія, учебныя заведенія приготовляющія къ такимъ отраслямъ общественной дѣятельности для коихъ не требуется прохожденіе университетскаго курса, но для коихъ съ другой стороны недостаточна и подготовка доставляемая низшими, начальными школами. Этихъ отраслей много, и чѣмъ успѣшнѣе идетъ впередъ развитіе страны, тѣмъ болѣе онѣ расширяются, ибо съ каждымъ улучшеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности и торговлѣ, повышается степень умственной подготовки требуемой отъ людей всякаго промысла и ремесла. Въ свою очередь чѣмъ болѣе въ странѣ людей имѣющихъ по образованію возможность пользоваться пригодными для своего дѣла научными свѣдѣніями, тѣмъ быстрѣе долженъ совершаться промышленный прогрессъ страны, и эта зависимость народнаго благосостоянія отъ училищъ приспособленныхъ въ разной степени къ его потребностямъ, въ особенности побуждаетъ желать чтобы на учебныя заведенія этого рода было обращено полное и серіозное вниманіе законодательства.

Вопросъ этотъ запутанъ безплодными спорами, но въ сущности онъ простъ и ясенъ. Надобно только имѣть въ виду дѣло, и стараться освободить его отъ туманящихъ словъ. Къ числу этихъ словъ принадлежитъ и самое выраженіе *реальныя училища*, перешедшее къ намъ изъ Германіи и нигдѣ кромѣ Германіи неупотребительное. Оно вошло тамъ въ употребленіе случайно: такъ была первоначально названа одна народная школа гдѣ преподаваніе велось не систематически, а посредствомъ объясненія разныхъ полезныхъ въ промышленности орудій и снарядовъ; пріемъ введенный въ этой школѣ имѣлъ успѣхъ, и въ подражаніе ей нѣсколько другихъ училищъ приняли наименованіе реальныхъ, съ коимъ не рѣдко соединялось наименованіе *промышленныхъ;* послѣднее указывало на содержаніе преподаванія, первое на методъ: теперь назвали бы такое преподаваніе предметнымъ. Въ Англіи училища слывущія въ Германіи реальными называются училищами для среднихъ классовъ общества и воспитаніе доставляемое ими—воспитаніемъ среднихъ классовъ (middle class education). Но обозначеніе это не имѣетъ сословнаго смысла: имъ опредѣляется только характеръ профессій къ которымъ готовятся воспитанники. Сынъ всякаго ремесленника, при способностяхъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ пріобрѣсти высшее образованіе и стать дѣятелемъ въ высшихъ сферахъ умственной и общественной дѣятельности; но желательно чтобъ и тѣ люди которые остаются при низшихъ и среднихъ профессіяхъ имѣли своего рода образованіе которое бы вносило свѣтъ въ ихъ дѣло и давало бы имъ новую силу. Во Франціи употребляется для этого рода воспитанія терминъ: *среднее спеціальное образованіе*: причемъ *среднимъ* оно называется по отношенію къ низшему, элементарному образованію, получаемому въ народныхъ школахъ, и къ высшему техническому, доставляемому высшими спеціальными училищами.

Опытъ, не подлежащій въ наше время ни малѣйшему сомнѣнію, показываетъ что гимназіи приготовляющія къ университету могутъ приготовлять и къ высшимъ техническимъ училищамъ не только не хуже

чѣмъ среднія спеціальныя учебныя заведенія, но даже лучше ихъ. Это фактъ засвидѣтельствованный самыми уважительными авторитетами. Наши гимназіи еще въ плохомъ состояніи и крайне нуждаются въ живительномъ преобразованіи которое ихъ по счастію ожидаетъ, но и у насъ хорошій гимназистъ, вступая въ высшее военное училище, по большей части оказывается лучшимъ юнкеромъ чѣмъ не менѣе хорошій кадетъ, несмотря на усиленныя заботы объ улучшеніи военныхъ гимназій и на все обиліе средствъ расточаемыхъ на ихъ благоустройство. Поэтому еслибы дѣло шло только о приготовленіи учениковъ въ высшія спеціальныя училища, то эта цѣль могла бы быть достигнута университетскими гимназіями, и ни въ какихъ другихъ училищахъ не было бы надобности. Отсюда слѣдуетъ что не эта цѣль побуждаетъ къ учрежденію среднихъ спеціальныхъ школъ. Онѣ учреждаются не въ интересѣ высшихъ спеціальныхъ училищъ, подобно тому какъ классическія гимназіи учреждаются ради университетовъ, а въ интересѣ тѣхъ отраслей практической дѣятельности для коихъ требуется средняя степень образованія, и коихъ число, какъ упомянуто выше, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію что и къ этимъ отраслямъ практической дѣятельности университетскія гимназіи могутъ приготовлять людей болѣе надежныхъ и крѣпкихъ чѣмъ среднія спеціальныя школы. Для сомнѣвающихся во всеобщей образовательной силѣ классической школы можно указать на недавнее свидѣтельство Берлинскаго университета что въ настоящее время большіе торговые дома и промышленныя заведенія охотнѣе принимаютъ на службу окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ нежели окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ. Но полный гимназическій курсъ продолжителенъ и труденъ. Не всякій въ состояніи пройти его, и далеко не всякое семейство въ среднихъ классахъ общества имѣетъ возможность продержать дѣтей въ гимназіи до окончанія курса, а выбывающіе изъ среднихъ классовъ гимназіи, не достигая той степени зрѣлости ради которой гимназическое образованіе цѣнится, не выносятъ и внѣшней практической подготовки къ жизни, что̀ было бы легко достижимо при другомъ планѣ ученія. Для этого весьма многочисленнаго разряда дѣтей нужны среднія учебныя заведенія съ курсомъ приспособленнымъ къ житейскимъ потребностямъ и гораздо болѣе легкимъ по объему чѣмъ курсъ гимназій и болѣе краткимъ по времени. Большая ошибка растягивать курсъ этихъ училищъ приблизительно на такое же число лѣтъ какъ курсъ гимназическій. Въ Германіи, гдѣ въ эту ошибку впадаютъ, высшіе классы такъ-называемыхъ реальныхъ училищъ бываютъ пусты и были бы еще болѣе пусты, еслибы съ окончаніемъ курса не были сопряжены нѣкоторыя права по отбыванію военной службы. Бѣда тутъ не только въ непроизводительной тратѣ денегъ: такъ какъ заведеніе разчитано на длинный рядъ лѣтъ, то само собой разумѣется что вся масса учениковъ отстающихъ на полупути лишена той пользы которую доставляетъ законченность пройденнаго курса. Вотъ въ чемъ главное зло, и вотъ въ чемъ заключается та ошибка нѣмецкихъ реальныхъ училищъ которой надобно избѣжать въ Россіи, и которая у насъ была бы еще неумѣстнѣе чѣмъ въ Германіи.

Законченный курсъ есть великое благо, и надобно желать чтобы большинство учениковъ имъ воспользовалось. Нельзя устраивать учебныя заведенія для меньшинства, состоящаго изъ учениковъ болѣе способныхъ или находящихся въ болѣе выгодномъ положеніи по своимъ средствамъ. Общій курсъ должевъ быть разчитанъ на массу учениковъ; его планъ долженъ обнимать лишь то число лѣтъ какое соотвѣтствуетъ средствамъ и потребностямъ этой массы. Какъ велико оно должно быть въ нашихъ будущихъ среднихъ спеціальныхъ училищахъ, опредѣлить не трудно. Въ Москвѣ напримѣръ есть нѣсколько реальныхъ отдѣленій при частныхъ училищахъ, и ученики по большей части выбываютъ изъ V класса. Надобно полагать что шестнадцатилѣтній возрастъ есть крайній предѣлъ на который можно разчитывать при составленіи плана для общаго курса.

Если это заключеніе вѣрно, если оно, какъ мы думаемъ, подтвердится статистическими данными, которыя, конечно, будутъ собраны, то мы придемъ къ весьма важному выводу. Министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ преобразовать нынѣшнія уѣздныя училища, высшій классъ коихъ почти повсюду пустуетъ, въ начальныя городскія училища, устроенныя такимъ

образомъ чтобы въ нихъ соединялось приходское училище съ уѣзднымъ. Это будутъ училища начальныя съ законченнымъ курсомъ, простирающимся на шесть лѣтъ и доводящимъ учениковъ до возраста отъ 13 до 14 лѣтъ и до степени познаній приблизительно соотвѣтствующей II и III классамъ гимназическаго курса, если исключить изъ него древніе и иностранные языки. Очевидно что среднія спеціальныя училища должны примыкать къ этимъ проектируемымъ городскимъ училищамъ и служить для нихъ продолженіемъ, такъ чтобы въ среднія городскія училища переходили ученики изъ высшаго класса начальныхъ городскихъ. А если такъ, то курсъ среднихъ училищъ можетъ обнимать собой не болѣе трехъ и въ крайнемъ случаѣ четырехъ лѣтъ, и стало-быть весь, отъ начала до конца, долженъ быть *спеціальнымъ* курсомъ, либо коммерческимъ, съ усиленнымъ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ (обязательнымъ можетъ быть одинъ изъ нихъ), либо техническимъ, съ преобладаніемъ физическихъ наукъ, и съ хорошо поставленнымъ классомъ рисованія въ обоихъ отдѣленіяхъ, при чемъ техническій курсъ можетъ быть въ свою очередь преимущественно приспособленъ либо къ механическому производству, либо къ технической химіи, либо къ сельскому хозяйству. Такое сокращеніе курса на три или четыре года (смотря по желанію города учреждающаго училища), обезпечивая полный для всѣхъ классовъ комплектъ учениковъ, значительно уменьшитъ стоимость училищъ и облегчитъ ихъ учрежденіе. Понятно какую важность имѣетъ эта сторона дѣла.

Было бы нелѣпостью такъ обучать всю массу учениковъ которые будутъ посѣщать среднія спеціальныя училища, чтобы прочить ихъ всѣхъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Это значило бы приготовлять ихъ къ тому чѣмъ большая часть ихъ навѣрное никогда не будетъ. Школы которыя поставили бы себѣ такую фантастическую задачу очутились бы безъ учениковъ. Онѣ захотѣли бы сдѣлать слишкомъ много, а въ результатѣ вышло бы слишкомъ мало. Онѣ не подвинули бы впередъ русской промышленности, не подняли бы уровня образованія въ городскихъ сословіяхъ, не распространили бы полезныхъ свѣдѣній въ государствѣ. Большую пользу принести и блистательный успѣхъ имѣть могутъ только школы менѣе притязательныя, но болѣе практическія и коихъ потребность была бы для всѣхъ ощутима.

Но если массу учениковъ необходимо приготовлять къ непосредственному вступленію въ жизнь, то способнѣйшимъ изъ нихъ должна быть открыта возможность подняться выше. Общій курсъ среднихъ учебныхъ заведеній для практическаго образованія долженъ быть курсъ законченный, но изъ этого не слѣдуетъ чтобы при нихъ нельзя было устраивать дополнительный классъ, гдѣ желающіе изъ окончившихъ общій курсъ могли бы пройти то что требуется для поступленія въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, военныя, техническія, агрономическія.

№ 127.

Москва, 13-го Іюня.

А.

Недавно (*Моск. Вѣд.* № 110) приходилось намъ говорить о недоразумѣніи возбуждаемомъ въ крестьянахъ западнаго края одновременнымъ объявленіемъ имъ *Высочайшаго безусловнаго* разрѣшенія молиться и слушать проповѣди на русскомъ языкѣ, и *административнаго* распоряженія *ограничивающаго* Высочайшую волю тѣмъ что ставитъ ея исполненіе въ зависимость отъ *большинства* голосовъ въ каждомъ приходѣ, отъ особаго ходатайства и особаго каждый разъ министерскаго разрѣшенія. Съ тѣхъ поръ мы получили нѣсколько заявленій изъ коихъ явствуетъ что подобное недоумѣніе господствуетъ не только въ западномъ краѣ и не только между крестьянами, но и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, гдѣ есть римскіе католики и протестанты. Извѣстно что во многихъ городахъ Россіи есть католическіе приходы, въ большинствѣ которыхъ нераздѣльно господствуетъ польскій языкъ, несмотря на то что далеко не всѣ прихожане причисляютъ себя къ польской національности. Между ними вездѣ немало людей разнаго происхожденія которые вовсе не знаютъ польскаго языка, но всѣ, по крайней мѣрѣ со втораго поколѣнія, совершенно знаютъ по-русски и часто вовсе забыли языкъ своихъ родителей. Но такъ какъ эти лица въ большинствѣ приходовъ составляютъ меньшинство въ срав-

неніи съ тѣми кои причисляютъ себя къ польской народности, то очевидно что они должны отказаться отъ всякой надежды услышать слово Божіе на понятномъ имъ русскомъ языкѣ, пока не захотятъ того ихъ польскіе соприхожане. Есть и такіе приходы, напримѣръ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, гдѣ проповѣди говорятся попеременно, кромѣ польскаго, на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, италіянскомъ, несмотря на то что число прихожанъ каждой изъ этихъ національностей не можетъ же составлять большинства относительно всѣхъ другихъ,—и никому никогда не приходило въ голову требовать какого-либо большинства голосовъ. Во всѣхъ этихъ приходахъ до сихъ поръ не было и не могло быть проповѣди русской, потому что она была запрещена. Но что же будетъ теперь когда запрещеніе снято, и когда всѣмъ безъ исключенія иновѣрцамъ Высочайше *разрѣшено* употребленіе русскаго языка? Вотъ объ этомъ-то недоумѣваютъ католики и другіе иномыслящіе. Они не могутъ понять, почему разрѣшеніе Верховной Власти, послѣдовавшее еще 25-го декабря прошлаго года, въ знаменательный день избавленія Россійской державы отъ нашествія иноплеменниковъ,—день который отнынѣ становится еще днемъ избавленія нашего отечества отъ внутреннихъ иноплеменниковъ, гораздо болѣе опасныхъ чѣмъ внѣшніе,—они не могутъ понять почему это разрѣшеніе вотъ уже скоро полгода не обнародовано во всеобщее свѣдѣніе. И, какъ сказано, не одни католики недоумѣваютъ. Есть въ Россіи не мало лютеранъ не знающихъ иного языка кромѣ русскаго. Даже въ самомъ Петербургѣ ихъ такъ много что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ необходимымъ разрѣшить имъ русскую проповѣдь въ какой-то молельнѣ на Петербургской сторонѣ. Но все это должно было, по необходимости, твориться съ какою-то таинственностію, которая теперь, по дарованіи Высочайшаго разрѣшенія всѣмъ иновѣрцамъ употреблять русскій языкъ, должна казатся крайне странною. Конечно, многимъ изъ нашихъ читателей, памятно то странное впечатлѣніе какое произвелъ на всѣхъ Русскихъ тотъ фактъ что на похоронахъ знаменитаго Нестора славяно-русскихъ филологовъ, А. Х. Востокова, надгробное слово было произнесено по-нѣмецки. И здѣсь въ Москвѣ намъ приходилось присутствовать при отпѣваніи русскихъ людей лютеранскаго исповѣданія, и слушать нѣмецкое молитвословіе напримѣръ на похоронахъ покойнаго генерала Менде или профессора Рулье, который, судя по фамиліи, былъ даже не нѣмецкаго, а французскаго происхожденія, самъ же былъ совершенно русскій человѣкъ и одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ преподавателей Московскаго университета. Неужели и впредь должны повторяться подобныя странности? По смыслу административнаго распоряженія, *да*, ибо немного найдется въ Россіи иновѣрческихъ приходовъ гдѣ бы *большинство* прихожанъ потребовали введенія русскаго языка, а безъ согласія большинства духовенство, повидимому, не имѣетъ права проповѣдывать по-русски, хотя это и разрѣшено Верховною Властію.

Скажутъ что лютеранскіе пасторы вообще слишкомъ мало знаютъ по-русски чтобы говорить русскія проповѣди. Но никто и не думаетъ чтобы всѣ они вдругъ заговорили по-русски. Однако надобно думать что многіе изъ нихъ настолько дорожатъ духовнымъ благомъ своихъ единовѣрцевъ что постараются усвоить себѣ русскій языкъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей тѣхъ изъ нихъ которые не знаютъ иного языка кромѣ отечественнаго; а пока они не смѣли употреблять въ проповѣди русскій языкъ, имъ не къ чему было и изучать его. Дѣло и здѣсь, какъ вездѣ, въ принципѣ. Принципъ свободы русскаго языка, провозглашенный 25-го декабря 1869 года, до того плодообиленъ что трудно себѣ представить всѣ его послѣдствія. Но для осуществленія этимъ послѣдствій нужно время и доброжелательство администраціи. Властямъ административнымъ поставлено въ обязанность озаботиться дальнѣйшимъ *примѣненіемъ* и *развитіемъ* установленнаго принципа. Казалось бы что *развитіе* принципа требуетъ прежде всего опубликованія самаго текста Высочайшаго повелѣнія въ коемъ этотъ принципъ высказывается. Еще казалось бы что если Высочайшая Власть разрѣшила безусловно *всѣмъ* иновѣрцамъ употребленіе русскаго языка при ихъ богослуженіи, то не нужно уже какихъ-то еще другихъ разрѣшеній отъ администраціи. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли администрація не дать разрѣшенія тому что для всѣхъ разрѣшено Верховною Вла-

стію? Къ чему же заставлять людей ходатайствовать о совершенно излишнемъ разрѣшеніи? Но мало того что заставляютъ людей ходатайствовать о томъ что уже разрѣшено имъ Верховною Властью,— самое ходатайство ограничивается еще тѣми случаями гдѣ въ данномъ приходѣ *большинство* прихожанъ выскажется за русскій языкъ. Изъ этого вытекаетъ что *меньшинство* ни въ какомъ случаѣ не можетъ употреблять русскій языкъ, и что никакое духовное лицо не въ правѣ произнести русскую проповѣдь если того пожелаетъ только меньшинство прихожанъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ приходѣ можетъ случиться что 45% людей будутъ вовсе лишены права на свой отечественный языкъ, *не смотря на Высочайшее разрѣшеніе*, если 55% будутъ желать сохранить попрежнему употребленіе языка польскаго или нѣмецкаго. Могутъ ли такія распоряженія служить къ „примѣненію и развитію установленнаго принципа" свободнаго для всѣхъ употребленія русскаго языка?

Въ письмѣ изъ Вильны, помѣщаемомъ въ нашихъ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ*, читатели найдутъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому вопросу въ сѣверо-западномъ краѣ. Нашъ корреспондентъ, къ сожалѣнію, сообщаетъ намъ не объ успѣхахъ этого важнаго дѣла, хотя бы такихъ о какихъ приходилось намъ не рѣдко говорить въ прошломъ году. Тогда въ сѣверо-западномъ краѣ, самими римско-католическими священниками, въ одномъ приходѣ за другимъ, вводился русскій языкъ, а въ Вильнѣ дѣятельно издавались въ русскомъ переводѣ католическія богослужебныя и учебныя книги. Теперь Верховная Власть безусловно разрѣшила русскій языкъ для всѣхъ иновѣрныхъ исповѣданій, — и что же выходитъ? Польскій языкъ сталъ обязанностію для католическаго духовенства, отъ которой оно можетъ избавиться только вслѣдствіе заявленія большинства прихожанъ въ пользу русскаго языка. Объ изданіи католическихъ книгъ на русскомъ языкѣ ничего не слышно ни изъ Вильны, ни изъ Кіева. Мудрая мѣра разрѣшающая главнѣйшій вопросъ русской политики въ западномъ краѣ, не только остается безъ осуществленія, но ведетъ на дѣлѣ къ результатамъ противнаго свойства. Польскіе патріоты вздохнули свободно. Ударъ отклоненъ и даже направленъ въ русскую сторону. Нашъ корреспондентъ сообщаетъ интересныя подробности объ открытомъ сопротивленіи которое оказываютъ теперь иные католическіе священники касательно употребленія въ гимназіяхъ учебныхъ или молитвенныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Какая быстрая перемѣна! Годъ тому назадъ ксендзъ Петровичъ заявлялъ виленскому губернатору свою готовность служить русскимъ интересамъ; теперь онъ публично сжигаетъ богослужебную книгу своей церкви, потому только что она изложена на русскомъ языкѣ. Нѣкоторые ксендзы начавшіе употреблять русскій языкъ принуждены возвратиться къ польскому. Епископъ Волончевскій, какъ слышно, приглашаетъ учебное вѣдомство прибрать изъ ковенскихъ школъ всѣ русскія книги, по которымъ уже нѣсколько лѣтъ учатся мѣстныя дѣти. Въ прошломъ году законоучители Виленской гимназіи спѣшили раздавать своимъ ученикамъ чтенія изъ евангелистовъ на русскомъ языкѣ; теперь они отказываются отъ этого, заявляя что боятся ненависти польскихъ патріотовъ: какъ будто въ западномъ краѣ уже нѣтъ русскаго правительства, которое ограждало бы отъ польской ненависти преданныхъ Россіи людей! Какъ будто тамъ снова вступилъ въ силу польскій ржондъ!...

В.

Сегодняшній № *Правительственнаго Вѣстника* принесъ намъ только что утвержденный уставъ телеграфовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Уставъ открываетъ для публики новое удобство, о необходимости котораго заявлялось много разъ. На станціяхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ разрѣшено принимать депеши частной корреспонденціи всякаго рода. Компаніи не обязываются открывать свои станціи для такого пріема, но онъ дозволяется съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ для каждой отдѣльной станціи, хотя, кажется, было бы достаточно общаго разрѣшенія. Подобныя постановленія существуютъ и въ другихъ государствахъ, но тамъ дѣло не ограничивается однимъ разрѣшеніемъ: администрація въ западныхъ государствахъ дѣятельно заботится о томъ чтобы компаніи открывали большее число станцій. Къ 1-му января 1869 года на французской сѣти (16.240 кил.), тогда вдвое превосходившей нашу теперешнюю

нюю (8.008 верстъ), было открыто для публики 831 станція. Практическое значеніе льготы даваемой новымъ уставомъ будетъ такимъ образомъ зависѣть отъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, которому, въ телеграфномъ дѣлѣ, подчиняются желѣзнодорожныя общества. При нашихъ громадныхъ разстояніяхъ открытіе желѣзнодорожныхъ станцій для телеграфной и всякаго рода почтовой корреспонденціи есть настоятельная надобность.

Депеши передаваемыя по проволокамъ компаній раздѣляются на три разряда. Первая очередь принадлежитъ служебнымъ депешамъ компаніи, и вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ по сношеніямъ касающимся телеграфовъ и путей сообщенія по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ. Вторая очередь дается депешамъ подаваемымъ пассажирами о забытыхъ вещахъ и вообще касательно переѣзда, а также депешамъ къ лицамъ находящимся въ поѣздѣ. Третью категорію составляютъ депеши общей корреспонденціи (императорскія, правительственныя и частныя).

Частныя депеши третьей категоріи, принятыя на желѣзно-дорожной станціи, будутъ передаваться по вѣтвямъ на правительственный телеграфъ. Въ случаѣ же усиленія частныхъ сношеній по желѣзнодорожному телеграфу, правительство можетъ подвѣсить свои проводы на столбы компаніи и открыть на станціи дороги свою вспомогательную телеграфную станцію. По новому уставу, компаніи обязываются отводить мѣсто для установки казенныхъ аппаратовъ и пріема депешъ въ помѣщеніяхъ станцій „въ столицахъ, и болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ.“ Въ новомъ уставѣ не оговорена однако обязанность компаній безплатно отводить на станціяхъ мѣста для постройки казенныхъ станціонныхъ домовъ для телеграфа и почты. На небольшихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ не всегда найдется помѣщеніе въ станціонномъ зданіи.

Повидимому, плата за депеши подаваемыя на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ не будетъ возвышена добавкою. Съ депеши за 20 словъ казна уступаетъ компаніи изъ тарифной платы 20 к. За депеши передаваемыя исключительно по вѣтви соединяющей компанейскіе и казенные телеграфы, взимается плата по тарифу петербургскаго городскаго телеграфа.

Депеши второй категоріи идущія по проводамъ желѣзныхъ дорогъ оплачиваются по особому тарифу утвержденному министромъ.

Нѣтъ сомнѣнія что компаніи, при первомъ заявленіи администраціи, откроютъ свои станціи для частной телеграфной корреспонденціи. Тутъ выгода взаимная. Новый уставъ даетъ компаніямъ право пользоваться казенными телеграфами на случай поврежденія собственнаго. Уставъ разрѣшаетъ соединять телеграфы разныхъ компаній между собою и съ пограничными станціями иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ. Такія соединенія очень важны при существованіи договоровъ о прямомъ сообщеніи.

№ 128.

Москва, 15-го іюня.

Крестьянская реформа въ привислинскихъ губерніяхъ почти вполнѣ приведена къ окончанію. Всѣ работы по поземельному устройству крестьянъ въ имѣніяхъ частныхъ и институтскихъ, то-есть принадлежащихъ разнымъ учрежденіямъ, окончены безъ остатка. Остается лишь довершить отводъ участковъ безземельнымъ крестьянамъ изъ подуховныхъ земель, и нѣкоторыя дѣла по устройству быта казенныхъ крестьянъ и упраздненію вотчинныхъ отношеній въ городахъ и мѣстечкахъ. Все остальное исполнено даже свыше ожиданій: составлены, напримѣръ, планы селеній, чего законъ не требовалъ настоятельно. Полученный сегодня № *Правительственнаго Вѣстника* обозрѣваетъ общіе результаты этого славнаго дѣла, совершеннаго русскимъ правительствомъ на твердыхъ, неизмѣнныхъ основаніяхъ, съ неуклонною послѣдовательностію, въ краткій сравнительно промежутокъ времени шести лѣтъ.

Въ правительственныхъ предначертаніяхъ по крестьянскому дѣлу привислинскихъ губерній все оказалось правдой, все исполнено въ точности, и ничто не возбудило почти никакихъ затрудненій. А реформа была радикальная. За крестьянами были закрѣплены земли данныя имъ по закону 1846 года, причемъ имъ возвращены всѣ земли отобранныя у нихъ послѣ этого срока. Надѣлъ былъ данъ не только крестьянамъ подходившимъ подъ

дѣйствіе закона 1846 года, но и оставшимся внѣ его дѣйствія мелкоучастковымъ крестьянамъ и колонистамъ (живущимъ колоніями, отдѣльными дворами). Громадная масса обезземеленныхъ крестьянъ (ихъ было 1.055.854 души изъ 2.602.460 душъ помѣщичьихъ и институтскихъ имѣній) надѣлена участками изъ оставшихся свободными крестьянскихъ земель, а также изъ земель казенныхъ и подуховныхъ. Къ существовавшему числу 220.944 домовъ прибавилось 203.792; пространство крестьянскихъ земель увеличилось почти на половину, оно доходитъ теперь до 5.457.255 морговъ или полудесятинъ земли вмѣсто прежнихъ 3.718.769 морговъ. Безземельные крестьяне получившіе участки вдали отъ селеній образовали 1.181 новые поселки съ 25.000 усадебъ. За крестьянами закрѣплены разнаго рода пастьбищные и лѣсные сервитуты. Около двухъ третей крестьянъ (65%) имѣютъ сервитуты пастьбищные и больше половины (53%) сервитуты лѣсные *).

Спокойно, не нарушая ничьихъ правъ, не разстраивая хозяйствъ, идутъ теперь соглашенія по замѣнѣ сервитутовъ. Къ началу текущаго года такихъ соглашеній состоялось 7.769, и по нимъ крестьяне получили, въ вознагражденіе за утраченныя права, 10.869 морговъ земли.

Въ томъ же объемѣ и съ тою же выдержкой проведена крестьянская реформа во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, а также въ казенныхъ имѣніяхъ.

Мало того. Реформа поземельныхъ отношеній сопровождалась почти столь же полною реформой податей. Всѣ владѣльцы земель и дворовъ въ привислинскихъ губерніяхъ платятъ одинаково поземельную и подушную подать. Въ составъ гминнаго управленія тамошняго края входятъ всѣ сословія, и одинаково платятъ гминные сборы. Въ то же время крестьяне привислинскихъ губерній не несутъ особыхъ выкупныхъ платежей.

При иныхъ обстоятельствахъ на совершеніе столь глубокой реформы понадобились бы десятки лѣтъ, и исполненіе ея досталось бы цѣною трудной борьбы и величайшихъ усилій. Но кто слыхалъ о какихъ-либо чрезмѣрныхъ затрудненіяхъ встрѣченныхъ реформами привислинскихъ губерній, затрудненій въ родѣ тѣхъ какія возникаютъ въ западномъ и особенно сѣверозападномъ краѣ по любой изъ задачъ русской политики? Предъ силою строго обдуманной и добросовѣстно-неизмѣнно приводившейся въ исполненіе системы въ привислинскихъ губерніяхъ отступило всякое противодѣйствіе. Даже въ польскихъ газетахъ появляется гораздо меньше разныхъ клеветъ и нареканій на Россію по дѣламъ привислинскихъ губерній чѣмъ по дѣламъ западнаго края.

Успѣхъ реформъ много зависитъ и отъ того способа какимъ рѣшенія правительства переходили въ предначертанія и затѣмъ исполнялись. Всѣ реформы края сосредоточивались въ одномъ спеціальномъ правительственномъ органѣ, имѣвшемъ непосредственный доступъ къ Верховной Власти. Исполненіе реформъ на мѣстѣ производилось по особымъ правиламъ составленнымъ учредительнымъ комитетомъ. Мѣры которыхъ требовалъ ходъ преобразованія принимались послѣ глубокаго и тщательнаго изученія дѣла какъ въ принципахъ, такъ и въ способахъ исполненія.

Не то въ западномъ краѣ. Важнѣйшія мѣры объявлялись тамъ генералъ-губернаторскими циркулярами, и хотя потомъ нѣкоторые изъ циркуляровъ удостоивались Высочайшаго утвержденія, но это утвержденіе не обнародовалось, такъ что второстепенные исполнители сами не знали что именно и въ какомъ смыслѣ одобрено Верховною Властью. Такъ случилось, напримѣръ, по вопросу объ обезземеленныхъ крестьянахъ. Дѣло наконецъ доходило до того что торжественно объявленные законодательные акты комментировались администраціей въ обратномъ смыслѣ. Чего добраго можно ожидать когда исполнители, въ столь важномъ дѣлѣ, не имѣютъ яснаго представленія о предначертаніяхъ Верховной Власти, когда между ними и ею становятся разныя административныя инстанціи изъ коихъ каждая имѣетъ свою политику? Составъ администраціи въ западномъ краѣ смѣнялся безпрестанно, и каждая администрація болѣе или менѣе входила въ роль законодателя. Мы не говоримъ о полномочіяхъ понятныхъ среди разгара мятежа; мы поминаемъ лишь тотъ всѣмъ извѣстный фактъ что администраторы, обвинявшіе своихъ предмѣстниковъ въ превышеніи полномочій, далеко оставляли ихъ за собою, устанавливая самую неожиданную систему дѣйствій въ краѣ. Что

*) Изъ послѣднихъ на топливо 55%, на поправку строеній 39%, на подстилку 21%.

доброе могло произойти среди такихъ противорѣчій, колебаній, ухищреній?

Ссылаемся на все дѣло крестьянской реформы въ сѣверозападномъ краѣ. Сама по себѣ она не рѣшала въ немъ національнаго вопроса, столь существеннаго для государственной прочности Россіи, но она была и здѣсь необходимымъ основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствій. И здѣсь требовалось прежде всего упрочить довѣріе сельскаго сословія къ правительству и поставить крестьянъ въ полную независимость отъ пановъ. Положенія по крестьянской реформѣ сѣверозападнаго края были составлены поспѣшно, въ самомъ разгарѣ мятежа, и далеко не захватывали дѣла въ томъ объемѣ какой былъ принятъ для той же реформы въ привислинскихъ губерніяхъ. Мы не выставляемъ весь циклъ мѣръ исполненныхъ въ привислинскомъ краѣ пригоднымъ для края западнаго: каждая мѣстность имѣетъ свои условія, съ которыми необходимо сообразоваться. Мы указываемъ лишь на разницу порядка въ которомъ вырабатывались и исполнялись мѣры касавшіяся обѣихъ мѣстностей, а также отмѣчаемъ меньшій объемъ и потому болѣе легкую исполнимость крестьянскаго дѣла въ сѣверозападномъ краѣ. Дополнительные циркуляры графа Муравьева отзываются поспѣшностію составленія, и кромѣ того должны были проходить административныя инстанціи, въ которыхъ на каждомъ шагу наталкивались на камуфлеты. Въ сѣверозападномъ краѣ возвращалась крестьянамъ лишь часть отобранныхъ у нихъ земель; небольшая часть безземельныхъ получала участки; здѣсь закрѣплялись одни пастьбищные сервитуты и давалось временное пользованіе топливомъ. Обязательный выкупъ объявленъ въ сѣверозападномъ краѣ за годъ до утвержденія крестьянской реформы въ привислинскихъ губерніяхъ, и какая разница въ ходѣ дѣла!

До сихъ поръ ни въ одной губерніи сѣверо-западнаго края крестьянская реформа не кончена; часть тамошнихъ крестьянъ до сихъ поръ платитъ оброкъ панамъ. Въ Минской губерніи больше трети крестьянъ не имѣетъ утвержденныхъ актовъ. Напрасно Высочайше утвержденное Положеніе Главнаго Комитета 26-го марта предписывало принять мѣры къ скорѣйшему окончанію дѣла,— о такихъ мѣрахъ ничего не слышно. Нынѣшняя администрація этого края усиленно хлопотала не о дальнѣйшемъ развитіи мѣръ по обезпеченію обезземеленныхъ крестьянъ, а напротивъ объ отнятіи земли у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ безземельныхъ коимъ были даны участки, и вообще объ уменьшеніи крестьянскихъ надѣловъ. Это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ. При прежнихъ управленіяхъ пастьбищный сервитутъ закрѣплялся за крестьянами такъ широко, какъ того не дѣлалось и въ привислинскихъ губерніяхъ (безъ приведенія въ точную извѣстность), но вдругъ въ 1868 году онъ признанъ лишнимъ и даже незаконнымъ. Впрочемъ генералъ-губернаторъ полагалъ упразднить пастьбищные сервитуты за ничтожное вознагражденіе, и это ходатайство осталось безуспѣшнымъ; но онъ имѣлъ успѣхъ по представленію о невозобновленіи временнаго пользованія топливомъ. Распоряженіе графа Муравьева объ арендѣ земель старообрядцами прямо отмѣнено нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ, хотя конечно старообрядцы западнаго края имѣютъ не меньше правъ на извѣстное обезпеченіе ихъ интересовъ чѣмъ фермеры Ирландіи. По вопросу о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано. Не говоримъ уже о частныхъ случаяхъ. Чуть не каждый № *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* приноситъ извѣстія о томъ что неисполненіе закона 26-го марта нынѣшними мировыми дѣятелями есть самое обыкновенное явленіе въ краѣ, не возбуждающее ничьего вниманія.

Кто повѣрилъ бы года два тому назадъ что крестьянское дѣло въ западномъ краѣ, эта основная мѣра русской политики, будетъ доведено до теперешнихъ результатовъ? Всякое довѣріе крестьянъ если не къ высшему правительству, на которое они еще возлагаютъ свои надежды, то къ мѣстной администраціи совершенно потеряно, какъ это свидѣтельствовала и *Вѣсть* и какъ это доказываетъ множество фактовъ.

Поразительное направленіе усвоенное въ Вильнѣ могло бы имѣть какое-либо оправданіе еслибъ оно являлось уступкой панамъ готовымъ отказаться отъ Польши, которая въ этомъ краѣ есть просто-на-просто государственная измѣна. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы какое заявленіе сдѣлаютъ мѣстные паны въ виду тѣхъ административныхъ мѣръ которыми обставлено разрѣ-

шеніе русскаго языка для иновѣрцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при другой административной системѣ, ополяченные помѣщики этого края не разъ заявляли въ адресахъ о своей преданности Россіи. Теперь они притаились, и отказались отъ предложеннаго имъ способа — стать гражданами своего истиннаго отечества, оставаясь членами своей церкви. Даже въ духовенствѣ римско-католическомъ возникало движеніе въ русскомъ смыслѣ. Нѣсколько прелатовъ высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ; цѣлые деканаты подали соотвѣтственные тому адресы, а польскіе помѣщики воспользовались непонятными распоряженіями администраціи какъ новымъ удобнымъ случаемъ заявить свое презрѣніе къ Россіи и свой польскій патріотизмъ.

И вотъ въ эту минуту, какъ намъ сообщаютъ изъ многихъ источниковъ, Поляки питаютъ надежду что для ихъ дѣла будутъ сдѣланы дальнѣйшія уступки и что оно выйдетъ изъ борьбы съ бо́льшимъ чѣмъ когда-либо торжествомъ.

Разчитывается на отмѣну принятыхъ мѣръ, потому только что онѣ въ сѣверо-западномъ краѣ не имѣютъ успѣха. Процентный сборъ, напримѣръ, не ведетъ ни къ какимъ особымъ затрудненіямъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, но въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ сдѣлано множество исключеній, которыя дѣлаютъ сборъ обременительнымъ для остальныхъ владѣльцевъ, и потому надо отмѣнить этотъ сборъ! Въ юго-западномъ краѣ водвореніе русскаго землевладѣнія идетъ сравнительно успѣшно, но оно вовсе не двигается въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, гдѣ польскіе помѣщики держатся изо всѣхъ силъ противъ продажи имѣній, а потому, заключаютъ ихъ благопріятели, слѣдуетъ отмѣнить законъ 10-го декабря. Виленскія дѣла рѣшаютъ такимъ образомъ судьбы польскаго вопроса. Пусть русскіе помѣщики послѣдовавшіе на вызовъ правительства раскаются въ томъ, что положились на его обѣщанія, и разчитывали не быть одинокими и заброшенными въ краѣ, который по прежнему долженъ остаться въ двусмысленномъ и опасномъ положеніи...

При отмѣнѣ процентнаго сбора всему русскому дворянству пришлось бы поплатиться за колебанія въ національной политикѣ.

Вслѣдствіе случайности и отрывочности мѣръ принятыхъ въ западномъ краѣ, тамошнія реформы совершенно обошли систему податей, хотя, по обстоятельствамъ въ которыхъ находится край, она представляетъ тамъ явленіе совершенно ненормальное. Нигдѣ во всей Россіи крестьяне не обременены сравнительно съ владѣльцами такою чрезмѣрною тяжестью повинностей какъ въ западномъ краѣ. Въ Царствѣ Польскомъ подати разложены на всѣ сословія вмѣстѣ съ самою тяжкою изъ натуральныхъ повинностей, рекрутскою (конскрипція). Во внутреннихъ губерніяхъ гдѣ введены земскія учрежденія, повинности земскія лежатъ на всѣхъ сословіяхъ, а теперь проектируется нѣкоторое участіе всѣхъ землевладѣльцевъ въ отправленіи государственныхъ податей. Въ западномъ же краѣ дѣйствуетъ старая система раскладки земскихъ повинностей, и кромѣ того, натуральныя повинности, падающія всею тяжестью на крестьянъ, усилились благодаря панскому мятежу. Въ западномъ краѣ стоитъ много войска; множество чиновниковъ разъѣзжаютъ тамъ по дѣламъ о безпрестанныхъ панскихъ затѣяхъ, а крестьяне даютъ и подводы, и квартиры и пр. Нигдѣ реформа податей не требуется такъ настоятельно, какъ въ западномъ краѣ. Нѣтъ никакихъ причинъ заставлять западно-русскихъ крестьянъ нести за пановъ не только натуральныя повинности, но и подати, изъ коихъ столько денегъ идетъ на покрытіе издержекъ необходимыхъ вслѣдствіе обстоятельствъ создаваемыхъ польскими владѣльцами.

Съ отмѣной процентнаго сбора не могутъ быть отмѣнены тѣ издержки которыя покрываются имъ. На чью же голову падутъ эти издержки? Наши податныя сословія до нельзя обременены разными платежами; правительство признало и объявило полную невозможность дальнѣйшаго увеличенія крестьянскихъ повинностей. Къ тому же наши податныя сословія и безъ того много платятся за польское дѣло. Повинности въ Царствѣ Польскомъ почти втрое легче, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, такъ что по одному этому счету податныя сословія всей Имперіи уплачиваютъ многіе милліоны за польскій мятежъ.

За невозможностію обременять податныя сословія новыми налогами и за недостаточностію другихъ государственныхъ доходовъ, остается лишь обратиться къ русскимъ помѣщикамъ. Кстати теперь идетъ

рѣчь объ участіи всѣхъ землевладѣльцевъ въ отбываніи податей. Снятіе процентнаго сбора съ польскихъ помѣщиковъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, было бы равносильно наложенію его на все русское дворянство. Въ концѣ концовъ, не кому другому пришлось бы пополнять недочеты вслѣдствіе отмѣны процентнаго сбора въ западномъ краѣ. Это не парадоксъ, это фактъ, къ подробному изложенію котораго мы не замедлимъ возвратиться.

№ 129.

Москва, 16-го Іюня.

Во вчерашней статьѣ нашей мы упомянули что сложеніе процентнаго поземельнаго сбора съ польскихъ владѣльцевъ Западнаго края, при настоящихъ обстоятельствахъ, было бы равносильно обращенію издержекъ покрываемыхъ этимъ сборомъ на счетъ русскаго дворянства. Возвращаемся еще разъ къ подробностямъ этого интереснаго и вполнѣ несомнѣннаго факта.

Дѣйствующія у насъ системы податей представляются вообще въ слѣдующемъ видѣ:

Въ привислинскомъ краѣ къ уплатѣ государственныхъ податей, а въ значительной мѣрѣ и натуральныхъ повинностей, привлечены всѣ сословія. Какъ помѣщики, такъ и крестьяне одинаково выплачиваютъ два главные сбора: поземельный и подымный. Изъ интересной вѣдомости приложенной къ труду г. Руковскаго о смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ повинностей оказывается что въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ средній размѣръ поземельной подати уплачиваемой крестьянами простирается до 52 к. сер. съ десятины, а уплачиваемой владѣльцами до 48 к. Средній размѣръ подымной подати доходитъ до 2 р. 54 к. съ крестьянскаго дыма; владѣльцы платятъ по 6 руб. съ каждаго отдѣльно стоящаго жилаго строенія. Въ общей сложности сходитъ на оба помянутые главные налога съ десятины крестьянской земли 88 к., съ десятины помѣщичьей 66 к.

Поземельный и подымный налоги привислинскаго края замѣняютъ наши подати: подушную, оброчную съ государственныхъ крестьянъ; государственный земскій сборъ, а также выкупные платежи, ибо въ привислинскихъ губерніяхъ крестьяне не вносятъ особыхъ выкупныхъ платежей. Помянутыя выше подати въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ доходятъ у крестьянъ государственныхъ до 1 р. 52 к. съ десятины; у крестьянъ-собственниковъ, вмѣстѣ съ выкупными платежами, до 2 р. 52 к. съ десятины, то-есть вдвое и втрое превышаютъ платежи какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ привислинскаго края.

Участіе всѣхъ сословій въ гминномъ управленіи облегчаетъ для привислинскихъ крестьянъ гминные, т.-е. мірскіе сборы, идущіе на содержаніе управленія, гминнаго суда, начальныхъ училищъ и пр. Половина этихъ сборовъ уплачивается владѣльцами фольварковъ входящихъ въ составъ гминъ, и лишь остальная половина вносится крестьянами раздѣленными на разряды по объему принадлежащихъ имъ участковъ. По даннымъ сообщаемымъ г. Руковскимъ, гминные сборы доходятъ до 3—4 к. съ десятины. У насъ же одинъ казенный общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ превышаетъ 8 к. съ десятины, не говоря уже о прямо мірскихъ сборахъ.

Повинности соотвѣтствующія нашимъ земскимъ также легче въ привислинскомъ краѣ чѣмъ у насъ. Самыя главныя потребности покрываемыя у насъ земскими сборами, напримѣръ содержаніе крестьянскихъ учрежденій, удовлетворяются въ привислинскомъ краѣ изъ податей. Дорожная повинность (шарваркевая) доходитъ лишь до четырехъ рабочихъ дней съ дыма. Притомъ въ привислинскомъ краѣ дороги лучше, врачебная часть устроена удовлетворительнѣе, введено застрахованіе не только строеній, но и рабочаго скота.

Льготные размѣры податей въ привислинскихъ губерніяхъ возмѣщаются податными сословіями всей Имперіи. Если принять въ разчетъ однѣ государственныя повинности, то и тогда выйдетъ что русская земля переплачиваетъ, на покрытіе общихъ государственныхъ расходовъ, ежегодно до десяти милліоновъ рублей за благополучное совершеніе реформъ въ Царствѣ Польскомъ, не считая всѣхъ другихъ еще болѣе громадныхъ расходовъ на войска и на управленіе, спеціально вызываемыхъ польскимъ вопросомъ.

Жертва приносимая Россіей за обладаніе привислинскимъ краемъ есть необходимость: въ виду трудной задачи русскаго правительства въ привислинскомъ краѣ

могутъ найти себѣ оправданіе тамошніе льготные размѣры податей.

Въ западномъ краѣ условія были совершенно иныя. Здѣсь масса русскаго народа находилась въ тяжкой зависимости отъ немногочисленнаго класса, который чуть не на нашихъ глазахъ сталъ окончательно причислять себя къ Польшѣ, чего прежде, особенно въ сѣверозападномъ краѣ, никогда не было. Польское землевладѣніе въ западномъ краѣ было только виною затрудненій для государства. Русское правительство было въ долгу предъ западно-русскимъ народомъ, который и послѣ паденія Польши продолжалъ страдать подъ польскою властію. Не было повидимому никакихъ причинъ заставлять этотъ народъ продолжать нести повинности за польскихъ владѣльцевъ или возлагать эти повинности на податныя силы всей Имперіи. Не возмездіе или кара за измѣну, но самая простая справедливость требовала чтобы паны уплачивали хотя бы тѣ издержки которыя были вынуждены ихъ крамолой. Къ сожалѣнію, мѣры принятыя въ западномъ краѣ не отличались послѣдовательностью, и почти вовсе не тронули тамошней системы податей. Попрежнему западно-русскіе крестьяне выносятъ на себѣ за пановъ всю тяжесть государственныхъ повинностей и благодаря обстоятельствамъ созданнымъ мятежомъ, благодаря скопленію войскъ и усиленію администраціи, отбываютъ натуральныя повинности въ усиленномъ размѣрѣ. Что же касается польскихъ помѣщиковъ западнаго края, то на нихъ наложенъ былъ лишь небольшой поземельный сборъ, получившій названіе процентнаго; да еще иногда привлекали ихъ къ отправленію нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей.

Польская партія жалуется что размѣры процентнаго сбора высоки и обременительны. Не то говорятъ точныя офиціальныя данныя. По свѣдѣніямъ изложеннымъ въ томъ же трудѣ г. Руковскаго, средній размѣръ поземельнаго процентнаго сбора простирается въ краѣ до 19 коп. съ десятины, то-есть слишкомъ втрое менѣе средней цифры поземельнаго и подымнаго сбора платимыхъ владѣльцами привислинскихъ губерній (66 к. съ десятины). Этой средней цифры процентный сборъ не достигаетъ ни въ одной губерніи западнаго края, даже ни въ одной изъ богатыхъ и плодородныхъ юго-западныхъ губерній. Приводимъ размѣры процентнаго сбора по губерніямъ:

Въ Могилевской	губ.	10	к.	съ	дес.
„ Минской	„	10	„	„	„
„ Витебской	„	12	„	„	„
„ Виленской	„	17	„	„	„
„ Волынской	„	17	„	„	„
„ Гродненской	„	24	„	„	„
„ Кіевской	„	28	„	„	„
„ Ковенской	„	29	„	„	„
„ Подольской	„	34	„	„	„

Приводимъ также размѣры поземельнаго и подымнаго налоговъ уплачиваемыхъ землевладѣльцами привислинскихъ губерній:

Въ Сѣдлецкой	губ.	45	к.	съ	дес.
„ Люблинской	„	45	„	„	„
„ Радомской	„	52	„	„	„
„ Петроковск.	„	57	„	„	„
„ Ломжинской	„	63	„	„	„
„ Плоцкой	„	64	„	„	„
„ Сувалкской	„	64	„	„	„
„ Кѣлецкой	„	65	„	„	„
„ Калишской	„	74	„	„	„
„ Варшавской	„	81	„	„	„

Размѣры податей привислинскаго края не возбуждаютъ никакихъ жалобъ и не представляютъ никакихъ затрудненій. Какимъ же образомъ поземельный налогъ вдвое, даже вчетверо болѣе легкій, есть будто бы тяжкое бремя для помѣщиковъ западнаго края?

Въ большей части губерній западнаго края размѣры процентнаго сбора подходятъ близко къ размѣрамъ поземельнаго сбора на земскія повинности во внутреннихъ губерніяхъ. Виленская и Волынская губерніи платятъ, напримѣръ, 17 к. съ десятины. Тотъ же размѣръ поземельнаго налога существуетъ въ Суздальскомъ и Александровскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи. Налогъ въ 10 к. и въ 12 к. съ десятины взимается на земскія повинности во множествѣ уѣздовъ. Какимъ же образомъ для польскихъ владѣльцевъ Минской, Могилевской, Витебской, Волынской и Виленской губерній является разорительнымъ обложеніе не превышающее нашихъ земскихъ повинностей?

Новое Время жалуется что помѣщики Гродненской губерніи обременены теперь уплатою процентнаго сбора, который нѣсколько лѣтъ оставался за ними въ недоимкѣ. Что же отсюда выходитъ? Выходитъ то что съ русскихъ крестьянъ недоимки взыскиваются съ неумолимою строгостью, а польскіе паны по нѣскольку лѣтъ не платятъ небольшаго назначеннаго съ нихъ сбора...

Вотъ во что разрѣшаются польскія жалобы на крайнюю обременительность процентнаго сбора! Мы не говоримъ о частныхъ случаяхъ по раскладкѣ сбора, въ которой въ послѣднее время принимали участіе польскіе владѣльцы. Каковы бы ни были эти частные случаи, несомнѣнно что не можетъ быть никакой серіозной рѣчи объ обременительности процентнаго сбора для громаднаго большинства польскихъ владѣльцевъ.

Вся тяжесть государственныхъ повинностей до сихъ поръ лежитъ на крестьянахъ западнаго края. Одинъ государственный земскій сборъ вносимый крестьянами равняется процентному сбору. Государственные крестьяне платятъ до 1 р. 50 к. съ десятины; бывшіе помѣщичьи до 1 р. 85 к., то-есть вдесятеро больше владѣльцевъ, не считая натуральныхъ повинностей.

Западный край вноситъ прямыхъ налоговъ 17.474.803 р., кромѣ выкупныхъ платежей, съ которыми выйдетъ 26.981.072 р. Польскіе владѣльцы западнаго края платятъ всего $2^1/_2$ милл. р., что составляетъ 15% первой суммы и менѣе 10% второй. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западнаго края съ десятины крестьянской земли платится $2^1/_2$ руб. и даже 3 руб. 86 к. (у государственныхъ крестьянъ Подольской губерніи).

Какими же соображеніями можетъ быть оправдано подобное распредѣленіе налоговъ въ западномъ краѣ? Для какихъ цѣлей можетъ быть нужно поддерживать подобные порядки и даже въ то время когда идетъ рѣчь о привлеченіи къ участію въ отправленіи государственныхъ повинностей всѣхъ землевладѣльцевъ Имперіи? Если уже признанъ подобный принципъ, то въ западномъ краѣ онъ долженъ быть примѣненъ въ полномъ объемѣ, что требуется одинаково и справедливостью относительно западно-русскаго народа и всѣми обстоятельствами края.

Такова, повидимому, должна быть задача русской политики. Правильное распредѣленіе податей отняло бы также всякую возможность выставлять процентный сборъ какъ остатокъ контрибуцій, какъ мѣру исключительно карательную.

Рѣчь, однако, идетъ теперь о снятіи процентнаго сбора съ польскихъ владѣльцевъ. Быть-можетъ подобное предположеніе возникло изъ того обстоятельства что теперь упразднилась надобность въ нѣкоторыхъ расходахъ коихъ недавно требовалъ край? Напротивъ. Изъ Вильны заявляютъ о необходимости новыхъ пожертвованій для успѣха русской политики въ краѣ. Онѣ требуются и для привлеченія лучшаго состава русскихъ чиновниковъ, и на водвореніе русскаго землевладѣнія. Съ отмѣною процентнаго сбора необходимо будетъ изыскать источники для покрытія расходовъ которые удовлетворялись изъ него.

Могутъ ли послужить такимъ источникомъ податныя сословія Имперіи? На это даютъ положительный отвѣтъ слѣдующія цифры, которыя мы беремъ на удачу. Государственные крестьяне платятъ прямыхъ налоговъ, не считая лѣсной подати, рекрутскихъ, страховыхъ, паспортныхъ, мірскихъ и другихъ сборовъ: въ Московской губерніи 2 р. 47 к. *съ десятины*, въ Курской 2 р. 26 к., Рязанской 2 р. 8 к., Новгородской 1 р. 93 к., Владимірской 1 р. 81 к. и пр. Крестьяне-собственники выплачиваютъ прямыхъ налоговъ и выкупныхъ платежей въ Московской губерніи 3 р. 67 к. *съ десятины*, въ Рязанской 3 р. 33 к., въ Калужской 2 р. 78 к., въ Нижегородской 2 р. 74 к., во Владимірской 2 р. 72 к. и пр.

Понятно почему правительство признало невозможность дальнѣйшаго возвышенія крестьянскихъ платежей. Они доведены дѣйствительно до крайнихъ размѣровъ, часто превышающихъ доходъ отъ земли. Повинности подняты у насъ настолько что, напримѣръ, оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ въ Новгородской губерніи *выше* даже тамошнихъ выкупныхъ платежей.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ намъ случилось указать подробно что теперешніе главные источники нашихъ доходовъ мало подаютъ надежды даже на такое возрастаніе сборовъ, которое соотвѣтствовало бы постоянному увеличенію государственныхъ потребностей.

Питейный доходъ при теперешней цѣнѣ на водку неспособенъ къ правильному возрастанію и можетъ лишь временно увеличиться на счетъ развитія пьянства, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшенія другихъ сборовъ. Между тѣмъ прямые налоги и питейный акцизъ даютъ бо́льшую половину государственныхъ доходовъ. Таможенный доходъ при нашей политикѣ не сулитъ значительнаго возрастанія. Соленой доходъ уже те-

перь оказывается обременительнымъ и т. д. Торговые сборы въ значительной части своей связаны съ сословными преимуществами, и растутъ туго. Остальные источники доходовъ даютъ лишь по нѣскольку миллюновъ рублей. Наконецъ не спаивать же народъ, не затруднять же торговлю или потребленіе ради польскихъ пановъ? Существенные виды нашихъ финансовъ заключаются въ продажѣ разнаго рода казенныхъ заводовъ да въ реформѣ подушныхъ податей, то-есть въ привлеченіи къ государственнымъ повинностямъ привилегированныхъ сословій. Трудно полагать, однако, чтобы продажа казенныхъ заводовъ и земель могла вскорѣ дать суммы соотвѣтствующія $2^1/_2$ милліоновъ руб. ежегоднаго дохода, а потому нѣтъ сомнѣнія въ томъ что на покрытіе недочетовъ вслѣдствіе отмѣны процентнаго сбора пойдутъ прежде всего тѣ деньги которыя дастъ проектируемое участіе русскаго дворянства въ государственныхъ повинностяхъ.

Намъ замѣтятъ, быть-можетъ, что и польскіе владѣльцы западнаго края раздѣлятъ помянутое участіе. Но это нисколько не измѣняетъ дѣла. Деньги уплаченныя панами покроютъ лишь часть процентнаго сбора, и всѣ эти паны, переставшіе и думать о томъ чтобы быть Русскими, будутъ имѣть удовольствіе думать что они все-таки оплачиваютъ только издержки созданныя ими же, а не входящія въ обыкновенную массу податной тяготы лежащей на русскомъ народѣ, и что остальную часть процентнаго сбора придется возместить русскому дворянству.

№ 130.

Москва, 17-го Іюня.

Въ прошломъ году, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, Высочайше повелѣно было образовать подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, особую коммиссію изъ чиновъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, для изслѣдованія недостатковъ слѣдственной части въ губерніяхъ гдѣ введены судебные уставы 20-го ноября 1864 года, и для составленія предположеній о необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ преобразованіяхъ. Въ составъ коммисіи были назначены четыре чиновника: отъ министерства юстиціи статскій совѣтникъ Бѣлостоцкій и надворный совѣтникъ Роде; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ надворный совѣтникъ Поливановъ и коллежскій секретарь Стуартъ. Коммиссія эта исполнила свое порученіе, посѣтивъ многія губерніи Московскаго, Харьковскаго и Одесскаго судебныхъ округовъ, и представила отчетъ и предположенія свои въ министерство юстиціи. Изъ сообщенныхъ недавно *Правительственнымъ Вѣстникомъ* свѣдѣній о различныхъ проектныхъ коммиссіяхъ видно что означенные отчетъ и предположенія сенатора Петерса и его сотрудниковъ разсматриваются теперь въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи и при участіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, недавно нѣкоторыя петербургскія газеты сообщили нѣсколько свѣдѣній о самомъ содержаніи отчета и предположеніяхъ коммиссіи сенатора Петерса. Считаемъ, съ своей стороны, полезнымъ ознакомить читателей, на основаніи источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, съ результатами изслѣдованій сенатора Петерса, въ ожиданіи свѣдѣній о работѣ помянутаго комитета болѣе полныхъ чѣмъ сообщенныя на дняхъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ*.

По судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года, производство по обнаруженію и изслѣдованію преступленій принадлежитъ полиціи, слѣдователю и суду, при участіи прокурора, и состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: дознанія, предварительнаго слѣдствія и слѣдствія окончательнаго, происходящаго въ самомъ судѣ. Въ измѣненіе прежняго чисто розыскнаго, инквизиціоннаго порядка производства слѣдствій, административный элементъ по судебнымъ уставамъ 20-го ноября въ значительной мѣрѣ устраняется отъ участія въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ: полиція обязана ограничиваться лишь дознаніемъ преступленія, а затѣмъ непосредственно передаетъ учиненное дознаніе судебному слѣдователю, принадлежащему къ составу окружнаго суда, хотя и находящемуся въ нѣкоторой зависимости отъ прокурора, лица административнаго. Задерживать подозрѣваемыхъ полиція можетъ только въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ, и немедленно, по задержаніи, обязана увѣдомить объ этомъ судебнаго слѣдователя и прокурора. По производству дознаній полицейскіе чины поставлены въ непосред-

ственную зависимость отъ прокурора, который, хотя и есть въ сущности не что иное какъ агентъ администраціи, но все-таки приписанъ къ министерству юстиціи, что имѣетъ свое значеніе. Поводы къ начатію слѣдствія суть: объявленія и жалобы частныхъ лицъ подаваемыя полиціи, прокурору или судебному слѣдователю, и сообщенія полиціи и прокурора. Наконецъ судебный слѣдователь и самъ можетъ начать слѣдствіе, если имъ будетъ обнаружено совершившееся преступленіе. Вотъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшія основанія нашего слѣдственнаго порядка по новымъ судебнымъ уставамъ.

Коммиссія сенатора Петерса коснулась, въ своихъ изслѣдованіяхъ, только первыхъ двухъ частей означеннаго порядка, именно дознанія и предварительнаго слѣдствія, то-есть самыхъ слабыхъ частей его. Особенно обширна та часть отчета коммиссіи которая относится къ дознанію. Говоря о поводахъ къ начатію слѣдствія, коммиссія находитъ что въ настоящее время преслѣдованіе преступленій большею частію находится въ зависимости отъ объявленій или жалобъ частныхъ лицъ. Полиція, прокурорскій надзоръ и слѣдователи своею судебною дѣятельностью почти не обнаруживаютъ преступленій и, по заключенію коммиссіи, множество преступныхъ дѣяній, по этой причинѣ, избѣгаетъ у насъ уголовнаго преслѣдованія ко вреду общественной нравственности. Кромѣ того, оказывается что объявленія и жалобы большею частію поступаютъ къ полиціи, очень рѣдко къ прокурору и почти никогда къ судебнымъ слѣдователямъ, а потому главнѣйшимъ участникомъ въ производствѣ дознанія является все-таки полиція. Между тѣмъ изслѣдованія показали что составъ полиціи не только въ уѣздахъ, но даже и въ городахъ, далеко не удовлетворяетъ условіямъ требуемымъ отъ лицъ призванныхъ открывать и изслѣдовать преступленія. Дознанія производятся безъ достаточной полноты, безъ соблюденія требуемыхъ закономъ формальностей; упускается изъ виду обслѣдованіе и даже приведеніе въ извѣстность самыхъ существенныхъ фактовъ. Въ дѣйствіяхъ лицъ производящихъ дознаніе очень рѣдко замѣчается какая-либо опредѣленная цѣль и знакомство съ категоріями преступленій, послѣдствіемъ чего бываетъ упущеніе изъ виду такихъ обстоятельствъ которыми опредѣляется самый составъ преступленія. Особенно дурна въ этомъ отношеніи волостная полиція; но мало хорошаго представляетъ и остальная уѣздная и городская полиція. Обращаясь къ судебнымъ слѣдователямъ, коммиссія находитъ что и они не удовлетворяютъ своему назначенію. При означенномъ способѣ производства дознаній, къ нимъ доходитъ слѣдствіе лишь когда многія характеристическія черты и подробности преступнаго дѣянія скрыты или изгладились, и это уже одно затрудняетъ и замедляетъ производство предварительнаго слѣдствія. Кромѣ того, благодаря тому что полиція можетъ непосредственно возбуждать дознанія и передавать дознанное слѣдователю, безъ посредствующей инстанціи, судебные слѣдователи завалены дѣлами, изъ коихъ очень многія и возбуждать бы не надлежало. Все это, конечно, весьма вредно отражается вообще на успѣшномъ теченіи дѣлъ у слѣдователей, а главное—на самихъ подозрѣваемыхъ или прикосновенныхъ къ преступленію лицахъ. Слѣдствія часто тянутся годъ, два и больше, причиняя этимъ напрасныя страданія и матеріальный ущербъ обществу. Наконецъ сами слѣдователи, будучи завалены работой, пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ чтобы поручить полиціи исполнить то что съ большимъ успѣхомъ для дѣла они могли бы сдѣлать сами. Кромѣ того, они малоопытны, не самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ и смотрятъ на свою должность какъ на переходное положеніе къ лучшему мѣсту. А несамостоятельность и малая опытность нынѣшнихъ слѣдователей сказываются въ томъ, напримѣръ, что теперь содержится подъ стражею гораздо большее число подозрѣваемыхъ нежели въ прежнее время. Слѣдователи какъ бы боятся личной отвѣтственности за принятіе меньшихъ мѣръ къ обезпеченію личности подозрѣваемыхъ. Что касается прокурорскаго надзора, то хотя-де онъ и поставленъ закономъ во главѣ обвинительной стороны уголовнаго процесса, но въ дѣйствительности дѣятельность его является только на судебномъ разбирательствѣ, гдѣ онъ выступаетъ какъ сторона. О преступленіяхъ прокурорскій надзоръ узнаетъ-де большею частью только въ то время когда дознаніе уже произведено и передано судебному слѣдователю. Такимъ образомъ возложенная на проку-

рора обязанность руководить обвиненіемъ, по мнѣнію коммиссіи, въ дѣйствительности не приводится въ исполненіе. Установленная-де закономъ, въ видахъ отдѣленія административной власти отъ судебной, подчиненность полиціи при производствѣ дознанія прокурору—на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и полиція руководствуется указаніями административныхъ, постороннихъ судебному вѣдомству чиновъ и мѣстъ, каково напримѣръ полицейское управленіе. Наконецъ, коммиссія сенатора Петерса находитъ что прокуратура, вслѣдствіе малочисленности своего состава, большею частью не имѣетъ средствъ знать что дѣлается у судебныхъ слѣдователей.

Итакъ нынѣшніе недостатки слѣдственной части, по мнѣнію коммиссіи, состоятъ повидимому въ томъ что съ примѣненіемъ у насъ слѣдственно - обвинительнаго порядка обвинительная власть, по разнымъ причинамъ, не удовлетворяетъ своему назначенію и оказывается какъ бы обезоруженною. Если это справедливо, то было бы всего естественнѣе постараться поправить дѣло тѣмъ чтобъ устранить означенныя причины и дать требуемыя средства обвиненію, не измѣняя при этомъ самого характера новаго слѣдственнаго процесса. Но коммиссія сенатора Петерса, найдя что въ практическомъ примѣненіи обвинительной системы оказываются недостатки, считаетъ нужнымъ поколебать самый основный принципъ нашего новаго процесса, и указываетъ на необходимость возвратиться *въ сущности* къ прежнему чисто розыскному или инквизиторіальному порядку. Коммиссія находитъ что „вполнѣ послѣ„довательное примѣненіе состязательнаго „начала къ предварительному слѣдствію „представляется невозможнымъ, ибо такая „форма уголовнаго процесса, не соотвѣт„ствуя ни государственному, ни общественному строю, ни мѣстнымъ условіямъ Рос„сіи, была бы лишена тѣхъ элементовъ, „которые необходимы для ея существова„нія.“ Но такое категорическое рѣшеніе не сопровождается никакими объясненіями, дабы можно было увѣровать въ его непогрѣшимость. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о такомъ способѣ рѣшенія столь важнаго вопроса что составители нашихъ новыхъ судебныхъ уставовъ очевидно были совершенно противоположнаго мнѣнія, устранивъ вовсе розыскной элементъ изъ судебнаго процесса, и весьма ограничивъ, какъ изъ изложеннаго видно, чисто инквизиторіальный характеръ нашего прежняго слѣдствія. Сама коммиссія говоритъ что „*судебное* слѣдствіе, по уставу уго„ловнаго судопроизводства, основано на „совершенно полномъ и послѣдователь„номъ развитіи состязательнаго начала.“ Объ измѣненіи этихъ началъ, о томъ что они не соотвѣтствуютъ-де ни государственному, ни общественному строю, ни мѣстнымъ условіямъ Россіи, коммиссія ничего не упоминаетъ. Отчего же иначе надлежитъ относиться къ остальнымъ или, вѣрнѣе сказать, къ двумъ первымъ частямъ слѣдствія, дознанію и предварительному слѣдствію, устраняя изъ нихъ тотъ принципъ который остается невредимъ въ третьей части, въ слѣдствіи судебномъ?

Какъ бы то ни было, выходя изъ такого начала о необходимости инквизиціоннаго характера въ слѣдствіи, коммиссія основываетъ на этомъ началѣ всѣ свои предположенія.

Прежде всего она касается полиціи, какъ главнѣйшаго нынѣ фактора въ слѣдственной части. При этомъ составители отчета не ограничиваются разборомъ участія полиціи въ изслѣдованіи преступленій, но вдаются и въ чуждую настоящей матеріи сторону, дѣлая предположенія о преобразованіи полиціи вообще и о способахъ, посредствомъ такой преобразованной полиціи, предупреждать преступленія и вообще правонарушенія. На этомъ основаніи признается необходимымъ замѣнить существующую нынѣ на выборномъ началѣ сельскую, волостную полицію лицами по назначенію отъ правительства, съ ассигнованіемъ потребнаго количества суммъ на соотвѣтственное ихъ назначенію жалованье. Но такъ какъ, при значительномъ числѣ этихъ новыхъ агентовъ полиціи, трудно будетъ имѣть всегда и вездѣ благонадежныхъ чиновъ (что краснорѣчиво доказывается большею частью и нынѣшнимъ малочисленнымъ составомъ городской и уѣздной полиціи), то необходимо, по мнѣнію коммиссіи, установить еще особыхъ дозорщиковъ, въ видѣ конной полиціи или стражи, которая совершала бы періодическіе объѣзды по деревнямъ, селамъ и дорогамъ. Уѣздныя полицейскія управленія коммиссія признаетъ нужнымъ упразднить, и замѣнить ихъ единоличною властью уѣзднаго исправника, такого же представителя правительства въ уѣздѣ,

какимъ губернаторъ долженъ быть въ губерніи. Неизвѣстно предполагается ли означеннымъ новымъ представителямъ правительства предоставить и право издавать эдикты въ развитіе законовъ благоустройства и благочинія, дабы создать такимъ образомъ нѣчто въ родѣ уѣздной законодательной власти. Затѣмъ, какъ уже было упомянуто, коммиссія говоритъ очень много о полиціи обязанной предупреждать преступленія. Вообще изъ нѣкоторыхъ страницъ отчета коммиссіи можно вывести чуть не такое заключеніе что для вящаго благоустройства государства желательно чтобы на каждаго гражданина приходилось по одному полицейскому или жандарму, и что проекты государственнаго устройства, во всемъ подобные изложенному въ извѣстной политической сказкѣ Лабуле, могутъ и въ дѣйствительной жизни встрѣчать иногда достойныхъ подражателей.

Что касается полиціи предназначенной собственно служить для обнаруженія и изслѣдованія преступныхъ дѣяній, то также признается нужнымъ увеличить ее, а коегдѣ и создать вновь, съ отдѣленіемъ ея отъ прочей полиціи и съ полнымъ подчиненіемъ ея прокурорскому надзору. Единственно прокурорскому надзору коммиссія полагаетъ предоставить право *обнаруживать* преступленія и преслѣдовать виновныхъ, исключая тѣ случаи когда послѣднее дозволено по закону частнымъ лицамъ. Розыскная полиція, подчиняясь вполнѣ прокурорскому надзору, уполномочивается предпринимать различнаго рода предварительныя слѣдственныя дѣйствія въ нѣкоторыхъ не терпящихъ отлагательства обстоятельствахъ. Во всемъ же прочемъ, безъ особаго порученія прокурорскаго надзора, она не въ правѣ дѣйствовать самостоятельно. Всѣ присутственныя и судебныя мѣста, должностныя и частныя лица, по проекту коммиссіи обязаны немедленно сообщать прокурорскому надзору объ *обнаруженныхъ* ими преступленіяхъ въ противорѣчіе тому что обнаруженіе это предоставляется, какъ выше сказано, исключительно прокуратурѣ. Прокурорскій надзоръ будетъ рѣшать нужно ли или нѣтъ возбуждать судебное преслѣдованіе, и сталобыть только по его предложенію назначается предварительное слѣдствіе. Прокуроры и ихъ товарищи постоянно наблюдаютъ за производствомъ слѣдствія, даютъ *предложенія* судебному слѣдователю о предпринятіи того или другаго слѣдственнаго дѣйствія, а также могутъ во всякое время требовать къ себѣ слѣдственныя дѣла. Судебные слѣдователи не въ правѣ предпринимать нѣкоторыхъ опредѣленныхъ въ законѣ (?) мѣръ безъ заключенія прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, исполненіе постановленій и распоряженій судебнаго слѣдователя возлагается на обязанность чиновъ прокурорскаго надзора. Такимъ образомъ устанавливается своего рода взаимная порука: судебные слѣдователи исполняютъ *предложенія* прокурорскаго надзора, а этотъ послѣдній—*распоряженія* и *постановленія* судебныхъ слѣдователей. Неизвѣстно только какъ поступать въ тѣхъ возможныхъ случаяхъ когда означенныя предложенія и постановленія столкнутся и будутъ исключать другъ друга. Вообще всѣ должностныя лица, на чьей обязанности лежитъ *обнаруженіе* преступленій, преслѣдованіе виновныхъ и производство предварительныхъ слѣдствій, не исключая судебныхъ слѣдователей, коммиссія сенатора Петерса предлагаетъ подчинить непосредственной зависимости (?) отъ прокуроровъ судебныхъ палатъ. Такимъ образомъ поелику всѣ должностныя и частныя лица, присутственныя и судебныя мѣста, обязаны *обнаруживать* преступленія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ частныя лица могутъ и преслѣдовать виновныхъ уголовнымъ судомъ, то оказывается что всѣ эти мѣста и лица предполагается подчинить какой-то неопредѣленной власти прокуроровъ судебныхъ палатъ. А дабы придать прокурорскому надзору надлежащую силу, предлагается значительно усилить число чиновъ этого надзора. Но всего оригинальнѣе въ проектѣ коммиссіи сенатора Петерса то что судебные слѣдователи не должны составлять какъ нынѣ отдѣльнаго учрежденія: для производства слѣдствій должны быть періодически командируемы члены окружныхъ судовъ, и члены окружныхъ судовъ должны такимъ образомъ становиться подъ начальство прокурора. Для письменнаго веденія дѣлъ при судебныхъ слѣдователяхъ имѣются въ виду отряженные предсѣдателемъ окружнаго суда помощники секретарей, которые такимъ образомъ переходятъ также подъ начальство прокурорскаго надзора.

Вотъ сущность предположеній коммиссіи сенатора Петерса Ихъ важность оче-

видна. Для того чтобъ оцѣнить ихъ, требуется весьма многое обсудить и взвѣсить. Само собою разумѣется что мы не преминемъ по силамъ содѣйствовать разъясненію сложнаго и настоятельнаго вопроса объ улучшеніи нашего предварительнаго слѣдствія.

№ 131.

Москва, 18-го іюня.

Возвращаемся къ предмету нашей вчерашней статьи. Считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу коммиссіи сенатора Петерса.

Не касаясь предположеній относительно преобразованія полиціи, какъ предмета не имѣющаго прямой связи съ вопросомъ, мы не можемъ не выразить сочувствія мысли объ отдѣленіи собственно сыскной полиціи отъ общаго полицейскаго управленія, и о полномъ подчиненіи оной прокурорскому надзору. Кто не согласится что правильно устроенная слѣдственная часть, какъ и праведный и незамедлительный судъ, способствуютъ уменьшенію преступныхъ дѣяній и улучшенію общественной нравственности? Равномѣрно каждому ясно что какъ бы ни было велико число полицейскихъ, будутъ ли они пѣшіе или конные, безъ постояннаго дѣйствія другихъ болѣе коренныхъ мѣръ, какъ напримѣръ воспитаніе и образованіе народа, всякія мѣры къ предупрежденію преступленій окажутся безсильны. Прямое дѣло слѣдственной части состоитъ не въ предупрежденіи возможности преступленій, а въ обнаруженіи и изслѣдованіи совершившихся преступленій и тѣхъ выразившихся намѣреній, которыя сами по себѣ суть преступленія если подлежатъ уголовному суду. Успѣшнымъ и быстрымъ обнаруженіемъ преступныхъ дѣяній слѣдственная часть всего вѣрнѣе можетъ содѣйствовать очищенію и укрѣпленію общественной нравственности. Но при обнаруженіи или преслѣдованіи преступленій есть и другая задача, столько же важная какъ и открытіе виновника преступнаго дѣянія. Это то чтобы розыскъ и слѣдствіе не стѣсняли законной свободы общества и отдѣльныхъ лицъ, и какъ можно менѣе вредили даже подозрѣваемому виновнику преступнаго дѣянія, котораго окончательно признать таковымъ можетъ только приговоръ суда. Очень опасно установлять такой порядокъ при которомъ самое преступленіе можетъ казаться въ обществѣ меньшимъ зломъ чѣмъ разныя общаго свойства предупредительныя мѣры и розыскъ. Ничего не можетъ быть хуже какъ безучастіе общества и отдѣльныхъ лицъ въ дѣлѣ обнаруженія преступленій; ничего не можетъ быть хуже если даже несомнѣнные виновники и осужденные будутъ встрѣчать себѣ сочувствіе въ обществѣ и слыть подъ трогательнымъ именемъ „несчастныхъ.“ Наша прежняя слѣдственная часть, нашъ старый процессъ именно и приводили къ такимъ печальнымъ результатамъ; а слѣдствіе и процессъ имѣли прежде чисто инквизиціонный характеръ.

Новыми судебными уставами полиція разыскивающая преступленія и производящая дознанія подчиняется прокурорскому надзору. Но изученіе дѣла на мѣстахъ убѣдило коммиссію что подчиненіе это въ дѣйствительности не существуетъ. Отдѣленіе, по возможности, розыскной полиціи отъ наружной и полное подчиненіе оной прокурору,—этого вполнѣ достаточно для того чтобы требуемый закономъ контроль прокурорскаго надзора надъ розыскомъ получилъ практическое значеніе, и чтобъ обвинительная власть имѣла всѣ нужныя орудія и средства для собранія уликъ и всѣхъ элементовъ обвиненія. Умножайте число служащихъ въ розыскной полиціи, гарантируйте хорошимъ содержаніемъ нравственность и усердіе ихъ, усильте также прокурорскій надзоръ, противъ всего этого никто не будетъ возражать. Но зачѣмъ идти далѣе этого? Зачѣмъ портить характеръ обвинительной власти выводя ее изъ ея естественныхъ предѣловъ? Зачѣмъ насильственно отождествлять съ ней или превращать въ нее другія силы, которыя могутъ оказать ей полезное содѣйствіе только при своей самостоятельности? Зачѣмъ превращать судебнаго слѣдователя, или слѣдственнаго судью, въ такое же орудіе розыска какъ чины сыскной полиціи? Словомъ, для чего возвращаться къ старому порядку, устраненному нашими новыми судебными уставами? По судебнымъ уставамъ, право лишенія свободы предоставлено слѣдователю. Полиція если арестуетъ въ крайнихъ случаяхъ, то обязана *въ тотъ же день* сообщить объ этомъ судебному слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія, и уже отъ слѣдователя зависитъ утвердить эту предварительную мѣру или обой-

тись безъ ней. Это право предоставлено слѣдователю потому что полицейская власть есть орудіе обвиненія, которое можетъ и даже должно быть односторонне въ своихъ заключеніяхъ; слѣдователь же, по закону, *обязанъ* приводить въ извѣстность и оправдывающія подозрѣваемаго обстоятельства дѣла. Стало-быть не обвинительная власть, а слѣдователь можетъ быть правдивымъ судьею въ столь важномъ дѣлѣ какъ напримѣръ предварительное лишеніе свободы. Подчиняя слѣдователя прокурорскому надзору, привлекая и его волею неволею на сторону обвиненія, мы устранимъ необходимый принципъ безпристрастія; слѣдователь лишится этого качества и не можетъ быть признанъ компетентнымъ въ своемъ дѣлѣ судьею. Мы не говоримъ уже о томъ что нравственное начало процесса,—предоставленіе обвиняемому всѣхъ способовъ къ оправданію, - будетъ нарушено. Слѣдователь привлеченный на сторону розыска не будетъ въ состояніи собирать факты говорящіе въ пользу подозрѣваемаго, иначе онъ впадетъ въ противорѣчіе съ обвинительною властью, которой хотятъ подчинить его. Обвиненіе получитъ несправедливый перевѣсъ надъ защитою, и неизбѣжно испортится. Если противъ этого могутъ возразить что защитѣ предоставляется широкое поле дѣйствія въ послѣднемъ актѣ слѣдствія, происходящемъ въ судѣ (слѣдствіе судебное), то на это, не говоря уже о возможности исчезновенія многихъ драгоцѣнныхъ для обвиняемаго фактовъ, достаточно будетъ замѣтить что не всякое предварительное слѣдствіе доходитъ до суда,—что предварительное слѣдствіе можетъ затянуться,—что рядомъ съ предоставленіемъ прокуратурѣ права исключительной инициативы въ слѣдствіи, предоставляется ей же право и прекращать слѣдственныя производства, и не устанавливается никакого срока на окончаніе ихъ. Изученія коммиссіи привели ее къ заключенію что нынѣшніе слѣдователи не удовлетворяютъ большею частью своему назначенію, что они мало опытны, мало самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ и т. д. Но неужели это зло устранится оттого что они будутъ *подчинены* прокурорскому надзору? Почему слѣдуетъ болѣе полагаться на прокуроровъ и ихъ товарищей нежели на членовъ окружнаго суда, изъ числа коихъ коммиссія предполагаетъ назначать въ слѣдователи? Мы не отрицаемъ недостатковъ нынѣшней корпораціи судебныхъ слѣдователей, и вполнѣ раздѣляемъ мысль что слѣдователи должны быть опытны и самостоятельны не менѣе (и даже болѣе) чѣмъ члены окружныхъ судовъ. Но что же требуется для поправленія дѣлъ? Требуется, напротивъ устроить для слѣдователя положеніе столь же самостоятельное, прочное, почетное и обезпеченное какъ и положеніе судьи; требуется чтобы должность слѣдственнаго судьи не была только переходною ступенью къ лучшему или выгоднѣйшему положенію; требуется чтобъ она была предметомъ призванія для людей серіозныхъ, свѣдущихъ и опытныхъ, а не началомъ карьеры для молодыхъ людей едва окончившихъ курсъ ученія. Признаемся, мы не совсѣмъ ясно усматриваемъ въ какой мѣрѣ удобно назначать членовъ окружнаго суда на отправленіе слѣдственной должности; но полагаемъ что должность слѣдственнаго судьи ни въ какомъ отношеніи не должна быть ниже званія членовъ окружнаго суда. Нѣтъ сомнѣнія что и члены окружныхъ судовъ будутъ походить во многомъ на нынѣшнихъ судебныхъ слѣдователей, если, подчиняясь прокуратурѣ, они будутъ лишены предоставленной имъ закономъ самостоятельности. Судебнымъ слѣдователямъ коммиссія ставитъ въ упрекъ что число арестованныхъ по подозрѣнію представляло въ 1868 году бо́льшую цифру въ сравненіи съ 1865 годомъ, до введенія судебнаго устава. Но чтобы вывести правильное заключеніе изъ этого факта необходимо знать прежнее и нынѣшнее число дѣлъ, число обвиняемыхъ по этимъ дѣламъ, оцѣнить правильность выставленныхъ за прежнее время цифръ и пр., не ограничиваясь сравненіемъ только двухъ годовъ. Не мѣшаетъ также замѣтить что въ 1865 году уже дѣйствовали судебные слѣдователи, какъ учрежденіе предварявшее судебную реформу, и что слѣдствіе тогда менѣе было подвержено вліянію прокурорскаго надзора нежели нынѣ. Любопытно было бы также знать число арестованныхъ по подозрѣнію и среднюю продолжительность ареста за время господства чисто инквизиціоннаго порядка до учрежденія судебныхъ слѣдователей и до изданія въ руководство имъ *Наказа*. Наконецъ, если нынѣшнія мѣры пресѣченія подозрѣваемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда болѣе строги, и притомъ излишне строги, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, то этому можно пособить

не колебля основныхъ началъ новаго процесса и не возвращаясь къ старымъ порядкамъ, признаннымъ вредными. Очень можетъ быть что при большей нежели нынѣ самостоятельности лицъ производящихъ слѣдствія, при болѣе полномъ огражденіи ихъ отъ постороннихъ вліяній, дѣйствія ихъ будутъ менѣе подвергаться справедливымъ нареканіямъ.

Для большей гарантіи справедливости можно установить, по примѣру другихъ законодательствъ, какъ отчасти предполагаетъ и коммиссія, чтобы столь важныя для общества мѣры какъ пресѣченіе подозрѣваемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, принимались судебнымъ слѣдователемъ не иначе какъ по предварительномъ, если обстоятельства позволяютъ, заключеніи прокурорскаго надзора; если же такая мѣра по необходимости уже принята, то о ней немедленно должно быть сообщаемо прокурорскому надзору. При отсутствіи обоюднаго согласія той и другой стороны, надлежитъ разрѣшать вопросъ въ пользу подозрѣваемаго, и затѣмъ принимать слѣдующую, болѣе мягкую по закону мѣру.

Пока производится розыскъ и дознаніе, пусть обвинительная власть прокурора господствуетъ, пусть изыскиваются только доказательства въ пользу обвиненія, и пусть всѣ эти дѣйствія, когда это нужно, покрываются тайною. Но коль скоро тайна эта уже нарушена—арестомъ лица или просто вызывомъ свидѣтелей къ допросу,—то-есть когда дознаніе вступаетъ уже въ фазу слѣдствія,—тотчасъ же должна наступить независимая и ничему кромѣ закона не подчиненная дѣятельность слѣдственнаго судьи. Для вящей гарантіи закона и общества и для устраненія произвола, необходимо предоставить обвиняемому, уже на предварительномъ слѣдствіи, имѣть защитника; обвинительная же власть, съ своей стороны, можетъ принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ продолженію розыска, и являться предъ слѣдователемъ съ новыми уликами когда сочтетъ это нужнымъ и полезнымъ въ интересахъ обвиненія. Съ этою же цѣлью необходимо чтобъ уже на предварительномъ слѣдствіи фактъ обвиненія былъ ясно и точно формулованъ. Иначе мы какъ разъ возвратимся къ тому порядку когда подвергали слѣдствію лицъ не зная въ чемъ заключается ихъ преступленіе, и когда во что бы то ни стало добивались собственнаго признанія отъ подозрѣваемыхъ. Наконецъ, необходимо установить крайній срокъ для продолженія предварительнаго слѣдствія, и вообще не предоставлять усмотрѣнію прокуратуры прекращать дѣла и замедлять ихъ ходъ (напримѣръ требованіемъ дѣла для разсмотрѣнія). Необходимость установленія срока продолжительности слѣдствій мы основываемъ на изслѣдованіяхъ самой коммиссіи. По этимъ изслѣдованіямъ оказывается что проходитъ необходимо годъ и два, пока слѣдственныя дѣла дойдутъ до судебнаго разбирательства. Въ прежнее же время, при господствѣ инквизиціоннаго порядка, слѣдственныя дѣла тянулись пять и даже десять лѣтъ. Въ подкрѣпленіе нашего предложенія можемъ сослаться что еще по закону Екатерины II, отъ 1763 года, положенъ былъ *мѣсячный срокъ* для производства уголовныхъ слѣдствій.

Повторяемъ, только при такихъ условіяхъ, т.-е. при дальнѣйшемъ развитіи въ слѣдственной части принципа положеннаго въ основу нашего процесса, были бы удовлетворены, по нашему мнѣнію, интересы правосудія и общества. Коммиссія указываетъ какъ на нѣчто странное что бо́льшая доля въ обнаруженіи преступленій принадлежитъ нынѣ частнымъ лицамъ, а не дѣятельности полиціи. Но такому явленію слѣдуетъ только радоваться; оно повторяется во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Участіе общества и отдѣльныхъ лицъ въ обнаруженіи преступленій желательно усилить, заинтересовавъ всѣхъ въ дѣлѣ общей безопасности и святости законовъ. А для этого необходимо чтобы законы были присущи духу народа и служили для водворенія въ обществѣ порядка и свободы, а не установляли такихъ правилъ которыя, въ видахъ преслѣдованія и наказанія немногихъ, налагаютъ ярмо на всѣхъ.

№ 132.

Москва, 19-го Іюня.

Сегодня печатаемъ мы Высочайше утвержденное 23-го мая мнѣніе государственнаго совѣта, разрѣшающее губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ гарантировать желѣзныя дороги мѣстнаго значенія. Припомнимъ прежде всего нѣкоторыя обстоя-

тельства сопровождавшія подготовленіе этого правительственнаго акта, безъ которыхъ самое содержаніе его можетъ показаться неяснымъ.

Вопросъ о гарантіи желѣзныхъ дорогъ земствомъ было офиціально возбужденъ, въ комитетѣ министровъ, при разрѣшеніи земской гарантіи Козловско-Тамбовской желѣзной дороги. Министру внутреннихъ дѣлъ было поручено представить соображенія о томъ въ какой мѣрѣ можетъ быть допускаема впредь земская гарантія рельсовыхъ путей. Министерство взяло этотъ вопросъ широко: оно вообще отвергло право земства на участіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ, а въ томъ числѣ и въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. За земствомъ признавалась обязанность отправленія повинностей, а затѣмъ лишь право попеченія и ходатайства о предметахъ выходящихъ за кругъ указанный повинностями, но отнюдь не какого-либо другаго участія въ подобныхъ дѣлахъ коль скоро они принимаютъ промышленный характеръ. По свѣдѣніямъ петербургскихъ газетъ, въ министерствѣ опасались какъ бы черезъ участіе земства въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ частная собственность не превратилась въ *общинную*. Такимъ образомъ, по проекту министерства, насколько онъ извѣстенъ изъ газетъ, земству предоставлялось устройство лишь такихъ путей сообщенія которые составляютъ земскую повинность. Вслѣдствіе возраженій министра финансовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ разрѣшеніе земству гарантировать мѣстныя желѣзныя дороги, а общій вопросъ объ участіи земства въ промышленныхъ предпріятіяхъ рѣшается теперь первымъ пунктомъ помянутаго указа 23-го мая.

Рѣшеніе состоялось въ духѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Положеніе разрѣшаетъ земствамъ въ извѣстныхъ случаяхъ участіе предпріятіяхъ, которыя, если угодно, могутъ быть названы промышленными. Такъ Положеніемъ прямо дозволяется „устройство и содержаніе" путей сообщеній, зданій, сооруженій; само правительство предлагало Московскому земству взяться за содержаніе шоссе и разрѣшало земству постройку шоссейныхъ дорогъ, отнюдь не составляющихъ повинности. Извѣстно также что въ министерствѣ финансовъ уже составленъ проектъ Положенія о банкахъ губернскихъ земствъ. Земства устраиваютъ также сельскую почту, лѣчебницы и пр. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ предоставляетъ земству „попеченіе" о постройкѣ церквей, о тюрьмахъ и пр., но никто никогда не понималъ что „попеченіе" означаетъ только право ходатайства. Точно также на практикѣ не возникало предположеній о томъ чтобы земство могло заниматься всякою отраслью промышленности, напримѣръ скупкою хлѣба для барышей. Общій вопросъ объ участіи земства въ промышленныхъ предпріятіяхъ вообще не имѣетъ серіознаго значенія для практики, и вѣроятно поэтому оставленъ въ сторонѣ указомъ 23-го мая, который положилъ попрежнему ограничиваться разрѣшеніями для каждаго случая отдѣльно.

Новый законъ разрѣшаетъ земству помогать постройкѣ желѣзныхъ дорогъ гарантіею дохода, но ничего не говоритъ о тѣхъ случаяхъ когда для этой помощи требуется не гарантія, а субсидія. Послѣдняя форма содѣйствія часто бываетъ болѣе выгодною, а для сдѣлокъ съ построенными дорогами нерѣдко единственно возможною. До сихъ поръ на практикѣ эти субсидіи допускались. Такъ Бронницкая земская управа отпустила обществу Московско-Рязанской желѣзной дороги 5.000 р. за устройство промежуточной станціи. Трудно думать чтобъ обязательства на подобныя сдѣлки были впредь признаваемы незаконными. Новый законъ, очевидно, имѣетъ цѣлію лишь оградить земство отъ излишествъ, ибо, какъ показалъ опытъ, земскія собранія могутъ иногда увлекаться вліяніемъ своекорыстныхъ мѣстныхъ группъ. Законъ требуетъ лишь чтобы обязательства земствъ не превышали 30% губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ, чтобы прямая гарантія дохода допускалась только для дорогъ мѣстнаго значенія; но законъ вовсе не запрещаетъ другаго рода обязательствъ, напримѣръ, не прямой или не полной гарантіи принятой на себя городомъ Александровомъ и состоящей въ обязанности доставлять дорогѣ не менѣе извѣстнаго количества грузовъ. Подобная сдѣлка, когда она не соединена съ опредѣленіемъ тарифа, не есть полная гарантія дохода.

Кромѣ опредѣленія высшей цифры обязательствъ, новый законъ обезпечиваетъ земство противъ различныхъ интригъ которыя такъ легко затѣваются и ведутся

крупными предпринимателями и ихъ мѣстными помощниками. Извѣстно что они нерѣдко подстраиваютъ фальшивыя заявленія о мѣстныхъ потребностяхъ и вводятъ администрацію и публику въ заблужденіе о значеніи покровительствуемыхъ ими проектовъ дороги. Ради правильности заявленій мѣстныхъ нуждъ требуется чтобы проектамъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ давалась гласность: чтобы доклады, предположенія и журналы земскаго собранія, касающіеся дороги, печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ и разсылались въ отдѣльныхъ оттискахъ гласнымъ; чтобы предположенія эти не раньше трехъ мѣсяцевъ послѣ разсылки подвергались разсмотрѣнію новаго земскаго собранія. Законъ, очевидно, имѣетъ при этомъ въ виду дать возможность высказаться по дѣлу сколь можно большему числу мѣстныхъ людей, которые могутъ быть лучшими судьями какая именно дорога нужна для мѣстности, какой размѣръ расходовъ на нее можетъ быть сочтенъ раціональнымъ, какой размѣръ тарифовъ можетъ быть допущенъ. Это вопросы чисто мѣстные, и рѣшеніе ихъ совсѣмъ не сподручно центральнымъ канцеляріямъ. Объявленіе проекта во всеобщую извѣстность отчасти напоминаетъ французскія изслѣдованія (enquête), но послѣднія имѣютъ то великое преимущество предъ нашимъ порядкомъ, что всѣ документы дѣла, а въ томъ числѣ техническіе и финансовые, открываются для публики, и что всякій мѣстный житель можетъ вписывать въ особую книгу свои заявленія по поводу проекта. При постройкѣ мѣстной дороги часто соперничаютъ нѣсколько направленій или нѣсколько предпринимателей; взаимный просмотръ документовъ этими лицами и ихъ техниками можетъ иногда дать весьма дорогія указанія. У насъ же будутъ печататься только предположенія, доклады и журналы, а не всѣ документы, изъ коихъ иные (напримѣръ чертежи) и неудобны къ опубликованію въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Поэтому открытіе для публики всѣхъ документовъ въ управѣ или у губернатора было бы весьма полезно. Земствамъ придется изо всѣхъ силъ заботиться чтобы не принять лишняго обязательства и понизить стоимость постройки. Никакая заботливость въ этомъ направленіи не будетъ лишнею.

Въ тридцати губерніяхъ гдѣ земскія учрежденія дѣйствуютъ болѣе года, земскія повинности, губернскія и уѣздныя, доходятъ до 14.569.567 руб. Тридцать процентовъ съ этой суммы составятъ 4.370.850 рублей. Вотъ на какую сумму можетъ обязаться земство всѣхъ этихъ губерній. Если считать что среднимъ числомъ верста мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ съ подвижнымъ составомъ обойдется въ 25.000 р. (что очень дорого), то земство можетъ гарантировать до 3.500 верстъ или около 116 верстъ на губернію среднимъ числомъ. При поверстной стоимости нѣсколько меньше 20.000 р. съ версты можно построить на земскую гарантію до четырехъ тысячъ верстъ или до ста пятидесяти верстъ на губернію кругомъ. Московская губернія при теперешнихъ размѣрахъ земскихъ сборовъ можетъ построить около 220 верстъ (по цѣнѣ въ двадцать пять тысячъ рублей верста), Вятская свыше 180 верстъ, Рязанская свыше 130 верстъ, Пензенская 77 верстъ и пр.

Впрочемъ, подобныя цифры врядъ ли осуществятся. Гарантія всей губерніи, по новому закону, можетъ быть дана только съ согласія всѣхъ уѣздныхъ земствъ, а это, какъ показалъ уже опытъ, дѣло слишкомъ трудное. Мѣстныя дороги нѣсколько значительнаго протяженія, вѣроятно, будутъ строиться у насъ преимущественно по соглашенію двухъ или нѣсколькихъ уѣздовъ. Въ большинствѣ уѣздовъ земскіе сборы взимаются въ количествѣ отъ 30 т. р. до 60 т. р., а это даетъ право на гарантію отъ 7 до 14 верстъ, стоящихъ по 25 т. р. съ версты.

Новый законъ о мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ не принадлежитъ къ числу органическихъ мѣръ, обнимающихъ всѣ потребности дѣла и способствующихъ его дальнѣйшему развитію. Эта мѣра частная, касающаяся лишь одного уголка дѣла. Въ сущности это просто разрѣшеніе недоумѣнія возникшаго вовсе не изъ потребностей мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣсколько частныхъ случаевъ разрѣшенія значительной земской гарантіи по главнымъ линіямъ были ближайшимъ поводомъ къ настоящему закону, который не даетъ рѣшенія для самыхъ простыхъ вопросовъ по отношеніямъ земства къ желѣзно-дорожнымъ линіямъ общегосударственнаго, а не мѣстнаго значенія.

Впрочемъ и существенныя стороны дѣла мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ не тронуты новымъ закономъ. Чтобы дѣло по-

шло, необходимо требуется что въ теперешнихъ обязательныхъ техническихъ условіяхъ постройки рельсовыхъ путей были сдѣланы измѣненія въ виду дорогъ мѣстнаго значенія. Эти условія должны быть облегчены и упрощены въ огромной мѣрѣ. Относиться къ мѣстнымъ желѣзнымъ дорогамъ съ тѣми же или со сходными требованіями, какъ и къ главнымъ линіямъ, почти все равно что требовать почтовыхъ каретъ вмѣсто деревенскихъ телѣгъ или постройки дворцовъ для помѣщенія волостныхъ правленій. Новый законъ не опредѣляетъ однако облегченія техническихъ условій постройки. Ничего не говоритъ онъ также объ обязательныхъ для желѣзно-дорожныхъ компаній правилахъ по эксплуатаціи, объ опредѣленіи нормъ тарифа и пр. Вся судьба мѣстныхъ дорогъ остается по прежнему въ рукахъ администраціи. Въ дѣлѣ которое не можетъ развиться безъ предоставленія свободы мѣстнымъ интересамъ, бюрократическая администрація остается по прежнему всѣмъ во всемъ. Она можетъ, напримѣръ, заставить построить всѣ мѣстныя дороги узкоколейными или по иному типу, или ввести несоотвѣтственную скорость движенія и пр.

Даже во Франціи, вопреки всѣмъ привычкамъ централизаціи, въ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ предоставлена мѣстнымъ интересамъ извѣстная доля свободы дѣйствій. Этотъ принципъ положенъ въ основу закона 12-го іюля 1865 года о рельсовыхъ путяхъ мѣстнаго значенія. Генеральнымъ совѣтамъ предоставлено опредѣлять направленіе, способъ и техническія условія постройки мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также договоры и условія по эксплуатаціи ихъ. Законъ прямо оговариваетъ для мѣстныхъ дорогъ особыя облегченія не только во всемъ что касается постройки оныхъ, но и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, напримѣръ, позволяется иногда не дѣлать оградъ вдоль дороги, не устраивать заставъ при пересѣченіи съ малопроѣзжими проселками. Правда, генеральнымъ совѣтамъ не дано полной самостоятельности въ дѣлѣ: окончательный проектъ дороги, то-есть собственно подробности дѣла утверждаются префектомъ по совѣщаніи съ инженеромъ путей сообщенія. Префектъ же утверждаетъ тарифы и имѣетъ надзоръ за правильностью эксплуатаціи дороги 1) и 2). Естественно однако что вліяніе мѣстнаго земскаго учрежденія, каковъ генеральный совѣтъ, на префекта всегда будетъ сильнѣе чѣмъ на столичныя инстанціи. Утвержденіе проектовъ на мѣстѣ сокращаетъ издержки сопряженныя съ хлопотами въ столицѣ и ускоряетъ ходъ дѣла.

Роль центральныхъ учрежденій въ дѣлѣ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ ограничивается во Франціи признаніемъ общественной пользы предпріятія, предоставленіемъ ему права на отчужденіе земель и пр. Центральная администрація можетъ такимъ образомъ остановить постройку желѣзной дороги направленной къ явному подрыву параллельной гарантированной линіи. И нашъ законъ дозволяетъ земству гарантировать только такія дороги, сооруженіе коихъ будетъ правительствомъ признано полезнымъ. Земства Московской, Тульской и частью Орловской губерніи легко могли бы осуществить по участкамъ среднюю линію между Московско-Рязанскою и Московско-Курскою, и конечно не остались бы въ накладѣ. Но правительство можетъ не допустить постройки причиняющей явный ущербъ дорогамъ которыя находятся въ его рукахъ или съ которыми связаны интересы казны субсидіями (на второй путь), гарантіями и проч.

Извѣстно что всякая желѣзная дорога приноситъ казнѣ значительное сокращеніе издержекъ по передвиженіямъ войскъ, по содержанію почты. Косвенная выгода казны состоитъ и въ томъ что всякая желѣзная дорога сокращаетъ мѣстныя повинности, подводную, дорожную, почтовую и пр. Поэтому правительство безъ всякаго ущерба для себя можетъ оказывать пособіе при устройствѣ рельсовыхъ путей. Французскій законъ 12-го іюля 1865 года назначилъ 1.500.000 руб. ежегодно на субсидіи мѣстнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Размѣръ правительственной субсидіи опредѣляется размѣрами пособій оказываемыхъ мѣстной дорогѣ департаментами, общинами и заинтересованными лицами. Впрочемъ, бѣдные департаменты имѣютъ преимущество. Въ департаментахъ гдѣ дополнительный процентъ (сантимъ) къ четыремъ главнымъ прямымъ налогамъ доходитъ лишь до 20.000 фр. субсидія правительства можетъ простираться до половины пожертвованій мѣстности; но вообще эта субсидія равняется трети мѣстныхъ затратъ. Для богатыхъ департаментовъ (гдѣ дополнительный % даетъ болѣе 40.000 фр.) пра-

вительственная субсидія понижается до четверти мѣстныхъ пожертвованій.

Къ 1-му іюля прошлаго года 20 французскихъ департаментовъ приступили уже къ постройкѣ 1.264 километровъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, и кончили постройку 87 кил. Правительство дало притомъ субсидій на 25.600.000 фр. или 18.934 фр. на километръ (почти верста).

Французское правительство находится, впрочемъ, въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ для выдачи субсидій мѣстнымъ дорогамъ чѣмъ какія мы видимъ у себя. Во Франціи сѣть болѣе значительныхъ линій почти кончена. Не то у насъ. Намъ приходится отрывать для боковыхъ вѣтвей средства нужныя на постройки большихъ линій, что было бы весьма неразсудительно. Поэтому у насъ субсидіи должны быть гораздо меньше; онѣ не должны превышать прямыхъ сбереженій по почтѣ, движенію войскъ и пр. Къ счастію, у насъ не настоитъ и надобности вести дѣло мѣстныхъ дорогъ насчетъ главныхъ линій. Въ Россіи желѣзныя дороги могутъ строиться насчетъ дорогъ еще меньшаго значенія, а именно насчетъ шоссе изъ коихъ многія совершенно потеряли значеніе дорогъ государственныхъ, и мѣстами не имѣютъ даже значительной губернской важности. Намъ уже не разъ доводилось замѣчать что силу обстоятельствъ слѣдуетъ признать, и что теперь всего удобнѣе передать шоссейныя дороги земству, какъ пути сообщенія губернскаго и уѣзднаго значенія. Земство найдетъ вѣроятно возможнымъ значительно удешевить содержаніе шоссе, а освободившіяся части расходовъ всего ближе обратить бы на помощь мѣстнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Недалѣе какъ въ 1867 году, на содержаніе шоссе тратилось свыше 5 милл. рублей, да и въ текущемъ году назначено около трехъ съ половиной милліоновъ. Шоссейнаго же сбора предвидится 272.000 рублей, если скинуть содержаніе заставныхъ домовъ. Если земства сдѣлаютъ экономію на треть стоимости содержанія шоссе, то на мѣстныя дороги получится больше одного милліона рублей, т.-е. такая сумма которую не скоро дадутъ земскія гарантіи.

Часть мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ можетъ быть предварительно построена въ видѣ такого шоссе, которое потомъ легко передѣлать на рельсовый путь. Подобныя шоссе было бы весьма полезно провести для соединенія со станціями желѣзныхъ дорогъ, городовъ и мѣстечекъ мимо коихъ рельсовый путь прошелъ бы въ немногихъ верстахъ. Но подобныя шоссе суть мѣстное дѣло, которое центральная администрація не можетъ повести съ успѣхомъ.

Вообще проведеніе желѣзныхъ дорогъ во многомъ измѣнило значеніе прежней сѣти губернскихъ и уѣздныхъ путей: проложены новыя дороги къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, многія старыя дороги запустѣли. Между тѣмъ не рѣдко бойкая дорога къ станціи рельсоваго пути считается все еще въ проселкахъ, а на счетъ земскихъ повинностей исправляются бывшіе торговые и военные тракты потерявшіе всякое значеніе. Очевидно что теперь необходимъ полный пересмотръ сѣтей всѣхъ нашихъ грунтовыхъ дорогъ: шоссейныхъ, почтовыхъ, торговыхъ, военныхъ и пр.

На дняхъ мы прочли въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщенія о работахъ коммиссіи по проселочнымъ дорогамъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ слѣдовало ожидать что занятія коммиссіи приведутъ ее къ пересмотру дорожнаго устава. Пересмотръ требуется не только вслѣдствіе измѣнившагося значенія всѣхъ прежнихъ дорогъ, но и для опредѣленія отношенія земства къ администраціи по дѣламъ дорожной повинности. Извѣстно что теперь администрація не знаетъ чѣмъ руководиться въ своихъ требованіяхъ, а земства кое-гдѣ запускаютъ дорожное дѣло. По примѣру другихъ странъ, у насъ необходимо точное опредѣленіе обязанностей земствъ. Это было бы выгодно и для земства. Пусть даже не одна администрація, но и частныя лица будутъ имѣть право требовать отъ земства исполненія его обязанностей; въ остальныхъ частяхъ дѣла земство почувствуетъ себя живымъ и самостоятельнымъ.

Къ сожалѣнію, коммиссія о проселочныхъ дорогахъ ограничилась почти однимъ вопросомъ,—о томъ на чьей обязанности лежитъ содержаніе проселочныхъ дорогъ, и въ какой мѣрѣ должны участвовать въ немъ удѣлъ и казна. Нѣкоторыя земства поняли что имъ предоставлено завѣдываніе лишь дорогами содержимыми на земскія повинности, и что по этому проселочныя дороги, исправляемыя по закону на счетъ владѣльцевъ земель по которымъ онѣ проходятъ, не должны быть предметомъ заботъ земства. Это недоразумѣніе

возникло изъ неясности нѣкоторыхъ статей закона, и было чуть ли не главнымъ поводомъ къ образованію коммиссіи. Другія же земства взяли въ свое вѣдѣніе и проселочныя дороги. Коммиссія полагаетъ что содержаніе проселочныхъ дорогъ должно быть возложено на всѣхъ обывателей окрестности, заинтересованныхъ въ исправности проселка. Проектъ коммиссіи, къ которому мы не замедлимъ вернуться еще разъ, предполагается разослать на просмотръ земскихъ собраній и вѣроятно послѣднія не преминутъ заявить что потребности дѣла требуютъ общаго пересмотра законоположеній о дорогахъ. Изданіе отдѣльныхъ узаконеній о мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ, о шоссе, о проселкахъ, о разныхъ трактахъ даетъ лишь отрывочныя и несогласованныя между собою мѣры.

№ 133.

Москва, 20-го Іюня.

Въ основаніе предполагаемаго у насъ преобразованія тюремной системы положено вѣрное начало: отдѣленіе арестантовъ присужденныхъ къ тюремному заключенію отъ лицъ арестованныхъ лишь для пресѣченія имъ возможности уклониться отъ слѣдствія и суда. Эти двѣ категоріи арестантовъ, дѣйствительно, никакъ не могутъ быть подводимы подъ одинъ уголъ зрѣнія. И мѣста заключенія для нихъ, и способы ихъ содержанія естественно должны быть различны. Существующее у насъ смѣшеніе этихъ несовмѣстимыхъ категорій не можетъ быть терпимо, и первымъ шагомъ къ улучшенію въ нашемъ тюремномъ дѣлѣ, само собою разумѣется, должно быть прекращеніе этого смѣшенія и того безнравственнаго воззрѣнія, которое приравнивало къ преступникамъ людей арестованныхъ лишь по подозрѣнію. Министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ сдѣлать этотъ первый шагъ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить на первомъ же шагѣ возникаетъ весьма существенное недоразумѣніе. Выработанъ проектъ устройства исправительныхъ тюремъ для лицъ присужденныхъ къ тюремному заключенію, и на осуществленіе его предполагается употребить имѣющіяся въ наличности денежныя средства, а дѣло улучшенія мѣстъ заключенія подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ отложено въ долгій ящикъ. Предполагается начать дѣло преобразованія тюремъ не съ начала, а съ конца. Проектируются тюрьмы образцовыя, основанныя на началахъ пенитенціарной системы, между тѣмъ какъ повсемѣстно чувствуется у насъ крайній недостатокъ даже во сколько-нибудь сносныхъ мѣстахъ заключенія.

Мы позволимъ себѣ остановиться на помянутомъ проектѣ исправительныхъ тюремъ, и провести параллель между проектируемою обстановкой быта людей присужденныхъ къ наказанію и тѣмъ положеніемъ въ какомъ будетъ попрежнему, и еще весьма долгое время, оставаться несравненно болѣе громадная масса лицъ подвергаемыхъ заключенію, не потому чтобъ они были признаны заслуживающими оное, а единственно для того чтобъ облегчить слѣдственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ исполненіе ихъ обязанностей.

Начнемъ съ матеріальной обстановки. Въ дѣлѣ приспособленія зданій для проектируемыхъ тюремъ предполагается принять за правило чтобы всякая исправительная тюрьма, кромѣ арестантскихъ камеръ на комплектное число арестантовъ и надлежащаго количества карцеровъ для провинившихся, имѣла *непремѣнно* слѣдующія принадлежности: церковь, мастерскія, учебныя комнаты, столовыя, больницу, примѣрно на 8% арестантскаго комплекта, пріемную для поступающихъ арестантовъ, особую комнату для свиданія арестантовъ съ посѣтителями, квартиры для всѣхъ служащихъ, цейхаузъ, кухню и пекарню, баню, прачешную, покой для умершихъ, отхожія мѣста и особыя помѣщенія для хозяйственнаго правленія и для канцеляріи. Все это предполагается устроить со всевозможными удобствами. Столовыя должны быть рядомъ съ кухней. Спальныя комнаты предполагается устраивать такъ чтобы каждый арестантъ помѣщался въ особой кельѣ, снабженной кроватью и отдѣленной отъ другихъ перегородками; мастерскія и классныя комнаты должны быть снабжены соотвѣтственною мебелью и всѣми необходимыми принадлежностями. При больницѣ полагается аптека и цѣлый медицинскій штатъ, состоящій изъ „врача и другихъ медицинскихъ чиновъ,“ а при женскихъ тюрьмахъ, которыя предположено устраивать совершенно отдѣльно отъ мужскихъ, кромѣ того должна быть и акушерка.

Какой контрастъ съ тюрьмами для под-

слѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ! Между тѣмъ какъ для преступниковъ полагается просторъ, чистота, относительный комфортъ, — остроги служащіе слѣдственными тюрьмами, по заявленію *Правительственнаго Вѣстника*, „грязны, дурны и тѣсны,“ каковыми и предстоитъ имъ еще время долгое оставаться. Тамъ и столовыя, и классныя, и мастерскія, и пріемныя, и особая для каждаго спальня съ кроватью; здѣсь — „общія нары, тѣснота, нечистота.“ Въ исправительныхъ тюрьмахъ для преступниковъ, каждый арестантъ имѣетъ постель, которой можетъ лишаться на нѣнѣсколько дней лишь за нарушеніе тюремныхъ порядковъ, а во многихъ острогахъ для подслѣдственныхъ арестантовъ постелей вовсе не полагается. Въ довершеніе всего, въ острожныхъ камерахъ господствуетъ „зловоніе,“ доходящее до того что въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, напримѣръ въ Аккерманской, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, случаются ночныя драки за право подышать нѣсколько минутъ чистымъ воздухомъ у окна. Въ исправительныхъ же тюрьмахъ даже отхожія мѣста предполагается снабдить „всѣми средствами постоянной вентиляціи.“

Противъ устроенія просторныхъ, чистыхъ и удобныхъ тюремъ для преступниковъ, безъ сомнѣнія, нельзя ничего сказать въ принципѣ. Это дѣло хорошее. Но нельзя одобрить такого хода дѣлъ при которомъ людямъ не уличеннымъ ни въ какихъ преступленіяхъ, и тѣмъ не менѣе томящимся въ невыносимой обстановкѣ остроговъ, приходилось бы завидовать людямъ уличеннымъ въ преступленіяхъ, и какъ бы въ награду за то переводимымъ въ благоустроенныя заведенія, гдѣ они перестанутъ терпѣть тѣ бѣдствія и лишенія какимъ подвергались когда еще не были осуждены закономъ.

Но это не все. Контрастъ нравственныхъ условій быта въ острогахъ и проектируемыхъ исправительныхъ тюрьмахъ еще разительнѣе контраста въ условіяхъ гигіеническихъ и вообще матеріальныхъ. Изъ свѣдѣній о тюрьмахъ, представленныхъ губернаторами въ министерство внутреннихъ дѣлъ, видно что даже въ относительно хорошихъ тюремныхъ замкахъ арестанты содержатся всѣ вмѣстѣ въ нѣсколькихъ камерахъ, съ раздѣленіемъ только по полу и не всегда по возрасту. При этомъ многіе, благодаря медленности слѣдствій, сидятъ въ острогѣ по нѣскольку лѣтъ, въ полной праздности, имѣя надсмотрщикомъ выбраннаго изъ нихъ же самихъ старосту, и проводя время въ бесѣдахъ другъ съ другомъ, которыя объемлютъ полный курсъ наукъ всяческаго разврата. Ничего подобнаго не можетъ быть въ предположенныхъ исправительныхъ тюрьмахъ. На ночь арестанты въ нихъ раздѣляются по одиночнымъ кельямъ. Днемъ они собираются группами по мастерскимъ гдѣ сперва обучаются ремесламъ, а обучившись, работаютъ не безъ выгоды для себя, такъ какъ часть заработка назначается въ ихъ пользу. Обязательнаго молчанія, которое во многихъ заграничныхъ тюрьмахъ устроенныхъ по подобной системѣ есть собственно карательная, наиболѣе тяжкая, а вмѣстѣ и наиболѣе исправительная сторона тюремнаго заключенія, не предписывается; требуется лишь чтобы разговоры касались не постороннихъ предметовъ, а ремеслъ коимъ обучаются и коими занимаются арестанты. Занятія мастерствами разнообразятся занятіями учебными. При тюрьмѣ, какъ сказано, должна находиться учебная комната, гдѣ полагающійся по проектируемому тюремному штату учитель будетъ обучать арестантовъ не только грамотѣ, но и другимъ предметамъ, по особой программѣ. Предполагается даже нѣчто въ родѣ ланкастерской системы взаимнаго обученія между арестантами, по крайней мѣрѣ въ объяснительной запискѣ къ проекту объ исправительныхъ тюрьмахъ, напечатанной въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, сказано что тѣмъ изъ арестантовъ которые, „кромѣ хорошей нравственности, „будутъ способствовать распространенію „въ тюрьмѣ какого-либо ремесла или гра„моты, и окажутъ вліяніе на товарищей, „побуждая ихъ къ исправленію, срокъ со„держанія слѣдовало бы сокращать на одну „треть.“ Наконецъ, по праздникамъ, арестантамъ предстоитъ чтеніе, и притомъ не однихъ духовно-нравственныхъ книгъ, допускаемыхъ въ острогахъ, а разнообразнаго содержанія, по выбору просвѣщеннаго тюремнаго начальства.

Въ общемъ выводѣ, проектируемыя тюремныя учрежденія, сравнительно съ острогами, являются какъ бы благоустроенными пансіонами для обученія разнымъ ремесламъ и наукамъ, и не сущею ли благодатью будетъ для многихъ подсудимыхъ перейти туда изъ смрадной и развратной атмосферы острога?

Управленіе исправительными тюрьмами также предполагается устроить несравненно лучше существующаго. Личный составъ управленій тюремными замками признанъ неудовлетворительнымъ; въ составъ тюремныхъ начальствъ исправительныхъ тюремъ предполагается дѣлать нарочито старательный выборъ лицъ достойныхъ. Обращеніе съ арестантами предполагается самое гуманное; правда, при нарушеніи ими тюремной дисциплины, они могутъ быть подвергнуты смотрителемъ тюрьмы тѣлесному наказанію, но не въ размѣрѣ пятидесяти ударовъ, какъ принято въ нашей военно-морской исправительной тюрьмѣ, а только до 20 ударовъ, „собственно по тому уваженію что въ настоящее время „право тѣлеснаго наказанія, безъ формальнаго суда, осталось въ гражданскомъ „вѣдомствѣ лишь за мировыми посредниками, которымъ статьею 32 Общаго Положенія 19-го февраля 1861 года, предоставлено приговаривать виновныхъ къ „наказанію розгами не свыше двадцати „ударовъ.“ Кромѣ тѣлеснаго наказанія, смотритель тюрьмы можетъ приговаривать арестанта къ заключенію въ кандалы, впрочемъ лишь на нѣсколько дней; но можетъ ли и послѣднее наказаніе показаться негуманнымъ по отношенію къ преступникамъ, когда въ нѣкоторыхъ тюремныхъ замкахъ держатъ въ цѣпяхъ даже людей не осужденныхъ закономъ, а только состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, и быть-можетъ ни въ чемъ невиновныхъ?

Въ заключеніе, укажемъ еще на одну сторону проекта исправительныхъ тюремъ. Смотрителю тюрьмы предполагается предоставить относительно подвѣдомыхъ ему арестантовъ „право мироваго судьи“, причемъ онъ, за разные совершаемые арестантами проступки, будетъ подвергать ихъ взысканіямъ, „согласно Уставу о на„казаніяхъ налагаемыхъ мировыми судья„ми“; при этомъ арестантъ недовольный рѣшеніемъ будетъ „приносить жалобу на „начальника тюрьмы мѣстному мировому „съѣзду, на общемъ основаніи“, и если мировой съѣздъ оправдаетъ арестанта, онъ, во избѣжаніе столкновеній съ начальникомъ тюрьмы, будетъ переводимъ, для окончанія срока заключенія, въ другую исправительную тюрьму.

Не будемъ останавливаться на прискорбномъ чувствѣ возбуждаемомъ тѣми мѣстами проекта, которыя приравниваютъ преступниковъ къ честнымъ людямъ, крестьянамъ, подлежащимъ суду мировыхъ посредниковъ, и ко всѣмъ вообще лицамъ подсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. Спросимъ только, могутъ ли простираться далѣе *филантропическія* тенденціи по отношенію къ преступникамъ, когда мѣста заключенія для другихъ категорій арестантовъ находятся въ самомъ безотрадномъ положеніи, и когда имъ не удѣляется и сотой доли подобной заботливости? Составители проекта выставляютъ себя въ объяснительной запискѣ людьми несклонными къ филантропическимъ увлеченіямъ. „Выраженіе сожалѣнія къ лич„ности преступника какими бы то ни было „органами общества,“ говорится въ запискѣ, „не умѣстно,“ и „разъ что арестантъ „осужденъ, соболѣзнованія никакого бо„лѣе не можетъ и не должно быть.“ На повѣрку выходитъ, однако, что разъ арестантъ осужденъ, тутъ-то и настаетъ, по проекту, пора утонченнаго съ ними обращенія, въ которомъ почти вовсе исчезаетъ карательный смыслъ тюремнаго заключенія, — тутъ-то онъ и освобождается отъ дѣйствія той безчеловѣчной тюремной системы которая оставляется безъ измѣненія для лицъ еще только находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, часто не запятнавшихъ себя никакимъ преступнымъ дѣяніемъ и заподозрѣнныхъ и оторванныхъ отъ семействъ, коимъ служили опорой, иногда лишь по ошибкѣ слѣдователя.

Рядомъ съ вышеприведеннымъ строгимъ осужденіемъ неумѣстнаго соболѣзнованія къ осужденнымъ преступникамъ, въ той же напечатанной въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* объяснительной запискѣ къ проекту исправительныхъ тюремъ, мы прочли весьма неловко выраженное мнѣніе что „выраженіе соболѣзнованія“ къ подсудимымъ и подслѣдственнымъ арестантамъ „мо„жетъ быть еще терпимо.“ Только терпимо! Нѣтъ соболѣзнованіе къ такимъ арестантамъ должно быть не терпимо только, а обязательно. Филантропія по отношенію къ преступникамъ есть дѣло почтенное, но пока она у насъ еще роскошь, которою мы и не умѣемъ еще распорядиться какъ слѣдуетъ; но улучшеніе содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ, то-есть улучшеніе главной массы тюремъ, есть крайняя необходимость, есть исполненіе священнаго долга. Можно ли думать о рекомендуемыхъ проектахъ комфортабельныхъ

тюремъ, когда напримѣръ въ Кишиневскомъ тюремномъ замкѣ, по офиціальнымъ даннымъ, въ виду слишкомъ дурнаго состоянія тюремныхъ зданій, подслѣдственные арестанты, даже больные, часто лежать въ цѣпяхъ, во избѣжаніе побѣговъ? *)

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* заявлено, какъ мы уже упоминали, что министерство внутреннихъ дѣлъ отказывало въ послѣдніе годы въ суммахъ необходимыхъ на капитальное исправленіе остроговъ для слѣдственныхъ арестантовъ, несмотря на крайне ветхое и даже не безопасное ихъ состояніе, въ виду предстоящаго преобразованія тюремъ. Хорошо ли чтобы суммы, отклоненныя такимъ образомъ отъ удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ, пошли на предметъ роскоши, — на устроеніе нѣсколькихъ хвастливыхъ тюремъ?

№ 134.

Москва, 22-го іюня.

Привлеченіе всѣхъ сословій къ отбыванію государственныхъ повинностей, о чемъ такъ много приходилось намъ говорить за послѣднее время, въ нѣкоторой мѣрѣ перешло уже въ дѣйствительность. Въ офиціальной части сегодняшняго нумерѣ нашей газеты читатели найдутъ Высочайше утвержденное 1-го іюня мнѣніе государственнаго совѣта объ обращеніи части государственнаго земскаго сбора въ трехлѣтіе съ 1872 года на удобныя земли.

Первымъ шагомъ правительства, въ смыслѣ облегченія податныхъ людей и привлеченія всѣхъ сословій къ государственнымъ податямъ, была замѣна подушной подати съ мѣщанъ налогомъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Къ сожалѣнію, эта важная мѣра не отличалась послѣдовательностью; она не коснулась государственнаго земскаго сбора, который по сю пору остается поголовною податью для мѣщанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поддерживаетъ относительно мѣщанскаго сословія всѣ тѣ стѣсненія и неудобства къ которымъ ведетъ круговая порука, паспортная система и вообще приписка къ обществамъ. Теперь наше законодательство дѣлаетъ второй шагъ въ томъ же направленія къ облегченію податныхъ сословій. Недавно мы опубликовали правительственное распоряженіе о томъ чтобы въ губерніяхъ гдѣ еще не дѣйствуютъ земскія учрежденія было приведено въ точную извѣстность количество земли принадлежащей всякаго рода владѣльцамъ: въ имѣющихъ земскія учрежденія губерніяхъ счетъ и распредѣленіе земель болѣе или менѣе приведены въ ясность. Въ томъ распоряженіи упоминалось что предписанная мѣра принимается въ виду предстоящаго составленія смѣтъ государственнаго земскаго сбора на слѣдующее трехлѣтіе. Новымъ же указомъ постановляется что четвертая часть общей смѣтной суммы государственнаго земскаго сбора должна быть обращена, въ это трехлѣтіе, на всѣ удобныя земли, „подлежащія обложенію „на мѣстныя земскія повинности“, то-есть на земли частныхъ владѣльцевъ, казны, удѣла и пр.

Размѣры государственныхъ земскихъ повинностей не опредѣляются въ Сводѣ Законовъ. Эти повинности исчисляются по трехлѣтіямъ сообразно потребностямъ которыя должны быть удовлетворены изъ нихъ. Государственный земскій сборъ возрастаетъ у насъ весьма быстро. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ составлялъ $13^{1}/_{2}$ милл. рублей; въ 1860 году онъ возвышенъ на 3.964.000 руб., въ 1865 году онъ поднятъ еще на 4.690.000 руб. Теперь, за передачею губернскимъ земствамъ части дѣлъ по коимъ расходы покрывались изъ него, онъ составляетъ по смѣтѣ на послѣднее трехлѣтіе (1869—1871 гг.) 19.958.954 рублей.

По новому указу, четверть сбора, что выходитъ всего 4.989.738 рублей подлежитъ разложенію на земли всѣхъ сословій.

Государственный земскій сборъ падалъ до сихъ поръ почти исключительно на податныхъ и лишь самою незначительною частью на свидѣтельства о правѣ торговли. Податныя сословія, по послѣдней смѣтѣ, вносятъ 19.247.143 р.; сборъ съ торговыхъ пошлинъ даетъ только 711.811 рублей.

Велико ли будетъ облегченіе податныхъ сословій вслѣдствіе только что распубликованнаго указа? На нихъ по прежнему останется 14.257.050 руб. (если смѣта сбора не будетъ увеличена) подушнаго оклада государственнаго земскаго сбора, или $57,_{7}$ к. с. съ души. Это будетъ

*) См. *Проектъ Преобразованія Тюремъ* А. Пасеска, 1867. Стр. 42.

размѣръ сбора для мѣщанъ. Крестьяне, кромѣ того, будутъ платить государственный налогъ на земли, что требуетъ по крайней мѣрѣ 10 к. съ души. Итакъ, облегченіе состоитъ въ платѣ 57 и 67 к. вмѣсто 80 к. теперешняго средняго душевняго оклада сбора.

Точнѣе можемъ мы опредѣлить результаты новаго закона по отношенію къ губерніямъ гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія и гдѣ количество земель приведено въ извѣстность. Въ этихъ 30 губерніяхъ выплачивается 13.795.705 р. Скидка съ душеваго оклада, если сборъ не будетъ увеличенъ, составитъ 3.448.926 р. Всей „удобной земли", облагаемой земскими платежами въ означенныхъ губерніяхъ считается 145 милл. десятинъ, а потому новый поземельный налогъ дойдетъ среднимъ числомъ до 2½ *коп. с. съ десятины*. Землевладѣльцы, казна и удѣлъ внесутъ 1.782.000 руб., крестьянскія общества 1.665.000 руб.

Новый указъ предоставляетъ министру финансовъ разложить сумму новаго поземельнаго государственнаго налога по губерніямъ сообразно „поземельнымъ производительнымъ силамъ каждой изъ нихъ". Эта мѣра совершенно необходима въ виду того что у насъ всѣ поголовныя подати распредѣлены крайне неравномѣрно. Напримѣръ, въ Вятской и Екатеринославской губерніи подушная подать меньше чѣмъ въ Новгородской; въ Минской и Подольской, столь различныхъ по условіямъ почвы и населенности, почти одинакова. Курская и Московская губерніи платятъ въ одинаковомъ размѣрѣ государственный земскій сборъ и пр. Правда, послѣдній сборъ чаще пересматривается и разлагается нѣсколько удовлетворительнѣе подушной подати, а потому вѣроятно въ главныхъ чертахъ будущее распредѣленіе государственнаго поземельнаго налога не слишкомъ удалится отъ теперешняго распредѣленія всего земскаго сбора. По теперешнимъ раскладкамъ сбора между губерніями, цифра поземельнаго налога вышла бы:

Въ	Московской	губ. . .	6,6	к.	съ	десятины.
„	Курской	„	5,4	„	„	„
„	Орловской	„	4	„	„	„
„	Воронежской	„	3,9	„	„	„
„	Тамбовской	„	3,8	„	„	„
„	Симбирской	„	3,8	„	„	„
„	Харьковской	„	3,7	„	„	„
„	Полтавской	„	3,6	„	„	„
Въ	Пензенской	губ. . .	3,5	к.	съ	десятины.
„	Тульской	„	3,4	„	„	„
„	Владимірской	„	3,2	„	„	„
„	Ярославской	„	3,1	„	„	„
„	Черниговской	„	3	„	„	„
„	Казанской	„	3	„	„	„
„	Саратовской	„	2,9	„	„	„
„	Нижегородской	„	2,9	„	„	„
„	Рязанской	„	2,9	„	„	„
„	Калужской	„	2	„	„	„
„	Тверской	„	1,8	„	„	„
„	Екатеринославской		1,5	„	„	„
„	Петербургской	губ.	1,5	„	„	„
„	Вятской	„	1,4	„	„	„
„	Херсонской	„	1,4	„	„	„
„	Самарской	„	1,3	„	„	„
„	Костромской	„	0,8	„	„	„
„	Псковской	„	0,7	„	„	„
„	Смоленской	„	0,6	„	„	„
„	Таврической	„	0,5	„	„	„
„	Олонецкой	„	0,5	„	„	„
„	Новгородской	„	0,5	„	„	„

Въ смыслѣ облегченія податныхъ сословій, размѣры такого государственнаго поземельнаго налога можно назвать совершенно незначительными. Двѣ съ третью копѣекъ съ десятины, среднимъ числомъ, не составляютъ замѣтной цифры въ виду платежей государственныхъ крестьянъ, простирающихся до 1 р. 52 к. съ десятины кругомъ (съ оброчною податью) или 2 р. 52 к. платежей крестьянъ-собственниковъ (съ выкупными платежами), не говоря о натуральныхъ повинностяхъ. Новый налогъ не составитъ даже 1/20 части общей суммы прямой подушной подати и государственнаго земскаго сбора. Не велико облегченіе даже и по одному послѣднему сбору. Въ тридцати перечисленныхъ выше губерніяхъ крестьяне будутъ платить съ души 63½ к. подушнаго оклада и 10½ к. поземельнаго налога, то-есть 74 к. вмѣсто 81 к. Уменьшеніе не простирается даже на десятую долю.

Другое дѣло принципъ который выразился въ новомъ законѣ. Онъ сулитъ благія послѣдствія, и показываетъ что правительство рѣшилось идти къ болѣе справедливому разложенію податей. Никто не могъ ожидать рѣзкаго перехода отъ теперешней податной системы къ новымъ порядкамъ. Переходъ этотъ требуетъ большей или меньшей постепенности, причемъ вопросъ сводится на объемъ принимаемыхъ мѣръ.

Существенный приступъ къ реформѣ, повидимому, дѣйствительно удобнѣе сдѣлать при измѣненіи системы подушной подати чѣмъ при новой раскладкѣ государственнаго земскаго сбора. Цифра этого

сбора измѣняется по трехлѣтіямъ, и самъ онъ назначается спеціально на удовлетвореніе извѣстныхъ потребностей, а не всякаго рода государственныхъ расходовъ. Напротивъ размѣры подушной подати опредѣляются закономъ и рѣдко подвергались измѣненіямъ, кромѣ періода шестидесятыхъ годовъ. Сверхъ того подушная подать гораздо важнѣе: она даетъ 47 милл. государственному казначейству.

При раскладкѣ новаго поземельнаго налога по губерніямъ, вѣроятно, на хлѣбородныя мѣстности будетъ отнесена болѣе значительная часть сбора, сравнительно съ теперешнею раскладкою. Но и по ней, какъ мы видѣли, налогъ достигаетъ для двухъ губерній почти 7 и 6 к. съ десятины. Вообще земли владѣльцевъ, казны и удѣла во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ будутъ платить свыше 2 милл. р. с. новаго налога. Эта цифра подходитъ близко къ той суммѣ, которая пришлась бы на внутреннія губерніи, еслибы расходы покрываемые поземельнымъ процентнымъ сборомъ съ польскихъ владѣльцевъ западнаго края, вслѣдствіе снятія этого сбора, были обращены на счетъ всей имперіи. Такимъ образомъ даже по размѣрамъ отмѣна процентнаго сбора съ пановъ западныхъ губерній соотвѣтствовала бы наложенію его на землевладѣніе во внутреннихъ губерніяхъ, и прежде всего на русское дворянство.

№ 135.

Москва, 23-го іюня.

Вопросъ объ устройствѣ поземельнаго банковаго кредита становится предметомъ общественнаго вниманія. Ограничивая расширеніе кредитныхъ операцій производимыхъ городскими общественными банками, правительство повидимому расположено оказать покровительство учрежденію, на ряду съ городскими, подобныхъ же общественныхъ банковъ, земскихъ. Земство многихъ мѣстностей высказалось за банки этого рода. Спрашивается однако, желательны ли они въ интересѣ поземельнаго кредита? Наше земство такъ тѣсно связано съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, что только по недоразумѣнію могло бы нежелать того что̀ имъ полезно. Для земства банки не цѣль, а средство: цѣли же не можетъ быть другой кромѣ поддержки землевладѣнія и помощи сельскому хозяйству. На первомъ планѣ для земства не банки сами по себѣ, а наилучшее устройство поземельнаго и сельско-хозяйственнаго кредита. Что̀ же нужно съ этой точки зрѣнія? Приведутъ ли проектируемые нынѣ земскіе банки къ тому что̀ нужно?

Вопросъ о поземельныхъ банкахъ, возбужденный самимъ правительствомъ въ 1859, вслѣдъ за ликвидаціей государственныхъ кредитныхъ установленій, къ сожалѣнію, былъ вскорѣ совсѣмъ покинутъ. Но коммиссія земскихъ банковъ, работавшая тогда пришла къ результатамъ столь важнымъ для дѣла что и теперь къ разъясненію его можетъ всего скорѣе послужить напоминаніе о тогдашнихъ видахъ коммиссіи. Коммиссія эта заявила необходимость разстаться съ казенными кредитными учрежденіями и замѣнить ихъ частными поземельными банками (товарищества заемщиковъ-землевладѣльцевъ или капиталистовъ - посредниковъ, то-есть акціонеровъ), безъ *присвоенія какихъ бы то ни было преимущественныхъ правъ* однимъ изъ нихъ предъ другими. Коммиссія начертала проектъ общаго закона разрѣшающаго частнымъ лицамъ и обществамъ учрежденіе такихъ банковъ, законо-проектъ краткій и льготный; имѣлось даже въ виду изъять учрежденіе поземельныхъ банковъ отъ предварительнаго утвержденія ихъ уставовъ, съ подчиненіемъ учредителей лишь нѣкоторымъ обязательнымъ для устройства всякаго товарищества и для банковыхъ операцій условіямъ, не навязывая однако учредителямъ тѣ или другія однообразныя формы банковаго дѣла, а только отрицательно указывая на все воспрещаемое закономъ въ интересахъ третьихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія, признавъ наиболѣе подходящею къ нынѣшнимъ нуждамъ Россіи организацію поземельнаго долгосрочнаго кредита посредствомъ *мѣстныхъ товариществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ*, съ выпускомъ закладныхъ листовъ подъ ихъ круговымъ ручательствомъ, рекомендовала эту форму банковой организаціи, опубликовала подробныя свѣдѣнія и правила для устройства такихъ кредитныхъ обществъ, и предлагала рядъ переходныхъ правительственныхъ мѣръ, требовавшихся критическими обстоятельствами помѣщичьяго землевладѣнія того времени, въ видахъ нравственнаго и даже финансоваго содѣйствія ско-

рѣйшему учрежденію такихъ обществъ. Наконецъ, коммиссія указала на необходимость устройства и поточныхъ книгъ, какъ на важнѣйшее условіе къ нормальному упроченію поземельнаго кредита въ будущемъ. Нагляднымъ доказательствомъ вѣрности взглядовъ коммиссіи служатъ четыре обширныя учрежденія, — С.-Петербургское, Московское и Рижское городскія домовладѣльческія и Херсонское землевладѣльческое кредитные общества, устроенныя въ точности по указаніямъ коммиссіи и съ самаго своего основанія до настоящаго времени постоянно развивающіяся и процвѣтающія. Основанныя въ то время когда частный банковый кредитъ былъ совершенною у насъ новостью, и встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ лишь непріязнь и возраженія, эти учрежденія, безъ всякихъ правительственныхъ субсидій и даже безъ поощреній, быстро принялись и въ весьма короткое время своей дѣятельности заслужили всеобщее довѣріе не только русской, но и иностранной публики. Этотъ фактъ между прочимъ важенъ потому что доказываетъ какъ легко осуществляется здравая мысль, даже при нѣкоторыхъ невыгодныхъ для нея условіяхъ. Однимъ изъ таковыхъ, кромѣ новизны дѣла, было неизданіе общаго закона который поставилъ бы это дѣло на почву чуждую административному произволу и привилегіямъ.

По поводу привилегій, преимуществъ и субсидій остановимся на товариществѣ такъ-называемаго *Взаимнаго Поземельнаго Кредита*. Не печально ли подумать что правительство, выдавъ этому учрежденію 5 милл., не только не оказало русскому землевладѣнію ожидавшейся пользы, но причинило ему больше вреда, нежели было бы безъ всякаго казеннаго пожертвованія на поземельный кредитъ? А это именно такъ. Стòитъ только взглянуть на дѣло безпристрастно, и даже можно позабыть о той спеціальной государственной цѣли для которой упомянутый капиталъ предназначался и отъ которой онъ былъ столь страннымъ образомъ отвлеченъ. Привилегированное положеніе, которое создано было для Товарищества Взаимнаго Поземельнаго Кредита безъ всякихъ съ его стороны на то правъ, какъ всякое привилегированное положеніе, пріобрѣтенное помимо общественной пользы, осталось безплоднымъ. Къ ссудамъ этого банка, при тяжести предлагаемыхъ имъ условій прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и повсемѣстно сказывается необходимость учрежденія *мѣстныхъ* поземельныхъ банковъ. Но для нихъ Взаимный Поземельный Кредитъ является опаснымъ конкуррентомъ. Конечно, прежде эта конкурренція представлялась страшнѣе чѣмъ нынѣ, когда оказалась на дѣлѣ вся слабость дѣйствія этого учрежденія, но тѣмъ не менѣе она задерживаетъ устройство мѣстныхъ землевладѣльческихъ компаній, коихъ ссуды были бы дешевле, потому что имъ не было бы надобности запродавать закладныя листы Ротшильду на много лѣтъ впередъ по дешевому курсу. Мысль распространить дѣйствія одного поземельнаго банка на всю Россію и связать землевладѣльцевъ Архангельской и Херсонской, Пермской и Ковенской губерній круговою порукой, есть мысль несостоятельная въ самой своей сущности, ибо учрежденію этого рода, распространяющему свои операціи на все государство, нѣтъ причины быть частнымъ; его организація не можетъ не заключать въ себѣ всѣхъ пороковъ бюрократической централизаціи, и его распорядители также точно чужды мѣстнымъ интересамъ землевладѣнія какъ и чиновники. Поземельные банки должны быть по самой натурѣ своей мѣстные или областные; даже во Франціи, не превосходящей по величинѣ нѣкоторыя наши губерніи, центральный поземельный банкъ *Crédit foncior de France* продолжаетъ существовать только благодаря своему привилегированному почти монопольному положенію. Въ Германіи, гдѣ поземельные банки процвѣтаютъ, они обнимаютъ небольшія провинціи, въ которыхъ цѣнность поземельныхъ имуществъ коротко знакома мѣстнымъ жителямъ, а вѣрность оцѣнки есть первое условіе прочности и дешевизны поземельнаго кредита. Все это еще болѣе примѣняется къ Россіи, при ея протяженіяхъ и разнообразіи условій цѣнности нашихъ земель. Достаточно припомнить что Взаимный Поземельный Кредитъ оцѣнивалъ въ 3 р. десятину въ Московской губерніи.

Весь этотъ эпизодъ со Взаимнымъ Поземельномъ Кредитомъ былъ бы невозможенъ еслибы былъ изданъ, какъ сперва предполагалось, законъ который вывелъ бы всѣ предпріятія этого рода на почву свободной кредитной конкурренціи и поставилъ бы

преграду неправильнымъ домогательствамъ. Но, съ другой стороны, выдача субсидіи Взаимному Поземельному Кредиту въ свою очередь, задержала и движеніе законодательства по дѣлу поземельнаго кредита. Послѣ пожертвованія пяти милліоновъ было какъ будто признано что дѣятельность правительства по поземельному кредиту закончена, что ему оказано все то содѣйствіе на какое только онъ могъ имѣть право, и что первостепенный въ государствѣ интересъ землевладѣнія удовлетворенъ. Такъ могло казаться, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности не только поземельному кредиту не было оказано никакихъ пособій, но была на долгое время затруднена его организація новымъ препятствіемъ, гораздо менѣе зависящимъ теперь отъ воли правительства чѣмъ ликвидація государственныхъ кредитныхъ установленій, ибо прекратить дѣйствія казеннаго банка несравненно легче нежели взять назадъ привилегію, какъ бы неправильно она ни была дарована.

Исправить теперь преимущества предоставленныя Взаимному Поземельному Кредиту и сколько-нибудь вознаградить за нихъ русское земледѣліе можно только изданіемъ закона, который облегчилъ бы этого рода предпріятія, установивъ право каждаго частнаго лица и каждой компаніи на открытіе ихъ опредѣливъ въ точности всѣ условія необходимыя для огражденія правъ третьихъ лицъ и обязательныя для учредителей. Исполненіе этого остается до сихъ поръ самымъ желаннымъ разрѣшеніемъ государственной задачи связанной съ поземельнымъ кредитомъ.

Между тѣмъ, вмѣсто общаго банковаго закона, который могъ бы съ большою пользой распространиться и на краткосрочный, коммерческій-движимый и всякій банковый кредитъ, предположено въ прошломъ году издать *нормальный уставъ о земскихъ банкахъ*. Нужно ли говорить что это двѣ вещи совершенно разныя? *Во-первыхъ*, предполагается банковый уставъ, то-есть регламентація банковыхъ операцій, посредствомъ обязательной нормальной ихъ организаціи, доходящая до мельчайшихъ подробностей и долженствующая имѣть силу повсемѣстно во всей имперіи. *Во-вторыхъ*, въ проектѣ нормальнаго устава земскихъ банковъ поземельный кредитъ, можно сказать, совершенно забытъ; рѣчь идетъ о всѣхъ возможныхъ банковыхъ операціяхъ, даже самыхъ рискованныхъ, спекулятивныхъ и биржевыхъ, и къ этимъ-то операціямъ приглашаются всѣ земства, даже тѣ которыя пока не помышляли объ устройствѣ собственныхъ или земскихъ банковъ; разнообразя въ такой степени операціи будущихъ земскихъ банковъ, проектъ отвлекаетъ ихъ отъ поземельнаго кредита, который до сихъ поръ составлялъ единственный предметъ заботъ земства и недостатокъ котораго, совокупно съ тягостными привилегіями Взаимнаго Поземельнаго Кредита, вынудилъ нѣкоторыя земскія собранія проектировать учрежденіе банковъ. *Втретьихъ*, проектъ этотъ узаконяетъ только *земскіе* банки, то-есть кредитныя учрежденія принадлежащія земству и дѣйствующія подъ его непосредственною отвѣтственностью и надзоромъ, подобно земскимъ управамъ, отъ которыхъ проектируемые земскіе банки ничѣмъ инымъ, кромѣ предмета занятій ихъ канцелярій, отличаться не будутъ.

Вообще говоря, этотъ проектъ, долженствующій въ ближайшемъ будущемъ поступить на окончательное законодательное утвержденіе, возбуждаетъ два вопроса. Съ одной стороны, имъ не разрѣшается законодательная задача относительно обезпеченія гражданской свободы банковаго кредита, хотя бы даже одного поземельнаго, наиболѣе обиженнаго. Учрежденіе поземельныхъ банковъ не только не получитъ права гражданства въ Россіи, но будетъ стѣснено новою привилегіей,—утвержденнымъ силою закона и потому преимущественнымъ правомъ земствъ на банковыя предпріятія, безъ предоставленія такого же права частнымъ лицамъ и компаніямъ. Уже теперь, гораздо раньше чѣмъ вступилъ въ жизнь этотъ проектъ, чувствуется тяжесть задуманной въ немъ системы земскихъ банковъ, ибо многіе поступившіе на правительственное разсмотрѣніе частные и земскіе проекты такихъ банковъ (напримѣръ Московскаго, проектированнаго въ средѣ земства, но не имѣющаго характера *земскаго* банка, Харьковскаго, Воронежскаго и пр.) остановлены въ своемъ ходѣ, вслѣдствіе предположеннаго изданія нормальнаго устава для земскихъ банковъ. А когда этотъ нормальный уставъ будетъ введенъ въ дѣйствіе, то онъ неизбѣжно оттѣснитъ отъ кредита всѣ другія силы кромѣ земскихъ учрежденій.

Можно ли этого желать въ интересѣ кредита? Одарены ли земскія учрежденія какою-нибудь особенною способностью къ производству кредитныхъ операцій? Многія земскія собранія отнеслись весьма сочувственно къ проекту нормальнаго устава, но тутъ, думаемъ мы, есть недоразумѣніе. Какого бы уваженія ни заслуживали земскія учрежденія, какъ бы ни было желательно расширеніе круга ихъ дѣйствій, но въ интересахъ самого земства нисколько не можетъ быть желательно дарованіе ему преимуществъ, въ сферѣ дѣятельности имѣющей право на всеобщую гражданскую полноправность и даже болѣе сподручной для частной чѣмъ для земской предпріимчивости. И вотъ, съ другой стороны, представляется вопросъ уже неоднократно возникавшій: въ какой мѣрѣ призваны земскія учрежденія заниматься банковыми операціями и какихъ выгодъ можно ожидать отъ *земскихъ* банковъ, въ сравненіи съ частными? Почему напримѣръ землевладѣльцы цѣлой губерніи или уѣзда будутъ принудительно нести отвѣтственность за нѣсколькихъ изъ нихъ пользующихся ссудами? Развѣ не обязаны отвѣчать за кредитъ исключительно тѣ лица которыя имъ пользуются, какъ это бываетъ въ землевладѣльческихъ кредитныхъ компаніяхъ, подобныхъ херсонской? Весьма ошибочно думаютъ тѣ кто ожидаютъ что земскіе банки будутъ получать и доставлять кредитъ дешевле частныхъ. Размѣръ роста зависитъ прежде всего отъ количества свободныхъ капиталовъ на рынкѣ, и его не можетъ измѣнить никакое банковое учрежденіе; извѣстная частица процента за пользованіе капиталомъ называемая страховою преміей и зависящая отъ степени довѣрія внушаемаго заемщикомъ, можетъ уменьшаться лишь отъ гарантіи, представляемой банковымъ посредничествомъ, и отъ взаимной конкурренціи банковыхъ учрежденій. Дѣйствія и того и другаго условія на пониженіе процентовъ по ссудамъ можно ожидать всего менѣе отъ проектируемой системы земскихъ банковъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать что ручательство земства уменьшитъ страховую премію, заставитъ вкладчиковъ или вообще кредиторовъ согласиться отдать свои капиталы за меньшіе проценты чѣмъ частному банку: отвѣтственность банковой акціонерной или всякой другой компаніи, даже частнаго банкира, хотя бы ихъ имущество было въ тысячу разъ меньше чѣмъ цѣнность цѣлой губерніи, лучше обезпечиваетъ кредиторовъ. Сила банковой гарантіи, способная привлечь капиталы, заключается гораздо менѣе въ цѣнности имуществъ номинально обезпечивающихъ заемъ чѣмъ въ личной юридической и нравственной отвѣтственности должника, его личномъ коммерческомъ интересѣ быть исправнымъ и въ *реализуемости* его имущества (легкости высвобожденія его капитала, въ случаѣ его желанія уплатить долгъ, и легкости взысканія съ него въ случаѣ принужденія его къ тому). Вотъ почему вексель незначительнаго, но извѣстнаго въ торговомъ мірѣ купца легко переходитъ изъ рукъ въ руки, а заемное письмо самаго богатаго и честнаго землевладѣльца можетъ не найти ни одного капиталиста который бы согласился его взять. Закладные листы землевладѣльческой кредитной компаніи, отвѣчающей за исправность процентовъ и погашенія круговымъ ручательствомъ своихъ заемщиковъ, могутъ быть оплачиваемы меньшимъ процентомъ нежели вклады земскихъ банковъ, въ особенности если возникнутъ какія-либо недоразумѣнія и пререканія въ земскомъ управленіи, что легко случается при самомъ добропорядочномъ земскомъ хозяйствѣ. Сверхъ того, члены банковой компаніи будутъ гораздо чувствительнѣе къ ходу ея дѣлъ нежели могутъ быть гласные къ земскому банку. Вотъ между прочимъ причина почему не предполагается дозволить земскимъ банкамъ выпускъ закладныхъ билетовъ и вообще банковыхъ процентныхъ бумагъ, а безъ выпуска долгосрочныхъ процентныхъ бумагъ, съ постепеннымъ погашеніемъ, поземельный кредитъ почти не мыслимъ. Наконецъ, производство долгосрочныхъ ссудъ насчетъ вкладовъ могло бы привести проектируемые земскіе банки къ той же несостоятельности въ какой находились государственныя кредитныя установленія предъ ихъ ликвидаціей. Вотъ сколько соображеній говорятъ противъ предоставленія кредитнаго дѣла преимущественному попеченію земскихъ учрежденій. Дабы избѣжать лжетолкованій, не лишнимъ будетъ прибавить однако что всѣ эти соображенія о несвойственности банковыхъ операцій земскимъ учрежденіямъ

нисколько не относятся къ займамъ земства на удовлетвореніе неотложныхъ мѣстныхъ нуждъ, напримѣръ для сооруженія дорогъ. Подобные займы и выпуски для нихъ процентныхъ бумагъ, какъ объ этомъ уже подымался вопросъ въ московскомъ земствѣ, не имѣютъ ничего общаго съ банковыми предпріятіями.

Возникновеніе земскихъ банковъ будетъ, подобно развитію городскихъ, несомнѣнно замедлять образованіе частныхъ банковъ, банкирскихъ домовъ и банковыхъ компаній и тѣмъ самымъ противудѣйствовать постепенному пониженію роста, коего послѣ усиленія сбереженій, всего болѣе можно ожидать отъ свободной конкурренціи банковъ.

Вопросъ объ изданіи общаго банковаго закона, который бы установилъ свободное и равное для всѣхъ право на учрежденіе банковъ, въ томъ числѣ и поземельныхъ, и облегчилъ бы существующій нынѣ ходъ разсмотрѣнія банковыхъ уставовъ, и другой вопросъ о нормальномъ уставѣ для земскихъ банковъ составляютъ въ сущности одинъ и тотъ же вопросъ. Лишь неразрѣшеніе въ свое время перваго вопроса привело къ возбужденію втораго. Какъ слышно, министерство финансовъ, составивъ проектъ нормальнаго устава для земскихъ банковъ, не настаивало бы на немъ, еслибы со стороны нѣкоторыхъ земскихъ собраній не было ходатайствъ объ учрежденіи банковъ. Но позволительно думать что этихъ ходатайствъ вовсе не было бы, еслибы своевременно были приняты мѣры къ устройству поземельныхъ банковъ и былъ изданъ общій банковый законъ, которымъ и земство могло бы воспользоваться для нравственнаго и матеріальнаго содѣйствія устройству банковъ. Такое содѣйствіе еще не влечетъ за собою учрежденія банковъ *земскихъ* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и можетъ напримѣръ ограничиться инипіативою, помѣщеніемъ земскихъ капиталовъ, административною помощію операціямъ по оцѣнкѣ имѣній и проч., словомъ, ограничиться отношеніями подобными существующимъ между С.-Петербургскимъ и Московскимъ городскими обществами и городскими кредитными компаніями, имѣющими свою полную самостоятельность и независимость отъ городскихъ думъ.

Другая мѣра долженствующая поднять нашъ поземельный кредитъ есть система ипотечныхъ книгъ; потребность въ нихъ будетъ съ каждымъ годомъ дѣлаться ощутительнѣе для нашихъ землевладѣльцевъ, и уже теперь привлекаетъ всеобщее къ себѣ вниманіе. Объ этой сторонѣ поземельнаго кредита мы поговоримъ въ другой разъ.

№ 136.

Москва, 24-го Іюня.

Проектируемая передача Маріинской водной системы въ частныя руки глубоко затронула многочисленные интересы, такъ или иначе связанные съ этимъ главнымъ воднымъ сообщеніемъ Россіи. Намъ сообщаютъ что 227 лицъ торгующаго въ Рыбинскѣ иногороднаго и мѣстнаго купечества, судопромышленниковъ и пароходовладѣльцевъ на дняхъ обратились къ министру финансовъ съ протестомъ противу передачи Маріинской системы на основаніяхъ изложенныхъ въ проектахъ концессій, которые представлены гг. Овсянниковымъ, Дукиновымъ, Милютинымъ и пр. Это не первый протестъ идущій изъ Рыбинска. Еще въ февралѣ рыбинское купечество, въ числѣ 20 человѣкъ, и въ апрѣлѣ Рыбинскій городской голова съ 44 рыбинскими купцами, подавали министру финансовъ заявленія противъ приготовлявшихся комбинацій по Маріинской системѣ и противъ заявленій тѣхъ торговцевъ и судопромышленниковъ которые выдѣляли изъ себя, въ качествѣ уполномоченныхъ, гг. Овсянникова, Духинова и проч. Рыбинское купечество дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ заодно съ С.-Петербургскимъ биржевымъ комитетомъ, который также въ февралѣ представилъ министру финансовъ заявленія 85 лицъ торговаго сословія по смыслу одинаковыя съ рыбинскими. Въ средѣ торговцевъ и судопромышленниковъ отправляющихъ грузы по Маріинской системѣ, очевидно, начинается ожесточенная борьба за судьбы этого воднаго пути.

Въ началѣ возникающей полемики, которая приметъ, вѣроятно, обширные размѣры, въ прошломъ мартѣ нѣкоторые органы печати стали безусловно на сторону заявленій отъ Петербургскаго биржеваго комитета и отъ Рыбинска; другіе же ратовали за г. Овсянникова и К°. Мы не можемъ сдѣлать ни того, ни другаго. Мы

готовы дать мѣсто справедливымъ замѣчаніямъ обѣихъ сторонъ. Что же касается оснований устройства системы, предлагаемыхъ рыбинскимъ купечествомъ, то мы не можемъ не сдѣлать на нихъ возраженій, имѣя въ виду только выяснить дѣло, точно такъ же какъ мы говорили противъ нѣкоторыхъ условій допущенныхъ въ проектахъ концессій гг. Овсянникова, Духинова и пр

Рыбинское купечество, какъ пишутъ намъ, желаетъ прежде всего чтобы Маріинская система осталась въ казенномъ управленіи и была улучшена на счетъ дополнительнаго $^1/_4$% или даже $^1/_8$% судоходнаго сбора, съ провозимыхъ грузовъ. Что же касается второй части предпріятія гг. Овсянникова и К°—до устройства туэрнаго пароходства по всей системѣ,—то рыбинскія заявленія не только признаютъ его совершенно отдѣльнымъ отъ улучшенія системы дѣломъ, но и видимо не сочувствуютъ ему, замѣчая что объ устройствѣ туажа никто не проситъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться весьма удивительнымъ что люди заинтересованные въ дѣлахъ Маріинской системы готовы поддерживать на ней наши казенные порядки. Недостатки казеннаго управленія слишкомъ извѣстны.

На дняхъ мы получили два выпуска брошюры г. Прокофьева *Наше судоходство*, въ которыхъ находимъ много интересныхъ фактовъ по казенному управленію Маріинскою системой. Г. Прокофьевъ повидимому самъ судопромышленникъ; онъ на собственномъ опытѣ познакомился съ порядками Маріинскаго водяного пути еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Бѣлозерскій каналъ не былъ вырытъ, суда ходили чрезъ Бѣлоозеро, и все судоходство по системѣ сосредоточивалось въ Бѣлозерскѣ и селѣ Крохинѣ. Авторъ излагаетъ свои воспоминанія съ рѣзкостію и разными странностями, но за то мѣстами передаетъ самую суть дѣла въ живыхъ и откровенныхъ очеркахъ.

На водныхъ сообщеніяхъ, гдѣ бываютъ и наводненія и мелководія, весьма часто требуется принимать нѣкоторыя мѣры, производить постройки и исправленія, съ экстренною быстротой. Казна, вслѣдствіе переписки между инстанціями, постоянно опаздываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ факты сообщаемые г. Прокофьевымъ:

„Быстрымъ исправленіемъ бечевниковъ она (сибирская язва на Шекснѣ, развившаяся послѣ высокой воды) могла бы тотчасъ же быть пресѣчена, но цѣлые годы прошли прежде чѣмъ бечевники были хоть немного исправлены, въ эти годы язва успѣла причинить громадные убытки не только промышленному, но и сельскому хозяйству. Другой примѣръ—мелководье. Кто можетъ поручиться на какомъ мѣстѣ въ слѣдующій годъ оно окажется? Нынѣ оно бываетъ на Волгѣ, на другой годъ можетъ быть на Шекснѣ; иногда оно случается и въ шлюзованныхъ каналахъ и въ нешлюзованныхъ. Всѣ мѣры противъ мелководья принимаются уже при его появленіи, и распоряженія должны идти немедленно въ дѣло; а между тѣмъ какъ только случается нужда во временной дамбѣ или плотинѣ для спуска воды или въ чемъ-нибудь другомъ требующемъ расхода, такъ и начинается переписка, продолжающаяся почти всегда до тѣхъ поръ пока требуемое сооруженіе окажется безполезнымъ. Еще примѣръ: много ли удобства въ томъ что отъ Константиновскихъ пороговъ до Вытегры (разстояніе 100 верстъ) суда проходятъ болѣе 40 дней, то-есть немного болѣе 2 верстъ въ сутки? А когда въ 1869 году собрались принять противъ этого хоть какія-нибудь мѣры—время ушло! Въ такой медленности теперь винить никого нельзя; мѣстные наблюдатели невиноваты, потому что обо всѣхъ нуждахъ они доносятъ своевременно куда слѣдуетъ, а высшія инстанціи не имѣютъ возможности поспѣвать своевременно, будучи завалены работой...

Изо всѣхъ родовъ сообщеній, судоходные пути вслѣдствіе паводковъ и мелководій очевидно всего менѣе могутъ быть успѣшно содержимы посредствомъ бюрократическихъ порядковъ, особенно въ такомъ обширномъ государствѣ какъ Россія. Мертвящее дѣйствіе казеннаго управленія оказывается во всѣхъ подробностяхъ и есть всему тормазъ. На Маріинскомъ пути, имѣющемъ 1.100 верстъ протяженія, устроено напримѣръ только семь телеграфныхъ станцій. Въ пунктахъ гдѣ случаются задержки судоходству, гдѣ скопляются суда, напримѣръ въ Ниловицкихъ порогахъ нѣтъ ни почтовой конторы, ни телеграфной станціи. Чтобы послать письмо съ извѣстіемъ о случившемся или испросить распоряженіе у хозяина, надо ѣхать иногда

сотню верстъ. На каналѣ герцога Александра Виртембергскаго казна держитъ 10 чиновниковъ по судоходному сбору, дающему здѣсь всего 1.000 руб., а между тѣмъ ничье вниманіе не обращается на то обстоятельство что каналъ ведетъ почти въ тупикъ,—въ Сухону, которая судоходна почти только весной и остается доселѣ безъ всякихъ улучшеній. Самые шлюзы канала слишкомъ малы и узки для судовъ Маріинской системы. И дѣйствительно судоходство по каналу падаетъ съ каждымъ годомъ.

А злоупотребленія нашего казеннаго управленія? Г. Прокофьевъ приводитъ свидѣтельство г. Клокачева (члена депутаціи отъ биржи) о томъ что начальники дистанцій ставятъ на шлюзы гнилыя бревна, не исправляютъ бечевниковъ и пр. Авторъ прибавляетъ что это факты ежедневные, что и „всѣ начальники дистанцій дѣйствуютъ въ одномъ духѣ и даже рѣдкіе изъ нихъ скрываютъ свои поступки отъ публики.“ Вотъ какіе порядки царствовали на системѣ не слишкомъ еще давно:

„Въ прежнія времена, водяная команда была совершенно полновластнымъ диктаторомъ на Шекснѣ. Дѣйствія ея были исключительно деспотическія. Линекъ, розги, зуботычины, будка были грозою не только для рабочихъ, но равно и для самихъ судопромышленниковъ. Это было съ одной стороны. Съ другой стороны, кто повѣритъ, напримѣръ, что въ прежнія времена каждое такое мѣсто, какъ напримѣръ, начальника Рыбинской пристани, или начальника дистанціи въ порогахъ рѣки Шексны, стоило довольно хорошаго помѣстья? Каждое судно было обложено пошлиной отъ 2 до 5 руб. въ пользу команды. Это была пошлина постоянная, но кромѣ нея были пошлины экстраординарныя, напримѣръ: за излишній грузъ, за большій размѣръ судна, за обходъ въ очередь или не въ очередь и т. п. Начальникъ дистанціи, съ своей стороны, платилъ извѣстную пошлину, смотря по мѣсту, въ пользу своего начальника, этотъ послѣдній платилъ также, и такимъ образомъ тутъ было нѣчто въ родѣ круговой поруки. Эта же самая водяная полиція исправляла тогда должность инженеровъ и должность производителей работъ. На ней, слѣдовательно, лежали двѣ совершенно разнородныя и даже несовмѣстимыя обязанности: устраивать пути сообщенія и въ то же время наблюдать за ними. Вслѣдствіе этого водяная полиція изобрѣла свою особенную систему работъ. Положимъ, напримѣръ, что на Шекснѣ требовалось исправить бечевникъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Для формы дѣлались торги, и работы по исправленію отдавались извѣстному главному подрядчику. Подрядчикъ послѣ торговъ долженъ былъ сейчасъ заплатить главному распорядителю работъ 10%, 10% его помощникамъ, 10% онъ оставлялъ у себя, и за 70% передавалъ работы мѣстному подрядчику, а этотъ послѣдній передавалъ ихъ уже за 60 или 50% начальнику той дистанціи въ которой онѣ должны были производиться; получалъ отъ него, смотря по обстоятельствамъ, въ болѣе или менѣе короткое время, квитанціи въ исправномъ производствѣ работъ, пересылалъ ихъ главному подрядчику и тотъ получалъ по нимъ деньги. Очень сложный механизмъ былъ. Въ другой разъ въ частностяхъ онъ измѣнялся немного, но результатъ его и раздѣленіе процентовъ вѣчно были одни и тѣ же. Но что было хуже всего, такъ это то что при такихъ порядкахъ судопромышленники теряли невозвратно много времени при прпискѣ накладныхъ и судовыхъ билетовъ, рабочіе при прпискѣ паспортовъ и т. п. На сколько это измѣнилось теперь, читатель можетъ судить самъ.“

Если только хоть часть разказываемаго авторомъ вполнѣ справедлива, то естественно что участіе купечества въ судоходныхъ распрявахъ и депутаціяхъ не давало никакого результата. Г. Прокофьевъ разказываетъ что роль самаго предсѣдателя Рыбинскаго биржеваго комитета ограничивалась просьбами къ мѣстному начальству: „Ради Бога, Николай Семеновичъ, подгоните мои унжаки.“ Купцы перестали даже интересоваться дѣлами системы, рѣдко сами ѣздили на нее, предоставляя плаваніе своихъ судовъ ихъ судьбамъ. Никто никогда не спрашивалъ у купцовъ мнѣнія о нуждахъ судоходства; сами купцы относились къ работамъ на системѣ, „какъ бы онѣ дѣлались не у насъ, а въ Ташкентѣ.“ Но послѣ каждаго прорытія канала представители купечества являлись благодарить начальство...

Всѣ эти обстоятельства необходимо принять во вниманіе при вопросѣ о лучшемъ способѣ управленія системою. Надобно имѣть въ виду наши домашнія обстоятель-

ства, а не ссылаться на то что бельгійская казенная администрація прекрасно управляетъ желѣзными дорогами, или что въ Англіи не можетъ быть серіозныхъ злоупотребленій, потому что чиновниковъ всегда можно притянуть къ суду, не спрашиваясь у ихъ начальства.

Мы отнюдь не думаемъ поддерживать всѣ тенденціи г. Прокофьева, особенно по вопросу о русскомъ коммерческомъ флотѣ. Повидимому, онъ принадлежитъ къ числу судопромышленниковъ, представляемыхъ компаніей гг. Овсянникова, Милютина и пр. Въ брошюрѣ его мы находимъ письма съ первой шкуны, построенной въ прошломъ году въ Череповцѣ для заграничнаго плаванія и названной, какъ извѣстно, *Великій Князь Алексѣй*. Но мы полагаемъ что фактическія показанія автора должны быть приняты во вниманіе.

Г. Прокофьевъ подробно припоминаетъ что Рыбинскъ обязанъ своимъ торговымъ значеніемъ преимущественно тому что суда ходящія по Волгѣ строятся теперь по типу не дозволяющему имъ подниматься по Маріинскому пути, стало-быть требующему перегрузки въ Рыбинскѣ. Здѣсь же строятъ суда для плаванія по Маріинской системѣ, и многіе Рыбинцы занимаются перевозкою грузовъ. Въ то время когда не было обводнаго Бѣлозерскаго канала и когда въ Крохинѣ на Шекснѣ шла перегрузка съ рѣчныхъ судовъ на озерныя, это Крохино и ближній Бѣлозерскъ имѣли важное торговое значеніе, теперь почти вовсе утраченное ими. Другую причину процвѣтанія Рыбинска авторъ видитъ въ конной тягѣ по Шекснѣ. Рыбинскіе купцы запродаютъ овесъ для лошадей коноводамъ и припасы для бурлаковъ почти на весь путь по Шекснѣ. Рыбинскіе купцы и мѣщане торгуютъ по самой Маріинской системѣ, держатъ тамъ постоялые дворы, харчевни и проч. „Если не „самъ судопромышленникъ,“ говоритъ г. Прокофьевъ, „то его братъ, его дядя „ведетъ торговлю съ коноводами и лошадьми или имѣетъ лабазъ, постоялый дворъ „и пр.“

Такія обстоятельства дѣлаютъ для многихъ Рыбинцевъ весьма нежелательнымъ развитіе пароходства по Шекснѣ. Рыбинскіе унжаки плохо годятся для буксировки пароходами, а суда новой конструкціи, которыя собираются строить у насъ, будутъ проходить мимо Рыбинска не перегружаясь. Пароходство по Шекснѣ уронитъ мѣстную торговлю и промысла. Рыбинскіе купцы и торговцы сознаютъ угрожающую имъ опасность. Чтобы поддержать конную тягу по Шекснѣ, въ 1864 году въ Рыбинскѣ основалась компанія устроившая коноводскія станціи по этой рѣкѣ, которыя давали бы возможность поднимать суда безъ задержекъ перемѣнными лошадьми. Компанія эта однако не имѣла успѣха.

Въ брошюрѣ г. Прокофьева мы находимъ интересный разказъ о томъ какія казенное управленіе представляло выгоды и удобства рыбинскимъ торговцамъ. Во избѣжаніе изнуренія бурлаковъ и лошадей требовалось чтобы число ихъ соразмѣрялось съ грузомъ. Требованіе не исполнялось, и наконецъ изъ Рыбинска стали просить уменьшить назначенное число, *потому что* бечевникъ узокъ и худъ. Надобно было исправить бечевникъ, а между тѣмъ, согласно съ ходатайствомъ, уменьшили обязательное число людей и лошадей. По старымъ правиламъ суда одного разряда могли на ходу обгонять одно другое и легкія череповскія и бѣлозерскія тихвинки оставляли назади тяжелые рыбинскіе унжаки. И вотъ изъ Рыбинска начали хлопотать чтобы право обгона, или, какъ говорится, на мѣстѣ, *обыски*, на ходу было отнято у судовъ, и эта агитація увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: легкія суда должны были тянуться за грузными. Такимъ образомъ, по даннымъ г. Прокофьева, выходитъ что Рыбинскъ богатѣетъ не только благодаря своему выгодному положенію, но и на счетъ разныхъ злоупотребленій и недостатковъ въ теперешнемъ ходѣ дѣлъ.

Невыгоды казеннаго управленія слишкомъ разительны и теперь вся забота должна состоять лишь въ пріисканіи такой формы предпріятія и въ установленіи такихъ правилъ судоходства, при которыхъ были бы обезпечены всѣ справедливые интересы. Въ другой разъ мы возвратимся къ замѣчаніямъ рыбинскаго купечества (во многомъ справедливымъ) на проекты концессій поданные г. Овсянниковымъ и К° и къ помянутымъ въ этихъ документахъ правиламъ по судоходству. Теперь только два слова.

Казенное управленіе Маріинскою системою нашло себѣ защитниковъ въ лицѣ нашихъ разнаго рода нигилистовъ и соці-

алистовъ, печатающихся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ подобныхъ органахъ. Г. Прокофьевъ безпощадно подсмѣивается надъ мнѣніями о судоходствѣ, до которыхъ додумались наши соціалисты. Кому-то изъ нихъ удалось сообразить что самарскіе фермеры сами должны возить хлѣбъ въ Петербургъ, что нужны судоходныя ассоціаціи, а судопромышленность и вообще все теперешнее судоходство „никуда не годится“. Авторъ замѣчаетъ:

„Вся ихъ (соціалистовъ) практическая мудрость ограничивается швейнями и сыроварнями.... Они не хотятъ изучать предметы играющіе бо́льшую роль въ народномъ хозяйствѣ. Эти господа исписали цѣлыя кипы бумаги проектами объ ассоціаціяхъ, но никто изъ нихъ не разработалъ ни одного практическаго вопроса. Такъ мы знаемъ, напримѣръ, что одинъ изъ послѣдователей соціальной школы, цѣлые годы жившій въ Вологдѣ, вынесъ единственный результатъ мѣстной промышленной сферы—вязанье чулокъ. Далѣе того ни умъ, ни способности сего ученаго не пошли.“

№ 137.

Москва, 26-го іюня.

Сегодня *Кавказъ* принесъ намъ извѣстіе о томъ что судьба главной Кавказской желѣзно-дорожной линіи поставлена въ зависимость отъ опытовъ, которые будутъ производиться у насъ зимой надъ узкоколейными дорогами. По извѣстіямъ кавказской газеты, какъ Новгородская такъ и Ливенская узкоколейныя вѣтви имѣютъ быть построены къ осени, именно къ октябрю. Результаты эксплуатаціи этихъ дорогъ съ октября по апрѣль, говоритъ *Кавказъ*, должны „разрѣшить вопросъ о ширинѣ пути кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ“, и затѣмъ постройка главной кавказской линіи съ широкимъ или узкимъ путемъ начнется не позднѣе половины 1871 года.

Признаемся, намъ плохо вѣрится чтобы дѣйствительно дѣло получило такой оборотъ. Возможно ли чтобы результаты эксплуатаціи мелкихъ вѣтвей съ ихъ ничтожнымъ движеніемъ были призваны рѣшить судьбу главныхъ линій? Возможно ли чтобы результаты эксплуатаціи за первые мѣсяцы по открытіи какой бы то ни было желѣзной дороги, когда едва можетъ обозначиться лишь небольшая часть будущаго движенія, были признаны за окончательные, хотя бы для сужденія объ этой самой дорогѣ или вѣтви?

Устраивать главныя линіи сообразно выводамъ полученнымъ на вѣтвяхъ все равно что строить пароходы для плаванія въ океанахъ сообразно опытамъ надъ лодками ходящими на десятки верстъ по рѣкѣ. Устройство вѣтви тѣмъ лучше чѣмъ ближе оно приспособлено къ ограниченнымъ мѣстнымъ потребностямъ. Напримѣръ вагоны Фестиньіогской дороги безъ рессоръ и буферовъ тѣмъ и хороши что, не годясь даже для перевозки громоздкаго или ломкаго груза, они вполнѣ пригодны для перевозки мѣстной клади каменнаго угля и шифера. Эксплуатація вѣтви должна пуще всего беречь копѣйку, хотя бы отъ этого пострадали скорость и удобства движенія. Не то на главныхъ линіяхъ, призванныхъ удовлетворять иному размѣру потребностей и выдерживать иныя испытанія. Мы можемъ продлить сравненіе сказавъ что вѣтвь соотвѣтствуетъ рѣкѣ, а главныя линіи—морскому плаванію. Бури которыя должны выдерживать главныя линіи, это чрезмѣрное скопленіе грузовъ по временамъ и требованія быстрой перевозки огромнаго числа войскъ, и притомъ въ такіе дни когда и малое промедленіе можетъ грозить бѣдой государству или разореніемъ торговлѣ. Хорошо устроенная главная линія должна выходить съ торжествомъ изъ этихъ затрудненій. Правда, у насъ этого не было; но такой опытъ говоритъ лишь о неудовлетворительности нашихъ порядковъ. Казна и поплатилась за нихъ ссудами на устройство втораго пути по Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Московско-Курской и Динабурго-Витебской линіямъ. За границей главныя линіи строятся почти всегда въ два пути. Положимъ что у насъ труднѣе предсказать размѣры движенія по строимой дорогѣ, и что у насъ иныя линіи создаютъ новое движеніе. До нѣкоторой степени можно пожалуй оправдать на сомнительныхъ линіяхъ воздержаніе отъ такого значительнаго расхода какъ укладка втораго пути, но могутъ ли имѣть мѣсто на главныхъ линіяхъ сравнительно грошевыя сбереженія отъ суженія пути? Локомотивъ Ферлея не перемѣняетъ дѣла. Если онъ представляетъ такія удобства что значительно улуч-

имѣетъ узкія дороги, то изъ этого обстоятельства по отношенію къ главнымъ линіямъ слѣдуетъ лишь то что онѣ должны воспользоваться новымъ паровозомъ.

Для того чтобы главныя линіи удовлетворяли своему назначенію не только въ обыкновенныхъ, но и въ экстренныхъ случаяхъ, онѣ должны быть приспособлены къ быстрому движенію. Только скоростью движенія могутъ быть побѣждены затрудненія отъ скопленія грузовъ и при перевозкѣ войскъ. Вообще скорость движенія есть важное условіе для переѣздовъ и перевозокъ на большія разстоянія. Не велика бѣда промедлить 20 минутъ при переѣздѣ 50 верстъ по небольшой вѣтви, но плохо дѣло если на каждую полсотню верстъ тысячеверстнаго пути будетъ такая же задержка. Узкій путь даже и при локомотивѣ Фарлея не дастъ возможности развивать значительно быстрое движеніе, а стало-быть узкій путь не можетъ быть пригоденъ для главныхъ линій.

Въ значеніи большой Кавказской дороги нельзя сомнѣваться; это безспорно главная линія. Она связываетъ всю Россію съ благодатнымъ только что замиреннымъ краемъ, куда рано или поздно двинется населеніе. Она имѣетъ громадное стратегическое значеніе: это теперь единственный путь по которому мы можемъ теперь направиться къ турецкой границѣ. Одного послѣдняго обстоятельства достаточно чтобы эта линія имѣла одинаковую ширину со внутреннею сѣтью, и чтобы на нее въ случаѣ нужды можно было двинуть локомотивы и вагоны внутреннихъ дорогъ.

Въ Кавказскомъ техническомъ обществѣ вопросъ объ узкоколейныхъ дорогахъ вызвалъ весьма интересныя пренія, которыя напечатаны въ *Кавказѣ* (№№ 53, 58, 60 и 65). Мы весьма сожалѣемъ что спеціальность предмета затрудняетъ насъ познакомить читателей съ этими преніями и въ особенности со статьею г. Палибина, который изобличаетъ многія пристрастныя въ пользу узкаго пути замѣчанія и умолчанія офиціальной коммиссіи ѣздившей въ Англію на Фестиньйогскую дорогу.

Коммиссія не придаетъ, напримѣръ, большаго значенія перегрузкамъ товаровъ при встрѣчѣ дорогъ разной ширины, указывая на дешевизну подобныхъ перегрузокъ. Г. Палибинъ справедливо замѣчаетъ что перегрузка важна не столько своею цѣнностію, сколько необходимостью надзора за „ея правильностью и сбереженіемъ товаровъ. Русская пословица говоритъ что „три переѣзда стоятъ одного пожара, намекая на неизбѣжную при перекладкахъ „ломку; для многихъ же товаровъ и одна „перегрузка будетъ стоить пожара. На „пунктахъ перегрузки купечеству придется „содержать особыхъ агентовъ, что значительно возвыситъ цѣнность товара.“

Перечисляя выгоды узкихъ дорогъ, коммиссія разбиваетъ эти выгоды на цѣлую серію составныхъ элементовъ, а неудобства тѣхъ же дорогъ передаетъ обрывистыми фразами. Такъ коммиссія пишетъ что на узкихъ дорогахъ „длина поѣздовъ увеличится“. По замѣчанію г. Палибина, въ этихъ трехъ словахъ implicite заключаются еще слѣдующія невыгоды: „увеличеніе ремонта подвижнаго состава, увеличеніе числа употребляемыхъ осей, увеличеніе ремонта осей, удлиненіе разъѣздныхъ путей на станціяхъ и увеличеніе ихъ ремонта“.

Оказываются наконецъ явныя преувеличенія. Говоря объ уменьшеніи ширины землянаго полотна дороги при узкомъ пути, коммиссія забываетъ упомянуть что въ горахъ и въ выемкахъ эта ширина зависитъ отъ ширины не пути, а подвижнаго состава имѣющаго на узкихъ дорогахъ значительный свѣсъ въ обѣ стороны.

Узкоколейныя дороги вообще слишкомъ старая новость, о которой уже исписаны цѣлые томы. Предъ нами лежитъ вышедшій недавно объемистый трудъ Е. Левеля, озаглавленный: *De la construction et de l'exploitation des chemins de fer d'intérêt local*. Авторъ горячій поклонникъ узкаго пути, но разумѣется лишь для вѣтвей. О постройкѣ главныхъ линій съ узкимъ путемъ нѣтъ у него и рѣчи. Дѣйствительно, на небольшихъ вѣтвяхъ, гдѣ дорогу иногда выгодно построить даже неполную, то-есть лишь для движенія въ одну сторону (безъ разъѣздовъ для поѣздовъ) или для одного дневнаго движенія, могутъ быть важны сокращенія издержекъ вслѣдствіе узкаго пути, и нельзя не порадоваться если и у насъ узкій путь окажется умѣстнымъ для Новгородской вѣтви. Но какъ же предложить для главной линіи только дневное движеніе или постройку безъ разъѣздовъ?

Съ теоретической стороны, опыты надъ такою старою новостью какъ узкій путь

давно уже сдѣланы и передѣланы. Въ книгѣ г. Левеля есть много интересныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ. Что же касается локомотива Ферлея, то нѣтъ причинъ полагать чтобъ опыты производимые на берегахъ Сосны и Волхова болѣе освѣтили дѣло чѣмъ опыты производившіеся и, какъ мы видимъ изъ *Times* (см. № отъ 25-го іюня), до сихъ поръ дѣлаемые на морскомъ берегу Англіи. Если же нужны собственные опыты надъ этимъ паровозомъ, то его можно изучить во всѣхъ отношеніяхъ на любой дорогѣ, при всякой ширинѣ ея. Для полноты опыта локомотивъ Ферлея не мѣшало бы пустить на широкую дорогу. Онъ обѣщаетъ сокращеніе издержекъ постройки не для однѣхъ узкихъ дорогъ. Устройство локомотива Ферлея дозволяетъ напримѣръ облегчить вѣсъ рельсовъ, а это возможно при всякой ширинѣ дороги.

№ 138.

Москва, 26-го Іюня.

26-го іюня 1770 года было совершено громкое военное дѣло. Въ этотъ день русскій флотъ, подъ начальствомъ графа Орлова, послѣ жестокаго боя съ турецкими кораблями, принудилъ ихъ укрыться въ Чесменскую бухту, близь острова Хіоса, и тамъ истребилъ ихъ безъ остатка. Никогда до этого кроваваго дня, могущество султановъ не подвергалось такому страшному пораженію на морѣ. Многіе знатоки военнаго дѣла полагаютъ что графъ Орловъ вслѣдъ за тѣмъ могъ бы прорваться сквозь Дарданеллы, весьма плохо защищенныя въ то время, и продиктовать султану мирныя условія въ его Сарайскомъ дворцѣ. Но не вдаваясь въ предположенія и оставаясь на почвѣ факта, мы можемъ сказать что почти одновременно съ потерей всего своего флота Турція понесла и на сухомъ пути два такія пораженія какихъ дотолѣ никогда не испытывала. Румянцевъ разгромилъ Турокъ при Кагулѣ, послѣ чего онъ перевелъ часть своихъ войскъ за Дунай, въ Болгарію, гдѣ русское оружіе не бывало со временъ Святослава.

Кагулъ и Чесма — славныя имена въ нашей военной исторіи, и мы думаемъ сверхъ того что имена эти обозначаютъ эпоху знаменательную въ исторіи всего человѣчества, ту поворотную точку съ которой начинается упадокъ мусульманскаго владычества въ Европѣ. Съ этого времени Европа окончательно освободилась отъ страха новыхъ варварскихъ нашествій.

Но если мы сами не будемъ чествовать дней нашей славы, кто будетъ помнить ихъ? Иностранные историки и до сихъ поръ повторяютъ грубую ошибку, приписывая успѣхъ Чесменскаго боя неспособному Эльфинстону, и даже у Шницлера, столь доброжелательнаго къ Россіи, русскій лейтенантъ Ильинъ, зажигатель брандера, превратился въ англійскаго лейтенанта Эльгина.

Вспомнимъ же въ настоящій день, и вспомнимъ съ гордостью, ударъ нанесенный нашими дѣдами турецкому могуществу! Вспомнимъ что кровь пролитая ими при Чесмѣ, Ларгѣ и Кагулѣ принесла обильный плодъ, что благодаря ихъ трудамъ и побѣдамъ облегчены были цѣпи нынѣшнихъ Румынъ, что эти побѣды пробудили жажду свободы въ Грекахъ и Славянахъ, что плодоносныя страны прилегающія къ Таврическому полуострову уже не опасаются набѣга дикихъ Крымцевъ и сдѣлались доступны населенію, что цвѣтущія долины Ріона и Куры не обагряются кровью, что Анапа и Ахалцыхъ перестали быть невольничьими рынками, что на широкомъ просторѣ Чернаго моря торговля человѣческимъ мясомъ уступила мѣсто иной торговлѣ, съ каждымъ годомъ расширяющейся... Вотъ плоды побѣдъ одержанныхъ нѣкогда баталіонами Румянцова и кораблями Орлова!

Но гдѣ этотъ флотъ смѣло носившійся по волнамъ Архипелага? Гдѣ тѣ славные корабли которые напомнили подъ Синопомъ о Чесменскомъ побоищѣ?

Та самая Европа, цивилизацію которой отстаивали наши дѣды на ея восточной окраинѣ, соединила противъ насъ свои силы чтобъ отомстить за побѣды которымъ нѣкогда рукоплескала и плодами которыхъ воспользовалась. Разгромъ Севастополя былъ какъ бы отплатой за Чесму и Кагулъ. Но слава этихъ битвъ порукой въ томъ что Россія не останется на Востокѣ въ томъ униженномъ положеніи на какое хотѣли обречь ее севастопольскіе союзники Турціи. Наступитъ время когда Россія сброситъ наложенныя на нее путы, и возстановитъ свое такъ дорого купленное достоинство на Востокѣ. Невозможно чтобъ

она на вѣки осталась въ тѣхъ условіяхъ какія для ней созданы Парижскимъ трактатомъ, съ опустѣлыми гаванями, съ беззащитными городами, подъ ударомъ каждой турецкой канонерской лодки на всемъ громадномъ протяженіи своего черноморскаго берега. Она не можетъ зависѣть отъ чужаго миролюбія въ лучшей части своихъ владѣній, гдѣ уже закипаетъ новая, богатая жизнь. Великая держава безоружная въ своихъ водахъ, побѣдительница подъ Чесмою, беззащитная и связанная предъ Турціей,—развѣ можно этому повѣрить, развѣ можетъ быть это правдою, развѣ можетъ исторія остановиться на этомъ? Россія должна возстановить свое могущество въ Черномъ морѣ,—и она возстановитъ его: въ этомъ не сомнѣваются и ея противники, которые хлопочутъ только о томъ чтобъ день этотъ отсрочить подалѣе. Но морское могущество въ водахъ Эвксина нужно Россіи не для наступательныхъ цѣлей. Дни Чесмы миновали. Времена наступили другія; измѣнились задачи, измѣнились и средства къ ихъ разрѣшенію. Новыми побѣдами, какъ бы ни были онѣ блистательны, Россія ни на шагъ не подвинетъ вопроса который завѣщала ей исторія въ этихъ мѣстахъ, и новыя завоеванія были бы ей не въ пользу, а въ пагубу. Она достигла своихъ естественныхъ предѣловъ, и каждый шагъ далѣе только ослаблялъ бы ее и велъ бы къ упадку.

Восточный вопросъ давно вышелъ изъ того періода когда онъ могъ быть разрубленъ мечомъ. Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и во всякомъ другомъ все теперь рѣшается силами не войны, а мира. Только ими подготовляются, только ими совершаются прочные успѣхи во всемъ, даже въ дѣлѣ войны.

Празднуя дни славы нашего оружія, будемъ за поученіемъ обращаться къ эпохамъ нашихъ бѣдствій. Мы оплакиваемъ разгромъ Севастопольскій, но онъ не помрачилъ славы нашего оружія, и многому научилъ насъ.

Не военными побѣдами, но успѣхами гражданственности, наше отечество упрочитъ и возвыситъ свое положеніе между другими народами, и только этимъ путемъ можетъ оно способствовать благополучному разрѣшенію Восточнаго вопроса. Всякій успѣхъ дома, всякій благополучно рѣшенный вопросъ въ нашемъ государствѣ, всякая вновь развязанная сила въ нашемъ народѣ, усилитъ и наше внѣшнее дѣйствіе.

Что касается Восточнаго вопроса, то всего менѣе можно желать теперь его насильственнаго разрѣшенія. Разгромъ Оттоманской имперіи не разрѣшилъ бы вопроса. Изъ-подъ ея развалинъ онъ возникъ бы теперь еще съ большею силой, съ новыми и непреодолимыми трудностями. Возникъ бы хаосъ, изъ котораго, при всемъ напряженіи нашихъ силъ, мы не въ состояніи были бы выбраться. Будущее народовъ связанныхъ подъ турецкимъ владычествомъ еще не созрѣло, и мы послужимъ имъ въ пользу несравненно болѣе нашимъ внутреннимъ прогрессомъ нежели военною силою, какъ бы ни была она велика.

Въ наши дни программа русской политики на Востокѣ не можетъ быть та же что во времена Чесменской битвы. Нѣтъ надобности воевать съ Турціей, нѣтъ надобности держать ее въ страхѣ; достаточно чтобъ она уважала насъ. Удерживая принадлежащую намъ долю вліянія въ дѣлахъ Востока, мы всего лучше воспользуемся имъ если будемъ неутомимо и щедро способствовать улучшенію быта его населеній, не волнуя ихъ безплодными попытками къ дѣйствію. Мы вѣрнѣе послужимъ имъ способствуя ихъ просвѣщенію, ихъ нравственному развитію, ихъ благосостоянію; мы вѣрнѣе обезпечимъ свое вліяніе въ ихъ средѣ помогая имъ въ ихъ насущныхъ нуждахъ. Теперь, каждый поддержанный нами храмъ, каждая заведенная при нашей помощи школа, каждый открытый нами пріютъ для больныхъ и нуждающихся, посреди этихъ населеній, принесутъ несравненно болѣе пользы и имъ, и дѣлу человѣчества, и намъ самимъ, чѣмъ всякая новая побѣда, хотя бы еще болѣе блистательная чѣмъ при Чесмѣ или Кагулѣ.

№ 139.

Москва, 27-го іюня.

Въ сегодняшнемъ листкѣ нашей газеты мы даемъ мѣсто письму изъ Рыбинска, которое подробно излагаетъ содержаніе упомянутаго нами на дняхъ протеста 227 рыбинскихъ купцовъ, судопромышленниковъ и пароходовладѣльцевъ, противъ проектовъ

концессій на Маріинскую систему представленныхъ гг. Овсянниковымъ, Милютинымъ и К°. Въ видѣ дополненія къ этому протесту, намъ доставлены изъ Рыбинска „краткія замѣчанія“ на отдѣльные параграфы помянутыхъ проектовъ.

Въ № 136, пользуясь брошюрою г. Прокофьева *Наше судоходство*, мы представили цѣлую массу фактовъ говорящихъ противъ существенной мысли рыбинскаго заявленія, т.-е. противъ оставленія Маріинской системы въ казенномъ управленіи. Намъ кажется что въ этомъ пунктѣ нѣтъ мѣста сомнѣнію. На водныхъ сообщеніяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на горныхъ заводахъ, въ разныхъ промыслахъ, всюду казенное управленіе давало одни и тѣ же результаты, изъ коихъ самый дурной тотъ что оно тормозило развитіе дѣла и всякія въ немъ улучшенія. Такъ, на Маріинской системѣ, недостатки ея теперешняго устройства мѣшаютъ развитію пароходства и отдаляютъ побѣду его надъ пагубною для всей страны конною тягой, которая заражаетъ сѣверныя губерніи сибирскою язвой. Такъ развитіе нашего горнаго дѣла, требующаго перехода къ производствамъ на каменномъ углѣ, задерживается благодаря бюрократическимъ порядкамъ, которые владѣютъ казенными заводами и сильно вліяютъ на заводы частные.

Въ дѣлѣ водныхъ сообщеній, неповоротливость казеннаго управленія даетъ чувствовать себя съ возрастающею силой. Прежде, при даровомъ трудѣ, при даровой подвозкѣ къ пристанямъ, купцы могли закупать хлѣбъ по столь низкимъ цѣнамъ что они мало боялись невзгодъ и медленности доставки въ порты и столицы, гдѣ стояли двойныя и тройныя цѣны. Въ сороковыхъ годахъ, на Камѣ, рожь стоила 1 р. 50 к. и 2 р. за четверть, а въ Петербургѣ продавалась 5 р. и 6 р. При такой разницѣ цѣнъ, можно было выдержать двухлѣтнюю и даже трехлѣтнюю перевозку. Г. Прокофьевъ разказываетъ что онъ знаетъ одного стараго судопромышленника, который до сихъ поръ „гордится тѣмъ что „въ былыя времена ходилъ на конной машинѣ по три года отъ Самары до Рыбинска и все-таки навозилъ денегъ.“ Тогда и казенные караваны плавали по два года отъ Казани до Петербурга. Теперь обстоятельства перемѣнились. Землевладѣльцы отовсюду заявляютъ о необходимости уменьшить разницу между портовыми и внутренними цѣнами, а для этого надо удешевить доставку. Предметы нашего вывоза съ каждымъ годомъ встрѣчаютъ болѣе сильную конкурренцію на иностранныхъ рынкахъ. Вообще международное соперничество становится все живѣе и дѣятельнѣе. Однѣ желѣзныя дороги не въ силахъ удовлетворить всѣмъ вновь возникающимъ потребностямъ; совершенно необходимо озаботиться улучшеніемъ водныхъ сообщеній, которыя, говоря вообще, даютъ возможность болѣе дешевой доставки. Сообразно старымъ порядкамъ, на огромномъ большинствѣ нашихъ рѣкъ, а отчасти и на каналахъ, не дѣлается никакихъ улучшеній. Вышневолоцкая система, напримѣръ, существуетъ теперь почти въ томъ же видѣ какъ была въ прошломъ столѣтіи. Нѣтъ сомнѣнія что вскорѣ мы должны будемъ приступить къ улучшенію нашихъ рѣкъ, находящихся въ первобытномъ состояніи, и къ исправленію искусственныхъ водныхъ сообщеній. Улучшеніе водныхъ путей должно неизбѣжно сопровождаться введеніемъ лучшаго подвижнаго состава, то-есть развитіемъ пароходства и постройкой улучшенныхъ судовъ. Пароходство и хорошія баржи мы видимъ у себя пока только на Волгѣ, съ которой почти исчезли расшивы, коноводныя машины и пр.

Трудно думать чтобы бюрократическое управленіе могло чутко отозваться на потребности новаго времени, чтобы казна во-время явилась на тотъ или другой путь съ необходимыми улучшеніями и произвела ихъ соотвѣтственно обстоятельствамъ и условіямъ рѣки или канала... Если желать живаго и быстраго развитія дѣлу водныхъ сообщеній, то къ нему надобно призвать частную предпріимчивость.

Характеръ монополіи менѣе присущъ воднымъ путямъ чѣмъ желѣзнымъ дорогамъ. На водномъ сообщеніи легче отдѣлить предпріятіе по устройству самаго пути отъ предпріятія собственно по эксплуатаціи его, по производству перевозки, тогда какъ на желѣзныхъ дорогахъ оба предпріятія сливаются обыкновенно въ однѣхъ рукахъ. На водѣ, наконецъ, можетъ быть допущено нѣсколько независимыхъ предпріятій по производству перевозки: на ряду съ туэрнымъ движеніемъ можетъ идти работа буксирныхъ пароходовъ и особенно конная тяга. На водѣ, несравненно легче чѣмъ на рельсахъ, можно осуществить право

свободнаго прохода для подвижнаго состава самихъ отправителей. Чтобы могла открыться конкурренція въ перевозкѣ по рельсамъ, надо строить нѣсколько болѣе или менѣе параллельныхъ дорогъ; конкурренція же перевозокъ по водѣ возможна и на одномъ пути. Если частная промышленность допущена у насъ къ рельсовымъ сообщеніямъ, то нѣтъ причины бояться участія оной въ дѣлѣ водныхъ путей.

Туэрное пароходство, то-есть движеніе пароходовъ-туэровъ по цѣпи, проложенной вдоль русла рѣки или канала, болѣе другихъ способовъ передвиженія по водѣ пріобрѣтаетъ монопольный характеръ. На водныхъ сообщеніяхъ, недостаточно широкихъ, не всегда можетъ быть уложено двѣ или три цѣпи. Поэтому, относительно предпріятій туэрнаго пароходства, правительству надлежитъ требовать особыхъ обезпечивающихъ условій. Допуская позже другихъ частную предпріимчивость на водныхъ сообщеніяхъ, мы можемъ воспользоваться богатымъ опытомъ другихъ странъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ Англіи право свободнаго прохода подвижнаго состава отправителей по желѣзнымъ дорогамъ не осуществилось, благодаря крайней неудовлетворительности концессій. Концессіями обязывались англійскія компаніи пускать на свои рельсы чужой подвижной составъ, но не выговаривали для чужихъ паровозовъ права удобно останавливаться на станціяхъ, запасаться топливомъ, наливаться водой и пр. Компаніи за все это назначили непомѣрныя платы. Въ виду опыта Англіи, у насъ, при разрѣшеніи устройства туэровъ товариществу владѣющему путемъ, должно быть выговорено право на проложеніе другихъ цѣпей, на устройство складовъ, пристаней и проч. для другихъ туэрныхъ предпріятій. Еще выгоднѣе, казалось бы, совершенно отдѣлить туэрное дѣло отъ содержанія пути, и обязать владѣльцевъ воднаго сообщенія предоставлять всѣ удобства для устройства возможно большаго числа предпріятій туэрнаго движенія, буксировки пароходами и пр.

Рыбинское купечество, какъ увидятъ читатели изъ помѣщаемой ниже корреспонденціи, находитъ что во всякомъ случаѣ, какъ бы ни была старательна составлена концессія, частные содержатели пути, особенно въ трудные для судоходства годы, все-таки будутъ имѣть возможность предаваться злоупотребленіямъ и прижимать отправителей. Въ этихъ словахъ рыбинское купечество противорѣчитъ само себѣ, противорѣчитъ своему восхваленію казеннаго управленія. Если признавать казну способною хорошо управлять путемъ, то необходимо признать что она тѣмъ паче способна устроить дѣло гораздо болѣе ей сподручное,—именно правильный и дѣйствительный контроль. Неужели у насъ нѣтъ надежды на устройство энергической и умѣлой инспекціи даже въ будущемъ?

Многіе готовы смотрѣть снисходительнѣе на недостатки казеннаго управленія чѣмъ на невыгоды проистекающія отъ погрѣшности концессій, потому что первые признаются дѣломъ подлежащимъ болѣе легкимъ перемѣнамъ и удобнѣе исправимымъ. Врядъ ли дѣйствительность оправдаетъ такой взглядъ. Развѣ за первымъ контрактомъ г. Уайненса, послѣ всего шума который возбуждалъ онъ, не послѣдовалъ второй контрактъ? Развѣ послѣ безпорядковъ и неудовлетворительности Николаевской линіи мы не видѣли порядковъ Московско-Курской и сказочныхъ достоинствъ Одесско-Балтской дороги съ ея водяными поѣздами? Сколько энергіи и стараній благонамѣренныхъ администраторовъ разбивались въ прахъ хотя бы на той же Маріинской системѣ! Недостатки казеннаго управленія, въ дѣйствительности, весьма мало поддаются существеннымъ перемѣнамъ и улучшеніямъ. Трудность исправленія недостатковъ концессій, въ значительной мѣрѣ, можетъ быть уменьшена выговореннымъ въ ней правомъ пересмотра извѣстныхъ условій, для точнаго опредѣленія которыхъ не достаетъ теперь данныхъ. Рискъ включенія въ концессію нѣкоторыхъ условій можетъ быть также ослабленъ предоставленіемъ болѣе дѣйствительныхъ правъ для инспекціи.

Чѣмъ шире будетъ допущена конкурренція различныхъ перевозныхъ предпріятій по Маріинской системѣ, тѣмъ скорѣе можетъ установиться болѣе дешевая и быстрая доставка грузовъ. Правительственная гарантія одного изъ предпріятій была бы величайшимъ нарушеніемъ условій конкурренціи. Въ проектахъ концессій, представленныхъ гг. Овсянниковымъ и К°, капиталъ на устройство туэра полагается собрать гарантированными облигаціями. Какую цѣну имѣютъ при этой гарантіи всѣ оговорки записокъ учредителей о томъ что на Маріинской системѣ можетъ быть допущено

проложеніе второй и третьей туэрной цѣпи? Устройство туажа по Маріинской системѣ дѣло выгодное, и капиталы могли бы быть собраны и безъ гарантіи.

Важность свободной конкурренціи перевозочныхъ предпріятій заставляетъ желать чтобы суда, идущія одинаковыми двигателями, пользовались на Маріинской системѣ одинаковыми правами; но вопросъ становится сложнѣе въ отношеніи къ судамъ идущимъ разными двигателями. Было бы неудобно заставлять пароходы тянуться въ одной очереди съ тяжелыми и неповоротливыми унжаками. И теперь болѣе сильнымъ двигателямъ дается преимущество, — именно судамъ идущимъ съ двумя смѣнами лошадей или людей противъ односмѣнныхъ. Рыбинское купечество, какъ намъ кажется, не совсѣмъ справедливо жалуется что для туэровъ предполагаемаго товарищества проектировано право первой очереди при проходѣ мостовъ и шлюзовъ. Справедливо можно требовать лишь того, чтобы такое право было дано всѣмъ пароходамъ. Мы отнюдь не оспариваемъ что преимущество предоставленное пароходамъ поведетъ къ постепенному прекращенію другихъ средствъ доставки, но объ этомъ жалѣть нечего. Никакою концессіей нельзя поддержать тягу бечевою.

Иное дѣло косвенная привилегія предоставляемая въ концессіяхъ новымъ улучшеннымъ судамъ товарищества, въ качествѣ судовъ большемѣрныхъ. Правительству трудно рѣшиться дать искусственный ходъ какой-либо одной конструкціи судовъ, и улучшеніе ихъ постройки лучше всего предоставить вполнѣ свободной конкурренціи.

Срочность доставки, устанавливаемая въ проектахъ концессій, врядъ ли поведетъ къ нарушенію очереди проходящихъ судовъ. Если паровому двигателю будетъ дано преимущество предъ другими, то срочность станетъ дѣломъ легко исполнимымъ. Во всякомъ случаѣ срокъ доставки грузовъ назначается въ концессіи соотвѣтственно извѣстному тарифу. Въ случаѣ промедленій компанія должна дѣлать скидку съ провозной платы ($^1/_{16}$ к. съ пуда въ день). Освобождаться отъ скидки, чрезъ нарушеніе очереди, было бы просто нарушеніемъ концессіи.

№ 140.

Москва, 30-го Іюня.

Однажды, въ прошломъ году, мы имѣли честь получить отъ луцко-житомірскаго римско-католическаго епископа письмо по поводу вопроса о введеніи русскаго языка, вмѣсто польскаго, въ церковное употребленіе для русскихъ католиковъ. Означенный іерархъ сѣтовалъ на наше по этому вопросу направленіе, и указывалъ на насъ какъ на опасныхъ либераловъ. Изъ его словъ выходило что, увлекаемые нашими радикальными стремленіями, мы подкапывались подъ одно изъ консервативныхъ въ Россіи началъ, каковъ есть польскій языкъ и досточтимый прелатъ предостерегательно ставилъ намъ это на видъ. Мы не совсѣмъ убѣдились въ этомъ, и продолжали попрежнему слѣдовать тѣмъ же радикальнымъ стремленіямъ въ вышесказанномъ вопросѣ. И вотъ, недавно почтены мы были отъ того же духовнаго лица новымъ письмомъ какъ бы вторымъ предостереженіемъ. Вотъ оно:

М. г. пусть что угодно пишутъ отъ моего имени къ папѣ; пусть получаютъ отъ него ко мнѣ посланные отвѣты; пусть составляютъ по своимъ разчетамъ мои предъ правительствомъ объясненія, какъ это сдѣлалъ краковскій *Часъ*, *Львовская Газета*, вашъ № 105 и петербургскій корреспондентъ берлинскаго *Börsen Courrier* — это, конечно, для меня прискорбно, но не столько сколько вашъ постоянный навѣтъ будто бы я въ дѣйствіяхъ по моему сану отстаивалъ права польской націи, и употреблялъ римско-католическую вѣру за орудіе въ сей цѣли. Я готовъ все простить, но такого какой нибудь народности идолопоклонства, которое вы мнѣ признаете, и которое нынѣшнимъ прогрессомъ возведено на мѣсто христіанскаго алтаря я не позволю навязывать себѣ никогда. Если мой прежній отзывъ къ вамъ по сему предмету не убѣдилъ васъ въ моей исключительно о вѣрѣ заботливости, то нападеніе на меня польскихъ газетъ должно показать вамъ что я не польскій дѣятель, какъ вамъ угодно рекомендовать меня предъ публикой.

Въ надеждѣ что вы благоволите помѣстить сіе мое заявленіе въ вашей газетѣ, имѣю честь быть съ надлежащимъ почтеніемъ вашимъ покорнымъ слугою.

Луцко-житомірскій епископъ *Боровскій*.

Надобно отдать справедливость искусству съ какимъ письмо это редижировано. Вотъ образчикъ удивительной способности немногими словами сказать такъ много что надобно долго распутывать!

Монсиньйоръ Боровскій жалуется что польскія газеты сочиняють за него письмо къ папѣ, и въ числѣ этихъ газетъ называетъ насъ. Но ему очень хорошо извѣстно что мы не польская газета, и что мы не сочиняли за него никакихъ писемъ. Мы не знаемъ находится ли онъ въ перепискѣ съ папой; но мы не могли не знать что въ заграничныхъ газетахъ печаталось его письмо къ папѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на оное, и не могли не обратить вниманія на этотъ фактъ. Подлинныя ли эти письма или не подлинныя, намъ неизвѣстно, но польская газета, впервые гласившая ихъ, вовсе не думала порицать монсиньйора Боровскаго за эту переписку. Она напечатала эти письма не въ осужденіе, а въ прославленіе его. Со стороны газеты *Часъ* это было выраженіемъ живѣйшаго сочувствія, а не вражды. Въ обнародованномъ письмѣ мы не находимъ ни одного слова которое не согласовалось бы въ точности съ заявленнымъ образомъ мыслей и дѣйствій монсиньйора Боровскаго. Въ этомъ письмѣ, подложномъ или подлинномъ, выражено именно то самое что онъ постоянно высказывалъ по вопросу о введеніи русскаго языка, и что наконецъ заявлялъ онъ въ своей прошлогодней эпистолѣ къ намъ. Во всякомъ случаѣ, мы не могли скрыть тотъ фактъ что въ газетахъ появилась переписка епископа луцко-житомірскаго съ папой, и не имѣли никакихъ основаній отрицать подлинность оной. Это послѣднее всего естественнѣе должно быть сдѣлано самимъ заинтересованнымъ лицомъ. Если письмо о которомъ идетъ рѣчь не было имъ писано, и если онъ не желалъ оставлять публику въ заблужденіи, то, смѣемъ думать, ему слѣдовало бы немедленно протестовать противъ подлога столь дерзкаго и столь важнаго. Его молчаніе могло быть только подтвержденіемъ и согласіемъ,— подтвержденіемъ подлинности письма и согласіемъ съ его содержаніемъ. Если это подлогъ, то молчаніе лица, ставшаго предметомъ онаго, очень знаменательно. Какъ, въ дѣлѣ подобной общественной важности, оставить безъ рѣшительнаго протеста подлогъ приписывающій намъ слова и дѣйствія противныя нашимъ убѣжденіямъ и правиламъ, и направленный къ тому чтобъ обманомъ возбуждать и поддерживать пагубную смуту во множествѣ людей? Даже теперь, въ виду вышеприведеннаго письмеца къ намъ монсиньйора Боровскаго, мы не можемъ сказать въ точности была ли то подлинная или неподлинная переписка: такъ неопредѣленны и неясны относящіяся къ сему пункту выраженія досточтимаго прелата. Онъ занятъ болѣе нами нежели вопросомъ который касается предмета великой для него важности и связанъ съ долгомъ его служенія.

Давая какъ бы разумѣть что мы по какому-то случаю, вмѣстѣ съ краковскимъ *Часомъ* и другими польскими газетами, сочинили письмо якобы подложно приписанное ему, епископъ Боровскій, ставитъ намъ въ укоръ еще то что мы, тоже яко-бы подложно, писали объ его объясненіяхъ съ правительствомъ. Но вмѣсто того чтобы выражаться такъ неопредѣленно и голословно, не лучше ли было бы сказать въ чемъ именно показанія наши были неточны или неправдивы. Когда намъ случалось упоминать о епископѣ луцко-житомірскомъ мы заявляли только положительные факты, основываясь на свѣдѣніяхъ совершенно достовѣрныхъ. Припомнимъ эти факты.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ правительство постановило ввести, во всѣ содержимыя имъ учебныя заведенія, преподаваніе католическаго закона Божія на русскомъ языкѣ. Кто протестовалъ противъ этого? Не воспрещалъ ли луцкій епископъ священникамъ своей епархіи исполненіе этого законнаго и столь справедливаго требованія, и не отступилъ ли онъ только предъ непреклоннымъ здравымъ смысломъ и энергіей бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора? Въ свое время мы, какъ органъ гласности, заявляли объ этомъ. Скажетъ ли онъ что мы писали неправду? Затѣмъ, не онъ ли возбудилъ вопросъ будто изложенный на русскомъ языкѣ римско-католическій катихизисъ невѣрно передаетъ догматы этой церкви, и угрожаетъ такимъ образомъ поколебать ее. Было ли это или не было? А когда возбужденный такимъ образомъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и когда еретическое мѣсто вѣроучебной книги, на которое указывалъ епископъ Боровскій, было сличено съ польскимъ подлинникомъ, то не оказалось ли что въ русскомъ переводѣ

было въ точности передано только то что преподавалось по-польски? Но оказалось ли что мѣсто признанное луцкимъ епископомъ за еретическое въ русскомъ изложеніи было имъ же терпимо въ польскомъ изложеніи? Не вытекало ли отсюда совершенно логическое заключеніе что для нѣкоторыхъ духовныхъ властей римско-католической церкви въ Россіи имѣетъ важность не религіозная сторона дѣла, а политическая,—заключеніе совершенно согласное со множествомъ другихъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію? Правительство предоставило римско-католическимъ богословамъ исправить мѣсто въ катехизисѣ на которое указывалъ епископъ Боровскій,—и вышло что въ русскомъ изложеніи катехизисъ этой церкви болѣе соотвѣтствуетъ ея ученію въ русскомъ изложеніи нежели въ польскомъ! Досточтимый прелатъ тѣмъ не менѣе, при другомъ случаѣ, опять протестовалъ противъ введенія русскаго языка въ молитвословіе и проповѣдь римско-католической церкви, и свидѣтельствовалъ до послѣдняго времени будто польскій языкъ есть для нея необходимость. Все это факты совершенно положительные, которые намъ документально извѣстны. Мы были бы душевно рады еслибы взглядъ досточтимаго прелата на предметъ о которомъ идетъ теперь рѣчь оказался существенно измѣнившимся, еслибъ исчезли причины побуждавшія его говорить и дѣйствовать въ томъ смыслѣ какъ онъ доселѣ говорилъ и дѣйствовалъ. Коль скоро онъ не желаетъ чтобъ ему приписывали тѣ воззрѣнія которыхъ онъ держался доселѣ, то надобно думать что онъ самъ считаетъ ихъ ошибочными и отрекается отъ своихъ прежнихъ дѣйствій...

Монсиньйоръ Боровскій особенно негодуетъ на насъ за то что мы находимъ въ немъ польскаго дѣятеля. Это прилагательное: польскій, всего-де оскорбительнѣе для него. Онъ видитъ въ этомъ навѣтъ. Но навѣтомъ по-русски называется клевета приписывающая человѣку предосудительныя мнѣнія или дѣйствія въ которыхъ онъ неповиненъ, а польскій характеръ римско-католической церкви въ западно-русскомъ краѣ есть фактъ. Каковы бы ни были желанія, мнѣнія и чувствованія монсиньйора Боровскаго,—онъ все-таки есть польскій іерархъ, пока въ его епархіи польскій языкъ остается органомъ общественнаго молитвословія и проповѣди. Всѣмъ извѣстно что до сихъ поръ въ западномъ краѣ римскій католикъ и Полякъ суть выраженія тождественныя, и что польская національность не имѣетъ тамъ никакого иного основанія кромѣ римско-католической церкви, которая сдѣлалась польскимъ учрежденіемъ, вслѣдствіе запрета лежавшаго на русскомъ языкѣ. За ошибку нашей исторіи мы отнюдь не расположены винить преосвященнаго Боровскаго, или кого бы то ни было. Но теперь наступила пора исправить ошибку, и всѣ благомыслящіе люди какъ со стороны римско-католической церкви, такъ и Русскаго государства, должны способствовать этому въ обоюдномъ интересѣ. Въ римской церкви языкъ литургіи есть латинскій, но, для проповѣди и для дополнительнаго молитвословія, ея уставами предписывается употребленіе языка той страны гдѣ находится ея учрежденіе: Спрашивается: та страна гдѣ преосвященный Боровскій имѣетъ свою каѳедру есть ли Польша? населенія живущія въ епархіи луцко-житомірской суть ли польскій народъ? А если страна эта есть Россія, если народъ этотъ есть русскій, то польскій языкъ служитъ теперь органомъ католической церкви въ западномъ краѣ столько же вопреки ея уставамъ, сколько и вопреки дѣйствительности. Исторія кровавыми опытами доказала весь вредъ этой неправильности. Она создала въ западной Россіи призракъ національности сгубившей столько поколѣній. Она была виною тому что христіанское исповѣданіе, допущенное законами страны и обезпеченное ея правительствомъ, превратилось въ злой политическій заговоръ. Не слѣдовало ли указать на эту аномалію? Не слѣдовало ли настаивать чтобы безсмысленный и пагубный запретъ былъ снятъ съ русскаго языка? Не въ этомъ ли смыслѣ мы дѣйствовали? И если епископъ Боровскій дѣйствительно не желаетъ быть польскимъ дѣятелемъ, если дѣйствительно онъ не хочетъ чтобы дѣло церковное превращалось въ орудіе политическихъ страстей, и притомъ безнадежныхъ и пагубныхъ, то не въ одномъ ли смыслѣ съ нами приходилось бы ему дѣйствовать? Если, какъ надобно заключить изъ его письма, онъ слѣдитъ за нашею газетою, то онъ не могъ не убѣдиться что она далека отъ грубаго прозелитизма и не расположена возбуждать религіозныя смуты въ нашемъ отечествѣ, или отожествлять государство съ церковію и

религію съ національностію. Мы имѣемъ свои религіозныя убѣжденія, но мы уважаемъ религіозныя убѣжденія другихъ, и какъ бы глубоко ни *желали соединенія* всѣхъ въ дѣлѣ вѣры, но не считаемъ себя въ правѣ *требовать* этого. Взглядъ который постоянно мы высказывали клонится къ тому чтобъ устранить государственное вмѣшательство въ дѣло совѣсти и въ отношеніи людей къ Богу, и въ этомъ случаѣ мы были только органомъ здраваго общественнаго мнѣнія. Если религіозное учрежденіе допускаемое законами страны не нарушаетъ ихъ и не причастно никакой примѣси которая можетъ дѣлать его орудіемъ политическимъ, то мы полагаемъ что никто не въ правѣ отнимать у людей иномыслящихъ въ дѣлахъ вѣры право быть дѣтьми своего отечества.

Въ Римѣ жалуюся на гоненія которыя претерпѣваетъ римско-католическая церковь въ Россіи. Мы не отрицаемъ что между ея духовенствомъ въ Россіи и русскимъ правительствомъ возникали столкновенія; мы не отрицаемъ что въ Россіи были принимаемы противъ этой церкви стѣснительныя мѣры. Но что причиною тому? Догматы ли этой церкви, или какая-либо неправильность ея положенія въ Россіи? Нѣтъ, не вѣроисповѣданіе, не организація этой церкви, какъ и всякой другой вѣры допущенной русскими законами, навлекаютъ на нее удары; удары эти падаютъ не на римскую церковь каковы бы ни были ея догматы, а на церковь польскую каковою римскій католицизмъ сдѣлался въ Россіи. Этотъ польскій элементъ внѣдрившійся въ римскую церковь, посреди русскихъ населеній, въ краѣ который нѣкогда былъ въ соединеніи съ польскимъ государствомъ, но искони былъ русскій и за столѣтіе предъ симъ возсоединенъ съ Россіей,—вотъ гдѣ причина смуты, и вотъ что требуется устранить во имя истины и ради спокойствія какъ русскаго государства, такъ и самой католической церкви въ ея предѣлахъ. Что же дурнаго находитъ въ направленіи нашемъ епископъ луцко-житомірскій если онъ не хочетъ быть польскимъ дѣятелемъ и заботится только объ интересахъ своей вѣры? Пусть исчезнетъ политическій обманъ созданный неправильнымъ положеніемъ дѣлъ, и не будетъ никакого повода къ столкновенію между церковію которой предстоитъ епископъ Боровскій и русскимъ правительствомъ. Вмѣстѣ съ безопасностію государства водворится и миръ въ самой этой церкви. Россія гораздо менѣе чѣмъ католическія державы, напримѣръ Франція и Австрія, можетъ имѣть поводъ ко вмѣшательству въ ея внутреннюю организацію и догматы. Постановка того или другаго вопроса въ римской церкви можетъ касаться государственныхъ интересовъ тѣхъ странъ гдѣ католицизмъ есть религія господствующая; въ Россіи же, гдѣ господствуетъ другая церковь и гдѣ римско-католическія населенія составляютъ лишь весьма малую долю ея громаднаго народа, такъ или иначе постановленный вопросъ внутренней организаціи римской церкви не имѣетъ никакого значенія. Въ Россіи не имѣетъ, напримѣръ, смысла то явленіе которое во Франціи выражается противоположностью и борьбою между ультрамонтантствомъ и галликанизмомъ.

Всѣ свѣдѣнія которыя доводилось намъ сообщать о луцко-житомірскомъ епископѣ были совершенно точны и правдивы. Только однажды мы ошиблись: это было въ послѣдній разъ когда намъ доводилось говорить о немъ. Это была маленькая корреспонденція изъ Кіева помѣщенная въ № 131 нашей газеты. Ошибка состояла въ томъ что въ этой корреспонденціи сообщалось объ епископѣ луцко-житомірскомъ извѣстіе представлявшее его дѣйствія въ свѣтѣ нѣсколько болѣе благопріятномъ. Нашъ кіевскій корреспондентъ сообщалъ со слуховъ, о результатѣ переговоровъ означеннаго іерарха съ директоромъ иностранныхъ исповѣданій, который нарочито ѣздилъ въ Кіевъ дабы помочь тамошней администраціи въ затрудненіяхъ возникшихъ между ею и означеннымъ епископомъ. Намъ писали что монсиньйоръ Боровскій сдался на убѣжденія директора департамента, и согласился исполнить ту маленькую формальность которая отъ него требовалась. Слухъ оказался не совсѣмъ вѣрнымъ: епископъ луцко-житомірскій остался при своемъ, упорно отвергая ненавистное ему дѣло въ самомъ принципѣ, хотя принципъ этотъ на практикѣ достаточно обойденъ административными распоряженіями. Польскій іерархъ отказался объявить своему духовенству что русскій языкъ дозволено ввести въ замѣнъ польскаго, дабы не дать этимъ санкцію Высочайшему повелѣнію снявшему запретъ съ русскаго языка. Епископъ луцко-жито-

мірскій не соглашается на снятіе этого запрета даже въ принципѣ.

Еслибъ означенный епископъ, дѣйствительно, радѣлъ только объ интересахъ своей церкви то, смѣемъ думать, онъ поступилъ бы иначе. Онъ не сталъ бы отвергать принципъ религіозной терпимости въ отношеніи къ своей церкви,—принципъ который освобождаетъ ее отъ священниковъ-убійцъ и прелатовъ заговорщиковъ, а страну отъ вѣковой заразы и столько людей отъ пагубы. Съ ревностію соотвѣтственно воинствующему характеру его церкви, онъ поспѣшилъ бы сокрушить алтарь возмутительнаго идолопоклонства какимъ сталъ римскій католицизмъ въ западномъ краѣ Россіи, замѣняющій Распятаго Христа грубою и кровавою каррикатурой распятой Польши. Въ своихъ объясненіяхъ съ административными лицами, онъ сталъ бы спорить не о принципѣ, который былъ бы принятъ имъ безусловно и признательно какъ важная льгота, а о способѣ примѣненія принципа. Онъ легко могъ доказать что объявленныя администраціей распоряженія по этому вопросу не только уничтожаютъ на практикѣ всю силу дарованнаго принципа, но ведутъ къ торжеству противнаго дѣла. Онъ убѣдилъ бы администрацію отмѣнить какъ можно скорѣе эти ошибочныя распоряженія и принять совсѣмъ иной путь; онъ объяснилъ бы что при обстоятельствахъ въ какихъ западный край находится, невозможно вопросъ подобнаго рода дѣлать предметомъ страннаго плебисцита отдающаго населенія въ руки злонамѣренной партіи. Онъ поставилъ бы на видъ что съ вопросомъ подобнаго рода слѣдуетъ обратиться прежде всего къ самому духовенству. Онъ напомнилъ бы что слѣдуетъ поддержать и укрѣпить начавшееся въ духовенствѣ доброе движеніе въ русскомъ смыслѣ, а не подавлять его распоряженіями, отнимающими у духовенства право вводить русскій языкъ въ церковное употребленіе. Этого мало: онъ объяснилъ бы что недостаточно дать духовенству это право, но что слѣдуетъ поставить ему это въ обязанность, что употребленіе русскаго языка должно быть не просто разрѣшено, а узаконено въ римско-католическихъ церквахъ западнаго края. Умы шаткіе и слабые, не имѣющіе собственнаго сужденія, но желающіе казаться либеральными и просвѣщенными, быть-можетъ повѣрили бы монсиньйору Боровскому, еслибъ онъ, съ своей стороны, объяснилъ что узаконеніе русскаго языка, въ отошеніи къ римско-католическому духовенству западнаго края, было-бы мѣрою въ лучшемъ смыслѣ либеральною и вполнѣ просвѣщенною. Среди этого духовенства она поддержала бы людей благонамѣренныхъ и обезоружила бы неблагонамѣренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если представить введеніе русскаго языка только произволу отдѣльныхъ лицъ изъ духовенства, то это значило бы подвергать ихъ всякаго рода непріятностямъ и опасностямъ. Зачѣмъ требовать отъ людей героизма? Довольно, если они исполняютъ требованія долга. Отказываясь по собственной иниціативѣ отъ польскаго языка и замѣняя его русскимъ, всякій римско-католическій священникъ въ западномъ краѣ неизбѣжно навлекаетъ на себя ненависть польской партіи, которая теперь стала самоувѣреннѣе чѣмъ когда-либо прежде. Правительство, признавъ что-либо справедливымъ и полезнымъ, можетъ дѣйствовать прямо, путемъ закона и общихъ мѣръ, не разчитывая на самопожертвованіе преданныхъ ему людей. Вотъ почему, освободивъ русскій языкъ вообще для иновѣрцевъ, правительство поступило бы справедливо и великодушно, столько же либерально сколько и консервативно, еслибы поставило римско-католическое духовенство западныхъ губерній въ необходимость воспользоваться этимъ дарованнымъ для всѣхъ правомъ.

Все это могъ бы епископъ луцко-житомірскій высказать въ своихъ объясненіяхъ съ административными лицами, или, буде угодно, въ печати, для чего мы съ удовольствіемъ отвели бы ему мѣсто въ нашей газетѣ,—еслибъ онъ заботился только о вѣрѣ, а не о польской національности. Это же самое слѣдовало бы ему изложить и въ письмѣ къ папѣ, еслибъ онъ счелъ нужнымъ писать таковое (съ вѣдома или безъ вѣдома администраціи, до этого намъ нѣтъ дѣла), между тѣмъ какъ въ посланіи опубликованномъ подъ его именемъ въ заграничныхъ газетахъ, вопросъ излагается лживо, и непогрѣшимый римскій владыка вводится въ грубѣйшій обманъ. Мѣра которая есть существенная льгота для римско-католической церкви въ Россіи, представляется въ этомъ облыжномъ посланіи какъ гоненіе противъ этой церкви. Подъ видомъ ревности о вѣрѣ, противъ которой никто ничего не умышля-

етъ, авторъ упомянутаго посланія хлопочетъ единственно о томъ чтобы спасти культъ распятой Польши....

Каковы бы ни были заблужденія римско-католической церкви, мы не думаемъ чтобы тѣ изъ ея пастырей вѣрно служили ей которые дѣлаютъ ее орудіемъ политическаго заговора, мятежа и государственной измѣны. Мы полагаемъ что не тотъ оказываетъ ей услугу кто всѣми неправдами старается удержать характеръ польскаго учрежденія, а тѣ напротивъ кто, по примѣру прелата Жилинскаго и одинаково мыслящихъ съ нимъ духовныхъ лицъ, желаютъ чтобы ея послѣдователи не были иностранцами въ своемъ отечествѣ, а еще менѣе врагами его, которыхъ надобно опасаться и принимать противъ нихъ мѣры безопасности.

Напрасно монсиньйоръ Боровскій говоритъ о какихъ-то нападеніяхъ на него въ польскихъ газетахъ. Напротивъ, ему какъ нельзя болѣе сочувствуетъ польская партія, которая съ такимъ неистовствомъ нападаетъ на почтеннаго администратора Виленской епархіи.

За три, за четыре года предъ симъ, дѣла въ Вильнѣ шли нѣсколько иначе. Тогдашняя администрація, дѣйствуя въ интересѣ государства, не имѣла иного способа противъ римской церкви ставшей польскимъ заговоромъ, кромѣ пропаганды православія способами не совсѣмъ духовнаго свойства. Прелатъ Жилинскій, который теперь съ полною рѣшимостію отрекся отъ Польши и ея дѣлъ, неутомимо стоялъ тогда на стражѣ своей церкви. Онъ дѣйствовалъ честно, и всякій честный человѣкъ долженъ отдать ему эту справедливость. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о другихъ пастыряхъ и архипастыряхъ римско-католической церкви въ Россійской имперіи...

У насъ предъ глазами доставленный намъ изъ Вильны экземпляръ интереснаго документа. Это прокламація ксендзовъ, бѣжавшихъ за границу. Она датирована и подписана такъ: „Парижъ, 8-го мая 1870 „года. По уполномочію совѣта священни„ковъ польскихъ эмигрантовъ. Предсѣда„тель кс. Л. Кржеминскій, за секретаря „кс. А. Слотвинскій." Прокламація эта есть бѣшеное нападеніе на прелатовъ Жилинскаго, Нѣмекшу, Тупальскаго, Гербурта, Липкина. „Они," сказано въ прокламаціи, „отреклись отъ вѣры (польской) и отка„зались отъ отечества (польскаго).... Для „лучшаго и скорѣйшаго успѣха, они при„звали для совокупнаго съ ними дѣйствія „польское духовенство двухъ епархій—и „нашли въ средѣ его много подобныхъ „себѣ священниковъ которые послушались „ихъ вызова, и изъявили готовность спо„собствовать ихъ дѣлу, чему доказатель„ствомъ служатъ адресы семи декановъ, „изъ коихъ четыре, а именно виленскій, „слуцкій, бобруйскій и мозырско-рѣчицкій, „подписаны всѣмъ духовенствомъ декана„товъ,—подъ адресами же свѣнцянскимъ, „виленскимъ и лидскимъ недостаетъ очень „много подписей, особенно подъ послѣд„нимъ. Самый крайній въ подлости есть „адресъ мозырско-рѣчицкаго деканата, въ „коемъ находимъ слѣдующія выраженія: „*Увѣряемъ что мы одушевлены горячимъ „чувствомъ любви къ нашему природному „монарху и преданы съ любовію нашему „Русскому отечеству.*" Въ томъ же адре„сѣ находимъ слова, коими духовенство „называетъ себя *природными Русскими „людьми.*"

Итакъ, русскіе подданные обвиняются, какъ въ самомъ дурномъ дѣлѣ, въ преданности природному Монарху и въ любви къ своему русскому отечеству. Вотъ культъ Польши, и вотъ во что обратился римскій католицизмъ въ Россіи!

Осыпая упомянутыхъ прелатовъ и священниковъ неистовою бранью и проклятіями, которыя мы гнушаемся воспроизводить здѣсь, жрецы распятой Польши восклицаютъ: „Идите измѣнники къ вашему „царю и заразительнымъ дыханіемъ не от„равляйте чистаго воздуха дорогой намъ „Польши."

Этотъ бѣшеный вопль доказываетъ неотложную необходимость освободить римскую церковь въ Россіи отъ польскаго начала, если она должна оставаться подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Изъ этого документа можно убѣдиться также какую цѣну придаютъ польскіе дѣятели господству польскаго языка въ римско-католическихъ храмахъ западнаго края. Никакая мѣра такъ не поражала польскую интригу какъ отдѣленіе полонизма отъ католицизма. „Знаемъ," восклицаютъ авторы прокламаціи, „знаемъ что время рѣ„шительное! Смерть или побѣда остались „на выборъ. Или Москва восторжествуетъ „и народность наша погибнетъ" (польскій народъ въ западномъ краѣ!), „или же, воз-

„двигнувъ сильный отпоръ ея сатанинскимъ „замысламъ, твердостію и мужествомъ до„стойными сыновъ Польши, отчизны на„шей, хотя кровавую одержимъ побѣду!“

Осыпая проклятіями прелата Жилинскаго и всѣхъ одинаково мыслящихъ съ нимъ, жрецы распятой Польши заживо причисляютъ къ лику святыхъ ксендза Петровича, который года за полтора предъ симъ изъявилъ предъ бывшимъ виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ свою готовность на всякія услуги, а теперь нашелъ выгоднѣйшимъ для себя стяжать рукоплесканія польской партіи, и для этого сжечь всенародно священныя книги своей церкви изложенныя на русскомъ языкѣ.

Что скажетъ монсиньйоръ Боровскій о вышеприведенной прокламаціи? Мы опасаемся чтобы ксендзы Кржеминскій и Слотвинскій не внесли и его въ свои святцы, на ряду съ Петровичемъ. Вотъ противъ кого и противъ чего слѣдовало бы ему ополчиться всею энергіей негодующаго слова, если онъ не желаетъ быть польскимъ іерархомъ, а не противъ насъ которые были бы очень рады еслибъ онъ остался только римско-католическимъ епископомъ.

Въ послѣднее время заговорили о разныхъ ограниченіяхъ которымъ подвергаются Поляки послѣ мятежа 1863 года. Жалуются что ихъ не охотно принимаютъ на службу, и что въ университеты допускаются они лишь въ опредѣленномъ числѣ. Странно было бы еслибъ было иначе!... А потому не только въ интересѣ государства, но точно также и въ интересѣ множества людей, именуемыхъ Поляками, требуется покончить съ Польскимъ вопросомъ въ западномъ краѣ. Потому-то и слѣдуетъ желать, столько же со стороны русскаго государства сколько и со стороны такъ-называемыхъ Поляковъ, чтобы мѣры принятыя для разрѣшенія этого вопроса были правдою, — чтобы крестьянская реформа была правдою, чтобы законъ 10-го декабря 1865 года былъ правдою, чтобы Высочайшее повелѣніе 25-го декабря минувшаго года о русскомъ языкѣ стало правдою въ примѣненіи и развитіи своемъ относительно римской церкви въ Россіи.

№ 141.

Москва, 1-го іюля.

Самый капитальный вопросъ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла состоитъ теперь въ удешевленіи постройки желѣзныхъ дорогъ. Если у насъ не удешевится постройка желѣзныхъ дорогъ, то мы не только будемъ лишены возможности поравняться съ другими государствами въ распространеніи рельсовой сѣти, но врядъ ли окажемся въ состояніи открывать въ предстоящіе годы хотя бы то же число верстъ какое ежегодно строилось у насъ въ послѣднее время. Сборъ капитала на сооруженіе даже очень выгодныхъ линій становится все труднѣе.

Этой потребности въ дешевой постройкѣ обязаны узкоколейныя дороги почти всѣмъ тѣмъ вниманіемъ которое онѣ возбуждаютъ у насъ. Узкія дороги не новость, и въ этомъ отношеніи не могутъ возбуждать интереса. Въ техническомъ смыслѣ или въ качествѣ новинки гораздо интереснѣе дорога въ одинъ рельсъ (системы Ларманжа), которую хотятъ строить отъ Москвы до села Мячкова, откуда Москва снабжается известью. Новый двойной паровозъ (Ферлея) имѣетъ значеніе для всякой дороги, и для широкой, и для узкой. Что же обратило общее вниманіе на узкія дороги? Единственно та небольшая экономія которая получается отъ суженія пути. Экономія эта получается въ замѣнъ многихъ неудобствъ, при которыхъ узкій путь, хотя бы и снабженный новымъ паровозомъ, можетъ быть пригоденъ лишь для вѣтвей и второстепенныхъ дорогъ, а отнюдь не для главныхъ линій. Какъ бы ни были благопріятны результаты опыта надъ узкими дорогами, все-таки вопросъ объ удешевленіи постройки главныхъ линій остается во всей своей силѣ.

Болѣе значительныя и болѣе полезныя сбереженія должно дать упрощеніе и облегченіе обязательныхъ техническихъ условій постройки. Ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ требованій какъ у насъ. Въ послѣднихъ концессіяхъ на вѣтви Новгородскую и Ливенскую техническія условія постройки облегчены значительно. Надо надѣяться что мы увидимъ также значительныя облегченія и въ новыхъ концессіяхъ на главныя линіи.

Впрочемъ, нельзя не признать что такая

постановка вопроса объ удешевленіи стоимости желѣзныхъ дорогъ при которой рѣчь сводится только на ширину пути да на техническія обязательныя условія сильно отзывается теоріей. Не ширина пути, не тяжесть техническихъ условій были главными причинами дороговизны нашихъ дорогъ. Тысячъ за восемьдесятъ, за семьдесятъ съ версты, сдавались по нашимъ концессіямъ такія линіи которыя обходились строителямъ 35, много 40 тысячъ рублей поверстно. Въ виду этихъ цифръ, въ виду многихъ милліоновъ остававшихся въ рукахъ строителей, стóитъ ли говорить о слишкомъ пологихъ кривыхъ, объ излишней толщинѣ балласта, о станціонныхъ зданіяхъ, безъ которыхъ можно было обойтись? При искреннемъ желаніи удешевить стоимость желѣзныхъ дорогъ должно обратить вниманіе на порядокъ приготовленія и выдачи концессій.

Кавказская желѣзная дорога представляетъ весьма удобный случай для реформы въ сказанномъ отношеніи. Не портя ея узкимъ путемъ, допуская на ней даже нѣкоторую техническую роскошь постройки, можно выстроить ее по цѣнѣ сравнительно весьма дешевой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы людей знакомыхъ съ мѣстностію. Въ засѣданіяхъ Кавказскаго техническаго общества, мѣстные инженеры, стоящіе за широкій путь на Кавказской линіи, указывали на чрезвычайно благопріятныя условія для ея постройки. На дняхъ мы получили письмо одного инженера, имѣвшаго случай прослѣдить мѣстность по которой пройдетъ линія. Нашъ корреспондентъ пишетъ намъ что онъ былъ пораженъ ровностію мѣстности отъ Махинской станціи, въ 20 верстахъ отъ Ростова, и до станицы Московской, въ 30 верстахъ отъ Ставрополя. Почти на 300 верстъ тянется здѣсь однообразная, ровная, черноземная степь. Чуть не на половинѣ протяженія линіи не встрѣчается ни холмика, ни бугорка; дорога перейдетъ лишь нѣсколько некрутыхъ овраговъ, наполняющихся въ весеннее время водой, да пять-шесть рѣчекъ, пересыхающихъ лѣтомъ.

„Есть много такихъ мѣстъ," пишетъ нашъ корреспондентъ, „гдѣ, какъ говорится, можно класть рельсы прямо на землю, только сдѣлать планировку, да канавы вырыть. Такихъ почти горизонтальныхъ участковъ выйдетъ, если не ошибаюсь, на половину, да и на остальномъ пути будутъ ничтожныя работы при самыхъ пологихъ уклонахъ. Только отъ Ростова до Махинской станціи, на протяженіи 27 верстъ, придутся порядочныя работы. У Аксайской станицы надо сдѣлать огромную выемку для спуска къ Дону, и отъ Дона до Махинской станціи придется провести дамбу верстъ десять длиной, со многими мостами чрезъ заливы и озерки. Тутъ и теперь построена дамба."

Неужели и Кавказская линія будетъ сдана за 60 или 50 тысячъ руб. съ версты? И не странно ли что именно относительно этой линіи, гдѣ не требуется ни значительныхъ выемокъ, ни большихъ насыпей (кромѣ дамбы у Дона), возбуждена рѣчь о суженіи пути, что можетъ предоставить выгоды лишь при значительныхъ земляныхъ работахъ на линіи? Именно на Кавказской линіи ширина полотна имѣетъ самое микроскопическое значеніе. Споры объ узкомъ или широкомъ пути Кавказской дороги могутъ только отвести глаза отъ существенной обстановки дѣла.

Въ вопросѣ о Кавказской линіи важно то что она представляетъ удобный случай къ исправленію теперешняго способа выдачи концессій, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ правильному и значительному пониженію стоимости одной изъ главныхъ линій. Странно добиваться всѣми мѣрами слишкомъ низкой контрактной цѣны для дороги которую трудно построить дешево, но было бы непростительно остановиться на полумѣрахъ тамъ гдѣ могутъ быть достигнуты значительные результаты для всего желѣзнодорожнаго дѣла.

Недавно обстоятельства выдачи концессій по одной изъ большихъ линій были предметомъ оживленныхъ толковъ. Нельзя не порадоваться тому что въ означенномъ случаѣ установленный порядокъ выдачи концессій оказался правдой. Но еще важнѣе были бы мѣры, которыя облегчили бы установленіе лучшаго порядка выдачи концессій вообще.

Мы говоримъ не объ общихъ чертахъ теперешняго порядка. Конкурренція по выдачѣ концессій, допущенная за послѣдніе два года, принесла уже значительную пользу. По послѣднимъ концессіямъ, стоимость желѣзныхъ дорогъ понизилась значительно. Давно ли Козловско-Тамбовская желѣзная дорога сдана была за 76 т. р., Азовская за 68 т. р.? А теперь на трудную Бердичевско-Брестскую дорогу состоялась цѣна

44$^1/_2$ т. р. Такой результатъ свидѣтельствуетъ, повидимому, что въ общихъ чертахъ теперешній порядокъ соотвѣтствуетъ цѣли.

Теперешній порядокъ состоитъ въ томъ что къ торгамъ на полученіе концессіи допускаются соискатели, признанные администраціею благонадежными. Хотя въ законѣ это прямо и не выражено, но понятно что право на полученіе концессіи должно оставаться за объявившимъ болѣе выгодную цѣну. Какія данныя предъявляются соискателемъ и что требуется для признанія ихъ благонадежности,—все это неизвѣстно публикѣ, и врядъ ли опредѣлено съ ясностью самою администраціей.

Для успѣшности торговъ весьма важно чтобы проектъ дороги и обстоятельства относящіяся къ ея сооруженію: обиліе мѣстныхъ матеріаловъ, цѣны на нихъ, условія подвозки и развозки ихъ и пр., были приведены въ ясность. Иначе и при торгахъ дѣло станетъ въ тупикъ и полученіе концессій будетъ азартною игрой.

На дняхъ мы получили окончательный отчетъ барона Унгернъ-Штернберга по постройкѣ Балто-Елисаветградской дороги. Нельзя не отдать справедливости строителю, рѣшившемуся передать публикѣ всѣ обстоятельства постройки дороги, не скрывая ни промаховъ, ни ошибокъ. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ разсказываетъ что сооруженіе дороги было предоставлено ему на основаніи такихъ неполныхъ данныхъ что было совершенно невозможно имѣть ясное представленіе о будущихъ работахъ. Самое начертаніе линіи было едва намѣчено; строитель не зналъ въ первое время гдѣ можно приступить къ работамъ, и потерялъ почти годъ не заключая контрактовъ и пробавляясь трудомъ рабочихъ бригадъ. Изысканій о строительныхъ матеріалахъ почти вовсе не было сдѣлано; тутъ все приходилось начинать съ перваго начала, и потомъ переплачивать, торопясь кончить дорогу въ срокъ. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ вспоминаетъ всѣ эти неудобства, сѣтуя на выдачу концессіи въ маѣ, а не осенью. Получивъ концессію въ осенніе мѣсяцы, строитель могъ бы привести дѣло въ порядокъ за зиму.

Само правительство также испытываетъ неудобства отъ недостаточнаго предварительнаго изученія проектовъ. Уже два раза, при торгахъ на концессіи, оно было поставлено въ затрудненіе тѣмъ что соискатели объявили цѣны которыя признавались администраціей явно недостаточными. Возможность объявленія подобныхъ цѣнъ въ глазахъ многихъ есть главный недостатокъ теперешняго порядка выдачи концессій.

Правильность конкурренціи по выдачѣ концессій, какъ намъ кажется, должна быть гарантирована тщательными предварительными изысканіями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для собранія точныхъ данныхъ о стоимости линій, посылались казенные инженеры, но труды ихъ пропали даромъ благодаря тогдашнему порядку раздачи концессій. При новыхъ условіяхъ, эти командировки должны дать другіе результаты. Въ *Кавказѣ* сообщали что текущимъ лѣтомъ казенные инженеры имѣютъ производить на Кавказской линіи изысканія, для опредѣленія выгодности постройки ея съ узкимъ путемъ. Не было ли бы, однако, гораздо полезнѣе поручить этимъ инженерамъ собрать точныя данныя обо всѣхъ обстоятельствахъ постройки линіи? Для самаго тщательнаго изученія всѣхъ условій Кавказской линіи времени имѣется весьма достаточно: линія не начнется строиться ранѣе будущей весны.

Солидные предприниматели, какъ извѣстно, посылаютъ своихъ техниковъ для изученія дороги которую берутся строить. Справедливо признавать такихъ предпринимателей внушающими больше довѣрія чѣмъ лица являющіяся къ торгамъ съ однимъ желаніемъ взять концессію.

Капитальная гарантія теперешняго порядка выдачи концессій можетъ быть дана мѣрою которую принять ничего не стóитъ, но которую у насъ боятся и допускаютъ только при техническихъ конкурсахъ. Мы говоримъ объ опубликованіи тѣхъ данныхъ по постройкѣ дороги по которымъ производятся торги. Когда сотни людей будутъ знать близко какой именно суммы стóитъ дорога, тогда мудрено взять за нее двойную цѣну.

№ 142.

Москва, 2-го Іюля.

Никѣмъ не предвидѣнная дипломатическая интермедія, разыгравшаяся въ теченіи нѣсколькихъ дней по поводу испанской кандидатуры, всего лучше свидѣтель-

ствуетъ о шаткости и ненадежности нынѣшняго положенія Европы. Старая система равновѣсія покачнулась, а новая еще не установилась, и приходится ежеминутно ожидать какой-либо катастрофы. Драматизмъ положенія заключается въ двухъ державахъ, которыя ведутъ между собою глухую борьбу. Эти двѣ державы—Франція и Пруссія. Виды прусской политики не могутъ считаться исполненными; дѣло ея на полупути, и оно по самой натурѣ своей есть неудержимое стремленіе далѣе. Пруссія не можетъ удовольствоваться результатами своихъ недавнихъ успѣховъ; только препятствія, пока неодолимыя, удерживаютъ ее въ этомъ временномъ положеніи, и ей необходимо чтобъ европейскія дѣла уладились сколь можно удобнѣе и выгоднѣе для ея дальнѣйшихъ видовъ. Дальновидная политика начинаетъ дѣйствовать не прежде какъ подготовивъ русло для событій. Не вдругъ и не случайно разгромъ постигъ Данію; не вдругъ и не случайно разразился тотъ coup d'état которымъ сокрушены старыя основы Германскаго Союза, и Австрія выброшена изъ него. Эти событія были послѣдствіемъ цѣлаго ряда подготовительныхъ дѣйствій. Точно также требуется цѣлый рядъ подготовительныхъ дѣйствій чтобы двинуться далѣе. Приведенная въ тупикъ ошибками своей прежней политики, Франція стоитъ теперь на стражѣ. И вотъ, Пруссія, прежде чѣмъ могла бы предпринять что-либо въ дальнѣйшихъ видахъ своей политики, должна обезпечить себя со стороны Франціи и сдѣлать ее для себя безвредною. Говорятъ будто прусская политика была пружиной многихъ *случайностей* возникавшихъ послѣ Пражскаго мира и приводившихъ въ столкновеніе европейскіе интересы. Мы этого не утверждаемъ, но не можемъ не замѣтить что всѣ возникавшія въ Европѣ затрудненія были выгодны для прусской политики. Ей какъ нельзя болѣе выгоденъ дуализмъ разломившій Австрію и перебросившій центръ ея тяжести на Востокъ; точно также должны были способствовать ей смуты возникавшія на Востокѣ, и грозившія столкновеніемъ между Россіей и Франціей. Римскій вопросъ, италіянское движеніе, кончившееся Ментанскимъ побоищемъ, вторичное занятіе Рима Французами, все это было для Пруссіи также весьма выгодною случайностью. Никогда Италія не была такъ антифранцузски настроена какъ теперь, и въ случаѣ европейской войны Франція всего менѣе можетъ разчитывать на Италію, которая вооружена противъ нея всѣми своими интересами и видитъ въ Пруссіи свою естественную союзницу. Испанская революція также пришлась кстати; она заняла вниманіе Европы и встревожила Францію. Чѣмъ, кончатся эти испанскія дѣла — неизвѣстно, а между тѣмъ тронъ Испаніи празденъ, и она ищетъ себѣ короля. Ловкій и отважный авантюристъ держитъ въ рукахъ своихъ корону Испаніи, и вотъ удивленный міръ узнаетъ что корона эта предложена члену королевско-прусскаго рода, состоящему на прусской службѣ, медіатизованному принцу Леопольду Гогенцоллернскому. Переговоры по этому предмету между маршаломъ Примомъ и графомъ Бисмаркомъ ведены были въ большомъ секретѣ. Въ тайну эту не былъ посвященъ даже другъ маршала Прима, г. Олосага, Представитель Испаніи въ Парижѣ. Отъ представителей Франціи въ Мадридѣ и Берлинѣ такъ тщательно скрывалась эта тайна что они уже изъ Парижа были извѣщены о прусско-испанскихъ переговорахъ. Такая таинственность даетъ предполагать что имѣлось въ виду сослаться на совершившійся фактъ. Потребовалось согласіе короля Прусскаго, и согласіе дано было охотно прежде чѣмъ объ этомъ стало что-либо извѣстно въ Парижѣ.

Итакъ, Францію обошли въ Германіи, ее обошли въ Италіи, наконецъ ее хотѣли обойти въ Испаніи. Еслибы прусское вліяніе утвердилось за Пиренеями, Франція положительно была бы окружена прусскимъ кордономъ, по мѣткому выраженію газеты *Times*. Могла ли она остаться равнодушною въ виду этой новой попытки?

Телеграммы, одна за другою, передали намъ фазы быстротечнаго кризиса. Никогда, при открывшемся дипломатическомъ затрудненіи, министры не выражались съ большею энергіей и рѣшимостью, какъ высказалось правительство Франціи въ законодательныхъ собраніяхъ страны. И вотъ, послѣднее полученное нами извѣстіе, сообщенное во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, доноситъ что принцъ Гогенцоллернскій отказался отъ предложенной ему кандидатуры. Мы полагаемъ что энергія обнаруженная французскимъ правительствомъ въ настоящемъ случаѣ есть его заслуга предъ страною, а быть-можетъ и

предъ Европой. Хуже было бы еслибы дѣло затянулось, поощряемое бездѣйствіемъ или колебаніями Франціи, которая въ послѣдствіи все-таки увидѣла бы себя вынужденною вмѣшаться. Чѣмъ далѣе подвинулось бы дѣло, тѣмъ опаснѣе для спокойствія Европы могла бы стать его развязка. Какъ весьма часто въ подобныхъ случаяхъ бываетъ серіозная и во время изъявленная готовность къ дѣйствію предотвращаетъ необходимость дѣйствія. Противъ намѣренія иногда достаточно обнаружить намѣреніе, а фактъ уже совершившійся поправить труднѣе.

Этотъ скоротечный кризисъ отозвался сильнымъ волненіемъ на биржѣ. Извѣстіе сообщенное телеграфомъ объ отреченіи принца Гогенцоллернскаго отъ предложенной ему кандидатуры повидимому успокоило биржу, и фонды значительно поднялись. Но вчера телеграфъ почему-то молчалъ упорно, и мы не знаемъ какіе слухи снова встревожили биржу, потому что курсы опять колеблются: Кончился ли кризисъ, или онъ еще продолжается? Во всякомъ случаѣ этотъ внезапно разразившійся эпизодъ свидѣтельствуетъ, какъ мы замѣтили въ началѣ, о непрочности нынѣшняго положенія Европы.

Напрасно берлинскія газеты, а еще болѣе петербургскія, которыя нерѣдко въ чужихъ интересахъ бываютъ ревностнѣе чѣмъ въ интересахъ своей страны, осыпаютъ Францію укоризнами за ея вмѣшательство въ вопросъ объ испанской кандидатурѣ. Лучше было бы еслибъ она и въ другихъ пунктахъ гдѣ замѣшаны ея интересы обнаруживала подобную чуткость. До сихъ поръ Франція не вмѣшивалась въ вопросъ объ испанской коронѣ. Она не возражала даже противъ кандидатуры герцога Монпансье, которая могла быть непріятна для ея нынѣшней династіи; но прусская кандидатура на испанскую корону, при настоящихъ обстоятельствахъ, касается національныхъ интересовъ Франціи, и странно было бы ожидать что французское правительство оставитъ безъ отпора этотъ замыселъ.

Смотря со стороны, нельзя не согласиться что Франціи трудно принять то положеніе которое хотятъ для нея устроить. Все клонится къ тому чтобъ ее изолировать, и отнять у ней всякую возможность всякаго союза на почвѣ ея дѣйствительныхъ интересовъ. Ей предназначается роль орудія чужой политики; ей не остается другаго исхода какъ снова отдать въ руки себя Англіи. Еще такъ недавно Франція надѣялась на союзъ съ Австріей, но это была очевидная ошибка. Одна половина Австріи, Венгерская, всѣми своими интересами тяготѣетъ къ Пруссіи и есть ея созданіе; другая — находится въ броженіи и неизвѣстно что изъ нея будетъ завтра. Точно также никому неизвѣстно что станется съ цѣлымъ. Относительно Россіи почему-то установилась увѣренность что она прикована къ Пруссіи, и повсюду послѣдуетъ куда ее позовутъ прусскіе интересы, хотя никому неизвѣстно какіе русскіе интересы могутъ быть подвинуты или обезпечены этимъ союзомъ. Германія вся собрана подъ военное знамя Пруссіи. Объ Италіи мы сейчасъ говорили. На испанскій престолъ хотѣли посадить одного изъ прусскихъ принцевъ, брата того который сидитъ на вассальномъ престолѣ Румыніи. Что другое оставалось бы для Франціи какъ снова закабалить себя въ *entente cordiale* съ Англіей, которая готова льстить ея тщеславію и оказывать ей дешевыя услуги, съ тѣмъ чтобы крѣпче овладѣть ею. Интересы Англіи несравненно болѣе сближаютъ ее съ Германіей нежели съ Франціей, и Франція, обреченная быть невольною союзницей Англіи, тѣмъ самымъ окончательно отдала бы себя въ руки своихъ противниковъ, а Европа утратила бы всѣ условія равновѣсія.

№ 143.

Москва, 3-го Іюля.

Упорное молчаніе телеграфа въ теченіе двухъ дней, о которомъ мы вчера упоминали, оправдало наши опасенія. Сегодня, съ 10 часовъ утра до вечера, мы получали одну за другою запоздалыя заграничныя телеграммы въ такомъ количествѣ что часть ихъ не успѣла войти даже въ вечернее изданіе нашей газеты. О неисправности телеграфа за эти дни свидѣтельствуютъ и петербургскія газеты. На нѣкоторыхъ изъ нашихъ телеграммъ было обозначено что онѣ задержаны какою-то помѣхой телеграфнаго дѣйствія, но на другихъ и такой отмѣтки не значилось. Казалось бы что если своевременная передача телеграммъ была замедлена атмосфе-

рическимъ вліяніемъ, то оно должно бы имѣть дѣйствіе на всѣ телеграммы.

Нельзя равнодушно относиться къ такой неисправности въ минуту когда всѣ биржи встревожены и повсюду колеблются цѣны на фонды. Еще прискорбнѣе, если справедливо, какъ насъ удостовѣряютъ, что содержаніе запоздавшихъ къ намъ и въ другія газеты телеграммъ еще вчера было извѣстно на биржѣ многимъ лицамъ. Какимъ путемъ могло это случиться—не знаемъ, но не можемъ не желать разъясненія этого дѣла имѣющаго огромную важность. Телеграфъ открытый для передачи политическихъ извѣстій призванъ служить всему обществу, а не тѣмъ или другимъ лицамъ. Въ противномъ случаѣ, онъ причинитъ вредъ и подастъ поводъ къ великимъ злоупотребленіямъ. Возможно ли допустить чтобы телеграфомъ могли въ ущербъ обществу воспользоваться спекулянты и извлекать выгоды изъ невѣдѣнія публикой тѣхъ обстоятельствъ которыя становятся имъ извѣстны не взирая на атмосферическія вліянія? Поэтому, повторяемъ, весьма важно знать ясно и достовѣрно по какой причинѣ или по чьей винѣ произошло замедленіе на двое сутокъ въ передачѣ телеграммъ отъ Берлина до Москвы или Петербурга, и дѣйствительно ли отъ этого замедленія не пострадали только телеграммы нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Сказанное нами одинаково важно какъ для московской, такъ и для петербургской публики, и еще болѣе для послѣдней. Въ Петербургѣ гораздо сильнѣе чѣмъ у насъ развиты спекуляція и биржевая игра; притомъ Петербургъ есть одинъ изъ значительнѣйшихъ центровъ нашей отпускной торговли, для которой теперь наступаетъ самая горячая пора и слѣдовательно тамъ ловкая спекуляція, въ такое время когда въ Европѣ поднятъ вопросъ о мирѣ или войнѣ, можетъ повергать многихъ въ разореніе. А для Петербурга атмосферическія вліянія дѣйствовали еще куріознѣе чѣмъ для Москвы. Такъ напримѣръ, телеграммы пришедшія къ намъ во вторникъ, и напечатанныя въ нумерѣ нашей газеты вышедшемъ въ среду утромъ, появились въ петербургскихъ газетахъ лишь въ четвергъ, и притомъ съ отмѣткой что ихъ задержали атмосферическія вліянія на пути изъ Парижа въ Берлинъ. Неправда этой отмѣтки обличается непререкаемо тѣмъ что наши депеши пришли въ то же самое время, по тому же самому пути, не испытавъ атмосферическихъ вліяній. Еслибы въ Петербургѣ была сдѣлана ссылка на перерывъ телеграфнаго дѣйствія между Берлиномъ и Петербургомъ, то улики не было бы, ибо депеши отправленныя изъ Берлина въ Петербургъ на Эйдкуненъ могли быть задержаны, тогда какъ тѣ же самыя депеши могли дойти до насъ безпрепятственно слѣдуя на Торнъ и Варшаву. Дѣло было бы темное для публики, не имѣющей возможности повѣрять отмѣтки и объясненія телеграфныхъ станцій. Но теперь по крайней мѣрѣ то достовѣрно что въ понедѣльникъ и вторникъ, между Парижемъ и Берлиномъ, не было перерыва въ телеграфномъ дѣйствіи. Задержка телеграммъ есть уголовное преступленіе, требующее, кажется намъ, тѣмъ болѣе строгаго разслѣдованія, что телеграфъ есть учрежденіе не только государственное, но и международное. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ виноваты тутъ прусскія телеграфныя станціи, но не можемъ по этому поводу не высказать еще разъ сожалѣнія о той зависимости въ коей находимся отъ иностранной державы какъ по почтовому, такъ и по телеграфному дѣлу.

Содержаніе телеграммъ которыя читатели найдутъ ниже дѣйствительно таково что онѣ не могли произвесть успокоительное дѣйствіе на биржу, а потому для спекуляторовъ и могло быть важно узнать ихъ прежде массы публики. Послѣ того какъ уже было возвѣщено что принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій отказывается отъ неосторожно принятой имъ кандидатуры на испанскій престолъ, мы теперь видимъ что дѣло еще не совсѣмъ улажено и затрудняется какими-то новыми замѣшательствами.

Положеніе дѣлъ, повидимому, остается весьма серіознымъ. Прусскій посолъ, ѣздившій въ Эмсъ къ королю Вильгельму для передачи объясненій данныхъ ему французскимъ правительствомъ, возвратился въ Парижъ гдѣ ожидаютъ также прибытія императора Наполеона изъ Сенъ-Клу. Прусскій король съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Эмса въ Берлинъ. Наканунѣ предъ этимъ отъѣздомъ вызывался въ Эмсъ графъ Бисмаркъ, который, однако, по прибытіи въ Берлинъ не продолжалъ своего пути далѣе, „вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ,“ какъ сказано въ телеграммѣ, но можетъ-быть именно по причинѣ ускореннаго возвращенія въ Берлинъ са-

мого короля. Изъ Парижа и изъ Берлина доходятъ вѣсти что французское правительство въ отвѣтѣ доставленномъ черезъ прусскаго посла при Тюльерійскомъ дворѣ не видитъ такого разрѣшенія трудности какого въ правѣ ожидать Франція, и не считаетъ себя удовлетвореннымъ вѣстью объ отказѣ принца Гогенцоллернскаго отъ испанской короны. Вслѣдствіе этого, французскій посолъ при прусскомъ дворѣ, г. Бенедетти, желалъ имѣть въ Эмсѣ вторичную аудіенцію у короля по возбужденному вопросу, и настаивалъ чтобъ ему было разрѣшено сообщить въ Парижъ отвѣтъ болѣе рѣшительнаго свойства. Требовалось чтобы король Вильгельмъ обязался и на будущее время ни въ какомъ случаѣ не давать своего согласія на кандидатуру принца Гогенцоллернскаго. Такое требованіе, повидимому, оскорбило короля, и онъ отказалъ французскому послу во вторичной аудіенціи, и именно вслѣдъ за тѣмъ поспѣшилъ изъ Эмса въ Берлинъ. Если это извѣстіе вѣрно, то такого рода упрощенія дипломатическихъ формъ при переговорахъ въ дѣлѣ о войнѣ или мирѣ бываютъ весьма близки къ разрыву дипломатическихъ сношеній. Въ Берлинѣ положеніе считается настолько серіознымъ что ожидается созваніе на будущей недѣлѣ сѣверогерманскаго сейма.

Тревожное свойство всѣхъ этихъ извѣстій усиливается слухами о вооруженіяхъ или по крайней мѣрѣ о приготовленіяхъ къ нимъ. Между тѣмъ въ Бельгіи, странѣ нейтрализованной, разосланы команды для занятія желѣзныхъ дорогъ на прусской и французской границахъ, съ тѣмъ чтобы, по данному сигналу, разрушить ихъ, равно какъ и телеграфные проводы.

Что было причиной этого новаго замѣшательства въ вопросѣ? Были ли со стороны Пруссіи даны не совсѣмъ категорическія объясненія, или можетъ-быть сама Франція приняла слишкомъ наступательную осанку въ своихъ требованіяхъ? Читатели найдутъ въ *Послѣдней Почтѣ* толки и отзывы полученныхъ нами сегодня французскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Весьма возможно, — хотя это ничѣмъ еще не подтверждается, — что французское правительство, утомясь своимъ вынужденнымъ положеніемъ напряженно и зорко слѣдить за всѣми дѣйствіями прусской политики, намѣрено воспользоваться настоящимъ случаемъ, какъ утверждаетъ *Moniteur Universel*, чтобы настаивать на строгомъ исполненіи всѣхъ условій Пражскаго трактата; но возможно также и то что французскому правительству объясненія прусскаго двора показались лишь уловкой разчитанною на то чтобы выиграть время. Берлинскій корреспондентъ аугсбургской *Allgemeine Zeitung* утверждаетъ что кандидатура принца Гогенцоллернскаго была дѣломъ давно уже улаженнымъ между маршаломъ Примомъ и г. фонъ-Бисмаркомъ. Если это такъ, то французское правительство имѣло основаніе смотрѣть подозрительно на эту сдѣлку, и пожелало получить болѣе вѣрное ручательство на будущее время.

Вотъ еще важная новость которая, быть-можетъ, находится въ связи, хотя и не бросающейся въ глаза, съ вопросомъ о войнѣ и мирѣ, тревожащимъ теперь Европу: догматъ папской непогрѣшимости принятъ, наконецъ, на Ватиканскомъ соборѣ. Очень вѣроятно что французское правительство, которое такъ сильно и рѣзко протестовало противъ этого догмата, положило, въ виду рѣшенія столь твердо принятаго Римскою куріей, устраниться отъ всякаго вмѣшательства между Италіей и Римомъ, и предоставить вѣчный городъ его собственнымъ судьбамъ. Этимъ оно могло примирить съ собою Италію и оторвать ее отъ союза съ Пруссіей. Добрыя услуги которыя въ настоящемъ затрудненіи спѣшитъ италіянское правительство оказать Франціи какъ будто подкрѣпляютъ такое заключеніе. Возстановленіе дружескихъ отношеній къ Италіи развязываетъ Франціи руки. Обстоятельства могутъ казаться правительству этой страны благопріятными для дѣйствія, и оно торопитъ событія, убѣжденное въ ихъ неизбѣжности....

Заявленіе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, герцога де-Грамона въ обѣихъ палатахъ, которое читатели найдутъ въ телеграммѣ, подтверждаетъ что, несмотря на отказъ принца Гогенцоллернскаго, переговоры затянулись. Министры отложили свои объясненія до 15-го (3-го) іюля. Сегодня должны были они отвѣчать на запросы г. Бренье въ сенатѣ и г. Кошери въ законодательномъ корпусѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаются повсюду телеграммы объ этихъ объясненіяхъ; но мы опасаемся что телеграммы отъ 15-го (3-го) іюля не получимъ до выхода нашего нынѣшняго нумера. Солнце уже взошло, а те-

леграммы нѣтъ какъ нѣтъ. Видно телеграммы отъ 15-го (3-го) іюля встрѣтили помѣху въ атмосферическихъ вліяніяхъ, которыя однако не помѣшали множеству запоздалыхъ телеграммъ отъ 13-го (1-го) іюля...

Заявленіе г. Жерома Давида въ законодательномъ корпусѣ свидѣтельствуетъ что правительство императора Наполеона принуждено сообразоваться съ настроеніемъ самой Франціи. О томъ же свидѣтельствуетъ и письмо нашего парижскаго корреспондента въ дополнительномъ листѣ сегодняшняго нумера.

Будемъ надѣяться что новая грозная туча неожиданно налетѣвшая на Европу пронесется мирно, а также что она послужитъ урокомъ для всѣхъ европейскихъ націй, и побудитъ ихъ быть сдержаннѣе и осторожнѣе при настоящемъ столь шаткомъ порядкѣ вещей.

№ 144.

Москва, 4-го іюля.

А.

Всякія догадки и предположенія о томъ что̀ можетъ быть смолкаютъ предъ тѣмъ что̀ уже сбылось.

Все рѣшено и кончено простымъ и краткимъ извѣстіемъ: *война объявлена.*

Итакъ, Европа вступаетъ въ эпоху страшнаго кризиса который потрясетъ ее въ основаніяхъ. Наступили дни великихъ событій, — и кто можетъ не только исчислить ихъ послѣдствія, но и предвидѣть ихъ ходъ?

Война между Франціей и Пруссіей, при данныхъ обстоятельствахъ, не можетъ окончиться лишь мѣстными перемѣнами. Она отзовется на всѣ дѣла, на всѣ отношенія, на всѣ вопросы, на всю систему европейскихъ государствъ. Буря собиралась долго. Никто не вѣрилъ въ прочность положенія созданнаго событіями послѣднихъ лѣтъ. Всѣ чувствовали неизбѣжность катастрофы. Война, которая должна потрясти Европу и рѣзко отдѣлить ея прошедшее отъ грядущаго, была лишь вопросомъ времени. Ничто не могло предотвратить ее, но можно было надѣяться что неизбѣжная катастрофа грянетъ не такъ скоро, что *худой* миръ простоитъ еще и годъ, и два... Гроза набѣжала такъ неожиданно что опрокинула разчеты самыхъ опытныхъ и самыхъ свѣдущихъ политиковъ. Когда французское правительство, въ законодательномъ собраніи, впервые подняло такъ рѣшительно вопросъ объ испанской кандидатурѣ и погрозило Пруссіи, тогда, даже въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе столь зорко и чутко во всѣхъ вопросахъ войны и мира, никто не предвидѣлъ что дѣло объ этой кандидатурѣ такъ мгновенно разрѣшится войной. Англійскіе политики спокойно взвѣшивали аргументы обѣихъ сторонъ, и признавали основательность претензій Франціи, въ увѣренности что онѣ удовлетворятся простымъ отреченіемъ принца Леопольда отъ предложенной ему кандидатуры. Газета *Times*, съ порицаніемъ не несправедливымъ, хотя едва ли искреннимъ, отзывалась о захватахъ прусской политики и о прусскомъ кордонѣ который опоясалъ терпѣливую Францію. Но вотъ прошли всего два-три дня, и миролюбивая англійская печать преисполнилась совершенно искренней тревоги. Съ воплемъ призываетъ она всѣ правительства вмѣшаться въ распрю и развести противниковъ готовыхъ схватиться. Миролюбцы убѣждаютъ и ту и другую сторону въ безтолковости ихъ ссоры, и указываютъ имъ въ перспективѣ на Россію.

А что̀ же Россія? Какое положеніе она приметъ? Какъ отзовутся на ней грядущія событія? Какъ для нея сложатся ихъ послѣдствія?

Борьба завязывается между Франціей и Пруссіей, но можемъ ли мы сказать что каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы, Россія останется ни въ чемъ не затронута, что для ней ничего не перемѣнится?

Россія, нѣтъ сомнѣнія, удержитъ, при наступающей борьбѣ, полную свободу дѣйствій; но этого мало: дай Богъ чтобъ она воспользовалась этою свободою къ лучшему. Сохранять свободу дѣйствій не значитъ непремѣнно бездѣйствовать. Нѣтъ, наступившій моментъ очень важенъ, и требуетъ великихъ рѣшеній.

Россія не связана своими интересами ни съ тою, ни съ другою стороною, и она можетъ предоставить ихъ собственнымъ силамъ и судьбамъ. Въ эту роковую минуту, всякій, хотя бы малѣйшій, шагъ въ направленіи чужаго интереса былъ бы пагубенъ для Россіи.

Говорятъ что Австрія вмѣшается въ борьбу. Нашъ парижскій корреспондентъ не ошибается: разныя правительства этой многоголовой державы уже за нѣсколько времени предъ симъ спѣвались и приспособлялись къ дѣйствію на случай войны, и что нѣкоторыя перемѣны въ ея внутренней политикѣ находятся въ связи съ этими видами. Россія могла бы остаться равнодушною въ вопросѣ о чужихъ союзахъ въ дѣлѣ ей чужомъ. Выставить, напримѣръ, обсерваціонный корпусъ, съ тѣмъ чтобы связать Австрію и помѣшать ей принять участіе въ войнѣ, это значило бы намъ самимъ вмѣшаться въ войну. Поступить такъ значило бы принять сторону Пруссіи, и притомъ несомнѣнно во вредъ себѣ. Мы понесли бы на себѣ тяжесть пораженія нашей союзницы, а въ случаѣ ея торжества мы поплатились бы со временемъ еще дороже.

Но какую бы Австро-Венгрія ни принимала теперь добрую физіономію предъ Россіей, Австро-Венгрія есть врагъ Россіи, и все что теперь творится и подготовляется тамъ грозитъ ей опасностями. Единственные союзники Россіи, которые видятъ въ ней свое спасеніе и которыхъ интересы дѣйствительно связаны съ ея собственными, — это славянскіе народы которые мятутся теперь въ нѣдрахъ Австро-Венгріи и которыхъ ждетъ гибель во всякомъ случаѣ, одержитъ ли верхъ та или другая сторона...

Зло, которое зрѣетъ въ Австро-Венгріи противъ Россіи, пробивается и теперь сквозь вынужденную любезность офиціальной физіономіи.

Отвлекать демонстраціями силы Австріи было бы дѣломъ не только напраснымъ, но и вреднымъ, если смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія интересовъ Россіи; иное дѣло еслибы Россія нашла поводъ къ серіозному разчету съ Австро-Венгріей по своимъ дѣламъ и нанесла бы ей рѣшительный ударъ, въ то время когда будетъ идти борьба на Рейнѣ.

Но обратимся къ противникамъ уже вступившимъ въ борьбу. Полагаемъ что читателямъ нашимъ будетъ не безынтересно узнать какими военными силами располагаютъ въ настоящее время Франція и Пруссія.

Военныя силы Франціи за послѣдніе три года получили громадное развитіе, какого еще никогда не имѣли прежде. Въ ожиданіи борьбы съ Пруссіей, законъ 1-го февраля 1868 года опредѣлилъ численность дѣйствующей арміи въ 400.000 человѣкъ, — резерва въ 400.000. Впрочемъ до этой цифры армія еще не доведена. По даннымъ послѣдняго *Exposé de la situation de l'Empire*, значилось въ войскахъ 647.172 человѣка и изъ того числа 434.356 человѣкъ въ дѣйствующей арміи и 212.816 въ резервахъ. Изъ числа дѣйствующихъ войскъ, около 63.000 находится въ Алжиріи и 5.252 человѣкъ въ Папскихъ Владѣніяхъ. Значитъ, въ сборѣ находится теперь по крайней мѣрѣ 365 т. человѣкъ въ дѣйствующей арміи. Значительная часть резерва также собрана теперь для лѣтнихъ упражненій.

Въ соотвѣтствіе прусскому ландверу, законъ 1-го февраля 1868 года создалъ подвижную національную гвардію, въ которую входятъ всѣ Французы 20 — 25 лѣтняго возраста. Эта гвардія назначается для защиты крѣпостей и внутренней службы. По даннымъ того же документа, въ подвижную гвардію записано 560.714 чел. Подвижная гвардія составляла предметъ особыхъ заботъ военнаго министра Ніеля, совершившаго послѣднее преобразованіе французской арміи. Въ особенности заботились объ устройствѣ подвижной гвардіи въ округахъ по сѣверной и сѣверо-восточной границамъ. Молодые люди входящіе въ ея составъ расписаны по баталіонамъ и баттареямъ, и части ея снабжены офицерами. Парижская національная гвардія сформирована окончательно, и въ прошломъ году на ученіяхъ отличалась уже правильностью движеній. Часть гвардіи должна быть теперь въ сборѣ, и она облегчитъ отправку наибольшаго числа войскъ на театръ дѣйствій.

Военныя приготовленія сдѣланы теперь во Франціи въ размѣрахъ небывалыхъ. По даннымъ *Exposé*, къ 1-му января 1870 года было готово 1.273.115 ружей заряжаемыхъ съ казенной части и свыше 2-хъ милліардовъ патроновъ для нихъ. Въ войскахъ и въ складахъ, еще въ 1868 году, считалось вообще свыше $3^1/_2$ милл. ружей. Число новыхъ пушекъ доходитъ тысячъ до десяти. Крѣпости на восточной и сѣверной границѣ Валансьенъ, Мезьеръ, Верденъ, Мецъ, Бельфортъ и Страсбургъ, Безансонъ, Ліонъ и пр., дѣятельно усиливались за послѣднее время. Въ каждомъ инженерномъ полку одна

рота специально обучена разрушенію и возстановленію желѣзныхъ дорогъ; эти обученія производились преимущественно на линіяхъ сѣверной и восточной Франціи. Тамъ же сдѣланы всѣ приспособленія желѣзныхъ дорогъ для быстрой посадки войскъ въ вагоны. Устроены новые госпитали, расширены прежніе; магазины переполнены запасами.

Полевыя войска Германскаго Союза въ мирное время считаютъ въ своихъ рядахъ за 320.000 человѣкъ; въ военное время эта цифра должна быть доведена до 552.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ ландверомъ армія Союза считаетъ въ военное время до 977.000 тысячъ. Полагаютъ вообще что въ 10 дней армія можетъ быть доведена до послѣдней цифры. Послѣ 1866 года Пруссія также готовилась къ борьбѣ. Вся армія Сѣверо-Германскаго Союза теперь объединена; она имѣетъ одинаковое устройство, одинаковое вооруженіе, даже обмундированіе. Меньше успѣха имѣла Пруссія въ своихъ усиліяхъ поглотить армію южно-германскихъ государствъ. Ея усилія удались вполнѣ только въ Баденѣ и отчасти въ Виртембергѣ. Баденъ даетъ до 25 т. дѣйствующихъ войскъ и 8 т. ландвера. Виртембергу придется выставить до 33 т. дѣйствующей арміи и 10 т. ландвера. Баварскихъ войскъ считается въ дѣйствующей арміи до 86 т., ландвера до 26 т. Въ Баваріи военная реформа далеко еще не исполнена, войска ея еще не слились съ прусскими, и даже приняли особое вооруженіе. Итакъ, сила южныхъ государствъ Германіи доходитъ до 166 т. дѣйствующей арміи и 44 т. ландвера.

Открывшаяся война завязывается между противниками, изъ которыхъ каждый располагаетъ почти милліономъ штыковъ. Дѣйствующая армія обоихъ противниковъ заходитъ за 600 тысячъ человѣкъ, но Франція можетъ выставить больше войска въ полѣ. Пруссія должна поставить значительную часть своихъ войскъ противъ Австріи, даже еслибъ эта послѣдняя и не приняла дѣятельнаго участія въ борьбѣ, Пруссіи придется также оберегать свои берега отъ высадокъ и держать войска.

Морскія силы Германіи, какъ извѣстно, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ французскими. Франція имѣетъ готовыхъ судовъ: 55 броненосцевъ, 233 винтовыхъ и 48 колесныхъ пароходовъ и 100 парусныхъ военныхъ кораблей. На нихъ 4.780 пушекъ; 72.000 экипажа и около 28 тыс. морскихъ войскъ. Кромѣ того, находятся въ постройкѣ 27 судовъ, и запасы орудій такъ велики что и эти суда могутъ быть тотчасъ вооружены. Весь сѣверо-германскій флотъ имѣетъ 89 судовъ большею частью мелкихъ, съ 563 пушками.

Въ Пруссіи, какъ извѣстно, сильно опасались того чтобы война не приняла оборонительнаго характера для Германіи. Печатались брошюры въ которыхъ указывалось что наступленіе Французовъ черезъ Страсбургъ въ южныя германскія государства поставитъ прусскую армію въ затруднительное положеніе. Въ Южной Германіи мало крѣпостей, а въ Баваріи даже союзныя крѣпости не ремонтировались и пришли въ распущеніе. Пруссакамъ, замѣчали военные авторы, выгоднѣе самимъ идти на Парижъ. Мы не получили еще извѣстій о первыхъ движеніяхъ воюющихъ сторонъ, но надо думать что Пруссія не вовсе застигнута врасплохъ. Территоріальное расположеніе войскъ дастъ ей возможность быстро сосредоточить ихъ къ Рейну.

Б.

Въ *Hamburgischer Correspondent* напечатана слѣдующая интересная корреспонденція изъ Лифляндіи, въ которой и наши читатели найдутъ для себя много поучительнаго.

Изъ Лифляндіи, 7-го іюля. Вчера чрезвычайный лифляндскій ландтагъ, открытый дней 11 назадъ, снова закрытъ. Несмотря на непродолжительность засѣданій, эта нетерпѣливо всѣми ожиданная сессія повела къ результату въ высшей степени отрадному, именно къ побѣдѣ вмѣстѣ и нѣмецко-патріотической, и либеральной.

Здѣсь рѣчь идетъ не о либерализмѣ въ томъ смыслѣ какъ это слово обыкновенно понимается. Рѣчь идетъ о либерализмѣ специально лифляндскомъ, либерализмѣ гг. фонъ-Бокка, Юліуса Эккардта и профессора Ширрена. Этотъ либерализмъ состоитъ въ томъ чтобы систематически ослаблять всѣ связи которыми балтійскія провинціи соединяются съ остальною Россіей; противиться всѣмъ патріотическимъ и вмѣстѣ дѣйствительно либеральнымъ требованіямъ русской государственной жизни и общественнаго мнѣнія; отравлять самыя естественныя отношенія между на-

ціональностію Россіи и разными иноплеменными населеніями въ ней; чтобъ оттянуть ихъ отъ нея и притянуть къ иному отечеству. Вотъ либерализмъ о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, либерализмъ измѣряющій себя только враждою къ русскому народу. Но послушаемъ далѣе. Корреспондентъ продолжаетъ:

Вы помните, вѣроятно, что состоявшій донынѣ ландмаршаломъ баронъ Нолькенъ былъ потребованъ къ отчету за двусмысленный и раболѣпный образъ дѣйствій въ отношеніи къ правительству, и что когда г. Нолькенъ отказался дать отчетъ, весь конвентъ рѣшился выйти въ отставку. Дабы положить конецъ этимъ несогласіямъ, былъ созванъ ландтагъ который огромнымъ большинствомъ смѣнилъ г. фонъ-Нолькена, на мѣсто его выбранъ испытанный вождь либеральной партіи, бывшій дерптскій ландрихтеръ, Николай фонъ-Эттингенъ (братъ теперешняго ректора Дерптскаго университета Георга фонъ-Эттингена и бывшаго губернатора Августа фонъ-Эттингена, отставленнаго въ 1868 году за его *патріотическій* образъ дѣйствій). Всѣ члены конвента, за исключеніемъ двухъ, вынужденные г. фонъ-Нолькеномъ выйти въ отставку, — выбраны снова; оба выбывшіе замѣнены либеральными членами ландтага, и въ томъ числѣ молодымъ весьма дѣятельнымъ юристомъ, Эрнестомъ фонъ-Мозенкампфомъ. Разумѣется, никто у насъ не питаетъ заблужденія что наше новое представительство могло произвести какую-либо перемѣну въ отчаянномъ положеніи нашихъ дѣлъ, но тѣмъ не менѣе всѣ удовлетворены результатами ландтага. Страна снова обратилась къ преданіямъ своей общественной жизни, оказала заслуженное возмездіе тѣмъ кто измѣнилъ этимъ преданіямъ, и опять доказала что она готова погибнуть съ честью.

Вотъ какъ!

Уже не разъ, въ послѣднее время, корреспонденты изъ Лифляндіи, печатающія свои письма въ заграничныхъ газетахъ, упрекали г. фонъ-Нолькена въ раболѣпствѣ, такъ какъ онъ, послѣ безуспѣшности лифляндскаго адреса, старался „о примиреніи съ Россіей.“ Г. фонъ-Нолькенъ понималъ что сохраненіе балтійскаго феодализма нельзя обезпечить посредствомъ оппозиціи правительству, и потому, въ противоположность Эттингеновой партіи, хотѣлъ выказать готовность къ *примиренію* маленькими уступками въ вопросахъ о языкѣ и о другихъ предметахъ, неважныхъ для старо-дворянскаго консерватизма. Другаго несогласія между партіями Эттингена и Нолькена не можетъ быть. Корреспонденція оканчивается слѣдующими словами:

Сверхъ того, новый ландмаршалъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, любовью и довѣріемъ; онъ и прежде былъ бы уже выбранъ въ ландмаршалы, еслибы тогда не помѣшало его разстроенное здововье.

Итакъ, мы освѣдомляемся изъ *вѣрнаго* источника что *примиренію* балтійскихъ цивилизаторовъ съ русскимъ варварствомъ положена рѣшительная преграда, и отброшена всякая мысль объ этомъ примиреніи. Такъ значитъ, снова начинаются махинаціи, возмутившія всю Россію въ то время когда, въ отвѣтъ на августѣйшія слова о принадлежности всѣхъ русскихъ подданныхъ къ русской семьѣ, балтійская печать возгласила что русское правительское *разбойничьими руками* посягнуло на все священное балтійскимъ жителямъ. При борьбѣ такого рода, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о примиреніи съ Россіей.

Такъ-называемая Нолькенова партія въ Лифляндіи состоитъ изъ представителей самаго крупнаго землевладѣнія, а Эттингенова имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе людей способныхъ и ловкихъ, большихъ мастеровъ подмѣтить слабыя стороны вліятельныхъ лицъ, и пользоваться ими для осуществленія своихъ замысловъ, по программѣ изложенной въ книгѣ Ширрена.

№ 145.

Москва, 6-го Іюля.

Alea jacta est, такъ говорятъ теперь прусскія газеты. Дѣйствительно, жребій брошенъ между обоими соперниками, и вся Европа тревожно ожидаетъ перваго выстрѣла. Но и до сихъ поръ все еще мы не имѣемъ нити чтобъ удовлетворительно объяснить себѣ перемѣны происходившія съ быстротой молніи въ теченіе минувшей недѣли. Вихрь налетѣлъ среди глубокаго затишья, но и атмосферныя возмущенія, какъ они ни причудливы, не бываютъ безъ причины.

Соперничество между Франціей и Пруссіей дѣло давно извѣстное. Трудно было ожидать прочнаго мира, пока поколебленное въ своихъ основахъ политическое зданіе Европы не возстановлено на иномъ и болѣе прочномъ фундаментѣ. Нельзя было надѣяться что этотъ процессъ переустройства совершится самъ собою, постепенно и безъ кризиса. Газета *Times*, по этому поводу, въ одной изъ послѣднихъ статей, приводила на память раздраженіе возникшее во Франціи противъ Англіи послѣ сороковыхъ годовъ, затѣмъ снова вспыхнувшее въ 1858 году, и однакоже стихшее безъ всякаго взрыва. Не будемъ говорить объ умѣстности этого сравненія, но замѣтимъ что не далѣе какъ за три дня до объявленія войны нѣкоторыя парижскія газеты, между прочимъ *Journal des Débats* и *Siècle*, по полученіи извѣсія объ отказѣ принца Гогенцоллернскаго отъ испанской кандидатуры, считали грозу войны миновавшею и объявляли что *l'incident est clos*.

Неужели въ два, три дня, все могло такъ внезапно измѣниться? Подробности о происходившихъ между Франціей и Пруссіей переговорахъ еще не дошли до насъ, и, находясь въ полной зависимости отъ берлинскаго почтамта, мы опасаемся за своевременную доставку французскихъ, англійскихъ и австрійскихъ изданій. Газетныя извѣстія опережаются телеграммами, но онѣ русскою печатью получаются большею частью чрезъ посредство берлинскаго агентства Вольфа, а мы не можемъ имѣть къ нимъ полнаго довѣрія. *) До сихъ поръ этимъ всеопережающимъ способомъ сообщенія говорила намъ только Пруссія. Всѣ извѣстія переходятъ черезъ ея редакцію, и получаютъ особый отпечатокъ. Считая себя отвѣтственными предъ публикой, мы въ послѣдніе дни затруднялись передавать иныя полученныя нами черезъ берлинское агентство извѣстія. Мало того что факты подбираются въ этихъ сообщеніяхъ съ берлинской точки зрѣнія, въ нихъ еще предлагаются чьи-то сужденія. Кто-то въ нихъ горячится, критикуетъ, спорить, даже бранится. Такъ напримѣръ услужливое берлинское агентство передавало намъ телеграмму съ чьимъ-то заявленіемъ что г. Олливье потому-де отказался сообщить палатѣ текстъ депеши графа Бисмарка къ иностраннымъ дворамъ, что тогда французская палата узнала бы *вздорный обманъ* (*frivole Täuschung*) своего правительства. Какое намъ дѣло до этихъ не извѣстно чьихъ предположеній? Какое дѣло до нихъ русской публики, которая желаетъ смотрѣть на вещи своими глазами? Лучше было бы сообщить текстъ депеши, а русская публика сама могла бы составить свое сужденіе. Были и такія телеграммы которыя казались намъ совершенно невѣроятными. Въ петербургскихъ газетахъ была, напримѣръ, напечатана полученная также и нами телеграмма изъ Берлина (отъ 16-го іюля), будто еще 12-го іюля герцогъ Грамонъ объявилъ послу Сѣверо-Германскаго Союза въ Парижѣ что главное дѣло заключается „не въ отказѣ принца Гогенцоллернскаго отъ испанскаго „престола, потому что Франція все равно „не потерпѣла бы его воцаренія, а въ томъ „чтобы король Прусскій, въ собственно-„ручномъ письмѣ къ императору Наполеону, „извинился (*Abbitte leiste*) въ происшедшемъ,“ и далѣе что „это письмо предназначалось для обнародованія.“ Отъ 12-го іюля уже получены здѣсь газеты, и ни въ одной нѣтъ ни малѣйшаго указанія на что-либо подобное. Возможно ли думать чтобы французское правительство основалось на такомъ предлогѣ объявленія войны, зная что рано или поздно оно будетъ же принуждено представить палатамъ и обнародовать свою дипломатическую корреспонденцію? Наше сомнѣніе въ вѣрности этого извѣстія уже оправдалось, ибо въ полученной сегодня телеграммѣ о переговорахъ дѣло сообщается иначе, и притомъ словами прусскаго *Государственнаго Указателя*, тогда какъ предполагаемое сообщеніе герцога Грамона было передано безъ указанія источника

Наконецъ, для русскихъ читателей не могло не быть страннымъ что изъ Берлина, Касселя и другихъ мѣстъ Германіи сообщалось о всеобщемъ одушевленіи, а о томъ что происходитъ и дѣлается въ Парижѣ, и вообще во Франціи, сообщается весьма мало, хотя и изъ глухихъ отзывовъ телеграммъ агентства Вольфа можно заключить что во Франціи разыгралось теперь сильно національное движеніе. О томъ какое сообщеніе было сдѣлано французскимъ палатамъ при объявленіи войны, берлинское агентство умолчало вовсе.

*) Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* уже приняла мѣры для полученія телеграммъ еще и другими путями.

Тонъ прусскихъ газетъ которыя до сихъ поръ старались говорить успокоительно и сдержанно, вдругъ перешелъ въ крайнее раздраженіе. Еще наканунѣ, 12-го и 13-го іюля, въ Берлинѣ всё повидимому питали надежду что миръ нарушенъ не будетъ: графъ Бисмаркъ былъ даже противъ созыва рейхстага, считая главное затрудненіе улаженнымъ; собравшійся, въ предсѣдательствѣ военнаго министра г. фонъ-Роона, совѣтъ съѣхавшихся въ Берлинъ членовъ кабинета не постановилъ было ничего рѣшительнаго, полагая возможнымъ повременить день-другой. Газеты объявляли что горизонтъ прояснился, что опасенія войны миновали, и только, какъ мораль басни, присовокупляли что мы-де теперь не будемъ такъ легковѣрны и не дадимся въ обманъ, ибо та же Франція, которая еще за двѣ недѣли предъ симъ, устами г. Олливье, заявляла что въ виду нѣтъ никакихъ раздражительныхъ вопросовъ, что имперія желаетъ мира, мира и мира, вдругъ подняла тревогу по такому не значащему поводу какъ кандидатура медіатизованнаго нѣмецкаго князя на испанскій престолъ... Но грозная дѣйствительность не долго заставила себя ждать, и изъ положенія оборонительнаго прусская печать быстро перешла въ наступательное.

Вѣрить ли однако что Пруссія была коварно захвачена врасплохъ, и будто она до послѣдней минуты оставалась совершенно спокойною, не зная за собою ничего такого что могло бы стать поводомъ къ разрыву? Французскія газеты тогда уже сообщали свѣдѣнія о дѣятельныхъ военныхъ приготовленіяхъ, къ которымъ привлечены были и южно-германскія государства.

Для этихъ бѣдныхъ южно-германскихъ государствъ наступаетъ тяжелое время. Пруссія предъявила имъ трактаты 1866 г. и потребовала чтобъ они въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ признали *casus foederis*, вопросъ союза. Нечего было дѣлать, и теперь, какъ видно изъ телеграммъ, въ государствахъ южной Германіи предписана мобилизація ихъ армій. Повидимому, Пруссія не во всѣхъ нихъ была одинаково увѣрена; по крайней мѣрѣ распространился было слухъ въ Берлинѣ что только Баварія и Баденъ дали благопріятный отвѣтъ, Виртембергъ же отвѣчалъ уклончиво; но изъ Штутгарта поспѣшили опровергнуть этотъ слухъ. Теперь, къ этимъ же южно-германскимъ государствамъ обратилась и Франція съ грознымъ запросомъ, хотятъ ли они соблюдать нейтралитетъ. Отвѣтъ долженъ былъ послѣдовать въ 24 часа. Положеніе критическое! Отступиться они не могутъ, и имъ быть-можетъ придется принять на себя первые удары войны за ту самую Пруссію которая, три года тому назадъ, такъ безпощадно разгромила ихъ.

Нѣтъ, прусская политика, кажется, не забывала о неизбѣжности разчета, и готовилась къ нему. Этою заботой она была преисполнена уже на другой день по заключеніи Пражскаго мира, и первымъ шагомъ ея въ этомъ направленіи было заключеніе военныхъ трактатовъ съ южно-германскими государствами, долго хранившихся втайнѣ. Весьма естественно что и испанская кандидатура была попыткою выиграть шагъ предъ Франціей, которая была бы крайне затруднена въ случаѣ еслибъ эта попытка, подготовлявшаяся втайнѣ, удалась. Когда задуманный планъ былъ обнаруженъ, Берлинскій дворъ отвѣчалъ уклончиво, слагая съ себя всякую отвѣтственность и предоставляя принцу Гогенцоллернскому самому отвѣчать за себя. Французское правительство, съ своей стороны, имѣя основанія думать что Пруссія не чужда этому дѣлу и что оно созрѣло подъ ея вліяніемъ, не могло удовольствоваться такимъ объясненіемъ и пожелало нѣкоторыхъ серіозныхъ обезпеченій, и мы не видимъ почему бы это желаніе могло быть оскорбительно для достоинства Пруссіи. Въ 1862 году, въ виду упраздненнаго Греческаго престола, Россія и Англія устранили же своихъ кандидатовъ; точно также въ 1866 году, послѣ революціи низложившей въ Румыніи князя Кузу, Императоръ Всероссійскій не соизволилъ на кандидатуру герцога Лейхтенбергскаго, а въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ далеко не былъ такъ важенъ какъ въ настоящемъ.

Итакъ, мы не можемъ еще сказать ничего вѣрнаго о томъ съ чьей стороны былъ поданъ непосредственный поводъ къ разрыву. Мы видимъ только что оба противника были въ глухой борьбѣ между собою, которая наконецъ прорвалась и переходитъ въ открытый бой...

Предъ тѣмъ какъ отдавать въ печать, получена депеша, пришедшая косвеннымъ путемъ изъ Парижа, о прибытіи туда князя

Горчакова. Всякій оцѣнитъ важность этого сообщенія.

№ 146.

Москва, 7-го Іюля.

А.

Сейчасъ получили мы изъ Берлина телеграмму что французскія войска перешли прусскую границу, и хотя дѣло ограничилось рекогносцировкой одной неважной мѣстности,—но грозная борьба уже началась и никакая сила не можетъ обратить вспять токъ прорвавшихся событій. Впрочемъ, война была и прежде не отвратима: непосредственный поводъ къ ней былъ только искрою воспламенившею уже готовый матеріалъ, послѣднею каплей переполнившею чашу. Которая же изъ сторонъ подала этотъ поводъ? До сихъ поръ всѣ извѣстія по телеграфу приходили изъ Берлина, а изъ нихъ оказывалось что виновницей столкновенія была Франція. Но нынѣ берлинское агентство принесло намъ важный документъ бросающій яркій свѣтъ на дѣло и свидѣтельствующій что Франція объявила войну вовсе не подъ ничтожнымъ предлогомъ, который легко было бы устранить дипломатическими переговорами Документъ этотъ — тронная рѣчь короля Прусскаго произнесенная при открытіи рейхстага. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто этой рѣчи гдѣ выставляется совершенное безкорыстіе Пруссіи въ вопросѣ объ испанской кандидатурѣ. Сѣверо-Германскій Союзъ, сказано тутъ, заинтересованъ былъ этою кандидатурой потому только что нынѣшнее испанское правительство (маршалъ Примъ) надѣялось, призывая на престолъ принца Леопольда, пріобрѣсти гарантію „правильнаго и миролюбиваго правительства.“ Это прекрасно, но является вопросъ, почему же испанское правительство надѣялось что именно принцъ Гогенцоллернскій можетъ доставить Испаніи столь важныя гарантіи? Чѣмъ заявилъ этотъ принцъ свои правительственныя дарованія. Или онъ обладаетъ талисманомъ, который даетъ ему силу устраивать государства и успокоивать народы? Этого не могла думать Испанія. Этого не думалъ и Сѣверо-Германскій Союзъ, то-есть Пруссія. Очевидно, надежда на утвержденіе „правильнаго и миролюбиваго правительства“ возлагалось на нѣчто другое, болѣе существенное, — и что же иное могло бы придать кандидатурѣ принца Леопольда значеніе какъ не поддержка Пруссіи? Что иное могло быть талисманомъ принца Леопольда? Что иное въ глазахъ сѣверо-германскихъ правительствъ могло казаться важнымъ и полезнымъ для дружескаго народа за Пиренеями? Но Франція, весьма естественно, думаетъ объ этомъ иначе. Она также придавала важность этой кандидатурѣ, но въ обратномъ смыслѣ. И вотъ, прежде чѣмъ предположеніе стало совершившимся фактомъ, она поспѣшила потребовать разъясненій дѣла, которое ведено было въ строгой тайнѣ. Почему было оскорбительно для Пруссіи или Сѣверо-Германскаго Союза весьма естественное требованіе Франціи устранить кандидатуру принца, котораго вступленіе на престолъ Испаніи могло грозить опасностью европейскому миру? Развѣ оскорбительно было для Россіи когда ей дѣлались подобныя представленія? Тронная рѣчь утверждаетъ что императоръ Французовъ дѣйствовалъ „давно небывалымъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ способомъ.“ Однако, когда посолъ императора Французовъ просилъ въ Эмсѣ объясненій о кандидатурѣ принца Леопольда, и отъ имени своего государя настаивалъ на устраненіи оной,—что послѣдовало? Сначала онъ получилъ уклончивый отвѣтъ. Затѣмъ послѣдовало отреченіе принца Леопольда отъ кандидатуры, переданное во Францію телеграммой отъ его отца и адресованной къ г. Эмилю Олливье. Французское правительство предписало своему послу испросить снова аудіенцію у короля Прусскаго, и выразить ему желаніе императора Французовъ получить болѣе твердое ручательство что кандидатура устранена, и что подобная попытка не возобновится. Какой же пріемъ встрѣтила просьба г. Бенедетти? Король приказалъ своему адъютанту объявить послу Франціи что съ нимъ не хотятъ говорить объ этомъ дѣлѣ. Трудно было ожидать послѣ этого чтобы „щекотливое“ національное чувство французскаго народа не было оскорблено. Что же оставалось дѣлать императору Французовъ? Еслибъ онъ перенесъ это оскорбленіе, въ особенности отъ государя страны противъ которой и безъ того такъ возбуждено щекотливое національное чувство Франціи, то ему ничего не оставалось бы сдѣлать какъ сложить съ себя корону. Рѣчь ко-

роля Прусскаго должна прекратить возгласы о ничтожности предлога къ войнѣ; самъ глава Сѣверо-Германскаго Союза призналъ важность кандидатуры принца Гогенцоллернскаго, и можно ли было требовать отъ Франціи чтобъ она оставалась равнодушною къ ней, тѣмъ болѣе что переговоры о ней были ведены тайно, хотя съ вѣдома и одобренія короля Вильгельма?

В.

Недавно разсматривалось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло, по новости своей живо заинтересовавшее публику и возбудившее самые противоположные толки. Мы говоримъ о рабочихъ Невской бумагопрядильной мануфактуры (барона Штиглица), судившихся въ уголовномъ порядкѣ по обвиненію въ *стачкѣ* имѣвшей цѣлью принудить управленіи фабрики, чрезъ прекращеніе работъ, возвысить рабочія платы. О стачкахъ и волненіяхъ рабочихъ въ западной Европѣ наша публика много наслышалась, а наши домашніе публицисты и ораторы, ломая изъ себя политическія партіи консерватиговъ и демократовъ, трубятъ во всю мочь что вотъ и у насъ насталъ рабочій вопросъ со своими зловѣщими признаками. Присматриваясь однако ближе къ случающимся у насъ столкновеніямъ рабочихъ съ хозяевами, ежедневно разрѣшаемымъ по мелочамъ мировою властью и впервые въ упомянутомъ дѣлѣ принявшимъ довольно крупные размѣры и обсуждавшимся торжественно формальнымъ судомъ, мы легко убѣдимся что этимъ спорамъ именно не достаетъ всего того что принадлежитъ къ особенностямъ рабочаго вопроса въ западной Европѣ и заботитъ ея государственныхъ людей. Упомянутое выше дѣло съ рабочими Невской мануфактуры, надѣлавшее столько шума, весьма просто. Оно началось жалобою, поданною 800 рабочими этой фабрики с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру на управленіе фабрики за разныя притѣсненія, а окончилось преданіемъ 62 человѣкъ изъ этихъ рабочихъ уголовному суду за стачку. Подобный ходъ дѣла говоритъ самъ за себя; рабочіе, обозванные въ послѣдствіи бунтовщиками, обращаются сами къ публичнымъ властямъ, *къ начальству*, какъ всегда выражается нашъ народъ, съ покорнѣйшею просьбой разобрать ихъ неудовольствіе на фабричное управленіе и защитить ихъ права; ошибка ихъ въ этомъ случаѣ заключалась въ томъ что они обратились со своею претензіей, по старой привычкѣ, къ полиціи, а не къ мировому судьѣ. Едва ли также была права полиція что она вмѣшалась въ этотъ споръ имѣвшій всѣ свойства гражданской тяжбы, производила спросъ сторонъ на фабрикѣ, предлагала рабочимъ продолжать работу за прежнюю плату, на что они и соглашались, входила въ соглашеніе сторонъ къ примиренію и угрожала рабочимъ закономъ о стачкахъ (то-есть преданіемъ уголовному суду). Всѣ эти дѣйствія, разказанныя на судѣ самимъ г. помощникомъ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, какъ бы благонамѣренны и примирительны они ни были, хотя бы полиція прямо и не входила на фабрикѣ въ разбирательство спора, — всѣ эти дѣйствія относились гораздо болѣе къ обязанностямъ мироваго судьи (какъ по суммѣ иска, такъ въ особенности по характеру примирительнаго разбирательства) чѣмъ полиціи. Вмѣшательство ея съ самаго начала дало этому дѣлу уголовный характеръ, какого оно не должно было имѣть по самой сущности взаимныхъ претензій сторонъ. Неудовольствіе рабочихъ заключалось въ томъ что фабричная контора самовольно вмѣшалась въ разчеты ихъ со сподручными мальчиками, которыхъ они, съ согласія управленія фабрики, нанимаютъ отъ себя на фабричную работу; контора вычла изъ платъ рабочихъ деньги задержанныя ими у мальчиковъ за прогульные дни, съ тѣмъ чтобы выдать эти деньги мальчикамъ, съ которыми управленіе фабрики ни въ какіе договоры не входитъ и за работу которыхъ отвѣчаютъ предъ нимъ сами рабочіе. Это распоряженіе управленія фабрики признано было неправильнымъ самою обвинительною властью на судѣ, и странно что послѣ этого признанія все-таки нашлась возможность поддерживать обвиненіе, ибо вся претензія рабочихъ заключалась сперва единственно въ требованіи разчета отъ конторы и возврата неправильно удержанныхъ у нихъ денегъ. Съ этимъ искомъ на контору и слѣдовало рабочимъ, послѣ ея упорства въ удовлетвореніи ихъ безусловно справедливой претензіи, обратиться къ суду, и тогда дѣло получило бы совершенно другой оборотъ. Въ послѣдствіи рабочіе стали заявлять разныя другія неудовольствія на свое фабричное начальство, не-

законность которыхъ также признаетъ обвинительная власть, только называетъ эти неудовольствія ничтожными! Такъ напримѣръ рабочіе жаловались что ихъ принуждаютъ къ разнымъ постороннимъ работамъ (мытье половъ, выставленіе рамъ и проч.), не лежащимъ на ихъ обязанности; обвинительная власть, не оправдывая такихъ требованій со стороны управленія фабрики, говоритъ что они были не особенно тягостны для рабочихъ и не ужасны! Какъ бы то ни было, рабочіе стали просить распорядителей фабрики сперва о возвратѣ имъ неправильно удержанныхъ у нихъ денегъ, а потомъ о возвышеніи платы, заявляя о своемъ намѣреніи оставить фабрику, если просьбы ихъ удовлетворены не будутъ. Для переговоровъ объ этомъ по *желанію самого управленія фабрикою*, было избрано рабочими изъ ихъ среды 5 уполномоченныхъ, которые потомъ, какъ главные вожаки и говоруны, обвинены и подвергнуты наказанію въ качествѣ руководителей и зачинщиковъ стачки. Посреди всѣхъ этихъ переговоровъ, никакого нарушенія порядка, не только насилія или буйства, со стороны рабочихъ не было; о подобныхъ обвиненіяхъ противъ нихъ, въ показаніяхъ какъ полиціи и обвинительной власти, такъ и управленія фабрики, несмотря на всю строгость и даже придирчивость ихъ относительно поступковъ рабочихъ, нѣтъ и помину. Вслѣдъ за первоначальнымъ ходатайствомъ рабочихъ о прибавкѣ платы произошелъ эпизодъ, послѣ котораго, казалось бы, не оставалось никакой возможности преслѣдовать рабочихъ за прекращеніе работъ и стачку: когда уполномоченные отъ рабочихъ пришли къ одному изъ распорядителей фабрики для объясненія своихъ претензій, какъ мы видѣли выше основательныхъ, тогда, по словамъ ихъ, онъ велѣлъ ихъ выгнать вонъ. По показанію другихъ свидѣтелей, смыслъ этого распоряженія со стороны управленія фабрики заключался въ томъ что недовольные рабочіе могутъ идти прочь съ фабрики, что въ нихъ не нуждаются, и судебное слѣдствіе вполнѣ подтвердило достовѣрность такого распоряженія, которое не было опровергнуто на судѣ и самими представителями управленія Невской мануфактуры. Можетъ-быть это распоряженіе было сдѣлано сгоряча, безъ обдуманнаго намѣренія, но едва ли управленіе фабрики имѣло послѣ этого какое-нибудь законное основаніе жаловаться что 62 рабочихъ отказались отъ работы и несмотря на позднѣйшія предложенія управленія не соглашались возвратиться на фабрику. Въ чемъ же рабочіе обвинялись предъ судомъ? Представьте себѣ: они обвинялись въ совершеніи дѣянія предусмотрѣннаго ст. 1.358 Уложенія о наказаніяхъ, гласящей такъ: За стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры, прекратить работы *прежде истеченія условленнаго* съ содержателями сихъ заведеній времени, для того чтобы *принудить* хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются" и проч. На основаніи этой статьи пять человѣкъ рабочихъ Невской мануфактуры, какъ зачинщики, были приговорены С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ къ семи днямъ ареста при полиціи, а остальные изъ 62, отказавшихся отъ работы, къ тремъ днямъ ареста. А самаго главнаго свойства правонарушенія, обозначеннаго въ приведенной статьѣ закона, не достаетъ въ настоящемъ случаѣ: между обвиненными рабочими и фабрикой не было заключено никакихъ договоровъ ни письменныхъ, ни даже словесныхъ, между ними не было условлено никакого срока работы на фабрикѣ; это вполнѣ доказано судебнымъ слѣдствіемъ и не отвергается управленіемъ фабрики. Стало-быть, со стороны рабочихъ не могло быть никакого нарушенія силы договора, никакого прекращенія работы *до истеченія условленнаго времени*, и они не только имѣли право отойти когда имъ вздумается, но имъ даже прямо было сказано что они могутъ уйти если они недовольны. Управленіе фабрики и прокуратура, вынужденные поддерживать свое обвиненіе на основаніи какого-нибудь договора между рабочими и фабрикой, ссылаются на правила вывѣшенныя на стѣнахъ фабрики, давно-де извѣстныя всѣмъ работающимъ на Невской мануфактурѣ и заключавшія въ себѣ между прочимъ такое постановленіе что рабочіе желающіе получить увольненіе должны заявлять объ этомъ за мѣсяцъ впередъ. Въ силу этихъ правилъ, по словамъ обвинительной власти, былъ *обязательный для рабочихъ срокъ* работы на Невской мануфактурѣ. Но неужели порядки заведенные изстари на той или другой фабрикѣ, *изданныя ею* правила и ея *обычаи*, какъ выражались въ этомъ случаѣ представители Невской ма-

нуфактуры, могутъ быть юридически обязательны для рабочихъ и въ случаѣ судебнаго спора замѣнять собою контракты заключаемые на точномъ основаніи гражданскихъ законовъ? И все-таки одна изъ сторонъ привлекается къ формальной судебной отвѣтственности, даже въ уголовномъ порядкѣ, именно за нарушеніе силы договора, когда по точному и буквальному смыслу законовъ, договоры съ рабочими на фабрикахъ должны быть письменные или по крайней мѣрѣ записанные въ расчетные книжки! Одни рабочіе заявили на судѣ что имъ были извѣстны упомянутыя правила, другіе что — нѣтъ; но были или не были извѣстны, это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Особенно странно что управленіе Невской мануфактуры ссылается въ своемъ обвиненіи противъ рабочихъ на свои правила, а этими правилами воспрещается управленію фабрики вмѣшиваться въ разчеты между рабочими и ихъ сподручными мальчиками; а между тѣмъ именно съ такого вмѣшательства фабричной конторы, прямо нарушившаго правила возводимыя самимъ управленіемъ фабрики въ силу формальныхъ контрактовъ, началась претензія рабочихъ на фабрику за неправильно удержанныя конторой у рабочихъ деньги, по 3 руб. с. на человѣка. Сколько намъ извѣстно, эти деньги такъ и остались невзысканными съ фабрики въ пользу рабочихъ, и въ судебномъ приговорѣ о нихъ ничего не упомянуто. Отсюда выходитъ что правила Невской мануфактуры, на которыя ссылаются какъ на формальный договоръ между рабочими и мануфактурой, обязательны только для первыхъ, и нисколько не обязательны для послѣдней! Подобной односторонней обязательности въ гражданскихъ отношеніяхъ, казалось бы, невозможно допустить въ благоустроенномъ обществѣ.

Далѣе, *стачка* рабочихъ, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ законѣ, чтобы составлять преступное дѣяніе преслѣдуемое въ уголовномъ порядкѣ, должна заключать въ себѣ, сверхъ уговора между рабочими къ возвышенію платы, какія-либо *принудительныя* или насильственныя съ ихъ стороны дѣйствія противъ хозяевъ или другихъ рабочихъ. Это прямо истекаетъ изъ буквы и духа приведеннаго выше узаконенія, и подтверждается какъ теоріей иностранныхъ законодательствъ, откуда оно, какъ оказывается, попало цѣликомъ въ наше уложеніе, такъ и практикою стачекъ во всемъ мірѣ. Иначе и быть не можетъ. Взглянувъ съ этой точки зрѣнія на дѣло рабочихъ Невской мануфактуры, мы легко убѣдимся что тутъ не было и подобія *стачки* или *забастовки* (coalition des ouvriers, strike) въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова: тамъ образуются обширныя коалиціи рабочихъ, дѣйствующихъ часто вооруженною рукой, всего чаще чтобы принудить фабрикантовъ не только возвысить платы, но радикально измѣнить существующія отношенія рабочихъ къ капиталу, уничтожить отношенія вольнонаемнаго труда по контракту, дать труду участіе въ прибыляхъ фабрики и т. д.; притомъ, что особенно важно, самая стачка поддерживается угрозами и насиліями противъ уклоняющихся отъ нея рабочихъ. Занимающее насъ дѣло началось съ самовольнаго распоряженія фабричнаго управленія на счетъ кармана рабочихъ, которые ничего иного не добивались какъ гражданскiи свободныхъ отношеній къ фабриканту, именно отвергаемыхъ рабочими въ западно-европейскихъ стачкахъ. Не связанные никакимъ съ фабрикою договоромъ, наши рабочіе желаютъ только воспользоваться своимъ гражданскимъ правомъ ухода съ фабрики, правомъ на свой трудъ, и объ этомъ только, о защитѣ себя отъ принужденія, съ покорностью ходатайствуютъ у начальства. Трудно кажется представить себѣ положенія не только менѣе сходныя, но болѣе противуположныя!

Трудно также представить себѣ болѣе благодарное поле для защиты, которая, скажемъ кстати, была блистательная и, казалось, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ правоты подсудимыхъ: въ особенности замѣчательна рѣчь г. Турчанинова, необыкновенно сдержанная и заключенная строго въ предѣлы юридической защиты правъ рабочихъ, безъ всякихъ излишнихъ филантропическихъ выходокъ, часто портящихъ защиту.

Мы всегда съ великимъ уваженіемъ относимся къ постановленіямъ нашей новой судебной власти, успѣвшей своимъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла внушить къ себѣ довѣріе публики. Но именно вслѣдствіе нашего уваженія къ судебной власти, мы съ недоумѣніемъ останавливаемся предъ приговоромъ С.-Петербургскаго окружнаго суда по настоящему дѣлу, въ особенности потому что онъ можетъ ввести

нашихъ рядчиковъ въ весьма прискорбныя для нихъ заблужденія во взглядѣ на ихъ отношенія къ рабочимъ. Наказаніе которому подверглись рабочіе Невской мануфактуры весьма незначительно, въ особенности сравнительно съ обращеніемъ къ которому привыкъ нашъ простой народъ при старыхъ полицейскихъ и крѣпостныхъ порядкахъ; потому неудивительно если рабочіе остались довольны приговоромъ суда къ аресту на три дня, между тѣмъ какъ имъ случалось въ прежнее время сидѣть въ тюрьмѣ мѣсяцы по простому подозрѣнію полиціи, безъ суда и слѣдствія. Но желательно чтобы какъ въ рабочихъ, такъ и въ рядчикахъ развилось сознаніе строгой законности ихъ взаимныхъ гражданскихъ отношеній, и чтобы въ приговорахъ надъ ихъ взаимными неудовольствіями господствовалъ только законъ, а не предвзятыя идеи о тяжести или мягкости требуемаго отъ рабочихъ труда, о добрыхъ и примирительныхъ намѣреніяхъ хозяевъ, о призракахъ рабочаго вопроса и т. п. Кто не знаетъ что въ отношеніяхъ нашихъ рабочихъ и хозяевъ до сихъ поръ сохранилось чрезвычайно много добродушія и патріархальности съ обѣихъ сторонъ. Но можно радоваться свѣтлымъ сторонамъ этого рода отношеній, обусловленнымъ исторіей и народнымъ характеромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовать ихъ дурнымъ свойствамъ и искоренять скверныя привычки накопившіяся отъ стараго времени. Эта патріархальность отношеній связана съ полнымъ пренебреженіемъ ко взаимнымъ гражданскимъ правамъ и обязанностямъ, истекающимъ изъ строго опредѣленнаго договорнаго начала, и совершенно необходимымъ для успѣховъ нашей промышленной жизни. Если рабочіе, выросшіе подъ опекой и произволомъ вотчинной и полицейской властей, въ полномъ невѣдѣніи отвѣтственности истекающей для нихъ изъ ихъ новыхъ гражданскихъ правъ, — разстраиваютъ правильный коммерческій ходъ работъ неисполненіемъ добровольно принятыхъ на себя условій, то еще чаще злоупотребляютъ наши рядчики юридическою неточностью своихъ отношеній къ рабочимъ и своимъ пока болѣе сильнымъ положеніемъ. На самыхъ лучшихъ нашихъ фабрикахъ съ тысячами рабочихъ не заключается никакихъ формальныхъ условій, хотя они весьма облегчены закономъ о разчетныхъ рабочихъ книжкахъ и нимало не затруднительны для фабрикантовъ, при многочисленномъ личномъ составѣ ихъ конторъ. Пока все держится издавна заведенными порядками и обычаями, съ которыми никакъ не хочетъ разстаться большинство нашего промышленнаго люда; но всѣ эти порядки и обычаи сложились на почвѣ прежняго безправія рабочаго класса, и никакъ не ладятъ съ требованіями новой судебной власти. Такъ, напримѣръ, рядчики безпрестанно бываютъ изумлены что мировые судьи отказываютъ имъ въ искахъ на рабочихъ, основанныхъ не на положительныхъ договорахъ съ ними, хотя бы словесныхъ и доказанныхъ на судѣ свидѣтельскими показаніями, а просто на *заведенномъ* у рядчиковъ порядкѣ личнаго найма, нисколько не обязательномъ для рабочихъ когда возникаетъ между сторонами споръ на судѣ; такъ же точно бываютъ недовольны рядчики когда судъ не производитъ разчета за работу на основаніи ихъ голословныхъ показаній, не подтвержденныхъ никакими формальными доказательствами. Эти понятія полнаго произвола въ отношеніяхъ къ рабочимъ распространены у насъ повсюду, а не въ однихъ только низшихъ промышленныхъ слояхъ: Не такъ давно, одно просвѣщенное желѣзно-дорожное управленіе не посовѣстилось публично и рѣзко заявить свое неудовольствіе на мировыхъ судей за отвлеченіе рабочихъ отъ работъ разбирательствомъ ихъ жалобъ на подрядчика, когда въ этомъ случаѣ дѣло шло объ освобожденіи рабочихъ отъ беззаконной кабалы, въ которую ихъ опуталъ несостоятельный хозяинъ. Нельзя не опасаться что изложенный выше приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда, постановленный можетъ-статься на основаніи исключительныхъ мотивовъ, чуждыхъ обычнымъ отношеніямъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ къ хозяйствамъ, породитъ не мало недоразумѣній между послѣдними, къ ихъ собственному явному ущербу, если они будутъ полагаться въ судебномъ разбирательствѣ своихъ споровъ съ рабочими на обычное безправіе своихъ отношеній къ нимъ.

Мы уже имѣемъ предъ собою любопытный образчикъ лжетолкованій къ которымъ подаетъ поводъ этотъ судебный приговоръ. Одна петербургская газета, недовольная только тѣмъ что обвиненные рабочіе не руководились въ своихъ дѣйствіяхъ коры-

стнымъ желаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ однако радуется рѣшенію С.-Петербургскаго окружнаго суда, надѣясь что оно послужитъ примѣромъ для судебнаго преслѣдованія всякихъ другихъ стачекъ, какъ-то: дѣйствій хлѣбныхъ и мясныхъ торговцевъ къ возвышенію цѣнъ на хлѣбъ и мясо, биржевой спекуляціи возвышающей цѣну процентныхъ бумагъ и пр. Вотъ усиленію какихъ просвѣщенныхъ экономическихъ и юридическихъ воззрѣній нашей старины и новизны содѣйствуетъ направленіе данное судебному разбирательству такъ-называемой стачки рабочихъ на Невской мануфактурѣ! Впрочемъ, газета безъ обиняковъ рукоплещетъ приговору открывающему, по ея объясненію, путь къ административному *регулированію* экономическихъ отношеній между нанимателями и рабочими, недостаточно обезпечиваемыхъ, по смыслу словъ этой газеты, гражданскою равноправностью сторонъ. Въ чемъ же разнится эта лжелиберальная газета отъ покойной лжеконсервативной *Вѣсти*, мѣсто которой она заступила на чредѣ служенія всякой дурной интригѣ?

№ 147

Москва, 8-го іюля.

А.

Перерывъ сношеній между Франціей и Пруссіей начинаетъ уже отзываться на полученіи французскихъ газетъ. Сегодня мы ожидали французскихъ газетъ отъ 16-го іюля, съ отчетомъ о засѣданіяхъ палатъ, по окончаніи которыхъ *Гавасово Агентство* разослало грозную телеграмму, лаконически возвѣщавшую: „Война объявлена," но получили только одну *France*, да еще запоздалый *Офиціальный Журналъ* отъ 15-го іюля (кстати мы не получили также и бельгійской *Indépendance*, скорѣе всѣхъ прочихъ газетъ доставляющей намъ извѣстія изъ Парижа). Во *France* находимъ анализъ заявленія сдѣланнаго въ законодательномъ корпусѣ г. Эмилемъ Олливье (точно такое же заявленіе было сдѣлано одновременно и герцогомъ Грамономъ въ сенатѣ). Вотъ это заявленіе какъ оно изложено въ упомянутой газетѣ:

„За отсутствіемъ моего досточтимаго друга, герцога де-Грамона, я имѣю въ виду сообщить палатамъ изложеніе (exposé) которое обсуждалось въ совѣтѣ министровъ.

„Правительство, тотчасъ по полученіи извѣстія о принятіи испанскаго престола принцемъ Леопольдомъ, потребовало объясненія у прусскаго правительства.

„Берлинскій кабинетъ утверждалъ что ему ничего неизвѣстно объ этомъ дѣлѣ, и что оно совершенно чуждо ему.

„Тогда французское правительство прямо обратилось къ королю Пруссіи.

„Послу дано было приказаніе отправиться въ Эмсъ.

„Король Прусскій призналъ что онъ дозволилъ принцу Леопольду принять корону, но далъ это дозволеніе въ качествѣ лишь главы семейства, а не государя.

„Его величество сознался однако что онъ сообщилъ о томъ г. фонъ-Бисмарку.

„Отвѣты эти показались неудовлетворительными французскому правительству, которое не могло допустить такихъ тонкостей (*subtilités*) въ объясненіяхъ.

„Правительство желало чтобы король Прусскій обязалъ принца Леопольда непремѣннымъ условіемъ отказаться и на будущее время отъ испанской короны если она будетъ ему вновь предложена.

„Это требованіе, умѣренное по содержанію и по формѣ, не было принято.

„Король отвѣчалъ что онъ не можетъ и не желаетъ принимать подобное обязательство.

„Хотя отказъ этотъ показался необъяснимымъ, тѣмъ не менѣе правительство не прервало переговоровъ, и удивленіе его было велико когда вчера оно извѣстилось что король Прусскій велѣлъ сказать послу что онъ не приметъ его, и что его правительство сообщило объ этомъ рѣшеніи европейскимъ кабинетамъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство извѣстилось что баронъ Вертеръ приглашенъ испросить отпускъ.

„Въ такихъ обстоятельствахъ предпринимать новыя попытки къ примиренію было невозможно: это значило бы забыть о достоинствѣ Франціи.

„Мы не пренебрегли ничѣмъ чтобъ избѣжать войны, присовокупилъ министръ; мы станемъ готовиться къ ней когда ее предлагаютъ намъ.

„Вчера же, заключилъ министръ, мы созвали резервы и положились на ваше содѣйствіе чтобы тотчасъ же принять необходимыя мѣры для охраненія интересовъ и чести Франціи."

Этимъ офиціальнымъ заявленіемъ пополняются сообщенія Берлинскаго телеграфнаго агентства, ничего не давшаго намъ знать о содержаніи деклараціи французскихъ министровъ въ палатахъ. Замѣтимъ при этомъ что весь разсказъ о назойливыхъ дѣйствіяхъ г. Бенедетти въ Эмсѣ оказывается вымысломъ, какъ читатели могутъ видѣть въ помѣщаемой ниже телеграммѣ Русскаго Агентства.

Наканунѣ этого дня, то-есть 14-го іюля, въ англійской палатѣ общинъ, вождь оппозиціи, г. Дизраэли, сдѣлалъ запросъ о возникшемъ раздорѣ между Франціей и Пруссіей, и глава кабинета объявилъ что онъ не можетъ еще сказать чтобы всѣ затрудненія причиненныя кандидатурой принца Леопольда на испанскій престолъ были улажены, но что сообщенія по сему предмету между Франціей и Пруссіей еще не окончены, и британское правительство продолжаетъ употреблять всѣ зависящія отъ него средства дабы устранить затрудненія и сохранить миръ. Затѣмъ г. Горсманъ спросилъ, справедливо ли относительно британскаго кабинета заявленіе высказанное французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ о томъ что французское правительство имѣетъ на своей сторонѣ сочувствіе и нравственную поддержку европейскихъ правительствъ. Въ отвѣтъ на это, г. Гладстонъ, замѣтивъ что не находитъ согласнымъ съ государственными интересами вступать въ подробности по этому вопросу, извѣстилъ однако палату что лордъ Гранвиль уже отправилъ сообщеніе въ Парижъ по поводу означеннаго заявленія герцога Грамона.

Изъ этихъ осторожныхъ объясненій британскаго премьера можно заключить что въ Лондонѣ въ это время, вѣроятно, уже почти были убѣждены въ неизбѣжности войны, и это подтверждается измѣнившимся тономъ англійскихъ утреннихъ газетъ отъ 15-го іюля, вышедшихъ еще до полученія извѣстія о ея объявленіи. Заслышавъ начинающіеся раскаты грома, тѣ самыя газеты которыя за нѣсколько дней предъ тѣмъ, заботясь о сохраненіи мира, оправдывали требованія Франціи и считали ихъ основательными и законными, вдругъ заговорили что французское правительство было слишкомъ придирчиво, и *Times* уже нисколько не сомнѣвается по чьей винѣ дальнѣйшіе переговоры стали невозможны. Теперь, по словамъ этой газеты, Франція должна ожидать „что не только общественное мнѣніе обратится противъ нея, но „что она утратитъ и то сочувствіе которое ей было предложено при первомъ „извѣстіи о ея мнимой обидѣ."

Такова логика англійской печати. Она благоволила дать свое сочувствіе „мнимой обидѣ" Франціи въ самомъ началѣ, когда еще можно было предполагать что эта „мнимая обида" получитъ и „мнимое удовлетвореніе". А когда Франція не удовольствовалась отвѣтами Прусскаго двора и пожелала имѣть болѣе вѣрное ручательство для огражденія своихъ интересовъ и достоинства, то англійская печать беретъ назадъ свое сочувствіе и переноситъ его на Пруссію. Еслибъ англійская печать говорила искренно, то противорѣчіе это было бы необъяснимо. Казалось бы если требованія Франціи были основательны, то для избѣжанія войны слѣдовало обратить совѣты въ другое мѣсто и побуждать Берлинскій дворъ къ уступчивости. Но дѣло въ томъ что англійская печать съ самаго начала говорила неискренно, и быстро, безъ перехода измѣнившійся тонъ ея подтверждаетъ то что мы сказали недавно о дешевыхъ услугахъ которыми Англія разчитываетъ подчинить своему вліянію французскую политику. Въ сущности же симпатія Англіи находится на сторонѣ Германіи, ибо чѣмъ болѣе усиливается эта послѣдняя тѣмъ слабѣе должно становиться значеніе Франціи, и тѣмъ вѣрнѣе она будетъ вынуждена превратиться въ орудіе англійской политики.

Читатели увидятъ изъ помѣщаемой ниже телеграммы что въ лондонской офиціальной газетѣ объявлено распоряженіе правительства королевы Викторіи о соблюденіи строжайшаго нейтралитета.

Въ Пруссіи, до послѣдней минуты, повидимому, какъ правительство такъ и газеты не переставали надѣяться на болѣе или менѣе благополучный исходъ кризиса; отвращая глаза отъ зловѣщихъ признаковъ, не оставлявшихъ повидимому сомнѣнія въ томъ что гроза надвигается, что вотъ-вотъ грянетъ роковой ударъ, прусскія газеты, преимущественно офиціозныя, искренно или притворно усиливались успокоить свою публику толками о несбыточности войны. Тѣмъ поразительнѣе было для нихъ громовое извѣстіе что „Франція объявила Пруссіи войну": слова эти значатся сегодня крупнымъ шрифтомъ во гла-

въ каждой изъ дошедшихъ до насъ прусскихъ газетъ.*) Въ этомъ отношеніи любопытно сличить послѣдніе два нумера органа графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*: еще 15-го іюля она всячески старается успокоить общую тревогу, и доказываетъ что война мало вѣроятна уже по тому одному что было бы просто „глупо“ еслибъ она возгорѣлась изъ-за того повода который для нея хотять-де придумать; что дѣло это вообще съ начала до конца представляетъ непрерывный рядъ „глупостей,“ и потому плохо вѣрится что бы мы стояли наканунѣ кровавой драмы которой завязка такъ нелѣпо задумана. Но на другой день та же газета съ ожесточеніемъ накидывается на гнусное „сплетеніе лжи“ (Lügengewebe) которое она усматриваетъ въ каждомъ шагѣ французскаго правительства съ самаго начала всей этой гогенцоллернской кандидатуры: и во „лживомъ“ заявленіи *Constitutionnel* объ одержанной Франціей мирной побѣдѣ, и въ еще болѣе „лживомъ“ и „коварномъ“ увѣреніи Олливье что Франція удовлетворена достигнутымъ результатомъ отказа принца Леопольда отъ испанской кандидатуры. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, а за нею и прочія газеты, требуютъ войны не на животъ, а на смерть, дабы истребить съ корнемъ бонапартовское сѣмя, это *Banditenthum*; возбуждая энтузіазмъ германскаго народа воспоминаніемъ о 13 и 14 годахъ, онѣ взываютъ что и теперь война должна быть запечатлѣна тѣмъ же народнымъ характеромъ которому Германія и вся Европа были обязаны въ то время своимъ освобожденіемъ отъ ига тирана.

Б.

Между латышскою газетой *Baltijas Wehstnesis* (*Балтійскій Вѣстникъ*) и нѣмецкими балтійскими органами происходитъ интересная полемика. Дѣло въ томъ что упомянутая латышская газета осмѣлилась коснуться одного изъ тѣхъ хитрыхъ „законныхъ“ средствъ обиранія эсто-латышскихъ крестьянъ какими особенно отличается балтійско-помѣщичья практика.

*) *Кельнской Газеты* мы сегодня не получили; надо полагать что вслѣдствіе открывшихся въ Рейнской провинціи военныхъ дѣйствій означенную газету постигла та же участь что и газеты французскія.

Вотъ что недавно было сказано въ *Baltijas Wehstnesis*:

„Намъ не разъ уже приходилось упоминать, что въ Лифляндіи закономъ отдѣлены мызныя земли отъ крестьянскихъ, и что законъ воспрещаетъ отбирать послѣднія отъ крестьянъ и присоединять ихъ къ мызѣ. Тѣмъ не менѣе намъ часто приходилось быть свидѣтелями что при новыхъ размежевкахъ и оцѣнкахъ помѣщичьихъ владѣній большое количество крестьянскихъ поземельныхъ угодій, часто цѣлыя усадьбы, присоединяются къ мызнымъ землямъ.“

Какъ объяснить это ежедневное фактическое противорѣчіе между постановленіями закона и практикой?

...„Упомянутое отбираніе мызой крестьянскихъ поземельныхъ угодій совершается въ большей части случаевъ помощію слѣдующаго пріема. Припомнимъ себѣ, что отграниченіе крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, установленное мѣстными законами, не ведетъ къ обозначенію границъ въ натурѣ какими-либо признаками; это отграниченіе состоитъ въ обозначеніи древними вакенбухами (книги содержащія изложеніе обязанностей крестьянъ) числа талеровъ коими опредѣляется количество крестьянскихъ земель. При установленіи числа талеровъ не принимались въ разчетъ необработанные участки, число лофштелей ($^1/_3$ десятины), которое однако также обозначено въ вакенбухахъ. Съ теченіемъ времени крестьяне приступали къ обработкѣ своихъ необработанныхъ участковъ. Разумѣется что число талеровъ заключающихся въ крестьянскихъ земляхъ увеличилось. И вотъ помѣщикъ приказываетъ перемѣрить и сызнова бонитировать (опредѣлить доброту почвы) крестьянскія земли. Число талеровъ оказавшееся свыше означеннаго въ вакенбухахъ прирѣзывается къ помѣщичьей мызѣ. Въ крестьянскихъ рукахъ остаются лишь талеры означенные въ вакенбухахъ. Крестьянскія земли постоянно перемѣриваются и бонитируются, потому что мызныя земли этимъ все еще можно увеличить, такъ какъ крестьяне и по сіе время постоянно распахиваютъ новыя мало-удобныя земли“... Отобранныя у крестьянъ усадьбы освобождаются отъ такъ-называемыхъ *повинностей рыцарству*; часть повинностей, лежавшихъ на отобранныхъ усадьбахъ, ложится затѣмъ на остальныя, удѣ-

лѣвшія усадьбы. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, третья часть всѣхъ усадебъ уничтожена и земли ихъ присоединены къ мызѣ, черезъ что̀ повинности крестьянъ и усадебниковъ чрезвычайно увеличились и теперь все увеличиваются. Но такъ какъ выгодами съ этихъ повинностей (какъ-то: постройка и содержаніе училища, постройка и исправленіе пасторской мызы, исправленіе дорогъ и проч.), пользуются всѣ крестьяне какъ мызные такъ и усадебные, то непонятно отчего не участвовать всѣмъ въ отбываніи этихъ повинностей?"

Это спокойное замѣчаніе *Baltijas Wehstnesis* вызвало вопль балтійско-нѣмецкихъ газетъ и петербургскаго органа балтійскихъ феодаловъ *Nordische Presse*. Обвиненія въ злонамѣренности, недостаткѣ логики и незнаніи истиннаго положенія балтійскихъ дѣлъ посыпались теперь на *Baltijas Wehstnesis*, изданіе пользующееся у Латышей особеннымъ уваженіемъ. Озлобленная брань балтійскихъ крикуновъ послужила поводомъ къ интересной статьѣ въ *Baltijas Wehstnesis*, подъ заглавіемъ: „Нѣмецкія газеты и *Baltijas Wehstnesis*." Вотъ начало этой статьи:

„Единодушіе есть дѣло доброе. Но единодушіе какое мы видимъ у нашихъ нѣмецкихъ газетъ—просто чудо. Взгляните на русскія газеты: *Московскія Вѣдомости*, *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Биржевыя Вѣдомости*, недавно усопшую *Вѣсть* и др.—каждая изъ нихъ имѣетъ свое направленіе, свою окраску, которою и отличается отъ другихъ органовъ. Точно также есть большая разница между *Kreuzzeitung*, *National Zeitung*, *Volkszeitung*, *Kölnische Zeitung*, *Hamburgischer Correspondent* и др. Но гдѣ тотъ мудрецъ который нашелъ бы разницу между балтійско-нѣмецкими газетами, кромѣ названія, цѣны, формата, качества бумаги и печати этихъ газетъ? Всѣми управляетъ одинъ и тотъ же духъ... Къ наиусерднѣйшимъ членамъ этой дружины принадлежатъ: *Rigasche Zeitung*, *Zeitung für Stadt und Land* и *Nordische Presse*."

Обращаясь официально къ *Nordische Presse* и ея совѣту чтобы *Baltijas Wehstnesis* взялъ себѣ образцомъ усердную прислужницу бароновъ, эстонскую газету *Eesti Postimees*, латышская газета замѣчаетъ что и *Nordische Presse*, какъ изданію новому, не мѣшало бы для увеличенія числа своихъ подписчиковъ въ прибалтійскомъ краѣ взять себѣ въ образецъ хотя бы *Moskauer Deutsche Zeitung*.

№ 148.

Москва, 9-го Іюля.

Немногія полученныя нами сегодня французскія газеты наполнены возгласами негодованія противъ Пруссіи, и по тону офиціозныхъ органовъ замѣтно что принятый событіями оборотъ былъ для нихъ совершенною неожиданностію. Горячо ратуетъ по поводу оскорбленія нанесеннаго французскому послу *Constitutionnel*, поспѣшившій, какъ извѣстно читателямъ, при первомъ извѣстіи объ отреченіи принца Гогенцоллернскаго, протрубить „мирную побѣду". Въ статьѣ своей, подъ заглавіемъ *La Guerre*, органъ французскаго министерства доказываетъ что поступокъ Пруссіи съ французскимъ посломъ есть непростительная дерзость и грубость, и заключаетъ словами: „Пруссія оскорбляетъ насъ; идемъ за Рейнъ!"

Въ томъ же тонѣ отзываются *Public*, *Patrie* и *Moniteur Universel*; послѣдняя газета, еще 15-го іюля, сообщала извѣстіе что и для самого кабинета война была неожиданностью, и что г. Олливье, объявившій нѣкоторымъ изъ депутатовъ, въ засѣданіи законодательнаго корпуса 13-го іюля, что онъ считаетъ дѣло о кандидатурѣ принца Гогенцоллернскаго вопросомъ рѣшенымъ, дѣйствительно думалъ такъ, и что ни императоръ Наполеонъ, ни его министры не ожидали чтобы король Вильгельмъ такъ отвѣчалъ на представленіе французскаго посла. Вотъ что̀ сообщалъ 15-го іюля *Moniteur Universel*: На совѣтѣ министровъ было рѣшено что г. Олливье произнесетъ въ палатѣ самую миролюбивую рѣчь, и извѣститъ что всѣ причины къ столкновенію устранены чрезъ доброжелательное посредство испанскаго посла. „Утромъ 14-го, продолжаетъ *Монитеръ*, эта мирная рѣчь была готова, г. Олливье оканчивалъ ее и готовился показать своимъ товарищамъ, какъ вдругъ получено было извѣстіе объ *оскорбительномъ* отказѣ Пруссіи и о непринятіи королемъ г. Бенедетти." Тогда только на совѣтѣ министровъ единодушно постановлено объявить войну.

Помѣщаемые ниже документы изъ прус-

ской официальной газеты нисколько не ослабляютъ заявленій сдѣланныхъ французскими министрами въ палатахъ; разговоръ на водахъ, о которомъ упоминалось въ телеграммахъ столь неблагопріятно для графа Бенедетти, начатъ былъ, какъ оказывается, самимъ королемъ. Въ томъ же документѣ является поразительное противорѣчіе: въ началѣ король говоритъ что онъ дѣйствуетъ какъ глава семейства, а отнюдь не какъ король Прусскій; когда же въ послѣдствіи французскій посолъ выразилъ желаніе своего правительства, чтобы король далъ удостовѣреніе что кандидатура принца Гогенцоллернскаго не возобновится, его величество предоставилъ ему вести о томъ переговоры съ своимъ министерствомъ. Наконецъ, что̀ значитъ увѣреніе что переговоры имѣли характеръ частныхъ бесѣдъ? Въ донесеніи адъютанта короля мы видимъ что г. Бенедетти, въ отвѣтахъ своихъ г. Радзивиллу, ссылался постоянно на инструкціи полученныя имъ отъ своего правительства.

Южныя государства Германіи объявили что они примыкаютъ къ Пруссіи: къ этому привела ихъ необходимость, и правительства ихъ, уступая этой необходимости, не могутъ ждать для себя ничего хорошаго: въ случаѣ побѣды Пруссіи, они должны будутъ потерять и тѣнь независимости, а со стороны Франціи ждетъ ихъ тѣмъ не менѣе неизбѣжное возмездіе. Не менѣе опасно и положеніе Бельгіи. Бельгія, огражденная своимъ нейтралитетомъ, составляетъ однако часть земель входящихъ въ такъ-называемыя естественныя границы Франціи, а достигнуть естественныхъ границъ есть завѣтная мечта чуть ли не всѣхъ Французовъ. Вотъ почему особенную важность пріобрѣтаетъ извѣстіе сообщенное брюссельскимъ корреспондентомъ въ *Avenir National*, отъ 16-го іюля, требующее, конечно, подтвержденія. По его увѣренію, бельгійскому правительству передана была нота Тюльерійскаго кабинета съ запросомъ, въ состояніи ли Бельгія защищать свои границы, и встрѣтитъ ли серіозный отпоръ прусская армія которая вздумала бы нарушить нейтральность бельгійской территоріи. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, французское правительство обязуется оставить Бельгію внѣ своихъ стратегическихъ комбинацій; но французская армія должна будетъ занять Бельгію, если есть опасеніе что Пруссаки могутъ вторгнуться на ея территорію. Бельгійское правительство отвѣчало что оно въ состояніи охранять свой нейтралитетъ, и тотчасъ распорядилось привести въ оборонительное положеніе границы государства и усилить вооруженія Антверпена. Движеніе войскъ дѣятельно продолжается, и лагерь при Беверло, гдѣ производятся обычныя экзерциціи, вскорѣ будетъ снятъ.

Движеніе войскъ въ Бельгіи, о которомъ уже извѣстилъ насъ телеграфъ, хотя и въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и отмѣна клерикальнаго кабинета г. д'Анетана, только что составившагося, министерствомъ патріотическимъ во главѣ коего долженъ стать г. Рожье, свидѣтельствуютъ что Бельгія сильно встревожена распрей между ея могущественными сосѣдями. Но за нее на сторожѣ Англія, и уже слышно что британское правительство намѣрено защищать Бельгію, если будетъ нарушенъ ея нейтралитетъ.

- Сегодня дошли до насъ англійскія газеты въ которыхъ заключаются отзывы и сужденія по случаю объявленной войны. Уже вчера обратили мы вниманіе на рѣзко и внезапно измѣнившійся тонъ англійской печати въ отношеніи къ Франціи. Въ послѣднихъ полученныхъ нами нумерахъ перемѣна эта еще разительнѣе, и вполнѣ подтверждаетъ наше первое предположеніе что въ борьбѣ между двумя соперниками сочувствіе Англіи, несмотря на ея *entente cordiale* и *olliance intime* съ императорскою Франціей, на сторонѣ Пруссіи, которая есть ея естественная союзница.

Осыпая Францію укоризнами и проклятіями за дѣйствія которыя вчера еще лицемѣрно признавались въ этой газетѣ законными и справедливыми, *Times* замѣчаетъ: „Цѣль Франціи въ этой прискорбной войнѣ хорошо извѣстна. Она требуетъ лѣваго берега Рейна. Съ другой стороны, „Пруссія часто заявляла что если она будетъ вынуждена выступить въ поле противъ Франціи, то она не положитъ оружія пока нѣмецкія провинціи Эльзасъ и „Лотарингія не будутъ возвращены *фатерланду*. Мы знаемъ, слѣдовательно, „первоначальную причину и настоящую „цѣль войны. Противниковъ въ полѣ только двое, и призъ каждаго лежитъ въ территоріи другаго."

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію англійскихъ политиковъ, а не въ кандида-

турѣ принца Гогенцоллернскаго, истинная причина вооружившая обоихъ противниковъ!

Но болѣе всего заботятъ англійскую печать вѣроятные размѣры борьбы. Она желаетъ локализаціи войны и невмѣшательства въ нее какой-либо другой державы. *Times*, впрочемъ, смотритъ на дѣла весьма мрачно, не надѣется чтобы всѣ державы надолго удержались при нейтралитетѣ, и болѣе всего опасается нарушенія воюющими сторонами нейтралитета Бельгіи и Голландіи. Не ожидаетъ англійская газета и скораго исхода войны, сомнѣваясь чтобъ одною такою битвой какъ при Сольферино можно было также легко раздѣлаться съ Пруссіей какъ съ Австріей. Загадочнѣе же всего звучатъ послѣднія слова статьи что если „Пруссія будетъ поражена, „то позади ея можетъ быть встрѣчена дру„гая сила построенная во второй линіи.“

Мы не хотимъ думать чтобъ эти послѣднія слова относились къ нашему отечеству. Если Англія, глубоко заинтересованная настоящимъ столкновеніемъ, какъ доказываютъ вопли ея журналистики, тѣмъ не менѣе старается держаться въ сторонѣ и только тревожится тѣмъ будутъ ли соблюдать нейтралитетъ и другія державы, то Россіи еще менѣе пристало бы вмѣшиваться въ борьбу, Россія вовсе не можетъ быть заинтересована тѣмъ кому будетъ принадлежать лѣвый берегъ Рейна; и приносить жертвы изъ-за интересовъ чужихъ и даже враждебныхъ ей было бы гибельною и самоубійственною политикой. Англія, глубоко заинтересованная дѣломъ объединенія Германіи, въ которой она не безъ основанія видитъ оплотъ своей политики въ центрѣ Европы какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи, имѣетъ еще интересъ въ охраненіи двухъ небольшихъ, но важныхъ приморскихъ государствъ, Бельгіи и Голландіи, обладающихъ гаванями въ Нѣмецкомъ морѣ и немаловажнымъ флотомъ. Россіи въ начинающейся войнѣ не предстоитъ охранять никакого подобнаго интереса. Для насъ эта распря есть дѣло совершенно чужое.

Если Россія вѣритъ въ свою будущность, то она должна беречь свои силы. Ея призваніе въ будущемъ закрыто отъ насъ непроницаемою завѣсой. Въ настоящемъ же, долгъ каждаго русскаго гражданина, отъ перваго до послѣдняго, лишь въ томъ заключается чтобы пещись о внутреннемъ благоустроеніи русской земли, о единеніи всѣхъ ея частей, о подавленіи всякихъ интригъ направленныхъ къ ея расторженію и ослабленію связи ея окраинъ съ цѣлымъ. Вотъ въ чемъ задатокъ будущности Россіи, вотъ къ чему должны быть направлены теперь всѣ усилія честныхъ русскихъ людей.

Намъ не зачѣмъ мѣшаться въ распри другихъ державъ пока не затронуты наши интересы и наше достоинство, и если мы не имѣемъ въ виду великой цѣли, при твердой надеждѣ на успѣхъ, то полезнѣе и достойнѣе удерживаться отъ всякаго внѣшняго дѣйствія, отъ всякой попытки къ дѣйствію.

№ 149.

Москва, 10-го іюля.

А.

Сегодня мы получили наконецъ цѣлую кучу парижскихъ газетъ, хотя большею частію запоздавшихъ, и можемъ наконецъ составить себѣ понятіе о томъ какъ принято во Франціи объявленіе войны. Вчера мы приводили отзывы нѣкоторыхъ газетъ болѣе или менѣе близкихъ къ правительству; теперь видимъ что слово „война“ произвело свое магическое во Франціи дѣйствіе. Всѣ пререканія, возраженія и сомнѣнія въ палатахъ смолкли предъ общимъ настроеніемъ, и законодательный корпусъ утвердилъ всѣ кредиты почти единогласно; противъ главныхъ предложеній оказался только одинъ голосъ. Въ сенатѣ не было ни одного голоса противъ войны, и настроеніе этого собранія выражается въ рѣчи президента, сказанной имъ въ Сенъ-Клу, куда сенатъ отправлялся *in corpore* для изъявленія своей преданности императору.

Считаемъ не лишнимъ привести отзывы независимыхъ газетъ, бывшихъ до сего времени противъ войны: они всего лучше даютъ заключать о настроеніи общественнаго мнѣнія. *Journal des Débats*, припоминая что онъ поддерживалъ всѣми силами миръ пока это было возможно не нарушая чести и достоинства Франціи, присовокупляетъ: „Въ виду новыхъ совершившихся „фактовъ и въ присутствіи заявленій сдѣ„ланныхъ правительствомъ въ сенатѣ и „законодательномъ корпусѣ, мы отказыва-

„ся отъ прежнихъ ставшихъ безполезными, „и присоединяемся къ чувству которое съ „этого дня должно одушевлять всю Францію безъ различія партій. Знамя поднято; мы готовы слѣдовать за нимъ какъ „подобаетъ всѣмъ добрымъ Французамъ: „мы выражаемъ самыя пламенныя желанія чтобъ оно восторжествовало и обязуемся содѣйствовать этому торжеству „по мѣрѣ силъ съ такою же энергіей какъ „поддерживали миръ пока считали возможнымъ его поддерживать."

Такъ говоритъ умѣренно-либеральная газета, слывущая органомъ лѣваго центра съ орлеанистскимъ оттѣнкомъ. Почти также выражается радикальная *Siècle*. „Теперь не время для возраженій," говоритъ эта газета, „національное чувство возбуждено, насъ вынудили на войну. Мы, „не желавшіе войны, требуемъ чтобъ она „ведена была энергически, чтобъ она привела ко всѣмъ результатамъ, къ которымъ она должна привести насъ. Мы довѣряемъ храбрости нашихъ солдатъ: мы, „какъ и всѣ добрые граждане, безъ различія мнѣній и партій, всею душой желаемъ успѣха нашему оружію."

Клерикальная *Monde* выражается еще съ большею энергіей за войну, и поражаетъ въ особенности г. Тьера, рѣчь котораго, въ засѣданіи 15-го іюля, вообще произвела непріятное впечатлѣніе на публику. По словамъ этой газеты, вся палата, съ восторгомъ принявшая торжественное заявленіе правительства, была поражена, когда нѣкоторые изъ ея членовъ, правда ничтожное меньшинство, вздумали протестовать противъ „войны самой справедливой, самой необходимой, самой безотлагательной." „Историкъ *консульства* „*и имперіи*," говоритъ далѣе клерикальный органъ, „поднялся съ своего мѣста; „послѣ прочтенія деклараціи въ которой „такъ ясно были исчислены наши недавнія оскорбленія, онъ имѣлъ прискорбное „мужество явиться адвокатомъ его величества Вильгельма I. Настойчивый, оскорбительный отказъ короля Прусскаго „кажется г. Тьеру простымъ несоблюденіемъ формы."

Приведемъ еще мнѣніе *Presse*, газеты также независимой и умѣренной. Съ ея точки зрѣнія, „никогда еще не было войны столь національной; она выражаетъ „собою все раздраженіе національнаго чувства противъ системы порабощенія которая готова была отяготѣть надъ Европой."

Франція, раздѣленная на множество политическихъ партій, поднялась какъ одинъ человѣкъ въ дѣлѣ національномъ. Этого не ожидали политическіе люди, особенно послѣ уступчивости обнаруженной французскимъ правительствомъ въ прошломъ году по дѣлу о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, и въ нынѣшнемъ по дѣлу о Сенъ-Готардской дорогѣ. Бельгійская газета, *Indépendance belge*, постоянно враждебная нынѣшнему правительству императора Наполеона, сознается что Пруссія не менѣе Франціи поступками своими обнаруживала непремѣнное желаніе унизить соперницу или вызвать ее на борьбу. Обращаемъ вниманіе читателя на помѣщаемое ниже въ телеграммахъ свѣдѣніе о содержаніи циркулярной депеши герцога Грамона. Въ этомъ документѣ заявляется что Пруссія своими тайными переговорами о Гогенцоллернской кандидатурѣ, начавшимися недавно, возбудила недовѣріе Франціи, которая поставлена была въ необходимость потребовать чтобы на этотъ разъ отреченіе герцога Гогенцоллернскаго было серіозное и окончательное.

Много толковали о готовности Австріи принять сторону Франціи. Но о какой Австріи идетъ при этомъ рѣчь? Мы не ошиблись замѣтивъ недавно что венгерская половина Австро-Венгерской монархіи тяготѣетъ къ Пруссіи. Изъ числа мадьярскихъ газетъ, высказавшихся о прусско-французскомъ столкновеніи, раздался было голосъ пештской *Reform* въ пользу Франціи. Но этотъ голосъ раздался сиротливо, и былъ тотчасъ же заглушенъ. Бетленова *Еженедѣльная Газета* поспѣшила протестовать, отъ имени всего мадьярскаго народа, противъ программы упомянутой газеты. По телеграфнымъ свѣдѣніямъ изъ Пешта, отъ 17-го іюля, всѣ вожди мадьярскихъ партій высказываютъ свои симпатіи къ Пруссіи, и заявленіе *Reform* называютъ измѣной отечеству. Вотъ вамъ и Австро-Венгерская монархія! Того и гляди что въ нѣдрахъ самой Австро-Венгерской монархіи повторится прусско-французское столкновеніе, и Цислейтанія объявитъ войну Транслейтаніи!

Положеніе какое приметъ Россія естественно занимаетъ всю европейскую печать. Надѣются что она будетъ соблюдать нейтралитетъ. Въ *Liberté*, въ обширной

статьѣ посвященной положенію Франціи и Пруссіи, находимъ замѣтку что „Россіи „нѣтъ никакой выгоды въ усиленіи Прус-„сіи, и что напротивъ никакое соперни-„чество не отдѣляетъ ея отъ Франціи, и „всѣ ея *законные* интересы сближаютъ ее „съ этою послѣднею державой.“

Иначе смотрятъ на это дѣло въ Пруссіи. Въ Берлинѣ не только увѣрены въ содѣйствіи Россіи, но уже возвѣстили что *Россія объявляетъ войну Франціи*. Это напечатано крупными буквами во главѣ чрезвычайнаго прибавленія (*Extrablatt*) газеты *Berliner-Börsen-Courier*, отъ 16-го іюля. Не слишкомъ ли было это рано? Не значитъ ли это распоряжаться Россіей за Россію? Полагаемъ что въ Петербургѣ и въ Москвѣ былъ бы извѣстенъ этотъ интересный фактъ по крайней мѣрѣ не позднѣе чѣмъ въ Берлинѣ.

Англія, съ своей стороны, какъ читателямъ извѣстно, обѣщаетъ воздерживаться отъ вмѣшательства, если останется неприкосновенною территорія Бельгіи. Любопытно, однако, что и въ этомъ отношеніи заботы британской политики направлены противъ Франціи, а не противъ Пруссіи, которой Англія поблажаетъ во всемъ, видя въ ней главный оплотъ своихъ интересовъ на материкѣ. Если охраненіе небольшихъ приморскихъ государствъ важно для Англіи, то, казалось бы, одинаково слѣдовало ей безпокоиться и о безопасности Голландіи, но объ этомъ предметѣ или вовсе не упоминаютъ англійскія газеты, или говорятъ только вскользь. Дѣло въ томъ что Голландію грозитъ поглотить объединенная Германія, тогда какъ независимости Бельгіи опасность грозитъ со стороны Франціи.

Нужно отдать справедливость прусской печати; она дѣлаетъ все возможное чтобы расшевелить патріотизмъ во всѣхъ нѣмецкихъ населеніяхъ „отъ Нѣмана до Саары, отъ Бельта до Альпъ;“ она старается выдвинуть настоящее столкновеніе изъ предѣловъ чисто-прусскаго или хотя бы сѣверо-германскаго интереса и возвести его на степень вопроса обще-германскаго, равно близкаго всѣмъ сердцамъ пламенѣющимъ любовью къ германскому отечеству. Въ сущности, оба противника многимъ въ Германіи не по-сердцу; но Нѣмецъ, конечно, скорѣе мирится съ „ненавистнымъ Пруссакомъ“ чѣмъ съ еще болѣе „ненавистнымъ Галломъ.“ Замѣчательна въ этомъ отношеніи одна изъ послѣднихъ передовыхъ статей *Кельнской Газеты*, озаглавленная: *Auf für den deutschen Rhein*! Въ зажигательныхъ выраженіяхъ, прусская газета, выходящая въ той именно Рейнской провинціи которая скоро станетъ театромъ кровавой драмы, клеймитъ политику „вѣроломнаго французскаго тирана,“ не находя въ нѣмецкомъ языкѣ довольно сильныхъ словъ чтобы достойно запятнать непримиримаго врага германскаго величія и германской славы. Варіируя извѣстную пѣснь поэта-патріота Морица Арндта: *Sie* (то-есть Французы) *sollen ihn nicht haben, den freien, deutschen Rhein* (не имѣть имъ его, свободнаго нѣмецкаго Рейна), помянутая газета обращается къ „дорогимъ землякамъ“ (theure Landsleute) съ воззваніемъ чтобъ они забыли нынѣ всякую рознь въ виду опасности, и тѣсно сомкнулись вокругъ прусскаго знамени указующаго путь къ побѣдѣ.

Дѣйствительно, во всѣхъ концахъ Германіи, какъ видно изъ газетъ, заговорило теперь германское чувство, и подъ его вліяніемъ всѣ изъявляютъ безпредѣльную готовность на всякія жертвы для защиты нѣмецкаго отечества и.... для вящей славы Пруссіи. Даже на югѣ Германіи ни одинъ несогласный тонъ не нарушаетъ общаго патріотическаго хора. Интересна тактика къ коей прибѣгаетъ самая значительная въ южной Германіи газета, аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, дабы облегчить себѣ переходъ въ прусскій лагерь. Она спѣшитъ свести съ Пруссіей старые счеты и попрекнуть за ея исконные грѣхи, солдатскія замашки, клерикальныя наклонности, высокомѣрный языкъ и т. д.; но она охотно накидываетъ на все завѣсу забвенія теперь когда всѣхъ объемлетъ одно чувство, одна мысль.... Аугсбургская газета наравнѣ съ прочими питаетъ надежду что совмѣстное дѣйствіе сѣвера и юга противъ общаго внѣшняго врага уравняетъ и сгладитъ многое внутри, и что изъ общей побѣды родится наконецъ и единое равноправное германское отечество сплоченное и скрѣпленное кровью его сыновъ пролитою въ борьбѣ противъ исконнаго врага.

Б.

Война начавшаяся на берегахъ Рейна, для которой противники такъ долго собирали и готовили свои силы, повлечетъ за

собою, нѣтъ сомнѣнія, послѣдствія великой важности которыя не останутся безъ глубокаго вліянія на Россію. Не только ея европейское положеніе, но и ея внутреннія дѣла могутъ подвергнуться серіозному вопросу. Всѣ наши нерѣшенныя задачи и обманы, порожденные ошибками нашей политики, пріобрѣтутъ новую силу. Теперь они зависятъ отъ нашей воли; послѣ, за кѣмъ бы ни осталось преобладаніе въ центральной Европѣ, они могутъ уйти отъ нашей воли и стать затрудненіями болѣе серіознаго свойства. И нѣмецкій обманъ, и польскій обманъ, которые до сихъ поръ могли бы исчезнуть отъ одного пристальнаго и здравомысленнаго взгляда, могутъ въ близкомъ будущемъ стать болѣе реальными силами. Въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-либо Россія нуждается въ дѣятеляхъ столько же способныхъ, сколько честныхъ; болѣе чѣмъ когда-либо нуждается она чтобъ ея національная политика стала правдою.

Неужели и теперь осмѣлятся рекомендовать намъ колеблющуюся политику на окраинахъ? Неужели и теперь не пора для рѣшительныхъ мѣръ чтобы по возможности покончить съ нашими обманами, нѣмецкимъ и польскимъ?

И вотъ, когда наступаетъ время серіознаго дѣйствія, въ смыслѣ нашей національной политики, раздается голосъ убѣждающій, вмѣсто рѣшенія поднятыхъ вопросовъ, заняться „теоретическими изслѣдованіями." Это буквальное выраженіе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.

Мѣсто оставленное *Вѣстью* теперь окончательно занято *С.-Петербургскими Вѣдомостями*. Эта газета усвоила себѣ не только миссію, но и пріемы своей предшественницы. *Вѣсть* бывало прямо заявляла что служитъ органомъ вліятельныхъ лицъ; и въ то же время отпиралась отъ участія въ польскихъ и нѣмецкихъ происках. *С.-Петербургскія Вѣдомости* поступаютъ также, но съ тою разницей, что *Вѣсть* болѣе налегала на свои связи и не слишкомъ пространно толковала о своей независимости, а *С.-Петербургскія Вѣдомости*, нося либеральную личину, болѣе отпираются чѣмъ сознаются.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* сознаются однако что весьма компетентные люди изъ юго-западнаго края находятъ одну изъ статей этой газеты „*внушенною*, которую необходимо принять къ свѣдѣнію;" но независимая и либеральная газета прибавляетъ съ достодолжною скромностію что она „не ожидала такой чести," и пускается въ намеки и ухищренія, настоящее значеніе которыхъ мы считаемъ не лишнимъ раскрыть, насколько это удобно.

О какой *внушенной статьѣ* напечатанной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* говорятъ люди компетентные и свѣдущіе? Оказывается что это именно та самая статья, о которой было замѣчено въ № 109 нашей газеты. Эта та самая статья гдѣ сообщались „серіозныя извѣстія" о приготовляющихся будто бы „весьма существенныхъ мѣрахъ по отношенію къ сѣверо-„западному краю." *С.-Петербургскія Вѣдомости* при этомъ случаѣ заявляли, по примѣру *Вѣсти*, что онѣ выражаютъ и поддерживаютъ мнѣнія „правительственныхъ сферъ." Вотъ что, между прочимъ, читалось въ упомянутой статьѣ (*Спб. Вѣд.* № 132):

„Говорятъ что въ правительственныхъ сферахъ находятъ неудовлетворительнымъ настоящее положеніе края и весьма многіе пріемы въ видахъ обрусѣнія не достигающими своей цѣли... Въ самомъ дѣлѣ, къ чему напримѣръ привелъ процентный оборъ взыскиваемый съ имѣній помѣщиковъ польскаго происхожденія... Та же участь, но уже вслѣдствіе совершенно другихъ причинъ, постигла и законъ 10-го декабря" и пр.

Затѣмъ объяснялось что причина неудачи русской политики въ сѣверо-западномъ краѣ состояла между прочимъ въ административныхъ распоряженіяхъ, „которыя „при замѣнѣ одного лица другимъ и при разнообразіи существующихъ вообще взглядовъ на ходъ дѣлъ въ краѣ, не могутъ „не противорѣчить одно другому." Въ заключеніе сообщалось предположеніе объ отправкѣ въ край особой коммиссіи, которая должна-де изучить ходъ тамошнихъ дѣлъ и даже начертать основанія правительственной программы.

Опубликованное *С.-Петербургскими Вѣдомостями* извѣстіе о предстоящемъ будто бы снаряженіи коммиссіи было намъ передано нашимъ петербургскимъ корреспондентомъ, и вслѣдъ затѣмъ опровергнуто *Правительственнымъ Вѣстникомъ*, который въ своемъ сообщеніи почему-то обратился къ намъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о посыл-

къ коммиссіи, мы можемъ обратиться теперь къ остальнымъ частямъ извѣстія *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Эта газета не даромъ ссылалась на мнѣнія правительственныхъ сферъ, и даже сочла нужнымъ прямо обозначить что полученныя ею извѣстія идутъ „изъ Ковны.“ Рука писавшая статью *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* очевидно принадлежитъ къ числу орудій которыми антинаціональныя интриги вносятъ замѣшательство въ наши дѣла, стараясь уклонить ихъ на кривые пути и сбить съ толку общественное мнѣніе.

Въ послѣдствіи мы освѣдомились что въ Ковнѣ дѣйствительно была составлена обширная записка, въ которой подробно обсуждаются результаты мѣръ принятыхъ правительствомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Ковенская записка была представлена въ Вильну, и тамъ приготовлялись комментаріи къ ней, texte en regard. Въ то время когда ковенская записка составляла совершенный секретъ, когда о самомъ существованіи ея знали лишь нѣсколько человѣкъ, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилось особаго рода изложеніе этой записки, причемъ повторены даже ея ошибки.

Сколько намъ стало въ послѣдствіи извѣстно, записка составленная въ Ковнѣ признаетъ неудовлетворительность хода дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ и объясняетъ эту неудовлетворительность прежде всего тѣмъ что принятыя правительствомъ мѣры не проведены послѣдовательно до конца и лишаются своей силы отъ перемѣнчивыхъ административныхъ распоряженій. Записка, излагая результаты и ходъ дѣлъ, указываетъ по каждой изъ принятыхъ правительствомъ мѣръ тѣ невыгодные результаты которые могутъ произойти отъ безпрестанныхъ колебаній и уклоненій.

Записка указываетъ на ничтожные результаты данные закономъ 10-го декабря въ сѣверо-западномъ краѣ, и говоритъ что надобно либо принять мѣры для того чтобъ онъ былъ дѣйствительно исполненъ, либо отмѣнить законъ который безъ этихъ мѣръ ведетъ лишь къ стѣсненію и не оправдываетъ своего исключительнаго характера.

Въ запискѣ поминается что процентный сборъ съ польскихъ владѣльцевъ, благодаря сдѣланнымъ для разныхъ лицъ исключеніямъ, сталъ обременителенъ для остальныхъ. Записка указываетъ также что процентный сборъ, если признавать его распоряженіемъ побуждающимъ Поляковъ продавать имѣнія, находится въ противорѣчіи съ непринятіемъ мѣръ къ осуществленію смысла закона 10-го декабря.

Записка, представленная въ Вильну, выставляетъ весь вредъ происходящій отъ противорѣчій которыя, благодаря мѣстной политикѣ, вкрались въ крестьянское дѣло. При этомъ свидѣтельствуется что крестьяне, сохраняя надежду на высшее правительство, потеряли всякое довѣріе къ мѣстной администраціи. Авторъ находитъ нужнымъ довести до конца мѣстную поземельную реформу. Если не ошибаемся, онъ предлагаетъ поставить мировыхъ посредниковъ въ полную независимость отъ мѣстной администраціи, подчинивъ ихъ сенату, какъ это установлено во внутреннихъ губерніяхъ.

Авторъ записки признаетъ нужнымъ увеличеніе льготъ для Русскихъ служащихъ въ краѣ. Тяжелыя условія жизни и безпрестанныя смѣны чиновниковъ заставляютъ добропорядочныхъ людей русскаго образа мыслей обѣгать службу въ этомъ краѣ. Записка замѣчаетъ что если положеніе Русскихъ не улучшится, то придется принимать на службу Поляковъ.

Указываются также столь многочисленныя противорѣчія въ мѣрахъ касательно разрѣшенія русскаго языка для иновѣрцевъ, и въ заключеніе излагается предположеніе о приведеніи въ полную извѣстность теперешняго положенія дѣлъ въ краѣ чрезъ посылку на мѣсто коммиссіи составленной изъ людей пользующихся общимъ довѣріемъ.

Мы не можемъ поручиться за совершенно точную передачу всѣхъ оттѣнковъ замѣчаній ковенской записки, но полагаемъ что въ общихъ чертахъ наше изложеніе вѣрно.

Что же дѣлаютъ вдохновители *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей?*

Они взяли изъ записки указаніе на противорѣчія и шаткость мѣстныхъ мѣръ, и замѣчанія автора касательно процентнаго сбора и закона 10-го декабря повернули въ томъ смыслѣ что предполагается отмѣна этихъ мѣръ. *С.-Петербургскія Вѣдомости* повторили даже ошибку записки, которая какъ бы признаетъ процентный сборъ за мѣру карательную, направленную къ тому чтобы вынудить поль-

скихъ помѣщиковъ продавать ихъ имѣнія, а не за простую справедливость въ раскладкѣ податей падающихъ всею тяжестью на Русскій народъ. Эта газета говорила:

„Въ самомъ дѣлѣ, къ чему, напримѣръ, привелъ процентный сборъ, взимаемый съ имѣній помѣщиковъ польскаго происхожденія? Мы видимъ что число продаваемыхъ черезъ это имѣній нисколько не увеличилось, и что остается еще не мало такихъ имѣній которыя, подлежа продажѣ, остаются непроданными единственно по недостатку покупателей. А между тѣмъ сборъ этотъ, первоначально установленный для покрытія экстренныхъ расходовъ, вызванныхъ исключительнымъ положеніемъ края, въ послѣдствіи, по всей вѣроятности, имѣлъ цѣлью увеличить число имѣній продаваемыхъ лицами польскаго происхожденія и тѣмъ облегчить переходъ ихъ въ русскія руки. Въ концѣ концовъ, цѣль недостигается, и лишь только поддерживается между Поляками озлобленіе и раздраженіе."

Вся остальная часть Ковенской записки скрыта. Псевдо-либерализмъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* не посмѣлъ и заикнуться о соображеніяхъ записки по крестьянскому дѣлу.

Форма ковенской записки, дѣйствительно, поддавалась подъ злонамѣренныя толкованія. Но усилія интриги пока не имѣли результата. Ни процентный сборъ, ни законъ 10-го декабря не отмѣнены.

Попытка не удалась, и вотъ руководители *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* перемѣнили игру. Не вѣря глазамъ своимъ, мы прочли въ № 180 этой газеты что она никогда не возставала ни противъ процентнаго сбора, ни противъ закона 10-го декабря. Мало того *С.-Петербургскія Вѣдомости*, объявляютъ теперь что онѣ всегда желали *распространенія* процентнаго сбора, какъ перваго опыта *подоходнаго* налога (!). Мы читаемъ:

„Не ожидали (мы), чтобы наше заявленіе о неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ въ западномъ краѣ могло быть кѣмъ-либо принято за желаніе перемѣнъ, напримѣръ въ направленіи крестьянскаго дѣла, или даже отмѣны процентнаго сбора, который мы столько разъ называли первымъ опытомъ *подоходнаго налога* въ Россіи, а вовсе не контрибуціей только, и которому желали бы только одного распространенія, конечно, на разумныхъ началахъ."

С.-Петербургскія Вѣдомости отрицаютъ теперь самую тяжесть сбора для польскихъ владѣльцевъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ. Эта газета говоритъ:

„Переходя къ процентному сбору, мы склонны не слишкомъ вѣрить такъ часто заявляемымъ жалобамъ польскихъ помѣщиковъ, что они платятъ больше чѣмъ получаютъ; еслибы то было такъ, то оставалось бы легкое средство избавиться отъ дефицитовъ: отказаться отъ имѣнія, на что охотниковъ не находится."

Что же касается закона 10-го декабря, то *С.-Петербургскія Вѣдомости* теперь горой за него, и ничего не желаютъ какъ тѣхъ мѣръ которыя были бы направлены къ осуществленію его и на которыя мы столько разъ указывали. *С.-Петербургскія Вѣдомости* возглашаютъ:

„Чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, западный край находится въ хорошемъ положеніи?—спросимъ мы нашихъ возражателей и порицателей. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ крѣпко за законъ 10-го декабря и за процентный сборъ. Если мы *не противъ того или другаго*, то мы естественно противъ тѣхъ кто видитъ въ такихъ мѣрахъ альфу и омегу обрусѣнія западнаго края. Развѣ, параллельно закону 10-го декабря, организовалъ хорошо поземельный кредитъ, который бы помагалъ русскимъ помѣщикамъ пріобрѣтать и устраивать имѣнія? Знаменитое Товарищество пріобрѣтателей имѣній въ западномъ краѣ не состоялось; Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, получившее 5 милл. назначенныхъ для помощи русскимъ пріобрѣтателямъ, какъ извѣстно, не представляетъ выгодныхъ условій для заемщиковъ; мѣстнымъ обществомъ поземельнаго кредита мы не даемъ устраиваться изъ страха чтобъ ими не воспользовались для поправленія своего хозяйства Поляки (?),—и вотъ теперь и русскому помѣщику негдѣ достать въ западномъ краѣ кредита, кромѣ развѣ у Евреевъ."

Введеніе новыхъ реформъ, напримѣръ судебной, которое прежде предлагалось въ видахъ льготъ для Поляковъ, получаетъ теперь во мнѣніи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* другой смыслъ. Мы читаемъ:

„Старый порядокъ, судебный и полицейскій, препятствуетъ правильной продажѣ имѣній Поляковъ за долги, а стран-

ности въ способахъ веденія продажи съ публичнаго торга отбиваютъ охоту являться на этотъ торгъ у русскихъ покупателей.“

Намъ остается лишь изумляться почему же эта почтенная газета заключила свою *внушенную* статью о перемѣнѣ правительственной политики въ западномъ краѣ словами:

„Мы знаемъ очень хорошо что многіе увидятъ въ нашихъ словахъ нѣчто ужасное. Мы уже слышимъ раздающееся съ разныхъ сторонъ шипѣнье о польской интригѣ, облекающейся въ благообразный костюмъ необходимымъ реформъ.“

Не могли же *С.-Петербургскія Вѣдомости* ожидать подобныхъ послѣдствій отъ своей *внушенной* статьи только благодаря предложенію ввести новый судъ, что̀ какъ извѣстно, должно послѣдовать въ скоромъ времени. Введеніе мироваго суда почти уже рѣшено.

Подобные пріемы мы встрѣчали только въ *Вѣсти*, да и то въ особенно экстренныхъ случаяхъ.

Результатомъ новѣйшихъ соображеній петербургской газеты является все-таки необходимость изслѣдованія дѣлъ въ краѣ помощію „спеціальной экспедиціи,“ какую бы форму она ни получила. Вдохновители *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* желаютъ чтобъ изслѣдованію была дана какая-то гласность, и по мнѣнію ихъ, „при послѣд„немъ условіи даже и *пристрастное* из„слѣдованіе было бы полезно.“ Оказывается также весьма желательнымъ чтобы генералъ-губернаторскіе отчеты были публикованы. Мы можемъ сообщить что это послѣднее желаніе весьма осуществимо. Въ Вильнѣ недавно были предприняты разныя подготовительныя къ тому работы. Г. Небольсину, если не ошибаемся, было поручено составить вѣдомости о результатахъ крестьянской реформы: вѣдомости эти доставлены въ высшія инстанціи, и очень можетъ быть что опубликованіе ихъ задержано вкравшимися въ нихъ ошибками.

Либеральная наслѣдница консервативной *Вѣсти* подробно объясняетъ тотъ характеръ изслѣдованій который въ ея глазахъ особенно пригоденъ для западнаго края. Она рекомендуетъ болѣе *теоретическія* отношенія къ дѣламъ края; она готова „главнымъ образомъ помогать теоретиче„скому изслѣдованію положенія края.“ Теперь, изволите видѣть, въ западномъ краѣ господствуетъ „исключительно административный періодъ дѣятельности“ (но кто же затормозилъ дѣятельность русскаго общества въ немъ, напримѣръ компаніи землевладѣльцевъ для пріобрѣтеній имѣній образовавшіяся въ Смоленскѣ и другихъ русскихъ городахъ?), а когда настанетъ дѣятельность „общественная, нравственная, экономическая,“ тогда по словамъ новой *Вѣсти*, быть-можетъ окажется что она проповѣдовала „истинно здравую политику.“

Въ примѣръ невѣрности теоретическимъ началамъ, петербургская газета выставляетъ насъ. Она указываетъ что мы „желаемъ законнаго суда въ одномъ мѣстѣ и военнаго положенія въ другомъ.“ Никакъ добродушная газета въ самомъ дѣлѣ думаетъ что это можетъ быть иначе, и что при мятежѣ въ одномъ углу государства надо объявлять и всю страну на военномъ положеніи. Наша невѣрность теоретическимъ началамъ простирается до того что мы усмотрѣли разницу между виленскими крестьянскими проектами и ходатайствомъ бессарабскаго дворянства, между преступниками сосланными въ Сибирь, и честными людьми выброшенными изъ Виленскаго губернаторства за то что ихъ образъ мыслей казался слишкомъ русскимъ,—между достоинствомъ свободной и независимой печати и прелестями печати подцензурной? Ясно что нашу непослѣдовательность мы могли бы искупить лишь ратуя за права Поляковъ въ западномъ краѣ, за предоставленіе власти всему что̀ враждебно и вредно для Россіи, за ссылку въ Сибирь всѣхъ, кто осмѣлился горячо стоять за интересы Россіи въ трудныя для государства минуты и пр.

Впрочемъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* не удержались на теоретической выси, и не замедлили низойти на практическую почву. Вотъ могущественное средство предлагаемое этою газетой для нашихъ окраинъ, въ особенности для балтійскаго края:

„Въ то же время, когда *Московскія Вѣдомости* воевали на словахъ съ Нѣмцами и, несмотря на все патріотическое краснорѣчіе добились весьма малыхъ результатовъ, московскіе калачники, въ короткій періодъ времени, одержали въ Петербургѣ замѣчательную побѣду надъ нѣмецкими булочниками, и положительно „прижали послѣднихъ къ стѣнѣ.“ Если эти удивительные калачники двинутся далѣе на западъ, то всѣ вопросы, смущающіе патріотовъ,

остзейскіе и другіе, будутъ порѣшены очень скоро."

Впрочемъ, это не ново. *Вѣсть* не разъ предлагала подобныя *мѣры*, хотя и не столь рѣшительно выражалась.

№ 150.

Москва, 11-го Іюля.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* объявлено рѣшеніе принятое Императорскимъ кабинетомъ въ виду войны открывшейся между Франціей и Пруссіей.

Наше правительство будетъ сохранять строгій нейтралитетъ, удерживая полную свободу дѣйствій.

Иного нельзя было ожидать, и вся Россія будетъ привѣтствовать это рѣшеніе. При настоящемъ положеніи дѣлъ для Россіи сохранять нейтралитетъ значитъ только не дѣйствовать въ пользу Пруссіи. О союзѣ Россіи съ Франціей не могло быть и рѣчи. Франція не можетъ ничего ни требовать, ни желать отъ насъ въ настоящее время какъ соблюденія нейтралитета, домогательства же съ другой стороны клонятся къ тому чтобы Россія прямо или косвенно приняла участіе въ борьбѣ, чтобъ она признала враговъ Пруссіи своими, чтобъ она не только помирилась съ дѣломъ недавнихъ успѣховъ Пруссіи, но и запечатлѣла ихъ своею кровію. Давно ли была ограблена и раздроблена Данія? Давно ли тайно подготовленнымъ и внезапно нанесеннымъ ударомъ былъ разгромленъ старый Германскій Союзъ, а членамъ его оставлено лишь на время призрачное существованіе? Спрашивала ли Пруссія нашего согласія когда замышляла эти удары? Наконецъ, выиграла ли что-либо Россія благодаря этой насильственной и совершенно революціонной политикѣ сосѣдней державы? Вслѣдствіе этого переворота улучшилось ли европейское положеніе Россіи и облегчился ли ходъ ея внутреннихъ дѣлъ? Нѣтъ, всякій честный и мыслящій Русскій скажетъ что порядокъ вещей созданный прусскими завоеваніями отнюдь не можетъ считаться выгоднымъ для Россіи ни въ какомъ отношеніи. Данія была разграблена и Германскій Союзъ былъ разбитъ отнюдь не въ русскомъ интересѣ; Пруссія усилилась и Германія объединяется отнюдь не въ русскомъ интересѣ. Оставляя въ сторонѣ другія соображенія, мы не можемъ не повѣрить простому разчету, убѣдительному какъ дважды два четыре: насколько возрасло могущество нашего сосѣда, настолько относительно убавилось наше. Не простой ли здравый смыслъ говоритъ намъ что усилившееся значеніе сосѣдней державы только въ томъ случаѣ не было бы для насъ ущербомъ и опасностью еслибы какъ-нибудь возстановилось измѣнившееся отношеніе? Чѣмъ же вознаградила себя Россія за переворотъ совершившійся въ центральной Европѣ, — переворотъ который еще болѣе затрогиваетъ наши интересы чѣмъ французскіе?

Своимъ пассивнымъ положеніемъ при событіяхъ отъ которыхъ и теперь еще не отдохнула Европа, мы оказали Пруссіи великую услугу; нашему бездѣйствію она была обязана своими тогдашними успѣхами. Чего же еще можетъ она ожидать отъ насъ? Имѣетъ ли она право желать чтобы мы еще гарантировали за ней пріобрѣтенныя ею выгоды которыя обходятся намъ дорого, своею кровью помогли ей стяжать новыя которыя обойдутся намъ еще дороже?

Допустимъ на минуту что въ открывающейся борьбѣ полное торжество останется за Пруссіей. Допустимъ что она достигнетъ всѣхъ своихъ цѣлей, и что начатое ею дѣло довершится новою великою побѣдой, которая дастъ ей рѣшительное преобладаніе на материкѣ Европы: спрашивается, въ какомъ положеніи очутится тогда наше отечество? Какое значеніе будетъ имѣть оно позади этой страшной силы которая окончательно оттерла бы его отъ Европы? Если мы до сихъ поръ были данниками Германіи, если она издавна направляла нашу политику и хозяйничала у насъ, что же было бы тогда, подъ вліяніемъ этой подавляющей силы? Пусть не думаютъ что Пруссія, въ благодарность, поможетъ намъ уладить нѣкоторыя интересующія насъ дѣла. Интрига обольщаетъ легкомысленные умы славянскимъ или восточнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, только крайнее легкомысліе можетъ повѣрить что торжествующая Пруссія будетъ помогать намъ въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Лишь крайнее легкомысліе можетъ ожидать что Германія станетъ дѣйствовать на Востокѣ въ союзѣ съ нами и противъ Англіи. Англія, вотъ естественная союзница Германіи, которая своимъ объединеніемъ и настоящимъ могуществомъ обязана столько же

чуткости національныхъ интересовъ Англіи, сколько нечуткости нашихъ.

Пусть не говорятъ намъ о благодарности. Между государствами и народами благодарность есть пустое слово, на которое ловятъ только глупцовъ. Пусть не говорятъ также о личныхъ отношеніяхъ. Лица смѣняются, государства остаются. Соображенія политической мудрости измѣряются не годами и не десятками лѣтъ. А наконецъ, сила вещей превозмогаетъ волю людей. Никакое личное дружелюбіе не можетъ сдѣлать чтобы преобладаніе Германіи на материкѣ Европы не было величайшею опасностію для нашего отечества.

Мы отнюдь не думаемъ винить Пруссію за то что она, пользуясь обстоятельствами, сдѣлала для себя все что можно было сдѣлать, не стѣсняясь, соображеніями которыя имѣютъ силу при оцѣнкѣ нравственныхъ или юридическихъ дѣйствій внутри гражданскаго общества. Она сдѣлала что была въ силахъ сдѣлать, не заботясь вопросомъ о правѣ. Отношенія между государствами не то что отношенія между людьми внутри государства. Голосъ моралиста не имѣетъ значенія въ сферѣ международной, а къ юридическому суду прибѣгаютъ между собою народы только при невозможности рѣшить спорный вопросъ простымъ заявленіемъ силы. Правительство высшимъ долгомъ поставляетъ себѣ дѣлать только то и все то чего требуютъ интересы страны. Мудрость правительства обнаруживается лишь въ вѣрной оцѣнкѣ того чего требуетъ благо народа внутри и его государственное могущество внѣ. Государство между другими государствами идетъ не останавливаясь ни предъ чѣмъ кромѣ простой невозможности идти далѣе. Не его дѣло задаваться вопросомъ, не слишкомъ ли возрастаетъ его могущество: вопросъ этотъ пусть задаютъ и рѣшаютъ другіе. Пруссіи дозволили сдѣлать то что ею было сдѣлано въ эти послѣдніе годы, и въ этомъ она видитъ свое право, и за это винить ее нечего. Ея правительство поступало какъ должно въ отношеніи къ своей странѣ. Оно руководилось только ея интересами, и захватило все что было можно для того чтобы создать единую и сильную Германію. Оно ничѣмъ не стѣснялось, и въ международной сферѣ руководилось только разчетомъ возможности. Оно не отказывалось не только отъ дѣйствительной, хотя бы и малѣйшей, выгоды для своей націи, но и отъ всякихъ хотя бы совершенно незаконныхъ видовъ на что-либо въ будущемъ. Оно ничѣмъ ни заручалось и относительно всего удерживало за собою свободу дѣйствій. Нельзя винить его за это, точно также какъ нельзя винить главнокомандующаго арміи за то что онъ въ своихъ разчетахъ не оставляетъ за непріятелемъ никакихъ выгодъ. Пусть и другая сторона поступаетъ также въ своемъ смыслѣ: тогда между силами само собою установится равновѣсіе, основанное на взаимномъ уваженіи. Вопросъ не въ томъ, право или неправо поступила Пруссія, а не ошибалась ли она какъ-нибудь въ своихъ разчетахъ? Не слишкомъ ли надѣялась она на свои силы или на податливость окружающихъ обстоятельствъ?

Мы говорили о томъ чего можетъ ожидать Россія въ случаѣ если Пруссія, которой интересы почти во всемъ тождественны съ интересами Англіи, получитъ то громадное преобладаніе въ центрѣ Европы какое было бы результатомъ ея торжества надъ Франціей. Мы имѣемъ нѣкоторую мѣру того чего можно ожидать вслѣдствіе паденія единственной бывшей доселѣ преграды какую прусская Германія встрѣчала въ могуществѣ Франціи. Никогда нѣмецкій патріотизмъ не былъ такъ назойливъ въ отношеніи къ Россіи какъ въ послѣднее время, хотя дѣло объединенія Германіи еще далеко не могло считаться оконченнымъ, и ей предстоялъ неизбѣжный разчетъ съ Франціей. Никогда иностранное мнѣніе не вмѣшивалось съ такимъ презрѣніемъ и увѣренностію въ наши дѣла. Французская печать, бывало, тоже наполнялась ругательствами на Россію, — но когда? Въ разгаръ войны, или при столкновеніяхъ между правительствами обѣихъ странъ. Но германское мнѣніе натравлялось на Россію при полной дружбѣ между правительствами. Вражда французской печати была всегда только пустою бранью. Совсѣмъ иное нѣмецкая брань которая становилась тѣмъ ожесточеннѣе чѣмъ болѣе пробуждались въ Россіи самоуваженіе и сознаніе собственныхъ интересовъ. Въ нѣмецкой брани слышалась не просто фраза брошенная на вѣтеръ, но дѣйствительное чувство. Тамъ, это задоръ, нерѣдко безсмысленный, и тщеславіе которое само не знаетъ что творитъ; тутъ, это натура, инстинктъ и корысть. И чѣмъ

болѣе растетъ этотъ прусско-германскій патріотизмъ, не встрѣчая себѣ отъ насъ отпора, тѣмъ сильнѣе становится и присущій ему инстинктъ относительно насъ, и никогда эта инстинктивная вражда въ Россіи не высказывалась такъ недвусмысленно, какъ съ тѣхъ поръ когда идеальная Германія облеклась въ весьма реальный прусскій военный мундиръ. Прусско-нѣмецкіе интересы такъ долго хозяйничали въ нашихъ дѣлахъ и пріобрѣли такую увѣренность въ своемъ господствѣ надъ нами, что всякое самостоятельное движеніе нашей жизни кажется съ ихъ точки зрѣнія нестерпимымъ своеволіемъ взбунтовавшагося раба.

Не послѣ ли датскаго разгрома появились въ Россіи первые признаки явленія которое послѣ того стало расти быстро и возрасло въ серіозное государственное затрудненіе? Не послѣ ли Садовой обозначился въ нѣдрахъ самой Россіи нѣмецкій вопросъ который уже присвоиваетъ себѣ значеніе вопроса международнаго? Это произошло въ то время когда сама Германія была еще вопросомъ нерѣшеннымъ, и когда она чувствовала себя въ зависимости отъ Россіи. Что же будетъ въ то время когда бы удалось ей, съ помощію той же Россіи, сокрушить могущество единственной державы которая ее сдерживала страхомъ разсчета? Какъ она посмотритъ на работника въ которомъ уже не будетъ ей нужды? Какихъ жертвъ и усилій потребовалось бы тогда отъ Россіи чтобъ удержать достоинство своего европейскаго положенія и независимость своего національнаго существованія?

Торжество Франціи, какъ бы ни было оно рѣшительно, никогда не можетъ быть для насъ такъ опасно. Чтобъ успѣхъ Франціи не могъ пойти сверхъ мѣры, объ этомъ безъ насъ позаботится сосѣдняя ей къ западу держава, ея вѣчная соперница, болѣе опасная для нея подъ личиною друга чѣмъ въ открытой борьбѣ. Польскій вопросъ? Замѣчательно что польскимъ вопросомъ пугаютъ насъ теперь тѣ изъ нашихъ органовъ которые всѣхъ болѣе служатъ польской интригѣ. Польскій вопросъ есть химера. Онъ созданъ только ошибкою нашей политики, и держится только нашими административными недочетами и злоупотребленіями. Правда, французская политика часто, слишкомъ часто враждевала противъ насъ; но, говоря по совѣсти, всегда ли въ томъ была виновата Франція? Будемъ искренни: часть вины, и быть-можетъ бóльшая, лежитъ на насъ самихъ.

Порядокъ установившійся въ Европѣ послѣ великихъ войнъ первой французской имперіи былъ неблагопріятенъ столько же для Россіи, сколько для Франціи. Россія стала работницей чужой политической системы и была заперта въ такъ-называемый Священный Союзъ созданный противъ Франціи. Политическія отношенія въ Европѣ опредѣлялись не живыми интересами націй, но отвлеченными принципами, и при этомъ выигрывали интересы одной Англіи, политика которой господствовала въ Европѣ если не всегда прямо, то косвенно. Вторая французская имперія явилась протестомъ противъ этого порядка. Какъ отнеслись мы къ ней съ самаго начала? При обстоятельствахъ въ которыхъ мы находились, мы отнеслись къ ней недовѣрчиво и враждебно. Зашла рѣчь о дѣлахъ Востока. Мы обратились къ Англіи, съ которою ни въ чемъ не можетъ быть у насъ соглашенія на этой почвѣ. Мы хотѣли подѣлиться съ ней Востокомъ, и придумали комбинацію изъ которой презрительно выбросили Францію. Всѣмъ извѣстно что послѣдовало: Англія воспользовалась нашимъ заблужденіемъ, а вторая имперія была вынуждена стать ея союзницей и нашимъ врагомъ. Вотъ начало того ряда блистательныхъ ошибокъ и торжествъ похожихъ на пораженія, который представляетъ исторія Франціи съ Севастопольской войны по сіе время.

Всѣ смутныя явленія въ политической жизни народовъ за это время имѣли своею причиной неестественныя отношенія между ея главными силами.

Польскій мятежъ 1863 года? Но несомнѣнно то что польскій вопросъ, это вѣчное орудіе всякой противъ насъ интриги, нами же созданное и нами хранимое, былъ возбужденъ Англіей, опасавшеюся нашего сближенія съ Франціей, которая также была обманута какъ и мы. Когда цѣль была достигнута, Англія прекратила игру, и призракъ польскаго вопроса исчезъ съ европейскаго горизонта.

Для Франціи, Польскій вопросъ, какъ и всякая подобная смута, служилъ военнымъ средствомъ противъ Россіи, при неправильности отношеній въ которыхъ обѣ

державы между собою находились. Но можно ли думать чтобы Францiя, возвращенная самой себѣ и руководимая чувствомъ своихъ истинныхъ интересовъ, могла на этотъ призракъ смѣнять дружбу Россiи? Можно ли также думать чтобы Францiя поколебалась въ выборѣ между Россiей и имперiей Габсбурговъ, еслибы когда-нибудь представилась надобность въ такомъ выборѣ?

Мы упомянули объ Австрiи. Но Австрiя не есть натура, и не имѣетъ инстинктовъ. Австрiя есть продуктъ механизма; ея устройство и характеръ ея политики опредѣляются внѣшнимъ давленiемъ. Имперiя Габсбурговъ враждебна намъ не сама по себѣ, а по тѣмъ условiямъ которыми опредѣляется направленiе ея дѣлъ. Она враждебна намъ всего болѣе какъ созданiе прусскихъ побѣдъ и политики графа Бисмарка. Намъ враждебна Австрiя брошенная на востокѣ и имѣющая въ Пештѣ центръ своей тяжести. Если Францiя разчитываетъ на Австрiю, то она ошибается. Половина ея симпатiй и притомъ бо́льшая находится на сторонѣ Пруссiи.

Нейтралитетъ, вотъ все чего могла ожидать отъ насъ Францiя, и она не можетъ не цѣнить этого рѣшенiя, а Пруссiя не имѣетъ права сѣтовать на него.

№ 151.

Москва, 13-го Iюля.

Въ воскресенье всѣ русскiе граждане съ чувствомъ искренней радости узнали изъ ***Правительственнаго Вѣстника*** что Государю Императору благоугодно соблюдать строгiй нейтралитетъ между обѣими воюющими нацiями пока не будутъ затронуты интересы Россiи. Въ тотъ же день, телеграмма извѣстила насъ что и австро-венгерское правительство официально объявило о своемъ нейтралитетѣ, а нейтралитетъ Англiи былъ уже раньше объявленъ. Сегодня въ англiйскихъ газетахъ мы находимъ полный текстъ прокламацiи королевы Викторiи, которая ничѣмъ впрочемъ не отличается отъ обычныхъ документовъ этого рода, предупреждая всѣхъ англiйскихъ гражданъ о наказанiяхъ коимъ они подвергаются за нарушенiе законовъ и постановленiй касательно нейтралитета во время военныхъ дѣйствiй, и о томъ что нарушители этихъ постановленiй предоставляются всѣмъ послѣдствiямъ своихъ дѣйствiй и не имѣютъ права ожидать защиты отъ англiйскаго правительства. Въ дополненiе къ прокламацiи королевы, британское вѣдомство иностранныхъ дѣлъ разослало ко всѣмъ вѣдомствамъ королевства циркуляръ съ изложенiемъ специальныхъ правилъ касательно обращенiя съ судами обѣихъ воюющихъ державъ въ британскихъ водахъ.

Опытъ американской войны, однако, научилъ Англiю какими опасностями можетъ грозить всякая неопредѣленность въ правилахъ нейтралитета, а потому англiйскiе министры поспѣшили заявить въ палатахъ что ими будетъ внесенъ билль для измѣненiя акта возбраняющаго иностранныя вербовки въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства, въ видахъ болѣе точнаго опредѣленiя относящихся къ сему постановленiй.

Но берлинская печать, повидимому, не совсѣмъ довольна такимъ оборотомъ. Недавно мы упоминали о ея уловкѣ, когда она, безъ всякаго повода, оповѣстила по своей Германiи, для вящаго возбужденiя ея патрiотизма, что „Россiя примкнула къ Пруссiи, и объявила войну Францiи.“ Теперь пущенъ въ ходъ другой маневръ, и *Берлинская корреспонденцiя* утверждаетъ что „три морскiя державы, Англiя, Россiя и Соединенные Штаты, намѣрены сосредоточить свои усилiя дабы въ интересѣ своей собственной торговли достигнуть объявленiя нейтральными морей Нѣмецкаго и Балтiйскаго.“ *Journal des Débats* справедливо замѣчаетъ что извѣстiе это совершенно непостижимо, ибо объявить нейтральными два единственныя моря гдѣ французскiй флотъ могъ бы настигнуть флотъ Пруссiи было бы самымъ вѣрнымъ огражденiемъ этой послѣдней державы въ ущербъ Францiи, и что такое дипломатическое дѣйствiе въ сущности было бы прямо враждебно одной изъ сторонъ. Со стороны Россiи странно было бы, намъ кажется, заводить рѣчь объ этомъ, такъ какъ ни во время Крымской войны, ни во время дипломатической кампанiи противъ насъ въ 1863 году никому и въ голову не приходила мысль о нейтрализацiи Балтiйскаго моря.

Подобныя уловки, къ коимъ прибѣгаетъ прусская журналистика, указываютъ, однако, что несмотря на энтузiазмъ о кото-

торомъ свидѣтельствують всѣ нѣмецкія газеты, въ Пруссіи повидимому тревожатся не на шутку начинающеюся борьбой. Явно что ея результатами озабочена и Англія. *Journal des Débats*, не вѣря вышеупомянутому извѣстію *Берлинской Корреспонденціи*, указываетъ на статью *Morning Post* въ доказательство того что въ Лондонѣ, повидимому, безпокоятся только огражденіемъ нейтралитета небольшихъ государствъ, и въ особенности Бельгіи. Дѣйствительно, эта газета выражается умѣреннѣе всѣхъ прочихъ англійскихъ органовъ, и старается быть безпристрастною къ обоимъ противникамъ. Но и въ ней проглядываетъ тревожное чувство, ибо въ заключеніе статьи сказано слѣдующее: „Первая великая битва, одно „пріобрѣтенное стратегическое преимущество можетъ измѣнить размѣры борьбы „и дозволить другимъ націямъ употребить „свое давленіе чтобы положить конецъ „войнѣ, когда честь будетъ удовлетворена, „безъ слишкомъ большаго униженія того „или другаго изъ противниковъ. Ибо полное пораженіе побѣжденнаго было бы дѣломъ прискорбнымъ, и *слишкомъ полная „побѣда возбудила бы всеобщее недовѣріе „къ побѣдителю*." Противъ какого побѣдителя можетъ быть направлено это недовѣріе, намъ не трудно понять, читая неистовства коимъ предается англійская печать, ежедневно осыпая самою недостойною бранью французское правительство за начатую войну и изображая Пруссію въ видѣ невинной жертвы. Англійскіе публицисты какъ будто поставили себѣ задачей довести до высшей степени негодованіе общественнаго мнѣнія въ Англіи противъ Франціи, дабы имѣть возможность припугнуть имъ при случаѣ свою старую союзницу и не дать ей зарваться слишкомъ далеко, еслибы результатъ войны пришелся не совсѣмъ по вкусу гордой владычицѣ морей.

Такая игра, впрочемъ, не совсѣмъ безопасна. Неумѣренность тона англійской печати уже начинаетъ приносить плоды и вызываетъ раздраженіе по другую сторону Ламанша. Недоумѣвая при видѣ неожиданнаго взрыва такого озлобленія, французскія газеты объявляютъ своимъ читателямъ что не рѣшаются перепечатывать статей *Times*, *Daily News* и другихъ англійскихъ газетъ. Все это живо напоминаетъ намъ начало междуусобной войны въ Америкѣ. Тогда то же англійское правительство объявило нейтралитетъ, но печать не скрывала своего сочувствія къ южнымъ штатамъ, и заранѣе торжественно рукоплескала распаденію Соединенныхъ Штатовъ. Теперь она не такъ увѣрена въ исходѣ борьбы, и потому болѣе тревожится и сильнѣе прежняго высказываетъ свое явное пристрастіе къ одной изъ сторонъ. Тогда Англія ошиблась въ разчетѣ, надѣясь ловить въ мутной водѣ рыбу, и послѣ съ невиннымъ видомъ спрашивала откуда явилось такое сильное раздраженіе въ Соединенныхъ Штатахъ противъ Англіи. Не того ли же добивается и теперь англійская печать, безпричинно вызывая раздраженіе Франціи?

Не слѣдуетъ притомъ забывать что сначала англійская печать одобряла и какъ бы поощряла требованія Франціи. Изъ полученныхъ сегодня англійскихъ газетъ узнаемъ что лордъ Гранвиль принужденный высказаться въ палатѣ лордовъ, заявилъ что между имъ и герцогомъ Грамономъ не было существеннаго несогласія относительно фактовъ, и что „французскій министръ сдѣлалъ лишь невѣрное заключеніе изъ его словъ." Дальнѣйшее объясненіе англійскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ отклонилъ до тѣхъ поръ когда парламенту будутъ представлены всѣ документы. Тогда, быть-можетъ, и мы будемъ имѣть возможность судить насколько справедливо герцогъ Грамонъ могъ ссылаться на нравственную поддержку Англіи, то-есть насколько англійскіе политики поблажали Франціи, пока они считали ея настойчивость не болѣе какъ капризомъ самолюбія который могъ быть удовлетворенъ пустыми предлогами.

Мы получили наконецъ текстъ объявленія войны; онъ прочитанъ былъ графомъ Бисмаркомъ въ засѣданіи сѣверо-германскаго парламента и появился потомъ въ особомъ прибавленіи къ официальному *Staatsanzeiger*.

Въ слѣдующемъ засѣданіи сѣверо-германскаго парламента, 20-го іюля, графъ Бисмаркъ изложилъ содержаніе документовъ относящихся къ объявленію войны. Главною цѣлію союзнаго канцлера было доказать что переговоры происходившіе между королемъ Вильгельмомъ и графомъ Бенедетти въ Эмсѣ имѣли хар ктеръ частныхъ бесѣдъ; но его арг ты только ярче выставляютъ на свѣтъ , важность

которую прусское правительство приписываетъ телеграммѣ разосланной имъ ко всѣмъ кабинетамъ объ отказѣ короля дать аудіенцію послу, и разосланной тотчасъ же послѣ факта, какъ видно изъ числа которымъ она обозначена. Вотъ эта телеграмма:

„Берлинъ, 15-го іюля 1870.

„Послѣ офиціальнаго сообщенія объ отказѣ принца Гогенцоллернскаго, сдѣланнаго испанскимъ правительствомъ правительству французскому, г. Бенедетти еще разъ обратился къ королю Прусскому въ Эмсѣ, о дозволеніи ему телеграфировать въ Парижъ что король принимаетъ на себя обязательство никогда не давать согласія на принятіе Гогенцоллернами этой кандидатуры. Король отказался принять еще разъ французскаго посла и приказалъ сказать ему чрезъ дежурнаго адъютанта что его величеству не о чемъ болѣе объясняться съ посломъ."

Итакъ, король велъ „частные переговоры" съ г. Бенедетти въ качествѣ главы семейства, а не короля Прусскаго. Но отказавъ въ аудіенціи послу, король велѣлъ сказать ему что дальнѣйшіе переговоры онъ предоставляетъ министерствамъ, и одновременно съ этимъ далъ знать всѣмъ европейскимъ кабинетамъ о случившемся въ Эмсѣ. Значитъ, было рѣшено что вопросъ не можетъ считаться семейнымъ, и чтобъ отказъ короля непремѣнно произвелъ во Франціи то впечатлѣніе которое онъ произвелъ. Но графъ Бисмаркъ, въ парламентѣ, старался доказать что французское министерство не имѣло права называть *нотой* вышеприведенную телеграмму. „Я не намѣренъ пускаться въ „опредѣленія," сказалъ графъ Бисмаркъ, „что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *но-„та*, но фактъ остается тотъ что французское министерство *публично назвало „нотой* сообщеніе телеграммы заимствованной изъ газетъ и имѣвшей единственною цѣлію указать нашимъ представителямъ при иностранныхъ правительствахъ, „которыя мы считаемъ дружественными, „на тотъ пунктъ котораго достигло дѣло „въ настоящую минуту, и извѣстить ихъ „что наши намѣренія были болѣе энергическими чѣмъ быть-можетъ предполагаетъ „противная партія, послѣ того какъ мы, по „нашему мнѣнію, достигли предѣловъ которые намъ начертала національная честь."

Но, нота или не нота, телеграмма о которой идетъ рѣчь не можетъ не считаться дѣйствіемъ весьма серіознымъ со стороны „прусскаго правительства. „То былъ не до„кументъ," восклицаетъ графъ Бисмаркъ, „а извѣстительная телеграмма." Телеграмма разосланная офиціально отъ министерства иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ аккредитованнымъ при другихъ дворахъ не есть документъ, а простое извѣщеніе! Никогда, можетъ-быть, въ политическомъ мірѣ такъ не оправдывалась пословица: *Qui s'excuse s'accuse.*

Изъ сообщеній берлинскаго корреспондента *Times*, узнаемъ мы какъ были извѣщены жители Берлина о событіи совершившемся въ Эмсѣ. Король Прусскій, послѣ своего отказа принять французскаго посла, телеграфировалъ о томъ Бисмарку который не замедлилъ опубликованіемъ разказа о назойливости графа Бенедетти. Въ 9 часовъ вечера того же дня мальчики продающіе газеты были высланы во множествѣ на главныя улицы Берлина и раздавали всѣмъ *даромъ* дополнительный листокъ къ органу прусскаго министра, извѣстной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung.* И вотъ въ тотъ же день, т.-е. *еще 13-го іюля* (за два дня до объявленія войны), въ Берлинѣ собирались толпы кричавшія королю: *на Рейнъ!* Только съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня Берлинъ принялъ опять спокойный видъ.

Что касается до объясненій французскаго посла съ королемъ Прусскимъ, отчетъ о которыхъ былъ напечатанъ въ *Times*, то въ *Constitutionnel* помѣщена слѣдующая замѣтка, которую можно считать офиціальнымъ опроверженіемъ, такъ какъ она воспроизведена въ полученномъ нами сегодня *Офиціальномъ Журналѣ*:

„Разказъ этотъ принадлежащій воображенію корреспондента представляетъ факты въ видѣ совершенно искаженномъ. „Въ ежедневныхъ сношеніяхъ своихъ съ „королемъ Прусскимъ въ Эмсѣ, графъ Бенедетти ни на минуту не отступалъ отъ „уваженія налагаемаго на него приличіями, „а равно и дипломатическимъ характеромъ „коимъ онъ былъ облеченъ, и король „Вильгельмъ съ своей стороны никогда не „давалъ почувствовать что онъ замѣтилъ „со стороны нашего посла какое-либо отступленіе отъ формъ вѣжливости предписываемыхъ самыми элементарными правилами приличія."

Извѣстіе о болѣзни Императора Наполеона, сообщенное изъ Лондона въ Русское Агентство, требуетъ подтвержденія. Намъ ничего не сообщаютъ о томъ ни Гавасово агентство изъ Парижа, ни Вольфово изъ Берлина.

За день предъ симъ, телеграмма Вольфова агентства сообщала намъ объ успѣшномъ разрушеніи Кельскаго моста Пруссаками. Изъ полученной сегодня Гавасовой телеграммы оказывается что дѣло это имѣетъ весьма скромные размѣры и неважное значеніе. Кельскій мостъ, называемый обыкновенно Страсбургскимъ, соединяетъ близъ Страсбурга желѣзныя дороги обоихъ береговъ Рейна. Это одинъ изъ самыхъ большихъ мостовъ въ Европѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ разводныхъ частей, расположенныхъ у береговъ, и трехъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ пролетовъ лежащихъ на четырехъ быкахъ. Безо всякаго разрушенія, однимъ простымъ разводомъ береговыхъ частей, можно было прервать сообщеніе. Пруссаки же взорвали на своей сторонѣ устой, то-есть береговую опору поворотной, разводной части моста.

№ 152.

Москва, 14-го Іюля.

А.

Мы сообщили свѣдѣнія о военныхъ силахъ воюющихъ державъ; не менѣе интересно сравнить и другіе элементы ихъ политическаго могущества. На первомъ планѣ здѣсь вопросъ о народонаселеніи, представляющемъ собой послѣдніе резервы всякой арміи, на случай продолжительности войны, а возможность продолжать войну дѣйствуетъ на противника не хуже побѣды. Количество населенія во Франціи и въ Германіи, безъ Австріи, можно признать (по вычисленіямъ 1866 и 1867 годовъ) почти одинаковымъ: 38 милл. душъ обоего пола; въ Германіи должно быть нѣсколько болѣе. При этомъ тождествѣ валоваго числа душъ, нужно однако принять въ соображеніе имѣющую нѣкоторое значеніе въ военномъ и вообще государственномъ отношеніи особенность состава въ народонаселеніи Франціи, отличающую ее отъ всѣхъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ и Германіи. Статистическими изысканіями признано что во Франціи количество дѣтей (до 5 лѣтъ), отроковъ и юношей (до 20) и молодыхъ людей (до 30) наименьшее, а количество возмужалаго населенія (какъ отъ 30 до 40 лѣтъ, такъ и отъ 40 до 60) наибольшее въ Европѣ. Изъ этого факта дѣлаютъ тотъ выводъ что во французскомъ населеніи наибольшая пропорція людей въ возрастѣ производительномъ и наименьшая въ возрастѣ живущемъ на счетъ другихъ членовъ семействъ, и что въ этомъ состоитъ, независимо отъ другихъ условій благопріятныхъ для народнаго богатства во Франціи, причина относительно большей средней зажиточности ея населеній. Указанныя особенности возрастнаго состава Франціи сравнительно съ Германіей могутъ быть довольно существенны: чтобъ имѣть объ этомъ понятіе сравнимъ Францію съ Пруссіей, о которой мы имѣемъ данныя по этому вопросу: на 10.000 душъ приходится людей въ возрастѣ 20—30 лѣтъ во Франціи 1.644, а въ Пруссіи 1.725, болѣе на 91 челов.; въ возрастѣ 30—40 лѣтъ, во Франціи 1.475, а въ Пруссіи 1.345, въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ, во Франціи 2.264, а въ Пруссіи 1.663. Такимъ образомъ, если въ остальной Германіи такая же пропорція людей въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, то-есть въ возрастѣ наиболѣе способномъ для военнаго дѣла, какъ въ Пруссіи, то вся Германія вмѣстѣ имѣла бы людей годныхъ для пополненія арміи на 345.000 человѣкъ болѣе чѣмъ Франція. Но съ другой стороны, если сколько-нибудь довѣрять общему смыслу упомянутыхъ цифръ, то производительныхъ рукъ во Франціи болѣе чѣмъ въ Германіи, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ—на полмилліона, и въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ — на $2^1/_4$ милл., и это тѣмъ важнѣе что масса населенія богаче во Франціи чѣмъ въ Германіи.

Наибольшее количество людей изъ *могущихъ* быть призванными къ оружію еще впрочемъ не опредѣляетъ окончательно само по себѣ военнаго могущества государства, ибо *дѣйствительно* выводятся въ бой далеко не всѣ способные носить оружіе, а сколько людей можно вывести въ бой, это зависитъ отъ многихъ политическихъ условій и вообще отъ нравственнаго отношенія населеній къ войнѣ и къ ея распорядителямъ. При одинаковомъ количествѣ народонаселенія Франціи

и Германіи нельзя забывать, напримѣръ, что во Франціи всѣ 38 милліоновъ суть ея подданные, а Пруссія, которая стоитъ пока въ бою впереди и завязана въ немъ болѣе всей остальной Германіи, имѣетъ только 24 милліона подданныхъ, и даже во всемъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ считается не болѣе 30 милл., остальные же 8 милл. приходятся на три государства южной Германіи (Баварію 4.800.000, Виртембергъ 1.700.000, Баденъ 1.400.000, да въ Гессенѣ по ту сторону Майна около $^1/_2$ милл.). Распоряжаться людьми въ силу договорнаго международнаго права, каковы отношенія Пруссіи къ остальной Германіи, не совсѣмъ то что повелѣвать въ силу подданства; эта ничѣмъ ненарушимая сила подданства связываетъ нынѣ, съ одной стороны, 38 милл. душъ, съ другой—только 24 милл. Если признать даже что прусское правительство также полновластно межетъ повелѣвать во владѣніяхъ Сѣверо-Германскаго Союза какъ французское правительство во Франціи, все-таки оказывается на прусской сторонѣ только 30 милл. противъ 38 милл. Французовъ. Наконецъ, допуская что нынѣшняя война ведется Франціей не съ Пруссіей, а съ Германіей, и что вся Германія воодушевится какъ одинъ народъ, ея политическое разчлененіе и разнородность государственныхъ и военныхъ учрежденій (особенно въ Баваріи) не могутъ не быть элементомъ слабости сравнительно съ противникомъ, составляющимъ при одинаковомъ количествѣ народонаселенія одно государство, и къ тому же столь объединенное дисциплинованное для всякаго административнаго и военнаго дѣйствія какъ Франція. У Франціи военныя и политическія *силы наступленія* громадны, такъ же какъ неотразимъ всѣмъ извѣстный и прирожденный Французамъ пылъ ихъ войска въ первой атакѣ; въ этомъ отношеніи едва ли какая другая нація въ свѣтѣ можетъ поспорить со Франціей. Германія, въ свою очередь, повидимому располагаетъ значительными выгодами оборонительнаго положенія, какъ стратегическаго, такъ въ особенности политическаго; чѣмъ болѣе воспользуется наступающій противникъ своими преимуществами, чѣмъ его дѣйствіе будетъ ближе подходить къ завоеванію, тѣмъ оно стратегически и политически сдѣлается труднѣе и потребуетъ большаго напряженія силъ, къ которому подданные государства нападающаго бываютъ менѣе готовы чѣмъ народъ обороняющійся. Предъ наступающею Франціей, всѣ населенія Германіи будутъ проникаться необходимостью защиты, и съ продолженіемъ войны, въ особенности на германской территоріи, національное чувство въ Германіи можетъ возгорѣться до тѣхъ крайнихъ предѣловъ когда вся она встанетъ за дѣло Пруссіи, какъ за свое собственное, и подчинится ея волѣ какъ одинъ сплошной подвластный ей народъ. Въ этомъ смыслѣ, сколько извѣстно, отважный распорядитель прусской политики давно разчитываетъ на войну съ Франціей какъ на окончательный путь объединенія Германіи подъ рукою Пруссіи, и съ этой же точки зрѣнія, государственные люди Пруссіи всегда опасались открыть наступательныя дѣйствія противъ Франціи, ибо тогда за ними могла бы не послѣдовать Германія. Но по всей вѣроятности, отъ осторожнаго и зоркаго взгляда императора Наполеона не укрываются опасности крайняго развитія и продолжительности наступательныхъ дѣйствій, и онъ воспользуется тѣми обстоятельствами которыя, при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ Германіи и далеко не единодушномъ настроеніи ея населеній въ пользу Пруссіи, могутъ значительно затруднить и замедлить энергію ея дѣйствія. И въ сѣверныхъ областяхъ Германіи, какъ завоеванныхъ Пруссіей въ 1866 г., такъ и вступившихъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ, и въ особенности въ южныхъ германскихъ государствахъ легко можетъ, при неудачномъ началѣ кампаніи, возобладать раздумье относительно бѣдствій накликанныхъ честолюбіемъ Пруссіи и ведущихъ къ одному изъ двухъ, либо къ разоренію Германіи, либо къ ея порабощенію подъ военнымъ ярмомъ Прусской монархіи.

Не вдаваясь однакоже въ слишкомъ отдаленныя и сложныя соображенія, на первый разъ надобно имѣть въ виду что вслѣдствіе удивленія достойной прусской военной организаціи, все народонаселеніе Пруссіи превосходно вышколено военною службой, что резервы прусскаго войска гораздо болѣе приготовлены къ бою чѣмъ подвижная національная гвардія, лишь недавно сформированная во Франціи, и что затѣмъ весь послѣдній запасъ народонаселенія, какой только можетъ быть призванъ къ службѣ въ крайнемъ случаѣ,

способнѣе нести оружіе въ Пруссіи чѣмъ во Франціи. Прочія земли Сѣверо-Германскаго Союза уже гораздо менѣе подготовлены къ военной службѣ, но тѣ 8 милл. жителей южной Германіи, съ помощью которыхъ сравниваются силы Пруссіи съ Франціей по количеству населенія, не имѣютъ ни навыка къ военному дѣлу, ни воинственнаго духа отличающаго Пруссію и Францію. Сверхъ того нельзя не принять въ разчетъ что Франція, какъ извѣстно, пользуется между всѣми государствами Европы *самымъ однороднымъ* племеннымъ составомъ своихъ подданныхъ; если и существуютъ между ними иноплеменныя примѣси, то всѣ они,—и это главное,—благодаря объединяющей силѣ французской администраціи и ея неуклонной національной политикѣ, давно слились въ одномъ національномъ чувствѣ. Въ 38 милл. населенія Германіи имѣется незначительная примѣсь $2^1/_2$ милл. Поляковъ и 144 тысячь Датчанъ. Непріязнь Поляковъ и Датчанъ къ Нѣмцамъ и сочувствіе къ Французамъ довольно извѣстны; при нѣкоторыхъ политическихъ случайностяхъ, указанный иноплеменный элементъ съ составѣ прусскаго населенія можетъ повести къ разнымъ политическимъ усложненіямъ. Но при такихъ случайностяхъ нынѣшній бой получитъ размѣры о которыхъ въ настоящую минуту еще рано говорить. Гораздо ближе указать на партикуляризмъ и политическую рознь въ Германіи, привыкшей говорить о себѣ какъ объ одной націи только въ теоріи, и на безусловное національное единство Франціи, разомъ поглощающее всякіе оттѣнки политическихъ партій, какъ только возникаетъ вопросъ о международномъ дѣйствіи.

Обратимся къ финансовымъ силамъ противниковъ, къ этой *артеріи войны*, по выраженію Петра Великаго. Франція имѣетъ ординарныхъ государственныхъ доходовъ (по бюджету 1869) до 1.620 милл. франковъ (или 405 милліоновъ звонкихъ рублей); сверхъ обыкновеннаго бюджета ежегодно составляется во Франціи, преимущественно для публичныхъ работъ, экстраординарный бюджетъ, покрываемый избытками обыкновеннаго бюджета и разными случайными ресурсами и займами, коихъ мы вовсе не принимаемъ въ разчетъ. Доходы противной стороны труднѣе исчислить. Пруссія имѣетъ (по бюджету 1869) обыкновенныхъ доходовъ 670 милл. фр. (167 милл. 500 тыс. тал.), то-есть почти въ два съ половиной раза менѣе Франціи. Если прибавить къ обыкновеннымъ доходамъ Пруссіи союзные доходы Сѣверо-Германскаго Союза, 189 милл. фр., то составится сумма 859 милл. фр., все-таки почти вдвое меньшая чѣмъ итогъ обыкновенныхъ доходовъ Франціи. Но чтобы сравнивать финансовыя силы Франціи съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ, надобно имѣть еще въ виду, кромѣ спеціальныхъ союзныхъ статей дохода (почтовыхъ и таможенныхъ сборовъ и свекло-сахарнаго, солянаго, питейнаго и табачнаго акцизовъ), и всѣ обыкновенные доходы по частнымъ бюджетамъ Сѣверо-Германскихъ государствъ. Общая сумма послѣднихъ доходитъ до 181.400.000 фр.

Итакъ обыкновенные доходы по бюджетамъ всѣхъ сѣверо-германскихъ государствъ, вмѣстѣ съ Пруссіей, составляютъ 851 милл. франк. Къ этой цифрѣ прибавимъ до 189 милл. доходовъ изъ упомянутыхъ выше спеціальныхъ источниковъ союзнаго бюджета и получимъ общій итогъ 1.040 милл. фр. (260 милл. звонкихъ рублей); этотъ итогъ даетъ приблизительное понятіе о финансовыхъ силахъ Сѣверо-Германскаго Союза, находящихся въ распоряженіи Пруссіи; этотъ итогъ слишкомъ на треть менѣе обыкновенныхъ доходовъ Франціи. Затѣмъ остается южная Германія. Тутъ имѣется обыкновенныхъ доходовъ:

Въ Баваріи	183.000.000	фр.
„ Виртембергѣ	44.500.000	„
„ Баденѣ.	36.000.000	„
„ Гессенъ-Дармштадтѣ .	19.000.000	„
Всего . .	282.500.000	фр.

Мы получаемъ общій итогъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ всей Германіи 1.322 милл. фр. (до $340^1/_2$ милл. звонкихъ рублей), противъ 1.620 милл. фр. (405 милл. р.) такихъ же доходовъ Франціи. Превосходство на сторонѣ послѣдней оказывается все-таки большое, и не надобно забывать что и помянутыми доходами Пруссія не можетъ также полновластно и легко распоряжаться какъ французское правительство.

Но всѣми этими вычисленіями по наличнымъ цифрамъ бюджетовъ нельзя удовольствоваться, желая взвѣсить финансовыя силы обѣихъ сторонъ. Та и другая изъ воюющихъ сторонъ, разумѣется, при-

бѣгнуть къ кредиту и къ новымъ налогамъ. Государственный долгъ Франціи простирается до 11.225 милл. фр , Пруссіи до 1.523 милл. фр.; на каждаго подданнаго Франціи падаетъ 12 фр. 50 сантимовъ капитала долга, на каждаго подданнаго Пруссіи 2 фр. 57 сант. Вычислять долги всѣхъ другихъ государствъ Германіи очень трудно и едва ли нужно. Заключать займы будетъ Пруссія. По количеству старыхъ долговъ, кредитное положеніе Пруссіи несравненно лучше чѣмъ положеніе Франціи, долгъ Франціи, сравнительно съ количествомъ населенія, превышаетъ долгъ Пруссіи въ шесть разъ, и хотя сравнительно съ государственными доходами той и другой страны пропорція ихъ долговъ менѣе неблагопріятна для Франціи, но нельзя не упомянуть что французскій бюджетъ тяжело обремененъ дефицитами послѣднихъ лѣтъ, и счеты французскаго казначейства чрезвычайно запутаны и темны, а финансы Пруссіи находятся въ благоустройствѣ, несмотря на нѣкоторое обремененіе ихъ войной 1866 года. Съ другой стороны, однако, не должно терять изъ виду что Франція все еще заключаетъ займы на выгоднѣйшихъ условіяхъ чѣмъ Пруссія: по курсамъ лондонской биржи 1869 года первая получала на 100 фр. 5% ренты 117 фр., а Пруссія только 103 франка. Этотъ фактъ очень интересенъ и подтверждаетъ общее мнѣніе что Франція можетъ легче располагать кредитными ресурсами чѣмъ Пруссія. Механизмъ кредитныхъ операцій развитъ гораздо сильнѣе во Франціи, и она богаче капиталами и сбереженіями чѣмъ Пруссія и Германія. Это послѣднее обстоятельство весьма существенно и для сравненія способовъ Франціи и Пруссіи заключающихся въ новыхъ налогахъ. Франція обременена налогами гораздо болѣе чѣмъ Пруссія; въ первой приходится всѣхъ налоговъ на одну душу 33 фр. 98 с., а въ Пруссіи только 19 фр. 24 с. Но за то французскій народъ и можетъ гораздо болѣе платить; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то что значительное усиленіе въ послѣдніе годы налоговъ во Франціи не препятствовало развитію ея благосостоянія, а малѣйшее возвышеніе налоговъ въ Сѣверной Германіи послѣ Садовой сопровождалось ропотомъ и горькими жалобами. Финансы прочихъ государствъ Германіи подобны прусскимъ; преимущественно отличаются благоустройствомъ южныя государства.

Въ заключеніе упомянемъ что Пруссія (да и вообще Германія) имѣетъ еще особый элементъ финансовыхъ ресурсовъ, который можетъ облегчить ея финансовыя операціи сравнительно съ Франціей: это государственныя имущества дающія дохода въ Пруссіи въ 9 разъ болѣе (сравнительно съ бюджетомъ) чѣмъ во Франціи. Это довольно важный источникъ воспособленія, позволяющій не слишкомъ напрягать податную силу новыми налогами. Затѣмъ нужно сказать что народное богатство и промышленность значительно возросли въ послѣдніе годы и въ Германіи, и наконецъ что для обороны народъ скорѣе рѣшается на жертвы чѣмъ для нападенія.

Дополнимъ нашу картину краткими свѣдѣніями о государствахъ ближайшимъ образомъ прикосновенныхъ къ войнѣ. Въ Испаніи: жителей 16.600.000, дѣйствующей арміи 266.000, резервовъ 162.000, государственныхъ доходовъ 645 милл. фр. Въ Бельгіи: жителей 4.800.000, арміи до 100.000, резервовъ 37.000, государственныхъ доходовъ 166 милл. фр

Б.

Графъ Бисмаркъ, явившись предъ рейхстагомъ съ собраніемъ относящихся до войны документовъ, иронически замѣтилъ что со стороны Франціи онъ можетъ представить во всемъ этомъ дѣлѣ лишь *одинъ* письменный документъ, а именно ноту г. Лесура съ объявленіемъ войны. Остальное-де происходило на словахъ, въ тиши Эмскаго уединенія, между четырехъ глазъ, и потому не поддается дипломатической оцѣнкѣ. На этотъ мотивъ, заданный главнымъ указщикомъ, разсуждаетъ официозная прусская печать, воспроизводя текстъ французскаго объявленія войны. Свои отзывы приправляетъ она разными выходками, которыя были бы не совсѣмъ у мѣста въ устахъ союзнаго канцлера предъ собраніемъ народныхъ представителей. Между прочимъ, *Крестовая Газета* находитъ что „каждое слово" этого объявленія содержитъ какое-либо „лицемѣрное утвержденіе", что оно достойно завершаетъ весь рядъ небывалыхъ „дипломатическихъ фокусовъ" коими эта исторія ознаменована съ самаго начала, и что сколько ни ройся

въ этомъ объявленіи, никакъ нельзя добраться до какой-либо опредѣленной причины, до какого-либо яснаго повода къ войнѣ; все туманно, смутно и невразумительно. Еще рѣзче и въ то же время игривѣе выражается *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Можно еще было понять, говорить она, что французское правительство не посовѣстилось предстать предъ своими законодательными палатами со сшитымъ бѣлыми нитками изложеніемъ вызванныхъ имъ же политическихъ замѣшательствъ: оно тутъ имѣло дѣло со *своими*, которые не взыщутъ строго если и не такъ хорошо все прилажено; но какъ понять, вопрошаетъ прусская газета, что это правительство выступаетъ съ такимъ *международнымъ* актомъ какъ объявленіе войны не позаботившись отчетливѣе выразить свои притязанія и высказать что именно вынудило его взяться за мечъ и ввергнуть два миролюбивые народа во всѣ ужасы безпощадной борьбы? Вѣдь этакъ „всѣ" народы, тонко замѣчаетъ органъ графа Бисмарка, имѣютъ основаніе опасаться что не нынче такъ завтра Франція вздумаетъ подняться на нихъ войною: для этого разумныхъ причинъ не требуется, достаточно если такъ угодно воинственному повелителю Франціи... Но, утѣшаетъ себя *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, если императоръ Наполеонъ, слѣдуя по стопамъ волка въ извѣстной баснѣ Федра, дѣйствительно полагаетъ что онъ имѣетъ предъ собою юнаго ягненка съ коимъ расправа коротка, то онъ жестоко ошибается: очень скоро-де онъ убѣдится что ягненокъ сталъ теперь изряднымъ козломъ (tüchtiger Bock) и что у него отросли могучіе рога...

По словамъ *Провинціальной Корреспонденціи*, „жалкое и лживое мотивированіе" французскаго объявленія войны свидѣтельствуетъ о той „преступной гордости" и о томъ „легкомысліи", съ какими Франція рѣшается на это грозное и опасное дѣло.

Что касается до такъ-называемыхъ независимыхъ газетъ, то изъ нихъ особенно горячится *Кельнская Газета*. Французовъ задѣло, пишетъ она, что король Вильгельмъ отказался принять ихъ посла; но весь этотъ отказъ состоялъ лишь въ томъ что престарѣлый король лѣчившійся въ Эмсѣ, не имѣя вокругъ себя никого изъ довѣренныхъ своихъ совѣтниковъ, отослалъ г. Бенедетти, ради дальнѣйшихъ переговоровъ, къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Если конституціонному королю, продолжаетъ *Кельнская Газета*, нельзя пользоваться этимъ правомъ или, вѣрнѣе, исполнять эту обязанность, не оскорбляя великой націи, то разумѣется никакому другому равноправному государству невозможно существовать рядомъ съ Франціей. Но доколѣ же, восклицаетъ она, Европа попуститъ чтобъ ею злоупотреблялъ „искатель приключеній сидящій на французскомъ престолѣ" (der Abenteurer auf Frankreichs Trone)?

Какъ бы то ни было, разсуждаютъ прусскія газеты, императоръ своимъ объявленіемъ войны осуществилъ именно то чему главнымъ образомъ имѣлось въ виду помѣшать: Германія стоитъ теперь объединенная, безъ различія партій, какъ никогда-де еще не бывало во все продолженіе ея тысячелѣтней исторіи; сѣверъ и югъ подаютъ де другъ другу руку противъ чужестраннаго завоевателя, который ошибся въ своихъ разсчетахъ на исконную рознь германскихъ племенъ: теперь-де времена не тѣ.... Пускай прокламація Французовъ къ нѣмецкому народу, говоритъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, провозглашаетъ что хочетъ, пускай сирена съ береговъ Сены поетъ самыя сладкія свои пѣсни,—нѣмецкіе мужи остаются глухи ко всѣмъ увѣреніямъ въ дружбѣ исходящимъ отъ Франціи.

Обвиненіе, которое графъ Бисмаркъ, въ сообщеніи своемъ сѣверогерманскому парламенту, 20-го іюля, возводилъ на французское министерство, будто бы оно называло простую извѣстительную телеграмму *нотой* и желало скрыть ее отъ палатъ, появилось впервые въ *Кельнской Газетѣ*. Противъ статьи помѣщенной въ этомъ органѣ прусскаго правительства напечатано возраженіе во французскомъ *Офиціальномъ Журналѣ*, отъ 21-го іюля, гдѣ приводятся слова г. Эмиля Олливье, который сказалъ въ законодательномъ корпусѣ что получены двѣ телеграммы отъ французскихъ агентовъ за границей, и прочелъ слово въ слово ту телеграмму которая разослана была по распоряженію прусскаго правительства и текстъ которой мы привели во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*.

„Почему же прусскія газеты обвиняютъ „г. Эмиля Олливье что слова его были „лживы?" спрашиваетъ *Офиціальный Журналъ*, и исчисляетъ всѣ пункты заявленія г. Эмиля Олливье которые прямо вытекаютъ изъ телеграммы. „Значитъ единствен-

„ная разница между истиной и словами „г. Эмиля Олливье", говоритъ въ заключеніе органъ французскаго правительства, „заключалась бы въ томъ что французскій „министръ говорилъ о *нотѣ*, тогда какъ „на дѣлѣ была только *телеграмма*. Но „такъ какъ г. Эмиль Олливье не говорилъ „о *нотѣ* и ссылался только на инструкціи „изложенныя въ *телеграммахъ*, то всѣ добросовѣстные люди могутъ обсудить на „чьей сторонѣ обманъ. Вотъ аргументы, „коими полагаютъ увлечь Германію въ прусскую ссору и вооружить противъ насъ „общественное мнѣніе въ Европѣ."

Всѣ эти пререканія о причинахъ къ войнѣ, обыкновенно предшествующія началу дѣйствій, умолкнутъ какъ только грянутъ выстрѣлы перваго боя.

Извѣстія о всѣхъ приготовленіяхъ и движеніяхъ, по необходимости, теперь весьма скудны и неопредѣленны. Понятный интересъ побуждаетъ обѣ стороны скрывать до времени не только свои планы, но и самое сосредоточеніе и направленіе войскъ, такъ что теперь были бы напрасны всякія предположенія о томъ гдѣ загремитъ первая битва.

Несомнѣнно только то что, въ теченія съ небольшимъ недѣли по объявленіи войны, около 600.000 человѣкъ сосредоточены съ той и другой стороны границы ожидая сигнала....

Всѣ знаютъ что поставить армію изъ мирнаго на военное положеніе дѣло не шуточное, особенно при настоящихъ громадныхъ вооруженіяхъ. Слѣдовательно, быстрота сосредоточенія обоими противниками огромныхъ массъ войска поразительно убѣждаетъ насъ до какой степени они оба были готовы къ войнѣ, и какъ мало вѣроятно чтобы который-нибудь изъ нихъ былъ застигнутъ врасплохъ. Въ нѣсколько дней собрать и передвинуть къ данному пункту, хотя бы даже при помощи желѣзныхъ дорогъ, 300.000 войска готоваго къ бою было бы положительно невозможно, еслибы за недѣлю предъ тѣмъ господствовала полная увѣренность въ безопасности мира и не было заранѣе принято мѣръ на случай войны.

№ 153.

Москва, 15-го іюля.

Въ англійской палатѣ общинъ 21-го іюля, какъ мы узнаемъ изъ полученныхъ сегодня англійскихъ газетъ, было сдѣлано правительству нѣсколько запросовъ находящихся въ связи съ возникшею войной. Одинъ изъ нихъ, сдѣланный парламентскимъ ветераномъ, г. Горсманомъ, замѣчателенъ по своей куріозности. Высокочтимый г. Горсманъ ставитъ на видъ что король Вильгельмъ весьма неохотно сдѣлалъ первую уступку Франціи согласившись на отказъ принца Гогенцоллернскаго отъ испанской кандидатуры, и что на него подѣйствовали въ этомъ случаѣ только совѣты другихъ державъ, въ числѣ коихъ была и Англія,—совѣты данные въ интересѣ сохраненія мира. Но такъ какъ эта цѣль не была достигнута, то Пруссія была-де поставлена въ невыгодное положеніе, лишившись вслѣдствіе этого въ Испаніи полезнаго союзника, и слѣдовательно вмѣшательство державъ въ семъ случаѣ, послужило-де только къ ослабленію Пруссіи. Исходя изъ этой точки, ораторъ пожелалъ узнать дѣйствительно ли принимало британское правительство участіе въ совѣтѣ устранить кандидатуру принца Леопольда, и была ли эта уступка сдѣлана Пруссіей въ полной увѣренности что ею будетъ удовлетворена Франція и устранена война. Г. Гладстонъ отвѣчалъ на это что британское правительство вовсе не имѣло понятія о томъ въ какой степени король Прусскій былъ побужденъ устранить кандидатуру своего родственника, и ничего не знало о его ожиданіяхъ, кромѣ свѣдѣній заключающихся въ документахъ которые въ слѣдующій день будутъ предъявлены парламенту.

Сущность этого запроса, конечно, не имѣетъ теперь важности, такъ какъ при всеобщемъ желаніи по возможности локализовать военныя дѣйствія, слѣдуетъ радоваться что въ борьбѣ не призвана участвовать Испанія, которая не имѣетъ прямаго интереса въ соперничествѣ двухъ великихъ державъ за первенствующее положеніе въ центрѣ европейскаго материка. Но онъ можетъ служить новымъ доказательствомъ того какими пристрастными глазами смотрятъ англійскіе политики на положеніе дѣлъ.

Другой запросъ, сдѣланный тѣмъ же ораторомъ, гораздо важнѣе, и находится въ связи со слухами предъ тѣмъ разнесшимися въ Англіи будто русское правительство выразило неодобреніе Франціи по поводу объявленія ею войны, и будто

оно заявило что въ случаѣ войны сочувствіе Россіи будетъ на сторонѣ Пруссіи. На этотъ запросъ г. Гладстонъ отвѣчалъ что онъ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о всѣхъ дѣйствіяхъ правительствъ Россіи и Австріи до послѣдней минуты, но имѣетъ основаніе полагать что обѣ державы употребляли всѣ усилія для сохраненія мира, дѣйствуя не на одну только, но на обѣ стороны между коими произошло столкновеніе.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно къ какой уловкѣ прибѣгла прусская журналистика для распущенія такихъ слуховъ о политикѣ нашего правительства. Нѣтъ сомнѣнія что и въ Лондонѣ слухи эти были распущены изъ того же источника. Отвѣтъ британскаго премьера былъ данъ имъ прежде офиціальнаго объявленія Россіей о ея намѣреніи соблюдать строгій нейтралитетъ, и въ сію минуту, когда это объявленіе стало повсюду извѣстно, оно, безъ сомнѣнія, прекратило всѣ ложные слухи. Но нельзя не сѣтовать на распространеніе этихъ слуховъ, которые содѣйствуютъ укоренившемуся въ западной Европѣ мнѣнію, будто политика Россіи, лишенная внутренней силы и самостоятельности, можетъ слѣдовать только на буксирѣ чужихъ интересовъ.

Что такое мнѣніе дѣйствительно укоренилось, это мы видимъ изъ англійскихъ газетъ. Такъ напримѣръ, газета *Daily News*, горячѣе всѣхъ другихъ ратующая за Пруссію, говоритъ что если Россія имѣетъ какой-либо интересъ въ начатой борьбѣ, то непремѣнно на сторонѣ Пруссіи, ибо Россія ничего не можетъ-де выиграть отъ успѣха Франціи, и ничего-де не теряетъ при увеличеніи Пруссіи. Англійская газета лицемѣрно присовокупляетъ даже что униженіе Франціи есть необходимый предварительный шагъ для давно замышляемаго движенія Россіи на Востокъ, такъ какъ Германская имперія не послужитъ-де преградой на пути въ Константинополь, между тѣмъ какъ французское преобладаніе стоитъ прямо на пути къ сей цѣли. Какъ будто лукавая газета не знаетъ очень хорошо что Россія вовсе не помышляетъ о захватѣ Константинополя! И какъ будто въ Лондонѣ не свѣдомо чье вліяніе сталкивается съ законнымъ вліяніемъ и съ историческими интересами Россіи на Востокѣ! Давно ли та же самая англійская печать указывала Нѣмцамъ на Востокъ, и въ усиленіи Германіи видѣла надежный оплотъ для себя не столько противъ Франціи сколько противъ Россіи...

Другая англійская газета, *Times*, не имѣя еще въ виду объявленія Россіей нейтралитета, предсказываетъ что во всякомъ случаѣ, рѣшится ли Россія на дѣйствіе или останется нейтральною, она будетъ имѣть цѣлью свою собственную выгоду. Не знаемъ искренно ли такъ думаетъ органъ Лондонскаго Города, но замѣчаніе это справедливо, и мы не можемъ не радоваться что наше правительство поспѣшило заявить что ни интересы, ни достоинство Россіи не замѣшаны въ спорѣ между Франціей и Пруссіей.

Что̀ касается до другаго слуха пущеннаго въ Берлинѣ будто Россія, вкупѣ съ Англіей и Соединенными Штатами, предлагаетъ объявить нейтральнымъ Балтійское море, то *Constitutionnel* заявляетъ что подобная попытка не могла бы имѣть успѣха предъ воюющими сторонами, ибо война есть война, моря суть общее достояніе, и точно также нельзя запретить входъ французскому флоту въ Балтійское море, какъ нельзя запретить и Пруссіи атаковать Шербургъ, Брестъ и Тулонъ, если она имѣетъ возможность попытаться на такое предпріятіе.

Пока военныя дѣйствія еще не начинались, противники ведутъ между собой войну документами. Въ Европѣ давно уже не было войны которой предшествовало бы столь мало письменныхъ документовъ, нотъ, депешъ по коимъ внимательный наблюдатель могъ бы предугадать приближеніе грозы. Зная, однако, какъ важно для каждой воюющей стороны заручиться расположеніемъ общественнаго мнѣнія Европы, противники стараются теперь, *post factum*, восполнить этотъ пробѣлъ и публикуютъ одну депешу за другою, съ цѣлію разоблачить и прояснить положеніе дѣлъ давшее начало войнѣ и выставить его въ благопріятномъ для себя свѣтѣ. Содержаніе этихъ депешъ намъ пока извѣстно только изъ краткихъ телеграфныхъ сообщеній, но и изъ нихъ ясно что завѣреніе прусскаго правительства, подтвержденное въ особой циркулярной нотѣ графа Бисмарка, будто оно было чуждо Гогенцоллернской кандидатурѣ и будто дѣло это происходило вообще помимо его, не совсѣмъ основательно: по крайней мѣрѣ въ депешѣ герцога де-Грамона отъ 21-го

іюля заявляется что Пруссія давно и втайнѣ подготовляла эту кандидатуру, и еще въ 1869 графъ Бенедетти имѣлъ о томъ разговоръ съ гг. фонъ-Бисмаркомъ и фонъ-Тиле. Послѣдніе, какъ извѣстно поспѣшили заявить что они въ сношеніяхъ съ французскимъ посломъ ни единымъ словомъ не касались этого вопроса, а довѣренный органъ союзнаго канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, безъ обиняковъ обозвала помянутую депешу герцога де-Грамона „полнѣйшею ложью“ съ перваго слова до послѣдняго, присовокупивъ, для вящаго эффекта, что французскій министръ могъ бы съ такимъ же основаніемъ, вмѣсто „тощей“ исторіи съ испанскою кандидатурой, обвинить г. Бисмарка въ умыслѣ убить императора Наполеона или въ чемъ-либо подобномъ: это-де было бы хоть грандіознѣе. Но затѣмъ, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, герцогъ де-Грамонъ обнародовалъ еще одну депешу отъ 24-го іюля въ коей, между прочимъ, воспроизводится нота графа Бенедетти отъ 31-го марта 1869 о переговорахъ веденныхъ имъ съ „прусскимъ министромъ,“ какъ сказано въ телеграммѣ, относительно той же кандидатуры: значитъ, была же о томъ рѣчь въ Берлинѣ съ французскимъ посломъ. Посмотримъ какой новый отвѣтъ дадутъ на это берлинскіе оракулы.

Франціи привелось подвергнуться еще одному нападенію которое сдѣлано на нее, съ документомъ въ рукахъ, со стороны Англіи и Пруссіи вмѣстѣ.

Въ *Times* вдругъ появилась якобы долженствующая произвести сильное впечатлѣніе ревеляція о сдѣлкѣ которую французское правительство предлагало прусскому въ 1866 году. Вчера телеграфъ сообщилъ намъ объ этомъ, а также и о томъ что въ парламентѣ возникъ по этому предмету разговоръ самаго тревожнаго свойства. И въ верхней и въ нижней палатѣ обратились къ правительству нѣкоторые члены якобы сильно взволнованные сказаннымъ раскрытіемъ газеты *Times*, и правительство ея британскаго величества отвѣчало выраженіемъ крайняго недоумѣнія съ своей стороны. „Фактъ изумительный, фактъ невѣроятный,“ возглашали министры: „подождемъ что̀ скажутъ обѣ заинтересованныя стороны.“ И вотъ, на другой же день, берлинскія газеты публикуютъ текстъ упомянутаго проекта сдѣлки, и лордъ Лофтусъ телеграфируетъ объ этомъ своему правительству, и въ парламентѣ снова поднимаютъ объ этомъ съ великимъ ужасомъ рѣчь. А между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія что и откровеніе газеты *Times*, и изъявленія ужаса въ парламентѣ, и немедленная публикація въ Берлинѣ документа о которомъ возникла рѣчь въ Лондонѣ, все это—заранѣе соглашенное дѣло дабы произвести впечатлѣніе на общественное мнѣніе Европы. Въ чемъ же однако дѣло? Въ то время когда Пруссія, улучивъ благопріятный моментъ, раздробила Данію и занесла ударъ противъ союзныхъ правительствъ Германіи, Франція не сочла возможнымъ оставаться равнодушною, и въ виду усиленія своего сосѣда и его захватовъ, которымъ не предвидѣлось конца, подумала и о своемъ усиленіи дабы не остаться позади. Всѣмъ было извѣстно, — и въ политическихъ сферахъ Англіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо, — что Франція была не прочь присоединить къ своей территоріи и Люксембургъ, и Бельгію. Что̀ же въ этомъ удивительнаго послѣ того что̀ происходило въ 1866 году и предъ тѣмъ? Если можно было отнять у Даніи Гольштейнъ и Шлезвигъ, если можно было захватить Ганноверъ и Гессенское курфиршество, — почему же нельзя было бы другой державѣ подумать о присоединеніи Люксембурга и даже Бельгіи? Почему это послѣднее „изумительно до невѣроятія,“ какъ выразился британскій премьеръ, а первое должно считаться въ порядкѣ вещей?

Изо всего видно что Англія хлопочетъ теперь овладѣть положеніемъ дѣлъ и стать во главѣ нейтральныхъ, незамѣтно для нихъ самихъ, съ тѣмъ чтобы направить ходъ грядущихъ событій въ томъ смыслѣ какой ей наиболѣе пригоденъ. И вотъ въ Лондонѣ начались обычныя въ подобныхъ случаяхъ парламентскія комедіи...

№ 154.

Москва, 16-го іюля.

А.

19-го (7-го) іюля послѣдовало объявленіе войны. Одновременно съ этимъ начались приготовленія къ выступленію въ походъ армій какъ со стороны Франціи, такъ и Пруссіи. Сегодня 28-е (16-е) ію-

ли, и уже раздаются нетерпѣливые возгласы что до сихъ поръ враждующія арміи не сошлись еще съ оружіемъ въ рукахъ. Увы! любители спектаклей и сильныхъ ощущеній скоро-скоро будутъ въ избыткѣ удовольствованы! Но какъ ни велико нетерпѣніе этихъ господъ, имъ все-таки придется немного подождать. Думать что непріятельскія арміи могли бы сойтись въ теченіе семи, восьми дней, значитъ не имѣть понятія о трудностяхъ передвиженія громадныхъ массъ войскъ, даже при быстротѣ сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ. Какъ извѣстно, корпуса французской арміи уже подошли къ границѣ, и самъ императоръ находится въ своей главной квартирѣ въ Нанси. Движеніе быстрѣе этого можно совершить развѣ по телеграфу. По этому поводу интересные факты приводитъ *Journal des Débats* о послѣднихъ войнахъ. Въ 1859 году, Австрія послала 20-го апрѣля Піемонту свой ультиматумъ, непринятіе котораго рѣшило войну; событіе это можно было предугадать изъ переговоровъ тянувшихся четыре мѣсяца сряду; приготовленія шли быстро, и однако первое серіозное столкновеніе между Французами и Австрійцами при Монтебелло послѣдовало 20-го мая, то-есть почти мѣсяцъ по объявленіи войны; первое изъ главныхъ сраженій ознаменовавшихъ эту быструю кампанію произошло при Маджентѣ 4-го іюня, пять недѣль по объявленіи войны и полтора мѣсяца послѣ того какъ въ *Монитерѣ* извѣщено было что французское правительство предписало сосредоточить войска на піемонтской границѣ. Начало военныхъ дѣйствій въ прусской кампаніи 1866 года замедлилось еще болѣе. *Journal des Débats* припоминаетъ о причинахъ столкновенія продолжавшагося нѣсколько лѣтъ между королемъ Прусскимъ и его парламентомъ: дѣло въ томъ что „семидневная кампанія" готовилась издавна, что затрудненія которыя повели къ войнѣ между великими державами Германскаго Союза возникли за нѣсколько мѣсяцевъ до офиціальнаго разрыва, и обѣ стороны тогда уже начали свои приготовленія. Въ концѣ марта Пруссія приняла первыя явныя мѣры: 27-го этого мѣсяца дано было повелѣніе усилить личный составъ дивизій расположенныхъ на австро-прусской границѣ и вооружить укрѣпленія Силезіи. 24-го апрѣля предписано было поставить на военную ногу пять армейскихъ корпусовъ, всю артиллерію и всю кавалерію; 4-го мая они были готовы и четыре другіе корпуса могли быть также мобилизованы. 19-го мая началось передвиженіе войскъ, и не менѣе трехъ недѣль потребовалось для сосредоточенія на границѣ огромной арміи выступившей въ походъ 16-го іюня послѣ отказа на требованіе Пруссіи обращенное къ Гессенскому курфиршеству, Ганноверу и Саксоніи. Битва при Садовой произошла 3-го іюля, то-есть шесть недѣль спустя послѣ того какъ Пруссія начала сосредоточивать свои войска, уже прежде поставленныя на военную ногу.

Эти примѣры достаточно показываютъ какъ наивно было бы ожидать чтобы черезъ нѣсколько дней по объявленіи войны могла послѣдовать большая битва или сколько-нибудь серіозная встрѣча. Приведенные факты свидѣтельствуютъ что каковы бы ни были приготовленія, быстрота обнаруженная на двухъ упоминаемыхъ въ *Journal des Débats* кампаніяхъ возможна была только благодаря тому обстоятельству что воюющія стороны, во время долгихъ переговоровъ, исподоволь готовились къ войнѣ, и что въ настоящемъ случаѣ передвиженіе французской арміи къ границѣ совершившееся въ нѣсколько дней было возможно лишь благодаря вооруженному миру уже нѣсколько лѣтъ тяготѣющему надъ Европой, а при нормальномъ положеніи вещей могло бы показаться баснословнымъ.

По всему вѣроятію, настоящая кампанія начнется все-таки не такъ скоро какъ того желаютъ нетерпѣливые любители сильныхъ ощущеній, хотя и скорѣе чѣмъ кампаніи Италіянская и Германская 1866 года. Во французскихъ газетахъ обозначаютъ три пункта, изъ которыхъ императору придется выбирать наиболѣе удобный для вторженія въ Германію. Вотъ эти три пункта:

1) Долина Мозеля, гдѣ армія могла бы проникнуть подъ непосредственнымъ прикрытіемъ укрѣпленій Сирка, Тіонвиля и Меца, но она встрѣтила бы сопротивленіе со стороны прусскихъ войскъ на линіяхъ Сарры. При этомъ движеніи, цѣлію кампаніи было бы занятіе рейнскихъ провинцій. Но долина Мозеля есть проходъ относительно узкій, замкнутый крѣпостью Кобленца. Вступленіе въ эту долину меж-

ду Люксембургомъ слѣва и горами Гаардта справа представляетъ много опасностей, но за то здѣсь кратчайшій путь чтобы нанести пораженіе Пруссіи на Рейнѣ, въ одномъ изъ важнѣйшихъ ея пунктовъ, въ Кобленцѣ, Кельнѣ или Майнцѣ.

2) Вмѣсто того чтобы двигаться долиной Мозеля, французская армія можетъ двинуться въ Палатинатъ (рейнскую Баварію) чрезъ Вейссенбургъ къ Ландау. Вейссенбургъ находится не далеко отъ Рейна, къ которому идетъ отъ этого мѣста удобная дорога и который раздѣляется тамъ на нѣсколько вѣтвей. Ландау одна изъ старинныхъ крѣпостей Германскаго Союза, имѣвшая нѣкогда большое значеніе; Лудовикъ XIV взялъ ее въ 1680 году, и Вобанъ устроилъ въ ней такія же укрѣпленія какъ въ Сарлуи и въ Страсбургѣ. Между долиной Мозеля и дорогой отъ Вейссенбурга до Ландау, въ самой срединѣ горъ отдѣляющихъ бассейнъ Рейна отъ бассейна Мозеля, находится цитадель Бичъ, замыкающая границу именно въ томъ мѣстѣ гдѣ цѣпь Вогезскихъ горъ соединяется отрогами своими съ горами Гаардта. Бичъ есть важный пунктъ для сосредоточенія войскъ. Находящаяся тамъ армія можетъ быть переброшена въ нѣсколько часовъ или въ долину Мозеля, или въ долину Рейна. Дороги пересѣкающія эту часть Вогезскихъ горъ содержатся превосходно.

3) Наконецъ, на третьемъ пунктѣ, французская армія можетъ проникнуть въ Германію прямо черезъ Рейнъ въ Баденскія владѣнія, но гдѣ она перейдетъ эту рѣку, это остается тайной. Въ прежнее время переправа черезъ рѣку была дѣломъ въ высшей степени труднымъ, но теперь, при желѣзныхъ дорогахъ, при томъ совершенствѣ до котораго доведено искуство наведенія понтонныхъ мостовъ, переправа здѣсь можетъ совершиться безъ затрудненій, если только успѣютъ навести мосты до прибытія непріятельскихъ войскъ на противоположный берегъ. Безъ сомнѣнія, французская армія перейдетъ Рейнъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ. Мосты въ Келѣ, Ней-Брейзахѣ и Гюнингенѣ уже разрушены.

Отъ Сирка до баварской границы пограничная линія идетъ на 63 версты; отъ баварской границы до Рейна 120 верстъ, и отъ Лаутенбурга до Гюнингена 181 верста. Значитъ Пруссакамъ придется охранять линію въ 285 верстъ.

Для перехода отъ долины Мозеля къ долинѣ Рейна, французская армія имѣетъ двѣ желѣзныя дороги: одну на Саверну, другую на Эпиналь и Бельфоръ. Главнокомандующій можетъ въ послѣднюю минуту выбрать ту или другую долину, и движеніе исполненное съ надлежащею быстротой дастъ ему возможность встрѣтить только часть непріятельской арміи.

Нейтралитетъ Бадена и Баваріи былъ бы для Пруссаковъ въ нѣкоторомъ отношеніи выгоднѣе чѣмъ союзъ съ ними. При нейтралитетѣ ихъ, Пруссіи было бы достаточно охранять границу отъ непріятельскаго вторженія только на разстояніи 164 верстъ, а теперь, какъ замѣчено выше, приходится охранять границу на протяженіи 285 верстъ.

Б.

Въ чужомъ пиру похмълье; эта поговорка какъ нельзя болѣе характеризуетъ теперешнее положеніе нашихъ биржевыхъ дѣлъ. Предстоитъ война, которая поглотитъ громадные капиталы: вслѣдствіе того цѣна свободныхъ капиталовъ должна нѣсколько возрасти во всей Европѣ, а цѣна процентныхъ бумагъ нѣсколько упасть. Чѣмъ разрушительнѣе и продолжительнѣе будетъ война, тѣмъ болѣе вздорожаютъ свободные капиталы, и стало-быть всякій можетъ составлять себѣ понятіе о будущей цѣнѣ процентныхъ бумагъ смотря по тому чего кто ожидаетъ отъ войны: чей взглядъ оправдается, тотъ выиграетъ на биржевыхъ сдѣлкахъ. Но политическіе и военные вопросы связанные съ войной такъ сложны и запутаны что нечего удивляться если публика будетъ долго колебаться въ своихъ ожиданіяхъ, склоняясь то къ оптимистамъ, то къ пессимистамъ; нечего удивляться и колебаніямъ въ цѣнѣ процентныхъ бумагъ. Еще менѣе заслуживаетъ удивленія то, что онѣ вообще подешевѣли, ибо пониженіе биржевыхъ цѣнностей есть необходимая принадлежность войны. Правильна ли однако столь чрезмѣрная зависимость нашихъ биржъ отъ Берлина, что наши русскіе лотерейные билеты будутъ вѣроятно повышаться при успѣхахъ прусскаго оружія и падать при извѣстіяхъ о торжествѣ Французовъ? Прилична ли Россіи, великой державѣ, такая зависимость? Правительство наше объявляетъ нейтралитетъ: не слѣдовало ли бы и биржѣ держать себя нейтрально?

Какъ бы то ни было, паденіе курса процентныхъ бумагъ есть явленіе повсюдное, дѣло естественное и неизбѣжное, и главная непріятность нашего биржеваго похмѣлья состоитъ не въ этомъ. Процентныя бумаги, которыя должны были упасть въ цѣнѣ, начинаютъ уже оправляться, а неизлѣчимо страждующимъ оказывается вексельный курсъ. Ему естественно было бы падать при усилившемся ощущеніи избытка въ свободныхъ деньгахъ, но такого ощущенія на нашихъ биржахъ нѣтъ; напротивъ, учетный процентъ возрастаетъ. Вовторыхъ вексельному курсу естественно было бы падать при плохихъ видахъ на отпускъ, но вслѣдствіе войны нашъ отпускъ можетъ только усилиться. Цѣна хлѣбовъ начинала-было падать въ Европѣ, а война остановила это движенія внизъ. Русскіе землевладѣльцы не ошибутся въ разчетѣ, если будутъ выдерживать цѣны при продажѣ всякихъ хлѣбовъ, а особенно при продажѣ овса, который въ нынѣшнемъ году такъ хорошо уродился здѣсь, а въ западной Европѣ очень плохъ. Онъ и безъ войны не могъ бы быть очень дешевъ, а теперь тѣмъ болѣе причинъ ожидать хорошихъ цѣнъ на него. Желѣзныя дороги не будутъ въ нынѣшнемъ году жаловаться на недостатокъ хлѣбныхъ грузовъ, направляющихся къ мѣстамъ отпуска. Затрудненіе могло бы быть въ корабляхъ, но главное движеніе по отпуску происходитъ у насъ на англійскихъ корабляхъ, которые будутъ плавать безпрепятственно, а нѣмецкія купеческія суда могли бы быть куплены по выгодной цѣнѣ и плавать подъ русскимъ флагомъ. Этимъ былъ бы усиленъ нашъ торговый флотъ, еще столь слабый.

Вотъ главные элементы отъ коихъ зависитъ вексельный курсъ. Всѣ они благопріятны, а между тѣмъ онъ падаетъ, какъ еслибы Россія была сама замѣшана въ возгорающейся войнѣ. Читатели припомнятъ что то же самое явленіе было испытано и во время австро-прусской войны 1866 года и должны будутъ придти къ заключенію что оно стало-быть не случайно. Откуда же эта неправильная зависимость отъ чужихъ политическихъ дѣйствій? Откуда какъ не отъ нашей монетной системы? Не только вексельный курсъ есть ея созданіе, но эта же система причиной тому что и фондовая биржа принуждена у насъ слѣдовать указаніямъ берлинскихъ банкировъ, за одно съ ними и горевать и радоваться.

Жалуясь на неправильный, по нашему мнѣнію, упадокъ вексельнаго курса, мы отнюдь не думаемъ говорить въ пользу его искусственной поддержки посредствомъ продажи казенныхъ векселей. Такая мѣра была бы въ ущербъ нашему рынку: при теперешнемъ положеніи нечего болѣе дѣлать какъ держать банковый учетный процентъ приблизительно на одномъ уровнѣ съ частными сдѣлками. Но мы не могли промолчать о плачевныхъ послѣдствіяхъ господствующаго у насъ оптимистическаго взгляда на кредитные билеты и серіи: этотъ оптимизмъ крайне разорителенъ для всей нашей страны.

№ 155.

Москва, 17-го Іюля.

A.

Положеніе принимаемое нашимъ отечествомъ при столкновеніи между Франціей и Пруссіей окончательно разъяснилось, и никакому сомнѣнію, никакому вопросу не остается болѣе мѣста. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщается высочайшее повелѣніе, коимъ вновь подтверждается принятое Его Величествомъ рѣшеніе соблюдать нейтралитетъ. Телеграмма изъ Петербурга объ этомъ сообщеніи вошла въ составъ еще вчерашняго вечерняго изданія нашей газеты.

Между тѣмъ, въ ожиданіи битвъ, воюющія стороны продолжаютъ перепалку откровеніями и изобличеніями.

Циркулярная депеша герцога Грамона, текстъ который помѣщенъ во вчерашнемъ нумерѣ *Моск. Вѣд.*, обсуждается полученными нами сегодня и, по обыкновенію, запоздавшими газетами. Читатели видѣли изъ содержанія означенной депеши что цѣлію ея было поставить на видъ европейскимъ кабинетамъ то важное обстоятельство что рѣчь о кандидатурѣ принца Гогенцоллернскаго, вопреки увѣренію графа Бисмарка, шла еще въ 1869 году, и что на запросъ о ней французскаго посла графъ Бисмаркъ отвѣчалъ что вопросомъ этимъ нечего и заниматься, что комбинація эта неисполнима ни въ какомъ случаѣ, а помощникъ графа Бисмарка, упра-

вляющій за его отсутствіемъ иностранными дѣлами, далъ слово что принцъ Гогенцоллернскій никогда не былъ и не могъ быть серіознымъ кандидатомъ на испанскій престолъ.

Важность этого заявленія бросается каждому въ глаза. Значитъ, не комедія была то изумленіе которое распространилось въ парижскихъ правительственныхъ сферахъ при первомъ извѣстіи объ одобреніи Пруссіей Гогенцоллернской кандидатуры, которую Тюльерійскій кабинетъ считалъ устраненною, полагаясь на торжественныя увѣренія графа Бисмарка и его товарища. Это же обстоятельство объясняетъ и ту настойчивость съ которою графъ Бенедетти или, правильнѣе, герцогъ Грамонъ просилъ короля Вильгельма высказаться рѣшительно объ упомянутой кандидатурѣ.

Въ виду отрицаній сѣверо-германскаго канцлера, обнародованный документъ не могъ не произвести впечатлѣнія повсюду, такъ что даже непріязненная императорскому французскому правительству *Indépendance belge* измѣняетъ свой взглядъ на причины столкновенія. „Раскрытія эти „очень важны“, говоритъ бельгійская газата; „если они вѣрны, то несомнѣнно „придаютъ совершенно другой видъ настоящему дѣлу. Значитъ, Пруссія, или „по крайней мѣрѣ ея правительство, рискуя повергнуть Германію въ страшныя „затрудненія, играла въ двойную игру „между Испаніей и Франціей. Значитъ, „безкорыстіе ея, на которомъ въ послѣднее время такъ настаивали въ Берлинѣ, „есть неправда, и Франція послѣ личнаго „отреченія принца Гогенцоллернскаго, не „была неправа когда требовала дополнительныхъ гарантій противъ возобновленія „этой кандидатуры подъ рукою прусскаго „правительства. Стало-быть упрекнуть „Францію можно только за форму ея декларація 6-го іюля въ законодательномъ „корпусѣ—декларація, которая вызывала „войну, дѣлала всѣ переговоры затруднительными, и своею рѣзкостью вредила „самой законности неудовольствія Франціи.“

Уже извѣстно какое пристрастное положеніе вдругъ приняла самая вліятельная часть англійской журналистики во франко-прусскомъ столкновеніи, а потому можно было заранѣе ожидать что *Times* и *Daily News* отнесутся съ полнымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать съ пренебреженіемъ, къ обнародованному въ Парижѣ изобличительному документу. Иное дѣло когда какое-нибудь изобличеніе исходитъ изъ Берлина. Тутъ не бываетъ мѣры негодованію. Такъ телеграфъ уже извѣщалъ насъ что вся лондонская печать, за исключеніемъ лишь газеты *Morning Post*, возмущена открытіемъ черноваго текста соглашенія которое французскій посолъ, графъ Бенедетти, давно уже предлагалъ Берлинскому двору. Ждемъ самихъ газетъ дабы сравнить крики ихъ негодованія по поводу берлинскаго документа съ ихъ сужденіями о депешѣ герцога Грамона уличающей союзнаго канцлера въ неправдѣ.

Этому документу *Times*, какъ видно, не приписываетъ большаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, что за важность что еще въ прошломъ году французскій посолъ извѣщалъ Берлинскій кабинетъ что Франція не допуститъ принца Гогенцоллернскаго царствовать въ Испаніи, и что графъ Бисмаркъ называлъ эту кандидатуру химерой? И что за важность притомъ что товарищъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ ручался потомъ *честью* что принцъ Гогенцоллернскій не былъ и не *могъ быть* кандидатомъ на испанскій престолъ.

Органъ Лондонскаго Города желаетъ разсматривать факты какъ они есть, и находитъ весьма естественнымъ что въ прошломъ году кандидатуру принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ могла казаться графу Бисмарку не болѣе какъ мечтой. Вообще, несмотря на депешу герцога Грамона, англійская печать съ пристрастнымъ упорствомъ продолжаетъ находить очевиднымъ что кандидатура принца Леопольда, съ начала до конца была не болѣе какъ дѣломъ семейнымъ.

Times сѣтуетъ также, по поводу французской депеши, что если въ настоящемъ случаѣ и былъ для Франціи видимый поводъ считать себя оскорбленною, то напрасно-де она не обратилась прежде вызова на войну къ третейскому посредничеству какой-либо державы. Но въ Британскомъ парламентѣ было заявлено что великія державы всячески старались предотвратить эту войну. Неизвѣстно по винѣ которой изъ двухъ сторонъ эти усилія остались безуспѣшны; но все заставляетъ

полагать что обѣ одинаково не желали показаться уступчивыми.

При другихъ отношеніяхъ вопросъ возникшій между двумя державами могъ быть улаженъ легко безъ всякаго посредничества. Но между Франціей и Пруссіей образовались такія отношенія что война по тому ли, по другому ли поводу была неизбѣжна. Никакое посредничество не могло бы исправить эти отношенія. Это можетъ сдѣлать только война.

Не трудно догадаться на чьей сторонѣ была бы англійская политика въ случаѣ созванія конференціи. По существу дѣла, конечно была бы удовлетворена Пруссія а Франція получила бы въ удовлетвореніе какую-нибудь формальную уступку и имѣла бы новый поводъ быть благодарною своей доброй союзницѣ за дешевую услугу. Вѣрность такого предположенія доказывается положеніемъ которое приняго теперь либеральною печатью въ Англіи. Такъ напримѣръ, въ томъ заявленіи адреса сѣверо-германскаго парламента королю Вильгельму что нѣмецкій народъ выступаетъ войной не противъ французскаго народа, а противъ императора Французовъ, англійскія газеты не только не находятъ ничего страннаго, но напротивъ признаютъ это весьма торжественнымъ и патріотическимъ. Такого рода заявленія дѣлаются обыкновенно обѣими сторонами, и постороннимъ лицамъ, казалось бы, нечего приписывать имъ особое значеніе. Но объявленіе французскаго правительства что оно ведетъ войну противъ Пруссіи, а не противъ Германіи, выставляется англійскими газетами какъ величайшая нелѣпость, и *Daily News* по этому поводу припоминаетъ исторію войнъ первой имперіи, какъ нѣмецкія грады и веси „подвергались грабежу", и какъ „нѣмецкіе крестьяне были потомъ завербованы чтобы погибнуть въ снѣгахъ Россіи."

Замѣчательный фактъ что всего болѣе горячатся противъ Франціи тѣ именно изъ англійскихъ органовъ которые принадлежатъ къ партіи находящейся во власти. Чѣмъ осторожнѣе и уклончивѣе выражаются министры въ парламентѣ, тѣмъ откровеннѣе и запальчивѣе говорятъ газеты ихъ партіи, такъ чтобы при случаѣ англійское правительство могло сослаться на эти заявленія какъ на требованія общественнаго мнѣнія. Газеты оппозиціонной партіи, не отвѣтственной за положеніе дѣлъ, выражаются напротивъ осторожнѣе, и *Standard* напримѣръ протестуетъ противъ тона нѣкоторыхъ министерскихъ газетъ. Дѣло въ томъ что эти газеты не обязаны побуждать настоящій кабинетъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ и повидимому не желаютъ заручать свою партію на случай еслибъ она достигла власти.

Б.

Биржевая игра, доставившая многимъ значительные барыши, но многимъ уже и разорившая, должна теперь повидимому утратить свою прелесть. Горькій опытъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, можно надѣяться, отвратитъ капиталы отъ спекуляціи и усилитъ приливъ ихъ къ прочнымъ помѣщеніямъ. Самое прочное помѣщеніе капитала есть земля. У насъ, несмотря на покровительственный тарифъ, земля можетъ-быть есть и самое выгодное помѣщеніе, потому что цѣнность земли постоянно возрастаетъ, и стало-быть капиталъ вложенный въ нее самъ собой накопляется. Для общаго благосостоянія ничто такъ не нужно въ Россіи какъ приливъ капиталовъ къ землѣ.

Капиталы могутъ приливать къ землѣ главнѣйшимъ образомъ двумя способами. Болѣе предпріимчивые покупаютъ землю, и это, при ловкомъ выборѣ мѣстности, всего прибыльнѣе. Менѣе подвижные капиталы, а также и капиталы малыхъ размѣровъ, могутъ находить прочное помѣщеніе въ землѣ посредствомъ кредита, то-есть у насъ покамѣсть посредствомъ ссудъ подъ закладныя. Этотъ видъ помѣщенія крайне неудобенъ, и капиталы неохотно къ нему прибѣгаютъ, но неудобство заключается тутъ въ юридической формѣ обязательствъ, которая требуетъ улучшеній и легко допускаетъ ихъ. Если основательна надежда что биржевая спекуляція сократится, то теперь было бы весьма своевременно озаботиться этими улучшеніями, дабы естественное теченіе экономическихъ дѣлъ, клонящееся въ пользу сельскаго хозяйства, не встрѣтило посторонней для себя помѣхи въ кредитномъ законодательствѣ.

Необходимость ипотечной системы все болѣе и болѣе сознается у насъ, и этому нельзя не радоваться. Это значитъ что условія недостающія нашему поземельному

кредиту понимаются теперь правильнѣе прежняго. Не въ одной Россіи сельскіе хозяева и землевладѣльцы справедливо жалуются что они лишены тѣхъ могучихъ кредитныхъ пособій какими располагаетъ фабричная промышленность и торговля, благодаря современному развитію банковъ. Однако, почти во всей западной Европѣ поземельная собственность уже издавна имѣетъ въ ипотечныхъ книгахъ прочную основу для своего особеннаго, ей исключительно принадлежащаго кредита, а нашему землевладѣнію (за исключеніемъ привислинскаго и прибалтійскаго краевъ) недоступенъ этотъ видъ кредита, посредствомъ котораго въ нынѣшнемъ столѣтіи было привлечено столько капиталовъ къ земледѣлію западной Европы. Ипотечная система есть одно изъ благопріятныхъ условій, въ которыя поставлено землевладѣніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и ею въ значительной степени объясняются агрономическіе успѣхи этого края. Посредствомъ ипотечныхъ книгъ, долговыя обязательства лежащія на землевладѣльцѣ и связанныя съ его правомъ собственности на землю пріобрѣтаютъ *реальность*, отличающую ихъ отъ личныхъ долговыхъ обязательствъ. Черезъ запись долга въ ипотечныя книги кредиторъ обезпечивается цѣнностью земли, какъ еслибъ она находилась въ личномъ его обладаніи, или какъ онъ обезпеченъ движимымъ залогомъ отданнымъ ему въ руки до уплаты долга. Ипотечный кредитъ даже вѣрнѣе обезпечиваетъ кредитора чѣмъ ручной залогъ, который требуетъ заботъ и расходовъ храненія, и можетъ быть утраченъ, оказаться не принадлежащимъ должнику или значительно измѣниться въ цѣнности. Ничего подобнаго не можетъ случиться съ ипотечною записью. Къ кому бы ни перешло право собственности на землю, какіе бы ни были предъявлены на нее споры, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, хотя бы даже было доказано въ послѣдствіи что земля вовсе не принадлежала должнику, ипотечная запись остается въ силѣ. Благодаря ипотечнымъ книгамъ, земля становится самою вѣрною кредитною гарантіей. Посреди политическихъ переворотовъ, войнъ и революцій потрясающихъ и уничтожающихъ цѣнность всякихъ имуществъ, посреди коммерческихъ, промышленныхъ и кредитныхъ кризисовъ, столь частыхъ и столь жестокихъ при нынѣшнихъ сложныхъ условіяхъ народнаго хозяйства, одна ипотечная запись оставалась невредимою, какъ сама земля, цѣнность которой можетъ временно колебаться, но не можетъ не возрастать у народовъ сколько-нибудь преуспѣвающихъ. Это позволило поземельному кредиту, посреди безчисленныхъ усовершенствованій движимаго и коммерческаго кредита, и еще не пользуясь пока такими же льготами, сохранить свое особенное, исключительное положеніе, привлекающее къ нему извѣстное количество капиталовъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ. При чрезвычайномъ развитіи спроса на капиталы, чтобы выгодно конкуррировать на одномъ и томъ же рынкѣ, надо предложить товаръ чѣмъ-нибудь отличающійся отъ другаго товара, то-есть пріобрѣсти свой кругъ покупателей. Такъ и было съ ипотечнымъ кредитомъ въ западной Европѣ: онъ даетъ помѣщеніе капиталамъ ищущимъ болѣе всего прочной гарантіи и соглашающимся взамѣнъ этого условія, не находимаго въ другихъ помѣщеніяхъ, на низкій размѣръ роста и на продолжительные сроки погашенія, необходимые для землевладѣльца

У насъ вмѣсто ипотечныхъ книгъ возникла такъ-называемая запретительная система; и это понятно, потому что связать долговое обязательство съ землей и допустить свободный переходъ земли отъ одного владѣльца къ другому возможно только при ипотечной записи, а при ея отсутствіи явилась необходимость запретить всякій переходъ имѣнія, всякую перемѣну лица землевладѣльца, до уплаты долга; другими словами нѣкоторая прочность кредитной поземельной гарантіи была достигнута посредствомъ временной пріостановки, на срокъ займа, важнѣйшихъ правъ истекающихъ изъ собственности. Какъ это неудобно для землевладѣнія видно уже изъ того страха который въ нашей публикѣ соединяется со словомъ *запрещеніе*. Иногда напримѣръ представился бы случай выгодно продать имѣніе; воспользоваться такимъ случаемъ было бы особенно важно для землевладѣльца обремененнаго долгами, но онъ связанъ запрещеніемъ и принужденъ хлопотать у своего кредитора о разрѣшеніи совершить купчую крѣпость. При системѣ запрещеній поземельный кредитъ удерживаетъ за собой въ извѣстной мѣрѣ характеръ кредита личнаго, ибо переходъ заложеннаго имѣнія отъ одного лица къ другому допускается лишь съ согласія

кредитора, который стало-быть не вѣритъ имѣнію, а интересуется и личною благонадежностью владѣльца. Не лишено важности и то неудобство что, покупая имѣніе, нельзя одновременно совершить и купчую крѣпость на него и закладную: это должны быть два акта отдѣльные, слѣдующіе одинъ за другимъ. Сверхъ того при системѣ запрещеній, стѣсняющей на весь срокъ долга распоряженіе поземельною собственностью, чрезвычайно ограничены предѣлы кредита, ибо не можетъ быть заключено многихъ долговъ съ одинаковымъ или различнымъ старшинствомъ взысканія и вообще на различныхъ кредитныхъ условіяхъ, какъ это дѣлается посредствомъ внесенія долговъ по ипотечнымъ книгамъ въ одинъ разрядъ или въ различные разряды по старшинству взысканія. Эта сторона ипотечной системы не менѣе важна чѣмъ прочность или реальность доставляемаго ею кредитнаго обезпеченія, ибо при той же самой цѣнности своихъ имуществъ и при томъ же количествѣ свободныхъ капиталовъ на рынкѣ, землевладѣльцы могутъ занять чрезъ ипотечныя записки гораздо болѣе капиталовъ, занимая ихъ изъ разныхъ рукъ, мелкими суммами, въ разное время, смотря по обстоятельствамъ своего хозяйства и денежнаго рынка. Гораздо легче и выгоднѣе войти въ долгъ на 10.000 руб., занимая по 500 руб., то здѣсь, то тамъ, на разныхъ условіяхъ, когда представится нужда и есть случай, нежели заключить разомъ заемъ на всю эту сумму. Наконецъ посредствомъ передачи изъ рукъ въ руки свидѣтельствъ на ипотечныя записи получается возможность занимать деньги на продолжительное и даже безсрочное время, что у насъ напримѣръ невозможно если не прибѣгнуть къ содѣйствію поземельнаго банка, выпускающаго въ обращеніе, взамѣнъ закладной, свои закладные листы или облигаціи. Удобствъ ипотечной системы, изъ которыхъ мы указали только на важнѣйшія, спеціально относящіяся къ поземельному кредиту, лишено было вовсе наше землевладѣніе; но система запрещеній все-таки дѣйствовала и доставляла землѣ какой-нибудь кредитъ, хотя и не удобный. Теперь и это измѣнилось къ худшему: послѣ судебной реформы, чрезвычайно благопріятно отозвавшейся на личномъ кредитѣ, и послѣ кореннаго преобразованія учрежденій по крѣпостнымъ дѣламъ, запретительная система закладныхъ актовъ не можетъ оказывать поземельному кредиту даже и тѣхъ немногихъ услугъ какія были возможны прежде.

Нельзя не быть благодарнымъ Петербургскому Обществу Сельскихъ Хозяевъ за возбужденіе вопроса объ ипотекѣ именно въ связи съ судебною реформой. Дѣло въ томъ что съ передачею крѣпостныхъ дѣлъ изъ судовъ въ вѣдѣніе младшихъ нотаріусовъ, эти дѣла разобщились съ запретительными книгами, или съ нотаріальнымъ архивомъ по земельнымъ сдѣлкамъ, который остался въ вѣдѣніи судовъ, то-есть старшихъ нотаріусовъ при окружныхъ судахъ, и въ которомъ необходимы предъ совершеніемъ закладной справки о запрещеніяхъ, дабы новая закладная не превратилась, при всей правильности своего совершенія, въ чистый призракъ. Указомъ правительствующаго сената отъ 3-го ноября 1867 года обязанность справки въ запретительныхъ книгахъ, лежавшая прежде на отвѣтственности гражданскихъ палатъ и уѣздныхъ судовъ, возложена на стороны заключающія договоръ. Но эти справки чрезвычайно затруднительны для частныхъ лицъ; печатные алфавиты запрещеній доведены только до 1864 года, а послѣ этого года приходится справляться въ подлинныхъ запретительныхъ книгахъ мало доступныхъ публикѣ. Многосложныя затрудненія нынѣшняго порядка совершенія закладныхъ актовъ, сопряженныя со множествомъ ошибокъ и рисковъ, прекрасно изложены въ мнѣніи сенатора, М. К. Цеймерна, пользующагося по своимъ свѣдѣніямъ въ вопросахъ закладнаго права и по своей многолѣтней дѣятельности въ опекунскомъ совѣтѣ и главномъ выкупномъ учрежденіи, несомнѣннымъ авторитетомъ по этой части. Это мнѣніе М. К. Цеймерна, признающаго безотлагательную необходимость у насъ ипотечныхъ книгъ, и было сообщено въ собраніи Общества Сельскихъ Хозяевъ. Впрочемъ публикѣ хорошо извѣстно по опыту съ какими препятствіями и проволочками сопряжено нынѣ совершеніе актовъ относящихся до поземельной собственности. Младшіе нотаріусы, не имѣя всѣхъ нужныхъ свѣдѣній для устраненія подложныхъ и неправильныхъ сдѣлокъ, и сверхъ того можетъ-быть еще по малой опытности въ этомъ дѣлѣ, безпрестанно отказываютъ въ совершеніи самыхъ простыхъ актовъ, на-

примѣръ купчихъ крѣпостей на имѣнія свободныя отъ всякихъ запрещеній. Они заинтересованы въ томъ чтобы по возможности угождать публикѣ, но у нихъ связаны руки, и уже были случаи что для облегченія хода дѣлъ они обязывались платить старшимъ нотаріусамъ нѣчто въ родѣ оброка. Въ одной изъ недальнихъ отъ Москвы губерній производится, говорятъ, даже формальное слѣдствіе о подобныхъ злоупотребленіяхъ. Прежняя неурядица возвратилась такимъ образомъ въ усиленномъ видѣ. При старыхъ порядкахъ установилась почти опредѣленная цѣна крѣпостныхъ актовъ, и публика не тяготилась этимъ: она платила въ одномъ мѣстѣ, гдѣ все дѣло и оканчивалось, между тѣмъ какъ нынѣ производство этихъ дѣлъ восходитъ отъ младшихъ къ старшимъ нотаріусамъ и къ окружнымъ судамъ. Сверхъ того нынѣ требуется дѣйствительное соблюденіе формальностей, которыя прежде были въ законѣ мертвою буквой. Такъ напримѣръ вводъ во владѣніе, котораго не знала бо́льшая часть прежнихъ землевладѣльцевъ, признается нынѣ необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія права собственности на недвижимое имущество; этотъ обрядъ заканчивающій процедуру совершенія купчей крѣпости, производится не иначе какъ по постановленію окружнаго суда, и затѣмъ лишь со дня записки вводнаго листа въ крѣпостной книгѣ, находящейся въ завѣдываніи старшаго нотаріуса, начинается право собственности новаго владѣльца. Въ теченіи времени нужнаго на всю эту процедуру въ нѣсколькихъ инстанціяхъ,—у младшихъ нотаріусовъ, пишущихъ купчую крѣпость, у старшихъ нотаріусовъ, въ окружныхъ судахъ, у судебныхъ приставовъ и у мировыхъ судей, производящихъ вводъ, — право собственности на проданную землю виситъ на воздухѣ, то-есть въ продолженіе всего этого времени остается не разрѣшеннымъ вопросъ кому принадлежитъ право собственности, продавцу или покупщику, и какъ напримѣръ будетъ поступлено съ проданнымъ имуществомъ въ случаѣ открывшейся въ это время несостоятельности продавца. Можно себѣ представить какое множество недоразумѣній и сомнительныхъ правъ долженъ возбуждать этотъ порядокъ, способный еще сильнѣе отпугивать отъ земли капиталы, и безъ того не слишкомъ у насъ расположенные къ поземельной собственности.

№ 156.

Москва, 18-го Іюля.

Вотъ уже третій день какъ мы получаемъ самое ничтожное число иностранныхъ газетъ, да и тѣ доходятъ къ намъ двумя-тремя днями позже обыкновеннаго (Петербургъ, какъ пишутъ, терпитъ въ этомъ отношеніи одинаковую участь съ нами), такъ что мы лишены возможности сообщить какія-нибудь новыя извѣстія о войнѣ, что особенно непріятно въ виду телеграммъ, которыя требуютъ поясненій.

При общемъ вниманіи возбуждаемомъ теперь военными приготовленіями разныхъ государствъ не будетъ лишнимъ остановить вниманіе на послѣдней книжкѣ *Военнаго Сборника* гдѣ помѣщено обозрѣніе военнаго бюджета Сѣверо-Германскаго Союза на 1871 годъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ, эти данныя получаютъ особый интересъ. Всматриваясь въ нихъ, находимъ что къ текущемъ году Пруссія завершила свои приготовленія на случай войны съ Франціей, и уже собиралась обратить свои военныя заботы въ сторону Россіи.

Военный Сборникъ говоритъ: „Нельзя „не замѣтить что наиболѣе значительныя „суммы ассигнованы на крѣпости восточ„ной границы Пруссіи, что, впрочемъ, „можетъ быть объяснено тѣмъ что до сихъ „поръ въ этихъ крѣпостяхъ производилось „крайне мало исправленій, такъ какъ все „вниманіе правительства прусскаго было „обращено на прирейнскія и эльбскія крѣ„пости, чего настоятельно требовали на„тянутыя отношенія къ Франціи."

Впрочемъ, изъ частныхъ статей бюджета оказывается что въ восточныхъ крѣпостяхъ, особенно въ Кенигсбергѣ, предполагаются вовсе не одни исправленія, но и дополненія военныхъ сооруженій. Самъ *Военный Сборникъ* замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ что Пруссаки въ послѣдніе годы непрерывно устраивали лежащую впереди Кенигсберга второстепенную крѣпость Летценъ. Но они стараются пока оставлять ее въ тѣни и не назначаютъ туда коменданта, вѣрные своему этикету.

Устраивая многочисленныя крѣпости противъ русской границы, Кенигсбергъ, Пиллау, Летценъ, Торнъ, Граубинденъ, Данцигъ, Пруссаки не забываютъ въ то же время и желѣзныхъ дорогъ которыя въ

стратегическомъ отношеніи стали теперь еще важнѣе крѣпостей. Кромѣ Данцигско-Кенигсбергской дороги, идущей берегомъ и облегчающей защиту Восточной Пруссіи противъ высадки съ моря, рельсы кладутся параллельно всей русской границѣ отъ Торна до Инстербурга, а оттуда до Тильзита желѣзная дорога уже готова.

Вотъ какъ заботливо относительно насъ правительство дружественной сосѣдней державы! Что скажутъ тѣ господа которые утверждаютъ что всѣ отношенія между Пруссіей и Россіей должны быть основаны единственно на увѣренности въ ихъ неизмѣнной взаимной дружбѣ? Прусское правительство несогласно съ ними: оно думаетъ иначе и поступаетъ en conséquence.

Пруссія выставила противъ насъ рядъ грозныхъ крѣпостей и вооружилась разчитанною сѣтью желѣзныхъ дорогъ; сѣверо-восточныя границы нашего западнаго края попрежнему идиллически открыты. Ни Вильна, ни Гродно ничѣмъ не обезпечены отъ внезапнаго захвата. Неравномѣрность предосторожностей принятыхъ съ обѣихъ сторонъ поразительна! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ что она поставитъ насъ въ зависимость отъ нашего добраго сосѣда, не ограничивающуюся соблюденіемъ наружнаго этикета.

Теперь блокада прусскихъ портовъ запретъ Нѣманъ, одну изъ весьма важныхъ для нашей торговли рѣкъ. Этого неудобства мы бы не испытывали теперь, еслибы благовременно была сооружена Либавская желѣзная дорога; но напрасно вопіяли русскіе интересы: чѣмъ убѣдительнѣе были ихъ доводы, чѣмъ очевиднѣе и неоспоримѣе ихъ дѣло, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали другіе интересы, и либавская дорога едва начата стройкой въ прошломъ году. Дороги длиной свыше 800 верстъ при трудной и дальней подвозкѣ рельсовъ и подвижнаго состава строятся у насъ въ полтора года, но прошелъ цѣлый годъ, а Либавская дорога, имѣющая менѣе 300 верстъ протяженія, неготова: она откроется лишь весной 1871 года, да и тогда откроется ли? Припомнимъ что 290 верстъ Курско-Харьковской дороги построены въ теченіе года, — а можно ли сравнивать трудность ея постройки съ благопріятными условіями дороги Либавской!

Въ ходѣ торговли важны тѣ толчки которые она получаетъ иногда подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Большое торговое теченіе, вызванное войной, часто продолжается и въ мирное время, особенно если оно совпадаетъ съ потребностями торговли случайно остававшимися въ тѣни. Такъ, напримѣръ, во время Восточной войны торговля съ низовья Днѣпра должна была двинуться на Пинскъ, и съ тѣхъ поръ онъ сохраняетъ за собой важное торговое значеніе. Настоящая война могла бы направить торговлю на Либаву, и дала бы ей возможность подняться. Но это упущено, а германскіе порты для насъ заперты. Слѣдовало ли смотрѣть такъ свысока на этотъ будто бы эксцентрическій русскій патріотизмъ, который предостерегалъ что русской торговлѣ не можетъ быть выгодно зависѣть отъ прусскихъ портовъ?

Вотъ еще странный фактъ. Какъ усердно толковали у насъ что стратегическія желѣзныя дороги составляютъ ненужную роскошь, что надо строить только линіи торговыя! И вотъ мы опоздали теперь и съ Смоленско-Брестскою, и съ Бресто-Бердичевскою и съ Волочискою дорогами. Онѣ будутъ готовы позже Граево-Брестской (Лыкской) дороги, перерѣзывающей всѣ сообщенія привислинскаго края со внутреннею Россіей. Предполагалась было чисто стратегическая и безплодная въ торговомъ отношеніи дорога отъ Могилева къ Нѣжину: вмѣсто нея рѣшено строить, для обезпеченія связи сѣверозападнаго края съ югозападнымъ, большую Либавскую линію чрезъ Вильну до Конотопа, имѣющую, при стратегическомъ значеніи, также и весьма важное торговое значеніе... Но эта *торговая* дорога испытываетъ теперь участь *стратегическихъ*. Мы медлимъ ея постройкой, хотя большая Кенигсбергская линія (Брестъ-Бердичевъ) будетъ строиться теперь экстренно и ускоренно...

Кажется что и относительно своего флота Пруссаки поступили со своею обычною предусмотрительностью. Въ *Военномъ Сборникѣ* сведены интересныя свѣдѣнія о плаваніяхъ въ которыхъ находились суда сѣверо-германскаго флота предъ началомъ войны, а именно:

Въ Средиземномъ морѣ находилась канонерка *Дельфинъ*.

У береговъ Вестъ-Индіи — винтовой корветъ *Аркона* и паровая канонерная лодка *Метеоръ*.

Въ Тихомъ Океанѣ — винтовые корветы *Герта* и *Медуза*.

Наконецъ, въ прошломъ году, Пруссія отправила въ Индійскій океанъ лучшую часть германскаго броненоснаго флота: корабль *Король Вильгельмъ* и фрегаты *Фридрихъ-Карлъ* и *Кронъ-Принцъ* съ колеснымъ пароходомъ *Прусскій Орелъ*. На кораблѣ имѣется 27 орудій, на фрегатахъ по 16 орудій на каждомъ.

Французскій броненосный флотъ состоитъ изъ 50 судовъ со 650 орудіями, сѣверо-германскій только изъ 6 съ 71 орудіями. Изъ нихъ 59 орудій приходится на эскадру ушедшую въ Океанъ. Оставаясь въ Нѣмецкомъ или Балтійскомъ моряхъ, германскіе броненосцы вынуждены были бы укрываться въ гаваняхъ, но теперь, въ открытомъ Океанѣ, они могутъ много повредить французской торговлѣ. У береговъ Германіи остались два небольшіе броненосца съ 12 орудіями и 11 паровыхъ судовъ большею частію мелкихъ. Вся боевая сила германскаго флота находится теперь въ Океанѣ, гдѣ, при всей своей ничтожности, она можетъ пригодиться.

№ 157.

Москва, 20-го Іюля.

Съ театра войны все еще нѣтъ никакихъ извѣстій, и въ то же время мы крайне терпимъ отъ недостатка почтовыхъ сообщеній. Три дня мы не получаемъ вовсе англійскихъ газетъ, а французскія и прусскія доходятъ къ намъ тремя днями позже обыкновеннаго, и притомъ въ ограниченномъ количествѣ. Такая участь повидимому ожидаетъ насъ во все время войны: прусскія желѣзныя дороги, занятыя передвиженіемъ военныхъ массъ, не въ состояніи аккуратно доставлять почту съ востока на западъ, но почему задерживается корреспонденція идущая въ обратномъ направленіи, это не понятно.

За неимѣніемъ газетъ мы покамѣстъ не можемъ ничего сказать въ разъясненіе нѣкоторыхъ важныхъ послѣднихъ телеграммъ. Изъ того что мы даемъ публикѣ сегодня, первое мѣсто принадлежитъ прокламаціи императора Наполеона къ арміи, а въ самой этой прокламаціи—полновѣсной фразѣ: *кампанія будетъ продолжительная*. Послѣднія войны, франко-италіянская и австро-прусская, изъ коихъ одна окончилась въ два мѣсяца, а другая въ шесть недѣль, измѣнили взглядъ европейской публики на ходъ военныхъ дѣйствій и породили мнѣніе что войны нашего времени должны быть скоротечны. Дѣйствительно, на первый взглядъ на пользу такого предположенія говоритъ многое. Усовершенствованія орудій разрушенія, значительное вслѣдствіе того вздорожаніе стоимости войны, улучшенія путей сообщенія, наконецъ увеличеніе самихъ массъ войска, требующее гораздо бо́льшаго напряженія отъ населеній, все это ведетъ къ тому что выдерживать войну теперь стало труднѣе прежняго, а потерпѣть рѣшительное пораженіе—несравненно легче. Однако если вникнуть въ условія коими характеризуется война нашего времени, то окажется что всѣми этими условіями ускоряется ходъ войны только въ случаѣ неравенства силъ. Размѣры, какіе принимаетъ возгорѣвшаяся нынѣ война, столь громадны что имъ еще не было примѣра въ европейской исторіи, ибо даже величайшія усилія войнъ Наполеона I стояли далеко назади нынѣшнихъ приготовленій обоихъ грозныхъ противниковъ. Но въ какихъ послѣдствіяхъ выразится эта колоссальность приготовленій, если силы обоихъ противниковъ почти равны, и они обладаютъ въ одинаковой степени удобствами для передвиженія?

Война можетъ-быть и обнаружатъ вскорѣ же какое-нибудь незамѣтное еще въ настоящую минуту неравенство, но на сколько пока возможно судить, силы обоихъ противниковъ не уступаютъ другъ другу, одинаково организованы, опираются на равно обширные резервы, и оба они обладаютъ многими крѣпостями или укрѣпленными позиціями, которыя могутъ прикрыть временное пораженіе и дать время вновь сосредоточить силы. На скорое истощеніе силъ тоже нельзя разчитывать. Теперь средства истребленія велики, но за то въ прежнее время почти столько же людей погибало въ битвахъ, сколько отъ утомленія, плохаго продовольствія и отъ болѣзней. Быстрота передвиженія какъ самихъ войскъ, такъ и всѣхъ ихъ припасовъ по новымъ путямъ сообщенія, значительно устраняетъ эту послѣднюю причину истощенія армій. Англійская газета *Economist*, разсуждая о весьма возможной значительной продолжительности нынѣшней войны, напоминаетъ что далеко не всѣ войны новѣйшаго времени были скоротечны. Крымская кам-

панія и американская междуусобная война продолжались по нѣскольку лѣтъ, и даже датско-германская война потребовала нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя одинъ изъ противниковъ былъ несоразмѣрно слабѣе другаго. Да и италіянская и австро-прусская кампаніи вовсе не безпримѣрны по кратковременности, ибо кампаніи окончившіяся при Іенѣ въ 1806 году и при Ватерлоо въ 1815 не были продолжительнѣе.

Въ настоящей войнѣ, кромѣ того, есть особенное условіе ея продолжительности. Это сравнительно небольшое протяженіе общей границы противниковъ. Путей ведущихъ чрезъ нее немного, мѣстность съ обѣихъ сторонъ довольно затруднительная, и немногіе существующіе пути преграждены съ обѣихъ сторонъ, кромѣ естественныхъ трудностей, еще искусственными сооруженіями. Въ прежнее время, до начала войнъ настоящаго столѣтія, Франція и Германія были сопредѣльны почти на всемъ пространствѣ отъ Альпійскихъ горъ до Нѣмецкаго моря. Теперь нейтралитетомъ Бельгіи и Люксембурга прегражденъ самый удобный путь по нижнему Рейну. Нейтралитетъ Швейцаріи запираетъ другой удобный путь въ Германію чрезъ Рейнъ въ Базелѣ. Остается небольшое протяженіе пограничнаго теченія Рейна отъ Лаутербурга до Базеля, но здѣсь страна представляетъ множество естественныхъ препятствій съ обѣихъ сторонъ, Вогезскія горы во Франціи и Шварцвальдъ въ Германіи. Прямой же путь чрезъ Рейнскую Пруссію или Рейнскую Баварію еще болѣе затруднителенъ по причинѣ грозныхъ крѣпостей и перехода чрезъ Рейнъ. Кромѣ того какой бы путь ни былъ избранъ для наступающей арміи, во всякомъ случаѣ ей необходимо держаться направленія желѣзныхъ дорогъ, а это можетъ побудить ко взятію нѣкоторыхъ крѣпостей, напримѣръ Раштадта на пути къ Франкфурту, и въ такомъ случаѣ съ самаго же начала военныхъ дѣйствій представится необходимость осады.

Наконецъ есть еще важное условіе заставляющее ожидать что оба противника напрягутъ всѣ силы для продолжительной борьбы. Эта самая причина ихъ столкновенія. Борьба ведется за политическое преобладаніе въ центрѣ европейскаго материка, а такая борьба не можетъ окончиться однимъ сраженіемъ или занятіемъ какой-либо одной провинціи. Результатъ ея можетъ быть только тогда достигнутъ, когда несомнѣнно будетъ рѣшено на чьей сторонѣ находится перевѣсъ силы, а безъ посторонняго вмѣшательства это рѣшеніе не можетъ послѣдовать въ короткій срокъ.

Ожидать ли вмѣшательства? Иные думаютъ что Австрія поспѣшитъ воспользоваться критическимъ положеніемъ Пруссіи и примкнетъ ко Франціи чтобы пожать плоды ея побѣдъ. Кто такъ думаетъ, того просимъ пробѣжать хоть нашу сегодняшнюю вѣнскую корреспонденцію. Большая ошибка полагать что Франція можетъ разсчитывать на Австрію: политическія соображенія должны искать себѣ основаній не въ кажущихся, а въ существенныхъ отношеніяхъ вещей.

Что въ Австріи есть вражда къ Пруссіи, что въ Австріи есть желаніе разрушить дѣло прусской политики, это можно допустить. Но гдѣ въ Австріи? Быть-можетъ въ придворныхъ сферахъ, быть-можетъ между старыми офиціалами австрійской имперіи; но было бы плохою риторикой олицетворять Австрію и приписывать ей, какъ живому и цѣльному существу, желанія которыя замѣчаются или предполагаются у нѣкоторыхъ лицъ и въ нѣкоторыхъ сферахъ.

Прежде всего, Австрія теперь есть не просто Австрія, но Австро-Венгрія. Она распадается на Цислейтанію и Транслейтанію. Въ первой господствуетъ нѣмецкій элементъ, во второй мадьярскій. Франція, въ борьбѣ своей съ Германіей, можетъ ли разчитывать на симпатіи этихъ двухъ господствующихъ въ Австро-Венгріи элементовъ? Можетъ ли она ожидать симпатій, вопервыхъ, отъ элемента нѣмецкаго? Война начавшаяся между ею и Пруссіей есть война по преимуществу національная въ нѣмецкомъ смыслѣ. Это война съ Германіей которая собралась подъ прусскимъ знаменемъ. По скольку въ Австріи господствуетъ элементъ нѣмецкій, она чувствуетъ себя продолженіемъ нѣмецкаго *фатерланда*, и Франція должна видѣть въ ней болѣе врага себѣ нежели друга, каковъ бы ни былъ языкъ ея дипломатическихъ канцелярій. Все что есть въ Австріи нѣмецкаго, а стало-быть и вообще Австрія, по скольку въ ней господствуетъ нѣмецкій элементъ, своими симпатіями будетъ на сторонѣ Германіи въ ея борьбѣ съ Франціей, какъ бы ни были дружественны сношенія между правительствами

императоровъ Наполеона III и Франца-Іосифа. Съ тѣхъ поръ какъ вопросъ между Пруссіей и Австріей рѣшенъ, и Германія осталась за первою, нѣмецкія населенія Австріи сердцемъ своимъ принадлежатъ ея бывшей соперницѣ. Австрійскаго патріотизма и прежде не бывало, а теперь его менѣе чѣмъ когда-либо; но патріотизмъ германскій существуетъ и кипятится, хватаетъ своихъ людей не только въ Вѣнѣ, но и въ Ригѣ и даже въ Петербургѣ. Прежняя Австрія могла еще имѣть цѣну для нѣмецкаго въ ней элемента. Прежняя Австрія была окружена ореоломъ величія, и стояла во главѣ Германіи. Въ 1848 году, пангерманизмъ возлагалъ свои надежды на императора Австріи, и его апостольское величество уже привѣтствовался какъ императоръ всегерманскій. Судьба, однако, рѣшила иначе. Разбитая, поверженная Австрія, ставшая Австро-Венгріей, не можетъ удовлетворять ея нѣмецкому элементу, который утратилъ въ ней свое прежнее исключительное владычество. Германскіе патріоты какъ за предѣлами Австріи, такъ и въ ней самой, видятъ въ ней только временное положеніе. Присоединеніе Цислейтаніи къ германскому *фатерланду* находится въ дальнихъ видахъ германской политики и во глубинѣ аспирацій германскаго патріотизма.

Цислейтанія заселена и Нѣмцами, и Славянами. Славянскіе народы обнаруживаютъ признаки жизни и отбиваются отъ германизаціи, которая ихъ охватываетъ. Но въ идеалахъ германскаго патріотизма народы эти обречены на поглощеніе. Еще во франкфуртскомъ парламентѣ было порѣшено что Чехи должны войти въ составъ единой и цѣльной Германіи. Но нѣмецкій элементъ Австріи, даже при господствующемъ положеніи, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ чтобы преодолѣть сопротивленіе Чеховъ и другихъ славянскихъ племенъ, которыя теперь болѣе чѣмъ когда-либо упираются, болѣе чѣмъ когда-либо одушевлены инстинктомъ своего племени въ этой послѣдней борьбѣ его съ исконнымъ врагомъ. Германскій патріотизмъ одинъ и тотъ же какъ въ Австріи, такъ и за ея предѣлами, какъ на берегахъ Рейна, такъ и *Двины*. Вездѣ онъ убѣждается что только прусская Германія способна окончательно захватить эти племена, и что Австрія, хотя бы и возстановленная въ утраченномъ ею значеніи германской державы, не будетъ въ состояніи сдѣлать это. Германія съ двумя головами, какою она была, не можетъ соотвѣтствовать идеаламъ германскихъ націоналовъ, которые воспрянули послѣ прусскихъ побѣдъ, и въ самой Австріи сочувствовали этимъ побѣдамъ если не въявѣ, то втайнѣ. Германскій патріотизмъ, поскольку онъ имѣетъ вліяніе въ Австріи, не потерпитъ чтобъ ея правительство, въ настоящей борьбѣ, подняло оружіе противъ *фатерланда*.

Итакъ, съ этой стороны, разчетъ Франціи на австрійскую помощь оказался бы несостоятельнымъ. Не будетъ ли онъ вѣрнѣе по отношенію къ мадьярскому элементу, который господствуетъ въ другой половинѣ Австріи? Но Венгрія обязана своимъ бытіемъ лишь разгрому который выбросилъ имперію Габсбурговъ изъ Германскаго Союза. Чего домогались мадьярскіе патріоты въ 1849 году съ оружіемъ въ рукахъ, то досталось имъ теперь даромъ. Положеніе вещей образовавшееся вслѣдствіе событій 1866 года оправдало самыя пылкія надежды мадьярскихъ патріотовъ. Что̀ прежде было бунтомъ, то стало закономъ. Измѣнники и преступники 1849 года стали героями. Императоръ Францъ-Іосифъ вѣнчался короною Св. Стефана и нарекъ себя королемъ Венгріи. При искусственной и непрочной связи съ Цислейтаніей, Венгрія ужь и теперь есть особое самостоятельное государство, съ своею верховною властію, съ своимъ правительствомъ, съ своею арміей. Мадьярскіе патріоты были на сторонѣ Пруссіи во время ея войны съ Австріей и нѣтъ сомнѣнія что легкость, съ какою имперія Габсбурговъ была сокрушена немногими быстрыми ударами, всего болѣе объясняется тѣми симпатіями которыя врагъ встрѣтилъ въ ней самой, даже въ рядахъ ея войскъ. Интрига г. фонъ-Бисмарка давно уже работаетъ въ Венгріи, и онъ конечно посмѣивается про себя, слыша о симпатіяхъ и помощи которыя Франція якобы ожидаетъ отъ Австро-Венгріи.

Вотъ положеніе дѣлъ въ этой Австро-Венгріи. Кто сомнѣвался прежде въ симпатіяхъ и тяготѣніяхъ которыя таятся подъ его офиціальною поверхностью, тотъ не можетъ не убѣдиться въ нихъ теперь, прислушиваясь къ мадьярскимъ голосамъ въ Транслейтаніи и къ разгулу герман-

скаго патріотизма въ самой Вѣнѣ, — разгулу, предъ которымъ оказалось бы безсильнымъ правительство Цислейтаніи.

Только одинъ элементъ въ Австріи могъ бы стать опорой въ борьбѣ съ захватами германизма. Это тотъ элементъ который всегда страдалъ въ Австріи, самый многочисленный въ ней, главная масса ея населеній, но разрозненная, подавленная и подчиненная. Это элементъ славянскій, которому, съ одной стороны, грозитъ мадьяризація, и который, съ другой стороны, обрекается къ тому чтобы расширить и умножить собою Германію, да будетъ она громаднымъ шестидесяти-милліоннымъ могуществомъ въ центрѣ Европы, съ надежною опорой въ Венгріи, которая на Востокѣ была бы ея естественною и неразрывною союзницей.

Но Франція до сихъ поръ ничего не знаетъ о славянскомъ элементѣ Австріи и Востока, или знаетъ только то что свидѣтельствуютъ ей всесвѣтные лжецы, польскіе патріоты, которые прежде всего безпощадно обманываютъ себя самихъ. Польскій вопросъ есть обманъ который не разъ вовлекалъ Францію въ роковыя ошибки; польскій вопросъ есть въ то же время внутреннее зло славянскаго міра которое ослабляетъ его и вноситъ въ него всякую смуту и измѣну. Ослаблять Россію, единственное славянское могущество, выдержавшее вѣка испытаній, ради безсмысленной олигархіи давно осужденной исторіей, ради призрака вызываемаго шарлатанами изъ могилы прошедшаго, не значитъ ли работать въ смыслѣ пангерманизма и создавать въ Европѣ силу съ которою невозможно будетъ считаться, и которая вмѣстѣ съ Англіей станетъ единственнымъ въ Европѣ могуществомъ?

№ 158.

Москва, 21-го Іюля.

Реформа городскаго управленія есть нынѣ фактъ совершившійся. Законоположенія опредѣляющія это важное преобразованіе, какъ извѣстно читателямъ, уже обнародованы въ *Собраніи Узаконеній* и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Въ предпослѣднемъ нумерѣ нашей газеты мы сообщили указъ о порядкѣ введенія новаго городскаго или, какъ оно названо теперь въ законѣ, Городоваго Положенія. Сегодня мы печатаемъ Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ устанавливаются нѣкоторыя временныя мѣры по введенію Положенія и указывается цѣлый рядъ важныхъ законодательныхъ вопросовъ, возбужденныхъ городскою реформой и долженствующихъ получить разрѣшеніе вслѣдъ за ея введеніемъ.

Въ № 82 *Московскихъ Вѣдомостей* и въ № 14 *Воскресныхъ Прибавленій* былъ изложенъ съ достаточною подробностью проектъ городской реформы, какъ опредѣлился онъ послѣ работъ коммиссіи образованной при государственномъ совѣтѣ подъ подъ предсѣдательствомъ князя Урусова и при участіи экспертовъ отъ нѣсколькихъ городовъ.

Излагая проектъ коммиссіи, мы оговорили что по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ голоса ея членовъ раздѣлились, и привели тогда мнѣнія большинства членовъ параллельно съ мнѣніемъ меньшинства. Въ свое время мы сообщали также слухи что въ пользу предположеній большинства членовъ коммиссіи высказалось и большинство членовъ государственнаго совѣта. Теперь изъ обнародованныхъ законоположеній можно видѣть что Высочайшее утвержденіе дано предположеніямъ въ пользу которыхъ состоялось большинство голосовъ въ государственномъ совѣтѣ и въ коммиссіи.

Вопросы возбуждавшіе разногласіе въ этомъ дѣлѣ касались не одной городской реформы, но имѣли большее или меньшее значеніе для всего порядка мѣстнаго управленія. Тѣмъ большій интересъ должны возбудить состоявшіяся рѣшенія и тѣмъ живѣе и искреннѣе будутъ они привѣтствованы русскимъ обществомъ.

Важнѣйшій изъ вопросовъ, по которымъ раздѣлились голоса въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, касался отношеній губернаторской власти къ городскому управленію. Первоначальный проектъ городской реформы полагалъ поставить городское управленіе подъ надзоръ губернскихъ правленій. Въ началѣ прошлаго года министерство внутреннихъ дѣлъ измѣнило это предположеніе и проектировало отдать городское управленіе подъ личный контроль губернатора. *Правительственный Вѣстникъ* помѣстилъ недавно цѣлый рядъ статей въ которыхъ излагались, въ сжатой формѣ, журналы засѣданій коммис-

сіи кн. Урусова (въ подлинникѣ эти журналы занимаютъ до 77 печатныхъ листовъ), и въ одной изъ этихъ статей сказано между прочимъ что министерство внутреннихъ дѣлъ полагало „поставить губерна„тора въ положеніе прокурора по отно„шенію къ общественному управленію." Въ мнѣніяхъ министерства, какъ они изложены въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, также не разъ поминается что губернаторы должно бы имѣть по дѣламъ городовъ ту же власть какую они имѣютъ по дѣламъ земства. А между тѣмъ въ самомъ проектѣ министерства губернатору давалось право не только пріостанавливать постановленія городскаго управленія, но и входить въ разбирательство жалобъ по производству выборовъ, а подобное разбирательство даже и по земскому положенію принадлежитъ самому земству (земскому собранію). Проектъ, а затѣмъ и меньшинство комиссіи князя Урусова предоставляли единоличной власти губернатора, или лучше сказать его канцеляріи, право назначать новые выборы, когда произведенные признаны губернаторомъ неправильными, исправлять избирательные списки, разрѣшать пререканія между городомъ и администраціей, между земскими и сословными учрежденіями относительно ихъ обязанностей, власти и вѣдомства.

Второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а вслѣдъ за тѣмъ и большинство въ комиссіи и въ государственномъ совѣтѣ иначе взглянули на дѣло. Въ образецъ отношеній губернаторской власти къ городамъ были взяты порядки установленные въ учрежденіяхъ по крестьянской реформѣ, и проектировано чтобы всѣ сношенія губернатора съ городами шли чрезъ особое коллегіальное учрежденіе, составленное изъ представителей тѣхъ учрежденій которыя соприкасаются съ городомъ по разнымъ дѣламъ. Это особое коллегіальное учрежденіе соотвѣтствуетъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и носитъ сходное съ нимъ названіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія Оно составляется, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, предсѣдателя казенной палаты, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя мироваго съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы и головы губернскаго города. Читатели видятъ что большинство членовъ присутствія будетъ независимо отъ губернатора. Надъ этимъ городскимъ присутствіемъ поставлена лишь одна инстанція, — правительствующій сенатъ, тогда какъ надъ крестьянскимъ, къ ущербу для дѣла, стоятъ ихъ двѣ - земскій отдѣлъ и главный комитетъ.

Нельзя не отдать справедливости этой точкѣ зрѣнія и не согласиться съ тѣмъ что необходимо оградить новыя городскія учрежденія отъ произвола администраціи старательнымъ примѣненіемъ тѣхъ же способовъ коимъ обязана своею прочностію крестьянская реформа. Отношенія городовъ къ администраціи во многомъ до сихъ поръ напоминаютъ прежній строй нашей жизни, стоявшій на крѣпостномъ правѣ. По проекту министерства внутреннихъ дѣлъ, губернаторъ дѣйствовалъ бы въ дѣлахъ городовъ своею единоличною властію, на которую, да и то не во всѣхъ случаяхъ, можно было бы приносить жалобы въ сенатъ, но при мелкотѣ и сложности многихъ городскихъ дѣлъ, при трудности перенесенія дѣла въ сенатъ и хлопотъ въ столицѣ, проектированное министерствомъ право обжалованія во многихъ случаяхъ оставалось бы лишь на бумагѣ. Теперь болѣе мелкимъ дѣламъ дана возможность правильнаго исхода на мѣстѣ. Съ другой стороны самый надзоръ администраціи будетъ теперь не только правильнѣе, но и дѣятельнѣе. Онъ будетъ подкрѣпленъ немедленнымъ мѣстнымъ разбирательствомъ и опредѣленіемъ присутствія.

Въ челѣ новаго Городоваго Положенія мы читаемъ: „Ст. 1. Попеченія и распоря„женія по городскому хозяйству и благо„устройству предоставляются городскому „общественному управленію, а *надзоръ за „законнымъ сего исполненіемъ — губерна„тору на точномъ основаніи правилъ на„стоящаго Положенія*" Вотъ начало которое кладется въ основу городской реформы; нельзя не пожелать чтобы то же начало было проведено и въ отношеніяхъ губернаторской власти къ земству. Этого надо желать прежде всего въ интересахъ самаго же *надзора за законнымъ исполненіемъ* обязанностей возложенныхъ на земство. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе удобно могло бы вѣдать дѣла по земству; губернаторскій надзоръ пріобрѣлъ бы больше увѣренности въ своей правильности и не останавливался бы, какъ теперь, предъ опасеніемъ затянуть спорное

дѣло всегда долгимъ и теперь почти неизбѣжнымъ разсмотрѣніемъ его въ сенатѣ.

Русское законодательство послѣднихъ десятилѣтій постепенно облегчаетъ губернаторскую власть отъ личнаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, оставляя за нею преимущественно право надзора. Но никогда этотъ принципъ не былъ высказанъ такъ ясно какъ въ новомъ Городовомъ Положеніи, а потому теперь еще съ большимъ основаніемъ можно надѣяться на благополучный исходъ административной реформы, вопреки всѣмъ тревожнымъ слухамъ которые вновь возникли относительно работъ коммиссіи составляющей проектъ этой реформы. Увѣряютъ что помянутая коммиссія рѣшила вести свои занятія въ глубокой тайнѣ и что члены ея связаны обѣщаніемъ ничего не сообщать о ея трудахъ въ особенности въ газеты.

Другой важный вопросъ городской реформы возбуждавшій разногласія касался предсѣдательства въ городскомъ собраніи гласныхъ, которое называлось до сихъ поръ общею думой и теперь получило названіе городской думы. Первоначальный проектъ полагалъ что въ собраніи гласныхъ, или въ городской думѣ, долженъ предсѣдать городской голова, и что ему же, конечно, принадлежитъ предсѣдательство и въ городской управѣ, на которую возложена исполнительная власть и которая соотвѣтствуетъ распорядительной думѣ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ находило нужнымъ измѣнить это предположеніе и проектировало выборъ особаго предсѣдателя городской думы. Противъ этого измѣненія въ коммиссіи князя Урусова въ особенности возстали эксперты. Дѣйствительно примѣръ земскихъ учрежденій и акціонерныхъ компаній, на которыя ссылалось министерство, мало идетъ къ дѣлу. Земскія собранія собираются разъ или два въ годъ и на короткое время. Собранія городскихъ гласныхъ будутъ гораздо чаще; они созываются по требованію одной пятой части гласныхъ. Обсуждая вопросъ за вопросомъ, они легко могутъ сдѣлать свои засѣданія весьма продолжительными. Такимъ образомъ дѣйствительная распорядительная власть перешла бы на дѣлѣ къ городской думѣ и ея предсѣдателю, оставивъ въ тѣни городскую управу съ городскимъ головой. Во всякомъ случаѣ въ городѣ могли бы образоваться двѣ безпрестанно сталкивающіяся власти, и постороннія вліянія получили бы возможность вносить разладъ въ дѣло города, пользуясь столь вѣроятными столкновеніями предсѣдателей городской думы и городской управы.

Предположенія о выборѣ особаго предсѣдателя городской думы испытали ту же участь какъ и намѣреніе ввести единоличный контроль губернатора надъ городскимъ управленіемъ. Въ городской думѣ будетъ предсѣдать городской голова, но онъ оставляетъ собраніе когда оно дѣлаетъ опредѣленія объ его отвѣтственности, и не предсѣдаетъ когда дума разсматриваетъ отчетъ управы или назначаетъ содержаніе лицамъ общественнаго управленія. Въ такихъ случаяхъ предсѣдательство переходитъ къ старшему по числу избирательныхъ шаровъ гласному.

Новая реформа почти вполнѣ устраняетъ сословное раздѣленіе городскихъ обывателей въ дѣлѣ городскаго управленія. Городскіе жители раздѣляются на три разряда по количеству платимыхъ ими городскихъ налоговъ. Составляется списокъ, въ который вносятся избиратели по порядку опредѣляемому суммой платимыхъ ими налоговъ. Списокъ раздѣляется на три группы избирателей изъ которыхъ каждая платитъ треть городскихъ сборовъ. Эти группы и составятъ разряды избирателей; каждый разрядъ собирается для выборовъ отдѣльно. Въ этихъ собраніяхъ избираются, отъ каждаго разряда въ равномъ числѣ, гласные городской думы, которая затѣмъ уже выбираетъ городскаго голову, членовъ управы, городскаго секретаря, членовъ исполнительныхъ коммиссій и вообще всѣхъ лицъ общественнаго управленія. Упраздненіе сословнаго подраздѣленія городскихъ обывателей, какъ показываетъ помѣщенный нами сегодня указъ, будетъ завершено упраздненіемъ ремесленнаго сословія. Министру финансовъ поручено войти съ представленіемъ объ упраздненіи его даже и тогда еслибъ общій пересмотръ фабричнаго, заводскаго и ремесленнаго устава замедлился.

Новое Положеніе даетъ городскому управленію (думѣ) права издавать обязательныя для обывателей постановленія „съ тѣмъ „чтобы эти постановленія ни въ чемъ не „противорѣчили законамъ.“ Въ Положеніи подробно перечислены предметы по которымъ могутъ быть сдѣланы эти постанов-

ленія. Они будутъ являться преимущественно въ дополненіе уставовъ дорожнаго, строительнаго, пожарнаго, врачебнаго и пр. Указъ, помѣщенный нами сегодня, побуждаетъ думать что въ виду имѣется опредѣлить не только предметы, но такъ сказать и самую силу постановленій. Второму отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи поручено пересмотрѣть помянутые уставы для соглашенія ихъ съ новымъ Городовымъ Положеніемъ. Этотъ пересмотръ, столь необходимый также для успѣшности административно-полицейской реформы, долженъ выдѣлить обязательныя требованія уставовъ отъ требованій которыя могутъ быть издаваемы въ видѣ мѣстныхъ постановленій.

Лицамъ участвовавшимъ въ составленіи Городоваго Положенія, какъ извѣстно читателямъ, объявлена особая Монаршая благодарность. Намъ приходилось уже упоминать что Городовое Положеніе выработано гораздо тщательнѣе чѣмъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Мнѣніе государственнаго совѣта печатаемое въ сегодняшнемъ № нашей газеты показываетъ что вопросы затрогиваемые реформой — измѣненія въ другихъ установленіяхъ требуемыя ею — не были упущены изъ виду. Бо́льшая часть изъ нихъ была уже предметомъ обсужденій коммиссіи.

Нельзя не пожелать чтобы предстоящія дополнительныя законодательныя работы были исполнены въ томъ же духѣ соглашенія интересовъ въ какомъ совершилось преобразованіе городскаго управленія. Надо надѣяться что напримѣръ при опредѣленіи отношеній земскихъ и городскихъ учежденій не будетъ внесена рознь между городами и земствомъ, которая не имѣетъ никакихъ основаній въ русской исторіи. Въ послѣднее время слышны были жалобы на тяжесть земскихъ сборовъ падающихъ на города, но во многихъ случаяхъ размѣры этихъ сборовъ установлены по соглашенію городовъ съ земствомъ. Ближайшая практика городскихъ учрежденій дастъ конечно наилучшія указанія для опредѣленія порядка ихъ отношеній къ земству, и теперь, благодаря осторожности законодательства, отсрочившаго рѣшеніе помянутаго вопроса, легко будетъ воспользоваться этими необходимыми указаніями.

№ 159.

Москва, 23-го Іюля.

Въ упомянутомъ уже нами по поводу вопроса о поземельномъ кредитѣ собраніи Петербургскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ (19-го мая), было высказано много дѣльныхъ и интересныхъ мыслей объ устройствѣ у насъ ипотечныхъ книгъ. Нельзя напримѣръ не согласиться съ мнѣніемъ лицъ возбудившихъ эти пренія что при ипотечной системѣ наши землевладѣльцы находились бы въ меньшей зависимости отъ поземельныхъ банковъ, ибо могли бы пользоваться многими удобствами долгосрочнаго кредита, посредствомъ обращенія въ публикѣ ипотечныхъ записей. Раздѣляя однако общій взглядъ на государственную важность ипотечной системы для Россіи, нельзя признать совершенно правильною ту точку зрѣнія на способы устройства этого дѣла которая господствовала въ преніяхъ Общества Сельскихъ Хозяевъ.

Съ судебною реформой упразднены прежнія спеціальныя учрежденія для вотчинныхъ дѣлъ, и предположено ихъ возрожденіе въ окружныхъ судахъ, подъ наименованіемъ нотаріальныхъ архивовъ (въ завѣдываніи старшихъ нотаріусовъ). Но главный документальный матеріалъ новѣйшаго времени необходимый для справокъ не только при совершеніи новыхъ актовъ о передачѣ недвижимыхъ имуществъ, но даже въ вопросахъ о безспорности правъ собственности нынѣшнихъ владѣльцевъ, запретительныя книги находятся нынѣ въ хаотическомъ состояніи, постоянно возрастающемъ, такъ что сенаторъ Цеймернъ вынужденъ былъ, во избѣжаніе самыхъ серіозныхъ замѣшательствъ по дѣламъ С.-Петербургской сохранной казны, завести особые указатели запрещеній для ея собственнаго употребленія. Но эти указатели содержатъ въ себѣ справки только объ имѣніяхъ заложенныхъ въ сохранной казнѣ до 1859 г. и перезаложенныхъ въ 1863 г., и конечно нынѣ совершенно недостаточны. Признавая необходимымъ найти выходъ изъ этого положенія, гораздо болѣе опаснаго для правъ нашей поземельной собственности нежели вымышленныя угрозы которыми запугивала нашихъ землевладѣльцевъ партія покойной *Вѣсти*, и желая положить какое-нибудь начало собранію точныхъ юридическихъ данныхъ о землевладѣніи, могущихъ послу-

жить основаніемъ для будущаго ипотечнаго порядка, сенаторъ Цеймернъ сдѣлалъ опытъ юридическаго описанія имѣній въ трехъ уѣздахъ на основаніи свѣдѣній сохранной казны и главнаго выкупнаго учрежденія. Такой опытъ по Ямбургскому уѣзду С.-Петербургской губерніи, при дѣятельномъ пособіи Ямбургской земской управы, оконченъ, и былъ въ собраніи Общества Сельскихъ Хозяевъ рекомендованъ какъ примѣръ для всѣхъ земствъ Имперіи, желающихъ устроить у себя ипотечныя книги. Первоначальный списокъ земской управы всѣмъ поземельнымъ имѣніямъ Ямбургскаго уѣзда, съ обозначеніемъ владѣльцевъ, количества земли, раздѣленія на угодья и крестьянскихъ надѣловъ, былъ пополненъ свѣдѣніями изъ дѣлъ и документовъ сохранной казны, выкупнаго учрежденія и межевой канцеляріи, изъ сенатскихъ публикацій о переходѣ имуществъ и изъ запрещеній. Такимъ образомъ составлено было, приблизительно по формѣ общепринятой въ другихъ странахъ для ипотечныхъ книгъ, описаніе имѣній, вновь провѣренное и дополненное земскою управой. Подобное же описаніе имѣній составляется и по Шлиссельбургскому уѣзду, вмѣстѣ съ хозяйственною картой, въ которой обозначены всѣ единицы владѣній, по свѣдѣніямъ палаты государственныхъ имуществъ, удѣльной конторы, губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣзднаго суда и преимущественно межевой канцеляріи. Несмотря на затруднительность и копотливость этой работы, требующей величайшей аккуратности, она оказывается, по заявленіямъ въ Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ, весьма дешевою, отъ 2 до $2^1/_2$ р. на каждое имѣніе; и по всему Шлиссельбургскому уѣзду обойдется до 800 р. Ямбургское земство намѣревается утвердить упомянутое описаніе по своему уѣзду въ уѣздномъ собраніи и затѣмъ ходатайствовать предъ правительствомъ о признаніи за нимъ *офиціальнаго значенія*. Сколько можно понять изъ преній бывшихъ въ Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ, это офиціальное значеніе должно будетъ заключаться въ дозволеніи принять составленное описаніе за основу ипотечнаго порядка, согласно мнѣнію сенатора Цеймерна, полагающаго посредствомъ такихъ описаній осуществить наконецъ во всей Имперіи программу ипотечныхъ книгъ начертанную было Екатериной II въ городовомъ положеніи 1785 г., которое обязывало магистраты имѣть книги съ описаніемъ всѣхъ городскихъ недвижимостей, для справокъ при ссудахъ. Невозможно отвергать пользу и даже необходимость приведенія въ строгій порядокъ всѣхъ юридическихъ данныхъ о нашемъ землевладѣніи, разбросанныхъ нынѣ по разнымъ старымъ и новымъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе что нынѣ, послѣ уставныхъ грамотъ, выкупныхъ сдѣлокъ и работъ земскихъ учрежденій, накопилось много свѣдѣній могущихъ облегчить этотъ трудъ. Нельзя также не признать что упомянутыя выше хозяйственно-юридическія описанія поземельныхъ владѣній по уѣздамъ, основанныя на точномъ разборѣ первоначальныхъ источниковъ и документовъ, будутъ въ высшей степени полезны, какъ для соображеній и распоряженій самого земства (на это указано предсѣдателемъ С.-Петербургской губернской управы барономъ П. Л. Корфомъ, такъ и для первоначальнаго устройства ипотечныхъ книгъ; далѣе, справедливо что въ этомъ трудѣ болѣе всѣхъ призвано принять участіе земство, котораго издержки окупятся сторицею не только возвышеніемъ цѣнности имѣній, съ развитіемъ ипотечнаго кредита, но и полученіемъ болѣе точныхъ элементовъ для всѣхъ финансовыхъ земскихъ распоряженій.

Все это такъ, и остается только желать чтобы прочія земства послѣдовали примѣру Ямбургскаго и Шлиссельбургскаго уѣздовъ въ разборѣ юридическихъ данныхъ относительно землевладѣнія и въ составленіи описаній имѣній, а также чтобы правительство оказало этому дѣлу покровительство и содѣйствіе. Но спрашивается достаточно ли всего этого для полнаго водворенія у насъ ипотечнаго порядка и возсозданія на немъ поземельнаго кредита? По всей вѣроятности тѣ лица которыя выдвинули на первый планъ упомянутую мѣру сами сомнѣваются въ томъ. Это мѣра не только не исчерпывающая дѣла и не самая трудная въ немъ; въ окончательномъ результатѣ, какъ ни запутаны юридическія данныя и документы о нашемъ землевладѣніи и какъ разборъ ихъ ни затруднителенъ, все-таки это не болѣе какъ трудъ механическій и вопросъ о денежномъ расходѣ. Введеніе ипотечныхъ книгъ имѣетъ другую, болѣе существенную сторону, о которой не умалчиваетъ вовсе и сенаторъ Цеймернъ, указывая на три самыя необходимыя, по его мнѣнію, первоначальныя

мѣры по этому предмету: новое, пересмотрѣнное изданіе всѣхъ запрещеній, составленіе упомянутыхъ выше описаній имѣній и нѣкоторое измѣненіе узаконеннаго у насъ порядка укрѣпленія правъ по пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ. Это измѣненіе должно заключаться, по мнѣнію К. М. Цеймерна, въ томъ чтобы всѣ акты о переходѣ имуществъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ являлись не для утвержденія, какъ нынѣ, а для *оглашенія* въ окружныхъ судахъ, гдѣ должно быть образовано особое отдѣленіе *вотчинныхъ* дѣлъ, подъ вѣдѣніемъ особаго члена (нынѣшняго старшаго нотаріуса); затѣмъ каждый переходъ имущества, послѣ надлежащей справки въ запрещеніяхъ и вотчинномъ архивѣ, подъ отвѣтственностью суда, публиковался бы отъ него въ особомъ систематическомъ изданіи, котораго содержаніе по всей вѣроятности (этого не досказано) должно цѣликомъ войти въ ипотечныя книги. Самое существенное въ этомъ порядкѣ, который въ своихъ подробностяхъ и исполненіи можетъ быть различенъ, есть то что *началомъ права собственности и основаніемъ его будетъ внесеніе акта въ объявленія или поземельные реестры* (или тѣ же ипотечныя книги окружныхъ судовъ). Вотъ въ чемъ вся суть ипотечнаго дѣла; все остальное второстепенныя подробности и способы исполненія, которые могутъ быть такъ или иначе придуманы, смотря по обстоятельствамъ и денежнымъ средствамъ: ипотечныя книги должны быть исключительнымъ основаніемъ права собственности, и ипотечный порядокъ обусловливаетъ собою всю дѣйствующую въ государствѣ систему пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ собственности. Вопросъ объ ипотечныхъ или вотчинныхъ книгахъ, если только это вопросъ серіозный и если эти книги должны служить прочнымъ основаніемъ права, а не однимъ только собраніемъ полезныхъ справочныхъ для хозяйства и для кредита свѣдѣній, затрогиваетъ коренныя начала гражданскаго права и судопроизводства, и въ этомъ самая трудная сторона этого вопроса, вынуждавшая всегда медлить и съ крайнею осторожностью приступать къ его разрѣшенію. Во Франціи вопросъ объ обязательности внесенія (transcription) въ ипотечныя книги актовъ и договоровъ о переходѣ имуществъ для окончательнаго признанія права собственности новыхъ пріобрѣтателей возбуждалъ продолжительные споры между юристами, прежде нежели пришлось рѣшить его утвердительно, въ виду того что безъ признанія такой обязательности ипотечная книга не можетъ служить достаточною гарантіей для кредита. У насъ, послѣ столькихъ чужеземныхъ опытовъ, теоретическій споръ былъ бы неумѣстенъ, но всетаки это будетъ значительнымъ нововведеніемъ въ нашемъ гражданскомъ правѣ, и тутъ ни мало не поможетъ что оно окажется въ сущности только возрожденіемъ порядка существовавшаго въ Россіи до конца XVIII столѣтія: какъ ни любопытно въ ученомъ отношеніи открывать въ историческомъ прошедшемъ нити законодательныхъ и государственныхъ началъ которыя къ ущербу прогресса были порваны историческими случайностями и которыя приходится снова завязывать, но по практическимъ своимъ трудностямъ, возрождаемыя учрежденія равняются вновь созидаемымъ, и какіе бы ни существовали въ Россіи XVII столѣтія самородные начатки ипотечнаго порядка въ помѣстномъ приказѣ, какіе бы ни остались слѣды ихъ въ вотчинной коллегіи XVIII столѣтія, а также въ намѣреніяхъ Екатерины II въ концѣ этого столѣтія, все-таки нынѣ приходится начинать дѣло сызнова, и отъ исторической старины вотчинныхъ дѣлъ будущія наши ипотечныя учрежденія получать въ наслѣдіе только разстроенныя запретительныя книги.

Но и закономъ о значеніи ипотечной записи не могутъ ограничиться перемѣны вызываемыя будущимъ ипотечнымъ порядкомъ въ теоріи и практикѣ нашего гражданскаго права; по всей вѣроятности ихъ потребуется не мало (напримѣръ долженъ измѣниться законъ о земской давности) и окажется необходимымъ общій пересмотръ всего законодательства о способахъ пріобрѣтенія правъ на недвижимыя имущества. Если даже не имѣть въ виду обременительности расходовъ, гораздо болѣе значительныхъ на устройство книгъ, архивовъ и помѣщеній, нежели могутъ быть упомянутыя выше издержки на первоначальныя описанія имѣній, спрашивается своевременъ ли будетъ коренной пересмотръ основаній правъ собственности, каковой долженъ непремѣнно сопровождать обязательное введеніе ипотечныхъ книгъ? Въ государствахъ, гдѣ онѣ вновь учреждались (напримѣръ въ нѣкоторыхъ германскихъ

землях) потребовалось для этого весьма сложное законодательство и продолжительные сроки для оглашения, для доказательств и для оспаривания прав. Если же ипотечныя книги не будут признаны обязательными, и заведение их по каждому имению будет предоставлено желанию землевладельцев, то спрашивается: возможно ли будет совместное существование в одних и тех же краях, даже уездах, двух гражданских и закладных прав, одного для одних землевладельцев и другаго для других, и не усложнит ли это еще более нынешния формы поземельнаго кредита и операции поземельных банков?

Мы не беремся, да и нет никакой надобности разрешить все эти государственные вопросы в краткой газетной статье; все они, без сомнения, были приняты во внимание и может-быть уже разрешены в ипотечной коммиссии министерства юстиции. Опубликование трудов этой коммиссии было бы важным пособием к происходящим ныне суждениям публики по ипотечному вопросу. Все наше изложение клонилось лишь к тому чтобы пояснить юридическое значение этого вопроса, подчиняющее себе его экономическую сторону; он требует прежде всего законодательнаго разрешения, и как ни важны усилия частных лиц, землевладельцев и земства при подготовительных работах, но они бессильны достигнуть самаго зерна вопроса. В этом смысле были совершенно правы лица заявившия в Обществе Сельских Хозяев о необходимости придать *официальное значение* составленным земствами описаниям имений; только они ошибаются если полагают что этим может ограничиться роль законодательства. Правительство, по самой сущности дела, должно быть главным его руководителем, и от тех или других принятых им основных начал ипотечнаго порядка будут зависеть способ его исполнения и самая форма книг и материалов (описаний имений), долженствующих сделаться их содержанием.

№ 160.

Москва, 24-го Июля.

Мы указывали на два неблагоприятныя для нашего поземельнаго кредита обстоятельства, в особенности задерживающия его развитие: отсутствие *закона о частных банках*, который бы обеспечивал за отдельными лицами и компаниями свободное от административнаго произвола право на банковыя предприятия, и отсутствие *ипотечных книг*. Вот пункты на которые желательно видеть обращенным внимание земства в вопросе поземельнаго кредита, ибо позволительно думать что ходатайства земских собраний в этом направлении не могут остаться безуспешными, так как упомянутыя меры вполне согласны и с видами правительства неоднократно заявленными. По поземельному кредиту министерство финансов, сколько известно, завалено проектами банковых уставов, сыплющимися с эпохи закрытия государственных кредитных установлений. Сперва предполагалось (в период действий коммиссии земских банков 1859—1861) открыть частным лицам свободный доступ к устройству всяких кредитных учреждений, не предоставляя никому привилегированных прав; затем, в ожидании общаго законоположения по этому предмету, было разрешено несколько кредитных учреждений без дарования им каких-либо преимуществ, а как только опыт доказал их состоятельность и обнаружились их благотворныя последствия, то по их примеру готовы были повсеместно возникнуть подобныя же предприятия, но это движение было прервано выдачею значительной привилегии предприятию, от котораго чуть ли не ожидали что оно вполне вознаградит помещиков за отмену крепостнаго права, и которое во имя этих ожиданий требовало себе поддержки и получило ее, но не оправдало ничьих надежд и никого кроме себя не обезпечило, да и себя обезпечило безкорыстно, а благоделние оказалось лишь польской справе, отвлекши от употребления на борьбу с нею пять миллионов рублей (пятипроцентными билетами). Наконец в последнее время вызвано было совершенно новое движение к учреждению уже не частных и свободных поземельных банков, а земских, причем от земства ожидаются гарантии могущия заменить собой пятимиллионный подарок сделанный государством Взаимному Поземельному Кредиту, и как бы в виде вознаграждения за то предоставляется земству право заниматься банковою спекуляцией и получать барыши от

нея. Посреди заботъ о нормальномъ уставѣ для этихъ земскихъ банковъ, не имѣющихъ и тѣни сходства съ банками поземельными, были снова позабыты послѣдніе, хотя необходимость ихъ неоднократно признавалась въ офиціальныхъ актахъ; впредь до утвержденія нормальнаго устава земскихъ банковъ, пріостановлено разсмотрѣніе проектовъ уставовъ поданныхъ правительству, какъ частными лицами, такъ даже и земствами. Весьма естественно что землевладѣльцы, живо чувствуя потребность въ кредитѣ, готовы ухватиться за всякую мысль, лишь бы была надежда что на ней окончательно остановится правительство, и вотъ они, не безъ недоумѣній, берутся за проектъ такъ-называемыхъ земскихъ банковъ, полагая что онъ нынѣ наиболѣе покровительствуется. Очевидно, однако, что правительство не имѣетъ никакого побужденія настаивать именно на земскихъ банкахъ, которые нисколько не нужны для интересовъ казны, а только размножать поводы къ прискорбному столкновенію администраціи и земскихъ учрежденій. Правительство, надо полагать, готово поступить въ этомъ случаѣ согласно съ просьбами земскихъ собраній, если только эти просьбы будутъ раціональны. Потому весьма важно чтобы лица имѣющія вліяніе въ земскихъ собраніяхъ вникли въ вопросъ о поземельномъ кредитѣ. Они убѣдятся тогда что проектируемые земскіе банки не принесутъ поземельному кредиту никакой пользы уже потому что имъ не предполагается дозволить выпускъ облигацій, а капиталы составляющіеся изъ вкладовъ вносимыхъ на краткіе сроки не могутъ быть безъ крайняго риска раздаваемы въ долгосрочныя ссуды. Они убѣдятся также что земству нѣтъ разчета самому браться за банковое дѣло, а слѣдуетъ только оказывать поддержку ему въ интересахъ землевладѣнія, сельскаго хозяйства и промышленности, какъ вообще, такъ и преимущественно сельской. Поземельнымъ банкамъ можетъ быть со стороны земства оказано пособіе разными мѣрами, въ числѣ коихъ представляются главнѣйшіе слѣдующія: ссуда небольшаго капитала на первое обзаведеніе, открытіе въ управахъ первоначальныхъ подписокъ на залогъ имѣній, съ тѣмъ чтобы тотчасъ обезпечить кругъ операцій для образующагося банка, въ послѣдствіи открытіе въ управахъ подписокъ на закладные листы или облигаціи, помѣщеніе въ нихъ земскихъ капиталовъ, ссуда банку капиталовъ въ первые годы дѣйствій на уплату процентовъ по закладнымъ листамъ, въ случаѣ неисправности заемщиковъ, до взысканія съ нихъ недоимокъ. Эти пособія образованію банковъ будутъ гораздо дѣйствительнѣе устройства собственныхъ земскихъ банковъ. Въ частныхъ банкахъ къ пособіямъ земства присоединится личный интересъ, который двинетъ это дѣло, конечно, гораздо быстрѣе чѣмъ сложная организація земскаго управленія.

Что касается до другой правительственной мѣры, относящейся къ поземельному кредиту,—ипотечныхъ книгъ,—то медленности законодательнаго разрѣшенія этого вопроса можно гораздо менѣе удивляться: мы уже говорили о трудностяхъ этого дѣла. Однако надо думать что и оно достаточно созрѣло послѣ четырехъ коммиссій занимавшихся имъ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія: коммиссіи при II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, коммиссіи земскихъ банковъ, судебной при государственномъ совѣтѣ и наконецъ послѣдней коммиссіи 1869 года при министерствѣ юстиціи. Не забудемъ что устройство ипотечныхъ книгъ было обѣщано со введеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы. Необходимость привести въ благоустройство вотчинныя дѣла сознается у насъ; въ нотаріальной части и охранительномъ судопроизводствѣ окружныхъ судовъ положены начатки вотчинныхъ учрежденій, которыя остается только окончательно развить и приспособить къ ипотечному порядку. Можно сказать съ полною достовѣрностью что поземельныя кредитныя учрежденія, имѣющія возникнуть повсемѣстно подъ охраной банковаго закона, широкаго и свободнаго отъ бюрократической регламентаціи,—въ особенности землевладѣльческія кредитныя компаніи, на подобіе херсонской,—и ипотечныя книги вполнѣ обезпечатъ нашимъ землевладѣльцамъ пользованіе долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ. Сбытъ закладныхъ листовъ или вообще банковыхъ процентныхъ бумагъ, которыми выдаются ссуды, долженъ дѣлаться у насъ съ каждымъ годомъ легче; быстро развивающіеся у насъ коммерческіе банки окажутъ реализаціи поземельныхъ кредитныхъ бумагъ такую же помощь, какую они оказываютъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ.

Но остается еще одно весьма крупное

обстоятельство которое будетъ постоянно затруднять операціи поземельныхъ банковъ на денежномъ рынкѣ, и сильно препятствовать развитію поземельнаго кредита, парализуя дѣйствія вышеупомянутыхъ выгодныхъ для него условій,—то обстоятельство благодаря которому такъ неудобны займы и во Взаимномъ Поземельномъ Кредитѣ. Мы разумѣемъ разстройство нашей денежной системы. Счетъ на бумажныя деньги необходимъ въ поземельныхъ банкахъ для удобства заемщиковъ, но онъ несовмѣстенъ съ поземельнымъ кредитомъ. Доходы даваемые землей зависятъ главнѣйшимъ образомъ отъ цѣны хлѣба, которая опредѣляется на всемірномъ рынкѣ и на звонкую монету, и потому измѣняется съ измѣненіями вексельнаго курса, но это отъ землевладѣльца скрыто; онъ ведетъ хозяйство на кредитные билеты, на нихъ разчитываетъ свои доходы и расходы, и ими желаетъ занимать и платить долги. Съ другой стороны закладные листы писанные на кредитные рубли могутъ расходиться лишь между русскою публикой; за границей никто ихъ не возьметъ, а потому сбытъ ихъ весьма ограниченъ. Если учредится нѣсколько банковъ выпускающихъ закладные листы по разчету на кредитные рубли, то новымъ банкамъ учредиться будетъ трудно за невозможностью сбывать закладные листы. Это будетъ тѣмъ чувствительнѣе что у насъ размножаются металлическія кредитныя бумаги, и даже самъ государственный банкъ, нисколько не озабочиваясь возстановленіемъ металлической денежной единицы, спекулируетъ на счетъ колебаній бумажныхъ денегъ сравнительно со звонкою монетой, принимая послѣднюю по курсу, и тѣмъ увеличиваетъ затрудненія публики, вынужденной разчитываться на бумажныя деньги. Между тѣмъ, счетъ на звонкую монету дѣйствительно оказывается весьма неудобнымъ для поземельныхъ банковъ. Дѣйствуя раціонально, нельзя ходатайствовать о поземельномъ кредитѣ, не ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и объ исправленіи денежной системы. По этой части были бы особенно умѣстны прошенія и настоянія со стороны не только земскихъ, но и дворянскихъ собраній, живо заинтересованныхъ тѣмъ чтобы было устранено главнѣйшее изъ препятствій къ водворенію въ Россіи поземельнаго кредита. Чѣмъ долгосрочнѣе ссуда, тѣмъ важнѣе прочность монетной единицы, на которую ссуда считается и которою опредѣляется платежъ процентовъ и погашенія.

Устройствомъ долгосрочнаго поземельнаго кредита не исчерпываются впрочемъ всѣ нужды нашихъ землевладѣльцевъ: сельское хозяйство безпрерывно требуетъ краткосрочныхъ займовъ, посредствомъ которыхъ могъ бы быть расширяемъ оборотный капиталъ, смотря по обстоятельствамъ. Чѣмъ болѣе сельское хозяйство вынуждено подчиняться общимъ коммерческимъ условіямъ промышленныхъ предпріятій, тѣмъ необходимѣе дѣлается для него имѣть достаточный оборотный капиталъ въ обоихъ его видахъ, то-есть оборотный капиталъ постоянный и оборотный капиталъ временный. Постоянный оборотный капиталъ пріобрѣтается на счетъ долгосрочнаго кредита. Но величина оборотнаго капитала весьма измѣнчива, и эти безпрерывно возникающіе, въ особенности у насъ при непостоянствѣ хлѣбныхъ цѣнъ и неустановившихся цѣнахъ на трудъ, мелкіе экстраординарные расходы должны покрываться краткосрочными ссудами. Правда что на недостатокъ этого рода сельско-хозяйственнаго кредита жалуется вся Европа, кромѣ Англіи; ибо сельское хозяйство еще нигдѣ не поставлено на такую же коммерческую ногу какъ другія отрасли промышленности. Исключеніе составляетъ Англія, гдѣ благодаря тому хозяева и кредитуются въ безчисленныхъ мѣстныхъ банкахъ подобно всякимъ другимъ промышленникамъ и купцамъ. Учетъ векселей не можетъ доставить оборотнаго капитала сельскому хозяйству, въ которомъ никакихъ векселей не выдается и не обращается. До сихъ поръ въ континентальной Европѣ попытки устройства сельско-хозяйственныхъ банковъ не имѣли успѣха, и это дѣло стоитъ на очереди и въ Германіи, и во Франціи. Не менѣе трудно оно и у насъ. По всей вѣроятности должно имѣть въ виду ссуды подъ обезпеченіе земледѣльческими произведеніями и подъ личныя обязательства хозяевъ, обезпечиваемыя на началахъ извѣстныхъ обществъ взаимнаго кредита.

Наконецъ третья категорія кредита въ области сельскаго хозяйства есть кредитъ крестьянскій, и надобно радоваться что онъ началъ сосредоточивать на себѣ вниманіе публики и земства. Нельзя не привѣтствовать добрыхъ начинаній Новгородскаго земства, всегда идущаго впереди, и нынѣ

оказывающаго пособія изъ земскихъ суммъ на учрежденіе крестьянскихъ кредитныхъ товариществъ, организуемыхъ на началахъ взаимности и круговаго ручательства. Тутъ нельзя положиться на одну частную предпріимчивость, и всего ближе заняться этимъ дѣломъ земству, но съ тѣмъ чтобъ ему принадлежалъ только починъ и чтобы никакъ не были усыпляемы самодѣятельность и отвѣтственность самихъ крестьянъ, членовъ товарищества. Такъ и принято дѣйствовать въ Новгородской губерніи.

№ 161.

Москва, 25-го Іюля.

Прусскія извѣстія о дѣлѣ подъ Вейсенбургомъ пополняются сегодня свѣдѣніями съ французской стороны. Теперь можно составить себѣ довольно ясное понятіе о значеніи этого дѣла. Въ Берлинѣ оно торжествуется какъ блестящая побѣда, и нѣмецкій патріотизмъ повсюду закипѣлъ, какъ надобно думать, новыми восторгами. Побѣда одержана, это правда; но прусское оружіе едва ли можетъ славиться ею. Произведено впечатлѣніе, но едва ли прочное, и едва ли пріобрѣтена въ стратегическомъ отношеніи какая-либо существенная выгода. Дѣло, какъ кажется, состояло въ томъ что наслѣдный принцъ Прусскій съ главными силами своей арміи ударилъ врасплохъ на незначительный французскій отрядъ, который, не смотря на свою малочисленность, по излишней отвагѣ свойственной Французамъ, принялъ бой когда всѣ шансы успѣха были на сторонѣ противника. Какъ видно изъ реляцій обѣихъ сторонъ, бой былъ кровопролитный и жестокій, несмотря на большое неравенство силъ. Французы, наконецъ, должны были отступить, и побѣда осталась за Пруссаками, но побѣда, какъ видно, купленная слишкомъ дорогою цѣной. Съ этой стороны, Французы повидимому не предполагали дѣйствовать. И Вейсенбургъ, и Лаутербургъ старыя, нынѣ упраздненныя крѣпости; три полка подъ командой генерала Дуэ стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этихъ пограничныхъ мѣстъ и имѣли, очевидно, только наблюдательное назначеніе; въ разчетъ Французовъ, повидимому, не входило вторженіе въ Германію чрезъ баварскія владѣнія. Что касается послѣдствій Вейсенбургскаго дѣла, то впечатлѣніе на которое разчитывалось съ прусской стороны при этомъ нападеніи на малочисленный отрядъ съ такими большими силами, выгодное въ первую минуту, можетъ обратиться потомъ къ невыгодѣ Пруссакамъ. Впечатлѣніе это можетъ поднять духъ прусской арміи, но оно же, при дальнѣйшемъ соображеніи, можетъ и уронить его. Если, при большомъ несоотвѣтствіи силъ и при самыхъ благопріятныхъ для нападенія условіяхъ, бой былъ такъ жестокъ что по словамъ даже прусскихъ реляцій сопровождался тяжкими потерями для нападающей стороны, то чего надобно ожидать отъ боевъ не столь неравныхъ, которые въ длинной перспективѣ открываются для прусской арміи, избалованной слишкомъ легкими успѣхами 1866 года? Успѣхъ боя, въ которомъ на одной сторонѣ были отборныя войска трехъ корпусовъ, а на другой—только три полка съ кавалерійскою бригадой, не могъ быть сомнителенъ; но что успѣхъ этотъ достался такъ дорого, это не слишкомъ одобрительно при началѣ кампаніи. Въ прусскихъ реляціяхъ сказано неопредѣленно что нападеніе произведено полками корпусовъ прусскихъ 5-го и 11-го, и 2-го баварскаго. Очевидно что это особаго рода эвфемизмъ военныхъ реляцій; въ сущности же это значитъ что нападеніе было учинено главными массами трехъ корпусовъ на восьмитысячный французскій отрядъ.

А между тѣмъ, пока двигаются войска и начинаются военныя дѣйствія, кабинеты Берлинскій и Тюльерійскій продолжаютъ свои пререканія и изобличенія. Мы приводимъ издаваемые ими документы частію на основаніи подробныхъ телеграфныхъ извѣстій, частію изъ газетъ, къ сожалѣнію постоянно запаздывающихъ, что лишаетъ насъ возможности воспроизводить эти документы своевременно и съ надлежащею полнотой. Считаемъ не лишнимъ исчислить главнѣйшіе изъ нихъ.

Въ № 159 *Моск. Вѣд.* воспроизведенъ текстъ депеши герцога Грамона, написанной въ формѣ возраженія на заявленія графа Бисмарка и г. фонъ-Тиле, отъ 23-го іюля, объявившихъ что они никогда не вели переговоровъ съ графомъ Бенедетти о кандидатурѣ принца Гогенцоллернскаго, а равно и на укоръ Тюльерійскому кабинету за то что онъ началъ переговоры чрезъ посредство своего посла, не съ Бер-

линскимъ кабинетомъ, а противно всѣмъ дипломатическимъ обычаямъ прямо съ королемъ Вильгельмомъ. Г. де-Грамонъ доказываетъ что графъ Бенедетти принужденъ былъ поступить такимъ образомъ, хотя ему хорошо извѣстно было изъ многолѣтней его дипломатической опытности, какъ невыгодна подобная форма переговоровъ, но другаго исхода ему не было, такъ какъ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ объявило ему на отрѣзъ что Берлинскому кабинету нѣтъ никакого дѣла до упомянутой кандидатуры, и что она для него не существуетъ. Что касается до упомянутаго заявленія графа Бисмарка и г. фонъ-Тиле, напечатаннаго въ берлинскихъ газетахъ, то въ отвѣтъ на оное герцогъ Грамонъ приводитъ текстъ депеши французскаго посла, графа Бенедетти, отъ 31-го марта 1869 года, къ маркизу де-Лавалетту, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, въ которой французскій посолъ сообщаетъ что г. фонъ-Тиле удостовѣрилъ его честнымъ словомъ что принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій никогда не можетъ быть серіознымъ кандидатомъ на испанскій престолъ, и что объ этой кандидатурѣ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи.

На эту послѣднюю депешу французскаго министра иностранныхъ дѣлъ не дано еще изъ Берлина никакого отвѣта, да едва ли и будетъ какой-либо: сопровождающій ее документъ графа Бенедетти отъ марта 1869 опроверженію не подлежитъ. Берлинскіе дипломаты предпочитаютъ, поэтому, какъ надо полагать, отдѣлываться молчаніемъ отъ докучливыхъ заявленій французскаго министра, и только при посредствѣ своихъ довѣренныхъ органовъ въ печати дѣлаютъ на нихъ возраженія, въ томъ смыслѣ что упоминаемый въ депешѣ французскаго посла „принцъ Гогенцоллернскій" есть будто бы не принцъ Леопольдъ, о коемъ въ то время врядъ ли еще могла-де быть рѣчь, а вѣроятно-де принцъ Фридрихъ Карлъ (племянникъ короля Вильгельма), котораго имя попадалось въ числѣ прочихъ выдвинутыхъ молвой кандидатовъ на престолъ Испаніи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, опасенія французскаго правительства признаются основательными даже со стороны прусской офиціозной печати; но другое дѣло, говорятъ онѣ, недавно лишь возникшая кандидатура медіатизованнаго князя Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, чуждаго прусскому королевскому семейству и относительно котораго были бы неумѣстны всякіе запросы обращенные не только прямо къ королю Вильгельму, какъ это сдѣлалъ графъ Бенедетти, но даже къ прусскому кабинету (!): дѣло это вовсе-де не касается ихъ.

Эти толки въ газетахъ не могли же быть однако отвѣтомъ на депешу, а серіозно отвѣчать на нее нечѣмъ. Она безпощадна и рѣшительна. Но вотъ неожиданно на выручку берлинскихъ дипломатовъ подоспѣли надѣлавшія столько шума раскрытія лондонской газеты *Times*.

Читатели припомнятъ что сначала въ этой газетѣ, а затѣмъ и въ *Kölnische Zeitung*, появился текстъ проекта трактата, будто бы предложеннаго французскимъ правительствомъ и отвергнутаго Берлинскимъ кабинетомъ, —трактата въ которомъ Франція обѣщала признать за Пруссіей всѣ ея пріобрѣтенія въ Германіи, а равно допустить присоединеніе южно-германскихъ государствъ, съ тѣмъ чтобы Пруссія помогла ей пріобрѣсти Люксембургъ и Бельгію. Обнародованіе этого проекта трактата произвело много шума и послужило, какъ извѣстно, къ запросамъ въ англійскомъ парламентѣ. Французское правительство отвѣчало на него замѣткой въ *Офиціальномъ Журналѣ*, гдѣ сказано: „Послѣ Пражскаго трактата, въ Берлинѣ „дѣйствительно происходили многіе переговоры между г. фонъ-Бисмаркомъ и „французскимъ посольствомъ о проектѣ „союза. Обсуждались нѣкоторыя изъ идей содержащихся въ документѣ напечатанномъ „въ *Times*, но французскому правительству не было извѣстно ничего о проектѣ изложенномъ письменно; къ тому же „Наполеонъ III отвергъ предложенія о коихъ было говорено."

Что этотъ проектъ трактата есть документъ весьма сомнительный, это доказывается нѣкоторыми несвойственными французскому языку оборотами и выраженіями, на которые указываетъ графъ Фаверне, директоръ канцеляріи графа Грамона, въ письмѣ адресованномъ къ парижскому корреспонденту *Daily Telegraph*.

Возраженіемъ на выше приведенную замѣтку *Офиціальнаго Журнала* была депеша графа Бисмарка, отъ 29-го іюля, къ представителямъ Сѣверо-Германскаго Союза при нейтральныхъ дворахъ, напечанная въ *Staatsanzeiger* и поистинѣ замѣчательная, какъ по тону своему, такъ и по

тѣмъ собственнымъ признаніямъ союзнаго канцлера которыя, помимо его воли, проглядываютъ изъ тумана обвиненій возводимыхъ имъ на Францію. Излагая статьи проекта союза, предложеннаго ему Франціей, онъ прямо и рѣзко заявляетъ что онъ велъ всѣ переговоры отъ своего лица, и мѣстоименіе *я*, употребляемое имъ во всемъ циркулярѣ, вмѣсто скромнаго *мы*, всегда появляющагося въ дипломатическихъ документахъ, гдѣ министры говорятъ отъ имени правительства, ясно свидѣтельствуетъ что вся отвѣтственность за нынѣшнюю прусскую политику, извѣстную уже подъ названіемъ *Бисмарковской*, падаетъ на союзнаго канцлера. Далѣе, графъ Бисмаркъ утверждаетъ что всѣ предложенія о союзѣ съ Франціей были имъ постоянно отвергаемы, но не объясняетъ какимъ образомъ онъ могъ, во время австро-прусской войны, совершенно спокойно обнажить свою западную границу если онъ не связалъ себя относительно Франціи какимъ-нибудь обѣщаніемъ. Дѣло достаточно освѣщается слѣдующими словами его депеши: „Я ни на минуту не сомнѣвался „въ невозможности для насъ принять эти „предложенія" (то-есть предложенія насчетъ Бельгіи и южной Германіи); „въ интере„сѣ мира я считалъ полезнымъ не разру„шать этихъ иллюзій французскаго пра„вительства, пока это будетъ возможно...." Другими словами, графъ Бисмаркъ обманывалъ французское правительство, пока это было для него выгодно....

Въ заключеніе графъ Бисмаркъ говоритъ что одна высокая особа возобновляла съ нимъ переговоры о Бельгіи

Изъ депеши герцога Грамона, напечатанной въ *Офиціальномъ Журналѣ*, отъ 2-го августа, мы видимъ что эта „высокая особа" былъ принцъ Наполеонъ, которому графъ Бисмаркъ, отказывая въ рейнскихъ провинціяхъ, совѣтовалъ взять Бельгію. Тотъ же самый совѣтъ, какъ видно изъ той же депеши, повторилъ прямо Тюльерійскому кабинету бывшій прусскій посолъ графъ Гольцъ. Въ этой депешѣ герцога Грамона замѣчательны еще заявленія о словахъ графа Бисмарка, который невозможность разоруженія Пруссіи объяснилъ безпокойствомъ которое внушаетъ ему Россія, и при этомъ высказывалъ оскорбительныя для С.-Петербургскаго двора соображенія....

Но если здравый смыслъ и бóльшая часть европейской печати, со включеніемъ самой *Times*, впервые огласившей пресловутый проектъ, не рѣшаются приписать авторство этого документа Тюльерійскому двору, то тѣмъ задорнѣе и крикливѣе выступаютъ прусскія газеты. Онѣ не пріищутъ достаточно крѣпкихъ эпитетовъ чтобы заклеймить императора Наполеона, „этого разбойника на большой дорогѣ" (Wegelagerer), этого „вѣнчаннаго хищника," которому все-де ни почемъ, который дышетъ заговоромъ и измѣной противъ всѣхъ освященныхъ международными договорами правъ... Иныя газеты въ своемъ азартѣ доходятъ даже до того что требуютъ формальнаго изгнанія „вѣроломнаго Бонапарта" изъ среды цивилизованнаго европейскаго общества: такому-де „злодѣю" (Bösewicht) нѣтъ мѣста между порядочными людьми. Тѣмъ болѣе-де должны чуждаться и избѣгать его всѣ уважающія себя „христіанскія" державы, которыя обязаны благодарностью прусской политикѣ разоблачившей предъ всѣмъ свѣтомъ коварные замыслы „тирана" противъ благоденствующихъ и ничего не чаявшихъ сосѣдей его...

Такъ вопіютъ прусскія газеты. Послушать ихъ, такъ можно подумать что прусская политика направляемая графомъ Бисмаркомъ есть образецъ миролюбія, правдивости, честности и уваженія къ трактатамъ. Но достаточно вспомнить о Пражскомъ мирѣ, статья V которая (о Сѣверномъ Шлезвигѣ) до сего дня остается мертвою буквой, не взирая на общій голосъ европейскаго мнѣнія и даже нѣкоторыхъ, весьма расположенныхъ къ своему правительству, прусскихъ газетъ, изъ коихъ *Кельнская* напримѣръ, которая нынѣ такъ жестоко ратуетъ противъ „лживаго бонапартовскаго исчадія (Lügenbrut), до послѣдняго времени не переставала усовѣщивать и стыдить свое правительство за его вѣроломство противъ беззащитной обобранной Даніи....

Прусская политика, впрочемъ, отстаивается не только выходящими въ Пруссіи газетами. За нее распинается, въ особенности, доблестный вестфальскій піонеръ въ Петербургѣ, г. Фридрихъ Мейеръ, въ своей пламенѣющей беззавѣтнымъ прусскимъ патріотизмомъ *St.-Petersburger Zeitung*. Это было еще ничего: отъ вестфальскаго мужа другаго ожидать и нельзя было. Но въ пылу своего прусскаго увлеченія онъ заговаривается до того что уже

начинаетъ грозить Росоіи если она осмѣлится идти собственною дорогой, и не быть попрежнему на буксирѣ чужой политики (см. № 192, отъ 23-го іюля)?

№ 162.

Москва, 28-го Іюля.

Послѣднія извѣстія съ театра войны будто молніи грозно озарили окрестность посреди глубокаго мрака. Никто, конечно, не ожидалъ столь быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ. Война окончательно внесена въ предѣлы Франціи. Вмѣсто наступательнаго дѣйствія какого слѣдовало ожидать отъ державы объявившей войну, Франція очутилась въ самомъ стѣсненномъ оборонительномъ положеніи. Растянутая линія французской арміи сокрушительными ударами разбита по частямъ и отброшена внутрь страны. Непріятельскія арміи, въ громадныхъ массахъ, соединились на французской землѣ. Пограничныя стратегическія дороги находятся во власти непріятеля. Армія Макъ-Магона, отрѣзанная отъ корпуса Фроссара, лишена прямаго сообщенія и съ крѣпостью Меца. Парижъ и почти половина Франціи объявлены въ осадномъ положеніи. Правительство взываетъ къ героизму населеній. Принимаются крайнія мѣры отчаянной обороны...

Въ болѣе жалкомъ положеніи, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, не находилась никакая страна когда-либо предпринимавшая войну не только за первенство, но даже за свое существованіе. Это хуже чѣмъ было съ Даніей, хуже чѣмъ съ Австріей, хуже чѣмъ съ Ганноверомъ и Баваріей.

Что же значитъ это? всякій спроситъ себя въ изумленіи.

Франція объявила войну, но оказывается что война застигла ее хуже чѣмъ врасплохъ; оказывается что Франція была подготовлена къ войнѣ въ отрицательномъ смыслѣ, и обнажила мечъ когда онъ былъ надломленъ въ ножнахъ. Войну объявила Франція, но не по своимъ соображеніямъ, а по замыслу врага. О чемъ можно было только догадываться, то становится теперь очевидностью. Для окончательнаго объединенія Германіи, война съ Франціей была необходимостью. Слишкомъ три года эта роковая необходимость висѣла надъ Европой и рылась въ ея почвѣ, и вотъ наступила минута когда дѣло подготовлявшееся неуклонно и шагъ за шагомъ созрѣло. Война подготовлялась хитрою политикой Берлина, подготовлялась не только дома, но и въ станѣ противника, и когда все было готово, когда Франція, совершенно изолированная внѣ, расшатанная внутри, обманутая, опутанная сѣтями интриги, оказалась достаточно неспособною къ испытаніямъ великой борьбы, она была вызвана къ войнѣ и притомъ такъ что *odium* вызова былъ переброшенъ на нее же. Объявленіе войны было готово съ прусской стороны, но оно было вложено въ уста потерявшейся Франціи, которая сама не вѣдала что̀ творитъ.

Сомнѣваться долѣе невозможно: Франція находится въ состояніи полной дезорганизаціи, и теперь менѣе чѣмъ когда-либо была способна предпринять войну о первенствѣ въ центральной Европѣ. Послѣ двадцатилѣтней суровой диктатуры, эта несчастная страна снова очутилась на краю страшнаго кризиса, надъ бездной переворотовъ грозящихъ поглотить все достояніе ея блестящей исторіи. Нѣтъ, явленія происходившія въ ней за послѣднее время, не были дѣломъ правительственной мудрости, глубоко обдуманнаго и твердо исполняемаго плана; они были игрою случайностей или слабыми попытками изнемогающей власти. Всѣ толки о хитрыхъ разсчетахъ и ковахъ Наполеоновской политики оказываются или наивными преувеличеніями, или намѣренною ложью. Увы! эта политика была голубиною невинностью, и слово унынія съ какимъ, за три года предъ симъ, императоръ Наполеонъ обращался къ своему народу было искреннимъ чувствомъ. Эти „черныя точки," которыя видѣлись ему на европейскомъ горизонтѣ, были дѣйствительно предчувствіемъ близкаго предѣла. Эти „черныя точки" были звѣзда его которая гасла.

Общественное мнѣніе Европы было обмануто, и самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ обмана послужила сама Франція. Можно было такъ или иначе думать о вѣроятности исхода войны, но нельзя было сомнѣваться въ готовности Франціи по крайней мѣрѣ къ началу военныхъ дѣйствій. Всякое сомнѣніе должно было исчезнуть въ виду столь рѣшительнаго положенія какое было принято французскимъ правительствомъ въ его объясненіяхъ предъ

страною, въ виду той быстроты съ какою послѣдовало самое объявленіе войны. Можно ли было думать что, спѣша такъ энергически объявленіемъ войны, Франція была такъ позорно не приготовлена,—не говоримъ къ успѣшному веденію войны, но къ первымъ шагамъ чтобы начать ее достойно великой, первенствовавшей доселѣ въ военномъ дѣлѣ державы? Мы воспроизводили аргументы французскихъ газетъ старавшихся отрезвить публику которая ожидала извѣстій о великихъ битвахъ чрезъ два-три дня по объявленіи войны. Но, воспроизводя эти аргументы, мы принимали ихъ скрѣпя сердце. Генеральныхъ сраженій, конечно, нельзя было ожидать въ тотъ краткій промежутокъ времени который казался долгимъ лишь для людей слѣдившихъ съ замираніемъ сердца за событіями и возбужденныхъ въ своемъ нетерпѣніи быстротою и рѣшимостію съ какою вызовъ былъ сдѣланъ и принятъ. Но какъ было думать что со стороны Франціи, объявившей войну такъ поспѣшно какъ будто она опасалась чтобы противникъ не предвосхитилъ у нея этой чести, не было ничего готово, что она не имѣла опредѣленнаго плана кампаніи, что ея правительство не имѣло никакихъ соображеній о планахъ непріятеля и что, вступая въ борьбу столь громадныхъ размѣровъ, оно не рѣшило для себя предварительно вопроса о томъ какое положеніе примутъ другія государства? Оказалось что обо всемъ этомъ французское правительство начало помышлять уже послѣ того какъ война была объявлена. Тутъ только послали въ Африку за маршаломъ Макъ-Магономъ, тутъ только начались колебанія кому ввѣрить главное начальство надъ арміей,—колебанія окончившіяся тѣмъ что главное военное начальство принялъ на себя самъ императоръ, который и въ лучшую пору свою не былъ военачальникомъ; тутъ только начались спросы о возможныхъ союзахъ. Отъ южно-германскихъ государствъ потребовалось объявить въ 24 часа о ихъ намѣреніяхъ, какъ будто этотъ вопросъ могъ оставаться сомнительнымъ, и какъ будто требовался столь спѣшный отвѣтъ для того чтобы потомъ, въ продолженіи трехъ недѣль, колебаться и не знать что дѣлать, гдѣ сосредоточить войска и гдѣ вступить въ непріятельскую территорію. Вмѣсто открытія кампаніи, военныя власти занимались ловлею шпіоновъ о которыхъ прежде ничего не подозрѣвалось и которыми вдругъ страна оказалась наполненною, такъ что положеніе французской арміи и условія мѣстности гдѣ она собиралась-не-собиралась, быть-можетъ лучше были извѣстны въ прусской главной квартирѣ нежели въ штабѣ маршала Макъ-Магона, только что прибывшаго изъ Африки и гораздо менѣе чѣмъ непріятельскіе генералы знакомаго со стратегическими условіями мѣстности въ которыхъ такъ неожиданно пришлось ему принять бой. Задуманъ дессантъ, но едва ли до сихъ поръ рѣшено въ какомъ пунктѣ произвести его; отплытіе эскадры замедлялось, какъ слышно, пререканіями о первенствѣ между властями; а между тѣмъ не было дѣломъ даже приблизительно рѣшеннымъ какое положеніе приметъ Данія, содѣйствіе которой могло бы обезпечить успѣхъ морскаго предпріятія. Сейчасъ извѣщаетъ насъ телеграфъ что по увѣренію *Daily News*, въ Шербургѣ не оказывается даже транспортныхъ судовъ для дессанта. Послѣ сборовъ длившихся три недѣли, наступательныя дѣйствія французской арміи начались и окончились жалкимъ подвигомъ занятія Саарбрюккена который сдался безъ сопротивленія, причемъ торжественно присутствовалъ самъ императоръ съ императорскимъ принцемъ, приложившимъ фитиль къ первой стрѣлявшей пушкѣ. Но, торжествуя эту побѣду, главная квартира французской арміи ничего повидимому не знала о страшномъ сосредоточеніи непріятельскихъ силъ на границѣ, и все еще кажется думала что театромъ войны будетъ непріятельская территорія; такъ по крайней мѣрѣ надобно заключать изъ наивныхъ признаній офиціальнаго бюллетеня, который послѣ Вейсенбургскаго боя извѣщалъ Французовъ что непріятель никакъ намѣревается дать сраженіе на французской территоріи, и приглашалъ всѣхъ радоваться столь счастливой, хотя и неожиданной случайности. Въ утѣшеніе французскому народу говорятъ теперь что въ проигранныхъ битвахъ французскія войска были раздавлены многочисленностію непріятеля. Но какимъ образомъ могло случиться что французскія войска у себя дома, предъ началомъ борьбы требовавшей развитія всѣхъ военныхъ силъ страны, готовясь къ наступленію, оказались въ самомъ важномъ пунктѣ границы такъ непонятно малочисленными что

успѣхъ битвъ повидимому даже не колебался? Если были препятствія къ быстрому и успѣшному сосредоточенію французскихъ войскъ, если было сомнѣніе гдѣ и какъ дѣйствовать, если наконецъ не былъ даже въ общихъ чертахъ обдуманъ планъ кампаніи, то къ чему же было торопиться формальнымъ объявленіемъ войны? Какую бы важность ни имѣлъ вопросъ о Гогенцоллернской кандидатурѣ, дѣло это не такого свойства чтобы нельзя было помедлить войною; напротивъ, дѣло это допускало продолжительныя дипломатическія объясненія какъ съ противною стороной, такъ и съ другими державами. Объясненія эти могли быть произвольно затянуты, и для формальнаго объявленія войны было бы время когда не оставалось бы не разъясненнымъ ни одного вопроса ни въ военной, ни въ международной сферѣ.

Французское правительство съ такою необычною посиѣшностію объявило войну что нельзя было объяснять этого ничѣмъ инымъ какъ увѣренностію въ своей полной готовности и желаніемъ не дать непріятелю изготовиться въ той же мѣрѣ. Бѣдная Франція, въ своемъ ослѣпленіи, обманула всѣхъ кромѣ своего противника, у котораго всѣ ходы уже были заранѣе разчитаны. Она поторопила событія, дѣйствуя не въ своихъ, а въ его разчетахъ.

Кто теперь во главѣ дѣлъ великой страны призванной къ тяжкимъ испытаніямъ? Старые дѣльцы сошли съ поприща: нить политики какая велась въ совѣтахъ Тюильерійскаго дворца прервана. Новые люди призванные къ дѣламъ никогда не имѣли власти въ своихъ рукахъ и столько же опытны въ дѣлахъ, столь же далеки въ политическомъ искусствѣ, сколько любые политики французской печати, то-есть хуже чѣмъ просто не свѣдущи, хуже чѣмъ просто неопытны. И вотъ, въ борьбѣ со врагомъ искуснымъ и ловкимъ, издавна и неуклонно работающимъ въ одномъ направленіи, до тонкости знающимъ всѣ политическія пружины современной Европы, не пренебрегающимъ никакою мелочью пригодною къ дѣлу, умѣющимъ пользоваться страстями и интересами людей, изучившимъ въ совершенствѣ всю гамму политической интриги — со врагомъ, располагающимъ въ то же время громадными средствами великаго народа, доведеннаго до восторженнаго изступленія чаяніемъ великихъ совершающихся надъ нимъ судебъ, возставшаго какъ одинъ человѣкъ и беззавѣтно ввѣрившаго себя своимъ водителямъ,—мы видимъ Францію съ колеблющеюся верховною властію, съ правительствомъ безъ прошедшаго и будущаго, съ обществомъ не вѣдающимъ что̀ станется съ нимъ завтра... Быть-можетъ теперь, подъ тяжкими и столь неожиданными ударами, пробудится во Франціи та великая всеувлекающая и всеобъединяющая сила народнаго духа, которая спасетъ страну. Дай Богъ! Но о спасеніи ли Франціи шла рѣчь за двѣ, за три недѣли предъ симъ? Кто предчувствовалъ тогда что такъ скоро возникнетъ подобный вопросъ?

Паденіе Франціи было бы страшною катастрофой для цѣлаго міра, и мы не можемъ представить себѣ что̀ сталось бы при этомъ съ Европой. Вѣрно однако то что въ судьбахъ Франціи интересы Россіи замѣшаны болѣе чѣмъ можетъ это казаться. До сихъ поръ война имѣла національный характеръ только для Германіи; теперь становится она еще въ большей мѣрѣ національною для Франціи. Но одинъ Богъ знаетъ какъ выйдетъ Франція изъ наступившихъ для нея великихъ испытаній, и нельзя не признать что страна эта переживаетъ кризисъ самаго труднаго и опаснаго свойства.

Вотъ говорили что Россія, несмотря на свой милитаризмъ, оказалась совсѣмъ безпомощною въ Крымскую кампанію: что̀ же безпомощнѣе того положенія въ которомъ очутилась теперь Франція, недавно столь гордая своею воинскою доблестію и до сихъ поръ слывшая за первенствующую въ мірѣ военную націю! Такъ-то властвующій въ исторіи рокъ смиряетъ гордость и властителей, и народовъ! Дай Богъ чтобы Франція вынесла изъ этого испытанія, если оно минуетъ для нея благополучно, спасительный урокъ и на будущее время!

Въ воинской доблести французскаго солдата никто не можетъ сомнѣваться. Не по недостатку воинской доблести проиграны Французами эти послѣднія битвы. Но храбрость, отвага и эта furia francese, эта сила натиска, которую немногія войска могли выдерживать и которая въ былыя времена мела какъ прахъ предъ собою тѣхъ же самыхъ Пруссаковъ, всѣ эти блестящія качества теперь уже не много значатъ, и въ этомъ-то кажется не совсѣмъ еще отдали себѣ отчетъ французскіе генералы. Французы славятся своимъ военнымъ обра-

зованіемъ, и съ гордостію указываютъ на свой Сенъ-Сиръ, на свою Политехническую школу; но воспитанники этихъ спеціальныхъ заведеній не выдерживаютъ сравненія съ людьми университетовъ, составляющими цвѣтъ прусской арміи и силу ея штабовъ.

На нашихъ глазахъ, въ военномъ дѣлѣ совершился переворотъ почти такого же значенія какъ изобрѣтеніе пороха въ началѣ новой исторіи. Какъ порохъ упразднилъ богатырей, такъ теперь желѣзныя дороги, скорострѣльныя ружья и другія новоизобрѣтенныя орудія истребленія упраздняютъ храбрецовъ. Война превратилась въ машину, и все зависитъ главнымъ образомъ отъ точности машиниста. Къ чему пылъ натиска, когда отъ скорострѣлокъ и картечницъ почти за версту валится безъ разбора строй и храбрецовъ и трусовъ? Кто успѣлъ въ данномъ мѣстѣ собрать болѣе живыхъ машинъ истребленія, за тѣмъ и побѣда.

Но, что̀ будетъ, то будетъ, а насъ весьма естественно заботятъ всего болѣе судьбы нашего отечества, на которыхъ не могутъ не отозваться событія совершающіяся нынѣ за Рейномъ. Нѣтъ сомнѣнія что послѣ этихъ битвъ, каковъ бы ни былъ окончательный исходъ ихъ, Европа будетъ не тѣмъ чѣмъ была она доселѣ. Россія объявила себя строго нейтральною, и ничего не могло быть мудрѣе этого рѣшенія. Нейтралитетъ не есть простое бездѣйствіе: нѣтъ, достойный нейтралитетъ есть только удержанная за собою свобода дѣйствій. Событія такъ громадны что они не могутъ не коснуться нашихъ интересовъ. Въ новой Европѣ которая должна сложиться послѣ погрома, Россіи надобно занять соотвѣтственное ей мѣсто, а потому и въ передѣлкѣ Европы Россія должна принять прямое и самостоятельное участіе. Если все сдѣлается мимо ея, то все сдѣлается противъ нея. Но чтобы голосъ ея былъ уваженъ и интересы ея были приняты въ разсчетъ, она въ эти дорогія, невозвратимыя минуты должна быть готова поддержать слово дѣломъ. Наступаетъ пора вооружить нашъ нейтралитетъ. Но при этомъ да избавитъ насъ Богъ отъ сѣтей коварнаго дружелюбія какими, какъ кажется, желала бы опутать насъ Англія чтобы взять насъ подъ свою руку....

№ 163.

Москва, 29-го іюля.

A.

Сегодняшнія телеграммы подтверждаютъ наши вчерашніе выводы. Пришедшее изъ Меца извѣстіе бросаетъ яркій свѣтъ на сраженіе при Вёртѣ. Число прусско-нѣмецкихъ войскъ простиралось до 140 тысячъ, тогда какъ въ корпусѣ Макъ-Магона было всего 33 тысячи! Это было не сраженіе, это была бойня. Г. де-Парьё имѣлъ полное право сказать въ сенатѣ что французская армія еще не побѣждена. Но министерство пало; составленіе кабинета* поручено генералу Монтобану, который считался обойденнымъ при послѣднихъ назначеніяхъ. Главную команду надъ арміей принялъ Базенъ. Въ законодательномъ корпусѣ почти господствуетъ революціонное движеніе....

B.

Въ нынѣшнемъ № сообщаемъ мы краткій отчетъ о преніяхъ въ англійской палатѣ общинъ по поводу войны. Пренія эти, происходившія за нѣсколько дней предъ тѣмъ какъ раздались первые громы этой борьбы, весьма важны, ибо, при всей сдержанности офиціальныхъ заявленій, они видимо были разсчитаны на то чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе.

Извѣстно что всѣ важные запросы по иностраннымъ дѣламъ, особенно въ критическія минуты, дѣлаются въ англійскомъ парламентѣ какъ бы по заранѣе сдѣланному уговору между членами правительства и оппозиціи. Въ настоящемъ случаѣ обстановка была подобрана съ особеннымъ раченіемъ. Вождь торійской оппозиціи и бывшій первый министръ, г. Дизраэли, на сей разъ взялъ на себя обязанность обратиться съ запросами къ правительству. Говоря съ авторитетомъ, но не стѣсняемый офиціальнымъ положеніемъ, онъ могъ выражаться гораздо рѣзче и свободнѣе чѣмъ министры, ибо понятно что ни г. Гладстонъ, ни лордъ Гранвиль не могли бы, подобно вождю оппозиціи, гласно высказать что, по ихъ мнѣнію, виновникъ настоящей войны подлежитъ тяжкой отвѣтственности, и кивнуть при этомъ, конечно, не на Берлинъ, а на Парижъ.

Англія, несмотря на увѣренія обѣихъ воюющихъ сторонъ, очень безпокоится за Бельгію и принимаетъ мѣры дабы быть въ готовности защитить ее. Противъ подобныхъ мѣръ возражать нечего, и англійское правительство не только имѣетъ право, но можетъ-быть и обязано защищать нейтралитетъ Бельгіи и Люксембурга вслѣдствіе заключенныхъ трактатовъ. Но такъ какъ въ послѣднее время всѣ извѣрились въ значеніе трактатовъ, то эти парламентскія манифестаціи и дипломатическія откровенія имѣли въ виду показать что Англія въ этомъ случаѣ шутить не намѣрена, и принимаетъ живо къ сердцу дѣло, видя въ немъ свой интересъ. Противъ кого направлены эти предостереженія, можно видѣть изъ словъ лорда Росселя, сославшагося въ своей рѣчи на изреченіе Наполеона I что „Антверпенъ въ рукахъ Франціи есть пистолетъ направленный въ голову Англіи," и замѣчавшаго что „военныя силы собранныя въ этомъ городѣ для вторженія могли бы быть дѣйствительно опасны для Англіи."

Впрочемъ, гораздо важнѣе въ этихъ преніяхъ планъ предложенный г-мъ Дизраэли. Находя что Россія не менѣе Англіи заботится о сохраненіи нейтралитета, онъ замѣтилъ что Англія должна бы избрать политику вооруженнаго нейтралитета, дабы имѣть возможность вмѣшаться при удобномъ случаѣ, такъ чтобы, дѣйствуя вмѣстѣ съ Россіей, „получить первенствующее вліяніе на ходъ дѣлъ и привести къ скорому возстановленію мира." Такой значительный и опытный государственный человѣкъ какъ бывшій первый министръ Англіи сдѣлалъ даже весьма важную обмолвку, которая, въ его устахъ, не могла быть неумышленною. Онъ привелъ на память что Вѣнскимъ трактатомъ Англія и Россія гарантировали за Пруссіей ея саксонскія провинціи, и на этой почвѣ находилъ основаніе для совокупнаго дѣйствія обѣихъ державъ, о коемъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ:

„Союзъ,—нѣтъ, я не употреблю слова союзъ, потому что оно можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, — но искреннее (*cordial*) соглашеніе между Англіей и Россіей для возстановленія мира, естественное послѣдствіе положенія въ которое поставлены обѣ стороны въ отношеніи къ воюющимъ державамъ гарантіей за Пруссіей этихъ провинцій, такое искреннее соглашеніе и взаимное дѣйствіе обѣихъ великихъ державъ не подало бы повода ни къ какимъ зловѣщимъ толкамъ и не возбудило бы подозрѣнія, потому что оно, какъ я сказалъ, было бы естественнымъ послѣдствіемъ ихъ дипломатическихъ обязательствъ. Я надѣюсь, поэтому, что правительства ея величества и Россіи войдутъ въ сношенія какъ двѣ великія державы заключившія одинаковыя обязательства, и какъ двѣ державы которыя сами могутъ быть вынуждены принять участіе въ войнѣ".

Подобное предложеніе, гласно высказываемое въ британскомъ парламентѣ, разительно подтверждаетъ наше недавнее предположеніе что Англія усиливается, при настоящемъ кризисѣ, стать во главѣ нейтральныхъ чтобы вѣсомъ руководимыхъ ею дружныхъ заявленій вліять на воюющія стороны и направлять ходъ событій въ интересахъ англійской политики. Замѣчательна при этомъ безцеремонность съ какою обыкновенно обращаются къ Россіи, будто къ *corpus vile* надъ которымъ возможны всякаго рода опыты.

Весьма возможно что государственные люди Англіи станутъ искушать наше правительство къ общему дѣйствію, въ которомъ могли бы мы участвовать еслибъ у насъ были съ Англіей общіе интересы требующіе огражденія. А такихъ общихъ интересовъ мы въ настоящую минуту нигдѣ не видимъ. Англія, весьма можетъ быть, была бы не прочь заручить наше правительство какимъ-либо новымъ обязательствомъ для вящаго огражденія безопасности Бельгіи, но за такую услугу въ часъ тревоги для Англіи мы едва ли могли бы разсчитывать на что-либо взамѣнъ со стороны Англіи. На другой же день въ палатѣ общинъ былъ сдѣланъ запросъ сэръ-Генри Бульверомъ о мараѳонскомъ убійствѣ, и читатели могутъ видѣть въ какомъ тонѣ отзывались англійскіе политики о Греціи. Что касается до Бельгіи, то ея независимость ограждена трактатами, и къ тому же обѣ стороны торжественно заявляли что будутъ уважать ея нейтралитетъ.

Англія заботится о Бельгіи. У нашего отечества есть свои заботы. Если англійскіе политики встревожились раскрытіями замысловъ на Бельгію, то мы имѣемъ не меньшее основаніе тревожиться раскрытіями другихъ замысловъ. Откровенія герцога Грамона, напримѣръ, имѣютъ для

насъ по крайней мѣрѣ не меньшій интересъ чѣмъ проектъ франко-прусскаго трактата о Бельгіи. А вотъ и еще: въ вѣнской газетѣ *Tagblatt* обнародовано письмо генерала Тюрра, приводящее подлинныя слова графа Бисмарка обѣщавшаго Венгріи содѣйствовать расширенію ея къ Востоку. Россія, съ своей стороны, имѣетъ право тревожиться подобными планами гораздо болѣе чѣмъ планами посягающими на Бельгію, и потому интересно бы знать какъ отнеслась бы англійская политика къ нашему правительству, еслибъ оно вознамѣрилось принять въ эту сторону своевременныя мѣры?

Россія объявила себя нейтральною относительно воюющихъ сторонъ, и удержала за собою полную свободу дѣйствій ради собственныхъ интересовъ. Какой же имѣло бы это смыслъ, еслибъ она тотчасъ же отказалась отъ столь достойнаго положенія въ пользу Англіи, и пожертвовала бы ей своею свободой? Англіи, безъ сомнѣнія, желательно лишить насъ самостоятельнаго участія въ ходѣ событій, взять насъ на привязь, и повести за собою какъ водила она Францію, а потомъ, какъ ее же, столкнуть въ яму. Мы понимаемъ что англійскимъ политикамъ все это весьма желательно; но мы не думаемъ чтобъ это было желательно съ точки зрѣнія Россіи....

В.

Интересны свѣдѣнія сообщаемыя въ газетѣ *France*, редакціи которой удалось пріобрѣсти интимную переписку одного политическаго лица, имѣвшаго возможность, по своимъ ежедневнымъ и дружескимъ отношеніямъ съ графомъ Бисмаркомъ, слѣдить за всѣми дѣйствіями и намѣреніями канцлера Сѣверо-Германскаго Союза. Откровенія, выступающія изъ этой переписки, бросаютъ, по замѣчанію *France*, яркій свѣтъ на настоящее положеніе. Прежде всего оказывается что графъ Бисмаркъ нисколько не былъ застигнутъ врасплохъ объявленіемъ войны. Онъ постоянно ожидалъ его, и слѣдилъ за всѣми признаками въ этомъ смыслѣ. Въ настоящемъ случаѣ онъ особенно былъ настороже, потому что комбинація вызвавшая войну была его дѣломъ. Обдумавъ заранѣе всѣ случайности къ какимъ могла повести Гогенцоллернская интрига, онъ смѣло принялся за нее. Лишь только онъ извѣстился какое впечатлѣніе произвелъ въ Парижѣ его дипломатическій заговоръ, онъ не думалъ скрывать ни отъ себя, ни отъ своихъ приближенныхъ того что̀, по его мнѣнію, должно послѣдовать неизбѣжно. Съ удвоенною дѣятельностію, которую онъ умѣетъ прикрывать съ необыкновеннымъ искусствомъ составляющимъ его главную силу, онъ принялся за пополненіе мѣръ которыя уже были имъ до половины приняты чтобъ открыть кампанію по первому сигналу.

Далѣе, *France* находитъ что разговоры занесенные въ означенную переписку не оставляютъ сомнѣнія что съ 8-го іюля „великій вдохновитель прусской политики“ хладнокровно готовился къ разрыву съ Франціей. Очевидно было что онъ рѣшился не предпринимать ничего что̀ могло бы отвратить разрывъ, старался лишь выиграть нѣсколько дней и, буде можно, устроить дѣло такъ чтобы по наружности право казалось на его сторонѣ.

„Хотя дѣло идетъ,“ говоритъ *France*, „о самомъ заклятомъ врагѣ какого когда-„либо имѣла наша страна, невозможно „однако не отдать должнаго непоколеби-„мому хладнокровію, утонченному искус-„ству, ловкости и хитрости которыя ока-„залъ графъ Бисмаркъ во время восьми-„дневныхъ переговоровъ въ Эмсѣ. Повсю-„ду видны его рука и внушеніе напере-„коръ его наружному бездѣйствію; понят-„но что не было ни одного слова, кото-„рое не исходило бы отъ него, хотя онъ „ни на минуту не нарушалъ молчанія.“

Одно только, повидимому, удивило графа Бисмарка: единодушіе съ какимъ Франція сгруппировалась около своего правительства какъ только раздался призывъ къ войнѣ, ибо онъ крѣпко разчитывалъ на раздоры партій обнаружившіеся какъ въ законодательномъ корпусѣ, такъ и въ печати. Удивленіе это выражается въ болѣе озабоченномъ тонѣ его бесѣдъ изложенныхъ въ корреспонденціи, хотя его обычная увѣренность не колеблется ни мало.

Замѣчательнѣе всего то что г. фонъ-Бисмаркъ считаетъ весьма выгоднымъ что война разгорѣлась изъ-за Гогенцоллернской кандидатуры. Вообще полагали что для Пруссіи было бы гораздо удобнѣе избрать почву менѣе исключительно прусскую и болѣе нѣмецкую для вступленія въ борьбу, при которой ей болѣе всего

необходима поддержка нѣмецкаго національнаго чувства. Но графъ Бисмаркъ смотритъ на дѣло иначе: чѣмъ спеціальнѣе и ограниченнѣе вопросъ дающій поводъ къ разрыву, тѣмъ скорѣе онъ можетъ убѣдить Нѣмцевъ что Французы воспользовались самымъ ничтожнымъ предлогомъ дабы начать войну изъ однихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Что касается до исхода войны, то графъ Бисмаркъ смотритъ на это совершенно спокойно, не потому чтобъ онъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ своего оружія, но политическіе результаты кажутся ему не опасными для его дѣла даже въ случаѣ полной неудачи. „Если Пруссія „выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы," разсуждаетъ, по увѣренію *France*, графъ Бисмаркъ, „то она не только завершитъ „единство Германіи въ свою пользу, но „возьметъ, если пожелаетъ, Лотарингію и „Эльзасъ; во Франціи она будетъ имѣть „сосѣдственную державу уменьшенную и „униженную безвозвратно, преданную по„литическому кризису, окончанія котораго „должно будетъ ждать десять или двад„цать лѣтъ; Пруссія останется безспорно „на первомъ мѣстѣ. Если же, напротивъ, „она будетъ побѣждена, то что же она по„теряетъ? Самое худшее, если она лишит„ся побережья Рейна. Но въ сущности „цѣлость ея останется неприкосновенною; „ея сила расширительная, какъ предста„вительницы германской идеи, не ослабѣ„етъ; ея внутреннее устройство останется „не тронуто; ея военное могущество и ре„путація, конечно поколебленныя на время, „сохранятъ всѣ элементы необходимые „чтобы возстановить ихъ. Словомъ, для „Пруссіи пораженіе — простая отсрочка, „для Франціи же оно будетъ конечнымъ „паденіемъ."

Такъ разсуждаетъ графъ Бисмаркъ, говоритъ въ заключеніе *France*. Онъ доволенъ что довелъ Францію до войны, въ убѣжденіи что отъ войны онъ можетъ все выиграть, а проиграть ничего не можетъ.

Вѣренъ ли этотъ разчетъ, покажетъ будущее; но нельзя не согласиться съ газетой *France* что онъ достоинъ политика создавшаго Пруссію 1866 года.

№ 164.

Москва, 30-го Іюля.

А.

Какое жалкое впечатлѣніе производитъ манифестъ французскаго правительства послѣ объявленія войны! Въ то время какъ Германія призывалась къ великой національной борьбѣ, поднимающей до изступленія всѣ силы ея народнаго духа, что было сказано французскому народу? Какое бы значеніе ни имѣла, въ общей сложности, кандидатура одного изъ германскихъ принцевъ на испанскій престолъ, такая ли это тема чтобы одушевить народныя массы предъ началомъ борьбы столь громадныхъ размѣровъ? Что же было сказано имъ? Правда, во Франціи война всегда была популярна, и ея правители, при внутреннихъ затрудненіяхъ, слишкомъ часто прибѣгали къ возбужденію народнаго тщеславія; но теперешняя война — не мексиканская экспедиція, и одного шовинизма тутъ недостаточно. На Французовъ производитъ возбудительное дѣйствіе всякое слово объ естественныхъ границахъ и о лѣвомъ берегѣ Рейна; но обстоятельства въ настоящемъ случаѣ не позволяли и заикнуться объ этомъ. Напротивъ, надобно было отрекаться отъ всякаго любостяжанія, свидѣтельствовать о безкорыстіи Франціи, и увѣрять что она не хочетъ брать ни пяди земли у Германіи, не говоря уже о Люксембургѣ или Бельгіи. Что же оставалось сказать? Оставалось сказать что война предпринимается ради цивилизаціи, и это было сказано въ прокламаціи императора. Но французскій народъ такъ часто призывался спасать цивилизацію, что эта вѣчная миссія могла уже и надоѣсть ему. Оставалось еще сказать что война предпринимается для того, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе Европы, возвратить троны нѣкоторымъ достопочтимымъ германскимъ государямъ, ввести снова Австрію въ составъ Германіи, освободить германскія государства отъ тяготѣющаго надъ ними гнета Пруссіи, а ее отъ графа Бисмарка. Сколько освобожденій и возстановленій! Но какое до всего этого дѣло французскому народу? Что ему до Австріи, до германскихъ государствъ, до независимости Саксонскаго королевства, до свободы дѣйствій короля Баварскаго, до трона короля Гановерскаго и до совѣт-

никовъ короля Прусскаго? Нарушенное равновѣсіе Европы? Но для народа это метафизика. Такими отвлеченностями нельзя призывать народъ къ борьбѣ требующей великихъ жертвъ. Политическія идеи не могутъ быть предлагаемы народу въ отвлеченныхъ формулахъ. Онѣ должны выразиться въ фактѣ дабы стать ему понятными; онѣ должны коснуться его жизни для того чтобы поставить его на ноги. Вотъ теперь, послѣ этихъ внезапныхъ погромовъ, народъ во Франціи, пожалуй, и пойметъ что значитъ нарушенное равновѣсіе Европы...

Да, европейское равновѣсіе нарушено; но не надобно было допускать этого, надобно было предупредить это, надобно было выразумѣть смыслъ событій прежде чѣмъ они совершились. Зачѣмъ Франція бездѣйствовала въ то время когда рушился старый Германскій Союзъ съ своими государствами и тронами? Тогда одно движеніе ея могло бы имѣть могущественное вліяніе на ходъ событій, остановить его или направить иначе. Но не легко передѣлывать то что уже сдѣлано. Исторія вспять не ходитъ. Никогда попытки задняго хода не увѣнчивались успѣхомъ. Чтобы поправить сдѣланное дѣло, надобно идти впередъ а не назадъ.

Нѣтъ сомнѣнія что европейское равновѣсіе нарушено; но чтобы возстановить его, были способы болѣе вѣрные чѣмъ война которая, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ скорѣе до конца разрушить основы равновѣсія нежели возстановить его. Надобно было исправить свою политику; надобно было трезво и ясно взглянуть на вещи; надобно было войти въ истинный смыслъ положенія и интересовъ страны. Вмѣсто того чтобы предпринимать войну которая, даже при полномъ успѣхѣ, все-таки кончилась бы невыгодно для Франціи, потому что ея торжество могло бы вооружить противъ нея остальную Европу,—не лучше ли, не проще ли было бы, разорвавъ Парижскій трактатъ, чистосердечно подать руку Россіи и отказаться отъ той грубой, безсмысленной и самоубійственной системы дѣйствій на Востокѣ, которая навязана Франціи ея же врагами? Не подавлять пробивающуюся тамъ жизнь, а способствовать ей, быть не палачомъ тамошнихъ населеній и жандармомъ султана, а другомъ и поддержкою ихъ: вотъ политика которой слѣдовало бы держаться Франціи; это было бы и великодушно, и плодотворно для цивилизаціи, и достойно ея лучшихъ преданій, и согласно съ ея истинными интересами. Это возвысило бы ее въ Европѣ, это упрочило бы ея положеніе, это озарило бы вѣрнымъ свѣтомъ пути ея политики, это опредѣлило бы наилучшимъ образомъ ея международныя отношенія, и упрочило бы за ней союзы, которые совершенно вознаградили бы ее за объединеніе и усиленіе Германіи. Франція увидѣла бы себя органомъ животворнаго дѣла которое нуждается въ истинѣ, а не въ обманахъ интриги для своего развитія. Отказавшись отъ фальшивой политики, она пріобрѣла бы вѣрный инстинктъ и во всѣхъ дѣлахъ своихъ, и быть-можетъ почуяла бы въ себѣ новыя силы для совершенія своихъ судебъ.

Возвращать Австрію на прежнее мѣсто, возстановлять ея германское значеніе, пытаться оживлять и усиливать ея бренный составъ,—да зачѣмъ же это? зачѣмъ перерѣшать уже состоявшійся приговоръ исторіи? Да наконецъ, не сама ли Франція нанесла Габсбургскому могуществу первые сокрушительные удары? Не она ли выбросила Австрію изъ Италіи, и тѣмъ подготовила катастрофу которая выбросила Австрію и изъ Германіи? Возстановлять германскій характеръ Австріи: но хотятъ ли того ея народы? А еслибъ и удалось это возстановленіе, еслибъ Австрія дѣйствительно стала германскою державой, какая была бы отъ того прибыль для Франціи? Австрія заняла бы только мѣсто Пруссіи и усилила бы германскій міръ элементами, которые стараются отбиться отъ его захватовъ, принадлежа къ иному міру, и ищутъ своего центра, и хотятъ своей жизни.

Мы не хотимъ, однако, вдаваться въ ретроспективныя мудрованія: мы хотимъ только опознаться и извлечь для своихъ мнѣній полезныя указанія. Мы оглядываемся на чужое прошедшее для того чтобы взглянуть яснѣе въ свое будущее.

Рядомъ съ нами поднимается могущество, которое не можетъ насъ не заботить. Но мы не имѣемъ надобности враждовать съ Германіей которая объединяется. Не наше дѣло было бы способствовать ей въ этомъ; но мы не имѣемъ надобности препинать или зложелательствовать ей въ ея естественномъ развитіи, въ ея прогрессѣ, въ ея усиленіи. Плохая

та политика которая ищетъ своей силы только въ ослабленіи другихъ. Для возстановленія равновѣсія лучше заняться развитіемъ собственныхъ силъ и разрѣшеніемъ своихъ задачъ.

Мы можемъ избѣжать всякихъ прискорбныхъ недоразумѣній съ сосѣднею намъ силой и сохранить наилучшія къ ней отношенія, если мы только во время и недвусмысленно дадимъ ей почувствовать ея границу. Намъ тѣмъ легче это сдѣлать что мы не замышляемъ никакихъ завоеваній. Намъ бы только войти въ полное обладаніе самими собою, и этого достаточно для нашего усиленія.

В.

Франція переживаетъ двоякій кризисъ, самый тягостный и грозный. События слѣдуютъ за событіями съ быстротой молніи. Въ то самое время когда прусско-германскія войска торжествуютъ побѣды за побѣдами, обличающія неслыханную неудовлетворительность военныхъ распоряженій, въ Парижѣ падаетъ министерство—первое парламентское министерство второй имперіи, на которое возлагалось столько упованій и которое, еще недавно вступая въ должность, было привѣтствовано громкимъ одобреніемъ чуть не всей Франціи. Управленіе г. Олливье не оправдало ожиданій, и еще до начала войны было бы низвергнуто враждебными ему партіями, еслибъ онѣ не останавливались предъ тѣмъ что не знали кѣмъ замѣнить его... Такъ случилось что это колеблющееся министерство, бросавшееся то къ правому центру, то къ лѣвому, то къ крайней правой, то даже къ крайней лѣвой сторонѣ, осталось во главѣ правленія въ ту минуту, когда разразилась война, и требовалось энергическое правительство чтобы не погубить и царствующей династіи и лучшихъ силъ Франціи.

Смотря на полученный по телеграфу списокъ новыхъ министровъ мы останавливаемся въ недоумѣніи, какой характеръ будетъ имѣть этотъ кабинетъ. Во главѣ его становится генералъ Монтобанъ, получившій за свои подвиги въ Китаѣ титулъ графа Паликао и имѣющій, несмотря на преклонныя лѣта (ему 74 года), репутацію лучшаго тактика во французской арміи; нынѣ онъ командовалъ ліонскимъ военнымъ округомъ, но при распредѣленіи корпусовъ дѣйствующей арміи не получилъ назначенія, что объясняли личнымъ нерасположеніемъ къ нему императора Наполеона. Почему на него именно палъ выборъ при сформированіи кабинета, тогда какъ мѣсто его, повидимому, было бы въ арміи, это пока нельзя рѣшить и точно также невозможно рѣшить на основаніи какихъ соображеній въ составъ новаго кабинета вошли лица, поименованныя въ полученной нами телеграммѣ. Всѣ они, за исключеніемъ князя де-Латуръ д'Оверна и г. Маня, впервый разъ принимаютъ портфели (сохраненіе въ кабинетѣ адмирала Риго де-Женульи мы считаемъ сомнительнымъ; телеграфъ передалъ имя его весьма неразборчиво), вещь весьма неудобная въ такое критическое время. Но должно упомянуть что какъ оба номянутыя лица суть люди преданные императору Наполеону, такъ и всѣ вновь принявшіе портфели: г. Шевро, сенаторъ, сенскій префектъ, г. Гранпьерре, генеральный прокуроръ, доказавшій свою преданность Наполеоновской династіи между прочимъ въ процессѣ принца Петра Бонапарта, г. Клеманъ Дювернуа, недавно отказавшійся отъ главной редакціи *Peuple français*, потому что защита парламентскаго правительства была противна его убѣжденіямъ, и наконецъ г. Жеромъ Давидъ, бывшій Аркадіецъ и глава крайней правой стороны.

№ 165.

Москва, 31-го Іюля.

Сегодня мы получили французскія и англійскія газеты отъ 7-го августа новаго стиля, въ которыхъ находимъ лишь извѣстія о дѣлѣ подъ Вейсенбургомъ 4-го августа, и какъ ни странно можетъ это казаться, наиболѣе ясныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ сообщаются въ лондонской газетѣ *Times*.

Въ изложеніи лондонской газеты приведено много данныхъ подтверждающихъ сдѣланное нами замѣчаніе о нерѣшительности и отсутствіи, повидимому, всякаго плана съ французской стороны, что очевидно было главною причиной первыхъ неудачъ французской арміи. Оказывается что положеніе французскихъ войскъ до начала военныхъ дѣйствій было слѣдующее: Край-

ній правый флангъ французской арміи, съ главною квартирой въ Страсбургѣ, первоначально состоялъ изъ перваго армейскаго корпуса, подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона, но, по свѣдѣніямъ *Times*, корпусъ этотъ былъ постепенно передвинутъ на сѣверъ, ближе къ центру, и разставленъ вдоль пограничной линіи, въ Бичѣ, Вейсенбургѣ и Лаутербургѣ. Въ главномъ штабѣ французской арміи, какъ кажется, были получены вѣсти о большомъ сборѣ прусскихъ войскъ между Триромъ и Сарр-луи, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, что и вызвало общее передвиженіе французской арміи справа налѣво и ослабило положеніе позиціи Макъ-Магона. Самъ маршалъ Макъ-Магонъ, какъ извѣщаютъ, былъ не далѣе какъ 31-го іюля въ Мецѣ на общемъ военномъ совѣтѣ, и согласился съ мнѣніемъ императора отсрочить общія военныя дѣйствія еще на недѣлю или на *день* ограничиваясь на время демонстраціей у Саарбрюккена и сильною рекогносцировкой отряда маршала Базена для разузнанія позиціи принца Фридриха-Карла у Сарлуи.

Свѣдѣнія эти, повторимъ, разительно подтверждаютъ все что мы говорили объ оказавшейся неприготовленности французской арміи къ дѣйствіямъ. 31-го іюля, по сборѣ всей арміи на границѣ, на военномъ совѣтѣ еще шли толки объ отсрочкѣ кампаніи на *недѣлю* или на *день*, какъ будто можно было разчитывать съ увѣренностью что непріятель будетъ преспокойно ожидать нападенія. О позиціи принца Фридриха-Карла были получены въ главной квартирѣ императора Наполеона только неопредѣленныя вѣсти, и для вѣрнѣйшаго разузнанія позиціи предполагалось произвести дѣятельныя развѣдки. По французскимъ извѣстіямъ маршалъ Базенъ выступилъ изъ Буле, сдѣлалъ рекогносцировку окрестностей Сарлуи и долины Сарры до Вердена, лежащаго на пути между Сарлуи и Саарбрюккеномъ, нигдѣ не найдя непріятеля въ большихъ силахъ, а между тѣмъ не было сомнѣнія, говоритъ *Times*, что значительныя прусскія силы собирались между Сарлуи и Триромъ. О значительномъ же сосредототоченіи войскъ у наслѣднаго принца Прусскаго противъ праваго фланга французской арміи, повидимому, не было и слуха въ главной квартирѣ императора.

Посмотримъ теперь на движенія противной стороны, какъ о нихъ сообщается, не въ нѣмецкихъ газетахъ, а въ той же *Times*. Еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Лондонѣ было извѣстно объ общемъ движеніи нѣмецкихъ войскъ со второй линіи на Рейнѣ въ направленіи къ болѣе передовой линіи лежащей между Саррой и Лаутеромъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ двинулся отъ Кельна и отъ Кобленца вверхъ по Мозелю къ Триру и Сарлуи. Наслѣдный принцъ со своею арміей выступилъ изъ Раштадта и Мангейма и, перейдя Рейнъ, двинулся къ Гермерсгейму и Ландау, между тѣмъ какъ армія генерала Штейнмеца перенесла центръ прусскихъ силъ изъ Кайзерлаутерна и Биркенфельда къ Саарбрюккену. Такимъ образомъ, мы видимъ что прусскія войска двигались концентрически и, вмѣсто прежней растянутой позиціи, заняли гораздо болѣе стянутую. Промедленія французскихъ военачальниковъ еще до начала военныхъ дѣйствій уже отозвались невыгоднымъ для нихъ послѣдствіемъ, давъ возможность непріятелю болѣе сосредоточить свои силы, хотя ничто не убѣждаетъ чтобъ и въ это время не было еще возможно, быстрымъ дѣйствіемъ массами, нанести отдѣльный ударъ одной изъ концентрически расположенныхъ прусскихъ армій. Нѣмецкіе тактики, какъ видно намѣревались оцѣпить французскую армію впереди Меца, захватить ее какъ бы въ тискахъ трехъ нѣмецкихъ армій. Но такое стратегическое движеніе всегда представляетъ большую опасность противъ искуснаго противника, ибо отдѣльныя части окружающей арміи легко могутъ быть отрѣзаны другъ отъ друга. Они требуютъ величайшей точности, и надо отдать справедливость нѣмецкимъ главнокомандующимъ что по исполнительности штабъ ихъ, повидимому, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Что же, однако, могло бы помѣшать Французамъ по занятіи высотъ Шпихерна, впереди Саарбрюккена, 2-го августа двинуться впередъ, перейти рѣку Сарру и атаковать прусскую позицію на правомъ берегу этой рѣки? Главныя ихъ силы были очевидно сосредоточены позади этого пункта и впереди Меца. Что помѣшало имъ обратиться всѣми силами на генерала Штейнмеца и пробиться силой къ Нейкирхену и далѣе на Биркенфельдъ, Крейцнахъ и Бингенъ, или на Гомбургъ, Кайзерлаутернъ, Нейштадтъ и Мангеймъ, и опираясь на

войска находившіяся въ Бичѣ занять прусскую или баварскую территорію до Рейна? Таковъ долженъ былъ быть, какъ предполагалось нѣсколько времени тому назадъ, ихъ планъ, и хотя теперь всякія гипотезы могутъ быть излишни, но при смѣломъ исполненіи планъ этотъ, еслибъ и не увѣнчался полнымъ успѣхомъ по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случайностямъ, несомнѣнно поставилъ бы Пруссаковъ въ большое затрудненіе, ибо грозилъ бы прервать сообщеніе между арміями наслѣднаго принца и принца Фридрихъ-Карла. Теперь въ газетахъ сообщаются нѣкоторыя изъ причинъ побудившихъ Французовъ пріостановиться въ движеніяхъ. Ихъ очевидно сдерживало и безпокоило положеніе принятое Фридрихомъ-Карломъ на ихъ лѣвомъ флангѣ, а также положеніе наслѣднаго принца на правомъ. Еслибы французская армія спустилась съ высотъ Шпихерна въ долину, то она подверглась бы опасности фланговой атаки со стороны принца Фридрика-Карла, между тѣмъ какъ неизвѣстность движеній наслѣднаго принца заставляла Французовъ безпокоиться за свой тылъ со стороны Вейсенбурга, Вича и Саргемина. Всего же болѣе мѣшали движенію Французовъ и ихъ неприготовленность и полное невѣдѣніе о движеніяхъ противника. Такъ напримѣръ, когда Пруссаки атаковали Вейсенбургъ, маршала Макъ-Магона, повидимому, не было въ его главной квартирѣ, ибо имя его вовсе не упоминается въ депешахъ о сраженіи въ которомъ былъ убитъ одинъ изъ его дивизіонеровъ, генералъ Дуэ.

Вейсенбургъ какъ укрѣпленное мѣсто представляетъ неважную позицію. Это, собственно говоря, крѣпость третьяго разряда, обладаніе которою само по себѣ не представляло бы никакихъ особенныхъ выгодъ, а потому англійскія газеты, еще до полученія извѣстія о послѣдовавшемъ черезъ два дня сраженіи при Вёртѣ, справедливо предвидѣли что движеніе на Вейсенбургъ должно быть частію задуманнаго общаго плана дѣйствій. Въ одномъ только предположеніи ошиблась газета *Times*. По ея замѣчанію, неожиданное появленіе Пруссаковъ предъ этою крѣпостью должно было распространить тревогу по всей французской линіи и заставить стянуть войска изъ Бича, Лаутербурга, Гагенау и другихъ мѣстъ для обратнаго отнятія Вейсенбурга. Никто не ожидалъ отъ Французовъ такой непредусмотрительности чтобъ оставить одинъ корпусъ Макъ-Магона противъ цѣлой арміи во 140.000. Бой при Вёртѣ былъ геройскій, но честь его принадлежитъ солдатамъ французскимъ, а отнюдь не генераламъ. При нынѣшнемъ оружіи, при скорострѣлкахъ и пушкахъ-револьверахъ, выставить тридцать три тысячи противъ ста сорока тысячъ, это ужасно; еще хуже что это было повтореніемъ боя при Вейсенбургѣ, гдѣ на одного французскаго солдата приходилось чуть по десяти непріятелей.

Въ Парижѣ, какъ видно изъ полученныхъ газетъ, первое извѣстіе о дѣлѣ при Вейсенбургѣ произвело самое тягостное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что бюллетень о немъ былъ изложенъ самымъ краткимъ образомъ, даже не указывая ясно когда происходило дѣло, 4-го или 5-го августа. Несмѣтныя толпы народа собрались на бульварахъ, въ сильномъ волненіи. На биржѣ произошли было даже безпорядки. Въ довершеніе замѣшательства, неизвѣстно кѣмъ были распущены слухи будто маршалъ Макъ-Магонъ одержалъ большую побѣду и взялъ въ плѣнъ 25.000 Пруссаковъ. Когда обнаружилась ложность этого извѣстія, толпа, раздраженная обманомъ, ворвалась на биржу, и тамъ произошла кулачная схватка.

Одно было для всѣхъ ясно что Пруссаки напали на Вейсенбургъ врасплохъ, и что эта неожиданность заставила правительство хранить молчаніе въ первую минуту, не сообщая точныхъ подробностей ему извѣстныхъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную ниже корреспонденцію изъ Вѣны. Къ разоблаченіямъ которыми въ послѣднее время такъ дѣятельно занималась европейская дипломатія присоединилось еще новое: письмо венгерскаго генерала Тюрра къ графу Бисмарку. Въ письмѣ этомъ подтверждаются заявленія герцога Грамона въ извѣстной читателямъ депешѣ его отъ 2-го августа, что графъ Бисмаркъ самъ предлагалъ Франціи Бельгію и Люксембургъ въ разговорахъ своихъ съ генераломъ Тюрромъ; но не одно это узнаемъ мы изъ бесѣдъ союзнаго канцлера съ мадьярскимъ патріотомъ; намъ особенно интересно узнать что графъ Бисмаркъ явно поощрялъ завоевательные планы мадьярскихъ политиковъ направляя ихъ на Востокъ.

№ 166.

Москва, 1-го августа.

А.

Въ полученныхъ нами сегодня французскихъ газетахъ отъ 8-го августа находимъ сообщенія съ театра войны, прокламаціи императрицы и министровъ и декреты о созваніи палатъ. Обо всемъ этомъ сообщено въ телеграммахъ втораго особаго прибавленія къ № 161 *Московскихъ Вѣдомостей*. Впечатлѣніе произведенное извѣстіями съ театра войны о пораженіи корпусовъ Макъ-Магона и Фроссара было потрясающее, и въ особенности потому что извѣстія эти пришли тотчасъ же вслѣдъ за распущеннымъ слухомъ о мнимой побѣдѣ. Телеграфъ уже извѣщалъ насъ о сходкахъ и волненіяхъ на улицахъ; но, сколько можно судить по краткимъ свѣдѣніямъ которыя мы находимъ въ газетахъ, населеніе Парижа далеко отъ унынія. Всѣ газеты, безъ различія оттѣнковъ, оплакивая то горестное обстоятельство что непріятельская армія заняла французскую почву, что оплошность предводителей беспримѣрно-храброй французской арміи была причиной первыхъ успѣховъ непріятеля, выражаетъ твердое убѣжденіе что пораженіе двухъ корпусовъ не должно и не можетъ привести въ уныніе Французовъ, но напротивъ должно побудить ихъ къ энергическому сопротивленію. Вотъ что говоритъ по поводу сраженій при Вёртѣ и при Шпихерѣ *Liberté*: „Для одержанія успѣ„ха, Пруссаки пустили въ ходъ бо́льшую „часть своихъ силъ, и обѣ побѣды стоили „имъ громадныхъ потерь. Но ничто не по„теряно, ничто не погибло; генеральнаго „сраженія еще не было; оно произойдетъ „не сегодня такъ завтра; тогда вся армія „выступитъ въ поле, и разыграется рѣ„шительная игра. Мы говоримъ *рѣши„тельная*, но не на жизнь и смерть; эту „послѣднюю, если злая судьба вызоветъ „ее, разыграетъ вся Франція, а міру из„вѣстно какъ играетъ Франція въ такую „игру. Итакъ, мужество и довѣріе, болѣе „всего довѣріе.“

Вотъ отзывъ *Journal des Débats*. Изложивъ извѣстія съ театра войны, эта газета говоритъ: „Въ виду столь важныхъ „событій, правительство исполняетъ свой „долгъ; оно приготовляется къ оборонѣ „Парижа, объявляетъ осадное положеніе, „созываетъ палаты... Извѣстія изъ арміи „дурны. Продолжая наступательное дви„женіе, начатое при Вейсенбургѣ, непрі„ятель вступилъ на нашу территорію и „можетъ-быть замышляетъ идти на Па„рижъ. Не думаютъ ли Пруссаки возоб„вить противъ насъ быструю и побѣдо„носную кампанію 1866 года, которая по„зволила имъ предписать миръ Австріи? „Правительство понимаетъ, конечно, опа„сность положенія; Франція съ своей сто„роны не придетъ въ уныніе отъ неудачи. „Страна иная выходила здравою и не„вредимою изъ болѣе жестокихъ испыта„ній. Первый успѣхъ непріятеля долженъ „же поколебать насъ, но напротивъ то„го убѣдить что мы должны дѣйствовать „дружно и хладнокровно. Будемъ же на„дѣяться на нашу мужественную армію „что мимолетное несчастіе не ослабитъ „ея энергіи и докажемъ ей что патріоти„ческое одушевленіе, которое она такъ „блистательно показала на поляхъ битвы, „раздѣляетъ съ ней вся Франція.“

Въ томъ же смыслѣ выражается *France*, и при этомъ рѣзко выставляетъ на видъ что французскіе отряды были застигнуты врасплохъ, и что по крайней близорукости предводителей французской арміи, нападеніе на Вейсенбургъ сочтено было ими за случайность, тогда какъ оно было началомъ исполненія заранѣе обдуманнаго плана кампаніи. Планъ этотъ былъ тайной только для французскихъ генераловъ, между тѣмъ наканунѣ Вейсенбургскаго дѣла движеніе русской арміи было возвѣщено въ Англію изъ Кобленца слѣдующею телеграммой: „Все готово, завтра „вся армія двинется впередъ и приметъ „наступательное положеніе.“ Во французской арміи такъ мало подозрѣвали это, что у генерала Дуэ даже не было телеграфныхъ снарядовъ, которые дали бы ему возможность снестись съ другими отрядами.

Служатъ ли статьи парижскихъ газетъ отголоскомъ общественнаго настроенія? Полагаемъ что на этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, ибо и въ парижской корреспонденціи *Indèpendance belge*, явно не симпатизирующей Франціи и готовой представлять тамошнее положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, сказано что населеніе Парижа исполнено энергическаго одушевленія.

Между тѣмъ, какъ читатели увидятъ изъ телеграммъ, положеніе французской арміи не улучшается. Нѣмецко-прусская армія идетъ впередъ, кавалерія ея стоитъ подъ Мецомъ, отдѣльные отряды взяли Лихтенбергъ и другія мѣста, гдѣ захвачены магазины, военные запасы и пр. Можетъ-быть, возвѣщенная графомъ Паликао отставка маршала Лебёфа, до сихъ поръ распоряжавшагося военными операціями, и переформированіе арміи дадутъ возможность поправить неудачи такъ страшно разразившіяся надъ Франціей, но если военныя распоряженія не измѣнятся, то едва ли въ состояніи будутъ сдѣлать что-нибудь весь патріотизмъ и вся энергія населенія. А общаго главнокомандующаго, если вѣрить телеграммамъ, все-таки не будетъ: маршалу Базену подчиняются три корпуса, или около 100.000 человѣкъ, что предъ прусскими массами войскъ еще немного значитъ...

B.

Какъ ни великъ интересъ возбуждаемый происходящею нынѣ гигантскою борьбой, мы не можемъ однако оставить вовсе безъ вниманія наши внутренніе вопросы, и особенно наши бѣдныя окраины, которыя, именно въ виду настоящихъ событій, всего болѣе должны заботить общественное мнѣніе и всякаго русскаго государственнаго человѣка.

Въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ теперешнія событія за Рейномъ отражаются оригинально. Послѣ того какъ лифляндское дворянство обратилось къ правительству съ просьбою, болѣе чѣмъ смѣлою, не поставлять впредь его феодально-сепаратистскимъ стремленіямъ ни малѣйшихъ предѣловъ, многія не принадлежащія къ дворянству лица всякаго племеннаго происхожденія начали помышлять о томъ чтобы съ своей стороны заявить просьбу совершенно противоположнаго свойства. Поэтому уже довольно давно въ публикѣ обращается адресъ, въ которомъ изложена просьба о введеніи въ балтійскомъ краѣ существующихъ въ остальной Россіи земскихъ учрежденій и публичнаго судопроизводства. Для успѣшнаго противодѣйствія этому адресу, подъ коимъ уже подписалось гораздо болѣе 20.000 человѣкъ, въ мѣстныхъ вліятельныхъ кругахъ изготовленъ, какъ мы слышали, и пущенъ въ обращеніе другой адресъ, въ которомъ, подписавшіеся подъ нимъ крестьяне объявляютъ что они совершенно довольны теперешнимъ судопроизводствомъ и господствомъ дворянъ, весьма благодарны своимъ милосерднымъ господамъ и не хотятъ и знать о русскомъ гласномъ судѣ.

Этотъ адресъ, разумѣется, балтійскіе дворяне просто предъявляютъ крестьянамъ и приказываютъ безотлагательно, часто даже не прочитавъ его, подписываться подъ нимъ, а въ противномъ случаѣ угрожаютъ тотчасъ выгнать ихъ изъ дома и съ усадьбы. Члены крестьянскихъ общинъ, арендаторы дворянъ, подписываются подъ этимъ адресомъ безъ противорѣчія, опасаясь быть изгнанными, и прикладываютъ печать общиннаго суда. Если гдѣ не дѣйствуетъ угроза изгнанія, то принимаются другія мѣры. Начинаютъ, съ одной стороны, полиціей и судомъ преслѣдовать тѣхъ кто подписалъ адресъ требующій сближенія съ остальною Россіей, а съ другой — даютъ денегъ тѣмъ кто согласится подписать адресъ приготовленный дворянами, при чемъ агитація производится съ такимъ рвеніемъ что — какъ намъ сообщаютъ — даютъ даже до 50 рублей за каждую подпись. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, мы въ скоромъ времени увидимъ въ Аугсбургской *Allgemeine Zeitung* новый лифляндскій адресъ уже не отъ одного только дворянства, но и „отъ всего населенія,“ адресъ въ которомъ будетъ сказано что русскія реформы и учрежденія внушаютъ ужасъ всѣмъ жителямъ балтійскаго края и что злодѣи питающіе преступную приверженность къ Россіи будутъ за это наказаны изгнаніемъ въ Вятку, и т. д. (въ числѣ тѣхъ которые уже теперь арестованы, какъ слышно, опять находится какой-то Петерсонъ).

Впрочемъ, просимъ читателей обратить вниманіе на нижеслѣдующее письмо изъ Риги. Оно доказываетъ опять что чѣмъ болѣе мы склоняемся къ уступчивости, тѣмъ болѣе наши балтійскіе друзья отличаются смѣлостью.... Намъ пишутъ:

„Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ довелось провести нѣсколько недѣль въ Ригѣ и другихъ мѣстностяхъ прибалтійскаго края. Курьезныя дѣла пришлось увидѣть здѣсь.

„Здѣшніе бароны и бюргеры, считающіе теперь дѣло Германіи своимъ роднымъ дѣломъ и собирающіе пожертвованія съ *патріотическою* цѣлью объединенія Германіи, настойчиво требуютъ чтобы Россія

помогала этому объединенію и съ такою же странною притязательностью относятся къ мѣстной власти. Власть эта должна, по мнѣнію ихъ, защищать мѣстные нѣмецко-феодальные порядки отъ посягательствъ могущихъ въ чемъ-либо измѣнить ихъ, совмѣстно съ измѣненіями обусловливаемыми государственнымъ и общественнымъ развитіемъ Россіи. Это, какъ извѣстно, отразилось на разрѣшеніи крестьянскаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Почтенные рыцари сумѣли провести свои принципы отчасти и въ отношеніи государственныхъ крестьянъ. На казенныя земли они смотрятъ какъ на свои собственныя, и каждая продажа клочка земли русскому крестьянину или предоставленіе ея православному духовенству почитается ими чуть ли не за грабежъ нѣмецкаго кармана, по крайней мѣрѣ за нарушеніе интересовъ нѣмецкаго отечества, притязательность котораго, какъ извѣстно, превышаетъ даже его величіе. Все это порождаетъ дѣла въ родѣ всплывшихъ наверхъ случаевъ съ Перновскимъ уѣзднымъ судомъ, съ мѣстными магистратами, пресловутымъ лифляндскимъ адресомъ и пр. Но сколько подобныхъ же дѣлъ встрѣчается ежедневно, въ особенности по производству регулированія, объ этомъ большею частью знаютъ лишь Нѣмцы и ихъ мѣстныя учрежденія, да тѣ чиновники которые призваны правительствомъ исполнять законъ о надѣленіи государственныхъ крестьянъ землей. Для того чтобы продолжать знакомить русскую публику съ интереснымъ ходомъ здѣшней борьбы противъ русскихъ законовъ, властей, населенія и вообще всего русскаго, приводимъ еще слѣдующее небезынтересное явленіе характеризующее положеніе дѣлъ въ краѣ. Чтобы сохранить за собой бо́льшую нравственную и матеріальную силу, Нѣмцы, какъ извѣстно, стоятъ во что бы то ни стало за охраненіе большихъ хозяйствъ, за существованіе какъ можно бо́льшаго числа безземельныхъ батраковъ въ краѣ. Поэтому нѣмецкіе интересы какъ нельзя лучше удовлетворены были, когда, вмѣсто надѣленія многихъ крестьянъ хотя небольшимъ количествомъ земли (какъ сдѣлано въ привислянскихъ губерніяхъ), рѣшено было размѣръ участковъ опредѣлить отъ 5 до 20 десятинъ, чѣмъ, конечно, само собой ограничивается число лицъ могущихъ получить участки. Но и это не нравится Нѣмцамъ. Такъ нѣкоторыя казенныя земли, находящіяся во временномъ арендномъ пользованіи Нѣмцевъ, послѣдніе ни за что не хотятъ отдать обратно въ казну для надѣленія русскихъ батраковъ. Были случаи даже открытаго сопротивленія регуляціоннымъ чиновникамъ со стороны нѣмецкихъ арендаторовъ, надѣющихся на поддержку дѣятелей подобныхъ членамъ перновскаго судилища. Но всего прискорбнѣе что сопротивляющіеся Нѣмцы, по какимъ-то причинамъ, разсчитываютъ на высшую мѣстную администрацію. Они увѣряютъ что она готова поддержать ихъ въ насильственномъ оставленіи у себя казенныхъ земель, такъ какъ надѣленіе батраковъ и православнаго духовенства землями противорѣчитъ интересамъ *мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ* (то-есть нѣмецкихъ бароновъ), а вышерѣченная администрація будто бы всегда раздѣляла взгляды по которымъ никто другой, кромѣ нѣмецкаго рыцарства, не можетъ быть въ томъ краѣ землевладѣльцемъ. Такое непостижимое понятіе объ обязанностяхъ и значеніи русской администраціи въ краѣ основывается, какъ объясняютъ нѣкоторые, на томъ что требованія регуляціонныхъ чиновниковъ о побужденіи означенныхъ нѣмецкихъ арендаторовъ къ исполненію условій ихъ арендьнаго пользованія участками, которые они обязаны возвратить казнѣ по первому требованію, до сихъ поръ остаются безъ поддержки со стороны мѣстныхъ властей, вслѣдствіе чего надѣленіе батраковъ землей оттягивается на неизвѣстно какой срокъ. Сравнивая положеніе этихъ нѣмецкихъ арендаторовъ съ настоящимъ положеніемъ русскихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, нѣкоторые Русскіе, знакомые съ административными пріемами въ этихъ губерніяхъ говорятъ что случись фактъ сходнаго сопротивленія со стороны русскихъ крестьянъ, тотчасъ послѣдовали бы страшныя экзекуціи помощью военныхъ командъ. А тутъ и самыя мягкія мѣры опасаются принять. Нельзя-де графъ Бисмаркъ изволитъ разгнѣваться.

„Чѣмъ все это окончится неизвѣстно. Но достовѣрно что Нѣмцы полагаютъ будто мѣстная высшая администрація обязана отстоять ихъ интересы и отстоитъ ихъ всенепремѣнно. Не правда ли, такое заблужденіе (очевидно заблужденіе) весьма характеристично?“

№ 167.

Москва, 3-го августа.

А.

Телеграфъ продолжаетъ сообщать намъ о новыхъ успѣхахъ прусскаго оружія и о чрезвычайныхъ мѣрахъ обороны принимаемыхъ французскимъ правительствомъ, а между тѣмъ газеты по прежнему запаздываютъ, и мы до сихъ поръ еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о происходившихъ въ одинъ и тотъ же день битвахъ при Вёртѣ и Шпихернѣ.

Изо всѣхъ извѣстій, однако, болѣе и болѣе уясняется что въ главной квартирѣ императорской арміи, повидимому, не имѣли точныхъ свѣдѣній о расположеніи непріятельскихъ силъ, а съ другой стороны французскіе генералы были смущены и до нѣкоторой степени парализованы извѣстіями объ общемъ движеніи впередъ всѣхъ нѣмецкихъ корпусовъ. Они опасались и вѣроятно ожидали нападенія, но не знали въ точности съ которой стороны оно послѣдуетъ. Одна прусская армія, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, находилась съ ихъ лѣваго фланга между Сарлуи и Триромъ; другая, генерала Штейнмеца, стояла съ фронта, позади Саарбрюкена, занимая желѣзныя дороги къ Рейну, а съ праваго фланга отъ Ландау и Гермерсгейма подвигалась армія наслѣднаго Прусскаго принца, получая ежеминутно подкрѣпленія южно-германскими войсками, часть коихъ, по свѣдѣніямъ французскихъ лазутчиковъ, показывались въ дефилеяхъ Шварцвальда, какъ будто угрожая перейти Рейнъ гдѣ-либо на пути между Страсбургомъ и Гюнингеномъ.

Всего вѣроятнѣе что первый ударъ послѣдовалъ тамъ гдѣ его наименѣе ожидали, и несомнѣнно что при Вейсенбургѣ неожиданность нападенія и огромное численное превосходство должны были обезпечить побѣду Нѣмцамъ. Но дѣло при Вёртѣ требуетъ другаго объясненія, котораго до сихъ поръ мы нигдѣ еще не находимъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, какъ видно изъ самихъ французскихъ газетъ, собралъ всѣ силы своего корпуса и получилъ подкрѣпленіе съ цѣлью отбросить нападающихъ. Онъ принялъ сраженіе на которое вовсе, казалось, не былъ вынужденъ и отъ коего онъ могъ бы уклониться отступленіемъ на Бичъ, еслибъ онъ въ точности зналъ огромное превосходство силъ своего противника. Полководецъ принимающій битву съ противникомъ втрое сильнѣйшимъ, въ особенности при настоящемъ усовершенствованномъ вооруженіи, хуже чѣмъ безразсуденъ, — а какимъ образомъ случилось что маршалъ Макъ-Магонъ могъ не знать о томъ что его корпусъ находится предъ цѣлою арміей прусскаго наслѣднаго принца, это до сихъ поръ остается необъяснимою тайной.

Точно также Французы, зная что за Саарбрюккеномъ гдѣ-то сосредоточивается армія генерала Штейнмеца, повидимому, вовсе не подозрѣвали со стороны ея немедленнаго нападенія, ибо и корпусъ Фроссара также былъ оставленъ на произволъ судьбы, хотя онъ занималъ на высотахъ Шпихерна выгодную позицію, которая, при должномъ подкрѣпленіи, могла бы быть удержана, еслибы не было такого несоразмѣрнаго превосходства непріятельскихъ силъ.

Итакъ, съ одной стороны, виною первыхъ неудачъ французскихъ войскъ была оказывающаяся теперь очевидною поразительная неудовлетворительность ихъ штаба. Съ другой стороны есть указанія что колебанія и нерѣшительность на военныхъ совѣтахъ и пагубное рѣшеніе принятое 31-го іюля отложить еще на нѣсколько времени начало военныхъ дѣйствій, въ то самое время когда непріятель стягивалъ свои войска и готовился къ исполненію зрѣло обдуманнаго плана дѣйствій, зависѣли отчасти, можетъ быть, и отъ политическихъ соображеній. По крайней мѣрѣ, намекъ объ этомъ былъ высказанъ въ лондонской газетѣ *Times* еще до начала первыхъ битвъ.

Правда, и въ этомъ случаѣ трудно найти оправданіе правительству императора Наполеона, ибо, начиная войну, оно должно бы предвидѣть и всѣ главнѣйшія политическія затрудненія. Но оказывается что и въ этомъ отношеніи оно во многомъ обмануло́сь. Предполагаютъ напримѣръ что оно разчитывало на нейтралитетъ южногерманскихъ государствъ, именно Виртемберга и Баваріи, и присовокупляютъ даже что оно имѣло основанія для такого рода предположенія, но что въ послѣднюю минуту чьимъ-то таинствен-

нымъ вліяніемъ правительства южногерманскихъ государствъ, сначала холодно относившіяся къ разгаравшейся распрѣ между Франціей и Пруссіей, были убѣждены принять дѣятельно сторону послѣдней. Это, конечно, должно было измѣнить въ значительной степени стратегическія намѣренія Франціи, и заставить ее безпокоиться за успѣхъ вторженія въ рейнскія провинціи. Кромѣ того, Франція не могла не тревожить дипломатія Англіи. Графъ Бисмаркъ, который не могъ заранѣе быть увѣренъ въ такихъ удачахъ прусскаго оружія какія послѣдовали, употреблялъ всѣ дипломатическія усилія чтобы напугать Европу замыслами Франціи касательно территоріальныхъ пріобрѣтеній насчетъ Бельгіи. Всѣ послѣднія дипломатическія разоблаченія не имѣли другой цѣли какъ встревожить общественное мнѣніе Европы честолюбіемъ Франціи. Они не вполнѣ имѣли успѣхъ, и Франціи, конечно, не приходилось еще опасаться коалиціи, но теперь положительно оказывается что британское правительство воспользовалось случаемъ для новыхъ переговоровъ насчетъ безопасности Бельгіи, и наконецъ, какъ насъ извѣстила телеграмма, г. Гладстонъ сообщалъ въ парламентѣ о договорѣ предложенномъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и въ которомъ значится что, въ случаѣ нарушенія нейтралитета Бельгіи кѣмъ-либо изъ противниковъ, Англія немедленно и дѣятельно приметъ сторону другаго. Переговоры объ этомъ новомъ трактатѣ должны были происходить именно въ то время когда открывалась кампанія, а такъ какъ они не могли идти безъ участія императора, то ими конечно стѣснялись военныя дѣйствія. Такъ ловко англопрусская политика умѣла запутать и стѣснить дѣйствія Франціи тотчасъ по объявленіи войны.

Англійская политика всегда находитъ возможность достигать своихъ цѣлей безъ излишнихъ жертвъ на военные расходы. У англійскихъ министровъ какъ будто противъ ихъ воли было вынуждено заявленіе что они горятъ нетерпѣніемъ въ удобную минуту вмѣшаться въ интересѣ мира, а теперь *Times* подстрекаетъ ихъ напоминаніемъ о ихъ тяжкой отвѣтственности въ настоящую минуту.

Неужели въ самомъ дѣлѣ Англія и теперь захватитъ въ свои руки результаты событій, и неужели другія нейтральныя державы не будутъ отстаивать своихъ интересовъ?

Б.

Замѣчательно что въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Times* по поводу неудачныхъ битвъ при Вёртѣ и Шпихернѣ высказано то же самое мнѣніе какое излагалъ князь Урусовъ въ своей замѣткѣ помѣщенной въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты: для того чтобъ остановить тевтонское вторженіе стремящееся со столь многихъ пунктовъ, императоръ Наполеонъ, по мнѣнію *Times*, *долженъ* былъ бы покинуть свою позицію при Мецѣ, если еще было время, и отступить на поля Шампаніи, гдѣ можно было бы возобновить чудеса стратегическаго искусства какими его дядя прославилъ кампанію 1814 года. Въ послѣдніе дни, однако, обстоятельства перемѣнились; по справедливому замѣчанію князя Урусова, которое читатели найдутъ ниже, Пруссаки, съ своей стороны, сдѣлали ошибку замедливъ своими наступательными дѣйствіями. Невозможно отрицать что Французы сосредоточеніемъ своихъ разбросанныхъ корпусовъ въ виду наступающихъ непріятельскихъ армій удачно совершили очень искусный военный маневръ и притянули къ себѣ значительныя подкрѣпленія. Но воспользуется ли маршалъ Базенъ этою выгодой, или же выигранное Французами время не принесетъ имъ пользы вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ затмѣній съ ихъ стороны? Телеграммы извѣщаютъ насъ о какомъ-то бывшемъ при Мецѣ дѣлѣ, въ которомъ участвовали два прусскіе корпуса и одержали успѣхъ, но главныя силы французской арміи, какъ узнаемъ мы изъ сегодняшнихъ же телеграммъ, находятся уже за Мецемъ, и къ нимъ выѣхалъ императоръ.

В.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемый ниже проектъ трактата Бенедетти напечатанный въ *Staatsanzeiger*, отъ 10-го августа. Изъ него очевидно что мнимый проектъ о присоединеніи Бельгіи и Люксембурга, пущенный въ ходъ г. фонъ-Бисмаркомъ и возбудившій такъ много шума, былъ дѣйствительно, какъ заявили г. Бенедетти въ своемъ письмѣ къ герцогу Грамону и герцогъ Грамонъ въ своемъ циркулярѣ, придуманъ самимъ союзнымъ канцлеромъ, который вывелъ его на свѣтъ чтобъ

отвлечь внимание европейской дипломатии от заявлений его и г. фонъ-Тиле по поводу Гогенцоллернской кандидатуры,—заявлений, неблаговидность коихъ была доказана документами. То обстоятельство что мнимый проектъ писанъ былъ рукой г. Бенедетти далъ возможность отуманить европейскую дипломатію: всѣмъ уже извѣстно какъ случилось что г. Бенедетти писалъ этотъ документъ подъ диктовку г. фонъ-Бисмарка, но вмѣстѣ извѣстно теперь и то что императоръ Наполеонъ постоянно отклонялъ всѣ предложенія насчетъ присоединенія Бельгіи и Люксенбурга, которыя дѣлались ему отъ имени Пруссіи. Еслибы можно было еще сомнѣваться въ последнемъ, то всякое сомнѣніе исчезаетъ въ виду появившагося нынѣ настоящаго проекта трактата, дѣйствительно предложеннаго императоромъ Наполеономъ. Стоитъ прочесть его внимательно, чтобъ убѣдиться что въ немъ нѣтъ ничего угрожающаго европейскому равновѣсію, и даже последняя статья его о Люксембургѣ вошла въ Парижскій трактатъ. Что̀ бы значило, замѣчаетъ по этому случаю *Journal de S.-Pétersbourg*, что объ этомъ проектѣ трактата ничего не было дано знать по телеграфу изъ Берлина? Что̀ бы значило, прибавимъ мы съ своей стороны, что настоящій проектъ трактата, хранившійся съ 1866 года въ архивахъ прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, напечатанъ въ тихомолку, тогда какъ мнимый проектъ явился съ такимъ шумомъ, сначала въ видѣ телеграммы изъ Берлина въ лондонской *Times*, потомъ въ *Кельнской Газетѣ*, и когда обошелъ всю европейскую печать, то помѣстился въ циркулярѣ графа Бисмарка къ дипломатическимъ агентамъ Сѣверо-Германскаго Союза..... Вотъ какъ ловкіе люди умѣютъ, въ потребную минуту, захватить врасплохъ довѣріе европейской публики, дабы измѣнить впечатлѣніе! Теперь ужь это старая исторія, но за нѣсколько дней предъ симъ она была у всѣхъ на языкѣ и сдѣлала свое дѣло прежде чѣмъ истина вышла наружу.

№ 168.

Москва, 4-го августа.

А.

Почти предъ самымъ паденіемъ министерства Олливье, въ *Оффиціальномъ Журналѣ*, отъ 9-го августа, появилась статья которая телеграфомъ передана была такъ неясно что о ней трудно было тогда составить опредѣленное понятіе. Тотъ нумеръ оффиціальнаго органа гдѣ статья эта напечатана дошелъ до насъ только сегодня. Статья начинается патріотическимъ возгласомъ сходнымъ съ тѣмъ какой отозвался во всѣхъ парижскихъ газетахъ того дня. „Никогда Франція“, сказано въ началѣ этого манифеста, „не обнаруживала такъ высоко и торжественно своей „благородной гордости и силы національнаго характера. Все восклицаетъ съ восторгомъ: Къ оружію, чтобы побѣдить или „умереть!“ Вслѣдъ за этимъ правительственный органъ входитъ въ разсужденіе о томъ что Европа по справедливости озабочена успѣхами Пруссіи, старается доказать что всѣ державы (причемъ онѣ перечисляются поименно) должны опасаться расширенія Пруссіи и противодѣйствовать ему, и въ заключеніе восклицаетъ:

„Мы взываемъ къ правительствамъ и „народамъ Европы чтобъ они вырвали Европу изъ рукъ прусскаго деспотизма, „чтобъ они помогли намъ или своими союзами или своими симпатіями спасти европейское равновѣсіе... Что касается Англіи, Швеціи и Даніи, то есть уже признаки что онѣ принимаютъ такое положеніе. Австрія и Италія тоже вооружаются.“

Воспроизводя эту статью французскаго правительственнаго органа, берлинскія газеты надсмѣваются надъ Франціей съ великимъ озлобленіемъ. „Статья *Оффиціальнаго Журнала*“, восклицаетъ *National-Zeitung*, „есть истинный образецъ отсутствія „всякаго достоинства, разоблачающій вполнѣ до какой степени нравственнаго паденія довела вторая имперія французскую „націю.“ „Французы потеряли“, далѣе говоритъ эта газета, „самое простое понятіе о вещахъ, и даже не сознаютъ какое негодованіе должно возбудить въ Европѣ это нищенское воззваніе съ которымъ обращается къ ней ихъ правительство.“

Мы полагаемъ что статья возбудившая эти толки ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ доблести французскихъ солдатъ и въ патріотизмѣ французскаго народа никогда не было сомнѣнія; но теперь и доблесть и патріотизмъ хороши на дѣлѣ, а не въ реторикѣ *Оффиціальнаго Журнала*. Статья

о которой идетъ рѣчь есть лебединая пѣснь неспособнаго министерства, которое уже сошло со сцены не выдержавъ пробы великой минуты. Мы не находимъ ничего дурнаго въ томъ что оно взывало къ симпатіямъ Европы и обращало вниманіе державъ на ея покачнувшееся равновѣсіе; но дурно то что эти политики-дилеттанты, управлявшіе судьбами великой страны, даже не отдали себѣ отчета въ чемъ и какъ нарушено равновѣсіе Европы. Господа эти взываютъ къ Англіи чтобъ она помогла возстановить равновѣсіе, и даже выражаютъ увѣренность что она къ тому изготовляется. Они не видятъ что если равновѣсіе Европы нарушено, то именно тѣмъ что отнынѣ англо-германская политика становится единственною въ Европѣ силой, ибо Германія на материкѣ Европы есть продолженіе Англіи. Эти господа не догадались что дружба которую показывала Англія своему воинственному сосѣду была только прикрытою цѣпью на которой держали этого паладина, заставляя его служить враждебнымъ ему самому интересамъ, и что это былъ обманъ который кончается тѣмъ что Франціи грозитъ теперь паденіе на чреду второстепенной державы. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ такъ не сочувствуютъ политикѣ графа Бисмарка какъ въ Лондонѣ. Усиленіе Германіи есть величайшее для Англіи удобство, и теперь принимая офиціальную маску вѣжливой любезности относительно французскаго правительства и оказывая ему мнимыя послуги, Англія не менѣе чѣмъ сама Пруссія радуется побѣдамъ этой послѣдней, и втайнѣ дѣлаетъ, конечно, все возможное чтобы запутать дѣла Франціи, а въ то же время обмануть и сбить съ толку нейтральныхъ.

Нѣтъ, напрасно берлинскія газеты издѣваются надъ заботами французскаго правительства склонять на свою сторону сочувствіе нейтральныхъ: эти заботы весьма естественны. То же самое дѣлаетъ и прусское правительство. Параллельно съ движеніями и ошибками войскъ на театрѣ войны, идетъ между обѣими сторонами и дипломатическая борьба. Военные успѣхи, а равно и результаты войны, зависятъ отъ того какъ держатъ и какъ будутъ держать себя нейтральные.

Да зачѣмъ ходить далеко? Что съ прусской стороны не забываютъ о нейтральныхъ, это можно видѣть изъ недавней выходки *Крестовой Газеты*. Названная газета есть, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ прусскихъ органовъ и находится въ связи съ высшими сферами. Выходка *Крестовой Газеты* повнтереснѣе чѣмъ запоздалая реторика французскихъ министровъ уже сошедшихъ со сцены. Статья *Офиціальнаго Журнала* взываетъ къ нейтральнымъ; статья прусской газеты фельдфебельски грозитъ имъ. Дѣло съ Франціей еще не кончено, а уже нейтральнымъ дается знать чтобъ они ждали своей очереди. Вотъ какимъ языкомъ говоритъ органъ господствующей въ Пруссіи феодальной партіи, обращаясь къ нейтральнымъ, и главнымъ образомъ къ Россіи:

„Послѣ громкихъ побѣдъ, при помощи Божіей одержанныхъ нашими войсками въ послѣдніе дни, Германія совершенно особеннымъ взоромъ смотритъ на тѣ нейтральныя державы которыя такъ усердно заботились о „локализаціи“ войны, для достиженія коей имъ (разумѣется) стоило только сложивъ руки смотрѣть на воюющихъ. Въ свою очередь, эти нейтральные можетъ быть современемъ испытаютъ совсѣмъ иныя чувства, и едва ли утѣшатся тою заслугой которую они хотѣли оказать сохраненію мира. Мы полагаемъ что *нѣкоторые* нейтральные уже въ настоящую минуту много бы дали за то чтобъ имъ можно было съ самаго начала участвовать въ войнѣ; но намъ, Нѣмцамъ, положеніе принятое нѣкоторыми нейтральными останется навсегда очень памятнымъ. Взглянемъ еще разъ на образъ дѣйствій нашихъ сосѣдей. Когда бонапартизмъ, послѣ того какъ съ его дерзкаго лица спала маска, объявилъ войну въ которой *не было повода*, государства вокругъ насъ лежащія искали *предлоговъ* чтобъ остаться въ нейтралитетѣ. Какъ будто бонапартизмъ явленіе новое, эти государства утверждали что ихъ *интересы* предписываютъ имъ *оставаться въ бездѣйствіи*; они удовольствовались *ложью* бонапартизма, объявившаго что государственная мудрость предписываетъ *локализовать* войну.

Къ счастію для всѣхъ трепещущихъ грѣшниковъ настоящаго времени, Германія теперь такъ сильна что можетъ не подвергать ихъ тяжкому наказанію за эту „государственную мудрость“, которой малодушіе и близорукость доказаны какъ исторіей перваго Бонапарта, такъ и новѣйшими разоблаченіями происковъ третьяго Бо-

напарта. Судъ Божій обнаружился теперешнею войной предъ всѣмъ міромъ, и каждая нація должна будетъ подчиниться этому приговору.

Мы не знаемъ можно ли выражаться съ большею безцеремонностью и дерзостію. А между тѣмъ, всему міру извѣстно что успѣхи Пруссіи стали и возможны только благодаря положенію принятому Россіей...

Какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, ближайшій органъ союзнаго канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, тотчасъ же офиціальнымъ тономъ возразилъ на выходку своего собрата. Вотъ въ какихъ словахъ сдѣлано это возраженіе:

Въ *Крестовой Газетѣ*, отъ 10-го сего мѣсяца, содержится статья, подъ заглавіемъ *Нейтральные* которая возбудила въ политическихъ кругахъ справедливое изумленіе. Мы уполномочены объявить что тенденція въ основѣ этой статьи воззрѣнія на образъ дѣйствій нейтральныхъ державъ не соотвѣтствуютъ ни фактическому положенію дѣлъ, ни воззрѣнію правительства.

Игра между этими двумя газетами живо напоминаетъ манифестаціи которыя при подобныхъ случаяхъ разыгрываются въ англійскомъ парламентѣ. Раздаются роли между членами оппозиціи и офиціальными ораторами, и разыгрывается піеса приноровленная къ обстоятельствамъ.

Но какъ ни груба выходка *Крестовой Газеты*, она по крайней мѣрѣ откровенна, и въ ней есть кое-что не лишенное правды. Дѣйствительно, теперь совершаются судьбы нѣкоторыхъ нейтральныхъ...

Въ добавокъ къ нахальной выходкѣ своей противъ нейтральныхъ державъ будто бы глубоко сожалѣющихъ теперь о своей нейтральности, *Крестовая Газета*, въ одинъ день съ офиціальнымъ отреченіемъ газеты *Nordeutshe Zeitung* отъ этой выходки, выпустила новую статью противъ нейтральныхъ, подъ видомъ корреспонденціи изъ южной Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ органъ феодальной партіи, что нейтралитетъ на время безопаснѣе и удобнѣе, но на будущее онъ же приводитъ къ затрудненіямъ и бѣдствіямъ. *Крестовая Газета* сожалѣетъ о недостаткѣ „идеальныхъ побужденій“ въ современной дипломатіи, о господствующей въ ней ограниченности и узкости взгляда, вслѣдствіе-де чего державы не соединились вовремя для низложенія бонапартизма, когда онъ ожилъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ и, имѣя-де девизомъ l'un après l'autre, сталъ сводить свои счеты съ начала съ Россіей, потомъ съ Австріей. Въ настоящую минуту, продолжаетъ *Крестовая Газета*, онъ сводитъ ихъ съ Пруссіей, и будущая очередь конечно-де Англіи. Какая грубая попытка извратить смыслъ настоящаго положенія! Затѣмъ въ мрачныхъ краскахъ рисуется „современный милитаризмъ“, возрастающіе, „почти неоплатные налоги, ропотъ угнетаемыхъ народовъ“ и т. п. чему виною частыя войны и вооруженный миръ, причиненные будто бы политикой бонапартизма. Бонапартизмъ! Не вѣрнѣе ли было бы заговорить о *бисмаркизмѣ?* Войны, захваты, возвышеніе налоговъ и неудовольствіе плательщиковъ, причину всего этого берлинская газета можетъ найдти ближе къ себѣ..

Всего забавнѣе этотъ сердитый тонъ принимаемый берлинскою газетой противъ Англіи. Гримасой неудовольствія противъ Англіи имѣется въ виду прикрыть истину. Напрасно! Дѣло слишкомъ очевидное: Пруссія не имѣетъ никакого основанія сѣтовать на Англію; всѣ сочувствія Англіи на прусской сторонѣ, и въ свѣдущихъ берлинскихъ сферахъ это извѣстно какъ нельзя лучше.

Что же касается до злодѣяній бонапартизма, перечисляемыхъ *Крестовою Газетой* въ назиданіе „сосѣдямъ,“ злодѣяній, конечною жертвою коихъ должна-де стать злополучная Англія; то надобно имѣть слишкомъ иакое мнѣніе о разумѣніи добрыхъ сосѣдей чтобы разсчитывать на успѣхъ этихъ назиданій. Нѣтъ, въ основаніи всѣхъ предпріятій второй Французской имперіи была именно Англія, и ея политика перехватывала всѣ замыслы бонапартизма и направляла ихъ по своему. Восточная война, Крымъ, Севастополь? Но нашимъ злѣйшимъ, нашимъ природнымъ врагомъ въ этомъ дѣлѣ была и остается Англія, къ которой бонапартовская Франція только припряглась, будучи отвергнута нами. Кому неизвѣстно что и Польскій вопросъ, встревожившій Россію въ 1863 году, былъ также дѣломъ Англіи, которымъ она обманула и бонапартизмъ, и всю Европу, и насъ самихъ, для того чтобы помѣшать начинавшемуся между нами и Франціей сближенію на почвѣ Востока, въ чемъ и успѣла? Нѣтъ, не бонапартизмъ господствовалъ въ европейскихъ дѣлахъ и направ-

лялъ ихъ по-своему, а политика Англіи, которой бонапартизмъ былъ только орудіемъ...

Б.

Сегодняшнія телеграммы дополняютъ и поясняютъ вчерашнее извѣстіе о битвѣ подъ Мецемъ. Предъ нами два сообщенія, одно офиціальное прусское, другое офиціальное французское полученное изъ Парижа (непрямымъ путемъ) и весьма краткое. Обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду. Пруссаки говорятъ что они напали на французскія войска стоявшія впереди Меца и отбросили ихъ въ крѣпость. Французы же утверждаютъ что часть арміи не перешедшая за Мозель подверглась нападенію непріятеля и отразила его съ большимъ урономъ.

По всему вѣроятію это было аріергардное дѣло. Извѣстно было что французская армія по своимъ стратегическимъ соображеніемъ начала отступленіе за Мозель, а вчера телеграмма извѣстила что императоръ Наполеонъ также выѣхалъ изъ Меца. Прусскія войска, какъ видно, были заинтересованы тѣмъ чтобы помѣшать этому отступленію, но не успѣли, и настигли только въ значительныхъ силахъ оставшуюся по сю сторону часть французской арміи, которая и должна была принять битву. Цѣль Пруссаковъ повидимому заключалась въ томъ чтобы затруднить переправу войскъ оставшихся на правомъ берегу Мозеля и, если можно, разбить ихъ. Единственная же цѣль Французовъ была отражать непріятеля на столько чтобъ обезпечить себѣ переправу и соединеніе съ остальными войсками чрезъ Мецъ. Изъ телеграммъ можно заключить что Французы достигли своей цѣли, и совершили переправу успѣшно, ибо прусская депеша не упоминаетъ чтобъ у Французовъ было отбито при этомъ арьергардномъ дѣлѣ хотя бы одно орудіе.

Дѣло это слѣдовательно вовсе нельзя считать рѣшительнымъ, и результатъ его слѣдуетъ толковать скорѣе къ выгодѣ Французовъ. Теперь вся армія ихъ сосредоточена на лѣвомъ берегу Мозеля, движенія ея становятся свободнѣе и, можетъ-быть, вскорѣ послѣдуютъ какія-либо рѣшительныя дѣйствія со стороны французскаго главнокомандующаго.

Въ другой депешѣ, съ прусской стороны, сказано что король Прусскій при большой рекогносцировкѣ нѣсколько часовъ разъѣзжалъ между форпостами Меца, и непріятель не производилъ никакихъ демонстрацій, что свидѣтельствуетъ, по словамъ депеши, объ упадкѣ духа во французской арміи. Объясненіе очевидно невѣрное. Эта рекогносцировка большими силами впереди Меца не могла имѣть иной цѣли какъ только вызвать Французовъ, заманить ихъ къ сраженію при невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, чтобы снова быстро собранными превосходными силами раздавить какую-либо часть ихъ арміи. Не сталъ бы самъ король разъѣзжать нѣсколько часовъ между аванпостами, еслибы не имѣлось въ виду подобной цѣли. Но Французы не дались въ ловушку.

Какой оборотъ приметъ теперь война и какія теперь имѣютъ произойти дѣйствія, предвидѣть нельзя. Между тѣмъ прусскіе разъѣзды достигли уже Баръ-ле-Дюка, лежащаго далеко на западъ отъ Нанси на желѣзной дорогѣ къ Парижу.

№ 169.

Москва, 5-го августа.

А.

Теперь наступила удобная минута для обзора бывшихъ доселѣ военныхъ дѣйствій, насколько о нихъ можно получить понятіе изъ имѣющихся свѣдѣній. Первый актъ военной драмы оконченъ, и теперь кампанія должна принять новый характеръ.

Предъ началомъ военныхъ дѣйствій мы видѣли что главная сила французской арміи находилась въ сѣверо-восточномъ углу французской границы, впереди Меца, будучи растянута отъ Люксембурга до рейнской Баваріи и Страсбурга. Прусскія силы, напротивъ, сперва занимавшія длинную линію на Рейнѣ, къ началу августа начали стягиваться такимъ образомъ чтобы на извѣстные пункты могли быть направлены значительныя массы. Французскій главнокомандующій положительно не имѣлъ точныхъ свѣдѣній не только о расположеніи различныхъ нѣмецкихъ армій, но вѣроятно и о численности ихъ. Такъ, напримѣръ, въ главной квартирѣ императорской арміи подозрѣвали что 2-я прусская армія, командуемая принцемъ Фридрихомъ Карломъ, находилась противъ лѣ-

ваго французскаго фланга, гдѣ-то между Трiромъ и Сарлуи. Это предположенiе, вѣроятно, и заставило стянуть французскія войска справа налѣво, и оно же, встревоживъ Французовъ подъ Саарбрюккеномъ, воздержало ихъ тамъ отъ наступательныхъ дѣйствiй. Между тѣмъ, послѣ оказалось что армiя принца Фридриха Карла, либо вовсе не была у Трира, находясь во второй линiи позади 1-й армiи командуемой генераломъ Штейнмецемъ, либо была быстро переведена оттуда. Во всякомъ случаѣ, 7-го августа, на другой день послѣ битвы при Шпихернѣ, принцъ Фридрихъ Карлъ, какъ извѣщали телеграммы, передвинулся изъ Гомбурга въ Блискастель. Слѣдовательно, онъ находился въ самомъ близкомъ разстоянiи отъ 1-й прусской армiи, къ востоку отъ нея, и занялъ центральное положенiе между ею и южною армiей командуемою наслѣднымъ принцемъ. Такимъ образомъ, прусскія силы были гораздо болѣе сосредоточены чѣмъ даже можно было думать, и еслибы корпусъ Фроссара, даже сильно подкрѣпленный, послѣ перваго занятiя Французами Саарбрюккена отважился идти далѣе на прусскую территорiю, то онъ буквально былъ бы раздавленъ массами двухъ прусскихъ армiй. Даже общее движенiе всей французской армiи въ этотъ моментъ на Саарбрюккенъ и далѣе было едва ли возможно, ибо и тогда она встрѣтилась бы съ превосходнымъ противникомъ, *) между тѣмъ какъ армiя наслѣднаго принца, обрушившись всею массой на одинокiй корпусъ Макъ-Магона, могла бы прервать съ тыла всякое сообщенiе главныхъ французскихъ силъ съ Парижемъ, идущее, какъ извѣстно, на Туль, ибо стратегическая желѣзная дорога изъ Меца въ Верденъ еще далеко не готова, по странной безпечности французскаго правительства, какъ видно вовсе не помышлявшаго о возможности оборонительной войны.

Соображая это, мы должны отдать справедливость не только храбрости французскихъ солдатъ, но и доблести командировъ отдѣльныхъ французскихъ корпусовъ. На первый разъ маршалъ Магъ-Магонъ казался заслуживающимъ упрека зачѣмъ онъ принялъ битву при неравныхъ условiяхъ, или даже самъ напросился на нее, вмѣсто того чтобы тотчасъ же отступить къ главнымъ силамъ. Но когда будутъ собраны всѣ матерiалы для исторiи настоящей кампанiи, военные критики, вѣроятно, признаютъ за нимъ заслугу не только рѣдкаго мужества и быстрой распорядительности, но и правильнаго стратегическаго соображенiя. Послѣ Вейсенбургскаго дѣла онъ не могъ уже не знать что имѣетъ предъ собой превосходныя прусскія силы, но тѣмъ не менѣе, полагаясь на близость корпуса Фальи, а отчасти можетъ-быть и жертвуя прiобрѣтенною имъ репутацiей, онъ постарался по возможности задержать опасное движенiе непрiятеля на правомъ флангѣ французской армiи. Въ тотъ же самый день кипѣлъ бой подъ Саарбрюккеномъ или при Шпихернѣ, но корпусъ Фальи не участвовалъ и въ этомъ боѣ. Неизвѣстно что̀ помѣшало ему своевременно двинуться либо въ ту, либо въ другую сторону. Иные утверждаютъ что онъ былъ сбитъ съ толку ошибкой телеграфиста передававшаго ему депешу Макъ-Магона съ требованiемъ помощи и указанiемъ пункта на который онъ долженъ былъ двинуться. Имя этого пункта было будто бы переиначено, чему впрочемъ, надобно признаться, трудно повѣрить. Какъ бы то ни было, отчаянный отпоръ данный вторженiю корпусами Макъ-Магона и Фроссара, а еще болѣе послѣдовавшая проволочка въ наступленiи со стороны Пруссаковъ, дали время Французамъ стянуть свои силы и благополучно совершить переправу черезъ Мозель, — единственная операцiя которая можетъ нѣсколько поправить для нихъ положенiе дѣлъ.

По какимъ причинамъ французскія войска очутились въ такомъ безотрадномъ положенiи что имъ пришлось предпринять отступленiе при самыхъ невыгодныхъ условiяхъ — мы уже говорили, и совершенно то же самое высказываютъ и французскія газеты, негодующiя на слѣпоту и самообольщенiе администрацiи.

Ниже мы помѣщаемъ отчетъ о пренiяхъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ, и читатели могутъ видѣть какъ сильно высказалось негодованiе народныхъ представителей обманутыхъ неспособными

*) Въ 1-й прусской армiи считается 130.000, а во 2-й 140.000, слѣдовательно Французамъ пришлось бы встрѣтить 270.000, тогда какъ теперь всѣхъ войскъ, съ корпусомъ Макъ-Магона и резервами Канробера, насчитываютъ въ распоряженiи маршала Базена лишь около 250.000, а до того въ главной армiи, вѣроятно, не было и 200.000.

и тщеславными министрами. Г. де-Кератри, членъ оппозиціи бывшій въ числѣ членовъ коммиссіи назначенной для доклада о чрезвычайныхъ кредитахъ потребованныхъ правительствомъ на военные расходы, сообщилъ что призванный въ коммиссію военный министръ, маршалъ Лебефъ, ручался честью что Франція совершенно готова къ войнѣ. Г. Кератри присовокупилъ что еслибы министръ оставилъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ этомъ отношеніи, то коммиссія сочла бы своимъ долгомъ раскрыть предъ палатой истинные факты. Какимъ образомъ могъ такъ жестоко ошибиться маршалъ Лебефъ, давно уже занимавшій должность военнаго министра, это рѣшительно непонятно если не предположить что онъ былъ увѣренъ въ еще меньшей приготовленности прусской арміи: непростительная ошибка которую такъ быстро и такъ горько обнаружили событія. Депутатъ г. Жеромъ Давидъ, бывшій въ дѣлѣ подъ Вейсенбургомъ и лично видѣвшій французскія войска, считалъ себя въ правѣ громко высказать въ палатѣ что французская армія не была готова къ войнѣ, а между тѣмъ имѣла предъ собой войска вполнѣ организованныя, снабженныя всѣми принадлежностями для транспорта, продовольствіемъ и вообще всякаго рода средствами для веденія войны, съ умысломъ заготовленными за нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ не безъ основанія заключалъ изъ этого что войны желалъ самъ непріятель, и искалъ только предлога. Теперь для всѣхъ ясно что прусская политика мастерски сумѣла вовлечь Францію въ войну когда она вовсе не было приготовлена къ ней, и притомъ такъ что Франція же оказалась зачинщицей.

Министры болѣе способные чѣмъ тѣ посредственности коимъ въ то время было поручено управленіе дѣлами Франціи, нашли бы, конечно, возможность уклониться отъ вызова, и отложили бы борьбу до болѣе благопріятнаго момента. Но маршалъ Лебёвъ, какъ видно, полагалъ возможнымъ вести наступательную войну такого значенія съ арміей въ 200.000 человѣкъ. Весьма возможно что даже и съ этими силами, при искусномъ распоряженіи, можно было бы нанести отдѣльные удары, которые хотя и не рѣшили бы кампаніи, но поставили бы Францію въ положеніе болѣе или менѣе благопріятное. Но въ довершеніе ко всему, при отсутствіи хорошо обдуманнаго плана и при нерѣшительности военныхъ совѣтовъ, было потеряно драгоцѣнное время. Результатъ вышелъ самый плачевный: французская армія, въ которой можетъ-быть не наберется и 250.000 тысячъ, едва не была окружена и обойдена съ фланговъ силами которыя въ совокупности теперь, вѣроятно, простираются до полумилліона.

Теперь вся французская армія подчинена главному начальству маршала Базена (Bazaine) и успѣшно совершила трудное отступленіе и переправу черезъ Мозель въ виду вдвое сильнѣйшаго противника. Слабое преслѣдованіе Пруссаками французскихъ корпусовъ Макъ-Магона и Фроссара, зависѣвшее вѣроятно отъ какихъ-либо причинъ теперь еще неизвѣстныхъ, дало возможность Французамъ собраться съ силами. Въ непродолжительномъ времени должно обнаружиться, обладаетъ ли маршалъ Базенъ стратегическими и тактическими способностями чтобы справиться съ затрудненіями своего положенія. Одно ясно: Пруссаки теперь всячески должны будутъ вызывать на бой Французовъ чтобы подавлять отдѣльныя части ихъ силъ своимъ численнымъ превосходствомъ. До сихъ поръ тактика прусскихъ полководцевъ заключалась въ умѣньѣ собирать быстро большія массы и направлять ихъ на отдѣльные корпуса, и должно отдать имъ честь что они исполняли свои планы съ удивительною точностью. Нынѣ къ нимъ прибыло сильное подкрѣпленіе въ корпусѣ Мантейфеля, успѣвшемъ прибыть подъ Мецъ изъ-подъ Киля. При неравенствѣ силъ для Французовъ теперь одно спасеніе, избѣгать отдѣльныхъ схватокъ, беречь своихъ людей и отступать на такую позицію гдѣ армія могла бы выждать подкрѣпленій, окончательно сформироваться и собрать войско сколько-нибудь соотвѣтствующее силамъ противника.

В...

Въ Вильнѣ недолюбливаютъ гласность. Мѣстная газета поражена нѣмотою какой не бывало ни съ однимъ органомъ гласности въ нынѣшнее царствованіе. *Виленскій Вѣстникъ* не смѣетъ молвить ни полуслова о мѣстныхъ дѣлахъ и задачахъ русской политики въ краѣ; даже помѣщеніе списка пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, въ числѣ коихъ иногда замѣчались лица

не имѣющія права жить въ краѣ, считается чрезмѣрною гласностью, и теперь прекращено. Цѣлый рядъ послѣднихъ нумеровъ своихъ *Виленскій Вѣстникъ* наполняетъ компиляціей изъ археографическихъ сборниковъ и статьями о „сельской жизни въ Бенгалѣ,“ о „кофейныхъ плантаціяхъ въ Кубѣ,“ о „тайнахъ поклонниковъ Брамы…“

Сношенія виленскихъ жителей съ газетами русскаго направленія преслѣдуются строжайшимъ образомъ. По простому подозрѣнію въ подобныхъ сношеніяхъ, служащихъ заставляютъ подавать въ отставку; иногда даже обыски дѣлаются у заподозрѣнныхъ въ семъ преступленія.

А между тѣмъ, до насъ все-таки, *по оказіи*, доходятъ интересныя извѣстія изъ Вильны.

Читатели помнятъ что теперешнее виленское управленіе открыло свои дѣйствія представленіями о чрезвычайной распущенности мѣстныхъ крестьянъ. Въ Вильнѣ раздавались сѣтованія на своеволіе, самоуправство, лѣнь, пьянство (замѣтьте, *пьянство*) и всевозможные пороки крестьянъ. Прежніе генералъ-губернаторы осуждались за то что они придали мировымъ посредникамъ будто бы противузаконную роль политическихъ дѣятелей заботящихся о русскихъ интересахъ и занимающихся разными дѣлами не имѣющими прямаго отношенія къ ихъ формальнымъ обязанностямъ. Мы имѣли уже случай замѣтить что виленская администрація въ этомъ отношеніи нѣсколько ошибалась, ибо должность посредниковъ съ самаго начала была задумана законодательствомъ съ нѣкоторымъ политическимъ характеромъ, и не только въ западномъ краѣ, но и повсемѣстно. Въ Вильнѣ всячески старались умалить кругъ вліянія посредниковъ, ограничивая ихъ обязанности исполненіемъ буквы закона и, вопреки закону, подчиняя ихъ дѣятельность условіямъ чисто-бюрократическаго, или канцелярскаго порядка.

Вдругъ теперь оказывается что виленская администрація принимаетъ мѣры къ размноженію кабаковъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, и въ числѣ обязанностей которыя сочтены приличными для мировыхъ посредниковъ возлагаетъ на нихъ заботы именно объ увеличеніи числа питейныхъ заведеній и даже о введеніи возбраняемыхъ закономъ пропинаціонныхъ сборовъ.

Мы печатаемъ сегодня корреспонденцію изъ Вильны объ этомъ странномъ обстоятельствѣ. Мы бы не повѣрили ей еслибы при ней не находился печатный экземпляръ циркуляра коимъ дѣлаются помянутыя распоряженія.

Еще въ прошломъ году, генералъ-майоръ Цейдлеръ, состоящій при управленіи генералъ-губернатора, и членъ крестьянской коммиссіи, г. Хоментовскій, посылались на ревизію волостныхъ управленій въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской губерніи. Означенныя лица представили генералъ-губернатору докладъ о разныхъ недостаткахъ крестьянскаго управленія и дѣлопроизводства въ волостяхъ. Ревизоры, между прочимъ, свидѣтельствовали что мірскія ссудныя кассы „не заведены во многихъ волостяхъ,“ и что въ *нѣкоторыхъ* мѣстахъ гдѣ эти кассы существуютъ, „въ со-„ставъ мірскаго капитала обращались, „кромѣ штрафныхъ денегъ, *пропинаці-„онные* доходы и суммы получаемыя отъ „аренды корчемъ.“

Генералъ-губернаторъ, въ предложеніи губернскому присутствію, перечисливъ замѣчанія ревизоровъ, пригласилъ мировыхъ посредниковъ *содѣйствовать* увеличенію денежныхъ запасовъ въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ. При этомъ предложено имъ обратить особенное вниманіе на аренды кабаковъ и пропинаціонные сборы. Въ какомъ же смыслѣ обращается вниманіе посредниковъ на такіе порядки? Предписывается ли имъ прекратить незаконные сборы? Говоримъ *незаконные*, ибо п. 8 ст. 310 пит. устава гласитъ:

Приговоры, постановленія и условія, на основаніи коихъ поименованныя въ ст. 310-й учрежденія, общества и лица дозволяютъ кому-либо продажу крѣпкихъ напитковъ въ данной мѣстности, со взиманіемъ опредѣленной платы въ свою пользу, собственно за право торговли напитками, считаются недѣйствительными, и патенты по такимъ приговорамъ и постановленіямъ не выдаются. Равномѣрно недѣйствительны постановленія и приговоры объ отдачѣ на земляхъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, питейной продажи исключительно одному или нѣсколькимъ лицамъ, въ видѣ монополіи.

Законъ яcенъ и не допускаетъ двухъ толкованій. Въ виду столь яснаго закона, слѣдовало ожидать строжайшаго предписанія прекратить незаконные сборы. Слѣдовало ожидать что власть вооружится всею силой своего вліятельнаго слова про-

тивъ тѣхъ крестьянскихъ кассъ которыя существуютъ доходами съ питейныхъ домовъ. Нѣтъ, генералъ-губернаторское предложеніе объявляетъ что эти запрещенные закономъ сборы „*могутъ* существовать во всѣхъ волостяхъ." Признается полезнымъ распространять повсемѣстно въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ тѣ пропинаціонные сборы, которые злоупотребительно заведены въ нѣкоторыхъ волостяхъ. Наконецъ, прямо предписывается чтобы посредники, заботясь объ увеличеніи числа кассъ и разъясняя крестьянамъ „пользу учрежденія ихъ," указывали имъ, въ *примѣръ* для подражанія, на кассы питающіяся кабаками и пропинаціей. Это выразительно сказано въ циркулярѣ, какъ можно видѣть въ помѣщаемомъ ниже письмѣ нашего виленскаго корреспондента.

Такимъ образомъ, предписаніе заботиться о размноженіи кассъ само собой перешло въ предписаніе размножать число кабаковъ и вводить незаконные пропинаціонные сборы.

Можно ли ожидать однако „увеличенія денежныхъ запасовъ волостей и сельскихъ обществъ" вслѣдствіе искусственнаго размноженія кабаковъ? Не слѣдуетъ ли гораздо болѣе опасаться что размноженіе кабаковъ усилитъ распущенность, самоволіе, буйство и всяческіе пороки крестьянъ, признаваемые за ними въ Вильнѣ и безъ того въ огромныхъ размѣрахъ?

№ 170.

Москва, 7-го августа

А.

Въ поясненіе послѣднихъ телеграммъ о битвѣ при Мецѣ и Марсъ-Латурѣ (Резонвилѣ) слѣдуетъ замѣтить что всѣ усилія Пруссаковъ направлены къ тому чтобы не допустить соединенія частей рейнской арміи, находящихся въ Мецѣ, съ новою арміей которая формируется въ Шалонѣ. Для этой цѣли выдвинуты огромныя силы. Французы, при движеніи изъ Меца на Верденъ, должны выдерживать натискъ двухъ прусскихъ армій: принца Карла-Фридриха и Штейнмеца. На каждомъ шагу французскія колонны принуждены оборачиваться для отраженія нападеній, и отряды находящіеся впереди должны возвращаться для подкрѣпленія отставшихъ.

Кровопролитное дѣло при Марсъ-Латурѣ, о которомъ сообщалось въ телеграммахъ разосланныхъ вчера особымъ прибавленіемъ, кончилось тѣмъ что Пруссаки были отражены, ибо Французы удержали за собою свои позиціи, гдѣ и провели ночь съ 16-го на 17-е. Пруссаки могли занять эту мѣстность уже послѣ того какъ маршалъ Базенъ, укомплектовавъ изъ Меца свои боевые запасы, двинулся далѣе. На этомъ застаетъ насъ новая телеграмма возвѣщающая о побѣдѣ прусскихъ армій 18-го числа, подъ главнымъ предводительствомъ самого короля. Для насъ остается неяснымъ отброшена ли вся армія Базена къ Мецъ или только арріергардъ ея который самъ туда пробивался, какъ извѣщаетъ французская депеша отъ 19-го числа.

Нельзя не замѣтить что послѣднія прусскія реляціи отличаются выраженіями явно преувеличенными и представляютъ дѣло съ очевидною неточностью, что вводитъ ихъ въ странныя противорѣчія. Такъ, передавая дѣло подъ Мецемъ (14-го августа), прусская реляція говоритъ что нападеніе было предпринято для того чтобъ оттѣснить французскія войска отъ Меца, а къ концу, возвѣщая побѣду, говоритъ что Французы были отброшены къ Мецу. Очевидно что Французы, отразивъ нападеніе, возвратились въ крѣпость, подъ прикрытіемъ которой и совершили свою переправу чрезъ Мозель, что было въ ихъ планѣ и въ чемъ непріятель хотѣлъ имъ помѣшать. Точно также и при Резонвилѣ: если французскія войска послѣ битвы провели ночь въ своихъ позиціяхъ, то это значитъ что поле битвы удержано ими; но оставаться долѣе на этой позиціи не было въ ихъ разсчетѣ, и Пруссаки могли занять ее послѣ, а это отнюдь не можетъ значить что поле битвы было ими побѣдоносно удержано, какъ сказано въ ихъ реляціи.

Дальнѣйшія извѣстія пояснятъ смыслъ „великой побѣды" одержанной 18-го (6-го) августа обѣими прусскими арміями надъ выступившими изъ Меца французскими колоннами. Но мы не можемъ и здѣсь не замѣтить страннаго противорѣчія. Въ реляціи прусской о „побѣдоносномъ" сраженіи отъ 16-го августа было сказано что поле битвы осталось за Пруссаками, а Французы отброшены въ Мецъ; изъ сегодняшней же побѣдной телеграммы явствуетъ

что Пруссаки послѣ побѣды 16-го августа ни на шагъ не подвинулись впередъ и что маршалъ Базенъ не только удержалъ за собою свою позицію при Резонвилѣ, не чуть ли и не укрѣпился въ ней, такъ что потребовалось новое кровопролитное сраженіе чтобы выбить его оттуда и опять-таки отбросить въ Мецъ.

Впрочемъ попытка французскаго главнокомандующаго оставить Мецъ можетъ-быть также не болѣе какъ маневръ. Войска эти давно могли бы выйти изъ Меца и быть уже въ Шалонѣ, прежде чѣмъ Пруссаки успѣли сосредоточить здѣсь обѣ свои арміи и переправить ихъ черезъ Мозель въ Понтъ-а-Муссонъ. Пока эти арміи истощаютъ свои силы въ бояхъ съ выступающими изъ Меца и опять отходящими въ него колоннами, въ Шалонѣ формируется новая армія, получающая отовсюду подкрѣпленія. Такъ, одна изъ нынѣшнихъ депешъ извѣщаетъ о прибытіи туда корпуса Дуэ, который при началѣ кампаніи былъ въ Бельфорѣ, въ южной части Эльзаса. Сторожа подъ Мецомъ находящіяся тамъ части французской рейнской арміи, Пруссаки, быть-можетъ, теряютъ только время и даютъ сформироваться новой арміи, которая можетъ предпринять наступательное движеніе тѣмъ болѣе опасное для принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца что въ тылу у нихъ остаются значительныя силы подъ прикрытіемъ укрѣпленій Меца.

Б.

Мы посвятили недавно нѣсколько статей законодательнымъ вопросамъ находящимся въ связи съ интересами землевладѣнія. Мы намѣрены поговорить сегодня о предметѣ соприкасающемся съ этими вопросами,— о крѣпостныхъ пошлинахъ. По этой части предположены податною коммиссіей коренныя преобразованія, но ея предположенія, сколько извѣстно, не окончательно еще выработанныя, до сихъ поръ не опубликованы. Нынѣ крѣпостныя пошлины, совокупно съ канцелярскими (3 руб. съ каждаго акта), даютъ 3.000.000 р. Онѣ представляютъ собою вознагражденіе казны со стороны частныхъ лицъ за исключительныя государственныя гарантіи связанныя съ актами перехода изъ рукъ въ руки правъ на недвижимыя имущества и также перехода всякихъ имуществъ по наслѣдству. Эти два элемента — совершеніе актовъ крѣпостнымъ порядкомъ и вступленіе въ право наслѣдства — суть основаніе всей системы нашихъ крѣпостныхъ пошлинъ. Совершенно сходны съ ними *явочные* сборы (droits d'enregistrements, Eintragungs-gebühren) въ другихъ государствахъ, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ въ пользу нашего законодательства что въ другихъ странахъ, въ особенности во Франціи, въ Бельгіи, отчасти въ Италіи, и прежде въ Испаніи, публичные реестры, подобные нашимъ крѣпостнымъ книгамъ, служили источникомъ для самыхъ непозволительныхъ фискальныхъ вымогательствъ, чего у насъ никогда не было. Внесеніе въ публичные реестры или книги (явка) было сдѣлано въ упомянутыхъ государствахъ обязательнымъ для самыхъ разнообразныхъ частныхъ актовъ и сдѣлокъ, вовсе въ томъ не нуждающихся, и явочныя пошлины не всегда были послѣдствіемъ совершенія обрядовъ необходимыхъ для охраны имущественныхъ правъ, а наоборотъ, придумывались обряды только какъ предлогъ для взиманія сборовъ и обогащенія казны. Этого никакъ нельзя сказать о нашихъ крѣпостныхъ пошлинахъ; онѣ уплачиваются: во-первыхъ, за акты дѣйствительно совершаемые, съ соблюденіемъ обрядовъ придающихъ имъ особую *крѣпость*, и въ то же время только за сдѣлки заключающія въ себѣ пріобрѣтеніе права полной собственности на недвижимыя имущества, сдѣлки дѣйствительно по самой своей сущности, а не по произволу фиска, нуждающіяся въ такой исключительной крѣпости; во-вторыхъ, крѣпостныя пошлины уплачиваются по завѣщаніямъ, при переходѣ имуществъ помимо прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ, и потому также въ случаяхъ исключительнымъ образомъ вызывающихъ споры и претензіи и нуждающихся въ особенной государственной защитѣ. Несмотря однакоже на справедливость основнаго начала нашихъ крѣпостныхъ пошлинъ, дѣйствующая система ихъ въ весьма существенныхъ своихъ подробностяхъ и несправедлива, и весьма отяготительна для публики, во многихъ важныхъ отношеніяхъ даже гораздо отяготительнѣе и вреднѣе для народнаго хозяйства, какъ мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ системы подобныхъ пошлинъ дѣйствующія въ другихъ государствахъ.

Недостатки нашей системы крѣпостныхъ пошлинъ тѣмъ болѣе требуютъ исправленія что онѣ невыгодныя и для казны; въ

другихъ государствахъ получаются отъ этого вида актовыхъ сборовъ болѣе значительные доходы: такъ напримѣръ во Франціи явочныя пошлины съ передачъ недвижимыхъ имуществъ дали въ 1866 г. приблизительно 80 мил. дохода, а пошлины отъ движимыхъ имуществъ только 8 мил. фр., и болѣе одной пятой всего дохода отъ явочныхъ пошлинъ получалось съ однихъ наслѣдствъ; въ Англіи сборъ съ однихъ наслѣдствъ, взимаемый въ формѣ гербовой пошлины, даетъ до 43% всего дохода отъ гербовыхъ пошлинъ, въ видѣ которыхъ существуютъ всѣ англійскіе актовые налоги. У насъ совершенно противоположное явленіе: крѣпостныя пошлины (3.000.000 вмѣстѣ съ канцелярскими) доставляютъ только около одной четверти столь незначительнаго у насъ дохода отъ всѣхъ актовыхъ налоговъ (около 12 мил.), а въ общемъ итогѣ дохода отъ крѣпостныхъ пошлинъ, сборъ съ завѣщаній, то-есть единственный у насъ видъ пошлинъ съ наслѣдствъ, даетъ только около 6%. Вотъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ (то-есть въ доходѣ отъ сборовъ съ наслѣдствъ) и заключается самое существенное различіе нашей системы актовыхъ налоговъ отъ всѣхъ иностранныхъ. Нѣтъ сомнѣнія что огромное превосходство какъ цѣнности недвижимыхъ имуществъ въ Западной Европѣ, такъ и количества ихъ передачъ (за исключеніемъ однако Англіи съ ея майоратами и субститутами) въ сравненіи съ Россіей, объясняютъ въ значительной степени ничтожество нашего государственнаго дохода по этой статьѣ, однако оно зависитъ также и отъ недостатковъ самой системы крѣпостныхъ пошлинъ.

Эти недостатки заключаются главнѣйше въ слѣдующемъ. Размѣръ 4% съ цѣны имущества одинаковъ для всѣхъ безъ изъятія актовъ, въ томъ числѣ какъ возмездныхъ, такъ и безвозмездныхъ, несмотря на рѣзкое различіе тѣхъ и другихъ по экономическимъ и юридическимъ свойствамъ: и пріобрѣтеніе имѣній по завѣщаніямъ, и всякаго рода другіе дарственные акты, и купчія крѣпости платятъ одно и то же количество пошлинъ. Отъ этого происходитъ что возмездные переходы недвижимыхъ имуществъ, то-есть продажи и покупки имѣній, такъ отягощены у насъ какъ нигдѣ въ Европѣ, а при малой предпріимчивости классовъ владѣющихъ у насъ землей, при искусственномъ отвлеченіи капитала къ фабричному дѣлу и торговлѣ, это прямо ведетъ къ той прискорбной неподвижности вслѣдствіе которой богатства заключающіяся въ землѣ лежатъ у насъ почти безплодно, какъ мертвый капиталъ. Это обстоятельство заслуживаетъ серіознаго вниманія правительства, въ особенности въ настоящее время, когда было бы особенно важно оживить русское землевладѣніе въ экономическомъ отношеніи. Поземельная собственность у насъ политически перерождается; дабы этотъ процессъ совершился успѣшно и безъ лишеній, нужны бодрость, подвижность, находчивость въ сословіи сельскихъ хозяевъ, а этому не мало содѣйствовало бы возможно большее ускореніе новаго распредѣленія землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, для уплаты старыхъ долговъ и для пріобрѣтенія оборотнаго капитала для хозяйства, въ особенности при уменьшеніи запашекъ, помѣщики безпрестанно нуждаются въ продажѣ части своихъ земель; также точно другіе готовы помѣстить свои капиталы въ землѣ, въ такое время когда цѣны на нее еще не успѣли сильно возрасти. Еще полезнѣе въ экономическомъ отношеніи спросъ продавцовъ и покупателей, когда онъ вызывается желаніемъ округлить имѣнія и сосредоточить хозяйство: при крѣпостномъ правѣ имѣнія помѣщиковъ бывали разбросаны по многимъ губерніямъ; теперь это невыгодно, и необходимы обмѣны имѣній. Между тѣмъ расходъ въ 400 рублей сер. крѣпостныхъ пошлинъ (сверхъ крѣпостной гербовой бумаги и другихъ издержекъ) на имѣніе стоящее 10.000 р. составляетъ чувствительное затрудненіе и иногда можетъ даже отклонить ту или другую сторону отъ этой операціи. Значительность этого расхода, производимаго всегда *на счетъ капитала, а не чистаго дохода*, — что также есть несомнѣнный вредъ въ народномъ хозяйствѣ, — нѣсколько умѣряется устарѣлыми и низкими нормами оцѣнки имѣній по крѣпостнымъ актамъ. При болѣе близкой къ истинѣ оцѣнкѣ крѣпостныя пошлины были бы невыносимымъ бременемъ для покупщиковъ и продавцовъ имѣній; но основанія оцѣнки оставлены правительствомъ безъ измѣненія лишь вслѣдствіе пересмотра законодательства о крѣпостныхъ пошлинахъ, и иныя основанія оцѣнки имѣній, то-есть вообще болѣе высокія, вхо-

дять въ число задачъ поставленныхъ податною коммиссіей. Въ разныхъ государствахъ западной Европы размѣры пошлинъ съ купчихъ крѣпостей колеблются между 1% съ цѣны имѣнія (въ Англіи и Пруссіи) и 3½% (въ Австріи, гдѣ они достигли этой высоты только при чрезвычайномъ возвышеніи всѣхъ налоговъ); лишь во Франціи размѣръ явочныхъ пошлинъ по продажѣ недвижимыхъ имуществъ 4% и сверхъ того еще 1½% за транскрипцію (переводъ имѣнія на новаго владѣльца по ипотечнымъ книгамъ), не всегда необходимую и не обязательную. Но Франція плохой примѣръ въ этомъ случаѣ. Отяготительность расходовъ по купчимъ крѣпостямъ возбуждаетъ тамъ всеобщій ропотъ, составляетъ, по мнѣнію всѣхъ авторитетовъ, государственное зло и будетъ, безъ сомнѣнія, облегчена. Пониженіе размѣра крѣпостныхъ пошлинъ по возмезднымъ пріобрѣтеніямъ недвижимыхъ имуществъ есть, кажется, первый и главный вопросъ ожидающій для себя неотлагательнаго разрѣшенія въ Россіи. Между тѣмъ правительство не можетъ въ фискальномъ отношеніи не опасаться пониженія пошлинъ по купчимъ крѣпостямъ, ибо онѣ нынѣ составляютъ 85% всего дохода отъ крѣпостныхъ пошлинъ; всѣ остальные акты: духовныя завѣщанія, данныя, дарственныя записи, раздѣльныя, арендныя и прочія, даютъ только 15% въ общемъ итогѣ этого дохода. Такимъ образомъ съ пониженіемъ размѣра пошлинъ по купчимъ крѣпостямъ неизбѣжно требуется, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи нашего бюджета, возвышеніе ихъ по безвозмезднымъ актамъ, и это требованіе впрочемъ совершенно согласно со строгою справедливостью. Во всѣхъ другихъ государствахъ существуютъ разнообразные размѣры пошлинъ для различныхъ категорій актовъ, и между прочимъ вообще безвозмездныя передачи имуществъ облагаются выше возмездныхъ; первыя бываютъ гораздо менѣе вынуждены хозяйственными обстоятельствами лица отчуждающаго и пріобрѣтающаго; болѣе добровольны чѣмъ вторыя, и вмѣстѣ съ тѣмъ охраны закона отъ притязаній третьихъ лицъ (напримѣръ наслѣдниковъ) требуется гораздо болѣе для дарственныхъ актовъ чѣмъ для возмездныхъ. Между дарственными пріобрѣтеніями имѣній первое мѣсто занимаютъ наслѣдства, которыя во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ собою самую удобную почву для актовыхъ налоговъ. Нынѣ за исключеніемъ Россіи нѣтъ ни одного государства въ Европѣ въ которомъ бы всѣ безъ изъятія переходы имуществъ по наслѣдству (какъ по завѣщанію, такъ и по закону) не были обложены болѣе или менѣе высокими пошлинами; размѣръ ихъ вездѣ возвышается пропорціонально отдаленности родства и доходитъ въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ до 8% съ цѣны имѣнія въ Пруссіи, до 9% во Франціи, и до 10% въ Англіи. Самыя ближайшія степени родства, даже по прямой линіи, даже наслѣдства дѣтей, не изъяты нынѣ нигдѣ отъ налога; пошлины съ наслѣдствъ составляютъ нынѣ главный источникъ дохода отъ актовыхъ сборовъ въ западной Европѣ; онѣ были постоянно развиваемы и распространяемы на ближайшія степени родства, и между прочимъ значительное ихъ возвышеніе есть одна изъ главныхъ мѣръ въ столь успѣшныхъ податныхъ реформахъ Англіи. Чрезвычайно слабое развитіе пошлинъ съ переходовъ имуществъ по наслѣдству есть второй существенный недостатокъ дѣйствующей системы нашихъ крѣпостныхъ пошлинъ; эту отличительную черту ихъ невозможно признать какою-либо историческою, національною особенностью нашего законодательства, ибо съ одной стороны, переходъ имуществъ по наслѣдству есть одно изъ самыхъ всеобщихъ учрежденій у всѣхъ народовъ и различествуетъ только въ подробностяхъ, а съ другой стороны, общій налогъ на наслѣдства существовалъ у насъ до нынѣшняго столѣтія. Такова была четвертная пошлина въ XVII и XVIII вѣкахъ, отмѣненная лишь въ 1801 году. Нынѣ взимаемая крѣпостная пошлина при полученіи имѣнія по завѣщаніямъ, помимо наслѣдниковъ имѣющихъ на него право по закону, есть не что иное какъ сохранившійся въ законахъ историческій остатокъ отъ цѣлой системы налоговъ на наслѣдства дѣйствовавшей въ Россіи въ прежнее время. Совершенная нераціональность и несправедливость крѣпостной пошлины съ духовныхъ завѣщаній въ нынѣшнемъ ея видѣ вполнѣ доказываетъ ея историческую оторванность отъ остальнаго законодательства по этому предмету, изданнаго гораздо позже и въ разное время. Нынѣ весьма близкіе родственники (напримѣръ родные братья) обязаны

платить пошлину, если имѣніе достается имъ по волѣ завѣщателя, помимо наслѣдниковъ по закону (напр. сыновей), въ то время какъ завѣщатель могъ дѣйствовать тутъ по разнымъ весьма основательнымъ соображеніямъ (наприм. передать своимъ братьямъ слѣдовавшую имъ часть родоваго состоянія, не полученнаго ими по какой-нибудь случайности), во всякомъ случаѣ по соображеніямъ, въ которыхъ вовсе невиновны получающіе-наслѣдство; въ то же время болѣе дальніе родственники (напр. троюродные братья) и даже такіе дальніе что между ними и умершимъ прекратилась всякая родственная связь, не платятъ пошлины если нѣтъ ближайшихъ по закону родственниковъ. Итакъ, если желательно пониженіе крѣпостныхъ пошлинъ по купчимъ крѣпостямъ, то оно должно неизбѣжно повлечь за собою развитіе пошлинъ съ наслѣдства: иного болѣе правильнаго вознагражденія казны за убытки по купчимъ крѣпостямъ не имѣется въ виду.

Въ настоящее время особая коммиссія (подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. И. Стояновскаго) въ средѣ податной коммиссіи занята составленіемъ проекта новаго устава о крѣпостныхъ пошлинахъ, на основаніи общихъ началъ предложенныхъ В. П. Безобразовымъ *) и принятыхъ общимъ собраніемъ податной коммиссіи. Приводимъ эти общія начала, имѣющія столь широкій интересъ для весьма многихъ. Вотъ они: 1) Установить нѣсколько размѣровъ крѣпостныхъ пошлинъ, по родамъ актовъ, назначивъ вообще низшіе размѣры по возмезднымъ актамъ, а высшіе по безвозмезднымъ. 2) Постепенно понижать пошлину съ возмездныхъ актовъ, назначивъ ее на первый разъ 3% (вмѣсто 4%) съ цѣлаго имѣнія (нельзя не признать этого пониженія недостаточнымъ: тутъ требуется смѣлая мѣра, могущая оживить страну). 3) Постепенно развивать пошлины съ наслѣдства, какъ по завѣщаніямъ, такъ и по закону, какъ по недвижимымъ, такъ и по движимымъ имуществамъ, на первый разъ установивъ эту пошлину только начиная съ третьей степени родства (родныхъ племянниковъ) и освободивъ отъ всякой пошлины ближайшія степени и супруговъ (въ томъ числѣ и дарственныя и всякія безвозмездныя записи въ этихъ степеняхъ). 4) Пропорціонально отдаленности родства назначить примѣрно размѣры пошлинъ отъ 4% до 7%. 5) Изъять отъ всякой пошлины съ наслѣдствъ мелкія имѣнія и капиталы, назначивъ минимумъ облагаемой цѣнности. 6) Исключать изъ оцѣнки имуществъ для платежа пошлинъ за наслѣдства всѣ долги лежащіе на имѣніи.

*) См. В. П. Безобразова *Государственные доходы*. I. Актовые налоги. С.-Петербургъ 1868 г.

№ 171.

Москва, 8-го августа.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемый въ нынѣшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* отчетъ о преніяхъ происходившихъ въ самый день закрытія британскаго парламента, по поводу новаго трактата заключеннаго Англіей съ обѣими воюющими сторонами насчетъ Бельгіи. Объ этомъ новомъ договорѣ было высказано нѣсколько сомнѣній и въ британскихъ палатахъ, хотя вообще образъ дѣйствій правительства былъ одобренъ. Дѣйствительно, трудно объяснить себѣ какая нужда была въ этомъ новомъ обязательствѣ. Новый трактатъ гласитъ что въ случаѣ нарушенія нейтралитета Бельгіи однимъ изъ воюющихъ, Англія немедленно приметъ сторону другаго для защиты этой страны. Но если Англія считаетъ существующимъ во всей силѣ трактатъ 1839 года, то ничто не могло бы воспрепятствовать ей, въ силу этого трактата, выступить на защиту неприкосновенности Бельгіи въ случаѣ ея нарушенія Пруссіей или Франціей. Признаемся, мы не въ состояніи уразумѣть аргументъ г. Гладстона объявляющаго что новымъ трактатомъ нисколько не ослабляется сила трактата 1839 года, и въ то же время находящаго что обязательства послѣдняго были недостаточны при настоящихъ обстоятельствахъ. Всякая гарантія территоріи или нейтралитета предпринимается, мы полагаемъ, не на одно только мирное время, а именно на тотъ случай когда можетъ грозить опасность. Такъ какъ Бельгіи никто не могъ бы угрожать кромѣ сопредѣльныхъ ей Франціи и Пруссіи, то казалось бы трактатомъ 1839 года долженъ быть предусмотренъ случай подобный настоящему.

Но англійскій кабинетъ неудовольствовался заключеніемъ новаго договора съ

обѣими воюющими сторонами: онъ приглашалъ также присоединиться къ нему Австрію и Россію. Слѣдовательно, въ случаѣ еслибъ одна изъ воюющихъ державъ вздумала нарушить нейтралитетъ Бельгіи, то всѣ великія державы обязаны были вступить въ коалицію. Само собой разумѣется что всѣ эти мѣры предосторожности принимаются противъ Франціи, ибо никто въ Англіи не высказывалъ опасенія чтобы Бельгіи грозила Пруссія. До сихъ поръ нѣтъ повода полагать чтобъ и Франція пожелала усугубить свои затрудненія нарушеніемъ бельгійской территоріи; тѣмъ не менѣе общій уговоръ великихъ державъ оставался бы угрозой противъ нея, пока совершенно ничѣмъ не заслуженною.

Поэтому, намъ, русскимъ, пріятно было узнать изъ словъ лорда Гранвиля въ палатѣ лордовъ что Императорское правительство отказалось приступить къ новому договору, считая достаточными прежнія обязательства. Объявивъ что оно будетъ блюсти строгій нейтралитетъ пока не будутъ затронуты его достоинство и интересы, Россія имѣла въ виду сохранить свободу дѣйствій, а съ этимъ намѣреніемъ было бы несовмѣстно принимать на себя новыя и совершенно излишнія обязательства. По справедливому замѣчанію самихъ же англійскихъ политиковъ, едва ли было бы возможно, при исполненіи обязательствъ новаго трактата, ограничить военныя дѣйствія одною защитой Бельгіи. Слѣдовательно, при участіи Россіи и Австріи въ новомъ трактатѣ, война вскорѣ могла бы принять характеръ коалиціи всѣхъ великихъ державъ противъ одной. Недавно еще всѣ только и заботились о томъ какъ бы локализовать войну. Если же, противъ общаго желанія, настоящей войнѣ суждено будетъ расширить предѣлы и принять характеръ общеевропейскій, то пусть комбинаціи опредѣлятся тогда сами собой, соотвѣтственно различнымъ интересамъ. Дѣло не въ Бельгіи; дѣло только въ удобствахъ и безопасности Англіи. Надобно чтобъ Европа сгруппировалась въ смыслѣ англійской политики: вотъ о чемъ забота англійскихъ государственныхъ людей!

Англійскіе политики, впрочемъ, заботятся не объ одной Англіи. Они простираютъ свою сердобольную заботливость и на несчастную Францію, которую по мнѣнію сэра Генри Бульвера, слѣдуетъ оградить отъ послѣдствій ея неразумнаго предпріятія. Во вниманіе къ дружбѣ связывавшей Англію и Францію въ правленіе императора Наполеона III, сэръ Генри Бульверъ упрашивалъ правительство спасти Францію отъ послѣдствій не только войны, но революціи, и г. Гладстонъ изъявилъ готовность воспользоваться первымъ случаемъ чтобъ обезпечить вмѣшательствомъ Англіи возстановленіе мира на „почетныхъ“ условіяхъ.

И вотъ въ то время когда во всей Франціи пробуждается патріотическій духъ готовый на всѣ усилія для отраженія иноземнаго вторженія, когда по всѣмъ признакамъ, не смотря на искусственно-побѣдный тонъ прусскихъ бюллетеней, война начинаетъ принимать благопріятный для Франціи оборотъ, ея добрая сосѣдка и вѣрная союзница, принявъ съ своей стороны всѣ мѣры чтобъ въ случаѣ успѣховъ Франціи припугнуть ее европейскою коалиціей, желаетъ убѣдить ее что ей нѣтъ другаго исхода какъ поступить подъ опеку Англіи и ожидать честнаго мира отъ ея посредничества. Еще замѣчательнѣе тонъ принятый въ послѣднее время наиболѣе враждебными Франціи англійскими органами, особенно газетами *Times* и *Daily News*. Вотъ напримѣръ что сказано въ *Times*, отъ 12-го августа:

Нельзя сказать чтобы было слишкомъ рано для англійскаго министерства приступить къ обсужденію условій вмѣшательства. Дѣло одного дня можетъ ускорить наступленіе удобной минуты для мира, и если ею не воспользоваться, то она можетъ быть потеряна на цѣлый новый періодъ кровопролитія и убійства. Король Вильгельмъ обнаружилъ, насколько можно вѣрить словамъ, что онъ не желаетъ униженія французскаго народа. Нѣкоторыя условія, конечно, будутъ необходимы. Франція не можетъ избѣгнуть послѣдствія поступковъ своихъ правителей; и Германія можетъ справедливо потребовать нѣкотораго вознагражденія за расходы на войну на которую она была вызвана. Европа съ удовольствіемъ увидитъ принятіе взаимныхъ обязательствъ къ ограниченію угрожающаго развитія военныхъ силъ въ видѣ ли чрезмѣрныхъ армій или грозныхъ крѣпостей.

Итакъ, Франція еще не покорена, ея арміи еще не уничтожены и средства защиты нисколько не истощены, а уже поднимается рѣчь о справедливомъ вознаграж-

деніи Германіи, объ условіяхъ мира, причемъ Франціи всю надежду придется-де возложить на Англію чтобъ эти условія по возможности были умѣренны. Вотъ политика поистинѣ ловкая! Дѣйствуя явно враждебно противъ Франціи, въ то же время заставлять ее служить себѣ, — вредя ей самымъ недвусмысленнымъ образомъ, въ то же время обязывать ее благодарностью и заставлять ее видѣть свое спасеніе въ дружбѣ своего злѣйшаго врага!

Кстати объ условіяхъ честнаго мира который ожидаетъ Францію. Аппетитъ приходитъ съ ѣдою, говоритъ французская пословица. Между тѣмъ какъ съ начала войны прусскія газеты утверждали что цѣль Пруссіи состоитъ только въ объединеніи Германіи, теперь онѣ говорятъ не только объ отнятіи у Французовъ Эльзаса и Лотарингіи (что̀, по ихъ словамъ, само собою разумѣется), но еще объ ослабленіи Франціи всякими другими способами, между прочимъ взысканіемъ громадной военной контрибуціи, раздробленіемъ на мелкія части и т. д. Въ 1814 и 1815 годахъ, говорятъ прусскіе политики, зависть всей остальной Европы, особенно же Россіи, не дозволила Германіи занять подобающее ей мѣсто въ Европѣ; теперь надо это наверстать. Вотъ что̀ пишутъ въ *Hamburger Börsenhalle*, въ *National-Zeitung* и пр. Съ особеннымъ услажденіемъ приводитъ *Кельнская Газета* слова одного вѣнскаго органа замѣтившаго что побѣдоносная, Бисмаркомъ предводимая Пруссія болѣе опасна для европейскаго равновѣсія чѣмъ имперія перваго Наполеона. Противъ такого отзыва дней десять назадъ стали бы энергически возражать, а теперь этого уже не дѣлаютъ; теперь выслушиваютъ это съ улыбкой удовольствія....

Когда мы дописывали эти строки пришла депеша изъ Флоренціи передающая сущность объясненій сдѣланныхъ въ тамошнемъ парламентѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Оказывается что Англія успѣла таки стать во главѣ нейтральныхъ, и направляетъ ихъ дѣйствіе въ своемъ смыслѣ. Смѣемъ надѣяться однако что сообщеніе италіянскаго министра что будто и Россія приступила къ соглашенію предложенному Англіей — лишено основанія или преждевременно: еще только вчера Россія объявила что удерживаетъ свободу дѣйствій, а предпринятое Англіей „соглашеніе“ нейтральныхъ ни къ чему другому не можетъ быть направлено кромѣ стѣсненія свободы ихъ дѣйствій и лишенія ихъ возможности вполнѣ слѣдовать своимъ интересамъ. Нейтральные составляютъ группу случайно сложившуюся, однородныхъ интересовъ не имѣющую и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ могущую сообща дѣйствовать лишь подъ руководствомъ Англіи или по крайней мѣрѣ въ соотвѣтствіе ея планамъ, что̀ и замышляется.

Теперь становится яснымъ почему поднялся тонъ прусскихъ военныхъ реляцій, въ противность очевидности фактовъ; понятно также что значитъ напряженно лирическая выходка прусской офиціальной газеты, переданная намъ сегодня услужливымъ агентствомъ Вольфа. Пруссаки подъ Мецемъ потерпѣли рядъ пораженій, которыя называются въ ихъ реляціяхъ побѣдами. Потери ихъ громадны, что̀ впрочемъ трудно скрыть. Маневръ французскаго главнокомандующаго удался. Главныя силы прусскихъ армій прикованы къ Мецу, гдѣ остается часть рейнской арміи, которая безпрерывно вызываетъ ихъ на бой, между тѣмъ какъ въ Шалонѣ сосредоточивается и формируется сильная армія, которая, по всему вѣроятію, вскорѣ перейдетъ къ наступленію. Дѣло при Гровелоттѣ, о которомъ сообщаетъ прусская телеграма изъ Понтъ-а-Муссона отъ 19-го августа, есть очевидно продолженіе тѣхъ самыхъ арріергардныхъ схватокъ о которыхъ извѣщала французская депеша отъ 18-го, помѣщенная въ нашемъ вчерашнемъ нумерѣ. Арріергардный отрядъ, причинивъ большія потери Пруссакамъ, отступилъ къ Мецу, куда ему отступить и слѣдовало: еслибъ онъ былъ совершенно пораженъ и отброшенъ къ Мецу, то была бы не возможна сегодняшняя депеша извѣщающая что Французы стрѣляютъ по прусскимъ перевязочнымъ и даже амбулантнымъ пунктамъ. Вскорѣ разъяснится произошло ли дѣйствительно намѣренное нарушеніе международной конвенціи, влекущее за собой тяжкія для раненыхъ послѣдствія: теперь видно одно что нѣкоторые французскіе отряды находятся весьма близко во внутреннимъ пунктамъ расположенія прусской арміи и имѣютъ возможность обстрѣливать ихъ на другой день послѣ боя стоившаго обѣимъ сторонамъ громадныхъ потерь. Этотъ бой называется блестящею побѣдою прусскихъ армій, потому что требуется дать нейтральнымъ не

только поводъ ко вмѣшательству, но и выгодныя для Пруссіи основанія посредничества.

№ 172.

Москва, 1-го августа.

Въ нумерѣ отъ 16-го (4-го) августа, въ передовой статьѣ, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, этотъ вѣрный барометръ политики графа Бисмарка, многознаменательно говоритъ:

„Сегодня Наполеоновъ день; въ прежнее время имперія въ этотъ день сіяла высшимъ блескомъ; Парижъ красовался въ праздничномъ убранствѣ, и съ громомъ орудій смѣшивались полнозвучные клики: *Да здравствуетъ императоръ!*

„Сегодня Наполеоновъ день; но вмѣсто торжества имперія крадется въ одеждѣ нищаго, взывающаго о союзахъ; вмѣсто праздничнаго платья Парижъ посыпалъ главу пепломъ; Франція въ ужасѣ внимаетъ побѣдному грому нѣмецкаго войска, и никто уже не кричитъ: *Да здравствуетъ императоръ!*

Да здравствуетъ императоръ! Это привѣтъ ликованія который звучитъ побѣдоносному цезарю; но цезарь побѣжденный уже не есть цезарь; побѣжденный Наполеонъ не есть Наполеонъ...

Сегодня Наполеоновъ день, и такъ какъ Франція болѣе не празднуетъ этого дня, то дополнимъ мы этотъ пробѣлъ и будемъ праздновать *этотъ послѣдній Наполеоновъ день*."

Согласно съ офиціознымъ органомъ политики прусскаго премьера, но съ особенною фанатическою запальчивостью, *Крестовая Газета*, отъ 18-го (6-го) августа, начинаетъ свою передовую статью такимъ образомъ:

„Бонапартовская имперія лежитъ на смертномъ одрѣ. Двухъ дней битвы было достаточно чтобы не только сломить ея воинскую силу, но также и пролить яркій свѣтъ на внутреннее гніеніе всего ея быта."

Далѣе газета съ злорадствомъ перечисляетъ мѣры новаго министерства въ которыхъ она видитъ революціонный терроризмъ: вооруженіе массъ, принудительный курсъ банковыхъ билетовъ и изгнаніе всѣхъ Нѣмцевъ съ французской территоріи и съ торжествомъ прибавляетъ:

„Но призывая въ помощь революцію, министерство въ то же время самымъ недвусмысленнымъ образомъ выражаетъ страхъ предъ нею и прежде всего объявляетъ Парижъ въ осадномъ положеніи. Мало того; оно отказываетъ народу въ оружіи котораго онъ требуетъ, ибо это оружіе могло бы быть обращено противъ правительства. Такъ-то бонапартистское правленіе выдерживаетъ систему которой оно до сихъ поръ было обязано существованіемъ и съ которою оно даже при смерти не можетъ разстаться."

Но все это еще не достаточно сильно, и въ виду патріотическаго энтузіазма который теперь болѣе чѣмъ когда-либо охватилъ французскій народъ и французскую армію, *Крестовая Газета* пускается въ область чистаго вымысла, и продолжаетъ такъ:

„Во французской арміи *Sauve qui peut* сдѣлалось теперь единственнымъ понятнымъ лозунгомъ, и можно предвидѣть что вскорѣ этотъ лозунгъ сдѣлается всеобщимъ и въ Парижѣ, и владычество которое согласно самой природѣ своей распространяло въ Европѣ ужасы безъ конца, само покончится среди ужаса."

Но прусскія офиціозныя и полуофиціозныя газеты, при всей развязности своихъ постоянныхъ выходокъ противъ Французскаго императора, его правительства, его фамиліи и предковъ, все же не смѣютъ выдавать заднюю мысль своего патрона, союзнаго канцлера Сѣверной Германіи. Гораздо откровеннѣе въ этомъ случаѣ австрійскія газеты, которымъ нечего скрывать и не о чемъ умалчивать въ прусской политикѣ, и которыя при всей симпатіи къ германскому дѣлу иногда выдаютъ замыслы графа Бисмарка. Въ вѣнской *Tagespresse*, отъ 12-го августа (31-го іюля), находимъ корреспонденцію изъ Берлина, гдѣ говорится что мѣры принятыя французскимъ правительствомъ для продолженія войны вызвали тамъ „весьма серіозное настроеніе", что по ожиданію самихъ Пруссаковъ, „великій и богатый французскій народъ „будетъ вести борьбу отчаянія за свою „національную честь и существованіе", что если въ законодательномъ корпусѣ хоть одинъ депутатъ „подниметъ воинственный „кличъ 1792 года", то все еще можетъ поправиться. „Этого-то здѣсь боятся *юнкеры*", пишетъ корреспондентъ, „и уже съ „большою выразительностію говорятъ о гарантіяхъ мира какія представила бы ор-

„леанская династія и которыя въ случаѣ „нужды можно было бы навязать Парижанамъ на штыкахъ. Конечно, Франція-де „должна была бы согласиться на отнятіе „у ней Эльзаса и Лотарингіи, но о республикѣ-де и о веденіи съ нею переговоровъ не можетъ быть и рѣчи.“

Самые горячіе ратоборцы за похищеніе у Франціи этихъ двухъ провинцій, самые пылкіе мечтатели о возстановленіи средневѣковыхъ границъ „Германской имперіи“ ораторствуютъ въ либеральныхъ прусскихъ газетахъ, *Кельнской* и *Національной*. Такъ въ послѣдней газетѣ, въ № 382, есть статья: „Германцы въ Эльзасѣ и Лотарингіи“, гдѣ повторяются обычныя у Нѣмцевъ обращенія къ прошлому и сѣтованія на исторію которая лишила Германскую имперію провинцій, нѣкогда бывшихъ дорогими жемчужинами въ ея коронѣ. Прежде всего *National-Zeitung* разбираетъ вопросъ о *давности* владѣнія Франціи Эльзасомъ. Напрасно-де говорятъ что Эльзасъ отошелъ ко Франціи въ силу Вестфальскаго мира въ 1648 году; нѣтъ, значительная часть его и по праву и на дѣлѣ оставалась-де принадлежностію Германской имперіи до революціи 1789 года. Лотарингія же (за исключеніемъ Меца, Туля и Вердёна, пріобрѣтенныхъ Франціей еще въ XVI столѣтіи) вошла въ составъ Французскаго королевства только въ 1765 году. Стало-быть Франція владѣетъ этими провинціями весьма недавно, предъ тѣмъ же искони онѣ были нѣмецкими, и по логикѣ *National-Zeitung* онѣ должны горѣть желаніемъ опять сдѣлаться нѣмецкими.

Отчего же жители этихъ жемчужинъ германской короны съ остервенѣніемъ защищаются отъ своихъ „германскихъ братьевъ“? Отчего они при Вейсенбургѣ и Вёртѣ вмѣстѣ съ французскими солдатами стрѣляли въ Нѣмцевъ? Ужь не за братскія ли чувства теперь ихъ вѣшаютъ прусскіе военные суды учрежденные въ завоеванныхъ провинціяхъ для преслѣдованія Эльзасцевъ, слишкомъ приверженныхъ къ своему отечеству, Франціи? Ужь не во знаменіе ли братскихъ лобзаній съ которыми они приняли завоевателей, нѣмецкіе генералы пугаютъ ихъ угрожающими прокламаціями, которыя однакоже безсильны остановить горячій французскій патріотизмъ этихъ населеній, проклинающихъ нѣмецкое вторженіе и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь ожесточенныхъ противъ Нѣмцевъ несчастіями войны и жестокостью ихъ войскъ?

National-Zeitung не можетъ отрицать что населеніе Эльзаса и Лотарингіи привержено къ Франціи; она допускаетъ что Франція „дала горожанамъ и крестьянамъ „этой провинціи законы которые вымели „старинныя злоупотребленія“, и что „оттуда произошла привязанность Эльзасцевъ и Лотарингцевъ ко французскому „государству“. Казалось бы что такія благодѣянія должны имѣть болѣе вѣса въ глазахъ населеній чѣмъ воспоминанія о величіи монархіи Фридриха Барбароссы, но *National-Zeitung* убѣждена что жители Эльзаса и Лотарингіи „въ глубинѣ сердца, въ самой натурѣ своей, остались Нѣмцами“, и что ихъ французскій патріотизмъ есть „умопомѣшательство, которое „возможно излѣчить“.

Сердобольный органъ берлинскихъ либераловъ очевидно жалѣетъ о зарейнскихъ братьяхъ, умъ которыхъ такъ прискорбно помраченъ что они преданы своему отечеству, что они чужды измѣнническихъ отношеній и чувствуютъ себя Французами, каково бы ни было ихъ племенное происхожденіе, и не умиляются отъ братской ласки нарѣзныхъ орудій и игольчатыхъ ружей. Какъ не назвать сумашедшимъ человѣка который не понимаетъ что въ него стрѣляютъ для его же блага! Но *National-Zeitung* утѣшается мыслью что этихъ умалишенныхъ легко излѣчить. Ихъ дѣйствительно лѣчитъ военный терроризмъ который теперь водворился въ цвѣтущемъ краѣ: ихъ лѣчатъ пуля и висѣлица ихъ лѣчатъ пожары и опустошенія, и есть надежда что больные галломаніей жители Эльзаса скоро будутъ радикально исцѣлены отеческимъ попеченіемъ тевтонскихъ генераловъ. Уже давно было сообщено отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ что страна гдѣ находится театръ военныхъ дѣйствій истощена въ конецъ; но теперь ей готовятся новыя радости: предполагается что она должна будетъ платить контрибуцію въ возмездіе нѣмецкимъ семействамъ высланнымъ изъ Франціи; предполагается что разоренные жители Эльзаса и Лотарингіи будутъ платиться за непріятности которыя могли имѣть нѣмецкіе банкиры и фабриканты разжившіеся въ Парижѣ. Предполагается что эта контрибуція „при заключеніи мира

будетъ распространена какъ можно шире" (möglichst auszudehnen), предполагается ограбить цѣлую націю наложеніемъ на нее громаднаго денежнаго сбора, и тогда вѣроятно тевтонскій романтизмъ почувствуетъ себя удовлетвореннымъ. Смуты и революція внутри Франціи, отнятіе у нея двухъ богатыхъ и цвѣтущихъ провинцій, наконецъ денежный грабежъ съ тѣхъ частей ея которыя не удастся оторвать,—вотъ цѣль той „патріотической" войны которую нѣмецкія газеты съ такимъ единодушіемъ выставляютъ какъ священную оборону своихъ домашнихъ пенатовъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на помѣщенную ниже статью о положеніи нашей сѣверозападной границы съ Пруссіей, написанную лицомъ спеціальнымъ.

№ 173.

Москва, 11-го августа.

А.

Въ іюнѣ 1868 года, на 23-мъ засѣданіи втораго сѣверо-германскаго рейхстага, происходили объясненія которыя теперь не худо припомнить. Въ засѣданіи этомъ былъ сдѣланъ запросъ о вожделѣнномъ освобожденіи Европы отъ тягостей вооруженнаго мира и объ обращеніи на мирныя цѣли расходовъ предпринятыхъ для военной цѣли. На трибуну взошелъ съ отвѣтомъ начальникъ тогда сѣверо-германскаго, а нынѣ всегерманскаго генеральнаго штаба. Генералъ фонъ-Мольтке возвѣстилъ что достигнуть этого „благодатнаго (segensreich) результата" онъ никакъ не надѣется путемъ „международныхъ сдѣлокъ", а единственнымъ средствомъ для этого является ему созданіе „въ сердцѣ Европы державы, которая, *не имѣя характера завоевательнаго*, была бы настолько сильна чтобы „могла *запрещать войну своимъ сосѣдямъ*". „Это благодатное дѣло", присовокупилъ грозный ораторъ, „не можетъ быть исполнено никѣмъ кромѣ Германіи", то-есть Пруссіи, не имѣющей, по мнѣнію генерала фонъ-Мольтке, завоевательнаго характера, хотя она вся составилась изъ завоеваній, хотя она только что, въ 1864 и 1866 годахъ, раздробила и проглотила разомъ нѣсколько государствъ, хотя ей предстоитъ совершить еще нѣсколько завоеваній дабы достигнуть своего миролюбиваго призванія запрещать войну своимъ сосѣдямъ. Въ самомъ дѣлѣ, миролюбивый ораторъ нисколько не скрывалъ что, за несостоятельностію „международныхъ сдѣлокъ", Европѣ предстоятъ еще двѣ, послѣднія въ исторіи, войны, послѣ чего настанетъ-де для нея, на вѣки вѣковъ, эра невозмутимаго мира подъ воскрыліемъ берлинскаго орла....

Мы въ свое время замѣчали что этою рѣчью генералъ фонъ-Мольтке присвоивалъ Германіи то грозное призваніе, которое подняло нѣкогда всю Европу противъ Наполеона I, взиравшаго также на всѣ свои войны какъ на единственное средство водворить въ Европѣ вѣчный миръ и также подъ сѣнію орла, только не потсдамскаго, а тюльерійскаго. Почему жь нынѣ Европа оказывается благодушнѣе? Всякому извѣстно что во главѣ всѣхъ коалицій противъ миролюбія Наполеона I неослабно стояла Англія. Но въ оцѣнкѣ дѣлъ европейскаго материка Англія имѣетъ разные вѣсы и мѣры. Иное дѣло въ ея глазахъ миролюбіе Наполеона I, иное дѣло миролюбіе генерала фонъ-Мольтке. Первое было предметомъ непримиримой вражды ея, второе пользуется ея сочувствіемъ. Причина этой разницы весьма проста: между Англіей и Франціей есть старые нескончаемые счеты, онѣ сосѣдятъ, онѣ соперничаютъ и сталкиваются во множествѣ интересовъ; наконецъ, всѣмъ извѣстно что самыя корыстныя заботы Англіи сосредоточены на Востокѣ, и политика ея въ Европѣ руководится и направляется преимущественно этими заботами. А кто могъ бы поручиться что Франція и Россія не придутъ когда-нибудь къ убѣжденію что на Востокѣ, *какъ и повсюду*, у нихъ нѣтъ никакой дѣйствительной противоположности интересовъ, а есть и постоянно будутъ общіе противники? По сближеніи Россіи съ Франціею вошло бы въ должные предѣлы всеподавляющее могущество Англіи на Востокѣ, и это сближеніе не только возможно, но и неизбѣжно, лишь только исчезнутъ недоразумѣнія созданныя какъ для Россіи, такъ и для Франціи, ошибками и обманами антинаціональной политики. Ничего подобнаго не могла опасаться Англія отъ союза между Россіей и Пруссіей. Въ глазахъ ея союзъ этотъ могъ имѣть значеніе лишь какъ пригодная комбинація противъ Франціи. Итакъ, очевидно почему

Англія иначе относится ко всякой властолюбивой попыткѣ Франціи чѣмъ къ таковой же со стороны Пруссіи. Усиленіе Пруссіи не только согласуется съ интересами Англіи, но требуется ими. Кромѣ того, она полагается на Пруссію какъ на державу прямо заинтересованную противиться сближенію Россіи съ Франціей, какъ на естественную преграду этому сближенію, а слѣдовательно и всякому успѣху русской политики на Востокѣ. Кому не памятно съ какимъ восторженнымъ лиризмомъ привѣтствовала вся англійская печать торжество Пруссіи въ 1866 году? Весьма естественно что и въ 1860 году о грозной программѣ г. фонъ-Мольтке она отозвалась съ живѣйшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. „Международная полиція" Пруссіи въ Европѣ признана въ Лондонѣ наилучшимъ условіемъ всеобщаго спокойствія и благоденствія.

„Слова которыми заключается рѣчь короля", сказано было въ *Times*, нѣсколько дней спустя по поводу закрытія королевскою рѣчью сессіи Сѣверогерманскаго рейхстага „въ нѣкоторой мѣрѣ согласуются съ „*полновѣсными* заявленіями его министра, „и извлекають изъ нихъ свое значеніе... „Каждый день увеличиваетъ силы Германіи *для войны*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу „вліянія ея на сохраненіе мира. Пусть дадутъ ей *только время завершить свое „дѣло и миръ будетъ обезпеченъ*", обезпеченъ же онъ будетъ потому что „тогда „будетъ *положенъ конецъ* всѣмъ *такъ-называемымъ законнымъ вліяніямъ и покровительствамъ* основаннымъ *на единовѣріи, на однокровности* и на тысячѣ другихъ тому подобныхъ *предлоговъ*..."

Кажется ясно: пусть Пруссія воюетъ и завоевываетъ сколько ей угодно, лишь бы усилилась она настолько чтобъ имѣть возможность „запретить" Россіи всякій шагъ именно на той почвѣ гдѣ всего чувствительнѣе могутъ быть затронуты ея существенные интересы, ея значеніе, ея достоинство... И вотъ, Пруссіи *дали* потребное ей время, и вотъ она окрѣпла *для войны*, и 1870 года суждено открыть первую „миролюбивую" войну въ интересахъ „международной полиціи" Европы... Виновница войны, конечно, не Пруссія, а Франція: въ этомъ теперь увѣряетъ насъ, не стѣсняясь противорѣчіемъ самому себѣ, тотъ же лондонскій глашатай миролюбія генерала фонъ-Мольтке. Когда нужно было завлечь неприготовленную Францію къ войнѣ, *Times* горячо бралъ ея сторону и осуждалъ Пруссію, которая охватываетъ-де ее своимъ кордономъ, а какъ только война была объявлена, языкъ лондонской печати мгновенно измѣнился. Пруссія, кричатъ теперь въ Лондонѣ, застигнута въ расплохъ разбойникомъ, который покушался ограбить ее! Между тѣмъ не прошло и двухъ недѣль со дня объявленія войны, какъ у Пруссіи вдругъ оказалось подъ ружьемъ милліонъ войска. Какъ только эти небывалыя громады войскъ увѣнчались первыми лаврами надъ оторопѣлыми Французами, уже раздалась со всѣхъ концовъ Германіи пѣсня Арндта о правахъ Германіи на всѣ страны „гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь". Эльзасъ и Лотарингія должны быть возвращены Германіи, да возродится изъ пепла несгараемый фениксъ Германской Имперіи. „Когда бла„городнѣйшіе изъ Нѣмецкаго народа гиб„нутъ", объявилъ послѣ битвы подъ Мецемъ *Staatsanzeiger* „утѣшеніе заключается въ „томъ что эту борьбу не придется уже „*тщетно вести сызнова* противъ народа „*властолюбиваго* и *заносчиваго*" (это говорятъ въ Берлинѣ) „*похитившаго у Германіи прекраснѣйшія ея области*, и что „королю будетъ даровано *возстановить „прочный миръ* въ сердцѣ Европы чрезъ „*великое единое нѣмецкое отечество* имѣющее *блюсти страхъ Божій, благородство нравовъ, истинную свободу*".

Итакъ, этою высокопарною перифразой словъ генерала фонъ-Мольтке сказанныхъ въ 1868 году, Европа извѣщается заблаговременно о поджигаемой національной агитаціи, посредствомъ которой готовятся исторгнуть у ней одобреніе новаго округленія державы, уже могущей въ случаѣ надобности владѣть и нынѣ, въ сердцѣ Европы, полутора милліонами регулярнаго войска.

Подъ заглавіемъ *Слава Побѣды* (die Glorie des Sieges) *Крестовая Газета*, тономъ диѳирамба возвѣщаетъ что отнынѣ „*дѣло Пруссіи* стало *общимъ дѣломъ Германіи*. Въ южно-германской арміи соединились сыны des Gesammt-Deutschlands. „То была *вся Германія* (Alldeutschland) „которую нашъ наслѣдный принцъ повелъ „во Францію, по завоеваніи Вейсенбурга, „этой наблюдательной башни, откуда Франція до сихъ поръ привыкла вторгаться „въ *раздвоенную* Германію".

Болѣе рѣшительная постановка требо-

ваній Пруссіи предоставляется самимъ органамъ южной Германіи. „Радость“, пишутъ изъ Инсбрука отъ 9-го августа въ *Allgemeine Zeitung*, „внушаемая здѣсь по-„бѣдами Нѣмцевъ, очень велика; мы *же-„лаемъ только чтобъ Эльзасъ и Лотарин-„гія могли быть возвращены Германіи.* „*Было бы сентиментальнымъ слабосердіемъ* „еслибы мы оставили Французамъ то что „заграбили ихъ Людовики; можетъ-быть „отцы, въ Эльзасѣ, и *посѣтуютъ что ихъ* „*опять присоединяютъ къ нѣмецкой импе-„ріи*, но сыновья ихъ снова будутъ чув-„ствовать себя Нѣмцами. *Мы уже собра-„ли порядочную сумму* для раненыхъ Нѣм-„цевъ; но чувствованія *дороже денегъ*...“ „Теперь, на сторонѣ Французовъ нѣтъ ни „одного Нѣмца“, съ гордостію восклицаетъ мюнхенская *Süddeutsche Presse*, и слова ея немедленно воспроизводятся, на противоположной оконечности Германіи, штеттинскою *Ostsee-Zeitung*, „но всѣ нѣмецкія „племена, за исключеніемъ *невольно* отдѣ-„ленныхъ Австрійцевъ, соединились въ „общее нѣмецкое войско... И эта націо-„нальная нѣмецкая война *не можетъ* и „*не должна* окончиться *какимъ-нибудь* „*Вѣнскимъ конгрессомъ*; напротивъ, заклю-„ченіемъ пѣсни, въ которой пушки испол-„нили столь грозную мелодію, можетъ быть „лишь слѣдующее: *кто возвратилъ Эль-„засъ силою оружія, присоединивъ его* „*опять къ Имперіи, тотъ и долженъ быть* „*императоромъ Германскимъ*“...

Такъ говоритъ нынѣ южно-германская газета, которая, еще въ минувшемъ маѣ, клеймила Сѣверо-Германскій Союзъ прозваніемъ *Mord*-Deutscher Bund, вмѣсто *Nord*-Deutscher Bund, а созданный его походъ 1866 года прозваніемъ *Raub*-zug, вмѣсто *Feldzug*... Не даромъ же говорилъ Наполеонъ: „le succès est le grand apologiste!“

Но кто бы подумалъ? „Естественнымъ „послѣдствіемъ ослабленія Пруссіи“, пишутъ изъ Венгріи, отъ 10-го августа, въ аугсбургскую *Allgemeine Zeitung*; „было „бы то что Австрія возвысилась бы въ „Германіи, снова стала бы вмѣшиваться „въ германскія дѣла и свергла бы съ себя „*оковы, наложенныя на нее Венгріей*. Тог-„да Венгрія перестала бы играть первую „роль въ Австріи. Такъ думаетъ вся пар-„тія Деака, и венгерское правительство, „да въ сущности и лѣвая парламентская „сторона. Конечно, крайняя лѣвая, уль-„тра-Мадьяры, имѣютъ еще нѣчто другое „въ головѣ, а именно: *совсѣмъ отторгнуть* „*Венгрію отъ Австріи*, и поэтому же-„лаютъ чтобы Нѣмцы остались побѣдите-„лями и силою своей побѣды *совсѣмъ при-„тянули къ себѣ всю нѣмецкую Австрію*“... Вотъ это и откровенно, и ясно.

Сейчасъ получили мы изъ Брюсселя телеграмму, отъ 11-го (23-го) августа, будто „Англія и Россія вошли въ соглашеніе „чтобы противиться какому бы то ни бы-„ло раздробленію Франціи.“ Въ пражской газетѣ *Богемія*, отъ 11-го августа, мы находимъ слѣдующее *офиціозное* сообщеніе которое и по своему источнику, и по своему смыслу заслуживаетъ большаго вниманія. Вотъ это сообщеніе: „Никто такъ „рѣшительно какъ Россія не настаиваетъ „на принципѣ недопущенія никакого тер-„риторіальнаго приращенія побѣдителя. „Этимъ основаніемъ обусловила Россія „участіе нейтральныхъ державъ въ дѣлѣ „примиренія.“ Офиціозное сообщеніе *Богеміи* дополняетъ и поправляетъ брюссельскую депешу: сказанный шагъ принадлежитъ русской дипломатіи, а не англійской.

В.

Битва 14-го августа, которая такъ торжественно объявлена была блистательною побѣдой въ прусскихъ телеграммахъ, въ чемъ мы тогда же усомнились, оказывается на основаніи полученныхъ нами сегодня иностранныхъ газетъ (разумѣется кромѣ прусскихъ) удачнымъ для Французовъ отраженіемъ Пруссаковъ, напавшихъ на аріергардъ французской арміи, которая отступала въ Мецъ для переправы черезъ Мозель. Цѣлью нападенія было, по словамъ прусскаго *Staats-Anzeiger*, задержать отступленіе Французовъ и дать арміи принца Фридриха-Карла время переправиться чрезъ Мозель въ Понтъ-а-Муссонѣ. Въ дѣлѣ было нѣсколько дивизій Штейнмеца и имъ удалось завлечь Французовъ въ бой. Такимъ образомъ стратегическая цѣль Пруссаковъ, если *Staats-Anzeiger* указываетъ ее вѣрно, была достигнута: Французы приняли бой, хотя почти не переходили въ наступленіе; къ войскамъ прибылъ самъ маршалъ Базенъ, и быстрота переправы французской арміи могла отъ этого пострадать. Но въ боевомъ отношеніи, по новѣйшимъ извѣстіямъ, битва отнюдь не была благопріятна Пруссакамъ,

и заявленія графа Паликао въ законодательномъ корпусѣ вполнѣ подтверждаются. Англійскія газеты, кромѣ явно враждебныхъ Франціи *Times* и *Daily News*, находятъ невозможнымъ не придти къ заключенію что результатъ сраженія былъ въ пользу Французовъ. Въ полученномъ нами сегодня *Manchester Guardian* напечатана телеграмма отъ спеціальнаго корреспондента этой газеты изъ Люксембурга, гдѣ сказано что 14-го числа въ дѣлѣ подъ Мецемъ Пруссаки потеряли 28.000 убитыми и ранеными и 5.000 плѣнными, между тѣмъ какъ уронъ Французовъ простирался-де всего до 5.000. Огромный уронъ Пруссаковъ подтверждается наконецъ и военною корреспонденціей *Кельнской Газеты*, органа прусскаго: тамъ говорится что 14-го августа лѣвый флангъ прусскаго центра (гвардія) пострадалъ сильно и былъ лишенъ почти всѣхъ офицеровъ. Поэтому нельзя считать совсѣмъ преувеличеннымъ и извѣстіе о маневрѣ маршала Базена, о которомъ сообщаетъ *Moniteur Universel:* онъ прикрылъ баталіономъ пѣхоты нѣсколько батарей картечницъ, а когда къ нимъ приблизились четыре полка прусской гвардіи, то этотъ баталіонъ разступился и залпомъ изъ картечницъ оба прусскіе полка были почти совершенно уничтожены.

Въ австрійскихъ газетахъ находимъ также подтвержденіе что 14-го августа Французы имѣли верхъ надъ Пруссаками. Въ *Politik* телеграфируютъ изъ Базеля что при Панжѣ нѣмецкія войска потерпѣли такой уронъ что принуждены были отступить, не успѣвъ даже убрать своихъ убитыхъ и раненыхъ. По словамъ той же телеграммы, два госпиталя въ Мецѣ переполнены Нѣмцами, и однихъ нераненыхъ плѣнныхъ было отправлено изъ Меца въ Клермонъ до 600 человѣкъ.

№ 174.

Москва, 12-го августа.

А.

При настоящемъ кризисѣ, которымъ долженъ рѣшиться вопросъ о равновѣсіи Европы, любопытно слѣдить за измѣняющимся тономъ англійской печати и въ особенности ея первенствующаго органа *Times*. Тонъ англійскихъ органовъ, весьма чуткихъ ко всѣмъ интересамъ Англіи замѣшаннымъ въ дѣлахъ материка, есть барометръ который иногда вѣрнѣе обозначаетъ положеніе дѣлъ чѣмъ разногласные официальные бюллетени обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Припомнимъ какія торжественныя побѣдныя извѣстія недавно получали мы изъ Берлина. Отъ 18-го (6-го) августа, возвѣщалось что армія маршала Базена на голову разбита при Гравелоттѣ, въ битвѣ гдѣ участвовали восемь прусскихъ корпусовъ, что французскія войска отброшены въ Мецъ и отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ Парижемъ. Казалось бы, послѣ такого результата, Пруссакамъ съ ихъ собранными огромными силами оставалось продолжать свое побѣдоносное шествіе. Но вотъ прошло уже шесть дней. Въ прусской арміи оказываются страшныя потери. Пруссаки просили пріостановки военныхъ дѣйствій для погребенія массы убитыхъ. Убѣдившись въ энергіи сопротивленія, возрастающей съ каждымъ шагомъ отступленія Французовъ они очевидно пріостановили свое движеніе. Находя недостаточными свои силы, такъ значительно превосходившія французскія, они стянули изъ Германіи рѣшительно всю регулярную армію, передвинувъ во Францію даже тѣ корпуса которые назначались оберегать берега Балтійскаго моря. Они готовятся, какъ пишутъ въ англійскихъ газетахъ, сдвинуть около полумилліона войска къ Шалону или въ послѣдствіи къ Парижу.

И вотъ тонъ газеты *Times* измѣнился: она болѣе чѣмъ когда-либо настаиваетъ на необходимости посредничества для возстановленія мира. Англійская газета опасается какъ бы борьба не затянулась. Разсыпаясь въ похвалахъ французской доблести, она убѣдительно доказываетъ что никакой результатъ ожидаемой битвы при Шалонѣ не въ состояніи измѣнить сущность положенія дѣлъ. Французы по увѣренію *Times*, *должны* приготовиться принять миръ какъ необходимость. Притомъ дается понять что условія мира могутъ быть самыя благоразумныя, ибо истинно германская политика должна сдѣлать различіе между французскимъ народомъ и современными обстоятельствами, вооружившими обѣ націи другъ противъ друга. Въ большее поясненіе словъ, *Times* безцеремонно проводитъ параллель между настоя-

щимъ положеніемъ и отреченіемъ Наполеона I въ 1814 году. Такова отплата за усилія Наполеона III подавлять французское народное чувство въ отношеніи къ Англіи и вести въ ея смыслѣ дѣла своей страны.

Англійская политика безпощадна и нисколько не расположена жалѣть Францію. Если англійскія газеты такъ хлопочутъ теперь о миролюбивомъ посредничествѣ, то положеніе прусскихъ войскъ, очевидно, не такое превосходное какъ они изображали въ своихъ побѣдныхъ бюллетеняхъ. *Times* указываетъ Французамъ на возможность умѣренныхъ мирныхъ условій какъ бы въ противоположность задорнымъ и высокомѣрнымъ притязаніямъ прусской печати, и благодушно убѣждаетъ прусскую печать что требуемое ею отторженіе Эльзаса отъ Франціи будетъ на дѣлѣ невыгодно для самой Германіи, ибо перемѣна границъ пробудитъ-де въ Европѣ духъ, къ счастью теперь успокоившійся, но „способный вызвать смуты весьма обширныя." Не полагая чтобы прусское правительство пожелало продолжать войну изъ-за сомнительной выгоды занятія Парижа, *Times* указываетъ на возможность договора не представляющаго большихъ затрудненій. Традиціонная политика Пруссіи требуетъ-де денежнаго вознагражденія за военные расходы и, какъ слышно, это вознагражденіе опредѣляется въ милліардъ франковъ: это какъ разъ та сумма которая хранится во французскомъ банкѣ, и она не будетъ нужна банку если во Франціи водворится бумажное обращеніе, отъ котораго, скажемъ кстати, Англія поживится подобно тому какъ поживился Берлинъ отъ бумажнаго обращенія въ Россіи. Извѣстно что теперь дѣятельно происходятъ дипломатическіе переговоры, центръ коихъ есть Лондонъ. Изъ тона лондонскихъ органовъ несомнѣнно можно заключить что англійская дипломатія, въ настоящую минуту, употребляетъ всѣ усилія чтобы склонить Францію къ миру, опасаясь чтобы разгарающійся съ каждымъ днемъ патріотизмъ страны не сообщилъ борьбѣ грандіозные размѣры войны народной.

В. *д*

Говоря о приговорѣ С.-Петербургскаго окружнаго суда надъ рабочими Невской мануфактуры, мы коснулись куріозныхъ сужденій по этому дѣлу *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Нѣсколько словъ почти мимоходомъ сказанныхъ и изобличавшихъ либеральничающую газету въ нелиберальныхъ поползновеніяхъ на бытъ рабочаго класса привели въ ярость ея витязей, которые разразились противъ насъ цѣлыми столбцами ругательствъ, заявляя что будто бы мы взвели на нихъ напраслину. Мы оставили весь этотъ шумъ безъ вниманія, но поводъ коимъ онъ вызванъ сохраняетъ интересъ, и мы пользуемся оказавшимся въ нашей газетѣ сего дня мѣстомъ чтобы указать еще разъ на то разительное единомысліе которое при каждомъ сколько-нибудь важномъ вопросѣ постоянно обнаруживается между нашими дурными партіями самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ. Будетъ ли то вопросъ внутренней или внѣшней политики, будетъ ли то интересъ феодализма или демократіи, и какими бы окольными путями ни приходилось идти къ цѣли, а подъ конецъ всѣ голоса этого сорта всегда запѣваютъ въ сущности одну и ту же пѣснь.

Мы замѣтили что *С.-Петербургскія Вѣдомости* радуются рѣшеніемъ суда, приговорившаго рабочихъ Невской мануфактуры къ уголовному наказанію, назначенному въ законахъ за преступленіе (стачку), въ которомъ эти рабочіе, по нашему мнѣнію, были неповинны. Мы прибавили что *С.-Петербургскія Вѣдомости* довольны этимъ рѣшеніемъ, потому что оно открываетъ путь къ административному регулированію отношеній между нанимателями и рядчиками, якобы недостаточно обезпеченныхъ гражданскою равноправностью сторонъ, и пришли къ заключенію что этимъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* еще разъ доказали свое тождество съ покойною *Вѣстью.*

Вотъ это-то изобличеніе солидарности ультра-либеральной газеты съ ультра-охранительною привело первую въ крайнее раздраженіе, и она начала громко кричать что не сочувствуетъ фабрикантамъ. Но до пристрастія или до несочувствія редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* къ фабрикантамъ, какъ и ко всякимъ инымъ профессіямъ и ко всякимъ инымъ людямъ въ государствѣ, нѣтъ ни для кого интереса; можно было бы только спросить эту почтенную редакцію: почему ей такъ понадобилось нынѣ отрекаться отъ всякаго сочувствія къ профессіи не только не вред-

ной, но весьма полезной для государства, отъ сочувствія, или хотя бы даже пристрастія, которое никто изъ благомыслящихъ читателей не можетъ найти предосудительнымъ? Что же касается до крайняго отвращенія почтенной редакціи отъ промышленныхъ монополій и стачекъ,— отвращенія столь будто бы сильнаго что оно вынудило ее порадоваться даже судебному приговору осудившему рабочихъ за малѣйшее, ничѣмъ не доказанное подозрѣніе въ стачкѣ, то нельзя не подивиться отважности подобныхъ утвержденій. Каковы чувства *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* вообще къ фабрикантамъ это могло оставаться неизвѣстнымъ публикѣ, но что эта газета пристрастна къ фабрикантамъ привилегированнымъ и монополистамъ, этого никто изъ читателей *С.-Петербургскихъ Вѣдомостоей* не можетъ не знать. Еще вчера это изданіе было, заодно съ покойною *Вѣстью*, самымъ крайнимъ органомъ протекціонистской агитаціи, и въ своемъ усердіи даже далеко превзошло самую *Вѣсть*. А вѣдь таможенный тарифъ есть нынѣ почти единственная почва промышленныхъ привилегій: вѣдь ни одному русскому фабриканту въ голову не приходитъ домогаться средневѣковыхъ цеховъ и внутреннихъ заставъ. Правда, есть еще путь выхлопатывать себѣ привилегію— посредствомъ уставовъ акціонерныхъ компаній, но и тутъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* не разъ показывали свою услужливость.

Кстати. Нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкто г. Скальковскій напечаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* рядъ статей о выставкѣ, которымъ угодливая редакція отвела почетное мѣсто въ качествѣ передовыхъ или руководящихъ статей и которыя, посреди легкомысленной болтовни, имѣющей претензію на остроуміе, отличаются между прочимъ самымъ непозволительнымъ глумленіемъ надъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества; — нововведеніе въ политикѣ протекціонизма, который до сихъ поръ не переставалъ при своихъ домогательствахъ говорить во имя русскихъ національныхъ интересовъ. Но, какъ видно, это не подъ стать газетѣ которая не стыдится печатать письма нѣкоего И. Т., гдѣ блистательная защита Севастополя ставится на одну доску съ позорнымъ бѣгствомъ Пруссаковъ подъ Іеной. Въ такой газетѣ протекціонизмъ долженъ былъ одѣться въ новое платье, и тѣмъ обнаружить сомнительность своихъ связей съ патріотизмомъ. Въ заключеніе этихъ статей, г. Скальковскій перечисляетъ главныя причины, задерживающія наши промышленные успѣхи и формулованныя, по его словамъ, петербургскимъ съѣздомъ фабрикантовъ. Оказывается что на первомъ планѣ этихъ вредоносныхъ причинъ стоитъ — что бы вы думали?—излишество европейскаго образованія, распространяемаго нашими школами какъ въ русскомъ обществѣ вообще, такъ въ промышленной средѣ въ особенности. Вотъ слова г. Скальковскаго: „Введеніе классическаго образованія лишаетъ все наше сословіе производителей средства получать сподручное ему образованіе, а все россійское юношество дѣлаетъ мало вообще пригоднымъ для практической дѣятельности.“ Фабриканты, разумѣется, объ этомъ не говорили и не думали, но это какъ нельзя болѣе идетъ въ газетѣ восторгающейся отъ Пруссіи, которая своими успѣхами обязана преимущественно своимъ школамъ! Въ Россіи даже слабыя попытки завести подобныя школы, по мнѣнію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, будутъ пагубны; ея промышленность нуждается единственно въ возрастаніи цѣнъ своихъ издѣлій и въ увеличеніи толпы безграмотныхъ и полуграмотныхъ рабочихъ около ея заведеній!

Въ рабочемъ вопросѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости* выказали весь пылъ своей любви къ гражданской равноправности фабрикантовъ и рабочихъ, которая у нихъ не сходитъ съ языка. Но вотъ собственныя ихъ слова, которыя мы прежде упомянули мимоходомъ, а теперь должны вывести на свѣжую воду:

„Мы не будемъ говорить о томъ, насколько справедливъ приговоръ суда относительно этихъ рабочихъ Невской мануфактуры: весь ходъ судебныхъ преній у читателей предъ глазами, и они сами могутъ судить о томъ, руководились ли рабочіе въ данномъ случаѣ корыстнымъ желаніемъ прижать хозяина и напугать его массою, или дѣйствительно каждый шелъ за прибавкою потому что у одного не хватало на харчи, а другому надо было посылать въ деревню оброкъ. Мы не будемъ говорить также о томъ, ни сколько умѣстно наказаніе за стачки рабочихъ, если съ ихъ стороны не обнаружено никакого насилія. Мы не сторонники мудраго правила

„laissez faire, laissez passer“ и не отвергаемъ права государства регулировать, въ извѣстныхъ случаяхъ, экономическія отношенія между нанимателями и рабочими.“

Чего же иначе какъ не *регулированья* отношеній нанимателей и рабочихъ, посредствомъ администраціи, домогалась партія *Вѣсти*? О чемъ другомъ говорила она, каждый день жалуясь на произволъ рабочихъ и на несостоятельность вольнонаемнаго труда въ Россіи, и о чемъ другомъ говорятъ намъ теперь либеральныя *С.-Петербургскія Вѣдомости*? Люди написавшіе приведенныя строки заявляютъ что они не имѣютъ пристрастія къ фабрикантамъ, то-есть къ нанимателямъ; *Вѣсть* твердила то же самое, требуя регулированія отношеній. *С.-Петербургскія Вѣдомости* почему-то вдругъ не взлюбили мясныхъ и хлѣбныхъ торговцевъ, по винѣ которыхъ будто бы мясо и хлѣбъ сдѣлались вдругъ дороги въ Петербургѣ. Мы можемъ только посмѣяться что интересы чайныхъ торговцевъ и производителей ситца, желѣза и машинъ, о дороговизнѣ которыхъ почтенная редакція такъ усиленно хлопотала во время тарифной агитаціи, принимаются ею болѣе къ сердцу чѣмъ интересы хлѣбныхъ и мясныхъ торговцевъ, хотя для Россіи вообще, и для ея рабочаго люда въ особенности, гораздо важнѣе заботиться объ удешевленіи ситца, желѣза и машинъ, которые у насъ дороги, нежели объ удешевленіи хлѣба и мяса, которые у насъ дешевле чѣмъ въ остальномъ свѣтѣ. Однако, оставимъ въ сторонѣ эти исключительныя и весьма измѣнчивыя пристрастія сотрудниковъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* то къ однимъ товарамъ и къ однимъ производителямъ, то къ другимъ,— пристрастія, какихъ надо признаться, не дозволяли себѣ экономическіе сотрудники *Вѣсти*. Оставимъ все это, и спросимъ только либеральную газету: какимъ образомъ она рѣшается, послѣ собственныхъ ея словъ, нами приведенныхъ, утверждать что она стоитъ за гражданскую равноправность сторонъ и свободу экономическихъ отношеній въ личномъ наймѣ? Знаменитое изреченіе экономистовъ „Laissez faire, laissez passer,“ отъ котораго она такъ торжественно сама отказалась, или не имѣетъ никакого смысла, или имѣетъ только одинъ тотъ смыслъ въ какомъ оно было сказано, означая *гражданскую равноправность и свободу договаривающихся сторонъ.*

С.-Петербургскія Вѣдомости только потому не безусловно одобряютъ судебный приговоръ противъ рабочихъ Невской мануфактуры, находя что эти люди были въ нуждѣ, что они нуждались въ деньгахъ на харчи и на уплату оброка. Добрыя воззрѣнія на правосудіе проповѣдуетъ либеральная газета, стоящая, какъ она говоритъ, за гражданскую равноправность сторонъ! Хороша гражданская равноправность и правосудіе которыхъ мѣриломъ должно быть количество денегъ въ карманѣ сторонъ!

Но какъ бы то ни было, *С.-Петербургскія Вѣдомости* признаютъ возможнымъ *регулировать* отношенія нанимателей и рабочихъ. Какъ же это сдѣлать, не устанавливая условій найма то въ пользу одной, то въ пользу другой стороны, и стало-быть не стѣсняя гражданской полноправности то одной, то другой? Когда партія работавшая подъ знаменемъ *Вѣсти* требовала такого же точно регулированія отношеній нанимателей къ рабочимъ, то она также никогда открыто не заявляла чтобы вмѣшательство власти въ эти отношенія должно было происходить единственно и всегда въ пользу одной стороны, нанимателей. Кто же, проповѣдуя насиліе, не твердитъ что это дѣлается ради общей пользы и даже свободы? Однако будемъ справедливы, въ особенности къ покойникамъ. Публицисты, высылавшіеся въ столбцы *Вѣсти* для экономическихъ и внутреннихъ вопросовъ, были все-таки добросовѣстнѣе и благороднѣе своихъ собратовъ, публицистовъ либеральной газеты; первые открыто домогались возвращенія къ кабалѣ и крѣпостному праву, вторые проповѣдуютъ тотъ же произволъ и насиліе, тѣ же монополіи и привилегіи, но только фарисейски прячутся за громкія либеральныя фразы.

№ 175.

Москва, 13-го августа.

Странное дѣло! Вотъ уже прошла цѣлая недѣля, а нѣтъ обстоятельныхъ извѣстій, ни прусскихъ, ни французскихъ, о сраженіи 18-го (6-го) августа. И та, и другая сторона приписываетъ побѣду себѣ; но ни та, ни другая рѣшительно не

хочетъ сообщить свѣдѣній о ходѣ и подробностяхъ этой загадочной битвы. Даже не извѣстно въ точности гдѣ происходила она, при Резонвиллѣ или при Гравелоттѣ. Вотъ что говорится по этому поводу въ *Русскомъ Инвалидѣ:*

Гдѣ именно произошло сраженіе 6-го августа, которое прусскія депеши называютъ при *Гравелоттѣ*, а иногда при *Резонвиллѣ*,—опредѣлить пока еще трудно; извѣстно только что Французы были выбиты изъ нѣсколькихъ превосходныхъ позицій, овладѣніе коими стоило Пруссакамъ огромнѣйшихъ жертвъ. И дѣйствительно, на подробной топографической картѣ французскаго генеральнаго штаба мы находимъ между Гравелоттомъ и передовыми укрѣпленіями Меца двѣ позиціи соотвѣтствующія главнѣйшимъ тактическимъ условіямъ большаго сраженія, а именно, одна — въ верстѣ восточнѣе Гравелотта, прикрытая глубокимъ оврагомъ ручья Мансъ, коего лѣсистыя отлогости со стороны Французовъ футовъ на 20 командуютъ противоположнымъ берегомъ, а другая — замка Шатель-Сенъ-Жерменъ, прикрытая густымъ дубовымъ лѣсомъ „Bois du Chatel“, и имѣющая передовыя опорныя точки въ обнесенныхъ оградами фермахъ „Leipzig“ и „Moscou“. Но такъ какъ въ одной изъ телеграммъ упоминается, что Французы были атакованы, 6-го августа, у каменоломенъ Жомона, которыя обозначены на картѣ на крайнемъ правомъ флангѣ послѣдней позиціи, верстахъ въ 8 или 9 выше Chatel S.-Germain, то надо полагать что или позиція Французовъ была очень растянута, или что одна часть ихъ арміи, вѣроятно, дралась отдѣльно, добиваясь удержать за собою доступы къ Обуэ*) и послѣдній путь отступленія на Верденъ.

И вотъ еще что: какъ та, такъ и другая сторона знаетъ превосходно непріятельскія потери, но ничего не знаетъ о своихъ собственныхъ! Пруссаки насчитали до 50.000 человѣкъ выбывшихъ изъ строя у Французовъ въ разныхъ битвахъ подъ Мецемъ. Французы, въ свою очередь, опредѣляютъ потерю непріятеля въ 80.000 человѣкъ.

Прусскіе бюллетени о битвѣ 18-го августа были громоносны: „великая побѣда“, „блестящая побѣда“. Въ Дрезденѣ, однако, отозвались объ этомъ дѣлѣ гораздо тише. Сказано было только что саксонскія войска дрались успѣшно рядомъ съ прусскими; о блестящей побѣдѣ не упомянуто. И вотъ этимъ до сихъ поръ ограничиваются всѣ свѣдѣнія которыхъ съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Европа, которыхъ съ трепетомъ ожидаютъ сотни тысячъ семей проводившихъ на эти битвы своихъ отцовъ и сыновей!...

Что за причина этого молчанія?

Французскіе министры, рѣшительно утверждая что непріятель отбитъ на всѣхъ пунктахъ, точно также отказываются сообщить подробности сраженія, которое превратилось бы въ миѳъ еслибы не кровь вопіющая о дѣйствительности событія. Весьма естественно что въ виду непріятеля нельзя пускаться въ подробности о планѣ кампаніи; но что препятствуетъ сообщить свѣдѣнія о дѣлѣ уже бывшемъ?

Да и сраженіе 16-го (4-го) августа, несмотря на массу свѣдѣній сообщенныхъ корреспондентами обѣихъ сторонъ и сведенныхъ въ сегодняшнемъ нашемъ нумерѣ, остается не яснымъ. Одинъ изъ французскихъ корреспондентовъ проѣхалъ въ день сраженія свободно отъ Меца до Гравелотты, не встрѣтивъ ни Пруссаковъ, ни Французовъ и только обгоняя французскіе обозы; другой проѣхалъ отъ Конфлана до желѣзной дороги изъ Меца въ Тіонвиль и также не видѣлъ ни своихъ ни непріятельскихъ войскъ. Изъ этого можно заключить что Штейнмецъ прибылъ къ сѣвернымъ пунктамъ расположенія французской арміи большимъ обходомъ съ запада, а черезъ Мозель переправился на югѣ отъ Меца. Если въ боевомъ отношеніи Французы имѣли въ этотъ день перевѣсъ надъ Пруссаками, то стратегическій успѣхъ былъ на сторонѣ послѣднихъ.

Всѣ полученныя нами сегодня французскія газеты наполнены догадками и предположеніями о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. По словамъ *France*, обсуждаются главнымъ образомъ слѣдующіе два вопроса:

1) Не была ли пріостановка военныхъ дѣйствій, о которой извѣщалъ Базенъ въ депешѣ своей отъ 17-го августа, и которая имѣла цѣлію пополнить его боевые запасы, продолжительнѣе чѣмъ онъ предполагалъ и не обезсилила ли она его? Прусскія газеты тоже удивляются промед-

*) Обуэ лежитъ на самой сѣверной изъ дорогъ ведущихъ отъ Меца въ Верденъ,— на той которая одна, послѣ дѣла 16-го августа, находилась еще въ распоряженіи Французовъ.

ленію Базена и приписывають оное какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ. Почему Базенъ не продолжалъ отступленіе послѣ битвы 16-го августа? Пруссаки, оказывается, ожидали что онъ двинется ночью съ 16-го на 17-е.

2) Отказался ли онъ отъ своего движенія на Верденъ и не разсудилъ ли что будетъ въ состояніи нанести болѣе рѣшительный ударъ непріятелю или задержать его операціи, продолжая двигаться вокругъ Меца, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ 14-го и 16-го?

Вечеромъ, 19-го, въ Парижѣ разнесся слухъ, подтверждавшій первый вопросъ, вслѣдствіе чего распространилась общая тревога, но извѣстіе это оказалось неосновательнымъ. *France* утверждаетъ что армія Базена, послѣ побѣды 16-го, остается совершенно свободною въ своихъ дѣйствіяхъ, въ состояніи отразить всѣ попытки непріятеля, и что она болѣе чѣмъ когда-либо преисполнена сознаніемъ своей силы. Вслѣдствіе этого не слѣдуетъ-де буквально довѣрять берлинской телеграммѣ, гласящей что Базенъ „отброшенъ на Мецъ и стѣсненъ со всѣхъ сторонъ первою и второю нѣмецкими арміями".

Эта послѣдняя фраза, продолжаетъ названная газета, объясняетъ уже сама-по-себѣ настоящее положеніе, такъ какъ она заявляетъ что сто или сто двадцать тысячъ Французовъ, надъ которыми Пруссаки одержали мнимую побѣду, парализуютъ соединенныя силы принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца. Но теперь это заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. Отъ соединенныхъ силъ принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца, какъ извѣщаютъ сегодняшнія телеграммы, оказалось возможнымъ отдѣлить около четырехъ корпусовъ для присоединенія къ арміи послѣдняго принца идущаго на Парижъ.

Англійскія газеты, отъ 20-го и 21-го августа, изображаютъ положеніе Франціи въ настоящую минуту совершенно безнадежнымъ. Читая ликующія статьи *Times* и *Daily News*, можно подумать что Франція уже лежитъ распростертая у ногъ завоевателя и отъ его умѣренности и великодушія, также какъ отъ дружескаго заступничества Англіи, можетъ ожидать себѣ спасенія. По увѣреніямъ англійскихъ газетъ, маршалъ Базенъ безвыходно захваченъ въ тискахъ окружившихъ его нѣмецкихъ армій, и долженъ быть готовъ сдаться на капитуляцію болѣе постыдную чѣмъ капитуляція генерала Мака при Ульмѣ. А въ Шалонскомъ лагерѣ и на парижскихъ укрѣпленіяхъ остаются-де лишь оборванцы корпуса Макъ-Магона и наскоро набранный невооруженный сбродъ. По телеграфическимъ депешамъ мы знаемъ что Шалонскій лагерь снятъ и что армія Макъ-Магона двинулась оттуда къ Реймсу. Какая цѣль этого движенія? Вотъ теперь главный вопросъ.

Зная до мельчайшихъ подробностей неприготовленность Франціи къ предпринятой ею войнѣ, разчитывая на революцію въ Парижѣ при извѣстіи о первой неудачѣ французскаго оружія, англо-прусская политика давно уже была увѣрена что одной рѣшительной битвы достаточно чтобы сломить гордость Франціи и сбросить ее со степени великой державы. Съ этимъ согласуется полученное въ Лондонѣ изъ Берлина извѣстіе что въ прусской главной квартирѣ рѣшено употребить всѣ усилія чтобы вызвать Французовъ на рѣшительную битву подъ Мецемъ. Нынѣ планъ этотъ повидимому измѣнился относительно выбора мѣстности: на рѣшительную битву Французы будутъ вызываемы гдѣ-нибудь западнѣе Меца.

Пруссія напрягаетъ всѣ свои усилія и притягиваетъ изъ Германіи всѣ военныя силы какими только можетъ она располагать. Способенъ ли патріотизмъ Франціи совершить тѣ чудеса какими онъ прежде изумлялъ Европу, и возможны ли эти чудеса при измѣнившихся условіяхъ веденія войны, — отъ этого теперь все зависитъ.

Англія сулитъ Франціи благопріятный миръ. „Пусть только миръ будетъ обез„печенъ," говоритъ *Times*, „и тогда фран„цузская нація можетъ вновь построить „свою славу и можетъ надѣяться подъ „другимъ знаменемъ и съ благороднымъ „честолюбіемъ стать на высоту болѣе ве„личественную чѣмъ то ложное величіе съ „котораго она упала."

Сколько вѣроломства въ этихъ словахъ! Да, правда, Франція шла ложными путями и знамя которое вело ее не было достойно великаго народа. Но кто удерживалъ ее на этихъ ложныхъ путяхъ, и кому служило это знамя? Кто овладѣлъ ея диктаторомъ, и заставилъ его расточать кровь Франціи въ интересахъ ей чуждыхъ, въ интересахъ ей враждебныхъ?

Не Англія ли выдавала себя сердечнымъ другомъ императорской Франціи, и не эта ли фальшивая дружба погубила императорскую Францію?

№ 176.

Москва, 14-го августа.

Въ теченіи семи лѣтъ вотъ уже третья кровавая исторія совершается на глазахъ нашихъ „миролюбивою“ Пруссіей, „вовсе не имѣющею“, по словамъ генерала фонъ-Мольтке, „завоевательнаго характера“. И въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить прусскимъ дипломатамъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ Пруссія, противъ своей воли, была вовлечена въ войну вызовами своихъ враговъ, попиравшихъ то священныя права великой нѣмецкой національности, то достоинство Пруссіи. Такъ, въ 1864 году, поводомъ къ объявленію войны послужила обнародованная копенгагенскимъ правительствомъ конституція, выражавшая дерзкое стремленіе сплотить воедино Датскую монархію, которая съ 1848 года, благодаря усиліямъ Пруссіи, разламывалась надвое. Такъ и въ 1866 году Пруссія, лишь скрѣпя сердце, рѣшилась отмстить за повелительный тонъ съ какимъ германскій сеймъ, подъ предсѣдательствомъ Австріи, вздумалъ настаивать на исполненіи общаго всему союзу федеральнаго закона. Съ 1866 года, Пруссія явно стремилась поставить Францію въ положеніе второстепенной державы, и всѣмъ извѣстно какъ нынѣ берлинская дипломатія сумѣла придать Пруссіи видъ миролюбивой державы несправедливо вызванной на бой...

Итакъ, вотъ что прежде всего бросается въ глаза при сравненіи всѣхъ этихъ военныхъ предпріятій Пруссіи за послѣднія семь лѣтъ: при началѣ каждаго, прусская дипломатія старалась расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Европы и возложить на своего противника отвѣтственность за нарушеніе мира.

Далѣе, дѣло всегда было ведено такъ что каждая изъ этихъ войнъ, задолго до объявленія, предусматривалась всѣми политическими людьми Европы, какъ естественный, неизбѣжный исходъ. Такъ въ Даніи, назойливыя, безпрестанныя съ 1848 года вмѣшательства Пруссіи по поводу Шлезвигъ-Гольштейнскихъ Нѣмцевъ, якобы притѣсняемыхъ въ своей національности, и параллельно съ этими вмѣшательствами искусно раздуваемая въ Эльбскихъ герцогствахъ измѣнническая пангерманская агитація должны были, рано или поздно, завершиться либо уступкой этихъ герцогствъ безъ боя, либо отчаянною попыткой положить конецъ разлагающему дѣйствію сосѣдней державы. Такъ точно и послѣдовавшее въ 1866 году вооруженное возстаніе Пруссіи противъ германскаго сейма считалось неизбѣжнымъ уже съ 1861 года, когда депешею отъ 27-го ноября прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бернсторфъ, чрезъ посредство прусскаго уполномоченнаго, г. фонъ-Савиньи, съ похвальною откровенностію офиціально выразилъ саксонскому министру фонъ-Бейсту твердую рѣшимость своего правительства замѣнить, во что бы то ни стало, учрежденный вѣнскимъ конгрессомъ порядокъ въ Германіи исключительно гегемоніей Пруссіи. Такъ наконецъ и нынѣ, говоря словами *политическаго обозрѣнія* только-что полученнаго нами нумера *Revue des deux Mondes* отъ 15-го августа, „война Франціи съ Пруссіей была неиз„бѣжна, она должна была вспыхнуть „рано или поздно, и даже можно сказать „что послѣднія событія еще ощутитель„нѣе доказали ея неизбѣжность, такъ „быстро вынудивъ Францію къ трудному „оборонительному положенію и обнару„живъ слабость ея границы, — слабость „значительную уже при господствѣ трак„татовъ 1815 года, но еще увеличившу„юся съ 1866 года, когда Пруссія овла„дѣла всѣми силами Германіи. Эти событія „съ зловѣщею очевидностію доказали *гдѣ „находится поглощательная сила, гдѣ на„ходится постоянная угроза*...“ Ходъ теперешней войны доказываетъ что мысль о естественныхъ границахъ Франціи, высказываемая тамъ съ 1815 года, не есть только народное тщеславіе, что въ основаніи этой мысли таится жизненный для Франціи вопросъ, достойный патріотическихъ усилій великой страны. Теперь совершенно оправдываются и тѣ *angoisses patriotiques* которыя овладѣвали мыслящими людьми во Франціи въ виду рѣшительныхъ ударовъ которые въ 1866 году наносила Пруссія старому Германскому Союзу. А кому не помнятся успокоитель-

ныя насмѣшки, которыми вся Европа, ослѣпленная пресловутымъ „миролюбіемъ“ Пруссіи, отвѣчала на эти опасенія, ссылаясь на устарѣлую поговорку Гнейзенау: Die Franzosen *am* Rhein, sind die Franzosen *über* den Rhein?...

Итакъ, всѣ три предпринятыя Пруссіей войны, съ 1864 года по 1870, давно предвидѣлись, давно были признаны неизбѣжными; во всѣхъ также, если вѣрить прусской дипломатіи, прусскимъ ораторамъ и прусской печати, зачинщиками и вызывателями являлись противники Пруссіи. А что выходило на повѣрку? Едва открывались военныя дѣйствія, и Данія въ 1864 году, и Австрія съ Германскимъ Союзомъ въ 1866 году, оказывались совершенно неготовыми къ войнѣ и въ концѣ концовъ захваченными врасплохъ миролюбивою державой, „не имѣющею завоевательнаго характера!“ Такъ и теперь зачинщикомъ выставлена предъ Европой Франція, хотя „война была одною изъ тѣхъ вѣроятностей которыя слѣдовало предусматривать“, сказано въ цитованной нами статьѣ *Revue des deux Mondes*,—

„и отъ которыхъ *нельзя уклониться* въ „данную минуту; но прежде всего *надобно* „*было умѣть приготовиться къ ней*, а „если не были готовы, слѣдовало умѣть „выждать.... Принятыя рѣшенія могли „оправдаться только въ томъ случаѣ „*еслибы мы были готовы*; страна вступила на этотъ путь лишь полагаясь *на* „*данныя ей увѣренія*, которыя къ несчастію *не оказались вполнѣ оправданными*“ (слѣдовало бы выразиться: *оказались вполнѣ неоправданными*). „Теперь „можно сказать: мы не были готовы, мы „*были въ заблужденіи*, мы думали что „достаточно *отправить на границу все* „*что имѣлось подъ рукой*...“

Языкъ событій дѣйствительно доказалъ что завоевательная Франція вовсе не была готова даже къ оборонѣ, не только къ нападенію; а Пруссія, уже стоявшая во всеоружіи, мгновенно сосредоточила на своей западной границѣ небывалыя въ исторіи массы войскъ, требующія несмѣтнаго количества жизненныхъ и боевыхъ припасовъ и неимовѣрныхъ перевозочныхъ средствъ. Все это было уже налицо у самой границы, одну недѣлю спустя послѣ объявленія войны; и противъ всего этого на французской границѣ являются разсѣянныя, недоведенныя до военнаго комплекта отдѣльныя французскія дивизіи, у которыхъ въ пылу боя не достаетъ даже патроновъ... Все это есть повтореніе того что происходило въ Даніи въ 1863 году, а въ 1866 году въ Австріи, въ Гановерѣ, въ Нассау, въ Дармштадтѣ, въ Гессенъ-Касселѣ, въ Баденѣ, въ Баваріи.... Пруссія повсюду успѣвала вводить въ заблужденіе своихъ враговъ не только насчетъ своихъ силъ, но и насчетъ ихъ собственныхъ силъ, и не только усыплять ихъ бдительность, ихъ политическую и военную предусмотрительность, но и возбуждать недовѣріе ихъ правительствъ къ органамъ ихъ національнаго чувства, ихъ патріотическихъ опасеній....*) Что можетъ, при столь неблагопріятной обстановкѣ, сдѣлать и удивительная храбрость войскъ, и энергія націи? Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи исторія не упрекнетъ Францію 1870 года. Приводимъ еще разъ выдержку изъ послѣдней книжки *Revue des Deux Mondes*, которою вполнѣ объясняются преувеличенные отзывы о силахъ непріятеля наполняющіе всѣ прусскія депеши, послѣ первыхъ битвъ цѣлыхъ прусскихъ армій съ отдѣльными французскими отрядами:

„Съ этой минуты обнаруживается фактъ несомнѣнный, фактъ который ничѣмъ не можетъ затмиться: это бодрость нашей арміи, это ея мужество, возрастающее съ неравенствомъ борьбы. Въ первомъ дѣлѣ при Вейсенбургѣ, которое послужило сигналомъ къ дѣйствію, нашихъ солдатъ оказывается 8.000 противъ трехъ корпусовъ, противъ 60.000 человѣкъ, и едва ли не впервые одна лишь дивизія убиваетъ у непріятеля болѣе людей чѣмъ сколько ихъ состоитъ у нея самой въ строю. Въ дѣлѣ при Вѣртѣ 33.000 дерутся противъ 140.000. При Саарбрюккенѣ пропорція та же; по свидѣтельству корреспондента самой газеты *Times*, на одного Француза приходилось трое Нѣмцевъ; и не робѣя предъ численнымъ превосходствомъ, несмотря на безпрерывный приливъ къ непріятелю новыхъ силъ, наши безтрепетные солдаты выдерживаютъ огонь съ утра до вечера, такъ что *каждый прусскій генералъ ду-*

*) Извѣстно что въ 1866 году, настояніями графа Бисмарка, ухитрившагося доказать что всѣ враги Пруссіи оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ недоброжелателями имперіи, какъ орлеанисты, закрыто изданіе благонамѣренной патріотической газеты „Courrier du Dimanche.“

маетъ что имѣетъ дѣло съ большею частью французской арміи. Самъ наслѣдный принцъ Прусскій полагалъ что предъ нимъ вмѣстѣ съ маршаломъ Макъ-Магономъ стояли генералъ де-Фальи и маршалъ Канроберъ, тогда какъ первый прибылъ уже послѣ битвы, а послѣдній, во все это время, находился очень далеко. Этому злополучному корпусу принадлежитъ честь что онъ заставилъ принять себя за цѣлую армію тою грозною стойкостью которую онъ выдержалъ до послѣдняго часа. Въ этотъ бѣдственный, но славный день, совершились подвиги чуднаго геройства, какъ эти атаки кирасиръ которые врубались въ прусскіе батальйоны, сокрушали всякія преграды и возвращались на непріятеля пока оставалась ихъ хоть одна горсть. И начальники, и солдаты не щадили себя; многіе пали, но сдѣлавъ огромные проломы въ подавляющихъ ихъ массахъ.... Солдаты видѣли маршала Макъ-Магона въ огнѣ какъ простаго полковника; онъ выдерживалъ напоръ непріятеля, усугублялъ всѣ возможныя усилія чтобы вывести изъ-подъ вражескихъ ударовъ славные остатки своего сокрушеннаго корпуса; цѣлые двадцать часовъ не сходилъ съ коня разъѣзжая среди храбрыхъ....“

Картина яркая, но теперь, когда стали извѣстны подробности происходившихъ битвъ, никто не укоритъ ее въ преувеличеніи. Корпусовъ де-Фальи (кромѣ одной дивизіи) и Канробера дѣйствительно не было при Вёртѣ, хотя Пруссаки и до сихъ поръ высказываютъ притворную увѣренность что эти корпуса дрались вмѣстѣ съ Макъ-Магономъ и, не отрицая что у нихъ самихъ было подъ ружьемъ 140.000 человѣкъ, кичатся своей побѣдой надъ шестидесяти-тысячною арміей соединенныхъ силъ Макъ-Магона, де-Фальи и Канробера. Если, несмотря на это геройство, на эту стойкость, на это самоотверженіе, маленькая французская армія отброшена за Мозель, а головы колоннъ принца Прусскаго уже за Шалономъ, то ближайшею виной этому совершенная неготовность Франціи къ войнѣ. „Первая наша ошибка“, говоритъ цитованная статья, „состояла въ томъ что мы *не оцѣнили въ точности положенія дѣлъ* и „увлекались мечтами.... Мы ошиблись, мы „не вѣрно измѣрили свои собственныя силы; мы неточно измѣрили силы непріятеля....“

Какъ могли произойти столь непростительныя ошибки, столь странно невѣрныя оцѣнки? Однако то же самое было и въ Австріи, при открытіи похода 1866 года. Вопросъ о томъ какъ скоро своя армія, сравнительно съ непріятельскою, можетъ быть приведена въ военное положеніе и сосредоточена, есть вопросъ великой важности отъ котораго зависитъ и участь армій, и судьбы государствъ! За всякую ошибку въ этомъ вопросѣ арміи платятся потоками безполезно пролитой крови, народы—непоправимыми бѣдствіями, государства—своею цѣлостію или своею самостоятельностью. Маршалъ Лебёфъ, какъ теперь извѣстно, не только увлекался свойственною Французамъ самонадѣянностію и верхоглядствомъ, но навлекъ на себя всеобщее негодованіе подобострастнымъ умолчаніемъ истины предъ своимъ государемъ, и самохвальными увѣреніями, которыми онъ надѣялся доказать ему совершенство своихъ распоряженій. Онъ предался свойственной многимъ администраціямъ страсти къ бумагѣ, забывъ что ни объ арміи, ни о странѣ нельзя судить по однимъ офиціальнымъ отчетамъ, что армію составляютъ живые люди, что она не канцелярскій архивъ, а сила которая живетъ въ нѣдрахъ націи. Опредѣлить съ потребною въ этихъ случаяхъ *математическою точностью* военныя силы страны, срокъ когда армія можетъ быть приведена въ военное положеніе, при соображеніи всѣхъ мѣстныхъ условій, состоянія сѣти не только рельсовыхъ путей сообщенія, но и приводящихъ къ нимъ шоссейныхъ и проселочныхъ дорогъ, — степень знакомства давно уволенныхъ въ отпускъ резервовъ съ оружіемъ которое будетъ имъ дано въ руки при оборѣ, срокъ когда можетъ не только *быть* пріобрѣтено, но и поступить на дѣйствительную службу множество новыхъ кавалерійскихъ, артиллерійскихъ, парковыхъ и обозныхъ лошадей, безъ которыхъ никакая армія не можетъ выступить въ походъ, наконецъ скорость съ какою могутъ быть сосредоточены на самой границы и войска, и припасы,—такова трудная задача, лежащая на прямой отвѣтственности главы военной администраціи въ данную минуту. Все должно быть предусмотрѣно, всѣ шансы должны быть разочтены, все должно быть взвѣшено въ параллель съ соотвѣтствующими рессурсами непріятеля, а въ томъ числѣ и со всѣми средствами доставляемыми наукой и изобрѣтательностью. . . . . . .

Но исторія будетъ судить о нынѣшнихъ бѣдствіяхъ Франціи съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Истинную отвѣтственность за нихъ возложитъ она на политику императора Наполеона III, которая, увлекаясь дешевыми посулами дурачившей ее Пруссіи, потворствовала ей, способствовала ея захватамъ въ 1866 году и не приготовилась поддержать свой голосъ въ минуту окончательнаго разчета между воюющими сторонами. Правда, сыгравъ успѣшно подобную же игру съ Италіей, Наполеонъ III надѣялся что біаррицскія свиданія его съ графомъ Бисмаркомъ, въ 1865 году, будутъ также плодотворны какъ были его пломбьерскія бесѣды съ Кавуромъ въ 1858 году. Но въ 1860 году Франція еще не совсѣмъ разоружилась, а Италія была въ расплавленномъ состояніи. Въ 1866 году, самимъ Наполеономъ III все велось къ тому что кто бы ни былъ побѣдителемъ, окончательный разчетъ долженъ былъ совершиться при посредничествѣ Франціи. И вотъ, дѣйствительно, онъ провозглашается „европейскимъ посредникомъ“ и какіе же результаты извлекъ онъ для Франціи изъ столь блестящаго положенія? Мы находимъ ихъ нынѣ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Повсюду смерть и разореніе; окровавленная, растерзанная и опозоренная Франція призываетъ на защиту всѣхъ сыновъ своихъ... Императоръ Наполеонъ забылъ въ 1866 году ту простую аксіому что слово дипломата ничтожно если не есть выраженіе готовой вооруженной силы страны. Онъ забылъ это, открывая дипломатическую кампанію съ цѣлію преградить путь стоявшему во всеоружіи побѣдителю и истребовать исполненія дружескихъ обѣщаній того самаго г. фонъ-Бисмарка, который только что отплатилъ Кениггрецкимъ погромомъ за довѣріе съ какимъ Австрія за два года предъ тѣмъ помогла Пруссіи ограбить Данію. Еслибъ у императора Французовъ, при открытіи Никольсбургскихъ переговоровъ, было подъ рукой хоть 150.000 человѣкъ для демонстраціи на Рейнѣ, нѣтъ сомнѣнія что слово Франціи было бы уважено, и не оставалось бы причинъ къ напряженному состоянію четырехлѣтняго вооруженнаго міра, а также и къ нынѣшней войнѣ. Но маршалъ Рандонъ не могъ въ то время дать въ подкрѣпленіе французской дипломатіи и пятидесяти тысячъ готовыхъ штыковъ...

В.

Переданныя намъ сегодня по телеграфу офиціальныя французскія извѣстія подтверждаютъ берлинскую депешу о томъ что прусская армія главными своими силами двигается на Парижъ. Передовые кавалерійскіе отряды ея побывали уже въ Шалонѣ. Парижъ дѣятельно готовится къ оборонѣ; люди которые по недостатку средствъ или по другимъ причинамъ могли бы служить помѣхой при оборонѣ высылаются изъ него. Такая мѣра принимается обыкновенно лишь когда непріятель находится у воротъ. Она должна была произвести въ Парижѣ потрясающее впечатлѣніе и повидимому поколебала авторитетъ правительства въ законодательномъ корпусѣ.

Только скорая и большая побѣда могла бы спасти Парижъ отъ бѣдствій обложенія и осады. Трудно думать что двѣ большія арміи Макъ-Магона и Базена остались простыми зрителями непріятельскаго шествія на Парижъ; такъ или иначе, онѣ должны подать помощь и другъ другу. Телеграфъ передаетъ намъ изъ Петербурга что при отступленіи Макъ-Магона изъ Шалона къ Реймсу дѣйствительно имѣлось въ виду оказаніе помощи Базену и что между Верденомъ и Шалономъ Пруссаки потерпѣли уже пораженіе и отброшены отъ своихъ сообщеній на Шалонъ. Но эта телеграмма, сообщающая не офиціальныя данныя, а извѣстіе изъ вчерашняго № *Фигаро*, пока еще не подтверждается изъ другихъ источниковъ...

Депеши передаваемыя изъ Парижа чрезъ берлинское агентство показываютъ что Пруссаки быстро занимаютъ французскую территорію. На югѣ отряды ихъ доходятъ до Вареннъ и крѣпости Лангра, на сѣверѣ до Станея лежащаго неподалеку отъ бельгійской границы и близь желѣзной дороги идущей отъ Меца чрезъ Тіонвиль, Седанъ и Мезьеръ въ Реймсъ, дороги которая могла бы послужить путемъ сообщенія между арміями Макъ-Магона и Базена и которая была прервана Пруссаками между Мецемъ и Тіонвилемъ послѣ битвы 18-го (6-го) августа. Прусскіе разъѣзды двигаются такимъ образомъ длинною цѣпью во 170 верстъ между Станеемъ и Лангромъ, проникая въ своемъ центрѣ до западной границы Шампани. Прусское нашествіе обнимаетъ теперь весь Эльзасъ (департа-

менты Верхняго и Нижняго Рейна) и всю Лотарингію (департаменты Мозеля, Мёрты и Мааса), кромѣ южной ея части (департаментъ Вогезовъ); Пруссаки появились уже и въ департаментахъ Шампани (Верхней Марны, Марны и Обы).

Ниже мы читаемъ нѣсколько корреспонденцій о битвѣ 18-го (6-го) августа подъ Мецемъ. Хотя свѣдѣнія о ней еще скудны, но и по имѣющимся уже даннымъ выясняется что она происходила въ двухъ мѣстахъ, на сѣверномъ и южномъ склонахъ главнаго хребта возвышенностей идущихъ отъ Марсъ-Латура и Резонвиля къ Мецо-Тіонвильской желѣзной дорогѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей также на отступленіе исполненное Макъ-Магономъ. Несмотря на то что онъ долженъ былъ избрать очень окольную дорогу, и несмотря на разстройство своего корпуса при Вёртѣ, онъ все-таки предупредилъ въ Шалонѣ прусскаго наслѣднаго принца шедшаго туда прямою дорогой, но вѣроятно задержаннаго вблизи побоищъ, которыя въ теченіи пяти дней отъ 14-го (2-го) по 18-е (6-е) августа обагряли кровью окрестности Меца.

Прусскія корреспонденціи начинаютъ говорить о битвѣ 15-го (3-го) августа подъ Мецемъ, въ которой легло много Пруссаковъ и о которой совершенно умолчалъ телеграфъ. Корреспонденціи напечатанныя нами прежде заставляютъ думать что именно 15-го августа пруссаки были побиты у Лонжвиля и попали подъ выстрѣлы форта Сенъ-Кантена. Теперь прусскія корреспонденціи говорятъ о тяжелыхъ потеряхъ понесенныхъ Пруссаками и въ этотъ день, въ помянутомъ мѣстѣ.

Телеграфъ извѣстилъ насъ сегодня о начавшемся обстрѣливаніи Страсбурга съ сѣверной, восточной и южной сторонъ. Подъ Страсбургомъ мы увидимъ борьбу сильной, но по старинному построенной крѣпости съ новою осадною артиллеріей, разрушительная сила которой такъ много увеличилась за послѣднее время.

№ 177.

Москва, 17-го августа.

А.

Болѣе чѣмъ когда-нибудь наши государственные финансы заслуживаютъ общаго вниманія нынѣ, среди кризиса коему подвергается государственная система Европы. Всѣмъ извѣстно что наша финансовая практика обветшала въ своихъ основаніяхъ, что она съ невѣроятною стойкостію сохраняетъ во многихъ самыхъ существенныхъ частяхъ своихъ начала прошедшаго столѣтія (каковы напримѣръ подушные налоги и ассигнаціи) и была обновлена въ послѣднее время, если не считать упраздненія питейныхъ откуповъ, преимущественно лишь съ наружной своей стороны (каковы напримѣръ разныя усовершенствованія въ способахъ заключенія государственныхъ займовъ). Наша финансовая система еще вовсе не соглашена съ великими реформами нынѣшняго царствованія, которыя встрѣчаютъ въ ней препоны для полнаго обнаруженія своего благотворнаго дѣйствія на народное благосостояніе. Съ другой стороны, возрастающія надобности государственной казны заставляютъ искать новыхъ способовъ извлеченія государственныхъ доходовъ изъ народнаго богатства, болѣе соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ его развитія. Быстро измѣняющееся распредѣленіе имуществъ въ государствѣ и ежедневно возникающія новыя отрасли народной дѣятельности должны повести къ новому распредѣленію податной тяжести между разными группами народонаселенія и къ созданію новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Оставляя нашу финансовую систему неподвижною посреди перегодившагося государственнаго порядка, мы или напередъ примиряемся съ постепеннымъ оскудѣніемъ финансовыхъ силъ государства, которыя въ наше время рѣшаютъ судьбу правительствъ прежде чѣмъ успѣютъ встрѣтиться ихъ арміи, или же въ противномъ случаѣ мы отваживаемся, ради устарѣлыхъ фискальныхъ учрежденій и преданій, задерживать успѣхи народнаго благосостоянія и видѣть возрастаніе государственной несправедливости въ отношеніяхъ казны къ подданнымъ. Прошло время когда можно было съ нѣкоторымъ успѣхомъ разсчитывать на увеличеніе государственныхъ доходовъ отъ усиленія и распространенія пьянства, когда считалось возможнымъ безконечно возвышать подати съ рабочей силы крестьянъ и оставлять свободными отъ налога другіе болѣе производительные источники богатства, либо покрывать бюджетные недочеты вы-

пусками бумажныхъ денегъ. Постоянный дифицитъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, низводитъ государство изъ ряда первостепенныхъ державъ, а экономное употребленіе и разумное взиманіе податныхъ денегъ даютъ государству независимость и могущество. Страна можетъ принадлежать по народному богатству къ первенствующимъ на свѣтѣ, а правительство ея, плохо пользовавшееся бюджетными средствами, оказаться банкротомъ, какъ и случилось теперь во Франціи, непредусмотрительно и непроизводительно расходовавшей свои милліарды казенныхъ денегъ. Въ странахъ съ мѐньшимъ народнымъ богатствомъ разчетливость еще нужнѣе. Чѣмъ кто менѣе имѣетъ, тѣмъ опаснѣе для него расточать, а какой вѣрнѣйшій признакъ расточительности какъ не дефицитъ, то-есть перевѣсъ расходовъ подъ доходами? Тратящій больше чѣмъ получаетъ проживается, и съ каждымъ годомъ ему все труднѣе и труднѣе подняться и поправить свои дѣла. Тоже и въ государственномъ дѣлѣ. Дефицитъ ведетъ къ возрастанію долга, а возрастаніе долга требуетъ увеличенія суммъ идущихъ на платежъ процентовъ и слѣдовательно еще къ большему неравновѣсію доходовъ съ расходами. Послѣдствія извѣстны. Какъ они тягостны всего разительнѣе показываетъ неоднократное возвышеніе у насъ подушныхъ окладовъ, хотя подушная подать еще прежде того была признана подлежащею коренной реформѣ, какъ невыгодный для государственной казны и разорительный для народнаго благосостоянія видъ налога. Чтò слѣдовало бы сказать еслибы напримѣръ во время засѣданія редакціонныхъ коммиссій была усилена власть помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми? Но это было бы въ своемъ родѣ то же самое чтò возвышать подушную подать наканунѣ ея неизбѣжной отмѣны. Въ эпоху пробужденія духа финансовыхъ преобразованій, когда подготовлялось освобожденіе крестьянъ и всѣ другія реформы, въ 1859 году была Высочайше учреждена податная коммиссія съ тѣмъ чтобы выработать финансовое законодательство соотвѣтствующее новымъ потребностямъ времени и съ этою цѣлію пересмотрѣть во всей совокупности источники нашихъ государственныхъ доходовъ. Но эти работы не пошли съ тѣмъ успѣхомъ коимъ ознаменована крестьянская реформа, и вскорѣ въ финансовыхъ преобразованіяхъ почти совсѣмъ утратилось единство и стали появляться одно за другимъ отрывочныя распоряженія, какъ напримѣръ налогъ на городскія недвижимыя имущества взамѣнъ подушной подати, но съ удержаніемъ подушнаго земскаго сбора. Податная коммиссія, отклонившись отъ своей первоначальной задачи совокупнаго систематическаго пересмотра всѣхъ отраслей государственныхъ налоговъ, углубилась въ разныя спеціальныя изслѣдованія, обогатившія финансовую литературу многими солидными или интересными трудами, но остающіяся пока въ сторонѣ отъ практическаго дѣла. Уже одно то обстоятельство что почти всѣ проекты податной коммиссіи лежатъ въ портфеляхъ по нѣскольку лѣтъ (нѣкоторые въ теченіи 10 лѣтъ, какъ проектъ отмѣны подушной и введенія поземельной податей) и что когда возникаетъ намѣреніе датьимъ ходъ, то оказывается необходимымъ подвергнуть ихъ коренной передѣлкѣ, уже одно это отнимаетъ практическій характеръ у трудовъ коммиссіи, какъ они ни почтенны въ другихъ отношеніяхъ. Очевидно, кажется, чтò въ самой организаціи работъ по податной реформѣ есть недостатки которые препятствуютъ ихъ успѣшному ходу. Намъ уже неоднократно приходилось указывать на нихъ; будемъ надѣяться что благодѣтельное распоряженіе передающее на обсужденіе земства вопросъ о преобразованіи подушныхъ сборовъ выдвинетъ податную реформу на новый путь.

Но финансовое дѣло состоитъ изъ многихъ подробностей, и благоустройство финансовъ зависитъ именно отъ того чтобы ни одна подробность не была упускаема изъ вида. Въ ожиданіи земскаго обсужденія податной системы во всей ея совокупности, можно остановиться на одной подробности, впрочемъ крупной. Мы разсуждали на дняхъ объ одномъ изъ видовъ актовыхъ налоговъ, — крѣпостныхъ пошлинахъ стѣсняющихъ и задерживающихъ движеніе экономической жизни и земледѣлія въ краѣ. Другой видъ актовыхъ пошлинъ—паспортныя — еще обременительнѣе. Наконецъ и гербовый сборъ взимается неудобно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ несправедливо. Всѣ эти налоги могутъ быть преобразованы безъ затрудненія если только реформа ихъ будетъ зрѣло обсуждена. Работы и предположенія по этой части, подобно всѣмъ другимъ, уже

давно, начиная съ 1861 года, занимаютъ собою коммиссію; въ 1865 составленъ и въ томъ же году напечатанъ въ издаваемыхъ коммиссіей *Трудахъ* (томъ VI, часть II) проектъ общихъ оснований къ преобразованію самой крупной отрасли нашихъ актовыхъ налоговъ, гербоваго сбора. Этотъ самый проектъ нынѣшнимъ лѣтомъ снова опубликованъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ* (7-го іюня); ожидается что это дѣло вскорѣ будетъ пущено въ ходъ.

Предположенія податной коммиссіи относительно гербоваго сбора были еще въ 1867 году внесены въ государственный совѣтъ, который, Высочайше утвержденнымъ 18-го іюля 1868 года мнѣніемъ одобривъ съ нѣкоторыми измѣненіями заключавшійся въ числѣ этихъ предположеній отдѣльный проектъ новыхъ правилъ о гербовыхъ пошлинахъ съ векселей, заемныхъ писемъ и другихъ срочныхъ денежныхъ обязательствъ, со значительнымъ пониженіемъ прежняго размѣра этихъ пошлинъ (съ $^1/_4$% съ суммы обязательства на $^1/_{15}$%), и одобривъ въ самыхъ общихъ чертахъ основныя начала предположеннаго податною коммиссіей общаго преобразованія гербоваго сбора (вышеупомянутыя и опубликованныя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*), предоставилъ министру финансовъ поручить коммиссіи составленіе на этихъ основаніяхъ проекта самого устава гербоваго сбора. Сдѣлавъ при этомъ нѣсколько измѣненій по разнымъ частнымъ вопросамъ, государственный совѣтъ указалъ на слѣдующія основныя условія необходимыя для преобразованія нашей системы гербовыхъ пошлинъ:

1) Увеличеніе дохода казны отъ гербоваго сбора;

2) Распространеніе гербоваго сбора на возможно большее число бумагъ и актовъ, съ устраненіемъ изъятій не оправдываемыхъ необходимостью;

3) Принятіе возможно-однообразнаго размѣра для простаго (т.-е. не крѣпостнаго) гербоваго сбора;

4) Примѣненіе ко взиманію гербовыхъ пошлинъ системы особыхъ марокъ или штемпелей;

5) Освобожденіе отъ гербовой пошлины внутренняго дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ;

6) Пониженіе пошлинъ съ векселей и заемныхъ писемъ, и

7) Усиленіе взысканій за нарушеніе правилъ о гербовомъ сборѣ.

На основаніи этого мнѣнія государственнаго совѣта, прежнихъ предположеній податной коммиссіи и новыхъ свѣдѣній съ тѣхъ поръ собранныхъ ею, составленъ былъ новый проектъ полнаго устава гербоваго сбора, вновь разсматривавшійся въ общемъ собраніи податной коммиссіи въ теченіи истекшей зимы. По всей вѣроятности, эта работа нынѣ окончена и проектъ гербоваго устава будетъ представленъ въ скоромъ времени на утвержденіе законодательной власти. Нельзя не пожалѣть что онъ не опубликованъ вполнѣ и что о немъ можно судить только по слухамъ.

Правительство совершенно право, указывая на необходимость усиленія дохода отъ гербоваго сбора. Гербовыя пошлины составляютъ у насъ главный видъ актовыхъ которыя до сихъ поръ въ нашей финансовой системѣ играютъ весьма ничтожную роль въ сравненіи съ первостепеннымъ ихъ финансовымъ значеніемъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Мы уже упоминали недавно, говоря о крѣпостныхъ пошлинахъ, объ этой особенности нашихъ финансовъ. Въ Россіи всѣ безъ изъятія сборы которые можно причислить къ разряду актовыхъ (гербовыя пошлины, крѣпостныя и канцелярскія, сборъ съ паспортовъ, съ застрахованныхъ имуществъ, съ маклерскихъ и нотаріальныхъ книгъ, съ межевыхъ плановъ и книгъ) составляетъ всего около 3% въ общемъ итогѣ государственныхъ доходовъ, но этотъ самый источникъ покрываетъ до 13% и до 14%, то-есть почти седьмую часть, бюджетовъ Австріи и Великобританіи, до 20%, то-есть одну пятую часть, бюджета Голландіи, и до 28%, то-есть гораздо болѣе цѣлой четверти, бюджета Франціи, и вездѣ доходность актовыхъ пошлинъ постоянно возрастаетъ, въ особенности въ Англіи. Только Пруссія въ настоящее время извлекаетъ подобно Россіи незначительный доходъ отъ гербовыхъ пошлинъ, но за то она съ избыткомъ вознаграждаетъ себя весьма крупнымъ доходомъ (10 милл. тал.) отъ судебныхъ сборовъ, дающихъ самый мелкій доходъ въ Россіи. Всѣ наши актовые налоги доставляютъ по бюджету 1870 года $12^1/_2$ милліоновъ; въ томъ числѣ гер-

бовыя пошлины 7 милліоновъ, крѣпостныя и канцелярскія 3.300.000, паспортныя 2 милл., а прочіе виды актовыхъ сборовъ такъ ничтожны что не заслуживаютъ вниманія. Чтобы дать весьма наглядное понятіе какъ маловаженъ у насъ весь этотъ источникъ государственныхъ доходовъ, въ сравненіи съ другими государствами, нужно сказать что еслибъ онъ составлялъ ту же пропорцію къ общему итогу обыкновенныхъ доходовъ, какую онъ составляетъ въ Австріи и Англіи, то онъ долженъ былъ бы давать у насъ вмѣсто 12½ милл., не менѣе 61 милл. въ годъ, а еслибъ онъ сравнялся съ доходомъ Франціи, то далъ бы 123 милл. Во Франціи актовые налоги составляли въ 1866 году на одну душу населенія 2 р. 5 к., въ Пруссіи, вмѣстѣ съ судебными пошлинами, которыми оплачивается каждый судебный приговоръ 75 к., а въ Россіи только 13 к. *)

При этомъ чрезвычайномъ ничтожествѣ финансовыхъ результатовъ нашихъ актовыхъ налоговъ сравнительно съ западноевропейскими, никакъ нельзя сказать чтобы послѣдніе были болѣе отяготительны для плательщиковъ чѣмъ наши, скорѣе напротивъ, и вотъ главная сторона дѣла имѣющая право на особенное вниманіе нашихъ финансистовъ. Можетъ быть долго терпима система налоговъ, малодоходная для казны, но вмѣстѣ съ тѣмъ неотяготительная для плательщиковъ; но какъ не исправлять такіе налоги, которые невыгодны въ фискальномъ отношеніи и въ то же время стѣснительны для публики? Таковы всѣ наши актовые налоги, точно также какъ и подушная подать.

В.

Телеграмма, отъ 13-го августа, изъ Берлина возвѣстила намъ что главная квартира короля Прусскаго перенесена изъ Понтъ-а-Муссона въ Баръ-ле-Дюкъ, и что германскія войска начали рѣшительное наступленіе на Парижъ. Противъ Базена вокругъ Меца были оставлены значительныя части 1-й и 2-й арміи, а остальныя войска направились отсюда къ линіи Мааса. Телеграммы извѣщали что германскіе отряды наводнили все пространство между Мозелемъ и Маасомъ до городка Стенея на сѣверѣ близь Тіонвильско-Мезьерской желѣзной дороги. Вмѣстѣ съ тѣмъ армія наслѣднаго принца, пріостановившаяся на время Мецскихъ сраженій, возобновила свое движеніе по Нанси-Парижской желѣзной дорогѣ. 13-го августа передовые отряды этой арміи заняли Шалонъ, и затѣмъ мы стали получать извѣстія о томъ что армія наслѣднаго принца то пріостанавливаетъ, то снова возобновляетъ свое наступленіе.

Сегодня мы печатаемъ выдержку изъ корреспонденціи въ которой разказывается что Французы сожгли Шалонъ, а вчера, въ прибавленіи къ № 176 нашей газеты, читатели прочли разказъ корреспондента *Темпа* объ отступленіи 10-го августа къ Реймсу всѣхъ войскъ Шалонскаго лагеря, порученныхъ начальству Макъ-Магона. Лондонскія телеграммы сообщили что цѣль движенія Макъ-Магона состоитъ въ томъ чтобы подать помощь арміи Базена оставшейся въ Мецѣ. Офиціальныя извѣстія молчатъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ Макъ-Магона изъ Реймса. Только изъ Лондона насъ извѣщали вчера что армія его направилась къ Вузье и къ Монтуа, то-есть къ лежащему между Шалономъ и Верденомъ Аргонскому лѣсу, гдѣ есть много весьма крѣпкихъ позицій.

Сегодняшнія телеграммы говорятъ что въ ту же мѣстность стремятся, и не только стремятся, но уже успѣли обойти ее со всѣхъ сторонъ обѣ прусскія арміи: и армія идущая отъ Меца, и армія наслѣднаго принца. Первая идетъ къ Вузье тремя дорогами, отъ Стенея, чрезъ Круа-о-Буа, и въ обходъ Аргонскаго лѣса: съ запада чрезъ Монтуа, съ востока чрезъ Гранъ-Пре. Если свѣдѣнія вѣрны, то Пруссаки уже оставили Аргонскій лѣсъ за собой и выдвинулись на сообщенія Реймса съ Мезьеромъ. Въ окрестностяхъ Вузье и по прусскимъ свѣдѣніямъ произошло уже первое авангардное дѣло близь Бюзанси. Въ то же время наслѣдный принцъ съ главною массою своихъ силъ поворачиваетъ отъ Шалона къ сѣверу въ Сюиппъ, лежащій на шоссейной дорогѣ 1-го класса между Шалономъ и Ретелемъ, чрезъ который проходитъ Реймско-Мезьерская рельсовая линія. Съ тѣмъ вмѣстѣ прусскіе отряды занявшіе департаментъ Обы оставляютъ его и также переходятъ

*) Эти цифры совсѣмъ другія чѣмъ тѣ которыя помѣщены въ упомянутой статьѣ *Правительственнаго Вѣстника;* мы воспользовались позднѣйшими и болѣе точными изслѣдованіями, изданными тою же податною коммиссіей.

къ сѣверу, въ департаментъ Марны, къ Соммпюи. Впрочемъ движеніе на Парижъ другихъ частей арміи принца не останавливается.

Если войска Макъ-Магона дѣйствительно оставались близь Реймса и Ретеля, и если онъ приметъ здѣсь сраженіе, то мы можемъ ждать извѣстій о большой битвѣ, которая должна имѣть рѣшительное вліяніе на участь кампаніи.

Бельгійская телеграмма, которую читатели найдутъ въ новостяхъ вечерняго изданія 17-го августа извѣщаетъ что какія-то войска воюющихъ державъ показались въ Лонгайонѣ на желѣзной дорогѣ отъ Мезьера къ Тіонвилю. Если здѣсь находятся теперь какія-либо французскія войска, то извѣстіе имѣетъ важное значеніе. Тогда очевидно что либо часть войскъ Макъ-Магона перешла за Маасъ, либо часть арміи Базена ушла изъ Меца.

Къ Пруссакамъ продолжаютъ прибывать подкрѣпленія. Они пока сворачивали съ Страсбурго-Парижской дороги къ югу; сильныя колонны, по французскимъ извѣстіямъ, не дойдя до Нанси, повернули отъ Люневиля къ югу, на Байонну. Не части ли этихъ колоннъ, 25.000, прошли уже теперь Жуанвиль и Васси, направляясь на Монтье и слѣдовательно вступая въ сообщеніе съ Пруссаками стягивающимися изъ департамента Обы къ Соммпюи?

№ 178.

Москва, 18-го августа.

Между тѣмъ какъ на полѣ битвы гремятъ орудія, изъ тиши кабинетовъ германскихъ ученыхъ раздаются одинъ за другимъ голоса взывающіе къ общественному мнѣнію Европы во имя нѣмецкаго патріотизма. Чего бы кажется лучше? Германская наука есть высшее выраженіе жизни германскаго народа, его великая заслуга, его всемірная слава; съ другой стороны, всякая наука — естественная союзница мира, и ея призваніе смягчать злобные инстинкты вызываемые войной. Однако не таковы тѣ голоса что теперь стараются сосредоточить всеобщія симпатіи на прусскихъ завоеваніяхъ. Они звучатъ одобреніемъ и поощреніемъ этому кровопролитному нашествію, они питаютъ въ мыслящей Германіи вожделѣнія территоріальныхъ захватовъ и льстятъ ея народному тщеславію химерой исключительнаго господства въ Европѣ. Обширная эрудиція тратится нѣмецкими историками и публицистами на доказательство того что Эльзасъ и Лотарингія въ теченіе среднихъ вѣковъ принадлежали Германіи; историческія воспоминанія и географическія картины изображаютъ эти цвѣтущія области чисто-нѣмецкими провинціями; о ихъ современной жизни говорится какъ можно менѣе, за то безпрерывно повѣствуется о XV вѣкѣ, монархіи Гогенштауфеновъ, и распаленное воображеніе Нѣмцевъ ловитъ призраки феодальныхъ временъ. Забвеніе современной дѣйствительности доходитъ до того что всѣ французскія имена мѣстностей когда-нибудь бывшихъ нѣмецкими, но давно объ этомъ забывшихъ, замѣняются средневѣковыми нѣмецкими именами. Читая описанія французскихъ земель занятыхъ теперь Нѣмцами (такихъ описаній полны нѣмецкія газеты), читатель съ удивленіемъ останавливается на названіяхъ Люнештадта, Фалькенберга, Диденгофена, пока географъ-романтикъ, догадавшись что заговорилъ на языкѣ понятномъ только для него самого, не хватится пояснить что онъ разумѣетъ Люневиль, Фокмонъ и Тіонвиль. Воображеніе нѣмецкихъ патріотовъ уносится въ тѣ отдаленныя и мрачныя времена когда Римско-Германская имперія предписывала законы сосѣднимъ странамъ, когда ея грубая и полуварварская сила распространяла страхъ и возбуждала ненависть вокругъ, когда владычество Германіи значило процвѣтаніе феодальнаго гнета и кулачнаго права. И въ этомъ опьяненіи національнаго самодовольства не только участвуетъ, но и подаетъ первый примѣръ интеллигенція, отъ которой такъ естественно было бы ждать трезваго воздержанія и яснаго взгляда на событія современной жизни, не имѣющей ничего общаго съ этими романтическими воспоминаніями. Торжествуя побѣды германскаго оружія, аугсбургская *Allgemeine Zeitung* патетически возглашаетъ: „Нѣмцы едины, едины какъ не бывали со временъ битвы на Лехѣ. Это дѣло сдѣлалъ школьный учитель, который научилъ народъ нашъ его исторіи. Это дѣло сдѣлали историки Кольраушъ, Ферстеры, Гейсеры, Бейцке; это дѣло сдѣлали маленькія историческія книжки и народные календари, а болѣе всѣхъ наши поэты Рюкертъ и Уландъ.“ (*Allgemeine Zeitung*, отъ 19-го августа, *Beilage*).

Но что за смыслъ въ этомъ единствѣ, котораго, какъ насъ увѣряютъ, не бывало съ десятаго столѣтія, и которое теперь воскресло благодаря исторіи Кольрауша и балладамъ Уланда? То мрачное единство которое представляла Германія при императорахъ Саксонской династіи, дѣйствительно исчезло и живетъ теперь именно только въ исторіяхъ и балладахъ; но то единство которое представляла жизнь давшая ростки этимъ исторіямъ и балладамъ, единство мысли, единство слова, единство духа, неизмѣримо выше, плодотворнѣе и могущественнѣе нежели варварское владычество стараго времени, и такое духовное единство было удѣломъ Германіи въ послѣднія сто лѣтъ. Творчество ея поэтовъ и мыслителей, трудъ ея ученыхъ, собрали всѣ умственныя силы Германіи около общаго свѣтозарнаго и грѣющаго центра; это центръ распространилъ свое благотворное вліяніе на всю Европу, и вся Европа добровольно подчинялась *такому* преобладанію германскаго элемента, столь же неотразимому сколь и благородному. Политически разрозненная, но свободная, Германія имѣла незыблемую внутреннюю связь въ великихъ твореніяхъ духа, которыя конечно болѣе прославили ея историческое существованіе чѣмъ битвы и походы полудикихъ тевтонскихъ племенъ, ничѣмъ не отличавшіеся отъ гуннскихъ и татарскихъ вторженій. Именованіе Нѣмца не внушало ни опасеній, ни недовѣрія; оно было символомъ честнаго труда, стяжаній мысли, завоеваній науки, а не обмана, шпіонства и интриги. Германія была лишена государственной централизаціи; но тѣмъ шире и равномѣрнѣе разлился по ней свѣтъ науки, и неутомимо дѣйствовалъ духъ изслѣдованія и творчества, работала глубокая и сосредоточенная мысль, которая поставила во главѣ европейской культуры племя бывшее за тысячу лѣтъ ея опаснѣйшимъ врагомъ.

Нѣмецкія газеты обнародовали письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану, которое может служить мѣриломъ патріотическаго ослѣпленія. Объясняя своему ученому собрату (и единовѣрцу по толкованію евангельской исторіи) внутреннія побужденія руководящія Нѣмцами въ теперешнюю войну, Штраусъ ссылается на духовное преобладаніе въ Европѣ которымъ Германія пользуется съ конца прошлаго столѣтія и которымъ смѣнилось преобладаніе французское. „Идея гумманности“, говоритъ онъ, „идея гармоническаго „развитія человѣческой природы какъ въ „отдѣльности, такъ и въ общественной „совокупности, раскрыта германскою литературой въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и первую четверть нынѣшняго....“ Но или литературное возвышеніе Германіи было пустоцвѣтомъ, „или за нимъ должно было послѣдовать „и политическое.“ Стало-быть всѣ двигатели германской мысли, всѣ подвижники германской науки и всѣ сокровища умственнаго труда давшія силу германскому народу и сдѣлавшія возможными нынѣшніе успѣхи его въ военномъ дѣлѣ, были бы „пустоцвѣтомъ“ еслибы не случилось нападенія на беззащитную Данію и междуусобной войны 1866 года; стало-быть, только эти великіе тріумфы германской націи утверждаютъ заднимъ числомъ и тѣ которые она стяжала въ дѣлѣ знанія и мысли. И это пишетъ историкъ, это пишетъ раціоналистъ-богословъ! Обозрѣвая исторію своего отечества въ нынѣшнемъ столѣтіи, Штраусъ находитъ что все это время прошло въ попыткахъ къ объединенію, и что всѣ эти попытки кончались неудачно, хотя сознаніе необходимости германскаго единства становилось все сильнѣе. „Но эпохи воспитываютъ себѣ мужей“, говоритъ Штраусъ, и такимъ мужемъ эпохи признаетъ графа Бисмарка. Это имя такъ диссонируетъ съ тѣми общечеловѣческими и свободными стремленіями о которыхъ только что была рѣчь, что Штраусъ невольно прибавляетъ: „Въ „жизни народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, „бываютъ успѣхи гдѣ то чего мы долго „желали и къ чему стремились наступаетъ „въ такой непривычной намъ формѣ что „мы его не узнаемъ, а пожалуй и отворачиваемся отъ него съ ропотомъ и негодованіемъ.... Мы желали соединить Германію, исходя отъ идеи, отъ желанія народа, отъ мыслей ея лучшихъ мужей: „теперь это предприняла реальная сила— „кровь и желѣзо.... Нужно было время „на то чтобы нѣмецкій идеализмъ, чтобы „также и нѣмецкое упрямство примирились „съ этими данными; но *сила* (я бы хотѣлъ „сказать *разумъ*) этихъ данныхъ была такъ „велика что лучшее разумѣніе дѣла, въ „самый непродолжительный срокъ, сдѣлало „отраднѣйшіе успѣхи.“

Многознаменательныя, хотя и прискорб-

ныя слова! Германская мысль, доселѣ гордость племени и высшее право его на мирное и благородное первенство въ Европѣ, теперь, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, отрекается отъ *идеи*, отъ *желаній народа*, отъ *мыслей его лучшихъ мужей;* предъ новымъ девизомъ: *кровь и желѣзо,* она смиренно кается въ своемъ *идеализмѣ*, въ своемъ *упрямствѣ*, доселѣ мѣшавшихъ ей узнать *давно желанное* единство въ *непривычной формѣ крови и желѣза!*

Да, кровь и желѣзо непривычныя формы для осуществленія той идеи которая лучезарно сіяла намъ съ высотъ германской науки, и которая давала Германіи высшую силу и высшее единство. Кровь и желѣзо могутъ создать огромное политическое зданіе на грудѣ развалинъ, среди ужаса и разоренія; но мы еще въ первый разъ слышимъ что они призваны воплотить *идеалъ лучшихъ людей* народа. Мысль *лучшихъ людей* всегда стремилась и будетъ стремиться ко всеобщему мирному развитію; жизнь можетъ отрицать ея требованія, можетъ временно затруднять ихъ исполненіе, можетъ доставить преобладаніе враждѣ и раздорамъ; но только въ своемъ паденіи можетъ она стать орудіемъ системы насилій, обмановъ и захватовъ. Такое опьяненіе дурно-понятаго патріотизма не проходитъ безнаказанно, и произвольное самоуниженіе мысли неизбѣжно скажется ея же упадкомъ и огрубѣніемъ въ будущемъ. Нѣмецкіе патріоты думаютъ что съ побѣдами *бисмаркизма* начинается для Германіи эпоха господства и преобладанія. Увы! Не есть ли это скорѣе начало конца? Не есть ли это знаменіе грядущей эпохи когда другіе займутъ вершины исторіи?...

Въ настоящую минуту, среди временныхъ и быть-можетъ обманчивыхъ успѣховъ германскаго объединенія посредствомъ „крови и желѣза," цивилизованный міръ созерцаетъ другое явленіе, имѣющее великій историческій смыслъ. Событіе это можетъ послужить поучительнымъ указаніемъ для нѣмецкихъ патріотовъ торжествующихъ при видѣ „реальной силы" которая кровью и желѣзомъ будто бы осуществляетъ идеалы лучшихъ людей. Мы говоримъ о конечномъ упадкѣ и униженіи папскаго престола. Власть, которая по самой идеѣ своей была и должна была быть чисто духовною, достигла въ свое время небывалой въ исторіи высоты, царила надъ сознаніемъ и убѣжденіемъ милліоновъ и внушала всей западной Европѣ покорное благоговѣніе. Она стояла такъ высоко только потому что была духовною связью между народами, и что силу меча побарала она духовною силой. Но папская власть не удержалась на высотѣ духовнаго преобладанія; она сама втянулась въ тѣ мірскіе интересы, отъ которыхъ должна была держаться свободною; она приняла участіе въ той игрѣ желѣзомъ и кровью, которую она должна была побѣждать во имя религіи любви; она погналась за свѣтскою властію, она насиліемъ и коварствомъ создала себѣ политическую роль, которую могла выдерживать только отрекаясь отъ своего духовнаго призванія. И вотъ настало время возмездія: *протестъ* германскаго духа побѣдилъ ее, и занялъ высоту на которой она пребывала. Въ покушеніяхъ достигнуть мірскаго величія истратилась и исчезла ея духовная сила, и на нашихъ глазахъ она лишилась того и другаго, и разительно обнаружила свое безсиліе и въ государствѣ, и въ церкви.

Чтобы того же не случилось и съ германскою идеей которая такъ соблазняется „желѣзомъ и кровью!"...

№ 179.

Москва, 19-го августа.

А.

Тотчасъ послѣ первыхъ успѣховъ прусскихъ войскъ, англійскія газеты, спекулируя на скорое заключеніе мира, высказывали благую надежду что бѣдствія настоящей войны были бы искуплены еслибы результатомъ ея вышелъ такой порядокъ вещей въ Европѣ который позволилъ бы націямъ облегчить бремя вооруженнаго мира и приступить къ общему разоруженію. Слова эти и тогда, конечно, были не болѣе какъ громкою фразой. Съ каждымъ днемъ продолжающейся напряженной борьбы, становятся яснѣе и очевиднѣе огромная важность состоятельной военной организаціи въ мирное время для того чтобъ имѣть возможность съ честью вести войну. Пруссія въ 1866 году дала первый урокъ Европѣ, и тогда уже всѣ заговорили о военныхъ реформахъ. Для тѣхъ

же кто не вполнѣ были вразумлены тогдашнимъ урокомъ, настоящая война послужитъ вторымъ предостереженіемъ. Въ Пруссіи система содержанія арміи организована такъ что тамъ не можетъ быть вопроса о разоруженіи, и каковъ бы ни былъ результатъ настоящей войны, несомнѣнно что она сообщитъ еще болѣе сильный толчекъ стараніямъ всѣхъ націй организовать наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ свои военныя силы.

Это до такой степени вѣрно что впечатлѣніе произведенное событіями настоящей войны начинаетъ отражаться на самой Англіи, которая могла бы считать себя безопасною отъ иноземнаго нашествія. Англійскія газеты теперь серіозно разсуждаютъ о необходимости такой военной реформы которая обезпечила бы устройство надежнаго резерва. Въ Англіи, имѣющей естественную защиту въ окружающемъ ее со всѣхъ сторонъ океанѣ, въ единственной европейской странѣ не допускающей у себя конскрипціи или набора, теперь говорятъ что „никакіе доводы, кромѣ тѣхъ „которые основываются на ложномъ мнѣ„ніи о безопасности, слѣпомъ непонима„ніи всего новаго, на безпечности или чи„стомъ безуміи, не могутъ доказать по„чему каждый человѣкъ не обязанъ по„лучать до нѣкоторой степени военное „образованіе." Это сказано въ *Times*. Провинціальная газета *Manchester Guardian* идетъ еще далѣе и выражаетъ мнѣніе что при нынѣшнихъ реформахъ въ арміи Англичане не воспротивились бы введенію жеребьеваго рекрутскаго набора, обязывающаго нѣкоторую пропорцію молодыхъ людей всѣхъ классовъ къ службѣ въ теченіи пяти или семи лѣтъ, отчасти подъ знаменами, отчасти въ резервѣ. Если къ такому убѣжденію приходятъ теперь англійскія газеты и ожидаютъ какъ результата настоящей войны усиленія военныхъ тягостей для англійскаго народа, то понятно что для континентальныхъ націй правильная военная организація станетъ, при усиленіи Пруссіи, еще болѣе существенною необходимостью.

Кстати объ англійской печати.

Въ теченіе настоящей войны уже два раза возникала любопытная полемика между англійскими и прусскими газетами, похожая на театральныя дуэли въ которыхъ рыцари въ картонныхъ латахъ наносятъ другъ другу удары картоннымъ же оружіемъ. Дѣйствительно, взаимные упреки которыми съ рыцарскою вѣжливостью осыпаютъ другъ друга прусскія газеты и тѣ изъ англійскихъ органовъ которые несомнѣнно враждебны Франціи, есть не что иное какъ грубый обманъ. Недавно всѣ прусскія газеты якобы приходили въ негодованіе по поводу того, что Англія, несмотря на объявленный ею нейтралитетъ, слишкомъ дружитъ Французамъ, не запрещая имъ закупку каменнаго угля. Прусская печать грозила даже что такимъ образомъ дѣйствій Англія готовитъ для себя новый вопросъ объ *Алабамѣ*. Англійскія газеты оправдывались и жаловались на всегдашнюю злополучную участь нейтральныхъ, подвергающую ихъ неудовольствію обѣихъ воюющихъ державъ. Вскорѣ однако толки по этому поводу прекратились, и теперь уже ни слова не слышно о пристрастіи англійскаго нейтралитета.

За то теперь является неожиданно новый поводъ къ такому же дружескому недоразумѣнію. Мы сообщали читателямъ сужденія англійскихъ газетъ о необходимости вмѣшательства и посредничества нейтральныхъ державъ съ цѣлью найти возможныя для обѣихъ сторонъ условія мира. Толки эти вызвали неудовольствіе прусской печати, хотя она не могла не знать что въ дѣйствительности рѣчь шла не о вмѣшательствѣ, а о томъ чтобы закрѣпить нейтралитетъ связавъ нейтральныхъ взаимнымъ обязательствамъ не выступать изъ нейтралитета безъ взаимнаго разрѣшенія. Англійская политика была направлена на нейтральныхъ, а не на воюющихъ, и не первыхъ, а послѣднихъ хотѣла лишить свободы дѣйствій. Тѣмъ не менѣе *Кельнская Газета* гордо заявляетъ что нейтральныя державы не имѣютъ права вмѣшиваться въ вопросы войны которая ведется только Германіей, и что цѣль Германіи должна быть достигнута, то-есть долженъ быть положенъ конецъ той роли которую такъ долго играла Франція въ Европѣ. Отуманенная успѣхами нѣмецкихъ армій, прусская печать теперь безъ обиняковъ возглашаетъ что война ведется не противъ Наполеона, не противъ династіи, а противъ Франціи, корая должна-де быть совершенно поражена, унижена въ ея собственныхъ глазахъ, вынуждена приписать свои недавнія неудачи не случаю и не плохимъ распоряженіямъ, а подавляющему превосходству нѣмецкаго

оружія Высказывая такъ прямо свое намѣреніе окончательно сокрушить могущество ненавистной имъ Франціи, нѣмецкія газеты (или государственные люди которые за оными скрываются) прикидываются что весьма недовольны Англіей за ея непрошенное посредничество, и какъ будто воображають что Англія начинаетъ тянуть сторону Франціи. Онѣ начинаютъ даже грозить что Англія не имѣетъ надлежащаго понятія о силѣ Германіи, и вызываютъ Англичанъ со всѣмъ ихъ флотомъ попытаться въ состояніи ли они будутъ принудить Германію, сирѣчь Пруссію, отказаться отъ территоріальнаго увеличенія на счетъ Франціи.

И гнѣвъ, и вызовы прусской журналистики, все это несомнѣнно комедія которую играютъ хитрые политики направляющіе печать. Ничьею дружбой Пруссія не дорожитъ такъ въ настоящую минуту какъ дружбой Англіи,—дружбой, въ которой ей и сомнѣваться нечего, ибо всѣ интересы и симпатіи Англіи на ея сторонѣ. Пруссія усиливается выставить какъ можно болѣе рѣшительными одержанные ею успѣхи и требовать себѣ возможно бо́льшаго вознагражденія при заключеніи мира. На дѣлѣ же она не можетъ желать продолженія войны которая чѣмъ долѣе будетъ затягиваться, тѣмъ невыгоднѣе должна становиться для нея. Пруссія уже напрягла для борьбы всѣ свои силы и наводнила Францію огромными массами войска, оставивъ беззащитными свои другія границы, чѣмъ, сказать къ слову, она единственно обязана нейтралитету Россіи, за который, однако, нашему отечеству достался совершенно не двусмысленный, памятный нашимъ читателямъ намекъ со стороны *Крестовой Газеты*.

Газета *Times* старается вразумить прусскую печать насчетъ настоящаго значенія предполагаемаго вмѣшательства Англіи. Возражая на угрозы и вызовы съ театральнымъ паѳосомъ національнаго достоинства Англіи, которая достаточно-де сильна чтобы не уклониться ни отъ какой борьбы, *Times* успокоиваетъ прусскую печать что въ настоящее время не въ этомъ заключается вопросъ, и что вовсе не думаютъ навязывать Германіи благоразумные совѣты при помощи вооруженнаго вмѣшательства. Дѣло только въ томъ что Европа справедливо гордится-де обѣими воюющими націями, и что уничтожить Францію было бы все равно что „выколоть глазъ Европѣ.“ Слѣдовательно, если Англія и рѣшается возвысить свой голосъ для заступничества за Францію, которой грозитъ-де конечное уничтоженіе, то единственно по чувству безкорыстнаго участія къ націи которая недавно еще первенствовала въ Европѣ во всѣхъ искусствахъ и наукахъ. Но Пруссія можетъ-де быть спокойна насчетъ Англіи. „Часъ расправы съ Пруссіей „посредствомъ грубой силы.“ говоритъ *Times*, никогда не наступитъ, если только „ея собственная неумѣренность не возобно„витъ потомъ въ Европѣ опасеній въ родѣ „тѣхъ которыя были возбуждены Наполео„номъ I и которыя, наконецъ, соединили „всѣ націи противъ невыносимой тиранніи.“

Всѣ эти объясненія и пререканія разчитаны единственно на то чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе въ Европѣ и обмануть дипломатію какъ русскую, такъ и французскую. Какою бы Франція ни вышла изъ борьбы, Англія уже готовится взять ее на буксиръ, какъ единственный остающійся ей другъ и союзникъ въ Европѣ, между тѣмъ какъ Россію предполагается закрѣпить попрежнему за Пруссіей.

А между тѣмъ болѣе откровенныя или болѣе болтливыя изъ англійскихъ газетъ проговариваются о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. *Pall Mall Gazette*, указывая на неожиданный и поразительный фактъ возникновенія въ Европѣ колоссальнаго военнаго могущества, присовокупляетъ что не въ Англіи „прежде и живѣе всего“ ощутится вліяніе этого факта, и что побѣды Пруссіи должны пробудить въ Россіи болѣе живой интересъ чѣмъ во всякой другой нейтральной державѣ. До сихъ поръ Пруссія остерегалась вызывать враждебность Россіи, чтобъ имѣть свободу исполнить свои планы объединенія Германіи и не допустить сближенія Россіи съ Франціей. Теперь же не только Берлинскій кабинетъ будетъ-де держать себя независимѣе предъ Россіей относительно восточной политики, но неизбѣжно обратитъ-де вниманіе свое и на балтійскія провинціи. Англійская газета весьма хорошо понимаетъ что до сихъ поръ графъ Бисмаркъ благоразумно уклонялся отъ раздора съ Россіей, но справедливо сознаетъ также что въ послѣдствіи ему не будетъ надобности держаться такой осторожной политики. „Нѣмцы балтійскихъ провинцій,“ говоритъ

въ заключеніе англійская газета, „глубо„ко заинтересованы событіями войны, и „когда они говорятъ своимъ русскимъ со„сѣдямъ, при полученіи извѣстій о прус„скихъ успѣхахъ: *Наши войска побили „ваши*, то можетъ-быть заключается ка„кое-то предвѣщаніе въ такомъ инстинк„тивномъ отождествленіи Россіи съ пора„женною арміей."

В.

Въ № 166 нашей газеты мы передали извѣстіе о новомъ заготовляемомъ въ Лифляндіи адресѣ дворянства, желающаго,— для какой цѣли, пока неизвѣстно,—принудить также крестьянъ и бюргеровъ подписать этотъ адресъ. Въ адресѣ, какъ слышно, изложено въ сущности то же самое что было сказано недавно въ извѣстномъ лифляндскомъ адресѣ, напечатанномъ прежде всего въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, именно что подписавшіеся признаютъ вредными всѣ реформы которыя могутъ сблизить Лифляндію съ прочею Россіей. Этотъ нѣмецкій адресъ навязываютъ теперь къ подписи латышскимъ крестьянскимъ обществамъ, не знающимъ ни слова по-нѣмецки, да не даютъ прочитать его даже и знающимъ нѣмецкій языкъ Латышамъ: подпиши и молчи.

Для защиты себя, бѣдные, гонимые латышскіе крестьяне и нѣкоторые бюргеры нѣмецкаго происхожденія стали подписывать другой адресъ, въ которомъ они просятъ, напротивъ, о введеніи русскаго судопроизводства и земскихъ учрежденій. Очень понятно что громадная масса населенія сочувствуетъ этой просьбѣ, и что только въ самыхъ неразвитыхъ или застращенныхъ обществахъ крестьяне могутъ подписать адресъ лифляндскихъ феодаловъ. Однако мѣстныя власти стали видѣть въ подписавшихъ дворянскій адресъ невинныхъ лифляндскихъ патріотовъ, а въ ихъ противникахъ—враговъ порядка. Въ Курляндіи, кажется, это идетъ нѣсколько иначе; тамъ, какъ слышно, подписались около 4.000 Евреевъ города Митавы подъ просьбою о введеніи въ Курляндіи русскаго судопроизводства вмѣсто балтійскаго произвола. Курляндскій губернаторъ, сказываютъ, обѣщалъ передать эту просьбу высшему правительству.

№ 180.

Москва, 20-го августа.

А.

Итакъ, маршалъ Макъ-Магонъ, пропавшій безъ вѣсти изъ Реймса, отыскался. Въ то время когда армія кронпринца достаточно продвинулась въ направленіи къ Парижу, герцогъ Мадженскій бросился со своею арміей сѣвернымъ обходомъ на соединеніе съ Базеномъ. Путь предстоялъ длинный и трудный: но еслибы предпріятіе удалось, то оно могло бы имѣть весьма важные результаты для Французовъ. Впервые у французскаго главнокомандующаго была бы въ распоряженіи большая армія, которая дала бы ему возможность перейти къ наступленію и вообще предпринять что-либо значительное. Но непріятель не дремалъ. Были перехвачены депеши отправленныя маршаломъ Базеномъ, о чемъ теперь офиціально объявляютъ изъ главной прусской квартиры, какъ значится въ телеграммѣ Русскаго Агентства, воспроизведенной въ нашемъ сегодняшнемъ вечернемъ изданіи. Войска кронпринца, вмѣсто движенія къ Парижу, устремились на сѣверъ къ Ретелю. Диспозиція прусскихъ армій разомъ измѣнилась. Все направилось къ окрестностямъ Аргонскаго лѣса и къ извѣстной желѣзной дорогѣ идущей близь бельгійской границы изъ Мезьера чрезъ Седанъ, Кариньянъ и Тіонвиль на Мецъ. Позади, впереди и на всемъ протяженіи пути который долженъ былъ совершить Макъ-Магонъ въ своемъ отважномъ движеніи появились прусскія колонны. Прежде чѣмъ Макъ-Магонъ успѣлъ прибыть въ Седанъ, германскія войска были уже въ Вузье, на СЗ. отъ Аргонскаго лѣса. Новая только что сформированная, чрезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ частей отъ арміи принца Фридриха-Карла, съ присоединеніемъ къ нимъ ландвера, четвертая армія прихлынула къ Маасу съ востока. Сегодняшнія прусскія депеши извѣщаютъ о сраженіи которое происходило у деревни Бомона къ югу отъ Седана, верстахъ въ 17 отъ этой крѣпости и верстахъ въ 30 къ СЗ. отъ Вузье. Депеши говорятъ о побѣдѣ одержанной надъ Макъ-Магономъ. Въ дѣлѣ участвовали три нѣмецкіе корпуса; и само по себѣ оно не имѣетъ большаго значенія. Очевидно, не вся армія Макъ-Магона подверглась нападенію, а толь-

ко одинъ фланговый отрядъ ея, который былъ еще на лѣвомъ берегу Мааса, межь тѣмъ какъ другая часть Макъ-Магоновой арміи перешла эту рѣку сѣвернѣе. Отрядъ этотъ былъ настигнутъ на пути въ весьма близкомъ разстояніи отъ Мааса. Нападеніе повидимому было сдѣлано врасплохъ. Французская колонна, несмотря на преслѣдованіе, успѣла однако перейти черезъ Маасъ въ Музонѣ. Несмотря на потери которыя она могла понести въ этомъ сраженіи, отъ цѣли своего назначенія она однако не уклонилась. Она во всякомъ случаѣ должна была переправиться черезъ Маасъ, если Макъ-Магонъ идетъ на соединеніе съ арміей Базена стоящей у Меца. За Маасомъ оставшая колонна должна была соединиться съ главными силами Макъ-Магона, котораго главная квартира въ Седанѣ, но котораго войска продвинулись уже до Кариньяна, гдѣ по бельгійской депешѣ, полученной вчера, находился самъ императоръ.

Въ такомъ положеніи представляется дѣло на основаніи извѣстій съ прусской стороны, послѣ сраженія 30-го (18-го) августа. Но сейчасъ полученная телеграмма извѣщаетъ что въ бельгійскихъ газетахъ сообщается извѣстіе о новомъ дѣлѣ происходившемъ въ слѣдующій день, то-есть вчера, въ среду, 31-го (19-го) августа. Если вѣрить этому извѣстію, то французская колонна потерпѣвшая пораженіе при Бомонѣ и перешедшая послѣ того черезъ Маасъ при Музонѣ, остановилась у Во, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ переправы, на восточномъ берегу Мааса, и здѣсь подверглась новому нападенію, которое заставило ее податься назадъ къ Седану. Прусская телеграмма изъ Варенна, полученная чрезъ нѣсколько минутъ послѣ бельгійской, объ этомъ дѣлѣ не упоминаетъ, но говоритъ что прусскіе передовые отряды уже заняли сосѣдніе Седану деревни и присовокупляетъ что планъ Макъ-Магона высвободить Базена потерпѣлъ окончательную неудачу.

Съ французской стороны, до сихъ поръ еще не получено никакихъ свѣдѣній о движеніи Макъ-Магона, и о приключеніяхъ которымъ подверглись части его арміи. Несомнѣнно однако то что сраженія о которыхъ сообщаютъ прусскія депеши не имѣютъ сами по себѣ большой важности. Не говоря уже о кавалерійской ошибкѣ при Нуарѣ, которая называется въ прусскихъ депешахъ Gefecht, и самая Schlacht при Бомонѣ ничего не рѣшаетъ, ибо въ ней участвовала лишь незначительная доля стоящихъ нынѣ другъ противъ друга силъ обѣихъ сторонъ. Тяжкое испытаніе для арміи Макъ-Магона еще впереди.

Б.

Краткій отчетъ о второмъ засѣданіи выборныхъ здѣшняго биржеваго общества помѣщенный во вчерашнемъ № нашей газеты, обѣщаетъ что эти засѣданія послужатъ къ успѣшной разработкѣ многихъ практическихъ вопросовъ касающихся биржевыхъ и торговыхъ сдѣлокъ. Нельзя не обратить вниманія на вполнѣ дѣльныя замѣчанія, высказанныя здѣшнею биржею по поводу крайне высокой цѣны вексельной бумаги для написанія денежныхъ переводовъ (трансфертовъ). Въ самомъ дѣлѣ фактъ поразительный! Вслѣдствіе учрежденія множества банковъ и улучшенія сообщеній видъ нашей внутренней торговли начинаетъ измѣняться и громадныя суммы денегъ переводятся изъ одного конца Имперіи въ другой посредствомъ бумагъ. Страховой сборъ съ пересылки денежныхъ капиталовъ падаетъ; почтовое вѣдомство созываетъ особую коммиссію для пересмотра правилъ о пересылкѣ капиталовъ. Ясно что потребность въ переводахъ велика. Между тѣмъ оказывается что они не могутъ имѣть у насъ правильной юридической формы вслѣдствіе того что вексельная бумага на которой они должны быть написаны стóитъ иногда дороже той платы которую беретъ банкъ за переводъ денегъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 75% этой платы. Переводы должны теперь дѣлаться подъ формою пересыльныхъ квитанцій или обыкновенныхъ купеческихъ кредитивовъ. Отсюда недостаточное обезпеченіе интересовъ публики и потеря дохода для казны не получающей вовсе никакой пошлины съ квитанцій и пр.

Вотъ еще доказательство настоятельной необходимости пересмотра всей системы нашихъ актовыхъ налоговъ. Надняхъ мы старались пояснить общее значеніе реформы этихъ налоговъ и упомянули о проектѣ новаго устава о гербовомъ сборѣ. Въ этомъ проектѣ сохраняются существующіе въ нынѣ дѣйствующей системѣ двѣ категоріи гербовыхъ пошлинъ подъ

наименованіемъ *простаго* и *пропорціональнаго* гербоваго сбора. Первый взимается съ разныхъ бумагъ и актовъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ, независимо отъ цѣнности имуществъ и сдѣлокъ, до которыхъ эти бумаги и акты могутъ касаться. Второй уплачивается въ извѣстной пропорціи къ этой цѣнности. Такое раздѣленіе гербоваго сбора совершенно раціонально, и принято во всѣхъ системахъ гербовыхъ пошлинъ другихъ государствъ. Двѣ категоріи пошлинъ соотвѣтствуютъ двумъ существенно различнымъ (и въ экономическомъ и въ юридическомъ отношеніи) категоріямъ документовъ, облагаемыхъ пошлиною. Постоянный или простой гербовый сборъ (нынѣшняя простая гербовая бумага) установленъ по проекту для письменныхъ актовъ, не заключающихъ въ себѣ *передачи* имущественныхъ правъ. Пропорціональному сбору подвергнуты акты, посредствомъ которыхъ совершается таковая передача, которые потому нуждаются въ соблюденіи извѣстныхъ установленныхъ закономъ обрядовъ (явка актовъ и укрѣпленіе правъ) и вызываютъ особенную дѣятельность государственныхъ учрежденій; размѣры этой дѣятельности государственныхъ учрежденій болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ цѣнности передаваемаго по акту имущественнаго права, и потому пошлина оплачивающая эти услуги государства должна быть пропорціональна упомянутой цѣнности. Сообразно этому правильному основному началу, пропорціональнымъ сборомъ облагаются, по проекту, тѣ же акты, которые и нынѣ подлежатъ таковому сбору: 1) всѣ такъ-называемые *явочные* и *крѣпостные* акты, пишущіеся нынѣ на крѣпостной гербовой бумагѣ, и 2) векселя, заемныя письма и другія подобныя имъ денежныя обязательства, уплата по которымъ назначена на срокъ или по приказу получателя.

Пропорціональный гербовый сборъ не подвергается вообще въ проектѣ никакимъ кореннымъ перемѣнамъ. Отдѣлъ о гербовомъ сборѣ съ векселей и другихъ срочныхъ денежныхъ бумагъ проектируется въ точности согласно съ Высочайше утвержденнымъ 18-го іюня 1868 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта. Этотъ законъ (примѣч. къ ст. 198 т. V по прод. 1869 года), какъ справедливо замѣчаетъ здѣшнее биржевое общество, требуетъ однако пересмотра относительно цѣны вексельной бумаги для переводныхъ операцій. Часть этихъ операцій очевидно не можетъ быть сравнена въ дѣлѣ налога съ другими способами передачи или перехода денежныхъ суммъ. Относительно пропорціональнаго сбора съ другой категоріи актовъ, пишущихся нынѣ на крѣпостной гербовой бумагѣ, единственное существенное нововведеніе противъ нынѣшняго порядка состоитъ въ томъ что вмѣсто 24 разборовъ бумаги отъ 1 руб. до 1.350 руб. для разныхъ суммъ актовъ (отъ 151 руб. до 300.001 руб. и болѣе) предполагается установить сборъ въ размѣрѣ $^1/_3$% съ суммы акта, взимаемый деньгами при его совершеніи. Высшимъ предѣломъ этого сбора съ одного акта назначается 2.000 руб., съ суммы въ 1 милліонъ, такъ что со всѣхъ актовъ выше этой суммы будетъ взиматься та же пошлина въ 2.000 руб., подобно тому какъ нынѣ высшій разборъ крѣпостной бумаги 1.350 руб. одинаковъ для всѣхъ актовъ свыше 300.000 руб. Всѣ акты до 150 руб. (включительно) освобождаются отъ пропорціональнаго гербоваго сбора, также какъ и нынѣ, и пишутся на простой гербовой бумагѣ. Предполагаемый размѣръ пропорціональнаго гербоваго сбора ($^1/_3$% съ суммы акта) будетъ вообще нѣкоторымъ пониженіемъ нынѣшняго налога, кромѣ, конечно, актовъ превышающихъ 300.000 руб. и платившихъ нынѣ не болѣе 1.350 руб. Сверхъ того теперешній размѣръ гербоваго сбора неодинаково пропорціоналенъ къ разнымъ суммамъ актовъ; minimum этой пропорціи 0,20% (то-есть проектируемый размѣръ) и maximum доходитъ до 0,60%. Эта неравномѣрность будетъ устранена.

Въ разчетѣ сдѣланномъ податною коммиссіей ожидается нѣкоторое увеличеніе (60.000 руб.) дохода отъ простой гербовой бумаги (40 коп. достоинства), на которой будутъ писаться акты, сверхъ оплаты ихъ пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ. Это предположеніе представляется страннымъ: никакія выгоды казны, хотя бы и болѣе значительныя чѣмъ упомянутое ничтожное возвышеніе дохода; не могутъ, кажется, оправдать удвоеніе гербовыхъ непропорціональныхъ пошлинъ, лишающее ихъ всякаго справедливаго основанія.

Независимо отъ надежды на помянутый излишекъ дохода, въ проектѣ не объяс-

нены основанія увѣренности питаемой его составителями что сборъ казны при новомъ порядкѣ и размѣрѣ взиманія пропорціональной гербовой пошлины не уменьшится. Предполагаемый размѣръ пошлины есть наименьшій изъ нынѣшнихъ, ибо взята наименьшая пропорція цѣны крѣпостной бумаги къ суммѣ акта, и потому съ достовѣрностію можно ожидать уменьшенія дохода казны по этой категоріи гербовыхъ пошлинъ; нѣкоторое увеличеніе дохода можетъ быть отъ сдѣлокъ на высокія суммы, вслѣдствіе сказаннаго возвышенія предѣла пошлинъ (съ 1.350 до 2.000 р.); но это увеличеніе теперь неизвѣстно и не можетъ быть сильно, ибо милліонныхъ сдѣлокъ бываетъ мало.

Строгая математическая пропорціональность налога, при новомъ порядкѣ взиманія его, будетъ раціональнѣе нынѣшняго порядка, но этому одному нельзя еще жертвовать доходомъ казны, когда такія жертвы гораздо нужнѣе по многимъ другимъ отраслямъ налоговъ, сдѣлавшихся невыносимыми. Не должно также терять изъ виду что при замѣнѣ продажи актовой гербовой бумаги простымъ взысканіемъ денегъ при свидѣтельствованіи актовъ; гербовая пошлина смѣшивается съ *крѣпостною* (нынѣшнею 4%), взимаемою точно также деньгами при составленіи акта. Крѣпостная пошлина въ системѣ нашихъ актовыхъ налоговъ представляетъ собою особую высшую категорію налога, соотвѣтствующую особой высшей категоріи укрѣпленія и государственной охраны правъ на имущества, а именно правъ по передачѣ *недвижимыхъ* имуществъ и *по наслѣдству*, при высотѣ налога необходима пропорціональность. Не совсѣмъ маловажно для правильной податной системы, чтобы разныя категоріи и основанія налоговъ были и въ самомъ порядкѣ ихъ взиманія отличаемы внѣшними удобовразумительными признаками.

Ко второй части проекта коммиссіи, къ простому гербовому сбору мы еще возвратимся, а теперь сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относящееся ко всей системѣ гербовыхъ пошлинъ. Налагая чрезмѣрную тяжесть на иныя сдѣлки, эта система допускаетъ въ то же время многочисленныя и во многихъ случаяхъ (напримѣръ по балтійскимъ губерніямъ) ничѣмъ неоправдываемыя изъятія отъ платежа гербовыхъ и вообще актовыхъ пошлинъ. Для устраненія этого чрезвычайнаго недостатка до сихъ поръ еще ничего окончательно не проектировано; часть эта, какъ сказано въ докладѣ податной коммиссіи, будетъ разработана по полученіи затребованныхъ свѣдѣній и справокъ отъ разныхъ вѣдомствъ, но до рѣшенія вопроса объ изъятіяхъ отъ платежа гербовыхъ пошлинъ не возможно вполнѣ оцѣнить вѣроятныхъ финансовыхъ результатовъ реформы. Относительно льготъ отъ платежа гербоваго сбора должно сказать вообще что предоставленіе ихъ всѣмъ безъ изъятія заведеніямъ и учрежденіямъ учебнымъ, благотворительнымъ, богоугоднымъ и проч., существующимъ *исключительно* или *преимущественно* на казенный счетъ, разумѣется само собою, хотя оно и далеко не безусловно принято у насъ какъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, такъ и въ новомъ проектѣ; затѣмъ общая польза требуетъ освободить отъ этого налога всѣ частныя и общественныя заведенія, подобныя вышепомянутымъ, коль скоро они не имѣютъ промышленнаго характера. Но этими основаніями для гербовыхъ льготъ, болѣе или менѣе господствующими у насъ и нынѣ, и только не систематически проведенными въ законодательствѣ, слѣдовало бы ограничиться, отмѣнивъ всѣ остальныя, или по крайней мѣрѣ, не допуская новыхъ изъятій, если уваженіе къ священнымъ прежними законами интересамъ не дозволитъ крутаго уничтоженія всѣхъ льготъ существующихъ вопреки высказанному началу. Нельзя забывать что, съ одной стороны, многочисленныя льготы и изъятія отъ актовыхъ налоговъ значительно парализуютъ у насъ возрастаніе этого дохода; съ другой стороны, одна льгота вызываетъ другую, и предоставленіе льготы однимъ лицамъ заставляетъ другихъ домогаться того же самаго. Справедливость требуетъ подчинить дарованіе льготъ и изъятій отъ налога какому-нибудь началу, и устранить все то что имѣетъ характеръ исключительной и произвольной привилегіи, обидной и часто разорительной для людей и мѣстностей не пользующихся ею; таковы, напримѣръ, у насъ значительныя привилегіи прибалтійскаго края по актовымъ налогамъ и въ томъ числѣ безусловная свобода всей Курляндской губерніи отъ крѣпостныхъ (4%)

пошлинъ, обременяющихъ переходы недвижимыхъ имуществъ въ остальной Россіи. Есть и другаго рода обширныя изъятія отъ платежа актовыхъ налоговъ, которые хотя и не имѣютъ такого характера личной и мѣстной привилегіи, но которыхъ отмѣна могла бы значительно возвысить доходъ казны: таково, напримѣръ, освобожденіе отъ гербовыхъ и всякихъ судебныхъ пошлинъ всей мировой юстиціи и освобожденіе покупокъ сельскихъ недвижимыхъ имуществъ крестьянами отъ всякихъ актовыхъ налоговъ. Эти льготы имѣютъ свой государственный смыслъ и могутъ быть на нѣкоторое время сохранены, хотя нельзя сказать чтобъ исключительная въ сравненіи съ другими странами дешевизна юстиціи въ Россіи должна была оставаться навсегда неприкосновенною по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Напримѣръ, крестьяне почли бы себя весьма счастливыми еслибы имъ даровано было право обращаться по всѣмъ своимъ судебнымъ дѣламъ къ мировымъ судьямъ или еслибы рѣшенія волостныхъ судовъ подлежали аппеляціи, хотя бы то и другое и было обложено умѣренными актовыми сборами; во всякомъ случаѣ какъ это, такъ и подчиненіе покупокъ (не выкупа) крестьянами земель актовымъ пошлинамъ было бы справедливѣе и льготнѣе для нихъ чѣмъ непомѣрное возвышеніе подушныхъ сборовъ. Всѣ налоги и всѣ податныя реформы вяжутся между собою, и ихъ невозможно разсматривать разрозненно, какъ у насъ обыкновенно водится. Нельзя не пожалѣть поэтому что довольно крупный вопросъ о льготахъ и изъятіяхъ отъ гербоваго сбора не былъ подвергнутъ составителями проекта систематическому изслѣдованію, и что въ проектѣ нѣтъ и слѣдовъ какого-нибудь общаго по этому предмету начала.

№ 181.

Москва, 20-го августа.

Полученныя сегодня газеты выставляютъ въ истинномъ видѣ сообщенныя телеграфомъ жалобы офиціальной берлинской газеты *Staatsanzeiger* на нарушенія Французами постановленій Женевской конвенціи. Приводимъ текстъ этой жалобы: „18-го „августа, при Гравелоттѣ, производился „безпрерывный огонь по людямъ санитарнаго отдѣленія 1-го Померанскаго гренадерскаго полка, пока батальйоны этого „полка штурмовали высоты у означеннаго „селенія. Перевязочный пунктъ былъ расположенъ *позади сражающихся* и ясно „указанъ бѣлымъ знаменемъ съ краснымъ „крестомъ, но несмотря на то былъ до такой степени тревожимъ непрерывнымъ „огнемъ и попадающими въ него гранатами „что оказалось необходимымъ отодвинуть „его дальше“.

Нельзя не подивиться этому объясненію. Войска идутъ на штурмъ; „позади сражающихся“, то-есть *позади штурмовыхъ колоннъ*, располагаются перевязочные пункты, снабженные, конечно, приличнымъ знаменемъ: какъ же сѣтовать что по направленію этихъ пунктовъ производится „непрерывный огонь“ и залетаютъ туда гранаты? Кому неизвѣстно что полевыя нарѣзныя орудія бьютъ на разстояніи трехъ верстъ, и что даже ружейный огонь хватаетъ нынѣ на 1 000 шаговъ? Требовать чтобы непріятель не стрѣлялъ по перевязочному пункту расположенному позади не резервовъ, а самой линіи сражающихся, значитъ требовать чтобы непріятель не стрѣлялъ по „сражающимся“, то-есть по штурмовымъ колоннамъ.

Есть преданія о женахъ прикрывавшихъ собою своихъ мужей въ бою. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не пытаться замѣнить услуги этихъ доблестныхъ женъ ловкимъ примѣненіемъ Женевской конвенціи?

„Въ Страсбургѣ“, продолжаетъ *Staatsanzeiger*, „комендантъ, полковникъ Дюкассъ, не внемлетъ ни одному изъ *гуманныхъ* предложеній сдѣланныхъ ему начальникомъ осаднаго корпуса, генераломъ „Вердеромъ“. Въ чемъ же состоятъ эти *гуманныя* предложенія? „Отъ полковника „Дюкасса напрасно *требовали* чтобы расположенная на колокольнѣ Страсбургскаго „собора *обсерваторія* была перенесена въ „*другое мѣсто*, дабы дать осаждающему „*возможность* пощадить этотъ почтенный „памятникъ архитектуры“. Но *Staatsanzeiger* забываетъ упомянуть и о другой причинѣ этого *гуманнаго* требованія: съ высоты Страсбургской колокольни окрестность открывается на огромномъ разстояніи; съ этой высоты видны подробности осадныхъ работъ и совершающіяся въ траншеяхъ передвиженія войскъ. Другаго же такого обсерваціоннаго пункта въ Страсбургѣ

нѣтъ. *Гуманное* требованіе осаждающихъ просто имѣло цѣлью избавить ихъ отъ весьма некомфортабельнаго Аргуса; а полковникъ Дюкассъ призналъ полезнымъ для гарнизона сохранить этотъ важный наблюдательный постъ и предоставить гуманности осаждающихъ пощадить архитектурный памятникъ. Войска осаждающія, за *невозможностію* пощадить его, *потому что онъ имъ вреденъ*, нисколько не стѣснились гуманными соображеніями чтобъ открыть разрушительный огонь изъ осадныхъ орудій „самаго большаго калибра", какъ сообщилъ телеграфъ.

Но это не все: „Полковникъ Дюкассъ „былъ также тщетно приглашаемъ", продолжаетъ *Staatsanzeiger*, „очистить военный госпиталь расположенный къ сѣверу „отъ цитадели и *устроить новый* по близости гражданскаго госпиталя, такъ какъ „при нынѣшнемъ расположеніи своемъ военный госпиталь лежитъ по направленію линіи выстрѣловъ, а потому *нѣтъ возможности* достаточно щадить его". Итакъ, требовалось въ самый разгаръ бомбардированія очистить военный госпиталь, служащій, по всей вѣроятности, и необходимымъ перевязочнымъ пунктомъ, и устроить „новый" госпиталь въ мѣстѣ гдѣ присутствіе его находитъ удобнымъ не начальство крѣпости, а начальство осаждающихъ! За невозможностію же щадить госпиталь неремѣнною направленія выстрѣловъ, осаждающіе, при всей своей гуманности, продолжали себѣ не щадить его „достаточно"...

Развѣ перевязочные пункты, расположенные позади сражающихся, не лежатъ также по „направленію линіи выстрѣловъ?"

Говорили еще о томъ что безоружный городокъ Кель обстрѣливается Французами изъ Страсбургской крѣпости. Но развѣ не отплачивается имъ усерднымъ обстрѣливаніемъ не крѣпости, а самого города Страсбурга?

Что касается извѣстій сообщаемыхъ изъ нѣмецкихъ источниковъ о выстрѣлахъ которыми будто бы встрѣчали французскія крѣпости нѣмецкихъ парламентеровъ, то они требуютъ объясненія. Въ № 178 нашей газеты напечатана была весьма неясная телеграмма о переговорахъ которые будто бы происходили въ Страсбургѣ, причемъ будто бы въ подполковника Лещинскаго, который самъ несъ парламентерскій флагъ, стрѣляли изъ крѣпости. Въ берлинской телеграммѣ вчерашняго № мы читаемъ что по парламентеру явившемуся подъ стѣнами Вердёна также стрѣляли, причемъ раненъ былъ сопровождавшій его трубачъ.

Съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ подобное нарушеніе военныхъ обычаевъ установившихся между цивилизованными націями. Но въ полученныхъ сегодня газетахъ мы читаемъ что подъ Страсбургомъ Пруссаки заставляютъ мѣстныхъ жителей работать въ траншеяхъ подъ французскими же выстрѣлами; далѣе читатели увидятъ что при бомбардировкѣ Вердёна, 17 гранатъ было пущено въ лазаретъ, причемъ убито нѣсколько человѣкъ.

Возможно ли предположить чтобы Французы добровольно лишали себя важнаго преимущества вести въ случаѣ надобности переговоры съ непріятелемъ, и чтобъ они безъ всякой причины стрѣляли въ парламентеровъ? Безпрерывная посылка прусскихъ парламентеровъ къ непріятелю, небывалая въ прежнія войны, кажется, входитъ въ систему прусскихъ военныхъ дѣйствій. Давно носились слухи что парламентеры, появляясь подъ стѣнами крѣпостей или въ лагери, успѣвали въ краткій промежутокъ переговоровъ, собрать нужныя имъ свѣдѣнія или снять французскія позиціи. Понятно что подобныхъ парламентеровъ встрѣчаютъ выстрѣлами. Можетъ-быть и въ Страсбургѣ, и въ Вердёнѣ повторилось то же что было въ Фальсбургѣ: тамъ, какъ сообщаетъ французскій министръ внутреннихъ дѣлъ въ парижскія газеты, комендантъ отвѣчалъ на многократное требованіе о сдачѣ рѣшительнымъ отказомъ, и объявилъ что онъ не приметъ никакого парламентера. Если же осаждающимъ вздумается посылать парламентеровъ послѣ такого заявленія, то что жь мудренаго если ихъ будутъ встрѣчать выстрѣлами?

Зачѣмъ къ несчастіямъ, которыя обрушились на Французовъ, присоединять несправедливые укоры, и выставлять предъ нейтральною Европой ихъ военныя дѣйствія въ невѣрномъ свѣтѣ и съ явными преувеличеніями? Ихъ дѣло и безъ того находится въ положеніи самомъ прискорбномъ. Обѣ арміи ихъ заперты подавляющими массами непріятеля, нѣсколько дней сряду идетъ и подъ Седаномъ, и подъ Мецемъ кровопролитный и безнадежный бой... Полученныя до сихъ поръ депеши неясны, сбивчивы и противорѣчивы; но едва ли можно сомнѣваться что для французскихъ

арміи наступило тяжкое и послѣднее испытаніе, и что операціи клонившіяся къ соединенію ихъ, не удались.

Что касается до положенія Парижа, то отсылаемъ читателей къ интересному письму нашего корреспондента. Едва ли, впрочемъ, оборона Парижа, какъ бы энергически ни готовились къ ней, можетъ поправить дѣло Франціи, если арміи ея погибнутъ, и она останется предъ громадными силами непріятеля безоружная и беззащитная.

№ 182.

Москва, 22-го августа.

А.

Французская армія въ Седанѣ положила оружіе.

Императоръ Наполеонъ сдался королю Вильгельму, который назначитъ ему мѣстопребываніе.

„Какой поворотъ по устроенію Божію!" такъ заключается краткая депеша короля Вильгельма объ этомъ оглушительномъ событіи.

Что армія Макъ-Магона находилась въ положеніи безнадежномъ, это было ясно изъ послѣднихъ извѣстій съ поля кровопролитной битвы которая длилась нѣсколько дней. Героя Мадженты пощадила судьба: онъ былъ раненъ на полѣ чести, и печальный жребій положить оружіе предъ побѣдителемъ миновалъ его... Вмѣстѣ съ арміей, но отдѣльно отъ нея, сдался императоръ, который неизвѣстно для чего слѣдовалъ за этою злополучною арміей. Сдаваясь отдѣльно отъ арміи, императоръ какъ бы возлагалъ отвѣтственность за эту катастрофу на генерала который принялъ команду надъ войсками, вмѣсто маршала Макъ-Магона.

Поразительная катастрофа! Исторія не запомнитъ такого быстраго и страшнаго паденія! Да, это хуже чѣмъ было съ Даніей, хуже чѣмъ было съ Гановеромъ! Мы не ошиблись сказавъ это при первыхъ погромахъ этой неслыханной войны.

Что̀ теперь будетъ? Очевидно только то что Франція находится теперь совершенно въ рукахъ побѣдителя, безоружная и беззащитная.

Сколько пролитой крови, сколько разореній, сколько бѣдствій внесенныхъ въ нѣдра семействъ! И для чего? Что куплено этою кровью, этими жертвами? Хорошо еслибы все это было только напрасною тратой. Нѣтъ, всѣми этими страшными жертвами купленъ позоръ какого Франція не запомнитъ.

Вотъ судьба страны лишенной прочнаго верховнаго начала, коренящагося во глубинѣ народной почвы! Вотъ судьба династіи которая не умѣла слить себя съ народомъ, а стояла посреди его вооруженнымъ лагеремъ, служа орудіемъ чужихъ правительствъ! Пусть подумаютъ и скажутъ,— что̀ было безсиліемъ императорской Франціи, такъ быстро и такъ безпомощно поверженной въ прахъ, и чему обязанъ своими изумительными успѣхами ея противникъ?

Императоръ Французовъ даже непріятелю сдался отдѣльно отъ своей арміи... Какой грустный и страшный символъ!

А все величіе побѣдителя при Седанѣ не въ томъ ли что онъ является вождемъ своего народа, неразрывно съ нимъ соединеннымъ въ общей національной идеѣ, въ общемъ великомъ патріотическомъ интересѣ?

Теперь наконецъ наступаетъ пора и нейтральнымъ сказать свое слово.

Можетъ ли Европа оставаться равнодушною при видѣ одной изъ великихъ державъ своихъ раздавленной, почти уничтоженной? Можно ли оспаривать у Европы право участія въ судьбахъ одного изъ столь значительныхъ членовъ ея системы? Нѣтъ, если Европа не пустое слово, а нѣчто дѣйствительное, то она не можетъ остаться равнодушною при катастрофахъ подобнаго значенія, и она не должна отказываться отъ права безъ котораго она превращается въ пустое слово.

Б.

Недавно изъ Лондона былъ пущенъ слухъ будто Россія предложила совокупное вмѣшательство нейтральныхъ въ пользу мира. Пущенный изъ Лондона слухъ опровергнутъ на другой же день; онъ оказался лишеннымъ всякаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія что онъ и пущенъ былъ не безъ умысла...

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли что вопреки немедленному опроверженію этого слуха прусская офиціозная печать не перестаетъ развертывать предъ Европой свитокъ своихъ требованій и пугать ее ка-

нимъ-то изступленіемъ національнаго чувства Германіи? По сигналу данному офиціальнымъ *Staats Anzeiger*'омъ, всѣ газеты ополчились противъ „дряхлой дипломатіи" и „малодушныхъ нейтральныхъ," выставляя Германію освободительницей Европы отъ гнета второй Французской имперіи. Недѣли чрезъ полторы послѣ категорическаго опроверженія лондонскаго извѣстія, *Крестовая Газета* торжественно возвѣстила: „Съ дѣломъ управились мы въ этотъ „разъ *одни*; *одни* покончимъ и разчеты по этому дѣлу... У насъ на то есть свой „*столпъ надежный счетчикъ*." „Когда на-„станетъ время присовокупляетъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, „сама Германія „поставитъ условія подъ которыми она до-„зволитъ побѣжденному встать на ноги. Соб-„ственною силой одолѣла она нарушителя „мира, собственною же силой дастъ она „ему миръ какой сочтетъ должнымъ..." „Изъ Парижа внесемъ мы," говоритъ аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, „въ евро-„пейское соглашеніе нѣмецкое настроеніе, „руководствуясь единственно нашими ин-„тересами, безъ вниманія къ *остальнымъ*, „хотя бы эти *остальные* и назывались *Ев-„ропой*." А *Берлинская Корреспонденція* заключаетъ такого же рода статейку слѣдующими словами: „Теперь Германія до-„вольно сильна чтобы защищать своихъ „сыновъ не только внутри, но и *за гра-„ницей*.

На кого же направляются всѣ эти перуны? Какъ сказано, вся тревога поднята по поводу слуха о сдѣланномъ будто бы Россіею примирительномъ предложеніи. Но не Россія ли дала Пруссіи возможность обнажить не только прусско-русскую, но и *прусско-австрійскую* границу? Нейтралитетъ Россіи имѣетъ, слѣдовательно, значеніе не менѣе 300.000 вспомогательной арміи на Рейнѣ. Это слѣдовало бы прусскимъ газетамъ принять въ уваженіе, и отложить тонъ кичливаго вызова когда онѣ касаются Россіи. *Крестовая Газета* отъ 22-го августа иронически замѣчаетъ что „не въ первый разъ раздаются въ „Германіи изъ за границы назидательные „совѣты насчетъ *умѣренности въ побѣдѣ*!... „Но дѣло въ томъ, „*требуетъ*" ли Германія 1870 года тѣхъ залоговъ" которыхъ лишили ее въ 1815 году Англія и Россія." Англія приведена тутъ только ради приличія, а въ сущности оказывается что Германія имѣетъ счеты по этому дѣлу *съ одною Россіей*. Россія стояла во главѣ „иностранныхъ державъ препятствовав-„шихъ увеличенію власти Германіи..." „Импе-раторъ Александръ I былъ раздосадованъ и встревоженъ „успѣхами прусскаго оружія," и это мнѣніе свое *Крестовая Газета* спѣшитъ доказать словами будто бы произнесенными императоромъ Россіи при полученіи извѣстія о занятіи Блюхеромъ Парижа въ 1815 году, когда русскіе войска только еще спѣшили въ Парижъ, говоритъ она, „высунувъ языкъ." Въ этомъ-де заключается вся тайна почему Россія, по внушенію Каподистріи, „и слышать не „хотѣла о надѣленіи Пруссіи *матеріаль-„ною гарантіей* посредствомъ присоеди-„ненія Эльзаса и Лотарингіи."

Виною этому, по мнѣнію *Крестовой Газеты*, была „*зависть*" будто бы внушенная Россіи „*прусскими побѣдами*!" Это сказано о 1814 и 1815 годахъ, которыми только завершилось дѣло торжественно возвѣщенное словами: „*война 1812 года „есть послѣдняя война за независимость „государство — надлежитъ погибнуть или „побѣдить*! Такъ говорилъ императоръ Але-„ксандръ когда орды Наполеона вторглись „въ предѣлы Россіи" *), влача за собою порабощенныхъ, въ одинъ мѣсяцъ, Пруссаковъ. Іена и Ауэрштедтъ были искуплены битвами подъ Бородинымъ, Малоярославцемъ, Смоленскомъ, Краснымъ и Березиной; благодаря этимъ ударамъ, 25-го декабря того же года, русскими войсками занятъ Кенигсбергъ и, какъ говоритъ историкъ описавшій войны 1812—1814 годовъ, съ восторгомъ ринулись жители на встрѣчу Русскимъ, привѣтствуя ихъ *избавителями Пруссіи*... **)

Не всѣ однако и въ Берлинѣ предаются оргіи властолюбивыхъ и любостяжательныхъ страстей. Намъ пріятно привести въ заключеніе умныя слова одного изъ самыхъ распространенныхъ берлинскихъ органовъ, *Volkszeitung*, слова, которыя служатъ лучшимъ отвѣтомъ на возгласы остальной нѣмецкой печати, также какъ и на заявленія адреса поданнаго королю Прусскому и воспроизведеннаго въ нашемъ сегодняшнемъ нумерѣ:

„Мы не хотимъ непрочнаго мира," говоритъ означенная газета, „но мы дума-„емъ что мощь съ какою ведется война

*) *Полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго, войны 1813 года*. Т. VI стр. 3.

**) *Ibidem*. стр. 7 и 8.

„есть уже ручательство за миръ соотвѣт-„ствующій нашимъ интересамъ, нашимъ „справедливымъ притязаніямъ и нашей по-„требности, а равно и потребности всей „Европы въ мирѣ. По нашему мнѣнію, „едва ли тутъ нужно взывать къ бдитель-„ности народа и, по случаю кровавыхъ „жертвъ которыхъ намъ стоила побѣда, „возбуждать темныя чувства мести. Миръ „внушенный местью былъ бы самый не-„прочный миръ, хотя бы временно онъ ка-„зался самымъ блестящимъ. Но вотъ мы „слышимъ отъ органовъ, которые призна-„ютъ за собой особенное право говорить „отъ имени народа что Европа принуж-„дена будетъ покориться новому порядку „вещей, въ силу коего центръ тяжести „европейскихъ судебъ, доселѣ бывшій въ „Парижѣ, будетъ перенесенъ въ Берлинъ. „Мы же скажемъ что горе Европѣ если „центръ ея тяжести дѣйствительно будетъ „переданъ какой-либо одной націи! Это бы „означало не свободу міра, а великую „войну освобожденія, которая скоро бы „возгорѣлась дабы возвратить каждой на-„ціи ея собственный центръ тяжести. Въ „немногія десятилѣтія мы видѣли какъ „этотъ роковой центръ тяжести путеше-„ствовалъ изъ одной европейской столицы „въ другую... Объявить что мы сами этотъ „центръ, значило бы только перемѣстить „зло, для истребленія котораго скоро во-„оружилась бы Европа .. Показывать Ев-„ропѣ кулакъ не есть національная до-„блесть; это національное сумасбродство, „противъ котораго мы вынуждены серіозно „возвысить голосъ вразумленія."

Это голосъ вразумленія и вмѣстѣ истиннаго просвѣщеннаго патріотизма, который можетъ разсчитывать на всеобщее сочувствіе.

№ 183.

Москва, 24-го августа.

Войну франко-германскую можно считать конченною. Кровь можетъ еще литься, но это будетъ бойня, а не война въ какой обѣ стороны имѣютъ бо́льшую или меньшую надежду на успѣхъ. Теперь Французамъ не остается возможности не только успѣшнаго продолженія войны, но и серіознаго сопротивленія которое могло бы сколько-нибудь облегчить послѣдствія понесеннаго пораженія, или ограничить успѣхи торжествующаго непріятеля. Дальнѣйшее сопротивленіе можетъ только увеличить бѣдствія обрушившіяся на страну и возвысить требованія непріятеля. Дальнѣйшее сопротивленіе, по крайней мѣрѣ по всѣмъ разсчетамъ человѣческаго соображенія, можетъ только загубить будущее страны, а никакъ не поправить бѣдствія настоящаго.

Армія Макъ-Магона уничтожена, арміи другаго маршала запертой въ Мецѣ предстоитъ та же участь. Если ей не удалось пробиться въ эти послѣдніе роковые дни, когда главныя силы непріятеля были заняты Макъ-Магономъ, то теперь невозможно и думать объ этомъ. Арміи Базена ничего болѣе не остается какъ то же положить оружіе или лечь костьми. При этихъ обстоятельствахъ, какой смыслъ можетъ имѣть оборона Парижа? Больше крови прольется, больше разореній и бѣдствій обрушится на страну, еще нѣсколько долѣе продлится кризисъ волнующій Европу, — вотъ и все. Пусть будутъ приняты самыя энергическія мѣры къ оборонѣ столицы, пусть остающееся въ Парижѣ населеніе воодушевится рѣшимостью погибнуть до единаго, и явитъ чудеса самоотверженія, пусть генералъ Трошю изумитъ міръ геніальностію и искусствомъ обороны Парижа, пусть она будетъ также упорна и блистательна какъ оборона нашего Севастополя,—все это ни къ чему не послужитъ. „Мы всѣ погибнемъ подъ развалинами Парижа, мы всѣ единодушно готовы защищаться до смерти," такъ восклицали ораторы въ законодательномъ собраніи, когда получено было громовое извѣстіе о Седанской катастрофѣ. Великое утѣшеніе для Франціи что эти рыцари фразы будутъ геройствовать въ осажденномъ Парижѣ. Пусть они будутъ перебиты: это не будетъ несчастіемъ для страны, но изъ крови ихъ ничего для нея не выроститъ.

Примѣръ Севастополя здѣсь едва ли умѣстенъ. Честь страны требовала тогда обороны до послѣдней возможности. Каждая лишняя недѣля этой геройской обороны была успѣхомъ для Россіи боровшейся съ нашествіемъ. Непріятель не могъ считать себя побѣдителемъ пока держался этотъ многострадальный городъ, и почти всѣ силы союзниковъ были заняты этою осадой которая истощала ихъ, и стоила имъ почти также дорого какъ намъ

оборона. Не будь Севастополя, не будь геройской защиты его длившейся одиннадцать мѣсяцевъ, силы непріятеля направились бы на другіе пункты Имперіи, и Россіи быть-можетъ не удалось бы выйти изъ борьбы, какъ Богъ помогъ выйти, цѣлою и невредимою. Севастополь есть малый пунктъ на безмѣрныхъ окраинахъ Россіи; онъ прославился и сталъ дорогъ для народа лишь вслѣдствіе этой борьбы, его разрушившей. Севастополь имѣлъ цѣнность техническаго свойства, какъ отличный портъ, какъ пристанище нашего Черноморскаго флота, но иного значенія онъ не имѣлъ. Когда Севастополь выдерживалъ осаду, онъ оставался въ безпрепятственномъ сообщеніи съ страною, которая была въ полномъ обладаніи собою. Таково ли положеніе Парижа? Парижъ есть столица, правительственный центръ Франціи. Войска которыя идутъ на него достаточно многочисленны чтобъ обложить его со всѣхъ сторонъ и перехватить всѣ ведущія къ нему дороги. Что же будетъ съ цѣлою страной лишенною всякаго правительства, беззащитною, открытою для непріятеля, въ то время какъ будутъ геройствовать защитники Парижа, запертые въ стѣнахъ его? Министры плѣннаго императора объявили что они не отчаиваются въ защитѣ страны и формируютъ новыя арміи. Но много ли пользы будетъ отъ этихъ новыхъ армій, которыя должны быть поставлены на ноги и снабжены всѣмъ нужнымъ въ теченіи нѣсколькихъ дней? Непріятель съ которымъ имѣетъ дѣло Франція, имѣетъ въ распоряженіи своемъ болѣе милліона готоваго войска, превосходно вооруженнаго, дисциплинированнаго и предводимаго генералами которые не сдѣлаютъ ни шага безъ вѣрнаго разчета. Народная война, поголовное ополченіе,—все это имѣло смыслъ когда Франція имѣла правильную армію, которая могла бы стать ядромъ для новоформируемыхъ войскъ и для народнаго ополченія. Да и что значитъ народное ополченіе предъ ополченнымъ народомъ который стоитъ теперь на почвѣ Франціи? Непріятель съ которымъ оно имѣетъ дѣло не просто армія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, это вмѣстѣ и народъ и армія. Въ томъ-то и заключается вся сила прусской военной организаціи, распространившейся теперь на всю Германію, что она, призывая къ знаменамъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, имѣетъ въ призываемомъ уже готоваго солдата, заранѣе знающаго свое мѣсто въ строю. Только благодаря этой безпримѣрной организаціи, Пруссія, даже въ то время когда она была небольшимъ государствомъ съ 16 или 17 милліоннымъ населеніемъ, обладала многочисленною арміей почти наравнѣ съ громадными государствами. Что же теперь когда Пруссія стала всею Германіей? Самый пылкій оптимизмъ не могъ бы придать существеннаго значенія обѣщаніямъ французскаго правительства, создать въ нѣсколько дней, на глазахъ и подъ пушками торжествующаго непріятеля, новыя военныя силы могущія помѣриться съ этими громадными массами превосходно организованной народной арміи, которая, подвигаясь на непріятельской территоріи, ведетъ за собою всю Германію. Какое бы множество новобранцевъ ни выставила Франція, непріятель ежеминутно, съ несравненно бо́льшими удобствами, пользуясь ея путями, можетъ двинуть въ нее новыя массы солдатъ изъ народа. Обстоятельства сложились такъ что Пруссія, безъ всякаго опасенія за свои границы, можетъ сосредоточить противъ Франціи всю свою земскую вооруженную силу. Возможна ли борьба при такихъ условіяхъ?

Итакъ, въ эту минуту судьба Франціи не въ ея рукахъ, она во власти побѣдителя, и при данныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ поступить съ ней какъ сочтетъ за лучшее.

Европа могла не замѣтить исчезновенія королевства Ганноверскаго или курфиршества Гессенъ-Кассельскаго; она могла не почувствовать раздробленія Даніи; она могла не видѣть опасности для себя въ разгромѣ Австріи, тѣмъ болѣе что при всѣхъ несчастіяхъ испытанныхъ этою послѣднею державою въ войну 1866 года, она далеко не была въ такомъ крайнемъ положеніи, въ той безусловной зависимости отъ побѣдителя какъ теперь Франція. Пораженная на одномъ театрѣ войны, она была побѣдительницей на другомъ. Къ тому же тогда была еще сильная Франція которая однимъ присутствіемъ своимъ стѣсняла и сдерживала побѣдителя, что̀ не осталось безъ вліянія и на мирный трактатъ которымъ заключилась австро-прусская война. Въ состояніи ли Австрія оказать такое же дѣйствіе при

нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Англія могла бы, но она не захочетъ; она не будетъ заботиться о сохраненіи равновѣсія когда нарушеніе клонится къ ея выгодѣ. Усиленіе Германіи на счетъ Франціи не можетъ не быть въ интересахъ Англіи, и ея присутствіе при борьбѣ не столько сдерживаетъ сколько поощряетъ побѣдителя. Съ самаго начала борьбы взоры всѣхъ обращены были на Россію. Дѣйствительно она держитъ теперь въ рукахъ своихъ ключи европейскаго равновѣсія. Но завтра можетъ все измѣниться, и вопросъ о равновѣсіи станетъ анахронизмомъ. Завтра, вмѣсто системы самостоятельныхъ націй, способныхъ вступать между собою въ разнообразныя сочетанія, явится одна господствующая политика германская, или англо-германская.

Но вотъ послѣднія депеши, которыя сыплются одна за другою изъ Парижа: онѣ говорятъ о хаосѣ который тамъ воцарился послѣ седанскаго разгрома. Императорская Франція пала, и мы не ошиблись сказавъ при первомъ нанесенномъ ей ударѣ, еще при началѣ войны, что предъ Франціей снова разверзается бездна переворотовъ. Провозглашена республика, составилось временное правительство, образовался комитетъ національной обороны, и въ числѣ спасителей отечества находится самъ г. Рошфоръ. Послѣ того что случилось, можно ли удивляться такому обороту? Надобно удивляться напротивъ тому что не случилось этого тотчасъ же послѣ первыхъ пораженій французской арміи. Революція въ Парижѣ была въ разчетахъ непріятеля. Теперь это coup de grace для злополучной Франціи. Впрочемъ, надобно отдать справедливость благоразумію новыхъ правителей Франціи что они облекли диктаторскими полномочіями человѣка серіознаго, пользующагося уваженіемъ всѣхъ партій, и повидимому способнаго. Новые правители распредѣлили между собою портфели, но дѣйствительная власть сосредоточена въ рукахъ генерала Трошю.

№ 184.

Москва, 25-го августа.

Читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* уже извѣстенъ новый уставъ о золотопромышленности, вполнѣ напечатанный въ №№ 153—161 нашей газеты. Законодательство по золотопромышленности неоднократно у насъ пересматривалось, и новый уставъ изготовлялся податною коммиссіей съ 1863 года. Въ трехъ изданныхъ ею томахъ матеріаловъ по этой части помѣщены полныя свѣдѣнія обо всѣхъ подготовительныхъ работахъ и вопросахъ возбудившихъ продолжительныя пренія въ коммисеіи, при участіи представителей отъ самихъ золотопромышленниковъ. Многія, совершенно особенныя обстоятельства нашей золотопромышленности требуютъ спеціальнаго для нея законодательства, отличнаго отъ другихъ горныхъ промысловъ, и весьма сложнаго. Золото добывается у насъ частными лицами изъ розсыпей или песковъ, которыхъ только и касается новый уставъ (добыча руднаго или жильнаго золота, содержащагося въ такъ-называемыхъ огненныхъ или плутоническихъ породахъ, нынѣ совершенно у насъ прекратившаяся, подчиняется общимъ правиламъ горнаго устава о разработкѣ рудныхъ мѣсторожденій). Добыча розсыпнаго золота, нынѣ самая изобильная на всемъ земномъ шарѣ (въ Калифорніи и Австраліи добывается тоже розсыпное золото), не имѣетъ ничего общаго съ добычею другихъ металловъ, тѣмъ болѣе что этотъ промыселъ между прочимъ сопряженъ съ необычайными рисками и съ такими же барышами. Сверхъ того, особенныя законодательныя мѣры касательно золотыхъ промысловъ вызываются у насъ исключительными географическими условіями. Важнѣйшіе наши пріиски находятся въ Восточной Сибири, которая (преимущественно Олекминскій и Енисейскій округи, затѣмъ Нерчинскій, Баргузинскій Минусинскій, Ачинскій, Канскій, Верхнеудинскій, Верхоленскій и Амурская область) даетъ въ годъ приблизительно до 1.000 пудовъ и болѣе, а всѣ остальные края Россіи (Маріинскій, Алтайскій и Киргизскіе округа Западной Сибири, земли Оренбургскаго казачьяго войска, башкирскія въ Оренбургской губерніи, приуральскія мѣстности въ Пермской губерніи, преимущественно восточные склоны) всего-на-все не болѣе 400 пудовъ. Въ Восточной Сибири весь золотой промыселъ производится на казенныхъ земляхъ, отдаваемыхъ для этой спеціальной цѣли въ пользованіе частныхъ лицъ. Это послѣднее обстоятельство бо-

лѣе всего осложняетъ наше золотопромышленное законодательство, разчитанное преимущественно на Восточную Сибирь; отсюда главнымъ образомъ беретъ свое начало регламентація развѣдки и разработки мѣсторожденій золота. Это же обстоятельство придаетъ особенный характеръ нашимъ государственнымъ доходамъ отъ золотаго промысла, независимо отъ особенностей всякаго налога на золото, истекающихъ изъ самыхъ свойствъ этого металла и его добычи. Казенныя земли, гдѣ производятся поиски и разработка золота, находятся часто въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, казаковъ и инородцевъ, или въ ближайшей связи съ такими землями: вотъ еще новый интересъ, который, при общинномъ пользованіи землей, не можетъ не представлять большой сложности и не вызывать особенной регламентаціи. Между исключительными промышленными обстоятельствами нашихъ золотыхъ пріисковъ упомянемъ также о выдачѣ имъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, безъ чего эти пріиски, при недостаткѣ частнаго лѣса, не могутъ обойтись. Ссуды денегъ золотопромышленникамъ изъ государственнаго банка, подъ залогъ промытаго золота, впредь до разчета по сдачѣ всего золота въ казну, равнымъ образомъ требуютъ особыхъ правилъ. Наконецъ, въ пустынныхъ и отдаленныхъ отъ центровъ администраціи мѣстностяхъ, гдѣ добывается золото, не могутъ дѣйствовать лишь общіе законы о наймѣ рабочихъ, которые, надобно присовокупить, набираются въ Сибири преимущественно изъ ссыльныхъ. При всѣхъ этихъ особенностяхъ золотаго промысла, встрѣчающихся отчасти повсемѣстно, отчасти только у насъ, правительство всегда обращало на него очень заботливое вниманіе, въ виду его финансоваго значенія, ибо изъ трехъ милліоновъ валоваго дохода отъ всѣхъ горныхъ податей, казенные сборы съ золота даютъ два съ половиной милліона. Сверхъ того, только эти сборы могутъ удержаться и развиться въ будущемъ, такъ какъ важнѣйшіе виды горныхъ податей, съ чугуна и мѣди, недавно пониженные, но все-таки весьма отяготительные для горной промышленности и вредные вообще для народнаго хозяйства, требуютъ дальнѣйшаго пониженія, если не совершенной отмѣны; между тѣмъ горныя подати составляютъ у насъ, какъ извѣстно, единственный (сверхъ монетнаго дохода) источникъ чистыхъ доходовъ казны отъ горнаго дѣла, къ сожалѣнію служащій нынѣ только для покрытія убытковъ казны отъ казенныхъ горныхъ заводовъ. При разнообразіи и сложности интересовъ замѣшанныхъ въ золотой промыселъ, уставъ о золотопромышленности не можетъ быть сходенъ съ другими податными узаконеніями; онъ долженъ захватывать кучу самыхъ разнородныхъ предметовъ и имѣть характеръ почти цѣльнаго законодательства для всѣхъ сторонъ быта въ нѣкоторыхъ исключительно золотопромышленныхъ мѣстностяхъ. Какъ ни затруднительно это дѣло, возбуждавшее до сихъ поръ много жалобъ и домогательствъ съ противоположныхъ сторонъ, но надо думать что въ теченіе семи лѣтъ работъ податной коммиссіи, нѣсколько разъ пересматривавшей свои предположенія и, послѣ предварительнаго обсужденія проекта въ 1869 году въ государственномъ совѣтѣ, задачи правительства въ этомъ дѣлѣ достаточно уяснились, и положеніе золотаго промысла, а съ тѣмъ вмѣстѣ и фискальная его сторона улучшены новымъ уставомъ, на сколько это было необходимо и возможно.

Новый уставъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: надзоръ и управленіе частными золотыми промыслами (казенныхъ золотыхъ промысловъ уставъ вовсе не касается), порядокъ производства золотаго промысла на земляхъ частныхъ (владѣльческихъ поссессіонныхъ) и на земляхъ казенныхъ и принадлежащихъ кабинету Его Императорскаго Величества (сравненныхъ въ этомъ отношеніи съ казенными), сборы съ золотаго промысла, взысканія за нарушенія правилъ о золотыхъ промыслахъ и судебный и административный порядокъ производства о нихъ дѣлъ; къ уставу приложены правила о наймѣ и увольненіи рабочихъ и ссыльнопоселенцевъ на сибирскихъ пріискахъ и также правила о выдачѣ ссудъ изъ сибирскихъ конторъ государственнаго банка подъ шлиховое золото. По всѣмъ упомянутымъ частямъ сдѣланы существенныя перемѣны въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Коренныхъ перемѣнъ, на которыя мы укажемъ, не такъ однако много; бо́льшая часть новаго законоположенія только опредѣляетъ болѣе точнымъ образомъ правила и порядки уже существовавшіе, дополняетъ

ихъ, приводитъ въ единство и систему постановленія изданныя въ разное время. Основное начало, высказанное новымъ уставомъ и до сихъ поръ не имѣвшее силы закона есть право частныхъ лицъ производить золотой промыселъ повсемѣстно въ Имперіи не только на земляхъ частныхъ, по добровольному соглашенію съ ихъ владѣльцами, но и на казенныхъ и принадлежащихъ Кабинету, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поименованныхъ въ уставѣ мѣстностей. Эти послѣднія немногочисленныя мѣстности составляютъ изъятіе, а затѣмъ всѣ казенныя земли объявлены открытыми для поисковъ золота, безъ всякихъ предварительныхъ на то разрѣшеній отъ учрежденій управляющихъ этими землями. Въ числѣ изъятій указаны три горные округа на Уралѣ: Златоустовскій, Екатеринбургскій и Богословскій; въ этихъ округахъ казна занимается нынѣ сама золотымъ промысломъ. Министру финансовъ предоставляется открывать доступъ золотопромышленникамъ и въ эти округа, по мѣрѣ прекращенія казенной разработки. Будемъ надѣяться что и здѣсь не замедлитъ развиться частная золотопромышленность, которая уже успѣла доказать на Уралѣ свое превосходство надъ казенною, быстро увеличивъ годичную добычу золота въ Гороблагодатскомъ округѣ съ *двухъ* пудовъ до *ста*. Въ отдаленномъ Богословскомъ округѣ, золото обходилось въ иные годы казнѣ дороже своей номинальной цѣны въ монетѣ! Богатые золотые пріиски на Міасѣ въ Златоустовскомъ округѣ могутъ чрезвычайно развиться въ частныхъ рукахъ. Изъ всѣхъ горныхъ промысловъ, золотой по преимуществу неудобенъ для казеннаго хозяйства. Одно изъ важнѣйшихъ нововведеній устава заключается въ предоставленіи права заниматься золотымъ промысломъ лицамъ всѣхъ состояній, даже иностранцамъ, тогда какъ до сихъ поръ право это принадлежало только дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ. Отнынѣ золотой промыселъ перестаетъ быть у насъ привилегіей, которая вела ко вредной монополіи.

Порядокъ добычи золота на земляхъ частныхъ лицъ предоставленъ полной свободѣ собственниковъ и добровольному съ ними соглашенію золотопромышленниковъ. Съ личными землевладѣльцами сравнены и общества крестьянъ-собственниковъ, но надѣлы временно-обязанныхъ крестьянъ сюда не принадлежатъ. Новый уставъ почти не касается золотаго промысла на частныхъ земляхъ, гдѣ въ этомъ отношеніи достаточно дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ; главное вниманіе обращено на казенныя земли, и правила производства промысла на нихъ облегчены, хотя все-таки осталось не мало регламентаціи, вынужденной можетъ-статься обстоятельствами дѣла. Упрощена длинная процедура полученія права на развѣдки, на заявки и на отводы площадей; права въ этомъ отношеніи частныхъ лицъ на земляхъ казны и Кабинета весьма широки, и пользованіе ими окружено многими новыми льготами, предназначенными къ тому чтобы привлечь новыхъ и въ особенности мелкихъ капиталистовъ. Безпрерывные поиски за новыми мѣсторожденіями и ихъ развѣдки необходимы для поддержанія добычи розсыпнаго золота, такъ какъ пріиски быстро истощаются. Въ этомъ отношеніи, однимъ изъ золъ прежняго порядка былъ захватъ казенныхъ земель въ однѣ руки, причемъ золото на нихъ оставалось безъ разработки; въ видахъ противодѣйствія этому злу учрежденъ новый сборъ въ пользу казны или Кабинета, въ видѣ арендной платы за пользованіе землей, подъ названіемъ по-саженной платы, по 15 к. въ годъ за каждую отведенную подъ пріискъ сажень. На казенныхъ земляхъ Европейской Россіи, находящихся въ завѣдываніи министерства государственныхъ имуществъ, арендная или по-саженная плата опредѣляется по особымъ съ нимъ каждый разъ соглашеніямъ золотопромышленниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поземельная плата должна замѣнить особый сборъ взимавшійся до сихъ поръ для покрытія разныхъ расходовъ казны по золотымъ промысламъ, съ каждаго добытаго фунта золота (отъ 4 до 10 р. смотря по разрядамъ пріисковъ), и также гильдейскія пошлины. По-саженная плата взимается со дня выдачи золотопромышленнику актовъ на отводъ, а эта выдача не можетъ быть позже двухъ лѣтъ съ заявки имъ розсыпи. По-саженная плата должна также замѣнить собой обязательную разработку отведенныхъ розсыпей, надзоръ казны за этою разработкой и штрафныя деньги за неразработку. Эта мѣра, безъ сомнѣнія, много упрощаетъ отношенія казны къ золотому промыслу. Независимо отъ по-саженной платы, будетъ взиматься какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ зем-

ляхъ, подать съ добычи золота; на земляхъ Кабинета эта подать поступаетъ въ пользу его, а не государственнаго казначейства. Нынѣшніе размѣры подати съ золота измѣнены. На земляхъ частныхъ владѣльческихъ и поссессіонныхъ будетъ попрежнему взиматься подать на первыхъ въ 10%, а на вторыхъ въ 15% со всего добытаго количества лигатурнаго золота. Въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ будетъ взиматься подать и на земляхъ Кабинета въ Нерчинскомъ округѣ. На земляхъ казенныхъ (въ Сибири) и кабинетскихъ въ Алтайскомъ округѣ золотые пріиски раздѣляются на три разряда: 1) пріиски добывающіе золота отъ 1 золотника до двухъ пудовъ, платятъ 5% подати, также какъ и до сихъ поръ; 2) пріиски добывающіе отъ 2 до 5 пуд. 10% со всего количества свыше 2 пуд., также какъ и до сихъ поръ; 3) пріиски добывающіе свыше 5 пуд., платятъ за первые 5 пуд. 10%, а за остальные 15%, также какъ и до сихъ поръ, но по старому закону былъ еще четвертый разрядъ пріисковъ, добывавшихъ свыше 10 пудъ и платившихъ за количество сверхъ 10 п. 20%. Этотъ четвертый разрядъ уничтоженъ новымъ уставомъ, и потому прогрессивный масштабъ подати умѣренъ; въ этомъ заключается самая значительная перемѣна въ системѣ подати для важнѣйшихъ золотопромышленныхъ краевъ. Эта перемѣна должна служить къ привлеченію капиталовъ къ пріискамъ, такъ какъ при слишкомъ высокомъ размѣрѣ подати съ четвертаго разряда, такого разряда въ дѣйствительности вовсе не было, то-есть золотопромышленники не увеличивали добычи сверхъ 20 пудовъ. Съ золота добываемаго на земляхъ Кабинета въ Амурской области, подать взимается по особымъ соглашеніямъ промышленниковъ съ Кабинетомъ. Какъ ни кажется сложною вся эта система подати съ золота, но она значительно упрощена въ сравненіи съ дѣйствовавшею до сихъ поръ. Кромѣ подати, взыскиваются еще съ золотопромышленниковъ расходы за пересылку золота въ Петербургъ и за его обработку на монетныхъ дворахъ, такъ какъ все золото добываемое и остающееся сверхъ уплаты подати натурою, должно быть попрежнему сдаваемо, то-есть продаваемо, въ казну. Нельзя не пожалѣть о сохраненіи въ новомъ уставѣ этого стѣсненія, нисколько не необходимаго для государственнаго казначейства. Наконецъ, по новому уставу можетъ быть, кромѣ арендной (по-саженной) платы и горной подати, еще третья категорія дохода казны отъ золотаго промысла; это продажа уже существующихъ на казенныхъ земляхъ пріисковъ: возвращенныхъ въ казну, отобранныхъ у владѣльцевъ за ихъ несостоятельность, разрабатывавшихся прежде самою казной и т. д. Дѣйствовавшіе пріиски, на которыхъ шансовъ добычи золота гораздо болѣе и гдѣ сдѣланы нужныя для добычи и промывки золота устройства, должно отличать отъ земли, на которой производятся только поиски и развѣдки, гдѣ шансовъ добыть золото, хотя бы признаки его и были, вообще, гораздо меньше. Пріиски, согласно новому уставу, будутъ продаваться казною не иначе какъ съ публичныхъ торговъ; эта мѣра, освященная закономъ, будетъ весьма полезна и устранитъ злоупотребленія въ раздачѣ пріисковъ.

Мы указали только на важнѣйшія перемѣны, вносимыя новымъ уставомъ въ дѣйствующее законодательство; двѣ самыя главныя мѣры заключаются въ допущеніи всѣхъ сословій къ золотымъ промысламъ и во введеніи поземельной (по-саженной) платы взамѣнъ прежняго по-фунтоваго сбора. Вообще все направленіе новаго устава клонится къ облегченію золотаго промысла для частныхъ лицъ и къ упрощенію ихъ отношеній къ администраціи. Золотой промыселъ, какъ извѣстно, не развивается у насъ, и съ 1864 года (какъ это видно по неизмѣняющейся цифрѣ казеннаго дохода) въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Восточной Сибири даже упалъ. Какъ на одну изъ причинъ этого явленія указываютъ на административныя и фискальныя стѣсненія. Эти стѣсненія много облегчены новымъ уставомъ, хотя можетъ-статься и не въ той мѣрѣ какъ это было бы желательно.

Въ недавнее время открылись для нашей золотопромышленности новые края: Кавказъ, Туркестанъ и Амурская область, доставляющая уже до 50 пудовъ золота въ годъ. Новый уставъ примѣняется къ Туркестанской, Амурской и Приморской областямъ, съ тѣми измѣненіями какія будутъ признаны необходимыми, по соглашенію министра финансовъ съ мѣстными генералъ-губернаторами; по истеченіи трехъ лѣтъ министръ финансовъ долженъ представить эти измѣненія на утвержденіе въ

законодательномъ порядкѣ. На Кавказѣ сила устава пока не распространяется и для него составляются особыя правила. Какъ ни важно возрастаніе добычи золота, но при всемъ внѣшнемъ блескѣ этого промысла и обогащенія отдѣльныхъ личностей, онъ далеко не такъ благодѣтеленъ для страны, какъ разработка другихъ металловъ, въ особенности желѣза. Потому нельзя не пожелать, чтобъ ускорился ходъ всей вообще нашей горной реформы, и чтобы былъ наконецъ изданъ давно составленный новый горный уставъ, который долженъ освободить наше горное дѣло, въ особенности желѣзное, отъ его нынѣшняго оцѣпенѣнія и отъ тягостной опеки и конкурренціи казеннаго горнаго производства. Замѣтимъ кстати что при всей выгодности добычи золота для государства, — выгодности впрочемъ чрезвычайно преувеличенной людьми съ невѣжественными экономическими понятіями, — золотой промыселъ оказываетъ весьма пагубное нравственное и экономическое вліяніе на все мѣстное населеніе, а вліяніе всѣхъ другихъ отраслей горнаго дѣла напротивъ того весьма благотворно для народнаго быта и хозяйства.

№ 185.

Москва, 27-го августа.

Было говорено неоднократно что одна Франція способна „вести войну за идею." Читая въ нѣмецкихъ газетахъ статьи о настоящей національной войнѣ, приходишь къ заключенію что теперь и Нѣмцы воюютъ за идею. Это не есть война за простое территоріальное обогащеніе, хотя безкорыстные мужи „идеи" не прочь и отъ полученія нѣсколькихъ плодоносныхъ, промышленныхъ, цвѣтущихъ областей. Цѣлью ея не поставляется также и денежный грабежъ, хотя взиманіе контрибуцій съ покоренныхъ земель и перспектива взысканія съ Франціи военныхъ издержекъ, конечно, въ умахъ прусскихъ патріотовъ являются пріятною приправой культа чистой идеи. Но все же идея на первомъ планѣ. Съ разныхъ сторонъ единовременно заявляется что неудача войны есть осужденіе исторіей „всего французскаго быта, всего романскаго направленія." *Ложь* французской культуры должна-де отнынѣ смѣниться *правдой* культуры германской. Борьба Пруссіи съ Франціей во мнѣніи нѣмецкой печати превратилась въ борьбу цивилизаціи съ варварствомъ (Gesittung und Barbarei). Мы бы никогда не кончили еслибы стали приводить всѣ примѣры народнаго фанатизма которые теперь расплодились въ этой печати, которые ежедневно показываются въ каждомъ газетномъ столбцѣ, сопровождая ужасы войны великимъ умственнымъ несчастіемъ—проявленіемъ мрачнаго духа истребленія. Отрицаніе всей французской культуры есть прямое воззваніе къ дѣйствующимъ арміямъ не щадить эту культуру, не удерживать порывовъ мести, не помнить обычаевъ цивилизованной войны. Вмѣненіе всей французской націи въ вину тѣхъ политическихъ переворотовъ которые ее такъ часто терзали есть игра на опасной струнѣ племенной вражды и отуманеннаго самомнѣнія. Искоренить силу и цвѣтъ французской культуры, вычеркнуть Францію изъ списка цивилизованныхъ народовъ, вотъ къ чему подстрекаетъ теперь безуміе публицистовъ считающихъ свою губительную пропаганду служеніемъ германской идеѣ. Не вдаваясь въ разборъ всѣхъ нелѣпостей которые ежедневно всплываютъ на поверхность въ фанатическихъ органахъ печати, мы не будемъ касаться тѣхъ передовыхъ статей *Staatsanzeiger*'а или *Крестовой Газеты*, гдѣ дѣло прусскаго завоеванія смѣшивается съ дѣломъ нравственности и христіанской религіи, гдѣ однимъ изъ послѣдствій нынѣшней войны выставляется будущая чистота нравовъ и страхъ Божій, за который, по наивному представленію этихъ газетъ, только и ратуетъ прусское оружіе. Статьи эти болѣе похожи на папскія окружныя посланія чѣмъ на политическія статьи: свой врагъ является врагомъ Божьимъ, и Германія сражается за вѣру, точно Израиль временъ пророковъ. Мы остановимся только на одномъ проявленіи фанатически-озлобленнаго патріотизма, которое особенно поразило насъ наружнымъ спокойствіемъ тона и личиной исторической объективности. Въ *National-Zeitung* помѣщены двѣ статьи о характерѣ политической и эстетической жизни Французовъ, подписанныя извѣстнымъ литературнымъ критикомъ Юліаномъ Шмидтомъ. Статьи эти носятъ странное заглавіе: *Wider den Cancan* (Противъ канкана); но это не есть, какъ можно было бы подумать, обличительная проповѣдь противъ того уродливаго и неприличнаго танца ко-

торый составляетъ восхищеніе публики маленькихъ театровъ. Дурной вкусъ и отсутствіе твердаго нравственнаго чувства суть болѣзни массы, и ими больна не одна парижская публика, которую обвиняютъ въ первоначальномъ распространеніи канкана, а публика всѣхъ европейскихъ столицъ,—и Германія со всею своею хваленою „чистотой нравовъ" здѣсь виновата не менѣе другихъ. Но „канканъ" у г. Юліана Шмидта берется въ смыслѣ символическомъ и необъятномъ. Онъ изображаетъ собою ни болѣе, ни менѣе какъ народный характеръ Французовъ. Зрѣлище политическихъ страстей, легко возбуждаемыхъ во Франціи, характеризуется какъ „безо„бразная суматоха, повидимому вовсе не „имѣющая цѣли и значенія, и въ которой „не различишь ничего кромѣ какой-то жи„вотрепещущей подвижности и неприлич„ныхъ жестовъ." Французы, увѣряетъ авторъ, никогда другими не были. Во время революціи они плясали *La Carmagnole*, и это-де тотъ же канканъ. Идите дальше назадъ въ исторію: Варѳоломеева ночь тотъ же канканъ, сцены послѣ взятія въ плѣнъ короля Іоанна Добраго тотъ же канканъ, да наконецъ Галлы въ *Комментаріяхъ* Юлія Цезаря—опять все то же. Словомъ, германскій патріотическій писатель не видитъ во Французахъ ничего кромѣ дикаго изступленія толпы, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть чувственнымъ или кровожаднымъ. „Каждый Французъ „имѣетъ претензію быть рыцаремъ, и каж„дый того и гляди пристанетъ къ черни... „Характеристика же черни но тотъ или „другой слой общества, а погибель инди„видуальной воли и индивидуальнаго со„знанія среди инстинкта слѣпой массы. „Эти два качества (рыцарство и площад„ность) повидимому, противорѣчатъ одно „другому; но они сходятся въ одной точкѣ; „они направлены къ призрачности, къ фра„зѣ, и отъ призрачности до фразы и до „лжи не великъ шагъ. Лгутъ другимъ, „чтобы казаться, и часто удается поро„дить вѣру въ свою ложь; но потомъ лгутъ „себѣ, а наконецъ теряютъ способность „отличать ложь отъ правды."

Таковъ безпощадный приговоръ остроумнаго критика надо всею Франціей. Онъ забываетъ только прибавить что есть нѣчто хуже лжи, въ чемъ Французы менѣе повинны чѣмъ ихъ торжествующіе сосѣди: хуже лжи обманъ или сознательная ложь.

Помимо ненависти, какою проникнуты современныя филиппики Нѣмцевъ противъ Французовъ, и которую легко выдѣлить изъ очевидно пристрастнаго сужденія, въ статьѣ Юліана Шмидта есть еще большое заблужденіе: „фраза" и „ложь," какъ онъ называетъ духъ французской культуры, имѣли огромное вліяніе на развитіе самой Германіи. Франція занимаетъ столь обширное мѣсто въ обще-европейскомъ, а вмѣстѣ и германскомъ образованіи что выкидывать ее значило бы разрушать свою собственную культуру и отрекаться отъ исторіи своего развитія.

Впрочемъ нельзя не признать что и самыя рѣзкія нареканія которымъ подвергается современная Франція не совсѣмъ не заслужены ею. Ей нужно было сильное потрясеніе, ей нужно было пройти чрезъ очистительный огонь великаго народнаго несчастія. Такое несчастіе постигло ее нынѣ. Въ войнѣ съ непріятелемъ, которaго большинство Французовъ считали легкою для себя добычей, обнаружилась безпомощная слабость, до которой довела народъ система управленія и воспитанія, а еще больше растлѣвающее самомнѣніе и убаюкивающія мечты о собственномъ величіи. Надобно надѣяться что этотъ страшный урокъ не только не оправдаетъ предсказаній нѣмецкихъ „французоѣдовъ" и не вычеркнетъ Франціи изъ числа передовыхъ народовъ міра, но напротивъ послужитъ для нея спасительнымъ, хотя горькимъ лѣкарствомъ. Народныя бѣдствія имѣютъ въ себѣ, наряду съ разрушительною силой, зиждительную и цѣлебную. Разочарованіе легкомысленнаго и самоувѣреннаго оптимизма ведетъ къ сознанію своихъ слабыхъ сторонъ и, въ счастливомъ случаѣ, къ ихъ совершенному устраненію. Могущество враждебнаго сосѣда, въ которое не вѣрили, и которое теперь такими грозными ударами выказало себя, должно повести къ плодотворному соревнованію, къ напряженію всѣхъ силъ, всѣхъ талантовъ, всей воли, всего самопожертвованія, чтобы не отстать въ дѣлѣ умственнаго и гражданскаго прогресса. Нельзя не надѣяться что разгромъ 1870 года не только не приведетъ къ окончательному униженію французской націи, но сдѣлается для нея источникомъ новой силы, ибо нельзя не признать за этимъ даровитымъ и многоиспытаннымъ народомъ необыкновенной эластичности, благодаря которой такъ легко

и быстро заживали глубокія раны нанесенныя его жизни войнами и революціями.

Германскіе ученые правы если они теперь утверждаютъ что успѣхи германскаго оружія суть послѣдствія успѣховъ германской мысли. Они не правы въ томъ что, упоенные новымъ политическимъ и военнымъ величіемъ своего отечества, спѣшатъ расточить чистое золото своего духовнаго капитала и промѣнять его на товаръ сомнительнаго достоинства, но совершенно вѣрно то уже не новое положеніе что въ наше время, когда личная храбрость потеряла свое прежнее значеніе на войнѣ, военное могущество націи пропорціонально высотѣ ея образованія, и что германскія арміи сильны высокими достоинствами германской школы.

№ 186.

Москва, 28-го августа.

А.

Отчего наши консерватывы и наши радикалы дѣйствуютъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, когда рѣчь идетъ о государственныхъ интересахъ Россіи? Отчего при каждомъ вопросѣ національной политики нашего отечества обѣ партіи такъ единодушны, и рознясь во всемъ, тутъ помогаютъ другъ другу? Оттого что этотъ баринъ, сыплющій на французскомъ діалектѣ отборныя консервативныя фразы, и этотъ неумытый *нечаевецъ*, служатъ безсознательными органами чужой мысли которая равно пользуется ими для своихъ цѣлей и стратегически употребляетъ ихъ то порознь, то вмѣстѣ, смотря по надобности. Интрига увѣрена что никто въ Россіи не задумается надъ тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ что русское патріотическое мнѣніе встрѣчаетъ себѣ ожесточенныхъ противниковъ самаго противоположнаго цвѣта, что въ одно и то же время это несчастное русское мнѣніе обвиняется заразъ и въ мрачномъ консерватизмѣ, и въ столь же мрачномъ радикализмѣ. Достаточно имѣть здравый смыслъ и смотрѣть на вещи съ русской точки зрѣнія для того чтобы прослыть въ одно и то же время и краснымъ демагогомъ, опаснымъ для общественнаго порядка, и вмѣстѣ раболѣпнымъ орудіемъ деспотизма.

Остроумные противники наши смѣются надъ нами говоря что мы во всемъ будто бы видимъ измѣну и всѣхъ будто бы считаемъ за измѣнниковъ. Нѣтъ, это не такъ; мы сожалѣемъ только что у насъ имѣется слишкомъ много людей умственно недѣятельныхъ и склонныхъ пользоваться чужими сужденіями во всемъ что выходитъ изъ сферы ихъ личныхъ интересовъ.

Какой-то великій „земскій дѣятель“ рекомендуемый *С.-Петербургскими Вѣдомостями* какъ лицо съ громкимъ именемъ, скрывшій, или пожалуй открывшій, свое громкое имя подъ знаменіемъ буквъ К. А. В., высказался недавно въ упомянутой газетѣ весьма рѣшительнымъ тономъ о политическихъ вопросахъ висящихъ теперь надъ Европой и надъ нашимъ отечествомъ, вслѣдствіе франко-прусской войны. Этотъ персонажъ видитъ въ насъ органъ необразованной черни, и выражаетъ свое сочувствіе *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* какъ органу просвѣщенной части публики. Этому „земскому“ политику не достаточно что Пруссія торжествуетъ надъ своею противницей, онъ хочетъ еще чтобы побѣды ея торжествовались и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, какъ въ Берлинѣ. Онъ находитъ что Франція есть исконный врагъ нашъ, и потому мы должны-де радоваться ея униженію и паденію. Почему же Франція есть исконный врагъ нашъ? Потому, утверждаетъ онъ, что Россія вела съ Франціей войны. Но Россія была въ войнѣ и съ Пруссіей. Политикъ съ громкимъ именемъ позабылъ что еще задолго до нашихъ первыхъ столкновеній съ Франціей, войска наши били Фридриха Великаго, основателя прусскаго могущества. Но это не помѣшало намъ въ послѣдствіи быть въ крѣпкомъ союзѣ съ Пруссіей. Что же касается до войнъ бывшихъ между Франціей и Россіей, то „земскій“ политикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* не разбираетъ происходили ли эти войны между Франціей и Россіей просто, или между ними какъ союзницами другихъ державъ. Политику этому нѣтъ надобности до того что войны между Россіей и Франціей отнюдь не требовались національными интересами ни той, ни другой державы, и что возникавшія между ними столкновенія были послѣдствіемъ комбинацій чуждыхъ и нерѣдко враждебныхъ какъ той, такъ и другой сторонѣ. Развѣ исторія не полна ошибками

правительствъ, упадками государствъ и бѣдствіями народовъ? Мы никогда не слыхали о національной ненависти между Французами и Русскими; мы слыхали напротивъ что въ промежутки ожесточенныхъ битвъ на бастіонахъ Севастополя, русскіе солдаты встрѣчались съ французскими самымъ дружелюбнымъ образомъ. Могло ли бы что-либо подобное быть, еслибы между ними была народная ненависть? Да и откуда взяться этой ненависти? Франція и Россія не сосѣди; между ними не могло и не можетъ быть никакихъ споровъ о границѣ; онѣ не могутъ дѣлать другъ у друга территоріальныхъ захватовъ; у нихъ нѣтъ племенныхъ счетовъ; имъ нечего дѣлить между собой. Если два человѣка, точно такъ же какъ и двѣ націи, сталкиваются между собой по недоразумѣнію, ошибкѣ или подъ вліяніемъ чужихъ интересовъ, то, при всемъ злѣ которое они другъ другу дѣлаютъ, отнюдь нельзя сказать чтобъ они были естественными врагами; напротивъ, надобно желать чтобы какъ та, такъ и другая сторона лучше поняла свои собственные интересы. Враги по ошибкѣ не враги, напротивъ, это естественные союзники; точно также друзья по ошибкѣ не друзья, а естественные враги. До Крымской войны мы почти вовсе не воевали съ Англіей; но надобно быть „земскимъ" политикомъ съ „громкимъ именемъ" и имѣть своимъ органомъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* для того чтобъ отрицать ту глубокую непріязнь и опасеніе съ какими Англія искони слѣдитъ за ходомъ русской политики. Англія всегда была непримиримымъ врагомъ нашимъ въ самыхъ существенныхъ интересахъ нашихъ. Ущербъ причиняемый Россіи никогда не можетъ обратиться въ выгоду для Франціи, а напротивъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, всегда обращался во вредъ и пагубу ей; для Англіи же, всякая неудача Россіи всегда была и всегда будетъ выгодой, пока существенно не измѣнятся всѣ основанія англійской политики.

Сближеніе и союзы между державами опредѣляются не сентиментальными симпатіями, не родствомъ душъ, не сходствомъ учрежденій, а просто-на-просто выгодами которыя могутъ проистекать для государства отъ его сближенія съ другими. Англія не имѣла ничего общаго съ императорскою Франціей; но она была въ „сердечномъ" союзѣ съ нею, который оказался столь выгоднымъ для англійской политики и столь пагубнымъ для злополучной французской націи, которую доконали ея демагоги и ея императоры. Точно также между Пруссіей и Россіей, къ сожалѣнію, весьма мало сходства по образованію и по учрежденіямъ; однако Пруссія всегда держалась союза съ Россіей. Нигдѣ нѣтъ такого презрѣнія и недоброжелательства къ русскому народу какъ въ Германіи, но это отнюдь не мѣшало германскимъ правительствамъ пользоваться кровію и потомъ русскаго народа. Исторія навѣки сохранитъ печальное признаніе канцлера Россійской Имперіи предъ началомъ Восточной войны что Россія постоянно жертвовала Германіи своими интересами какъ матеріальными, такъ и нравственными. Какого мнѣнія Пруссія вообще и графъ Бисмаркъ въ особенности о бонапартизмѣ, это теперь всѣмъ извѣстно; но за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда бонапартизмъ былъ въ разгарѣ своей зловредной дѣятельности, прусское правительство жило съ нимъ въ ладахъ и дружбѣ, и тотъ же самый г. фонъ-Бисмаркъ ѣздилъ къ императору Наполеону на поклоненіе, совѣщался съ нимъ о европейскихъ дѣлахъ, и пользовался имъ подготовляя пути грядущихъ событій которыя въ тихомолку замышлялись въ Берлинѣ.

Между Сѣверною Америкой и Россіей установились отношенія добраго свойства. Нельзя не пожелать чтобы дружба между ними упрочилась, ибо союзъ ихъ равно выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Однако между Россіей и Сѣверною Америкой нѣтъ ничего общаго ни въ бытѣ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ судьбахъ.

Точно также, какъ бы ни была глубока разница въ судьбахъ Франціи и Россіи, интересы самаго положительнаго свойства указывали имъ другъ на друга. Но такъ какъ обѣ страны, въ своей политикѣ, руководились болѣе чужими интересами чѣмъ своими собственными, то онѣ враждовали между собою, и вражда ихъ вредила имъ обѣимъ, обращаясь въ пользу другимъ.

Мы не имѣемъ никакихъ пристрастій ко Франціи, точно также какъ не имѣемъ антипатій къ Германіи. Напротивъ, когда нужно было искать нашему отечеству примѣровъ для соревнованія, наши взоры гораздо болѣе обращались къ Германіи и Англіи нежели ко Франціи. Никто, напримѣръ, болѣе насъ не желаетъ чтобы по-

литика нашего правительства была также національна какъ политика Пруссіи, и чтобы русскій патріотизмъ былъ также цѣнимъ въ Россіи какъ германскій въ Германіи. Никто, съ другой стороны, не скорбѣлъ болѣе насъ, видя какъ наши политики и консервативнаго, и либеральнаго свойства, которые теперь такъ неистово ругаютъ и бонапартизмъ, и Францію восхищались бонапартовскими мѣрами и французскими порядками, и навязывали ихъ нашему отечеству. . Но мы не можемъ оставаться совершенно равнодушны къ судьбамъ Франціи; потому что въ судьбахъ ея заинтересована Европа, къ которой мы все-таки принадлежимъ, и судьбы страны которой мы дѣти. Мы не призваны защищать ни французскіе, ни прусскіе, интересы; но мы считаемъ себя обязанными примѣнять все что ни случается въ мірѣ къ судьбамъ нашего народа, къ интересамъ нашего отечества.

„Земскій политикъ" *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* издѣвается надъ нашими опасеніями въ виду могущества которое пріобрѣтаетъ теперь Германія. Онъ утѣшаетъ насъ тѣмъ что въ Германіи, по его разчету, не болѣе 37 милліоновъ населенія, а въ Россіи до 80. Потому-то, видно, такъ инымъ господамъ и хочется чтобы Германія пріобрѣла Эльзасъ и Лотарингію: это немножко пополнитъ численность ея населенія. Присоединеніе Богеміи и Моравіи, вмѣстѣ съ другими цислейтанскими землями, увеличили бы его гораздо значительнѣе: не порадоваться ли намъ если и эти земли захватитъ Германія? Нашъ политикъ такъ серіозно отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ словахъ что не подумалъ о томъ военномъ могуществѣ которымъ уже и теперь располагаетъ Пруссія, имѣя возможность при 37 милліонномъ населеніи сразу двинуть на любой пунктъ милліонъ отлично вооруженнаго и превосходно обученнаго войска. Онъ не подумалъ что численность населенія находится въ обратномъ отношеніи къ пространству занимаемой имъ территоріи, и что если въ Россіи можно насчитывать до 80 милліоновъ населенія, то по безмѣрности ея территоріи, по безконечной протяженности ея границы, это превосходство теряетъ все свое значеніе. Къ тому же, условія нашей военной организаціи, степень нашего народнаго просвѣщенія, состояніе нашихъ финансовъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, долго не дозволятъ намъ сравняться съ Германіей даже въ ея теперешнемъ видѣ, не говоря уже о томъ какою она явится послѣ окончательнаго торжества своего надъ Франціей. Кто изъ здравомыслящихъ и непредубѣжденныхъ людей можетъ сомнѣваться что положеніе Россіи было несравненно выгоднѣе когда Франція стояла на ногахъ и могла внушать опасеніе объединяющейся и все вокругъ захватывающей Германіи? Мы вѣримъ въ судьбы нашего народа, мы надѣемся что Богъ поможетъ ему сохранить себя цѣлымъ и невредимымъ при всѣхъ кризисахъ какіе могутъ потрясать Европу, и при всякой борьбѣ которая можетъ предстоять ему; но, говоритъ пословица, на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Во всякомъ случаѣ, стыдно обманываться такъ чтобы минусъ принимать за плюсъ. Можно помириться со всякимъ неудобствомъ и освоиться со всякою опасностью, но надобно по крайней мѣрѣ знать ихъ размѣры и цѣну...

Политикъ съ громкимъ именемъ игриво издѣвается надъ органами необразованной черни которые опасаются „коварнаго Альбіона." Но веселый политикъ, въ своемъ добродушіи, не замѣчаетъ какую жалкую роль онъ играетъ повторяя то что не могло бы придти ему самому въ голову, еслибъ онъ, въ виду важности вопроса, далъ ей трудъ подумать серіозно. Онъ доходитъ до того что готовъ почти оспаривать самое участіе Англіи въ Восточной войнѣ. Вся отвѣтственность за Севастопольскій разгромъ лежитъ, по его мнѣнію, на Франціи; Англія же тутъ ни причемъ.

Много доводилось намъ встрѣчать куріозовъ въ нашей печати; но въ дѣлѣ куріозовъ мы идемъ, повидимому, crescendo, и Богъ знаетъ до чего еще дойдемъ...

Итакъ, исключительно вся отвѣтственность предъ Россіей за Севастопольскій раздѣлъ и Восточную войну падаетъ, по мнѣнію публициста *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (и его ли одного?), на Францію. Англія же совсѣмъ неповинна въ этомъ дѣлѣ. Обманутая жертва, она была, по неопытности, завлечена, ехидствомъ Наполеона искавшаго стяжаній на Востокѣ.

И это говорится о событіи которое происходило у всѣхъ на глазахъ! Вотъ какъ дурачатъ насъ, вотъ какъ водятъ насъ за носъ!

Мы понимаемъ что эти мнѣнія выгодно

теперь распространять Пруссакамъ и Англичанамъ чтобы подѣйствовать на нашу дипломатію; но, спрашивается, какое *собственное* побужденіе могутъ имѣть теперь русскіе люди въ невѣрномъ представленіи дѣлъ о которыхъ рѣчь? Изъ какихъ источниковъ можетъ произойти въ нихъ желаніе усилить всячески отвѣтственность Франціи за наши несчастія въ 1853—1855 годахъ и ослабить до нуля отвѣтственность Англіи.

Парижскій миръ былъ послѣдствіемъ несчастной для Россіи войны. Онъ былъ не выгоденъ для насъ, но онъ былъ лучшее изъ того что могло угрожать намъ въ ту пору. Заключеніемъ мира, — будемъ же справедливы, — хотя и невыгоднаго, но давшаго намъ возможность отдохнуть, собраться съ силами и предпринять въ послѣдствіи великія реформы, мы были обязаны не Англіи. Англія желала продолженія войны, ей хотѣлось довести Россію до крайняго истощенія силъ и принудить ее къ заключенію позорнаго и убійственнаго мира. Англіи было мало осилить насъ; ей хотѣлось отнять у насъ самую возможность подняться когда-нибудь на ноги. Англія хотѣла сдѣлать съ нами то что теперь хочетъ сдѣлать Пруссія съ Франціей; но эта послѣдняя настояла на заключеніи мира, котораго основанія были приняты на Вѣнской конференціи и подписаны Пруссіей.

Это не умозаключенія; это факты, о которыхъ всякій легко можетъ справиться. Рѣчь идетъ не о какомъ-либо спорномъ событіи изъ Вавилонской исторіи, а о томъ что происходило у насъ на глазахъ и о чемъ память запечатлѣна въ несомнѣнныхъ актахъ.

Но особенно интересно вотъ что: политикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* обязываетъ русскую публику радоваться пораженію Франціи, такъ какъ она угрожала нашему отечеству великою опасностію... Какою же?... Поднятіемъ Польскаго вопроса!.. Публицисты *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* озабочены Польскимъ вопросомъ: вотъ интересная новость! Нѣтъ никакого сомнѣнія что еслибы жива была *Вѣсть*, то и она точно также одушевилась бы въ эту минуту патріотическими опасеніями Польскаго вопроса. Мы убѣждены въ этомъ, ибо тѣ самые консервативные мужи которые и вдохновляли этотъ органъ и сами вдохновлялись имъ, теперь болѣе всего озабочены этимъ несчастнымъ Польскимъ вопросомъ, надъ которымъ вчера еще издѣвались они какъ надъ выдумкой du parti ultra-russe. Теперь наши *консерваторы*, заодно съ нашими либералами, только и рѣчи ведутъ что о Польскомъ вопросѣ, и не могутъ нарадоваться побѣдамъ Пруссіи надъ злокозненною Франціей которая угрожала намъ этимъ вопросомъ. Еслибы Франція, разсуждаетъ „земскій" публицистъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, одержала верхъ въ борьбѣ своей съ Пруссіей, то она подняла бы Польскій вопросъ. Озабоченный этимъ вопросомъ, онъ упустилъ изъ виду что борьба съ Пруссіей обладающею столь громадными военными средствами — не такое легкое дѣло чтобы воюющая съ нею держава захотѣла навязать себѣ въ добавокъ еще войну съ Россіей. Очень можетъ быть, и даже несомнѣнно, что Франція постаралась бы выдвинуть противъ Россіи батарею Польскаго вопроса, но конечно не въ томъ случаѣ еслибы Россія благопріятствовала ей.

Коль скоро Польскій вопросъ грозитъ Россіи опасностію, то и всякая держава съ которою намъ случится быть въ столкновеніи, пожелаетъ возбудить его. Да и одна ли Франція возбуждала его? Будетъ ли публицистъ съ „громкимъ именемъ" отрицать участіе Англіи въ возбужденіи Польскаго вопроса въ 1863 году? Мы совѣтуемъ ему справиться съ актами этого года и побесѣдовать съ людьми свѣдущими, и онъ убѣдится что въ 1863 году Польскій вопросъ былъ поднятъ преимущественно Англіей. Это былъ одинъ изъ ловкихъ маневровъ англійской политики которая была встревожена начинавшимся тогда сближеніемъ между Россіей и Франціей на Востокѣ, и маневръ этотъ удался отлично.

Итакъ, если Польскій вопросъ представляетъ для Россіи великую опасность, если онъ такъ важенъ что имъ должно опредѣляться европейское положеніе нашего отечества, если онъ такъ грозенъ что мы должны желать конечнаго паденія одной изъ великихъ державъ Европы потому только что она поднимала этотъ вопросъ, то не слѣдовало ли бы этимъ господамъ изъ всѣхъ силъ заботиться о его разрѣшеніи? Надобно чтобъ этого вопроса вовсе не было, если возбужденіе его такъ пагубно. Если вопросъ этотъ остается, то его можетъ поднять всякій кому это понадобится. Его можетъ поднять Англія, которая уже и под-

нимала его, и Австрія, которая тоже участвовала въ его поднятіи, и наконецъ сама Пруссія, потому что въ ея собственныхъ владѣніяхъ Польскій вопросъ есть уже поконченное дѣло.

Теперь мы спрашиваемъ нашихъ консерваторовъ и нашихъ радикаловъ, для чего же они, вмѣсто того чтобы способствовать благополучному разрѣшенію этого вопроса, постоянно дѣлали все возможное чтобы сохранить это готовое оружіе всякой вражды противъ Россіи?

Замѣтьте еще: когда принимались мѣры къ рѣшенію Польскаго вопроса, надъ нимъ смѣялись какъ надъ выдумкой ультра-русской партіи; теперь вдругъ онъ пріобрѣлъ значеніе великой для Россіи опасности; за то теперь смѣются надъ остзейскимъ вопросомъ какъ надъ выдумкой той же ультра-русской партіи.

Б.

Полученныя нами сегодня газеты содержатъ точный списокъ членовъ временнаго правительства, которыхъ послѣдній переворотъ вынесъ на вершину Франціи. Правительство это свободно отъ тѣхъ элементовъ парижской уличной демагогіи, на вторженіе которой, повидимому, указывали телеграммы, упоминавшія даже имя г. Рошфора *). Во главѣ его поставленъ генералъ Трошю, по общему сознанію, лучшій авторитетъ въ военномъ дѣлѣ, что и требуется болѣе всего въ настоящую минуту; сверхъ того онъ успѣлъ составить себѣ репутацію человѣка честнаго и энергическаго, не подчиняющагося духу партій. Собственно въ его рукахъ и сосредоточивается повидимому вся власть, и товарищи его, члены временнаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министры, на время войны очевидно будутъ исполнителями его воли. Имена ихъ большею частію извѣстны европейской публикѣ, и каковы бы ни были ихъ убѣжденія, они въ послѣднее время дѣйствовали умѣренно, и сдерживали порывы такъ-называемыхъ „непримиримыхъ.“ Самый вліятельный изъ нихъ въ послѣдніе дни имперіи былъ г. Эрнестъ Пикаръ, который отложился отъ крайней лѣвой и образовалъ особую группу „новой лѣвой“, то-есть династической оппозиціи, и въ то время общественное мнѣніе, какъ сообщали наши парижскіе корреспонденты, прочило его на мѣсто г. Эмиля Олливье, несостоятельность котораго становилась уже очевидною. Другой вліятельный членъ временнаго правительства г. Гамбетта, въ короткое время успѣвшій составить себѣ репутацію лучшаго оратора въ палатѣ; не задолго до войны онъ изумилъ собраніе своею рѣчью, въ которой высказалъ свои республиканскія убѣжденія съ такою умѣренностію, такъ энергически возставалъ противъ всякаго насильственнаго переворота, что монархическое и имперіалистское большинство палаты выслушало его въ глубочайшемъ молчаніи и не призывало къ порядку, какъ дѣлало оно всегда при каждомъ возгласѣ крайней лѣвой стороны противъ имперіи. Замѣтимъ также что въ ночь съ 3-го на 4-е сентября г. Гамбетта остановилъ мятежъ, и онъ же убѣждалъ толпу разойтись, когда она ворвалась въ зданіе законодательнаго корпуса въ засѣданіи 4-го сентября. Изъ прочихъ членовъ временнаго правительства пользуются также отличною и заслуженною репутаціей гг. Жюль Фавръ, Жюль Симонъ и Кремьё; первый ученый адвокатъ и знаменитый ораторъ; вступленіе свое въ должность министра иностранныхъ дѣлъ онъ ознаменовалъ циркуляромъ, который произвелъ благопріятное впечатлѣніе умѣренностью и достоинствомъ тона. Г. Жюль Симонъ, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія, серіозный ученый, много потрудившійся для народнаго образованія; г. Кремьё, бывшій министромъ юстиціи въ 1848 году, извѣстенъ какъ свѣдущій и опытный юристъ, весьма уважаемый своимъ сословіемъ.

Соединенные Штаты встрѣтили съ сочувствіемъ перемѣну правительства во Франціи, какъ намъ то извѣстно изъ вчерашнихъ телеграммъ. Заявленіе о сочувствіи со стороны правительства и народа Соединенныхъ Штатовъ и напоминовеніе о традиціонной дружбѣ ихъ ко Франціи, не лишено значенія, и служитъ лучшимъ опроверженіемъ сообщеній, которыя мы безпрестанно читаемъ въ нѣмецкихъ газетахъ, будто бы повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ выражаются сочувствія Пруссіи и желанія успѣха ея оружію.

---

*) Г. Рошфоръ участвуетъ не въ министерствѣ, а въ комитетѣ обороны Парижа, въ который онъ вошелъ въ качествѣ депутата города Парижа, наравнѣ со всѣми столичными депутатами.

№ 187.

Москва, 31-го августа.

А.

„Tout est perdu fors... la vie“, могъ бы сказать Наполеонъ III, пародируя знаменитыя слова другаго государя Франціи, который также былъ вынужденъ сдаться, но у котораго шпагу непріятельскій полководецъ принялъ стоя на колѣняхъ. „Наполеоны не умѣютъ умирать“, отозвалось съ разныхъ концовъ въ европейской печати ошеломленной Седанскою катастрофой. И въ самомъ дѣлѣ какъ трудно было найти смерть тому кто искалъ ея посреди побоищъ, длившихся нѣсколько дней вокругъ Седана!

Но пусть все потеряно, лишь бы не жизнь. Все прочее можетъ вернуться, великодушный побѣдитель возвратитъ честь, возвратитъ быть-можетъ и достояніе...

Пусть Франція думаетъ что хочетъ о чудесномъ спасеніи своего императора посреди ужасной битвы въ которой тысячами падали люди. У него есть сильная защита. За него вступается офиціальный органъ прусскаго правительства, и спѣшитъ оградить его репутацію отъ всякихъ сомнѣній и недоразумѣній. *Staats-Anzeiger* извѣщаетъ что, „по *достовѣрнымъ* „свѣдѣніямъ и даже по словамъ *очевид*-„*цевъ*, императоръ Наполеонъ, въ битвѣ „подъ Седаномъ, *подвергался выстрѣ*-„*ламъ*“. *Staats-Anzeiger*, какъ видно, производилъ объ этомъ болѣе или менѣе формальное слѣдствіе: свѣдѣнія собраны и взвѣшены, свидѣтели спрошены, и слѣдователь объявляетъ что „намѣреніе императора Наполеона *найти смерть* не под-„лежитъ *никакому сомнѣнію*“.

Странное дѣло! Въ послѣднее время вообще совершенно измѣнился тонъ нѣмецкой печати о Наполеонѣ III. Объ извергѣ, объ исчадіи ада который развратилъ и погубилъ Францію, уже нѣтъ болѣе помину. За то предъ нами является избранникъ народа, со священнымъ помазаніемъ на челѣ и предъ нимъ преклоняется Германія. Вчера французскій народъ возставалъ противъ нечестиваго и злокозненнаго узурпатора; сегодня его приглашаютъ чтить въ немъ свой выборъ. Демонъ разврата того гляди превратится въ генія свѣта; виновникъ всѣхъ золъ станетъ deliciae generis humani. Исконный врагъ Германіи, нарушитель мира уже не Бонапартъ,—нѣтъ, а французскій народъ, который можетъ тоже стать добрымъ народомъ, но не иначе какъ посредствомъ нѣкоторыхъ ампутацій. А между тѣмъ война начиналась не съ народомъ французскимъ, какъ было торжественно сказано въ прусской прокламаціи, гдѣ онъ названъ „миролюбивымъ“, а съ Наполеономъ. Вотъ какія быстрыя совершаются превратности. Невольно приходитъ на мысль странное предположеніе. Не помышляютъ ли Пруссаки возвратить на престолъ Франціи прославляемаго ими „избранника“ ея, плѣннаго Наполеона III? Къ чему бы иначе эта поспѣшность, это замѣчательное усердіе съ какимъ не только офиціозные органы, но и чисто-офиціальный *Staatsanzeiger* беретъ на себя защиту репутаціи Наполеона III? Разчетъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ бы не дуренъ. Франція, обрѣзанная и обезсиленная, съ возстановленнымъ Пруссаками императоромъ была бы просто вассальнымъ владѣніемъ Германіи.

Послушайте напримѣръ что говоритъ *Hamburgische Börsenhalle:* „Въ политическомъ отношеніи совершившаяся въ „Парижѣ перемѣна правительства есть „рѣшительное затрудненіе. Временное пра-„вительство есть созданіе отчаянной па-„рижской причуды (verzweifelte Pariser-„Laune); оно не признано *ни французскимъ народомъ* (то ли дѣло прохлаждающійся въ Вильгемсгёэ избранникъ Франціи!) ни иностранными державами; оно „не имѣетъ полномочія вступать съ побѣдителемъ въ переговоры или принять обязательства; оно каждую минуту можетъ „быть низвергнуто. Съ кѣмъ должны мы „заключать миръ? Съ правительствомъ ли „лишеннымъ всякой законности (Legitimation), или съ фактически низложеннымъ „императоромъ? Въ первомъ случаѣ угрожаетъ намъ опасность что народъ *не „признаетъ* принятыхъ этимъ правительствомъ обязательствъ; во второмъ случаѣ намъ предстоитъ затрудненіе возстановить на престолѣ государя, котораго подданные не хотятъ... *Qui vivra „verra!*“

О томъ что французскій народъ пожалуй „не признаетъ“ обязательствъ принятыхъ этимъ государемъ, — нѣтъ и рѣчи. Нѣмецкій народъ, всегда „лояльный и вѣрный“, не допуститъ чтобы французскій

народъ отказался отъ своего „избранника". Недаромъ полученный на дняхъ нумеръ *Крестовой Газеты* издѣвается надъ легкостью съ какою французская нація въ третій разъ отказалась отъ своихъ избранниковъ, Наполеона I и Наполеона III...

Но мы спрашиваемъ напримѣръ хоть *С.-Петербургскія Вѣдомости* что станется тогда съ привѣтствуемою ими въ Седанѣ отместкой за Севастополь и за Польшу?

Пока мы пишемъ эти строки приходятъ новыя заявленія. Та же самая *Börsenhalle*, переименованная въ утреннемъ изданіи своемъ въ *Hamburgischer Correspondent*, уже спѣшитъ выяснить приведенные выше намеки. Смертельный ударъ столицѣ Франціи надобно-де нанести такъ скоро чтобы „новые правители не успѣли стать на твердую ногу и съ ними вмѣстѣ была бы раздавлена задуманная ими попытка *спасти* „*Францію* путемъ втораго изданія революціи 1792 года." И эта поспѣшность, какъ видно, есть настоятельнѣйшая потребность не столько военныхъ какъ политическихъ комбинацій. Быстрота эта необходима, потому что если „Парижъ будетъ разгромленъ въ подобающій моментъ, „то возстановленіе Наполеона III на престолѣ,—*а онъ одинъ подпишетъ миръ въ „томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ нуженъ* „(und dieser *allein* würde den Frieden, *wie* „wir ihn brauchen, unterzeichnen),—могло „бы быть совершено безъ напряженія и „по призыву провинціи..." А вотъ, какъ разъ, будто въ подтвержденіе этого „призыва провинціи," прусскія депеши уже спѣшатъ сообщить изъ Касселя что „къ „секретарю Наполеона, Піетри, въ Вильгемсгёэ, *поступаютъ въ большомъ числѣ „письма изъ Франціи...*"

B.

Трудно повѣрить, а между тѣмъ это фактъ находящійся у всѣхъ на глазахъ. Тѣ самые петербургскіе кружки, та самая часть петербургской журналистики, которые полагали всю свою душу на то чтобы затормозить и испортить исполненіе рѣшеній русскаго правительства по польскому дѣлу, которые увѣряли русскую публику будто все значеніе этого вопроса существуетъ лишь въ разстроенномъ воображеніи ультра-русской партіи, теперь проповѣдуютъ что польское дѣло имѣетъ величайшую важность для русской политики. По словамъ этихъ господъ, уже теперь прикованныхъ къ побѣдной колесницѣ Пруссіи, значеніе Польскаго вопроса такъ велико что онъ одинъ долженъ опредѣлять всѣ отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ. Какъ въ сороковыхъ годахъ увѣряли что все зло Польскаго вопроса истекаетъ изъ польской эмиграціи, такъ теперь стараются убѣдить что онъ поддерживается не нашими недочетами, а Франціей.

Кстати указать теперь на то что сдѣлалось на практикѣ изъ важной сулившей столько добра мѣры о допущеніи русскаго языка въ римско-католическомъ дополнительномъ богослуженія.

До нынѣшняго года на отправленіи дополнительнаго католическаго богослуженія по-русски лежалъ формальный запретъ правительства, но въ то же время оно поощряло наградами католическихъ священниковъ западнаго края разрывавшихъ неестественную связь мѣстнаго католицизма съ полонизмомъ. Этого косвеннаго разрѣшенія и искреннихъ стараній двухъ-трехъ мѣстныхъ представителей администраціи было достаточно чтобы важное дѣло изгнанія польскаго владычества изъ костела пошло быстрыми шагами къ успѣху. Приходъ за приходомъ отнимались у полонизма, и подобающее русскому языку въ публичномъ богослуженіи мѣсто возстановлялось. При этомъ не встрѣтилось никакихъ затрудненій даже въ глубинѣ Жмуди, въ Россіенскомъ уѣздѣ. Въ Вильнѣ нашлись переводчики и издатели римско-католическихъ богослужебныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, хотя не задолго предъ тѣмъ увѣряли что такихъ переводчиковъ не будетъ, что никто не осмѣлится издать въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ католическую книгу. Наконецъ самъ генералъ-губернаторъ сталъ ходатайствовать о замѣнѣ польскаго текста русскимъ въ католическомъ требникѣ.

Въ началѣ текущаго года дѣло это измѣнилось; правительство рѣшилось освободить русскій языкъ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ запрета: иновѣрцамъ разрѣшено свободное отправленіе ихъ богослуженія по-русски. Мало того, администраціи предписано озаботиться примѣненіемъ этого разрѣшенія по отношенію къ западному краю. И что же вышло? Администрація объявила прихожанамъ Высочайшую

волю чрезъ мѣстныя гражданскія власти и чрезъ мѣстное римско-католическое церковное начальство, но объявила оную съ разными дополненіями. Циркуляры генералъ-губернаторовъ повторили и въ свою очередь еще болѣе дополнили министерское распоряженіе. Въ какомъ смыслѣ это сдѣлано—всѣмъ извѣстно. Отъ прихожанъ потребовали письменныхъ заявленій что они дѣйствительно желаютъ слушать дополнительное богослуженіе по-русски. Постановлено чтобъ эти заявленія проходили цѣлую лѣстницу инстанцій: отъ мироваго посредника или исправника, чрезъ губернатора, генералъ-губернатора и министерскій департаментъ до министра. Менѣе извѣстны дополненія Высочайшей воли сдѣланныя при объявленіи ея римско-католическому духовенству. Мы знаемъ, однако, положительно что кромѣ длинной серіи гражданскихъ инстанцій установленъ для разсмотрѣнія этихъ заявленій еще цѣлый рядъ инстанцій духовныхъ. По крайней мѣрѣ вотъ какъ передаетъ установленный порядокъ церковныхъ инстанцій одинъ изъ главныхъ римско-католическихъ іерарховъ въ Россіи:

„Начальники епархіи, усмотрѣвъ пользу введенія этой мѣры въ данной мѣстности или въ случаѣ поступленія къ нимъ ходатайствъ отъ приходскаго духовенства о разрѣшеніи ввести русскій языкъ въ проповѣди и дополнительное богослуженіе, будутъ представлять свои соображенія и заключенія по всѣмъ таковымъ ходатайствамъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.“ Итакъ право прихожанъ отказаться отъ навязаннаго имъ польскаго языка поставляется въ зависимость отъ соображеній начальника подлежащей епархіи!

Читателямъ уже извѣстно что послѣ помянутой, въ пользу русскаго языка принятой, мѣры правительства русскій языкъ не только пересталъ распространяться, но сталъ уступать полонизму свои недавнія пріобрѣтенія, какъ случилось въ Россіенскомъ уѣздѣ, гдѣ епископъ Волончевскій запретилъ русскій языкъ въ двухъ приходахъ въ которыхъ онъ уже былъ въ употребленіи. Отождествленіе католицизма съ польскою народностію пріобрѣло даже какъ бы законное основаніе для многихъ приходовъ чрезъ отсутствіе въ нихъ заявленій прихожанъ о введеніи русскаго богослуженія, ибо молчаніе прихожанъ въ краѣ русскомъ толкуется въ пользу языка польскаго.

Польская партія широко воспользовалась новыми обстоятельствами. Мало того что она получила случай высказаться за польскую народность въ краѣ, она произвела еще болѣе печальныя явленія. Въ иныхъ приходахъ возникалъ вопросъ о русскомъ языкѣ, но это служило поводомъ къ постановленіямъ отвергавшимъ русскій языкъ и какъ бы вдвойнѣ высказывавшимся за торжество польскаго.

Читателямъ нашей газеты извѣстенъ не одинъ подобный случай. Въ настоящее время мы получили возможность сообщить поразительный исходъ заявленія поданнаго въ Родомысльскомъ приходѣ Могилевской губерніи. Прихожане просили о разрѣшеніи совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Заявленіе ихъ поступило въ гражданскія инстанціи и достигло высшей изъ нихъ. Министръ далъ разрѣшеніе отправлять богослуженіе по-русски, но оно оказалось недѣйствительнымъ, и вотъ какъ это случилось.

Отъ могилевской консисторіи былъ посланъ въ Родомысльскій приходъ римско-католическій деканъ. Казалось что на немъ лежала обязанность укрѣпить прихожанъ въ ихъ добромъ намѣреніи, но деканъ повелъ дѣло иначе. Онъ воспользовался своимъ офиціальнымъ положеніемъ чтобы составить и подписать формальные акты противъ заявленнаго прихожанами желанія. Изъ Родомысля полетѣли протесты въ духовныя инстанціи. Прихожане писали что они считаютъ себя не въ правѣ дѣлать заявленія относительно богослуженія и, *не зная церковныхъ законовъ руководить своихъ пастырей.* Ссылались на то что въ Родомыслѣ какъ-то не такъ читали циркуляръ, что тамъ не поняли его; писали, какъ видится, что находятъ неправильнымъ способъ объявленій и дѣйствій гражданской власти.

Было бы скучно слѣдить за всѣми хитросплетеніями этой переписки. Достаточно сказать что среди Могилевской губерніи, гдѣ, какъ достовѣрно извѣстно, большинство католиковъ вовсе не понимаютъ по-польски, формальнымъ предписаніемъ епископа узаконено богослуженіе на польскомъ языкѣ, вопреки министерскому рѣшенію. Если не ошибаемся, духовныя власти даже не почли нужнымъ умолчать о томъ что „консисторіи предписано оставить въ Ро-

„домысльском приходѣ издревле (?) за„веденный порядокъ богослуженія.“

Одинъ изъ римско-католическихъ іерарховъ цитуя безъ возраженій мнѣніе родомысльскихъ прихожанъ, самъ заявляетъ что они, „не зная церковныхъ законовъ, „не могутъ руководить своихъ пастырей,“ и что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не прихожанами, а римско-католическимъ духовенствомъ. Въ то же время католическія консисторіи рѣшительно запрещаютъ своему духовенству отправлять по-русски дополнительное богослуженіе безъ формальнаго и всѣми инстанціями одобреннаго заявленія прихожанъ.

Вскорѣ послѣ опубликованія Высочайшей воли циркулярами генералъ-губернаторовъ, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* было объявлено что отпечатанный римско-католическій ритуалъ съ русскимъ текстомъ разосланъ по мѣстному духовенству. Объявленіе заставляло ожидать что для распространенія русскаго языка дано новое средство, а между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней послѣ помянутаго объявленія католическая консисторія формально запретила свободное пользованіе русскимъ требникомъ. Вотъ подлинный текстъ запрещенія:

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Виленской римско-католической духовной консисторіи N— декану. Консисторія слушали: предложеніе г. управляющаго епархіею отъ 27-го сего марта, за № 701 о томъ, что какъ присланные его высокопреподобію г. главнымъ начальникомъ края отъ 8-го сего марта за № 2807 экземпляры требника (Rituale sacramentorum) съ замѣною въ немъ польскаго текста русскимъ переданы въ консисторію для разосланія и врученія духовенству, то въ дополненіе предписанія своего-его высокопреподобіе нужнымъ считаетъ присовокупить что этотъ требникъ *не долженъ быть* введенъ въ употребленіе какъ только тогда, когда на основаніи переданнаго въ консисторію указа духовной коллегіи отъ 18-го прошлаго февраля за № 467 будетъ соотвѣтственно нуждѣ данной мѣстности *желаніе прихожанъ на введеніе русскаго языка* когда будетъ признана польза этой мѣры и послѣдуетъ окончательное правительственное на то утвержденіе. О чемъ консисторія обязана поставить въ извѣстность надлежащимъ образомъ все духовенство, справка: присланные при предложеніи г. управляющаго епархіею отъ 10-го сего марта за № 525 экземпляры новоотпечатаннаго требника при указѣ консисторіи разосланы 18-го марта деканамъ для врученія духовенству подъ росписки. Приказали: о содержаніи настоящаго предложенія дать знать вамъ въ дополненіе указа отъ 18-го марта за N— для объявленія вашему духовенству при врученіи означенныхъ требниковъ. Марта 30-го дня 1870 года. Подписали: ассесоръ прелатъ Тупальскій, секретарь Паразинскій, столоначальникъ Родзевичъ.

Итакъ если прихожане не могутъ просить о русскомъ богослуженіи, ибо оно есть дѣло ихъ пастырей, а пастыри же не смѣютъ приступить къ нему безъ формально разсмотрѣнныхъ заявленій отъ прихода, то вопросъ, очевидно, сводится на *нѣтъ*. Торжество для польскихъ интересовъ полное. Они не только отвели ударъ, грозившій обратить въ призракъ всѣ польскія притязанія на западный край, но еще упрочили прежніе порядки, сдѣлавъ выходъ изъ нихъ невозможнымъ ни для прихожанъ, ни для духовенства.

Кого же можемъ мы винить въ подобномъ оборотѣ дѣлъ? Что̀ могутъ прибавить къ нему какія бы то ни было симпатіи Франціи, которая и на верху своего могущества извѣдала въ 1863 къ чему можетъ повести вмѣшательство въ польское дѣло которое во всѣхъ смыслахъ есть наше внутреннее руское дѣло...

№ 188.

Москва, 1-го сентября.

Въ виду фальшивой агитаціи которою хотятъ увлечь общественное мнѣніе въ Россіи, разчитывая на его забывчивость и несообразительность, не худо припомнить обстоятельства Восточной войны въ 1853—1855 гг.

Всѣмъ извѣстно что для союзниковъ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ послужилъ лишь предлогомъ. Лучшее тому доказательство тотъ куріозный фактъ что о Святыхъ Мѣстахъ даже не упомянуто въ мирномъ трактатѣ положившемъ конецъ Восточной войнѣ. Истинныя причины нашлись, слѣдовательно, въ иныхъ побужденіяхъ, которыя не только не забыты въ Парижскомъ трактатѣ, но составляютъ самую существенную часть его. Въ

чемъ же заключается существенная часть этого трактата? Въ нейтрализацiи Чернаго моря, въ замѣнѣ исключительнаго покровительства Россiи надъ православными подданными Турцiи покровительствомъ всей Европы, въ запрещенiи Россiи, по уничтоженiи ея черноморской твердыни и черноморскаго флота, сооружать новыя крѣпости и созидать новый флотъ въ Черномъ морѣ. Спрашивается: кому, Францiи или Англiи, могли быть выгодны эти результаты кровопролитной войны? Въ маѣ 1868 года, министръ Наполеона III, г. Руэръ, торжественно сознавался предъ законодательнымъ корпусомъ что „*со времени* Восточной войны французскiй „торговый флотъ не въ состоянiи выдер-„живать соперничество съ англiйскимъ". Если даже допустить что Францiи было нужно оспаривать преобладанiе Россiи на Востокѣ, то все же никакихъ выгодъ не предстояло ей въ замѣнѣ русскаго преобладанiя англiйскимъ.

Вотъ результаты Крымской войны; посмотримъ теперь какiе разчеты могла имѣть въ виду Англiя при началѣ этой войны.

Извѣстны опасенiя внушенныя Англiи вступленiемъ Лудовика-Наполеона на престолъ Францiи. Лордъ Пальмерстонъ, который первый во всей Англiи постигъ какъ легко Наполеонъ III могъ сдѣлаться пригоднымъ орудiемъ англiйской политики, за поощренiе, даже за одно одобренiе переворота 2-го декабря, былъ буквально изгнанъ изъ министерства. Но вскорѣ его убѣжденiя стали распространяться въ правительственныхъ классахъ Англiи. Общественное мнѣнiе этой страны обрадовалось случаю сдѣлать союзникомъ Англiи грознаго сосѣда, въ которомъ она сначала видѣла неизбѣжнаго мстителя за Ватерлоо. И чего же лучше, казалось, можно было желать какъ обратить всѣ силы этого новаго и нежданнаго союзника противъ державы уже давно ставшей предметомъ опасенiй и ненависти англiйской политики? И вотъ эта хитрая политика пользуется случаемъ поднять другъ противъ друга двѣ державы, коихъ союзъ всегда былъ признаваемъ англiйскими политиками за величайшую опасность какая только могла угрожать интересамъ Англiи. Столкновенiе между Францiей и Россiей, и притомъ на почвѣ Восточнаго вопроса, могло быть полезно одной Англiи: на ея долю выпадала прiятная роль адвоката въ извѣстной баснѣ *L'Huitre et les Plaideurs*. При успѣхѣ союзниковъ, для Англiи открывалась возможность уничтожить русскiй флотъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишить французскiй флотъ единственнаго союзника, съ помощiю коего Францiя, при случаѣ, могла бы поспорить съ морскимъ могуществомъ Англiи. Подъ видомъ безкорыстной заботливости о независимости Турецкой имперiи, Англiя могла не только утвердить свое господство въ Средиземномъ морѣ, но и осуществить свою давнюю мечту о присоединенiи къ военно-морскимъ позицiямъ въ Гибралтарѣ и въ Мальтѣ какихъ-нибудь новыхъ твердынь въ моряхъ Грецiи или въ Черномъ морѣ.

Лондонскiй кабинетъ вскорѣ убѣдился въ возможности осуществить всѣ эти соображенiя при помощи новаго правительства во Францiи, которое съ самаго начала отдѣлило свой династическiй интересъ отъ интересовъ страны и поэтому нуждалось въ политикѣ внѣшнихъ приключенiй, въ блескѣ военной славы, въ удовлетворенiи армiи жаждавшей побѣдъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нуждалось въ благовидномъ предлогѣ къ войнѣ, который скрылъ бы его династическiе разчеты подъ завѣсой какой-нибудь величавой и безкорыстной комбинацiи высшей политики. Такова была обстановка, посреди которой Наполеонъ III сразу и *сознательно* согласился сдѣлаться орудiемъ англiйской политики на Востокѣ. Торжество мнѣнiй лорда Пальмерстона въ Англiи рѣзко обнаружилось внезапною перемѣной тона отзывовъ англiйской печати о Наполеонѣ III. Едва минуло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взрывовъ негодованiя противъ виновника переворота 2-го декабря, какъ похитителя льготъ и престола Францiи, англiйскiе политики уже открываютъ въ немъ неслыханныя доблести, величаютъ его „Великимъ" и превозносятъ въ немъ спасителя Францiи и цѣлой Европы отъ ужасовъ революцiи. Сигналъ къ этому неожиданному повороту подалъ *Morning Herald*, за нимъ послѣдовалъ *Morning Post*, и вскорѣ вся англiйская печать превзошла въ этомъ отношенiи даже подобострастiе французской офицiозной печати, и газета *Times* дошла до того что бросила камнемъ въ свободныя учрежденiя Англiи дабы вы-

ставить свое почтеніе къ безконтрольной диктатурѣ установившейся во Франціи со 2-го декабря 1851 года. Англійская печать усиленно высказывала свое сочувствіе къ деспотизму Наполеона и всячески старалась укрѣпить и упрочить его власть. Англійскіе публицисты хорошо понимали что только при этомъ самовластіи обреченномъ заботиться только о себѣ, хотя бы и въ ущербъ странѣ, лишенной имъ всякой возможности знать истину и заявлять свои потребности, возможно было увлечь Францію въ столь противную ея истиннымъ интересамъ войну. Внезапно начавшееся систематическое подобострастіе Англіи къ Наполеону III не ограничилось нѣкоторыми органами. Оно быстро распространилось на всѣ правительственные классы Англіи, и обѣ великія партіи дѣйствовали въ этомъ отношеніи совершенно согласно. Сама королева признала нужнымъ дать послу своего новаго союзника такое свидѣтельство своего благоволенія какого не доставалось другимъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Лондонѣ: королева почтила своимъ присутствіемъ балъ графа Валевскаго.

Дальнѣйшія подробности должны быть памятны всякому кто слѣдилъ въ то время за ходомъ событій. Припомнимъ лишь нѣкоторые факты. Первое рѣшительное требованіе Франціи отъ Турціи о дарованіи преимуществъ римскимъ католикамъ въ Іерусалимѣ, предъявлено французскимъ пароходомъ *Шарлеманъ*, который, вопреки трактатамъ, прорвался къ самой набережной Золотаго Рога съ заряженными орудіями. Что же сказала Англія объ этомъ вопіющемъ пренебреженіи всѣхъ уставовъ международнаго права, объ этомъ поистинѣ диктаторскомъ обхожденіи съ Турціей, самостоятельность которой такъ заботила Англію? „Предъ всѣми этими дѣйствіями пре„возмогающей силы,“ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ меморандумъ графа Нессельроде отъ 21-го февраля 1853, „Англія сохра„нила безусловное молчаніе. Она не сдѣ„лала ни предложеній защиты Портѣ, ни „замѣчаній французскому правительству.“ Но въ разчеты англійской политики вовсе не входило преждевременно раскрыть предъ Россіей свою игру. На первыхъ порахъ она старается успокоить неудовольствіе и усыпить встревоженное недовѣріе русскаго правительства. „Ваше Величество можете „быть увѣрены,“ говоритъ сэръ-Гамильтонъ Сеймуръ императору Николаю Павловичу, „что послѣднія уступки латинамъ „никакъ нельзя приписать дурному рас„положенію къ вамъ (mauvais vouloir pour „vous)“ *). Но этого кажется недостаточнымъ. Нѣсколько дней спустя тотъ же дипломатъ вдругъ сообщаетъ графу Нессельроде что Англіей уже давно сдѣланы Франціи надлежащія замѣчанія, и императоръ Николай I благодаритъ за нихъ англійское правительство **).

Англійскому правительству было необходимо не только сбросить на Францію всю отвѣтственность за предстоявшую войну, но и удержать поколебленное довѣріе къ нему русскаго правительства. Это было вполнѣ достигнуто. Императоръ Николай призналъ нужнымъ сговориться съ Англіей о совокупномъ дѣйствіи на Востокѣ, съ исключеніемъ Франціи изъ предположенной комбинаціи. Какое употребленіе было сдѣлано изъ этихъ, глазъ-на-глазъ происходившихъ, довѣрчивыхъ откровеній императора Николая Павловича? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что эти секретныя объясненія англійскій посолъ, въ донесеніи своему правительству, изложилъ съ явными преувеличеніями и недоброжелательствомъ къ Россіи. Затѣмъ депеша сэръ-Гамильтона о тайныхъ предложеніяхъ императора Николая, коими Франція безусловно и презрительно, судя по изложенію автора депеши, исключалась изъ сдѣлки, немедленно передана Лондонскимъ кабинетомъ въ руки Парижскому, съ разрѣшеніемъ дать ей, въ свое время, надлежащую гласность для возбужденія общественнаго мнѣнія Франціи противъ Россіи.

Можно ли сомнѣваться что душою заготовлявшейся войны „былъ коварный Альбіонъ?“ Но это не все. Когда русскій государь такъ откровенно развивалъ, въ конфиденціальномъ разговорѣ, конечно весьма не лестный для Франціи планъ, о которомъ немедленно было сообщено въ Парижъ, въ то самое время, полагаясь на дружбу Англіи и убѣдясь что съ Турціей, послѣ примѣра поданнаго не только Франціей, но даже и Австріей ***), нельзя дѣйствовать

*) См. письмо сэръ-Гамильтона Сеймура къ лорду Джону Росселю отъ 22-го февраля 1853 года.

**) См. напечатанное во всѣхъ газетахъ 1854 года конфиденціальное письмо сэръ-Гамильтона Сеймура къ лорду Кларендону отъ 10-го марта 1853.

***) Подъ предлогомъ защиты Черногорцевъ и опасеній за собственную границу, а въ сущности

иначе какъ повелительно, русское правительство отправило въ Константинополь князя Меньшикова. Русскій чрезвычайный посолъ прибылъ въ Константинополь 28-го февраля 1853. Всѣмъ извѣстно къ какому нескончаемому ряду нареканій на Россію подалъ поводъ этотъ шагъ ея правительства, ославленный какъ вопіющее посягательство противъ самостоятельности Оттоманской имперіи. Этотъ „шагъ“ ничего не значитъ въ сравненіи не только съ выходкой *Шарлеманя*, но и съ чрезвычайною миссіей Лейнингена; однако даже второстепенный англійскій агентъ, какъ полковникъ Розъ, счелъ уже себя въ правѣ призвать въ воды Греціи крейсеровавшую въ Средиземномъ морѣ эскадру адмирала Дундаса. Такъ все уже было подготовлено, такъ всѣ роли были розданы и заучены! Англія, вполнѣ заслужившая упрекъ Россіи въ потворствѣ насильственной выходкѣ дипломатовъ *Шарлеманя*, признала посольство князя Меншикова, коего мнимый *ultimatum* былъ обсуждаемъ, измѣняемъ и исправляемъ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, за достаточный поводъ къ рѣшительному образу дѣйствій. Политика Пальмерстона выступила совсѣмъ на первый планъ; всѣ англійскія газеты, заодно съ ними общественное мнѣніе, и обѣ палаты разразились ничѣмъ уже не сдержанными ругательствами противъ Россіи и противъ колебавшихся членовъ министерства лорда Эбердина.

И съ чего поднялся весь этотъ гамъ? Россія, *на основаніи трактатовъ*, требовала отъ Порты: 1) чтобы въ Іерусалимѣ былъ возстановленъ порядокъ существовавшій уже 60 лѣтъ и измѣненный вслѣдствіе настояній Франціи безъ вѣдома Россіи, и 2) чтобы права православныхъ подданныхъ Турціи не подвергались безпрестаннымъ колебаніямъ. Что̀ тутъ было новаго? Что̀ тутъ было насильственнаго, особенно въ сравненіи съ недавними дѣйствіями Франціи и Австріи? Во всякомъ случаѣ, дѣло касалось прямо Франціи, а не Англіи; но Англія еще горячѣе чѣмъ Франція приняла это дѣло къ сердцу.

И все-таки 15-го апрѣля 1853 года „Государь Императоръ объявляетъ,“ какъ сказано въ нотѣ графа Нессельроде отъ того же числа, „о своей готовности дѣйствовать заодно съ Англіей къ продолженію существованія Оттоманской имперіи... Его Величество принимаетъ данное „ему завѣреніе о *безусловномъ довѣріи* „*англійскаго правительства*, и надѣется „что на этомъ основаніи его *союзъ съ Англіей* не можетъ *не упрочиться*.“ Дѣйствительно, до 18-го апрѣля, по увѣренію самого сэръ-Гамильтона, Россія еще не двигала „ни одного корабля и ни одного батальйона.“ Только 31-го мая, послѣ трехмѣсячныхъ упорныхъ отказовъ Турціи подтвердить права признанныя трактатами, императоръ Николай заговорилъ о возможности занятія Дунайскихъ княжествъ въ случаѣ если его долготерпѣніе будетъ обмануто, но о рѣшеніи сдѣлать этотъ шагъ не было и рѣчи. Между тѣмъ, того же 31-го мая, Друэнъ-де-Люисъ писалъ французскому послу въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на сообщенные послѣднимъ рѣшительные авансы Лондонскаго кабинета: „Рѣчь, съ какою обратился къ вамъ лордъ „Кларендонъ, положеніе принятое имъ „предъ палатой лордовъ, а лордомъ Джономъ Росселемъ предъ палатой общинъ, „наконецъ тенденціи общественнаго мнѣнія, столь ясно выраженныя его главнѣйшими органами, доказываютъ что въ кризисѣ вызванномъ на Востокѣ Петербургскимъ кабинетомъ *правительство ея „британскаго величества желаетъ сговориться* съ императорскимъ правительствомъ, дабы предупредить опасности „которыми грозитъ европейскому равновѣсію нападеніе на Оттоманскую имперію...“ Итакъ, со стороны Англіи, въ это время, уже было рѣшено совокупное дѣйствіе съ Франціей противъ Россіи, — и точно: 15-го іюня получено въ Петербургѣ раздражающее извѣстіе о прибытіи въ Безику союзныхъ флотовъ... Какой же приговоръ должна произнести исторія надъ изъявленнымъ 15-го апрѣля „безусловнымъ довѣріемъ“ Англіи къ Россіи?

Но вотъ Австрія предлагаетъ свое посредничество. Россія немедленно принимаетъ его. Четыре великія державы предлагаютъ Россіи извѣстную вѣнскую ноту. Россія принимаетъ ноту, но, конечно, съ

для принужденія Порты къ изгнанію пріютившихся въ Турціи Венгерцевъ, Австрія выдвинула въ началѣ 1853 года на границу Турціи свои войска и, безъ всякаго предувѣдомленія, послала чрезвычайнаго дипломатическаго агента, князя Лейнингена, который, *прибывъ въ Константинополь, 2-го января 1853*, и предъявивъ свои требованія *3-го февраля*, потребовалъ отвѣта къ *8-му числу того же мѣсяца*.

условіемъ чтобъ и Порта, наравнѣ съ нею, ограничилась безусловнымъ принятіемъ этого документа. Такимъ образомъ, *вѣнская нота* предъявляется Турціи *за подписью пяти великихъ державъ*, и вдругъ дряхлая, безсильная, не способная къ самооборонѣ, разлагающаяся Турція надменно отвергаетъ это представленіе. Она требуетъ поправокъ въ предлагаемой нотѣ!...

Послѣдствія извѣстны. Конфиденціальныя замѣчанія русскаго государя на требуемыя Турціей поправки еще разъ разглашены англійскимъ правительствомъ и, вопреки чистосердечнымъ объясненіямъ даннымъ насчетъ этихъ замѣчаній въ Ольмюцѣ, вопреки признанію Австріей и Пруссіей что эти объясненія „вполнѣ удовлетворительны,“ *вопреки настояніямъ четырехъ великихъ державъ*, Диванъ остается непоколебимъ: онъ отвергаетъ всякую попытку соглашенія на основаніи злополучной *вѣнской ноты*... Не странно ли?

Вся Европа, дѣйствительно, притворялась что была удивлена „мужественною стойкостью“ Оттоманской Порты. Англійская печать превозносила до небесъ „геройство“ Турціи. Но и въ то время, для свѣдущихъ политическихъ людей, махинація эта была совершенно ясна. Нѣсколько лѣтъ спустя, загадка объяснилась и для массы людей наивно вѣрившихъ въ самостоятельность Турціи и въ добросовѣстный образъ дѣйствій Англіи. Въ 1858, уже нечего было стѣсняться и притворяться. Газета *Times*, а за нею *Spectator*, отъ 1-го января 1858 года, сдѣлали слѣдующее циническое признаніе: „....Второе дѣйствіе лорда Стратфорда „состояло въ отказѣ или, точнѣе, въ тре„бованіи измѣненій вѣнской ноты.... Ко„нечно, лордъ Стратфордъ *не могъ явно* „*совѣтовать* чтобы документъ въ редакціи „коего участвовало его правительство, „былъ отвергнутъ; но для совѣтниковъ „султана было достаточно *одного взгляда* „или *одного ударенія голоса*, а мы легко „можемъ представить себѣ каковы *были* „*взгляды и ударенія голоса* лорда Страт„форда когда предъ глаза его предстало „*произведеніе мудрости* вѣнской конфе„ренціи. Его поведеніе было смѣло, но „оно дало *наилучшіе результаты*.“

Что скажутъ наши политики „съ громкими именами,“ которые насмѣшливо говорятъ „о коварномъ Альбіонѣ“ какъ о призракѣ разгоряченнаго воображенія и готовы отрицать самое участіе Англіи въ севастопольскомъ разгромѣ (что теперь требуется интересами Бисмарковой политики въ Россіи), дабы записать его на счетъ одной Франціи,—что скажутъ они объ этихъ признаніяхъ? Что скажутъ они о настойчивомъ желаніи Англіи продолжать войну,—желаніе которое высказалось на второй конференціи открытой въ Вѣнѣ 15-го декабря 1855 года и имѣвшей цѣлью положить конецъ кровопролитію? Что скажутъ они о крикѣ поднятомъ всею англійскою печатью противъ Наполеона III лишь только было обнаружено имъ желаніе заключить миръ? Со стороны Англіи высказалась при этомъ досада обманутыхъ надеждъ, злоба вызванная не вполнѣ достигнутою цѣлью. Она не успѣла подвергнуть Кронштадтъ той же участи какую испыталъ Севастополь и сгубить нашъ балтійскій флотъ какъ черноморскій. Не безъ досады разставалась она также съ надеждой на контрибуцію и на пріобрѣтеніе какого-нибудь pied à terre для себя по черноморскому побережью. Что же касается Наполеона, то мелкая династическая цѣль его войны съ Россіей была достигнута. Ему нужны были блестящія побѣды, хотя бъ онѣ, какъ говорится, стоили себѣ дороже; ему нужна была громкая, хотя бы и пустозвонная, военная слава. Не объяви Наполеонъ III войны Россіи, онъ, пожалуй, объявилъ бы ее самой Англіи. Англія сумѣла воспользоваться обстоятельствами его положенія, овладѣть имъ и бросить его на Россію. При началѣ, англійское правительство, повидимому, только тянулось по слѣдамъ французскаго, но въ сущности лишь преобладающее вліяніе лорда Пальмерстона и его друзей подготовило союзъ между Англіей и Франціей и сдѣлало возможнымъ какое-нибудь предпріятіе Франціи противъ Россіи. Безъ двуязычія и двуличія сэръ-Гамильтона Сеймура, Россія не далась бы въ ловушку, безъ вѣроломства лорда Стратфорда не была бы отвергнута вѣнская нота, а если ко всему этому присовокупить сообщеніе Франціи и обнародованіе конфиденціальныхъ отзывовъ о Франціи русскаго государя въ личныхъ бесѣдахъ съ англійскимъ посломъ, то очевидно что только благодаря политикѣ Пальмерстона „война сдѣлалась неотвратимою вопреки всевозможнымъ уступкамъ Россіи. Англія, наконецъ, была душою войны, и

положительно, безъ ея флота, безъ ея могущественныхъ средствъ, война не могла бы состояться. Сама по себѣ, Франція была бы безсильна вести ее такъ продолжительно и съ такимъ громаднымъ развитіемъ силъ.

Нѣтъ сомнѣнія что мысль о замѣнѣ покровительства Россіи надъ православными населеніями Востока совокупнымъ покровительствомъ Европы принадлежитъ одной Англіи. То же самое можно сказать и о занятіи Чернаго моря союзными флотами. „Въ депешѣ къ лорду Стратфорду отъ „20-го декабря," писалъ 24-го декабря 1853 года лордъ Кларендонъ англійскому послу въ Парижѣ, лорду Коулею, „я объ„явилъ что *лишь при совершенномъ за„владѣніи Чернымъ моремъ* могутъ прави„тельства Англіи и Франціи достигнуть „торжества своей политики и предотвра„тить возобновленіе бѣдствій подобныхъ „Синопскому..."

№ 189.

Москва, 2-го сентября.

Въ приложеніи ко вчерашнему нумеру помѣстили мы подробный анализъ двухъ статей, въ которыхъ *Journal de S.-Pétersbourg* высказываетъ свое мнѣніе о циркулярѣ г. Жюля Фавра. Одна изъ этихъ статей помѣщена на первой страницѣ газеты: это письмо въ редакцію за знаменательною для свѣдущихъ подписью X; другая на оборотѣ: въ ней выражается мнѣніе самой редакціи *Journal de St.-Pétersbourg*.

Допуская все еще возможность торжества Франціи надъ нѣмецкимъ нашествіемъ, г. X. приходитъ къ тому весьма справедливому заключенію что если Нѣмцы никогда не простили бы Франціи присоединенія къ ней лѣваго берега Рейна, то почему же можно думать что Французы когда-нибудь помирятся съ фактомъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи? Выводъ отсюда является самъ собой. Разумно понятые интересы самой Германіи совпадаютъ, въ этомъ случаѣ, съ настоятельными требованіями чести и достоинства Франціи, не говоря уже объ европейскомъ равновѣсіи.

Другая статья въ *Journal de S.-Pétérsbourg* не восходитъ на высоту политическихъ воззрѣній выраженныхъ въ письмѣ за подписью X. Подробно разбирая депешу г. Жюля Фавра, она останавливается надъ энергическимъ выраженіемъ французскаго министра что правительство національной обороны не уступитъ „ни одной пяди земли и ни одного камня крѣпостей" Франціи. Противъ „пяди земли" статья не протестуетъ, но „камень", по ея мнѣнію, оказывается „во всякомъ случаѣ *лишнимъ*". Письмо за подписью X. отзывается такимъ же образомъ объ этомъ пунктѣ.

Если вникнуть въ сущность обѣихъ статей, то оказывается что, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, онѣ не оспариваютъ рѣшимости Французовъ отстаивать цѣлость своей территоріи, но сомнѣваются въ необходимости отстаивать „камни" крѣпостей. И вотъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* съ гордостью выставляетъ статью редакціи *Journal de St.-Pétersbourg* какъ образчикъ „сужденія произне„сеннаго за границей надъ циркулярною „депешей Жюля Фавра." Органъ графа Бисмарка судитъ по приспособленной ко вкусу этой газеты подложной телеграммѣ, которая заставляетъ петербургскую офиціозную газету трунить не кстати надъ „патріотическою добродѣтелью" новаго французскаго правительства, и упоминаетъ о „камняхъ", забывая обо всемъ остальномъ.

Ни о какой „добродѣтели" въ обѣихъ статьяхъ *Journal de St.-Pétersbourg* нѣтъ рѣчи; что же касается „камня", то онъ попадаетъ немножко въ нѣмецкіе патріотическіе адресы которые шумно требуютъ Эльзаса и Лотарингіи чтобъ утолить возбужденный апетитъ германскаго Молоха. *Journal de St.-Pétersbourg* воздерживается, въ этомъ случаѣ, отъ ироническаго тона. Только въ одномъ мѣстѣ статьи *Journal de St.-Pétersbourg* можно усмотрѣть какъ бы ироническій намекъ. Въ циркулярѣ г. Жюля Фавра сказано: „наше „дѣло есть дѣло права и справедливости". „Въ іюлѣ мѣсяцѣ", замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, „г. Жюль-Фавръ не „держался мнѣнія что дѣло права и спра„ведливости было именно то которое защи„щали императорское правительство и „Франція. *Не всякій пойметъ* путемъ „какого размышленія приведенъ онъ къ „заключенію что право и справедливость „перемѣстились". Само собою разумѣется

что услужливый телеграфъ поспѣшилъ передать берлинской газетѣ смыслъ этой фразы, якобы уличающей автора циркуляра въ противорѣчіи съ самимъ собою. Таково значеніе приведенной фразы если взять ее отрывочно изъ цѣлой статьи. Въ связи же, фраза эта вовсе не имѣетъ такого значенія. Это просто неудачная фраза, и только. Въ ней бѣгло выразилась не подумавшая мысль. Слова въ циркулярѣ г. Жюля Фавра, подавшія поводъ къ вышеприведенному отзыву, не представляютъ ничего непонятнаго. Никакого перемѣщенія правъ и справедливости не означается ими. И въ іюлѣ мѣсяцѣ, предъ войною, и нынѣ, то же лицо безусловно осуждаетъ притязаніе правительствъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, такъ и нынѣ, г. Жюль Фавръ безусловно порицаетъ воинственную политику и вообще войну. Онъ утверждаетъ что дѣло права и справедливости несовмѣстимо съ политикою вмѣшательства, войны и захватовъ. Къ кому могли относиться его упреки въ іюлѣ мѣсяцѣ? Къ Тюльерійскому кабинету. Къ кому могутъ они относиться нынѣ? Къ Берлинскому кабинету. Это безъ труда можетъ понять *всякій*.

Но это не существенно. Гораздо важнѣе другое недоразумѣніе. Одобряя своимъ молчаніемъ твердый тонъ *ультиматума* г. Жюля Фавра относительно цѣлости французской территоріи, и выражая нѣкоторое сомнѣніе касательно необходимости отстаивать камни французскихъ крѣпостей, *Journal de St.-Pétersbourg* какъ будто не замѣчаетъ что въ сущности вопросъ о территоріи и вопросъ о крѣпостяхъ почти одно и тоже. Франція равно упадетъ на степень второклассной державы и выбудетъ изъ Европы, если она, отъ того или отъ другаго, останется беззащитною предъ стоящимъ во всеоружіи могущественнымъ сосѣдомъ. Въ обѣихъ статьяхъ петербургской газеты, повторимъ, не замѣтно никакого недоброжелательства къ Франціи, и вся сила только въ недоразумѣніи и въ невѣрнопонятомъ значеніи французскихъ крѣпостей въ настоящую войну. Еще точнѣе: авторы означенныхъ статей увлекаются *военною ересью;* утверждая что такъ какъ крѣпости не принесли Франціи никакой пользы въ настоящую войну, то слѣдовательно будто бы и не стоитъ изъ-за нихъ торговаться при заключеніи мира. Что-де безполезно, то отдать не трудно.

Насъ интересуетъ только общая сторона вопроса. На какихъ бы условіяхъ Франція ни была вынуждена заключить миръ, вопросъ о крѣпостяхъ отъ этого не измѣнится. Франція объявила войну безумнѣйшимъ образомъ. Это было дѣломъ равносильнымъ предательству. Она имѣла всего-на-все 300.000 или 400.000 регулярныхъ войскъ, да и тѣ еще не совсѣмъ были сформированы когда послѣдовало объявленіе войны, между тѣмъ какъ непріятель имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе милліона превосходно организованной военной силы, почти совершенно готовой къ дѣйствію. Не будь французскихъ крѣпостей по линіямъ Мозеля и Мааса, разбитыя на границѣ французскія войска были бы окончательно истреблены при трехсотъ-восьмидесяти-верстномъ отступленіи къ Парижу, прежде чѣмъ могла сформироваться новая армія въ Шалонѣ. Правда, несмотря на защиту крѣпостей, одна изъ этихъ армій нынѣ истреблена, а другая заперта. Но развѣ мало крови и усилій стоило непріятелю это истребленіе и парализованіе французскихъ армій? Развѣ не были связаны въ продолженіе цѣлаго мѣсяца громадныя прусскія войска на 48-верстномъ разстояніи между линіями Мозеля и Мааса? Итакъ, если крѣпости „не предохранили Парижа отъ осады,“ то нѣтъ сомнѣнія что эта осада, благодаря имъ, отсрочена слишкомъ на мѣсяцъ. Могутъ сказать: къ чему пригодилась эта отсрочка? Вопервыхъ, выиграно время, а выиграть время иногда значитъ выиграть все. Дѣла Французовъ, это правда, плохи; однако въ продолженіи мѣсяца въ линіи передовыхъ фортовъ Парижа пополнены нѣкоторые опасные пробѣлы *), привезены изъ приморскихъ крѣпостей большаго калибра орудія, вооружены и сколько возможно обучены новыя войска и національная гвардія, доставлены въ Парижъ превосходные артиллеристы французскаго флота, взятые даже изъ балтійской эскадры; на пушечный выстрѣлъ очищена мѣстность по линіи огня передовыхъ верковъ; изъ срубленнаго Булонскаго лѣса устроены, гдѣ нужно, не только засѣки, но и безчисленные палисады, блокгаузы и блиндажи, необходимые для окончательнаго приведенія въ военное положеніе столь

*) См. въ нумерѣ 30 *Современной Лѣтописи* отъ 23 августа статью: *Укрѣпленія Парижа.*

огромной крѣпости. Сверхъ того, заготовлены боевые и жизненные запасы для продолжительной обороны, и выпровожено множество безполезныхъ желудковъ. Какъ знать, не устроены ли въ это время, въ опасныхъ мѣстахъ, и минныя галлереи, и фугасы, и волчьи ямы, пожалуй подземныя телеграфныя сообщенія и внутреннія военныя желѣзныя дороги, словомъ все что̀ можетъ превратить новѣйшій „Вавилонъ,“ говоря слогомъ *Крестовой Газеты*, въ твердыню страны которая борется за свое существованіе. Все это могло быть сдѣлано, и если тѣмъ не менѣе дѣла Французовъ все-таки очень плохи, то это только показываетъ въ какое несчастное положеніе она приведена своимъ правительствомъ.

Итакъ, благодаря *единственно* крѣпостямъ, осада Парижа не только отсрочена на цѣлый мѣсяцъ, но и усилена по возможности его оборона. Это однако не все: кромѣ потерь понесенныхъ нѣмецкими арміями отъ французскихъ войскъ успѣвшихъ хотя нѣсколько собраться съ силами подъ прикрытіемъ крѣпостей, непріятель поставленъ въ необходимость безпрестанно отряжать на пути своемъ значительныя силы не только для прикрытія своихъ сообщеній, которымъ угрожаютъ гарнизоны крѣпостей состоящіе большею частію изъ горсти національной гвардіи и отставныхъ солдатъ наскоро сведенныхъ въ баталіоны и роты, но и для блокады и осады большей части этихъ крѣпостей. Не говоря уже объ отрядахъ оставленныхъ у Туля, у Фальсбурга и пр., сами Пруссаки сознаются въ своихъ газетахъ что противъ Страсбурга и его окрестностей оставлено около 60 тысячъ обстрѣленнаго войска, а слишкомъ 200.000 человѣкъ стоятъ противъ Вердёна и Меца.

И что̀ же? Кромѣ Седана совершенно неприготовленнаго къ защитѣ и сданнаго *безъ осады*, вслѣдствіе проиграннаго сраженія, до сихъ поръ не взята Прусаками ни одна значительная французская крѣпость. Сдался пока одинъ Ланъ (Лаонъ),— но какъ?. . Правда, арміи Германіи тѣмъ не менѣе подвигаются къ Парижу, и скоро явятся предъ его фортами. Однако, слѣдуетъ ли отсюда заключать вообще о безполезности крѣпостей для Франціи? Численное превосходство прусскихъ армій такъ громадно что предъ нимъ всѣ прочія стратегическія выгоды теряютъ свое значеніе.

Что̀, между прочимъ, доказываетъ нынѣшняя война? Вопервыхъ, то что столица Франціи находится слишкомъ близко отъ ея границы, въ сосѣдствѣ съ военною державой располагающею громаднѣйшими военными средствами; вовторыхъ, то что, при этой невыгодѣ, крѣпости идущія нѣсколькими линіями отъ границы до самаго Парижа, совершенно необходимы для Франціи, если она должна сохранить какуюнибудь самостоятельность и не быть совершенно беззащитною предъ своимъ сосѣдомъ. А чего желаетъ завоеватель на высотѣ своихъ тріумфовъ? Такъ какъ разстояніе Парижа отъ границы *слишкомъ мало*, то надобно сдѣлать его *еще меньше*, а такъ какъ крѣпости, до нѣкоторой степени, умаляютъ для Франціи эту опасность, то крѣпости надобно срыть или отнять ихъ и обратить ихъ противъ ней же. Съ этою послѣднею цѣлью имѣютъ быть прирѣзаны къ новоучрежденному Эльзасскому губернаторству части Лотарингіи въ видѣ клина, въ вершинѣ коего находится Мецъ...

№ 190.

Москва, 3-го сентября.

Давно привыкнувъ трактовать о всякомъ данномъ предметѣ обстоятельно и основательно, нѣмецкія газеты, взявшіяся теперь доказать необходимость присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, сыплютъ статьями въ которыхъ излагаются то политическіе доводы, то историческія подробности, долженствующія укрѣпить общественное мнѣніе Германіи въ принятомъ имъ и безъ того направленіи. Вся ученость нѣмецкихъ публицистовъ, все ихъ краснорѣчіе, все вдохновеніе поэтовъ воспѣвающихъ германское завоеваніе, вся эта ежедневно-возрастающая масса хронологическихъ цифръ, дипломатическихъ актовъ, патріотическихъ рѣчей и стиховъ направлены къ тому чтобы доказать два положенія ясныя какъ день и не нуждающіяся ни въ какихъ аргументахъ. *Первое* то что Эльзасъ и Лотарингія принадлежали нѣкогда къ Германской имперіи, а потомъ отошли ко Франціи. *Второе* то что современнымъ Нѣмцамъ хочется пріобрѣсти эти земли обратно. Оба эти положенія не допускаютъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Не нужно быть особенно сильнымъ

въ исторіи чтобъ умѣть доказать первое, или особенно начитаннымъ въ нѣмецкихъ газетахъ чтобъ убѣдиться въ вѣрности втораго. Нѣмецкая агитація въ пользу возвращенія къ Германіи этихъ и многихъ другихъ земель началась не со вчерашняго дня: со времени „войны за освобожденіе“ 1813 года, исторіографія, публицистика и поэзія Германіи постоянно настраиваютъ читающую публику противъ такъ-называемыхъ „разбоевъ и грабежей“ Франціи, то-есть ея давнишнихъ пріобрѣтеній въ счастливыхъ войнахъ со своею сосѣдкой, и въ пользу возстановленія химерической „римско-германской имперіи.“ Французскія завоеванія, вслѣдствіе которыхъ уменьшилась территорія этой „священной“ имперіи, клеймятся какъ наглыя и возмутительныя поруганія права; но собственныя завоеванія Нѣмцевъ изображаются съ благоговѣйною любовью, и фантазія патріотовъ вдохновенно уносится въ тѣ отдаленные вѣка когда германскому императору, если не *de facto*, то по крайней мѣрѣ *de jure*, повиновались, кромѣ теперешней Германіи, сѣверная и южная Италія, весь востокъ Франціи, Швейцарія, Нидерланды и т. д. Эта книжная и журнальная агитація сдѣлала свое дѣло: она воспитала не одно поколѣніе Нѣмцевъ въ чувствѣ горькой обиды за каждую пядь земли утраченную „римско-германскою имперіей“ въ послѣднія шестьсотъ лѣтъ, и въ совершенной увѣренности что священный долгъ современной Германіи — завоевать обратно всю эту массу земель. Не только тѣ Нѣмцы которые теперь распѣваютъ *Die Wacht am Rhein* или *des Deutschen Vaterland*, которые составляютъ адресы и митинги для выраженія своей готовности пойти войной противъ всей Европы за удержаніе занятыхъ французскихъ провинцій, но и ихъ отцы, но и ихъ дѣды питали убѣжденіе что первая задача нѣмецкаго патріотизма—передѣлать карту Европы и возстановить Германскую имперію въ тѣхъ границахъ которыя она имѣла во время реформаціи. Чѣмъ глубже укоренилась эта фантастическая политика въ нѣмецкихъ умахъ и сердцахъ, чѣмъ сильнѣе успѣхъ который теперь одерживаетъ Пруссія, тѣмъ болѣе своевременно для сосѣдей Германіи вникнуть въ духъ и характеръ ея требованій, выставить ихъ истинные размѣры, степень ихъ логики и справедливости.

Органы общественнаго мнѣнія въ Германія утверждаютъ что востокъ Франціи состоитъ изъ провинцій *похищенныхъ* этимъ государствомъ у Германской имперіи и теперь возвращающихся къ ихъ законному владѣльцу, то-есть къ германскому союзному государству. Какой путь избрала Германія для возвращенія себѣ этихъ земель? Единственный возможный, то-есть войну: она ихъ завоевала, точно также какъ и Франція завоевала ихъ нѣкогда у ней. Всякое измѣненіе въ границахъ Германіи и Франціи, да и во всякихъ, являлось всегда послѣдствіемъ войны; для кого исходъ ея былъ счастливый, тотъ и бралъ себѣ сколько могъ изъ владѣній непріятеля. Если Германіи удастся удержать теперь при заключеніи мира Эльзасъ и Лотарингію, то земли эти и будутъ нѣмецкими; если же нѣтъ, то онѣ останутся французскими. Но германскимъ патріотамъ дѣло представляется иначе. Они говорятъ что провинціи эти *теперь* уже нѣмецкія, основываясь на томъ что въ нихъ обитаютъ населенія германскаго племени, или на томъ что онѣ въ прежнія времена принадлежали Германіи. Но племеннымъ происхожденіемъ не опредѣляется національность: племенное сродство не есть единство народности, и только политическое единство способно создать и гарантировать то что̀ называется національностію. Эльзасцы и Лотарингцы—Французы въ полномъ значеніи этого слова, хотя въ массѣ ихъ населеній еще не угасло нѣмецкое слово. Еще менѣе право настоящаго времени можетъ основываться на владѣніи бывшемъ въ силѣ въ отдаленныя столѣтія. Каждый періодъ владѣнія имѣлъ особенное распредѣленіе территорій, и каждый можетъ считаться несправедливымъ на томъ основаніи что въ предыдущемъ распредѣленіе было иное. Такъ владѣніе по Вестфальскому миру окажется для Германіи несправедливостью, потому что по миру въ Като-Камбрези она владѣла несравненно большею территоріей; но и договоры XVI столѣтія ничего не значатъ, потому что они лишили Германію ея средне-вѣковыхъ владѣній; да и эти безпрерывно измѣнялись, и если мы взойдемъ по лѣстницѣ столѣтій до времени переселенія народовъ, то окажется что вся Франція есть германская провинція, ибо ее завоевали Франки, германское племя, говорившее на германскомъ нарѣчіи. Зачѣмъ же тогда требовать только линіи Мозеля для новой границы между Германіей и Франціей? Зачѣмъ не прямо

линію Пиринеевъ и Средиземнаго моря? Мы увѣрены что эта аргументація покажется весьма убѣдительною для патріотовъ-романтиковъ, тѣмъ болѣе что тогда Германія получила бы „право“ на всѣ завоеванія Вестготовъ и Остготовъ. Если до сихъ поръ еще не слышно нѣмецкихъ требованій на Италію и Испанію, то вѣроятно патріоты-романтики останавливаются предъ практическими трудностями. Но этотъ способъ опредѣленія территоріальныхъ правъ есть оружіе обоюдо-острое. Нѣмцы направляютъ его противъ Франціи; другіе могутъ направить его противъ нихъ, или, точнѣе сказать, противъ Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, если Германіи принадлежитъ все чтò въ V и VI столѣтіяхъ было захвачено дикими ордами Готовъ и Вандаловъ, если Германія простирается до Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, то та же самая справедливость требуетъ чтобы всѣ земли, нѣкогда занятыя славянскими племенами, принадлежали Славянамъ: требуя единства для себя, Нѣмцы вѣроятно не будутъ ничего имѣть противъ сліянія всѣхъ славянскихъ земель въ одно великое славянское цѣлое. Славянскія племена занимали все пространство на западъ до Эльбы; значитъ и теперешняя Пруссія на востокъ отъ Эльбы есть несправедливость, которая должна быть поправлена. Но справедливые по своему на западѣ, Нѣмцы совершенно иначе судятъ о востокѣ; тутъ не допускается никакого права ни племеннаго, ни историческаго, а чтò захвачено Германіей, то и считается нѣмецкимъ; да и то чтò еще не захвачено тоже считается законною добычей Германіи, вопреки и племени, и исторіи...

№ 191.

Москва, 4-го сентября.

А.

Въ № 177 нашей газеты мы старались ознакомить публику съ тѣмъ значеніемъ какое вопросъ о гербовыхъ и вообще актовыхъ пошлинахъ имѣетъ при теперешнемъ положеніи нашихъ финансовъ. Въ № 180 мы приступили къ изложенію проекта реформы гербовыхъ сборовъ и успѣли отдать читателямъ отчетъ лишь о той части его которая относится собственно до пропорціональнаго гербоваго сбора, которымъ облагаются преимущественно разнаго рода передачи имущественныхъ правъ. Мы должны были, однако, прервать нашу рѣчь о финансовыхъ реформахъ нашего отечества. Общее вниманіе было привлечено за это время Седанскимъ погромомъ и событіями въ Парижѣ, которыя сдѣлались исключительнымъ предметомъ интереса для всѣхъ.

Возвращаемся теперь къ нашей прерванной рѣчи о гербовой реформѣ, а именно ко второй части проекта, возбуждающей наиболѣе споровъ и опасеній за его успѣшность,—къ простому гербовому сбору; здѣсь предлагаютъ самыя коренныя и отчасти самыя крутыя преобразованія.

Въ нынѣшней системѣ простаго гербоваго сбора, взимаемаго двояко, посредствомъ продажи гербовой бумаги, и посредствомъ взиманія пошлинъ за употребленіе простой бумаги вмѣсто гербовой въ присутственныхъ мѣстахъ, податная коммиссія находитъ слѣдующіе главные недостатки:

1) Многочисленность разборовъ гербовой бумаги и сложность правилъ объ употребленіи ихъ для разныхъ документовъ.

2) Происходящая отсюда сбивчивость въ обязательномъ употребленіи гербовой бумаги, отъ которой ускользаютъ, отчасти по неясности закона, отчасти по высотѣ пошлины, многіе акты долженствующіе ее уплачивать.

Для устраненія этихъ недостатковъ, уменьшающихъ доходность гербоваго сбора, составители проекта предположили упростить его систему чрезъ уменьшеніе количества разборовъ гербовой бумаги и чрезъ приведеніе въ бóльшую ясность и единство разныхъ категорій документовъ для которыхъ обязательна гербовая бумага. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается также расширить кругъ подлежащихъ сбору документовъ и случаевъ и нѣсколько понизить размѣры его для документовъ обложенныхъ нынѣ слишкомъ высокимъ размѣромъ налога. Въ этихъ видахъ предложены слѣдующія мѣры: 1) Вмѣсто нынѣшнихъ пяти разборовъ гербовой бумаги, 20 к., 40 к., 70 к., 1 руб. и 2 руб. достоинства (патентная и контрольная бумага по податнымъ торговымъ и акцизнымъ сборамъ сюда не принадлежитъ *), учреждаются только три разбора, въ 40 к.,

*) Четыре особые разбора апелляціонной бумаги уже замѣнены въ судебныхъ уставахъ 40-копѣечною.

10 к. и 3 к. Собственно вводится вмѣсто всѣхъ 5 разборовъ только одинъ разборъ въ 40 к., замѣняющій собою гербовую бумагу для всѣхъ случаевъ нынѣ подверженныхъ пошлинѣ; а остальные два разбора предназначены для документовъ, вновь облагаемыхъ гербовою пошлиной: 10-копѣечная бумага для коносаментовъ при морскихъ отправленіяхъ, для накладныхъ при внутреннихъ рѣчныхъ и сухопутныхъ перевозкахъ и для маклерскихъ биржевыхъ записокъ о куртажныхъ деньгахъ до 150 руб. (выше 150 р., маклерскія записки пишутся на 40-копѣечной бумагѣ) и 3-копѣечная для квитанцій выдаваемыхъ отъ должностныхъ лицъ въ принятіи прошеній.

2) Кромѣ всѣхъ нынѣ оплачиваемыхъ гербовыми пошлинами документовъ, а также упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, обязательность пошлины (40 к.) распространяется на слѣдующіе нынѣ освобожденные отъ нея и *служащіе однакоже доказательствами имущественныхъ сдѣлокъ* документы и бумаги: сохранныя росписки и предварительныя условія о продажѣ но купчимъ крѣпостямъ или задаточныя росписки, акты освобождающіе отъ выполненія обязательствъ, поручительства въ исправномъ исполненіи денежнаго и имущественнаго обязательства, росписки въ полученіи товаровъ, и всякіе счеты, подписанные должниками на сумму до 150 р. (почему до 150 р. и подвергаются ли высшія суммы пропорціональному сбору въ проектѣ не сказано).

Сильныя возраженія возбуждаетъ у насъ распространеніе гербоваго налога на множество новыхъ отраслей частныхъ документовъ, столь обширныхъ, каковы въ особенности всякія росписки въ полученіи товаровъ и всякіе счеты. Нѣтъ сомнѣнія однако что подчиненіе гербовому сбору всѣхъ этихъ доказательствъ имущественныхъ правъ, безпрерывно требующихъ для себя публичной охраны и являющихся въ качествѣ формальныхъ судебныхъ доказательствъ, было бы значительнымъ и весьма послѣдовательнымъ расширеніемъ области дѣйствія этого налога и увеличило бы его доходность; такой шагъ въ усовершенствованіи нашихъ актовыхъ налоговъ имѣетъ для себя примѣры въ другихъ государствахъ. Выгоды доставленныя частнымъ лицамъ новыми судебными учрежденіями, усиленіе чрезъ нихъ охраны правъ собственности, можетъ-быть, оправдываютъ такой шагъ; еще болѣе оправдывали бы его другія настоятельныя и коренныя финансовыя реформы, въ особенности устраненіе самыхъ вопіющихъ недостатковъ въ другихъ отрасляхъ государственныхъ налоговъ. Какъ бы то ни было, кругъ предметовъ подчиняемыхъ дѣйствію гербовой пошлины долженъ быть тщательно пересмотрѣнъ и приведенъ въ болѣе систематическій видъ, котораго почти столько же недостаетъ исчисленію актовъ сдѣланному въ проектѣ какъ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ, отличающемся недостаткомъ всякаго единства въ этомъ отношеніи. Если размѣръ гербовой пошлины, къ которой привлекаются проектомъ акты и сдѣлки нынѣ отъ нея свободныя, будетъ незначителенъ, то довольно крутая перемѣна въ привычкахъ нашего общества была бы не такъ чувствительна.

Капитальный недостатокъ теперешней системы гербовыхъ сборовъ заключается не только въ трудности уплаты его для плательщиковъ, но и въ обременительности и сложности сбора за дѣлопроизводство въ присутственныхъ и вообще въ казенныхъ мѣстахъ. По проекту коммиссіи, вмѣсто всѣхъ нынѣшнихъ гербовыхъ пошлинъ за дѣлопроизводство въ казенныхъ мѣстахъ, гербовому сбору подвергаются только прошенія и объявленія подаваемыя частными лицами и окончательныя на нихъ рѣшенія или отвѣты должностныхъ лицъ и мѣстъ, съ тѣмъ что прошенія и объявленія облагаются по числу листовъ (по 40 к.), а за отвѣты, на скольнихъ бы листахъ они ни были написаны (кромѣ прилагаемыхъ къ нимъ по желанію частныхъ лицъ документовъ, копій, актовъ и пр., оплачиваемыхъ особо), вносится впередъ при всякомъ прошеніи какъ на одинъ листъ марка въ 40 к.

Предлагаемая чрезвычайно упрощенная система гербовыхъ пошлинъ за дѣлопроизводство въ казенныхъ мѣстахъ, долженствующая избавить и казну, и частныхъ лицъ отъ многочисленныхъ неудобствъ нынѣшняго порядка взысканія этихъ пошлинъ, заслуживаетъ полнаго одобренія.

Еще большее значеніе имѣетъ предположеніе ввести въ употребленіе, сверхъ гербовой бумаги, замѣняющія ее гербовыя марки. Эта мѣра совершенно необходима не только для публики, но и для успѣшности поступленія сбора. Податная коммиссія указала съ особою силой на не-

обходимость усилить карательныя мѣры за нарушеніе правилъ о гербовомъ сборѣ. Проектъ коммиссіи ограничивается преимущественно возвышеніемъ денежныхъ штрафовъ за эти нарушенія, но самая послѣдовательная и дѣйствительная въ этомъ отношеніи система, англійская, признаетъ всякіе акты неоплаченные гербовою пошлиной, или оплаченные пошлиной не надлежащаго размѣра, безусловно *недѣйствительными* и потому не имѣющими законной силы доказательствъ предъ судомъ и не дающими права ни на какую охрану властей. Нельзя не согласиться что эта система весьма сурова, и можетъ-быть для нашего быта слишкомъ жестока, хотя она какъ нельзя болѣе логична; впрочемъ, при своей суровости, она избавляетъ публику отъ необходимости столь стѣснительнаго казеннаго надзора и превентивныхъ мѣръ противъ нарушеній гербоваго законодательства, вообще весьма распространенныхъ не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ, хотя гораздо менѣе.

Теперь мы не можемъ ни руководствоваться англійскою системой, ни даже особенно увеличивать строгости за нарушенія устава, такъ какъ уплата гербоваго сбора сопряжена у насъ съ великими затрудненіями, особенно въ провинціи. Мы получили изъ разныхъ губерній не мало заявленій объ этой трудности; сельскіе жители часто вынуждены бываютъ писать свои документы, особенно по незначительнымъ сдѣлкамъ, на простой бумагѣ за дороговизною гербовой, которую надо покупать большею частію въ городѣ. Уже теперешній штрафъ за неупотребленіе гербовой бумаги оказывается крайне тяжелымъ и возбуждаетъ большія жалобы. При взысканіи незначительной суммы не рѣдко приходится при судебномъ разбирательствѣ вносить въ видѣ штрафа бо́льшую сумму за неупотребленіе гербовой бумаги.

Замѣтимъ наконецъ, что самый серіозный вопросъ въ гербовой реформѣ, это— предлагаемые новые размѣры гербовой пошлины; собственно введеніе сорокакопѣечной пошлины вмѣсто всѣхъ нынѣ существующихъ. Это предложеніе самымъ кореннымъ образомъ измѣняетъ дѣйствующую систему, и нѣтъ въ виду достаточныхъ доводовъ въ пользу необходимости такой мѣры. Теперь расходится всего болѣе гербовой бумаги низшаго двадцатикопѣечнаго разбора,—приблизительно вдвое больше всѣхъ остальныхъ разборовъ вмѣстѣ взятыхъ. Поэтому удвоеніе гербовой пошлины во всѣхъ 5-ти милліонахъ теперешнихъ случаевъ покупки 20 к. бумаги будетъ чувствительнымъ отягощеніемъ для плательщиковъ. Съ другой стороны, столь необычайное пониженіе въ другихъ случаяхъ, въ особенности замѣна двухрублевой (паспорты и вѣрящія письма) и рублевой бумаги сорокакопѣечною, нисколько, кажется, не настоятельна, или по крайней мѣрѣ можно бы ограничиться тутъ болѣе умѣренною сбавкой. При такихъ условіяхъ реформы сами составители, въ своемъ финансовомъ разчетѣ, ожидаютъ отъ нея возвышенія дохода казны лишь на 33.000 руб.! Спрашивается теперь, можно ли предлагать столь крутыя реформы въ налогахъ ради подобныхъ жалкихъ финансовыхъ результатовъ? Но даже и они оказываются сомнительными, и отъ проектируемой гербовой реформы можно ожидать съ нѣкоторою достовѣрностью не возвышенія, а уменьшенія казеннаго дохода.

Б.

По поводу толковъ иностранной журналистики, *Journal de St.-Pétersbourg*, отъ 3-го (15-го) сентября, обсуждаетъ вопросъ о возможности заключенія мира между воюющими сторонами (содержаніе этой статьи было сообщено намъ вчера по телеграфу). Заявивъ что ни по чему нельзя предполагать чтобы король Прусскій или кто-либо изъ его августѣйшихъ союзниковъ имѣли намѣреніе возстановить на престолѣ императора Наполеона III съ цѣлію найти во Франціи правительство съ которымъ бы они могли вступить въ переговоры, *Journal de St.-Pétersbourg* продолжаетъ такъ:

„Желать открытія переговоровъ о мирѣ съ императоромъ, находящимся нынѣ въ плѣну и котораго нѣмецкія газеты предполагаютъ уже возстановленнымъ на престолѣ, подобно тому какъ возстановленъ былъ Францискъ I послѣ своего мадридскаго плѣна, значитъ желать вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, посягать на независимость страны, устраивать въ Парижѣ то что̀ Французы сочтутъ непремѣнно водвореніемъ чужеземной диктатуры. Если императоръ Наполеонъ III согласится на подобную комбинацію, если онъ возвратится въ Тюльери подъ нѣмецкою эскортой и подпишетъ тамъ миръ,—ужели воз-

можно предположить, чтобы во Франціи не вспыхнула революція на другой же день по очищеніи французской территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ? Ужели можетъ быть дѣйствительнымъ и прочнымъ миръ заключенный отъ имени Франціи правительствомъ, конечное паденіе котораго успѣютъ задержать лишь на нѣсколько дней?...

„Самое нормальное, простое, если не самое быстрое средство можетъ быть слѣдующее: Условія мира, установленныя съ общаго согласія Германіей и фактическими представителями Франціи, развѣ не могутъ быть редижированы и подписаны съ одной стороны нѣмецкими уполномоченными, съ другой уполномоченными существующаго *de facto* правительства во Франціи? Сіи послѣдніе, отъ имени и съ одобренія правительства національной обороны, гарантировали бы вѣрное соблюденіе перемирія, которое должно продолжаться до того дня, когда послѣдуетъ—относительно прелиминарій и обращенія ихъ въ формальный трактатъ—рѣшеніе французскаго учредительнаго собранія, которое будетъ приглашено постановить оное тотчасъ послѣ повѣрки полномочій его членовъ и послѣ окончательной его организаціи назначеніемъ президента и бюро, даже прежде обсужденія конституціи, которую оно должно будетъ составить, и на основаніи безусловнаго верховенства порученнаго ему націей.

„Но можетъ случиться, скажутъ намъ, что учредительное собраніе не приметъ условій мира, которыя согласилось подписать правительство національной обороны, и послѣ продолжительнаго перемирія война возобновится опять. Намъ это кажется невѣроятнымъ, и къ тому же должно замѣтить что то же возраженіе можетъ быть сдѣлано, еслибы миръ былъ заключенъ въ окончательной формѣ возстановленнымъ ли государемъ или нынѣшнимъ временнымъ правительствомъ, ибо новая революція или постановленіе учредительнаго собранія могло бы отвергнуть этотъ миръ, заключенный безъ законнаго содѣйствія націи или помимо ея воли“.

Какъ ни вѣренъ взглядъ излагаемый въ *Journal de St.-Pétersbourg*, тѣмъ не менѣе мы находимъ въ берлинской корреспонденціи австрійской *Neue Freie Presse* подтвержденіе толковъ вызвавшихъ вышеприведенную замѣтку петербургской газеты; корреспондентъ пишетъ что въ нѣкоторыхъ сферахъ Берлина упорно держатся того мнѣнія что Пруссія можетъ заключить миръ только съ возстановленнымъ Наполеономъ III. Мы никакъ не думаемъ чтобы король Вильгельмъ и его совѣтники раздѣляли подобныя идеи, но считаемъ не лишнимъ, однако, сообщить читателямъ со словъ берлинскаго корреспондента *Neue Freie Presse* якобы составленный прусскою дипломатіей проектъ способа заключить миръ съ Франціей. Вотъ этотъ проектъ:

„Какъ только состоится завоеваніе Парижа, король Прусскій обратится къ французскому народу съ прокламаціей, въ которой будетъ объявлено что Пруссія не признаетъ республики, считаетъ ее какъ бы несуществующею, а признаетъ единственнымъ законнымъ властителемъ Франціи императора Наполеона, такъ какъ власть его вновь подтверждена послѣднимъ плебисцитомъ, и потому съ нимъ уже заключенъ миръ. Императоръ же Наполеонъ вступитъ въ Парижъ въ сопровожденіи побѣдителя, во главѣ арміи и снова приметъ правленіе въ свои руки.“

№ 192.

Москва, 5-го сентября.

А.

Не далѣе какъ третьяго дня *Journal de St.-Pétersbourg* опровергалъ слухи о томъ будто бы прусское правительство намѣревается возстановить престолъ Наполеона III. Какъ бы ни была велика увѣренность, съ какою передаются эти слухи, но по самой природѣ своей они не могли съ перваго взгляда не поразить крайнею неправдоподобностью. Въ самомъ дѣлѣ, кто отзывался рѣзче и безпощаднѣе о правительствѣ французскаго императора чѣмъ офиціозные органы прусской печати? Кто больше ихъ клеймилъ бонапартизмъ? Кто какъ не *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* привѣтствовалъ день 15-го августа (наполеоновскую годовщину) какъ *„послѣдній Наполеоновъ день,“* кто какъ не она глумился тогда надъ имперіей, „пепломъ посыпавшею главу свою?“ Но не однѣ бранчивыя газетныя выходки должны были питать въ публикѣ слѣдящей за политикой убѣжденіе что война ведется Пруссіей преимущественно противъ императора Наполеона и его политики. Объ этомъ было

торжественно возвѣщено французскому народу въ прокламаціи прусскаго наслѣднаго принца. Самъ король Вильгельмъ въ тронной рѣчи при открытіи парламента 19-го (7-го) іюля возложилъ всю отвѣтственность за бѣдствія войны на „властителя Франціи, который сумѣлъ употребить для своихъ личныхъ интересовъ и страстей законное и щекотливое національное чувство великаго сосѣдняго народа.“ Такъ тогда объяснялась кровавая распря возникавшая между двумя „миролюбивыми“ націями. Казалось бы что съ устраненіемъ императорской династіи во Франціи уничтожился и всякій предлогъ къ продолженію войны со стороны Германіи. Но совершенно иному научаетъ насъ теперь *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, въ которой со времени седанской капитуляціи произошла поразительная перемѣна симпатій. Въ № отъ 14-го сентября органъ сѣверогерманскаго союзнаго канцлера содержитъ передовую статью посвященную защитѣ и восхваленію того же императора Наполеона, который за мѣсяцъ тому назадъ подвергался въ этой самой газетѣ всяческимъ поношеніямъ. Статья эта написана по поводу донесенія графа Бисмарка королю о его свиданіи съ императоромъ. На этомъ свиданіи — такъ доносилъ союзный канцлеръ своему государю — императоръ выразилъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ войны и „объявилъ что самъ онъ не хотѣлъ ея, но былъ принужденъ къ ней давленіемъ общественнаго мнѣнія Франціи.“ Слова эти привѣтствуются прусскою газетой какъ выраженіе истинныхъ стремленій императорской политики. Оказывается что „властитель Франціи“ въ войнѣ нисколько не виноватъ, что онъ со введенія во Франціи парламентскаго образа правленія ничѣмъ не отвѣчаетъ за свои дѣйствія, что онъ былъ вовлеченъ въ войну отвѣтственными министрами, которые одни-де руководили французскою политикой. Прусской офиціальной газетѣ внезапно понадобилось очистить своего вчерашняго врага отъ всѣхъ нареканій которыми она его такъ усердно забросала, и вотъ она со всѣмъ жаромъ новообращеннаго, не взирая на факты и не поясняя своего недавняго прошлаго, становится адвокатомъ французскаго императора. Зрѣлище дивное и эффектное! Глазамъ своимъ не вѣришь. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* преклоняется предъ „величавымъ государственнымъ зданіемъ, „которое императоръ съ несомнѣннымъ „талантомъ возвелъ въ девятнадцать лѣтъ „посредствомъ своего личнаго правленія, „которое возвысило Францію на степень „вліянія, какого она не имѣла уже полстолѣтія, и которое за немногіе мѣсяцы „разрушилось подъ рукой правленія парламентскаго.“ Она восхваляетъ „энергическую руку“ которою правилъ императоръ. „Энергическая рука“ спасла бы Европу отъ бѣдствій войны, еслибъ эта рука была развязана. Но вся бѣда въ парламентаризмѣ, вся бѣда въ томъ „давленіи общественнаго мнѣнія“ на которое императоръ жаловался прусскому министру. Парламентаризмъ изображается намъ воинственнымъ началомъ, которое при первомъ появленіи своемъ во Франціи взяло верхъ надъ миролюбивымъ началомъ бонапартизма. Бѣдный г. Эмиль Олливье! Онъ и не зналъ когда было рѣшено начать войну и благодушно увѣрялъ палату что будетъ сохраненъ миръ, а теперь на его же голову падаетъ обвиненіе *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая выставляетъ его единственнымъ зачинщикомъ всѣхъ бѣдствій войны, и словно спѣшитъ принять на себя обязанность французской офиціозной печати отпавшей отъ бонапартовской династіи.

Когда Наполеонъ сдался счастливому завоевателю, онъ дѣйствительно, могъ воскликнуть: „все потеряно кромѣ жизни!“ Но великодушная прусская печать прежде всего поспѣшила востановить его честь выдачею ему аттестата воинской храбрости. *Staatsanzeiger* получилъ „достовѣрныя свѣдѣнія“ и „свидѣтельскія показанія“ о томъ какъ императоръ подвергалъ свою жизнь опасности на полѣ битвы при Седанѣ и офиціальная газета поспѣшила возвѣстить міру о гранатахъ разбивавшихся вокругъ вѣнчаннаго героя.... Далѣе понадобилось также востановить обаяніе мудраго правителя, которымъ Наполеонъ III такъ долго пользовался и котораго онъ такъ окончательно лишился. И вотъ пишется статья о его миролюбіи, благонамѣренности и прекрасныхъ правительственныхъ способностяхъ. Что еще остается возвратить ему? Престолъ. Такой храбрый полководецъ, такой мудрый политикъ и наконецъ столь миролюбивый сосѣдъ Германіи не можетъ же по справедливости доживать свой вѣкъ въ заточеніи, когда онъ, взявъ назадъ бразды

правленія, можетъ оказать важныя услуги и Франціи и Германія.

Въ началѣ было объявлено Пруссіей что она ведетъ войну противъ императора Наполеона. Теперь обстоятельства измѣнились до того что Нѣмцы воюютъ какъ будто бы *за* императора Наполеона....

Б.

Нѣмецкій походъ во Францію увѣнчался счастіемъ почти небывалымъ въ лѣтописяхъ войны. Самыя пылкія воинственныя мечтанія нѣмецкихъ патріотовъ не заходили такъ далеко какъ зашли теперь факты. Легко представить себѣ радость въ нѣмецкомъ лагерѣ; легко также объяснить и маленькое безпокойство которое примѣшивается къ этой радости. Въ самомъ дѣлѣ добыча такъ велика, случай такъ исключителенъ, время такъ мимолетно что невольно у нѣмецкаго патріота раждается боязнь какъ бы не упустить найденнаго клада, какъ бы не встрѣтить помѣхи въ пользованіи имъ, какъ бы не прозѣвать минуты, какой уже навѣрное никогда не представится.* „Свести счеты съ Франціей“ — вотъ задача которая теперь наиболѣе безпокоитъ счастливыхъ завоевателей. Заглавіе статьи недавно помѣщенной въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (*Die Abrechnung mit Frankreich*) есть теперь главная забота нѣмецкаго патріотизма. Какъ бы устроиться такъ чтобъ у Франціи взять какъ можно болѣе, чтобъ ей не оставить ничего стóящаго сожалѣнія? Авторъ статьи, г. Францъ фонъ-Лёэръ, находитъ что въ территоріальномъ отношеніи отъ Франціи можно поживиться всѣми землями на востокъ отъ Аргоиновъ, которыя, по его мнѣнію, составляютъ „естественную границу“ между двумя странами и превосходно приспособлены къ стратегической оборонѣ со стороны Германіи. Кстати можно было бы взять у Бельгіи ея часть Люксембурга, занять нѣкоторыя ея крѣпости прусскими гарнизонами, выговорить себѣ у нея торговыя преимущества, а взамѣнъ предоставить ей французскія провинціи Фландрію и Артуа. При этомъ добродушно пересчитываются всѣ невыгоды, которыя потеря этихъ двухъ провинцій повлекла бы за собою для Франціи. Далѣе не слѣдуетъ забывать военныя издержки, уплату которыхъ непремѣнно должно потребовать у Франціи. Если онѣ покажутся слишкомъ значительны, то пожалуй часть ихъ можно будетъ замѣнить „нѣсколькими небольшими колоніями въ Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ.“ Сумму военной контрибуціи нѣкто докторъ Гиртъ вычислилъ слѣдующимъ образомъ: издержки военныхъ дѣйствій Германіи 1.250 милліоновъ франковъ, непосредственные убытки 1.230 милліоновъ, посредственные убытки 2.250 милліоновъ, вознагражденіе Эльзаса и Лотарингіи за понесенные ими убытки 200 милліоновъ, итого 4.930 милліоновъ франковъ. Какъ видно, германское воображеніе теперь роскошествуетъ во французскихъ милліонахъ. Чѣмъ больше радость побѣдителей, тѣмъ фантастичнѣе дѣлаются ихъ требованія, и не довольствуясь „древними нѣмецкими имперскими землями,“ которыя они надѣются оторвать обратно у Франціи, мечта уже уноситъ ихъ и въ Индійскій, и въ Атлантическій океаны. Франція представляется неисчерпаемымъ золотымъ дномъ, и Нѣмцы ликуютъ, какъ будто бы послѣдній бѣднякъ изъ этихъ получилъ виды на громадное наслѣдство.

И они могутъ предаваться своему ликованію безпечно: жертва отъ нихъ не уйдетъ. Франція среди своихъ теперешнихъ несчастій нигдѣ не находитъ поддержки. Сейчасъ полученная нами телеграмма передаетъ многозначительныя при теперешнемъ положеніи дѣлъ слова англійскаго канцлера казначейства о предполагавшемся посредничествѣ Англіи. По воззрѣнію г. Ло, побѣдитель лучшій судья относительно того чѣмъ можетъ быть обезпеченъ миръ: *Vae victis!* При этомъ какъ бы для язвительной насмѣшки великобританскій государственный мужъ ссылается на нейтралитетъ своей страны: еслибъ Англія своимъ вліяніемъ хотя нѣсколько облегчила тяжесть бѣдствій разразившихся надъ Франціей, она, по мнѣнію г. Ло, нарушила бы свой нейтралитетъ.

Вотъ та знаменитая *entente cordiale* между Франціей и Англіей, которая своимъ обманчивымъ названіемъ скрывала истинное положеніе дѣлъ! Вотъ образъ дѣйствій той союзницы дружбу которой императоръ Наполеонъ такъ высоко цѣнилъ въ династическомъ интересѣ; вотъ плоды его государственной мудрости, прославленіе которой теперь взяла на себя *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*.

№ 193.

Москва, 7-го сентября.

Событія безпрерывно отвлекали наше вниманіе и не давали намъ кончить начатую рѣчь о предположенномъ преобразованіи гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ. Проектъ новаго гербоваго устава, по всей вѣроятности, поступитъ въ самомъ непродолжительномъ времени на окончательное законодательное разсмотрѣніе; поэтому не мѣшаетъ тщательно взвѣсить всѣ вѣроятные результаты этого проекта, въ связи съ другими финансовыми задачами предлежащими нынѣ правительству. Реформа актовыхъ налоговъ во всей своей совокупности могла бы имѣть важное финансовое значеніе, но для этого надобно чтобы преобразованія разныхъ отраслей налоговъ были между собой согласованы. Въ здравой финансовой системѣ одна часть поддерживаетъ другую, и ни одна не можетъ быть измѣнена независимо отъ всѣхъ другихъ. Гербовыя и крѣпостныя пошлины суть важнѣйшіе виды нашихъ актовыхъ налоговъ; вся группа этихъ налоговъ, причисляя сюда, сверхъ гербовыхъ (7 милл. 100 т.) и крѣпостныхъ (3 м. 800 т.) пошлинъ, паспортный сборъ (2 милл.) и мелкія статьи доходовъ отъ застрахованій 60 т.), межевыхъ плановъ (38 т.) и маклерскихъ и нотаріальныхъ книгъ (9 т.), — даетъ казнѣ въ валовомъ итогѣ 12 милл., 500 т. дохода (по бюджету 1870 года), а за исключеніемъ расходовъ по взиманію, чистыхъ 12 милл. Какъ ни маловажна эта послѣдняя цифра съ сравненіи съ подобными доходами другихъ государствъ, однако она все же что-нибудь вѣситъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. За исключеніемъ подушныхъ и питейныхъ сборовъ актовыя пошлины по своему чистому доходу превосходятъ всѣ остальныя статьи бюджета, кромѣ только двухъ: оброчной поземельной подати съ государственныхъ крестьянъ и таможенныхъ сборовъ. Съ развитіемъ юридическаго и экономическаго быта, съ умноженіемъ сдѣлокъ, съ успѣхами просвѣщенія, и при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ самой организаціи актовыхъ налоговъ, доходъ отъ нихъ могъ бы возрасти значительно. Между разными видами нашихъ актовыхъ сборовъ, гербовыя и крѣпостныя пошлины не только нынѣ занимаютъ главное мѣсто, но лишь онѣ однѣ имѣютъ будущность. На третью крупную вѣтвь актовыхъ пошлинъ, паспортный сборъ (2 милл.), очевидно невозможно смотрѣть какъ на нормальный финансовый источникъ. Хотя этотъ налогъ, по формѣ взиманія, принадлежитъ къ разряду актовыхъ пошлинъ, но по сущности слѣдуетъ причислить его къ подушнымъ или къ личнымъ податямъ, обременяющимъ наши такъ-называемые податные, то-есть рабочіе и промышленные классы. Можно ли радоваться возрастанію этого дохода, — возрастанію которое замѣчается съ 1866 года (ежегодно на 100.000 р.)? Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ только объ оживленіи нашей промышленности въ послѣдніе годы и также о подвижности рабочаго класса, не взирая на всѣ ограниченія и стѣсненія личной свободы лежащія у насъ на людяхъ этого класса. Если подвергается вопросу необходимость заграничныхъ паспортовъ уничтоженныхъ теперь повсемѣстно кромѣ Россіи и Папской Области (которая, мимоходомъ сказать, доживаетъ теперь свою послѣднюю минуту), то крайняя настоятельность отмѣны паспортной системы внутри государства, по крайней мѣрѣ въ ея нынѣшнемъ видѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Неподатные классы, получающіе многолѣтніе и безсрочные паспорты, не оплачиваемые никакимъ сборомъ, совершенно освобождены какъ ото всѣхъ податей, такъ и отъ паспортнаго налога, который, вслѣдствіе притѣсненія и вымогательствъ обществъ, сопряженъ для податныхъ сословій съ расходами гораздо бо́льшими чѣмъ требуется его офиціальными нормами. Напримѣръ въ сельскихъ обществахъ промышленныхъ губерній завелся нынѣ беззаконный обычай налагать на людей нуждающихся въ паспортѣ для отлучекъ оборъ въ пользу міра подъ названіемъ *гуляцкихъ денегъ* (въ Московской губ.), или *уличныхъ* (въ Ярославской). Замѣтимъ кстати что мировымъ посредникамъ слѣдовало бы воспрещать эти поборы, доходящіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ намъ положительно извѣстно, до 25 и 30 р. съ души въ годъ. Еслибы въ полицейскихъ видахъ было признано невозможнымъ обойтись безъ закона о паспортахъ, — въ чемъ позволительно усомниться, — то квитанціи въ уплатѣ прямыхъ податей могли бы какъ нельзя лучше замѣнить ихъ. Такія квитанціи, дающія право на безпрепятственные переѣз-

ды по всему государству въ теченіи срока за который подати уплачены, были бы весьма полезною мѣрой и въ финансовомъ отношеніи, какъ одинъ изъ способовъ сокращенія недоимокъ. Весьма печально что податная коммиссія, пересматривающая всѣ налоги и иногда посвящающая обширныя работы самымъ ничтожнымъ сборамъ, оставила безъ всякаго вниманія паспортный налогъ. А между тѣмъ специальная паспортная коммиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ признавала невозможнымъ предложить коренныя измѣненія и облегченія въ паспортной системѣ только потому что она даетъ значительный государственный доходъ, вопросъ же объ отмѣнѣ этого дохода не входилъ въ компетенцію паспортной коммиссіи. Податная коммиссія издала многочисленныя ученыя изслѣдованія объ актовыхъ налогахъ и входила въ тончайшія соображенія о теоретическихъ ихъ началахъ, между прочимъ заявляла съ особенною настойчивостью о необходимости удешевленія бумаги обременяющей обороты банкирскихъ домовъ: какъ же было умолчать при этомъ о несправедливости паспортнаго сбора, который не можетъ быть оправданъ никакою теоріей актовыхъ пошлинъ? Для паспортнаго сбора служитъ основаніемъ фактъ не заключающій въ себѣ никакой имущественной сдѣлки. Передвиженіе человѣка съ одного мѣста на другое еще не есть само по себѣ признакъ какого-нибудь дохода или прибытка дающаго право на обложеніе; это только первоначальное условіе дѣятельности и труда, на первое время сопряженное съ расходомъ, который свидѣтельствуетъ не о достаткѣ, а только о затратѣ. Нельзя умолчать объ одномъ характеристическомъ фактѣ: податная коммиссія, предлагая замѣну всѣхъ нынѣшнихъ разборовъ гербовой бумаги однимъ 40 копѣечнымъ разборомъ и уменьшая чрезъ это впятеро цѣну 2-хъ рублевой бумаги, на которой между прочимъ пишутся паспорты для иностранцевъ, въ своихъ мотивахъ къ такому щедрому пониженію налога ставитъ пользу облегченія пріѣзда къ намъ иностранцевъ!

Какъ бы не велика была эта польза, допуская даже невозможное предположеніе что иностранцы размножатся у насъ вслѣдствіе удешевленія для нихъ пребыванія въ Россіи на 1 руб. 60 коп. въ годъ, все-таки не меньшей, казалось бы, заботливости заслуживалъ вопросъ объ облегченіи расходовъ многимъ десяткамъ милліоновъ самыхъ бѣдныхъ русскихъ подданныхъ. Паспортные расходы часто препятствуютъ людямъ перемѣнить свой образъ жизни и занятія; отъ облегченія этихъ расходовъ зависитъ болѣе правильное распредѣленіе рабочей силы въ государствѣ, — вопросъ не менѣе важный чѣмъ облегченіе банкирскихъ операцій и размноженіе иностранныхъ путешественниковъ. Въ реформѣ актовыхъ налоговъ, наверстать на счетъ другихъ источниковъ два милліона паспортнаго сбора, если способы государственнаго казначейства не могутъ допустить утраты этого дохода, есть безспорно главная задача, — а она была вовсе упущена изъ виду. Между тѣмъ, вмѣсто возвышенія гербоваго дохода, которое требуется и въ другихъ интересахъ государственнаго казначейства, доходъ этотъ неминуемо упадетъ, если проектъ перейдетъ въ дѣло, а остальные виды актовыхъ налоговъ не имѣютъ никакого финансоваго значенія. Пошлина съ застрахованій была понижена въ 1868 (съ 15 на 5 к. съ рубля застрахованнаго имущества), и доходъ отъ нея со 165.000 упалъ нынѣ до 60.000. Нельзя не пожелать полной отмѣны этого налога на бережную предусмотрительность, который не имѣетъ никакого разумнаго основанія, и повсемѣстно возбуждаетъ ропотъ, даже въ богатой Англіи, гдѣ онъ былъ пониженъ въ послѣдніе годы. Нужно всѣми мѣрами способствовать у насъ развитію застрахованія имуществъ, а не тормозить это дѣло налогомъ, который, принося ничтожный доходъ казнѣ, слишкомъ чувствителенъ для плательщиковъ. Даже съ фискальной точки зрѣнія всѣ подобныя мелкія статьи государственныхъ доходовъ, столь многочисленныя въ нашемъ бюджетѣ и затрудняющія финансовую администрацію и контроль, слѣдуетъ постепенно отмѣнять; ихъ весьма легко навёрстывать сбереженіемъ расходовъ, между прочимъ по взиманію налоговъ. Что касается двухъ остальныхъ статей актовыхъ пошлинъ, сборовъ съ нотаріальныхъ книгъ и межевыхъ плановъ, — то онѣ такъ ничтожны что не заслуживаютъ никакого вниманія, и къ тому же совершенно тождественны по своей сущности съ гербовыми пошлинами, съ которыми и должны быть слиты въ одну систему.

Гербовыя и крѣпостныя (совокупно съ

канцелярскими) пошлины суть единственные актовые налоги въ настоящемъ смыслѣ этого слова; въ возвышенiи дохода отъ нихъ должно искать вознагражденiя не только за отмѣну другихъ актовыхъ сборовъ (паспортныхъ и страховыхъ), но и за необходимое пониженiе иныхъ отраслей государственныхъ налоговъ, въ особенности подушныхъ сборовъ. Серiозная реформа этихъ послѣднихъ неизбѣжно потребуетъ отъ казны жертвъ которыя должны быть отнесены на другiе источники. Но увеличенiе дохода отъ актовыхъ пошлинъ посредствомъ валоваго возвышенiя ихъ размѣровъ, безъ различiя предметовъ обложенiя, есть дѣло невозможное. Нѣкоторыя пошлины, какъ напримѣръ крѣпостныя съ купчихъ крѣпостей, напротивъ потребуютъ даже пониженiя. Актовыя пошлины нельзя даже сравнивать съ такъ-называемыми косвенными налогами, взимаемыми съ товаровъ болѣе или менѣе принадлежащихъ къ роскоши (само собою разумѣется что сюда не принадлежитъ соль, которая никакъ не можетъ быть нормальнымъ предметомъ обложенiя). Въ самомъ крайнемъ случаѣ, излишняя высота налоговъ на такiе товары сопровождается сокращенiемъ непроизводительнаго потребленiя; вздорожанiе же услугъ государства, оплачиваемыхъ актовыми пошлинами, становится зломъ ничѣмъ невознаградимымъ. Если примѣрно $4^1/_2$ миллiоновъ 20 копѣечныхъ листовъ гербовой бумаги ежегодно нынѣ потребляемыхъ сократится на $^1/_2$ милл., вслѣдствiе проектированнаго возвышенiя цѣны этой бумаги до 40 коп., то правительство никакъ не можетъ быть къ этому равнодушно, хотя бы общiй доходъ казны отъ гербовой бумаги при этомъ увеличился, ибо подобное фискальное соображенiе никоимъ образомъ не можетъ быть допущено, если ежегодно, въ 500 тысячахъ случаяхъ, русскiе подданные, за неимѣнiемъ денегъ на гербовую бумагу, вынуждены будутъ лишать себя охраны закона. Подобныя лишенiя не могутъ не имѣть своимъ послѣдствiемъ существенный вредъ который отзовется на всѣхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Съ другой стороны, пониженiе размѣровъ актовыхъ пошлинъ никакъ не возвыситъ доходности ихъ сколько-нибудь пропорцiонально сдѣланному пониженiю: потребленiе гербовой бумаги, заключенiе контрактовъ, продажа имѣнiй и пр. не могутъ быстро возрасти вслѣдствiе пониженiя пошлинъ гербовыхъ и крѣпостныхъ, подобно тому какъ возрастаетъ потребленiе сахара, водки, табаку и пр., или ввозъ иностранныхъ товаровъ, отъ пониженiя съ нихъ пошлинъ. Поэтому на пониженiе какъ гербовыхъ, такъ и крѣпостныхъ пошлинъ нельзя разчитывать какъ на способъ усиленiя ихъ доходности. Такъ напримѣръ, весьма значительная по актовымъ налогамъ статья дохода отъ вексельной бумаги (почти $1^1/_2$ милл. въ годъ до 1868 года) вдругъ теперь понизилась на 25% (то-есть на 370 тыс.) вслѣдствiе пониженiя цѣны этой бумаги въ 1868 году, хотя при обсужденiи этой мѣры въ податной коммиссiи ожидали что возрастанiе употребленiя гербовой бумаги для срочныхъ обязательствъ быстро вознаградитъ казну за упомянутое пониженiе. Услуги или, если угодно, товары, оплачиваемые актовыми налогами, имѣютъ исключительныя свойства въ сравненiи со всѣми другими предметами обложенiя. Эти свойства должно имѣть въ виду проектируя новую систему актовыхъ налоговъ, чтобы не впасть въ ошибки невыгодныя для казны и тяжкiя для платящей публики. Податная коммиссiя, предлагая новый гербовый уставъ, ожидаетъ увеличенiя гербоваго дохода на 33.000 р. въ годъ. По самымъ умѣреннымъ и достовѣрнымъ разчетамъ, вмѣсто этого прибытка, который впрочемъ такъ ничтоженъ что ради его не могло бы, кажется, быть вопроса о крутомъ преобразованiи издавна сложившагося порядка вещей,—слѣдуетъ ожидать весьма чувствительнаго для казны ущерба отъ этого проекта, что̀ и доказывало меньшинство податной коммиссiи.

№ 194.

Москва, 9-го сентября.

А.

Надняхъ имѣетъ прибыть въ Петербургъ уполномоченный временнаго правительства Францiи, г. Тьеръ. Знаменитый авторъ *Исторiи французской революцiи* и *Исторiи консульства и имперiи* имѣетъ за собою сорокалѣтнее политическое прошлое, и теперь время припомнить его въ главныхъ чертахъ. При Людовикѣ-Филиппѣ, г. Тьеръ былъ два раза министромъ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателемъ совѣта ми-

нистровъ: 22-го февраля 1836 и 1-го марта 1840. Оба раза правительственная дѣятельность его была ознаменована самостоятельностію взгляда и энергіей, какими вообще не очень отличалась политика іюльской монархіи. Въ первый разъ, находясь во главѣ правительства, г. Тьеръ боролся со внутреннею неурядицей въ расшатанной революціями странѣ, и тогда уже показалъ себя тѣмъ энергическимъ защитникомъ основъ цивилизаціи и общественнаго порядка, какимъ въ 1848 году выступилъ онъ на побѣдоносную борьбу съ Прудономъ и соціальною революціей *). Въ другой разъ, призванный ко власти, г. Тьеръ обнаружилъ ту же самостоятельность взгляда въ иностранныхъ дѣлахъ, а именно по случаю возбужденнаго египетскимъ пашой, Мегметомъ-Али, Восточнаго вопроса. Г. Тьеру принадлежитъ честь что онъ первый повелъ было въ сферѣ этого вопроса политику Франціи путемъ ея дѣйствительныхъ интересовъ. Руководимая г. Тьеромъ, политика Франціи 1840 года распознала что интересы Франціи на Востокѣ діаметрально противоположны политикѣ Англіи, постоянно напрягавшей свои силы чтобъ искусственно противодѣйствовать процессу естественнаго разложенія Оттоманской имперіи. Г. Тьеръ держался того убѣжденія что въ интересахъ Франціи слѣдуетъ, напротивъ, способствовать этому естественному ходу вещей и помогать образованію независимаго Египетско-Сирійскаго государства. Само собою разумѣется что на этомъ пути г. Тьеръ долженъ былъ надѣяться встрѣтить естественнаго союзника въ Россіи. Но въ Петербургѣ въ то время господствовали политическія воззрѣнія Лондонскаго кабинета, ставившія Россію въ прямое противорѣчіе съ требованіями ея собственной политики на Востокѣ. Какъ видно изъ извѣстнаго сочиненія покойнаго Н. Н. Муравьева (Карскаго): *Русскіе на Босфорѣ*, никто болѣе Петербургскаго кабинета не опасался въ то время распаденія Оттоманской Порты, такъ какъ Константинополь могъ-де сдѣлаться притономъ „злонамѣренныхъ людей“. Россія не только возстала противъ египетскаго паши поддержаннаго Франціей, но и заглушила начинавшееся возстаніе его союзника Милоша Обреновича и всѣхъ турецкихъ Славянъ. Усиліями Англіи, 15-го іюля 1840 года заключенъ трактатъ между Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей, съ цѣлію воспротивиться успѣхамъ оружія Мегмета-Али и защитить права султана. Ударъ нанесенный этимъ трактатомъ Франціи имѣлъ послѣдствіемъ паденіе министерства Тьера. Франція возвратилась подъ вліяніе англійской политики, и первымъ шагомъ ея послѣ того было вступленіе въ союзъ заключенный Англіей съ Австріей и *Пруссіей*, 13-го іюля 1841 года, подъ названіемъ *союза о проливахъ*, изъ коего естественно исключалась Россія, такъ какъ предметомъ этого союза была отмѣна предоставленной Россіи султаномъ, въ силу трактата Ункіаръ-Скелесси, исключительной привилегіи свободнаго прохода чрезъ Дарданеллы.

Еслибы вторая имперія поступала честно и не увлекалась ложно-понятыми династическими интересами во вредъ странѣ, то она могла бы найти въ г. Тьерѣ лучшаго совѣтника чѣмъ тѣ наемные слуги которые грабили страну. Онъ своими историческими трудами могущественно содѣйствовалъ популярности памяти Наполеона I, котораго бренные останки были возвращены во Францію также благодаря г. Тьеру, хотя въ послѣдствіи едва ли не приходилось ему каяться въ излишнемъ прославленіи этого героя...

Г. Тьеръ, прежде всего, заботился о самостоятельной національной политикѣ Франціи, и вся его политическая программа резюмируется его знаменитымъ возгласомъ въ 1867 году: „Soyons Français!“ Эта политика естественно ставила его въ противорѣчіе съ комедіей de l'entente cordiale Франціи и Англіи, и со внушенною этимъ „сердечнымъ согласіемъ“ безсмысленною политикой Наполеона III какъ въ Польскомъ, такъ и въ Восточномъ вопросѣ.

Еще въ 1840 году, г. Тьеръ впервые обратилъ вниманіе Франціи на опасности готовившіяся ей со стороны Рейна внезапнымъ пробужденіемъ пангерманизма въ границахъ обозначенныхъ знаменитою пѣсенкой Арндта. Г. Тьеру, при содѣйствіи маршала Сульта, обязана Франція укрѣпленіями Парижа, на которыя возлагается нынѣ ея послѣдняя надежда. Съ 1864 года, послѣ безнаказаннаго разграбленія Да-

*) Каррикатура *Charivari* 1848 года, озаглавленная *le Chien de garde*, изображаетъ г. Тьера въ видѣ дюжей цѣпной собаки схватившей за ногу перелѣзающаго черезъ заборъ Прудона, вооруженнаго книгой съ надписью: *La proprieté c'est le vol*.

нiи, г. Тьеръ не переставалъ указывать Второй Имперiи на грядущiя бѣдствiя какими грозило ей властолюбiе Пруссiи, и отъ которыхъ ловкая политика Лондона отвлекала вниманiе Наполеона III побрякушками польскаго возстанiя и мексиканской экспедицiи. Маститый государственный мужъ высказалъ съ особенною силой свои опасенiя въ засѣданiи законодательнаго корпуса 3-го мая 1866 года. Слово его было такъ убѣдительно и такъ подѣйствовало на общественное мнѣнiе что Наполеонъ III счелъ нужнымъ вступить съ нимъ въ состязанiе, и произнесъ, три дня спустя, свою пресловутую рѣчь, въ которой объявлялъ удивленному меру города Оксерра что онъ „ненавидитъ Вѣнскiе трактаты!“

Никто, конечно, не можетъ съ бо́льшимъ чѣмъ г. Тьеръ авторитетомъ говорить о предусмотрѣнномъ имъ еще въ 1840 году разливѣ пангерманизма. Понятно что назначенiе его было очень неблагосклонно принято прусскою печатью, которая, за неимѣнiемъ лучшихъ аргументовъ, высказываетъ свое раздраженiе тупыми и неприличными насмѣшками надъ преклонными лѣтами г. Тьера.... Но задолго до войны, когда его слово, столь же сильное какъ и въ лучшую пору его жизни, высказывалось противъ этой новой, столь грубой ошибки бывшаго императора, тѣ же самыя газеты превозносили его мудрость. Но прусской офицiозной печати ничего не стоитъ сегодня отрицать то что̀ утверждалось ею вчера: это ея обычная тактика.

Нечему удивляться также что и въ Англiи г. Тьеръ былъ встрѣченъ не симпатически...

В.

Францiя, говорятъ, есть злѣйшiй врагъ нашъ, потому что она поднимала Польскiй вопросъ. Еслибъ она восторжествовала въ нынѣшней войнѣ, продолжаютъ тѣ же господа, то Россiи грозила бы опасность очутиться снова предъ лицомъ этого пагубнаго вопроса. А потому, заключаютъ они, мы должны радоваться побѣдамъ Пруссiи и разгрому Францiи.

Это читали мы недавно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

Однако, чего же требовала Францiя, вмѣстѣ съ Англiей, въ 1863 году? Того чтобы Россiя признала автономiю польской нацiональности.

Вотъ въ чемъ заключается Польскiй вопросъ поднятый коалицiей 1863 года, въ которой участвовала Францiя.

С.-Петербургскiя Вѣдомости и ихъ друзья, какъ либеральные такъ и консервативные, наслѣдованные ими отъ *Вѣсти*, заставляютъ насъ радоваться паденiю могущественной державы, потому что она поддерживала вышесказанное требованiе: такъ, значитъ, враждебно это требованiе.

Хотите ли однако знать чего сами теперь же требуютъ эти господа? Прочтите помѣщаемое ниже письмо нашего петербургскаго корреспондента.

Они предлагаютъ Россiи къ немедленному исполненiю ту самую програму которую навязывала ей въ 1863 году враждебная коалицiя! Этого мало: коалицiя 1863 года имѣла непосредственно въ виду только Царство Польское, а эти господа распространяютъ ея програму на всю Имперiю!

Рѣшите же сами что̀ это за люди, есть ли въ нихъ правда, и чему они служатъ....

№ 195.

Москва, 10-го сентября.

А.

Мы сочли нелишнимъ, въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты, возобновить въ памяти главныя черты политическаго характера г. Тьера, которому на послѣдяхъ его жизни довелось ходатайствовать предъ дворами Европы о спасенiи своей страны, этой гордой Францiи, еще такъ недавно мнившей себя рѣшительницею судебъ мiра. Нельзя не выслушать человѣка съ такимъ значенiемъ какъ г. Тьеръ, даже въ томъ случаѣ еслибы нельзя было во многомъ согласиться съ нимъ. Онъ везетъ не програму какихъ-либо обширныхъ политическихъ предпрiятiй; онъ представляетъ собою побѣжденное дѣло, онъ ходатайствуетъ за нацiю поверженную во прахъ, онъ ищетъ только ограничить размѣры бѣдствiя ее постигшаго. Мы сказали что̀ могли въ пользу г. Тьера, но удержались отъ всякаго сужденiя касательно его миссiи. Мы не находимъ умѣстнымъ вторгаться со своими сужденiями въ дѣла которыхъ элементы и обстоятельства не могутъ быть намъ вполнѣ извѣстны. Вмѣшательство съ общихъ точекъ

зрѣнія въ вопросъ слишкомъ тѣсно обставленный совершившимися фактами не ведетъ ни къ чему, а нерѣдко можетъ вести къ результатамъ противнымъ ожиданію. Только точный разчетъ *всѣхъ* данныхъ элементовъ какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго свойства можетъ дать право на сужденіе болѣе или менѣе опредѣленное и рѣшительное.

Но воздавая должное государственному человѣку котораго имя принадлежитъ исторіи, мы отнюдь не думаемъ одобрять всѣ высказанныя имъ въ разныхъ случаяхъ мнѣнія или считать мудрыми всѣ поданные имъ своей странѣ совѣты.

Изъ своего давняго прошлаго г. Тьеръ не могъ вынести особенныхъ сочувствій къ Россіи. Его попытка въ 1840 году двинуть Восточный вопросъ въ томъ направленіи которому всегда слѣдовала русская политика не удалась. Съ тѣхъ поръ политика Франціи пошла инымъ путемъ, все болѣе и болѣе сближаясь съ англійскою и подчиняясь ей особенно въ дѣлахъ Востока.

Мудрено ли что, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, долго спустя послѣ паденія іюльской монархіи, которой г. Тьеръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, при другихъ обстоятельствахъ, въ виду новыхъ опасностей угрожавшихъ Франціи, онъ взглянулъ иначе на Восточный вопросъ? Въ своей *ораторской* дѣятельности 1867 года, г. Тьеръ сталъ въ прямое противорѣчіе съ основаніями своей *правительственной* дѣятельности въ 1840 г. Онъ явился ревнителемъ за султана и заговорилъ языкомъ Пальмерстона съ которымъ такъ горячо препирался въ 1840 г. Но онъ не былъ ослѣпленъ ненавистью въ своихъ сужденіяхъ касательно Россіи, — напротивъ, онъ горячо упрекалъ вторую имперію за ея нелѣпую политику въ 1863 году по Польскому вопросу. „Послѣ Крымской войны, Россія,“ говорилъ г. Тьеръ 14-го марта 1867 года, „не сохранила противъ насъ никакого злопамятства,—никакого! Она открыла намъ „свои объятія,—*а мы все-таки подняли „Польскій вопросъ.*“ Ораторъ какъ бы хотѣлъ сказать что послѣ этого Франціи оставалось мало надежды на сближеніе съ Россіей. Дѣйствительно, при данныхъ обстоятельствахъ, г. Тьеръ могъ еще менѣе обольщать себя этою надеждой чѣмъ въ 1840 году. Россія, сказалъ онъ въ той же рѣчи, связана съ Пруссіей. „Существуетъ ли между Россіей и Пруссіей „трактатъ о союзѣ, этого я не знаю,“ продолжалъ ораторъ, „но я знаю, и это „гораздо важнѣе, — что между обѣими „державами есть общій интересъ.“ Въ чемъ же находилъ г. Тьеръ этотъ общій интересъ? Онъ находилъ его въ томъ что между Пруссіей и Россіей можетъ произойти обмѣнъ взаимнаго предоставленія полной свободы дѣйствій: Россіи на берегахъ Босфора, Пруссіи на берегахъ Рейна... „*Вотъ въ чемъ заключается опасность, дѣйствительная опасность!*“ восклицалъ въ заключеніе ораторъ... Предупредить же эту опасность могла, по его мнѣнію, Франція лишь прочными союзами, но за погромомъ Австріи и при отношеніяхъ установившихся между Пруссіей и Россіей, также какъ между Пруссіей и Италіей, Франціи, какъ явствовало изъ доводовъ оратора, не оставалось иного исхода какъ обратиться къ Англіи. Союзъ же съ Англіей, объяснялъ г. Тьеръ, налагаетъ на Францію политику консервативную въ сферѣ международной, долженствующую поддерживать statu quo, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Оттоманскую имперію, и либеральную политику внутри. „Будьте „увѣрены“, утверждалъ ораторъ, „что „Франція и Англія будутъ въ крѣпкомъ „союзѣ въ тотъ день когда эта политика „будетъ принята откровенно и добросо„вѣстно.“

Такова сущность политической программы высказанной г. Тьеромъ въ 1867 году. Печальное заблужденіе! Франція не привлекла Англію на свою сторону либеральною политикой внутри. Союзъ съ Англіей могъ погубить Францію, но онъ не можетъ ни спасти, ни поднять ее. События доказываютъ это съ полною очевидностію...

Б.

Въ событіяхъ потрясающихъ нынѣ весь образованный міръ Россія можетъ найти для себя много поучительнаго. Такъ, между прочимъ, живѣе даютъ намъ чувствовать себя наши финансовые недуги. Разстройство нашего денежнаго обращенія сопровождается нынѣ послѣдствіями тяжкими не только для нашихъ кармановъ, но и для нашего политическаго достоинства. Нашъ иностранный вексельный курсъ, отражающій на себѣ всего нагляднѣе паденіе цѣны

бумажныхъ денегъ сравнительно со звонкою монетой, колеблется подъ вліяніемъ случайностей прусскаго оружія. Не оскорбительна ли въ высшей степени, для народнаго самолюбія, мысль что цѣнность всѣхъ русскихъ капиталовъ исчисляемыхъ на узаконенную (бумажную) денежную единицу и судьба всѣхъ нашихъ промышленныхъ предпріятій находятся на концѣ меча прусскихъ полководцевъ? Какъ только Пруссія ринулась въ свое рискованное предпріятіе, нашъ вексельный курсъ и съ нимъ цѣна нашихъ денегъ упали разомъ почти до трети ихъ нарицательной цѣнности (за 100 руб. кредитныхъ билетовъ давали въ Берлинѣ въ началѣ іюля 70 талеровъ, вмѣсто 108 ихъ нарицательной цѣны). Потомъ, правда, вслѣдъ за прусскими побѣдами нашъ курсъ поднялся, и русскій рынокъ ожилъ, но тѣмъ не менѣе мы претерпѣли потрясеніе вслѣдствіе политики не нашего, а прусскаго правительства. Что можетъ быть грустнѣе такого положенія въ отношеніи къ чужой державѣ? Но это положеніе отнюдь не основано на какихъ-нибудь естественныхъ, отъ нашей воли не зависящихъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ Россія пробилась до морей Балтійскаго и Чернаго, она вышла изъ зависимости отъ Германіи, перестала быть ея *Hinterland*. Упомянутое выше неправильное положеніе искусственно создано нами самими и продолжаетъ существовать только потому что мы не воспользовались многими удобными для исправленія нашей денежной системы обстоятельствами, какова была напримѣръ эпоха послѣ польскаго бунта до настоящей войны, и до сихъ поръ не хотимъ понять что разстройство денежной системы никакъ не перестаетъ быть зломъ отъ того что къ этому злу всѣ привыкли. Одна изъ главнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ операцій берлинской биржи есть наживъ на счетъ Россіи чрезъ эксплуатацію ея финансовыхъ затрудненій. Берлинская биржа есть главный посредникъ для всѣхъ нашихъ процентныхъ бумагъ; она есть вмѣстѣ съ тѣмъ почти единственный заграничный рынокъ для нашихъ кредитныхъ билетовъ. Торговля нашими процентными бумагами доставляетъ Берлину неправильные барыши именно вслѣдствіе колебаній вексельнаго курса, которыя такъ не трудно производить. Спекуляціи Берлина на наши кредитные билеты отчасти искусственно поддерживали ихъ курсъ, но конечно нисколько не упрочили ихъ внутренней цѣнности, о которой наши сосѣди и доброжелатели предоставляютъ намъ позаботиться самимъ. Наши протекціонисты много шумѣли о промышленной независимости Россіи отъ другихъ странъ, и въ особенности отъ Германіи, и сѣтованія эти находили отголосокъ въ довѣрчивыхъ слояхъ русской публики. Неужели къ той промышленной зависимости о которой мы теперь говоримъ, зависимости дѣйствительной и разорительной для всего будущаго Россіи, наша публика останется равнодушною? За нѣмецкіе товары, хотя бы даже ввозимые къ намъ безпошлинно, Нѣмцы возьмутъ какіе-нибудь наши товары и это доставитъ какую-нибудь пользу нашимъ производителямъ, а отъ торга нашими кредитными билетами какихъ можемъ мы ожидать для себя барышей? Уже не говоря о глубокихъ потрясеніяхъ всей нашей промышленности и внутренней торговли, неминуемыхъ при этихъ скачкахъ вексельнаго курса, мы выигрываемъ по заграничной торговлѣ кредитными билетами лишь то что сбываемъ все съ большимъ и бо́льшимъ урономъ наши товары и процентныя бумаги, идущіе въ обмѣнъ на наши подешевѣвшія бумажныя деньги, и покупаемъ на нихъ все дороже и дороже иностранные товары. Кредитные билеты ходятъ взадъ и впередъ между Петербургомъ и Берлиномъ, и каждый разъ какъ цѣнность ихъ падаетъ, они возвращаются въ наши руки, ибо больше имъ некуда дѣваться; если когда Берлинъ удерживаетъ ихъ у себя, то лишь въ надеждѣ сбыть ихъ намъ же поболѣе выгодной цѣнѣ, то-есть извлечь пользу для себя изъ возвышенія вексельнаго курса. Такимъ образомъ, теряя отъ пониженія курса, мы платимъ и за его повышеніе.

Теперь можетъ-быть время подумать объ исправленіи нашей монетной системы, или по крайней мѣрѣ такое время скоро настанетъ по заключеніи мира. Обстоятельства могутъ сдѣлаться особенно благопріятными для этой операціи, вслѣдствіе принудительнаго курса объявленнаго во Франціи и долженствующаго погнать въ другія страны ея звонкую монету. Спрашивается: успокоимся ли мы на лаврахъ прусскихъ побѣдъ, и будемъ довольствоваться повышеніемъ вексельнаго курса на нѣсколько пенсовъ, или постараемся положить конецъ нашей финансовой неуря-

динѣ, воспользовавшись временною доступностью звонкой монеты, пока Франція, Италія и Австрія не начнутъ еще возстановлять свою денежную систему? Если мы не предупредимъ ихъ, то потеряемъ всѣ выгоды своего положенія: намъ придется дѣйствовать одновременно съ ними, и тогда всѣ необходимыя операціи обойдутся дороже, либо придется отложить ихъ еще на десятокъ лѣтъ, но тогда политическія событія уже непремѣнно застанутъ насъ врасплохъ. Какъ плохо приходится народамъ, даже болѣе богатымъ, когда событія застаютъ ихъ неготовыми, это мы въ очію видимъ на трагическомъ положеніи Франціи.

№ 198.

Москва, 11-го сентября.

А.

Лаконическому извѣстію о взятіи Рима италіянскими войсками предшествовали нѣсколько дней сряду весьма подробныя свѣдѣнія о переговорахъ веденныхъ между прусскимъ посланникомъ, г. Арнимомъ и италіянскимъ главнокомандующимъ, генераломъ Кадорной. Читатели помнятъ какого свойства были эти переговоры. Прусскій посланникъ усердно хлопоталъ если не спасти Римъ, — объ этомъ и думать было нечего, — то по крайней мѣрѣ отсрочить хоть на сутки его занятіе. Въ Римѣ находятся представители католическихъ державъ: они безмолствовали; вступался за Римъ только представитель протестантской Пруссіи. Все что возможно, то сдѣлано, и Пруссія не виновата если ея усилія не были въ состояніи спасти свѣтскую власть преемника Св. Петра...

А между тѣмъ, съ другой стороны, германскіе патріоты воздаютъ Пруссіи хвалу за нанесеніе послѣдняго удара папизму. „При Седанѣ," говоритъ австрійская съ германскимъ патріотическимъ характеромъ газета *Neue Freie Presse*, „разбитъ „на голову не одинъ цезаризмъ второй „имперіи: вмѣстѣ съ нимъ разбитъ на го„лову и папизмъ. Нѣмецкому народу и „страшной силѣ его оружія обязаны Ита„ліянцы тѣмъ что наконецъ могутъ завла„дѣть вожделѣнною столицей и водрузить „на семи холмахъ трехцвѣтное знамя."

Въ томъ же смыслѣ, но пророческимъ тономъ, проговаривались при началѣ войны нѣкоторыя прусскія газеты, особенно ультра-протестантскаго оттѣнка. Такъ *Крестовая Газета*, напримѣръ, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ предсказывала, въ статьѣ озаглавленной: *Бонапартизмъ и непогрѣшимость*, тѣ самыя послѣдствія которыя *Neue Freie Presse* возвѣщаетъ нынѣ какъ уже совершившіеся факты.

Итакъ, прусская политика умѣла задобрить Италію и въ то же время снискать дружбу папы, и возбуждая протестантскій энтузіазмъ, который празднуетъ паденіе папизма, услужливо заботится о продленіи его власти на цѣлыя сутки. И протестанты рады, и католики довольны... А надобно чтобъ эти послѣдніе были довольны ибо за черно-бѣлыми знаменами идутъ въ кровопролитныя битвы сотни тысячъ католиковъ южной Германіи, при-Рейнской Пруссіи, Силезіи, Восточно-Прусской провинціи, Познани, а въ близкомъ будущемъ имѣется въ виду провозгласить „протектора лютеранской вѣры" императоромъ Германіи какъ лютеранской, такъ и католической.

Извѣстно что послѣ первыхъ побѣдъ Пруссіи, между владыкой Рима и королемъ Прусскимъ открылся размѣнъ письменныхъ любезностей, начавшихся письмомъ его святѣйшества внушеннымъ благочестивою заботой о прекращеніи кровопролитія. Тогда же распространились слухи будто папская курія просила короля Вильгельма взять ее подъ свое покровительство въ замѣнъ французской охраны. Римскія газеты горячо опровергали эти слухи; прусскія молчали...

Наконецъ, французское императорское правительство изчезло какъ исчезаютъ декораціи по свистку машиниста, и вотъ въ Римѣ, гдѣ ежедневно проповѣдуется что протестантская душа не можетъ спастись каковы бы ни были ея добродѣтели, гдѣ мѣсяца за три предъ симъ, на соборѣ, чуть не предали анаѳемѣ хорватскаго епископа Штроссмайера за дерзновенное мнѣніе что и между протестантами бываютъ люди добродѣтельные, — въ Римѣ, передовой и самый рьяный органъ іезуитской партіи, *Unità Cattolica*, въ торжественной статьѣ доказываетъ что „побѣдами сво„ими король Прусскій обязанъ своему „смиренному, благочестивому, богобояз„ненному сердцу" и потому отъ него *требуется* чтобъ онъ не оставлялъ „намѣстника Христова."

Добрыя дѣла не остаются безъ награды. Хотя побѣды Пруссіи и ускорили паденіе свѣтской власти папы, хотя въ нихъ видятъ побѣду протестантизма надъ папизмомъ, но онѣ же призвали на нее благословеніе святаго отца, которое оказывается для ней не безвыгоднымъ. Архіепископъ познанскій, Ледоховскій, циркулярнымъ пастырскимъ посланіемъ предостерегаетъ свое духовенство отъ толковъ, распускаемыхъ „врагами церкви," будто „настоящая война имѣетъ характеръ религіозный, и будто бы побѣдами прусскаго оружія можетъ быть причиненъ „ущербъ католической церкви." Обязанность духовенства, говоритъ въ заключеніе это посланіе, есть „исправлять (berichtigen) эти ложныя мнѣнія о нынѣшней войнѣ, откуда бы они ни исходили," и это-де „предписывается духовенству не „только пастырскимъ (seelsorgische) долгомъ, но и христіанскою любовью."

В.

Заключаемъ нашъ разборъ проекта новаго устава гербоваго сбора нѣсколькими общими замѣчаніями собственно о проектированныхъ размѣрахъ пошлинъ.

Полагаемъ что податная коммиссія недостаточно признала необходимость усилить важный источникъ государственныхъ доходовъ, заключающійся въ двухъ главныхъ и единственныхъ состоятельныхъ у насъ видахъ актовыхъ пошлинъ, въ пошлинахъ гербовыхъ и крѣпостныхъ. Эта задача была указана государственнымъ совѣтомъ, при обсужденіи основныхъ началъ преобразованія гербоваго сбора. Возвышеніе дохода отъ гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ желательно не только вообще для усиленія способовъ государственнаго казначейства, не только въ виду нѣкоторыхъ настоятельно необходимыхъ и ожидаемыхъ реформъ по другимъ налогамъ (преимущественно по подушнымъ налогамъ), но также и по отношенію къ остальнымъ видамъ самихъ актовыхъ налоговъ, — паспортнаго и страховаго сборовъ, не имѣющихъ будущности и обреченныхъ на то чтобы государственное казначейство наконецъ ими пожертвовало. Вознагражденія казны за эту послѣднюю жертву весьма естественно искать въ возвышеніи дохода отъ гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ, уплачиваемыхъ болѣе зажиточными классами и основанныхъ на началахъ несравненно болѣе справедливыхъ чѣмъ сборъ за право отлучки, за право пропитанія, за гражданскую свободу, каковъ налогъ на паспорты.

О крѣпостныхъ пошлинахъ мы говорили подробно: мы старались доказать что слѣдуетъ отчасти возвысить, отчасти вновь учредить пошлину съ наслѣдствъ и понизить пошлину съ купли и продажи недвижимыхъ имуществъ. Теперь мы намѣрены ограничиться гербовымъ сборомъ и начнемъ съ замѣчанія что въ видахъ увеличенія доставляемаго имъ казеннаго дохода нельзя прибѣгать къ его валовому возвышенію. Это было бы противно здраво понимаемымъ интересамъ государства; когда, при возвышеніи актовыхъ налоговъ, сокращается количество дѣйствій ими оплачиваемыхъ, то это значитъ что въ сущности сокращаются и услуги оказываемыя обществу государственными учрежденіями. Такое сокращеніе было бы противно не только государственному, но и фискальному интересу. Мы имѣемъ предъ собою опытъ валоваго возвышенія гербовыхъ пошлинъ въ 1861 году и можемъ подтвердить фактами высказанное нами общее положеніе. Вслѣдствіе возвышенія цѣнъ гербовой бумаги, 15 копѣечной до 20 коп. или на 33%, 30 копѣечной до 40 коп., или на 33%, 60 коп. до 70 коп., или на 16% и 90 к. до 1 руб., или на 12%, число проданныхъ листовъ всѣхъ разборовъ бумаги, съ перваго же года дѣйствія этой мѣры, то-есть съ 1862 года, уменьшилось сравнительно съ средними числами предыдущаго шестилѣтія: 20 копѣечнаго разбора на $6\frac{1}{2}\%$, 40 коп.—на 8%, 70 коп.—на 4% и 1 руб.—на $5\frac{1}{4}\%$. При этомъ должно замѣтить что до 1862 года продажа всѣхъ разборовъ гербовой бумаги постоянно возрастала, такъ что дѣйствительное уменьшеніе ея сбыта подъ вліяніемъ ея вздорожанія было еще сильнѣе приведенныхъ цифръ. Далѣе, продажа двухъ низшихъ разборовъ уменьшалась сильнѣе двухъ высшихъ разборовъ, въ соотвѣтствіе большему возвышенію цѣны первыхъ чѣмъ послѣднихъ. Любопытно и назидательно что доходъ казны отъ возвышенія цѣнъ гербовой бумаги увеличился не пропорціонально ихъ возвышенію, а гораздо слабѣе: такъ доходъ отъ 20 копѣечной бумаги возросъ на 21% (возвышеніе цѣны

было на 33%), отъ 40 копѣечной — на 20% (возвышеніе на 33%), 70 коп.—на 10% (возвышеніе на 16%) и 1 руб.—на 4% (возвышеніе на 12%). Другими словами, казна выиграла отъ этого распоряженія въ меньшей пропорціи чѣмъ потеряли частныя лица: худшаго осужденія финансовой мѣры не можетъ быть. Таковъ результатъ огульнаго возвышенія гербоваго сбора, указывающій на необходимость дѣйствовать иначе. Какія же было бы выгодно избрать основанія для достиженія указанной государственнымъ совѣтомъ цѣли, то-есть для возвышенія дохода казны отъ гербоваго сбора безъ его огульнаго возвышенія?

Всего тутъ вѣрнѣе увеличить удобства публики при уплатѣ гербоваго сбора. Такъ напримѣръ, мы видѣли что незначительная повидимому мелочь, какъ печатаніе титула на гербовой бумагѣ, не мало усилила ея сбытъ. Еще выгоднѣе подѣйствуетъ проектированная замѣна гербовой бумаги марками которыя можно будетъ приклеивать къ документамъ уже написаннымъ. Тогда частная промышленность займется печатаніемъ не только титуловъ, но и всякихъ бланковъ для документовъ подлежащихъ гербовому сбору. Затѣмъ имѣютъ большую важность размѣры гербовыхъ сборовъ, ибо при ихъ соотвѣтствіи спросу доходность ихъ для казны можетъ непрерывно сама собою и безвредно для государства возрастать вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи и государственнаго благоустройства. Въ другихъ государствахъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, въ эпохи войнъ и народныхъ бѣдствій, прибѣгали къ возвышенію актовыхъ сборовъ, напримѣръ въ недавнее время въ Австріи и въ Италіи. Масштабы актовыхъ пошлинъ должны быть какъ можно болѣе соразмѣрены съ услугами оказываемыми частнымъ лицамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и предметѣ подчиненныхъ уплатѣ пошлины, а также съ пользою извлекаемою помянутыми лицами изъ этихъ услугъ; въ этомъ заключается первый и самый трудный вопросъ при установленіи этихъ налоговъ. Не должно также вовсе опускать изъ виду и имущественныя средства плательщиковъ, именно не должно повышать сборы обыкновенно платимые неимущими и въ то же время понижать всѣ прочіе актовые сборы, х[illegible] себѣ средства плательщиковъ не могутъ быть основаніемъ размѣровъ гербовыхъ пошлинъ, какъ это дѣлается въ податяхъ; смотрѣть на гербовыя и вообще на актовыя пошлины какъ на подати съ имуществъ и капиталовъ было бы весьма ошибочно.

Нельзя сказать чтобъ эти руководящія начала были приняты въ уваженіе въ проектѣ новаго гербоваго устава. Введеніе марокъ вмѣсто гербовой бумаги есть мѣра практическая, особенно если на ряду съ марками будетъ продаваться гербовая бумага, подобно тому какъ на ряду съ почтовыми марками продаются штемпельные куверты. Превосходно также предположеніе отмѣнить гербовый сборъ за простую вмѣсто гербовой употребляемую бумагу при дѣлопроизводствѣ. Но затѣмъ коренное измѣненіе дѣйствующей системы гербовыхъ пошлинъ предлагаемое проектомъ заключается въ замѣнѣ всѣхъ пяти нынѣшнихъ разборовъ гербовой бумаги одною 40 копѣечною пошлиной, взимаемою въ видѣ гербовой бумаги или гербовыхъ марокъ, общею для всѣхъ безъ изъятія случаевъ нынѣ подчиненныхъ уплатѣ простаго гербоваго сбора. Эта мѣра весьма сомнительна. Она встрѣтила сильныя возраженія въ средѣ самой податной коммиссіи, *) и противъ нея были поданы голоса значительнаго меньшинства членовъ. Меньшинство полагало сохранить въ принципѣ градацію гербовыхъ пошлинъ или разборовъ бумаги; при этомъ было между прочимъ предложено принять, примѣрно, два разряда пошлинъ: въ 30 к., взамѣнъ нынѣшнихъ 20 и 40 копѣечныхъ разборовъ бумаги, и въ 1 руб., въ замѣнъ остальныхъ трехъ разборовъ въ 70 к., 1 р. и 2 р. Финансовые результаты этого умѣреннаго предложенія были бы болѣе выгодны для казны, а между тѣмъ оно не отягощаетъ въ такой степени плательщиковъ какъ проектъ большинства. Противъ предположеннаго большинствомъ единообразнаго 40 коп. размѣра были приводимы между прочимъ слѣдующія соображенія: удвоеніе цѣны нынѣшняго низшаго (20 к.) разбора бумаги, уже и такъ возвышенной въ недавнее время (съ 15 на 20 коп.), было бы весьма чувствительнымъ отягощеніемъ плательщиковъ (сравнительно съ плательщиками высшихъ разрядовъ пошлинъ), такъ какъ нынѣ расходится въ

*) См. въ *Журналъ Общаго Собранія Податной Коммиссіи* № 31.

общей суммѣ листовъ гербовой бумаги двѣ трети низшаго разбора (около пяти милліоновъ листовъ), и только одна треть (около 2½ милл. листовъ) всѣхъ высшихъ разборовъ. Съ другой стороны, происходящее чрезъ единообразный 40 к. размѣръ, сильное пониженіе трехъ высшихъ разрядовъ пошлинъ (70 к., 1 р. и 2 р.) не вызывается никакою надобностью облегчить плательщиковъ этихъ разрядовъ пошлины. Однообразіе размѣра всѣхъ гербовыхъ пошлинъ, которымъ задались составители проекта, противно теоріи этого налога и не принято нигдѣ на практикѣ ни у насъ, ни въ другихъ государствахъ. Въ существующей нынѣ градаціи гербовыхъ пошлинъ по степенямъ административныхъ инстанцій и по важности документовъ нельзя не признать справедливыхъ основаній, соотвѣтствующихъ сущности актоваго налога.

Предлагаемая коммиссіей мѣра, совокупно съ остальными проектируемыми измѣненіями въ дѣйствующей системѣ гербовыхъ пошлинъ, по всей вѣроятности причинитъ казнѣ убытокъ, уменьшеніемъ нынѣ получаемаго гербоваго дохода. По отчетамъ государственнаго контроля, доходъ отъ гербовой бумаги (простой и крѣпостной) самъ собою возрасталъ въ послѣдніе годы болѣе чѣмъ на 200 тысячъ ежегодно (1867 на 206 т., въ 1869 — на 228 т.), но никакъ нельзя быть увѣреннымъ что проектируемыя преобразованія не остановятъ этого естественнаго возрастанія дохода, обусловленнаго нынѣшнею системой налога.

Коммиссія, какъ уже было однажды сказано, ожидаетъ что вслѣдствіе предложенныхъ ею измѣненій гербовой сборъ возрастетъ на 83.000 р. въ годъ. Такимъ образомъ если мы даже признаемъ правильными вычисленія составителей проекта, то его дѣйствіе оказывается ничтожнымъ въ смыслѣ усиленія казеннаго дохода. Но эти вычисленія проникнуты оптимизмомъ, ошибочность котораго не трудно доказать. По простому 40 копѣечному гербовому сбору, или нынѣшней простой гербовой бумагѣ, предполагается увеличеніе дохода на 300.000 р.; за основаніе этого разчета принято продаваемое нынѣ среднее количество листовъ гербовой бумаги и кромѣ того ожидается до 60 тысячъ увеличенія дохода отъ документовъ вновь облагаемыхъ пошлиною по проекту и нынѣ свободныхъ отъ нея. Первое изъ этихъ предположеній ошибочно потому что вслѣдствіе удвоенія цѣны (съ 20 к. на 40 к.) для цѣлыхъ двухъ третей количества нынѣ продаваемой бумаги слѣдуетъ ожидать неминуемаго уменьшенія ея продажи; въ 1862 году, при гораздо слабѣйшемъ возвышеніи ея цѣны, продажа гербовой бумаги всѣхъ разборовъ упала отъ 4% до 8%. Второе предположеніе не вѣрно, ибо вновь подчиняемыя гербовымъ пошлинамъ домашнія денежныя росписки, товарные счеты, накладныя и т. д., хотя и весьма многочисленны, но будутъ большею частью ускользать и отъ платежа пошлины, и отъ контроля; сверхъ того накладныя и квитанціи въ принятіи прошеній, по размѣрамъ пошлинъ (10 к. и 5 к.), не могутъ дать значительнаго дохода. Во всякомъ случаѣ доходъ отъ вновь облагаемыхъ документовъ долженъ оставаться въ запасѣ, безъ котораго не дѣлаются никакіе разчеты относительно будущихъ финансовыхъ операцій.

По другимъ отраслямъ гербоваго дохода оптимистскія ожиданія составителей проекта еще больше преувеличены. Отъ гербовыхъ пошлинъ взыскиваемыхъ нынѣ за употребленную на дѣлопроизводство простую вмѣсто гербовой бумагу получается годовой доходъ, среднею цифрой (за 1866—1868 гг.) въ 621.000 р.; этотъ сборъ отмѣняется проектомъ, и вмѣсто него вводится только оплата пошлиной двухъ бумагъ по каждому дѣлу: начальной (прошенія) и окончательной (рѣшенія). Въ разчетѣ составителей проекта предполагается что, вслѣдствіе этого нововведенія, только ⅔ нынѣшняго дохода отъ дѣлопроизводства будутъ утрачены для казны, но тутъ не приняты въ соображеніе два обстоятельства: 1) что и нынѣ почти всѣ прошенія подаются не на гербовой бумагѣ, и потому почти всѣ пошлины взыскиваемыя нынѣ за дѣлопроизводство составляютъ добавочный доходъ къ гербовой бумагѣ проданной для прошеній и пошедшей въ счетъ гербоваго сбора, вышеисчисленнаго по первой статьѣ, и 2) что теперешнія пошлины за дѣлопроизводство взимаются въ размѣрахъ отъ 20 коп. до 1 руб., а по проекту будутъ взиматься въ 40 копѣечномъ размѣрѣ, и потому съ одной стороны уменьшится количество прошеній, а съ другой стороны значительно уменьшится доходъ отъ прошеній и отвѣтовъ, оплачиваемыхъ

нынѣ 70 коп. и 1 руб. въ среднихъ и высшихъ казенныхъ мѣстахъ. Принявъ все это въ соображеніе, невозможно не согласиться что доходъ отъ пошлинъ съ дѣлопроизводства уменьшится болѣе чѣмъ на $^2/_3$ нынѣшняго дохода, и приблизительно должно положить minimum этого уменьшенія въ $^5/_6$, круглыми цифрами на 500.000 руб. (вмѣсто 382.000 руб. положенныхъ на эту потерю составителями проекта).

По пропорціональному гербовому сбору (нынѣшней крѣпостной гербовой бумагѣ) составители проекта ожидаютъ увеличенія дохода на 60 тысячъ отъ продажи 40 коп. гербовой бумаги, на которой будутъ писаться акты, сверхъ оплаты пропорціональнымъ сборомъ. Невозможно допустить, какъ мы уже говорили однажды, чтобы правительство согласилось на такое двойное обложеніе одного и того же предмета однимъ и тѣмъ же налогомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нужно принять въ соображеніе уменьшеніе дохода отъ пропорціональнаго гербоваго сбора, проектированнаго въ размѣрѣ ($^1/_3$ % съ цѣны акта) меньшемъ чѣмъ цѣны нынѣшней крѣпостной бумаги. Уменьшеніе этого дохода (1.100.000 руб.) на 100.000 будетъ наименьшимъ предѣломъ потери на этой статьѣ.

Въ общемъ результатѣ нашихъ вычисленій оказывается убытокъ казны по гербовому доходу въ 360.000 руб. Этотъ выводъ весьма умѣренъ, ибо основанъ на довольно благопріятныхъ шансахъ для казны; болѣе пессимистскіе разчеты идутъ гораздо далѣе этой цифры убытковъ. Членъ податной коммиссіи отъ государственнаго контроля г. Ададуровъ, въ особомъ мнѣніи поданномъ имъ противъ проекта и недавно отпечатанномъ, исчисляетъ вѣроятныя потери казны отъ проектированной реформы гербоваго дохода до $1^1/_2$ милл. въ годъ. Эти вычисленія очевидно преувеличены въ неблагопріятномъ смыслѣ: г. Ададуровъ между прочимъ полагаетъ что казна лишится всего нынѣшняго дохода отъ пошлинъ съ дѣлопроизводства, что̀ не совсѣмъ справедливо, и сверхъ того онъ ошибочно принимаетъ въ разчетъ уменьшеніе дохода отъ вексельнаго сбора, вслѣдствіе пониженія цѣны вексельной бумаги, которое уже приведено въ исполненіе гораздо ранѣе и составляетъ нынѣ совершившійся фактъ, хотя и остающійся на отвѣтственности податной коммиссіи. Какъ бы то ни было, нельзя не задуматься надъ одобреніемъ проектированной реформы гербоваго устава, когда она сопряжена съ такими рисками для казны. Финансовая задача въ этомъ дѣлѣ заключалась въ увеличеніи дохода казны, а никакъ не въ ослабленіи его Еще хуже что вмѣстѣ съ потерями казны должны значительно усилиться и стѣсненія для публики.

№ 197.

Москва, 12-го сентября.

А.

Англійская печать не то что̀ печать въ другихъ странахъ. Это не какіе-нибудь francs-tireurs,— это регулярная армія отлично организованная, превосходно вооруженная и мастерски предводимая. Англійская печать, это сама Англія, это ея правительственные классы, это ея великія партіи, которыя чередуются у кормила государства. Въ англійской печати устанавливаются точки зрѣнія для всей Европы, и европейское общественное мнѣніе часто есть не что̀ иное какъ только англійское мнѣніе. Первенствующіе англійскіе органы обладаютъ громаднѣйшими средствами, предъ которыми континентальная печать является совершеннымъ ничтожествомъ. Къ ихъ услугамъ всѣ способы освѣдомленія; безъ ихъ репортеровъ ничего не дѣлается; ихъ корреспондентамъ открытъ повсюду доступъ; ихъ передовыя статьи пишутся вліятельными политическими людьми. Кто, напримѣръ, одинъ изъ главныхъ редакторовъ руководящихъ статей въ газетѣ *Times?* Самъ г. Ло, the right honourable, членъ тайнаго совѣта, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ палаты общинъ, нынѣшній канцлеръ казначейства.

Мало сказать что англійская печать отражаетъ политику Англіи: ею политика эта дѣлается. Наблюдать за англійскою печатью, значитъ слѣдить за политическою игрой самой Англіи.

Трудно передать въ немногихъ словахъ то злорадство и ядовитую враждебность какими проникнуты относительно Франціи первенствующіе лондонскіе органы. Съ какою старательною заботливостью подмѣчается въ нихъ все что̀ клонится къ невыгодѣ Франціи, и какъ тщательно умалчивается обо всемъ что̀ можетъ быть ис-

толковано въ смыслѣ невыгодномъ для противной стороны! Мы не ошибемся если скажемъ что англійская печать столько же какъ и нѣмецкая, если еще не болѣе, враждебна къ Франціи, и что Англія, хотя и нейтральная держава, столько же желаетъ униженія, разграбленія и обезсиленія Франціи, какъ и воюющая съ нею Германія. Пусть Франція гибнетъ, она этого заслужила: вотъ смыслъ всѣхъ разсужденій наполняющихъ англійскія газеты. Онѣ предвидѣли неуспѣхъ миссіи г. Тьера въ Лондонѣ, онѣ предсказываютъ ему неудачу и въ Петербургѣ. Успѣвъ стать во главѣ нейтральныхъ, Англія убѣждаетъ ихъ что вопросъ объ условіяхъ мира долженъ быть рѣшенъ только между воюющими сторонами; пусть побѣдитель продиктуетъ какія хочетъ условія: нейтральные должны признать ихъ, побѣжденная сторона подчиниться имъ—равно безпрекословно.

Съ необыкновенною настойчивостью, съ удивительнымъ искусствомъ и силой выраженія живописуется предъ Франціей крайняя безпомощность и безвыходность ея положенія. Ни одного слова чтобъ отрезвить требованія побѣдителя; за то ежедневныя воззванія къ Франціи, чтобъ она смирилась, согласилась на всѣ требованія побѣдителя и безусловно отдалась ему во власть. „Мы были бы искренно рады,“ восклицаетъ лицемѣрно *Daily News*, въ сегодня-полученномъ нумерѣ, „еслибы Германія могла обойтись безъ территоріальнаго обезпеченія. Но *такъ какъ это невозможно*, то мы можемъ только надѣяться что нынѣшніе правители Франціи не устрашатся тяжкаго испытанія и не отступятъ ни предъ какими полезными жертвами.“ Нынѣшняя война показала въ поразительной очевидности кто, Франція или Пруссія, обладаетъ бо́льшими наступательными средствами, и вотъ, тѣмъ не менѣе, заявляется необходимость, для обезпеченія Германіи, усилить ее французскими областями, придвинуть границу еще ближе къ Парижу, отнять у Франціи и направить противъ нея же важнѣйшія ея крѣпости, ограбить ее до истощенія громадною контрибуціей. Франція, доведенная до уровня англо-прусскихъ требованій, не только будетъ безсильна, но станетъ вассаломъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, миролюбивой Пруссіи и консервативной Англіи.

Что совершенное уничиженіе Франціи выгодно для Германіи, это мы понимаемъ; но выгодно ли оно для Европы, это другой вопросъ. Еслибъ Англія дѣйствительно стояла на нейтральной почвѣ, а не была на сторонѣ Германіи, то она не могла бы желать совершеннаго обезсиленія Франціи предъ ея соперницей.

Вотъ самый тяжелый аргументъ который англійскія газеты, одна за другою, выдвигаютъ теперь противъ Франціи. Она обнажила мечъ, она начала хищническую войну, она хотѣла раздробить Германію и завладѣть ея землею: стало-быть съ нею по справедливости должно быть поступлено также, и она не въ правѣ жаловаться если ее разорятъ, раздробятъ и расхитятъ. Но это аргументъ врага, а не безпристрастнаго судьи. Что Франція начала войну нелѣпую и безумную, — это очевидно теперь для всякаго; но что она замышляла завоеванія, это ничѣмъ не можетъ быть доказано. Правительство Франціи, объявляя войну, рѣшительно заявляло что не желаетъ ни пяди германской земли, и что цѣль его только возвратить Германію въ то положеніе изъ котораго она была насильственно выбита въ 1866 году. Императоръ Наполеонъ возымѣлъ намѣреніе передѣлать сдѣланное Пруссіей, возвратить въ Германскій Союзъ изгнанную оттуда Австрію, возстановить павшіе въ Германіи троны и освободить государства ставшія провинціями Пруссіи. О войнѣ съ Германіей не было помышленія, напротивъ, въ мудрости своей, онъ надѣялся имѣть ее своею союзницей. Это была грубая ошибка, это было что хотите, но не завоевательный замыселъ. Намъ скажутъ что словамъ нельзя довѣрять, и что у императора Наполеона на умѣ было совсѣмъ не то что высказывалось въ манифестахъ и прокламаціяхъ. Но мы и не думаемъ основываться на словахъ императора Наполеона. На лицо фактъ, который говоритъ самъ за себя. Возможно ли думать что Франція предпринимала завоевательный походъ противъ Германіи съ такими военными средствами какія оказались въ ея обладаніи? Полная неприготовленность Франціи свидѣтельствуетъ что ея правительство, неспособное и ослѣпленное, предполагало сдѣлать только блестящую военную демонстрацію, въ увѣренности что Германія тотчасъ же раздѣлится на два лагеря, и что возобновится, толь-

во въ обратномъ смыслѣ, австро-германское междуусобіе 1866 года. Императоръ Наполеонъ поплатился за эту грубую ошибку, а Франція дорого поплатилась за свое правительство.

Но при всемъ цинизмѣ враждебнаго чувства къ странѣ которая была союзницей Англіи или вѣрнѣе постояннымъ предметомъ ея эксплуатаціи, лондонскія газеты съ тонко-разчитанною ловкостью прикидываются что радѣютъ объ интересахъ Франціи. Этого мало: показывается видъ что Англія не переставала, несмотря на объявленный ею нейтралитетъ и даже вопреки совѣсти, доброхотствовать Франціи. На дняхъ для этой цѣли была разыграна маленькая дипломатическая интермедія. Вотъ въ чемъ дѣло: изъ Франціи были сдѣланы заказы ружей и патроновъ въ нѣкоторыхъ заводахъ Англіи, гдѣ продажа оружія воюющимъ не запрещена закономъ, и вотъ сѣверо-германскій посланникъ, графъ Бернсторфъ, дѣлаетъ энергическое представленіе, на которое лордъ Гранвиль отвѣчаетъ оправдательною депешей. Документы эти тотчасъ же публикуются, о нихъ трубятъ телеграммы, и вотъ всему свѣту становится извѣстно что нейтральная Англія потворствуетъ Франціи. Въ Англіи заказано, — еще только заказано (а не доставлено) нѣсколько десятковъ тысячъ ружей для Франціи не имѣющей солдатъ: отсюда должно явствовать что Англія склоняетъ свой нейтралитетъ въ пользу Франціи. Очень хорошо зная что въ Англіи законъ не запрещаетъ продажи оружія воюющимъ сторонамъ, графъ Бернсторфъ не жалуется на нарушеніе международнаго права, но ссылается на „оскорбленное чувство германской націи", ожидавшей отъ Англіи „нейтралитета благоволительнаго къ правому дѣлу". Затѣмъ, какъ бы заранѣе ожидая возраженія что въ Крымскую войну Россія получила такимъ же образомъ изъ Пруссіи нѣкоторое количество боевыхъ принадлежностей, графъ Бернсторфъ спѣшитъ заявить этотъ фактъ, и объясняетъ его тѣмъ что Пруссія тогда держалась-де нейтралитета не безусловнаго, а „благосклоннаго къ Россіи". Эти дипломатическія пререканія, конечно, ни въ чемъ не измѣнятъ отношеній Германіи и Англіи. Но цѣль ихъ была бы достигнута, еслибы Франція убѣдилась что у нея нѣтъ болѣе вѣрнаго друга какъ Англія, а Россія что у ней нѣтъ болѣе вѣрнаго друга какъ Пруссія. Не знаемъ удастся ли этотъ эффектъ, но хороша параллель между Россіей и Франціей, съ одной стороны, Пруссіей и Англіей съ другой. Стало быть Пруссія такой же нашъ другъ какого Франція имѣетъ въ Англіи? Хорошъ другъ!

Б.

Теперь Парижъ разобщенъ съ остальнымъ міромъ, и о происходящемъ за его фортами можемъ мы знать лишь въ той мѣрѣ и томъ смыслѣ какъ разсудятъ повѣдать міру прусскія власти.

Мы не думаемъ чтобы столь цивилизованная и нравственная нація какъ Пруссія стала пускать по свѣту вымышленныя извѣстія; однако мы не можемъ не обратить нѣсколько болѣе пристальное вниманіе на полученную сегодня телеграмму изъ Феррьера отъ 23-го (11-го) сентября, гдѣ сказано что съ высотъ окружающихъ Парижъ и занятыхъ нѣмецкими войсками замѣчена на улицахъ стрѣльба изъ пушекъ, хотя неизвѣстно бьются ли то партіи или части войскъ... Телеграмма должна произвести впечатлѣніе: „Въ Парижѣ междуусобная война, бьются партіи, даже артиллерія въ дѣлѣ"; такъ всякій пойметъ это извѣстіе. Появилось же оно въ то самое время когда г. Жюль Фавръ ведетъ переговоры съ г. фонъ-Бисмаркомъ, а г. Тьеръ, какъ извѣщаютъ телеграммы, уже находится на пути изъ Вѣны въ Петербургъ. Какія бы такія партіи могли произвести вооруженное возстаніе? Не кроется ли тутъ недоразумѣніе? Въ Парижѣ собралось на защиту города до 400.000 человѣкъ, изъ которыхъ многіе никогда не держали ружья въ рукахъ, и, какъ намъ извѣстно изъ газетъ и корреспонденцій, въ Парижѣ производится ежедневно ученье съ пушечною и ружейною пальбой; при одномъ изъ такихъ ученій, можетъ-быть, и присутствовалъ на окружающихъ Парижъ высотахъ авторъ телеграммы, и нашелъ удобнымъ предположить что на улицахъ дерутся партіи. Онъ, конечно, могъ ошибиться въ своемъ предположеніи, но нельзя не замѣтить что онъ ошибся бы въ этомъ случаѣ какъ нельзя кстати. Наше предположеніе до нѣкоторой степени подтверждается и офиціальною телеграммой изъ того же Феррьера и отъ того же 23-го (11-го) сентября, гдѣ сказа-

но что „изъ Парижа нѣтъ ничего новаго“: могла бы такъ выразиться офиціальная телеграмма, еслибы за день до того происходила на улицахъ Парижа междуусобная борьба съ пушечною пальбой?

Что касается до извѣстія сообщаемаго въ послѣдней телеграммѣ объ отзывахъ парижскихъ газетъ относительно линейныхъ войскъ и подвижной гвардіи, то мы не можемъ ихъ провѣрить, такъ какъ, по всему вѣроятію, долго не будемъ получать парижскихъ газетъ.

№ 198.

Москва, 15-го сентября.

Послѣдняя дипломатическая новость, два циркуляра графа Бисмарка къ сѣверо-германскимъ представителямъ при нѣкоторыхъ нейтральныхъ дворахъ, вовсе не новость по своему содержанію. Все сказанное въ этихъ документахъ было ежедневно излагаемо и развиваемо въ газетѣ *Times* и другихъ вліятельныхъ лондонскихъ органахъ. Были передовыя статьи въ вышепоименованной газетѣ съ которыми почти буквально совпадаютъ циркуляры сѣверо-германскаго канцлера.

Г. фонъ-Бисмаркъ, желая вразумить дружественныя правительства, утверждаетъ что отвѣтственность за войну лежитъ не на императорѣ Наполеонѣ, а на самой французской націи. На этомъ утвержденіи основана вся аргументація долженствующая оправдать предъ Европой требованія побѣдителя. Законодательный корпусъ и французскій сенатъ, утверждаетъ г. фонъ-Бисмаркъ, настаивали почти единогласно на завоевательномъ походѣ противъ Германіи; органы общественнаго мнѣнія въ печати того же требовали громогласно и энергически: стало-быть, заключаетъ сѣверо-германскій канцлеръ, вся французская нація была одержима завоевательными стремленіями, а потому счеты должны быть сведены съ нею. Но зачѣмъ не сказать просто: мы хотимъ отнять у Франціи нѣкоторыя провинціи; мы хотимъ расширить свою территорію; мы хотимъ усилить себя насчетъ побѣжденнаго непріятеля? Этому всѣ безпрекословно повѣрили бы, это не встрѣтило бы сомнѣній ни съ какой стороны. Зачѣмъ же не предъявить фактъ своего хотѣнія во всей его простотѣ? Для чего еще оправдывать его? для чего облекать его въ аргументацію которая все-таки не можетъ прилично одѣть его?

Французскій сенатъ Наполеона III былъ выраженіемъ французской націи! Вотъ интересное сообщеніе которое будетъ совершенною новостью для Европы. Что же касается до органовъ общественнаго мнѣнія, то извѣстно что вся независимая печать, начиная съ самыхъ умѣренныхъ до самыхъ крайнихъ органовъ, была рѣшительнымъ образомъ противъ войны какого бы то ни было свойства, и шовинизмомъ отличались только органы офиціозные и бонапартистскіе. Но дѣло не въ этомъ. Мы вообще отрицаемъ что французскій народъ былъ виною войны, и говоря такъ, опираемся на авторитетъ, который не можетъ не имѣть значенія въ глазахъ г. фонъ-Бисмарка. „Мы яснымъ взоромъ измѣрили „отвѣтственность которой предъ судомъ „Божіимъ и человѣческимъ подвергается „тотъ кто вовлекаетъ въ истребительную „войну два великіе *миролюбивые* народа „въ самомъ сердцѣ Европы. Нѣмецкій, „такъ же какъ французскій народъ, одинаково пользовались благами христіан„скаго быта и возрастающимъ благосостоя„ніемъ, и предназначены къ болѣе благо„творному соперничеству чѣмъ кровопро„литіе. Но властитель Франціи сумѣлъ упо„требить для своихъ личныхъ интересовъ „и страстей *законное* и щекотливое само„любіе великаго народа...“

Это не мы говоримъ, это говорило правительство Пруссіи въ началѣ войны. Это слова которыми въ то время отъ имени короля Вильгельма была открыта графомъ Бисмаркомъ чрезвычайная сессія сѣверо-германскаго парламента.

Возможно ли было сказать все это въ то время, еслибы прусское правительство видѣло что французскій народъ былъ одержимъ войнолюбивымъ стремленіемъ, еслибъ онъ дѣйствительно всѣми своими органами громогласно требовалъ завоеваній, еслибы были справедливы слѣдующія слова изъ нынѣшняго циркуляра сѣверо-германскаго канцлера: „Въ плебисцитѣ и послѣдовав„шемъ, повидимому удовлетворительномъ, „положеніи Франціи, мы усматривали ру„чательство за сохраненіе мира и за мир„ное настроеніе французской націи. Со„бытія удостовѣрили насъ въ противномъ; „по крайней мѣрѣ они показали какъ легко „это расположеніе французской націи за-

„мѣняется противоположнымъ. Почти единогласно представители народа, сенатъ „и органы общественнаго мнѣнія въ печати требовали такъ громко и настоятельно завоевательнаго противъ насъ наступленія что у немногихъ въ одиночествѣ оставшихся друзей мира не достало „духа противиться этой войнѣ, и императоръ Наполеонъ можетъ-быть не неправду говорилъ увѣряя его величество „короля что положеніе общественнаго мнѣнія вынудило его къ войнѣ."

Нейтральная Европа находится теперь въ затруднительномъ положеніи: если вѣрить искренности воззрѣнія изложеннаго графомъ Бисмаркомъ въ его послѣднихъ циркулярахъ, то и она объявитъ неискреннимъ все что̀ высказывалось съ прусской стороны въ началѣ войны. Чѣмъ болѣе она расположена довѣрять графу Бисмарку, тѣмъ рѣшительнѣе должна она не вѣрить ему, и отрицать искренность либо того, либо другаго изъ двухъ противорѣчивыхъ заявленій. А между тѣмъ, какъ замѣчено выше, перенесеніе отвѣтственности съ императора Наполеона на французскую націю полагается сѣверо-германскимъ канцлеромъ въ основу аргументаціи предпринятой имъ для убѣжденія нейтральныхъ.

Аргументація состоитъ въ слѣдующемъ: такъ какъ французская нація требовала войны и алкала завоеванія, то Германія, одержавшая надъ ней верхъ, должна получить матеріальныя обезпеченія что впредь этого не возобновится. Пруссія не можетъ де вложить мечъ свой въ ножны, пока не упрочитъ за собой обладанія нѣсколькими французскими провинціями, не придвинетъ границы Германіи ближе къ Парижу и не обратитъ противъ Франціи ея же крѣпостей. Это, вмѣстѣ съ приличною контрибуціей, удовлетворитъ Германію, но этого же требуютъ и интересы Европы. Послѣднее утвержденіе можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ. Но дипломатическая логика не останавливается предъ затрудненіями: „Отнимая у Франціи, которая до „сихъ поръ была единственною нарушительницей спокойствія Европы, возможность дѣйствовать наступательно, мы „поступаемъ въ европейскомъ интересѣ „то-есть въ интересѣ мира," такъ разсуждаетъ сѣверо-германскій канцлеръ. „Отъ Германіи же," продолжаетъ онъ, „нельзя опасаться никакого нарушенія европейскаго мира." Однако, въ продолженіе шести или семи послѣднихъ лѣтъ какая держава была нарушительницей европейскаго мира? Въ это короткое время были двѣ большія войны, которыя потрясли европейскій порядокъ въ его основаніяхъ: кто былъ зачинщикомъ этихъ войнъ? Если не Франція, то какъ же въ циркулярѣ графа Бисмарка, назначенномъ для вразумленія нейтральной Европы, сказано что Франція была до сихъ поръ *единственною* нарушительницей европейскаго мира? Война въ 1864—65 годахъ раздробившая Данію, война 1866 года разгромившая Германскій Союзъ, сопровождались завоеваніями, какихъ давно въ Европѣ не дѣлалось; но въ этихъ войнахъ Франція не участвовала. Прежде она вела Крымскую войну, но не одна, а въ союзѣ съ Англіей, и при этомъ никакихъ завоеваній не сдѣлала. Она вела еще войну противъ Австріи, но въ союзѣ съ Италіей и въ согласіи съ Англіей, и также никакихъ завоеваній не сдѣлала, ибо присоединеніе Ниццы и Савоіи было не завоеваніемъ, а результатомъ сдѣлки съ итальянскимъ правительствомъ. Что же касается до угрожающаго положенія Франціи относительно Германіи, то извѣстно что въ продолженіе болѣе полустолѣтія Франція не вела никакихъ войнъ съ Германіей и не дѣлала никакихъ покушеній на ея территорію. Если въ нѣкоторыхъ задорныхъ парижскихъ газетахъ была иногда рѣчь о лѣвомъ берегѣ Рейна, то развѣ въ нѣмецкихъ газетахъ никогда не было рѣчи о Эльзасѣ? Развѣ въ нихъ не утверждается что балтійскія провинціи Россіи суть германская земля?

Но интересно то что Европа обязывается благодарностію предъ сѣверо-германскимъ канцлеромъ за упроченіе ея спокойствія посредствомъ присоединенія французской провинціи къ Германіи. Дабы Франція не могла нарушить европейскій миръ, она должна быть приведена въ совершенно пассивное относительно Германіи положеніе. Европа же должна видѣть для себя выгоду въ томъ что вмѣсто одной изъ ея великихъ державъ явится второстепенное государство неспособное къ самостоятельному дѣйствію и лишенное возможности начать какую-либо войну иначе какъ съ разрѣшенія Пруссіи или подъ ея знаменемъ. Европейскій интересъ есть германскій интересъ: это уже теперь возвѣщается Европѣ и этому Европа должна радоваться и содѣйствовать. Франція будетъ ослаб-

лена; за то Германія будетъ настолько же усилена. Она пріобрѣтетъ французскія провинціи, французскія крѣпости, французскія деньги, да еще, сверхъ того, она будетъ имѣть въ оставшейся послѣ этихъ операцій Франціи подручное себѣ владѣніе лишенное всякой возможности противиться ей.

И вотъ, въ заключеніе, сѣверо-германскій канцлеръ объявляетъ: „Никто не можетъ упрекнуть насъ въ неумѣренности за „эти законныя и справедливыя требованія.“

№ 199.

Москва, 16-го сентября.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ неочереднаго губернскаго земскаго собранія въ Москвѣ, которое засѣдало на прошлой недѣлѣ, былъ возбужденный министерствомъ путей сообщенія вопросъ о передачѣ казенныхъ шоссе въ вѣдѣніе земства.

Еще годъ тому назадъ мы много и подробно говорили о необходимости принятія неотложныхъ мѣръ относительно шоссейныхъ дорогъ, и излагали доводы заставляющіе желать передачи содержанія шоссейныхъ дорогъ земству, съ тѣмъ чтобы казна выплачивала ему деньги употребляемыя ею на ремонтъ и чтобы сбереженія сдѣланныя земствомъ изъ этихъ денегъ шли на улучшеніе мѣстныхъ путей сообщенія.

При обсужденіи вопросовъ касающихся нашихъ дорогъ, надобно постоянно имѣть въ виду нашу крайнюю отсталость въ этомъ отношеніи. Мы начали строить шоссе только въ 1833 году, когда въ другихъ государствахъ уже раскидывались рельсовыя сѣти, когда въ Англіи уже начинался первый желѣзнодорожный кризисъ. Въ теченіи сорока лѣтъ, издержавъ громадныя суммы, мы построили до 7.672 верстъ шоссе. Плохой успѣхъ! Достаточно припомнить что въ меньшее время (съ 1836 года), напримѣръ, во Франціи шоссировано *мѣстныхъ проселочныхъ* дорогъ перваго разряда 65.000 верстъ, втораго— свыше 40.000, третьяго—свыше 100.000, не говоря уже о департаментскихъ и государственныхъ дорогахъ.

У насъ шоссировались преимущественно дороги общегосударственнаго значенія (главныхъ сообщеній) и служившія для сообщеній между губерніями (большихъ сообщеній). За исключеніемъ пристоличныхъ мѣстностей, въ Россіи почти не было примѣра шоссированія дорогъ остальныхъ трехъ разрядовъ: почтовыхъ, торговыхъ и сельскихъ *). Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, значеніе нашихъ шоссе измѣнилось радикально: они перестали служить не только для государственныхъ сообщеній, но и для сношеній между губерніями. Наши шоссейныя дороги служатъ теперь только для мѣстнаго проѣзда.

Законодательство всѣхъ европейскихъ странъ отдаетъ дороги мѣстнаго значенія въ распоряженіе мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Того же взгляда держалось и наше законодательство относя устройство и содержаніе губернскихъ шоссе на счетъ мѣстныхъ (земскихъ) сборовъ и поручая завѣдываніе ими мѣстнымъ учрежденіямъ. Губернскія шоссе поступили въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія лишь въ 1842 году. Это повело къ постройкѣ большаго числа шоссе въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, но за то и постройка, и содержаніе шоссейныхъ путей стали гораздо дороже.

Теперь, съ перемѣной значенія шоссейныхъ дорогъ, нѣтъ никакого повода оставлять ихъ въ вѣдѣніи центральныхъ властей. Земскія учрежденія, напротивъ, представляютъ всѣ удобства какъ для болѣе разсчетливаго содержанія шоссе, такъ и для приспособленія ихъ къ дѣйствительнымъ мѣстнымъ потребностямъ. Къ тому же намъ пора, давно пора спѣшить шоссированіемъ нашихъ дорогъ чтобы вывести наши пути сообщенія изъ полудикаго состоянія въ которомъ они все еще находятся и которое еще рѣзче выдается при желѣзныхъ дорогахъ; а ближайшія средства къ тому могутъ быть доставлены болѣе экономическимъ содержаніемъ имѣющихся въ наличности шоссейныхъ дорогъ. При недостаткѣ правильныхъ боковыхъ, подъѣздныхъ путей, желѣзныя дороги не могутъ приносить должной пользы и давать соотвѣтственный доходъ. Цифры желѣзно-дорожныхъ сборовъ въ нынѣшнемъ году заставляютъ серіозно подумать объ этомъ.

Нынѣшнее управленіе шоссейными и водяными сообщеніями дѣятельно хлопо-

*) Кромѣ трехъ шоссе построенныхъ частными лицами.

четъ объ опредѣленіи условій передачи этихъ путей въ вѣдѣніе земства, и переговоры начальника сказаннаго управленія съ представителями Московскаго земства обѣщаютъ весьма успѣшное соглашеніе интересовъ.

Правительство, со значительною для себя выгодой, можетъ предоставить земству по 400 р. съ версты на ремонтъ, а также весь шоссейный сборъ, который долженъ употребляться собственно на постройку новыхъ шоссе, въ особенности для соединенія торговыхъ и промышленныхъ центровъ съ желѣзно-дорожными станціями. Ремонтъ версты обходится казнѣ свыше 700 р. *) Земству онъ обойдется гораздо дешевле; но у земства должны оказаться еще дальнѣйшія сбереженія. Ремонтъ версты перворазрядныхъ проселочныхъ дорогъ въ другихъ странахъ, при сильномъ проѣздѣ, обходится часто меньше 100 р. съ версты. Содержаніе императорскихъ дорогъ во Франціи обходится 740 фр. съ километра или около 200 р. съ версты **).

Можно ожидать большихъ сбереженій если ширина шоссе и толщина щебеночной насыпи будутъ опредѣляться сообразно дѣйствительной потребности, то-есть по существующему проѣзду. Наши казенныя шоссе, за всѣми сокращеніями расходовъ, все еще слишкомъ роскошны.

Шоссейный сборъ, въ вѣдѣніи земства, непремѣнно возрастетъ. Земству полагается предоставить право устанавливать тарифы по соглашенію съ министерствомъ и размѣщать заставы. Теперь шоссейныя заставы слишкомъ рѣдки. Цифра шоссейнаго сбора по Московской губерніи доходитъ до 73.000 руб. Даже при нынѣшнихъ издержкахъ взиманія сбора, которыя земство можетъ сократить, передача его земству будетъ для послѣдняго значительною субсидіей которая дастъ возможность привести въ порядокъ дороги губерній. Казенныхъ шоссе въ Московской губерніи считается 518 верстъ; земство уже шоссировало около 100 верстъ и ассигновало средства на постройку шоссейныхъ дорогъ еще на 100 верстъ.

Надзоръ за правильнымъ содержаніемъ шоссейныхъ дорогъ и постройкой новыхъ предполагается поручить инспекціи. По соглашенію съ инспекціей, земство будетъ составлять ежегодныя соображенія по ремонту, которыя поступаютъ на разсмотрѣніе министра путей сообщенія, а онъ будетъ сообщать земскому собранію свой отзывъ.

Условія относительно содержанія казенныхъ шоссейныхъ дорогъ предполагается заключать на десять лѣтъ. Въ этотъ срокъ долженъ быть составленъ проектъ постройки новыхъ шоссейныхъ дорогъ по мѣрѣ надобности. Проектъ поступаетъ къ министру путей сообщенія, который даетъ отзывъ въ срокъ указанный ст. 97 Положенія о Земск. учрежд.

Всѣ эти условія приняты послѣднимъ чрезвычайнымъ земскимъ собраніемъ Московской губерніи, чему нельзя не порадоваться.

Дѣло учрежденія московскимъ земствомъ учительской школы для приготовленія наставниковъ въ сельскія училища тоже подвигается впередъ медленными, но вѣрными шагами. На послѣднемъ губернскомъ собраніи, коммиссія коей поручено веденіе этого дѣла заявила что одобренный собраніемъ въ декабрѣ 1869 года проектъ устава земской учительской семинаріи прошелъ еще одну стадію необходимую для того чтобы могъ перейти въ жизнь, — а именно просмотръ министерства народнаго просвѣщенія. Министерство признало проектъ и приложенную къ нему учебную программу „составленными на здравыхъ педагогическихъ началахъ“, и указало лишь на нѣкоторыя „дополненія и измѣненія“ въ коихъ нуждается проектъ прежде чѣмъ можетъ поступить на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Самое существенное замѣчаніе касается служебныхъ правъ состоящихъ при школѣ должностныхъ лицъ (директоръ, законоучитель и преподаватели). Предоставленіе этимъ лицамъ служебныхъ правъ и преимуществъ наравнѣ съ лицами учебнаго вѣдомства (ст. 16, 22 и 27 проекта устава) требуетъ чтобы земская учительская семинарія „въ значительной степени“ подчинялась контролю министерства народнаго просвѣщенія, то-есть чтобы должностныя лица учительской школы были утверждаемы въ должностяхъ учебнымъ вѣдомствомъ, и чтобъ оно же имѣло надзоръ за ходомъ преподаванія въ оной. Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ да-

*) См. *Журн. Мин. Пут. Сообщ.* 1869, № 4, стр. 144.

**) Всѣхъ такихъ дорогъ считается во Франціи 38.420 кил. Ремонтъ ихъ обходится въ 28.500.000 франковъ вмѣстѣ съ капитальными исправленіями, на которыя сходитъ до 4.500.000 фр.

лѣе министерство, изъ числа помянутыхъ служебныхъ правъ должно быть исключено право на пенсію отъ государственнаго казначейства. Высочайшее повелѣніе, отъ 21-го апрѣля сего года, разрѣшаетъ ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ „о распространеніи служебныхъ правъ и преимуществъ, кромѣ *права на пенсіи изъ государственнаго казначейства*, на должностныхъ лицъ учительскихъ семинарій и школъ которыя будутъ учреждаемы на средства земства, *но съ тѣмъ чтобъ означенныя должностныя лица утверждаемы были въ должностяхъ учебнымъ вѣдомствомъ*". Собраніе согласилось со всѣми замѣчаніями министерства, чѣмъ устранены послѣднія затрудненія мѣшавшія представленію проекта устава на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Затѣмъ, въ виду необходимости обезпечить будущность лицъ которыя посвятятъ свой трудъ земской учительской школѣ, собраніе поручило особой коммиссіи выработать проектъ „земской эмеритальной кассы", съ тѣмъ чтобы проектъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе очередного губернскаго съѣзда въ декабрѣ.

№ 200.

Москва, 17-го сентября.

Органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, скорбитъ о захватѣ частной собственности на морѣ. „Мы должны," говоритъ эта газета, „вразумить „*великую націю*, что вести морскую вой„ну для того чтобы захватывать *безоруж„ные купеческіе корабли и причинять „ущербъ мирнымъ подданнымъ* непріяте„ля,—не значитъ идти во главѣ цивили„заціи...." Въ свою очередь *Крестовая Газета* съ досадой упрекаетъ нейтральныя державы за то что онѣ равнодушно присутствуютъ при столь якобы вопіющемъ нарушеніи парижскихъ постановленій 1856 года противъ каперства.

Крестовая Газета умышленно ошибается, а если *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сбирается вразумлять кого-либо въ этомъ отношеніи, то ей придется вразумлять всѣ великія державы участвовавшія въ парижской конференціи 1856 года, а въ томъ числѣ и свое собственное правительство. Всѣмъ извѣстно что парижскія постановленія 1856 года о каперствѣ отнюдь не запретили захвата „безоружныхъ купеческихъ кораблей" непріятеля; они ограничились запрещеніемъ захвата нейтральныхъ кораблей и *нейтральныхъ грузовъ*.

Итакъ, захватъ воюющими сторонами частной непріятельской собственности на морѣ есть дѣло не запрещенное кодексомъ международнаго права. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить что нынѣшняя война почти вовсе лишена морскаго значенія, и все дѣло ограничилось захватомъ весьма немногихъ судовъ. Но если прусскіе офиціальные органы негодуютъ на морскіе захваты, то во сколько же разъ болѣе приходится скорбѣть о горькой участи частной собственности на сушѣ, гдѣ случаевъ вредить ей несравненно болѣе, гдѣ арміи проходятъ цѣлыя провинціи, опустошая и разоряя ихъ въ конецъ...

Судя по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, положеніе жителей французскихъ областей невообразимо ужасно. Мы находимъ свидѣтельство тому въ англійскихъ газетахъ не симпатически относящихся ко Франціи, корреспонденты коихъ, сопровождающіе прусскія побѣдоносныя арміи, единогласно свидѣтельствуютъ о крайнемъ обнищаніи жителей Лотарингіи и Эльзаса. Всѣ бѣдствія обрушились на эти злополучныя населенія. Плохой урожай въ нынѣшнемъ году, опустошеніе страны движеніями большихъ армій и неслыханныя реквизиціи и контрибуціи прусскихъ властей привели населенія въ такое положеніе что у нихъ положительно нѣтъ средствъ къ существованію. Имъ грозитъ голодъ о какомъ давно не упоминалось въ лѣтописяхъ Европы. Корреспондентъ лондонской газеты *Daily News* сообщилъ для напечатанія въ этой газетѣ копію съ воззванія ко всѣмъ нейтральнымъ націямъ, подписаннаго гражданскими и духовными властями многихъ французскихъ деревень и городовъ лежащихъ между Мецемъ, Нанси и Седаномъ. „Въ мѣстностяхъ по ко„имъ прошли нѣмецкія арміи," сказано въ этомъ воззваніи, „не осталось ничего изъ „продовольствія собраннаго въ мирное вре„мя. Наши дома сожжены... Поля и луга „потоптаны... Ни хлѣбъ, ни сѣно нынѣш„нею осенью не были собраны ... Весь „нашъ рабочій скотъ, овцы и свиньи у „насъ отняты. Нѣтъ даже сѣмянъ для бу-

„дущаго посѣва, а во многихъ мѣстахъ „негдѣ и сѣять, потому что цѣлыя мили „стали заповѣдными для плуга по причи„нѣ положеннаго въ нихъ страшнаго и „священнаго посѣва человѣческихъ тѣлъ… „Голодъ и зараза, вотъ наслѣдіе остав„ляемое намъ войной на будущую зиму и „осень.“ Въ виду такихъ бѣдствій воззваніе обращается съ мольбой о помощи ко всѣмъ братьямъ человѣческой семьи.

Такое страшное разореніе страны причинено непомѣрными поборами прусскихъ войскъ. Корреспондентъ другой англійской газеты, *Daily Telegraph*, въ одномъ изъ своихъ писемъ, замѣчаетъ что онъ не сталъ бы говорить о системѣ реквизицій, еслибъ онѣ дѣйствительно ограничивались необходимымъ, но когда на небольшой поселокъ, ежегодный доходъ коего не превышаетъ 50.000 франковъ, налагается реквизиція въ 25.000 франковъ деньгами, при 600 сигаръ высшаго сорта, 1.800 средняго и 600 обыкновеннаго, не говоря уже о 60 бутылкахъ шампанскаго, 200 бутылкахъ бургонскаго и 1.000 бутылкахъ бордоскаго вина, то корреспондентъ невольно задаетъ себѣ вопросъ: „что же сдѣлаетъ подобная нація если она станетъ владычицей Европы?“

То же самое свидѣтельствуютъ и другіе очевидцы, и между прочимъ столь извѣстный всему образованному міру своими трудами протестантскій пасторъ Прессансе, сопровождавшій, вмѣстѣ съ герцогомъ Фисъ-Джемсомъ и аббатами Нувелленъ и Дарго, французскіе походные лазареты. Въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ одной швейцарской газетѣ, *Gazette de Lausanne*, отъ 20-го сентября, онъ сообщаетъ что послѣ битвы при Бомонѣ французскіе раненые были лишены всякаго продовольствія, ибо, замѣчаетъ онъ, прусскій корпусъ ничего не оставляетъ въ пройденной имъ мѣстности. Это, говоритъ онъ, не есть безпорядочный, но организованный, методическій грабежъ. „Прусскіе офицеры,“ продолжаетъ пасторъ Прессансе, „бываютъ довольно учтивы, когда обѣдъ хорошъ и когда не отказываются исполнить, даже въ случаѣ невозможности, ихъ требованія, напримѣръ, подать имъ шампанскаго, которое, по ихъ убѣжденію, течетъ во Франціи рѣками.“

Несмотря на разоренія самыми тягостными поборами, несчастныя населенія должны еще безропотно переносить свою участь. Горе имъ, если кто-либо, не принадлежащій къ регулярной арміи, осмѣлится принять участіе въ защитѣ своего очага и своей родины. Германская армія, которая на дѣлѣ есть вооруженная германская *нація*, не допускаетъ народнаго ополченія у непріятеля, и считаетъ его преступленіемъ, которое подлежитъ самому безпощадному возмездію. Ниже, въ нашей *Послѣдней Почтѣ*, читатели найдутъ манифестъ наслѣднаго принца Прусскаго приглашающій начальниковъ войскъ прибѣгать къ самымъ строгимъ возмездіямъ противъ жителей, буде приключится какое несчастіе хотя съ однимъ нѣмецкимъ солдатомъ. Если таковы предписанія начальства, то чего же ожидать отъ подчиненныхъ? Въ Лотарингіи и Эльзасѣ учреждены прусскіе военные суды для суммарнаго суда надъ вольными стрѣлками дерзающими наносить ущербъ вторгшемуся врагу; но кто поручится что разъ возбужденная жажда крови и мести будетъ сдерживаться этими слабыми гарантіями и не приметъ характера необузданнаго своеволія? До какой степени можетъ быть распалена эта жажда мести можно было видѣть изъ письма герцога Фисъ-Джемса, оглашеннаго всею европейскою печатью, о сожженіи Баварцами, во время битвы подъ Седаномъ, деревни Базейль со всѣми ея жителями.

Съ трудомъ вѣрится чтобы война между цивилизованными націями, въ наше время, могла принимать характеръ столь безпощадной и свирѣпой жестокости. Упомянутый корреспондентъ лондонской газеты *Daily Telegraph*, въ письмѣ изъ Седана, разказываетъ объ ужасномъ положеніи въ которомъ находились французскіе плѣнные сдавшейся арміи Макъ-Магона. Въ продолженіе пяти дней всѣ солдаты и тѣ изъ офицеровъ которые предпочли лишеніе свободы обязательству не поднимать оружія противъ Пруссіи въ нынѣшнюю войну, были согнаны какъ бараны на пространствѣ не болѣе Трафальгарскаго сквера въ Лондонѣ, безъ палатокъ и какого бы то ни было пріюта. Имъ выдавалось на пропитаніе всего по одному сухарю черезъ день на человѣка. Страшно было смотрѣть, говоритъ этотъ свидѣтель, на отощалыя лица офицеровъ, между коими были мои знакомые; ихъ блуждающіе глаза, ихъ изнуренный видъ подтверждали ихъ показаніе что они буквально умираютъ съ голода. Четыре дня они находились подъ пролив-

нымъ дождемъ, не мѣняя одежды; мало сказать что они промокли до костей: вода текла съ нихъ ручьями. Многіе дрожали отъ лихорадки, другіе страдали диссентеріей, сотни были скорчены ревматизмомъ. Врачебной помощи не было, потому что всѣ сдавшіеся французскіе врачи были немедленно приставлены къ прусскимъ раненымъ. Корреспондентъ видѣлъ какъ выводили военноплѣнныхъ изъ-подъ Седана. Слабые, больные, голодные, они принуждены были идти десять миль форсированнымъ маршемъ до станціи желѣзной дороги. Можно было бы по крайней мѣрѣ оставить ихъ идти себѣ, не издѣваясь надъ ними. Такъ нѣтъ. Ихъ отправляли партіями подъ музыку игравшую прусскія пѣсни, „а тѣхъ что отставали, хотя бы то были „офицеры, понукали тычками ружейныхъ „прикладовъ и криками *vorwärts*!“ Между тѣмъ продовольствія у нѣмецкихъ войскъ было въ изобиліи, и нѣмецкіе солдаты по два раза въ день ѣли говядину. На всю окрестную страну была наложена контрибуція, и всякое селеніе не доставлявшее оной было предаваемо грабежу. Корреспондентъ обращался съ разказомъ о видѣнномъ имъ къ тремъ прусскимъ генераламъ, но изъ нихъ двое вѣжливо попросили его не мѣшаться въ чужія дѣла, а третій разразился градомъ ругательствъ на французскую націю вообще и на французскую армію въ особенности.

„Я долго служилъ въ англійской арміи,“ говоритъ этотъ Англичанинъ,— „былъ въ „Индіи, и судьбѣ было угодно чтобъ я „попалъ въ плѣнъ къ Сейкамъ, отъ коихъ „конечно я не видалъ хорошаго обращенія. Я много путешествовалъ по Турціи, „Сиріи и Малой Азіи и видѣлъ часто то „что европейское мнѣніе справедливо назвало бы жестокостью въ обращеніи съ „плѣнными. Но я никогда не видалъ, — „говорю вѣрно и свидѣтельствуюсь моимъ „будущимъ Судьей Богомъ,—я никогда не „видалъ болѣе холодной жестокости какъ „въ обращеніи Пруссаковъ съ французскими плѣнными въ Седанѣ, и все сказанное мною остается далеко позади дѣйствительности, которая неизобразима...“

№ 201.

Москва, 18-го сентября.

А.

Германская публика совершенно опьянена мыслью о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Одни хотѣли бы съѣсть чуть не всю Францію, болѣе умѣренные бросаютъ жадные взоры на Эльзасъ и такъ-называемую нѣмецкую часть Лотарингіи. Въ пользу втораго мнѣнія, которое германской алчности все-таки кажется черезчуръ умѣреннымъ, высказался между прочимъ извѣстный историкъ Генрихъ Зибель. Весь вопросъ въ томъ, говоритъ Зибель, къ кому должны быть присоединены вновь завоеванныя земли? Если къ Пруссіи, какъ полагаютъ многіе, то нечего и думать о присоединеніи областей съ совершенно чуждымъ ей населеніемъ. „Это значило бы подрывать основы нашего политическаго единства, — значило бы враждебные этому „единству элементы, польскій и датскій, „подкрѣплять еще несравненно болѣе сильнымъ элементомъ французскимъ... Другое „дѣло Эльзасъ: мы требуемъ эту область „потому что французить ее начали не „прежде какъ съ 1789 года, потому что „мы твердо надѣемся, въ теченіи короткаго „срока, доставить тамъ нѣмецкому языку „господство въ административной и учебной сферахъ, надѣемся привязать къ себѣ „земледѣльческіе и рабочіе ея классы улучшеніемъ ихъ экономическаго быта.“

Итакъ, въ Пруссіи разчитываютъ главнымъ образомъ на то что Эльзасъ еще недостаточно „офранцуженъ.“ Мы полагаемъ что это ошибка. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ упомянутой области и сохранилась еще порченая нѣмецкая рѣчь, то все ея населеніе давно уже слилось съ Франціей и проникнуто часто французскимъ патріотизмомъ. Но еслибъ этого не было, еслибы между населеніемъ и государствомъ къ которому принадлежитъ оно, была только внѣшняя связь, еслибы народъ въ Эльзасѣ жилъ своею особою жизнью, еслибъ онъ питалъ въ себѣ нѣмецкое національное чувство, съ какимъ восторгомъ ухватились бы за это Нѣмцы чтобъ узаконить свои притязанія въ глазахъ Европы!

Чтобъ удержать за собою край, говорятъ г. Зибель, необходимо чтобы въ немъ языкъ цѣлаго государства сталъ органомъ

администраціи и школы. Если это невозможно, то лучше отказаться отъ него. Еслибы Пруссія, опираясь на бездѣйствіе Европы, и оторвала отъ Франціи ея провинціи, то благоразумные патріоты Германіи находятъ что лучше ей отказаться отъ пріобрѣтеній которыя повлекли бы за собой ослабленіе политическаго единства страны. „Власть которая,“ по замѣчанію г. Зибеля, „довольствуется подчиненіемъ себѣ разно„родныхъ подданныхъ, не въ состояніи „утвердить единаго и цѣльнаго государ„ственнаго устройства; при первомъ тяж„комъ ударѣ всѣ эти пестрыя, несплочен„ныя части расползуться во всѣ стороны, „и государство останется беззащитнымъ.“ Это мудрое правило принимаемъ мы съ должнымъ уваженіемъ къ авторитету прусскаго ученаго, который такъ ясно и опредѣленно высказалъ его: оно само собою примѣняется, напримѣръ, къ нашимъ балтійскимъ провинціямъ.

Хотя Нѣмцы и утѣшаютъ себя мыслью что Эльзасъ не успѣлъ еще сдѣлаться вполнѣ французскимъ, очевидно что замѣчаніе это можно признать справедливымъ развѣ только по отношенію къ ничтожному меньшинству. Но Нѣмцы не падаютъ духомъ. Разчитывая на то что въ Эльзасѣ уцѣлѣли остатки нѣмецкой рѣчи и что быть-можетъ не совсѣмъ изгладилась тамъ воспоминанія о времени когда эта область принадлежала Германіи, они готовы приняться энергически за дѣло, и настойчиво утверждаютъ что по минованіи немногихъ лѣтъ жители Эльзаса изъ Французовъ превратятся въ Нѣмцевъ, и что во всякомъ случаѣ теперь же нѣмецкій языкъ сдѣлается тамъ господствующимъ. Мы искренно желали бы чтобы несчастной области не суждено было подвергнуться подобнымъ экспериментамъ. Мы желаемъ этого и въ интересѣ Европы, и въ интересѣ человѣчества. Но видя съ какою энергіей отваживаются Нѣмцы на трудное дѣло, какъ не вспомнить о другихъ государствахъ гдѣ цѣлыя провинціи отданы во власть чужимъ національностямъ, гдѣ не дѣлается никакихъ попытокъ привлечь ихъ къ общей жизни страны, съ которою они связаны въ теченіи вѣковъ, между тѣмъ какъ честныя и рѣшительныя дѣйствія въ этомъ смыслѣ были бы тамъ встрѣчены благословеніями громадной массы населеній тяготѣющихъ къ русскому народу, съ которымъ искусственно и насильственно разобщаютъ ихъ....

Намъ много толкуютъ теперь что у Пруссіи должны мы учиться уму-разуму. Что жь, почему бы и не учиться? Пруссія не возбуждаетъ въ насъ сочувствія въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ, но мы всегда высоко цѣнили въ ея правительствѣ тотъ патріотизмъ и тотъ политическій смыслъ который обнаруживаетъ она въ своихъ дѣлахъ. Если Пруссія такъ нравится вамъ, берите же съ нея примѣръ въ хорошемъ. Вы слышали сейчасъ какъ разсуждаютъ умные люди въ Пруссіи: отчего же вы не подражаете имъ когда идетъ дѣло о вашемъ отечествѣ?

Но, возражаютъ намъ на это извѣстные господа которые прикрываютъ дурныя побужденія лоскомъ фальшиваго либерализма, Пруссія вмѣстѣ съ нѣмецкою рѣчью вносить въ покоренныя ею области свою богатую культуру. Навязывая силой свое господство, она-де въ то же время заставляетъ цѣнить и уважать его. Развѣ де въ такомъ положеніи находимся мы относительно населенія нашего Прибалтійскаго края?

Жалкіе и презрѣнные софисты! Что же нужно, по мнѣнію ихъ, для того чтобы *наши Нѣмцы* въ остзейскомъ краѣ и ополяченная шляхта западныхъ губерній благоволили наконецъ считать себя русскими гражданами? При переходѣ русскихъ земель Рѣчи Посполитой подъ русское владычество, господствовало тамъ возмутительное рабство, милліоны народа находились на степени безсловесныхъ скотовъ, анархія, невѣжество, гнетъ, униженіе человѣческаго достоинства были тамъ нормальнымъ состояніемъ, — и вотъ теперь когда все это измѣнилось, когда масса подавленнаго населенія пріобрѣла гражданскія права и матеріальное обезпеченіе, о которыхъ не дерзала она и мечтать въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, намъ говорятъ что власть Россіи можетъ опираться тамъ только на грубую силу! А балтійскій край, — развѣ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ не призваны мы внести туда многое что оказалось бы поистинѣ великимъ благомъ для массы его населеній? Улучшеніе быта крестьянъ, равенство сословій предъ закономъ, гласный одинаково доступный для всѣхъ судъ, отмѣна феодальныхъ порядковъ, — развѣ это не цивилизація? И что могутъ противопоставить этой цивилизаціи *нѣмецкіе* рыцари балтійскаго края, которые отстаиваютъ существующій тамъ порядокъ

вещей? Отчего же именно они являются въ глазахъ вашихъ представителями высшей культуры, а Россію выставляете выордой не имѣющею доли въ будущемъ?...

Б.

Часто приходится слышать что издѣліямъ нашей промышленности не достаетъ того благообразія и изящества, которыми отличаются однородные заграничные товары, что даже, когда наши товары внутренними качествами матеріяла превосходятъ иностранные, какъ напримѣръ всѣ наши металлическія, въ особенности желѣзныя, издѣлія, хлопчато-бумажныя, и въ особенности набивныя, по добротности суровья и прочности красокъ не уступающія лучшимъ англійскимъ и французскимъ тканямъ, многія кожевенныя издѣлія, и т. д., все таки иностранный товаръ находитъ болѣе покупателей и цѣнится дороже даже въ самой Россіи. Отдѣлка, красота формы, утонченность вкуса, бросающіяся въ глаза во всѣхъ иностранныхъ произведеніяхъ, сравнительно съ русскими, заставляютъ публику отдавать предпочтеніе первымъ, хотя бы они были гораздо дороже такихъ же точно русскихъ произведеній; это предпочтеніе отдаваемое публикой всему иностранному предъ отечественнымъ особенно разительно въ предметахъ моды, которая нынѣ болѣе и болѣе распространяется на всѣ части быта и проникаетъ во всѣ слои народонаселенія. Еще досаднѣе что даже въ самой Россіи иностранцы завладѣли производствомъ всѣхъ модныхъ и нѣсколько изысканныхъ товаровъ; безъ особеннаго личнаго труда, часто пріѣзжая къ намъ и безъ копѣйки капитала, они захватываютъ въ свои руки ремесла, которыми наживаютъ большія состоянія пользуясь исключительно нашимъ трудомъ и капиталомъ, и только руководя русскими рабочими и мастерами, остающимися у иностранцевъ навсегда при черной работѣ. Самымъ крупнымъ тому примѣромъ служатъ столичные иностранные магазины и ремесленныя заведенія, которые исключительно удовлетворяютъ всѣ потребности роскоши нашего достаточнаго класса и гдѣ почти все дѣлается русскими руками; но эти руки работаютъ по указкѣ изобрѣтательныхъ иностранцевъ.

Таковъ фактъ; онъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе всѣхъ кому дороги не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ, интересы русской промышленности, и кто страшится иностранной конкурренціи, дѣлающейся, несмотря на покровительство тарифа, съ каждымъ днемъ болѣе для насъ грозною.

Строки эти внушены намъ чтеніемъ брошюры В. И. Бутовскаго, директора Строгановскаго училища технического рисованія и художественно-промышленнаго музея въ Москвѣ: *О приложеніи эстетическаго образованія къ промышленности въ Европѣ и въ Россіи въ особенности*. Авторъ заслуживаетъ полной благодарности за возбужденіе вопроса, который, несмотря на свою важность, обращалъ на себя очень мало у насъ вниманія. Онъ объясняетъ постоянно возрастающее въ европейской промышленности значеніе эстетическаго элемента и повсемѣстное сочетаніе промышленной техники съ изящными искусствами, кладущее особенную печать на современную цивилизацію. Г. Бутовскій представляетъ интересный перечень замѣчательныхъ успѣховъ совершенныхъ на этомъ поприщѣ европейскими народами и усилій каждаго не уступить первенства другому. Огромныя пожертвованія были сдѣланы въ послѣднія 20 лѣтъ правительствами и частными лицами для доставленія промышленному и рабочему классу способовъ къ художественному образованію. Россія не можетъ оставаться равнодушною къ этому движенію, охватившему всю Европу съ неменьшею силой чѣмъ соревнованіе по усовершенствованію вооруженій; еслибъ и не было этихъ возрастающихъ успѣховъ у другихъ народовъ, то намъ давно пора пополнить замѣтный пробѣлъ въ воспитаніи нашего народа, чтобъ не оставаться навсегда при черной работѣ у сосѣдей. Нечего говорить что распространеніе грамотности въ рабочемъ населеніи есть первое условіе усовершенствованія всякаго его труда, но этого мало, и необходимы спеціальные способы содѣйствія художественному образованію ремесленнаго и рабочаго класса, оказавшіеся столь могущественными въ другихъ странахъ. Мѣры первоначально принятыя по этой части въ Англіи и потомъ въ другихъ странахъ заключаются въ устройствѣ художественно-промышленныхъ музеевъ, нормальныхъ училищъ для образованія учителей художествъ и рисовальныхъ школъ для рабочихъ. Вездѣ дѣятельность правительствъ и частныхъ

обществъ, образовавшихся во множествѣ съ національною цѣлію распространенія прикладныхъ художествъ, обращена на три упомянутыя категоріи мѣръ; но самою успѣшною изъ нихъ оказалось обученіе черченію и рисованію, и оно сосредоточило на себѣ нынѣ всѣ заботы правительствъ и частныхъ обществъ. Въ Англіи, подъ руководствомъ знаменитаго Кенингтонскаго музея и учрежденнаго при немъ центральнаго училища (national training school for art) для образованія учителей и учительницъ рисованія, провинціальныя и рисовальныя школы, обучающія рабочихъ за самую дешевую плату (15 к. за три урока въ недѣлю), такъ быстро размножались что въ 1865 году ихъ насчитывалось болѣе 900, съ 16.600 учащимися; сверхъ того, рисованіе преподавалось въ 500 приходскихъ училищахъ 90.000 ученикамъ. Во Франціи рисованье, во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ, сдѣлано обязательнымъ предметомъ преподаванія, наравнѣ съ грамотою, и вмѣстѣ съ тѣмъ заведены спеціальныя рисовальныя школы въ мануфактурныхъ центрахъ. Обученіе рабочаго класса рисованью занимаетъ нынѣ и Бельгію, и Германію. Рисовальное искусство скорѣе всякаго другаго искусства можетъ пробудить въ малообразованномъ и простомъ человѣкѣ чутье къ изящному, возвысить его умъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вооружить его незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго техническаго и ремесленнаго дѣла. Черченіе и рисованіе имѣютъ въ этомъ отношеніи особенную важность. Перваго толчка и руководства въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ ожидать отъ двухъ единственныхъ у насъ учебныхъ заведеній этого рода: Московскаго Строгановскаго Училища Техническаго рисованія и Петербургской рисовальной школы. Далѣе важнымъ подспорьемъ будетъ промышленный музей, нынѣ учреждаемый въ Москвѣ, на самомъ удобномъ для того мѣстѣ. Но этими пособіями дѣло ограничиться не можетъ. Мы полагаемъ что въ учительскихъ семинаріяхъ для народныхъ школъ рисованіе и черченіе должно принадлежать къ самымъ существеннымъ предметамъ преподаванія. Только такимъ образомъ введемъ мы этотъ элементъ, столь важный какъ для общаго образованія, такъ и для спеціально-техническаго, въ наши народныя школы.

202.

Москва, 19-го сентября.

Въ *Прибавленіяхъ (Beilage)* къ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, отъ 22-го (10-го) сентября, помѣщена статья *Die russische Presse und der deutsche Krieg*, любопытная во многихъ отношеніяхъ. Извѣстно, съ какимъ постоянствомъ и краснорѣчіемъ газета эта отстаиваетъ нѣмецкіе интересы взятые въ противоположность русскимъ. Старый органъ нѣмецкихъ „французоѣдовъ", и во время нынѣшней войны жесточайшій врагъ Франціи изо всей нѣмецкой печати, *Allgemeine Zeitung* въ то же время поборница того положенія вещей въ прибалтійскомъ краѣ которое такъ унизительно, такъ возмутельно для русскаго народнаго чувства и такъ явно противорѣчитъ духу всѣхъ благихъ начинаній въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Обрадовавшись съ какимъ-то средневѣковымъ фанатизмомъ паденію французскаго непріятеля какъ удару исторической „Немезиды" за прежнее могущество Франціи, отпраздновавъ въ недавней передовой статьѣ „осужденіе исторіей всей романской расы, всего романскаго быта", и поставивъ на мѣсто всего этого величіе цивилизованной и высоко - нравственной Германіи, *Allgemeine Zeitung* совершенно удовлетворила своему патріотизму съ одной стороны — съ западной. Теперь она снова обращается на востокъ, и вотъ что представляется ея взорамъ.

Русскій народъ забылъ теперь всѣ обиды которыя ему въ такомъ большомъ числѣ нанесла Франція Онъ забылъ пожаръ Москвы и опустошеніе Украйны (sic) въ 1812 году, разрушеніе Севастополя и русскаго флота, порабощеніе Чернаго моря, возбужденіе Поляковъ къ мятежу, всѣ поруганія которымъ де русское имя подвергалось въ Парижѣ, словомъ все за что, по ученію нѣмецкихъ патріотовъ, Россія должна была бы мстить Франціи въ сію удобную минуту.

Каждый народъ, поучаетъ аугсбургская газета, имѣетъ свои политическіе идеалы и задачи, исполненіе которыхъ онъ считаетъ своимъ призваніемъ. У русскаго народа такихъ де задачъ три.

Первая изъ нихъ — пріобрѣтеніе Константинополя, который въ устахъ народа называется Царьградомъ, то-есть, объясня-

етъ *Allgemeine Zeitung* своимъ не знающимъ по-русски читателямъ, *городъ царей* (Czarenstadt). Эту де идею нѣкогда питали церковь и поэзія, но со времени Крымской войны она, по замѣчанію нѣмецкой газеты, провалилась.

Вторая задача—польскій вопросъ. Но вопросъ этотъ по мнѣнію аугсбургской газеты, есть не что иное какъ ложь. Когда, говоритъ она, благодарственные гимны за эманципацію прискучили, то печать ухватилась за польскій вопросъ, но вскорѣ де онъ утратилъ всякое значеніе, и вотъ понадобилось питать національные идеалы въ иномъ направленіи. Наступила очередь идеи № 3-й.

Читатель уже угадываетъ что *третья* задача есть нѣмецкій вопросъ въ Россіи. Эта идея, по мнѣнію аугсбургской газеты, имѣетъ реальное основаніе. Русскій де ненавидитъ Нѣмца, который его превосходитъ „всюду и всегда, въ общемъ и „въ частностяхъ, въ дѣльности и успѣхѣ „работы, въ порядкѣ и процвѣтаніи, въ „общей организаціи и въ домашнемъ хо„зяйствѣ". Русскій у Нѣмца состоитъ „въ ремеслѣ рабочимъ, въ торговлѣ коммиссіонеромъ, въ присутственномъ мѣстѣ подчиненнымъ, въ наукѣ ученикомъ, *въ общинѣ отрицающимъ противникомъ* (in der Commune der negirende Opponent), въ промышленномъ предпріятіи побѣжденнымъ конкуррентомъ"; послѣдствіе такого повсемѣстнаго превосходства зависть и вражда къ пришельцу, „который однакожe совершенно необходимъ для каждой стороны русской общественной и государственной жизни". Печать „Московской школы" сумѣла де приплести сюда вопросъ о феодализмѣ въ балтійскихъ губерніяхъ, о феодализмѣ, котораго Русскій, даже образованный, и понять не можетъ. Русскій де гордится своими свободными учрежденіями, плодами новѣйшихъ реформъ. Но новѣйшія побѣды Германіи, начинаютъ де вселять въ Русскихъ страхъ. Узнавъ что Нѣмецъ не только дѣльнѣе, но и могущественнѣе его, Русскій будетъ де принужденъ преклониться предъ нимъ, и Нѣмецъ можетъ покорить его *даже на почвѣ святой Руси*.

Вотъ полная и откровенно изложенная программа той нѣмецкой партіи, которая и внѣ нашего отечества и внутри его стремится къ его порабощенію. Статья начинается съ попытки возбудить въ русской публикѣ чувство мести за прежнія несчастія причиненныя Россіи Франціей. Такія попытки встрѣчаются и въ другихъ органахъ нѣмецкой печати: такъ недавно *National-Zeitung*, въ передовой статьѣ, ставила русской политикѣ ту же цѣль отместки за Восточную войну, за поддержку Поляковъ, за разныя другія провинности Франціи, и точно также удивлялась русской забывчивости, которая не пользуется настоящею минутой чтобы радоваться и способствовать паденію Франціи. Нѣтъ народа который бы не терпѣлъ обиды отъ разныхъ другихъ народовъ, въ разные періоды исторіи, и по мнѣнію этихъ національно-германскихъ публицистовъ, каждый народъ долженъ держать наготовѣ эти старые счеты, выжидая случая удобно и безопасно накинуться на стараго обидчика. Это политика подсиживанія. При этой системѣ каждый народъ прячется въ засадѣ и таитъ свою давнишнюю злобу пока съ кѣмъ-нибудь не приключится бѣда: тогда онъ внезапно выскакиваетъ и впивается въ него когтями. Легко можетъ быть что для мстительнаго задора такое занятіе представляетъ много заманчиваго, но національная политика имѣетъ иныя цѣли нежели услажденіе подобнаго чувства. Смотрѣть въ одно прошлое и гнаться за возмездіемъ по меньшей мѣрѣ неудобно и не практично. Обстоятельства мѣняются часто не дожидаясь людскихъ симпатій или антипатій; ударъ котораго не отразили вовремя было бы нелѣпо отражать въ послѣдствіи, заднимъ числомъ; исторія идетъ впередъ, а закоренѣлое чувство мести лишь ослѣпляетъ и путаетъ трезвое пониманіе политической ситуаціи. Къ этой-то политикѣ грубой страсти хотятъ теперь привести насъ органы нѣмецкой политики.

Мы не будемъ вдаваться въ критику географіи и языкознанія ученаго автора статьи. Мы не будемъ доказывать ему что война 1812 года происходила не въ Украйнѣ, и что *Царьградъ* вовсе не значитъ „городъ *русскихъ* царей". Мы только засвидѣтельствуемъ что онъ выставляетъ цѣлью нашей восточной политики—завоеваніе Константинополя, и вѣковую борьбу нашу съ Польшей спокойно и невозмутимо вычеркиваетъ какъ ложь. Отдѣлавшись такъ дешево отъ этихъ двухъ вопросовъ, авторъ сосредоточиваетъ все вниманіе сво-

ихъ читателей, всю силу своей аргументации на третьемъ—на борьбѣ нашей съ Нѣмцами. Зачѣмъ и откуда эта борьба? По мнѣнію автора, дѣло очень просто: Нѣмецъ ученъ, дѣленъ, ему во всемъ удача, Русскій (это подразумѣвается) невѣжа, пустой малый, бездарный: какъ же не позавидовать счастливому Нѣмцу? Но счастливый Нѣмецъ обладаетъ драгоцѣннымъ институтомъ феодализма, котораго злосчастный Русскій не способенъ ни понять, ни полюбить. Счастливый Нѣмецъ, въ своемъ родномъ Мекленбургѣ и у насъ въ прибалтійскомъ краѣ, отстаиваетъ крѣпостные порядки, отъ которыхъ вся просвѣщенная Европа давно отказалась и которые она глубоко презираетъ. И вотъ на этихъ-то порядкахъ, на этомъ балтійскомъ рабовладѣніи, прикрытомъ приличнымъ названіемъ личной свободы крестьянъ и владѣнія землей по арендѣ, авторъ внезапно спотыкается. Онъ говоритъ что Германія свободнѣе Россіи, и въ то же время огорчается что Русскіе гордятся своими судебными и земскими учрежденіями; онъ говоритъ что Русскіе ненавидятъ нѣмецкихъ пришельцевъ за ихъ превосходство въ общей организаціи, и въ то же время съ соболѣзнованіемъ замѣчаетъ что прелесть феодальныхъ порядковъ не встрѣчаетъ въ Россіи достаточной оцѣнки. Пока въ статьѣ не зашла рѣчь о нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, все шло отлично: Русскіе представлялись читателю какими-то Абиссинцами, а Нѣмцы Англичанами, и ненависть восточныхъ варваровъ къ западнымъ цивилизованнымъ завоевателямъ казалась совершенно естественною. Это безсильная злоба грубой массы которая подавлена превосходствомъ интеллигенціи и культуры. Но вдругъ оказывается что интеллигенція горой стоитъ за феодализмъ. Ничто такъ не дорого, такъ не близко ея сердцу. Восточный варваръ завелъ у себя и гласный судъ, и земскія учрежденія, и освобожденіе крестьянъ съ землей, и еслибы не давленіе нѣмецкой цивилизаціи въ одномъ углѣ варварскаго государства, то и тамъ появились бы эти нововведенія. Только нѣмецкій элементъ въ нашихъ прибалтійскихъ окраинахъ, только наши „цивилизаторы“, которые ежедневно вопіютъ о нашей неурядицѣ, о нашей бѣдности, только они тормазятъ въ этомъ несчастномъ краѣ введеніе реформъ которыя положили бы конецъ его неурядицѣ и бѣдности его населеній. Только цивилизаторы мѣшаютъ цивилизаціи балтійскихъ губерній Только торжество *русской* національности, только примѣненіе къ этому побережью великихъ реформъ *русскаго* государства, можетъ избавить отъ бѣдствій населенія угнетенныя и разоренныя чужеземными завоевателями и искусственно задержанныя въ своемъ порабощеніи самозванцами цивилизаторской миссіи.

Читатели *Московскихъ Вѣдомостей* знаютъ каковы тѣ благодѣянія германской культуры которыми наслаждаются наши балтійскія окраины. Нужно ли еще повторять что мы боремся здѣсь за священнѣйшіе интересы нашей цивилизаціи? Нужно ли указывать на то что нѣмецкая партія *въ Россіи*, по своему положенію въ балтійскомъ краѣ, необходимо должна быть слѣпымъ противникомъ всякаго прогресса? Есть ли что-нибудь грубѣе той подтасовки, посредствомъ которой борьба наша противъ отживающихъ свой вѣкъ помѣщичьихъ привилегій выставляется какъ борьба противъ германскаго *просвѣщенія*?

Успѣхи германской мысли, завоеванія германскаго духа не составляютъ исключительной принадлежности германскаго народа. Они сдѣлались достояніемъ всего цивилизованнаго міра. Идея полнаго, всесторонняго, свободнаго развитія личности распространилась по всему свѣту, и заслуга ея распространенія въ значительной мѣрѣ принадлежитъ дѣятелямъ германской мысли и творчества, хотя и эта Франція надъ которою нынѣшніе нѣмецкіе патріоты глумятся съ такимъ недостойнымъ свободныхъ людей, съ такимъ рабскимъ злорадствомъ, участвовала не менѣе въ развитіи европейской гражданственности. Но та германская сила, которая теперь упивается торжествомъ побѣдъ въ Европѣ и злобствуетъ противъ дѣла прогресса и народнаго возрожденія въ нашемъ отечествѣ, есть ненавистная и темная сила. Это есть временный успѣхъ партіи реакціи, духа исключительности и мракобѣсія. Это успѣхъ нѣмецкой юнкерской партіи, которая въ своемъ отечествѣ, во время мира, была предметомъ глубокой ненависти всей наиболѣе просвѣщенной части общества, предметомъ заслуженнаго презрѣнія и удобною мишенью для зубоскаловъ. Только политика завоеванія доставила ей вѣсъ и обаяніе. Только лесть грубымъ завоевательнымъ инстинктамъ Нѣмцевъ и ихъ меч-

тамъ о возстановленіи Германской имперіи со средневѣковыми границами могла ослѣпить ихъ до того что большинство примкнуло къ юнкерамъ и измѣнило благороднѣйшимъ завѣтамъ своей культуры. Только опасность которою эта партія угрожаетъ сосѣдямъ Германіи доставила ей временную популярность внутри страны. И въ этомъ временномъ значеніи германское стремленіе является реакціонною и мрачною силой, угрожающею свободному развитію другихъ европейскихъ странъ и солидарною съ самыми дурными и зловредными въ нихъ партіями. Нельзя отрицать очевидности факта. Нельзя не видѣть что трижды — противъ Даніи, противъ самой Германіи, противъ Франціи—успѣхъ былъ на сторонѣ этой партіи. Но счастіе способно ослѣплять людей, и вотъ, упоенные успѣхами своего оружія, нѣмецкіе юнкеры—или ихъ печатные органы—мечтають *о покореніи себѣ Русскаго даже на почвѣ*, какъ они глумясь выражаются, *святой Руси.*

Моментъ для этого покоренія выбранъ повидимому удачно. Рука-объ-руку съ успѣхами германскаго завоеванія шла агитація нѣмецкой партіи въ Россіи, и многіе поразительные факты нашей администраціи какъ будто поощряли эту фантастическую надежду, выраженную въ *Allgemeine Zeitung* съ такимъ простодушнымъ безстыдствомъ. Но феодалы-завоеватели забываютъ одинъ факторъ въ этой борьбѣ. Въ то время какъ духъ реакціи и мракобѣсія празднуетъ въ центральной Европѣ свои кровавыя оргіи, духъ разумной свободы и прогресса совершаетъ въ Россіи великое дѣло преобразованій, и становится силой національное чувство юнаго, но могучаго народа, которому несомнѣнно принадлежитъ будущее, принадлежитъ тѣмъ вѣрнѣе чѣмъ темнѣе была доселѣ его доля. Какіе бы софизмы ни сочиняли феодальные борзописцы въ изложеніи борьбы русской національности съ нѣмецкими притязаніями внутри Россіи, для яснаго и безпристрастнаго взора нѣтъ сомнѣнія на чьей сторонѣ здѣсь прогрессъ, на чьей просвѣщеніе, на чьей дѣло человѣчества и цивилизаціи.

№ 203.

Москва, 21-го сентября.

Въ числѣ задачъ выдвинутыхъ потребностями народной жизни и ожидающихъ удовлетворенія, у насъ теперь на очереди и вопросъ о народномъ, доступномъ для массы, кредитѣ. Банковый кредитъ, крупный и средній, продолжаетъ у насъ понемногу упрочиваться и развиваться, приходя на помощь главнымъ образомъ нашимъ торгующимъ классамъ; но крестьянство и большинство мѣщанъ совершенно лишены въ настоящее время столь насущнаго для нихъ подспорья кредита. Между тѣмъ при тяжести и разнообразіи повинностей и платежей лежащихъ преимущественно на нашемъ сельскомъ людѣ, и при скудости денежныхъ средствъ состоящихъ обыкновенно въ его обладаніи, положеніе его нерѣдко бываетъ самое безпомощное, и онъ просто не знаетъ какъ свести концы съ концами. Въ такихъ случаяхъ крестьянинъ нашъ прибѣгаетъ по большей части къ великодушію деревенскаго кулака-банкира (обыкновенно цѣловальника), котораго услуги, разумѣется, оплачиваются слишкомъ дорого. Но и эта разорительная помощь не всегда подъ рукой, и зачастую результатомъ денежной несостоятельности крестьянина бываетъ продажа, что конечно вдосталь разстраиваетъ его хозяйство, и надолго, если не навсегда, отнимаетъ у него возможность снова какъ-нибудь собраться со средствами и разжиться. Существуютъ, правда, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ такъ-называемыя вспомогательныя и сберегательныя кассы, а у крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ есть сельскіе банки; но эти учрежденія не достигаютъ своей цѣли и съ теченіемъ времени все болѣе падаютъ. Заведенныя по приказу начальства и дѣйствуя подъ его ближайшимъ контролемъ и управленіемъ, помянутые „кассы“ и „банки“ идутъ въ разрѣзъ съ основными условіями хорошо устроеннаго кредита—подвижностью и свободой. Вотъ почему и выступаетъ теперь необходимость въ такого рода кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя, возникнувъ изъ среды самого народа и вызванныя его неотложными потребностями, а не благоусмотрѣніемъ власти и не для одного показа, оказывали бы бѣдному люду дешевый, по силамъ его,

кредитъ, въ то же время доставляя ему возможность откладывать въ вѣрныя руки свои небольшія сбереженія, дабы изъ малыхъ крохъ скопить копѣйку про черный день. Въ этомъ и состоитъ назначеніе такъ-называемыхъ ссудныхъ товариществъ или народныхъ банковъ.

Идея дешеваго народнаго кредита выросла на почвѣ Германіи, гдѣ главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ, какъ извѣстно, г. Шульцъ, мировой судья городка Делича (въ прусской Саксоніи) и членъ прусской палаты депутатовъ. Въ настоящее время Германія покрыта цѣлою сѣтью кредитныхъ товариществъ дѣйствующихъ на пользу трудящагося населенія. Ихъ тамъ насчитываютъ теперь свыше 1.000, при числѣ членовъ приблизительно въ 300.000 и при общей суммѣ оборота во 100 милл. тал. слишкомъ. Главное основное начало, на коемъ зиждется германская система народнаго кредита, начало самовспоможенія, исключаетъ всякую мысль о какихъ-либо благодѣяніяхъ свыше или со стороны; другое основаніе — круговая порука за сохранность ввѣряемыхъ банку капиталовъ; всѣ отвѣтствуютъ за одного и одинъ за всѣхъ. Тѣ самые ремесленники и рабочіе, изъ коихъ для каждаго въ одиночку кредитъ былъ благомъ недосягаемымъ, пріобрѣтаютъ полную къ нему способность (Creditfähigkeit) когда становится подъ фирму народнаго банка, сильнаго взаимною отвѣтственностію своихъ членовъ.

Примѣръ Германіи не остался безъ подражанія: ссудныя товарищества на началѣ взаимности перешли и переходятъ изъ нея во Францію, Бельгію, Италію, Австрію (въ одной Богеміи ихъ 100 слишкомъ) и пр. Нельзя не порадоваться что рѣчь о томъ заходитъ теперь и у насъ, причемъ руководителемъ этого благого начинанія является земство, которому народныя нужды должны быть и ближе, и знакомѣе чѣмъ наѣзжимъ начальникамъ, окружнымъ и инымъ. Впрочемъ, починъ въ устройствѣ народнаго кредита сдѣланъ былъ у насъ еще лѣтъ пять тому назадъ семействомъ Лугининыхъ основавшихъ въ своемъ имѣніи (Костромской губерніи, Ветлужскаго уѣзда, Рождественской волости) кооперативный банкъ подъ названіемъ „Рождественскаго ссуднаго товарищества“.*). Уставъ этого учрежденія послужилъ образцомъ Новгородскому губернскому земству, постановившему, какъ извѣстно, на чрезвычайномъ съѣздѣ своемъ 18-го іюня сего года содѣйствовать открытію народныхъ банковъ въ средѣ сельскаго населенія и ассигновавшему нынѣ же на образованіе основнаго капитала оныхъ 14.000 р. въ видѣ срочной процентной ссуды (въ томъ числѣ уѣзду Череповскому 3.000 руб., уѣздамъ Новгородскому, Старорусскому, Крестецкому, Боровицкому, Тихвинскому и Бѣлозерскому по 1000 р. и на могущія случиться надобности до конца года 5.000 руб.). Главныя черты принятаго Новгородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ проекта устава ссудныхъ товариществъ суть вкратцѣ слѣдующія: Товарищество выдаетъ своимъ членамъ-пайщикамъ ссуды въ томъ или другомъ размѣрѣ (сообразно съ величиной пая) на срокъ до девяти мѣсяцевъ и за 12% въ годъ. Допускается трехмѣсячная отсрочка. Выше извѣстнаго размѣра ссуда дается лишь за поручительствомъ двухъ лицъ состоящихъ членами товарищества. Если чрезъ недѣлю по прошествіи окончательнаго срока должникъ не платитъ, то приступаютъ (чрезъ волостное правленіе или чрезъ полицію) къ продажѣ его имущества. Членъ товарищества вноситъ въ кассу его въ теченіе каждой трети года не менѣе 60 к. до тѣхъ поръ пока пай его не возраститъ до 50 руб. Сверхъ того товарищество заключаетъ на сторонѣ займы и принимаетъ вклады изъ процентовъ. Эти двѣ статьи (паи и стороннія суммы) въ соединеніи съ основнымъ капиталомъ ссужаемымъ отъ земства (по 5%, и не далѣе чѣмъ на 12 лѣтъ) образуютъ оборотный капиталъ товарищества. Капиталъ же запасный составляется, вопервыхъ, изъ барышей перваго года которые членамъ не выдаются, вовторыхъ изъ 1/10 валоваго барыша получаемаго ежегодно, втретьихъ, изъ пени въ 1/2 коп. съ рубля взимаемой съ членовъ при дарованіи имъ отсрочки, и вчетвертыхъ, изъ „вступительнаго вклада“ вносимаго каждымъ вновь принимаемымъ членомъ. Запасный капиталъ есть общая собственность всего товарищества и дѣлится поровну между наличными членами лишь по прекращеніи онымъ своихъ дѣлъ, тогда какъ паи принадлежатъ членамъ въ отдѣльно-

*) Уставъ и отчетъ Рождественскаго ссуднаго товарищества съ объяснительною статьей В. Ѳ. Лугинина см. въ брошюрѣ г. Колюпанова: *Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ*

-сти и по выходѣ изъ товарищества могутъ быть каждымъ изъ нихъ получены обратно. Съ величиной же пая соразмѣряется каждый разъ и выдача дивиденда. Дѣла товарищества вѣдаются правленіемъ, состоящимъ изъ выборнаго распорядителя и указываемаго земствомъ „попечителя-контролера.“ Чрезъ посредство сего послѣдняго губернское земство „имѣетъ наблюденіе“ за ходомъ дѣлъ товарищества до возврата оному основнаго капитала. Наблюденіе это состоитъ, между прочимъ, въ томъ чтобы никакое измѣненіе или дополненіе въ уставѣ не было произведено безъ согласія, съ одной стороны, попечителя-контролера, а съ другой, общаго собранія членовъ (происходитъ каждые четыре мѣсяца); „въ случаѣ рѣшенія противнаго уставу,“ попечитель, если онъ съ этимъ рѣшеніемъ несогласенъ, можетъ потребовать обратно земскій капиталъ изъ банка „съ разрѣшенія губернской управы.“ Съ прекращеніемъ участія попечителя въ дѣлахъ товарищества, оно избираетъ изъ своей среды втораго распорядителя съ правами члена правленія. Распорядитель и бухгалтеръ получаютъ жалованье. Избираемый товариществомъ „повѣрочный совѣтъ“ изъ шести членовъ разъ въ мѣсяцъ повѣряетъ наличность кассы, книги и вообще состояніе дѣлъ. Операціи товарищества производятся по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, отъ 10-ти часовъ утра до 2-хъ пополудни.

Изложенныя постановленія проектированнаго Новгородскимъ земствомъ устава ссудныхъ товариществъ не отступаютъ вообще отъ оправданныхъ опытомъ началъ на коихъ построены германскіе народные банки и, по образцу ихъ, Рождественское ссудное товарищество. Нѣкоторыя особенности новгородскаго заимствованныя изъ сего послѣдняго устава вызываются мѣстными условіями и потребностями съ коими надо считаться у насъ и коихъ почти не знаетъ Германія. Такъ вліяніе сохраняемое земствомъ на дѣла товарищества чрезъ посредство живущихъ на мѣстѣ попечителей есть мѣра существенно необходимая для благополучнаго хода товарищества. Даже въ Германіи система народнаго кредита успѣхами своими обязана преимущественно просвѣщеннымъ и безкорыстнымъ усиліямъ отдѣльныхъ, проникнутыхъ сочувствіемъ къ нуждамъ народа личностей (кромѣ самого Шульца-Делича, извѣстны въ этомъ отношеніи имена адвоката Галбауэра, доктора Бернгарди, „прокурора“ Эрленмейера, портнаго Бирмана и пр.). У насъ же, по справедливому замѣчанію г. Лугинина въ его объясненіяхъ къ уставу Рождественскаго ссуднаго товарищества, дѣло рѣшительно не можетъ идти безъ высшаго „надзора и руководства“ лицъ знающихъ дѣло, безкорыстно преданныхъ ему и одаренныхъ „достаточною выдержкой, чтобы взяться за медленный и невеселый трудъ пріученія къ порядку и отчетности людей совершенно къ этому не привыкшихъ.“ Экономически, какъ свидѣтельствуетъ г. Лугининъ, наши товарищества съ самаго начала могутъ стоять независимо: имъ необходима поддержка „не матеріальная, а нравственная.“ Участіе земскихъ „попечителей-контролеровъ“ въ веденіи дѣлъ ссудныхъ товариществъ есть поэтому не непрошенная и тягостная опека, а жизненное условіе ихъ процвѣтанія въ особенности на первыхъ порахъ. Другая особенность допущенная въ уставѣ Новгородскаго земства касается членскихъ взносовъ, которые производятся не ежемѣсячно, какъ это принято въ большинствѣ германскихъ банковъ, а по третямъ года. И въ этомъ случаѣ Новгородское земство послѣдовало опыту Рождественскаго ссуднаго товарищества, гдѣ постановленіе о ежемѣсячныхъ взносахъ оказалось на практикѣ неудобнымъ „при непривычкѣ нашего крестьянства къ аккуратности,“ и при большихъ разстояніяхъ на которыхъ члены живутъ одни отъ другихъ. Менѣе понятно то отступленіе Новгородскаго устава отъ правилъ германскихъ народныхъ банковъ, по коему годовая чистая прибыль отъ оборотовъ Товарищества выдается на руки членамъ, а не приписывается къ ихъ паевымъ долямъ, пока послѣдніе не достигнутъ полнаго опредѣленнаго уставомъ размѣра. Такой порядокъ выдачи прибыли существовалъ первоначально и въ Рождественскомъ ссудномъ товариществѣ, съ цѣлью повидимому этимъ средствомъ привлечь въ него большее число членовъ; но скоро порядокъ этотъ былъ измѣненъ, ибо найдено было что это только ослабляетъ денежныя силы товарищества, а желающихъ участвовать въ немъ, въ виду очевидныхъ выгодъ предпріятія, и безъ того было достаточно. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить что нынѣшній свой проектъ устава само Новгород-

ское земство считаетъ лишь временнымъ, разрѣшающимъ „частный вопросъ" объ учрежденіи ссудныхъ товариществъ на началахъ взаимности въ тѣхъ мѣстностяхъ губерніи гдѣ дѣло это можетъ быть теперь же безотлагательно устроено; а „общій" вопросъ о развитіи сельскаго кредита поручено губернской управѣ предложить на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній и съ ихъ заключеніями внести въ очередное губернское собраніе декабрьскаго созыва. Тотъ же вопросъ, сколько извѣстно, поступитъ на очередь и въ земскихъ съѣздахъ другихъ губерній. Между прочимъ, Черниговская губернская управа напечатала новгородскій проектъ устава въ видѣ приложенія къ издаваемому ею *Земскому Сборнику* (№ 7, іюль). Такъ повидимому это полезное дѣло находится на добромъ пути, и остается только желать ему живаго сочувствія земскихъ людей.

№ 204.

Москва, 22-го сентября.

Въ послѣднемъ № *Правительственнаго Вѣстника* опубликованъ отчетъ о положеніи работъ по устройству государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ трехъ губерніяхъ Гродненской, Минской и Виленской составленіе и предъявленіе люстраціонныхъ актовъ совершенно окончены. При этомъ необходимо имѣть въ виду что такое окончаніе люстраціонныхъ работъ не есть окончаніе дѣла только на бумагѣ; напротивъ того, это означаетъ что по каждому люстраціонному акту составлены и приложены планы земельнаго надѣла, что надѣлы эти отведены въ натурѣ, и границы ихъ обойдены и снабжены установленными межевыми знаками; выкупные платежи исчислены по окончательной повѣрочной люстраціи, и сдѣланы надлежащіе разчеты по этимъ платежамъ. Стало быть, крестьяне въ означенныхъ губерніяхъ стали фактическими владѣльцами предоставленныхъ имъ по люстраціоннымъ актамъ земель. Къ близкому окончанію приведены уже работы и по Ковенской губерніи. Затѣмъ въ Кіевской губерніи онѣ производятся уже два года и вѣроятно будутъ окончены въ слѣдующемъ году. Въ Подольской губерніи недавно открыта люстраціонная коммиссія, а въ Волынской, Могилевской и Витебской губерніяхъ ожидаютъ открытія такихъ коммиссій до начала 1871 года.

Изъ изложеннаго мы видимъ что работы по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ производились, со времени ихъ начатія въ 1867 году, лишь въ четырехъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, и въ настоящее время работы эти уже окончены. Спрашивается, можемъ ли мы указать *хотя одну* губернію изъ всего западнаго края гдѣ бы были окончены работы по выкупу земель бывшими помѣщичьими крестьянами, несмотря на то что эти работы начались за четыре года предъ открытіемъ работъ по обезпеченію быта государственныхъ крестьянъ? Вообще изъ помѣщенной недавно въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* вѣдомости о положеніи выкупной операціи усматривается что крестьянское дѣло въ помѣщичьихъ имѣніяхъ весьма далеко отъ окончанія въ западномъ краѣ. Такъ къ 1-му сентября 1870 года крестьянъ выкупившихъ земли въ западномъ краѣ *числилось* лишь 2.392.289 душъ. Всѣхъ же временно-обязанныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ считается болѣе трехъ милліоновъ; слѣдовательно около *одной четверти* ихъ еще не состоятъ на выкупѣ. Но это не все: число утвержденныхъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ выкупныхъ актовъ не представляетъ ручательства въ дѣйствительномъ окончаніи дѣла, ибо остается весьма сложное дѣло приведенія этихъ актовъ въ исполненіе, разчеты по выкупнымъ платежамъ, отводы земельныхъ надѣловъ въ натурѣ, постановка межевыхъ знаковъ, выдача данныхъ.

Чтобъ устранить всякій поводъ къ сомнѣнію что разница въ ходѣ того и другаго дѣла дѣйствительно поразительна, мы должны припомнить что число государственныхъ крестьянъ и число выкупныхъ сдѣлокъ которыя пришлось совершить по сѣверо-западнымъ губерніямъ вовсе не ничтожны. Такъ въ означенныхъ четырехъ губерніяхъ повѣрочныя люстраціонныя дѣйствія произведены и выданы люстраціонные акты по 10.937 селеніямъ, въ которыхъ состоитъ наличныхъ душъ 412.685, которые выкупили 2.512.057 десятинъ земли. Нагляднымъ выясненіемъ причинъ означеннаго различія могутъ служить, по нашему мнѣнію, слѣдующія свѣдѣнія, полученныя нами изъ Вильны, по поводу окон-

чанія работъ по введенію тамъ люстраціонныхъ актовъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, пишутъ намъ, началось въ Виленской губерніи предъявленіе люстраціонныхъ актовъ. Въ маѣ нынѣшняго года, всѣ 4.094 акта находились уже въ Виленскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, которое обязано было разсмотрѣть ихъ, обсудить всѣ возникшія по нимъ жалобы и, наконецъ, утвердить. Изъ числа жалобъ, простиравшихся до 3.000 найдены заслуживающими уваженія лишь около 40 и въ теченіи какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ всѣ четыре слишкомъ тысячи актовъ разсмотрѣны и утверждены. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ Виленской губерніи можно считать теперь уже оконченнымъ, хотя предъявленіе актовъ началось, какъ упомянуто, лишь въ ноябрѣ прошлаго года. Сличая столь успѣшное окончаніе работъ по устройству быта казенныхъ крестьянъ съ ходомъ вообще крестьянскаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ, мы видимъ слѣдующее: Въ краѣ мѣнялась нѣсколько разъ администрація и столько же разъ переиначивались *взгляды* на крестьянское дѣло. Личный составъ мировыхъ дѣятелей подвергался безпрерывнымъ превращеніямъ. Шаткость положенія мироваго посредника и зависимость его отъ угодливости тому или другому взгляду, а не отъ прямаго и неуклоннаго исполненія закона, вотъ, по нашему мнѣнію, важная причина черепашьей медленности и колебаній въ ходѣ выкупной операціи въ западномъ краѣ. Въ дѣлѣ же устройства государственныхъ крестьянъ мы видимъ совсѣмъ иное. Дѣло это отъ мѣстной администраціи не зависитъ; оно находится въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Здѣсь разъ изданный законъ не подвергался никакимъ недоразумѣніямъ. Опытныя лица призванныя исполнять законъ знали что отъ нихъ требуется лишь незамедлительное и правильное исполненіе его предписаній. Хотя въ этомъ дѣлѣ затрогивались интересы казны, а не польскихъ помѣщиковъ, но казенные интересы не менѣе ограждаются закономъ. Крестьяне какъ тамъ такъ и здѣсь не должны были получить болѣе того что опредѣлено Положеніемъ. . . . .

Все это само собою наводитъ насъ на слѣдующее соображеніе: не полезно ли было бы *уединить* крестьянскій вопросъ отъ прочихъ задачъ главнаго мѣстнаго управленія, очевидно весьма обремененнаго ими, и поручить окончаніе выкупной операціи, въ ближайшій срокъ, центральному учрежденію независимому и специальному? Такого учрежденія не нужно создавать вновь. Есть два учрежденія которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ этому назначенію: главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія и главное выкупное учрежденіе.

Что же значитъ польскій вопросъ въ западномъ краѣ сравнительно съ нѣмецкимъ вопросомъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ?

Въ сегодняшнемъ № нашей газеты читатели найдутъ интересную корреспонденцію изъ прибалтійскихъ губерній, которая познакомитъ ихъ съ новою фазой тамошняго крестьянскаго дѣла.

Правительство упрочило бытъ крестьянъ помѣщичьихъ имѣній на всемъ пространствѣ Имперіи за исключеніемъ лишь балтійскаго края, хотя быть-можетъ именно въ этомъ краѣ представлялись наиболѣе уважительные къ тому поводы: упомянемъ прежнія мѣры русскаго правительства въ балтійскомъ краѣ и старинные дѣйствовавшіе въ немъ законы, коими во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ отношеній къ крестьянамъ такъ крѣпко дорожатъ мѣстные бароны и которые подготовляли и настоятельно вызывали крестьянскую реформу. Но крестьянская реформа въ балтійскомъ краѣ ограничилась казенными имѣніями, да и въ нихъ значеніе ея было парализовано установленіемъ необычайно-трудныхъ условій выкупа.

Крестьянская реформа въ балтійскомъ краѣ или, лучше сказать, противодѣйствіе которое встрѣчаетъ она на мѣстѣ всего ярче характеризуетъ стремленія мѣстной нѣмецкой партіи. Нашъ корреспондентъ припоминаетъ цѣлую серію маневровъ помощію которыхъ бароны устраняли всякое участіе правительства въ мѣстномъ крестьянскомъ дѣлѣ. Они возставали противъ всякаго, хотя бы самаго легкаго прикосновенія къ условіямъ крестьянскаго быта въ помѣщичьихъ имѣніяхъ какъ противъ вопіющаго нарушенія права собственности. Когда стало извѣстно что правительство не намѣрено касаться этихъ условій, изъ балтійскаго края поднялись голоса противъ всякихъ улучшеній въ бытѣ крестьянъ казенныхъ имѣній. Улучшать бытъ казен-

ныхъ крестьянъ значило де вводить крестьянъ помѣщичьихъ въ соблазнъ, вносить начало смутъ и бунта въ ихъ среду. Въ то же время бароны не дозволяли и переселенія безземельныхъ казенныхъ крестьянъ. Въ переселеніи они усматривали не меньшій соблазнъ. Словомъ, бароны во всѣхъ фазахъ крестьянскаго дѣла добивались прежде всего чтобы мѣстные крестьяне, не только помѣщичьи, но и казенные, были предоставлены вполнѣ ихъ верховной власти.

Далеко не рѣшительныя мѣры принятыя правительствомъ въ прошломъ году въ казенныхъ имѣніяхъ все-таки возбуждають дѣятельное сопротивленіе бароновъ. Они не безъ успѣха противодѣйствуютъ весьма незначительному улучшенію крестьянскихъ участковъ въ казенныхъ имѣніяхъ и надѣлу въ нихъ ничтожнаго числа безземельныхъ. Мы сообщали уже что регуляціонные чиновники не разъ должны были почти выѣзжать изъ казенныхъ имѣній, отступая предъ волею арендаторовъ причисляющихъ себя къ нѣмецкой національности. Кромѣ такого прямаго противодѣйствія, въ послѣднее время стали распускать слухи что регуляціонные чиновники обезцѣниваютъ казенныя имѣнія, и въ ущербъ казнѣ чрезмѣрно понижаютъ оброки крестьянъ. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Опираясь на достовѣрныя данныя, нашъ корреспондентъ показываетъ что напротивъ обрегулированныя имѣнія сдаются по высшей цѣнѣ,—десятина дававшая казнѣ меньше двухъ рублей приноситъ теперь казнѣ свыше четырехъ. Въ то же время доходъ казны отъ оброковъ крестьянъ также значительно увеличенъ.

№ 205.

Москва, 23-го сентября.

А.

Въ № 200 нашей газеты была помѣщена прокламація наслѣднаго принца Прусскаго, въ которой, говоря о „повторявшихся случаяхъ нарушенія народнаго права и обычая“ *(des Völkerrechtes und Sitte)* со стороны французскаго населенія, онъ предувѣдомляетъ послѣднее что „всѣ вообще жители каждаго города или каждой деревни, куда вступятъ нѣмецкія войска, отвѣтствуютъ имуществомъ и жизнью, если хотя одинъ человѣкъ изъ союзныхъ войскъ будетъ вовлеченъ въ несчастіе предательствомъ или хитростью“. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей нѣмецкой арміи прибѣгать къ строжайшимъ возмездіямъ *(die strengsten Repressalien)* при новыхъ случаяхъ подобнаго нарушенія народнаго права.

Если ставить вообще вопросъ о законности или незаконности народной войны, то нѣтъ надобности говорить о чувствахъ. Мы не будемъ разбирать насколько понятно и естественно въ каждомъ человѣкѣ враждебное чувство вызываемое вторженіемъ и побуждающее его причинять всевозможный по мѣрѣ силъ вредъ врагу своей страны. Извѣстно что Наполеонъ I не находилъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своего негодованія на варварство Испанцевъ и Русскихъ которые вели противъ него народныя войны. Въ 1812 году онъ неоднократно жаловался на участіе русскихъ крестьянъ въ войнѣ, говоря что онъ не видалъ ничего подобнаго въ своихъ войнахъ съ Австріей и Пруссіей, которыя по этой причинѣ и подверглись де несравненно меньшему разоренію чѣмъ Россія; а между тѣмъ извѣстно что народная война спасла Россію отъ участи Австріи и Пруссіи въ прежнихъ ихъ войнахъ съ Наполеономъ I. Итакъ, не будемъ говорить о чувствахъ, а ограничимся фактами, и посмотримъ на сколько ими разрѣшается вопросъ о правѣ націй прибѣгать къ народной войнѣ.

Есть много такихъ дѣйствій которыя давно уже вышли изъ употребленія въ войнахъ цивилизованныхъ націй, какъ напримѣръ: разстрѣливаніе плѣнныхъ, отравленіе колодцевъ, употребленіе ядовитаго оружія, обращеніе побѣжденныхъ въ рабство, преданіе городовъ на разграбленіе солдатамъ и многія другія варварства. Въ наше время приняты и другія мѣры для укрощенія ужасовъ войны, каковы Женевская конвенція о нейтралитетѣ походныхъ лазаретовъ и С.-Петербургская конвенція о неупотребленіи разрывныхъ пуль. Читая прусскую прокламацію и видя въ ней слова: „предательство или хитрость“, можно подумать что ею порицаются какія-либо дѣйствія со стороны французскаго населенія несогласныя съ европейскими нравами и подходящія скорѣе къ нравамъ дикарей не имѣющихъ никакого

понятія о чести. Но здѣсь дѣло идетъ, однако, вовсе не о давно изгнанныхъ между цивилизованными націями обычаяхъ въ веденіи войны, а просто о народной войнѣ, которую Пруссаки положительно не допускаютъ, грозя суровымъ возмездіемъ всякому кто приметъ въ ней участіе.

Чтобы разъяснить этотъ вопросъ, который пріобрѣтаетъ теперь европейскую важность и къ которому мы особенно не можемъ оставаться равнодушны, припомнимъ какія именно дѣйствія запрещаются прусскими военными властями населенію въ занятыхъ ими французскихъ областяхъ. Читателямъ извѣстно что въ Лотарингіи и Эльзасѣ введена военная юрисдикція и учреждены военные суды. За какія же провинности имѣютъ они судить, и какія налагаютъ за нихъ наказаніе? Отыскиваемъ въ берлинскомъ *Государственномъ Указателѣ* прокламацію прусскаго генералъ-губернатора Лотарингіи, и читаемъ въ ней что военная юрисдикція примѣняется, на всемъ пространствѣ французской территоріи занятой нѣмецкими войсками, ко всякому дѣйствію предпринятому съ намѣреніемъ вредить войскамъ, причинять имъ ущербъ или оказывать помощь непріятелю. Поэтому прокламація объявляетъ подлежащими смертной казни всѣ лица не принадлежащія къ арміи и не могущія доказать свою принадлежность къ военному сословію, если они

1) будутъ служить шпіонами, будутъ принимать, укрывать французскихъ шпіоновъ или помогать имъ;

2) будутъ вводить въ заблужденіе нѣмецкія войска когда имъ будетъ поручено служить проводниками;

3) будутъ убивать, ранить или грабить лица принадлежащія къ нѣмецкимъ войскамъ или ихъ сопровождающія;

4) будутъ разрушать мосты или каналы, портить телеграфныя линіи или желѣзныя дороги, дѣлать дороги непроходимыми, жечь продовольствіе, военныя принадлежности или квартиры войскъ;

5) будутъ браться за оружіе противъ нѣмецкихъ войскъ.

Кромѣ того, въ прокламаціи сказано что военные суды не могутъ приговаривать къ другой карѣ кромѣ смертной казни, и что ихъ приговоры будутъ исполняемы немедленно. Мало того: наказанію подлежатъ не одни виновные въ вышесказанныхъ нарушеніяхъ, а въ каждомъ еще случаѣ общины въ коихъ они принадлежатъ, а также и тѣ на территоріи коихъ случится преступное по смыслу прокламаціи дѣяніе, подвергаются взысканію пени равной платимому ими ежегодному поземельному налогу.

Все это очень ясно, толково и пунктуально, какъ всѣ прусскія распоряженія. Для всякаго только можетъ показаться странною такая суровость военнаго начальства страны гдѣ весь народъ обязанъ военною службой. Люди свѣдущіе, спеціалисты въ военномъ дѣлѣ, обратили наше вниманіе на прусскіе военные уставы, въ сопоставленіи съ коими странность эта превращается въ прямое противорѣчіе свидѣтельствующее что въ прусскомъ кодексѣ народнаго права есть двѣ мѣры: одна для себя, другая для другихъ. Вотъ въ чемъ дѣло: вышесказанныя суровыя возмездія налагаются, какъ извѣщаютъ прусскіе военные начальники въ своихъ прокламаціяхъ, въ силу § 18 втораго тома прусскаго военнаго кодекса, и примѣняются въ занятой непріятельской территоріи. Но въ прусской военной системѣ, кромѣ арміи и *ландвера*, есть еще учрежденіе спеціально назначенное для войны оборонительной: это *ландштурмъ*. Онъ призывается только для защиты страны отъ иностраннаго вторженія, и вотъ обязанности изложенныя въ королевско-прусскомъ приказѣ о *ландштурмѣ* отъ 21-го апрѣля 1813 года:

§ 13: Особеннаго костюма или особыхъ знаковъ для ландштурма *не назначается*, ибо по нимъ ополченцы были бы *узнаваемы* непріятелемъ и легко подвергались бы его преслѣдованію.

§ 7: Ландштурмъ призывается дѣйствовать въ случаѣ оборонительной войны, при которой *всѣ средства позволительны и законны*, а потому самыя крайнія изъ нихъ предпочтительнѣе, такъ какъ они всего успѣшнѣе и быстрѣе способствуютъ торжеству праваго дѣла.

§ 8: Поэтому назначеніе ландштурма состоитъ въ томъ чтобы препятствовать вторженію и наступленію непріятеля, постоянно тревожить его, перехватывать его транспорты, курьеровъ и рекрутовъ, *уничтожать его госпитали*, дѣлать на него ночныя нападенія, короче, тревожить его, *мучить, не давать ему спать, истреблять его одиночныхъ людей и отряды, гдѣ только возможно*. Еслибы непріятель выдвинулся впередъ даже на 50 миль, то ему

мало будетъ пользы, когда полоса имъ занимаемая не широка и онъ не можетъ высылать мелкихъ отрядовъ для фуражировокъ и рекогносцировокъ, изъ опасенія что *они будутъ перебиты*, и когда онъ можетъ идти только массами по большимъ дорогамъ, какъ учитъ тому примѣръ Испаніи и Россіи.

Выходитъ такимъ образомъ что одни и тѣ же дѣйствія прусскимъ или нѣмецкимъ подданнымъ вмѣняются въ священную патріотическую обязанность, а другимъ — въ тяжкое преступленіе. Неужели такое воззрѣніе должно быть усвоено и Европой, какъ догматъ международнаго права?

Б.

Извѣстія о плаваніи Великаго Князя Алексѣя Александровича въ сѣверныхъ моряхъ возвращаютъ насъ къ вопросу, котораго мы касались два года тому назадъ, о границѣ Россіи съ Норвегіей (*Московскія Вѣдомости* 1866, № 157). Генералъ-адъютантъ Посьетъ, сопровождавшій Великаго Князя, въ своемъ рапортѣ объ этомъ плаваніи, называетъ эту границу „крайне замысловатою и странною.“ „Русское національное чувство,“ говоритъ онъ, „оскорблено здѣсь проведеніемъ искусственной границы, отнявшей у насъ три прекрасныя бухты, важныя какъ не замерзающія удобныя гавани.“ Авторитетомъ этихъ словъ потверждается то что было нами высказано въ упомянутой статьѣ. Въ ней пришлось намъ коснуться депеши г. Кампбеля, посланника Соединенныхъ Штатовъ при Шведскомъ дворѣ, отъ 14-го января 1866, въ которой онъ, говоря о границѣ Россіи съ Норвегіей, замѣчаетъ что Россія крайне нуждается въ морскомъ портѣ свободномъ круглый годъ ото льда, съ надежною якорною стоянкой, достаточно обширномъ, который командовалъ бы водами открытаго моря. Есть такой пунктъ у самой границы Европейской Россіи, который, будь онъ въ ея границахъ, открылъ бы ей всемірный просторъ океана. Это заливъ Варангскій (Варяжскій, Варангеръ-Фьйордъ). Въ древнюю пору, русскія владѣнія на сѣверѣ простирались далеко за Сѣверный мысъ (Нордкапъ). Еще въ XI вѣкѣ здѣсь господствовали новгородскіе выходцы. Въ 1617 году, по Столбовскому договору со Шведами, весь нашъ сѣверный берегъ былъ уступленъ Норвежцамъ. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія владѣнія наши простирались до самаго Варангскаго залива. Припомнимъ что говоритъ о немъ Кампбель въ своей депешѣ: „Заливъ этотъ содержитъ нѣсколько вмѣстительныхъ гаваней, способныхъ служить убѣжищемъ для большихъ флотовъ, „и можетъ быть такъ укрѣпленъ что доступъ къ нему съ моря былъ бы очень „труденъ, если не вовсе невозможенъ. Теплыя воды гольфстрема разливаются „вдоль этого берега, и флоты могли бы „отсюда выходить въ море во всѣ времена года. Россія трактатомъ 1809 года „пріобрѣла полосу земли которая заключаетъ въ себѣ бо́льшую часть Финляндіи „и доводитъ Русскую пограничную линію „на семь англійскихъ миль (верстъ на десять) отъ сказаннаго залива.“ Г. Кампбель высказываетъ увѣренность что Россія считаетъ пріобрѣтеніе этого залива дѣломъ первѣйшей важности. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому заливу, Россія сразу могла бы пріобрѣсти недостающее ей морское значеніе, между тѣмъ какъ для Норвегіи онъ безполезенъ. „Для развитія „морскаго дѣла, на сѣверѣ Россіи,“ говоритъ вице-адмиралъ Посьетъ, „у насъ „такъ много задатковъ, такъ много готоваго, болѣе чѣмъ въ какой-либо части „нашего отечества: морскіе промыслы (исключительное занятіе нашихъ Поморовъ) „всегда служили и теперь вездѣ служатъ „лучшею школой для образованія хорошихъ моряковъ.“ Между тѣмъ мы до сихъ поръ не только не пріобрѣли обратно этотъ важный морской пунктъ, наше исконное достояніе, но потеряли и то что имѣли въ силу трактата. Вмѣсто границы 1809 года, между Россіей и Норвегіей проведена въ 1826 году новая фактическая граница, которая, по справедливому замѣчанію вице-адмирала Посьета, „оскорбительна для русскаго національнаго чувства.“ Припомнимъ изъ статьи г. Сидорова, помѣщенной въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1866 года, подробности объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ проведеніе этой границы:

„Въ 1826 году была послана экспедиція для опредѣленія рубежа между Россіей и Норвегіей. Представителемъ Россіи былъ подполковникъ Галяминъ, Норвегіи — майоръ Мейлендеръ. Эта экспедиція порѣшила отнести границы наши отъ Вересъ-Наволока къ рѣкѣ Ворьемѣ, верстъ на 70

къ востоку, по прямой линіи, не принимая въ разчетъ около 500 верстъ изгибовъ берега, чѣмъ и уступлены Норвегіи, не считая мелкихъ бухтъ, заливы: Пазрѣцкій, Нявдомскій и Ровдинскій, никогда не замерзающіе, съ глубокими, превосходными гаванями. Такимъ образомъ Россія лишилась превосходной Пазрѣцкой гавани, имѣющей, по рѣкѣ Пазъ, сообщеніе съ отдаленными лѣсами; сто душъ православныхъ Лопарей очутились за границей, тогда какъ эта самая территорія морская и горная, по писцовымъ книгамъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ, составляла вотчину Печенскаго монастыря, находящагося на рубежѣ Норвегіи. Такое пріобрѣтеніе обошлось нашимъ сѣвернымъ сосѣдямъ въ 2.000 специнговъ (цѣнность этой монеты нынѣ по курсу 1 р. 43 к.) и 10 чернобурыхъ лисицъ (въ 70 р. каждая), поднесенныхъ кому слѣдуетъ, какъ извѣстно многимъ Поморамъ, чрезъ проживающаго въ городѣ Вадсё норвежскаго купца Арно."

Важность этого пункта для Россіи видна изъ того что на Парижскомъ конгрессѣ былъ Англіей возбужденъ вопросъ объ укрѣпленіи за Новержцами пріобрѣтенныхъ ими отъ насъ въ 1826 году земель и морей. Нѣтъ пункта мнимыхъ или дѣйствительныхъ домогательствъ Россіи, свидѣтельствуетъ г. Кампбель, за которымъ Англія наблюдала бы съ болѣе ревнивою заботливостью чѣмъ за всякимъ шагомъ Россіи въ направленіи къ новержскому поморью.

№ 206.4

Москва, 24-го сентября.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей что будемъ цитовать самихъ себя. Мы всегда говорили что порядокъ вещей въ Европѣ созданный прусскими завоеваніями 1864 и 1866 года и послѣдовавшее затѣмъ объединеніе всей Сѣверной Германіи отнюдь не могли считаться дѣломъ выгоднымъ для Россіи ни въ какомъ отношеніи. „Допустимъ на минуту," говорили мы за два мѣсяца предъ симъ, по поводу только что начавшейся войны между Франціей и Пруссіей, „что въ открывающейся борьбѣ „полное торжество останется за Пруссіей. „Допустимъ что она достигнетъ всѣхъ „своихъ цѣлей и что начатое ею дѣло „довершится новою великою побѣдой, ко„торая дастъ ей рѣшительное преоблада„ніе на материкѣ Европы, спрашивается: „въ какомъ положеніи очутится тогда на„ше отечество? Какое значеніе будетъ „имѣть оно позади этой страшной силы, „которая окончательно оттерла бы его отъ „Европы? Если мы до сихъ поръ были „данниками Германіи, если она издавна „направляла нашу политику и хозяйнича„ла у насъ, что же было бы тогда, подъ „вліяніемъ этой подавляющей силы? Пусть „не думаютъ что Пруссія, въ благодар„ность, поможетъ намъ уладить нѣкото„рыя интересующія насъ дѣла. Интрига „обольщаетъ легкомысленные умы славян„скимъ и восточнымъ вопросомъ. Дѣйстви„тельно, только крайнее легкомысліе мо„жетъ повѣрить что торжествующая Прус„сія будетъ помогать намъ въ разрѣшеніи „славянскаго вопроса. Лишь крайнее лег„комысліе можетъ ожидать что Герма„нія станетъ дѣйствовать на Востокѣ „въ союзѣ съ нами и противъ Англіи. „Англія, вотъ естественная союзница Гер„маніи, которая своимъ объединеніемъ „и настоящимъ могуществомъ обязана „столько же чуткости національныхъ инте„ресовъ Англіи, сколько нечуткости на„шихъ." (№ 150 *Моск. Вѣд.*).

Вотъ что говорили мы 11-го іюля, еще до начала первыхъ военныхъ дѣйствій. Этотъ взглядъ мы развивали настойчиво и подробно съ 1866 года.

Насъ осыпали насмѣшками и укоризнами, говорили что мы смущаемъ умы химерами, что мы якобы желаемъ видѣть опасность тамъ гдѣ напротивъ должны мы радоваться. Противъ насъ выступили земскіе политики съ „громкими именами," которые приглашали рукоплескать прусскимъ тріумфамъ, потому что ими унижался нашъ будто бы исконный врагъ Франція, которая была де единственною помѣхою на пути интересовъ Россіи. Радуйтесь, говорили намъ, Пруссія торжествуетъ; изъ-за нея де и мы будемъ сильны; теперь де мы стряхнемъ съ себя оковы Парижскаго трактата, ибо блюстительница его, нашъ естественный врагъ Франція, распростерта у ногъ побѣдителя, при послѣднемъ издыханіи. Англія? Но развѣ объ Англіи можно говорить серіозно! Развѣ она самостоятельно дѣйствовала противъ насъ? Англія ни во что не вмѣшивается, отъ всего устраняется, и только лукавая по-

литика Франціи вовлекала ее во враждебныя противъ насъ предпріятія...

Такъ вопила подученная ватага политиковъ и въ печати, и не въ печати...

Но если эти господа заблуждались неумышленно, то мы сейчасъ представимъ имъ свидѣтельство которое никѣмъ не будетъ заподозрѣно въ ультра-русскомъ патріотизмѣ.

Въ послѣднее время усиленно распускались слухи (и распускались изъ Берлина) о вооруженіяхъ Россіи, о передвиженіи ея войскъ на югъ, о закупкѣ нашимъ правительствомъ мониторовъ въ Америкѣ. Слухи эти были такъ настойчивы что, несмотря на офиціальныя опроверженія, въ нашей публикѣ многіе дѣйствительно убѣждены что можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ готовится что-то рѣшительное. Весьма возможно что нѣкоторые добросовѣстно повѣрившіе *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* и ихъ политикамъ съ громкими именами и въ самомъ дѣлѣ считали минуту благопріятною, убѣжденные что могущество Россіи достигло теперь апогея, благодаря успѣхамъ нашей милой и доброй союзницы Пруссіи, которая, отомстивъ Франціи за Севастополь, и ставъ всемогущею, теперь во всемъ намъ пособитъ и все для насъ попуститъ.

Какое впечатлѣніе произвели ложные слухи о вооруженіяхъ Россіи въ Европѣ! Встревожили ли они кого-нибудь ни на шутку? Первенствующій органъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, газета *Times*, которой хорошо свѣдомы пружины европейской политики и которою руководятъ серіозные политическіе люди, въ полученномъ здѣсь сегодня нумерѣ, съ циническою откровенностью издѣвается надъ этими слухами о предпріимчивыхъ замыслахъ Россіи въ настоящее будто бы очень благопріятное для нея время. Игра считается теперь оконченною, и карты открываются.

Противъ кого, разсуждаетъ лондонскій органъ, могутъ быть направлены вооруженія Россіи? Одни говорятъ что она будто бы готовится приступить къ исполненію тайнаго договора съ Пруссіей насчетъ давно лелѣемыхъ плановъ о пріобрѣтеніи Константинополя, другіе же утверждаютъ что она встревожена громаднымъ усиленіемъ Пруссіи. „Но еслибы „Россія когда-либо замышляла подобныя „движенія“, говоритъ *Times*, то она дол„жна теперь понять что утратила удоб„ный случай, потому что *теперь поздно „спасать Францію отъ крайняго исто„щенія, и поздно разчитывать на согла„сіе Пруссіи въ нападеніи на Турцію*, „потому что Пруссія, *достигая своей цѣли* „и вполнѣ спокойная за свою западную „границу, имѣетъ полный досугъ слѣдить „за *своими собственными интересами на „Востокѣ*.“

Мы приглашаемъ нашихъ политиковъ повнимательнѣе прочесть цитуемую нами статью *Times*, отъ 1-го октября. Она убѣдитъ ихъ что „было бы грубымъ заблужденіемъ“ думать что Германія, объединенная и сильная, можетъ быть пособницей въ русскихъ интересахъ. Теперь наше положеніе на Востокѣ стало несравненно хуже прежняго. Съ окончательнымъ утвержденіемъ единства *всей* Германіи, навсегда прекращается соперничество Австріи и Пруссіи на германской почвѣ, и теперь эти двѣ державы неизбѣжно соединятся тѣснымъ союзомъ. Это давно предсказывали мы. Это же подтверждаетъ теперь и *Times*. „Австрія“, свидѣтельствуетъ теперь лондонская печать, „Австрія отказывается отъ соперничества „съ Пруссіей въ Германіи, и переставая „быть ея врагомъ, предъявляетъ свои „права на ея братство и союзъ“.... „Для „Пруссіи и Сѣверной Германіи“, продолжаетъ *Times*, „Дунай представляетъ естественный выходъ въ Черное море“.... Еще чернила написавшія Пражскій трактатъ не успѣли высохнуть, какъ уже „можно было, по словамъ *Times*, предви„дѣть что южная Германія будетъ неотра„зимо привлечена въ сѣверной, а Австрія „къ нимъ объимъ“. Поэтому только крайность или незнаніе могли побудить г. Тьера разсчитывать „что онъ найдетъ въ Вѣнѣ „расположеніе вступить въ комбинацію „противъ преобладанія Германіи и въ поль„зу возстановленія *такъ-называемаго* евро„пейскаго равновѣсія держазъ“.

Австрія, выброшенная изъ Германіи и окончательно перемѣстившая центръ своей тяжести на Востокъ, будетъ продолженіемъ Германіи, ея аванпостомъ. „Не далеко то время“, говоритъ *Times*, „когда „тѣсная связь взаимныхъ интересовъ обез„печитъ за Австріей содѣйствіе Германіи... „Еслибы Россія вздумала возобновить въ „настоящую минуту свои притязанія 1828 „или 1853 года, то она непремѣнно встрѣ-

„тить на пути Австрію, поддержанную въ „недальнемъ разстояніи всею Германіей, „съ Пруссіей во главѣ. Австрія есть есте„ственная *царица Дуная* и, разчитывая „на союзъ Германіи, не можетъ бояться „борьбы со всѣми силами Россіи, будетъ „ли вести ее одна, или въ союзѣ съ Тур„ціей, Италіей, Испаніей, Англіей."

Что̀ можетъ быть откровеннѣе этого? Пусть теперь наши политики, консервативные и либеральные, доказываютъ что съ возвеличеніемъ Пруссіи и униженіемъ Франціи положеніе наше улучшилось и что для насъ на Востокѣ открывается бо̀льшій просторъ для дѣйствія. Поймутъ ли они что намъ нѣтъ особенной причины радоваться тому что „теперь *поздно спасать* Францію"?...

№ 207.

Москва, 25-го сентября.

А.

Депеша г. Жюля Фавра о переговорахъ его съ г. фонъ-Бисмаркомъ и циркулярная депеша сего послѣдняго относящаяся къ тому же предмету продолжаютъ занимать общественное мнѣніе Европы за неимѣніемъ другихъ болѣе важныхъ предметовъ. Вчера начали мы воспроизводить текстъ этихъ документовъ in extenso и сегодня оканчиваемъ донесеніе г. Жюля Фавра, а вслѣдъ затѣмъ дадимъ мѣсто отвѣтной депешѣ сѣверо-германскаго канцлера.

Journal de S.-Pétersbourg, въ полученномъ сегодня нумерѣ, отъ 24-го сентября, посвящаетъ этимъ документамъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній внушенныхъ почтеннымъ чувствомъ миролюбія и сожалѣніемъ о неудачѣ переговоровъ клонившихся къ прекращенію кровопролитія. Прежде всего газета эта сѣтуетъ на нѣкоторыя разногласія между обѣими версіями: „Очень жаль", говоритъ *Journal de S.-Pétersbourg*,—

„что эти офиціозные переговоры между офиціальнымъ представителемъ Германіи и министромъ принявшимъ на себя отвѣтственность за попытку, о которой узнали и которую одобрили товарищи его по временному правительству лишь когда онъ возвратился къ нимъ, остались чисто устными и что протоколъ обѣихъ бесѣдъ не былъ изложенъ письменно и подписанъ ими. Это было бы не совсѣмъ согласно съ правилами дипломатическихъ обычаевъ: но при положеніи ненормальномъ можно было бы, кажется, нѣсколько уклониться отъ преданія, ибо такое исключеніе изъ правилъ завѣщанныхъ преданіями имѣло бы то послѣдствіе что въ рукахъ графа Бисмарка и г. Жюля Фавра осталось бы свидѣтельство *ne varietur* тезиса который поддерживалъ каждый изъ нихъ, претензіи представленныя въ видѣ предложенныхъ уступокъ, и наконецъ выводы которыми и тотъ и другой заключили выраженія своихъ мыслей, г. Жюль Фавръ въ убѣжденіи что онъ былъ истолкователемъ мыслей своихъ товарищей и всей Франціи, г. фонъ-Бисмаркъ въ офиціальной увѣренности что былъ органомъ воли своего государя."

Конечно, было бы лучше еслибы былъ составленъ протоколъ и утвержденъ подписью обѣихъ сторонъ. Но признаемся, мы не находимъ между показаніями г. Жюля Фавра и г. фонъ-Бисмарка существенныхъ разногласій по вопросу, объ условіяхъ перемирія. Сто̀итъ только внимательно прочесть отчетъ перваго и депешу втораго, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Мы полагаемъ что *Journal de S.-Pétersbourg* заговорилъ о разногласіяхъ не столько на основаніи обоихъ текстовъ которые воспроизведены въ его столбцахъ, сколько подъ вліяніемъ телеграфныхъ перековъ которыми сопровождалось первое телеграфное же извѣстіе о показаніяхъ г. Жюля Фавра.

И та и другая сторона свидѣтельствуютъ о своемъ желаніи видѣть прекращеніе кровопролитія; и той, и другой сторонѣ можно повѣрить въ этомъ безъ затрудненія. И г. Жюль Фавръ показываетъ, и г. фонъ-Бисмаркъ подтверждаетъ что для заключенія перемирія требовались нѣкоторыя условія, и обѣ стороны не рознятъ въ показаніяхъ относительно существенной части этихъ условій. Съ нѣмецкой стороны требовалось имѣть вѣрныя обезпеченія пріобрѣтенныхъ выгодъ. Обезпеченія эти главнымъ образомъ заключаются въ обладаніи нѣкоторыми крѣпостями. Обѣ стороны согласны въ показаніи относительно двухъ крѣпостей, имѣющихъ безспорно главное въ этомъ вопросѣ значеніе. Крѣпости эти Страсбургъ и Туль. Обладаніе ими обезпечиваетъ сообщенія главной германской арміи осаждающей Па-

рижъ. Разногласіе касается только названія третьей крѣпости, которую сѣверо-германскій канцлеръ желалъ присоединить къ обѣимъ упомянутымъ. Крѣпостей во Франціи много, и колебаться въ выборѣ очень возможно, когда нѣтъ особенной причины предпочесть ту или другую. Въ разговорѣ могли быть упомянуты многія, и очень можетъ быть что сѣверо-германскій канцлеръ окончательно остановился на Бичѣ уже въ то время когда писалъ свою циркулярную депешу. Г. Жюль Фавръ говоритъ что въ придачу къ Страсбургу и Тулю требовался сначала Суассонъ, потомъ Фальсбургъ (Пфальцбургъ); съ прусской стороны утверждалось въ телеграфныхъ сообщеніяхъ что требовались Страсбургъ, Туль и *Верденъ*. Бичъ появился впервые только въ депешѣ графа Бисмарка разосланной въ отвѣтъ на обнародованный рапортъ г. Жюля Фавра. Крѣпость Бичъ въ Вогезахъ считается неприступною, но для обезпеченія позиціи нѣмецкихъ армій она не болѣе нужна чѣмъ Фальсбургъ или Верденъ, и потому разногласіе въ этомъ пунктѣ не можетъ считаться существеннымъ. Что же касается до Монъ-Валерьена, то полный текстъ донесенія французскаго министра устраняетъ всѣ тѣ недоразумѣнія которыя возникли вслѣдствіе неясности и краткости первоначальныхъ телеграфныхъ сообщеній.

Весь вопросъ состоитъ въ томъ, могъ ли г. Жюль Фавръ принять предложенныя ему условія для заключенія перемирія,—могъ ли онъ считать себя въ правѣ обѣщать сдачу крѣпостей какъ Страсбурга и Туля, которыя съ напряженіемъ всѣхъ силъ оборонялись отъ обложившаго ихъ непріятеля, и обладаніе которыми облегчало и обезпечивало всѣ дальнѣйшія предпріятыя имъ операціи. *Journal de S.-Pétersbourg* сѣтуетъ что французскій министръ не былъ достаточно податливъ, и не сомнѣваясь въ искренности его желанія способствовать прекращенію кровопролитія, думаетъ что онъ слишкомъ увлекся чувствомъ національной щекотливости. Дѣло въ томъ, разсуждаетъ упомянутый органъ, что ни Страсбургъ, ни Туль не могли долѣе держаться. Черезъ три дня послѣ отказа временнаго правительства принять условія предложенныя сѣверо-германскимъ канцлеромъ сдался Туль; черезъ шесть—Страсбургъ. Не жалко ли, не обидно ли это? Правда, г. Жюль Фавръ и его товарищи могли не знать что обѣ эти крѣпости находились въ крайности; но почему они не снеслись съ комендантами ихъ, въ чемъ, по всему вѣроятію, съ прусской стороны не было бы препятствія? „Ахъ!“ восклицаетъ *Journal de S.-Pétersbourg*: „какъ „было бы хорошо еслибы г. Жюль Фавръ, „по минованіи первой минуты невольнаго „негодованія, обсудилъ дѣло спокойно и „потребовалъ бы чтобы г. фонъ-Бисмаркъ „допустилъ его снестись съ генераломъ Урихомъ... Навѣрное генералъ Урихъ отвѣчалъ бы: „Я долженъ буду капитулировать черезъ нѣсколько дней; не отдавайте Страсбургъ, я самъ сдамся немедленно. Еще пять дней кровопролитія не „спасутъ насъ. Быть можетъ моя немедленная сдача будетъ спасеніемъ Франціи“.—Стало-быть не было никакой невозможности принять третье условіе предложенное г. фонъ-Бисмаркомъ для заключенія перемирія, и оно могло бы быть исполнено безъ всякаго ущерба для чести „Франціи. Не правы ли мы были сказавъ „что если излишняя щекотливость,—которую г. Жюль Фавръ осуждалъ 15-го „іюля вмѣстѣ съ г. Тьеромъ,—была виною войны, то столь же излишняя щекотливость виною тому что война теперь „не прекращена?“

Все это прекрасно; однако не мѣшаетъ, для полноты, взглянуть на дѣло и съ другой стороны. Нынѣшнее правительство Франціи образовалось случайно, подъ гнетомъ обстоятельствъ совершенно исключительныхъ. Это есть правительство фактическое, которое подняло власть выброшенную страшнымъ разгромомъ на улицу. Многое что могла бы взять на себя правительственная власть есть для г. Жюля Фавра и его товарищей дѣло невозможное. Взять на себя отвѣтственность сдачи главныхъ крѣпостей Франціи, облитыхъ кровью своихъ защитниковъ — дѣло не легкое даже въ томъ случаѣ еслибъ они внутренно были убѣждены въ безплодности дальнѣйшихъ усилій отстоять эти дорогія стѣны, въ которыхъ обѣ воюющія стороны видятъ ключъ своей безопасности. Тѣмъ менѣе могли они рѣшиться на это что побѣдитель не дѣлалъ тайны изъ тѣхъ условій которыя онъ намѣренъ предложить для заключенія мира, и которыя, по ихъ убѣжденію, пагубны для страны и не могутъ быть приняты ею. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, генералъ Урихъ объявлялъ временному правитель-

ству что онъ будетъ держаться до послѣдней крайности: не значило ли бы уронить духъ защитниковъ Страсбурга увѣдомленіемъ что о сдачѣ этой крѣпости временное правительство уже ведетъ переговоры, и намекомъ чтобъ они поспѣшили положить оружіе? Нѣтъ, не одна только напрасная щекотливость должна была остановить этихъ людей! Они должны были отступить предъ страшною мыслію что страна проклянетъ ихъ какъ виновниковъ дѣла не менѣе пагубнаго чѣмъ седанскій позоръ, вслѣдствіе котораго они очутились во власти. Не одно опасеніе погубить самихъ себя во мнѣніи страны, еще болѣе уважительное опасеніе должно было подѣйствовать на ихъ рѣшеніе. Съ какою бы осторожностію ни совершили они этотъ шагъ, котораго, по мнѣнію *Journal de St.-Pétersbourg*, требовало отъ нихъ благоразуміе, онъ не преминулъ бы возбудить смуту въ странѣ находящейся въ обстоятельствахъ столь исключительныхъ. Нельзя было бы скрыть что Страсбургъ сдался все-таки вслѣдствіе переговоровъ временнаго правительства съ непріятелемъ. Пусть Страсбургъ не могъ долѣе обороняться: повсюду въ странѣ распространились бы слухи что онъ былъ пожертвованъ малодушіемъ или измѣною людей которымъ случайно досталась въ руки власть. Не повело ли бы это, въ роковыя минуты переживаемыя страною, къ ужасамъ междуусобія — междуусобія дѣйствительнаго, а не того мнимаго, которое будто бы происходило въ стѣнахъ Парижа, какъ недавно увѣдомляли не подтвердившіяся прусскія телеграммы?

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Нельзя ли было обойтись безъ насилія совѣсти временныхъ правителей Франціи? Зачѣмъ было искушать ихъ? Зачѣмъ было возлагать на нихъ отвѣтственность которая не могла не показаться имъ страшною? Въ прусскомъ лагерѣ было въ точности извѣстно положеніе обѣихъ крѣпостей которыя должны послужить главнымъ обезпеченіемъ для заключенія перемирія. Графъ Бисмаркъ самъ объявилъ г. Жюлю Фавру что Страсбургъ не можетъ долѣе держаться и что взятіе его есть просто „дѣло инженернаго разчета.“ Зачѣмъ же, при этой увѣренности въ скоромъ паденіи Страсбурга, нужно было требовать отъ временнаго правительства сдачи, да еще съ тѣмъ чтобы гарнизонъ признанъ былъ военноплѣннымъ? Можно было бы просто и откровенно сказать г. Жюлю Фавру: „весьма естественно что вы не можете согласиться на сдачу столь важныхъ крѣпостей; но мы не можемъ отказаться отъ этого условія; подождите же: пройдутъ пять, шесть дней, крѣпости эти будутъ въ нашихъ рукахъ, и черезъ пять, шесть дней мы заключимъ съ вами перемиріе.“

Мы понимаемъ доброжелательное чувство скорби что переговоры не увѣнчались возстановленіемъ хотя бы временнаго *мира*, какъ называетъ *Journal de St.-Pétersbourg* то положеніе къ которому должны были привести переговоры. Однако, сказать по правдѣ, жалѣть нечего....

Рѣчь идетъ о перемиріи. Да гдѣ же перемиріе? Мы напрасно ищемъ его въ обоихъ текстахъ которые у насъ предъ глазами. Въ нихъ значатся условія для заключенія перемирія, но самаго перемирія не значится. Первое условіе: военныя дѣйствія должны продолжаться подъ Парижемъ. Второе условіе: военныя дѣйствія должны продолжаться подъ Мецемъ. Гдѣ же перемиріе? Что купило бы временное правительство Франціи цѣною предложенныхъ ему условій? Зачѣмъ было бы нужно для страны это перемиріе, въ продолженіи котораго кровь лилась бы по прежнему, и маршалъ Базенъ, равно какъ и населеніе Парижа, только доѣдали бы свой провіантъ?... Ужь не требовалось ли перемиріе ради позволенія избрать депутатовъ въ учредительное собраніе въ департаментахъ занятыхъ непріятелемъ? Но какъ взглянула бы страна на этихъ депутатовъ, выбранныхъ подъ непріятельскими пушками? Показалось ли бы это выгодою для ней? Не породило ли бы это новыхъ смутъ въ учредительномъ собраніи, которое должно возвратить Франціи миръ и прочное правительство?

Франціи нуженъ скорѣйшій миръ, а для этого нуженъ скорѣйшій созывъ учредительнаго собранія; но обстоятельства сложились такъ что по самой натурѣ своей не допускаютъ перемирія въ серіозномъ смыслѣ этого слова. Еслибы военныя силы какія еще остаются у Франціи не были заперты, то перемиріе имѣло бы смыслъ. Обѣ стороны обязались бы, въ теченіе извѣстнаго времени, прекратить враждебныя дѣйствія; но какъ возможно прекратить ихъ, когда эти силы находятся въ осадѣ?

В.

Мы недавно говорили о предполагаемомъ у насъ учрежденіи политехническаго музея. Предъ нами лежитъ докладъ коммиссіи по этому дѣлу, читанный въ Московской городской общей думѣ, въ засѣданіи 25-го августа. Докладъ этотъ указываетъ на попытки уже дѣланныя въ Москвѣ для основанія въ ней подобнаго музея. Въ разное время, начиная съ двадцатыхъ годовъ, Московское общество сельскаго хозяйства, Московскій мануфактурный совѣтъ и нѣкоторыя другія учрежденія здѣшней столицы старались осуществить эту мысль и принимали къ тому частныя мѣры, между которыми упомянемъ учрежденіе художественно-промышленнаго музея при Московскомъ Строгановскомъ училищѣ технического рисованія. Въ послѣднее время еще болѣе оживилось сочувствіе питаемое къ этой мысли представителями московской торговли и мануфактурной промышленности; нынѣшнимъ лѣтомъ оно выразилось въ двухъ заявленіяхъ, полученныхъ московскимъ городскимъ головой: отношеніемъ своимъ отъ 21-го іюля сего года ,биржевой комитетъ попросилъ г. голову довести до свѣдѣнія общей думы что Московское биржевое общество признаетъ устройство политехническаго музея въ Москвѣ весьма полезнымъ „въ видахъ преуспѣянія русской промышленности;“ съ своей стороны, въ бумагѣ подписанной многими извѣстными въ промышленномъ мірѣ именами, московскіе фабриканты заявили что если ходатайство объ учрежденіи музея въ Москвѣ будетъ уважено, то они по мѣрѣ возможности представятъ въ него произведенія своихъ фабрикъ. Равнымъ образомъ Императорское общество любителей естествознанія извѣстило московскаго городскаго голову о томъ что оно постановило передать всѣ предметы съ своей выставки 1872 года (за исключеніемъ тѣхъ которые имѣютъ спеціально-научный интересъ и послужатъ для пополненія собраній университета) въ музей, если онъ будетъ учрежденъ въ Москвѣ; если же нѣтъ, то раздѣлить ихъ на равныя части и распредѣлить ихъ между существующими московскими учрежденіями, „сознавая что настоятельная потребность въ народно-образовательныхъ средствахъ и въ наглядныхъ пособіяхъ для развитія технической дѣятельности чувствуется въ Москвѣ сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо.“ Обильныя пожертвованія которыя были сдѣланы на художественно-промышленный музей при Строгановскомъ училищѣ позволяютъ надѣяться что и это новое учрежденіе найдетъ не меньшую поддержку въ щедрости частныхъ лицъ, хотя, какъ замѣчаетъ упомянутый докладъ, „музеи подобные предполагаемому явились и могутъ явиться только какъ государственное учрежденіе, основанное и содержимое правительствомъ.“ Коммиссія впрочемъ справедливо полагаетъ что дума, ходатайствуя предъ правительствомъ объ устройствѣ музея въ Москвѣ, должна заявить также „со своей стороны готовность облегчить это устройство,“ и предложить въ случаѣ осуществленія мысли необходимое мѣсто для возведенія зданія музея. Въ заключеніи своемъ коммиссія предлагаетъ общей думѣ:

„Вопервыхъ, ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи обще-образовательнаго политехническаго музея, посвященнаго прикладнымъ знаніямъ, въ Москвѣ, какъ центрѣ русской промышленности, особенно нуждающемся въ подобномъ учрежденіи.

„Вовторыхъ, предложить, въ случаѣ осуществленія музея въ Москвѣ, безвозмездно подъ него необходимое количество земли на Лубянской площади.“

„Втретьихъ, присоединить къ своему ходатайству заявленіе какъ Московскаго биржеваго общества, такъ и тѣхъ изъ московскихъ фабрикантовъ и мануфактуристовъ кои заявили желаніе содѣйствовать осуществленію музея, равно какъ и заявленіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи о передачѣ имъ музею предметовъ съ политехнической выставки.“

Такъ на первый разъ выразилась инипіатива которую беретъ на себя здѣшняя городская дума по дѣлу столь очевидно близкому городскимъ интересамъ. Предполагаемый музей можетъ принести несомнѣнную пользу какъ всей сосредоточенной вокругъ Москвы промышленности, такъ и образованію московскаго промышленнаго населенія. Городская дума тѣмъ болѣе въ правѣ ходатайствовать чтобы мѣстомъ для этого музея была выбрана Москва что всѣ доводы въ его пользу суть въ то же время доводы въ пользу Москвы. Намъ не безызвѣстно что нѣкоторые кружки настойчиво хлопочутъ о выборѣ Петербурга для

устройства въ немъ музея. Но если при такомъ учрежденіи имѣется въ виду серіозная цѣль, то трудно понять какимъ образомъ можно надѣяться осуществить ее въ Петербургѣ. Москва есть географическій центръ Россіи, центръ нашей мануфактурной промышленности, главный центръ нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сюда собирается народъ со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, и здѣсь всякое пособіе промышленности и народному образованію можетъ принести самые обильные плоды. Ничего подобнаго мы не находимъ въ Петербургѣ, который стоитъ на краю, въ мѣстности малонаселенной и мало развитой въ промышленномъ отношеніи. Въ Петербургъ пріѣзжаетъ, правда, много иностранцевъ, которые, осматривая примѣчательности города, съ удовольствіемъ пойдутъ и въ политехническій музей полюбоваться на разныя рѣдкости, тамъ собранныя. Музей въ Петербургѣ будетъ учрежденіемъ для парада и показа, — и только. Впрочемъ, учрежденіе музея можетъ быть инымъ желательно еще и какъ предлогъ къ назначенію новаго штата чиновниковъ, которые получатъ мѣста и оклады, чины и награды, и увеличатъ собою число процвѣтающихъ у насъ синекуръ. Для этой цѣли, все равно, быть ли музею въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Но едва ли мы такъ богаты чтобы заводить еще новую дорогую игрушку; едва ли позволительно намъ, подъ именемъ содѣйствія нашему техническому образованію, разводить новые вертограды бюрократическаго тунеядства. Промышленный музей долженъ быть народнымъ музеемъ, и мѣсто ему тамъ гдѣ наибольшее число людей изъ народа можетъ посѣщать его съ практическою для себя пользой. Мѣсто ему въ Москвѣ.

№ 208.

Москва, 28-го сентября.

Вопросъ о военной организаціи занимаетъ и заботитъ всѣхъ. Всѣ толкуютъ о превосходствѣ прусской системы, и всѣ согласны что бывшей прусской, настоящей сѣверо-германской и будущей германской военной организаціи слѣдуетъ приписать тѣ неимовѣрно быстрые и рѣшительные успѣхи которые одержаны Пруссіей и въ войну 1866 года, и въ настоящую. Мобилизація огромныхъ, хорошо обученныхъ армій, въ короткій срокъ двухъ-трехъ недѣль, отняла какъ у Австрійцевъ, такъ и у Французовъ расположеніе дѣйствовать наступательно, разстроила военныя комбинаціи ихъ полководцевъ, отняла у нихъ рѣшительность въ рѣшительные моменты и привела къ катастрофамъ Кениггреца и Седана. Правда, Пруссія многимъ обязана также политикѣ графа Бисмарка, сумѣвшей расположить сосѣднія державы и въ 1866 году, и теперь, къ „доброжелательному" нейтралитету, за который Франція и поплатилась теперь; но тѣмъ не менѣе лишь въ своей военной организаціи Пруссія нашла силу для наступательной политики. Значеніе прусской военной системы оцѣнено уже Австрійцами: послѣ 1866 года въ Австріи введена система сходная съ прусскою и установлена обязательная для всѣхъ воинская повинность; теперь, послѣ понесеннаго страшнаго погрома, прусская система, по всей вѣроятности, будетъ усвоена Франціей, которая и послѣ Садовой уже сдѣлала попытку приблизиться къ этой системѣ, устройствомъ подвижной національной гвардіи (стражи), служба въ которой по закону обязательна для всѣхъ гражданъ; но законъ 1-го февраля 1867 года оставался на бумагѣ почти безъ примѣненія до настоящаго времени, когда, какъ можно думать, онъ все-таки принесъ нѣкоторую пользу ускореніемъ созыва подвижной стражи (гвардіи).

Въ чемъ же состоитъ эта система которая вырабатывалась въ тишинѣ, въ продолженіи слишкомъ полувѣка, почти не замѣченная и неоцѣненная правительствами другихъ государствъ Европы? Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь основныя свѣдѣнія о прусской военной организаціи, и начнемъ съ краткаго историческаго очерка развитія вооруженныхъ силъ Пруссіи съ 1807 года, когда Наполеонъ низвелъ ее на степень второклассной державы съ населеніемъ въ пять милліоновъ душъ.

Время съ 1807 по 1870 годъ въ разсматриваемомъ отношеніи дѣлится на слѣдующіе періоды:

1) съ 1808 по 1812
2) съ 1812 — 1815
3) съ 1815 — 1859
4) съ 1859 — 1866
5) съ 1866 — 1870

Въ первый періодъ послѣ несчастныхъ войнъ при реорганизаціи арміи генераломъ Шарнгорстомъ, введена была такъ-называемая Krümpler-System. На основаніи трактата, Пруссія могла содержать не болѣе 42.000 войска; чтобъ обойти это постановленіе, принятъ былъ порядокъ по которому только часть солдатъ оставалась подъ знаменами узаконенное время; другая же часть послѣ обученія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ увольнялась въ отпускъ и замѣщалась новыми рекрутами, которые также увольнялись и т. д. Такимъ путемъ, Пруссія безъ шума обходила предписанное трактатомъ постановленіе; примѣръ поучительный для всѣхъ кто придаетъ слишкомъ большое значеніе ограниченіямъ вносимымъ въ контракты касательно внутреннихъ дѣлъ государства, напримѣръ запрещенію строить крѣпости или корабли. И вотъ, къ началу 1813 года, благодаря придуманной уловкѣ, Пруссія не только пополнила полки своихъ 6 бригадъ, но изъ подготовленныхъ людей сформировала еще 51 баталіонъ.

Однако, этихъ силъ для предстоящей борьбы было недостаточно, и потому 3-го февраля 1813 года было положено образовать при всѣхъ частяхъ войска особыя отдѣленія „вольныхъ стрѣлковъ" изъ молодыхъ людей которые были бы въ состояніи сами экипироваться. Въ короткое время такихъ стрѣлковъ набралось до 10.000. Вслѣдъ затѣмъ, закономъ 9-го февраля 1813 года, на время предстоящей войны отмѣнены были всѣ изъятія изъ воинской повинности, а 17-го марта учрежденъ *ландверъ* (то-есть по-русски *земская оборона*), который впрочемъ только черезъ 5 мѣсяцевъ могъ принять участіе въ борьбѣ, въ числѣ 120.000 человѣкъ. *Ландверъ*, несмотря на кратковременность воинской подготовки и недостаточное снаряженіе, опираясь на армію и воодушевленный патріотизмомъ, оказалъ не малыя услуги. Такими средствами, Пруссія къ августу 1813 года выставила 250.000 войска; изъ этого числа, полевыхъ войскъ было 170.000, въ частяхъ назначенныхъ для осадъ — 30.000, въ гарнизонахъ и запасныхъ частяхъ—50.000.

Война окончилась, и Пруссія снова заняла мѣсто между великими державами. Наименьшая по населенію и финансовымъ средствамъ, но обязанная сообразоваться съ численностію войскъ другихъ государствъ, она въ основу своей военной организаціи положила тѣ самые начала которыя дали ей развить довольно значительныя силы въ войны 1813—1814 годовъ. Обязательная для всѣхъ военная повинность и *земская оборона* (ландверъ), установленныя на военное время, положены законами 2-го сентября 1814 и 21-го ноября 1815 года въ основаніе особой системы, удержавшейся безъ существенныхъ перемѣнъ до 1859 года. Страна далеко не могла держать въ мирное время армію по численности своей подходящую къ военному составу, который во всѣхъ большихъ государствахъ, кромѣ Англіи, установился въ размѣрѣ около полумилліона. Потому рѣшено было что армія будетъ въ мирное время всенародною военною школой, а въ военное время только составною частію (около $^2/_5$) всей вооруженной силы, въ которую войдетъ вся годная для службы и обученная обращенію съ оружіемъ часть народа. На этомъ основаніи всѣ Пруссаки были обязаны военною службой, и при томъ отъ 20 до 23 лѣтъ подъ знаменами, отъ 23 до 25 въ резервѣ, отъ 25 до 32 въ *ландверѣ* перваго призыва, отъ 32 до 39 въ *ландверѣ* втораго призыва. Сверхъ того, всѣ имѣющіе отъ 17 до 49 лѣтъ и не поступившіе въ составъ арміи, резерва и ландверовъ, должны были составлять *ландштурмъ* (то-есть поголовное земское ополченіе). При такомъ разчетѣ, въ военное время войско состояло изъ трехъ главныхъ частей:

1) Постоянная армія съ резервомъ и ландверомъ спеціальныхъ родовъ оружія (стрѣлковъ, артиллеристовъ и піонеровъ), изъ которыхъ особыхъ ландверныхъ частей войска не формировалось. Въ мирное время, при ежегодныхъ наборахъ въ 40.000, содержалось около 140.000.

2) Ландверъ перваго призыва; въ мирное время содержались только кадры, отъ 3.000 до 4.000.

3) Ландверъ втораго призыва; въ мирное время кадровъ для него не было.

Изъ этихъ трехъ составныхъ частей, полевыя войска и запасныя части пополнялись на половину изъ постоянной арміи и ландвера перваго призыва, а гарнизонныя войска изъ ландвера втораго призыва, къ которому присоединялось до 30.000 отдѣльныхъ отъ постоянной арміи и ландвера перваго призыва. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, не считая ландштурма,

Пруссія могла выставить до 530.000 хорошо обученнаго войска изъ коего только четвертая часть содержалась въ мирное время. Въ другихъ государствахъ разница между военнымъ и мирнымъ составомъ была значительно менѣе.

Въ 1859 и 1860 годахъ совершились новыя важныя преобразованія. Король Вильгельмъ, въ то время еще регентъ, несмотря на сильную оппозицію, реорганизовалъ армію. Походы 1848 и 1849 годовъ и мобилизація войскъ въ 1850 и 1859 годахъ выказали нерасположеніе ландвера къ полевой службѣ; съ другой стороны, составлять дѣйствующее войско на половину изъ собираемыхъ только на военное время и слѣдовательно отсталыхъ отъ военнаго дѣла людей казалось дѣломъ нераціональнымъ. Это было первымъ поводомъ къ преобразованію. Второй состоялъ въ томъ что населеніе возрасло съ 10 на 19 милліоновъ; при численности постояннаго войска во 140.000, въ мирное время, представлялось возможнымъ набирать ежегодно только 40.000 рекрутъ, тогда какъ число годныхъ къ военной службѣ было сверхъ 63.000. Третій поводъ состоялъ въ томъ что государственные доходы возрасли съ 50 на 93 милліона талеровъ. Наконецъ четвертый поводъ, и конечно главный, заключался въ созрѣвавшихъ замыслахъ наступательной политики...

По всѣмъ этимъ причинамъ рѣшено было: отказаться отъ *нормальнаго* употребленія ландвера въ составѣ полевыхъ войскъ; а чтобы численность полевыхъ войскъ не уменьшилась,—удвоить постоянную армію ежегоднымъ привлеченіемъ подъ знамена всѣхъ 63.000 рекрутъ и увеличеніемъ срока пребыванія въ резервѣ съ двухъ на четыре года. Взамѣнъ того, время пребыванія въ ландверѣ сокращено на пять лѣтъ, и онъ предназначенъ главнымъ образомъ для гарнизонной службы.

Преобразованія 1860 года привели къ слѣдующему результату. Численность полевыхъ войскъ осталась почти та же, до 342.000, но изъ нихъ въ мирное время содержалось 217.000, то-есть на 70.000 болѣе; остальные числились въ резервѣ. Число запасныхъ войскъ усилено до 170.000, и состояло по преимуществу изъ резервистовъ и рекрутъ; гарнизонныя войска, по преимуществу изъ ландвера перваго призыва, 195.000, а на переходное время къ нимъ присоединялись еще 108.000 человѣкъ изъ ландвера втораго призыва.

Всего, кромѣ ландштурма, Пруссія могла выставить до 780.000, изъ коихъ только $^2/_7$ содержались въ мирное время подъ знаменами. Постоянная армія стала не только школой для населенія, но, вмѣстѣ съ резервами, единственнымъ полевымъ войскомъ, боевая готовность котораго возрасла чрезъ это въ высокой степени, что и обнаружилось быстрою мобилизаціей прусскихъ войскъ въ 1866 году.

Война съ Австріей расширила владѣнія Пруссіи съ 5.100 до 6.400 кв. миль; населеніе ея съ 19.300.000 возрасло до 23.800.000. Слѣдствіемъ этого было новое усиленіе арміи. Установленная въ 1860 году военная организація примѣнена, съ сокращеніемъ срока службы въ ландвертѣ до 5 лѣтъ, ко вновь пріобрѣтеннымъ провинціямъ, а равно и ко всѣмъ владѣніямъ вошедшимъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Общая численность войскъ въ мирное время поднялась до 310.000, военный составъ до 900.000 въ томъ числѣ 500.000 полевыхъ войскъ, около 200.000 запасныхъ, пополняющихъ убыль въ полевыхъ, до 200.000 гарнизоновъ, часть которыхъ въ 1866 году была мобилизована и составила резервный корпусъ; при этомъ ландверъ занималъ непріятельскую страну, прикрывалъ дороги и т. п.

Далѣе, трактаты заключенные въ августѣ 1866 года съ Баваріей, Баденомъ и Виртембергомъ передали въ руки Пруссіи контингентъ этихъ государствъ; чрезъ это общая численность вооруженныхъ силъ Германіи увеличились на 210.000 и дошла до 1.100.000, и притомъ такъ что 600.000 полевыхъ войскъ были способны, какъ показалъ опытъ нынѣшняго года, сосредоточиться на границахъ Пруссіи въ двѣ недѣли.

Но и этимъ не исчерпываются силы которыми располагаетъ теперь Пруссія. Цифра 900.000 для Сѣверо-Германскаго Союза представляетъ собою только опредѣленный *штатами* составъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается что число состоящихъ въ резервѣ и ландверѣ значительно болѣе того которое требуется для пополненія постояннаго войска и частей формируемыхъ на время войны. При мобилизаціи 1866 года, залишнихъ людей ландвера было такъ много что на каждый пѣхотный полкъ представлялась возможность

сформировать по четвертому батальйону изъ 800 человѣкъ. Вышеприведенныя цифры суть штатный minimum вооруженныхъ силъ Германіи; при мобилизаціи текущаго года численность ихъ, по заслуживающимъ довѣрія указаніямъ, дошло до 1.400.000.

Изъ представленнаго очерка ясно что Пруссія установила у себя въ 1815 году такую систему при которой почти вся нація обучалась военному дѣлу, а на время войны въ полевыя войска поступало все населеніе отъ 20 до 32 лѣтъ способное носить оружіе. Въ 1859 году, когда населеніе почти удвоилось, система проведенія всего населенія чрезъ армію была закрѣплена, служба (въ резервѣ) арміи продолжена съ 5 на 7 лѣтъ, въ полевыя войска сталъ призываться цвѣтъ населенія отъ 20 до 27 лѣтъ, причемъ однако мобилизуется по мѣрѣ надобности и ландверъ. Число частей сформированныхъ въ мирное время, съ 45 пѣхотныхъ полковъ въ 1859 году дошло въ 1868 до 121, съ 38 кавалерійскихъ до 75 съ 9 артиллерійскихъ бригадъ (по 16 батарей) до 18$^1/_2$, и общая численность полевыхъ войскъ съ 340.000 до 600.000.

Изъ малаго государства Пруссія превратилась въ Германію, но не только не отказалась отъ военной организаціи придуманной для немногочисленнаго населенія, но еще развила ее въ большихъ размѣрахъ. Спрашивается, могутъ ли рядомъ съ такою военною организаціей существовать самостоятельно и безопасно государства остающіяся при прежнихъ системахъ?

№ 209.

Москва, 29-го сентября.

Вчера сообщали мы нашимъ читателямъ почти вполнѣ статью газеты *Times*, о которой говорили за нѣсколько дней предъ симъ. Статья эта показываетъ какими глазами слѣдятъ въ Лондонѣ за успѣхами Пруссіи и чего ожидаютъ отъ полнаго торжества ея политики. „Теперь уже поздно спасать Францію“, говорятъ съ нескрываемымъ злорадствомъ ея вчерашніе мнимые друзья, и этимъ успокоиваютъ свою публику по поводу не вѣрныхъ слуховъ о намѣреніи Россіи поднять Восточный вопросъ. Франція, увлеченная ложною политикой, дѣйствовала на Востокѣ противъ самой себя, но рано или поздно она могла выйти на путь своихъ дѣйствительныхъ интересовъ который сблизилъ бы ее съ Россіей, и потому Франція была затрудненіемъ и помѣхой въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса согласно видамъ Англіи. За то виды Англіи вполнѣ согласуются съ интересами Германіи, которая, какъ замѣчаетъ *Times*, управившись на своей западной границѣ, не замедлитъ обратить все свое вниманіе на Востокъ. Послѣ разгрома Франціи, Австрія должна будетъ окончательно уступить требованіямъ берлинской политики, отказаться отъ всякаго соперничества съ ней и перенести центръ своей тяжести на Востокъ, гдѣ прекратится всякій антагонизмъ ея съ Пруссіей и гдѣ „естественная царица Дуная“ будетъ крѣпкою союзницей Германіи противъ Россіи. Въ случаѣ возобновленія притязаній 1828 и 1853 годовъ, „Россія на пути своемъ встрѣтитъ Австрію, поддержанную всею Германіей, *съ Пруссіею во главѣ*“,—таково убѣжденіе, которое, лишь съ незначительными варіантами, высказывается нынѣ и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ. Что тамъ говорятъ теперь post factum, то *Московскія Вѣдомости* постоянно твердили въ теченіе многихъ лѣтъ. Но, скажутъ, мнѣнія газетъ еще не фактъ. Мало ли что говорится въ газетахъ? Иное дѣло—офиціальные документы. Мы желали бы знать что скажутъ наши импровизованные публицисты съ „громкими именами“, если имъ будетъ доказано, на основаніи положительныхъ документовъ, что смыслъ мнѣній высказываемыхъ теперь въ органѣ Лондонскаго Города и отчасти въ офиціозной австро-венгерской печати о естественномъ союзѣ Австріи съ Пруссіей противъ Россіи на Востокѣ, безъ малаго уже двадцать лѣтъ составляетъ часть политической программы обоихъ правительствъ? Что скажутъ они если имъ будетъ доказано что эти самыя мнѣнія не разъ уже были фактомъ и никогда съ большею очевидностью какъ именно въ Крымскую войну?

Припомнимъ.

Въ январѣ 1854 года, положеніе обѣихъ западныхъ державъ совершенно опредѣлилось. Англія, на которую наша дипломатія тогда разчитывала какъ на вѣрнѣйшую опору противъ притязаній Франціи и съ которою она думала имѣть „об-

щіе интересы на Востокѣ", *) — Англія вдругъ оказалась во главѣ махинаціи поставившей Россію противъ соединенной военной силы четырехъ націй. Россія надѣялась найти какой-нибудь противовѣсъ этой грозной коалиціи въ союзѣ съ своими старыми *друзьями*, Австріей и Пруссіей. Дипломатическіе документы того времени полны увѣренности Петербургскаго кабинета что его дѣло на Востокѣ есть вмѣстѣ и дѣло Австріи, что между Россіей и Австріей по Восточному вопросу установилось такое согласіе интересовъ, стремленій и воззрѣній, что когда Россія говоритъ за себя, то она „говоритъ и за Австрію". **) О Пруссіи же, въ началѣ, почти вовсе не было рѣчи. Россія смотрѣла на нее какъ на своего тѣмъ болѣе естественнаго союзника что у Пруссіи, повидимому, не было на Востокѣ никакихъ особыхъ интересовъ, которые могли бы противодѣйствовать влеченію ея сердечныхъ сочувствій къ Россіи.

Само собою разумѣется что, при столь благопріятной обстановкѣ, заключеніе союза съ Пруссіей и Австріей не подвергалось въ Петербургѣ никакому сомнѣнію. Для достиженія этой цѣли, 29-го января 1854 года, пріѣзжаетъ въ Вѣну русскій чрезвычайный посолъ, графъ (въ послѣдствіи князь) Орловъ. Домогательства его какъ нельзя болѣе скромны: о вооруженной помощи нѣтъ и рѣчи, и только „настоятельно предлагается (wird dringend „empfohlen) нейтральный союзъ (Neutra„litätsbund) Россіи съ Австріей и Пруссіей. Россія обязывается не вступать въ „переговоры съ западными державами безъ „соглашенія своихъ союзниковъ";***) но, въ замѣнъ этого обязательства, конечно, требуетъ того же и отъ своихъ союзниковъ. И, что же? Предложеніе Орлова отвергнуто,—и не Австрія, нѣтъ, а *Пруссія* принимаетъ инициативу этого отказа, на томъ основаніи что „оборонительный тройственный союзъ *былъ бы негласною помощью* „*Россіи*".****) Итакъ, еще до начала военныхъ дѣйствій между Россіей и западными державами, когда вопросъ о войнѣ еще не выходилъ изъ области дипломатическихъ переговоровъ, когда всякое рѣшительное выраженіе сочувствія къ Россіи могло не только отсрочить, но и предотвратить войну,—Пруссія тщательно избѣгала всякаго выраженія какого-нибудь сочувствія къ Россіи, и не хотѣла оказать ей даже тѣнь помощи.

Пруссія, повидимому, держалась неуклонно строгаго нейтралитета; она воздерживалась отъ всякаго пристрастія къ Россіи... Посмотримъ, однако, съ какимъ ли безпристрастіемъ дѣйствовала она и относительно противной стороны.

14-го марта 1854 года, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. фонъ-Мантейфель, сообщилъ циркулярною депешей прусскимъ дипломатическимъ агентамъ въ Германіи что „королевское правительство „съ удовольствіемъ извѣщается о мѣрахъ „принятыхъ Австріею на ея юго-восточ„ной границѣ." *) „Вовстаніе христіан„скихъ подданныхъ султана," присовокупляетъ прусскій министръ въ другой циркулярной депешѣ отъ 16-го марта 1854 года, **) „усложняетъ смуты (Wirren), „которыми можетъ протянуться и расши„риться война между Россіей и Турціей." Эти смуты приняты Австріею „въ серіозное и *добросовѣстное* вниманіе", которое побудило ее къ „значительному сосредоточенію войскъ на турецкой границѣ". „Съ *истиннымъ удовольствіемъ* привѣт„ствуемъ мы обращенное на эти событія „въ турецкихъ областяхъ вниманіе Австріи „и *мѣры принятыя ею въ этомъ направ„леніи*. Ибо мы взираемъ на эти мѣры „какъ на самое дѣйствительное средство „ограничить разразившееся на Востокѣ „столкновеніе... Мы питаемъ *радостную* „(freudige) *увѣренность* что чѣмъ болѣе „Австрія будетъ чувствовать себя при„званною заботиться (fördern) объ *инте„ресахъ Германіи на низовьяхъ Дуная*, „*тѣмъ вѣрнѣе можно будетъ ей разчи„тывать не только на наше постоянное „содѣйствіе*, но и на серіозную поддержку „всѣхъ членовъ Союза."

Все это не мнѣніе какого-нибудь вольно-практикующаго публициста, а политическая программа прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, одного изъ самыхъ влі-

*) „Aktenstücke zur orientalischen Frage", von Jasmund. B. I. S. 26—40. №№ XXVIII—XXXXV. Депеши сэръ-Гамильтонъ Сеймура къ лорду Джону Росселю и графу Кларендону о происходившихъ въ Петербургѣ разговорахъ его съ императоромъ Николаемъ.

**) Aktenstücke, ibid.

***) „Actenstücke" etc. B. I. S. 189

****) „Aktenstücke" etc. B. I. S. 190; „Die defensive Tripelallianz sei unausgesprochen eine Hülfeleitstung für Russland."

*) „Aktenstücke" etc. B. I. S. 285.

**) Ibid. B. II, S. 225—226.

ятельныхъ вождей той феодальной партіи имѣющей своимъ органомъ *Крестовую Газету*, которая прославляется у насъ какъ самый преданный другъ Россіи. Что же въ сущности высказано въ приведенныхъ выдержкахъ? Турецкіе Славяне поднялись противъ врага съ которымъ боролась Россія; для подавленія этого возстанія, Австрія сосредоточила на турецкой границѣ значительныя военныя силы, а прусская дипломатія съ „удовольствіемъ" привѣтствуетъ эту угрожающую демонстрацію противъ *союзниковъ Россіи* на Востокѣ, въ которыхъ заключается весь интересъ ея въ Восточномъ вопросѣ. Австрія сосредоточивала свои войска для того чтобы на низовьяхъ Дуная угрожать тылу русской арміи, а прусская дипломатія спѣшила изъявить „радостную увѣренность" что чѣмъ рѣшительнѣе Австрія будетъ слѣдовать этому, столь явно враждебному Россіи направленію, „*тѣмъ болѣе можетъ она разсчитывать на содѣйствіе Пруссіи.*" Все это говорила Пруссія, еще когда не было смыто ольмюцкое пятно, Пруссія юнкерская, будто бы преданная Россіи. Но берлинское правительство одинаково чуждо и ребячествамъ политики злопамятства, и увлеченіямъ политики сердечныхъ сочувствій. Вражда враждой, а дружба дружбой,—и какъ только Австрія стала угрожать Россіи въ Восточномъ вопросѣ и вступилась за Турцію *на низовьяхъ Дуная*, Пруссія поспѣшила протянуть ей руку и отвернуться отъ Россіи...

Но Берлинскій кабинетъ не ограничился платоническими изъявленіями „удовольствія." За фразами послѣдовали соотвѣтственные факты. 14-го и 16-го марта Пруссія давала Австріи не только успокоительныя, но и поощрительныя завѣренія. Уже 20-го апрѣля того же года эти завѣренія облекались въ форму положительнаго обязательства: между Австріей и Пруссіей заключался оборонительный и наступательный союзъ, но увы! далеко не на тѣхъ основаніяхъ которыя столь „настоятельно предлагалъ" въ январѣ мѣсяцѣ графъ Орловъ, въ виду необходимости обезпечить безпристрастный нейтралитетъ Австріи и Пруссіи отъ угрозъ и вынужденій со стороны западныхъ державъ. Статья вторая этого союзнаго договора опредѣляла обязанности договаривающихся относительно *вооруженной защиты* нѣмецкихъ интересовъ въ Восточномъ вопросѣ. Особое прибавленіе къ этой статьѣ было посвящено исключительно факту занятія Дунайскихъ княжествъ *русскими войсками*. Прибавленіе это гласило такъ: *) „Продолженіе занятія Дунайскихъ княжествъ русскими „войсками *опасно и вредно для нѣмецкихъ* „*интересовъ;* опасность эта растетъ по „мѣрѣ дальнѣйшаго распространенія военныхъ дѣйствій Россіи... Есть *надежда* „что русскія войска скоро оставятъ Княжества" (другими словами: есть надежда что западныя державы заставятъ Россію вывести войска изъ Княжествъ); „*если же* „*надежда эта не сбудется*, то Австрія „обратится въ Петербургъ съ *соммаціей* „немедленно очистить Княжества, а *Пруссія поддержитъ это требованіе.* Въ случаѣ же еслибъ отвѣтъ Россіи не далъ „полнаго успокоенія (volle Beruhigung), „то *одною* стороной" (то-есть, *на первое время* одною Австріей) „должны быть приняты мѣры соотвѣтствующія *наступательному дѣйствію* (actives Vorhegen) „въ смыслѣ § 2" (то-есть вооруженной защиты интересовъ Германіи по Восточному вопросу). „*Обоюдное же наступательное* „дѣйствіе" (offensiv es beiderseitiges Vorgehen, то-есть на этотъ разъ уже совокупными силами Австріи *и Пруссіи*) „будетъ вызвано присоединеніемъ Княжествъ, „а также переходомъ Русскихъ через Балканы или наступленіемъ на нихъ." Итакъ, *вооруженное* заступничество Австріи *и Пруссіи за Турцію противъ Россіи*, уже 20-го апрѣля 1854 года, облечено въ обязательную обѣихъ нѣмецкихъ великихъ державъ форму, на случай первыхъ рѣшительныхъ успѣховъ Россіи за Дунаемъ, такъ что еслибы война не была объявлена ей Франціей и Англіей, то всякое движеніе русскихъ солдатъ на пути открытомъ ихъ отцами въ 1828 и 1829 годахъ неминуемо повлекло бы за особую войну Россіи съ ея добрыми и вѣрными союзницами, Австріей *и Пруссіей*. Что Пруссія дѣйствительно имѣла въ виду эту случайность, это доказывается чрезвычайнымъ кредитомъ испрошеннымъ ея правительствомъ съ восторгомъ разрѣшеннымъ ему засѣдавшею въ то время палатою *на военныя приготовленія*...

Военныя приготовленія Австріи и Пруссіи, очевидно, имѣли въ виду выговоренное трактатомъ отъ 20-го апрѣля заступ-

*) *Actenstück*, etc. B. I. № 222.

ничество за Турцію. Само собою разумѣется что для исполненія этой взаимно принятой обѣими державами обязанности, необходимо было предварительно условиться съ самою Турціей. На *первое время*, согласно трактату, для этого достаточно было вооруженнаго вмѣшательства *одной* стороны, то-есть Австріи. И дѣйствительно, 14-го іюня 1854 года, между Австріей и Турціей заключенъ трактатъ разрѣшающій австрійскимъ войскамъ вступленіе въ Княжества. Вскорѣ затѣмъ открывается первая фаза обусловленныхъ 20-го апрѣля враждебныхъ къ Россіи дѣйствій со стороны обѣихъ германскихъ великихъ державъ. Австрійскія войска перешли черезъ границу. Появленія ихъ въ тылу русской дунайской арміи было достаточно чтобы сдѣлать невозможною для Россіи дальнѣйшую борьбу въ этихъ мѣстахъ. Безъ всякаго объявленія войны, Австрія, при явной поддержкѣ Пруссіи, нанесла Россіи весьма существенное пораженіе. Турки торжествовали побѣду; западныя державы, въ свою очередь, не могли смотрѣть безъ удовольствія на рѣшительныя мѣры принятыя Австріей *въ исполненіе ея договора съ Пруссіей*, — мѣры вызвавшія также „удовольствіе" и „радость" Пруссіи. Значеніе этихъ дѣйствій вполнѣ опредѣлялось трактатомъ заключеннымъ 2-го декабря 1854 года между Англіей, Франціей и Австріей, въ которомъ, между прочимъ, сказано что „такъ какъ императоръ „Австрійскій занялъ своими войсками Ду„найскія княжества съ цѣлью *предохра„нить ихъ отъ возвращенія русскихъ воен„ныхъ силъ*, то австрійскія войска займутъ „всѣ позиціи необходимыя для огражденія „этихъ Княжествъ *отъ всякаго нападенія*... „Помянутое занятіе не будетъ вредить однако свободному движенію по этимъ мѣстностямъ англо-французскихъ и турецкихъ „войскъ *противъ военныхъ силъ Россіи*..."*)

Итакъ, договоры заключенные Австріей съ Турціей, 14-го іюня 1854 года, и съ Англіей и Франціей 2-го декабря того же года, суть ни что иное какъ буквальное исполненіе первой части *обоюдныхъ* обязательствъ возложенныхъ на Австрію и Пруссію прибавленіемъ къ статьѣ трактата 20-го апрѣля 1854 года, которымъ обусловливалась *вооруженная защита* интересовъ Германіи по Восточному вопросу, и не просто по Восточному вопросу, но именно на низовьяхъ Дуная, въ виду возможнаго возобновленія Россіей дѣйствій 1828 и 1829 годовъ. Что исполненіе одинаково обязательныхъ для Пруссіи и Австріи условій этого столь поучительнаго для насъ *прибавленія* ограничилось *первою* ихъ частію, то-есть принятіи дѣятельныхъ мѣръ только *одною* договаривающеюся стороной,— въ этомъ конечно виновата не дружба Пруссіи къ Россіи, а единственно то что противъ всякой попытки Россіи на возобновленіе ея маршрута 1828 года выступили своевременно двѣ могучія западныя державы. Пруссія была такимъ образомъ избавлена отъ энергическаго вмѣшательства. Она была достаточно обезпечена въ своихъ интересахъ на низовьяхъ Дуная, она обдѣлывала тамъ руками Австріи враждебное Россіи дѣло, и въ то же время сохраняла наилучшія отношенія къ С.-Петербургскому кабинету и давала ему чувствовать цѣну своей дружбы оставшейся вѣрною несмотря де на усилія западныхъ державъ увлечь ее въ борьбу.

Ведя въ Петербургѣ дружелюбныя рѣчи, Пруссія заботилась выставить въ яркомъ свѣтѣ, напротивъ, враждебную Россіи сторону своей политики. Что вся махинація начавшаяся съ депешъ Мантейфеля отъ 14-го и 16-го марта 1854 года и съ трактата 20-го апрѣля, и естественно завершившаяся трактатами 14-го іюля и 2-го декабря того же года,—что вся эта махинація была направлена *противъ Россіи*, это нисколько не скрывалось *гдѣ нужно*, ни Австріей, ни Пруссіей, и представители ихъ при Франкфуртскомъ сеймѣ торжественно объявили ему 20-го іюня 1854 что „правительства Германіи конечно „сумѣютъ оцѣнить заботливость которая „побудила государей Австріи и Пруссіи „признать какъ дальнѣйшее распростра„неніе военныхъ дѣйствій Россіи на пра„вомъ берегу Дуная, такъ и продолженіе „на неопредѣленное время занятія ею Кня„жествъ несовмѣстными *съ порученными „ихъ верховному попечительству великими „интересами*..." *) Со стороны Пруссіи это заявленіе было сдѣлано ни кѣмъ инымъ какъ прославившимся нынѣ г. Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузеномъ, тѣмъ самымъ который за два года до того, въ качествѣ бранденбургскаго депутата, объявилъ прус-

*) *Aktenstücke*. B. I. § 467.

*) *Aktenstücke*. B. II. S. 227.

ской палатѣ что призваніе Австріи находится на Востокѣ, и что тамъ она всего лучше можетъ содѣйствовать интересамъ Германіи.

Послѣ Седанской катастрофы, дѣйствительно, совершается поворотъ въ положеніи Пруссіи относительно Восточнаго, а особенно славянскаго вопроса: до Седана, этотъ жизненный для Россіи вопросъ былъ для Пруссіи интересомъ отступавшимъ на второй планъ предъ другими болѣе настоятельными; съ паденіемъ же Франціи, этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ для ней первенствующее значеніе...

№ 210.

Москва, 30-го сентября.

А.

Посреди потрясающаго грома всемірныхъ событій, Россія никоимъ образомъ не можетъ остановиться на пути своего внутренняго устроенія. Глубокій историческій смыслъ этихъ событій, готовившихся издалека, долженъ только воодушевить насъ новою энергіей къ довершенію нашихъ преобразованій какое ей можетъ-быть скоро будетъ необходимо для огражденія своего историческаго бытія. Краеугольнымъ камнемъ положенія, занятаго нынѣ Пруссіей, послужили внутреннія реформы, кореннымъ образомъ измѣнившія, подъ руководствомъ Штейна и Гарденберга, весь ея государственный и общественный строй, въ первой четверти XIX столѣтія; нынѣшніе политическіе водители Пруссіи, отличающіеся болѣе ловкостью интриги и отвагою нежели геніемъ органическаго государственнаго дѣла, пожинаютъ плоды своихъ предшественниковъ и употребляютъ на завоевательныя цѣли силу собранную не ими. Призванная Провидѣніемъ къ болѣе миролюбивой роли въ судьбахъ образованнаго человѣчества, но обязанная быть готовою къ непреклонному отпору всякому выходящему изъ предѣловъ властолюбію, Россія будетъ на столько сильна для этого отпора, насколько сумѣетъ укрѣпить основы заложенныя въ наше время. Чтобъ эти основы были прочны, чтобъ онѣ не подгнили, нужно чтобъ имъ соотвѣтствовали всѣ прочія части государственнаго зданія, которыя до сихъ поръ еще сохраняютъ въ себѣ элементы чуждые началамъ совершившихся преобразованій и потому препятствуютъ полному дѣйствію ихъ на успѣхъ народнаго благосостоянія. Важнѣйшій государственный вопросъ ожидающій разрѣшенія въ будущемъ есть преобразованіе подушныхъ налоговъ.

Правительство признало во всей силѣ важность этого вопроса, призвавъ земство къ участію въ его разрѣшеніи. Проектъ составленный податною коммиссіей уже разосланъ во всѣ земскія управы и будетъ главнымъ предметомъ совѣщанія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ нынѣшняго созыва. Сколько намъ извѣстно, земскимъ собраніямъ предоставляется широкое право обсужденія не только подробностей, но и самыхъ основаній проекта. Это самый важный изъ всѣхъ вопросовъ когда-либо бывшихъ на разсмотрѣніи нашихъ земскихъ собраній. Это вопросъ въ полномъ смыслѣ государственный, и нашимъ земскимъ собраніямъ предстоитъ показать на немъ свою политическую зрѣлость. Задача трудная, но можно надѣяться что пять лѣтъ черной работы достаточно подготовили наше земство къ борьбѣ съ серіозными трудностями.

Мы не намѣрены теперь входить въ подробности вопроса, какъ онъ поставленъ проектомъ податной коммиссіи. Вскорѣ проектъ этотъ будетъ въ рукахъ у всѣхъ гласныхъ и тогда будетъ удобнѣе войти въ ближайшее разсмотрѣніе его. Теперь же мы хотимъ коснуться только главныхъ основаній самого вопроса. Нужно желать чтобы вопросъ о подушныхъ налогахъ былъ съ самаго начала поставленъ на высоту, съ которой не могли бы укрыться, за множествомъ мѣстныхъ, сословныхъ и личныхъ интересовъ съ нимъ связанныхъ, главныя государственныя цѣли этой реформы. Эти-то цѣли надобно имѣть постоянно въ виду чтобы реформа не уклонилась отъ широкаго пути и не потерялась въ лѣсу второстепенныхъ интересовъ, какъ это уже случилось съ нѣкоторыми проектами податной реформы.

Подушные сборы съ поселянъ и государственная земская повинность, взимаемая также подушно, съ мѣщанъ и поселянъ (сверхъ того общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ) вредны въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, во многихъ мѣстностяхъ Россіи количественная податная тяжесть этихъ налоговъ превышаетъ средства плательщиковъ, ихъ по-

датную силу, а черезъ это становится невозможнымъ никакое сбереженіе между миліонами такъ называемыхъ податныхъ сословій, то-есть возрастаніе народнаго богатства; съ другой стороны, круговая порука обществъ ограничиваетъ права ихъ членовъ на гражданскую свободу, которою наши податныя сословія пользуются до сихъ поръ только въ теоріи, но не въ дѣйствительности. Трудно сказать которое изъ этихъ двухъ золъ, тяготѣющихъ преимущественно надъ сельскимъ населеніемъ, есть большее. Трудно сказать что хуже для податнаго человѣка взятаго отдѣльно: быть вынужденнымъ отдавать всѣ свои денежныя заработки на уплату государственныхъ налоговъ, или не имѣть права распоряжаться своею личностію, выборомъ занятій и мѣста жительства, и не быть ни одного дня спокойнымъ что всякій пріобрѣтенный достатокъ не будетъ разомъ взятъ на уплату не только по податнымъ счетамъ общества, но даже и на удовлетвореніе его произвольныхъ требованій. Но во всякомъ случаѣ обремененіе податьми есть явленіе мѣстное, а круговая порука—общее. Податная реформа которая не будетъ направлена противъ каждой изъ этихъ двухъ вредныхъ сторонъ подушной системы — которая не облегчитъ тяжести налоговъ лежащихъ на податныхъ, въ особенности сельскихъ сословіяхъ и упуститъ изъ виду тяжести круговой поруки; реформа, которая пожертвуетъ одною задачею для другой, не можетъ быть признана удовлетворительною. Хотя оба зла въ нѣкоторой степени между собою связаны, но они не совпадаютъ и способы дѣйствія противъ нихъ должны быть разные: каждая сторона задачи возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ не должно смѣшивать. Тщательно вникая во всѣ эти вопросы, отъ обсужденія которыхъ невозможно уклониться если реформа подушныхъ сборовъ должна быть не простымъ финансовымъ экспедіентомъ для временнаго усиленія государственныхъ доходовъ, а положительнымъ улучшеніемъ условій нашего народнаго быта, мы убѣдимся что эти вопросы связаны съ самыми существенными недугами въ разныхъ частяхъ нашего государственнаго управленія, и отъ удачнаго, ко всѣмъ интересамъ внимательнаго цивилизованные способы употребляющаго разрѣшенія ихъ будутъ зависѣть государственные успѣхи наши въ будущемъ. Уже одна первая сторона задачи, относящаяся къ облегченію тяжести подушныхъ сборовъ для податныхъ сословій, сторона собственно финансовая, никакъ не можетъ ограничиться однимъ простымъ измѣненіемъ основаній податнаго обложенія простою замѣною души *дворомъ* или *работникомъ* или *землею* безъ согласованія новыхъ налоговъ, долженствующихъ замѣнить подушные, со всею финансовою системою. Несоразмѣрная съ силами плательщиковъ тяжесть подушныхъ сборовъ обусловлена не одною только нераціональностью основанія подушнаго налога, падающаго на лицо, а не на имущество, но также и всѣми коренными недостатками нашей финансовой системы. Сверхъ подушныхъ сборовъ въ тѣсномъ смыслѣ, множество другихъ налоговъ и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, обременяютъ наши податныя сословія, и взыскиваются по той же подушной или поголовной системѣ, безъ всякаго отношенія къ имуществу (сюда относится рекрутская повинность натуральная оцѣниваемая приблизительно въ 70 мил. р. въ годъ, денежная военная повинность, паспортный сборъ и пр.), при совершенномъ изъятіи прочихъ сословій (за исключеніемъ купечества, пока оно записано въ гильдію) отъ всякихъ прямыхъ податей съ имуществъ, затѣмъ недостатки другихъ отраслей налоговъ, препятствующіе болѣе быстрому естественному возрастанію ихъ доходности съ возрастаніемъ промышленности и народнаго богатства (напр. недостатки сборовъ съ промышленности и торговли и таможеннаго тарифа); невыгодное для казны пользованіе многими статьями государственныхъ имуществъ, могущими доставить бюджету болѣе значительныя средства чѣмъ нынѣ (напримѣръ горные заводы); излишество обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, несоразмѣряемыхъ съ податною силой народа; наконецъ, выпуски государственныхъ ассигнацій уменьшающіе нарицательную цѣнность государственныхъ доходовъ и ведущіе къ возвышенію налоговъ. Можно ли сомнѣваться что всѣ эти обстоятельства, независимо отъ неправильности подушныхъ налоговъ, усиливаютъ ихъ тяжесть и несправедливость? Нельзя уменьшить эту тяжесть и несправедливость, продолжая выбирать съ податныхъ сословій тѣ же милліоны, хотя бы и подъ другимъ наименованіемъ. Мы уже имѣемъ предъ собою такой фактъ въ опытѣ переложенія

оброчной подати государственныхъ крестьянъ съ душъ на земли и промыслы: переложеніе это оставалось часто только номинальнымъ. Съ другой стороны нынѣ во многихъ сельскихъ обществахъ всѣ подушные сборы раскладываются самими крестьянами на землю; но вмѣстѣ съ тѣмъ и земля, какъ обложенная несоразмѣрно со своею доходностію, раздается міромъ принудительно, по его усмотрѣнію.

Отвѣтственность обществъ за своихъ членовъ предъ правительствомъ, породившая нынѣшнюю зависимость нашихъ поселянъ отъ міра, основана конечно прежде всего на круговой порукѣ въ подушныхъ сборахъ, какъ на первоначальной законной причинѣ; но круговая порука распространилась на всѣ безъ изъятія повинности: государственныя, земскія и мірскія, и создала своего рода крѣпостное право, которое въ иныхъ мѣстностяхъ постоянно возрастаетъ и сопровождается крайними беззаконіями, каково, напримѣръ, обложеніе крестьянъ налогами не существующими въ законѣ, сборами за право отлучки и полученія паспорта, и пр. Этотъ порядокъ вещей невозможенъ въ европейскомъ обществѣ, но тронуть его нельзя прежде чѣмъ измѣнятся способы обезпеченія и взиманія прямыхъ податей.

В.

Проектъ адреса чешскаго сейма въ отвѣтъ на королевскій рескриптъ отвергнувшій адресъ, отъ 14-го сентября, есть торжественный протестъ Чеховъ противъ введеннаго графомъ Бейстомъ 21-го декабря 1867 года дуализма, которымъ одна половина монархіи предается насильственной мадьяризаціи, а другая столь же насильственной германизаціи, и то и другое въ интересахъ чуждой политики пагубной для народовъ составляющихъ Австрію. Чешскій адресъ находитъ единственную, твердую и прочную почву государственнаго права для всѣхъ національностей монархіи Габсбурговъ въ торжественныхъ обязательствахъ выраженныхъ въ императорскомъ рескриптѣ 20-го октября 1860 года. Онъ требуетъ возстановленія прямыхъ и непосредственныхъ сношеній чешскаго народа съ своимъ государемъ и отвергаетъ узаконенное нынѣшнимъ рейхсратомъ подчиненіе этихъ сношеній волѣ постороннихъ, „не призванныхъ къ тому факторовъ.“ Чехи не признаютъ за этимъ обломкомъ Габсбургской монархіи, именуемымъ Цислейтаніей, права отмѣнять рѣшенія принятыя въ 1860 году. Но Вѣнское правительство неудержимо скользитъ по пути предначертанному политикой г. фонъ-Бисмарка: на справедливыя требованія адреса оно отвѣчаетъ насиліями и еще до полученія адреса предписало приступить къ прямымъ выборамъ въ рейхсратъ. *Politik* свидѣтельствуетъ что въ Вѣнѣ нынѣ въ полномъ разгарѣ враждебный самымъ основамъ габсбургской монархіи духъ мадьяро-польской реакціи противъ австрійскаго славянства. Впрочемъ, Чехи остаются непоколебимы въ своемъ протестѣ, и къ ихъ протесту уже присоединяется фактическій протестъ представителей Тироля.

№ 211.

Москва, 2-го октября.

Намъ сообщаютъ что изъ юго-западныхъ губерній представлены въ Петербургъ соображенія и предположенія о примѣненіи законовъ опредѣляющихъ тамъ право поземельной собственности, о мѣрахъ предупрежденія случаевъ нарушенія этихъ законовъ и о взысканіяхъ за нарушенія.

Проектъ, подраздѣляя на четыре разряда всѣхъ лицъ, изъ которыхъ составляется или можетъ по преимуществу составиться классъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ, разсматриваетъ каждый разрядъ въ отдѣльности, а именно: Евреевъ, Поляковъ, коренныхъ Русскихъ прежнихъ владѣльцевъ и коренныхъ Русскихъ вновь водворенныхъ (упускаются стало-быть изъ виду иностранцы которымъ вообще не возбранено пріобрѣтеніе имѣній въ западномъ краѣ, но которые не могутъ быть причислены къ тому или другому разряду русскихъ владѣльцевъ).

По отношенію къ Евреямъ проектъ приходитъ къ заключенію о безусловной необходимости воспретить имъ арендованіе не только цѣлыхъ имѣній, но и входящихъ въ составъ ихъ отдѣльныхъ земельныхъ угодій (за исключеніемъ корчемъ, заводовъ, мельницъ и т. п.). Проектъ не находитъ нужнымъ изданіе новаго на этотъ предметъ закона, а доказываетъ что означенное запрещеніе вытекаетъ уже изъ са-

маго указа о недозволеніи Евреямъ пріобрѣтать земельную собственность; что только по *недоразумѣнію* допускалось до сихъ поръ заключеніе Евреями арендныхъ контрактовъ, что въ сущности договоры эти незаконны и должны быть немедленно прекращены. При этомъ дѣлается ссылка на состоявшееся въ томъ же смыслѣ рѣшеніе правительствующаго сената по одному частному случаю въ Подольской губерніи. Но такъ какъ помянутыхъ недоразумѣній очевидно было много, и въ нихъ виновны не однѣ договаривавшіяся стороны, то предполагается назначить четырехлѣтній срокъ для прекращенія всѣхъ подобныхъ арендныхъ контрактовъ, если они заключены на болѣе продолжительное время.

Затѣмъ проектъ переходитъ къ собственно-русскимъ владѣльцамъ, которые пріобрѣли имѣнія послѣ 1864 года. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ считается необходимымъ подтвердить существующія для воспользовавшихся льготами отъ правительства ограниченія въ правѣ пользованія и распоряженія купленнымъ имуществомъ, именно воспрещеніе отдачи имѣній Евреямъ и Полякамъ въ аренду, залогъ или управленіе. За нарушеніе этихъ обязательствъ полагается: для лицъ получившихъ казенные земельные участки отобраніе участковъ обратно въ казну (что впрочемъ и теперь опредѣлено ст. 28 инструкціи 23-го іюля 1865 года, на основаніи которой такіе участки отчуждаются); для получившихъ денежныя ссуды отъ правительства — единовременное взысканіе такихъ ссудъ (этихъ лицъ, какъ извѣстно, весьма немного); для получившихъ взамѣнъ ссуды разсрочку казенныхъ и банковыхъ долговъ — немедленное взысканіе этихъ долговъ; наконецъ, для лицъ освобожденныхъ отъ взысканій крѣпостныхъ пошлинъ при совершеніи купчей крѣпости — взысканіе пошлинъ. Извѣстно что всѣ русскіе покупщики польскихъ имѣній освобождаются теперь отъ внесенія означенныхъ пошлинъ (4 процента съ купчей цѣны). Очевидно, однако, что взысканіе пошлинъ не остановитъ того кому выгодно или нужно будетъ отдать имѣніе въ аренду Поляку; о Евреяхъ не говоримъ, такъ какъ предположено запретить имъ вообще аренду имѣній у кого бы то ни было въ западномъ краѣ. Вотъ въ чемъ, сколько намъ извѣстно, заключаются означенныя предположенія главнаго начальника юго-западнаго края.

Но, спроситъ читатель, гдѣ же эти помянутые *четыре* разряда лицъ, не считая упущеннаго изъ виду пятаго (иностранцы)? Отчего же говорится лишь объ ограниченіи права Евреевъ и новыхъ русскихъ владѣльцевъ въ краѣ? Это тѣмъ загадочнѣе что правительство имѣетъ въ виду привлечь коренныхъ русскихъ землевладѣльцевъ къ водворенію въ краѣ. Законы возбраняющіе Евреямъ и Полякамъ покупку имѣній въ западномъ краѣ одинаковы, и оба закона слѣдовательно должны быть одинаково толкуемы. Приводимъ текстъ обоихъ этихъ законовъ. Текстъ не великъ и прочесть его не трудно:

Въ 1864 году 10-го іюля, состоялось Высочайшее повелѣніе, распубликованное въ указѣ изъ Правительствующаго Сената отъ 5-го августа того же года: дарованное Евреямъ Высочайшимъ повелѣніемъ 26-го апрѣля 1862 года право пріобрѣтать земли и угодья принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ не распространять на губерніи въ которыхъ производится обязательный выкупъ, и согласно сему воспретить всѣмъ безъ исключенія Евреямъ пріобрѣтать отъ помѣщиковъ и крестьянъ земли въ губерніяхъ подвѣдомыхъ виленскому и кіевскому генералъ-губернаторамъ.

Государь Императоръ, въ 10-й день декабря 1865 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: впредь до окончательнаго устройства Западнаго края посредствомъ достаточнаго усиленія въономъ числа русскихъ землевладѣльцевъ, воспретить лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ и, со времени объявленія сего постановленія, считать недѣйствительными всѣ совершенные послѣ того акты и сдѣлки на переходъ означенныхъ имѣній, въ предѣлахъ этихъ губерній находящихся, къ лицамъ польскаго происхожденія всякимъ инымъ путемъ кромѣ наслѣдства по закону.

Всѣмъ извѣстно что именно преобладаніе польскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ было прямымъ поводомъ къ изданію этихъ законовъ. Законъ ограничиваетъ права Евреевъ главнымъ образомъ съ тою цѣлію чтобъ они не помѣшали обращенію польской земельной собственности въ русскую. Сущность дѣла въ законѣ 10-го декабря 1865 года. Какъ же понять что когда въ сѣверо-западномъ краѣ возникаетъ мысль объ отмѣнѣ этого болѣе существеннаго закона, *умалчивается* о такомъ же законѣ

въ отношеніи къ Евреямъ; а когда на югозападѣ предполагается усилить значеніе закона 10-го декабря, то при этомъ *говорится только* о Евреяхъ? Но странность эта еще болѣе бросится въ глаза когда сообразимъ что въ новомъ кіевскомъ проектѣ чуть не *тѣ же самыя* соображенія которыя приводятъ къ заключенію о необходимости воспрещенія Евреямъ арендовать имѣнія, служатъ и для доказательства необходимости укрѣпленія этого права за Поляками. Подтвердимъ ссылками указаніе на такое противорѣчіе.

О Евреяхъ въ кіевскомъ проектѣ говорится слѣдующее:

„Евреи, не имѣя права собственности на помѣщичьи земли, *) не могутъ ни владѣть, ни распоряжаться оными по довѣренностямъ владѣльцевъ. Всякое иное толкованіе, противорѣчащее сему, послужило бы только поводомъ къ обходу закона 10-го іюля 1864 года и слѣдовательно не соотвѣтствовало бы цѣли изданія закона.“

Далѣе сказано:

„Если будетъ допущено въ широкихъ размѣрахъ арендованіе земель Евреями, то крестьяне останутся навсегда простою рабочею силой, и изъ нихъ не выйдетъ людей вліятельныхъ въ своей средѣ, заинтересованныхъ сохраненіемъ порядка и государственнаго могущества. Если Евреи сдѣлаются исключительно арендаторами, какъ они нынѣ суть исключительные промышленники, то имъ будетъ принадлежать исключительное политическое значеніе въ краѣ, потому что они подчинятъ своимъ интересамъ владѣльцевъ земель, которые живутъ арендною платой за земли, и крестьянъ, которые работаютъ на землѣ. Несомнѣнна истина что въ чьихъ рукахъ будетъ земля, въ тѣхъ рукахъ будетъ и власть; итакъ: полезно ли въ политическомъ смыслѣ на одной изъ важнѣйшихъ окраинъ Россіи допускать Евреевъ захватить въ свои руки земли и пріобрѣсти первенствующее предъ прочими политическое значеніе.“

Посмотримъ теперь что̀ говорится о Полякахъ. Прежде всего читаемъ что изъ такого же точно закона, изъ какого выведено было что Евреи не могутъ быть арендаторами, нельзя будто бы „вывести „заключенія что лица польскаго происхо„жденія не могутъ пользоваться правомъ „аренды.“ Этотъ законъ исключаетъ де „всякую возможность ограничивать права „нынѣшнихъ польскихъ владѣльцевъ по „отношенію пользованія имѣніями или от„дачи оныхъ въ аренду.“ Какъ будто вопросъ состоитъ въ томъ могутъ ли владѣльцы *отдавать* свои имѣнія въ аренду, а не въ томъ могутъ ли извѣстныя лица *арендовать* оныя у другихъ!

Въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, дѣйствительнымъ собственникомъ можетъ по справедливости почитаться тотъ кто на дѣлѣ является хозяиномъ вещи. Поэтому если по извѣстнымъ причинамъ государственные интересы требуютъ чтобы хозяиномъ вещи являлось то, а не другое лицо (когда для государства не представляется безразличнымъ кому принадлежитъ вещь), то въ этомъ случаѣ разумѣется не какое-либо отвлеченное отношеніе лица къ этой вещи, а дѣйствительное пользованіе и распоряженіе ею и вытекающія отсюда отношенія къ окружающему, къ другимъ лицамъ и вещамъ. Извѣстны положенія законодательствъ всѣхъ странъ относительно аренды. Повсюду встрѣчаются разныя ограниченія аренды. По нашему законодательству вѣчной аренды вообще нѣтъ, и если она допущена, въ видѣ исключенія, при поземельномъ устройствѣ крестьянъ, то лишь какъ средство къ переходу ихъ въ собственники. Такія ограниченія являются потому что поземельныя права во всякомъ благоустроенномъ государствѣ опредѣляются точно, а при безконечной арендѣ являются два вида собственниковъ на одну и ту же вещь: одинъ дѣйствительный, другой фиктивный. Вотъ еще примѣръ изъ политическаго законодательства который ближе подходитъ къ нашему предмету: въ эпоху крѣпостнаго права, когда пользованіе этимъ весьма важнымъ правомъ принадлежало лишь по изъятію не многочисленному, высшему классу населенія, тѣ кому запрещено было быть собственниками населенныхъ имѣній не имѣли права одновременно быть и арендаторами (даже при тогдашней ограниченной 12 годами арендѣ), залогодержателями даже управителями по довѣренности такихъ имѣній. Въ западномъ краѣ существуетъ нынѣ аналогическое запрещеніе относительно лицъ польскаго происхожденія. Законъ, лишая Поляковъ права пріобрѣтать (иначе какъ путемъ наслѣдства по закону) земельную собственность въ девяти

*) Въ законѣ говорится и о крестьянскихъ.

западныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ возбраняетъ Полякамъ сохранять за собой имѣнія въ качествѣ арендаторовъ, залогопринимателей и управителей. Такимъ образомъ, лишенные юридически этого права, они и въ дѣйствительности не должны бы имъ пользоваться.

Кіевскій проектъ вполнѣ признаетъ вѣрность такого заключенія и самъ примѣняетъ оное къ Евреямъ. А потому мы совершенно недоумѣваемъ какъ могло случиться что тотъ же самый проектъ, въ отношеніи къ Полякамъ, безъ дальнѣйшихъ соображеній, приходитъ къ заключенію что „вопросъ о правахъ лицъ поль- „скаго происхожденія арендовать земли и „угодія въ коренныхъ (?) имѣніяхъ лицъ „польскаго и русскаго происхожденій, какъ „не возбуждавшій на практикѣ сомнѣній (?!), „слѣдуетъ въ настоящее время оставить „безо всякихъ поясненій?“ Не значитъ ли это, другими словами, оставлять землю въ пользованіи Поляковъ, будутъ ли то владѣльцы или арендаторы, хотя въ проектѣ выразительно сказано: „въ чьихъ ру- „кахъ земля, въ тѣхъ и власть?“ Такъ какъ, по словамъ проекта, съ правомъ пользованія землею соединяется „на одной изъ важнѣйшихъ окраинъ Россіи первенствующее предъ прочими политическое значеніе,“ то это первенствующее значеніе несомнѣнно будетъ закрѣплено за Поляками если законъ „оставитъ безъ поясненій“ „не возбуждавшее на практикѣ сомнѣній“ арендное право Поляковъ, которое еще болѣе расширится съ устраненіемъ Евреевъ отъ конкурренціи.

Что же останется тогда отъ прекрасныхъ соображеній высказанныхъ въ проектѣ касательно выхода крестьянъ изъ состоянія „простой рабочей силы,“ и объ образованіи въ краѣ средняго сословія русскихъ арендаторовъ? Крестьяне, дѣйствительно, стремятся теперь къ арендованію земель. Благодаря этому-то стремленію, и поднялась такъ значительно поземельная рента въ юго-западномъ краѣ. А прекращеніе арендованія земель Поляками несомнѣнно привлекло бы въ край съемщиковъ, изъ внутреннихъ губерній, которые современемъ превратились бы въ собственниковъ арендованныхъ ими земель. Извѣстно какимъ могущественнымъ орудіемъ при колонизаціи можетъ служить арендное право. Не имѣя достаточнаго капитала чтобы купить имѣніе, многіе имѣютъ средства для арендованія его. Нашъ Новороссійскій край путемъ аренды и управленія пріобрѣлъ теперь весьма значительное число землевладѣльцевъ изъ Евреевъ и Поляковъ.

Итакъ по одному и тому же вопросу двѣ различныя мѣрки,—одна для Евреевъ, другая для Поляковъ. Проектъ упускаетъ случай приложить эти мѣрки еще къ одному вопросу, къ праву залога. На основаніи не отмѣненной еще ст. 1.628, ч. I, X т. Св. зак., лицамъ коимъ воспрещено пріобрѣтать имѣнія не дозволяется принимать тѣ же имѣнія въ залогъ. На основаніи приведенной логики, пришлось бы допустить что Евреи, такъ какъ имъ воспрещено вновь пріобрѣтать имѣнія, не могутъ брать ихъ въ залогъ; а Поляки, такъ какъ имъ также воспрещено подобное пріобрѣтеніе, могутъ.

Отсюда проистекаетъ вопіющая несправедливость въ отношеніи къ новымъ русскимъ землевладѣльцамъ западныхъ губерній. Ихъ желаютъ водворить въ краѣ и въ то же время лишаютъ правъ которыя тутъ же въ проектѣ предоставляются всѣмъ остальнымъ владѣльцамъ, и иностранцамъ, и Полякамъ. Въ самомъ дѣлѣ то ли вредно что русскіе владѣльцы будутъ отдавать свои имѣнія въ аренду Полякамъ и Евреямъ, или наоборотъ, вредъ заключается въ томъ что Поляки и Евреи являются въ качествѣ арендаторовъ? Очевидно, послѣднее. Такъ поставленъ вопросъ самимъ проектомъ по отношенію къ Евреямъ. Нѣтъ причины измѣнять эту правильную постановку когда дѣло коснулось Поляковъ...

№ 212.

Москва, 3-го октября.

А.

Обращаемъ вниманіе читателей на адресъ сербской скупщины, который мы воспроизводимъ въ его общей и наиболѣе важной части. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный документъ есть выраженіе чувства и стремленій перваго полноправнаго законодательнаго учрежденія сербской націи, ибо скупщина до сихъ поръ имѣла характеръ лишь совѣщательнаго собранія. Что же сказалось этимъ первымъ свободнымъ проявленіемъ серб-

скаго національнаго мнѣнія? Оно, прежде всего, свидѣтельствуетъ о крѣпкой, неразрывной связи между націей и ея верховною властью. Новыя начала положенныя въ основу преобразованной нынѣ сербской конституціи выработались „самою жизнію націи,“ какъ сказано въ адресѣ, „помимо всякихъ внѣшнихъ вліяній.“

Нація достигшая совершеннолѣтія требуетъ уваженія къ себѣ, и Сербы протестуютъ противъ оскорбительнаго недовѣрія Европы, продолжающей не признавать компетенцію сербскихъ судовъ относительно иностранцевъ проживающихъ въ Сербіи, между тѣмъ какъ даже турецкое правосудіе чуть не было признано способнымъ вѣдать подданныхъ европейскихъ государствъ. Сербія, пробуждаясь къ самостоятельной жизни, созываетъ своихъ дѣтей, и первое свободное слово ея полномочныхъ представителей говоритъ о соединеніи разрозненныхъ частей сербскаго народа. Но сдержанность съ какою выразилось это чувство еще разъ доказываетъ политическую возмужалость сербскаго народнаго представительства. Чувство это не разбрасывается; оно крѣпко сосредоточено на ближайшей цѣли стремленій. Взоры Сербовъ прежде всего обращаются къ Босніи. „Нѣтъ ни одного Серба,“ говоритъ адресъ, „который не взиралъ бы на всякій прогрессъ Босніи какъ „на собственную выгоду... Задача національнаго собранія особенно трудна при „настоящемъ положеніи, пока сербская „нація не завершитъ своего объединенія.“

Потребность самособиранія не можетъ не сказаться въ различныхъ группахъ славянскаго міра, не можетъ не сказаться и потребность сближенія между ними, и никогда эта потребность не была дѣломъ столь естественнымъ какъ теперь. Это не случайность, это призывъ исторіи. Могутъ ли Сербы, могутъ ли вообще Славяне оставаться равнодушны видя какъ „великія націи,“ говоря словами адреса, „собираютъ воедино свои разбросанные „обломки?“ И не только націи, эти созданныя исторіей индивидуальности, объединяются каждая въ своихъ предѣлахъ, но рѣчь идетъ уже о первоначальныхъ стихіяхъ историческихъ созиданій, о племенахъ. Мы какъ будто присутствуемъ при началѣ Европы когда совершались громадныя передвиженія и битвы племенъ; исторія какъ будто повторяетъ предъ нами дѣла которыя ей предшествовали и ею застигнуты.

Кто сказалъ: *германскій міръ*, тотъ этимъ самымъ сказалъ: *славянскій міръ*. Все органическое должно знать свой предѣлъ. Но, увы! и люди, и народы рѣдко сами находятъ свой предѣлъ. Предѣлъ убѣдительно обозначается лишь силою отпора...

Нельзя не сочувствовать мужественному слову которое мы слышимъ отъ представителей сербскаго народа; но нельзя не сказать что времена наступили трудныя какъ для него, такъ и для его братьевъ. И восточнымъ, и западнымъ Славянамъ предстоитъ много усилій и борьбы въ которой имъ придется отстаивать самое существованіе свое. Особенно серіозно положеніе передоваго на западѣ члена славянской семьи, Чеховъ. Первая очередь будетъ за ними...

Кстати попадается намъ на глаза не лишенное интереса соображеніе, высказанное въ одномъ изъ офиціозныхъ прусскихъ органовъ. Несомнѣнно то что слѣдующія слова *Шпенеровой Газеты* служатъ выраженіемъ цѣлой политической программы: „Въ критическія минуты, по„добныя пройденному нынѣ періоду на„прасныхъ попытокъ примиренія (съ Че„хами), Австрія всегда возвращается къ „убѣжденію что нѣмецкій элементъ со„ставляетъ ея основу. Этому способству„етъ нынѣ и оказавшійся на француз„скомъ театрѣ войны несомнѣнный нрав„ственный перевѣсъ Нѣмцевъ. Если Чехи „и другіе Славяне злобно досадуютъ „(feindlich grollen) и негодуютъ противъ „нынѣшняго устройства Австріи, то въ „Вѣнѣ чувствуютъ что будущность Импе„ріи покоится на нравственномъ возвы„шеніи нѣмецкаго элемента. И именно по„этому раздаются въ Австріи, все съ „большею силой, голоса настаивающіе на „томъ что благо имперіи заключается и „должно заключаться въ болѣе тѣсномъ „союзѣ съ великимъ нѣмецкимъ союзнымъ „государствомъ“. Вотъ еще нѣсколько словъ принесенныхъ послѣднею почтой: „Графъ Бейстъ всего болѣе боится,“ пишетъ, отъ 7-го октября, офиціозный берлинскій корреспондентъ газеты *Hamburgischer Correspondent*, „компрометтиро„вать себя относительно Пруссіи.... Уже „давно указывалъ я вамъ на высказы„вающіяся изъ Вѣны,—путемъ чрезъ Мюн„хенъ,—попытки сближенія съ Пруссіей,

„а также и на то что и здѣсь, въ Берлинѣ, нѣтъ недостатка во встрѣчныхъ „этимъ попыткамъ тенденціяхъ. *Имѣя въ „виду Россію, на первое время* оба пра„вительства естественно ограничатся только тѣмъ что на мѣсто бывшаго до сихъ „поръ между ними раздраженія установятся болѣе пріязненныя сношенія; но „по заключеніи мира, эти тенденціи облекутся, безъ сомнѣнія, въ осязательную „(greifbare) политическую форму.“

Этими двумя выдержками изъ сегодняшнихъ газетъ довольно вѣрно характеризуется настоящее взаимное положеніе Австріи и Пруссіи. Въ принципѣ, примиреніе уже совершилось, и совершилось противъ славянства: на офиціозные авансы вѣнской печати *Шпенерова Газета*, эта „лейбъ-газета“ берлинскаго кабинета, какъ называютъ ее вѣнскіе органы, отвѣчаетъ добрымъ совѣтомъ чтобъ Австрія опиралась на нѣмецкій элементъ дабы заглушить справедливыя требованія „Чеховъ и другихъ Славянъ,“ и уже сулитъ ей для этого опору совокупной Германіи (Gesammt-Deutschland). Но пока все это ведется потихоньку, *чтобы не встревожить Россію.*

Не худо принять къ свѣдѣнію какъ въ самой столицѣ султана смотрятъ на успѣхи Пруссіи и какое значеніе придаютъ тамъ торжеству программы г. фонъ-Бисмарка.

„Неужели можно полагать,“ говоритъ константинопольскій органъ, *la Turquie*,— „что побѣдивъ Францію, графъ Бисмаркъ „будетъ нуждаться въ пособіи Россіи? „Онъ заставитъ ее молчать, если она по„пытается вмѣшиваться въ его дѣла. Что „мы говоримъ теперь, это есть истина, „которой начинаютъ вѣрить въ Петер„бургѣ и въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ „Вѣнѣ... Когда Германія простретея отъ „Балтійскаго моря до Адріатическаго, и „очутится въ нашемъ сосѣдствѣ, ея сно„шенія сперва съ Турціей, а потомъ и съ „дальнѣйшимъ Востокомъ естественно ра„зовьются въ значительныхъ размѣрахъ, „и она не дозволитъ никому прервать или „разстроить эти отношенія. А потому уве„личеніе Германіи не только не должно „тревожить насъ, но оно послужитъ вѣр„нѣйшею оградой Турціи отъ завоева„тельныхъ (?) намѣреній Россіи. Задача „людей которымъ ввѣрено управленіе Тур„ціей состоитъ теперь въ томъ чтобы со„дѣйствовать упроченію отношеній уже „существующихъ между Турціей и Гер„маніей.“

Вотъ стамбульскій отвѣтъ тѣмъ изъ нашихъ политиковъ которые въ побѣдахъ Пруссіи предвкушали какія-то выгоды для русскаго вліянія на Востокѣ!

Б.

Вотъ уже три недѣли какъ мы вовсе не получаемъ французскихъ газетъ, а такъ какъ телеграммы приходятъ къ намъ чрезъ берлинское агентство, то весьма естественно что всѣ заключающіяся въ нихъ извѣстія съ театра войны и вообще о французскихъ дѣлахъ принимаютъ болѣе или менѣе односторонній оттѣнокъ. Трудно поэтому объяснить себѣ нѣкоторыя обстоятельства. Подъ Мецемъ, напримѣръ, маршалъ Базенъ чуть не каждый день дѣлаетъ вылазки, и каждый разъ отражается съ урономъ, какъ извѣщаютъ прусскія депеши, а на другой день изъ другихъ источниковъ узнаемъ что онъ отбиваетъ у Прусаковъ цѣлыя стада быковъ и барановъ. Какимъ образомъ Прусаки могутъ держать впереди арміи, чуть не на аванпостахъ, стада назначенныя для продовольствія арміи, это непонятно, если не допустить что Прусаки, не желая довести армію Базена до голодной смерти, взялись сами доставлять ей продовольствіе; если же не это, то надобно заключить что маршалъ Базенъ, хотя не въ состояніи пробиться сквозь превосходныя силы принца Фридриха-Карла, можетъ однако дѣлать вылазки весьма отважныя, на далекое пространство отъ укрѣпленій

Русское Агентство, черезъ Вѣну, получило изъ Тура депешу что курьеръ пробравшійся изъ Парижа привезъ извѣстіе о большомъ дѣлѣ бывшемъ 7-го октября между фортомъ Монъ-Валерьеномъ и Сенъ-Клу, причемъ Прусаки были-де разбиты, и отступили къ Версалю. Лишь сегодня берлинское Агентство Вольфа дало намъ знать изъ Версаля, отъ 1-го (13-го) октября, что Французы бомбардировали и сожгли Сенъ-Клу, и что при этомъ была сдѣлана вылазка отраженная 2-мъ баварскимъ корпусомъ. Есть ли это одно и то же дѣло, только различно переданное, или два различныя дѣла?

Отъ 12-го же октября получена была телеграмма о новомъ несчастіи постиг-

шемъ Французовъ наканунѣ. Вновь набранная луарская армія, потерпѣвъ пораженіе при Артене, отступила на лѣвый берегъ Луары, оставивъ Орлеанъ непріятелю. Постоянно приходятъ извѣстія о занятіи Прусаками новыхъ пунктовъ....

Можно сказать что нынѣшняя война есть по преимуществу артиллерійская, а у Прусаковъ эта часть доведена до совершенства. Если игольчатыя ружья, въ 1866 году, дали имъ рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ, то теперь неоцѣненное преимущество даютъ тѣ усовершенствованія какія внесены ими въ артиллерійское дѣло.

№ 213.

Москва, 5-го октября.

Читатели, конечно, обратили вниманіе на двѣ депеши напечатанныя въ началѣ вышедшаго сегодня нумера нашей *Современной Лѣтописи*. Вторая изъ нихъ замѣчательна своимъ тономъ. Она идетъ изъ прусской главной квартиры, и стало-быть имѣетъ офиціальное происхожденіе, а между тѣмъ написана совершенно въ стилѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*. Это не извѣстіе и даже не опроверженіе извѣстія, это полемика для коей избранъ иронический тонъ доселѣ еще не встрѣчавшійся въ офиціальныхъ телеграммахъ. Что касается до содержанія версальской телеграммы, то оно рѣшительно вводитъ читателя въ заблужденіе. При бѣгломъ чтеніи можно подумать что изъ прусской главной квартиры категорически опровергаются показанія члена временнаго французскаго правительства г. Гамбетты; на такое впечатлѣніе очевидно версальская телеграмма и разчитана. И что̀ же? При нѣсколько внимательномъ сличеніи депешъ турской и версальской всякое противорѣчіе между ними исчезаетъ. Въ депешѣ изъ Тура сообщается прокламація г. Гамбетты возвѣстившая о первомъ успѣхѣ одержанномъ французскимъ народомъ подъ стѣнами Парижа. Въ этой прокламаціи весьма точно указаны пункты позицій которые были захвачены, въ продолженіе послѣднихъ трехъ недѣль, Прусаками, и изъ которыхъ они были выбиты въ дѣлахъ 12-го октября. Эти пункты въ прокламаціи г. Гамбетты даже поименованы. Было бы весьма легкимъ дѣломъ прямо и спокойно опровергнуть столь фактическія показанія и возстановить истину, еслибы въ нихъ заключалась невѣрность. Вмѣсто того прусская депеша приходитъ въ гнѣвъ, безусловно провозглашаетъ французскую прокламацію ложью и ядовито присовокупляетъ что она де разчитана на укрѣпленіе слабыхъ душъ во Франціи. Читатель предполагаетъ какой-нибудь грубый подлогъ и спѣшитъ пожать плечами, дивясь нахальству съ коимъ возвѣщаются событія совершенно „измышленныя,“ и притомъ возвѣщаются кѣмъ же?—членомъ правительства, хотя и временнаго, но состоящаго нынѣ единственнымъ фактическимъ правительствомъ Франціи. Въ чемъ же дѣло? Были ли 12-го октября какія-либо стычки подъ Парижемъ, объ этомъ прусская депеша не считаетъ нужнымъ говорить, хотя и не пренебрегаетъ упомянуть что 14-го октября были лишь незначительныя патрульныя схватки. О днѣ 12-го октября она ограничивается сообщеніемъ результата, который состоитъ въ томъ что Прусаки послѣ 12-го октября остались въ точности въ тѣхъ самыхъ позиціяхъ которыя были заняты ими 19-го (7-го) сентября. Довѣрчивый читатель долженъ подумать что въ этомъ и состоитъ опроверженіе прокламаціи г. Гамбетты. Но онъ ошибется. Прусская депеша изъ Версаля столь же мало отрицаетъ указанный въ прокламаціи г. Гамбетты результатъ дѣлъ 12-го октября, какъ и то что эти дѣла происходили. Она не утверждаетъ что дѣлъ 12-го октября не было; дѣла могли быть, только это не были побѣдоносныя битвы Французовъ. Точно также она не отрицаетъ и того что Французы выбили Прусаковъ изъ тѣхъ позицій которыя поименованы въ прокламаціи г. Гамбетты: Прусаки, можетъ-быть, и выбиты изъ той или другой позиціи, только они не выбиты ни изъ одной изъ позицій занятыхъ ими 19-го (7-го) сентября, то-есть за 23 дня до 12-го октября. Зачѣмъ понадобилось это 19-е сентября? Почему бы напримѣръ не сказать просто что Прусаки послѣ 12-го октября остались въ тѣхъ же позиціяхъ въ коихъ были наканунѣ: тогда дѣло было бы ясно и „распускаемые изъ Тура слухи о французскихъ побѣдахъ“ были бы опровергнуты категорически. Но нѣтъ: этого не говорятъ въ прусской главной квартирѣ. Вѣрно только то что позиціи занятыя Прусаками 19-го

(7-го) сентября удержаны ими и послѣ 12-го октября. Но развѣ въ прокламаціи г. Гамбетты это отрицается? Развѣ тамъ не говорится прямо что Пруссаки выбиты изъ тѣхъ позицій которыя они заняли въ послѣднія три недѣли предъ дѣломъ 12-го октября? Ничего больше не сказано въ этой лживой прокламаціи. Въ ней рѣчь идетъ единственно о тѣхъ позиціяхъ которыя Пруссаки заняли *послѣ* 19-го (7-го) сентября. Въ этотъ день только что началось обложеніе Парижа и оно было окончено не прежде какъ 21-го, потому что въ англійскія газеты дошли еще обыкновеннымъ, а не воздушнымъ путемъ, корреспонденціи изъ Парижа отъ 20-го сентября. Послѣ 21-го сентября прошло ровно три недѣли до 12-го октября, и во время этихъ трехъ недѣль Пруссаками были заняты многія передовыя позиціи и нѣкоторые редуты оставленные въ неоконченномъ видѣ Французами. Эти передовыя позиціи отчасти очень важны; чтобъ овладѣть ими нужны были трехнедѣльныя усилія, и нужна была побѣда надъ генераломъ Винуа. Изъ нихъ-то, по свидѣтельству турской прокламаціи, Пруссаки и были выбиты въ дѣлахъ 12-го октября. Если это правда, то три недѣли дорогаго осенняго времени пропали для Пруссаковъ. Если же это свидѣтельство „измышлено,“ то такъ и надобно было сказать. Но прусская депеша тщательно остерегается отъ такого прямаго опроверженія. На какомъ же основаніи она называетъ измышленными турскіе слухи о томъ что Пруссаки выбиты изъ передовыхъ, занятыхъ ими *послѣ* 21-го сентября позицій. Неужели на томъ что Пруссаки удерживаютъ позиціи которыя были заняты ими *прежде* 19-го сентября? Прусская депеша, отодвигая срокъ на два дня назадъ, въ сущности меньше говоритъ въ пользу положенія осаждающихъ чѣмъ прокламація г. Гамбетты.

Нѣсколько времени тому назадъ въ доброжелательныхъ къ Пруссіи англійскихъ газетахъ было съ прискорбіемъ замѣчено что прусскія депеши, столь сдержанныя и опредѣленныя во время блестящихъ прусскихъ успѣховъ, стали теперь не только не ясны, но и не точны. „Характеръ нѣмецкихъ извѣстій, говоритъ *Times*, очевидно измѣнился къ худшему.“ Справедливость этого замѣчанія какъ нельзя болѣе подтверждается настоящимъ случаемъ. Газета *Times* объясняетъ себѣ эту перемѣну тѣмъ что трудность задачи предлежащей нѣмецкимъ арміямъ начинаетъ теперь пониматься ими серіознѣе чѣмъ прежде.

Газетой *Times* получено изъ Парижа письмо отъ находящагося тамъ англійскаго хирурга, которое удостовѣряетъ что Парижъ теперь неприступенъ для атаки силой, что мобильгарды становятся превосходными солдатами и не перестаютъ, однако, неутомимо упражняться въ обученіи строю, а ежедневныя стычки пріучаютъ это вновь сформированное изъ гражданъ войско ко встрѣчѣ съ непріятелемъ: превосходная боевая школа, въ которой должно скоро выработаться такое войско что съ нимъ можно будетъ отважиться на генеральную битву. Генералъ Трошю повидимому хорошо понимаетъ что не слѣдуетъ поспѣшно выводить въ большое дѣло армію не вполнѣ сформированную и плохо сплоченную, какъ, надобно думать, случилось съ авангардомъ луарской арміи.

Организація этой послѣдней несомнѣнно представляетъ величайшія затрудненія. О формированіи резервныхъ армій во Франціи возвѣщалъ еще герцогъ Паликао, и вотъ уже безъ малаго полтора мѣсяца какъ за сосредоточеніе всѣхъ военныхъ силъ Франціи принялось съ дѣйствительною энергіей временное правительство національной обороны. При неотрицаемой способности Француза быстро усвоивать себѣ всѣ качества хорошаго солдата, при той готовности съ какою нынѣ Французы спѣшатъ подъ знамена, при весьма достаточномъ развитіи желѣзно-дорожныхъ и шоссейныхъ сообщеній Франціи, нельзя сказать чтобы въ полтора мѣсяца не было никакой возможности образовать во Франціи двѣ новыя арміи, хоть по 80.000 каждая. Гдѣ же эти арміи? Почему не встрѣчаются онѣ съ наступающимъ непріятелемъ? Почему, подъ Артене, при защитѣ столь важнаго города какъ Орлеанъ, было *всего 15.000 человѣкъ*? Почему не пытаются эти 160.000 хоть защищать нынѣшнее мѣстопребываніе французскаго правительства, Туръ,—изъ котораго, какъ видно, временное правительство уже готовится бѣжать въ виду безпрепятственнаго наступленія непріятеля?

Французскія газеты и французскіе корреспонденты жалуются на отсутствіе вождя способнаго побѣдоносно повести французскія арміи противъ непріятеля, но въ этихъ крикахъ забывается одно,—что хо-

тя бы и оказался нынѣ такой вождь, то ему было бы *некого* вести противъ непріятеля. Французскихъ резервныхъ армій еще нѣтъ; онѣ, очевидно, не готовы... Даже нѣмецкія газеты извѣщаютъ что огромныя массы солдатъ собраны въ Ліонѣ; ліонскій *Salut public* горько сѣтуетъ что этихъ людей не ведутъ въ дѣло. Но при настоящемъ, поистинѣ отчаянномъ положеніи Франціи, очевидно что безъ *непреодолимой* необходимости правительство не оставило бы такихъ массъ въ бездѣйствіи, и эта необходимость не можетъ быть иная какъ та, что резервы еще не готовы къ предстоящей имъ борьбѣ съ отлично выученнымъ и обстрѣленнымъ нѣмецкимъ войскомъ. Въ самомъ дѣлѣ превратить въ полтора мѣсяца толпу „нагнанныхъ“ рекрутъ въ стройное войско вообще трудно, хотя и далеко *не невозможно* во Франціи гдѣ народъ отличается способностью къ военной службѣ. Но для этого безусловно необходимо одно условіе: основаніемъ при формировкѣ резервовъ должны быть хорошіе кадры, то-есть отличные офицеры и унтеръ-офицеры, которые умѣли бы передать новобранцамъ и свои познанія и свои чувства. Уже давно было слышно, изъ вѣрныхъ источниковъ, что послѣ первыхъ пораженій французское правительство, не озаботившееся въ своемъ ослѣпленіи приготовленіемъ резервовъ, стало посылать на пополненіе убыли въ разстроенныхъ войскахъ самые кадры остававшіеся внутри Франціи для образованія будущихъ резервовъ. Это безумное уничтоженіе кадровъ расло-де по мѣрѣ усиленія бѣдствій дѣйствующихъ армій, и послѣдніе кадры поступили де въ составъ корпуса Винуа. Напечатанные нами документы послѣднихъ дней имперіи содержатъ въ себѣ намеки на это непростительное распоряженіе. Въ настоящее время французскому правительству предстоитъ замѣнить кадры призванными подъ знамена отставными офицерами и нижними чинами; вотъ почему дѣло идетъ такъ медленно. Припомнимъ что только съ конца 1867 года началось вооруженіе французской арміи ружьями Шасспо, и что вся масса отставныхъ незнакома ни съ новымъ оружіемъ, ни съ тѣмъ преобразованіемъ правилъ воинскаго устава и тактики, которое было слѣдствіемъ введенія улучшенныхъ ружей.

№ 214.

Москва, 6-го октября.

Въ *Кельнской Газетѣ* встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Французскій корабль „*Лафайеттъ* прибылъ изъ Нью-Йорка въ „Брестъ. Говорятъ что онъ имѣлъ своимъ „грузомъ 150 000 ружей, шесть милліо-„новъ патроновъ, $4^1/_2$ милліона килограм-„мовъ сухарей. Кромѣ того на немъ на-„ходилось 150 волонтеровъ.“ Такъ какъ *полтораста тысячъ* ружей едва ли возможно было найти въ столь короткое время на частныхъ ружейныхъ заводахъ Сѣверной Америки, то обстоятельство это требуетъ объясненія, и та же газета даетъ удовлетворительное объясненіе. Оказывается что само правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ снабжаетъ Францію оружіемъ и аммуниціей. Вотъ что̀ пишетъ нью-йоркскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*:

„20-го числа, французскій пароходъ *Лафайеттъ*, принадлежащій Трансатлантической компаніи, долженъ былъ отправиться отсюда въ Гавръ. Французовъ и Ирландцевъ собралось въ гавани нѣсколько тысячъ, и между пассажирами парохода и людьми стоявшими на берегу завязался оживленный обмѣнъ восклицаній и пантомимъ. Дѣло было въ томъ что грузъ *Лафайетта* состоялъ преимущественно изъ Ремингтоновскихъ ружей, патроновъ и другихъ военныхъ принадлежностей, заказанныхъ французскимъ военнымъ министерствомъ для употребленія французскою арміей противъ Нѣмцевъ. Изъ числа же пассажировъ слишкомъ 100 человѣкъ объявили намѣреніе поступить во французскую армію. Вдругъ, незадолго до отхода, судьба появилась въ лицѣ чиновника, который потребовалъ чтобъ ему показали списокъ отъѣзжающихъ. Изъ числа пассажировъ онъ выбралъ 80 человѣкъ которыхъ принудилъ выйти на берегъ. Это были тѣ которые не заплатили денегъ за мѣста на пароходѣ, и за которыхъ плата имѣла быть получена только во Франціи. За исключеніемъ этого, ничто больше не помѣшало отбытію парохода. Причиной сдѣланнаго распоряженія было судейское предписаніе по случаю жалобы сѣверо германскаго генеральнаго консула Резинга что на пароходѣ *Лафайеттъ* находились люди набранные для войны противъ Сѣверо-Герман-

скаго Союза, съ которымъ Соединенные Штаты находятся въ мирѣ. О военныхъ же принадлежностяхъ которыя находились на пароходѣ ничего не упоминалось въ этой жалобѣ. Не всѣмъ извѣстны американскіе законы, и потому нѣкоторыя поясненія не будутъ излишними. Законы о нейтралитетѣ въ Соединенныхъ Штатахъ запрещаютъ вербовку противъ дружественнаго государства, снаряженіе противъ него вооруженныхъ кораблей и экспедицій. Но при этомъ позволена продажа боевыхъ принадлежностей всякаго рода (ружей, пушекъ, аммуниціи, даже кораблей невооруженныхъ), и жалоба г. Резинга не могла, слѣдовательно, относиться къ грузу парохода. Законы здѣсь въ этомъ отношеніи тѣ же что̀ и въ Англіи (!); если оружіе и въ самомъ дѣлѣ покупалось прямо отъ правительства, какъ это утверждаютъ, то тутъ дѣлать нечего, ибо правительство, также какъ и частныя лица, имѣетъ право сбывать лишній товаръ. Американское правительство дѣйствуетъ безъ утайки.

Корреспондентъ *Кельнской Газеты*, какъ видимъ, даже не сомнѣвается что отправленная во Францію громадная масса Ремингтоновскихъ ружей принадлежала американскому правительству. Удивительно что при этомъ случаѣ нѣмецкія газеты не подняли крика противъ Америки, между тѣмъ какъ онѣ, при ничтожныхъ доставкахъ ружей изъ Англіи, — и притомъ не изъ казенныхъ арсеналовъ, а съ частныхъ заводовъ, протестовали сотнею крикливыхъ статей. Извѣстно что по этому поводу была даже дипломатическая переписка между англійскимъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и прусскимъ посломъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ. Тѣмъ не менѣе, корреспондентъ *Кельнской Газеты* наивно замѣчаетъ что законы по этому предмету въ Англіи и въ Америкѣ тѣ же самые.

Что̀ же надобно заключить изъ этого? Очевидно что руководители общественнаго мнѣнія въ Германіи боятся не только Америки, но и общественнаго мнѣнія самой Германіи, на которую, вѣроятно, энергическій протестъ противъ Американцевъ подѣйствовалъ бы въ обратномъ смыслѣ.

Снабженіе Франціи оружіемъ изъ арсеналовъ Вашингтонскаго правительства, буде сообщеніе корреспондента *Кельнской Газеты* не лишено основанія, есть фактъ который не можетъ не произвести впечатлѣнія въ Германіи. При такихъ условіяхъ формированіе новыхъ французскихъ армій перестаетъ быть мечтою годною только къ тому чтобы служить предметомъ насмѣшекъ для *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*.

Въ дополненіе къ нашей вчерашней замѣткѣ, мы сегодня можемъ разъяснить еще одну не совсѣмъ понятную прусскую телеграмму, отъ 13-го октября, которая была напечатана въ № 211 нашей газеты. Въ этой телеграммѣ извѣщалось что Французы, *безъ всякаго повода*, сожгли бомбардировкой замокъ Сенъ-Клу, который Пруссаки пощадили. Телеграмма и на этотъ разъ не обошлась сообщеніемъ факта безъ комментарія и присовокупила слова „безъ всякаго повода,“ выставляя такимъ образомъ вандализмъ или глупость Французовъ въ отличіе отъ гуманности прусскихъ войскъ, выжигающихъ, однако, французскія деревни за то что жители ихъ дерзаютъ обороняться отъ непріятеля. Телеграмма изъ Лондона, которую читатели найдутъ ниже, подтверждаетъ что Сенъ-Клу обращенъ совершенно въ развалины, но въ то же время мы находимъ указаніе которымъ объясняется причина побудившая осажденныхъ на такую тяжкую жертву какъ сожженіе Сенъ-Клу. Въ полученной сегодня англійской газетѣ *Manchester Guardian*, находимъ корреспонденцію изъ Тура помѣченную отъ 9-го октября, слѣдовательно за четыре дня до сожженія Французами замка Сенъ-Клу. Въ числѣ разныхъ вѣстей изъ Парижа, англійскій корреспондентъ разказываетъ что Пруссаки воспользовались въ Сенъ-Клу башней извѣстною подъ именемъ Діогенова фонаря, находящеюся близъ дворца, для помѣщенія на ней батареи, а такъ какъ нѣкоторыя изъ прусскихъ орудій хватаютъ на 4.000 метровъ, — какъ разъ на разстояніе по прямому направленію отъ Сенъ-Клу до Елисейскихъ полей, — то Парижане вскорѣ могли бы быть „угощены нѣсколькими бомбами въ видѣ закуски предъ началомъ „болѣе серіознаго дѣла“. Если изъ Сенъ-Клу бомбы тяжелыхъ орудій могутъ долетать до Парижа, то Французы, конечно, *имѣли достаточный поводъ* выбить бомбардировкой оттуда непріятеля прежде чѣмъ ему удалось воздвигнуть грозныя батареи.

Вчера мы замѣчали также что прусская депеша, называя вымышленнымъ извѣстіе объ успѣхахъ Французовъ подъ Парижемъ и говоря что Прусаки занимаютъ въ точ-

ности тѣ же позиціи какъ и 19-го сентября, остереглась поименовать ихъ, между тѣмъ какъ въ прокламаціи г. Гамбетты были перечислены пункты откуда Прусаки были выбиты 12-го октября. Ниже, въ *Послѣдней Почтѣ*, мы приводимъ телеграмму полученную бельгійскими газетами гдѣ обозначены и нѣкоторые другіе пункты отбитые Парижанами у непріятеля, какъ напримѣръ Монтрету. Для поясненія слѣдуетъ замѣтить что на этомъ важномъ пунктѣ, лежащемъ къ югу отъ Монъ-Валерьена, была начата еще до осады Парижа постройка новаго форта для пополненія линіи внѣшнихъ верковъ. Но постройка эта не была еще окончена когда началось обложеніе Парижа, и Французы оставили его, какъ и нѣкоторые другіе неоконченные редуты, стараясь повидимому прежде всего выиграть время для обученія своихъ новобранцевъ военному дѣлу. Телеграмма бельгійскихъ газетъ, въ заключеніе, положительно утверждаетъ что прусскій поясъ окружающій Парижъ вслѣдствіе битвы 12-го октября очень раздался. Этимъ затрудняется не только *правильная* осада Парижа, но и самая блокада столь обширнаго города.

Изъ офиціальнаго отчета напечатаннаго въ берлинскомъ *Государственномъ Указателѣ* о вылазкѣ сдѣланной арміей Базена на деревню Реми видно что „хотя нѣмецкія войска сражались чрезвычайно храбро и упорно, но попытка удержаться на „этомъ мѣстѣ *не имѣла успѣха*,“ и что за эту попытку, на одномъ лѣвомъ берегу Мозеля, нѣмецкія войска поплатились 1.350 человѣками выбывшими изъ строю. Мы видимъ отсюда что и подъ Мецемъ, какъ подъ Парижемъ, поясъ блокады раздался къ невыгодѣ осаждающихъ.

Объ этомъ фактѣ телеграфное агентство Вольфа признало лишнимъ извѣстить русскую публику; за то оно сообщаетъ намъ подробное изложеніе что въ *Indépendance belge* какой-то корреспондентъ пишетъ что два солдата въ Турѣ за забвеніе дисциплины или за пьянство были разстрѣляны, а также что газета *France*, въ какой-то статьѣ своей, осуждаетъ распоряженія временнаго правительства...

Когда мы дописывали эти строки, получена отъ того же агентства слѣдующая телеграмма, которую мы, въ видѣ куріоза, передаемъ читателю въ буквальномъ переводѣ: „Въ *Petersbourg Journal*“ (Ужели это *Journal de S.-Pétersbourg*, о статьяхъ котораго намъ сообщается по телеграфу черезъ Берлинъ?) „сказано что Бёрнсайдъ сообщилъ Фавру нѣмецкія условія „перемирія, которыя Бёрнсайдъ призналъ „удобными къ принятію, но которыя однако были отвергнуты. Причина отказа неизвѣстна.“

Телеграмма эта была бы вовсе безъ всякаго смысла еслибы мы не знали уже изъ англійскихъ и даже изъ нѣмецкихъ газетъ что эти условія Фавръ едва ли могъ счесть за что-нибудь серіозное. Графъ Бисмаркъ поручилъ Бёрнсайду передать г. Жюлю Фавру свое согласіе на *перемиріе*, но съ тѣмъ чтобъ оно было заключено *въ Парижѣ!*

Агентство Вольфа умалчиваетъ въ чемъ состояли эти „нѣмецкія условія,“ и сообщаетъ что „причина отказа неизвѣстна“... Не лучше ли было бы, повторимъ, сообщить намъ своевременно свѣдѣніе о дѣлѣ 7-го числа подъ Мецемъ?

№ 215

Москва, 7-го октября.

Генералъ фонъ-Мольтке торжественно объявилъ въ 1868 году что Германія, настолько сильная чтобъ имѣть возможность *запретить* всякую войну, будетъ лучшимъ обезпеченіемъ мира Европы. Съ 1864 года Германія уже достигла достаточной силы чтобы *запретить* Даніи всякій помыселъ о войнѣ. Въ 1866 году, вмѣстѣ съ лаврами Кенигреца, стяжала она и такую силу которая дала ей возможность запретить войну своей южной сосѣдкѣ, Австріи. Графъ Бисмаркъ объявляетъ нынѣ, не обинуясь, что Германіи необходимо сдѣлать всякую войну „невозможною для Франціи.“

Не говоря о Россіи, въ Европѣ, слѣдовательно, возможность прибѣгнуть къ оружію должна быть предоставлена одной Германіи. Только тогда и будетъ обезпеченъ миръ Европы. *Hors d'une grande Allemagne point de salut*,“ въ этомъ заключается основный догматъ берлинскихъ политиковъ, передѣлывающихъ на свой ладъ основный догматъ латинской церкви. Этотъ берлинскій догматъ едва ли не усерднѣе проповѣдывается органами нѣмецкаго патріотизма въ Россіи, искренними и подкупными,

чѣмъ органами того же патріотизма въ самой Пруссіи...

Между тѣмъ даже *Daily News*, одинъ изъ самыхъ враждебныхъ Франціи органовъ англійской печати, начинаетъ немножко задумываться надъ послѣдствіями чрезмѣрнаго усиленія Германіи по присоединеніи къ ней Эльзаса и Лотарингіи. „Присоединеніе Меца къ Германіи," говоритъ *Daily News*, „не только обезпечитъ „ее отъ нападенія со стороны Франціи, но „и *откроетъ Францію нападенію со стороны Германіи*. Графъ Бисмаркъ, вѣ„роятно, отвѣтитъ на это (а наши петер„бургскія нѣмецкія газеты уже давно дали „за него этотъ отвѣтъ), что Германія не „есть наступательная держава, тогда какъ „Франція, напротивъ, вполнѣ наступатель„ная держава; но Европа на это также мо„жетъ возразить что Германія *можетъ измѣниться*, и что *самое требованіе ею Меца „есть первый признакъ такого измѣненія*. „Въ интересахъ прочнаго мира Европы „мы надѣемся что при окончательныхъ „переговорахъ графъ Бисмаркъ возьметъ „менѣе чѣмъ онъ требуетъ."

Осуществитъ ли добровольно графъ Бисмаркъ эту надежду постоянныхъ и ревностныхъ поборниковъ его политики, это докажетъ будущее. Но этимъ господамъ слѣдуетъ припомнить одно замѣчательное мѣсто изъ недавняго циркуляра графа Бисмарка. „Намъ нельзя считать для себя обезпеченіемъ настроеніе *французской* націи," сказалъ сѣверо-германскій канцлеръ, настаивая на отторженіи отъ Франціи ея провинцій. Возможно ли будетъ Франціи, возможно ли будетъ остальной Европѣ считать для себя обезпеченіемъ „настроеніе" *нѣмецкой* націи, когда, по программѣ г. фонъ-Мольтке и графа Бисмарка, ей будетъ предоставлена возможность „запрещать войну," а слѣдовательно и ей одной возможность „вести войну" съ кѣмъ и за что угодно?...

Но этого мало. Та же англійская газета *Daily News*, до сихъ поръ постоянно и горячо державшая сторону Пруссіи, высказала на дняхъ безпокойство уже не на счетъ стремленія Пруссіи къ исключительной гегемоніи въ Европѣ, а еще болѣе серіозное. По замѣчанію англійской газеты, къ націямъ, какъ и къ отдѣльнымъ личностямъ, одинаково можетъ быть примѣняемо изреченіе что „успѣхъ часто бываетъ гибельнѣе неудачи." „Правда, Германія была мирною націей, но не можетъ ли случиться что, въ упоеніи успѣха, она захочетъ присвоить себѣ роль военнаго судьи въ Европѣ и предписывать порядокъ вещей для нея пригодный?" „Не можетъ ли успѣхъ породить желаніе дальнѣйшихъ пріобрѣтеній?" Вотъ, напримѣръ, у Германіи нѣтъ морскаго берега, — ибо изъ Балтійскаго моря нѣтъ свободнаго выхода, а единственная въ Нѣмецкомъ морѣ принадлежащая Германіи бухта Яде недостаточна для цѣлаго флота; поэтому Германія должна де будетъ захватить Голландію.

Таковы сомнѣнія начинающія уже теперь возникать въ англійской печати. *Daily News* успокоиваетъ ихъ разсужденіемъ что Европа коллективно сильнѣе всякаго одиночнаго европейскаго государства, и что послѣ настоящей войны Германіи будетъ предстоять вмѣсто стремленія къ новымъ пріобрѣтеніямъ, другая многотрудная и многолѣтняя задача внутренняго сплоченія различныхъ частей входящихъ въ составъ ея. Но одно стремленіе другому вовсе не мѣшаетъ, и они отлично могутъ идти врядъ, даже помогать одно другому. Англійская газета уже ошиблась въ своемъ ожиданіи. Не успѣла она высказать свое опасеніе, какъ уже являются признаки что за поводомъ къ новымъ замѣшательствамъ дѣло не станетъ. До голландскаго вопроса можетъ быть еще далеко, а люксембургскій подъ руками. Въ небольшомъ, но важномъ по стратегическому положенію Люксембургскомъ герцогствѣ есть тоже своя печать и въ рядахъ ея встрѣчаются органы руководимые изъ Берлина. На дняхъ въ *Luxemburger Zeitung* появилась статья о будущности великаго герцогства въ связи съ перемѣной имѣющею произойти въ его положеніи послѣ вѣроятнаго присоединенія Лотарингіи и Эльзаса къ Германіи. Дѣйствительно, тогда Люксембургъ будетъ почти окруженъ германскими владѣніями. *Люксембургская Газета* указываетъ что въ торговомъ и пошлинномъ отношеніи Люксембургъ не можетъ быть независимою единицей, и потому для него необходима связь съ германскимъ Пошлиннымъ союзомъ. Но такъ какъ Германіей въ 1867 году былъ высказанъ принципъ что только тѣ нѣмецкія государства могутъ пользоваться благодѣяніями Пошлиннаго союза которыя будутъ согласны нести и нѣко-

торыя тягости, то изъ сего должно де слѣдовать неизбѣжно полное присоединеніе Люксембурга къ Германіи. Вѣдь другія двѣ альтернативы: присоединеніе ко Франціи или къ Бельгіи, невозможны, потому что первой не допуститъ Германія, а вторая грозила бы разрушеніемъ люксембургской желѣзной и шерстяной промышленности. Для присоединенія же къ Германіи пока встрѣчается затрудненіе только въ личномъ соединеніи Люксембурга съ Голландіей, но оно исчезнетъ коль скоро Голландскій король добровольно откажется отъ своего владѣнія. Нидерландскій де народъ не только не воспротивится этому, но даже будетъ радъ отдѣлаться отъ связи съ провинціей которая можетъ когда-нибудь вовлечь его въ европейскія замѣшательства. Замѣчательнѣе всего заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій. „Люксембургъ, правда, при „своемъ нынѣшнемъ правительствѣ, поль„зуется благоденствіемъ; довольство во „всѣхъ слояхъ населенія такъ велико что „оно лично не желаетъ никакой перемѣны „въ своемъ положеніи: но *событія часто „бываютъ сильнѣе желаній* и симпатій.“

Какимъ однако образомъ статейка мѣстной люксембургской газеты могла обратить на себя вниманіе? Кому теперь есть время читать? Кому нужно, кѣмъ приняты были мѣры чтобъ она не могла остаться незамѣченною? Изложеніе этой статьи было немедленно же сообщено по телеграфу въ англійскія газеты изъ Берлина, а берлинскіе корреспонденты южно-германскихъ газетъ цѣликомъ передаютъ ея текстъ въ своихъ письмахъ. Такая заботливость явно обличаетъ источникъ откуда произошла эта статья, такъ явно намекающая Голландскому королю на удобство добровольнаго отказа отъ владѣнія „могущаго вовлечь его въ европейскія замѣшательства.“

Образчикъ того какъ расположена Пруссія относиться къ свободѣ дѣйствій другихъ европейскихъ государствъ у насъ на лицо: уже теперь всякое заявленіе сочувствія дѣлу Франціи со стороны печати какой-либо нейтральной державы не остается безъ вомездія, которое покамѣсть ограничивается печатными выговорами въ преданныхъ газетахъ но современемъ можетъ пойти и далѣе. Приближенный органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, не разъ уже, напримѣръ, накидывался, съ тономъ власть имущаго, на нейтральную Бельгію за отзывы ея газетъ о нынѣшнихъ военныхъ событіяхъ (тѣмъ изъ акціонеровъ *Independance belge* которые суть нѣмецкіе подданные она просто грозитъ военнымъ судомъ за преступленіе политической измѣны). Правда, въ послѣдней статьѣ своей, отъ 12-го октября, также направленной противъ Бельгіи, газета сѣверо-германскаго союзнаго канцлера видимо спохватилась что зашла слишкомъ далеко и нѣсколько смягчаетъ свой гнѣвъ, причемъ даже приводитъ французскую пословицу: *on revient toujours à ses premières amours* въ объясненіе того влеченія которое Бельгія якобы всегда питала ко Франціи: такъ де еще въ февралѣ 1831 года ея національный конгрессъ избралъ было на бельгійскій престолъ герцога Немурскаго, сына французскаго короля, и отказался отъ этого выбора только въ виду несогласія лондонской конференціи. Но очевидно что эти игривыя обращенія къ исторіи нисколько не измѣняютъ сущности дѣла, и фактъ остается тотъ что уже теперь Пруссія съ придирчивостью полицейскаго сыщика слѣдитъ за „направленіемъ“ общественнаго мнѣнія въ той или другой независимой державѣ. Не менѣе поучителенъ и любопытенъ и слѣдующій примѣръ: флорентійская *Opinione* позволила себѣ провести параллель между тѣми сравнительно мирными способами благодаря коимъ совершилось объединеніе Италіи, и кровавымъ путемъ коимъ шло и идетъ округленіе германскаго отечества подъ водительствомъ Пруссіи. Эта замѣтка не прошла даромъ италіянской газетѣ, и ее призываетъ къ суду неподкупная аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, которая нынѣ, отложивъ въ сторону постоянно проповѣдывавшіяся ею ненависть и недовѣріе къ Пруссіи, стоитъ на стражѣ ея интересовъ не хуже чѣмъ сама присяжная блюстительница этихъ интересовъ, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. „Германія имѣетъ много враговъ,“ внушительно заявляетъ аугсбургская газета, и ей необходимо поставить себя въ крѣпкое, географически и органически обезпеченное положеніе дабы удержать за собою свое законное и съ трудомъ добытое мѣсто (Rang) между европейскими державами.“

———

№ 216.

Москва, 8-го октября.

Франція борется теперь съ двумя силами, которыя заключили между собою нѣчто въ родѣ полусоюза. Эти двѣ силы: непріятельское нашествіе и Бонапартовская династія. Вотъ, сколько мы понимаемъ, истинное положеніе сложившееся вслѣдствіе изумительно быстрыхъ катастрофъ нынѣшней войны. Послѣ сдачи подъ Седаномъ, между Наполеономъ III и графомъ Бисмаркомъ не могло не состояться нѣкоторое соглашеніе. Немного недоставало чтобы седанскій позоръ немедленно увѣнчался соотвѣтственнымъ миромъ, и для Пруссіи это было бы блистательнымъ результатомъ купленнымъ за дешевую цѣну шестинедѣльной кампаніи, а для Наполеона это было бы единственнымъ средствомъ удержаться на престолѣ. Извѣстно что между императоромъ состоявшимъ при арміи и его правительствомъ въ Парижѣ было условлено учинить въ данную минуту *coup d'état*, и графъ Паликао готовился уже арестовать оппозиціонныхъ членовъ законодательнаго корпуса, въ томъ числѣ, говорятъ, и г. Тьера, именно въ тотъ самый день когда, послѣ громоваго извѣстія изъ-подъ Седана, Наполеонъ былъ объявленъ лишеннымъ престола и составилось временное правительство національной обороны изъ тѣхъ самыхъ лицъ которымъ уже были отведены квартиры въ Мазасѣ. Франція какъ бы раздвоилась; въ ней очутились какъ бы два правительства: одно открытое, правительство обороны, другое военноплѣнное, но продолжающее дѣйствовать черезъ многія власти имъ поставленныя, особенно черезъ власти военныя. Имперія Наполеона III опиралась главнымъ образомъ на войско, и въ выборѣ начальствующихъ лицъ руководилась преимущественно династическими интересами. Серіозный опытъ достаточно обнаружилъ достоинство этихъ генераловъ. Если грубая ошибка совѣтниковъ Наполеона III или его собственная вовлекла Францію въ войну къ которой она не была готова и которая была благовременнѣе для ея враговъ нежели для ней, если эта ошибка была виною первыхъ скоропостижныхъ пораженій понесенныхъ нѣкоторыми отрядами ея арміи, то великой стратегической неспособности маршаловъ Наполеона III, Макъ-Магона и Базена, прижавшагося къ Мецу въ то время когда ему слѣдовало опрометью удаляться оттуда, должно приписать дальнѣйшіе успѣхи прусскаго оружія. Но въ мирное время они полезные люди, и они преданы императору Наполеону всею силою своихъ личныхъ интересовъ. Сказываютъ что въ Мецѣ французскіе солдаты до сихъ поръ еще не знаютъ объ участи постигшей императора и о новомъ правительствѣ установившемся въ Парижѣ. Нѣтъ ничего мудренаго что какъ маршалъ Базенъ, такъ и многія другія военныя власти, продолжаютъ начальствовать во имя императора Наполеона и въ силу его правительства, которое они отнюдь не считаютъ павшимъ; нѣтъ ничего мудренаго что они получаютъ отъ него приказанія и инструкціи, и нѣтъ ничего мудренаго также что въ иныхъ случаяхъ сами непріятельскія власти способствуютъ ихъ сношеніямъ съ военноплѣннымъ правительствомъ. Генералъ Урихъ въ Страсбургѣ сталъ изнемогать въ защитѣ какъ разъ послѣ Седанскаго дѣла, и сдалъ крѣпость какъ будто именно для того чтобы посрамить г. Жюля Фавра и оправдать предсказанія г. фонъ-Бисмарка. Замѣчательно также и то что начальствующія лица, предъ сдачею крѣпостей, не находили нужнымъ уничтожать какъ боевые такъ и всякіе другіе припасы, и бережно сдавали ихъ непріятелю. Защиту Страсбурга прославляютъ какъ великое дѣло героизма, и добрые люди, делегаты временнаго правительства въ Турѣ, восторженно принимали генерала Уриха яко героя которымъ Франція будетъ гордиться изъ рода въ родъ: но защита Страсбурга славна развѣ только героизмомъ своихъ злополучныхъ жителей которые вынесли на себѣ и на домахъ своихъ всѣ ужасы бомбардированія, между тѣмъ какъ цитадель благоразумно сдалась когда опасность слишкомъ близко подошла къ ней, послѣ того какъ непріятель, безъ всякой помѣхи, успѣлъ въ нѣсколько дней короновать ея гласисъ. Всѣмъ извѣстны обстоятельства такъ-называемой „странной исторіи," о которой было столько рѣчи въ печати. И вотъ, въ то время какъ генерала Бурбаки, командующаго императорскою гвардіей и вышедшаго изъ Меца съ согласія прусскихъ властей, добрые люди въ Турѣ восторженно встрѣчаютъ и вручаютъ ему главное начальство надъ новою арміей, маршалъ Ба-

зенъ шлетъ отъ себя уполномоченнаго въ Версаль для переговоровъ. О чемъ переговоры? О сдачѣ Меца? Нѣтъ, для этого не нужно посылать парламентера въ главную квартиру короля Вильгельма; для этого достаточно обратиться къ принцу Фридриху-Карлу блокирующему Мецъ. Эти переговоры могутъ быть развѣ только возобновленіемъ или поправкой другихъ неудавшихся переговоровъ. Что не удалось между г. Жюлемъ Фавромъ и графомъ Бисмаркомъ, то можетъ благополучно уладиться между графомъ Бисмаркомъ и маршаломъ Базеномъ....

Война становится для Германіи страшною тяжестью. Не въ одной Франціи, но и тамъ ея бѣдствія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствуются, и несмотря на разгромъ французскихъ армій, на занятіе столькихъ департаментовъ, на осаду Парижа, положеніе становится все серіознѣе и опаснѣе для нѣмецкаго нашествія. Справедливо сказано что Пруссія, обезпечивающая успѣхъ своихъ военныхъ дѣйствій поднятіемъ всей массы годнаго къ бою народа, можетъ вести только быстротечныя войны. Для Пруссіи заключеніе мира есть въ настоящее время жизненная необходимость. Для того чтобъ ускорить заключеніе мира употребляются всѣ способы: запугивается Франція, нажимаются нейтральныя, общественному мнѣнію Европы представляется положеніе Франціи совершенно безнадежнымъ, населеніе Парижа подвергающимся неизбѣжной опасности погибнуть посреди ужасовъ голодной смерти, и въ то же время понемногу выдвигается Бонапартовская имперія. Находясь въ ожесточенной борьбѣ съ Франціей, Пруссія находится къ Бонапартовской имперіи въ тѣхъ промежуточныхъ отношеніяхъ которыми характеризуется перемиріе предъ заключеніемъ мира. Такъ какъ они имѣютъ общаго врага въ патріотизмѣ французской націи, едва успѣвшей очнуться отъ неслыханныхъ совершившихся надъ нею ужасовъ, націи гордой своимъ историческимъ призваніемъ, націи напрягающей всѣ силы чтобы выйти изъ борьбы съ достоинствомъ и честью,— то непріятельское нашествіе и Бонапартовская имперія, въ лицѣ ея официальныхъ агентовъ и заинтересованныхъ приверженцевъ, состоятъ между собою въ особаго рода союзѣ. Для Бонапартовской Франціи, покорно лежащей у ногъ побѣдителя и ожидающей своего возстановленія отъ его милости, побѣдитель можетъ смягчить свои требованія, столь сурово предъявленныя правительству національной обороны. А между тѣмъ патріотическая Франція, напрягающая свои силы къ оборонѣ, но опутанная интригой, можетъ незамѣтно очутиться если не снова подъ Наполеономъ III, то подъ его возстановленною династіей въ лицѣ Наполеона IV. Не можетъ быть никакого сомнѣнія что въ заговорѣ участвуетъ и англійская политика. Комбинація, которая можетъ выйти изъ этой удивительной игры, не можетъ не быть въ англійскихъ видахъ.

Для Пруссіи выгоднѣе заключить миръ съ возстановленною ею Бонапартовскою имперіей нежели отторгнуть нѣсколько провинцій отъ Франціи. Алчность территоріальныхъ стяжаній, которая разгорѣлась теперь въ Германіи, можно удовлетворить индѣ, и вотъ кстати уже выдвигается вопросъ о Люксембургѣ который чуть не сталъ поводомъ къ войнѣ еще въ 1867 году. Недаромъ *Times*, этотъ чуткій барометръ всякихъ перемѣнъ въ политической атмосферѣ, неожиданно принялся убѣждать побѣдителя чтобъ онъ смягчилъ свои требованія и не настаивалъ на отторженіе отъ Франціи ея провинцій.

Люди составляющіе временное правительство національной обороны, сколько извѣстно, большею частью люди честные и преданные своей странѣ. Но всѣ они люди неопытные въ правительственномъ дѣлѣ, не имѣющіе достаточно авторитета, мало свѣдущіе въ политическихъ обстоятельствахъ, не искушенные въ тонкостяхъ политической интриги; за немногими исключеніями, всѣ они люди болѣе слова нежели дѣла, и ловкимъ дѣльцамъ, съ какими приходится имъ вѣдаться, не трудно будетъ обмануть ихъ и взять ихъ въ руки, если не случится что-нибудь неожиданное. У великихъ историческихъ народовъ есть какъ бы привилегія находить спасеніе себѣ въ неожиданностяхъ. Повторится ли это теперь надъ Франціей?

Франція, подъ возстановленною прусскимъ побѣдителемъ Бонапартовскою династіей, на долгое время, если не навсегда, будетъ лишена свободы въ выборѣ путей своей политики. Фактически она будетъ болѣе вассальнымъ владѣніемъ нежели великою державой, самостоятельною въ своихъ дѣйствіяхъ. Ей будетъ предо-

ставлено колебаться только между Англіей и будущею Германскою имперіей, и такъ какъ интересы этихъ обѣихъ державъ въ Европѣ одни и тѣ же, то она безъ колебаній пойдетъ куда поведутъ ее....

№ 217.

Москва, 9-го октября.

Гдѣ начинается и гдѣ кончается Германія? Вотъ вопросъ который въ послѣдніе годы сталъ особенно занимать Нѣмцевъ. Публицисты и историки ихъ согласны въ томъ что границы Германіи не тамъ гдѣ ихъ показываетъ карта Европы. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же онѣ? Отвѣту на этотъ вопросъ посвящено вышедшее въ нынѣшнемъ году изслѣдованіе г. Бёка *Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten* (Численность германскаго народа и область его языка въ европейскихъ государствахъ). Общее направленіе сего ученаго труда, а еще болѣе выводы дѣлаемые изъ него рецензентомъ въ библіографическомъ журналѣ *Literarisches Centralblatt*, являютъ собою любопытный комментарій къ совершающимся нынѣ въ Европѣ событіямъ.

„Германія вездѣ гдѣ раздается нѣмецкій языкъ", сказалъ поэтъ Арндтъ въ самой популярной изъ нѣмецкихъ патріотическихъ пѣсенъ. Его памяти посвящено сочиненіе г. Бёка, которое развиваетъ ту же мысль въ прозаической формѣ и среди статистическихъ цифръ. Нѣмецкая національность такимъ образомъ распространяется на множество областей, принадлежащихъ не нѣмецкимъ государствамъ — на Данію, Россію, Италію, Швейцарію, Францію, Бельгію, Голландію, не говоря уже объ Австріи. Обозрѣвая столь обширное поле, рецензентъ восклицаетъ: „Какое изобиліе нерѣшенныхъ еще *вопросовъ присоединенія!*"

„Книга подобная книгѣ Бёка", продолжаетъ тотъ же ученый критикъ, „выкажетъ свою практическую цѣну и въ „другихъ политическихъ вопросахъ кромѣ „эльзасо-лотарингскаго. Да сбудется эта „надежда въ недалекомъ будущемъ и на „западѣ и *на востокѣ нашего отечества,* „*гдѣ отъ насъ оторваны такія обширныя области!*"

Вотъ какія идеи питаютъ господа нѣмецкіе ученые во глубинѣ своей патріотической совѣсти! Они видятъ и въ Даніи, и въ Голландіи, и въ Бельгіи, и въ Швейцаріи оторванныя отъ Германіи области; они вопіютъ что ихъ обобрали и на западѣ, и на востокѣ, и требуютъ возстановленія справедливости которую нарушали насилія исторіи. Вотъ что̀ въ Германіи внѣдряется въ умы людей съ ранняго возраста, на школьныхъ скамьяхъ; вотъ что̀ ежедневно, всѣми путями, и прямыми и косвенными, вливается въ массы нѣмецкой публики какъ въ самой Германіи, такъ и за предѣлами ея. „Какое изобиліе нерѣшенныхъ еще вопросовъ присоединенія!"

Какія же однако области „оторваны" отъ Германіи *на востокѣ?* Сколько до сихъ поръ было извѣстно изъ географіи и этнографіи, сама Германія, напротивъ того, на своихъ восточныхъ окраинахъ владѣетъ землями заселенными искони не германскимъ племенемъ; большая часть Пруссіи есть земля литовскихъ и славянскихъ племенъ, которыхъ языкъ въ народныхъ массахъ и теперь еще не вездѣ въ этихъ мѣстахъ угасъ. Многочисленнѣйшая и лучшая часть войскъ Пруссіи которыя проливаютъ теперь кровь свою во Франціи набрана изъ потомковъ древнихъ Поморянъ, Вильцевъ, Ободритовъ и т. д. и изъ теперешнихъ Лужичанъ, Кашубовъ, Поляковъ, Латышей.

Но германскій статистикъ смотритъ на вопросъ иначе. Онъ Германію исключаетъ изъ общаго правила. Германія можетъ захватывать все что̀ ей угодно: тутъ нѣтъ несправедливости; напротивъ, это справедливость. Пруссіи предоставляется непререкаемое право считать все что̀ ей угодно оторваннымъ у нея и требовать возвращенія. И вотъ оказывается что „оторваны" у Германіи *русскія балтійскія провинціи*, въ которыхъ, какъ утверждаетъ г. Бёкъ, теперь дѣлаются попытки замѣнить „народный" языкъ „государственнымъ", то-есть *нѣмецкій русскимъ*. Какимъ образомъ языкъ нѣмецкій для балтійскаго края произведенъ въ *народный*, это было бы загадкой, еслибы не то *изобиліе вопросовъ присоединенія* которое поразило рецензента въ разбираемой имъ книгѣ и въ сущности составляло главный предметъ заботъ и для автора. Надобно замѣтить что авторъ и рецензентъ расходятся въ своихъ взглядахъ на

практическое примѣненіе которое нѣмецкая политика должна сдѣлать изъ статистическихъ результатовъ добытыхъ изысканіями г. Бёка. Авторъ находитъ что очень много Нѣмцевъ живутъ внѣ Германіи, и что эти-то Нѣмцы (напримѣръ, въ русскихъ балтійскихъ губерніяхъ) подвергаются „преступнымъ покушеніямъ" своихъ правительствъ на неприкосновенность ихъ „народнаго" языка. *Защиту нѣмецкаго языка внѣ Германіи, охрану его преобладанія должна принять на себя Германія:* въ этомъ г. Бёкъ видитъ „особое призваніе германской націи" и „гарантію *международнаго мира*". Рецензентъ находитъ это справедливымъ; но опасается что другія государства, пожалуй, не согласятся на установленіе такой гарантіи. „Другіе народы", говоритъ онъ, „менѣе насъ заинтересованы національно „и политически въ поддержаніи этого „принципа." Имъ-де некого оберегать въ чужихъ государствахъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы вездѣ находятъ свое: „такъ много", восклицаетъ ученый патріотъ, „такъ „много изъ нашей народной земли подпало иноземному владычеству или отложилось въ видѣ отдѣльныхъ государствъ! „Означенный „международный принципъ" (то-есть опека надъ подданными другихъ государствъ) „долженъ сдѣлать это положеніе по возможности безвреднымъ въ „національномъ отношеніи." Но все это недостаточно. „Только политическое возвращеніе этихъ областей нашему государству будетъ оплотомъ нашей народности на нашихъ окраинахъ. Шлезвигъ, Эльзасъ, Лотарингія свидѣтели. *Другіе навѣрное послѣдуютъ за ними.*"

Какіе это *другіе?* Мы не будемъ пускаться въ область гаданій, но не можемъ не подивиться той эластичности съ какою германская „народность" распространяется на разныя области, обитаемыя населеніемъ совершенно чуждымъ германскому племени и никогда не говорившимъ ни на одномъ германскомъ языкѣ. Въ странѣ гдѣ обитаютъ Эсты и Латыши, „народный языкъ есть языкъ нѣмецкій." Это такъ просто въ глазахъ г. Бёка и его рецензента что они даже и не доказываютъ этого; они знаютъ что ихъ нѣмецкіе читатели съ ними совершенно согласны. Ихъ уму представляется только вопросъ что Германія должна дѣлать для поддержанія въ этихъ земляхъ германской народности, или точнѣе, господства нѣмецкаго языка? На вопросъ этотъ нѣмецкіе патріоты отвѣчаютъ различно, смотря по темпераменту. Болѣе пылкіе, какъ напримѣръ рецензентъ въ *Literarische Centralblatt*, находятъ, что дипломатія не можетъ достаточно оградить нѣмецкій элементъ въ этихъ областяхъ, и что самое простое — не оттягивать дѣла, а поскорѣе завоевать ихъ. Болѣе хладнокровные, какъ напримѣръ авторъ упомянутой книги, находятъ что достаточно поддерживать „международный принципъ", состоящій въ томъ что нѣмецкій языкъ вездѣ гдѣ живутъ лица нѣмецкаго происхожденія долженъ быть предметомъ попеченія Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же все присоединить! Ученый авторъ книги *О численности нѣмецкаго народа* усматриваетъ означенный народъ не только въ балтійскихъ губерніяхъ которыя удобно присоединить, но также „im eigentlichen Russland," то-есть въ колоніяхъ Саратовской, Самарской и другихъ губерній, которыя присоединить неудобно. Остается поставить ихъ подъ „международный принципъ," который послужитъ „гарантіей международнаго мира."

Взгляды эти излагаются не только въ политическихъ органахъ. Они находятъ себѣ выраженіе даже въ мирномъ ученомъ изслѣдованіи и въ библіографической статьѣ. Люди науки, люди мысли, какъ всегда бываетъ, пошли дальше нежели до поры рѣшились идти люди политики, люди дѣйствія. Извѣстно что графъ Бисмаркъ однажды счелъ нужнымъ опровергать въ парламентѣ взглядъ, считающій наши балтійскія намѣстничества нѣмецкою страной, и что онъ указывалъ на незначительный численный процентъ нѣмецкаго населенія въ этихъ провинціяхъ. Государственный мужъ могъ считать неумѣстнымъ или преждевременнымъ официально присоединиться къ господствующему въ его странѣ воззрѣнію на сей предметъ. Мужи науки относительно подобныхъ вопросовъ менѣе связаны: они высказываются откровеннѣе и рѣшительнѣе.

Впрочемъ, мнѣнія мужей нѣмецкой науки о святости и неприкосновенности нѣмецкаго языка въ балтійскихъ провинціяхъ раздѣляетъ не одна Германія. Это мнѣніе раздѣляется и Россіей. Въ ея балтійскихъ провинціяхъ нѣмецкій языкъ не есть языкъ простаго народа; она возвела его тамъ на степень государственнаго языка, она тамъ придала ему обще-обязательное значеніе;

она тамъ настойчиво удерживаетъ его органомъ образованія, суда, администраціи. Свой государственный языкъ тамъ она только терпитъ, и притомъ въ образѣ рабьемъ. Она еще дозволяетъ говорить по-русски въ этихъ провинціяхъ, но не дозволяетъ никакому частному лицу, ни въ какомъ случаѣ, обращаться на русскомъ языкѣ въ какое бы то ни было присутственное мѣсто въ балтійскомъ краѣ. Далѣе идти невозможно.

Мужи науки ставятъ Россію и Францію подъ одинъ укоръ, обвиняютъ ихъ въ одномъ и томъ же злодѣяніи. „Изслѣдованія „касательно статистики нѣмецкой національности имѣютъ политическое значеніе,“ говоритъ *Literarische Centralblatt*, „и авторъ книги *Численность нѣмецкаго „народа*, выставляетъ это съ особенною „выразительностью по поводу стремленій „замѣнить нѣмецкій языкъ государственнымъ языкомъ въ русскихъ остзейскихъ „провинціяхъ и во французской Лотарингіи и Эльзасѣ...“ „Такая попытка навязывать языкъ есть дѣйствіе преступное, „въ которомъ виновны Франція и Россія.“ Надобно имѣть совѣсть нѣмецкаго ученаго патріота чтобы въ этомъ случаѣ сопоставлять Францію и Россію. Россія не только неповинна въ означенномъ богомерзскомъ преступленіи (Frevel) противъ нѣмецкой національности, но ознаменовала себя великими заслугами предъ нею. Она не только оберегаетъ нѣмецкую національность въ своихъ владѣніяхъ, предупреждая всякое о томъ попеченіе Германіи, - не только выдѣляетъ между своими подданными нѣмецкія группы и охраняетъ ихъ отъ осквернительнаго сближенія съ русскою національностію,—не только создала для нихъ привилегированное положеніе, поддерживая тѣмъ на берегахъ Волги или на Молочныхъ Водахъ и нѣмецкое имя, и нѣмецкое чувство,—этого мало: она именно въ качествѣ государственнаго налагаетъ нѣмецкій языкъ на иноплеменныя населенія въ своихъ сопредѣльныхъ съ Германіей провинціяхъ, и вынуждаетъ эти племена перерождаться въ сыновъ Германіи. Что же тутъ общаго съ Франціей?

Что же касается Франціи, то сія послѣдняя въ своемъ Эльзасѣ и въ своей Лотарингіи поступала такъ же какъ поступаетъ Пруссія въ принадлежащихъ ей провинціяхъ населенныхъ племенами не нѣмецкаго языка. Франція не запрещала никому говорить и писать на какомъ угодно языкѣ; но она признаетъ на своей территоріи повсюду, безъ изъятія, одинъ французскій языкъ обязательнымъ органомъ всѣхъ отправленій государственнаго и общественнаго быта, и не выдѣляла ни одной группы своего населенія въ особое положеніе, а всѣхъ призывала къ равному участію въ общей жизни великаго цѣлаго. Что же вышло результатомъ этого? То же что и въ иноплеменныхъ земляхъ захваченныхъ Пруссіей. Вышло то что Эльзасъ и Лотарингія, издревле заселенные нѣмецкимъ племенемъ, стали французскими изъ французскихъ. Нѣмецкому языку предоставлена свобода, но ему не дано никакой власти, и вотъ нѣмецкій языкъ еще продолжаетъ свое племенное существованіе между массами темнаго люда въ качествѣ жаргона, подобно финскому языку между нашими Корелами въ Тверской губерніи, но Эльзасцы и Лотарингцы всѣхъ классовъ населенія чувствуютъ и признаютъ себя чистыми Французами не менѣе чѣмъ жители Сенскаго департамента, такъ что господамъ нѣмецкимъ патріотамъ много будетъ хлопотъ съ этими населеніями если они будутъ оторваны отъ Франціи.

Кстати. Сегодня мы воспроизводимъ изъ *Кіевлянина* описаніе торжества принесенія присяги на русское подданство чешскими колонистами на Волыни, вмѣстѣ съ краткимъ указаніемъ на дарованныя имъ права. Излагая основанія устройства ихъ быта, названная газета между прочимъ сообщаетъ: „Уяснивъ себѣ потребности и „стремленія Чеховъ и сообразивъ ихъ съ „общими государственными интересами, ге„нералъ-губернаторъ (юго-западнаго края) „пришелъ къ убѣжденію что новые пере„селенцы тогда только будутъ дѣйстви„тельно полезными вѣрноподданными когда „имъ будутъ предоставлены одинаковыя „права съ прочимъ сельскимъ населеніемъ, „и когда будетъ устранено то не нормаль„ное положеніе которое создалось для ино„странныхъ колонистовъ исключительными „о нихъ законами, содѣлавшими ихъ чуж„дыми новому отечеству и народу, среди „котораго они живутъ.“ Воззрѣнія эти, повидимому, усвоены и центральною администраціей: Едва возникъ вопросъ объ устройствѣ быта чешскихъ поселенцевъ на Волыни, — и вотъ онъ уже рѣшенъ, безъ проволочекъ и колебаній.

По отношенію къ Чехамъ, усвоенный

администраціей правильный взглядъ на колонистовъ былъ примѣненъ къ дѣлу вполнѣ, безъ всякихъ уклоненій, хотя по отношенію къ Чехамъ, народу намъ единокровному и не имѣющему позади себя могущественно-притягательнаго національнаго единства, отступленіе отъ этого взгляда не могло бы сопровождаться и тысячною долей того вреда какой должны причинять отступленія допущенныя относительно колонистовъ другихъ національностей. Именно тамъ гдѣ уклоненія особенно вредны, и оказываются непонятныя колебанія. Государственная мысль высказывается и примѣняется тотчасъ же какъ только зашла рѣчь о колонистахъ Чехахъ, но остается до сихъ поръ безъ примѣненія относительно колонистовъ нѣмецкаго происхожденія. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ возбужденъ общій вопросъ объ устройствѣ быта иностранныхъ колонистовъ въ Россіи; сами жители многихъ колоній просили о введеніи ихъ въ общую жизнь своего отечества, Россіи, а дѣло это все-таки не подвинулось ни на шагъ... Исключительные законы дѣлающіе нѣмецкихъ колонистовъ чуждыми русскому народу, и образующіе изъ нихъ *status in statu*, не отмѣняются, и ненормальное положеніе, при которомъ они, по сознанію самой администраціи, не могутъ быть „дѣйствительно полезными *вѣрноподданными*," оставляется во всей силѣ...

А между тѣмъ въ объединяемой и усиливающейся Германіи, повсюду громко высказывается мысль что германская національность не ограничивается Германіей, но простирается на всѣ мѣста гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь, и что частицы нѣмецкаго народа разбросанныя въ чужихъ государствахъ должны быть аванпостами Германіи и дѣлать всякое сопротивленіе невозможнымъ или затруднительнымъ...

Пусть люди именуемые въ Россіи Нѣмцами пользуются всѣми правами ея гражданства, участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ ея и достигаютъ всѣхъ ступеней власти надъ ея народомъ; но пусть страна ихъ рожденія остается для нихъ изъ рода въ родъ только страною эксплуатаціи, такъ чтобы всѣ національныя симпатіи этихъ размножающихся населеній принадлежали Германіи, какъ ихъ истинному отечеству.

№ 218.

Москва, 10-го октября.

Чѣмъ болѣе затягивается война, чѣмъ болѣе она теряетъ тотъ характеръ обороны отъ внѣшняго врага и отъ его вмѣшательства въ дѣла Германіи, коимъ были въ началѣ воодушевлены всѣ группы германской народности къ общему дѣйствію подъ одною рукой,—тѣмъ болѣе усиливается въ Германіи рознь партій, и притомъ не только на югѣ, но и на сѣверѣ. Полицейскія мѣры (аресты не однихъ агитаторовъ прогрессивной и соціально-демократической партій, какъ стараются увѣрить прусскіе офиціозные органы, но и самыхъ почтенныхъ ветерановъ такъ-называемаго гановерскаго партикуляризма, конфискація газетъ, запрещеніе народныхъ собраній и пр.) увеличиваютъ раздраженіе даже въ рядахъ совершенно „благонамѣренныхъ" гражданъ, всею душой преданныхъ національнымъ планамъ прусской политики, но справедливо опасающихся прусскаго милитаризма. Покамѣсть, правда, ропотъ раздается чуть слышно подъ грозою административныхъ мѣръ и громомъ прусскихъ стальныхъ орудій; но уже теперь всякая пауза въ этой симфоніи дѣлается опасною для сѣверныхъ объединителей Необходимо какъ можно скорѣе кончить войну, въ продолжительность которой никто не вѣритъ (даже тѣ которые угрожаютъ Франціи *двухлѣтнимъ* военнымъ занятіемъ — любимая фраза нѣмецкихъ шовинистовъ), но не менѣе необходимо еще прежде заключенія мира подписать что-нибудь о *присоединеніи* юга къ сѣверу, и особенно требуется какая-нибудь подпись со стороны Баваріи, смущаемой, по словамъ сѣверныхъ объединителей, ультрамонтанскою партіей, оттягивающею ее отъ еретическаго сѣвера къ Риму, и также своимъ „нелѣпымъ честолюбіемъ" быть самостоятельнымъ королевствомъ. Самостоятельность Баваріи есть де аномалія, противорѣчащая національному чувству Германіи, такъ какъ это королевство обязано своимъ существованіемъ врагамъ отечества (Наполеону I). Впрочемъ о присоединеніи безъ оглядки и безъ всякихъ *поправокъ* въ сѣверо-германской конституціи, чего надѣялись достигнуть въ началѣ войны, теперь уже не помышляютъ. Министерство графа Брая до сихъ

поръ не дерзаетъ сдѣлать движеніе долженствующее покончить съ тѣмъ чрезвычайнымъ отвращеніемъ которое Баварцы питаютъ къ системѣ прусской военной повинности и съ ихъ „закоренѣлыми предразсудками“ въ пользу независимости Баварскаго королевства. При Мюнхенскомъ дворѣ вполнѣ понимаютъ теперь ту ошибку что король не принялъ самъ команды надъ своимъ войскомъ, а предоставилъ ее Гогенцоллернскому дому; уже проснулась ревность, и сильнѣйшее недовѣріе къ Пруссіи не скрывается болѣе. Баварскій вопросъ считается столь настоятельнымъ что посреди приготовленій къ бомбардировкѣ Парижа будутъ снова идти, какъ слышно, въ главной королевской квартирѣ переговоры о будущемъ государственномъ устройствѣ Германіи, не удавшіеся въ Мюнхенѣ. Прусскія офиціозныя газеты, правда, усиленно стараются опровергнуть слухи объ этой неудачѣ, доказывая что въ Мюнхенѣ происходили переговоры не объ устройствѣ Германіи, а только объ условіяхъ мира съ Франціей, для чего де необходимо предварительное соглашеніе всѣхъ воюющихъ союзныхъ государствъ. Но это заявленіе отнюдь не противорѣчитъ тому что хотятъ имъ опровергнуть. Мюнхенскіе переговоры дѣйствительно были необходимы для заключенія мира съ Франціей: только относительно главнаго предмета и цѣли этихъ переговоровъ, достаточно впрочемъ извѣстныхъ, очень трудно согласиться съ успокоительными завѣреніями органовъ прусскаго кабинета. Предводителямъ германскаго ополченія нельзя рѣшиться на миръ съ Франціей, не заручившись согласіемъ союзниковъ на его условія; это правда, но теперь оказывается что южная Германія готова скорѣе согласиться на всякія уступки въ пользу Франціи противъ требованій Пруссіи чѣмъ на уступки въ пользу Пруссіи въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Весьма легко теперь что-нибудь выторговать у южной Германіи дабы ускорить заключеніе мира; для ускоренія общегерманскаго устройства, какъ видно, приходится побѣдить несравненно болѣе разномыслія и упорства.

Прусская политика дѣлаетъ теперь чрезвычайныя напряженія въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны она старается дѣйствовать на нейтральныхъ дабы съ ихъ помощію ускорить развязку подъ Парижемъ; съ другой стороны ей предстоитъ трудная задача склонить своихъ южно-германскихъ союзниковъ къ уступкамъ на которыя они отнюдь не расположены. Для достиженія послѣдней цѣли служитъ въ особенности застращиваніе демагогіей, республикой и пр. Спастись отъ этихъ ужасовъ можетъ де южная Германія не иначе какъ бросившись въ объятія Пруссіи. „Съ „тѣхъ поръ какъ во Франціи провозглашена, а Испаніи угрожаетъ республика“, пишетъ *Кельнской Газетѣ* виртембергскій апостолъ пруссификаціи Германіи, „южно-„германскіе дворы должны же понять на-„конецъ что сильно сложенное нѣмецкое „единство будетъ, для нихъ, лучшимъ „оплотомъ противъ напускаемыхъ изъ со-„сѣдней Швейцаріи республиканскихъ „стремленій...“ Страхъ республики подготовитъ почву, а „по взятіи Парижа и „по заключеніи славнаго мира“, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, „народ-„ный духъ поднимется такъ высоко что „южно-германскимъ правительствамъ не-„возможно будетъ устоять противъ напора „къ объединенію (Einheitsdrang)“, и оно совершится само собою, „цѣной какихъ-нибудь *матеріальныхъ* уступокъ“ южнымъ правительствамъ. „Все дѣло въ завладѣніи Парижемъ: участь Баваріи и Виртемберга зависитъ отъ развязки всемірныхъ событій“, говоритъ въ заключеніе сама редакція *Кельнской Газеты*. Выводъ изъ этого ясенъ: не лучше ли покориться теперь, не ожидая развязки всемірныхъ событій?

Время не терпитъ для Пруссіи еще и потому что эти вопросы необходимо подготовить предъ открытіемъ созваннаго на 21-е будущаго ноября сѣверо-германскаго парламента (такъ-называемаго Reichstag). Ему выпадетъ на долю высказать свой взглядъ на ту форму въ которую будетъ отлито новое государственное устройство Германіи. Избѣжать этихъ преній нѣтъ возможности, но дѣла запутаются ими еще болѣе, если бивуакирующимъ подъ Парижемъ берлинскимъ политикамъ не удастся предварительно на конференціяхъ имѣющихъ происходить въ Версалѣ придти къ соглашенію съ южно-германскими правительствами.

№ 219.

Москва, 12-го октября.

А.

Въ свое время обращали мы вниманіе публики на телеграмму присланную въ русскія газеты Вольфовымъ агентствомъ и сообщившую что прусскія условія перемирія, переданныя г. Жюлю Фавру американскимъ генераломъ Бёрнсайдомъ и якобы признанныя имъ весьма сходными, „*безъ всякой причины* отвергнуты г. Жюлемъ Фавромъ."

Причина побудившая г. Жюля Фавра отвергнуть эти предложенія была также естественна какъ и основательна: графъ Бисмаркъ требовалъ чтобы перемиріе было заключено въ Парижѣ.

Что же удивительнаго что французское правительство предпочло испытать до конца шансы войны.

Мнимо „умѣренныя" условія оказывались слѣдовательно невозможными условіями. Но телеграфъ умолчалъ о нихъ. Ему извѣстно только что они „умѣренны." Вопреки этой умѣренности, условія отвергнуты „по неизвѣстной причинѣ." Отвѣтственность за продолженіе кровопролитія, за предстоящія бѣдствія падаетъ де слѣдовательно на временное правительство, на самихъ Парижанъ, на „строптивый духъ сопротивленія," какъ выражалась на дняхъ *Крестовая Газета*, обуявшій ими и лишающій ихъ „всякаго права на снисхожденіе."

Загадочная берлинская телеграмма Вольфова агентства не имѣла слѣдовательно иной цѣли какъ убѣдить русскую публику въ необходимости дипломатическаго вмѣшательства *на пользу Пруссіи*.

Но вотъ, едва минуло нѣсколько дней, и та же телеграмма является и въ прусскихъ газетахъ, но—кто бы подумалъ?—въ видѣ мнѣнія уже не Вольфова агентства, а офиціознаго, по мнѣнію всей Европы, органа русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, *Journal de St.-Pétersbourg*.

По справкамъ оказывается, однако, что *Journal de St.-Pétersbourg* не говорилъ ничего что могло бы подать поводъ къ такого рода толкованіямъ. „*Если справедливы* свѣдѣнія доставленныя намъ корреспонденціями иностранныхъ газетъ," говорилъ *Journal de St.-Pétersbourg* отъ 5-го и 6-го октября, „то оказывается, *повидимому* (il paraît), что правительство „національной обороны не убѣдилось что „условія перемирія предложенныя союзнымъ канцлеромъ могутъ быть приняты,— „даже нынѣ когда эти условія должны „быть ему положительно извѣстны. Сѣверо-американскій генералъ Бёрнсайдъ „ѣздилъ изъ нѣмецкой главной квартиры „въ Парижъ и возвратился изъ Парижа „въ нѣмецкую главную квартиру. *Говорятъ* что онъ сообщилъ г. Жюлю Фавру „и его товарищамъ признанныя имъ сходными предложенія нѣмецкихъ правительствъ— „и что эти предложенія были отвергнуты, „хотя они были сдѣланы посредникомъ „нейтральнымъ и безпристрастнымъ. *Если „все это правда, если* генералъ Бёрнсайдъ, „*какъ увѣряютъ*, одобрилъ условія предложенныя Германіей къ заключенію перемирія, то отказъ правительства національной обороны былъ вызванъ причинами которыя сообщены имъ..." *Journal de St.-Pétersbourg* ограничивался, слѣдовательно, одною передачей мнѣній нѣмецкой печати и берлинскихъ телеграммъ, не только не принимая ихъ за истину, но и выражая въ каждой фразѣ свое недовѣріе къ нимъ. Но на основаніи Вольфовой телеграммы, вся прусская печать поспѣшила опереться на мнѣніе означенной петербургской газеты, которая считается органомъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. „Здѣсь говорили только," пишутъ изъ Берлина въ полученную нами сегодня *Кельнскую Газету*, отъ 19-го октября, „что генералъ Бёрнсайдъ выразилъ „предположеніе о согласіи Пруссіи на умѣренныя условія перемирія, и полагали что „онъ не сдѣлалъ бы этого безъ предварительнаго соглашенія съ союзнымъ канцлеромъ. Но *Journal de St.-Pétersbourg* „пошелъ далѣе и *положительно утверждаетъ* что со стороны Нѣмцевъ были предложены условія перемирія, которыя генералъ Бёрнсайдъ призналъ умѣренными, „но которыя были однако отвергнуты *по „неизвѣстной причинѣ*..." Это слово въ слово телеграмма Вольфова агентства изъ Берлина въ Петербургъ, и вотъ эта же телеграмма послана изъ Петербурга въ Берлинъ какъ выраженіе мнѣнія органа правительства. Между тѣмъ оказывается что и самъ Бёрнсайдъ только *предполагалъ* что условія эти будутъ *умѣренны*, а

Journal de St.-Pétersbourg даже не былъ увѣренъ что Бёрнсайдомъ выражено это предположенiе; но все равно: въ Германiи фокусъ сыгранъ, и въ Туръ дано знать что петербургскiй кабинетъ порицаетъ чуть ли не наровнѣ съ *Крестовою Газетой* „строптивый духъ сопротивленiя“ Французовъ напрягающихъ свои силы на защиту отечества...

Б.

Что Пруссакамъ приходится теперь тяжко, это теперь не подлежитъ сомнѣнiю. Еслибы кого недостаточно убѣждали въ томъ другiе признаки, то вотъ признакъ самый убѣдительный: Англiя выступаетъ съ оливковою вѣтвiю. И въ Турѣ и въ Берлинѣ, гласитъ телеграмма, Англiя сдѣлала предложенiе заключить перемирiе, и нейтральная Европа сразу преисполнилась духа миролюбiя.

Назадъ тому мѣсяцъ положенiе Францiи было отчаянное. Безъ армiи, безъ оружiя, безъ правительства, наводненная несмѣтными превосходно-дрессированными полчищами, она погибала. Все казалось конченнымъ. Вотъ была минута для миролюбивой Европы начать посредничество и начать энергически. Дѣло шло о спасенiи одной изъ великихъ державъ отъ конечнаго паденiя. И что̀ же? Послѣ неслыханной катастрофы подъ Седаномъ, въ то время какъ громадная армiя облагала Парижъ, наскоро вооруженный и имѣвшiй противъ непрiятеля лишь массу мирныхъ жителей и нѣсколько десятковъ тысячъ деморализованныхъ солдатъ, миролюбивая Европа, подъ гегемонiей Англiи, хранила непобѣдимое молчанiе.

Англiйскiе министры, вопрошаемые на публичныхъ банкетахъ и митингахъ, спокойно говорили что они трепещутъ отъ ужаса при видѣ бѣдствiй войны; но „что же дѣлать?“ продолжали они: „мы не отказываемся употребить свое содѣйствiе „для прекращенiя распри между державами, питая къ нимъ обѣимъ искреннюю „дружбу, но теперь для нашего посредничества еще не наступила удобная минута; теперь оно только повредитъ, а не принесетъ пользы.“

Францiя была тогда какъ потерянная; ошеломленная быстротою погрома, обезумѣвшая отъ неслыханнаго позора подъ Седаномъ, не видя ни откуда спасенiя она желала только мира и обращалась къ нейтральнымъ. Ея правители спѣшили вступить въ переговоры съ непрiятелемъ подступившимъ уже къ стѣнамъ Парижа. Извѣстно какъ встрѣчены были ихъ миролюбивыя попытки, съ какимъ высокомѣрiемъ отвѣчали имъ, и какiя невозможныя условiя были продиктованы имъ побѣдителемъ. Война подъ Мецемъ, война подъ Парижемъ будетъ продолжаться, а въ другихъ пунктахъ заключимъ перемирiе чтобы вы могли созвать учредительное собранiе и начать споры о формѣ правленiя, между тѣмъ какъ треть Францiи находится въ моихъ рукахъ: такова была сущность отвѣта даннаго сѣверо-германскимъ канцлеромъ г Жюлю-Фавру который, отъ имени Францiи, являлся смиреннымъ просителемъ въ непрiятельскiй лагерь. Англiйская печать злораднымъ свистомъ проводила его во свояси и неистово рукоплескала циркулярамъ г. фонъ-Бисмарка.

Прошелъ мѣсяцъ. Великiе народы не гибнутъ. Они находятся подъ рукою Промысла, который испытываетъ, наказуетъ, но и спасаетъ ихъ. Несчастная страна, опутанная предательскою интригой, застигнутая врасплохъ, подавленная неслыханными въ Европѣ массами нашествiя, одушевилась тѣмъ священнымъ патрiотизмомъ, къ которому бываютъ способны только великiе народы и который творитъ чудеса. Положенiе дѣлъ измѣнилось. Послѣ постыднаго эпизода Седана, во Францiи не было войскъ. Теперь въ одномъ Парижѣ свыше полумилiона вооруженныхъ гражданъ которые взялись за оружiе съ крѣпкимъ сознанiемъ великаго долга.

Въ мирное время требуется много времени чтобы создать армiю. Но парижскiе граждане проходятъ теперь такую военную школу, которая достигаетъ недѣлями то что̀ при другихъ обстоятельствахъ получается годами. Еще нѣсколько недѣль, и изъ этихъ новобранцевъ, подъ огнемъ непрiятеля и въ непрерывныхъ схваткахъ съ нимъ, можетъ сформироваться превосходнѣйшая боевая сила, которая будетъ въ состоянiи увѣренно выступить въ поле и подать руку новымъ формируемымъ въ другихъ мѣстахъ Францiи армiямъ.

Корреспондентъ *Times*, преданный Пруссакамъ, въ письмѣ изъ Версаля, которое приведено во вчерашнемъ нумерѣ *Современной Лѣтописи*, сообщаетъ что „не „только Французы въ Парижѣ очень рѣ„шительны и, чего еще болѣе долженъ

„страшиться непріятель, очень спокойны, „но что даже въ занятыхъ непріятелемъ „округахъ Франціи вовсе не думаютъ пре„даваться отчаянію.“ При всемъ своемъ сочувствіи къ прусскому дѣлу, при всемъ довѣріи къ прусскимъ полководцамъ и инженерамъ, г. Россель изъ опыта Крымской кампаніи заключаетъ что осада Парижа представитъ великія трудности.

Положеніе прусскихъ войскъ подъ Парижемъ, удаленныхъ отъ своего операціоннаго базиса, и теперь уже крайне затруднительно. Прусскія войска выбиты изъ всѣхъ занятыхъ ими въ теченіе трехъ недѣль позицій и оттѣснены къ самымъ дальнимъ пунктамъ обложенія: но и тутъ осажденные не перестаютъ тревожить ихъ. Въ послѣднюю вылазку, французскіе баталіоны добрались въ сосѣдство самой главной квартиры въ Версалѣ, и хотя въ офиціальной телеграммѣ г. фонъ-Подбѣльскаго, переданной въ петербургскія газеты, является странная ироническая приписка (отъ которой агентство Вольфа уволило московскую печать) такого содержанія: „еслибъ это дѣло послужило поводомъ „къ новымъ побѣднымъ бюллетенямъ Фран„цузовъ, то это доказало бы только что „наши противники довольствуются очень „немногимъ,“—но мы менѣе вѣримъ г. фонъ-Подбѣльскому чѣмъ депешѣ короля Прусскаго къ своей супругѣ, гдѣ сказано что весь Версаль былъ въ тревогѣ.

Повсюду кипитъ и организуется дѣло обороны, которое болѣе всего можетъ угрожать прусскимъ сообщеніямъ. Дѣйствія отдѣльныхъ шаекъ вольныхъ стрѣлковъ уже сильно тревожатъ Пруссаковъ, что видно изъ повторяемыхъ угрозъ ихъ военачальниковъ разстрѣливать всѣхъ гражданъ не принадлежащихъ къ арміи и берущихся за оружіе. Теперь организація и направленіе партизанскихъ отрядовъ поручены великому мастеру этого дѣла, обладающему даромъ воодушевлять энтузіазмомъ своихъ соратниковъ. Театромъ дѣйствій Гарибальди съ его дружинами будутъ Вогезы, самая удобная для партизанскихъ дѣйствій мѣстность, которая притомъ командуетъ главнымъ путемъ сообщеній прусскихъ армій. На сѣверѣ даже открытые города готовятся къ отпору; на западѣ и на югѣ собираются новыя ополченія. Французскій флотъ, подкрѣпивъ себя болѣе мелкими судами, способными близко подходить къ берегу, опять показался въ Нѣмецкомъ морѣ, опять сталъ захватывать нѣмецкія суда, и уже приводитъ въ трепетъ приморскіе германскіе города.

Надежды на междуусобія во Франціи не оправдались. Были несогласія, были кое-гдѣ неважные безпорядки и манифестаціи; но эти слабыя попытки исчезли въ патріотизмѣ всей возставшей націи.

И вотъ теперь наступила удобная минута для посредничества. Англійскіе министры нашли что именно эта минута благопріятна для вмѣшательства, и духъ миролюбія повѣялъ въ Европѣ. Намъ пишутъ что даже рижскіе и петербургскіе Нѣмцы вдругъ почувствовали жалость къ бѣдной Франціи. Всѣмъ вдругъ пришла охота спасать ее. Но еслибы движущею силою посредническаго вмѣшательства была мысль о спасеніи Франціи, то какже оно не явилось въ то время когда Франція дѣйствительно погибала? Если англійскіе министры за мѣсяцъ предъ симъ не подвиглись на спасеніе Франціи, то нельзя предполагать что теперь ихъ побуждаетъ къ посредничеству спасеніе Франціи. Что же хотятъ они спасти? Что какъ не славу и выгоды прусскихъ побѣдъ?

Надобно подавить патріотизмъ собравшій Францію воедино, надобно чтобъ онъ упалъ безплодною вспышкой не перейдя въ дѣло, и вотъ Англія возбуждаетъ вопросъ о перемиріи. Наступила минута когда событія начинаютъ видимо принимать иной оборотъ, и вотъ эту-то минуту признаютъ министры ея британскаго величества удобною для вмѣшательства. Надобно чтобы Пруссія сохранила всѣ свои лавры, и удалилась великодушною побѣдительницей, а Франція осталась подъ гнетомъ позорныхъ пораженій, не успѣвшая подняться на ноги, разоренная, раздавленная, преданная внутреннему тлѣнію...

Учредительное собраніе въ ту минуту когда требуется сліяніе всѣхъ силъ въ одномъ порывѣ не озирающагося дѣйствія! Учредительное собраніе,—но это значитъ предать Францію борьбѣ всѣхъ партій и претендующихъ династій, подъ пушками непріятеля, и въ то время когда двадцать слишкомъ департаментовъ ея находятся подъ управленіемъ прусскихъ губернаторовъ; это значитъ отвлечь ее отъ борьбы съ иноземнымъ врагомъ и ввергнуть въ хаосъ междоусобій... Мы не знаемъ условій предлагаемаго нынѣ перемирія и готовы вѣрить что они справедливѣе преж-

нихъ, но уже заявленная цѣль перемирій, созывъ учредительнаго собранія, не можетъ не быть въ настоящую минуту пагубна для Франціи.

№ 220.

Москва, 13-го октября.

Преобразованіе подушныхъ налоговъ въ Россіи, независимо отъ финансовой задачи, должно имѣть цѣлью — освобожденіе податнаго лица отъ деспотической надъ нимъ власти общинъ. Эта ничѣмъ неограниченная, невозможная въ благоустроенномъ государствѣ власть основана преимущественно на дѣйствующей податной системѣ, и именно на двухъ началахъ, господствующихъ въ порядкѣ взиманія подушныхъ налоговъ: на круговой отвѣтственности обществъ по податямъ и на ихъ правѣ раскладывать сборы между своими членами по усмотрѣнію. Эти два начала взаимно обусловливаютъ и поддерживаютъ одно другое, такъ что результатъ ихъ совокупнаго дѣйствія есть полный произволъ общества надъ своими членами, распространяющійся отъ подушныхъ сборовъ на всѣ безъ изъятія государственныя, земскія, волостныя и мірскія повинности, а отъ исполненія повинностей и на весь бытъ нашего селянина. О круговой порукѣ было довольно говорено, и вредъ ея, кажется, достаточно сознанъ. Еслибы былъ только одинъ въ цѣлой Россіи случай взноса нѣсколькихъ тысячъ рублей за то чтобъ откупиться отъ налога въ два рубля, то этого одного случая было бы достаточно для доказательства несостоятельности системы взиманія. Но такихъ случаевъ было не одинъ и не два, а считаются они сотнями и можетъ-быть тысячами. Столь грубое обезпеченіе исправнаго поступленія налоговъ употреблялось только въ первоначальныя историческія эпохи, когда обязанности подданнаго къ государству не носили на себѣ юридическаго характера, а налагались единственно по праву сильнаго. Нынѣ круговая податная порука нигдѣ въ образованномъ мірѣ не существуетъ, развѣ когда взимается дань съ побѣжденныхъ народовъ или контрибуція съ занятыхъ непріятелемъ мѣстностей. Дѣйствительно, только чужеземная, непріятельская военная власть можетъ быть равнодушна къ порядку распредѣленія налога между подданными, и только она можетъ заботиться исключительно о поступленіи денегъ въ казну, изъ какихъ бы то ни было источниковъ, путемъ какихъ бы то ни было насилій однихъ граждан надъ другими.

Члены податной коммиссіи, составлявшіе проекты подворнаго и поземельнаго налоговъ взамѣнъ подушныхъ, объясняютъ въ запискѣ приложенной къ этимъ проектамъ вредъ круговой поруки, но, къ сожалѣнію, не предлагаютъ ея упраздненія, а ограничиваются весьма незначительными измѣненіями круга ея дѣйствія; она остается въ проектахъ для всѣхъ сельскихъ обществъ имѣющихъ болѣе двѣнадцати дворовъ, при мірскомъ (не участковомъ) пользованіи землею, тогда какъ именно крупныя селенія, отличающіяся неравенствомъ имуществъ, особенно страдаютъ отъ круговой поруки, а общинное владѣніе землей и ея передѣлы въ значительной степени обусловлены отвѣтственностью общества за повинности его членовъ, и даже замѣнили собою участковое и наслѣдственное пользованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, единственно вслѣдствіе податной круговой поруки. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ явленіи въ западномъ краѣ изложены въ матеріалахъ податной коммиссіи.

Въ объяснительной запискѣ къ проектамъ подворнаго и поземельнаго налоговъ упомянуто что предполагалось было предоставить каждому крестьянину, уплатившему свой податной окладъ впередъ до 1-го января слѣдующаго года, право безпрепятственно выходить изъ общества для переселенія и перечисленія въ другія селенія и сословія. Эта палліативная мѣра противъ круговой поруки, хотя и неправильно ставившая переселеніе непремѣннымъ условіемъ освобожденія, была бы однако немаловажна, ибо послужила бы къ обузданію сельскихъ обществъ по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій произвола, но, къ сожалѣнію, на эту мѣру сдѣланъ составителями проектовъ только намекъ, и она въ нихъ не формулована.

Что касается внутренней раскладки податей въ сельскихъ обществахъ, то она подчинена въ проектахъ значительнымъ ограниченіямъ въ сравненіи съ нынѣ дѣйствующими порядками. При раскладкѣ ме-

жду домохозяевами подворнаго налога причитающагося съ общества, предполагается предоставить сельскому сходу право назначать оклады сообразно съ количествомъ работниковъ и съ имуществомъ двора, но съ тѣмъ что не можетъ быть взимаемо съ одного домохозяина болѣе чѣмъ вдвое противъ оклада какой причитался бы при распредѣленіи суммы налога поровну между всѣми домохозяевами; сверхъ того крестьяне не пользующіеся полевымъ надѣломъ, а имѣющіе только усадьбы, не могутъ быть облагаемы свыше половины средняго оклада установленнаго для данной мѣстности; наконецъ избы неимущихъ бобылей, сиротъ, вдовъ и пр. могутъ быть вовсе освобождаемы обществами отъ налога (разумѣется, съ разверстаніемъ его на остальные дворы). Замѣтимъ мимоходомъ что сущность проектируемаго подворнаго налога, опредѣляемая этими условіями раскладки, будетъ мало чѣмъ отличаться отъ личнаго или подушнаго налога. Мы уже не говоримъ о томъ что это будетъ налогъ сословный, — въ этомъ его главный порокъ, — но это будетъ и внутри сельскаго сословія налогъ несправедливый. По проекту, владѣльцы усадебъ безъ полевыхъ угодій не могутъ быть облагаемы свыше половины средняго оклада, а этого рода крестьяне, владѣльцы фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, въ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ принадлежатъ къ самымъ богатымъ людямъ въ селеніяхъ, ибо уже теперь замѣчается возрастающая наклонность (преимущественно въ Ярославской губерніи) такихъ крестьянъ отказываться отъ полевыхъ надѣловъ. Наконецъ, такъ какъ количество работниковъ въ каждомъ дворѣ будетъ главнымъ основаніемъ обложенія, то это будетъ въ сущности налогъ не съ дворовъ, а съ тяголъ. Но это замѣчаніе относящееся вообще до сущности проектируемаго налога и уже сдѣланное нами прежде въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* при обсужденіи проекта реформы, мы оставляемъ пока въ сторонѣ, имѣя въ виду возвратиться къ нему дабы представить соображенія о такой классной усадебной подати которая не имѣла бы сословнаго характера и въ то же время не могла бы вызвать никакихъ сѣтованій со стороны нынѣшнихъ неподатныхъ сословій.

Въ раскладкѣ другаго налога, поземельнаго (на мѣсто подушнаго государственнаго земскаго сбора), предполагается также нѣкоторое стѣсненіе произвола сельскаго схода: разверстывая сумму налога, причитающагося съ общества, между домохозяевами сообразно количеству и качеству ихъ земельныхъ надѣловъ, сходъ не можетъ назначить съ подворнаго участка болѣе чѣмъ въ полтора раза противъ оклада какой причелся бы при распредѣленіи суммы налога на всѣ десятины поровну. Въ сравненіи съ самовластіемъ сельскаго міра и неурядицею при нынѣшней внутренней раскладкѣ податей между сельскими обывателями, эти правила были бы, конечно, улучшеніемъ, еслибы производство раскладки сельскимъ сходомъ могло быть совмѣщено съ тѣмъ положеніемъ проектовъ что земля однажды обложенная поземельною податью остается навсегда податною или *черною*, въ чьи бы руки она потомъ ни перешла.

Проектированныя полумѣры къ улучшенію нашего порядка или лучше нашей анархіи по взиманію окладныхъ сборовъ и къ освобожденію личности отъ мірской кабалы, доказываютъ что, неемотря на продолжительныя пренія по этому предмету и на громко обжалованныя со всѣхъ сторонъ угнетенія которымъ подвергается у насъ личная гражданская свобода поселянъ, это зло во всемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ его послѣдствіяхъ все-таки недостаточно сознано общественнымъ мнѣніемъ и правительственными сферами. Нужно же наконецъ признаться что сельскій людъ до сихъ поръ у насъ еще не свободенъ, что онъ до сихъ поръ закрѣпощенъ сельскому міру, и что потому не слѣдуетъ удивляться если упраздненіе помѣщичьяго крѣпостнаго права не сопровождается еще повсемѣстно тѣмъ возвышеніемъ уровня крестьянскаго благосостоянія какого слѣдовало бы ожидать. У насъ еще какъ бы опасаются увидѣть свободное крестьянское населеніе, по личному усмотрѣнію и разчету избирающее свои занятія и промыслы, свободно разселяющееся по нашимъ обширнымъ пространствамъ, сообразно географическимъ условіямъ и свойствамъ труда, и вынуждающее къ болѣе усовершенствованнымъ административнымъ, фискальнымъ и полицейскимъ пріемамъ чѣмъ простой надзоръ за тѣмъ чтобы каждый оставался на своемъ мѣстѣ гдѣ онъ *приписанъ* и при своемъ наслѣдственномъ, офиціально признанномъ родѣ жизни, а въ

случаѣ избранія другаго рода жизни и отлучки, чтобы за него отвѣчало общество, выпустившее его изъ своихъ рукъ. Ко всему этому присоединяются у насъ, какъ извѣстно, для защиты нынѣшней зависимости крестьянъ отъ міра, и нѣкоторыя утопическія теоріи на счетъ сельскаго быта и общины. Люди справедливо ратующіе въ пользу автономіи общины, и желающіе чтобъ она сохранила свою цѣлость, а не распалась на личные атомы, подобно тому какъ случилось въ Англіи, откуда все чаще и чаще стали нынѣ раздаваться голоса указывающіе съ завистью на крѣпость нашей сельской общины, эти люди однако ошибаются когда видятъ въ податной круговой порукѣ и въ самовластной раскладкѣ повинностей условіе крѣпости нашей сельской общины. Нынѣшній произволъ міра въ назначеніи податныхъ окладовъ съ своихъ членовъ, въ установленіи всякихъ незаконныхъ поборовъ за предоставленіе крестьянину личной свободы отъ общества, каковы напримѣръ сборы за выдачу паспорта и налоги на отхожіе промыслы, постоянно развивающіеся въ промышленныхъ губерніяхъ, подъ названіемъ уличныхъ, гуляцкихъ, пожилыхъ и проч. денегъ, наконецъ произволъ въ распредѣленіи земельныхъ надѣловъ, также обусловленный гуртовою отвѣтственностью обществъ по податямъ, весь этотъ мірской произволъ ведетъ къ распаденію нашей общины, ко внушенію крестьянамъ отвращенія и ненависти къ ней, то-есть къ результатамъ противуположнымъ развитію цѣлости міра и его самостоятельности. Взаимная связь членовъ сельской общины основана преимущественно на ея значеніи какъ бытовой и административной единицы, и сверхъ того на общинномъ земельномъ надѣлѣ или общинной поземельной *собственности*, когда надѣлъ выкупленъ; но права міра и соотвѣтствующія имъ повинности не должны простираться въ область государственной власти, какова власть установленія налоговъ. Въ то же время власть міра, какъ бы велика она ни была, не должна посягать на *гражданскія права личности*, не нарушимыя въ благоустроенномъ государствѣ и не иначе отнимаемыя какъ по приговору суда за преступленія. Въ означенныхъ предѣлахъ самостоятельность и независимость сельской общины могутъ оставаться неприкосновенными, и онѣ будутъ гораздо крѣпче нежели при присвоеніи сельскому міру правъ государственной власти надъ своими членами. На оборотъ кто регламентируетъ круговую поруку и внутреннюю раскладку, тотъ умножаетъ поводы вмѣшательства административныхъ властей въ мірское самоуправленіе. Сельское общество, и безъ податной отвѣтственности за своихъ членовъ, удержитъ свое единство и самостоятельность, какъ общественный союзъ основанный на однородныхъ экономическихъ и бытовыхъ отношеніяхъ и какъ элементъ мѣстнаго самоуправленія.

Предъ такимъ зломъ какъ наша податная круговая порука нельзя довольствоваться полумѣрами и палліативами, предлагаемыми въ упомянутыхъ проектахъ, а необходимо вынуть его совсѣмъ, дабы всѣ остальныя стѣсненія личной свободы мало-по-малу укрѣпившіяся около этого корня потеряли для себя почву: недавно были сообщены въ газетахъ сужденія паспортной коммиссіи, которая, отказываясь отъ необходимой коренной реформы въ паспортной системѣ, ссылается на непреодолимое къ этой реформѣ препятствіе въ податной системѣ.

Если надѣются внутреннею раскладкой исправлять недостатки налоговъ, то это значитъ только что хотятъ перенести на міръ тѣ трудности которыхъ не могли разрѣшить въ законѣ. Чѣмъ неопредѣленнѣе основанія налога, а подворная подать именно такова, тѣмъ болѣе внутренняя раскладка будетъ сопряжена со злоупотребленіями. Вообще надо замѣтить что хорошія стороны внутренней раскладки податей у насъ слишкомъ преувеличиваются, и что она нынѣ, вмѣстѣ съ круговою порукой, почти вездѣ упразднена. Во Франціи нѣкоторыя подати (impots de répartition) раскладываются общинами между плательщиками, но всѣ основанія раскладки точно и подробно опредѣлены закономъ. Со внутреннею раскладкой не должно впрочемъ смѣшивать разверстаніе суммы налога и его окладовъ между разными мѣстностями и территоріальными единицами, какъ это дѣлается у насъ отчасти нынѣ министромъ финансовъ и земскими собраніями: это разверстаніе весьма полезно, и участіе въ немъ представителей плательщиковъ податей весьма желательно. Въ податныхъ проектахъ предполагается значительная дѣятельность зем-

скихъ собраній по разверстанію. Она никогда не можетъ сопровождаться тѣми послѣдстіями какія имѣетъ внутренняя раскладка: разверстаніе производится представителями плательщиковъ податей между цѣлыми мѣстностями и потому можетъ быть чуждо личнымъ интересамъ, а внутренняя раскладка есть дѣлежъ подати между самими плательщиками, причемъ самые справедливые интересы меньшинства могутъ быть и почти всегда навѣрно будутъ подавляемы своекорыстіемъ большинства.

№ 221.

Москва 14-го октября.

А.

Поглощающія вниманіе событія не позволили намъ удосужиться чтобы сказать нѣсколько словъ въ сопровожденіе статьи П. Б. Бланка „Инспекторы народныхъ училищъ", помѣщенной въ послѣдне-вышедшемъ нумерѣ *Современной Лѣтописи*. Но дѣло это важное, касающееся интереса всѣмъ близкаго, и въ то же время оно на очереди, потому что нынѣшнее положеніе инспекторовъ народныхъ училищъ основано не на окончательно утвержденной инструкціи, а на ея проектѣ, еще подлежащемъ измѣненію и улучшенію.

Должно согласиться что организація правильнаго и дѣйствительнаго контроля за ходомъ и веденіемъ начальнаго народнаго образованія есть одинъ изъ трудныхъ вопросовъ. Съ одной стороны нужно остерегаться чтобы контроль этотъ не перешелъ въ стѣснительную опеку бюрократическаго свойства, и вмѣсто того чтобъ оказывать народному образованію содѣйствіе и поддержку, не сдѣлался бы для него обузой и помѣхой; съ другой стороны, дѣло это такъ близко и обществу, и правительству, оба такъ сильно заинтересованы его процвѣтаніемъ, что успѣшный и плодотворный надзоръ въ этомъ отношеніи требуетъ совокупнаго дѣйствія правительственнаго и общественнаго. Въ большей части европейскихъ государствъ рядомъ съ завѣдующими дѣломъ народнаго образованія общественными учрежденіями установлены особые спеціальные органы правительствъ, обязанные съ своей стороны слѣдить за успѣхами этого дѣла. Такимъ органомъ въ Пруссіи служитъ совѣтникъ окружнаго правленія (Regierung), такъ-называемый Schulrath, контролирующій отъ имени правительства всѣ состоящія въ предѣлахъ правленія школы, отдавая въ томъ отчетъ какъ окружному правленію, такъ и провинціальной училищной коллегіи, высшей инстанціи по учебнымъ дѣламъ въ каждой провинціи Прусскаго королевства. Даже въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ мѣстному самоуправленію по всѣмъ отраслямъ предоставленъ самый широкій просторъ, правительство въ дѣлѣ народнаго образованія сочло необходимымъ выступить изъ роли строгаго невмѣшательства въ мѣстные интересы, присоединивъ и свой контроль къ контролю общественному. Въ Англіи школы ревизуются особыми училищными инспекторами (inspecors of schools) наряжаемыми отъ тайнаго воспитательнаго совѣта (Privy council of education); въ Сѣверной Америкѣ надзоръ за школами ведетъ такъ называемый суперъ-интендентъ, членъ учебнаго бюро (board of education). Какъ въ той, такъ и въ другой сторонѣ, впрочемъ, правительственный надзоръ имѣетъ лишь ту особенность что онъ правительствомъ не налагается какъ въ Пруссіи, а обусловленъ выдачей денежной субсидіи той школѣ которая добровольно подчинится ему. Нечего уже говорить о Французской второй имперіи, гдѣ правительство, не довольствуясь ревизіей своихъ же чиновниковъ— inspecteurs d'arrondissement и inspecteurs académiques—вручило префекту (по нашему губернатору) главное начальство надъ народными школами. Было ли это полезно, судьба второй имперіи служитъ отвѣтомъ.

У насъ начальное народное образованіе есть, какъ извѣстно, дѣло новое; предметомъ болѣе или менѣе серіознаго общественнаго вниманія оно стало лишь со введеніемъ земскихъ учрежденій. Вышедшее вслѣдъ за тѣмъ Положеніе 14-го іюля 1864 спеціально относится до народныхъ училищъ и отчасти пріурочено къ земскому Положенію 1-го января того же года. Учрежденные, по закону 14-го іюля, уѣздные и губернскіе училищные совѣты имѣютъ обязанностью „наблюденіе за преподаваніемъ" въ начальныхъ народныхъ школахъ, далѣе „попеченіе" объ открытіи новыхъ и улучшеніи существующихъ, „снабженіе" ихъ учебными пособіями и т. д., причемъ на долю губернскаго совѣта при-

ходится преимущественно „высшее попеченіе“ о начальныхъ училищахъ губерніи. Въ большинствѣ случаевъ, однако, училищные совѣты не совсѣмъ удовлетворяютъ своему назначенію. Это объясняется, съ одной стороны, разнохарактерностью ихъ личнаго состава (въ нихъ засѣдаютъ члены отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства, отъ земства и т. д.), что лишаетъ ихъ возможности трудиться съ должною энергіей въ одномъ направленіи; да и мудрено вообще выработаться какому-либо направленію въ средѣ людей которые засѣдаютъ въ училищныхъ совѣтахъ большею частью не въ уваженіе ихъ педагогическаго умѣнія и познаній, а въ качествѣ делегатовъ того или другаго вѣдомства; съ другой стороны, дѣятельность совѣтовъ парализуется слабостью или, вѣрнѣе, отсутствіемъ всякой съ ихъ стороны отвѣтственности. Члены уѣздныхъ совѣтовъ, напримѣръ, собираютъ свѣдѣнія объ училищахъ „по возможности“ на мѣстѣ, при осмотрѣ оныхъ; уѣздный совѣтъ съѣзжается „не менѣе“ двухъ разъ въ годъ для обсужденія и рѣшенія текущихъ дѣлъ, губернскій же совѣтъ собирается „по мѣрѣ надобности“. Все это крайне неопредѣленно, шатко и ни къ чему не обязываетъ. Оттого у насъ успѣхи народнаго образованія носятъ, такъ-сказать, мѣстный, случайный характеръ, проявляясь то въ томъ, то въ другомъ углу нашего отечества, гдѣ кто-либо изъ членовъ училищнаго совѣта, по доброй совѣсти и по призванью, не пожалѣетъ для этого дѣла своего времени и трудовъ, какъ это видимъ между прочимъ на почтенныхъ примѣрахъ I. Н. Шатилова въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи и барона Н. А. Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи.

Въ виду недостаточности училищныхъ совѣтовъ нельзя было не привѣтствовать попытки правительства установить надъ начальнымъ народнымъ образованіемъ контроль болѣе дѣйствительный въ лицѣ особыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Состоя въ „непосредственномъ“ подчиненіи попечителю учебнаго округа, инспекторы, какъ значится въ Высочайше утвержденномъ 29-го мая мнѣніи государственнаго совѣта, должны имѣть „наблюденіе“ за народными училищами, и въ качествѣ „непремѣнныхъ членовъ“ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, обязаны „всѣми средствами содѣйствовать въ устроеніи и распространеніи начальнаго народнаго образованія.“ Наблюденіе и содѣйствіе: это совершенно ясно и удобоисполнимо. Надобно только желать чтобы ближайшее опредѣленіе обязанностей инспекторовъ, въ особой имѣющей составиться согласно означенному закону инструкціи, вполнѣ соотвѣтствовало основной мысли вызвавшей учрежденіе инспекторовъ, то-есть „установить правильный и постоянный *надзоръ* за всѣми начальными училищами Имперіи.“ Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о томъ временномъ „проектѣ инструкціи“ на основаніи котораго приходится нынѣ инспекторамъ дѣйствовать. Проектъ этотъ и въ теоріи и на практикѣ порождаетъ много недоумѣній, и на многія изъ нихъ указано въ упомянутой статьѣ П. Б. Блаика.

„Проектъ инструкціи инспекторамъ начальныхъ училищъ“ страдаетъ противорѣчіями и неясностями, значительно затемняющими сущность и вмѣстѣ расширяющими объемъ возлагаемыхъ на инспекторовъ обязанностей, такъ что они становятся неисполнимыми. Сперва о противорѣчіяхъ. Въ § 2 проекта инструкціи инспекторамъ совершенно вѣрно проведена черта различія между степенью подчиненности имъ училищъ содержимыхъ вполнѣ или большею частью на счетъ казны (городскія приходскія, сельскія двухклассныя и одноклассныя) и тѣхъ которые существуютъ на основаніи Положенія 14-го іюля 1864: первыя состоятъ въ „исключительномъ“ вѣдѣніи инспекторовъ, вторыя вѣдаются ими совмѣстно съ училищными совѣтами. Но затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи начало это не развито и не выдержано, ибо въ § 9, инспектору безразлично во всѣхъ училищахъ предоставляется право „принимать непосредственныя мѣры“ для замѣщенія плохихъ, по его мнѣнію, учителей болѣе достойными. А по § 57 „въ постоянномъ подчиненіи инспектора состоятъ *всѣ* преподаватели начальныхъ училищъ, къ какой бы категоріи они не принадлежали.“ Такое расширеніе власти инспекторовъ, не можетъ конечно не породить тѣхъ „пререканій“ кои, по выраженію г. Бланка, „тормозятъ всякое благое начинаніе и отъ коихъ замираетъ живой духъ всякаго дѣла.“ Она превращаетъ инспектора, начальника казенныхъ училищъ наблюдающаго за училищами нека-

зенными, въ начальника всѣхъ училищъ, равно за нихъ отвѣчающаго, ибо всѣ они состоятъ подъ его управленіемъ. Такъ поставленный инспекторъ едва ли будетъ находить для себя удобнымъ полное раскрытіе недостатковъ которые онъ замѣтитъ въ училищахъ; онъ будетъ скорѣе отыскивать промахи тѣхъ учрежденій коими училища заведены и содержатся. Далѣе, § 4 обязываетъ инспекторовъ „ежегодно“ обозрѣвать училища во всей губерніи и при томъ, „сколько возможно чаще.“ Уже одинъ частый, хотя бы и бѣглый обзоръ всѣхъ училищъ по губерніи едва ли вещь исполнимая для одного человѣка; а слѣдующее затѣмъ перечисленіе въ отдѣльности всѣхъ поручаемыхъ инспектору обязанностей дѣлаетъ яснымъ до очевидности что ему будетъ рѣшительно не по силамъ сколько-нибудь добросовѣстное исполненіе его должности, если отъ него дѣйствительно требовать всего что предписываетъ проектъ инструкціи. Такъ, напримѣръ, относительно преподавателей инспекторъ, кромѣ присутствія на урокахъ и испытаніяхъ, „старается, посредствомъ личныхъ бесѣдъ и удостовѣреній, ближе ознакомиться“ съ каждымъ изъ нихъ „и образомъ ихъ жизни;“ относительно учениковъ онъ „неослабно наблюдаетъ какъ за порядкомъ надзора установленнаго для учащихся, такъ и за принятыми въ училищѣ мѣрами поощренія и взысканія;“ инспекторъ контролируетъ далѣе склады учебныхъ принадлежностей, причемъ производитъ „строгую повѣрку“ по надлежащей ли цѣнѣ продаются они и вырученныя деньги записаны ли на приходъ; вниманіе инспектора распространяется на „внѣшнее и внутреннее благоустройство“ училищъ, на „матеріальное обезпеченіе какъ ихъ такъ и учителей;“ наконецъ, „не ограничиваясь надзоромъ за существующими уже школами,“ инспекторъ обязанъ прилагать старание“ къ открытію новыхъ; и ему предоставляется также расширять, перемѣщать и даже закрывать старыя. Однимъ словомъ, отъ его бдительности не должно укрыться ничто касающееся училищъ на пространствѣ цѣлой губерніи,— и при всемъ томъ онъ долженъ еще успѣвать „не только постоянно присутствовать въ засѣданіяхъ губернскаго училищнаго совѣта, но и принимать „дѣятельнѣйшее во всѣхъ его занятіяхъ участіе.“

Мыслимо ли въ самомъ дѣлѣ чтобъ *одинъ* человѣкъ былъ въ состояніи справиться съ тѣми многообразными обязанностями какія возлагаются этимъ проектомъ на инспекторовъ народныхъ училищъ? Не слѣдуетъ ли опасаться чтобы должность эта, въ томъ видѣ какъ она является въ проектѣ инструкціи, не сдѣлалась либо чисто фиктивною, либо не приняла направленія вовсе несвойственнаго главной мысли положенной въ основу учрежденія инспекторовъ? Намъ казалось бы что для болѣе успѣшнаго достиженія цѣли предположенной въ законѣ 29-го мая 1869, для того чтобъ инспектора дѣйствительно могли способствовать лучшему „устроенію и распространенію“ народнаго образованія, слѣдовало бы обставить эту должность точно обозначенными границами и формуловать обязанности инспекторовъ возможно яснѣе. Инспектору, говоритъ проектъ инструкціи, долженъ быть предоставленъ надзоръ за „методомъ и характеромъ преподаванія“ въ училищахъ. Вотъ эта задача осуществимая; ея исполненіе будетъ вполнѣ сподручно инспектору, человѣку, какъ надо полагать, съ педагогическимъ образованіемъ, и въ этихъ предѣлахъ должность инспекторовъ можетъ дѣйствительно принести пользу; но для того вовсе не нужно чтобъ они являлись въ школахъ неказенныхъ начальниками коихъ „распоряженія“ должны быть „безпрекословно“ исполнены. Ихъ дѣло могло бы здѣсь состоять лишь въ *инспекціи*, то-есть въ обязанности слѣдить за успѣхами преподаванія и направлять его своими совѣтами и указаніями. Результаты своихъ осмотровъ въ этомъ отношеніи они могли бы каждый разъ по объѣздѣ училищъ одного уѣзда сообщать уѣздному училищному совѣту напередъ имъ для того созываемому и затѣмъ также губернскому. Ихъ аттестація могла бы служить основаніемъ къ выдачѣ школамъ пособій, а учителямъ денежныхъ наградъ. Разумѣется, относительно школъ содержимыхъ казной, на инспекторовъ должно быть возложено больше обязанностей; тутъ они могутъ быть пожалуй, и начальниками, такъ какъ тутъ вредныхъ для дѣла пререканій бояться нечего. Намъ кажется также, что губернія вообще единица слишкомъ крупная даже и для простаго контроля, въ особенности если количество школъ въ губерніи возрастетъ. Нельзя ли опредѣлять инспектора не на цѣлую губернію, сколько бы школъ въ ней ни было, а на извѣстное число школъ за которыми вообще

одинъ человѣкъ можетъ слѣдить съ успѣхомъ?

Б.

Высокомѣрный, почти повелительный тонъ какимъ говорила прусская офиціозная печать началъ смягчаться. Умолкли угрозы противъ бельгійской печати, исчезли сердитые намеки на нейтральныя державы, и ужь не замѣчается тѣхъ крѣпкихъ словъ которыя болѣе у мѣста въ лагерѣ нежели въ печати. Нынѣ только и рѣчи что германскій народъ есть миролюбивѣйшій, скромнѣйшій и благороднѣйшій изо всѣхъ народовъ на свѣтѣ, и что Европа вполнѣ можетъ полагаться на его, всѣмъ извѣстную, доброправность. „Мы въ высшей степени „народъ миролюбивый,“ восклицаетъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*! „Лишь бы „оставили насъ располагать собою въ на„шихъ *четырехъ стѣнахъ*, лишь бы не „совали рукъ въ наши дѣла, и мы душевно „готовы вести себя такъ же сдержанно от„сительно другихъ.“ Называйся онъ „королемъ, императоромъ или республикой,“ такъ продолжаетъ органъ графа Бисмарка,—но настоящій „тиранъ Франціи есть Парижъ“ и, благодаря своей чрезмѣрной централизаціи, Франція всегда находилась подъ игомъ этого тирана, честолюбиваго и алчнаго по своей природѣ. Иное дѣло Германія: „она должна и будетъ имѣть „федеративную конституцію, коей верхов„ная власть всегда должна будетъ считать„ся съ общественнымъ мнѣніемъ, съ воз„зрѣніями какъ государей, такъ и наро„довъ Германіи,“ а эти мнѣнія, эти воззрѣнія, какъ извѣстно, „въ высшей степени миролюбивы.“

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ эту добрую перемѣну тона. Къ несчастію, однако, мы не можемъ не сдѣлать при этомъ нѣкоторыхъ замѣчаній. События совершившіяся съ 1864 по 1870 годъ доказали что эти „четыре стѣны,“ которыми ограничивается честолюбіе Пруссіи, при случаѣ могутъ раздвигаться. Въ сущности, все дѣло въ томъ что если, какъ говоритъ извѣстный циркуляръ графа Бисмарка, Германія не можетъ полагаться на настроеніе Франціи, то Европа должна вполнѣ полагаться на настроеніе общественнаго мнѣнія Германіи... „Но Европа,“ такъ выражалась недавно одна изъ лондонскихъ газетъ, „можетъ отвѣтить на это что Гер„манія *можетъ измѣниться* и что требо„ванія Меца *есть уже первый признакъ „такого измѣненія.*“ Послушаемъ также что говорятъ объ этомъ сами Нѣмцы. Вотъ весьма кстати попадается намъ подъ руку статья столь вліятельнаго въ Германіи органа, *Кельнской Газеты*, весьма обстоятельно обсуждающей этотъ же вопросъ, но выражающей мнѣнія діаметрально противоположныя *нынѣшнимъ* воззрѣніямъ органа графа Бисмарка.

Кельнская Газета не оправдываетъ требованій канцлера по отношенію ко Франціи, и находитъ ихъ преувеличенными; но „какъ бы то ни было,“ присовокупляетъ она, —

„территоріальныя требованія графа Бисмарка во всякимъ случаѣ умѣреннѣе и разумнѣе чѣмъ многія другія. Предъ нами цѣлое собраніе брошюръ и газетныхъ листовъ, которыя всѣ наперерывъ другъ предъ другомъ отодвигаютъ „стратегическія границы“ все далѣе и далѣе въ самую средину французской территоріи. Завоевательныя стремленія нашихъ нѣмецкихъ памфлетистовъ отнюдь не ограничиваются одною Франціей. Одинъ бросаетъ алчные взоры на Швейцарію; Телль и Винкельродъ, говоритъ онъ, устарѣлыя исторіи, Швейцарія есть оторванная часть нѣмецкой имперіи, и Фридрихъ Шиллеръ въ сущности прославилъ только *государственную измѣну*. Другой утверждаетъ что Голландія и Бельгія суть лишь „отторгнутыя нѣмецкія земли,“ присоединеніе коихъ есть только вопросъ времени, а еще нѣкоторыя настаиваютъ на возсоединеніи „нѣмецкихъ“ остейскихъ провинцій съ германскимъ государствомъ. И тѣмъ и другимъ недостаточно трехъ герцогствъ отнятыхъ нами у Даніи; *первымъ требованіемъ* вновь усилившейся Германіи, по ихъ словамъ, должна быть отмѣна V статьи Пражскаго мира, то-есть противное трактату удержаніе датской части Шлезвига, а нѣкоторые желаютъ даже всей Ютландіи до Скагеррака. Послѣ изумительныхъ успѣховъ какими съ 1866 года увѣнчалось нѣмецкое оружіе, не удивительно что повсюду возникли мысли о завоеваніяхъ; но *удивительно* что вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ *будто бы Нѣмцы, по природѣ своей неспособны къ завоеваніямъ*. Болѣе же всего удивительно что и самъ графъ Бисмаркъ въ своихъ циркулярахъ отъ 13-го и 16-го сентября высказываетъ нѣчто подобное этому. Онъ, ми-

нистръ государства, которое начавъ съ немногаго достигло своего настоящаго величія *цѣлымъ рядомъ завоеваній*; онъ усвоиваетъ себѣ теорію о неспособности нашей къ завоеваніямъ конечно лишь для того чтобы подкрѣпить увѣреніе что пограничная крѣпость, во французскихъ рукахъ служащая воротами для вторженій, послужитъ намъ не болѣе какъ для оборонительныхъ цѣлей. Но этотъ вопросъ мы не хотимъ обсуждать..."

№ 222.

Москва, 15-го октября.

А.

Нѣтъ, пусть не говорятъ что теперешняя война не причиняетъ ничего кромѣ разоренія: какъ знать, еслибы протянулась она еще нѣсколько мѣсяцевъ, то быть-можетъ окончательно отрезвила бы многихъ изъ нашихъ милыхъ соотечественниковъ которые трудятся надъ изобрѣтеніемъ особаго прогресса для Россіи. Замѣтный переворотъ совершается въ ихъ умѣ, хотя онъ купленъ и не дешевою цѣной! Нужно было Пруссакамъ сжечь массу пороха, истребить десятки тысячъ народу и опустошить нѣсколько областей, чтобы наши самозванные прогрессисты извѣстнаго сорта очнулись отъ своего угара и стали немножко присматриваться къ условіямъ европейской цивилизаціи. Они сознаются что не мѣшало бы намъ позаимствовать очень многое отъ Германіи, хотя попрежнему не допускаютъ напримѣръ, чтобы можно было говорить о патріотизмѣ, объ укрѣпленіи національнаго самосознанія, и видятъ въ этихъ понятіяхъ что-то такое чѣмъ долженъ гнушаться каждый честный гражданинъ; попрежнему національная наша печать безвозвратно погубила себя въ ихъ глазахъ, осмѣлившись доказывать что если русскій народъ хочетъ занять почетное мѣсто въ ряду европейскихъ націй, то долженъ проникнуться уваженіемъ къ самому себѣ и вѣрою въ свою будущность. И теперь еще приходится намъ слышать что проповѣдывать подобныя мысли, значитъ обнаруживать „національное чванство, бездѣльное презрѣніе къ другимъ народамъ, глупое самообольщеніе своимъ несравненнымъ величіемъ,“ хотя для здравомыслящаго человѣка совершенно непонятно почему уважать себя нельзя иначе какъ относясь съ презрѣніемъ къ другимъ. Впрочемъ не будемъ отчаиваться: Римъ былъ построенъ не въ одинъ день, а вѣдь построить Римъ было легче чѣмъ разсѣять хаосъ понятій укоренившихся въ извѣстныхъ кружкахъ...

Вотъ послѣдняя книжка *Вѣстника Европы*. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ что безыменные сотрудники этого почтеннаго журнала начинають понемногу очеловѣчиваться. Приглядѣвшись къ тому что происходитъ на нашихъ глазахъ, они ратуютъ теперь за необходимость всеобщей военной повинности, хотя еще вовсе не съ тою цѣлью чтобы Россія могла съ честью поддерживать свое положеніе въ Европѣ и не быть врасплохъ застигнутою событіями. Нѣтъ, войско, по ихъ мнѣнію, имѣетъ совершенно иное назначеніе, — назначеніе болѣе мирнаго свойства - оно должно внести въ общество тотъ „демократизмъ, безъ котораго ни одно государство процвѣтать не можетъ, что бы ни говорили различные спасители отечества.“ *Вѣстникъ Европы* открылъ что если Пруссія такъ много опередила Европу, то она обязана этимъ своему солдату, у котораго „въ зарядѣ цѣлый рядъ мыслей.“ Все это и смутно, и безтолково. Но вотъ что сообщаютъ намъ изъ Петербурга, обращая наше вниманіе на эти строки: „Подивитесь, это пишетъ то самое „перо которое прославляло нѣкогда, въ „скверныхъ книжкахъ, нашихъ передовыхъ „дѣятелей начала шестидесятыхъ годовъ, „а потомъ строчило фельетоны о дѣвицѣ „Лядовой. Если этотъ господинъ занимает„ся теперь вопросомъ о воинской повин„ности, то развѣ это не шагъ впередъ?“ Еще нѣсколько такихъ шаговъ, и *Вѣстникъ Европы* убѣдится что все-таки первая задача благоустроенной арміи — служить оплотомъ безопасности и независимости страны, и что какъ то, такъ и другое далеко не такая постыдная вещь какъ казалось ему до сихъ поръ.

А вотъ другой вопросъ, - вопросъ объ обрусеніи нашихъ окраинъ. *Вѣстникъ Европы* разсуждаетъ теперь объ этомъ какъ ревностный поборникъ національныхъ интересовъ нашего отечества. Очень остроумно замѣчаетъ онъ что Балтійскій вопросъ „можно сравнить съ больнымъ зу„бомъ, отъ котораго человѣкъ ни въ ка„комъ случаѣ умереть не можетъ, но отъ

„котораго можетъ происходить весьма чувствительная боль и опухоль цѣлой стороны. Больной зубъ слѣдуетъ или оставить совершенно въ покоѣ, или вырвать „его съ корнемъ. Самая же худшая политика въ отношеніи къ больному зубу, „это — постоянно дразнить его и никогда „не рѣшаться его вырвать." По словамъ петербургскаго журнала, операцію эту слѣдуетъ произвести именно теперь, когда „Пруссія занята и несетъ большія жертвы," ибо въ послѣдствіи, „когда Пруссія „оправится и отдохнетъ въ своемъ новомъ „исполинскомъ величіи," операція будетъ несравненно труднѣе... Не правда ли, какъ все это разсудительно и благоразумно? Не правда ли какъ все это не похоже на прежній тонъ безыменныхъ публицистовъ *Вѣстника Европы*, когда нельзя было заикнуться о Балтійскомъ краѣ чтобъ они не разразились потокомъ брани противъ поборниковъ русскаго государственнаго единства, когда по поводу извѣстной брошюры г. Самарина они излагали цѣлую теорію о доносахъ? Теперь изъ этой брошюры не только заимствуютъ они свои аргументы, но почти буквально повторяютъ ея слова: „Спрашивается, что можетъ быть опаснѣе для „насъ," гласитъ *Вѣстникъ Европы*: „уединенное ли возстаніе, нѣсколько бандъ едва „вооруженныхъ, или тихое *настроеніе* цѣлаго края въ пользу Германіи, когда за „плечами этого края стоитъ могущественнѣйшая держава открыто объявляющая „что цѣль ея—объединить земли которыя „она считаетъ нѣмецкими?" Все это не ново, все это было уже высказано тысячу разъ, но хорошо по крайней мѣрѣ что эти господа становятся доступны голосу истины и здраваго смысла, хотя и не совсѣмъ деликатное дѣло поносить людей виновныхъ предъ ними единственно въ томъ что давно уже указывали имъ путь на который они выступаютъ теперь съ видимымъ успѣхомъ. *Вѣстнику Европы* очень хочется доказать что между имъ и этими лицами нѣтъ ничего общаго, что если онъ стоитъ теперь за полное сліяніе прибалтійскаго края съ Россіею, то единственно потому что „обстоятельства измѣнились и есть уже мѣсто для весьма раціональныхъ заботъ относительно будущаго" (а прежде раціональныя заботы о будущемъ были безполезны?), между тѣмъ какъ приверженцы національной политики обличали де нашу нѣмецкую партію единственно изъ тупоумной антипатіи ко всему нѣмецкому... Конечно, можно было бы придумать что-нибудь поумнѣе для прикрытія своихъ прежнихъ грѣховъ, но сердиться изъ-за этого на журналъ г. Стасюлевича рѣшительно не стоитъ: пусть себѣ ругается, пусть величаетъ своихъ противниковъ обскурантами и „мамелюками," если это доставляетъ ему удовольствіе, лишь бы только не вздумалъ снова отличиться чепухою, въ которой упражнялся нѣсколько лѣтъ сряду...

Но есть одно непоколебимое убѣжденіе у издателей *Вѣстника Европы* которое они отстаиваютъ съ тѣмъ болѣе замѣчательною стойкостію и отвагою что и теорія, и факты опровергаютъ его на каждомъ шагу. Мы говоримъ о классическомъ образованіи. *Вѣстникъ Европы* находится въ совершенномъ опьяненіи отъ Германіи, онъ восхищается ея успѣхами на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, ея высокою культурой и богатствомъ матеріальныхъ и нравственныхъ ея силъ; онъ повторяетъ безпрерывно что всѣмъ этимъ обязана Германія своей школѣ, но какъ только возникаетъ рѣчь чтобъ и у насъ утвердить школу по германскому образцу, имъ овладѣваетъ совершенное изступленіе. „Если *Московскія Вѣдомости*," говоритъ онъ, „хотятъ серіозно отнестись къ совершающемуся на нашихъ глазахъ, то пусть они „подумаютъ о слѣдующемъ. По ихъ мнѣнію, Пруссія обязана своими настоящими „побѣдами успѣхамъ въ классическихъ „языкахъ; почему же Франція, несмотря „на все процвѣтаніе въ ней классическихъ „языковъ, понесла такое пораженіе? Не „потому ли что во Франціи хуже учатся „склоненіямъ и спряженіямъ классическихъ „языковъ?..." Какія жалкія и недостойныя уловки! Кого думаетъ обмануть ими петербургскій журналъ? Еслибы разсуждалъ онъ о теперешнихъ событіяхъ съ добрымъ намѣреніемъ извлечь изъ нихъ пользу, то не скрылъ бы отъ своихъ читателей что, обнаруживъ во многомъ крайнюю несостоятельность, Франція не могла между прочимъ похвалиться и тѣмъ чтобъ учебная ея система находилась въ цвѣтущемъ положеніи. *Вѣстнику Европы* должно быть извѣстно что когда правительство Наполеона III выступило съ системою которая довела теперь страну до погибели, то едва ли не прежде всего положило оно свою тяжелую руку на школы, превративъ ихъ,

по словамъ г. Дюрюи, „во что-то безвѣстное, во что-то безъ чести и безъ имени,“ то-есть въ такія школы о которыхъ съ любовью мечтаютъ наши петербургскіе прогрессисты. Въ послѣдствіи (весьма недавно, лишь года четыре тому назадъ) оно покинуло ложный путь, но громадное зло было уже сдѣлано, а это зло принадлежитъ къ числу тѣхъ которыя нельзя исправить въ короткое время. На вопросъ *Вѣстника Европы:* неужели Французы побѣждены потому что хуже учились склоненіямъ и спряженіямъ древнихъ языковъ, мы предоставимъ отвѣчать Французу, именно г. Ренану, на книгу котораго *Questions contemporaines* петербургскій журналъ, безцеремонно искажая по своему обыкновенію ея смыслъ, обращалъ когда-то вниманіе публики. Пусть же просмотритъ онъ что говорится въ этой книгѣ о блестящемъ развитіи классическаго ученія въ Германіи и о печальномъ упадкѣ его во Франціи, и пусть выведетъ мораль изъ замѣчаній французскаго ученаго. И не одинъ Ренанъ, а всякій кто понимаетъ дѣло, не можетъ отнестись къ этому вопросу иначе. Въ полученной нами недавно книжкѣ *Contemporary Review* встрѣтили мы интересную статью о мрачныхъ сторонахъ общественнаго устройства Франціи при Наполеонѣ III и въ ряду ихъ совершенно справедливо поставленъ на первый планъ тотъ разгромъ которому подверглось учебное дѣло. „Учебная система, введенная „во всѣхъ коллегіумахъ покойнымъ министромъ Фортулемъ,“ говоритъ англійскій публицистъ, „принесла самые гибельные „плоды для французскаго общества. Мы „имѣемъ здѣсь въ виду систему *бифуркаціи*, которая отдавала явное предпочтеніе прикладнымъ свѣдѣніямъ предъ классическими языками. Стали учить только „тому что можетъ якобы принести практическую пользу и заботились очень мало „о развитіи благороднѣйшихъ сторонъ человѣческаго духа; приготовить практическихъ дѣятелей всякаго рода, вотъ въ „чемъ состояла главная задача, для достиженія коей приносились въ жертву „интересы общаго образованія.“ Министръ Наполеона III, г. Фортуль, слѣдовалъ программѣ которую рекомендуетъ намъ *Вѣстникъ Европы*. Спрашивается отчего же уровень французскаго образованія такъ замѣтно понизился въ послѣднія двадцать лѣтъ?

Пруссія, какъ и вообще Германія безспорно отличается достоинствами своей учебной организаціи. Нигдѣ дѣло науки не процвѣтаетъ въ такой степени какъ тамъ. Что же мы видимъ въ Пруссіи? Разверните книгу Визе, и вы найдете что Пруссія, взятая въ старыхъ предѣлахъ, когда число ея населенія было не свыше 18 милліоновъ, имѣла 145 гимназій и 28 прогимназій. Чтобъ оцѣнить приведенную цифру, надобно сообразить что въ Россіи, съ семидесятью милліонами населенія, насчитывается едва 90 гимназій, включительно съ балтійскими, которыя по своему языку чужды Россіи.

Курсъ прусскихъ гимназій обнимаетъ 9 лѣтъ, не считая двухъ съ половиною годовъ приготовительнаго ученія, которое не входитъ въ составъ гимназическаго курса. Спрашивается, чему же учатъ въ прусскихъ гимназіяхъ? Главный предметъ которому все прочее подчиняется суть древніе языки. Будемъ говорить цифрами которыя убѣдительнѣе всякихъ разсужденій когда требуется привести въ ясность фактъ. На латинскій языкъ полагается тамъ во всѣхъ классахъ гимназіи, кромѣ старшаго, по 10 уроковъ въ недѣлю; въ старшемъ иногда 10 уроковъ, иногда 9, и никогда менѣе 8; на греческій языкъ, котораго преподаваніе начинается съ третьяго года гимназіи и продолжается 7 лѣтъ, полагается по 6 уроковъ въ недѣлю. Итого на оба древніе языка полагается еженедѣльно больше половины всего учебнаго времени.

Съ точки зрѣнія педагоговъ *Вѣстника Европы* и его колоніи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, Пруссія какъ и вообще Германія, должна представляться не образцомъ для подражанія, а страной безумія. Какъ? 170 учебныхъ заведеній имѣютъ главнымъ предметомъ преподаванія на который полагается бо́льшая часть всего учебнаго времени, древніе языки? По вашему, господа, это не воспитаніе, а убіеніе ума. Чему же вы радуетесь смотря на Пруссію?

Но это еще не все. Въ учебныхъ заведеніяхъ такъ устроенныхъ воспитывается цвѣтъ страны, вся интеллигенція Германіи. Воспитанникамъ гимназій открыты всѣ поприща; они считаются лучшимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но только воспитанники гимназій, то-есть молодые люди упо-

требляющіе бо́льшую половину своего учебнаго времени въ продолженіи девяти лѣтъ на древніе языки, только они одни имѣютъ право на поступленіе въ университетъ. Никакое другое ученіе не признается способнымъ приготовить молодые умы къ самостоятельному занятію наукой какой бы то ни было спеціальности. Только воспитанники классическихъ учебныхъ заведеній, именуемыхъ гимназіями, могутъ достигать ученыхъ степеней по всѣмъ отраслямъ знаній, столько же богословскихъ, историко-филологическихъ, юридическихъ, сколько физико-математическихъ и медицинскихъ. Только воспитанники этихъ заведеній допускаются, по окончаніи университетскаго курса, къ государственному экзамену; только они считаются призванными къ высшимъ профессіямъ, какъ собственно ученымъ, такъ и государственнымъ.

Въ Пруссіи есть еще учебныя заведенія называемыя реальными училищами, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ давать образованіе людямъ для среднихъ общественныхъ профессій. Профессіи эти многочисленны и разнообразны, отъ простаго ремесленника и купеческаго прикащика до значительнаго техника; соотвѣтственно градаціи этихъ профессій имѣются и разной силы учебныя заведенія этого характера. Перворазрядныя реальныя училища подходятъ до нѣкоторой степени къ типу гимназій. Курсъ ихъ также девятилѣтній. Онъ имѣетъ характеръ энциклопедическій; въ него введены въ извѣстныхъ размѣрахъ естественныя науки; но учебный планъ ихъ не вовсе лишенъ педагогической силы сосредоточенія. Въ основу ихъ учебнаго плана принятъ латинскій языкъ. Въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ на латинскій языкъ полагается болѣе учебнаго времени чѣмъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ. Тѣмъ не менѣе воспитанники перворазрядныхъ реальныхъ школъ (гораздо болѣе классическихъ чѣмъ наши гимназіи съ латинскимъ языкомъ) не допускаются въ университетъ ни по одному факультету. Этого мало: они не допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій не только въ качествѣ студентовъ, съ тѣмъ чтобы послѣ имѣть право держать государственный экзаменъ, но не допускаются и въ качествѣ вольныхъ слушателей безъ всякихъ правъ. Въ прошломъ году возбужденъ былъ въ Пруссіи вопросъ, нельзя ли допустить лучшихъ воспитанниковъ перворазрядныхъ реальныхъ школъ къ слушанію лекцій по факультетамъ медицинскому и физико-математическому, не допуская ихъ къ экзаменамъ. Бо́льшая часть университетовъ высказалась отрицательно. Молодые люди кончившіе девятилѣтній курсъ въ перворазрядныхъ реальныхъ училищахъ только въ видѣ исключенія, каждый разъ по особому разрѣшенію министра, допускаются на полтора года къ посѣщенію лекцій по той или другой наукѣ.

Вотъ фактъ! А между тѣмъ въ нашихъ soi-disant ученыхъ корпораціяхъ (хороши ученыя корпораціи!) раздается, подъ ладъ фельетонистамъ *Вѣстника Европы* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, мнѣніе будто классическія гимназіи не могутъ съ успѣхомъ приготовлять молодыхъ людей къ слушанію лекцій по всѣмъ факультетамъ университета, и что будто факультеты физико-математическій и медицинскій нуждаются въ особыхъ гимназіяхъ откуда были бы вовсе изгнаны древніе языки.

Итакъ, что̀ же выходитъ? Или Германія, въ научномъ отношеніи, есть чудовищная аномалія или наши агитаторы не смыслятъ что̀ говорятъ, а если смыслятъ, то обманываютъ добрыхъ людей...

Дѣло образованія въ Пруссіи не всегда процвѣтало. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно стояло низко и было скудно. Потребовался страшный разгромъ государства для того чтобъ это дѣло получило то развитіе котораго плодамъ мы удивляемся теперь. Все вниманіе свое Пруссія обратила на этотъ великій предметъ послѣ пораженій при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, которыя почти стерли ее съ карты Европы. Полагая начало своей военной организаціи, Пруссія въ то же время устраивала свои школы, которыя точно такъ же какъ и первая удивляютъ теперь весь міръ своими результатами. Въ числѣ государственныхъ людей которымъ Пруссія обязана своимъ величіемъ, она съ особенною благодарностью вспоминаетъ имя Альтенштейна, министра народнаго просвѣщенія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III. Онъ положилъ начало этой сѣти учебныхъ заведеній которыя охватили весь прусскій народъ. Онъ улучшилъ и возвысилъ учебное дѣло начиная отъ сельскихъ школъ до университетовъ, ему прусскія гимназіи обязаны своимъ превосходствомъ, и онъ далъ классической системѣ то могущественное раз-

витіе и то значеніе которое сдѣлало ее столь плодотворною. У насъ предъ глазами мартовская книжка Zeitschrift für das Gymnasialwesen, гдѣ помѣщена статья посвященная памяти Шульце, который былъ правою рукой Альтенштейна въ дѣлѣ учебныхъ преобразованій. Авторъ статьи припоминаетъ какихъ усилій стоило это дѣло и съ какимъ сильнымъ противодѣйствіемъ приходилось ему бороться. Такъ какъ и у насъ, въ Пруссіи въ то время тупая и грубая реакція вступила въ безсознательный союзъ съ матеріалистическими тенденціями, и ополчилась противъ древнихъ языковъ въ гимназическомъ преподаваніи, требуя замѣны ихъ распространеніемъ богословскаго преподаванія и естественныхъ наукъ. Интрига была такъ сильна что Альтенштейнъ былъ низвергнутъ и составилось новое министерство, но торжество интриги было непродолжительно. Альтенштейнъ снова былъ призванъ къ дѣятельности, и дѣло науки въ Пруссіи было спасено. „Это было," говоритъ авторъ цитованной статьи, „спасеніемъ духа Пруссіи „(Rettung des preus„sichen Geistes). Послѣднія нити этой ин„триги были въ Вѣнскомъ кабинетѣ, въ „рукахъ Меттерниха. Здѣсь знали хорошо „чѣмъ нанести Пруссіи самый губительный „ударъ въ ея жизненномъ корнѣ."

Гдѣ-то таятся послѣднія нити нашей интриги?

Б.

Сдача Базена вмѣстѣ съ крѣпостью Мецемъ, о которой извѣщаетъ насъ сегодня телеграфъ, не была неожиданностью въ главной прусской квартирѣ. Дѣло это, безъ сомнѣнія, было уже давно слажено. Наполеоновскій маршалъ, повидимому, выжидалъ только времени когда, по настоянію нейтральныхъ, бѣдный страдалецъ за Францію Тьеръ появится въ главной прусской квартирѣ для переговоровъ о перемиріи. Сдача послѣдней боевой арміи и первой по силѣ крѣпости Франціи, съ громаднымъ арсеналомъ, конечно, какъ нельзя лучше подкрѣпитъ аргументы г. фонъ-Бисмарка, который начнетъ свои бесѣды съ представителемъ несчастной, опозоренной, обманутой страны пріятнымъ извѣстіемъ о подвигѣ маршала Базена, который сидѣлъ два мѣсяца въ Мецѣ для того чтобы такъ блистательно выйти оттуда.

Сто-тридцати-тысячная армія, состоящая изъ закаленныхъ въ бою и превосходно вооруженныхъ солдатъ, сдается военноплѣнною! Это было бы хуже Седанскаго позора, когда сдалось 80.000 человѣкъ большею частью новобранцевъ подъ огнемъ почти трехсотъ-тысячной арміи,—было бы хуже, еслибъ это не было повершеніемъ того же самаго позорнаго событія, еслибы сдача Наполеонскаго маршала не была послѣднимъ актомъ Наполеоновской имперіи, состоящей въ плѣну у Пруссаковъ и уже давно помирившейся съ ними...

№ 223.

Москва, 16-го октября.

Сегодняшняя депеша изъ Версаля гласитъ что занятіе Меца отложено до завтра, то-есть до 29-го (17) октября, и пополняетъ вчерашнее извѣстіе сообщеніемъ что всѣхъ военноплѣнныхъ оказывается 173.000, при трехъ маршалахъ и шести тысячахъ офицеровъ.

Событія пріучили публику ничему не удивляться, и она пожалуй не удивится если телеграфъ донесетъ ей, въ заключеніе исторіи, что маршалъ Базенъ, по сдачѣ Меца, повелъ свою армію подъ Парижъ для усмиренія его непокорнаго и мятежнаго населенія.

Газета *Times*, одинъ изъ главныхъ органовъ ведущейся теперь въ Европѣ политической игры, еще 19-го октября предвѣщала радостную развязку которая освободитъ Францію отъ необходимости оборонять линію Мозеля и передастъ ее подъ охрану Германіи, какъ о томъ выражается сегодня берлинскій *Государственный Указатель*. Предвѣщая скорую сдачу Меца, лондонская газета подготовляла публику къ оцѣнкѣ этого важнаго событія и выставляла на видъ героизмъ маршала Базена который этимъ подвигомъ обезсмертитъ свое имя. Изъ-за чего, разсуждаетъ лондонскій органъ, сталъ бы этотъ доблестный маршалъ сражаться противъ Пруссаковъ? Можетъ ли онъ быть доволенъ нынѣшними правителями Франціи? Лондонская газета негодуетъ при этомъ на упорство обнаруженное Парижемъ, и оскорбляется за храбрыхъ генераловъ Наполеоновской арміи притязаніемъ правительства національной обороны держать ихъ подъ своимъ контролемъ и подчинять ихъ своей

власти. *Times*, также какъ и графъ Бисмаркъ, не считаетъ этого правительства національной обороны за что-либо серіозное, и во Франціи, которая напрягаетъ свои силы на защиту своей чести, цѣлости и самостоятельности, видитъ простона-просто бунтъ. Не генералы наполеоновскіе измѣняютъ Франціи, а она бунтуетъ противъ нихъ, подчиняя ихъ контролю своего новаго фактически установившагося правительства, послѣ того какъ бонапартовская имперія, погубившая страну, досталась въ руки непріятелю Франціи.

Лондонская газета, восхваляя съ явно-притворнымъ паѳосомъ достоинства маршала Базена, говоритъ что ему не въ чемъ упрекнуть себя, и что его подвиги подъ Мецемъ суть „единственный свѣтлый эпизодъ во всей этой мрачной исторіи разгрома французскихъ вооруженныхъ силъ.“ Еслибы лондонскіе публицисты находили нужнымъ говорить правду, то они сказали бы, напротивъ, что этотъ доблестный маршалъ Базенъ былъ главный виновникъ разгрома французскихъ вооруженныхъ силъ. Будущій историкъ этой неслыханной войны докажетъ съ очевидностію что если Франція находится теперь въ отчаянномъ положеніи совершенной безпомощности, то этимъ она обязана, послѣ императора Наполеона III, его маршалу Базену. Когда, послѣ пораженія при Вёртѣ, императоръ сложилъ съ себя начальство надъ войсками и передалъ его маршалу Базену, дѣло было совершенно ясно. Рейнская армія, стянувшись у Меца, должна была немедленно уходить оттуда и стать гдѣ бы то ни было, только подаль отъ границы и тыломъ ко Франціи. Характеръ войны обозначился: изъ наступательной, какою она была первоначально задумана, она становилась оборонительною. Можно ли было единственную боевую армію Франціи, при такихъ обстоятельствахъ, прижать къ границѣ въ то время какъ ее ежеминутно могли отрѣзать отъ внутренней страны громадныя полчища вторгшагося непріятеля? Маршалъ Базенъ простоялъ у Меца дней десять не вѣдая что во флангѣ у него массируются страшныя силы, и не пытался даже помѣшать переправѣ ихъ черезъ Мозель. Онъ надумался уходить когда уже было поздно. Непріятель, тоже случайно промѣшкавшій, употребилъ всѣ усилія чтобы поправить свою ошибку, и его передовыя колонны наконецъ зацѣпили и задержали французскую армію. Нѣтъ ничего мудренаго что отборныя войска Франціи въ битвахъ подъ Мецемъ дрались хорошо, и несмотря на безпрерывно прибывавшія силы непріятеля, все-таки удерживали свои позиціи. Но пока шли эти битвы, непріятельскія массы окружили Базена со всѣхъ сторонъ, и наконецъ заперли въ тѣсномъ пространствѣ подъ крѣпостью. Въ своихъ депешахъ въ Шалонскій лагерь, обнародованныхъ въ послѣдствіи временнымъ правительствомъ, маршалъ Базенъ выражаетъ наивное удивленіе что его обходятъ. „Непріятель все усиливается вокругъ меня.“ „Непріятель повидимому устраиваетъ батареи которыя должны послужить ему для усиленія блокады.“ „Онъ безпрерывно получаетъ подкрѣпленія.“ „Непріятель повидимому начинаетъ окружать насъ.“ Проницательный полководецъ только послѣ сраженій при Марсъ-Латурѣ и Гравелоттѣ догадался что его окружаютъ. Онъ только тутъ убѣдился что непріятель съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло располагаетъ достаточными войсками. Оставшись взаперти подъ Мецемъ, Базенъ то и дѣло слалъ въ Шалонскій лагерь черезъ лазутчиковъ депеши требуя чтобъ его высвободили изъ заключенія. И вотъ, благодаря его настояніямъ, задуманъ былъ безумный походъ съ наскоро набранною арміей черезъ Седанъ... Франція ему обязана позоромъ этого дѣла. Вотъ стратегическая служба которую онъ сослужилъ своему отечеству! Теперь совершаетъ онъ новый подвигъ сдачи ста-семидесяти-тысячной арміи вмѣстѣ съ главнымъ арсеналомъ Франціи. Нѣтъ, какъ ни прославляютъ въ Лондонѣ этого доблестнаго маршала, но Франціи, для того чтобы возстановить честь своей исторіи и имѣть возможность дальнѣйшаго существованія, надобно смыть съ себя и маршала Базена, и тотъ порядокъ вещей которымъ онъ созданъ.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ сидѣнія маршала Базена подъ Мецемъ ходили разные фантастическіе слухи о его вылазкахъ. Трудно было повѣрить чтобъ отборная армія какою командовалъ маршалъ Базенъ, превосходно вооруженная и дисциплинированная, не могла пробиться, какъ бы ни было крѣпко и тѣсно обложеніе. Ходили толки что онъ бережетъ себя для какой-то рѣшительной минуты, когда ему придется дѣйствовать. Характеръ пред-

стоявшей ему роли былъ рѣшенъ уже довольно давно. Сѣверо-германскій канцлеръ убѣдился что съ правительствомъ національной обороны столковаться нельзя, а между тѣмъ война, затягиваясь, разстраиваетъ планы побѣдителя и становится въ тягость Германіи. Духъ обороны обнаруженный Парижемъ и патріотическое одушевленіе охватившее Францію не были въ его разчетахъ. И вотъ Франція которая напрягаетъ свои силы на свою защиту объявлена мятежомъ, а потихоньку выдвинута *легальная* Франція находящаяся во власти побѣдителя и покорно ожидающая его милостей. Генералы одинъ за другимъ начали сдавать крѣпости со всѣми военными припасами и даже съ деньгами, а маршалъ Базенъ сталъ понемножку получать продовольствіе которое выставлялось ему на аванпосты и которое онъ похищалъ удалыми наѣздами.

„Странная исторія,“ обнародованная въ одной англійской газетѣ о выѣздѣ изъ Меца генерала Бурбаки, впервые обратила общее вниманіе на двусмысленную роль которую игралъ маршалъ имперіи Наполеона III, именующій себя маршаломъ Франціи.

Услужливые вѣстовщики изощряли свою изобрѣтательность дабы представить положеніе главнокомандующаго запертой въ Мецѣ арміи въ самомъ отчаянномъ видѣ. То писали что обыватели и солдаты громко ропщутъ на упрямаго маршала, что число перебѣжчиковъ постоянно растетъ, что мирные граждане даже захватили его требуя отъ него „скораго и положительнаго“ рѣшенія; то сообщалось что главнокомандующій и готовъ бы капитулировать, но что между генералами имѣется по этому предмету разногласіе, и что всему мѣшаетъ одна воинственно-настроенная партія; далѣе, что маршалъ Базенъ вообще поставленъ межъ двухъ огней, что ему приходится почти ежедневно, для избѣжанія бунта въ войскѣ, перемѣнять офицеровъ въ различныхъ отрядахъ, и что онъ не увѣренъ въ своей личной безопасности. Изъ всего этого выводилось что положеніе въ Мецѣ становится невозможнымъ, и что скоро дѣла должны дойти до развязки. Иные даже опредѣляли день и чуть ли не часъ когда Мецъ сдастся, и съ осаждающей арміи будетъ снята тяжелая обязанность „исполнять должность тюремныхъ стражей,“ а въ одной цитуемой *Крестовою Газетой* корреспонденціи прямо сказано что въ стѣнахъ Меца, *въ послѣдній день* сего мѣсяца, будутъ раздаваться звуки нѣмецкой патріотической пѣсенки *Die Wacht am Rhein*.

Кстати припомнимъ что по свидѣтельству прусскаго офицера, корреспондента *Пештскаго Ллойда*, и въ рядахъ арміи, и въ толпахъ граждамъ въ Мецѣ, громко высказывались подозрѣнія въ измѣнѣ, „такъ какъ всѣ тамъ убѣждены *въ возможности пробиться*,“ и эта увѣренность, по словамъ корреспондента, „раздѣляется также *и прусскими офицерами*.“

Ужели въ одномъ Парижѣ не имѣютъ подозрѣнія? Нѣтъ, и въ Парижѣ напали на слѣдъ махинаціи. По приговору военнаго суда, разстрѣлены три человѣка, и въ числѣ ихъ Наполеоновскій каммергеръ, графъ Кастельбажакъ, „за тайныя сношенія съ непріятелемъ....“

Берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* свидѣтельствуетъ что такъ какъ генералъ Бойе, начальникъ штаба при маршалѣ Базенѣ, отправленный для переговоровъ въ Версаль, видѣлся гораздо болѣе съ графомъ Бисмаркомъ чѣмъ съ военными властями, то, надобно полагать, переговоры велись о политическихъ дѣлахъ, въ которыхъ маршалъ являлся „представителемъ императорскаго регентства.“ Съ другой стороны, отъ 24-го октября, *Hamburgische Börsenhalle* сообщаетъ что Базенъ, — „на котораго, по словамъ этой газеты, *безспорно* надо смотрѣть какъ на послѣдняго представителя императорской Франціи,“ — въ переговорахъ своихъ съ нѣмецкою главною квартирой, выговорилъ немедленное созваніе учредительнаго собранія, требуя притомъ чтобы „было выждано одобреніе императрицы Евгеніи,“ вслѣдствіе чего генералъ Бойе и отправился въ Лондонъ....

Пока въ Версалѣ велись переговоры, въ Вильгельмсгёэ, какъ пишутъ оттуда отъ 20-го октября въ *Кельнскую Газету*, „было замѣчено какое-то *особенное оживленіе*. Съ самаго прибытія плѣннаго императора не было видано подобнаго va „et vient. Докторъ Коно опять поспѣшилъ „къ императрицѣ, въ Лондонъ, г. Ренбо „долженъ былъ выѣхать въ тотъ же вечеръ въ Петербургъ... Въ тотъ же вечеръ возвѣщено было прибытіе значительной личности: флигель адъютанта короля Вильгельма, графа Каница...“

По словамъ *Magdeburger Zeitung*, всѣ офиціозные корреспонденты живущіе въ Берлинѣ получили приказаніе утверждать „что Базенъ имѣетъ болѣе права считаться органомъ власти во Франціи чѣмъ „члены нынѣшняго правительства", и вотъ дѣйствительно всѣ офиціозные корреспонденты нѣмецкихъ газетъ повторяютъ теперь въ одинъ голосъ заданную имъ тему

Times заключаетъ свою выше цитованную статью слѣдующими словами: „Сдача „Меца окажется событіемъ столь важнымъ „и рѣшительнымъ что Базенъ не можетъ „не предвидѣть какъ могущественно должно подѣйствовать его рѣшеніе на его „соотечественниковъ. Базенъ можетъ считать себя единственнымъ человѣкомъ во „Франціи который можетъ заключить миръ „и за себя, и за свою страну, а, что еще „важнѣе, только онъ можетъ спасти Францію отъ возобновленія войны послѣ того „какъ миръ будетъ заключенъ."

Это другими словами значитъ что Базенъ можетъ, въ случаѣ надобности, обратить свою армію противъ Франціи, и утвердить въ ней порядокъ вещей соотвѣтственный видамъ графа Бисмарка и Англіи.

№ 224.

Москва, 17-го октября.

А.

Во всѣ времена и во всѣхъ кодексахъ нравственности цѣнилась высоко преданность отечеству и готовность жертвовать всѣмъ для его обороны отъ непріятеля. Непріятель уважалъ въ непріятелѣ доблесть и поражая его не издѣвался надъ тѣмъ что̀ почтенно для всѣхъ.

Въ исторіи каждаго великаго народа есть страницы которыя чтутся какъ священныя и изъ которыхъ зрѣющія поколѣнія черпаютъ силу народнаго самосознанія и гражданскаго чувства. Въ исторіи нашего народа есть такія завѣтныя страницы. За 250 слишкомъ лѣтъ предъ симъ, наша земля, тогда еще малая и скудная, была вся захвачена вражскимъ нашествіемъ. Рушился престолъ обезславленный самозванцемъ, исчезло правительство, оказалась измѣна въ боярствѣ, не оставалось никакой вооруженной силы. Полчища непріятеля разоряли страну изъ конца въ конецъ, владѣли Москвой, сидѣли въ Кремлѣ. Что̀ же? Благоразуміе требовало покориться. . Однако, нѣтъ! Нашлись люди въ народѣ которые не послушались такого благоразумія, и предпочли биться до послѣдней крайности, не жалѣя ни крови, ни достоянія. Въ украинномъ городѣ тогдашняго Московскаго государства раздался кличъ на защиту Русской земли, и сошлись люди, и собрались приношенія, и составилось ополченіе, и оно билось на смерть съ привыкшими къ побѣдамъ непріятельскими дружинами, и оно одолѣло ихъ, и освободило Москву, и очистило Русскую землю отъ нашествія, и Русская земля изъ глубины гибели вступила послѣ того въ новый болѣе славный періодъ исторической жизни и имена Минина и Пожарскаго хранятся какъ святыня въ благодарной памяти русскаго народа.

Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того Русская земля подверглась новому испытанію. Громадныя силы, собранныя со всей Европы, вторглись въ наши предѣлы, подъ водительствомъ величайшаго военнаго генія. Потребовались великія жертвы, крайнее напряженіе силъ. Торжествующій непріятель, довольствуясь славой побѣды, предложилъ намъ миръ. Но тогда, съ высоты трона, раздались слова которыя золотыми письменами начертаны въ нашей исторіи. Императоръ Александръ I отвѣчалъ что онъ не вступитъ ни въ какіе переговоры о мирѣ пока хотя одинъ непріятель будетъ оставаться въ предѣлахъ Россіи. Кому не извѣстенъ разговоръ государя съ полковникомъ Мишо̀ присланнымъ отъ главнокомандующаго съ донесеніемъ о занятіи Москвы непріятелемъ. „Неужели мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?" спросилъ государь.—„Нѣтъ, они только боятся чтобы вы не заключили мира."—„Вы облегчили мое сердце," былъ отвѣтъ императора Александра I. „Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей Имперіи... Но если судьбой и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ усилія, я лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири нежели подписать стыдъ моего отечества.."

Что̀ это? Предосудительное ли упорство, духъ партіи, или безсмертная доблесть, безъ которой не бываетъ ни великихъ государей, ни великихъ народовъ.

За что̀ же издѣваются и глумятся теперь надъ тѣми людьми во Франціи которые борются съ непріятельскимъ нашествіемъ? За что̀ отзываются о нихъ почти какъ о мятежникахъ и злодѣяхъ? Правительство подвергшее свою страну бѣдствіямъ войны сдалось непріятелю. Страна во власти непріятеля, но являются люди которыя, забывъ всѣ разногласія партій, соединяются въ общее усиліе спасти ея честь. Массы людей поднимаются на ихъ зовъ, начинается народная война, организуется оборона. Въ виду громадности непріятельскихъ силъ, въ виду измѣны которая имъ помогаетъ, можно жалѣть о безплодности патріотическихъ усилій, и называть приносимыя жертвы напрасными: но нельзя ругаться надъ ними, какъ это делаютъ офиціозныя берлинскія газеты. Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Сѣверо-Германской Газеты* (*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*) мы читаемъ удивительныя выходки. Пусть бы этихъ людей во Франціи которые организуютъ національную оборону называла она безумцами; нѣтъ, она выставляетъ ихъ какъ людей дурной партіи, которые должны кончить тѣмъ что пойдутъ въ ссылку. „Ихъ совѣсть," говоритъ означенная газета, „не заботится о бѣд„ствіяхъ страны, они баррикидируются въ „Турѣ, идутъ въ Тулузу, пойдутъ на гра„ницу Пиренеевъ, а оттуда въ изгнаніе, „лишь бы только спасти репутацію послѣ„довательности партіи." Удивительно! Какъ будто оборонять свое отечество до послѣдней крайности есть дѣло партіи! Какое странное ослѣпленіе! Мы понимаемъ что патріотическія усилія одной воюющей стороны не могутъ быть въ интересахъ другой, и что нападающій не можетъ желать энергической обороны, что выгоднѣе имѣть дѣло съ малодушнымъ врагомъ и находить измѣну въ непріятельскомъ лагерѣ; мы понимаемъ что побѣдитель желаетъ извлечь сколь можно болѣе выгодъ изъ своей побѣды; но какъ же отнимать у людей право обороняться, и какъ безчестить ихъ за то что они ничѣмъ не дорожатъ для спасенія чести своей страны?

Статья *Сѣверо-Германской Газеты* которой мы коснулись, замѣчательна еще тѣмъ что она намекаетъ на возможность какого-то уговора между нейтральными дабы установить лучшее правительство во Франціи, то-есть такое которое вполнѣ соотвѣтствовало бы желаніямъ и надобностямъ Пруссіи.

Б.

Во время Крымской войны нейтральная тогда Пруссія, зорко высматривая повсюду собственныя выгоды, сумѣла извлечь большую для себя пользу изъ того обстоятельства что русская морская торговля была сосредоточена въ Мемелѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ и пр. Пруссія даже нашла возможнымъ попользоваться насчетъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ, что̀ нынѣ вполнѣ доказано. Занимая въ свою очередь теперь, въ виду франко-прусской войны, нейтральное положеніе, подумали ли и мы о томъ чтобы хоть отчасти обратить себѣ въ пользу выгоды этимъ положеніемъ представляемыя? Какой, напримѣръ, былъ бы для насъ удобный случай положить начало русскому торговому флоту именно теперь когда германскій флотъ пораженъ бездѣйствіемъ! Мы имѣли возможность дешево купить нѣмецкія торговыя суда и, снабдивъ ихъ русскимъ экипажемъ, высылать въ море. Но повидимому таковъ уже удѣлъ Россіи что ей никакъ не удается сдѣлаться мореходною державой.

Въ продолженіи нынѣшней войны до насъ не разъ доходили изъ Петербурга слухи что нѣкоторыя лица собирались основать судостроительныя и судоходныя компаніи, подъ условіемъ, разумѣется, правительственной процентной гарантіи. Какъ будетъ поведено дѣло когда гарантія правительства получится, объ этомъ, вѣроятно, можетъ дать нѣкоторое понятіе извѣстная исторія о постройкѣ на Шекснѣ, близъ Череповца, мореходнаго корабля въ 600 тоннъ. Это плохо выстроенное судно, которому цѣна не дороже 15.000 р., обошлось въ 60.000, между тѣмъ какъ въ любомъ портовомъ городѣ можно за 30.000 купить гораздо болѣе прочный, новый и такой же величины корабль, снабженный отъ всемірной конторы *Veritas* самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ. Правда, строители обѣщаютъ впредь выстраивать въ Череповцѣ такіе же корабли по 30.000 р. за каждый; но послѣ этого перваго опыта врядъ ли кто обратится къ нимъ съ заказами. Всего любопытнѣе при этомъ то

обстоятельство что на нововыстроенномъ кораблѣ, когда онъ отправился въ путешествіе, всѣ командующіе и весь экипажъ были не-Русскіе. Поэтому онъ едва-ли можетъ даже называться русскимъ кораблемъ, какъ и множество другихъ судовъ выстроенныхъ въ западныхъ гаваняхъ изъ русскаго лѣса и снабженныхъ нѣмецкимъ, датскимъ, голландскимъ и французскимъ экипажами. Въ сущности дѣло не въ томъ гдѣ именно и изъ какого матеріала корабль сооруженъ, на берегу ли Волги, Невы или гдѣ-либо за моремъ; корабль сдѣлается русскимъ лишь когда на немъ будутъ командовать и служить русскіе люди. Вотъ почему образованіе русскихъ моряковъ является дѣломъ первостепенной важности.

Къ сожалѣнію, дѣло подготовки годнаго личнаго состава для морскихъ судовъ у насъ въ совершенномъ забросѣ. Объ этомъ дѣлѣ теперь некому имѣть попеченіе. Заботы о немъ, какъ и вообще о торговомореходныхъ интересахъ, распредѣлены чуть ли не по всѣмъ министерствамъ, изъ коихъ каждое дѣлаетъ частицу дѣла и ни одно не считаетъ себя призваннымъ обратить на него болѣе или менѣе пристальное вниманіе. Послѣдствія этого порядка у всѣхъ предъ глазами: не только ни съ какой стороны не видно серіознаго старанія о томъ чтобы самостоятельно насадить и развить у насъ это дѣло, но мы упускаемъ изъ рукъ, какъ выше замѣчено, даже столь рѣдкіе и удобные случаи для обзаведенія себя по сходной цѣнѣ торговыми судами какіе въ избыткѣ представляла и представляетъ нынѣшняя война.

Поучительнымъ для насъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могли бы послужить Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, которые, при всей своей блистательной и богатой обстановкѣ у нихъ торгово-мореходнаго дѣла, сочли за нужное воспользоваться настоящею минутой чтобъ еще болѣе обогатить свой торговый флотъ. Читатели припомнятъ что почти при самомъ началѣ войны, вскорѣ послѣ того какъ французское правительство сдѣлало распоряженіе о блокадѣ прусскихъ портовъ, президентъ Грантъ предписалъ дипломатическимъ агентамъ республики при иностранныхъ дворахъ чтобъ они всячески способствовали Американцамъ которые бы пожелали, въ виду представляющихся большихъ выгодъ, купить гдѣ-либо торговыя суда.

Недавно въ нашей газетѣ была напечатана корреспонденція изъ Одессы, въ которой ярко изображено положеніе нашего каботажнаго судоходства на Черномъ морѣ, до сихъ поръ еще крайне печальное. Тамошнія суда строятся плотниками никогда не видавшими правильнаго кораблестроенія и не умѣющими разбирать чертежей. Эти суда безпрестанно выбрасываетъ на берегъ или разбиваетъ при толчкѣ о твердый грунтъ. Оттого большинство ихъ не можетъ найти выгодныхъ грузовъ и принуждено заниматься перевозкой лѣса, служа какъ бы дополненіемъ къ рѣчнымъ плотамъ. Шкипера этихъ судовъ, начинающіе свою морскую карьеру съ должности поваренка при экипажѣ, безъ всякаго обученія, безъ должнаго руководства, однимъ долгимъ трудомъ собственной смѣтки переходятъ изъ числа матросовъ на эту высшую должность. Нашъ корреспондентъ справедливо сѣтуетъ что сколько-нибудь порядочныя „русскія суда „переполняются теперь Греками и Славя„нами, которымъ мы можемъ сочувство„вать какъ нашимъ единовѣрцамъ и со„племенникамъ, но занятіе которыми *на„шихъ мѣстъ на нашихъ судахъ* не должно „быть и не можетъ быть для насъ пріятно.“

Недавно еще представился случай оказать значительную помощь нашему каботажному судоходству по Черному морю. Извѣстно что русскіе форты на восточномъ берегу Чернаго моря, оставленные нами во время восточной войны, снова заняты нами послѣ покоренія Кавказа. Эта береговая полоса имѣетъ для насъ политическое значеніе; надо всячески призывать туда русское населеніе, которое имѣло бы всѣ права занять самыя лучшія земли и промыслы на восточномъ берегу Чернаго моря. Дѣло это идетъ однако туго. Анапа, Новороссійскъ и другіе городки понемногу оживляются, но около нихъ заводится мало новыхъ поселковъ; это лишь слабыя попытки, о которыхъ много любопытнаго передалъ читателямъ нашъ почтенный корреспондентъ *Съ береговъ Чернаго моря* (См. *Совр. Лѣт.* № 32). Какъ бы то ни было впрочемъ, поселки возникаютъ и предполагается содѣйствовать ихъ заведенію. Что же мы видимъ? Сообщеніе между этими поселками восточнаго берега Чернаго моря очень затруднительно по береговой полосѣ, стѣсненной горами, часто отвѣсно обрывающимися надъ моремъ, и

пересѣченной глубокими ложбинами горныхъ рѣкъ и ручьевъ. Оттого оно производится почти исключительно моремъ. Вторичное занятіе кавказскаго черноморскаго прибрежья повидимому должно бы способствовать развитію русскаго черноморскаго каботажа. Онъ могъ бы дать заработки азовскимъ морякамъ и вызвать ихъ на улучшеніе и увеличеніе числа ихъ судовъ. Въ то же время онъ могъ бы содѣйствовать населенію берега русскими людьми, что безъ правильнаго каботажа не пойдетъ успѣшно.

Намъ сообщаютъ, однако, изъ источниковъ повидимому достовѣрныхъ, что заселеніе кавказскаго черноморскаго прибрежья почти вовсе не привело къ расширенію русскаго каботажа. Обстоятельства сложились такъ что онъ перешелъ преимущественно не въ руки русскихъ судохозяевъ. Хотя число ихъ вовсе не мало, особенно въ портахъ Азовскаго моря, но случилось такъ что для учрежденія морскаго сообщенія по восточному черноморскому берегу обратились за границу. Читатель можетъ-быть полагаетъ что и здѣсь, какъ на сѣверномъ прибрежьи того же моря, *наши мѣста* на судахъ заняли наши единовѣрцы и единоплеменники, Греки и Славяне. Нѣтъ, здѣсь случилось нѣчто худшее. Мѣстный каботажъ, сообщаютъ намъ, перешелъ въ руки Турокъ, поддерживающихъ сообщенія на феллюкахъ. Мы не знаемъ подъ какимъ флагомъ эти феллюки плаваютъ, и не имѣемъ основанія утверждать что при этомъ нарушаются законы о національности каботажнаго судоходства. Но во всякомъ случаѣ было бы желательно видѣть въ этихъ водахъ настоящій русскій, а не мусульманскій каботажъ, и надобно думать что достигнуть этого было бы не особенно трудно. Турецкія феллюки, сказать кстати, не отличаются удобствами, какъ читатель можетъ узнать изъ помянутыхъ писемъ *Съ береговъ Чернаго моря*.

Неужели подобные факты не заставляютъ серіозно задуматься надъ истинными причинами столь печальнаго хода дѣлъ?

№ 225.

Москва, 19-го октября.

А.

Годъ событій какихъ не запомнитъ исторія! Изумленный и взволнованный, міръ присутствуетъ при борьбѣ исполненной неслыханныхъ пораженій и паденій. Нація стоявшая на верху могущества и военной славы повержена во прахъ однимъ ударомъ, и бьется въ послѣднихъ отчаянныхъ усиліяхъ. Всѣ тайно чувствуютъ что такими событіями никогда ничто не завершается, не успокоивается, не кончается; всѣ смутно и тревожно сознаютъ что такими событіями можетъ только открыться эра великихъ потрясеній долженствующихъ измѣнить лицо міра. Во глубинѣ сердецъ пробуждаются невольно тѣ призывы которые молчатъ въ спокойныя времена, и которыхъ бездѣйствіе такъ часто сопровождается разслабленіемъ общественной нравственности, упадкомъ народнаго духа, измельченіемъ людей. Событія совершаются въ дали отъ насъ, и мы повидимому ничѣмъ не замѣшаны въ нихъ, но въ мірѣ все связано если не прямо, то косвенно, черезъ множество ускользающихъ отъ взора путей....

Предъ этимъ разгромомъ, предъ этимъ безславіемъ, предъ этимъ паденіемъ великой страны и позоромъ ея правительства, которое не умѣло ни жить достойно, ни умереть съ честію,—наше чувство ищетъ успокоенія и невольно обращается къ святынямъ своего народа, къ завѣтнымъ эпохамъ его исторіи, когда и онъ подвергался тяжкимъ испытаніямъ, но съ помощію Божіей выходилъ изъ нихъ обновленный и торжествующій.

И вотъ, дѣйствительно, въ эту минуту, столь знаменательную, раздается съ царственной высоты благодатный призывъ пробуждающій въ русскихъ сердцахъ святое чувство народной чести. Съ невыразимою отрадою внимаемъ мы этому призывному голосу. Въ немъ слышится русскому народу живое ручательство за будущее, какія бы оно ни готовило намъ испытанія...

Отъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича призываются всѣ вспомнить и сказать что кто знаетъ о событіяхъ Севастопольской борьбы, которой живущее нынѣ поколѣніе было свидѣтелемъ. Вотъ что ска-

зано отъ этого имени, столь дорогаго русскому народу:

„Распространеніе въ народѣ вѣрнаго по„ниманія славныхъ страницъ его исторіи „есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его „нравственнаго воспитанія.... Чѣмъ свѣ„жѣе память этихъ страницъ исторіи и „этихъ подвиговъ военной доблести, тѣмъ „яснѣе рисуются образы великихъ людей „и славныхъ дѣлъ каждаго историческаго „событія, тѣмъ сильнѣе слѣдовательно мо„гутъ они быть двигателями нравственна„го вліянія. Однимъ изъ подобныхъ собы„тій новѣйшаго времени для насъ Русскихъ „представляется безспорно Севастополь„ская защита. Смыслъ ея славы есть кар„тина цѣлой эпохи, въ теченіи которой „патріотизмъ каждаго изъ тысячей сева„стопольскихъ защитниковъ является какъ „несокрушимое убѣжденіе и глубокое чув„ство, какъ двигатель къ безграничному „самоотверженію, и наконецъ какъ источ„никъ яснаго, твердаго и благороднаго со„знанія своего долга. Тогда эти нравствен„ныя черты возбуждали священное сорев„нованіе между севастопольскими защит„никами, ежедневно рождали новыхъ ге„роевъ и новые подвиги, и на простран„ствѣ всего государства поддерживали и „облагораживали духъ каждаго Русскаго. „Теперь ихъ назначеніе быть-можетъ еще „святѣе и важнѣе. Онѣ должны составить „лѣтопись цѣльную и полную, и лѣтопись „эту должны читать и перечитывать всѣ „мы, Русскіе, дѣти и внуки наши, дабы „въ ней учиться какъ исполнять нашъ „долгъ....“

„Собравши все что̀ будетъ доставлено,“ говоритъ въ заключеніе это воззваніе, „и „пользуясь уже поступившими въ Севасто„польскій музей драгоцѣнными свѣдѣніями, „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣ„етъ желаніе разработать ихъ и издать въ „такой формѣ и при такихъ условіяхъ что„бы книга о севастопольскихъ подвигахъ „сдѣлалась настольною книгой русскаго „народа и русскаго солдата.“

Ничего не могло быть благовременнѣе этого призыва направляющаго народное чувство и дающаго ему опору. Ничто не можетъ такъ ободрить и возвысить это чувство какъ мысль что будущій вождь народа принадлежитъ ему всею душею, что сердце Его бьется одною съ нимъ жизнію, что для Него святы страницы народной славы, что Онъ исполненъ вѣры въ призваніе своей страны. Вѣра эта хранится въ нашихъ сердцахъ, но, надобно сознаться, она хранится слишкомъ бездѣйственно во времена мира и пробуждается только въ роковыя годины испытаній. Минуютъ онѣ, и мы разсыпаемся во прахъ, мы теряемъ всякую почву и отрекаемся отъ себя. Мы забываемъ какой страны мы дѣти, мы живемъ чужимъ умомъ, мы вдохновляемся въ нашихъ дѣйствіяхъ презрѣніемъ къ своему народу и отдаемъ дѣла свои на волю всякаго случая, а себя на жертву всякаго обмана. Только удары испытаній приводятъ насъ въ разумъ, только грянувшій громъ заставляетъ насъ перекреститься; только тогда мы начинаемъ чувствовать что у насъ есть отечество, и что его должно спасать во что̀ бы то ни стало... Примѣръ Цесаревича исполненъ вдохновительныхъ поученій. Надобно во времена мира, а не въ минуты наступившей опасности собираться съ силами, возвышать и просвѣщать наше народное чувство и во всѣ дѣла наши вносить всеоживляющій духъ любви къ странѣ и вѣры въ ея судьбы.

Намъ суждено жить во времена тяжкихъ испытаній которыми рѣшаются судьбы народовъ. Никакой народъ не можетъ сохранить независимое и достойное положеніе въ мірѣ если онъ не являетъ доказательствъ что существованіе его не безплодно для человѣчества, если въ немъ нѣтъ духа животворящаго всякое дѣло, если въ немъ нѣтъ уважающей себя нравственной силы. Никакая матеріальная сила не спасетъ государство отъ крушенія если въ его народѣ бездѣйствуютъ духовные дары человѣческой природы. Матеріальная сила народовъ есть въ наше время только выраженіе нравственной силы.

Случилось такъ что современно съ обнародованнымъ отъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича воззваніемъ къ воспоминаніямъ свидѣтелей Севастопольской борьбы, мы могли помѣстить въ вышедшемъ вчера нумерѣ нашей *Современной Лѣтописи* одушевленный разказъ одного изъ нашихъ друзей о теперешнемъ положеніи этой славной груды развалинъ. Да, и доселѣ Севастополь остается въ развалинахъ.... „И теперь еще,“ говоритъ авторъ статьи, „знаменитый городъ сохраняетъ „тотъ отпечатокъ города руинъ который „приданъ ему въ тяжелую годину испыта„нія Россіи неимовѣрными усиліями четы„рехъ союзныхъ державъ. Все въ немъ

„какъ бы отторгнуто отъ своего назначе„нія; дары природы лежатъ втунѣ, сооружеpopulated „женія искусства разнесены на части, и „милліонныя постройки служатъ лишь па„мятниками разрушенія.... И будутъ сто„ять эти развалины,“ такъ заключаетъ авторъ свой очеркъ, „до тѣхъ поръ пока не „родится новый севастопольскій флотъ или „не разовьется коммерческое значеніе Се„вастопольскаго порта....“

Б.

Въ англійскихъ газетахъ теперь съ полною откровенностью объясняются переговоры которые начаты были маршаломъ Базеномъ чрезъ посредство начальника его штаба, генерала Бойе, въ главной прусской квартирѣ въ Версалѣ. *Times* съ особеннымъ удареніемъ заявляетъ что маршалъ Базенъ продолжалъ удерживать Мецъ въ качествѣ слуги бывшаго императора, не признавая правительства національной обороны. Поэтому онъ, какъ удостовѣряетъ берлинскій корреспондентъ той же газеты, и вступилъ въ переговоры съ Германіей не только независимо отъ республиканскаго правительства, но и въ прямой оппозиціи съ нимъ. Въ связи съ этимъ органъ города Лондона припоминаетъ что немедленно послѣ капитуляціи Седана было графомъ Бисмаркомъ объявлено что Германія готова будетъ признать „всякое правительство которое согласилось бы на ея условія.“ При такихъ то обстоятельствахъ и возникъ слѣдующій удивительный (*wonderful*) планъ. Императрица Евгенія, какъ законная власть, имѣла бы возвратиться въ Версаль или въ другую часть Франціи занятую нѣмецкими войсками, и въ качествѣ регентши подписала бы мирный трактатъ уступающій Альзасъ и Лотарингію, одновременно со сдачей Меца маршаломъ Базеномъ. Имѣя въ своихъ рукахъ Мецъ и Страсбургъ и получивъ номинальную уступку Альзаса и Лотарингіи, Нѣмцы озаботились бы закрѣпить эти провинціи, между тѣмъ какъ маршалъ Базенъ со своею арміей, давъ слово не сражаться противъ Германіи, перешелъ бы на сторону императрицы и пособилъ бы ей возстановить имперію. Называя планъ этотъ прекраснымъ въ теоріи, англійская газета безцеремонно замѣчаетъ что опытность пріобрѣтенная маршаломъ Базеномъ въ Мексикѣ, когда онъ поддерживалъ Максимиліана, была бы употреблена съ прямою пользой на возстановленіе имперіи во Франціи.

Вотъ какъ явно и безстыдно показываются теперь нити интриги на которую уже давно обратили мы вниманіе. Догадка оправдывается, и какъ изъ словъ газеты *Times*, такъ и изъ темныхъ переговоровъ маршала Базена, завершившихся неслыханнымъ позоромъ, обнаруживается ясно что между графомъ Бисмаркомъ и сдавшимся императоромъ состоялось соглашеніе которое грозитъ новою гибелью и безъ того раздавленной Франціи. Это соглашеніе было свѣдомо въ Англіи, ибо не даромъ же расточались въ *Times* похвалы маршалу Базену, какъ единственному человѣку имѣющему возможность заключить миръ „для себя и для своей страны.“

Почему же, однако, этотъ прекрасный и удивительный планъ, свидѣтельствующій, по мнѣнію *Times*, что графъ Бисмаркъ сознаетъ предстоящія затрудненія отъ продолженія войны, теперь такъ явно обнаруживается якобы оставленный и неудавшійся? Два обстоятельства, говоритъ *Times*, были гибельны для его успѣха. Армія въ Мецѣ была де, пожалуй, согласна сражаться противъ Германіи подъ начальствомъ маршала, не заботясь о томъ чьему правительству онъ служитъ, но она вовсе не желала драться противъ Французовъ за возстановленіе имперіи. Другимъ препятствіемъ было будто бы несогласіе императрицы, которая находила унизительнымъ принять престолъ при такихъ обстоятельствахъ. На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ сильно настаиваютъ и другія англійскія газеты, какъ-то *Daily Telegraph* и *Daily News*.

Замѣчательно, однако, что англійскія газеты говорятъ такимъ образомъ еще ничего не зная о послѣдовавшей капитуляціи Меца. Изъ сопоставленія же этихъ двухъ обстоятельствъ мы вовсе не видимъ чтобъ означенный „удивительный“ планъ можно было считать оставленнымъ. Такъ какъ маршалъ Базенъ рѣшился выдать непріятелю *сто пятидесятитысячную* армію, то по всему вѣроятію между бонапартовскимъ маршаломъ и графомъ Бисмаркомъ уже порѣшены всѣ предварительные пункты соглашенія. Заботы же выгородить имя императрицы изъ этихъ постыдныхъ и измѣнническихъ переговоровъ имѣютъ,

можетъ-быть, единственною цѣлію сдѣлать для ней возможнымъ возвращеніе во Францію. Все будетъ сдѣлано безъ ея участія и даже вопреки ея протесту, а потому для ея достоинства и не будетъ унизительно подчиниться результату происшедшему помимо ея воли. Англійскія газеты продолжаютъ играть предъ Франціей и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы ту же самую двуличную роль какою онѣ отличались съ самаго начала войны...

Въ связи со всѣмъ этимъ странно то что до сихъ поръ вотъ уже три дня телеграфъ не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о капитуляціи Меца, и даже о томъ когда и какъ произошла сдача крѣпости.

№ 226.

Москва, 20-го октября.

А.

Телеграфъ, продолжавшій въ продолженіе четырехъ дней упорно молчать о подробностяхъ сопровождавшихъ сдачу Меца, лишь сейчасъ, въ 4 часа ночи съ 20-го на 21-е, сообщилъ объ этомъ важномъ событіи извѣстіе пришедшее въ Берлинъ окольнымъ путемъ черезъ Лондонъ, заимствованное изъ тамошней газеты вышедшей въ свѣтъ почти за двое сутокъ предъ симъ (именно около 7 часовъ утра 19-го октября), и притомъ извѣстіе двусмысленное, заключающее въ себѣ можетъ-быть отчасти отчетъ о совершившемся фактѣ, отчасти программу или церемоніалъ предварительно установленный. Прямаго извѣстія о днѣ 29-го октября въ Берлинѣ изъ Меца еще повидимому не получено, или по крайней мѣрѣ оно не предоставлено гласности черезъ телеграфъ. Сообщая о томъ какъ тамъ или тутъ были побѣдоносно разогнаны *франъ-тирёры*, берлинскій телеграфъ, имѣющій теперь монополію политическихъ извѣстій для материка Европы, соблюдаетъ таинственность относительно обезоруженія ста пятидесяти-тысячной арміи и самой сильной французской крѣпости, главнаго арсенала Франціи. Первоначально извѣщалось что сдача Меца послѣдуетъ 27-го октября; затѣмъ, въ отмѣну этого извѣстія, изъ главной квартиры было извѣщено что актъ этотъ отсроченъ и что сдача арміи и крѣпости послѣдуетъ 29-го. Но вотъ наступило и уже истекло 1-е ноября н. ст., а прямыхъ и ясныхъ извѣстій о сдачѣ нѣтъ какъ нѣтъ. Получена загадочная телеграмма опровергающая, со словъ офиціозной, но не офиціальной *Крестовой Газеты*, распространившіеся слухи о сопротивленіи которое оказано было со стороны гарнизона Меца при сдачѣ крѣпости, и въ то же время эти самые слухи, съ присоединеніемъ подробностей подтверждаются изъ Лондона, а г. Гамбетта въ своей прокламаціи прямо говоритъ что мецкая армія отстранила свои руки отъ „проклятой капитуляціи." Какъ понять это противорѣчіе извѣстій о событіи такой важности? Намъ пишутъ что мецкая армія подвинута была къ сдачѣ обманомъ; говорятъ, ее увѣрили что уже заключено перемиріе, однимъ изъ условій котораго была сдача Меца.

Не менѣе страннымъ кажется „пущенный на берлинской биржѣ слухъ" о покушеніи учиненномъ противъ особы короля, причемъ генералъ фонъ-Роонъ былъ де раненъ. Самый слухъ сохранялся въ величайшемъ секретѣ, хотя былъ оглашенъ въ берлинской *Биржевой Газетѣ*, вышедшей вчера. Намъ дается знать объ опроверженіи онаго, послѣдовавшемъ на другой день со словъ супруги генерала фонъ-Роона, что „мужъ ея совершенно здоровъ," какъ будто въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ Берлинъ находился въ неизвѣстности о предметѣ такого слуха, пока наконецъ 20-го октября, въ одиннадцатомъ часу ночи, не было получено прямое опроверженіе его изъ Версаля.

Вниманіе обращаетъ на себя также телеграмма изъ Брюсселя извѣщающая что генералъ Бойе, парламентеръ маршала Базена, помѣстилъ въ *Indépendance belge* письмо коимъ протестуетъ противъ нареканій взводимыхъ г. Гамбеттой на мецкую армію. Г. Бойе утверждаетъ что она вынуждена была къ капитуляціи не инымъ чѣмъ какъ голодомъ. Но еслибъ оно было и такъ, то врядъ ли это можетъ сколько-нибудь облегчить ту тяжкую отвѣтственность которая падаетъ на предводителей этой арміи предъ судомъ страны ими обезславленной и предъ судомъ безпристрастной Европы. Полутораста-тысячной арміи, владѣвшей такою неприступною твердыней какъ Мецъ, отнюдь не подобало сидѣть сложа руки слишкомъ два мѣсяца за стѣнами, почти не выходя въ поле, не дѣ-

лая никакихъ серіозныхъ попытокъ пробиться сквозь ряды осаждающаго непріятеля, и объѣдая крѣпостной гарнизонъ, который еще долго, конечно, могъ бы держаться въ стѣнахъ Меца еслибъ его запасы не были истреблены расположившеюся вокругъ него и бездѣйствовавшею арміей. „Непріятель коему мы сдались,“ пишетъ генералъ Бойе, „былъ голодъ.“ Но какъ же было доводить до такого состоянія многочисленную, превосходно-вооруженную и храбрую армію? Дѣло арміи не сидѣть на мѣстѣ и уничтожать свой провіантъ безъ остатка, пока голодъ заставитъ ее сложить оружіе; ея дѣло — сражаться не съ голодомъ, а съ непріятелемъ, и еслибъ она, истощивъ послѣднія усилія, изнемогла въ неравной борьбѣ, то по крайней мѣрѣ она бы спасла этимъ честь своего знамени, честь своей страны. Дѣйствительно, сдача слишкомъ полуторастатысячной арміи при тѣхъ условіяхъ при коихъ сдалась армія маршала Базена есть неслыханный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ войны скандалъ. Названіе „измѣна“ для такого дѣйствія еще слишкомъ мягко. Нація подъ бременемъ такого двойнаго безчестья какъ Седанъ и Мецъ почти перестаетъ существовать, если она не сможетъ смыть съ себя этотъ позоръ.

Тѣмъ временемъ прусскія газеты заранѣе трубятъ побѣду, распредѣляя отдѣльныя части освободившейся изъ-подъ Меца арміи принца Фридриха-Карла по тѣмъ пунктамъ французской территоріи которые уже теперь заняты Пруссаками, и прибавляя что у Франціи должно отнять „послѣдній лучъ надежды“ на благопріятный для нея исходъ затѣваемой ею „отчаянной борьбы.“ Дальнѣйшая защита Парижа можетъ быть внушена, какъ выражается прусская печать, однимъ лишь „неисправимымъ ослѣпленіемъ,“ и горько сѣтуетъ что такое ослѣпленіе, повидимому, продолжается. Какъ бы то ни было, утѣшаетъ себя *Государственный Указатель*, капитуляція Меца доставляетъ въ нѣмецкія руки важнѣйшій пунктъ, обладаніе которымъ будетъ имѣть значеніе при „возможности“ возобновленія переговоровъ о перемиріи; сверхъ того, въ немъ германскому оружію, послѣ 318-ти-лѣтняго французскаго занятія, возвращенъ самый крѣпкій пунктъ на линіи Мозеля, который, служа досель исходною точкой французскихъ нападеній противъ восточнаго сосѣда, съ военно-стратегической точки зрѣнія необходимо долженъ (absolut nothwendig) отнынѣ быть удержанъ въ нѣмецкихъ рукахъ какъ оборонительный оплотъ (defensives Bollwerk)...

Б.

Въ западномъ краѣ русская преобразовательная дѣятельность находится въ полномъ усыпленіи. За послѣднее время замолкла даже рѣчь о какихъ-либо серіозныхъ, дѣйствительныхъ мѣрахъ къ освобожденію тамошняго католичества отъ польской народности, хотя чрезвычайная важность этой задачи признана правительствомъ. По крестьянской реформѣ всѣ новости ограничиваются нѣсколькими экзекуціями въ юго-западномъ краѣ и изданіемъ въ Вильнѣ брошюръ въ родѣ брошюры г. Славутинскаго: *Пастьбищный сервитутъ*.

Остановилось теперь всякое движеніе даже по вопросамъ въ которыхъ не возникало никакого разногласія, напримѣръ по вопросу объ устройствѣ православныхъ храмовъ. Всѣ признавали что нѣтъ возможности оставлять православные храмы западнаго края въ видѣ ветхихъ, крытыхъ соломою сараевъ, которые лишь по кресту можно было признать за церкви. И все-таки постройка и возобновленіе церквей въ западномъ краѣ остановились теперь. Суммы ассигнуемыя на это дѣло назначаются на окончаніе начатыхъ построекъ, но сооруженіе новыхъ храмовъ и приступъ къ новымъ поправкамъ, какъ намъ сообщаютъ, отложены. Поводомъ къ тому послужило постановленіе 16-го апрѣля 1869 года о сокращеніи приходовъ.

Вопросъ о сокращеніи приходовъ вообще весьма сложный, требуетъ собранія многочисленныхъ свѣдѣній и многоразличныхъ соображеній и еще не вѣсть когда подвинется впередъ. Въ самомъ законѣ 16-го апрѣля сказано что къ сокращенію приходовъ и уменьшенію состава причтовъ слѣдуетъ приступать не одновременно, а постепенно. Наконецъ въ отношеніи къ западному краю, едва ли вообще такое сокращеніе представляется умѣстнымъ. Сократить приходы полагается малолюдные, но такихъ въ западномъ краѣ почти не имѣется. Вообще не слѣдовало бы, кажется, распространять на западный край предположеніе о сокращеніи приходовъ, а тѣмъ менѣе пріостанавливать, по поводу

предположенія, начатое дѣло постройки новыхъ и исправленія старыхъ храмовъ. Трудно даже предвидѣть когда окончится собраніе канцелярскимъ путемъ различныхъ свѣдѣній, то первоначальныхъ, то дополнительныхъ, и когда будетъ рѣшено быть или не быть такимъ-то приходамъ.

Задержка произошла нынѣ и по надѣленію православныхъ причтовъ землею и по постройкѣ помѣщеній для нихъ. Въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, православное духовенство не получило еще поземельнаго надѣла; тамошніе священники и причетники живутъ въ наемныхъ комнатахъ, иногда у Евреевъ-шинкарей. Происходитъ это оттого что до настоящаго времени остается неисполненнымъ законъ 20-го іюля 1842 года, подтвержденный 18-го декабря 1864 года и возлагавшій на владѣльцевъ населенныхъ имѣній обязанность надѣлить причты землею (до надлежащаго размѣра) и устроить для нихъ помѣщенія. Такъ какъ духовенство не получило ни земли, ни домовъ, то возникъ вопросъ о приведеніи въ извѣстность недоимокъ по сему предмету и о порядкѣ взысканія ихъ. Составленныя по другому случаю еще покойнымъ генераломъ Безакомъ правила были переданы для обсужденія въ особую коммиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составленную изъ членовъ различныхъ министерствъ. Недавно въ *Кіевлянинѣ* было передано извѣстіе что эта коммисія окончила свои занятія. Выработанный коммиссію проектъ опубликованъ въ сегодняшнемъ № *Биржевыхъ Вѣдомостей* и вскорѣ будетъ разсмотрѣнъ въ законодательномъ порядкѣ. Повидимому, вопросъ идетъ къ разрѣшенію, но нельзя не опасаться что въ сущности будетъ не то.

Означенная коммиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Прежде всего она обратила вниманіе на то что при составленіи проектированныхъ генераломъ Безакомъ правилъ имѣлось въ виду что земельный надѣлъ духовенства и сооруженіе зданій для помѣщенія причта должны быть произведены примѣнительно къ штатамъ изданнымъ послѣ 1848 года для приходовъ западныхъ губерній, тогда какъ 16-го апрѣля 1869 года Высочайше повелѣно нѣкоторыя изъ прежнихъ приходскихъ должностей вовсе упразднить, другія же не считать штатными. Такъ отмѣняется должность просфирень; полагается при приходахъ лишь по одному штатному псаломщику, содержаніе же діаконовъ и большаго числа псаломщиковъ предоставляется усмотрѣнію самихъ прихожанъ и относится исключительно на ихъ средства. Коммиссія, какъ слышно, находитъ что взысканіе означенныхъ недоимокъ должно производиться только сообразно опредѣленному законмъ 16-го апрѣля 1869 года составу причтовъ и притомъ лишь по отношенію къ тѣмъ приходамъ которые не подлежатъ упраздненію. Затѣмъ, по отношенію къ приходамъ, существовавшимъ до 19-го февраля 1861 года, считается справедливымъ отнести пополненіе недоимокъ вполнѣ на нынѣшнихъ владѣльцевъ имѣнія (будутъ ли то наслѣдники не исполнившихъ въ сороковыхъ годахъ своихъ обязанностей владѣльцевъ, или казна и новые владѣльцы имѣній пріобрѣтшіе ихъ покупкой), съ приглашеніемъ крестьянъ лишь къ нѣкоторому участію въ этомъ дѣлѣ, возложеніемъ на нихъ вырубки лѣса и вывозки матеріаловъ къ мѣсту работъ, такъ какъ это было бы возложено на нихъ и въ 1842 году, еслибы владѣльцы имѣній исполнили возложенныя на нихъ закономъ 20-го іюля 1842 года обязанности. По отношенію же къ приходамъ, устроеннымъ съ 19-го февраля 1861 года, предполагается что обязанность пополненія означенныхъ недоимокъ слѣдуетъ возложить въ равной мѣрѣ и на крестьянъ прихода и на владѣльцевъ, сообразно количеству владѣемой тѣми и другими земли.

Нельзя не одобрить мысли о возможномъ сокращеніи и облегчительномъ взысканіи довольно вѣскихъ недоимокъ, за которыя приходится отвѣчать, спустя почти 30 лѣтъ по изданіи закона. Поэтому предположеніе исчислять недоимки сообразно составу причтовъ не 1843 года, а опредѣленному 16-го апрѣля 1869 года кажется дѣломъ вполнѣ справедливымъ. Но едва ли правильно ставить этотъ вопросъ въ совершенную зависимость отъ времени и способа исполненія постановленія 16-го апрѣля 1869 года относительно сокращенія приходовъ. Еслибъ и было признано удобнымъ, въ чемъ мы очень сомнѣваемся, сокращеніе нѣкоторыхъ штатныхъ приходовъ въ западномъ краѣ, то во всякомъ случаѣ число такихъ сокращенныхъ приходовъ будетъ ничтожно въ сравненіи съ остающимися.

Не можемъ не обратить вниманія на то

обстоятельство что ко внесенію этихъ, по опредѣленію коммиссіи довольно тяжелыхъ, недоимокъ, будутъ вѣроятно призваны *всѣ настоящіе* владѣльцы имѣній. Справедливо чтобы наслѣдники отвѣчали за неисполненіе обязанностей возлагавшихся на тѣхъ, отъ кого дошло къ нимъ наслѣдство; то возможно ли привлекать къ отвѣтственности новыхъ владѣльцевъ купившихъ имѣнія вслѣдствіе вызова правительства къ переселенію въ западный край? Эти лица не были предупреждены при покупкѣ о готовившемся для нихъ сюрпризѣ въ видѣ взысканія недоимокъ, накопившихся по винѣ прежнихъ владѣльцевъ и еще болѣе по винѣ администраціи. Говорятъ что уже заявленъ протестъ членомъ коммиссіи отъ удѣльнаго вѣдомства, которое пріобрѣло около 100.000 дес. въ Кіевской губерніи изъ числа имѣній графовъ Браницкихъ. Желая по возможности облегчить взысканіе недоимокъ, коммиссія, какъ мы слышали, предположила постановить что годичный размѣръ денежнаго взысканія не долженъ превышать для помѣщиковъ—годоваго размѣра уплачиваемыхъ владѣльцами польскаго происхожденія %, сборовъ съ доходовъ имѣній; для крестьянъ—одной трети платимыхъ ими въ годъ выкупныхъ платежей. Но такое облегченіе едва ли будетъ достаточно для новыхъ владѣльцевъ въ западномъ краѣ. Справедливость требуетъ совершенно освободить ихъ отъ отвѣтственности за тридцатилѣтнія упущенія администраціи.

№ 227.

Москва, 21-го октября.

Нѣсколько дней тому назадъ въ *Сѣверо-Германской Газетѣ* (*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*) появилось безыменное письмо какого-то нашего соотечественника изъ Петербурга. Письмо это похваляетъ Россію за услуги оказанныя ею Пруссіи въ нынѣшнюю войну, и признаетъ права Россіи на балтійскія губерніи. Слава Богу! Есть по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ добрыя души которыя отдаютъ справедливость Россіи и признаютъ ея права на принадлежащія ей провинціи... „Образъ дѣйствій Россіи, въ продолженіе теперешней войны," говоритъ неизвѣстный петербургскій корреспондетъ,—„безъ сомнѣнія, совершенно добросовѣстенъ. *Наше* правительство не только само соблюдало благосклонный нейтралитетъ, но побудило къ тому же и другіе кабинеты. Не опасаясь впасть въ преувеличеніе, мы полагаемъ что вооруженія Австріи остановлены вслѣдствіе *нашей* политики.... Это горячее сочувствіе къ нѣмецкому дѣлу, и весь образъ дѣйствій (Gesammtverhalten) Россіи съ признательностью оцѣнены всѣми безпристрастными и лойяльными нѣмецкими газетами. Тѣмъ болѣе можетъ показаться страннымъ что аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, продолжаетъ въ особыхъ статьяхъ, раздувать ненависть и недовѣріе къ Россіи и ея политическимъ дѣятелямъ. Авторомъ этихъ статей оказывается извѣстный своею ненавистью къ Пруссіи ученый человѣкъ, трудящійся въ пользу австрійскихъ интересовъ и обсуждающій дѣла Россіи съ точки зрѣнія вѣнскихъ кофейныхъ заведеній. По его мнѣнію, Россія есть страшилище не только для Турціи, но и для Германіи.... Честь высказывать письменно подобныя нелѣпости принадлежала до сихъ поръ одному извѣстному Англичанину Уркарту...

„Съ другой стороны, кажется немыслимо чтобы между Россіей и Германіей могли когда-нибудь возникнуть серіозныя затрудненія. Между великими интересами обѣихъ державъ нѣтъ никакого противорѣчія. Германія не владѣетъ никакими русскими, а Россія никакими нѣмецкими провинціями. Нѣмецкіе сожители русскихъ балтійскихъ провинцій принадлежатъ къ лучшимъ русскимъ патріотамъ. Что касается жалобъ на мнимыя притѣсненія нѣмецкой національности въ этихъ провинціяхъ, то онѣ оказываются страшными (arge) преувеличеніями и непониманіемъ справедливыхъ требованій. Если Россія требуетъ чтобы Нѣмцы остзейскихъ провинцій знакомились съ общеупотребительнымъ въ Имперіи языкомъ, то *это требованіе также справедливо* какъ и настоянія прусскаго правительства чтобы Поляки, Кашубы и Венды учились по-нѣмецки."

Такъ хорошо выражается о Россіи и о ея правительствѣ означенный корреспондентъ, и это изліяніе доброй петербургской души удостоилось помѣщенія въ газетѣ сѣверо-германскаго канцлера. Весьма пріятно было прочесть вышеписанныя

строки, однако нельзя не замѣтить что такого рода демонстративныя письма принимаемыя газетой въ свои столбцы обыкновенно сопровождаются какимъ-нибудь объясненіемъ отъ редакціи. Органъ графа Бисмарка не высказался въ этомъ случаѣ, и потому никто въ Германіи не имѣетъ права считать эту газету солидарною съ мнѣніями изложенными въ случайномъ письмѣ, которое она пустила въ свои столбцы.

За симъ мы осмѣлимся предложить автору письма нѣкоторые вопросы не лишенные интереса для русской публики. Онъ говоритъ о „признательности" съ какою отзывались о поведеніи Россіи „всѣ безпристрастныя и *лойяльныя* нѣмецкія газеты." Почтенный авторъ письма, какъ видно, не слѣдилъ за нѣмецкими газетами, а не то онъ вспомнилъ бы о надменномъ тонѣ съ какимъ, по сигналу *Государственнаго Указателя*, и *Крестовая Газета*, и сама *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* ополчались противъ „дряхлой дипломатіи" и „малодушныхъ нейтральныхъ" еще при первыхъ предположеніяхъ о возможности вмѣшательства ихъ для прекращенія кровопролитія. Въ *Крестовой Газетѣ* (№ отъ 22-го августа) мы читали статью озаглавленную *Матеріальныя или нравственныя гарантіи*, которая прямо указывала къ кому относятся эти безцеремонные намеки. На совѣты изъ-за границы нечего обращать вниманіе, говорила *Крестовая Газета*; этихъ совѣтовъ наслышались мы вдоволь въ 1815 году; Германіи де нужны въ 1870 тѣ матеріальныя гарантіи которыхъ лишила ее въ 1815 году Россія „*изъ зависти къ прусскимъ побѣдамъ.*"

За ненависть къ Россіи, петербургское письмо въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* призываетъ къ отвѣту аугсбургскую *Allgemeine Zeitung*, которая хотя издается въ южной Германіи, но служитъ теперь однимъ изъ самыхъ ревностныхъ проводниковъ прусской политики и имѣетъ всѣмъ извѣстнаго по своей мѣткѣ офиціознаго берлинскаго корреспондента. Зачѣмъ это? Не затѣмъ ли чтобы дать понять что систематическая вражда къ Россіи проповѣдуется только въ южной, а не въ сѣверной Германіи, и что органомъ этой пропаганды служитъ одинъ какой-то ученый чудакъ, „извѣстный своею ненавистью къ Пруссіи." А не сподручнѣе ли было осмотрѣться въ сѣверо-германской печати и обратить вниманіе на органы руководимые и вдохновляемые политическими людьми Пруссіи, каковы *Крестовая Газета*, *Berliner Post*, *Ostsee-Zeitung*, *Königsberger Zeitung*, и столько другихъ что и не перечислишь по памяти. Стоило бы только заглянуть въ общую всѣмъ этимъ газетамъ рубрику *Russland und Polen*, или *Aus Lifland* и почтенный петербургскій житель убѣдился бы что аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, далеко отстала отъ этихъ органовъ прусской офиціозной гласности въ ихъ систематической пропагандѣ не только недовѣрія, но злобнаго презрѣнія и вражды къ Россіи, къ ея правительству, къ ея народу, къ ея національности, ко всему что свято и завѣтно для человѣка. Россія, по мнѣнію автора письма, имѣетъ такое же право требовать чтобы балтійскіе Нѣмцы знакомились съ русскимъ языкомъ, какое Пруссія чтобы Поляки, Кашубы и Венды учились по-нѣмецки. Мы не знаемъ въ какой степени раздѣляетъ это мнѣніе органъ графа Бисмарка, но мы очень хорошо знаемъ какую бурю подняли во всей прусской печати первыя попытки русскаго правительства въ пользу русскаго языка, на которомъ оно позволило себѣ обращаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ правительствамъ лифляндскому, эстляндскому и курляндскому. Не аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, а берлинскіе органы, и именно одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ, *Крестовая Газета*, первая намекнула по этому поводу что подобныя притязанія русскаго правительства легко могутъ окончиться тѣмъ же чѣмъ кончились притязанія датскаго правительства относительно Нѣмцевъ въ Эльбскихъ герцогствахъ. Не въ южной Германіи, а въ сѣверной образовалась та неистощимая лабораторія клеветы и брани противъ Россіи которую снабжаютъ матеріаломъ наши балтійскіе выходцы. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, при своемъ слишкомъ извѣстномъ отношеніи къ сѣверо-германскому канцлеру, не могла участвовать въ этихъ ругательствахъ; но она ни разу не признала нужнымъ обратиться ни къ одной изъ прусскихъ газетъ съ какимъ-нибудь возраженіемъ по тому или другому вопросу касавшемуся Россіи. Какая надобность до аугсбургской газеты, до статей человѣка „извѣстнаго своею враждой къ Пруссіи," когда столько людей извѣстныхъ своею преданностью Пруссіи ежедневно осыпали Рос-

сію клеветой въ тысячу разъ болѣе ядовитою чѣмъ всѣ элукубраціи баварской газеты? Петербургское письмо помѣщенное въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* говоритъ что „Россія не владѣетъ никакими „нѣмецкими провинціями.“ Но гг. Ширренъ, Боквъ, Эккардтъ e tutti quanti думаютъ иначе; они находятъ что балтійскія провинціи Россіи суть нѣмецкій край, и вся прусская печать вторила имъ, развивала ихъ ученія и служила ревностнымъ органомъ ихъ грубыхъ агитацій, ихъ нахальныхъ интригъ. Посмотримъ много ли газетъ перепечатаютъ или почтутъ хоть однимъ словомъ напечатанное въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сочувственное Россіи письмо изъ Петербурга. „Немыслимо, кажется, чтобы между Россіей и Германіей могли когда-нибудь возникнуть серіозныя несогласія.“ Такъ отвѣчаетъ это письмо на предсказанія аугсбургской газеты. Но то чѣмъ теперь обмолвилась аугсбургская газета говорятъ уже четыре года, въ самомъ Берлинѣ, газеты офиціозныя, напримѣръ *Berliner Post*. Мы напоминали уже что *Крестовая Газета*, по поводу неудавшейся попытки ввести русскій языкъ въ балтійскую администрацію, прямо грозила намъ тою же участью какой подверглась Данія, и эта угроза быстро разошлась по всей нѣмецкой печати. По поводу того же вопроса г. Ширренъ грозилъ намъ что въ силу какого-то историческаго закона, въ роковую для балтійскихъ провинцій минуту, всегда является иностранный „спаситель,“ вслѣдствіе чего мечъ Немезиды уже низвергъ де во прахъ и Польшу и Швецію при первыхъ столкновеніяхъ ихъ съ нѣмецкою національностью въ остзейскихъ провинціяхъ, — и г. Ширренъ былъ провозглашенъ только что не пророкомъ въ восторженныхъ отзывахъ нѣмецкихъ газетъ, а *Крестовая Газета*, какъ бы глумясь надъ Россіей, утверждала что ея правительство затрудняется замѣнить въ Дерптѣ профессора столь полезнаго и краю, и самому правительству. Почему же *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* не отозвалась на эти возмутительныя выходки противъ дружественной страны? Почему и нынѣ не обратится она хоть съ однимъ словомъ упрека къ своимъ берлинскимъ собратамъ, а предпочитаетъ адресоваться съ этимъ словомъ въ Аугсбургъ, къ какому-то чудаку, который хотя быть-можетъ и „извѣстенъ своею враждой къ Пруссіи,“ но въ этомъ случаѣ лишь плетется по слѣдамъ людей извѣстныхъ, напротивъ, своею преданностью прусской политикѣ?...

Въ Гамбургѣ, въ концѣ минувшаго года, появилась брошюра по поводу обмѣна вѣжливостей происходившаго между королемъ прусскимъ и русскимъ посланникомъ, г. Убри, на торжественномъ обѣдѣ которымъ праздновалось дарованіе королю Вильгельму ордена Св. Георгія 1-й степени. Русскимъ посланникомъ было упомянуто объ „узахъ“ установившихся уже съ 1813 года между обоими государями, обоими народами, обѣими арміями. Тотчасъ же появилась брошюра озаглавленная: *Заздравная рѣчь г. Убри, выясненная Пруссакомъ*, съ ироническимъ эпиграфомъ: *In vino veritas*. „Ни прусское общество, ни прусская нація, ни даже прусская армія,“ по словамъ этой брошюры, „не могутъ питать *ко всему русскому*“ иного чувства, кромѣ „самой глубокой антипатіи,“ которую лишь мелькомъ могли обмануть „вылощенныя *à la Potemkine* декораціи“ призрачныхъ реформъ. Въ доказательство что тѣ же чувства *ко всему русскому* господствуютъ и въ правительственныхъ сферахъ Пруссіи, брошюра приводитъ слѣдующую выдержку изъ составленнаго нынѣшнимъ прусскимъ военнымъ министромъ *Руководства къ познанію земель, народовъ и государствъ*. „Образованность Русскихъ,“ сказано въ этомъ *учебникѣ* уже достигшемъ двѣнадцатаго изданія, „во многихъ „отношеніяхъ лишена всякаго христіанско-„европейскаго характера. По большей ча-„сти оказывается она только тонкою обо-„лочкой внѣшняго просвѣщенія на гипер-„борейскомъ варварствѣ, и даже высшіе „классы не имѣютъ тѣхъ строгихъ поня-„тій о нравственномъ достоинствѣ кото-„рыхъ держатся всѣ просвѣщенные наро-„ды.“ Это систематически внушается учащемуся юношеству Пруссіи. Что же удивительнаго если, выйдя изъ школы съ такимъ чувствомъ къ Россіи и развивая его въ продолженіе всей своей жизни подъ вліяніемъ литературы и политической печати пропитанной ненавистью къ Россіи, прусскій патріотъ пріучается видѣть въ ней дикую орду лишенную будущности и находитъ оскорбительнымъ для своего національнаго чувства всякую мысль о какихъ-нибудь „узахъ“ между его отечествомъ и *гиперборейскими варварами* лишенными всякаго „*христіанскаго* и *европейскаго* ха-

рактера,“ всякихъ „понятій о нравственномъ достоинствѣ?“ Для кого, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пріятно и неунизительно братанье съ такими презрѣнными варварами? Упомянутая брошюра является стало-быть естественнымъ отголоскомъ общества которое еще въ школахъ пріучается презирать сосѣдній народъ. Прусскій патріотъ, авторъ цитованной брошюры, привѣтствуя побѣды возвысившія Пруссію въ 1866 году, восторженно восклицаетъ: „Между Пруссіей и Россіей коренится антагонизмъ, котораго взрывъ, долженствующій имѣть всемірно-историческое значеніе, становится отнынѣ лишь вопросомъ „времени.“

№ 228.

Москва, 23-го октября.

Въ послѣднемъ нумерѣ нашемъ приводили мы благопріятное Россіи письмо изъ Петербурга съ неизвѣстною цѣлью помѣщенное въ газетѣ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, было сказано, что „между великими интересами Россіи и „Германіи нѣтъ никакого противорѣчія“. Между „великими интересами“ Россіи находится, конечно, Восточный вопросъ. Что Германія имѣетъ также великіе интересы въ Восточномъ вопросѣ,—это вполнѣ доказано многочисленными документами, которые были приведены по этому поводу въ № 209 *Московскихъ Вѣдомостей*. Насколько же эти двѣ группы интересовъ могутъ считаться непротиворѣчащими одна другой, объ этомъ можно судить по приведенной въ томъ же нумерѣ нашей газеты второй статьѣ трактата заключеннаго 20-го апрѣля 1854 года между Австріей и Пруссіей, статьѣ, которою Пруссія обязывалась объявить войну Россіи при первомъ движеніи русскихъ войскъ къ Балканамъ. Такая крайняя мѣра, по словамъ берлинской дипломатіи, вызывалась необходимостью огражденія „германскихъ интересовъ на низовьяхъ Дуная“.

Но дипломатическіе документы того времени доказываютъ еще болѣе. Одного прочтенія ихъ достаточно для убѣжденія что Пруссія, не менѣе Австріи, не только считала всякій успѣхъ русскаго оружія на Дунаѣ и за Дунаемъ посягательствомъ противъ интересовъ Германіи, но и еще во время переговоровъ предшествовавшихъ войнѣ, и въ самую критическую минуту ихъ веденія, Пруссія не менѣе Австріи способствовала тому чтобы сдѣлать войну неизбѣжною и возложить всю отвѣтственность за нее на Россію. Эта критическая минута состояла, какъ извѣстно, въ вопросѣ о принятіи Портой предложенной ей Англіею, Франціею, Австріею и Пруссіею знаменитой вѣнской ноты, которую Россія съ своей стороны приняла безъ измѣненія съ единственнымъ условіемъ чтобъ и Порта также приняла эту ноту безъ всякаго измѣненія. Но, къ великому удивленію публики не посвященной въ тайны заговора четырехъ мнимо-нейтральныхъ державъ противъ Россіи, вѣнская нота была отвергнута Портой. Минута была дѣйствительно критическая: отъ принятія или непринятія Турціею предложенныхъ ей Вѣнскою нотой условій соглашенія, уже принятыхъ Россіей, зависѣлъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. . Одного серіознаго слова той или другой изъ посредствующихъ державъ было бы достаточно чтобы побудить Турцію одуматься. Австрія такого слова не вымолвила. Что же сдѣлала Пруссія? Пруссія не только не протестовала противъ дерзкой выходки Порты, но и одобрила ее, и притомъ съ такимъ потворствомъ видамъ обѣихъ западныхъ державъ что даже французскій министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ скрыть своего „удивленія“ при видѣ столь неожиданнаго поворота державы слывшей въ Европѣ вѣрнымъ другомъ Россіи. „Я крайне былъ „удивленъ“, писалъ г. Друэнъ-де-Люисъ отъ 21-го сентября 1853 года французскому посланнику въ Берлинѣ, маркизу де-Мутье *), „совпаденіемъ моего мнѣнія „съ тѣмъ которое высказалъ вамъ г. фонъ-„Мантейфель касательно значенія поправокъ Решидъ-паши въ вѣнской нотѣ, а „также касательно необходимости оградить Порту отъ злостнаго толкованія „(interprétation abusive) этой ноты“....

Итакъ, на счетъ измѣненій потребованныхъ Турціей къ принятой Россіею вѣнской нотѣ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ держался того же мнѣнія какъ и французскій. Въ чемъ состояло это мнѣніе? Оно одобряло эти измѣненія и находило ихъ „незначительными“, но при всемъ томъ, не скрывая отъ себя что

*) Jasmund. Aktenstücke zur Orientalischen Frage. I B. S. 167.

благоволящія Портѣ державы не предложили бы ей этого текста „еслибы считали его противнымъ ея достоинству и ея независимости“, *) предлагало возвращеніе ея на вторичное одобреніе Россіи. Не проще ли было бы настоять у самой Порты чтобъ она отказалась отъ „незначительныхъ“ поправокъ, не требуемыхъ ни ея „достоинствомъ,“ ни ея „независимостью“, чѣмъ требовать отъ Россіи чтобъ она отказалась отъ своего слова и согласилась на новую, рѣшительно несовмѣстную съ ея достоинствомъ уступку? Но французскому министру иностранныхъ дѣлъ было нужно обставить дѣло такъ чтобъ окончательнымъ результатомъ всей этой махинаціи былъ отказъ Россіи на дальнѣйшія уступки и „необходимость оградить Порту отъ злостнаго толкованія „вѣнской ноты“, которую Россія приняла, не толкуя, а толковала сама Порта. Неизбѣжная война и сложеніе вины на Россію, таковы были очевидныя цѣли къ которымъ стремилась политика французскаго министра иностранныхъ дѣлъ; какъ же было ему не быть „крайне удивленнымъ“ когда оказалось что съ этою политикой совершенно совпадало мнѣніе Берлинскаго кабинета?

Но изъ двухъ западныхъ кабинетовъ, могъ удивляться этому только развѣ французскій. Англійскому правительству нечему было тутъ удивляться. Англичане сознавались въ послѣдствіи что, отвергая вѣнскую ноту, Турція лишь повиновалась манію лорда Стратфорда Редклифа, который властвовалъ въ Константинополѣ въ качествѣ представителя Великобританіи. Одного взгляда его было достаточно чтобы побудить Порту ко всему что требовалось политикой Англіи. Турецкіе министры, чтобъ удержаться на своихъ мѣстахъ, не находили болѣе вѣрнаго средства какъ заинтересовать англійскую политику въ сохраненіи ихъ портфёлей. Была бы достигнута сія послѣдняя цѣль, — а тамъ англійскіе дипломаты могли уже быть спокойны: и вѣнская нота будетъ отвергнута, и поѣздка князя Меншикова останется безъ успѣха. До какой степени все это нагло высказывается въ дипломатическихъ документахъ того времени, объ этомъ можно судить по слѣдующей депешѣ писанной по поводу толковъ что посольство князя Меншикова не имѣло иной цѣли какъ вызвать путемъ прямыхъ переговоровъ съ Турціей дружеское соглашеніе ея съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ: „Я сообщилъ верховному визирю и Рифаатъ-пашѣ,“ писалъ графу Кларендону, отъ 24-го марта 1853 года, полковникъ Розъ, представляя донесеніе отъ 16-го марта своего драгомана *), „ваши *инструкціи* касательно толковъ о „попыткѣ Русскихъ вступить въ тайное „*соглашеніе* съ Портой. Его свѣтлость просилъ меня отвѣчать что *пока онъ будетъ „оставаться во главѣ министерства*, вы „можете быть увѣрены что *желанія Рос„сіи исполнены не будутъ*; если же онъ „лишится своего мѣста, то за политику „своего преемника онъ, конечно, отвѣчать „не можетъ... Рѣчь князя Меншикова чрез„вычайно кроткая (mild) и пріязненная... „Рифаатъ-паша, какъ видно, не увѣдомленъ еще о намѣреніи Россіи вступить „съ Портою въ тайное соглашеніе, но онъ „подозрѣваетъ это намѣреніе, а потому „далъ мнѣ положительное обѣщаніе что „при первомъ предложеніи такого рода онъ „немедленно извѣститъ о немъ посольство „ея величества.“

Итакъ, пресловутое порученіе князя Меншикова, о которомъ англійская дипломатія и печать прокричали такіе ужасы въ цѣлой Европѣ, которое послужило самому Розу предлогомъ поспѣшно вытребовать въ турецкія воды эскадру адмирала Дундаса, — это порученіе не нравилось Англіи только потому что оно имѣло цѣлью, путемъ *кротости* и *пріязни*, установить *соглашеніе* между Петербургомъ и Константинополемъ и такимъ образомъ предотвратить возникавшее на Востокѣ грозное столкновеніе... Нити всей этой интриги были въ рукахъ Англіи; ея волѣ двигались актеры этого кукольнаго театра, но для успѣха представленія необходимо было чтобъ отъ зрителя была скрыта рука приводившая въ движеніе всю сцену. И дѣйствительно, въ то самое время когда на *инструкціи* (!) англійскихъ дипломатовъ оттоманскіе министры отвѣчали что лишь бы имъ не лишиться своихъ мѣстъ, все будетъ исполнено согласно этой инструкціи и никакое соглашеніе съ Россіей не состоится, — въ то самое время, въ Петер-

*) Депеша Друэнъ-де-Люиса г-ну де-Ла-Куру отъ 22-го сентября 1853 года.

*) *Aktenstücke* etc. I. B. Полковникъ Розъ исполнялъ въ Константинополѣ, на время отсутствія лорда Стратфорда Редклифа, должность англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ.

бургѣ, сэръ-Гамильтонъ Сеймуръ, отъ имени своего правительства, завѣрялъ графа Нессельроде *) что „въ продолженіи по„слѣднихъ критическихъ переговоръ, Ан„глія не только не склонялась къ Фран„ціи, какъ вообще утверждали, но совѣт„ники королевы желали въ полной мѣрѣ,— „насколько то было возможно нейтраль„ному правительству, — чтобы требованія „какія правительство его императорскаго „величества имѣло представить были впол„нѣ удовлетворены.“ Въ чемъ состояли эти требованія, это никому лучше не было извѣстно какъ сэръ-Гамильтону, который, слѣдовательно, призналъ за Россіей право предъявлять ихъ и настаивать на ихъ исполненіи. Еще положительнѣе выражался по этому предмету тотъ же дипломатъ 14-го января 1853 года въ разговорѣ своемъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, формально одобряя военныя угрозы какъ средство вынудить Порту къ исполненію этихъ „справедливыхъ требованій.“ „Я выразилъ мое убѣжденіе,“ писалъ объ этомъ разговорѣ сэръ-Гамильтонъ графу Кларендону **), „что для исполненія справедли„выхъ требованій Россіи достаточно бу„детъ переговоровъ, которые, какъ я пред„полагалъ, поддерживались бы угрозою во„енныхъ мѣропріятій...“

Можетъ ли въ виду всего этого оставаться какое-нибудь сомнѣніе касательно истиннаго значенія и характера политики Англіи во всемъ этомъ дѣлѣ? Въ Петербургѣ она одобряетъ „справедливыя требованія,“ и не только одобряетъ, но совѣтуетъ принятіе военныхъ мѣръ, дабы угрозою принудить Турцію къ уступкамъ, а между тѣмъ въ Константинополѣ она даетъ оттоманскому правительству *инструкціи*, — какъ будто своимъ собственнымъ агентамъ,—воспрещающія всякое *соглашеніе* съ Россіей, и получаетъ отъ министровъ султана обѣщаніе что *желанія* Россіи не будутъ исполнены. Взбалмошная горячность Франціи служитъ для Англіи лишь средствомъ обдѣлать свои дѣла въ Константинополѣ, но такъ какъ Франція высказывалась одинаково враждебно къ Россіи и въ Петербургѣ, и въ Константинополѣ, то въ Петербургѣ англійскіе дипломаты тщательно отклоняютъ отъ себя всякое подозрѣніе въ соучастіи съ нею. Не въ правѣ ли были мы сказать что если г. Друэнъ-де-Люисъ имѣлъ полное основаніе выражать „крайнее удивленіе“ по поводу нежданнаго совпаденія съ его мнѣніемъ мнѣнія прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, то этому совпаденію нисколько не удивлялись въ Лондонѣ, гдѣ все это было и подготовлено и принято въ разсчетъ какъ одно изъ условій успѣха махинаціи имѣвшей цѣлью и сдѣлать войну неизбѣжною, и сложить всю отвѣтственность за нее на Россію?

Наконецъ цѣль достигнута: Турція, якобы вынужденная насиліями Россіи, объявляетъ войну; вскорѣ затѣмъ нѣсколько второстепенныхъ турецкихъ крѣпостей по Дунаю взяты Русскими, въ Малой Азіи разбиты на голову двѣ турецкія арміи, въ Синопѣ разгромленъ турецкій флотъ, городъ Синопъ обращенъ въ пепелъ; Русскіе осаждаютъ Силистрію... Какъ держала себя Пруссія въ продолженіе этой второй фазы Восточной войны, читателямъ уже извѣстно изъ документовъ приведенныхъ въ № 209 *Московскихъ Вѣдомостей*. Опасаясь дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи на Дунаѣ, Пруссія горячо одобряетъ всѣ военныя мѣры принимаемыя Австріей для огражденія „нѣмецкихъ интересовъ на низовьяхъ Дуная,“ а 20-го апрѣля 1854 года она заключаетъ съ этою же цѣлью оборонительный и наступательный союзъ съ Австріей, дабы съ оружіемъ въ рукахъ преградить, въ случаѣ нужды, русскимъ войскамъ путь къ Балканамъ.

Но интересы Германіи совпадаютъ на Дунаѣ съ интересами Англіи; пока Пруссія собирается и выжидаетъ случая, въ Варнѣ высаживаются массы союзныхъ войскъ, а въ тылу русской арміи переступаютъ чрезъ румынскую границу австрійскія колонны. Охотниковъ устраивать на Дунаѣ дѣло германскихъ интересовъ оказывается довольно; зачѣмъ же Пруссіи отказываться загребать жаръ чужими руками? И дѣйствительно, она съ тѣхъ поръ ограничиваетъ свое вмѣшательство въ событія Востока безпрестанными заявленіями своихъ сочувствій дѣлу противниковъ Россіи и поощрительнымъ одобреніемъ враждебныхъ Россіи дѣйствій Австріи.

Съ паденіемъ Севастополя, грозное столкновеніе по Восточному вопросу вступаетъ въ новую фазу. Цѣль французскаго правительства достигнута: война увѣн-

*) *Aktenstücke*, etc. B. I. S. 49. № XXXI. Депеша отъ 9-го марта 1853 г.

**) *Aktenstücke*, etc. I. B. S. 29. № XXIX. Депеша отъ 23-го января 1853 года.

чала лаврами новую династію; севастопольская кровь смыла ту которая была пролита на парижскихъ улицахъ. Въ декабрѣ 1855 года, въ Вѣнѣ, собирается новая конференція для умиротворенія Востока. Въ этой конференціи участвуютъ ужъ не нейтральныя державы, а союзники Турціи. Пруссія, благоразумно державшаяся въ сторонѣ и воспользовавшаяся своимъ выгоднымъ положеніемъ чтобы перетянуть въ свои порты бóльшую часть торговли русскаго балтійско-финскаго побережья, весьма естественно не приглашается къ принятію участія въ новой конференціи. Положеніе Россіи могло стать чрезвычайно труднымъ не по истощенію ея энергіи и военныхъ средствъ, а по грозившей ей опасности усиленія враговъ Россіи новыми союзниками. Австрія, послѣ двухлѣтнихъ колебаній, приняла наконецъ относительно Россіи тотъ извѣстный тонъ, которымъ такъ вѣрно оправдалось предсказаніе покойнаго князя Шварценберга: „Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью.“ Постать принятая Австріей на послѣдней Вѣнской конференціи врѣзалась неизгладимыми чертами во всякое честное русское сердце. Но развѣ Пруссія оказала намъ, въ этомъ случаѣ, болѣе благодарности чѣмъ Австрія?

Уже 16-го декабря 1855 года Вѣнскій кабинетъ выражаетъ въ пяти пунктахъ прелиминаріи мира. Повторяемъ: военныя средства Россіи еще далеко не были истощены, патріотизмъ ея народа еще менѣе. Еслибы новому врагу могла она противопоставить хоть одного союзника, еслибы, по меньшей мѣрѣ, настоянія Австріи грозили ей *лишь однимъ* новымъ врагомъ, Россія могла бы продолжать войну. Сама Австрія, еслибъ она не была увѣрена въ поддержкѣ Пруссіи, не рѣшилась бы обнаружить настойчивость съ которою она дѣйствовала въ этомъ случаѣ... И вотъ, нотою отъ 5-го января 1856 года, С.-Петербургскій кабинетъ предлагаетъ нѣкоторыя поправки въ пятомъ пунктѣ предложенныхъ ему прелиминарій. Вѣнскій кабинетъ объявляетъ неудовлетворительнымъ этотъ отвѣтъ Россіи и грозитъ отзывомъ изъ Петербурга своего посла, если черезъ нѣсколько дней не послѣдуетъ безусловное принятіе вѣнскаго ультиматума... Для Россіи настала рѣшительная минута. Какъ съ вѣнскою нотой при началѣ войны, такъ и теперь все дѣло стало опять за однимъ словомъ Пруссіи обязанной Россіи всѣмъ своимъ существованіемъ. Но, говоря словами самого Ясмунда,*) „прусскій посолъ „въ С.-Петербургѣ настаиваетъ (dringt) „съ самыми *серіозными представленіями* „(mit den ernstesten Vorstellungen) на „принятіи австрійскихъ предложеній.“ Въ эту роковую минуту Пруссія, слѣдовательно, не только не оказалась на сторонѣ Россіи, но оказалась на сторонѣ ея противниковъ. Значеніе ея „*серіозныхъ* представленій“ ни для кого не могло быть двусмысленно. Въ виду этихъ „*серіозныхъ* представленій“ исчезала всякая надежда на успѣшное продолженіе борьбы, и дѣйствительно 16-го (4-го) января 1856 года безусловное согласіе Россіи на предложенныя ей Австріей, при содѣйствіи Пруссіи, прелиминаріи сообщено графомъ Нессельроде австрійскому послу въ С.-Петербургѣ, а 20-го (8-го) января въ *Journal de St.-Pétersbourg* напечатано офиціальное сообщеніе о рѣшеніи принятомъ императорскимъ правительствомъ „въ виду коа„лиціи постоянно стремящейся принять „все бóльшіе размѣры...“

А какъ велика была услуга оказанная въ этомъ случаѣ Пруссіею, конечно, не Россіи, а Австріи,—объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая депеша, посланная изъ Вѣны въ Берлинъ немедленно по полученіи извѣстія о принятіи Россіею *прусскаго* ультиматума. „Мы умѣемъ цѣнить,“ писалъ 20-го января 1856 года графъ Буоль графу Эстергази, **) „*усердное со„дѣйствіе* какое графъ Эстергази ***) на„шелъ со стороны своего прусскаго то„варища.“

Какое же значеніе имѣютъ въ виду всѣхъ этихъ непререкаемыхъ фактовъ увѣренія благодушнаго петербургскаго корреспондента будто „между великими инте„ресами Россіи и Пруссіи нѣтъ никакого „противорѣчія.“

---

*) Jasmund *Aktenstücke etc.* II. Band *Chronologische Übersicht.* S. VIII.

**) *Aktenstücke.* II. Band S. 321. № 407.

***) Два Эстергази были тогда австрійскими послами, одинъ въ Берлинѣ, другой въ Петербургѣ.

№ 229.

Москва, 24-го октября.

Кто бы подумалъ? Въ русской печати нашлись защитники сдачи Базена! *Journal de St.-Pétersbourg*, правда, издается на французскомъ языкѣ; но онъ издается въ Россіи, и считается русскою газетой,— „das russische Blatt", какъ отзываются о немъ въ Германіи. Скажемъ болѣе; всѣ въ Европѣ, вопреки неоднократнымъ и сильнымъ отрицаніямъ, смотрятъ на этотъ листокъ какъ на официозный органъ русскаго правительства въ иностранныхъ дѣлахъ. *Journal de St.-Pétersbourg* долженъ былъ бы постоянно имѣть въ виду тѣ обязанности какія возлагаетъ на него это всеобщее, хотя бы и невѣрное, предубѣжденіе касательно его характера.

Оправдывать сдачу полутораста-тысячной арміи, при 540 полевыхъ орудіяхъ, въ одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей міра, непріятелю коего 15 дивизій составляютъ съ небольшимъ 200.000 человѣкъ, растянутыхъ на нѣсколько десятковъ верстъ, по обоимъ берегамъ большой рѣки,—оправдывать подобную сдачу, это значитъ ни во что̀ ставить военную честь. Оправдывать въ русскомъ органѣ подобный фактъ значитъ безславить Россію. Армія, которая въ своей лѣтописи имѣетъ Бородино и Севастополь,—русская армія встрѣтитъ негодованіемъ всякую попытку оправдать неслыханный въ военной исторіи позоръ Базеновой сдачи!

Если прусскіе официозные органы съ худо-скрытымъ презрѣніемъ извиняютъ это дѣло, то это объясняется политическими причинами. Къ тому же, побѣдитель всегда склоненъ прикрыть безславіе побѣжденнаго. Слабодушіе или измѣна противника умаляютъ честь побѣды, и прусская армія можетъ тѣмъ менѣе гордиться своими торжествами при Седанѣ и Мецѣ чѣмъ позорнѣе они для Франціи. Это весьма естественно. Что̀ же касается независимой печати Германіи, то со всѣхъ концовъ родины Шиллера раздается надъ Базеномъ и его арміей приговоръ возмущенной общественной совѣсти. „Нравственныя силы „французской арміи въ Мецѣ, очевидно, „были сильно поколеблены", говоритъ *Кельнская Газета*, на западѣ Германіи, „такъ „какъ иначе, при *огромномъ перевѣсѣ* силъ „которымъ могъ располагать Базенъ устремивъ свои войска противъ одной точки, „едва ли была какая-нибудь возможность „не дать ему пробиться." Недѣли двѣ до сдачи, изъ прусскаго же лагеря сообщались извѣстія что и солдаты, и жители Меца объясняли измѣной уклоненіе Базена отъ серіозной попытки пробиться. „Въ „военномъ отношеніи никогда не можетъ „быть оправдана неслыханная въ исторіи „капитуляція Базена", такъ выражается на восточной окраинѣ Германіи *Ost-Preussische Zeitung*. „Если предъ седанскою „сдачей недоумѣваетъ міръ, то о капитуляціи Меца долженъ онъ судить по совершенно иному масштабу. Еслибы вожди нашихъ военныхъ дѣйствій имѣли точныя свѣдѣнія о силѣ и средствахъ арміи „Меца, они никогда не отважились бы обложить его при столь незначительномъ „превосходствѣ своихъ силъ." „Капитуляцію Седана", говоритъ вѣнская *Tages-Presse*, „считали до сихъ поръ фактомъ „безпримѣрнымъ; способнымъ на подобное „дѣло считали лишь Наполеона III. Но „ученикъ превзошелъ учителя... Хотя публика была подготовлена къ этому событію; но все же казалось оно невѣроятнымъ: никому не вѣрилось чтобы Базенъ „поступилъ съ Франціей также какъ онъ „поступилъ съ злополучнымъ императоромъ „Мексики."

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную ниже статью подъ рубрикой: *Капитуляція Меца*, заимствованную изъ телеграфной корреспонденціи въ полученной нами сегодня англійской газетѣ *Daily News*. Нельзя безъ грусти читать это раздирающее сердце изложеніе фактовъ собранныхъ на мѣстѣ очевидцемъ.

Всѣ дѣйствія Базена, со времени заключенія въ Мецѣ, являются неотразимою противъ него уликой. Прежде всего самое это заключеніе лучшей арміи Франціи въ крѣпости было дѣломъ постыднымъ для полководца. Не будемъ разбирать по чьей винѣ армія эта, которой послѣ пораженія при Шпихернѣ слѣдовало какъ можно поспѣшно отступать чтобы опереться на нетронутые еще тогда резервы страны, промедлила восемь дней и допустила отрѣзать себѣ путь отступленія; но вотъ корреспондентъ англійской газеты сообщаетъ увѣреніе прусскаго генерала фонъ-Цастрова что 19-го августа, то-есть на другой день послѣ сраженія при Гравелоттѣ, маршалъ Базенъ еще могъ продолжать путь. Всѣ

извѣстія о его вылазкахъ въ послѣдующее время, какъ теперь оказывается, были исполнены лжи; напротивъ, по словамъ мецскихъ жителей, бывшихъ очевидцами этихъ дѣлъ, маршалъ Базенъ до послѣдней минуты отличался въ своихъ дѣйствіяхъ странною нерѣшительностью, которую въ городѣ всѣ объясняли его участіемъ въ заговорѣ съ регентствомъ. Эти слабыя вылазки явно не были попытками проложить себѣ путь изъ крѣпости, и только служили къ обману солдатъ и всей Франціи.

Деморализація арміи обнаружившаяся въ послѣдніе дни предъ сдачей крѣпости также была несомнѣнно дѣломъ Базена уже рѣшившагося капитулировать. Оказывается что когда онъ сдался, продовольствія было еще на недѣлю. Въ день сдачи солдатамъ выдали раціоновъ на четыре дня, а между тѣмъ за два дня предъ тѣмъ не давали ничего, и были даже случаи голодной смерти. Базенъ, очевидно, попускалъ возраставшее дезертирство. Поведеніе маршала во все время пребыванія его въ Мецѣ было не подобающее главнокомандующему, скорѣе пригодное для укрывающагося отъ взоровъ заговорщика. Онъ ни разу не обращался къ солдатамъ съ словомъ ободренія, почти не бывалъ въ лагеряхъ и вовсе не посѣщалъ лазаретовъ.

Сцены въ городѣ наканунѣ сдачи, разказанныя корреспондентомъ со словъ свидѣтелей, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Въ городѣ едва не вспыхнулъ бунтъ. Жители и солдаты, мущины и женщины бродили по улицамъ съ плачемъ и стономъ, какъ осиротѣлыя дѣти, подъ погребальный звонъ колокола раздававшійся всю ночь. Жаль что не сообщается гдѣ былъ въ эту достопамятную ночь самъ виновникъ этихъ страшныхъ сценъ. Но за то корреспондентъ весьма живо описываетъ какъ этого маршала Франціи спасли прусскіе жандармы изъ рукъ женщинъ въ деревнѣ Арсъ, чрезъ которую онъ проѣзжалъ на пути въ Вильгельмсгёэ, на другой день послѣ сдачи...

И вотъ дѣло которое будетъ предметомъ вѣчнаго проклятія страны имъ обезславленной находитъ себѣ усердную защиту въ газетѣ считаемой русскимъ органомъ! Не плачевно ли это? То же, къ прискорбію, должно сказать и о другомъ органѣ, также слывущемъ за русскій, хотя издающемся за границей, о брюссельской газетѣ *Nord*, которая съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла истощается въ апологіи Базена. Если какія-либо уважительныя соображенія препятствуютъ присоединиться къ голосу честнаго общественнаго мнѣнія всѣхъ странъ, то было бы достойнѣе хранить молчаніе и ограничиться простымъ изложеніемъ факта, не пускаясь въ его оцѣнку. Какое понятіе можетъ всякій составить себѣ о духѣ страны, если ея публичные органы берутся оправдывать позорное дѣло? Не должно забывать что апологія позорнаго дѣла неизбѣжно броситъ тѣнь и на насъ, и на нашихъ. Всякій воленъ въ себѣ; но требуется большая осмотрительность въ вопросѣ общаго значенія.

Въ этомъ же нумерѣ читатели найдутъ воспоминанія о дѣятельности маршала Базена въ Мексикѣ, заимствованныя изъ вѣнской *Tagespresse* и сообщенныя еще за нѣсколько времени до сдачи Меца полковникомъ Эстеваномъ, бывшимъ на службѣ у злополучнаго императора Максимиліана.

№ 230.

Москва, 26-го октября.

Работамъ по реформѣ подушныхъ налоговъ дано направленіе какого еще не имѣло въ нынѣшнемъ столѣтіи ни одно изъ государственныхъ преобразованій Россіи. Къ прямому участію въ этомъ дѣлѣ призвано земство, то-есть весь русскій народъ имѣющій представительство, по всѣмъ своимъ группамъ и подраздѣленіямъ, по всѣмъ городамъ и весямъ. Въ этомъ особенномъ случаѣ нельзя не упомянуть о характеристической чертѣ нашихъ земскихъ учрежденій, долженствующей съ особенною силой заявить себя въ ожидающей насъ государственной реформѣ. Земскія учрежденія, къ счастью Россіи, не оставляютъ за своими дверьми никого изъ членовъ Русской земли, подобно прежнему французскому представительному цензу, именовавшемуся легальнымъ земствомъ, le pays légal, и потому не заключаютъ въ себѣ никакихъ зачатковъ той розни общественныхъ классовъ которая была однимъ изъ золъ политической жизни Франціи. Земство являетъ въ себѣ совокупность отношеній всего русскаго народа къ государству, или лучше оно есть самый народъ, только подраздѣленный на мѣстныя груп-

пы. Можно находить тѣ или другіе недостатки въ организаціи земскихъ учрежденій, можно и должно желать тѣхъ или другихъ въ нихъ усовершенствованій, но показаннаго выше значенія нельзя у нихъ оспаривать. Важный залогъ нашего будущаго государственнаго развитія и чрезвычайно благопріятное условіе для дѣятельности земскихъ учрежденій въ настоящемъ, есть то что, по ихъ устройству, всякій земскій интересъ имѣетъ въ нихъ какой-нибудь голосъ. Практика земскихъ учрежденій была согласна съ этимъ духомъ закона ихъ создавшаго. Съ самаго начала ихъ дѣятельности, въ нихъ повсемѣстно сказывался историческій строй русскаго общества, чуждый антагонизму сословій, имуществъ и общественныхъ положеній. Поэтому-то, мимоходомъ сказать, и озираются съ такимъ страхомъ и ненавистью на земскія учрежденія наши феодальныя окраины, которыхъ верхніе иноплеменные слои никакъ не хотятъ понять общественный строй безъ олигархическаго начала, безъ тѣхъ глубокихъ горизонтальныхъ сѣченій, которыя оставляютъ нижніе общественные слои безгласными и безправными, внѣ такъ-называемаго законнаго или легальнаго земства. Повсемѣстно во внутреннихъ губерніяхъ русское дворянство являлось во главѣ дѣятельности земства, но единственно въ силу своего образованія, опытности, такта, досуга, наконецъ въ силу призванія, свободно и съ довѣріемъ возлагавшагося на оное другими классами земскаго представительства. Кромѣ немногихъ случаевъ осужденныхъ общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи, дворянство не стремилось обособиться отъ другихъ сословій, забравъ власть въ свои руки въ качествѣ привилегированнаго сословія: напротивъ того, оно само первое отрицалось отъ своего привилегированнаго положенія, отчасти еще сохранившагося въ законодательствѣ. Такое настроеніе русскаго дворянства, съ особенною яркостью выразившееся въ дѣятельности земскихъ учрежденій, есть едва ли не самый крупный и отрадный фактъ въ ихъ кратковременной исторіи. Если и были кое-гдѣ безуспѣшныя усилія, въ подражаніе внушителямъ *Вѣсти*, пустить въ ходъ разныя антипатичныя историческому духу нашего дворянства стремленія, то все это исключенія которыя столь ничтожны что о нихъ говорить не стóитъ при оцѣнкѣ общаго образа дѣйствій нашего дворянства. Этими исключеніями только подтверждаются общія начала господствующія въ русскомъ земствѣ. Какія ни дѣлались попытки, и сверху и снизу, и съ разныхъ сторонъ, то привить нашему передовому сословію юнкерскія замашки, то запугать другія сословія этими воображаемыми поползновеніями дворянства и посѣять у насъ сословный раздоръ, безсмысленную спѣсь, демократическую зависть, всѣ эти попытки разбивались во прахъ предъ глубокимъ историческимъ смысломъ которому наше земство оставалось до сихъ поръ безукоризненно вѣрнымъ.

Нечего говорить объ участіи дворянства въ освобожденіи крестьянъ. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ, взятыхъ изъ среды самого дворянства и ставшихъ самыми горячими поборниками дѣла освобожденія и крестьянскихъ интересовъ, до самозабвенія, иногда до увлеченія, даже до фанатизма, останется однимъ изъ знаменательнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи. Такъ называемыя крѣпостническія домогательства, какую бы они ни имѣли силу въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и остались отдѣльными случаями, личными интригами, напускными теоріями, дѣломъ кружковъ ничего не имѣющихъ общаго съ исторіей русскаго дворянства.

Въ средѣ земскихъ учрежденій также обозначались своеобразныя традиціонныя черты нашего высшаго сословія, ярко отличающія его, и съ нимъ все русское общество, отъ западно-европейскихъ обществъ въ подобные періоды исторіи. Вопреки мрачнымъ предсказаніямъ, сулившимъ намъ развитіе враждебной дворянству демократіи въ земскихъ собраніяхъ и между прочимъ насиліе неимущихъ противъ имущихъ, мы видимъ вездѣ представителей крупнаго и средняго землевладѣнія главными двигателями всякихъ новыхъ земскихъ предпріятій, видимъ что именно они болѣе всѣхъ другихъ группъ земства, а никакъ не крестьяне, требуютъ увеличенія расходовъ и земскихъ сборовъ; замѣчено даже что если когда земство допускало чрезмѣрную щедрость въ своемъ бюджетѣ, то это бывало большею частью по винѣ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ (то-есть дворянства), болѣе другихъ расположенныхъ къ расширенію земскаго хозяйства и къ разнымъ въ немъ нововведеніямъ. Крестьянскіе гласные напротивъ отличаются бережливостью

въ расходахъ, и до сихъ поръ вовсе не слышно ни о какихъ съ ихъ стороны стремленіяхъ развивать такія земскія предпріятія которыя могли бы быть выгодны преимущественно для крестьянскаго быта. Нѣтъ и тѣни тѣхъ стремленій въ рядахъ гласныхъ отъ крестьянъ, которыми насъ запугивали, то-есть демократическихъ стремленій улучшать свой бытъ на счетъ налоговъ уплачиваемыхъ другими классами. Напротивъ, гласные отъ землевладѣльцевъ болѣе самихъ крестьянъ заявляютъ объ ихъ нуждахъ требующихъ новыхъ земскихъ сборовъ: напримѣръ переводъ натуральныхъ повинностей въ денежныя, сопряженный съ усиленіемъ сборовъ съ дворянства, свободнаго отъ натуральныхъ повинностей, былъ вызываемъ гласными изъ его среды. Самымъ рельефнымъ фактомъ является дѣятельность земства по народному образованію; какъ ни туго идетъ у насъ это дѣло, но если оно сколько-нибудь подвинулось, то только благодаря инищіативѣ образованныхъ помѣщиковъ. При своей умственной отсталости наше крестьянство безпрерывно оказывается болѣе равнодушнымъ къ своимъ собственнымъ интересамъ чѣмъ высшее сословіе: отъ темнаго пятна враждебности успѣхамъ образованія низшихъ классовъ, отъ этого пятна, которое лежитъ на совѣсти привилегированныхъ сословій многихъ другихъ народностей и которое между прочимъ не чуждо нашимъ западнымъ окраинамъ, укоряющимъ насъ въ грубости нравовъ, совершенно свободно русское дворянство. Повсемѣстно въ дѣятельности земскихъ учрежденій выступаетъ тотъ общій фактъ что высшій и наиболѣе образованный классъ земскихъ дѣятелей не щадитъ усилій и жертвъ къ улучшенію нравственнаго и экономическаго быта низшихъ, или такъ-называемыхъ рабочихъ классовъ, а послѣдніе предоставляютъ ему водительство и починъ въ земскомъ дѣлѣ.

Мысли эти приходятъ сами собою на умъ теперь, когда земству заданъ вопросъ о подушныхъ налогахъ въ его средѣ и когда съ тѣмъ вмѣстѣ открывается новый періодъ въ жизни нашихъ земскихъ учрежденій, призванныхъ впервые къ обсужденію обще-государственнаго дѣла. Можно вполнѣ надѣяться что наше дворянство выкажетъ и въ этомъ дѣлѣ, составляющемъ краеугольный камень всего дальнѣйшаго движенія по внутреннему государственному устроенію Россіи, тотъ же духъ свободный отъ сословной исключительности какимъ оно всегда отличалось. Безъ этого было бы невозможно разчитывать на удовлетворительное разрѣшеніе вопроса заключающаго въ себѣ такое множество разнообразныхъ и отчасти противоположныхъ интересовъ, и требующаго, прежде всего, примирительнаго духа въ ихъ обсужденіи, а отчасти даже нѣкотораго самоотверженія. Необходимо чтобъ обсужденіе податной реформы оставалось чуждо всякимъ исключительно-сословнымъ точкамъ зрѣнія, чтобы всѣ затронутые ею интересы соединились въ сознаніи государственнаго и земскаго интереса, который долженъ господствовать надъ интересами частными и придать силу заключеніямъ земства предъ законодательною властію. Потому какъ ни настоятельно преобразованіе подушныхъ сборовъ, которое въ сущности есть цѣлая податная реформа,—даже болѣе, реформа всей нашей финансовой системы,—но все-таки нельзя не радоваться что этому вопросу не дано торопливаго хода при коемъ была бы не возможна зрѣлая разработка его. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ назначенъ шестимѣсячный срокъ для занятія уѣздныхъ земствъ, со дня полученія составленныхъ министерствомъ финансовъ проектовъ реформы (новыхъ налоговъ подворнаго и поземельнаго), затѣмъ мѣсячный срокъ для представленія губернскими управами заключеній уѣздныхъ собраній (съ своими замѣчаніями) въ губернскія собранія, очередныя или экстренныя, а для этихъ послѣднихъ не назначено вовсе срока. Надо полагать что понадобится около цѣлаго года для разработки этого дѣла въ земствѣ, и затѣмъ по всей вѣроятности не ранѣе будущей осени (1871 года) всѣ работы и заключенія земскихъ собраній, губернаторовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, которыя также будутъ привлечены къ обсужденію проектовъ, поступятъ на разсмотрѣніе министерства финансовъ и получатъ окончательное движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Итакъ, земство будетъ имѣть достаточно времени чтобы солиднымъ образомъ заняться разработкой податнаго вопроса, осмотрительно взвѣсить всѣ интересы ожидающіе въ этомъ вопросѣ своего удовлетворенія, и постановить такія рѣшенія которыя получили бы подобающій вѣсъ въ окончательномъ законо-

дательномъ разсмотрѣніи вопроса. Послѣднее будетъ много зависѣть отъ точности изслѣдованія фактической стороны дѣла, гораздо болѣе доступнаго земству чѣмъ центральной администраціи, а также отъ политическаго такта въ соглашеніи разносторонних мѣстныхъ и государственныхъ интересовъ затронутыхъ реформою. Для такого соглашенія, представляющаго немаловажную трудность въ преобразованіи подушныхъ налоговъ и по всей вѣроятности бывшаго однимъ изъ главныхъ поводовъ къ передачѣ вопроса на разсмотрѣніе земства, земскія учрежденія поставлены также въ болѣе благопріятныя условія чѣмъ центральная администрація при бюрократическомъ устройствѣ своихъ учрежденій; въ земствѣ всѣ интересы имѣютъ своихъ представителей, и при отсутствіи сословнаго антагонизма, при просвѣщенномъ и патріотическомъ сознаніи долга, соглашеніе всѣхъ интересовъ весьма можетъ быть достигнуто. Со стороны правительства ни срокомъ, ни самою программой поставленныхъ земству вопросовъ, не положено преградъ широкому и свободному обсужденію податной реформы. Хотя земскимъ собраніямъ предложены составленные министерствомъ финансовъ проекты, но правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ заявило что ни одно изъ основаній этихъ проектовъ имъ не предрѣшено, что сущность ихъ не была даже вовсе обсуждаема въ комитетѣ министровъ, постановившемъ предварительное разсмотрѣніе ихъ въ земскихъ собраніяхъ, и что затѣмъ эти собранія должны не стѣсняясь высказать свои мнѣнія касательно проектовъ во всемъ ихъ составѣ. Итакъ проекты будутъ служить только исходнымъ пунктомъ для занятій земства или матеріяломъ, долженствующимъ какъ нѣчто готовое и выработанное значительно облегчить его сужденія. Упомянемъ въ заключеніе что Московское земство самымъ серіознымъ образомъ отнеслось къ этому дѣлу, и судя по предположенному плану работъ вполнѣ взвѣсило его государственную важность. Благодаря дѣятельности Московской губернской управы, собираніе матеріяловъ, нужныхъ для сужденій губернскаго собранія и указанныхъ самимъ правительствомъ, началось по Московской губерніи уже давно. Сверхъ того губернское собраніе, дабы выиграть время, въ свою послѣднюю экстренную сессію составило уже общую коммиссію, для разработки вопроса. Личный составъ коммиссіи, по большинству полученныхъ голосовъ, слѣдующій: кн. А. А. Щербатовъ, Д. Д. Голохвастовъ, Ѳ. С. Зибертъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, И. И. Мусинъ-Пушкинъ, П. И. Мейнике, В. П. Безобразовъ, гр. А. С. Уваровъ, М. И. Ковалинскій, Н. С. Корсаковъ, кн. А. В. Мещерскій, П. В. Бахметьевъ, И. И. Масловъ, кн. А. М. Голицынъ и Б. М. Полянскій. Членами коммиссіи будутъ и гласные выбранные отъ каждаго уѣзднаго земскаго собранія Московской губерніи.

№ 231.

Москва, 27-го октября.

За нѣсколько дней до полученія извѣстія о капитуляціи Меца случилось намъ высказать замѣчаніе что возобновленіе Англіей посредничества, повидимому, указывало на возникающія для Пруссаковъ затрудненія скорой раздѣлки съ Франціей. При этомъ сопоставили мы нѣсколько фактовъ которые свидѣтельствовали объ этихъ затрудненіяхъ. Слова наши могли показаться странными, даже парадоксальными. Однако они не были лишены основанія. „Капитуляція Меца подоспѣла весьма кстати для нѣмецкихъ армій находящихся во „Франціи“, говоритъ *Times*, отъ 2-го ноября, и теперь, послѣ этого событія „положившаго конецъ сомнѣніямъ“, высказываетъ почти то же что̀ говорили и мы Трудность для Пруссіи продолжать войну, конечно, была очень хорошо извѣстна въ Англіи и сознавалась ея пруссофильскими газетами, но тогда англійскіе органы, ставшіе повѣренными графа Бисмарка, не находили нужнымъ высказывать того, и предпочитали говорить о безнадежномъ положеніи Франціи.

„Своевременность“ сдачи Меца и рейнской арміи (какая горькая иронія въ этомъ названіи!) получаетъ особенное значеніе если припомнить факты которые предшествовали этому событію и на которые мы указывали. Въ какомъ положеніи было дѣло Франціи? Теперь лондонскій органъ не находитъ нужнымъ скрывать что огромныя нѣмецкія силы вокругъ Парижа, на Луарѣ, на Сонѣ, на Соммѣ и индѣ, „начинали ощущать напряженіе котораго тре-

бовалъ отъ ихъ энергіи предстоявшій имъ трудъ". Лондонская газета указываетъ теперь что при послѣднихъ столкновеніяхъ съ прусскою королевскою гвардіей, парижскіе новобранцы генерала Трошю не обращались въ бѣгство въ „дикомъ смятеніи", какъ въ прежнихъ случаяхъ; что при вылазкѣ 28-го октября Французы выбили нѣмецкіе аванпосты въ Бурже, близь форта Сенъ-Дени, и два дня удерживали этотъ пунктъ; что 30-го прусская гвардія могла овладѣть снова этою позиціей только послѣ упорнаго боя и не безъ „тяжкихъ потерь". Съ одной стороны нѣмецкая армія облегающая Парижъ была ослаблена для подкрѣпленія отдѣленныхъ отъ нея силъ генерала фонъ-деръ Танна и принца Альбрехта, а съ другой стороны парижскій гарнизонъ воспользовался временемъ и пріобрѣлъ должную стойкость. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ притомъ *Times*, что генералъ фонъ-деръ Таннъ, утвердясь въ Орлеанѣ, не рѣшился, однако, продолжать далѣе движеніе, а на сѣверѣ, гдѣ того же 28-го октября Французы одержали небольшой успѣхъ при Форнери, на Уазѣ, между Руаномъ и Аміеномъ, нашествіе повидимому тоже ослабѣвало въ энергіи, между тѣмъ какъ въ Мецѣ стояла въ тылу нѣмецкихъ войскъ армія которая не могла не внушать „смутнаго опасенія что ей по„жалуй удастся прорваться и броситься „на нѣмецкія линіи сообщеній".

Но нѣтъ. Если кому могъ внушить опасенія маршалъ Базенъ, такъ это скорѣе самой Франціи чѣмъ ея непріятелямъ. Уже давно ходили глухіе слухи что онъ держитъ Мецъ не для Франціи, а для павшаго правительства, которое *Times* теперь называетъ развращеннымъ и развращавшимъ, — для этой династіи незаконной, водворившейся насиліемъ и обманомъ, систематически губившей страну, измѣнившей ей въ минуту опасности ею же навлеченной и вступившей въ уговоръ съ ея врагами. Ходили вѣсти о какихъ-то темныхъ постыдныхъ переговорахъ, и вотъ случился невѣроятный фактъ что 150.000 отличнаго войска положили оружіе. Всѣ прусскіе успѣхи на полѣ битвы блѣднѣютъ предъ этимъ торжествомъ интриги и обмана.

Предъ нами лежитъ брошюра вышедшая въ Брюсселѣ и въ одинъ мѣсяцъ уже выдержавшая пять изданій. Она названа: *Человѣкъ Седана* и написана графомъ Альфредомъ де-Лагероньеромъ. *) Книга эта есть болѣзненный вопль вырвавшійся изъ сердца Француза послѣ Седанскаго пораженія. Встревоженный слухами о Бонапартовской интригѣ, не оставляющей и теперь мысли о возстановленіи этой узурпаторской и пагубной династіи, авторъ не хотѣлъ, однако, вѣрить слухамъ распространяемымъ нѣкоторыми прусскими органами и намекающимъ на расположеніе графа Бисмарка къ императорской реставраціи. Онъ не хотѣлъ вѣрить чтобы прозорливому прусскому министру могла быть приписана такая странная роль. Авторъ убѣжденъ также что и маршалъ Базенъ, „безъ сомнѣнія, занятъ другими заботами „и мыслями болѣе достойными его славы". Во всемъ этотъ французскій патріотъ горько обманулся.

Седанская катастрофа не истощила силы сопротивленія Франціи, а напротивъ, казалось, готова была пробудить истинный духъ патріотизма въ націи ошеломленной нежданнымъ разгромомъ. Для болѣе быстраго и вѣрнаго исполненія замысловъ прусской политики интрига и заговоръ были найдены орудіями столь же, если не болѣе пригодными чѣмъ игольчатыя ружья. Сѣверо-германскій канцлеръ отлично знаетъ людей и, вѣрно разчитавъ какую службу еще можетъ извлечь онъ изъ павшей династіи, онъ вступилъ съ нею въ переговоры. Тогда же было замѣчено нами что Франціи приходилось бороться съ двумя врагами: непріятельскимъ вторженіемъ и бонапартовскою интригой. Уже 15-го сентября, какъ теперь оказывается, являлся первый эмиссаръ отъ графа Бисмарка къ императрицѣ Евгеніи въ Чизельгёрстъ. Потомъ случилась „странная исторія" съ генераломъ Бурбаки. Не успѣли всѣ опомниться отъ этого скандала, какъ вдругъ генералъ Бойе очутился въ Версалѣ съ порученіемъ отъ маршала Базена. Исполнивъ оное, онъ тоже побывалъ въ Лондонѣ, единственно для засвидѣтельствованія своего почтенія императрицѣ-регентшѣ. И вотъ, когда интрига привела къ желаемому для Пруссіи результату, всѣ эти генералы, Базенъ съ товарищами, поспѣшили къ узнику въ Вильгельмсгёэ, куда не замедлила прибыть и императрица-регентша.

*) Графа де-Лагероньера не слѣдуетъ смѣшивать съ виконтомъ де-Лагероньеромъ, бывшимъ сенаторомъ и вѣрнымъ слугой Людовика Наполеона.

Что̀ бы ни говорили англійскія газеты, стараясь всячески выгородить императрицу и помѣщая на своихъ столбцахъ сообщенія изъ Чизельгёрста, въ которыхъ указывается что она де еще прежде чѣмъ временное правительство протестовала противъ всякой территоріальной уступки, но не можетъ быть сомнѣнія что какъ она, такъ конечно и плѣнный императоръ въ Вильгельмсгёэ, принимали участіе въ переговорахъ Базена. Послѣднее сообщеніе изъ Чизельгёрста, которое было воспроизведено нами изъ *Daily News*, довольно прозрачно. Въ немъ ставится на видъ что императрица „не перестаетъ посвящать „свои мысли національной оборонѣ, что „она не потеряла надежды на возстанов„леніе династіи, и что ея настоящее мол„чаніе не должно быть толкуемо въ ущербъ „будущему.“ Далѣе, въ этомъ сообщеніи встрѣчается фраза которую можно объяснить какъ угодно: „когда не будетъ бо„лѣе рѣчи объ уступкѣ Лотарингіи и Аль„заса, императрица, безъ сомнѣнія употре„битъ всѣ усилія чтобы войти въ согла„шеніе со страной дабы добиться почет„наго мира.“ Но и помимо этого указанія, принятіе Базеномъ той роли которая ему предназначалась было невозможно безъ согласія на то императора и императрицы. А къ какой роли готовился достойный маршалъ, это теперь хорошо извѣстно изъ помѣщенныхъ во вчерашнемъ нумерѣ документовъ.

Эту роль теперь безцеремонно раскрываютъ тѣ самыя англійскія газеты которыя до сдачи Меца не находили словъ для восхваленія маршала, какъ единственнаго человѣка въ рукахъ коего была участь его страны и который одинъ только могъ заключить за нее миръ. Вотъ что̀ говоритъ *Times:* „Требовалось возстановить „бонапартовскую имперію, и для этого по„жертвовать Франціей. Есть весьма силь„ныя доказательства что маршалъ Базенъ „пытался разыграть роль Дюмурье... Онъ, „повидимому, ожидалъ занять постъ на„ставника и протектора императорскаго „принца, подобно тому какъ Дюмурье за„мышлялъ посадить на престолъ Лудови„ка-Филиппа Орлеанскаго... Онъ забы„валъ что единственною обязанностію коей „требовала отъ него страна было энер„гическое продолженіе военной борьбы.“ Вотъ какъ строго выражаются о маршалѣ тѣ самые органы печати которые за нѣсколько дней предъ симъ превозносили его.

Базенъ далъ запереть себя въ Мецѣ и оставался тамъ въ бездѣйствіи пока его огромная армія не съѣла провіантъ приготовленный для городскихъ жителей и гарнизона, пока не была употреблена въ пищу и бо̀льшая часть кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей. Сами Нѣмцы говорятъ что до 1-го октября онъ имѣлъ полную возможность пробиться; послѣ это стало труднѣе, но не потому чтобъ его армія ослабѣла, или усилилась осаждающая армія, а потому что начато было съ замѣчательнымъ искусствомъ достохвальное дѣло деморализаціи войска его вождемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ приведенные нами вчера изъ *Indépendance belge* разказы французскихъ офицеровъ бѣжавшихъ изъ Меца. Въ своихъ вылазкахъ маршалъ заботился о томъ чтобы не причинить вреда непріятелю и не разстроить его плановъ, а свою армію обманывалъ чтобы приготовить въ ней орудіе для своихъ цѣлей. Войскамъ давалось чувствовать что пробиться невозможно, и что вскорѣ нечего будетъ ѣсть. Во Франціи, говорили имъ, повсюду господствуетъ анархія. Парижъ уже готовъ сдаться. Руанъ и Гавръ сами де просили Пруссаковъ охранять въ нихъ порядокъ. Вмѣсто борьбы съ непріятелемъ, французской арміи толковали о необходимости спасти страну отъ внутренней анархіи, оградить собственность и порядокъ. Льстивымъ образомъ давалось понять что для сей великой цѣли армія будетъ выпущена со всѣми военными почестями, съ орлами и знаменами, и что она такимъ образомъ сдѣлается арміей порядка. Что̀ удивительнаго что въ арміи упалъ всякій духъ? Только такимъ умышленнымъ развращеніемъ арміи объясняется что 150.000 солдатъ безпрекословно положили оружіе.

Весьма вѣроятно что планъ воспользоваться арміей Базена для возстановленія имперіи во Франціи имѣлся въ виду графомъ Бисмаркомъ только на случай еслибы временное правительство согласилось на миръ. Весьма вѣроятно что когда не оправдалась надежда на уступчивость г. Жюля Фавра и его товарищей, графъ Бисмаркъ призналъ рискованнымъ выпустить изъ Меца французскую армію, которая потомъ, убѣдившись въ обманѣ которымъ ее осѣтили, могла бы отречься отъ своего полководца. И вотъ, въ послѣднія ми-

нуты, прусскія власти предпочли забрать эту несчастную, обманутую армію и препроводить ее въ Германію.

Но если личные честолюбивые планы Базена разстроились, то отсюда не слѣдуетъ чтобы бонапартовская интрига, эксплуатируемая графомъ Бисмаркомъ, не прибѣгла еще къ какой-нибудь новой уловкѣ. Во всякомъ случаѣ прусскій министръ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити этой интриги, и его планы начинаютъ приводить въ нѣкоторое смущеніе даже наиболѣе пруссофильскую изъ англійскихъ газетъ, *Times*, которая такъ проговорилась наконецъ о сѣверо-германскомъ канцлерѣ:

„Онъ способнѣйшій — мы чуть-чуть не „написали единственный государственный „человѣкъ въ Европѣ; ему нѣтъ равнаго „бойца во Франціи, и между тѣмъ какъ „ему удается сбить съ толку болѣе любезныхъ, но менѣе хитрыхъ политиковъ „другихъ странъ, самъ онъ ничѣмъ не смущается, хотя и безпокоится за будущее. „Онъ видитъ что вѣроятно, а можетъ-быть „и навѣрно, на его рукахъ останется обязанность реорганизаціи Франціи, послѣ „того какъ она будетъ обращена въ элементарные атомы, и онъ старается избѣжать этой опасной и непріятной случайности своими предложеніями правительству обороны и своими попытками интригъ съ регентствомъ. Побуждаемый сзади требованіемъ территоріи которое онъ „считаетъ неотразимымъ, встрѣчая впереди отказъ на уступку территоріи который очевидно не предвѣщаетъ соглашенія, онъ усиливается дать направленіе „путямъ судьбы; но они темны и невѣрны...“

№ 232.

Москва, 28-го октября.

Письмо Базена адресованное имъ въ газету *Nord* подтверждаетъ тяготѣющее на немъ обвиненіе, и вмѣстѣ со многими открывшимся теперь обстоятельствами обнаруживаетъ глубокую политическую безнравственность генераловъ Наполеона III.

Базенъ, въ свое оправданіе, указываетъ на бѣдственное положеніе арміи въ минуту сдачи. Она была изнурена голодомъ, и лошади необходимыя для кавалеріи и артиллеріи были съѣдены. Но кто же привелъ эту армію въ такое положеніе, лишившее ее возможности сражаться и вынудившее ее позорно положить оружіе предъ непріятелемъ почти не превышавшимъ ея численностію? На кого падаетъ отвѣтственность за такую гибель вооруженныхъ силъ страны? Базенъ около мѣсяца велъ переговоры съ непріятелемъ о сдачѣ. Если армія по истеченіи этого времени съѣла всѣ припасы Меца, то до того времени она была крѣпка, сыта и годна къ бою. Почему же тогда она бездѣйствовала или ограничивалась жалкими вылазками безъ серіознаго плана? Для чего въ то время ея главнокомандующій, вмѣсто того чтобы вступать въ переговоры съ непріятелемъ, не вывелъ ея на рѣшительный бой? Развѣ армія создана на то чтобъ объѣдать гарнизоны крѣпостей, бездѣйствовать когда страна находится въ опасности и когда на спасеніе ея призываются всѣ способные носить оружіе? Развѣ на то назначаются главнокомандующіе армій чтобы вести съ врагами своего отечества измѣнническіе переговоры?

Не вздумаетъ ли этотъ маршалъ безславія и позора прикрыть себя вѣрностію своему императору? Не станетъ ли онъ оправдывать свой образъ дѣйствій преданностію павшей династіи и желаніемъ возстановить ее? Это была бы жалкая и напрасная увертка! Павшую династію нельзя возстановить измѣной странѣ и сдѣлкой съ ея врагами! Это вѣрный способъ окончательно погубить ее... Еслибы слуги Людовика-Наполеона, послѣ бѣдствія его постигшаго, исполнили съ честію долгъ свой, еслибы маршалъ Базенъ, вмѣсто того чтобы предавать свою армію непріятелю и безславить французское оружіе небывалою во всемірной исторіи капитуляціей, вывелъ свои войска на бой, и если бы даже не одержавъ побѣды, онъ пробился съ ихъ остатками, которые все еще могли бы послужить защитѣ своего отечества, то положеніе Бонапартовской династіи не было бы такимъ безнадежнымъ какъ теперь, послѣ того какъ утрачено даже право сѣтовать на графа Бисмарка что онъ перехитрилъ итригу и воспользовался ею какъ военнымъ средствомъ для торжества своей страны.

Теперь оказалось что маршалъ Базенъ услужилъ только Пруссіи. Цѣна предательства не будетъ уплачена, но капитуляція обнаружила его размѣры. Оно не ограничивается сдачей послѣдней арміи Франціи,

сильнѣйшей крѣпости въ странѣ и снабженіемъ непріятеля оружіемъ и военными припасами на продолженіе войны. Оказывается что этотъ доблестный маршалъ Франціи уже допустилъ въ капитуляціи принципъ территоріальной уступки и присоединенія Меца къ Германіи.

Пусть Франція рѣшилась биться до конца, не соглашаясь на раздробленіе своей территоріи. Бонапартовскіе слуги уже порѣшили этотъ вопросъ. Въ приложеніи къ протоколу капитуляціи Меца оговорено что государственные французскіе архивы оставляются вообще съ Мецѣ, но что по заключеніи мира будутъ возвращены Франціи документы касающіеся только тѣхъ частей французской территоріи которыя не будутъ присоединены къ Германіи. Значитъ, рѣшено что нѣкоторыя части будутъ отдѣлены отъ Франціи.

Вообще приложеніе къ договору капитуляціи походитъ скорѣе на мирный трактатъ. Оно оставляетъ имущество за департаментами, общинами и частными обществами. Оно гарантируетъ свободу мнѣній и вѣротерпимость въ городѣ Мецѣ. Все это имѣетъ смыслъ лишь въ договорѣ объ окончательномъ присоединеніи этого города.

Мало того, маршалъ Базенъ становится въ протоколѣ капитуляціи на точку зрѣнія тѣхъ опьянѣлыхъ отъ успѣховъ прусскаго оружія; потерявшихъ смыслъ газетъ, которыя называютъ Французовъ защищающихъ свою родину—*мятежниками и измѣнниками*. Маршалъ позволилъ вписать въ прибавленіе къ капитуляціи что жители Меца и даже *національная гвардія*, помогавшая гарнизону въ оборонѣ крѣпости, прощаются побѣдителемъ и не подвергнутся преслѣдованію. Вотъ эта статья:

Ст. 2. Никто,—принадлежитъ ли онъ къ національной гвардіи или къ числу городскихъ жителей и укрывающихся въ городѣ, не будетъ тревожимъ за его политическія или религіозныя мнѣнія, за участіе которое онъ принималъ въ оборонѣ, или за пособіе которое онъ доставлялъ арміи или гарнизону.

Но и передавая Мецъ Пруссакамъ навсегда,—не даромъ же въ протоколѣ капитуляціи сказано что приложеніе къ оному обезпечиваетъ *интересы города* Меца,—какъ могъ маршалъ Франціи оговаривать помощь національной гвардіи регулярному войску точно что-либо запрещенное или преступное?

И такую-то капитуляцію маршалъ Базенъ назвалъ въ своемъ приказѣ по войскамъ „почетною!“

Обвиненія падающія на Базена со стороны очевидцевъ умножаются. Напрасно *Кельнская Газета*, принявшая этого маршала подъ свое покровительство, указываетъ что эти обвиненія идутъ только отъ офицеровъ не желавшихъ подчиниться капитуляціи и бѣжавшихъ въ Бельгію (тоже *мятежниковъ*, по мнѣнію *Кельнской Газеты*) да и отъ редактора выходившей въ Мецѣ газеты *Indépendant de la Moselle*. Къ этимъ обвинителямъ присоединяются теперь меръ и 23 члена муниципальнаго совѣта Меца. Объявляя жителямъ о несчастіи постигшемъ городъ, они умываютъ руки. „Въ настоящую минуту,“ говорятъ они въ своей прокламаціи, „наше утѣшеніе состоитъ въ мысли о томъ что испытаніе наше будетъ лишь временное и что „мы, жители Меца, не несемъ никакой „отвѣтственности предъ страной и предъ „исторіей за совершившіеся здѣсь факты.“ Этими словами, тяжко обвиняющими наполеонскаго маршала, населеніе Меца въ послѣднюю минуту своей свободы протестуетъ противъ присоединенія къ Германіи. .

Что обвинители Базена правы, и что они говорили правду, это лучше всего доказываютъ нынѣ сами прусскія газеты, и даже газеты ультра-офиціознаго свойства, какъ напримѣръ *Шпенерова Газета*. „Еще „не разрѣшенъ вопросъ,“ говоритъ этотъ лейбъ-органъ берлинскаго кабинета, какъ величаетъ *Шпенерову Газету* австрійская печать, „какую цѣль преслѣдовали пере„говоры которые велись съ одной стороны „Базеномъ и заключенными вмѣстѣ съ нимъ „въ Мецѣ генералами Бурбаки и Бойе, а „съ другой стороны *изгнанною династіей*, „при *допущеніи* (Zulassung) ихъ и даже „*при содѣйствіи* (Vorschubleistung) *имъ* „*со стороны прусской главной квартиры*; „не разрѣшенъ также вопросъ съ какою „цѣлью состоялось это *допущеніе* и *содѣй„ствіе*....“ Но каковы бы ни были эти цѣли, мы спрашиваемъ: какимъ именемъ надо назвать тайные переговоры которые, помимо арміи и населенія, и въ то время когда еще не была ощутительна въ Мецѣ ни малѣйшая нужда, въ то время когда вся боевая сила и армія, и крѣпости была цѣла,—велись съ кѣмъ бы то ни было при *содѣйствіи* непріятеля? Лудовикъ-Наполе-

онъ до такой степени разчитываетъ на измѣну переговорщиковъ своему отечеству что повторяетъ предъ ними выдумку, служащую нынѣ предлогомъ къ продолженію войны, которая по всей справедливости должна была бы прекратиться со сдачею въ плѣнъ ея единственнаго виновника.

„Я находилъ почти подавляющимъ,“ говорилъ Наполеонъ, по словамъ *Кельнской Газеты*, при прощальной аудіенціи генералу Бойе, въ Вильгельмсгёэ, „восторгъ оказанный мнѣ Парижанами вслѣдствіе объявленія войны. Когда я изъ Сенъ-Клу „выѣзжалъ въ армію, я имѣлъ намѣреніе „проѣхать черезъ Парижъ. Но префектъ „полиціи объяснилъ мнѣ что восторгъ населенія былъ до такой степени возбужденъ что у меня выпрягутъ лошадей, и „что въ толпѣ надобно будетъ опасаться „всякихъ несчастныхъ случаевъ. Такимъ „образомъ я былъ естественно принужденъ „отказаться отъ моего намѣренія проѣхать „черезъ Парижъ. А теперь этотъ самый „народъ, съ такимъ же воодушевленіемъ, „слѣдуетъ за знаменемъ какихъ-нибудь „*уличныхъ героевъ*. Посмотримъ, лучше ли „поведутъ они дѣло!“ Конечно, всякій другой, кромѣ Бойе, могъ бы возразить противъ этого плохо скрытаго злорадства бѣдствіямъ отечества что эти такъ-называемые „уличные герои,“ пожалуй, и повели бы дѣло „лучше,“ еслибы не измѣна предавшая въ руки непріятеля, при хитрости весьма позволительной съ его стороны, всѣ боевыя силы націи....

Кельнская Газета приводитъ эти слова какъ „доказательство что Наполеонъ, *по „меньшей мѣрѣ*, дѣйствовалъ въ *духѣ Парижанъ*,“ объявляя войну Германіи. Между тѣмъ, сама же она иронически присовокупляетъ въ заключеніе этого разказа что „полицейскій префектъ могъ имѣть при „этомъ свои заднія мысли. *Недостатка не „было въ то время въ мирныхъ демонстраціяхъ* и, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, иные говорили что Наполеонъ поѣхалъ по обводной желѣзной дорогѣ *чтобы не допустить какого-либо непріятнаго проявленія (Störung) этого рода*.“

№ 233.

Москва, 29-го октября.

А.

Не такъ давно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* была сообщена сущность проектируемаго податною коммиссіей новаго гербоваго устава, и обсуждались важнѣйшіе вопросы, возбуждаемые этою реформой. Передѣлавъ въ теченіи истекшей зимы и значительно измѣнивъ въ подробностяхъ свой первоначальный проектъ, податная коммиссія приступила нынѣ, какъ намъ сообщаютъ, къ окончательной редакціи проекта гербоваго устава для внесенія его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. По всей вѣроятности, многія и можетъ-быть весьма существенныя предположенія податной коммиссіи еще измѣнятся при окончательномъ обсужденіи проекта въ ея средѣ, и потому мы не будемъ пока возвращаться къ общимъ вопросамъ возникающимъ изъ предположенной гербовой реформы и уже изложеннымъ съ достаточною полнотой въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Надо надѣяться что податная коммиссія, къ составу которой принадлежатъ многія лица извѣстныя у насъ своею государственною и финансовою опытностью, тщательно взвѣситъ недоумѣнія и сомнѣнія, связанныя со многими изъ коренныхъ преобразованій которыя предполагаются въ проектѣ новаго гербоваго устава и выгодность которыхъ для казны далеко не доказана. Теперь мы остановимся только на одной частной мѣрѣ, введенной во вновь передѣланный гербовый проектъ и поражающей своею неожиданностью. Податная коммиссія постановила себѣ между прочимъ цѣлію распространить кругъ дѣйствія гербоваго налога и съ этою цѣлію значительно размножила число случаевъ облагаемыхъ гербовою пошлиной. Повидимому особенныя надежды на значительное приращеніе казеннаго дохода возлагаются на акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній (въ томъ числѣ и закладные листы поземельныхъ кредитныхъ товариществъ) и на *дѣлопроизводство у всѣхъ должностныхъ лицъ и во всѣхъ учрежденіяхъ общественныхъ, земскихъ и сословныхъ* (за исключеніемъ крестьянскихъ). Съ подчиненіемъ акцій и облигацій гербовой пошлинѣ (въ 40 к. съ каждой) очень можно согласить-

ся, если этотъ налогъ (какъ предположено въ проектѣ) не нарушитъ существующихъ правъ, то-есть если онъ будетъ распространенъ только на акціи и облигаціи вновь выпускаемыя послѣ изданія новаго гербоваго устава; эти бумаги, какъ признаваемыя закономъ, имъ охраняемыя и безпрерывно предъявляемыя судебнымъ и административнымъ властямъ документальныя доказательства имущественныхъ правъ, принадлежатъ по своей сущности къ категоріи актовъ (подобно всякимъ долговымъ обязательствамъ, довѣренностямъ и пр.) подлежащихъ гербовому налогу. Тутъ нельзя ничего возразить съ точки зрѣнія справедливости и общихъ началъ гербовой пошлины: вопросу можетъ подлежать только практическая польза и благовременность этой мѣры подвергающей новому налогу компанейскія предпріятія и товарищества, еще далеко не стоящія въ Россіи на твердой ногѣ и между тѣмъ для насъ необходимыя. Впрочемъ можно ожидать что по незначительности своего размѣра, этотъ налогъ не будетъ чувствителенъ для акціонерныхъ компаній. Но проектируемое обложеніе гербовыми пошлинами дѣлопроизводства всѣхъ должностныхъ лицъ и учрежденій общественныхъ, земскихъ и сословныхъ, кажется намъ, несогласно съ самыми основными началами взиманія гербовыхъ пошлинъ. Возьмемъ земскія учрежденія. Давно ли они были названы *частными* учрежденіями и, какъ таковыя, наравнѣ съ частными лицами, подчинены уплатѣ почтоваго сбора? Теперь ихъ хотятъ поставить въ категорію правительственныхъ мѣстъ, и обложить каждое ихъ дѣйствіе на пользу частныхъ лицъ гербовою пошлиной въ пользу государства, наравнѣ съ дѣлопроизводствомъ казенныхъ мѣстъ. Съ чѣмъ же это сообразно? Какимъ образомъ правительство можетъ войти въ такое рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою? Впрочемъ, въ дѣйствительности, земскія учрежденія также мало носятъ частный, какъ и правительственный или казенный характеръ; они ни то, ни другое, потому что они учрежденія *общественныя*, но учрежденія общественныя существующія не въ силу контракта или частнаго (гражданскаго) права, подобно акціонернымъ компаніямъ, коммерческимъ товариществамъ и другимъ *частнымъ* юридическимъ лицамъ, а въ силу государственнаго права, подобно учрежденіямъ сословнымъ и общиннымъ (городскимъ и сельскимъ), каковы городскія думы, дворянскія и купеческія учрежденія, волостныя правленія и пр.; это органы мѣстныхъ управленій введенные въ общую систему государственнаго управленія. Земство имѣетъ напримѣръ право налога, — право чисто государственное, придающее земскому хозяйству всѣ свойства государственнаго хозяйства, къ общей системѣ котораго оно неотъемлемо принадлежитъ; земство обязательно исполняетъ на счетъ своихъ сборовъ различныя чисто государственныя повинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако всѣ земскіе сборы и имущества существуютъ независимо отъ общегосударственныхъ или *казенныхъ* сборовъ и *имуществъ* и земскіе расходы не покрываются на счетъ казенныхъ источниковъ. Если казна за свои недвижимыя имущества участвуетъ въ земскихъ сборахъ, то только въ качествѣ собственника, наравнѣ со всѣми другими землевладѣльцами, то-есть никакъ не въ видѣ обязательнаго казеннаго расхода на казенное дѣло, а только въ видѣ вознагражденія за услуги оказываемыя земствомъ казеннымъ землямъ, какъ всякимъ другимъ землямъ въ губерніи или уѣздѣ. Взглянемъ же теперь на гербовыя пошлины. Онѣ взимаются съ частныхъ лицъ за содѣйствіе въ ихъ пользу, со стороны казенныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, и для покрытія части казенныхъ расходовъ на такого рода содѣйствіе: вотъ единственное общепринятое основаніе всѣхъ безъ изъятія актовыхъ пошлинъ. Въ силу изложеннаго начала, безъ котораго система актовыхъ налоговъ потеряла бы всякую почву, дѣлопроизводство земскихъ учрежденій лишь въ томъ случаѣ могло бы быть оплачиваемо гербовыми пошлинами, еслибы пошлины вносились въ пользу земства, а не въ пользу казны; но и въ этомъ видѣ установленіе новаго земскаго налога нисколько не желательно. Нужно замѣтить что характеръ нашей земской дѣятельности совсѣмъ не административный, а по преимуществу хозяйственный и благотворительный; дѣлопроизводство земскихъ учрежденій ничего не имѣетъ общаго съ охраной и защитой имущественныхъ и личныхъ гражданскихъ правъ, оплачиваемыхъ гербовымъ сборомъ въ казенныхъ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ.

Предполагается подвергнуть уплатѣ 40 к.

пошлины (въ видѣ гербовой бумаги или марки) *за каждый листъ* всѣ прошенія, объявленія и приложенія къ нимъ подаваемыя частными лицами во всѣ земскія учрежденія; сверхъ того за каждый отвѣтъ на эти прошенія и объявленія взимать еще 40 к., подобно тому какъ это проектируется для всѣхъ казенныхъ мѣстъ, взамѣнъ нынѣшняго порядка взиманія пошлинъ за дѣлопроизводство. Такимъ образомъ всякое сношеніе съ земскими учрежденіями (управами и собраніями) будетъ стоить частному лицу, уже уплатившему содержаніе ихъ посредствомъ земскихъ сборовъ, *по меньшей мѣрѣ 80 коп.* Трудно же будетъ послѣ этого разчитывать на развитіе дѣятельности земскихъ учрежденій; по всей вѣроятности и сами они стали бы всячески стараться уменьшать свои сношенія съ публикою, дабы оберечь ее отъ излишнихъ расходовъ, когда и безъ того часто раздаются жалобы на возрастаніе земскихъ сборовъ. Проектируемая мѣра, не говоря даже объ ея явной несправедливости и произвольности, такъ мало соотвѣтствуетъ потребностямъ Россіи и времени, что даже трудно себѣ представить какъ о ней могла быть рѣчь. Когда всѣ желаютъ чтобы земство возможно болѣе развивало свою дѣятельность по медицинской части, по устройству народныхъ школъ, по сооруженію дорогъ,—въ это самое время, эта дѣятельность, безъ которой нѣтъ возможности жить по-европейски въ нашей деревнѣ и которая теперь такъ еще недостаточна, вдругъ облагается государственнымъ сборомъ, вслѣдствіе чего будетъ обходиться самому земству еще дороже чѣмъ теперь; если нынѣ свирѣпствуютъ у насъ по цѣлымъ годамъ заразительныя и эпидемическія болѣзни, если сельскій людъ находится еще подъ владычествомъ знахарей и лѣкарокъ, если крестьяне еще туго подаются на расходы по обученію своихъ дѣтей, если и теперь пожары истребляютъ цѣлыя селенія, а взаимное застрахованіе обременяетъ крестьянъ, но не оказываетъ достаточной во всѣхъ случаяхъ помощи, если все это происходитъ нынѣ, то каково же будетъ когда за всякое сношеніе съ земскою управой по всѣмъ упомянутымъ предметамъ придется нуждающимся уплачивать 80 к. гербовой пошлины, а часто и гораздо болѣе, напримѣръ при объявленіи о пожарѣ съ приложеніемъ доказательствъ или документовъ? Если и теперь крестьяне еще мало обращаются за своими нуждами въ земскія управы, то насколько рвеніе ихъ будетъ охлаждено взиманіемъ съ нихъ 80 коп. по каждой просьбѣ? Потребности съ коими обыватели обращаются въ земскія учрежденія бываютъ такъ мелки что пошлина въ 80 к. можетъ совсѣмъ отпугнуть отъ сношеній съ ними. Неужели можно брать по 80 коп. пошлины съ людей получающихъ продовольственное пособіе въ голодный годъ, или съ погорѣлыхъ ходатайствующихъ о помощи, или со старухъ просящихъ о пріемѣ въ богадѣльни?

Правда что и нынѣ подчинено гербовымъ пошлинамъ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ сословныхъ и не казенныхъ должностныхъ лицъ и мѣстъ, каковы уѣздные предводители дворянства, дворянскія опеки, городскія думы; но всѣмъ этимъ лицамъ и мѣстамъ присвоена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ административная власть, и они въ извѣстной степени входятъ въ общую организацію мѣстнаго государственнаго управленія содержащуюся на счетъ государственнаго казначейства, чего никакъ нельзя сказать о земскихъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны, въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ о гербовыхъ пошлинахъ существуетъ много аномалій, непослѣдовательности и не раціональныхъ отдѣльныхъ постановленій. Всѣ эти недостатки, уже указанные податною коммиссіей, она призвана исправить, а не усилить. Она должна между прочимъ привести въ стройную, послѣдовательную систему случаи и предметы, облагаемые гербовымъ сборомъ. Въ этомъ ея задача и въ этихъ видахъ она пересмотрѣла дѣйствующія узаконенія по гербовой части и значительно расширила кругъ дѣйствія гербоваго налога; за это ей не можетъ быть сдѣлано упрека, если только развитіе гербовыхъ пошлинъ будетъ послѣдовательно и согласно съ справедливостью. Увеличеніе государственнаго дохода по этой части весьма желательно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ въ правѣ ожидать отъ новаго гербоваго устава, что онъ не ограничится однимъ размноженіемъ случаевъ и актовъ, подвергаемыхъ гербовому налогу, а также освободитъ отъ него тѣ предметы которые нынѣ обложены имъ (подобно нѣкоторымъ сословнымъ учрежденіямъ) неправильно и вопреки здравымъ началамъ этого налога. Всего же менѣе ожидается отъ новаго гербоваго законо-

дательства что она сдѣлаетъ нашу гербовую систему менѣе справедливою и раціональною, чѣмъ теперь, какъ это неминуемо было бы съ распространеніемъ гербоваго сбора на земскія и всѣ вообще общественныя учрежденія, согласно пункту 1-му статьи 3-й составленнаго проекта. Гораздо лучше было бы въ видахъ усиленія гербоваго дохода обратить вниманіе на сокращеніе нынѣ существующихъ льготъ и привилегій, изъ коихъ многія (каковы чрезвычайныя льготы по остзейскому краю) не могутъ быть рѣшительно ни чѣмъ оправданы. Кстати замѣтимъ что въ проектѣ сохранено множество льготъ стараго времени, легко нынѣ отмѣнимыхъ.

Б.

Когда происходившіе въ первый разъ въ замкѣ Ферьеръ переговоры были прерваны, нѣкоторыя изъ петербургскихъ газетъ, издающіяся не только на нѣмецкомъ или французскомъ, но и на русскомъ языкѣ, нашли возможнымъ, по берлинскому камертону, глумиться надъ Франціей и ея нынѣшнимъ правительствомъ, выставляя Пруссію горячею поборницей мира и обвиняя временное правительство Франціи въ честолюбивыхъ замыслахъ. Посыпались насмѣшки на этихъ правителей, уличныхъ героевъ, какъ ихъ называетъ герой Седана, пребывающій въ Вильгельмсгёэ, и выставлялись героями его безчестные слуги. Теперь опять перемиріе не заключено по *винѣ* французскаго правительства, несмотря на великодушіе Пруссіи, добивавшейся чтобы во время перемирія война продолжалась со стороны Нѣмцевъ, въ то время какъ Французы занимались бы выборами, подъ покровительствомъ прусскихъ штыковъ, или совѣщались бы какъ лучше удовлетворить требованія побѣдителя. Въ чемъ состояла въ послѣднее время война между Пруссіей и Франціей? Прусаки, не рѣшаясь на приступъ осаждаемыхъ ими крѣпостей, морили голодомъ осажденныхъ, и когда блокада являлась слабою и недостаточною, то они вступали въ переговоры чтобы выиграть время, деморализовать армію осажденныхъ и затѣмъ уже сдѣлать дальнѣйшее сопротивленіе и защиту осажденныхъ невозможными. Въ то же время отдѣльные отряды ихъ рыскали кругомъ крѣпостей, разоряли мирное населеніе Франціи тяжкими реквизиціями, разстрѣливали людей пробовавшихъ защищать свое отечество, и совершали неслыханныя жестокости коихъ образчикъ читатели найдутъ ниже въ извѣстіи воспроизведенномъ нами изъ *Русскаго Инвалида*. Теперь они, предлагая перемиріе, надѣялись, заморивъ голодомъ парижскую армію, поселивъ раздоръ между ея населеніемъ и населеніемъ еще не занятыхъ непріятелемъ департаментовъ, отвлекши вниманіе страны отъ обороны, привести чрезъ мѣсяцъ всю Францію въ совершенную невозможность продолжать борьбу Эта цѣль Пруссіи была понята правительствомъ національной обороны, какъ видно изъ циркуляра г. Жюля Фавра отъ 8-го ноября, коего содержаніе подробно передалъ намъ сегодня телеграфъ. Неужели и теперь найдутся люди, окажутся газеты которыя будутъ обвинять Францію въ томъ что и вторичные переговоры о перемиріи прерваны?

Но на этотъ разъ истина до того очевидна что даже *Journal de St.-Pétersbourg*, распинавшійся за перемиреніе во что бы ни стало, не находитъ ничего лучшаго какъ повторять, вотъ уже два дня, какое-то таинственное „attendons.“ *Петербургскія* же *Вѣдомости*, не далѣе какъ четыре дня тому назадъ (№ 293) провозгласившія съ усердіемъ Добчинскаго или Бобчинскаго что они еще прежде брошюры Стронина порѣшили что Франція отжила свой вѣкъ и что новый „баринъ,“ Германія, гораздо лучше прежняго, — сегодня со свойственною этой газетѣ быстротой въ поворотахъ находятъ нужнымъ защитить отпѣтую ими націю, и указать что Бисмаркъ служитъ цѣлямъ представителемъ которыхъ до сихъ поръ былъ Наполеонъ III

Итакъ, повторяемъ, истина беретъ свое. Виновникъ войны начинаетъ выясняться даже въ самыхъ заблужденныхъ умахъ. Пруссія не довольствуется торжествомъ надъ противникомъ, она хочетъ его гибели; она ни во что ставитъ голосъ нейтральныхъ, она уже и теперь считаетъ себя единственнымъ въ Европѣ могуществомъ. Что же будетъ дальше если Франція наконецъ истощится въ борьбѣ, и ея мужественная рѣшимость продолжать ее будетъ поколеблена интригами и ложными совѣтами?

Сейчасъ получили мы депешу о рѣчахъ произнесенныхъ министрами ея британскаго величества въ Сити. Теперь они съ

полною откровенностію высказывают то что они прежде тщательно таили и что мы всегда съ увѣренностію выставляли какъ англійскій интересъ. Англіи было нужно усиленіе Германіи и ослабленіе Франціи.

№ 234.

Москва, 30-го октября.

Ожесточенная борьба которая происходитъ теперь во Франціи привела въ движеніе организованныя во всѣхъ государствахъ общества для попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Со всѣхъ сторонъ добрые люди стараются облегчить бѣдствія войны, и общества попеченія не только воюющихъ, но и нейтральныхъ государствъ, какъ общества организованныя и признанныя трактатами, своимъ участіемъ принесли уже значительную пользу. Безкорыстныя услуги, ими оказываемыя, конечно будутъ помянуты добромъ и вознаградятся сторицею когда велѣніемъ судебъ придется воевать тѣмъ націямъ которыя теперь сострадательно помогаютъ людямъ другихъ государствъ, другихъ племенъ.

И Русское Общество Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ приняло также участіе въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ горѣ. И оно ассигновало тысячъ до двадцати пяти изъ собранныхъ путемъ пожертвованій капиталовъ, и оно имѣетъ своихъ уполномоченныхъ за границей, и оно командировало болѣе двадцати врачей на поле брани, и оно отсылаетъ тюки перевязочнаго матеріала, массу разнаго рода припасовъ въ Базельскій и Брюссельскій международные комитеты. Повидимому, чего же болѣе? А между тѣмъ...

Судите сами. Два слишкомъ мѣсяца какъ уѣхали за границу наши опытные хирурги, и вотъ профессоръ хирургіи Дерптскаго университета, г. Бергманъ, свидѣтельствуетъ что „помощь присланныхъ „изъ Россіи медиковъ, выборъ которыхъ „большею частію отличный, могла бы быть „болѣе дѣйствительною, еслибъ они были „допускаемы къ дѣлу безъ затрудненій „со стороны нѣмецкихъ властей. Препятствія которыя они встрѣчали съ этой „стороны и зависимость въ которую они „были поставлены, причиною тому *что „они не принесли пользы которой можно „было бы ожидать отъ ихъ способностей „и сдѣланныхъ Обществомъ затратъ.*“ Заявленіе это замѣчательно во многихъ отношеніяхъ и оно такъ поразило своею правдивостію главнаго уполномоченнаго Общества, А. Д. Башмакова, имѣвшаго случай сравнить дѣятельность и положеніе нашихъ врачей съ дѣятельностію и положеніемъ врачей бельгійскихъ, голландскихъ, англійскихъ, американскихъ, что онъ, поддерживая мнѣніе г. Бергмана, не задумался присовокупить отъ себя строгій приговоръ о дѣятельности нашего Общества о Раненыхъ: всѣ затраты до сихъ поръ сдѣланныя, замѣчаетъ онъ, почти безполезны.

Все дѣло, деньги и врачи предоставлены были въ распоряженіе профессора Гюбенета, который еще до отъѣзда изъ Россіи, на основаніи газетныхъ извѣстій, могъ предугадывать что прусская санитарная часть находится въ превосходномъ состояніи, а французская въ сравнительно неудовлетворительномъ. Въ этомъ онъ убѣдился окончательно по пріѣздѣ въ Базель, и въ письмѣ отъ 9-го (21-го) августа самъ критикуетъ французскую и восхищается прусскою санитарною организаціей. Проѣздомъ чрезъ Берлинъ доктору Гюббенету приходилось слышать отъ лицъ стоящихъ во главѣ военно-медицинскаго вѣдомства что нѣмецкая армія не нуждается болѣе во врачахъ, и что министерство даже отказываетъ медикамъ желающимъ поступить въ военно-медицинскую службу за *излишествомъ*; заявленіе это опровергалось, правда, членами ордена Іоаннитовъ, но тѣмъ не менѣе оно было сдѣлано, каковы бы ни были вызывавшія его побужденія. Съ другой стороны, по пріѣздѣ въ Базель, г. Гюббенетъ засталъ письмо отъ парижскаго центральнаго комитета, въ которомъ было выражено „величайшее удовольствіе по поводу отправленія главнымъ управленіемъ русскихъ врачей.“

Дѣло ясное: съ одной стороны все превосходно и ничего не требуется, и нужно только наблюдать и учиться; съ другой далеко не все благополучно, и помощи просятъ, такъ что тутъ можно приложить свои силы и оказать дѣйствительное пособіе. И что же? Изъ 26 врачей, въ распоряженіе Французовъ попалъ только одинъ, г. Бетлингъ; а остальные выпросили себѣ, не безъ хлопотъ и униженія, мѣста по разнымъ нѣмецкимъ лазаретамъ,

гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ въ качествѣ фельдшеровъ, а другіе, если судить по отзыву г. Бергмана, бездѣйствуютъ и до сего времени.

Послѣдствія такого страннаго распредѣленія, вызваннаго будто бы боязнію отрѣзать русскимъ врачамъ сообщеніе съ Россіей, не могли не быть поразительны. Уже отъ 18-го (30-го) августа профессоръ Гюббенетъ, увѣдомляя о прибытіи къ нему 15 врачей, просилъ не высылать къ нему болѣе медиковъ и разрѣшить ему отсылать обратно тѣхъ изъ нихъ пребываніе которыхъ покажется ему излишнимъ. На это со стороны главнаго управленія не послѣдовало разрѣшенія, а напротивъ, поручено г. Гюббенету оказывать медикамъ всевозможное содѣйствіе, чтобы всѣ они употребили свое пребываніе за границей съ успѣхомъ для дѣла и съ пользой для нашего Общества о Раненыхъ. Между тѣмъ тому же самому г. Гюббенету отказано въ просьбѣ его проѣхать въ Парижъ, для прикомандированія нѣкоторыхъ русскихъ врачей къ французскимъ лазаретамъ, ибо члены главнаго управленія нашли что въ этомъ нѣтъ существенной надобности, въ особенности если принять во вниманіе что „бо́льшая часть французскихъ раненыхъ и французскихъ лазаретовъ находится въ рукахъ прусско-нѣмецкихъ войскъ.“ Такое рѣшеніе послѣдовало въ засѣданіи главнаго управленія 26-го августа, а въ засѣданіи 11-го сентября отказано г. Гюббенету въ посылкѣ транспортовъ съ перевязочнымъ матеріаломъ прямо въ Нанси, гдѣ, повидимому, къ тому времени нѣсколько врачей нашихъ было пристроено; предпочтенно было отправлять транспорты по прежнему въ Базель, въ вѣдѣніе международнаго агентства.

Таковы распоряженія нашего главнаго управленія и его уполномоченнаго, которыя другой уполномоченный, главный, также путешествующій только по Германіи и въ частяхъ Франціи занятыхъ нѣмецкими войсками, А. Д. Башмаковъ, не затруднился осудить самымъ рѣшительнымъ образомъ, признавъ, уже въ октябрѣ, сдѣланныя затраты почти безполезными. Этотъ почтенный дѣятель, согласно съ г. Бергманомъ, предлагаетъ теперь, по примѣру другихъ обществъ,— бельгійскаго, голландскаго, англійскаго, американскаго, — открыть подъ Парижемъ русскій госпиталь, которымъ г. Бергманъ хочетъ управлять *безмездно*. Но и это предложеніе имѣло горькую участь; члены главнаго управленія въ Петербургѣ отказали въ такомъ производительномъ расходѣ „въ виду вѣроятности скораго окончанія войны,“ а между тѣмъ, не смотря на эту вѣроятность, нашли возможнымъ вызывать русское общество на пожертвованіе полушубковъ, которые легко могутъ попасть съ больныхъ плечъ на здоровыя...

Неужели и теперь главное управленіе откажется исполнить просьбу г. Бергмана, теперь, когда нѣтъ вѣроятности на скорое окончаніе войны? Сегодняшняя телеграмма изъ Версаля свидѣтельствуетъ что дѣло съ Франціей еще не окончено, и что Луарская армія не миѳъ. Генералъ фонъ-деръ-Таннъ очистилъ Орлеанъ и, разбитый, отступаетъ къ Парижу; на помощь ему отряжена часть блокадной арміи, и кто знаетъ что̀ можетъ этимъ временемъ случиться подъ Парижемъ, гдѣ уже сформировалась готовая къ бою четырехсотъ-тысячная армія, кромѣ національной гвардіи?... Россія объявила строгій нейтралитетъ, и врачебная помощь раненымъ есть дѣло человѣколюбія, которое не разбираетъ знаменъ и флаговъ. Неужели и теперь главное управленіе не рѣшится на затрату какихъ-нибудь двадцати тысячъ, хотя бы для соблюденія нѣкотораго равновѣсія въ своихъ услугахъ обѣимъ сторонамъ? Помощь Общества именно въ настоящую минуту была бы благовременна. Устройство русскаго госпиталя или даже нѣсколькихъ госпиталей близь театра войны, около Парижа, Ліона, Орлеана, назначеніе особаго уполномоченнаго для Франціи было бы оцѣнено этою страной въ особенности теперь, когда въ ней царствуетъ неурядица, военно-врачебная часть въ разстройствѣ, а денегъ не достаетъ и на болѣе существенныя потребности. Было бы поистинѣ дѣломъ человѣколюбія увеличить въ этой странѣ, гдѣ все болѣе и болѣе разгарается народная война, число нейтральныхъ колоній, черезъ порогъ которыхъ не переступала бы ожесточенная вражда, и гдѣ бы раненые и больные находили себѣ пріютъ и призрѣніе. Такія нейтральныя колоніи напоминали бы обѣимъ сторонамъ гуманныя постановленія Женевской конвенціи и давали бы этимъ постановленіямъ силу и благотворное примѣненіе.

235.

Москва, 31-го октября.

31-го минувшаго октября были сдѣланы въ Пештской палатѣ представителей три запроса тѣсно связанные съ нынѣшними событіями. Первый сдѣланъ депутатомъ Шимоньи (Simonyi). Онъ желалъ опредѣлить то положеніе какого держалась до сихъ поръ и должна держаться впредь Венгрія относительно воюющихъ державъ. Въ началѣ, сочувствіе Венгріи было, говорилъ ораторъ, на сторонѣ вызванной на бой Германіи; но послѣ паденія имперіи, когда Пруссія, вопреки отвращенію самихъ населеній, хочетъ присоединить къ Германіи Альзасъ и Лотарингію,— сочувствія эти должны, по его мнѣнію, перейти на сторону Франціи. Хотя ораторъ и до сихъ поръ надѣется что Франція сама выйдетъ изъ тяжкаго положенія, въ какое ввергла ее политика грубаго династическаго своекорыстія, но въ виду явнаго нарушенія новаго великаго принципа европейскаго права, ораторъ желалъ бы вызвать вмѣшательство нейтральныхъ. Графъ Андраши отвѣчалъ что правительство не намѣрено отступать отъ принятаго имъ положенія, что оно держится строгаго нейтралитета огражденнаго необходимыми вооруженіями и ограничившаго дружескими совѣтами свое вмѣшательство въ дѣла воюющихъ державъ. Большинство палаты отвергло запросъ.

Второй изъ запросовъ того дня сдѣланъ былъ депутатомъ Коломаномъ Тиссой, который выразилъ желаніе чтобы Венгрія имѣла свою самостоятельную, независимую отъ Цислейтаніи военную силу. Потрясающій опытъ, говорилъ ораторъ, долженъ убѣдить всякаго что нынѣ въ Европѣ господствуетъ только право сильнаго, и что слѣдовательно всякая держава должна обезпечивать свою безопасность развитіемъ своихъ военныхъ силъ. Въ виду грядущихъ замѣшательствъ, продолжалъ г. Коломанъ Тисса, Венгрія не можетъ надѣяться на иную опору кромѣ собственныхъ силъ, и поэтому армія ея должна быть вполнѣ самостоятельная и содержать въ себѣ всѣ спеціальные роды войскъ и учрежденія которыхъ лишены нынѣ гонведы.

Но и этотъ запросъ былъ отвергнутъ. За тѣмъ депутатъ Ираньи (Iranyi) вывелъ изъ современныхъ событій поученіе какъ легко можетъ быть разгромлено государство не имѣющее достаточной самостоятельности. Г. Ираньи заключаетъ что безопасность Венгріи требуетъ чтобъ ея самостоятельность была завершена полнымъ отдѣленіемъ отъ Австріи, такъ чтобы между Венгріей и остальными владѣніями императора Франца-Іосифа оставалось только личное единеніе (unio personalis). Нынѣшнія событія, настаивалъ ораторъ, не дозволяютъ медлить въ достиженіи этого необходимаго условія безопасности Венгріи: для нея насталъ, наконецъ, часъ отдѣлиться отъ Цислейтаніи, гдѣ господствуютъ вѣчныя смуты...

Но, несмотря на единодушныя рукоплесканія палаты, и этотъ запросъ также отвергнутъ.

Газета *Ellenör* основательно замѣчаетъ что запросъ Ираньи только потому отвергнутъ что для пересмотра конституціи 1867 года надобно дождаться окончанія войны. Партія Деака, то-есть правительство и большинство представителей страны, не раздѣляетъ ни опасенія, ни нетерпѣнія крайней лѣвой стороны. Но всѣ партіи будутъ согласны, какъ только Германія, завершивъ свое дѣло, двинетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло Венгріи въ направленіи къ Востоку, какъ авангардъ интересовъ Германіи. Что Пруссія принимаетъ къ сердцу такъ-называемые „нѣмецкіе интересы на низовьяхъ Дуная,“ это кажется достаточно доказано въ №№ 209 и 228 нашей газеты, гдѣ съ документами въ рукахъ слѣдили мы за изворотами ловкой и вмѣстѣ энергической политики которой держалась Пруссія въ продолженіе Восточной войны.

Итакъ, хотя Мадьяры не намѣрены теперь поднимать вопросъ о конституціи 1867 года, но цѣль, къ которой стремятся *всѣ* мадьярскія партіи—независимость Венгріи—не можетъ быть достигнута иначе какъ совершеннымъ распаденіемъ Австріи и преданіемъ Цислейтаніи на съѣденіе всегерманскому Молоху. И все это ведется не шепотомъ между какими-нибудь подземными заговорщиками, не втайнѣ отъ центральнаго правительства Габсбургской монархіи,—нѣтъ: все это пишется ежедневно во множествѣ газетъ, все это громко высказывается въ законодательныхъ палатахъ...

„Нѣкоторые изъ нашихъ Прусаковъ пе-

чати,„ свидѣтельствуетъ *Tages-Presse*, „обсуживаютъ положеніе дѣлъ Австріи такъ „какъ будто *Цислейтанія уже стала вас-„сальнымъ владѣніемъ будущаго Герман-„скаго императора*. Они намекаютъ даже „на то что войска стоящія нынѣ побѣдо-„носно подъ Парижемъ сумѣютъ легко и „во второй разъ найти путь къ Вѣнѣ." Съ другой стороны пишутъ изъ вѣны, отъ 1-го ноября, въ *Hamburgischer Correspondent* что „австрійскихъ политиковъ „начинаетъ безпокоить та настойчивость съ „какою въ Пештѣ домогаются измѣненія „основаній конституціи 1867 года. Оши-„биться тутъ нельзя: по сю сторону Лей-„ты съ каждымъ часомъ растетъ партія „которая съ восторгомъ привѣтствовала „бы *установленіе личнаго единенія* съ „Венгріей, *какъ устраненіе главнаго* пре-„пятствія для возвращенія *нѣмецкихъ про-„винцій* Австріи въ Германскій Союзъ." Но въ вечернемъ своемъ изданіи, та же газета спѣшитъ успокоить сообщенныя ею утромъ опасенія своего вѣнскаго корреспондента. „Истина въ томъ," сказано тутъ, „что судьбы нѣмецкаго элемента на „*низовьяхъ Дуная* существенно зависятъ „отъ честнаго и по возможности скораго „примиренія императорско-королевскаго „двора съ Берлинскимъ кабинетомъ... и „это вѣрное сознаніе настоящаго положе-„нія уже укоренилось такъ глубоко что „вскорѣ, надобно надѣяться, оно распро-„странится на всю нѣмецкую Австрію."

Пештскій Лойдъ, органъ партіи Деака, уговариваетъ Чеховъ помириться съ мыслью о присоединеніи къ Пруссіи, такъ какъ Пруссаки, въ сущности, „тѣ же „Славяне по племенному происхожденію," и въ Пруссіи имъ все же будетъ „лучше „и свободнѣе чѣмъ подъ сѣнію Россіи..."

Итакъ, „лойяльная" нѣмецкая партія въ Богеміи хлопочетъ заодно съ Мадьярами о распаденіи Габсбургской имперіи. Личина уже сброшена: телеграфъ сообщалъ намъ изъ Праги, отъ 7-го ноября, что „бо́льшая часть сельскихъ (нѣмец-„кихъ) общинъ *вѣрныхъ конституціи* „(то-есть системѣ Бейстова дуализма) при-„нимаютъ резолюцію въ пользу скорѣйша-„го введенія прямыхъ выборовъ въ импер-„скую думу съ *присоединеніемъ къ ново-„организующейся Германіи*."

Что́ же думаетъ объ этомъ вѣнское правительство?

Не разъ въ нашей газетѣ сообщались свѣдѣнія о попыткахъ то одной Австріи, то Австріи при содѣйствіи Баваріи, принять участіе въ предстоящихъ переговорахъ о мирѣ, и такимъ образомъ возвратиться въ лоно нѣмецкой семьи. Наконецъ, среди грома побѣдъ, король Прусскій, какъ сообщаетъ *Neue Freie Presse* и подтверждаетъ *Кельнская Газета*, „не-„давно высказалъ глубокое прискорбіе что „подлѣ него не стоитъ его союзникъ ми-„нувшихъ лѣтъ." По порученію короля Вильгельма, слова эти переданы прусскимъ посломъ въ Вѣнѣ императору Францу-Іосифу.

Что́ изо всего этого выходитъ?

Послѣ окончательнаго и рѣшительнаго торжества Пруссіи надъ Франціей, имперія Габсбурговъ будетъ лишена всякой возможности держаться на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Она должна будетъ во всемъ уступить требованіямъ берлинской политики. Бо́льшая часть Цислейтаніи, съ Чехіей, возвратится въ составъ Германскаго Союза, и съ австрійскими Славянами будетъ покончено.

Это первый и ближайшій этапъ въ развитіи новоорганизующейся Германіи, при тѣхъ обстоятельствахъ какія должны сложиться въ случаѣ полнаго торжества Пруссіи надъ Франціей.

Какъ видно, Цислейтанію предполагается ввести въ Германскій Союзъ на тѣхъ же основаніяхъ какъ и южныя германскія государства. Того желаютъ многіе Нѣмцы въ Цислейтаніи; того желаетъ и Венгрія.

Итакъ, древняя, столь гордая династія Габсбурговъ очутится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ будущему императору Германіи изъ Гогенцоллернскаго рода!.. Но такое положеніе было бы нестерпимо для Габсбурга, еслибы та же рука которая привела его въ столь печальную необходимость не открывала ему перспективы на Востокѣ...

Наслѣдникъ величія западной Римской имперіи можетъ утѣшиться видами на наслѣдство Восточной Римской Имперіи. Графъ Бисмаркъ не разъ говорилъ громогласно что *Oesterreich* должна сдѣлаться *Ostreich*.

Возбужденіе Восточнаго вопроса, вотъ второй этапъ въ ходѣ предусмотримыхъ событій. Уже тронуты пружины этого вопроса. Задача состоитъ въ томъ чтобы сама Россія возбудила этотъ роковой вопросъ. Въ сферахъ гдѣ обдумываются пла-

ны будущаго имѣется повидимому надежда что Россія ошибочно сочтетъ нынѣшнія обстоятельства особенно благопріятными для своей политики на Востокѣ... Вотъ, сколько можно видѣть, программа ближайшаго будущаго, если въ настоящемъ все кончится какъ задумано. Россія, начавъ движеніе на Востокѣ,—такъ соображаютъ направители событій—очутится въ такомъ же положеніи какъ бонапартовская Франція, которая ошиблась въ обстоятельствахъ и обочлась въ союзахъ и нейтралитетахъ. Коалиція болѣе серіозная чѣмъ когда-либо возникла бы при первомъ шагѣ Россіи. А Пруссія? Неужели и Пруссія вошла бы въ эту коалицію? Пруссія можетъ обѣщать намъ нейтралитетъ, но всѣ ея интересы будутъ на той сторонѣ, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе нейтралитетъ ея будетъ благопріятенъ противникамъ Россіи, пока наконецъ, смотря по ходу событій, не сочтетъ она нужнымъ обратиться къ Россіи, какъ въ 1855 году, съ дружескимъ совѣтомъ покориться благоразумно силѣ обстоятельствъ. Дружба ея еще разъ будетъ доказана, а дѣло обдѣлано

Если Франція не оправится въ своей отчаянной борьбѣ, если она будетъ вынуждена заключить позорный миръ, то съ націей убитою, лишенною чести, утратившею духъ, можно будетъ распорядиться по произволу. Если въ ней будетъ возстановлена Наполеоновская династія, то и Франція неизбѣжно приметъ участіе въ коалиціи враждебной Россіи. Болѣе чѣмъ когда-либо, правительство Франціи будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ея враговъ, оно будетъ дѣлать ихъ дѣло и поправлять на Дунаѣ свою военную репутацію опозоренную на Рейнѣ. Сосѣди помогутъ ей.

Вотъ почему наша публика, движимая вѣрнымъ чутьемъ, слѣдитъ съ такимъ напряженнымъ участіемъ за перипетіями нынѣшней борьбы. Въ этой борьбѣ, всѣ чувствуютъ, дѣйствительно замѣшаны судьбы Россіи.

№ 236.

Москва, 2-го ноября.

Приготовляющееся преобразованіе гербовыхъ сборовъ, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду распространить кругъ дѣйствій этихъ налоговъ и значительно увеличить число случаевъ облагаемыхъ актовыми пошлинами. На дняхъ мы сообщали читателямъ что рѣчь идетъ о привлеченіи къ гербовому сбору даже дѣлопроизводства земскихъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій.

Въ виду такихъ предположеній, съ новою силой поражаютъ насъ льготы по разнаго рода актовымъ налогамъ столь многочисленныя въ нашемъ законодательствѣ и, къ сожалѣнію, оставленныя податною коммиссіей безъ особеннаго вниманія. Такихъ привилегій очень много въ балтійскомъ краѣ. Оставляя въ сторонѣ подробности, достаточно сказать что напримѣръ ст. 392 разд. II т. V Св. Зак. постановляетъ *общее изъятіе* отъ крѣпостныхъ пошлинъ для всей Курляндской губерніи, „гдѣ всѣ вообще акты совершаются безъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ." Подобныхъ изъятій нѣтъ ни въ одномъ законодательствѣ. Неужели они сохранятся у насъ и теперь когда приходится выискивать и привлекать за волосы предметы для обложенія гербовымъ сборомъ, когда идетъ рѣчь о столь несправедливомъ стѣсненіи земства во внутреннихъ губерніяхъ?

Балтійскія губерніи не довольствуются существующими привилегіями, а добиваются все дальнѣйшаго ихъ расширенія.

Намъ сообщили недавно новый любопытный образчикъ того успѣшно практикуемаго балтійскими дѣльцами умѣнья обходить законъ которое они, когда до нихъ наконецъ доберутся, любятъ прикрывать аргументами почерпнутыми большею частью изъ забытыхъ „хартій" давно-минувшихъ дней и долженствующими безъ дальнихъ справокъ доказать привилегію трехъ балтійскихъ губерній не исполнять законовъ обязательныхъ для нихъ какъ и для прочихъ губерній Имперіи. Въ настоящемъ случаѣ поводъ, повидимому, былъ не важный, но и тутъ рыцари не утерпѣли чтобы не заявить о своемъ исключительномъ, предъ остальною Россіей, положеніи. Рѣчь идетъ о канцелярскихъ пошлинахъ взимаемыхъ присутственными мѣстами въ размѣрѣ 3 руб., независимо отъ сбора собственно крѣпостнаго, съ каждаго совершаемаго крѣпостнымъ порядкомъ акта, и которыя судебныя мѣста балтійскаго края разсудили за благо не взыскивать при совершеніи такъ называемыхъ ингроссацій (закладныхъ актовъ сопряженныхъ съ за-

логомъ недвижимыхъ имуществъ). Долгое время эта начетистая для казны практика держалась никѣмъ не замѣчаемая и не тревожимая по милости той плотной завѣсы которая вообще закрываетъ балтійскія дѣла отъ глазъ непосвященныхъ. Лишь недавно была она выведена на свѣтъ Божій, благодаря единству кассы и новой ревизіонной системѣ. Случилось это такъ: учрежденная въ Ригѣ контрольная палата потребовала къ себѣ на ревизію ипотечныя книги Курляндской губерніи, которыя до того времени, по упущенію контрольнаго отдѣленія казенной палаты, на ревизію вовсе не поступали. Книги доставлены были только однимъ изъ уѣздныхъ судебныхъ учрежденій (получившимъ за то въ послѣдствіи отъ курляндскаго гофгерихта приличную головомойку), и изъ нихъ палата усмотрѣла что при совершеніи въ этомъ судебномъ мѣстѣ закладныхъ актовъ (ингроссацій) не взималась установленная для такого рода сдѣлокъ канцелярская пошлина. Прочія же судебныя мѣста актовыхъ книгъ не доставили, а вмѣсто того вступившійся въ дѣло курляндскій оберъ-гофгерихтъ прислалъ контрольной палатѣ строгую нотацію, въ коей требованіе ея изображалось превышеніемъ власти и посягательствомъ на достоинство судебнаго учрежденія. Дѣло дошло до генералъ-губернатора, который, съ своей стороны, признавъ настоянія контрольной палаты правильными, пригласилъ оберъ-гофгерихтъ подчиниться закону: но расходившееся курляндское судилище ничего и слышать не хотѣло и, придавъ дѣлу нѣкоторый оттѣнокъ жалобы на чинимыя ему администраціей обиды и притѣсненія, вошло съ представленіемъ о томъ въ правительствующій сенатъ, призванный разъяснять недоразумѣнія возникающія между учрежденіями Имперіи въ примѣненіи того или другаго закона.

Какіе же доводы выставлены курляндскимъ оберъ-гофгерихтомъ въ оправданіе нежеланія своего исполнять требованія закона и присылать свои актовыя книги на ревизію контрольной палаты? Почтенные курляндскіе юристы, вдохновленные, надо думать, бывшимъ своимъ президентомъ, столь прославившимся въ послѣдствіи, г. Вольдемаромъ фонъ-Боккомъ, и повинуясь традиціонной политикѣ, ссылаются главнымъ образомъ на археологическіе курляндскіе статуты XVII и начала XVIII вѣковъ и на мнѣніе мѣстнаго ученаго г. Бунге, утверждающаго что ипотечныя книги должны всегда оставаться „на храненіи“ въ судебныхъ мѣстахъ. Но какъ бы самъ сознавая слабость и недостаточность этихъ аргументовъ оберъ-гофгерихтъ счелъ за нужное подкрѣпить ихъ еще другими соображеніями, въ родѣ того что по Курляндской губерніи вообще поступаетъ въ казну такъ мало канцелярскихъ пошлинъ что изъ-за повѣрки столь ничтожнаго сбора не стоитъ де пересылать въ Лифляндскую контрольную палату ипотечныя книги, которыя при этомъ—чего не дай Боже!—еще могутъ утратиться; затѣмъ оберъ-гофгерихтъ опирается на прецедентъ казенной палаты которая никогда не требовала къ себѣ на ревизію ингроссаціонныхъ книгъ. Относящееся же сюда постановленіе закона, ясное и недвусмысленное, обходится отговоркой что это до Курляндской губерніи не касается. Между тѣмъ въ законѣ (см. 434 т. V Св Зак.) сказано: По окончаніи года казенная палата (по введеніи же контрольныхъ учрежденій, контрольная палата) производитъ повѣрку *всѣхъ* поступившихъ въ казну съ крѣпостныхъ актовъ *пошлинъ* не по однѣмъ приходо-расходнымъ книгамъ присутственныхъ мѣстъ, *но и по тѣмъ книгамъ въ кои записываются самые акты*. Посему присутственныя мѣста въ январѣ мѣсяцѣ каждаго года *должны отсылать въ казенную (нынѣ контрольную) палату всѣ нужные для означенной повѣрки документы*.

Что законъ этотъ касается и балтійскихъ губерній, это вытекаетъ прямо изъ статьи 2 ч. I Свода Мѣстныхъ Постановленій, по которой въ тѣхъ губерніяхъ дѣйствуютъ общіе законы Имперіи, съ тѣми лишь изъятіями кои образуютъ означенный Сводъ. Такого изъятія относительно приведенной статьи не имѣется. Да наконецъ въ послѣдовавшемъ между государственнымъ контролемъ и министерствомъ финансовъ соглашеніи по предмету представленія на ревизію отчетныхъ документовъ, прямо значатся и *ингроссаціонныя книги прибалтійскихъ судебныхъ мѣстъ*.

Остается второй вопросъ: слѣдуетъ ли съ совершаемыхъ въ Курляндской губерніи закладныхъ актовъ, вносимыхъ въ ингроссаціонныя книги, взимать канцелярскую пошлину? И въ этомъ случаѣ аргументація оберъ-гофгерихта, насколько мы успѣли ознакомиться съ нею, направлена скорѣе

къ тому чтобы замять и запутать вопросъ, вмѣсто того чтобы прямо подойти къ нему и попытаться разрѣшить его. Верховный курляндскій трибуналъ вдается въ пространныя, едва ли идущія къ дѣлу разсужденія что между ингроссаціями той губерніи и закладными крѣпостями остальной Россіи имѣются нѣкоторыя различія, и *der langen Rede kurzer Sinn* есть тотъ что съ оныхъ ингроссацій не слѣдуетъ брать канцелярскихъ пошлинъ. Впрочемъ, оберъ-гофгерихтъ не прочь также прибѣгнуть подъ защиту Свода Законовъ Имперіи тамъ гдѣ усмотритъ себѣ въ томъ выгоду. Такъ въ настоящемъ случаѣ онъ пытается примѣнить къ ингроссаціямъ статью 444 т. V Уст. о Пошл., въ коей установлены изъятія отъ платежа канцелярской пошлины. Оберъ-гофгерихтъ нисколько не стѣсняется тѣмъ что между исчисленными въ той статьѣ актами (1. отпускныя; 2. купчія крѣпости совершаемыя учебными заведеніями; 3. являемыя у крѣпостныхъ дѣлъ заемныя письма, платежныя росписки и вѣрящія письма, и 4. полюбовныя сказки) совершенно чуждыми закладнаго характера, и между курляндскими ингроссаціями нѣтъ не только тождества, но даже подобія.

Сверхъ этихъ шаткихъ доводовъ, оберъ-гофгерихтъ опирается еще на сенатскіе указы данные въ 1828 году (16-го апрѣля и 17-го сентября), а равно на мнѣніе государственнаго совѣта, отъ 25-го марта 1857, коимъ дѣйствіе тѣхъ указовъ подтверждается. Но здѣсь выбранныя оберъ-гофгерихтомъ орудія защиты обращаются прямо противъ него и въ конецъ разрушаютъ и безъ того не крѣпкіе окопы его аргументаціи.

Указъ сената, отъ 16-го апрѣля 1828, предписывалъ Курляндской казенной палатѣ не взыскивать канцелярской пошлины съ такихъ актовъ (поручныхъ записей, заемныхъ и страховыхъ писемъ, векселей, реверсовъ и т. п.) которые вовсе не принадлежатъ къ разряду закладныхъ, слѣдовательно съ ингроссаціями не имѣютъ ничего общаго, и которые освобождены отъ означеннаго взысканія и въ другихъ мѣстахъ Имперіи. Требованіе свое правительствующій сенатъ основывалъ на Высочайшемъ указѣ 24-го ноября 1821, коимъ одновременно съ запрещеніемъ облагать канцелярскою пошлиной исчисленные выше акты, постановлено:

а) При совершеніи закладныхъ, заставныхъ *и другихъ актовъ равную съ ними силу имѣющихъ*, взыскивать установленный п. 2 указа 28-го октября 1808 г. „сборъ съ письма крѣпостей“ (канцелярскую пошлину); б) все что въ семъ указѣ предписано къ дѣйствію гражданскихъ палатъ, уѣздныхъ судовъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ, должно относиться *и ко всѣмъ безъ изъятія равнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ состоящимъ подъ другими наименованіями въ остзейскихъ*, западныхъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ.

Неужели не ясно?

Хотя намъ неизвѣстно содержаніе другаго приводимаго оберъ-гофгерихтомъ сенатскаго указа (отъ 17-го сентября того же 1828 года), но трудно предположить чтобы правительствующій сенатъ могъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ изданія одного указа издать другой, прямо ему противуположный.

Наконецъ, мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвержденное 25-го марта 1857 г., точно такъ же какъ и указъ сената 16-го апрѣля 1828 г., имѣетъ въ виду только такіе акты, которые упомянуты въ ст. 444 т. V Уст. о Пошл., и не только не распространяется на акты закладнаго характера, но напротивъ содержитъ явное, хотя и косвенное, подтвержденіе обязанности судебныхъ мѣстъ взыскивать съ закладныхъ (крѣпостныхъ) актовъ канцелярскую пошлину.

Въ виду слабости и ненадежности оружія коимъ курляндское верховное судилище ополчилось на защиту своихъ „правъ,“ якобы попираемыхъ генералъ-губернаторомъ и контрольною палатой, намъ плохо вѣрится чтобъ самъ оберъ-гофгерихтъ много полагался на силу своихъ аргументовъ въ этомъ дѣлѣ. Мы скорѣе готовы предположить что „умыселъ другой тутъ былъ,“ а именно: придумать хоть какіе-нибудь гнилые аргументы, приправить ихъ раздраженіемъ противъ якобы несправедливыхъ притязаній закона, и пустить дѣло въ дальній путь. Хотя бы и не было никакой надежды на рѣшеніе благопріятное, все-таки можно по крайней мѣрѣ sauver les apparences, найти новый предлогъ къ сѣтованіямъ и выиграть нѣсколько лѣтъ срока: вѣдь дѣло возникло еще въ 1865 году.

№ 237.

Москва, 3-го ноября.

А.

Въ свое время мы сообщали что въ краковской газетѣ *Край* приводился разговоръ, въ которомъ графъ Бисмаркъ будто бы доказывалъ галицкому депутату Смолькѣ (а не Смолкѣ, какъ ошибочно пишется это имя въ нашихъ газетахъ) что не отъ Австріи, а развѣ отъ Пруссіи должны Поляки ожидать воскрешенія Польши, такъ какъ Пруссіи и безъ того предстоитъ де столкновеніе съ Россіей, отъ которой она должна отторгнуть ея нѣмецкія балтійскія провинціи. Разговоръ этотъ, по утвержденію польской газеты, происходилъ не такъ давно и на какихъ-то минеральныхъ водахъ.

Не прошло и недѣли по напечатаніи этого извѣстія какъ *Кельнская Газета*, будто въ опроверженіе его, хотя и не упоминая о немъ, привела,—со словъ одной петербургской, но не русской, хотя и издаваемой на русскомъ языкѣ газеты,—другой разговоръ, въ которомъ тотъ же графъ Бисмаркъ будто бы завѣрялъ „одного русскаго государственнаго человѣка" что онъ не только никогда не думалъ о возстановленіи Польши, но отвергаетъ всякій помыселъ о присоединеніи русскихъ балтійскихъ провинцій какъ безполезной для Пруссіи „узкой полосы земли."

Впрочемъ, что же другое могъ бы и сказать объ этомъ предметѣ графъ Бисмаркъ „русскому государственному человѣку?" Что бы онъ ни думалъ о русскихъ балтійскихъ провинціяхъ, было ли возможно ему сказать въ бесѣдѣ съ русскимъ государственнымъ человѣкомъ: „Да, не могу скрыть отъ васъ что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ я буду не только смущать Поляковъ, но и постараюсь отобрать у васъ балтійскія провинціи..."

Мы вполнѣ увѣрены что графъ Бисмаркъ если уже говорилъ объ этихъ щекотливыхъ предметахъ съ русскимъ государственнымъ мужемъ, то конечно не иначе какъ съ цѣлью успокоить всякое подозрѣніе съ русской стороны. Но это еще не доказательство чтобы то же лицо не говорило что-либо совершенно противное въ разговорѣ съ Полякомъ. Самый фактъ столь щекотливаго разговора между графомъ Бисмаркомъ и „русскимъ государственнымъ мужемъ" намекаетъ на существованіе чего-либо способнаго возбудить съ русской стороны недоумѣніе.

Послѣ того газета графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, возвѣстила что она „уполномочена объявить что „графъ Бисмаркъ никогда не видалъ „г. Смольки, а потому не имѣлъ съ нимъ „и приписаннаго ему разговора." Услужливый берлинскій телеграфъ поспѣшилъ въ тотъ же день сообщить въ русскія газеты это опроверженіе.

Мы не хотимъ придавать значенія нескромностямъ польскихъ газетъ; но не можемъ не замѣтить съ какимъ рвеніемъ газета графа Бисмарка, не довольствуясь вышеприведеннымъ объясненіемъ, сыплетъ опроверженія, а Вольфово телеграфное агентство спѣшитъ передавать ихъ въ Россію. Опроверженія эти идутъ *crescendo*. Первое просто утверждаетъ что разговора со Смолькой не было; второе что графъ Бисмаркъ никогда не видалъ г. Смольки; наконецъ сообщается что графъ Бисмаркъ давно не былъ ни на какихъ минеральныхъ водахъ.

Между тѣмъ въ *Пештскій Ллойдъ* пишутъ изъ Мюнхена слѣдующее: „Сколько „бы *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* ни „увѣряла что графъ Бисмаркъ не имѣлъ „лично никакого разговора съ Галичани„номъ, здѣсь однако знаютъ вполнѣ и „опредѣлительно что прусскій государ„ственный мужъ почти въ то же время об„винялъ въ Петербургѣ австрійское прави„вительство въ дружескомъ расположеніи „къ Полякамъ, а между тѣмъ, посред„ствомъ своихъ агентовъ, старался угово„рить партію Чарторыйскихъ въ Парижѣ „чтобъ она не вѣрила Австріи, такъ какъ „отъ нея Польша ничего ожидать не дол„жна. Кромѣ того, здѣсь извѣстно что „графъ Бисмаркъ переговаривался со свя„то-юрскою партіей въ панславянскомъ „смыслѣ, съ партіей Чарторыйскихъ объ „аристократическихъ интересахъ, а съ „красною партіей о возстановленіи поль„ской республики, обѣщая каждой партіи „покровительство Германіи. Хотя канцлеръ „Сѣверо-Германскаго Союза не оставилъ „никому ни строки самимъ имъ написан„ной, однако здѣсь видѣли записку (Kon„zept) исполненную Бисмарковскаго духа."

Въ Вѣнѣ, говоритъ *Пештскій Ллойдъ* въ другомъ мѣстѣ, весьма хорошо знаютъ

что нынѣ рѣшается вопросъ о созданіи „великой Германіи чрезъ присоединеніе къ „ней наслѣдственныхъ владѣній Австрій-„ской имперіи, *за исключеніемъ одной Га-„лиціи.*“

Въ самомъ дѣлѣ, недавно въ Версалѣ съ прискорбіемъ вспомнили объ отсутствіи союзника минувшихъ лѣтъ, а прусскій посланникъ въ Вѣнѣ „дѣлаетъ все возмож-„ное для установленія соглашенія между „Пруссіей и Австріей,“ какъ свидѣтельствуетъ офиціальная *Morgen-Presse*. Сближеніе съ Австріей требуется между прочимъ и затѣмъ чтобъ изъ Берлина направлять Австрію на путь усиленной германизаціи Чеховъ. Уже получено извѣстіе что происходящій нынѣ въ Вѣнѣ министерскій кризисъ, повидимому, разрѣшится образованіемъ кабинета Шмерлинга, самаго отъявленнаго германизатора изъ всѣхъ государственныхъ людей Австріи... Такимъ образомъ, если это назначеніе состоится, въ Прагѣ будетъ подготовляться, руками самой Австріи, завершеніе дѣла Германіи присоединеніемъ къ ней всей Цислейтаніи, *кромѣ Галиціи*.

А что же станется съ Галиціей?

Только при совершенномъ отсутствіи политическаго смысла можно повѣрить чтобы Пруссія, во главѣ Германіи, серіозно желала созданія на своихъ границахъ славянскаго государства способнаго жить и входить въ силу. Пруссія стоитъ на костяхъ славянства, а именно польскаго народа. Германская идея отрицаетъ всякое самостоятельное существованіе въ славянскомъ мірѣ, которое имѣло бы будущность и историческое призваніе. Польша могла бы понадобиться ей развѣ только какъ временное орудіе противъ славянства, какъ элементъ внутренней смуты въ его нѣдрахъ. Завоеванія Германіи на славянской почвѣ были послѣдствіемъ происходившихъ на ней междуусобій и розни. Раздѣлять, ослаблять, возбуждать элементы розни въ славянскомъ мірѣ—вотъ путь которымъ и теперь Германія можетъ слѣдовать въ своемъ напорѣ на Востокъ. Исполнивъ свою миссію въ этомъ смыслѣ, сослуживъ службу врагамъ славянства, остатки Польши должны были бы навсегда исчезнуть въ тевтонскомъ морѣ... Умные люди не могутъ не понять этого; но всякій обманъ разчитываетъ не на умъ, а на глупость людскую...

Б.

Разказанная нами исторія пререканій возникшихъ между Курляндскимъ оберъ-гофгерихтомъ и Лифляндскою контрольною палатой повторилась, съ небольшими варіяціями, и въ Эстляндской губерніи. И здѣсь также требованіе на ревизію ипотечныхъ книгъ и заявленіе о необходимости взимать съ ингроссацій (закладныхъ актовъ) канцелярскую пошлину встрѣчены были со стороны мѣстныхъ губернскихъ учрежденій (оберъ-ландгерихта и губернскаго правленія) рѣшительною оппозиціей и точно также обозваны „несправедливымъ и противозаконнымъ притязаніемъ“ контрольнаго вѣдомства. За неимѣніемъ, впрочемъ, въ Эстляндской губерніи особаго оберъ-гофгерихта который бы, какъ въ Курляндіи, могъ ополчиться на защиту правъ подчиненныхъ ему судебныхъ мѣстъ, —пришлось прибѣгнуть къ такой процедурѣ: губернское правленіе затребовало сначала заключенія по сему вопросу отъ губернскаго прокурора, и затѣмъ созвало собраніе соединенныхъ палатъ Эстляндской губерніи.

Нѣтъ надобности излагать in extenso тѣ болѣе или менѣе ухищренные аргументы которые придуманы были эстляндскимъ прокуроромъ вкупѣ съ общимъ собраніемъ мѣстныхъ палатъ чтобъ отдѣлаться отъ назойливыхъ требованій контрольнаго учрежденія. Въ сущности ими не измышлено ничего новаго противъ доводовъ курляндскаго оберъ-гофгерихта; по примѣру его, и эстляндскіе дѣльцы также настаиваютъ на кое-какихъ не идущихъ къ дѣлу отличіяхъ мѣстныхъ ингроссацій отъ закладныхъ актовъ Имперіи, и на этомъ основаніи считаютъ взиманіе канцелярской пошлины съ первыхъ излишнимъ, не указаннымъ будто бы въ законѣ отягощеніемъ сдѣлокъ совершаемыхъ землевладѣльцами и гражданами Эстляндской губерніи. При этомъ заботливый о благѣ бѣдной братьи прокуроръ, въ трогательныхъ выраженіяхъ, заявилъ о затрудненіяхъ какія должны возникнуть для небогатыхъ обывателей края вслѣдствіе взысканія съ нихъ трехрублевой канцелярской пошлины при залогѣ недвижимыхъ имуществъ. Что же касается до относящихся сюда статей закона, то и эстляндскіе практики, слѣдуя своимъ курляндскимъ коллегамъ, этимъ не стѣсня-

ются, толкуя ихъ вкривь и вкось и тасуя по своему. Между тѣмъ контрольная палата въ требованіяхъ своихъ опиралась на опредѣленіяхъ мѣстнаго же, для Остзейскихъ губерній спеціально изданнаго Свода, въ коемъ (ст. 3012 ч. III) значится что количество пошлинъ взимаемыхъ при судебной „корробораціи“ (то-есть и при ингроссаціи) опредѣляется общими законами Имперіи, то-есть Уставомъ о пошлинахъ, по ст. 442 коею со всякаго совершаемаго у крѣпостныхъ дѣлъ акта взимается трехрублевая канцелярская пошлина. И подъ этою статьей, въ числѣ постановленій послужившихъ ей основаніемъ показанъ, между прочимъ, изданный собственно для Прибалтійскихъ и западныхъ губерній указъ правительствующаго сената (отъ 31-го января 1844 года № 17.576), которымъ (п. 5) вмѣняется въ непремѣнную обязанность *взыскивать актовыя пошлины со всѣхъ актовъ* (не подлежащихъ свидѣтельствованію маклеровъ и нотаріусовъ), въ которыхъ заключается переходъ, *залогъ* или переуступка имѣнія, *подъ какимъ бы то наименованіемъ ни было.*

Законъ ясенъ, и мудрованіямъ соединенныхъ балтійскихъ „литератовъ“ едва ли удастся подмѣнить его смыслъ.

Затѣмъ по второму вопросу — представленіе на ревизію государственнаго контроля ипотечныхъ книгъ — состоялось уже, сколько извѣстно, опредѣленіе сената, который, признавъ требованія контрольной палаты совершенно правильными, а возраженія противъ нихъ эстляндскаго оберъ-ландгерихта неосновательными, указомъ даннымъ сему послѣднему предписалъ исполнить требованіе закона.

№ 238.

Москва, 4-го ноября.

Въ послѣдніе три, четыре года Восточный вопросъ эксплуатировался ловкою политикой которая затѣяла большую игру въ Европѣ, самую большую какую только можно запомнить. Восточный вопросъ служилъ отводомъ отъ другихъ дѣлъ которыя совершались или готовились; онъ былъ пригоденъ къ тому чтобы возбуждать въ Европѣ токъ идей который отвлекалъ умы отъ дѣйствительныхъ вопросовъ дня, вносилъ смуту въ дѣла и причинялъ фальшивую тревогу. Возбудители этого вопроса отнюдь не думали о его серіозномъ разрѣшеніи, но пользовались имъ для цѣлей съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго. Въ интересѣ самихъ народовъ Востока, которыхъ вопросъ этотъ ближе всего касается, Россія должна была принимать мѣры чтобы не допускать его до взрыва. Мы думаемъ что положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи не только не измѣнилось, но болѣе чѣмъ когда-либо возлагаетъ на Россію долгъ мудраго самообладанія.

Еще вчера телеграфъ сообщилъ намъ въ главныхъ чертахъ текстъ циркулярной депеши, отъ 19-го октября, государственнаго канцлера къ представителямъ Россіи при дворахъ подписавшихъ Парижскій трактатъ 18-го марта 1856 года. Сегодня пришелъ самый текстъ этого документа, и мы имѣемъ возможность составить себѣ точное понятіе о его свойствѣ.

Нѣтъ, это дипломатическое заявленіе Императорскаго кабинета не есть актъ наступательный или вызывающій. И то что̀ прямо выражено въ немъ, и то что̀ можетъ подозрительная политика прочесть между его строками, не подаетъ повода ни къ какимъ опасеніямъ относительно намѣреній Россіи.

„Въ мысли Его Императорскаго Величества“, сказано въ депешѣ, „вовсе не „входитъ возбужденіе Восточнаго вопроса... Онъ только желаетъ сохраненія и „упроченія мира. Онъ не перестаетъ по-„прежнему вполнѣ признавать главныя на-„чала трактата 1856 года, опредѣлившія „положеніе Турціи въ ряду государствъ „Европы.“

Вотъ торжественное и успокоительное ручательство которое даетъ за себя Россія въ эту эпоху борьбы, смятенія и неизвѣстности покрывающей судьбы Европы.

Россія не признаетъ силы только за тѣмъ пунктомъ трактата который устанавливаетъ нейтрализацію Чернаго моря, и отказывается отъ дополнительной конвенціи которою опредѣляется сколько военныхъ судовъ и какихъ размѣровъ могутъ обѣ прибрежныя державы, Россія и Турція, имѣть въ Черномъ морѣ.

Спрашивается, имѣетъ ли Россія формальное право объявить необязательнымъ для себя то или другое условіе трактата скрѣпленнаго ея подписью? Въ настоящемъ случаѣ имѣетъ — полное и неоспоримое. Парижскій трактатъ былъ неоднократно

нарушенъ державами подписавшими его, и нарушенъ вопреки протестаціямъ Россіи, которая добросовѣстно признавала его силу несмотря на то что онъ весь проникнутъ недовѣріемъ къ ней.

На Парижскомъ конгрессѣ Россія, какъ и всегда отстаивала интересы своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ султана. Она предлагала объединеніе Дунайскихъ княжествъ, но другія державы отвергли это предложеніе, по настояніямъ представителя Оттоманской Порты. Россія поддерживала поданную на конгрессѣ мысль о предоставленіи Дунайскимъ княжествамъ права избрать иностраннаго принца на свой вассальный престолъ; но большинство конгресса воспротивилось также по настояніямъ Турціи, которую поддержала Великобританія.

Говорятъ, Парижскій трактатъ еще не отмѣненъ. А между тѣмъ Дунайскія княжества слиты воедино, и въ нихъ царствуетъ иностранный принцъ. Россія протестовала противъ этихъ нарушеній трактата, и по требованіямъ ея созывались конференціи, но конференціи протестовали только для виду, и пока онѣ протестовали, Турція, не дожидаясь ихъ рѣшенія, признала, вопервыхъ, сліяніе Княжествъ, и утвердила, вовторыхъ иностраннаго принца.

Какая причина вдругъ измѣнила такъ радикально убѣжденія двухъ неразрывныхъ союзниковъ, Англіи и Турціи, по вопросу относительно котораго онѣ обнаружили въ 1856 году такую настойчивость? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ Въ 1856 году было опасеніе чтобы сліяніе Княжествъ и призывъ иностраннаго принца не обратились *въ пользу Россіи*. Вотъ почему предложенія ея были отвергнуты, и этотъ отказъ занесенъ въ Парижскій трактатъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились. Объединеніе Княжествъ и иностранный принцъ обращались не въ пользу Россіи, и вотъ, въ нарушеніе трактата, допущено и то и другое.

Но всякій договоръ, какъ въ международной такъ и въ гражданской сферѣ, есть обязательство обоюдное. Нарушенный одною стороной, онъ теряетъ обязательную силу для другой.

Тѣмъ не менѣе Россія не пользуется своимъ правомъ во всей его силѣ. Она не уничтожаетъ трактата, а устраняетъ въ немъ только то что прямо угрожаетъ ея безопасности, оскорбляя здравый смыслъ своею аномаліей.

Можно ли придумать бóльшую аномалію какъ самостоятельное государство,—не говоримъ уже великая держава,—лишенное права обороны? Для того чтобы Парижскій трактатъ въ томъ своемъ пунктѣ который касается нейтрализаціи Черваго моря былъ правдою, надобно было бы ей нейтрализовать Россію подобно Бельгіи или Швейцаріи. За безопасность этихъ государствъ ручается вся Европа, подъ покровительствомъ которой онѣ находятся, но и они не лишены права обороны, а напротивъ обязаны охранять собственными силами неприкосновенность своей территоріи.

Россія и Турція, въ силу конвенціи, не могутъ держать въ Черномъ морѣ болѣе шести малыхъ военныхъ судовъ, лишенныхъ всякаго значенія для обороны. Права обоихъ государствъ, повидимому уравнены, или вѣрнѣе, равно ограничены; но входъ въ Черное море остается во власти Турціи, и у самаго входа въ Черное море Турція содержитъ сильный военный флотъ. Еще на дняхъ турецкое правительство въ своемъ органѣ, газетѣ *Халикъ*, объявило, неизвѣстно зачѣмъ, что оно располагаетъ двѣнадцатью броненосными судами въ Босфорѣ, въ двухъ суткахъ разстоянія отъ Одессы, и это пріятное извѣстіе, какъ разъ поспѣло для того чтобы подкрѣпить хвастливыя рѣчи Гобартъ-паши, который во всеуслышаніе хвалился что въ виду поучительнаго примѣра нынѣшней войны онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, нагрянетъ съ своимъ флотомъ на Одессу.

Наконецъ, всякое государство имѣющее нѣсколько броненосныхъ судовъ въ своемъ распоряженіи можетъ, съ соизволенія Порты, войти въ Черное море и бомбардировать наши беззащитные берега.

Итакъ, здравый смыслъ и справедливость равно протестуютъ противъ этого обязательства, которое притомъ давно уже утратило свою формальную силу.

Россія давно уже и право имѣла, и была обязана заботиться о своей безопасности въ Черномъ морѣ. Никто не могъ бы добросовѣстно толковать ея оборонительныя мѣры въ угрожающемъ для Турціи смыслѣ. Флоты и морскіе арсеналы съ угрожающимъ характеромъ вдругъ не создаются. Морскія силы какими обладаетъ Турція, эскадры другихъ державъ плаваю-

щія въ Средиземномъ морѣ и готовыя по первому сигналу войти въ воды Чернаго, не допускали бы возможности приписывать Россіи наступательные планы, тѣмъ болѣе что ея оборонительныя сооруженія не могли бы подвигаться съ большою быстротой при обширныхъ внутреннихъ реформахъ занимающихъ ея силы и напрягающихъ ея финансы.

Но, спросятъ, зачѣмъ же Россія не шла до сихъ поръ такимъ путемъ? Зачѣмъ она не строила суда и не укрѣплялась на берегахъ, а уничтожала и послѣдніе остатки своихъ морскихъ заведеній на Черномъ морѣ? Зачѣмъ нужно предпосылать дѣлу слово? А если нужно, то почему именно теперь произнесено это слово? Не будетъ ли смущена и встревожена имъ Европа, при всей справедливости, при всей непритязательности этого слова, при всемъ миролюбивомъ духѣ въ какомъ оно сказано? Не станетъ ли оно новымъ элементомъ замѣшательствъ потрясающихъ Европу? Не воспользуется ли имъ политическая интрига для своихъ цѣлей? Почему теперь, именно, теперь, Россія вспомнила о Парижскомъ трактатѣ?

Вотъ вопросы которые быть-можетъ послышатся тамъ и тутъ, но отвѣчать на нихъ мы не возьмемся, не зная всѣхъ обстоятельствъ которыя имѣлись при этомъ въ виду.

Телеграммы которыя мы получаемъ сегодня свидѣтельствуютъ о сильномъ впечатлѣніи произведенномъ въ Европѣ депешей князя Горчакова. Повидимому, хотятъ придать этому миролюбивому заявленію, вопреки его смыслу, значеніе акта несвоевременно возбуждающаго Восточный вопросъ.

№ 239.

Москва, 5-го ноября.

Циркулярная депеша князя Горчакова произвела въ Европѣ потрясающее дѣйствіе. Она заглушила громы страшной борьбы которая до сей минуты поглощала всеобщее вниманіе. Въ этомъ отношеніи, нечего сказать, успѣхъ былъ полный. Надъ событіями которыя еще не кончились начинается рядъ новыхъ событій, быть можетъ еще болѣе громадныхъ и потрясающихъ.

Само собою разумѣется что дѣйствіе произведенное депешей отозвалось всего сильнѣе въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Оба кабинета совершенно согласны во взглядѣ и съ одинаковою энергіей протестуютъ противъ того пути на который, какъ они выражаются, выступила Россія. Вѣнская *Варренсова Корреспонденція*, отзывъ которой намъ сообщилъ сегодня телеграфъ, выражаетъ безъ сомнѣнія взглядъ правительственныхъ сферъ Австріи, совершенно совпадающій со смысломъ отвѣтной депеши лорда Гранвиля, также подробно переданной въ нашихъ сегодняшнихъ телеграммахъ. Оставляя въ сторонѣ самый предметъ вопроса поднятаго русскимъ правительствомъ, Лондонъ и Вѣна протестуютъ противъ способа дѣйствій Россіи, и готовы видѣть въ немъ поводъ къ войнѣ. Пусть бы, говорятъ они, Россія, недовольная тѣмъ или другимъ постановленіемъ трактата, обратилась къ другимъ подписавшимъ его державамъ съ требованіемъ пересмотрѣть, измѣнить или отмѣнить его; но она просто объявляетъ лишеннымъ всякой силы нѣкоторыя изъ его обязательствъ вошедшія въ составъ международнаго права. Россія, продолжаютъ они, отрицаетъ силу обязательства въ самомъ его принципѣ; она не просто нарушаетъ требованія права, но уничтожаетъ самое право. Послѣ этого, говорятъ они, нѣтъ болѣе трактатовъ, нѣтъ болѣе международнаго права, нѣтъ никакихъ обязательствъ. Если всякая держава захочетъ по своему произволу, — такъ разсуждаютъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, — отказаться отъ принятыхъ ею въ отношеніи къ другимъ державамъ обязательствъ, то къ чему же трактаты къ которымъ приходятъ войны?

Варренсова Корреспонденція призываетъ всѣ великія державы къ совокупному отпору. Между Лондономъ и Вѣной идутъ, повидимому, дѣятельныя сношенія. Вчера телеграмма извѣстила насъ о заботахъ графа Бейста, для суетливой дѣятельности котораго открылось теперь обширное поприще, привлечь Италію къ воздвигаемой противъ Россіи коалиціи.

Полученныя сегодня вѣнскія газеты полны толковъ о русской нотѣ, содержаніе которой было еще за недѣлю предъ симъ передано туда изъ Лондона. Замѣчательно что съ особенною рѣзкостью отзываются въ Вѣнѣ органы пангерманскіе или пруссофильскіе, такъ-называемые „Пруссаки вѣнской печати“. Изъ числа тако-

выхъ, *Neue Freie Presse* посвятила нотѣ князя Горчакова обширную статью съ притязаніями на основательность и исполненную великаго гнѣва.

До сихъ поръ мы только реферировали, не входя въ разсмотрѣніе доводовъ съ которыми противъ С.-Петербургскаго кабинета возстали въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Посмотримъ теперь какова сила этихъ доводовъ.

Мы не судьи того, благовременно ли сдѣлала Россія это столь торжественное заявленіе, и вообще требовалось ли дѣлать его. Быть-можетъ дальнѣйшій ходъ дѣла разъяснитъ обстоятельства вызвавшія Императорскій кабинетъ на этотъ путь. Но всѣ доводы отнимающіе у Россіи право поступить такъ какъ она поступила падаютъ сами собой. Нѣтъ, Россія не отрицаетъ обязательной силы трактатовъ, не ставитъ свой произволъ выше ихъ, и изъ ея поступка въ настоящемъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ чтобы всѣ трактаты, на которыхъ основывается международное право Европы, могли быть измѣняемы или упраздняемы по усмотрѣнію одной изъ сторонъ. Напротивъ, изъ нынѣшняго дѣйствія Россіи выходитъ наука для всѣхъ уважать трактаты, и помнить что нарушивъ въ чемъ-либо договорное право мы лишаемъ его силы во всемъ. Россія ли нарушила наложенный на нее Парижскій трактатъ? Нѣтъ, она соблюдала всѣ его постановленія съ строжайшею точностію. Никто не упрекалъ ея, никто не можетъ упрекнуть ее въ какомъ-либо нарушеніи этого трактата. За то ей приходилось протестовать, и не однажды, противъ нарушеній учиненныхъ другими, и именно тѣми кто болѣе ея былъ заинтересованъ въ точномъ и неизмѣнномъ соблюденіи Парижскаго трактата.

Но, возражаютъ намъ, отмѣна постановленій касающихся Румынскихъ Княжествъ произошла путемъ конференцій. „Правда,“ говоритъ *Neue Freie Presse*, „Парижскій „договоръ въ теченіе времени подвергся „существеннымъ измѣненіямъ относительно Румынскихъ Княжествъ; но слыханное „ли дѣло выводить отсюда для Россіи право не признавать силы этого трактата? „Дѣло въ томъ что каждый разъ какъ Парижскій трактатъ былъ измѣняемъ на „основаніи совершившихся въ Дунайскихъ „Княжествахъ фактовъ, это происходило „путемъ конференціи по единогласному рѣшенію всѣхъ державъ. Парижскій трактатъ пересматривался и измѣнялся съ со„гласія самой Россіи...“ Такъ-то политическая софистика маскируетъ фактъ и скрадываетъ правду! Трактатъ измѣнялся „на основаніи совершавшихся въ Дунайскихъ Княжествахъ фактовъ:“ пусть такъ, — но эти совершившіеся факты, что же иное были они какъ не нарушеніе трактата? Турція согласилась на сліяніе Княжествъ не дожидаясь конференціи; султанъ съ почетомъ принялъ принца Карла Гогенцоллернскаго въ качествѣ Румынскаго князя прежде чѣмъ конференція державъ отмѣнила постановленіе воспрещавшее иностранному принцу господарствовать въ Румынскихъ Княжествахъ. Не султанъ обращался къ Европѣ за тѣмъ чтобъ она подтвердила принятое имъ рѣшеніе и признала совершившійся фактъ, а Россія. Она протестовала, и по ея настоянію созывались конференціи, которыя очень спокойно присутствовали при совершеніи фактовъ. Что̀ же? Россія не запрещаетъ державамъ подписавшимъ трактатъ собраться и теперь съ тѣмъ чтобы подтвердить принятое ею рѣшеніе и признать совершившійся фактъ. И это тѣмъ легче и тѣмъ безобиднѣе для всѣхъ что въ сущности и факта-то никакого не послѣдовало. Севастополь остается въ развалинахъ, и въ Черномъ морѣ не крейсерують русскія эскадры...

Мы полагаемъ что заявленіе сдѣланное Россіей всего лучше свидѣтельствуетъ о ея прямодушіи и миролюбіи. Что она ничего не замышляетъ на Востокѣ, тому самымъ лучшимъ ручательствомъ ея откровенность. Она не дѣлала никакихъ вооруженій, берега ея беззащитны, и если ей приходится теперь думать о мѣрахъ обороны, то виною тому раздраженіе съ какимъ встрѣчаютъ совершившійся фактъ откровенно сказаннаго слова.

№ 240.

Москва, 6-го ноября.

А.

Въ нашемъ отечествѣ открывается новое, великое по своему значенію, преобразованіе. Высочайше повелѣно составить новый военный законъ, залогъ безопасности и мирнаго развитія Россіи въ буду-

щемъ, когда онъ возымѣетъ свою полную силу. Военная повинность тѣсно связана со всѣми элементами политическаго могущества и общественнаго быта народа, и дай Богъ чтобъ это новое преобразованіе совершилось также успѣшно ко благу Россіи, какъ и великая крестьянская реформа!

Всякое преобразованіе слѣдуетъ цѣнить по началамъ положеннымъ въ его основаніе и по способу примѣненія ихъ къ жизни. Теперь подлежатъ оцѣнкѣ только начала военной реформы, и нельзя не замѣтить что они отличаются и широтою взгляда, и рѣшительностію направленія. Военная реформа устранитъ еще нѣсколько сословныхъ различій и подниметъ народное образованіе; она почувствуется вездѣ, отъ хижинъ до дворцовъ, но особенно почувствуется въ рядахъ самой арміи.

Въ наше время много говорятъ о разоруженіи; но на дѣлѣ мы видимъ повсюду такое развитіе военныхъ силъ какого не запомнитъ исторія. За послѣднія десять лѣтъ во всѣхъ первоклассныхъ государствахъ пересмотрѣны постановленія объ организаціи войска, въ смыслѣ обязательнаго распространенія воинской повинности на всѣхъ людей годныхъ къ службѣ, и теперь все различіе между военными законами Пруссіи и Австріи, Франціи и Италіи состоитъ лишь въ томъ, проходятъ ли всѣ годные къ службѣ люди черезъ ряды постояннаго войска, безъ допущенія замѣны и выкупа, или же подъ знамена становится только часть годныхъ къ службѣ съ допущеніемъ замѣны, а другая назначается для формированія особой запасной силы, обучающейся военному дѣлу въ меньшемъ размѣрѣ и лишь въ извѣстные сроки. Только въ Россіи сохранился еще старый порядокъ, не признающій обязательности воинской повинности для всего населенія, допускающій и замѣну и выкупъ, не представляющій выгодъ равномѣрнаго и слѣдовательно менѣе тягостнаго несенія этой повинности, не содѣйствующій развитію воинскаго духа въ народѣ. Россія послѣдняя изъ всѣхъ переходитъ къ устройству вооруженныхъ силъ сообразно съ современнымъ положеніемъ Европы и съ многочисленными техническими усовершенствованіями, такъ глубоко измѣнившими военное дѣло.

И пора приступить къ этому важному преобразованію. Въ виду громовыхъ событій текущаго года, необходимость его сознается у насъ повсюду, и предъ ней отступаютъ всѣ предубѣжденія, предъ ней смолкаютъ всѣ возраженія. Численность нашихъ дѣйствующихъ войскъ, 8 стрѣлковыхъ бригадъ, 47 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ дивизій съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллерійскихъ бригадъ, принимая даже полный составъ ихъ по разчету военнаго времени (пѣхотную дивизію съ полками трехбаталіоннаго состава въ 14 тысячъ человѣкъ, а съ полками четырехъбаталіоннаго состава въ 16 тыс.), не можетъ быть признана достаточною въ виду вооруженій производящихся въ сосѣднихъ государствахъ и безлюднаго протяженія нашихъ границъ. По *Ежегоднику русской арміи* на 1870 годъ, къ 1-му января 1869 года въ дѣйствующихъ частяхъ числилось по списку около 435 тыс., въ томъ числѣ 350.000 пѣхотинцевъ; къ тому же времени въ безсрочномъ и временномъ отпускѣ состояло 505.000, въ томъ числѣ 332.000 приходящихся на долю дѣйствующей пѣхоты; такимъ образомъ общая численность всей дѣйствующей пѣхоты, послѣ сбора отпускныхъ, не составитъ и 700.000 человѣкъ раскинутыхъ по всему государству. И потому „образованіе резервныхъ или запасныхъ войскъ призываемыхъ на службу только въ военное время" становится совершенно необходимымъ. Войска эти предположено устроить на „тѣхъ же началахъ на коихъ основано общее устройство арміи, и необходимость соблюденія этого условія вполнѣ подтверждается современными событіями." Итакъ, запасныя войска будутъ имѣть въ мирное время кадры, подобно прускому ландверу и французской подвижной гвардіи: къ которому изъ этихъ двухъ учрежденій будутъ примыкать наши резервы, будутъ ли они состоять изъ людей выслужившихъ сроки подъ знаменами, или изъ молодыхъ людей не попавшихъ въ составъ рекрутскаго контингента, это предстоитъ еще рѣшить, и надобно думать что предпочтеніе будетъ отдано прусской системѣ 1859, единственной испытанной на дѣлѣ. Не менѣе важно сокращеніе срока службы. Въ Пруссіи и Австріи срокъ службы подъ знаменами опредѣленъ трехлѣтній, во Франціи и Италіи пятилѣтній; только у насъ солдаты служатъ десять лѣтъ до безсрочнаго отпуска, а съ этимъ отпускомъ они служатъ до пятнадцати лѣтъ. Безсрочноотпускные соотвѣтствуютъ людямъ пере-

числяемымъ во Франціи и Пруссіи въ резервъ на четыре года; но разница между тѣми и другими огромная: резервы уже оканчиваютъ службу когда безсрочно-отпускные еще только получаютъ право на отпускъ. Упраздненіе безсрочныхъ отпусковъ въ ихъ настоящемъ видѣ будетъ несомнѣнно важнымъ улучшеніемъ нашей военной системы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и гражданскаго быта страны.

Рекрутскій контингентъ доходилъ въ послѣдніе годы до ста тысячъ. Нынѣ онъ значительно увеличится. Для снабженія всей этой массы офицерами и поднятія ея уровня, рѣшено распространить „прямое участіе въ военной повинности на всѣ сословія въ государствѣ,“ и такимъ образомъ подчинить обязательной службѣ лицъ свободныхъ отъ этой повинности по правамъ состоянія и по степени образованія. Привлеченіе въ ряды воинскіе всѣхъ по возможности лицъ получившихъ нѣкоторое образованіе есть необходимое условіе новаго военнаго закона, который имѣетъ въ виду не только увеличить количество, но и возвысить качество войскъ. Эта мѣра будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ могущественно способствовать и развитію просвѣщенія въ народѣ, ибо сроки службы будутъ безъ всякаго сомнѣнія соображены съ образованіемъ рекрутъ, а рекруты неграмотные будутъ обучаться чтенію и письму въ полкахъ. Не забудемъ что въ 1869 году изъ 87.000 рекрутъ поступило знающихъ грамотѣ лишь 8.500, тогда какъ изъ 88.000 принятыхъ по набору въ томъ же году въ войска Сѣверо-Германскаго Союза только 3.200 не получили школьнаго образованія, а во Франціи изъ 311 тысячъ не умѣли читать и писать 61.000. Такимъ образомъ число неграмотныхъ рекрутъ въ Германіи было около 4%, во Франціи около 20%, въ Россіи около 90%.

Коммиссіи по пересмотру личной воинской повинности учреждались у насъ неоднократно; дѣятельность ихъ продолжалась по нѣскольку лѣтъ, но у нихъ не было полномочій для существеннаго преобразованія, и дѣло, завязнувъ въ подробностяхъ, не шло далѣе полумѣръ. Нынѣ военному министерству, какъ видно изъ указанныхъ основаній реформы, развязаны руки. Сроки службы, численность вооруженныхъ силъ, численность контингента, его распредѣленіе,—все подвергается пересмотру. Нужно желать чтобы въ примѣненіи этихъ основаній было оказано вниманіе ко многоразличнымъ интересамъ связаннымъ съ реформой, и чтобы новому закону открытъ былъ путь правильнаго постепеннаго развитія, огражденнаго отъ частыхъ перемѣнъ въ его существенныхъ положеніяхъ.

Еще одно слово. Признавая вполнѣ важность этой реформы, мы далеки отъ мысли умалять значеніе другихъ въ настоящую минуту необходимыхъ заботъ объ усовершенствованіи существующей арміи. Проектируемая реформа окажетъ свое дѣйствіе еще не скоро, во всякомъ случаѣ не прежде того какъ совершатся происходящіе нынѣ перевороты въ Европѣ. Международное положеніе Россіи зависитъ пока отъ ея нынѣшней арміи, и отъ того въ какой мѣрѣ будетъ поднято въ ея рядахъ военное дѣло.

Б.

Говорятъ что дипломатическая буря которая поднялась въ Европѣ, по случаю циркулярной депеши князя Горчакова, пройдетъ благополучно, и намекаютъ что Россія будетъ этимъ обязана доброму расположенію къ ней Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было бы ожидать чтобы послѣ столькихъ доказательствъ дружелюбія со стороны Россіи, послѣ столькихъ добрыхъ услугъ ею оказанныхъ, въ самый разгаръ войны когда Россія соблюдаетъ нейтралитетъ столь благоволительный къ Пруссіи, эта послѣдняя стала протестовать противъ безвреднаго, никому ни въ чемъ не угрожающаго дипломатическаго заявленія? Мы поэтому можемъ быть увѣрены что совокупнаго дѣйствія всѣхъ державъ подписавшихъ Парижскій трактатъ ни въ какомъ случаѣ не послѣдуетъ, и надѣемся что дипломатическая буря, прогремѣвъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, пронесется мимо. Что въ требованіяхъ Россіи касательно возстановленія ея правъ въ Черномъ морѣ нѣтъ ничего несправедливаго или чрезмѣрнаго, доказательствомъ тому служитъ предложеніе самой Австріи сдѣланное безъ малаго за четыре года предъ симъ. Графъ Бейстъ, въ депешѣ своей отъ 1-го января 1867 года къ князю Меттерниху, австрійскому послу при Тюильрійскомъ дворѣ, выражалъ мысль о созваніи конференціи для пересмотра Парижскаго трактата именно съ цѣлію отмѣнить въ немъ статью о нейтрализаціи Чернаго

моря. Предложеніе это не состоялось не потому чтобъ оно встрѣтило сильный отпоръ со стороны другихъ державъ, а потому что сама Россія не сочла нужнымъ воспользоваться услугой австрійскаго правительства, которое искало сближенія съ ней. Значитъ, сущность вопроса о которомъ идетъ рѣчь не представляетъ ничего опаснаго или сомнительнаго даже для Австріи. Да и кто не пойметъ что условія въ которыя была поставлена Россія ограниченіемъ своихъ правъ въ морѣ омывающемъ ея берега, не могутъ быть вѣчныя? Отмѣна означенной статьи требуется не только достоинствомъ Россіи, но и общими, разумно понятыми интересами Европы. Спокойствіе Европы не могло бы считаться прочно обезпеченнымъ, еслибъ одна изъ ея великихъ державъ была на вѣки обречена оставаться въ положеніи столь ненормальномъ, въ какое Парижскій трактатъ заключилъ Россію. Одно изъ двухъ: либо великая держава поставленная въ такое ложное положеніе должна быть окончательно унижена, ослаблена и развѣнчана, либо, оставаясь одною изъ основъ европейскаго порядка, она должна быть выведена изъ условій несовмѣстныхъ съ ея достоинствомъ которыя держали бы ее въ возрастающемъ недовольствѣ и дѣлали бы ее все болѣе и болѣе опаснымъ членомъ семьи, готовымъ при первомъ удобномъ случаѣ нарушить общее спокойствіе. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія что Европа не стала бы дѣлать серіозныхъ препятствій въ этомъ вопросѣ и тѣмъ охотнѣе согласилась бы на возстановленіе правъ Россіи, чѣмъ болѣе оправдывала бы она свое значеніе великой державы развитіемъ своихъ народныхъ силъ и разумомъ своей политики. И теперь, какъ видимъ изъ вѣнскихъ и лондонскихъ отзывовъ, самыя заинтересованныя въ Восточномъ вопросѣ державы заявляютъ что онѣ не затруднились бы измѣнить Парижскій трактатъ въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи.

Но если сущность вопроса не представляетъ затрудненій, если всѣ болѣе или менѣе согласны удовлетворить справедливымъ требованіямъ Россіи, если сама Австрія предлагала ей отмѣну силы Парижскаго трактата въ той самой статьѣ его которая вызвала нынѣ торжественную протестацію со стороны Россіи, то въ чемъ же затрудненія, въ чемъ же вопросъ? Способъ какимъ Россія сдѣлала свой протестъ, вотъ на что указываетъ депеша лорда Гранвиля, вотъ что смущаетъ правительство императора Франца-Іосифа, вотъ что распространило тревогу въ Европѣ. Заинтересованныя сферы не могутъ отдать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ заставившихъ Россію принять тонъ, который показался тамъ вызывающимъ. Напрасно Россія свидѣтельствуетъ о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, напрасно отрекается отъ всякаго замысла возбудить Восточный вопросъ: именно подобнымъ замысломъ объясняютъ характеръ сдѣланнаго ею заявленія. Почему Россія прежде не высказывалась такимъ образомъ? Почему именно нынѣшній моментъ выбрала она для того чтобы сложить съ себя одно изъ главныхъ обязательствъ трактата? Значитъ, она считаетъ почему-нибудь нынѣшній моментъ особенно благопріятнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Вотъ какъ толкуютъ въ заинтересованныхъ сферахъ, и вотъ причина тревоги. Тамъ опасаются что слово сказанное столь громко, столь рѣшительно, столь торжественно, сказано не даромъ, что Россія что нибудь замышляетъ, и что надобно готовиться ко всякимъ случайностямъ.

Опасенія неосновательныя, страхи ложные, но они дѣйствуютъ, и дѣйствіе ихъ должно такъ или иначе выразиться въ ходѣ текущихъ событій. Россія говоритъ съ совершенною искренностію: она не имѣетъ никакихъ войнолюбивыхъ намѣреній, никакихъ далекихъ замысловъ, она не хочетъ возбуждать и отдаленнымъ образомъ Восточный вопросъ, который такъ пугаетъ всѣхъ; тѣмъ не менѣе подозрѣніе родилось, опасеніе возбуждено.

Побѣдоносная Пруссія встрѣчаетъ теперь затрудненія въ устройствѣ германскихъ дѣлъ. Баварія не изъявляетъ полной готовности потонуть въ германскомъ морѣ, и ея сопротивленія, какъ надобно думать, поддерживаются Австріей, которая, въ свою очередь, употребляетъ послѣднія попытки удержаться на мѣстѣ. Но рѣшительное положеніе которое повидимому принимаетъ Россія на Востокѣ должно озадачить Австрію. Мы видимъ какъ сильно встревожены ея правительственныя сферы, и хотя мы убѣждены что тревога эта ложная, но нашего убѣжденія правительство австрійское не раздѣляетъ. И вотъ ничто не можетъ сдѣлать его такъ податливымъ относительно Пруссіи какъ опасеніе возбуждаемое Россіей, и чѣмъ сильнѣе это

опасеніе, тѣмъ легче Цислейтанія съ Чехами, Моравами и всѣми прочими Славянами поступить въ составъ Германіи, подъ верховную гегемонію ея будущаго императора. Ложная тревога можетъ ускорить ходъ дѣла въ этомъ направленіи. Вотъ ея ближайшее дѣйствіе, если только другія обстоятельства не остановятъ или не уклонятъ его.

Замѣчательно что въ настоящее время прусская партія въ Вѣнѣ, усугубляя свои усилія къ сближенію Австріи съ Пруссіей, особенно раздуваетъ опасенія возбуждаемыя мнимыми замыслами Россіи. Не мы одни замѣчаемъ это; это замѣчаютъ въ самой Вѣнѣ. Явленіе это поражаетъ наблюдателя, и озадачиваетъ тѣхъ въ Австріи людей которые остаются вѣрны ей. Вотъ что говоритъ вѣнская *Tages-Presse* въ нумерѣ который мы получили сегодня (отъ 13-го ноября): „Отъ общественнаго вни„манія не могло укрыться что съ нѣкото„рыхъ поръ именно прусскіе органы вѣн„ской печати мотивируютъ благовремен„ность австро-прусскаго союза необходи„мостію дать отпоръ Россіи въ Восточномъ „вопросѣ.“

Вчера мы приводили отзывъ одного изъ этихъ органовъ на циркулярную депешу князя Горчакова. Отзывъ наиболѣе распространенныхъ и вліятельныхъ органовъ въ самой Пруссіи отличается неменьшею рѣзкостію, и повидимому разчитанъ на то чтобы поддержать возбужденную въ Европѣ тревогу. „Въ Вѣнѣ,“ пишутъ въ *Kölnische Zeitung*, „никто не ожидалъ чтобы „Россія обнаружила свою инниціативу in „so blüsker Weise. Для Австро-Венгріи „Восточный вопросъ есть именно вопросъ „жизненный....“ Объясняя затѣмъ что въ отмѣнѣ нейтрализаціи Чернаго моря нѣтъ существенной важности, и что Европа могла бы безъ труда согласиться на это, *Кельнская Газета* присовокупляетъ: „Но мы „сильно сѣтуемъ что Россія безъ всякихъ „околичностей объявляетъ себя свободною „отъ постановленій трактата. Дѣло не въ „содержаніи этихъ постановленій. Мы ни„когда не придавали излишней цѣны ре„зультатамъ Крымской войны, хотя и не „считали ихъ совершенно безполезными. „Мы находимъ важнымъ то обстоятельство „что мнимому всемогуществу Россіи ска„зано было: стой! Хорошо было также то „что Россію вынудили къ маленькой тер„риторіальной уступкѣ, что отодвинуло ее „отъ Дуная. Заносчивость Россіи не до„ходитъ до того чтобы поднять вопросъ о „территоріальныхъ опредѣленіяхъ тракта„та. Однако мы все-таки не можемъ не „скорбѣть глубоко если какая-либо дер„жава позволяетъ себѣ просто-на-просто „объявить: я не считаю себя связанною „тѣмъ или другимъ постановленіемъ трак„тата. Это значитъ возстановлять въ Ев„ропѣ кулачное право.“ Кулачное право! И это говоритъ прусскій органъ по случаю депеши князя Горчакова и въ виду нынѣшней войны!

Кстати. Для успокоенія умовъ въ Европѣ, непритворно встревоженныхъ приписываемою Россіи политикой, мы можемъ указать на одинъ фактъ свидѣтельствующій о нежеланіи ея пользоваться даже тѣми средствами вліянія на Востокѣ, противъ которыхъ не было и не можетъ быть возраженій. Средства эти небольшія. Есть у насъ комитеты, воспитывающіе десятка два-три единовѣрныхъ намъ дѣтей изъ Европейской Турціи и посылающіе въ тамошнія школы по нѣскольку тюковъ въ годъ съ книгами собираемыми посредствомъ пожертвованій; проникали туда и русскія газеты въ самомъ ограниченномъ числѣ. Вообще дѣло умственнаго и нравственнаго общенія Россіи съ турецкими Славянами подвигалось впередъ весьма туго, но теперь и этому дѣлу, столь безупречному и скромному, положено препятствіе. Почти въ одни дни съ циркулярною депешей князя Горчакова, почтовымъ вѣдомствомъ сдѣлано распоряженіе возвышающее таксу за пересылку русскихъ газетъ въ Турцію и Грецію, и притомъ назначающее за пересылку газетъ въ Турцію ту же самую таксу какъ въ Грецію, хотя Греція лежитъ дальше отъ Россіи. Такса, и прежде сего высокая, возвышена разомъ вчетверо, такъ что почтовая пересылка русскихъ газетъ въ эти страны можетъ считаться фактически воспрещенною. *) Мѣра эта принята съ большою строгостью, ибо распространяется даже на газеты нынѣшняго года, коихъ подписная цѣна была назначена въ виду прежней таксы, и, какъ оказывается, русское почтовое вѣдомство дѣйствовало въ этомъ случаѣ безъ всякаго повода со стороны Турціи или Австріи, которыя своихъ таксъ не измѣняли.

---

*) Прежде сего *Московскія Вѣдомости* стоили въ Турціи 30 р.; по новой таксѣ онѣ должны стоить около 70 р.

№ 241.

Москва, 7-го ноября.

А.

Теперь русскій патріотизмъ пріобрѣлъ себѣ глашатая- въ комъ бы вы думали?— въ вестфальскомъ мужѣ, г. Мейерѣ, издателѣ *St.-Pétersburger Zeitung*, и наилучшимъ органомъ русскаго національнаго чувства стала эта газета. Вотъ какъ чудно дѣла обращаются въ семъ мірѣ. Но объ этомъ послѣ, а теперь мы должны обличить неслыханные подлоги которые совершаетъ этотъ вестфальскій патріотъ взявшійся направлять патріотизмъ русскаго народа. Дѣло вотъ въ чемъ: Въ нумерѣ отъ 30-го сентября нашей газеты приводили мы подлинный текстъ прибавленія ко второй статьѣ трактата заключеннаго между Австріей и Пруссіей 20-го апрѣля 1854,—статьѣ, которою опредѣлялись обязанности договаривавшихся относительно вооруженной защиты нѣмецкихъ интересовъ въ разгоравшемся тогда Восточномъ вопросѣ. Прибавленіе это гласило такъ: „Продолженіе занятія Княжествъ *русскими войсками опасно и вредно для нѣмецкихъ интересовъ*; опасность „эта ростетъ *по мѣрѣ распространенія „военныхъ дѣйствій Россіи*... Есть *надежда* что русскія войска скоро оставятъ Княжества. *Если же эта надежда „не сбудется*, то Австрія обратится въ „Петербургъ съ *соммаціей* немедленно „очистить Княжества, а *Пруссія поддержитъ это требованіе*." Въ случаѣ еслибъ отвѣтъ Россіи не далъ полнаго успокоенія, „то одною стороной" (то-есть, на первое время, одною Австріей) „должны „быть приняты мѣры соотвѣтствующія „наступательному дѣйствію въ смыслѣ „§ 2. *Обоюдное же наступательное дѣйствіе*" (то-есть, на этотъ разъ, уже совокупными силами Австріи и Пруссіи) „будетъ вызвано присоединеніемъ Княжествъ, „а также *переходомъ Русскихъ чрезъ Балканы* или наступленіемъ на нихъ."

Все что отмѣчено вносными знаками есть буквальное воспроизведеніе словъ трактата, съ текстомъ котораго всякій можетъ легко справиться. Мы цитовали и сборникъ дипломатическихъ актовъ между которыми находится этотъ трактатъ. Что же дѣлаетъ *St.-Pétersburger Zeitung*? Вестфальскій мужъ говоритъ:

„*Московскія Вѣдомости* искажаютъ въ этомъ случаѣ всѣмъ извѣстные факты принадлежащіе нынѣ исторіи. Трактатомъ отъ 20-го апрѣля 1854 года Австрія и Пруссія лишь обезпечивали свои собственныя территоріи, на случай еслибъ одна изъ этихъ державъ была увлечена въ войну на защиту нѣмецкихъ интересовъ. *О Балканахъ не было рѣчи*."

Каково это покажется! Вотъ такъ патріотъ! Знать не хочетъ подлинныхъ словъ документа, и отпирается въ глаза!

Но это не все. Въ томъ же нумерѣ приводили мы также подлинныя слова другаго документа, именно депеши отъ 14-го марта 1854 года, прусскаго министра, г. фонъ-Мантейфеля. Депеша эта, по случаю угрожавшаго Россіи сосредоточенія австрійскихъ войскъ на границѣ Дунайскихъ Княжествъ, говоритъ: „королевское правительство *съ удовольствіемъ* „извѣщается о мѣрахъ принятыхъ Австріей на ея юго-восточной границѣ." Затѣмъ приведено слѣдующее извлеченіе изъ депеши того же Мантейфеля отъ 16-го марта того же года: „Съ *истиннымъ удовольствіемъ* привѣтствуемъ мы," сказано въ этой депешѣ, „обращенное на это событіе въ турецкихъ областяхъ вниманіе „Австріи и *мѣры принимаемыя ею въ „этомъ направленіи*. Мы питаемъ *радостную увѣренность* что чѣмъ болѣе Австрія будетъ чувствовать себя призванною *заботиться объ интересахъ Германіи на низовьяхъ Дуная*, тѣмъ вѣрнѣе „можно будетъ ей разчитывать *не только „на наше постоянное содѣйствіе*, но и „на серіозную поддержку *всѣхъ* членовъ „Союза." Повторяемъ: все это говоритъ прусскій министръ, г. фонъ-Мантейфель, а въ газетѣ г. Мейера приписываются эти слова намъ, возлагается на насъ отвѣтственность за нихъ, и они опровергаются авторитетомъ генерала Тотлебена! О г. фонъ-Мантейфелѣ—ни слова. Возложивъ на насъ отвѣтственность за слова дипломатическаго документа, г. Мейеръ ругаетъ насъ.

Что сказать въ виду такого неслыханнаго безстыдства?

Б.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* былъ неоднократно обсуждаемъ вопросъ о сооруженіи казармъ для помѣщенія войскъ вза-

мѣнъ нынѣшней натуральной постойной повинности. Намъ пріятно сообщить объ одномъ фактѣ, могущемъ дать толчокъ этому дѣлу и обратить на него вниманіе администраціи и публики. Земство Шуйскаго уѣзда Владимірской губерніи, согласно постановленію своего послѣдняго сентябрьскаго собранія, обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему построить на земскій счетъ казармы для квартирующаго въ Шуйскомъ уѣздѣ войска, съ тѣмъ чтобъ эти казармы замѣнили уже навсегда натуральное квартирное довольствіе, лежащее нынѣ на отвѣтственности Шуйскаго земства. Благодаря просвѣщенной энергіи своихъ земскихъ дѣятелей, отчасти также и вслѣдствіе мѣстнаго народнаго благосостоянія, Шуйскій уѣздъ принадлежитъ къ числу передовыхъ по устройству земскаго хозяйства, и потому нельзя удивляться что ему будетъ принадлежать и честь иниціативы въ преобразованіи постойной повинности. Шуйское земство уже перевело всѣ свои натуральныя повинности, за исключеніемъ постойной, въ денежныя; ему остается упразднить эту послѣднюю, единственную нынѣ натуральную повинность. Шуйскій уѣздъ чрезвычайно отягощенъ постоемъ; на 110 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и на 4.000 нижнихъ чиновъ во всей Владимірской губерніи, приходится на долю Шуйскаго уѣзда первыхъ 24 и вторыхъ 2.200, то-есть *болѣе половины* противъ всей губерніи, состоящей изъ 13 уѣздовъ. Несмотря на то что при денежномъ уравненіи постойной повинности между губерніями и хотя бы только между уѣздами Владимірской губерніи, Шуйскому уѣзду пришлось бы выдавать деньгами гораздо менѣе чѣмъ нынѣ натурою, Шуйское земство готово выстроить казармы на все количество нынѣ расквартированныхъ въ уѣздѣ войскъ, лишь бы скорѣе избавиться отъ постоя, разстраивающаго жизнь и хозяйство каждаго домовладѣльца и растлѣвающаго нравы и здоровье населенія. Шуйское земство уже вступило въ ближайшее соглашеніе по этому предпріятію съ министерствами военнымъ и финансовъ и, какъ слышно, получило весьма удовлетворительные отзывы на всѣ свои предложенія. Оно обязуется выстроить казармы въ точности по указаніямъ военной администраціи и въ назначенномъ ею мѣстѣ, сдать ихъ въ ея полное распоряженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вносить ежегодно въ свои смѣты сборъ на уплату процентовъ и погашеніе капитала истраченнаго на постройку. Сверхъ того, земство обязуется вносить въ смѣту сумму нужную на наемъ квартиръ для тѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ которыхъ военное министерство признаетъ нужнымъ не помѣщать въ казармахъ. Требующійся на постройку капиталъ, приблизительно до 100.000 руб., предполагается занять изъ государственнаго казначейства, на что̀ поданы надежды министерствомъ финансовъ; самый краткій срокъ, въ который было бъ обязано Шуйское земство возвратить ежегоднымъ погашеніемъ эту ссуду, не можетъ быть для него затруднителенъ, ибо по приблизительной оцѣнкѣ постой обходится въ 25 тысячъ рублей въ годъ, то-есть 25% на нужный для возведенія казармъ капиталъ. Отсюда видно какою выгодною операціей для земства должно сдѣлаться сооруженіе казармъ, даже при тѣхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ (то-есть безъ всякаго уравненія постойной повинности по Имперіи и по губерніи), при которыхъ оно добровольно вызывается нынѣ на свой счетъ выстроить казармы. Нельзя не пожелать чтобы предложеніе Шуйскаго земства осуществилось незамедлительно. Имѣя въ виду сочувствіе съ которымъ оно было встрѣчено въ Петербургѣ, будемъ надѣяться что исполненіе его не будетъ парализовано бюрократическими проволочками, которымъ такъ часто удается тормазить самыя полезныя общественныя предпріятія, вопреки очевиднымъ пользамъ государства. Настоящій фактъ имѣетъ государственное значеніе, какъ первый опытъ разрѣшенія казарменнаго вопроса путемъ земской дѣятельности, а потому мы сочли своею обязанностію обратить на него вниманіе публики.

Весьма желательно чтобы за Шуйскимъ уѣздомъ послѣдовали и другіе; но надобно чтобы дѣло это было поставлено въ условія гораздо болѣе чѣмъ теперь благопріятныя. Далеко не всѣ уѣзды располагаютъ такими матеріальными земскими средствами какъ Шуйскій, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Имперіи, а потому нельзя по справедливости требовать чтобы каждая изъ мѣстностей обремененныхъ военнымъ постоемъ согласилась, *безъ всякаго уравненія* или разверстанія постойной повинности по

губерніямъ и уѣздамъ, строить на свой счетъ казармы по количеству квартирующихъ въ ней войскъ. Съ другой стороны и въ военномъ отношеніи, съ повсемѣстнымъ устройствомъ казарменныхъ помѣщеній и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, потребуется новая дислокація войскъ въ государствѣ, а очевидно что общій планъ для сооруженія казармъ во всей Имперіи можетъ значительно сократить расходы, сравнительно съ устройствомъ ихъ по каждому уѣзду отдѣльно. Сверхъ того, помѣщенія для войска могутъ быть, при общемъ планѣ, гораздо лучше устроены и снабжены такими удобствами и усовершенствованіями какія не возможны для каждаго отдѣльнаго уѣзда. Все это приводитъ къ мысли объ общей организаціи этого дѣла, что естественно падаетъ на военную администрацію, ибо только она можетъ дать планъ общей дислокаціи войскъ, а соглашенія между земствами разныхъ губерній по этому дѣлу почти невозможны. Для ускоренія хода этого дѣла, столь настоятельнаго и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, казалось бы всего удобнѣе составить нынѣ же планъ общей для Имперіи дислокаціи войскъ, а также смѣты необходимыхъ казарменныхъ построекъ, и наконецъ проектъ уравненія постойной повинности по Имперіи съ переводомъ ея въ денежную. Всѣ эти свѣдѣнія, собранныя и разработанныя въ министерствѣ финансовъ и военномъ, могли бы быть переданы на разсмотрѣніе земскихъ собраній, подобно проектамъ податной реформы, съ тѣмъ чтобы земство каждой губерніи или уѣзда дало свое заключеніе о переводѣ натуральной постойной повинности въ денежную и о сооруженіи казармъ. Само собою разумѣется что во всемъ этомъ дѣлѣ не должно быть принужденія, которое нарушило бы коренныя начала земскихъ учрежденій. Относительно согласія земствъ на превращеніе натуральной постойной повинности въ денежную не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, развѣ за исключеніемъ тѣхъ губерній и уѣздовъ, на которые, по уравненіи и разверстаніи общей суммы постойной повинности, пришлась бы доля слишкомъ большая сравнительно съ нынѣшнимъ количествомъ натуральнаго квартирнаго довольствія. Дабы избѣгнуть всякой принудительности и склонять такія мѣстности къ переводу на денежный постойный сборъ, можно было бы тѣмъ которыя на это согласятся оказать большее или меньшее пособіе отъ казны, именно денежнымъ участіемъ въ сооруженіи казармъ (посредствомъ ссудъ или безвозвратныхъ пособій). Что касается до этого втораго пункта, то-есть самой постройки казармъ, то многія земства, весьма вѣроятно, не пожелаютъ взять въ свои руки ихъ постройку. Операція эта можетъ быть во многихъ отношеніяхъ исполнена болѣе успѣшно и съ большею экономіей когда будетъ сосредоточена въ немногихъ рукахъ дѣйствующихъ на пространствѣ нѣсколькихъ губерній, напримѣръ цѣлаго военнаго округа, и съ помощью обширныхъ капиталовъ. Такое предпріятіе вообще гораздо подручнѣе частнымъ капиталистамъ или подрядчикамъ нежели казнѣ и земству. Послѣднему, столько же какъ и казнѣ, слѣдуетъ остерегаться предпріятій требующихъ хозяйскаго глаза и личнаго коммерческаго интереса. Какъ и казнѣ, земству выгоднѣе и безопаснѣе поручать подобныя операціи подрядчику нежели исполнять ихъ такъ-называемымъ хозяйственнымъ способомъ, который всегда оказывается самымъ нехозяйственнымъ. Возведеніе казармъ, требующее не только огромныхъ денежныхъ капиталовъ, но и образованныхъ спеціалистовъ и техниковъ, знакомыхъ какъ съ условіями расквартированія войскъ такъ и со строительною частью, всего скорѣе могли бы взять на себя компаніи капиталистовъ и строителей. При этомъ нельзя не вспомнить о предпріятіи, о которомъ было много говорено въ прошедшемъ году, и во главѣ котораго стоитъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Въ газетахъ было сообщаемо и о другихъ предпріятіяхъ вызванныхъ этимъ примѣромъ; но съ тѣхъ поръ объ этомъ нѣтъ вовсе рѣчи. Для удачнаго разрѣшенія такого государственнаго вопроса какъ доставленіе нашимъ войскамъ средствъ сравняться своимъ воспитаніемъ и организаціей съ лучшими европейскими арміями, слѣдуетъ воспользоваться наличными способами и казны, и земства, и частныхъ лицъ. Въ эпоху подобную нынѣшней нужно бы доказывать ту истину что *своевременное* устройство военныхъ силъ можетъ лучше всего охранить страну отъ военныхъ бѣдствій, и что замедленіе въ этомъ можетъ отозваться невознаградимыми ущербами для государства. Но когда средства необходимыя для усиленія военной обороны согласуются съ насущными нуждами на-

роднаго хозяйства и нравственности,—равнодушіе и медленность были бы непростительны.

№ 242.

Москва, 9-го ноября.

А.

Въ субботу получили мы тотъ нумеръ газеты *Times* (отъ 14-го ноября) въ которомъ появился первый отзывъ на циркулярную депешу князя Горчакова. Отзывъ этотъ, сущность котораго въ тотъ же день была сообщена намъ по телеграфу, интересенъ во многихъ отношеніяхъ, и не столько какъ отзывъ на депешу сколько какъ выраженіе англійскаго взгляда на нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Европѣ.

Лондонская газета, также какъ нѣмецкіе органы, рѣзко порицаетъ тонъ или форму русскаго дипломатическаго заявленія; но изо всего видно что въ Англіи не опасаются за послѣдствія этого шага. Тамъ господствуетъ полная увѣренность что при обстоятельствахъ которыя сложились въ послѣднее время русская политика не можетъ разчитывать на успѣхъ. Эти обстоятельства гораздо болѣе парижскаго трактата связываютъ Россію на Востокѣ.

Лондонскій органъ, подозрѣвая Россію въ намѣреніяхъ возбудить Восточный вопросъ, выражаетъ увѣренность что она ошибается въ разчетѣ и не имѣетъ никакого основанія считать теперешній моментъ благопріятнымъ для своихъ видовъ.

Какимъ же ошибочнымъ разчетомъ, по мнѣнію лондонскаго органа, руководствуется въ настоящую минуту Россія? Россія, по мнѣнію *Times*, ошибается, полагая что, послѣ паденія Франціи, она не встрѣтитъ серіознаго противодѣйствія на Востокѣ. „Но не одна императорская Франція вела Крымскую войну,“ говоритъ *Times*, „ее вела также Англія. Россія забыла это и полагаетъ что униженіе ей было нанесено державой пославшею въ Крымъ болѣе войска.“

При этомъ *Times* даетъ разумѣть что Франція была вовлечена въ эту войну личными интересами Наполеоновской династіи, между тѣмъ какъ въ Англіи правительство было побуждаемо неотразимымъ національнымъ движеніемъ. О матеріальныхъ выгодахъ, которыя извлекла изъ войны Англія, обыкновенно умалчивали, а о славѣ французскаго оружія гремѣли во всеуслышаніе, и этимъ подтверждалось мнѣніе что Россія подверглась тяжкому испытанію главнымъ образомъ по винѣ Франціи. Затѣмъ самый мирный трактатъ былъ заключенъ въ Парижѣ, и потому какъ военная репутація, такъ и политическое положеніе императорской Франціи должны были побуждать ее къ охраненію результата своихъ усилій.

Вторая и еще бо́льшая ошибка, по мнѣнію *Times*, есть разчетъ на Пруссію. Если держава эта въ 1853—1856 годахъ не принимала участія въ общемъ дипломатическомъ движеніи противъ Россіи, то причиной сего отнюдь не было согласіе интересовъ Германіи и Россіи. Германія была тогда слаба, разрознена, и Пруссія имѣла всѣ выгоды соблюдать нейтралитетъ, предоставляя дѣйствовать другимъ. Къ тому же Пруссія не могла соединиться въ общемъ движеніи съ Франціей по причинѣ чувства ненависти не утихшаго со дня Іены и еще усиленнаго вступленіемъ на престолъ Бонапарта. Теперь нѣтъ болѣе ни императорской Франціи, ни французскихъ армій, и „мѣсто Франціи заступаетъ „новая военная держава, болѣе грозная „чѣмъ Франція въ ея славнѣйшіе дни.“ Казалось бы что трудно придумать моментъ болѣе благопріятный для Россіи. Казалось бы что англійская печать должна горько сожалѣть объ униженіи своей прежней союзницы Франціи. Однакоже англійскія газеты, вовсе не переставшія вѣрить въ наступательныя стремленія Россіи, не бьютъ тревоги, а напротивъ спокойно указываютъ на самообольщеніе Россіи, полагающей что „не встрѣтитъ въ Европѣ сопротивленія, „имѣя на своей сторонѣ согласіе побѣди„телей при Седанѣ и Мецѣ.“ *Times* сильно сомнѣвается и въ самомъ согласіи Пруссіи, припоминая что постановленія Парижскаго трактата были утверждены торжественнымъ образомъ всѣми великими европейскими державами, „со включеніемъ Пруссіи.“ Вообще *Times* не думаетъ чтобы могло быть серіозное основаніе опасаться будущихъ отношеній между Россіей и остальною Европой, и видитъ именно въ Германіи оплотъ противъ Россіи. „Между Германіей, какъ націей,“ говоритъ *Times*, „и Русскою державой не можетъ „быть дѣйствительнаго союза. Раздробленная и слабая, она могла смотрѣть на Рос-

„сію, какъ на необходимаго союзника противъ Франціи, но теперь когда прошелъ „страхъ насчетъ западнаго сосѣда, новая „Германія будетъ преградой русскимъ надеждамъ. Панславизму имѣющему свои „аванпосты далеко въ средѣ Германіи будетъ нанесенъ сильный ударъ событіями „настоящаго года." „Если, напримѣръ, „Австрійскіе Нѣмцы войдутъ въ болѣе тѣсную связь съ своими соплеменниками, „то единая нѣмецкая держава *скоро расправится* съ враждебными ей элементами въ Богеміи. Съ другой стороны, положеніе нѣмецкихъ провинцій Россіи весьма вѣроятно войдетъ въ кругъ германской „политики... Интересы Германіи, сверхъ „того, несогласны съ политикой которая „дала бы Россіи свободу дѣйствій на Дунаѣ и на Черномъ морѣ. Дунай можетъ „быть названъ нѣмецкою рѣкой, и въ настоящую минуту его устья принадлежатъ „небольшому государству которое сильно „германизуется и управляется нѣмецкимъ „принцемъ."

Этимъ заявленіемъ объясняется сочувствіе съ коимъ привѣтствованы были въ Англіи побѣды Германіи надъ Франціей. Оно какъ нельзя лучше коментируетъ недавно произнесенное британскимъ премьеромъ желаніе чтобы настоящая война заключилась такимъ миромъ который обезпечилъ бы побѣдившей сторонѣ плоды ея успѣховъ. Въ Англіи потому радовались успѣхамъ Германіи что видѣли въ ея усиленіи гораздо болѣе вѣрное обезпеченіе англійскихъ интересовъ чѣмъ въ союзѣ съ Франціей, которой по ту сторону Канала никогда вполнѣ не довѣряли. Англія всегда дѣлала различіе между императорскою Франціей, которую она умѣла подчинять своей политикѣ, и Франціей съ независимою политикой, которая можетъ дѣйствовать вовсе несогласно съ ея интересами.

Б.

Быстро смѣнявшія другъ друга событія послѣднихъ дней не дали намъ остановиться на производившемся недавно въ здѣшнемъ окружномъ судѣ дѣлѣ объ отравленіи Захара Лебедева, отчетъ о которомъ напечатанъ въ предпослѣднихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Между тѣмъ дѣло это имѣетъ значительный интересъ какъ по своему содержанію, такъ еще болѣе по тому неожиданному исходу какой оно по суду получило.

Въ самомъ дѣлѣ преступленіе о которомъ здѣсь идетъ рѣчь всѣми законодательствами, въ томъ числѣ и нашимъ Сводомъ, причисляется къ ряду самыхъ тяжкихъ. Римляне считали его даже высшею степенью умышленнаго убійства, говоря: plus est hominem extinguere veneno quam occidere gladio (погубить человѣка ядомъ хуже чѣмъ убить мечомъ). Дѣяніе это почти всегда предполагаетъ обдуманность и злую волю, и совершается большею частью по внушенію корыстныхъ побужденій. И вотъ подобное, учиненное въ Москвѣ жестокое преступленіе ускользаетъ отъ кары правосудія, и виновникамъ его удается схоронить концы. Не странно ли это, чтобы не сказать болѣе?

Что смерть Лебедева послѣдовала отъ отравы примѣшанной, по словамъ Московской медицинской конторы, къ „пищѣ и питью," это слишкомъ очевидно, и никто этого не отрицаетъ. Кто же поднесъ ему эту отраву? Чья рука примѣшала ее къ его пищѣ и питью? Тутъ-то и начинаются неясности и разнорѣчія. Обвинительный актъ, на основаніи выводовъ предварительнаго слѣдствія, привлекъ къ суду по этому дѣлу двухъ лицъ: вопервыхъ, московскаго мѣщанина Петра Осипова, часто бывавшаго въ домѣ покойнаго Лебедева и считавшагося тамъ совершенно своимъ человѣкомъ; вовторыхъ, пріятельницу Осипова, крестьянку Ѳедору Егорову, жившую у Лебедева въ качествѣ горничной и которой онъ по завѣщанію отказалъ все свое движимое и недвижимое имущество. Но выставляя этихъ двухъ лицъ виновниками злодѣянія, обвинительная власть главнымъ образомъ основалась на показаніи третьяго ходившаго около Лебедева лица, кухарки его Лукерьи Васильевой, благодаря которой и обнаружено все дѣло. Подъ это основаніе обвиненія и подкопалась защита, заподозривъ достовѣрность помянутой свидѣтельницы и указавъ, въ весьма прозрачныхъ выраженіяхъ, на ея весьма близкое участіе въ настоящемъ преступленіи, по скольку это явствовало даже изъ сгруппированныхъ обвиненіемъ фактовъ. Главный пунктъ обвиненія—оговоръ Васильевой — потерялъ кредитъ въ глазахъ присяжныхъ, и они вынесли оправдательный вердиктъ.

Можетъ ли однако общественная совѣсть успокоиться въ виду такого исхода дѣла? Совершенное надъ Лебедевымъ тяжкое

злодѣяніе вопіетъ о возмездіи, а карать не кого, за неимѣніемъ виновныхъ какъ будто преступленіе совершилось само собою, безъ участія посторонней руки.

Въ чемъ же причина столь неожиданнаго исхода этого дѣла? Не обинуясь можно сказать что она коренится главнѣйше въ недостаткахъ предварительнаго слѣдствія, страждущаго неполнотой поистинѣ изумительною. Изслѣдуя обстоятельства настоящаго преступленія, слѣдователь изъ числа трехъ лицъ, являвшихся болѣе или менѣе прикосновенными, сосредоточилъ все свое вниманіе лишь на двухъ, а третье лицо не только выгородилъ, но даже на его показаніяхъ построилъ все слѣдствіе, не взявъ на себя труда привести въ ясность многія обстоятельства которыя и помимо этихъ показаній могли бы служить достаточными уликами для присяжныхъ, судящихъ по внутреннему убѣжденію. Читатели припомнятъ въ чемъ дѣло: покойный Лебедевъ въ послѣдніе дни своей жизни былъ окруженъ единственно тремя лицами—Осиповымъ, Егоровою и Васильевой; онъ умеръ на ихъ глазахъ, скоропостижно, съ явными признаками отравленія, но никто изъ нихъ не обращался ни къ врачамъ дабы спасти несчастнаго, ни къ полиціи дабы заявить подозрѣніе въ отравѣ. Когда, благодаря болтливости Васильевой, открылось что Лебедевъ умеръ отъ яда, слѣдователь, давъ полную вѣру ея словамъ, прямо призналъ виновными въ этомъ смертоубійствѣ однихъ лишь Осипова и Егорову, Васильеву же онъ, безъ дальнихъ справокъ и критики, счелъ лицомъ совершенно непричастнымъ преступленію. Между тѣмъ сама же Васильева въ показаніяхъ своихъ довольно подробно описывала свое участіе въ этомъ дѣлѣ и сама почти указывала на себя какъ на пособницу въ преступленіи: разказала какъ, по приказанію Осипова, она истолкла въ порошокъ, предварительно завязавъ себѣ ротъ, „бѣлый камень“ (мышьякъ), какъ подавала Лебедеву „пищу и питье“ съ примѣсью этого порошка, какъ покойный на ея глазахъ „мучился, скрежеталъ зубами, рвалъ на себѣ волосы и бороду, изорвалъ рубашку и все просилъ пить.“ Все это Васильева, правда, силилась разказывать съ видомъ человѣка не разумѣвшаго что творитъ, выдавая себя за безсмысленное орудіе въ рукахъ другихъ; но оно вовсе не походило на правду, какъ отчасти и оказалось на судебномъ слѣдствіи, ибо Васильева, живя на фабрикѣ Солодовникова, должна была имѣть понятіе о томъ что такое мышьякъ.

Это-то одностороннее слѣдствіе обвинительная власть признала достаточно полнымъ дабы сдѣлать его основой обвинительному акту и затѣмъ обвинительной рѣчи. Мудрено ли послѣ этого что обвиненіе пошатнулось при первомъ направленномъ противъ него сомнѣніи? Это весьма понятно, но трудно понять какъ могло это слѣдствіе пройти, не встрѣчая задержекъ на пути своемъ, чрезъ всѣ предписанныя закономъ инстанціи (прокуроръ окружнаго суда, прокуроръ судебной палаты и сама палата), въ виду цѣлаго ряда статей Уст. Угол. Суд. (278, 286, 510, 512, 530, 534 и т. д.) ограждающихъ полноту предварительнаго слѣдствія.

№ 243.

Москва, 10-го ноября.

„Въ Вѣнѣ,“ замѣчаетъ *Politik*, „такъ „растерялись (по случаю депеши князя „Горчакова) что не стѣснились обратить„ся въ Лондонъ съ неприличнымъ великой „державѣ наивнымъ спросомъ какъ по„ступить по случаю русскаго заявленія.“ Съ самаго начала, въ отзывахъ австро-венгерской печати обнаружилось странное смятеніе. Воинственнымъ тономъ заговорили вѣнскія газеты пангерманскаго оттѣнка, и *Neue Freie Presse* даже утверждала будто поднятый Россіею вопросъ есть для Австріи вопросъ „жизни и смерти.“ Въ Пештѣ же газеты выставляли дѣло въ какихъ-то безсмысленно мрачныхъ краскахъ, однако не обнаруживая большой запальчивости. Но нѣсколько дней спустя вдругъ совершился переворотъ въ австро-венгерской печати. *Пештскій Ллойдъ* уже находитъ что „нарушеніе (!) „Россіей Парижскаго трактата есть *casus* „*belli* какихъ яснѣе и положительнѣе нельзя придумать.“ *Венгерскій Ллойдъ* идетъ еще далѣе: по его мнѣнію, невозможно ни минуты медлить вооруженіями и необходимо спѣшить на помощь Турціи, „дабы не „остаться затѣмъ глазъ на глазъ съ по„бѣдоноснымъ колоссомъ.“ За то въ Вѣнѣ внезапно понизился воинственный тонъ печати. Офиціальная *Wiener Abendpost* рѣ-

шительно опровергаетъ толки о какихъ-либо вооруженіяхъ Австріи; даже *Neue Freie Presse* сообщаетъ что хотя лордъ Гранвиль приглашалъ кабинеты къ тождественному заявленію противъ русской депеши, но вслѣдствіе происходившей по этому предмету переписки „мысль о коллек-„тивной нотѣ признана слишкомъ рѣзкою „(schroff), а потому и оставлена... Какъ „бы ни были велики напряженія нашего „кабинета,“ присовокупляетъ вѣнская газета, „но его голосъ *одинъ* не можетъ оста-„новить ходъ событій... Главное то чтобы на „всякій случай Россія встрѣтила тѣсную „и сомкнутую коалицію.“ (Бѣдная Россія! Зачѣмъ такіе ужасы? Что она сдѣлала?) „Какъ у насъ, такъ и у Турціи всѣ взгля-„ды обращены на Лондонъ,“ продолжаетъ вѣнская газета, но это показаніе не совсѣмъ полно: во вчерашней *Кельнской Газетѣ* помѣщено письмо изъ Вѣны, которое свидѣтельствуетъ что тамъ также „съ „напряженнымъ вниманіемъ выжидаютъ какое положеніе приметъ Берлинскій каби-„нетъ относительно русской ноты.“ Взоры обращены не только на Лондонъ, но и на Берлинъ.

Видно, англійскій курьеръ, проѣхавшій черезъ Вѣну 14-го ноября на пути изъ Лондона въ Константинополь, привезъ не очень возбудительныя извѣстія. „Вѣрнымъ кажется то,“ замѣчаетъ вѣнскій пангерманскій органъ, *Neue Freie Presse*, „что „съ первой минуты Англійскій кабинетъ „принялъ все это дѣло очень вяло;“ но надобно надѣяться что „положеніе обще-„ственнаго мнѣнія Англіи и толчокъ ко-„торый оно дастъ парламенту сдѣлаютъ „остальное.“ До прибытія вышеупомянутаго курьера, въ Константинополѣ тоже была большая тревога. „*il faut se battre*!“ будто бы сказалъ Аали-паша въ разговорѣ съ однимъ изъ западныхъ дипломатовъ. Вечерній листокъ *Пештскаго Ллойда*, отъ 15-го ноября, приводя эти слова, находитъ въ нихъ „выраженіе нынѣшняго положенія,“ однако присовокупляетъ (это ужь прогрессъ!) что „вопросъ о трактa-„тахъ 1856 года *можетъ* и *долженъ* раз-„рѣшиться *мирнымъ путемъ* обоюднаго со-„глашенія...“ Въ этомъ же органѣ встрѣчаемъ мы впрочемъ корреспонденцію которая указываетъ на „тлѣющія подъ зо-„лой искры, которыя, въ краяхъ южно-„дунайскихъ и балканскихъ, легко могутъ „вспыхнуть и разрушить дряхлое зданіе „Турецкаго государства.“ Дѣлая такія заключенія о Турціи, мадьярскій столь нынѣ воинственный, органъ забываетъ о подобныхъ искрахъ въ Австро-Венгріи. Надняхъ еще хвастался онъ что „война съ „Россіей будетъ въ Австро-Венгріи попу-„лярнѣйшею изъ войнъ:“ что отвѣчали ему на это австрійскія Славяне? „Если „Мадьяры находятъ свою пользу въ вой-„нѣ съ Россіей,“ такъ отвѣчала пражская *Politik*, „то мы можемъ найти что „они дѣйствуютъ нѣсколько опрометчиво, „рискуя своимъ существованіемъ когда ни-„кто ему не угрожаетъ... Но было бы на-„ивно думать что славянскіе народы устре-„мятся на бой съ Россіей, дабы въ слу-„чаѣ побѣды продолжать нести мадьярское „иго... Война Австріи противъ Россіи не „согласна ни съ интересами, ни сочув-„ствіями славянскихъ народовъ, и да по-„думаютъ это тѣ кого это касается преж-„де чѣмъ замышлять о такой войнѣ. Ав-„стрійскіе Нѣмцы,“ говоритъ въ заключеніе *Politik*, „хвастаютъ что положеніемъ „принятымъ ими они не допустили Австрію „взяться за оружіе противъ Пруссіи; мы, „Славяне, также мало сочувствуемъ войнѣ „съ Россіей какъ Нѣмцы войнѣ съ Прус-„сіей...“

Бѣдные Славяне Цислейтаніи! Кто знаетъ, быть-можетъ судьбы ихъ уже совершаются, причемъ о ихъ сочувствіяхъ спрашивать не будутъ...

Не даромъ сознаются и въ Вѣнѣ и въ Пештѣ что общее вниманіе устремлено теперь на Англію и на Пруссію. Вѣнскія газеты припоминаютъ какъ недавно еще твердили имъ изъ Берлина что „задача Австріи не въ Германіи, а на Востокѣ.“ Но берлинскіе отъявленно-офиціозные сфинксы почти безмолвствуютъ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* ограничилась исчисленіемъ бывшихъ доселѣ нарушеній Парижскаго трактата, а *Provinzial-Correspondenz* объявила что „сообщеніе важнаго рѣ-„шенія Русскаго правительства, какъ и „слѣдовало ожидать, произвело сильное „впечатлѣніе на прикосновенныя къ дѣлу „державы; но изъ полученныхъ до сихъ „поръ извѣстій не видно чтобы та или дру-„гая изъявила намѣреніе уклониться отъ „серіознаго разсмотрѣнія вопроса о свое-„временности измѣненія трактата.“ *Цейдлерова Корреспонденція* находитъ смѣшнымъ (*komisch*) напоминаніе англійской печати о томъ что всѣ великія державы под-

писали Парижскій трактатъ; *Шпенерова Газета*, органъ офиціозный, замѣчаетъ по поводу русской ноты: „такъ какъ въ этомъ „случаѣ вновь обнаруживается безсиліе „мирныхъ трактатовъ, то отсюда слѣдуетъ „поученіе не заключать мира безъ мате-„ріальныхъ гарантій...“ Гораздо яснѣе и враждебнѣе къ Россіи высказываются газеты болѣе независимыя. Читателямъ извѣстна странная выходка *Кельнской Газеты* при первомъ слухѣ о русской нотѣ. Въ полученномъ вчера нумерѣ своемъ она вздумала утверждать что „Россія никогда „не стѣснялась условіями Парижскаго ми-„ра. Едва были подписаны трактаты какъ „Россія уже стала вытаскивать и *вооружать* (?) потопленные въ Севастопольской „гавани корабли и *также мало* соблюда-„ла прочія опредѣленія трактата. По этому „*очевидно* что весь вопросъ тутъ въ фор-„мѣ!“ Вотъ удивительное обвиненіе! Но развѣ трактатъ воспрещалъ Россіи доставать со дна потопленный матеріалъ? Что же касается вооруженія поднятыхъ судовъ, то объ этомъ до сихъ поръ никто не слыхалъ ни въ Европѣ, ни въ Россіи, и вся честь этого свѣдѣнія принадлежитъ *Кельнской Газетѣ*. Ниже сообщаются выдержки изъ полученнаго сегодня нумера *Кельнской Газеты*. Она, *Кельнская Газета*, готова „подписать каждое слово циркуляра „графа Гранвиля;“ но негодуетъ что три великія державы не рѣшаются „хотя бы „на коллективный протестъ крѣпкаго свой-„ства.“ Впрочемъ она успокоиваетъ насъ, иронически замѣчая: „въ концѣ концовъ „Англія ничего не предприметъ, а Австрія „будетъ помогать ей.“

Hamburgischer Correspondent, съ своимъ вечернимъ изданіемъ *Hamburgische Börsen-Halle*, вторитъ этимъ насмѣшкамъ надъ „малодушіемъ Англіи и надъ колебаніями Австріи,“ и сожалѣетъ что теперь у Пруссіи связаны руки; по заключеніи мира съ Франціей графъ Бисмаркъ докажетъ де что въ Берлинѣ еще не сказано послѣднее слово по Восточному вопросу, и что онъ знаетъ цѣну интересамъ Германіи въ Черномъ Морѣ...

Независимая берлинская газета *Volks-Zeitung*, въ дополненіе къ призванію Пруссіи на Рейнѣ,—*die Wacht am Rein*,—говоритъ о призваніи Австріи на Дунай, — *die Wacht an der Donau*, и съ благодарностью признаетъ что въ послѣднюю Крымскую войну „Австрія крѣпкою стражей „на Дунаѣ спасла Германію отъ позора „(Schmach) остаться пособницей Россіи...“

Въ заключеніе этого обзора, не можемъ не замѣтить что наиболѣе справедливый относительно Россіи отзывъ встрѣтили мы въ вѣнской газетѣ *Fremdenblatt*, тѣмъ болѣе замѣчательный что эта газета слыветъ органомъ цислейтанскаго министра земской обороны, г. Куна. Вотъ выдержка на которую нельзя не обратить вниманія:

Преувеличенные толки вновь возбудили неосновательныя опасенія. Россія объявила недѣйствительнымъ не весь трактатъ которымъ обусловленъ парижскій миръ: она ограничилась заявленіемъ въ Константинополѣ что впредь она не можетъ считать себя связанною тѣми опредѣленіями этого трактата которыми стѣснялась свобода ея движеній въ Черномъ морѣ, и эта декларація была сообщена державамъ-порукамъ въ обычной дипломатической формѣ... При этомъ слѣдуетъ припомнить что постановленія Парижскаго трактата, на упраздненіи коихъ настаиваетъ нынѣ Россія, *чрезвычайно оскорбительны*, чтобы не сказать унизительны, для великой державы какъ Россія; они подвергаютъ ее стѣсненіямъ которымъ не подчинилась бы даже второстепенная держава... Кабинеты должны сознаться что они напрасно повергли Россію въ положеніе которое она не могла не признать невыносимымъ Но вмѣсто того чтобы своевременнымъ пересмотромъ трактатовъ удовлетворить справедливымъ жалобамъ Россіи, европейскіе кабинеты до сихъ поръ не рѣшались исправить свою ошибку и устранить начатокъ будущихъ столкновеній. Послѣдствіемъ этого произошелъ между Россіей и державами-порукамии антагонизмъ, который нисколько не способствуетъ упроченію мира. Весь вопросъ сталъ за согласіемъ Австріи и Англіи. Теперь представляется наилучшій случай прекратить этотъ антагонизмъ, и инипіатива принятая Россіей не только не подаетъ сигнала ко всемірной войнѣ, но можетъ напротивъ установить дѣла Востока на болѣе прочныхъ основаніяхъ и ускорить дипломатическое разрѣшеніе Восточнаго вопроса.

Не лишнимъ будетъ также обратить вниманіе читателей на слѣдующія строки прочтенныя нами въ полученной сегодня лондонской газетѣ *Daily News*, которая, хотя весьма рѣзко порицаетъ форму русскаго заявленія, тѣмъ не менѣе выражается со-

чувственно о желаніи Россіи видѣть измѣненными нѣкоторыя постановленія Парижскаго трактата:

Мы уже заявляли наше мнѣніе что могутъ быть условія въ этомъ трактатѣ, измѣненія коихъ Россія имѣетъ право требовать... Россія соблюдала постановленія Парижскаго трактата четырнадцать лѣтъ. Она и теперь выразительно отрекается отъ намѣренія снова поднимать Восточный вопросъ. Мы можемъ допустить также что несогласно съ достоинствомъ великой державы видѣть себя въ положеніи постоянной неправоспособности, напоминающей со слишкомъ болѣзненною точностью о прошедшемъ пораженіи. Все это можно сказать въ пользу Россіи. Мы даже прибавимъ что въ нашей странѣ все болѣе усиливалось чувство уваженія къ странѣ которая въ послѣднее время занималась внутренними реформами, развивала свои средства и облекала свободой наиболѣе трудящуюся часть населенія. Вѣроятно, первое впечатлѣніе англійскаго народа, когда онъ услыхалъ о желаніи Россіи быть свободною отъ трактата 1856 года, было то что она имѣетъ нѣкоторое право быть освобожденною.

№ 244.

Москва, 11-го ноября.

Россія не хочетъ возбуждать Восточный вопросъ, она и не думаетъ отыскивать свои права на отнятыя у нея устья Дуная, она не только не помышляетъ объ исключительномъ протекторатѣ надъ христіанскими населеніями Турціи, но отказывается и отъ тѣхъ способовъ вліянія которыхъ никто у ней не оспариваетъ. Извѣстно что въ одно время съ циркулярною депешей князя Горчакова принята мѣра подвергающая почти запретительному налогу русскія періодическія изданія идущія на Востокъ, въ Турцію и Грецію*). Быть-можетъ мѣра эта есть случайность не имѣющая ничего общаго съ намѣреніями правительства; но самое то что такая случайность оказалась въ настоящее время возможною есть ручательство что Россія далека отъ всякой мысли расширять или усиливать свое вліяніе на Востокѣ не только посредствомъ оружія, но и нравственными способами которые не запрещены никакими трактатами и которые всего лучше и вѣрнѣе соотвѣтствуютъ истинному призванію Россіи въ тѣхъ мѣстахъ. Это ли признакъ что Россія преисполнена предпріимчивости которая могла бы тревожить ея соперниковъ? Въ петербургскихъ газетахъ увѣдомляютъ что на просьбу нашихъ единовѣрцевъ въ Сиріи оказать пособіе для поддержки ихъ церквей мы должны были отвѣчать отказомъ. Это ли, повторяемъ, признакъ что Россія бьетъ черезъ край и духомъ, и средствами, и готовностію дѣйствовать? Вообще, несмотря на пробудившееся во всѣхъ слояхъ нашего общества національное самоуваженіе, дѣла наши даже во внутреннихъ, самыхъ безспорныхъ вопросахъ не обнаруживаютъ этого самоуваженія. Всѣ начинанія къ возвышенію національности нашего государства и къ его объединенію, безъ чего оно не можетъ имѣть не только достойнаго развитія, но даже прочнаго существованія,—замутились, разстроились, и признали себя дѣломъ почти преступнымъ и мятежнымъ. Великія реформы, которыя совершились въ нашемъ государственномъ быту, не обнаруживаютъ той жизненной силы какой слѣдовало ожидать отъ нихъ, и повсюду чувствуется недостатокъ оживляющаго духа, безъ котораго и самыя лучшія учрежденія превращаются въ безполезную формалистику...

Восточный вопросъ! Но развѣ можно думать о возбужденіи этого вопроса въ какомъ бы то ни было смыслѣ, не возбуждая вопроса славянскаго? А гдѣ же хотя малѣйшій признакъ того что Россія расположена или готова поддержать идею славянства чтобы поставить ее гранью всепоглощающему пангерманизму? Итакъ, Россія устраняется отъ всякихъ предпріятій, и ни въ какомъ смыслѣ не расположена поднимать этотъ Восточный вопросъ которымъ политическая интрига всегда пугаетъ общественное мнѣніе Европы когда нужно возбудить его противъ Россіи. Россія не только не разрушаетъ Парижскаго

*) Кстати, мы должны сдѣлать поправку. Говоря въ № 240 *Московскихъ Вѣдомостей* объ этой мѣрѣ, мы сказали что почтовое вѣдомство назначило за пересылку газетъ въ Турцію ту же самую таксу какъ въ Грецію, хотя Греція лежитъ дальше отъ Россіи. Это не вѣрно. Правда что Греція лежитъ дальше, но за то русскія газеты не имѣютъ тамъ значенія и туда вовсе не идутъ: туда оказалось возможнымъ немного понизить таксу противъ сопредѣльныхъ частей Турціи гдѣ есть Болгары могущіе читать по-русски. Новая такса въ точности такова: въ Грецію съ каждаго листа газеты 11 коп., въ Турцію до 14 коп.

трактата о которомъ идетъ теперь рѣчь, но выражаетъ готовность вновь подтвердить его и поставить его такъ крѣпко чтобъ онъ не могъ подвергаться нарушеніямъ. Та же статья трактата которую Россія отказывается признавать обязательною для себя, признается почти всѣми напрасною и излишнею. Самые рѣзкіе отзывы по поводу циркуляра князя Горчакова соглашаются что въ сущности претензія Россіи справедлива. О чемъ же спорить если всѣ согласны въ сущности? Не всѣмъ нравится форма. Зачѣмъ, говорятъ, избрала Россія такую, а не иную форму для того чтобы заявить свое право? Но слыханное ли дѣло чтобы между серіозными людьми, не только между державами, могъ возникнуть споръ изъ-за формы когда всѣ согласны въ сущности? Тонъ депеши, спокойный и полный достоинства, не могъ оскорбить никого; но каковъ бы ни былъ тонъ, не воевать же съ Россіей за то что она сгрубила? Говорятъ еще что Россія проповѣдуетъ еретическое ученіе о силѣ трактатовъ. Пусть такъ; но слыханное ли дѣло чтобы государства могли спорить между собою за тотъ или другой способъ воззрѣнія на вещи? Въ международной сферѣ никогда не существовало цензурныхъ учрежденій, ни предварительнаго, ни карательнаго свойства. Какъ же взыскивать съ Россіи еслибъ и въ самомъ дѣлѣ взглядъ ея на нѣкоторые предметы оказался неправильнымъ? Въ Парижскомъ трактатѣ нѣтъ ни слова о силѣ трактатовъ вообще; имъ не предписана форма какъ должны поступать договорившіяся стороны дабы сказать свое мнѣніе или заявить свое право.

Россія, въ виду неоднократныхъ нарушеній трактата которымъ нейтрализовано Черное море, заявила свое право не стѣсняться этимъ опредѣленіемъ и принимать мѣры къ огражденію своей безопасности на случай какихъ-либо новыхъ нарушеній которыя могутъ сопровождаться непоправимыми для нея послѣдствіями. Вотъ и все. Кто въ сущности согласенъ съ этимъ (а въ сущности всѣ съ этимъ согласны), тому остается только подтвердить это требованіе. Что же касается вопроса о формѣ которая избрана Россіей для заявленія своего права, то это не можетъ быть предметомъ серіозныхъ дипломатическихъ объясненій, тѣмъ менѣе благовиднымъ поводомъ къ столкновенію.

Статья трактата о которой идетъ рѣчь не такого свойства чтобы можно было нарушить ее. Нельзя вдругъ соорудить крѣпости и пустить флотъ въ море. Создать не только угрожающій, но лишь необходимый для обороны флотъ и укрѣпить военныя гавани, — все это требуетъ не мало времени, а также не мало средствъ. Это не можетъ быть дѣломъ внезапнаго coup de main, какому ежеминутно могутъ подвергнуться, напримѣръ, беззащитные берега Россіи омываемые Чернымъ моремъ.

Иное дѣло еслибы Россія захотѣла возвратить отнятую у нея часть Бессарабіи, и пользуясь нынѣшними обстоятельствами, заняла бы ее своими войсками: вотъ тутъ было бы основаніе говорить о нарушеніи трактата.

Итакъ гдѣ же затрудненія, гдѣ опасность? Мы не видимъ ихъ; мы не видимъ также зачѣмъ Россія могла бы нуждаться въ чьей-либо помощи для того чтобы заявить свое право?

А между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ, встрѣчаемъ странное мнѣніе, будто для простаго заявленія своего права Россія нуждалась въ поддержкѣ, и будто этою поддержкой она обязана доброжелательству Пруссіи. Дѣйствительно, между правительствами обѣихъ странъ издавна существуютъ дружескія отношенія. Начиная съ 1864 года Пруссія совершила много дѣлъ, благодаря отчасти дружескому расположенію къ ней Россіи; въ теченіи немногихъ лѣтъ Пруссія раздробила, разрушила и завоевала много государствъ, и пріобрѣла могущество какого еще не бывало въ Европѣ. Это считается ни во что; но Россія сдѣлала безобидное дипломатическое заявленіе о необходимости оградить свою безопасность въ Черномъ морѣ, и русскіе же люди говорятъ что она вслѣдствіе этого очутилась въ долгу предъ Пруссіей. Хорошо ли выдавать безденежные векселя на свое отечество? Россія не находилась въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Австріи, но еще за четыре года предъ симъ, какъ извѣстно, австрійское правительство вызывалось предложить отмѣну статьи касающейся Чернаго моря. Сама Турція, справедливо усмотрѣвъ въ Черноморской конвенціи только источникъ взаимнаго недовѣрія и антагонизма, была, какъ сказываютъ, готова предложить ея отмѣну. Да и теперь заявленіе сдѣланное Россіей принято въ Константинополѣ безъ вся-

кой протестаціи, какъ сообщаетъ намъ сегодняшняя телеграмма. Турція, въ правительствѣ которой есть теперь не мало людей политически образованныхъ и хорошо понимающихъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, начинаетъ видѣть что дѣйствительная опасность грозитъ ей не со стороны Россіи, и что опасность эта равно угрожаетъ какъ ей, такъ и христіанскимъ народамъ находящимся подъ властію султана. Событія въ короткое время такъ измѣнили Европу, что многія изъ установившихся точекъ зрѣнія во многомъ оказываются совершенно недостаточными.

Во всякомъ случаѣ, Россія не подаетъ ни малѣйшаго повода къ войнѣ и потому не нуждается ни въ чьей помощи. Если же есть parti pris вовлечь ее въ войну, то она приметъ вызовъ съ тѣмъ несокрушимымъ патріотизмомъ, который спасалъ ее во времена самыхъ тяжкихъ испытаній; но не зная своихъ будущихъ противниковъ, она не можетъ знать и союзниковъ.

№ 245.

Москва, 12-го ноября.

Событія могутъ потребовать отъ Россіи значительнаго напряженія силъ для охраны если не безопасности своей, то своего международнаго положенія и достоинства. Вотъ минута вспомнить о нашихъ финансахъ и пожелать для нихъ улучшеній соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ. Гораздо легче, при патріотическомъ воодушевленіи народа, увеличить вооруженныя силы страны, удвоить и утроить составъ арміи и резервовъ нежели разомъ поставить финансовыя требованія государства въ уровень съ событіями, а финансовыя средства и для военнаго дѣла имѣютъ не меньшую важность чѣмъ сами войска. Также какъ для быстроты развитія военныхъ силъ, составляющей нынѣ первое условіе войны, необходима приспособленная къ тому организація арміи и ея управленія, также точно благоустройство финансовой системы необходимо для быстроты финансовыхъ операцій вызываемыхъ не только войною, но самою угрозой войны. Съ другой стороны, то же самое благодѣтельное для упроченія мира дѣйствіе какое оказываютъ готовыя къ бою военныя силы государства, производятъ и финансы способные быстро развернуть свои силы въ минуту опасности и не истощающіе источниковъ народнаго богатства въ мирное время. Для этого, безъ сомнѣнія нужна финансовая система устроенная гораздо ранѣе наступленія самыхъ событій требующихъ отъ государства экстра-ординарныхъ ресурсовъ, къ доставленію которыхъ, по первому призыву, финансы великой державы должны быть всегда готовы. Въ этомъ между прочимъ заключается одна изъ тайнъ политическаго могущества Англіи. Безъ надлежащей организаціи финансовыхъ силъ, готовой всегда вступить въ бой, то-есть приспособленной къ перенесенію чрезвычайныхъ тягостей безъ существенныхъ ущербовъ для страны, никакое богатство, никакое самоотверженіе народа не могутъ удовлетворить требованіямъ военнаго времени; это извѣстно всякому мыслящему и просвѣщенному государственному человѣку, и потому-то готовыя къ чрезвычайному дѣйствію финансовыя силы внушаютъ не меньшее уваженіе противнику и не менѣе предотвращаютъ войны чѣмъ вооруженія. Въ нашей финансовой системѣ далеко не все такъ прочно организовано чтобъ она могла во всякую минуту побѣдоносно выдержать натискъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ; это также всѣмъ извѣстно,—и къ сожалѣнію извѣстно иностранцамъ гораздо лучше чѣмъ многимъ Русскимъ.

Кто въ Европѣ не помнитъ что Россія имѣла въ недавнюю эпоху безусловнаго внутренняго и внѣшняго мира отъ 40 до 60 милліоновъ рублей годоваго дефицита въ своемъ бюджетѣ, и можно ли надѣяться чтобъ этотъ странный фактъ не былъ изъясняемъ нашими недоброхотами въ смыслѣ совершенно неблагопріятномъ для финансовыхъ ресурсовъ государства? Мы никакъ не можемъ надѣяться чтобъ этотъ фактъ былъ толкуемъ въ истинномъ его смыслѣ. Невозможно чтобъ въ иноземныхъ политическихъ сферахъ было понято что ошибочная система нашихъ финансовъ представляетъ искусственно мрачную картину дѣйствительныхъ средствъ русскаго государства, что эти средства гораздо значительнѣе чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ крайнимъ финансовымъ мѣрамъ (выпускамъ бумажныхъ денегъ, лотерейнымъ займамъ, и пр.) къ какимъ принуждена была прибѣгать казна вслѣдствіе развитія сверхсмѣтныхъ расходовъ и неправильной орга-

низаціи налоговъ и кредита. Кто же повѣритъ что мы безъ всякой нужды, можетъ-быть именно потому что мы еще слишкомъ сносливы и еще не были въ тискахъ подобныхъ Австріи,—что мы безъ нужды терпимъ пороки устарѣлой финансовой системы, истощающіе и казну, и народъ? Впрочемъ удивляться ли лжетолкованіямъ иноземцевъ о силахъ Россіи, когда мы у себя дома находимъ людей которые проповѣдуютъ о коренной непоправимости нашего финансоваго положенія и о необходимости навсегда помириться съ этимъ положеніемъ, а въ томъ числѣ съ принудительнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, съ ихъ безпрерывными выпусками и съ уродливою податною системой, какъ съ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ будто бы послѣдствіемъ нашего народнаго хозяйства? Пусть говорятъ такимъ образомъ наши внѣшніе и внутренніе недоброхоты; мы нетерпѣливо ожидаемъ результатовъ совѣщаній земства по одному изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ для благоустройства нашихъ финансовъ. Отъ голоса земства будетъ много зависѣть снабженіе государства средствами болѣе дѣйствительными чѣмъ ассигнаціи и жертвы всего достоянія.

Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашей финансовой системы, особенно выдающійся при чрезвычайныхъ государственныхъ обстоятельствахъ, есть отсутствіе такихъ въ нашихъ казенныхъ доходахъ источниковъ которые были бы способны быстро возрастать съ возрастаніемъ народнаго богатства и промышленности, и также служить для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ казны. Для удовлетворенія этихъ послѣднихъ нуждъ мы знаемъ только займы, которые чрезвычайно затруднительны въ военныя эпохи, да бумажныя деньги, которыя глубоко потрясаютъ народное хозяйство и вовлекаютъ казну въ безвыходные дефициты. У насъ почти нѣтъ такихъ налоговъ которыхъ доходность росла бы сама собой съ возрастаніемъ частныхъ имуществъ, и которые можно было бы возвышать въ минуты опасности государства съ тѣмъ чтобы по миновании опасности они были *непремѣнно* понижаемы. Такое значеніе могутъ имѣть только прямыя подати съ имуществъ и доходовъ какія имѣетъ каждое европейское государство и какихъ мы, сидя въ нашей средневѣковой податной системѣ, почти не имѣемъ. За исключеніемъ налога на городскія недвижимыя имущества и сборовъ съ торговли (до 10 милліоновъ), значительнѣйшая часть которыхъ лежитъ не на имуществахъ, а на лицахъ, будучи налогомъ сословнымъ и платой за привилегіи купеческаго сословія, — за исключеніемъ этихъ немногихъ налоговъ, — всѣ наши прямыя подати заключаются въ безобразныхъ подушныхъ сборахъ, а эти, сверхъ всякихъ другихъ своихъ недостатковъ, парализующихъ развитіе благосостоянія въ рабочихъ классахъ, крайне невыгодны и въ финансовомъ отношеніи, не обладая тою упругостью, при которой доходъ отъ налога возрастаетъ самъ собою съ возрастаніемъ народнаго богатства, и которая позволяетъ, посредствомъ временнаго возвышенія окладовъ, покрывать экстренныя нужды государства. Доходность и оклады подушныхъ налоговъ достигли нынѣ своей высшей степени; никому, конечно, не придетъ въ голову искать въ нихъ новыхъ пособленій для казны, въ какихъ бы затруднительныхъ обстоятельствахъ она ни очутилась и какія бы опасности ни угрожали государству. А между тѣмъ подушные сборы составляютъ около одной пятой (до 70 милліоновъ) всего нашего ординарнаго бюджета. Преобразованія въ другихъ налогахъ и въ разныхъ другихъ казенныхъ доходахъ (не налогахъ) если и могутъ усилить способы казны, то въ незначительной мѣрѣ и не скоро, тѣмъ болѣе что здравомыслевная финансовая реформа требовала бы вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращенія нѣкоторыхъ статей дохода (какъ напримѣръ акциза съ соли). При этомъ нужно еще замѣтить что безъ предварительнаго разрѣшенія вопроса о подушныхъ налогахъ, составляющихъ краеугольный камень всей нашей податной системы и дающихъ ей фальшивое направленіе, не можетъ быть сдѣлано правильныхъ преобразованій и въ другихъ отрасляхъ налоговъ.

Итакъ, независимо отъ безчисленныхъ экономическихъ и нравственныхъ народныхъ золъ, ожидающихъ своего излѣченія въ реформѣ подушныхъ налоговъ, она въ настоящую минуту есть путь къ возвышенію финансоваго могущества Россіи, который въ дни критическіе будетъ имѣть всерѣшающее значеніе. Нельзя не порадоваться что самый насущный вопросъ

нашего государственнаго благоустройства, который можетъ въ значительной степени опредѣлить внутреннюю и внѣшнюю политику Россіи, находится теперь въ разсмотрѣніи земства; оно не обнаружитъ недостатка ни въ патріотизмѣ, ни въ просвѣщенномъ взглядѣ на дѣло, и, надобно надѣяться, выдвинетъ это дѣло изъ закоулковъ бюрократическихъ экспедіентовъ и полумѣръ на широкій путь великой государственной реформы. Есть особыя причины, почему бюрократія была бы безсильна въ разрѣшеніи вопроса о подушныхъ налогахъ и о податной реформѣ. Сколько намъ извѣстно, земство (особенно Московское) сразу взялось за самую трудную и щекотливую сторону вопроса о подушныхъ налогахъ, съ истинно-патріотическимъ настроеніемъ и государственнымъ тактомъ. Мы говоримъ о сословномъ характерѣ подушныхъ сборовъ, отягощающихъ только податныя, преимущественно сельскія сословія, и о допотопномъ раздѣленіи русскихъ подданныхъ на податныя и неподатныя состоянія. Безъ упраздненія привилегіи неподатныхъ сословій, противной основнымъ началамъ государственнаго благоустройства, невозможна здравая податная реформа, а съ тѣмъ вмѣстѣ невозможны и дальнѣйшіе успѣхи въ политической жизни Россіи. Правительство поступило весьма мудро что поставивъ вопросомъ реформу подушныхъ налоговъ, оно не предрѣшало его ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ. Нельзя не признать въ этомъ случаѣ и чрезвычайной сдержанности нашей печати, которая относилась къ податной привилегіи съ замѣчательною умѣренностію и не внесла въ естественный ходъ этого вопроса никакого раздраженія. Теперь когда со стороны самого дворянства обнаруживается рѣшительное движеніе въ пользу отмѣны податной привилегіи, утратившей нынѣ то государственное значеніе какое она имѣла прежде, когда привилегированныя лица становятся впереди широкой, соотвѣтствующей требованіямъ справедливости и времени податной реформы, у печати развязаны руки по этому дѣлу, и мы можемъ обсуждать его на свободѣ, не опасаясь упредить иниціативу земства. Не можетъ быть сомнѣнія что безъ устраненія сословныхъ элементовъ въ нашей податной системѣ, нельзя и думать о преобразованіи ея согласно началамъ современнаго государственнаго права, а равно о разрѣшеніи практическихъ финансовыхъ задачъ поставленныхъ въ вопросѣ о подушныхъ налогахъ. Какъ слышно, представители Московскаго земства, работая надъ этимъ вопросомъ, по порученію губернскаго собранія, съ самаго начала своихъ занятій, поставили его на настоящую почву. Вопросъ обсуждается ими въ земскомъ духѣ, безъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, и потому можно ожидать что предположенія Московскаго земства о преобразованіи подушныхъ налоговъ послужатъ добрымъ основаніемъ для всеобщей реформы нашей податной системы и тѣмъ много облегчатъ задачу правительства въ этомъ дѣлѣ.

№ 246.

Москва, 13-го ноября.

На парижскихъ улицахъ непрерывною вереницей баталіоны молодыхъ людей обучались въ августѣ и сентябрѣ обращенію съ оружіемъ. Съ разныхъ концовъ Франціи сбѣжались эти люди чтобы защитить столицу страны отъ непріятеля. Они принесли съ собой много доброй воли, патріотизма и самоотверженія; но они не имѣли предъ тѣмъ случая освоиться съ оружіемъ, и вотъ, вмѣсто того чтобы вести ихъ противъ непріятеля, ихъ обучаютъ на городскихъ улицахъ и площадяхъ военному дѣлу, начиная съ его азбуки. А между тѣмъ непріятельскія войска обложили Парижъ; время проходитъ, провіантъ исчезаетъ, блокада становится все крѣпче, силы осаждающихъ все многочисленнѣе...

Генералу Трошю выпало на долю защищать столицу Франціи людьми неподготовленными къ военному дѣлу; ему приходится заниматься обученіемъ своихъ импровизованныхъ солдатъ, въ такое время когда требовалось бы дѣйствовать съ отчаянною рѣшимостью. Генералъ боевой и разсудительный, въ своемъ сочиненіи по поводу переустройства французской арміи, котораго вышло восемнадцать изданій, онъ настаивалъ особенно на томъ чтобы ряды арміи пополнялись обученными и уже послужившими людьми. Онъ предусматривалъ впрочемъ и случай непріятельскаго вторженія когда готовая армія можетъ считаться недостаточною; на этотъ случай онъ предлагалъ издать

особый законъ, который призывалъ бы всѣхъ отставныхъ и несемейныхъ солдатъ до сорокалѣтняго возраста въ полки гдѣ они служили, а семейныхъ въ крѣпости, и всѣхъ мущинъ отъ 20 до 40 лѣтъ, не попавшихъ въ свое время по жребію въ составъ рекрутскаго контингента, холостыхъ въ рекрутскія депо, женатыхъ въ крѣпости. Онъ выставлялъ на видъ что такого закона, да арсеналовъ изобильно снабженныхъ и правильнаго веденія общинныхъ списковъ будетъ достаточно для поголовнаго ополченія на защиту страны.

Для подготовки поголовнаго ополченія къ случайностямъ войны, генералъ Трошю желалъ чтобы правительство дало населенію толчокъ въ извѣстномъ направленіи. „Почему не устроимъ мы", таковы слова его, „въ chef'lieu каждой общины, упражненій въ стрѣльбѣ, поощряемыхъ преміями, подъ вѣдѣніемъ стрѣлковыхъ обществъ, при сочувствіи всей страны?"

Почему? Потому что павшее французское правительство боялось распространять въ населеніи умѣнье обращаться съ оружіемъ. Въ минуту войны поголовное ополченіе состоялось, но ополченіе это нуждается въ обученіи которое оно легко и свободно пріобрѣло бы въ годы мира, въ своихъ жилищахъ, не выходя за предѣлы своей общины. То ли было бы теперь еслибы желанія генерала Трошю были своевременно исполнены и развитію стрѣлковаго образованія въ населеніи оказаны были сочувствіе и поддержка!

Мы привели примѣръ Парижа и его защитниковъ, фактъ современный и разительный. Но въ нашей народной памяти живетъ воспоминаніе о той эпохѣ когда намъ самимъ приходилось отбиваться отъ непріятельскаго нашествія. Тогда несмотря на огромные рекрутскіе наборы, для поддержки армій, изъ которыхъ одна дралась подъ Севастополемъ, другая на Кавказѣ, а третья таяла отъ болѣзней на западной границѣ, въ ожиданіи нападенія со стороны Австріи и Германскаго Союза, — потребовалось созвать ополченіе. Всѣмъ извѣстно что тогда стрѣлковое дѣло даже въ арміи находилось въ самомъ жалкомъ положеніи, и потому неудивительно что и ополченіе было годно лишь для рукопашнаго боя. Наши мужички бросались львами противъ непріятельскихъ батарей на Ѳедюхиныхъ горахъ, но что толку? Восточная война дала намъ добрый урокъ; съ тѣхъ поръ занятія стрѣльбой получили нѣкоторое значеніе, правда, какъ слышно, болѣе теоретическаго чѣмъ практическаго свойства. За исключеніемъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, стрѣльба въ цѣль не поставлена еще на дѣлѣ, по многимъ причинамъ, на должное мѣсто. Но во всякомъ случаѣ значеніе стрѣльбы уже не оспаривается, и настоящая война еще болѣе выяснитъ это значеніе. Съ менѣе удовлетворительнымъ оружіемъ прусскія войска обращались лучше чѣмъ французскія съ болѣе совершеннымъ, и слова одного прусскаго военнаго учебника, объясняющія это явленіе, въ немъ обратно находятъ себѣ подтвержденіе: „Ни въ одной арміи, сказано тамъ, стрѣльба не ведется съ такою точностію и съ такими результатами какъ у насъ." Ежегодно отпускается на каждаго офицера, унтеръ-офицера и рядоваго по 100 патроновъ*); на каждый баталіонъ полагается по 22 преміи; люди стрѣлковыхъ баталіоновъ получаютъ по 124 патрона и припасы на изготовленіе еще бо́льшаго числа ихъ.

Лица слѣдящія внимательно за событіями текущаго года припоминаютъ затрудненія встрѣченныя нами во время Восточной войны. Мы получаемъ съ разныхъ сторонъ письма не только съ замѣчаніями о необходимости подготовки молодыхъ людей къ стрѣльбѣ, но и съ указаніемъ для этого средствъ необременительныхъ для земства.

Само собой разумѣется что практическая оцѣнка этихъ указаній и предложеній сдѣлается возможною лишь послѣ того какъ будутъ извѣстны подробности устройства ожидающаго нашу армію. Какой системѣ будетъ дано у насъ предпочтеніе, — испытанной ли прусской системѣ 1859 года, или системѣ французской, еще не успѣвшей оправдать себя на дѣлѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ потребуются совершенно различныя приспособленія. Но какова бы ни была судьба обсуждаемыхъ нынѣ предположеній, нельзя не пожелать чтобы правительство не отказало въ содѣйствіи и сочувствіи предполагаемому учрежденію Россійскаго Общества Стрѣлковъ, о которомъ довольно подробныя свѣдѣнія сообщены во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты. Въ Англіи правительство снабжаетъ волонтеровъ оружіемъ,

*) У насъ для скорострѣльныхъ ружей 60 на некотанца.

учебными припасами и отводитъ даромъ мѣста для стрѣльбы. Въ Пруссіи даже королевскіе дворцы (напримѣръ въ Кенигсбергѣ) давались подъ гимнастическія школы, дабы всенародно выставить ихъ патріотическій характеръ. Уставъ Россійскаго Общества Стрѣлковъ не претендуетъ на пособія отъ казны. Но они будутъ упражняться въ томъ что̀ можетъ потребоваться для защиты отечества, а потому было бы, кажется, полезно, оказать учреждающемуся Обществу не только ту поддержку которою пользуются всѣ, столь многочисленныя стрѣлковыя, гимнастическія и фехтовальныя общества въ Германіи, но и нѣчто болѣе, дабы оно могло имѣть быстрый и прочный успѣхъ. Успѣхъ этого Общества, при его развѣтвленіи по государству, будетъ во всякомъ случаѣ успѣхомъ нашего войска и нашей обороны.

№ 247.

Москва, 16-го ноября.

Повсюду изыскиваются мѣры для увеличенія армій и изобрѣтаются все новыя орудія разрушенія: самъ собою возникаетъ вопросъ, найдутся ли средства обезпечить нашу армію достаточнымъ числомъ людей медицинской профессіи? Комплектъ военныхъ врачей въ мирное время, какъ извѣстно, далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ военнаго времени. Откуда же придется брать ихъ при быстрой мобилизаціи арміи какая требуется новѣйшимъ способомъ веденія войнъ?

Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о народномъ здравіи.

Вскорѣ предстоитъ открытіе губернскихъ земскихъ собраній, и однимъ изъ важныхъ предметовъ ихъ занятій долженъ быть вопросъ о народномъ здравіи. До сихъ поръ нельзя еще сказать чтобы много было сдѣлано практически полезнаго по столь важному предмету. Въ иныхъ мѣстахъ затрачивались большія суммы на земскія больницы; въ другихъ земство назначало субсидію для больницъ уже существовавшихъ; въ иныхъ, наконецъ, земство приглашало или врачей или фельдшеровъ коимъ поручались участки уѣзда подъ наблюденіемъ врача. Во многихъ случаяхъ эти заботы о народномъ здравіи стоили земству непорядочныхъ расходовъ и затратъ Можно ли, однако, сказать чтобъ этими усиліями и жертвами вопросъ о народномъ здравіи былъ поставленъ на прямой путь и обѣщалъ привести къ полезнымъ результатамъ? Не опасаясь опроверженія, можно смѣло сказать что массы нашего народа вовсе лишены способовъ имѣть врачебную помощь въ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ болѣзняхъ; что отсутствіе этой помощи особенно ощутительно тамъ гдѣ ее бываетъ нужно подать быстро, какъ-то въ дѣтскихъ болѣзняхъ и при родахъ; что есть цѣлые околотки зараженные страшною болѣзнью, имѣющею гибельное вліяніе на будущія поколѣнія; что, наконецъ, въ случаѣ эпидеміи, прежде чѣмъ будутъ приняты исключительныя мѣры и явится врачъ, сотни, а можетъ-быть и тысячи могутъ стать ея жертвами отъ недостатка своевременной помощи на мѣстѣ. Кто станетъ отрицать что, при всѣхъ затратахъ земства на врачей и больницы, крестьяне попрежнему продолжаютъ обращаться къ знахарямъ и повитухамъ?

Какъ же тутъ быть? Забота о народномъ здравіи есть одинъ изъ предметовъ первостепеннаго значенія для государства и оставлять его въ коснѣніи было бы непростительнымъ нерадѣніемъ. До сихъ поръ на этотъ предметъ были употреблены тѣ средства которыя имѣлись подъ руками. Ожидать повсемѣстнаго въ Россіи устройства сельскихъ больницъ, если не въ каждой волости, то по нѣскольку въ уѣздѣ, невозможно. Это было бы не по силамъ земству обремененному заботами о столькихъ предметахъ общественной пользы. Больницы, вполнѣ удовлетворяющія своему назначенію, были бы слишкомъ большою роскошью, въ которой и нѣтъ даже потребности, ибо наиболѣе значительный процентъ болѣзней вовсе не требуетъ больничнаго лѣченія.

Кромѣ устройства больницъ, оставалось пригласить врачей, что̀ и сдѣлано въ большей части уѣздовъ. Но гдѣ взять врачей въ такомъ количествѣ чтобы массамъ 80-тимилліоннаго народа могла быть обезпечена дѣйствительная помощь? Многіе ли изъ людей получившихъ университетское образованіе согласятся обречь себя на темный бытъ въ глуши деревень, безъ всякихъ удобствъ, безъ возможности слѣдить за наукой, безъ всякой надежды улучшить свое матеріальное положеніе? Нужно имѣть

самую горячую любовь къ страждущему человѣчеству, нужно самоотверженіе для такого подвига, а можно ли на самоотверженіи основать призваніе массы людей, какая потребовалась бы для того чтобъ обезпечить народъ достаточною и удовлетворительною врачебною помощью? Нѣтъ, ученыхъ медиковъ было бы недостаточно; еслибы число ихъ удесятерилось противъ нынѣшняго, и изъ нихъ только оборыши, только послѣдніе люди своего сословія достались бы на долю народныхъ массъ.

Нужно ли говорить о тщетѣ земскихъ субсидій нынѣшнимъ городскимъ и уѣзднымъ врачамъ? Какъ ни жалко до сего времени обставлено ихъ матеріальное положеніе, но не по этой причинѣ не было отъ нихъ для сельскаго люда почти никакой пользы. Врачъ въ городѣ для крестьянина живущаго за 50 и болѣе верстъ все равно что не существуетъ. Кромѣ того, у этихъ врачей есть свои обязанности, судебныя и полицейскія, пренебречь коими они не въ правѣ ни за какую плату отъ земства. Велика ли можетъ быть помощь для народа отъ врача, когда ему разомъ приходилось бы имѣть дѣло съ тысячами людей нуждающихся въ его совѣтѣ?

Итакъ, неужели, спросятъ читатели, остается обречь нашъ сельскій людъ на медицинскую практику фельдшеровъ? Не говоря уже о томъ что практика не дозволена имъ закономъ, развѣ возможно поручить имъ такую важную отвѣтственность при ихъ невѣжествѣ? Содержаніе въ уѣздѣ нѣсколькихъ участковыхъ фельдшеровъ отъ земства, съ порученіемъ надзора надъ ними врачу живущему въ городѣ (что принято во многихъ уѣздахъ), не принесетъ пользы. Это деньги брошенныя на вѣтеръ.

Въ такомъ печальномъ положеніи находится дѣло попеченія о народномъ здравіи. Мы убѣждены однако что дѣло это могло бы пойти иначе, и возвращаемся къ мысли которую не разъ высказывали. Почему бы не создать особую профессію врачей практическихъ, хотя и не имѣющихъ ученой степени лѣкаря? Почему бы не быть у насъ особаго рода врачамъ имѣющимъ право лѣчить, хотя и не получившимъ высшаго образованія въ университетѣ, врачамъ въ родѣ англійскихъ хирурговъ, которые образуются въ госпитальныхъ школахъ, и *surgeons*, которые отличаются отъ врачей съ университетскимъ дипломомъ *physicians*? По нашему мнѣнію, образованіе такого класса *подлѣкарей* (названіе удобное и понятное для народа) дастъ единственную возможность организовать правильно насущную для нашего народа медицинскую помощь, и въ нихъ же могла бы пріобрѣсти себѣ хорошее подспорье армія. Люди для этого званія найдутся въ изобиліи. Стóитъ только открыть путь, и онъ привлечетъ множество юношей получившихъ общее образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, и не имѣющихъ ни средствъ, ни потребности искать высшаго образованія въ университетѣ. Званіе подлѣкаря, по пріобрѣтеніи *практическихъ* медицинскихъ познаній, *на курсахъ* которые могли бы съ этою цѣлью быть открыты при всѣхъ большихъ больницахъ, дало бы этимъ молодымъ людямъ почетную и выгодную профессію. Для народа же этотъ классъ людей былъ бы истиннымъ благомъ. По своему общественному положенію, они были бы гораздо ближе къ простому люду чѣмъ люди университетскаго образованія, и жизнь въ деревняхъ не могла бы имъ быть въ тягость. Такого рода людей, способныхъ и дѣльныхъ, получившихъ не высокое, но практическое медицинское образованіе могло бы размножиться смотря по надобности. Ученые врачи потребовались бы только для надзора надъ ними и направленія ихъ дѣятельности.

№ 248.

Москва, 17-го ноября.

А.

На дняхъ прочли мы въ одномъ изъ самыхъ значительныхъ органовъ прусской печати, *National-Zeitung*, передовую статью, озаглавленную: *Русскій циркуляръ*. По мнѣнію этого органа, въ „русскомъ циркулярѣ „замѣчается желаніе войти въ соглашеніе „съ державами касательно отмѣны допол„нительной конвенціи (о числѣ военныхъ „судовъ въ Черномъ морѣ) Парижскаго „трактата, и только это, до нѣкоторой „степени, можетъ послужить извиненіемъ „шага сдѣланнаго русскимъ правитель„ствомъ“. „Германія“, продолжаетъ *National-Zeitung*, „могла бы согласиться всту„пить въ переговоры объ этомъ предметѣ, „но намъ крайне не нравится форма рус-

„скаго циркуляра.“ Что же не нравится? Не нравится та будто бы „*свойственная* „русскимъ циркулярамъ *умышленная* не-„опредѣленность, которою возбуждаются „опасенія“. Неопредѣленность эту *National-Zeitung* находитъ именно въ той части циркуляра которая опредѣлительнѣе всѣхъ прочихъ, а именно въ исчисленіи бывшихъ до сихъ поръ нарушеній Парижскаго трактата. Почему Россія не протестовала, въ свое время, противъ этихъ нарушеній? „Если ими вдругъ захотѣли „воспользоваться теперь чтобы нарушить „святость писаннаго права, то этимъ воз-„буждается тягостный вопросъ доколѣ Рос-„сіи угодно еще будетъ признавать Париж-„скій трактатъ. Есть опасность что каж-„дую минуту она можетъ отказать въ по-„виновеніи тому или другому пункту...“

Итакъ, *National-Zeitung* не менѣе горячо принимаетъ къ сердцу результаты послѣдней Крымской войны чѣмъ любой органъ общественнаго мнѣнія тѣхъ странъ которыя пріобрѣли эти результаты цѣною своей крови въ борьбѣ съ Россіей. Наравнѣ съ *Кельнскою Газетой* и другими органами общественнаго мнѣнія Германіи, *National-Zeitung* находитъ въ этихъ результатахъ общее и неприкосновенное достояніе Европы, а особенно Германіи. Какъ ни занята Германія на западѣ, какъ ни связана она относительно Россіи разными нравственными узами, но нѣмецкая нація имѣетъ достаточно ручательствъ что еслибы возникъ Восточный вопросъ, то ей нечего опасаться за свои интересы. „Восточный вопросъ“, продолжаетъ *National-Zeitung*, „который, по словамъ петербургской депеши, не предполагается возбу-„ждать, и не будетъ возбужденъ помимо „объединенной и окрѣпнувшей Германіи. „Мы считаемъ себя однако въ правѣ ска-„зать что уже четырнадцать лѣтъ назадъ „вопросъ этотъ, отчасти благодаря Прус-„сіи, принялъ направленіе вовсе не про-„тивное нашей пользѣ. Пруссія не хотѣла „чтобъ императоръ Николай перевернулъ „вверхъ дномъ (auf den Kopf stelle) вну-„треннія отношенія Турціи,—и этого не „случилось. Пруссія не согласилась также „на преграждение (Versperrung) Россіей „устьевъ Дуная; она не согласилась на „занятіе Россіей Дунайскихъ Княжествъ „въ видѣ залога: послѣдствіемъ прусскаго „трактата съ Австріей было то что по-„слѣдняя могла безопасно занять остав-„ленныя Русскими Княжества, а достигну-„тая заключеніемъ мира свобода судоход-„ства по Дунаю была весьма цѣннымъ для „Германіи пріобрѣтеніемъ, и Пруссія уча-„ствовала въ достиженіи этого результата. „Если все это было достигнуто путемъ „нейтралитета, который, какъ это дока-„зывается особенно трактатомъ съ Австріей „(отъ 20-го апрѣля 1854 года), *былъ не* „*безусловный*“ (ибо въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія за Дунаемъ и движенія Русскихъ къ Балканамъ Пруссія *обязывалась объявить войну Россіи*), „то „надобно признаться что ходъ всего это-„го дѣла вообще удовлетворилъ нашимъ „потребностямъ...“

Итакъ, газета пользующаяся большимъ уваженіемъ въ Пруссіи и вообще въ Германіи, органъ вліятельной политической партіи, совершенно также понимаетъ событія Восточной войны какъ и мы, и прусскій трактатъ съ Австріей, въ 1854 году, имѣетъ для нея то же значеніе какъ и для насъ,—значеніе, которое выражено въ немъ съ совершенною ясностью. Петербургская газета *Nordische Presse*, вѣроятно отъ избытка русскаго патріотизма, позволяетъ себѣ клеветать на Пруссію, говоря что она „никогда вполнѣ не раздѣляла направлен-„ную противъ Россіи по Восточному вопро-„су, и въ 1856 году и послѣ, политику не-„довѣрія, но дѣйствовала *по принужденію* „даже тогда когда она присоединялась къ „мѣрамъ западно-европейской коалиціи.“ Не слишкомъ ли это? Не обидно ли это будетъ для общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, которое настаиваетъ что Пруссія не только не признаетъ надъ собой никакого *принужденія* въ этомъ дѣлѣ, но гордится предъ Германіей тѣмъ что благодаря ея вліянію „ходъ всего этого дѣла (то-есть Восточной войны 1855—1866 годовъ) „удовлетворилъ потребностямъ Германіи.“ И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, *Nordische Presse*, какъ бы опомнившись, вдругъ заявляетъ что мнѣнія наши дѣйствительно основаны на „словахъ депешъ“; но „судя по словамъ депешъ“ мы, будто бы, „упустили изъ виду факты“. Но развѣ депеши и трактаты не факты? Развѣ результаты Восточной войны не факты?

Другой петербургскій патріотъ, извѣстный вестфальскій мужъ, утверждалъ что мы исказили истину сказавъ что трактатомъ 1854 года Пруссія обязывалась объявить войну въ случаѣ движенія Русскихъ

къ Балканамъ, ибо, говоритъ онъ, трактатъ этотъ не имѣлъ иной цѣли кромѣ взаимнаго обезпеченія Австріей и Пруссіей неприкосновенности ихъ территорій, а о „*Балканахъ въ немъ не было и рѣчи*". Противъ приведенныхъ нами подлинныхъ словъ трактата, вестфальскій мужъ сослался на авторитетъ генерала Тотлебена. Не постигая какимъ образомъ чей бы то ни было авторитетъ можетъ вырвать изъ исторіи подлинный документъ, текстъ трактата, мы отвѣчали вторичнымъ воспроизведеніемъ текста. И что же? Вестфальская газета, снова не упоминая объ этомъ текстѣ и оставляя его въ сторонѣ какъ будто бы его вовсе не было, поучаетъ насъ что— „о комплнкаціяхъ, подобныхъ вызваннымъ Крымскою войной, писано *безконечно много*. Кто, пользуясь отдѣльными *фразами*, хочетъ доказать что черное бѣло, а бѣлое черно, тому это легко возможно, и *Московскія Вѣдомости* обнаруживаютъ въ этомъ великое искусство (Talent)... когда они этимъ могутъ *оклеветать* (!) Германію и раздуть въ русскомъ народѣ *ненависть* къ ней. Для насъ, однако, стоитъ основанное на историческихъ фактахъ (?) сужденіе человѣка, какъ Тотлебенъ безконечно выше заявленій (Aeusserungen) *Московскихъ Вѣдомостей*".

Дѣйствительно, о Крымской войнѣ писано много; высказано много мнѣній, и въ числѣ ихъ по инженерной части несомнѣнный авторитетъ имѣютъ мнѣнія генерала Тотлебена, но по дипломатической части нѣтъ большаго авторитета какъ сами документы которые доступны всякому кто хочетъ взять на себя трудъ повѣрить по нимъ цитаты, и не „отдѣльныхъ *фразъ*", а цѣлыхъ статей. *St.-Petersburger Zeitung* говоритъ о *фактахъ* на которыхъ основано мнѣніе генерала Тотлебена. Какіе же это факты? Гдѣ они? Почему она не приводитъ ихъ?

Во всякомъ случаѣ, чѣмъ же мы тутъ виноваты? Почему обращаются съ возраженіями къ намъ, а не къ самой Германіи? Какъ называть клеветою возводимою нами на Пруссію то что ея собственные органы вмѣняютъ ей въ достоинство и хвалу? Германія полагаетъ что ея интересы не сходствуютъ съ интересами Россіи, что они сталкиваются какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и на Востокѣ, и что Пруссія была бдительнымъ стражемъ своихъ національныхъ интересовъ и не увлекалась политикой дружескихъ чувствованій. Вотъ что съ гордостію выставляется на видъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, и вотъ что явствуетъ изъ актовъ прошедшаго, съ которыми не худо справляться при оцѣнкахъ настоящаго.

Б.

Въ № 208 *Московскихъ Вѣдомостей* мы сочли не лишнимъ обозначить историческія фазы развитія военнаго могущества Пруссіи. Изъ представленнаго нами очерка видно что въ началѣ текущаго столѣтія, подъ гнетомъ обстоятельствъ, прусское правительство поставило себѣ цѣлью систематически подготовлять все населеніе страны къ военному дѣлу, и что та же цѣль была на первомъ планѣ при реорганизаціи арміи въ 1859 году. Мѣры нѣкогда принятыя въ видахъ оборонительныхъ, при измѣнившейся обстановкѣ, служатъ теперь главнымъ подспорьемъ для предпріимчивой наступательной политики, и всѣ великія державы, волей-неволей, побуждаются къ такому развитію своихъ вооруженныхъ силъ которое давало бы имъ возможность поддержать свое международное значеніе наряду съ Германіей.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенное ниже изложеніе главныхъ постановленій объ отправленіи воинской повинности въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ; въ настоящую минуту они пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ виду подготовляемаго и у насъ преобразованія.

№ 249.

Москва, 18-го ноября.

Въ первой половинѣ сентября, графъ Бернсторфъ, прусскій посолъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, обратился къ лорду Гранвилю съ сѣтованіемъ на вывозъ оружія и военныхъ запасовъ изъ Англіи во Францію. Лордъ Гранвиль отвѣчалъ весьма убѣдительнымъ доводомъ что правительство англійское не властно запретить частной промышленности принимать и исполнять чьи бы то ни было заказы, и что нейтралитетъ обязываетъ его только не дѣлать въ этомъ отношеніи какихъ-либо изъятій для той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Графъ Бернсторфъ возражалъ что

такъ какъ дѣло Пруссіи есть дѣло правое, то нейтральныя правительства должны склоняться на ея сторону, и продолжалъ находить справедливымъ чтобы британское правительство не дозволяло вывоза оружія во Францію.

Что симпатіи Англіи на прусской сторонѣ, въ этомъ графъ Бернсторфъ не могъ сомнѣваться, хотя вопросъ о правотѣ дѣла, по всему вѣроятію, не имѣетъ большаго значенія въ разчетахъ британской политики. Англія желаетъ объединенной и сильной Германіи—это въ порядкѣ вещей, и это положительно высказывается ея государственными людьми и всѣми органами ея общественнаго мнѣнія Но правительство англійское не считало себя въ правѣ отнимать выгоды у частной промышленности своей страны и произвольно стѣснять ея свободу. Оно не могло воспретить принятіе заказовъ на частныхъ ружейныхъ заводахъ, и могло утѣшать себя только тѣмъ что для Французовъ мало будетъ пользы отъ тѣхъ ружей которыя сбывались имъ за бо́льшія деньги англійскими промышленниками.

Такимъ образомъ, дипломатическая переписка между британскимъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и прусскимъ посломъ въ Лондонѣ осталась безъ послѣдствій. Французы продолжали вывозить изъ Англіи оружіе.

Протекло около трехъ мѣсяцевъ, и вотъ вдругъ англійское правительство дѣлаетъ распоряженіе коимъ прекращается дальнѣйшій вывозъ оружія изъ Англіи во Францію. Что́ же вдругъ расширило конституціонныя права британскихъ министровъ? Что́ случилось въ этотъ промежутокъ времени?

Ничего болѣе кромѣ депеши князя Горчакова отринувшей одну изъ статей Парижскаго трактата. Г. Одо Россель, второй секретарь иностранныхъ дѣлъ, отправился въ Версаль, гдѣ имѣлъ долгія совѣщанія съ графомъ Бисмаркомъ по поводу упомянутаго событія, которое всего болѣе должно было отозваться въ Англіи. Потребовалось разъяснить положеніе Пруссіи относительно Россіи. Хотя въ Англіи знаютъ что интересы Германіи замѣшаны въ Восточномъ вопросѣ и что она не продешевитъ ихъ, однако естественно возникали опасенія чтобы, въ виду еще болѣе настоятельныхъ требованій прусской политики на Западѣ, она не сдѣлала нѣкоторыхъ невольныхъ уступокъ на Востокѣ. Надобно было обезпечить себя съ этой стороны и привести въ совершенную ясность отношенія. Графу Бисмарку оставалось только извлечь le meilleur parti possible изъ сложившихся обстоятельствъ, и побудить Англію къ болѣе усердному содѣйствію его дальнѣйшимъ видамъ. Теперь, по всему вѣроятно, со стороны Англіи не будетъ вовсе возраженій касательно территоріальныхъ перемѣнъ, которыя должны послужить матеріальными гарантіями для Германіи при непрочности трактатовъ, какъ выражаются берлинскіе органы. Англія будетъ сговорчивѣе и въ другихъ вопросахъ которые предвидятся при дальнѣйшемъ развитіи германской политики. А между прочимъ министры ея британскаго величества нашли возможнымъ переступить границы своихъ конституціонныхъ полномочій и ограничить свободу промышленности въ своей странѣ, чего не рѣшались сдѣлать за три мѣсяца предъ симъ.

Современно съ появленіемъ русскаго циркуляра, произошло еще событіе особенной для Пруссіи важности. Войска королей Баварскаго и Виртембергскаго одерживаютъ побѣды во Франціи,—надъ кѣмъ? Надъ Французами конечно; но сверхъ того они довершаютъ тѣ самыя побѣды которыя, въ 1866 году, Пруссія одержала надъ южно-германскими государствами. Катастрофы Седана и Меца рѣшаютъ судьбу не одной Франціи, но также и этихъ государствъ, и они успѣшно завоевываютъ свое подчиненіе Пруссіи Весьма естественно что съ ходомъ войны, ознаменовавшейся неслыханными успѣхами, въ южно-германскихъ государствахъ стала чувствоваться неловкость, и когда наконецъ наступила пора, подъ стѣнами осажденнаго Парижа, уладить обще-германское дѣло, то въ южныхъ государствахъ оказались сопротивленія. Явилась перспектива новыхъ затрудненій, которыя могли отдалить и даже компрометтировать германское дѣло внутри самой Германіи. Баварія, въ своемъ упорѣ, находила поощреніе и поддержку въ Австріи, которая, въ силу Пражскаго трактата имѣетъ право на участіе въ разрѣшеніи вопроса о судьбѣ южно-германскихъ государствъ. Теперь всѣ сопротивленія пали, въ Версалѣ подписаны конвенціи баварская и виртембергская, и проектъ новаго устройства Германіи уже находится на разсмотрѣніи съ-

веро-германскаго парламента. Военныя силы южно-германскихъ государствъ организуются по образцу прусскому, и подчиняются прусской верховной командѣ. Баварскіе подданные поступающіе подъ знамена должны присягать въ вѣрности королю Прусскому или будущему императору Германскому, и южно-германскія государства становятся его вассальными владѣніями до новой фазы въ развитіи дѣлъ.

Очевидно что графъ Бисмаркъ умѣетъ пользоваться событіями. Дѣла Германіи на западѣ и внутри могутъ теперь считаться улаженными. А между тѣмъ онъ равномѣрно оказываетъ услугу и Россіи, и Англіи предложеніемъ конференціи.

Сегодня мы приводимъ изъ австрійской *Красной Книги* двѣ депеши графа Бейста, адресованныя къ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, графу Хотеку, по поводу такъ-называемаго „Черноморскаго вопроса“ (Pontusfrage). Словоохотливый государственный мужъ не могъ не воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ чтобы блеснуть своею мудростью по части международнаго права. Что на дѣлѣ онъ ставитъ себя въ противорѣчіе съ собственными предложеніями 1867 года, это ни мало не заботитъ его. Онъ выступаетъ витяземъ доктрины, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительности. Таково призваніе Австріи, которая одна осталась на стражѣ публичнаго права Европы: это повторяютъ ежедневно, на всѣ тоны, и пештскія, и вѣнскія газеты.

„Мы не хотимъ обсуждать,“ возражаетъ чешскій органъ, *Politik*, „дѣйствительно ли въ поступкѣ Россіи заключается „величайшее изъ насилій какое когда-либо „было совершено европейскою державой. „Но мирные договоры Цюрихскій и Пражскій касались Австріи нѣсколько ближе „чѣмъ Черное море; однако мы съ полнымъ спокойствіемъ духа дали изорвать „ихъ. Къ чему же теперь такое негодованіе?...“

Органъ Чеховъ выразился справедливо и мѣтко, хотя, по интересному совпаденію, на этотъ органъ равно напускаются и Мадьяры въ Пештѣ, и нѣмецкіе патріоты въ Петербургѣ, какъ *Nordische Presse*, которая недавно упрекала насъ за довѣріе къ свѣдѣніямъ *Politik*.

Въ самомъ дѣлѣ, цюрихскимъ трактатомъ была признана италіянская конфедерація и возстановлялись родственные и преданные Габсбургскому дому династіи. Но не успѣли высохнуть чернила которыми Австрія подписала этотъ трактатъ какъ уже онъ былъ изорванъ и попранъ. Еще важнѣе для Австріи четвертая статья Пражскаго трактата, все значеніе которой уничтожено теперь версальскими договорами. Извѣстно съ какою энергіей партія преданная Австріи и желающая удержать центръ ея тяжести умоляетъ вѣнское правительство настаивать на своемъ правѣ и сохранить въ неприкосновенности IV статью Пражскаго трактата. Извѣстны также попытки, нынѣ напрасно отрицаемыя, которыя были дѣланы графомъ Бейстомъ въ продолженіе версальскихъ переговоровъ чтобы побудить и Баварію, и Виртембергъ настаивать на томъ же правѣ. Но вотъ фактъ совершился. Пражскій трактатъ приказалъ долго жить. Австрія лишилась всякаго права участія въ германскихъ вопросахъ. Отнынѣ ей предоставляется пріобщиться къ Германіи, въ благопотребное время, такимъ же вассальнымъ владѣніемъ какъ Баварія, Виртембергъ и Саксонія. Объ этомъ имперскій канцлеръ молчитъ; за то онъ выступаетъ витяземъ нарушенной формы по вопросу о Черномъ морѣ...

Вообще нельзя не замѣтить, при взглядѣ на документы *Красной Книги*, чрезвычайную сдержанность австро-венгерскаго канцлера во всемъ что касается отношеній къ Германіи. „Имперскій канцлеръ „словно умышленно замыкалъ свои уста „чтобы не все сказать что онъ зналъ и „думалъ,“ такъ говорятъ вѣнскія газеты: „видно что у нашей дипломатіи что-то лежало на сердцѣ чего она не отваживалась высказать, пока циркуляръ князя Горчакова не возвратилъ ей обиліе „слова...“

№ 250.

Москва, 19-го ноября.

Судя по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, вопросъ о подушныхъ налогахъ возбуждаетъ въ земствѣ живой интересъ. Въ настоящую минуту нѣтъ вопроса отъ котораго бы могло въ такой степени зависѣть развитіе самого земства. Долгъ печати содѣйствовать разъясненію основаній этой важной реформы, но, къ сожалѣнію, совѣщанія земства лишены той гласности какая необходима для того чтобы печать

могла принести всю ту пользу какой слѣдуетъ ожидать отъ нея.

Мы хотимъ остановиться теперь на различныхъ формахъ налога, въ которыя могутъ быть превращены наши нынѣшніе подушные сборы.

Самымъ простымъ способомъ разрѣшенія вопроса о государственномъ земскомъ подушномъ сборѣ было бы переложеніе его на земли тѣхъ лицъ которыя его доселѣ платили; улучшеніе тутъ состояло бы въ томъ что новый сборъ совершенно утратилъ бы характеръ подушнаго налога, а потому взиманіе его уже не сопровождалось бы стѣсненіями личной свободы. Терминъ *податныя сословія* могъ бы исчезнуть и замѣниться терминомъ *податныя или черныя земли*, что̀ было бы лучше. Но для этого необходимо чтобы поступленіе сбора вполнѣ обезпечивалось землей, то-есть чтобы сборъ былъ значительно ниже доставляемаго ею чистаго дохода. Гдѣ этого условія не оказывается, тамъ придется понизить размѣръ сбора, и либо совсѣмъ освободить плательщиковъ отъ той доли на которую сборъ будетъ пониженъ, либо присоединить эту долю къ другимъ налогамъ, напримѣръ подворному, либо наконецъ разложить ее на тѣ земли которыя, по проекту коммиссіи, вовсе не будутъ подлежать государственному поземельному сбору. Противъ этого порядка, который во всякомъ случаѣ былъ бы улучшеніемъ нашей податной системы, можно главнѣйшимъ образомъ сказать что его введеніе сопровождалось бы для плательщиковъ лишь малымъ облегченіемъ податной тяжести и оставило бы безъ осуществленія великій принципъ равномѣрнаго распредѣленія податей между гражданами государства. И вотъ возникла мысль нельзя ли разложить государственный земскій сборъ на всѣ предметы обложенія въ нынѣшнихъ земскихъ смѣтахъ.

Что̀ сказать объ этой мысли? Превратить государственный земскій подушный сборъ въ дополнительный къ губернскимъ и уѣзднымъ сборамъ было бы весьма не трудно при упраздненіи подушнаго налога въ государственныхъ земскихъ повинностяхъ, тѣмъ болѣе что начало этому уже положено Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта. Собственно слѣдовало бы распространить эту мѣру на всѣ сборы по государственнымъ повинностямъ, въ томъ числѣ и съ торговыхъ свидѣтельствъ (до 700.000 р.), такъ какъ иначе послѣднія подверглись бы двойному обложенію на тотъ же самый предметъ. Вообще такимъ порядкомъ былъ бы чрезвычайно упрощенъ нынѣшній способъ составленія государственной земской смѣты. Мы обязаны однако упомянуть о нѣкоторыхъ неудобствахъ этой мѣры, которая, какъ слышно, уже была предлагаема и въ средѣ самого земства. Неудобства эти были двоякаго рода: съ одной стороны, разсмотрѣніе и установленіе расходной смѣты по государственнымъ повинностямъ, еслибъ оно осталось въ нынѣшнемъ видѣ, то-есть исключительно въ центральномъ государственномъ управленіи, безъ всякаго участія земства, было бы совсѣмъ разобщено съ разсмотрѣніемъ доходной смѣты, которая перешла бы въ полное распоряженіе земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы никакого согласованія доходовъ съ расходами, и угрожала бы опасность слишкомъ быстраго возрастанія расходовъ по государственной земской повинности. Это опасность весьма серіозная, можно сказать неминуемая и не зависящая даже отъ воли центральной администраціи. Когда одно учрежденіе или одно лицо опредѣляетъ величину расходовъ, а другіе ассигнуютъ на нихъ деньги или обязаны только заботиться о пріисканіи источниковъ для покрытія расходовъ; то расходы имѣютъ наклонность къ возрастанію, какъ бы добросовѣстно и благонамѣренно ни дѣйствовали учрежденія и лица разсматривающія расходы. Ничто не сдерживаетъ до такой степени развитія и государственныхъ, и частныхъ потребностей какъ обязанность пріискивать способы къ покрытію ихъ; это вѣрно даже въ томъ случаѣ когда лица обсуждающія расходы и лица отыскивающія нужные для нихъ доходы, лично сами ничего не выигрываютъ отъ производства первыхъ, и ничего не терпятъ отъ взиманія послѣднихъ. Мы не хотимъ однако сказать чтобъ эти затрудненія были неустранимы; ихъ можно избѣгнуть, и объ этомъ сто̀итъ подумать, въ виду чрезвычайныхъ удобствъ связанныхъ съ превращеніемъ государственнаго земскаго подушнаго сбора въ дополнительный налогъ къ нынѣшнимъ мѣстнымъ земскимъ раскладкамъ. Упомянемъ что государственная поземельная подать была бы введена у насъ

на ряду съ налогомъ на земли уже существующимъ въ видѣ земскихъ сборовъ съ земель по губернскимъ и уѣзднымъ смѣтамъ. Легко представить себѣ запутанность и сложность совмѣстнаго существованія двухъ разнородныхъ механизмовъ по двумъ поземельнымъ податямъ. Далѣе, какъ ни недостаточна нынѣшняя оцѣнка земель по земскимъ раскладкамъ въ большей части губерній, но если можно надѣяться на выработку у насъ сколько-нибудь близкой къ истинѣ оцѣнки земель для ихъ податнаго обложенія, то никакъ не черезъ государственный кадастръ, покинутый нынѣ и въ остальной Европѣ, а единственно чрезъ посредство земскихъ учрежденій, способныхъ придумать разные мѣстные практическіе способы оцѣнки и обложенія земель. Правительство само сознало необходимость прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ дѣятельности земскихъ учрежденій, такъ какъ въ проектѣ поземельной подати предполагается предоставить губернскимъ собраніямъ раскладку общихъ губернскихъ суммъ между уѣздами и волостями, а такая раскладка можетъ быть основана только на свѣдѣніяхъ земства и цѣнности земель въ разныхъ мѣстностяхъ.

Переходимъ къ вопросу о подушной подати, которая составляетъ сумму (около 40 милл.) вдвое бо́льшую противъ государственнаго душеваго сбора (19 милл.), и должна быть замѣнена совершенно новыми налогами. Податная коммиссія предложила подворную подать. Въ земствѣ повидимому всего болѣе склоняются къ *классной подати*, въ которой видятъ первый и самый легкій шагъ при переходѣ личнаго налога въ имущественный. Классная подать, которую ближе всего слѣдуетъ назвать просто *окладною податью*, еще сохраняетъ нѣкоторыя свойства личной, ибо податною единицей остается все-таки лицо, а не имущество; но этою податью облагаются только взрослые, какъ самостоятельныя хозяйственныя и имущественныя единицы. Потому не только дѣти, но также и неимущіе, бобыли, не подвергаются окладу классной подати. Сверхъ того, и это главное, лица облагаются въ классной подати *только на основаніи разныхъ имущественныхъ признаковъ*,—признаковъ имуществъ и занятій,—по которымъ они раздѣляются на группы или классы, платящіе *различные оклады* подати. Различіе этой подати съ подоходною заключается въ томъ что для обложенія каждаго лица избираются самые простые, самые очевидные признаки доходовъ цѣлаго класса (напримѣръ крупная и мелкая поземельная собственность, та или другая профессія), и весь трудъ администраціи заключается только въ отнесеніи каждаго лица къ классу, или къ окладу этого класса, а въ подоходной подати опредѣляется доходъ каждаго лица, которое и облагается податью пропорціонально своему доходу.

Важное преимущество классной подати заключается въ томъ что она можетъ быть постепенно совершенствуема, посредствомъ увеличенія числа классовъ или окладовъ и ихъ подраздѣленій. Можно начать съ небольшаго числа окладовъ, и ограничиться самыми приблизительными признаками обложенія: напримѣръ члены крестьянскихъ обществъ не имѣющіе вовсе личной земельной собственности составятъ одинъ классъ; мелкіе личные собственники до 200 дес., до 500 и пр. (смотря по цѣнности земель въ губерніяхъ)—другой классъ; всѣ крупные собственники свыше этой нормы — третій классъ. Само собою разумѣется что оклады или размѣры классной подати должны быть весьма умѣренны, возрастая не въ быстрой прогрессіи отъ низшихъ классовъ къ высшимъ. Важная финансовая задача, въ случаѣ введенія у насъ классной подати, заключалась бы въ полученіи такого общаго отъ нея дохода который бы вполнѣ вознаградилъ казну за подушную подать; сообразно съ этою цѣлью должны быть опредѣлены оклады разныхъ классовъ плательщиковъ, на основаніи статистическихъ свѣдѣній объ имущественномъ и промышленномъ составѣ нашего населенія.

Мы не можемъ однако скрыть что классная подать внушаетъ серіозныя опасенія. Легко можетъ случиться что съ нею воротятся къ намъ всѣ стѣсненія личной свободы, считаемыя необходимыми при подушной подати. Эти стѣсненія укоренились вѣками. Если только будетъ поводъ, то какъ разъ появятся снова и приписка къ обществу, и круговая порука, и всѣ другія прелести ради которыхъ собственно всѣ и желаютъ упраздненія подушной подати. Этого повода надобно остерегаться, а потому кажется рискованнымъ дѣломъ оставлять въ нашей финансовой системѣ личную подать. Не безопаснѣе ли было бы придать классной подати характеръ не личной, а усадебной подати?

№ 251.

Москва, 20-го ноября.

А.

Странствованія г. Тьера, принявшаго на себя въ преклонныя лѣта тяжкую обязанность ходатайствовать предъ европейскими дворами за свое злополучное отечество, были предметомъ газетныхъ сообщеній и корреспонденцій, въ которыхъ описывались его неудачи; но офиціальныхъ свѣдѣній до сихъ поръ не появлялось на свѣтъ. Первыя извѣстія этого рода встрѣчаемъ мы въ обнародованной на дняхъ австрійской *Красной Книгѣ*, гдѣ помѣщены двѣ депеши графа Бейста,—одна отъ 28-го сентября къ графу Аппоньи, австрійскому посланнику въ Лондонѣ, и другая, отъ 12 октября, къ графу Хотеку, австрійскому посланнику въ С.-Петербургѣ. Въ этихъ депешахъ идетъ рѣчь о пребываніи г. Тьера въ Вѣнѣ на пути въ Петербургъ и по возвращеніи оттуда. На пути въ Петербургъ, г. Тьеръ имѣлъ только одно свиданіе съ г. фонъ-Бейстомъ который съ большимъ интересомъ слушалъ его взгляды на положеніе Франціи, „столь же занимательные по содержанію, какъ и привлекательные по формѣ." Спеціальныя требованія г. Тьера къ австро-венгерскому правительству ограничились двумя пунктами: вопервыхъ, признаніемъ нынѣшняго французскаго правительства, вовторыхъ—присоединеніемъ Австро-Венгріи къ попыткамъ о посредничествѣ. Отъ путешествія своего въ Россію г. Тьеръ ожидалъ самыхъ благопріятныхъ результатовъ...

„Идеи г. Тьера," присовокупляетъ г. фонъ-Бейстъ, „относительно посредничества вполнѣ соотвѣтствовали нашимъ. Мы уже сообщали какъ въ Лондонъ, такъ и въ Петербургъ о благовременности коллективнаго посредничества, и постоянно выражали мнѣніе что иниціатива онаго должна исходить изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого, мы очень порадовались бы успѣху миссіи г. Тьера, и всегда были бы готовы присоединиться къ усиліямъ которыя сдѣлала бы Россія чтобы положить конецъ бѣдствіямъ войны."

На возвратномъ пути изъ Петербурга, г. Тьеръ имѣлъ нѣсколько свиданій съ г. фонъ-Бейстомъ. „Мнѣ казалось," говоритъ имперскій канцлеръ, „что онъ какъ будто упалъ духомъ подъ вліяніемъ впечатлѣній вынесенныхъ имъ изъ Петербурга. Онъ говорилъ однако что сохраняетъ прежнее довѣріе къ чувствамъ доброжелательства которыя Императоръ лично выразилъ ему относительно Франціи, но нисколько не обольщаетъ себя на счетъ выгодъ которыя его отечество можетъ извлечь изъ отдѣльнаго посредничества Россіи, и попрежнему энергически настаиваетъ на совокупномъ посредничествѣ нейтральныхъ державъ."

Доселѣ шло повѣствованіе г. фонъ-Бейста. Теперь остается спросить, почему этотъ государственный мужъ, столь горячо принимающій къ сердцу интересы человѣчества и Европы, и исполненный столь живаго сочувствія къ злополучной Франціи, отсылалъ ее въ Петербургъ ходатайствовать о посредничествѣ и ожидалъ непремѣнно оттуда инніціативы въ этомъ дѣлѣ? Австрія, какъ свидѣтельствуетъ кормчій ея корабля, что впрочемъ и безъ того извѣстно цѣлому міру, состояла въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Франціей, и предъ войною долго шепталась съ императоромъ Наполеономъ III. Въ Вѣнѣ, предъ войною, набирался духа тотъ дипломатъ который былъ призванъ управлять иностранными дѣлами Франціи ко времени войны. На Вѣну смотрѣла императорская Франція когда подвигала къ Рейну своихъ преторіанцевъ. Въ интересахъ Вѣны обнажалъ свой мечъ герой Седана, о чемъ и было торжественно возглашено имъ при началѣ войны. Откуда же, спрашивается, слѣдовало ожидать перваго шага въ пользу Франціи какъ не изъ Вѣны? Гдѣ какъ не тамъ долженъ былъ подняться первый голосъ въ интересѣ равновѣсія Европы, которая исчезала изъ глазъ австро-венгерскаго канцлера, и онъ заявляетъ объ этомъ въ своей депешѣ съ прискорбіемъ: „Я не вижу болѣе Европы..." Что же касается до Россіи, то европейское равновѣсіе всегда воздвигалось противъ нея, а она выставлялась вѣчною для него опасностію. Съ Парижемъ Петербургъ въ особенной дружбѣ не находился. Правда, между Россіей и Франціей нѣтъ антагонизма который порождался бы естественными интересами обѣихъ странъ; но исторія давно запутала ихъ отношенія. Въ политическомъ мірѣ, какъ и вообще между людьми, не всегда выходитъ на дѣлѣ то что намѣчено въ естественныхъ отношеніяхъ вещей. Фран-

ція въ своихъ періодическихъ революціяхъ и диктатурахъ ставшая игралищемъ всѣхъ партій, Франція предававшая судьбы свои въ руки авантюристовъ и около двухъ десятилѣтій лежавшая у ногъ человѣка который началъ Булонью и кончилъ Седаномъ, — была лишена здороваго инстинкта своихъ естественныхъ интересовъ и металась изъ стороны въ сторону по возбужденіямъ внѣшнимъ. Она не можетъ возлагать на Россію отвѣтственность за свои заключенія. Доброжелательство къ Франціи съ русской стороны, о которомъ свидѣтельствовалъ г. Тьеръ въ Вѣнѣ, не есть уплата долга, а естественное чувство. Это то самое чувство которое, послѣ колоссальной борьбы съ Франціей, также бонапартовскою, побуждало императора Александра I вступиться, даже вопреки своимъ союзникамъ, за судьбы этой страны. „Интересы Россіи требуютъ чтобы Франція была сильна,“ такъ сказалъ русскій государь въ то время когда Франція лежала разбитая послѣ своего завоевательнаго пароксизма, надѣлавшаго столько бѣдъ Россіи. Г. Тьеръ убѣдился что и теперь въ Россіи есть доброе чувство къ его странѣ, но отъ чувства до дѣла далеко, и чувству въ этомъ случаѣ не легко было бы найти пути чтобы выразиться полезнымъ для Франціи образомъ. Ходатайствовать за нее предъ счастливымъ побѣдителемъ, опираясь на дружескія отношенія соединяющія дворы С.-Петербургскій и Берлинскій? Но какой смыслъ имѣло бы это ходатайство оставаясь въ области чувства? Какъ было бы принято это сентиментальное вмѣшательство въ дѣла столь серіозныя какъ война и миръ? А еслибы посредничество приняло тонъ болѣе настоятельный, то Россія не поставила ли бы себя въ противорѣчіе съ тѣми дружескими отношеніями во имя которыхъ ея посредничество было бы предпринято? Г. фонъ-Бейстъ ожидавшій со стороны Россіи рѣшительнаго шага задавалъ ей задачу очень запутанную и трудную, между тѣмъ какъ ему самому не предстояло никакой задачи для того чтобы сдѣлать желаемый шагъ. Австро-Венгрія числитъ себя великою державой; она подаетъ голосъ во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. Вотъ и теперь: лишь только коснулась рѣчь Черноморскаго вопроса и понадобилось сказать слово противъ Россіи, австро-венгерскій канцлеръ не заставилъ долго ждать его. Почему же Австро-Венгрія не показала чего стóитъ ея дружба въ то время какъ Франція обращалась къ ней за помощью и просила ея посредничества?

У бонапартовской Франціи былъ еще одинъ другъ съ которымъ пребывала она въ сердечномъ согласіи и съ которымъ въ союзѣ совершила бóльшую часть дѣяній прославившихъ царствованіе императора Наполеона III. Этотъ другъ есть держава могущественная, владычица морей. Слово Англіи никогда не раздается безсильно, и оно могло бы произвести не малое дѣйствіе въ пользу Франціи. Какъ зарычалъ британскій левъ когда возникъ вопросъ о Парижскомъ трактатѣ, которымъ Англія обязана содѣйствію этой самой Франціи! Какъ вспыхнули разомъ всѣ органы англійскаго мнѣнія! Какимъ рѣшительнымъ языкомъ заговорили министры Джонъ Буля! Вотъ что значитъ живой интересъ. А вотъ г. Тьеръ былъ въ Лондонѣ еще менѣе счастливъ чѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ добрый г. фонъ-Бейстъ умилялся слушая его разказы, „интересные по содержанію и пріятные по формѣ.“ Глава британскаго кабинета облекся въ туманные отвлеченности, которыя совсѣмъ заморозили бѣднаго г. Тьера.

Впрочемъ, нельзя сказать чтобъ Англія смотрѣла на несчастія своей союзницы безучастно и равнодушно. Нѣтъ, Англія была видимо заинтересована борьбой; она съ живѣйшимъ злорадствомъ встрѣчала каждое пораженіе своей союзницы и каждый успѣхъ ея противниковъ, такъ что самъ г. фонъ-Бейстъ не предвидѣлъ пользы отъ ея посредничества...

Вотъ проба событій! Хорошо еслибы будущая Франція воспользовалась уроками своего недавняго прошлаго...

В.

Сегодня, одновременно въ двухъ полученныхъ здѣсь правительственныхъ газетахъ, находимъ строки выражающія мысли замѣчательныя не по новизнѣ, а потому что онѣ часто забываются. Въ отвѣтѣ государственнаго канцлера на отвѣтную депешу лорда Гранвиля по Черноморскому вопросу сказано, между прочимъ, въ доказательство справедливости и настоятельности принятаго Россіею рѣшенія, что государство не можетъ переносить обязательство (ограниченіе правъ въ Черномъ

морѣ) „противъ котораго возстаетъ чувство народное.“ Съ другой стороны, въ *Русскомъ Инвалидѣ* помѣщено заявленіе въ которомъ отдается справедливость тому патріотическому сочувствію и той „предупредительной готовности,“ съ которыми наше общество приняло объявленную Высочайшую волю о преобразованіи нашей военной системы и распространеніи воинской повинности на всѣ сословія безъ изъятія. „Въ этомъ случаѣ обнаружился прочный государственный смыслъ русскаго „населенія. Какъ ни были иногда трудны „задачи русскаго народа, онъ никогда не „оказывался ниже ихъ, напротивъ всегда „находилъ въ себѣ силу подняться на тре„буемую ими высоту.“ Такъ говоритъ офиціальный органъ, и затѣмъ слѣдуетъ извѣщеніе что основныя начала работъ вновь учрежденныхъ коммиссій, по воинской повинности и организаціи народной обороны, будутъ въ скорости опубликованы.

Итакъ, въ дошедшемъ до Престола отголоскѣ народнаго чувства, правительство почерпаетъ силу быть твердымъ въ принятомъ рѣшеніи по столь важному вопросу какъ Черноморскій, отъ котораго зависитъ миръ или война. То же народное чувство служитъ правительству залогомъ что новая важная внутренняя реформа—организація обороны—совершится успѣшно благодаря „государственному смыслу“ русскаго народа.

Адресы и заявленія, идущіе со всѣхъ концовъ Россіи, будутъ въ настоящихъ обстоятельствахъ также дѣломъ нелишнимъ. Европа знаетъ что съ народнымъ чувствомъ великой страны шутить нельзя. А мы сами, давно ли мы сами ругались надъ своимъ народнымъ чувствомъ?...

№ 252.

Москва, 23-го ноября.

А.

Въ послѣднее время нѣкоторые изъ приговоровъ произнесенныхъ присяжными засѣдателями возбудили недоумѣніе и даже ропотъ въ средѣ людей коихъ отнюдь нельзя заподозрить въ несочувствіи новымъ судебнымъ порядкамъ. Присяжные нерѣдко выносили очистительный вердиктъ тамъ гдѣ повидимому всѣ обстоятельства дѣла, всѣ собранныя противъ подсудимаго улики заставляли ожидать осужденія преступника, такъ что присутствовавшая на судебномъ засѣданіи публика выходила изъ залы суда подъ вліяніемъ впечатлѣній весьма нелестныхъ для суда „представителей общественной совѣсти.“ Не прискорбно ли появленіе подобныхъ случаевъ, и не слѣдуетъ ли, во имя правосудія и общественной нравственности, серіозно подумать объ устраненіи причинъ коими обусловливается повтореніе такихъ подрывающихъ авторитетъ суда уклоненій?

Обыкновенно причинами неправильностей встрѣчающихся въ приговорахъ произносимыхъ присяжными засѣдателями считаютъ оказывающуюся нынѣ, съ большею и большею ясностью, несостоятельность нашего Улож. о Нак. въ самыхъ существенныхъ его частяхъ, его непослѣдовательность, излишнюю въ нѣкоторыхъ случаяхъ жестокость смущающую присяжныхъ и вообще его несоотвѣтствіе требованіямъ жизни; далѣе, указываютъ на замѣчаемое будто бы въ нашихъ судахъ неравенство силъ обвиненія и защиты, причемъ послѣдней, лучше владѣющей, какъ увѣряютъ, словомъ и искуснѣе группирующей факты, по большей части удается склонить присяжныхъ въ пользу подсудимаго. Наконецъ, одною изъ главныхъ причинъ неправильности приговоровъ произносимыхъ судомъ присяжныхъ, признается неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія, часто оставляющая какъ ихъ такъ и самый судъ въ туманѣ насчетъ существенныхъ сторонъ дѣла. Въ подобныхъ случаяхъ, говорятъ, убѣжденіе присяжныхъ колеблется, и они скорѣе рѣшаются оправдать можетъ-быть виновнаго чѣмъ осуждать невиновнаго. Къ этому присоединяется невѣроятная продолжительность большей части нашихъ слѣдствій, и длинные промежутки отдѣляющіе начало дѣла отъ поступленія его на очередь въ судѣ и въ теченіе которыхъ обвиняемые обыкновенно томятся въ острогѣ, такъ что обстоятельство это, въ глазахъ присяжныхъ, значительно смягчаетъ, если не совершенно погашаетъ вину подсудимаго. Не вдаваясь въ дальнѣйшее исчисленіе причинъ которыя, по общему мнѣнію, вліяютъ у насъ на присяжныхъ при составленіи ихъ вердиктовъ, не можемъ однако не сказать что въ тѣхъ дѣлахъ гдѣ приговоръ присяжныхъ болѣе всего подаетъ поводъ къ недоумѣніямъ, всего чаще поражаетъ имен-

но послѣднее изъ приведенныхъ обстоятельствъ, — неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія. Изъ множества примѣровъ ограничимся указаніемъ на сохранившееся, вѣроятно, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти дѣло объ отравленіи Захара Лебедева, которое производилось въ Московскомъ окружномъ судѣ и по которому присяжные дали оправдательный приговоръ, не смотря на массу уликъ противъ подсудимыхъ. Почему? Потому что дѣло поведено было съ самаго начала такъ что одно изъ несомнѣнно замѣшанныхъ въ немъ лицъ явилось въ судъ въ качествѣ главнаго и почти единственнаго свидѣтеля, на показаніяхъ котораго построено было все обвиненіе. Въ виду подобной путаницы, присяжнымъ не оставалось ничего болѣе какъ выйти изъ затрудненія посредствомъ оправданія виновныхъ... Не менѣе любопытно въ этомъ отношеніи другое разбиравшееся на дняхъ въ здѣшнемъ судѣ дѣло о проживательствѣ съ подложнымъ видомъ и о мошенничествѣ. Послѣднее было очевидно. Подсудимый, ремесломъ столяръ, нашелъ гдѣ-то на улицѣ чужой паспортъ и явился съ нимъ къ столяру-хозяину наниматься въ работники; предъявивъ послѣднему найденный имъ видъ, совершенно новый и еще нигдѣ не записанный, онъ просилъ дать ему денегъ которыя будто бы были ему необходимы сейчасъ же, чтобы передать ихъ матери своей, которая будто бы ждала его на станціи желѣзной дороги; причемъ онъ обѣщалъ хозяину возвратиться въ тотъ же день вечеромъ или на другой день утромъ, и оставлялъ въ залогъ свой паспортъ. Хозяинъ далъ ему семь рублей; подсудимый ушелъ отъ него, и болѣе не приходилъ. Спустя недѣлю, тотъ же подсудимый нашелъ другой паспортъ и явился къ другому столяру-хозяину съ повтореніемъ той же басни о матери, будто бы ожидающей его на желѣзной дорогѣ и съ тѣмъ же требованіемъ денегъ. Столяры-хозяева были знакомы между собою, такъ что дѣло тотчасъ же обнаружилось, и подсудимый былъ представленъ въ полицію. Всѣ эти факты подтвердилъ на судѣ самъ подсудимый. Но гдѣ тутъ проживательство съ подложнымъ видомъ? Отъ хозяина, у котораго онъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работалъ, подсудимый отошелъ въ мартѣ, не получивъ своего паспорта который тотъ удержалъ за долгъ; чужой паспортъ подсудимый нашелъ въ концѣ августа. Гдѣ же проживалъ онъ и по какому виду отъ марта до августа? На предварительномъ слѣдствіи онъ заявлялъ что проживалъ на постояломъ дворѣ въ Дьяконской улицѣ; но слѣдователь не потрудился провѣрить это обстоятельство; такъ что сущность обвиненія сама собою отпадала, не имѣя ни малѣйшей точки опоры, и оставалось лишь обвинить подсудимаго въ выманиваніи мошенническимъ образомъ 7 р., на основаніи п. 2 ст. 174 Уст. о наказ. налаг. миров. судьями, и приговорить къ наказанію опредѣленному въ предшествующей ст. 183. Здѣсь, очевидно, только недостаточность слѣдствія была причиной разсмотрѣнія дѣла въ окружномъ судѣ, а между тѣмъ благодаря упущенію слѣдователя, подсудимый болѣе года просидѣлъ въ острогѣ.

Однако, нельзя сказать чтобы во всѣхъ случаяхъ только неудовлетворительность слѣдствія была виною колебанія совѣсти присяжныхъ. Вотъ, напримѣръ, странный исходъ дѣла производившагося также въ здѣшнемъ судѣ: подсудимый забрался на чердакъ, вырвалъ пробой запертой двери, укралъ бѣлье, и пойманный съ поличнымъ тутъ же объяснилъ прямо что краденное бѣлье пригодилось бы ему „на выпивку." На судѣ онъ разказалъ вотъ какую исторію: въ томъ же домѣ, гдѣ имъ учинена была покража, проживала будто бы его жена которая своимъ дурнымъ поведеніемъ навлекла на себя его гнѣвъ, и что онъ будто бы хотѣлъ наказать ее похищеніемъ ея бѣлья, но по ошибкѣ укралъ чужое. Присяжные объявили подсудимаго *невиновнымъ*.

Въ приведенномъ случаѣ судъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, повидимому, бывалымъ и обстрѣленнымъ. Но вотъ другой случай гдѣ предъ судъ предсталъ не закоренѣлый преступникъ, а еще не оперившійся юный воръ который находится на распутьи жизни. 2-го ноября въ московскомъ окружномъ судѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ 12-ти-лѣтній мальчикъ по обвиненію въ кражѣ 168 рублей денегъ изъ запертаго сундука. Подсудимый находился въ услуженіи въ питейномъ домѣ; разъ хозяинъ послалъ его зачѣмъ-то къ себѣ на квартиру. Мальчикъ воспользовался отсутствіемъ хозяйки, досталъ изъ шифоньерки ключъ, отперъ имъ сундукъ, вынулъ оттуда деньги, положилъ ключъ

на прежнее мѣсто, отправился на Толкучій рынокъ, купилъ себѣ платье, и по желѣзной дорогѣ отправился въ Курскъ; тамъ онъ надѣлалъ себѣ фотографическихъ карточекъ, пріобрѣлъ серебряные часы и т. п., и затѣмъ прибылъ въ Харьковъ къ брату; на вопросъ послѣдняго, откуда онъ досталъ денегъ, мальчикъ отвѣчалъ: „укралъ!“ Послѣ такого отвѣта, братъ его тотчасъ же представилъ въ полицію съ остальными деньгами и вещами,—и послѣ года пересылки и пребыванія въ тюрьмѣ, мальчикъ 2-го ноября явился въ судъ. Все это очень откровенно и складно разсказалъ самъ подсудимый на судѣ. Дѣло, слѣдовательно, было ясно. Къ общему удивленію, однако, присяжные, на предложенные судомъ вопросы, — виновенъ ли подсудимый, и если виновенъ, то дѣйствовалъ ли съ разумѣніемъ, объявили его прямо *невиновнымъ*. Чѣмъ объяснить такой неожиданный приговоръ? Пусть, какъ доказывалъ защитникъ, ребенку попавшему съ малыхъ лѣтъ въ кабацкую среду гдѣ обманъ считается похвальнымъ дѣломъ, негдѣ было научиться различать что̀ хорошо и что̀ дурно, положимъ что держать въ кабакахъ малолѣтнихъ дѣтей есть дѣйствительно вопіющее зло, положимъ что тягать ребенка круглый годъ по разнымъ мытарствамъ пересылки и острога, по такому ясному дѣлу, жестоко и безчеловѣчно; все это такъ, —тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ: мальчикъ добылъ ключъ, отперъ сундукъ, укралъ деньги,—и при всемъ томъ объявленъ невиновнымъ. Что̀ должно было сказаться въ умѣ мальчика послѣ приговора объявившаго его невиновнымъ? Вотъ умные люди, могъ онъ весьма естественно подумать: они не нашли ничего дурнаго въ томъ что я стянулъ деньги у моего хозяина; а вотъ дуракъ братъ мой который отдалъ меня въ полицію и дураки всѣ тѣ что̀ меня допрашивали. А между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, совѣсть присяжныхъ не могла подвергаться никакому смущенію. Рѣчь шла не о карѣ. Двѣнадцати-лѣтній мальчикъ ни въ какомъ случаѣ не подлежалъ уголовной карѣ. Въ случаѣ положительнаго отвѣта присяжныхъ на оба предложенные судомъ вопроса (виновенъ и дѣйствовалъ съ разумѣніемъ), мальчикъ по силѣ закона былъ бы только отданъ родителямъ или родственникамъ для исправленія.

Пусть лица бывшія присяжными, положа руку на сердце, спросятъ себя добро ли сдѣлали они мальчику своимъ оправдательнымъ приговоромъ?

Б.

Дипломатическіе документы, воспроизведенные въ особыхъ прибавленіяхъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* (22-го и 23-го ноября), окончательно разъясняютъ такъ-называемый Черноморскій вопросъ, такъ что всякое сомнѣніе въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи должно повсюду исчезнуть. Еще въ другомъ отношеніи замѣчательна депеша государственнаго канцлера къ повѣренному въ дѣлахъ при Турской делегаціи. Она замѣчательна тѣмъ что Россія въ первый разъ обращается офиціально ко французскому правительству національной обороны по европейскому вопросу, и обращается съ словомъ исполненнымъ доброжелательства. „Какое бы окончательно ни установилось правительство во Франціи,“ говоритъ депеша князя Горчакова, „его задачею будетъ уврачеваніе золъ причиненныхъ политическою системой, вліяніе которой было такъ пагубно.“ Въ этихъ словахъ заключается вѣрная оцѣнка положенія Франціи и вмѣстѣ доказательство что какіе бы ни происходили переговоры о возстановленіи Бонапартовской династіи, Россія остается чужда имъ.

А что о возстановленіи Бонапартовской династіи шли переговоры сомнѣваться невозможно. Мы не хотимъ сказать этимъ чтобы мы вѣрили телеграммамъ изъ Лондона и Брюсселя, сообщившимъ о заключеніи формальнаго мирнаго трактата между бывшимъ императоромъ Французовъ и королемъ Вильгельмомъ, но несомнѣнно что въ Вильгельмсгёэ происходили переговоры бывшіе въ связи съ дѣйствіями Базена, который, по сдачѣ Меца, поспѣшилъ въ Вильгельмсгёэ, гдѣ бывшій императоръ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, такъ же какъ и Канробера. Туда же приглашали и Макъ-Магона, о прибытіи котораго въ Кассель сообщали нѣкоторыя газеты. Въ опроверженіе этого слуха супруга маршала адресовала въ газету *Union de l'Ouest* письмо бросающее свѣтъ на цѣль, съ которою собирались маршалы къ своему повелителю. „Вы вѣроятно прочли въ газетахъ,“ пишетъ г-жа Макъ-Магонъ, „что мой мужъ былъ въ Касселѣ. Это невѣрно. Пруссаки, правда, приглашали его

„отправиться туда вмѣстѣ съ другими мар„шалами; но онъ отказался на отрѣзъ, не „желая чтобъ его имя было примѣшано къ „интригамъ враговъ отечества. Объявите „это во всеуслышаніе.“

Ужели можно сомнѣваться чтобы въ Вильгельмсгёэ не было рѣчи о возстановленіи павшей династіи?

Да! Франціи предстоитъ уврачевать зло порожденное въ ней прежнею политическою системой. Пожелаемъ чтобы бѣдствія которыя она теперь переживаетъ очистили ее. Тогда прояснится и взглядъ Французовъ на международное положеніе ихъ страны.

Кстати. Мы получили сегодня, въ числѣ вырѣзокъ изъ парижскихъ газетъ, статью появившуюся въ *Presse* отъ 14-го ноября, которая касается отношеній Франціи къ Россіи. Авторъ доказываетъ фактами что Россія, даже въ борьбѣ съ Франціей, не была враждебна къ ней, и что только ложная политика французскихъ правительствъ была виною пагубнаго антагонизма между обѣими странами.

№ 253.

Москва, 24-го ноября.

А.

Телеграфъ распространилъ извѣстіе, появившееся первоначально въ бельгійскихъ газетахъ, о мирномъ трактатѣ заключенномъ между королемъ Вильгельмомъ I и Наполеономъ III. Тотъ же телеграфъ поспѣшилъ вслѣдъ затѣмъ отречь это извѣстіе, которое не могло не произвести впечатлѣнія повсюду. Оно взлетѣло какъ ракета и угасло какъ ракета. Телеграфъ породилъ и телеграфъ похоронилъ его. Но мы не думаемъ чтобъ это былъ только воздушный призракъ. Въ основаніи тутъ должна быть доля истины, о которой всякій могъ догадываться и до телеграфнаго сообщенія о формальномъ трактатѣ будто бы заключенномъ между Пруссіей и бывшимъ французскимъ правительствомъ, помимо Франціи, которая напрягаетъ свои силы въ отчаянной борьбѣ. Эта доля истины остается не тронутою. Существованіе формальнаго трактата, какъ и тѣ условія которыя по телеграфному сообщенію изъ Лондона и Брюсселя будто бы внесены въ него, все это можетъ-быть преждевременный слухъ, можетъ-быть выдумка. Но, говоритъ пословица, нѣтъ дыма безъ огня. Доля истины заключается въ томъ что между побѣдителемъ и побѣжденнымъ который сдался на милость и принятъ какъ гость не могло же не быть нѣкотораго соглашенія. Главные пункты этого соглашенія были, конечно, предметомъ еще тѣхъ мирныхъ бесѣдъ между Наполеономъ и графомъ Бисмаркомъ, которыя послѣдовали за Седанскимъ побоищемъ. Въ промежутокъ времени отъ Седана до Меца созрѣло то что было посѣяно между двумя столь знаменитыми политиками нашего времени какъ бывшій императоръ Французовъ и будущій канцлеръ Германской имперіи. Франція видимо раздвоилась: одна продолжала бороться, другая продолжала сдаваться. Всѣ регулярныя французскія войска были препровождены въ Германію вслѣдъ за своимъ императоромъ. Сдавшіеся маршалы, какъ бы въ торжествѣ по совершеніи подвига, спѣшили къ своему повелителю въ Вильгельмсгёэ. Всѣмъ извѣстно что въ то время какъ гг. Жюль Фавръ и Тьеръ старались придти къ какому-нибудь соглашенію съ графомъ Бисмаркомъ, сей послѣдній трактовалъ съ ними только pro forma, и вѣроятно имѣлъ уже про себя готовое соглашеніе съ другою, болѣе податливою Франціей. Да и зачѣмъ было бы представителю прусско-германскихъ интересовъ отказываться отъ соглашенія съ Бонапартовскою династіей и ея правительствомъ, если это было выгодно для Пруссіи? Графъ Бисмаркъ неоднократно заявлялъ что ему все равно какое бы ни было во Франціи правительство, лишь бы заключить выгодный для Германіи миръ. Это и основательно, и справедливо. Но такъ какъ для Пруссіи въ данныхъ обстоятельствахъ всего выгоднѣе заключить миръ съ Бонапартовскимъ правительствомъ, которое уже пребываетъ въ мирѣ съ Пруссіей, то оставалось только ждать благопріятной минуты. Національная оборона во Франціи обнаружила энергію которой отдаютъ справедливость даже весьма недоброжелательные ко Франціи наблюдатели. Въ нѣсколько недѣль образовались арміи которыя отважились мѣряться съ превосходными боевыми войсками. Не было оружія,—употреблены были чрезвычайныя усилія, и оружія собралось достаточно для того чтобы выдвигать изъ поголовнаго ополченія новыя арміи. При возбужденномъ патріотическомъ

духѣ страны, самыя побѣды не были бы въ пользу непріятелю. Его арміи разбросавшись на большомъ пространствѣ и отдаленныя отъ своего базиса, должны были бы ежеминутно опасаться за свои сообщенія. Основательные корреспонденты, посѣщавшіе оба лагеря и входившіе во всѣ подробности положенія, уже начинали поговаривать о возможности поворота въ ходѣ дѣлъ. Въ Германіи многіе начинали съ сожалѣніемъ думать не была ли пропущена самая благопріятная для заключенія мира минута. Но дѣла Германіи находятся въ ловкихъ и опытныхъ рукахъ, которыя умѣютъ пользоваться всякими случайностями. Ничто не бываетъ безъ причины, но и никакое событіе не остается безъ послѣдствій. Случилось событіе которое не могло не произвести нѣкотораго движенія въ умахъ и интересахъ, и этимъ движеніемъ не могла не воспользоваться умная политика сѣверо-германскаго канцлера. Намекъ на Восточный вопросъ подоспѣлъ весьма кстати. Въ то время когда рѣшаются судьбы Франціи, подоспѣла кстати мысль о Россіи, которая имѣетъ ту привилегію что противъ нея все очень быстро становится солидарнымъ. Въ разныхъ политическихъ сферахъ самъ собою возникалъ вопросъ, какое приметъ положеніе Франція послѣ войны. Франція національной обороны, наученная опытомъ и возвращенная самой себѣ, можетъ пожалуй покинуть тѣ пути какими ея политика блуждала доселѣ. Всѣ комбинаціи въ европейской системѣ доселѣ клонились къ тому чтобы какъ Франція съ одной стороны, такъ Россія съ другой не были совершенно самостоятельны въ своей политикѣ, чтобъ ихъ раздѣляла масса чуждыхъ имъ интересовъ, чтобъ онѣ встрѣчались противниками при всякомъ европейскомъ вопросѣ. Не менѣе чѣмъ въ германскихъ политическихъ сферахъ, въ Англіи должна была живо почувствоваться выгода Франціи Бонапартовской въ сравненіи съ Франціей національной обороны. Сколько можемъ судить, для Германіи было бы несравненно выгоднѣе всякаго территоріальнаго пріобрѣтенія заключить миръ именно съ Бонапартовскою Франціей. Оторванная отъ Франціи и присоединенная къ Германіи, часть территоріи не настолько ослабила бы первую чтобы послужить прочнымъ обезпеченіемъ для послѣдней. Эта операція усилила бы только національную вражду между обѣими странами, а Франція все-таки оставалась бы довольно сильна для того чтобъ быть въ состояніи пользоваться возможными въ Европѣ компликаціями и дѣйствовать самостоятельно. Въ національной политикѣ Франція могла бы найти несравненно бо́льшую силу для себя чѣмъ въ своихъ крѣпостяхъ. Поэтому водвореніе Наполеоновской династіи было бы безъ сомнѣнія наилучшимъ обезпеченіемъ для Германіи.

Итакъ, мы не знаемъ какой вѣры заслуживаетъ слухъ о трактатѣ будто бы заключенномъ и подписанномъ между Пруссіей и Французскою имперіей; но совершенно ясно что для Пруссіи, равно какъ и для Англіи, такой исходъ дѣла былъ бы наиболѣе благопріятный, и что въ виду такого результата можно было бы пожертвовать многими требованіями на которыя даетъ право побѣда. Нельзя не признать очень остроумнымъ плана на который давно уже были намеки. Мы разумѣемъ планъ нейтрализаціи тѣхъ частей французской территоріи которыя предполагалось присоединить къ Германіи. Отдѣленные отъ Франціи, но не присоединенныя къ Германіи, эти части не были бы предметомъ спора между двумя націями, и самая операція не могла бы быть такъ тягостна для французскаго національнаго чувства. Послѣ требованій которыя такъ настойчиво и рѣзко предъявлялись людямъ обороны, комбинація въ родѣ вышесказанной показалась бы льготой. Для Франціи сдавшейся, для Франціи Бонапартовской была бы такимъ образомъ сдѣлана побѣдителемъ уступка, и Наполеоновская династія могла бы выставить эту уступку какъ одну изъ своихъ заслугъ предъ страной.

Если никакого мирнаго трактата нѣтъ, то его слѣдовало бы выдумать. Мы хотимъ сказать что мирный трактатъ заключенный съ Наполеономъ на условіяхъ нѣсколько лучшихъ чѣмъ тѣ какія были положены въ основу переговоровъ съ правительствомъ національной обороны, могъ бы произвести, при данныхъ обстоятельствахъ, выгодное для Пруссаковъ дѣйствіе и облегчить имъ торжество надъ французскою обороной. Дѣло обороны есть дѣло тяжкое, требующее жертвъ, быть-можетъ отчаянное. Миръ на условіяхъ сколько-нибудь льготныхъ, пока еще Франція не истощила всѣхъ своихъ силъ, можетъ улыбнуться многимъ умамъ даже въ пылу дѣйствія. Представимъ

себѣ что генералы которые вели Луарскую армію къ Парижу получили свѣдѣнія о томъ что идутъ переговоры о мирѣ на лучшихъ чѣмъ прежде основаніяхъ, и что въ сущности миръ уже заключенъ властію которая еще не отказалась отъ своихъ правъ и не замѣнена другою правильною и прочною: кто скажетъ чтобы такое обстоятельство не могло произвести впечатлѣнія на ихъ умы? А произведенное такимъ образомъ впечатлѣніе едвали могло бы усилить энергію ихъ дѣйствій. Ничѣмъ такъ не парализуется дѣйствіе какъ новымъ впечатлѣніемъ, особенно когда оно уноситъ мысль въ противную сторону.

Полученная сегодня телеграмма изъ Тура досказываетъ вчерашнюю изъ Версаля. Орлеанъ занятъ германскими войсками. Для Франціи обороняющейся, это большое бѣдствіе. Особенную важность имѣетъ не столько занятіе Орлеана, сколько обстоятельства при которыхъ событіе это совершилось и о которыхъ можно заключать изъ турской телеграммы. Между главнокомандующимъ Луарскою арміей и правительствомъ національной обороны въ Турѣ очевидно не было полнаго согласія. Генералъ Орелль обнаружилъ колебанія, на которыя телеграмма прямо указываетъ. Сначала онъ хотѣлъ очистить Орлеанъ безъ боя, потомъ рѣшился укрѣпиться и защищать городъ; вслѣдъ затѣмъ, отъ его имени, генералъ Палльеръ сдалъ непріятелю городъ, и при этомъ морскія батареи, лучшія орудія какія остались у Французовъ, были заклепаны, а военные припасы истреблены; Луарская армія отступила чуть не съ пустыми руками, и можетъ быть застигнута при самыхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ. Еще прежде чѣмъ Орлеанъ сдался, непріятельскіе кавалерійскіе разъѣзды были уже за Луарой и прервали сообщенія между этимъ городомъ и Туромъ. О генералѣ Ореллѣ не было никакого слуха; онъ будто пропадалъ безъ вѣсти.

Для защитниковъ Парижа, катастрофа постигшая Орлеанъ и Луарскую армію есть смертный ударъ. Къ чему при такихъ обстоятельствахъ могли бы вести усилія пробиться съ частію вооруженныхъ силъ заключенныхъ въ Парижѣ?

Если Парижъ падетъ и будетъ обезоруженъ, если и въ другихъ мѣстахъ начатки обороны будутъ раздавлены, то Наполеоновская династія можетъ имѣть шансы. Чего нельзя сдѣлать со страной раздавленною, деморализованною, лишенною духа?...

В.

„Очень интересно, потому что совершенно *непредвидѣнно*", говорятъ австрійскія газеты, „положеніе принятое румынскими газетами относительно русско-турецкаго дѣла. За исключеніемъ лишь одной, всѣ онѣ выступаютъ совершенно рѣшительно противъ Россіи." Дѣйствительно, *Trompetta* трубитъ что въ случаѣ войны съ Россіей, Румынія должна стать на сторонѣ своихъ *„естественныхъ союзниковъ"*, то-есть Австріи и Англіи. *Monitorul* замѣчаетъ: „Если мы и въ этотъ разъ „геройскою борьбой съ Россіей не окажем„ся достойными нашихъ предковъ (?) то „мы лишимся права занимать мѣсто меж„ду свободными народами, погибнетъ ла„тинское племя на Дунаѣ и никто не вздох„нетъ о немъ, ибо скажутъ: племя это не „было достойно жизни!" *Informatiunile* взываетъ ко всѣмъ партіямъ страны, заклинаетъ ихъ протянуть другъ другу руку, и хотя бы на время отложить всякіе между собою счеты, дабы дать дружный отпоръ Россіи...

Что же это значитъ? Румынскія княжества были всегда предметомъ особенныхъ заботъ Россіи на Востокѣ. Молдо-Валахи наши единовѣрцы, за которыхъ было пролито много крови русской, и на нихъ быть-можетъ болѣе чѣмъ на какое-либо другое изъ племенъ Востока тратились русскія средства. Никогда между Румынами и русскимъ народомъ не было никакихъ счетовъ, никакого антагонизма. Замѣтить слѣдуетъ также что румынская національность никогда не имѣла ни значенія, ни развитія, никогда не выражалась ни особымъ патріотизмомъ, ни особою культурой, во всякомъ случаѣ никогда не принимала ни анти-русскаго, ни анти-славянскаго направленія. Откуда же вдругъ взялся у румынской печати этотъ странный тонъ антипатіи относительно всегдашнихъ друзей и единовѣрцевъ, съ которыми у Молдаванъ и Валаховъ никогда не было нравственной розни? Очевидно что это тонъ напускной, что это явленіе искусственное. Откуда же, повторяемъ, взялся этотъ тонъ? Тѣмъ естественнѣе спросить это что странное анти-русское движеніе въ румынской печати въ настоящее время не можетъ быть объясняемо, какъ бывало прежде, при князѣ

Кузѣ, французскими интригами. На вассальномъ престолѣ Румынскихъ княжествъ сидитъ иностранный принцъ, который, кажется, ничего не имѣетъ общаго съ Франціей...

№ 254

Москва, 25-го ноября.

Сегодня мы печатаемъ статью г. Безмагарычнаго: „По поводу образованія медицинскаго резерва въ Россіи," которая уже довольно давно была получена нами, но до сихъ поръ не могла найти себѣ мѣста по обилію текущихъ новостей. Авторъ признаетъ необходимость вызвать къ существованію въ Россіи особый классъ людей практически знакомыхъ съ врачебнымъ дѣломъ, которыхъ онъ называетъ лѣкарскими помощниками и для которыхъ мы предлагали названіе подлѣкарей, хотя быть-можетъ было бы лучше дать имъ болѣе самостоятельное названіе въ родѣ *хируриговъ* (surgeons), какъ въ Англіи, гдѣ этотъ классъ существуетъ въ большихъ размѣрахъ. Но дѣло не въ названіи, и помѣщая статью г. Безмагарычнаго, скажемъ нѣсколько словъ касательно самой сущности вопроса.

Требуется чтобы бѣдные классы были обезпечены врачебною помощью и могли находить ее близко отъ себя, немедленно и за дешевую цѣну. Нуженъ классъ людей которые были бы довольны своимъ положеніемъ, и не считали бы его только временнымъ, которое можно измѣнить на другое болѣе удобное, и притомъ чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Люди особенно даровитые и чувствующіе высокое призваніе служить наукѣ всегда выйдутъ изъ тѣсной колеи. Но званіе о которомъ идетъ рѣчь должно быть не этапомъ, а самостоятельнымъ дѣломъ. Только при этомъ условіи оно можетъ обладать условіями прочности и полезности. Большая бѣда что большинство полуобразованныхъ людей не любитъ у насъ осѣдлости, а все куда-то рвется и ни въ чемъ ничего не достигаетъ. Надобно чтобы каждая профессія и каждая степень имѣла свою честь и достоинство, и могла питать большее или меньшее число людей обрекающихъ себя именно ей, а не рвущихся изъ ея предѣловъ. Потому при устроеніи каждой профессіи надобно думать не о томъ, какъ бы имѣющіе поступить въ нее люди могли изъ нея уйти, а какъ бы они оставались въ ней.

Мы предвидимъ возраженія. Не уменьшится ли съ учрежденіемъ званія подлѣкаря или хирурга число университетски образованныхъ медиковъ? Не будетъ ли тогда еще менѣе желающихъ посвятить себя этой карьерѣ, въ виду конкурренціи людей которымъ будетъ дано право лѣчить безъ высшей научной подготовки? Но эти возраженія падаютъ сами собой. Требуется создать врачей для бѣдныхъ классовъ народа, и главнымъ образомъ для деревень: такихъ врачей мы не имѣемъ, да и нѣтъ надежды чтобы они когда-либо могли явиться въ количествѣ достаточномъ для громаднаго населенія Россіи.

Для массъ нашего народа нужна простая и дешевая медицинская помощь. Болѣзни отъ которыхъ страдаютъ крестьяне по большей части несложны. Лихорадки, горячки, дисентеріи и поносы, затѣмъ оспа, корь и скарлатина, и развѣ еще ревматическія страданія, вотъ тѣ болѣзни коимъ преимущественно подвергается сельскій рабочій людъ, и кто станетъ оспаривать что по большей части эти болѣзни требуютъ не столько сложнаго, сколько своевременнаго и неусыпнаго лѣченія? Дѣти же нашихъ крестьянъ умираютъ массами просто отъ недостатка всякой медицинской помощи. Затѣмъ въ деревняхъ нужны врачи для немедленнаго поданія медицинской помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ: при ушибахъ, паденіяхъ, отравахъ, ознобленіяхъ, ожогахъ, для утопленниковъ и удавленниковъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ, для искорененія заражающей цѣлые околотки страшной сифилитической болѣзни требуется не столько больничное лѣченіе, сколько непремѣнное присутствіе врача на мѣстѣ, который своимъ постояннымъ надзоромъ за больными и попеченіемъ о нихъ избавилъ бы несчастныхъ одержимыхъ этою болѣзнью отъ пользованія отравляющими окуриваніями и снадобьями.

Для поданія врачебной помощи во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется не столько обладаніе наукой въ ея высшемъ значеніи, сколько практическое знакомство съ главнѣйшими формами болѣзней и со средствами лѣченія. Для образованія практически свѣдущихъ и дѣльныхъ врачей-техниковъ, назовемъ ли ихъ подлѣкарями

или хирургами, лучшею школой послужатъ наши больницы, если при нихъ съ сею цѣлью будутъ учреждены особые курсы. На этихъ курсахъ достаточно сообщить практическое знаніе анатоміи, какъ основаніе медицинскихъ познаній, но не въ подробностяхъ необходимыхъ для студента университета, а въ главныхъ широкихъ чертахъ, съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на топографію человѣческаго тѣла; затѣмъ самыя основныя познанія физіологіи въ связи съ анатомическими свѣдѣніями; далѣе практическіе курсы фармацевтики, рецептуры, гигіены и діэтетики; наконецъ, ученики такихъ подлѣкарскихъ школъ должны будутъ знакомиться съ болѣзнями и ихъ лѣченіемъ при постели больныхъ, иными словами, не входя въ системы и принципы, исключительно клинически проходить курсы семіотики, частной патологіи и частной терапіи. При такой программѣ подлѣкарскихъ больничныхъ школъ, конечно, изъ курса ихъ должны быть исключены всѣ тонкости спеціальныхъ отдѣловъ проходимыхъ въ университетахъ, а также и всѣ обобщенія и философскіе выводы. Нѣтъ также надобности включать въ эти курсы тѣ дополнительные предметы которые необходимы для университетскихъ курсовъ медицины. Единственно что еще можно и даже должно будетъ прибавить, — это практическіе курсы элементарной хирургіи, науки о перевязкахъ, переломахъ и вывихахъ, и основаній родопомогательнаго знанія. Такая программа дастъ подлѣкарскимъ школамъ достаточную полноту практическихъ свѣдѣній. Усвоеніе ихъ, безъ научной систематики и теоретическихъ обобщеній, мы полагаемъ, будетъ доступно для людей получившихъ и ограниченную подготовку общаго образованія. Средства нашихъ больницъ для устройства такихъ практическихъ медицинскихъ курсовъ громадны. Въ одной Москвѣ, какимъ громаднымъ клиническимъ матеріаломъ обладаютъ, напримѣръ, наши чернорабочая и полицейская больницы!

Взглянемъ теперь на предметъ съ другой стороны. Въ случаѣ войны, у насъ не можетъ не ощутиться значительнаго недостатка во врачахъ. Главная мысль въ статьѣ г. Безмагарычнаго относится къ образованію постояннаго медицинскаго резерва для восполненія усиленной потребности врачей въ случаѣ войны. Но какія бы мѣры ни принимались, какъ бы ни было улучшено матеріальное положеніе военныхъ медиковъ, въ случаѣ войны большихъ размѣровъ въ нихъ не можетъ не быть недостатка, ибо всякій согласится что невозможно въ мирное время содержать при арміи такой комплектъ медиковъ какой потребуется въ военное.

Трудно также надѣяться чтобы для пополненія этого недостатка въ случаѣ войны можно было быстро найти достаточное число способныхъ врачей университетскаго образованія. Полагаемъ что въ этомъ отношеніи существованіе значительнаго по числу класса подлѣкарей или хирурговъ оказалось бы весьма полезнымъ. При ихъ содѣйствіи, нормальный или нѣсколько усиленный комплектъ военныхъ врачей могъ бы оказаться совершенно достаточнымъ. Военные врачи имѣли бы главный надзоръ за здравіемъ войскъ и ограничивались бы производствомъ трудныхъ операцій, а на обязанность причисленныхъ къ арміи подлѣкарей могли бы быть возложены болѣе простыя и легкія операціи, производство перевязокъ какъ на полѣ сраженія такъ и въ походныхъ госпиталяхъ послѣ ампутацій, и вообще пользованіе раненыхъ и оперированныхъ въ лазаретахъ подъ наблюденіемъ ученаго врача. Для такой работы, практическія, хотя и не глубокія познанія въ хирургіи пріобрѣтенныя при постели больныхъ, могутъ быть совершенно достаточны. Кому неизвѣстно что смертность между ранеными условливается столько же важностью травматическихъ поврежденій, сколько и промедленіемъ въ подачѣ первой хирургической помощи? Не меньшую, если еще не бо́льшую пользу могли бы принести подлѣкаря въ военное время въ постоянныхъ лазаретахъ, занимаясь лѣченіемъ тифа и дисентеріи, отъ которыхъ арміи часто изнуряются и гибнутъ быстрѣе чѣмъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Здѣсь они были бы еще тѣмъ полезны что дали бы возможность имѣть при военныхъ госпиталяхъ лишь самое небольшое число медиковъ, и вслѣдствіе того располагать бо́льшимъ числомъ ихъ для службы при дѣйствующей арміи и на перевязочныхъ пунктахъ.

Въ заключеніе выскажемъ полную увѣренность что какъ бы ни было велико число подлѣкарей, въ случаѣ учрежденія этого званія, они никогда не вытѣснятъ

изъ практики врачей съ университетскимъ образованіемъ, и потребность въ этихъ послѣднихъ не уменьшится, а увеличится, а равно расширится и кругъ ихъ дѣятельности. Не говоря уже о томъ что врачи получившіе отъ университета ученую степень всегда будутъ имѣть практику среди достаточныхъ классовъ большихъ городовъ, въ нихъ всегда будетъ надобность для занятія штатныхъ мѣстъ при больницахъ и госпиталяхъ для коихъ подлѣкаря не могутъ быть пригодны по причинѣ ихъ неполнаго образованія какъ общаго, такъ и спеціальнаго. Врачи ученые необходимы будутъ также для должностей городовыхъ и уѣздныхъ врачей, на коихъ возлагаются медико-судебныя и медико-полицейскія обязанности. На нихъ долженъ быть возложенъ и общій медицинскій надзоръ въ уѣздахъ и наблюденіе за гигіеной нашихъ городовъ, до сихъ поръ находящеюся въ самомъ жалкомъ положеніи. Ученые врачи должны будутъ наблюдать за дѣятельностію подлѣкарей, направлять ихъ и подавать имъ совѣты въ трудныхъ случаяхъ. Въ Англіи ученые врачи дѣйствуютъ большею частію какъ консультанты, а уходъ за больными поручается хирургамъ-техникамъ состоящимъ въ подчиненіи у нихъ. Нашему отечеству нужны медицинскіе дѣятели двоякаго рода: нужны врачи ученые,— и чѣмъ выше будетъ ихъ университетское образованіе тѣмъ лучше, — и врачи-техники, которые, не имѣя ученаго образованія, могли бы, однако, приносить пользу на какую не способны и не могутъ быть способны простые фельдшера, и которые, довольствуясь по своему образованію болѣе скромнымъ положеніемъ, могли бы жить въ деревняхъ между народомъ и подавать ему дешевую и скорую помощь.

№ 255.

Москва, 26-го ноября.

А.

Между тѣмъ какъ во Франціи все еще продолжается ожесточенная борьба на огромномъ протяженіи, врачи посланные отъ главнаго управленія нашего Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ начинаютъ возвращаться въ отечество. Одинъ изъ нихъ, докторъ Бубновъ, помѣстилъ въ № 243 *Русскаго Инвалида* замѣтку о частной помощи нейтральныхъ государствъ въ настоящую войну. Въ замѣткѣ этой сказано прямо то что̀ уже впрочемъ было извѣстно съ самаго начала войны: „Пруссія“, пишетъ докторъ Бубновъ, „воспользовалась только своею домашнею помощію, а не пришедшею къ „ней извнѣ. Стороннюю частную помощь „она приняла неохотно, и отнеслась къ „ней чрезвычайно несочувственно. Чему „приписать эту нетерпимость и недовѣріе „Пруссіи къ иностранной помощи, объяснить трудно.“

Еще труднѣе было ожидать такого образа дѣйствій прежде нежели онъ обнаружился, и наше Общество конечно не имѣло никакого основанія предполагать при началѣ войны что его доброжелательныя предложенія будутъ встрѣчены съ прусской стороны такъ высокомѣрно какъ они были встрѣчены. Мы со вниманіемъ прочли печатаемое ниже отъ главнаго управленія Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ сообщеніе вызванное замѣчаніями сдѣланными нами въ № 234 *Московскихъ Вѣдомостей*, и считаемъ прежде всего нужнымъ сказать что въ тѣхъ замѣчаніяхъ мы отнюдь не имѣли въ виду высказывать какое-либо обвиненіе, прямое или косвенное, противъ Общества. Мы только приняли къ свѣдѣнію факты которые оно само обнародовало въ своемъ органѣ, и указали на куріозную роль которую играетъ въ нынѣшнюю войну Женевская конвенція вообще и дѣятельность русскихъ медиковъ въ особенности. Мы какъ нельзя болѣе сочувствуемъ заявленію сдѣланному нашимъ Обществомъ Попеченія о Раненыхъ на берлинской конференціи, состоявшему въ томъ что международная помощь должна быть активною и преимущественно по отношенію къ раненымъ и больнымъ воинамъ *отступающей* арміи, и не можемъ не жалѣть что это заявленіе, по силѣ обстоятельствъ, осуществилось столь же мало какъ и желаніе предсѣдателя Парижскаго Общества, который писалъ въ наше Общество слѣдующее: „Сдѣлайте для насъ то что̀ желали бы вы, „ежели, вмѣсто того чтобы пользоваться „благами нейтралитета, вы были бы сами „воюющею націей.“

Женевская конвенція не нравится одной сторонѣ, а потому нейтральнымъ обществамъ оставалось обратить свои услуги къ другой. Но этого не было сдѣлано и

нынѣ еще не дѣлается. Изъ свѣдѣній приводимыхъ въ помѣщенномъ ниже сообщеніи видно какъ неуспѣшно дѣйствовали лазареты англійскій и голландскій. Пруссаки не давали имъ больныхъ. Но ссылка на малую пользу отъ этихъ лазаретовъ при Бингеймѣ и Мангеймѣ показываетъ только что со стороны ихъ учредителей была сдѣлана ошибка. Госпиталь подъ Парижемъ или Орлеаномъ находился бы въ совершенно иныхъ условіяхъ чѣмъ лазареты очень удаленные отъ театра дѣйствій. Само Общество приводитъ фактъ ясно указывающій на пользу нейтральнаго госпиталя подъ Парижемъ. Здѣсь и германскія власти вынуждены были отвести помѣщеніе для госпиталя Версальскаго отдѣла Парижскаго комитета. Будь теперь русскій лазаретъ въ Версалѣ, наши доктора нашли бы въ немъ работу, а не возвращались бы домой. Само наше Общество выслало г. Башмакову 20.000 франковъ для госпиталя помянутаго Версальскаго отдѣла, и нельзя не пожелать чтобы уполномоченный Общества пріобрѣлъ на эти деньги нужныя вещи, которыхъ такъ трудно достать теперь въ Версалѣ.

Не понимаемъ какое значеніе можно придавать тому случаю что посланному въ Парижъ русскому врачу Бетлингу объявили тамъ о достаточномъ числѣ врачей въ самомъ Парижѣ, ожидавшемъ осады, и о большей потребности въ нихъ въ Турѣ. Извѣстно что и въ Парижѣ не отказались отъ помощи русскаго доктора Милліотта, командированнаго впрочемъ не отъ Общества, который поплатился жизнію перевязывая раненыхъ при Буржé. Но въ Турѣ предвидѣлась особенная потребность во врачахъ, хотя раненые и не были еще свезены въ Туръ. Почему же докторъ Общества, прибывшій въ Туръ, отказался дать подписку что останется тамъ на все время войны? Во всякомъ случаѣ неудачные переговоры этого доктора показываютъ что было необходимо личное соглашеніе главныхъ уполномоченныхъ нашего Общества съ Парижскимъ комитетомъ.

Когда профессоръ Гюббенетъ собирался въ Парижъ, этотъ городъ еще не былъ обложенъ. Тогда можно еще было договориться объ устройствѣ нейтральнаго лазарета гдѣ-нибудь близь Парижа. Мудрено ли что теперь, когда парижскія окрестности заняты Прусаками, отвергающими врачебную помощь нейтральныхъ обществъ, самостоятельное устройство госпиталя въ этихъ мѣстностяхъ стало затруднительно? Впрочемъ телеграмма г. Башмакова, увѣдомляющая о неисполнимости его плана касательно устройства госпиталя подъ Парижемъ, весьма не ясна.

Главное управленіе Общества находитъ что теперь преждевременно дѣлать заключенія о лучшемъ способѣ дѣйствій нейтральныхъ обществъ, и что для этого надобно дождаться отчетовъ отъ всѣхъ центральныхъ комитетовъ. Позволяемъ себѣ не совершенно согласиться съ этимъ замѣчаніемъ; отчеты комитетовъ появятся послѣ войны, а тогда уже поздно будетъ оказывать активную помощь раненымъ воинамъ. Мы остаемся при томъ мнѣніи что нашимъ медикамъ надобно теперь же пріискивать болѣе полезныхъ занятій нежели отправленіе фельдшерскихъ обязанностей при арміи которая отъ сторонней помощи отказывается.

Б.

Венгерская печать все кипятится. Съ особеннымъ ожесточеніемъ набрасывается она на Чеховъ, и обвиняетъ ихъ въ измѣнѣ. Славяне, а особенно Чехи, сочувствуютъ Россіи: значитъ они крамольники и измѣнники, значитъ они злоумышляютъ противъ имперіи Габсбурговъ, значитъ надобно предать ихъ истязателямъ.

Но исторія свидѣтельствуетъ что не Славяне угрожали существованію Габсбургской монархіи; напротивъ, они спасали ее, и спасали отъ мадьярскаго бунта который потрясалъ эту монархію въ основаніяхъ. Еще спасала ее въ то время также славянская Россія. Извѣстно какъ Габсбургская монархія отблагодарила Россію; мы видимъ какъ она благодаритъ свои славянскіе народы. Въ Австріи видно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, выгоднѣе быть врагомъ нежели другомъ...

„Личина вѣрноподданности сброшена," восклицаетъ *Пештскій Ллойдъ* по поводу циркулярной депеши князя Горчакова, „при „первой серіозной опасности которая угро„жаетъ (?) монархіи, оказывается въ ка„комъ лагерѣ находятся ея истинные дру„зья, въ какомъ скрытые враги." Такъ выражается о Чехахъ, вынесшихъ всѣ бѣдствія войны 1866 года, органъ мадьярской политики, которая во время этой самой войны дружила врагамъ Австріи, за

что̀ и была награждена. Всѣмъ еще памятны разоблаченія нескромно обнародованнаго письма бывшаго̀ прусскаго посланника во Флоренціи, г. Узедома, къ италіянскому министру, въ 1866 году, о планѣ совокупныхъ дѣйствій Пруссіи и Италіи противъ Австріи, причемъ Венгрія должна была помогать имъ...

„Какъ поступили бы,“ спрашиваетъ мадьярская газета, „въ сосѣднемъ государствѣ (то-есть въ Россіи) съ тѣми кто выразилъ „бы сочувствіе къ непріятелю?“ Къ непріятелю? Но развѣ Россія уже въ войнѣ съ Австріей? Обѣ державы, сколько намъ извѣстно, находятся въ добрыхъ между собою отношеніяхъ. Никакая опасность не грозитъ этимъ отношеніямъ, по крайней мѣрѣ со стороны Россіи, что̀ бы ни твердили въ своемъ воинственномъ бреду мадьярскіе органы.

Славянскія народности составляютъ большинство населенія Австріи. Онѣ отстаиваютъ свое существованіе на своей собственной землѣ противъ алчнаго и честолюбиваго меньшинства другихъ національностей. И вотъ Мадьяры протестуютъ противъ самаго принципа этой столь естественной обороны. Это, говорятъ они, крамола и измѣна, и въ Россіи де посвойски расправились бы съ этими крамольниками...

Что̀ хотятъ сказать господа мадьярскіе публицисты такою ссылкой на Россію? Не то ли что есть въ Россіи край именуемый балтійскимъ, гдѣ массы туземныхъ населеній находятся подъ абсолютною властію меньшинства причисляющаго себя къ національности сосѣдняго государства, и что въ средѣ этихъ населеній всякое движеніе въ смыслѣ единенія съ Россіей и въ интересѣ ея государственнаго единства, считается бунтомъ и виновникамъ нерѣдко обходится очень дорого? Если это, то мы оспаривать ихъ не возьмемся.

№ 256.

Москва, 27-го ноября.

Безъ справокъ съ прошедшимъ трудно опознаться въ настоящемъ. Не въ какихъ-либо полемическихъ видахъ, но чтобы пріобрѣсти данныя для правильной оцѣнки интересовъ примыкающихъ къ вопросу тѣсно связанному съ судьбами Россіи, мы заглянули въ дипломатическіе документы относящіеся къ послѣдней Восточной войнѣ. Великіе державы имѣютъ интересы созданные ихъ географическимъ положеніемъ, токомъ ихъ торговли, наконецъ условіями ихъ развитія и нравственными началами ихъ историческаго призванія, отъ которыхъ зависитъ и вещественная крѣпость ихъ существованія. Мы имѣли въ виду разъяснить отношенія Германіи къ упомянутому вопросу на основаніи ея собственныхъ воззрѣній. Мы ограничивались показаніями актовъ, мы говорили словами подлинныхъ документовъ. И что̀ же? Въ петербургскихъ нѣмецкихъ газетахъ поднялась буря лжи, навѣтовъ и подлоговъ, которая грохочетъ надъ нами и до сего дня. То приписываются намъ самимъ тѣ слова которыя приведены нами изъ подлинной депеши прусскаго министра, то искажается значеніе статьи австро-прусскаго трактата выписанной буквально, и все это чтобы доказать будто мы хотимъ оклеветать Пруссію. Мы не признавали достойными серіозной полемики нападки этихъ газетъ. На всѣ ихъ выходки мы отвѣчали только разоблаченіями ихъ лживости, не пускаясь въ развитіе самого вопроса. Иное дѣло помѣщаемое нами сегодня письмо изъ Петербурга, полученное отъ лица обладающаго основательными свѣдѣніями и занимающаго значительное положеніе въ офиціальныхъ сферахъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ оставлять безъ вниманія это во многихъ отношеніяхъ интересное и поучительное письмо, изъ котораго мы передаемъ читателямъ лишь то что прямо касается историческаго вопроса.

Съ перваго взгляда ясно что выраженныя въ этомъ письмѣ воззрѣнія въ сущности согласны съ нашими. Авторъ письма отвергаетъ политику чувства и не допускаетъ разчетовъ на преданность одного государства другому; онъ находитъ что разумная и честная политика не можетъ руководиться ничѣмъ инымъ кромѣ интересовъ своей страны. При этомъ онъ свидѣтельствуетъ что въ области Восточнаго вопроса Германія и Россія имѣютъ интересы діаметрально противоположные. Послѣ того какъ во Франціи водворилась снова Наполеоновская имперія, Пруссія, по мнѣнію свѣдущаго автора, не могла не обрадоваться когда гроза, которой она опасалась на Рейнѣ, разразилась на Дунаѣ противъ Россіи; другими словами, въ ин-

тересахъ Пруссіи было чтобъ между Россіей и Франціей вспыхнула война. Этимъ дѣйствительно весьма мѣткимъ мнѣніемъ объясняется почему Пруссія своимъ образомъ дѣйствій по вопросу о Вѣнской нотѣ, то-есть въ самую критическую минуту переговоровъ предшествовавшихъ объявленію войны между Россіей и Турціей, не менѣе Австріи, какъ мы замѣчали въ № 228 нашей газеты, „способствовала тому чтобы „сдѣлать войну неизбѣжною,“ такъ что даже французскій министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ скрыть своего, какъ выразился г. Друэнъ-де-Люисъ, „крайняго удивленія.“ Впрочемъ, нынѣ царствующій король Прусскій, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, какъ свидѣтельствуетъ петербургское письмо, не скрывалъ что „неопредѣленность положенія которое до послѣдней минуты оставляло императору Николаю надежду на союзниковъ,“ не мало способствовала увлеченію Россіи въ войну. Пруссія, руководясь своими интересами, очевидно должна была сдѣлать все возможное чтобы воспользоваться Восточнымъ вопросомъ какъ громовымъ отводомъ въ виду ожидавшейся отъ Рейна грозы; въ 1853 году, эта умная и патріотическая съ германской точки зрѣнія политика увѣнчалась успѣхомъ, и нѣтъ сомнѣнія что и въ послѣдствіи, въ 1867 и въ 1868 годахъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же побужденій и въ надеждѣ завершить мирно объединеніе Германіи, Пруссія была рада всякой диверсіи на Востокѣ.

Итакъ, по мнѣнію автора письма, первоначальный интересъ Пруссіи въ Восточномъ вопросѣ состоялъ въ томъ чтобы вызвать столкновеніе между Россіей и Франціей. Столкновеніе это не только „успокоило ее насчетъ всякой непосредственной опасности“ со стороны Франціи, но удовлетворило еще и другому важному политическому интересу Германіи, устранивъ „возможность союза между Россіей и Франціей.“ Нельзя изобразить рельефнѣе ту радикальную противоположность, которая существовала до войны 1853 года между интересами Пруссіи и Россіи. Какъ видно изъ приводимаго письма, Пруссія и южная Германія *легко* могли „предотвратить войну, ставъ на сторону справедливости, то-есть на нашу.“ Но зачѣмъ же было имъ предотвращать эту войну, если она соотвѣтствовала надобностямъ Пруссіи и Германіи? Авторъ письма рѣшительно высказывается противъ политики чувства; самъ же онъ находитъ что война была въ интересахъ Пруссіи, и что въ основаніи ея политики всегда находится „разумный эгоизмъ;“ почему же, въ этомъ случаѣ, изощряется онъ найти какія-нибудь другія побужденія? Почему приписываетъ онъ недостатку энергіи, твердости, независимости рѣшимость принятую Пруссіей въ полномъ сознаніи своихъ интересовъ? „Если мы ожидали со стороны Пруссіи,“ говоритъ письмо, „безусловной преданности намъ, тѣмъ хуже для насъ.“ И дѣйствительно: и графомъ Орловымъ въ Вѣнѣ, и княземъ Горчаковымъ въ Бамбергѣ дѣлались попытки склонить Германію на нашу сторону. Чѣмъ же кончились эти попытки? Предложеніе Орлова отвергнуто, и не Австрія, а Пруссія приняла иниціативу отказа, на томъ основаніи что „оборонительный тройственный союзъ былъ бы негласною помощью „Россіи.“ Что касается Бамбергской попытки, то изъ письма видно что „императорскій кабинетъ усиливался поощрить ее „предлагая *всевозможныя* уступки интересамъ Германіи: все это привело лишь „къ тому что побудило насъ отказаться „отъ всякой диверсіи въ сторону Сербіи „и оставить Дунайскія княжества, словомъ „перенести войну на собственную территорію и сосредоточить ее около Севастополя.“ Таковъ былъ результатъ нашихъ „уступокъ нѣмецкимъ интересамъ:“ надо признаться уступки эти были довольно значительны? Сербія, какъ и всѣ турецкіе христіане долины Дуная, стояли наготовѣ ожидая появленія русскихъ войскъ. Война, безъ сомнѣнія, приняла бы совсѣмъ иной характеръ еслибы театръ ея былъ расширенъ вверхъ по Дунаю до Сербіи, Босніи, Герцеговины и Черногоріи. Но уже 14-го и 16-го марта 1854 года, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ „съ удовольствіемъ извѣстился“ о сосредоточеніи Австріею войскъ на ея юго-восточной границѣ, такъ какъ „возстаніе христіанскихъ подданныхъ султана только осложняетъ смуты которыми „можетъ протянуться и расшириться война „между Россіей и Турціей.“ Г. фонъ-Мантейфель „съ истиннымъ удовольствіемъ“ привѣтствуетъ „мѣры принятыя Австріею „въ этомъ направленіи.“ Германскіе интересы, очевидно, требовали чтобы турецкіе христіане не возставали противъ Порты во время войны ея съ Россіей, чтобы театръ военныхъ дѣйствій не расширялся

вверхъ по Дунаю, а напротивъ былъ перенесенъ на русскую территорію.

Но интересы Германіи на правомъ берегу Дуная еще значительнѣе, такъ какъ всякое движеніе Россіи въ эту сторону она готова была принять за casus belli. Прибавленія ко 2-му пункту трактата 20-го апрѣля 1854 года обязали Австрію и Пруссію объявить войну Россіи въ случаѣ еслибъ она двинула туда свои войска. Обязательства эти, по мнѣнію автора письма, „конечно не могутъ считаться услугами оказанными Россіи,“ но онъ старается извинить ихъ колебаніями Пруссіи, ея „слабостію“ и стараніями „Вѣнскаго кабинета „увлечь Пруссію за собою на буксирѣ, „выставляя предъ нею нѣмецкіе интересы „на Дунаѣ.“ А между тѣмъ независимая печать Германіи съ гордостью вспоминаетъ ту вліятельную роль какую Пруссія, несмотря на свой нейтралитетъ, такъ блистательно исполняла во время Восточной войны, охраняя „нѣмецкіе интересы на Дунаѣ.“ Само правительство Пруссіи указывало въ то время Фракфуртскому сейму на „заботливость, побудившую государей „Австріи и Пруссіи,“ какъ выразился тогда представитель Пруссіи, г. фонъ-Бисмаркъ, „признать какъ дальнѣйшее распространеніе военныхъ дѣйствій Россіи на правомъ „берегу Дуная, такъ и продолженіе на неопредѣленное время занятія ею Княжествъ, „несовмѣстными съ порученными ихъ верховному попечительству *великими интересами*.“ Вся Германія признаетъ нынѣ эти „великіе интересы,“ стражемъ коихъ поставленъ теперь принцъ Гогенцоллернскій на низовьяхъ Дуная. Какъ мы видѣли на дняхъ, общественное мнѣніе Германіи находитъ въ тогдашнемъ образѣ дѣйствій Пруссіи вѣрное ручательство что и впредь она сумѣетъ развивать и защищать эти интересы также искусственно и энергически какъ въ то время. Объ этомъ предметѣ, слѣдовательно, пусть споритъ авторъ письма не съ нами, а съ германскою печатью, съ ея общественнымъ мнѣніемъ, съ ея государственными людьми. Мы надѣемся, однако, что почтенный авторъ не пойдетъ такъ далеко какъ напримѣръ *Nordische Presse*, органъ нѣмецкихъ патріотовъ Петербурга и Риги, которая прямо утверждаетъ что на всѣ прусскія депеши и деклараціи и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ, и въ Лондонѣ (о Франкфуртѣ, о Мюнхенѣ, о Штутгартѣ, *Nordische Presse* неизвѣстно почему умалчиваетъ, хотя Пруссія и тамъ говорила тѣмъ же языкомъ какъ въ Вѣнѣ, не стóитъ обращать никакого вниманія, при чемъ намекается что въ этихъ депешахъ якобы нѣтъ ни единаго слова правды. Какая лестная для германскихъ государственныхъ людей защита!

Но во всемъ этомъ почтенный авторъ письма не видитъ со стороны Пруссіи „никакой враждебности“ къ Россіи. „Пруссія,“ говоритъ онъ, „не желала зла Россіи... Намѣренія ея не были дурны.“ Да кто же говоритъ что Пруссія „желала зла“ Россіи, что она увлеклась слѣпою враждою? Пруссія, какъ объясняетъ самъ авторъ, дѣйствовала съ „разумнымъ эгоизмомъ,“ то-есть дѣлала то въ чемъ видѣла интересы Германіи. Не она виновата, прибавимъ мы, если эти интересы были существенно противоположны основаніямъ давней политики Россіи на востокѣ; противудѣйствуя же Россіи, Пруссія, хотя и „не желала зла Россіи,“ но конечно дѣлала ей зло, и не могла иначе.

Говоря о „разумномъ эгоизмѣ“ которымъ Пруссія руководилась въ своей политикѣ въ продолженіи войны 1853—1856 годовъ, авторъ письма разказываетъ интересный анекдотъ. „Въ разговорѣ съ однимъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ, въ 1858 году, король Вильгельмъ, „будучи тогда наслѣднымъ принцемъ, объявилъ что еслибъ онъ въ 1854 году былъ „на престолѣ, то онъ сталъ бы прямо противъ Россіи, дабы не оставить императору Николаю никакой надежды на союзниковъ и побудить его къ сохраненію „мира,“ „Поступая такимъ образомъ,“ присовокупляетъ письмо, „Пруссія, повидимому, была бы враждебна къ намъ; въ „сущности же она оказала бы намъ услугу.“

Но Пруссія, по сознанію самого автора, „легко могла бы предотвратить войну“ другимъ способомъ, то-есть принявъ сторону Россіи. Что же касается до услуги посредствомъ объявленія войны, то въ смыслѣ столь обширномъ можно благодарить за услугу и обѣ западныя державы которыя вели съ нами войну. Давно уже было замѣчено что не смотря на неудачи этой войны, Россія извлекла пользу изъ нея. Пораженная въ своихъ недостаткахъ, она вошла въ себя и во внутреннихъ преобразованіяхъ обрѣла источники новыхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ Наполеонъ III и лордъ

Пальмерстонъ оказали намъ значительную услугу. Въ этомъ же смыслѣ Германія оказываетъ теперь услугу Франціи.

А что Пруссія своимъ нейтралитетомъ навлекла на себя неудовольствіе западныхъ державъ, которыя не пригласили ее къ участію въ Вѣнской конференціи, то этому обстоятельству нельзя придавать никакого значенія. Дѣло въ томъ что Пруссія вела свою политику исключительно въ смыслѣ интересовъ Германіи; она также мало жертвовала ими для западныхъ державъ какъ и для Россіи. Западныя державы досадовали на сбытъ прусскаго оружія въ Россію; но нейтральное положеніе Пруссіи, какъ замѣчаетъ петербургское письмо, давало ей большія прибыли, и она искусно пользовалась имъ. Западныя державы желали чтобы Пруссія объявила войну Россіи. Но зачѣмъ объявила бы Пруссія войну Россіи? Интересы Германіи нашли себѣ и безъ нея сильныхъ защитниковъ; сверхъ того, эти интересы уже были обезпечены съ очищеніемъ Дунайскихъ княжествъ. Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ петербургское письмо, „вовсе не въ интересахъ Пруссіи было расположить противъ себя Россію или допустить слишкомъ значительное ослабленіе ея.“ Пруссія въ этомъ отношеніи также не могла жалѣть окончательнаго разгрома Россіи, какъ и мы, напримѣръ, не могли бы жалѣть окончательнаго разгрома Пруссіи въ борьбѣ съ Франціей, и на оборотъ. Пруссія и Франція, также какъ и Россія необходимы въ общей системѣ Европы; къ тому же Россія рано или поздно должна была стать для Пруссіи опорой противъ Франціи. Въ случаѣ крайняго ослабленія Россіи, Пруссія очутилась бы глазъ на глазъ съ Франціей, не будучи еще готова къ разчету съ ней. Спрашивается можемъ ли мы предъявлять это нашему отечеству къ уплатѣ какъ долговое обязательство?

№ 257.

Москва, 28-го ноября.

Вопросъ о нашей военной реорганизаціи теперь на очереди, и нельзя не порадоваться торжественнымъ заявленіямъ дворянства, во всеподданнѣйшихъ адресахъ, о своевременности распространенія военной повинности на всѣ сословія народа. Дворянство болѣе всѣхъ заинтересовано въ этой реформѣ, и оно изъявляетъ живѣйшую готовность послѣдовать призыву ко „всеобщей и священной защитѣ отечества,“ какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи возвѣстившемъ преобразованіе нашей военной организаціи. Вотъ черта доблести, вотъ высокій гражданскій примѣръ для всѣхъ кто вслѣдъ за дворянскимъ сословіемъ пользуется изъятіемъ отъ священной обязанности оборонять свое отечество! „Сознавая вполнѣ,“ говоритъ московское дворянство, обращаясь къ Государю Императору, „своевременность прекращенія сословной привилегіи освобождающей отъ обязательной службы, московское дворянство готово стать въ ряды Вашего воинства для охраны цѣлости, чести и достоинства Русской земли, собранной мудростью Вашихъ предковъ и кровію Вашего народа.“

Все вокругъ измѣнилось: можетъ ли одна Россія оставаться неподвижною? Можетъ ли она довольствоваться военною организаціей которая и прежде, при другихъ условіяхъ могущества европейскихъ державъ, отнюдь не могла считаться удовлетворительною? Улучшенія сдѣланныя за послѣднее время въ нашей военной системѣ не могли коснуться самыхъ основаній ея, и далеко не соотвѣтствуютъ потребностямъ современнаго положенія. Дѣла пришли къ тому что отнынѣ никакое самостоятельное государство не можетъ считать себя безопаснымъ, если его военная организація не проходитъ черезъ весь составъ его народа и если дѣло обороны есть только исключительная профессія къ которой привлекаются люди будто обреченныя жертвы, долженствующія за всѣхъ отбывать службу. При такихъ обстоятельствахъ, военная служба не могла не стать бременемъ для подлежащихъ ей классовъ народа и карой безвинно падающею на людей которыхъ она захватываетъ въ свои ряды. Дѣйствительно, военная служба пріобрѣла у насъ значеніе кары, и было время, которое еще у всѣхъ на свѣжей памяти, когда отдача въ солдаты числилась въ уголовныхъ наказаніяхъ, армія считалась удобнымъ мѣстомъ для сбыта неисправимыхъ негодяевъ, и военной службѣ предпочиталась ссылка въ Сибирь. Теперь условія военной службы измѣнились къ лучшему, но не настолько чтобъ она не была великимъ бременемъ для подлежа-

щихъ рекрутской повинности классовъ народа и не чувствовалась какъ бѣдствіе посѣщенными ею семьями. Нѣсколько несправедливостей соединились въ основаніяхъ нашей военной повинности, которыя взаимно условливаются, поддерживаются и усиливаются, обращаясь во вредъ народной жизни, государственному развитію и самой военной службѣ. Такъ какъ военная повинность падаетъ не на всѣ классы народа и такъ какъ въ дѣйствительсти подвергаются ей не всѣ способные нести ее, а лишь нѣкоторое число случайно выхваченныхъ наборомъ людей, то служба въ арміи по необходимости требуетъ продолжительныхъ сроковъ, а государственная казна содержитъ въ мирное время гораздо большее число наличныхъ войскъ чѣмъ сколько нужно, и военный бюджетъ падаетъ новою тяжестію на подлежащіе рекрутской повинности классы, между тѣмъ какъ оборонительныя средства страны далеко не соотвѣтствуютъ дѣлаемымъ на нихъ затратамъ.

Военная сила страны опредѣляется не одною наличною арміей, но еще болѣе резервами, ближайшими и отдаленными, и ихъ годностію къ военному дѣлу. Чѣмъ многочисленнѣе и лучше резервы, какъ ближайшіе такъ и отдаленнѣйшіе, тѣмъ меньшее наличное число войскъ должно содержать государство, и тѣмъ оно обезпеченнѣе въ своемъ положеніи. Дѣла пришли къ тому что всякая страна можетъ считать себя вполнѣ обезпеченною только при условіи что всѣ способные къ бою люди ея народа могутъ, по мѣрѣ надобности, становиться въ ряды ея арміи уже знакомые съ оружіемъ и военною дисциплиной. Требуется чтобы весь народъ своими боевыми силами былъ, въ извѣстныхъ степеняхъ и отношеніяхъ, запасною арміей страны. Вотъ фактъ внесенный Пруссіей въ современный бытъ Европы. На это нечего сѣтовать; надобно, напротивъ, признать это, и видѣть въ этомъ прогрессъ обязательный для всѣхъ самостоятельныхъ и дорожащихъ самостоятельностію націй. Даже такъ-называемые „друзья мира" не должны на это сѣтовать. Вѣчный миръ есть утопія; но благодѣянія мира могутъ быть прочнѣе обезпечены этимъ путемъ нежели тѣмъ какой они предлагаютъ. Жизнь не есть идиллія, но для того чтобъ и идиллія была въ ней возможна, надобно чтобы подъ нею были силы ежеминутно готовыя къ борьбѣ. Миръ всего надежнѣе обезпечивается самою войной, которая въ его сохраненіи и поддержаніи должна видѣть истинную цѣль свою, и согласно съ этою цѣлію организовать свои средства. Время ратей состоящихъ изъ рабовъ и наемниковъ прошло; также миновало время разобщенной военной профессіи. Надобно чтобы всякій могъ, на призывъ страны, явиться готовымъ солдатомъ; надобно чтобы всякій, въ свою мѣру, проходилъ чрезъ военную школу: только при этомъ условіи страна можетъ существовать независимо и быть обезпеченною что миръ ея не будетъ нарушенъ. Дѣйствительно, только сильныя націи, готовыя ежеминутно перейти отъ мира къ войнѣ, могутъ сохранять между собою равновѣсіе и взаимно воздерживать завоевательные замыслы.

Напрасно думаютъ что обобщеніе военнаго дѣла можетъ развить въ народѣ то что̀ называется „военщиной," „солдатской," и подавить въ немъ всѣ другія стороны жизни. Напротивъ, коль скоро военное дѣло утратитъ свою исключительность и станетъ дѣломъ общимъ, оно не будетъ имѣть тѣхъ свойствъ которыя развиваются только вслѣдствіе его исключительности и разобщенности. Ставъ дѣломъ общимъ, оно займетъ свое естественное мѣсто какъ необходимый элементъ политическаго общества, какъ существенная часть гражданскихъ обязанностей, какъ дополнительная и весьма полезная школа всякаго образованія. Общая военная повинность облагородитъ и общество, она возвыситъ народную жизнь.

Военная организація которую выработала сосѣдняя намъ держава будетъ ея заслугою предъ всемірной цивилизаціей если и другіе народы сумѣютъ воспользоваться подданнымъ ею примѣромъ. Этой организаціи обязана Пруссія громадными успѣхами которые она одерживаетъ теперь посреди изумленной Европы. Пріобрѣтенное ею могущество дѣйствительно покачнуло равновѣсіе Европы, и нѣтъ иной возможности возстановить его какъ усвоеніемъ военной организаціи въ виду которой прежняя военная система держаться не можетъ. Событія 1866 года, къ сожалѣнію, не были достаточно убѣдительны; за то нынѣшняя война, кажется, уже очень убѣдительна.

Достоинство прусской системы заключается въ томъ что она выработалась изъ

опыта и доказала себя на опытѣ; она развивалась продолжительно, и перешла разныя фазы; она столько же приспособилась ко всѣмъ потребностямъ военнаго дѣла, сколько и ко всѣмъ интересамъ гражданскаго быта, а главнымъ образомъ она согласовала себя съ системой народнаго образованія. Учебное и военное дѣло приведены въ соотвѣтствіе между собою, и такъ постановлены что одно содѣйствуетъ другому. Можно сказать что военное дѣло въ Германіи есть не что иное какъ народное образованіе примѣненное къ войнѣ. Съ другой стороны, военная повинность, будучи дѣломъ общимъ, распредѣляется такъ чтобы наука ставила людей въ положеніе льготное при исполненіи общей обязанности. Дѣло организовано такъ что учебныя заведенія наиболѣе способствующія умственному развитію пользуются наибольшими правами относительно военной повинности. Обѣ организаціи, учебная и военная, вотъ гдѣ тайны того могущества которое выработала Пруссія въ тишинѣ мира и которое она доказала въ войнѣ. Оба дѣла которыя она такъ тѣсно связала, должны стать достояніемъ общимъ, а стало-быть и нашимъ. Не мудрствуя лукаво, мы должны усвоить себѣ существенныя основанія какъ учебной, такъ и военной организаціи, которыя такъ высоко поставили германскую націю въ дѣлахъ мира столько же какъ и войны, и внѣ которыхъ рядомъ съ нею никакая нація не можетъ держаться самостоятельно. Всякія колебанія въ этомъ вопросѣ были бы пагубны. Мы уволены отъ необходимости изыскивать пути для правильной организаціи какъ учебнаго такъ и военнаго дѣла; тѣмъ не дозволительнѣе относиться небрежно къ великому факту который у всѣхъ на виду, тѣмъ предосудительнѣе не хотѣть знать его и не стараться вникнуть въ его основанія. Требуется войти въ сущность дѣла, и усвоить себѣ его основанія; требуется не подражаніе которое ограничивается наружною и случайною стороной, между тѣмъ какъ усвоеніе сущности есть актъ самостоятельный.

Тѣ кого пугаетъ общая военная повинность могутъ успокоиться. Если въ основу нашей военной организаціи будутъ приняты начала прусской системы, то пугаться нечего. Повинность эта можетъ только облегчить народъ въ его совокупности, но не обременитъ ни одного изъ его классовъ, не стѣснитъ ни одного изъ его званій. Тѣ разряды лицъ кои до сихъ поръ пользуются у насъ привилегіей полнаго изъятія отъ военной службы, не подвергнутся никакому униженію, никакому обремененію. Они ничего не потеряютъ, между тѣмъ какъ всѣ выиграютъ. Учрежденіе *одногодниковъ*, существенная черта прусской системы, отнимаетъ у военной службы то что̀ можетъ дѣлать ее несправедливо отяготительною для людей высшихъ состояній и высшаго образованія. Было бы величайшею несправедливостію,— не меньшею чѣмъ та которую требуется устранить,—еслибы всѣ подверглись одинаковымъ условіямъ солдатской службы, безъ всякаго различія состояній и степеней образованія. Молодой человѣкъ, поступающій въ армію на правахъ одногодней службы, можетъ извлечь изъ ней только пользу для своего всесторонняго развитія, но не почувствуетъ ея тяжести. Его воспитаніе принимается въ разчетъ; инструкторы и военныя власти относятся къ нему со всевозможною вѣжливостію; онъ не обязанъ жить въ казармахъ; поступая на службу, онъ отбываетъ ее большею частію на мѣстѣ своего жительства, его обязанности ограничиваются главнымъ образомъ только тѣмъ чтобы въ урочное время дня являться на ученье въ остальное же время онъ предоставляется самому себѣ и не лишается возможности продолжать занятія мирнаго званія. Годъ службы для людей извѣстнаго воспитанія считается, по всей справедливости, вполнѣ достаточнымъ для того чтобъ они могли усвоить себѣ духъ дисциплины, пріучиться къ строю и ознакомиться съ оружіемъ. Затѣмъ они зачисляются въ резервъ гдѣ, какъ одногодники такъ и остальные, прослужившіе въ строю три года, состоятъ четыре года. Состояніе въ резервѣ не сопряжено въ дѣйствительности ни съ какими обязанностями военной службы. Каждый возвращается къ своимъ занятіямъ, и отвлекается отъ нихъ только призывомъ войны. За резервомъ слѣдуетъ земское ополченіе или ландверъ который выдвигается лишь въ случаяхъ особенной важности, требующихъ напряженія всѣхъ силъ страны. Но и въ военное время, люди высшаго воспитанія, одногодники, пользуются справедливымъ отличіемъ, и при томъ не въ ущербъ, а къ выгодѣ военнаго дѣла. Ни къ чему унизительному, ни къ чему не соотвѣт-

ственному ихъ образованію они не принуждаются. Они составляютъ богатый запасъ для замѣщенія офицерскихъ вакансій, и зачисляются весьма часто офицерами въ ландверъ еще въ мирное время. Правда, война не разбираетъ своихъ жертвъ; на войнѣ жизнь людей подвергается опасности. Но именно для того чтобы бѣдствія войны не часто повторялись между народами, именно для того чтобы жизнь и достояніе людей не подвергались опасности, именно для этого и требуются сильные всенародные резервы. Страна которая такъ организована въ военномъ отношеніи не будетъ воевать — если сама не захочетъ. Страна которая имѣетъ въ своемъ резервѣ цѣлый народъ, ежеминутно готовый превратиться въ армію, не очутится въ крайности собирать ополченія изъ людей которые могутъ только умирать за свое отечество, но не въ состояніи защитить его. Ужели бы возможна была эта страшная война, при которой мы теперь присутствуемъ, еслибы Франція обладала хотя приблизительно такою военною организаціей какъ ея противница?...

№ 258.

Москва, 30-го ноября.

Казалось бы что именно теперь болѣе нежели когда-либо стóитъ позаботиться о разрѣшеніи внутреннихъ нашихъ вопросовъ, раскрыть причины уклоненій отъ программы установленной самимъ правительствомъ, и устранить эти причины. У насъ всѣ сознаютъ теперь, указывая на примѣръ Австро-Венгерскаго государства, какъ можетъ быть стѣснительна для внѣшнихъ отношеній внутренняя безурядица. Даже на положеніе Ирландіи указываютъ какъ на затрудненіе внѣшней политики Великобританіи. Мы, благодареніе Богу, еще не находимся въ положеніи Австро-Венгріи; но никто не можетъ добросовѣстно увѣрять что дѣла наши въ западномъ краѣ и особенно въ прибалтійскихъ губерніяхъ обстоятъ благополучно, и что относительно ихъ ничего лучшаго не слѣдуетъ желать, въ виду создавшагося въ сосѣдствѣ германскаго могущества, а также новаго положенія дѣлъ угрожающаго образоваться на Востокѣ. Однако какіе совѣты слышатся теперь, какимъ взглядамъ стараются придать авторитетъ? Слѣдуетъ, говорятъ, замаскировать дѣйствительность и молчать о ней. Подъ шумъ событій потрясающихъ Европу, онѣмеченіе прибалтійскихъ губерній совершается рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо, а русская политика въ западномъ краѣ по прежнему являетъ собою безконечную Сизифову работу. Въ подобномъ ли положеніи вещей должны мы видѣть задатки нашей силы?

Въ теченіе минувшаго лѣта не мало было обнаружено въ нашей печати поразительныхъ, относящихся сюда фактовъ. Теперь мы имѣемъ возможность привести, къ сожалѣнію, еще одинъ фактъ характеризующій печальныя условія въ какихъ находятся дѣла въ западномъ краѣ.

Недавно въ нашей газетѣ было сказано что по дѣлу объ обезпеченіи православныхъ причтовъ западныхъ губерній помѣщеніями и землею составлены наконецъ правила, которыя разсматриваются уже въ комитетѣ министровъ. Изъ этого многіе могли заключить что это дѣло, тянущееся съ 1842 года, близится къ окончанію. Казалось бы что если правительствомъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, признано необходимымъ улучшить благосостояніе церковныхъ причтовъ, то въ настоящее время эти причты могутъ вѣрно разчитывать на сохраненіе за собою хотя того чтò они уже имѣютъ. А между тѣмъ вотъ чтò пишутъ намъ изъ Минска:

„Послѣ мятежа 1863 года крестьяне М—скаго прихода перешли въ православіе, и за этимъ приходомъ были удержаны земли составлявшія его собственность. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, настали другія времена, появились различные консервативные проекты, имѣвшіе конечною цѣлью нарушеніе или передѣлку многаго прежде сдѣланнаго въ пользу русскаго дѣла въ краѣ, въ пользу преданныхъ Россіи крестьянъ и духовенства. Правильность дѣйствій прежней администраціи была заподозрѣна и они выставлялись беззаконными и произвольными. Благодаря этому, въ нынѣшнемъ году пришла очередь признанія незаконнымъ и того распоряженія по которому православный М — скій приходъ пользовался землею, оставшеюся отъ упраздненнаго римско-католическаго прихода. Дѣло это возникло благодаря тому случайному обстоятельству что одному мѣстному мировому дѣятелю пожелалось пріобрѣсти въ собственность участокъ именно изъ

той земли которая была предоставлена М—скому приходу, въ количествѣ 400 десят., съ коихъ въ пользу приходскаго духовенства выручалось дохода до 400 р. въ годъ. Чтобы не компрометтировать де гласно распоряженія прежней главной администраціи, выставлялось на видъ будто означенная земля предоставлена лишь временно православному приходу, впредь до особаго назначенія, хотя это предположеніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Указывалось что православный причтъ отдаетъ ее въ аренду лицу польскаго происхожденія, хотя хорошо было извѣстно что эта аренда началась еще при прежнемъ римско-католическомъ духовенствѣ, и что нынѣшній православный причтъ не можетъ прекратить ее, ибо по закону обязанъ дождаться окончанія срока аренды. Наконецъ приводились убѣдительные доводы что въ надѣлъ православному причту слѣдуетъ предоставить изъ означенной земли лишь указныя 33 десятины, дабы не пораждать зависти между духовенствомъ, а изъ остальной земли, въ видахъ *обрусенія* края (когда нужно, то и обрусеніе на сценѣ), образовать участокъ для продажи помянутому мировому дѣятелю. И несмотря на то что по засвидѣтельствованію мѣстнаго епархіальнаго начальства никакой зависти между духовенствомъ нѣсколькολѣтнее пользованіе М—скимъ причтомъ означенною землей не породило и не могло породить, ибо 400 дес. въ Минской губерніи не большая находка, да и нигдѣ нѣтъ одинаковыхъ размѣровъ надѣла; несмотря на все это, ко всеобщему удивленію мѣстнаго населенія, изъ Вильны получено въ Минскѣ нѣсколько времени назадъ распоряженіе объ отобраніи отъ М—скаго прихода предоставленной ему земли, съ цѣлію образованія изъ нея участка для продажи въ видахъ обрусенія края. Но мало этого: намъ достовѣрно извѣстно что случай съ М—скимъ приходомъ послужилъ поводомъ къ учрежденію въ той же Вильнѣ, гдѣ „все обстоитъ благополучно,“ особой коммиссіи съ цѣлію привести въ извѣстность не обрѣтаются ли гдѣ-либо въ сѣверо-западномъ краѣ подобныя земли, не получившія будто бы еще назначенія, для образованія изъ нихъ продажныхъ участковъ также къ вящему обрусенію края.“

Вотъ фактъ! Какъ объяснить его? Сослаться на законъ нельзя. Напротивъ, въ 1863 году, прямо указано (см. Выс. пов. отъ 24-го апрѣля 1863 года) что при надѣлѣ православныхъ причтовъ въ западномъ краѣ должно, въ случаѣ нужды, *вновь предоставлять* православному духовенству свободныя казенныя оброчныя статьи, не стѣсняясь общею условною нормой церковныхъ надѣловъ въ 33 десятины; указано увеличивать церковные надѣлы сверхъ 33 десятинъ, и для этого жертвовать оброчными статьями приносившими казнѣ доходъ: какъ же въ виду столь яснаго закона, вмѣсто того чтобы прирѣзывать къ церквамъ казенныя оброчныя статьи въ видахъ увеличенія церковныхъ надѣловъ *сверхъ* 33 десятинъ, урѣзывать землю которая принадлежитъ церкви и съ которой казна никогда не получала никакого дохода, для того чтобы во владѣніи церкви осталось никакъ *не болѣе* 33 десятинъ? Еслибы кто сказалъ что это Высочайшее повелѣніе относится къ 1863 году, а съ тѣхъ поръ взгляды правительства измѣнились, и что оно не считаетъ благосостоянія православнаго духовенства въ западномъ краѣ дѣломъ желательнымъ, то, во-первыхъ, Высочайшее повелѣніе, по нашимъ законамъ, сохраняетъ полную силу пока не отмѣнено другимъ, также Высочайшимъ повелѣніемъ, а во-вторыхъ, виленское распоряженіе о розыскѣ причтовъ земли коихъ, по мнѣнію тамошней администраціи, подлежатъ отобранію въ казну врядъ ли совпадаетъ съ теперешними видами правительства въ западномъ краѣ, по крайней мѣрѣ съ видами гласно объявленными. Правительство озабочено теперь проектомъ объ устройствѣ помѣщеній для причтовъ западнаго края, которыхъ до сихъ поръ они лишены. Означенный проектъ, разработанный особою коммиссіей, находится на разсмотрѣніи высшихъ инстанцій: стало-быть правительство и теперь не перестало заботиться о благосостояніи церковныхъ причтовъ. Какъ же согласить съ цѣлію работъ этой коммиссіи учрежденіе другой коммиссіи въ Вильнѣ для урѣзки земель у православнаго духовенства?

Впрочемъ, нѣтъ и надобности доказывать неправильность новыхъ виленскихъ распоряженій. Они были предметомъ разсмотрѣнія въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ, и въ этомъ случаѣ, какъ неоднократно прежде, оказалось что они неправильны. Высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ комитета министровъ предписано оставить за причтомъ М—скаго прихода

земли о которыхъ рѣчь, и руководствоваться этимъ рѣшеніемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Можно ли однако не сожалѣть что подобныя противорѣчія между взглядами общаго центральнаго и мѣстнаго правительства въ западномъ краѣ продолжаютъ безпрестанно обнаруживаться?

№ 259.

Москва, 1-го декабря.

Вторая отвѣтная депеша лорда Гранвилля, воспроизведенная въ № 257 нашей газеты, поясняетъ положеніе дѣлъ созданное такъ-называемымъ Черноморскимъ вопросомъ. Британскій левъ успокоился; его *поддѣльное* раздраженіе прошло. Лордъ Гранвилль весьма доволенъ *вѣжливымъ* тономъ отвѣтной депеши князя Горчакова, и вслѣдствіе сего полагаетъ что дѣло кончится благополучно. Стало-быть, только мнимая *грубость* первой депеши русскаго канцлера, вотъ въ чемъ состоитъ весь этотъ вопросъ, будто бы встревожившій Европу и угрожавшій ей новою великою войной. Сущность дѣла не измѣнилась, ничего къ нему не прибавилось и ничего не убавилось; по сужденію лорда Гранвилля, перемѣнился только тонъ объясненія князя Горчакова, и вотъ британскій министръ выражаетъ надежду что миръ Европы не будетъ нарушенъ вопросомъ который такимъ образомъ отводится въ область риторики.

Все затрудненіе было въ тонѣ, а сущность дѣла лордъ Гранвилль объясняетъ такъ: Россія возымѣла и высказала мнѣніе что такая-то статья извѣстнаго трактата утратила обязательную силу. Онъ снисходительно допускаетъ что Россіи дозволительно имѣть и сказать свое мнѣніе, хотя бы и несогласное съ дѣйствующими законами, лишь бы только не было нарушенія ихъ дѣйствіемъ. Пока Россія остается въ области теоретическаго принципа и не приступаетъ къ примѣненію онаго, пока она только высказываетъ мнѣніе, но не приводитъ его въ дѣйствіе безъ согласія другихъ державъ, главный статсъ-секретарь королевы Викторіи убѣждается что спорить не о чемъ, и что затрудненіе можетъ считаться оконченнымъ.

Итакъ, вотъ къ какой формулѣ отводится этотъ вопросъ, заглушившій на минуту громы франко-прусской войны! Изъ-за чего же была поднята эта тревога? Какая была причина кабинетамъ Лондонскому и Вѣнскому принять угрожающую осанку? Если не было причины производящей, то была causa finalis, была какая-нибудь цѣль преувеличить дѣло столь безобидное по собственному сознанію лорда Гранвилля.

Если за теоретическіе принципы державы между собою не спорятъ, если серіозное значеніе возбужденному вопросу могло бы сообщить только „немедленное," какъ выражается лордъ Гранвилль, примѣненіе принципа, то значитъ и вопроса не было никакого. „Немедленно" осуществить мнѣніе о которомъ идетъ рѣчь было бы возможно только посредствомъ чуда. Немедленно создать флотъ и арсеналы невозможно. Вотъ еслибы Россія заговорила объ отошедшей отъ нея по трактату части территоріи при устьяхъ Дуная, то тутъ за словомъ могло бы тотчасъ послѣдовать дѣло. Но въ заявленіи своемъ Россія, напротивъ, торжественно отрекается отъ всякихъ наступательныхъ намѣреній, отъ всякаго замысла возбудить Восточный вопросъ, и признаетъ во всей силѣ, какъ практически такъ и теоретически, всѣ прочія статьи Парижскаго трактата. Все это сказано ясно и членораздѣльно въ первой депешѣ русскаго канцлера. Въ ней еще сказано что Россія предоставляетъ заинтересованнымъ державамъ пересмотрѣть, въ общемъ совѣщаніи, трактатъ 1856 года, и въ случаѣ надобности передѣлать созданное имъ на Востокѣ устройство. Чего же больше? Не открывается ли этимъ и для другихъ державъ полная возможность выражать мнѣнія по части Восточнаго вопроса? Россія остается при себѣ; ея притязаніе не идетъ далѣе простаго права самообороны, которое принадлежитъ всякому самостоятельному государству и которое давно уже предоставляли ей другія соподписавшія Парижскій трактатъ державы. Съ возвращеніемъ этого права, Россія ничего не пріобрѣтаетъ, и дѣла на Востокѣ отъ того измѣниться не могутъ; но въ отворенную дверь могутъ пройти, съ другихъ сторонъ, такія измѣненія Парижскаго трактата которыя пожалуй создадутъ для Россіи положеніе несравненно худшее чѣмъ то которое было послѣдствіемъ несчастной войны...

Въ депешѣ лорда Гранвилля есть намекъ, на который нельзя не обратить вниманія, тѣмъ болѣе что намекъ этотъ гармонируетъ со многими другими признаками времени. Британскій министръ затрудняется припомнить чтобы Россія когда-нибудь предлагала Англіи „принять на разсмотрѣніе вопросъ объ ослабленіи трактата." На память ему приходятъ только какіе-то намеки будто бы дѣланные когда-то съ русской стороны, „что „при извѣстныхъ случайностяхъ, напри„мѣръ въ случаѣ занятія Дунайскихъ „Княжествъ Австріей, Россія сочла бы „себя обязанною поднять вопросъ о нѣ„которыхъ постановленіяхъ трактата 1856 „года."

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Съ одной стороны, безтѣлесное право защиты собственныхъ береговъ въ Черномъ морѣ, которое откроется для военныхъ судовъ другихъ націй, а съ другой богатыя страны Дуная, которыя могутъ понадобиться для окончательнаго сведенія счетовъ между Австріей и новою Германскою имперіей.

Россія могла предусматривать случайность о которой лордъ Гранвилль говоритъ, но она не могла, нѣтъ! она не могла положить эту случайность на одни вѣсы съ правомъ защищать свои берега. Всѣ постановленія Парижскаго трактата вкупѣ ничего не значатъ въ сравненіи съ этою случайностью. Она подняла бы Восточный вопросъ во всей его страшной силѣ, и худой миръ установленный Парижскимъ трактатомъ былъ бы нарушенъ самою доброю бранью; вотъ что̀, безъ сомнѣнія, давала разумѣть Россія въ виду случайности о которой упомянуто въ депешѣ лорда Гранвилля.

За нѣсколько дней до появленія этой депеши въ *Times*, откуда мы ее заимствовали, вотъ что̀ прочли мы въ этой газетѣ (№ отъ 28-го ноября): „Въ Ру„мыніи, въ Сербіи, въ Греціи, Россія „встрѣчаетъ мало сочувствія... Впрочемъ „нынѣшнимъ политическимъ положеніемъ „своимъ Румыны похвалиться не могутъ, „и мы не знаемъ долго ли принцъ Карлъ „будетъ въ состояніи держаться тамъ.... „Молодое поколѣніе и всѣ сколько-ни„будь образованные люди въ этихъ Кня„жествахъ склонятся скорѣе къ цивили„зованному міру, къ возрожденной и пре„образующейся Австріи, нежели захотятъ „быть бойцами русскаго честолюбія подъ „знаменемъ православія. Нельзя не взять „также въ разчетъ что Австрія пріобрѣла „новую силу въ послѣдніе годы...."

Это тоже намекъ, и нельзя сказать чтобы темный...

Нѣтъ, допустить случайность о которой упоминаетъ лордъ Гранвилль значило бы безъ войны потерпѣть пораженіе какого не могла нанести намъ несчастная война заключившаяся Парижскимъ трактатомъ. Паденіе Севастополя, послѣ геройской борьбы, не уронило ни достоинства, ни чести Россіи. Эта борьба обнаружила силу нашего народа, и обнаружила ее тѣмъ явственнѣе чѣмъ хуже было наше оружіе и всѣ тогдашніе наши порядки. Россія была поражена въ своихъ недостаткахъ, но она вышла съ торжествомъ изъ испытанія. Вскорѣ затѣмъ открылись въ ней самыя обширныя и глубокія преобразованія какія когда-либо переживала она во все продолженіе своей исторіи. Неудачная, но славная борьба не ослабила Россіи; напротивъ, она возбудила въ ней новыя силы и открыла для ней высшую эру развитія. Россія уже начала внушать къ себѣ уваженіе даже противникамъ своимъ; племена которыя къ ней естественно тяготѣютъ оживились ея оживленіемъ, и ихъ симпатіи къ ней вскорѣ стали бы непобѣдимыми еслибъ она не колебалась въ своихъ дѣйствіяхъ, еслибъ она во всемъ слушалась только своего чувства и руководилась только своимъ умомъ, огражденная имъ отъ интригъ и обмановъ, и еслибъ у ней всегда благимъ намѣреніямъ соотвѣтствовало честное и способное исполненіе. Правда, Парижскимъ трактатомъ (и даже не трактатомъ, а войною которая ему предшествовала) Россія лишилась своего флота и арсеналовъ въ Черномъ морѣ, но ея вліяніе на Востокѣ не потерпѣло существеннаго ущерба. Напротивъ, ея тамъ вліяніе все становилось бы сильнѣе, по мѣрѣ того какъ она сама становилась бы лучше. Флотъ въ Черномъ морѣ дѣло хорошее. Но неимѣніе флота въ Черномъ морѣ не помѣшало намъ внести въ свою исторію пятнадцать славныхъ лѣтъ, ознаменованныхъ великими преобразованіями. Занятая ближайшими и настоятельнѣйшими задачами своего обновленія, Россія легко переносила неудобство лишавшее ее внѣшнихъ принадлежностей величія на одной изъ ея границъ. Всякій понималъ что при-

ведя въ порядокъ дѣла первой необходимости Россія легко можетъ возвратить себѣ свое естественное право которое впрочемъ до сихъ поръ ей и нѣкогда и не зачѣмъ было бы употреблять въ дѣло. У Россіи сильной, то-есть разумѣющей свои силы и умѣющей ими пользоваться, никто не станетъ оспаривать это право. Трактаты вяжутъ государство пока оно изъ нихъ не выростетъ. Вѣнскіе трактаты 1815 года не то что Парижскій—на нихъ покоилось все зданіе Европы—а гдѣ теперь эти знаменитые скрѣпленные Стигійскою клятвой договоры? Они разлетѣлись въ клочки, и каждый выходилъ изъ нихъ, не молвя слова, какъ только становилось можно и нужно. Германскій Союзъ установленный Вѣнскими трактатами быть дѣломъ величайшей важности для всей Европы, которая имѣла въ немъ главный центръ своего равновѣсія. Около полустолѣтія держалось незыблемо это устройство; но вотъ одна изъ державъ, втихомолку собравшись съ силами и пользуясь новыми возникшими въ Европѣ отношеніями, сокрушила разомъ эту сложную механику. Пруссія сказала: это мое внутреннее дѣло—и никто не сталъ перечить ей, хотя всѣмъ извѣстно что Германскій Союзъ есть дѣло по преимуществу европейское и что всякая перемѣна въ немъ касается самыхъ существенныхъ интересовъ каждой изъ великихъ державъ. Австрія и малыя государства Союза были принуждены къ молчанію силой оружія. Англія молчала потому что въ этой перемѣнѣ видѣла свою выгоду и сама давно подготовляла ее. Россія тоже молчала, хотя нельзя сказать чтобъ эта перемѣна была для ней выгодна. Франція колебалась, но имѣя во главѣ своей правительство неспособное и недостойное, была обманута и приведена на край гибели столько же собственнымъ неразуміемъ, сколько ловкостію противника.

Въ виду событій такъ глубоко поколебавшихъ и измѣнившихъ Европу, для Россіи оставалось бы только собирать свои силы; въ виду захватовъ дѣлаемыхъ другими, ей предстояло бы искать компенсацій во внутреннихъ завоеваніяхъ. Она еще не вездѣ хозяйка у себя дома, она еще такъ мало обладаетъ собою и своимъ, у ней еще такъ много силъ которыми она не пользуется, что она могла бы своимъ внутреннимъ объединеніемъ и развитіемъ долгое время уравновѣшивать самыя громадныя скопленія силъ за своими предѣлами. Въ иностранной политикѣ ей бы только оберегать свое будущее и мудро предусматривать всякое стеченіе обстоятельствъ которое можетъ затруднить ее въ послѣдствіи. Чуждая всякаго любостяжанія и хорошо сознавая что политика захватовъ можетъ оказаться для ней еще пагубнѣе при успѣхахъ чѣмъ при неудачахъ, пусть бы Россія только приняла твердое оборонительное положеніе во всѣхъ пунктахъ міра гдѣ замѣшаны ея національные интересы, и всего болѣе на Востокѣ и въ мірѣ славянскомъ, который только въ ней одной можетъ чаять свое спасеніе. Тутъ слѣдуетъ ей стоять на крѣпкой стражѣ и зорко предусматривать всякую случайность...

Итакъ, насъ зовутъ на конференцію гдѣ будетъ обсуждаться Восточный вопросъ. Дай Богъ чтобы выбранная для этого предмета минута оказалась благопріятною! А между тѣмъ сосѣдъ нашъ весьма успѣшно пользуется плодами нашего Черноморскаго заявленія, которое пришлось ему очень кстати. Германская имперія есть уже совершившійся фактъ, и она раздвигается къ востоку и западу. Если мы не считаемъ себя связанными постановленіемъ Парижскаго трактата, то и Пруссія въ свою очередь не признаетъ обязательной силы за недавно заключенною Лондонскою конвенціей о Люксембургскомъ княжествѣ, съ тою только разницей что мы пріобрѣтаемъ безплотное право, и на насъ кричатъ какъ на разбойниковъ, а она имѣетъ въ виду стяжать весьма существенное достояніе, которое дастъ ей сильное стратегическое положеніе относительно Франціи и за которое она вознаградитъ короля Нидерландскаго французскими же деньгами. Пріобрѣтеніе Люксембурга можетъ, сверхъ того, облегчить разчетъ съ злополучною Франціей и уравнять пути къ возврату Наполеоновской династіи, что̀ доставило бы неоцѣненныя выгоды какъ для Германіи такъ и для Англіи, подвергнувъ Францію новому порабощенію и растлѣнію, или ввергнувъ ее въ неисходныя смуты. Домашніе сдѣлки и уговоры между Англіей и Пруссіей приходятъ къ быстрому заключенію. Блюстительница святости трактатовъ, Англія остается спокойна при захватахъ чинимыхъ Германіей на Западѣ; она еще спокойнѣе въ виду возможныхъ *случайностей* на Востокѣ, въ какихъ для

Германской имперіи можетъ оказаться надобность. Вопросъ Дунайскій и Австро-Славянскій есть между ними условленное и предрѣшенное ко взаимной выгодѣ дѣло.

Вотъ депеша изъ Карлсруэ: Германія торжествуетъ свое объединеніе съ императоромъ во главѣ. Но и въ Англіи торжествуютъ это событіе какъ свое дѣло. Пришедшій сегодня нумеръ органа Лондонскаго Города возглашаетъ: „До сихъ „поръ мы имѣли двѣ сильно централизо-„ванныя великія имперіи, съ разъединен-„ною, неготовою націей между ними; те-„перь между ними, въ центральной Евро-„пѣ, воздвигнута твердая преграда. Симъ „исполнилась переходившая отъ поколѣ-„нія къ поколѣнію политика англійскихъ „государственныхъ людей!"

№ 260.

Москва, 2-го декабря.

Ежегодное появленіе отчетовъ государственнаго контроля, все въ болѣе и болѣе раннія сроки, и постоянное обогащеніе ихъ новыми свѣдѣніями и подробностями, освѣщающими финансовое положеніе Россіи, доказываютъ не совсѣмъ обычное въ нашихъ бюрократическихъ сферахъ одушевленіе этого вѣдомства къ совершенствованію своей дѣятельности. Контрольный отчетъ объ исполненіи государственной росписи за 1869 годъ полонъ живѣйшаго интереса; онъ въ особенности краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о значительности финансовыхъ ресурсовъ представляемыхъ Россіей,—подтверждая то что намъ неоднократно приходилось говорить, - но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ документъ самымъ непререкаемымъ образомъ убѣждаетъ въ ошибочности нашей финансовой системы, препятствующей правительству свободно пользоваться своими громадными ресурсами. Любопытны контрольные выводы по сравненію нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за истекшіе четыре года: только за это время мы имѣемъ точныя данныя о нашихъ финансахъ, независимо отъ смѣтныхъ цифръ, оказывающихся у насъ столь шаткими.

Обыкновенные доходы въ теченіи четырехъ лѣтъ 1866—1869 непрерывно и сильно возрастали. Всего поступило круглыми цифрами:

Въ 1866 г.	—382.100.000	р.
„ 1867 „	—423.100.000	„
„ 1868 „	—423.500.000	„
„ 1869 „	—457.500.000	„

Стало-быть въ одно четырехлѣтіе государственные доходы возрасли болѣе чѣмъ на 75 милл., или на 20%; другими словами, обыкновенные ресурсы бюджета (безъ желѣзно-дорожнаго фонда) увеличились на одну пятую часть. Эти цифры, казалось бы, должны дать достаточно средствъ къ удовлетворенію обыкновенныхъ государственныхъ нуждъ, хотя бы и возрастающихъ. Затѣмъ позволительно было ожидать что наше финансовое положеніе наконецъ упрочится, и Россія достигнетъ желаннаго и необходимаго для ея политическаго могущества равновѣсія въ своемъ ординарномъ бюджетѣ. Это ожиданіе еще усиливается, когда мы узнаемъ что въ то же четырехлѣтіе государственные расходы возрастали въ гораздо слабѣйшей пропорціи чѣмъ доходы. Всего дѣйствительно израсходовано:

Въ 1866 г.	—432.700.000	р.
„ 1867 „	—424.900.000	„
„ 1868 „	—441.300.000	„
„ 1869 „	—468.800.000	„

Обыкновенные расходы (не считая 1866 года, какъ не нормальнаго) возрасли на сумму около 44 милл. или на 9%, въ то время какъ доходы увеличились на 75 милл., или 20%, то-есть мы получаемъ избытокъ развитія первыхъ сравнительно со вторыми въ 31 милл., или въ 11%. Итакъ доходы казны растутъ гораздо быстрѣе чѣмъ ея нужды, а это должно бы, казалось, имѣть послѣдствіемъ самое блистательное положеніе финансовъ; должно бы вести или къ пониженію налоговъ, изъ коихъ многіе не легко выплачиваются русскимъ народомъ, или же къ значительному улучшенію матеріальныхъ средствъ по многимъ частямъ, напримѣръ по народному образованію, не располагающему у насъ способами нужными для самыхъ первостепенныхъ государственныхъ цѣлей. Все это должно бы быть, но ничего подобнаго у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, нѣтъ. Мы не только не имѣемъ никакой надежды на облегченіе податной тяжести въ Россіи, но видимъ и ожидаемъ безпрерывное ея увеличеніе, и не только для достаточныхъ, но даже для самыхъ бѣдныхъ классовъ общества; вмѣстѣ съ тѣмъ мы вынуждены

отказывать въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ національныхъ потребностей,—оставлять въ грубомъ коснѣніи и невѣжествѣ милліоны людей, почти лишенныхъ утѣшеній и наставленій религіи и совсѣмъ лишенныхъ первоначальной школы, самымъ медлительнымъ шагомъ распространять въ государствѣ блага судебной охраны, воздерживаться отъ сооруженія самонужнѣйшихъ стратегическихъ и промышленныхъ желѣзнодорожныхъ линій, каковы напримѣръ Севастопольская и Кавказская, даже замедлять по возможности столь экстренныя операціи какъ неизбѣжное перевооруженіе арміи; наконецъ мы ничего не дѣлаемъ для упроченія нашей монетной единицы и освобожденія Россіи отъ принудительнаго курса бумажныхъ денегъ, котораго не потерпѣла у себя даже Италія, и который для своего устраненія требуетъ, говорятъ у насъ, недоступныхъ будто бы для казны жертвъ. Въ довершеніе всего, мы въ теченіе этого четырехлѣтія, столь благопріятнаго, какъ видно, для нашихъ финансовъ, безо всякихъ войнъ и безо всякихъ чрезвычайныхъ, исключительныхъ расходовъ, находились въ ежегодномъ дефицитѣ, и пребываемъ въ немъ до сихъ поръ. Правда, дѣйствительные дефициты убавились, и благодаря ежегодному поступленію доходовъ свыше бюджетныхъ ожиданій, убавились даже значительно, и были въ послѣдніе годы *ниже* дефицитовъ *предвидѣвшихся по бюджету*, но все-таки вотъ цифры дѣйствительныхъ недочетовъ полученныхъ доходовъ противъ произведенныхъ расходовъ:

Въ 1866 г.—50.600.000 р.
„ 1867 „— 1.800.000 „
„ 1868 „—17.700.000 „
„ 1869 „—11.300.000 „

Неужели же должны мы признать дефицитъ за condicio sine qua non въ жизни Русскаго государства, даже и въ томъ случаѣ когда его доходы растутъ гораздо быстрѣе его нуждъ? Неужели позволительно съ равнодушнымъ спокойствіемъ смотрѣть на такое жалкое финансовое положеніе государства, могущее подвергнуть русскій народъ самымъ крайнимъ испытаніямъ въ случаѣ малѣйшей внѣшней опасности? Неужели могутъ быть у насъ настолько закрыты глаза чтобы не видѣть что тѣ финансовыя затрудненія въ коихъ мы остаемся досѣлѣ наперекоръ природѣ, уже сами по себѣ—вслѣдствіе невыгоднаго мнѣнія, ими внушаемаго о Россіи всей Европѣ,—подвергаютъ насъ непріятности для великой націи невыносимой,—непріятности испытывать высокомѣрное обращеніе со стороны другихъ націй? Иностранцы близко вникающіе въ чужія дѣла, когда имъ это нужно, знаютъ что финансовое положеніе Россіи въ сущности далеко не такъ плохо какъ это можетъ казаться несвѣдущимъ людямъ, но они знаютъ также что при нѣкоторомъ стараніи положеніе русскихъ финансовъ могло бы не только не казаться плохимъ, но быть однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, и они естественно ставятъ намъ въ вину что этого нѣтъ на дѣлѣ, относятъ это къ нашей политической неспособности и выводятъ изъ этого заключеніе что Россія не имѣетъ будущности въ ряду государствъ Европы.

Невозможность выйти изъ дефицита даже въ мирное время и даже при чрезвычайно быстромъ возрастаніи доходовъ есть явленіе весьма прискорбное, въ особенности когда къ этому присоединяется всѣми сознаваемая необходимость, съ одной стороны, сократить нѣкоторые налоги разорительные для государственнаго хозяйства, а съ другой—удовлетворить нѣкоторымъ новымъ государственнымъ нуждамъ, для коихъ другія образованныя государства, гораздо менѣе богатыя чѣмъ Россія, находятъ средства. Зная это, всякій поневолѣ задаетъ себѣ вопросы: для чего мы удерживаемъ невыносимые налоги и даже ихъ возвышаемъ? почему мы вынуждены отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ? Не всегда же финансовыя обстоятельства, и внутреннія и внѣшнія, бываютъ такъ благопріятны какъ это случилось въ четырехлѣтіе 1866—1869 гг., и вообще со времени усмиренія польскаго бунта; могутъ придти и черные дни когда обыкновенные источники доходовъ оскудѣваютъ, а необходимые расходы внезапно растутъ въ сильной прогрессіи. Не страшно ли подумать какъ Россія будетъ противустоять экстраординарнымъ требованіямъ отъ ея бюджета, въ случаѣ напримѣръ промышленныхъ потрясеній, какія всякій день могутъ наступить съ войной, если она не можетъ справиться со своимъ государственнымъ хозяйствомъ въ самые счастливые годы?

Но откуда же можетъ происходить такое странное, почти неслыханное положе-

ніе, такое вопіющее противорѣчіе между изобиліемъ средствъ казны, неуклонно возрастающихъ, сверхъ ея потребностей, и ея хроническою несостоятельностью? Разрѣшеніе этой загадки очень просто: въ государственной жизни мы видимъ точно то же что̀ и въ частной, гдѣ самые богатые люди бываютъ несостоятельны и самые бѣдные люди, ведущіе въ порядкѣ свое хозяйство, могутъ отличаться образцовою исправностью въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Вышеприведенные факты изобличаютъ лишь крайній безпорядокъ въ нашей финансовой системѣ, обусловленный множествомъ самыхъ коренныхъ погрѣшностей ея, остающихся у насъ неисправленными почти съ прошедшаго столѣтія, чуть не съ Петра Великаго, который покрывалъ свои чрезвычайныя денежныя нужды почти тѣми же источниками какъ и мы. Говорить о необходимости исправленія нашей финансовой системы есть почти потерянный трудъ: такъ много и такъ тщетно объ этомъ говорили. Разстройство финансовъ, это болѣзнь съ которою сжилась Россія и изъ которой она какъ будто не считаетъ возможнымъ выйти, даже въ нынѣшнюю великую эпоху преобразованій, когда правительство не останавливалось предъ гораздо болѣе трудными и радикальными реформами. Но послѣ приведенныхъ нами выше фактовъ, въ достовѣрности которыхъ невозможно сомнѣваться, фактовъ публикуемыхъ самимъ правительствомъ,—нельзя болѣе говорить о недостаточности ресурсовъ Россіи къ исправленію ея финансовъ или о неблаговременности нынѣ такой реформы. Сомнѣваться въ причинахъ несостоятельности государственнаго казначейства, посреди самыхъ цвѣтущихъ финансовыхъ условій, одновременно съ возрастающими въ быстрой прогрессіи государственными доходами, также едва ли возможно. Положеніе столь ясно что было бы не позволительно сколько нибудь недоумѣвать. Разъ вкоренившійся въ государственномъ, также какъ и въ частномъ бюджетѣ, дефицитъ не можетъ исчезнуть самъ собою, какъ бы ни возрастали доходы. Предположите что человѣкъ привыкъ тратить больше чѣмъ получаетъ и считаетъ этотъ свой обычай правильнымъ: если его доходъ и будетъ ежегодно возрастать на 20%, онъ все-таки будетъ въ дефицитѣ, ибо ничего не можетъ быть неизлѣчимѣе какъ привычка жить въ долгъ. Нашъ хроническій дефицитъ никогда не устранится самъ собою, какъ бы ни возрастали государственные доходы, пока обыкновенные расходы не будутъ приведены въ безусловное равновѣсіе съ обыкновенными доходами, то-есть пока не будетъ составленъ бюджетъ съ избыткомъ. Что̀ же для этого нужно? Нуженъ, вопервыхъ, коренной пересмотръ всѣхъ статей расходовъ, а не однихъ измѣненій предполагаемыхъ для наступающаго года, причемъ многія самыя необходимыя государственныя потребности удовлетворяются съ большею скупостью чѣмъ самыя прихотливыя и даже излишнія, но пользующіяся правомъ давности. Далѣе, хроническій дефицитъ поддерживается двумя пороками нашихъ финансовъ, которые снова его вызовутъ, хотя бы онъ и былъ упраздненъ. Съ одной стороны, разстройство денежной системы усиливаетъ дороговизну и заставляетъ непрерывно увеличивать всѣ расходы, а съ другой стороны сверхсмѣтные кредиты, отчасти обусловленные колебаніями монетной единицы, сами по себѣ способны разстроить и превратить въ призракъ самый состоятельный бюджетъ. Только рѣшившись на энергическія мѣры противъ этихъ трехъ коренныхъ золъ нашей финансовой системы, можно приступить къ другимъ ея преобразованіямъ (въ томъ числѣ и къ реформѣ налоговъ); иначе будетъ безполезною тратой силъ всякое финансовое преобразованіе. Но для энергическихъ мѣръ въ этомъ направленіи нуженъ духъ бережливости проникающій всѣ вѣдомства, нужно распространеніе патріотизма изъ области чувства на область дѣла, и притомъ такого прозаическаго какъ государственное счетоводство. Вотъ самое главное и въ то же время самое простое условіе исправленія нашихъ финансовъ.

№ 261.

Москва, 3-го декабря.

По мѣрѣ того какъ утихаетъ фальшивая тревога по поводу такъ-называемаго Черноморскаго вопроса, умножаются признаки заставляющіе опасаться самаго рѣшительнаго удара русскимъ интересамъ на Востокѣ. Общій гвалтъ, поднятый англійскою журналистикой при первомъ извѣстіи о циркулярной нотѣ русскаго госу-

дарственнаго канцлера и уступившій вскорѣ мѣсто довѣрчивымъ надеждамъ на миролюбивый исходъ затрудненія, былъ нуженъ только для того чтобы раздуть дѣло въ общественномъ мнѣніи до размѣровъ опаснаго замысла, будто бы грозившаго спокойствію Европы. Тотчасъ по появленіи русской депеши, правительствомъ британскимъ былъ посланъ г. Одо Россель, въ качествѣ офиціознаго агента, въ прусскую главную квартиру въ Версаль. Нѣтъ сомнѣнія что сѣверо-германскій канцлеръ далъ ему весьма успокоительныя объясненія, ибо англійскія газеты не обинуясь приписали графу Бисмарку честь мирнаго оборота дѣла будто бы грозившаго общеевропейскими замѣшательствами. При этомъ, безъ сомнѣнія, предрѣшенъ былъ кстати и вопросъ Люксембургскій.

Третьяго дня, при анализѣ второй отвѣтной депеши лорда Гранвилля, мы пришли на основаніи ея намековъ къ заключенію что за „теоретическій принципъ,“ который намъ великодушно предоставленъ, потребуется гарантія практическаго свойства гораздо болѣе тяжкая для Россіи чѣмъ постановленія Парижскаго трактата, которыя Европа сдѣлаетъ намъ честь вычеркнуть „во вниманіе къ самолюбію великой державы,“ какъ выражаются англійскіе газеты. Намекъ на счетъ Румыніи поставленъ лордомъ Гранвиллемъ такъ ловко какъ будто случайность занятія Дунайскихъ княжествъ Австріей предусмотрѣна самою Россіей.

Сегодня въ *Times* прочли мы весьма интересное письмо къ издателю этой газеты отъ сэръ-Чарлза Тревеліана, члена парламента и бывшаго члена нынѣшняго министерства *). Авторъ письма, пользующійся большимъ уваженіемъ въ политическихъ сферахъ, старается доказать что Крымская война произвела великій поворотъ въ стремленіяхъ христіанскихъ населеній Европейской Турціи и имѣла громадный и благодѣтельный результатъ: она де „возстановила цѣлость *древней Восточной имперіи* (!) и дала время совершиться внутреннимъ перемѣнамъ, необходимымъ для ея переустройства на твердомъ прочномъ основаніи.“ До того надежды христіанскихъ населеній Турціи возлагались исключительно на Россію, но послѣ того они научились де ожидать улучшенія своего благосостоянія отъ внутреннихъ реформъ, отъ просвѣщенія, развитія торговли и вообще отъ своего собственнаго прогресса въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Сэръ-Чарлзъ Тревеліанъ указываетъ что „соединеніемъ Молдавіи и Валахіи положено прочное основаніе для самостоятельнаго второстепеннаго государства, „правда, платящаго дань въ Константинополь, но пользующагося автономіей совершенно независимой страны.“ Значитъ, соединеніе Княжествъ, совершившееся противъ Парижскаго трактата, было дѣломъ немаловажнымъ. Англійскій политикъ признаетъ это, говоря что благодаря этому обстоятельству, между Россіей и Болгаріей поставленъ не-славянскій барьеръ, чрезъ который пришлось бы перешагнуть прежде чѣмъ достигнуть соплеменнаго народа. Сэръ-Чарлзъ возлагаетъ и на самихъ Болгаръ, также какъ и на Грековъ, надежду что они не пожелаютъ быть, какъ онъ выражается, данниками Россіи. Онъ, кромѣ того, убѣжденъ что Турки не въ состояніи будутъ долго выдерживать соперничество съ христіанами, при постепенномъ развитіи послѣднихъ, и волей-неволей должны будутъ уступить имъ мѣсто. Нужно только удержать Россію, говоритъ онъ въ заключеніе, еще на одно поколѣніе, и Восточный вопросъ найдетъ естественное мирное разрѣшеніе въ постепенномъ замѣщеніи турецкаго населенія христіанскимъ.

Сэръ-Чарлзъ держится еще старыхъ воззрѣній, которыхъ время давно уже миновало. И вотъ хотя письмо его не отличается особенною пріязнію къ Россіи, но въ томъ же нумерѣ *Times* гдѣ оно помѣщено посвящается ему передовая статья, въ которой, съ полнымъ уваженіемъ къ автору, опровергаются его заключенія какъ ошибочныя и слишкомъ выгодныя для Россіи. Дѣла двинулись дальше, Лондонскій органъ находитъ что не слѣдуетъ преувеличивать политическое значеніе сліянія Румынскихъ Княжествъ. Теперь требуется другое. Давно ли эта самая газета радовалась что на престолѣ Румыніи сидитъ принцъ Гогенцоллернскій, и что благодаря сему обстоятельству мощно водворяется

*) Сэръ-Чарлзъ Тревеліанъ занималъ должность одного изъ секретарей казначейства и оставилъ оную нынѣшнимъ лѣтомъ по неудовольствію на г. Гладстона за нѣкоторыя уступки сдѣланныя имъ англійской церкви при обсужденіи билля о народномъ обученіи.

„нѣмецкая цивилизація на Дунаѣ?“ Всего этого было достаточно до послѣднихъ событій, а теперь, въ виду великой Германской имперіи, которая имѣетъ свести свои послѣдніе счеты съ Австріей, отобрать у ней Чеховъ и подвинуть ее на Востокъ, внизъ по Дунаю,—теперь самостоятельное существованіе Румыніи, подъ верховенствомъ султана, воздвигнутое въ противность Парижскому трактату, должно уступить мѣсто другой комбинаціи, которая далеко оставитъ за собою этотъ трактатъ бывшій послѣдствіемъ кровопролитной войны. *Times* замѣчаетъ сэръ-Чарлзу что онъ, во время своего послѣдняго путешествія по Дунаю, былъ введенъ въ заблюжденіе „разсказами объ обширной системѣ народнаго образованія, правильно учрежденныхъ судахъ и парламентской отвѣтственности, введенныхъ въ Румыніи, и „въ простотѣ сердца повѣрилъ что Дунайскія Княжества достигли высокаго уровня „цивилизаціи.“ Какое жалкое заблужденіе! „Изображать Румынію сильнымъ, здоровымъ и цвѣтущимъ государствомъ,“ говоритъ *Times*, „и выставлять ее какъ дѣйствительный оплотъ противъ Россіи, можетъ-быть, и было бы выгодно для послѣдней, но несогласно съ фактами. На „западѣ нѣтъ ничего что̀ могло бы выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ непостоянствомъ Румынскаго государства. „Конечно, лучше чтобъ оно существовало, „какъ ни слаба его консистенція, чѣмъ „еслибы населенія Княжествъ были преданы *беззаконію характеризующему номинальное турецкое управленіе*“ (вотъ уже какъ говорятъ теперь въ Лондонѣ о турецкомъ управленіи!), „но сила этого „государства улетучилась бы въ одну минуту какъ только оно подверглось бы „давленію со стороны Россіи.“

Что̀ же слѣдуетъ отсюда? Такъ какъ Румынія сама по себѣ не есть достаточный оплотъ противъ русскаго вліянія, то наступила благопріятная пора для того чтобы создать солидную преграду между Россіей и Востокомъ. Наступила пора, которая давно уже предусматривалась, продвинуть къ Черному морю Австрію, которая должна уступить въ центральной Европѣ мѣсто для новой имперіи. Парижскій трактатъ теперь сталъ помѣхой; надобно избавиться отъ него,—и вотъ какъ нельзя болѣе кстати является Черноморскій вопросъ который наноситъ желанный ударъ Парижскому трактату, и открываетъ возможность начать разрѣшеніе Восточнаго вопроса устраненіемъ Россіи...

А что̀ же Турція? Можетъ ли ей понравиться новая комбинація? Конечно нѣтъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ въ Константинополѣ предвидятъ что-то недоброе для себя, если справедливъ слухъ что султанское правительство настаивало чтобы на конференціи не было рѣчи ни о чемъ кромѣ Черноморскаго вопроса. Но съ Портой ея покровители церемониться не станутъ. Недѣли полторы тому назадъ, другая англійская газета, *Daily News*, указывала что опасность мирному улаженію Черноморскаго вопроса можетъ грозить не отъ одной Россіи, а также и отъ воинственныхъ наклонностей султана, который съ большею де любовью занимался преобразованіемъ своихъ военныхъ силъ. Европа обязана, восклицаетъ упомянутый органъ, не допускать чтобъ ея спокойствіе могло быть нарушено султаномъ. Какое же значеніе можемъ имѣть протестъ Турціи если для блага Европы будетъ признано нужнымъ иначе распорядиться ея владѣніями въ видѣ новаго обезпеченія противъ Россіи, какого не могли дать Крымская война и разгромъ Севастополя?

Еще одно слово. Сэръ-Чарлзъ Тревеліанъ, въ своемъ письмѣ, замѣтилъ что Австро-Венгрія не хочетъ быть славянскимъ государствомъ; въ ея нежеланіи умножать число своихъ славянскихъ подданныхъ, говоритъ онъ, не можетъ быть сомнѣнія послѣ того какъ Австро-Венгрія испытала какъ долго могло сопротивляться ей небольшое славянское племя близъ Каттора. *Times* проходитъ молчаніемъ это замѣчаніе, но мы кстати припомнимъ какъ этимъ далматскимъ возстаніемъ Австрія пыталась воспользоваться для заключенія съ Турціей конвенціи, которая дозволила бы австрійскимъ войскамъ переходить турецкую границу...

№ 262.

Москва, 4-го декабря.

На дняхъ дошелъ до насъ изъ Петербурга слухъ о предстоящемъ будто бы разсмотрѣніи проекта закона о народныхъ театрахъ. Вопросъ поднимаемый этимъ закономъ, какъ бы широко или узко онъ ни

былъ поставленъ въ проектѣ, есть вопросъ существенной важности для нашего народнаго образованія. Мы привыкли жаловаться и слушать жалобы на пороки нашего простаго народа, на безобразія среди которыхъ онъ проводитъ свой досугъ. Мы не скупимся на добродѣтельныя нравоученія по поводу распространеннаго въ большихъ размѣрахъ пьянства; мы повидимому питаемъ надежду когда-нибудь засадить рабочій народъ во всѣ нерабочіе дни и часы за книжку и такимъ образомъ сдѣлать его образцомъ серіозности, солидности и доброй нравственности. Но при этомъ мы забываемъ что потребность досуга и отдыха неискоренима въ человѣческой природѣ, и что послѣ тяжелой работы человѣкъ ищетъ развлеченія и удовольствія. Эта потребность можетъ быть направлена на вредныя и безвредныя средства для своего удовлетворенія, но и въ первомъ случаѣ зло заключается все-таки въ способѣ удовлетворенія, а не въ самой потребности. Предположимъ что удалось бы найти для народа удовольствія не только безвредныя, но даже полезныя: тогда имѣлось бы самое дѣйствительное средство для конкурренціи съ удовольствіями вредными. Такая возможность существуетъ; она дается намъ изящными искусствами, къ которымъ простой народъ имѣетъ несравненно болѣе влеченія нежели многіе склонны думать, и которыя, не требуя усилій, способствуютъ нравственному и умственному развитію. Нигдѣ нравственность рабочаго класса не подвержена столькимъ соблазнамъ какъ въ большихъ центрахъ, въ столицахъ, и нигдѣ въ то же время не находится столько наличныхъ средствъ для противодѣйствія дурнымъ вліяніямъ путемъ пропаганды искусства. Музеи, художественныя выставки, концерты, театры — все это не должно быть достояніемъ однихъ образованныхъ классовъ, но пусть распространитъ свое образующее вліяніе на всѣ слои народа. Къ сожалѣнію, у насъ очень мало сдѣлано въ этомъ направленіи, и упрекая наше простонародье въ грубомъ, кабацкомъ пьянствѣ, мы мало заботимся о томъ чтобы доставить ему удовольствія менѣе пагубныя. Въ числѣ развлеченій, которыя при извѣстныхъ условіяхъ непремѣнно достигли бы бо́льшаго распространенія въ народѣ, слѣдуетъ считать посѣщеніе театровъ, которые у насъ пока и малочисленны, и дороги. Можно сказать съ полною увѣренностью что хорошій всѣмъ доступный театръ возвысилъ бы уровень народной нравственности, на которую онъ дѣйствовалъ бы и отрицательно (удерживая отъ кабака), и положительно, эстетическимъ вліяніемъ. Отсутствіе такого театра который бы навѣрное имѣлъ у насъ не меньшій успѣхъ нежели какимъ пользуются святочные балаганы, объясняется тѣми условіями которыми въ нашихъ столицахъ обставлено театральное дѣло. Повидимому, настоящій проектъ закона о народныхъ театрахъ есть шагъ къ облегченію этихъ условій. Въ этомъ отношеніи, полученное нами извѣстіе представляетъ неясность, допускающую два совершенно различныя толкованія.

Подъ „народнымъ театромъ" можно пожалуй разумѣть театры казенные, учреждаемые для народа и такимъ образомъ составляющіе новую отрасль заведеній имѣющихъ поступить въ вѣдѣніе дирекціи Императорскихъ театровъ. Дирекція до сихъ поръ владѣла театрами назначаемыми только для достаточныхъ классовъ, а отнынѣ она расширила бы свою дѣятельность и на простой народъ.

Но быть-можетъ имѣется въ виду, кромѣ театровъ обезпечиваемыхъ казной и поставленныхъ внѣ случайностей успѣха или неуспѣха, дать начало частнымъ предпріятіямъ основаннымъ на свободной конкурренціи и принужденнымъ заботиться объ одобреніи и сочувствіи посѣтителей, словомъ, театрамъ какіе имѣются во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы.

Намъ кажется что если народный театръ окажется въ результатѣ только новымъ подраздѣленіемъ театровъ казенныхъ, то предполагаемая мѣра не достигнетъ своей цѣли—если только эта цѣль есть польза и удовольствіе народа. Въ чемъ народный театръ будетъ разниться отъ нынѣшнихъ? Будетъ ли онъ имѣть особенный репертуаръ изъ піесъ нарочито сочиненныхъ для простаго народа? Будетъ ли онъ поддѣлываться подъ языкъ и понятія этого народа? И если онъ этого успѣшно достигнетъ, то исполнитъ ли онъ этимъ свою истинную задачу? Мы думаемъ что лучше всего предоставить самому народу выборъ содержанія, которое для него привлекательно и интересно, и что первое условіе такого выбора есть отсутствіе всеподавляющей опеки и монополіи. Пусть у насъ возникнутъ частныя театральныя предпрі-

ятія, въ основаніи коихъ лежала бы не бюрократическая забота о простомъ народѣ, а простой разчетъ собственной выгоды: такой разчетъ не преминетъ породить мысль о театрѣ для всѣхъ классовъ населенія, а конкурренція заставитъ подобный театръ заботиться дѣйствительно о сочувствіи своей публики или объ улучшеніи дѣла. Всѣ условія которыя долженъ соединять въ себѣ народный театръ сложатся тогда сами собой подъ вліяніемъ суда публики и интересовъ предпринимателей. Иначе же, напротивъ, грозитъ опасность что эти условія будутъ выдуманы въ спертой атмосферѣ бюрократическихъ совѣщаній, которыя никогда не могутъ войти въ живую сущность дѣла, и что порожденный ими народный театръ выйдетъ блѣднымъ и болѣзненнымъ произведеніемъ, носящимъ на себѣ всѣ слѣды своего искусственнаго происхожденія. Не многимъ удовлетворительнѣе будетъ и такое рѣшеніе которое допуститъ частную дѣятельность къ предпріятію „народныхъ" театровъ, сохраняя за казной попрежнему монополію на всѣ принадлежавшіе ей доселѣ роды театра. Такая мѣра допуститъ частную предпріимчивость, но не иначе какъ ограничивъ ее тѣснѣйшимъ образомъ. Народный театръ будетъ обставленъ множествомъ отрицательныхъ условій направленныхъ къ тому чтобъ онъ какъ-нибудь не ворвался въ область театровъ казенныхъ, и можно предсказать что эти условія сдѣлаютъ его ничѣмъ инымъ какъ квалифицированнымъ балаганомъ.

Не ради той или другой узкой спеціальности, а ради драматическаго искусства во всемъ его объемѣ и во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, слѣдуетъ у насъ развязать руки частной предпріимчивости и снять запрещеніе которое уже столько лѣтъ парализуетъ дарованія нашего народа. Само собой разумѣется что казенная театральная монополія поддерживается у насъ не въ интересахъ фиска, что правительство не смотритъ на театръ какъ на предпріятіе коммерческое, и что театръ напротивъ есть для него лишь средство покровительствовать искусству. Хотя театральная дирекція и не публикуетъ своихъ счетовъ во всеобщее свѣдѣніе, и такимъ образомъ нѣтъ офиціальныхъ данныхъ для сужденія, но по слухамъ исходящимъ изъ источниковъ достовѣрныхъ извѣстно что казенные театры хотя иногда и доставляютъ барыши, но большею частью даютъ значительный дефицитъ. Существуя повидимому для пользы и удовольствія общества, безъ всякой матеріальной пользы казнѣ, казенные театры должны были бы оправдывать свою монополію сочувствіемъ и благодарностію общества. Но и такого сочувствія мы на дѣлѣ не находимъ. Жалобы на театральную дирекцію давно уже превратились въ общее мѣсто. Публика и печать давно привыкли искать именно въ казенномъ управленіи объясненія большей части промаховъ и несовершенствъ замѣчаемыхъ на нашихъ сценахъ. Та же причина которая мѣшаетъ матеріальной выгодности казеннаго театра препятствуетъ и его эстетическому преуспѣянію. Чиновничій элементъ оказывается столько же безплоднымъ для художественной стороны дѣла какъ и для хозяйственной. Если изыскивать аргументы въ пользу театральной монополіи казны, то ихъ нельзя найти ни въ интересѣ государственныхъ финансовъ, ни въ интересѣ искусства. Остаются развѣ только причины отрицательныя. Можно опасаться что частные театры злоупотребятъ свободой для безнравственныхъ представленій, что они для приманки публики будутъ спекулировать на худшія стороны человѣческихъ наклонностей. Къ сожалѣнію, наши теперь существующіе театры не могутъ противопоставить этимъ опасеніямъ картину добродѣтели и чистоты, процвѣтающихъ въ ихъ репертуарѣ. Самыя эластическія нравственныя требованія въ правѣ оскорбляться тѣми зрѣлищами которыя иногда приходится выносить на подмосткахъ нашихъ привилегированныхъ театровъ. Но еслибы даже частные театры и могли прибавить что-нибудь къ тому что происходитъ въ казенныхъ, то нѣтъ ничего легче какъ удержать ихъ отъ этого. Нигдѣ кромѣ Россіи не существуетъ монополіи казенныхъ театровъ, но во всемъ мірѣ есть театральная цензура, которая обладаетъ полною возможностью препятствовать представленіямъ оскорбляющимъ нравственность или вреднымъ въ какомъ-либо отношеніи. Съ точки зрѣнія общественной нравственности было бы весьма желательно усилить строгость контроля; но никакъ нельзя утверждать будто бы нравственность охраняется теперешнею монополіей.

Съ какой бы стороны ни взглянуть на это дѣло, приходится глубоко сожалѣть о

томъ что дарованія нашего народа стѣснены устарѣлымъ закономъ, обнаружившимъ среди ряда благодѣтельныхъ реформъ послѣдняго времени какую-то нелогическую и непонятную живучесть. Богатыя силы, большею частью еще дремлющія въ русскомъ народѣ, могутъ вполнѣ развиться не иначе какъ при содѣйствіи вліянія изящныхъ искусствъ, и русская цивилизація займетъ подобающее ей мѣсто въ Европѣ лишь вмѣстѣ съ тѣмъ какъ русское искусство достигнетъ полной зрѣлости и самостоятельности.

№ 263.

Москва, 5-го декабря.

Австрія изъ одного превращенія переходитъ въ другое, и требуетъ чтобъ ея народы мгновенно проваливались по свистку машиниста. Мудрый канцлеръ ея именуетъ это конституціей дарованною ея счастливымъ народамъ. Прежде Австрія была великою германскою державой и стояла во главѣ Германскаго Союза. Весьма естественно что и внутри своихъ владѣній она удерживала этотъ характеръ и подчиняла свои народы германскому началу. Но изъ Германіи она была выброшена какъ предъ тѣмъ была выброшена изъ Италіи гдѣ она тоже властвовала. Германія собрала свои части въ одну великую имперію, и Австрія очутилась наединѣ съ своими народами, утративъ всякое значеніе внѣ своего состава. Большинство этихъ народовъ есть славянское племя. Они не были завоеваны, они имѣютъ значеніе политическихъ національностей, они запечатлѣны тѣмъ что въ Австріи называютъ „исторической индивидуальностью,“ и въ то же время они связаны между собой чувствомъ единаго племени, которое въ нихъ непобѣдимо и составляетъ ихъ силу. Почему же эти народы должны подчиняться національности, которая имѣетъ свое средоточіе внѣ Австріи? Почему они должны признавать надъ собой власть чужаго племени которое есть въ то же время и чужое государство? Почему земля Чеховъ, земля историческая, съ незапамятныхъ поръ заселенная своими славянскими обитателями, имѣющая свою корону какъ символъ самостоятельной верховной власти и находящаяся въ составѣ имперіи которая лишена всякаго основанія считать себя германскою державой, почему эта земля должна превратиться въ нѣмецкую провинцію,—между тѣмъ какъ другіе славянскіе народы, въ другой половинѣ имперіи, должны признавать надъ собою власть мадьярской національности?

Дѣло въ томъ что послѣ Садовой Австрія превратилась въ Австро-Венгрію, и одна часть ея обречена на жертву Германіи, а другая должна послужить опорнымъ пунктомъ для новаго превращенія монархіи Габсбурговъ. Государственный мужъ, управляющій теперь ея судьбами и совершившій превращеніе Австріи въ Австро-Венгрію, столько же служитъ дѣлу Германіи на счетъ своего втораго отечества, какъ и знаменитый соперникъ его въ Берлинѣ. Давно уже было сказано что несмотря на видимое соперничество съ г. фонъ-Бисмаркомъ, австро-венгерскій канцлеръ есть вѣрный помощникъ его и дѣйствуетъ по одному съ нимъ плану. Система австрійскаго дуализма есть берлинская идея, и графъ Бейстъ съ замѣчательною энергіей привелъ ее въ исполненіе. Теперь по весьма остроумному и знаменательному слову графа Бисмарка, монархія Габсбурговъ должна изъ *Oesterreich* превратиться въ *Ostreich*, изъ Австрійской въ *восточную*, и вотъ графъ Бейстъ уже готовится совершить этотъ *salto mortale*. Ожидается только окончательное торжество Германской имперіи надъ растоптанною Франціей для того чтобы начать новый рядъ событій. Послѣ войны 1866 года, одинъ изъ ея главныхъ рѣшителей, нынѣ столь знаменитый графъ Мольтке, предрекъ еще двѣ войны въ Европѣ, необходимыя для довершенія судебъ Германіи, которая, по его предначертанію, должна пріобрѣсти верховное господство на европейскомъ материкѣ, такъ чтобы безъ ея соизволенія не могла нигдѣ выстрѣлить пушка. При одной мы теперь присутствуемъ; ее до сихъ поръ побѣдоносно ведетъ Пруссія во главѣ всей Германіи. По разсчету графа Мольтке, съ которымъ въ этомъ отношеніи конечно согласенъ и графъ Бисмаркъ, а равно и государственные мужи Англіи, война эта должна кончиться паденіемъ могущества Франціи. Затѣмъ, какая же еще другая остается война для того чтобы въ Европѣ водворился столь желанный новый порядокъ вещей? Никакой иной кромѣ войны на Востокѣ, которую по данному сиг-

лалу начнетъ Австрія, выдвигаясь аванпостомъ Германіи и становясь ея продолженіемъ за ея предѣлами. Интересы Габсбургской династіи не требуютъ этой войны; напротивъ, она грозитъ ей опасностями. Всѣ столкновенія которыя австрійская имперія выдерживала въ послѣднее, столь роковое для нея время, послѣ Крымской войны, сопровождались печальными для монархіи Габсбурговъ послѣдствіями. Но интересы Габсбургской династіи не входятъ въ программу которая подлежитъ исполненію. Кормчій который управляетъ судьбами Австро-Венгріи имѣетъ высшія задачи: онъ творитъ исторію, и ему нѣтъ надобности если въ грозномъ столкновеніи, которое онъ готовитъ, погибнетъ власть которой онъ служитъ. И вотъ онъ требуетъ чтобы также мыслили и славянскіе народы соединенные подъ скипетромъ Австрійскаго императора, и безпрекословно слѣдовали его плану который столько же нарушаетъ ихъ право, сколько противорѣчитъ ихъ долгу, столько же посягаетъ на ихъ существованіе, сколько на цѣлость ихъ имперіи. Это графъ Бейстъ называетъ вѣрностію конституціи; это, по его наставленію, тотъ законный путь которымъ должны шествовать вожди чешскаго народа. Они молча должны смотрѣть на приготовленія имѣющія своею явною цѣлію закланіе ихъ народа въ жертву чужому племени и отторженіе ихъ земли въ область другой имперіи. Они должны спокойно присутствовать при этомъ дѣлѣ предательства, которое должно совершиться надъ ними самими; если же они молвятъ слова протеста, ихъ обвинятъ въ измѣнѣ вѣрные Мадьяры, и германскій патріотъ управляющій судьбами Габсбургской монархіи торжественно подтвердитъ это нареканіе.

Люди высокаго политическаго разумѣнія между Чехами, издавна пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ въ своемъ народѣ, неоднократно избиравшіеся для представительства за его интересы, эти люди, въ виду событій которыхъ не предвидятъ только слѣпые, рѣшились высказаться съ полною откровенностію, дабы очистить свою совѣсть и сложить съ себя отвѣтственность за грядущее. Они исполнили это съ достоинствомъ, и пріобрѣли полное право на уваженіе и сочувствіе не только согражданъ своихъ, но и всѣхъ соплеменниковъ. На встрѣчу темному дѣлу они выступили со словомъ правды и чести, и если тотъ къ кому они обращались, какъ и надобно было ожидать, не захотѣлъ внять ихъ слову, то оно не напрасно было сказано ими, и не останется безъ послѣдствій. Оно соберетъ умы въ славянскомъ мірѣ, оно подѣйствуетъ ободрительно, оно быть-можетъ откроетъ глаза многимъ въ Австро-Венгріи; оно является ручательствомъ что событія не застанутъ врасплохъ нашихъ соплеменниковъ, оно доказываетъ что славянскій міръ на передовыхъ постахъ своихъ имѣетъ достойныхъ бойцовъ, которые съ честію выдержатъ испытаніе.

Читатели найдутъ въ сегодняшнемъ листкѣ нашей газеты анализъ промеморіи, подписанной восьмидесятью семью лицами и во главѣ ихъ гг. Палацкимъ и Ригромъ, которая подана была ими канцлеру Австро-Венгерской имперіи. Телеграфъ уже извѣстилъ насъ какой отвѣтъ послѣдовалъ на это заявленіе. Графъ Бейстъ, возвративъ г. Ригру бумагу, гнѣвно отозвался о незаконности образа дѣйствія лицъ подписавшихъ ее, и далъ имъ уразумѣть что онъ, графъ Бейстъ, видитъ въ нихъ измѣнниковъ...

Они измѣнники, потому что не хотятъ признать надъ собою господства національности чужаго государства; они измѣнники, потому что помнятъ свою исторію; они измѣнники, потому что стоятъ за сохранность и цѣлость Австрійской имперіи; они измѣнники, потому что сочувствуютъ Россіи, которая не разрушала, а спасала Австрію, а не измѣнники тѣ изъ австрійскихъ подданныхъ которые не только сочувствуютъ, но и способствуютъ дѣлу Германіи поколебавшему самыя основы имперіи Габсбурговъ и готовящему ей новый, быть-можетъ, послѣдній кризисъ. Графъ Бейстъ имѣлъ духъ упрекнуть представлявшихся ему лицъ за ихъ поѣздку въ Москву въ 1867 году на этнографическую выставку! Люди свободные, граждане государства которое зоветъ себя конституціоннымъ, предприняли поѣздку въ Россію для участія въ мирномъ празднествѣ, и упрекаются за это въ измѣнѣ! Но почему же доблестный государственный мужъ, прибывшій изъ Саксоніи управлять судьбами Австріи, почему же онъ не вмѣняетъ въ преступленіе поѣздки въ Германію? Германія есть особое политическое цѣлое, особая имперія, съ которою Австрія нынѣ также мало имѣетъ общаго какъ и съ Россіей. Почему же ав-

стрійскому подданному можно ѣздить въ Германію, а нельзя бывать въ Россіи, не подвергаясь упреку въ измѣнѣ? Что̀ сдѣлали или сказали эти лица въ Москвѣ что̀ не было бы согласно съ ихъ гражданскими обязанностями?

По ученію графа Бейста, подданные Австрійской имперіи должны дышать ненавистію къ Россіи, австрійскіе Славяне должны быть врагами славянскаго племени, а для Чеховъ законный путь есть тотъ который ведетъ ихъ прямо въ Германію. Такое ученіе дѣлаетъ честь германскому патріотизму графа Бейста, но не имѣетъ ничего общаго съ гражданскими обязанностями людей принадлежащихъ къ составу разломленной имъ, графомъ Бейстомъ, монархіи Габсбурговъ...

Нѣтъ, не вражда къ славянскому племени и не ненависть къ Россіи есть здравая политика для монархіи Габсбурговъ если ей суждено будущее. Теперь когда она очутилась внѣ Германіи, такая политика есть самоубійство. Австрія блуждала по всѣмъ путямъ, но миновала тотъ единственный который указываетъ ей природа вещей...

№ 264

Москва, 7-го декабря.

Положительно, къ Черноморскому вопросу присоединяется еще Дунайскій. Онъ еще не получилъ оффиціальной постановки, и дипломатически заявилъ себя только однимъ намекомъ въ депешѣ лорда Гранвилля; но присутствіе его почуялось съ того самаго дня какъ показался на свѣтъ вопросъ Черноморскій. Естественно подумать не есть ли это одинъ и тотъ же вопросъ, только о двухъ сторонахъ, и изъ нихъ наружная есть то что̀ называется Черноморскимъ, а внутренняя и существенная есть вопросъ Дунайскій, который не замедлитъ превратиться въ Восточный и Славянскій. Онъ уже давно внесенъ въ программу будущаго нынѣшними строителями Европы. Требовалось многое прежде чѣмъ могла дойти до него очередь, но это многое уже совершилось или совершается, и вотъ очередь его приблизилась или приближается. Нуженъ былъ только предлогъ для того чтобъ онъ могъ обозначиться, и вотъ предлогъ этотъ данъ, хотя немножко прежде чѣмъ по разчету слѣдовало. Война на западѣ еще не кончена, а Россія объявила что возвращаетъ себѣ право защиты своихъ Черноморскихъ береговъ отнятое у ней Парижскимъ трактатомъ, и въ то же время предложила державамъ заняться устройствомъ Востока.

Россія имѣетъ великіе интересы на Востокѣ; отказаться отъ нихъ значило бы для Россіи отказаться отъ своего прошедшаго и будущаго, значило бы лишить чести и смысла свою исторію. На Востокѣ интересы Россіи имѣютъ значеніе всемірное, и всякій уронъ въ нихъ былъ бы ея надеміемъ. Въ то время когда Европа подвергается ломкѣ, когда исчезаютъ государства, падаютъ великія націи, созидаются новыя могущества, Россія не можетъ не озаботиться тѣми высшими интересами которые она призвана поддерживать, и въ которыхъ заключается тайна ея величія и смыслъ ея существованія. Противники Россіи стараются всячески раздуть значеніе сдѣланнаго ею заявленія о Черномъ морѣ. Въ виду громаднаго перемѣщенія силъ въ Европѣ, въ виду всеобщей ломки которая уже заранѣе распорядилась Востокомъ и славянскимъ міромъ, хотятъ чтобы Россія не только осталась бездѣйственна, но и сама помогла хищникамъ разграбить ввѣренные ей интересы. Какъ же достигнуть этого? Надобно увѣрить ее что именно она, въ эту эпоху всякихъ хищеній и захватовъ, есть величайшая хищница, что своимъ заявленіемъ о Черномъ морѣ она покачнула европейское равновѣсіе, что она стяжала этимъ громадное пріобрѣтеніе, за которое должна поплатиться. Надобно чтобы Россія осталась при „теоретическомъ принципѣ“ и помирилась на немъ. Для этого сочтено было полезнымъ сдѣлать затрудненія изъ-за „теоретическаго принципа,“ поднять страшный шумъ, грозить даже войной (какъ это было въ 1863 году), и предоставивъ ей одушевляться патріотизмомъ по этому предмету, вырвать у ней изъ рукъ ея драгоцѣннѣйшіе интересы. Надо было чтобъ она въ упоеніи мнимой побѣды отреклась отъ тѣхъ племенъ которыя ввѣрены ея попеченію, и осталась въ мірѣ одинокимъ и безсильнымъ существованіемъ, ни для чего ненужною случайностію.

Что̀ дѣлать? Насъ все еще продолжаютъ считать полудикою ордой, и полагаютъ что посредствомъ обмана можно все сдѣлать съ нами и все заставить насъ сдѣ-

лать. Попытки обмануть Россію предпринимались неоднократно, и попытки эти дѣлались въ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ напримѣръ въ 1863 году. Не знаемъ въ какой мѣрѣ подаемъ мы сами поводъ разчитывать на всемогущество обмана въ нашихъ дѣлахъ; но, слава Богу, попытки все-таки не удавались, и въ ту самую минуту когда противники наши готовы были торжествовать свой успѣхъ, обманъ обращался на ихъ голову. Мы увѣрены что и теперь разчеты обмануть насъ будутъ обмануты...

Въ ожиданіи конференціи, враждебная намъ печать мало-по-малу подготовляетъ аргументы для того чтобы выдвинуть на сцену этотъ Дунайскій вопросъ, то-есть Восточный и вмѣстѣ Славянскій.

Въ вышедшемъ сегодня еженедѣльномъ прибавленіи къ нашей газетѣ, въ № 41 *Современной Лѣтописи*, читатели найдутъ письмо нашего ближайшаго сотрудника, В. П. Безобразова, къ г. Лоренцу Штейну, извѣстному германскому ученому, занимающему нынѣ каѳедру государственныхъ наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ. Германскіе ученые, когда-то поставлявшіеся въ образецъ благонравія и миролюбія, теперь возгорѣли удивительнымъ воинственнымъ пыломъ, и изъ сферы своихъ отвлеченностей наперерывъ спѣшатъ sur That, требуя „желѣза и крови.“ Г. Лоренцъ Штейнъ со страшнымъ азартомъ напалъ на Россію за ея заявленіе касательно Чернаго Моря. Пусть бы онъ ограничился только объявленіемъ ей войны, пусть бы онъ остался при аргументѣ „желѣза и крови;“ но онъ пустился въ юридическую аргументацію, которая только срамитъ его ученое имя. Онъ хочетъ доказать что съ вопросомъ о нейтрализаціи Чернаго Моря неразрывно связанъ вопросъ о свободѣ плаванія по Дунаю. Стоило только привести тексты чтобъ обнаружить подлогъ котораго не постыдился ученый германскій патріотъ, и г. Безобразовъ сдѣлалъ это съ полнымъ успѣхомъ. Мы недовольны только тѣмъ что онъ оставилъ эту почву, и нашелъ нужнымъ обратиться къ чувству безпристрастія и миролюбія въ своемъ воинственномъ собесѣдникѣ. Съ этими господами нечего теперь толковать о мирныхъ интересахъ науки и благосостояніи народовъ; нечего призывать ихъ къ лучшимъ чувствованіямъ; это напрасныя попытки, которыя могутъ только усилить ихъ горячку.

Между Россіей и Турціей, въ силу Парижскаго трактата, заключена конвенція о числѣ и размѣрахъ военныхъ судовъ которыя оба эти государства могутъ содержать въ Черномъ Морѣ. Совершенно независимо отъ этого, постановлено распространить на Дунай (отъ котораго трактатъ отодвинулъ Россію). общее положеніе касающееся всѣхъ международныхъ рѣкъ Европы, установленное еще Вѣнскими трактатами. Положеніе это обезпечиваетъ свободу судоходства по рѣкамъ протекающимъ чрезъ владѣнія разныхъ государствъ, но не отнимаетъ у прибрежныхъ странъ права принимать всѣ мѣры какія онѣ сочтутъ нужными для своей безопасности. Въ Парижскомъ трактатѣ нѣтъ ни одного слова, ни одного намека, который могъ бы быть истолкованъ въ томъ смыслѣ что свобода плаванія по Дунаю находится въ зависимости отъ нейтрализаціи Чернаго Моря. Профессоръ Штейнъ утверждаетъ что если Россія будетъ имѣть военный флотъ въ Черномъ Морѣ, то пользуясь свободою плаванія по Дунаю, она можетъ угрожать своими морскими силами Вѣнѣ. Чтожь? Допустимъ эту возможность, допустимъ что Россія, обладая въ Черномъ Морѣ сильнымъ военнымъ флотомъ, вздумаетъ когда-нибудь послать его вверхъ по Дунаю бомбардировать Вѣну. Свобода ли торговаго судоходства можетъ поощрить ее къ тому? То обстоятельство что торговыя суда всѣхъ націй могутъ безданно, безпошлинно плавать по Дунаю, оно ли облегчитъ для Россіи возможность ввести свои военныя суда въ эту рѣку? По теоріи вѣнскаго профессора, выходитъ что если Россія заведетъ военный флотъ въ Черномъ Морѣ, то свобода торговаго судоходства по Дунаю будетъ сопряжена съ опасностями для Австріи и Германіи, ибо пользуясь этою свободой Россія можетъ употребить въ дѣло свои военныя суда. Полагаетъ ли профессоръ Штейнъ что военные корабли плавающіе въ морѣ могутъ удобно ходить по рѣкамъ, или онъ хочетъ сказать что прибрежныя государства Дуная лишены права содержать рѣчныя военныя флотиліи и укрѣплять свои берега? Думаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ что свобода торговаго судоходства есть то же что̀ и нейтрализація? Конечно, онъ не думаетъ такъ; но не стыдно ли ему говорить то чего онъ не думаетъ? Живя въ Вѣнѣ, ужели онъ не знаетъ что воды Дуная вовсе не предста-

вляютъ мирнаго зрѣлища исключительно торговаго движенія, и что прибрежныя государства отнюдь не лишены права принимать мѣры для своей безопасности? Увы! Русскій военный флотъ существуетъ пока только въ „теоретическомъ принципѣ“ и никому угрожать не можетъ, а прибрежныя государства Дуная уже давно вооружили эту рѣку. Австрія уже теперь пользуется ею для чисто военныхъ задачъ, къ которымъ она приготовляется по предустановленной для нея программѣ. Въ Европѣ нѣтъ рѣки которая бы въ такой степени имѣла военный характеръ какъ нынѣ Дунай. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о постепенно возрастающемъ развитіи на этой рѣкѣ военныхъ силъ не только Австріи, но и Турціи. На Дунаѣ организована единственная въ своемъ родѣ военная рѣчная флотилія. Еще съ 1866 года турецкое правительство имѣетъ на этой рѣкѣ четыре вооруженныя канонирскія лодки которыя покрыты броневою защитой и приспособлены для военныхъ дѣйствій не только на рѣкѣ, но и въ *морѣ*. Каждая имѣетъ два 30-фунтовыя нарѣзныя орудія, 14 бойницъ и 50 человѣкъ военной команды вооруженныхъ ружьями для абордажа. Турцію заставили заказать для Дуная еще шесть такихъ лодокъ. А въ мартѣ нынѣшняго года венгерское правительство заказало въ Пештѣ, для службы на Дунаѣ, два монитора, съ вращательными башнями для дѣйствія двухъ орудій на каждомъ. Вотъ, между прочимъ, какія военныя силы подготовлены на Дунаѣ, конечно не для одной только обороны, но и для наступленія, и не на одномъ Дунаѣ. Противъ кого и для какихъ надобностей подготовлялись эти орудія дѣйствія?

Вѣнскій профессоръ не договорилъ своего слова; но изъ того что̀ имъ сказано заключеніе выходитъ само собою. Россія объявила что она считаетъ себя въ правѣ принимать мѣры къ огражденію своихъ приморскихъ береговъ; въ замѣнъ этого Россія должна допустить чтобъ Австро-Венгрія придвинулась къ Черному Морю…

— —

№ 265.

Москва, 8-го декабря.

Лордъ Гранвилль, нынѣшній государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ ея британскаго величества, по общимъ отзывамъ, обладаетъ драгоцѣннымъ въ государственномъ мужѣ качествомъ—утонченною вѣжливостью и мягкостью обращенія. Объ этой чертѣ его характера много толковали въ газетахъ когда онъ былъ призванъ занять мѣсто покойнаго лорда Кларендона. И друзья, и политическіе противники были довольны назначеніемъ лорда Гранвилля на постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ той увѣренности что, при его ровномъ и мягкомъ характерѣ, Англія не будетъ вовлечена въ непріятности изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія.

Въ нынѣшнемъ году Англичане были пріятно изумлены открывъ еще новое качество въ своемъ министрѣ. По поводу циркуляра русскаго канцлера, въ чуткихъ англійскихъ органахъ проглянуло легкое опасеніе какъ бы излишняя учтивость не увлекла лорда Гранвилля къ согласію на это неслыханное завоевательное дѣйствіе Россіи. Вскорѣ однако они успокоились, и имѣя въ виду отвѣтную депешу лорда Гранвилля, стали превозносить его за твердость дипломатическаго отпора данному притязаніямъ Россіи, хотя и облеченнаго въ форму весьма утонченной вѣжливости.

Но не успѣлъ британскій статсъ-секретарь предаться вполнѣ заслуженному отдыху послѣ рѣшенія дипломатической задачи заключавшейся въ облеченіи утонченно-вѣжливою формой твердаго отпора, еще не былъ назначенъ срокъ собранія конференціи имѣющей полюбовно и къ общей выгодѣ уладить вопросъ поднятый Россіей, еще не были установлены основанія этой конференціи и не опредѣлился самый составъ ея, какъ лорду Гранвиллю навязалась новая забота, дать отвѣтъ на циркулярную ноту графа Бисмарка, объявившаго что Пруссія не считаетъ себя связанною трактатомъ 1867 года, обезпечившимъ нейтральность великаго герцогства Люксембургскаго.

Такимъ образомъ, въ краткій промежутокъ времени, Россіей и Пруссіей были сдѣланы два хотя далеко не однородныя по сущности, однако аналогическія по формѣ заявленія. Обѣ державы находятся въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Англіи. Но одинаково ли отнеслась она къ этимъ обоимъ заявленіямъ? Отвѣчая графу Бисмарку, лордъ Гранвилль простеръ свою учтивость до того что не хотѣлъ публиковать своего отвѣта до полу-

ченія онаго въ Версалѣ. Поэтому, мы на нѣкоторое время лишены возможности сравнить въ подробностяхъ оба отзыва данные британскимъ министромъ. Но уже изъ сообщеннаго намъ и напечатаннаго въ № 41 *Современной Лѣтописи* телеграфнаго анализа отвѣта лорда Гранвилля на прусскую циркулярную ноту, явствуетъ что здѣсь въ утонченно-вѣжливой формѣ не завернуто никакого отпора. Отзывъ лорда Гранвилля „отличается самымъ примирительнымъ тономъ" и только pro forma „выражаетъ надежду что Пруссія не прибѣгнетъ къ *рѣшительнымъ дѣйствіямъ*."

Главнымъ обвиненіемъ противъ русскаго заявленія было выставлено то что Россія собственнымъ рѣшеніемъ упразднила конвенцію стѣснившую ея мореходство въ Черномъ Морѣ. Россія притомъ, какъ извѣстно, объявила что будетъ попрежнему соблюдать всѣ прочія постановленія Парижскаго трактата, столь неоднократно и во многихъ пунктахъ нарушеннаго не ею, и даже засвидѣтельствовала о своей готовности дать новыя ручательства за свое миролюбіе. Пруссія прямо отвергаетъ обязательность трактата по заключеніи коего не прошло и трехъ лѣтъ, и который до сихъ поръ ни одною изъ подписавшихъ его державъ ни въ чемъ нарушенъ не былъ. Что же касается нарушеній нейтралитета въ нынѣшнюю войну люксембургскими властями, то если таковыя и были, они не даютъ права на расторженіе трактата которымъ обезпечивается независимость Люксембурга. Интересно что въ числѣ этихъ нарушеній графъ Бисмаркъ указываетъ допущеніе люксембургскими властями выраженія населеніемъ сочувствія ко Франціи, изъ чего видно что графъ Бисмаркъ хочетъ управлять не только судьбами Европы, но и сердцами ея народовъ.

Во всякомъ случаѣ, между заявленіями Россіи и Пруссіи есть та разница что первая, еслибъ и хотѣла, то по самой натурѣ вещей не могла бы приступить къ „рѣшительнымъ дѣйствіямъ," о которыхъ идетъ рѣчь въ отвѣтѣ лорда Гранвилля на прусскую ноту. Россія не сказала: „Я не считаю себя связанною трактатомъ относительно уступленной мною земли прилегающей къ устьямъ Дуная," послѣ чего можно было бы опасаться что она займетъ эту землю своими войсками. Русское заявленіе относится къ самой же Россіи и ничего ни у кого не отнимаетъ; между тѣмъ какъ прусское заявленіе значитъ превращеніе независимой страны въ провинцію Пруссіи и само по себѣ есть „рѣшительное дѣйствіе."

Интересно также заключеніе ноты графа Гранвилля, гдѣ высказывается надежда что Пруссія „облегчитъ осуществленіе изложенной въ нотѣ графа Бисмарка теоріи полюбовнаго соглашенія." Эта неопредѣленная фраза дозволяетъ предположить что улаженіе Люксембургскаго вопроса въ смыслѣ согласномъ съ желаніями Пруссіи не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны британскаго правительства.

Какъ печать лондонская отозвалась на прусское заявленіе? Припомнимъ что по поводу русскаго заявленія англійскія газеты не находили ничего возразить противъ сущности вопроса, но онѣ тѣмъ не менѣе подняли страшный шумъ. Лондонская печать требовала отпора во имя общественной нравственности, во имя святости договоровъ и довѣрія къ международнымъ сдѣлкамъ. При этомъ давалось почувствовать что за удовольствіе громко заявить теоретическій принципъ Россія должна поплатиться уступкою своихъ самыхъ существенныхъ и драгоцѣннѣйшихъ интересовъ...

Что же касается Люксембургскаго вопроса, то въ Англіи очень хорошо понимаютъ что Пруссія хочетъ захватить владѣніе короля Голландскаго, обезпеченное за нимъ великими державами. Но это не возбуждаетъ въ англійской печати никакого движенія. Въ ней еще дѣлаются намеки на удобство какое могло бы произойти отъ этого для сдѣлки съ Франціей при заключеніи мира, и въ этомъ нельзя не замѣтить отголоска версальскихъ переговоровъ графа Бисмарка съ г. Одо Росселемъ. О святости трактатовъ нѣтъ и помина. „Наши обязательства по Лондонско-„му трактату," говоритъ *Times*, „суще-„ственно отличаются отъ нашихъ обяза-„тельствъ по трактату Парижскому, и „канцлеръ Сѣверо-Германскаго Союза из-„лагаетъ дѣйствительные поводы къ жа-„лобамъ, а не то что пользуется удобнымъ „случаемъ въ смутное время... Первымъ „шагомъ англійскаго кабинета должно быть „отрицаніе прусской, также какъ и рус-„ской доктрины; а что затѣмъ послѣдуетъ, „это отъ насъ не зависитъ. Мы не имѣемъ „никакого прямаго интереса въ участи

„Люксембурга... Мы приняли участіе въ „трактатѣ 1867 года единственно въ интересѣ европейскаго мира и потому что видѣли въ немъ благоразумное прекращеніе опаснаго соперничества... Намъ нечего бросаться на защиту Люксембурга: „честь наша нисколько насъ къ тому не „обязываетъ.“ Что̀ значитъ коллективная гарантія? задаетъ себѣ вопросъ лондонская газета, и отвѣчаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Коллективная гарантія очевидно исключаетъ мысль что каждое государство въ отдѣльности обязано защищать Люксембургъ.“ Въ другой статьѣ той же газеты утверждается что конвенція 1867 года и во время ея заключенія считалась всѣми не болѣе какъ „временнымъ средствомъ для прекращенія опаснаго кризиса вызваннаго французскою „завистью къ Сѣверо-Германскому единству.“ Понятно что *cessante causa* устраняется и послѣдствіе, то-есть необходимость гарантіи Люксембурга. „Во всякомъ случаѣ,“ заключаетъ органъ Лондонскаго города, „на насъ не лежитъ обязанность „защищать нейтралитетъ Люксембурга противъ Германіи, развѣ только высшій законъ европейской безопасности абсолютно принудитъ насъ къ тому. Мы не можемъ „одни блюсти миръ Европы, и, къ сожалѣнію, весьма сомнительно можемъ ли мы „*довѣриться какой-либо державѣ* для сохраненія его вмѣстѣ съ нами.“

Не менѣе интересны отзывы другой большой англійской газеты, либеральнаго оттѣнка, *Daily News*. Этотъ органъ осуждаетъ Пруссію за ея образъ дѣйствій касательно Люксембурга, но только теоретически. Обвиненія выставленныя Пруссіей противъ Люксембурга, по словамъ означенной газеты, совершенно ничтожны и не даютъ никакого основанія для расторженія Лондонскаго трактата. „Если „Пруссія требуетъ себѣ герцогство какъ „часть *фатерланда*, то не для наказанія „Люксембуржцевъ за укрывательство французскихъ плѣнныхъ, а потому что она „видитъ удобный случай для своего увеличенія на счетъ неповиннаго и слабаго „сосѣда, ничѣмъ не жертвуя кромѣ чести... „Въ такомъ случаѣ,“ преспокойно продолжаетъ *Daily News*, „становится ясною „только нелѣпость трактата считавшагося „чудомъ дипломатическаго искусства. Коллективная гарантія означаетъ сдѣлку посредствомъ коей нѣсколько державъ обязуются охранять извѣстный порядокъ вещей до тѣхъ поръ пока одна изъ державъ не найдетъ удобнымъ измѣнить оный. „Англія свободна отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи къ Люксембургу „съ той минуты какъ Пруссія объявляетъ „трактатъ разорваннымъ. Это можетъ быть „удовлетворительно для Англіи но не доставитъ большаго утѣшенія Люксембуржцамъ.“

Удивительное счастіе! Пруссія или, что̀ теперь все равно, великая Германская имперія предпринимаетъ „рѣшительныя дѣйствія,“ не опасаясь встрѣтить протеста ни съ востока, ни съ запада. Всякій, напротивъ, каждое такое дѣйствіе, начиная съ разгрома Даніи, какъ бы считаетъ за особое для себя одолженіе. Россія и Англія сильно сталкиваются въ своихъ интересахъ; но прусскія завоеванія имѣютъ удивительное свойство примирять ихъ. И Россія, и Англія равно считаютъ себя удовлетворенными громадною ломкой происходящею нынѣ въ Европѣ. Кто-нибудь изъ нихъ долженъ же ошибаться...

Противъ „рѣшительныхъ дѣйствій“ Пруссіи протестуютъ только тѣ на кого они падаютъ. Въ настоящемъ случаѣ очень энергически протестуетъ король Голландскій...

№ 266.

Москва, 9-го декабря.

Случилось такъ что австро-венгерскому канцлеру пришлось въ одно и то же время отвѣчать и на чешскій меморандумъ, и на объясненія С.-Петербургскаго кабинета по поводу Черноморскаго вопроса, переданныя ему русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Оба писанія графа Бейста появились разомъ въ австрійскихъ газетахъ. Совпаденіе случайное, но не безсмысленное. Случай бываетъ иногда и остроумнымъ, и глубокомысленнымъ распорядителемъ. Г. фонъ-Бейстъ долженъ быть благодаренъ случаю который придалъ новый интересъ обоимъ дипломатическимъ документамъ вышедшимъ изъ-подъ пера этого государственнаго мужа. Впрочемъ не этимъ пунктомъ хотимъ мы теперь заняться. Мы хотимъ только ознакомиться съ сущностью новаго дипломатическаго документа вышедшаго изъ Вѣнской канцеляріи, о которомъ лишь вкратцѣ извѣщалъ насъ телеграфъ.

Депешу графа Бейста къ австрійскому посланнику въ С.-Петербургѣ читатели найдутъ въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты. Въ сравненіи съ отвѣтомъ на чешскій меморандумъ она отличается, какъ и слѣдуетъ ожидать, мягко постланными выраженіями въ которыхъ мысль едва замѣтна. Первый есть внутренняя расправа которая не стѣсняется въ выраженіяхъ, и любитъ выставлять свою мысль съ достодолжною рѣзкостью. Вторая есть дипломатическій документъ, который, по старинному правилу, долженъ болѣе скрывать нежели раскрывать свою мысль. Графъ Бейстъ, какъ опытный дипломатъ, сгладилъ весьма удачно мысль которая присутствуетъ въ его отвѣтной депешѣ.

Объясненія данныя С.-Петербургскимъ кабинетомъ успокоили австро-венгерскаго канцлера. Онъ остался доволенъ *выраженіями* послѣдующихъ депешъ князя Горчакова. „Дѣло составляющее предметъ „ихъ,“ пишетъ графъ Бейстъ, „трактуется ими въ такихъ выраженіяхъ которыя „оставили во мнѣ впечатлѣніе что въ Петербургѣ не менѣе насъ желаютъ дать „этому дѣлу рѣшеніе удовлетворительное „для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.“

Странно! Въ дипломатической перепискѣ по Черноморскому вопросу, повидимому, только и заботы что о *выраженіяхъ*. Не что другое какъ способъ выраженія возбудилъ тревогу въ Вѣнѣ и Лондонѣ, и опять не что иное какъ выраженія успокоили графа Бейста и лорда Гранвилля. Неужели и тревоги, и спокойствіе государствъ зависятъ отъ употребляемыхъ дипломатами выраженій? Неужели правительства спорятъ между собою о теоретическихъ принципахъ, и грозятъ разрывомъ или дружатся изъ-за словъ.

Однако, при всей гладкости какъ бы ничего не говорящаго дипломатическаго оборота, смыслъ депеши уже сквозитъ въ приведенной фразѣ графа Бейста. Изъ дальнѣйшаго мы поймемъ всю ея силу.

Возникшимъ вопросомъ имѣетъ заняться конференція, и графъ Бейстъ возлагаетъ на нее добрыя надежды. По его убѣжденію, она должна примирить всѣ интересы. Какіе же интересы? И въ чемъ примирять ихъ?

Австро-венгерскій канцлеръ свидѣтельствуетъ что отвѣтъ его на русскую декларацію отъ 19-го октября былъ диктованъ ему „отнюдь не враждебнымъ къ Россіи чувствомъ, но единственно заботой „охранить правильное и мирное развитіе „международнаго права.“ Итакъ, *единственно* эта забота водила перомъ графа Бейста когда онъ писалъ свой сердитый отвѣтъ на русскую декларацію. Россія сказала что она не считаетъ обязательнымъ для себя одно изъ условій возложенныхъ на нее Парижскимъ трактатомъ: такое заявленіе обнаружило неуваженіе къ международному праву, и графъ Бейстъ увидѣлъ себя въ непріятной необходимости дать Россіи первое предостереженіе. *Единственно* только принятая имъ на себя обязанность международнаго цензора продиктовала ему отвѣтъ его на русскую декларацію.

Нѣтъ, это не единственная забота графа Бейста. Она сопрягается въ немъ съ другою заботой которая ждетъ конференціи имѣющей заняться переустройствомъ Востока. Графъ Бейстъ продолжаетъ: „Эта „забота, *въ соединеніи съ заботой* охранить „интересы Европы вообще и наши въ особенности, замѣшанные въ поднятомъ вопросѣ, будетъ руководить нами при совѣщаніяхъ на конференціи.“ Эта-то другая забота, потихоньку прокравшаяся позади первой, и есть вся сущность дѣла. Австро-венгерскій канцлеръ хочетъ оградить интересы Европы вообще и свои въ особенности, которые подвергаются опасности вслѣдствіе русскаго заявленія. Вотъ въ чемъ вся сила.

Россія, возвращая себѣ въ теоретическомъ принципѣ право самообороны, нарушила равновѣсіе интересовъ, которое надобно возстановить. Если она такъ назойлива, такъ наступательна, такъ завоевательна,—что же дѣлать! надобно уступить ей. Пусть она владѣетъ предметомъ своего хищенія; но требуется чтобы другіе пострадавшіе отъ ея захвата интересы получили надлежащее вознагражденіе. Пусть же останется за ней слово ея заявленія: это ея доля въ интересахъ Востока. Въ замѣнъ того она должна дать другимъ заинтересованнымъ сторонамъ существенныя для нихъ гарантіи.

Съ этой точки зрѣнія становятся понятны шумливые отзывы изъ Лондона и Вѣны на русскую декларацію. Надо было произвести на Россію впечатлѣніе чрезмѣрности и преступности сказаннаго ею слова, дабы она стала сговорчивѣе и податливѣе въ существенной сторонѣ вопроса. Г. фонъ-Бейстъ успокоился въ виду

конференціи гдѣ будутъ примирены всѣ интересы и удовлетворены всѣ замѣшанныя въ дѣлѣ стороны.

Онъ продолжаетъ: „Какъ справедливо „полагаетъ князь Горчаковъ, мы понима„емъ законные интересы его правительства „столько же какъ и интересы Европы во„обще, и русская депеша только отдаетъ „мнѣ справедливость говоря что будучи „одушевленъ чувствомъ достоинства моей „страны я не могу не дать надлежащей „цѣны тому что̀ возлагаетъ на Россію за„бота о собственномъ достоинствѣ. По на„шему убѣжденію, конференція должна за„няться согласованіемъ всѣхъ этихъ ува„женій и примиреніемъ всѣхъ этихъ инте„ресовъ. Глава русскаго кабинета можетъ „положиться что императорско-королев„ское правительство приступитъ къ этому „дѣлу безъ всякой предзанятой мысли, съ „единственною цѣлію упрочить миръ на „Востокѣ, давъ возбужденному Россіей „разногласію такую развязку которая мо„гла бы *удовлетворить національной ще„котливости*, нами уважаемой, *не ослаб„ляя гарантій какихъ требуютъ другія „націи также заинтересованныя въ во„просахъ относящихся къ Черному Морю*. „Мы надѣемся что именно такъ и была „понята мысль наша въ Петербургѣ…“

Послѣднія слова показываютъ чего графъ Бейстъ искалъ въ выраженіяхъ которыя внушили ему надежду что въ Петербургѣ поняли его. „Но,“ продолжаетъ онъ, „по„нять и оцѣнить чувство достоинства со„сѣдней страны не значитъ отречься отъ „себя въ ея пользу, и искреннее желаніе „прекратить всякій поводъ къ раздору не „можетъ привести насъ къ тому чтобы „*мы пожертвовали нашими собственными „интересами. Если, какъ мы надѣемся*, „*державы станутъ на эту почву*, то со„гласно желанію императорско-русскаго „правительства, онѣ успѣютъ обезпечить „спокойствіе Востока и равновѣсіе Европы.“

Этими словами графъ Бейстъ заключаетъ свою депешу. Скрытая въ ней мысль теперь выступаетъ, какъ намъ кажется, довольно ясно и даже съ нѣкоторою рѣзкостью.

Она состоитъ въ слѣдующемъ: декларація Русскаго кабинета должна послужить поводомъ къ важнымъ перемѣнамъ на Востокѣ. Россіи можно простить рѣзкость ея мнѣній и тона, и удовлетворить ея щекотливость; но необходимо воспользоваться этимъ случаемъ для удовлетворенія своихъ интересовъ и получить отъ Россіи согласіе на такія условія какихъ не посмѣли предложить ей, послѣ паденія Севастополя, на Парижскомъ конгрессѣ.

Мы сказали бы: австро-венгерскій канцлеръ надѣется что Россія за чечевичную похлебку продастъ наслѣдіе своей исторіи; но сказать этого нельзя. О похлебкѣ нѣтъ рѣчи. Графъ Бейстъ надѣется обойтись дешевле. Онъ полагаетъ достаточнымъ польстить только тщеславію Россіи, для того чтобъ она отреклась и отъ Востока, и отъ единокровныхъ племенъ, и пожертвовала своими драгоцѣннѣйшими интересами. Онъ хочетъ увѣрить насъ что признаніе за Россіей права содержать въ омывающемъ ея берега морѣ военныя суда, которыхъ не опасается Турція, держава прибрежная, что признаніе этого права грозитъ опасностями Австріи, не имѣющей береговъ по Черному морю, — и потому должно сопровождаться предоставленіемъ ей существенной гарантіи, которая должна возстановить нарушенное равновѣсіе. Лордъ Гранвилль намекнулъ въ чемъ должна для Австріи состоять эта гарантія: занятіе Дунайскихъ Княжествъ, которое отдало бы ей въ руки Востокъ облегчивъ ей сдѣлку съ Германскою имперіей, которой заранѣе обречены въ жертву Чехи…

Наше мнѣніе ничего не значитъ, и австро-венгерскій канцлеръ, конечно, не обратитъ на него никакого вниманія. Однако мы рѣшаемся утверждать что надежды его преждевременны и обманчивы.

№ 267.

Москва, 10-го декабря.

Обращаемъ вниманіе читателей на печатаемое нами сегодня письмо мироваго судьи Мценскаго округа, А. А. Фета. Нельзя безъ ужаса и сердечной боли читать это горячее воззваніе. Мы понимаемъ что уважаемый авторъ письма, взывая о помощи, говоритъ о ней какъ о дѣлѣ всероссійскомъ, и не допускаетъ равнодушія. Онъ не ошибается полагая что явленія, подобныя тѣмъ какія онъ видитъ вокругъ себя во Мценскомъ уѣздѣ, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Близь судоходныхъ рѣкъ, гдѣ тянется бечева, гдѣ постоянно проходитъ съ барками бродячій

людъ, страшная проказа стала эндемическою болѣзнью, и цѣлыя селенія сдѣлались какъ бы гнѣздами откуда она распространяется. Такими же гнѣздами бываютъ нерѣдко селенія вокругъ большихъ фабрикъ и даже селенія лежащія вблизи столицъ, о чемъ была рѣчь въ прошлогоднемъ Петербургскомъ земскомъ собраніи. Изъ проникшихъ въ печать цифръ оказывается что въ одной Полтавской губерніи насчитываютъ до 100.000 сифилитиковъ.

Вотъ горькое доказательство что нашъ народъ совершенно лишенъ врачебной помощи. Это зло таково что въ борьбѣ съ нимъ легче принимать предупредительныя чѣмъ поправляющія здоровье мѣры. Вотъ широкая сфера для дѣятельности тѣхъ практическихъ хирурговъ какихъ у насъ нѣтъ и о необходимости которыхъ намъ приходилось неоднократно говорить. Болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, именно такого рода что для успѣшнаго врачеванія оной требуется только спеціальное практическое знакомство съ ея признаками и установившимися способами лѣченія.

Нужно чтобы врачей для народа было много; чтобы много было именно такихъ которые могли бы посвятить себя исключительно сельской врачебной практикѣ и ею довольствоваться. Два, три врача на уѣздъ безсильны бороться со зломъ. Доказательство тому приводитъ самъ г. Фетъ, разказывая что у одного врача за полгода было всѣхъ больныхъ пользовавшихся медицинскимъ пособіемъ 1.200, изъ коихъ 400 сифилитиковъ. Что же можетъ тутъ сдѣлать врачъ при лѣченіи болѣзни которая требуетъ бдительнаго наблюденія?

„Надо лѣчить цѣлыя селенія,“ говоритъ г. Фетъ, „но этого безъ правильно устроен„ныхъ спеціальныхъ больницъ, сдѣлать „нельзя.“ Заведеніе такихъ больницъ, по собственному сознанію автора, было бы не по силамъ земству, и безъ того обремененному тяжелыми повинностями. Дѣйствительно, устройство больницъ во всѣхъ мѣстностяхъ нашихъ обширныхъ губерній которыя болѣе или менѣе заражены злымъ недугомъ было бы громаднымъ предпріятіемъ. Но почему бы не открывать временные спеціально-сифилитическіе лазареты тамъ гдѣ приходится лѣчить „цѣлыя селенія?“ Такая мѣра подходила бы къ тѣмъ которыя принимаются при появленіи эпидемическихъ болѣзней, холеры или тифа, когда отряжается на мѣсто врачъ и открываются временныя больничныя помѣщенія. Еще ближе подходили бы эти мѣры къ подвижнымъ лазаретамъ которые употребляются въ военное время, такъ какъ эти временныя больницы удобно могли бы, по мѣрѣ надобности, переноситься изъ одного селенія въ другое. Онѣ могли бы быть устроены просто и дешево. Въ самомъ дѣлѣ, что потребовалось бы для такихъ подвижныхъ больницъ? Сухое помѣщеніе, чистое и опрятное содержаніе больныхъ, простая и дешевая аптека и ванны.

Въ селеніяхъ гдѣ на время помѣщались бы такіе подвижные лазареты, возможно бы принять и нѣкоторыя другія профилактическія мѣры противъ распространенія заразы. Такъ напримѣръ, весьма возможно въ такомъ селеніи гдѣ помѣщается подвижной лазаретъ временно учреждать нѣчто въ родѣ карантиннаго надзора.

Еще болѣе необходимы строгія профилактическія и врачебно-полицейскія мѣры на фабрикахъ въ большихъ селеніяхъ. Кому неизвѣстно что фабрики у насъ притонъ разврата? Вотъ гдѣ поприще для дѣятельности ученыхъ врачей. Имъ гораздо свойственнѣе надзоръ за исполненіемъ предписанныхъ законами врачебно-полицейскихъ мѣръ чѣмъ земской полиціи.

Наконецъ, одною изъ важнѣйшихъ профилактическихъ мѣръ противъ распространенія сифилиса было бы прекращеніе постойной повинности.

Устройство подвижныхъ сифилитическихъ лазаретовъ было бы мѣрой очень важною, но она недостаточна. Эта мѣра можетъ быть существенно полезна тамъ гдѣ зло пустило слишкомъ глубокіе корни и требуетъ радикальныхъ мѣръ, гдѣ заражено почти сплошь населеніе цѣлыхъ деревень. Но болѣзнь разбрасывается въ народѣ, и въ мѣстности бывшія прежде здоровыми заносится отдѣльными людьми; за нею не услѣдишь съ подвижными лазаретами. При отсутствіи всякой медицинской помощи для крестьянскаго люда болѣзнь развивается незамѣтно, и мы поражаемся ужасомъ уже въ то время когда она, говоря словами г. Фета, „смертоносно „дышитъ у нашего порога, предательски „подходя къ невинному младенцу.“ Еслибы во всѣхъ зараженныхъ мѣстностяхъ появились больницы, то все-таки не было бы гарантіи противъ распространенія заразы на другія мѣстности. Наконецъ, при

одновременномъ устройствѣ множества больницъ, мы были бы поставлены въ безвыходное положеніе вопросомъ: откуда взять для нихъ врачей?

Не возможно снабдить семидесятимилліонное населеніе нашего государства достаточнымъ числомъ ученыхъ университетскихъ врачей. Исходъ одинъ—образованіе врачей-техниковъ или практическихъ хирурговъ, по примѣру другихъ странъ (въ Англіи surgeons, въ Германіи practische Wundärzte, во Франціи officiers de santé). Они настоятельно требуются какъ вообще, такъ особенно въ виду этой страшной проказы, которая, распространяясь первоначально путемъ разврата, не останавливается тутъ, но распространяется всѣми путями и постигаетъ своимъ губительнымъ дѣйствіемъ цѣлыя массы невинныхъ жертвъ. Ядъ ея проникаетъ въ кровь народа, и ея зловредное вліяніе долго еще будетъ отзываться на будущихъ поколѣніяхъ; въ ней „вѣчное проклятіе, не знающее предѣловъ времени и мѣста."

Между учеными врачами и врачами-техниками не можетъ быть никакого соперничества, точно также какъ нѣтъ соперничества между ученымъ инженеромъ и практическимъ механикомъ. Это разныя профессіи, хотя и относящіяся къ одному и тому же дѣлу, которое нуждается и въ томъ и въ другомъ. Чѣмъ выше поставлена наука, тѣмъ успѣшнѣе и шире могутъ распространяться ея благодѣянія въ массахъ, а потому столько же въ интересахъ науки, сколько и практическихъ цѣлей, надобно всемѣрно заботиться чтобы дѣло науки стояло какъ можно выше и чтобы подготовленіе къ ней въ гимназіяхъ было достойно ея требованій. Безъ ученыхъ врачей какихъ образуютъ университеты не можетъ быть и врачей-техниковъ, которые отъ первыхъ заимствуютъ свѣтъ свой; но наука на высотѣ своей не обладаетъ достаточнымъ запасомъ людей для того чтобы проникнуть повсюду гдѣ требуется ея пособіе, и нуждается для этого въ особыхъ органахъ которые имѣли бы своимъ призваніемъ только правильно примѣнять данные результаты на практикѣ. Техникъ-врачъ не призванъ двигать науку, открывать пути, создавать новые способы, искать лучшаго объясненія явленій и разрѣшать вопросы въ случаяхъ трудныхъ и сложныхъ; его дѣло пользоваться проложенными путями и примѣнять практически выработанные наукою способы, и въ этомъ смыслѣ должно быть направлено его образованіе въ особыхъ школахъ при больницахъ, о чемъ мы недавно имѣли случай говорить. Вотъ образчикъ тѣхъ реальныхъ школъ въ которыхъ мы нуждаемся, между тѣмъ какъ невѣжество, тупоуміе и обманъ хотятъ, подъ именемъ реальнаго образованія, расплодить у насъ пустыхъ всезнаекъ и умственныхъ дикарей, безплодныхъ для науки и не пригодныхъ ни къ какому полезному дѣлу.

№ 268.

Москва, 11-го декабря.

Явленія въ славянскомъ мірѣ теперь пріобрѣтаютъ особое значеніе.

Намъ предстоитъ слѣдить внимательно за всѣми возникающими въ немъ движеніями и прислушиваться ко всѣмъ его голосамъ. На первый разъ, вмѣсто всякихъ сужденій, мы спѣшимъ фотографически уловить настроенія текущаго момента.

До послѣдняго времени Славяне были мало знакомы другъ съ другомъ. Чувство единаго племени, сохранившееся въ славянскихъ народахъ, оставалось бездѣйственно. Но вотъ совершились событія такой важности и съ такою поразительною быстротой что эта дремавшая сила вдругъ почуяла себя затронутою.... Что мы? куда мы идемъ? раздается въ самыхъ заглохшихъ уголкахъ славянскаго міра. Чехи заговорили первые. Вся чешская печать, несмотря на недавнее ея раздѣленіе между партіями *младо-Чеховъ* и *старо-Чеховъ*, единодушно откликнулась на борьбу племенъ охватившую крайній западъ. „Германское объединеніе совершилось," взываютъ *Народние Листы*,—

„пускай же каждый Чехъ подумаетъ о томъ какое значеніе имѣетъ для насъ это историческое событіе, которое съ трехъ сторонъ охватываетъ нашу страну единою силой, силой могущественною и самою завоевательною въ Европѣ! Пусть каждый изъ насъ знаетъ о той опасности которая отнынѣ вдвойнѣ угрожаетъ нашему народу и его политическому существованію! Объединеніе германское, громкимъ голосомъ историческихъ скрижалей, призываетъ насъ къ осторожности и усиленной дѣятельно-

сти. Чѣмъ бóльшая опасность грозитъ землѣ отцовъ нашихъ, тѣмъ горячѣе станемъ любить ее, тѣмъ устойчивѣе будемъ бороться за нее, терпѣть за нее, а настанетъ пора, то и сложимъ за нее свои головы. Еще Нѣмцы не владыки вселенной... Еще есть на свѣтѣ иныя силы, не меньше нѣмецкихъ, ничѣмъ не слабѣе ихъ..."

„Смотрите что̀ теперь творится въ Европѣ," говорятъ еще *Народные Листы*, въ виду посягательства на нейтралитетъ Люксембурга, „и мы, Славяне, видимъ для себя „великое счастіе что въ Европѣ еще *нѣкто* „имѣетъ немножко силы, которая въ случаѣ нужды сможетъ дать отпоръ Тевтонамъ."

Ктожь этотъ *нѣкто*, на кого Чехи возлагаютъ свои надежды? Тамъ, на далекомъ Востокѣ, занялась для нихъ заря; туда, къ „мáтичцѣ Мо̀сквѣ" обращаются ихъ сочувственные взоры. А Австрія съ которою Чехи связаны? „Правда," отвѣчаютъ *Народные Листы*, „на основаніи Прагматической Санкціи, королевство Чешское, „въ случаѣ опасности, имѣетъ право на „помощь со стороны всѣхъ прочихъ земель Габсбургскаго государства,—но что̀ „значитъ эта военная помощь противъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ силъ? Пруссія явно „насмѣхается надъ трактатами Пражскаго „мира, и намъ опять громко говорятъ въ „парламентѣ вѣнскомъ: Нѣмцы должны „властвовать въ Австріи! Опять начинаютъ „ругаться надъ справедливыми требованіями австрійскихъ Славянъ и еще сильнѣе „налегаютъ на насъ своимъ двойнымъ, „мадьяро-нѣмецкимъ, гнетомъ."

„Примиритесь съ народами," восклицаетъ другой чешскій органъ, *Národni Noviny*, „это голосъ истины взываетъ къ вамъ, „власть держащимъ и господствующимъ: „примиритесь съ народами! О, еслибы „только этотъ зовъ не оказался слишкомъ „позднимъ!"

Впрочемъ, Чехи торжественно выразили свою мысль въ извѣстной меморіи которая ясно обрисовала ихъ настроеніе и выразила ихъ рѣшимость.

За Чехами стоятъ Юго-Славяне. На Люблянскомъ съѣздѣ Сербо-Хорваты и Словенцы, разрозненные случайностями, постановили укрѣпить свое единеніе и искать для него политической организаціи какой оно до сихъ поръ не имѣло.

Прислушиваясь къ единодушному зову всей почти славянской печати на объединеніе и съ самоуслажденіемъ пересчитывая успѣхи Сербіи, бѣлградскій *Видовъ Данъ* съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: къ чему всеславянское единство? Развѣ каждый славянскій народъ не можетъ развиваться самостоятельно? Вотъ мы какъ далеко ушли, и двинулись бы еще дальше еслибы намъ не мѣшали. Конечно,—

„положеніе *сербско-болгарскаго народа* тяжело и ненормально. Наше состояніе столь же опасно для насъ, какъ и для *восточной имперіи*, потому что оно подрываетъ основаніе и устой всего Востока. Мы стѣснены, связаны, затруднены непосредственно въ быту матеріальномъ, нравственномъ, народномъ и политическомъ, естественнымъ послѣдствіемъ чего является ослабленное и неустойчивое состояніе всего *восточнаго государства* которое черпаетъ свою жизнь единственно изъ нашей жизни и не имѣетъ никакихъ другихъ источниковъ силы кромѣ тѣхъ которые заключаются въ жизненности *сербско-болгарской націи*. Этому злу, которое угрожаетъ прежде всего Востоку, а потомъ и европейскому равновѣсію, нужно положить конецъ, и притомъ самыми радикальными мѣрами. Ни одинъ зрѣлый политикъ не станетъ, однако, утверждать, будто этими мѣрами можетъ явиться улучшеніе отношеній Высокой Порты къ Россіи, или какому-нибудь другому иностранному государству.... Восточные интересы суть единственно интересы Востока, и вовсе не тожественны съ *чужими* интересами, разчетами и планами."

Успокоившись на мысли о Восточной имперіи (полно Турція ли разумѣется подъ этимъ громкимъ титуломъ?) и включивъ Болгаръ, безъ спроса, въ *сербско-болгарскую* націю, *Видовъ Данъ* хладнокровно встрѣчаетъ великія событія, совершающіяся на западѣ и не тревожится всегерманскимъ объединеніемъ. Къ намъ далеко, до насъ не дохватитъ: такое утѣшеніе для Сербовъ сквозитъ въ его разсужденіяхъ. Притомъ, Тевтоны такой дѣльный народъ!

„Они не гонятся за воинскими тріумфами, не кланяются славѣ оружія. Нѣмецъ эгоистъ: онъ не отличается великими симпатіями къ другимъ народамъ; красивыя фразы: гуманность, цивилизація, не возбуждаютъ въ Нѣмцѣ стремленія жертвовать собой для пользы другихъ національностей.. Но, другой стороны, нужно признать что Нѣмецъ не живетъ, подоб-

но Французу, пустозвонствомъ и, удовлетворенный снисканною военною славой, онъ не легко пустится на новую войну. Нѣмецъ реаленъ: онъ не возстанетъ противъ политической свободы на Востокѣ, ибо его интересъ требуетъ только чтобы восточные народы не были слугами ничьихъ *чужихъ*, не восточныхъ интересовъ. Притомъ и равновѣсіе Европы зиждется на независимости восточныхъ народовъ. Еслибы Нѣмцы захотѣли возобновить исторію старыхъ временъ по отношенію къ *восточнымъ* Славянамъ, то сейчасъ бы родилась борьба между ними и Русскими, борьба которая никакъ не могла бы окончиться въ пользу Нѣмцевъ. Славяне окружаютъ Нѣмцевъ почти со всѣхъ сторонъ; Славяне идутъ впередъ по пути просвѣщенія, а просвѣщенное славянство непобѣдимо. Къ тому же на сторону Славянъ, въ борьбѣ ихъ съ неправыми, завоевательными стремленіями Нѣмцевъ, всегда станетъ латинская раса, а тогда судьба Нѣмцевъ можетъ быть рѣшена однимъ ударомъ. Нѣмцы знаютъ это, а потому они не могутъ идти противъ освобожденія Востока."

Все это очень успокоительно; но во всемъ этомъ слышится фальшивая нота. „Славяне идутъ по пути просвѣщенія," „Славяне окружаютъ Нѣмцевъ," „латинская раса" и пр. и пр. — все это слова которыя туманятъ, а не разъясняютъ мысль... Россія, на которую *Видовъ Данъ* намекаетъ говоря о *чужихъ* интересахъ, никогда не думала о покореніи себѣ восточныхъ народовъ. Но она не можетъ быть для нихъ *чужою*, и безъ нея ихъ существованіе не имѣло бы никакого оплота. Безъ живаго племеннаго единства и другихъ духовныхъ связей, эти народы были бы стерты; разбросанные, безсильные обломки, они утратили бы вѣру въ себя, и исчезли бы въ наплывѣ другихъ племенъ, какъ уже и случилось со столькими отпрысками славянскаго міра. Но интереснѣе всего то что оттѣнокъ мнѣнія, который имѣетъ своимъ органомъ упомянутую сербскую газету, отрекшись отъ общеславянскаго единенія, и отвернувшись отъ Россіи какъ отъ *чужой* націи, вдругъ, самъ того не замѣчая, вспоминаетъ о ней когда ему приходитъ мысль объ опасноности... *Видовъ Данъ*, по всему видно, есть сознательный или безсознательный органъ политики которая идетъ изъ объединяющейся Германіи. Этотъ органъ, съ вѣдома себѣ или безъ вѣдома, пролагаетъ пути для исполненія программы которая мечтаетъ о *Восточной имперіи* долженствующей наслѣдовать Туркамъ и соединить подъ нѣмецкимъ скипетромъ Сербо-Болгаръ, Грековъ и Румынъ, оставивъ западныхъ Славянъ на жертву Германіи. Не даромъ *Видовъ Данъ* взываетъ къ Румынамъ и Эллинамъ, приглашая ихъ къ единенію съ Сербо-Болгарами во имя Восточной имперіи, и проповѣдуя разобщеніе съ славянствомъ и отчужденіе отъ Россіи...

Стремленія *Видовъ Дана* не остались безъ награды. Мадьярство и *Turquie*, стамбульская газета повинующаяся болѣе австрійскимъ внушеніямъ нежели турецкой политикѣ, каковой не имѣется, радуются что нашли въ немъ пособника, и порѣшили приласкать Сербовъ обѣщаніями, причемъ Румыновъ вознаградить на счетъ Россіи присоединеніемъ къ нимъ Русской Бессарабіи до Днѣстра. Это тѣмъ легче сдѣлать, поясняетъ *Turquie*, что въ странѣ этой преобладаетъ румынская народность: все это будетъ сдѣлано, лишь бы только Сербы и Румыны были смирны и покорны. Но правительство Высокой Порты ведетъ рѣчь лишь съ Сербами Княжества, и остается глухо къ поднятому *Видовомъ Даномъ* сербско-болгарскому вопросу. Что же Болгары? „Мы хотимъ нашей самостоятельности," заявляетъ болгарскій комитетъ, „и не желаемъ ни къ кому „присоединяться." Вы смотрите на насъ какъ на рабовъ, какъ на илотовъ, взываетъ болгарскій органъ, *Отечество*, обращая свои упреки къ Туркамъ и къ Сербамъ Княжества: „вы находите въ насъ лишь податливый „матеріалъ, изъ котораго думаете строить что вамъ угодно. Если вамъ, Сер„бамъ, не люба опека Россіи, то какое „вы имѣете право брать насъ на свою „поруку? Нѣтъ лучше для насъ далекая „Россія чѣмъ ваше господство." „Полно, „ты всѣмъ надоѣлъ," официозно замѣчаетъ *Видову Дану* органъ сербскаго правительства, *Единство*.

И дѣйствительно, до какой степени тенденціи *Видова Дана* не народны даже въ самомъ Бѣлградѣ, это легко видѣть изъ другой бѣлградской газеты, *Сербія*. Проходя молчаніемъ разглагольствія упомянутаго органа, газета *Сербія*, останавливается надъ антиславянскимъ движеніемъ въ средѣ самихъ Мадьяръ и Румыновъ, и

указываетъ имъ спасенie лишь въ единенiи со всеславянствомъ. „Понятно,“ говоритъ *Сербiя*,

что австрiйскiе Нѣмцы радуются нѣмецкимъ побѣдамъ во Францiи, но разумно ли это, имѣетъ ли это хоть какое-нибудь основанie, что Мадьяры симпатизуютъ германскимъ успѣхамъ? Развѣ Мадьяры думаютъ что тѣ уступки которыя, подъ страхомъ опасности, даны имъ Габсбургскимъ императоромъ, еще возрастутъ когда Австрiя подастся подъ напоромъ Германiи и станетъ тѣсниться къ Востоку? Допустимъ что такъ будетъ,—гдѣ же Мадьяры найдутъ тутъ опору для своей народной самостоятельности? Тогда они убѣдятся какъ безразсудно поступали отдавъ свою судьбу въ тевтонскiя, жестокiя и безпощадныя, завистливыя и грабительскiя руки; тогда они поймутъ что ихъ будущность была бы лучше обезпечена въ союзѣ съ Славянами. Въ продолженiи вѣковъ Мадьяры сосѣдили съ Славянами: видѣли ли они какую-нибудь неправду отъ своихъ сосѣдей, какой-либо вредъ отъ нихъ для своей народности? Не воевали ль они заодно со Славянами противъ вѣчныхъ враговъ Славянства, Тевтоновъ и Турокъ? Ихъ старые короли не вступали ль въ родственные союзы съ Чехами, Русскими, Поляками и Сербами? Не славны ли общiя имъ со Славянами историческiя воспоминанiя? Зачѣмъ же Мадьяры измѣнили завѣту Св. Стефана и вооружили противъ себя тѣ именно народы чьи стремленiя болѣе всего солидарны съ ихъ истинными интересами? Неужели Россiя даетъ поводы опасаться племенной нетерпимости? Не впадаетъ ли Россiя, напротивъ, въ другую крайность, *свое* уступая чужимъ стихiямъ, которыя нашли въ ней пребыванiе? Вы указываете пальцами на Поляковъ. Но необходимо знать что Россiя никогда не отрицала права этого племени на провинцiальную автономiю, мало того: она возвратила имъ при Александрѣ I политическую независимость… Мы смѣемъ свободно утверждать что Россiя, въ будущемъ, не имѣетъ нужды и не желаетъ обрусить Польшу въ *этнографическихъ предѣлахъ ея народности*. Россiя сама держится того начала котораго никогда не отрицала: это неприкосновенность своей этнографической территорiи. Когда Россiя, наконецъ, достигнетъ могущества высказать свое мнѣнiе о политической формѣ какую она найдетъ болѣе справедливою для смѣшанныхъ этнографически земель австрiйскаго и турецкаго государства, то, безъ сомнѣнiя, она выскажется за слѣдующее начало: *Политическая группировка подъ этнографическими (а не традицiонными или историческими) условiями*. Всякая народность въ своей области имѣетъ право на самое широкое внутреннее самоуправленiе, ограниченное лишь на сколько необходимо чтобы предотвратить нападенiе одного на права другаго и предохранить всѣхъ отъ общаго врага. Вотъ программа панславизма. А скажите, видимъ ли мы что-нибудь подобное въ пангерманизмѣ? Если этотъ насильственный пангерманизмъ не гарантировалъ свободы племенамъ нѣмецкимъ то можетъ ли онъ обезпечить ее Славянамъ, Мадьярамъ, Румынамъ, Литовцамъ?“..

Сербiя считаетъ близорукими тѣхъ Мадьяръ которые усматриваютъ всѣ блага для своей народности въ Германiи и все зло въ Россiи, великой державѣ славянства. Этотъ органъ видитъ лучшую будущность для мадьярства въ тѣхъ представителяхъ мадьярской оппозицiи которые ставятъ своею задачей равноправность народностей, борьбу съ германизмомъ и полную независимость отъ цислейтанскаго правительства.

Вообще нельзя не удивляться тому единодушiю съ какимъ Славяне отозвались на борьбу между Францiей и Пруссiей. „Читайте органы русскiе, польскiе, чешскiе, словацкiе, словенскiе, сербскiе, болгарскiе,“ говоритъ *Сербiя*, „читайте органы передовые и ретроградные, клерикальные и либеральные,—всѣ они единогласно видятъ величайшую опасность для славянскаго племени въ побѣдѣ Тевтоновъ надъ романскимъ племенемъ.“

Возрастающая сила Германiи должно быть сильно почуялась въ славянствѣ, если и Поляки начали озираться вокругъ себя. „Въ польскихъ „перiодическихъ изданiяхъ,“ говоритъ *Сербiя*, „въ газетахъ познанскихъ, краковскихъ и львовскихъ „появилось множество статей о необходимости перемѣнить неразумную политику „польскую, и въ кругу панславизма искать „спасенiя отъ Нѣмцевъ.“ „Мы съ радостью „воспроизводимъ мысли *Славянина* (новой польской газеты во Львовѣ) о русско-„польской распрѣ,“ говоритъ чешскiй органъ *Народные Листы*, „и дѣлаемъ это

„тѣмъ охотнѣе что *Славянинъ* высказы-„вается очень скромно." Вотъ что̀ говоритъ новая польская газета:

„Сербы, Хорваты, Словинцы, Словаки, Поляки и Русины, подчиненные теперь различнымъ правительствамъ, энергически упираются противъ обезнароженія и работаютъ всѣми силами надъ сохраненіемъ своихъ индивидуальныхъ принадлежностей. Но каждая изъ этихъ народностей, не исключая и польской, такъ слаба что не можетъ пріобрѣсти отдѣльное существованіе, а тѣмъ болѣе сохранять и отстаивать его; поэтому всѣ онѣ приникаются однимъ стремленіемъ, чтобы, подъ щитомъ *племенной* самобытности, спаять свои силы.... Послѣднимъ словомъ теоретическаго разрѣшенія этого вопроса является объединеніе всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ бывшихъ славянскихъ народныхъ общинъ, причемъ каждая изъ нихъ оставалась бы извнѣ независимою, а во внутреннемъ своемъ строѣ могла бы свободно, до полноты, развивать наслѣдованныя отъ праотцевъ свои народныя силы. Что польская народность, которая въ настоящее время отрѣзана Нѣмцами отъ моря, настолько слаба что входя клиномъ между двухъ первостепенныхъ государствъ не въ силахъ добиться независимости и сохранить ее, это очевидно для всякаго. Послѣ напрасныхъ столѣтнихъ усилій Поляковъ, историческій процессъ полагаетъ предъ ними слѣдующую альтернативу: соединяйтесь или съ Нѣмцами, или съ родными братьями Славянами; для васъ нѣтъ другаго выхода! Но протягивать руку Нѣмцамъ и молить ихъ о возобновленіи польской короны затѣмъ только чтобы, по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій, ученые Нѣмцы стали писать глубокомысленныя разсужденія о вымираніи языка польскаго, которымъ, и притомъ со множествомъ германизмовъ, говоритъ лишь польскій пролетаріатъ—получить изъ нѣмецкихъ рукъ польскую корону ради того только чтобы внуки наши ростили своихъ дѣтей, какъ теперь Лужичане, для онѣмеченія,—это, съ нашей стороны, было бы не болѣе не менѣе какъ самоубійство, а враждуя такимъ образомъ противъ самихъ себя, мы вредили бы этимъ и Россіи. Совершенно иною является для насъ будущность Поляковъ въ соединеніи съ Россіей. Прежде всего это единеніе представляетъ Полякамъ неисчислимыя выгоды въ отношеніи матеріальномъ. Только при союзѣ съ Россіей можетъ подняться, и при томъ до высокой степени, ремесленная и фабричная промышленность, а это много значитъ. Намъ представляютъ что Россія дѣйствуетъ въ Польшѣ какъ Пруссія въ Познани, изгоняя польскій языкъ изъ школъ и дѣлопроизводства. Пусть такъ, — но вѣдь послѣдствіемъ такого русскаго давленія никогда не можетъ быть уничтоженіе польской народности, потому что обезнароживаетъ не языкъ, но колонизація... Россія имѣетъ много земель плодороднѣйшихъ въ мірѣ, а между тѣмъ, она такъ слабо населена въ отношеніи къ своему пространству что едва ли она хочетъ или можетъ насъ обезнародить. Напрасныя опасенія!"

Такъ говоритъ единственный панславянскій органъ между Поляками. Остальные еще колеблются и не могутъ опознаться посреди новыхъ обстоятельствъ. Но сила племени, кажется, начинаетъ и въ нихъ дѣйствовать. Даже органъ шляхетской партіи, *Дневникъ Познанскій*, предался раздумью: къ Нѣмцамъ идти нельзя, съ Русскими опасно сближаться; какже быть? куда скрыться отъ этой нѣмецкой громады, готовой стереть Поляковъ съ самомъ корнѣ ихъ существованія, въ ихъ племенной стихіи?

№ 269.

Москва, 12-го декабря.

Сегодня мы прерываемъ рѣчь о политическихъ вопросахъ дня, что бы сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ не лишенныхъ интереса явленіяхъ происходящихъ въ сферѣ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Вотъ одновременно, въ нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, возникли замѣшательства между управителями и акціонерами, къ которымъ присоединились въ иныхъ компаніяхъ и другія заинтересованныя лица. Эти замѣшательства должны были обсуждаться вчера на общемъ собраніи акціонеровъ Грязе-Царицынской дороги, послѣзавтра будетъ о нихъ рѣчь въ собраніи акціонеровъ Тамбовско-Козловской дороги, 17-го декабря въ новомъ собраніи акціонеровъ Рыбинской желѣзной дороги.

Способъ какимъ разрѣшится поднятый вопросъ не можетъ остаться безъ вліянія на успѣхъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, а между тѣмъ обстоятельства по-

буждаютъ насъ усиленно озаботиться сооруженіемъ государственныхъ линій къ Севастополю, къ Кавказу и пр., которыя мы не успѣли даже начать въ благопріятное время когда построено не мало дорогъ лишенныхъ всякаго значенія и не приносящихъ никакого дохода. Нѣтъ сомнѣнія что обстоятельства теперь уже не такъ благопріятны для этого дѣла, и что какъ во многомъ другомъ, такъ и здѣсь пропущена наилучшая пора. Теперь трудно будетъ собирать капиталы за границей, и во всякомъ случаѣ условія на которыхъ капиталы эти пойдутъ къ намъ будутъ тяжелы. Внутренній рынокъ также, по многимъ обстоятельствамъ, сталъ менѣе доступенъ для желѣзно-дорожныхъ предпріятій. Цѣны желѣзно-дорожныхъ акцій сильно упали, и въ этомъ паденіи увлекли за собою даже такія бумаги какъ акціи Московско-Ярославской дороги. Послѣднія подписки на акціи желѣзныхъ дорогъ вообще были малоуспѣшны, да и подписавшіеся акціонеры, какъ мы сообщали вчера, почти готовы отказаться отъ своихъ взносовъ. Петербургскія газеты извѣщаютъ что при послѣднемъ взносѣ по акціямъ Грязе-Царицынской дороги, уменьшенномъ противу первоначальнаго назначенія, заплатили по 10 р. лишь по 4.703 акціямъ, а акцій неоплаченныхъ этимъ взносомъ осталось 45.904. Ходятъ слухи что нѣкоторыя изъ желѣзнодорожныхъ предпріятій послѣдняго времени до крайности затруднены вслѣдствіе того что подписка на ихъ акціи можетъ считаться въ сущности не состоявшеюся

Въ послѣдніе два-три года наше правительство прекратило прежнюю щедрую раздачу гарантій по желѣзнымъ дорогамъ. Нѣкоторыя линіи разрѣшены вовсе безъ гарантіи; другія — при небольшой гарантіи отъ земства, а наконецъ въ послѣднее время почти всѣ концессіи даны съ гарантіей однѣхъ облигацій, которыхъ разрѣшалось выпускать на три четверти складочнаго капитала. Паденіе почти всѣхъ не гарантированныхъ или мало гарантированныхъ бумагъ, а также затрудненія возникшія во многихъ обществахъ показываютъ что при постройкѣ будущихъ дорогъ либо придется отступить отъ принятой системы, и снова начать сыпать гарантіи, либо принять мѣры которыя ясно указываются теперешними обстоятельствами и должны состоять въ болѣе правильномъ устройствѣ компаній. Во всякомъ случаѣ только лучшая организація можетъ поправить дѣло уже образовавшихся компаній...

Дѣйствительно, во многихъ компаніяхъ идутъ теперь толки которые въ сущности сводятся къ вопросамъ о большемъ участіи акціонеровъ въ веденіи дѣлъ и объ устроеніи болѣе серіознаго контроля надъ дѣйствіями правленій. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ изъ компаній дѣло сошло на частные вопросы, при чемъ упущенъ изъ виду главный источникъ всѣхъ затрудненій.

Мы остановимся сегодня спеціально на Обществѣ Тамбовско-Козловской желѣзной дороги.

Нѣкоторые акціонеры обратились къ земствамъ гарантировавшимъ эту дорогу и къ общему собранію ея акціонеровъ съ предложеніемъ пересмотрѣть уставъ компаніи или, говоря иначе, перестроить управленіе предпріятіемъ.

Перестройку управленія мы оставляемъ въ сторонѣ—это вопросъ не имѣющій общаго значенія,—но уставъ помянутой компаніи, нельзя не признать, отличается чрезвычайными куріозами. Число участниковъ предпріятія имѣющихъ голосъ въ общемъ собраніи акціонеровъ чрезвычайно ограничено. Право голоса даютъ лишь 50 акцій, то-есть $^{1}/_{70}$ часть предпріятія, между тѣмъ какъ въ Главномъ Обществѣ Желѣзныхъ Дорогъ голосъ дается 40 акціями, то-есть одною пятнадцати-тысячною частью предпріятія, и почти во всѣхъ другихъ желѣзно-дорожныхъ компаніяхъ общее собраніе акціонеровъ состоитъ изъ несравненно бо́льшаго числа участниковъ. Земства гарантирующія дорогу не пользуются ни однимъ голосомъ въ общемъ собраніи Тамбовско-Козловской дороги, и въ этомъ также нельзя не видѣть отступленія отъ обычнаго порядка.

Въ большей части акціонерныхъ компаній общее собраніе акціонеровъ выбираетъ кандидатовъ на должность директоровъ, которые и заступаютъ мѣсто послѣднихъ въ случаѣ ихъ отсутствія или выбытія. По § 36 устава Тамбовско-Козловской дороги, „въ случаѣ выбытія одного изъ директоровъ до истеченія срока (трехлѣтняго), остальные директоры имѣютъ избрать на его мѣсто другаго временнаго директора изъ числа акціонеровъ.“ Лишь въ слѣдующее общее собраніе избирается настоящій директоръ, такъ что правленіе можетъ само организовать себя на нѣсколько мѣсяцевъ.

Или вотъ еще какая странность! Въ § 45 устава мы читаемъ:

„Годовой отчетъ Общества заключается за истекшій годъ 31-го декабря. Отчетъ сей вмѣстѣ съ книгами и счетами представляется общему собранію. Книги и счеты правленія открываются акціонерамъ *за семь дней* до общаго собранія".

Но не позже какъ за *семь* дней могутъ быть вносимы акціонерами и какія-либо заявленія имѣющія поступить въ общее собраніе. По другимъ уставамъ, напримѣръ Рязанско-Козловской желѣзной дороги, заявленія принимаются за *три* дня до общаго собранія (§ 26).

При срокѣ открытія книгъ и принятія заявленій назначенномъ въ уставѣ Тамбовско-Козловской дороги слѣдовало бы ожидать что этотъ уставъ потребуетъ непремѣннаго назначенія ревизіи общимъ собраніемъ, какъ установлено напримѣръ въ уставѣ Рыбинской желѣзной дороги (§ 48). Но уставъ Козловско-Тамбовской дороги гласитъ въ § 44:

„Для повѣрки *кассы и книгъ* правленія общее собраніе избираетъ, *если пожелаетъ*, комитетъ изъ трехъ до шести членовъ и пр.

Къ спеціальнымъ недостаткамъ устава Тамбовско-Козловской дороги слѣдуетъ присоединить еще недостатки общіе всѣмъ уставамъ, а также и законамъ объ акціонерныхъ компаніяхъ. Пересмотръ этихъ законовъ, къ сожалѣнію, замедлился, и нельзя ожидать чтобы проектъ новыхъ правилъ объ акціонерныхъ компаніяхъ былъ разсмотрѣнъ вскорѣ. Пройдетъ еще не мало времени, пока будутъ сведены замѣчанія на него и составленъ новый проектъ долженствующій поступить на законодательное разсмотрѣніе. Акціонерамъ приходится самимъ принять мѣры, не теряя времени на пререканія по отдѣльнымъ вопросамъ. Лучшимъ результатомъ всѣхъ предстоящихъ общихъ собраній акціонеровъ было бы, конечно, избраніе коммиссій для пересмотра уставовъ, какъ это предложено пока только въ Обществѣ Козловско-Тамбовской дороги.

№ 270.

Москва, 14-го декабря.

Вотъ что̀ значитъ, говоря простымъ словомъ, задѣть за живое! Все казалось было разчитано самымъ точнымъ образомъ, и все казалось конченнымъ для Франціи. Въ нѣсколько недѣль Французская имперія была разбита и уничтожена. Еслибы Франція вся безъ остатка заключалась въ имперіи Наполеона III, то послѣ Седанскаго дѣла побѣдоносному нашествію оставалось бы только вступить въ обладаніе страной и предписать ей условія на всей своей волѣ. Но позади позорно павшей офиціальной Франціи оставалась еще земля, оставался народъ, оставалась живая сила созданная исторіей. Побѣдоноснымъ арміямъ пришлось начинать сызнова, и борьба съ народомъ оказывается несравненно труднѣе чѣмъ съ регулярными войсками. Война затянулась, и приняла колоссальные размѣры. Потребовались изъ Германіи послѣдніе резервы, послѣдніе призывы ея земскаго ополченія. Кровопролитныя битвы происходятъ почти ежедневно, и не предвидится имъ конца. Разчеты машиниста, руководящаго движеніями громаднѣйшихъ вооруженныхъ силъ, начинаютъ сбиваться и путаться въ виду новаго элемента который внезапно примѣшался. Это новое, чего не было въ разчетѣ, есть народная сила, не признавать которую могутъ только маршалы Наполеона III и подобные имъ генералы.

Съ какимъ торжествомъ вышла бы Германія изъ борьбы, еслибъ ея вожди успѣли во время остановиться! Она разомъ достигала величайшихъ результатовъ почти безъ потерь и ничего не подвергая ни опасности, ни вопросу, ни сомнѣнію. Это грозное, доселѣ неслыханное въ Европѣ военное могущество, которое мгновенно было развито ею при первомъ вызовѣ на бой; эти быстрые, блистательные, удивительно разчитанные удары, сокрушившіе великую военную имперію, которая одна была ей помѣхой: все это разомъ создавало для нея положеніе о какомъ не смѣло мечтать самое пылкое воображеніе ея патріотовъ, а мудрое самообладаніе упрочило бы за ней это положеніе сочувствіемъ цѣлаго міра. Къ ея торжеству не примѣшалось бы никакой горечи, и ей не приходилось бы сравнивать пріобрѣтенные результаты съ страшною цѣной крови которой они стоятъ. Радуется ли теперь Германія славѣ своихъ побѣдъ? Увы, ей теперь не до радостей! Костьми дѣтей ея усѣяна почва ими же опустошенной страны, и нѣтъ въ Германіи семьи которая не понесла бы или не ожидала бы съ трепетомъ тяжкой утраты, —

и изъ-за чего? Ожесточенной борьбѣ на жизнь и смерть между двумя народами не предвидится конца, и самая побѣда начинаетъ колебаться. Унынiе и рознь мало-по-малу овладѣваютъ умами. Пусть даже побѣда окончательно останется за Германiей,—какою страшною цѣной будетъ она куплена? И принесетъ ли она Германiи тѣ плоды которые были въ видахъ ея вождей и уже находились въ ея обладанiи когда побѣжденная Францiя просила мира? Правительство нацiональной обороны соглашалось на всякое вознагражденiе, и устраняло только вопросъ который касался цѣлости страны. Еслибы миръ былъ заключенъ въ ту пору, Германiя окончила бы войну прежде чѣмъ во Францiи пробудилась народная сила. Францiя, въ своемъ пораженiи, осталась бы лишенная духа, надолго преданная смутамъ и тлѣнiю, подавленная тяжестiю громаднаго долга. Ни въ какомъ случаѣ она не могла бы стать опасною для объединяющейся Германiи, которой дальнѣйшiе успѣхи были бы несомнѣнны и совершились бы безо всякой задержки.

А теперь наиболѣе самоувѣренные политическiе умы не могутъ сказать въ точности чѣмъ и какъ кончится эта борьба?

Характеръ который приняла война въ своемъ продолженiи даетъ просвѣтъ въ сущность той силы которая такъ быстро сложилась въ Европѣ подъ именемъ Германской имперiи. Кто сомнѣвался прежде, тотъ долженъ убѣдиться теперь что это сила по преимуществу завоевательная, и что это та же самая натура которая жила въ Германской имперiи стараго времени. Недаромъ германскiе патрiоты уносились мыслiю къ эпохѣ Гогенштауфеновъ, и недаромъ мечтали о Фридрихѣ Барбароссѣ, самомъ хищномъ изъ всѣхъ Гогенштауфеновъ, который, по народному сказанью, не умеръ, а только заснулъ околдованный въ Кифгейзерѣ въ Гарцѣ. Проснется или нѣтъ Барбаросса,—но Германская имперiя есть уже совершившiйся фактъ.

Фактъ этотъ въ сущности уже совершился послѣ разгрома мелкопомѣстной Германiи, когда одни изъ ея государствъ были присоединены къ Пруссiи или вошли въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, а съ другими заключены извѣстные оборонительные и наступательные трактаты, которые впервые были примѣнены къ дѣлу въ настоящую войну. Требовалось только облечь это единенiе въ форму болѣе явственную, дать ему организацiю и запечатлѣть его многознаменательнымъ именемъ Германской имперiи. Это совершилось на дняхъ въ старой резиденцiи французскихъ королей, подъ громомъ орудiй осажденной столицы Францiи. Отнынѣ императоръ германскiй (онъ же король Прусскiй) есть глава и повелитель всѣхъ военныхъ силъ Германiи; въ берлинскомъ парламентѣ будутъ засѣдать депутаты со всей Германiи, со включенiемъ Бадена, Виртемберга и Баварiи, а въ союзномъ совѣтѣ будутъ участвовать представители всѣхъ германскихъ правительствъ.

Для германскихъ государей, еще сохранившихъ независимость и принадлежности верховной власти, шагъ былъ трудный. Надобно было облегчить имъ какъ-нибудь этотъ переходъ отъ независимости верховной власти къ положенiю вассаловъ. Выговорены условiя которыя даютъ имъ возможность имѣть голосъ въ новомъ устройствѣ Германiи. Еще въ первомъ заключенномъ съ Баденомъ и Гессеномъ трактатѣ оговорено что право объявленiя войны, принадлежавшее дотолѣ одному королю Прусскому, переходитъ къ союзному совѣту, и что для какихъ-либо измѣненiй въ устройствѣ Германiи недостаточно прежнихъ двухъ-третей голосовъ (изъ 43), а необходимо повысить это отношенiе до трехъ-четвертей (изъ 48). Для привлеченiя Баварiи нужно было сдѣлать нѣсколько болѣе: потребовалась оговорка чтобы всякое измѣненiе въ устройствѣ Германiи считалось отвергнутымъ если въ союзномъ совѣтѣ (совмѣщающемъ въ себѣ 58 голосовъ) окажется 14 голосовъ противъ. Это самая значительная сдѣланная Пруссiей въ переговорахъ съ южно-германскими государствами уступка, и чтобы понять ея значенiе слѣдуетъ имѣть въ виду что представители трехъ королевствъ — Баварiи, Виртемберга и Саксонiи — владѣютъ въ союзномъ совѣтѣ ровно 14 голосами. Но ужь и теперь эта уступка, неимѣющая серiознаго значенiя при сосредоточенiи всѣхъ военныхъ силъ Германiи въ рукахъ императора, возбудила сильный ропотъ. Въ рейхстагѣ прусскiй министръ успокоивалъ патрiотовъ заявленiемъ что состоявшiеся съ южно-германскими государствами договоры имѣютъ временный характеръ, и что они разчитаны лишь на удовлетворенiе злобѣ дня... Это какъ бы первый камень положенный въ основу будущаго государственнаго зданiя Германiи,

возведеніе и упроченіе котораго предоставляется дальнѣйшимъ событіямъ. Сила вещей превозможетъ все, и прусскіе патріоты напрасно смущаются оговоркой относительно 14 голосовъ. Прусскіе политики очень хорошо понимали это, и добившись главнаго, добившись подчиненія всѣхъ военныхъ силъ Германской имперіи главному начальству прусскаго короля, не задумались уступить на время въ томъ или другомъ менѣе существенномъ пунктѣ.

Германія какою ее создали Вѣнскіе трактаты 1815 года отошла теперь въ область преданій, а между тѣмъ, благодаря именно этимъ трактатамъ, Германія, поставленная ими въ сильное оборонительное положеніе, была лишена возможности дѣйствовать наступательно.

Теперь, вмѣсто Германскаго Союза, является имперія сильно организованная для наступленія и неудержимо завоевательная по своей природѣ. Остается только ожидать исхода борьбы съ Франціей, который окончательно опредѣлитъ характеръ новой имперіи или, лучше сказать, положеніе Европы.

Быть можетъ ошибка сдѣланная вождями Германіи, которые не удовольствовались побѣдой надъ Наполеоновскою имперіей и вызвали народную войну, быть можетъ эта ошибка и бѣдствія которыя отъ ней произошли послужатъ ко благу...

Сегодня получили мы изъ Ліона нумеръ тамошней газеты *Décentralisation*, отъ 15-го декабря, въ которомъ помѣщена обратившая на себя вниманіе статья, подъ заглавіемъ *Германія и Россія*, написанная, какъ объявляетъ редакція, однимъ изъ весьма извѣстныхъ политическихъ людей Франціи. Она не сказала его имени, опасаясь компрометтировать автора который имѣетъ свое мѣстопребываніе въ занятой Прусаками части Франціи.

Авторъ ошибается думая что Россія разчитывала на какія-нибудь выгоды для себя отъ усиленія Германіи, и что она желаетъ воспользоваться бѣдствіями Франціи для завоевательныхъ цѣлей или расширенія своего вліянія на Востокѣ. Германія гораздо болѣе чѣмъ Франція заинтересована тѣмъ чтобы Россія была отрѣзана отъ Востока, и Россія не можетъ не знать этого. Отмѣна статьи Парижскаго трактата касательно Чернаго моря нейдетъ ни въ какой разчетъ съ фактомъ объединенія Германіи и ея завоеваній. Рѣшительный тонъ какимъ Россія заявила свое право ничего не прибавлять къ нему; но и за это ужь собираются потребовать у ней уступокъ, которыя создали бы для нея положеніе несравненно хуже того которое было послѣдствіемъ несчастной войны 1853—55 годовъ.

№ 271.

Москва, 15-го декабря.

Въ послѣдней (октябрьской) книжкѣ *Edinburgh Review* помѣщена статья подъ заглавіемъ *Germany, France and England*, представляющая обозрѣніе событій нынѣшняго года. Хотя авторъ статьи, по обычаю сотрудниковъ англійскихъ журналовъ, и остался анонимнымъ, но всѣ тотчасъ же узнали ex ungue leonem: статья писана нынѣшнимъ первымъ лордомъ *) казначейства, г. Гладстономъ, и какъ откровенная бесѣда знаменитаго государственнаго мужа о современномъ вопросѣ, бесѣда не связанная условіями официіальной рѣчи или дипломатическаго документа, пріобрѣтаетъ особый интересъ, еще возвышаемый изяществомъ ея формы. Авторъ останавливается главнымъ образомъ на причинахъ возникшей между Франціей и Пруссіей вражды и на вѣроятныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Его оцѣнка тѣхъ и другихъ интересна какъ голосъ лица стоящаго во главѣ правительства одной изъ могущественнѣйшихъ и цивилизованнѣйшихъ націй Европы. Какъ и слѣдовало ожидать, статья эта проникнута чисто англійскими воззрѣніями и симпатіями, которыя прикрыты умѣренностію, повидимому объективностью тона. Авторъ вполнѣ оцѣниваетъ громадность переворота который теперешняя война внесла въ политическое положеніе Европы. „Нѣтъ ни одного значительнаго государства,“ говоритъ онъ, „положеніе и виды котораго не были бы „до основанія измѣнены между 5-мъ августа и 5-мъ сентября. Нѣкоторыя государства претерпѣли болѣе чѣмъ измѣненіе... Кромѣ перемѣнъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ Сѣверной Германіи къ „ея сосѣдямъ, всѣ чувствуютъ, что они, „какъ бы по волшебству, подпали дѣй-

*) Нѣкоторые утверждаютъ, что она писана сыномъ премьера, но имъ ретушована, что приходитъ къ одному и тому же.

„ствію болѣе глубокой и неуловимой перемѣны. Ихъ отношенія къ каждому изъ „двухъ государствъ вовлеченныхъ въ войну претерпѣли измѣненія, а вмѣстѣ съ „тѣмъ и ихъ отношенія между собой. Преобладающая сила въ системѣ европейскихъ государствъ перенеслась съ одной „точки на другую; центръ тяжести перемѣстился."

Естественно раждается вопросъ: къ лучшему ли, къ худшему ли эта перемѣна? На это англійскій политикъ не даетъ прямаго отвѣта; но если сопоставить нѣкоторыя мѣста его статьи, можно легко узнать его мнѣнія объ этомъ вопросѣ. „Франція," говоритъ онъ, „для Европы есть постоянный источникъ безпокойства. Она вноситъ какой-то трепетъ въ европейскую „атмосферу. Всегда чувствуется опасеніе, „не требуется ли чего-нибудь чтобы поддержать ея достоинство, чтобъ утолить „ея жажду славы, чтобъ удовлетворить, „просто пощекотать ея чувство преобладанія. Притомъ, такъ какъ она неспособна „придти къ какому бы то ни было твердому и прочному взгляду на собственное „политическое устройство, мы не имѣемъ „основанія ждать чтобъ она держалась „тѣхъ принциповъ обоюднаго уваженія и „обоюдной независимости которые должны „лечь въ основаніе правильно устроенной „семьи народовъ. Къ тому же справедливость запрещаетъ намъ сваливать отвѣтственность за эти коренные недуги на „вторую имперію. Если она была причиной какого-либо изъ нихъ, то прежде „всего она была ихъ послѣдствіемъ."

Итакъ, Франція является намъ въ образѣ буйнаго и безпутнаго брата въ семьѣ, отъ характера котораго должны были терпѣть всѣ остальные члены ея и котораго рано или поздно нужно было укротить. Эту трудную обязанность и взяла на себя Пруссія. Если такъ, то мы съ 1870 годомъ изъ періода кровопролитныхъ и безплодныхъ войнъ вступаемъ въ эпоху всеобщаго мира и тишины. Не вдаваясь однако въ гаданія о будущемъ, мы можемъ вмѣстѣ съ авторомъ статьи оглянуться на прошлое и вмѣстѣ съ нимъ усмотрѣть тамъ вовсе не то что онъ описываетъ въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ. Войны, которыя Франція вела со времени паденія перваго Наполеона, были Крымская и Итальянская. Но Крымскую войну г. Гладстонъ называетъ „честной войной" (an honourable war), которую Франція вела сообща съ Англіей; а итальянская компанія, по его мнѣнію, есть одна изъ немногихъ заслугъ Наполеона III предъ міромъ. Что же еще остается? Экспедиціи въ родѣ Мексиканской, Китайской, Кохинхинской, которыя можно порицать или хвалить, но о которыхъ никакъ нельзя сказать чтобъ онѣ „распространяли трепетъ въ европейской атмосферѣ." Положимъ даже что Англичанинъ могъ забыть степень участія своего отечества въ воинственныхъ начинаніяхъ Наполеона III и обратить ихъ въ упрекъ ему. Спрашивается, какое участіе французская нація принимала въ замыслахъ и дѣйствіяхъ навязавшагося ей правительства? На это есть одинъ отвѣтъ въ приведенныхъ нами словахъ что имперія была не столько причиной сколько послѣдствіемъ политическихъ недуговъ Франціи; другой же отвѣтъ мы находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Мы утверждаемъ что въ новѣйшей „исторіи Франціи (хотя и не въ послѣдней „ея главѣ) можно прослѣдить развитіе мирныхъ идей и привычекъ. Изъ пяти войнъ „въ которыя пустился императоръ Наполеонъ III, ни одна не была истребована „общественнымъ мнѣніемъ страны. Конечно, не общественное мнѣніе навязало „правительству войны Крымскую и Италіянскую, которыя были начаты для цѣлей полезныхъ Европѣ; тогда какъ справедливо будетъ сказать что правительство навязало народу войны Мексиканскую и Германскую."

Если такъ, то мы принуждены искать образчиковъ безпокойнаго и воинственнаго духа Франціи во времени предшествовавшемъ Наполеону III. Вѣроятно она стремилась къ расширенію своихъ границъ при второй республикѣ? Или она питала завоевательныя замыслы при Лудовикѣ-Филиппѣ? Или она заставляла трепетать всю Европу при Карлѣ X и Лудовикѣ XVIII? Но ничего подобнаго не оказывается; Франція съ Вѣнскаго конгресса до декабрьскаго переворота, вмѣстѣ со всею Европой, была погружена въ глубокій миръ. Только при Наполеонѣ I Франція дѣйствительно была силой завоевательною. Но съ того времени все въ Европѣ перемѣнилось; на ея политическомъ театрѣ роли розданы иначе, и кто прежде дѣйствовалъ тому теперь иной разъ приходится только страдать. Вотъ Пруссія дѣйствительно завоевательная держава; не говоря о ея исто-

рическомъ прошломъ, не говоря о царствованіяхъ великаго курфирста и Фридриха Великаго, вспомнимъ Датскую войну 1864 и Германскую 1866 года, и спросимъ себя: что можно найдти подобнаго во всей исторіи Франціи съ 1815 года по объему, по успѣшности и по безнаказанности захватовъ, чинимыхъ не гдѣ-нибудь въ Китаѣ или Мексикѣ, а въ сердцѣ Европы, въ цивилизованныхъ и густо населенныхъ странахъ?

Мы можемъ еще спросить, гдѣ же наконецъ кроется та опасность или, говоря словомъ краснорѣчиваго англійскаго политика, тотъ „трепетъ" который Франція причиняетъ въ Европѣ? Если французскій народъ *не* навязывалъ своему правительству войнъ Крымской и Италіянской, если само правительство, дѣйствуя въ чужихъ интересахъ, навязало народу войны Мексиканскую и Германскую, то мы должны отсюда заключить, вопервыхъ, что французскій народъ миролюбивъ (по крайней мѣрѣ не менѣе всякаго другаго) и, вовторыхъ, что правительство, господствовавшее надъ нимъ въ послѣднія восемнадцать лѣтъ, преслѣдовало цѣли отдѣльныя отъ идеаловъ, желаній и потребностей народа. Авторъ свидѣтельствуетъ что Мексиканская и Германская война были непопулярны во Франціи; мы прибавимъ, съ своей стороны, что Датская и нынѣшняя Французская война очень популярны въ Германіи. Прусское правительство не нуждается въ укрѣпленіи своей династіи; оно ведетъ только такія войны которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ объединеніе и усиленіе Германіи и, въ случаѣ удачи, расширеніе ея границъ. Спрашивается, гдѣ въ нашъ вѣкъ война тѣснѣе связана съ національнымъ интересомъ, или что все равно, какой народъ имѣетъ болѣе причинъ быть довольнымъ войной и питать къ ней склонность, французскій или нѣмецкій? Мы вовсе не имѣемъ нужды искать аргументовъ противъ автора статьи, ибо лучшіе аргументы противъ себя онъ самъ потрудился собрать. „Трепетъ" Европы, постоянно живущей въ ожиданіи какого-нибудь военнаго переворота, внезапнаго завоеванія, внезапной передѣлки карты, мы согласны, не выдумка, не преувеличеніе: таково дѣйствительно настроеніе, породившее въ нашей части свѣта всеобщее недовѣріе и подозрительность, вызвавшее во всѣхъ ея государствахъ огромныя вооруженія и вмѣстѣ всѣ экономическія и нравственныя стѣсненія, которыми они обыкновенно сопровождаются. Но авторъ статьи, излагая факты, ведетъ насъ къ заключеніямъ противнымъ своему сужденію. Франція, самъ же говоритъ онъ, если и вела войны, то не для завоеваній; если преслѣдовала въ нихъ какія-нибудь цѣли, то только „полезныя для Европы;" если вообще дѣйствовала, то въ союзѣ съ Англіей. И со всѣмъ тѣмъ насъ теперь приглашаютъ радоваться что съ уничтоженіемъ и обезсиленіемъ Франціи Европа проснулась отъ тяжелаго кошмара завоеваній и кровопролитій! Ужь очень близко сошлись тутъ положеніе съ опроверженіемъ!

Г. Гладстонъ склоненъ думать что съ нынѣшнею войной для Европы наступитъ эра продолжительнаго мира. Онъ видитъ въ центральномъ положеніи мощной Германіи залогъ ея миролюбія: ибо всякій наступательный шагъ ея можетъ де быть пріостановленъ совокупнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ великихъ державъ на разныхъ ея границахъ. Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, „совершенно напрасно опа-„сеніе будто наши тевтонскіе братья имѣ-„ютъ предъ собой поприще всемірнаго за-„воеванія или безусловнаго преобладанія, „и будто европейская семья недостаточно „сильна для того чтобы подвергнуть сво-„ихъ провинившихся членовъ исправитель-„ному наказанію."

Съ англійской точки зрѣнія пожалуй можетъ казаться что нынѣшняя война есть „исправительное наказаніе" для „провинившейся" Франціи, и тогда, конечно, остается только смотрѣть съ сочувствіемъ и одобреніемъ на этотъ актъ правосудія и педагогіи. Но когда къ Германіи будетъ присоединенъ Люксембургъ, когда за нимъ послѣдуютъ Альзасъ и Лотарингія, когда вслѣдъ за этими пріобрѣтеніями возникнутъ новыя требованія,—едва ли еще останется возможность спора о томъ кто изъ членовъ этой согласной и дружной семьи можетъ угрожать миру и тишинѣ. Только послѣдуетъ ли за сознаніемъ дѣйствіе? Только дѣйствительно ли политика Европы такъ справедлива и такъ проницательна какъ ее изображаетъ г. Гладстонъ? Только всегда ли державы будутъ склонны дѣйствовать совокупно, и будутъ ли онѣ когда-нибудь всѣ въ одномъ смыслѣ заинтересованы и настроены? Нельзя отрицать что дѣйствія Пруссіи начиная съ 1864 го-

да по сіе время были завоевательныя дѣйствія. Но видимъ ли мы что-либо похожее на совокупный отпоръ со стороны другихъ державъ? Когда малая Данія изнемогала подъ ударами мощнаго противника,—была ли со стороны Европы какая-нибудь попытка къ совокупному протесту, если не дѣйствію? Когда падали государства въ центрѣ европейскаго материка и насильственно рушился порядокъ вещей на которомъ покоилось равновѣсіе Европы, отозвалась ли она на это? Теперь, когда ожесточенная война, потрясающая всѣ интересы Европы, идетъ изъ того чтобъ отнять у Франціи части ея территоріи которыя ей особенно дороги и безъ коихъ она не можетъ сохранить свое первостепенное положеніе, также необходимое для равновѣсія Европы, — возвысился ли совокупный голосъ нейтральныхъ державъ? Стали ли онѣ между Люксембургомъ и Пруссіей, которая уже занесла на него руку? Дѣло въ томъ что подъ Европой англійскіе политики разумѣютъ интересы Англіи, которая дѣйствительно умѣетъ создавать коалиціи когда это для нея требуется. Попытайся, напримѣръ, Франція завладѣть Антверпеномъ,—страшный гвалтъ поднялся бы въ Европѣ и немедленно составилась бы грозная коалиція, въ которой и Россія подала бы руку Англіи, хотя, казалось бы, Россіи нѣтъ причины тревожиться тѣмъ что Антверпенъ въ рукахъ сильной державы есть, какъ говорятъ, пистолетъ направленный въ лобъ Англіи, объявившей войну всѣмъ русскимъ интересамъ.

Говоря о глубокой перемѣнѣ происшедшей въ положеніи европейскихъ державъ вслѣдствіе усиленія Германіи, авторъ статьи упоминаетъ и о Россіи. Онъ говоритъ: „Россія, колоссъ Востока, съ безпокойствомъ „спрашиваетъ себя какова будетъ политика мощной Германіи въ отношеніи къ „Турціи, къ попыткамъ объединенія великой славянской семьи, къ ея собственнымъ *нѣмецкимъ* провинціямъ и, наконецъ, къ управленію Польшей?“ Здѣсь дѣйствительно исчислены всѣ интересы Россіи которые могли бы быть встревожены усиленіемъ Германіи. Но мы не знаемъ почему британскій политикъ полагаетъ что Россія безпокоится. Этого не видно: она остается спокойною каковы бы ни были интересы ея въ Турціи, въ великой славянской семьѣ, и какія бы опасности, по мнѣнію автора, ни угрожали ея собственнымъ владѣніямъ, и повидимому одинаково съ Англіей довольна происходящимъ въ Европѣ переворотомъ.

№ 272.

Москва, 16-го декабря.

Германія представляетъ нынѣ зрѣлище изумительное во многихъ отношеніяхъ. Дикія страсти нынѣшнихъ преемниковъ Гердеровъ, Кантовъ и Гегелей, ихъ опьянѣніе военными успѣхами во Франціи, ихъ раздраженіе въ виду *преступной* (frevelhaft) непокорности французскаго народа, не подчиняющагося предписаніямъ нѣмецкаго военачальства, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ исторіи. Посреди всей этой оргіи, разыгрывающейся на могилахъ сотенъ тысячъ людей, своихъ и чужихъ, самое отвратительное впечатлѣніе производятъ писанія нѣмецкихъ ученыхъ и мыслителей, старающихся всячески раздувать дурные инстинкты возбуждаемые войной въ ихъ соотечественникахъ, и направлять ихъ налѣво и направо. Даже экономисты, люди вездѣ самые миролюбивые, другъ предъ другомъ проповѣдуютъ теперь въ Германіи ученіе „желѣза и крови.“

Нашимъ читателямъ извѣстно что противъ Россіи за Черноморскій вопросъ, кромѣ графа Бейста, поднялъ въ Вѣнѣ голосъ еще г. Лоренцъ Штейнъ, профессоръ тамошняго университета, весьма знаменитый въ Германіи своими трудами учено-политическаго значенія. Статья этого ученаго, напечатанная въ одной изъ вѣнскихъ газетъ, была своего рода отвѣтомъ на депешу русскаго канцлера, какъ бы пополняющимъ и поясняющимъ дипломатическую протестацію графа Бейста. Профессоръ Штейнъ не стѣснялся въ своей откровенности никакими официальными условіями, и могъ дать полную волю тому воинственному духу который овладѣлъ всѣмъ нѣмецкимъ міромъ съ учеными включительно. Недобросовѣстная и фальшивая аргументація, недостойная серіознаго ученаго, не осталась безъ отвѣта. Съ русской стороны г. Штейну отвѣчалъ человѣкъ находившійся съ нимъ въ пріязненныхъ личныхъ отношеніяхъ и посвятившій труды свои той отрасли вѣдѣнія въ которой г. Лоренцъ Штейнъ стя-

жалъ себѣ славу. Отвѣтъ В. П. Безобразова, напечатанный въ № 41 нашей *Современной Лѣтописи*, возстановляя истину, отличается въ то же время самымъ умѣреннымъ, примирительнымъ и дружескимъ тономъ. Мы замѣтили тогда же что такой тонъ никуда не годится съ германскими патріотами въ настоящее время, ибо уступчивость съ людьми потерявшими нравственное равновѣсіе не успокоиваетъ, а только пуще раздражаетъ страсти. Наше замѣчаніе оправдывается. Письмо г. Безобразова, отправленное имъ на нѣмецкомъ языкѣ къ профессору Штейну для напечатанія въ той же газетѣ гдѣ появилась его статья, не удостоилось этой чести. Г. Лоренцъ Штейнъ не счелъ удобнымъ огласить противное мнѣніе, несмотря на всю примирительность его тона и содержанія. Мы узнали объ этомъ сегодня изъ петербургской газеты *Nordische Presse*, которая, печатая доставленный ей нѣмецкій текстъ письма г. Безобразова къ профессору Штейну, сообщаетъ что г. Штейнъ отказался обнародовать это письмо въ Вѣнѣ.

Предъ нами лежитъ другой якобы экономическій памфлетъ, берлинскій, носящій заглавіе: *Упраздненіе личной поземельной собственности*. Авторъ, бывшій дерптскій профессоръ г. Адольфъ Вагнеръ, недавно снискалъ себѣ громкую популярность въ Пруссіи памфлетомъ о правахъ Германіи на Альзасъ и Лотарингію, выдающимся даже посреди безчисленныхъ фанатическихъ сочиненій по этому вопросу. Вслѣдъ затѣмъ, подъ выписаннымъ выше обманчивымъ заглавіемъ онъ издалъ пасквиль противъ Россіи. Надо замѣтить что г. Адольфъ Вагнеръ былъ года полтора тому назадъ ординарнымъ профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ; тотчасъ по его пріѣздѣ въ Дерптъ (года четыре тому назадъ) ему были дарованы, со щедростью свойственною Россіи относительно иностранцевъ, всѣ права присвоенныя упомянутому званію, въ томъ числѣ, кажется, и русскіе чины, на которые очень падки наши сосѣди. Еще предъ тѣмъ, пріѣхавъ однажды въ Петербургъ изъ Вѣны, г. Вагнеръ былъ какъ нельзя болѣе радушно принятъ многими высокостоящими лицами, учеными и экономистами столицы, и въ честь его былъ, помнится, даже устроенъ обѣдъ, на которомъ выражалось сочувствіе его ученымъ заслугамъ. Теперь этотъ г. Вагнеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ враговъ страны, гдѣ находилъ онъ пріютъ вмѣстѣ съ почетною и вліятельною дѣятельностію.

Ополчаясь противъ западныхъ коммунистовъ въ защиту личной поземельной собственности, г. Вагнеръ доказываетъ вредъ общиннаго владѣнія и круговой общинной поруки въ Россіи; объясняетъ сходство нашихъ земледѣльческихъ крестьянскихъ порядковъ съ первоначальнымъ періодомъ хозяйства у всѣхъ европейскихъ народовъ и т. д. Но все это служитъ для него не болѣе какъ предлогомъ или приличною прелюдіей къ главному предмету его *диссертаціи*. Ему нужно представить Россію дикою страной, въ которой самые образованные люди проповѣдуютъ всякую безсмыслицу и угождаютъ грубымъ инстинктамъ невѣжественныхъ массъ. Ему нужно предостеречь людей западнаго образованія отъ *восточныхъ волковъ въ овечьей шкурѣ*. Само собой разумѣется что при этомъ г. Вагнеръ не упустилъ почтить своими ругательствами и *Московскія Вѣдомости*. Онъ изображаетъ насъ *фанатическими поборниками общиннаго землевладѣнія и круговой поруки*; наши изданія, по его словамъ, пропагандируютъ демагогическія ученія противъ личной собственности и личной отвѣтственности. Подобнымъ образомъ онъ все перевертываетъ. Либералу, хотя бы и національ-либералу, должно бы казаться неприличнымъ присоединять свой голосъ къ юнкерскому и феодальному гвалту, усиливающемуся опозорить, въ глазахъ Европы, упраздненіе крѣпостнаго права въ Россіи; человѣку видѣвшему Россію своими глазами не позволительно бы, кажется, говорить что освобожденіе крестьянъ въ конецъ разорило ихъ или ссылаться на низкую расу русскаго народа не допускающую мѣръ годныхъ для другихъ, высшихъ европейскихъ народовъ. Но г. Вагнеръ, живописуя русскихъ крестьянъ пьяницами, ворами, разбойниками, считаетъ возможнымъ утверждать что они признаютъ себя нынѣ въ лицѣ лучшихъ представителей своей собственной крестьянской среды *несчастными вслѣдствіе освобожденія отъ помѣщичьей палки*!

Да, если мы обязаны благодарностью Германіи за доставляемыхъ ею педагоговъ, то и она въ свою очередь должна быть намъ благодарна за то что у насъ под-

готовляются для ней самые ревностные бойцы политики, управляющей нынѣ ея судьбами. Дерптская педагогическая атмосфера оказывается особенно благопріятною для политическаго воспитанія прусскихъ націоналъ-либераловъ. Въ Дерптѣ же германскіе публицисты-патріоты, вмѣстѣ съ тѣмъ, окриляются враждою противъ Россіи, которой остается только надѣяться что эту вражду сторицею возместитъ ей благодарность Германіи за солидное воспитаніе ея воинственныхъ патріотовъ.

№ 273.

Москва, 17-го декабря.

Журналъ *Вѣстникъ Европы* не отличается согласіемъ составныхъ частей своихъ. Если въ его книжкахъ не рѣдко встрѣчаются прекрасныя произведенія, подписанныя извѣстными и уважаемыми именами, придающими интересъ журналу и распространяющими его въ публикѣ, то въ другихъ безыменныхъ статьяхъ, составляющихъ постоянный элементъ журнала, эти самые писатели подвергаются глумленію, объявляются отсталыми, отжившими, неспособными сказать *живое* слово ко благу народившагося поколѣнія *новыхъ людей* на Руси. Если въ романѣ Ауэрбаха, пріобрѣтенномъ *Вѣстникомъ Европы* до напечатанія его въ нѣмецкомъ подлинникѣ (слѣдовательно, какъ надо бы полагать, съ полнымъ сочувствіемъ къ идеямъ лежащимъ въ его основаніи), гуманизмъ, на которомъ основана европейская учебная система, есть предметъ восторженнаго восхваленія автора, то тутъ же рядомъ редакція неистовствуетъ противъ всякой попытки создать что-либо похожее на европейскую школу въ любезномъ ей отечествѣ. Если ревнуя о томъ чтобы въ случаѣ надобности заявить себя серіознымъ органомъ, *Вѣстникъ Европы* признаетъ въ иномъ мѣстѣ наши западныя окраины за неотъемлемую часть Россіи, то на страницахъ того же журнала этотъ же взглядъ предается поруганію. Если, наконецъ, по поводу нынѣшнихъ европейскихъ событій, редакція выражаетъ свои усерднѣйшія симпатіи Пруссіи и ревностно желаетъ ей полнаго успѣха въ борьбѣ съ „деморализованною, граждански и нравственно павшею" Франціей, то тутъ же рядомъ редакція представляетъ своему благодушному читателю „другую сторону медали," а именно объявляетъ Францію важнѣйшимъ ингредіентомъ въ цивилизаціи человѣчества, единственною искреннею поборницей и проводницей свободы, равенства и вообще всякой великодушной идеи, предсказываетъ въ случаѣ ея паденія самыя гибельныя послѣдствія для міра, а въ окончательной побѣдѣ надъ нею Пруссіи, поглотившей нынѣ Германію, видитъ лишь торжество милитаризма, „Cottesfurcht'а и Cottesrecht'а," всего реактивнаго, дикаго и враждебнаго прогрессу и законнымъ правамъ народовъ...

Въ такомъ забавномъ винегретѣ представляется намъ на каждомъ шагу то что̀ за неимѣніемъ болѣе подходящаго термина, мы назовемъ, пожалуй, *убѣжденіями* редакціи *Вѣстника Европы*. Есть однако одинъ предметъ и одно чувство относительно которыхъ „либеральный" журналъ обнаруживаетъ необыкновенную стойкость: оный предметъ есть учебное дѣло въ Россіи; оное чувство — неутомимая злоба къ нынѣшнему управленію этимъ дѣломъ и ко всему что̀ стремится установить наконецъ въ нашемъ отечествѣ систему высшаго и плодотворнаго умственнаго образованія на общихъ всему цивилизованному міру основаніяхъ.

Мы, конечно, не станемъ входить въ разборъ тѣхъ побужденій которыя могутъ въ этомъ случаѣ руководить издателя означеннаго журнала. Мы знаемъ только что, ревностный защитникъ обще-европейской, то-есть такъ-называемой классической системы общаго образованія, во всю бытность свою членомъ ученаго комитета министерства просвѣщенія, издатель *Вѣстника Европы*, какъ только учрежденіе это закрылось для него, счелъ для себя болѣе удобнымъ превратиться въ свирѣпаго противника нашей учебной реформы и предать сожженію свои вчерашніе кумиры. Все это человѣческая суть, и пуританскихъ добродѣтелей мы, конечно, не ожидаемъ отъ редактора *Вѣстника Европы*. Пусть же продолжаетъ онъ злобствовать: полагаемъ что отъ этого вѣдомству которое теперь столь ненавистно г. Стасюлевичу ни тепло ни холодно. Но мы смѣемъ думать что, каковы бы ни были недочеты испытанные лично г. Стасюлевичемъ, злобство издаваемаго имъ журнала не должно выходить изъ тѣхъ предѣловъ, за которыми кончается полемика, а начинается уже явная и сознатель-

ная неправда. Можно въ волю препираться по поводу фактовъ, но отрицать, а тѣмъ болѣе искажать или выдумывать ихъ едва ли можетъ быть извинительно, даже при томъ возбужденномъ состояніи на которое очевидно настраиваетъ себя г. Стасюлевичъ каждый разъ какъ идетъ у него рѣчь объ учебномъ дѣлѣ въ Россіи.

На такія размышленія наведены мы были на дняхъ, по прочтеніи въ послѣдней декабрьской книжкѣ *Вѣстника Европы*, новой куріознѣйшей выходки по адресу все того же главнаго предмета его ненависти. Куріозна эта выходка въ особенности тѣмъ что *прогрессивный* журналъ, отложивъ на этотъ разъ въ сторону всякія обычныя ему измышленія о „высшей культурѣ", надѣваетъ на себя неожиданно патріотическую броню и обращается къ правительству съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, долженствующихъ свидѣтельствовать о тревогѣ г. Стасюлевича за благо отечества. „Мы привѣтствуемъ" говоритъ *Вѣстникъ Европы*,— „введеніе принципа общей военной повинности именно потому что во введеніи такого принципа нельзя не усматривать твердаго намѣренія правительства поднять во что бы ни стало нравственный и умственный уровень народной и общественной массы. Но соотвѣтствуютъ ли *у насъ введенію ландвера настоящія усилія поднять реальное образованіе?* Что сдѣлано въ послѣднія пять-шесть лѣтъ для развитія реальнаго образованія, *отсутствіе котораго можетъ парализовать всѣ благіе результаты военной повинности?* Увеличилось ли въ послѣднее время число нашихъ реальныхъ гимназій, или, быть-можетъ, даже уменьшилось? Даны ли права реальнымъ гимназіямъ для привлеченія туда учащихся, или, наоборотъ, онѣ поставлены въ такія условія что должны закрываться сами собою? Все это вопросы слишкомъ важные въ настоящую минуту чтобъ ограничиться однимъ литературнымъ изслѣдованіемъ ихъ; для изслѣдованія такого рода вопросовъ *нуженъ теперь авторитетъ высшій того какимъ пользуется печать чтобы результаты такого изслѣдованія принесли практическую пользу.*"

Такимъ образомъ, патріотъ *Вѣстника Европы* призываетъ „высшій авторитетъ" къ немедленному „изслѣдованію" преступныхъ дѣйствій вѣдомства народнаго просвѣщенія относительно „реальнаго образованія" въ Россіи, грозя въ противномъ случаѣ что всѣ ожидаемые „благіе результаты" отъ реформы военной повинности должны обратиться въ прахъ и дымъ!

Какое безстыдство! Но слушайте далѣе: „Не задолго до нашего отреченія охранять собственными силами нейтрализацію Чернаго моря противъ самихъ себя (!!!), выраженнаго въ депешѣ *канцлера* отъ 19-го (31-го) октября, Русское Общество Пароходства и Торговли на Черномъ морѣ публиковало приглашеніе молодымъ людямъ поступать къ нему на службу, и въ числѣ условій программы былъ поставленъ курсъ въ *реальныхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) гимназіяхъ. Но гдѣ эти реальныя гимназіи? *Существуютъ ли хоть тѣ которымъ положено было начало въ министерство А. В. Головнина? Кто не понимаетъ теперь что въ ближайшемъ прошедшемъ (??) ничто такъ не могло парализовать намѣреній нашего правительства, уничтожившаго теперь нейтрализацію Чернаго моря и принявшаго принципъ общей повинности, какъ именно подавленіе реальнаго образованія и превращеніе послѣднихъ (???) реальныхъ гимназій въ классическія?* Наше правительство, какъ то выражено въ депешѣ, отказалось отъ нейтрализаціи Чернаго моря только *по зрѣломъ размышленіи* (вносные знаки въ подлинникѣ), т.-е. *этотъ актъ не былъ дѣломъ вчерашняго дня* и правительство думало объ избавленіи своего народа отъ тягостей Парижскаго трактата пять лѣтъ тому назадъ также какъ и сегодня; *но изъ хода реальнаго образованія у насъ, дѣйствительно, нельзя было догадываться о томъ...*"

Эти патріотическія воззванія къ „высшему авторитету," эти благонамѣренныя „*инсинуаціи*" (мы употребляемъ здѣсь выраженія столь любезныя г. Стасюлевичу) можно назвать драгоцѣннѣйшими перлами въ вѣнцѣ такого просвѣщеннаго *либерала*, какимъ выдавалъ себя до сихъ поръ извѣстный эксъ-профессоръ, завѣдующій судьбами *Вѣстника Европы*. Тутъ все есть. И „военная повинность," и „Черное Море," и „Русское Общество Пароходства и Торговли," и „канцлеръ," и „заботы" самого г. Стасюлевича о благѣ отечества вообще и „реальнаго образованія" въ особенности,—все призвано въ доказательство „высшему авторитету" того до какой степени „могутъ парализовать его благія намѣренія" злокозненные поступки вѣдомства народнаго просвѣщенія. И ка-

кая остроумная логика, какіе удивительные выводы, какіе необычайные пріемы въ аргументаціи! Читателю повѣствуется что „правительство отреклось отъ нейтрализаціи Чернаго Моря *по зрѣломъ размышленіи*;“ тутъ же и объясняется что „этотъ актъ не былъ дѣломъ вчерашняго дня,“ и что правительство думало о немъ „пять лѣтъ тому назадъ также какъ и сегодня.“ Отчего же именно *пять лѣтъ?* спрашиваетъ себя читатель: отчего не десять, не четырнадцать лѣтъ тому назадъ? Вся Россія убѣждена что свергнуть узы наложенныя на нее Парижскимъ трактатомъ, наше правительство „думало“ съ той самой минуты когда онѣ были наложены. Но эта цифра *пяти лѣтъ*, совпадающихъ съ тѣмъ временемъ когда послѣ „министерства А. В. Головнина“ вступило въ управленіе вѣдомствомъ просвѣщенія новое лицо, а самъ редакторъ *Вѣстника Европы* пересталъ принадлежать къ этому вѣдомству,—эта цифра понадобилась вѣроятно для того чтобы дать „высшему авторитету“ прямое указаніе кто именно „*въ ближайшемъ прошедшемъ* могъ парализовать его благія намѣренія“. По аргументаціи *Вѣстника Европы* выходитъ что правительство наше могло задумать „отреченіе охранять собственными силами нейтрализацію Чернаго Моря противъ самихъ себя“ единственно подъ условіемъ увеличить въ Россіи число фальшиво-реальныхъ гимназій, а такъ какъ зловредное молъ управленіе нашего народнаго просвѣщенія не только не позаботилось увеличить, но даже уменьшило де число такихъ гимназій, то Россія не жди для себя ничего хорошаго отъ депеши канцлера, а Русское Общество Пароходства и Торговли такъ и оставайся безъ моряковъ, и Черное Море безъ флота. Послѣдній доводъ особенно забавенъ. Въ Черномъ Морѣ былъ славный флотъ, который образовался въ ту эпоху когда у насъ и помину не было о такъ-называемыхъ *реальныхъ гимназіяхъ*, а всѣ гражданскія общеобразовательныя заведенія вѣдомства народнаго просвѣщенія были гимназіями университетскими, и слѣдовательно принадлежали къ разряду школъ классическихъ, хотя и при столь неполномъ противъ европейскихъ школъ объемѣ преподаванія, какой имъ былъ данъ уставомъ 1828 года. Для спеціальнаго же морскаго образованія существовалъ въ Петербургѣ морской корпусъ, не упраздненный и понынѣ, который и служилъ главнымъ разсадникомъ офицеровъ Черноморскаго флота; существовало въ Николаевѣ гардемаринское училище; были, наконецъ, юнкера производившіеся въ мичманы по выдержаніи спеціальнаго морскаго экзамена. Съ возстановленіемъ русскаго флота на Черномъ Морѣ тѣ же разсадники будутъ несомнѣнно готовить для него новыхъ офицеровъ, а нынѣшніе воспитанники нашихъ университетскихъ гимназій получатъ противъ прежнихъ гораздо болѣе удобства поступать въ морскую службу, такъ какъ при настоящемъ устройствѣ морскаго корпуса они будутъ имѣть возможность переходить туда прямо въ спеціальный курсъ, точно такъ же какъ они поступаютъ на ту или другую спеціальность въ университетъ. Спрашивается теперь, на какую же потребу нужно для Чернаго Моря учрежденіе такъ-называемыхъ реальныхъ гимназій, и кому именно нужны тамъ люди которые въ годы отрочества наполняли свою голову винегретомъ всякой всячины, годной не для дѣла, а для болтовни? Русскому Обществу Пароходства и Торговли? На какія же мѣста именно? На должности капитановъ пароходовъ или помощниковъ ихъ? Но, не говоря уже о томъ что на такія отвѣтственныя должности не поступаютъ со школьной скамьи, *Вѣстнику Европы*, какъ видно, невѣдомо что коммерческая компанія именуемая „Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли“ уволила изъ своей службы и тѣхъ бывшихъ черноморскихъ офицеровъ, чья опытность и спеціальныя познанія давали несомнѣнное право на управленіе его пароходами, и замѣнило ихъ капитанами большею частью изъ иноземныхъ уроженцевъ средиземнаго побережья. Итакъ, нашимъ *реалистамъ* остаются въ „Русскомъ Обществѣ“ мѣста суперкарговъ, пакгаузныхъ, бухгалтеровъ, писарей и т. п. Но къ этимъ реальнымъ должностямъ служатъ достаточною подготовкой уѣздныя училища.

Не знаемъ кто занимается сочиненіемъ этихъ „гражданскихъ“ воплей о судьбахъ отечества на страницахъ петербургскаго прогрессивнаго журнала,—самъ ли г. Стасюлевичъ или какой-либо нанятый имъ борзописецъ, во всякое время готовый строчить обо всемъ что ему прикажутъ; но мы во всякомъ случаѣ посовѣтуемъ со-

чинителю познакомиться прежде всего съ дѣломъ образованія въ Пруссіи, этой родинѣ общей военной повинности, и уже затѣмъ попросимъ его объяснить своимъ читателямъ, „поднятъ“ или приниженъ „умственный уровень“ прусской арміи и ея военная подготовка отъ того что тамъ господствуетъ система обученія которую *Вѣстникъ Европы* не хочетъ допустить въ Россію. Въ странѣ общей военной повинности господствуетъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, классическая система, и тамъ другихъ гимназій не имѣется кромѣ классическихъ. Онѣ пользуются высшими преимуществами во всякой спеціальности, а также и по отношенію къ военной повинности, и къ нимъ примыкаетъ, не будучи однако полноправными, небольшое число учебныхъ заведеній именуемыхъ реальными училищами, но которыя не имѣютъ ничего общаго съ нашими такъ-называемыми реальными гимназіями, а суть что̀ у насъ называется классическія гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ. Мы могли бы уже кстати просить *Вѣстникъ Европы* и о томъ чтобъ онъ потрудился вразумить насъ насколько наши фальшивыя „*реальныя* гимназіи,“ не приспособленныя ни къ какой практической цѣли, и въ то же время лишенныя силы высшаго умственнаго воспитанія, могутъ дѣйствительно „поднять во что̀ бы ни стало нравственный и умственный уровень народной и общественной массы?“ Увы! прогрессисты наши, какъ намъ хорошо вѣдомо, хлопочутъ не о распространеніи въ русской „народной и общественной массѣ“ дѣйствительно необходимыхъ ей практическихъ, годныхъ для жизни познаній, а о томъ чтобы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не вымирала традиція той дребедени, которая въ умственномъ разслабленіи настолько же находитъ для себя послушнаго сподручника, насколько чаетъ себѣ опаснаго врага въ серіозномъ ученіи и самостоятельной мысли.

Отъ редакціи журнала г. Стасюлевича никто, разумѣется, изъ мыслящихъ и зрячихъ людей не ожидаетъ серіознаго отношенія къ учебному дѣлу въ ихъ русскомъ отечествѣ. Но какъ всякій, садясь за игорный столъ, имѣетъ право требовать чтобъ его партнеръ не подтасовывалъ картъ, такъ читатель въ правѣ требовать чтобы пишущая братія не подтасовывала фактовъ. А между тѣмъ, вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ *Вѣстникъ Европы* для вящаго назиданія своего читателя: „Въ нашихъ газетахъ,“ сказано подъ строкою той же патріотической діатрибы противъ вѣдомства народнаго просвѣщенія,—

„*почти ежедневно* можно читать исторію превращенія реальныхъ гимназій въ классическія. Въ № 313 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* мы читаемъ *опять* слѣдующую корреспонденцію изъ Кѣлецъ, отъ 2-го ноября: „*Къ общему сожалѣнію* (подчеркнуто въ подлинникѣ *Вѣстника Европы*), реальная школа была преобразована „въ семиклассную классическую гимна„зію... Воспитанники прежней реальной „Кѣлецкой школы усердно занимались дѣ„ломъ... Бывшіе ея воспитанники, какъ „служащіе въ горномъ вѣдомствѣ, такъ и „занявшіе мѣста архитекторовъ и инжене„ровъ, несмотря на происходившія въ не„давнее время преобразованія, удержались „на своихъ мѣстахъ. Это обстоятельство „всего болѣе говоритъ въ пользу Кѣлец„кой реальной школы и о замѣнѣ ея клас„сическою гимназіею нельзя не пожалѣть.“

„Намъ кажется что это обстоятельство „достойно болѣе чѣмъ одного сожалѣнія,“ заключаетъ отъ себя патріотъ *Вѣстника Европы*. Изъ содержанія почти цѣликомъ выписанной нами выходки, а тѣмъ болѣе изъ только что приведенныхъ строкъ, читатель приходитъ къ несомнѣнному заключенію что нынѣшнее управленіе народнаго просвѣщенія занимается „*почти каждый день*“ упраздненіемъ реальныхъ гимназій, „которымъ было положено начало въ ми„нистерство А. В. Головнина,“ и что въ томъ числѣ *на дняхъ* преобразована, *къ общему сожалѣнію*, въ городѣ Кѣльцахъ существовавшая тамъ реальная школа въ семиклассную классическую гимназію.

Это было бы истиннымъ прогрессомъ науки,—однако что̀ же оказывается въ дѣйствительности?

Кромѣ одной 3-й Московской гимназіи обращенной въ классическую, *всѣ реальныя гимназіи въ Имперіи, которымъ положено было начало* за пять лѣтъ предъ симъ, *такъ и по сей день*, къ крайнему сожалѣнію, *остались реальными*. Что же касается спеціально Кѣлецкой гимназіи, то вотъ подлинный текстъ корреспонденціи изъ этого города, въ № 313 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ которой *Вѣстникъ Европы* „*прочелъ опять*“ новый фактъ въ подтвержденіе злокознен-

ности нынѣшняго управленія вѣдомствомъ просвѣщенія:

„Къ общему сожалѣнію, *въ 1862 году*, реальная школа была преобразована въ семиклассную классическую гимназію, которая существуетъ и понынѣ. Въ настоящее время въ ней 245 учениковъ. Свѣдѣнія о ней я заимствовалъ изъ статьи *Szkoła Kielecka*, напечатанной въ *Ежегодникѣ* на 1871 годъ *Pamiętnik Kielecki*. *По словамъ автора* воспитанники реальной школы занимались усердно дѣломъ" и т. д.

Такимъ образомъ то что,—явно намѣренно опуская изъ корреспонденціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* годъ преобразованія Кѣлецкой реальной школы въ классическую гимназію,—*Вѣстникъ Европы* обращаетъ въ обвиненіе нынѣшняго *министерства* народнаго просвѣщенія, оказывается дѣломъ той эпохи когда въ Царствѣ Польскомъ существовало самостоятельное управленіе, а во главѣ этого управленія стоялъ маркизъ Велёпольскій, котораго нельзя обвинить въ недостаткѣ патріотизма—съ польской точки зрѣнія. Маркизъ Велёпольскій, въ пользахъ своей страны, счелъ нужнымъ возвести существовавшую въ Кѣльцахъ реальную школу въ классическую гимназію, и въ такомъ видѣ приняло ее министерство народнаго просвѣщенія, къ которому въ 1867 году перешло завѣдываніе учебною частью въ Царствѣ Польскомъ; въ такомъ видѣ *„существуетъ она съ 1862 года и понынѣ,"* категорически заявляетъ корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, на котораго такъ облыжно съ такимъ безстыдствомъ ссылается *Вѣстникъ Европы*. Какъ видно, въ винегретѣ „убѣжденій" этого журнала „либерализмъ" и „прогрессъ" подаются подъ однимъ соусомъ съ іезуитскимъ правиломъ что цѣль оправдываетъ средства.

Въ поученіе читателей *Вѣстника Европы*, мы можемъ сообщить имъ въ заключеніе кое-какія свѣдѣнія, которыя имъ, конечно, не удастся никогда встрѣтить на страницахъ этого журнала. Если вѣдомство нашего народнаго просвѣщенія, къ величайшей похвалѣ его, не намѣрено увеличивать въ Имперіи число тѣхъ *антиреальныхъ* заведеній, которыя окрещены у насъ названіемъ *„реальныхъ гимназій,"* то оно, сколько извѣстно, озабочено распространеніемъ техническихъ познаній въ нашей „народной и общественной массѣ," какъ можно судить изъ того что имъ предполагается внести весьма скоро въ государственный совѣтъ проектъ цѣлой системы училищъ назначенныхъ для той части молодежи которая, не стремясь къ университетскому образованію, имѣетъ потребность въ пріобрѣтеніи практическихъ, полезныхъ для непосредственнаго примѣненія къ жизни знаній.

Какъ разъ печатаемъ мы сегодня корреспонденцію изъ Варшавы, изъ которой усматриваемъ что министерство народнаго просвѣщенія имѣло въ виду преобразовать въ тамошнемъ учебномъ округѣ двѣ классическія гимназіи въ реальныя. Мы не знаемъ какими побужденіями руководствовалось министерство, но полагаемъ что при этомъ могъ отчасти приниматься въ соображеніе чрезмѣрный наплывъ учащихся въ высшее заведеніе края, со времени преобразованія его изъ главной школы въ университетъ, всего же болѣе имѣлось, конечно, цѣлью способствовать развитію и усовершенствованію столь необходимыхъ въ томъ краѣ какъ съ экономической, такъ и съ политической точки зрѣнія отраслей ремесленной, фабричной и земледѣльческой дѣятельности. Нашъ варшавскій корреспондентъ приводитъ на память нашихъ читателей что въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, не считая прогимназій, состоитъ 22 гимназіи, въ томъ числѣ 19 университетскихъ и только 3 такъ-называемыя реальныя, въ коихъ впрочемъ не лишнее будетъ прибавить, преподается латинскій языкъ. Удивляться ли что при такомъ составѣ среднихъ учебныхъ заведеній возникла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мысль объ усиленіи техническаго образованія въ странѣ безъ увеличенія казеннаго расхода? Варшавскій университетъ нисколько не пострадалъ бы отъ того, ибо на его долю все-таки осталось бы 17 гимназій. Но тѣмъ не менѣе этотъ проектъ вызвалъ неудовольствіе въ мѣстныхъ общественныхъ сферахъ, и по словамъ нашего варшавскаго корреспондента, намѣстникъ Царства Польскаго на предположеніе министерства отвѣчалъ что „число нынѣ существующихъ въ Варшавскомъ учебномъ „округѣ реальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ населенія того края въ общемъ реальномъ образованіи, и поэтому „всякая попытка увеличивать въ настоящее время еще число реальныхъ заведе-

„ній, и притомъ на счетъ классическихъ, „*клонилась бы только къ явному ущербу* „*для обезпечиваемаго классическими гим*„*назіями основательнаго научнаго обра*„*зованія...*“ Хорошо было бы еслибы такіе взгляды на учебное дѣло господствовали не на однѣхъ нашихъ окраинахъ. Но описанный случай ярко показываетъ какъ фальшиво изображаетъ *Вѣстникъ Европы* дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія.

Если мы, въ добавленіе къ этимъ свѣдѣніямъ, припомнимъ читателямъ *Вѣстника Европы* что то же *нынѣтнее* министерство просвѣщенія преобразовало въ городѣ Лодзи, согласно съ общимъ желаніемъ жителей этого промышленнаго города, учрежденную тамъ въ 1864 году реальную школу (съ латинскимъ языкомъ) въ *высшее ремесленное училище*,—то эти читатели, смѣемъ полагать, выведутъ уже сами заключеніе насколько могутъ они давать вѣры патріотическимъ *доносамъ* господъ Стасюлевича и К".

Съ нашей стороны мы относительно образа дѣйствій *Вѣстника Европы* можемъ только перефразовать, употребляя для этого его собственное выраженіе, то что уже было нами сказано: въ глазахъ каждаго честномыслящаго читателя изданіе прибѣгающее для своихъ цѣлей къ передергиванію фактовъ „*достойно болѣе чѣмъ одного сожалѣнія...*“

№ 274.

Москва, 18-го декабря.

Нѣтъ ничего печальнѣе какъ смотрѣть на дѣла съ русской точки зрѣнія. Положеніе русскаго наблюдателя, всегда плачевное, становится особенно тягостнымъ теперь когда дѣла очевидно приближаются къ развязкѣ. Чѣмъ яснѣе предвидѣлась она еще издали, тѣмъ хуже. Событія совершаются будто таинственною силой рока, а между тѣмъ видны пружины, видны руки приводящія ихъ въ движеніе, виденъ предначертанный путь и всѣ его этапы, видно гдѣ и какъ можно было бы дать отпоръ событіямъ или предотвратить ихъ; но какая отъ того польза что все это очевидно? Насъ обходятъ со всѣхъ сторонъ, и скоро поставленъ будетъ вопросъ о нашемъ историческомъ наслѣдіи, о нашемъ будущемъ, о самомъ существованіи Россіи какъ великой державы. Россія видитъ себя окруженною трудностями и опасностями какихъ еще не знавала она съ того самаго времени какъ стала европейскою державой, и положеніе это образовалось при ея содѣйствіи. Мы не хотимъ простираться взоромъ во глубь временъ или пускаться въ далекія разсужденія. Мы ограничимся настоящимъ, и только вкратцѣ обозначимъ переходы которые совершаются теперь на глазахъ у всѣхъ.

Парижскій трактатъ былъ тягостнымъ для Россіи условіемъ. Будучи послѣдствіемъ несчастной войны, онъ и не могъ быть для нея выгоденъ. Но съ того времени дѣла подвинулись такъ что Парижскій трактатъ сталъ истинною выгодой для Россіи, и всякая перемѣна въ немъ обращается ей въ ущербъ. Относительно его мы очутились въ такомъ же положеніи какъ Франція относительно Вѣнскихъ трактатовъ. Ея правители и политики считали своимъ долгомъ протестовать противъ порядка вещей созданнаго въ 1815 году вслѣдствіе пораженія Франціи. „Я ненавижу Вѣнскіе трактаты,“ изрекъ Наполеонъ III въ виду событій которыя окончательно разрушили ихъ; но нашлись люди во Франціи которые тогда же сказали что каково бы ни было положеніе созданное Вѣнскими трактатами для Франціи, ей придется воевать за ихъ возстановленіе, и мы видимъ что слово это было не просто слово, а предсказаніе.

Дунайскія Княжества были слиты, на престолѣ ихъ сѣлъ принцъ Гогенцоллернскаго дома, - это было нарушеніе Парижскаго трактата, и это было также пораженіемъ Россіи въ тѣхъ интересахъ за которые она пролила столько своей крови. Это было первыми ударами которые нанесены ей посреди мира, подъ благовиднымъ предлогомъ. Сами по себѣ эти событія могли казаться даже благопріятными для интересовъ которые Россія издавна защищаетъ на Востокѣ; но они были только частію обширнаго плана, только звеномъ въ цѣпи событій, которыхъ нельзя было не предвидѣть. Въ подготовленный планъ Молдо-Валахи входили какъ орудіе чуждыхъ имъ цѣлей. Надобно было разорвать славянскій міръ и отрѣзать Россію отъ Востока,—и вотъ для этого воспользовались двумя народностями которыя замѣшались между Славянами: съ одной сто-

роны подняты были Мадьяры, съ другой — Румыны. Дуализмъ Австріи и принцъ Гогенцоллернскій на румынскомъ престолѣ принадлежатъ къ одному и тому же плану.

Вмѣсто Германскаго Союза явился Сѣверо-Германскій Союзъ, вступившій съ самаго начала въ извѣстныя договорныя отношенія къ южнымъ государствамъ Германіи. Но дѣло не могло остановиться на этомъ. Южно-германскія государства должны были войти въ составъ единой Германіи. Теперь это уже совершившійся фактъ: южныя государства Германіи, какъ и сѣверныя, суть вассальныя земли короля Прусскаго, ставшаго императоромъ Германскимъ. Но этотъ ресультатъ, пріобрѣтенный разгромомъ Франціи, недостаточенъ. Германская имперія должна строже объединиться внутри и покрыть всѣ земли входившія въ составъ Германскаго Союза. Это ближайшее будущее которое уже наступаетъ. Австрія не можетъ снова войти въ Германію, откуда ее выбросили; но въ высшемъ совѣтѣ уже рѣшена судьба владѣній Габсбургскаго дома которыя принадлежали къ Германскому Союзу когда Австрія стояла во главѣ его. Нѣтъ надобности что въ числѣ этихъ владѣній есть земли негерманскія, хотя подвластныя императору Австрійскому, но сохранившія свою національность и имѣющія свою не лишенную славы корону. Чехи, вотъ добыча на которую алчно обращаются взоры Германіи, и вопросъ о ихъ существованіи становится на очередь какъ только окончится разчетъ съ Франціей. Берлинская политика давно уже работаетъ въ этомъ направленіи, и дѣло о Чехахъ предрѣшено еще въ 1866 году распаденіемъ Австріи на два центра. Мы приглашаемся быть зрителями превращенія соплеменнаго намъ, высоко цивилизованнаго народа, въ племенное достояніе Германіи; мы, великая славянская держава, приглашаемся присутствовать при повтореніи процесса который совершился въ темныя времена исторіи надъ славянскими племенами и, если угодно, рукоплескать спектаклю.

Габсбургскому дому уже подготовлено вознагражденіе на Востокѣ: оно блюдется подъ охраной принца Гогенцоллернскаго до той поры какъ наступитъ общая ликвидація...

Прежде всего нужно было разорвать Парижскій трактатъ, — и починъ этого предоставленъ Россіи. Она именно теперь отреклась отъ одной изъ статей этого трактата, и предложила общій пересмотръ и отмѣну его. Предложеніемъ этимъ воспользовались, — и плодомъ совѣщаній графа Бисмарка съ британскимъ повѣреннымъ въ Версалѣ вышла европейская конференція, которая на дняхъ откроется въ Лондонѣ. Между тѣмъ, слухъ отрицаемый, но настойчиво повторяющійся, возвѣщаетъ о намѣреніи князя Румынскаго также отречься отъ условія Парижскаго трактата и отложиться отъ Турціи.

Румынія въ своемъ управленіи совершенно независима отъ султана. Всѣ отношенія ея къ верховной власти Стамбульскаго патентата ограничиваются ежегодною данью, которая легко можетъ быть капитализована и переименована въ долговой процентъ. Султану останется дать согласіе на эту сдѣлку въ виду ожидаемаго дружнаго согласія державъ.

И вотъ когда наступитъ пора размѣна, императоръ Австро-Венгерскій получитъ спокойно, изъ рукъ въ руки, обладаніе долиной Дуная до самыхъ устьевъ этой этой великой рѣки.

Война которая кончилась Парижскимъ миромъ не лишила Россіи ни значенія, ни явленія на Востокѣ. Она не ослабила ея; напротивъ, никогда не обнаруживала Россія столько силы жизни и развитія какъ въ это время которое послѣдовало за Парижскимъ трактатомъ.

Но что̀ сказала бы Россія еслибы на Парижскомъ конгрессѣ было постановлено создать въ ближайшихъ къ Россіи христіанскихъ населеній Востока враговъ ей? Что̀ сказала бы она далѣе еслибы поставили условіемъ присоединить Валахію и Молдавію къ Австріи и продвинуть эту имперію къ берегамъ Чернаго моря? Что̀ сказала бы она еслибъ условіемъ мира поставили признаніе за Австріей права на наслѣдіе древней Византіи? Что̀ сказала бы она, еслибы требовалось чтобъ она въ пользу колоссальнаго иноплеменнаго могущества которое обступаетъ ее со всѣхъ сторонъ, отреклась отъ своихъ соплеменниковъ восточныхъ и предала своихъ западныхъ соплеменниковъ, единственныхъ союзниковъ своихъ въ Европѣ, привязанныхъ къ ней всѣми интересами своего существованія? Приняла ли бы она даже тогда, послѣ несчастной войны, миръ на такихъ условіяхъ?

№ 275.

Москва, 19-го декабря.

Едва успѣли мы вчера указать на признаки приближающейся общей ликвидаціи на Востокѣ, какъ уже сегодня газеты принесли намъ съ разныхъ сторонъ подтвержденіе нашихъ опасеній. Вотъ букурештская телеграмма *Пештскаго Ллойда*, съ извѣстіемъ что князь Карлъ Румыно-Гогенцоллернскій объявилъ европейскимъ консуламъ о рѣшеніи своемъ, вызванномъ какою-то необходимостью, измѣнить, конституцію Румыніи, и что Порта не находитъ нужнымъ противиться измѣненію порядковъ установленныхъ самими Румынами. Телеграмму изъ Букурешта получаетъ одновременно съ *Пештскимъ Ллойдомъ* и венгерская *Reform*, и эта телеграмма въ тотъ же день передается въ вѣнскія офиціозныя газеты гдѣ уже есть передовыя статьи, подъ знаменательнымъ заглавіемъ: *Румынскій вопросъ*.

„Румынское правительство,“ сказано въ *Reform*, „извѣстило всѣ европейскіе кабинеты объ измѣненіи своего положенія. „По измѣненія своихъ внутреннихъ отно„шеній, князь находитъ невозможными (un„haltbar) свои внѣшнія отношенія. *Пруссія*, „какъ слышно, *вошла по этому обстоя„тельству въ сношенія съ Англіей*.“ Итакъ, по одному извѣстію, Порта, съ поспѣшностью вовсе ей не свойственною, согласилась на измѣненіе *внутреннихъ отношеній* Румынскаго князя, то-есть на измѣненіе румынской конституціи, и это внутреннее измѣненіе оказывается въ тотъ же день, въ другой телеграммѣ, измѣненіемъ *внѣшнихъ отношеній* того же князя Румынскаго, который въ качествѣ вассальнаго владѣтеля ни къ кому не имѣлъ и не могъ имѣть до сихъ поръ *внѣшнихъ отношеній* какъ только къ своему сюзерену то-есть къ султану. Какое же иное измѣненіе этихъ отношеній можетъ произойти какъ не то что изъ вассальнаго владѣтеля князь Карлъ станетъ владѣтелемъ независимымъ?

Итакъ, слухи о провозглашеніи независимости Румыніи еще разъ подтверждаются, но на это повидимому уже напередъ согласны, вмѣстѣ съ Турціей, Англія и Пруссія. Само собою разумѣется, для насъ весьма не безынтересно узнать что думаетъ объ этомъ Австро-Венгрія, столь близко принимавшая къ сердцу наималѣйшія происшествія на низовьяхъ Дуная, что и болгарскіе комитеты въ Рущукѣ, и соціалистскія мнѣнія какихъ-нибудь букурештскихъ политическихъ дипломатовъ, даже уличныя схватки между Евреями и Румынами въ какомъ-нибудь пограничномъ румынскомъ захолустьѣ, въ родѣ Бузея, казались ей еще недавно явленіями угрожающими политическому равновѣсію Европы.

Въ той же *Reform* мы читаемъ: „Оче„видно, что *въ Букурештѣ подготовляют„ся великія дѣла*, которыя, конечно, не „могутъ намъ быть нынѣ вполнѣ извѣстны. „Вѣрно, вопервыхъ, что этимъ дѣламъ „*нельзя придавать* вреднаго для *Венгріи* „*значенія*, такъ какъ со времени паденія „кабинета Братіано между обоими прави„тельствами установились наилучшія от„ношенія, а вовторыхъ, что *Пруссія со„вершенно чужда этимъ дѣламъ*.“ Въ этихъ строкахъ выражена венгерская политика. Венгрія готова одобрить какъ этотъ шагъ, такъ и всѣ дѣйствія правителя Румыніи съ тѣхъ поръ какъ имъ удаленъ министръ который считалъ Россію естественною опорой румынской политики. Венгрія сочувствуетъ перевороту на Дунаѣ, и венгерскій органъ прежде всего старается выгородить Пруссію, да не подумаютъ гдѣ-нибудь что она принимаетъ тутъ слишкомъ дѣятельное участіе, хотя въ телеграммѣ положительно сказано что именно Пруссія по сему предмету вступила въ сношенія съ Англіей.

Сообщенная недавно телеграфомъ статья полуофиціальной берлинской *Provinzial-Correspondenz*, бывшая вѣрнымъ отголоскомъ воспроизводимой нами сегодня депеши графа Бисмарка къ графу Бейсту о возобновленіи „прежнихъ дружескихъ отношеній“ Пруссіи къ Австріи, послужила поводомъ венгерской партіи высказать свою политическую исповѣдь по случаю нарушенія Пруссіей основнаго постановленія Пражскаго трактата. Мадьярская печать спѣшитъ заявить что такъ какъ не Австро-Венгрія, а одна Австрія заключила Пражскій трактатъ, то въ Пештѣ нечего объ этомъ трактатѣ заботиться. *Пештскій Ллойдъ* съ гордостью заявляетъ что уже два года назадъ, 24-го декабря 1868 г., онъ косвенно приглашалъ Пруссію не стѣсняться Пражскимъ трактатомъ. Въ томъ же духѣ высказываются въ Вѣнѣ такъ-называемые „Прусаки-печати.“ Эта

партія радуется сближенію съ Пруссіей, съ тою однако оговоркой что она только тогда повѣритъ искренности дружескихъ предложеній Пруссіи, когда сія послѣдняя положитъ конецъ „интимнымъ отношеніямъ къ Россіи.“ „Конечно, Россія оказала „Пруссіи значительныя услуги,“ говоритъ *Neue Freie Presse* отъ 23-го декабря, „услуги, безъ которыхъ Пруссія едва ли „была бы въ состояніи развить противъ „Франціи всѣ свои силы и дать имъ столь „страшное значеніе; но съ тѣхъ поръ какъ „успѣхъ Пруссіи уже обезпеченъ, съ тѣхъ „поръ какъ *извлечена вся польза изъ ин*„*тимности съ Россіей*“ (die Intimiät mit „Russland *ausgenützt*), предъ прусско-гер„манской политикой поставленъ вопросъ: „какъ далеко должна простираться опас„ная интимность съ Россіей.“ И вотъ, вопросъ этотъ поставленъ и Пруссія предлагаетъ Австро-Венгріи *интимность* Германской имперіи въ вознагражденіе за отмѣну Пражскаго трактата. Съ отмѣною Пражскаго трактата уничтожается для Габсбургской монархіи послѣдняя надежда возстановить себя въ Германіи, и прусскія любезности напоминаютъ что пора ей перебираться изъ центральной Европы на Востокъ и искать приключеній на новыхъ мѣстахъ...

Но если Мадьяры продолжаютъ въ 1870 г. интриговать противъ цѣлости Габсбургской монархіи въ заговорѣ съ графомъ Бисмаркомъ, по программѣ установленной въ 1866 году, то въ этой монархіи существуетъ еще, хотя слабая и разрозненная, но еще не безгласная, партія стоящая за ея сохраненіе въ прежнемъ составѣ.

Послушаемъ же что̀ говорятъ въ Вѣнѣ люди преданные Габсбургской монархіи и желающіе сохранить ее въ цѣлости. „Будьте осторожны, васъ своевременно предостерегаютъ,“ говоритъ *Tages-Presse* отъ 25-го декабря. „Снова поютъ пѣсню си„рены что на Востокѣ лежитъ та почва „гдѣ естественно дружатся интересы Прус„сіи и Австріи. Скажемъ кратко и рѣзко „чего Пруссія домогается посредствомъ „этой восточной приманки. Она домогается „того на что̀ Бисмаркъ уже нѣсколько „лѣтъ назадъ указывалъ какъ на цѣль ве„лико-прусской политики, а именно чтобы „мы перенесли свой центръ тяжести глу„боко на Востокъ, и тамъ обороняли бы „какъ знаемъ свою шкуру отъ Россіи, „между тѣмъ какъ новая Германская им„перія будетъ купать свои ноги въ Адріа„тическомъ морѣ. Такъ или иначе, но „Цислейтанія неудержимо будетъ прикова„на къ Германіи. А когда конфискован„ный въ пользу Пруссіи германизмъ всту„питъ въ борьбу со славянствомъ“ (то-есть съ Россіей), „то для Берлинскнго ка„бинета, конечно, будетъ спокойнѣе без„условно располагать силами цислейтан„скихъ странъ чѣмъ вымаливать себѣ со„юзъ и помощь Австріи...“

Вчера мы говорили что все это очевидно, и спрашивали: „но какая отъ того польза что это очевидно?“ Габсбургская имперія не только не внемлетъ предостереженіямъ своихъ друзей, но называетъ ихъ измѣнниками, какъ сдѣлалъ на дняхъ лойяльный г. фонъ-Бейстъ изъ Саксоніи, обращаясь къ старожиламъ Австріи Чехамъ. Политика Бейсто-Бисмарковской интриги неудержимо ведетъ Австрію къ столкновенію съ Россіей...

№ 276.

Москва, 21-го декабря.

Вчера Московское Общество Сельскаго Хозяйства праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей, отчетъ о которомъ читатели найдутъ въ сегодняшемъ № нашей газеты. Послѣ Вольно-Экономическаго Общества это старѣйшее изъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Мысль о немъ возникла въ пору обновленія Россіи послѣ отечественной войны, когда еще всѣ вѣрили въ лучшее будущее. Въ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія Московское Общество Сельскаго Хозяйства, благодаря своему центральному положенію, проявило широкую, многостороннюю, и по тѣмъ временамъ многоплодную дѣятельность. По его образцу и отчасти при его содѣйствіи сложились существующія теперь у насъ сельско-хозяйственныя общества разныхъ губерній и мѣстностей. Оно учредило здѣсь земледѣльческую школу, депо сѣмянъ, опытный хуторъ, устраивало выставки, издавало сельско-хозяйственный журналъ. Почти всѣ отрасли сельскаго хозяйства обязаны здѣшнему Обществу многочисленными улучшеніями. Оно сдѣлалось разсадникомъ многихъ предпріятій по спеціальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства (овцевод-

ство, садоводство, шелководство) или по предметамъ къ нему болѣе или менѣе близко относящимся (грамотность, акклиматизація, рысистый бѣгъ и пр.). Главнымъ виновникомъ первыхъ успѣховъ былъ просвѣщенный градоначальникъ столицы князь Д. В. Голицынъ. Душою всякаго сельскохозяйственнаго общества бываетъ обыкновенно ученый секретарь его; со дня перваго засѣданія Общества, съ 20-го декабря 1820 г., должность эту занималъ С. А. Масловъ, которому довелось быть на вчерашнемъ юбилеѣ чуть ли не единственнымъ представителемъ того небольшаго кружка людей, которому Общество обязано своимъ существованіемъ.

Дѣятельность Общества пришла въ упадокъ за второе двадцатипятилѣтіе. Справедливо припомнилъ вчера І. Н. Шатиловъ, нынѣшній предсѣдатель Общества, что успѣхи сельскаго хозяйства находятся въ прямой зависимости отъ многихъ условій государственнаго и общественнаго быта, а эти условія не были благопріятны.

Многія изъ этихъ препятствій теперь устранены; предъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ открылась опредѣленная перспектива допускающая вѣрные разчеты, и оно получило возможность болѣе правильнаго развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ замѣтилъ І. Н. Шатиловъ, Московское Общество Сельскаго Хозяйства вступаетъ въ новый періодъ своей дѣятельности. Весьма кстати что въ началѣ этого періода состоялся юбилей Общества со съѣздомъ сельскихъ хозяевъ, обѣщающимъ повидимому добрые результаты. Правда, у насъ за послѣднее время было много толковъ о сельскомъ хозяйствѣ, но къ сожалѣнію сельское хозяйство было тутъ почти ни при чемъ. Затрудненія которыхъ нельзя было избѣжать при такой глубокой реформѣ, какова совершившаяся въ нашемъ сельскомъ быту, и которыя теперь уже, можно сказать, для большей части Россіи миновали, послужили предлогомъ къ агитаціи всего менѣе имѣвшей въ виду интересы сельскаго хозяйства, хотя и ссылавшейся на нихъ. Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства, всегда болѣе склонявшемуся ко взглядамъ въ этомъ отношеніи трезвымъ, выпало на долю собрать сельскихъ хозяевъ для обсужденія ихъ дѣйствительныхъ потребностей, и надо надѣяться что теперешній съѣздъ, со всѣмъ тѣмъ что къ нему будетъ примыкать, станетъ въ уровень своего призванія.

Какъ только наши сельскіе хозяева углубятся въ свою спеціальную задачу, то ихъ дѣятельность пріобрѣтетъ общій государственный интересъ. Простой перечень вопросовъ предложенныхъ на обсужденіе съѣзда показываетъ что труды его могутъ имѣть самое серіозное значеніе не для однихъ сельскихъ хозяевъ. Перечислимъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ. Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ предложилъ вопросъ какія отношенія желательно установить между сельско-хозяйственною администраціей и сельскими хозяевами и какое участіе полезно предоставить хозяевамъ въ этой администраціи? Извѣстно что въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ заграничныхъ государствъ участвуютъ представители сельско-хозяйственныхъ обществъ и еслибы труды съѣзда послужили поводомъ къ принятію того же порядка у насъ, то этимъ однимъ съѣздъ принесъ бы существенную услугу не только нашему сельскому, но и государственному хозяйству. Новороссійскій университетъ проситъ обсудить какими ближайшими мѣрами можетъ быть усиленъ притокъ рабочихъ на югѣ. Петербургскій университетъ обращаетъ вниманіе преимущественно на мѣры могущія служить къ заселенію Кавказа. Нѣсколько сельско-хозяйственныхъ обществъ, а также университетъ Харьковскій поставили вопросъ о кратко-срочномъ сельскомъ кредитѣ. Дерптскій университетъ заявляетъ о необходимости устройства химическихъ станцій по образцу германскихъ. Директоръ института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи г. Тютчевъ предлагаетъ съѣзду вопросъ объ опредѣленіи наименьшаго количества земли, на которомъ возможно сельское хозяйство, а также вопросъ о майоратахъ. Одесское Общество Сельскаго Хозяйства даетъ практическій совѣтъ обсудить желѣзнодорожный тарифъ на перевозку хлѣбныхъ продуктовъ.

Кромѣ другихъ общихъ экономическихъ вопросовъ предложено еще много вопросовъ по спеціальностямъ сельскаго хозяйства и по народному образованію, сдѣлавшемуся предметомъ постоянныхъ заботъ въ средѣ Московскаго Общества, къ великой его чести.

№ 277.

Москва, 22-го декабря.

Въ послѣднее время сознаніе необходимости въ организаціи сельскаго кредита обнаружилось съ особенною силой. Кромѣ частной инипіативы отдѣльныхъ лицъ, прекраснымъ и чуть ли не первымъ примѣромъ которой является учрежденіе еще въ 1865 году извѣстнаго Рождественскаго или Лугининскаго, какъ часто называютъ, ссуднаго товарищества, въ теченіе настоящаго года очень многія земства, вслѣдъ за Новгородскимъ, обнаружили серіозныя заботы къ изысканію средствъ для учрежденія сельскихъ банковъ или товариществъ и готовы оказывать нравственное и матеріальное пособіе къ организаціи кредита въ средѣ сельскаго населенія. Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать подобныя явленія въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ ни частная, ни земская инициатива, къ сожалѣнію, еще не можетъ имѣть мѣста. Мы уже сообщали о предположеніяхъ кіевскаго генералъ-губернатора касательно организаціи сельскаго кредита въ юго-западныхъ губерніяхъ. Выработанный въ Кіевѣ, по его порученію, проектъ объ устройствѣ сельскихъ банковъ въ означенномъ краѣ представленъ въ Петербургъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Проектъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія уже потому что онъ имѣетъ видъ общей мѣры по крайней мѣрѣ для трехъ губерній составляющихъ Кіевское генералъ-губернаторство. Предположено испросить утвержденія нормальныхъ правилъ для сельскихъ банковъ въ юго-западномъ краѣ, съ тѣмъ, конечно, чтобъ изданіемъ этихъ правилъ облегчить учрежденіе отдѣльныхъ банковъ, предоставивъ утвержденіе ихъ мѣстному генералъ-губернатору.

Изъ записки которою сопровождается проектъ означенныхъ правилъ мы видимъ что мысль объ организаціи кредита въ средѣ сельскаго населенія юго-западнаго края застала тамъ уже весьма подготовленную почву. Кромѣ учрежденныхъ еще министерствомъ государственныхъ имуществъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ въ обществахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и южныхъ военныхъ поселянъ, капиталъ каковыхъ кассъ въ настоящее время простирается до 372.078 р. $64^1/_2$ к., въ юго-западномъ краѣ, благодаря системѣ установившейся въ управленіи краемъ при генералѣ Бевакѣ, образовались значительные мірскіе капиталы и въ обществахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Общая сумма этихъ капиталовъ, не считая двухъ уѣздовъ отъ которыхъ свѣдѣній не доставлено, равняется 946.988 руб. $88^3/_4$ к.; болѣе 300 волостныхъ и сельскихъ обществъ имѣютъ слишкомъ по 1.000 руб. мірскаго капитала. Бо̀льшая часть этихъ капиталовъ образовалась изъ суммъ единовременно поступившихъ въ пользу крестьянъ, напримѣръ, при удовлетвореніи ихъ за сельскую стражу во время подавленія польскаго мятежа, при выдачѣ переплатъ въ выкупныхъ платежахъ и т. п. Администрація и тогдашній составъ мировыхъ посредниковъ заботились при каждомъ такомъ случаѣ склонять крестьянъ къ сбереженіямъ и установленію разумныхъ правилъ пользованія ими. Мірскіе приговоры сюда относящіеся весьма характеристичны и обнаруживаютъ какъ общія условія въ которыхъ находится наше крестьянское населеніе, такъ и мѣстныя, относящіяся собственно къ крестьянамъ западнаго края. Несмотря на значительное пониженіе выкупныхъ платежей по случаю обязательнаго выкупа, а слѣдовательно и на уменьшеніе общихъ размѣровъ платежей и денежныхъ сборовъ съ крестьянъ юго-западнаго края, главною цѣлью сельскаго кредита является пособленіе крестьянамъ именно при отбываніи денежныхъ повинностей, податей и выкупныхъ платежей. Очевидно что крестьянинъ въ томъ краѣ имѣетъ въ настоящее время средства вносить означенные платежи; но размѣръ ихъ все еще таковъ что во время взноса, неурожай и другіе отдѣльные случаи ставятъ его часто въ затруднительное положеніе и побуждаютъ къ краткосрочнымъ займамъ. Евреи, пользуясь нуждою крестьянъ, взимаютъ чудовищные проценты, доходящіе даже до 200%. Составленный нынѣ проектъ прежде всего имѣетъ въ виду средства уже существующія въ юго-западномъ краѣ для сельскаго кредита. Поэтому онъ излагаетъ нормы для обращенія нынѣшнихъ вспомогательныхъ кассъ и мірскихъ капиталовъ въ сельскіе банки на средства представляемыя означенными кассами и капиталами. Затѣмъ, стремясь къ организаціи наиболѣе удобной и выгодной формы кредита, именно товариществъ или сельскихъ об-

ществъ взаимнаго кредита, проектъ имѣетъ въ виду постепенную, если возможно, замѣну означенныхъ банковъ товариществами и, наконецъ, непосредственное учрежденіе этихъ послѣднихъ. Сельскіе банки, основывающіеся исключительно на мірскіе капиталы, по приговорамъ обществъ, не отступаютъ по проекту отъ обычныхъ въ такомъ дѣлѣ началъ, а потому на нихъ нечего останавливаться. Заслуживаетъ вниманія средняя форма, способная служить переходомъ отъ банковъ къ товариществамъ и постепенно вызывать учрежденіе послѣднихъ. Съ этою цѣлью, по приговорамъ крестьянскихъ обществъ учреждающихъ сельскій банкъ, допускается пріемъ товарищей-пайщиковъ, которыми могутъ быть крестьяне, члены церковнаго причта, учитель народнаго училища и отставные военные чины, живущіе въ селеніи. При существованіи 15 товарищей, и когда внесенный ими капиталъ сравняется съ назначеннымъ отъ схода на основаніе банка мірскимъ капиталомъ, они могутъ принять банкъ въ свое вѣдѣніе, для чего нужно единогласное заявленіе со стороны товарищей и приговоръ схода. Сходъ постановляетъ и условія съ товариществомъ касательно пользованія мірскимъ капиталомъ отчисленнымъ на образованіе банка, платежа процентовъ міру и возврата ему капитала. Если же соглашеніе товарищей со сходомъ не состоится, то первые могутъ отдѣлиться и составить особое предпріятіе, для образованія котораго проектъ полагаетъ minimum 15 товарищей изъ крестьянъ домохозяевъ и не менѣе 180 руб. взносовъ по паямъ.

Прежде всего, въ означенныхъ предположеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе точное обезпеченіе тѣхъ лицъ которыя могутъ быть товарищами. Но не совсѣмъ понятно почему для организаціи товарищества требуется не менѣе 15 собственно крестьянъ-домохозяевъ, и затѣмъ только допускаются въ товарищество члены церковнаго причта, учитель народнаго училища и отставные военные живущіе въ селеніи. Участіе этихъ лицъ не только въ послѣдствіи, но въ особенности при организаціи товарищества весьма желательно какъ гарантія бóльшаго успѣха предпріятія. По уставамъ Рождественскаго и новгородскихъ товариществъ *), всѣ живущіе въ селеніи, *безъ различія сословій*, могутъ быть пайщиками; въ уставѣ Череповскаго четвертаго товарищества право это распространено даже на сосѣднія волости. Если означенное ограниченіе предположено постановить собственно для юго-западнаго края, съ цѣлью предохранить товарищества отъ вреднаго вліянія Евреевъ и Поляковъ, то этого можно было бы достигнуть безъ устраненія весьма желательнаго участія мѣстныхъ несомнѣнно-русскихъ землевладѣльцевъ и другихъ живущихъ иногда по деревнямъ русскихъ мелкихъ арендаторовъ, чиншевиковъ и мѣщанъ.

Другое еще важнѣйшее недоумѣніе, вызываемое проектомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Члены крестьянскаго общества, могущіе сдѣлаться пайщиками, будутъ наиболѣе состоятельною частью сельскаго общества. Поэтому, не могутъ ли на практикѣ обнаружиться такіе случаи что учрежденіе товарищества на счетъ мірскаго капитала, съ согласія большинства членовъ схода, лишитъ возможности пользоваться ссудами меньшинство которое не будетъ въ состояніи принять участія въ товариществѣ, и такимъ образомъ нынѣшнее благое назначеніе мірскихъ капиталовъ утратитъ свою главнѣйшую цѣль? Это обстоятельство такъ важно что необходимо предусмотрѣть его при изданіи нормальныхъ правилъ сельскихъ банковъ. Быть-можетъ, было бы полезно постановить что мірскіе капиталы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предоставляемы товариществамъ безпроцентно и безвозвратно, причемъ опредѣлить по возможности minimum этихъ процентовъ, съ условіемъ чтобъ они прежде всего назначались на пособія и ссуды бѣднѣйшимъ членамъ крестьянскаго общества, не участвующимъ въ товариществѣ, сиротскимъ семействамъ и т. д. при уплатѣ податей.

Утвержденіе уставовъ банковъ, на основаніи нормальныхъ правилъ, предполагается предоставить мѣстному генералъ-губернатору. Въ Кіевѣ проектируется при генералъ-губернаторѣ попечительство „для соблюденія сельскими банками нормальныхъ правилъ и для оказанія имъ необходимаго содѣйствія.“ Это будетъ коллегіальное учрежденіе изъ шести членовъ: предсѣдателя казенной палаты, губернскаго прокурора, члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, управляющаго Кіевскою конторой государствен-

*) См. уставъ четвертаго Череповскаго товарищества, учрежденнаго 3-го сентября 1870 года.

наго банка и двухъ лицъ по назначенію генералъ-губернатора. Кто будетъ предсѣдатель этой новой коллегіи—неизвѣстно. Хотя объ одномъ только управляющемъ банковою конторой сказано что онъ *Кіевскій*, но можно предположить что и остальные члены будутъ принадлежать также къ *кіевской губернской* администраціи, и въ такомъ случаѣ трудно понять какое отношеніе назначеніе ихъ будетъ имѣть для Подольской и Волынской губерній.

Проектъ постановляетъ также что попечительство, для сношеній съ сельскими банками, *можетъ*, съ утвержденія генералъ-губернатора, избирать уѣздныхъ попечителей. По нашему мнѣнію, организація именно уѣздныхъ, какъ болѣе близкихъ къ дѣлу, попечительствъ представила бы наилучшія ручательства въ успѣхѣ дѣла. Попечительства не только разсматривали бы проекты банковъ или снабжали бы ихъ бланками, но провѣряли бы ихъ отчетность и содѣйствовали бы устраненію затрудненій при ихъ организаціи и самомъ веденіи дѣла, служили бы посредниками какъ между администраціей и банками, такъ и между самими банками, содѣйствуя напримѣръ учрежденію взаимныхъ займовъ или текущихъ счетовъ между ними, въ тѣхъ случаяхъ когда въ одномъ изъ нихъ недостатокъ, а въ другомъ избытокъ въ деньгахъ. Утвержденіе уставовъ банковъ, на основаніи нормальныхъ правилъ, могло бы быть предоставлено и мѣстнымъ губернаторамъ, чѣмъ еще болѣе сократились бы формальности. Уѣздныя же попечительства могли бы устроиться изъ элементовъ непосредственно заинтересованныхъ въ развитіи сельскаго кредита и, по возможности, изъ среды самихъ членовъ банковъ или по ихъ избранію изъ стороннихъ почетныхъ лицъ въ уѣздѣ, изъ членовъ мироваго института, мѣстнаго духовенства и русскихъ землевладѣльцевъ. Что же касается участія въ этомъ дѣлѣ администраціи, то если она захочетъ, такое участіе всегда можетъ быть полезно и помимо коллегіи 6 членовъ, какъ это доказывается возникновеніемъ въ юго-западномъ краѣ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, многихъ вспомогательныхъ крестьянскихъ кассъ, а также нынѣшнимъ заслуживающимъ всякой признательности проектомъ о сельскихъ банкахъ.

№ 278.

Москва, 23-го декабря.

А.

Въ дѣйствующемъ нынѣ законѣ о печати есть слѣдующее постановленіе: „Въ „случаяхъ не терпящихъ отлагательства „по значительности вреда предусматрива-„емаго отъ распространенія изданія“ цензурный комитетъ имѣетъ право остановить выходъ книги или журнальнаго нумера. Ясно что такой случай долженъ представлять самое дерзское нарушеніе общественной нравственности. По всей вѣроятности, онъ на дѣлѣ будетъ представляться рѣдко, но каждый разъ бросаться въ глаза своею преступностью. Увидѣвъ въ присланномъ на разсмотрѣніе изданіи подобную зажигательную статью, цензоръ обязанъ обратиться въ тотъ же день къ прокурору для возбужденія преслѣдованія судебнымъ порядкомъ. Таково требованіе закона.

А между тѣмъ вотъ что̀ бываетъ на практикѣ.

Получивъ декабрьскую книжку *Русскаго Архива*, мы съ удивленіемъ нашли что въ ней были не всѣ статьи значившіяся на ея оберткѣ. Именно не доставало Карамзинской *Записки о новой и древней Россіи*. Мы не могли объяснить себѣ этого страннаго случая и за разрѣшеніемъ нашего недоразумѣнія обратились въ редакцію *Архива*, которая и отвѣчала намъ что *Записка* Карамзина вырѣзана изъ книжки по распоряженію цензурнаго вѣдомства. Нѣчто подобное случилось съ декабрьскою книжкой *Вѣстника Европы*, которая (какъ извѣщалъ *Судебный Вѣстникъ*) въ день выхода была заарестована, а черезъ нѣсколько дней выпущена съ нѣсколькими вырѣзанными листками.

Мы не знаемъ что̀ именно признано было необходимымъ исключить изъ *Вѣстника Европы*, но *Записка* Карамзина намъ извѣстна очень хорошо, также какъ и всей грамотной Россіи, и мы не можемъ понять за что она подверглась остракизму. Эта *Записка* была написана для Императора Александра I и имѣла цѣлію раскрыть предъ нимъ воззрѣнія тогдашней консервативной партіи на преобразовательную дѣятельность Сперанскаго и вообще на тѣ нововведенія которыя были уже совершены и которыя еще ожидались. Не слѣдуетъ забывать при этомъ что Карам-

зинъ писалъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; по этому странно было бы требовать чтобъ онъ смотрѣлъ на вещи съ современной точки зрѣнія. Историческія идеи имѣютъ свою относительную цѣнность. Что предъ высшими требованіями является ложью и несправедливостью, то было въ свое время и истинно, и справедливо, и необходимо. Самое невольничество, какъ замѣчаетъ г. Рошеръ, было нѣкогда благодѣтельнымъ учрежденіемъ, именно въ тѣ суровыя времена когда хищническіе народы вели между собою непрерывныя войны: еслибы плѣнныхъ нельзя было обращать въ неволю, то побѣдители предавали бы ихъ избіенію. Наше поколѣніе видѣло отмѣну крѣпостнаго права и рукоплескало его паденію, но было время когда оно было нужно для развитія государства. Всѣ народы перешли черезъ эту фазу, и въ Германіи, столь славящейся своею культурой, оно господствовало еще недавно и было отмѣнено лишь не много прежде чѣмъ у насъ. За шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ можно было съ полнымъ убѣжденіемъ стоять за крѣпостное право, какъ мы это видимъ въ запискѣ Карамзина, а равно и у его литературнаго противника Шишкова, и только ребяческая незрѣлость можетъ ставить имъ это въ безчестіе и вообще вносить злобу настоящаго дня въ оцѣнку прошедшаго. Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ такое мальчишество не рѣдкость; и въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ нашли удобнымъ и въ особенности либеральнымъ „отдѣлать" Карамзина за его *Записку*. Съ своей стороны, издатель *Русскаго Архива*, вмѣсто всякихъ препирательствъ съ либеральными критиками Карамзина, вознамѣрился напечатать in extenso сочиненіе подавшее поводъ къ глумленію надъ однимъ изъ самыхъ славныхъ именъ нашей исторіи, а цензура нашла нужнымъ запретить обнародованіе этого сочиненія.

Но въ *Запискѣ* Карамзина крѣпостное право не главное. Карамзинъ имѣлъ въ виду всего болѣе уяснить примѣрами изъ нашей исторіи, поставить на твердомъ основаніи и отстоять принципъ самодержавія противъ нѣкоторыхъ окружавшихъ государя людей, желавшихъ, какъ полагалъ Карамзинъ, ограничить его власть въ свою пользу.

И вотъ въ обнародованіи этой записки цензурное вѣдомство повидимому усмотрѣло величайшую опасность, для борьбы съ которою нужно было прибѣгнуть къ самой рѣшительной и исключительной мѣрѣ. Мы съ своей стороны не раздѣляемъ паники цензурнаго вѣдомства. Допустимъ на минуту что печатная защита самодержавія есть „случай не терпящій отлагательства," что такая защита заключаетъ въ себѣ самый сильный и быстро-дѣйствующій ядъ, и что для пресѣченія его дѣйствія цензурѣ не оставалось ничего кромѣ уничтоженія цѣлой статьи. Въ такомъ случаѣ авторъ и издатель. *Записки* совершили преступленіе. Какимъ же образомъ могло случиться что фабриканты этого нравственнаго яда не ускользнули отъ руки правосудія? Правда, одинъ изъ виновныхъ, авторъ, давно уже въ могилѣ; но другой, издатель *Русскаго Архива*, находится на лицо; какъ же цензоръ, нашедшій въ его изданіи преступное содержаніе, могъ не предать его суду, согласно прямому предписанію дѣйствующаго закона о печати, а уничтожилъ самый corpus delicti, вступивъ въ сдѣлку съ преступленіемъ и ставъ его укрывателемъ?

Случаи съ *Вѣстникомъ Европы и Русскимъ Архивомъ* суть симптомы очень печальные. Они обозначаютъ явный поворотъ къ практикѣ предварительной цензуры, а предварительная цензура, какъ доказалъ пятидесятилѣтній опытъ, не предотвращая зла, постоянно роняла власть и вгоняла въ организмъ нашего общества ядъ который иначе испарялся бы самъ собою. Эти случаи даже печальнѣе чѣмъ упражненія Красовскихъ и Бируковыхъ надъ русскою литературой; по крайней мѣрѣ тогда цензура дѣйствовала на основаніи закона, а цензоръ вырѣзывающій нѣсколько листовъ изъ книги не подлежащей предварительной цензурѣ нарушаетъ законъ самымъ явнымъ образомъ. Утверждаютъ что нѣкоторые издатели сами забѣгаютъ къ цензорамъ и подносятъ имъ на предварительное разсмотрѣніе свои изданія. Но если такія сдѣлки дѣйствительно бываютъ, то не потому ли что страхъ административныхъ взысканій, наконецъ просто опасеніе быть разореннымъ, лишаютъ нашихъ издателей всякой самостоятельности? Во всякомъ случаѣ недозволенныя закономъ сдѣлки еще менѣе могутъ быть терпимы со стороны лицъ поставленныхъ для исполненія закона чѣмъ со стороны частнаго лица. Законъ 6-го апрѣля 1865 го-

да остается еще въ силѣ; слѣдовательно, онъ долженъ примѣняться безъ увертокъ. Если въ продолженіе срока опредѣленнаго для разсмотрѣнія книги цензурное вѣдомство усмотритъ необходимость не допустить ея выхода въ свѣтъ по причинѣ чрезвычайнаго предусматриваемаго отъ нея вреда, то оно не должно оставлять автора или издателя безнаказаннымъ; если же цензоръ не находитъ въ ней такого быстро дѣйствующаго яда, то ея задержаніе есть явное нарушеніе закона.

В.

Въ день Новаго Года (новаго стиля), въ старой резиденціи французскихъ королей, король Вильгельмъ I, воздавъ справедливость геройству войскъ и патріотизму государей Германіи, обратилъ взоръ на грядущее. „Мы еще не у цѣли," сказалъ будущій императоръ Германіи, „намъ предстоятъ великія задачи прежде чѣмъ будетъ возможно достигнуть почетнаго и „прочнаго мира. Мы можемъ быть увѣрены что достигнемъ его, если совершимъ „такія же дѣла какія довели насъ до нашего нынѣшняго положенія."

Итакъ, пройдена только половина пути, другая—еще впереди. Для достиженія цѣли требуется еще не менѣе жертвъ чѣмъ уже было доселѣ принесено Германіей: вотъ смыслъ торжественной рѣчи вѣнчаннаго полководца.

Такъ ли представлялось дѣло въ минувшемъ сентябрѣ послѣ Седанскаго погрома? Оно казалось совершенно конченнымъ, и побѣдитель, повидимому, стоялъ у своей цѣли. Напрасно гг. Фавръ и Тьеръ объясняли сѣверо-германскому канцлеру что за паденіемъ Наполеоновской имперіи остается еще живая сила исторической націи, имѣющей славное прошедшее и дорожащей своею честію. Національной оборонѣ страны, совершенно обезоруженной и повидимому преданной безвластію, не хотѣли вѣрить, а требовали чтобъ она безусловно покорилась волѣ побѣдителя. Но вотъ протекло четыре мѣсяца, и самъ царственный предводитель германскихъ армій предостерегаетъ своихъ сподвижниковъ чтобъ они не считали дѣло конченнымъ, и что остающаяся половина его потребуетъ неменьшихъ жертвъ и усилій. Нельзя не воздать хвалы мужественной искренности этого заявленія, но оно подтверждаетъ слова сказанныя, почти въ то же время, въ противномъ лагерѣ, въ Бордо, фактическимъ правителемъ обороняющейся Франціи. „Правительствомъ національной „обороны," сказалъ г. Гамбетта, „сдержаны обѣщанія данныя имъ 4-го сентября: „спасти честь страны, организовать ея „оборону и сохранить порядокъ."

Замѣчательно однако что торжественное заявленіе въ Версалѣ было сдѣлано въ ту минуту когда къ Парижу приблизилась столь долго грозившая опасность, когда выдвинутыя обороной впереди его фортовъ укрѣпленія очищены, и когда самые форты, произведеніе инженернаго искусства далеко отставшаго отъ нынѣшнихъ средствъ артиллерійскаго дѣла, замолкаютъ. Ужели это положеніе дѣлъ было не свѣдомо царственному вождю, когда онъ произносилъ свои знаменательныя слова? Нѣтъ сомнѣнія что все это было оцѣнено и взвѣшено, и тѣмъ не менѣе цѣль считается далекою, и предвидится еще тяжкая борьба для достиженія мира на условіяхъ предначертанныхъ побѣдителемъ...

№ 279.

Москва, 24-го декабря.

Насъ выставляли противниками реальнаго образованія. Это неправда; никто болѣе насъ не желаетъ развитія реальнаго образованія. Самая такъ-называемая классическая учебная система имѣетъ въ нашихъ глазахъ цѣну преимущественно съ своей реальной стороны, какъ самое дѣйствительное, всѣми цивилизованными народами испытанное средство для воспитанія и приготовленія молодыхъ умовъ къ высшимъ спеціальностямъ знанія. Но мы всегда сознавали что вслѣдъ за заботами о развитіи научнаго образованія въ Россіи, должны идти заботы о средствахъ образованія людей для разнаго рода полезныхъ занятій которыя основаны на примѣненіи результатовъ добытыхъ науками. Требуются школы которыя были бы разсчитаны не на столь продолжительный срокъ ученія какъ гимназіи въ совокупности съ университетомъ, а гораздо ранѣе приспособляли бы своихъ воспитанниковъ къ той или другой полезной спеціальности. Не всѣмъ быть учеными, не всѣмъ быть двигателями идей или государственными дѣя-

телями, не всѣ профессіи требуютъ высшаго научнаго образованія; есть профессіи среднія, разныхъ степеней и свойствъ, которыхъ число умножается съ развитіемъ цивилизаціи. Не всѣ могутъ употребить на воспитаніе, сверхъ начальной школы, одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ; не всѣ имѣютъ къ тому призваніе, средства и охоту. Напротивъ, людей которые могутъ идти далеко бываетъ всегда и вездѣ немного въ сравненіи съ массами людей остающимися на мѣстахъ. Но во всякое дѣло долженъ быть внесенъ свѣтъ науки, и всѣ слои общественнаго быта должны имѣть соотвѣтственное себѣ образованіе. Поддерживая гимназіи и высшія учебныя заведенія, правительство не можетъ не озаботиться и о тѣхъ потребностяхъ образованія которыя, возвышаясь надъ элементарною школой, не могутъ посвятить на дѣло ученія болѣе пяти или шести лѣтъ. Дойдя до 4-го или 5-го класса гимназіи и не имѣя призванія идти далѣе, молодой человѣкъ выходитъ изъ школы недодѣланнымъ, безъ практическаго приспособленія. Надобно открыть этимъ людямъ способъ воспользоваться результатами науки для практическихъ примѣненій въ различныхъ сферахъ полезной дѣятельности. Вотъ назначеніе реальныхъ школъ которыя, не претендуя на высшій научный характеръ и довольствуясь относительно небольшимъ срокомъ учебнаго времени, давали бы однако своимъ воспитанникамъ законченное образованіе котораго все достоинство заключалось бы въ практическомъ приспособленіи. Люди которые добросовѣстно присоединяли свой голосъ къ требованіямъ реальнаго образованія не могли имѣть ничего иного въ виду какъ удовлетвореніе этой потребности. Теперь правительство обращаетъ свои заботы на эту сторону образованія; оно намѣрено удѣлить значительную сумму на устройство учебныхъ заведеній которыя имѣли бы своимъ назначеніемъ реальное образованіе приспособительно къ разнаго рода техническимъ производствамъ, къ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ. Кромѣ высшихъ спеціальныхъ училищъ, требуются еще среднія спеціальныя училища для практическаго образованія людей которые предназначаютъ себя ко второстепеннымъ профессіямъ.

Что же оказывается? Прежде хотѣли эскамотировать у насъ общеобразовательную систему, теперь точно также хотятъ эскамотировать реальное образованіе. Вмѣсто среднихъ реальныхъ школъ, съ курсомъ ученія приспособленнымъ къ полезнымъ спеціальностямъ, добрые люди предлагаютъ намъ устроить *общеобразовательныя* учебныя заведенія. Когда рѣчь шла объ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, тѣ же господа возбуждали вопросъ о полезныхъ спеціальностяхъ которыя должны входить въ сферу среднихъ учебныхъ заведеній и скорбѣли объ участи молодыхъ людей которые, не предназначая себя къ высшимъ научнымъ занятіямъ, переполняютъ гимназіи, за неимѣніемъ другихъ учебныхъ заведеній, и выходятъ изъ четвертаго или пятаго класса безъ всякаго приспособленія къ чему-либо въ жизни, причемъ указывали на скудость и застой нашей промышленности, на недостатокъ второстепенныхъ дѣятелей въ извѣстной мѣрѣ образованныхъ и хорошо приспособленныхъ къ дѣлу. Теперь когда наступаетъ очередь удовлетворить этой потребности, эти господа домогаются подмѣнить вопросъ, и вмѣсто приспособленныхъ къ разнымъ спеціальностямъ реальныхъ школъ, требуютъ школъ *общеобразовательныхъ*.

Но мы уже имѣемъ такія заведенія: это гимназія. Движущая сила науки есть умъ человѣческій, и цѣль гимназіи состоитъ въ томъ чтобы воспитать ввѣренные ей умственные начатки, укрѣпить и возвысить ихъ параллельно съ физическимъ возрастаніемъ. Умственная сторона человѣка нуждается въ воспитаніи для того чтобы достигнуть должной силы. Высшія спеціальности званія не могутъ быть предметомъ серіозныхъ научныхъ занятій для дѣтей отъ десятилѣтняго до семнадцатилѣтняго возраста, а потому гимназія не должна имѣть спеціальнаго характера; она готовитъ своихъ воспитанниковъ равно ко всѣмъ спеціальностямъ, почему она и называется общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ. Ея воспитанники не раздѣляются на факультеты. Спецификація строго научныхъ занятій начинается для нихъ уже по достиженіи зрѣлости и не прежде какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль гимназіи развить и поставить умъ своихъ воспитанниковъ на историческую почву, ввести его въ жизнь человѣчества, цивилизовать его, очеловѣчить его, и развить всѣ его способности въ гармоническомъ соотвѣтствіи дабы молодые лю-

ди, по достиженіи зрѣлости, могли самостоятельно и успѣшно избрать спеціальность для своихъ дальнѣйшихъ занятій. Потому-то образованіе къ которому ведетъ гимназія и называется общечеловѣческимъ, предметы на которыхъ сосредоточенъ курсъ ея ученія называются humaniora, les humanités, а система ученія—гуманизмомъ.

Быть-можетъ гимназій у насъ мало, быть-можетъ онѣ плохи и слабы? Чтожь! Увеличьте ихъ число, усильте ихъ учебныя средства, исправьте ихъ учебный планъ. Не находите ли вы что въ ихъ учебномъ планѣ недостаточно представленъ математическій элементъ, необходимый въ системѣ общаго научнаго образованія? Постарайтесь дать этому элементу большее развитіе. Точно также, если оказывается что въ сравненіи съ гимназіями другихъ странъ, гдѣ дѣло науки стоитъ высоко, въ нашихъ гимназіяхъ слабъ элементъ историческій, гуманизирующій, представляемый древними языками, – усильте и возвысьте этотъ элементъ. Все это можно сдѣлать, однако, не отвлекая средствъ отъ спеціальныхъ школъ, назначаемыхъ для среднихъ профессій, въ которыхъ мы также имѣемъ надобность.

Но что̀ за смыслъ требовать, сверхъ существующихъ общеобразовательныхъ заведеній, еще какихъ-то другихъ, тоже общеобразовательныхъ?

Коль скоро допускаются два рода общеобразовательныхъ заведеній, то этимъ уничтожается ихъ общеобразовательный характеръ; являются двѣ спеціальности, два факультета для дѣтей отъ десятилѣтняго до восемнадцатилѣтняго возраста. Поставить дѣла такимъ образомъ значитъ лишить страну *общеобразовательной* школы, значитъ разорвать связь между науками въ самомъ ихъ корнѣ, значитъ лишить ихъ той общей почвы изъ которой онѣ равно черпаютъ свою силу, значитъ пренебречь воспитаніемъ и развитіемъ ума который есть движущая сила всѣхъ отраслей знанія.

Но, говорятъ, есть высшія спеціальныя училища, которыя имѣютъ дѣло съ людьми зрѣлыхъ возрастовъ, также какъ и университеты и состоятъ въ одномъ съ университетами рангѣ: эти высшія училища нуждаются въ подготовкѣ, и отсюда является де необходимость въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ которыя приготовляли бы воспитанниковъ для высшихъ спеціальныхъ училищъ. Но такія заведенія уже существуютъ: это университетскія гимназіи. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ процвѣтаютъ и наука, и техника, для воспитанниковъ гимназій настежь открыты двери всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Гимназіи даютъ для нихъ главный и самый лучшій контингентъ. Молодые люди признанные зрѣлыми для занятія спеціальными науками въ университетахъ не могутъ не считаться наилучшимъ пріобрѣтеніемъ и для всякихъ другихъ высшихъ училищъ которыя примыкаютъ къ университетскимъ факультетомъ и суть ихъ развѣтвленія. Молодой человѣкъ поступающій въ физико-математическій или медицинскій факультетъ университета способенъ поступить и въ технологическій институтъ, и въ земледѣльческую академію, и въ инженерное училище. И наоборотъ, коль скоро вы полагаете что гимназія недостаточна для приготовленія молодыхъ людей къ этимъ заведеніямъ, то этимъ самымъ вы утверждаете что она недостаточна и для университетскихъ факультетовъ. Если для того чтобы сдѣлаться ученымъ инженеромъ или ученымъ агрономомъ необходимо начать съ 10-лѣтняго возраста быть ученымъ инженеромъ или ученымъ агрономомъ, то надобно чтобы у насъ были и маленькіе медики, и маленькіе ученые химики. Вы должны будете рѣшиться раздѣлить гимназіи по факультетамъ, и въ концѣ концовъ убить общеобразовательную школу, ничего не сдѣлавъ для осуществленія полезныхъ реальныхъ школъ о которыхъ рѣчь была выше.

Указываютъ на прусскія реальныя школы. Но реальныя школы въ Пруссіи значитъ совсѣмъ не то что̀ у насъ разумѣется подъ этимъ названіемъ. Прусскія перворазрядныя реальныя школы, это то что̀ у насъ слыветъ классическими гимназіями съ однимъ древнимъ языкомъ. Онѣ принадлежатъ къ одному типу съ гимназіями и только представляютъ его въ слабѣйшемъ и недостаточномъ видѣ. Онѣ возникли какъ педагогическій экспериментъ, который не оказался удачнымъ. Число ихъ сравнительно ограниченное, и онѣ остаются, въ системѣ учебныхъ заведеній, такими же межеумками какъ наши полуклассическія гимназіи. При богатомъ развитіи учебнаго дѣла въ Германіи можно было допускать и эксперименты, особенно если

они ничего не стóятъ казнѣ и ничему не вредятъ. Въ научномъ отношеніи эти учебныя заведенія не имѣютъ той полноты правъ какая предоставлена гимназіямъ, и воспитанники ихъ не считаются достаточно зрѣлыми для того чтобы поступать въ университеты, съ правомъ на государственный экзаменъ. На практикѣ онѣ служатъ главнымъ образомъ для приспособленія молодыхъ людей къ среднимъ профессіямъ, и воспитанники ихъ обыкновенно не идутъ далѣе 5 или 6 годовъ ученія. Съ этою цѣлью учебные классы ихъ разнообразятся по мѣстностямъ, смотря по преобладающему въ той или другой промыслу. Чтó же касается до нѣкотораго числа молодыхъ людей которые успѣваютъ пройти полный курсъ подобнаго училища, тó имъ предоставляется продолжать ученіе въ нѣкоторыхъ высшихъ техническихъ училищахъ, для того чтобы дать исходъ наиболѣе даровитымъ изъ молодыхъ людей, а вовсе не въ интересѣ той или другой научной спеціальности.

Никакая научная спеціальность не требуетъ чтобъ ей постригали людей съ дѣтскаго возраста и заводили для нея особыя приготовительныя школы.

Возьмемъ напримѣръ медицинскую спеціальность. Требуются ли для ней особаго рода приготовительныя школы? Не было ли бы полезно допустить въ медицинскіе факультеты воспитанниковъ реальныхъ школъ, хотя бы такихъ какъ прусскія перворазрядныя реальныя училища? Послушаемъ:

„Въ интересѣ медицинской науки въ нѣ„мецкихъ университетахъ, требуется удер„живать во всей силѣ законъ чтобъ усло„віемъ поступленія въ медицинскій факуль„тетъ было свидѣтельство зрѣлости (testi„monium maturitatis) отъ гимназій. Вслѣд„ствіе пріема воспитанниковъ реальныхъ „школъ, медицинскіе факультеты упадутъ „на степень медико-хирургическихъ учи„лищъ, которыя въ Германіи принадле„жатъ уже къ области прошедшаго. Опи„раясь на опытахъ представляющихся еже„дневно и въ томъ числѣ на опытахъ сдѣ„ланныхъ надъ тѣми научными учрежде„ніями куда получаютъ доступъ *абиту„ріенты* реальныхъ училищъ, *мы* заявля„емъ слѣдующее: кончившіе курсъ въ ре„альныхъ училищахъ и всѣ учащіеся ко„торые не прошли курса гимназіи оста„ются относительно умственнаго развитія „позади воспитанниковъ гимназій и не мо„гутъ равняться съ ними въ способности „къ медицинскимъ наукамъ. Что касается „до познаній въ естественной исторіи, фи„зикѣ и химіи, которыя воспитанниками „реальныхъ училищъ могутъ быть прине„сены къ занятію медицинскою наукой, то „познанія эти имѣютъ мало значенія и по „своей поверхностности не могутъ быть „принимаемы медицинскими факультетами „ни въ какой разсчетъ. *Мы* удостовѣри„лись опытомъ что учащіеся, которые съ „такими предварительно пріобрѣтенными „свѣдѣніями, но безъ полнаго гимназиче„скаго образованія, слушаютъ лекціи ме„дицыны, оказываются притупленными (ab„gestumpft), менѣе способными для глу„бокаго занятія естественными науками „чѣмъ абитуріенты гимназій. Значеніе но„вѣйшихъ языковъ полезно для врачей, „но несомнѣнно что эта выгода, по сколь„ку она можетъ быть пріобрѣтена въ ре„альныхъ училищахъ, пріобрѣтается цѣ„ною умственнаго образованія учениковъ. „Цѣна которою была бы куплена эта вы„года равнялась бы невознаградимой по„терѣ на всю жизнь. Учащемуся медицинѣ, „какъ и врачу, можетъ представиться слу„чай усвоить себѣ тотъ или другой изъ „новѣйшихъ языковъ; но чтó потеряетъ онъ „вслѣдствіе недостатка гимназическаго об„разованія, то потеряно для него на„всегда."

Кто такъ свидѣтельствуетъ?

Медицинскій факультетъ Берлинскаго университета. Это говорятъ спеціалисты медицинской науки, которые не могутъ не принимать къ сердцу ея интересы. И какіе спеціалисты? Люди стоящіе во главѣ медицинскихъ наукъ и вообще естествознанія не только въ Германіи, но и въ цѣломъ мірѣ. Вотъ имена, которыми подписанъ вышеприведенный отзывъ: ***Рейхертъ***, ***Шульцъ-Шульценштейнъ***, ***Юникенъ***, ***Эренбергъ***, ***Лангенбекъ***, ***Митшерлихъ***, ***Ромбергъ***, ***Мартинъ***, ***Барделебенъ***, ***Вирховъ***, ***Фрериксъ***, ***Дю Буа Реймонъ***, ***Гиршъ***, ***Грефе***.

Неужели это свидѣтельство ничего не значитъ? Неужели оно недостаточно для удостовѣренія что классическая гимназія, какъ заведеніе общеобразовательное, можетъ давать наилучшій контингентъ учащихся для всѣхъ спеціальностей наукъ, и что коль скоро гимназіи соотвѣтствуютъ своему назначенію, то нѣтъ надобности заводить еще другія школы съ цѣлію под-

готовлять молодыхъ людей къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ имѣющимъ научный характеръ?

Послушаемъ еще:

„Гимназическій курсъ имѣетъ свой центръ „въ классическихъ языкахъ, методическое „изученіе коихъ невозможно безъ логиче„ской разработки ума и историческаго обо„гащенія всякаго рода. Это самый труд„ный, но потому и самый образователь„ный ученый предметъ; интересъ государ„ства требуетъ чтобы всѣ кому оно довѣ„ряетъ свои должности, были люди про„шедшіе эту школу умственнаго труда ко„торый въ математическомъ преподаваніи „находитъ свое существенное дополненіе. „Свобода и многосторонность образованія „пріобрѣтаемая этимъ путемъ не можетъ „быть достигнута никакими иными сред„ствами. Знаменитѣйшіе изъ нашихъ хи„миковъ и физиковъ, равно какъ пред„ставители другихъ спеціальностей, со„гласны въ томъ что воспитанники гимна„зій оказываются въ общей сложности спо„собнѣйшими въ нихъ. Было замѣчено что „предвкушеніе этихъ наукъ, даваемое въ „реальной школѣ, часто болѣе притупля„етъ нежели оживляетъ умъ стремящійся „къ знанію. Директоры реальныхъ учи„лищъ, имѣющіе особенно высокое поня„тіе о своихъ заведеніяхъ, настоятельнѣй„шимъ образомъ требуютъ чтобы препо„даватели въ реальныхъ школахъ были „изъ числа воспитанниковъ классическихъ „гимназій. Изъ этого слѣдуетъ что сами „представители реальной школы отказы„ваютъ ей въ способности служить раз„садникомъ своихъ будущихъ учителей.“

Это отзывъ берлинскаго философскаго факультета, въ составъ котораго входятъ науки математическія и естественныя. Оставляемъ въ сторонѣ философовъ, филологовъ и историковъ, и приведемъ только имена людей извѣстныхъ и знаменитыхъ въ области математики, физики, химіи и другихъ естественныхъ наукъ, каковы: *Дове*, *Омъ*, *Розе*, *Вейерштрасъ*, *Магнусъ*, *Куммеръ*, *Гармсъ*, *Бейрихъ*, *Петерсъ*, *Браунъ*.

Вспомнимъ при этомъ что въ вышеприведенныхъ словахъ, подъ именемъ реальныхъ училищъ, рѣчь идетъ не о тѣхъ заведеніяхъ которыя у насъ извѣстны подъ этимъ именемъ. Повторимъ что заведенія именуемыя въ Пруссіи реальными школами (перваго разряда) гораздо сильнѣе нашихъ гимназій въ общеобразовательномъ отношеніи, что курсъ ихъ продолжается 9 лѣтъ, и что латинскій языкъ, который служитъ въ нихъ нѣкоторою концентраціей учебныхъ занятій, сильнѣе представленъ въ ихъ учебномъ планѣ нежели въ нашихъ такъ-называемыхъ полныхъ классическихъ гимназіяхъ.

Итакъ, если для спеціальностей физико-математической, естественно-исторической и медицинской воспитанники классическихъ гимназій считаются не только достаточно годными, но предпочитаются абитуріентамъ всякой другой школы, то нѣтъ никакого основанія заводить *особыя общеобразовательныя* школы для подготовленія къ высшимъ училищамъ какой бы то ни было спеціальности, существующимъ отдѣльно отъ университета. Нѣтъ надобности тратить на это деньги, отвлекая ихъ отъ заведеній дѣйствительно полезныхъ въ которыхъ мы нуждаемся; нѣтъ надобности портить наше народное образованіе внесеніемъ въ него противорѣчія, шаткости и смуты.

Общеобразовательная школа научнаго свойства можетъ быть одна, и наши высшія техническія училища ничего не потеряютъ, а напротивъ много выиграютъ если будутъ имѣть дѣло съ молодыми людьми прошедшими ту самую школу на которой основано все зданіе наукъ въ ихъ современномъ развитіи.

Съ другой стороны, отворяя широко дверь высшихъ техническихъ училищъ для воспитанниковъ гимназій, нѣтъ причины совершенно затворять ее для даровитѣйшихъ изъ воспитанниковъ тѣхъ среднихъ спеціальныхъ школъ о которыхъ рѣчь была выше.

Сколько намъ извѣстно, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ уже обсуждался этотъ вопросъ, предположено установить образцы среднихъ реальныхъ заведеній примѣнительно къ разнымъ спеціальностямъ. Мысль какъ нельзя болѣе вѣрная. Требуется установить нѣсколько образцовъ спеціальныхъ училищъ, такъ чтобы разныя мѣстности могли выбирать ту или другую спеціальность соотвѣтственно своимъ особеннымъ условіямъ и потребностямъ. Зачѣмъ давать одну неподвижную норму училищамъ которыхъ вся польза можетъ состоять только въ ихъ приспособительности? Однѣ мѣстности могутъ нуждаться въ училищахъ съ преобла-

дающимъ коммерческимъ характеровъ, другія—съ преобладаніемъ химической лабораторіи, или практической механики и начертательной геометріи, или естественныхъ наукъ въ сельско-хозяйственномъ примѣненіи. Курсъ этихъ училищъ можетъ быть легко устроенъ такъ что даровитѣйшимъ изъ воспитанниковъ, которые пожелали бы идти далѣе, былъ открытъ, гдѣ окажется надобность, путь и въ высшія техническія училища, въ коихъ интересъ техническій преобладаетъ надъ научнымъ.

№ 280.

Москва, 28-го декабря.

Внутреннія дѣла начинаютъ сильно отвлекать вниманіе публики отъ великой борьбы во Франціи, къ коей оно было приковано. На первомъ планѣ общественныхъ заботъ стоитъ реформа военной повинности. Не только съ живымъ интересомъ, но можно сказать съ алчностію, впрочемъ весьма понятною, бросилась здѣшняя публика на правительственные документы только что обнародованные но они, чтò также не трудно понять, не могли удовлетворить всеобщему любопытству. Первое впечатлѣніе производимое ими говоритъ что это великое дѣло находится еще въ ранней фазѣ своего развитія. Принятыя основанія не обязательны для тѣхъ инстанцій черезъ которыя пройдетъ военная реформа, но они и сами по себѣ такъ эластичны что изъ нихъ можетъ выработаться и система близко подходящая къ прусской, и такая которая на практикѣ ничѣмъ существеннымъ не будетъ отличаться, по крайней мѣрѣ на переходное время, отъ порядковъ существующихъ нынѣ. Мы не преминемъ посильно исполнить долгъ лежащій на печати и постараемся представить изложеніе всѣхъ элементовъ поднятаго вопроса, но неопредѣленность его теперешней фазы не даетъ возможности говорить о немъ въ общихъ чертахъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ документовъ, читаемыхъ и перечитываемыхъ нынѣ всѣмъ чтò есть въ Россіи грамотнаго.

Между тѣмъ не долженъ пройти незамѣченнымъ другой законодательный актъ интереса также первостепеннаго, хотя относящійся лишь къ небольшой части Русской державы.

Въ № 262 *Правительственнаго Вѣстника* обнародованъ Высочайшій указъ о преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ. По тому значенію, и политическому и соціальному, какое имѣлъ и продолжаетъ имѣть крестьянскій вопросъ въ иноплеменныхъ окраинахъ нашего отечества, предстоявшее въ Привислинскомъ краѣ преобразованіе возбуждало множество ожиданій и разчетовъ самаго противоположнаго свойства. Ожидались колебанія, неясность цѣли, шаткость въ средствахъ. Позволительно сказать что эти ожиданія не оправдались. Теперь должны разочароваться въ своихъ надеждахъ тѣ кто предполагали что съ новыми учрежденіями настанетъ возможность исправлять и передѣлывать то чтò разъ было уже установлено и приведено въ исполненіе трудами учредительнаго комитета и крестьянскихъ коммиссій. Должны будутъ сознаться въ ошибочности своихъ разчетовъ и тѣ кто ожидали обращенія мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій въ непосредственные и подчиненные органы административно-полицейской власти. Переустройство крестьянскихъ учрежденій совершилось съ строгою послѣдовательностію и вѣрностію принципамъ положеннымъ въ основаніе законодательства 19-го февраля 1864 года и дальнѣйшихъ коренныхъ реформъ въ томъ краѣ. Новая организація учрежденій вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію крестьянскаго дѣла въ какомъ застаетъ его, съ упраздненіемъ учредительнаго комитета, наступающій Новый Годъ, и мы можемъ съ радостію привѣтствовать благополучный и блестящій исходъ вопроса которому предвидѣлось, съ различныхъ сторонъ, не мало затрудненій.

Главныя черты въ организаціи новыхъ учрежденій ясно указываютъ на главную мысль законодателя — прочно обезпечить за земледѣльческимъ населеніемъ дарованныя ему поземельныя и автоматическія права, и охранить ихъ отъ всякихъ нарушеній и искаженій, которыя могли бы произойти, съ одной стороны, отъ административнаго произвола, а съ другой вслѣдствіе обычныхъ и къ несчастію весьма часто удававшихся покушеній шляхты обратить русскій законъ въ мертвую букву. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, долженствующія замѣнить прежнія губернскія коммиссіи, состоятъ изъ тѣхъ же уѣздныхъ коммиссаровъ, съ тою

разницей что, за упраздненіемъ предсѣдателей, мѣста послѣднихъ занимаютъ губернаторы, и къ числу членовъ присоединяются вице-губернаторъ и управляющій казенною палатой. Прежніе товарищи предсѣдателей переименовываются въ непремѣнные члены присутствія. Но опредѣленіе и увольненіе коммиссаровъ и непремѣннаго члена зависитъ не отъ мѣстной, и не отъ варшавской администраціи, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ предсѣдателя коммиссіи учреждаемой въ Петербургѣ, взамѣнъ центральной находившейся при учредительномъ комитетѣ въ Варшавѣ. Притомъ, назначеніе въ должность непремѣннаго члена происходитъ съ Высочайшаго разрѣшенія, такъ что въ этомъ отношеніи должность бывшихъ товарищей предсѣдателей поставлена теперь выше бывшихъ предсѣдателей, которыхъ опредѣлялъ и увольнялъ членъ завѣдывающій дѣлами учредительнаго комитета, съ разрѣшенія намѣстника. Но заботливость правительства о выдѣленіи учрежденій завѣдывающихъ собственно крестьянскими и судебными дѣлами изъ-подъ всякаго вліянія и вмѣшательства административно-полицейской власти выражается преимущественно въ образованіи при каждомъ губернскомъ присутствіи еще *особаго* присутствія, въ которомъ участвуютъ, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена, исключительно коммиссары. Только особому присутствію предоставляется право кассаціи рѣшеній гминныхъ судовъ и разсмотрѣніе жалобъ по дѣламъ объ опекахъ, наслѣдствахъ, раскладкахъ казенныхъ податей и по прекращенію чиншевыхъ обязательствъ. Кромѣ того, всѣ коммиссары приглашаются для засѣданія въ губернскія присутствія каждый разъ когда предстоитъ обсужденіе и рѣшеніе общихъ вопросовъ и мѣропріятій. Наконецъ участіе непремѣннаго члена и по крайней мѣрѣ одного коммиссара требуется безусловно для каждаго законнаго постановленія губернскаго присутствія.

Необходимость всѣхъ упомянутыхъ гарантій совершенно естественно вытекаетъ изъ особыхъ свойствъ привислинскихъ губерній сравнительно съ прочими губерніями Имперіи. Вслѣдствіе отсутствія земскихъ учрежденій и всякой сословности въ организаціи гминныхъ управленій послѣднія являются, съ одной стороны, послѣднимъ подчиненнымъ звеномъ и орудіемъ административной власти, а съ другой— единственнымъ представителемъ и распорядителемъ общественныхъ и земскихъ интересовъ гминныхъ и сельскихъ обществъ. При безграмотности гминныхъ управленій, вторая сторона ихъ дѣятельности сама собою удаляется на задній планъ и стирается предъ первою, составляющею сверхъ того главнѣйшую заботу и естественную потребность администраціи. Отсюда произошло нѣкоторое неравновѣсіе въ разработкѣ подробностей, могущее, кажется, вести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, впрочемъ легко устранимое.

Внутренніе интересы сельскихъ и гминныхъ (волостныхъ) обществъ, за недостаткомъ образованія членовъ гминныхъ управленій и всякой гласности въ мѣстной печати, легко могутъ подвергаться, безъ надлежащихъ обезпеченій, самымъ вопіющимъ нарушеніямъ и притѣсненіямъ. Чиновники администраціи, для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ управленія, не могутъ въ свою очередь довольствоваться такими агентами власти, какъ войты и солтысы, и по необходимости должны опираться на писарей, смекающихъ административные порядки и канцелярскія требованія. Поэтому на практикѣ, хотя прямо противно закону, гминные писаря назначаются повсюду не обществами, а уѣздными начальниками, и не рѣдко изъ людей завѣдомо враждебныхъ современному государственному порядку въ Царствѣ Польскомъ, но способныхъ, исполнительныхъ и достаточно развитыхъ. За благонамѣренность душъ администрація, какъ извѣстно, не отвѣчаетъ; за недоимки въ отбываніи повинностей, за передвиженіе жителей безъ паспортовъ, и за всякія упущенія въ исполненіи начальственныхъ распоряженій съ нея строго взыскивается.

Пользуясь правомъ назначать своею властію писарей, уѣздные чины, случалось, созидали налоги, производили судъ и расправу, и отдавали на откупъ паспорты, назначали своею властію войтовъ, допускали грабленіе общественныхъ суммъ и все самоуправленіе обращали въ злостную каррикатуру. Коммиссары мѣшали иногда укореняться такого рода порядкамъ, но тѣмъ навлекали на себя не рѣдко и нареканія, и формальныя слѣдствія, которыя обнаруживали однакоже съ поразительною очевидностію какихъ послѣдствій можно ожидать для страны когда,

при безграмотности низшихъ административныхъ и общественныхъ учрежденій и безгласности мѣстной печати, дѣйствія администраціи не подлежатъ никакому контролю.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ думать что въ исчисленіи предметовъ спеціально подвѣдомыхъ разбору особыхъ губернскихъ присутствій есть значительные пробѣлы. Трудно объяснить почему, напримѣръ, разрѣшенію особаго присутствія подлежатъ жалобы на неправильную раскладку только казенныхъ податей, а не общественныхъ также сборовъ и натуральныхъ повинностей, равно какъ жалобы на незаконныя дѣйствія писарей, на подлоги въ составленіи мірскихъ приговоровъ и вообще на самоуправство администраціи въ сферѣ гминнаго и сельскаго самоуправленія. Казалось бы что уясненіе отношеній въ какія должно быть поставлено особое присутствіе къ губернатору, при заявленіи подобныхъ жалобъ, послужило бы не ко вреду, а еще обезпечило бы порядки узаконенные реформой 1864 года и постановленіями изданными въ ея развитіе.

Статья II Высочайшаго указа обязываетъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, какъ мѣстныя, такъ и коммиссію въ Петербургѣ, руководствоваться при разрѣшеніи ихъ, на ряду съ существующими законами, также постановленіями учредительнаго комитета. По общимъ же вопросамъ, требующимъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, и по тѣмъ частнымъ случаямъ которые не разрѣшаются постановленіями учредительнаго комитета, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ силу ст. IV указа, входитъ съ представленіемъ въ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ этомъ законѣ нельзя не видѣть новаго и сильнаго ручательства въ ненарушимости порядка вещей созданнаго реформой 1864 года, и въ устраненіи такихъ неистекающихъ изъ законодательной власти циркулярныхъ распоряженій которыя, объясняя и дополняя законъ, могли бы ослаблять и даже кореннымъ образомъ измѣнять его общій смыслъ и главныя цѣли.

Подобное же значеніе имѣетъ въ нашихъ глазахъ и статья III, по которой жалобы на рѣшеніе коммиссіи состоящей при министерствѣ, признанныя министромъ заслуживающими уваженія, равно какъ и жалобы на рѣшенія министра, вносятся имъ также въ комитетъ по дѣламъ Царства.

Вообще говоря, устройство новыхъ учрежденій для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ въ привислинскихъ губерніяхъ заключаетъ въ себѣ всѣ главныя и существенныя условія для того чтобы созданное семилѣтними трудами учредительнаго комитета и крестьянскихъ коммиссій не затерялось въ лабиринтѣ бюрократическихъ отношеній и донесеній, но жило дѣйствительною жизнію и продолжало развиваться.

№ 281.

Москва, 29-го декабря.

Къ числу весьма серіозныхъ дѣлъ, оставшихся у насъ, посреди событій этого времени, почти не замѣченными, принадлежитъ учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію 23-го октября, и подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта П. Н. Игнатьева, коммиссіи для „составленія проектовъ законоположеній объ отношеніяхъ хозяевъ, работниковъ и домашней прислуги.“ Считаемъ особенно своевременнымъ остановиться на этомъ важномъ правительственномъ рѣшеніи, пока еще продолжаются засѣданія здѣшняго сельско-хозяйственнаго съѣзда. Помянутая коммиссія, какъ слышно, уже приступила къ своимъ занятіямъ, но мы имѣемъ весьма мало данныхъ, чтобы судить о цѣли и задачахъ, предположенныхъ въ этой новой законодательной работѣ, и должны ограничиться краткимъ о ней извѣстіемъ напечатаннымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Всякій согласится что уже въ немногихъ выше прописанныхъ нами словахъ обозначенъ первостепенный вопросъ народнаго хозяйства, затрогивающій самые живые интересы, во всѣхъ безъ изъятія слояхъ общества, вопросъ который можетъ быть разрѣшенъ въ весьма разнообразныхъ направленіяхъ. Судя по упомянутой выше статейкѣ *Правительственнаго Вѣстника*, мысль объ учрежденіи коммиссіи для начертанія новыхъ законоположеній объ отношеніяхъ рядчиковъ или хозяевъ и рабочихъ и служителей возникла при разсмотрѣніи отчета министра юстиціи за 1867 годъ; изъ этого надо заключить что поводомъ къ изданію новыхъ по этому предмету поста-

новлений послужить судебное производство между рядчиками и рабочими. Такія судебныя дѣла неоднократно проникали въ печать, и нѣкоторыя изъ нихъ возбуждали даже сильный шумъ въ публикѣ. Между прочимъ всего болѣе сдѣлались извѣстны столкновенія между строителями желѣзныхъ дорогъ и рабочими-землекопами; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли слѣдствіемъ не совсѣмъ добрую для желѣзно-дорожныхъ подрядчиковъ славу, хотя компанейскія правленія и жаловались на судебные приговоры, невыгодные будто бы для успѣха желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году присоединилось къ тому нѣсколько дѣлъ въ судахъ о стачкахъ рабочихъ противъ хозяевъ, и одно такое дѣло, на Невской бумагопрядильной мануфактурѣ, привело къ весьма суровому для рабочихъ приговору С.-Петербургскаго окружнаго суда (13-го іюня), о которомъ мы въ свое время говорили въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Наконецъ, сверхъ вышеизложеннаго, относительно упомянутой коммиссіи извѣстно еще что въ числѣ вопросовъ на нее возложенныхъ, ей предстоитъ заняться пересмотромъ изданныхъ въ 1863 году временныхъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и что изготовленныя по этому предмету во II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи работы будутъ переданы также въ коммиссію. Вотъ все что мы пока знаемъ о назначеніи и планѣ занятій этой коммиссіи и все что можемъ предполагать объ обстоятельствахъ побудившихъ къ ея учрежденію.

Новое законоположеніе объ отношеніяхъ рядчиковъ къ рабочимъ, вызванное всѣми реформами нынѣшняго царствованія, и между прочимъ въ особенности упраздненіемъ крѣпостнаго права и устройствомъ судебной власти будетъ, безъ сомнѣнія, продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ подробностей этихъ реформъ, и не можетъ быть иначе составлено какъ въ одномъ съ ними духѣ. Это разумѣлось бы само собой и объ этомъ казалось бы совершенно излишнимъ говорить, еслибы не гвалтъ, который еще не такъ давно подымали на всю Россію публицисты покойной *Вѣсти*, по всей вѣроятности не всѣ смолкнувшіе, вмѣстѣ съ своей газетой. Эти господа проповѣдывали, какъ извѣстно, о конечной гибели Россіи вслѣдствіе водворенія вольно-наемнаго труда на мѣстѣ крѣпостнаго права и барщины, и о несовмѣстимости условій европейской гражданской свободы съ натурою русскаго работника. Говорилось съ разныхъ сторонъ о необходимости, для спасенія русской промышленности и самой Россіи, принять какія-то экстраординарныя правительственныя мѣры къ устройству отношеній между хозяевами и рабочими, къ регламентаціи ихъ и къ надзору за ними со стороны администраціи; при этомъ высказывалось убѣжденіе что у насъ невозможно, подобно другимъ европейскимъ странамъ, ограничивать дѣятельность государства по этой части одною охраной гражданской полноправности сторонъ, свободы договора о наймѣ исполненія каждою стороной принятыхъ по договору обязательствъ. Извѣстно что отношенія рабочихъ къ рядчикамъ составляютъ всегда и вездѣ самый любимый предметъ заботы крайнихъ партій: и справа и слѣва, и запоздалые феодалы и передовые прогрессисты никакъ не желаютъ предоставить свободу рабочему классу, а непремѣнно хотятъ навязать ему свою опеку организовать по своему его отношенія къ хозяевамъ. Намъ случалось неоднократно указывать что и наши либеральные органы хлопотали заодно съ крѣпостничествомъ о такъ-называемой организаціи вольнонаемнаго труда и объ административномъ преслѣдованіи, подъ предлогомъ стачекъ, такъ-называемыхъ злоупотребленій свободы соглашенія хозяевъ и рабочихъ. Регламентація промышленной жизни весьма соблазнительна и для бюрократіи, которая никакъ не можетъ разстаться съ мыслью, чтобъ ея попечительная рука несумѣла лучше сберечь людей отъ вреда нежели ихъ собственное сознаніе своихъ личныхъ интересовъ. Недавно мы видѣли образчикъ подобныхъ заботъ въ правилахъ, преподанныхъ московскою полиціей для фабрикантовъ и ихъ рабочихъ. Надо думать и позволительно ожидать что вновь учрежденная правительственная коммиссія останется чуждою такимъ одностороннимъ взглядамъ и разрѣшитъ порученное ей дѣло сообразно съ началами руководившими крестьянскою и судебною реформами и съ дѣйствительными нуждами нашего быта. Въ чемъ же заключаются эти нужды, по отношенію къ занимающему насъ вопросу?

Всѣ судебныя производства о столкно-

веніяхъ рядчиковъ съ рабочими и служителями свидѣтельствуютъ что главный корень исковъ этого рода заключается въ непривычкѣ обѣихъ сторонъ къ новымъ гражданскимъ отношеніямъ возникающимъ изъ условій найма; съ обѣихъ сторонъ замѣчается патріархальность понятій, или просто крайняя распущенность какъ при заключеніи договора, такъ и при его исполненіи. На самыхъ многолюдныхъ нашихъ фабрикахъ и даже на желѣзныхъ дорогахъ, сзывающихъ десятки тысячъ людей изо всѣхъ краевъ Россіи, не составляется никакихъ контрактовъ съ рабочими, которые поступаютъ на работу *по нуждѣ*, *по любви*, и такимъ же образомъ потомъ по нуждѣ и по любви разчитываются. Съ обѣихъ сторонъ господствуетъ *воля*, не сдерживаемая опредѣленными, положительно сознанными условіями, никакими сколько-нибудь оформенными, хотя бы только словесно, правами и обязанностями. Что же мудренаго, что возникаютъ затрудненія въ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, когда каждая сторона разчитываетъ не на свое право, охраняемое закономъ, а на доброе расположеніе и совѣсть противной стороны и сверхъ всего на милость начальства? Особенно надежда на помощь полиціи плодитъ много недоразумѣній, ибо на дѣлѣ оказывается что полиція не властна у насъ нынѣ, послѣ судебной реформы, ни карать, ни миловать рабочихъ, чего очень многіе еще никакъ не хотятъ понимать и принимать въ разчетъ при своихъ дѣйствіяхъ. Часто слышатся, преимущественно со стороны хозяевъ, жалобы даже и на судебную власть, будто бы недостаточно ограждающую ихъ права относительно рабочихъ и прислуги и будто бы расположенную потворствовать порокамъ и слабостямъ послѣднихъ. Такія жалобы, не говоря объ исключительныхъ случаяхъ, достаточно объясняются затрудненіями, въ какія бываетъ поставлена судебная власть при разбирательствѣ претензій заявляемыхъ противъ рабочихъ, хотя бы даже и справедливыхъ по существу, но не опирающихся на формально обусловленныя права и законныя доказательства. Блистательнымъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда 13-го іюня 1870 года по дѣлу Невской бумагопрядильной мануфактуры съ 62 рабочими, извѣстный намъ теперь въ своей окончательной формѣ и гораздо лучше мотивированный чѣмъ въ предварительной резолюціи. Оказывается что контора этой мануфактуры не заключала съ своими рабочими никакого ни письменнаго, ни даже словеснаго условія, а основывала всѣ свои требованія къ нимъ единственно на правилахъ вывѣшенныхъ на стѣнахъ фабрики. Одно изъ такихъ правилъ объ обязанности рабочихъ заявлять впередъ за мѣсяцъ о своемъ желаніи быть уволеннымъ было главнымъ основаніемъ всѣхъ претензій и неудовольствій противъ рабочихъ, которые могли не знать и никоимъ образомъ *не обязаны* были знать эти правила, имъ даже никѣмъ не объявленныя. Сверхъ того эти самыя правила не соблюдались даже самою конторою. И вотъ говорятъ о несостоятельности вольнонаемнаго труда въ Россіи! Но гдѣ же, спрашивается, онъ могъ бы быть при подобныхъ обстоятельствахъ состоятеленъ?

Никто не можетъ сказать чтобы законодательство наше по найму рабочихъ и служителей, составленное большею частью въ эпоху господства крѣпостнаго права и полицейской расправы, не требовало исправленій. Главная здѣсь задача заключается, какъ кажется, въ согласованіи узаконенныхъ правилъ личнаго займа, въ особенности порядка заключенія и свидѣтельствованія договоровъ, съ требованіями новаго судопроизводства. Желательно чтобъ этотъ порядокъ былъ какъ можно болѣе упрощенъ, напримѣръ посредствомъ разчетныхъ книжекъ, существующихъ у насъ нынѣ какъ временное и почти не освященное закономъ установленіе; необходимо также допустить, и словесные договоры, но обставить ихъ доказательствами, придающими имъ полную силу контракта предъ судомъ. Вообще, вмѣстѣ съ упрощеніемъ порядка заключенія договоровъ о наймѣ и съ приспособленіемъ ихъ къ условіямъ нашего быта, необходимо точное опредѣленіе въ законѣ тѣхъ внѣшнихъ принадлежностей, которыя получаютъ силу судебныхъ доказательствъ и отсутствіе которыхъ лишаетъ стороны судебной охраны; чѣмъ меньше такихъ формальныхъ принадлежностей договора, обязательныхъ для его законности, чѣмъ онѣ удобопонятнѣе для необразованныхъ людей, тѣмъ лучше, но вовсе обойтись безъ нихъ невозможно, и онѣ должны быть согласованы какъ съ обычными и дѣйствующими зако-

нами, такъ и съ тѣми реформами которыя нынѣ вырабатываются. Такъ напримѣръ отобраніе паспортовъ у рабочихъ есть у насъ довольно обыкновенный порядокъ обезпеченія договора найма, и онъ могъ бы быть признанъ и въ законѣ, чего нынѣ нѣтъ, хотя и рабочимъ слѣдовало бы предоставить способы ограждающіе отъ нерѣдкаго злоупотребленія этимъ порядкомъ, напримѣръ отъ насильственнаго задержанія паспортовъ послѣ условленнаго срока работы или до срока, когда хозяева сами нарушили контракты или вообще позволили себѣ противозаконные проступки относительно рабочихъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ вопросомъ какой характеръ останется за паспортами послѣ преобразованія рекрутской повинности и подушной подати. Во всякомъ случаѣ, для обезпеченія интересовъ хозяевъ, должны быть установлены быстрые способы взысканія убытковъ съ рабочихъ, когда они вопреки договору уходятъ съ работъ и при нашихъ пространствахъ легко могутъ избѣгнуть преслѣдованія закона и суда: тутъ самый строгій законъ будетъ на мѣстѣ, ибо отъ ухода съ работъ страдаютъ не только крупные рядчики ведущіе процессы, но десятки тысячъ мелкихъ хозяевъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, оставляющихъ нарушеніе договора безъ послѣдствій изъ опасенія издержекъ сопряженныхъ съ процессомъ. За переманку рабочаго должно быть также положено взысканіе (въ пользу казны) и сверхъ того переманившій долженъ уплатить прежнему хозяину весь долгъ числившійся на рабочемъ и всѣ убытки къ уплатѣ коихъ рабочій будетъ приговоренъ судомъ. Мы указываемъ здѣсь на эти пункты только чтобы дать общее понятіе о законодательныхъ задачахъ этого дѣла и о направленіи, въ которомъ желательно видѣть ихъ разрѣшенными, но мы никакъ не думаемъ исчерпать весь этотъ предметъ, весьма сложный и обширный. Процессы не даютъ о немъ полнаго понятія, потому что, какъ сказано, огромнымъ большинствомъ людей страдающихъ отъ теперешней неурядицы вовсе не вчиняются. А между тѣмъ очевидно что потребность большинства должна быть основой законодательства. Равнымъ образомъ очевидно что въ своемъ главномъ содержаніи оно должно быть приспособлено къ главной промышленности Россіи, сельскому хозяйству. Иныя промышленныя предпріятія, каковы, напримѣръ, желѣзнодорожныя, могутъ при нѣкоторыхъ своихъ техническихъ особенностяхъ потребовать, сверхъ общихъ правилъ, нѣкоторыхъ особыхъ въ законѣ опредѣленій. Можетъ статься было бы также не безполезно дать нѣкоторыя необязательныя указанія относительно содержанія контрактовъ найма, въ качествѣ наставленія, неизлишняго при неразвитости нашей промышленной среды, въ родѣ такъ-называемыхъ временныхъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, которыя не имѣли обязательной силы закона и между тѣмъ значительно распространились въ практикѣ какъ образцовая норма условій. Наконецъ, независимо отъ всего этого, законъ долженъ содержать въ себѣ правила для охраны отъ произвола съ обѣихъ сторонъ и вознагражденія убытковъ, на тотъ случай, когда не было заключено никакихъ формальныхъ договоровъ. Такъ въ другихъ странахъ домашняя прислуга обязана предупредить хозяина впередъ, въ опредѣленный срокъ, о своемъ намѣреніи отказаться отъ службы; то же самое обязанъ сдѣлать и хозяинъ, если хочетъ отказать прислугѣ или онъ долженъ заплатить жалованье за весь этотъ срокъ, если, разумѣется, не было между сторонами условлено иначе. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ работа дѣтей: здѣсь дѣло не можетъ быть предоставлено добровольному соглашенію сторонъ, такъ какъ тутъ нѣтъ полноправности одной изъ нихъ. Дѣтскій трудъ не можетъ избѣгнуть нѣкоторой регламентаціи и требуетъ надзора со стороны администраціи. Нынѣ вездѣ, кромѣ Россіи, опредѣлено закономъ наибольшее число часовъ для работы дѣтей на фабрикахъ, и указаны работы вовсе имъ запрещенныя: это важный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, вредно отзывающійся на народномъ здравіи и свидѣтельствующій, къ сожалѣнію, что человѣколюбіе у насъ до сихъ поръ еще проявляется болѣе на словахъ чѣмъ на дѣлѣ.

№ 282.

Москва, 30-го декабря.

А.

Истекаетъ 1870 годъ, невысокосный годъ, тѣмъ не менѣе тяжело доставшійся старой Европѣ. Можно сказать что со вре-

мени Вестфальскаго мира и эпохи Вѣнскаго конгресса не было въ европейской исторіи года который получилъ бы отъ своего предшественника призваніе болѣе обильное послѣдствіями чѣмъ то которое выпадаетъ на долю года наступающаго. Просматривая теперь газеты вышедшія двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, видимъ что никогда, повидимому, не разсчитывали болѣе на безмятежное царство мира и на сохраненіе существующаго порядка. Все что было такъ спокойно что оставалось только дивиться небывалому въ Европѣ глубокому затишью. Наполеоновская рѣчь въ день Новаго Года, которую, въ удовлетвореніе многолѣтней привычки Европейцевъ, разнесъ тогда телеграфъ, содержала завѣренія о сохраненіи мира и о новыхъ успѣхахъ въ дѣлѣ „увѣнчанія зданія имперіи." Затѣмъ плебисцистъ еще болѣе, повидимому, упрочилъ это зданіе. А теперь что мы видимъ? И это зданіе и его зодчій, считавшійся столь ловкимъ и опытнымъ, унесены однимъ порывомъ вѣтра, и изъ сердца Франціи телеграфъ передалъ намъ на Новый годъ рѣчь короля Вильгельма, императора объединенной Германіи, рѣчь тоже, повидимому, миролюбивую, но сопровождаемую гуломъ прусскихъ орудій, бомбардирующихъ осаждаемый уже четыре мѣсяца Парижъ. Когда началась война, никто не хотѣлъ показать что видитъ въ ней общеевропейское событіе, затрогивающее интересы всѣхъ европейскихъ народовъ. Всѣ, кто волею, кто неволею, провозгласили необходимость примѣненія къ ней теоріи невмѣшательства, полагая что историческія событія можно по произволу дѣлать или мѣстными или общими. Эта война, говорили многіе политики, дѣло Французовъ и Нѣмцевъ; пусть они рѣшаютъ свои взаимные споры; кому какое до нихъ дѣло? Но говорить такъ значило умалять силу исторіи связавшей европейскіе народы въ одно цѣлое, и исторія напомнила намъ что всѣ націи образованнаго міра солидарны, и что тезисъ Гуго Гроція о братствѣ народовъ гораздо ближе къ истинѣ чѣмъ лицемѣрный принципъ невмѣшательства, придуманный политиками школы лорда Пальмерстона лишь для того чтобы маскировать неправильное вмѣшительство. Лучшаго удара теоріи невмѣшательства еще не было нанесено. Еще франко-прусская война далеко не окончилась, а между тѣмъ трудно указать народъ въ Европѣ для котораго эта распря проходила бы безслѣдно. Назовемъ лишь событія колоссальныя. Италія получила свой Римъ прежде нежели думали и гадали. Свѣтской власти папы нанесенъ послѣдній ударъ, что неминуемо возымѣетъ вліяніе на весь католическій міръ. Австро-Венгрія получила новый толчокъ, выбившій ее окончательно изъ Германіи и навязавшій ей задачу служить нѣмецкимъ передовымъ постомъ противъ Востока и вообще славянства. Это конечно не можетъ не заботить какъ Россію, такъ и Турцію. Англія видитъ подлѣ Россіи могущественную, давно желанную союзницу свою на Востокѣ и будетъ готова точно также попускать тамъ ея захваты какъ попускала усиленіе Пруссіи въ сердцѣ Европы.

Говорить ли о результатахъ которые принесены настоящею войной самимъ воюющимъ народамъ? Паденіе второй французской имперіи и объединеніе Германіи суть факты уже совершившіеся, хотя крайнія послѣдствія этихъ событій, какъ для означенныхъ народовъ, такъ и вообще для Европы далеко еще не выяснились. Ловкая политика и военные успѣхи, коими Пруссія обязана преимущественно своей военной и своей учебной системѣ, повергли въ прахъ державу которая считалась дотолѣ самою воинственною и самою могущественною силой на материкѣ Европы. Наличное французское войско погибло, и слишкомъ 300.000 французскихъ солдатъ состоятъ нынѣ въ плѣну, обвиняя своихъ генераловъ въ предательствѣ. Но вотъ нація чуть не заживо погребенная, вынужденная разомъ вести жесточайшую борьбу противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, безъ правительства, безъ арміи, организуется предъ лицомъ непріятеля подъ его ударами и съ честью продолжаетъ борьбу послѣ того какъ все казалось для нея конченнымъ. Торжествующій побѣдитель вынужденъ призадуматься о результатахъ своихъ побѣдъ и во всякомъ случаѣ задаетъ себѣ вопросъ, не преждевременно ли онъ дѣлилъ ризы побѣжденнаго. Что Франція не согласилась на постыдныя условія мира, этимъ она не только оказала услугу себѣ, но принесла великую пользу интересамъ всего цивилизованнаго міра. Уже сами Нѣмцы, среди своего упоенія, начинаютъ громко высказывать что *ultima ratio* германскаго единства должна

заключаться не въ крупповскихъ пушкахъ или скорострѣльныхъ ружьяхъ. Все болѣе и болѣе возстановляется въ общественномъ сознаніи Европы великая истина что великіе народы Европы могутъ гибнуть лишь отъ своихъ внутреннихъ недуговъ, а не отъ воли другихъ націй. Можно сказать что каковы бы ни были военные результаты настоящей войны,—но 1870 годъ останется поучительнымъ урокомъ на будущія времена для всѣхъ народовъ. Примѣръ Франціи будетъ свидѣтельствовать какъ опасно положеніе страны въ коей возникли, вслѣдствіе многократныхъ переворотовъ, непримиримыя династическія партіи; онъ будетъ говорить потомству какъ пагубно для страны и для ея правителей, если правительство создаетъ для себя отдѣльные интересы отличные отъ интересовъ государства. Примѣръ Пруссіи, не сумѣвшей остановиться послѣ Седана, обнаружитъ какъ дорого обходится народамъ высокомѣріе, попирающее права сосѣдей на политическое существованіе, и какъ несогласно съ политическимъ призваніемъ народовъ чтобъ одинъ изъ нихъ принималъ на себя роль наказующаго Провидѣнія.

Итакъ, несмотря на тѣ тревоги которыя принесъ Европѣ 1870 г., наступающій 1871 годъ начинается съ задатками на болѣе утѣшительное будущее. Но если результаты войны будутъ важны вообще, то они въ особенности затрогиваютъ интересы Россіи. Есть много поводовъ думать что Черноморскій вопросъ слѣдуетъ считать уже оконченнымъ, согласно правамъ и желаніямъ Россіи, хотя съ другой стороны австрійскія разсужденія о вознагражденіяхъ не могутъ не тревожить людей ясно понимающихъ что *всякое* вознагражденіе Австріи на Востокѣ неминуемо превратится въ невыносимое для Россіи пораженіе и слѣдовательно рано или поздно сдѣлается источникомъ нескончаемыхъ войнъ и великихъ бѣдствій. Другой результатъ для Россіи принесенный франко-прусскою войной есть реформа воинской повинности и новая организація вооруженныхъ силъ Россіи. Позволительно думать что эта реформа вызывается теперь уже не исключительно тѣми причинами которыя имѣлись въ виду послѣ изумительныхъ успѣховъ Пруссіи подъ Седаномъ и Мецемъ. Продолженіе французскимъ народомъ борьбы показываетъ намъ уже и теперь что не исключительно военныя цѣли должны побуждать насъ къ означенному преобразованію. Интересъ равноправности всѣхъ гражданъ предъ государствомъ, облегченіе финансовъ, интересы народнаго образованія,—вотъ тѣ цѣли которыя теперь выступаютъ съ особенною силой рядомъ съ первоначальною. Задача учрежденныхъ для означеннаго преобразованія коммиссій велика, она глубоко и многосторонно затрогиваетъ всѣ интересы государства. На порогѣ того года который долженъ увидѣть ея рѣшеніе, пожелаемъ чтобъ это великое начинаніе совершилось подъ вліяніемъ не менѣе широкихъ и ясныхъ идей чѣмъ тѣ коими руководилось законодательство при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, столь блистательно оправдавшемся именно въ истекающемъ году, когда наступилъ и благополучно былъ пережитъ конецъ девятилѣтняго срочно-обязаннаго періода, внушавшій столько опасеній, въ свою очередь вовсе не оправдавшихся.

Б.

Наши общественныя силы еще весьма бѣдны числомъ образованныхъ, способныхъ и трудолюбивыхъ людей. Въ особенности эта бѣдность оказалась въ послѣдніе годы когда запросъ на такихъ людей увеличился. Понятно что различныя ограниченія относительно избранія лицъ на общественныя должности у насъ болѣе нежели гдѣ-либо должны оправдываться лишь самою крайнею необходимостью. Поэтому, если общество въ виду ясныхъ и весьма точныхъ опредѣленій судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ узнаетъ о назначеніи исправниковъ или таможенныхъ чиновниковъ на должности членовъ и даже предсѣдателей окружныхъ судовъ, въ то время когда многіе кандидаты права вынуждены занимать различныя административныя мѣста, то въ то же время оно нѣсколько снисходительно смотритъ когда въ провинціи на должности мировыхъ судей попадаютъ не только не получившіе юридическаго, но даже никакого теоретическаго образованія. Наши города въ этомъ отношеніи находятся, конечно, въ менѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе и имъ приходится теперь, при новомъ устройствѣ городскаго управленія, тщетно иногда искать вокругъ себя свободныхъ отъ дру-

гихъ занятій и достаточно состоятельныхъ для безвозмездной городской службы лицъ, удовлетворяющихъ, кромѣ того, и всѣмъ другимъ нравственнымъ и умственнымъ условіямъ. Поэтому былъ уже примѣръ что гласные одного губернскаго города избрали въ должность головы лицо состоящее на коронной службѣ, именно въ должности товарища предсѣдателя окружнаго суда, въ томъ конечно предположеніи что избранный, какъ заявившій свое согласіе баллотироваться, уволится по своемъ избраніи отъ несовмѣстимой съ званіемъ городскаго головы должности. Между тѣмъ, изъ *Правительственнаго Вѣстника* узнаемъ что означенному городскому обществу разъяснено что оно не имѣло права избирать въ головы лицъ занимавшихъ означенную, или подобную же должность, въ виду ст. 89 Город. Пол., въ которой говорится о несовмѣстимости должностей по городскому управленію съ должностями по суду (въ томъ числѣ съ должностью участковаго мироваго судьи), со службой въ казначействѣ и съ духовнымъ званіемъ, хотя въ статьѣ дѣйствительно употреблено выраженіе „не могутъ быть избираемы". Такимъ образомъ оказывается что переходъ съ нѣкоторыхъ отраслей государственной службы на службу общественную дѣлается у насъ фактически невозможнымъ, ибо весьма рѣдко кто изъ служащихъ согласится, предварительно выборовъ, увольняться отъ своей должности по государственной службѣ. Кому придетъ охота бросить службу изъ одной любви къ баллотированію? Если дѣйствительно означенное толкованіе вѣрно выражаетъ смыслъ статьи Городоваго Положенія, то нѣтъ сомнѣнія что наши города, коль скоро получатъ возможность, будутъ ходатайствовать объ измѣненіи или вѣрнѣе о разъясненіи этой статьи въ томъ смыслѣ въ какомъ понимало ее избирательное общество означеннаго города. Во всѣхъ странахъ существуютъ законы о несовмѣстимости должностей; но едва ли гдѣ-либо понимаютъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ чтобы извѣстное должностное лицо, имѣя всѣ другія права на общественную должность и желая подвергнуться избранію, должно было предварительно баллотировки удалиться отъ занимаемой коронной должности. Такъ депутатъ представительнаго собранія, получая коронную должность, слагаетъ званіе депутата, и на оборотъ, если чиновникъ избранъ депутатомъ, то долженъ увольниться отъ должности.

Цѣна 3 руб.

Складъ изданія въ конторѣ типо-литографіи
В. В. Чичерина, Москва, Мясницкая улица, домъ
Духовной Консисторіи.